КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено Цензурою Кіевъ 8 Января 1894 г.

ДУМА ОБЪ АЛЕКСѢ ПОПОВИЧѢ.

(Посвящается памяти Θеофана Гавриловича Лебединцева).

СОДЕРЖАНІЕ.

Малорусскія думы про Олексія Поповича.—Мнѣніе А. А. Потебни.—Параллели болгарская, сербская, шотландская, датскія и скандинавскія.— Южнорусскія легенды у Галятовскаго и Петра Могилы.—Средневѣковыя латинскія сказанія о покаяніи грѣшника на морѣ. — Къ вопросу о происхожденіи думы.—Обзоръ деталей 1) черное море, 2) соколъ буревѣстникъ, 3) морская буря, 4) Биларапская земля, 5) Грицько Коломниченко, 6) Олексій Поповичъ, 7) грѣхи Олексія сравнительно съ грѣхами Станковича, Дуки, Броунъ-Робина, Рейнера и друг. 8) жертвоприношеніе крови, 9) отцова-матчина молитва и 10) „на чудъ". Заключеніе.

Думы объ Алексѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ извѣстны во многихъ весьма сходныхъ варіантахъ (перечисл. въ „Мысляхъ" г. *Житецкаго* на стр. 233), и мнѣ приходилось еще слышать ихъ изъ устъ кобзарей въ харьковской губ., причемъ сходство ихъ съ напечат. въ „Историческихъ пѣсняхъ малор. нар." г.г. Антоновича и Драгоманова доходило до полнаго почти тождества. Содержаніе думъ объ Алексѣ Поповичѣ настолько хорошо извѣстно, что нѣтъ надобности здѣсь подробно на немъ останавливаться. Напомнимъ читателю только основные мотивы: „на Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ сидитъ соколъ и квилитъ. Онъ предчувствуетъ бурю, которая, дѣйствительно, наступаетъ и разноситъ въ разныя стороны казацкія чайки; одну понесло въ бѣло-арапскую землю, другую забило въ Дунайское гирло, а третью крутитъ по срединѣ Чернаго моря. Казацкій старшина предлагаетъ казакамъ каятся въ грѣхахъ; но всѣ казаки за-

молчали, и только одинъ Алексѣй Поповичъ сознается въ тяжкихъ грѣхахъ и предлагаетъ бросить его въ море. Центръ тяжести думы состоитъ въ перечисленіи грѣховъ, и грѣхи во всѣхъ варіантахъ думы почти одни и тѣ же:

Я съ отцемъ и паниматкою прощенія не прынымавъ,
Я отца своего и паниматку стременами въ груди отъ себе отпыхавъ,
Старшаго свого брата зневажавъ,
Старшую свою сестру сильно проклынавъ,
...Кровь христіанскую безвинно проливавъ,
..Дѣтокъ маленькихъ добрымъ конемъ разбивавъ...
А ще мимо царскои громады пробигавъ
За своею гордощею шляпы не здыймавъ...
А близкихъ сусидовъ хлиба и соли избавлявъ...
Та ще я ихавъ мимо церкви, Святого Спаса,
Шапки не знявъ,—
Христа на себе не поклавъ.

Буря утихаетъ въ однихъ варіантахъ послѣ того, какъ казаки урѣзали у Алексѣя мизинецъ и пустили въ море его кровь, въ другихъ—вслѣдъ за его покаяніемъ, безъ принесенія „святому" морю жертвы кровью (pars pro toto). Алексѣй Поповичъ читаетъ „святое письмо" и поучаетъ казаковъ о необходимости почитать отца и мать. Нѣкоторые варіанты оканчиваются благопожеланіемъ христіанскому народу здоровья и многолѣтія.

Наибольшій интересъ представляетъ невыясненный до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи думы; на немъ здѣсь мы прежде всего остановимся и затѣмъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ деталяхъ думы.

А. А. Потебня во II т. „Объясненій" стр. 304 замѣтилъ, что „между Олешею, т. е. Александромъ Поповичемъ Ростовскимъ великорусскихъ былинъ и Алексѣемъ Поповичемъ Пирятинскимъ малорусской думы можно усмотрѣть лишь весьма несущественное сходство, не дающее основанія заключать, что малорусская дума представляетъ „передѣлку былиннаго образа" (ср. Н. Дашкевича, „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и пр. К. 1883, 60—61), или что „южный Алеша Поповичъ доживаетъ свой вѣкъ въ образѣ Олексія Поповича малорусской думы" (Веселовскій, Ю. р. был. III—XI 279)". Я вполнѣ раздѣляю это сомнѣніе А. А. Потебни и иду далѣе, отрицая какую-бы то ни было,

хотя бы самую отдаленную связь малорусскихъ думъ объ Алексѣѣ Поповичѣ съ великорусскими былинами объ Алешѣ Поповичѣ. Эти произведенія различны во всѣхъ отношеніяхъ. по мѣсту возникновенія, личности героевъ, частнымъ поэтическимъ мотивамъ. Если ужъ искать родственниковъ малорусскаго Олексія Поповича, то послѣдніе окажутся не въ Великороссіи, а въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Англіи, Сербіи и Болгаріи. Начнемъ съ болгарской и сербской пѣсенъ, какъ ранѣе отмѣченныхъ въ наукѣ. Указалъ на нихъ *А. А. Потебня*: „въ слѣдующей болгарской пѣснѣ про Станковича Дуку (Миладиновъ 65 и слѣд.) изъ стихій малор. думы находимъ: бурю на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери, камень ему на шею, заключеніе о непростительности грѣховъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ. Далѣе Потебня привелъ эту пѣсню въ переводѣ на русскій языкъ и, что характерно для самаго Потебни, перевелъ ее стихами:

Разыгралось соленое море:
Сильный вѣтеръ съ четырехъ сторонъ;
Брань воздвиглась высоко до неба,
Ко дну моря видно и до пекла.

Игуменъ Савва созываетъ монаховъ молиться, чтобы море не потопило всю Святую Гору съ монастыремъ свѣтлымъ Хиландаромъ. Море еще пуще разыгралось. Тогда игуменъ Савва и съ нимъ 300 монаховъ идутъ въ келью исповѣдовать больнаго Станковича Дуку:

Идутъ впередъ (тѣ) триста монаховъ,
А за ними (самъ) Савва игуменъ;
Вотъ онъ входитъ въ темную келью,
И говоритъ тутъ Савва игуменъ;
„Сыну мой, Станковичу Дуко!
Скажи, сыну, свои прегрѣшенья:
Боленъ лежишь десятое лѣто,
Излежалъ ты ужъ девять постелей,
А къ постелямъ и девять подушекъ;
Сквозь кости тѣ трава проростала
Изъ травы той люты змѣи лазятъ..
И говоритъ тутъ Станковичъ Дука:
...„Я скажу тебѣ свои грѣхи (всѣ):
Ни въ чемъ я Богу не былъ грѣшенъ,

Только любилъ три кумы крестовыхъ,
Только сжегъ я три тырла ягнячьихъ,
... Подпалилъ я три амбара жита,
... Монастырей девять я ограбилъ.

Игуменъ говоритъ, что Богъ проститъ Станковича за эти грѣхи. И говоритъ далѣе Станковичъ Дука:

Обуялъ меня сильный дьяволъ,
Поднялся я (рано) въ воскресенье,
Взялъ съ собой коней, соколовъ я,—
Соколовъ и хортовъ и гончихъ,—
И поѣхалъ по лѣсу на ловы.
На встрѣчу мнѣ мать моя старуха,
Въ рукахъ несетъ бѣлыя просфоры,
(Праздновала святого Георгія—
Такъ несла въ церковь приношенье)...
И я отнялъ бѣлыя просфоры,
Раскрошилъ ихъ хортамъ и гончимъ...

Мать прокляла сына, чтобы онъ болѣлъ 9 лѣтъ, излежалъ 9 постелей и 9 подушекъ.

Тутъ схватилъ я свою мать старуху,
Приподнялъ ее себя повыше
И ударилъ о черную землю—
Вотъ какое мое согрѣшеніе!

Игуменъ Савва приказалъ навязать на шею Станковича Дуки камень въ 300 пудовъ и бросить его въ море. Монахи исполнили приказаніе:

А море то Станка не прибрало,
А море то да вспять побѣжало....

Камень остался на сушѣ и служилъ для людей мѣстомъ сидѣнья.

Кто согрѣшитъ къ матери старухѣ,
Кто согрѣшитъ предъ сестрой милой,
Кто согрѣшитъ предъ милымъ родомъ,
Тому грѣхи во вѣкъ не простятся.
Кто слушаетъ, буде вамъ всѣмъ веселье
И отъ Бога доброе здоровье.

Затѣмъ Потебня приводитъ пѣсню о Лекѣ Дукадинѣ изъ малоизвѣстнаго сборника черногорскихъ пѣсенъ Чубро Чайковича. Лека боленъ 9 лѣтъ, и уже трава пошла изъ его костей. Мать предлагаетъ ему покаяться въ грѣхахъ. Лека сознается,

что онъ убилъ 5 кумовъ и слюбился съ 5 ихъ женами, затѣмъ убилъ 5 побратимовъ, разграбилъ церковь и разбилъ гробъ, въ которомъ лежали св. Пятница и св. Недѣля; онѣ прокляли Леку и осудили его на 9 лѣт. болѣзнь. Когда мать услышала о такихъ преступленіяхъ, она изгнала Леку изъ дома.

Потебпя, отмѣчая сходство имени Леки съ Алексѣемъ Поповичемъ, не рѣшается дѣлать окончательнаго вывода. Онъ только замѣчаетъ, что между редакціей, въ коей гибель отъ морской бури грозитъ Святой Горѣ и Хиландарской лаврѣ, и той, какъ въ малорус. думѣ, гдѣ потопаетъ корабль, могутъ быть среднія ступени (ib. 310).

Если болгарскія и сербскія пѣсни, въ родѣ отмѣченныхъ Потебней, и родственны малорусской думѣ, то это очень отдаленное родство источниковъ. Гораздо ближе къ малорусскимъ думамъ подходятъ слѣдующія сѣверно-европейскія баллады:

Въ Шотландіи записана слѣдующая любопытная пѣсня:

It fell upon a Wodensday
Brown Robyn's men went to sea,
But they saw neither moon nor sun,
Nor starlight wi their ee
We'll cast kevels us among,
See wha the unhappy man may be,
The kevel fell on Brown Robyn
The master—man was he.
„It is nae wonder", said Brown Robyn,
Altho i dinna thrine,
For wi my mither i had twa bairns
And wi my sister five.
But tie me to a plank o wude
And throw me in the sea,
And if i sink, ye may bid me sink,
But if i swim, just lat me bee.
They' ve tyed him to a plank o wude
And thrown him in the sea;
He didna sink, tho they bade him sink,
He swimd and they bade lat him bee.
He hadna been into the sea
An hour but barely three,
Till by it came Our Blessed Lady
Her dear young son her wi.
„Will ye gang to your men again,

Or will ye gang wi me?
Will ye gang to the high heavens,
Wi my dear son and me?"
„J winna gang to my men again,
For th y would be feared at mee;
But i wond gang to the high heavens,
Wi thy doar son and thee".
„It's for nae honour ye did t me, Brown Robyn,
It's for nae guid ye did to mee;
But a' is for your fair confession
You' ve made upon the sea" (*Child* III 18).

Переводъ: Въ четвергъ люди Робинъ Броуна отправились въ море, они не увидѣли ни солнца, ни мѣсяца; и свѣтъ звѣздъ чуждъ былъ ихъ глазамъ. „Мы бросимъ жребій (сказали они) и посмотримъ, кто изъ насъ несчастный". Жребій палъ на Робинъ Броуна, начальника корабля. ,,Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказалъ Робинъ, и какая же можетъ быть удача тому, кто съ матерью прижилъ 2 и съ сестрой 5 душъ дѣтей. Привяжите меня къ деревянной доскѣ и бросьте меня въ море; если я начну тонуть, вы не троньте меня, если я поплыву, предоставьте меня моей судьбѣ. Они привязали его къ доскѣ и бросили въ море; онъ не тонулъ, хотя они приказывали ему тонуть; онъ поплылъ, и они оставили его. И онъ былъ въ морѣ не часъ, но цѣлыхъ три часа, пока къ нему подошла пресвятая Дѣва Марія и съ Ней ея дорогой Сынъ. ,,Хочешь ли ты идти обратно къ своимъ людямъ или хочешь пойти со мной? Хочешь ли пойти на высокое небо, гдѣ мой дорогой Сынъ и Я?" „Я не хочу идти къ моимъ людямъ, потому что они боялись бы меня; но я пошелъ бы на высокое небо, гдѣ Твой дорогой Сынъ и Ты".—,,И это дѣлается не почести ради, но ради твоего прекраснаго (вѣроятно, по искренности) покаянія, которое ты сдѣлалъ на морѣ".

Эта шотландская баллада извѣстна всего въ одномъ варіантѣ. Во многихъ варіантахъ баллада эта записана въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, причемъ одинъ датскій варіантъ извѣстенъ по рукописи 1590 года. За небольшими особенностями двухъ датскихъ вар., содержаніе остальныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: Петръ (имя героя) спрашиваетъ свою кормилицу, отъ какой

смерти онъ умретъ. Вы не умрете на постели, ни на полѣ битвы, но берегитесь волнъ. Петръ о волнахъ не заботится. Онъ строитъ превосходный корабль (изъ китоваго уса, золота и пр.) и пускается въ море, забывъ упомянуть объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Годъ, два года идетъ плаваніе по бурному морю, и когда корабль однажды былъ надъ большой глубиной, онъ сталъ (въ иныхъ вар.—остановленъ змѣей, рыбой); бросаютъ жребій для опредѣленія грѣшника; жребій падаетъ на Петра. Онъ приноситъ покаяніе передъ мачтой, имѣвшей видъ креста, въ вар.—передъ весломъ, на которомъ было написано имя Христа. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ сознается, что онъ „церкви и монастыри грабилъ, оскорбилъ много благородныхъ дѣвицъ, совершалъ въ лѣсахъ грабежи и разбои и погубилъ много сыновей крестьянъ. „Петра бросаютъ въ море, и корабль свободно идетъ далѣе. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ, падая въ море, крестится, море подъ нимъ обращается въ покрытую травой землю, и Петръ благополучно возвращается на родину (*Child* I. 14).

Малорусскія думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ и въ особенности западно-европейскія родственныя имъ версіи о покаяніи грѣшника на морѣ, если не прямо возникли подъ вліяніемъ средневѣковыхъ сказаній о чудесахъ пресв. Богородицы, то развивались подъ ихъ вліяніемъ и въ прямой отъ нихъ зависимости. На эту тему были легенды въ средневѣковой литературѣ. О чудесномъ спасеніи людей въ морскую бурю Богородицей—„vere maris stella indiciis evidentissimis comprobatur"—существуютъ разсказы въ извѣстныхъ западноевропейскихъ сборникахъ легендъ Винценція изъ Бове и Готье де Куанси [1]), причемъ чудесное спасеніе обусловливается здѣсь не раскаяніемъ въ грѣхахъ, а сильной вѣрой въ пресв. Богородицу (*Child* III 13). Раскаяніе въ грѣхахъ—мотивъ народныхъ пѣсенъ. Западноевропейская легенда привилась на Руси и получила здѣсь

[1]) *Vinc. de Beauvais* и *Gautier de Coincy*—латинскіе писатели XIII в. Готье († 1226) въ поэмѣ „Miracles de Nostre Dame" пользовался латинской компиляціей Hugues Farsit XII в. (*G. Paris*, Litterat franç. au moyen âge, 2-ed., p. 206).

мѣстное развитіе въ пріуроченіи къ печерской иконѣ Богоматери. Въ XVII ст. въ Малороссіи пользовалась большой популярностью легенда объ усмиреніи бури на Черномъ морѣ Богородицей. Легенда эта находится въ „Небѣ Новомъ“ *Галятовскаго* и въ „Запискахъ“ *Петра Могилы*. „Небо“ впервые вышло въ 1665 г. въ Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ; затѣмъ были еще изданія малорусскія въ 1677 г. въ Черниговѣ и въ 1699 въ Могилевѣ. Въ 26 главѣ „Неба“ находится такое замѣчательное въ историко-литературномъ отношеніи чудо: „Въ 1624 г. запорожскій казакъ Андрей Ляхута, пограбивъ турецкія земли, возвращался моремъ домой. Поднялась страшная буря. Запорожскіе козаки стали молиться Печерской иконѣ Богоматери и архистратигу Михаилу, и буря утихла“. Записки Петра Могилы составлены ранѣе „Неба“, не позже 40-хъ годовъ XVII в., и въ нихъ находится тожественный разсказъ о бурѣ на Черномъ морѣ и спасеніи заступничествомъ пресв. Богородицы казака Андрея Хулака Лагуты. „Повѣда намъ единъ отъ воиновъ запорожскихъ, говоритъ Петръ Могила, иже нарицаются козаци, именемъ Андрей Хулакъ Лагута, сый Черкасскаго града житель, глаголя, яко по брани турецкой, яжъ глаголется хотинская, идохомъ на море, по обычаю своему казацкому, прибытчества ради, въ землю турецкую. Витагу же, се есть старшину, имѣхомъ нѣкоего москвитянина, именемъ Ивашу. Разграбившимъ же намъ многія села и грады, наполнихомъ великій корабль многаго прибытчества и начахомъ плысти (уже възращемся къ запорогамъ) и въ пучинѣ сущимъ, толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противныи, якъ наполнится кораблю воды и якъ нача съ нами утопати; извергохомъ все пребытчество въ море, но ни сице что успѣти възмогохомъ. Узрѣвше же, якъ ужъ погибаемъ, начахомъ со слезами и веліимъ воплемъ молити Бога,—да насъ молитвами пресвятой Богородицы Печарской и св. архистратига Михаила избавитъ отъ горькія сія смерти, и обѣщахомся въ обители Матери Его время нѣкое послужити“. Далѣе повѣствуется о появленіи „златовиднаго юноши, его ободряющемъ совѣтѣ не бояться и прекращеніи бури (*Архивъ* юго-зап. Россіи ч. I т. VII 54—55).

Подобнаго рода разсказы были весьма популярны въ средневѣковой литературѣ. Такъ, въ Historia Anglorum Генриха архидіакона Гонтиндонскаго (Huntingdon) [1]) къ 1144 г. отнесено такое событіе: „Princeps autem peditum suorum, Reinerus nomine, cujus officium fuerat ecclesias frangere vel incendere, dum mare cum uxore sua transiret, ut multi perhibuerunt, navis immobilis facta est. Quod monstrum nautis stupentibus, sorte data rei causam inquirentibus, sors cecidit super Reinerum. Quod cum ille nimirum totis contradiceret nisibus, secundo et tertio sors jacta in eum devenit. Positus igitur in scapha est et uxor ejus et pecunia scelestissime adquisita et statim navis cursu velocissimo ut prius fecerat pelagus sulcat, scapha vero cum nequissimis subita voragine circumducta in aeternum absorpta est (*Child* VIII 463), т. е. „ Нѣкій военачальникъ, по имени Рейнеръ, въ обязанность котораго входило разрушать и жечь церкви, плылъ по морю съ своей женой, и, какъ многіе утверждаютъ, корабль остановился. Изумленные моряки стали искать виновника несчастья, и жребій упалъ на Реймера. Хотя, понятно, онъ всѣми силами противился, но жребій три раза падалъ на него. Тогда положили Реймера, его жену и преступно нажитыя деньги на лодку, и корабль легко помчался по морю, а лодка съ нечестивцами закрутилась въ водоворотѣ и была поглощена волнами на вѣки“.

Въ любопытномъ средневѣковомъ варіантѣ виновницей бури оказывается женщина: „Audivi a fratre Galtero de Leus, quod, cum quedam mulier, mare transiens, pulchritudine sua omnes, qui erant in navi, ita attraxisset, ut omnes qui erant ibi fere cum ea pecassent vel per actum aut concensum, et non evitaret patrem aut filium, sed indifferenter omnibus, licet occulte, se exponeret, facta in mari tempestate et navi periclitante, cepit clamare coram omnibus omnia peccata sua et confiteri ea, credens quod alii propter ea deberent periclitari. Tunc, aliis confitentibus, cessavit mare a furore suo. Facta tranquillitate, nullus potuit scire, que esset illa mulier aut cognoscere eam“ (*Child* VIII 463),

[1]) Латинскій писатель XII вѣка.

т. е. „я слышалъ отъ брата (монаха) Гальтера де Ле, что однажды женщина на кораблѣ всѣхъ соблазнила своей красотой и со всѣми вошла въ половую связь, не отличая ни отцовъ, ни сыновей; но когда на морѣ поднялась буря, и корабль былъ близокъ къ погибели, она начала откровенно передъ всѣми исповѣдывать свои грѣхи. Когда и другіе стали каяться въ грѣхахъ, буря прекратилась, и потомъ никто не узналъ, что это была за женщина“.

Можно думать, что еще въ глубокой древности у европейскихъ народовъ, имѣвшихъ связи съ моремъ, въ особенности у скандинавовъ, существовали разсказы о томъ, какъ на морѣ остановился корабль, потому что на немъ былъ преступникъ, и какъ потомъ этотъ преступникъ былъ брошенъ въ море, и корабль свободно поплылъ далѣе. Такія сказанія могли быть до принятія христіанства, причемъ дѣйствующимъ лицомъ могъ быть Морской царь, пожелавшій взять съ корабельщиковъ дань или человѣческую жертву, или морской змѣй, а съ христіанской замѣной въ одной болгарской пѣснѣ (у *Миладин.* 56 № 50) св. Николай, задерживающій на морѣ корабль купца до тѣхъ поръ, пока купецъ не пообѣщалъ пожертвовать монастырю грузъ воска и ладана (*Child* VIII 500). Въ средніе вѣка легендарная литература воспользовалась этимъ мотивомъ и ввела его въ число чудесъ пресв. Богородицы in majorem gloriam Dei. Въ христіанской легендарной обстановкѣ мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ оказалъ сильное вліяніе на пѣснотворчество народное. Основной мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ у малоруссовъ могъ существовать съ давняго времени, какъ прямое слѣдствіе ихъ рысканія по Черному морю еще при первыхъ русскихъ князьяхъ, или могъ быть заимствованъ въ столь же давнее время отъ скандинавскихъ пришлецовъ. Въ началѣ XVII в., въ блестящую эпоху расцвѣта малорусскаго художественнаго творчества, мотивъ о покаяніи на морѣ былъ разработанъ въ превосходную думу, причемъ параллельно шла легендарная его разработка въ приложеніи къ Печерской иконѣ Богоматери. Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ сильно проникнуты религіознымъ духомъ, что возможно предположить вліяніе на нихъ

легендарной поэзіи. Заключеніе нѣкоторыхъ варіантовъ: Хвалыть Бога милосердого, ни одного козака зъ войска не втеряли (*Ант. и Драг.* I 189)—вполнѣ идетъ къ такому чуду, какъ разсказанное митроп. Петромъ Могилой объ Лагутѣ. Въ думахъ, впрочемъ, нигдѣ не говорится объ участіи пресв. Богородицы въ спасеніи казаковъ Это участіе прямо оговорено въ шотландской балладѣ, которая къ средневѣковымъ легендамъ стоитъ ближе думъ. Въ думахъ вездѣ козаковъ вызволяетъ изъ бѣды Господь милосердный.

На созданіе думы объ Алексѣѣ Поповичѣ затрачена большая художественная сила, и, не смотря на существованіе сходныхъ произведеній у другихъ народовъ, можно сказать, что дума эта глубоко оригинальное и въ высокой степени художественное малорусское произведеніе. Достоинство думы заключается въ разработкѣ деталей, въ искусномъ сочетаніи ихъ и, въ особенности, въ мягкости и гуманности. Думу проникаетъ личная мысль и личное чувство высокаго достоинства, и прежде всего близкое личное знакомство пѣвца съ описываемыми явленіями физическаго и нравственнаго характера. Остановимся теперь на деталяхъ думы:

1) Черное море.

Чернымъ моремъ открывается въ думѣ широкая картина мѣста дѣйствія:

Ей на Чорному морю,
На камени биленькимъ
Тамъ сыдыть сокилъ..,

Мысль пѣвца идетъ съ берега въ даль моря, гдѣ свирѣпствуетъ буря. Эпитетъ камня „бѣлый“ какъ-бы противопоставляется эпитету моря „чорное“, и это противопоставленіе отвѣчаетъ природной дѣйствительности. Мѣстами на берегу Чернаго моря выдаются бѣлые камни, даже громадные, въ видѣ скалъ и такіе камни въ особенности бѣлѣютъ, когда море начинаетъ чернѣть подъ темными тучами. Съ Чернымъ моремъ малоруссы знакомились и лично, въ морскихъ набѣгахъ на Турцію (см. Истор. пѣс. *Ант. и Драг.* I 203), и со словъ бы-

валыхъ воиновъ, паломниковъ и купцовъ. Иногда къ Черному морю прилагалось названіе Синяго моря (подроб. см. въ моей ст. Мѣстн. названія въ украин. нар. словес. въ Кіев. Стар. 1886). Испытанныя на Чорномъ морѣ потери вызывали у нашихъ предковъ отрицательное къ нему отношеніе, что выразилось, напр., въ началѣ думы о взятіи казаками Варны.

Кляла царица, вельможна пани,
Чорное море проклинала:
„Бодай же, море, не процвитало,
Вичными часы высыхало,
Та що мого сына едыначка
Едыначка у себе взяло! (*Акт. и Драг.* I 246).

Черное море въ малорусской думѣ обрисовано кратко, но отчетливо и ярко.

2) Соколъ — буревѣстникъ.

Сокилъ ясненькій
Жалибненько квиле—прокниляе
И на Чорнее море спильно поглядае....

Эта черта оригинальная малорусская, т. е. она вставлена малорусскими пѣвцами. Сама по себѣ эта черта (повѣрье въ птицъ буревѣстниковъ) общечеловѣческая и встрѣчается у разныхъ народовъ. Въ сказаніи эскимосовъ Бафиновой земли о Сиднѣ птицы крикомъ поднимаютъ страшную бурю на морѣ (*Рус. Мысль* 1886 I 104). Въ сказкахъ и пѣсняхъ вороны и соколы служатъ символами вѣтра и часто отожествляются съ вѣтромъ, наприм., въ русской сказкѣ о Солнцѣ, Мѣсяцѣ и Воронѣ Вороновичѣ (*Аѳанас.* I § 49). По малорусскимъ и польскимъ повѣрьямъ игра воронъ предвѣщаетъ бурю (*Чубин.* I 64, *Gustaw.* Въ Zbiór wiadom. V 179) Вмѣсто эпитета „ясненькій“ въ другихъ малорусскихъ пѣсняхъ (напр. *Голов.* II 2,68, IV 6) при соколѣ встрѣчается эпитетъ „сивый“. Въ малорусскихъ и въ южнославянскихъ пѣсняхъ соколъ часто встрѣчается, и въ колядкахъ играетъ важную роль, о чемъ подроб. см. во II т. „Объясненій“ *Потебни* по указ. на стр. 800.

---

3) Морская буря.

О морской бурѣ говорится во многихъ сказаніяхъ, легендахъ и пѣсняхъ на тему о покаяніи грѣшника. Въ средневѣковыхъ латинскихъ фактъ бури на морѣ отмѣчается кратко, 2—3 словами, „facta in mari tempestate... cessavit mare a furore suo“; столь же кратко о бурѣ говорится въ южнорусскихъ легендахъ XVII в.: „толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противныи“, подробнѣе уже въ пѣсняхъ, по личному знакомству пѣвцовъ съ моремъ. Въ шотландской балладѣ буря характеризуется чертами небеснаго сумрака: не видно ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Въ болгарской пѣснѣ своеобразное описаніе бури: соленое море разыгралось; вѣтеръ со всѣхъ (4) сторонъ поднялъ волны до неба, обнажилъ дно моря и открылъ даже адъ—грандіозная картина! Малорусская картина бури своеобразна и самостоятельна: „Злосопротывна хвилечка“ посреди моря потопляетъ корабли „на лыхій хуртовыни“, „хвылешна хвыля уставае--якори зрывае“. Рядомъ съ этимъ есть характеристики бури, близкія къ шотландской (по небеснымъ явленіямъ) и болгарской (по дну моря):

Звизды помрачило,
Половину мисяця у тьму уступыло,
И все небо тьмою укрыло,
Та зъ неба *дрибенъ* дощикъ накрапае...
Що на неби уси звизды потмарило,
Половыну мисяця въ хмары вступыло,
А изъ нызу *буйный* витеръ повивае...
Половына сонця и *мисяця* у тьму потьмарило...
Изо дна моря *сильна* хвыля встае...
Протывну филю со дна моря знимае..

4) Биларапська земля.

Эта своеобразная подробность старинныхъ украинскихъ географическихъ познаній. Въ одномъ вар. часть кораблей буря заноситъ „въ землю Агарську“, въ 2—въ „Агарянську“, въ большинствѣ варіантовъ въ землю „Орабську“, „Биларапську“. Точка зрѣнія пѣвца—съ русскаго берега, главное вниманіе его сосредоточивается на чайкахъ посреди моря, затѣмъ говорится

что часть кораблей бурей занесло въ Дунайское гирло, а часть въ Арабскую землю, что нужно понимать въ прямомъ значеніи слова, но въ очевидномъ преувеличеніи. Предполагается, что буря вынесла корабли въ Мраморное море и даже далѣе. При существованіи Суэцкаго перешейка они, понятно, не могли попасть въ чисто арабское Красное море; но старые малороссы могли знать арабовъ и ближе, на берегахъ Архипелага, Сиріи и Палестины, куда малороссы часто попадали, какъ плѣнники. Попадали плѣнные малороссы и въ глубь Аравіи, на что есть прямое указаніе въ „Плачѣ невольника“:

Будуть ушкали турки яничары набигаты
За Червоное моро у арабськую землю запродаты (*Ант. и Драг.* I 94).

Въ общемъ широкомъ значеніи выраженіе „Биларапська земля“ означаетъ вообще дальную страну. Въ пѣсняхъ южныхъ славянъ часто встрѣчается Арапская земля въ значеніи Сиріи и Аравіи, о чемъ подр. см. у *Халанскаго* въ Рус. Фил. Вѣстн. 1884 г.

5) Грицько Коломниченко.

Въ думѣ упоминается два имени кошеваго атамана Грицька Коломниченка и гетмана запорожскаго Алексѣя Поповича. Грицько Коломниченко—Самуилъ Зборовскій изъ галицкой Коломыи, магнатъ и авантюристъ. Будучи банитомъ, Зборовскій бѣжалъ изъ Польши въ запорожье, былъ нѣкоторое время здѣсь кошевымъ и впослѣдствіи казненъ Стеф. Баторіемъ. Есть извѣствія, что онъ съ казацкой флотиліей плавалъ изъ Днѣпровскаго лимана чрезъ море въ устье Днѣстра; но о бурѣ при этомъ историки не упоминаютъ. Сошелъ онъ съ исторической сцены около 1583 г., (см. *Ант.* и *Драг.* I 202). Что это былъ за человѣкъ, въ точности неизвѣстно. Въ думѣ это симпатичная личность, и народный пѣвецъ, видимо, ему сочувствуетъ. Въ одномъ варіан. (*Ант.* и *Драг.* I 182)—это „батько гетманъ старый запорожскій“, въ другомъ (ib. 177) онъ „по всему війску барзо окличенъ“. Во время бури онъ не теряетъ духа. Обливаясь слезами, онъ проситъ казаковъ исповѣдываться въ грѣхахъ:

...сповидайтесь вы наперед Богу
Ище и святому морю,
И мени, гетману старому,
Якъ бы отцу духовному....

Въ легендѣ у Петра Могилы предводителемъ казаковъ на морѣ является какой-то москвитянинъ Иваша.

Въ то время какъ въ малорус. думѣ покаяніе приносится передъ кошевымъ, въ болг. пѣс. передъ игуменомъ Саввой, въ серб. передъ матерью, въ скандинав. передъ неодушевленными предметами, съ видомъ креста или съ надписью имени Христова.

6) Олексій Поповичъ.

Личность Олексія Поповича обрисована во всѣхъ варіантахъ одинаково: человѣкъ грамотный, читающій св. Писаніе и поучающій казаковъ по Писанію. Выдающаяся грамотность указываетъ на происхожденіе героя думы изъ духовнаго сословія. Легендарный Лагута отвѣчаетъ Алексѣю Поповичу; о покаяніи его во грѣхахъ ничего не говорится. Лагута, повидимому, выведенъ, какъ свидѣтель чуда. Ближе къ Алексѣю Поповичу стоятъ Рейнеръ и Броунъ Робинъ. Казаки не рѣшаются выбросить въ море Алексѣя Поповича, и все дѣло обходится принесеніемъ морю въ даръ нѣсколькихъ капель его крови. Рейнера и Броунъ Робина удаляютъ съ корабля. Вообще, между Олексіемъ Поповичемъ и его боевыми товарищами въ думѣ обнаруживается тѣсная связь. Это не случайный пассажиръ на кораблѣ; это свой человѣкъ, который готовъ пожертвовать своей преступной головой, чтобы „марно війска не терять," и казаки не вняли его просьбѣ бросить его въ море съ камнемъ на шеѣ. Олексій говоритъ:

Ей, козаки, паны—молодци,
Добре вы чините—
Самого мене—Олексія Поповича, возьмите,
До моеи шыи камень биленькій привяжите,
Очи мои козацьки, молодецьки
Червоною китайкою запните,
У Чорное море самого мене спустите.

Казаки „тее якъ зачували, словами промовляли, слезами обливали"... И эта подробность оригинальная малорусская, черта товарищеской связи казаковъ, идеализированная въ поэзіи.

7) Грѣхи Олексія Поповича.

И въ описаніи грѣховъ Олексія обнаруживается самостоятельность малорусскаго пѣвца, чувство мѣры и нравственная щепетильность. Западные варіанты по грѣхамъ грубѣе малорусскихъ: въ болгарскомъ Станковичъ Дука убиваетъ мать, въ шотландскомъ находится намекъ на кровосмѣшеніе, въ малор. дѣло ограничивается или тѣмъ, что Олексій ругалъ родителей, или, самое большее, отпихалъ ихъ стременемъ въ грудь при выѣздѣ изъ дома. Впрочемъ, и Олексій не чистъ отъ убійства. Самое тяжкое его преступленіе—что онъ конемъ топталъ дѣтей на улицѣ. Вообще, всѣ грѣхи Олексія повторяются въ западныхъ сказаніяхъ этого разряда. Такъ:

а) оскорбленіе матери (+ сестры) находится въ болгарской и шотландскихъ пѣсняхъ.

б) пренебреженіе(=разграбленіе) церкви въ древнѣйшемъ сказаніи архидіакона Генриха XII в., въ малор. думѣ, въ пѣсняхъ шведскихъ, датскихъ и сербской.

в) убійство дѣтей въ малор. думѣ (конца XVI ст.?) и въ датской пѣснѣ по рукописи 1590 г.

г) оскорбленіе „громады,“ односельчанъ въ малор. думѣ и въ датской пѣснѣ XVI в.

Главнымъ грѣхомъ вездѣ выдѣляется оскорбленіе матери, что въ особенности подробно разработано въ малор. и болгар. пѣсняхъ, въ зависимости отъ высокаго общественнаго положенія матери при старомъ патріархальномъ строѣ семейной жизни. Уваженіе къ матери выразилось во многихъ другихъ малор. думахъ, великор. былинахъ, въ старинныхъ повѣстяхъ и въ пословицахъ.

8) Жертвоприношеніе крови.

Козаки, выслушавъ со слезами исповѣдь Олексія,

. . . . добре дѣлали
Узяли ему назадъ руки извязали
Чорнымъ оксамитомъ очи затмили,
То ше такого козака у море пускать пощатили;
На ливій руци мизинаго пальца втинали,

Его кровь у Чорнее море метали.
То скоро Чорнее море кровь христіанску заживало
То такъ уклало,
Якъ бы никогда и не грало
Суденъ козацькихъ не розрывало. . . .

Это самая архаичная черта думъ. Мы имѣемъ здѣсь жертвоприношеніе человѣка въ видѣ pars pro toto, о чемъ подроб. см. въ Поэт. воззр. *Аѳанасьева* II 260 и см. Сходные обычаи встрѣчаются у инородцевъ, напр. у осетинъ (*Вс. Миллеръ* II 292) Этотъ мотивъ входитъ въ англійскія и шотландскія баллады объ Аннѣ. Дѣвица, забравъ сокровища родителей, убѣгаетъ на кораблѣ съ милымъ. Поднимается буря. Моряки бросаютъ жребій, кого бросить въ море. Жребій падаетъ на Анну, и ее бросаютъ въ море; волна выбросила тѣло Анны на берегъ, и любовникъ погребаетъ ее. (*Child*. The engl. ballads, I № 24). Сюда примыкаютъ великор. былины о Садкѣ, и мн. др. Въ малорусск. думѣ нѣтъ метанія жребіевъ, чѣмъ дума существенно отличается отъ былинъ о Садкѣ, пѣсенъ о Робинѣ, Петрѣ и т. п.

9) Отцева—матчина молитва.

Основная мораль малорусскихъ думъ—прославленіе силы родительской молитвы, и эта мораль прямо выводится изъ Св. Писанія:

Слухайте козаки, панове—молодци,
Якъ се святе письмо просвищае,
На все моленіе указуе:
Который чоловикъ
Отцевську—матчину молитву
Штитъ, шануе, поважае
Того отцевська—матчина молитва
Зо дна моря вынимае,
Одъ грихивъ душу одкупляе
До царствія небесного провожае;
Та отцевська—матчина молитва
У купецтви и въ ремества,
И на поли и на мори
На помичъ прыспивае.

Это прославленіе отцовской и материнской молитвы красной ниткой проходитъ черезъ всѣ варіанты думы. Въ языкѣ панегирика мѣстами обнаруживается вліяніе книжной рѣчи.

10) На чудъ.

Въ одномъ вар. (у *Ант. и Др.* I 181) встрѣчается неясное слово „на чудъ;" въ другихъ вар. вмѣсто него „на чердакъ." Объясненіе *А. А. Потебни* см. въ сочин. „Къ ист. звук. II 23: чудъ—искаженіе слова чердакъ, а чердакъ (встрѣчается въ думахъ и былинахъ)—возвышеніе на галерѣ, съ котораго капитанъ осматривалъ путь и гребцовъ. За исключеніемъ слова „чудъ" лингвистическій составъ думы про Алексѣя Поповича совершенно простой и ясный.

Въ трехъ варіантахъ думы вмѣсто Алексѣя Поповича дѣйствуютъ два брата: они не вызываются броситься въ море; нѣтъ здѣсь и гетмана. Братья признаютъ поднявшуюся бурю карою за свои грѣхи и пересчитываютъ ихъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ Алексѣй Поповичъ. Они виноваты уже тѣмъ, что пошли въ войско оба, тогда какъ родители дозволяли идти только одному, а другому велѣли заниматься дома хлѣбопашествомъ. Далѣе братья сознаются въ грубомъ обращеніи съ матерью, избіеніи дѣтей, пьянствѣ. Покаяніе ихъ возымѣло силу; буря утихла, и братья, вышедши на берегъ, провозгласили ученіе о почитаніи родителей.

Н. И. Костомаровъ въ „Истор. казач. по малорус. пѣсн." (стр. 7) обратилъ вниманіе на одну поэтическую подробность, встрѣчающуюся въ двухъ варіантахъ думы (Лукашевича и Вересая). Здѣсь появляется безродный сирота, безъ органической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы. Онъ промелькаетъ мимоходомъ, но, по замѣчанію Костомарова, оставляетъ чрезвычайно поэтическое впечатлѣніе. Этотъ безродный сирота съ братьями думы ждетъ гибели на морѣ; ему не съ кѣмъ было на

цѣломъ свѣтѣ и проститься во время бѣды. Когда братья пришли на родину, и родители спросили ихъ, хорошо ли было имъ въ пути, тогда они вспомнили о безродномъ ихъ товарищѣ, вспомнили какъ тяжело ему было видѣть смерть, когда не съ кѣмъ было ему проститься. Этотъ „чужой чуженица“ исчезаетъ безслѣдно, и даже не видно, спасся ли онъ разомъ съ двумя братьями, или погибъ въ волнахъ.

Хотя эта подробность о чужестранцѣ изложена въ думѣ съ большимъ гуманнымъ чувствомъ, но она плохо вяжется съ общимъ содержаніемъ думы и представляется лишней, вѣроятно, позднѣйшей амплификаціей.

То обстоятельство, что въ 3 варіантахъ нѣтъ даже имени Олексія Поповича, ясно показываетъ, какъ неважно это имя въ общемъ содержаніи думы и какъ мало можетъ дать это имя для великорусскаго Алеши Поповича. Замѣнили Олексія Поповича двумя братьями, и дума ничего не потеряла отъ того. Вся сила думы въ грѣхахъ и въ покаяніи на морѣ во время бури, и затѣмъ важна еще внѣшняя—природная и внутренняя—нравственная обстановка думы, придающая ей характеръ историческій, національный и религіозно-нравственный. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ короче и точнѣе можетъ быть озаглавлена: дума о покаяніи на морѣ.

Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ начинаются широкой картиной Чернаго моря и бури на немъ и оканчиваются не менѣе широкой картиной—но уже изъ другого міра—міра христіанскаго, восхваленіемъ силы родительскаго благословенія и добрыми пожеланіями народу христіанскому.

Всѣ части въ думѣ соразмѣрены. Лишь одинъ мотивъ, какъ главный „отцева матчина“ молитва, выдвигается нѣсколько впередъ, не нарушая внутренней цѣльности думы, лишь придавая ей высокое нравственное и гуманитарное значеніе. Трудно сказать, что болѣе привлекаетъ въ этой думѣ—общественная ли жилка, уваженіе пѣвца къ запорожскому товариству и всему народу малорусскому, или высоко поставленныя требованія семейной добродѣтели, или, наконецъ, сила и искренность воодушевленія

народнаго поэта, ярко просвѣчивающія во всемъ строѣ рѣчи, въ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ и въ эпитетахъ. Въ ряду европейскихъ пѣсенъ о покаяніи грѣшника на морѣ малорусская дума занимаетъ почетное мѣсто, по полнотѣ содержанія и ясности всѣхъ главныхъ мотивовъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ

ВОСПОМИНАНІЯ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО.[1)]

(1800—1886 г.).

XII.

Прибытіе въ Черниговъ. Видъ семинаріи. Архіерей Лаврентій и Владиміръ

Въ Черниговъ мы прибыли 4 сентября 1823 года. Въѣхавши на семинарскій дворъ, мы остановились противъ квартиры инспектора и въ дорожныхъ костюмахъ вошли къ нему. Это былъ игуменъ козелецкаго монастыря Филадельфъ Пузина, бывшій студентъ перваго выпуска петербургской духовной академіи. Онъ принялъ насъ весьма любезно. Вскорѣ пришелъ къ нему и учитель семинаріи Пахаревскій, тоже бывшій студентъ четвертаго выпуска академіи.

Затѣмъ явился въ инспекторскую квартиру экономъ семинаріи, священникъ Александръ Кирилловичъ Огіевскій, обучавшійся въ старой кіевской академіи до ея преобразованія, бывшій потомъ префектомъ черниговской семинаріи и учителемъ словесности до назначенія Охотина на его мѣсто профессоромъ по этому предмету. Въ тотъ же день мы явились въ Елецкій монастырь къ ректору семинаріи архимандриту Іерониму, который тогда же представилъ насъ архіерею Лаврентію. Получивъ отъ послѣдняго архипастырское благословеніе, мы на другой день были введены въ классы, и началась наша служба.

---

1) См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 12.

Прежде нежели я буду говорить о моей 13-ти лѣтней преподавательской службѣ и жизни въ Черниговѣ, я хочу изложить мои воспоминанія о томъ, въ какомъ состояніи въ этотъ періодъ времени представлялись мнѣ городъ Черниговъ и его семинарія; какія въ ней были тогда начальствующія лица и преподаватели; какіе въ ней практиковались порядки и каково было ученіе семинаристовъ.

Когда мы подъѣзжали къ Чернигову, онъ издали показался намъ порядочнымъ городомъ; но когда мы въѣхали въ самый городъ, намъ представилось какое то углубленіе въ видѣ луга, по которому протекалъ ничтожный ручеекъ, называемый Стрыжень, и надъ этимъ Стрыжнемъ возвышался плохой мостъ. За мостомъ начинается подъемъ, съ довольно широкими улицами, обставленными одноэтажными некрасивыми домами. Самая городская площадь не отличалась благоустройствомъ, а такъ называемый бульваръ былъ усыпанъ глубокимъ пескомъ и обсаженъ тощими, маленькими деревцами. Долго мы не могли привыкнуть къ непригляднону Чернигову и часто, выходя за городъ, съ кургановъ тоскливо смотрѣли на петербургскій трактъ, по которому мнѣ сильно хотѣлось возвратиться въ незабвенный для меня Петербургъ, а Охотину въ свой родной Нижній-Новгородъ.

Мѣстность, на которой расположена семинарская усадьба, очень обширна. На первомъ планѣ, въ самой серединѣ ограды стоитъ каменное зданіе съ крестомъ на крышѣ,—это семинарская церковь, устроенная архіепископомъ черниговскимъ Михаиломъ, впослѣдствіи митрополитомъ петербургскимъ, можетъ быть, въ честь его ангела черниговскаго князя Михаила. Церковь занимала не всю внутренность этого зданія. На верхнемъ этажѣ, простиравшемся тогда и надъ церковью, помѣщалась обширная семинарская библіотека, наиболѣе обогатившаяся, когда, по опредѣленію св. синода, сюда передана была богатая библіотека Варлаама, бывшаго могилевскаго архіепископа, лишеннаго этого сана и умершаго въ званіи простого монаха въ новгородъ-сѣверскомъ монастырѣ, откуда книги его присланы въ Черниговъ въ 27-ми большихъ сундукахъ. При въѣздѣ чрезъ каменныя ворота на обширный семинарскій дворъ, направо, стояло

двухъ-этажное зданіе, половину котораго во всю его вышину занимала торжественная зала, а въ другой половинѣ въ верхнемъ этажѣ находилось семинарское правленіе и одна учительская квартира, въ нижнемъ же была квартира инспектора. Далѣе по той же линіи въ нѣкоторомъ разстояніи стояло трехъ-этажное зданіе, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщалось уѣздное духовное училище, въ среднемъ три класса семинаріи для высшаго, средняго и низшаго отдѣленія, а нижній этажъ занимали обширные погреба; говорили, что этотъ домъ принадлежалъ знаменитому Павлу Полуботку, только при немъ онъ былъ двухъ-этажный, а третій этажъ надстроенъ уже тогда, когда онъ сталъ собственностію семинаріи. Далѣе по той-же линіи въ нѣкоторомъ разстояніи стояло двухъ-этажное деревянное зданіе, въ которомъ помѣщалась бурса для казеннокоштныхъ учениковъ, и при ней ихъ столовая, кухня и служительская комната. За семинарскими зданіями находился большой садъ, а отъ коридора инспекторской квартиры проложена была дорожка черезъ особенный садикъ къ большому деревянному съ высокою крышею зданію. Этотъ садикъ мы называли Филадельфіею, по имени инспектора Филадельфа, который насадилъ его и украсилъ цвѣтниками. Садикъ велъ къ сказанному большому деревянному зданію, названному нами ковчегомъ, по причинѣ разныхъ въ немъ помѣщеній, въ которыхъ находились и наши квартиры.

Во время моего пребыванія въ Черниговѣ въ немъ были архіереи Лаврентій и Владиміръ.

Лаврентій обучался въ старой московской академіи и былъ учителемъ въ тамошней Троицкой семинаріи въ одно время съ знаменитымъ впослѣдствіи Филаретомъ, о необыкновенныхъ дарованіяхъ котораго онъ намъ много говорилъ. Однажды онъ спросилъ меня, читалъ ли я проповѣдь Филарета объ одеждѣ. Я отвѣчалъ, что не только читалъ, но и переписалъ, какъ помѣщенную въ образцовыхъ сочиненіяхъ. „А гдѣ она была говорена?“ спросилъ Лаврентій. Я отвѣчалъ, что объ этомъ не напечатано. Лаврентій сказалъ: „проповѣдь Филарета объ одеждѣ не изъ числа архіерейскихъ поученій, а сочинена и сказана имъ была въ Сергіевской Лаврѣ тогда, когда онъ былъ молодымъ

учителемъ, не будучи монахомъ, и что проповѣдь была изъ числа полтинниковыхъ, такъ какъ митрополитъ Платонъ за каждую сказанную Филаретомъ въ Лаврѣ проповѣдь велѣлъ лаврскому ризничему выдавать ему по полтинѣ серебра. Впрочемъ, отдавая должное Филарету, Лаврентій, какъ воспитанникъ старой академіи, вполнѣ раздѣлялъ нерасположеніе къ нему старообразованныхъ архіереевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неблаговоленіе къ магистрамъ и кандидатамъ академіи, на которую Филаретъ имѣлъ огромное вліяніе. Это нерасположеніе свое онъ выказалъ въ притѣсненіи учителя Пахаревскаго. Пахаревскій во время обученія своего въ академіи и въ продолженіе службы своей въ семинаріи отличался весьма тихимъ характеромъ; онъ былъ бережливъ, воздержанъ, удалялся отъ шумныхъ обществъ и увеселеній, и тридцати лѣтъ по собственному желанію безъ всякихъ постороннихъ совѣтовъ поступилъ въ монахи.

Лаврентій, посвятивъ его въ іеродіакона, болѣе года держалъ его въ этомъ санѣ; въ продолженіе этого времени Похаревскій долженъ былъ діаконствовать въ сослуженіи съ бывшими его учениками, которые, сдѣлавшись священниками, служили литургію въ семинарской церкви, чѣмъ онъ всегда оскорблялся. Однажды, когда я съ нимъ вмѣстѣ былъ у Лаврентія, послѣдній бранилъ его, называя медвѣдемъ, за уклоненіе его отъ общества, какъ будто это качество въ монахѣ заслуживало укоризны. Вслѣдствіе такихъ притѣсненій Пахаревскій сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, сталъ пить и пилъ даже по посвященіи его въ іеромонахи, отчего на должности инспектора въ Новгородѣ и умеръ. Кто тутъ виноватъ? Епархіальная администрація при Лаврентіи зависѣла отъ консисторіи, или, лучше сказать, отъ всесильнаго ея секретаря Васиневскаго, который нажилъ себѣ въ этой должности порядочное состояніе, пріобрѣлъ земли и крестьянъ. Говорили тогда, что онъ имѣлъ секретную лавку, въ которой продавались подарки и приношенія искателей его милости. Не мало также способствовалъ къ полученію священническихъ приходовъ и докладчикъ Лаврентія Могилянскій. Невѣроятнымъ покажется, но фактически вѣрно то, что келейнику архіерейскому, стоявшему въ роли лакея на запяткахъ его ка-

реты, не разъ предоставлялись лучшія священническія мѣста, которыя онъ продавалъ искавшимъ ихъ. Отсюда происходило то, что богатые дьячки получали лучшіе священническіе приходы, тогда какъ кончившіе семинарскій курсъ, долго ожидали приходовъ и получали худшіе изъ нихъ. Такіе безпорядки, явно совершаемые и извѣстные всей епархіи, не могли не доходить до св. синода, но они продолжались до тѣхъ поръ, пока Лаврентій, чувствуя слабость своихъ силъ и затрудняясь въ отправленіи богослуженія, не попросился на покой и удалился въ Переяславль-Залѣсскій.

На мѣсто Лаврентія переведенъ былъ изъ Курска архіепископъ Владиміръ, бывшій во время моего обученія въ академіи викаріемъ въ Петербургѣ послѣ Филарета. Говорили, что императоръ Николай Павловичъ сказалъ Владиміру на аудіенціи, что назначилъ его въ Черниговъ для исправленія тамошней епархіи—и онъ дѣйствительно ее исправилъ. Владиміръ прибылъ въ Черниговъ во время первой холеры. Въ 25-ти верстахъ отъ Чернигова въ селѣ Седневѣ онъ ночевалъ и оттуда прислалъ увѣдомленіе, что на другой день въ праздникъ Тройцы прибудетъ прямо въ соборъ для совершенія литургіи. Рано утромъ множество народа собралось въ соборной оградѣ; духовенство съ хоругвями ожидало пріѣзда новаго архіерея. Когда карета его остановилась передъ воротами, и когда онъ вошелъ въ ограду, величественный и владычный видъ его показывалъ уже смотрѣвшимъ на него, что этотъ новый архипастырь подниметъ епархію. Ректоръ семинаріи Афанасій встрѣтилъ его рѣчью, въ которой прямо сказалъ, что духовные наставники и учащіеся устремляютъ къ нему свои надежды на его къ нимъ благоволеніе. Поцѣловавъ крестъ и облекшись въ мантію, онъ съ посохомъ въ рукахъ вошелъ въ соборъ и, приложившись къ намѣстнымъ иконамъ, обратился къ народу и съ амвона симпатичнымъ своимъ голосомъ произнесъ краткую, но прекрасную рѣчь, которая, какъ мнѣ помнится, начиналась такъ: „Миръ вамъ! Въ ту минуту, когда я привѣтствую васъ миромъ Христовымъ, сердце мое волнуется двумя противоположными чувствами: скорбію о разлукѣ съ любезною мнѣ курскою паствою

и радостію свиданія съ тобою новая паства моя, пастыреначальникомъ мнѣ указанная"! Литургію онъ совершилъ весьма торжественно. По окончаніи ея, благословивъ молившійся народъ, онъ отправился въ свою резиденцію въ Троицкій монастырь, куда вслѣдъ за нимъ прибыли и многія должностныя лица. Всѣ остались довольны новымъ владыкой. Первымъ дѣломъ административныхъ его распоряженій было увольненіе секретаря консисторіи Васиневскаго и всѣхъ близкихъ къ Лаврентію въ домѣ лицъ.

Всѣ служащіе при Владимірѣ встрепенулись и все пошло порядкомъ. Принявшись за дѣла по консисторіи, онъ всѣ дѣла ея самъ пересматривалъ, все рѣшалъ съ строгою правдивостью и безпристрастіемъ. Думали было, что жившій въ архіерейскомъ домѣ архимандритъ Петръ пользуется его довѣріемъ и снисходительностью, но это мнѣніе вскорѣ оказалось ошибочнымъ. Владиміръ не имѣлъ любимцевъ и ко всѣмъ относился съ одинаковою взыскательностію.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, когда въ одинъ праздникъ, послѣ сказанной мною проповѣди въ Троицкомъ монастырѣ, я былъ приглашенъ къ архіерейскому столу, за которымъ тогда находились немногія изъ духовныхъ лицъ. Владиміръ въ присутствіи архимандрита Петра, бывшаго членомъ консисторіи, серіозно началъ говорить, что близкіе къ нему люди не исполняютъ въ точности своихъ обязанностей въ консисторіи и въ то-же время желаютъ быть представленными къ наградѣ, что онъ никогда этого не сдѣлаетъ, пока не удостовѣрится въ ихъ достоинствахъ. Архимандритъ Петръ понялъ этотъ горькій намекъ и заплакалъ. Обозрѣвая епархію, Владиміръ посѣтилъ такіе приходы, въ которыхъ предшественники его совсѣмъ не бывали. Возвратившись въ Черниговъ, онъ напечаталъ и разослалъ по епархіи циркуляръ, въ которомъ на одной сторонѣ листа сказано было, какъ до него въ епархіи что дѣлалось, а на другой, какъ должно дѣлаться.

Изъ разсказовъ его о посѣщеніи приходовъ, я помню между прочимъ, что священникъ села Блистовы кролевецкаго

уѣзда, никогда не видавшій архіереевъ въ своемъ приходѣ, думалъ, что и Владиміръ туда не заѣдетъ, и потому не готовился къ его встрѣчѣ; вдругъ неожиданно для него подъѣхала архіерейская карета, и Владиміръ, выйдя изъ нея, направился къ церкви, приказавъ собрать причтъ въ храмъ. По осмотрѣ храма онъ потребовалъ метрическую книгу и, смотря въ нее, спросилъ дьячка—сколько въ послѣдніе мѣсяцы было рожденныхъ и крещеныхъ и кто ихъ родители. Когда дьячекъ пересчиталъ ему всѣхъ требуемыхъ лицъ, тогда Владиміръ, обратился къ священнику и спросилъ его: „почему же ты не вписалъ въ метрическую книгу этихъ лицъ?“ Оробѣвшій священникъ упалъ на колѣни и отвѣтилъ, что онъ забылъ вписать ихъ въ свое время, но непремѣнно впишетъ послѣ: „а если бы ты вдругъ умеръ, то какое затрудненіе представилось бы въ полученіи метрическихъ свидѣтельствъ для тѣхъ, кому они понадобились-бы?“ Священникъ заплакалъ и сказалъ: „Владыко святый! я ще не хочу вмерты; въ мене е жонка и диты“. Владиміръ усмѣхнулся и сказалъ: „теперь я небрежность твою прощаю, а если ты и впредь такъ-же будешь забывать своевременно записывать новорожденныхъ и крещеныхъ въ метрическую книгу, то я запрячу тебя въ монастырь“. Однажды, въ день св. Георгія Побѣдоносца Владиміръ ѣхалъ въ предмѣстіе Бобровицу совершать въ тамошней церкви богослуженіе по случаю храмоваго тамъ праздника. На Красномъ мосту жандармъ верхомъ нагналъ архіерейскую карету и объявилъ Владиміру, что жандармскій генералъ Руппертъ проситъ его пожаловать въ соборъ. Владиміръ, велѣлъ кучеру воротиться назадъ и, подъѣхавши къ соборной оградѣ, пошелъ къ церковнымъ дверямъ, гдѣ Руппертъ встрѣтилъ его такими словами: „сегодня высокоторжественный день, архіерей долженъ служить въ соборѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „я знаю, что сегодня высокоторжественный день, знаю и то, что долгъ мой велитъ мнѣ служить въ церкви, гдѣ сегодня храмовой праздникъ; тамъ я отправлю литургію и царскій молебенъ, а въ соборѣ осталось духовенство, которое совершитъ въ немъ то и другое“. Сказавъ это, Владиміръ сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Твердый въ своемъ образѣ мыслей, Владиміръ не измѣнилъ своихъ

отношеній къ князю Рѣпнину, и послѣ того какъ тотъ подвергся опалѣ и былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, въ которой онъ прослужилъ 18 лѣтъ.

Въ какой-то праздничный день, въ который Рѣпнинъ уѣзжалъ изъ Чернигова, Владиміръ въ присутствіи его, отслуживъ въ соборѣ литургію и напутственный молебенъ, благословилъ его иконою и что-то тихо ему сказалъ. Рѣпнинъ упалъ предъ иконою на колѣни и заплакалъ; Владиміръ также прослезился. Всѣ присутствовавшіе тогда въ соборѣ тронуты были этимъ умилительнымъ прощаніемъ. Въ тотъ-же день Владиміръ присутствовалъ и на обѣдѣ, данномъ опальному Рѣпнину отъ черниговскаго дворянства, гдѣ опять всѣ присутствующіе трогательно прощались съ княземъ Рѣпнинымъ, котораго всѣ любили. Исполняя въ точности свой архипастырскій долгъ, Владиміръ не былъ равнодушенъ, если въ постороннихъ вѣдомствахъ нарушалось что нибудь, относящееся къ его наблюденію.

Такъ, узнавъ, что вновь прибывшій инспекторъ черниговской гимназіи, нѣмецъ, внушаетъ ученикамъ ея мысли противныя православію, Владиміръ потребовалъ къ себѣ законоучителя гимназіи протоіерея Шишова и строго замѣтилъ ему, что онъ долженъ былъ протестовать ближайшему начальству о такихъ внушеніяхъ инспектора, и если-бы протестъ его былъ безуспѣшенъ, то онъ обязанъ былъ донести своему архипастырю, и что если и впредь онъ будетъ такъ небреженъ въ исполненіи своего долга, то будетъ отставленъ отъ должности законоучителя.

При Владимірѣ въ Черниговѣ приводился въ исполненіе строгій указъ императора Николая Павловича о томъ, чтобы въ наискорѣйшемъ времени были рѣшены дѣла о такихъ преступленіяхъ священно-и церковно-служителей, за которыя они должны быть исключены изъ духовнаго званія, и если такія лица окажутся неисправимыми, то всѣхъ ихъ отдавать въ военную службу. Когда нѣкоторыя лица въ присутствіи Владиміра порицали этотъ указъ, называя его чрезмѣрно строгимъ, то онъ въ оправданіе его указалъ на нѣсколько случаевъ такихъ преступленій духовныхъ лицъ въ курской епархіи, которыя возбу-

дили въ его слушателяхъ изумленіе. Въ томъ-же указѣ о преступленіяхъ духовныхъ лицъ повелѣвалось отдавать въ солдаты тѣхъ молодыхъ людей, которые, бывъ исключены изъ семинаріи, нигдѣ не служили. Въ это число попалъ одинъ молодой человѣкъ Володченко, который по моей рекомендаціи приглашенъ былъ въ домъ губернатора для обученія дѣтей его чистописанію. Въ одинъ воскресный день Володченко является ко мнѣ, падаетъ на колѣни и, заливаясь слезами, говоритъ, что на другой день онъ долженъ явиться въ губернское правленіе для зачисленія въ солдаты. Медлить было некогда. Я тотчасъ пошелъ къ губернатору, но къ несчастію онъ лежалъ тогда въ постели въ лихорадочномъ пароксизмѣ. Жена его передала ему мой разсказъ о Володченкѣ и принесла мнѣ отвѣтъ, что мужъ ея, когда окончится пароксизмъ, немедленно поѣдетъ къ архіерею, что онъ въ тотъ же день и исполнилъ. На ходатайство губернатора о Володченкѣ, Владиміръ отвѣчалъ, что освободить послѣдняго отъ солдатства значило-бы поступить противъ Высочайшаго повелѣнія, на что онъ никакъ не рѣшится. „Если такъ,— сказалъ губернаторъ,—то сдѣлайте по просьбѣ моей то, что я сдѣлалъ по вашей объ освобожденіи отъ военной повинности бывшаго вашего духовника, подвергшагося такому-же наказанію“. Владиміръ задумался и сказалъ: „ну, нечего дѣлать, приходится и мнѣ для васъ преступить законъ, какъ вы нарушили его для меня!“ Въ тотъ-же день Володченко вычеркнутъ былъ изъ рокового для него списка. Впослѣдствіи времени онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію и вышелъ оттуда лѣкаремъ.

Владиміръ, хотя самъ обучался до преобразованія духовныхъ училищъ, но сочувствовалъ ихъ преобразованію и всегда къ намъ благоволилъ. Когда въ храмовой праздникъ Троицаго монастыря онъ давалъ парадный обѣдъ, то приглашалъ къ нему всѣхъ наставниковъ нашей семинаріи и всѣхъ учителей уѣзднаго духовнаго училища. Однажды въ такой день, когда за обѣдомъ его были: генералъ-губернаторъ, губернаторъ и многіе другіе въ городѣ чиновники, были и мы всѣ. Во время обѣда прекрасный архіерейскій хоръ исполнялъ духовные концерты. Когда всѣ го-

сти разошлись, Владиміръ насъ не отпустилъ, а сказалъ: „я пойду немножко отдохнуть, а вы, господа, погуляйте въ моемъ саду, чтобы вмѣстѣ пить чай.—Онъ любезно бесѣдовалъ съ нами и отпустилъ уже поздно вечеромъ. Ну можно-ли было намъ не любить такого архіерея! Послѣ моего выбытія изъ семинаріи Владиміръ переведенъ былъ въ Казанскую епархію, считавшуюся тогда первою архіепископіею въ Россіи. Такое повышеніе и полученный имъ въ Казани орденъ Вадиміра 1-й степени и брилліантовый крестъ на клобукъ предвѣщали ему санъ митрополита, но Владиміръ попросился на покой въ свяжскій монастырь казанской губерніи, гдѣ и скончался. Говорили, что онъ былъ оскорбленъ строгимъ выговоромъ Императора Николая за то, что когда въ архіерейскомъ его подворьѣ былъ убитъ монахъ,—жандармскій полковникъ донесеніемъ своимъ о томъ предупредилъ Владиміра. Невѣроятно, чтобы Владиміръ, любившій свою епархію и дѣятельность, по этой только причинѣ оставилъ службу. Были, конечно, болѣе побудительныя причины, которыхъ вѣрнѣе искать въ отношеніяхъ его къ Нечаеву, или къ заступившему его мѣсто графу Протасову, бывшихъ тогда одинъ послѣ другаго синодальными оберъ-прокурорами.

XIII.

Семинарское Правленіе.

Главнымъ начальникомъ семинаріи былъ архіерей. Онъ наблюдалъ за сохраненіемъ въ ней должнаго порядка и за точнымъ исполненіемъ устава духовно-учебныхъ заведеній, присматривалъ и утверждалъ протоколы засѣданій правленія, часто получалъ доклады о состояніи семинаріи, аттестовалъ начальниковъ и всѣхъ преподавателей семинаріи въ ихъ послужныхъ спискахъ, но не имѣлъ права, какъ въ давнія времена, выгонять по своему произволу изъ семинаріи учителей, а семина-

ристовъ отдавать въ солдаты. Въ наше время черниговская семинарія управлялась существовавшимъ тогда семинарскимъ правленіемъ подъ наблюденіемъ архіерея. Членами этого правленія были: ректоръ, инспекторъ, экономъ семинаріи и членъ по учебной части, избираемый изъ преподавателей; этимъ членомъ былъ я. При правленіи была канцелярія, состоявшая изъ секретаря, избираемаго также изъ преподавателей, и писца, назначаемаго изъ семинаристовъ; тотъ и другой получали жалованіе, которое членамъ правленія, кромѣ эконома, не давалось. Обязанностью семинарскаго правленія было наблюденіе за всею хозяйственною и нравственно-учебною частью; оно избирало изъ окончившихъ курсъ лучшихъ учениковъ для отправленія въ духовную академію; въ случаѣ если присылаемые ученики на пріемномъ испытаніи въ академіи оказывались недостойными пріема, то отсылались обратно на счетъ семинарскаго правленія, чего въ мое время никогда не случалось. Ректоръ семинаріи, какъ начальникъ ея, обращалъ свой надзоръ на всѣ части управленія, въ особенности на часть учебную, посѣщалъ классы, давалъ преподавателямъ совѣты, а иногда дѣлалъ имъ и замѣчанія, только не при ученикахъ. Инспекторъ завѣдывалъ нравственною частью. Онъ въ субботу вечеромъ каждой недѣли доносилъ архіерею о состояніи семинаріи. Семинарія состояла изъ трехъ отдѣленій: высшаго, средняго и низшаго, или изъ классовъ—богословскаго, философскаго и риторическаго. Въ каждомъ классѣ ученики находились по два года, по истеченіи которыхъ успѣшные переводились въ слѣдующее отдѣленіе а неуспѣшные оставались въ томъ-же отдѣленіи, совсѣмъ безуспѣшные исключались изъ семинаріи. Преподававшіеся предметы въ семинаріи были: богословіе, философія, риторика или словесность, математика (алгебра, ариѳметика и геометрія), церковная исторія, гражданская всеобщая исторія и языки: еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій. Латинскій языкъ особо въ семинаріи не преподавался; онъ грамматически изучаемъ былъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ; ученики семинаріи писали уже на латинскомъ языкѣ задачи и сочиненія. Ректоръ преподавалъ только богословіе, а инспекторъ философію и за это преподава-

ніе они получали по 600 руб. ассигнаціями въ годъ; такое жалованіе выдавалось и всѣмъ прочимъ преподавателямъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли ученыя академическія степени и дали обѣтъ поступить въ духовное званіе, ежегодно выдавался окладъ магистрамъ по 350 руб. ассигнаціями, а кандидатамъ по 250 руб. Первые назывались профессорами, а послѣдніе учителями. Всѣ учащіе въ семинаріи, кромѣ ректора и инспектора, обязаны были преподавать по два предмета за одно сказанное жалованье. Когда же по какому нибудь случаю имъ поручено было преподавать еще третій предметъ или давалось какое нибудь особое порученіе, то денежное вознагражденіе назначалось не отъ семинаріи, а отъ коммиссіи духовныхъ училищъ, когда присылаемые изъ академіи въ семинарію ревизоры въ отчетахъ своихъ дѣлали похвальные отзывы объ успѣшныхъ ихъ занятіяхъ, заслуживающихъ награды.

Въ семинаріи экзамены производились частные и публичные; частные бывали два раза въ годъ: передъ праздникомъ Р. Хр. и предъ лѣтними каникулами подъ предсѣдательствомъ ректора и въ присутствіи преподавателей, которые имѣли право дѣлать свои оцѣнки и возраженія по разсмотрѣніи сочиненій. Публичные экзамены или торжественные акты бывали по окончаніи богословскаго курса подъ предсѣдательствомъ архіерея и въ присутствіи важнѣйшихъ въ городѣ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Актъ начинался пѣніемъ молитвы и послѣ нея семинарскій хоръ исполнялъ духовный концертъ на хорахъ залы, во время исполненія котораго посѣтителямъ раздавались программы акта, а ректоръ подносилъ архіерею, кромѣ программы, и списокъ учениковъ. На актѣ читались только *избранныя отдѣленія* изъ предметовъ ученія. Въ концѣ акта лучшій изъ учениковъ богословія читалъ на кафедрѣ свое большое сочиненіе. Актъ оканчивался пѣніемъ молитвы. Ученики семинаріи въ спискахъ раздѣлялись на три разряда: кончившіе богословскій курсъ въ первомъ разрядѣ получали названіе студентовъ съ правомъ на XIV классъ гражданской службы. Такъ какъ семинарія имѣла свою церковь, то всѣ безъ исключенія ученики ея

должны были приходить туда для слушанія богослуженія. Въ семинаріи былъ хоръ, который называли ректорскимъ, потому что этотъ хоръ ходилъ пѣть въ Елецкій монастырь, настоятелемъ котораго всегда былъ ректоръ. Семинарскій хоръ, въ которомъ и я, любя церковное пѣніе, участвовалъ, обижаемъ былъ регентомъ архіерейскаго хора, выбиравшимъ у насъ мальчиковъ съ лучшими голосами; выбранные оставались въ архіерейскомъ домѣ и содержались на счетъ этого дома; тамъ-же они обучаемы были для поступленія въ семинарію, куда принимали ихъ по экзамену, весьма снисходительному, и потому поступавшіе изъ архіерейскаго хора ученики рѣдко оканчивали курсъ съ надлежащимъ успѣхомъ.

При семинаріи для казенно-кошныхъ учениковъ была баня и больница, которую посѣщалъ городской врачъ, и при которой находился въ видѣ фельдшера ученикъ высшаго или средняго отдѣленія и особый служитель. Въ мое время давались еще семинаристамъ, такъ называемыя, рекреаціи или свободные дни въ маѣ мѣсяцѣ. Въ эти дни обыкновенно семинаристы рано утромъ толпою шли въ Елецкій монастырь и подъ окнами ректора громко кричали: rogamus! Ректоръ медлилъ выходить къ нимъ, но послѣ этого продолжительнаго крика являлся и по предварительному соглашенію съ преподавателями разрѣшалъ рекреацію подъ условіемъ, чтобы они на другой день исправны были въ классахъ. Вся семинарія съ ректоромъ, инспекторомъ и преподавателями отправлялась за городъ въ находившійся внѣ города въ 4-хъ верстахъ лѣсокъ, называемый Еловщиною. Поздно вечеромъ, а иногда и ночью, вся эта компанія возвращалась въ Черниговъ съ пѣніемъ. Говорили, что въ старину пріѣзжалъ на рекреацію и самъ архіерей. Когда разгулявшіеся семинаристы кричали передъ нимъ: rogamus, онъ разрѣшалъ имъ рекреацію и на другой день. Черниговскіе жители относились къ семинаріи благопріятно. Такъ какъ гимназіи тогда еще не были преобразованы, то многіе родители изъ свѣтскаго званія отдавали своихъ дѣтей въ семинарію, откуда послѣдніе поступали большею частію въ медицинскую академію. Черниговскіе чиновники приглашали семинаристовъ въ свои дома для обученія дѣ-

тей. Въ черниговской семинаріи успѣхи учениковъ, говоря вообще, были хороши, и поведеніе ихъ было похвально; послушаніе ихъ начальству было безусловное; преподавателей своихъ они уважали, особенно магистровъ академіи.

Семинарія эта въ сравненіи съ Невскою семинаріею мнѣ представлялась лучшею и по устройству зданія, и по содержанію относительно пищы и одежды. Изъ учениковъ черниговской семинаріи, въ мое время поступившихъ въ академію, вышли: Иванъ Рклицкій первый магистръ, оставленный бакалавромъ при академіи, Миткевичъ, бывшій впослѣдствіи калужскимъ архіепископомъ. Поступившіе изъ семинаріи въ главный педагогическій институтъ, по окончаніи въ немъ курса, посланы были за границу и потомъ были профессорами: извѣстный Лешковъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету и Лукьяновичъ въ харьковскомъ университетѣ по латинской литературѣ. Въ медицинскую академію ученики черниговской семинаріи издавна поступали въ большомъ количествѣ; изъ нихъ были: профессоръ анатоміи Загорскій, написавшій первое руководство по анатоміи, и знаменитый въ свое время операторъ Буяльскій. Въ мое время изъ учениковъ черниговской семинаріи были: профессоръ медико-хирургической академіи Шипулинскій, славившійся своею практикою въ Петербургѣ, и Леонтій Рклицкій, бывшій главнымъ докторомъ въ Варшавскомъ госпиталѣ.

XIV.

Ректоръ семинаріи Іеронимъ.—Братъ мой Николай.—Инспекторъ Филадельфъ.—Поѣздка въ Кіевъ.—Скворцовъ.—Смарагдъ.—Инспекторъ Нилъ.—Вызовъ Іеронима въ Петербургъ.—Инспекторъ Рклицкій.

Когда мы съ Охотинымъ прибыли въ черниговскую семинарію, ректоромъ ея былъ архимандритъ Іеронимъ; во время его ректорства инспекторами были: игуменъ Филадельфъ и іеромо-

нахъ Нилъ. Іеронимъ, получившій образованіе въ старой Кіевской академіи, хорошо зналъ преподаваемыя въ семинаріи науки и особенно былъ свѣдущъ въ языкахъ. Богословіе и науку проповѣдничества онъ преподавалъ по старому методу. Но дѣйствительную пользу ученикамъ богословія онъ приносилъ своими практическими занятіями о томъ, какъ они должны поступать со своими прихожанами, когда сдѣлаются священниками, и ученики, ставшіе такими, были ему благодарны за такія наставленія. Будучи самолюбивъ, онъ бывалъ недоволенъ, когда мы на богословскихъ экзаменахъ дѣлали возраженія; ученикамъ богословія онъ у себя дома говорилъ, чтобы они его одного только слушали, давалъ имъ невыгодныя о насъ понятія и получалъ отъ нихъ на насъ разные доносы, что для насъ, конечно, было непріятно. Своею величавостью онъ прямо задѣвалъ наше самолюбіе. Однажды, когда я изъ домоваго отпуска возвратился тремя днями позже положеннаго срока и по обыкновенію явился къ нему въ его квартиру, онъ долго не выходилъ ко мнѣ изъ своего кабинета, а вышедши, съ суровымъ видомъ сказалъ: „извините, Іосифъ Акимовичъ, что я заставилъ долго ждать себя; вы сами заставили насъ ждать вашего возвращенія изъ отпуска“. Я извинялся тѣмъ, что семейныя обстоятельства заставили меня сдѣлать означенную отсрочку. Іеронимъ серьозно сказалъ мнѣ: „если обстоятельства ваши удерживаютъ васъ въ домѣ, то вы можете просить увольненія отъ семинарійской службы“. Я вспыхнулъ и смѣлымъ голосомъ проговорилъ: „Коммиссія духовныхъ училищъ назначила меня быть профессоромъ въ черниговской семинаріи и она только можетъ отъ нея меня уволить, а ваше высокопреподобіе не имѣете права говорить мнѣ объ увольненіи; если же вы мою просрочку находите достойною увольненія изъ семинаріи, то должны предложить о томъ на обсужденіе семинарскому правленію, которое, надѣюсь, въ рѣшеніи своемъ не будетъ ко мнѣ такъ взыскательно“. Сказавши это, я, не взявъ отъ Іеронима благословенія, ушелъ изъ его квартиры. Іеронимъ одумался и послалъ келейника просить меня воротиться. Когда я пришелъ, онъ ласково сказалъ мнѣ, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить меня сво-

ими словами, попросту имъ сказанными, но такъ горячо мною принятыми. Мы примирились, и я тогда-же сознаъ, что съ своей стороны я сдѣлалъ глупую выходку, которую и теперь въ моей старости не извиняю ради моей молодости.

При непостоянствѣ и измѣнчивости своего характера, Іеронимъ въ личныхъ къ намъ отношеніяхъ былъ добръ, часто приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ или на вечеръ, усердно угощалъ насъ и въ этихъ случаяхъ всегда былъ веселъ, многорѣчивъ и казался искреннимъ. Въ такихъ нашихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ мы узнали отъ него, почему онъ изъ Острогской семинаріи, гдѣ былъ ректоромъ, перемѣщенъ въ черниговскую семинарію. Въ городѣ Острогѣ находилась тогда семинарія и резиденція волынскаго архіерея, къ дому котораго приписано было довольно большое помѣстье съ крестьянами. Архіерей Стефанъ жилъ роскошно и открыто; въ домѣ его часто бывали гости, а начальники и преподаватели семинаріи почти ежедневно тамъ угощались, и для ихъ забавы въ томъ-же домѣ находился билліардъ. „Когда однажды я, говорилъ Іеронимъ, во время такого нашего пированія, сидя вдали съ кафедральнымъ протоіереемъ, сказалъ ему: какъ намъ хорошо и весело жить при архіереѣ Стефанѣ, протоіерей отвѣчалъ: да, намъ слишкомъ весело, но это не передъ добромъ". И дѣйствительно, такъ и случилось. Присланный изъ Петербургской академіи старшій кандидатъ 4-го выпуска Корабиновъ, человѣкъ безпокойнаго характера, завелъ между своими сослуживцами разныя интриги и ссоры, осуждалъ ихъ поведеніе и неприличную жизнь архіерея; отсюда пошли взаимные доносы, началось слѣдствіе и кончилось тѣмъ, что архіерей и всѣ члены семинарскаго правленія изъ Острога были переведены въ другія мѣста на службу; по этому случаю Іеронимъ переведенъ въ черниговскую семинарію.

Послѣ моей глупой выходки Іеронимъ не оказывалъ мнѣ враждебнаго расположенія. Онъ весьма благоволилъ къ моему меньшему брату Николаю, который воспитывался въ черниговской семинаріи на счетъ суммы, отпускаемой оберъ-священникомъ для содержанія дѣтей армейскаго духовенства, кончилъ въ ней ученіе съ званіемъ студента и поступилъ священникомъ

въ полкъ. Черезъ два года службы въ полку братъ мой былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ за то, что во время сраженія при Кулевчи, когда одно укрѣпленіе упорно не сдавалось, онъ, по приказанію корпуснаго генерала князя Щербатова, верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ рукахъ, сказавъ солдатамъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, впереди полка, бросился подъ пушечными выстрѣлами къ означенному укрѣпленію, которое взято было приступомъ. Впослѣдствіи братъ мой Николай служилъ въ разныхъ гвардейскихъ полкахъ и за службу свою получилъ ордена св. Анны II-й степени съ короной и Владиміра III-ей степени.

Инспекторъ, игуменъ Филадельфъ, былъ кандидатъ перваго выпуска Петербургской духовной академіи. Кромѣ своей должности по семинаріи, онъ исполнялъ еще и должность смотрителя находившагося при ней духовнаго училища. Будучи притомъ настоятелемъ Козелецкаго монастыря, онъ жилъ хорошо и былъ вообще гостепріименъ. Филадельфъ доставилъ мнѣ и Охотину удовольствіе, пригласивъ совершить съ нимъ въ монастырскомъ спокойномъ экипажѣ, безъ всякой отъ насъ платы, путешествіе въ Кіевъ, который намъ очень желательно было видѣть. Когда мы проѣхали Броварской лѣсъ, намъ вдругъ открылся весь Кіевъ. Дивный видъ! Предъ нами широкій, быстроводный Днѣпръ. За нимъ на высокихъ горахъ возвышаются въ разныхъ мѣстахъ древніе Кіевскіе храмы; золотыя главы Лавры, Софійскаго собора и Михайловскаго монастыря, какъ горящіе свѣчи въ воздушномъ пространствѣ, блестятъ и сверкаютъ, отражая лучи солнца; далѣе, вправо на отдѣльномъ обрывѣ виднѣется съ серебристыми своими верхами стройная церковь Андрея Первозваннаго. Внизу обрыва въ туманѣ зрится будто эскадра стоящихъ вдоль Днѣпра кораблей съ мачтами — это Подолъ съ его многочисленными церквами. Вдали отъ города видна еще высокая гора, гдѣ былъ нѣкогда Вышгородъ, городъ св. Ольги, Бориса и Глѣба. Влѣво за городомъ въ концѣ горнаго ущелья притаился и смотрится въ Днѣпръ стародавній Выдубецкій монастырь; великанъ колокольня въ золотой шапкѣ, стоя на вершинѣ горы, высится къ небу, словно сторожитъ многовѣковой

Кіевъ и его далекую окрестность. Долго стояли мы, не отводя глазъ отъ этой картины, потомъ въ Никольской слободкѣ сѣли въ лодку и по Днѣпру приплыли къ Подолу; съ берега мы отправились прямо въ Братскій монастырь и явились къ ректору академіи архимандриту Мелетію. Обнявъ Филадельфа и благословивъ меня и Охотина, онъ всѣхъ насъ пригласилъ квартировать въ его домѣ во все время пребыванія нашего въ Кіевѣ, но мы пользовались этимъ пріютомъ только ночью, а днемъ все осматривали городъ. Великолѣпный съ виду Кіевъ показался намъ внутри его не лучше Чернигова, исключая главнѣйшихъ храмовъ и Подола; мостовой въ немъ тогда не было, только Александровская гора вымощена была поперечными бревнами; нынѣшній Крещатикъ былъ ни что иное, какъ изрытый ровъ, по которому ночью опасно было проѣзжать; между Софіевскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ находились бѣдныя домишки, похожія на хижины. Софійскій соборъ былъ въ какомъ то запущеніи. Благоустройствомъ своимъ Кіевъ обязанъ Императору Николаю, который почти ежегодно пріѣзжалъ осматривать воздвигаемую тогда крѣпость; при немъ построены: университетъ, кадетскій корпусъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ сдѣланъ удобный съ горы къ Днѣпру спускъ, построенъ великолѣпный цѣпной черезъ Днѣпръ мостъ, по которому съ тѣхъ поръ для всей Малороссіи открыто постоянное сообщеніе съ Кіевомъ; прежде же въ весеннее половодье экипажи и обозы по нѣсколько сутокъ должны были ожидать перевоза. Осматривая городъ, мы посѣщали въ немъ нашихъ знакомыхъ; прежде всего мы были у родственника Охотина Скворцова, котораго я видѣлъ еще будучи мальчикомъ на торжественномъ актѣ въ Петербургской духовной академіи, когда онъ передъ посѣтителями читалъ свое разсужденіе о тройственномъ составѣ человѣка. Онъ кончилъ курсъ первымъ магистромъ и посланъ былъ въ Кіевъ передъ открытіемъ тамъ академіи. Здѣсь онъ преподавалъ философію, былъ послѣ докторомъ богословія, законоучителемъ въ университетѣ, протоіереемъ въ Софіевскомъ соборѣ и награжденъ былъ митрою. Посѣтили мы и бывшаго нашего въ петербургской академіи бакалавра іеромонаха Смарагда, въ это время исправ-

лявшаго должность инспектора академіи. Мы его нашли въ какомъ то мрачномъ настроеніи духа; онъ совѣтовалъ намъ не поступать въ монахи, такъ какъ самъ былъ тогда въ опалѣ за то, что, ревизуя волынскую семинарію, неуважительно обращался съ мѣстнымъ архіереемъ, по жалобѣ котораго предписано было Кіевскому митрополиту наблюдать за Смарагдомъ и донести: можетъ ли онъ оставаться при академіи. Замѣчательно, что отставленный Смарагдомъ отъ должности эконома протоіерей Антоній Рафальскій былъ впослѣдствіи петербургскимъ митрополитомъ. Смарагдъ не только остался при академіи инспекторомъ, но былъ въ ней ректоромъ, потомъ ректоромъ же петербургской академіи. Онъ былъ въ ученомъ отношеніи человѣкомъ умнымъ, но имѣлъ какой-то угловатый характеръ, иногда дѣлалъ выходки неприличныя архіерейскому сану, за что и переводили его изъ одной епархіи въ другую. Много о немъ разсказываютъ странныхъ анекдотовъ; говорятъ, что онъ любилъ брать взятки и оставилъ значительный капиталъ; говорятъ также, что онъ собственноручно расправлялся съ провинившимися священниками; не смотря однакожъ на все это, духовенство Орловской епархіи сожалѣло о его выбытіи, потому что онъ послѣ своей расправы не удалялъ священниковъ отъ ихъ приходовъ, чтобы семейство ихъ не вводить въ нужду. Въ лицѣ Смарагда видѣнъ былъ типъ еврейскаго происхожденія, и онъ самъ говорилъ: дѣдъ мой былъ еврей, отецъ іерей, а я архіерей. Пробывъ въ Кіевѣ около недѣли, мы пустились въ обратный путь. На переправѣ черезъ Днѣпръ мы подверглись было великой опасности: мы переправлялись въ такъ называемомъ дубѣ, похожемъ на барку, въ которомъ помѣщались три повозки, нѣсколько лошадей и человѣкъ двадцать народу. Дубъ не подходилъ къ самому берегу, съ котораго нужно было сходить въ дубъ по доскамъ. Двѣ лошади брата Филадельфа, прибывшаго изъ Полтавы для свиданія съ нимъ, не привыкшія къ большой водѣ, долго упирались на берегу и только удары перевозчиковъ заставили вскочить ихъ въ дубъ.

Мы сначала подымались вверхъ по рѣкѣ, чтобы по теченію ея опуститься внизъ и плыть къ противоположному бе-

регу. Когда дубъ отплылъ довольно далеко отъ берега, одна изъ лошадей стала биться и задними ногами перескочила въ воду а передними повисла на борту судна, отстоявшемъ отъ воды не болѣе полъ-аршина; дубъ сталъ наклоняться на бокъ, но къ счастью перевозчикъ весломъ ударилъ по ногамъ лошадь и она свалилась въ воду и поплыла назадъ; послѣ этого мы благополучно доплыли до противоположнаго берега. Долго мы ожидали, пока другой дубъ доставилъ намъ оставшуюся лошадь. Плывшіе на немъ люди намъ сказывали, что полтавская лошадь учинила имъ такую-же продѣлку на самой срединѣ Днѣпра, отчего они были въ страшномъ испугѣ. Далѣе мы благополучно свершили нашъ путь. Въ Черниговъ мы прибыли къ началу ученія. Такимъ образомъ, благодаря Филадельфу, мы всѣ вакаціи провели весело и пріятно и мы же, легкомысленные, подтрунивали надъ нашимъ менторомъ, что онъ, бывши въ Кіевѣ, не былъ въ пещерахъ, бесѣдуя съ своимъ товарищемъ Мелетіемъ. Но не даромъ Филадельфъ былъ въ Кіевѣ, не даромъ долго бесѣдовалъ съ Мелетіемъ, который, какъ ректоръ академіи, былъ его начальникомъ по зависимости семинаріи отъ академіи и, какъ первенствующій членъ академическаго правленія, могъ ходатайствовать о повышеніи его въ службѣ, въ которой Филадельфъ отсталъ отъ своихъ сокурсниковъ, бывшихъ уже ректорами и архимандритами. И дѣйствительно, Филадельфъ вскорѣ былъ сдѣланъ архимандритомъ и ректоромъ семинаріи въ Кишиневѣ, гдѣ знакомъ былъ съ поэтомъ Пушкинымъ, находившимся тогда въ изгнаніи и пользовавшимся его гостепріимствомъ. На мѣсто Филадельфа инспекторомъ къ намъ присланъ былъ изъ Петербурга, окончившій академію съ шестымъ выпускомъ, Нилъ Исаковичъ. При отличныхъ способностяхъ своихъ, онъ отлично зналъ всѣ предметы академическаго ученія и въ семинаріи очень хорошо преподавалъ философію и инспекторскую должность исполнялъ съ достоинствомъ. Черезъ годъ по прибытіи своемъ онъ возведенъ былъ на степень магистра богословія, чего не удостоенъ ни одинъ студентъ шестаго курса при выпускѣ, по капризу тогдашнихъ членовъ коммиссіи духовныхъ училищъ, непріязненно относившихся къ новому об-

разованію. Вмѣстѣ съ дипломомъ онъ получилъ и магистерскій крестъ въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто терноваго вѣнца на перекрестіи приставленъ ликъ нерукотвореннаго образа. Ректоръ Іеронимъ, не могшій не сознавать достоинствъ Нила, въ интимныхъ разговорахъ своихъ съ учениками богословія позволялъ себѣ называть его латинскимъ именемъ Nil; но этотъ Nil еще при жизни Іеронима быстро сталъ подыматься по степенямъ духовной іерархіи. Черезъ два года инспекторства своего въ семинаріи, онъ переведенъ былъ на должность инспектора въ кіевскую академію, гдѣ и при ректорѣ знаменитомъ Инокентіи Борисовѣ имѣлъ свое значеніе. Впослѣдствіи Нилъ былъ архіепископомъ въ Иркутскѣ, гдѣ открылъ цѣлебный источникъ и на немъ построилъ монастырь; тамъ же онъ изучилъ Бурятскій языкъ, на который перевелъ нѣкоторыя священно-служебныя книги. Изъ Иркутска Нилъ переведенъ былъ въ Ярославль, гдѣ награжденъ былъ брилліантовымъ крестомъ на клобукъ. Передъ смертію онъ завѣщалъ московскому университету богатую свою коллекцію минераловъ, собранную имъ въ Сибири. Ни съ кѣмъ изъ инспекторовъ семинаріи я не былъ такъ друженъ какъ съ Ниломъ; почти до конца жизни его мы были въ пріятельской перепискѣ. Изъ Иркутска онъ присылалъ мнѣ въ подарокъ превосходный чай, за который я благодарилъ его французскими сахарными сушеными грушами изъ моего сада, которыми онъ, какъ писалъ мнѣ, угощалъ иркутскаго генералъ-губернатора. Живя близъ инспекторской квартиры, я часто посѣщалъ его, и онъ также часто бывалъ у меня. Случилось мнѣ дня три съ нимъ не видѣться; приходитъ ко мнѣ его келейникъ и говоритъ, что инспекторъ заперся въ своемъ кабинетѣ и третій день оттуда не выходитъ. Я поспѣшилъ въ квартиру Нила, долго стучался въ дверь его кабинета и кричалъ, что если онъ не отопретъ дверь, то я буду ее ломать; наконецъ онъ отозвался болѣзненнымъ голосомъ и, подошедши къ двери, отперъ ее; я увидѣлъ его съ раскраснѣвшимся лицомъ и едва стоящимъ на ногахъ.

Догадываясь, что онъ въ горячкѣ, я послалъ за докторомъ, а между тѣмъ приказалъ поставить самоваръ и долго поилъ

больнаго потогонными травами, пока не показался обильный потъ; перемѣнивъ ему бѣлье, мы уложили его въ постель; онъ крѣпко заснулъ и проспалъ всю ночь. На другой день болѣзнь его перешла въ лихорадку, отъ которой онъ скоро оправился. По выздоровленіи своемъ Нилъ говорилъ, что никогда не забудетъ моего къ нему участія. Въ то-же время онъ мнѣ говорилъ, что никогда такъ не чувствовалъ тяжести монашескаго положенія, какъ во время этой своей болѣзни. Нилъ разсказывалъ, что наканунѣ своего постриженія онъ пошелъ къ духовнику-схимнику на исповѣдь, и тотъ обозвалъ его діаволомъ за то, что онъ вошелъ въ келію, не прочитавъ передъ дверью положенной молитвы; затѣмъ, когда Нилъ сталъ креститься и вмѣстѣ кланяться, схимникъ вновь назвалъ его діаволомъ и сказалъ: и зачѣмъ ломаешь крестъ Христовъ? ты долженъ сначала положить на себя крестъ, а потомъ уже сдѣлать поклонъ.

Іеронимъ продолжалъ ректорствовать, съ нетерпѣніемъ ожидая себѣ производства въ архіереи; наконецъ, онъ былъ обрадованъ вызовомъ на чреду служенія въ Петербургъ. На время годоваго служенія на чредѣ Іеронима, начальство поручило эконому семинаріи протоіерею Огіевскому исполнять должность ректора, а мнѣ преподавать богословіе. Ректорскую должность Огіевскій исполнялъ, какъ человѣкъ опытный въ семинарскомъ управленіи; при немъ въ семинаріи дѣла шли должнымъ порядкомъ, но случилось въ ней неожиданное, непріятное происшествіе. Въ то время прибылъ въ семинарію новый инспекторъ. Мы ожидали, что на эту должность пришлютъ къ намъ монаха, а между тѣмъ явился во фракѣ Василій Рклицкій, учившійся прежде въ черниговской семинаріи. Бывшіе соученики его говорили, что онъ учился посредственно, оказывая успѣхи только въ русской словесности; что при окончаніи курса на ревизорскомъ экзаменѣ онъ написалъ русское сочиненіе лучше всѣхъ своихъ соучениковъ, и потому ревизоръ поставилъ его первымъ въ спискѣ и назначилъ въ академію; что Рклицкій самъ, сознавая свою неподготовленность къ академіи, просилъ семинарское начальство туда его не посылать, но оно не могло уважить его просьбы; что въ академіи онъ умѣлъ хорошо прислужиться

къ профессорамъ и при окончаніи курса получить степень старшаго кандидата и назначеніе учителемъ въ харьковскую семинарію. Отецъ его, бывшій по образованію соученикомъ придворнаго духовника, просилъ сего послѣдняго доставить его сыну инспекторское мѣсто въ черниговской семинаріи. Рклицкій въ должности инспектора обязанъ былъ преподавать философію на латинскомъ языкѣ, котораго онъ не зналъ. Неизвѣстно, какъ онъ читалъ философскія лекціи, но извѣстно было, что латинскихъ ученическихъ сочиненій онъ самъ не исправлялъ, что будто-бы нѣкоторыя изъ нихъ поправлялъ меньшій братъ его, бывшій ученикомъ въ философскомъ классѣ. По этой ли причинѣ, или по какому нибудь другому побужденію, въ классѣ на философской лекціи ученики освистали Рклицкаго. Оскорбленный такимъ дерзкимъ поступкомъ учениковъ, Рклицкій подалъ формальный о томъ рапортъ въ семинарское правленіе. Мы не знали, какъ рѣшить это важное, небывалое въ семинаріи дѣло. Огіевскій сказалъ, что въ прежнее время зачинщиковъ наказали бы розгами, но какъ въ настоящее время ученики философіи такому наказанію не подвергаются, то онъ доложитъ объ этомъ дѣлѣ архіерею на его рѣшеніе. Лаврентій рѣшилъ, что жаль исключать изъ семинаріи всѣхъ виновниковъ такого поступка, изъ которыхъ нѣкоторые отличались своими успѣхами въ наукахъ, и что лучше подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію, если они только сами на то согласятся. Ученики согласились и приняли наказаніе; впослѣдствіи они были даже довольны, что имъ такъ дешево обошлась ихъ дерзкая выходка. Затѣмъ дѣла въ семинаріи пошли своимъ порядкомъ. Инспекторскую должность Рклицкій исполнялъ очень хорошо. Черезъ годъ Іеронимъ возвратился въ Черниговъ и вступилъ въ должность ректора; но онъ возвращенъ былъ только для того, чтобы сдать семинарію, послѣ чего отправился въ городъ Свіяжскъ на должность настоятеля тамошняго монастыря. По отъѣздѣ его Огіевскій и я продолжали исполнять возложенныя на насъ должности еще четыре мѣсяца, пока не прибылъ въ Черниговъ, переведенный изъ Харькова ректоръ архимандритъ

Афанасій, магистръ, товарищъ Нила по шестому выпуску петербургской академіи, а потому и мнѣ знакомый.

XV.

Ректоръ семинаріи Афанасій—Агапитъ и Іустинъ.

Афанасій во все время управленія черниговской семинаріей проявлялъ необыкновенную и весьма полезную для нея дѣятельность, какъ въ учебномъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Въ первые утренніе часы онъ обыкновенно читалъ богословскую лекцію, послѣ которой приходилъ въ семинарское правленіе, гдѣ занимался текущими дѣлами, послѣ чего спѣшилъ въ классы семинаріи и, какъ отличный знатокъ всѣхъ предметовъ, въ ней преподаваемыхъ, не исключая и математики, посѣщалъ лекціи, вникалъ въ ихъ преподаваніе, задавалъ вопросы ученикамъ и, замѣтя малоуспѣшныхъ, побуждалъ ихъ лучше заниматься предметами. Онъ пріѣзжалъ въ семинарію въ послѣобѣденное время, не только въ будни, но иногда и въ праздникъ, въ неопредѣленное время, когда ему вздумается. Случалось, что онъ являлся въ семинарію и ночью, приходилъ въ бурсу и, если находилъ учениковъ занимающимися, садился съ ними и толковалъ имъ о предметахъ ихъ занятій. Если случалось, что онъ нѣсколько дней не пріѣзжалъ въ семинарію въ послѣобѣденные часы, то это значило, что онъ въ это время получилъ съ почты выписываемыя изъ заграницы на разныхъ языкахъ книги, на выписку которыхъ онъ издерживалъ почти все свое жалованіе. Въ такіе дни Афанасій, прочитавъ свою лекцію, уѣзжалъ къ себѣ въ свой Елецкій монастырь и тамъ днемъ и ночью перечитывалъ присланныя книги. Послѣ такихъ домашнихъ своихъ чтеній онъ опять по прежнему являлся въ семинарію послѣ обѣда.

Афанасій обращалъ свое особенное вниманіе на сочиненія учениковъ и потому побуждалъ преподавателей философіи и словесности чаще съ ними заниматься сочиненіями и исправлять письменныя ихъ работы какъ можно тщательнѣе, а по исправ-

леніи представлять ему на просмотръ. Въ этомъ случаѣ онъ особенно насѣдалъ на инспектора Рклицкаго, не изъ личной къ нему непріязни, которой онъ ни къ кому изъ насъ не питалъ, но потому, что Рклицкій на его требованія отдѣлывался только обѣщаніями. Ревизоромъ въ это время у насъ былъ ректоръ кіевской академіи архимандритъ Смарагдъ. Афанасій держалъ себя предъ нимъ самостоятельно и съ самоувѣренностію. На богословскомъ экзаменѣ ученики въ отвѣтахъ своихъ съ точностію передавали преподанныя имъ лекціи. Когда Смарагдъ дѣлалъ возраженія, Афанасій съ такою силою опровергалъ ихъ и съ такою убѣдительностью доказывалъ истинность своихъ лекцій, основываясь на свидѣтельствѣ древнихъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ богослововъ, что Смарагдъ совершенно съ нимъ соглашался и во всеуслышаніе при насъ и при ученикахъ сказалъ: „вашъ ректоръ обладаетъ обширною ученостью". Безпрестанно слѣдя за успѣхами семинаристовъ, Афанасій постоянно обращалъ вниманіе на ихъ поведеніе и для исправленія ихъ употреблялъ иногда крутыя мѣры. Такъ, напримѣръ, ученика философіи Илью Тимошевскаго, многократно подвергавшагося обыкновеннымъ взысканіямъ и не подававшаго надежды на исправленіе, онъ приказалъ запереть въ особую при больницѣ комнату, не давать ему ни книгъ, ни бумаги, ни чернилъ, никого къ нему не пускать и подавать ему только хлѣбъ да воду, не говоря съ нимъ ни слова. День просидѣлъ такъ Тимошевскій въ затворѣ и на другой день со слезами умолялъ служителя доложить ректору, что желаетъ его видѣть. Отвѣта не было. На третій день служитель приходитъ въ мою квартиру, гдѣ тогда находился Афанасій, и говоритъ, что Тимошевскій рыдаетъ и говоритъ, что болѣе не можетъ выдержать своего заключенія. Тогда только Афанасій приказываетъ привести къ себѣ заключеннаго. Явившись въ комнату, Тимошевскій падаетъ на колѣни и, проливая слезы, говоритъ: „прикажите меня высѣчь розгами, но болѣе такъ не мучьте". Афанасій, сдѣлавъ ему самыя сильныя внушенія, сказалъ что это для него было послѣднее наказаніе, и что если онъ исправится, то будетъ исключенъ изъ семинаріи. Тимошевскій исправился и кончилъ курсъ. Въ домашнемъ своемъ быту Афа-

насій жилъ просто, не заботясь ни о квартирной обстановкѣ, ни объ одеждѣ, ни о пищѣ, довольствуясь тѣмъ, что ему подавалъ монастырскій поваръ; иногда захлопотавшись по семинаріи, онъ забывалъ объ обѣдѣ и довольствовался однимъ чаемъ. Въ гостяхъ у городскихъ жителей онъ почти не бывалъ; при постороннихъ людяхъ былъ молчаливъ, скучая по семинаріи, куда его всегда тянуло. Въ обращеніи со всѣми онъ былъ на словахъ простъ и прямъ, никогда не хитрилъ и хитрыхъ не любилъ. Въ обращеніи съ учениками всегда былъ серьезенъ, но входилъ въ ихъ нужды и чѣмъ могъ помогалъ имъ.

Ученики его боялись, но вмѣстѣ и любили, сознавая его благонамѣренность. Это свое сознаніе и любовь они вполнѣ выразили тогда, когда Афанасій навсегда оставлялъ черниговскую семинарію. Передъ своимъ выѣздомъ изъ Чернигова онъ самъ отслужилъ напутственный молебенъ въ семинарской церкви, собралъ всѣхъ учениковъ въ залъ, гдѣ и мы всѣ присутствовали, и произнесъ сильную, прочувствованную прощальную рѣчь, которая всѣхъ насъ до слезъ тронула; плакалъ и самъ Афанасій. Когда онъ выѣзжалъ, его вся семинарія проводила за рѣку Десну; самъ онъ сидѣлъ въ бричкѣ, а на особой тройкѣ везена была его библіотека, составлявшая все его богатство.

Впослѣдствіи времени Афанасій былъ архіепископомъ въ Томскѣ, гдѣ всѣхъ удивлялъ своею неутомимою дѣятельностью по епархіи. Генералъ Зедлеръ разсказывалъ своему знакомому, что Афанасій изумлялъ его своею многостороннею ученостью, и что въ зимнее время, по глубокимъ сибирскимъ снѣгамъ, онъ объѣзжалъ свою обширную епархію въ экипажѣ, похожемъ на простой продолговатый ящикъ, запряженный собаками. Однажды собаки, чего-то испугавшись, понесли, и ящикъ опрокинулся на бокъ; такъ лежа въ опрокинутомъ ящикѣ онъ и доѣхалъ до слѣдующей станціи. Въ газетахъ писали, что когда онъ выѣзжалъ изъ Томска въ Казань, то духовенство, ученики и множество жителей провожали его съ великимъ сожалѣніемъ. Не знаю, сколько времени Афанасій пробылъ въ Казани, и какова была тамъ его дѣятельность, но, по словамъ писателя Андрея Муравьева, Афанасій въ Казани утратилъ всю свою энергію и

впалъ въ апатію. Было-ли это слѣдствіемъ прежняго чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ его силъ, или такая перемѣна произошла въ немъ, быть можетъ, отъ сильныхъ огорченій, которыя синодальные оберъ-прокуроры часто причиняли епархіальнымъ архіереямъ,—неизвѣстно.

По выбытіи Афанасія, долго не пріѣзжалъ къ намъ новый ректоръ и, когда пріѣхалъ, все болѣлъ, вслѣдствіе чего я долженъ былъ продолжать занятія по богословскому классу. Во время ректорства Агапита мы всѣ сожалѣли о выбытіи Афанасія, на котораго онъ далеко не походилъ ни по уму, ни по дѣятельности, ни по характеру. Къ счастью семинаріи, Агапитъ черезъ два года посланъ былъ архіереемъ въ Томскъ.

На мѣсто Агапита къ намъ переведенъ былъ ректоръ кіевской семинаріи архимандритъ Іустинъ, по курсу товарищъ Иннокентія Борисова, человѣкъ умный и добросердечный. При немъ окончилась моя 13-ти лѣтняя служба въ черниговской семинаріи.

XVI.

Моя женитьба. Поѣздки въ Новгородъ-Сѣверскъ. Умыселъ Лукашевича. Пріятель Ленковскаго Шитовъ. Сватанье и моя свадьба.

Вспомнивъ о бывшихъ при мнѣ начальникахъ черниговской семинаріи, я предполагалъ говорить о моей преподавательской въ ней дѣятельности; но здѣсь просится у меня на бумагу еще воспоминаніе о томъ, почему я, стремясь въ Петербургъ, остался въ Черниговѣ. А остался я въ немъ потому, что черезъ два года моей службы въ черниговской семинаріи я женился и женился тогда, когда уклонялся отъ женитьбы, чтобы тѣмъ не связать себя и не остаться въ Черниговѣ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

При свиданіи съ моею матерью на пути изъ Петербурга въ Черниговъ, въ августѣ 1823 года, я не предполагалъ пріѣзжать къ ней на Рождественскій праздникъ того года; но представился случай, дававшій мнѣ возможность покойно и безъ особенныхъ издержекъ проѣхать въ крытомъ, тепломъ экипажѣ, принадлежавшемъ помѣщику нашего села, находившемуся въ Чер-

ниговѣ, куда онъ выслалъ въ то время людей и лошадей забрать этотъ экипажъ и доставить въ Лисконоги. Мать моя просила меня пріѣхать къ ней въ этомъ экипажѣ, и я съ братомъ моимъ отправился въ Лисконоги. Здѣсь въ самый день моего пріѣзда родные мои объявили мнѣ, что Ленковскій присылалъ къ нимъ нарочнаго просить меня во время праздника посѣтить его, и они убѣждали меня исполнить его просьбу, интересуя меня тѣмъ, что я лучше познакомлюсь съ ихъ дочерью, которая можетъ быть моею невѣстою. Я отвѣчалъ имъ, что, вступивъ только что въ службу, я не долженъ, не могу и не хочу думать ни о о какихъ невѣстахъ. Черезъ нѣсколько дней я съ братомъ пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Ленковскіе приняли меня уже какъ знакомаго съ обычнымъ своимъ радушіемъ. Святочные вечера мы весело проводили въ ихъ гостепріимномъ домѣ. Дочь ихъ порядочно играла на гитарѣ (о фортепьянахъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ тогда еще не имѣли понятія) и пѣла малороссійскія пѣсни, которыя мнѣ очень понравились, да и сама пѣвица показалась мнѣ тогда лучшею, чѣмъ прежде. Но веселость наша скоро смѣнилась непріятностію для всѣхъ насъ. Когда я, ночуя у Ленковскаго, поутру оставался еще въ постели, мнѣ принесли письмо на мое имя, поднятое у воротъ ихъ дома. Это былъ пасквиль на все семейство Ленковскихъ. Пасквиль этотъ несомнѣнно былъ дѣломъ Лукашевича, который злобствовалъ на Ленковскихъ за отказъ ему въ рукѣ ихъ дочери. Всѣ были чрезвычайно огорчены этимъ подметнымъ письмомъ. Мнѣ жаль было дѣвицы, невинно страдавшей отъ преслѣдованія Лукашевича. Желая успокоить её и ея родителей, я говорилъ имъ, что на злоумышленіе его они должны отвѣчать однимъ презрѣніемъ, что этотъ пустой человѣкъ хотѣлъ и меня очернить въ ихъ глазахъ, когда во время перваго моего у нихъ пребыванія говорилъ, будто я погуливалъ съ нимъ въ Петербургѣ, и что тогда-же онъ былъ обличенъ въ безсовѣстной клеветѣ. Чтобы еще болѣе успокоить ихъ, я, съ позволенія родителей, съ дочерью ихъ катался въ тотъ-же день въ открытыхъ саняхъ, и мы норочно нѣсколько разъ проѣхали мимо квартиры Лукашевича, который смотрѣлъ на насъ и долженъ былъ уразумѣть, что злой

умыселъ его совсѣмъ не удался. Послѣ этого всѣ успокоились, и намъ по прежнему было весело. При прощаніи Ленковскіе просили меня не забывать ихъ и писать къ нимъ изъ Чернигова, что я искренно обѣщалъ имъ и исполнилъ. Между прочимъ Ленковскій рекомендовалъ мнѣ въ знакомство пріятеля своего черниговскаго, священника Шитова, говоря, что уже писалъ ему обо мнѣ. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Черниговъ, Шитовъ письмомъ своимъ просилъ меня къ нему на обѣдъ. Послѣ обѣда онъ, прогуливаясь со мной на городскомъ бульварѣ, спрашивалъ меня, не думаю-ли я свататься на дочери Ленковскаго, и, остановившись противъ одного порядочнаго дома, сказалъ мнѣ, что это другой собственный его домъ, назначенный имъ въ приданое своей дочери дѣвицѣ, и что онъ желалъ-бы имѣть меня своимъ зятемъ, если я того пожелаю. Каковъ пріятель Ленковскаго! Въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ Ленковскій извѣщалъ меня, что за дочь его сватается уѣздный лекарь и просилъ меня откровенно высказать мое мнѣніе о представляющейся дочери его партіи. Я отвѣчалъ ему, что по моему разумѣнію такую партію я нахожу довольно выгодною. Когда товарищъ мой Охотинъ говорилъ, что если я не женюсь на дочери Ленковскаго, то онъ на ней женится, я хладнокровно и откровенно ему отвѣчалъ, что охотно уступаю ему эту невѣсту, ибо я тогда все мечталъ о Петербургѣ. Съ наступленіемъ лѣтней вакаціи, я отправилъ брата моего къ матери, а самъ съ Охотинымъ и съ инспекторомъ семинаріи поѣхалъ въ Кіевъ. По возвращеніи нашемъ въ Черниговъ, братъ говорилъ мнѣ, что матушка была весьма недовольна моею отлучкою въ Кіевъ на все время вакаціи; что Ленковскіе выражали ему свое сердечное сожалѣніе о томъ, что я лѣтомъ не посѣтилъ ихъ; что сама дочь Ленковскихъ говорила ему объ отказѣ сватавшемуся на ней лекарю и что она не выйдетъ замужъ ни за кого, кромѣ меня. Я слушалъ этотъ разсказъ безъ особеннаго сочувствія. Въ Рождественскій праздникъ я долженъ былъ прибыть въ нашъ домъ, куда требовала меня моя мать. Когда я пріѣхалъ въ Лисконоги, она и всѣ мои родные начали меня убѣждать жениться на дочери Ленковскихъ. Въ отвѣтъ имъ я говорилъ, что полу-

чаемое мною по службѣ жалованье достаточно только для меня одного, а при женѣ оно будетъ весьма недостаточно. Родные, выхваляя все семейство Ленковскихъ, увѣряли меня, что они богаты и не пожалѣютъ приданаго. Въ заключеніе своего настойчиваго увѣщанія мать моя и родный братъ ея, священникъ Симеонъ Калиновскій сказали, что дѣло это теперь-же надо кончить такъ или иначе. Слѣдствіемъ этого консиліума было то, что я отправился къ Ленковскимъ съ своимъ дядей, который взялъ на себя роль свата.

Ленковскіе приняли насъ по прежнему весьма любезно. Когда дѣло дошло до сватовства, я молчалъ. Дядя мой, пересказавъ Ленковскому и женѣ его то, что я говорилъ о недостаточности моего жалованья для семейной жизни, спросилъ, какое приданое Ленковскій можетъ обѣщать за своею дочерью. Ленковскій отвѣчалъ, что онъ, какъ честный человѣкъ, не хочетъ обманывать ложными обѣщаніями, денегъ онъ не имѣетъ, да и имѣть ихъ не могъ по причинѣ своего небольшаго жалованья и извѣстной всѣмъ бѣдности соборнаго его прихода; но что для дочери своей, которая у него есть единственное дитя, онъ ничего не пожалѣетъ; что, наконецъ, если я въ послѣдствіи пожелаю занять въ Новгородъ-Сѣверскѣ должности соборнаго протоіерея, смотрителя духовнаго уѣзднаго училища и законоучителя гимназіи, то онъ готовъ мнѣ уступить всѣ эти мѣста, а самъ пойдетъ на другой приходъ. Вотъ все, сказалъ Ленковскій, что я могу обѣщать и дать. Послѣ этого мы всѣ въ смущеніи и нерѣшительности разошлись по своимъ мѣстамъ на ночлегъ. Долго я толковалъ съ дядей; онъ соглашался со мной, что безъ приданаго жениться мнѣ неудобно, что еще могутъ найтись другія невѣсты, за которыми я получу нужное обезпеченіе. Послѣ такихъ толковъ я много думалъ самъ съ собой. Затѣмъ, принявъ въ соображеніе, что мнѣ не представляется вѣрныхъ шансовъ для перевода въ Петербургъ, къ которому и стремленіе мое къ тому же начало уже охладѣвать, что жениться мнѣ все-таки придется, а невѣсты, которая была-бы ко мнѣ такъ расположена, какъ дочь Ленковскихъ, я, можетъ быть, и не найду, что, наконецъ, я вступлю въ кругъ почтеннаго и добраго семейства, которое всегда благотворило ма-

тери моей и моему брату, и которое я самъ душевно полюбилъ, и, сообразивъ все это, я рѣшился, но рѣшенія моего не открылъ дядѣ. Поутру, когда лошади для нашего отъѣзда были готовы, я сталъ прощаться съ Ленковскимъ, и, когда онъ сталъ благословлять меня, я сказалъ: отецъ Протоіерей! благословите меня не какъ отъѣзжающаго гостя вашего, а какъ человѣка, который проситъ у васъ и супруги вашей руки вашей дочери, если дочь ваша охотно отдастъ мнѣ свою руку. Ленковскіе стали обнимать меня. Я пошелъ къ находившейся при этомъ въ другой комнатѣ дочери ихъ, Варварѣ Степановнѣ, просилъ ея руки и, получивъ ее, спросилъ: будетъ-ли она довольна тѣмъ положеніемъ, въ какое она вступаетъ, сдѣлавшись моей женой, при моемъ небогатомъ жалованьи, и не будетъ ли она раскаяваться, когда увидитъ себя въ бѣдной обстановкѣ. Она отвердо объявила, что готова раздѣлять судьбу мою, какова-бы она ни была, и что родители ея никогда не оставятъ насъ своимъ пособіемъ. Въ тотъ-же день я отправился въ Лисконоги испросить у матери моей благословенія. По возвращеніи моемъ, Ленковскій, для большаго скрѣпленія нашего согласія, формально совершилъ надо мной и дочерью его обрядъ обрученія, и я поѣхалъ въ Черниговъ уже женихомъ съ кольцомъ на рукѣ.

Съ наступленіемъ каникулъ я вмѣстѣ съ братомъ и товарищемъ моимъ Охотинымъ въ присланномъ Ленковскимъ экипажѣ прибылъ прямо въ домъ моей невѣсты, а 22-го Іюля, въ день Маріи Магдалины, я былъ съ нею обвѣнчанъ въ Соборной церкви дядею моимъ Симеономъ Калиновскимъ; Охотинъ былъ моимъ шаферомъ. Итакъ, исполнилась и послѣдняя часть сдѣланнаго мнѣ въ Петербургѣ предсказанія. Благодарю Господа Бога, что онъ такъ устроилъ судьбу мою: 30 лѣтъ я прожилъ съ женой моей въ мирѣ, любви и согласіи, имѣлъ отъ нея дѣтей, изъ которыхъ два сына, получивъ высшее образованіе, состояли на службѣ. Что касается до родителей ея, то скажу чистосердечно, что они любили меня, какъ роднаго своего сына, и помогали мнѣ съ женой моею всѣмъ, чѣмъ могли, даже и тогда, когда мы не нуждались въ ихъ помощи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ПОПОКЪ“.

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ.

I.

„Попкомъ“ прозвали его еще съ молоду, когда онъ еще былъ подросткомъ, и съ тѣхъ поръ никто иначе и не называлъ его, хотя ихъ семья называлась Самченки. Жили они бѣдно. Отецъ его, женившись, сейчасъ же отдѣлился отъ семьи; пошли дѣти, да на бѣду еще все дѣвки, кромѣ Хведька. Туговато ему приходилось кормить эту семью: еле-еле бывало сведетъ концы съ концами. Зимою зарабатывалъ на пристани при постройкѣ барокъ, а весною спускался съ этими же барками внизъ по Дону въ Ростовъ и все лѣто плавалъ по Дону вверхъ до Калача на пароходѣ и изъ Калача внизъ до Ростова на плотахъ. Но, что бывало заработаетъ за лѣто, все это проѣдалось за зиму. Съ надѣльныхъ 7-ми десятинъ плохой, выпаханной и мѣловатой земли, хлѣба у нихъ рѣдко хватало до филипповскихъ заговѣнъ, а затѣмъ приходилось его покупать; на это уходили заработки какъ барочныя самого отца, такъ и добытыя дочерьми на полкѣ свеклы и бакчей, равно и жалованье Хведька съ той поры, когда его наняли въ „погонычи“ къ богатому своему слобожанину.

Тогда то его, еще подростка, и *продразнили* Попкомъ.

Гналъ онъ воловъ на ночное пастбище. „*Улыця*“ гудѣла около воротъ „Кучерки“: слышались пѣсни и *реготъ*; въ вечернихъ сумеркахъ виднѣлась кучка молодежи. Хведько, одѣтый въ

длинную, по пятки, черкеску съ хозяйскаго плеча, остановился возлѣ угловой хаты стараго Гапона, желая посмотрѣть на подходившую по улицѣ молодежь. Впереди всей гурьбы шла Галька Джерегеливна съ обнявшимъ ее за шею Семено́мъ Скидапенкомъ. Замѣтивъ впереди себя фигуру Хведька въ длиннополой одежѣ, эта пара быстро разошлась.

— Цытьте! онде пипъ!—зашушукали Семенъ и Галька.

Голоса смолкли, и вся *челядь*, остепенившись, молча продолжала путь, обминая длиннополую фигуру. Но вотъ кто́ то разсмотрѣлъ Хведька и окликнулъ его. Ошибка выяснилась, всѣ обступили его...

— Пипъ! Пипъ стоить!

А це зовсимъ не пипъ, а попокъ—объяснялъ окликнувшій Хведька. Обступившіе его смѣялись, дергали за длинныя полы черкески, повторяя: „Попокъ! Попокъ!"

Сконфуженный Хведько, подбирая полы, поторопился за ушедшими впередъ волами. Его провожалъ веселый смѣхъ и навсегда прилипшая къ нему кличка „Попокъ".

Вѣчно въ работѣ и заботѣ, съ отроческаго возраста въ наймитахъ, Хведько былъ всегда какой то хмурый, неразговорчивый. Необщительный, всегда задумчивый, онъ какъ-то весь ушелъ въ себя. Его молчаливость и особая какая то серьезность рѣзко выдѣляли его посреди сельской молодежи. Парубки бывало соберутся гурьбою съ гармоніями, пѣснями и съ присвистомъ идутъ по селу, а Хведько, какъ бы нехотя, плетется за ними молча, безъ свисту и пѣсни. Его товарищи по службѣ (онъ парубкомъ попалъ въ экономію въ сроковые лѣтніе рабочіе) вечеромъ, покончивши работу, повечерявъ въ артели и устроивъ очередныхъ къ ночной пастьбѣ быковъ, сей-часъ же отправляются, бывало, къ ближайшему курепю, въ которомъ помѣщались полольщицы свеклы экономическихъ плантацій, и тамъ проводятъ почти на пролетъ короткую лѣтнюю ночь въ играхъ и пѣніи; а онъ никогда, сколько его ни звали, не шелъ съ ними, но или завалится спать на кошу, или за тѣхъ же товарищей всю ночь просторожитъ воловъ на пастьбѣ.

Изо всей этой возни, гаму, визгу, гульбищнаго шуму молодежи Хведьку нравилось только одно—пѣсни. Онѣ только и

привлекали его къ молодежи, обращали его вниманіе. Какъ въ ту ночь, когда его, заслушавшагося пѣсенъ, молодежь прозвала „*Попкомъ*", такъ и всегда онъ подкрадывался къ поющимъ и, стоя никѣмъ не замѣченный, упивался звуками пѣсни, мало вникая даже въ смыслъ словъ и не обращая вниманія на то, кто именно поетъ и что поетъ. Опершись на *кіекъ*[1]), онъ не разъ стоялъ и слушалъ доносящіеся до него отъ куреня голоса поющихъ и упивался этою далекою пѣснею.

Стройный и красивый, онъ терялъ много, благодаря отсутствію въ себѣ малѣйшаго желанія пофрантить, показать себя и свою удаль. 19-тилѣтній парубокъ, женихъ по мѣстнымъ обычаямъ, онъ не зналъ ни *юлыци* ни *досвитокъ*[2]), и молодежь даже какъ бы забыла про него. Товарищи привыкли, по пословицѣ „кто везетъ того и погоняютъ", сваливать на него всякое дѣло, дивчата, зная его безотвѣтность, при встрѣчѣ съ нимъ или дразнили его „Поповъ, Попокъ" или *копылылы*, что называется, передъ нимъ губу, не считая его въ числѣ возможныхъ ухаживателей и кавалеровъ. Замѣтивъ его высокую спокойно стоящую въ сторонѣ фигуру, дивчата начинали надъ нимъ подшучивать. Цытьте! цытьте лышень — онде пипъ стоить; или толкали по направленію къ нему одна другую, со смѣхомъ повторяя:—иды пидъ благословення! руку поцилуй! А онъ бывало только отворотится сконфуженный и отойдетъ подальше.

Особенно донимала его Мелашка Коткова. Она была его недалекая сосѣдка, „зъ одного" съ нимъ „кутка", и потому отъ нея трудно было ему даже спрятаться. Какъ только выткнется со двора, такъ ужъ тутъ и Мелашка съ ея бойкою походкою, веселымъ смѣхомъ и подтруниваніемъ. Да хоть бы сама, а то къ ея двору всегда сбѣгались ея подруги и хлопцы, и тутъ же вѣчно устраивалась *юлыця*. Хоть и носа не вытыкай за ворота. Одно хорошо—это то, что, не выходя со двора, можно было всласть наслушаться пѣнія. И это удовольствіе давалось ему въ рѣдкія минуты побывки дома.

---

[1]) „Кіекъ"—дубинка, длинная палка, которую берутъ съ собою пастухи.

[2]) *Юлиция* лѣтвія, *досвитки* зимнія сборища молодежи.

Къ зимѣ Хведько, отслуживъ срокъ въ экономіи, зажилъ дома. *Юлыця* перестала собираться около ихъ двора, и дивчата теперь сумерками сбѣгались на льду за огородами, гдѣ *ковзались*, а иногда и запѣвали одинъ, два куплета пѣсни. Вечера же проводили на *попрядкахъ*, куда Хведько не ходилъ.

Съ Николина дня онъ нанялся опять въ экономію; возилъ съ винокуреннаго завода барду, а съ токовъ —солому быкамъ. Прошли филипповки, насталъ мясоѣдъ, святки, свадьбы. Мимо Хведька, вѣчно занятаго возкою соломы и барды, залѣпленнаго этою же бардою, прошло много *весильныхъ* поѣздовъ съ дружками и боярами, пронеслись тройки поѣзжанъ съ разукрашенными дугами и съ колокольчиками, а онъ все таки остался внѣ всего этого веселья слободы. На ихъ *кутку* слободы вся бывшая на возрастѣ молодежь переженилась. Остались только изъ ихъ поколѣнія онъ да Мелашка, и общее мнѣніе, высказывавшееся съ деревенскою простотою, безцеремонно, признавало Хведька и Мелашку женихомъ и невѣстою.

Но вотъ и на постъ заговѣли, снѣгъ сошелъ, ледъ на рѣкѣ растаялъ и сплылъ *крыгою;* сбѣжали рѣки Дономъ въ море, и къ Пасхѣ набрякли почки деревъ, зазеленѣли травы... винокурня стала, и Хведько опять попалъ въ число экономическихъ сроковыхъ рабочихъ *воловиковъ*, опять очутился въ степи, на вспаханной нивѣ за плугомъ.

„Гей, гей! Цобъ, цобе!“ разносилось по полю; щелкали кнуты, посвистывали погонычи, высоко въ синевѣ неба курлыкали журавли, и звенѣли трели жаворонка, заливались соловьи въ терновой балкѣ.. ...

II.

Прикащикъ *Оныстратовичъ*, пріѣзжавшій осмотрѣть пахоту въ субботу, приказалъ Хведьку къ *обидамъ* пригнать въ экономію три пары воловъ въ ярмахъ, чтобы забрать тамъ возы съ мѣшками сѣмянъ для посѣва и катки для укатыванія свекловицы.

Это было для Хведька кстати: можно будетъ понавѣдаться домой и переодѣть заношенное бѣлье. А потому онъ, какъ только пообсохла роса, прямо отъ водопоя погнался съ быками въ слободу.

Волы въ ярмахъ и налыгачахъ шли парами, подымая пыль по сухой дорогѣ; къ ярму послѣдней пары былъ привязанъ халатъ Хведька, который шелъ сзади, сбивая на ходу пушокъ съ отцвѣтшихъ головокъ горицвѣту батогомъ.

Слышно было, какъ въ слободѣ перезвонили на *Достойну*. Яркою зеленью виднѣлись всходы яровыхъ посѣвовъ, и густымъ волнующимся ковромъ стлалась уже заострившаяся рожь, черезъ которую полосою тянулась дорога. Вотъ уже показались вѣтряки на той сторонѣ рѣчки въ Бемовкѣ; вотъ уже видны зеленыя верхушки Андреевской балки, а далѣе и вся широкая долина Осередья, со всѣми слободами, церквами и заводами, близкими и далекими левадами и плесами, раскинулась подъ горою, уходя въ синѣющую даль на сѣверовостокъ.

Волы потянулись къ кустамъ и, неловко пригинаясь, хватали нѣжную траву на опушкѣ лѣска въ вершинѣ Андреевской балки; въ кустахъ чирикали птички; гдѣ-то внизу флейтою засвистѣла иволга, кукушка отозвалась въ вербахъ левадныхъ...

Бодро и радостно поспѣшавшему домой Хведьку чего то вдругъ взгрустнулось, и онъ, не мѣшая воламъ пощипывать траву, склонивъ голову, поплелся тихо по опушкѣ.

— А Поп... Хведько...!—вдругъ услыхалъ онъ, и передъ его задумавшейся особой предстала Мелашка, сіяющая новой *кумачной парой*[1]), во франтовски вывязанномъ платкѣ на головѣ, изъ подъ котораго на спину выпущена была толстая коса. *Лентари*[2]) и большой серебряный хрестъ съ разноцвѣтными камнями (разумѣется стеклянными) такъ и сіяли на ея тяжело дышащей груди: видно, она шибко шла на гору.

— Це ты у слободу?

— Аже бачъ...

---

[1]) „Пара"—юбка и кофта.

[2]) „Лентари"—янтари.

— А я оце бижу на Лыпивъ хуторъ до бакчевника за гришмы—какъ бы извиняясь за встрѣчу, сказала Мелашка...

— „Дивчатъ не стривавъ?...—почти уже совсѣмъ тихо спросила она его.

— Ни, не стривавъ.—И ему вдругъ стало страшно встрѣтить дивчатъ: у него съ этой встрѣчей соединялось опасеніе вѣчныхъ шуточекъ, этой клички „Попокъ", между тѣмъ какъ ему теперь пріятно стоять съ Мелашкой, сіяющей въ этомъ солнечномъ днѣ своею красою и яркостью платья. Никогда до сихъ поръ не приходилось ему видѣть ее такою красивою и тихою. Ему такъ покойно, хорошо съ нею. И онъ молча смотрѣлъ на нее, любовался.

Молчаніе становилось неловкимъ; бойкая всегда Мелашка почему-то была сконфужена этимъ упорнымъ взглядомъ его карихъ очей, замялась...

— Ну, бувай здоровъ! треба постыгать за дивчатами!.. прервала неловкость положенія Мелашка и тронулась въ путь.

— Будь здорова!—какъ эхо повторилъ Хведько, отстранился, давая дорогу дивчинѣ и поворачиваясь всѣмъ корпусомъ вслѣдъ за нею

— Выходь на юлыцю!—оправившись отъ замѣшательства и оглянувшись сказала Мелашка: Хведько, ничего не отвѣтивъ, смотрѣлъ въ слѣдъ уходящей и вскорѣ звонко запѣвшей дѣвушкѣ. Такъ онъ стоялъ, пока со стороны слободы не послышались голоса и смѣхъ цѣлой гурьбы дѣвокъ, поднявшихся на гору.

„Попокъ, Попокъ!"—весело зазвенѣли голоса дивчатъ: Цежъ твои волы у пшеныци... Бижы... Переймай!"—смѣялись онѣ, и Хведько кинулся за волами.

Встрѣча съ Мелашкой какъ бы подбодрила Хведька. Однообразіе вѣчной работы, заботъ о харчахъ и нуждахъ семьи вдругъ отошло на второй планъ, и его жизнь какъ бы заузорилась чѣмъ то новымъ, небывалымъ въ ней.

Забѣжавъ домой, онъ переодѣлъ рубаху и, что прежде рѣдко и по настоянію матери дѣлалъ, самъ надумался расчесать всклокоченные волосы. Наскоро пообѣдавъ, онъ побѣжалъ въ экономію, поглядѣвъ съ небывалою завистью во слѣдъ про-

ходившей по улицѣ компаніи парубковъ, разухабисто подпѣвавшихъ подъ гармонію. Смазывая возы, Хведько заботливо смазалъ квачемъ и свои заскорузлые чоботы, чего прежде онъ не дѣлалъ безъ чьего либо напоминанья. Мелашка нѣсколько разъ мимовольно припоминалась ему, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее видѣлъ при послѣдней встрѣчѣ.—Не та прежняя, надоѣдавшая ему не хуже другихъ, бойкая Мелашка, а застѣнчивая, съ оборвавшимся недовыкрикнутымъ словомъ „Поп...“ на губахъ.

Онъ зналъ, что всѣ его сверстники знаются съ дивчатами, видаются съ ними на юлыцѣ и зимою на досвиткахъ. Нѣсколько паръ онъ зналъ переженившихся даже, и самъ не отказывался отъ этого традиціоннаго пути сближенія съ дѣвушками. Напротивъ, этотъ способъ сближенія и для себя онъ считалъ необходимымъ, зналъ, что когда то и ему неминуемо прійдется быть однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ *юлыци* и *досвитокъ*, а послѣ и всей церемоніи свадебной. Зналъ онъ все это, но по сю пору за работой и заботой не пришлось ему еще приступать ко всему этому, а тѣмъ паче никогда не приходило ему въ голову представлять себя въ этихъ роляхъ, да еще и совмѣстно съ Мелашкой.

А тутъ вдругъ такъ ясно ему стало, что никто иной не можетъ быть ни его дивчиною, ни невѣстою, кромѣ Мелашки. Это сопоставленіе себя и Мелашки въ роляхъ парубка и дивки, жениха и невѣсты, было такъ неотразимо естественно, что Хведько только какъ бы припомнилъ обязательное для него, но неисполненное еще дѣло. Но только обязательность этого дѣла исходила теперь не извнѣ, какъ всякое другое, ведомое имъ по сю пору дѣло, а явилась какъ бы результатомъ какого то соглашенія личнаго со сложившимися обстоятельствами.

Все это, разумѣется, не такъ резюмируемое, но совершенно такъ въ общемъ смыслѣ сознаваемое, передумано было Хведькомъ въ этотъ день и не только не мѣшало ему дѣлать дѣло, но напротивъ какъ то подбодряло его.

Только послѣ *полудня* успѣлъ онъ навалить катки и мѣшки сѣмянъ на возы: не было ключника, занятаго чѣмъ то въ конторѣ.

По слободѣ подъ хатами то тамъ, то сямъ виднѣлись кучки бабъ и мужиковъ; хлопцы рѣзвились по уличной пыли, изъ садковъ доносилось пѣніе; около волости толкался народъ... Проѣхалъ онъ плотину, казенный мостъ, опустѣлую уже, но еще воняющую бардою, винокурню и сталъ подыматься на гору. Пришлось слѣзть съ воза и идя подгонять всѣ три пары. Опять онъ одинъ—и мысль его опять вернулась къ образу Мелашки, опять она стала въ его памяти въ такомъ видѣ, какою онъ видѣлъ ее сегодня утромъ, такою, какою онъ никогда еще не видалъ ея.

И вдругъ изъ-за опушки лѣса сразу послышались зычныя ноты пѣсни въ нѣсколько голосовъ, изъ хора коихъ отчетливо выдѣлялся голосъ Мелашки. На зеленомъ фонѣ листвы лѣса пестрымъ букетомъ вырисовалась группа дивчатъ въ яркихъ костюмахъ, не спѣша идущихъ на встрѣчу Хведьку.

Опять восклицанія—„Попокъ! Попокъ!"—и дивчата окружили его, безсознательно остановившаго быковъ. Такъ какъ собственно говоря, не было никакой причины этой остановки, то вышло что-то неловкое: одна изъ дивчатъ спросила, что и куда везетъ онъ, какъ будто это ей было и не видно, и Хведько тоже въ свою очередь спросилъ, не отъ бакчевника-ли онѣ идутъ. Кто то изъ дивчатъ пощупалъ мѣшокъ на возѣ, другія какъ диковинку разсматривали катки. Одна Мелашка стояла позади всѣхъ и, какъ бы досадуя на остановку, понукала дивчатъ идти домой.

— Та ну ходимъ, а то вже не рано! Тамъ вже мабудь збираються на бураки на Иржавець. Ходимте!—

— Посидаймо на возы, такъ Хведько и завезе насъ—отозвался кто то, и встрѣтившіеся разошлись. Хведько тронулъ быковъ, и дивчата стали спускаться съ горы, не продолжая пѣть, такъ какъ въ слободѣ заблаговѣстили къ вечернѣ.

III.

На другой день при работѣ Хведько слыхалъ разговоръ своихъ товарищей, провозившихся всю ночь напролетъ на току,

гдѣ былъ и курень для полольщицъ,—разговоръ о томъ, кто тамъ былъ изъ дивчатъ, но о Мелашкѣ не было помину, и потому онъ удивился, услыхавъ какъ будто Мелашкинъ голосъ въ хорѣ дивчатъ вечеромъ. Онъ нарочно подогнался съ волами—это была его очередь—на сколько можно поближе къ току; но знакомый голосъ болѣе не повторялся, хотя пѣсни не умолкали далеко за полночь.

Подъ эти пѣсни Хведько и заснулъ, и хотя спалъ онъ сидя, но когда проснулся, то уже совсѣмъ разсвѣло. Быки облеглись и, сопя, пережовывали жвачку. На току было совершенно тихо; недалеко попрыгивала спутанная лошадь объѣздчика. Надъ рѣкой стлался молочный туманъ....

Хведько отправился къ куреню, гдѣ, зачерпнувъ корцемъ воды, умылся и, обтершись рукавомъ сорочки, сталъ молиться на свѣтлѣющій востокъ.

Покончивъ короткую молитву, онъ повернулся, чтобы идти къ быкамъ, и какъ разъ уперся глазами въ стоявшую передъ нимъ Мелашку.

— Це ты рано!—первая заговорила она.

— Та я тутъ зъ воламы...

— Казавъ Мыкыта—я пытала. А въ недилю чомъ не прыходывъ сюды? Хлопци уси булы.—

— А хибажъ я знавъ, що й ты тутъ!—

— А я жъ тоби казала.

— Колы?—

А оттоди, якъ зустрилыся надъ балкою, якъ ты визъ каткн....

— Та я жъ ничого не чувъ...

— Отъ ще й не чувъ! Адже ты чувъ, що я казала дивчатамъ, що пора збираться на бурякы на Иржавець.

— У—гмъ! А я й байдуже.....

Мелашка ближе подошла къ Хведьку. Онъ стоялъ передъ нею безъ шапки, которая осталась на колесѣ водовозной тачки, гдѣ онъ умывался. Мокрые концы примоченнаго умываньемъ чуба прилипли къ загорѣлому лбу; его загорѣлая шея была еще темнѣе, оттѣняясь отъ бѣлаго еще не успѣвшаго запачкаться

ворота сорочки. Его молодое, безусое лицо дышало свѣжестью и силою, каріе глаза впились въ Мелашку, въ свою очередь уставившуюся очами въ него....

Обоимъ имъ стало какъ бы холодно, дрожь прошла по спинамъ—Мелашка оглянулась и шопотомъ, приближая лице свое поближе къ лицу Хведька, сказала...

— Приходь у вечери на тикъ сюды. Прійдешь?!... Протянула она и потрясла его за руку повыше локтя!

— Ну, ну... отвѣтилъ Хведько и, взявъ шапку и халатъ, пошелъ къ быкамъ, уже поднявшимся и разбредшимся по пастбищу.

Мелашка подошла къ дверямъ куреня, оглянулась на уходившаго Хведька, закинула за затылокъ обѣ руки и потянулась во весь ростъ, выпячивая высокую грудь.

— Ростешъ доню?!..—отозвалась изъ кучи тѣлъ въ куренѣ проснувшаяся солдатка Орышка. Мелашка не отвѣтила ничего, а упала между двухъ крайнихъ тѣлъ и моментально заснула. Она уже не слышала, какъ Орышка сама отвѣтила на ею же заданный вопросъ, обычнымъ поговорочнымъ отвѣтомъ: „Брешешь мамо, замужъ хочу:“ она всю ночь до того времени не спала—Хведька ожидала, который:

„ Тоди не прыйшовъ
„ Колы мисяцъ зійшовъ..
„ Тоди его прынесло,
„ Колы сонце зійшло...

IV.

Вечеръ. На току только что окончили вечерю—поѣли кулишъ; но никто еще не укладывался спать. Поле оглашалось боемъ перепеловъ, съ озера доносилось кваканье лягушекъ съ *дерчаньемъ* коростеля. Отъ угасающаго костра у воловиковъ дымъ стлался по кочкарнику, гдѣ паслись волы. Тамъ же, въ сторонѣ воловъ, послышалась игра сопилки.—Всѣ знали, что это играетъ одинъ изъ погонычей, подростокъ Гнатко Бульченко. На току дивчата и не думали укладываться спать. За рѣкой

на чьей то бакчѣ послышалось визгливое, нескладное пѣніе полольщицъ—„московокъ“.

— А цытьте лышень: онъ чуете, московкы *„пѣсни заиграли“*—отозвалась одна изъ дивчатъ.

— Та ни! То щось немазанымъ возомъ йіде. .

— Возомъ немазанымъ!.. Ось прыслухайтесь, це десь поросята кувикають... такъ смѣялись дивчата.

— А вы отъ що: якъ оце прыслухуваться та глузувать, такъ лучше сами заспивайте!—порѣшила одна изъ молодыць, окончившая молиться и укладывавшаяся около куреня.

Дивчата немного помялись, по вскорѣ кто то изъ нихъ какъ бы про себя *замугикалъ* вошедшую въ ту пору въ моду пѣсню.—

„Ой упавъ снижокъ, та на батькивъ садъ
„Побывъ дерево—красне яблочко...

Другія подхватили—и уже второй куплетъ

„Хылысь дерево, куды хылышся—
„Котысь яблочко, куды котышся.—

былъ подхваченъ почти всею компаніею, и пѣсня полилась высокими переливами съ обычнымъ вытягиваніемъ послѣдней высокой ноты.

Разъ начатое пѣніе не умолкало далеко за полночь, оглашая степь и эхомъ отбиваясь въ крутыхъ берегахъ Осереды. Одна пѣсня смѣнялась другою у дивчатъ, сидѣвшихъ тѣсною кучкою вбоку куреня.—

„Ой оце жъ будуть мои бояре!
„Я—жъ, я—жъ, я—жъ молодець,
„Тыхый переборець!
Я—жъ молодець! Я жъ молодець!

звучала веснянка монотонно, какъ вдругъ послѣднія слова повторились мужскими голосами, и къ кучкѣ дивчатъ подсѣли три парня, изъ коихъ одинъ повторилъ, обнимая двухъ дивчатъ, слова пѣсни „я—жъ молодець“.

Его съ хохотомъ оттолкнули, но онъ, *ничто-же сумняся*, опять сѣлъ въ кружокъ. Прерванная на минуту хохотомъ пѣсня послѣ упрека какой то дивчины—„якъ спивать, такъ спивать“, опять продолжалась.

Между пришедшими Хведька не было. Онъ и пошелъ было, но не могъ преодолѣть конфузливости и остановился неподалеку отъ куреня, невидный компаніи, припалъ къ землѣ и лежа слушалъ пѣніе.

Мелашка, ужъ не первый годъ знакомая съ обычаями молодежи, знала, что Хведько не можетъ такъ сразу явиться въ кружокъ дивчатъ, но почему то знала, что онъ тутъ гдѣ-то недалеко. Одинъ изъ присоединившихся къ компаніи парубковъ толкнулъ ее подъ бокъ и хотѣлъ было обнять, но она шлепнула его по спинѣ и отбѣжала въ сторону, присмотрѣлась въ степь и замѣтила припавшую къ землѣ фигуру, подошла ближе и тихо, чтобы не слышно было другимъ, спросила.

— „Це ты?...

— „Я—отвѣтилъ Хведько, приподымаясь съ земли.

Мелашка подошла къ нему и сѣла рядомъ.

— А я вже думала—не прыйдешъ.—

Онъ ничего не отвѣчалъ, а только поправился на мѣстѣ.

— Ходимъ туды до гурту—опять сказала Мелашка.

Ни, я туды не пійду—отвѣтилъ Хведько и, взявъ ее за руку, потянулъ къ себѣ.

— Ого якый дужый—дергая руку, сказала Мелашка, но, будучи потянута еще сильнѣе, упала и свалила Хведька. Онъ сильно стиснулъ ее руками и, сконфузившись, какъ бы оттолкнулъ отъ себя и опять сѣлъ.

— Ой це такъ и ребра поламаешь! Такъ не трѣба, а давай отъ-такъ сядемо до ладу! сказала она и примостилась около него вплотную, Оттакъ и сыды! прибавила она, прижимаясь къ нему и складывая его руки: оттакъ вумныкъ-разумнычокъ будешъ!—

— Хибажъ такъ гуляють на юлыци?—спросилъ Хведько, которому самому еще никогда не приходилось участвовать въ этихъ гульбищахъ.

— А тожъ якъ?! Такъ.—

— А я бачывъ не такъ. Онъ Семенъ зъ Галькою такъ обнимаются.

— Та тожъ Семенъ зъ Галькою, а то мы зъ тобою. Семенъ не ламае ребра ій.—

— А я хиба тоби поламавъ? Я не буду...

— То то—не буду, а ты оттакъ полегше обнимай—показала Мелашка, обнимая его и залоскотала.

Хведько чуть было не крикнулъ, но удержался, такъ какъ все время они говорили тихо, и, опять обхвативъ Мелашку, прижалъ къ себѣ. Она не сопротивлялась, и даже голову склонила ему на плечо, а когда Хведько сказалъ: „оттакъ обнимаются на юлыци“, то Мелашка, понизивъ голосъ до шопота, добавила: — А оттакъ цилуються! — и обнявши его за шею, впилась своими устами въ его уста.

Такъ обнявшись, они молча, въ какомъ то сладостномъ оцѣпенѣніи, долго сидѣли на одномъ мѣстѣ. Пѣсни смолкли; послышался смѣхъ и говоръ; опять зазвучала пѣсня: какая то пара обнявшись прошмыгнула въ темнотѣ мимо нихъ; послышалось ворчаніе проѣхавшаго объѣздчика, спутывавшаго неподалеку отъ нихъ лошадь; наконецъ и пѣніе ослабѣло, а они все еще сидѣли прижавшись другъ къ дружкѣ и молчали. Ихъ души были полны восторга и страсти. Мелашка, бывшая уже на *юлыци* и *досвиткахъ*, по сю пору еще не встрѣтила того, кого бы могла полюбить. Хведько впервые въ жизни былъ въ такомъ сближеніи съ женщиной и окончательно одурѣлъ отъ неиспытаннаго еще никогда прилива страсти. Уже забѣлѣло небо на востокѣ, отозвался перепелъ въ травѣ, соловей замолкъ; предразсвѣтная свѣжесть повѣяла, и влюбленной парѣ пришлось разстаться. Мелашка уходя сказала:—приходь въ вечери!—

V

Чуткая ко всему челядь сейчасъ же узнала, что Хведько съ Мелашкою *спарувалысь*, и во всемъ этомъ всѣ видѣли обыкновенное дѣло: всѣ поняли, почему она была все время съ утра въ особенно пѣвучемъ настроеніи, пока послѣ обѣда не свалилась спать въ куренѣ, какъ мертвая. Товарищи его, парубки-воловики, точно такъ-же понимали особенную его задумчивость, хотя и не въ обычной его суровости, съ оттѣнкомъ мечтательности.

Такъ какъ привезенныхъ катковъ не стало на всѣхъ воловъ, и пришлось раздѣлить супряги плуговъ, то приказчикъ Онистратовичъ съ обѣда велѣлъ Хведьку ѣхать на Гадючый хуторъ за катками, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно къ ночи поспѣть обратно.

Когда Хведько уже запрегъ воловъ и готовъ былъ тронуться въ путь, къ нему подошелъ одинъ изъ товарищей и, кинувъ въ возъ чѣмъ-то до половины набитый мѣшокъ, сказалъ:

— Оце завезы заразъ по дорози у слободи Жердеву (кабатчику) та у нёго визьмешъ пляшку горилки, такъ мы й выпьемъ могорычи за тебе, за те, що ты зъ намы ставъ ходыты до дивчатъ. Скажы, що я прыславъ, нехай тамъ и мишокъ!

Это былъ именно тотъ воловикъ парубокъ, который первый подсѣлъ вечеромъ къ поющимъ дивчатамъ со словами „я жъ молодець". Звали его Петро Цюпа. Онъ былъ верховодомъ первымъ по лѣтамъ, такъ какъ ему уже было 23 года, что въ селѣ означаетъ *перестарка.* Не женился онъ по сю пору потому, что гдѣ-то таскался года два на низахъ (въ землѣ войска Донского)—и вотъ только съ осени появился въ слободѣ, гдѣ и остался, нанявшись въ экономіи, по причинѣ невыдачи ему паспорта за неуплату числившейся на его семьѣ недоимки.

Неспавшій ночь Хведько, какъ только выѣхалъ отъ копа на дорогу, сейчасъ же, завалившись на возу, заснулъ мертвымъ сномъ. Не слыхалъ онъ, какъ проѣхалъ всю дорогу до слободы, не замѣтилъ, какъ старые волы сами сошли съ горы и, можетъ быть, проспалъ бы и слободу, но около моста проѣзжавшій ямщикъ стегнулъ его кнутомъ и тѣмъ разбудилъ. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что уже минулъ кабакъ Жердева, находившійся вправо отъ дороги подъ горою. Вспомнивъ порученіе, Хведько остановилъ воловъ, выдернулъ изъ ярма одну занозу, вслѣдствіе чего одинъ волъ распрегся и оба должны были стоять; схватилъ съ воза мѣшокъ и побѣжалъ въ кабакъ. Когда онъ подходилъ къ кабаку, его обогналъ экономическій кучеръ-наѣздникъ на дрожкахъ, запряженныхъ выѣзжавшимся рысистымъ жеребцомъ. Наѣздникъ Никитичъ, обгоняя, спросилъ его что-

то, чего онъ не разслышалъ за трескомъ дрожекъ, и, оглядываясь, побѣжалъ въ улицу.

Жердевъ посмотрѣлъ въ мѣшокъ, въ которомъ и Хведько только теперь увидѣлъ свекловичныя сѣмена, выслушалъ переданное ему Хведькомъ порученіе Петра и, спрятавъ присланное, сказалъ:

„Ну, чтожъ! заѣдешь—возьмешь!"

Такъ-же скоро побѣжалъ Хведько къ возу, запрегъ быка и тронулся далѣе къ мосту, а за мостомъ черезъ слободу опять въ поле на Гадючку. Вспомнилась ему Мелашка, его обѣщаніе опять прійдти къ куреню, и онъ весь предался сладостнымъ мечтамъ о предстоящемъ свиданіи.

Солнце уже садилось, когда онъ на обратномъ пути забѣжалъ къ Жердеву въ кабакъ и, взявъ бутылку водки, догналъ поднимавшихся на гору воловъ. На кошъ онъ поспѣлъ къ самой вечерѣ, за которой и была роспита привезенная имъ и переданная Петру водка. Петро объяснилъ, что это могорычъ вступной Хведька.

Послѣ вечери, когда послышалось изъ куреня пѣніе, Хведько, Петро и другіе опять потянули туда, и опять та же упоительная ночь, то же пѣніе, то же сидѣніе обнявшись и тѣ же поцѣлуи. Но теперь ужъ Хведько былъ посмѣлѣе, и между нимъ и Мелашкой шла уже рѣчь о томъ, какъ онъ ее будетъ послѣ Покрова сватать. Опять они разошлись уже на разсвѣтѣ.

На другой день всѣ пары воловъ были употреблены на укатываніе посѣяннаго на прошлой недѣлѣ проса и подсѣянной свеклы, въ отдаленныхъ одинъ отъ другаго клинахъ и далеко отъ плугарскаго коша, устроеннаго при низинѣ возлѣ водопоя. Петро и Хведько были на разныхъ клинахъ.

Къ „сниданью" воловики не сходились, а посылали на кошъ за хлѣбомъ. Вернувшійся съ коша погонычъ Илько разсказывалъ, что на кошу прикащикъ Онистратовичъ „за щось костывъ дида Чумака! Усе казавъ про бурякове симья та про кабакъ". Дѣдъ Чумакъ былъ старшимъ надъ воловиками, завѣдывалъ плугами и теперь оставался на кошу *„де що полагодыть"*

Хведько хотя и слыхалъ разсказъ Илька, но мало обратилъ на это вниманія; хотя было и насторожилъ уши при сопоставленіи словъ „бурякове симья и кабакъ“, но замечтался о Мелашкѣ и забылъ про все это.

Къ обѣду всѣхъ быковъ согнали на лужокъ къ кошу, гдѣ дидъ Чумакъ уже наварилъ каши. Не допуская до коша, къ Хведьку вышелъ навстрѣчу Петро и тихонько сказалъ.

— „Не прызнавайся!

— „У чому не прызнаваться?—спросилъ Хведько.

— Та про бурякове симья, що ты завизъ Жердеву. Хтось доказавъ. Кажы прямо, що ты не возывъ. Такъ и кажы, а то бида! Тамъ Оныстратовичъ до мене прысикався—такъ я жъ и не бувъ у слободи.....

Дидъ Чумакъ былъ мраченъ и не подымалъ очей изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей.

Усѣлись обѣдать молча, чинно. Пообѣдали, помолились, и только тогда дидъ Чумакъ приступилъ къ разспросу, при чемъ оказалось, что *„хтось доказавъ“*, что Хведько занесъ къ Жердеву въ кабакъ полмѣшка свекловичнаго сѣмени, что Онистратовичъ угрожалъ вычесть изъ его жалованья какъ стоимость сѣмянъ, такъ и за мѣшокъ, котораго не оказалось, что за это онъ и самъ задастъ вору. Хведько слушалъ все это и вспомнилъ, какъ его еще ребенка съ другими мальчуганами угрожали наказать за кражу яблокъ изъ саду дьячка „Грыгоровича“, какъ были уже и розги принесены, но почему-то ихъ помиловали. При мысли о наказаніи и розгахъ ему стало очень неловко, подумалъ онъ, какъ это выйдетъ скверно въ глазахъ Мелашки; но наткнувшись въ мысляхъ на нее, онъ опять предался мечтамъ о ней, о ея къ нему любви и ласкѣ и такъ съ этими мечтами и заснулъ, раскинувшись на припекѣ, мертвецкимъ сномъ. Долго не могли его разбудить, равно какъ и другихъ его товарищей, также завалившихся наверстывать безсонную ноченьку.

Къ вечеру воловики замѣтили, что на кошъ проѣхала тройка волостныхъ лошадей *„пошта зъ дзвоныкомъ“*, и въ тарантасѣ, кромѣ ямщика, сидѣло какое то сельское начальство.

Пригнавшіеся на кошъ воловики застали тамъ сельскаго сотскаго Чупрыну съ экономическимъ писаремъ Штуромъ. Хведько почуялъ что то неладное; опять ему живо вспомнилась исторія съ дьячковыми яблоками. Оказалось, что только его и ожидали. Сейчасъ же сотскій приказалъ ему собираться и ѣхать съ ними въ слободу.

Въ слободѣ „*пошта*“ подкатила прямо къ волостному правленію, гдѣ уже при зажженной лампѣ сидѣли за столомъ старшина и волостной писарь; присутствовалъ и староста, присѣвшій на краю окованнаго сундука. Передъ старшиною стоялъ кабатчикъ Жердевъ, что то развязно доказывая.

— А ось и самый выноватчикъ—сказалъ старшина, строго смотря на введеннаго въ комнату Хведька.—Ты що жъ оце встроивъ?

Сконфуженный Хведько ничего не отвѣчалъ, а только поникнулъ головою.

— Га! Що жъ ты ничого не кажешъ? Га! Розскажи, якъ ты симья буракове у кабакъ занисъ.—Що-жъ ты мовчышъ? Га!

— А що жъ мени казать? хмуро буркнулъ Хведько—я ничого не знаю...

— Не знаешъ? Отъ я тоби покажу „не знаю“—грозно произнесъ старшина и, поднявшись со стула, подошелъ къ оторопѣвшему Хведьку.

— Податей ниякъ зъ васъ не справышъ, а якъ на горилку, такъ вы хоть вкрадете, а добудете. Га!—и тутъ же съ размаху ударилъ его такъ, что онъ пошатнулся. Вслѣдъ за этимъ схватилъ одною рукою за чубъ, а другою взялъ палку и сталъ бить его по чемъ попало.

Хведько началъ было что-то говорить вродѣ „простить, помылуйте, дядечку!—но вдругъ выпрямился во весь ростъ и, желая отстранить впутавшагося въ его чубъ старшину, въ раздраженіи такъ толкнулъ его отъ себя, что онъ отлетѣлъ отъ него и чуть чуть было не ударился объ уголъ стола, но былъ поддержанъ писаремъ. Присутствовавшіе при этой сценѣ сотскій и староста кинулись было къ Хведьку, но вся его рослая, сильная фигура, отпрянувшая къ стѣнѣ, со всклокоченными во-

лосами и со сверкающимъ злобнымъ взглядомъ, была такъ страшна и изступленна, что они, не подошедши къ нему, остановились.

Оправившійся и сконфуженный такимъ неожиданнымъ отпоромъ, поправшимъ его начальническое достоинство, старшина только и могъ сказать:

— Возьмить его въ рештанську! Я тебе завдамъ, куды й воронъ костей не заносыть! Га! Такъ такъ то! Га! Возмить! що-жъ вы стоитè!—Но сотскіе и староста не трóгались, а изъ передней выглядывали только двѣ чумазыя физіономіи десятскихъ, мальчиковъ подростковъ, да протиснулся въ двери старикъ сторожъ одноглазый *дидъ Смалько.*

Этотъ послѣдній спокойно подошелъ къ Хведьку и, тронувъ его за локоть, сказалъ:

— Иды, чого-жъ ты стоишъ? Ажежъ кажуть тоби иды, такъ и иды!—

Отстранившійся было отъ прикосновенія Хведько, молча повиновался приказу дѣда и пошелъ за нимъ въ арестантскую, гдѣ дѣдъ и засунулъ его на задвижку.

Долго стоялъ онъ въ темной арестантской, не отходя отъ запертыхъ сзади его дверей въ какомъ то безчувственномъ состояніи, пока наконецъ не послышались за дверью голоса, и въ томъ числѣ голосъ старшины, приказывавшаго запереть замкомъ дверь арестантской.

— А завтра вы вже поранійше напышить бумагу; якъ прыйду, такъ заразъ прыкладу печать да й до мырового его,—закончилъ распоряженія старшина, послѣ чего голоса утихли; только слышно было, какъ топтался по комнатѣ и сѣнямъ дидъ Смалько. Оцѣпенѣніе прошло, но въ тоже время Хведькомъ овладѣло чувство страха и опасенія чего то ужаснаго. Онъ сѣлъ на полъ въ какую то мягкую пыль и тутъ же свалился и заснулъ тревожнымъ сномъ.

Не спалось дома въ эту ночь Мелашкѣ. Изъ хлопцевъ, пораженныхъ арестомъ Хведька, никто не пришелъ къ куреню, но тѣмъ не менѣе пололыцицы передавали одна другой новость о томъ, какъ „*хлопци попалысь у крадижци и какъ вхопылы Попка и теперъ его кудысь завдадуть*. Мелашка ушла за курень

и тамъ, припавъ къ землѣ, горько рыдала, пока на разсвѣтѣ уже сонъ не сомкнулъ ея заплаканныхъ очей.

VI.

Рано утромъ дидъ Смалько разбудилъ Хведька, выпустилъ его умыться и, сунувъ краюху хлѣба со словами—на, поснидай! Чи й вечерявъ ще?—опять заперъ двери на замокъ. Хведько поѣлъ и сидѣлъ въ раздумьи. Тоска, боязнь чего то страшнаго, невѣдомаго настолько овладѣли имъ, что онъ готовъ былъ плакать. Ему казалось, что вотъ явится мировой судья, велитъ забить его въ кандалы и сейчасъ же пошлетъ въ Сибирь. Съ особенною горечью на душѣ вспомнилъ онъ Мелашку. Ему такъ было жалко и больно, что онъ всякій разъ гналъ отъ себя мысль о ней, которая нѣтъ-нѣтъ да и приливала къ памяти. Въ арестантской было видно, хотя и не было никакого окна: свѣтъ пробивался сквозь щели стѣны и дверей.

Заблаговѣстили въ Церкви. (По селамъ причтъ иногда берется *править сорокоустъ*, и потому и въ будни идетъ богослуженіе). Хведько, выросшій, какъ въ пѣснѣ поется,—въ наймахъ въ неволи, мало былъ знакомъ съ набожностію. Изъ всего церковнаго обихода онъ только и зналъ названіе нѣкоторыхъ видовъ богослуженія—*обидня, заутреня, вечерня, водохрещи* да еще слыхалъ что то о *панихидкахъ, молебнѣ* и *окафистѣ*; но что это собственно такое, онъ не вѣдалъ и изъ молитвъ зналъ только „*Отче нашу*“. Такъ-же слабы были его понятія о вѣрѣ, о Богѣ, Сынѣ Божіемъ и святыхъ. Смѣшивая эти понятія въ одно что то высшее, всѣмъ распоряжающееся, онъ зналъ, что къ этому чему-то высшему всѣ обращаются съ моленіями, боятся Его. Онъ также Ему молился и также боялся и исполнялъ внушенные съ дѣтства обряды—постился, молился, крестился, когда было принято, говѣлъ великимъ постомъ, заговлялъ и разговлялся.

Благовѣстъ напомнилъ ему о Богѣ, который можетъ сдѣлать все, о чемъ Его попросятъ, можетъ вызволить его изъ бѣды и возвратить его къ той, такъ розово развернувшейся въ

послѣдніе дни, жизни. Подъ этимъ всѣмъ онъ разумѣлъ сближеніе съ Мелашкою, но гналъ опять отъ себя эту, по его понятіямъ, все-таки грѣховную мысль. Вспомнивъ все это, онъ сталъ молиться. Молился онъ какъ умѣлъ: крестился и повторялъ „*Господы помилуй мене*, вызволь мене Боже! мылосердный!" И эта простая, но искренняя молитва помогла ему: онъ заплакалъ, и слезы облегчили его печаль и тоску; на душѣ у него стало легче, явилась какая-то надежда на спасеніе отъ постигшей бѣды, надежда нерезюмированная и неопредѣленная но тѣмъ не менѣе облегчающая наличную скорбь.

Вскорѣ прибѣжала и мать его, узнавши отъ кого-то о постигшемъ сына несчастіи. Еще не дошла она къ волостному правленію, какъ уже слышно было ея причитываніе—*голосиння*.

— Ой лышечко жъ, ой нещасная та годыночка! Сыночку жъ ты мій, дытына моя!..

„*Тужыла*" и причитывала старая Самчиха, сжимая руки, ломая пальцы или присѣдая и ударяя себя по колѣнамъ. Дидъ Смалько, выметавшій соръ въ волости, только крякнулъ и насупился, вышедши на крыльцо. Увидавъ дида, Самчиха перестала „*тужить*", высморкалась въ подолъ юбки, поправила выбившіяся изъ-подъ очипка космы уже сѣдѣющихъ волосъ и остановилась около крыльца. Дидъ мрачно посмотрѣлъ на заплаканную бабу, жестомъ приказалъ ей идти въ сѣнцы и указалъ двери арестантской.

Самчиха подошла къ дверямъ всхлипывая, старалась подавить рвущійся изъ души вопль, такъ какъ она считала неприличнымъ вопить въ волости. Хведько самъ окликнулъ ее.

— Се вы мамо?—

— Я! Хтожъ якъ не я!—отвѣтила всхлипывая она: Що жъ оце ты, сыну, наробывъ? за що жъ оце цяя халепа? Хоть бы батько бувъ дома, а то колы винъ вернеться... Бидна жъ моя головонька...

Хведько счелъ нужнымъ ободрить мать и не умѣлъ. Онъ что то буркнулъ, но старуха ничего не разслышала и опять начала причитывать. Проснувшіеся десятники „*стойчикы*" участливо смотрѣли на нее изъ первой комнаты. Дидъ Смалько

съ напускною строгостію *загрымавъ* на нихъ, приказывая сбѣгать по воду. Переставшая хныкать Самчиха старалась проникнуть глазами въ щель дверей и наконецъ таки выслушала разсказъ Хведька о случившемся и сообразила, что главнымъ виновникомъ въ семъ дѣлѣ былъ Петро Цюпа, а еще большимъ кабатчикъ Жердевъ, а также и то, что такъ какъ украдены экономическія сѣмена, то и все дѣло въ рукахъ управляющаго экономіею. Поэтому она и рѣшилась сейчасъ же отправиться къ управляющему, или, какъ его всѣ хохлы въ той мѣстности называли, къ „Карло“.

Между тѣмъ въ волостное правленіе стало сходиться начальство: прежде всего пришелъ староста съ однимъ изъ сборщиковъ, послѣ явился сельскій писарекъ съ заспаными глазами и съ одутой послѣ безсонной ночи, проведенной гдѣ то на *юлыци*, физіономіей. Затѣмъ подошелъ почтосодержатель Толочекъ, вотъ уже нѣсколько дней добивающійся, что-бы ему отвели траву для лошадей. Староста, сборщикъ и почтарь толковали, не входя въ комнату. Послѣдній все толковалъ, что-бы ему отбили на Семенютиной балкѣ траву, а староста утверждалъ, что безъ общества онъ этого сдѣлать не можетъ, и какъ аргументъ ставилъ на видъ то обстоятельство, что если ему, почтарю, отвести траву такъ недалеко отъ слободы, то онъ тогда и пожарныхъ лошадей не будетъ держать при „*струментѣ пожарномъ*“, а ему старостѣ за это нужно быть въ отвѣтѣ „якъ, бувае, кто набижить“ (понимай изъ начальства).

Подошелъ еще кто-то изъ селянъ съ бумагою, завернутою въ грязный ситцевый платокъ, послушалъ пререканій почтаря со старостою и пошелъ къ писарю.

Вскорѣ подошелъ и волостой писарь, а затѣмъ и старшина, какъ и подобаетъ такому сановнику, неспѣшно, *зъ повагомъ*.

Подошедши къ крыльцу, онъ остановился и выслушалъ все тѣ же толки про траву въ Семенютиной балкѣ, и сейчасъ-же настойчивость почтаря охладилъ нотаціей.

— Ты отъ що Семеновычъ: про свое домагайся, а службы не забувай. У тебе й вчора не було коней побиля струменту и сёгодня ихъ нема. Смотры ты въ мене, а то мени недовго й

оштрапуваты тебе. Вчора ты одмовлявся тимъ, що у городъ йиздыли, та отъ ще зъ тіею халепою возылысь, а сёгодня по якій прычыни нема коней! Га!—

— „Та це, Васыль Прокоповычъ, такъ трапылось, що, прызнаться, дома сина ни стеблыны, такъ погналы попасты хоть трохы,—отвертывался почтарь, сразу заговорившій тономъ пониже.

Старшина пробурчалъ что-то въ родѣ „я ще й не те скажу" и пошелъ въ комнату волостнаго правленія, гдѣ писарь уже разсматривалъ какія то бумаги. Вошедши въ присутственную комнату, старшина перекрестилси на образъ, поставилъ за выступъ грубки палку (*ципокъ*) и со словами „здравствуйте, почивалы соби въ добримъ здоровьи"!—подалъ писарю руку и усѣлся за столъ.

— Ну! що! есть яки бомагы? Га?

— Та бумагъ тутъ сколько угодно; ихъ и не переберешь всѣхъ—отвѣтилъ писарь, разсматривая лежавшія передъ нимъ бумаги.

— Я знаю, що ихъ не переберешъ, та я пытаю про таки, що треба пидпысовать, а усихъ...

— Да тутъ такія, текущія... вотъ донесеніе въ уѣздную управу о сусликахъ, вотъ объ отсылкѣ 7 р. 69 коп. за пересылку того бродяги Гнатенка, а вотъ еще о страховкѣ... Да еще про эту покражу вчерашнюю... нужно актъ дознанія подписать и отослать Мировому... А вотъ и Василій Фирсовичъ! Пожалуйте! Пошлить за соцкимъ,—вѣдь онъ былъ при обыскѣ, да за понятыми! Подписывайте пока!...

Старшина взялъ бумагу и началъ читать. Онъ не особенно хорошо разбиралъ писанное и потому читалъ вполголоса, повторяя нѣкоторыя слова по два раза. Тѣмъ временемъ явившійся Василь Фирсовичъ Штура съ писаремъ крутили папироски.

Наконецъ старшина одолѣлъ актъ и, уложивъ передъ собою бумагу, взялъ перо и сталъ пріискивать мѣсто подписи. Писарь, не довѣряя грамотности его, указалъ пальцемъ...

— Вотъ тутъ прописано „волостной старшина", а вы пиштте только „вѣди Чапліевъ", да не ведите къ низу...

Старшина нацарапалъ В. Чапліовъ, при чемъ последнія буквы по обычаю понизилъ. Писарь принялъ бумагу, но увидѣвъ слогъ *овъ* улыбнулся и сказалъ:

— Вы пишите *есть* съ точками, оно и выйдетъ Чаплієвъ, а не Чапліовъ.

— Ну що-жъ и поправыть не бида! Сами и поправте...

Писарь подалъ еще двѣ, три бумаги для подписи, опять съ тѣмъ же указаніемъ мѣста, а самъ на бланкѣ бойкимъ почеркомъ сталъ строчить препроводительный рапортъ.

Затѣмъ актъ о кражѣ былъ подписанъ экономическимъ писаремъ, и вписаны были понятые, за которыхъ, кстати сказать, неявившихся, какъ за неграмотныхъ, равно какъ и за сотскаго, подписался сельскій писарь; затѣмъ приложена печать, сдѣланъ конвертъ—и все это, будучи записано въ разносную книгу, вмѣстѣ съ арестантомъ сдано на руки сотскому для препровожденія къ Мировому Судьѣ, живущему въ сосѣдней слободѣ.

Мрачно шелъ Хведько впереди нѣсколько съ умысломъ отстававшаго сотскаго Пылыпа Кардаша, украшеннаго *бляхой* и вооруженнаго *цыпкомъ*. Совѣстно было несчастному арестанту и *„очи зводыть"* при встрѣчѣ съ людьми. Ему казалось, что всѣ, даже и дальніе проѣзжіе, знаютъ его вину и знаютъ, что его *„завдадуть кудысь ажъ у Сибирь"*. Его такъ и подмывало дать стречка въ сторону и удрать отъ сотскаго; но та-же совѣстливость удерживала его отъ этого: „Ну какъ таки я буду бѣжать? всѣ міромъ будутъ за мною гнаться, будутъ кричать: „ловы, ловы его, переймай!... Какъ таки такъ?!"

Такъ и дошли они до двора Мироваго Судьи, который ихъ встрѣтилъ выѣзжая куда то на бѣговыхъ дрожкахъ. Сотскій и Хведько сняли шапки, а судья окликнулъ ихъ только вопросомъ:

— Что? арестанта? Веди въ камеру!... и, тронувъ натянутыми возжами рослую красивую, сѣрую въ яблокахъ кобылу, покатилъ прямо на гору въ поле.

Въ камерѣ сотскій подалъ пакетъ письмоводителю судьи и получилъ приказъ подождать.

Борисъ Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Во всей системѣ переводныхъ, окончательныхъ и публичныхъ экзаменовъ имѣлась въ виду одна цѣль: всѣхъ перевести изъ класса въ классъ; всѣхъ учениковъ 7-го класса снабдить аттестатами. Въ иномъ только классѣ, въ видѣ исключенія, оставлялся на второй и даже третій годъ какой-нибудь бѣднякъ русскій, православный, за неуспѣшность, въ главномъ предметѣ преподаванія—языкѣ польскомъ и въ польской литературѣ. Не говоря уже о продѣлкахъ съ билетами, ученику предоставлялось право: прежде чѣмъ станетъ отвѣчать на вопросъ билета, просмотрѣть по тетрадкѣ или книгѣ. Не готовя цѣлый годъ уроковъ, ученикъ съ хорошей памятью, прочитавши раза два по тетрадкѣ вышедшій ему билетъ, могъ отвѣтить безукоризненно. По математикѣ назначались только тѣ задачи, которыя были рѣшаемы въ теченіе года, да и то отвѣчали на нихъ по билетамъ съ предварительнымъ просмотромъ тетрадокъ. Ученики, квартировавшіе у учителей, знали впередъ, гдѣ отыскать билетикъ, на который они могли отвѣтить удовлетворительно. Бойкіе ученики, подходя къ экзаменаторамъ, держали между пальцевъ билетикъ. Запустивши руку въ тарелку съ билетиками, они подавали учителю тотъ билетикъ, который былъ у нихъ между пальцами. Случалось, что одинъ за другимъ ученикъ отвѣчалъ на одинъ и тотъ-же билетикъ. На это никто не обращалъ вниманія. Въ одинъ изъ классовъ я пришелъ къ концу испытанія. Когда ученики были отпущены, я сосчиталъ би-

[1]) См. Кіев. Стар. 1893 г., № 12.

летики въ тарелкѣ. Вмѣсто слѣдуемыхъ по программѣ 52 билетовъ оказалось 83 билета. Были тройные дубликаты. Инспекторъ, его помощникъ и учителя выразили удивленіе, какъ это могло произойти. Кто изъ учениковъ былъ такъ плохъ, что и при такихъ порядкахъ не могъ ничего путнаго отвѣтить экзаменаторамъ, того вывозили публичные экзамены.

Гимназическій капеланъ въ гимназическомъ костёлѣ служилъ обѣдню, на которой присутствовали ученики, учителя, родители учениковъ и вообще любители просвѣщенія, въ томъ числѣ богатые евреи и еврейки. По окончаніи мши капеланъ проходилъ по залу, окропляя публику святою водою. Затѣмъ учителя садились за особый, крытый зеленымъ сукномъ столъ, на которомъ лежали экзаменаціонные и переводные списки, аттестаты, наградныя книги и похвальные листы, а посрединѣ стояло распятіе. Инспекторъ громогласно читалъ списокъ приходящихъ изъ класса въ классъ, затѣмъ тѣхъ, которые оставлены на второй годъ. Потомъ обращался къ послѣднимъ съ вопросомъ, не пожелаютъ-ли они публично исправить полученныя ими на экзаменахъ отмѣтки. Конечно, всѣ желали исправить. Учителя предлагали заранѣе указанные имъ вопросы. Отвѣты слѣдовали блестящіе. Отмѣтки исправлялись, и всѣ эти ученики переходили въ высшій классъ. За назначеніе вопросовъ на публичный актъ ученики вносили учителямъ условленную плату. Награды и аттестаты собственноручно вручалъ ученикамъ епископъ; если же его не было, то мѣстный прелатъ и капеланъ. Затѣмъ инспекторъ съ каѳедры напутствовалъ окончившихъ гимназію краткою рѣчью, въ которой выражалась надежда, что они навсегда въ жизни сохранятъ тѣ убѣжденія, которыя воспитатели старались къ нимъ привить; что навсегда они останутся непоколебимо представителями своей религіи и вѣрными и полезными слугами своей родины.

Вступительные экзамены были столь же снисходительны и представляли собою настоящій хаосъ. Вокругъ экзаменующаго учителя толпились любопытные. Отвѣчающій ученикъ едва имѣлъ возможность сказать нѣсколько словъ. За него отвѣчалъ или гувернеръ, или посторонніе ученики. Каждый экзаменаторъ

былъ окруженъ такою толпою и въ залѣ слышался такой шумъ и гвалтъ, что слѣдить за экзаменомъ не было никакой возможности.

Послѣ публичнаго акта мой дѣлопроизводитель, явившись ко мнѣ съ докладомъ, объявилъ, что въ гимназіи случился небывалый казусъ. У одного ученика, окончившаго гимназію, украдено изъ чемодана два экземпляра его аттестата, но ему оставленъ еще одинъ. Ученикъ обратился къ инспектору съ просьбою о выдачѣ ему взамѣнъ украденныхъ двухъ новыхъ экземпляровъ аттестата. Инспекторъ безъ совѣта не берется рѣшить этотъ казусъ. До сихъ поръ принято выдавать каждому ученику аттестатъ въ трехъ экземплярахъ, а теперь приходится выдать въ пяти экземплярахъ. „Зачѣмъ-же выдаются аттестаты въ трехъ экземплярахъ?"—спросилъ я.—На случай потери двухъ, ученику останется третій—отвѣчалъ дѣлопроизводиль. „А если пропадетъ и третій?"—О, тогда много хлопотъ! Нужно три раза печатать объявленіе въ оффиціальной газетѣ о пропажѣ; нужно свидѣтельство изъ полиціи. Словомъ, много хлопотъ. Поэтому-то и выдаютъ аттестатъ въ трехъ экземплярахъ.—Можно себѣ представить, сколько лицъ, невоспитывавшихся въ гимназіи и пріобрѣтшихъ эти запасные аттестаты, пользуются въ Россіи служебными и пенсіонными правами. Конечно, всѣ эти порядки я постарался съ первой половины 1865/6 учебнаго года совсѣмъ упразднить. Кромѣ того, я приказалъ представлять себѣ списокъ, какіе учители и какимъ ученикамъ даютъ частные уроки. Сверхъ того, я воспретилъ учителямъ принимать на частные уроки послѣ Рождества, т. е. во второй половинѣ учебнаго года.

Коммиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ еще въ 1864 году были разосланы членомъ, завѣдующимъ дѣлами Учредительнаго Комитета, Я. Соловьевымъ Высочайшіе указы о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ съ тѣмъ, чтобы коммиссары, какъ лица ближе всѣхъ стоящія къ народу и имѣющія на него вліяніе, указы эти разослали въ гминныя управленія и лично постарались ихъ разъяснить народу; чтобы коммиссары позаботились о составленіи приговоровъ о новыхъ гминныхъ и сельскихъ училищахъ, отводя для нихъ земельные участки, и о препровожденіи этихъ приговоровъ вмѣстѣ съ пла-

нами земельныхъ участковъ Начальникамъ Учебныхъ Дирекцій на утвержденіе. Кромѣ того, предлагалось коммиссіямъ по всѣмъ училищнымъ дѣламъ входить въ сношеніе и соглашеніе съ Начальниками Дирекцій, и о своей дѣятельности по учрежденію и обезпеченію начальныхъ училищъ, а также по устраненію незаконныхъ учителей преставлять въ Учредительный Комитетъ срочныя вѣдомости. Объѣхавъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1865 г. всѣ гминныя управленія, я не только не нашелъ въ нихъ ни одного экземпляра Высоч. указа, но удостовѣрился на мѣстѣ лично, что ни гминные войты и писаря, а также и никто изъ народа еще не слышалъ о Высочайшемъ указѣ 1864 г. о начальныхъ училищахъ. Не только въ 1865 году, но и за все время управленія Сувалкской учебной дирекціею я не получилъ изъ Крестьянской Коммиссіи или отъ кого-нибудь изъ коммиссаровъ ни одного приговора объ учрежденіи училищъ; ни одного плана объ отведенномъ для училища участкѣ. Да такіе участки никогда и не отводились для училищъ. При учрежденіи по моему старанію училища, гмина или сельское общество само опредѣляло изъ своихъ пустопорожнихъ мѣстъ моргъ или полъ морга подъ училищный домъ и огородъ для учителя. Вслѣдствіе этого часто училище строилось за селеньемъ, гдѣ нибудь на пусткѣ или у самаго кладбища. Никакихъ никогда сношеній Коммиссія по крестьянскимъ дѣламъ съ учебною Дирекціею себѣ не позволяла. Впрочемъ секретарь коммиссіи, полякъ изъ сѣверо-западнаго края, акуратно ежемѣсячно являлся въ управленіе учебной Дирекціи и съ моего разрѣшенія получалъ цыфровыя данныя о числѣ вновь открытыхъ училищъ по уѣздамъ. Это безъ сомнѣнія необходимо было для срочныхъ вѣдомостей въ учредительный комитетъ; Коммиссары же этихъ свѣдѣній собрать и представить были не въ состояніи, такъ какъ за исключеніемъ весьма малаго времени, посвящаемаго своимъ прямымъ обязанностямъ, они проводили все остальное время въ своевольныхъ отлучкахъ въ Варшаву, Петербургъ и даже за границу, въ кутежахъ и въ карточной игрѣ. Хотя они и тѣснили помѣщиковъ и играли роль покровителей

народа, и даже въ Варшавѣ заподозрѣны были Намѣстникомъ и нѣмцами въ краснотѣ, тѣмъ не менѣе перепадало кое что на ихъ долю отъ помѣщиковъ. Нѣкоторые же помѣщики были даже весьма дружны съ коммиссарами. При открытіи мною училища въ Сувалкахъ для дѣтей православнаго исповѣданія на добровольныя пожертвованія, присутствовалъ предсѣдатель Коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ Князь Урусовъ и два, три коммиссара. На слѣдующій день я получилъ отъ Урусова увѣдомленіе, что всѣ члены Коммиссіи обязались ежемѣсячно жертвовать на поддержку Сувалкскаго православнаго училища по 10 руб. изъ своего жалованья. Въ первый и второй мѣсяцъ секретарь коммиссіи изъ своего жалованья прислалъ по 10 руб. сер. Затѣмъ ни копѣйки болѣе изъ Коммиссіи не поступало. Послѣ Урусовъ мнѣ объявилъ, что члены Коммиссіи, изъявивъ желаніе жертвовать, разсчитывали на благодарность высшаго начальства, но какъ я таковой не испросилъ имъ, то они отказались отъ пожертвованія. И хорошо, что я не испросилъ благодарности! Они все таки не дали-бы ни копѣйки, какъ мнѣ откровенно признался одинъ сильно подвыпившій Коммиссаръ, который всегда почти былъ подвыпивши и самъ именовалъ себя „генераломъ отъ мочемордіи“. Раздражить противъ себя Коммиссаровъ было всякому служащему опасно,— они всѣ въ царствѣ стояли другъ за друга, состояли въ связяхъ съ редакціями разныхъ газетъ, и могли кого угодно закидать грязью. Августовскій Коммиссаръ Д., братъ извѣстнаго богача, былъ приличнѣе другихъ. Онъ весь преданъ былъ игрѣ на скрипкѣ, на которой игралъ, какъ артистъ. Такъ какъ упомянутый раньше „генералъ отъ мочемордіи“ воспитывался въ университетѣ, и такъ какъ это служило рѣдкостью между Коммиссарами, то, не смотря на вѣчное пьянство и самодурство, онъ чаще другихъ получалъ награды. Онъ, кажется, уже былъ статскій совѣтникъ и имѣлъ на шеѣ Станислава и Анну съ короной ожидалъ Владиміра 3-й степени. Своей возлюбленной, крестьянской дѣвкѣ, отвелъ 30 морговъ отличной земли, а своему лакею 40 морговъ. А между тѣмъ подъ практическія занятія Вейверскимъ курсамъ не отводилъ земли въ теченіе трехъ

лѣтъ, не смотря на пожертвованія изъ Учредительнаго Комитета, а когда я послѣ личныхъ напрасныхъ просьбъ упросилъ Попечителя Округа настоять въ Учредительномъ комитетѣ на отводѣ предназначенной для курсовъ земли, то онъ отвелъ эту землю, чуть ли не въ двадцати кускахъ, по $^1/_2$—$^1/_4$ морга, разбросанныхъ на протяженіи 12 верстъ и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ крестьянскою землею, такъ что земля эта оказалась совершенно неудобною для практическихъ занятій на курсахъ. На заявленіе о непригодности земли, комиссаръ объяснилъ, что это не его вина, такъ какъ учебное вѣдомство не желало ждать размежеванія земель. Этого размежеванія никогда, кажется, нельзя было дождаться. За комиссара все дѣлалъ какой то его писаришка—полякъ. Онъ же самъ вѣчно сидѣлъ у того или другого помѣщика или ксендза; игралъ въ карты и пьянствовалъ Подозрѣвая, что объ ускореніи отвода для курсовъ земли я хлопоталъ, по жалобѣ инспектора курсовъ, онъ сталъ, съ помѣщикомъ П—скимъ, Вейверскимъ войтомъ и гминнымъ писаремъ, сочинять на инспектора всевозможныя кляузы; возмущалъ даже противъ него учениковъ и возстановилъ учителя. образцоваго училища. Благодаря этому, начались правильныя дрязги, дошедшія до доносовъ. Жерве поручилъ мнѣ разслѣдовать лично дѣло. За ложное сообщеніе и подкопъ противъ инспектора учитель образцоваго училища переведенъ мною въ Августовъ, а войтъ, тоже принявшій участіе въ этихъ дрязгхъ, получилъ отъ Жерве замѣчаніе. Такого исхода дѣла комиссаръ не ожидалъ и свою злобу излилъ на начальныя училища, лишивъ ихъ вовсе земельнаго надѣла и принявъ подъ свое покровительство всѣ незаконныя училища ксендзовъ. Я останавливалъ его въ его незаконныхъ дѣйствіяхъ сколько могъ, представлялъ его дѣйствія въ частной бесѣдѣ бывшему тогда предсѣдателемъ коммиссіи Константину Васильевичу Божовскому, но поднимать дѣло не рѣшался, опасаясь не найти поддержки въ сенаторѣ Өеодорѣ Өеодоровичѣ Витте, а также боясь вооружить всю коммиссію противъ начальныхъ училищъ, которымъ если они ни въ чемъ и не содѣйствовали, то по крайней мерѣ и не мѣшали.

Другой коммиссаръ въ пьянствѣ и дебоширствѣ превзошелъ еще и „генерала отъ мочемордіи". Онъ впрочемъ не долго былъ. Его куда-то перевели въ другую губернію за слѣдующій скандалъ. Нѣсколько дней къ ряду онъ пилъ и игралъ въ Августовѣ въ карты съ офицерами и наконецъ проигралъ все—и деньги, и часы, и ружье, и лягавую собаку, и даже шубу. Оба эти коммиссара пропивали и проигрывали въ карты въ пять разъ болѣе своего жалованія. Спрашивается, откуда они брали деньги? такъ какъ по формулярамъ они не имѣли ни движимаго, ни недвижимаго.

Коммиссаръ К—евъ, кажется изъ гвардейской кавалеріи, очень богатый человѣкъ, опредѣлился въ коммиссары, чтобы нахватать орденовъ и, если удастся, выйти въ вице-губернаторы. Онъ почти совсѣмъ не занимался своею должностью, а только какъ-то числился. Все время онъ проводилъ или въ Сувалкахъ, или въ Варшавѣ, или въ Петербургѣ, или за границей. Онъ въ кругу коммиссаровъ кутилъ,—но умѣренно.

Коммиссаръ Ш—скій и еще нѣсколько другихъ, которыхъ фамиліи я забылъ, присланы были временно въ Сувалкскую губернію, по удаленіи князя Урусова, для ускоренія запущенныхъ дѣлъ. Ш—скій игралъ роль недоступнаго аристократа и извѣстенъ мнѣ тѣмъ, что не только не отводилъ для училищъ участковъ, но еще отнялъ у Филипповскаго училища значительный участокъ земли, завѣщанный въ 1585 г. шведскою королевою Елисаветою на содержаніе этого училища. Этотъ участокъ изъ поколѣнія въ поколѣніе состоялъ въ арендѣ зажиточныхъ мѣщанъ Филипповскихъ, построившихъ на немъ домъ и службы. Аренда обезпечивала училище. Ш—скій, не сносясь съ дирекціею, утвердилъ этотъ участокъ за арендаторами, съ тѣмъ чтобы они единовременно внесли въ польскій банкъ исчисленную имъ выкупную сумму. Учредительный комитетъ утвердилъ это постановленіе коммиссара, и о своемъ утвержденіи увѣдомилъ такъ поздно дирекцію, что минулъ всякій срокъ для протеста. Процентовъ же изъ выкупной суммы оказалось недостаточно для содержанія училища. Коммиссаръ Б—вичъ любилъ тоже

кутить, и жена не уступала ему въ кутежѣ и карточной игрѣ. Онъ проживалъ всѣ свои доходы. Для своей квартиры онъ выписалъ мебели на нѣсколько тысячъ изъ Парижа; въ одной столовой мебель стоила 600 р.

Не одинъ Жерве утверждалъ, что циркуляры получаются и посылаются не съ тѣмъ, чтобы ихъ исполняли, а съ тѣмъ, чтобы всѣмъ вѣдомо было, что начальство не дремлетъ. Такъ-же смотрѣли на циркуляры и члены коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Учредительный комитетъ не скупился на циркуляры, между прочимъ и по училищному дѣлу; но всѣ они пріобщались къ дѣламъ,—и только. Вотъ одинъ изъ этихъ циркуляровъ. „Учредительный комитетъ въ Царствѣ Польскомъ. (Варшава $^{3}/_{15}$ марта 1865 года № 24). Въ коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ главный Директоръ Народнаго Просвѣщенія отъ 11 (23) Февраля текущаго года сообщилъ мнѣ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ начальниками Учебныхъ Дирекцій при исполненіи ихъ обязанностей по устройству начальныхъ училищъ и о происходящемъ отъ того замедленіи въ исполненіи Высочайшаго Указа о начальныхъ училищахъ. Къ затрудненіямъ этого рода Главный Директоръ относитъ слѣдующія: 1) Замѣчено, что въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ господствуетъ крайнее неустройство и совершенное непониманіе дѣла и смысла Высочайшаго Указа о начальныхъ училищахъ. Въ учителя для нихъ избраны люди полуграмотные, нетрезваго и сомнительнаго поведенія и терпимы сельскими обществами только потому, что они согласились служить имъ въ важномъ дѣлѣ образованія за ничтожную плату. Согласно статьѣ 38-й Указа о нач. училищахъ, имъ необходимо выдержать испытаніе и для этого нужно явиться къ начальнику учебной Дирекціи, чего однакожъ они не дѣлаютъ, и нельзя ожидать, чтобы безъ содѣйствія мѣстныхъ властей, это было ими исполнено. 2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при основаніи школы, въ оказаніи пособія этимъ школамъ натурою или деньгами допущено участіе такихъ лицъ, которыя пріобрѣтеннымъ черезъ то вліяніемъ или парализируютъ усилія Правительства, или стараются измѣнить направленіе умовъ, дѣйствуя

вредно на представителей власти гминныхъ общинъ, большею частью необразованныхъ и мало развитыхъ, или же вовсе безграмотныхъ. 3) Появились во многихъ мѣстахъ школы, не имѣющія никакого обезпеченія къ своему существованію съ учителями полуграмотными, которые переходятъ съ мѣста на мѣсто, обращая ученіе лишь въ средство къ своему дневному пропитанію и могутъ распространять въ крестьянскомъ обществѣ вредныя понятія. Сообщая о семъ коммиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, покорнѣйше прошу г.г. членовъ коммиссіи войти въ дѣло народнаго образованія со всевозможнымъ вниманіемъ и воспользоваться нравственнымъ вліяніемъ своимъ на крестьянскія общества дляустраненія, по возможности ,изъясненныхъ Главнымъ Директоромъ препятствій къ успѣшному осуществленію предначертаній Правительства по сему предмету. Сверхъ того, покорнѣйше прошу г.г. предсѣдателей коммиссій сообщить мнѣ въ свое время о результатѣ стараній членовъ коммиссій и, вообще, о состояніи училищъ въ подлежащихъ отдѣлахъ коммиссій, входя по сему предмету въ сношенія съ начальниками учебныхъ Дирекцій.

Членъ Завѣдывающій дѣлами Учредительнаго комитета (подписано) Я. Соловьевъ.

За Директора скрѣпилъ В. Бѣлозерскій. Вѣрно: Младшій дѣлопроизводитель Ив. Лукьяновъ. Вѣрно: за начальника секціи Томчицкій.

Ж—е въ глазахъ русскихъ потерялъ своими дѣйствіями всякій авторитетъ, а послѣ Высочайшаго выговора онъ упалъ и въ глазахъ поляковъ.

Ж—е чувствовалъ, что подъ нимъ нѣтъ почвы на посту сувалкскаго губернатора, а потому исхлопоталъ себѣ новое мѣсто, въ Мин. Народ. Просв. Когда онъ возвращался изъ Петерб., куда ѣздилъ съ цѣлью устройства себя на новомъ мѣстѣ, то, благодаря всякимъ прислужникамъ, ему искусственно была устроена торжественная встрѣча. Было разсчитано такъ,

чтобы Ж—е съ женой прибыли въ Гродно съ вечернимъ поѣздомъ. Имъ пришлось ѣхать по Сувалкской губерніи ночью. Начальникъ уѣзда, жандармскій офицеръ, офицеръ земской стражи, конная земская стража, и согнанные изъ окрестныхъ гминъ войты гминъ и народъ встрѣтили губернатора и губернаторшу по сю сторону Нѣмана въ Гродно съ хлѣбомъ и солью и громкимъ „ура"! Вдругъ по дорогѣ запылали костры и смоляныя бочки. Подъ командой офицера земской стражи, конная стража и панскіе гайдуки съ факелами въ рукахъ понеслись впереди губернаторской кареты. За нею ѣхали экипажи жандармскаго офицера и начальника уѣзда. Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ селеніи или посадѣ народъ стоялъ шпалерами съ факелами въ рукахъ и оралъ по требованію полиціи „ура"! Костры и смоляныя бочки все вспыхивали впереди. При проѣздѣ черезъ лѣсъ ожидала въ формѣ лѣсная стража, которая присоединилось къ земской стражѣ и скакала вокругъ экипажа, провожая чрезъ лѣсъ. На границѣ Сейнскаго уѣзда встрѣтилъ поѣздъ начальникъ уѣзда, съ своимъ офицеромъ и земскою стражей. На дорогѣ въ Сейнъ встрѣтилъ чету вице-губернаторъ Фрибесъ. Около почтовой станціи въ Сейнахъ ожидалъ бургомистръ съ толпою евреевъ, раввинъ и мѣстный пробощъ. Ксендзъ, раввинъ и бургомистръ говорили привѣтствія, а евреи орали „ура". На границѣ Сувалкскаго уѣзда ожидалъ уѣздный начальникъ Бѣльскій съ офицеромъ и земскою стражей. При въѣздѣ въ Сувалки ожидалъ полицеймейстеръ, и совѣтники Губернскаго Правленія. Весь этотъ ночной путь отъ Нѣмана до Сувалокъ пылалъ огнями и оглашался почти непрерывнымъ „ура"! Это была настоящая царская встрѣча. Но она возбудила болѣе ироническихъ замѣчаній, чѣмъ помогла Ж—е стать на ноги.

Сверхъ указанныхъ мною выше начальныхъ училищъ, въ городахъ существовали воскресно-ремесленныя училища. Изъ магистратовъ платилась городскому учителю особая плата, собираемая съ мастеровъ города за то, что онъ обязанъ былъ

два часа каждое воскресенье въ училищномъ помѣщеніи заниматься грамотой и ариѳметикой съ учениками всѣхъ безъ различія ремесленниковъ. Кто изъ ремесленниковъ не посылалъ учениковъ своихъ въ школу тотъ подвергался денежному штрафу Ученикъ, не явившійся безъ законной причины въ школу, подвергался въ магистратѣ взысканію, иногда и тѣлесному наказанію. Эти ремесленныя школы, распространяя грамотность, въ рукахъ чиновниковъ въ ожиданіи революціи сослужили ей службу. Ученики воскресно-ремесленныхъ школъ, все уже подростки и парни вмѣсто занятій грамотой выслушивали въ школѣ отъ учителя, ксендзовъ и чиновниковъ увѣщанія и внушенія идти въ лѣсъ и спасать порабощенную москалями отчизну. Банды преимущественно были наполнены этими учениками. Когда кончилась революція, усердіе бургомистровъ къ воскресно-ремесленнымъ школамъ охладѣло. Сборы съ ремесленниковъ пошли туго, а не посѣщеніе школы учениками бургомистры оставляли безъ вниманія. Городскіе учителя и своими городскими училищами сослужили службу полонизму. Всѣ подростки изъ этихъ школъ отправились въ банды. Городской учитель именовался профессоромъ. Въ своемъ потертомъ костюмѣ онъ являлся на вечера и обѣды и къ совѣтникамъ губернскаго правленія, и къ начальникамъ уѣздовъ, и къ бургомистрамъ. Съ нимъ всѣ обходились, какъ съ почетнымъ лицомъ. Это поднимало въ немъ духъ, льстило его самолюбію и дѣлало его усерднымь орудіемъ для достиженія революціонныхъ цѣлей. Я не давалъ ни въ чемъ ни малѣйшей потачки всѣмъ вообще моимъ подчиненнымъ, но старался всегда обходиться съ ними человѣчно и не оскорблять ихъ самолюбія и человѣческаго достоинства. Это ими было оцѣнено, и они въ большинствѣ пошли съ полною готовностью по указанному мною направленію. Но полиція и коммиссія страшно мнѣ вредили своимъ обращеніемъ съ сельскими, гминными и городскими учителями. Не только коммиссары, начальники уѣздовъ, офицеры земской стражи, но и простые стражники учителямъ не только тыкали, но при случаѣ, безъ всякой причины, награждали ихъ крѣпкими словами. Это роняло ихъ въ глазахъ гминнаго начальства и гминнаго общества и возбуж-

дало въ нихъ непріязненныя чувства къ москалямъ, безпричинно надъ ними глумящимся. Ксендзъ до революціи былъ тоже свой братъ съ учителемъ. Изъ костела учитель каждый праздникъ заходилъ къ ксендзу на завтракъ. Помѣщики тоже часто приглашали къ себѣ учителей, угощали ихъ и обходились съ ними любезно. Теперь и ксензъ, и помѣщикъ, и польскій чиновникъ, и гминный войтъ, и гминный писарь стали гнать учителей, сдѣлались ихъ врагами. Учителя въ ихъ глазахъ были хуже самыхъ москалей, преслѣдуя московскія цѣли. Это просто были измѣнники отчизны. Положеніе учителей сдѣлалось не выносимымъ и крайне плохо обезпеченнымъ. Начальнику дирекціи предстояла почти непосильная борьба—одному ограждать личность учителя и его семейства отъ оскорбленій, обидъ, и отстаивать ему кусокъ насущнаго хлѣба. Начальникъ дирекціи боролся на свой рискъ, не находя никакой поддержки въ главномъ директорѣ. Послѣдній не способенъ былъ ни къ какой борьбѣ, преслѣдуя исключительно свои личные интересы, почему и старался жить въ мирѣ со всѣми вѣдомствами. Онъ не терпѣлъ ни одного изъ своихъ русскихъ начальниковъ дирекцій, хотя большая часть изъ нихъ заняла свои мѣста по его личному приглашенію.

Закрытіе мною Сейнскаго епископскаго іезуитскаго училища; закрытіе училища сестеръ милосердія въ Вейверахъ; переходъ Смолянскаго училища Реформатовъ въ вѣдѣніе учебной Дирекціи; преслѣдованіе секретныхъ училищъ, а также секретныхъ странствующихъ учителей, новые порядки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и водвореніе повсемѣстно во всѣхъ училищахъ русскаго языка,—все это не могло нравиться епископу и католическому духовенству. Между тѣмъ епископъ продолжалъ быть со мною весьма любезнымъ, дѣлалъ мнѣ значительныя уступки и даже пытался сблизиться со мною. Это, конечно, не могло не обратить моего вниманія. Я старался разгадать цѣль этой миролюбивой политики графа Лубенскаго.

Ученики гимназіи и въ Сувалкахъ, и въ Маріамполѣ разучили подъ руководствомъ учителей пѣнія народный русскій гимнъ „Боже Царя храни!“ Я убѣдилъ ксендза, чтобы они въ Высокоторжественные дни, по окончаніи мши и Te Deum, пѣли этотъ гимнъ въ костелѣ. Я указывалъ ему на то, что пѣніе гимна послѣ богослуженія не противорѣчитъ обычаямъ католицизма; что допускалось духовенствомъ пѣніе революціонныхъ гимновъ въ костелахъ. Теперь, когда революція кончена, и поляки заявляютъ о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, пѣніе гимна обще-народнаго русскаго было бы весьма умѣстнымъ. Онъ просилъ, чтобы пѣніе ограничивалось гимназической каплицей, такъ какъ онъ боится менифестацій, особенно со стороны женщинъ въ большомъ костелѣ. Сверхъ того, онъ боится протеста и со стороны учениковъ и ихъ родителей. Ученики пѣли гимнъ въ гимназической каплицѣ и привыкли къ этому порядку. Вдругъ телеграмма, что въ Государя Императора стрѣляли въ Петербургѣ въ саду. Назначены благодарственныя молебствія за избавленіе Государя отъ опасности. Епископъ, свѣдавшій почему то раньше о выстрѣлѣ, чѣмъ губернаторъ, ночью прикатилъ изъ Сейнъ въ Сувалки, чтобы лично служить въ костелѣ молебствіе. Поляки были страшно напуганы этимъ выстрѣломъ. Они не сомнѣвались, что стрѣлялъ полякъ и ожидали новыхъ стѣсненій. Стрѣлялъ же, какъ оказалось впослѣдствіи, русскій нигилистъ, сынъ помѣщика, Каракозовъ. Я приказалъ повести учениковъ въ костелъ на епископское служеніе и распорядился, чтобы по окончаніи молебствія пропѣтъ былъ на русскомъ языкѣ русскій народный гимнъ. Во все пѣніе гимна, епископъ оставался у алтаря и горѣли свѣчи. Послѣ пѣнія на епископскомъ богослуженіи, я распорядился, чтобы въ высокоторжественные дни повсемѣстно въ костелахъ, гдѣ есть училища, ученики пѣли этотъ гимнъ по-русски. Ксендзы, видя, что со стороны епископа не послѣдовало протеста, покорились моему распоряженію. Однажды въ ноябрѣ, кажется, я проѣзжалъ черезъ Сейны. Посѣтивъ начальное училище, я отправился въ католическую семинарію на послѣобѣденные уроки. Тамъ меня ждали. Двери изъ классовъ въ корридоръ оказались не совсѣмъ

запертыми; безъ сомнѣнія, это сдѣлано было съ умысломъ. На корридорѣ меня встрѣтилъ Регенсъ семинаріи. Подходимъ къ одному классу—идетъ преподаваніе русскаго языка; подходимъ къ другому—тоже самое, наконецъ, и въ третьемъ ученики декламируютъ басни Крылова. Уроки кончились, стало темнѣть; я желалъ проститься съ Регенсомъ, но онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай. Мы поднялись во второй этажъ. Онъ помѣстилъ меня на диванѣ, а самъ сѣлъ въ кресло, и мы бесѣдовали долго. Между тѣмъ сдѣлалось совершенно темно, а свѣчей и самовара не подавали. Вдругъ на окнѣ скользнула тѣнь, и я почувствовалъ, что около меня на диванѣ кто-то усѣлся и обнялъ меня за талію. Догадываясь, что это епископъ графъ Лубенскій, я остался совершенно спокойнымъ. Но, кажется, епископъ имѣлъ въ виду немножко меня напугать, испытать мои нервы. Регенсъ смолкъ. Тишина продолжалась минуты три. Но вотъ почти шопотомъ заговорилъ графъ: Вы меня не узнали? Грѣхъ вамъ, посѣщая семинарію, не зайти ко мнѣ! Я уже около мѣсяца живу въ зданіи семинаріи.—Затѣмъ пошла бесѣда о томъ, о семъ. Зная, что я изъ Подольской губерніи, графъ заговорилъ о Тульчинѣ и его владѣльцѣ графѣ Мечиславѣ Потоцкомъ; о его причудахъ и преступленіяхъ и о его необычайной скупости. Мечиславъ приходился графу Лубенскому родственникомъ, и графъ разъ былъ у него въ Тульчинѣ. Между тѣмъ ни свѣчей, ни самовара не подавали. Все это, кажется, было заблаговременно условлено. „Что мы будемъ въ темнотѣ сидѣть! Пойдемъ лучше ко мнѣ напьемся чаю!“—Сказалъ Епископъ. Я отвѣчалъ, что Регенсъ пригласилъ меня на чай къ себѣ. „Ха, ха, ха!—засмѣялся епископъ,—Регенсъ пригласилъ на чай! Да развѣ это возможно? Вѣдь у него ни самовара, ни чайника, ни чаю, ни сахару! Это необычайный скупяга! Онъ изъ вѣжливости васъ пригласилъ, думая, что вы откажетесь. А теперь самъ не знаетъ, что дѣлать! Видите, онъ жалѣетъ даже зажечь свѣчу, и мы сидимъ въ совершенной темнотѣ. Другой разъ не вѣрьте Регенсу. Пойдемъ ко мнѣ пить чай!“—Что вы, что вы, ваша эминенція! Самоваръ сейчасъ будетъ! Вы меня совсѣмъ оконфузили!—„Самовара не бу-

детъ!—отвѣчалъ графъ; я своего не дамъ! я самъ хочу пить чай! Что мы тутъ будемъ спорить, пойдемъ ко мнѣ! Пойдемъ, Регенсъ!" Покоряюсь волѣ вашей эминенціи,—смиренно произнесъ Регенсъ. Путаясь въ потемкахъ я вышелъ подъ руку съ графомъ въ освѣщенный корридоръ. Миновавши нѣсколько дверей, мы очутились у ливрейнаго лакея, который ловко раскрылъ дверь въ епископское помѣщеніе. Передней не было. Лакей снялъ съ меня шубу и унесъ въ корридоръ. Мы очутились въ просторной келіи съ простымъ деревяннымъ диваномъ, деревянными стульями со спинкою и круглымъ столомъ передъ диваномъ, накрытымъ салфеткою темнаго цвѣта. На столѣ горѣли двѣ свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, а на угловомъ столикѣ подлѣ дверей шипѣлъ серебряный самоваръ. Изъ этой комнаты дверь вела въ другую маленькую, которую епископъ мнѣ сейчасъ показалъ. „Это моя спальня и молельня". Въ спальнѣ стояла простая деревянная крашеная кровать; ночной столикъ подлѣ кровати—съ одной стороны, а съ другой стороны—шкафъ съ книгами. Подлѣ одного окна устроенъ былъ аналой съ распятіемъ, а подлѣ другого стояло бюро и шагахъ въ двухъ въ углу деревянный шкафъ. „Вотъ мое помѣщеніе! Я его чрезвычайно люблю! Здѣсь я ближе къ Богу и къ моимъ питомцамъ семинаристамъ. Я съ ними и днемъ, и ночью. Мы любимъ другъ друга. Я питаю сильную надежду, что изъ нихъ мнѣ удастся приготовить Господу Богу хорошихъ и вѣрныхъ слугъ". Вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показался ксендзъ Мезоніевъ. За чаемъ епископъ говорилъ безъ перерыва. Онъ откровенничалъ насчетъ минувшей революціи и вообще отношеній польскаго народа къ русскому правительству. Онъ критиковалъ обѣ стороны и особенно напиралъ на то, что въ политикѣ русскаго правительства нѣтъ послѣдовательности и системы. Все основано на случайностяхъ, на лицахъ, на произволѣ. Отсюда постоянное раздраженіе поляковъ, отсюда корень революцій и потоки крови, и вмѣсто сближенія растетъ разъединеніе. Русское правительство не благодарно къ своимъ дѣятелямъ. Тѣ, которые въ царствѣ служили ему усердно, пріобрѣли вліяніе на поляковъ и умѣли примирять ихъ съ ихъ положеніемъ,—

всѣ дурно кончили. Начальники самодуры ихъ повышвыряли во всѣ стороны и сдѣлали нищими. Болѣе благоразумные изъ русскихъ чиновниковъ были себѣ на умѣ. Они пускали пыль правительству въ глаза, а между тѣмъ дружили съ поляками. Кто изъ нихъ терялъ мѣсто, болѣе въ немъ не нуждался: онъ былъ обезпеченъ своими друзьями. Правительство часто увлекается, требуетъ невозможнаго. Не исполнить невозможныхъ требованій не значитъ измѣнять, а между тѣмъ такое поведеніе даетъ друзей и обезпеченіе.

Если кто изъ русскихъ чиновниковъ дослужитъ до полной пенсіи, его ждетъ на старость нищета; всѣ пенсіи нищенскія. Умные чиновники стараются обезпечить себя, пока служатъ, мало разсчитывая на пенсію. (Тогда еще о привилегіяхъ русскимъ чиновникамъ, служащимъ въ царствѣ, не было и рѣчи). У насъ, по крайней мѣрѣ, что чиновникъ полякъ получалъ на послѣдней службѣ, тоже самое будетъ получать и въ отставкѣ. Въ Россіи еще не додумались до такого порядка. Если епископъ слишкомъ высказывался о будущихъ стремленіяхъ Польши, или слишкомъ рѣзко говорилъ о правительствѣ—ксендзъ Мезоніевъ устремлялъ на епископа пристальный взглядъ, и останавливалъ его. Епископъ бесѣдовалъ со мной по русски, почему я заключилъ, что іезуиту Мезоніевъ знакомъ этотъ языкъ. Онъ собственно былъ присланъ въ Россію, чтобы наблюдать за епископомъ, руководить имъ и внушать ему воззрѣнія на текущія дѣла папы и іезуитовъ.—Бесѣда затянулась за полночь. Я сталъ прощаться. Епископъ пригласилъ попробовать рыбу *сею*, которая водится въ одномъ Вичерскомъ озерѣ. Ловить ее и продавать запрещено. Ее только ловятъ для стола Намѣстника. Рыба средней величины, похожа на коропа; безъ костей и съ мясомъ чрезвычайно нѣжнымъ. Епископъ проводилъ меня до дверей. Я отправился къ лѣстницѣ перваго этажа. Лѣстница и нижній корридоръ оказались не освѣщенными. Ощупью, въ потемкахъ я пробирался впередъ по изгибамъ корридора. Вдругъ слышу за собою торопливые шаги. Видимо, за мною кто-то гонится. Я прислонился къ стѣнкѣ, ожидая всякой случайности. Мимо меня прошелъ епископъ и окликнулъ меня. „Извините ме-

ня за разсѣянность. Я забылъ, что тутъ не освѣщается." Я думаю, и тутъ разсчитывали испытать мои нервы. Я отвѣчалъ, что умѣю находить дорогу въ потемкахъ. Я вамъ дамъ до квартиры проводника. У насъ ночью на улицахъ не безопасно въ темныя ночи: кругомъ лѣса. Я поблагодарилъ епископа и сказалъ, что пойду одинъ, и въ случаѣ чего, имѣю возможность себя защитить, (у меня кромѣ палки ничего не было). Но я старался дать понять, что со мною револьверъ, котораго я вовсе не имѣлъ. „Если вы не устали, то, можетъ быть, сдѣлаете мнѣ компанію посмотрѣть моихъ питомцевъ со мною въ дортуарахъ." Я согласился. Мы поднялись опять на второй этажъ и изгибами корридора достигли дортуаровъ. Въ первой комнатѣ было нѣсколько столовъ. Это учебная. Было уже около двухъ часовъ по полуночи; но нѣсколько семинаристовъ еще занимались. Прочіе спали въ дортуарахъ, освѣщенныхъ ночниками. Изъ дортуара епископъ повелъ меня куда то далѣе по корридору. Въ концѣ корридора обозначалась большая дверь. При нашемъ приближеніи обѣ половинки ея, какъ будто сами собою, раскрылись, и глазамъ моимъ представился костелъ, слабо освѣщенный разноцвѣтными лампами. Костелъ былъ весьма обширныхъ размѣровъ. Я остановился при входѣ. Епископъ быстро прошелъ къ алтарю, сталъ на колѣни и молился минуты три. По выходѣ нашемъ двери затворились. Кто ихъ отворялъ и затворялъ, этого я не замѣтилъ. Мы подошли къ епископской квартирѣ. Епископъ захватилъ съ собой свѣчу и лично провелъ меня по всему зданію до самаго выхода во дворъ. Эти дружескія бесѣды и ухаживанья клонились къ тому, чтобы я сдѣлался уступчивѣе, и на продѣлки духовенства смотрѣлъ сквозь пальцы. Главное же, чтобы я оставилъ готовившуюся къ открытію женскую гимназію подъ вліяніемъ епископа и близкихъ ему людей. Ксендзы видѣли въ женщинѣ самую надежную силу въ борьбѣ съ Россіею и православіемъ. Они всѣми своими силами старались оберегать ее отъ всякихъ новыхъ понятій, отъ знакомствъ съ русскимъ языкомъ и отъ сближенія съ русскими. Полька выходила за русскаго, имѣя въ виду посредствомъ мужа служить Польшѣ. На нее смотрѣли, какъ на мученницу, какъ на

жертву, и окружали ее симпатіями. Конечно—были исключенія. Любовь, бѣдность, честолюбіе толкали полекъ иногда къ русскимъ. Но въ концѣ концевъ онѣ обращали домашнюю жизнь въ настоящій адъ для мужа и стремились выполнить свою католическо-политическую миссію.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Андріолли и Матейко, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта.

Истекшій годъ унесъ съ собою двухъ талантливыхъ польскихъ художниковъ, которые пользовались у своихъ земляковъ наибольшею популярностью и которые въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ (хотя довольно рѣдко) изображали прошлую жизнь южно-руссаго края, что и даетъ Кіевской Старинѣ поводъ вспомнить сошедшихъ со сцены дѣятелей искуства; причемъ свѣдѣніямъ о тѣхъ работахъ ихъ, которыя насъ спеціально интересуютъ, считаемъ нужнымъ предпослать нѣсколько общихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности почившихъ художниковъ.

Михаилъ Эльвиро *Андріолли* родился въ Вильно въ 1837 году и былъ полякомъ только на половину: отецъ его былъ итальянецъ, а мать—полька. Первоначально молодой Андріолли предназначалъ себя для медицинской карьеры, почему, по окончаніи средняго образованія, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета; но не чувствуя охоты къ занятіямъ медициною и увлекшись искусствомъ, скоро оставилъ университетъ и сталъ учиться живописи сначала въ Москвѣ, потомъ—въ Петербургской академіи художествъ, послѣ чего для довершенія художественнаго образованія уѣхалъ въ Италію, гдѣ черезъ два года получилъ на римской выставкѣ серебряную медаль за одну изъ своихъ картинъ. По возвращеніи на родину, онъ долженъ былъ поселиться на время въ Вяткѣ, а послѣ того имѣя склонность къ путешествіямъ, много разъ бывалъ въ Западной Европѣ и чуть ли не всю ее объѣздилъ.

Въ началѣ своей художественной дѣятельности Андріолли писалъ картины масляными красками, но извѣстность себѣ онъ пріобрѣлъ не этими картинами, а своими рисунками, которые въ большомъ количествѣ помѣщались въ польскихъ, французскихъ, англійскихъ и русскихъ иллюстрированныхъ журналахъ, и въ особенности—своими иллюстраціями къ произведеніямъ разныхъ писателей. Начавъ съ иллюстрацій къ стихотвореніямъ Савинскаго, Андріолли иллюстрировалъ сочиненія польскихъ писателей Мальчевскаго, Мицкевича („Панъ Тадеушъ,“ „Крымскіе сонеты“ и разныя мелкія стихотворенія) Сырокомли („Dęborog“), Крашевскаго („Stara baśń“), Ходзьки („Pamiętniki kwestarza“), Элизы Оржешко („Мееръ Іозефовичъ“), Словацкаго и другихъ. Когда умеръ извѣстный французскій иллюстраторъ Густавъ Доре, не окончивъ начатой имъ работы по иллюстраціи сочиненій Виктора Гюго, послѣдній поручилъ Андріолли продолжать эту работу. Исполненіемъ этого порученія Андріолли пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность въ качествѣ иллюстратора. Послѣ того, въ Лондонѣ на конкурсѣ, устроенномъ для изготовленія роскошнаго изданія сочиненія Шекспира, Андріолли остался побѣдителемъ и иллюстрировалъ трагедію „Ромео и Джульетта“. Кромѣ того, онъ исполнялъ виньетки и рисунки къ сочиненіямъ Вальтеръ Скотта, Купера, Андерсена и другихъ писателей. Изъ русскихъ изданій Андріолли иллюстрировалъ предпринятое книгопродавцемъ Вольфомъ изданіе „Женщины русскихъ писателей“. Послѣдними рисунками его были печатавшіеся въ журналѣ „Tygodnik Illustrowany“ въ то время, когда Андріолли уже лежалъ на смертномъ одрѣ, рисунки изъ путешествія по славянскимъ землямъ.

Будучи однимъ изъ даровитѣйшихъ и плодовитѣйшихъ современныхъ рисовальщиковъ, Андріолли работалъ часто торопливо, и не всегда тщательно отдѣлывалъ свои рисунки, въ чемъ, по разсказу одного изъ біографовъ ([1]), самъ сознавался, говоря: „я знаю, что меня упрекаютъ въ слишкомъ скорой работѣ, въ недостаточной отдѣлкѣ моихъ рисунковъ, но что при-

[1]) В. Русакова, въ журналѣ „Новь“ 1893 г. № 22.

кажете дѣлать, когда это не въ моемъ духѣ—отдѣлывать детали". Кромѣ того, замѣчался у него еще одинъ недостатокъ, о которомъ говоритъ нашъ извѣстный художникъ И. Е. Рѣпинъ въ своихъ „Письмахъ объ искусствѣ" [1]), давая такую характеристику Андріолли: „Этотъ полу-полякъ, полу-итальянецъ очень выразителенъ; онъ храбръ и благороденъ—какъ польскій рыцарь, страстенъ и кипучъ—какъ итальянецъ. Типы его сильныхъ фигуръ постоянно переплетаются то польскими, то итальянскими. Рядомъ съ душою щирого славянина, работаетъ энергичный итальянецъ-затѣйникъ, съ кипучимъ воображеніемъ, съ несокрушимой страстью и неутолимой производительностью; то онъ вычуренъ, какъ подзднія „барокко" Микель-Анджело, то трагиченъ своей чернотой, какъ Матейко. И чего недоставало этому яркому романтику, чтобы вписать свое имя въ списокъ замѣчательныхъ художниковъ.—Увы, хорошей школы—того, что въ такомъ изобиліи было у Брюллова."

Къ произведеніямъ Андріолли изъ южно-русскаго быта относятся иллюстраціи его къ извѣстному сочиненію Антонія Мальчевскаго: „*Marya poviešć ukraińska*" и нѣсколько отдѣльныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ иллюстрированныхъ журналахъ. Рисунки, украшающіе роскошное изданіе повѣсти Мальчевскаго [2]), какъ и самая повѣсть, изображаютъ шляхетскую жизнь старой Украйны. Рисунки эти были первою крупною работою Андріолли, какъ иллюстратора, и имѣли въ польской публикѣ огромный успѣхъ вызвавъ многія подражанія. Они талантливо исполнены, но мало говорятъ нашему сердцу, и именно потому, что главное мѣсто въ нихъ отведено не типамъ кореннаго населенія Украины, а польскимъ магнатамъ и паннамъ которые и являются въ нихъ почти единственными дѣйствующими лицами. Къ современной жизни простого народа на Украинѣ Андріолли не присматривался внимательно, и едва-ли имѣлъ къ тому возможность, не живя въ Малороссіи и путешествуя преимущественно по Западной Европѣ. Вслѣдствіе

[1]) „Театральная газета" 1893 г. №№ 22, 24 и 25.

[2]) Изданіе это было выпущено въ трехъ форматахъ: въ 4 ю, въ 8 и въ 16 доли листа; послѣднее (третье) изданіе вышло въ 1884 году.

этого рисунки Андріолли изъ современной народной жизни въ Малороссіи не отличаются вѣрностью въ изображеніи типовъ и бытовой обстановки, какъ это можно замѣтить на помѣщенномъ въ „Живописномъ Обозрѣніи“ (1880 г. № 18) рисункѣ его *„Праздникъ весны въ Подольской губерніи“*.

Скончался Андріолли 11 (23) Августа 1893 г. въ Наленчовѣ, Люблинской губерніи. По смерти выставка егокартинъ и рисунковъ была устроена въ Варшавѣ осенью истекшаго года.

Подобно Андріолли, Янъ Алоизій *Матейко*, по происхожденію своему не былъ чистокровнымъ полякомъ: отецъ его, переселившійся въ Краковъ изъ с. Рудницъ въ Чехіи и носившій на своей родинѣ фамилію *Matiejka*, которая въ Польшѣ передѣлалось въ *Matejko*, происходилъ отъ чешской семьи [1]); свѣдѣній о матери художника мы въ печати не находили: вѣроятно, она была полька. Родился Янъ Матейко въ Краковѣ въ 1838 году и первоначальное художественное образованіе получилъ въ Краковской школѣ изящныхъ искусствъ, послѣ чего учился живописи въ Мюнхенской и Вѣнской академіяхъ художествъ. Какъ разсказываетъ Маріанъ Горжковскій въ своей книгѣ, посвященной обозрѣнію художественной дѣятельности Матейки [2]), еще не начиная учиться живописи, посѣщая классы Краковской гимназіи, Матейко выказывалъ исключительную страсть къ искусству и съ увлеченіемъ копировалъ рисунки изъ „Историческихъ пѣсень“ Нѣмцевича и тому подобныхъ изданій, причемъ въ особенности любилъ рисовать богатырей и героевъ на коняхъ. Эта обнаруживавшаяся еще въ мальчикѣ склонность къ изображенію въ своихъ рисункахъ мощныхъ, богатырски сложенныхъ типовъ представляется довольно характерною чертою; позже, съ полнымъ развитіемъ таланта, какъ вѣрно замѣтилъ Б. Прусъ [3]), сила физическая или духовная въ ея наивысшемъ напряженіи сдѣлалось излюбленною темою

---

[1]) См. объ этомъ статью Э. Элинека „Ojciec Matejki„ въ газетѣ „Kraj“ 1893 года № 45.

[2]) „O artystycznych czynnościach Sana Matejki począwszy od lat jego najmlodszych do końca roku 1881“, przez M. Gorzkowskiego. Krakow. 1882.

[3]) „Kraj“ 1893 г. № 47.

Матейки. Учась живописи въ Мюнхенской академіи, онъ въ то же время занимался въ богатой художественными коллекціями тамошней библіотекѣ, гдѣ копировалъ рисунки разныхъ памятниковъ и костюмовъ. По возвращеніи изъ Вѣны въ Краковъ, Матейко задумалъ и изготовилъ большую коллекцію рисунковъ костюмовъ прошлаго времени, съ 1222 по 1745 годъ, подъ названіемъ: „Ubiory w Polsce“ [1]) Это былъ большой и цѣнный трудъ, которымъ, вмѣстѣ съ занятіями въ Мюнхенской библіотекѣ по части изученія бытовой обстановки прошлаго времени, Матейко хорошо подготовилъ себя къ дѣятельности историческаго живописца, какимъ, по своему влеченію къ историческимъ сюжетамъ, онъ сдѣлался.

Первою картиною, которою Матейко пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность, была выставленная на Парижской выставкѣ 1865 года и удостоенная награды золотою медалью картина „Проповѣдь Скарги.“ Затѣмъ слѣдовалъ рядъ историческихъ картинъ, изъ которыхъ наибольшею извѣстностью пользуется: „Люблинская унія“ (за эту картину, находящуюся въ настоящее время въ зданіи Галиційскаго сейма въ Львовѣ, Матейко на Парижской выставкѣ 1870 г. былъ удостоенъ наивысшей награды—орденомъ Почетнаго Легіона), „Варшавскій сеймъ 1773 года“, „Янъ Собіесскій подъ Вѣною“, „Стефанъ Баторій“, „Hold pruski“, „Битва подъ Грюнвальдомъ“ „Станчикъ“ (шутъ короля Сигизмунда), „Витъ Ствошъ“ (польскій скульпторъ XV столѣтія), „Коперникъ“, „Костюшко“, „Битва подъ Варною“, „Битва при Танненбергѣ“ и другія. Послѣднимъ трудомъ Матейки была оставшаяся неоконченною картина „Śluby Iana Kaziemierza“ [2]). Однимъ изъ послѣднихъ его произведеній былъ также его собственный портретъ, снимокъ съ котораго былъ помѣщенъ въ журналѣ „Tygodnik Illustrowany“ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти художника (1893 г. № 167), а по кон-

---

[1]) Раскрашенный экземпляръ этихъ рисунковъ находится въ извѣстной библіотекѣ Оссолинскихъ.

[2]) Нѣкоторые изъ русскихъ некрологовъ (напримѣръ во Всемирной Иллюстраціи) переводятъ это названіе: „Заповѣдь Яна Казиміра“, другіе (напримѣръ въ Кіевлянинѣ)—„Свадьба“; оставляемъ названіе подлинника.

чинѣ его былъ перепечатанъ во многихъ журналахъ. Альбомъ гравированныхъ на деревѣ снимковъ съ картинъ и рисунковъ Матейки былъ изданъ въ 1875 году [1]).

Изъ одного перечня картинъ Матейки можно видѣть, что онъ посвятилъ себя исторической живописи не только въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ выраженіе „историческая живопись“ употребляется въ художественной критикѣ, но и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ: за немногими исключеніями, почти всѣ картины Матейки изображаютъ историческія событія и лица, и именно—изъ польской исторіи. Едва-ли можно указать другого художника, который въ такой степени сосредоточивалъ бы свою дѣятельность на художественномъ воспроизведеніи исторіи своей родины, какъ дѣлалъ это Матейко: почти во всѣхъ его работахъ, въ сотняхъ картинъ и рисунковъ его главнымъ образомъ занимало одно—прошлое его родного края. Притомъ, изображая кистью и карандашемъ событія изъ исторіи своей родины, онъ предпочтительно останавливался на такихъ сюжетахъ, въ которыхъ, прославляя поляковъ, могъ рисовать ихъ прошлое въ наиболѣе привлекательныхъ для нихъ чертахъ. Этимъ Матейко давалъ поводъ называть его художникомъ тенденціознымъ, каковая тенденціозность проистекала изъ его страстнаго патріотизма.

Когда въ 1873 году ему было предложено занять мѣсто директора академіи художествъ въ Прагѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—сдѣлаться устроителемъ основывавшейся тамъ картинной галлереи, Матейко, отклоняя это лестное предложеніе, именно тѣмъ и мотивировалъ отказъ, что онъ слишкомъ любитъ Польшу для того, чтобъ могъ ее покинуть. Въ написанномъ по этому поводу письмѣ, упомянувъ о томъ, что онъ хорошо понимаетъ тѣ выгоды, которыя заключаетъ въ себѣ сдѣланное ему предложеніе и которыя могли-бы обезпечить будущность его и дѣтей его, ничѣмъ до сихъ поръ не обезпеченную,—указавъ даже на свое кровное родство съ чехами, которое сильнѣе всякихъ матеріальныхъ выгодъ могло-бы побудить его къ переселенію, и на ту пріязнь,

[1]) „Album Iana Matejki z tekstem objaśniającym przez K. Wójcickiego“. Warszawa. Nakład i druk Zewentala.

какую онъ питаетъ къ чехамъ, Матейко прибавляетъ: „ale ziemi mojéj Polsce miłość ma należy", и отъ этого, а не отъ чего нибудь другого, продолжаетъ онъ, долженъ зависѣть выборъ между двумя положеніями, и потому онъ рѣшилъ оставаться подъ своею „хотя и мизерною стрѣхою", не предпочитая ее никакимъ выгодамъ и удобствамъ—даже и тогда, когда онѣ предлагаются такими близкими и родственными людьми, какъ въ данномъ случаѣ [1]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, въ концѣ 1873 года, Матейко сдѣлался директоромъ Краковской школы изящныхъ искусствъ, въ которой онъ начиналъ учиться живописи, и оставался въ этой должности до кончины своей, послѣдовавшей 20 октября (1 ноября) 1893 г. [2])

Хотя нѣкоторыя изъ наиболѣе тенденціозныхъ картинъ Матейки, написанныя на сюжеты изъ исторіи борьбы поляковъ съ нѣмцами, вызывали въ свое время недовольство нѣмцевъ, которымъ картины эти не могли нравиться по своему содержанію, но по поводу смерти Матейки многія нѣмецкія газеты помѣстили самые сочувственные о немъ отзывы, называя его однимъ изъ величайшихъ историческихъ живописцевъ, причемъ въ частности нѣкоторые нѣмецкіе критики поставили его выше Каульбаха и Пилоти (у котораго Матейко учился живописи въ Мюнхенѣ). Изъ авторовъ статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ, В. Чуйко [3]) такъ характеризовалъ Матейко: „по колориту его можно сравнить съ лучшими венеціанскими и испанскими мастерами; въ правильности и изяществѣ рисунка съ Матейко не можетъ сравняться ни одинъ изъ нынѣ живущихъ

---

[1]) Это интересное письмо напечатано въ вышеупомянутой книгѣ М. Горжковскаго, стран. 64 и 65.

[2]) Русскіе некрологи заключаютъ въ себѣ противорѣчивыя свѣдѣнія о времени смерти художника: по сообщенію „Кіевлянина" Матейко умеръ 21 октября, по сообщенію „Живописнаго Обозрѣнія - 19 октября, по сообщенію „Сѣвера"—5 ноября и т. д. Мы обозначили время смерти на основаніи напечатанныхъ въ польскихъ газетахъ (см. „Kraj" № 44) объявленій о смерти и погребеніи, въ которыхъ публика извѣщалась, что Матейко „Zasnął w Bogu *dnia I listopada* o godzinie 3 popoludniu".

[3]) Всемирная Иллюстрація 1893 г. № 1297.

художниковъ; типичность его лицъ и фигуръ поразительна по выразительности и психологической проницательности; композиція такъ же замѣчательна, какъ у первыхъ мастеровъ итальянскаго возрожденія и какъ у Рубенса. Онъ—историческій живописецъ лучшихъ, самыхъ высокихъ тридицій; въ исторіи онъ интересуется не случайной сценой, не анекдотомъ, на который въ настоящее время сбивается вся историческая живопись, а исторической важностью событія; оттого каждая его картина имѣетъ огромное историческое значеніе и можетъ служить лучшимъ комментаріемъ и объясненіемъ при изученіи событій польской исторіи."

Еще больше вниманія съ нашей стороны заслуживаетъ отзывъ, находящійся въ тѣхъ „Письмахъ объ искусствѣ," о которыхъ мы уже упоминали выше, и представляющій огромный интересъ, какъ потому, что это—отзывъ первостепеннаго мастера, такъ и потому, что онъ заключаетъ въ себѣ строки, въ высшей степени характерныя для самого автора ихъ. Но прежде надо упомянуть, по какому поводу этотъ отзывъ былъ высказанъ. Какъ видно изъ названныхъ „Писемъ," И. Е. Рѣпинъ направился въ Краковъ именно потому, что интересовался Яномъ Матейко. О томъ, что онъ увидѣлъ по пріѣздѣ туда, необходимо передать собственными словами нашего симпатичнаго художника: „Еще въ Петербургѣ," говоритъ онъ, „я рѣшилъ заѣхать въ Краковъ посмотрѣть этого несокрушимаго энтаузіаста—поляка и, буде возможно, написать съ него портретъ. Двадцать лѣтъ назадъ, на вѣнской выставкѣ, картины его произвели на меня глубоко потрясающее впечатлѣніе. Трагическая „Проповѣдь Скарги," величавая „Люблинская унія" и сейчасъ точно стоятъ передъ моими глазами. Не забыть ни этихъ колѣнопреклоненныхъ фигуръ, облеченныхъ въ черное, на золотомъ фонѣ, ни простертыхъ рукъ кардинала въ красныхъ перчаткахъ. Хартіи, ветхія книги, величавые магнаты, прелаты—все это живописно перепутывалось въ своей особой атмосферѣ, волновало и увлекало зрителя. А вдохновенный Скарга!.. Прежде всего къ нему, къ Матейкѣ; что-то увижу я теперь?, думалъ я, поспѣшая въ 11-ть часовъ на улицу. Какъ

живописенъ Краковъ! Сколько тутъ превосходной готики передъ моими глазами! Цѣлый базаръ славянскихъ типовъ, въ барашковыхъ шапкахъ, въ кобенякахъ, и киреяхъ съ видлогами; женщины повязаны какъ хохлушки. Красные обшлага на синихъ мундирахъ, ясные гузики, бѣлые кафтаны съ широкими поясами, расшитые расквиткованные, переносятъ меня во времена казаковъ гетманщины.... Но что это тамъ вверху, надъ куполомъ какого то грандіозного зданія? Что за страшное, черное, колоссальное знамя изъ флера! Какъ оно величаво волнуется на сѣромъ безотрадномъ небѣ! Жутко даже... Я отвернулся къ великолѣпному старому готическому собору и пошелъ къ нему. У дверей его еще издали мнѣ бросилась въ глаза огромная траурная афиша съ чернымъ крестомъ. Я глазамъ не вѣрилъ--ясно можно было прочитать: *Jan Matejko.* Онъ умеръ вчера въ 3 часа пополудни. Все послѣ этого мнѣ показалось въ трауръ..."

Упомянувъ затѣмъ о попыткѣ проникнуть въ квартиру Матейки, тѣло котораго въ то время бальзамировали, о приготовленіяхъ къ похоронамъ и о посѣщеніи Краковскаго музея, въ которомъ находятся четыре громадныхъ картины Матейки, Рѣпинъ излагаетъ свое мнѣніе объ этихъ картинахъ, которое мы не можемъ позволить себѣ выписать все цѣликомъ, такъ какъ для этого оно слишкомъ подробно. Поэтому, отсылая желающихъ ближе ознакомиться со взглядами Рѣпина къ подлинной статьѣ, приведемъ изъ нея лишь главнѣйшія положенія. По словамъ Рѣпина, Матейко имѣлъ великую національную душу и умѣлъ горячо и кстати выражать своимъ творчествомъ любовь къ своему народу; въ годину забитости своей націи онъ развернулъ передъ нею великолѣпную картину былаго ея могущества и славы. Описавъ картину „Hold pruski“ и сравнивая ее съ находящеюся въ томъ же музеѣ картиною Семирадскаго „Свѣточи Нерона“, Рѣпинъ пишетъ, что, обративъ на нее вниманіе послѣ картинъ Матейки, онъ едва узналъ ее: такою черною и безжизненною показалась она ему. „Я едва вѣрилъ“, говоритъ онъ, „своимъ глазамъ—ужели это та самая, такъ ослѣплявшая весь Петербургъ картина! Нѣтъ, она почер-

нѣла вслѣдствіе сырости или другого химическаго процесса въ краскахъ? Или такъ велика сила искренняго, глубокаго вдохновенія передъ искусственно возбужденными праздными силами таланта? Да и слабый рисунокъ Семирадскаго развѣ можетъ идти въ сравненіе съ могучимъ стилемъ Матейки!" Далѣе Рѣпинъ находитъ, что въ своихъ картинахъ Матейко уже черезчуръ добросовѣстенъ въ ущербъ самому себѣ. Масса подавляющаго матеріала въ другихъ его картинахъ, наприм. „Битва при Грюнвальдѣ", даже мѣшаетъ общему впечатлѣнію: не смотря на геніальный экстазъ центральной фигуры, все же кругомъ, во всѣхъ углахъ картины, такъ много интереснаго, живого, кричащаго, что просто изнемогаешь глазами и головой воспринять всю массу этого колосальнаго труда. Нѣтъ пустого мѣстечка; и въ фонѣ, и вдали, вездѣ открываются новыя ситуаціи, композиціи, движенія, типы, выраженія; это поражаетъ, какъ безконечная картина вселенной, по мѣрѣ того, какъ усиливается зрительный аппаратъ наблюдателя. Да, картины Матейки, продолжаетъ авторъ, надо изучать, хотя большое наслажденіе доставляетъ созерцаніе и каждаго куска его картины; вырѣжьте любой кусокъ—получите прекрасную картину, полную мельчайшихъ деталей. Это-то, по мнѣнію Рѣпина, и тяжелитъ общее впечатлѣніе колоссальныхъ холстовъ, такъ какъ въ картинахъ нужны фоны, нужны пространства для отдыха глаза и для простора главныхъ фигуръ. Большою техническою ошибкою этого могикана исторической живописи Рѣпинъ находитъ то, что онъ рѣшительно вездѣ, на всѣхъ планахъ и во всѣхъ углахъ картины, подробно заканчиваетъ всѣ детали всѣхъ предметовъ, съ одинаковой страстью и любовью; малѣйшіе полутоны которые видны въ натурѣ только при долгомъ разсматриваніи, жилы на рукахъ, ногти, блескъ на нихъ, всѣ мельчайшіе переливы, рефлексы отъ всѣхъ предметовъ, часто даже въ преувеличенной дозѣ—все у него подчеркнуто. Эту ошибку Рѣпинъ объясняетъ физическимъ недостаткомъ Матейки—его близорукостью; отодвигаясь на нѣкоторое разстояніе отъ своей картины, онъ уже смутно воспринималъ написанное, и потому усиливалъ всѣ мелочи. Въ заключеніе своего отзыва о картинахъ Матейки Рѣпинъ говоритъ: „но съ какою любовью, съ какой энергіей

нарисованы всѣ лица, руки, ноги, да и все, все! Какъ это вездѣ crescendo, crescendo, отъ котораго кружится голова! Нельзя не удивляться этой гигантской выдержкѣ, этому безпримѣрному терпѣнію. Такое отношеніе возможно только при горячей, страстной любви искусства. Рано сгорѣлъ этотъ великій энтузіастъ, горячій патріотъ. Подвигъ его на прославленіе своей родины—безпримѣрный по своей колоссальности. Для созданія этого великаго цикла польской эпопеи нужны были гигантскія силы и преданная душа. Да, въ этомъ небольшомъ тѣлѣ жила дѣйствительно героическая душа"...

Нѣкоторыя изъ картинъ Матейки, относясь къ исторіи Польши, изображаютъ такія событія, которыя имѣли значеніе и для исторіи Малороссіи, по связи этихъ событій съ исторіей южнорусскаго края. На нѣсколькихъ большихъ его картинахъ съ большимъ числомъ фигуръ (какъ „Люблинская унія", „Стефанъ Баторій", Проповѣдь Скарги"), въ группахъ изображенныхъ на нихъ лицъ, были изображены и нѣкоторые дѣятели южнорусскаго края, напримѣръ: гетманъ низовыхъ казаковъ (на картинѣ „Стефанъ Баторій"), князья Острожскіе, Вишневецкіе и другіе. Къ произведеніямъ же Матейки, имѣющимъ болѣе близкое отношеніе къ Малороссіи, принадлежатъ слѣдующія:

1. *Hold Bohdana Chmielnickiego przed Janem Kazimierzem pod Zbarażem.* *Акварель* изъ болѣе раннихъ произведеній Матейки, была написана въ 1859 году и подарена художникомъ М. Горжковскому въ Краковѣ. Снимковъ съ нея, на сколько намъ извѣстно, издаваемо не было.

2. *Hetman Zaporoża Eustachy Daszkiewicz.* Картина, писанная масляными красками, выставлялась на Краковской художественной выставкѣ 1874 года и была пріобрѣтена Л. Михаловскимъ въ Краковѣ. Фотографическіе снимки съ нея были изготовлены А. Шубертомъ въ Краковѣ, а гравированный на деревѣ снимокъ по рисунку самого художника былъ помѣщенъ въ журналѣ Tygodnik Illustrowany" (1877 г. № 93) и перепечатанъ въ „Живописномъ Обозрѣніи" (1878 г. № 1). Картина представляетъ поясную фигуру гетмана, который изображенъ съ большою бородою, одѣтымъ въ кольчугу и довольно странной формы широкую шапку; въ рукахъ онъ держитъ ружье

какъ бы приготовляясь взвести курокъ; лицо энергичное и красивое, но вовсе не малорусскаго типа.

3. *Bohdan Chmielnicki*. Рисунокъ 1875 года, былъ помѣщенъ въ журналѣ „Klosy“, а литографическая копія съ него напечатана въ сборникѣ В. Б. Антоновича и В. А. Беца „Историческіе дѣятели юго-западной Россіи“ (Кіевъ, 1883 г.). Рисунокъ представляетъ портретъ гетмана, сдѣланный на основаніи извѣстной гравюры Гондіуса, составляющей самый старый, современный гетману портретъ его; но, сравнительно съ гравюрою, черты лица нѣсколько идеализированы. На немъ не видно той усталости, которая замѣчается на лицѣ, изображенномъ Гондіусомъ; глаза свѣтятся энергіей и удалью, напоминающею скорѣе польскую, чѣмъ украинскую, удаль. На рисункѣ сохранена та же особая примѣта, которою отличаются гравюры Гондіуса (отвороченная четвертая петля лѣвой стороны верхняго плаща).

4. *Wieszczba ukraińskiego lirnika*. Картина, писанная масляными красками, была выставлена на художественной выставкѣ въ Краковѣ въ 1875 году и пріобрѣтена Я. Лущевскою въ Варшавѣ. Фотографическіе снимки съ нея были изготовлены А. Шубертомъ, а гравированные на деревѣ снимки были помѣщены въ вышеупомянутомъ альбомѣ Матейки и въ „Живописномъ Обозрѣніи (1879 г. № 33), въ послѣднемъ подъ названіемъ: „*Украинскій пѣвецъ былинъ*“. На картинѣ изображенъ лирникъ съ большою, развѣваемою вѣтромъ въ обѣ стороны бородою, съ лицомъ вдохновеннымъ, но совсѣмъ не похожимъ на тѣхъ лирниковъ, которые намъ знакомы; онъ сидитъ среди группы слушателей; повидимому, онъ пѣлъ о временахъ минувшихъ и затѣмъ мыслью своею перенесся къ будущему, въ головѣ его нарисовалась какая то картина; онъ положилъ лиру на колѣни и что-то говоритъ, вперивши взглядъ въ пространство; пораженные слушатели внимаютъ ему, а одинъ изъ нихъ, съ книжкой и карандашемъ въ рукахъ, записываетъ. На заднемъ фонѣ картины, изъ за головы лирника виднѣется поднимающаяся на небѣ полная луна.

5. *Wernyhora prorok ukraiński* (другое названіе: „*Wieszczbiarz lirnik*“). Картина, писанная масляными красками и представляющая новую варіацію на предъидущую тему, въ боль-

шемъ размѣрѣ и съ разными измѣненіями. Она выставлялась на Львовской выставкѣ 1884 года, а въ настоящее время находится въ Америкѣ. Снимки съ нея были помѣщены въ журналахъ „Kłosy“ (1886 г. № 1082) и „Illustrirte Zeitung“ (1893 г. № 2629). Въ объясненіе вышеуказаннаго названія картины, въ текстѣ альбома Матейки, принадлежащемъ К. Войцицкому, равно какъ и въ нѣкоторыхъ замѣткахъ, помѣщенныхъ объ этой картинѣ въ польскихъ и нѣмецкихъ журналахъ, сообщалось, что Вернигора былъ наиславнѣйшимъ изъ украинскихъ лирниковъ, что онъ жилъ въ половинѣ прошлаго столѣтія и въ представленіи народа обладалъ способностью предсказывать будущее. Притомъ, какъ повѣствуютъ нѣкоторые комментаріи (не знаемъ—вѣрно-ли), изображенный на этой картинѣ лирникъ пророчествуетъ о будущемъ Польши, предсказывая ея погибель (въ нѣмецкомъ журналѣ, въ которомъ помѣщенъ снимокъ картины, она такъ и названа: „*Die Prophezeiung des Kosacken Wernyhora über die Zukunft Polens*“). По содержанію своему, эта картина напоминаетъ предъидущую; также поднимается на заднемъ фонѣ полная луна, лирникъ изображенъ въ такой же позѣ, но у него иное лицо и иное выраженіе; лира уже не лежитъ на колѣняхъ, а брошена на землю; лирника окружаетъ большее число слушателей (вмѣсто семи, девять); у нихъ иныя лица и иное расположеніе фигуръ. Ближе всѣхъ къ лирнику, съ правой его стороны, сидитъ запорожецъ съ „оселедцемъ“ на головѣ; онъ слушаетъ лирника съ видимымъ удовольствіемъ и должно быть—отъ радости обнялъ его; рядомъ съ запорожцемъ помѣстился гайдамака въ мѣховой шапкѣ съ ружьемъ въ рукѣ; онъ слушаетъ предсказаніе болѣе спокойно и недовѣрчиво; на лицѣ сидящаго на переднемъ планѣ монаха выражается смущеніе и огорченіе; въ лицѣ того слушателя, который записываетъ, изображенъ, какъ объяснялъ „Dziennik Poznański“, Каневскій староста Суходольскій.

6. Рисунки, изображающіе виды разныхъ старинныхъ зданій въ Львовѣ и другихъ мѣстахъ Галиціи. Были помѣщены частію въ вышеупомянутомъ альбомѣ Матейки (подъ заглавіемъ: „*Starożytne budowle i zabytki*“), частію—въ журналахъ „Tygodnik Illustrowany“ и „Kłosy“.

Будучи первостепеннымъ мастеромъ и хорошимъ знатокомъ польской исторіи, Матейко, какъ можно замѣтить по его картинамъ и рисункамъ, подобно Андріолли, не былъ знатокомъ малорусскаго быта, да и не могъ его хорошо знать: онъ бывалъ только въ разныхъ мѣстахъ Галиціи, а на Украинѣ никогда не былъ. Весь ушедши своими симпатіями, изученіями и работами въ польскую исторію и археологію и отрываясь отъ этихъ работъ для изображенія чего нибудь другаго только въ видѣ исключенія или для отдыха, онъ вѣроятно и интересовался малороссами лишь на столько, на сколько они принимали участіе въ событіяхъ польской исторіи. Можетъ быть вслѣдствіе всего этого, изображенные на картинахъ и рисункахъ Матейки малороссы мало напоминаютъ знакомые, родные намъ типы. Но хотя представленные въ его произведеніяхъ малорусскіе типы не совсѣмъ вѣрны, въ авторѣ, при всей его страстности, нельзя замѣтить ни антипатій, ни насмѣшки по отношенію къ нимъ; напротивъ, и Богданъ Хмельницкій, и гетманъ Дашковичъ, и лирникъ Вернигора въ изображеніи Матейки выглядятъ героями, воплощая въ себѣ красоту и мощь физическую и духовную.

Оба художника, о которыхъ мы говорили, были почти ровесники: Матейко былъ однимъ годомъ моложе Андріолли; оба умерли въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ отъ нихъ можно было ожидать еще многаго. По характеру своему, они составляли нѣкоторую противоположность другъ другу: Андріолли былъ живой, подвижный, общительный человѣкъ, а Матейко—молчаливый, сосредоточенный въ себѣ, гордый. Работая надъ небольшими рисунками, Андріолли говорилъ, что не въ его духѣ отдѣлывать детали, а Матейко чрезмѣрно трудился надъ отдѣлкою деталей, работая надъ громадными холстами. Со временемъ, конечно, явятся новые иллюстраторы, передъ произведеніями которыхъ слава Андріолли можетъ померкнуть, а другой Матейко едва-ли явится. Нельзя не сожалѣть, когда преждевременно умираетъ могучій талантъ, но, вспоминая слова поэта: „не говори съ тоской—*ихъ нѣтъ,* а съ благодарностію—*были*“, мы могли бы сказать землякамъ Матейки: счастливы вы тѣмъ, что у васъ *былъ* талантъ, который изъ вашего прошлаго умѣлъ создать въ краскахъ такую чудную эпопею. **Н. Шугуровъ.**

Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Д-ра Антонія I.

(съ польскаго)[1]).

I.

Степная Елена.

Богданъ Хмельницкій выступаетъ какъ историческій дѣятель внезапно: изъ скромнаго чигиринскаго сотника, а затѣмъ войсковаго писаря онъ становится обладателемъ обширнаго края, разореннаго и опустошеннаго. Желтоводскій погромъ, Корсунская побѣда, Пилава быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, и побѣдоносное шествіе Богдана останавливается у стѣнъ Замостья. Тріумфаторъ возвращается въ упоеніи отъ удачи, въѣзжаетъ въ древній Кіевъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ великими почестями академики и привѣтствуютъ его какъ дѣйствительно посланнаго Богомъ избавителя украинныхъ земель. Неудивительно, если этотъ, недавно еще простой козакъ, гордый такой встрѣчей, воскликнулъ, обращаясь къ унижавшимся передъ нимъ польскимъ комиссарамъ: „Правда, я человѣкъ малый, но Господь мнѣ помогъ сдѣлаться независимымъ повелителемъ на Руси“ [2]).

Но въ нашу задачу не входитъ разсказъ о тріумфахъ Богдана,—все это извѣстно слишкомъ хорошо. Цѣль наша гораздо скромнѣе: мы постараемся обрисовать дворъ и обстановку

---

[1]) „Biblioteka Warszawska“, іюль, 1893 г.—Предлагается переводъ съ нѣкоторыми сокращеніями.

[2]) Michałowski „Księga pamiętnicza“, Kraków, стр. 374.

гетмана и въ особенности прослѣдить роль женщины, ея вліяніе и значеніе при этомъ дворѣ. Это не лишено интереса. Извѣстно, что во время военныхъ бурь хмельниччины погибла масса женщинъ, какъ мѣстныхъ уроженокъ, такъ и привилегированныхъ шляхтянокъ; большая часть ихъ, въ качествѣ предмета мѣновой торговли, поступала въ продажу на бахчисарайскій и константинопольскій рынки, но не мало осталось на мѣстѣ, среди новыхъ условій общественности, неожиданно выступившей на историческую арену.

О происхожденіи самого Богдана имѣется множество самыхъ разнорѣчивыхъ показаній, но мы не намѣрены вдаваться въ подробный ихъ разборъ. Отецъ гетмана Михаилъ повидимому не принадлежалъ къ привилегированному сословію. Тѣмъ не менѣе это былъ человѣкъ бывалый, понатертый и мало чѣмъ отличался отъ шляхтича; Жолковскіе въ Жолквѣ и Даниловичи въ Олескѣ пользовались его услугами и совѣтами; послѣдній изъ нихъ, въ качествѣ корсунскаго старосты, отдалъ въ 1616 г. Михаилу пустошь въ Корсунщинѣ и даже назначилъ его чигиринскимъ подстаростой [1]). Возможно, что Михаилъ не былъ мѣстнымъ уроженцемъ, такъ какъ другихъ Хмельницкихъ почти не встрѣчаемъ на этой окраинѣ. Какъ бы то ни было, новый чигиринскій чиновникъ понималъ важность науки, такъ какъ отдалъ своего единственнаго сына въ іезуитскую школу въ Ярославѣ, гдѣ Богданъ научился по-латыни и усвоилъ тотъ лоскъ и умѣнье говорить, благодаря которымъ онъ пользовался такимъ вліяніемъ на окружающихъ.

Полученный Михаиломъ хуторъ или урочище Суботовъ находился въ милѣ отъ Чигирина, официальной резиденціи подстаросты. Расположенный надъ Тясминомъ и окруженный лѣсами и болотами, уголокъ этотъ скорѣе походилъ на стоянку рыбака или охотника, нежели на земледѣльческій поселокъ [2]). Но вскорѣ Суботовъ измѣнился до неузнаваемости: хозяинъ

---

[1]) Michałowski, op. c., стр. 431. Первоначально грунтъ Михаила Хмельницкаго принадлежалъ къ черкасскому староству (Rulikowski „Slownik geograficzny“ XI, 522).

[2]) Rulikowski, op. c., XI, 523.

поставилъ домъ, устроилъ прудъ, при немъ мельницу, пасѣку, обширный садъ, затѣмъ явились и поселенцы. Хуторъ приносилъ немалые доходы. Должно думать, что хозяйствомъ завѣдывала мать Богдана, потому что мужъ ея, занятый службой, отправился съ „волонтерами" подъ Цецору и тамъ сложилъ голову въ побоищѣ [1]). Сынъ, сражавшійся рядомъ съ отцомъ, попалъ въ плѣнъ и „два года находился въ тяжкомъ заключеніи, по его собственнымъ словамъ" [2]). Это было въ Цареградѣ; сдѣлавшись тайнымъ послѣдователемъ корана, Богданъ получилъ нѣсколько больше свободы [3]); затѣмъ попалъ въ Крымъ, все таки плѣнникомъ; онъ выучился бѣгло говорить по турецки и по татарски, но въ этой школѣ усвоилъ онъ много восточной хитрости и немало завязалъ отношеній, которыя облегчили ему впослѣдствіи возможность имѣть союзниковъ и располагать по первому мановенію силами орды. Пользуясь усвоеннымъ въ плѣну опытомъ, онъ по возвращеніи домой нерѣдко принималъ дѣятельное участіе во внутреннихъ междоусобіяхъ польскихъ магнатовъ. Передъ 1646 г. онъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ, въ качествѣ посредника въ дѣлѣ поступленія козаковъ во французскія войска [4]). Богданъ пользовался покровительствомъ польскаго короля Владислава, который зналъ его лично, потому что войсковой писарь дважды являлся къ королю (въ 1639 и 1646 г.). Словомъ, Хмельницкій много видѣлъ и побывалъ въ свѣтѣ, на войнѣ, при дворѣ, а въ школѣ онъ познакомился съ представителями высшаго дворянства и даже духовенства [5]).

Изъ плѣна выкупила его мать. Онъ вернулся домой какъ разъ во время, потому что хозяйство пришло въ разстройство подъ управленіемъ старухи, угнетенной немощью и несчастіями. Сынъ занялся хозяйствомъ, и повидимому онъ понималъ дѣло, потому что все пошло у него на ладъ. Наконецъ, въ хуторѣ

---

[1]) Żołkiewski, Pisma, Lwów, 1861, 571.

[2]) Michalowski, op. c., стр. 431.

[3]) Sękowski, Cellectanea, I, 201—203.

[4]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, изд. 4-е, 1884 г., стр. 67 и 24.

[5]) Шайноха, Dwa lata dziejów naszych, Lwów, 1, 14.

стало тѣсно, и Богданъ, по усмиреніи движенія Павлюка, выпросилъ у короля степной участокъ на противоположномъ берегу Тясмина. Явились постройки, пасѣки, гумна, явился чиншъ съ хатъ и корчемъ, потому что въ нихъ варились меды и пиво [1]). Быть можетъ, благосостоянію помогла и женитьба, имѣвшая мѣсто около 1630 г. или нѣсколько позже. Въ это время Богдану было слишкомъ тридцать лѣтъ; раньше онъ не имѣлъ возможности думать о бракѣ,—походъ къ Цецорѣ, многолѣтняя неволя, затѣмъ заботы о хозяйствѣ не позволяли. Анна Сомко, жена Богдана, была дочерью богатаго переяславскаго купца, по смерти отца осталась сиротой и находилась подъ опекой брата. Послѣдній сошелся съ Богданомъ, пользовался его покровительствомъ и даже былъ назначенъ впослѣдствіи прилуцкимъ полковникомъ. Спокойнаго нрава, щедушная, болѣзненная, Анна всецѣло отдалась домашнему хозяйству,—все остальное ея не касалось. Дѣтей было четверо: Катерина, Елена или Степанида [2]), Тимошъ (род. въ 1635 г.) и Юрій (въ 1641 г.). Обстоятельства сложились благопріятно: достатокъ, нѣкоторые успѣхи на полѣ мелкой дипломатіи и походовъ въ степи, популярность среди козаковъ реестровыхъ и запорожскихъ, необычная для неважнаго званія войсковаго писаря,—словомъ, въ своемъ чигиринскомъ міркѣ Хмельницкій безспорно занималъ выдающееся положеніе; войсковые комиссары, назначенные Рѣчью Посполитой (въ своемъ родѣ региментари надъ реестровымъ войскомъ), не безпокоили его, пользовались нерѣдко его совѣтами и видѣли въ немъ будущаго предводителя козацкихъ отрядовъ, если послѣдніе будутъ организованы. Богданъ водилъ дружбу съ полковниками, а староста (Станиславъ Конецпольскій) и начальникъ военныхъ силъ отличалъ его предъ другими, равными и даже старшими въ чинѣ. Такъ обстояли дѣла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не явилась на сцену особа, извѣстная въ исторіи подъ именемъ подстаростины чигиринской.

---

[1]) Rulikowski, op. c., XI, 523.—Grabowski, Ojczysté spominki, 1, 138.

[2]) Krasicki въ прибавленіи къ соч. Несѣцкаго, III, 41.

Происхожденіе этой степной Елены неизвѣстно,—мѣстные источники на этотъ счетъ расходятся. Но такъ какъ она держалась восточнаго обряда, то нужно думать, что родилась она на украинѣ. Называли ее „Ляшкой",—быть можетъ, отецъ ея былъ выходецъ изъ рѣчи посполитой. Несомнѣнно, она осталась сиротой, потому что нашла пристанище въ домѣ Хмельницкихъ. Трудно сказать, чѣмъ собственно она тамъ занималась. Младшій сынъ гетмана, Юрій, выказывалъ ей впослѣдствіи большую привязанность,—вѣроятно, она ухаживала за нимъ, когда тотъ былъ еще ребенкомъ. Болѣзненной хозяйкѣ дома нужна была помощница. Естественно было взять сироту для услугъ по хозяйству. Но помощница Анны съумѣла занять мѣсто хозяйки и въ сердцѣ ея мужа, и при томъ нераздѣльно. Трудолюбивая подруга жизни войсковаго писаря, быть можетъ, и подмѣтила кой-что, но молчала: она чувствовала себя не въ состояніи вліять на мужа, стоявшаго выше ея по образованію, тѣмъ болѣе, что Богданъ долженъ былъ усвоить на Востокѣ нѣкотораго рода пренебреженіе къ женщинѣ, этому покорному орудію въ рукахъ повелителя-мужа, почти невольницѣ. Если пріютившаяся въ его домѣ сирота пришлась по сердцу Богдану, то почва для развитія страсти была подготовлена. Но законная жена была жива,—приходилось ожидать, и Богданъ ожидалъ терпѣливо, тѣша себя надеждой на болѣе или менѣе близкую развязку. Но тутъ какъ разъ, самымъ неожиданнымъ образомъ, явился опасный соперникъ. Въ Чигиринѣ наступила большая перемѣна: мѣсто прежняго подстаросты занялъ новый, назначенный на этотъ постъ коронымъ гетманомъ, нѣкто Даніилъ Чаплинскій, выходецъ изъ Литвы, вдовецъ, человѣкъ уже немолодой, такъ какъ у него были замужнія дочери: одна изъ нихъ вышла за Комаровскаго, помощника тестя въ управленіи обширными чигиринскими имѣніями. Вновь назначенный чиновникъ появился на Украйнѣ въ концѣ 1639 года. Выборъ Конецпольскаго былъ не изъ удачныхъ, потому что Чаплинскій не обладалъ подходящими качествами. Привыкшій къ жестокому обращенію съ крѣпаками на своей родинѣ, онъ съ близорукимъ упрямствомъ стремился примѣнить ту же систему и

въ степяхъ, т. е. въ самомъ неудобномъ для этого краѣ, на пограничьи съ татарами и запорожскими козаками, которые издѣвались надъ всякими административными репрессаліями. Къ несчастію, Чаплинскій имѣлъ преувеличенное понятіе о своей власти, хотя въ дѣйствительности она была и велика, благодаря исключительнымъ условіямъ и легкомысленному отношенію мѣстныхъ властей къ возложеннымъ на нихъ по конституціи обязанностямъ по охранѣ границъ. Вслѣдствіе этого подстароста въ порученномъ его надзору округѣ былъ неограниченнымъ повелителемъ, если съумѣлъ заслужить довѣріе старосты. Между тѣмъ, въ это время чигиринскій староста былъ и великимъ короннымъ гетманомъ; непосредственно ему былъ подчиненъ комиссаръ или „старшій“ войска запорожскаго, имѣвшій резиденцію въ недалекомъ Трехтемировѣ; во время назначенія Чаплинскаго эту должность занималъ Петръ Комаровскій, близкій родственникъ его зятя, и такимъ образомъ сама собою создавалась нѣкоторая зависимость послѣдняго отъ перваго. Слѣдуетъ припомнить, что должность комиссара учредилъ самъ Конецпольскій въ 1638 г. по усмиреніи возстанія Остраницы, а назначеніе на эту должность выходило изъ гетманской канцеляріи, отъ нея же зависѣло и назначеніе начальниковъ надъ реестровыми полками; вслѣдствіе этого чигиринскій полковникъ Кречовскій, подчиненный комиссару, тѣмъ самымъ находился въ зависимости отъ подстаросты, который, пользуясь довѣріемъ гетмана, присвоилъ себѣ власть какъ надъ комиссаромъ, такъ и надъ полковникомъ. Надменный, заносчивый, недоступный и склонный къ насилію, Чаплинскій считалъ козаковъ не войскомъ, но сбродомъ наглыхъ и непослушныхъ мужиковъ, и вообразилъ, что его задача и даже въ нѣкоторомъ родѣ обязанность заключается въ усмиреніи закоренѣлаго своеволія и въ караніи самоуправства, которое вытекало изъ условій жизни народа, чаще имѣвшаго дѣло съ саблей, нежели съ плугомъ. Повторяемъ, выборъ гетмана былъ не изъ удачныхъ, хотя у него было подъ рукой много людей опытныхъ и знакомыхъ съ краемъ. Несправедливо было-бы впрочемъ сваливать всю вину за дальнѣйшія событія на одного Чаплинскаго: онъ

явился на Украйну представителемъ системы притѣсненія, не имъ заведенной и практиковавшейся до него, но Чаплинскій примѣнялъ ее слишкомъ грубо, нерѣдко пользуясь властью и закономъ въ угоду собственнымъ капризамъ и неосновательнымъ антипатіямъ.

Нѣсколько ознакомившись съ мѣстностью, Чаплинскій обратилъ особое вниманіе на Хмельницкаго. Не понравились они другъ другу. Войсковой писарь слишкомъ импонировалъ подстаростѣ,—онъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ жителей староства; кромѣ того, Богданъ недавно возвратился изъ Варшавы, гдѣ былъ любезно принятъ во дворцѣ и даже получилъ обѣщанія дальнѣйшихъ вольностей, имѣлъ при себѣ какія то грамоты,—не удивительно, что Богданъ держалъ себя независимо. Чаплинскій началъ наводить справки объ его предкахъ и узналъ, что они были мужиками, что отецъ его, обыкновенный поселенецъ, назывался Хмелемъ; а сынъ—Хмеленкомъ, но затѣмъ самовольно измѣнилъ фамилію. Въ ограниченной головѣ шляхтича не могли помѣститься три понятія: хлопъ, богачъ, за панибрата съ королемъ! Дальнѣйшимъ поводомъ къ враждѣ было соперничество въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Чаплинскій понималъ, что удачнымъ и энергичнымъ заселеніемъ обширныхъ степныхъ пространствъ можетъ заслужить неограниченное довѣріе со стороны великаго короннаго гетмана. Извѣстно, что девизомъ Конецпольскаго въ послѣдніе годы его жизни было заселеніе плодородныхъ пустынь Украины, не щадя никакихъ расходовъ и жертвъ. Сюда входили и королевскія имѣнія, которыя, по заселеніи ихъ, должны были составить какъ бы оборонительную стѣну для селъ и хуторовъ, расположенныхъ далѣе въ степяхъ: побольше народу, рабочихъ рукъ и силъ для отпора татарскимъ набѣгамъ,—отсюда и большая безопасность для внутреннихъ областей Рѣчи Посполитой, немало терпѣвшихъ отъ безпокойныхъ сосѣдей. Благосостояніе Богдана кололо глаза Чаплинскому, который, не смотря на всѣ усилія, не могъ вести колонизаціи такъ удачно, какъ простой козакъ, располагавшій гораздо меньшими средствами. Послѣдствіемъ этого явилось разсмотрѣніе правъ Хмельницкаго на владѣніе землями.

Къ несчастью, документы не были въ порядкѣ, и начались придирки. Обиженный не уступалъ, онъ подавалъ жалобы все выше и дальше,—все было безполезно: по всѣмъ правиламъ закона, которымъ пользовались лишь когда это было выгодно и удобно, выходило, что чигиринскаго сотника можно лишить наслѣдственнаго и даже благопріобрѣтеннаго имѣнія, утвержденнаго королемъ, на томъ лишь основаніи, что въ свое время актъ на владѣніе не былъ занесенъ въ гродскія или земскія книги, а королевская грамота не была утверждена сеймомъ. Заслуги отца чигиринскаго сотника, погибшаго подъ Цецорой, были при этомъ забыты. Чаплинскій велъ дѣло исподоволь и вѣроятно заручился предварительно согласіемъ гетмана, ссылаясь на бунтовскіе замыслы Богдана, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Между тѣмъ въ Суботовѣ произошли большія перемѣны: жена Богдана умерла, оставивъ сиротъ; Богданъ началъ пить, по обычаю, столь распространенному на Украинѣ. Эта дурная привычка не осталась безъ вліянія на здоровье сыновей, какъ младшихъ въ родѣ. Прекрасная Елена продолжала жить у вдовца, быть можетъ въ качествѣ няньки при дѣтяхъ. Трудно сказать, когда именно узналъ ее Чаплинскій, но, кажется, это случилось еще при жизни Хмельницкой. Пользуясь отсутствіемъ сотника, подстароста явился въ Суботовъ, чтобы осмотрѣть хозяйство, о которомъ такъ много слышалъ; нашелъ все въ образцовомъ порядкѣ; хозяйка, ссылаясь на нездоровье, не вышла къ гостю,—мѣсто ея заняла Елена, и подстароста былъ пораженъ. Вѣроятно, она была необыкновенно хороша собой, если успѣла такъ очаровать двухъ немолодыхъ уже соперниковъ. Должно думать, что она подавала надежды обоимъ,—иначе трудно объяснить ожесточенную борьбу ихъ за обладаніе Еленою. Какъ бы то ни было, подстароста для похищенія дѣвушки распорядился организовать настоящее нападеніе, „заѣздъ“— обычный въ ту пору пріемъ, терпимый закономъ, но представлявшій явное нарушеніе послѣдняго. Все дѣло велось подъ предлогомъ выселенія войскового писаря изъ незаконно занятаго Суботова. Конечно, все совершилось по заранѣе состав-

ленной программѣ: хаты поселенцевъ были снесены, взято съ гумна 400 копъ хлѣба, мельница и все хозяйство Хмельницкаго сдѣлались добычей пламени, а тѣмъ временемъ дѣвушка была похищена [1]). Бракъ былъ совершенъ по латинскому обряду,—вѣроятно, Елена приняла католичество. Это было въ 1646 году. Взбѣшенный писарь вызвалъ противника на поединокъ, но едва самъ спасся отъ засады; вслѣдъ за тѣмъ онъ кинулся къ Конецпольскому, сыну короннаго гетмана, управлявшему старостромъ по смерти отца,—безполезно; обратился къ суду,—получилъ отказъ. Богданъ помчался въ Варшаву. За нимъ поспѣшилъ Чаплинскій. Оба противника предстали предъ лицомъ сенаторовъ, приглашенныхъ въ качествѣ судей. Въ числѣ другихъ обидъ, потерпѣвшій упомянулъ о похищенной дѣвушкѣ, которую назвалъ своей женой. „Что касается этого, протестовалъ подстароста, то она вовсе не была женой Хмельницкаго; онъ силой держалъ ее у себя, вотъ почему она такъ поспѣшно ушла отъ него, а такъ какъ она мнѣ пришлась по сердцу, то я и женился на ней. Никто не заставитъ меня отказаться отъ нея, но если бы и такъ, то она сама не согласится и ни за что не возвратится къ Хмельницкому.“ Присутствовавшіе начали подшучивать: „Ну, стоитъ ли, пане сотникъ, жалѣть о такой особѣ! Свѣтъ не клиномъ сошелся,—поищи другой, а эта пусть останется при томъ, кто ей такъ понравился“ [2]). Король тоже не оказалъ Богдану никакой помощи, при этомъ случаѣ Владиславъ будто-бы напомнилъ Хмельницкому о значеніи сабли для самозащиты. Въ сердцахъ возвратился Богданъ на родину; Суботовымъ онъ уже не владѣлъ, такъ какъ новый староста передалъ его въ пожизненное владѣніе Чаплинскому. Поэтому Богданъ поселился въ Чигиринѣ, въ своей усадьбѣ, чтобы быть поближе къ врагу, а можетъ быть и къ пани Чаплинской. Можно думать, что послѣдняя подавала ему какія то надежды, что она приковала его къ себѣ какими то особыми чарами,—иначе трудно объяснить поведеніе

---

[1]) Maciejowski, Pamiętniki o dziejach piśmiennictwa i prawodawstwa słowian, 1139, I, 319.

[2]) Костомаровъ, op. c., I, 238—241.

Хмельницкаго. Что ему грозила ежеминутно опасность, можно судить изъ длиннаго списка притѣсненій и насилій, на которыя не скупился теперь подстароста въ упоеніи двойной побѣдой надъ писаремъ. Ненависть усиливалась по мѣрѣ того, какъ росла популярность Богдана въ Чигиринѣ; въ то время какъ у Чаплинскаго было пусто, на дворѣ у писаря вѣчно стоялъ говоръ и веселье: гостепріимный хозяинъ угощалъ многочисленныхъ посѣтителей, вербовалъ себѣ сторонниковъ, нерасположенныхъ къ подстаростѣ. Нерѣдко показывался здѣсь и черкасскій сотникъ Барабашъ, принадлежавшій къ партіи умѣренныхъ; Иванъ Кречовскій, нѣкогда уроженецъ брестскій, а теперь полковникъ чигиринскій, слѣдовательно, непосредственный начальникъ писаря, крестилъ у него дѣтей и часто навѣщалъ кума. Николай Зацвилиховскій, послѣ Комаровскаго бывшій комиссаромъ Рѣчи Посполитой войска запорожскаго, „племени русскаго и закона русскаго," высказывалъ Богдану неизмѣнную дружбу. Пріязнь эта завязалась со времени походовъ противъ Павлюка и Остраницы. При каждомъ пріѣздѣ изъ Трехтемирова въ Чигиринъ, Зацвилиховскій являлся къ войсковому писарю, выступалъ въ роли посредника, старался примирить противниковъ. Но что удивительнѣе всего, даже преемникъ Зацвилиховскаго, печальной въ народѣ памяти Янъ Шембергъ, охотнѣе гостилъ у Хмельницкаго, нежели у Чаплинскаго: до такой степени всѣ осуждали зазнавшагося подстаросту. Писарь громко заявлялъ, что никогда не участвовалъ ни въ какихъ мятежахъ и бунтахъ, и всегда и во всемъ поступаетъ законно [1]). Но все это не избавило его отъ невзгодъ и притѣсненій: молодой староста, хорунжій коронный, склонялся на сторону своего подручнаго Чаплинскаго и безнаказанно позволялъ ему безчинствовать. Однажды Чаплинскій приказалъ высѣчь публично на рынкѣ Тимоша, старшаго сына Хмельницкаго, за какую то провинность [2]); затѣмъ наслалъ на него товарища, который во время похода хватилъ его обухомъ по головѣ; наконецъ, подговорилъ прос-

---

[1]) Ojczyste spominki, II, 111.

[2]) Szajnocha. Dwa lata dziejów naszych, II, 8.—Szkice historyczny, IV, 197.—Иначе у Костомарова, op. c., I, 160.

того козака Песту обвинить чигиринскаго сотника предъ старостой въ измѣнѣ и бунтовскихъ происках. Въ спискѣ обидъ, посланномъ Михаилу Потоцкому, вел. кор. гетману по смерти Конецпольскаго, самъ Богданъ выражается по этому поводу такъ: „Самой тяжкой обидой признаетъ Хмельницкій то, что какой то Песта, *хамъ*, козакъ, коварно очернилъ его предъ его милостью паномъ хорунжимъ коронным въ замыслахъ отправить артиллерію на море и т. п." [1]). Подстароста постепенно все болѣе ожесточался противъ своего противника; зять Чаплинскаго публично грозился, что „если не удастся справиться съ Хмельницкимъ, то прикажетъ убить его." Однако этого не случилось; изъ заточенія освобождалъ сотника Кречовскій, въ качествѣ поручителя, а иногда даже сама пани подстаростина. Хмельницкій патетически упоминаетъ объ этомъ,—единственное письменное восхваленіе женщины грознымъ впослѣдствіи мстителемъ: „если-бы не эта доброжелательная и заботливая о невинно страждущихъ Эсхирь", восклицаетъ Хмельницкій, не уйти бы ему отъ мести жестокаго тирана, ея мужа [2]). Обстоятельство это даетъ поводъ думать, что и Елена, не смотря на бракъ съ подстаростой, не была вполнѣ равнодушна къ чигиринскому сотнику: быть можетъ, ею руководило сожалѣніе,— вѣдь по ея винѣ онъ пострадалъ; возможно, что на нее произвела сильное впечатлѣніе эта выдающаяся энергія человѣка, не опускавшаго рукъ, не смотря на всѣ удары судьбы. Съ другой стороны, Чаплинскій повидимому еще не былъ вполнѣ удовлетворенъ своей побѣдой,—не догадывался ли онъ о симпатіи жены къ непокорному козаку? Во всякомъ случаѣ, Елена съумѣла усыпить подозрительность мужа, коль скоро онъ снисходилъ къ ея просьбамъ и хотя временно смягчался въ своей ненависти къ сопернику, какъ будто успокоивался. Судя по дальнѣйшимъ фактамъ, можно думать, что, подчиняясь убѣжденіямъ и предостереженіямъ Чаплинской, войсковой писарь рѣшился исчезнуть изъ глазъ опаснаго врага и ушелъ на Низъ

[1]) Michałowski, Księga pamiętnicza, 5.
[2]) Szajnocha, Dwa lata. II, 7.

въ декабрѣ 1647 г., покинувъ все,—только старшаго сына Тимоша взялъ со собой.

Скитаясь по днѣпровскимъ островамъ, Богданъ продолжалъ посылать жалобы къ вліятельнымъ лицамъ въ Рѣчи Посполитой, и на первомъ планѣ всегда стоялъ ненавистный мужъ Елены: очевидно, Богданъ не могъ забыть о немъ. Тоска, оскорбленная любовь, какъ ржавчина, грызла сердце Богдана; въ жгучихъ словахъ онъ выражалъ свою злобу къ Чаплинскому и изъ зауряднаго старосты тѣмъ самымъ сдѣлалъ его историческою личностью. Изливши свой гнѣвъ, онъ уже спокойнѣе излагалъ затѣмъ другія свои обиды и претензіи. Вотъ характерная для Богдана выдержка изъ одной такой жалобы, посланной великому гетману коронному Николаю Потоцкому: „невѣсть откуда явился нарушитель спокойнаго житья моего, Чаплинскій, литовскій бродяга, польскій пьяница, воръ и грабитель украинскій, подстароста чигиринскій, который, распоряжаясь въ теченіи восьми лѣтъ въ Чигиринщинѣ именемъ своего господина, пана Конецпольскаго, короннаго хорунжаго, клеветническими извѣтами и доносами въ конецъ погубилъ многихъ нашихъ братьевъ и присвоилъ ихъ имущество; и конечно ужъ не панъ хорунжій коронный, а слуга его, лжецъ, измѣнникъ и пьяница Чаплинскій владѣетъ Чигиринщиной“ [1]).

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ кровавомъ историческомъ спорѣ не послѣдняя роль принадлежала женщинѣ.

II.

Изъ подстаростины—гетманша.

Не прошло еще года съ той поры, какъ Хмельницкій ушелъ изъ Чигирина, опасаясь мести подстаросты,—и въ положеніи его произошла огромная перемѣна: изъ преслѣдуемаго войсковаго писаря онъ дѣлается владыкой Украины, льстецы приравниваютъ его къ Александру Македонскому, ему под-

---

[1]) Szajnocha, Dwa lata, II, 6.

властны обширныя земли на пространствѣ 26.500 квадратныхъ миль. Въ первое время тріумфаторъ смутился своей удачей,—тріумфъ былъ достигнутъ поистинѣ съ головокружительной быстротой. Въ первыхъ шагахъ Хмельницкаго замѣчается какое то колебаніе: онъ идетъ впередъ неохотно, какъ бы подчиняясь давленію взволнованныхъ народныхъ массъ, поставившихъ его во главѣ движенія. По временамъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, онъ гнѣвливъ, заносчивъ, грозитъ своимъ врагамъ; но въ спокойныя минуты онъ дѣйствуетъ иначе, стремится къ миролюбію и даже иногда сожалѣетъ о прошломъ. Примѣрный и опытный хозяинъ, такъ преданный землѣ, онъ видѣлъ вокругъ себя только опустошеніе. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ августѣ, т. е. чрезъ три мѣсяца послѣ начала вооруженной борьбы съ Рѣчью Посполитой, насчитывалось 65 опустошенныхъ мѣстечекъ на Украинѣ, а лежавшія вокругъ нихъ деревни были сметены точно ураганомъ; вся область по р. Горыни представляла настоящую пустыню [1]). Разореніе коснулось и земель, на которыя не простирались претензіи козаковъ, достигло Львова и Замостья. Сѣверная Волынь, Пинщина, Бѣлоруссія разграблены были въ конецъ. На востокъ козацкія укрѣпленія проникли далеко за Днѣпръ, не говоря уже о земляхъ къ югу, которыя оказались безхозяйными въ полномъ смыслѣ слова. „Города опустѣли, пишетъ неизвѣстный современникъ, не осталось ни одного шляхтича, только *plebs*, часть котораго перешла къ Хмельницкому, а другая сидѣла дома не смотря на козацкіе „загоны", хотя въ послѣднихъ нерѣдко участвовали Татары и оставшимся дома землеробамъ грозила жестокая кара [2]). Число погибшихъ неизвѣстно, но оно было повидимому огромно, судя хотя-бы по даннымъ объ избіеніи евреевъ, приведеннымъ у Греца [3]): въ 1648 г. въ Немировѣ погибло 6.000, въ Тульчинѣ (Нестерварѣ) 2.000, въ Полонномъ 10.000 евреевъ,—грабежъ оцѣнивали въ 4.000.000 зл. [4]). Разомъ съ

---

¹) Michałowski, Księga pam., I, 151, 158.

²) Michałowski, op. c., I, 65.

³) Кіев. Старина, XXIX, 398.

⁴) Michałowski, op. c., I, 158.

евреями погибли въ Полонномъ и 400 шляхтянокъ и христіанскихъ дѣтей, искавшихъ спасенія въ замкѣ. Въ Константиновѣ истреблено 3.000 евреевъ, въ Барѣ 2.000, въ Наролѣ 12.000, не упоминая уже о менѣе значительныхъ погромахъ въ Заславѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Винницѣ, Брацлавѣ и т. д. Голодъ и переполохъ привели за собою и эпидеміи: въ одномъ Львовѣ погибло отъ мора до 10.000 евреевъ. Въ общемъ, разорено 300 еврейскихъ „приходовъ", входившихъ въ составъ кагаловъ [1]), и истреблено въ нихъ до 250.000 жителей. Евреи живо помнятъ это страшное время, и до настоящаго дня Немировскіе евреи встрѣчаютъ 21 Іюня постомъ и молитвой. Воевода брацлавскій Кисель уже въ Августѣ 1648 г. горько упрекаетъ своего пріятеля Хмельницкаго за эти вопіющія къ небу свирѣпства. Въ это время Хмельницкій готовъ былъ еще оказывать пощаду и даже совѣтовалъ бѣлоцерковскому старостѣ Черному укрыться съ людьми и скотомъ въ мѣстечко [2]). У Желтыхъ Водъ въ плѣнъ было взято 3.000 польскихъ солдатъ и 50 офицеровъ, въ томъ числѣ Шембечекъ (?) и Сапѣга, комиссары,— ихъ приказано было кормить, а раненыхъ лечить и ухаживать за ними какъ слѣдуетъ [3]). Послѣ Корсунскаго погрома плѣннымъ полякамъ (исключая гетмановъ и 60 высшихъ офицеровъ, предназначенныхъ для хана) предложено было выкупиться. 8.000 рядовыхъ увелъ Тугай-Бей въ Крымъ. Въ Чигиринѣ осталось 520 солдатъ и 65 офицеровъ, обѣщавшихъ дать выкупъ и поступившихъ въ собственность гетману. Когда Кисель хлопоталъ чрезъ своего посланца за этихъ плѣнныхъ, Хмельницкій успокаивалъ его, увѣряя, что всѣ поляки, доставшіеся въ гетманскія руки, останутся живы и невредимы [4]). Но по мѣрѣ успѣховъ жестокость возрастала. Изъ числа плѣнниковъ, взятыхъ въ Барѣ и Кодакѣ, гетманъ часто бралъ съ собою болѣе важныхъ, а драгуны, прикованные къ пушкамъ, тащились въ обозѣ гетманскомъ. Отправленные въ 1649 г. въ Переяславъ

---

[1]) Арх. Ю. З. Р, ч. V, т. II. Кіевъ, 1890.

[2]) Пам. изд. Кіев. Ком., I, 3, 48.

[3]) Величко, Лѣтопись, I, 64.

[4]) Пам. изд. Кіев. Ком., I, 3, 214.

плѣнные просили даже отослать ихъ къ Татарамъ, гетманъ не согласился и даже отвѣчалъ угрозами, но видно надзоръ былъ не слишкомъ суровъ, если при выѣздѣ изъ Кіева польскихъ комиссаровъ въ свитѣ ихъ укрылось до 100 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и много драгунъ кодацкихъ [1]). Но чрезъ два года обстоятельства сильно измѣнились.

Лишь по возвращеніи изъ-подъ Замостья, осенью 1648 г., появился Хмельницкій снова въ Чигиринѣ, встрѣченный народомъ съ великою радостью и торжествомъ [2]). Тогда-же онъ вступилъ во владѣніе Суботовымъ, который еще раньше былъ приведенъ, по его приказанію, въ порядокъ. Резиденціей гетмана была назначена собственная его усадьба, а прежнее помѣщеніе подстаросты обращено въ тюрьму.

Въ Чигиринѣ-же впервые появляется и жена подстаросты, Чаплинская. Гдѣ она находилась въ началѣ кровавой борьбы, что сталось съ ея неудачникомъ-мужемъ—трудно сказать. Въ маѣ 1648 г. въ Чигиринѣ уже не было польскаго гарнизона, такъ какъ сюда отправлены желтоводскіе плѣнные. Сомнительно, чтобы Чаплинскій при такихъ условіяхъ продолжалъ спокойно оставаться на урядѣ. По словамъ Величка, Хмельницкій послѣ битвы при Желтыхъ Водахъ отправилъ въ Чигиринъ 150 вѣрныхъ и опытныхъ козаковъ, поручивъ имъ задержать Чаплинскаго. Порученіе было исполнено въ точности, и чрезъ два дня подстароста предсталъ предъ очами гетмана, который велѣлъ его казнить и тѣло его, въ знакъ презрѣнія, закопать далеко за обозомъ [3]). Но если такъ, то чѣмъ объяснить упорныя требованія гетмана къ Рѣчи Посполитой о выдачѣ ему того-же Чаплинскаго, повторяющіяся въ теченіе почти всего слѣдующаго года? [4]). Не только письменно, но и лично Хмельницкій просилъ объ этомъ и Киселя, какъ комиссара Рѣчи Посполитой; конечно, Кисель протестовалъ-бы, если-бы Чаплинскій былъ уже каз-

---

[1]) Michałowski, Księga pam., 382.—Пам. изд. Кіев. Ком., I, 3, 351, 354.

[2]) Quatre années de guerre etc, trad. de Chebren de Javan Machsoula par Daniel Levy, 69.

[3]) Величко, лѣтопись, I. 63 сл.

[4]) Michałowski, op. c., 366, 371, 372

ненъ. Между тѣмъ Хмельницкому важно было устранить съ дороги подстаросту, хотя-бы потому, что онъ былъ мужемъ женщины, которую гетманъ взялъ себѣ въ жены. Не подлежитъ сомнѣнію, что Чаплинскій успѣлъ скрыться во время; быть можетъ, онъ наткулся при этомъ на козацкій загонъ и погибъ, а жена его попала въ плѣнъ и въ Чигиринѣ ожидала рѣшенія своей судьбы. Мы встрѣчаемъ ее здѣсь уже въ ноябрѣ 1648 г. Оригинальный бракъ этотъ состоялся въ первыхъ числахъ января 1649 г. какъ будто чрезъ замѣстителя: гетманъ былъ въ то время въ Кіевѣ, Чаплинская — въ Чигиринѣ. Благословлялъ патріархъ, какъ объ этомъ сообщалъ Хмельницкій Киселю нѣсколько позже: „на войнѣ съ ляхами благословилъ, далъ титулъ *illustrissimo principi*, обвѣнчалъ меня съ женой и отпустилъ грѣхи, хотя я не исповѣдывался“ [1]). Кисель, какъ православный, считалъ этого патріарха самозванцемъ. За отпущеніе грѣховъ Хмельницкому, который не исповѣдывался, такъ какъ „имѣлъ хмель въ головѣ“, патріархъ получилъ въ подарокъ 1000 зл. и упряжку въ 6 лошадей. Онъ же послалъ Чаплинской разрѣшеніе грѣховъ, „благословеніе на бракъ, три самовозгарающіяся свѣчи, молоко Пресвятой Дѣвы и миску лимоновъ“ [2]).

Судя по дошедшимъ извѣстіямъ, степная Елена не съумѣла удержаться на высотѣ своего неожиданнаго положенія, не принимала участія въ общественныхъ дѣлахъ и выступала лишь въ подчиненной роли хозяйки, угощающей гостей своего мужа, а главнымъ образомъ его самого. Нѣкоторые полагаютъ, что она дѣлала такъ съ цѣлью угодить своему господину и такимъ образомъ пріобрѣсти на него и его окружающихъ вліяніе, но на самомъ дѣлѣ вліяніе это ни въ чемъ не замѣтно. Наряженная въ дорогія матеріи и бархатъ, въ брилліантовомъ ожерельи, діадемѣ и съ великолѣпными перстнями на пальцахъ, она во время пріемовъ наполняла золотые кубки обыкновенной водкой и подносила гостямъ, набивала „люльки“, а въ заключеніе подносила мужу нюхательнаго табаку на глиняномъ черепкѣ,—

---

[1]) Michałowski, op. c., 377.

[2]) Памятники, I, 3, 325—339. — Michałowski, op. c., 378.

изъ вѣжливости, присутствующіе тоже угощались [1]). Неизвѣстно, какъ относились къ этому браку окружающіе гетмана,—быть можетъ, не обходилось безъ порицаній. Кисель согласился взять съ собою жену, когда отправлялся къ гетману въ качествѣ комиссара Рѣчи Посполитой, лишь послѣ того, какъ удостовѣрился, что при свиданіи сторонъ не будетъ присутствовать „незаконная" подруга Хмельницкаго. Очевидно, исключительное положеніе бывшей подстаростины служило трудно одолимымъ препятствіемъ для роли „владѣтельной особы", и Елена не старалась устранить эту помѣху. Но все же, какъ жена человѣка, державшаго въ рукахъ судьбы милліоновъ людей, она могла-бы имѣть на него доброе вліяніе—вѣдь онъ любилъ ее горячо—но не съумѣла, или скорѣе не заботилась объ этомъ...

Нѣтъ никакихъ указаній на ея дѣла милосердія, заступничества, облегченія тяжкой участи несчастныхъ... Правда, при данныхъ условіяхъ, это было-бы и небезопасно, но женщина съ сердцемъ, столь могущественная, легко могла устранить препятствія и творить добро втайнѣ, не ожидая громогласной благодарности. Извѣстно, что нѣкоторая часть захваченныхъ погромомъ поляковъ успѣла спастись. Изъ разсказовъ бѣглецовъ узнаемъ имена лицъ, протянувшихъ имъ руку помощи. Съ благодарностью упоминаются какой-нибудь Тугай-Бей, Хмельницкій, кіевскіе мѣщане и духовенство [2]). Извѣстно благодѣтельное вліяніе Выговскаго на гетмана: войсковой писарь нерѣдко смягчалъ гнѣвъ Богдана и облегчалъ участь тѣхъ, которые должны были пасть жервой. Дочери Хмельницкаго также выказывали теплое сочувствіе къ несчастнымъ и всѣми силами старались облегчить ихъ тяжкую участь. Лишь о гетманшѣ никто не упоминаетъ въ этомъ отношеніи. Даже въ титулѣ ей отказываютъ, и современные мемуаристы пренебрежительно называютъ ее бывшей женою Чаплинскаго. Судя по всему, она играла самую ничтожную роль въ этомъ полудикомъ обществѣ. Пустая, легкомысленная, щеголиха, жившая со дня на день, она не съу-

---

[1]) Венгржиновскій.

[2]) Histor. belli cosac. pol., 91—93.—Лѣтопись Ерлича, II, 70

мѣла даже завязать ближайшихъ отношеній съ женами подчиненныхъ гетмана: женщины простыя и даже грубоватыя, но въ сущности нравственныя, онѣ не могли простить ей ея прошлаго и ея роли очаровательницы въ мужскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, она жила все время при дворѣ гетмана въ одиночествѣ и водилась только съ ворожками. А было ихъ немало: уже подъ Замостьемъ является какая-то чародѣйка Маруша, прибывшая съ войскомъ съ дальней окраины; подъ вліяніемъ ея предсказаній, козаки будто-бы пріостановили осаду замка. Во время похода къ Берестечку много ворожекъ сопровождало козацкую старшину; обозная чернь обрушила на нихъ свой гнѣвъ за неудачу и нещадно мучила за ложныя предсказанія [1]). Наряду съ обозными, немало было и придворныхъ ворожекъ, нѣчто въ-родѣ доморощенныхъ астрологовъ въ юбкахъ; гетманъ почти каждую ночь совѣщался съ ними, какъ это видно изъ путеваго дневника комиссаровъ въ Переяславъ; такъ напр., въ февралѣ 1649 г. встрѣчаемъ слѣдующую отмѣтку: „долго спалъ (Хмельницкій), такъ какъ подпилъ съ ворожками, которыя часто его забавляютъ и обѣщаютъ ему удачу на войнѣ и въ этомъ году" [2]). Безъ сомнѣнія, и гетманша прибѣгала къ ихъ помощи, чтобы хотя этимъ путемъ пріобрѣсть вліяніе на суевѣрнаго мужа.

Оставалась еще одна важная обязанность — воспитаніе дѣтей гетмана,—посмотримъ какъ справилась съ этимъ Елена. Первая жена Богдана оставила четверо дѣтей; вторая жена знала ихъ давно и они знали ее хорошо; своихъ дѣтей у нея не было, и тѣмъ легче могла она заняться сиротами. Въ разсматриваемую эпоху двѣ старшія дочки Богдана уже подросли.

Дошедшія до насъ, правда, скудныя извѣстія рисуютъ характеръ дѣвушекъ въ благопріятномъ видѣ—но сомнительно, что бы это было результатомъ вліянія мачихи. Рѣзкую противоположность представляютъ сыновья гетмана. Величко, не смотря на свое уваженіе къ памяти Богдана, называетъ ихъ не-

---

[1]) Костомаровъ, Богд. Хмельн., II, 41, 364.

[2]) Michałowski, Księga pam., 374.

обузданными грубіянами[1]). Первенство въ этомъ отношеніи принадлежало старшему. Это была совершенно испорченная натура, едва-ли не съ самаго дѣтства. Онъ рано началъ жить, физическое развитіе было не особенно сильное, онъ былъ изуродованъ оспой, къ книгѣ не лежало у него сердце; съ дѣтства привыкшій къ водкѣ, самолюбивый, мстительный, склонный къ дурнымъ шалостямъ, хотя обыкновенно мрачный и молчаливый, Тимошъ должно быть отличался немало, если зять подстаросты Чаплинскаго велѣлъ его, 12-лѣтняго мальчика, высѣчь публично на рынкѣ въ Чигиринѣ. Можно бы согласиться, что это было актомъ личной мести писарю войсковому, если-бы не дальнѣйшіе факты изъ непродолжительной жизни Тимоша, объясняющіе такой поступокъ Комаровскаго. Вскорѣ послѣ того мальчикъ отправился съ отцомъ въ Запорожье; пребываніе здѣсь, а затѣмъ въ Крыму въ теченіе почти цѣлаго года довершило воспитаніе Тимоша, столь удачно начатое. Отецъ оставилъ его за Перекопомъ въ качествѣ заложника; ханъ поручилъ Тимоша надзору какого-то армянина, юноша познакомился съ ханскимъ дворомъ и мурзами[2]),—все это непріятно отразилось на характерѣ будущаго козацкаго предводителя: онъ отатарился и одичалъ еще болѣе, научился, правда, мѣстному языку, но вмѣстѣ съ тѣмъ вынесъ изъ ханскаго дворца равнодушіе къ дѣламъ вѣры, неуваженіе къ семьѣ, необузданность, коварство, при отсутствіи энергіи—быть можетъ и физическія силы, надорванныя еще въ дѣтствѣ приходили въ упадокъ. Изъ Крыму онъ явился только подъ Пилавой во главѣ татарскаго отряда[3]). Въ Чигиринѣ Тимошъ уже засталъ мачиху, которая если не de jure, то de facto распоряжалась здѣсь въ качествѣ владѣтельной особы. Онъ не любилъ ее и выказывалъ это нерасположеніе съ самаго начала; малорусскіе лѣтописцы съ великимъ огорченіемъ разсказываютъ, какъ „странно“ поступилъ Тимошъ съ монахомъ, посланцемъ упомянутаго уже патріарха, который привезъ Чаплинской, кромѣ необычныхъ по-

---

[1]) Лѣтопись, I, 14.

[2]) Ib., I, 47.

[3]) Костомаровъ, Богд. Хм., I, 4.

дарковъ, еще и отпущеніе грѣховъ: тринадцатилѣтній Тимошъ сперва напоилъ гостя водкой, а когда этотъ свалился съ ногъ, сбрилъ или выжегъ ему бороду, чтобы выставить монаха на посмѣшище. Гетманша, чтобы нѣсколько вознаградить посланца, подарила ему 50 талеровъ[1]). Тимошъ пстоянно надоѣдалъ мачихѣ и, входя въ лѣта, устроилъ при гетманскомъ дворѣ враждебную ей партію. Нѣкоторые полагали, что ненависть эта была вызвана обманутой или неудовлетворенной любовію, которая началась будто бы еще въ то время, когда Елена была служанкой войсковаго писаря. Приводимъ эту догадку лишь для дополненія характеристики. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ сказать, что дурныя качества Тимоша явились не по винѣ гетманши. Младшій сынъ, Юрій, обыкновенно называемый Юркомъ или Юрасемъ, выказывалъ нѣкоторую привязанность къ мачихѣ; родной матери онъ не помнилъ,—она умерла, когда Юрій былъ еще ребенкомъ. Это былъ мальчикъ до крайности слабый и щедушный, и такимъ онъ остался до конца своей недолгой жизни. Его обучали хоть немного: у него былъ учитель монахъ, проподававшій мальчику латынь; Самуилъ Зорко, секретарь отца, знакомилъ Юрія съ польскимъ языкомъ, который считался въ то время какъ бы языкомъ дипломатіи[2]); извѣстно еще, что по смерти гетмана Юрій окончилъ курсъ богословія въ кіевской академіи[3]). Но на немъ сказалось вліяніе алкоголизма отца: Беневскій въ 1660 г. пишетъ, что Юрій страдаетъ эпилепсіей, а Величко называетъ его „евнухомъ“[4]), хотя изъ другихъ источниковъ знаемъ, что онъ любилъ женщинъ, и впослѣдствіи, достигши власти на Украинѣ, устроилъ въ Немировѣ цѣлый гаремъ, въ турецкомъ вкусѣ[5]). Изъ всей семьи гетмана только Юрій былъ привязанъ въ дѣтствѣ ко второй женѣ Богдана. Въ благодарность за это, и мачиха окружала болѣзненнаго и слабаго ребенка всевозможными заботами.

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Opowiadania historyczne, т. I.

2) Памятники, I, 3, 339.

3) Величко, I, 54.

4) Самовидецъ, 2 изд., 520.

5) Лѣтопись, I, 14.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Ученическое сочиненіе Н. В. Гоголя. До сихъ поръ извѣстны намъ только два ученическихъ сочиненія Н. В. Гоголя, писанныхъ имъ, какъ предполагаютъ, въ первой половинѣ 1828 года, незадолго до выпуска изъ лицея кн. Безбородко, и впервые напечатанныхъ г. Кулишомъ въ 1854 году[1]). Конечно, очень жаль, что намъ такъ мало до сихъ поръ открыто этихъ первыхъ литературныхъ опытовъ Гоголя, а между тѣмъ несомнѣнно, гдѣ-нибудь въ рукописныхъ и книжныхъ хламахъ находятся они, пребывая въ забвеніи. Такъ, намъ удалось недавно найти еще одно ученическое сочиненіе Гоголя подъ заглавіемъ «Въ какое время дѣлаются славяне извѣстны по исторіи, гдѣ, когда и какими дѣяніями они себя прославили до разселенія своего и какое ихъ было разселеніе». Написано оно на листѣ синеватой бумаги, гдѣ водяные знаки показываютъ 1827-й годъ. Въ началѣ листа помѣтка „*Н, Гоголь-Яновского*", а въ концѣ сочиненія не безъинтересная рецензія профессора *К. Моисеева*, безъ всякихъ его поправокъ въ текстѣ. Рукопись писана крайне небрежно, съ искаженіями словъ, съ недописанными словами и съ помарками. Въ виду важности даже всякихъ мелочей, касающихся литературныхъ опытовъ великаго писателя, печатаемъ текстъ съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей его письма.

Рецензентъ сочиненія, Кириллъ Абрамовичъ Моисеевъ, былъ профессоромъ россійской словесности, исторіи и статистики въ гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1820 по 1837 годъ), а слѣдовательно нельзя точно указать, когда именно писано было это рецензированное имъ сочиненіе Гоголя; но указанные раньше водяные знаки на бумагѣ точно устанавливаютъ намъ, что не раньше 1827 года, а такъ-какъ Гоголь въ іюнѣ 1828 года уже окончилъ курсъ наукъ, то срокъ написанія этого сочиненія опредѣляется съ достовѣрностью, а именно—незадолго до окончанія курса.

В. Науменко.

Н. Гоголь-Яновского.

Въ какое время дѣлаются славяне[2]) извѣстны по исторіи гдѣ, когда и какими дѣяніями они себя прославили до разселенія своего и какое ихъ было разселеніе.

Трудно и почти невозможно отдернуть темный непроницаемый *зананавѣсъ* (sic) исторіи первоначального[3]) произхожденія славянъ. Обширная страна извѣстная въ древности подъ именемъ Скифія потомъ Сарматія отечество славянъ, была поперемѣнно селима и опустошаема варварскими народами. Послѣ ужасныхъ опустошеній свирѣпого Аттилы, когда владычество гуновъ было потрясено Уграми венграми и Аварами въ XI вѣкѣ начинаютъ появляться славяне. Жестокіе звѣрскіе въ войнѣ но великодушные въ мирѣ они скоро сдѣлались ужасомъ греческой монархіи. Съ сего времени они почти безпрестанно громили ея провинціи и самые стѣны Константинополя. Императо-

---

[1]) Въ Современ. 1854 г., № 4. (Опытъ біографіи Н. В. Гоголя); перепечатаны Кулишомъ-же въ его трудѣ „Записки о жизни Н. В. Гоголя", т. 2-й, стр. 275—276, наконецъ въ послѣдній разъ изданы въ „Сочиненіяхъ Н. В. Гоголя" Ник. Тихонравовымъ, т. 5-й, стр. 46 и 47 съ дополненіемъ на стр. 545 и 546,

[2]) Было сначала славянѣ, но потомъ *ѣ* переправлено на *е*.

[3]) Написано сверху вмѣсто зачеркнутаго *первоначальности*.

ры[1]) неотваживались входить съ ними въ неравную битву. Самые великіе полководцы Велизарей и Нарцесъ несмотря на свою доблесть и храбрость испытанную мало здѣлали; одно только золото Юстиніана могло умилостивить сихъ грозныхъ непріятелей. Но Славяне въ скоромъ времени начали искать жилищъ постоянныхъ. Часть изъ нихъ заняла земли дунайскія другая подалась на сѣверъ къ балтійскому морю гдѣ впослѣдствіи основанъ Новгородъ. Разные именованія носили въ это время славяне по мѣстамъ своего разселенія. Поселивш... по рѣкѣ Бугу назывались Бужанѣ, въ лѣсахъ въ дебряхъ непроходимыхъ жили Древляне. Поляне получили названіе отъ ровныхъ и необъятныхъ полей своихъ. Радимичи и Вятичи отъ двухъ ихъ главныхъ предводителей Рядима вятка. Кромѣ того были извѣстны подъ именемъ Дреговичей дулебовъ, Сѣверянъ обитавшихъ въ нынешней черниговской губерніи. Около сего времени Славяне славились своимъ гостепріимствомъ. Лѣтописцы съ восторгомъ повѣтствуютъ о таковой ихъ добродѣтели. встрѣтившагося путника пришедшаго у нихъ просить почлега хотя былъ то самъ непріятель принимали съ радушіемъ. Открывали даже домы свои во весь день когда уходили и ставили на столѣ хлѣбъ для приходящихъ странниковъ. Любили войну и сохраняли вполнѣ всѣ рыцарскіе добродѣтели. Были всѣ рослы стройны имѣли волосы[2]) русые спадавшіе кудрями по плечамъ. Лица были смуглы но не по природѣ. Съ ранихъ лѣтъ они уже загарали солнцемъ находясь вѣчно на звѣриной ловлѣ. Съ XII когда норманы и другіе сѣвер. народы извѣстные подъ именемъ варягъ распространили *свой* (sic) удалые *разъѣзды* (sic) по берегамъ Балтійскаго моря и начали *посѣчать* (sic) славянъ они начали примѣтно улучшаться въ *образованіе* (sic) ибо норманы распространившіеся по всей Европѣ и видѣвши все лучше сообщили славянамъ свое знаніе. Но еще болѣе упрочилось ихъ просвѣщ... со *времи* (sic) когда письмена принесенные въ Моравію Кириломъ и Меѳодіемъ достигли ихъ. До пришествія Рурика уже *основалось* (sic) независимая респубд... славянъ въ Новгородѣ и славяне управлялись законами вѣроятно норманскими, но уже по *тогдашнему* (sic) ихъ состоянію можно было предсказать будущее ихъ благоденствіе и славу.

Рецензія: Не соблюдена хронологія и произшествія показаны въ превратномъ порядкѣ. Профессоръ К. Моисеевъ.

Вукъ Сербинъ, полковникъ Переяславскій (1675—1682).— Изучая біографіи малороссійскихъ козацкихъ полковниковъ семнадцатаго вѣка, крайне трудно бываетъ собрать въ актахъ того времени какія-либо выпуклыя индивидуальныя черты, которыя позволяли-бы изображать въ живыхъ краскахъ душевный складъ, особенности характера, мотивы дѣятельности и міросозерцаніе отдѣльныхъ лицъ изъ этой среды. Всѣ они болѣе или менѣе похожи другъ на друга, всѣ одинаково воевали, вели интриги изъ-за войсковыхъ урядовъ, наживались захватомъ войсковыхъ земель да военной добычей, и стремились загладить грѣхи жизни пожертвованіями на церкви и монастыри. Только мѣсто службы да нѣкоторыя внѣшнія случайности жизни отличаютъ одного изъ нихъ отъ другаго. Поэтому историку приходится довольствоваться сухимъ перечнемъ біографическихъ данныхъ, не пытаясь путемъ психологическаго анализа создавать

живыя и выпуклыя характеристики этихъ дѣятелей стариннаго козачества.

Въ предыдущей статьѣ нашей, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1893 годъ, мы изложили біографію полковника Переяславскаго Родіона Григорьевича Дмитрашка. Теперь очередь за его преемникомъ, *Вукомъ Сербиномъ*.—Повидимому-онъ не имѣлъ никакого фамильнаго прозвища. По національности онъ былъ Сербомъ, по-малорусски: *Сербиномъ*, а по имени звался *Вукомъ* (Волкомъ), и вотъ такъ и называли его всѣ современники: *Вукъ Сербинъ* (Волкъ Сербъ) или, употребляя уменьшительное имя отъ *Вукъ*,—*Вуйца*, *Войца Сербинъ*. Извѣстно, что въ Сербіи на ряду съ христіанскими именами въ честь святыхъ угодниковъ до сихъ поръ даютъ новорожденнымъ дѣтямъ прозванія по именамъ животныхъ и растеній. Знаменитый творецъ сербскаго литературнаго языка Караджичъ самъ носилъ имя *Вукъ* (Волкъ) и въ своемъ Словарѣ сербскаго языка объясняетъ, чѣмъ руководствуются сербскія матери, давая сыновьямъ имя этого хищнаго звѣря: «Если у какой-нибудь женщины умираютъ дѣти, то она даетъ вновь родящемуся мальчику имя *Вукъ* (Волкъ), *чтобы вѣдьмы не могли его съѣсть*» [1]). Но кромѣ имени *Вукъ*, занимающій насъ Переясловскій полковникъ имѣлъ и христіанское имя *Василій*.

Вукъ Сербинъ пришелъ, вѣроятно, въ Малороссію въ составѣ того *товариства хоруговей волоскихъ*, которое привелъ Дмитрашко въ 1665-мъ году. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ числѣ подписавшихся подъ присяжнымъ листомъ и подъ статьями Козацко-Дубровской рады, происходившей въ іюнѣ 1672 года и выбравшей гетманомъ Самойловича,—съ званіемъ сотника Золотоношскаго [2]). Какъ видно, онъ къ этому времени (1672 г.) обжился уже въ Золотоношѣ и руководилъ постройкой тамъ церкви. Когда полковникъ Переяславскій Дмитрашко и сотникъ Золотоношскій Вукъ Сербинъ уѣхали на раду въ Козацкую Дуброву, то наказной сотникъ Золотоношскій Тимко Бурмака писалъ отъ 8 іюня 1672 года къ наказному полковнику Переяславскому Олихверу Максименку: «Изволь, милость твоя, написати въ таборъ къ господину Дмитрашку Райчѣ полковнику, чтобы Войцу, сотника нашего, прислалъ для совѣта подаванія намъ, созиданія ради церкви Божіи; уже мы и плотниковъ наняли» [3]).—

[1]) См. Српски рјечникъ 1-е изданіе 1818 г., стр. 88.

[2]) См. Акты Ю. и З. Р. IX, 908. Лѣтопись Величка, т. II, 312.

[3]) См. А. Ю. и З. Р. IX, 968.

Есть извѣстіе, что послѣ Козацко-дубровской рады Вукъ ѣздилъ съ нѣкоторыми другими лицами въ Москву—хлопотать объ утвержденіи вновь избраннаго гетмана и объ оставленіи за малороссійскимъ войскомъ его старинныхъ вольностей [1]).

Во время похода къ Днѣстру полковника Дмитрашка лѣтомъ 1674 года Вукъ Сербинъ былъ посланъ съ передовымъ отрядомъ за р. Бугъ, соединился тамъ съ подольскимъ полковникомъ Мурашкою, и сначала они вмѣстѣ разбили скопища Турокъ и Татаръ, но затѣмъ были осаждены ими въ м. Ладыжинѣ надъ р. Бугомъ. Здѣсь Вукъ Сербинъ показалъ себя плохимъ боевымъ товарищемъ: 6-го августа 1674 года, въ день Преображенія Господня, онъ со своими козаками вырвался изъ Ладыжина, переправился черезъ р. Бугъ, скрывался два дня въ лѣсахъ и затѣмъ присоединился къ главному отряду полковника Дмитрашка, а Мурашка съ своимъ отрядомъ погибъ подъ ударами превосходнаго силами непріятеля [2]).

Когда Дмитрашко поссорился съ гетманомъ Самойловичемъ и былъ устраненъ послѣднимъ отъ Переяславскаго полковничества, то полковникомъ Переяславскимъ избранъ былъ Вукъ Сербинъ. 13 января 1675 года онъ доносилъ уже изъ Барышевки, по обязанности Переяславскаго полковника, ясновельможному гетману, что орда разгромила польскій отрядъ коронного хорунжаго Синявскаго [3]).

Въ письмѣ къ гетману отъ 7 февраля 1675 года изъ Барышевки-же Вукъ Сербинъ сообщаетъ новости о Дорошенкѣ:—совѣтникъ Дорошенка Гамалѣя хотѣлъ взять мѣстечко Бубновъ (въ нын. золотоношскомъ у. полтав. губ.), но неудачно; «три приступа чиня, никаковы радости не воспріявъ;» хотятъ брать и другіе «понаддньпрскіе городки.» Пишетъ Сербинъ и о своей дѣятельности: «съ сотнями полку моего конно собрався, къ Днѣпру умышляя, къ Домонтову пошелъ есмь.» Въ заключеніе онъ говоритъ, что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не замедлитъ извѣстить (*ко объявленію подати*) и проситъ прислать ему военную помощь: «милости твоей прошу, изволь, по милости своей, на оборону и на отпоръ въ тѣ городки поднѣпрскіе которого полку сколько сотъ пѣхоты и съ запасы своими прислати вскорѣ, какъ милость твоя обѣщалъ [4])».

---

[1]) См. А. Ю. и З. Р. XII, 396-97.

[2]) См. А. Ю. и З. Р. XI, 600.

[3]) См. А. Ю. и З. Р. XII, 21—22.

[4]) См. А. Ю. и З. Р. XII, 53—54.

Лѣтомъ 1675 года Вукъ Сербинъ съ другими козацкими начальниками ходилъ на правую сторону Днѣпра къ мѣстечку Мошнамъ (въ ныш. черкасскомъ у. кіев. губ.) *добывать языка* и здѣсь одержалъ блестящую побѣду надъ компаніей и серденятами Дорошенка [1]).

16 Октября 1675 г. Вукъ Сербинъ сообщалъ новости о Дорошенкѣ Кіевскому воеводѣ князю Алексѣю Андреевичу Голицыну [2]).

Черезъ годъ послѣ этого (осенью 1676 г.) Переяславскій воевода князь Ѳедоръ Волконскій оскорбилъ гетмана Самойловича и полковника Вука Сербина какими-то *укоризненными* словами. Гетманъ жаловался на Волконскаго въ Москву Государю, и 25 октября 1676 г. приказано было воеводѣ Кіевскому князю Голицыну разобрать жалобу на Волконскаго и если она подтвердится, то «князя Ѳедора посадить на 3 дня въ тюрму». Чѣмъ окончилось это дѣло, изъ извѣстныхъ намъ актовъ не видно [3]).

Въ 1679 г. Вукъ Сербинъ содержалъ стражу внизъ по Днѣпру, отъ степей татарскихъ [4]).

Кажется, въ 1682 году,—гетманъ Самойловичъ лишилъ Вука Сербина полковничества и засадилъ его за что-то въ тюрьму: по крайней мѣрѣ, въ одномъ актѣ отъ 23 января 1863 года, напечатанномъ А. М. Лазаревскимъ въ Мотыжинскомъ архивѣ, полковникомъ Переяславскимъ является уже Леонтій Артемьевичъ Полуботокъ [5]), а 30 апрѣля 1684 года Патрикъ Гордонъ случайно упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, что Вука держатъ еще въ тюрьмѣ (*Woitza würde noch im Gefängnisse gehalten*) [6]). Этимъ объясняется, почему у Вука Сербина возбудилось озлобленіе противъ гетмана Самойловича и онъ явился однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ при смѣщеніи гетмана въ 1687 году. Когда въ день ареста (20 іюля) гетманъ вышелъ поутру изъ походной церкви и направился къ своей палаткѣ, то Вукъ Сербинъ подошелъ къ нему, схватилъ его за руку и сказалъ ему, что онъ долженъ идти другой дорогой, намекая, очевидно, на приближающійся моментъ ареста [7]).

---

[1]) См. А. Ю. и З. Р. XII, 220, 250—51.

[2]) См. А. Ю. и З. Р. XII, 265—66.

[3]) См. А. Ю. и З. Р. XII, 769, 771.

[4]) См. Повѣствованіе Ригельмана, М. 1847, Ч. II, стр. 165, ст. 2. Лѣт. Грабянки, К. 1854, стр. 314.

[5]) См. Мотыжинскій Архивъ. К. 1890, стр. 123.

[6]) См. Gordons Tagebuch, 2 B., стр. 21.

[7]) См. тамъ-же, стр. 185.

Осенью 1684 года Вукъ Сербинъ былъ уже на свободѣ и проживалъ въ г. Переяславѣ. Къ этому времени относится печатаемый ниже документъ, по которому Вукъ (Василій) даритъ Кіевскому Свято Никольскому монастырю дворовое мѣсто съ домомъ въ г. Переяславѣ близь Воскресенской церкви.

Подъ статьями объ избраніи гетмана Мазепы (25 іюля 1687 г.) Вукъ Сербинъ подписался уже генеральнымъ эсауломъ (General-Adjutant der Kosaken по выраженію Патрика Гордова): «Андрей Гамалѣя, вмѣсто перваго Енеральнато Асавула Войцы Сербина, и за себя, Енеральнаго Асавула, рукою своею подтверждаю [1])». Изъ этой подписи видно, что Вукъ былъ неграмотнымъ.

Хотя Вукъ ненавидѣлъ Самойловича и содѣйствовалъ избранію въ гетманы Мазепы, однако Мазепа поступилъ относительно него такъ-же двулично, какъ онъ поступалъ и относительно другихъ выдающихся дѣятелей малороссійскаго войска: онъ далъ Вуку универсалъ на маетности въ с. Подлипномъ нѣжинскаго полка (близь г. Конотопа), а между тѣмъ написалъ въ Москву, что онъ ему, гетману не желателенъ [2]).

Въ дневникѣ Патрика Гордона подъ 28 ноября 1687 года разсказывается, что Вукъ (Voitz oder General-Adjutant der Kosaken) съ отрядомъ легкой конницы въ 1.000 человѣкъ сдѣлалъ рекогносцировку къ Кизи-Кермену [3]), потерялъ убитыми нѣсколько человѣкъ и узналъ, что Турки подвозятъ матеріалы и хотятъ укрѣпить Кизи-Кермень [4]).

Съ этого времени Вукъ не упоминается болѣе въ историческихъ источникахъ. Изъ приводимой ниже дарственной его видно, что у него было потомство, но о дальнѣйшей судьбѣ послѣдняго мы не нашли пока никакихъ указаній въ извѣстныхъ намъ актахъ того времени. Годъ смерти Вука Сербина также намъ неизвѣстенъ.

Приложеніе [5]).

Я: василій сербинъ товаришъ войсковий полку Переяславского: и тогож города обыватель: теперь Его милости пану Полковникови Переяславскому, старшинѣ полковой и мѣской, товариству и посполи-

---

[1]) См. Маркевичъ, Ист. Малороссіи, М. 1842, т. III, стр. 319.

[2]) См. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изд. 1885, стр. 20, и Лазаревскій, нѣжинскій полкъ, 1893, стр. 240.

[3]) Нын. Бериславль. См. Эварницкій, Запорожье, ч. II, 1888, стр. 132—133.

[4]) См. Gordons Tadebuch, 2 B., стр. 205.

[5]) Подлинникъ этой дарственной хранится въ Церковно-Археол. музеѣ при Кіевской Духовн. Акад. За сообщеніе копіи приносимъ искреннюю благодарность проф. Н. И. Петрову.

тимъ людемъ, такъ теперь яко и въ потомие векуисти времена в семъ градѣ дай Боже щасливе по насъ наступуючимъ: и всѣмъ кому бы о томъ знати належало; вѣдомо чиню симъ моимъ шкриптемъ, иж мѣючи я и домъ свой на пляцахъ в певнихъ межахъ и границахъ кождий особъ поскупленихъ: а мною юж самимъ построенный и незаведенный, близъ церкви воскресенія христова черезъ улицу противко домовъ пановъ Сулимовъ Іоана Стефановича сотника Гелмязовскаго, Александра Стефановича хоружого полкового Переяславского стоячый[1]): з доброе мое волѣ не с примусу якого анѣ з людское намови за отпущеніе грѣховъ моихъ и за здравіе мое и дѣтей моихъ, также за усопшихъ родичовъ, жонъ, и дѣтей моихъ: превелебному въ Бозе Его Милости господину отцу Антонію Радзѣвиловскому[2]) ігуменови Свято-Николскому пустинного монастира Кіевского ему теперь и всей братіи и по нихъ наступуючимъ сукцессоромъ при той святой обытели мешкаючимъ подаю у вѣчное спокойное владѣніе и завѣдованя; которим то дворомъ волно Его милости господину отцу игуменови свято-николскому и всей братіи кого хотячи даровати, продати его, или вечисте его ку своей монастирской потребѣ держати и вселякие з оного на тую святую обытель Николскую розмножати пожитки: до которого двора, я самъ, дѣти мои. и кревние близкие и далекие од сего часу жадного вступу мѣти не будутъ: але цале за теперешнимъ моимъ доброволнимъ уступенямъ и одданемъ, превелебный въ Богу Его милость: отецъ Антоній Радзѣвиловскій игуменъ С: Николскій Пустинный Кіевскій, обнявши его яко власнимъ монастирскимъ владѣти и нимъ завѣдовати часи вчистими спокойне маетъ: на чомъ и сее мое писаня писаня и вечистій запис с подписомъ мене самого руки и печати: и за упрошенямъ отъ мене о подписъ руки и притисненя печати самого Его милости пана полковника нашого Переяславского Леонтія Полуботка; и с подписемъ старшины полковое и мѣское подаю от себе: в Переяславю мѣсяця октовра: з҃і дня ахпд року (17 Октября 1684 г.)

О О О О О О (мѣста печатей).

Устне през самого пана Василия Сербина прошоно мене и пр. . . . . них. . . . дѣючоеся полковіе старш. . . . о под-

[1]) Иванъ и Александръ Сулимы, сыновья Бориспольскаго сотника Степана (Стенка) Сулимы, убитаго въ 1659 г.

[2]) Радзивиловскій-знаменитый проповѣдникъ своего времени. Извѣстны двѣ его книги: Огородокъ Маріи Богородицы и Вѣнецъ Христовъ. См. Аскоченскій, Кіевъ, 1856, г. I, стр. 341.

пис до того доброволного за..... прозбѣ не отмовляючи.
По....... Леонтій Артемовичъ П......... войска их Царского пресвѣтлого,.......
(другой полулистъ съ окончаніемъ подписей, не сохранился).

Сообщилъ А. Стороженко.

Союзники Наполеона на Волыни въ 1812 г. Извѣстно, что въ 1812 г., во время Наполеоновскаго нашествія, западная часть Волыни нѣкоторое время была занята непріятельскими корпусами князя Шварценберга и Ренье: австрійцы стояли въ с. Голобахъ (ковельск. у.), саксонцы въ м. Киселинѣ (владиміро-вол. у.) и поляки во Владимірѣ. Въ дѣлахъ владиміро-волынскаго духовнаго правленія есть нѣсколько доношеній православныхъ священниковъ, характеризующихъ отношеніе непріятелей къ мѣстнымъ святынямъ и духовенству. Хуже всего вели себя поляки: 17-го августа они ограбили домовую Успенскую церковь при соборѣ, взяли въ плѣнъ соборнаго протоіерея В. Малеванскаго и увезли съ собою болѣе цѣнное церковное имущество, въ томъ числѣ 1638 золотыхъ изъ церковной кружки. Уходя изъ Владиміра (въ началѣ сентября), поляки взяли изъ епископскаго замка двѣ пушки и разное огнестрѣльное оружіе. [1])

Иначе вели себя другіе союзники Наполеона. Священникъ м. Езерянъ (владиміро-вол. у.) доносилъ, что 18-го августа остановился въ этомъ селѣ непріятельскій корпусъ подъ командою фельдмаршала Фреймонта, и такъ какъ это былъ день воскресный, то находившійся при корпусѣ католическій ксендзъ пожелалъ отслужить для солдатъ обѣдню. За неимѣніемъ въ селѣ костела, онъ обратился къ православному священнику съ требованіемъ открыть церковь. Священникъ не посмѣлъ ослушаться: онъ снялъ съ престола св. антиминсъ и евангеліе и покрылъ престолъ бѣлой пеленой, на которой ксендзъ положилъ «свой каменный портатель» и (по словамъ доношенія) «не гнушаяся ничѣмъ, но отдавая надлежащую честь дому Божію, свое имѣлъ богослуженіе».

Другой случай произошелъ въ с. Черневѣ, того-же уѣзда. 11-го сентября сюда явился корпусный командиръ саксонскихъ войскъ, генералъ Ренье и расположился съ отрядомъ на ночлегъ за чертой селенія; но такъ какъ вечеромъ пошелъ сильный дождь, то отрядъ вступилъ въ село и размѣстился по избамъ. Не найдя для себя при-

---

[1]) Дѣло Владиміро-Вол. Дух. Правленія, 1812 г., № 1026.

личнаго помѣщенія, генералъ просилъ священника открыть церковь и расположился, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ, на ночлегъ въ притворѣ церковномъ. Въ полночь генералъ собрался выступить съ своимъ отрядомъ и направиться въ дальнѣйшій путь. Уходя, онъ пригласилъ священника и церковныхъ братчиковъ, указалъ имъ, что въ церкви онъ не сдѣлалъ никакого безпорядка и, поклонившись святымъ иконамъ, вышелъ изъ притвора [1]).

О. Л.

Полтавскій губернскій маршалъ С. М. Кочубей. Семенъ Михайловичъ Кочубей (род. 1778 (?)+1835 г.) былъ прямымъ потомкомъ казненнаго Мазепой Василія Леонтьевича Кочубея [2]). Отецъ его, подполковникъ Михаилъ Семеновичъ (род. 1751 г.) былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ полтавской губерніи, имѣя около 6000 душъ, и жилъ постоянно въ д. Требахъ полтавскаго уѣзда, гдѣ, вѣроятно, и родился Семенъ Михайловичъ. Намъ неизвѣстно, кто была мать Семена Михайловича, какъ онъ провелъ свои дѣтскіе годы и гдѣ получилъ образованіе. Двадцати одного года онъ выступаетъ уже на общественномъ поприщѣ, будучи избранъ конотопскимъ повѣтовымъ маршаломъ, въ каковой должности пробылъ очень короткое время, такъ какъ, съ открытіемъ въ 1802 году полтавской губерніи, онъ былъ избранъ на первыхъ же дворянскихъ выборахъ сначала полтавскимъ повѣтовымъ маршаломъ, а вскорѣ и полтавскимъ губернскимъ маршаломъ. Въ послѣдней должности Семенъ Михайловичъ прослужилъ около четырехъ лѣтъ, съ 1803 г. по 1807 г., занявши этотъ столь отвѣтственный въ то время постъ въ самое смутное для дворянства время, когда крестьяне мечтали о вольности и толпами обращались съ просьбами къ тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору князю А. Б. Куракину объ обращеніи ихъ въ вольныхъ козаковъ. Боясь волненій среди своихъ крѣпостныхъ, большинство дворянъ переѣхали въ Полтаву, ища утѣшенія и поддержки со стороны губернскихъ властей. Кромѣ переѣхавшихъ въ Полтаву на жительство, было много дворянъ, пріѣзжавшихъ накороткѣ, такъ что иногда собиралось въ городѣ до 600—700, дворянъ, которыхъ Кочубей долженъ былъ, конечно, принимать и ободрять. По свидѣтельству внучатнаго брата Семена Михайловича,

---

[1]) Дѣло Владиміро-Вол. Дух. Правленія, 1812 г., № 1038.

[2]) Русскій Архивъ 1876, т. 3, стр. 453.

Аркадія Васильевича Кочубея (род. 1790+1873) [1]), онъ жилъ въ Полтавѣ пышно и роскошно, такъ что никогда не садился обѣдать иначе какъ въ кругу гостей, не менѣе тридцати человѣкъ. Понятно, что такой образъ жизни окончательно разорилъ его большое состояніе. По свѣдѣніямъ А. В. Кочубея, Семенъ Михайловичъ промоталъ 7000 душъ, а по другимъ источникамъ болѣе 12000 душъ [2]). Оставшись въ бѣдности, онъ неоднократно обращался къ высшему правительству съ просьбами объ оказаніи ему матеріальной помощи, какъ потомку невинно погибшаго изъ-за вѣрности Престолу. Въ 1816 г. онъ совершенно оставилъ всякую общественную дѣятельность и поселился въ своемъ имѣніи, с. Бѣликахъ миргородскаго уѣзда, гдѣ и провелъ послѣдніе годы жизни въ полнѣйшей бѣдности, такъ что священникъ с. Жуковъ Ѳедоръ Романовскій долженъ былъ устроить по немъ поминки на свой счетъ [3]). Сохранилась масса писемъ [4]) Кочубея къ тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину, въ которыхъ Кочубей описываетъ свое бѣдственное положеніе и проситъ о помощи. Князь Репнинъ очень участливо относился къ несчастному Семену Михайловичу.

С. М. Кочубей былъ женатъ на Прасковьѣ Яковлевнѣ Бакуринской, умершей 22 февраля 1815 г. Онъ горячо любилъ свою жену и былъ страшно огорченъ ея потерей. Похороны ея были очень торжественные. Г. Бучневичъ [5]) такъ описываетъ ихъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ:

„Отпѣваніе совершалъ архимандритъ Кресто-Воздвиженскаго монастыря Іосифъ Ильицкій соборне съ городскими протоіереями и множествомъ священниковъ. Дорога отъ дома до кафедральнаго собора и затѣмъ до с. Жуковъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось чтеніе Евангелія, была устлана ельникомъ. По совершеніи погребенія, поминовеніе въ с. Жукахъ продолжалось болѣе недѣли. На площади ежедневно въ большихъ котлахъ варили для народа обѣдъ и ужинъ, а также были выставлены бочки меда и пива. За погребеніе, какъ значится въ сохранившихся отъ того времени конторскихъ книгахъ жуковскаго имѣнія, было выдано архимандриту Іосифу Иль-

---

[1]) Семейная хроника. Записки А. В. Кочубея. С. П. Б. 1890. Стр. 13 сл.

[2]) Бучневичъ. С. Жуки полтавскаго уѣзда. (Перепеч. изъ № № 79 и 80 полт. губ. вѣд. 1890 г.).

[3]) Ibidem.

[4]) На основанія этихъ писемъ составлена настоящая замѣтка.

[5]) L. C.

ицкому и протоіереямъ по 500 руб. асс., а священникамъ по 300 р. асс., жуковскому-же священнику Ѳедору Романовскому была подарена большая, болѣе двухъ десятинъ, прекрасная усадьба, перешедшая потомъ во владѣніе Токаревскаго".

Самъ С. М. Кочубей умеръ 29 апрѣля 1835 г.

По счастливой для фамильной гордости игрѣ судьбы, Семенъ Михайловичъ имѣлъ лишь одного бездѣтнаго сына, Николая.

Подвизаясь на общественномъ поприщѣ, С. М. Кочубей хотя и лишился всего состоянія, но сдѣлалъ очень много для общественнаго блага.

Снискавши расположеніе со стороны дворянства, онъ достигъ того, что, по его предложенію, дворяне пожертвовали 3000 руб. асс. на богоугодныя заведенія и 60000 руб. асс. на устройство дворянскаго училища, вмѣсто котораго былъ основанъ на пожертвованныя деньги въ 1840 г. кадетскій корпусъ.

Такъ какъ при учрежденіи полтавской губерніи г. Полтава представлялъ собой жалкій городишку съ мизерными постройками, въ которыхъ не могли размѣститься общественныя учрежденія, то Кочубей дѣлалъ многочисленныя пожертвованія для благоустройства города. Для того что бы устроить всѣ необходимыя зданія по приказу общественнаго призрѣнія, Кочубей подарилъ приказу свой кирпичный заводъ съ 200 т. выжженнаго кирпича и нѣсколько усадебныхъ мѣстъ и, кромѣ того, передалъ генералъ-губернатору князю А. Б. Куракину 18 т. для покупки каменнаго дома подъ помѣщеніе для бѣдныхъ воспитанниковъ приказа. На Александровской площади Кочубей взялся построить три каменныхъ дома—губернаторскій, вице-губернаторскій и дворянскій, на постройку которыхъ не находилось охотниковъ, вслѣдствіе крайне ограниченныхъ суммъ, ассигнованныхъ на постройку по смѣтѣ. Самъ генералъ-губернаторъ долженъ былъ жить въ двухъ смежныхъ частныхъ домахъ, заново отдѣланныхъ Кочубеемъ, принадлежавшихъ—одинъ самому Кочубею, другой штабъ лѣкарю Тишевскому.

Кромѣ всѣхъ этихъ пожертвованій, Кочубей отдалъ въ даръ городу купленную имъ рощу для публичнаго сада, подарилъ гимназіи купленную имъ минералогическую коллекцію и устроилъ при гимназіи пансіонъ для восьми мальчиковъ на полномъ своемъ содержаніи, воспитывалъ на свой счетъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ, а также нѣкоторыхъ своихъ крѣпостныхъ, въ харьковскомъ университетѣ, въ с. петербургской медико-хирургической академіи, въ разныхъ пансіо-

нахъ и институтахъ. Изъ этихъ воспитанниковъ выработались потомъ весьма полезные общественные дѣятели,такъ напримѣръ, оберъ-секретарь 3-го департамента сената Пороховниковъ (изъ дворянъ), старшій врачъ полтавскихъ богоугодныхъ заведеній статскій совѣтникъ Матвѣевъ (изъ крѣпостныхъ) и т. п.

Жена Кочубея учредила въ Полтавѣ на свой счетъ пансіонъ для 12 бѣдныхъ дворянокъ, который просуществовалъ до 1816 года. Съ назначеніемъ князя Н. Г. Репнина малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, этотъ пансіонъ взяла на свое иждивеніе его супруга княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, а въ 1818 г. былъ открытъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, при чемъ Кочубей передалъ для помѣщенія института большой деревянный домъ съ садомъ, лѣсомъ, сѣнокосомъ и огородами на 96 десятинахъ, стоимостью въ 100000 р., изъ которыхъ Кочубей согласился принять въ уплату только 50000 руб. асс.

Во время отечественной войны, когда было формировано полтавское ополченіе, Кочубей далъ ратниковъ изъ своихъ крѣпостныхъ изъ каждыхъ 15 душъ по одному, тогда какъ прочіе помѣщики дали лишь изъ каждыхъ 25 душъ по одному.

Таковы заслуги С. М. Кочубея передъ обществомъ. Дворянство очень уважало его за это, но когда онъ разорился, то многіе, по свойственному большинству людей равнодушію къ чужой бѣдѣ, позабыли о немъ, что очень огорчило Семена Михайловича и сдѣлало его на склонѣ лѣтъ мизантропомъ и украинофобомъ. Таковая перемѣна въ его взглядахъ особенно ясно сказывается въ представленной имъ въ началѣ 1832 г. князю Н. Г. Репнину «запискѣ о прошлыхъ и настоящихъ судьбахъ Малороссіи», хотя впрочемъ и смолоду были у него задатки этого, какъ онъ самъ высказывается въ нижеслѣдующемъ препроводительномъ письмѣ къ «запискѣ»:

«Приложеніемъ вчера написанной мною записки исполняю тѣмъ въ полной силѣ откровеннѣйшія мои къ Вашему Сіятельству обязанности, твердо надѣясь, что изложенныя мною собственно для свѣдѣнія Вашего мысли мои о краѣ семъ не будутъ никому болѣе въ ономъ извѣстны, ибо иначе постараются меня ударить статутовымъ выволачиваніемъ, изгнаніемъ меня изъ онаго. Но я, по фонъ-Визиновской шуткѣ, убоясь бездны статутовой премудрости, намѣренъ и самъ возвратиться вспять въ Россію, въ коей столицѣ изъ молодости получилъ я сей страхъ; тогда пусть какіе хотятъ подводятъ здѣсь на сетъ изгнавшаго себя артикулы своего законовѣдѣнія. Признаюсь,

что часто слыша я сихъ неграмотныхъ юристовъ, ссылающимися на сіи артикулы, видѣлъ въ нихъ Мольерова лѣкаря по неволѣ, подкрѣпляющаго мнѣніе свое, что должно надѣть и говорить въ шляпѣ Гиппократовымъ авторитетомъ его главою о шляпахъ. Еще бывши я здѣсь губернскимъ маршаломъ, въ 1804 г., располагалъ я просить отъ имени дворянства о сравненіи сего края съ Россіею, слѣдовательно и объ уничтоженіи сей артикульной книги, особливо, когда принужденнымъ я нашелъ себя удалить отъ себя человѣка, бывшаго нѣсколько лѣтъ до того моимъ ближайше домашнимъ, но коего пустое, но безпокойное настаиванье о поддержаніи вреднаго для всего цѣлаго края сего политическаго и гражданскаго націонализма, заставило меня опасаться успѣховъ отъ его тайныхъ происковъ, бывъ мнѣ всѣ его тайны по предмету сего извѣстны. Но когда тогдашній министръ удѣловъ [1]) лично мнѣ въ столицѣ о немъ сказалъ, что онъ человѣкъ безпокойный и дѣлъ не знаетъ, а потому никакія его затѣи никогда не имѣли и не будутъ имѣть успѣха, то я почелъ намѣреніе мое возможнымъ отложить. Сей министръ ни въ обвиненіи, ни въ неуспѣхахъ сего человѣка не ошибся, ибо оный оправдалъ оба сіи случая въ 1812 г., затрагивая тогда, ко удивленію моему, и самого эксъ-министра сего. О семъ болѣе сего писать не должно, а лично, если угодно Вамъ будетъ я могу представить свѣдѣнія, довольно жалкія и любопытныя, думаю здѣсь одному мнѣ теперь извѣстныя.

Итакъ, въ субботу, или въ другой день, по назначенію Вашего Сіятельства, буду въ Полтавѣ, не взирая на крайне разстроившееся здоровье мое, непозволяющее мнѣ и писать, а потому всепокорнѣйше испрашиваю извиненія за столь худой почеркъ мой. Февраля 10-го 1832 г.».

Изъ этого письма видно, что мысли, изложенныя С. М. Кочубеемъ въ его запискѣ, прямо противоположны взглядамъ большинства тогдашнихъ представителей малороссійскаго дворянства, являются, можно сказать, единичными, такъ что все діаметрально противорѣчащее имъ составляло очевидно идеалы этого большинства.

Записка состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: краткихъ историческихъ свѣдѣній о Малороссіи, описанія судебно-административнаго строя ея и описанія народнаго быта ея, съ предположеніями объ его измѣненіи, въ видахъ политическаго объединенія.

---

[1]) Д. П. Трощинскій.

Что касается историческихъ свѣдѣній С. М. Кочубея, то они были весьма ограничены и притомъ большею частью превратны. Для образца мы приведемъ слѣдующую выдержку изъ записки:

«Первоначальные жители сей страны (Малороссіи), вѣроятно, отрасли скиѳской, занимали земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и были первороднаго свойства своего мирнаго, но храбраго, существовали, какъ и всѣ подобные народы, и какъ и нынѣ въ степяхъ существуютъ, въ пастушескомъ быту. Но сіе первородство скиѳское смѣшалось съ разными другими племенами и начально съ славянскимъ, что можно заключить и изъ самого нарѣчія, а наиболѣе изъ обычаевъ первой надобности (ужинъ—вечеря, ужинать—вечерять и проч.), имѣющихъ слова языка сего. За симъ смѣшеніемъ присоединились татары, турки, молдаване и волохи, вошедшіе въ составъ народной малороссійской массы, а наконецъ, поляки составили отдѣльную часть сихъ жителей, пановъ, отчего породилось дворянство и вмѣстѣ съ тѣмъ подданные ихъ, для довершенія же всего сего вошли въ край сей и евреи: все сіе до присоединенія всего сего народа къ Россіи».

При разсмотрѣніи судебно-административнаго строя Малороссіи, С. М. Кочубей особенно останавливается на литовскомъ статутѣ, который ему очень не нравился.

«Какая необходимость—говоритъ онъ—чтобы отличалась Малороссія законами судебными и военными постановленіями? Ежели статутъ лучше законовъ русскихъ, то зачѣмъ бы его не дать и Русскимъ, если же нѣтъ, то почему отдѣлять Молороссіянъ отъ общаго русскаго закона и оставлять ихъ при статутѣ, при законѣ ихъ враговъ, Поляковъ?... Должно признаться, что статутъ есть нѣчто безобразно-инородное, котораго никакое политико-химическое производство не могло смѣшать съ общимъ россійскимъ тѣломъ закона, и что переводъ его, статута, на русскій языкъ не будетъ къ тому способствующимъ средствомъ. Онъ, переводъ сей, напротивъ того далъ случай узнать и Великороссіянамъ сію *толстую книгу*, какъ о ней сказалъ умнѣйшій въ Россіи государственный мужъ, канцлеръ, родомъ изъ малороссіянъ [1]), отдѣляющую столь рѣзко ихъ отъ малороссіянъ»...

Что касается народнаго характера и условій быта, то Кочубей объ этомъ самаго низкаго мнѣнія:

---

[1]) Князь В. П. Кочубей.

«Малороссія представляетъ самое счастливое пространство и положеніе: большая часть ея—плодороднѣйшія земли, а другая—обильна лучшими лѣсами. Обѣ части оживляются двумя большими судоходными рѣками. Всѣ сіи богатства образовали лѣность и вмѣстѣ съ оною первобытность ея коренныхъ жителей, наипаче первой части, гдѣ истинно первоначальные малороссіяне. Корень лѣности сей, удерживающей малороссіянъ въ ихъ первородной простотѣ, безпечности, слѣдовательно и бѣдности ихъ, въ ихъ пастушеско-военномъ происхожденіи, въ коемъ работа и *лучшее* настоящаго для нихъ были чужды. Все въ ихъ быту и употребленіи сему соотвѣтствуетъ и утверждаетъ сію лѣность, обычаи, одежда, пища, ѣзда, все, все, а теперь и хутора ихъ—пріюты безпечности, праздности, невѣжества, уклоненія отъ общественныхъ обязанностей, отъ самаго сообщества ихъ, возвращающее ихъ въ дикое ихъ происхожденіе»...

По мнѣнію С. М. Кочубея, «главнѣйшею причиной не только лѣни нынѣшней малороссіянъ наипаче, но и ихъ бѣдности, невѣжественные священники, ибо они, пьянствуя безпрерывно съ мужиками, съ нихъ же неимовѣрно берутъ за все, и за вѣнчаніе, напримѣръ, до ста рублей и болѣе. О семъ бывшій въ Полтавѣ прокуроръ Горбовскій хотѣлъ имѣть попеченіе для прекращенія сего зла, но едва не былъ происками духовенства обвиненъ и сосланъ. Но сіе не можетъ заставить молчать безстрашную правду».

Вышеприведенныхъ выдержекъ, кажется, достаточно для опредѣленія общаго направленія записки и для характеристики взглядовъ С. М. Кочубея въ послѣдніе годы его жизни, которые обусловливались несомнѣнно угнетеннымъ нравственнымъ состояніемъ подъ вліяніемъ тяжелаго матеріальнаго положенія. Но все-таки плодотворная дѣятельность С. М. Кочубея на общественномъ поприщѣ въ его молодые годы заслуживаетъ благодарной памяти потомства.

Н. С.

Письмо черниговскаго губернатора Андрея Милорадовича въ защиту кіевскаго протоіерея Леванды (1794 г.). «Видъ на жительство» всегда у насъ причинялъ безпокойства простому человѣку, сельскому жителю, который въ поискахъ работы оставляетъ свое мѣсто жительства. Не мало безпокойствъ причинялъ вопросъ о пашпортахъ и горожанамъ хозяевамъ, державшимъ у себя работниковъ.

Кіевская Управа благочинія въ первые годы своего существованія, разбрасываясь въ своей дѣятельности, захватывавшей слишкомъ широкую сферу жизни, весьма ревниво относилась къ вопросу о пашпортахъ и привлекала къ отвѣтственности горожанъ, державшихъ у себя прислугу безъ надлежащихъ пашпортовъ.

На этой то почвѣ возникло въ 1794 г. полицейское «дѣло» и противъ извѣстнаго кіевскаго оратора духовнаго, протоіерея Леванды.

Въ защиту его отъ этой волокиты и обратился отъ 7 апрѣля 1794 г. Андрей Милорадовичъ къ кіевскому губернатору (намѣстнику) Ширкову съ слѣдующимъ письмомъ.

„Милостивый Государь мой Семенъ Ермолаевичъ!

Извѣстился я, что кіевскій господинъ протоіерей Иванъ Леванда затрудняется призивомъ его къ процессу за нѣякоесь якобы имъ передержаніе безъ письменнаго вида казеннаго черниговской губерніи крестьянина. Качествы сего добраго человѣка, особливо навлеченное ему безъ винно затрудненіе побудили меня лично изыскать въ семъ истину, почему и призванъ былъ ко мнѣ самой тотъ крестьянинъ съ его жительства, которой во взятомъ съ него объяснении показалъ, что во время недорода въ 788 году хлѣба не могучи чемъ себя препитать, забравъ свое семейство, отлучился зъ даннымъ ему отъ сѣлскаго начальства письменнымъ видомъ кіевскаго намѣстничества въ г. Остеръ, а отъ толь въ Кіевъ, и тамо проживалъ въ мѣщанина Лобачевскаго. Но отъ кіевской Управы благочинія, по причинѣ что въ данномъ ему былетѣ не пояснено его семейства и дозволенъ ему проходъ толко до города Остра, приказано ему съ даннымъ особимъ пашепортомъ возвратится на прежнее жилище и явится въ губернскомъ городѣ Черниговѣ; почему онъ, оставя семейство и жену свою по причинѣ ее тогда тяжелой болѣзни въ Кіевѣ съ особой прозбы въ домѣ господина Леванды, самъ отлучился съ Кіева съ даннымъ пашепортомъ, но нейдя въ Черниговъ зашелъ въ селеніе своего жительства и обявя тотъ свой пашепортъ получилъ въновъ на возвращеніе въ Кіевъ изъ своего же селенія билетъ, по которому и особливо по женитьбѣ въ Кіевѣ на другой женѣ за умертвіемъ первой проживалъ въ работникахъ за договоренную плату не только въ Леванды, но и въ другихъ мѣстахъ, и находился чрезъ одно лѣто по своей волѣ и за заплату въ пастьбѣ скота жителей села Троеччины, о каковомъ его пребываніи извѣстно было и обществу того селенія, въ которомъ имѣлъ онъ свое жительство, ибо съ того общества и навѣщаемо его было, но по причинѣ медленного

его въ домъ возвращенія, по прозбѣ общества и по требованію черниговской казенной палаты, высланъ былъ уже съ семействомъ на прежнее жилище за присмотромъ; при снятіи жъ съ него въ то время здѣсь допроса о данномъ ему съ его селенія вторично на проходъ до Кіева писменномъ видѣ онъ не показывалъ и о томъ въ него спрашиваемо не было.

По такому обстоятельству Вашего Превосходительства покорнѣйше прошу собственно ко мнѣ въ благодѣяніе ваше и вразсужденіи неповиннаго и излишнего его Г. Леванды затруднѣнія, ни къ умислу его ни къ казенному ущербу относящагось, приказать кому надлежитъ заведенной на его по суду искъ, дабы даліе не былъ уже онъ затрудняемъ, оставить по благоразсмотренію Вашего Превосходительства. Пребывающій навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію Вашего Превосходительства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ".

А. А.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣетъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе, что съ 1-го января 1894 года учреждается на средства, пожертвованныя г. почетнымъ членомъ Общества Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ, единовременная премія въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе должно быть представлено на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ не позже 1-го января 1895 года, при девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля того-же года.

Пользуясь правомъ, предоставленнымъ Обществу жертвователемъ, Общество объявляетъ, что премія предпочительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія двѣ темы:

1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана.

2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ.

Премія можетъ быть выдана и въ половинномъ размѣрѣ.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества обязательно на русскомъ языкѣ, при чемъ автору выдаются оттиски

За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу, въ Одессѣ.

Пользуясь случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его распоряженіи находятся и еще двѣ преміи: первая имени Димитрія Максимовича Княжевича, на проценты съ капитала въ 2000 руб. въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14-му ноября 1894 года, за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая—Одесской городской Думы—безсрочная въ 500 руб. за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.

Библіографія.

Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873. С.Петербургъ. 1890. 8 д. 314 стр.

Настоящая книга не поступала въ продажу и потому нашъ отзывъ о ней запоздалъ. «Записки» заключаютъ въ себѣ довольно подробный разсказъ о жизни автора и нѣсколько воспоминаній о его предкахъ. По той видной роли, которую Кочубеи занимали въ XVIII в. въ гетманской Малороссіи, воспоминанія о нихъ потомка, дѣтство котораго относится къ тому-же XVIII в. (р. 1790 г.), должны были бы, повидимому, заключать въ себѣ интересные факты для исторіи тогдашняго общества; но оказывается, что воспоминанія автора «Записокъ» о его предкахъ очень бѣдны по содержанію. Вотъ что́ читаемъ мы въ первой главѣ «Записокъ», названной— «родословною».— «Просьбу твою, дорогой сынъ мой, Петръ Аркадьевичъ, [1]) написать воспоминанія моей 86-лѣтней жизни, я, по мѣрѣ силъ моихъ, желаю исполнить... Начну мои воспоминанія нашими *фамильными преданіями.* Я не буду говорить ни о предкѣ нашемъ Андреѣ Кочубеѣ, который, какъ говорятъ, первый принялъ христіанство (о немъ мнѣ мало что извѣстно), ни о генер. судьѣ Вас. Леонт. Кочубеѣ, который при Петрѣ былъ казненъ Мазепою: о немъ уже сказала исторія. О послѣднемъ я напомню только, что онъ былъ женатъ на Любви (Любови) Жукъ и что дочь ихъ Матрена, воспѣтая подъ именемъ Маріи Пушкинымъ... вовсе не лишалась разсудка отъ любви къ старику Мазепѣ, а напротивъ вышла замужъ за полковника Чуйкевича.... Василій Л—чъ ос-

---

[1]) Умеръ въ декабрѣ 1892 г., оставивъ послѣ себя замѣчательное собраніе разнаго рода предметовъ техническихъ искусствъ (*bric à brac*). Въ число этихъ вещей попало, говорятъ, и то желѣзное кресло гр. Кирилла Разумовскаго, которое, еще 10—15 лѣтъ назадъ, стояло у его гроба, въ Воскресенской церкви, въ Батуринѣ.

тавивъ послѣ себя двухъ сыновей: Василія и Федора. Первый жилъ въ Диканькѣ (отъ него то и пошелъ нашъ родъ), а Федоръ Вас—чъ жилъ въ Ярославцѣ, былъ женатъ (не припомню на комъ) и имѣлъ дочь, которая умерла отъ чахотки.

Василій Вас—чъ былъ полтавскимъ полковникомъ и былъ женатъ на (Марфѣ) Апостолъ, но отъ нея не имѣлъ дѣтей, и жена его вскорѣ умерла. Вторая женитьба его, какъ передаетъ преданье, совершилась очень романически. Однажды, въ Диканькѣ, приходитъ къ Василію Вас—чу сотникъ его полка и убѣдительно проситъ принять участіе въ его судьбѣ. Дѣло въ томъ, что сотнику нравится дѣвушка Марфа, дочь церковнаго старосты Яновича[1]), онъ желаетъ на ней жениться, но не надѣется, чтобы родители согласились на этотъ бракъ, почему проситъ полковника принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Согласенъ. Но гдѣ же я ихъ увижу?—спрашиваетъ Василій Вас—чъ сотника.

— А вотъ, на дняхъ, у нихъ, въ Полтавѣ, храмовой праздникъ; если бы вы, полковникъ, поѣхали туда, то послѣ обѣдни, васъ навѣрно пригласятъ, вотъ вы и могли бы тогда замолвить обо мнѣ слово!

Василій Вас—чъ ѣдетъ на праздникъ въ Полтаву, видитъ эту дѣвушку, вѣроятно, замѣчательную красавицу, потому что лишь только она вошла съ подносомъ въ комнату (въ тѣ патріархальныя времена было обыкновеніе, чтобы хозяйка дома, или старшая дочь-невѣста, подносила гостямъ напитки) чуть только онъ на нее взглянулъ, —судьба его была рѣшена. Онъ тутъ же дѣлаетъ предложеніе родителямъ дѣвушки. Тѣ, никогда не мечтавшіе о такой высокой чести и счастіи, тотчасъ же согласились, тутъ же повязали имъ рушники и пили за здоровье жениха и невѣсты. Послѣ того полковникъ возвращается домой, встрѣчаетъ ожидающаго его сотника и объявляетъ ему, что дѣло улажено. Тотъ его благодаритъ.—Не за что, братецъ, благодарить, потому что дѣло я устроилъ не для тебя, а для самого себя.—Есть преданіе, будто бы отъ этого брака у Василія Вас—ча было двадцать человѣкъ дѣтей, но мнѣ извѣстны только девять: пять дочерей и четыре сына. Дочери всѣ вышли замужъ:—двѣ за Лизогубовъ, третья за Тарновскаго, четвертая за Скоропадскаго и пятая за Томару, который ее увезъ и они тайкомъ обвѣнчались.—Сыновья Василія В—ча были: Семенъ, Василій, Павелъ и Петръ.

---

[1]) „Отъ Яновича пошелъ родъ Халанскихъ.“ (Прим. А. В. Кочубея).

Старшій сынъ Семенъ Васильевичъ воспитывался въ чужихъ краяхъ, служилъ въ военной службѣ и былъ генеральнымъ обознымъ, или иначе, начальникомъ артиллеріи. Впослѣдствіи, онъ былъ переименованъ въ тайные совѣтники, назначенъ старшимъ членомъ малороссійской коллегіи и, за отсутствіемъ малороссійскаго генералъ-губернатора графа Румянцева, предсѣдательствовалъ въ этой коммисіи—(коллегіи?). Замѣчателенъ тотъ фактъ, что по прекращеніи его службы генеральнымъ обознымъ, ему не было пожаловано, по примѣру другихъ, ранговаго имѣнія, которое въ то время замѣняло жалованное, и онъ остался при своихъ родовыхъ имѣніяхъ.

Семенъ Вас—чъ Кочубей былъ женатъ и имѣлъ сына Михаила и дочь Надежду....

Второй сынъ Василія Вас—ча, Василій, мой дѣдъ, при гетманѣ исправлялъ должность подкоморнаго, а послѣ былъ предводителемъ дворянства въ вновь учрежденномъ новгородъ-сѣверскомъ намѣстничествѣ; впослѣдствіи, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія. Василій Вас—чъ былъ женатъ на Марѳѣ Демьяновнѣ Оболонской.

Третій сынъ Василія Вас—ча, Павелъ Вас—чъ былъ женатъ на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко....

О четвертомъ сынѣ Василія Вас—ча Петрѣ, я помню, что онъ былъ бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Разумовскомъ. Потомъ поступилъ въ дѣйствительную военную службу и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ съ Пруссіей...»

Вотъ и всѣ свѣдѣнія о трехъ поколѣніяхъ Кочубеевъ, (начиная съ генер. судьи В. Л. К—бея), сохранившіяся въ памяти Арк. В. Кочубея, который, какъ видно, разсказалъ здѣсь *все, что только зналъ*. Разсказъ этотъ оказывается и скуденъ и во многомъ ошибоченъ. Невѣрными оказываются свѣдѣнія даже о такой личности изъ рода Кочубеевъ, судьбу которой семейное преданіе должно было, повидимому, твердо помнить, особенно въ первое столѣтіе послѣ ея смерти. Говоримъ о бѣдной Матренѣ Кочубеевнѣ, соблазненной старикомъ Мазепою. Авторъ «Записокъ» утвердительно говоритъ, что она впослѣдствіи «вышла замужъ за полковника Чуйкевича». Это не вѣрно. Семенъ Васильевичъ Чуйкевичъ дѣйствительно былъ женатъ на Кочубеевнѣ, но только не на Матренѣ, а на Катеринѣ[1]). Объ этой же-

[1]) Въ 1887 г. напечатанъ романъ Фр. Равиты—„Pan hetman Mazepa,“ въ которомъ женихъ Матрены Кочубеевны, тотъ же Чуйкевичъ состоитъ въ чинѣ „пе-

нитьбѣ Чуйкевича сохранились подробныя свѣдѣнія, указывающія между прочимъ, что жениться на Матренѣ Кочубеевнѣ онъ и не могъ.

О женитьбѣ Семена Чуйкевича, который былъ не полковникомъ, а полковымъ судьею[1]) только, и при томъ уже при Апостолѣ, сохранился разсказъ самаго В. Л. Кочубея. Изъ этого разсказа знаемъ, что когда, весною 1708 г., Василій Чуйкевичъ посваталъ одну изъ дочерей Кочубея за своего сына, то Мазепа не совѣтовалъ послѣднему отдавать свою дочь за этого жениха, говоря: «якъ будемъ зъ ляхами въ едности, тогда знайдется твоей дочкѣ женихъ зъ тоей стороны лядской знатній якій шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброю будетъ подпорою»... Однакожъ, не смотря на этотъ совѣтъ, Семенъ Чуйкевичъ повѣнчался съ Кочубеевною. Вѣнчаніе происходило въ Батуринѣ, 18 мая[2]).— Не могъ при такихъ обстоятельствахъ Василій Чуйкевичъ, одинъ изъ видныхъ между козацкою старшиною людей, (онъ былъ поставленъ генер. судьею на мѣсто казненнаго Кочубея), женить своего сына на бывшей Мазепиной любовницѣ, позоръ которой въ этотъ моментъ, повидимому, огласился уже по всей Малороссіи: гораздо раньше женитьбы Семена Чуйкевича, поруганный Кочубей писалъ Мазепѣ: „лучше смерть, чѣмъ жить въ моемъ настоящемъ положеніи. *Горько мнѣ слыть* въ числѣ тѣхъ, которые ради житейскихъ выгодъ жертвуютъ своими дочерьми[3])..." Значитъ связь Мазепы съ Матреною Кочубеевною была въ это время извѣстна уже всѣмъ, послѣ чего выходъ ея замужъ за Чуйкевича представлялся бы просто невозможнымъ по тогдашнимъ понятіямъ... У В. Л. Кочубея было не менѣе пяти взрослыхъ дочерей; изъ нихъ Катерина была замужемъ за Чуйкевичемъ[4]). О судьбѣ Матрены существуетъ, въ Полтавщинѣ, гораздо болѣе вѣроятное преданіе, что она окончила жизнь въ Пушкаровскомъ женскомъ монастырѣ[5]).

реяславскаго сотника...." Въ этомъ прелюбопытномъ по подробностямъ романѣ— Кочубей называется „судьею обознымъ", а *генер. писарь* Орликъ является къ Мазепѣ въ такомъ видѣ—„za uchem sterczało mu olbrzymie gęsie pióro, a na szmuklerskiem guziku kontusza wisiała butełeczka z inkaustem ..." А вѣдь г. Равита считаетъ себя знатокомъ малорусской старины!

[1]) Опис. Стар. Малорос., II, 32.

[2]) Опис. Стар. Малорос. II. 30.

[3]) Чтенія въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I., 130.

[4]) Катериною называетъ Семенъ Чуйкевичъ первую свою жену (Кочубеевну) въ „сказкѣ" о своихъ службахъ.

[5]) Сборникъ свѣдѣній о Полтавской губерніи А. В. Богдановича, Полтава, 1877. 8 д., стр. 81. Пушкаровскій м-рь находился въ с. Пушкаровкѣ, въ 4-хъ верст.

О младшемъ сынѣ В. А. К—бея, Федорѣ, сказано, что онъ былъ женатъ, но что авторъ „Записокъ" не припомнитъ на комъ.—Федоръ К—бей былъ своего рода типомъ перв. пол. XVIII в., въ ряду тѣхъ сыновей, которые опираясь на значеніе своихъ отцовъ, нерѣдко позволяли себѣ ужасныя насилія не только надъ своими „подданными", но и надъ козаками. Такими насиліями славился и Федоръ К—бей, причемъ даже и Полуботокъ, вступавшійся за обиженныхъ подъ давленіемъ Вельяминовскаго надзора, не могъ смирить этого старшинского сына [1]). Такая личность, повидимому, могла оставить въ семейныхъ преданіяхъ больше свѣдѣній, чѣмъ сколько ихъ находимъ въ «Запискахъ». О женитьбѣ Федора К—бея извѣстно, что жена его умерла въ 1723 г. (въ апрѣлѣ) [2]) Но онъ, повидимому, въ томъ же

отъ Полтавы.—Злосчастная судьба Матрены Кочубеевны до сихъ поръ служитъ канвою для легендъ, слагаемыхъ досужею фантазіей полтавцевъ, при чемъ эти легенды иногда печатаются въ видѣ сообщеній какъ бы о дѣйствительныхъ фактахъ, напр., въ „Нивѣ" 1886 г., № 21, помѣщены два рисунка: 1) *Хуторъ полковн. Искры (близъ Полтавы) гдѣ жила Матрена Кочубей* и 2) *Хата на хуторѣ Искры, въ которой жила Матрена Кочубей (бл. Полтавы)* и къ нимъ въ поясненіе сообщается, что Матрена, „отвергнутая и проклятая матерью, оставленная бѣжавшимъ (послѣ Полтавы) Мазепой.... поселилась у своей тетки, жены погибшаго полковника Искры, принявшей въ племянницѣ сердечное участіе, и жила въ уединеніи и неизвѣстности на ея хуторѣ, подъ Полтавой, видъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ, и въ хатѣ, которая сохранилась до сихъ поръ и также изображена у насъ Хата была реставрирована,—въ ней сохранились доселѣ разнообразныя работы, приписываемыя Мотрѣ Кочубей; онѣ отличаются тонкостью и изяществомъ рисунка и терпѣливымъ искусствомъ, съ какимъ вышивала все это бѣдная героиня печальной драмы. Въ хатѣ никто не живетъ и не жилъ съ тѣхъ поръ. Хуторъ этотъ перешелъ теперь въ родъ Чаплинскихъ, близко родственныхъ роду казненнаго Искры. Хуторъ этотъ весьма живописное мѣстечко, чисто малороссійскаго характера, на правомъ берегу Ворсклы"... Еще болѣе фантазіи находимъ въ другой легендѣ, приведенной въ „Иллюстраціи" 1887 г., № 959, въ поясненіе къ рисунку: „Могилы Мотри Кочубей, близъ Полтавы". Здѣсь читаемъ, что въ семи верстахъ отъ г. Полтавы, на р. Ворсклѣ, близъ х. Чаплинскихъ, до сихъ поръ показываютъ могилу несчастной дочери полковника [?] Кочубея; на небольшомъ холмикѣ тутъ стоитъ простой деревянный крестъ. Мѣстная молодежь каждый годъ собирается здѣсь въ день Ивана Купала... Могила Мотри Кочубей сдѣлалась сборнымъ пунктомъ молодежи... Имя злополучной Мотреньки вспоминается молодежью съ благовѣньемъ... Ходитъ повѣрье, что въ этотъ вечеръ тѣнь ея принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ..." Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти свѣдѣнія *сочинены* и притомъ въ недавнее время, людьми, которымъ книжныя свѣдѣнія о Матренѣ показались слишкомъ бѣдными....

[1]) Русск. Арх. 1876 г., III, 234.

[2]) Дневникъ Я. Марковича, изд. Кіевск. Стар., I, 24.

году, снова женился и женился, какъ можно догадываться,—на крестьянкѣ. Въ дневникѣ Марковича (21 окт. 1723 г.) записано: «Господарь (управляющій) п. Федора Кочубея, пріѣхавши сюда въ Роменъ, по дѣвку служебку нашу Мотру, а сестру Кочубеевой (т. е. сестру жены Кочубеевой?), отпущенъ зъ нею зосталъ въ домъ [1])»...

Не совсѣмъ вѣрны свѣдѣнія «Записокъ» и о старшемъ сынѣ В. Л. К—бея, Василіи; напр., невѣрно, что у него отъ первой жены (Марфы) Апостолъ [2]) не было дѣтей. Уже въ 1859 г. была напечатана Бодянскимъ (въ «Чтеніяхъ») записка диканьскаго священника-современника о тѣхъ перипетіяхъ, которыя пришлось испытать семьѣ В. Л. Кочубея отъ марта до октября 1708 г. Въ этой запискѣ точно указывается, какъ «пани Василіева молодого пана» уѣхала изъ Диканьки «до родителей своихъ», въ Сорочинцы, гдѣ «на тотъ часъ родился у п. Кочубея (т. е. у Василія В—ча) сынъ, Павелъ». Неужели же эта любопытная записка о семьѣ генер. судьи Кочубея, хранившаяся издавна въ диканьской церквѣ, осталась неизвѣстною потомкамъ казненнаго К—бея даже и послѣ ея напечатанія?—Не точно записано преданіе о второй женитьбѣ Василія В—ча К—бея. Въ «Запискахъ» говорится, что К—бей во второй разъ женился на дочери полтавскаго церковнаго старосты Яновича, Марфѣ, при чемъ авторъ «Записокъ» добавляетъ отъ себя, что «отъ Яновича пошелъ родъ Халанскихъ». Но отецъ второй жены В. В. К—бея, Анны, а не Марфы, по письменнымъ актамъ называется глуховскимъ сотникомъ, а братъ ея, Иванъ,—несомнѣнно былъ глуховскимъ сотеннымъ атаманомъ (1750—1760) [3]), при чемъ Яновичъ не былъ и родоначальникомъ Халанскихъ. (Послѣднее свѣдѣніе основано, повидимому, на томъ только обстоятельствѣ, что Ив. Ив—чъ Халанскій, директоръ н. сѣверской гимназіи, женатъ былъ на Варварѣ Ив—нѣ Яновичъ, дочери глуховскаго сот. атамана).

Неполны свѣдѣнія «Записокъ» и о сыновьяхъ полтавскаго полковника Василія В—ча. О старшемъ изъ нихъ, Семенѣ (р. 1725 † 1779), сказано лишь, что онъ воспитывался въ чужихъ краяхъ [4]),

---

[1]) Тамъ же, стр. 49.

[2]) Повидимому, это была внука гетмана, дочь старшаго его сына Ивана.

[3]) Родословные списки глуховской козацкой старшины, сообщ. П. Я. Дорошенкомъ.

[4]) Свѣдѣніе очень сомнительное, такъ какъ объ этомъ ученіи за границей С. В. К—бея мы нигдѣ болѣе извѣстій не встрѣчали, между тѣмъ какъ болѣе раннія поѣздки заграницу для ученія старшинскихъ дѣтей—Обидовскаго, Стефановича, Скоропадскихъ, всѣ—оставили по себѣ письменные слѣды...

служилъ *въ военной службѣ* и былъ генер. обознымъ. Но при этомъ ничего не говорится, что Семенъ К—бей назначенъ былъ нѣжинскимъ полковникомъ уже въ 1746 г., когда ему отъ роду было всего 21 годъ, при чемъ этому назначенію предшествовала помолвка К—бея съ двоюродною сестрою Разумовскихъ, при участіи самой императрицы. Въ дневникѣ Ханенка записано: «въ домѣ гр. А. К. Разумовскаго (въ СПб.) былъ сговоръ Сем. Вас. Кочубею съ двоюродною сестрою графскою, Ксеніею Герасимовною (Демешко) и ихъ же размѣняно перстнями, которые обоимъ, жениху и невѣстѣ, сама государыня отдавать и на руку положить изволила»... Объ этомъ свойствѣ С. В. К—бея съ Разумовскими авторъ «Записокъ» не упоминаетъ очевидно потому только, что не зналъ этого факта, такъ какъ о всѣхъ другихъ женахъ, упоминаемыхъ въ «Запискахъ» Кочубеевъ, свѣдѣнія имѣются. Малымъ знакомствомъ съ исторіей своей родины звучитъ замѣтка автора «Записокъ» о томъ, что С. В. Кочубей «служилъ въ военной службѣ»... Не могъ С. В. К--бей не служить *въ военной службѣ* разъ онъ состоялъ въ числѣ козацкой старшины, которая вся поголовно принадлежала къ *военному сословію*; даже лица, занимавшія мирные старшинскіе уряды—писарей и судей, тоже «служили въ военной службѣ», потому что ходили на войну и безпрепятственно затѣмъ производились въ чинъ напр. обознаго. О С. В. К—беѣ можно было развѣ сказать, что онъ закончилъ свою *военную службу*, когда, послѣ уничтоженія гетманства, переименованъ былъ въ чинъ тайнаго совѣтника. «Замѣчателенъ тотъ фактъ, продолжаетъ авторъ «Записокъ» о С. В. Кочубеѣ, что по прекращеніи его службы генер. обознымъ, ему не было пожаловано, по примѣру другихъ, ранговаго имѣнія, которое въ то время замѣняло жалованное, и онъ остался при своихъ родовыхъ имѣніяхъ». Свѣдѣніе это не сходится съ исторіей, такъ какъ отдача ранговыхъ имѣній въ собственность составляла исключительные случаи [1]) и о ней вовсе нельзя было говорить—«по примѣру другихъ», при чемъ—если слово жалованное не составляетъ опечатки (вм. жалованье), то выраженіе, что «ранговое имѣніе въ то время замѣняло жалованное»—становится совсѣмъ непонятнымъ, такъ какъ ранговое имѣніе давалось «на рангъ» (т. е. присвоено было должности или мѣсту) и не

---

[1]) Ранговыя имѣнія послужили главнымъ образомъ источникомъ для пожалованій, въ послѣднее двадцатилѣтіе XVIII в., Румянцеву, Безбородку, Завадовскому, Стрекалову и другимъ вельможамъ.

имѣя ничего общаго съ пожалованіемъ, никогда не могло замѣнять послѣдняго. О своемъ дѣдѣ авторъ «Записокъ» говоритъ, что онъ «при гетманѣ исправлялъ должность подкоморнаго», что въ переводѣ на понятный языкъ значило бы, что В. В. К—бей исправлялъ должность при гетманѣ межеваго судьи... Дѣло въ томъ, что въ к. 1765 г. «постановлено было (въ Малороссіи) имѣть по старому суды земскіе, градскіе и подкоморскіе» (Ригельм., IV, 20) и по этому постановленію, въ перв. пол. 1764 г., выбраны были въ повѣты—подкоморіи и судьи; первые предсѣдательствовали въ межевыхъ судахъ, а вторые въ повѣтовыхъ. При этомъ, въ повѣтъ глуховской были выбраны: подкоморіемъ бунч. тов. В. Кочубей, а судьею—бунч. тов. С. Дергунъ [1]). Такимъ образомъ подкоморіи (а не подкоморные) правили должности межевыхъ судей по повѣтамъ, а не при гетманѣ.

Какъ видно, автору „Записокъ“ пріятно было въ своемъ писаніи вспоминать родную „старину“. Перечисливъ своихъ родичей, онъ говоритъ: „не желая еще такъ скоро разстаться съ стариной, я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о прекрасной личности моего дѣда, съ материнской стороны, Вас. Григ. Туманскаго. Онъ... служилъ по финансовой части (подскарбіемъ) въ малороссійской коллегіи, въ Глуховѣ, да впрочемъ *онъ тогда управлялъ всѣми дѣлами Малороссіи*»... Такимъ образомъ, внукъ полагаетъ, что дѣдъ его (отецъ матери) былъ alter ego Румянцева; но это невѣрно. Вас. Туманскій при Разумовскомъ былъ генер. писаремъ (замѣнилъ Андрея Безбородка) и считался дѣльцомъ. Затѣмъ, по уничтоженіи гетманства, онъ былъ назначенъ однимъ изъ (восьми) членовъ малоросс. коллегіи; подскарбіемъ же онъ никогда не былъ и первой роли въ коллегіи тоже не игралъ, такъ какъ эта роль принадлежала С. В. Кочубею и кн. Пл. Мещерскому. Близкимъ къ Румянцеву, и потому вліятельнымъ человѣкомъ, но далеко не alter ego, былъ младшій братъ В. Туманскаго—Осипъ, (см. Опис. Стар. Малор., II, 342), который поэтому, впослѣдствіи, былъ назначенъ предсѣдателемъ н. сѣверской уголовной палаты.

Изъ указанныхъ свѣдѣній, относящихся къ XVIII в., видно, что авторъ „Записокъ“, принадлежа къ одной изъ извѣстнѣйшихъ по происхожденію и богатству въ Малороссіи фамилій, имѣлъ о членахъ ея очень поверхностныя свѣдѣнія, почти ничего не зная ни о прадѣдѣ своемъ (Вас. Вас—чѣ), ни о старшемъ его сынѣ (Сем. Вас—чѣ),

---

[1]) Чиновничьи списки за 1767 г. въ нашей б-кѣ.

которые оба занимали въ ряду козацкой старшины такія видныя положенія. Мало могъ знать авторъ „Записокъ" о своихъ предкахъ потому, полагать нужно, что малорусское общество, жившее на рубежѣ XVIII—XIX в., къ которому частью принадлежалъ и авторъ „Записокъ", вообще мало интересовалось исторіей своего прошлаго. Отсутствіе интереса къ своему прошлому было причиною, между прочимъ, утраты множества семейныхъ бумагъ. Кто и хотѣлъ заглянуть въ это прошлое, приходилось довольствоваться лишь преданіемъ.. Какъ видно, не было архивныхъ свѣдѣній подъ руками и у автора «Записокъ» [1]). Поэтому вѣроятно, Арк. В. Кочубей, перечисляя въ „Запискахъ" своихъ предковъ, и сообщаетъ о нихъ такія скудныя свѣдѣнія, какія мы привыкли имѣть о лицахъ XVII в., а не втор. пол. XVIII в.

Въ остальныхъ частяхъ „Записки" А. В. Кочубея представляютъ немало любопытныхъ свѣдѣній, большею частью, впрочемъ, чисто семейнаго характера. Но могутъ имѣть и общій интересъ свѣдѣнія о томъ напр., что авторъ „Записокъ", будучи сыномъ очень богатаго помѣщика, русской грамотѣ обучался «сперва у камердинера своего отца (Петра Бѣлаго), а потомъ у отставнаго морскаго офицера Македонскаго...»

Несмотря однакожъ на бѣдность „Записокъ" фактами для мѣстной бытовой исторіи, мы должны съ благодарностью отнестись къ памяти ихъ автора за то, что онъ оставилъ намъ хотя и такія записки... До сихъ поръ, сколько извѣстно, это единственные мемуары, написанные лицомъ изъ среды малорусской аристократіи [2]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) О семейномъ архивѣ Кочубеевъ намъ не приходилось слышать, чтобы онъ гдѣ либо существовалъ. Архивъ этотъ, который долженъ же былъ существовать въ томъ или другомъ видѣ, вѣроятно погибъ при разореніи внука генер. обознаго. С. В. К—бея—Семена Михайловича, представителя *старшей линіи* К—беевъ, о которомъ въ „Запискахъ" А. В. К—бея говорится, что онъ „промоталъ 7000 душъ крестьянъ и умеръ въ бѣдности".

[2]) Собирался писать свои мемуары Г. П. Галаганъ, о чемъ онъ говорилъ намъ въ 1883 г., въ Сокиринцахъ, разсказавъ нѣсколько рѣзкихъ фактовъ изъ мѣстнаго крѣпостнаго быта; къ сожалѣнію, намѣренію этому не суждено было осуществиться за скорою его смертью. Г. П. Галаганъ успѣлъ только написать разсказъ о своемъ родѣ и о своей семьѣ для той исторической записки о „Коллегіи Павла Галагана", которую онъ собирался, незадолго досмерти, издавать.

Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ. (Отдѣльн. оттискъ изъ газ. „Южный Край"). Харьковъ. 1893. 8 д. 91 стр.

Въ этой брошюрѣ приведены любопытные отрывки изъ переписки Г. П. Данилевскаго съ нѣкоторыми изъ литературныхъ корифеевъ. Даровитый романистъ очень любилъ совѣтываться съ причастными къ литературѣ людьми по поводу своихъ писательскихъ занятій и на разные свои запросы получалъ, иногда, очень любопытные отвѣты. Такъ напечатавъ въ 1852 г. свои «Степныя сказки», Д—ій обратился, между прочимъ, къ Костомарову и К. Аксакову, прося ихъ сказать свое мнѣніе «объ этомъ его первомъ серьезномъ литературномъ трудѣ». Костомаровъ отвѣчалъ, что онъ «прочитавши Сказки», пожалѣлъ, «зачѣмъ онѣ написаны не на народномъ языкѣ», что «творенія народной фантазіи должны быть выражены на природномъ нарѣчіи» и заявилъ желаніе, чтобы Д—ій «издалъ свое собраніе легендъ по-украински». К. Аксаковъ тоже остался недоволенъ передѣлкою сказокъ.—«То что такъ неизмѣримо высоко и неизмѣримо хорошо въ народной пѣснѣ, сказанное самимъ народомъ, то наоборотъ производитъ досадное впечатлѣніе, когда современный литераторъ вздумаетъ рядить свою мысль въ непринадлежащую ему величавую народную одежду....

Начавъ свои работы по составленію біографій Квитки и Сковороды, Д—ій обращался за совѣтами, между прочимъ, къ преосвященному Макарію (Булгакову, впослѣдствіи митрополиту московскому), къ Гоголю и друг. Въ письмѣ къ Гоголю Д—ій «надежду выразилъ, что Гоголь не оставитъ его опытнымъ совѣтомъ въ предпринятой имъ работѣ и просилъ разрѣшить ему въ скоромъ времени повидаться съ нимъ лично». Гоголь отвѣчалъ, что ждетъ Д—аго у себя осенью въ Москвѣ. Но свиданіе это не состоялось, такъ какъ Гоголь и весны въ этомъ году (1852 г.) не дожилъ.... Получивъ извѣстіе о смерти Гоголя, Д—ій хотѣлъ знать подробности его кончины, за которыми и обратился къ нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ къ Бодянскому и К. Аксакову.—Бодянскій отвѣчалъ слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ: «... Вы желаете, добродію, чтобы я написалъ вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, о его смерти, о бумагахъ и о Москвѣ, потерявшей его. Не скажу добродію, не скажу! И теперь еще я хожу, какъ угорѣлый, на лекціи по сю пору не соберусь.... Не могу, никоимъ путемъ: все онъ, одинъ онъ въ умѣ и глазахъ! Когда-нибудь можетъ быть и соберусь съ ду-

хомъ пересказать вамъ, а нынче замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти покойникъ, видимо, чахъ, онъ предчувствовачъ недоброе и потому на масляной говѣлъ и пріобщался. Въ половинѣ первой недѣли великаго поста соборовался, а 21-го, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ котораго онъ не хотѣлъ вовсе лечиться. Послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ базпамятство, и хоть тутъ поданы были всѣ врачебныя пособія, да ба! да вже пропало, що зъ воза впало. Это еще не бѣда, но вотъ бѣда, что покойникъ въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, часу во второмъ или въ третьемъ, *сжегъ всѣ свои бумаги до тла.* Отъ що горе! Премного провинились въ этомъ окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый, а тотъ, разумникъ, бодай его бісъ(?), *поцеремонился*, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать! Отъ що горе то горе!—Нема нашого Рудого Панька больше. Такого не буде покы свитъ стоять буде! Прощайте, дале-би не пыщецьця!» —Отвѣтъ Аксакова любопытенъ по его особому мажорному тону.... «Современемъ вы узнаете всѣ подробности его жизни, мученичества и кончины. Въ настоящее время едва-ли правильно будетъ разсказывать о немъ печатно *нашему языческому обществу*. Гоголь былъ истинный мученикъ искусства и мученикъ христіанства.... Розыгралась страшная драма, свершилось огромное историческое событіе, полное необычно-строгаго смысла: Гоголь умеръ, и теперь намъ надо начать *новый строй жизни безъ Гоголя*».

Затѣмъ въ названной брошюрѣ есть еще нѣсколько интересныхъ писемъ, напр. П. П. Сокальскаго, о его попыткѣ сотрудничества въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Каткова, Н. Соханской, (Кохановской) и друг. Разныя свѣдѣнія изъ жизни Г. П. Данилевскаго, сообщаемыя въ дополненіе къ напечатаннымъ письмамъ составителемъ брошюрки (повидимому сыномъ умершаго писателя) могутъ служить нелишнимъ матеріаломъ для комментарія къ сочиненіямъ автора—«Бѣглые въ Новороссіи,» «Мировичъ» и друг.

А. Л.

Планъ Кіева, составленный въ 1695 г. Изданіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. К. 1893.

Новое изданіе кіевской археографической коммиссіи представляетъ большой интересъ для всякаго занимающагося исторіею и археологіею Кіева. Оно представляетъ копію «древнѣйшаго изъ всѣхъ

донынѣ извѣстныхъ плановъ Кіева»—плана, составленнаго въ началѣ царствованія Петра В. по приказу Кіевскаго воеводы кн. П. И. Хованскаго «для означенія мѣстъ, гдѣ бы можно построить крѣпость для защиты Кіева». Подлинникъ хранится въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ составленнымъ въ томъ же 1695 «росписнымъ спискомъ» Кіева. Въ 1892 г. членъ кіевской археографической коммиссіи протоіерей П. Г. Лебединцевъ сообщилъ свѣдѣнія объ этомъ планѣ и его научномъ значеніи въ своихъ объясненіяхъ («послѣсловіи») къ изданному имъ «Росписному списку Кіева 1700 г. [1]); теперь археографическая коммиссія, подъ его же наблюденіемъ [2]), издала самый планъ (по копіи, сдѣланной въ 1884 г. художникомъ Струковымъ).

Важное значеніе этого изданія для изученія исторіи Кіева не подлежитъ сомнѣнію. Не смотря на первостепенное историческое значеніе Кіева, въ немъ сохранилось сравнительно немного остатковъ древности, и многія историческія мѣстности совершенно измѣнили свой видъ. Поэтому положеніе многихъ пунктовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и актахъ, въ настоящее время опредѣлить невозможно, и лица, спеціально занимавшіяся исторической топографіею Кіева, нерѣдко приходили къ совершенно противоположнымъ мнѣніямъ (достаточно припомнить извѣстную полемику между Максимовичемъ и Закревскимъ о Копыревомъ концѣ). Еще Закревскій выражалъ по этому поводу понятное для археолога сожалѣніе: «Старый Кіевъ, говоритъ онъ, праматерь гродовъ русскихъ, колыбель могучаго государства нашего, теперь вновь отстроенъ... но старые валы его срыты. Они были насыпаны по остаткамъ древнѣйшихъ укрѣпленій временъ Владимира св., Ярослава, и ясно обозначали предѣлы первобытнаго Града и его Акрополиса. По этимъ остаткамъ можно было прослѣдить древнюю жизнь города, и потеря ихъ для изыскателей теперь ничѣмъ не замѣнима [3])». Настоящее изданіе до извѣстной степени вознаграждаетъ эту потерю и можетъ содѣйствовать разрѣшенію нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ.

Не задаваясь цѣлью представить полное описаніе изданнаго киммиссіею плана, укажемъ только на наиболѣе важныя даваемыя имъ указанія. На *Старомъ Кіевѣ* указано направленіе древнихъ и

---

[1]) Чтенія въ ист. общ. Нестора Лѣтописца кн. VI, отд. III, стр. 29—82.

[2]) Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ стр. 133.

[3]) Закревскій. Описаніе Кіева, стр. 132.

новѣйшаго происхожденія валовъ со всѣми относящимися къ нимъ сооруженіями (ворота, рвы, мосты), указано точное положеніе Батыевыхъ или Софійскихъ воротъ, случайное открытіе фундамента которыхъ въ прошломъ году произвело такую сенсацію въ Кіевѣ [1]); указано положеніе церкви Воздвиженія—*къ востоку* отъ Десятинной церкви, согласно мнѣнію Берлинскаго и Максимовича, а не къ западу, какъ думалъ Закревскій; къ сожалѣнію не обозначено мѣсто церкви св. Симеона, бывшей въ развалинахъ уже во время Кальнофойскаго (1638), такъ что въ вопросѣ о Копыревѣ концѣ все-таки приходится пользоваться его схематическимъ рисункомъ [2]). На *Подолѣ* прежде всего обращаетъ вниманіе «Взвозъ на гору въ Кіевскіе ворота», проходящій по направленію теперешняго Андреевскаго спуска и отдѣленный, какъ и теперь, отъ усадьбы Флоровскаго монастыря кварталомъ домовъ. Дорога же отъ Житняго базара къ Софійскимъ воротамъ, которую Закревскій считалъ древнѣйшимъ подъемомъ съ Подола на Старый Кіевъ, даже не обозначена. Такимъ образомъ и въ этомъ вопросѣ оказалось вѣрнымъ мнѣніе Берлинскаго и Максимовича. Затѣмъ на Подолѣ обращаетъ вниманіе древнее расположеніе улицъ (оно было извѣстно до сихъ поръ только по неяснымъ наброскамъ въ планѣ, приложенномъ къ описанію Кіева Берлинскаго), подольская деревянная крѣпость, положеніе нѣкоторыхъ не существующихъ въ настоящее время церквей, (св. Василія, Св. Духа). На *Печерскѣ* представляетъ интересъ изображеніе старинныхъ укрѣпленій («городокъ на Печерской горѣ» росписныхъ списковъ), сообщеніе съ городомъ черезъ Старый Кіевъ (прямого сообщенія съ Подоломъ не существовало), Николаевскій взвозъ (крутой подъемъ на гору у Никольскаго монастыря на Аскольдовой могилѣ), наконецъ «Столбъ Николаевскій» на мѣстѣ теперешняго Никольскаго монастыря. Планъ этотъ, какъ и всѣ древніе планы, представляетъ въ то же время и изображеніе замѣчательнѣйшихъ зданій, крѣпостныхъ валовъ, стѣнъ и башенъ, церквей и домовъ, что конечно еще больше увеличиваетъ его историческую цѣнность. Изображенія, насколько можно судить по сохранившимся до настоящаго время зданіямъ (Лавра, Михайловскій мон., Софійскій соборъ), схематичны, но довольно вѣрно передаютъ общій видъ зданія.

---

[1]) Ворота эти впрочемъ существовали до 1798 и были извѣстны еще Берлинскому. См. „Краткое описаніе Кіева“ стр. 71.

[2]) Рисунокъ этотъ помѣщенъ въ приложеніи къ „Описанію К.-Печерской Лавры“ митр. Евгенія.

Самое изданіе, исполенное картографическимъ заведеніемъ Ильина въ Спб., очень изящно и представляетъ, повидимому, точную копію древняго плана: на трехъ отдѣльныхъ листахъ изображены три существовавшія тогда части города: Старый Кіевъ, Подолъ и Печерскъ. Къ снимкамъ приложено небольшое (на 2 стр.) введеніе, въ которомъ указано значеніе плана для «изученія топографіи этого города въ первый періодъ его существованія». Не можемъ не выразить сожалѣнія о краткости этого введенія. Въ немъ указаны только на планѣ XVII ст. слѣды древняго велико-княжескаго Кіева, и при томъ только указаны, безъ всякихъ поясненій и доказательствъ. Упомянутое выше послѣсловіе П. Г. Лебединцева къ «Росписному списку 1700 г.» даетъ болѣе полное объясненіе плана, и мы можемъ посовѣтовать всякому, кто заинтересуется планомъ, ознакомиться и съ этою статьею. Не можемъ не обратить вниманія на одно мѣсто предисловія, которое особенно нуждалось въ комментаріи — это мнѣніе о Копыревомъ концѣ: «обрывистый (Копыревъ) край, конецъ подъ Подольемъ». Намъ кажется, что въ виду спорности вопроса всякое новое мнѣніе о немъ нуждается въ обстоятельной мотивировкѣ. Страннымъ показалось намъ также утвержденіе предисловія, что планъ изображенъ въ масштабѣ около 50 саженъ. Въ старинныхъ планахъ, подобныхъ настоящему, о точномъ масштабѣ, не можетъ быть и рѣчи. Это не планъ въ точномъ значеніи слова, а только приблизительный «чертежъ», на которомъ наиболѣе важные и застроенные пункты изображены въ извѣстной пропорціи, но эта пропорція для каждаго пункта могла быть особою и еще больше нарушалась относительно пунктовъ незаселенныхъ и не представлявшихъ для составителя особаго интереса. Такой характеръ имѣетъ чертежъ Кальнофойскаго; тоже можно видѣть и на настоящемъ планѣ. Для доказательства можно привести слѣдующій фактъ. Разстояніе отъ колокольни Михайловскаго монастыря до Софійскихъ воротъ (при пересѣченіи Б. Владимирской и Б. Житомирской улицъ) по этому плану равно разстоянію отъ Николаевскаго столба (мон. Малаго Николая) до Великой церкви К. П. Лавры и даже нѣсколько больше разстоянія отъ Золотыхъ Воротъ до р. Лыбеди. Принимая указанный въ предисловіи масштабъ около 50 саж., каждое изъ названныхъ разстояній составляетъ не болѣе 120 саженъ. Между тѣмъ по плану Кіева, изданному Штабомъ Кіевскаго Военнаго Округа въ 1871—73 и исправленному по рекогносцировкамъ 1879—1888, разстоянія эти совершенно различны и составляютъ: первое 200 саж.,

второе—500 саж., третье—950 саж. Ясно, что Старый Кіевъ, какъ главная часть города, изображенъ въ большемъ масштабѣ, чѣмъ Печерскъ, а послѣдній въ большемъ, чѣмъ незастроенные «бояраки въ лѣсу» и «дорога на Соѳійскую мельницу». Нѣкоторое недоумѣніе, не разрѣшаемое предисловіемъ, возбуждаетъ и самая форма изданія — на трехъ отдѣльныхъ листахъ. Такъ какъ нѣкоторыя части плана Ст. Кіева тожественны съ соотвѣтствующими частями плана Подола, то можно думать, что подлинный планъ состоитъ изъ одного листа, и въ тоже время три изданные листа не могутъ быть соединены въ одинъ листъ по своему формату.

Не смотря на эти недосмотры, новое изданіе археографической коммиссіи представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Кіева и служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ изданному тою же коммиссіею въ 1874 г. «Сборнику матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей». Можно пожелать, чтобы коммиссія не остановилась на изданіи одного плана и выполнила свое давнее намѣреніе «издать сборникъ разновременныхъ плановъ г. Кіева» [1]). Матеріалы для подобнаго изданія найдутся въ столичныхъ архивахъ [2]). а можетъ быть и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ, напримѣръ, Кіевскаго Окружнаго Штаба и Кіевской Городской Управы.

В. Щербина.

Проф. В. К. Надлеръ. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Одесса 1893.

Одесса дѣятельно готовится къ своему столѣтнему юбилею, имѣющему исполниться въ настоящемъ 1894 году. Городское управленіе предприняло издать всестороннее описаніе города, въ которомъ собственно историческая часть принята на себя проф. Надлеромъ. Названная нами въ заголовкѣ книжка является литературной обработкой двухъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ прошломъ году въ Одессѣ, и можетъ быть разсматриваема, какъ программа ожидаемаго отъ него большаго труда, или, въ частности, той его части, которая заканчивается дѣятельностью дюка де Ришелье.

Изложеніе г. Надлера и въ названной книжкѣ, какъ и во всѣхъ вообще его трудахъ, отличается живостью и занимательностью,

---

[1]) Сб. матеріаловъ. Предисловіе.

[2]) См. сообщеніе П. Г. Лебединцева о планахъ Кіева XVIII ст. въ „Чт. ист. общ. Нестора Лѣтописца“ кн. I, стр. 268—269.

и нѣтъ никакого сомнѣнія,—она найдетъ многочисленныхъ читателей. Помимо того, имѣя вообще характеръ повѣствованія, она не лишена и критическаго элемента. Авторъ пользуется почти исключительно печатнымъ матеріаломъ, при чемъ, конечно, не забываетъ старыхъ трудовъ по исторіи Одессы и Новороссійскаго края г. г. Скальковскаго и Смольянинова, но провѣряетъ заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія новыми матеріалами, опубликованными въ послѣднее время г. г. Яковлевымъ и Орловымъ; глава же, посвященная дѣятельности Ришелье, составлена главнымъ образомъ по документамъ, изданнымъ Импер. Историч. Обществомъ, при пособіи нѣкоторыхъ сочиненій на французскомъ языкѣ, и представляетъ собою особенно пріятную новость въ популярной исторической литературѣ о Новороссіи.

Въ своемъ изложеніи г. Надлеръ, по необходимости, касается исторіи колонизаціи Новороссійскаго края въ XVIII в. вообще, разсматривая ее въ связи съ господствовавшими тогда экономическими взглядами, и беретъ подъ свою защиту иностранную колонизацію противъ «мнимыхъ поборниковъ строго-національнаго начала», что кажется намъ, однако, не вполнѣ осмотрительнымъ, тѣмъ болѣе, что авторъ по вопросу столь большой важности ограничивается общими фразами, что иностранныя колоніи явились чуть не первыми піонерами культуры въ нашей окраинѣ, что онѣ подали первый толчокъ къ развитію земледѣлія и всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, и что, наконецъ, иностранные поселенцы явились важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ элементомъ въ исторіи развитія нашихъ новороссійскихъ городовъ. Никто не будетъ отрицать, что иностранныя колоніи въ Новороссіи «принесли свою несомнѣнную долю пользы», какъ выражается г. Надлеръ, но, съ другой стороны, во первыхъ, вопросъ о размѣрѣ этой доли пользы остается довольно сомнительнымъ, въ виду того, что матеріалъ для иностранной колонизаціи прошлаго вѣка оказывается весьма часто недоброкачественнымъ, чего не скрываетъ и самъ авторъ, во вторыхъ—иностранный элементъ въ дѣлѣ колонизаціи Новороссіи является каплей въ морѣ, огромное же большинство населенія ея составилось изъ бѣглыхъ, изъ крѣпостныхъ и изъ остатковъ запорожцевъ. Говоря о Хаджибеѣ, предшественникѣ Одессы, самъ авторъ замѣчаетъ, что «уже съ давнихъ временъ начали появляться здѣсь русскіе поселенцы. Поселенцы эти, говоритъ онъ, приходили изъ польской и русской Украины и даже изъ Великороссіи». Въ 1775 г., по уничтоженіи Запорожской Сѣчи, партія запорожцевъ «явилась подъ Хаджибеемъ и, съ разрѣшенія турецкаго паши,

поселилась частью на Пересыпи, частью по балкамъ, впадающимъ въ Хаджибейскій лиманъ, тамъ, гдѣ теперь Нерубайскіе и Усатовы хутора». «Эти земледѣльческія колоніи, говоритъ г. Надлеръ, представляли собою единственный вполнѣ осѣдлый и прочный контингентъ Хаджибейскихъ жителей». Намъ остается добавить, что такой же «вполнѣ осѣдлый и прочный контингентъ» русскаго населенія оказался и въ Очаковской землѣ, по присоединеніи ея къ Россіи (какъ показали изслѣдованія проф. Григоровича), такой же контингентъ, какъ извѣстно, находился и въ границахъ Вольностей Запорожскихъ, и, по нашему мнѣнію, этотъ контингентъ коренного русскаго населенія былъ болѣе приспособленъ къ борьбѣ съ природой, чѣмъ иностранные поселенцы, которые весьма часто искали у насъ не иного чего, какъ быстрой и легкой наживы, и потому представляли собою элементъ крайне подвижный и непрочный.

По сказаніямъ польскихъ писателей, Хаджибей или Кацюбей обязанъ своимъ происхожденіемъ литовскому шляхтичу Кацюбѣ-Якушинскому. Въ 1413 г. польскій король Владиславъ отправилъ изъ Кацюбея нѣсколько судовъ съ хлѣбомъ въ осажденный турками Константинополь. Но изъ договора короля Сигизмунда Августа съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ, заключеннаго въ 1540 г., видно, что Хаджибей принадлежалъ тогда уже татарамъ. Взятіе Хаджибея русскими войсками 14 сентября 1789 г. отнюдь не составляло выдающагося событія второй турецкой войны и произошло совершенно незамѣтно для современниковъ. На первыхъ порахъ не было и рѣчи объ устройствѣ въ немъ торговаго порта; въ немъ предполагали поселить отставныхъ моряковъ, преимущественно грековъ, потомъ порѣшили включить Хаджибей въ днѣстровскую оборонительную линію и построить здѣсь крѣпость, къ чему вскорѣ и было приступлено; но въ 1794 г., по предложенію вице-адмирала де-Рибаса и инженера де-Волана, рѣшено устроить въ Хаджибеѣ военный портъ, при чемъ торговому значенію его не придавалось пока особеннаго значенія. Разсказъ г. Скальковскаго о церемоніи основанія Одессы съ участіемъ митрополита Гавріила (22 августа 1794 г.), признаваемый оффиціально и понынѣ, г. Надлеръ вполнѣ основательно оспариваетъ, и, такимъ образомъ, оказывается невозможнымъ пріурочить это событіе къ опредѣленному дню года. Постройки шли крайне вяло и, по словамъ г. Надлера, еще въ 1799 г. одесскій портъ существовалъ болѣе по имени, нежели въ дѣйствительности. Для увеличенія населенія новаго города, явилась мысль пріютить въ немъ

„единовѣрныхъ намъ народовъ, страдающихъ подъ турецкимъ игомъ преимущественно же грековъ“. По догадкѣ автора, въ связи съ нею у де-Рибаса родилось и предположеніе дать устраиваемому имъ городу новое названіе Одессы, при чемъ г. Надлеръ относитъ обычный разсказъ о переименованіи Хаджибея въ Одессу Академіею Наукъ къ области легенды. По первой переписи, произведенной въ концѣ 1795 г., въ Одессѣ оказалось всего 2.349 душъ об. п., при чемъ самую крупную цифру представляли бѣглые крестьяне, за ними слѣдовали казенные крестьяне и переселившіеся изъ разныхъ губерній мѣщане. Греческіе поселенцы, которыхъ насчитывалось очень не много, поручены были попеченію нѣкоего Аѳанасія Кесоглу, тоже грека, который, по словамъ г. Надлера, смотрѣлъ на переселенскія дѣла, какъ на источникъ личнаго обогащенія, и потому, да позволитъ намъ г. Надлеръ добавить, «доля пользы» отъ этого переселенія грековъ сводилась до незамѣтныхъ размѣровъ; да и по словамъ самаго автора, „греческій дивизіонъ, предназначавшійся исключительно для лицъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней турецкой войнѣ, состоялъ въ дѣйствительности изъ *всевозможнаго сброда*, изъ людей разнаго званія и націй, въ томъ числѣ изъ *малороссіянъ и поляковъ*“. Греческій дивизіонъ былъ уничтоженъ съ воцареніемъ Павла I. Въ 1800 году за постройку порта, на этотъ разъ уже съ торговыми цѣлями, взялся одесскій магистратъ, для чего выхлопоталъ у правительства денежную ссуду въ размѣрѣ 250.000 р. Съ этимъ вмѣстѣ, по словамъ г. Надлера, для Одессы закончилась эпоха экспериментовъ, и она вступила, наконецъ, на тотъ путь, который былъ ей предначертанъ ея географическимъ положеніемъ; однако, онъ считаетъ опрометчивымъ предполагать, что Одесса изъ ничтожнаго, заброшеннаго мѣстечка, какимъ она оставалась вплоть до прибытія въ нее Ришелье, сразу превратилась въ шумный торговый городъ, при чемъ подвергаетъ критикѣ панегирикъ, написанный Одессѣ“ въ 1779 г. Павломъ Сумароковымъ въ его «Досугахъ крымскаго судьи“. На основаніи документальныхъ данныхъ оказывается, что дюкъ де-Ришелье, прибывъ въ Одессу, съ великимъ трудомъ успѣлъ найти себѣ самую скромную квартиру; купить мебели оказалось невозможнымъ, такъ какъ во всемъ городѣ не было ни одной мебельной лавки и ни одного столяра, такъ что, въ концѣ концовъ, Ришелье вынужденъ былъ выписать себѣ дюжину стульевъ изъ Херсона; не было вообще ни одного ремесленника, не было даже булочника. Результаты дѣятельности дюка де-Ришелье для Одессы видны изъ его

донесенія Государю въ концѣ 1813 г. Въ это время населеніе города доходитъ до 35.000 душъ, такъ что втеченіе 10 лѣтъ его управленія оно увеличилось въ пять разъ, число домовъ доходитъ теперь до 2.600; доходъ съ виннаго откупа, достигавшій въ 1803 г. до 47000 р., въ 1813 г. доходитъ до 280.000 р.; почтовый доходъ съ 11.000 р. возросъ въ это же время до 190.000 р.; торговый оборотъ Одессы въ 1813 г. составлялъ болѣе половины оборота всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей и простирался до 25.000.000; въ частности, въ этомъ году вывезено изъ Одессы въ Константинополь на 60.000 р. мебели, которой, какъ мы видѣли, вовсе нельзя было тамъ пріобрѣсти за десять лѣтъ передъ тѣмъ.

В. Я.

Народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ С. Петербургскимъ комитетомъ грамотности, состоящимъ при вольно-экономическомъ обществѣ, были выпущены народныя иллюстрированныя изданія нѣкоторыхъ повѣстей Н. В. Гоголя изъ малорусскаго быта, именно: «Сорочинская ярмарка» съ рисунками И. Е. Рѣпина, «Майская ночь или утопленница» съ рисунками Н. Н. Каразина и «Ночь передъ Рождествомъ» съ рисунками К. А. Газенкампфа. Книжечки эти стоили всего по десяти копѣекъ и заключали въ себѣ нѣкоторые изящные рисунки (въ особенности И. Е. Рѣпина).

Послѣ того, съ переходомъ права собственности на сочиненія Гоголя къ братьямъ Салаевымъ, наслѣдникъ ихъ В. Думновъ въ 1890—1892 годахъ выпустилъ иллюстрированныя изданія слѣдующихъ повѣстей Гоголя: «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь или утопленница», «Ночь передъ Рождествомъ», «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», «Вій», «Страшная месть», Заколдованное мѣсто» и «Тарасъ Бульба». Послѣднее изъ упомянутыхъ изданій вышло во второй половинѣ 1892 года. Хотя сравнительно съ изданіями С. Петербургскаго комитета грамотности, книжечки эти стоили дороже («Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь» по 15-ти копѣекъ, а „Ночь передъ Рождествомъ“—20 копѣекъ), но помѣщенные въ нихъ рисунки, принадлежащіе неизвѣстнымъ рисовальщикамъ, были исполнены гораздо хуже, бумага была употреблена сѣрая, а шрифтъ—слишкомъ мелкій для народныхъ изданій.

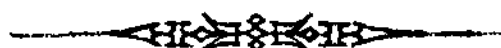
Теперь, какъ извѣстно, право литературной собственности на сочиненія Гоголя перешло къ издателю «Нивы» А. Ф. Марксу.

Можно было ожидать, что, располагая значительными матеріальными средствами и большимъ числомъ сотрудниковъ—иллюстраторовъ Марксъ, пріобрѣвши упомянутое право, приготовитъ роскошное иллюстрированное изданіе сочиненій Гоголя. Есть ли у него такое предположеніе или нѣтъ — неизвѣстно, а пока имъ недавно издана только одна иллюстрированная книжечка подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Н. Гоголь. Тарасъ Бульба. Повѣсть. Иллюстрированное народное изданіе съ рисунками М. Зичи, Р. Штейна, А. Котляревскаго и др. (Спб. 1893 г. 16-о, 170 стр., цѣна 30 коп.)

Сравнительно съ изданіемъ Думнова, книжка эта издана гораздо изящнѣе, но нельзя сказать, чтобы изданіе это не оставляло желать ничего лучшаго. Зичи и Штейнъ талантливые рисовальщики, но Малороссіи они не знаютъ и въ своихъ рисункахъ изъ малорусскаго быта подражали другимъ художникамъ. Притомъ рисунки Зичи—не новые, а представляютъ собою снимки въ уменьшенномъ размѣрѣ съ тѣхъ двухъ рисунковъ, которые были изданы въ видѣ преміи къ «Нивѣ» за одинъ изъ прошлыхъ годовъ и въ которыхъ онъ подражалъ художнику Павлу П. Соколову, издавшему въ 1869 г. альбомъ рисунковъ къ «Тарасу Бульбѣ». Рисунки же Котляревскаго исполнены вообще неудовлетворительно; болѣе удались ему виньетки къ нѣкоторымъ главамъ.

Изъ того, что послѣ выхода изданія Думнова черезъ годъ понадобилось новое изданіе „Тараса Бульбы“, видно, что существуетъ значительный спросъ на такія изданія, и слѣдовательно выпускъ ихъ удовлетворяетъ извѣстнымъ потребностямъ. Но нельзя не пожелать, чтобъ съ повтореніемъ изданій иллюстраціи были исполнены болѣе художественно и съ большимъ знаніемъ малорусскаго быта; а вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы независимо отъ дешевыхъ народныхъ изданій, Марксъ приготовилъ роскошное иллюстрированное изданіе повѣстей Гоголя, пригласивъ для этого къ сотрудничеству такихъ мастеровъ, какъ И. Е. Рѣпинъ. Тогда можно бы было съ рисунковъ такого изданія сдѣлать снимки и для дешевыхъ народныхъ изданій, какъ это сдѣлано для настоящаго изданія по отношенію къ рисункамъ Зичи.

Н. Шугуровъ



ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отвѣтственный Редакторъ *Д, А. Тороповъ.*

200 страницъ. 3) 12 нумеровъ „Моды и Рукодѣлія", замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ". 4) Стѣнной календарь (съ картою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ доставкою по Имперіи):

На годъ **8** руб.; на полгода **4** руб. **50** коп.; на три мѣс. **2** руб. **50** коп; на одинъ мѣс. **1** руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества" выходитъ ежедневно листами и въ дни, слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 нумеровъ). Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевыя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также рисунки сценъ событій изъ русской исторіи, виды мѣстностей, зданій, памятники, дворцы, монастыри, церкви и проч., сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ **4** р.; на полгода **2** р.; на три мѣс. **1** р.; за границу (на годъ) **6** р.

Гг. годовые подписчики перваго или второго изданія газеты „Сынъ Отечества", уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новыя художественныя изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома безъ доставки 75 коп. съ доставкою одинъ рубль.

1) БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА:

„БУРЛАКИ на ВОЛГѢ".

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, выс. 14 вершк.).

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича.

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ

„ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ".

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: проф. Айвазовскаго; проф. Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной и друг.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами новаго альбома акварелей, послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, нерѣдко далеко отъ столицы и не имѣющихъ никакой возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій Эрмитажъ и Академію художествъ. Картины альбома отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную папку и могутъ служить какъ для гостинныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамахъ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

Русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д.).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александра III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марiи Θеодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II. (въ Бозѣ

того,—природа есть вмѣстѣ изанимательнѣйшая наставница, интереснѣйшая книга, способная увлечь собою всякаго человѣка. Вотъ почему, задавшись цѣлью создать общедоступный журналъ для семейнаго чтенія, равно интересный для всѣхъ и каждаго, мы и избрали предметомъ для него какъ вообще природу, такъ въ особенности міръ существъ разумныхъ.

Блестящій успѣхъ нашего журнала, большое количество подписчиковъ за истекшіе четыре года указываютъ намъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ журналѣ, какъ „Природа и Люди".

Въ настоящемъ году журналъ „Природа и люди" сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшіе себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, наряду съ занимательными романами, повѣстями и разсказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по разнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ 1894 подписномъ году журналъ „Природа и Люди" дастъ своимъ подписчикамъ:

52 еженедѣльныхъ номера. Каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 статей, не считая мелкихъ, и 6—10 художественныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ по истеченіи года составится большой изящный томъ, содержащій болѣе 800 стран. и украшенный до 500 рисунковъ.

12 книгъ литературныхъ приложеній. Книги будутъ выходить ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 120 до 160 страницъ каждая, на хорошей глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями. Въ нихъ будутъ помѣщены избранныя сочиненія популярно-научнаго или практическаго характера. Въ отдѣльной продажѣ стоимости этихъ книгъ въ нѣсколько разъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ „Природа и Люди", такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ издатель имѣетъ возможность дать

безплатно

столь цѣнное приложеніе, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ:

Полезная библіотека.

1) Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Г. Парвиля. Перев. А. Лякидэ, подъ редакціею проф. С. Глазенапа.

2) Научныя развлеченія—д-ра В. Буринскаго.

3) Подъ водою—Л. Фигье. Перев. подъ редакціею и съ дополненіями П. Лебедева.

4) Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ—проф. Ф. Эсмарка. Перев. подъ ред. д-ра С. Груздева.

5) Первые обитатели Москвы—большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка. Г. Полозова.

6) Самоучитель фотографіи—Ф. Дилайе. Перев. подъ редакц. Е. Буринскаго.

7) Рыболовъ-любитель—Ѳ. Пескова.

8) Пять внѣшнихъ чувствъ—Л. Фигье. Перев. подъ ред. д-ра Ю. Малиса.

9) Электричество въ домашнемъ быту—В. Тюрина.

10) Жизнь земли (Популярная геологія)—проф. Ф. Пуше.

11) Домашній обиходъ (Сборникъ полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства—Ф. Груздева.

12) Чудеса гипнотизма—д-ра Ю. Малиса.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ напечатаны: „Храмъ науки"—большой романъ изъ университетской жизни І. Ясинскаго; „Новая жизнь"—боль-

шой романъ изъ области будущаго А. Лемана; „Аріасвати“ -фантастическій романъ Н. Соколова; „Черная душа“ (исторія одного пограничнаго разбойника)—разсказъ Ѳ. Тютчева; „Мститель“ (изъ жизни нашихъ среднеазіатскихъ окраинъ)—разсказъ В. Губаревичъ; „Морфинистка“—разсказъ А. Зарина“; „Мірскія диковинки“—рядъ разсказовъ В. Желиховской; „Лиллипуты“ (тайны микроскопическаго міра)—научный романъ А. Бленара; разсказы проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка; „Жертвы моря“ (разсказы изъ исторіи крушеній судовъ нашего военнаго флота)—Мораки (псевд.); „Тайны алхиміи“—Очерки Н. Павловича; „Письма изъ Африки“—Г. Сенкевича; „Страна чудесъ“ и „Въ царства Рулетки“—разсказы изъ путешествія С. Дмитревскаго; „Лазуревый гротъ“—очеркъ С. Донскаго“; „Оорочони“ (вымирающее племя)—этнографическій очеркъ А. Максимова; „Изъ песковъ Судана“—очерки послѣдняго путешествія д-ра А. Елисѣева; „Очерки изъ путешествій по Абиссиніи“—извѣстнаго путешественника В. Машкова; „Семь церквей Апокалипсиса“—В. Желиховской; „Столицы міра“—разсказы С. Донскаго; „Плеяды“ и „Сатурнъ„ его кольца и спутники“—очерки проф. С. Глазенапа; „Друзья человѣка“—большой очеркъ д-ра зоологіи А. Никольскаго; „Ящерицы, плачущія кровавыми слезами“—В. Максимова; „Чтеніе мыслей“—П. Соловьева; „Воля“—П. Успенскаго“; „Черезъ сто лѣтъ“—очерки Б. Битнера; „Живая машина“—очеркъ І. Ясинскаго; рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; очеркъ изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метереологіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, химіи, медицины, технологіи, по сельскому и домашнему хозяйсву, по отдѣлу „Наука и забава“, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ; полезные совѣты и рецепты; фокусы и забавы и пр. и пр. Большинство статей иллюстрировано мелкими рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе художники: Казанцевъ В, Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Піотровичъ С. К, акад.Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судковская Е. П.. Совсорвскій Э. К. и друг.

Подписная цѣна на еженедный журналъ „Природа и Люди“ съ приложеніемъ 12 книгъ „Полезной библіотеки:

Безъ доставки 4 руб, съ доставкой и пересылкой 5 руб., заграницу 8 Рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля 1 руб. и къ 1 мая остальныя.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ брошюрованномъ видѣ, со всѣми приложеніями, —4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 рублей. Пересылка съ наложеннымъ платежомъ по вѣсу и разстоянію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Природа и люди“, С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Редакторъ С. Груздевъ—Издатель П. Сойкинъ.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ 11-ый безплатно.

2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

XXV. на 1894 годъ. XXV.

Принявъ на себя въ 1893 г. изданіе „Русской Старины,“ новая редакція заявила что, преслѣдуя тѣ начала, котор. легли въ основу издан., начавшагося еще

въ 1870 г., она употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы журналъ не только не утратилъ своего прежн. интереса, но. напрот., оживился бы еще болѣе и давалъ бы какъ можно менѣе сырого матер. и какъ можно болѣе матер. литературно разработани. Смѣемъ думать, что наши подписч. не могутъ упрекнуть, что мы не сдержали своего обѣщ. Не трогая драгоцѣн. и общирнаго архива, собран. покойн. издател. „Русской Старины" и пріобрѣтен. редакц. благодаря благосклон. содѣйствія, многихъ достойн. лицъ намъ удалось дать въ течен. года не мало интересн. статей. котор. составили солидный вкладъ въ отечеств. историч. литературу. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшен. журнала, что въ теченіе одного года мы пріобрѣли много цѣнныхъ произвед. воспомин, и общирн. запис. разныхъ лицъ, за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкотор. изъ этихъ произвед. наши читат. имѣли уже случай познакомиться; къ числу ихъ принадл., между проч., Зап. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Восп. В. А. Панаева, Зап. М. Я. Ольшевскаго начатыя въ этомъ г.

Въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочими, слѣдующія произвед: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіог. архимандр. Фотія.—За полстолѣтія, мемуары докт. А. И. Ильинскаго,—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н, Глинки.—Изъ записокъ принца Евгенія Виргембергскаго.—Воспоминанія А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго,—Записки А. Т. Болотова.

Такія важныя пріобрѣт. въ теченіе одного года новыхъ историческ. вполнѣ обработан. матеріал., устанавл. связь редакціи съ интеллигентн. обществ. лицъ, интересующ. отечеств. исторіею, даютъ намъ надежду, что и впредь редак. въ состояніи будетъ удовлетв. любознат. лицъ, интересующ. историч. событіями въ разныя эпохи русской жизни. Въ 1893 г. редакція начала новый отдѣлъ „Обозрѣніе историческ. журналовъ." Давая краткое содерж. помѣщающихся въ нихъ статей, ред. „Русской Старины" имѣетъ полную возможн. знакомить и на будущ. время своихъ читател. съ цѣннымъ историч. матеріал., разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ. Так. образомъ программа издан, на 1894 г. будетъ слѣдующая: 1) Семейн. хроники.—2) Записки и воспомин.—3) Историч. изслѣдованія.—4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ.—5) Жизнеопис. и матеріалы къ біограф. достопамятн. рус. дѣятелей: людей государств., ученыхъ, военныхъ писателей духовн. и свѣтск.. артис. и художник.—6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ.—7) Переп. замѣчательн. лицъ, автобіогр., замѣтки и дневники.—8) Историч. разск. и преданія.—9) Челобитн. и разные документы, рисующіе бытъ русск. общества прошл. временъ.—10) Мемуары и разск. иностран., насколько они касаются Россіи и ея исторіи.—11) Отзывы о содерж. историч. статей, помѣщаем. какъ въ разн. періодич. историч. изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературн.—12) Народная словесность.—13) Архивн. документы.—14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.—Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору редакціи журнала „Русская Старина" СПБ., Фонтанка. 145. Кромѣ того подписка принимается въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана чрезъ

гимназій. Проф. В. И. Модестова; 19) Пенсіонное обезпеченіе народныхъ учителей. А. М. Тютрюмова; 20) Состояніе народнаго образованія въ селахъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго; 21) Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. С. А. Бобровскаго; 22) Народное образованіе въ Херсонской губ. И. П. Бѣлоконскаго; 23) Воскресныя школы въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Я. В. Абрамова; 24) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А. И. Анастасіева; 25) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. К. С. И.; 26) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. А. М. Калмыковой; 27) Система мѣръ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ народа. Евг. Д. Максимова; 28) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (Дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ школъ) А. И. Анастасіева; 29) Геометрія въ городскихъ училищахъ, В. А. Латышева; 30) О преподаваніи алгебры въ гимназіяхъ. Его-же; 31) Авторитетное слово въ области методики математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго, 32) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ѳ. Соколова; 33) О церковно-славянскомъ языкѣ. А. И. Тарнавскаго; 34) О мѣрахъ къ поднятію уровня сочиненій абитуріентовъ. А. А. Дмитревскаго; 35) Желательная постановка экстемпоральныхъ работъ по древнимъ языкамъ. Его-же; 36) Конспектъ девяти весеннихъ ботанико-зоологическихъ экскурсій въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Проф. Д. Н. Кайгородова.

Кромѣ того въ „Русской Школѣ" за 1893 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы": А. И. Анастасіева, З. Б. Вулиха, К. А. Иванова, П. Г. Мижуева, В. А. Мякотина, Е. Н. Соловьева, Н. В. Тулупова и многихъ другихъ (всего болѣе 80 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія. Я. В. Абрамова. Отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

1) Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки шесть рублей, съ доставкой 6 р. 50 коп., для иногороднихъ семь рублей, съ пересылкой за границу девять рублей.

2) Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени" и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 35 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ русской

за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г. г. (въ сброшюрованомъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1893 гг. по 7 р. съ пересылкою. **Экземпляры "Трудовъ" за 1884 г. всѣ распроданы**

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1894 гг. по 1 руб.

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподованія по полугодіямъ.

5. Програмы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіася къ устройству и состоянію ученой, учубной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколѣ, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи наачнаго содержанія),

съ отдѣлами критико-библіографическимъ. посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной, и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ. и т. п. свѣдѣнія, Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п,

---

дальнѣйшее усовершенствованіе газеты, какъ во внутреннемъ литературномъ отношеніи, въ полнотѣ и изобиліи свѣдѣній и статей, приближаясь по мѣрѣ возможности, къ выработанному типу наилучшихъ заграничныхъ изданій.

Въ газетѣ „Одесскія Новости“ помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы искусства науки и техники. Кромѣ спеціально посвященныхъ одному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки ч разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-техническій фельетонъ. Все это иллюстрируется цинкографическими портретами и рисунками. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подписчикамъ иллюстрированный „Дѣтскій нумеръ“ содержащій разсказы, стихотворенія, и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ „Одесскихъ Новостяхъ“ областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочныя сношенія заграницей и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корресподенты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	3 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
На годъ	8 „ — „	На годъ	9 „ — „

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала второю полугодія 4 р.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ВЪ ОДЕССѢ, въ Главной Конторѣ: Ланжероновская ул. (Пале-Рояль), соб домъ.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ Богополѣ, Бериславѣ, Белградѣ, Бобруйскѣ, Винницѣ, Вознесенскѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гейсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомирѣ, Измаилѣ, Килии, Крив.Рогѣ, Крив.Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ:Подольскѣ, Козатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ Сорокахъ, Тирасполѣ, Тальномъ, Тульинчѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Ѳеодосіи.

Редакторъ-издатель А. Старковъ

Съ 16 ноября газета „Одесскія Новости“ будетъ печататься новымъ шрифтомъ.

2—3.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсроча: при иодпискѣ—4 руя., 1 Мая—2 руб., и 1 Іюля—руб., а для служащихъ въ административныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ въ году (1 Янтаря по 1 Августа включительно)

Подписка для иногороднихъ принимается въ главной конторѣ редакціи Трехсвятительская ул., № 16 (у церкви Андрея Первозваннаго).

Подписавшіеся на 1894 годъ получать всѣ номера газеты, вышедшіе въ текущемъ 1893 году.

Издатели: *І. П. Мануковъ и М. Е. Краинскій.*
Редакторъ *М. Е. Краинскій.*

2—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА".

„Сборникъ Саратовскаго Земства" имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней програмиѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

„Сборникъ" будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Сборникъ Саратовскаго Земства". І. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ програму „Сборника". IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготовляются Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по проэкту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обозрѣніе земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растеній и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ Н. Маклецовъ. О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе Н Черненко.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ В. Круберъ, и др.

Приложенія: І. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы коммиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля. VI. Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ, VII. Библіографія и библіотека, книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. IX. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. X. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ X-го будутъ выпускаться и разсылаться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со „Сборникомъ", приложеніе же V-е

будетъ выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, „Сборникъ" и „Приложенія" уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція разсчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать „Сборникъ", не смотря на значительные расходы по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особыя подписки: А—на „Сборникъ" безъ приложеній, Б—на „Сборникъ" съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В—на „Сборникъ со всѣми приложеніями.

Подписная цѣна: А—За „Сборникъ" безъ приложеній: на годъ безъ пересылки 3 руб. 60 коп., съ пересылкой и доставкой въ Саратовѣ 4 р., на полгода безъ перес. 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р, на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. 1 р., на 1 мѣсяцъ безъ перес. 31 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 35 к.,

Б.—За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на „Сборникъ" прибавляется:

1. За I приложеніе „Труды Саратовскаго Губернскаго Земства"—журналы, доклады, отчеты и проч. на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ пересылкой и дост. въ Саратовѣ 2 р., на 1 мѣсяцъ безъ пересылки 90 к., съ пересылк. и доставк въ Саратовѣ 1 р.

2. За еженедѣльное V-е приложеніе на годъ безъ пересылки 2 р. 70 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 3 р., на полгода безъ перес. 1 р. 35. к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р., на четверть года безъ перес. 1 р. 10 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 1 р. 20 к, на одинъ мѣсяцъ безъ пересылк. 45 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 50 к.

3. За остальныя ежемѣсячныя приложенія на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р., на полгода безъ перес. 1 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 1 р., на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 1 р., на одинъ мѣсяцъ безъ пересылки 27 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 30 к.

В.—За „Сборникъ" со всѣми приложеніями на годъ безъ пересылки 8 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 9 р., на полгода безъ перес. 5 р. 40 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 6 р., на четверть года безъ перес. 3 р. 60 к., съ пер. и дост. въ Саратовѣ 4 р., на одинъ мѣсяцъ безъ перес. 1 р. 35 к., съ пересылк и дост. въ Саратовѣ 1 р. 50 к.

Цѣна экстреннымъ приложеніямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо, о чемъ будетъ публиковатсья заблаговременно.

Подписка на приложенія безъ „Сборника" не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, извѣстнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодьямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый срокъ впередъ, безъ увеличенія годовой подписной цѣны.

Для Волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена.

За „Сборникъ"	безъ приложеній	3 р.
„ „	съ I-мъ приложеніемъ	4 р.
„ „	съ V-мъ приложеніемъ	4 р.
„ „	съ остальными, кромѣ экстрен. приложеній	4 р.
„ „	со всѣми приложеніями, кромѣ экстренныхъ	6 р.

вѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ (для отчетовъ о новостахъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ „Извѣстіямъ“ будутъ печататься:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. „Мордовско русскій словарь“ М. Е Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб, каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйстоительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета Ѳ. Мищенко, И. Смирновъ.

---

10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово" съ доставкой и пересылкой на годъ 1и р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылк- —на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ Б. В. Корейво, П. Барскаго и Н. Оглоблина.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова", Большая Владимірская домъ № 35.

Редакторъ-Издатель *В. М. БОГДАНОВЪ.*

„ХАРЬКОВСКІЯ губ. ВѢДОМОСТИ"

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.
2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.
3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).
4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проэкты и т. п.).
5. Телеграммы.
6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).
7. Земская и городская хроника.
8. Корреспонденціи.
9. Театръ и музыка.
10. Новости науки, литературы и искусства.
11. Внутреннія извѣстія.
12. Внѣшнія извѣстія.
13. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п).
14. Библіографическія замѣтки.
15. Смѣсь.
16. Справочный отдѣлъ.

Условія подписки: Съ пересылкой на 12 мѣс. 10 р., на 11 м. 9 р. 50 к., на 10м. 9 р., на 9 м. 8 р. на 8 м. 7 р., на 7 м. 6 р. 20 к., на 6 м. 5 р. 75 к., на 5 м. 5 р., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., 10 к., на 1 м. 1 р. 20 к. Съ доставкою въ Харьковѣ на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р. на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р. на 1 м. 1 р. Безъ доставки на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 11 м. 8 р., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р. на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 80 к.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ газеты „Харьковскія Вѣдомости.

посылалемъ 3 р. У вечеру ездили до ясневелможной и тамъ вечерали. Штучку вистроили Максимецъ зъ Назарцемъ,—ключи сховали.

Середа. 15. Сегодня родитель ездилъ въ судъ, а обѣдалисмо у себе, мы сами, а онъ обѣдалъ у минѣстра. Подалъ чолобитную род. минѣстрови на Калюжненковъ за грабителство, учинившееся сѣна въ футорѣ нашемъ Калюжновскомъ.

Четвергъ. 16. Сегодня пріехали зъ С. П. Бурху посиланніе туда сотники срѣбранскій (Троцина) и Галецкій стародубовскій, зъ отвѣтною до всего войска запор. грамотою, милостиво написанною. Слуга чи сродникъ п. судіи Чарниша пріехалъ зъ С. П. Бурху. Обѣдалисмо у ясневел. и п. Михайло зъ своею женою.

Пятокъ. 17. Сегодня былемъ у канцеляріи минѣстеровой зъ род., а оттоль у п. Михайла, где зъ Троцкимъ видѣлемся и суплѣку его на род. наготованную принялемъ. У Архипа, поданного сварковского, получилемъ 40 р., а еще остался виноватъ 7 р. и 7 гривенъ, а въ 10 р. пять четвериковъ жита далъ. Войту роменскому Андрѣю Павлову [1]) далемъ карту до Котлубая, чтобъ онъ заплатилъ ему долгъ мой, то есть 16 р. безъ 10 алт.

Субота. 18. Сегодня у минѣстра учинилось опредѣленіе: чолобитнихъ на родителя зъ другихъ полковъ кромѣ лубенского не принимать въ канцелярію минѣстрову и новоучрежденному суду не слѣдствовать, понеже въ указѣ такъ виражено. Читали судящіи виписку дѣла зъ Калюжненками, где артикули повинаходили зъ разныхъ книгъ, всѣ въ ползу Калюжненкомъ, а мы въ ползу свою виписать другіе артикули отпросили сроку до середи. Ездилемъ у вечеру до ясневел., которая пашпортъ мнѣ дала минѣстровъ.

Неделя. 19. Родитель сегодня передъ службою Божей въ минѣстра въ прихожей избѣ, въ присутствіи Количева, Писарева Яковлева, командапта переясл. и многихъ, подалъ доношеніе зъ свѣдителствами старшинскими, оправдающими родителя. Обѣдалисмо сами у себе, а у вечеру былъ протопопъ глуховскій. Максимецъ, подци-

[1]) Это былъ Полетика, отецъ извѣстнаго Григорія Андреевича. См. Кіевск. Стар. 1891 г., № 4, стр. 99.

сокъ род., писалъ ко мнѣ зъ Добротова, что стрижчатъ [1]) трое вплелись за нимъ на дорозѣ и прибѣгли въ Тулиголови, куда староста мой принять онихъ не похотѣлъ. Пріехалъ слуга гетманскій зъ С. П. Бурху, которій привезлъ вѣсть, что Петръ Андр. Толстой умре.

Понеделокъ. 20. Сегодня билисмо оба зъ родителемъ у суда въ справѣ Калюжненковъ, а отложили дѣло ихъ до середи, чтобъ намъ виписать зъ правъ въ сторону нашу. Обѣдалисмо у ясневел., а у вечеру билъ у насъ Новоторжцовъ. Пріехалъ отъ швакгра Андрея Полуботка слуга зъ писмомъ и зваромъ родиннимъ, что ему родилась дочь Уліяна.

Вовтор. Воведеніе. 21. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами ясневелможная, а по обѣдѣ составляли правніе доказателства въ справѣ Калюжненковъ. Отписалемъ до швакгра Полуботка и слугѣ 1 р. далемъ. Тарасъ слуга пріехалъ зъ Ромна и обявилъ реестръ коней поставленнихъ на зиму въ станю, иждżалихъ и дрикгантовъ 69, опрочъ сихъ, якіе въ Глуховѣ и въ старостъ имѣются иждżаліи. Да онъ же показалъ реестръ коней вибракованнихъ 26, зъ которихъ въ Ромнѣ продалъ 8 за 30 р. и 4 гривни, а именно кобилъ 3, коней 3, стрижокъ 2 да на боргъ (въ долгъ) отдалъ 3 кобили за 12 р., особливе стар. засулскому двое стрижокъ за 5 р. зь 2-ма гривнами, а 3 кобилѣ знову у футоръ отосланн. Да продалъ же товару 13, за що взялъ 28 р., да онъ же въ Ромнѣ купилъ 14 локоть матеріи, имберу 2 фунта, перцю фунтъ, цитвару 4 фунта, а на немъ доводится таляръ безъ шага.

Середа. 22. Сегодня билисмо у суда зъ родителемъ, куда принесена суплѣка до гетмана отъ всей отаманнѣ сѣлской, писанная на родителя лубенской сотнѣ. Обѣдалисмо у ясневел. зъ п. Михайломъ и его женою, которую оправадилисмо въ городъ до ея дому ноччю, зъ женою у п. судіиною. Грошей у Клима взялемъ 32 р.

Четвер. 23. Сегодня были у ясневелможной и обѣдали, а по обѣдѣ виехали въ монастирь Гамалѣевскій, тамъ же обѣдалъ и

---

[1]) Т. е. лошатъ-стригуновъ.

отецъ Мойсей. Онажъ дала 150 чер. да 100 р. Отецъ Мойсей у столу сказивалъ, что Іванъ Мисюкъ, ктиторъ святониколскій, прийшовши до его, тое говорилъ, же Калюжненки зъ маткою своею передъ тимъ, поколь не продали намъ футора Калюжновского, приходили продавать до Степана Миклашевского и другихъ.

Пятокъ. 24. Сегодня былисмо у суда зъ родителемъ, где взявши чолобитнихъ двѣ Жванченка пѣсковского, да Неижгалки лохвицкого, для отвѣту отехали. Самъ зложилемъ... (?) у фляшу мѣдную, а онихъ 1330, осталось по рощоту 160, а особливе 250, и того 410.

Субота. 25. Сегодня отвѣти противъ Неижгалки и противъ Жванченка виготовали. А обѣдалисмо съ Кондзеровскимъ. П. Павловая лохвицкая пріехала въ Глуховъ и привезла на каггe млинокъ, купленний мнѣ у С. П. Бурху Михайломъ Перехристомъ роменскимъ.

Недѣля. 26. Сегодня былисмо зъ родителемъ рано у минѣстра и пожекгналемъ оного, который сказивалъ о секретару сенатскомъ Івану Кириловичу Киролову, что онъ свѣдомъ и поуфалъ. Зъ библіотеки взялемъ 7 мѣстъ, а 8 зъ библіографіи. Унѣверсалъ на Андріяшовку, п. Павловой данний отъ покойного гетмана 1709-го году, мая 7-го у Лукомлѣ, а у водѣ затопленний злодѣями, обикравшими оную, дала мнѣ, который на чистий папѣръ подклеилемъ, и уступное писмо. Составилемъ доношеніе до минѣстра отъ родителя о правахъ, доводячи того, что статутъ—право собственное и свойственное есть язика руского народа и сіе утверждено доводами зъ исторіи. У ваннѣ милемся и кровъ банками пускалемъ. А исторіи въ доношеніи, о якомъ въ 4-мъ пунктѣ прописани и такіе суть что Гедиминъ князь литовскій въ Кіевѣ, доставши оного, устроилъ на своемъ мѣстѣ князя Олшанского; 1471-го року, Казѣмиръ 4, король полскій, княженіе кіевское на воеводство перемѣнимъ.

Понеделокъ. 27. Сегодня рано пожекгналемъ род. и отехалемъ зъ женою въ Тулиголови на обѣдъ, куда потомъ и попъ Астровскій пріехалъ. Братъ п. Семенъ подарилъ въ Глуховѣ табакерку свою мнѣ. Пріехавши въ Тулиголови, засталемъ въ імбарѣ

5 куѳъ гор., а шестую испиваемую, салъ 17, а на 10 казановъ у винницѣ робится. Алексѣй, посиланний въ монастиръ до ясневел., повернулся зъ листомъ и молитвою приложенною, такожъ зъ 6-ма бутилками вина, а водки 3-ма.

Вовтор. 28. Сегодня оставилемъ у жени жовтую скринку и 4 мешка, въ 1 (?), що Роману стар. мѣла вручить. Писалемъ писма до швакгровъ, до отца Мойсея и женѣ отдалемъ, такожъ 10 пунктовъ въ наказѣ, наказъ Климу о Петру Михайлову и пожекгнавши жену, поехалемъ на обѣдъ въ Камень, где и обѣдалемъ. На дорозѣ стрѣтилемъ Якова Жиловича, [1]) ездившого по указу гетманскомъ отнимать отъ п. судіиной енер. села Оксютинцѣ да Пустовойтовку. Пообѣдавши, поехалемъ зъ Каменя и пріехалемъ позно въ ночъ до Казацкой, где и ночовалемъ.

Середа. 29. Сегодня рано вставши, пріехалемъ до Грузкой, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ пріехалемъ позно въ Смѣлое, тутъ и ночовалемъ. 3 молитви уписалемъ у тестаментъ.

Четвер. 30. Сегодня рано вставши, поехалемъ и пріехалемъ на обѣдъ въ Роменъ, где ради тезоименитого обѣдали у родителки полковникъ Веревкинъ, подполковникъ Еропкинъ Александръ и протчіе, тако жъ протопопъ зъ попами. Зъ Астраханѣ поехавшій Семенъ Бардакъ 8-го октовр., пріехалъ сюда, въ Роменъ, а явился сегодня мнѣ и донеслъ, что виправилъ онъ людей моихъ Михайла Гавриленка зъ товарищи въ Диляяъ на море, на бусѣ Демидова отъ пуда по 11 р. нанявши, толко его десятая денга, о чомъ и Якубовичъ пишетъ ко мнѣ.

Мѣсяцъ декаврь. Пятокъ. 1. Сегодня принималемъ проносное лѣкарство. Получилемъ отъ род. зъ Глух. писмо о томъ, чтобъ обшукать мировой попа Миколевского, до которого отписалемъ, что оной у мене нѣтъ, а до жени ключикъ отъ габонетику послалемъ. Вѣжевскому на расходъ 10 р. далемъ, зъ которихъ ему и Петру Кухтику велѣлемъ взять по 2 р., а Юску полтора руб., на дорогу. 2 мѣшки вложилемъ у скриню, где платте.

---

[1]) См. о немъ Опис. Стар. Малороссіи, II, 132.

Субота. 2. Сегодня далемъ Ілку Павлову Рожниченку 100 р. на покупку тютюну самого доброго, а отъ пуда поступилемъ ему по шагу, на що онъ и росписку мнѣ далъ за подписомъ своеручнимъ креста, а вмѣсто его Семенъ Бардакъ подписался; лѣчилъ озъ Семенъ и гроши съ Ілкомъ. Увидѣлемъ указъ государевъ септовр. 26-го состоявшійся, въ тайномъ верховномъ совѣтѣ, о томъ, что тютюнъ волно возить везде, только дать отъ пуда по 2 гривни, а если въ Сѣбиръ или въ Астрахань, и зъ Астраханѣ за море посилать, то давать отъ пуда по тому жъ вдвое. Семенъ Бардакъ показалъ реестръ, что розійшлось денегъ у его 90 р. зъ чимсь, для чого ему далемъ 10 р. теперъ, а коня въ 12 р., возъ у 1 р. и протч. зараховалъ себѣ. Обозний зъ гонцевскимъ асауломъ и хоружимъ сенецкимъ Корсуномъ пріехали сюда, въ Роменъ, ревѣдовать скарбцѣ церковний и сотенний, а все въ той конецъ не можно ли сискать и тутъ чего противъ насъ.

Неделя. 3. Сегодня пріехали Шимко и Железо зъ Гданска, ходившіи туда зъ волами родителскими и моими, а моихъ было 11, продани по полъ 17 таляра тамошней монети. На мою прето потребу спорадили покупки,, а именно: атласу кривавого, да папужекъ 24 локтѣ, по 7 тинфовъ, млинокъ, имбрикъ, чашокъ паръ 5 за 10 тинфовъ, полотна швабского штуку за 23 таляри, струнъ римскихъ бунтовъ 3 за 13 тинфовъ, на цукоръ скриночку сребрную зъ 6 ложечками, ваги 2 гривни 3 лота и чвертка, гривна по 28 зол., гузѣковъ срѣбнихъ 18, ваги 3 лоти и чвертка, шпонки золотіи за 19 зол., а ваги въ нихъ червонихъ 2 и чвертка, галки мушкатной лотъ 2 по 6 зол. безъ шостака, цѣномону фунтъ—зол. 11, мастиксу фунтъ 2 по 4 зол., чаю фунтъ 2—по 12 зол., цукру камень, фунтъ по тимфу. Особливе пуздерко, а въ немъ 5 фляшокъ водокъ кгданскихъ, а шестая разбилася. Зъ сихъ рѣчей взялемъ зъ собою толко чай, дзикгарикъ одинъ, направлений, старий. Принялемъ отъ родителки 100 р. копѣекъ, да чер. 150. Войтъ роменскій посилалъ подписка ратушнего Скраловского до засулчанъ зъ тимъ, чтобъ они подписивались на томъ, же Засулле не било во владѣніи ни у кого и что Засулле не есть село, але предмѣсте роменское.

Хоружій Бутурлимъ поехалъ въ Глуховъ, черезъ которого послалемъ писма, одно п. полковника ахтир. къ родителю писанное, а другое мое до п. Михайла жъ писанное. Виехалемъ позно зъ города на Засулле, где и ночовалемъ зъ братомъ Маркомъ. Жена моя зъ Глухова виехала въ Чернѣговъ, до братовъ.

Понеделокъ. 4. Рано былъ у мене Іванъ Войтенченко, атаманъ роменскій, при Заруцкомъ старостѣ, и отобралъ отъ мене должнихъ грошей церковнихъ, по 2-хъ облѣgахъ, 130 р. и облѣgи отдалъ мнѣ, якіе подралемъ. По службѣ Божой мало перекусивши, отехалемъ и пріехалемъ на ночъ въ Коровинцѣ.

Вовтор. 5. Сегодня рано отдалъ я писма 2, одно до швакгра п. Андрѣя Полуботка, а другое до жени, въ якомъ приложилемъ и реестръ покупокъ гданскихъ, тако жъ и то, что 100 р. Якови Важниченкови на покупку тютюну далемъ и чтобъ она еще столко дала, когда за тіе купить оного. Поехалемъ зъ Коровинець рано и пріехалемъ после полдня въ слободку Василевку швакгровъ моихъ, отстоящую въ 4-хъ миляхъ отъ Коровинець, где и обѣдалемъ. Романъ коня кучеравого на полѣ упустилъ, которого шукать остался. По обѣдѣ поехалемъ и пріехалемъ на ночъ въ Михайловку, [1]) болшъ миле отстоящую, где и заночовалемъ въ дворцѣ.

Середа. 6. Сегодня тутъ же въ Михайловцѣ, въ день ст. Николая, службы Божой вислухавши, отобѣдалемъ. Писалемъ 2 писмѣ одно, до п. Андрея швакгра, зъ поздоровленнемъ и подякованнемъ за угощеніе мнѣ тутъ показанное, а другое, до жени о томъ, что 100 р. Илку далемъ на покупку тютюну и чтобъ еще дать, если за тіе купить, да въ томъ же листѣ зсилалемся на протчіе листи мои, передъ симъ посланніе къ оной. Поехалемъ зъ Михайловки и пріехалемъ до мѣстечка Лебедина, отстоящого оттуду около 6 вер., а переехавши оное, поехалемъ далѣй и пріехалемъ позно въ ночъ до городка Олешнѣ, до полку ахтирского належного, якій городокъ отъ Лебедина отстоитъ въ трохъ миляхъ добрихъ, албо и болшъ, где и ночовалемъ.

---

[1]) Въ лебединскомъ уѣздѣ, харьковск. губ. Село это принадлежало Полуботкамъ.

Четвер. 7. Зъ Олешнѣ поехавши, пріехалемъ до слободки московской, прозиваемой Чертовка, около 5 верстъ отстоящой, а оттоль поехавши, приехалемъ до Ворскла рѣчки и переехавши поузъ монастиръ Ахтирскій, черезъ мостъ, пріехалъ вечоромъ до Ахтирки мѣстечка, которое отъ слободки Чертовки на полтори милѣ отстоитъ, и сталемъ первей, квартерою у судѣ Боярского, а оттоль переехалемъ до подполковника двору, где и ночовалемъ.

Пятокъ. 8. Сегодня тутъ же въ Ахтирцѣ продновалемъ. Далемъ кучму (шапку) себѣ пошити зъ чорнихъ смушковъ. Составлялемъ разніи писма и чолобитную. [1])

Субота. 9. Тутъ же и сей день въ Ахтирцѣ пробавилемъ, а обѣдалемъ зъ п. полковникомъ у Тимофея Боярского, сотника пол. ахтир., затимъ, что жена его была сегодня именинница. По обѣдѣ, уже вечеромъ, розійшовшись, ми зъ п. полков. ездили до селця его Злодѣевки, отвѣдовать синовъ его, туда отъ Ахтирки верстъ у 5 зосланнихъ для оспи, и повернувшись, ужинали. Въ ночѣ, противъ неделѣ, ишовъ снѣгъ, хорошо покрилъ землю. Вѣжевскому далемъ на расходъ 10 р. и въ реестрѣ записалемъ его.

Неделя. 10. Сегодня рано составленніе писма мои до родителей о повоженню моемъ, до Нестеровички объ отобранню привезенныхъ зъ Гданска покупокъ Шимкомъ да Желязою, и о пораховванню ихъ. До жени о висилцѣ виправи въ Москву зъ Алексѣемъ слугою и Федоромъ Сохацкимъ сварковскимъ, и что вложени рѣчи зъ баулчика въ меншую чорную скриню и обѣ запечатанніе въ склепу поставлени, и чтобъ прислала дипліомъ, особливе до прежнего мемоpіялу, данного въ Тулиголовахъ, ей въ 10 пунктахъ; тутъ еще 13 пунктовъ приписано, итого всѣхъ 23 пункта, да приказъ тамъ же включенъ Забарѣ, войту свар., въ 7 пунктахъ, чего копія зде есть оставленна. До брата п. Семена о томъ, чтобъ такое писмо мое до жени писанное, отдать оной въ домъ. И таковіе писма вручилемъ п. полковникови ахтирскому, для пересилки. Обѣдалисмо у п. полковника и съ нами многіи зъ господъ тамошнихъ, где явился

---

[1]) По дѣлу удаленія отца отъ полковничества.

и Петро Чарнишъ, [1]) вигнанній зъ женою своею отъ п. Михайла [2]) сумского. Получилемъ писма отъ п. полков., писанніе въ Москву, до князя Голѣцина и протчіихъ, такъ же и отъ швакгра его Андрея судіевича сумского. [3]) Виехалемъ зъ Ахтирки въ Москву путемъ предлежащимъ, а пріехалемъ позно въ ночъ до села Тростянця, владѣнія духовника о. Тимофѣя, [4]) якое село отъ Ахтирки въ разстояніи 24 версти, где въ дому духовниковомъ и заночовалемъ

Понеделокъ. 11. Сегодня тутъ же, въ Тростянцѣ, обѣдалемъ, а принимали мене сини духовничіе Максимъ и Алексѣй кривоногій. По обѣдѣ поѣхалемъ съ ними и уехавши верстъ зъ 13, пріехалемъ до села Микитовки, где заехалисмо до Данила Івановича Перекрестова [5]) и тутъ забавилисмо, а повечеравши, пожекгналемъ всѣхъ и отехалемъ въ свой путь и пріехалемъ, позно въ ночъ, до мѣстечка полку ахтирского, називаючогося Бурумле, где и ночовалемъ въ дворѣ Іосифа Гречаного, куда отъ Микитовки верстъ зъ 10 будетъ.

Вовтор. 12. Прежде помянутий Гречаний росказивалъ о поваженню багмутскомъ, что тамъ соль, зъ колодезей викопанних нарочно, берется а варится на сковородахъ желѣзнихъ, якихъ сковородъ имѣется тамъ 200, а сковорода всякая на сутки нанимается разною ценою, для того, что неравніе суть въ своей величинѣ, однакъ саміе найменшіе нанимаются по 6 р., зъ якой виходитъ зъ 15 бочокъ обикновенних соли. Протчіе же дорогшею цепою, болшіе. На такую меншую сковороду дровъ идетъ въ сутки возовъ по 20, якіе дрова за конвоемъ всякъ рубаетъ по байракахъ, отколь за 3 днѣ назадъ ворочаются, а если готовіе покупать, то мощно купить возъ по полкопи. А хто хочетъ государеву соль покупать, то купуютъ по гривнѣ пудъ. Соль найлутшая тая, якая уварится, а станетъ крупичатая. Заводи тіе суть государеви, где работниковъ

---

[1]) Кажется, это былъ племянникъ генер. судьи.

[2]) Кондратьева.

[3]) Т. е. сына судьи сумскаго полка.

[4]) Надаржинскаго, духовника Петра Великаго. См. „Молодикъ“ на 1844 г., стр. 249.

[5]) Сынъ ахтырскаго полковника Ивана Перекрестова.

много числое и воловъ на нѣсколко тисячъ, для привозу дровъ. Полковъ тамъ рекгулярнихъ 3, а козаковъ въ Бахмутѣ жиючихъ на 500 человѣка, надъ которими есть ротмистръ устроенъ; надъ всѣми коменду содержитъ комендантъ. Для конвоювъ зъ слободскихъ полковъ посилаются козаки. Въ Бурумли два сотника и городъ собою чималий. Зъ Бурумли поехалемъ, а уехавши верстъ 22, пріехалемъ до сотенного села полку сумского прозиваемого Самотаевка, где у бувшого тутейшого сотника и обѣдалемъ. Зъ Самотаевки поехавши, уехалемъ верстъ около 7 и пріехавши до села Тимофѣевки, полкового, онимъ же селомъ ехалемъ верстъ зъ 4 и въехавши въ другое село Осоевку., сталемъ на ночлѣгъ въ дворцѣ Івана Борзни.

Середа. 13. Сегодня рано поехавши зъ ночлѣга, уехалемъ верстъ зъ 5 и пріехалемъ до села Криничного, а оттоль верстъ зъ 3 до села Рибиця, оттоль верстъ около 8, пріехалемъ до мѣстечка сотенного, полку сумского, прозиваемого Мирополле, где и обѣдалемъ; писалемъ писмо до брата п. Андрѣя въ Суми, куда отсюду верстъ болшъ 20 будетъ, и послалемъ черезъ Кондрата Марковича, осаулу полкового сумского, поехавшого въ Суми отсюду. Поехали оттуду по обѣдѣ и спознившись, заблудили въ лѣвий бокъ до селця московского Пліохова, откуду знову повернувшись и недоехавши села, ночовали въ полѣ, а потомъ пріехали въ село Борки, где все однодворци живуть, якое село Борки отъ Мирополля въ 15 верст. отстоитъ, а тутъ черезъ Псіолъ переправившись по греблѣ, имѣючой млини Михайла сумского и другихъ, сталисмо на квартирѣ у Трохима Вовченка, козака, въ селцѣ чи слободцѣ прозиваемой Вовковка, якая на версту толко рѣкою отъ Борокъ отстоитъ.

Четвер. 14. Сегодня, тутъ же, въ Вовковцѣ, и обѣдъ имѣлъ я, для коней вчора велми потомившихся, а по обѣдѣ поехавши, уехалемъ зъ версту и пріехалемъ до села називаемого Уланокъ полкового, до сотнѣ суджанской належачого, где вчерашній миропольскій проводникъ ткачъ, свой секретъ, якій називаетъ отченашомъ ткацкимъ, говорилъ не безъ великого нашего принужденія (?). Оттоль уехавши верстъ зъ 4, пріехали до деревенкѣ руской, прозиваемой Коноцелки, где и заночовалъ.

Пятокъ. 15. Сегодня рано поехалисмо зъ Конопеліокъ и за превеликимъ бездорожжемъ, толко увойшли 3 версти и стали на ночлѣгъ, въ селѣ Пушкарной, где все однодворци живутъ.

Субота. 16. Сегодня тутъ же, въ Пушкарной, откушалемъ рано, а по обѣдѣ поехавши, пріехали вечоромъ до села Салдацкой, отъ Пушкарной отстоящой въ 18 верстахъ, где и заночовалемъ; се послѣднее село до суджского уезду належачее, а далѣй слѣдуючіе—до Курска належатъ.

Неделя. 17. Сегодня тамъ же въ Салдацкой откушалемъ. По обѣдѣ поехавши, уехалемъ верстъ 22 и пріехалемъ надъ рѣчку, прозиваемую Ревутъ, где черезъ мостъ перебравшись, зночовалемъ въ деревенцѣ, у правомъ боцѣ стоячой, помѣщиковъ курскихъ Овдѣевыхъ.

Понеделокъ. 18. Посля полночи вставши, поехалемъ и уехалемъ верстъ 29, и сталемъ въ селѣ Черничиномъ монастира дѣвичого, на обѣдъ, проминувши назадъ далеко села и деревнѣ Дяконово и проч. Отъ деревнѣ Дяковой ехалемъ все по узъ рѣчку Сеймъ, которая намъ ѣдучимъ була у лѣвой руцѣ, и пріехалемъ верстъ у 8, отъ обѣда, до перевозу, где черезъ помянутий Сеймъ перевюзшись, пріехалемъ въ Курскъ, отъ перевозу за 8 верстъ отстоящій, и на предмѣстѣ сталемъ у купчина курского дому Никити Петрова Скорнякова. Городъ на косогорѣ сидитъ, рѣка Сеймъ течетъ и на ней млини, а взялась она отсюду началомъ на 40 верстъ, але подъ городомъ течетъ рѣка Тускаръ. Всѣхъ верстъ отъ Ахтирки до Мирополля 97, а отъ Миропол. до Курска 109, отъ Ахтирки же до Курска всѣхъ 206.

Вовтор. 19. Сегодня простоялисмо тутъ въ Курску. Хозяинъ сказовалъ, что тутейшіе ямщики подрадились табакъ везти до Казани отъ пари лошадей по 17 р., а табаку пудовъ 30 поднять могутъ пара лошадей; знову жъ до С. П. Бурху подражаются отсюда отъ пуда по полтинѣ.

Середа. 20. Сегодня емщиковъ уговорилемъ до Тули, отъ пари лошадей по 4 р., а потомъ другого емщика, прозиваемого Федора Масляникова, уговорилисмо зъ хозяиномъ до Москви за 16 р., а задатокъ первимъ данний, полтора рубля, пропалъ. Вѣжев-

скому на расходъ далемъ грошей 5 р. и записалемъ въ реестрѣ. Конвоямъ ахтирскимъ далемъ 20 а., Роману полтора руб., маштальѣру и двомъ засулцямъ—по гривнѣ, и реестръ данъ Роману, що зъ нимъ отправлено, а именно: коней 8, шоръ пара зъ лѣцами и кантарами, хомутовъ 2 зо всѣмъ, попунокъ 2. Составилемъ писма въ домъ, до род. обоихъ и до жени, до которой и реестрикъ приложенъ въ листѣ. Особливий листъ до п. пол. ахтирского, зъ подякованнемъ за конвоювъ.

Четвер. 21. Сегодня рано откушалемъ зъ хозяиномъ Скорпяковимъ. Масляникову задатку далемъ 6 р. и поехалемъ въ путъ свой, а виехавши отъ города къ Ямской, остановились, что ось зломалась у будки моей, чего ради и заохавши вь Ямскую, отстоящую отъ города въ 3 верстахъ, стали.

Пятокъ. 22. Сегодня рано поехалисмо и уехарши верстъ 25, стали на обѣдъ въ деревнѣ монастиря Курского, прозиваемой Долгая, где рѣка течетъ Тускаръ, которая и въ Курскомъ. По обѣдѣ поехали, уехали верстъ 26, пріехали до села монастирского, прозиваемого слобода Смородинная, где и ночовалемъ въ дворцѣ монастирскомъ; тутъ течетъ рѣка Снова. Несторовичъ зъ Москви поехалъ въ С. П. Бурхъ, на наемнихъ лошадяхъ, зъ Московской Тверской слободи Ямской, ямщика Федора Стефанова Ушакова, зъ братомъ его Ісаею Івановимъ, а порука по немъ староста Кесаріиской церкви Василій Борисовъ Швенинъ.

Субота. 23. Сегодня рано вставши, пріехали въ деревню Понорово, за 10 верстъ отъ слободи, а отъ той деревнѣ знову проехали верстъ 12 и пріехали въ деревню Очки, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ уехавши верстъ 20, проехали до деревнѣ Полміовой, где и заночовалисмо.

Неделя. 24. Сегодня зъ Полевой въ ночъ поехали и уехавши верстъ 20, пріехали до новопоселившойся на степу, прозиваемомъ Ржаномъ Полю, слободки, которой имя Розбіеговка, тутъ и обѣдали, со мною капралъ новотроецкого полку. По обѣдѣ поехавши, уехали верстъ 36 и пріехали ноччю въ село Собакина називаючееся.

Сюда едучи, немалую остановку имѣлисмо затимъ, що колеса ломались у возу.

Рождество Х-во. Понеделокъ. 25. Сегодня тутъ службы Болой въ селѣ Собакиной слухалемъ и обѣдалемъ зъ капраломъ Новотроецкого полку Яковомъ Филиповимъ, сопутникомъ моимъ, а по обѣдѣ поехавши, уехалемъ верстъ 22 и пріехалемъ до деревнѣ помѣщика Протасова, називаеыой Сичова, где и заночовалемъ.

Вовтор. 26. Рано вставши, поехали зъ деревнѣ Сичовой и уехавши верстъ 20, пріехали до города Мценска, где и стали у Ямской, въ ямщика квартирою, где и обѣдалисмо. Городъ Мценскъ сидитъ на той сторонѣ рѣки, Зуша називаючойся, на горѣ, а по подъ горою рѣка течетъ; неподалеку города монастиръ мужескій и другій женскій, належитъ до губерніи Бѣлагородской. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р. и записалемъ въ реестръ. Отъ Курска Мценска верстъ 191. Поехавши со Мценска, уехалемъ верстъ 21 и пріехалемъ въ деревню Шкуратову, где и заночовалисмо.

Середа. 27. Сегодня рушили рано и уехали верстъ 18 до деревнѣ Малой Шкуратовой, где и обѣдалисмо. А по обѣдѣ уехавши 25 верстъ, пріехали до деревнѣ Плави, тутъ заночовалисмо. Помѣщикомъ Плави Павелъ Івановичъ Ягушинскій; при селѣ рѣка по камѣнню бѣжитъ.—Плава именемъ.

Четверъ. 28. Сеей ночи зъ Плави поехавши, уехали верстъ 20, пріехали до села Мало-Богородицкая, такъ отъ церкви каменной, недавно устроенной, названного; а отсюду свѣтомъ поехавши, тутъ же подъ селомъ переехали рѣчку текучую именемъ Солову, и пріехали за 20 верстъ до села другого, названного Ясная Поляна, откуду тожъ поехавши пріехали, у вечерномъ времени до города Тули, за 16 верстъ отъ Ясной отстоящого, и тутъ стали квартирою, переехавши мостомъ черезъ рѣку Упу, въ Ямской слободѣ и ночовали. Былъ у мене Іванъ Федор. Деревенскій, оружейний майстеръ, тако жъ и донецъ еденъ, отъ числа 100 человѣкъ, едучихъ на Москву за жалованнемъ по всегодному обикновенію. Городъ Тула сидитъ, зъ пріезду нашего, въ долинѣ, многонароденъ, каменний, особливе городъ, подъ которимъ течетъ рѣка Упа, да ниже

мосту упадаетъ въ тую рѣку другая рѣка, бистро жъ текучая, Тулиця називаючаяся, отъ заводовъ желѣзнихъ Никити Демидова, на которой тамъ и плотина; тако жъ и тутъ ниже мосту на Упѣ молници. Отъ Мценска до Тули верстъ 120.

Пятокъ. 29. Сегодня, тутъ же въ Тулѣ обѣдалисмо зъ Деревенскимъ, а тутъ Курскіе емщики на свое мѣсто тулскихъ емщиковъ подъ мене сторговали, до Москви отъ пари лошадей по 60, а если дорога буваетъ, то по полтора рубля нанимаютъ отъ пари, чего ради я денги доводившіеся тимъ емщикамъ отдалъ, и симъ задатку далъ 2 р. По обѣдѣ, поехавши зъ Тули, уехалсмъ верстъ 30 и пріехавши до села називаючогося Вашана, тутъ и заночовалъ. Рѣка Вашана тутъ течетъ, где черезъ мостъ переехали.

Субота. 30. Отъ Вашани ранкомъ уехали верстъ 20 до деревнѣ Наришкиннихъ називаючойся Ведмина, где и желѣзніе ихъ заводи. Купно ехали со мною донскіе козаки, которихъ числомъ 100 человѣка, а едутъ они до Москви, по всегодномъ обикновенію, за жалованнемъ, где пріежджимъ всѣмъ радовимъ козакамъ дается жалованне по 50 р. козаку, да они жъ берутъ оттуду жалованне на всякого козака, сколко онихъ на Дону есть, по 40 а. По обѣдѣ поехавши отъ деревнѣ Ведимини, пріехалемъ до села Лѣпици називаючогося, графа Головкина, за 30 верстъ отстоящого, откуду спустившись зъ гори, переехалемъ рѣку Оку и пріехалемъ въ Серпуховъ, за 5 верстъ отстоящій отъ Лѣпици, тутъ и заночовалемъ. Серпуховъ городъ менщій отъ Тули, сидитъ на горѣ, переехавъ Оку. Монастирей 2 мужескикнхъ и 2 женскихъ.

Неделя. 31. Сегодня рано вставши пріехали, до села Лапотного, за 25 верстъ отъ Серпухова, тутъ и обѣдали, а ноччю блудили дорогою. Тутъ емщики наши тулскіе вмѣсто себе наняли другихъ емщиковъ ярославскихъ, по 30 а. отъ пари лошадей. Зъ села Лапотного поехавши, уехали верстъ 15 и пріехали до села Молодѣ прозиваемого, Головиних владѣнія, где и заночовали.

1728 годъ. Мѣсяцъ Януарій.

М-цъ Януар. Понеделокъ. 1. Сегодня рано зъ села Молодѣ поехавши, уехали ноччю 20 верстъ и пріехали до села Пахри, где черезъ рѣку Пахру текучую переехалисмо, а проехавши 20 верстъ, стали въ деревнѣ, а оттоль поехали и пріехали въ Москву, за 30 верстъ отъ Пахрѣ отстоящую, и тутъ, недалече каменного мосту, у духовника государева, отца Тимофѣя Василіевича (Надаржинскаго) на квартирѣ сталемъ, и ночовалемъ зъ Іосифомъ Василіевичемъ, а капралъ Филиповъ, ехавшій со мною, недалече разставшись, поехалъ во свой путь.

Вовтор. 2. Сегодня рано далемъ Вѣжевскому на расходъ 10 р. Былемъ на службѣ Божой у кремлѣ городѣ, въ соборѣ Благовѣщенскомъ, а оттоль пріехали зъ духовникомъ въ домъ его, а мою квартиру, и обѣдали.

Середа. 3. Сегодня рано былъ у мене Ломиковскій, [1]) которому далемъ 1 р. Ездилемъ въ городъ и видѣлемся зъ Дорошенкомъ, [2]) который былъ зъ Астраханѣ отъ товариства бунчукового присиланъ къ его величеству, и получилъ указъ до князя Долгорукова объ оупуску всѣхъ въ доми. Покорскій, [3]) бунчуковий товаришъ полку Стародубовского, сосланний въ силку въ Архангелскій городъ, повернулся указомъ монаршимъ въ Москву.

Четвер. 4. Сегодня рано ездилемъ до Новодѣвичого монастира, где зъ тамошнимъ монастирскимъ соборнимъ попомъ Василіемъ, и Максимовичемъ и Антоновичемъ видѣлся, а зъ отцемъ Василіемъ ходилемъ въ монастиръ и отдалемъ писмо отъ ясневел. ігумени Олимпіядѣ Коховской, а государинѣ царици Евдокіи Федоровнѣ отдать не было часу угодного. По обѣдѣ ездилемъ до Петра Вас. Курбатова, которому и листи отъ род. и ясневелможной отдалемъ,

---

[1]) Сынъ генер. обознаго Иванъ Ив-чъ, зять гетмана Апостола, жившій въ это время въ Москвѣ, въ ссылкѣ.

[2]) Василій Дорошенко, зять Мазепинаго дворянина Ив. Лисицы и основатель Конотопской деревни Базиловки.

[3]) Афанасій Покорскій—писарь Стародубскаго полка, былъ сосланъ за участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ.

где было 30 р., а тамъ доволно съ нимъ и съ Сѣмснникомъ Іваномъ Федоровимъ посидѣвши, отехалемъ въ своясн.

Пятокъ. 5. Сегодня рано былъ у мене Алексѣй Михайловъ и заразъ отойшолъ, а я на службу Божую ездилемъ до Новодѣвичого монастира, где и царицу государиню Евдокію Федоровну видѣлъ, а оттуду заездилемъ до Максимовича и пріехалемъ въ квартиру свою.

Богоявленіе. Субота 6. Сегодня службы Божой слухалемъ у Благовѣщенского собора у верху, а по службѣ зъ Максимовичемъ Іваномъ [1]) ходилемъ надъ рѣку, где человѣка видѣли въ образѣ кози, чили на козѣ, такъ уробленной, ездившого.

Неделя. 7. Сегодня рано ездилемъ къ Новодѣвичому монастиру, где зъ п. Максимовичемъ у верху, въ церквѣ монастирской, наконецъ наспѣли и хочай приводили мене инокинѣ къ государинѣ царицѣ, однако жъ княгиня Анастасія Василіевна Троскурова, вийшовши уговорила, чтобъ мнѣ после явитись и наединѣ поклонитись, чего ради и отехалемъ, а пріехалемъ до своей квартири, где заставши Антона Гамалѣю, [2]) съ мимъ и съ отцемъ духовникомъ и Іосифомъ обѣдалемъ. По обѣдѣ, его, Гамалѣю, отвезши до квартери его, ездилемъ до Новодѣвичого и тамъ государинѣ цариицѣ Евдокіи Өедоровнѣ кланялся и листъ отъ ясневел. отдалъ, и отъ нея финджалъ водки доброй зъ рукъ ея жъ випилъ, и доволно разговаривалъ про ясневел., и тако оттуду зойшовши до отца Василія, и мало позабавивши, прійшолъ до Максимовича, съ которимъ вмѣстѣ и ночовалемъ.

Понеделокъ. 8. Обѣдалемъ у отца Василія, по обѣдѣ заездилемъ до Горленка, оттоль до Курбатова, где и позабавилемъ доволно и игралъ съ нимъ въ карти шнипъ-шнапъ игру зовемую.

Вовтор. 9. Сегодня былемъ у графа Головкина и листи 2, одинъ отъ ясневел., а другій отъ род., отдалемъ, и обѣдалемъ у

---

[1]) Должно быть Иванъ Дмитр-чъ М—чъ, сынъ сосланнаго въ Архангельскъ генер. есаула Дмитрія М-ча. См. Опис. Ст. Малор., I, 57, и II, 29.

[2]) Бывшаго генер. есаула, сосланнаго по Мазепиному дѣлу. См. Русск. Арх. 1875 г. I, 444.

квартерѣ. У вечеру былъ у насъ ассессоръ иностранной колегіи Михайло Да . . . (?)

Середа. 10. Сегодня рано ездилъ я до Артемія Петровича Волинского и листъ отъ род. отдалъ ему, а домъ его на Покровки, управо въ переулку, минувши Рогозинского дворъ. Обѣдалемъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Тимофѣевичемъ. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, и оттоль пріехалемь въ квартеру свою съ Мойсеемъ Івановимъ синомъ Арсеніевимъ, переводчикомъ. Писалемъ писма въ Астрахань черезъ Дорошенка, мѣючого завтра ехать туда, зъ указомъ объ отпуску оттуду въ доми своя бунчукового товариства и другихъ козаковъ. А писалемъ до Якубовича зъ нарѣканіемъ объ расточенія денегъ моихъ зъ его причини учиненной, о чемъ и до Худолѣя писалемъ, и листъ третій до Гаврила и Федора включилемъ написанний о томъ же, что они послушни были ему зъ нареканіемъ, и чтобъ денегъ у Михайла Гавриленка не отбирали и судно бы продали, буде денги дадутъ тіе за оное, якіе роздани, и такіе листи его Дорошенка слузѣ отдалемъ.

Четвер. 11. Сегодня рано былъ я у Курбатова и писмо отъ графа Головкина до Наумова писанное о томъ, чтобъ надъ указъ трудностей не чинено родителю, получилъ. Ездилемъ до Новодѣвичого и зъ отцемъ Василіемъ былемъ у ігуменіи; инокинямъ двомъ Юдиѳѣ и другой далемъ 2 р. Уговорили емщика, Кашина прозваніемъ, ехать въ Глуховъ за 4 р. съ полтиною. Ездилемъ по обѣдѣ въ домъ князя Димитрія Мих. Голѣцина, а потомъ въ домъ князь Мих. Мих., где дочь его Анна Михайловна приняла мене. У вечеру былъ у Шереметева и посидя, прійшолъ въ мою квартеру. Івану Максимовичу далемъ 5 р. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р.

Пятокъ. 12. Сегодня рано былъ у мене отецъ Василій зъ Новодѣвичого и привезлъ писмо до ясневел. отъ ігуменіи. Виправилемъ звощика Кашина въ Глуховъ и писалемъ черезъ него до ясневел. о моемъ прибытіи сюда, въ Москву, и что у государинѣ царицѣ былъ. Копіи листа государева до царици и листа ясневел до ея жъ государинѣ писанныхъ, приложено, и чтобъ Кашину тамъ заплатить полтора [redacted] о прибытіи и новоженню моемъ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1894.

Дозволено Цензурою Кiевъ 1 Февраля 1894 г.

Разсказы крестьянъ с. Пекарей о Т. Г. Шевченкѣ.

Для уясненія процесса образованія народныхъ произведеній, касающихся общественной или политической жизни, большую услугу можетъ оказать изученіе тѣхъ изъ нихъ, которыя сложились среди народа по поводу событій и лицъ современныхъ, или близкихъ намъ по времени, имѣвшихъ общественный характеръ и такъ или иначе соприкасавшихся съ народной жизнью. Народъ, чуткій ко всему, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ его жизни, старается дать извѣстнымъ фактамъ то или другое объясненіе, толкуетъ ихъ по своему. Одни изъ фактовъ, болѣе мелкіе, привлекаютъ народное вниманіе не надолго, скоро забываются; другіе, затрогивающіе существенныя стороны жизни, болѣе возбуждаютъ народную мысль, оставляютъ по себѣ глубокіе слѣды, и народное толкованіе ихъ, въ видѣ пѣсенъ, разсказовъ, легендъ, анекдотовъ и т. п., даетъ богатый матеріалъ, какъ для характеристики народнаго міровоззрѣнія, такъ и для уясненія техники возникновенія и развитія такого рода народныхъ произведеній.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи интересно прежде всего опредѣлить, что собственно въ данномъ фактѣ или дѣятельности извѣстнаго лица обратило на себя вниманіе народа, что дало поводъ къ возникновенію толкованій въ той или другой формѣ. Далѣе, если и нужно признать, что народная мысль имѣетъ выработанные временемъ и международнымъ общеніемъ основные пункты, составляющіе иногда цѣлыя схемы, то интересно прослѣдить, какъ располагается между ними новый ма-

теріалъ, какъ реальные факты перемѣшиваются съ вымыслами, перерабатываются сообразно съ установленнымъ взглядомъ, дополняются старыми. Затѣмъ, имѣя дѣло съ событіями современными, фактическая сторона которыхъ извѣстна намъ въ подробностяхъ, будетъ легко въ данномъ случаѣ установить исходный пунктъ, откуда получила начало та или другая версія, легко будетъ прослѣдить интенсивность ея распространенія. Наконецъ, матеріалъ, собранный при такихъ условіяхъ, дастъ мѣсто для сопоставленій на будущее время, дастъ возможность, путемъ сравненія, установить, что сохранилось, что отпало, что развилось.

Не смотря на то, что поле для такого рода наблюденій очень обширно, до сихъ поръ въ этомъ направленіи сдѣлано немного. Въ то время какъ тщательно собираются произведенія народа, въ которыхъ можно отыскать хотя малѣйшую черту, характеризующую прошлую его жизнь, произведенія, выражающія взглядъ народа на факты современной жизни, оставляются безъ вниманія. А между тѣмъ жизнь идетъ своимъ путемъ, новые факты наслаиваются на старые, свѣжесть ихъ утрачивается...

Среди лицъ, дѣятельность которыхъ относится къ недавнему прошлому, большой популярностью среди малорусскаго народа пользуется имя Т. Г. Шевченка. Какъ можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, попавшимъ въ литературу, разсказы о Шевченкѣ широко распространены по всей территоріи Украины. А между тѣмъ на нихъ не обращено должнаго вниманія, и печатный матеріалъ почти отсутствуетъ. Мнѣ извѣстна всего одна замѣтка, касающаяся настоящаго вопроса; эта замѣтка въ 2 страницы А. Смоктія—„Взглядъ народа на Шевченка [1])“, замѣтка очень цѣнная; затѣмъ, М. Васильевымъ сообщена [2]) „Народная пѣсня о Шевченкѣ“, записанная въ Лебединѣ, чигиринск. у., отъ кантониста, по содержанію не представляющая ничего интереснаго и, повидимому, происхож-

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1882 г., августъ.

[2]) „Кіевск. Стар. 1885 г., сентябрь.

денія не чисто народнаго. Вотъ и все. Въ 1893 г. мной записано нѣсколько разсказовъ, касающихся Шевченка. Мѣсто записей—село Пекари, черкасск. у., лежащее на правомъ берегу Днѣпра, 7 верстъ ниже г. Канева. Село это, по отношенію къ Т. Г. Шевченкѣ, находится въ особыхъ условіяхъ. Незадолго до своей смерти Т. Г. побывалъ въ Пекаряхъ; немного выше села находится его могила. Это посѣщеніе поэтомъ Пекарей, затѣмъ устроенныя ему торжественныя похороны, конечно вызвали особое вниманіе окрестныхъ жителей; въ результатѣ явилось много разсказовъ о самомъ поэтѣ, его похоронахъ, объ устроенной надъ его прахомъ могилѣ.

Многіе изъ крестьянъ с. Пекарей видѣли Шевченка, входили съ нимъ по разнымъ поводамъ въ сношеніе, такъ что разсказы ихъ, наряду съ фактами, переработанными народомъ по своему, носящими иногда легендарный характеръ, даютъ въ то же время возможность извлечь также нѣкоторыя черты, имѣющія дѣйствительно біографическій интересъ.

На нихъ я прежде всего и остановлюсь, замѣтивъ при этомъ, что мной записано очень немного разсказовъ, а ихъ существуетъ среди крестьянъ с. Пекарей несомнѣнно гораздо больше: каждый болѣе или менѣе пожилой обыватель можетъ разсказать что нибудь о Шевченкѣ, такъ что впереди остается еще много неисчерпаннаго матеріала. Пока привожу то, что успѣлъ записать.

I.

1. „Шевченка я бачывъ, якъ оце васъ бачу. Я бувъще хлопцемъ, та мы пидъ Княжою [1]) складалы каминь. А Шевченко ходывъ зъ управляющимъ пана Парчевского, ото его булы Пекари, Хмельна и... (онъ назвалъ еще много другихъ селеній), зъ Оксентіемъ Тельмешенкомъ. А дидъ Прохиръ, той що державъ шынкъ пидъ Княжою на Пластунци [2]), водывъ ихъ по шпыляхъ. Ото воны прышлы до насъ, такъ и тыква була

[1]) Княжа гора—урочище возлѣ Пекарей.

[2]) Такъ называлась долина съ лѣвой стороны Княжей горы, шынкъ стоялъ у самаго берега Днѣпра.

у ныхъ. Оксентій, управляющый, и каже до мене: „покинь, та прынесы воды на Княжу“. А мени не хотилось, уже було нерано, не докладу осьмыны; а Оксентій прыказуе: „иды, панъ дасть грошей“. Та мы тоди булы паньски, не можна було не послухать. А Шевченко каже: „иды, я тоби дамъ пивкарбованця“. Ото я набравъ воды и вынисъ на Княжу, тай не вирю, щобъ панъ давъ грошей. А воны сыдять на Княжій, на самому шпылечку, Шевченко и давъ мени два четвертака, такихъ грошей вже теперъ нема. Ото я радію, бижу зъ горы, тай кажу другому, що зо мною складавъ каминь: бачъ, панъ давъ пивкарбованьця. Та тоди я ще не знавъ, хто то такый за панъ. Дидъ Прохиръ проводывъ ихъ, тай иде до дому нызомъ, я й пытаю: хто це за панъ? Винъ каже: „це Шевченко, ото що казалы, що буде въ Пекари“.

Ото воны ходылы скризь по шпыляхъ, а Шевченко бильшъ усего облюбовавъ гору Черненче, де теперъ ёго могыла, винъ казавъ: „оце могыла Пидковы, оттутъ и мене поховайте“.

А Шевченко бувъ не дуже высокый, боридка у него невелычка, сывенькая.

Въ Пекаряхъ винъ жывъ не довго, побувъ дни два чи тры, у людей не бувъ, а побувъ у попа Маковецького.

Пидъ Княжою есть долына Пластунка, теперъ тамъ яръ, а першъ була така гарна долына, тамъ бувъ шынкъ, державъ ёго дидъ Прохиръ, тай баба тамъ ёго була. Горилка тамъ дуже дешева, осьмына стоила два шагы, а въ Каневи 4 шагы. На Зелены Святкы сходылысь туды хлопци и дивчата, та и стари, зъ Канева, бралы въ тому шынку горилку, да росходылысь по долыни; ото пылы, а потимъ захожувалысь бытця. Въ тымъ шынку бувавъ и Шевченко.

Переихавъ винъ на ту сторону въ Прохоривку, тамъ ходять бабы въ чорныхъ хусткахъ и запаскахъ, то винъ прыказувавъ и нашимъ: „ходить бабы въ намиткахъ та плахтахъ“; а теперъ, якъ бы въ намитци пройты по селу, то затюкалы-бъ; и плахты уже позакыдалы“. (*Отъ Васыля Галушковського*).

2. „Шевченка Тараса я бачывъ, якъ оце васъ бачу. Я бувъ побережныкомъ-козакомъ, стеригъ лиса паньского. Винъ (Шев-

ченко) прыиздывъ, та ходывъ скризь по сихъ горахъ, то я ёго водывъ, а винъ давъ мени карбованця и товарышу моему побережныку давъ тежъ карбованця. А вси урочыща винъ знавъ,— выйме кныжечку подывытця, тай каже: „оце Княжа гора, оце Марьина"... (*Отъ дида Мусія Селюка, онъ-же Шпылевый*).

3. „Якъ сестру замижъ отдавалы, то Шевченко бувъ у насъ и въ хати, просывъ, щобъ писни спивалы, зъ давнихъ писень; ото спиваютъ, а винъ запысуе.

Козырокъ у него бувъ билый, чемерочка тежъ била.

Балакучій бувъ". (*Отъ дида Мыколы Кырылякы*).

4. „Шевченка я не бачывъ, а знаю, що его перевозылы въ Прохоривку, а становый за нымъ въ погоню. Взявъ въ Пекаряхъ чоловика 5, та въ Прохоривци его й нагналы [1]). То Шевченко ничого не сказавъ, давъ ще на водку нашимъ 5 карбованцивъ; це казалы оти, що перевозылы. А въ Межиричи показавъ становому бумагу, то становый сказавъ: везитъ его, куды хоче.

Я ёго не бачывъ, а добре ёго знае дидъ *Опанасъ Дьяченко*, винъ и писни спивае, якъ пьяненькый, що Шевченко ёго научывъ". (*Отъ Вакулы Пархоменка*).

Къ сожалѣнію, во время моего посѣщенія дида Опанаса онъ былъ не особенно разговорчивъ, отъ него я узналъ лишь слѣдующее:

5. „Шевченко хотивъ заводъ бумажный строить, тамъ, пидъ Велыкимъ Городыщемъ, казавъ, що тутъ на гору машина буде бигать; тамъ и сторожъ бувъ, въ курини сидивъ, дидъ Перехрыстъ, стеригъ лиса; Шевченко ёму жалованье платывъ, а якъ поихавъ, то прыславъ гроши; за нымъ ни отъ стильки не осталось (дидъ показавъ на суставъ пальца).

Якъ иде Шевченко по селу, то якъ йде хто, винъ одійде трохы, подывыця, и рысуе".

Лѣтомъ 1859 г. Т. Г. совершилъ свое послѣднее путешествіе по милой ему Украинѣ [2]). Побывалъ онъ, прежде все-

[1]) Шевченка арестовалъ приставъ Добржанскій, когда поэтъ ѣхалъ къ Максимовичу на званный обѣдъ, нарочно для него устроенный (Чалый).

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ путешествіи и о хлопотахъ Ш. о покупкѣ усадьбы приводятся здѣсь по книгѣ М. Чалаго—„Жизнь и произведенія Т. Шевченка", К. 1882 года.

го, въ родной Кириловкѣ, оттуда отправился въ Корсунь къ Варѳоломею Григ. Шевченку, у котораго пробылъ около 2-хъ мѣсяцевъ, затѣмъ, въ срединѣ іюля направился къ М. А. Максимовичу въ его хуторъ Мыхайлову гору. Мыхайлова гора лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра за м. Прохоровкой; какъ разъ насупротивъ этого мѣстечка въ Днѣпръ впадаетъ р. Рось, и тутъ, подъ горой и отчасти на гористомъ берегу, живописно раскинулось село Пекари. 20 іюля, при переправѣ изъ Пекарей въ Прохоровку къ Максимовичу, Шевченко былъ арестованъ и отправленъ по начальственнымъ инстанціямъ въ Мошны, Черкассы и, наконецъ, въ Кіевъ. Такимъ образомъ, посѣщеніе поэтомъ Пекарей имѣло мѣсто между 15 и 20 іюля. Цѣль посѣщенія Пекарей и его окрестностей заключалась въ пріисканіи усадебнаго мѣста, гдѣ бы можно было построить хату и среди роскошной украинской природы доживать свой вѣкъ, о чемъ Т. Г. мечталъ еще во время ссылки, далеко отъ родины:

„А я такъ мало, небагато
Благавъ у Бога—тилько хату,
Одну хатыночку въ гаю,
Та дви тополи коло неи,
Та безталанную мою...
Мою Оксаночку, щобъ зъ нею
У-двохъ дывытыся зъ горы
На Днипръ шырокый, на яры
Та на ланы золотополи,
Та на высокыи могылы,—
. . . .
. . . .
Я тилько хаточку въ тимъ раю
Благавъ, и доси ще благаю,
Щобъ хочъ умерты на Днипри
Хочъ на малесенькій гори“ [1]).

Правый берегъ Днѣпра, начиная отъ г. Канева до с. Пекарей, отличается своей живописностью. Онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ горъ, достигающихъ значительной высоты и раздѣленныхъ глубокими оврагами. Горы то круто обрываются въ Днѣпръ, то немного отходятъ отъ него, спускаясь нѣсколькими террасами. Если и теперь, когда вся эта мѣстность почти

[1]) „Хатына“, 1850 р. Надъ Каспіемъ.

лишена растительности, она привлекаетъ вниманіе какъ своей грандіозностью, такъ и разнообразіемъ поверхности, то какіе чудные виды должна была представлять она лѣтъ 30 тому назадъ, когда обнаженныя теперь урочища были покрыты дремучимъ лѣсомъ—„предвичнымъ гаемъ“, какъ говоритъ поэтъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи. Втеченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, этотъ „предвичный гай“, эта краса днѣпровскихъ береговъ, былъ вырубаемъ 7 или 8 разъ, и до послѣдняго времени отъ него уцѣлѣли небольшіе молодые лѣски, да кое гдѣ разбросанныя старыя груши и липы, напоминавшія о быломъ величіи; наконецъ, зимой 1892—93 г. и эти послѣдніе остатки были уничтожены, лѣсъ выкорчеванъ [1]).

Мѣстность эта приглянулась поэту: „все мыни снытця ота благодать—и Днипро и темный лисъ пидъ горою“, писалъ онъ послѣ Варѳоломею Шевченку; для выбора усадебнаго мѣста Т. Г. и совершалъ экскурсіи, о которыхъ разсказываютъ крестьяне.

Если идти отъ с. Пекарей вверхъ, то сначала берегъ представляетъ изъ себя высокія крутизны,обрывающіяся прямо въ Днѣпръ, версты полторы выше, сейчасъ за урочищемъ называемымъ Княжей горой, обрывъ берега имѣетъ всего 6—7 саж. въ вышину, и на такой высотѣ расположенъ рядъ террасъ, раздѣленныхъ оврагами; такія террасы лежатъ подъ слѣдующими за Княжей горой урочищами—Марьиной горой, Малымъ Городыщемъ и Великимъ Городыщемъ; надъ террасами, уже сравнительно на большую высоту, поднимаются горы, но не крутыми обрывами, а отлогими скатами. Среди окружающихъ высокихъ горъ, террасы эти, будучи невысоко подняты надъ водой и представляя болѣе или менѣе ровную поверхность, найболѣе удобны для устройства усадьбы.

Одна изъ такихъ террасъ, именно терраса, лежащая у подошвы Велыкого Городыща, и была выбрана поэтомъ, какъ разсказываетъ дидъ Опанасъ Дьяченко, для своей усадьбы.

Что именно эта мѣстность, а не Чернеча гора, на которой погребенъ поэтъ, была облюбована имъ, вопреки общепринятому

---

[1]) Молодыя поросли лѣса сохранились ближе къ г. Каневу, на городской землѣ.

въ послѣднее время мнѣнію, которому подпалъ Васыль Галушковскій (см. разск. 1), на это, кромѣ разсказа дида Опанаса, указываетъ и слѣдующее: с. Пекари принадлежало помѣщику Парчевскому и, при покупкѣ земли, лежащей надъ Велыкимъ Городыщемъ, которое относилось къ пекарскому имѣнію, Шевченку пришлось имѣть дѣло съ Парчевскимъ; вслѣдствіе невольнаго отъѣзда въ Петербургъ, Т. Г. поручилъ устроить дѣло съ покупкой усадьбы Варѳоломею Шевченку, который и взялся за хлопоты, но тутъ препятствіе явилось со стороны того-же Парчевскаго, начавшаго, по выраженію Варѳ. Гр.—„крутыть хвостомъ“ [1]) Варѳ. Г. началъ поиски другого мѣста. Предлагалъ онъ Тарасу Г. основаться и у м. Триполья, на крутомъ берегу Днѣпра, и у с. Рудяковъ, на лѣвомъ берегу; Максимовичъ уступалъ Т. Г. часть своей усадьбы,—но все это было не то, чего требовалось поэту. По поводу предложенія Максимовича онъ пишетъ Варѳ. Г.: „Выдно Днипро та здалека, а мени его треба коло порога. А тымъ часомъ дбай дубовый, березовый, ясеневый, кленовый и лыповый лисъ: мени тилько и треба, щобъ робоча була дубова, та круглый ганокъ стеклянный на Днипро. *Лисъ зложи коло Пекаривъ, нехай сохне*“. Наконецъ Варѳ. Гр. остановился на живописной мѣстности, лежащей у предмѣстья Канева—Монастырекъ, и Варѳ. Гр. пишетъ поэту: „*вышче по Днипру отъ того миста, де ты самъ выбравъ, коло Пекаривъ*, на правомъ же берези—межъ Каневомъ и Пекарями, на высокій гори: есть лисочокъ, посередъ того лисочка—полянки, далеченько отъ города; внизу килько рыбачихъ хатокъ. На тій гори дуже багато дычокъ—яблонь и грушъ—садочокъ можно розвесты. А любый, староденный Днипро буде здаватьця тоби пидъ ногами. Крынышна вода не подалеку, и рыба що ранку буде свижа, бо рыбалки попередъ паригъ возытымуть у городъ“. Это была гора Чернеча, принадлежавшая г. Каневу; дѣло о покупкѣ и этой усадьбы затянулось, и поэту

[1]) Личность этого Парчевскаго вполнѣ выяснилась вскорѣ послѣ смерти Т. Г. По его доносу возникло цѣлое дѣло о нѣкоторыхъ лицахъ, оставшихся въ Пекаряхъ послѣ погребенія поэта. („Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка“ Н Билыко „Кіевск. Стар.“ 1886, апрѣль).

такъ и не пришлось ужъ болѣе любоваться роскошнымъ видомъ открывающимся съ нагорнаго берега на Заднѣпровье,—Чернеча гора приняла лишь бренные останки его.

Изъ этихъ данныхъ о покупкѣ усадьбы ясно, что выбранный Шевченкомъ участокъ земли не Чернеча гора, а мѣсто, лежащее ниже ея. Дидъ Опанасъ Дьяченко указываетъ на террасу, лежащую подъ горою „Велыке Городыще", какъ на выбранную поэтомъ; намъ кажется, нѣтъ никакихъ данныхъ для сомнѣнія въ правдивости этого сообщенія; припомнимъ слова самого Т. Г.: „все мени снытця ота благодать—и Днипро, и темный лисъ *пидъ горою*", они также говорятъ въ пользу этого сообщенія.

Интересно упоминаніе Опанаса о томъ, что „Шевченко хотивъ заводъ бумажный строить"; любопытно было-бы выяснить, имѣлъ ли въ виду Т. Г. что нибудь подобное.

Упоминаемый затѣмъ дидъ Перехрыстъ, сторожившій лѣсъ по порученію Т. Г., уже покойникъ, и разсказъ его о Шевченкѣ для насъ потерянъ.

Вышеприведенные разсказы крестьянъ не прибавляютъ ничего особенно новаго къ біографіи поэта, но они интересны, какъ рисующіе личность поэта при непосредственныхъ сношеніяхъ его съ тѣмъ народомъ, истиннымъ пѣвцомъ котораго онъ былъ. Между прочимъ, здѣсь заслуживаетъ вниманія одна черта—это щедрость Т. Г.;—скорбя душой о судьбѣ всего народа, поэтъ, при встрѣчахъ съ отдѣльными единицами его, старался, чѣмъ могъ, облегчить ихъ тягостное существованіе.

II.

Перехожу къ тѣмъ изъ разсказовъ, въ которыхъ личность Шевченка является освѣщенной народной психологіей. [1])

Шевченко-поэтъ, Шевченко-художникъ мало интересуютъ народъ; все вниманіе его обращено на Шевченка-человѣка, на то, чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ. Народной массой, обладающей,

[1]) При разборѣ этихъ разсказовъ, они, для большаго удобства, распредѣлены по отдѣльнымъ группамъ.

не смотря на кажущееся отсутствіе безпристрастнаго анализа, способностью по достоинству оцѣнить все, что имѣетъ къ ней отношеніе, этой чуткой народной массой было понято и то, что составляетъ основу поэзіи Шевченка, была понята его безграничная любовь къ простому люду, находившемуся подъ гнетомъ неволи. Обстоятельство это, въ связи съ совпавшимъ по времени подготовленіемъ къ великой реформѣ и самимъ осуществленіемъ реформы, въ корень измѣнившей строй народной жизни, оставили глубокій слѣдъ въ народѣ, были причиной, сдѣлавшей имя Шевченка популярнымъ, давшей ему мѣсто среди народныхъ героевъ.

Эти факты дѣйствительной жизни служатъ основаніемъ. При изложеніи ихъ была приложена схема, выработанная прежде; сообразно ей измѣнены частные эпизоды, случайно прибавлены новые, неимѣющіе реальной основы, и, такимъ путемъ, вокругъ имени Шевченка образовался цѣлый циклъ разсказовъ.

Со смерти Шевченка прошло 33 года. Теперь трудно опредѣлить тотъ моментъ, съ котораго начали циркулировать въ народѣ разсказы, касающіеся его личности; но начало ихъ относится ко времени, когда Шевченко былъ еще живъ; объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство, касающееся именно данной мѣстности; вотъ что пишетъ, между прочимъ, Максимовичъ къ поэту въ Петербургъ изъ Михайловой Горы [1]: „Не забывайте насъ и хоть изрѣдка отзывайтесь къ намъ сюда, на берега Днѣпровскіе, гдѣ, въ окрестностяхъ Михайловой горы, вы оставили о себѣ живѣйшія и самыя сердечныя воспоминанія. *А на правой сторонѣ Днѣпра вы стали лицомъ миѳическимъ, о которомъ идутъ уже баснословія и легенды, наравнѣ съ преданьями старыхъ временъ.*“

Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, крестьяне с. Пекарей знакомы съ дѣйствительными фактами изъ біографіи Шевченка,—въ основѣ большинства легендарныхъ разсказовъ ихъ все таки лежатъ реальные факты. Знакомство это можно объяснить, помимо вообще быстраго распространенія въ массѣ

---

[1]) Письмо отъ 6 октября 1859 г.

разнаго рода свѣдѣній, еще также и спеціальнымъ участіемъ лицъ (какъ напр. Григ. Ник. Честоховскаго), знакомившихъ жителей этого села съ біографіей поэта.

Обращаюсь къ разсказамъ. Начну съ того: кто такой Шевченко по мнѣнію народа? Это прежде всего человѣкъ необыкновенный, такъ какъ выбиться изъ крестьянской среды, (народъ знаетъ о принадлежности къ ней Шевченка), выбиться притомъ, во время господства крѣпостнаго права, могъ только человѣкъ, выдающійся изъ ряда простыхъ смертныхъ. При болѣе тѣсной характеристикѣ Шевченка, мы встрѣчаемся съ нѣсколькими опредѣленіями: Шевченко „лыцарь дуже велыкій бувъ", причемъ, онъ надѣляется сверхъестественными качествами, присущими старымъ героямъ народныхъ сказаній; такъ напр., онъ обладаетъ способностью превращенія: „оце винъ такый буде лыцемъ, заразъ, черезъ часъ миста, винъ и переминывся". Нужно замѣтить, что это мнѣ сообщалъ человѣкъ, видѣвшій Шевченка, у котораго поэтъ былъ въ хатѣ; онъ, конечно, не могъ замѣтить въ немъ ничего необыкновеннаго, но здѣсь мы встрѣчаемся съ вліяніемъ массы, съ силой массоваго вѣрованія. Подобное же опредѣленіе приводится Смоктіемъ, въ вышеуказанной замѣткѣ, въ записанномъ имъ въ звенигородск. у. кіевск. губ. разсказѣ; Шевченко тутъ названъ „велыкимъ характерныкомъ",—названіе, прилагаемое малорусскимъ народомъ ко всѣмъ лицамъ, обладавшимъ по его мнѣнію сверхъестественной силой. Болѣе реальный характеръ носитъ слѣдующее затѣмъ опредѣленіе—„мудрыцей бувъ велыкій", и совсѣмъ реальное, дающее возможность прослѣдить, какъ, съ измѣненіемъ условій жизни, измѣняется и взглядъ народа на ту внѣшнюю форму, въ которую облекается его герой, именно, что Шевченко „бувъ велыкій началныкъ". Слѣдствія, вытекающія отсюда, очень интересны, какъ дающія понятіе о взглядѣ народа на тѣ блага, какія являются соединенными съ обладаніемъ властью: „винъ (Шевченко) въ Каневи, въ казначействи, бравъ грошей скильки хтивъ". Затѣмъ, неограниченное право пить сколько угодно, не платя при этомъ денегъ. По этому поводу разсказывается слѣдующее: „Позвавъ его прыставъ въ Межиричи (мѣстечко

черкасск. у.). Ото въ Межиричахъ винъ зайшовъ въ шынкъ; тамъ сыдять пять чи симъ чоловика; пиднеслы и ему, а винъ и имъ поставывъ; одну кварту выпылы, потимъ другу; а жыдъ вылявъ, вылявъ, тай пыта людей: якый це панъ? А люде кажуть: и мы не знаемъ. Жыдъ и каже: пане, заплатить за горилку, а Шевченко его за чуба, тай наклавъ ему добре. Жыдъ заразъ посыла до прыстава. Шевченко щось напысавъ и тежъ пославъ до прыстава. А прыставъ прыказавъ: нехай цей чоловикъ и цилу бочку выставыть, то грошей зъ его брать не можна, бо винъ бувъ вылыкій началныкъ. То жыдъ вже просывъ у его прощенія. А Шевченко и стыхы склавъ:

Якъ бы водка не пьяна,
То бъ я еи не пывъ,
Якъ бы Лейба не дурень,
То бъ я его не бывъ.

Вотъ еще одинъ разсказъ, на тему общераспространенную и любимую народомъ—это переодѣваніе лицъ, власть имѣющихъ, въ простую одежду. Дѣло въ данномъ случаѣ касается дѣйствительнаго факта—ареста Шевченка въ то время, какъ онъ изъ с. Пекарей переправлялся въ лежащее насупротивъ м. Прохоровку, гдѣ жилъ М. А. Максимовичъ: „его тутъ доганялы, прыставъ хотивъ его заарештувать, винъ переихавъ на той бикъ, та одягся, и у его булы нашывки на плечахъ, то тоди вже прыставъ пиднявъ два пальци. А такъ винъ ходывъ у каптанци“...

Обыкновенно зачатіе и появленіе на свѣтъ такого рода выдающихся людей происходитъ по народнымъ понятіямъ не обычнымъ путемъ. По отношенію къ Шевченку я не встрѣтилъ разсказовъ, трактующихъ объ этомъ, быть можетъ, вслѣдствіе малаго числа записанныхъ мною разсказовъ. Зато юность Шевченка обставлена различнаго рода случаями, уже въ то время указывавшими, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ смертнымъ. Замѣчу, что въ основу многихъ изъ нихъ положены факты, въ дѣйствительности имѣвшіе мѣсто въ юности Шевченка и занесенные въ его біографію.

Выучился грамотѣ Шевченко слѣдующимъ образомъ: „винъ пасъ гусы, а паньски диты учылись въ школи, а Тарасъ пидийшовъ пидъ викно, да такъ и научывся“.

Слѣдующіе затѣмъ разсказы имѣютъ соотвѣтствіе съ дѣйствительными фактами біографіи: „Якъ Шевченко бувъ малый, то батько ставъ дилыть землю, другимъ братамъ его давъ, а ему не давъ, и сказавъ: це такый, що ему земли не треба“. Въ статьѣ Конисскаго—„Дѣтство и отрочество Шевченка [1])“ объ этомъ говорится слѣдующее: „Отецъ Шевченка, будучи на смертномъ одрѣ, сказалъ: „Сынови Тарасу зъ мого хозяйства ничого не треба, винъ не буде абы-якимъ чоловикомъ; зъ его буде або щось дуже добре, або велыке ледащо; для его моя спадщина, або ничого не значитыме, або ничого не поможе“.

Далѣе въ нашемъ разсказѣ передается, какъ Шевченко ушелъ изъ дому: „Ото винъ пишовъ; иде, иде, ажъ ось чоловикъ оре, тай пытае его: куды йдешъ? А Шевченко каже: иду шукать концяя краю, бо небо стоить на чотырехъ сохахъ, и тамъ конець краю“. Эпизодъ этотъ очень близокъ къ дѣйствительности; въ той же статьѣ Конисскаго о немъ сообщается такъ: „разъ, лежа въ саду подъ деревомъ и углубясь въ созерцаніе яснаго голубаго неба и находящейся въ полѣ противъ сада „могилы“, Шевченко—мальчикъ задался вопросомъ: а что тамъ за горою?“—и, рѣшивши, что тамъ должны быть тѣ желѣзные столбы, „которые подпираютъ небо“, онъ рѣшился отправиться къ нимъ и посмотрѣть, „какъ тамъ они подпираютъ небо“. И, вотъ онъ пошелъ“. Но едва не заблудился и, благодаря лишь встрѣтившимся чумакамъ, вернулся домой.

Въ разсказѣ, мной записанномъ, путешествіе Шевченка на этомъ не прекращается: „А то ще хлопцемъ иде винъ, а чоловикъ руба дуба“... Далѣе слѣдуетъ извѣстный разсказъ „Сира кобыла“, въ которомъ крестьянинъ, желая срубить дерево, росшее надъ обрывомъ, что бы предупредить паденіе дерева въ оврагъ, привязываетъ вершину его къ своей лошади; въ результатѣ и дерево и лошадь очутились въ „кручѣ“. Въ этомъ разсказѣ, случайно связанномъ въ данномъ случаѣ съ именемъ Шевченка, послѣдній совѣтуетъ привязать дерево къ лошади. „Такъ винъ таки штуки скризь превозносывъ“, добавилъ раз-

---

[1]) Русская Мысль, 1893, мартъ.

сказчикъ. Шевченко пошелъ дальше: „шовъ винъ шовъ, до того дійшовся, що дойшовъ до маляра, и взявъ его за учителя; тай ставъ лучше малювать якъ малярь. Прыйшовъ до того маляра бильшій началныкъ, малярь показуе партретъ, що напысавъ Шевченко, то началныкъ прыставъ до маляра: отдай мени Шевченка; то малярь и продавъ его ему; а помищикъ ставъ отбирать; а винъ потомъ дойшовъ до такого розуму, що никого не було его розумнійше". И этотъ разсказъ построенъ на фактахъ дѣйствительныхъ, здѣсь сокращенныхъ и облеченныхъ въ простую форму.

Юность прошла; періодъ подготовленія къ той дѣятельности, въ которой должно проявиться истинное назначеніе героя, закончился. Наступаетъ время дѣйствовать. Въ чемъ же выразилась, по мнѣнію народа, дѣятельность Шевченка? Какія качества требовались отъ этой дѣятельности для того, чтобы, благодаря ей, Шевченко сталъ въ ряду другихъ народныхъ героевъ? Условія, предлагаемыя въ настоящемъ случаѣ народомъ своему герою, остаются тѣми-же, каковыми они были съ давнихъ временъ:—это любовь къ народу, близкое участіе въ его нуждахъ, борьба за его интересы. Все это народъ видитъ и въ дѣятельности Шевченка. Въ дѣятельности героевъ, относимыхъ къ прошлому времени, когда интересы политической жизни были не чужды народу, когда, какъ это было, напр., въ Малороссіи во время борьбы ея за свою самобытность, они были дѣломъ общенароднымъ, въ дѣятельности героевъ важное, иногда преобладающее мѣсто занимаютъ подвиги, относящіеся къ сферѣ этой политической жизни. Въ послѣднее-же время интересы народа съузились, ограничились сферой своей внутренней жизни. Въ чемъ-же здѣсь выразилась дѣятельность Шевченка? Припомнимъ, что дѣло идетъ объ эпохѣ найболѣе обострившихся отношеній между крестьянами и ихъ владѣльцами. Шевченко, признаваемый народомъ „своимъ", олицетворяетъ собою сѣрый людъ, ведетъ борьбу за его освобожденіе.

Такимъ образомъ „воля" и является тѣмъ событіемъ народной жизни, которое, благодаря своему огромному значенію для народа, привлекло его вниманіе къ Шевченку и служитъ

источниковъ возникновенія цѣлаго ряда разсказовъ, соединенныхъ съ его именемъ.

Дѣятельность героя закончилась; пора уходить со сцены. И въ этомъ случаѣ, по отношенію къ Шевченку, мы встрѣчаемся со старымъ мотивомъ. На мои разспросы о похоронахъ Шевченка, одинъ изъ разсказчиковъ говорилъ: „Якъ ховалы, то я бувъ биля самои могилы; бачывъ—ховалы труну, такъ чорною клеенкою покрыта, а чи винъ бувъ въ труни, чи не було, про те не знаю". Немного спустя, болѣе откровеннымъ тономъ разсказчикъ категорически заявилъ: „та ни, тамъ его не було, винъ и доси живый десь ходыть". На мой вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, онъ продолжалъ: „вы-жъ повынны знать,—якъ чоловика ховають, то труну открывають, а тутъ и труны не открывалы, и пипъ вичнои памяти не спивавъ; чоловика можно и въ чотырехъ понести, а ту труну везло дивчатъ такъ отъ якъ до сеи лыпы", при этомъ онъ указалъ на стоявшую довольно далеко липу. Въ литературу попало нѣсколько подобного-же рода разсказовъ. Въ статьѣ Кузьмичевскаго „Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ"[1]) мы встрѣчаемъ слѣдующій варіантъ: „недавно одинъ галичанинъ, посѣтившій кіев. губ., сообщилъ, что тамъ существуетъ легенда о безсмертіи Тараса Шевченка, что будто онъ находится въ Сибири, прикованный къ столбу, что столбъ этотъ уже подгнилъ, а когда сгніетъ совсѣмъ, то Шевченко воротится къ своимъ". Уже извѣстный намъ Галабурда такъ говорилъ о смерти Шевченка: „Тарасъ три раза умиравъ, та не вмеръ: винъ и теперъ жыве, а поховали тилько его прозваніе[2]).

Не только личность Шевченка, но также и могила его привлекла народное вниманіе, дала поводъ возникновенію разсказовъ и легендъ.

Напримѣръ, въ разсказѣ, записанномъ Смоктіемъ о могилѣ Шевченка говорится такъ: „велыкій характерныкъ" Шевченко ѣздилъ по свѣту и отбиралъ у пановъ „разни листы"; послѣ

---

[1]) „Кіевск Стар." 1887, августъ, стр. 711

[2]) Билыкъ—„Тревога и т. д. стр. 724.

его смерти, „труна“, въ которой онъ долженъ былъ бы быть, оказалась полной „разныхъ спысивъ-бумагъ“, его же самого не было. „Кажуть, що писля хтось-то хотивъ ту могылу роскопаты, та забрать списи та у того чоловика одибрало руки и ногы, то винъ и покынувъ докопуваты“.

Существуетъ также среди крестьянъ с. Пекарей, какъ это мнѣ передавали нѣкоторыя лица, повѣріе, что въ могилѣ закопаны ножи, о томъ же упоминается и въ статьѣ Билыка. Быть можетъ причина возникновенія этого повѣрья лежитъ въ ознакомленіи крестьянъ поклонниками Шевченка съ его произведеніями, между которыми могли быть сообщены и „Гайдамакы“.

Есть также разсказы, которые и мнѣ приходилось слышать, что Шевченко погребенъ въ разныхъ мѣстахъ [1]).

Записанные разсказы составляютъ несомнѣнно самую незначительную часть обращающагося въ народѣ матеріала. Остается только пожелать, чтобы изслѣдователи нашего народнаго быта, да и вообще всѣ, кому дорога память Шевченка, обратили вниманіе на этотъ въ высшей степени интересный предметъ [2]).

III.

Воспоминанія о Шевченкѣ вызываютъ въ памяти разсказчиковъ воспоминанія и о другихъ лицахъ и событіяхъ, близкихъ по времени.

Крестьяне хорошо помнятъ „Грыця“. Такъ они называютъ Григ. Ник. Честоховскаго, сопровождавшаго гробъ Шевченка изъ Петербурга и оставшагося послѣ похоронъ для присмотра и приведенія въ порядокъ могилы поэта. Григ. Ник. (теперь уже покойникъ) знакомилъ окрестныхъ жителей съ произведеніями и біографіей Шевченка; благодаря доносу о немъ и возникло вышеупомянутое дѣло, подробно изложенное въ статьѣ И. Билыка. Какъ можно судить по разсказамъ, Гр. Ник. пользовался симпатіей

---

[1]) См. также вышеуказанную замѣтку Смоктія.

[2]) Страницы „Кіевской Старины“ всегда открыты для подобнаго рода сообщеній. *Редакц.*

крестьянъ. Особенно много разсказывала о „Грыцѣ" баба Опанасыха—жена Опанаса Дьяченка; распространялась она особенно о томъ, какъ она „ляха воювала". „Ляхъ", экономъ помѣщика Парчевскаго, хотѣлъ отобрать подаренныя ей Честоховскимъ какія-то двѣ книжечки, но баба ни за что ихъ не отдавала; дѣло дошло до рукопашной, и экономъ былъ съ позоромъ выгнанъ изъ хаты; за эти книжечки и дидъ Опанасъ сидѣлъ три дня въ расправѣ, и голодомъ его морили—все разспрашивали, что̀ говорилъ имъ „Грыць". Вмѣстѣ съ „Грыцемъ" бывалъ въ Пекаряхъ и какой то „билый панычъ", о которомъ я могъ всего лишь узнать, что „штаны у него наче спидныця—сыни".

Разсказчики мои по большей части—„диды", которымъ хорошо памятны времена крѣпостного права, и жутко иногда становилось, слушая эти безхитростныя повѣствованія о дѣлахъ недавняго прошлаго. Особенно памятенъ жителямъ с. Пекарей экономъ пом. Парчевскаго нѣкто Буркотъ, отличавшійся положительнымъ звѣрствомъ: „ото побачыть чоловика, та такъ, зъ доброго дыва, и почне быть; бье, бье, покы не втомыться"... Памятны также и времена, близкія къ освобожденію: одинъ „чоловикъ" заговорилъ о „во̀лѣ" (въ то время подготовлялась реформа), его сейчасъ бить: „два дни бьють, а третій дають одійты,—завернуть въ рядно, тай положать, а потимъ зновъ два дни бьють... Такъ и забылы до смерти"...

„Не дай Боже, закончилъ одинъ изъ разсказчиковъ, щобъ на це зновъ повернулось... Мы скажемъ тоди царю: ты нашъ батько, а мы твои диты,—покыдай насъ лучше въ Днипро, а не давай въ неволю"...

Ник. Бѣляшевскій.

КОЛЛЕКЦІЯ РИСУНКОВЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Слѣдившимъ за накопленіемъ біографическаго матеріала о жизни Шевченка извѣстно, что знакомые высылали ему на мѣсто ссылки бумагу и другія принадлежности для рисованія; извѣстно также, что онъ много тамъ рисовалъ; но о судьбѣ самихъ рисунковъ въ печати сообщалось мало, или почти ничего. Имѣвъ случай пересмотрѣть довольно большую коллекцію рисунковъ поэта минувшей осенью въ Харьковѣ, я считаю себя обязаннымъ познакомить съ нею и другихъ интересующихся всѣмъ, что касается жизни поэта.

Коллекція, о которой я говорю, содержитъ въ себѣ 281 номеръ отдѣльныхъ рисунковъ, набросковъ, мазковъ на бумагахъ разнаго достоинства и разныхъ цвѣтовъ. Есть тутъ и тщательно отдѣланные и оконченные рисунки карандашемъ и мокрою тушью на бѣлой, розоватой, желтой, сѣрой, синей, зеленоватой, болѣе свѣтлой, болѣе темной рисовальной бумагѣ (кремъ, коричневаго, кофейнаго, оранжеваго, шоколаднаго, молочнаго цвѣта и т. п.); иногда фонъ искусственно разцвѣченъ въ разные тоны одного цвѣта, иногда цвѣтъ его зависитъ отъ цвѣта самой бумаги; есть наброски разными легкими тѣнями мокрой туши; изрѣдка попадаются акварели; есть нѣсколько офортовъ; есть наброски перомъ и черниломъ, краснымъ карандашемъ на клочкахъ бумаги, одинъ—даже на печатномъ листѣ съ текстомъ стиховъ въ честь Николая Ивановича Уткина [1]) въ день его пятидесятилѣтняго юбилея (12 декабря 1859 г.); очень рѣдко

[1]) Стихотвореніе начинается словами: „Суровъ и жесткъ стальной рѣзецъ“.

попадаются рисунки сухою тушью; большинство же ихъ (226 изъ 281) сдѣлано чернымъ карандашемъ.

Разсказываютъ, что послѣ смерти поэта А. О. Козачковскій собралъ всѣ эти рисунки и передалъ впослѣдствіи на сохраненіе генералу Каховскому, завѣдывавшему просвѣтительными учрежденіями Соляного городка въ Петербургѣ. Видѣлъ ихъ затѣмъ любитель малорусской старины В. В. Тарновскій, который понаклеивалъ по два, по три, по четыре рисунка, смотря по ихъ величинѣ, на листы картона большого формата. Въ настоящее время коллекція имѣетъ видъ нѣсколькихъ громадныхъ папокъ, въ которыхъ рисунки, наклеенные на картонахъ, уложены въ порядкѣ и переложены листиками тонкой папиросной бумаги. Одна изъ дамъ, живущихъ отчасти въ Харьковѣ, отчасти въ Петербургѣ, присылала всю эту коллекцію въ Харьковъ Б. Г. Филонову съ предложеніемъ купить ее; но такъ какъ послѣдній не нашелъ возможнымъ уплатить спрашиваемую за нее сумму (3000 руб.), а другихъ охотниковъ на ея покупку въ Харьковѣ не нашлось[1]), то онъ ее и отправилъ обратно въ Петербургъ.

Какова бы ни была дальнѣйшая судьба этой коллекціи, т. е. будетъ ли она раскуплена по частямъ частными лицами, или поступитъ цѣликомъ въ какой-нибудь музей, ея содержаніе въ настоящемъ видѣ интересно, съ одной стороны, для опредѣленія достоинствъ и недостатковъ Шевченка, какъ живописца, что могли-бы сдѣлать спеціалисты въ этой области искусства, а съ другой—какъ матеріалъ для его біографіи, такъ какъ въ рисункахъ, имѣющихъ иногда хронологическія даты, можно видѣть окружавшую поэта обстановку, имъ самимъ увѣковѣченную на бумагѣ. Конечно, жаль будетъ, если коллекція не сохранится въ цѣломъ своемъ видѣ; уже и теперь въ ней не хватаетъ нѣкоторыхъ рисунковъ, бывшихъ въ ней прежде. Объ этомъ можно судить изъ надписи, сдѣланной на одной изъ обертокъ, слѣдующаго содержанія:

---

1) Спеціалистъ художникъ Васильковскій опредѣлилъ стоимость собственно рисунковъ рублей въ 300; даже при утроенной цѣнѣ, въ силу того, что эти рисунки сдѣланы великимъ поэтомъ, никто не могъ за коллекцію дать болѣе 1000 рублей.

„Г. Праховъ не возвратилъ многихъ работъ Т. Г. Шевченка: 1) Домъ Хмельницкаго въ Субботовѣ; 2) Домъ Мазепы въ Батуринѣ; 3) Хмельницкій у хана; 4) Вирсавія (офорты) и проч". И затѣмъ, другимъ почеркомъ, приписка, сдѣланная, очевидно, г—жею Каховскою: „Это—запись моего покойнаго мужа, какіе рисунки Т. Г. Шевченки взяты профессоромъ А. В. Праховымъ и не возвращены по моему письму".

Можетъ быть, и раньше нѣкоторые рисунки были извлечены кѣмъ-либо. Поводъ такъ думать даетъ нумерація, сдѣланная на самихъ рисункахъ. Какъ выше сказано, они теперь наклеены на картоны, на которыхъ поставлены нумера правильно отъ 1 до 281; но и на самихъ рисункахъ есть, кромѣ надписей, разныя цифры, иногда двойныя помѣтки разнаго рода и т. п., напр.: *В. 4, 32, 40, № 81 I, № 73—20 коп., № 71—10 к., 0 № 9, № 103 III, № 86—1, 1, 2, 5, 3, № 102 VIII, № 102 V 1 р. № 102, XI* и т. п. Особенно много рисунковъ съ двойной нумераціей при цифрахъ *116* и *117*. Съ первою основною цифрою мы насчитали 37 рисунковъ, а со второю—142, между тѣмъ вторыя цифры при первыхъ указываютъ, что подъ 116 и 117 основными нумерами было когда-то гораздо больше рисунковъ; такъ, при № 117 встрѣчаются № 117—155, № 117—156, № 117—157, № 117—161, № 117—162 и т. д. съ пропусками до № 117—178; при № 116 есть вторыя цифры—44, 77 97 и т. п. Также недостачу можно предполагать при № 102, при которомъ вторыя цифры обозначены римскими знаками.

Знакомясь болѣе подробно съ тѣмъ, что имѣется въ коллекціи въ настоящее время, и даже не зная техническихъ особенностей рисованія Шевченка, можно сказать, что нѣкоторые рисунки принадлежатъ не ему. Таковъ, напр., рисунокъ № 25 на листѣ сѣрой бумаги, сдѣланный сухою тушью и изображающій голову мертваго поэта съ надписью: „Воскрес. 26 февр. 1861. Мастерск. возлѣ ризничей академ. церк. АБ". Есть и другіе рисунки и наброски, характеръ исполненія которыхъ не похожъ на обычный Шевченковскій, а подписи почеркомъ не его

руки тоже заставляютъ сомнѣваться, его ли это рисунки. Напр., на рисункѣ № 25 (№ 116—11) подъ большимъ деревомъ подписано: „Вьязъ—дерево, росте въ Украіні“, или подъ другимъ рисункомъ деревьевъ подъ № 104 (№ 103, Ш) подписано: „Любымі Тарасові вербы на Смоленскім кладовыщі“. Специалистъ техникъ, познакомившись съ способомъ рисованія самого поэта, конечно легко можетъ отличить его рисунки отъ чужихъ; но между ними есть очень много и такихъ, которые и для непосвященнаго въ тонкости техники рисованія, но знающаго почеркъ Т. Г. Шевченка, отклоняютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что это именно его работа. Таковы—офорты, на которыхъ есть подписи слѣдующаго содержанія: *Гравир. Т. Шевченко 1858* (№ 270), *1859 Т. Шевченко* (№ 271), *Ira Aldridg. 1858* (портретъ Айра Ольдриджа) *Т. Шевченко 25 декабря* (№ 277), *Баронъ Петръ Карловичъ Клодтъ 1861* и обратная подпись *Т. Шевченко* (№ 278: 122 II), *Ѳедоръ Антоновичъ Бруни* съ подписью на оборотѣ *Т. Шевченко 1860* (№ 280), изображеніе купающейся дѣвы съ евнухомъ и съ подписью: *Карлъ Брюловъ 1831. Гравир. Т. Шевченко 1861* (№ 281); или портретъ самого Шевченка въ шапкѣ съ подписью: *Т. Шевченко* (№ 279: 41, I).

Особенно интересны тѣ рисунки карандашемъ, гдѣ есть собственноручныя подписи самого живописца-поэта его характернымъ почеркомъ. Они самаго разнообразнаго содержанія, хотя громадное большинство ихъ составляетъ ландшафты и виды Восточной природы. Если классифицировать всѣ рисунки, то оказывается слѣдующее: этюдовъ, изображеній натурщиковъ и натурщицъ, торсовъ, разныхъ частей тѣла въ разныхъ положеніяхъ, головокъ, сценъ, жанровъ въ общеевропейскомъ стилѣ и т. п. можно насчитать 52, изображеній изъ міра растительнаго (деревья, травы) и животнаго (лошади, коровы и т. п.)—17; всѣ остальныя картинки относятся или къ Украинѣ (Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніямъ около 40), или къ ея исторіи (8), или наконецъ къ мѣстностямъ по Волгѣ, за Волгой и Каспійскимъ моремъ (162), гдѣ поэту-живописцу пришлось провести большую часть жизни.

Бѣдная природа, песчаные кучугуры, скалы, песчаные и скалистые берега рѣчекъ съ шхунами, трембаками и лодками, биваки съ котелкомъ, палаткою, топографами съ ихъ инструментами, группы солдатъ или татаръ съ верблюдами, лошадьми у возовъ или у сторожекъ, виды крѣпостей, селеній, городовъ, могометанскихъ кладбищъ, сакли, аулы, камни и скалы—вотъ большинство темъ, которыя предлагала поэту-живописцу окружающая его природа. А вотъ имена мѣстностей, подписанныя на рисункахъ рукою самого живописца-поэта въ алфавитномъ порядкѣ:

Агаспеяръ (на четырехъ рисункахъ), *Аджи-бай, Ак-кубукъ, Акъ-тумъ-сукъ*, въ *Астрахани, п. Баликово, Бишъ-Кумъ, о. Борса-Кильмесъ* (на двухъ рисункахъ), *В. Б. полуостровъ Бусай, Джанъ-гысъ-агачъ, уроч. Джанъ-такты-булакъ, Джула-Даса-Малъ, Дустанъ, Дустанова могила, Ерендыкъ, Иргизъ, Казань, противъ Казани, Камышинъ, Казъ-зунды, Кайракъ-тау, Кара-бутакъ* (два рисунка), *Кара-тамакъ З. Б., Кизылъ-булакъ, Кизылъ-Джанъ* (три рисунка), *Кочакъ* (два рисунка), *Кудукъ-кштанъ, Г. Кулатъ, долина Кугусъ, на полуост. Куланды, ю. ч. полуострова Куланды, Куланды* (два рисунка, на одномъ приписка: *11 сентября*), *о. Кучъ-Аралъ, В. Б. Куянъ-суюкъ, В. Б. о. Меньшикова, С. Б. о. Николая, о. Обручева, О. № 10, Оренбургъ 1857 Безтрави смутни горы, Раимъ, уроч. Раимъ съ запада, Саратовъ, Сокисорекъ горы 31 іюля, Siun-Kuhl* (два рисунка), *пристань на Сыръ-Дарьѣ въ 1848, Сюпъ-куккъ, Тарлы, Тарла, Токмакъ-атысе-аулье, х. Туршъ, Тюбе-коранъ, Ургунъ-Мурунъ, Усь-чека, Ханга-баба*, (четыре рисунка съ такою подписью), *Царевъ-курганъ* (два рисунка), *В. Б. Чеканъ-Аралъ, Чиръ-Кала и Кокъ-суйру.*

На большей части изъ этихъ восточныхъ ландшафтовъ и отчасти жанровъ стоитъ № 117 или 116. Но эти же нумера встрѣчаются и на рисункахъ изъ другой стороны и съ другимъ содержаніемъ; напр. №-ромъ 117—175 обозначенъ Печерскій монастырь, №-ромъ 117—178—*Пророкъ Илія*. Впрочемъ, сюжеты на украинскіе мотивы обозначены другими ординарными нумерами. Съ надписями, сдѣланными рукою самого Шевченка, такихъ рисунковъ немного: *На Орели, въ Решетиловкѣ* (два рисунка),

въ Седневи, коло Седнева—вотъ, кажется, и всѣ помѣченные имъ самимъ; но есть сдѣланныя другимъ почеркомъ опредѣленія разныхъ мѣстностей украинскихъ, напр.: „Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ", „Киевъ зъ боку Днiпра", „у Киiвi" „надъ Россю 1859 року iюль", „смерть Хмельницкаго" и т. п. Украинскіе ландшафты и жанры не отличаются тою степенью отдѣлки, акуратностью выполненія и законченностью, какія замѣтны на всѣхъ рисункахъ съ темами восточной природы. Это—зачастую лишь наброски, повторяемыя въ другихъ экземплярахъ съ измѣненіями или съ большею отдѣлкою. Рисунокъ двухъ дивчатъ пюдъ большою вербою, изъ которыхъ одна несетъ коромысло ведеръ на плечѣ, а другая держитъ букетъ цвѣтовъ, повторяется три раза, при чемъ прическа ихъ и подробности въ складкахъ запасокъ измѣнены; изображеніе ихъ есть и въ видѣ офорта. Также повторяется нѣсколько разъ лежащая полуголая женщина то съ папироской въ рукѣ, то спящая, панночка въ локонахъ, наброски историческихъ жанровъ (Хмельницкій передъ ханомъ, другой—съ подписью самого Шевченка: *Умирающій Мазепа, а коло ёго Карлъ XII)* и др.

Изъ жанровъ народной малорусской жизни, изображающихъ то верховыхъ, то пѣшихъ парубковъ, то музыкантовъ, то танцующихъ, то пьяныхъ, то бандуриста, окруженнаго слушающими, то группы ѣдущихъ паровыцъ; особенное вниманіе по рельефности обращаетъ на себя сцена на дворѣ, изображающая выходящую изъ хаты невѣсту, мужика съ шкаликомъ, пьяную бабу, ребенка и собаку. Жанровыя сцены съ католическими монахами, купальщицами, Самсономъ и т. п., кажется, несамостоятельны.

На одномъ изъ такихъ набросковъ, изображающемъ какого-то старика (можетъ быть султана) рядомъ съ голою дѣвою, рукою Шевченка подписано: „*Мовлялы Кiяны ужасть!*" (№ 100). Менѣе всего отдѣланы и закончены сцены изъ академической жизни, изображающія студію съ рисующими учениками. Это—по большей части шутки съ надписями подъ фигурами сидящихъ, въ родѣ: „увы!" „Оце—кобзарь Шевченко".

Изъ рисунковъ церковно-археологическаго характера (чаши, кресты и т. п.) наибольшее вниманіе обращаетъ на себя изображеніе мокрою тушью большого каменнаго креста, стоящаго въ Музеѣ. Надпись, вырѣзанная на немъ, довольно ясно читается на рисункѣ: „а дѣлалъ крестъ Харько Безпальчій мельникъ съ товарищемъ своимъ Марты...“ и еще: Ѕей крестъ здѣ на мѣстѣ семъ убіено Свѧтаго Ѕтрастотерпца Христова Божиѧ великого кнѧзѧ россійского вѡдрузи Григоріи Бутовичъ прѡтопѡпъ Переяславскій. Споспѣшествовалъ въ ѡномъ Селивана Кириловича былѡго головы Стрѣлецкѡго, лѣта ѡтъ сотворенія міра ҂ꙁрѻа ѡт р. Х. ҂ахѯа маіа в днѧ“. (№ 55, 4, № 90). Есть рисунки монастырей (Воздвиженскаго въ Полтавѣ), церквей и т. п.

При перелистываніи рисунковъ, указывающихъ на ту или другую обстановку жизни поэта и переносящихъ насъ изъ Кіева то въ Казань, то на Аралъ, то въ Академію Художествъ, изображающихъ то Днѣпръ съ кіевскими горами, то дворъ сельской хаты, спрашиваешь себя невольно: будутъ ли среди этой массы рукотворныхъ памятниковъ поэта хоть какіе-нибудь намеки на тѣхъ героевъ его поэмъ и стихотвореній, которые онъ носилъ, по собственному своему признанію, „неначе цвяшокъ въ сердце вбытый“, которыхъ онъ считалъ своими „сынами“, своими кровными „дитьмы“, своими „слезами“? Гдѣ же то море, по которому плавалъ Пидкова и козаки, гдѣ—лѣса съ ихъ гайдамаками, гдѣ степы, шляхы, могылы, тополи, тѣ Катерыны, Наймычкы, Тытаривны, Сотныки, гетьманы, конфедераты, неофиты, утопленны, прычинны, чернеци и черныци, которыхъ такъ образно умѣлъ „вымережаты“ въ своихъ „виршахъ“ поэтъ?

Ознакомленіе со всѣмъ сборникомъ рисунковъ Шевченка приводитъ къ заключенію, что поэтъ едва ли и пытался когда-нибудь самъ изобразить карандашемъ на бумагѣ то, что вынашивалъ въ себѣ въ формѣ поэтическихъ образовъ. Въ живописи онъ былъ лишь фотографомъ окружающей природы, къ которой и сердце его не лежало. „И тамъ—степы, и тутъ—степы, та тутъ не такыйи!“—признавался онъ Козачковскому,

сравнивая природу, которую приходилось ему изучать въ качествѣ живописца, съ любимою природою Украины:

...—„бурьянъ, писки, талы...
И хочъ бы на смихъ де могыла
О давнимъ давни говорыла!“

Въ созданіи жанра онъ не пошелъ дальше ученическихъ пробъ, шутокъ, набросковъ, въ которыхъ при всемъ желаніи найти какую-либо художественную идею, мы уловить ея не въ состояніи,—до такой степени неопредѣленна композиція рисунковъ.

А между тѣмъ намъ приходилось когда-то слышать мнѣнія о Шевченкѣ, какъ о живописцѣ не послѣдней пробы, или, по крайней мѣрѣ, подававшемъ надежды на роль первокласснаго художника. Такого мнѣнія, напр., держался товарищъ его по Академіи, бывшій впослѣдствіи учителемъ Кіевской 2-й гимназіи, Иванъ Максимовичъ Сошенко, который утверждалъ, что увлеченіе „Наймычками“, „Катерынами“, „Гайдамаками“ и т. п. отвлекало Шевченка отъ настоящей его дороги и испортило ему карьеру художника-живописца.

Не будемъ вспоминать тѣхъ сценъ и положеній, которыя въ поэзіи Шевченка употребляются для лучшаго уясненія читателю созданныхъ имъ типовъ души человѣческой и проявленій ея дѣятельности и которыхъ напрасно будемъ искать въ коллекціи его рисунковъ; возьмемъ то стихотвореніе его, которое побѣдило другого великаго мастера—Тургенева и за свою картинность переведено на многіе языки—„Вечиръ“. Отчего Шевченко, какъ живописецъ, не могъ, или даже не имѣлъ побужденій, взяться за изображеніе на бумагѣ подобной идиллической сцены, не говоря уже о такихъ, которыя внушаются художнику-живописцу изъ области малорусской жизни его „Петрусемъ“, „Княжною“, „Видьмою“, стихотвореніемъ „Дивчата на луци гребли“, „На велыкдень на соломи“ и т. д. и т. д.? Лучшій изъ извѣстныхъ жанровъ Шевченка—картинка „Це дило треба розжуваты“—характерна въ смыслѣ этнографическомъ, но такъ далека отъ всего имъ написаннаго по содержанію и направле-

нію, какъ можетъ быть далека развѣ музыка Оффенбаха отъ ораторій Генделя или концертовъ Бортнянскаго, какъ далеки Рембрандтовскіе и Рубенсовскіе сатиры съ нимфами въ лѣсу отъ идеалистическихъ картинъ Рафаэля или Корреджіо. Поэтъ глубокой міровой печали, смѣло, ярко и широко заявленной имъ въ „Иванѣ Гуссѣ", „Неофитахъ", „Гайдамакахъ", „Маріи" и т. д.,—бралъ карандашъ для того, чтобы изобразить группу студентовъ Академіи Художествъ, мужиковъ, татаръ, представшихъ передъ его глазами, оставляя въ сторонѣ свою міровую скорбь и какъ бы не подозрѣвая возможности тѣ же идеи свои воплощать въ образы средствами живописи.

Такое общее впечатлѣніе оставляетъ по себѣ обширная коллекція рисунковъ, о которой мы говоримъ. Представляя изъ себя матеріалъ для біографіи поэта и для опредѣленія спеціалистами его роли въ технической области живописи, она невольно наводитъ на мысль: отчего такъ мало до сихъ поръ пользовались наши художники-живописцы темами изъ „Кобзаря" Шевченка? Отчего тѣ фигуры, которыя такъ рельефно обрисовала его поэзія и о возможности изобразить которыя на бумагѣ или полотнѣ онъ самъ даже и не помышлялъ, остаются чуждыми для цѣлой плеяды художниковъ-живописцевъ нашего времени?

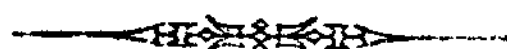
Напрашиваются и другіе вопросы: отчего до сихъ поръ у нашихъ живописцевъ не является охоты издать если не весь „Кобзарь" съ иллюстраціями, то хотя бы избранныя стихотворенія съ картинками, соотвѣтствующими по достоинству тексту? Покойный художникъ Н. Л. Скадовскій, основавшій въ Одессѣ кружокъ южнорусскихъ живописцевъ, началъ-было брать сюжеты изъ „Кобзаря"; пробы его въ видѣ акварелей были на выставкѣ его произведеній въ Москвѣ и Одессѣ; но ранняя смерть его положила конецъ этому начинанію...

Такому кружку, какъ Одесскій, всего приличнѣе было бы пріобрѣсти и коллекцію рисунковъ, о которой мы говоримъ. Изъ всѣхъ разсказовъ о способахъ продажи ея, циркулировавшихъ въ Харьковѣ въ концѣ прошлаго года, самый печальный будетъ

тотъ, если коллекція окажется разыгранной въ лотерею и притомъ не цѣликомъ, а враздробь. Въ послѣднемъ случаѣ лица, хранившія ее до настоящаго времени въ цѣлости, сдѣлаютъ непростительный шагъ по отношенію къ достоянію, которое по всѣмъ соображеніямъ должно бы быть общественнымъ.

А. Русовъ.

Харьковъ, 7 января 1894.



Архивная справка о составѣ Кіевскаго „общества“ въ 1782—1797 годахъ.

Въ жизни г. Кіева конца прошлаго столѣтія нельзя не отмѣтить двухъ метаморфозъ, происшедшихъ въ составѣ так. наз. „общества“, т. е. высшаго, интеллигентнаго класса его: одна такая перемѣна произошла въ 1782-мъ, а другая въ 1797-мъ годахъ. Собранныя мною изъ архивныхъ документовъ свѣдѣнія о личномъ составѣ разнаго рода присутственныхъ мѣстъ, открытыхъ въ Кіевѣ въ январѣ м-цѣ 1782 г. согласно „Учрежденію о губерніяхъ“, даютъ основаніе заключить, что въ этотъ періодъ времени съ 1782 по 1797-й годъ, т. е. въ теченіе 15-ти лѣтъ, Кіевъ по составу служилаго класса, по характеру жизни этого общества и по языку былъ вполнѣ малороссійскимъ городомъ.

До открытія Намѣстничества мѣстечко Печерскъ представляло изъ себя укрѣпленный лагерь, имѣвшій съ Подоломъ лишь офиціальныя связи. Общество состояло преимущественно изъ военно-служащихъ великороссіянъ. Подольское мѣщанство со своимъ магистратомъ, живя совершенно отдѣльною отъ пришлаго Печерскаго населенія жизнію, въ высшей степени непріязненно относилось къ лѣвобережному малороссійскому управленію, всегда стремилось освободиться отъ всякой зависимости отъ этого послѣдняго, предпочитая ему „вѣдомство“ кіевскихъ губернаторовъ. Непріятно было кіевскому мѣщанству испытывать зависимость отъ Глухова, ѣздить туда по разнаго рода тяжебнымъ дѣламъ, принимать оттуда комиссаровъ, ревизоровъ, слѣдователей изъ малороссійской старшины. Но послѣдовавшее

въ 1775 году присоединеніе Кіева къ Малороссіи не могло уже огорчать въ прежней мѣрѣ кіевлянъ, такъ какъ въ это время совершенно измѣнились уже порядки управленія въ Малороссіи и ожидалось введеніе новыхъ губернскихъ учрежденій, при чемъ не Глухову, а Кіеву предстояло сдѣлаться центромъ управленія.

Открытіе Намѣстничества произошло въ январѣ 1782 года, и въ составъ его вошла почти вся нынѣшняя полтавская губернія и два уѣзда черниговской (остерскій и козелецкій). Въ Кіевъ съѣхалось так. наз. малороссійское шляхетство для выбора того множества должностныхъ лицъ, какое установлено было „Учрежденіемъ о губерніяхъ“. [1]) Кромѣ служащихъ по выборамъ, требовалась масса канцелярскихъ чиновниковъ, въ составъ которыхъ и потянулись лѣвобережные малороссіяне изъ полковыхъ и сотенныхъ канцеляристовъ и вообще изъ грамотнаго козачества.

Составъ кіевскаго общества и характеръ жизни его рѣзко измѣнился. Достаточно познакомиться съ личнымъ составомъ служащихъ въ Палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, въ Верхнемъ Земскомъ судѣ, Совѣстномъ судѣ, Верхней расправѣ, Губернскомъ магистратѣ, Кіевскомъ уѣздномъ судѣ, чтобы представить себѣ болѣе или менѣе ясно общую физіономію кіевскаго общества. Мнѣ удалось собрать свѣдѣнія почти обо всѣхъ этихъ губернскихъ учрежденіяхъ, о личномъ составѣ ихъ, относящіяся главнымъ образомъ къ 1787-му году. Въ имѣвшихся у меня въ рукахъ формулярныхъ спискахъ весьма интересно обозначеніе сословія и имущественнаго положенія. Болѣе ранніе списки заключаютъ въ себѣ больше разнообразія въ терминологіи сословной, а затѣмъ большинство списковъ 90-хъ годовъ устанавливаетъ терминъ—„изъ малороссійскаго шляхетства“. При обозначеніи имущественнаго положенія строго различаются „крестьяне“ и „малороссійскіе подданные“.

---

[1]) Во 2-мъ вып. моихъ „Истор. матер. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“ помѣщены довольно обстоятельныя свѣдѣнія о выборахъ, происходившихъ въ Кіевѣ въ 1785 г. на второе трехлѣтіе.

Ф. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ,[1]) въ которыхъ находимъ нѣсколько весьма любопытныхъ замѣчаній о жизни г. Кіева въ концѣ прошлаго столѣтія, нѣсколько иронически относясь къ помѣщикамъ малороссіянамъ, поселявшимся въ Кіевѣ, свидѣтельствуетъ, что они, „частію обязанные служить по выборамъ, частію привлекаемые пріятностями общежитія, начали чаще и въ большемъ количествѣ появляться", при чемъ де они имѣли одинаковые съ крестьянами своими вкусы, „одинаковые обычаи, одинаковую пищу, такъ-же всему предпочитали борщъ и галушки, столь же нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли ту-же запорожскую неопрятность". Надо думать, что и языкъ въ этомъ высшемъ „шляхетскомъ" обществѣ, не говоря уже о массѣ служилаго класса, былъ народный малороссійскій. На это находимъ указаніе въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Вигеля. Говоря о ближайшихъ знакомыхъ своей семьи,[2]) онъ упоминаетъ, между прочимъ, штабъ-лѣкаря Евстафія Яковлевича Яновскаго, который „малороссійскимъ нарѣчіемъ съ жаромъ разсказывалъ происшествія своей Украины". Характеризуя одну изъ дамъ высшаго чиновнаго круга, жену губернскаго совѣтника Пражевскаго, урожденную Сахновскую, онъ говоритъ, что „каждое слово, на выразительномъ малороссійскомъ нарѣчіи ею произнесенное, подтверждало то, что глаза ея говорили". Упоминая о вдовѣ Веселицкой, собиравшей у себя все кіевское общество, Вигель замѣчаетъ, что де „постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и *украинскій ея языкъ* дѣлали ее для *всѣхъ пріятно-оригинальною*".

На кіевскихъ балахъ того времени танцовали обыкновенно и „малороссійскую метелицу, и голубца, и козачка".

Съ приливомъ въ Кіевъ лѣвобережнаго малороссійскаго шляхетства увеличилось, конечно, и число учащихся въ Кіевской Академіи изъ этой среды. Надо думать, что господствовавшій въ житейскомъ обиходѣ учащагося юношества народный малороссійскій языкъ и вызвалъ со стороны назначеннаго въ

[1]) „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля" изд. 1864 г. ч. 1-я.

[2]) Отецъ его занималъ должность оберъ-коменданта, т. е. являлся вторымъ лицемъ послѣ генералъ-губернатора, а затѣмъ—послѣ Намѣстника.

1789 году митрополита кіевскаго Самуила особыя заботы о великороссійскомъ выговорѣ въ Академіи, о которыхъ упоминаетъ Аскоченскій.

Припоминая вообще всѣхъ лицъ, бывавшихъ въ домѣ отца и составлявшихъ высшее кіевское общество, Вигель съ большимъ увлеченіемъ распространяется о высокихъ нравственныхъ качествахъ этого общества: „мнѣ кажется, говоритъ онъ, что нигдѣ еще въ Россіи не собиралось въ одно время столь много добрыхъ, умныхъ и честныхъ людей, какъ тогда въ Кіевѣ“. Онъ дѣлаетъ рѣзкій приговоръ лишь объ одномъ прокурорѣ губернскомъ, Григ. Ив. Краснокутскомъ: „его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ. Онъ былъ бѣденъ и гордъ, чистъ и золъ“.

Во главѣ высшихъ губерн. учрежденій стояли природные малороссіяне.

1). Предсѣдателемъ Уголовной Палаты былъ Иванъ Гаврилович *Вишневскій*, который владѣлъ значительнымъ богатствомъ, имѣлъ въ переяславскомъ и золотонош. у. 1668 душъ „малорос. подданныхъ“. Начавъ службу въ 1757 г. въ лейбъ-гвардіи, онъ вышелъ въ отставку полковникомъ и въ 1779 г. вступилъ членомъ въ Малорос. Коллегію, оставаясь до ея закрытія 12-го окт. 1781 г., когда былъ назначенъ совѣтникомъ въ Палату Уголов. Суда.

Женатъ былъ на дочери Степана Томары Ульянѣ и имѣлъ двухъ сыновей (Степана и Гавріила), которые, числясь въ Измайловскомъ лейбъ-гвардіи полку, проживали сначала дома, а затѣмъ учились въ Вѣнѣ. По словамъ Вигеля, возвращеніе ихъ изъ чужихъ краевъ „отняло у кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей заграницу“. Дочерей было у Вишневскаго пять. Вигель называетъ Вишневскаго „человѣколюбивѣйшимъ изъ судей, человѣкомъ начитаннымъ и просвѣщеннымъ“.

2). Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ Григорій *Иваненко*, бывшій Переяславскимъ полковникомъ и въ этомъ званіи участвовавшій въ турецкомъ походѣ, командуя трехтысячнымъ козачьимъ отрядомъ. Женатъ на дочери Ширая и имѣлъ 5 взрослыхъ сыновей. Объ имущественномъ его положе-

ніи въ формулярномъ спискѣ сказано: „имѣніе, какое было, роздалъ сыновьямъ службы ради Государевой, имѣетъ же у себя во услуженіи крѣпостныхъ 6 душъ купленныхъ“.

3). Послѣ Иваненка предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ Иванъ Григорьевичъ *Туманскій,* который, по словамъ Вигеля, „дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся, и не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ“.

Туманскій „вступилъ въ службу“ въ 1758 г. въ С.-Петербургскую Академію Наукъ студентомъ, а съ 1761 г. въ званіи коллежскаго переводчика началъ дѣйствительную службу и, пробывъ 7 лѣтъ сенатскимъ секретаремъ, въ 1777 г. назначенъ былъ членомъ Малорос. Коллегіи, исправляя разныя порученія гр. Румянцева. Съ открытіемъ Кіевск. Намѣстничества назначенъ былъ первымъ кіевскимъ прокуроромъ, въ каковой должности и оставался до назначенія своего въ предсѣдатели Гражданской Палаты.

4). Предсѣдателемъ Верхняго Земскаго Суда съ открытія его состоялъ Петръ Ивановичъ *Симоновскій*, имѣвшій 266 душъ „малороссійскихъ подданныхъ въ м. Кобыжчѣ“. „За возвращеніемъ изъ иностранныхъ земель отъ училищъ“, началъ службу въ 1753 г. въ Войск. Ген. Канц. въ качествѣ переводчика, былъ затѣмъ сотникомъ Кобыжскимъ, съ 1764 судьею земскимъ, а съ 1772 непремѣннымъ членомъ при Генер. Судѣ, до его закрытія. Женатъ б. на дочери Кобыжскаго сотника Семена Мандрыки и имѣлъ трехъ сыновей.

5). Предсѣдателемъ Совѣстнаго Суда и впослѣдствіи губернскимъ предводителемъ дворянства былъ Демьянъ Демьяновичъ *Оболонскій*, богатѣйшій человѣкъ между всѣми губернскими чиновниками. За нимъ числилось въ уѣздахъ хорольскомъ, городискомъ, лубенскомъ и глуховскомъ 3411 душъ „малороссійскихъ подданныхъ“. Онъ былъ членомъ Генер. Суда, два года состоялъ при гр. Румянцовѣ и участвовалъ въ турецкомъ походѣ, 7 лѣтъ былъ затѣмъ въ Лубенскомъ полку предводите-

лемъ шляхетства, а съ открытіемъ Кіев. Намѣстничества избранъ былъ совѣстнымъ судьею.

Бывши губ. предводителемъ дворянства, Оболонскій, уже пожилой тогда, но видный и здоровый человѣкъ, по словамъ Вигеля, „лѣтомъ обыкновенно живалъ въ деревнѣ, и только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Говорятъ, у него столъ не накрывался и не раскрывался,—цѣлый день пили и ѣли. Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь городъ; по тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались предъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина“.

Губернскимъ предводителемъ дворянства въ первое трехлѣтіе былъ надв. сов. Закревскій, а во второе [1])—гвардіи подпоручикъ Василій Капнистъ.

Второстепенныя должности въ губернскихъ судебныхъ учрежденіяхъ были также заняты преимущественно, а канцелярскія исключительно, лѣвобережными малороссіянами.

а) Въ *Уголовной Палатѣ* состояли совѣтниками:—Федоръ Семеновичъ *Максимовичъ*, имѣвшій за собою въ м. Чернухахъ 40, да въ другихъ мѣстахъ 49 душъ „малороссійскихъ подданныхъ“, началъ службу свою съ 1735 г. въ Лубенскомъ полку, продолжалъ въ Генер. Войск. Канцеляріи, былъ полковымъ ессауломъ, а съ открытіемъ Кіевскаго Намѣстничества опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ Казенную Палату, откуда перешелъ, согласно выбору дворянства, въ Уголовную совѣтникомъ же.—Ив. Ив. *Гулакъ* въ переяславскомъ и золотоношскомъ уѣздахъ имѣлъ 100 душъ „малороссійскихъ подданныхъ“, служилъ раньше въ Переяславскомъ Земскомъ Судѣ, въ Малороссійской Коллегіи, былъ полковымъ ессауломъ, дворянскимъ засѣдателемъ Переяславскаго уѣзднаго суда, земскимъ исправ-

[1]) Въ уѣздные предводители, которые по службѣ нерѣдко посѣщали Кіевъ и живали въ немъ подолгу, на второе трехлѣтіе избраны были: Кіевскаго уѣзда—тит. сов. Федоръ *Мигай*, Остерскаго—поруч. Моисей *Иваненко*, Козелецкаго—кол. ас. Федоръ *Туманскій*, Переяславскаго—надв. сов. Петръ *Лукашевичъ*, Пирятинскаго—ротм. Степанъ *Тарнавскій*, Лубенскаго—бунч. тов. Данило *Новицкій*, Городискаго—бунч. тов. Антонъ *Кодинецъ*, Золотоношскаго—бунч. тов. Иванъ *Максимовичъ*, Хорольскаго—секундъ-маіоръ Гаврило̂ *Родзянко*, Голтвянскаго—тит. сов. Федоръ *Базилевскій* и Миргородскаго—обозный Моисей *Зарудный*.

никомъ, а съ 1789 года избранъ въ совѣтники Уголовной Палаты.

б) Въ Гражданской Палатѣ, кромѣ предсѣдателя (сначала Иваненка, затѣмъ Туманскаго), совѣтники и ассесоры были изъ великороссіянъ, но секретаремъ состоялъ сынъ сотника Степанъ Васильевичъ *Жученко*, имѣвшій въ голтянскомъ и полтавскомъ уѣздахъ 134 души малороссійскихъ подданныхъ.

в) Въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ въ 1-мъ департаментѣ изъ пяти засѣдателей было четыре человѣка малороссіянъ:

Матвѣй Федоровичъ *Хильчевскій*, избранный отъ хорольскаго уѣзда, гдѣ владѣлъ 325 д. малорос. подданныхъ, былъ раньше сотникомъ, участвовалъ въ турецкой войнѣ. Женатъ на дочери полковника Милорадовича и имѣлъ сына Николая, находившагося „дома въ изобученіи латинскаго и нѣмецкаго языковъ."

Федоръ Андреевичъ *Думитрашко-Райча*, выбранъ отъ остерскаго уѣзда, служилъ раньше въ Войск. Генер. Канцеляріи и Малорос. Коллегіи, имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ 503 д. поданыхъ, женатъ на дочери компанейскаго полковника Игната Чесника; Василій Осиповичъ *Танскій*—отъ козелецкаго у., участвовалъ раньше въ коммиссіи о разборѣ дворянства, имѣлъ 154 д. подданныхъ, женатъ на дочери П. И. Симоновскаго Елисаветѣ.

Влад. Матв. *Лаховичъ*, войсковой товарищъ, 28 л.

Во 2-мъ департаментѣ изъ пяти засѣдателей лѣвобережныхъ малороссіянъ было трое.

Степанъ *Барановскій*, бывшій долгое время кіевскимъ полковымъ асауломъ и судьей, затѣмъ 6 лѣтъ Козелецкимъ головой, 9 лѣтъ дворянскимъ предводителемъ, по открытіи Намѣстничества состоялъ первое трехлѣтіе засѣдателемъ Совѣстнаго Суда, а съ 1785 года 70-тилѣтнимъ старикомъ избранъ въ настоящую должность. Въ разныхъ мѣстахъ имѣлъ 336 душъ малорос. подданныхъ, женатъ былъ на дочери Басинскаго протопопа и имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ двое уже состояли на службѣ, а двое—„лейбъ-гвардіи капралы обучаются въ кіевской академіи".

Иванъ *Новѣцкій*, два сына котораго тоже учились въ кіевской академіи.

Иванъ Яким. *Ломачевскій*, начавшій службу въ кіевскомъ городскомъ судѣ, бывшій затѣмъ секретаремъ Уголовной Палаты.

Секретарями Верх. Зем. Суда были: въ 1-мъ департ. Ив. Конст. *Балабанъ*, изъ дворянъ лубенскаго уѣзда, а во 2-мъ деп. Павелъ *Хохуленко*, сынъ сотеннаго атамана изъ миргородскаго уѣзда.

г). Въ составъ Совѣстнаго Суда, кромѣ двухъ лицъ, выбранныхъ кіевскимъ мѣщанствомъ (Сем. Вас. *Балабухи* и Григ. Вас. *Радзицкаго*) входили исключительно лѣвобережные малороссіяне. Такъ во второе трехлѣтіе въ немъ засѣдали:

1. Фед. Ив. *Кодинецъ*, служившій раньше въ Малорос. Коллегіи, бывшій первое трехлѣтіе засѣдателемъ въ Верх. Зем. Судѣ, имѣлъ 117 душъ малорос. подданныхъ.

2. Пав. Ив. *Невтровскій* началъ службу въ Золотоношскомъ зем. судѣ, продолжалъ въ Переяславской полковой канцеляріи, участвовалъ въ числѣ войск. тов. въ турецкомъ походѣ, начальствовалъ надъ Бубновскою сотней; пробывъ первое трехлѣтіе засѣдателемъ Верх. Зем. Суда, избранъ въ настоящую должность; имѣлъ въ золотоношскомъ уѣздѣ 160 душъ „малорос. подданныхъ. Въ 90-хъ годахъ былъ назначенъ въ Казенную Палату директоромъ домоводства.

3. Ив. Григ, *Бобровникъ*, изъ козачьихъ дѣтей, имѣлъ за собой въ переяславскомъ уѣздѣ 5 д. малорос. подданныхъ.

4. Возный Ив. Мих. *Мартосъ*, начавшій службу въ Вороньковскомъ сотенномъ правленіи.

Въ должности секретаря Совѣстнаго суда состоялъ Мих. Григ. *Москаленко-Александровскій*, „изъ дворянства", имѣлъ въ городискомъ уѣздѣ 35 душъ малорос. подданныхъ; за окончаніемъ въ академіяхъ и благородныхъ пансіонахъ разныхъ наукъ отъ 779 г. находился при сотенномъ Ирклеевскомъ правленіи въ числѣ сотенныхъ старшинъ [1]), съ 780 г. при письмен-

[1]) Въ 1787 г. ему показано 29 лѣтъ, значитъ 17 лѣтнимъ юношей онъ былъ „въ числѣ сотенныхъ старшинъ".

ныхъ дѣлахъ Малорос. Коллегіи, съ 782 г. въ засѣданіи Совѣстнаго Суда по выбору отъ расправы, а съ 785 г. въ настоящей должности".

Прокуроръ и стряпчіе были всѣ изъ малороссіянъ. Уѣзднымъ стряпчимъ былъ Мих. Леонт. *Бѣлякъ*, при Верх. Зем. Судѣ Андр. Ил. *Бережецкій* и Вас. Петр. *Кодратьевъ*, при Губ. Магистратѣ—Романъ Троф. *Сладковскій*.

Съ учрежденіемъ Намѣстничества и кіевское мѣщанство, въ роли выборныхъ лицъ въ нѣкоторыхъ новыхъ учрежденіяхъ, было, такъ сказать, „подвышено въ чинѣ," какъ тогда выражались. Особое значеніе получили чиновники изъ мѣщанъ, благодаря учрежденію Губернскаго Магистрата, въ которомъ разсматривались дѣла всѣхъ городовыхъ магистратовъ губерніи. Такимъ образомъ выбранныя кіевскимъ мѣщанствомъ лица являлись въ Губернскомъ магистратѣ высшею инстанціей для всѣхъ городовъ лѣвобережной Малороссіи.

Предсѣдателями Губ. Магистрата были весьма заслуженные люди: въ 1-мъ департаментѣ Яковъ *Давидовскій*, бывшій когда то писаремъ магистрата кіевскаго, въ 1772 г. городскимъ головою, а во 2-мъ деп.—Николай *Осинскій* изъ дворянъ Переяславскаго уѣзда, имѣвшій 25 душъ подданныхъ.

Засѣдателями были: а) въ 1-мъ деп. Георгій *Рыбальскій*, впослѣдствіи войтъ кіевскій, Федоръ *Донецъ*, прошедшій раньше всѣ должности въ прежнемъ кіевскомъ магистратѣ, и Семенъ *Подольскій*; б) во 2-мъ деп. Григ. *Балабуха*, Романъ *Яруцкій* и Александръ *Лебединскій*, который, по окончаніи наукъ въ кіевской академіи, долго служилъ въ канцеляріи прежняго магистрата и, въ качествѣ повѣреннаго по городскимъ дѣламъ, ѣздилъ въ Петербургъ по порученію магистрата.

Секретарями въ Губ. Маг-тѣ служили образованные молодые люди: Данило *Чмеліовскій*, по окончаніи наукъ въ кіевской академіи служившій для исправленія (веденія) польскихъ переписокъ въ пограничной экспедиціи, и Василій *Вербицкій*, сынъ протопопа, служившій раньше адвокатомъ при Малорос. Коллегіи.

Въ Верхней Расправѣ, кромѣ председателя Ивана Фед. *Траскина*, секундъ-маіора изъ солдатскихъ дѣтей, во второе трехлѣтіе засѣдателями состояли исключительно лѣвобережные малороссіяне: Дм. Андр. *Котляревскій* изъ дворянъ Миргородскаго у., имѣвшій въ м. Сорочинцахъ 6 душъ подданныхъ; полковой канцеляристъ Пав. Степ. *Пирскій*; сотенный атаманъ Семенъ Ильичъ *Гречуха*, сынъ сотника; сот. ат. Вас. Матв. *Петренко-Дубина* „изъ малорос. шляхетства", имѣвшій въ золотоношскомъ у. 22 д. малорос. подданныхъ; козакъ Ефимъ Фед. *Добриковъ*, въ формулярѣ котораго, имѣвшемся у меня, зачеркнуто „изъ козачихъ дѣтей" и написано: „дворянинъ". Секретаремъ состоялъ Осипъ Дм. *Котляревскій*, служившій раньше въ Малорос. Коллегіи.

Въ административныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, куда присутствующіе члены назначались не по выборамъ, тоже оказалось значительное число лицъ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ. Такъ, въ Намѣстническомъ правленіи въ 90-тыхъ годахъ были: Николай Ивановичъ *Ергольскій* и Прокофій Федоровичъ *Пражевскій*, о которыхъ упоминаетъ и Вигель, говоря, что они „строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣлъ и какою то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли бы оба украсить Сенатъ, еслибы въ немъ засѣдали". Жена Пражевскаго была двоюродная сестра извѣстнаго Безбородьки.

Въ Казенной палатѣ (въ 90-тыхъ годахъ) изъ шести первыхъ чиновъ ея трое было малороссіянъ: вышеупомянутый Павелъ *Невѣровскій*, директоръ домоводства, второе лице послѣ предсѣдателя (князя Хованскаго); Никифоръ *Данилевичъ*, кол. сов., начавшій службу въ Стародубской полковой канцеляріи, бывшій затѣмъ при Высоч. Дворѣ „келлермейстеромъ", а по открытіи въ Кіевѣ Намѣстничества—директоромъ банковой конторы; кол. сов. Василій *Чернявскій*, служившій долго въ вѣдомствѣ Коллегіи ин. дѣлъ.

Что касается канцелярій всѣхъ названныхъ присутственныхъ мѣстъ, то онѣ состояли исключительно изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ, преимущественно молодыхъ людей, которые потянулись въ Кіевъ, надо думать, главнымъ образомъ ради

утвержденія своего шляхетства обычными россійскими чинами. Многіе изъ этихъ молодыхъ людей владѣли значительнымъ числомъ „малороссійскихъ подданныхъ" и, очевидно, служили не ради жалованья, котораго нерѣдко и не получали.

Въ Палатѣ Уголовнаго Суда (въ 1794 году) изъ 18-ти канцелярскихъ только трое было изъ великороссіянъ. Все это были очень молодые люди: старшему изъ нихъ было 34, младшему—16 лѣтъ. Образовательный цензъ указанъ только трехъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Переяславской Семинаріи. Большинство показано въ имущественномъ отношеніи не отдѣленнымъ отъ родителей, только двое самостоятельно уже показаны владѣльцами малорос. подданныхъ: одинъ имѣлъ 52, одинъ 24 души муж. п.

Въ Палатѣ Гражданскаго Суда (1787 г.) было 22 канцелярскихъ и всѣ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ, тоже молодые люди около 20 лѣтъ, въ большинствѣ владѣвшіе уже въ разныхъ мѣстахъ „подданными".

Въ Верх. Зем. Судѣ канцелярскихъ служащихъ было 21 и изъ нихъ только одинъ изъ великороссіянъ, служившій раньше въ бывшей Кіев. Губ. Канцеляріи. Въ Верхней Расправѣ было 10 канцеляристовъ и изъ нихъ одинъ изъ служившихъ раньше въ Кіев. Губ. Канц. великороссіянъ.

Канцелярію Совѣстнаго Суда составляли всего 4 человѣка и всѣ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ. Рѣзкая перемѣна въ составѣ всего этого служилаго общества произошла въ 1797 году, когда г. Кіевъ сдѣлался было на нѣкоторое время главнымъ городомъ Брацлавской губерніи и когда затѣмъ отъ него отдѣлены были лѣвобережные малороссійскіе уѣзды, а кіевская губернія образована примѣрно въ нынѣшнемъ ея видѣ присоединеніемъ частей брацлавской и волынской губерній. „Впродолженіе 1797-го года, говоритъ Вигель, число русскихъ чиновниковъ и малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ немъ уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличилось". „Помѣщики малороссійскіе, изъ коихъ одни служили, другіе пріѣзжали пожить въ Кіевѣ, удалились изъ него почти до единаго. Преобладаніе Польши съ каждымъ годомъ

увеличивалось, но и сами поляки, служившіе по выборамъ, жили въ немъ съ семействами только два мѣсяца въ году, во время контрактовъ, а въ остальное время навѣщали ихъ иногда въ деревняхъ. Два полка, стоявшіе въ немъ на квартирахъ, нѣсколько оживляли пустынный видъ его". Первые губернскіе выборы вновь образованной Кіевской губерніи въ 1797 году назначены были послѣ контрактовъ, происходившихъ въ этомъ году еще въ г. Дубно.

Эти выборы рѣзко измѣнили личный составъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Кіевѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнился и составъ канцелярій.

А. Андріевскій.

КІЕВЪ ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Тогдашній проектъ благоустройства Кіева и его авторъ бискупъ Юзефъ Верещинскій [1])

Юзефъ Верещинскій былъ сначала нареченнымъ (номинатомъ), а потомъ и дѣйствительнымъ Кіевскимъ католическимъ бискупомъ въ самомъ концѣ шестнадцатаго вѣка—съ 1589 г. по день своей смерти 1—11 февраля 1599 года. Уроженецъ Холмской Руси, онъ происходилъ изъ стариннаго русскаго, но окатоличившагося и ополячившагося дворянскаго рода. Родовымъ гнѣздомъ русскихъ дворянъ Верещинскихъ было село Верещинъ въ нынѣшнемъ влодавскомъ уѣздѣ сѣдлецкой губерніи, извѣстное по Ипатской лѣтописи еще съ 1204 года, когда оно было отдано въ удѣлъ одному изъ галицкихъ князей Александру Всеволодовичу, двоюродному брату знаменитаго Даніила, короля Галицкаго, вмѣстѣ съ Угровскомъ, Столпьемъ и Комовомъ [2]). Галицко-волынскій лѣтописецъ считаетъ его поселеніемъ русскимъ и причисляетъ его къ Украйнѣ: „Данилу же возвратившуся къ домови и ѣха с братомъ и прия Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпье, Комовъ и всю Украйну“ [3]). Православныхъ дворянъ Верещинскихъ мы начинаемъ знать съ половины пятнадцатаго вѣка (1456), когда одинъ изъ нихъ Маско (Матвѣй) Верещинскій былъ холмскимъ земскимъ подсудкомъ. Въ 1481 г. Богданъ Верещинскій былъ свидѣтелемъ по дѣлу холмскаго православнаго епископа Герасима съ дворяниномъ Николаемъ Долотомъ. Этотъ же Богданъ и братъ его Дмитрій (по про-

---

[1]) Въ настоящей книгѣ помѣщаемъ только предисловіе къ проекту, а самый проектъ будетъ напечатанъ въ слѣд. книгѣ.—*Ред.*

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871, стр. 483.

[3]) Тамъ-же, стр. 489—490. Подъ 1213 годомъ.

звищу Волчокъ) Верещинскіе были основателями (фундаторами) *православной* церкви въ с. Верещинѣ [1]) и отъ нихъ произошли всѣ позднѣйшіе Верещинскіе. Въ 1510—1519 г. г. встрѣчается въ актахъ Іоаннъ Верещинскій. Наконецъ, съ 1522 года мы начинаемъ знать дѣда Юзефа Верещинскаго Федора (Хведора, по прозвищу Храпка) Верещинскаго, женатаго на Малгоржатѣ (Татьянѣ, Марусѣ—трехъименной) Сосновской и имѣвшаго отъ нея четырехъ дѣтей—трехъ сыновей: Андрея (Андрушка, по прозвищу Дзивиса), Станислава (Евстафія, Осташа), Николая (Дмитрія) и одну дочь: Марусю. Федоръ Верещинскій умеръ около 1540-го года.[2]).

Андрей Федоровичъ Верещинскій былъ отцемъ бискупа Юзефа Верещинскаго, и сынъ въ рѣчи, произнесенной надъ гробомъ отца, подробно разсказываетъ исторію совращенія его изъ православія въ католичество и всѣ обстоятельства его жизни. Этотъ разсказъ такъ характеренъ и интересенъ, что мы не можемъ не привести его цѣликомъ.

„Покойный отецъ мой происходилъ изъ дворянскаго дома герба Корчакъ, который домъ—самый старинный въ землѣ холмской. Отцомъ его былъ Федоръ Верещинскій изъ Верещина, а матерью Малгоржата Сосновская изъ Сосновицъ, герба Наленчъ. Обое родители его были греческой вѣры. Отецъ его, будучи человѣкомъ добрымъ и простымъ, остался при томъ, что оставили ему родители и что Господь Богъ ему далъ за его старанія и заботливость. Имѣя значительныя способности, онъ не хотѣлъ тянуться къ урядамъ. Въ поддержаніи своего домашняго хозяйства онъ имѣлъ дѣльнаго и заботливаго товарища въ лицѣ своей жены и матери моего усопшаго теперь родителя. Мать родителя моего имѣла двухъ родныхъ братьевъ: одинъ изъ нихъ, по имени Иванъ, былъ владыкой холмскимъ, т. е.

---

[1]) Съ 1875 г. возстановлена православная церковь въ с. Верещинѣ и принадлежитъ къ Влодавскому благочинію. См. Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1880, № 7.

[2]) Свѣдѣнія о Верещинскихъ почерпнуты изъ XIX тома Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Археографическою Коммиссіею, вышедшаго въ 1892 г. подъ редакціею В. М. Площанскаго.

епископомъ греческой вѣры, а другой, по имени Григорій, противъ воли родителей отрекся отъ греческой вѣры и присталъ къ вѣрѣ костела вселенскаго христіанскаго, т. е. костела римскаго; ему дали имя Георгій (Гурко). Хотя онъ былъ уже взрослымъ, но сталъ учиться начаткамъ вѣры и чтенію, а потомъ достигъ въ этомъ такого совершенства, что сдѣлался капелланомъ [1]). Кзендзъ Бучацкій, бискупъ холмскій, видя въ немъ дарованія, присущія настоящему капеллану, далъ ему канонію [2]) холмскую и при томъ оффиціальную прелатуру [3]). Кромѣ того, паны Гнѣвоши добровольно предоставили ему плебанію Олексовскую въ Радомскомъ повѣтѣ надъ р. Вислою [4]). Тогда вышеназванный оффиціалъ, узнавъ, что сестра его, выданная замужъ за Федора Верещинскаго, беременна, сталъ сильно раздумывать о томъ, какъ-бы съ помощью Божіею и при его стараніи окрестить этого первенца, при первомъ появленіи его на свѣтъ, въ вѣру древняго вселенскаго костела. Владыка холмскій, узнавши объ этомъ, очень чесалъ голову, какъ-бы воспрепятствовать намѣренію брата своего, ксендза. Къ тому-же онъ самъ думалъ о томъ, какъ-бы окрестить новорожденное дитя въ вѣру греческую. Но слово Божіе гремитъ въ ушахъ нашихъ; волѣ Божіей и провидѣнію Его святому трудно противиться. Какъ скоро ксендзъ-оффиціалъ узналъ, что сестра его родила сына, то прежде чѣмъ Его Милость Владыка Холмскій выбрался изъ дому, кзендзъ-оффиціалъ пріѣхалъ уже вскачь подъ предлогомъ навѣщенія больной сестры и, выбравши удобное время, тайно похитилъ малютку изъ колыбели, въ сопровожденіи тѣхъ, кто ему помогалъ въ этомъ, тотчасъ окрестилъ его и далъ ему имя Андрей. Исполнивши эту спасительную обязанность, онъ поспѣшно выѣхалъ, уходя отъ гнѣва родителей ребенка, а еще болѣе отъ гнѣва Его Милости князя Владыки холмскаго, своего роднаго брата,

---

[1]) Капелланомъ въ католической церкви называется священникъ.

[2]) Канониками называются лица, засѣдающія въ совѣтѣ бискупа и служащія при каеедральномъ костелѣ.

[3]) Оффиціалъ является помощникомъ бискупа по судебнымъ дѣламъ. Прелатура—это титулъ, а не должность.

[4]) Олексовъ находится въ нынѣшнемъ козеницкомъ уѣздѣ въ 23 верстахъ отъ г. Козеницъ. Плебаніей называется приходъ.

который выѣхалъ уже изъ дому съ тѣмъ, чтобы окрестить ребенка въ греческую вѣру. Князь Владыка, когда пріѣхалъ и узналъ о совершеніи крещенія надъ ребенкомъ, то поднялъ страшный крикъ въ домѣ. Родители младенца также были очень сердиты на этотъ поступокъ ксендза-оффиціала, но такъ какъ они увидѣли, что того, что сдѣлалось, нельзя уже раздѣлать, то, наконецъ, успокоились. Только дитя это не пользовалось расположеніемъ родителей, а князь Владыка холмскій наотрѣзъ не захотѣлъ ничего о немъ знать. Впослѣдствіи и родителей онъ убѣдилъ, чтобы они ничего не ожидали отъ сынка, а отца такъ настроилъ, что онъ терпѣть не могъ ребенка, постоянно жалуясь на оффиціала, что тотъ сдѣлалъ сына *бисовымъ ляхомъ*. Однако милая мать напослѣдокъ уже объ этомъ нисколько не сокрушалась, а все предоставила волѣ Божіей, полагая, что все это могло случиться только по волѣ милостиваго Господа Бога и по святому Его провидѣнію. Поэтому она постоянно заботилась, какъ-бы выполнить свои материнскія обязанности и няньчила, колыхала и кормила свое дитя. А когда ему исполнилось 8 лѣтъ, то она нашла *дьяка*, который училъ его русской грамотѣ, а потомъ Владыка холмскій, по желанію своей сестры, взялъ его къ себѣ и онъ учился у него грамотѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Ксендзъ-оффиціалъ очень боялся, чтобы князь Владыка какъ-нибудь не соблазнилъ его въ греческую вѣру. Онъ началъ разсуждать, что и крещеніе мало поможетъ, если дитя будетъ колебаться въ вѣрѣ, потому-что и во взрослыхъ людяхъ крещеніе безъ вѣры и вѣра безъ крещенія не имѣютъ никакого значенія и силы сами по себѣ. Поэтому онъ остановился мыслью на томъ, чтобы отбить дитя отъ князя Владыки и исполнилъ это: однажды онъ пріѣхалъ къ князю Владыкѣ, вызвалъ къ себѣ Андрея въ укромное мѣсто и такъ его уласкалъ пріятными разговорами, что на другой день утромъ ребенокъ пѣшкомъ убѣжалъ съ разсыльнымъ изъ Холма въ Красноставъ. Съ этого времени онъ сдѣлался ненавистнымъ не только отцу, но и князю Владыкѣ, и ни отецъ, ни князь Владыка не пускали его болѣе на свои глаза. Напротивъ, ксендзъ-оффиціалъ, считая себя виновнымъ въ нерасположеніи къ Андрею его родителей и иныхъ

пріятелей (онъ лишился не только любви ихъ, но и заботы о себѣ), изо всѣхъ силъ старался дать ему хорошее образованіе, которое въ свое время послужило-бы ему обильной наградой за всѣ страданія, испытанныя отъ непріязни родителей. Поэтому, чтобы достичь цѣли, онъ далъ ему въ Красноставѣ преподавателя по своему выбору. Объ одномъ только безпокоился ксендзъ-оффиціалъ,—что Андрей былъ тупаго ума. Но онъ, видя заботливость своего дяди, вознаграждалъ невоспріимчивость тупаго ума прилежаніемъ, а природную неспособность настойчивостью. Такимъ путемъ онъ достигъ того, что отполировалъ свой умъ и возбудилъ въ своемъ дядѣ особенную любовь къ себѣ. Ксендзъ-оффиціалъ, увидѣвши не малые успѣхи его въ наукахъ, желалъ, чтобы Андрей сдѣлался послѣ него капелланомъ. На этомъ онъ настаивалъ, чтобы, передавши ему всѣ свои доходы отъ прихода, самому получить возможность поступить монахомъ въ Сѣцѣховскій монастырь [1]). Поэтому, когда ему исполнилось 19 лѣтъ, онъ сильно его уговаривалъ принять первое посвященіе. Уступая желанію дяди и отдаваясь волѣ Божіей, онъ въ 1529 году сдѣлался аколитомъ [2]). Въ томъ-же году ксендзъ-оффиціалъ умеръ въ Олексовской плебаніи, которая расположена въ одной милѣ отъ Сѣцѣховскаго монастыря. Онъ усиленно просилъ моего усопшаго отца не хоронить его нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, а только въ Сѣцѣховскомъ монастырѣ. За смертью дяди досталась моему отцу Олексовская плебанія, которою онъ цѣлый годъ завѣдывалъ, будучи аколитомъ. Затѣмъ, уважая достоинство и честь капелланскаго сана и соображаясь съ своей природой, онъ, безъ всякаго посторонняго вліянія, самъ по себѣ, пожелалъ обратиться къ болѣе легкому дѣлу, которое онъ могъ-бы исполнять безъ угрызенія совѣсти. Порѣшивши это, онъ пересталъ извлекать доходы изъ плебаніи, а постарался жениться и взялъ себѣ въ жены дѣвушку 13 лѣтъ, дочь дворянина Николая Ярosскаго изъ Ярошина, герба Равичъ. Ярошинъ этотъ расположенъ въ радомскомъ повѣтѣ надъ

[1]) Сѣцѣховскій монастырь находился на лѣвомъ берегу р. Вислы противъ нынѣшней крѣпости Ивангорода. Теперь онъ упраздненъ.

[2]) Аколитомъ у католиковъ называется причетникъ или псаломщикъ.

самою р. Вислою около г. Казимира. Матерью невѣсты была Анна Корачовна изъ Гржимоцина, герба Ужъ, который имѣетъ на головѣ золотую корону, а въ губахъ держитъ за хвостикъ зеленое яблоко, поле-же герба—красное. Этотъ Гржимоцинъ лежитъ въ одной милѣ отъ г. Радома. Моя мать была племянницей ксендза Браницкаго, бискупа Познанскаго, и по его совѣту была отдана 8 лѣтъ отъ роду въ г. Люблинъ, въ кляшторъ Пр. Дѣвы Маріи. Онъ хотѣлъ, чтобы она провела свои молодые годы не въ иномъ мѣстѣ, а въ школѣ, которая воспитываетъ молодыхъ дѣвушекъ въ духѣ богобоязни, святой жизни и всякихъ иныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Послѣ Господа Бога онъ вручилъ ее опекѣ почтенной и богобоязненной монахини Малечинской, ея родной тетки. При ней она провела пять лѣтъ, а потомъ взята была родителями изъ кляштора по случаю смерти тетки ея—монахини. Потомъ она прожила дома 3 мѣсяца и выдана была замужъ за моего отца. Едва онъ женился, какъ въ томъ-же 1531-мъ году объявленъ былъ походъ къ Обертыну [1]). Не желая оставаться извѣстнымъ только своей челяди да сосѣдямъ, онъ думалъ о томъ, чтобы своими заслугами прославить домъ своего отца и себя самого. Поэтому изъ любви къ Рѣчи Посполитой и для пріобрѣтенія доброй славы онъ, не щадя своего достоянія и жизни, на свой счетъ, за приданое жены, снарядилъ тринадцать конниковъ. На войнѣ, по милости Господа Бога, ему повезло: онъ возвратился домой къ женѣ въ добромъ здоровьи, поправилъ свои средства и достигъ въ домѣ прекраснаго благосостоянія. Полагая, что для родителей онъ не будетъ уже презрѣннымъ ляхомъ, а, напротивъ, будетъ имъ въ помощь и въ добрую славу, онъ не могъ уже долѣе утерпѣть, чтобы ихъ не навѣстить. Собравшись съ женой, онъ отправился къ нимъ. Родители были очень обрадованы его пріѣздомъ, вмѣняя ему въ честь, что онъ безъ содѣйствія ихъ прекрасно и удобно устроилъ свой домашній бытъ и что

---

[1]) Обертынъ—мѣстечко въ нынѣшней Галиціи въ городенковскомъ уѣздѣ надъ рѣчкою Чернявою. Битва, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходила между поляками, предводимыми гетманомъ Яномъ Тарновскимъ, и Волохами подъ начальствомъ господаря Петра. 22 августа 1531 г. Волохи были разбиты на голову.

онъ такъ счастливо подвизался на войнѣ, какъ будто фортуна постоянно сопровождала *ляха*. Что ему особенно льстило, такъ это—то, что отецъ видѣлъ въ немъ человѣка, способнаго вывести его изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя онъ попалъ, благодаря спорамъ съ сосѣдями по имѣнію. Дѣйствительно, въ короткое время онъ по своей находчивости до всего добился и не только вывелъ отца изъ затрудненій, но напослѣдокъ и отстоялъ предковское имѣніе, которое было отдано родителями въ его завѣдываніе. Сосѣдей онъ присмирилъ, но потомъ они были расположены къ нему и обращались во многихъ случаяхъ.

Потомъ по желанію Щенснаго Снопковскаго, судьи, и Петра Горжковскаго, подсудка въ Холмѣ, близкихъ свойственниковъ ему по женѣ, онъ сдѣлался холмскимъ земскимъ коморникомъ [1]) и оставался въ этой должности нѣсколько лѣтъ чтобы разсмотрѣть и изучить судопроизводство, дабы, въ случаѣ избранія на болѣе высокую должность, не учиться праву на чужомъ имуществѣ. Когда затѣмъ вскорѣ вышеупомянутый судья умеръ, то на открытомъ воеводою русскимъ сеймикѣ въ Холмѣ онъ, по общему единодушному согласію, былъ выбранъ на должность подсудка всѣмъ собраніемъ Холмской шляхты. Славный король Сигизмундъ-Августъ не противился этому избранію, а, напротивъ, подтвердилъ его. Всѣ хорошо помнятъ, какъ мой отецъ исполнялъ обязанности подсудка, призванный на этотъ постъ. Ей Богу, заботливо, честно и безупречно рѣшалъ онъ дѣла шляхты въ землѣ Холмской! Я умалчиваю объ иныхъ дарахъ, какими милосердный Господь наградилъ его, каковы: искренность, вѣжливость, благочестіе и т. д. (съ этого мѣста сыну не пристойно перечислять ихъ). Особенностью его было то, что онъ никогда не позволялъ ни себѣ, ни другимъ въ его присутствіи сдѣлать что-нибудь злое, и я могу смѣло сказать, что, кромѣ битвы Обертынской, ему никогда не случалось обнажать противъ кого-либо свою саблю. Онъ не имѣлъ на своемъ тѣлѣ ни одной раны или царапины, кромѣ малень-

---

[1]) Коморникъ было должностное лицо, соотвѣтствующее по своимъ обязанностямъ нынѣшнему судебному приставу.

каго шрама на лбу, который остался у него отъ обертынскаго похода 1531-го года. Когда они расположились лагеремъ у Обертына, то Петрило, волосскій воевода, имѣя свѣдѣнія, что отряды Его Величества Короля равняются его войску, стремился какъ можно скорѣе напасть и послалъ впередъ нѣсколько тысячъ войска на рекогносцировку. Наши, предъувѣдомленные объ этомъ движеніи, на голову разбили передовой отрядъ у Гожджя. Въ этой-то битвѣ досталась и отцу моему рана копьемъ; одинъ Волошинъ угодилъ ему копьемъ въ голову такъ, что и шлемъ съ головы сорвалъ и оставилъ его простоволосымъ; но этого Волошина убилъ копьемъ Андрей Гнѣвошъ изъ Радомской земли, герба Равичъ, большой пріятель моего отца и тёзка.

Наконецъ, отецъ мой почти въ теченіе года находился подъ опаснымъ искушеніемъ этого свѣта, подъ искушеніемъ ереси: онъ колебался въ вѣрѣ. Какъ только онъ убѣдился въ этомъ, то прибѣгъ подъ защиту Господа Бога. Господь Богъ, не желая его погубить вмѣстѣ съ соблазнителями на этомъ свѣтѣ, спасъ его; онъ быстро вырвалъ его изъ этого Вавилона, какъ св. Петра и св. Павла, когда они тонули въ морѣ. Бросивши скоро заблужденія, которымъ онъ научился отъ сводницы, распутницы, волшебницы, синагоги сатанинской, еретицкой, онъ возвратился въ лоно истинной матери, святой церкви вселенской, христіанской, и въ той церкви оставался до самой своей смерти, твердо и стойко держась исповѣданія святой христіанской вѣры" [1]).

Разсказывая такъ подробно біографію своего усопшаго отца, Юзефъ Верещинскій не упомянулъ о томъ процессѣ, кото-

---

[1]) Надгробная рѣчь, изъ которой переведена біографія Андрея Верещинскаго напечатана была въ Краковѣ въ типографіи Андрея Петроковчика въ 1585 году подъ какимъ заглавіемъ: Wizerunk na ksztalt kazania uczyniony Oewzgàrdzie Smierci y Swiàta tego nędznego: tudzież też o chwale onego wzdżęcznego a wiecznego Krolewstwa Niebieskiego. Wydany przez Księdzá Jozepha Wereszczyńskiego z Wereszczynà, z przeyzrzenia Bożego Opata Sieciechowkiego. I Ioan. 2. Synaczkowie moi nie miluycie tegoswiata àni tych rzeczy ktore są na swiecie. Это сочиненіе Верещинскаго не было переиздано. За доставленіе намъ копіи съ экземпляра, хранящагося въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, приносимъ благодарность доктору Кентржинскому. Біографія Андрея Верещинскаго изложена въ самомъ концѣ сочиненія

рый велъ его отецъ съ своими братьями о наслѣдствѣ. Между тѣмъ процессъ этотъ представляетъ значительный интересъ и ярко рисуетъ картину тѣхъ враждебныхъ отношеній, которыя возникали даже между ближайшими родственниками на почвѣ религіозной розни. Относящійся къ тому процессу актъ напечатанъ въ XIX-мъ томѣ Актовъ Виленской Археографической Комиссіи, изданномъ г. Площанскимъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Предки Верещинскихъ, братья Дмитрій-Волчокъ и Богданъ Верещинскіе, основали въ с. Верещинѣ *православную* церковь (sinagogam ruthenicam) и отдали въ пользованіе ея и состоящихъ при ней священниковъ часть полей, нивъ, садовъ, луговъ лѣсовъ и боровъ въ наслѣдственномъ имѣніи Верещинѣ. Около 1541 года одинъ изъ братьевъ Андрея Верещинскаго Станиславъ (Евстафій, Остапъ) Верещинскій завладѣлъ церковными землями и сталъ получать съ нихъ доходы. Мѣстный священникъ, боясь угрозъ самовольнаго пользователя, не посмѣлъ возбуждать дѣла о захватѣ и молчалъ. Тогда Андрей Верещинскій въ 1541-мъ году подалъ жалобу въ Холмскій земскій судъ, въ которой доказывалъ, что разъ одинъ изъ его братьевъ отнялъ у церкви подаренную ей ихъ предками землю, то въ такомъ случаѣ и онъ по натуральному праву долженъ получить участокъ изъ нея; между тѣмъ отвѣтчики, братья его Станиславъ (Евстафій, Остапъ) и Николай (Дмитрій) и сестра Маруся Верещинскіе не хотятъ дѣлиться съ нимъ предоставленными русской церкви землями; поэтому онъ проситъ судъ или постановить дѣлежъ означенной земли и назначить къ тому дѣлителей, или присудить ему уплату по стоимости присвоенной наслѣдственной части въ 40 гривенъ и вознагражденіе за понесенные убытки въ той-же суммѣ. Отвѣтчики заявили, что они считаютъ это дѣло подсуднымъ старостѣ (capitaneo loci), а не земскому суду, такъ какъ по статуту только староста имѣетъ право рѣшать споры между братьями о поляхъ, садахъ, борахъ и пр. Кромѣ того, такъ какъ дѣло идетъ о церковной землѣ, то защищать ее отъ постороннихъ захватовъ могутъ только священники или сами отвѣтчики, какъ патроны церкви. Поэтому

Верещинскіе просятъ судъ освободить ихъ отъ иска. Андрей Верещинскій отвѣчалъ на это, что всѣ дѣла, подсудныя старостѣ, подсудны и земскому суду. Что касается вопроса о церковныхъ земляхъ, то отвѣтчики первые нарушили ихъ цѣлость и хотятъ пользоваться ими въ ущербъ церкви. Потому и ему, Андрею Верещинскому, какъ родному брату отвѣтчиковъ, слѣдуетъ получить часть изъ отнятыхъ у церкви земель, тѣмъ болѣе, что онъ желаетъ основать въ Верещинѣ и обезпечить своею частью спорной земли католическій костелъ (ecclesiam cristianam). Для рѣшенія этого спора назначенъ былъ новый срокъ, но актовъ, изъ которыхъ видно было-бы окончательное постановленіе по этому дѣлу, не было напечатано г. Площанскимъ [1]).

Андрей Федоровичъ Верещинскій умеръ около 1580-го года.

Обращаемся теперь къ біографіи самого Юзефа Верещинскаго.—Такъ какъ отецъ его женился въ 1531 г., то можно предполагать, что рожденіе Юзефа Верещинскаго относится къ 1532 или 1533 году. Учился онъ въ Красноставѣ, въ школѣ, существовавшей при каѳедральномъ костелѣ, главнымъ образомъ подъ руководствомъ баккалавра Михаила Радрузіана, бывшаго потомъ соборнымъ проповѣдникомъ, каноникомъ и оффиціаломъ въ Красноставѣ [2]). Въ молодыхъ еще годахъ онъ принялъ духовный санъ и затѣмъ—святость поведенія, познанія въ наукахъ и строгое исполненіе обязанностей открыли ему путь къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Подходя къ пятидесятилѣтнему возрасту, въ 1579 г., онъ былъ каноникомъ Холмской Капитулы въ Красноставѣ, а въ 1581 г. былъ избранъ братіей Сѣцѣховскаго Бенедиктинскаго кляштора въ аббаты на мѣсто отказавшагося отъ этой должности Каспара Козменьскаго, герба Ястребъ. Аббатомъ этого кляштора онъ оставался до самой своей смерти, и послѣ того, какъ въ 1589 г. онъ былъ назна-

---

[1]) См. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Комиссіею, т. XIX, 1892, стр. LXXVIII—LXXXIV предисловія и стр. 78—79 актовъ.

[2]) См. книгу Kazania Józefa Wereszczyńskiego biskupa Kijowskiego, wydane przez Ignacego Hołowińskiego arcybiskupa Mohilewskiego, metropolitę Rzymsko-Katolickich kościołów w Cesarstwie. Petersburg i Mohilew 1854. Стр. 7.

ченъ сначала нареченнымъ (номинатомъ), а потомъ (съ 1593 г.) и дѣйствительнымъ бискупомъ Кіевскимъ. Дѣятельность его въ Сѣцѣховскомъ кляшторѣ была очень оживленная. Историкъ этого кляштора ксендзъ Гацкій довольно подробно изображаетъ ее на основаніи бывшихъ у него подъ руками бумагъ Сѣцѣховскаго кляштора, хранящихся въ настоящее время въ архивѣ Губернскаго Правленія въ г. Радомѣ. Въ 1581 г. онъ назначилъ новаго настоятеля въ каплицу Пресв. Маріи въ г. Радомѣ, Внесковскаго. Въ 1583 г. онъ подтвердилъ данныя Гордскому прежнимъ аббатомъ права на войтовство въ Волѣ-Кляшторной. Въ этомъ-же году онъ заботился объ исправленіи межевыхъ знаковъ по границѣ монастырской земли съ с. Одеховымъ и объѣзжалъ монастырскія имѣнія: Кобыляны, Пухачовъ, Яниковъ и Гарбатку. Любопытно, что, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ не бросалъ и литературныхъ занятій, и написалъ предисловія къ приготовляемымъ для печати сочиненіямъ: 7 февраля въ Кобылянахъ къ соч. *Kazanie na dzień zaduszny*, 14 марта въ Пухачовѣ къ соч. *Instructia albo nauka o spowiedzi*, 10 апрѣля въ Яниковѣ къ соч. *Gosciniec pewny niepomiernym moczygębom a omierzłym wydmikuflom swiata tego* и 30 мая въ Гарбаткѣ къ соч. *Kazanie przy przyjmowaniu świętości małżeństwa*. Всѣ эти сочиненія были напечатаны въ Краковѣ въ типографіи Андрея Піотроковчика въ 1585-мъ году. Въ 1584-мъ году онъ отдалъ въ аренду монастырскую мельницу въ Кобылянахъ за единовременный взносъ и за ежегодную арендную плату. Въ 1585 г. призывалъ Андрея Карвицкаго, аббата вонхоцкаго, къ суду Краковской консисторіи за десятину съ Вавржишова и Ласковой Воли, неуплоченную за 1578—1580 гг. по 100 злотыхъ въ годъ. Въ 1586 г. онъ судился съ нѣкіимъ Богушемъ, старостою зволенскимъ, о земельныхъ границахъ. Въ томъ-же году онъ отдалъ въ аренду пухачовское имѣніе Мышковскимъ на два доживотья. Въ 1587 г. онъ подтвердилъ привиллегію на войтовство въ с. Бржезницѣ. Въ 1588 г. онъ устроилъ новое войтовство изъ десяти лановъ земли при с. Псарахъ и отдалъ его поэту Клёновичу съ позволеніемъ устроить въ его предѣлахъ фольваркъ Юзефовъ. Въ

1589 г. онъ выкупилъ изъ залога сс. Насиловъ и Шавловице послѣ 20-лѣтняго пользованія отъ Криштофа Гнѣвоша и отдалъ въ аренду Николаю Фирлею. Въ томъ-же году онъ отдалъ сс. Гарбатку и Рамбертовъ въ аренду Свижовскимъ, съ которыми потомъ завязался процессъ, длившійся до 1603 года. Въ томъ-же году онъ уступилъ часть доходовъ изъ аббатскихъ имуществъ для стола всей братіи. Въ 1590-мъ году онъ уступилъ Краковской Академіи права Сѣцѣховскаго монастыря на доходы съ коллегіаты св. Жиля [1]) и на Чыржицкія десятины. Въ 1592 г. онъ возобновилъ прежнія уступки въ пользу Краковской Академіи. Въ 1593 г. онъ рекомендовалъ кардиналу Радзивилу для замѣщенія пробощества въ с. Пухачовѣ монаха Яна Осуховскаго. Въ 1594 г. онъ снова велъ тяжбу съ Богушемъ о земельныхъ границахъ. Въ 1597 г. онъ пожаловалъ право избирать солтыса деревнѣ Кенпицамъ [2]). Изъ этого перечня дѣйствій Юзефа Верещинскаго по завѣдыванію монастырскимъ хозяйствомъ въ Сѣцѣховѣ видно, что онъ внимательно относился къ имущественнымъ дѣламъ монастыря, стремился разрѣшить въ пользу монастыря всѣ накопившіяся отъ времени тяжбы, старался поднять доходность монастырскихъ имѣній и не злоупотреблялъ правами аббата на доходы, а напротивъ дѣлился ими и съ братіей монастыря, и съ такими полезными, по его мнѣнію, учрежденіями, какъ Краковская Академія. Кромѣ того, имѣя въ виду возможность нападенія на монастырь непріятелей, онъ укрѣпилъ его въ видѣ замка и на снабженіе его оружіемъ назначилъ въ 1588 г. доходъ въ суммѣ 100 злотыхъ отъ войтовства Псары, отданнаго поэту Клёновичу [3]).

Какъ бискупъ Кіевскій, Верещинскій проявилъ также весьма живую дѣятельность. Попавши на пограничье, постоянно угрожаемое татарскими набѣгами, онъ, несмотря на свой пре-

---

[1]) Коллегіатой назывался родъ маленькаго монастыря изъ священниковъ, а не изъ монаховъ. Во главѣ ея стоялъ инфулатъ, соотвѣтствующій нашему протоіерею съ митрой.

[2]) См. книгу Benedyktyński klasztor w Sieciechowie według pism i podań miejscowych przez ks. Józefa Gackiego. Radom 1872. Стр. 68, 90, 92, 185—187, 235.

[3]) См. тамъ-же, стр. 20, 274—293.

клонный возрастъ (ему было въ 1589 г. 56 или 57 лѣтъ), втянулся въ военную жизнь. Въ письмѣ къ Яну Замойскому отъ 4 октября 1593 года онъ разсказываетъ интересныя подробности о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ:

„Ясновельможный! Отдавая Вамъ мои услуги и желая Вамъ всякаго добра, поручаю себя милости Вашей, моего милостивого пана и благодѣтеля. Что касается возобновленія той распри, которая завелась у Кіевлянъ съ козаками, то я счелъ за лучшее предоставить рѣшеніе этого дѣла Вашей милости. Вскорѣ послѣ соглашенія съ покойнымъ княземъ Вишневецкимъ, возникла у Кіевлянъ снова распря съ Запорожскими козаками, потому-что Кіевляне били и жестоко мучили двухъ козацкихъ пословъ, которыхъ козаки послали къ Кіевскому уряду, чтобы имъ дали Вознаго для опредѣленія насилія и кривды, которыя они яко-бы испытали отъ князя Вишневецкаго. Замковый урядъ, не дѣлая уваженія козацкимъ посламъ, распорядился схватить ихъ и затѣмъ одного изъ нихъ уморили на пыткѣ, а другаго отпустили едва живымъ, и, не ограничиваясь этимъ, разграбили ихъ собственное имущество, а также имущество другихъ козаковъ. Обиженные этимъ Запорожскіе козаки, подплыли со всей своей артиллеріей къ Кіеву, требуя наказанія тѣхъ, которые были причиной и поводомъ побоевъ и жестокой пытки пословъ и разграбленія имущества ихъ товарищей. Кіевская шляхта, которая собралась тогда на Кіевскіе рочки, видя угрожающую ей большую опасность, отправила меня съ княземъ Кирикомъ Ружинскимъ [1]) послами къ козакамъ, съ тѣмъ, чтобы мы воспрепятствовали ихъ намѣреніямъ. Мы выѣхали на полторы мили внизъ по Днѣпру и стали ожидать ихъ въ одномъ урочищѣ, называемомъ *Лыбедь*. Считая себя безопаснымм въ этомъ урочищѣ, мы едва не поплатились жизнью, потому что въ полночь козаки, замѣтивши насъ черезъ своихъ лазутчиковъ и принимая за кіевскую стражу, хотѣли на насъ внезапно ударить. Предупрежденный объ этомъ съ помощью Божіей, я вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Кирикъ Ружинскій—одинъ изъ выдающихся дѣятелей того времени. Подробности о немъ см. въ ст. И. П. Новицкаго „Князья Ружинскіе“, Кіевская Старина, 1882, т. II, стр. 68—73.

отражать ихъ силой, приказалъ музыкантамъ заиграть на свирѣляхъ (szalamaie) псаломъ Давидовъ „Воспою Господу въ жизни моей". Козаки узнали мой свирѣльный лозунгъ и Господь Богъ сохранилъ мою жизнь на честь и еще большее умноженіе хвалы Своей. Ихъ сабли и копья, пулгаки и сагайдаки, которые были приготовлены для пролитія нашей крови, воздержаны были отъ этого предпріятія, и такъ искусство смягчается искусствомъ, что мы съ княземъ Ружинскимъ при помощи Бога и свирѣльной мелодіи избѣжали вмѣстѣ съ нашими слугами страшной опасности. На другой день утромъ, когда Запорожскіе козаки подплыли къ намъ, то они поблагодарили Господа Бога, что не замочили по винѣ лазутчиковъ своего оружія въ нашей невинной крови. Послѣ исполненія церемоній мы стали уговаривать козаковъ, чтобы они не ѣхали въ Кіевъ такой толпой, а чтобы искали справедливости тамъ въ меньшемъ числѣ. Они не поддались на убѣжденія, чтобы не идти имъ всѣмъ въ Кіевъ, утверждая, что съ малымъ отрядомъ ихъ поступятъ точно также, какъ и съ послами. Всѣхъ ихъ было около 4-хъ тысячъ человѣкъ. Когда они стали подходить Днѣпромъ и берегомъ къ Кіеву, то кіевская шляхта, не желая пить пива, которое заварилъ замковый урядъ, разъѣхалась съ рочковъ по домамъ, а урядъ замковый заперся вмѣстѣ со всѣми мѣщанами въ замкѣ. Намъ стоило большаго труда и мы подвергались не малой опасности, пока мы помирили козаковъ съ замковымъ и мѣйскимъ урядомъ: козаки за свои труды и убытки, а также за пытку одного посла, за убійство другаго и за ограбленіе имущества ихъ товарищей согласились получить 1,200 злотыхъ польскихъ и заключили съ Кіевомъ вѣчный миръ безъ присяги, но съ обязанностью охранять славную столицу кіевскаго княжества, чтобы она не потерпѣла никакой обиды. Такимъ образомъ козаки выѣхали изъ Кіева безъ выстрѣла и безъ пролитія крови, обмѣнявшись съ Кіевомъ письменными договорами (я посылаю Вашей милости копію этого договора) и сдѣлавши жителямъ убытки только въ съѣстныхъ припасахъ, которыми они изобильно себя снабдили. Нужно сказать правду, что замковому уряду не слѣдовало такъ жестоко поступать съ послами, потому что права Божеское и че-

ловѣческое строго это воспрещаютъ. Своею жестокостью они (члены уряда) едва не довели до бѣды славной столицы кіевскаго княжества, а самихъ, себя едва не подвергли страшной опасности. Хорошо было-бы, если-бы Ваша милость вмѣстѣ съ цѣлымъ сенатомъ задали имъ добрую науку, чтобы они не предпринимали ничего подобнаго безъ разрѣшенія Его Величества Короля и безъ вѣдома своего бискупа или, по крайней мѣрѣ, воеводы кіевскаго. Иначе они когда нибудь подвергнутъ большой опасности славную столицу княжества кіевскаго. Было-бы хорошо и справедливо, чтобы замковый урядъ за свои глупые поступки возмѣстилъ кіевскимъ мѣщанамъ тѣ убытки, которые они потерпѣли отъ козаковъ. Можетъ быть, они будутъ отъ этого на будущее время болѣе мудрыми, ибо слѣдуетъ опасаться того, чтобы Кіевъ не опустѣлъ. Все это я поручаю Вашему милостивому усмотрѣнію и мнѣнію, а себя поручаю милостивому вниманію Вашему, мой панъ и благодѣтель. Писано въ Новомъ Верещинѣ 4 октября 1593 года.

P. S. Что касается другихъ новостей, то я увѣряю Васъ, милостивый государь мой, что мы можемъ снова ожидать Царя Перекопскаго съ иными царьками въ земли Его Величества нашего Короля; онъ захочетъ снова осуществить тотъ замыселъ, который онъ уже началъ приводить въ исполненіе. Въ этомъ году онъ былъ вынужденъ оставить свое намѣреніе по милости Всемогущаго Господа Бога и при усердномъ стараніи моемъ и тѣхъ рыцарей, которыхъ я имѣлъ болѣе трехъ тысячъ подъ своею хоругвею. Его увѣдомили, будто у меня было около 15,000 козаковъ и будто я могу дать ему отпоръ. Въ августѣ онъ прислалъ мнѣ черезъ плѣннаго словесный отвѣтъ и въ подарокъ книжку. Отвѣтъ былъ слѣдующій:

— За то, что ты, попъ, искалъ меня по полю и своими мнимыми козаками вынудилъ меня оставить мой замыселъ; что, благодаря твоему упрямству, я долженъ былъ подчиниться тебѣ и отойти съ того шляха, которымъ я вошелъ въ землю твоего государя и которымъ долженъ былъ возвратиться въ свое царство; за это, будь увѣренъ, ты скоро дождешься, что не будешь уже ѣздить за мной, ибо я найду тебя въ твоей церкви,

и въ знакъ этого посылаю тебѣ, какъ попу, книжку, которую я могъ раздобыть въ дорогѣ, написанную арабскимъ письмомъ; какъ она потоптана копытами моихъ коней, такъ твое тѣло поповское будетъ отдѣлено отъ костей ударами этихъ копытъ.— Подарокъ отъ Царя Перекопскаго я посылаю Вамъ, мой милостивый государь, желая только получить совѣтъ отъ Васъ, мой благодѣтель, и притомъ военную помощь. Иначе я до поры до времени долженъ буду, какъ Давидъ, скрываться въ горахъ и лѣсахъ отъ этого безбожнаго Саула. Къ князю Московскому я посылалъ гонца и побуждалъ его своей *Инструкціей*, чтобы онъ объявилъ войну Туркамъ, а между тѣмъ, чтобы сбилъ рога невѣрному Царю Перекопскому, которыми онъ сильно бодаетъ вѣрныхъ, но до сихъ поръ я не получилъ извѣстія о томъ, что онъ думаетъ, хотя я хорошо знаю, что онъ можетъ думать, и что онъ одобряетъ сочиненія, писанныя съ благословенія Господня, но только дума его еще не опредѣлилась и онъ не отправилъ обратно моего гонца. Я посылаю Вашей милости точную копію той *Инструкціи о поднятіи войны съ Турками*, которую я послалъ Московскому князю; изъ нея Вы убѣдитесь, что я писалъ ее не по замыслу человѣческому, а по вдохновенію Господню; я посылаю ее на цензуру Вашу и для полученія Вашего заключенія о ней. Я писалъ еще особо къ святѣйшему отцу (къ папѣ), чтобы онъ своимъ пастырскимъ жезломъ раздавилъ главу этому змѣю (мусульманству), но что же дѣлать, если по-старому Петръ спитъ, а Іуда бодрствуетъ. Писалъ я также и къ его величеству христіанскому императору, дабы онъ, согласившись съ его величествомъ нашимъ королемъ и съ великимъ княземъ Московскимъ, соединенными съ ними силами поднялъ войну съ Турецкимъ султаномъ (я издалъ по этому вопросу и книжечки въ стихахъ), но что-же дѣлать, если онъ ищетъ болѣе того, что относится къ нему, нежели того, что относится къ Господу Іисусу Христу. Духъ Господень принудилъ меня къ тому и показалъ мнѣ такую дорогу, что я, наконецъ, написалъ частное письмо къ великому князю Московскому съ иного рода иструкціей о поднятіи войны противъ Турокъ и для лучшаго свѣдѣнія посылаю ее Вамъ, мой мило-

стивый государь; если и онъ не будетъ выполнять воли Господней, которую Господь Богъ объявляетъ ему черезъ меня, свою ослицу, то мнѣ тогда ничего не остается, какъ отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ, оставить этотъ свѣтъ и временныя его богатства, и сдѣлаться пустынникомъ.

Сообщаю за вѣрное Вамъ, милостивый мой панъ, что остатокъ козаковъ, которыхъ оставалось въ куреняхъ около 600, выбирается изъ Запорожья отъ нужды и великаго голода, ибо ихъ татары дочиста ограбили; и гетманъ козацкій долженъ былъ возвратиться назадъ по случаю великой опасности и нужды, которыя испытываютъ козаки отъ огромнаго народа татарскаго. Утверждаютъ, будто 80.000 Татаръ переправится къ намъ черезъ Днѣпръ; поэтому не мѣшало-бы прислать мнѣ хотя одинъ листъ на взиманіе подводъ, чтобы я могъ сообщать Вамъ, моему милостивому пану, новыя извѣстія. Сообщаю также Вамъ, что панъ Краковскій черезъ князя Булыгу, подстаросту Бѣлоцерковскаго, отъ имени его величества императора христіанскаго обѣщаетъ козакамъ дать по 20 злотыхъ польскихъ и по сукну ежегодно на коня подъ условіемъ, чтобы они содержали собственныхъ 24 полевыхъ пушки. Я не знаю, дѣлается-ли это съ вѣдома Вашей милости; сохраняйте это въ тайнѣ для свѣдѣнія Вашего и сообщите мнѣ немедленно о Вашемъ мнѣніи, чтобы я зналъ, что мнѣ дѣлать.

Сообщаю также Вашей милости, что въ августѣ Татары подъ самою Бѣлою Церковью на жнивахъ захватили въ плѣнъ болѣе 600—тъ бѣлоцерковцевъ и отправили ихъ къ Бѣлгороду; они набрались такой дерзости, что хуже на свѣтѣ быть не можетъ; какъ только имъ захочется, такъ и начинаютъ захватывать плѣнниковъ. Да сжалится Богъ нашъ, отецъ Господа нашего Іисуса Христа!

Прежде чѣмъ я дописалъ это письмо, прибѣжалъ ко мнѣ одинъ козакъ изъ Запорожья, который былъ на сѣнокосѣ въ то время, когда Татары напали на него. Онъ вмѣстѣ съ другими едва успѣлъ убѣжать отъ нихъ на челнахъ въ Днѣпръ. Онъ утверждаетъ за вѣрное, что Татары пойдутъ двумя отрядами по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, а Турки прямо изъ Вала-

хіи на Львовъ. Поэтому я прошу Вашу милость заботиться о ввѣренныхъ Вамъ овцахъ. Я рѣшилъ ожидать Царя Перекопскаго съ двумя тысячами стрѣлковъ и съ десятью гаковницами въ Черногородскомъ Городищѣ, которое я теперь укрѣпляю жилыми постройками и частоколомъ. Пусть будетъ воля Божія съ нами, а я не буду убѣгать отъ него и на случай осады прошу отъ Васъ помощи. А если-бы не случилось столкновенія подъ упомянутымъ Городищемъ, то имѣйте въ виду, что я нахожусь въ тылу непріятеля. Затѣмъ вторично поручаю себя милостивой ласкѣ Вашей, мой милостивый панъ и благодѣтель, и прошу меня не оставлять. Ясновельможнаго и милостиваго пана усердный богомолецъ и покорный капелланъ Вашей милости Юзефъ Верещинскій, волею Божіею бискупъ Кіевскій, аббатъ сѣцѣховскій, своею рукою [1])".

Въ другомъ письмѣ, напечатанномъ В. А. Мацѣевскимъ въ приложеніяхъ къ III тому сочиненія *Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830* (Warsz. 1852) безъ обозначенія даты и лица, къ которому оно было писано, Верещинскій по поводу предполагаемаго похода въ Крымъ высказываетъ еще болѣе близкое знакомство съ военнымъ дѣломъ:

„Что касается до переговоровъ твоихъ съ господиномъ коронномъ гетманомъ, о которыхъ я упоминалъ въ письмѣ, то важнѣйшій пунктъ въ нихъ слѣдующій: если все духовенство по милости своей и по обязанности христіанской вмѣсто донативы отправитъ войско съ племянничками своими на завоеваніе и покореніе татарскихъ ордъ, то необходимо, чтобы господинъ гетманъ увѣдомилъ духовенство, что въ добавокъ къ козацкому войску, котораго есть нѣсколько десятковъ тысячъ, не слѣдуетъ отправлять болѣе 13 сотенъ пѣхоты и 13 сотенъ конницы. Конница не должна садиться на дорогихъ лошадей, а на среднихъ, и притомъ исключительно на мериновъ; конница и пѣхота должны стянуться прежде всего къ Новому Верещину и къ Бѣлой Церкви или къ Василькову; тутъ онѣ должны дать

---

[1]) См. книгу Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584—1620. Wydał T. x-że L. dla Miłośników języka i Dziejów. W Krakowie 1868. Стр. 28—33, письмо № 18.

себѣ отдыхъ и купить всякаго рода съѣстные припасы и челны. На этихъ челнахъ провизія и пѣхота поплывутъ на Запорожье по Днѣпру, а конница въ соединеніи съ козаками поѣдетъ степью, захвативъ съ собою часть провизіи на возахъ и во вьюкахъ,—до условленнаго мѣста; въ нѣсколькихъ пунктахъ по Днѣпру она будетъ соединяться съ челнами, чтобы пополнять съ нихъ запасъ провизіи. Для покупки съѣстныхъ припасовъ и челновъ необходимо вскачь прислать казначеевъ съ деньгами, чтобы за эти деньги купить сухарей, муки въ бочкахъ, крупъ, яловокъ и воловъ (мясо изъ нихъ должно быть повялено), уксуса и водки (для предохраненія отъ разстройства желудковъ, такъ какъ Днѣпровская вода для свѣжихъ людей нездорова). Сыромъ, масломъ и вядчиной необходимо снабдить себя изъ дому или съ дороги, потому-что въ новомъ краю отъ огромныхъ козацкихъ войскъ очень на этотъ счетъ скупо. Пріѣхавши на Запорожье и оставивъ тамъ всякую провизію, сколько ея окажется, необходимо захватить съ собою во вьюкахъ только самое нужное и идти конницѣ и пѣхотѣ прямо на Перекопъ, оставивъ въ сторонѣ Бѣлгородъ и Тягинь, потому-что когда съ Божіею помощью схватишь кого за голову, то и нога за головою поскачетъ. Такъ походъ и дальше пойдетъ. Да благословитъ насъ Господь съ Сіона, сотворившій небо и землю [1])".

Изъ приведенныхъ двухъ писемъ Верещинскаго видно, насколько онъ увлекался отраженіемъ татарскихъ набѣговъ и мыслью о военной экспедиціи въ Крымъ и насколько дѣятельное участіе онъ лично принималъ въ организаціи польскихъ военныхъ силъ для этой цѣли. Но его дѣятельность на посту Кіевскаго бискупа не ограничивалась этимъ. Пріѣхавши въ Кіевъ, какъ человѣкъ, привыкшій въ Сѣцѣховѣ къ веденію монастырскаго хозяйства, къ управленію поземельными имуществами монастыря, къ охранѣ межевыхъ границъ монастырскихъ имѣній отъ произвольныхъ захватовъ, онъ и на новомъ мѣстѣ службы приступилъ немедленно къ выясненію историческихъ правъ Кіевскихъ бискуповъ на нѣкоторыя земли въ окрестностяхъ

---

[1]) См. книгу В. А. Мацѣевскаго, т. III, 1852, стр. 213—215 приложеній.

Кіева. Оказалось возможнымъ доказывать принадлежность Кіевскимъ бискупамъ окрестностей нынѣшняго Фастова на правой сторонѣ Днѣпра (васильковскій у.) и Моровска на лѣвой сторонѣ (остерскій у.). Желая, чтобы бискупскія земли начали давать доходъ, онъ принялся за ихъ колонизацію и съ этой поры имя его связывается съ заселеніемъ Фастова и его окрестностей. Тамъ, гдѣ была почти безлюдная пустыня, онъ основалъ обширныя села, собирая въ нихъ цѣлыя толпы жителей обѣщаніемъ разныхъ вольностей. Такъ какъ мѣстности этой постоянно угрожали татарскіе набѣги, то на мѣстѣ нынѣшняго Фастова онъ построилъ крѣпкій замокъ, обнесенный рвами и валами. Въ воспоминаніе о своей родинѣ Верещинѣ-Влодавскомъ онъ назвалъ вновь устроенный замокъ—Новымъ-Верещиномъ. Невдалекѣ отъ Фастова на мѣстѣ старыхъ дотатарскихъ городищъ были осажены сс. Плисовъ (нын. Плисецкое) и Черногородка. Въ Новомъ Верещинѣ онъ выстроилъ домъ для себя и костелъ.

Но недолго колоніи Верещинскаго пользовались миромъ и благополучіемъ. Онѣ скоро нажили себѣ грознаго врага въ лицѣ князя Кирика Евстафьевича Ружинскаго. Получивши отъ короля Стефана Баторія „урочище Котельню“ въ награду за военныя заслуги, онъ началъ прибѣгать къ обычному въ то время способу „округленія границъ“—къ наѣздамъ и захвату сосѣднихъ земель; „большая часть упоминающихъ о немъ документовъ“, говоритъ біографъ князя Ружинскаго И. П. Новицкій, „заключается въ жалобахъ на него сосѣдей, которые, въ свою очередь, прибѣгали къ самозащитѣ, а иногда самоуправству, представляя тѣмъ поводъ къ жалобамъ со стороны Ружинскаго [1])“. Такого рода наѣздъ князь Кирикъ Ружинскій произвелъ въ 1596 г. и на колоніи Верещинскаго, при чемъ въ Новомъ-Верещинѣ онъ ограбилъ костелъ и бискупскій домъ [2]), а с. Плисовъ сжегъ до тла. По жалобѣ Верещинскаго король Сигизмундъ III поручилъ коморнику Яну Черничкому произ-

[1]) См. Кіевская Старина, 1882, Т. II, стр. 68.

[2]) По свидѣтельству Клёновича, при этомъ погибли и многія написанныя Верещинскимъ сочиненія: „inszych ksiąg, wiem to dobrze, było napisanych, które *lupem* zostały na Ukrainie w biskupstwie“. Изд. Туровскаго стр. 181.

вести дознаніе „о шкодахъ, яко много и отъ кого починено... такъ же о спаленьи новыхъ осадъ, якимъ способомъ, умысломъ, и для чего палено"; а князю Кирику Ружинскому приказалъ, чтобы онъ вознаградилъ Верещинскаго, его слугъ и костельныхъ подданныхъ за причиненные имъ убытки, и чтобы возвратилъ обратно заграбленное у нихъ имущество. Между тѣмъ Верещинскій продолжалъ заботиться о колонизаціи бискупскихъ земель. 1 января 1598 г. онъ выдалъ нѣкоему Николаю Шадурскому актъ слѣдующаго содержанія:

„Во имя Господне аминь. Нѣкоторыя земли кіевскаго бискупства вслѣдствіе частыхъ набѣговъ и силы непріятелей святаго креста, развратныхъ язычниковъ Татаръ, запустѣли, а подданные его по жадности и завистливости ближайшихъ безчестныхъ сосѣдей, здѣшнихъ обывателей, схизматиковъ и еретиковъ, отняты у бискупства и присвоены ими; наконецъ, попадаются и такіе люди въ этомъ воеводствѣ, которые, не имѣя возможности отнять и присвоить себѣ самоправно, насиліемъ, какой-либо изъ вышеупомянутыхъ костельныхъ земель, подбираются къ ней обманомъ, опираясь на выдуманные и фальшивые письменные документы. Эти земли моимъ стараніемъ и моими заботами были защищены отъ всѣхъ непріятелей и вновь возвращены бискупству, и могли оставаться въ первобытномъ состояніи, но, поступивъ подъ мою власть, по милости и пожалованію Его Величества Короля и Рѣчи Посполитой, и съ утвержденія найвысшаго святаго отца папы римскаго,—онѣ съ помощью Божіею начали сильно заселяться; чтобы онѣ гуще и быстрѣе заселялись, мы порѣшили отдать пустыя урочища на заселеніе людямъ достойнымъ и полезнымъ для бискупства. Поэтому мы, Юзефъ Верещинскій, милостью Божіей бискупъ Кіевскій, аббатъ Сѣцѣховскій, со всей капитулой нашего бискупства кіевскаго, обративъ вниманіе на землю и урочище подъ названіемъ *Дорогинка*, гдѣ есть уже порядочное поселеніе, назначили въ это урочище *осадчимъ* для быстрѣйшаго заселенія пана Николая Шадурскаго, человѣка достойнаго. Узнавъ его вѣрность и храбрость и помня давнія и старательныя его службы, мы назначили его на вышеупомянутой землѣ войтомъ. Вотъ эту-то землю надъ рѣчкою

Дорогинкою по обоимъ берегамъ ея, издавна принадлежащую кіевскому бискупству, мы даемъ, даримъ и записываемъ вышеупомянутому пану Николаю Шадурскому, женѣ его и потомкамъ его со всѣми доходами и принадлежностями, съ полями, нивами, борами, лѣсами, дубровами, луками, сѣножатями, съ ловами рыбными и звѣриными, гонами бобровыми, съ деревьями бортными, съ ставами и другими доходными статьями, какія только можно было-бы придумать и какія издавна причислялись къ этому имѣнію. Мы обозначили и утвердили точныя границы этому имѣнію, которыя суть слѣдующія: начиная отъ Дидьковской гребли на р. Ирпени, дорогою изъ Дидьковки въ Черногородку до вала, отдѣляющаго Черногородку отъ Новаго Верещина, а потомъ валомъ опять до р. Ирпени. Чтобы панъ Николай Шадурскій охотнѣе и усерднѣе брался за заселеніе этой земли, мы записали въ пользу этого войтовства сумму въ 200 копъ грошей литовскихъ, считая въ каждой копѣ по 60 грошей. Землю эту мы сейчасъ же отдаемъ въ пользованіе и спокойное обладаніе нашему войту и осадчему Николаю Шадурскому и его потомкамъ. За это пожалованіе онъ и его потомки обязаны будутъ выставлять по требованію нашему и нашихъ преемниковъ трехъ вполнѣ вооруженныхъ конныхъ воиновъ подъ страхомъ лишенія пожалованія и записанной суммы. Чтобы это было свято и ненарушимо, мы собственноручно подписали настоящій актъ и приказали привѣсить печати". Свидѣтелями при совершеніи этого акта были жители кіевскаго воеводства: Семенъ Бутовичъ, войскій кіевскій, Бартошъ Верещинскій, староста Ново-Верещинскій, Николай Халецкій, Щенсный Шлашинскій, Янъ Сулковскій и многіе другіе. Кромѣ Юзефа Верещинскаго актъ подписали Іоаннъ Лисгровскій и Криштофъ Язовскій кіевскіе каноники [1]).

Въ 1597—1598 гг. въ Новомъ Верещинѣ существовала заведенная Юзефомъ Верещинскимъ типографія и въ ней были напечатаны два послѣднія сочиненія Верещинскаго: 1) Votum ks. Józ. Wereszczyńskiego etc. z strony podniesienia wojny potęż-

---

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, часть шестая, т. I, Кіевъ 1876, стр. 258—263.

nej przeciwko cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. 1597. и 2) Pobudka z strony podniesienia wojny potężnej przeciw cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. 1598.

Но вся дѣятельность Верещинскаго, какъ Сѣцѣховскаго аббата и какъ Кіевскаго бискупа осталась бы мало извѣстною и во всякомъ случаѣ обратила бы на себя менѣе вниманія, если бы онъ не владѣлъ въ тоже время перомъ и не оставилъ потомству цѣлаго ряда печатныхъ трудовъ, увѣковѣчившихъ его имя и записавшихъ его въ ряды хотя и второстепенныхъ, но все таки замѣтныхъ польскихъ писателей.

Литературная дѣятельность Верещинскаго распадается на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга половины. Когда онъ былъ только духовнымъ лицомъ и занималъ духовныя должности въ Красноставѣ и Сѣцѣховѣ, то и литературная его дѣятельность направилась въ такую область, которая наиболѣе свойственна духовному лицу,—въ область проповѣди. Онъ много трудился надъ проповѣдями и за долгое время своего священническаго служенія написалъ цѣлый рядъ ихъ. Когда онъ сдѣлался аббатомъ Сѣцѣховскаго монастыря, то онъ порѣшилъ издать найболѣе удачные опыты въ этомъ направленіи и вотъ онъ отдѣлываетъ и печатаетъ въ 1585-мъ году сразу пять проповѣдей въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ:

1) Wizerunek naksztalt Kazania uczyniony o wzgardzie śmierci i świata tego nędznego, a o chwale onego wdzięcznego a wiecznego Królewstwa Niebieskiego. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

2) Kazanie na dzień zaduszny. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

3) Instrukcja albo nauka o spowiedzi. Kraków Andr. Piotrk. 1585.

4) Gościniec pewny niepomiernym moczygębom a omierzłym wydmikuflom świata tego do prawdziwego obaczenia a zbytków swych pohamowania. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

5) Kazanie przy przyjmowaniu świętości małżeństwa. Krak. Andr. Piotrk. 1585.

Въ 1587 году онъ обрабатываетъ цѣлый рядъ проповѣдей подъ общимъ заглавіемъ: 6) Kazania albo ćwiczenia Chrześcijańskie na ośmnaście niedziel z wykładem tak na Ewangelie,

jako też na dwanaście członków wiary chrześcijańskiej. Krak. Andr. Piotrk. 1587, и въ томъ-же году издаетъ сочиненіе также проповѣдническаго или дидактическаго характера: 7) Reguła t. j. nauka albo postępek dobrego życia króla każdego chrześciańskiego. Krak. Andr. Piotrk. 1587.

Кромѣ того онъ написалъ много проповѣдей, не появившихся въ печати, а именно:

1) Passya albo kazanie na wielki piątek z osobliwemi naukami.

2) Postylle to-jest kazania na epistoły na każdą niedzielę i na każde święto.

3) Katechizm trydentski na kazania polskie przeistoczony.

4) Kazań piętnaście o ofierze mszy św.

5) Jądro nauki o ofierze mszy przenajświętszej.

6) Passya t. j. historya męki i śmierci Pana naszego.

Къ области духовной литературы относится и сдѣланный Верещинскимъ переводъ на польскій языкъ апокрифическаго Евангелія св. Никодима [1]).

Когда въ 1589-мъ году Верещинскій переѣхалъ въ Кіевъ, литературная дѣятельность его приняла другое направленіе. Его поразили тѣ бѣдствія, которыя испытывала тогдашняя Украина отъ татарскихъ набѣговъ и вотъ онъ началъ писать проекты о колонизаціи Украины поляками, объ укрѣпленіи Кіева, о соединенной войнѣ христіанскихъ государствъ противъ татаръ и турокъ. Сочиненія его по этимъ вопросамъ слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

1590 года. 1) Droga pewna do prędkiego i snadniejszego osadzenia w ruskich krainach pustyń rycerstwem królewstwa polskiego. Krak. Andr. Piotrk.

1591 года. 2) Excytarz do podniesienia wojny świętej przeciwko Turkom i Tatarom. Krak. Andr. Piotrk.

1594 года. 3) Pobudka na jego cesarską miłość wszystkiego chrześciaństwa, jakoteż na j. k. m. króla polskiego, tudzież na j. o. kniazia wielk. moskiewskiego do podniesienia wojny świętej spólną ręką przeciw Turkom i Tatarom. Krak. Andr. Piotrk.

---

[1]) Изд. Туровскаго, стр.180—181.

4) Publika... j. m. rzpltej na sejmiki przez list objaśniona, tak z strony fundowania szkoły rycerskiej synom koronnym na Ukrainie, jako też krzyżaków według reguły maltańskiej w sąsiedztwie z pogany i z Moskwą na wszystkiem Zadnieprzu dla snadniejszego ochronienia koronnego od niebezpieczeństwa wszelakiego. Krak. Andr. Piotrk.

5) Pobudka z strony fundowania szkoły rycerskiej na Ukrainie, jako też Krzyżaków na Zadnieprzu. Krak. Andr. Piotrk.

1595 года. 6) Sposób osady nowego Kijowa i ochrony niegdy stolice księstwa Kijowskiego od niebezpieczeństwa wszelakiego. Krak. Andr. Piotrk.

1597 года. 7) Votum z strony podniesienia wojny potężnej przeciwko cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. Nowy Wereszczyn.

1598 года. 8) Pobudka z strony podniesienia wojny potężnej przeciw cesarzowi tureckiemu bez ruszenia pospolitego. Nowy Wereszczyn.

Нѣкоторыя сочиненія Верещинскаго были переизданы въ новѣйшее время митрополитомъ католическихъ церквей Головинскимъ и г. Туровскимъ. Митр. Головинскій переиздалъ проповѣди Верещинскаго въ книгѣ: Kazania Józefa Wereszczyńskiego, biskupa Kijowskiego. Petersburg i Mohilew 1854, за исключеніемъ № 1 (Wizerunek), № 4 (Gościniec) и № 7 (Regula); а г. Туровскій переиздалъ нѣкоторыя политическія брошюры Верещинскаго: Publika (№ 4), Sposób osady nowego Kijowa (№ 6), Votum z strony podniesienia wojny (№ 7) и его большое дидактическое сочиненіе: Reguła t. j. nauka albo postępek dobrego życia króla każdego chrześciańskiego, въ книгѣ: Pisma polityczne ks. Józefa Wereszczyńskiego. Kraków 1858. Остальныя сочиненія Верещинскаго не были переизданы и составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Только нѣкоторыя большія библіотеки, какъ Варшавская Университетская, Института Оссолинскихъ во Львовѣ, Курникская близъ Познани,—имѣютъ по одному экземпляру того или другаго изъ нихъ. Перечисленіе всѣхъ сочиненій Верещинскаго съ указа-

ніемъ, въ какой библіотекѣ какое изъ нихъ сохранилось въ первоначальномъ изданіи, сдѣлано г. Эстрейхеромъ въ книгѣ Bibliographia Polska XV—XVI stólecia, Kraków 1875, str. 207—208.

Сочиненіе *Sposób osady nowego Kijowa* представляетъ спеціальный интересъ для читателей „Кіевской Старины". Оно довольно живо рисуетъ состояніе Кіева въ концѣ XVI-го вѣка и составляетъ дополненіе къ тѣмъ описаніямъ Кіева XVI-го вѣка, которыя были напечатаны въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей" (Кіевъ 1874 г.). Вотъ почему мы рѣшились предложить его въ переводѣ, снабдивъ нѣкоторыми необходимыми примѣчаніями.

Польская ученая литература о Верещинскомъ довольно бѣдна. Въ ней нѣтъ ни одной монографіи, которая давала-бы полное и критическое изображеніе его жизни и литературной дѣятельности. Небольшія изслѣдованія о Верещинскомъ мы имѣемъ въ слѣдующихъ книгахъ:

1) *Мацѣевскаго* въ кн. Pismiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Warszawa 1852, T. III, стр. 406—414.

2) *Головинскаго* въ предисловіи къ вышеупомянутой кн. Kazania Józefa Wereszczyńskiego, P. i M. 1854, стр. I—XXI.

3) *Туровскаго* въ предисловіи къ вышеупомянутой кн. Pisma polityczne ks. Józefa Wereszczyńskiego, Kraków 1858, стр. III—XVI.

4) *Гацкаго* въ кн. Benedyktyński klasztor w Sieciechowie według pism i podań miejscowych przez ks. Józefa Gackiego, Radom 1872, стр. 185—187.

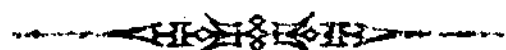
5) *Здановича* въ кн. Rys dziejów literatury polskiej podług notat Aleksandra Zdanowicza opracował L. S. Wilno 1874, T. I, стр. 477—481.

6) *Руликовскаго* въ кн. Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego T. I, Warszawa 1880, статьи Chwastów (стр. 660) и Czarnohorodka (стр. 756).

7) Гр. *Тарновскаго* въ кн. Pisarze polityczni XVI wieku, w Krakowie 1886, T. II, стр. 89—120.

На этомъ мы закончимъ наше предисловіе къ переводу брошюры Верещинскаго о Кіевѣ; къ другимъ сочиненіямъ его и къ общей оцѣнкѣ его литературной дѣятельности мы надѣемся возвратиться въ другой разъ.

А. Стороженко.



Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 гг.

Быть можетъ, немногимъ изъ почитателей украинскаго поэта извѣстно, что онъ одно время состоялъ сотрудникомъ кіевской Археографической Коммиссіи и исполнялъ въ ней не только художественныя работы, но и археологическія порученія; по крайней мѣрѣ, ни въ одной изъ біографій Т. Г. Шевченка нѣтъ даже упоминанія объ этомъ эпизодѣ въ его жизни. Между тѣмъ эпизодъ этотъ едвали имѣлъ маловажное значеніе въ исторіи его развитія: служба въ учрежденіи, спеціально посвященномъ разработкѣ исторіи южнорусскаго края, непосредственное общеніе съ учеными изслѣдователями мѣстной старины, въ особенности же постоянныя экскурсіи въ разныя мѣста Малороссіи и югозападнаго края для изученія и собиранія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ старины, историческихъ пѣсенъ, легендъ, преданій и т. под.—все это, безъ сомнѣнія, составляло весьма благопріятную обстановку для молодого поэта и художника, лишеннаго въ дѣтствѣ и ранней юности школьнаго образованія и неудержимо рвавшагося путемъ самообразованія пополнить недостаточность научныхъ свѣдѣній. Правда, занятія Шевченка въ Коммиссіи были очень кратковременны—они продолжались всего лишь около полутора года, но и несмотря на это они не могли остаться для него безрезультатными. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь короткую справку о служебной дѣятельности Т. Г. Шевченка въ званіи члена-сотрудника Кіевской Археографи-

ческой Коммиссіи и о тѣхъ порученіяхъ, какія на него были при этомъ возлагаемы.

Надо замѣтить, что Коммиссія, учрежденная въ концѣ 1843 года, уже во второмъ году своего существованія значительно расширила кругъ своей ученой дѣятельности, распространивъ ее и на изслѣдованіе памятниковъ мѣстной археологіи. Не смотря на существованіе въ Кіевѣ, при учебномъ округѣ, спеціальнаго учрежденія—„Временнаго Комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ", дѣйствовавшаго еще съ 1835 года и организовавшаго при университетѣ небольшой музей, генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ призналъ необходимымъ объединить обѣ задачи—археографическую и археологическую въ учрежденной при немъ Коммиссіи и, не ограничиваясь однимъ Кіевомъ, распространить археологическія разысканія на территорію всего югозападнаго края и даже сосѣднихъ малороссійскихъ губерній—полтавской и черниговской. Въ маѣ 1845 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи Временнаго Комитета для изысканія древностей и о передачѣ его функцій Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Побуждаемая страстнымъ любителемъ археологіи Д. Г. Бибиковымъ, Коммиссія немедленно приступила къ исполненію новыхъ обязанностей. Въ засѣданіи 13-го іюня того же года была разсмотрѣна представленная проф. А. И. Ставровскимъ программа ближайшихъ археологическихъ изысканій. На первый разъ было признано необходимымъ: продолжить начатыя еще Комитетомъ раскопки фундаментовъ церкви св. Ирины въ Кіевѣ и двухъ кургановъ въ с. Вышгородѣ; отправить одного изъ членовъ для изслѣдованія остатковъ древнихъ памятниковъ вокругъ Кіева на пространствѣ 30-ти верстъ и особенно въ г. Васильковѣ и его окрестностяхъ; командировать въ г. Овручъ академика Солнцева и проф. Ставровскаго съ порученіемъ изслѣдовать развалины церкви св. Василія. Но прежде всего Коммиссія признавала необходимымъ привести въ извѣстность всѣ сохранившіеся въ предѣлахъ югозападнаго края памятники древности—какъ историческіе (древніе храмы, замки и т. под.), такъ равно и первобытные (валы курганы, городища), чтобы на основаніи точ-

ныхъ свѣдѣній можно было приступить къ составленію полной и систематической программы археологическихъ изысканій въ краѣ. Такъ какъ собраніе требуемыхъ свѣдѣній превышало силы и средства Коммиссіи, то въ томъ же засѣданіи было постановлено: „просить генералъ-губернатора предписать мѣстнымъ начальствамъ собрать свѣдѣнія о существующихъ въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ курганахъ, остаткахъ древнихъ памятниковъ и преданіяхъ и доставить эти свѣдѣнія въ Коммиссію“.

Д. Г. Бибиковъ охотно исполнилъ желаніе Коммиссіи. Онъ обратился къ губернаторамъ и предводителямъ дворянства подвѣдомыхъ ему губерній съ циркулярнымъ приглашеніемъ озаботиться составленіемъ описаній всѣхъ древнихъ зданій, церквей, замковъ, въ особенности кургановъ и другихъ древнихъ памятниковъ и описанія эти, вмѣстѣ съ рисунками и чертежами, представить въ Коммиссію. При этомъ дана была въ руководство слѣдующая (составленная главнымъ въ то время дѣятелемъ Коммиссіи, проф. Н. Д. Иванишевымъ) инструкція: 1) При описаніи древнихъ зданій разспрашивать свѣдущихъ людей о времени постройки и замѣчательныхъ происшествіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на существованіе этихъ зданій; 2) не ограничиваться однимъ изображеніемъ зданій церквей и монастырей, но описывать и древности внутри ихъ находящіяся: образа, церковную утварь и проч.; и 3) особенное вниманіе обратить на курганы, при чемъ описывать ихъ наружную форму, величину, матеріалъ, изъ котораго они составлены, и преданія, имѣющія связь съ ихъ существованіемъ.

Но предписанія генералъ-губернатора не исполнялись съ должнымъ усердіемъ. Волынскій губернаторъ, представляя одинъ лишь перечень немногихъ памятниковъ древностей въ управляемой имъ губерніи, объяснялъ въ своемъ рапортѣ, что, „хотя о составленіи рисунковъ съ масштабомъ и проч. было имъ предписано чрезъ губернскаго уѣзднымъ землемѣрамъ, а также предводителямъ дворянства, но первый донесъ, что, по незнанію землемѣрами перспективнаго изображенія видовъ, нѣтъ между ними способныхъ сдѣлать требуемые рисунки; а предводители

отвѣчали, что, по ненахожденію въ уѣздахъ къ сей работѣ способныхъ людей, порученія этого они совершить не въ состояніи". Д. Г. Бибиковъ сердился и на этомъ рапортѣ написалъ: „Отвѣчать, что быть не можетъ при усердіи, чтобы нельзя было исполнить того, что требуетъ начальство, и чтобы во всей губерніи не нашлось ни одного человѣка, кто бы умѣлъ рисовать; почему просить вновь составить рисунки и описанія и за этимъ наблюдать". Но и повторительныя предписанія мало имѣли успѣха. Изъ волынской губ. были присланы лишь (въ 1845 г.) рисунки Острожской Богоявленской церкви и трехъ замковыхъ башенъ, сдѣланные подпоручикомъ строительнаго отряда Иванченкомъ; изъ кіевской—Описаніе достопамятностей уманскаго уѣзда, составленное мѣстнымъ предводителемъ.

Оставалось прибѣгнуть къ тому пріему, который далъ такіе прекрасные результаты въ дѣлѣ собиранія для той же Коммиссіи письменныхъ памятниковъ старины — командированію особыхъ чиновниковъ. Въ то время по всему югозападному краю безпрестанно разъѣзжали чиновники генералъ-губернаторской канцеляріи, описывавшіе архивы и собиравшіе древніе акты и рукописи. Начиная съ 1845 г., на нихъ же было возлагаемо порученіе описывать и вещественные памятники древности; но между ними лишь немногіе обладали искусствомъ срисовывать видѣнные ими памятники. Настояла крайняя нужда въ опытныхъ рисовальщикахъ; но такихъ не было въ виду у Коммиссіи.

Въ это именно время въ Кіевѣ появляется Т. Г. Шевченко на обратномъ пути послѣ посѣщенія (въ сентябрѣ 1845 г.) своей родины. Онъ пользовался уже въ Малороссіи широкою извѣстностью не только какъ даровитый украинскій поэтъ [1]), но и какъ талантливый художникъ: въ 1844 г. вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ предпринятаго имъ художественнаго изданія „Живописная Украина", въ программу котораго прежде всего входили „виды, по историческимъ воспоминаніямъ примѣчательные: храмы, укрѣпленія, курганы и все, что время пощадило", т. е. именно то, что такъ интересовало Д. Г. Биби-

---

[1]) Первое изданіе „Кобзаря" вышло еще въ 1840 г., когда Т. Г. Шевченко

кова и его ближайшаго сотрудника по управленію краемъ Н. Э. Писарева, вступившаго незадолго предъ тѣмъ (въ мартѣ 1845 г.) въ должность предсѣдателя кіевской Археографической Коммиссіи. Въ виду однородности задачъ естественно было привлечь молодого художника-археолога къ участію въ археологическихъ изысканіяхъ Коммиссіи, что́ и было сдѣлано. Кто былъ иниціаторомъ или посредникомъ въ этомъ дѣлѣ—неизвѣстно: Писареву могъ указать на Шевченка членъ-учредитель Коммиссіи М. А. Максимовичъ или же членъ-сотрудникъ П. А. Кулишъ, лично знавшіе его въ то время; но могло быть и такъ, что Писаревъ и самъ непосредственно пригласилъ его. Какъ бы то ни было, только въ ноябрѣ 1845 г. Д. Г. Бибиковъ командировалъ Шевченка въ полтавскую губернію „для нѣкоторыхъ разысканій", съ выдачей ему казенной подорожной и 150 р. на расходы. Почему его командировали въ полтавскую губ., а не въ другое мѣсто—это понятно: губернія эта была выбрана „по ея извѣстности" Шевченку, такъ какъ онъ въ теченіе двухъ предшествовавшихъ лѣтъ почти безвыѣздно странствовалъ въ ней и завелъ тамъ большія знакомства между помѣщиками. Молодому художнику, конечно, дана была въ руководство обычная инструкція, но ея, къ сожалѣнію, не сохранилось въ дѣлахъ Коммиссіи; можно полагать, что она была болѣе или менѣе однородна съ инструкціей, какая дана была чиновнику генералъ-губернаторской канцеляріи Тарасевичу, посыланному для той же цѣли въ мартѣ 1846 г. въ черниговскую и полтавскую губ.: ему предписывалось „развѣдать, въ какихъ именно мѣстахъ и какіе находятся курганы, древнія развалины или мѣстности и урочища, замѣчательныя по извѣстнымъ историческимъ событіямъ; собрать свѣдѣнія о народныхъ преданіяхъ, разсказахъ и легендахъ, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ; постараться достать отъ частныхъ лицъ и доставить въ Коммиссію для списанія и напечатанія нѣкоторые письменные памятники, относящіеся ко временамъ древняго быта Малороссіи, козацкихъ войнъ, переписки замѣчательныхъ лицъ и проч., и наконецъ, если представится случай, пріобрѣсти на счетъ Коммиссіи древніе акты, рукописи, древнія ве-

щи и старопечатныя книги". Конечно, Т. Г. Шевченку, какъ художнику, даны были, сверхъ того, и спеціальныя порученія по снятію видовъ и древнихъ памятниковъ.

Сколько времени пробылъ Шевченко въ полтавской губ. и какія именно мѣста посѣтилъ въ то время—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній, такъ какъ отчетъ о результатахъ командировки, хотя былъ имъ представленъ генералъ-губернатору, но въ дѣлахъ Коммиссіи не сохранился. Можно полагать лишь, что данное ему порученіе онъ исполнилъ удовлетворительно, такъ какъ 10 декабря того же 1845 г. состоялось постановленіе Коммиссіи: „просить г. генералъ-губернатора о приглашеніи свободнаго художника академіи Тараса Шевченка въ званіе сотрудника Коммиссіи для снимковъ съ предметныхъ памятниковъ, съ назначеніемъ ему жалованья по 150 р. въ годъ" [1]). Годъ спустя отъ него потребовала канцелярія генералъ-губернатора представленія формальнаго отчета объ израсходованіи выданныхъ ему на поѣздку денегъ. Шевченко представилъ требуемый отчетъ, при чемъ оказалось, что изъ числа полученныхъ имъ 150 рублей было издержано: на прогоны 31 р. 36 коп. и кормовыхъ 64 р. 80 коп.; оставшіеся же неизрасходованными 53 р. 84 коп. были имъ возвращены въ канцелярію.

Въ концѣ 1845-го и въ началѣ 1846-го года Коммиссія занята была спѣшнымъ печатаніемъ „Древностей"—роскошнаго изданія съ 11-ю хромолитографированными таблицами, изображающими курганъ Перепетиху и предметы, найденные при его раскопкѣ. Въ изготовленіи этихъ рисунковъ принималъ участіе и Т. Г. Шевченко, хотя мы не можемъ съ точностью указать, какіе именно рисунки принадлежатъ ему и какіе—другому сотруднику-рисовальщику Сенчиллу-Стефановскому. Судя, однако, по воспоминаніямъ Аѳ.-Чужбинскаго, можно полагать, что въ началѣ 1846-го года Шевченко былъ командированъ въ черниговскую губернію для археологическихъ разысканій. Объ этой командировкѣ нѣтъ свѣдѣній въ дѣлахъ Коммиссіи, но Чужбин-

[1]) Незадолго предъ тѣмъ на такихъ же точно условіяхъ былъ принятъ (по прошенію) въ число сотрудниковъ Коммиссіи учитель рисованія при мѣстномъ институтѣ благор. дѣвицъ А. Сенчилло-Стефановскій.

скій разсказываетъ, что въ началѣ февраля 1846 г. Тарасъ Григорьевичъ совершенно неожиданно заѣхалъ къ нему въ Исковцы (переясл. у.) и пригласилъ сопутствовать ему въ его археологическомъ путешествіи, такъ какъ онъ располагалъ срисовать древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ черниговской губерніи. Вмѣстѣ они посѣтили Нѣжинъ, гдѣ пріѣздъ „кобзаря“ возбудилъ всеобщій восторгъ, и оттуда отправились въ Черниговъ. Здѣсь они нашли довольно древностей, которыя необходимо было срисовать; кромѣ того Шевченко получилъ нѣсколько заказовъ на портреты. Изъ города поэтъ часто уѣзжалъ въ м. Сѣдневъ, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время въ кругу дружески ему знакомаго семейства Лизогуба. Тамъ онъ иногда и работалъ.

Весною оба пріятеля вмѣстѣ возвратились въ Кіевъ и поселились на Козьемъ болотѣ. Въ это именно время (въ мартѣ 1846 г.) Коммиссія выработала широкую программу для своей археологической дѣятельности. Параллельно съ изученіемъ древностей, объясняющихъ доисторическое существованіе народовъ, было рѣшено приступить къ собиранію матеріаловъ для научнаго и художественнаго описанія монументальныхъ памятниковъ въ южной Россіи, каковы древніе храмы, замки и т. под. Задумано было также изданіе видовъ Кіева и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ въ краѣ. Въ виду этого становится совершенно понятнымъ свидѣтельство А. Чужбинскаго о томъ, что Шевченко, по возвращеніи изъ Чернигова, „задумалъ срисовать важнѣйшія достопримѣчательности матери городовъ русскихъ, а также нѣкоторыя живописныя окрестности“. Онъ разыскалъ въ Кіевѣ своего стараго товарища по академіи Сажина, который согласился помогать ему, взявъ на себя отдѣлку деталей въ рисункахъ, и оба художника ежедневно пропадали съ самаго утра. Рисуя внутренность корридоровъ, ведущихъ къ пещерамъ, Шевченко между множествомъ нищихъ встрѣчалъ индивидуумы, драгоцѣнные для кисти художника. Много было, по словамъ Чужбинскаго, набросано имъ въ то время живописныхъ фигуръ, хотя неизвѣстно, куда эти рисунки дѣвались впослѣдствіи. Срисовывая развалины Золотыхъ воротъ, поэтъ

художникъ нашелъ однажды между валами (въ то время они еще существовали) заблудившуюся трехлѣтнюю дѣвочку, посадилъ ее возлѣ себя на разостланный платокъ и изъ лоскутковъ бумаги дѣлалъ ей игрушки. Онъ готовъ былъ оставить ее у себя, если бы подлѣ Софійскаго собора не встрѣтилась мать, въ тревогѣ искавшая дѣвочку; ей онъ и вручилъ своего найденыша.

Среди этихъ занятій Шевченку, по словамъ Чужбинскаго, не разъ приходило желаніе написать большую картину. И мысль, и идея шевелились у него, и планъ неясно мелькалъ въ воображеніи; но онъ сознавалъ самъ, что родился больше поэтомъ, чѣмъ живописцемъ: во время обдумыванія картины, по его словамъ, „хто его знае видкиль несеться, несеться писня, складаються стихи, дывлюсь—уже й забувъ, про що думавъ, а мерщій напышешъ те, що навіялось“ [1]).

Къ тому же времени, т. е. къ веснѣ 1846 года, относится начало знакомства поэта-художника съ Н. И. Костомаровымъ, съ которымъ онъ быстро сошелся и читалъ ему свои новыя поэтическія произведенія, приводившія въ совершенный восторгъ художника-историка. Въ іюнѣ друзья разстались: „я (пишетъ Костомаровъ) отправился въ Одессу на морское купанье, а Тарасъ съ профессоромъ Иванишевымъ поѣхалъ раскапывать какой-то курганъ“.

Дѣйствительно, съ половины іюня Иванишевъ, по порученію Коммиссіи, приступилъ къ раскопкамъ могилы Перепета, въ васильк. у., близъ м. Фастова. Это была громадная группа кургановъ и насыпей разной формы и величины, расположенныхъ въ правильномъ кругѣ, и потому не удивительно, что раскопки продолжались, съ небольшими перерывами, съ іюня до начала октября. Главнымъ помощникомъ проф. Иванишева въ этомъ дѣлѣ былъ сотрудникъ Коммиссіи Прушинскій, ведшій правильный журналъ раскопкамъ и разсчитывавшійся съ рабочими, но здѣсь же находился и Т. Г. Шевченко, записывавшій, вмѣстѣ съ Прушинскимъ, народныя преданія и дѣлавшій рисун-

---

1) „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка“, М. К. Чалаго, стр 53—59.

ки [1]). Раскопки Перепета, какъ извѣстно, не привели къ цѣннымъ археологическимъ результатамъ. Нѣсколько значительнѣе были поиски, произведенные въ то же лѣто на Бѣлокняжескомъ полѣ, гдѣ проф. Иванишевъ раскопалъ Малую и Острую могилы. Принималъ ли участіе въ ихъ раскопкѣ и Шевченко—неизвѣстно.

Между тѣмъ съ ранней весны того же 1846 года генералъ-губернаторъ Бибиковъ командировалъ нѣсколькихъ чиновниковъ своей канцеляріи въ разныя мѣста для археологическихъ поисковъ: въ мартѣ В. Осовскій былъ посланъ въ липовецкій уѣздъ, гдѣ онъ осматривалъ могилу Сороку, близь м. Дашева, и записалъ нѣсколько народныхъ преданій; Тарасевичъ ѣздилъ въ полтавскую и черниговскую губерніи; Яниковскій снималъ виды кургановъ въ богуславскомъ и звенигородскомъ у.; Янишевскій былъ командированъ въ подольскую губ., Скорупскій въ волынскую. Т. Г. Шевченко въ теченіе весны и лѣта не былъ посыланъ никуда, очевидно, потому, что все это время онъ былъ занятъ—сначала срисовываніемъ древностей въ Кіевѣ, а затѣмъ участіемъ въ раскопкахъ вмѣстѣ съ проф. Иванишевымъ. Но осенью и онъ не избѣжалъ командировки. Въ дѣлахъ Коммиссіи сохранилась копія слѣдующаго предписанія, даннаго ему генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, отъ 21 сентября 1846 года:

„Сотруднику временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Шевченкѣ.

„Поручаю вамъ отправиться въ разныя мѣста кіевской, подольской и волынской губерній и постараться собрать слѣдующія свѣдѣнія: 1) о народныхъ преданіяхъ, мѣстныхъ повѣстяхъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ, и всему, что вы узнаете, составить описаніе, а пѣсни, разсказы и преданія сколько можно списать въ томъ видѣ, какъ они есть; 2) о замѣчательныхъ курганахъ и урочищахъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ они есть и какія на счетъ собственно ихъ существуютъ на мѣстѣ преданія и разсказы, а также и историческія свѣдѣнія; съ этихъ

---

[1]) Журналъ Прушинскаго сохранился въ дѣлахъ Коммиссіи, но представленная имъ при рапортѣ особая тетрадь съ записью народныхъ преданій и девятью рисунками неизвѣстно куда исчезла.

кургановъ снять эскизы съ изображеніемъ ихъ формы и величины и описать каждый по собраннымъ свѣдѣніямъ. 3) Осмотрѣть замѣчательные монументальные памятники и древнія зданія и составить имъ описаніе, чтобы можно было распорядиться снять съ нихъ въ будущемъ году рисунки. Еслибы гдѣ-либо вы имѣли возможность достать какія-либо древности, письменныя грамоты и бумаги, то таковыя доставить ко мнѣ или, узнавъ, гдѣ онѣ находятся, о томъ донести. 4) Кромѣ того, отправьтесь въ Почаевскую Лавру и тамъ спишите: а) общій наружный видъ лавры, б) внутренность храма и в) видъ на окрестность съ террасы.—Всѣ собранныя вами свѣдѣнія, описанія и рисунки, по возвращеніи вашемъ въ Кіевъ, представить ко мнѣ. Подорожную и примѣрно на прогоны и кормовые 150 рублей сер., при расходной тетради, вы получите изъ моей канцеляріи".

Въ то-же время Т. Г. Шевченко снабженъ былъ слѣдующимъ „открытымъ предписаніемъ":

„Предъявителю сего, сотруднику Высочайше учрежденной при мнѣ временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, свободному художнику Шевченкѣ поручено собрать въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ разныя свѣдѣнія о народныхъ преданіяхъ и разсказахъ, о курганахъ, древнихъ памятникахъ, а также собрать древніе акты, бумаги и т. под.; почему предписывается городскимъ и земскимъ полиціямъ кіевской, под. и вол. губерній оказывать г. Шевченкѣ при исполненіи возложеннаго на него порученія самое дѣятельное законное содѣйствіе".

Кромѣ того, Т. Г. Шевченку были вручены четыре пакета для личной передачи губернаторамъ—подольскому и волынскому и преосвященнымъ—Арсенію, архіепископу подольскому, и Никанору, архіепископу волынскому: ко всѣмъ этимъ лицамъ Д. Г. Бибиковъ обращался съ просьбою „не оставить распоряженіемъ, чтобы г. Шевченкѣ оказываемо было, при исполненіи возложеннаго на него порученія, надлежащее законное содѣйствіе".

Какія именно мѣста посѣтилъ поэтъ-художникъ и какіе памятники древности были имъ осмотрѣны—неизвѣстно, такъ

какъ представленный имъ подробный отчетъ, вмѣстѣ съ рисунками и текстомъ народныхъ преданій, пѣсенъ и т. под., не сохранился въ дѣлахъ Коммиссіи. Можно полагать, что прежде всего онъ направился въ Каменецъ-Подольскій, потому что, спустя двѣ недѣли послѣ его выѣзда, получено было отъ архіепископа Арсенія письмо *отъ 2-го октября*, съ увѣдомленіемъ генералъ-губернатора, что, согласно его желанію, послано окружное предписаніе духовнымъ мѣстамъ и лицамъ подольской епархіи „о надлежащемъ содѣйствіи по собранію художникомъ г. Шевченкомъ разныхъ свѣдѣній о народныхъ преданіяхъ, древностяхъ и о прочемъ"; такое же увѣдомленіе, помѣченное 7 октября, получено было и отъ каменецъ-подольскаго гражд. губернатора, генералъ-майора Радищева. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что Шевченко посѣтилъ въ то время Почаевскую Лавру и успѣшно выполнилъ данное ему порученіе: объ этомъ свидѣтельствуютъ случайно сохранившіеся въ частныхъ рукахъ и лишь недавно разысканные *подлинные его рисунки*, изображающіе почаевскіе виды [1]). Въ дѣлахъ же Коммиссіи сохранился лишь рапортъ Шевченка (отъ 31-го декабря 1846 г.) на имя генералъ-губернатора съ представленіемъ остатка въ 34 р. 69 коп. изъ числа отпущенныхъ ему на поѣздку 150 рублей и шнуровой расходной тетради, которой, однакө, нѣтъ въ дѣлѣ.

Въ первый день праздника Рождества Христова того же 1846 года Т. Г. Шевченко, какъ извѣстно, присутствовалъ, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, на вечеринкѣ въ квартирѣ Н. Гулака, гдѣ велись рѣчи о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, подслушанныя сосѣдомъ и имѣвшія такое роковое послѣдствіе для участниковъ. Послѣ праздниковъ онъ уѣхалъ въ черниговскую губернію, но уже не по порученію Коммиссіи, а по собственной иниціативѣ. По свидѣтельству П. А. Кулиша, онъ отправился съ тою цѣлью, чтобы собрать свои рукописи, оставленныя имъ въ разныхъ домахъ, гдѣ онъ гостилъ въ послѣднее время. Дѣло въ томъ, что въ жизни поэта должны были совершиться важныя перемѣны: съ одной стороны, ему обѣща-

[1]) Объ этихъ рисункахъ см. сообщеніе въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ.

но было мѣсто учителя рисованія при кіевскомъ университетѣ, о чемъ хлопотала, въ числѣ другихъ, княгиня Репнина, близкая родственница тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, а съ другой—одна изъ его почитательницъ предложила денежныя средства, достаточныя для трехлѣтняго пребыванія поэта въ Италіи съ цѣлью усовершенствованія художественнаго его таланта. Хлопоты княгини Репниной скоро увѣнчались успѣхомъ, но Шевченко ничего не зналъ объ этомъ, безпечно предаваясь веселому бездѣлью среди гостепріимныхъ земляковъ. „Я оце й доси въ Борзни—писалъ онъ 1-го февраля Костомарову—и не роблю ничогисенько, лежу соби та й годи... подвизаюсь потроху то коло чарокъ, то що.. У Кіевъ страхъ йіхать не хочеться, а треба. Колыбъ то вы булы таки трудящи й добри, щобъ роспыталы, чи я утвержденый при университети, чи ни?.. Колыбъ то Богъ давъ мени прытулыться до университету, дуже бъ добре було! Напышить, будьте ласкави, якъ що добре почуете". Несмотря на собственное сознаніе необходимости поскорѣе возвратиться въ Кіевъ, поэтъ вскорѣ послѣ этого письма очутился въ Черниговѣ да и засѣлъ тамъ въ излюбленной имъ Цареградской гостинницѣ. Къ этому времени относится письмо къ нему Н. И. Костомарова, безъ даты, но, по всей вѣроятности, писанное въ февралѣ: „Тарасе! Докы ты, братику, сыдитемешъ у тій Цареградскій гостыныци? Прыйізды у Кіевъ: я запевне дознався, що тебе вже постановлено учителемъ малярского искусства въ университети, у выди опыта, якъ кажуть. Иванишовъ тоби кланяеться и каже, щобъ ты прыйіздывъ до Кіева. Ще разъ кажу тоби щобъ ты не гулявъ у Чернигови, колы нема пылного казенного дила". Но безпечный художникъ не внялъ дружественному призыву—и поплатился за это исключеніемъ изъ состава Коммиссіи. Вотъ подлинный актъ объ его исключеніи: „1847 г. марта 1-го дня. Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ Коммиссіи Шевченко безъ всякаго согласія Коммиссіи отлучился изъ Кіева и по Коммиссіи не занимается, опредѣлили: исключить его изъ числа сотрудниковъ Коммиссіи съ прекращеніемъ производившаго-

ся ему жалованья по 12 р. 50 коп. сер. въ мѣсяцъ". Подписали: предсѣдатель Н. Писаревъ, члены: В. Чеховичъ, Ал. Ставровскій, А. Селинъ, дѣлопроизводитель Н. Иванишевъ[1]).

Таковъ былъ финалъ непродолжительной службы Т. Г. Шевченка въ археографической коммиссіи. Вѣроятно, его своевременно увѣдомили о постигшей его непріятности, потому что послѣ этого онъ болѣе мѣсяца оставался въ Черниговѣ и главнымъ образомъ въ Сѣдневѣ, у Лизогуба. Между тѣмъ 31-го марта въ Кіевѣ были арестованы Костомаровъ, Гулакъ, Бѣлозерскій и др. Ничего не зная объ этомъ, Т. Г. Шевченко въ началѣ апрѣля разстался наконецъ съ черниговскими пріятелями и направился въ Кіевъ; но едва вступилъ на паромъ, служившій въ то время, по случаю разлива Днѣпра, средствомъ переправы, какъ съ нимъ (по его собственному выраженію) „таке трапылось, що противъ-ночи не треба й росказувать": его арестовали и черезъ нѣсколько дней отправили въ Петербургъ, а оттуда за Уралъ.

По причинѣ отсутствія изъ Кіева, Шевченко не получилъ изъ Коммисіи причитавшагося ему жалованья за январь и

---

[1]) Покойный И. П. Новицкій, сообщившій этотъ актъ для напечатанія въ „К. Старинѣ" (1882 г. мартъ), далъ ему въ своихъ коментаріяхъ невѣрное освѣщеніе. Во-первыхъ, онъ утверждалъ, будто это постановленіе состоялось „*послѣ ареста*" Шевченка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно состоялось болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до ареста. Во-вторыхъ, онъ какъ-будто недоумѣвалъ, какимъ образомъ Т. Г. Шевченко, состоявшій, по его мнѣнію, всего лишь „въ качествѣ рисовальщика" при Коммиссіи, могъ быть уволенъ за то, что „безъ всякаго согласія Коммиссіи (при этихъ словахъ акта коментаторъ ставитъ: *sic!*) отлучился изъ Кіева". Это недоумѣніе объясняется очень просто. Т. Г. Шевченко состоялъ не простымъ рисовальщикомъ при Коммиссіи, *а членомъ-сотрудникомъ*, утвержденнымъ въ этомъ званіи генералъ-губернаторомъ и получавшимъ опредѣленное содержаніе. Въ то время Коммиссія составляла не что иное, какъ одно изъ отдѣленій генералъ-губернаторской канцеляріи, правитель которой (Н. Э. Писаревъ) былъ вмѣстѣ и предсѣдателемъ Коммиссіи; поэтому всѣ лица, принимавшія участіе въ занятіяхъ Коммиссіи и получавшія жалованье, считались состоящими на государственной службѣ и потому подвергались всѣмъ ограниченіямъ, связаннымъ съ этимъ состояніемъ. Что актъ объ исключеніи Шевченка не былъ лишь намѣреніемъ Коммиссіи прилично оформить его выбытіе по случаю ареста (какъ склоненъ былъ, по-видимому, понимать его И. П. Новицкій)—лучше всего видно изъ того, что точно такое же постановленіе состоялось 3 іюня того же года относительно другого сотрудника Коммиссіи, рисовальщика Сенчилла-Стефановскаго, который ни аресту, ни высылкѣ не подвергался, но манкировалъ занятіями въ Коммиссіи. Впослѣдствіи онъ, однако, снова былъ принятъ на прежнюю должность.

февраль 1847-го года, которое, однако, по бухгалтерской книгѣ своевременно было выписано въ расходъ. Коммиссія долго не знала, какъ поступить съ этими деньгами, и наконецъ 20-го августа того же года составила слѣдующее журнальное опредѣленіе: „Такъ какъ художникъ Шевченко уволенъ отъ званія сотрудника Коммиссіи и въ настоящемъ году онъ не имѣлъ никакихъ по Коммиссіи занятій и не находится на лице, то выведенное въ расходъ жалованье его за январь и февраль мѣсяцы, всего двадцать пять рублей сер., не выдавать ему, а записать въ приходъ по книгѣ, о чемъ и предписать казначею".

Это—послѣднее упоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ въ дѣлахъ Коммиссіи.

Всего печальнѣе то обстоятельство, что сдѣланные имъ по порученію Коммиссіи рисунки, равно какъ и собранные во время экскурсій археологическіе и этнографическіе матеріалы не были употреблены въ дѣло и впослѣдствіи погибли безслѣдно. Та же печальная судьба постигла и всѣ вообще многочисленные и разнообразные матеріалы о древностяхъ югозападнаго края, какіе собраны были въ періодъ 1845—1848 гг. командированными для этой цѣли чиновниками генералъ-губернаторской канцеляріи, предводителями дворянства и другими административными и частными лицами. Располагая незначительными матеріальными средствами, Коммиссія изъ года въ годъ откладывала изданіе этихъ цѣнныхъ матеріаловъ; а тѣмъ временемъ лица, коимъ они передавались для просмотра и приготовленія къ изданію, выбывали и смѣнялись. Послѣ ухода Н. Э. Писарева, назначеннаго въ 1848 г. олонецкимъ губернаторомъ, и въ особенности послѣ перемѣщенія Д. Г. Бибикова, въ средѣ Коммиссіи вообще значительно охладѣлъ интересъ къ археологіи, а съ 1854 года для нея настали такія бѣдственныя времена, когда она, лишенная почти всякихъ денежныхъ средствъ, едва не прекратила своего существованія и всего менѣе могла помышлять объ изданіи когда-то собранныхъ ею археологическихъ матеріаловъ. Эта печальная эпоха, вѣроятно, и была временемъ ихъ безслѣднаго исчезновенія.

О. Левицкій.

„ПОПОКЪ“.

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ[1]).

VII.

Мировой Судья, штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, Николай Ивановичъ Михалевскій, выѣхавъ на гору, отправился осмотрѣть свои поля и въ концѣ концовъ посѣвъ свеклы, которымъ онъ вотъ уже года два занимается. Сахарный заводъ платитъ хорошія деньги, и при томъ же заводоуправленіе всегда такъ любезно, обязательно: никакихъ никогда не дѣлаетъ притѣсненій, никакихъ придирокъ, на какія часто жалуются разные посѣвщики. Правда, у Николая Ивановича „все это ведется, знаете, по военному; ужъ очистка такъ очистка; чтобы, знаете, этакъ безъ браку совершенно, разумѣется, нельзя, но ужъ, знаете, не то, что у мужичишекъ, что знаете, всякую тамъ дрянь валятъ... Имъ, знаете, лишь-бы свекла, а ужъ тутъ, знаете, все по благородству“. Ну, вотъ и сѣетъ свеклу, частію самъ, а частію въ компаніи, знаете, съ барынями; вотъ какъ напримѣръ—съ женою директора завода да съ женою управляющаго. „Такъ это, знаете, шутя вышло. Знаете, состоялась эта компанія на акціяхъ. Этакъ, знаете, барыни—пайщики Да!“—

Объѣхавъ свекловичный посѣвъ, судья спросилъ приказчика, сколько *народу*. Полюбовавшись „этими, знаете, миловидными физіономіями Едрышовскихъ москововъ полольщицъ“, штабъ

[1]) См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 1.

ротмистръ выбрался по межѣ на большую Лосневскую дорогу и покатилъ въ облакѣ пыли къ Андреевкѣ съ тѣмъ, чтобы, спустившись по мѣловой горѣ мимо общественныхъ магазиновъ къ винокурнѣ и мосту, проѣхать въ Бемовку на почту.

Отъѣхавъ отъ почты, мировой судья встрѣтился съ управляющимъ Бемовскимъ имѣніемъ, толстымъ и добродушнымъ Карломъ Теодоровичемъ Цигенбокъ, на неизмѣнной его парѣ пѣгашей.

— А—а Николай Ивановичъ! Моя поштеній! прокричалъ Цигенбокъ, останавливая толчкомъ въ спину кучера.

— Гутъ Моргенъ, Карлъ Теодоровичъ!—придерживая вспотѣвшую кобылицу, отвѣчалъ штабъ-ротмистръ. Я, знаете, уже свое хозяйство объѣхалъ, знаете; да и завернулъ на почту, а то у меня, знаете, сегодня некого послать. Знаете, всѣ въ полѣ, а Григорія услалъ, знаете, въ городъ...

— Ну что жъ! Я тоже билъ на свекла. Удивительно карошъ! Только тамъ на горкѣ пришлось подсаживайтъ.—Карошъ! Поѣдемъ къ намъ. Поварачивайтъ ваша кобила.

— Нѣтъ. Благодарю. Знаете, дѣла есть по службѣ.

— Ну—какой дѣла?! Дѣло не есть медвѣдь, не ходилъ лѣсъ. Ѣдемъ! Какой копченка Маргарита Адольфовна приготовила! Это такой, какъ это называть... польтокъ. Да, да польтокъ. Карошъ! Ѣдемъ! Новость имѣется—огурецъ карошъ! Поворачивайтъ!—

Соблазнился мировой судья, оставилъ дѣло, которое не медвѣдь и въ лѣсъ не уйдетъ—по приведенной поговоркѣ, и, повернувъ лошадь, поѣхалъ въ экономію. Цигенбокъ не отставалъ на своей парѣ, и они одинъ вслѣдъ за другимъ въѣхали въ аллею каменною оградою окруженнаго сада, закрывавшаго съ этой стороны домъ и другія постройки.

Около крыльца пригорюнившись стояла, давно уже пришедшая сюда, мать Хведька. Едва рослый штабъ-ротмистръ въ сопровожденіи круглаго нѣмца подъ руку подружески стали входить на крыльцо, какъ несчастная Самчиха повалилась въ ноги Карла Теодоровича. Судья глянулъ свысока на бабу и,

высвободивъ локоть отъ руки хозяина, направился въ домъ, а Цигенбокъ остался озадаченный на крыльцѣ.

— Что такой? Что тебэ нужно? Ахъ какой глупый баба! Встань, говоры! Зачѣмъ эта поклонъ! я не попа.... Говоры!

За всхлипываніями и слезами трудно было и не нѣмцу понять чего нужно ей, но наконецъ кое какъ удалось ей объяснить добродушному Карлу Теодоровичу, о чемъ она проситъ. Онъ понялъ, что она проситъ помиловать ея сына, не *завдавать его никуда* и простить ему его проступокъ.

Карлъ Теодоровичъ вычиталъ цѣлую нотацію на тему невозможности вести дѣло, если всякій *шортъ* будетъ воровать въ экономіи, что онъ самъ своею рукою такого *шорта* всегда готовъ убить и непремѣнно будетъ *убивайтъ такой проклятый шортъ*, но въ концѣ концовъ сознался, что еще хорошо дѣла не знаетъ, а сдѣлаетъ все что можно, чтобы виновнаго не ссылали *увъ Сибиръ*. Самчиха еще раза два принималась падать въ ноги, но Карлъ Теодоровичъ каждый разъ повторялъ ей, что онъ „*не попа*“, и наконецъ, кое-какъ успокоивъ просительницу, вошелъ въ домъ, гдѣ уже за большимъ накрытымъ столомъ засталъ жену, красивую брюнетку, съ гостемъ.

— Это шортъ знаетъ что такой эта хохлюшка! Какой языкъ непонятный! Сичасъ кланяться въ ноги!.. Проклятый воловики бурачные сѣмена покрали, одинъ попался, такъ это мать его проситъ... Я говору: твой сынъ, шортъ проклятый, нужно карашенько воласти розгами пороть, чтобы помнилъ новый вѣникъ... плакаетъ... Ну шортъ съ тобой, пошла! Не люблю эта ссена! Ну мы пока, Николай Ивановичъ, какъ говоритъ полякъ, „жица время крутки, выпиваемъ вудки“—милости прошу... И наливъ гостю и себѣ, сталъ намазывать кусокъ хлѣба масломъ и накладывать копченымъ полоткомъ. Когда бутербродъ былъ готовъ, Карлъ Теодоровичъ взялъ рюмку, тронулъ ею другую, однимъ глоткомъ, раздувая и безъ того полныя щеки, выпилъ, сдѣлалъ гримасу и сталъ аппетитно закусывать.

Штабъ-ротмистръ не отставалъ отъ хозяина, при чемъ старался быть любезнымъ съ хозяйкой, разсказывая ей съ мно-

гократными „знаете" какую то длинную исторію изъ временъ своей службы.

Въ эту минуту въ открытую дверь черезъ балконъ изъ сада ввалилась цѣлая гурьба дѣтей разныхъ возрастовъ, начиная съ подростка дѣвушки до маленькой дѣвочки. Все это были дѣти Карла Теодоровича и Маргариты Адольфовны, здоровыя, румяныя и замѣчательно красивыя—обоего пола. Всѣ они группировались около черной галки, которую вырывали одинъ у другого, спѣша похвалиться какими то новыми ея успѣхами въ обученіи. Маргарита Адольфовна, любовно поглядывая на всю эту компанію, не преминула поправить на нѣкоторыхъ изъ нихъ вздернутые и измятые костюмы, а Карлъ Теодоровичъ, разгладивъ одному мальчугану вспотѣвшіе волосы, при чемъ обнажилъ рѣзко отдѣляющійся бѣлый лобъ отъ загорѣлаго лица, весело сказалъ: „Ви посмотрите. Эта у насъ съ Маргаритой Адольфовной одинадцать такихъ! Посмотрите на эта маленькій звѣрокъ" и потянулъ къ себѣ маленькую по третьему годку прехорошенькую дѣвочку въ затасканномъ нагрудникѣ.

— Ну, Альвинка—она у насъ называется Олэна—ну, это у тебя что?—показывая на носъ.

— Носъ—отвѣчала бойко дѣвочка.

— А это?—тыкая пальцемъ въ лобъ

— Льобъ

— А это?

— Лаза.

— А это?

— Уси

— А это?

— Сейка

— А это?

— Луки.

— А это?—шлепнувъ кое-куда.

— Это не холосо...

— Ха, ха!—разразился Карлъ Теодоровичъ. Она все називаль, но какъ мать погрозила разъ, такъ теперь и „неха-

лосо... Всѣ смѣялись, смѣялась и дѣвочка, съузивъ свои глазенки и показывая рядъ бѣлыхъ мелкихъ зубовъ.

Маргарита Адольфовна приказала дѣтямъ помыть руки и приходить завтракать.

Вернувшаяся къ столу старшая дѣвочка по нѣмецки сказала отцу, что пришелъ Василь Фирсовичъ. Карлъ Теодоровичъ выпилъ еще одну рюмку и, пережовывая закуску, отправился въ кабинетъ, а гость остался въ столовой, гдѣ за столомъ усаживались подходившія дѣти.

Николай Ивановичъ продолжалъ бесѣдовать съ хозяйкой, ежеминутно отрываемой заботами о кормленіи дѣтей.

Немного погодя вошелъ Карлъ Теодоровичъ и еще съ порога началъ разсказывать, что воловики, „*шерти проклятые*“, украли полмѣшка свекловичныхъ сѣмянъ, продали кабатчику и что старшина „*Шапля*“ составилъ актъ и теперь дѣло уже передано Николаю Ивановичу, что встрѣченная на крыльцѣ баба—мать уворовавшаго сѣмена, что онъ ей обѣщалъ дѣло уладить, а потому и нужно его прекратить, что онъ этого воловика знаетъ „Ми самъ будемъ наказывайтъ, и судъ не нужна. Пожалюста!—

— О, нѣтъ! Это, знаете, кража,—прекратить нельзя; знаете, законъ—возразилъ Судья.

— Какой шортъ законъ? Это молодой ребята баловаться... Морда побить—и вся законъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! знаете, пропускать не слѣдуетъ, меня и Африканъ Михайловичъ просилъ, знаете, да и я самъ, знаете, спуску ворамъ не даю. У меня, знаете, по военному: виноватъ—отвѣчай... Вору, знаете, у меня нѣтъ пощады.

— О я самъ эта шортъ не люблю. Только эта не карашо: сичасъ судъ, тюрма. Эти, шортъ побираетъ, тюрма, не карошъ. Ви пожалюста какъ нибудь на волосній судъ... Тамъ это карашо. Я здѣсь шесть лѣтъ и не люблю никогда турма. Зачѣмъ турма?! Кричалъ, ругался, морда билъ!.. Зачѣмъ судъ?! Ви пожалюста!

— Нѣтъ, нѣтъ и не просите, знаете, законъ—и все тутъ. Ну, впрочемъ я засидѣлся, знаете; мое почтеніе! Такъ барыши

считаемъ, Маргарита Адольфовна; знаете, свеколка не прошлогодняя! Ха, ха! До свиданья!

И ловко раскланявшись, Николай Ивановичъ, провожаемый добрякомъ хозяиномъ, пошелъ въ переднюю, гдѣ только и слышно было „пожалюста" Карла Теодоровича и „нѣтъ, нѣтъ, законъ знаете"—судьи...

VIII.

Солнце уже свернуло съ полудня, когда подъѣхавшій къ дому Николай Ивановичъ громко, по военному, позвалъ сторожа и, велѣвъ ему выпречь и выводить кобылу, спѣшно пошелъ въ камеру.

Сотскій съ Хведькомъ пріютились въ затѣненной сторонѣ дома и спали, первый—сидя и облокотившись объ стѣну, а второй—растянувшись на землѣ. Тутъ же недалеко подъ телѣгой съ выпряженною лошадью сидѣли два москаля, выпрямившихся и снявшихъ шапки при видѣ проходившаго судьи.

— Вы что? — бросилъ имъ мимоходомъ вопросъ судья.

— Да все къ твоей милости. За скопіями— письмоводитель баетъ, тебѣ только подписать.

— Это о лѣсной порубкѣ?

— Да тамъ нашей причины нѣтъ ни вотъ сколько, хотя онъ и доказывае на насъ, такъ это все по злобѣ.

— Ну, объ этомъ нечего толковать. Съѣздъ не отмѣнитъ моего приговора, знаете. Это ужъ вѣрно, знаете...—и пошелъ на крыльцо.

Встрѣченный въ пріемной письмоводителемъ, судья спросилъ, есть ли что, и въ камерѣ усѣлся на судейское мѣсто.

Письмоводитель подалъ цѣлую кипу бумагъ, требующихъ подписи. Закуривъ папироску и вздѣвъ на носъ пенсне, судья началъ шибко подписывать бумаги, изрѣдка только спрашивая „а это что?"

Письмоводитель объяснялъ, подписанныя бумаги присыпая пескомъ, и такъ дошло дѣло до акта о кражѣ сѣмянъ.

— А это еще что? — спросилъ судья.

— Прислали изъ волости съ арестантомъ. Сѣмена бурячные въ экономіи покрали.

— А, знаю! И судья разорвалъ пакетъ, сѣлъ, помѣтилъ и сталъ читать, сдвинувъ брови. Прочиталъ онъ, бросилъ бумагу къ прочимъ и хотѣлъ было вставать изъ-за стола, но письмоводитель спросилъ, что же дѣлать съ арестантомъ.

— Да онъ развѣ здѣсь? Я рапорта, знаете, и не прочиталъ; зовите сюда. Впрочемъ, знаете, напишите въ волость, чтобы отобрали подписку о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, знаете... И онъ размашисто написалъ въ концѣ акта постановленіе—Напишите сейчасъ. Послѣ прійдете ко мнѣ въ домъ: тутъ еще есть съ почты кое что... И вышелъ изъ камеры.

Письмоводитель, торопившійся обѣдать, не замедлилъ написать бумагу въ волостное правленіе объ отобраніи отъ Хведька подписки о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, сбѣгалъ къ судьѣ для подписи и, запечатавъ конвертъ, вмѣстѣ съ разносною книжкою передалъ проснувшемуся сотскому, приказавъ прислать сегодня же книжку обратно. На вопросъ сотскаго о томъ, что дѣлать съ арестантомъ, сказалъ только:

— Ступай! тамъ все написано — и пошелъ обѣдать, такъ какъ уже было 3 часа дня.

Въ волости Хведька опять заперли въ арестантскую, такъ какъ кромѣ дида Смалька никого не было,—даже и стойщики-десятскіе ушли обѣдать.

Сотскій, передавъ приказъ объ отсылкѣ книжки въ камеру сейчасъ же, какъ только кто изъ писарей прійдетъ, направился домой; а Смалько опять сунулъ Хведьку кусокъ черстваго хлѣба и улегся на „скрынѣ“ [1]) спать.

Отупѣлый, усталый Хведько сидѣлъ на полу арестантской и держалъ поданный ему хлѣбъ. Мысли путались въ головѣ; онъ ничего не понималъ изъ того, что съ нимъ творится. Зачѣмъ его водили къ судьѣ, зачѣмъ тамъ продержали чуть не цѣлый день? Равно не понималъ онъ и того, осудилъ ли его уже

---

[1]) Скрыня—сундукъ. Въ волостныхъ правленіяхъ деньги и документы хранятся въ такихъ скрыняхъ и на нихъ обязательно спятъ сторожа.

судья, или еще будетъ что-то страшное съ нимъ продѣлывать. Ему казалось, что въ той книжкѣ, которую при немъ передалъ сотскій диду Смальку, заключается именно все то страшное, что должны съ нимъ совершить, что это и есть отдача его въ руки почему-то озлобившагося на него старшины, который уже „кудысь то его завдасть“. Старшина представлялся ему какимъ то палачемъ, имѣющимъ совершить надъ нимъ съ особеннымъ злорадствомъ казнь. Въ немъ, въ старшинѣ, онъ видѣлъ единственнаго по сю пору своего преслѣдователя и чуть не единственную причину всего случившагося съ нимъ. Невидѣнный имъ судья въ его воображеніи представлялся только орудіемъ зложелательствъ къ нему старшины.

Въ этихъ размышленіяхъ все больше и больше разгоралось въ немъ чувство озлобленія и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своей силы. Ему казалось, что, попадись въ эту минуту въ его руки этотъ его преслѣдователь-старшина, онъ могъ бы разорвать его на-двое, задушить своими руками. Не сразу, разумѣется, онъ дошелъ до этого чувства злости; его флегматичная натура и непривычка къ выводамъ и умозаключеніямъ не допускали въ немъ моментальной вспышки, но чѣмъ медленнѣе все это озлобленіе разрабатывалось въ его существѣ, тѣмъ сильнѣе и устойчивѣе оно въ немъ засѣдало и разгоралось. Въ теченіе этихъ двухъ-трехъ часовъ сидѣнья въ арестантской, пока пришелъ писарь и послалъ за старшиною, Хведько дошелъ до высшей степени возбужденія, такъ что, услыхавъ голосъ пришедшаго старшины, онъ, вскочивъ на ноги, такъ застучалъ въ дверь, что старшина и писарь поспѣшили выслать къ нему дида Смалька.

— Чого тоби?—спросилъ дидъ, не отпирая двери: сыды, ось заразъ тебе выпустять до дому; я чувъ, якъ воны супере-чалысь: старшына каже, що не можно выпускать, а Андрей Мытровычъ вычитавъ бумагу, що мыровый прыславъ, щобъ вы-пустылы... Заразъ тебе поклычуть...

Хведько стоялъ около дверей и не зналъ, вѣрить или не вѣрить словамъ дида. Ему и въ голову не приходило, что его могутъ освободить, что съ нимъ не будутъ ничего дѣлать. Въ

это время онъ услыхалъ за дверьми всхлипыванiе и узналъ шепотъ матери, которая о чемъ-то спрашивала очевидно у Смалька. Дидъ буркнулъ только:—Ось заразъ его выпустять,—и пошелъ изъ сѣней.

Мать воспользовалась возможностiю поговорить, подошла къ двери арестантской и тихо сказала:

— Заразъ тебе пустять; я ходыла до Карла, прохала его— винъ казавъ, що помылують.

Эти слова для Хведька объяснили все непонятное: ему казалось, что Карло все сдѣлалъ и не дастъ его на пожранiе жестокому старшинѣ.

Въ это время онъ услыхалъ шаги дида, затѣмъ возню около дверного замка, и двери его темницы отверзлись. Дидъ Смалько держалъ одной рукою дверь, противъ которой стояла съ краюхой хлѣба, завязаннаго въ полинялый платочекъ, его мать. Она не была увѣрена въ успѣхѣ своего ходатайства и потому захватила хлѣба для сына. Увидѣвъ его, старуха заплакала и еще больше какъ то съежилась.

Хведько только глянулъ на мать и сейчасъ же отвернулся, насупивъ густые черные брови, и по указанiю дида пошелъ въ присутственную комнату правленiя, куда несмѣло послѣдовала старая Самчиха.

Тамъ за столомъ сидѣли писарь и старшина. Первый очевидно куда то торопился, потому что укладывалъ бумаги и сказалъ старшинѣ:

— Вы только прикажите, чтобы не отлучался никуда до суда, и пойдемте.—

Разносная книжка мирового судьи и волостного правленiя съ запечатаннымъ уже конвертомъ, въ коемъ находилась подписка, отобранная *отъ крестьянина слободы Андреевки Федора Андреева Самченкова*, о неотлучкѣ его изъ мѣста жительства, подписанная за неграмотнаго Хведька какимъ то Вѣтровымъ, лежала на столѣ.

Но старшина не могъ ограничиться только приказанiемъ о неотлучкѣ; онъ считалъ нужнымъ эту процедуру исполнить съ подобающею важностiю и соблюденiемъ своего достоинства.

— Ну! теперъ я тебе отпущаю. Иды, та не заходь никуды далеко зъ слободы, бо от-тутъ и пидпыска одъ тебе иміеться—показалъ онъ на конвертъ и на разносную книжку.

При этихъ разрѣшительныхъ словахъ старшины старая Самчиха, стоявшая по сю пору у притолки дверей, выдвинулась впередъ и повалилась въ ноги старшинѣ.

— И спасыби жъ вамъ Васыль Прокоповычъ, що вы оце за насъ бидныхъ устоюте, та захищаете! Дай Богъ вамъ здоровья и усякого добра!.. И старуха билась лбомъ объ полъ, обхватывая ноги старшины.

Эта неожиданная благодарность и возвеличеніе возбудили самомнѣніе Чаплія или, какъ онъ подписывался, Чапліова. Онъ не проминулъ и въ этомъ разѣ явить свое достоинство, самоусладительно повеличаться.

— Ты въ ногы не падай, а краще-бъ було навчать дитей на добро, щобъ не балувалысь, та началство не турбовали. Що тамъ мыровой? Я-бъ по своему ихъ повчывъ! Якъ бы оце по прежнёму, якъ було за панивъ, такъ узялы бы на конюшню по переду усёго тебе, стару суку, выхлосталы-бъ, а тоди вже й сыночка разложылы, та всыпалы-бъ такыхъ, щобъ памятка була..—говорилъ внушительно старшина.

Улегшееся было уже у Хведька чувство озлобленія къ старшинѣ при послѣдней его рацеѣ снова вспыхнуло. Ему такъ стало жалко старой плачущей и припадающей къ ногамъ матери, ему такъ противною показалась вся напыщенность внушенія старшины, высказываніе своихъ желаній сѣчь его несчастную мать, его самого, что онъ не выдержалъ, поднялъ за локоть съ полу старуху и опять, также какъ и вчера, грозно сказалъ:

— Буде, ходимъ! Чого вы ёму кланяетесь? Аже Карло казавъ, що простыть... Ходимъ!—

Старшина сразу было опѣшилъ отъ такого неожиданнаго перерыва его рацеи и отъ замѣшательства и злости не могъ произнести ни слова, а только когда уже Хведько съ матерью вышли въ сѣни крикнулъ:

— Зупыны його! Увзять пидъ арестъ! Ачъ яка тварюка!..

Но писарь, которому нужно было поскорѣе отдѣлаться и который понималъ всю усложненность дѣла этимъ вторичнымъ арестомъ, сталъ успокаивать разгнѣваннаго Чаплія.

— Что вы?! Что вы?—Василь Прокофовычъ? Стоитъ обращать вниманіе на всякую дрянь! Вы всегда успѣете свое сдѣлать. И на судѣ вы можете сказать судьѣ про него, да и послѣ всегда можно будетъ по волостному суду... А то вѣдь можетъ выйти еще какая кляуза, пойдутъ жалобы къ адвокату—и пошла писать...

Вскочившій было изъ-за стола старшина сѣлъ, но еще не успокоился.

— Ачъ яка гадына! Постой же!—повторилъ онъ ворчливо, но ничего больше не предпринималъ, остановившись вниманіемъ на весьма кстати ввернутомъ писаремъ страшномъ словѣ „кляуза“, усиленномъ въ его значеніи упоминаніемъ адвоката.

Хведько съ матерью, никѣмъ не удерживаемые, спѣшно ушли изъ волостного правленія, на крыльцѣ коего вскорѣ показался десятникъ съ разносными книжками, а затѣмъ и старшина съ писаремъ, тутъ же и распрощавшіеся.

Остался одинъ только дидъ Смалько, ворчавшій, очевидно, по поводу случившагося.

— Почне велычаться, знущаться! Такъ одна тильки звада!..

IX.

Хведько чуть-чуть не пустился бѣжать, вышедши изъ волостного правленія. Обтирающая слезы и сморкающаяся мать еле поспѣвала за нимъ. Они шли около построекъ винокурни, одинъ длинный сарай которыхъ глухою стѣною выходитъ на ярмарочную площадь. Впереди виднѣлось высокое съ тонкими вентиляціонными трубами зданіе сушки, а дальше торчала высокая труба главной паровичной топки завода. Уже вечерѣло; но народу не видно было: еще не возвращались ни люди, ни стада съ полей.

Шедшій впереди матери Хведько вдругъ сталъ замедлять шаги, увидѣвъ отъ моста идущихъ съ холстомъ на коромыслахъ

женщинъ. Ему стыдно было встрѣчаться съ кѣмъ бы то ни было; ему казалось, что уже всѣ знаютъ про случившееся. Пріотставъ шага на два отъ матери, онъ вдругъ буркнулъ:

— Идить сами, а я пiйду горою по-за заводомъ... И, свернувъ немного влѣво, пошелъ шибко на гору за сушкой, избѣгая какихъ бы то ни было встрѣчъ.

Поднявшись на гору, Хведько почувствовалъ себя внѣ всякой опасности: здѣсь его никто не встрѣтитъ, никто не станетъ разспрашивать и... никто не возьметъ его опять въ арестантскую. Онъ, казалось, въ эту минуту готовъ былъ силою отстоять себя. Тихій и хмурый по сю пору, въ эти послѣдніе дни, когда въ немъ загорѣлось чувство любви къ Мелашкѣ, когда онъ столько перестрадалъ душой, онъ почувствовалъ приливъ какой-то воспрянувшей въ немъ физической силы и рѣшимости.

Онъ легъ на горѣ. Внизу подъ горою широко разстилалась панорама селъ, освѣщенныхъ яркими лучами спустившагося уже почти совсѣмъ къ горизонту солнца. Слободы съ ихъ бѣлыми хатами, церквами, двумя заводами, винокуреннымъ и сахарнымъ, обширныя левады и блестящая лента рѣки занимали всю широкую долину и небольшими перерывами тянулись вверхъ и внизъ, теряясь въ синѣющей дали. Къ востоку легкимъ подъемомъ шла обширная площадь поля, испещренная поближе къ селу прямоугольными узорами посѣвовъ и сливающаяся въ дали съ горизонтомъ, чуть чуть очерчиваясь кое гдѣ курганами. Въ гущинѣ ближайшаго садка начиналъ пощелкивать соловей, а въ вербахъ левадъ закуковала кукушка. На виднѣющихся изъ-за высокихъ вербъ огородахъ копошились бабы, поливая капусту; дымки стали подыматься по садкамъ, гдѣ обыкновенно лѣтомъ варятъ пищу; по балкѣ съ откоса горы спускалось стадо...

Хведько лежалъ и любовался. Прилившая энергія и сила подъ впечатлѣніемъ этой картины, при мысли о возможности быть удаленнымъ отсюда куда-то далеко, куда *„завдають"* провинившихся, упала, и онъ ослабѣлъ духомъ, загрустилъ опять. Хотя онъ никогда и не создавалъ себѣ никакого идеала будущей своей жизни, не задавался даже мыслію о томъ, какъ будетъ жить, но теперь чувствовалъ, что что-то такое случилось,

что́ выбиваетъ его изъ обычной колеи, что́ нарушаетъ общій ритуалъ мужицкой жизни. Онъ боялся думать про Мелашку, отношенія къ которой, при всемъ пылѣ вспыхнувшей страсти, до сего времени онъ считалъ однимъ изъ жизненныхъ отправленій. Въ ней онъ видѣлъ свою дивчину, съ которой онъ по заведенному обычаю будетъ гулять на юлыци, спать на досвиткахъ, и на которой онъ женится, такъ какъ она ему нравится и вполнѣ подходитъ по ихъ взаимному положенію подъ понятіе невѣсты. Такъ это дѣлалось вокругъ его въ средѣ молодежи на его глазахъ, такъ—слышалъ онъ—поженились его отецъ и мать, такъ и ему предстояло пройти всѣ эти стадіи жизни крестьянина. Но теперь онъ сознавалъ, что этотъ порядокъ нарушается; онъ смекалъ, что еще не все кончилось въ дѣлѣ о сѣменахъ, хотя и не зналъ навѣрное, что́ такое именно будетъ. При мысли о Мелашкѣ онъ задавался вопросомъ о томъ, не отстранится ли теперь она отъ него, но какъ только въ мысляхъ наталкивался на возможность засылки его куда то и тѣмъ самымъ разлуки съ Мелашкой, ему становилось такъ больно, что онъ старался не думать о ней.

Всѣ эти размышленія опечаливали его. Ему становилось жаль самого себя.

Свечерѣло уже совсѣмъ. Дымъ отъ огнищъ стлался надъ садками; по слободѣ слышно было мычаніе коровъ, кой-гдѣ лай собакъ. Даль все больше и больше заволакивалась туманною дымкою; на освѣщенномъ еще небѣ запада загорѣлась заря, а затѣмъ и другія звѣзды начали показываться.

Хведько схватился и пошелъ внизъ черезъ большой экономическій садъ. Перепрыгнувъ черезъ одинъ-другой плетень, онъ вышелъ на дорогу около рѣки и затѣмъ пошелъ не улицей, а левадами и садками крестьянскихъ усадьбъ. Левады, садки и огороды, по которымъ онъ пробирался домой, были или вовсе не загорожены, или только отдѣлялись иногда канавками и рѣдко небольшими плетнями. Никто бы не удивился, если бы даже встрѣтилъ его у себя на огородѣ, а особенно въ уваженіе къ его *парубоцтву*, но онъ тѣмъ не менѣе шелъ крадучись, боясь встрѣтиться съ кѣмъ бы то ни было, и воровски пробирался са-

мымъ берегомъ рѣки по протоптанной дорожкѣ, минуя грядки капусты, кладки къ рѣкѣ, и кое гдѣ парники розсадные на столбикахъ. Соловьи такъ и заливались по садамъ; въ прибрежномъ камышѣ тоже что-то чирикало, да лягушки квакали на томъ берегу.

Такъ онъ прошелъ нѣсколько огородовъ хорошо ему знакомыхъ Колтуновыхъ, Мирошниченковыхъ, Дубоваго, Журиленка, цѣлый рядъ Толочковыхъ, вдовы Софы, Настюченка, и наконецъ вошелъ въ садъ Коткова. Для него этотъ садъ не былъ садомъ Котка, а садомъ Мелашки безъ всякой фамиліи. Отсюда было уже не далеко, только черезъ два огорода, и до своего сада. Огородъ Мелашки вдавался косою въ рѣку, и Хведьку пришлось идти не надъ водою, а повыше капустниковъ протоптаною дорожкой. Тихо было въ саду,—слышенъ былъ шелестъ листьевъ на высокой осинѣ. Выткнувшись изъ-за калиновыхъ кустовъ на широкую дорожку, ведущую отъ двора къ рѣкѣ, Хведько послышалъ въ сторонѣ сада какое-то всхлипыванье. Онъ остановился и даже подался назадъ въ кусты, боясь показаться на дорожкѣ. Кто-то всхлипывалъ и чмыхалъ носомъ очень близко отъ него, шагахъ въ пяти-шести подъ развѣсистой яблоней. Онъ припалъ къ землѣ и сталъ прислушиваться, но въ тѣни ничего не могъ высмотрѣть. Что-то *маячило*, но кто это—онъ не могъ узнать. Такъ и остался онъ на мѣстѣ, припавши къ землѣ. Подъ яблоней послышался вздохъ—и опять все затихло.

Въ сторонѣ двора послышался скрипъ воротъ и вслѣдъ затѣмъ окликъ.

— Мелашко! чы ты скоро тамъ? Несы!

— Та иду-жъ!—отозвался другой голосъ тутъ же около Хведька подъ яблоней.

Это была Мелашка. Поднявши ведра, она направилась по дорожкѣ въ сторону двора.

Какъ ужаленный, вскочилъ Хведько и однимъ скачкомъ очутился около дѣвушки, которая испугалась и чуть не бросила ведеръ съ коромысломъ.

— Це я, не лякайся! шепотомъ сказалъ Хведько и схватилъ ее за руку.

— А!—только и могла произнести Мелашка. Они ничего не могли сказать другъ другу. Первая пришла въ себя Мелашка.

— Пусты—сказала потихоньку она... Иды до дому; тамъ маты твоя за тобою убывается, а згодомъ прыходь сюды, я выйду... И оправивъ плечомъ коромысло, она пошла по дорожкѣ.

Хведько остался на мѣстѣ и черезъ нѣсколько минутъ послышалъ голосъ Мелашкиной матери, Катри Котыхы, которая приказывала вылить воду въ *„зризокъ“*.

Онъ пошелъ дальше и черезъ нѣсколько минутъ смѣло уже подходилъ въ крыльцу своего дома, отмахиваясь отъ ласкающейся собаки Рябка.

Старуха Самчиха укладывалась было уже въ сѣняхъ, когда заскрипѣли ступеньки расшатаннаго крылечка. По ласкательному визгу Рябка она узнала, что это идетъ Хведько, и отсунула засовъ дверей.

— Це ты?—спросила старуха и, не дожидаясь отвѣта, продолжала: роздягайся, повечеряешь; я зварыла галушечокъ.

Хведько скинулъ черкеску и сѣлъ на лавкѣ. Приглашеніе матери повечерять напомнило ему, что онъ не ѣлъ еще отъ вчерашняго вечера, такъ какъ кусокъ хлѣба, данный ему дѣдомъ Смалькомъ, такъ и остался нетронутымъ въ арестантской, и потому ему очень захотѣлось ѣсть.

Старуха засвѣтила *каганецъ* и подала на столъ въ мискѣ еще не совсѣмъ простывшія галушки, набравши ихъ изъ казанка, въ которомъ онѣ варились на огородѣ. Хведько помылъ руки и сѣлъ вечерять.

— Варылы уси у Хряпчихы на городи; тамъ и Котыха варыла. Мелашка прыйшла съ Иржавця, такъ розсказувала, що тамъ уся челядь гомоныть що тебе занапрасно тягають, що симья вкравъ Цюпенко та Котлярывъ Йосыпъ, такъ и Чумакъ дидъ розсказуе...—говорила мать, пока сынъ ѣлъ.

— Я вже не знала, що й думать, що оце тебе такъ довго не було... Ты бъ такъ и розсказавъ началныкамъ... А то, бачъ, хто наброивъ, а тоби одному у одвити буть! Це хоть кому сказать! Карло казавъ, що простыть... Тутъ вже такого наказалы... И у Сибиръ, у тюрму... Ще якось казалы... у ротъ рештанскый,

чы якъ тамъ... Бачъ, якъ тоди ото цей самый Цюпа продавъ Жердеву вирёвку, такъ и выкрутывся, тилько й того, що старшына побывъ, а мыровый оправывъ—толковала старуха, сидя на другомъ концѣ стола и смотря на сына, молча хлебающаго юшку съ галушками.

При словахъ матери о томъ, что старшина билъ Цюпу, Хведько вздрогнулъ, но затѣмъ опять продолжалъ вечерять.

— Якъ бы такы хоть батько бувъ дома, усе бъ такы не то. Винъ бы, знавъ кого и якъ попросыть, чи помогорычить тамъ кого пидъ цей случай. А то хто його знае, якъ и до кого прыступыть. Такъ усе одно, якъ ти сыроты безъ батька... Старуха входила въ жалобный тонъ и, разстроенная цѣлодневнымъ плачемъ, не выдержала и заплакала.

Сынъ насупился и сказалъ:

И чого плакать?!—Больше онъ не могъ ничего придумать въ утѣшеніе, положилъ ложку, обтерся рукавомъ, всталъ изъ-за стола, помолился и опять сѣлъ на лавкѣ въ раздумьѣ.

Старуха молча прибрала миску, покрыла настольникомъ лежавшую на столѣ краюху хлѣба и, стоя уже передъ сыномъ, начала опять:

— А тутъ оце й хлиба у насъ уже не багатечко. Пшеныччного ще трохы есть, а жытнёго—такъ якъ на два або тры печыва. Я то усе думала, що хоть трохы дадуть зъ конторы, колы воны строковымъ выдаютъ, а дивчата—що тамъ воны зароблять?!... Горпыни хоть по 15 копіекъ якъ и усимъ даютъ, а Польци й того нема—высказывала она свои заботы.

Хведько всталъ и потянулся къ черкескѣ и за шапкой. Мать повернулась къ каганцу, не переставая говорить.

— Тоби треба завтра пійты туды—(подразумѣвалась экономія)—вже жъ що небудь та скажуть. До самого Карла треба доступыться... Ты дежъ ляжешь? на присинкахъ? Такъ возьмы рядныну та подушку—добавила она вслѣдъ выходящему изъ хаты въ сѣни Хведьку.

— Ни, я ляжу тамъ... де небудь пидъ повиткою, або у половныку—отвѣтилъ нерѣшительно Хведько, ушелъ съ крыльца и направился къ заднимъ воротамъ двора.

Потушила старуха каганецъ, задвинула сѣни и вздыхая легла около давно уже спавшихъ дочерей, Горпыны и Польки.

Хведько тѣмъ временемъ пробирался по садамъ къ Мелашкѣ; шелъ онъ сначала не спѣша, обдумывая все высказанное матерью, а еще болѣе размышляя о томъ, какъ ему идти завтра въ экономію и что ему и кому тамъ говорить; но по мѣрѣ приближенія къ саду Котка, онъ началъ ускорять шаги, а послѣ, бросивъ всѣ заботы, всѣ эти неразрѣшимыя имъ задачи, шибко пошелъ подъ яблоню.

Мелашка была уже тамъ. Она сидѣла на землѣ и при приближеніи Хведька тихонько кашлянула.

Хведько сѣлъ около нея и взялъ ее за руку. Говорить изъ нихъ никто не начиналъ. Такъ сидѣли они молча рядомъ, рука въ руку, и словно токъ пробѣгалъ по нервамъ каждаго изъ нихъ и заставлялъ отъ времени до времени сильнѣе сжимать другъ другу руки.

— Що жъ ты ничого не кажешъ?—первая начала Мелашка, высвободивъ свою руку.

— А щожъ я скажу?—отвѣтилъ Хведько: Ты-жъ сама усе знаешъ... бачъ яка напасть, хто ёго знае, що буде...

Мелашка, какъ бы вспомнивъ угрожающую ему опасность, вдругъ обхватила его за шею руками, припала на его плечо и разрыдалась.

Несчастный парубокъ окончательно растерялся; онъ слышалъ ея плачъ, на плечѣ чувствовалъ ея слезы, ощущалъ ея вздрагивающее тѣло и не зналъ, что ей сказать, чѣмъ унять ея рыданія. Только и могъ онъ обнять ее и посильнѣе прижать къ себѣ. По сю пору, при обдумываніяхъ своего положенія, ему становилось жалко самого себя, и даже при мысли о Мелашкѣ жалость его имѣла чисто эгоистичный характеръ: ему больно было утерять ее, прервать отношенія съ нею, представлять ее принадлежащею кому другому; въ настоящую же минуту ему жалко стало ее, ему было больно потому, что она страдала. Чего бы только онъ не далъ въ эту минуту, чтобы унять ея рыданія, утолить ея душевную боль, силу которой онъ видѣлъ и чувствовалъ въ этомъ плачѣ, вздрагиваніи, въ этихъ нерв-

ныхъ объятіяхъ, которыми она какъ бы старалась удержать его при себѣ, воспротивиться всякой разлукѣ.

Бѣдный Хведько только прижималъ ее къ себѣ, но не находилъ словъ къ утѣшенію и даже не умѣлъ ласкою какъ нибудь отвѣтить на ея выраженія любви и страданія. Подбородокъ его ощущалъ прильнувшіе къ его груди волосы ея головы, съ которой ссунулся головной платочекъ, и онъ наконецъ со словами „буде, буде, не плачъ“ началъ гладить ее по волосамъ. Отъ этой ласки еще судорожнѣе забилась несчастная дѣвушка у него на груди. Причитывала Мелашка, выливая въ этой импровизаціи и слезахъ свое горе, и все это шепотомъ, что еще болѣе придавало страстности ея выраженіямъ.

Не выдержалъ и Хведько, повернулъ немного ея голову и, припавъ устами къ ея лбу, началъ тоже плакать.

Какъ взаимодѣйствующія двѣ силы уничтожаются, такъ слезы Хведька отрезвили Мелашку, и она, переставъ плакать, начала утѣшать друга.

— Ще може, Богъ дасть, воно й такъ обійдеться—сказала она. Погримають—тай ничого не буде.

Эта надежда ободрила Хведька, и они начали шепотомъ толковать про дѣло. Бойкая и умная Мелашка настаивала на томъ, что онъ не виноватъ и не обязанъ отвѣчать за чужіе грѣхи, что ему слѣдуетъ разсказать всю суть дѣла и тѣмъ снять съ себя всякую отвѣтственность. Хведько въ минуту этихъ внушеній готовъ былъ исполнить совѣты, но онъ никакъ не могъ себѣ представить, какъ это онъ будетъ объясняться передъ Карлой, а еще болѣе передъ ненавистнымъ старшиною. Но тѣмъ не менѣе онъ на внушенія и совѣты отвѣчалъ: „Такъ що жъ, такъ и скажу, такъ и розскажу!“

Мелашка тихимъ шепотомъ вела безконечный разсказъ о томъ, какъ на *„курени“* узнали про случившееся, какъ всѣ въ одинъ голосъ порѣшили, что сдѣлать этого не могъ *„Попокъ“*, что къ вечеру откуда то стали извѣстны подробности этого дѣла, что старый Чумакъ „гримавъ“ на Цюпенка за то, что онъ подвелъ Хведька, и даже сильно выругалъ его, что она, Мелашка, хотѣла было, когда Карло объѣзжалъ плантаціи,

подойти и прямо ему разсказать; какъ она тосковала цѣлый день и какъ, когда полольщицъ часть свели на другую плантацію, а они „*ще сонце не сило*“ какъ кончили полку на Иржавцѣ, она записалась и пошла домой съ Дудецькою Параскою; какъ она нарочно заходила до Параски, чтобы послѣ имѣть возможность пройти мимо волости, какъ она постояла у двора Михеихи и все смотрѣла на крыльцо волости; какъ, наконецъ, она увидала мать Хведька и чуть-чуть было не расплакалась... и т. д. и т. д... Какъ шелестъ листьевъ, какъ шумъ ручейка текла рѣчь дѣвушки, обнимавшей и обнимаемой, прижимающейся и прижимаемой парубкомъ. Такъ и не *счулысь* они, какъ прошла короткая лѣтняя ночка, забѣлѣло на востокѣ, и въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи показался съ удочками на плечѣ рыбалка Хряпко, собравшійся посидѣть зорьку.

Еще разъ крѣпко-крѣпко обнялись влюбленные и разстались, пообѣщавшись сойтись на другую ночь. Мелашка кошечкой пробѣжала на крыльцо своей хаты, гдѣ была ея несмятая подушка, а Хведько, раздвигая кусты вишняка, добрался до половника, куда и завалился спать.

X.

Долго пришлось старой Самчихѣ расталкивать крѣпко спавшаго Хведька, а послѣ уговаривать его идти въ экономію для объясненій. Смерть не хотѣлось ему идти по слободѣ своей и Бемовкѣ, встрѣчаться съ людьми. Стыдно и совѣстно было ему. Наконецъ онъ, по настоянію матери, рѣшился пойти, но и то пошелъ не улицей и черезъ мостъ, а переправился на челнокѣ черезъ Осереду и пробирался черезъ Бемовку, гдѣ только можно было пройти садами, левадами и огородами. Такъ, ни съ кѣмъ не встрѣчаясь, онъ выбрался за слободу и черезъ выгонъ дошелъ до экономіи. Долго выбираясь изъ дому и затѣмъ удлиннивъ себѣ путь обходами, онъ попалъ въ экономію тогда уже, когда Карло уѣхалъ въ поле, и потому только часамъ къ 10-ти успѣлъ добиться аудіенціи. Карло, чѣмъ то разсерженный, принялъ

Хведька далеко не благосклонно: *„шортъ“*, *„прокляти“*, *„воры“* такъ и пересыпали всю его малопонятную просителю рѣчь, и объясненіе кончилось тѣмъ, что Хведька отправили въ контору, гдѣ, подождавъ часа два, пока конторщикъ ходилъ къ Карло, что то считалъ и списывалъ, онъ получилъ разсчетъ за службу 4 руб. 30 коп. Тутъ же конторщикъ объяснилъ, что его не велѣно принимать на работу и что его мировой судья еще будетъ судить.

Убитый, униженный, запуганный предстоящимъ отвѣтомъ, вернулся Хведько часамъ къ 2-мъ по полудни домой и отдалъ матери полученныя деньги. Поѣвъ кое чего, онъ принялся было копаться по хозяйству, помогалъ старухѣ складывать въ кучки просыхавшій кизякъ; но дѣло не спорилось: изъ головы не выходила мысль о предстоящемъ судьбищѣ. Отъ времени до времени ему вспоминался разсерженный и грозный Карло, припоминалъ онъ, что хотѣлъ было разсказать ему всю правду, выдать Цюпу, но не умѣлъ и не успѣлъ этого сдѣлать, потому что Карло не далъ ему говорить. Куда теперь идти, гдѣ искать помощи—онъ и придумать не могъ. Въ одномъ только онъ и видѣлъ утѣшеніе въ своей скорби,—это въ свиданіяхъ съ Мелашкой, и потому ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера, когда опять можно будетъ пробраться въ садокъ подъ яблоню. О присутствіи Мелашки дома онъ зналъ по ея пѣснямъ, слышавшимся съ огорода въ теченіе дня.

Была суббота, и ей нашлось дѣло и дома: помогала матери кое-что прополоть на огородѣ, кое что помыть, постирать, помочить и разостлать холсты и наконецъ по обычаю помазать печь, припечекъ...—*„де що побилыты, де що попидводыты“*. На огородѣ при работѣ она не переставала пѣть и въ пѣснѣ выливала и переполненность души своей любовью, и тоскливое чувство опасеній за участь Хведька.

Такъ и день прошелъ; зазвонили къ вечернѣ. Садилось солнце; люди раньше обыкновеннаго сходились съ полей; село, безлюдное днемъ, наполнилось народомъ. Вотъ уже и отъ вечерни прошли старухи, такъ какъ лѣтомъ мало ходитъ людей къ вечернѣ въ церковь—некогда.

Не долго въ эту ночь посидѣли подъ завѣтной яблоней Хведько съ Мелашкою. Онъ успѣлъ ей разсказать про свое неудачное хожденіе къ Карло, а она передала ему со словъ Софы сосѣдки, ходившей къ Жердеву въ кабакъ за водкой, такъ какъ у нея завтра сороковины по матери, что кабатчикъ хлопочетъ по дѣлу: былъ у письмоводителя мирового и въ понедѣльникъ поѣдетъ къ кому то въ городъ. И разошлись они, такъ какъ завтра воскресенье, нужно побывать у обѣдни, и еще прійдется идти въ экономію за деньгами за работу.

Настало воскресенье. Хведько положительно не зналъ куда дѣваться. Выходить на село, хотя бы на свою улицу, ему не хотѣлось. Мать ушла къ обѣднѣ, дивчата-сестры тоже, и онъ томился бездѣйствіемъ и скукою. Вернувшаяся мать разсказывала, что мировой собирается сегодня ѣхать куда-то за Донъ и вернется только къ концу недѣли, что такъ ей говорила Татьяна Орлова, которой дочка служитъ у мирового; что письмоводитель, къ которому Самчиха обратилась по рекомендаціи той же Татьяны, сказалъ, что имъ нечего бояться, что Хведька *„не зажснуть“*, и наконецъ, что Пучинскій Тищенко нанимаетъ къ горну, гдѣ выжигается известка, по 30 коп. въ сутки на его харчахъ. Послѣднее было утѣшительно тѣмъ, что давало возможность имѣть хоть какую нибудь работу.

Не хотѣлось Хведьку идти изъ дому къ горну, не повидавшись съ Мелашкой, и потому онъ пролежалъ у себя въ садку, съ нетерпѣніемъ ожидая вечера. Но еще и къ вечернѣ не благовѣстили, какъ въ саду Мелашки послышалась пѣсня, поднявшая его и заставившая воровски по кустамъ пробраться къ ней. Мелашка въ подтыканой юбкѣ таскала воду изъ рѣки и поливала капусту. Ея мать, старая Котыха, была тамъ же, но въ очипкѣ и принаряженная, очевидно куда-то собравшаяся идти, и только указывала дочери, какъ поливать, а сама не помогала ей. Хведько лежалъ притаившись въ бурьянѣ. Наконецъ, Котыха, сказавъ дочери, что отъ вечерни зайдетъ еще *„до кумы Хвесъкы“*, отправилась.

По кашлю Мелашка узнала о пребываніи Хведька въ бурьянѣ и, такъ какъ по сосѣднимъ огородамъ тоже поливали ка-

пусту и могли ихъ видѣть, то она приглашала его въ садокъ вечеромъ; но узнавъ, что ему къ ночи нужно быть на Пучинѣ у горна, она указала ему „*комору*", куда ему можно было сейчасъ же пробраться и гдѣ ихъ никто не увидитъ.

Черезъ полчаса они были уже вмѣстѣ въ коморѣ, запертой извнутри засовомъ, и могли опять на свободѣ предаваться и печальнымъ обсужденіямъ предстоящей раздѣлки за бураки, и взаимнымъ ласкамъ. Мелашка разсказала, что на всю недѣлю она уйдетъ „зъ дивчатами и зъ Сохвою на бахчу около Липового хутора"...

Услыхавъ скрипъ воротъ, Мелашка выпустила Хведька и поспѣшила на встрѣчу матери, впускавшей въ ворота вернувшуюся съ поля корову.

Б. Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XVII.

Проѣздъ Императора Александра I и Императрицы Елизаветы Алексѣевны черезъ Новгородъ-Сѣверскъ.—Возвращеніе мое въ Черниговъ.—Вѣсть о кончинѣ Александра I.—Присяга.

Въ томъ-же 1825 году, во 2-й половинѣ августа, проѣзжалъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ Императоръ Александръ I-й, а вслѣдъ за нимъ супруга его Императрица Елизавета Алексѣевна по пути ихъ въ Таганрогъ. По этому случаю городъ чистили, поправляли улицы и самыя строенія; квартира для Высочайшихъ путешественниковъ назначена была въ домѣ помѣщика Судіенка. Ко времени пріѣзда Государя прибыли въ Новгородъ-Сѣверскъ: главнокомандующій Сакенъ, корпусный генералъ князь Щербатовъ и малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Рѣпнинъ. Государь обѣдалъ въ селѣ Понoровкѣ у бывшаго сенатора Михаила Павловича Миклашевскаго. Вошедши въ залъ дома его, государь взглянулъ на росписанный въ ней потолокъ и спросилъ: это работа Гваренги? Такъ точно, Ваше Величество, отвѣчалъ хозяинъ. Изъ Панoровки Императоръ прибылъ въ городъ часовъ въ 7 вечера. Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ фуражкою на головѣ, держа руку подъ козырекъ; подлѣ него въ коляскѣ сидѣлъ генералъ Дибичъ. Народъ наполнялъ улицы, по

[1]) См. Кіев. Ст. 1894 г. № 1.

которымъ слѣдовалъ царскій экипажъ, и особенно толпился передъ домомъ его квартиры, привѣтствуя Императора крикомъ: ура!.. За экипажемъ государя слѣдовало множество другихъ экипажей съ царскимъ багажемъ. Лишь только весь этотъ поѣздъ въѣхалъ въ обширный дворъ Судіенкова дома, ворота его заперли, и народа внутрь двора не пускали. Здѣсь случилось слѣдующее происшествіе: жена городскаго головы Лейковскаго, много хлопотавшаго по случаю пріѣзда государя, увидѣвъ, что по входѣ мужа ея во дворъ, ворота заперли, испугалась и полумертвая упала съ дрожекъ; ее отвезли домой. Когда о томъ доложено было государю, онъ тотчасъ же послалъ сопровождавшаго его лейбъ-медика Вилье, но помощь оказалась уже излишней: смерть несчастной послѣдовала мгновенно при паденіи съ дрожекъ. По временамъ изъ воротъ выходили на улицу представлявшіяся государю лица и говорили о томъ, что узнавали внутри двора. Уѣздный предводитель, или, какъ тогда онъ назывался, маршалъ дворянства, Лашкевичъ сказывалъ намъ, что государь видѣлъ жену его на станціи Чайкинъ хуторъ, поцѣловалъ у ней руку, и сказалъ, что она кланяется ему, Лашкевичу; что государь, выйдя на крыльцо Судіенкова дома, встрѣтилъ жену умершаго Новгородъ-Сѣверскаго казначея съ прошеніемъ въ рукѣ и также поцѣловалъ ея руку, говоря смутившейся просительницѣ, что онъ, какъ кавалеръ, обязанъ это сдѣлать. Въ тотъ-же вечеръ получена на прошеніи означенной дамы Высочайшая резолюція, по которой выдано просительницѣ изъ уѣзднаго казначейства единовременно 300 руб. ассигнаціями. На другой день, рано утромъ, толпа народа опять собралась у квартиры государя и впущена была внутрь двора. Мы видѣли, какъ суетились около дома генералы и ихъ адъютанты, видѣли, что придворный камеръ-лакей черезъ дворъ несъ въ домъ на блюдѣ ледъ, которымъ государь имѣлъ обыкновеніе, вставши съ постели, вытирать свое тѣло.

Запряженный шестерикомъ экипажъ государя подъѣхалъ къ крыльцу, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его выхода. Новгородъ-сѣверскій городничій Александеръ, верхомъ на лошади, стоялъ предъ коляской, что-бы ѣхать впереди ея. Выйдя изъ

дома и сѣвъ въ коляску, государь приказалъ Александеру провожать его въ квартиру главнокомандующаго. По отъѣздѣ государя, народъ бросился въ квартиру его и, увидѣвъ на полу залы разостланную солому, на которой государь изволилъ почивать, расхваталъ эту солому на память о немъ. Въ ожиданіи, что государь отъ квартиры главнокомандующаго будетъ выѣзжать изъ города мимо Спасо-Преображенскаго монастыря, народъ столпился у святыхъ воротъ его, гдѣ духовенство въ облаченіи стояло для встрѣчи Его Величества. Вскорѣ показался царскій экипажъ; государь, увидѣвъ духовенство, велѣлъ кучеру повернуть лошадей къ монастырю, сошелъ съ экипажа (Дибичъ оставался въ немъ), приложился ко кресту и по окропленіи святой водой послѣдовалъ за архимандритомъ Геннадіемъ въ главный монастырскій соборъ; выслушавъ тамъ краткій молебенъ, онъ вышелъ на паперть и нѣсколько времени на ней ожидалъ, пока изъ алтаря поднесутъ ему предложенную архимандритомъ въ напутствіе икону. Въ этомъ ожиданіи государь спросилъ: нѣтъ-ли въ монастырѣ какихъ либо мощей, и не погребены-ли въ немъ особенно замѣчательныя лица? Архимандритъ отвѣчалъ, что мощей въ монастырѣ нѣтъ и что погребенъ въ немъ лишенный архіерейскаго сана, бывшій могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій. А! помню, сказалъ государь. Я съ женою моею стоялъ у самыхъ перилъ монастырскаго мостика, по которому проходилъ императоръ, и видѣлъ, что онъ въ это время немного прихрамывалъ. Когда царскій экипажъ переправляли на паромахъ черезъ рѣку Десну и ея притокъ Вить, Императоръ, смотря на городъ, сказалъ: это въ миніатюрѣ Кіевъ, и въ это время карандашемъ что-то чертилъ въ своемъ портфелѣ. Говорили, что въ найденныхъ по смерти его въ Таганрогѣ бумагахъ, онъ намѣревался сдѣлать Новгородъ-Сѣверскъ военнымъ городомъ.

Дней черезъ пять послѣ Императора прибыла въ Новгородъ-Сѣверскъ съ особеннымъ, также многочисленнымъ поѣздомъ супруга его Елизавета Алексѣевна, тоже вечеромъ. Окна въ ея каретѣ были завѣшены сторами; никто изъ городскихъ жителей не видалъ ее, потому что она была нездорова.

Во время ея прибытія, была гроза съ проливнымъ дождемъ, какъ-бы предвѣщавшая, что Императрица, какъ и Вѣнценосный супругъ ея, уже не возвратится въ столицу. Императрицу сопровождалъ князь Волконскій. За квартированіе Государя и Государыни въ домѣ Судіенка, управляющій имѣніемъ послѣдняго получилъ отъ нихъ по золотой табакеркѣ.

Проживъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ сверхъ вакаціоннаго времени до половины сентября того-же 1825 года, я долженъ былъ съ женою моею отправиться на мѣсто моей службы въ Черниговъ. Много было слезъ при нашемъ прощаніи: родители и дочь ихъ разставались въ первый разъ въ жизни своей. Я опасался, что въ Черниговѣ, во время служебныхъ отлучекъ моихъ изъ моей квартиры, жена моя, оставаясь одна, будетъ грустить въ разлукѣ съ своими родителями; но къ счастію она на первыхъ же порахъ познакомилась съ женою семинарскаго эконома, протоірея Огіевскаго, которая полюбила ее и часто приглашала къ себѣ. Мы жили въ Черниговѣ спокойно и весело, какъ вдругъ разнеслась по городу печальная вѣсть, поразившая всю Россію, вѣсть о кончинѣ Императора Александра въ Таганрогѣ 19-го ноября. Вѣсть эта получена въ Черниговѣ въ началѣ декабря. Всѣ жители города присягнули новому Императору Константину Павловичу. Въ день этой присяги мнѣ случилось быть на именинахъ у одного городского священника. Одинъ изъ гостей разсказывалъ, что онъ видѣлъ во снѣ гробъ Императора Александра, предъ которымъ стоялъ Великій князь Константинъ Павловичъ безъ короны, а за симъ послѣднимъ находился Великій князь Николай Павловичъ въ коронѣ. Въ то время никто въ Черниговѣ не могъ еще знать о возшествіи на престолъ Николая Павловича. 20-го декабря въ семинаріи производился полугодовой экзаменъ. Ректоръ семинаріи, войдя въ классъ, вынулъ изъ кармана бумаги, подалъ ихъ мнѣ и велѣлъ читать: это были документы объ отреченіи Константина Павловича отъ престола и о вступленіи на престолъ Николая Павловича, которому всѣ мы и учинили присягу. На праздникъ Рождества Христова я съ женою моею пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ первый день праздника я былъ съ

тестемъ моимъ у Новгородъ-Сѣверскаго архимандрита, у котораго собралось много гостей, и при нихъ я разсказывалъ о принесенной въ городѣ Черниговѣ второй присягѣ.

Находившійся въ числѣ гостей уѣздный стряпчій подошелъ къ тестю моему и внушительно сказалъ ему: „зять вашъ сдѣлалъ противузаконный поступокъ: объявилъ здѣсь о какой-то новой присягѣ, о которой здѣсь не получено оффиціальнаго извѣстія". Можетъ быть, этотъ строгій стражъ закона причинилъ-бы мнѣ непріятность; но въ тотъ-же день въ городѣ полученъ былъ указъ о новой присягѣ; въ тотъ-же день одна знакомая дама получила изъ Петербурга и намъ передала извѣстіе о бывшемъ въ Петербургѣ 14-го декабря бунтѣ.

XVIII.

Охотинъ, его способности, познанія и характеръ.

Послѣ упомянутыхъ Рождественскихъ праздниковъ я возвратился въ Черниговъ, но, къ сожалѣнію моему, уже не засталъ въ немъ товарища моего Якова Ивановича Охотина, уѣхавшаго на свою родину; въ немъ черниговская семинарія лишилась отличнаго преподавателя, а я искренняго друга, какого уже не имѣлъ въ средѣ моихъ черниговскихъ сослуживцевъ.

Въ предъидущихъ моихъ воспоминаніяхъ я мимоходомъ упомянулъ о немъ, теперь скажу о немъ болѣе, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ. Обучаясь съ нимъ въ С.-Петербургской духовной академіи, я жилъ не въ одномъ съ нимъ номерѣ и мало зналъ его, кромѣ того, что онъ, какъ знатокъ церковнаго пѣнія, заправлялъ хоромъ студентовъ и писалъ для этого хора наизусть ноты для церковныхъ пѣснопѣній, какія онъ запомнилъ, обучаясь въ нижегородской семинаріи; зналъ еще то, что когда намъ отъ профессоровъ нашихъ давались для сочиненій проблематическія темы, Охотинъ ходилъ по номерамъ, прислушивался къ толкамъ и преніямъ студентовъ объ этихъ темахъ, скоро писалъ на нихъ свои сочиненія и прежде всѣхъ насъ подавалъ ихъ профессорамъ, получая за нихъ одобреніе.

Въ Черниговской семинаріи, преподавая русскую словесность въ продолженіе двухъ лѣтъ, Охотинъ показалъ, что онъ былъ мастеръ своего дѣла. Самъ онъ очень хорошо писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ и весьма успѣшно училъ тому-же своихъ учениковъ. Въ то время еще не было хорошаго руководства для преподаванія русской словесности: Охотинъ самъ составилъ такое руководство въ краткихъ, ясныхъ и вразумительныхъ своихъ запискахъ, по которымъ преподавалъ свой предметъ. Подобно бывшему въ Армейской семинаріи учителю словесности Мансветову, Охотинъ болѣе всего обращалъ вниманіе на практическія упражненія учениковъ въ сочиненіяхъ; онъ часто заставлялъ ихъ подъ своимъ руководствомъ въ классѣ писать краткіе отвѣты на задаваемыя имъ темы, а въ квартирахъ составлять на нихъ цѣлыя сочиненія. По числу учениковъ риторическаго класса (до 150) у него набиралось множество такихъ упражненій, и онъ неутомимо занимался ихъ исправленіемъ, просиживая надъ этимъ дни, а часто и цѣлыя ночи; въ классѣ онъ разбиралъ исправленныя имъ сочиненія и заставлялъ учениковъ передѣлывать ихъ. Желая доставить ученикамъ возможность улучшить слогъ ихъ сочиненій, посредствомъ чтенія лучшихъ новѣйшихъ произведеній русской словесности, какихъ тогда не имѣлось въ семинарской библіотекѣ, онъ предложилъ своимъ ученикамъ сдѣлать складчину, кто сколько можетъ, и на собранныя такимъ образомъ деньги выписывалъ книги. Такъ составилась небольшая ученическая библіотека, которою распоряжался самъ Охотинъ, выдавая ученикамъ изъ нея книги, назначая каждому статьи для прочтенія, требуя въ чтеніи отчета, объясняя притомъ въ прочтенныхъ статьяхъ развитіе мыслей, ихъ планъ и изложеніе.

Результатомъ такого метода преподаванія было то, что черезъ два года на переводномъ экзаменѣ ученики Охотина показали такіе успѣхи въ словесности, какихъ до него въ черниговской семинаріи ученики риторики не оказывали. Впослѣдствіи сдѣлавшись священниками, или поступивши въ Академію, ученики Охотина всегда благодарили его за свое развитіе, которымъ въ значительной степени были обязаны ему. Долгое

время, бывшіе послѣ Охотина преподаватели словесности въ черниговской семинаріи, пользовались его записками, но не имѣли его искусства примѣнять ихъ къ дѣлу, не умѣли подобно ему учить. Охотинъ былъ рѣдкій преподаватель словесности; подобнаго ему я зналъ только въ лицѣ Чалаго, учителя словесности въ немировской гимназіи, обучавшагося прежде въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Непонятнымъ казалось-бы, почему Охотинъ, съ такимъ успѣхомъ преподававшій въ черниговской семинаріи любимый имъ предметъ, не захотѣлъ далѣе служить въ ней; но нужно знать, что Яковъ Ивановичъ былъ истый русакъ, страстно любившій свою нижегородскую губернію; онъ всегда съ восторгомъ говорилъ о несравненной Волгѣ и о ея необозримыхъ, привольныхъ лугахъ, говорилъ, что свою родимую сторонушку онъ никогда не промѣняетъ на Малороссію, которую называлъ хохландіей, хотя послѣ, будучи на родинѣ, отзывался о ней съ признательностью. Охотинъ весьма желалъ быть преподавателемъ въ нижегородской семинаріи и просилъ земляка своего инспектора петербургской духовной академіи посодѣйствовать исполненію этого желанія. Когда-же землякъ его отвѣчалъ, что его сдѣлаютъ инспекторомъ въ означенной семинаріи, если онъ пожелаетъ поступить въ монашество, тогда Охотинъ, видя въ этомъ отвѣтѣ отказъ, подалъ просьбу объ увольненіи его изъ духовно-учебнаго вѣдомства для поступленія въ епархіальное нижегородское и, получивъ такое увольненіе, немедленно отправился въ свой родной Арзамасъ. Изъ Арзамаса онъ писалъ мнѣ, что онъ въ скоромъ времени женился тамъ, какъ и я, на дочери протоіерея, именовавшейся, какъ и моя жена, Варварою; что на полученное имъ приданое онъ построилъ себѣ хорошій каменный домъ по своему плану; что сдѣлавшись священникомъ выгоднаго прихода, онъ предался проповѣдничеству, сказывая на каждый праздникъ поученіе въ своей церкви, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе епархіальнаго архіерея; что арзамасскіе батюшки, зная о томъ и видя на немъ магистерскій крестъ, сперва относились къ нему недружелюбно, опасаясь, что онъ перебьетъ имъ дорогу по службѣ, но когда узнали, что онъ, по словамъ

его, чуждъ скуфейнаго честолюбія и никому не мѣшаетъ, то недружелюбіе ихъ исчезло. Имѣя достаточныя средства къ жизни, Охотинъ спокойно священнодѣйствовалъ въ Арзамасѣ, но жизнь его тамъ была недолговѣчна, какъ недолговѣчны были всѣ почти особенно даровитые мои товарищи, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ безспорно. Охотинъ, кромѣ словесности, еще въ Академіи хорошо зналъ философію и математику, по которой частными уроками своими много помогалъ брату моему Николаю, обучавшемуся при немъ въ семинаріи. Будучи знатокомъ церковнаго пѣнія, онъ хорошо игралъ на скрипкѣ и при помощи ея обучалъ семинарскій хоръ, въ которомъ и я, по страсти моей къ пѣнію, участвовалъ и при немъ, и по отъѣздѣ его, во все продолженіе пребыванія моего въ Черниговѣ.

По характеру своему Охотинъ былъ добръ и общителенъ, при досугѣ отъ своихъ занятій онъ радушно принималъ у себя знакомыхъ и самъ любилъ бывать въ ихъ обществѣ, въ которомъ бывалъ веселъ и шутливъ. Долго у меня сохранялось мастерски имъ написанное юмористическое стихотвореніе на мою свадьбу, въ которомъ онъ картинно изобразилъ оригинальные Новгородъ-Сѣверскіе типы, гдѣ въ смѣшномъ видѣ представилъ и самого себя.

XIX.

Мое преподаваніе языковъ греческаго и французскаго.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, когда Охотинъ находился въ черниговской семинаріи, я преподавалъ въ ней языки греческій и французскій. Греческій языкъ изучался тогда во всѣхъ 3-хъ отдѣленіяхъ семинаріи; въ первыхъ двухъ высшихъ отдѣленіяхъ я преподавалъ этотъ языкъ самъ, а въ низшемъ, т. е. риторическомъ, занимался съ учениками лекторъ подъ моимъ наблюденіемъ. Ученики семинаріи не изучали греческой грамматики, такъ какъ она преподавалась имъ еще въ уѣздномъ духовномъ училищѣ и только повторялась въ низшемъ отдѣленіи; а въ 2-хъ высшихъ отдѣленіяхъ они занимались одними переводами, при чемъ обращалось особенное вниманіе на корни словъ и на пра-

вила слогоударенія. По многочисленности учениковъ 2-хъ высшихъ отдѣленій, собиравшихся въ одинъ классъ на мою лекцію, я не могъ часто всѣхъ ихъ спрашивать во время урока, отчего тѣ изъ нихъ, которые поступали изъ низшаго отдѣленія съ неудовлетворительнымъ знаніемъ греческой грамматики, не старались изучать её въ моихъ отдѣленіяхъ; но въ этомъ случаѣ мнѣ много помогъ ректоръ Афанасій, заставившій такихъ учениковъ во время лѣтней вакаціи вытвердить греческую грамматику.

Французскій языкъ семинаристы изучали въ низшемъ, или риторическомъ отдѣленіи. Въ немъ я начиналъ учить ихъ съ французской азбуки. Камнемъ претыканія для нихъ было правильное французское чтеніе и прононсъ. Хотя я въ академіи учился французскому языку у профессора Сербржинскаго, имѣвшаго правильное произношеніе, но, не довѣряя себѣ въ надлежащемъ успѣхѣ этого рода, я обратился къ знакомому мнѣ въ Черниговѣ французу и, воспользовавшись его уроками, училъ учениковъ моихъ. Грамматическіе уроки и потомъ переводы съ французскаго они при мнѣ всегда писали на доскѣ, а нѣкоторыя статьи произносили сперва наизусть, а затѣмъ только писали на доскѣ. Могу похвалиться, что ученики мои полюбили французскій языкъ и черезъ два года переводили порядочно.

XX.

Мое преподаваніе исторіи въ черниговской семинаріи; успѣхи учениковъ и полученная мною награда.

Я завидовалъ товарищу моему Охотину, что ему удалось преподавать въ черниговской семинаріи любимый имъ предметъ—русскую словесность, и жалѣлъ, что мнѣ не пришлось въ ней читать исторію, которою я съ особенной ревностью занимался, обучаясь въ семиріи и академіи.

Выбытіе Охотина изъ черниговской семинаріи открыло мнѣ возможность получить желаемое. На мѣсто его опредѣленъ учителемъ словесности Мерцаловъ, преподававшій исторію, а я подалъ просьбу о назначеніи меня преподавателемъ послѣдней и

получилъ на то утвержденіе Академическаго правленія. Съ новою ревностью я принялся за мое дѣло. Употреблявшееся тогда въ семинаріяхъ руководство Всеобщей Исторіи Шрекка было скудно по содержанію и сухо по изложенію. Преподавателю надлежало дополнять это руководство, по разнымъ его отдѣламъ, устными разсказами въ классѣ, гдѣ ученики для памяти своей должны были записывать преподаваемое на бумагѣ, при чемъ у нихъ могли быть недописки, пропуски и ошибки. Считая это неудобнымъ, я счелъ за лучшее по важнѣйшимъ отдѣламъ исторіи сокращать бывшія у меня Академическія по исторіи лекціи, писать ихъ на бумагѣ и мои записки давать ученикамъ для списыванія. При этомъ переписываніи ученикамъ не представлялось никакого затрудненія, потому что въ день прочтенной лекціи они послѣ обѣда собирались въ классъ и въ диктовку списывали мои листы, во время-же этой работы повторяли то, что слышали отъ меня на лекціи и писали въ своихъ тетрадяхъ. Ученикамъ нравились мои записки болѣе, нежели руководство Шрекка, и по нимъ они легче заучивали преподанные мною уроки. Чтобы еще болѣе побудить ихъ къ исполненію моихъ уроковъ, я велѣлъ, чтобы каждый изъ нихъ, приходя къ столу моему для отвѣта, приносилъ съ собою листъ бумаги, на которомъ я по выслушаніи урока тутъже собственноручно записывалъ, когда, что и какъ отвѣчалъ подходившій. Листы эти ученики мои, какъ сами мнѣ говорили, сохраняли у себя и по выходѣ изъ семинаріи, какъ аттестаты объ ихъ успѣхахъ по исторіи. Дабы ученики мои совершенно были увѣрены въ томъ, что я справедливо оцѣниваю ихъ успѣхи, я передъ экзаменомъ составлялъ разрядные имъ списки въ классѣ, гласно, въ ихъ присутствіи и при ихъ участіи, желая знать ихъ мнѣнія объ ихъ товарищахъ, вносимыхъ мною въ разряды; мнѣнія свои они выражали молча, поднятіемъ рукъ, по числу которыхъ я заключалъ о большинствѣ или меньшинствѣ одобряющихъ баллотируемое лицо; въ случаѣ разногласія или недоразумѣнія, указывалось на собственноручныя мои отмѣтки, какія я своевременно дѣлалъ на вышеуказанныхъ листахъ, которые ученики въ это время приносили съ собою въ классъ. Изучая

такимъ образомъ преподаваемую мною исторію, всѣ почти мои слушатели оказывали удовлетворительные успѣхи, и немногихъ только изъ нихъ приходилось мнѣ записывать въ третій разрядъ. Ректоръ Афанасій, посѣщавшій мой классъ во время повторе. ній, видѣлъ такіе успѣхи, и когда прибылъ въ черниговскую семинарію ревизоръ, ректоръ кіевской академіи Смарагдъ, то назначилъ въ первый-же день послѣ обѣда экзаменъ по исторіи.

Въ присутствіи ревизора всѣ спрошенные имъ ученики отвѣчали хорошо, и когда онъ хотѣлъ прекратить испытаніе, я просилъ вызвать еще охотниковъ изъ неспрошенныхъ учениковъ; онъ согласился, и всѣ почти неспрошенные встали для отвѣтовъ. Смарагдъ самъ вызывалъ ихъ по фамиліямъ, самъ задавалъ имъ вопросы изъ исторіи и остался доволенъ отвѣтами вызванныхъ; окончивъ экзаменъ, онъ благодарилъ меня за оказанные учениками на экзаменѣ успѣхи. Въ донесеніи своемъ въ коммиссію духовныхъ училищъ о сдѣланной имъ ревизіи въ черниговской семинаріи онъ представилъ меня къ денежной наградѣ, и я получилъ её, какъ за преподаваніе исторіи, такъ и за то, что я, по порученію начальства, преподавалъ въ тоже время ученикамъ высшаго отдѣленія богословіе, не получая за то особаго вознагражденія.

XXI.

Мое преподаваніе богословія въ черниговской семинаріи; исправленіе ученическихъ проповѣдей.

Въ предъидущихъ статьяхъ моихъ воспоминаній я въ своихъ мѣстахъ говорилъ о томъ, что мнѣ неоднократно отъ начальства поручаемо было преподаваніе богословія ученикамъ высшаго отдѣленія, когда ректоры выбывали изъ семинаріи. Въ классѣ я читалъ богословіе по существовавшему тогда въ семинаріяхъ руководству на латинскомъ языкѣ, дополняя его или замѣняя нѣкоторыя статьи академическими лекціями, которыя въ сокращенномъ видѣ я давалъ моимъ ученикамъ. Но главный и не легкій трудъ мой состоялъ въ исправленіи ученическихъ проповѣдей.

Въ этомъ моемъ занятіи я руководствовался наставленіями, которыя слушалъ въ академіи; не забылъ я этихъ наставленій, потому что всѣ преподаватели семинаріи, а въ числѣ ихъ и я, обязаны были въ высокоторжественные дни говорить проповѣди въ черниговскомъ соборѣ, по назначенію консисторіи. Въ первыя же четыре великопостныя пятницы, въ такъ называемыя пассіи, они исключительно должны были говорить свои поученія въ томъ-же соборѣ. На каждую недѣлю по четыре ученика богословія назначаемы были поочередно сочинять и говорить въ церквахъ проповѣди. Такіе очередные проповѣдники приходили въ мою квартиру и подъ моимъ наблюденіемъ избирали изъ дневныхъ чтеній Евангелія, или Апостола, для своихъ проповѣдей тексты, извлекали изъ нихъ соотвѣтственныя смыслу текстовъ темы, разсуждали о томъ, какія можно развивать изъ избранной темы мысли и въ какомъ порядкѣ должны быть расположены эти мысли; потомъ ученики въ квартирахъ своихъ обдумывали предметы своихъ сочиненій, составляли имъ планы, приносили ко мнѣ эти планы для исправленія, иногда, по моему указанію, вновь ихъ передѣлывали и, послѣ окончательнаго ихъ исправленія, писали уже проповѣди, которыя также приносили ко мнѣ для поправки, а потомъ представляли ихъ на просмотръ исправлявшему должность ректора, назначавшаго имъ церкви, въ которыхъ они дожны были произносить свои поученія.

Наканунѣ произнесенія проповѣдей всѣ ученики высшаго отдѣленія собирались въ классъ, гдѣ при мнѣ очередные проповѣдники съ каѳедры произносили свои проповѣди, при чемъ дѣлались имъ отъ меня нужныя замѣчанія и наставленія.

XXII.

Ученикъ Александръ Рославскій-Петровскій, его успѣхи у меня, въ Нѣжинскомъ лицеѣ, въ Харьковскомъ Университетѣ и служба въ немъ.

Занимаясь преподаваніемъ разныхъ предметовъ въ семинаріи, я въ свободное время отъ классныхъ моихъ занятій давалъ частные уроки дѣтямъ черниговскихъ жителей. Первый

опытъ такихъ моихъ уроковъ былъ для меня весьма удаченъ, потому что на этотъ разъ я имѣлъ ученика съ счастливыми способностями, чрезвычайно прилежнаго и любознательнаго. Это былъ сынъ одной дворянки, вдовы, Александръ Рославскій-Петровскій. Умная и попечительная мать его въ домашнемъ воспитаніи умѣла дать ему хорошее направленіе. Не опредѣляя сына въ семинарію, она поручила мнѣ его съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ въ моей квартирѣ и находился подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ, обучаясь у меня Закону Божію, Русскому языку и Словесности, Исторіи и Латинскому языку. Симпатичный мальчикъ скоро привыкъ ко мнѣ и къ моей женѣ, и мы, еще не имѣя тогда своихъ дѣтей, полюбили его, какъ родного сына.

Во время уроковъ Рославскій слушалъ мое преподаваніе съ полнымъ вниманіемъ, исполнялъ все скоро и въ точности, и, когда у него оставалось свободное время, онъ просматривалъ въ книгахъ то, что будетъ преподаваться въ слѣдующій разъ, или читалъ историческія статьи, которыя особенно любилъ. Въ русской словесности Рославскій оказалъ такіе успѣхи, что писалъ уже небольшія сочиненія и для лѣнивыхъ семинаристовъ сочинялъ заданныя имъ учителями задачи, которыя они выдавали за свои и получали одобреніе. Я не только не имѣлъ надобности побуждать его къ учебнымъ занятіямъ, но заставлялъ его гулять съ семинаристами. Нравственное его поведеніе было безупречно. Отъ меня Рославскій поступилъ въ Нѣжинскій лицей, гдѣ учился съ отличнымъ успѣхомъ и откуда присылалъ мнѣ свои сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ, читанныя имъ на публичныхъ экзаменахъ въ присутствіи попечителя. Въ сборникѣ Нѣжинскаго лицея напечатана статья о бывшемъ въ немъ студентѣ Александрѣ Рославскомъ-Петровскомъ, въ которой упомянуто и о нахожденіи его подъ моимъ руководствомъ. Не знаю, кончилъ-ли Рославскій курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Онъ пожелалъ получить дальнѣйшее образованіе въ университетѣ. Для поступленія въ университетъ ему нужно было имѣть свидѣтельство о принадлежности его къ извѣстному сословію. Мать его вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала ко мнѣ въ Черниговъ, гдѣ я тогда жилъ въ домѣ губернатора, и просила моего совѣта и содѣй-

ствія касательно полученіи такого свидѣтельства для ея сына. Я представилъ Рославскаго губернатору, который сразу полюбилъ умнаго юношу, потребовалъ къ себѣ городского голову и приказалъ ему въ тотъ же день составить формальное свидѣтельство о зачисленіи Рославскаго въ купеческое сословіе. Съ этимъ свидѣтельствомъ онъ отправился въ Харьковъ и по экзамену былъ принятъ въ число студентовъ тамошняго Университета. Въ университетѣ Рославскій также оказывалъ отличные успѣхи и кончилъ курсъ со степенью кандидата; за тѣмъ въ непродолжительномъ времени онъ получилъ степени магистра и доктора и былъ оставленъ при университетѣ адъюнктъ-профессоромъ по исторіи; затѣмъ былъ ординарнымъ профессоромъ по тому-же предмету, избранъ былъ въ должность декана и нѣкоторое время исполнялъ должность ректора. Извѣстнымъ его сочиненіемъ въ университетѣ была написаная имъ Статистика съ новыми взглядами и выводами, бывшая въ то время учебнымъ руководствомъ въ гимназіяхъ, гдѣ тогда преподавалась эта наука. Находясь въ Харьковѣ, Рославскій постоянно велъ со мною дружескую переписку и высылалъ мнѣ свои магистерскую и докторскую диссертаціи. Всѣ мои порученія и просьбы онъ исполнялъ съ усердіемъ и въ точности, даже и въ такихъ случаяхъ, когда ихъ было трудно исполнить. Просьбы мои большею частію были ходатайства объ ученикахъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи (въ которой я тогда былъ учителемъ), которые, желая поступить въ Харьковскій Университетъ и зная мою дружбу съ Рославскимъ, просили меня писать къ нему о снисхожденіи къ нимъ на пріемномъ экзаменѣ. Одинъ изъ такихъ учениковъ, не обучавшійся латинскому языку въ гимназіи, гдѣ тогда преподавалось правовѣдѣніе, просилъ моего ходатайства у Рославскаго, и я исполнилъ его просьбу, не надѣясь на успѣхъ; ученикъ этотъ поступилъ въ университетъ и кончилъ курсъ. Въ университетѣ сослуживцы Рославскаго и студенты любили и уважали его за умъ и добродушіе. Мать, постоянно жившая при немъ въ Харьковѣ, утѣшалась своимъ сыномъ, роптала только, какъ говорили, на его излишнюю тароватость. Со времени поступленія Рославскаго въ Нѣжинскій лицей я никогда его не

видалъ. Будучи въ Кіевѣ. онъ навѣстилъ моего сына Ивана, бывшаго тогда инспекторомъ 2-ой Кіевской гимназіи, говорилъ ему о всегдашней своей ко мнѣ признательности и изъявлялъ свое сожалѣніе о томъ, что я не послалъ этого сына моего, по окончаніи курса гимназіи, въ Харьковскій Университетъ, гдѣ онъ находился-бы подъ его покровительствомъ и могъ быть его адъюнктомъ. Таковъ былъ Александръ Петровичъ Рославскій-Петровскій, первый ученикъ мой по моимъ частнымъ урокамъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Д-ра Антонія I[1].

III.

Плѣнницы въ козацкомъ обществѣ, ихъ судьба, семейныя дѣла гетмана.—Печальный конецъ степной Елены.

Женщины играли въ юной гетманщинѣ второстепенную, подчиненную роль; семейныя обязанности держали ихъ вдали отъ общественныхъ дѣлъ, подъ родной крышей, хотя въ военное время имъ приходилось иногда искать убѣжище въ обозѣ и дѣлить всѣ невзгоды и волненія походной жизни. Такъ напр., подъ Берестечкомъ поляки нашли въ окопахъ много женщинъ и при нихъ дѣтей[2]. Кромѣ того, почти въ каждомъ загонѣ имѣлись свои кухарки, игравшія также роль маркитантокъ, но не получавшія отъ этого занятія никакихъ барышей. Въ большихъ отрядахъ бывало нѣсколько ворожекъ, которыхъ называли то вѣдьмами, то чародѣйками,—нерѣдко онѣ платились жизнью за слишкомъ смѣлыя, но неудачныя предсказанія[3].

Съ теченіемъ времени присутствіе женщинъ въ обозѣ сдѣлалось обычнымъ и неблагопріятно отражалось на энергіи запорожцевъ. По крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ заключать изъ указа 1655 г. царя Алексѣя Михайловича полковнику нѣжинско-

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г., № 1.

[2]) Urywki z dziennika Oświecima, 113.—Grabowski, starożytności historyczne polskie, I, 328.

[3]) Костомаровъ, Богд. Хмельн., II, 42.—Oświecim. 115.

му Ивану Поповичу, которому приказано изгнать изъ полка „женокъ и дѣвокъ“, ибо не годится отдаваться распутству, выступая въ походъ, и за это грозитъ кара отъ Бога[1]). Но конечно, далеко не всѣ украинки уходили въ обозъ,—многія оставались дома и берегли козацкое добро. Въ числѣ козацкихъ женъ были не только мѣстныя уроженки,—тутъ можно было встрѣтить и шляхетныхъ полекъ, евреекъ, молдаванокъ, армянокъ и даже иногда татарокъ Въ началѣ женщины-плѣнницы составляли извѣстный капиталъ для побѣдителей и имѣли опредѣленную рыночную цѣнность, играли, такъ сказать, роль монетной единицы. Сохранилось оригинальное условіе, заключенное на Украинѣ во второй половинѣ XVII в.: нѣкій Хаимъ обязывается доставить купцу въ Цареградъ извѣстное число молодыхъ дѣвушекъ, хотя бы и простого рода, годныхъ для утѣхи и услугъ, за триста левковъ. Во времена первыхъ погромовъ и даже позже, если козаки воевали съ помощью перекопскихъ союзниковъ, женщины и дѣти доставались послѣ побѣды, главнымъ образомъ, татарамъ; если плѣнницъ было мало, или стоимость ихъ не соотвѣтствовала добычѣ, какую получали послѣ побѣды козаки, то татары, кромѣ плѣнницъ, заполучали и извѣстное число малороссіянокъ; обычай этотъ до того укоренился, что украинскій людъ наконецъ заподозрилъ участіе въ этомъ дѣлѣ Хмельницкаго. Это подозрѣніе и выразилось въ извѣстномъ проклятіи гетману: „бодай тебе, Хмельниченко, перша куля не мынула“ за то, что позволилъ ордѣ забирать нашихъ дѣвушекъ и молодицъ[2]). Часть плѣнницъ, конечно, оставалась въ Крыму, а излишекъ и лучшіе экземпляры поступали на цареградскій рынокъ; постепенно этотъ товаръ вошелъ въ такую моду въ гаремахъ стамбульскихъ вельможъ, что вытѣснилъ популярныхъ до того времени черкешенокъ.—Однако, козаки не всегда воевали заодно съ татарами, и нерѣдко плѣнницы попадали въ исключительную собственность запорожцевъ,—случалось, невольницы привязывали къ

[1]) Акты отн. къ исторіи Ю. З. Р., XIV, 902.

[2]) Костомаровъ, III, 406.—Буцинскій, о Богд. Хмельницкомъ, 1882, Харьковъ, 239.

себѣ своихъ суровыхъ обладателей и дѣлались женами послѣднихъ. Иногда козаки обнаруживали сильную склонность къ браку. Такъ, при взятіи Тульчина, отряды Кривоноса забрали множество красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, какъ полекъ, такъ и евреекъ [1]). Одному изъ второстепенныхъ начальниковъ, полковнику Антону, до такой степени понравилась княгиня Софья Четвертинская, Чуриловна родомъ, что, убивши мужа, онъ тутъ же поспѣшилъ обвѣнчаться со вдовой. Анонимный хроникеръ даже полагаетъ, что она сама предложила это Антону изъ чувства самосохраненія [2]). Точно также, по взятіи Немирова, козаки забрали себѣ въ жены много пригожихъ евреекъ. Авторъ-еврей приводитъ нѣсколько легендъ, свидѣтельствующихъ о привязанности еврейскихъ дѣвушекъ къ своей вѣрѣ: одна увѣрила козака, что пуля ее не беретъ, и предложила сдѣлать опытъ для доказательства; козакъ повѣрилъ и выстрѣломъ положилъ ее на мѣстѣ. Другая упросила козака отправиться для вѣнчанья въ церковь за рѣкой; тотъ охотно согласился, но дѣвушка на срединѣ рѣки выскочила изъ челнока и утонула. По словамъ хроникера, подобныхъ случаевъ было такъ много, что невозможно пересказать все [3]). Какъ видно, недостатка въ охотникахъ до такого брака не было. Поспольство какъ будто старалось подражать старшинѣ; вся Украина хорошо знала, что Хмельницкій женился на мужней женѣ, что Янъ Выговскій, будущій гетманъ запорожскій, во время одного изъ походовъ въ Литву выкралъ дочь новогродскаго каштеляна Елену Статкевичъ и повѣнчался съ нею. Еще раньше, въ 1648 г., родственникъ его Христофоръ Выговскій насильно обвѣнчался съ Мариной Ласской, которая находилась тогда въ Овручѣ у пани Богумилы Трипольской [4]). Какой то сотникъ съ отрядомъ напалъ на монастырь въ Клинцахъ подъ Корцемъ, захватилъ монашенку

---

[1]) Mandelkern, Bohdan Chmelnicki, opowiadanie. Żyda owczesnego. Лейпцигъ, I, 45.

[2]) Pamiętniki o wojnach kozackich, Wrocław, 1840. 11.

[3]) Натанъ Гановеръ у Mandelkern'a, I, 37—40.

[4]) Архивъ Ю. З. Р., ч. IV, т. I, стр. 108.

панну Пацъ и сдѣлалъ своей женой[1]). Такія насилія считались въ порядкѣ вещей, и религіозныя опасенія не смущали обидчиковъ. Впрочемъ заключенные при такихъ условіяхъ брачные союзы были непрочны, и, при первой возможности, они расторгались. Такъ, Софья Чурилова, primo voto кн. Четвертинская, secundo voto Антонова, повидимому успѣла скрыться отъ мужа, потому что нѣсколько лѣтъ спустя уже встрѣчаемъ ее женою Николая Коссаковскаго, подсудка брацлавскаго [2]); монахиня Марина возвратилась въ свою келію, и сотникъ Выговскій поплатился жизнью за учиненное насиліе [3]). Случалось и другимъ возвращаться изъ татарскаго ясыра и козацкихъ землянокъ, благодаря военнымъ событіямъ, путемъ выкупа или по смерти мужей; возвращались иногда съ многочисленнымъ потомствомъ. Слѣды этихъ случайныхъ связей сохранились въ двойныхъ шляхетскихъ фамиліяхъ: таковы Крымчаки-Волковинскіе, Татаръ—Толкачи, Козаки-Кубалинскіе, Козаченки-Калинскіе и многое множество другихъ въ барскомъ и овруцкомъ староствахъ. Слѣдуетъ однако сказать, безпристрастія ради, что бывали и исключенія: если многія женщины и оставляли свои дома, чтобы спастись отъ неволи и позора, то были и такія, что добровольно оставались на мѣстѣ и сами бросались въ вихрь военной невзгоды. Въ дневникѣ Киселя изъ Переяслава встрѣчаемъ замѣтку, что почти всѣ приближенныя къ женѣ воеводы женщины, очевидно, шляхтянки, оставили ее, когда она возвращалась изъ этого опаснаго путешествія; съ негодованіемъ отмѣчаетъ Кисель, что „даже панны убѣжали къ козакамъ“ [4]). Должно быть, это привольное, беззаботное житье имѣло для нихъ свою привлекательность.

Тѣмъ не менѣе нельзя найти слѣдовъ благотворнаго вліянія женщинъ на это полудикое общество, быть можетъ потому, что качествами ума и сердца онѣ не стояли выше мужей, а наоборотъ, повидимому, сами подчинялись вліянію среды, ста-

---

1) Опись актовой книги Кіев. центр. архива, № 9.

2) Kossakowski, Monografie, I, 148.

3) Лѣтопись Ерлича, I, 187,

4) Пам., изд. Кіев. ком., I, 3, 353, Michałowski 383.

рались усвоить ея обычаи и невольно грубѣли. Онѣ не играютъ роли въ общественныхъ дѣлахъ, стоятъ въ сторонѣ, въ толпѣ, и ищутъ развлеченія развѣ въ чрезмѣрномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Когда жена Киселя жила въ Переяславѣ, ни одна изъ женщинъ не рѣшилась посѣтить ее, хотя Хмельницкій оказывалъ ей почтеніе, какъ малороссіянкѣ: „явился къ женѣ воеводы въ особую избу, гдѣ publice убѣждалъ ее отречься отъ поляковъ и остаться съ козаками“ [1])

Точно также и семья гетмана жила уединенно въ Суботовѣ, обращенномъ въ частную резиденцію новаго владыки Украины. И дѣйствительно, резиденція эта выглядѣла недурно: обширный каменный домъ, надъ постройкой котораго наблюдалъ самъ хозяинъ; въ домѣ нѣсколько свѣтлицъ, особая половина для женщинъ, другая для хозяина; далѣе, пристройки, состоявшія изъ нѣсколькихъ избъ, предназначенныя для Тимоша,—хотя послѣдній былъ еще подросткомъ, но, какъ сынъ гетмана, имѣлъ свой дворъ, правда немногочисленный, и своихъ сторонниковъ: онъ уже начиналъ вести свою собственную политику. Вокругъ раскинутъ былъ роскошный садъ, далѣе стояли, съ одной стороны, хозяйственныя постройки, съ другой—церковь св. Иліи, выстроенная иждивеніемъ и трудами Хмельницкаго и оконченная уже въ 1651 г. Церковь служила лучшимъ украшеніемъ села; матерьялъ для постройки былъ взятъ изъ татарской мечети, находившейся въ степи недалеко отъ Чигирина; архитектура церкви по всей вѣроятности была въ готическомъ стилѣ [2]). За церковью тянулся рынокъ, изъ глубины котораго видна была другая церковь св. Михаила, окруженная вѣнцомъ деревьевъ. Въ Суботовѣ кипѣла жизнь, съ Чигириномъ поддерживались постоянныя сношенія; оживленіе увеличивалось, когда гетманъ являлся въ село для отдыха. Дольше всего оставался онъ здѣсь осенью и осматривалъ многочисленныя пасѣки—„гулялъ по пасѣкамъ“,—онъ особенно любилъ это дѣло [3]). Въ суботовскомъ дворѣ также замѣчался извѣстный порядокъ и

---

[1]) Пам., l. c., I, 3, 328.—Michałowski, 374.

[2]) Падалица, Разсказы, I, 77.

[3]) Акты отн. къ ист. Ю. и З. Р., III, 496.

хозяйственность, даже склонность къ нѣкоторой роскоши; собранныя отовсюду драгоцѣнности были расположены живописными группами,—видно было вліяніе женщины изъ образованнаго сословія. И дѣйствительно, степовая Елена распоряжалась тамъ уже въ качествѣ полновластной хозяйки, она завѣдывала домомъ, была также опекуншей двухъ дочерей гетмана и младшаго сына, девятилѣтняго Юрася,—старшій, Тимошъ, уже стремился освободиться отъ ея вліянія и даже явно высказывалъ свою непріязнь къ мачихѣ. Заботами Елены обѣ дочери гетмана были пристроены,—лѣтописцы, впрочемъ, не отмѣтили даты свадебныхъ торжествъ, извѣстно лишь, что они состоялись передъ походомъ къ Берестечку. Старшая, Екатерина, вышла замужъ за Даніила Выговскаго, родного брата Ивана Выговскаго, писаря войска запорожскаго [1]). Послѣдній въ это время пользовался уже полнымъ довѣріемъ гетмана и имѣлъ на него неограниченное вліяніе; лишь онъ умѣлъ смирить порывы безразсуднаго гнѣва Богдана и осмѣливался приблизиться къ нему въ такіе моменты. Пользуясь вліяніемъ писаря, прочіе Выговскіе также потянулись въ Чигиринъ. Престарѣлый отецъ будущаго гетмана, Остафій, жилъ на богомольи въ Кіевѣ, отличался гостепріимствомъ, пользовался общимъ уваженіемъ [2]) и, благодаря своимъ дружескимъ отношеніямъ къ гетману, съумѣлъ пристроить у него сына своего Даніила и зятя Тетеру. Послѣдній вскорѣ сдѣлался полковникомъ переяславскимъ, а Даніилъ успѣлъ покорить сердце Екатерины, любимицы отца, получилъ важный постъ въ войскѣ и, какъ ближайшій и довѣреннѣйшій совѣтникъ гетмана, ѣздилъ посломъ въ Москву въ 1654 г. [3]). Младшая дочь, Елена, вышла за Ивана Нечая, брата Даніила Нечая, полковника брацлавскаго, оберегавшаго границу со стороны Рѣчи Посполитой. Даніилъ былъ дѣйствительно убѣжденнымъ человѣкомъ и всегда горячо и искренно отстаивалъ интересы „голоты“, т. е. поспольства. Уже въ ту пору въ средѣ

---

[1]) Акты отн. къ ист. Ю. и З. Р. XIV, 49 и 54.—„Кіев. Старина“, 1890, т. 38, стр. 35—46.

[2]) Пам. изд. Кіев. ком., II, 341.—Костомаровъ, Монографіи, II, 142.

[3]) Акты Ю. З. Р., XIV, 49—54.

козачества обрисовывались два враждебныхъ направленія, правда, еще не вылившіяся въ строго опредѣленную форму: аристократическое, тянувшее къ шляхетскому строю, и демократическое, опиравшееся на простой народъ. Даніилъ Нечай держался послѣдняго направленія. Гетману нужно было считаться съ этой силой,—быть можётъ, потому онъ и согласился выдать дочь за Ивана Нечая. Свадьба состоялась въ половинѣ 1650 г. [1]). Тѣмъ не менѣе, симпатіи гетмана сказались и тутъ: въ то время какъ Нечай оставался какъ будто въ тѣни, Выговскій съумѣлъ получить полное довѣріе тестя, получилъ смѣлянское имѣніе, нѣкогда принадлежавшее Конецпольскому и взятое на гетманскую булаву [2]); Нечай въ скромной должности полковника черкасскаго, проживалъ вдали отъ Чигирина, тогда какъ Даніилъ Выговскій почти постоянно находился при дворѣ, сопутствовалъ тестю въ походахъ, находился при немъ во время второй осады Львова, а подъ Люблиномъ командовалъ двадцатитысячнымъ отрядомъ [3]). Во время предсмертной болѣзни Богдана, ухаживаетъ за отцомъ любимая дочь Екатерина. Дѣтей у нея нѣтъ, за хозяйствомъ присматриваютъ слуги,—слѣдуетъ утѣшать отца въ несчастьи. Отецъ, въ благодарность за такую заботливость дочери, оказываетъ особое вниманіе и ея мужу,—посвящаетъ его въ свои тайны. Даніилъ умѣетъ ладить и съ писаремъ войска запорожскаго, они находятся въ великой дружбѣ и единеніи. Иванъ Нечай не обладалъ достоинствами своего брата, полковника брацлавскаго, и не раздѣлялъ его взглядовъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа.

Трудно сказать, какое положеніе относительно новобрачныхъ заняла гетманша. Повидимому, особой дружбы не было, скорѣе нѣкоторая холодность. Въ Суботовѣ оставались съ мачихой Юрій, требовавшій опеки, и Тимошъ. Елена не обращала вниманія на враждебность послѣдняго; гетманъ горячо любилъ ее. Она сблизилась съ Выговскимъ, бывала, по его приглашенію, въ Чигиринѣ; однажды, по соглашенію съ писаремъ войска за-

---

[1]) Новицкій, Адамъ Кисель, 62.

[2]) Volum. leg., IV, 303.

[3]) Величко, Лѣтопись, I, 15, 220.—Костомаровъ, III, 206, 227.

порожскаго, Елена рѣшилась даже пріостановить исполненіе приговора, объявленнаго пьянымъ мужемъ относительно Юрія Киселя, новгородскаго хорунжаго. Постепенно, быть можетъ подъ вліяніемъ мужа, она пріобрѣтала наклонность къ спиртнымъ напиткамъ и сдѣлалась въ концѣ концовъ порядочной пьяницей [1]). Уединенная жизнь въ Суботовѣ представляла мало привлекательнаго; гетманъ большею частью находился въ отсутствіи, и гетманша рѣшила разогнать скуку. Въ числѣ придворныхъ былъ молодой зегармистръ, привезенный Хмельницкимъ изъ Львова и возведенный въ санъ личнаго казначея,—на немъ остановилось вниманіе Елены: „какъ кажется, она обращалась съ нимъ довольно непринужденно“, замѣчаетъ современный хроникеръ [2]). Въ первое время никто не придавалъ этому значенія, но особое вниманіе гетманши къ безродному парню постепенно возбудило подозрѣнія старшаго пасынка, заклятаго врага Елены. Онъ подсматривалъ и выслѣживалъ—но молчалъ. Новая случайность окончательно погубила гетманшу. Дѣло было въ 1651 году. Въ половинѣ февраля гетманъ съ войскомъ отправился къ Бару [3]). Предпріятіе не клеилось, особыхъ выгодъ не представлялось, край былъ опустошенъ, не хватало средствъ на продовольствіе войска, и необходимо было обратиться къ собственнымъ средствамъ гетмана. Богданъ послалъ за деньгами къ Тимошу. Оказался недочетъ въ одномъ боченкѣ съ золотомъ, началось дознаніе надъ казначеемъ, руководимое сыномъ гетмана,—не обошлось и безъ пытокъ. Преступникъ во всемъ сознался и указалъ на гетманшу, какъ на пособницу; по его словамъ, у нихъ было намѣреніе убѣжать съ украденнымъ золотомъ въ Польшу. Безъ сомнѣнія, результаты слѣдствія были сообщены гетману; быть можетъ, онъ самъ и постановилъ приговоръ, поручивъ сыну исполненіе его. Какъ бы то ни было, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1651 г. приговоръ былъ исполненъ въ точности, со всею характерною для эпохи жестокостью и издѣвательствомъ надъ беззащитною жен-

[1]) Historia haniebnej niewoli, 100.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła, II, 437.

[3]) Костомаровъ, II, 305.

щиною. Освѣцимъ подробно описалъ гнусную процедуру: обое погибли на висѣлицѣ, сколоченной изъ воротъ суботовскаго двора [1]). Ерличъ упоминаетъ о повѣшеніи семерыхъ [2]). Въ такомъ случаѣ въ покушеніи на гетманскую казну принимали участіе и другія лица. Неизвѣстный корреспондентъ изъ обоза подъ Бѣлопольемъ утверждаетъ, что гетманша была казнена на глазахъ Тимоша [3]). Какъ бы то ни было, фактъ казни не подлежитъ сомнѣнію. Такъ окончила жизнь эта „жалостливая къ невинно страждущимъ Эсѳирь", не вымоливъ жалости у того, кто ей такъ многимъ былъ обязанъ. Лишь Юрась провожалъ ее со слезами въ могилу,—онъ присутствовалъ при казни по приказанію брата. Когда къ Хмельницкому дошла вѣсть о событіи (10 мая), гетманъ впалъ въ жестокую тоску и отчаяніе [4]). Извѣстіе о казни получено было и въ обозѣ подъ Берестечкомъ самъ король объявилъ объ этомъ на ужинѣ, что подало поводъ къ насмѣшкамъ разнаго рода [5]). Если Чаплинскій былъ еще въ живыхъ, то могъ теперь вздохнуть свободнѣе: онъ поквитался съ гетманомъ.

IV.

Анна Филиппиха, третья жена Хмельницкаго.-Розанда Лупулъ, жена Тимоша, трагическая судьба ея.—Положеніе украинскихъ женщинъ передъ смертью гетмана.

1651 годъ принадлежалъ къ числу самыхъ неудачныхъ для гетмана; трагическая исторія съ женой, затѣмъ походъ, окончившійся пораженіемъ подъ Брестечкомъ. Въ военныхъ стычкахъ онъ потерялъ лучшихъ друзей: въ одной изъ нихъ былъ убитъ Тугай-Бей; во время штурма козацкаго обоза погибъ „іерусалимскій" патріархъ Эвдоксій, нѣсколько лѣтъ проживавшій почти безпрерывно при дворѣ гетмана. Мало того: бѣгство съ

---

[1]) Отрывки изъ дневника, l. c., 58: виновныхъ связали sicut erant in actione adulterii.

[2]) Лѣтопись, L, 120.

[3]) Grabowski, Starożytności polskie, I, 353.

[4]) Акты отн. къ ист. Ю. и З. Р., III, 452.

[5]) Освѣцимъ, 59.

поля битвы, плѣнъ у крымскаго хана, которому пришлось дать 800,000 талеровъ или золотыхъ въ видѣ выкупа [1]). Козачество начинало волноваться, чернь замышляла устранить Богдана съ гетманства,—надо было утишить бурю, искать помощи внутри и извнѣ края для спасенія. Несмотря на всѣ эти затрудненія и невзгоды, уже осенью 1651 года гетманъ вступаетъ въ третій бракъ съ Анной Золотаренко, обыкновенно называемой Филиппихой, вѣроятно по имени перваго мужа, бездѣтной вдовой не первой молодости [2]). Это была женщина серьезная и скромная, вѣроятно болѣе развитая, нежели ея предшественницы. Она завела нѣкоторый порядокъ въ гетманскомъ дворѣ: меньше стало шуму, пьянства и разгула; гетманъ угощался большею частью или у подручныхъ своихъ, или же въ одиночку, безъ свидѣтелей, въ „свѣтлицѣ"; „ворожки" уже не принимали участія въ ночныхъ попойкахъ и изрекали свои предсказанія при менѣе торжественной обстановкѣ. Дряхлѣвшій гетманъ относился къ женѣ съ уваженіемъ и слушался ея совѣтовъ и убѣжденій. Съ теченіемъ времени Анна стала на сторонѣ московской партіи; два брата ея, Иванъ и Василій Золотаренки, изъ скромныхъ сотниковъ вскорѣ дѣлаются полковниками,—первый корсунскимъ, второй нѣжинскимъ. Иванъ, какъ болѣе способный, руководитъ сестрою, а черезъ нее и гетманомъ; онъ рѣшаетъ судьбу батогскихъ плѣнныхъ [3]), часто исполняетъ должность наказного гетмана, особенно въ 1653 и 1654 г.; тогда же, во главѣ отряда въ 26,000 чел., онъ воюетъ въ Бѣлоруссіи [4]), помогаетъ царю Алексѣю Михайловичу, беретъ Гомель, Чечерскъ, Новый Быховъ. За это онъ получилъ награды, выдѣлявшія его изъ толпы: царь отдаетъ ему въ потомственное владѣніе Батуринъ, даритъ ему серебряный кубокъ съ инкрустаціями цѣною въ 180 руб., два сорока соболей, по 40 рублей сорокъ; подобными же милостями пользуются и подручные наказного гетмана [5]). Братья Зо-

[1]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza II, 198.—Костомаровъ, Богданъ Хмел., II, 391.

[2]) Костомаровъ, ib, II, 398.—Wojna z Kozaki i Tatary, 278.

[3]) Historia panowania Jana Kozimierza, Poznań, 1840, I, 148.

[4]) Акты отн. къ ист. Ю. З. Р., XIV, 712.

[5]) Ib. 172—174, 179.

лотаренки пользовались большимъ вліяніемъ среди козаковъ и вѣроятно дѣйствовали въ пользу гетмана, нуждавшагося послѣ пораженія въ поддержкѣ. Богданъ сдѣлался мягче, спокойнѣе на время, быть можетъ подъ вліяніемъ пораженія, а частью благодаря семейному миру. Гетманша имѣла при себѣ женскій придворный штатъ и особыхъ прислужниковъ (писаря, пажей, гайдуковъ). Любопытно, что она собственною властью выдаетъ Густынскому монастырю универсалъ, предписывающій прилуцкимъ обывателямъ не нарушать монастырскихъ владѣній, дарованныхъ кн. Вишневецкимъ и подтвержденныхъ ея мужемъ [1]). Уже изъ этого акта, впрочемъ, единственнаго въ своемъ родѣ, можно заключить, что Филиппиха пользовалась большимъ вліяніемъ на гетмана. Съ родней Богдана она живетъ въ мирѣ и согласіи, по крайней мѣрѣ ничего не слышимъ о ссорахъ. Тимошъ, расправившись варварски съ первой мачихой, успокоился; Юрій былъ отданъ въ науку въ Кіевъ; старшая дочь, Выговская, стояла близко къ гетманшѣ; младшая, Нечай, держалась нѣсколько въ отдаленіи, но въ случаяхъ пріѣзда въ Чигиринъ или Суботовъ всегда встрѣчала радушный пріемъ, а мужъ ея нерѣдко воевалъ подъ начальствомъ Золотаренка. Даже съ писаремъ войска запорожскаго умѣла ладить гетманша, — конечно, тутъ много значила дипломатичная манера писаря и то обстоятельство, что Богданъ мирился съ самыми разнообразными направленіями среди приближенныхъ къ нему лицъ, такъ какъ ему приходилось оглядываться во всѣ стороны.

Грозный гетманъ, послѣ собственной женитьбы и успокоенія Украины, задумалъ женить Тимоша. Послѣднему едва минуло въ то время 17 лѣтъ, но для гетмана на первомъ планѣ стояли династическіе проекты,—надо было торопиться, такъ какъ задуманному союзу угрожала каждую минуту опасность. Невѣсту для сына пришлось добывать въ теченіе двухъ лѣтъ и пролить массу крови своихъ и чужеземцевъ, лишь бы добиться цѣли. Исторія сватовства на дочери молдавскаго господаря Василія Лупула слишкомъ извѣстна, чтобы передавать ее здѣсь

---

[1]) „Кіевская Старина“, I, 213 (1882 г.).

подробно[1]). Коснемся ее лишь по связи съ содержаніемъ нашихъ очерковъ. Нужно вспомнить, что Василій Лупулъ былъ родомъ изъ Албаніи, занимался торговлей въ Стамбулѣ, затѣмъ во время господарства Моисея Могилы поселился въ Молдавіи и достигъ чина великаго „дворника“ (канцлера). Жена его, венеціанка, дочь драгомана Грилло, умерла рано, оставивъ вдовцу двухъ дѣвочекъ: старшую Елену и младшую Розанду, которую нѣкоторые лѣтописцы называютъ Ириной. Лупулъ составилъ себѣ торговлей огромное состояніе и задумалъ сдѣлаться владѣтельной особой, а молдавское господарство можно было купить. „Кто больше дастъ турку, тотъ и господарь“, говорили въ Польшѣ[2]). Афера обѣщала большія прибыли, и Лупулъ терпѣливо ожидалъ удобнаго момента, ухаживая за вельможами падишаха, склонными къ денежнымъ подаркамъ. Въ 1634 г. онъ былъ наконецъ утвержденъ въ званіи господаря. Въ силу новаго султанскаго распоряженія, чрезъ каждые три года нужно было являться въ Стамбулъ и выпрашивать продолженіе милостей падишаха, другими словами, сыпать золотомъ безъ конца. Но за то господарь могъ грабить своихъ подданныхъ безъ пощады, что Лупулъ и дѣлалъ весьма добросовѣстно. Въ турецкую казну приходилось платить „мукоера“ (дани) 75,000 левковъ, а дохода получалось 400,000, въ дѣйствительности же гораздо болѣе,—немудрено, что богатство Лупула все возрастало.

Въ 1639 г. господарь вторично женился на черкешенкѣ и завелъ при дворѣ неслыханную роскошь. О богатствахъ Лупула разсказывали чудеса. У лѣтописцевъ постоянно упоминается о 6 милліонахъ червоныхъ золотыхъ Лупула, и несмотря на всякіе расходы и потери, сумма не измѣняется. Съ Польшей, которая находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Молдавіей, господарь былъ въ большой дружбѣ,—сюда можно было укрыться въ случаѣ катастрофы. Старшую дочь Елену Лупулъ выдалъ

[1]) Шайноха, Szice historyczne, IV, 1—77.—Kubala, Krwawe swaty (szkice histor., II, 131).—Drakula Z., Domna Rozanda, драма 1884. — Венгржиновскій, Свадьба Тимошка Хм., Кіевъ, 1887.

[2]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III etc., II, 134.

за польскаго вельможу кн. Радзивила, не безъ сопротивленія со стороны Порты[1]). Свадьба состоялась въ Яссахъ въ 1645 г. Въ числѣ гостей не мало было претендентовъ на руку младшей сестры Розанды, 15-лѣтней красавицы: упомянемъ лишь о старостѣ снятынскомъ Петрѣ Потоцкомъ, кн. Дмитріи Вишневецкомъ, Сигизмундѣ, братѣ Ракочи, князя седмиградскаго. Молодымъ устроенъ былъ Потоцкими великолѣпный пріемъ въ Каменцѣ, куда прибыла и Розанда съ мачихой. Празднества тянулись нѣсколько дней.

Все удавалось Лупулу, пока не выступили на сцену козаки. Господарь хлопоталъ за Польшу у падишаха и оказалъ полякамъ немалыя услуги, за что въ 1650 г. ему было даровано званіе польскаго гражданина[2]). Тѣмъ не менѣе надо было ладить и съ Хмельницкимъ, котораго Лупулъ зналъ еще въ Константинополѣ. Гетманъ, упоенный удачами, мечталъ о завоеваніяхъ и вообще о широкой политикѣ. Молдавія казалась ему наиболѣе легкой добычей. Отсюда сватовство, о которомъ Лупулъ узналъ съ великимъ страхомъ и негодованіемъ. Сомнительно, чтобы Тимошъ питалъ дѣйствительную любовь къ Розандѣ, — вѣдь онъ совсѣмъ не зналъ невѣсты. Какъ бы то ни было, отказъ господаря оскорбилъ гетмана, который и выслалъ „кровавыхъ сватовъ", пригласивъ конечно и орду: долго плакала отъ этихъ смотринъ молдавская земля—Сучава, Яссы, разоренные до тла, сожженныя села, народъ захваченный въ ясыръ... Лупулъ откупился отъ татаръ за 150.000 талеровъ, но осталось 16.000 козаковъ, которымъ тоже пришлось уплатить 10.000 тал. откупного и кромѣ того согласиться на бракъ дочери съ Тимошемъ. Договоръ былъ обезпеченъ заложниками съ молдавской стороны, и свадьба назначена на конецъ 1650 г. Однако, на этотъ разъ дѣло не удалось, такъ какъ Порта не изъявила согласія на бракъ, и Розанда была увезена въ Стамбулъ въ качествѣ заложницы въ началѣ 1651 г. и прожила въ столицѣ почти цѣлый годъ; по слухамъ, великій ви-

---

[1]) Pamiętniki Radziwiłła, II, 154.

[2]) Dogiel, Codeks diplom., II, 621.—Volum. leg., VI, 155.

зирь Ахмедъ сильно заинтересовался прекрасной заложницей, которая тоже не была равнодушна къ такому вниманію. Дворцовый переворотъ освободилъ Розанду--она возвратилась въ Яссы, гдѣ ничто не измѣнилось: Хмельницкій продолжалъ настаивать, а къ прежнимъ претендентамъ прибавился еще новый—польный гетманъ Калиновскій. Это оригинальное сватовство окончилось въ 1652 г. батогскимъ погромомъ, и Тимошъ явился къ молдавской границѣ. Нужно было покориться—и Лупулъ самъ уже просилъ ускорить свадьбу, лишь бы избавиться отъ татаръ и не пустить козаковъ въ Молдавію [1]). Торжество состоялось чрезъ десять недѣль послѣ батогской рѣзни.

До насъ дошло подробное описаніе свадьбы, сдѣланное очевидцемъ [2]). Церемоніалъ встрѣчи не представляетъ для насъ значенія. Слѣдуетъ лишь упомянуть, что господарь старался блеснуть роскошью: „ѣхалъ, какъ монархъ, великолѣпіе котораго нѣтъ возможности описать достодолжнымъ образомъ“. Поѣздъ Тимоша выглядѣлъ гораздо скромнѣе: состоялъ изъ девяти коней—„дрянныхъ и тощихъ“, сѣдла дорогія лишь на двухъ коняхъ—одно вышитое жемчугомъ, другое золотомъ. Вслѣдъ за свитой двигались 3.000 вооруженныхъ козаковъ, два рыдвана, повозка съ казной и четыреста простыхъ повозокъ, въ которыхъ находились соболи „для торговли“. Полковники въ польскихъ кунтушахъ ѣхали на прекрасныхъ скакунахъ; далѣе, войсковая музыка и придворный оркестръ, въ составъ котораго входили органистъ, три скрипки, флейта и труба,—разыгрывались польскіе танцы. За свитой тянулось нѣсколько повозокъ съ дамами и козацкими свахами, родственницами Хмельницкихъ, затѣмъ телѣги и мазы съ женскимъ платьемъ, подарками и множествомъ различныхъ товаровъ. Самъ гетманъ не былъ на свадьбѣ, онъ находился въ то время въ далекой Украинѣ у Ганчарихи [3]); мачиха, сестры, зятья тоже не явились; Янъ Выговскій въ ту пору былъ еще холостымъ, а жена Павла Тетери, сестра писаря, держалась въ отдаленіи отъ Чигирина и почти не покидала

---

[1]) Kochowski, Climacter. I, 236, 348.

[2]) Шайноха, Szkice historyczne, IV, 53—60.

[3]) Гора подъ Каневомъ, невдалекѣ отъ Днѣпра. Słownik geogr., III, 25.

отцовскаго дома въ Кіевѣ; дѣтей у Тетери не было, и жена его вскорѣ умерла. Такимъ образомъ, среди свахъ Тимоша совсѣмъ не было сколько нибудь выдающихся козацкихъ дамъ,—пріѣхали женщины большею частью простого роду. Изъ козацкой старшины реляція упоминаетъ объ Иванѣ Выговскомъ и Павлѣ Тетерѣ,—остальные не играли выдающейся роли въ войскѣ. Выговскаго и Тетерю не безъ основанія считали въ Чигиринѣ людьми образованными; имъ не были чужды западная цивилизація, оба они прекрасно говорили по польски и были знакомы съ латынью. Поэтому писарь постоянно выручалъ жениха и отъ имени послѣдняго произносилъ привѣтственныя рѣчи и держалъ отвѣтъ на такія же рѣчи. Тимошъ „волкомъ глядѣлъ исподлобья... парень молодой, съ оспинами, малаго роста, но большой повѣса", какъ выражается анонимный очевидецъ. По прибытіи гости были расквартированы: козацкіе отряды стали обозомъ „подъ Виноградомъ" въ окрестностяхъ столицы, а свахамъ отведены были удобные дома. Свадебныя торжества продолжались цѣлую недѣлю (отъ 30 авг. до 6 сент.). Если вѣрить анонимной реляціи, прибывшія изъ Чигирина дамы лишь разъ показались въ господарскихъ палатахъ, именно—на свадебномъ обѣдѣ; ихъ принимала сама господарша въ особыхъ комнатахъ. За ними посланы были кареты на квартиры, но дома не застали, потому что дамы „находились въ трактирѣ на выпивкѣ. Привезли ихъ въ замокъ, какъ какія нибудь страшилища, онѣ выглядѣли безобразно въ своихъ еврейскихъ кафтанахъ, подшитыхъ однако соболями, съ высокими воротниками; кажется, онѣ думали подражать молдавской модѣ. Можно бы объ этомъ много поразсказать, но скромность не позволяетъ". Послѣ обѣда свахи должно быть подпили, потому что дошло до ссоры съ женами бояръ, которыя подсмѣивались надъ грубоватостью и странными для нихъ манерами козачекъ; ссора перешла въ настоящую брань и грозила дракой. Особенно отличялась Галька Корныха, уже пожилая вдова—сотничиха, непобѣдимая въ словесномъ бою: „Вотъ невидаль какая,—кричала она,—коли вы лучше насъ, то зачѣмъ отдаете дочку вашу за козачка?" Кое какъ удалось выпроводить съ честью сварливую

бабу, но на лѣстницѣ она упала,—хмель былъ въ головѣ,—пришлось снести ее въ карету. Подруги ея также удалились недовольныя, ихъ развезли по домамъ,—немало было смѣху и по дорогѣ, когда онѣ начали расплачиваться орѣхами съ кучерами.

Безспорно, появленіе украинскихъ дамъ при молдавскомъ дворѣ было не изъ удачныхъ, но нужно замѣтить, что здѣсь столкнулись представительницы двухъ совершенно различныхъ обществъ: въ Яссахъ царила необычайная роскошь и крайняя утонченность манеръ, съ восточнымъ лоскомъ. Украинки видимо старались приспособиться къ невѣдомому дотолѣ міру и думали одѣться по-молдавански,—не ихъ вина, если получилась каррикатура. Если скромный авторъ реляціи не рѣшался разсказывать далѣе о выходкахъ украинскихъ свахъ, то слѣдуетъ помнить, что и молдавскія боярыни отнюдь не могли считаться ангелами непорочными: извѣстно, что среди нихъ царила самая утонченная распущенность, бездѣльничество, пренебреженіе къ семейнымъ обязанностямъ, словомъ—всѣ слѣды гаремнаго воспитанія, безъ той узды, которая держала въ страхѣ обитательницъ настоящихъ гаремовъ.

Несмотря на всѣ эти маленькія неровности, гетманъ былъ доволенъ свадьбой сына,—все таки онъ поставилъ на своемъ, и первый учачный шагъ имѣлъ для него большое значеніе. Резиденціей для новобрачныхъ онъ назначилъ Суботовъ, расширилъ домъ, окружилъ его двойнымъ валомъ, пріукрасилъ внутри. Захваченная Тимошемъ въ Молдавіи добыча пошла на украшеніе церкви св. Михаила, стоявшей невдалекѣ отъ двора на рынкѣ и находившейся подъ особымъ покровительствомъ гетманскаго сына. Съ нетерпѣніемъ поджидалъ Богданъ пріѣзда молодой пары, привѣтствовалъ ихъ съ великою радостью, довольный тѣмъ, что пріобрѣлъ союзниковъ и друзей, съ одной стороны, хана съ ордою, съ другой—свата господаря съ молдаванами [1]). Торжественный пріемъ подготовлялся задолго, предполагалось пойти на встрѣчу съ татарскими и козацкими вой-

---

[1]) Лѣтопись Величка, I, 118.

скахми [1]), но ханъ, кажется, не сдержалъ слова, потому что гетманъ встрѣтилъ молодыхъ лишь въ сопровожденіи родичей и старшины, помѣстилъ ихъ у себя въ Чигиринѣ и лишь въ концѣ сентября отпустилъ въ Суботовъ. Пьянство и разгулъ стояли великіе, трезваго человѣка въ свитѣ гетмана нельзя было сыскать со свѣчей. Новобрачная какъ-то стушевывалась среди этого необузданнаго веселья, которое должно было пугать непривычную женщину; кругомъ пьянство, грубыя ссоры, оканчивавшіяся дракой; даже почтеніе выражалось въ необычно-рѣзкихъ формахъ; покоя ни минуты; всѣ осматривали ее какъ заморскую диковинку; громкое и безпорядочное пѣніе, чоканье съ требованіемъ взаимности, дикіе танцы—все это должно было приводить молодую въ одурѣніе и апатію. Мужъ, мрачный и равнодушный, пугалъ ее своею молчаливостью. Уже вскорѣ послѣ переѣзда молдавской границы онъ началъ обнаруживать признаки недовольства, несмотря на шумное веселье въ обозѣ и чудные сентябрьскіе дни, такъ гармонировавшіе свадебной поѣздкѣ. Тимошъ ясно далъ понять молодой, что женился изъ разсчета. Онъ надѣялся, что Лупулъ осыпетъ его золотомъ, но сильно ошибся: 2.000 талеровъ и 2.000 червоныхъ золотыхъ, наряду, впрочемъ, съ богатымъ приданымъ—чистый пустякъ въ сущности; даже подарки свитѣ оставляли желать многаго: такъ, напр., Выговскій, самый приближенный къ гетману сановникъ, получилъ 10 локтей бархата, 20 локтей атласа, рысью шубу и 300 левковъ. Подарки другимъ лицамъ были гораздо скромнѣе. Гдѣ же хваленыя богатства господаря, если онъ такъ скупо снарядилъ родную дочь? Были и другія причины недовольства, какъ разсказывала французская газета въ корреспонденціи изъ Варшавы отъ 15 ноября 1652 г., т. е. вскорѣ послѣ свадьбы: „сынъ генерала Хмельницкаго, Тимошъ, уже дважды билъ свою молодую жену, дочь молдавскаго князя, упрекая ее за отношенія къ великому визирю, когда она была заложницей въ сералѣ и милостью визиря думала получить свободу. Но отецъ Хмельницкій, для котораго это весьма важно,

---

[1]) Michałowski, księga pamiętnicza, 661.

всячески старается склонить сына къ лучшему обращенію съ женой“ [1]).

При такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо вліяніи Розанды при чигиринскомъ дворѣ, даже при содѣйствіи тестя; да и времени не хватало для такого вліянія, потому что Тимошъ немедленно занялся своими честолюбивыми проектами. Подъ предлогомъ чумы, свирѣпствовавшей въ концѣ 1652 г. на Украинѣ, онъ выпросилъ разрѣшеніе явиться въ Яссы, затѣялъ войну съ Валахіей, а черезъ семь мѣсяцевъ послѣ свадьбы (6 апрѣля 1653 г.) Лупулова столица была уже въ рукахъ непріятеля,—самъ господарь съ семьей искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Въ это то время Розанда съ мачихой и малолѣтнимъ братомъ нашли гостепріимное убѣжище за неприступными стѣнами Каменецъ-Подольскаго, гдѣ старостой былъ одинъ изъ первыхъ претендентовъ на руку Розанды, Петръ Потоцкій, державшій себя въ этомъ дѣлѣ, какъ истый рыцарь, по отношенію къ беззащитной женщинѣ.

Въ іюлѣ 1653 г., послѣ новаго пораженія Лупулъ убѣжалъ на Украину къ гетману, а зять его вмѣстѣ съ женщинами заперся въ осажденной Сучавѣ. Драма близилась къ концу. Самонадѣянный Тимошъ, 18-лѣтній молокососъ, оказался ниже задачи, которую такъ безумно взялся выполнить; военныхъ талантовъ у него не было, также какъ и у Лупула, опытнаго лишь въ торговыхъ дѣлахъ. Пораженіе было неизбѣжно. На ихъ несчастье господари валашскій и молдавскій (Ракочи, назначенный вмѣсто низложеннаго Лупула) соединились вмѣстѣ, чтобы выпроводить непрошеннаго гостя. Когда Лупулъ явился въ Чигиринъ просить помощи, Хмельницкаго тамъ не было: онъ „гулялъ по пасѣкамъ“ въ Суботовѣ. Лупулъ явился сюда, но цѣлую недѣлю пришлось ожидать отрезвленія свата [2]). Гетманъ терпѣливо выслушалъ Лупула и, подавъ ему кружку съ водкой, преспокойно замѣтилъ: „вотъ, братъ, наилучшее утѣшеніе въ горести“ [3]). Лупулъ въ отчаяніи отправился въ Крымъ просить

[1]) Шайноха, Szkice histor., IV, 59.

[2]) Акты отн. къ ист. Ю. З. Р., III, 503.

[3]) Костомаровъ, Богд. Хмел., III, 70.—Шайноха, ib., IV, 63.

за деньги помощи у хана. Осада Сучавы между тѣмъ продолжалась, и Тимошъ былъ смертельно раненъ осколкомъ ядра. Защиту крѣпости приняла на себя безстрашная черкешенка, жена Лупула, и показала чудеса энергіи и храбрости. Розанда играла совершенно пассивную роль въ этомъ случаѣ: когда мачиха, обѣщала ея руку козацкому предводителю Өедоровичу, чтобы пріохотить его къ защитѣ крѣпости, Розанда безропотно покорилась, совершенно такъ, какъ это было въ Гальшкой изъ Острога. Но все тщетно: 9 октября 1653 г. крѣпость была сдана: Лупулова съ сыномъ отправлена въ Седмиградскую область плѣнницей; казну ея раздѣлили побѣдители; козаки получили безпрепятственный пропускъ на Украину; они не взяли съ собой ничего, кромѣ тѣла убитаго Тимоша. Вдова сопровождала печальную процессію, въ обществѣ старой прислужницы,—грустная картина!

Теперь Розанда осталась полной сиротой; сестра ея кн. Радзивилъ, умерла раньше, мачиха и братъ увезены въ неволю, отецъ попалъ въ Черную башню въ Стамбулѣ, куда его отправили татары, на родинѣ мужа не ожидало ее ничего хорошаго, а тутъ какъ на зло приближалось время сдѣлаться матерью. 22 октября тѣло Тимоша было доставлено въ Чигиринъ; здѣсь же Розанда родила двухъ близнецовъ-мальчиковъ, которые повидимому вскорѣ умерли, такъ какъ впослѣдствіи ничего о нихъ не слышимъ. Торжественные похороны Тимоша совершены были лишь 27 декабря въ Суботовѣ, въ церкви св. Михаила; присутствовали отецъ, мачиха, сестры, козацкая старшина—всѣ провожали тѣло изъ Чигирина; вдова вышла на встрѣчу процессіи изъ своего дома,—вѣроятно была еще нездорова. Хмельницкій не стѣснялъ Розанду и оставилъ ей во владѣніе дворъ, гдѣ она раньше жила съ мужемъ. Здѣсь навѣстилъ вдову антіохійскій патріархъ, который видѣлъ ее не разъ на панихидахъ по Тимошкѣ. Бывала и она у патріарха, всегда въ слезахъ; угнетенная, молчаливая, она вела жизнь совершенно уединенную; къ гетманской семьѣ она не могла примкнуть; во всякомъ случаѣ съ нею обращались если и холодно, то по крайней мѣрѣ съ извѣстнымъ почтеніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе Розанды среди козацкаго общества произвело нѣкоторыя перемѣны въ придворномъ церемоніалѣ. Правда, немалую роль играли въ этомъ случаѣ и политическія обстоятельства: сближеніе съ Москвой, получаемыя оттуда отличія въ видѣ подарковъ, утвержденій въ дворянствѣ и земельныхъ пожалованій. Такимъ путелъ закрѣплялось привиллегированное положеніе вліятельнаго класса, который постепенно началъ усваивать обычаи и образъ жизни, свойственные этому классу въ сосѣднихъ государствахъ. Поспольство, правда еще пользовавшееся вольностью, мало по малу отступаетъ на задній планъ, терпитъ разнообразныя стѣсненія отъ старшины; конечно, дѣло не обходится безъ волненій и кровавыхъ протестовъ, но въ концѣ концевъ простой народъ попадаетъ въ крѣпостныя узы.

Благодаря вліянію Филиппихи, гости гетмана начинаютъ вести себя при дворѣ гораздо скромнѣе и приличнѣе, о прежнихъ оргіяхъ нѣтъ уже и рѣчи; козацкія жены появляются здѣсь совсѣмъ при другой обстановкѣ, ссоры и драки изгнаны изъ придворнаго обихода и случаются развѣ въ видѣ исключенія. Вліяніе третьей жены на Хмельницкаго было хорошо извѣстно, такъ что даже королева польская Марія—Людвика обращалась однажды къ ея посредничеству и послала ей въ этомъ смыслѣ письмо вмѣстѣ съ дорогимъ подаркомъ. Гетманъ, получивъ это письмо подъ Львовымъ, былъ сильно растроганъ и даже плакалъ отъ умиленія, если вѣритъ современному извѣстію [1]). Этотъ фактъ достаточно характеризуетъ вліяніе Филиппихи при Чигиринскомъ дворѣ, которое не ослабѣло и послѣ смерти ея брата, погибшаго при осадѣ Стараго Быхова [2]). Напротивъ, оно даже усилилось. Пріемы иноземныхъ пословъ, прежде столь шумные и безпорядочные, получили теперь другой характеръ; въ дипломатическихъ обѣдахъ уже не принималъ участія первый встрѣчный,—установился извѣстный выборъ; появляются на нихъ и женщины изъ родни гетмана. Такъ, во время посѣщенія Бутурлина 1657 г. на обѣдѣ присутствовали гетманша и

---

[1]) Костомаровъ, Богд. Хм., III, 219.—Historia belli Cosac. polon., 239—249.
[2]) Самовидецъ, 25.—Ерлича лѣтопись, II, 179.

Екатерина Выговская, изъ мужчинъ—самъ гетманъ, иногда сынъ его Юрій, далѣе, генеральный асаулъ Ковалевскій и писарь войска запорожскаго Янъ Выговскій; послѣдній за годъ передъ этимъ женился на Статкевичъ, но дочь сенатора не показывалась въ чигиринскомъ обществѣ. Даже въ публичныхъ рѣчахъ гетмана замѣчается теперь нѣкоторая сдержанность: онъ чокается съ гостямми не водкой какъ прежде, а старымъ венгерскимъ виномъ въ серебряныхъ кубкахъ. Словомъ, незадолго до смерти, которая наступила въ августѣ 1657 г., гетманъ возвратился къ юношескимъ своимъ привычкамъ. Династическіе планы его, шаткіе въ самой основѣ, пошли прахомъ, дворъ разбрелся во всѣ стороны. О Филиппихѣ уже ничего не слышимъ съ этой поры, только дочерямъ пришлось вскорѣ выступить на сцену. А невѣстка? Мы оставили ее въ Суботовѣ, но кажется она не дожилась здѣсь смерти тестя. Достовѣрно во всякомъ случаѣ, что она не покинула Украины и что на содержаніе вдовы съ двумя малютками Хмельницкій отдалъ доходы Зѣньковскаго ключа съ окрестностями,—это пожалованіе было подтверждено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ во особомъ указѣ. Сосѣди недоброжелательно относились къ вдовѣ, взваливая на нее вину всѣхъ неудачъ послѣдняго времени, но не высказывали явнаго неуваженія невѣсткѣ гетмана, да и легенда о сокровищахъ Лупула играла не послѣднюю роль въ этомъ случаѣ: подозрѣвали, что Розанда успѣла спасти часть богатства отца, а послѣ мужа тоже досталось ей не малое наслѣдство. Кроткая женщина никого не могла обидѣть, а такъ какъ тесть относился къ ней съ почтеніемъ, то вдову не трогали, о ней забыли къ ея величайшей радости. Дальнѣйшія извѣстія о Розандѣ не отличаются достовѣрностью. Нѣкто Антоновскій, Михаилъ Ивановичъ, умершій въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, доказываетъ свое происхожденіе отъ Розанды[1]). По его словамъ, изъ Франціи прибылъ съ Яномъ Казимиромъ въ качествѣ надворнаго маршала Андро де Бюи; въ 1658 г. онъ, въ качествѣ начальника иноземныхъ войскъ на

[1]) Русскій Архивъ, Москва, 1885, II, 145—178.

службѣ Рѣчи Посполитой, получилъ права польскаго гражданина, съ прибавной фамиліей Антоновича [1]). Недовольный царствовавшими въ Рѣчи раздорами, новый польскій шляхтичъ перешелъ въ козацкое войско, гдѣ начальствовалъ надъ пѣхотой и артиллеріей. Здѣсь онъ отрекся отъ латинства и перемѣнилъ фамилію на Антоновскаго. Юрій Хмельницкій, сдѣлавшись гетманомъ, въ награду за услуги Антоновскаго отдалъ ему въ замужество вдову Тимоша. Такимъ образомъ, съ нею вновь распорядились по произволу. Очевидно, восточное воспитаніе и двукратное пребываніе въ сералѣ лишили ее всякой самостоятельности, а быть можетъ, пріучили къ безусловному повиновенію. Бракъ состоялся около 1660 г., годъ спустя родился сынъ Петръ, прадѣдъ Михаила Антоновскаго. Вскорѣ послѣ этого мы встрѣчаемъ Розанду въ Рашковѣ Подольскомъ или же въ сосѣднемъ Вади-Рашковѣ бессарабскомъ, гдѣ она ведетъ уединенную жизнь [2]). Кажется, рѣчь идетъ о Рашковѣ Подольскомъ, который принадлежалъ Конецпольскому: въ договорѣ съ Розандою послѣдній отдаетъ „женѣ Тимоша Хмельницкаго" эту волость на залоговомъ правѣ. Накко, авторъ исторіи Бессарабіи, полагаетъ, что братъ вдовы, Стефанъ Лупулъ, сдѣлавшись въ 1659 г. господаремъ, приглашалъ сестру къ себѣ въ Яссы и даже выслалъ конвой, который былъ разсѣянъ козаками [3]); такимъ образомъ, Розанда осталась въ Рашковскомъ замкѣ, сильно укрѣпленномъ для отраженія грабительскихъ шаекъ. Но это не спасло ее отъ катастрофы: въ 1666 г. козаки подъ начальствомъ Дрозденка убили ее за то, что она не хотѣла подѣлиться съ ними своими богатствами. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно разсказали, какимъ путемъ часть награбленныхъ драгоцѣнностей попала въ руки Юрію Володіевскому, а другая, львиная доля, Дорошенкѣ, впослѣдствіи гетману запорожскому, поэтому не станемъ повторять этой исторіи [4]). Единственнымъ воспоминаніемъ о пребы-

---

[1]) Нѣсецкій, II, 30.

[2]) Słownik geogr., IX, 533.

[3]) Исторія Бессарабіи, „Одесса", II, 309.

[4]) Д-ръ Антоній I., Sylwetki historyczne, серія VIII, 311—314.

ваніи Розанды на чигиринскомъ дворѣ служитъ драгоцѣнное ожерелье, находящееся въ Бѣлоцерковской церкви, куда было пожертвовано Семеномъ Паліемъ: вѣроятно, оно досталось ему послѣ грабежа Дрозденка въ Рашковѣ [1]).

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Венгржиновскій, Свадьба Тимоша Хм., 50, съ рисункомъ ожерелья.

ІОСИФЪ ІОСИФОВИЧЪ РОЛЕ (D-r. Antoni I.)

НЕКРОЛОГЪ.

Въ началѣ января текущаго года скончался въ Каменцѣ крупный и весьма дѣятельный труженикъ на полѣ исторіи юго-западнаго края—докторъ Іосифъ Ролле, извѣстный въ литературѣ подъ нѣсколько страннымъ псевдонимомъ Д-ра Антонія I.

Покойный былъ сыномъ французскаго эмигранта Іосифа Ролле (Rollé), поселившагося еще въ началѣ текущаго столѣтія въ Подоліи и занимавшаго какую-то должность въ экономіи или при дворѣ князя Генриха Любомирскаго. Около 1820 года кн. Любомирскій, въ награду за труды Ролле, отдалъ ему въ пожизненное владѣніе участокъ земли, принадлежавшій къ шаргородскому имѣнію (могилевскаго уѣзда, подольской губ.); на землѣ этой Ролле основалъ деревню Генриховку, въ которой въ 1830 году родился его сынъ Іосифъ-Антоній. Окончивъ винницкую гимназію, Іосифъ Іосифовичъ поступилъ въ 1849 г. въ кіевскій университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ наукъ по медицинскому факультету въ 1854 г. Медицинскія науки, впрочемъ, не поглощали вполнѣ вниманія покойнаго; еще въ студенческіе годы онъ раздѣлялъ свое время такимъ образомъ, что значительную часть его употреблялъ на чтеніе книгъ историческихъ и съ особенною любовью слѣдилъ за всѣми сочиненіями, относившимися къ исторіи его ближайшей родины. Среди товарищей онъ слылъ лучшимъ знатокомъ исторіи родного края и пользовался въ этомъ отношеніи вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ. Окончивъ университетъ, молодой медикъ возвратился

на родину и, занимаясь въ разныхъ мѣстностяхъ Подолія медицинскою практикою, продолжалъ все свободное время посвящать собиранію и классификаціи историческихъ мѣстныхъ матеріаловъ. Къ обработкѣ ихъ онъ приступилъ только послѣ переселенія своего въ Каменецъ, гдѣ онъ прожилъ около 30 послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Печатая свои историческія монографіи въ разныхъ повременныхъ польскихъ изданіяхъ, авторъ выпускалъ ихъ потомъ, по мѣрѣ накопленія, отдѣльными томами подъ общимъ заглавіемъ: „Историческіе разсказы" (Opowiadania historyczne)". Первый томъ монографій появился во Львовѣ въ 1875 году, и съ того времени не проходило года безъ того, чтобы не появился новый томъ сочиненій плодовитаго автора; послѣдній изъ нихъ (серія IX) вышелъ въ концѣ 1893 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Д-ра Антонія. Вообще полное собраніе его сочиненій представляетъ внушительный рядъ—21 томъ.

По содержанію своему монографіи покойнаго Ролле (числомъ около 80), за весьма незначительными исключеніями, посвящены исторіи юго-западнаго края и по преимуществу роднаго ему Подолія. Источниками для его трудовъ служили произведенія исторической русской и польской литературы, записки современниковъ и по преимуществу историческіе документы; послѣдніе онъ заимствовалъ изъ двухъ источниковъ. Во первыхъ, онъ тщательно изучалъ изданія кіевской археографической коммиссіи и „Описи актовыхъ книгъ", издаваемыя управленіемъ кіевскаго центральнаго архива, съ крайнею кропотливостью выбиралъ изъ этихъ изданій всѣ мельчайшія подробности, представлявшія интересъ историческій, историко-топографическій или біографическій, и собранныя данныя группировалъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ; когда для извѣстнаго сюжета скоплялось достаточное количество вымѣтокъ, онъ приступалъ къ ихъ обработкѣ, и такимъ образомъ являлась на свѣтъ новая монографія. Другимъ обильнымъ документальнымъ источникомъ сочиненій Ролле служили фамильные архивы дворянъ подольской губерніи; располагая въ ихъ средѣ многочисленными связями и знакомствами, докторъ Антоній

черпалъ изъ нихъ весьма интересныя историческія свѣдѣнія, тѣмъ болѣе цѣнныя, что матеріалы эти, составляя частную собственность, не были доступны для болѣе широкой публики и могли послужить для научной цѣли только при существованіи личнаго знакомства автора съ ихъ владѣльцами.

Монографіи покойнаго Ролле носятъ всѣ характеръ эпизодическій, и сюжеты ихъ, самые разнообразные, обусловливаются содержаніемъ встрѣченнаго имъ документальнаго матеріала; исключеніе составляетъ одно лишь крупное сочиненіе покойнаго: трехтомная монографія, озаглавленная: „подольскіе замки на Молдавской границѣ“ (Zameczki Podolskie na kresach multańskich). Первые два тома этого сочиненія представляютъ систематическую, весьма полную и пока единственную исторію города Каменца-Подольскаго, третій-же томъ посвященъ исторіи подольскихъ городовъ: Жванца, Паневецъ, Чернокозинецъ, Бара, Могилева и Шаргорода. Остальныя монографіи представляютъ разсказы, посвященные самымъ разнообразнымъ эпизодамъ политической и внутренней исторіи юго-западнаго края: это—біографіи его дѣятелей, очерки исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, изслѣдованія всевозможныхъ сюжетовъ внутренняго быта, біографіи литературныхъ дѣятелей уроженцевъ Подолія и т. д.—Руководясь постоянно количествомъ и качествомъ собраннаго матеріала при выборѣ своихъ сюжетовъ, др. Антоній невольно сосредоточивался на тѣхъ періодахъ исторіи края, для которыхъ ему удавалось собрать болѣе матеріаловъ. Почти половина его монографій относится потому къ XVIII столѣтію, нѣсколько болѣе ¼ къ XVII, а XVI-му и XIX столѣтіямъ посвящено только по 10 монографій.

Не смотря на весьма добросовѣстное изученіе серьезнаго историческаго матеріала, докторъ Антоній не былъ сухимъ педантомъ; обладая въ значительной степени умѣніемъ изображать художественныя картины, онъ является скорѣе талантливымъ популяризаторомъ, чѣмъ строгимъ ученымъ. Первые томы его „историческихъ разсказовъ“ даже нѣсколько грѣшатъ преобладаніемъ художественнаго элемента надъ историческимъ — онѣ стоятъ какъ-бы на рубежѣ исторической повѣсти и историческаго из-

слѣдованія съ ясною наклонностію отдать предпочтеніе первому изъ указанныхъ направленій; но чѣмъ болѣе авторъ предавался своему труду, тѣмъ болѣе онъ сталъ сдерживать порывы фантазіи и, не отстраняя художественнаго представленія бытовыхъ картинъ, онъ все болѣе и болѣе заключалъ ихъ въ рамки строгаго историческаго разсказа; такой—характеръ носятъ почти безъ исключенія всѣ его произведенія за послѣднія 12—15 лѣтъ.

Такой-же прогрессъ, какой замѣчается въ способѣ изложенія, видѣнъ въ равной мѣрѣ и въ пріемахъ разсказа. Первыя монографіи доктора Антонія производили непріятное впечатлѣніе на читателя, стоявшаго внѣ круга, для котораго назначались его произведенія, особою манерою разсказа, состоящею въ злоупотребленіи эпитетами, которыми авторъ какъ-бы характеризовалъ a-priori лица и событія, заимствуя колоритъ этихъ эпитетовъ изъ цикла понятій, давно отжившихъ или по крайней мѣрѣ спорныхъ. Эта манера объясняется до извѣстной степени желаніемъ приноровиться къ бытовымъ понятіямъ описываемаго историческаго времени, можетъ быть еще въ большей степени—желаніемъ поддѣлаться подъ вкусы и понятія своей публики и не шокировать ея предубѣжденій. Во всякомъ случаѣ авторъ вскорѣ замѣтилъ всю неумѣстность своей манеры, сталъ къ ней прибѣгать все рѣже и рѣже, и послѣднія его монографіи почти совершенно чужды этого недостатка, конечно вредившаго объективному историческому изложенію.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о работахъ покойнаго Ролле, выходившихъ изъ круга исторической литературы, хотя знаемъ, что онъ сотрудничалъ въ польскихъ медицинскихъ журналахъ; намъ встрѣтились только двѣ его работы, хотя имѣющія нѣкоторую связь съ исторіею, но относящіяся собственно къ другимъ областямъ знанія: это опытъ филологическаго изслѣдованія о происхожденіи малорусскихъ фамильныхъ названій. (Историческіе разсказы, серія VIII) и антропологическій эскизъ: „о наслѣдственности помѣшательства“ (отдѣльная брошюра—Краковъ 1889).—Первая изъ этихъ статей составляетъ довольно неудачную попытку, такъ какъ авторъ долженъ былъ прибѣгнуть къ методамъ науки для него посторонней и потому не

могъ избѣжать многочисленныхъ ошибокъ, замѣтныхъ даже для неспеціалиста. Вторая статья представляетъ очень интересную попытку установить антропологическіе выводы о наслѣдственности, основываясь на біографическихъ данныхъ, собранныхъ авторомъ въ качествѣ историческаго матеріала.

Покойный въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ весьма дѣятельнымъ членомъ подольскаго губернскаго статистическаго комитета и подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Участіе его въ этихъ ученыхъ обществахъ выразилось изданіемъ при ихъ содѣйствіи двухъ историческихъ трудовъ на русскомъ языкѣ: 1) Подольская старина—изъ записокъ маіора Пташинскаго и 2) Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Оба изданія относятся къ исторіи Подолія въ концѣ XVIII столѣтія; второе представляетъ сборникъ документовъ (119), содержащихъ правительственныя распоряженія, относившіяся къ Подоліи за первыя 5 лѣтъ послѣ присоединенія этой области къ Россіи (1792—1796), во время управленія краемъ генералъ-губернаторовъ Кречетникова и Тутолмина.

Обозрѣвая научную и литературную дѣятельность д-ра Ролле, мы не можемъ не признать ея весьма плодотворнаго значенія. Какъ историкъ, онъ разработалъ всесторонне многочисленные эпизоды прошлой жизни своей родины и воспользовался для освѣщенія ихъ обильными архивными частными матеріалами, которые безъ его участія не нашли-бы долго научнаго примѣненія.—Но гораздо большее значеніе имѣлъ докторъ Антоній I. какъ популяризаторъ: его монографіи, написанныя легко и привлекательно, ознакомили мѣстное польское общество съ исторіею юго-западнаго края и заставили это общество отказаться отъ многихъ предвзятыхъ мнѣній, тенденціозныхъ предубѣжденій. Онъ первый ввелъ въ польскую исторіографію привычку пользоваться выводами русской исторической науки и обращать серіозное вниманіе на историческій матеріалъ, издаваемый русскими учеными обществами и учрежденіями. Куда-бы ни лежали его симпатіи, какой-бы внѣшній колоритъ онъ ни придавалъ своимъ сужденіямъ, объективная историческая истина, которую покойный уважалъ, какъ подобаетъ историку

выступала постоянно изъ-подъ легкой наружной стилистической пелены и способствовала развитію самопознанія, чѣмъ и облегчалось желательное въ краѣ умиротвореніе и примиреніе.— Потому, не смотря на многія несогласія въ частностяхъ и на различные углы зрѣнія,—мы должны признать, что д-ръ Ролле неутомимою своею дѣятельностью на полѣ исторической науки сослужилъ честную службу на пользу родного края.

В. А.

Владиміръ Степановичъ Александровъ.

(Некрологъ).

29 декабря минувшаго года сошелъ въ могилу еще одинъ изъ писателей родной земли, *Владиміръ Степановичъ Александровъ*, извѣстный любителямъ малорусской словесности, главнымъ образомъ, своими двумя драматическими піесами „За Немань иду“—оперета въ двухъ дѣйствіяхъ (1872 г.) и „Не ходы, Грыцю, на вечорныци“—оперета въ 4-хъ дѣйствіяхъ (1873 г.), такъ-какъ, благодаря энергичной дѣятельности малорусскихъ труппъ, эти піесы побывали на сценахъ многихъ городовъ и городковъ нашей Малороссіи. Надо, впрочемъ, сказать, что людямъ, интересующимся всестороннимъ проявленіемъ малорусскаго книжнаго дѣла, не менѣе извѣстны и такія его изданія, какъ „Малоруски спиванки“ (1880 г.), представляющія стихотворную передѣлку нѣкоторыхъ піесъ Лермонтова, Козлова и др.; затѣмъ „Тыхомовни спивы на святи мотыви“ (1883 г.), гдѣ помѣщено 16 псалмовъ Давидовыхъ въ стихотворномъ пересказѣ; далѣе—„Пѣсенникъ“ съ нотами (1885 г.), и наконецъ—два выпуска альманаха „Складка“ (1887 и 1893 г.), гдѣ нашли себѣ мѣсто, рядомъ съ произведеніями другихъ малорусскихъ писателей, и его личныя лирическія стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Если прибавимъ къ этому нѣсколько отдѣльныхъ его піесъ помѣщенныхъ разновременно въ галицкомъ журналѣ „Зоря“, да не особенно распространенную трагедію его „Прав-

дыве Коханне" то этимъ исчерпаемъ почти все, связывающее имя покойнаго съ литературною дѣятельностью на полѣ украинской словесности. Указываютъ также, какъ на видную заслугу В. С. Александрова, на его первые опыты въ области художественно-народной малорусской естественно-исторической поэмы, а именно: „Писня про гарбуза" (1880 г.), „Чыжыкове весилля" и „Малороссійская сказка Коза-дереза" (1881 г.). Нельзя пройти молчаніемъ и того, что покойный, подвизаясь на полѣ россійскаго писательства (кажется—начиная съ 1857 г.) не разъ касался въ своихъ работахъ и родныхъ темъ, какъ напр.: стихотворное либретто къ оперѣ Щуровскаго „Богданъ Хмельницкій".

Эту любовь къ родинѣ и къ родной словесности В. С. Александровъ унаслѣдовалъ отъ отца своего, священника о. Степана, извѣстнаго своей піесой „Вовкулака", написанною имъ сравнительно въ поздніе годы его жизни (1842 г.), когда у него были не только сыновья и зятья, но и внуки, для которыхъ и сложено было имъ это стихотворное украинское повѣрье. Въ то время и В. С. Александрову было уже 17 лѣтъ отъ роду, т. к. онъ родился 20 іюня 1825 г. въ томъ самомъ селѣ Бугаевкѣ (изюмскаго уѣзда), къ которому пріуроченъ разсказъ отца „Вовкулака". Получивши образованіе сначала въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ и, наконецъ, въ Харьковскомъ университетѣ по медицинскому факультету, Владиміръ Степановичъ съ 1853 года началъ свою служебную дѣятельность въ качествѣ военнаго врача и, выдержавъ впослѣдствіи экзаменъ на степень доктора медицины, дослужился до званія старшаго дивизіоннаго врача, каковую должность оставилъ въ 1886 году, вышедши въ отставку. Эта служебная дорога, не имѣвшая непосредственной связи съ литературной работой, да еще въ области малорусскаго писательства, была, конечно, единственной причиной сравнительно поздняго выступленія покойнымъ Влад. Степанов. на литературное поприще, а также не особенно выдающейся плодовитости его въ дѣлѣ поэтическаго творчества. Однако, при общей скудости современ-

ной намъ малорусской поэзіи, временами только разливающейся въ широкій потокъ, а чаще замыкающейся въ узенькій журчащій ручеекъ, мы не можемъ не помянуть добрымъ словомъ всѣхъ дѣлателей на этой нивѣ, а потому и въ данномъ случаѣ, съ чувствомъ признательности бросаемъ горсть земли на свѣжую могилу почившаго поэта и выражаемъ обычное народное наше пожеланіе, чтобы „перомъ легла надъ нимъ вся эта земля“.

В. Н-ко.

Гробъ Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ, у Христорождественской церкви (7 мая 1861 года).

КЪ РИСУНКУ.

Послѣ десятидневнаго путешествія съ гробомъ Т. Г. Шевченко, 6 мая къ вечеру, мы, провожавшіе гробъ изъ Петербурга до Кіева, приблизились къ Никольской Слободкѣ [1]). Здѣсь гробъ былъ встрѣченъ роднею поэта, съ Варф. Гр. Шевченкомъ [2]) во главѣ, и толпою преимущественно студенческой молодежи. Передъ мостомъ лошади были отпряжены, и студенты повезли дроги съ гробомъ на рукахъ. Между тѣмъ, куда везли гробъ, гдѣ будутъ его хоронить—никто не зналъ... „Названный братъ" поэта В. Г. Шевченко († 1893 г.), по близкимъ отношеніямъ къ покойнику, рѣшилъ было вопросъ о похоронахъ еще до прибытія тѣла въ Кіевъ; предположилъ онъ похоронить тѣло поэта на Щекавицкомъ кладбищѣ, гдѣ была уже, какъ говорятъ, приготовлена и могила. Но еще на дорогѣ отъ моста къ Кіеву возникли по этому вопросу пререканія, и пока—рѣшено было поставить гробъ въ первой по дорогѣ церкви—Рождества Христова, на Подолѣ. Но священникъ этой церкви о. Іосифъ Желтоножскій не могъ безъ дозволенія властей разрѣшить постановку гроба въ церкви, и В. Г. Шевченко за такимъ разрѣшеніемъ отправился къ благочинному подольскихъ церквей, которымъ тогда былъ теперешній кафедральный протоіерей

---

[1]) Провожали гробъ—художникъ Гр. Ник. Честаховскій († 1893 г. въ Спб., а похороненъ въ с. Качановкѣ, борзенскаго уѣзда, въ паркѣ В. В. Тарновскаго) и пишущій эти строки.

[2]) В. Г. Шевченко—однофамилецъ поэта, близкій его пріятель, котораго Т. Г—чъ всегда называлъ братомъ.

П. Г. Лебединцевъ [1]). Но оказалось, что и благочинный своею властью не можетъ дать такого разрѣшенія; за послѣднимъ нужно было отправиться къ высшимъ властямъ. Пока пришло разрѣшеніе, гробъ остановили на подольской набережной, около башенныхъ воротъ.—Ждали мы впрочемъ не долго: скоро получено было разрѣшеніе и митрополита, и генералъ-губернатора—поставить гробъ поэта въ Христорождественской церкви. У послѣдней гробъ былъ встрѣченъ облачившимся въ ризы П. Г. Лебединцевымъ и настоятелемъ церкви о. Желтоножскимъ, которые, по внесеніи гроба въ церковь, отслужили краткую литію. Затѣмъ, мы, провожавшіе гробъ, отправились (не помню—куда именно) рѣшать вопросъ, гдѣ же хоронить привезенное тѣло Тараса Григорьевича: въ Кіевѣ или въ Каневѣ, какъ на томъ особенно настаивалъ Г. Н. Честаховскій. Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ, рѣшено было хоронить поэта около Канева, при чемъ такое рѣшеніе почти всецѣло принадлежитъ Честаховскому, о чемъ и свидѣтельствуемъ здѣсь передъ тѣми, кому знать это интересно. Рѣшено было, что на другой день гробъ будетъ перевезенъ на пароходъ, для дальнѣйшаго путешествія тѣла поэта въ Каневъ. При этомъ же было рѣшено—передъ отъѣздомъ изъ Кіева фотографировать гробъ, собравъ вокругъ него родичей поэта. Для этого на другой день, 7 мая, передъ обѣднею (было воскресенье) гробъ Тараса Григорьевича былъ вынесенъ на церковный дворъ, поставленъ на тѣхъ дрогахъ, на которыхъ онъ привезенъ былъ изъ Петербурга, и обставленъ роднею поэта, окруженною нахлынувшею толпою народа. Этому случайному сборищу людей Честаховскій хотѣлъ было придать хотя нѣкоторый порядокъ, хотѣлъ было поставить на виду нѣкоторыхъ изъ почитателей умершаго поэта, напр.—И. М. Сошенка, но толпа суетилась и мѣшала всякому порядку. Установивъ кое-какъ родню поэта (при чемъ на болѣе видныхъ мѣстахъ поставлены были: сестра поэта Ирина Григорьевна, по мужу Бойко, и его братья Никита и Осипъ Григорьевичи), Честаховскій далъ знакъ фотографу Воюцкому—

[1]) См. Кіевск. Стар. 1882 г., № 9, стр. 566.

и явился приложенный къ настоящей книжкѣ рисунокъ—„гробъ Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ у Христорождественской церкви". На этомъ рисункѣ обозначены цифрами слѣдующія лица: 1—Никита Григорьевичъ, 2—Осипъ Григорьевичъ, 3—Ирина Григорьевна, 4—В. Гр. Шевченко, 5—И. М. Сошенко (малозамѣтенъ, хорошо видна лишь его лысина) и 6—Г. Н. Честаховскій, котораго кто то толкнулъ и онъ вышелъ съ двойнымъ лицемъ. Послѣ фотографированія гробъ былъ снова внесенъ въ церковь и отслужена была обѣдня. Позже, отслужена панихида, послѣ которой гробъ снова поставленъ былъ на дроги и повезенъ на пароходъ, чтобы назавтра (8-го мая) рано плыть въ Каневъ и тѣмъ исполнить завѣщаніе поэта... Этимъ завѣщаніемъ, впрочемъ, не была та предсмертная будто бы воля Тараса Григорьевича, о которой разсказываетъ М. К. Чалый въ своей книжкѣ—„Жизнь и произведенія Тараса Шевченка". Здѣсь (стр. 191) говорится, „что *присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ жизни поэта Грицько Честаховскій, заявилъ* (при рѣшеніи вопроса—гдѣ хоронить), *что на предложенный имъ умирающему вопросъ: гдѣ похоронить его? онъ отвѣчалъ: „въ Каневъ"*.—Но мы хорошо помнимъ, что Честаховскій „при послѣднихъ минутахъ жизни поэта" не находился, да если бы и находился, то у него, въ виду предсмертныхъ страданій Тараса Григорьевича,[1]) не хватило бы духу спрашивать умирающаго о мѣстѣ похоронъ. Хорошо также знаемъ, что никакого завѣщанія, ни письменнаго, ни словеснаго, Тарасъ Григорьевичъ о мѣстѣ своего погребенія не оставлялъ, а мысль его друзей о погребеніи тѣла умершаго около Канева (гдѣ поэтъ собирался строить себѣ „хату") основана была лишь на поэтическомъ завѣщаніи:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли,
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій;

---

[1]) Мы видѣли Тараса Григорьевича болѣе чѣмъ за полсутокъ до его смерти, и тогда уже эти страданія были ужасны отъ бросившейся въ легкія водянки.

Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучій...

Вотъ это то завѣщаніе страстно желая исполнить, Г. Н. Честаховскій и говорилъ о предсмертной будто бы волѣ поэта...

А. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О рисункахъ Т. Г. Шевченка, исполненныхъ, по порученію Кіевской Археографической Коммиссіи, въ Волынской губерніи. Въ помѣщенной выше статьѣ О. И. Левицкаго «Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 гг.» между прочимъ разсказывается о томъ, что въ 1846 году онъ былъ командированъ кіевскою Археографическою Коммиссіею въ разныя мѣста кіевской, подольской и волынской губерній для собранія свѣдѣній, указанныхъ въ предписаніи, которое было дано ему отъ 21 сентября, и для осмотра и описанія замѣчательныхъ монументальныхъ памятниковъ и древнихъ зданій, причемъ въ частности ему было поручено отправиться въ Почаевскую Лавру и тамъ списать виды этой Лавры. При этомъ авторъ добавляетъ, что въ дѣлахъ Коммиссіи не сохранился отчетъ, представленный Шевченкомъ вмѣстѣ съ рисунками и текстомъ народныхъ преданій, пѣсенъ и т. п., почему и неизвѣстно, какія именно мѣста посѣтилъ поэтъ—художникъ и какіе памятники древности были имъ осмотрѣны.

Намъ удалось видѣть тѣ рисунки, которые, по порученію кіевской Археографической Коммиссіи были исполнены Т. Г. Шевченкомъ на Волыни, почему, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, изложеннымъ въ статьѣ О. И. Левицкаго, и считаемъ нужнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Означенные рисунки въ настоящее время принадлежатъ П. Я. Дорошенку (въ глуховскомъ уѣздѣ) и были пріобрѣтены имъ отъ бывшаго профессора кіевскаго университета и члена коммиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа покойнаго А. С. Роговича. Коллекція эта заключаетъ въ себѣ: четыре акварели, два рисунка тушью и одинъ чертежъ.

Исполненныя очень изящно акварели представляютъ виды Почаевской Лавры. Изъ нихъ двѣ изображаютъ виды, открывающіеся

на Лавру: одинъ—съ южной и другой—съ западной стороны, какъ это можно видѣть по расположенію церкви; кромѣ лаврскихъ построекъ, на нихъ изображены маленькіе домики подъ соломенными крышами, прилегающіе къ Лаврѣ, и фигуры движущихся малороссовъ. Третья акварель представляетъ внутренній видъ церкви въ Почаевской Лаврѣ; прямо передъ зрителемъ—очень тщательно изображенный иконостасъ, а на переднемъ планѣ двѣ молящихся фигуры: малоросса, одѣтаго въ длинную свитку съ видлогою, и стоящей на колѣняхъ молодицы. Четвертая акварель представляетъ часть лаврской террасы и широко открывающійся съ нея видъ на окрестныя мѣста, между которыми вдали, на возвышеніи, виднѣется старинное село Подкамень, расположенное въ Галиціи, близъ источниковъ р. Иквы.

На двухъ рисункахъ тушью изображены: 1, церковь въ с. Вербки, гдѣ былъ погребенъ князь А. М. Курбскій, въ трехъ верстахъ отъ Ковля, и 2, церковь, построенная въ с. Секуни пріятелемъ Курбскаго Келеметомъ. Приложенный къ первому изъ этихъ рисунковъ чертежъ представляетъ: а) наружный видъ церкви и б) мѣста, гдѣ отысканъ склепъ.

На листѣ бумаги, приложенномъ къ этой коллекціи рисунковъ, имѣется записка бывшаго (съ 1844 г.) члена, а потомъ (1848—1857 г.г.) предсѣдателя кіевской Археографической коммиссіи М. О. Судіенка слѣдующаго содержанія: «Я представлялъ рисунки Дмитрію Гавриловичу [1]), онъ ихъ одобрилъ и разрѣшилъ литографировать, М. Судіенко.» Однако изъ всѣхъ рисунковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, только одинъ, именно видъ церкви въ с. Вербки, былъ воспроизведенъ въ литографированномъ снимкѣ, помѣщенномъ (безъ обозначенія имени художника) въ изданной Археографическою Коммиссіею въ 1849 г. книгѣ: «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» (томъ II, приложенія, таблица 1-ая). Почему именно не были изданы другіе рисунки, которые, какъ видно изъ вышеприведенной записки, были одобрены и разрѣшены къ литографированію,—намъ неизвѣстно, какъ равнымъ образомъ неизвѣстно и то, представляетъ ли эта коллекція полное собраніе рисунковъ, исполненныхъ Шевченкомъ, по порученію Археографической Коммиссіи, на Волыни, или, кромѣ этихъ рисунковъ, имъ были исполнены еще какіе нибудь другіе.

Н. Шугуровъ.

---

[1]) Генералъ-Губернаторъ Д. Г. Бибиковъ.

Три письма Т. Г. Шевченка. Будущій изслѣдователь жизни и произведеній Т. Г. Шевченка, конечно, очень часто долженъ будетъ натолкнуться въ сообщенныхъ въ печати фактахъ изъ біографіи поэта на невыясненныя обстоятельства и сомнительныя справки, такъ какъ многое передается по преданіямъ, иное—по неяснымъ намекамъ, а кое-что—и просто по догадкахъ. Особенно много колебаній въ этомъ случаѣ представляютъ письма поэта, если на нихъ точно не обозначено, къ кому они адресованы. Но въ томъ-то и будетъ состоять задача будущаго изслѣдователя, чтобы, путемъ тонкаго анализа всякихъ фактовъ достигнуть безошибочнаго вывода; наше-же дѣло, пока что, возможно больше публиковать этихъфактовъ, хотя-бы и безъ точныхъ разъясненій ихъ, что нашъ журналъ, по мѣрѣ возможности, и дѣлаетъ въ теченіе всего времени своего существованія, ежегодно посвящая февральскую книгу обнародованію всякихъ матеріаловъ, касающихся поэта, въ февралѣ мѣсяцѣ родившагося (25-го), въ февралѣ же и скончавшагося (26-го). Для даннаго раза, кромѣ всѣхъ прочихъ матеріаловъ, съ которыми читатели познакомились назади, мы имѣемъ возможность подѣлиться еще и тремя письмами поэта, изъ которыхъ первое находится въ Музеѣ В. В. Тарновскаго, второе любезно доставлено намъ въ копіи профессоромъ Московскаго Университета *Николаемъ Ильичомъ Стороженкомъ*, а третье проф. Харьковскаго Унив. *Дмитріемъ Ивановичемъ Багалѣемъ*.

I.

Въ помѣщенной выше статьѣ О. Левицкаго «Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 г.г.» прослѣжена вся дѣятельность Шевченка—художника въ качествѣ сотрудника Кіевской Археографической Коммиссіи. Указано тамъ, что было это въ періодъ предсѣдательства въ коммиссіи Н. Э. Писарева, съ которымъ, конечно, художнику и пришлось вести всѣ оффиціальныя сношенія.—Между прочимъ, пришлось по всей вѣроятности, Шевченку однажды оставить у Писарева какія-то свои вещи, среди которыхъ былъ и портфель съ рисунками, изображавшими виды Кіева. Что это были за виды Кіева, можемъ опредѣлить, прочитавъ указанную статью О. Левицкаго (на стр. 237), гдѣ сказано между прочимъ, что рисунки эти погибли безслѣдно. Печатаемое письмо вѣроятно писано Шевченкомъ къ Н. Э. Писареву уже изъ далекихъ краевъ, когда онъ, очутившись въ 1847 году въ Орской крѣпости, томился отчужденностью отъ родныхъ мѣстъ, что и сказалось въ послѣднихъ строкахъ письма.

Впрочемъ, возможна и другая догадка: не адресовано-ли это письмо къ И. И. Фундуклею, т. к. въ одномъ письмѣ къ своему пріятелю Лизогубу, писанномъ изъ Орской крѣпости въ октябрѣ 1847 года, говоритъ онъ такъ: «Шкода, шо я не покинувъ тоди у васъ рисунокъ. кіевскаго саду, *бо винъ и вси, шо булы пре мени, пропалы у И. И. Фундуклея»*. (См. Чалый «Жизнь и произведенія Т. Шевченка. стр. 68).

Ваше Превосходительство!

Оставленные вами у себя мои вещи, прошу васъ покорнѣйше велѣть переслать мнѣ, черезъ почту, въ Оренбургскую губернію въ крѣпость орскую, на имя Тараса Григорьева Шевченка или передайте моему пріятелю сотруднику Археографической комисіи Алексѣю Сенчилу для отправки ко мнѣ. въ портфели между рисунками, есть оригинальный рисунокъ «извѣстнаго французкого живописца *Вато*. ежели угодно будетъ вашему превосходительству пріобрѣсть его, то я охотно уступаю за цѣну какую вы назначете. предложилъ бы вамъ виды Кіева но онѣ не окончены, а во вторыхъ хотя не ясно они мнѣ будутъ здѣсь напоминать нашъ прекрасный Кіевъ.

вашего Превосходительства Покорнѣйшій слуга.

Т: Шевченко.

Крѣпость Орская 1847 іюля 16.

II.

Другое письмо, сообщенное намъ, какъ было сказано, Н. И. Стороженкомъ, опредѣляется въ своемъ адресѣ тоже только догадками. Приведемъ сначала текстъ его.

Ваше Превосходительство!

Походъ въ Киргизскую степь и двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моей покорнѣйшей просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой Капитанъ-Лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе двухъ лѣтъ подтвердитъ истину моихъ словъ, если угодно будетъ В. П. спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства Вашего передъ Августѣйшимъ Монархомъ нашимъ, прошу одной великой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго, свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ! Умоляю Васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться

на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу васъ пріимите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей и Богъ Васъ наградитъ за доброе дѣло.

Возлагающій единственную надежду на Бога и на Ваше Превосходительство.

Т. Шевченко.

Какъ извѣстно, однимъ изъ жесточайшихъ мученій для опальнаго поэта и художника было запрещеніе писать и рисовать, причемъ послѣднее было особенно мучительно для него. По крайней мѣрѣ, объ этомъ онъ постоянно пишетъ въ первыхъ письмахъ своихъ изъ Орской крѣпости въ 1847—48 годахъ, а также горестно вспоминаетъ о такомъ лишеніи и позже, какъ напр: въ письмѣ Артемовскому (1853 г.) онъ объясняетъ, за какое дѣло попалъ въ бѣду, и между прочимъ говоритъ: «знай-же, что дѣло не подлое, и еще знай, *что мнѣ запрещено писать и рисовать—вотъ гдѣ истинное и страшное наказаніе*!» Чтобы видѣть, какъ тяжело для Шевченка было это лишеніе рисовать, надо прочесть только тѣ строки въ письмѣ къ Лизогубу (1848 г. 7 марта), гдѣ онъ высказываетъ радость, получивши отъ послѣдняго ящичекъ съ красками. (Чалый, стр. 71). Но что-же? Краски были, а оффиціальнаго разрѣшенія рисовать не было. Даже генералъ Обручовъ, по добротѣ своей позволившій Шевченку брать въ руки карандашъ, подвергся, какъ извѣстно, за это нѣкоторымъ непріятностямъ въ 1849 году. И вотъ, приведенное выше письмо, очевидно было написано, какъ говорятъ, къ Шефу Жандармовъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что разыгравшейся непріятной исторіи съ Обручовымъ въ концѣ 1849 года, а письмо какъ видимъ, помѣчено 10 января 1850 г.

III.

Третье письмо Т. Г. Шевченка къ Гр. Өед. Квиткѣ—Основьяненку найдено проф. Д. И. Багалѣемъ среди автографовъ, принесенныхъ въ даръ Румянцевскому музею въ Москвѣ И. Е. Бецкимъ (издателемъ извѣстнаго Харьковскаго сборника «Молодыкъ»). Оно съ одной стороны свидѣтельствуетъ о дружественномъ отношеніи автора «Кобзаря» къ Основьяненку, а съ другой—заключаетъ, нѣкоторыя небезъинтересныя подробности и о самомъ Тарасѣ Григорьевичѣ. Квитка, очевидно, просилъ у Тараса Григорьевича мате-

ріаловъ для «Молодыка», задуманнаго около этого времени Бецкимъ, и въ отвѣтъ на это получилъ настоящее письмо [1]).

«Выбачайте, батычку, шо найшлося, то и посылаю, а Ганнусю сегодня на швыдку скомпанувавъ—та и самъ не знаю, чи доладу, чи ни. Подывицця и вы на неи гарненько тай скажить щыру правду. Якъ побачыте, шо вона вже дуже *безацна* (бо вона мени такъ здаецця), то не давайте ии дрюковать; нехай иде, видкиль взялася. Ще посылаю вамъ кацапьски вирши своей роботы; колы доладне що, то дрюкуйте, а ко лы ни, то закурить люльку, колы люльку курыте. Це, бачте, писня съ моей драмы «Невѣста» шо я пысавъ до васъ, трагедія Никита Гайдай. Я перемайструвавъ ии въ драму. Я ще одну драму майструю, назовецця «*Слипая красавыця*». Не знаю, що зъ неи буде; боюсь, щобъ не сказалы москали—mauvais suget, бо воны, бачте, зъ украинского простого быту. Ну та цуръ имъ москалямъ! Посылаю вамъ билеты на *Гайдамаки*, роздай, будьте ласкави. Та... ей Богу, соромъ казаты, нема чимъ выкупыть зъ дрюкарни. Малюю вашу пани сотныкивну. Хотивъ кончыть до Риздва тай не знаю, бо тутъ теперъ ни день, ни ничъ такъ чортъ знащо; прокинешся рано, тилько шо заходышся малювать, дывысся—вже й ничъ; оттаке-то лыхо; тилько пензли мыешь, бильшъ ничого. Спасыби вамъ и панови Артемовскому за ласкове слово. И спасыби всимъ тимъ, хто пыше по нашому або про наше. Поклоняйтеся имъ, кого знаете и хто чувъ про мене. Оставайтеся здорови, не забувайте, а васъ николы не забуде Т. Шевченко. СПБ. 8 декабря 1841 года.

„Свячена вода", стих. А. И. Псіолъ. Въ «Кіевской Старинѣ» прошлаго года, въ статьѣ нашей «Новые матеріалы для біографіи Шевченка» (№ 3) было сказано, что Т. Г. Шевченко въ началѣ 1847 года приготовилъ къ печати вторую часть Кобзаря своего, въ которую должно было войти все написанное имъ послѣ 1840 года. Къ этой второй части, тогда не появившейся въ свѣтъ, поэтъ написалъ интересное предисловіе, до сихъ поръ нигдѣ ненапечатанное, гдѣ между прочимъ, побуждая земляковъ къ писательству на родномъ языкѣ, помѣщаетъ стихотвореніе «Свячена вода», поясняя, что оно «написано панночкою, та ще и хорошою, тильки не скажу якою, бо вона ще молода и боязлыва». Вотъ это стихотвореніе.

Я бачыла—святу воду
Въ ричку вылывалы

---

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

Щобъ свяченои ногами
Люде не топталы.
А коханьня вирне, щире,
Якъ вода святая,
Бо воно грихивъ богато
Изъ души змывае.
Оттымъ то я своихъ думокъ,
Хочъ я и убога,
Зроду, звику не покыну,
Та людямъ пидъ ногы
У Господа Небесного
Ласки циле море,
То я въ Іого, якъ ту воду,
Вылью свое горе.

Приведенное стихотвореніе принадлежитъ перу проживавше въ домѣ Кн. Репниныхъ талантливой Александры Ивановны Псіолъ, сестры Г. И. Бурковской. Это—то самое стихотвореніе, о которомъ Шевченко не разъ вспоминалъ въ ссылкѣ и просилъ друзей прислать его въ письмѣ. «Пришлите мнѣ—пишетъ онъ Г. И. Бурковской изъ Орской крѣпости отъ 24-го февраля 1848 г.—*свячену воду*: она оросить мое увядающее сердце». Кн. В. Н. Репнина незадолго до своей смерти говорила намъ, что стихотвореніе *До сестры*, начинающееся словами: *не пытай ты моихъ писень*, принадлежитъ не Шевченку, но А. И. Псіолъ, и только по недоразумѣнію попало въ собраніе стихотвореній Шевченка, при чемъ, конечно, кн. В. Н. Репнина имѣла въ виду послѣднее изданіе (1889 г, Кіевъ), т. к. ни въ изданіи Кожанчикова, ни въ Петербургскомъ изданіи 1883 г. этого стихотворенія нѣтъ.

Сообщ. **Н. И. Стороженко.**

Дополненіе къ статьѣ о думѣ про Алексѣя Поповича. Большая популярность легенды о покаяніи грѣшника на морѣ ярко выразилась уже въ томъ, что легенда эта въ двухъ варіантахъ попала въ фацеціи *Поджіо* (Poggii Florentini Facetiarum liber), изд. первоначально въ Италіи въ 1470 г. и затѣмъ многократно переиздававшіяся, т. е. въ такой сборникъ фривольныхъ анекдотовъ, гдѣ никоимъ образомъ нельзя было ее ожидать. Приведемъ эти вар. въ латинскомъ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ.

Подъ *№ CCVII*: «*De quodam qui vovit candelam virgini Mariae*» Cum essem in Anglia, audivi facetum dictum cujusdam magistri onerariae navis, qui erat Hibernicus. Jactabatur magnis in mari

fluctibus navis et tempestate quassabatur adeo ut salutem omnes desperarent. Magister, si salva navis evaderet tempestatem, cuidam ecclesiae Dei Genitricis Virginis Mariae, *quae ante ob similia mirakula insignis erat*, vovit candelam ceream instar mali navis. Tum socius cum votum culparet ut difficillimum factu, cum in tota Anglia tantum cerae non esse affirmaret ut talis candela posset confici: «Oho! tace», inquit magister, «et quantumlibet Matri Dei pollicear dummodo periculum evadamus, sine. Nam si salvabimur candela parvi nummuli contenta erit». Переводъ: Во время моего пребыванія въ Англіи я слышалъ разсказъ объ одномъ капитанѣ купеческаго корабля, родомъ ирландцѣ. Его корабль былъ застигнутъ на морѣ жестокой бурей, и когда экипажу грозила гибель, капитанъ далъ обѣтъ поставить пресв. Богородицѣ, славной чудесами спасенія утопающихъ, восковую свѣчу, величиной съ мачту; когда его помощникъ сказалъ, что для такой свѣчи не хватитъ воску, то капитанъ замѣтилъ ему: «Молчи! Если избѣжимъ опасности, то можно обойтись и небольшой свѣчой». ***Мотивъ о воскѣ*** въ этомъ варіантѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ роднитъ съ фацеціей конца XV в. одну болгарскую пѣсню (приведена мной въ статьѣ) въ сб. Миладиновыхъ, гдѣ купецъ, подвергшись бурѣ на морѣ, жертвуетъ воскъ и ладанъ на Аѳонъ святителю Николаю.

№ CCVIII «De alio qui fecit votum sancto Cyriako». In eamdem sententiam Anconitanus quidam mercator in S. Cyriacum (quem civitas barba promissa depictum patronum colit) jocatus est. Jactata magnis aliquando fluctibus navi, mortem veritus domum Cyriaco infra certum Tempus se daturum vovit. Eo elapso, id Antistiti ecclesiae per confessionem fassus est. Sacerdos (utile enim id sibi futurum erat) ad exsolvendum votum hortatur. Ille se tanto onere exsoluturum pollicitus cum saepius et non absque reprehensione promissi nimium dilati admoneretur, seu molestia sacerdotis tam frequenter momentis, seu impietate motus, semel interpellatus: «Ohe! ne me amplius hac de re obtundas», ait, «nam majorem quam qua Cyriacus est jam barbam decepi». Переводъ: Одинъ купецъ изъ Анконы, того города, гдѣ патрономъ былъ св. Киріакъ съ большой бородой, во время бури на морѣ, далъ обѣтъ выстроить церковь имени Киріака, о чемъ потомъ сказалъ священнику на исповѣди. Но онъ все откладывалъ исполнить свое обѣщаніе и когда священникъ (небезкорыстно) настаивалъ, то купецъ при одномъ напоминаніи сказалъ: «Не приставайте; я часто обманывалъ людей еще болѣе бородатыхъ, чѣмъ Киріакъ». Эта италіанская

версія легенды окрашена тѣмъ легкомысліемъ, которое процвѣтало въ Италіи въ эпоху возрожденія. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Пѣсня „Грыцю, Грыцю, до роботы!" Пѣсня «Грыцю, Грыцю до роботы» издавна считается народною: уже въ 1854 году А. Л. Метлинскій внесъ ее въ свой сборникъ народныхъ пѣсенъ [1]); этому примѣру слѣдовали и другіе собиратели, между прочимъ Ф. М. Пискуновъ [2]). Существуетъ, однако, мнѣніе, что пѣсня „Грыцю, Грыцю, до роботы" не представляетъ собою народное произведеніе, что она только воспринята народомъ, а сочинена никѣмъ другимъ, какъ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Квиткою-Основьяненкомъ. Такъ сообщилъ въ первый разъ Г. П. Данилевскій [3]), опираясь отчасти на слова Н. Ю. Квитки, отчасти на сходство судьбы Г. Ѳ. Квитки съ тѣми эпизодами, которые приводятся въ пѣснѣ. Едвали, впрочемъ, справедливо то или другое изъ приведенныхъ здѣсь двухъ предположеній. Вѣрнѣе ихъ, думаемъ, мнѣніе (уже также высказанное въ печати), что пѣсня, слышанная Квиткой отъ народа, дополнена имъ въ нѣкоторыхъ лично до него касавшихся подробностяхъ [4]) Новымъ подтвержденіемъ такого мнѣнія является списокъ этой пѣсни, печатаемый ниже съ автографа самого Квитки. Дѣло въ томъ, что пѣсня, цѣликомъ записанная Квиткой, въ сборники народныхъ пѣсенъ входитъ только въ извлеченіи; въ сборникахъ нѣтъ, именно, всей второй части пѣсни, начиная отъ фразы «Пишовъ Грыць зажурывся»; съ этихъ словъ, думаемъ, и идетъ прибавка Квитки; такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вторая часть пѣсни очень напоминаетъ нѣкоторыми выраженіями обычные мотивы шуточныхъ стихотвореній Квитки, напечатанныхъ въ «Харьковскомъ Демокритѣ» и оставшихся въ рукописяхъ. Въ той же второй части находится и извѣстное выраженіе «въ ченци постригся», имѣющее несомнѣнное отношеніе къ монашеству Квитки и приводимое Г. П. Данилевскимъ, какъ доказательство принадлежности пѣсни перу автора «Марусі».

Списокъ Г. Ѳ. Квитки.

Грицю, Грицю, до роботы!
Въ Грица порвани чоботы.

---

[1]) „Народныя южно-русскія пѣсни" (Кіевъ, 1854), стр. 467.

[2]) „Чайка, украинськии альбомъ" (Кіевъ, 1876), № 15.

[3]) „Основьяненко" (С. П. Б. 1856), стр. 46.

[4]) См. „Кіевск. Стар." 1893. № 8, стр. 163 статья г. Науменка; замѣтимъ только, что г. Науменко неправильно назвалъ слова „прыйшовъ Грыць, зажурывсь" *началомъ пѣсни*: это *начало* только *второй части* пѣсни (см. ниже).

Грицю, Грицю, до Маруси!
Заразъ, заразъ приберуся.
Грицю, Грицю, врубай дровъ!
Ой! Гриць що сь то нездоровъ.
Грицю, Грицю, до Маруси! и т. д.
Грицю, Грицю, молотити!
Гриць не здужае робити.
Грицю... и т. д.
Грицю, Грицю, до телятъ!
Въ Гриця ниженьки болятъ.
Грицю... и т. д.
Грицю, Грицю робы хлибъ!
Кахи, кахи, щось охрыпъ.
Грицю и т. д.
Грицю, Грицю, хочь женитися?
Не можу отговоритися!
Грыцю, Грыцю, кого взяти?
Краще Маруси не сискати!
Марусенько, сердце мое,
Чи пидешь ты за мене?
Стыдкій, брыдкій, не люблю
И за тебе не пиду!
Пишовъ Гриць зажурився
Да и въ ченци постригся.
Теперь Грицю скучно жити,
Було Маруси не любити.
Грицю всюду не въ покой,
Гриць иде уже домой.
Грицю, Грицю, пошукай,
Краще Маруси выбирай.
Есть Наталка и Ганнуся
Та милишь нема Маруси.
Хотя изгину, пропаду,
Краще Маруси не найду. Вс. С.

Святочныя пѣсни елисаветградскаго и александрійскаго уѣздовъ Херсонской губ.

А) Колядки.

1.

А въ недилю по вечери
Ходыть Христосъ по всеяхъ (sic),
Рано росу збывае,
Дивку въ водою стричае.

„Ой, дай, дивко, воды пыты,
Славны уста прыкропыты“!
—Ны дамъ, Петре (sic), воды пыты,
Бо це вода ны чиста!—
„Ой, ты, дивка, ны чыстая,
А це вода прычыстая:
Дива Марія сына спородила,
У цій води похрыстыла“.
Стала дивка та й умлила,
На нижинькахъ изомлила.
А Винъ каже: „ой, стій, дивко, ны лякайся,
„Та йды въ церкву, сповидайся
И попови прызнавайся“!
Скоро дивка въ церкву війшла,
По колина въ землю ввійшла.
Вси святы сглянулысь,
Свята церква создвыгнулась.

(Большая Виска. Записалъ К. Харченко).

Варіантъ.

На Риздво увечери
Ходывъ Христосъ по пещери,
Изійшовъ Христосъ на дорогу,
Зостривъ дивку изъ водою.
„Ой, дай, дивко, воды пыты,
Мои уста прикропыты!
Оця вода прычыстая,
А ты, дивка, ныччыстая“!
Стоить дивка изомлила,
Съ плечей ведра упустыла.
„Постой, дивка, не лякайся,
Иды до церкви, сповидайся“!
Тихы дивка на поригъ ступыла,
Сыра зымля розступылась,
А та дивка провалылась.

(Д. Сазоновка. Запис. Н. Шуйскій)

2.

Дывное нарожденіе Божого Сына,
Его же днесь породыла Дѣва Марія,
Лягла спочывать.
Прилетилы тры ангелы Хрыста сберыгать.
Услышала Дѣва Марія цей ангельскый гласъ:
„Прыймай, прыймай дитё рожденое пры насъ,
Чы Гаврыилъ, чы Мыхаилъ прычыстои Паны,

Ой, еще жъ бо мы не розызналы Божои тайны".
Услышало тры анголы, съ небесъ лытючы,
Темнои ночи, та все зъ звиздою Хрыста несучи.
Якъ анголы Божымъ духомъ рѣки розлылы,
Что къ Рождеству Христову сады зацвилы,
Та зацвило всякое древо ще й разни цвиты,
Радуйтеся, хрыстіане ще й малы дниты
И вдаряйте и вславляйте въ неби житья
На цимy свити нымного жыты.
Знаменуйтеся, хрыстіане, цареви и Богу
И ударяйте челомъ Его престолу.

(Григоро-Денисовка александрійскаго у. Запис. Илличевская). Ср. Чуб. III, 336 № 64

Варіантъ.

Деннее нарожденіе Божого Сына.
Породыла Суса Хрыста Дива Марія,
Породывши Суса Хрыста, ляга спочывать.
Сославъ Господь съ небесъ ангола Христа согривать.
Господь съ Тобою, Дива Марія, це ангельскій гласъ,
Возьми Дитя нарожденое и къ Соби до насъ!
А въ Кыиви на Подоли рикы потиклы,
А къ Рожеству Хрыстовому сады зацвилы.
Не такъ воны зацвилы, якъ иньемъ палы.
Молытыся, Божи крыстьяне и мали хлопци,
И дивчата, и мали диты,
Щобъ показалось всякое древо, разны цвиты.
А мы съ цему высылымся
И къ Рожеству поклонымся.

(Верблюжка, александр. у. Запис. Л. Котенко).

3.

Ой за горою за каминною
Тамъ собиралысь тры товарыщи:
Первый товарыщъ—краснее сонце,
Другый товарыщъ—свитлый мисяць,
Третій товарыщъ—крупный дощыкъ.
Свиты, свиты, сонце, у наше виконце!
Свиты, свиты, мисяцю, на наше пидвирья!
Измый, измый, дощыку, снигъ изъ подвирья!

(Петроостровъ, елисав. у. Запис. Н. Гавриленко). Вар. у Гол., III, 2, стр. 3; ibid. II, стр. 19.

4.

Чы дома, дома бидная вдова?
Славенъ есы, Славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы

Нимае дома, пишла до Бога.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже па небесы!
Шо вона діе? Золото віе.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
Дай, Боже, хочь одвіечки!
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
Подарувавъ Богъ тры ланы хлиба,
Ярый пшеныци на паляныци.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
Тры ланы гречкы на вареничкы.
Славенъ есы, славенъ есы,
Нашъ мылый Боже на небесы!
А ланъ вивса—вамъ колядка вся!

(Д. Сазоновка, елисав. у. Запис. Н. Шуйскій). Ср. Чуб. III, 370 № 94 и 421 № 148 в.

5.

Ишовъ ченчикъ лидкомъ, лидкомъ.
А за нымъ дивкы слидкомъ, слидкомъ.
На ченчику клобукъ новый,
Бо самъ ченчикъ чорнобровый.
На ченчику пидъязочка,
Бо самъ ченчикъ—якъ ясочка.
Ой чымрыкъ, съ рогомъ быкъ,
А Хома изъ двома,
А Ерема съ четырьмя.
Упавъ ченчикъ въ ополонку,
Дивки тягнуть за головку.
(С. Верблюжка алекс. у. Запис. Л. Котенко).

6, *А*.

1. Колядынъ—дынъ
2. Я у батька одынъ,
3. Мене не пытайте,
4. А калача дайте.

Варіантъ Б.

1 и 2 В = 1 и 2 А.

3. Де ковбасу чую,
4. Тамъ и ночую.

Варіантъ В.

1 и 2 В = 1 и 2 А.

3. Якъ началъ молотыть,
4. Та все дранти лытыть.

7.

Колядки, колядки,
Сивъ пипъ за грядки
Передъ кутёю
Изъ попадёю.
(С. Митрофановня алекс. у. Запис. Н. Я Кремповскій).

8.

Колядъ—колядъ—колядныця!
Добра за медомъ паляныця,
А безъ меду ны така!
Дайте, дядьку, пятака!
Якъ не дасте пятака,
Возьму вола за рога,
А кобылу за чупрыну,
Та вывиду на могылку.
Отъ вамъ и колядка вся.
Выносьте ковбасу, а то хату рознису.
(Новоархангельскъ. Записалъ Шевко).

Варіантъ.

Колядъ—колядъ—колядныця,
Добра зъ медомъ паляныця,
А сухая ны такая,
Ны покыну, а въ торбу вкыну.
(Верблюжка алекс. у. Запис. Л. Котенко).

Б) Щедривки.

1.

Якъ пидыйду та пидъ свитлоньку,
Щедрый вечиръ—день, добрый вечиръ [1])!
А свитлонька та ни метеная,
Дивка Варька та ни чесаная:
Россердылася та на батенька,
Не такъ на батенька, якъ на матыньку,
Що юпочкы шилы тай укоротылы,
Черевычкы шилы—не позолотылы,
А й обризочкы та й у кисочкы.
Щедрый вечиръ!
(С. Алексѣевка елис. у. Записано мною).

2.

Дядина дижу мисе,
У дядины соплякъ висе.
Соплякъ у дижу впавъ,

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Такъ дядькови Богъ давъ—
На що бравъ дядину?
(Верблюжка. Запис. Л. Котенко).

3.

Ой на Меланки
Печуть оладки.
Чи спеклы, чи—ни,
Дайте и мени!
(Митрофановка и Браиловка, алекс. у. Запис. Н. Я. Кремповскій

В) Посѣвальная.

Дива Марія
Бога просыла
Зароды, Боже,
Жыто, пшеныцю,
Жыто, пшеныцю,
Всяку пашныцю!
(С. Лозоватка елисав. у. Запис. Т. Билапенко).

Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.**

Хожденіе со звѣздою и вирши на Рожд. Христово. Въ м. Носовкѣ нѣжинскаго уѣзда существуетъ еще хожденіе со звѣздою во время Рождественскихъ святокъ. Приготовивъ звѣзду и разучивъ помѣщаемыя ниже молитвы и вирши, участвующіе въ хожденіи наряжаютъ одного изъ своей среды «генераломъ-фельмальшаромъ війська запорижського»: надѣваютъ на него мундиръ, украшенный эполетами и орденами изъ разноцвѣтной бумаги, саблю и каску и отправляются по домамъ помѣщиковъ и зажиточныхъ крестьянъ. Въ благодарность они получаютъ отъ хозяевъ деньги и разную провизію (хлѣбъ, колбасы, сало); иногда выручка отъ подобнаго хожденія доходитъ до почтенной суммы; по словамъ одного изъ участниковъ, они выручили за три вечера 72 рубля, сами истративъ на сооруженіе звѣзды и мундира около 6 руб.

Войдя въ хату, парни хоромъ поютъ тропарь «Рождество твое, Христе Боже нашъ» и кондакъ «Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ», затѣмъ хоромъ же поютъ слѣдующія двѣ вирши:

1. Шедше тріе цари
Ко Христу судари (со дары);
Иродъ ихъ вопросывъ,
Куды идуть,—испросывъ.

Отвищаша єму:
„Идемъ ко Рожденому“.
—Къ Рожденому идите
И мнѣ возвистыте,
Аще поклонюся,
Предъ царемъ смируся;
Куда иде звизда,
Тамъ найдете вы Христа.—
Звизда иде чудно
Зъ востока на полудно,
Надъ вертепомъ сіяетъ,
Хрыста царемъ являетъ.
Ангелъ ихъ вищаетъ,
На путь наставляетъ:
„Инымъ путемъ идите
Ко Ироду не йдите“.
Прышлы въ свои страны,
Христа славословлять:
Чаемъ єму быты,
На викъ ему служыты.

---

2. Младенецъ—первенецъ
Одъ дѣвы родыся.
Многая благодать
Всему мыру явыся.
Иродъ царъ супостатъ,
Дабы Хрыста убыты,
Сказавъ же: всихъ же
Всихъ младенцевъ побыты.
Чотырнадцять тысячей
Малыхъ дитей побѣдилъ;
Онъ за те себѣ
Вичну муку воспрыялъ.
Исусъ Хрыстосъ родывся,
Во Яслихъ положывся;
Многая благодать
Всему мыру явыся.
Слава Ти, Рожденый.
Одъ насъ похваленый!
Прымы мя человѣкъ
На вѣчная вѣки.

Послѣ этого выступаетъ впередъ «генералъ» и декламируетъ:
«Вирша, говорена генераломъ-фельмальшаромъ кавалеромъ війска запорижського»:

Христосъ народывся,
Щобъ увесь мыръ веселывся;
Посли Адамова гриха родывсь,
Ни въ стáни, ни въ доми,—
Вотъ дыковына яка!
Звизда ясненька,
Ясна, кругленька
Прикотылась да й стала,
Де сама знала,
Кругомъ стéпа освитыла.
А пастушки зъ стену
Прыбиглы къ вертепу,
По ягнятку прынеслы,
На дудочку гралы,
Якую зналы,
Да й зновъ додому пойшлы.[1]
Юсько старенькій
Йимъ бувъ раденькій,
Гостынчикъ прынявъ
И йимъ сказавъ:
— Сядте въ насъ,
Почастуемъ васъ,
Чимъ Богъ пославъ,—
По кухлыку варенухи,
А по каганьцю сывухи;
Воны якъ хлеснулы,
То сыдя й поснулы;
А Юзько й свитло потушывъ.
Иродъ царъ въ окно прыглядався,
Дуже прывырався,
Думавъ, що й до ёго волхвы зайдуть.
А дали схаменувся,
Якъ отъ сна проснувся,
Побеливъ, якъ глына,
Тече зъ роту слыня,
А речи совсимъ нема;
Скрыгоче зубамы,
Дероця на стину рукамы,
Очы ёму скосыло,
Всéго ёго збесыло;
Надувся чубъ
И самъ стоить, якъ дубъ;
На військо скрычавъ:
—До Выелеема махайте

[1]) Здѣсь очевидный пропускъ—приходъ волхвовъ.

Малыхъ дитей побывайте!—
Якъ набигло вiйсько въ Виѳлеемъ,
Покололо малыхъ дитей,
А другыхъ и пороздыралы.
И крыкъ бувъ такъ дуже велыкъ,
Що до самого неба пропыкъ.
Богъ пославъ на Ирода кару
За ёго невынну дытячую смерть:
У ёго пидъ очыма позеленило,
Пидъ носомъ почорнило.
Такъ якъ у собаки подъ хвостомъ,
Щобъ не гонявся за Хрыстомъ.

Окончивъ виршу, тотъ же генералъ поздравляетъ хозяевъ съ праздникомъ и провозглашаетъ:

„Богъ создатель всего свѣта,
Хозяину многа лѣта“!

Хоръ поетъ «многая лѣта»!

Такимъ же образомъ провозглашается многая лѣта хозяйкѣ и дѣтямъ.

А. Малинка.

Легенда о Спасителѣ и ап. Петрѣ (запис. въ м. Մринѣ, Нѣжинск. у. отъ пожилого крестьянина). Се жъ росказують, якъ ходывъ ще Спаситель по земли, дакъ зъ нымъ ходывъ и апостолъ Петро. Отъ увыходять воны въ село, а тамъ чоловикъ бъе жинку; Петру й жалько стало іи, дакъ винъ и каже: «Господы, чы не можнобъ такъ, щобъ жонки булы старше своихъ чоловиковъ?»—Дакъ хуже буде.—«Ни, не буде»!—Ну, нехай.—Отъ тамъ черезъ недилю, чы що, уже якъ жонки зробылысь старше одъ чоловиковъ, зайшлы воны зновъ у село да й просяться: «Пустить у хату переночовать.»—Да я радъ бы, каже чоловикъ: дакъ жинки боюся: лупцёвать и мене и васъ буде.—А самъ лагодыть сани. «А куды жъ се ты»?—Да по жинку въ шынокъ».—А дали пустывъ уже ихъ у хату, а самъ поихавъ за жинкой. Йиде вона, скрегочыть, чоловика лае. Увыходыть у хату: «А се хто такый спыть»?—Да се люде якись прохожи зайшлы.—«Осы я имъ задамъ! «да зъ дручкомъ до лавки. Петро лежавъ зъ краю, вона й давай ёго лупыть; а посли кинулась до чоловика: «Я й тоби, такый—сякый, задамъ»! Лупыть й того, а Петро й каже: «Господы, пусты мене пидъ стинку, а Самъ ляжысь съ краю. Спаситель лягъ

съ краю. А жинка, покинувшы чоловика, знову до лавки»: Ну, сего, що съ краю, уже добре попобыля; треба ще й другого, пидъ стинкой». Да й давай быть знову Петра.

Отъ уже якъ пошлы воны одъ тоея жинки, Петро й каже: «Ни, Господы, нехай буде по старому: самъ бачу, що лучче, якъ чоловикъ старши, нижъ жинка».

А. Малинка.

Какъ обращаются у насъ съ церковной стариной. Насколько еще наша провинція является мало тронутой культурой, насколько мало имѣетъ она представленія, напримѣръ, объ общественномъ значеніи изученія нашего прошлаго, сохраненія культурныхъ остатковъ его—показываютъ факты, приведенные недавно въ газетахъ. По словамъ этихъ газетъ, по Бердичевскому уѣзду разъѣзжаетъ житель Кіева, нѣкто Теленковъ, или Телиховъ, бывшій, какъ онъ говоритъ, подрядчикъ по постройкѣ церквей, и занимается скупкою старинныхъ церковныхъ вещей и книгъ, или обмѣниваетъ ихъ на новыя. По его словамъ, онъ побывалъ уже почти во всѣхъ уѣздахъ Кіевской губерніи: былъ въ Каневѣ, Черкасахъ, Умани, Таращѣ, мѣстечкѣ Бѣлиловкѣ, бердичевскаго уѣзда, и во многихъ другихъ мѣстахъ, и пріобрѣлъ массу старинныхъ, весьма цѣнныхъ вещей, сложенныхъ имъ въ разныхъ пунктахъ, преимущественно на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Въ каждой церкви есть много старыхъ вещей, лежащихъ безъ употребленія, уже замѣненныхъ новыми. Вещи эти пережили не одно поколѣніе. Спрятанныя по шкафамъ и ящикамъ, онѣ не обращали и не обращаютъ на себя ничьего вниманія. Церковные старосты смотрятъ на нихъ, какъ на ненужный хламъ, и рѣдкіе священники серьезно присматриваются къ нимъ, а еще рѣже оцѣниваютъ ихъ по достоинству. Неудивительно послѣ этого, если на предложеніе продать такія вещи или промѣнять на новыя они соглашаются очень скоро и дѣйствительно промѣниваютъ какую-нибудь старую драгоцѣнность на новую, мишурную, грошевую вещь, или продаютъ за безцѣнокъ. Присмотрѣвшись къ такимъ старинньмъ предметамъ церковной утвари въ бытность свою строителемъ церквей, г. Т., въ пріобрѣтеніи ихъ указаннымъ способомъ, составилъ для себя весьма выгодную профессію. Пользуясь небрежнымъ отношеніемъ къ нимъ и отчасти невѣжествомъ церковныхъ старостъ, онъ пріобрѣлъ не мало археологическихъ рѣдкостей. По его разсказамъ, онъ купилъ въ г. Таращѣ старую плисовую плащаницу, шитую

золотомъ, съ такою же бахромою, причемъ шитье вокругъ головы Спасителя было унизано жемчугомъ. Эта плащаница досталась ему очень дешево, такъ какъ церковный староста и священникъ приняли жемчугъ за бисеръ. У одного священника онъ купилъ два старыхъ Евангелія, изъ которыхъ одно писано на пергаментѣ. За эти Евангелія священникъ запросилъ 9 руб. (пять за печатное и четыре за писанное), а продалъ дешевле, такъ что писанное обошлось Т. въ три рубля. За послѣднее Евангеліе, высланное имъ въ Петербургъ, въ музей, онъ получилъ тысячу двѣсти руб. Въ другомъ мѣстѣ онъ вымѣнялъ старое уніатское архіерейское облаченіе, которое продалъ потомъ какому-то ксендзу за 600 рублей. При поѣздкѣ его по бердичевскому уѣзду при немъ было нѣсколько цѣнныхъ вещей: серебряная чаша старинной чеканки съ драконами, которую онъ вымѣнялъ за подризникъ; старая, прекрасной старинной серебряной парчи риза, риза прекрасной узорчатой турецкой парчи, риза французской шелковой стариной ткани, воздухи съ золотыми галунами и другія вещи. Перечисленныя вещи—это только весьма незначительная часть всѣхъ тѣхъ, которыми владѣетъ и владѣлъ Т.

Въ этомъ газетномъ сообщеніи приведены свѣдѣнія о дѣятельности лишь одного спекулянта церковной стариной, но такихъ господъ въ послѣднее время расплодилось очень много. Всѣ эти Телиновы, Богдановы, Столяровы и т. д. и т. д., какъ православные, такъ и евреи, набившіе немного руку, вращаясь среди любителей старины, очень часто поощряемые ими, иногда случайно, по большей же части систематически, устраиваютъ набѣги на наши села и уѣздные городки, заснувшіе непробуднымъ сномъ полной индиферентности и самодовольнаго презрѣнія ко всему, что выходитъ за предѣлы мелкой сплетни и зеленаго стола; въ такихъ дѣвственныхъ мѣстахъ способные на все, изворотливые и юркіе люди, пуская въ дѣло хитрость и обманъ, обдѣлываютъ свои дѣлишки,—это пока мелкіе, почти неграмотные, дѣльцы. Но есть господа и высшей пробы; они, прикрываясь зачастую тогой ученаго, «работаютъ» въ томъ же направленіи, какъ и ихъ младшая братія, но дѣйствуютъ при этомъ съ большимъ авторитетомъ и съ большимъ нахальствомъ. Добытые такимъ путемъ предметы только въ незначительномъ количествѣ и въ рѣдкихъ случаяхъ поступаютъ въ общественныя хранилища, большей же частью расходятся по частнымъ коллекціямъ, никогда не гарантированнымъ отъ всякихъ случайностей, или, что хуже всего, попадаютъ на заграничные рынки. А между тѣмъ, говоря въ частности о нашемъ краѣ, у насъ есть Цер-

ковно-Археологическое Общество, въ задачи котораго входитъ сохраненіе церковной старины, у насъ есть Церковно-Археологическій Музей, предназначенный для храненія ея... Если среди сельскаго, а также отчасти и среди городского духовенства еще мало развито сознаніе необходимости собиранія и храненія родной старины, если имъ не понята еще важность изученія ея, то на компетентной власти лежитъ обязанность принятія мѣръ, которыя предупреждали бы возможность осуществленія фактовъ, подобныхъ вышеуказаннымъ. Предметомъ спекуляціи служатъ церковныя вещи, вышедшія изъ употребленія и не внесенныя въ опись; отнятіе у причта права распоряженія ими по своему усмотрѣнію и обязательное храненіе ихъ, какъ бы они повидимому ни были малоцѣнны (напр., старая изломанная мѣдная и оловянная утварь, куски матерій отъ старыхъ ризъ, части рѣзного дерева отъ иконостасовъ, и т. п.), при томъ, храненіе въ приличномъ мѣстѣ (а не въ сырыхъ чуланахъ гдѣ нибудь на колокольнѣ или въ сараѣ, какъ это повсюду практикуется въ настоящее время), все это служило бы къ сохраненію ихъ, не давало бы возможности развиваться этой возмутительной спекуляціи, которая охватываетъ все большій и большій районъ. При условіи тщательнаго сохраненія въ церквахъ предметовъ старины, легко уже впослѣдствіи, при ревизіяхъ-ли епархій, или черезъ нарочно уполномоченныхъ свѣдущихъ людей, отбирать тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ научное значеніе, для помѣщенія въ назначенныхъ спеціально для этого мѣстахъ, какимъ, напр., въ Кіевѣ является Церковно-археологическій Музей.

Дѣло сохраненія нашей церковной старины—дѣло безотлагательное, тутъ важенъ каждый день, въ противномъ же случаѣ, очень легко можетъ статься, что и при желаніи нечего ужъ будетъ охранять.

„Малоизвѣстные, художественные уголки Малороссіи". Подъ такимъ заглавіемъ, 11 декабря прошлаго года, состоялось чтеніе Е. Н. Половцевой въ московскомъ Политехническомъ музеѣ [1]). Нельзя не отнестись сочувственно къ идеѣ г-жи Половцевой; художественныхъ уголковъ въ Малороссіи найдется не мало, не мало также забытыхъ историческихъ мѣстъ и памятниковъ, и ознакомленіе съ ними большой публики путемъ чтеній, иллюстрируемыхъ туманными картинами, какъ это было во время чтенія г-жи Половцевой,

[1]) Ранѣе, весной, такое-же чтеніе г-жи Половцевой имѣло мѣсто въ Петербургѣ.

заслуживаетъ полнаго вниманія и возможно широкаго распространенія. У насъ еще со всей силой царитъ будничная жизнь; за мелкими интересами мы не замѣчаемъ красотъ нашего края,—у насъ, напр., очень мало развиты лѣтнія экскурсіи и путешествія, мы не обращаемъ вниманія на то, что составляетъ наслѣдіе нашего прошлаго, не хранимъ его, мало знакомы съ нимъ; поэтому ознакомленіе съ ними, предложенное въ общедоступной формѣ чтеній, весьма и весьма желательно.

Въ своемъ чтеніи г-жа Половцева остановилась, прежде всего, на такъ называемой «Юрьевской Божницѣ»—развалинахъ церкви XII в., находящихся въ с. Старогородкѣ, возлѣ г. Остра. Послѣ краткаго историческаго очерка этой церкви, было описано ея жалкое настоящее состояніе, причемъ, демонстрировано нѣсколько видовъ развалинъ снаружи и извнутри. Дѣйствительно, печальна судьба этого памятника, одного изъ древнѣйшихъ представителей нашего зодчества,—всѣми забытый, никѣмъ не обслѣдованный научно, никѣмъ не поддерживаемый, онъ грозитъ скорымъ и полнымъ разрушеніемъ. Отъ древняго храма сохранилась лишь алтарная часть; она, даже въ томъ видѣ, какой имѣетъ теперь, представляетъ громадный интересъ для исторіи древнерусскаго искусства, такъ какъ, не смотря на совмѣстныя усилія природы и людского невѣжества, здѣсь сохранилось много фресокъ, которыми была покрыта вся алтарная часть. И нельзя не быть благодарнымъ г-жѣ Половцевой, которая совмѣстно съ мужемъ, не смотря на то, что они пріѣхали въ Старогородку въ качествѣ простыхъ туристовъ, постаралась сохранить эти драгоцѣнные остатки, снявъ почти всѣ фрески на кальку [1]); если и нужно признать, что кальки, вслѣдствіе спѣшности и неподготовленности къ такого рода работѣ, вышли не совсѣмъ удачны, то все таки, безъ нихъ, мы не имѣли бы ничего, а теперь фрески Юрьевской Божницы доступны для изученія и, по всей вѣроятности, снимки, сдѣланные г-жей Половцевой, останутся единственными, такъ какъ очень ужъ тяжелы на подъемъ наши ученые специалисты въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ничего не предвидится въ будущемъ, а развалины, между тѣмъ, скоро и совсѣмъ сравняются съ землей. Охарактеризовавъ, затѣмъ, вкратцѣ древнерусскую архитектуру и стѣнную живопись, г-жа Половцева сдѣлала параллельное сравненіе фресокъ Юрьевской Божницы съ аналогичными по содержанію мозаиками Кіево-Софійскаго собора.

---

[1]) Эти снимки съ фресокъ были выставлены въ залѣ чтенія.

Вторая часть чтенія была посвящена Батурину; послѣ краткаго историческаго очерка его, были даны краткія же характеристики Мазены и гр. Кирилла Разумовскаго и, затѣмъ, описаны остатки былого величія Батурина—кое гдѣ сохранившіяся укрѣпленія и развалины дворца гр. Разумовскаго; и эта часть чтенія сопровождалась туманными картинами, представлявшими планы укрѣпленій, виды мѣстностей и развалинъ. При слушаніи характеристики гетмана Мазены насъ привела въ недоумѣніе слѣдующая особенность: г-жа Половцева, перечисляя всѣ дурныя качества Мазены, казалось, была лично раздражена противъ него; изъ дальнѣйшаго изложенія оказалось, какъ это ни странно, что это дѣйствительно такъ; причина гнѣва г-жи Половцевой на гетмана заключается въ слѣдующемъ: одинъ изъ предковъ Половцевыхъ пожертвовалъ въ церковь м. Бѣлой Церкви евангеліе; впослѣдствіи это евангеліе оказалось въ батуринской церкви, и г-жа Половцева предполагаетъ, что Мазена похитилъ его изъ Бѣлой Церкви и перевезъ въ Батуринъ, нарушивъ такимъ образомъ, волю жертвователя,—inde ira [1]).

Заключила г-жа Половцева чтеніе описаніемъ достопримѣчательностей мѣстности, собственно къ Малороссіи уже не относящейся, именно, г. Гомля, гдѣ находится замокъ кн. Паскевича съ конной статуей кн. Понятовскаго, работы Торвальдсена.

Н. Б.

Третій отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни [2]). Въ „Харьк. Вѣдом.“ и въ 5 т. *Сборника* Ист.-Фил.-Общ. были напечатаны первые два отчета. Послѣ того поступили еще слѣд. пожертвованія: отъ вдовы покойнаго профессора М. Ф. Потебни 317 руб. 63 коп., отъ Ф. А. Павловскаго 54 руб. и при его посредствѣ отъ Б. Г. Филонова 50 руб., В. И. Касперова 50 руб., Е. С. Гордѣенка 25 руб., П. П. Флота 25 руб., А. И. Іоннина 10 руб., затѣмъ отъ Н. А. Лавровскаго 15 руб. (черезъ Д. И. Багалѣя), отъ г. Беренштама и др. лицъ (черезъ Д. И. Багалѣя) 15 руб., отъ профессора Т. Флоринскаго и др. лицъ (изъ Кіева) 15 рублей, отъ редакціи Кіевской Старины отъ разныхъ лицъ 41 руб., отъ петербургскаго университета 22 руб., А. В. Ветухова 5 руб. 65 коп., отъ гим-

---

[1]) Какъ заявила г-жа Половцева, евангеліе это въ настоящее время находится у нея,—не знаемъ, какъ это могло произойти.

[2]) См. 1893 г. № 8.

назій юрьевской 15, аренсбургской 5, митавской 15, рижской имени Николая 14, нарвской 2 руб. 50 коп., варшавской III—5 руб., варшавской IV—3 руб., шавельской 4 руб., сѣдлецкой 5 руб. 75 коп., смоленской 9 руб. 88 коп., маріампольской 13 руб., уфимской 3 руб., петерб. I—8 руб., новгородской 2 руб., павлоградской 18 руб., елецкой 5 руб. 50 коп., минской 11 руб. 39 коп., владимірской 3 руб., гродненской 3 руб. 50 коп., прогимназій вознесенской 7 руб. 50 коп. и бобровской 17 руб., коллегіи Галагана 1 руб., реальныхъ училищъ изюмскаго 7 руб. 30 коп., юрьевскаго 9 руб., мелитопольскаго 1 руб., вольскаго 13 руб., самарскаго 3 руб., смоленскаго 4 руб., екатеринославскаго 4 руб. 40 коп., зарайскаго 7 руб., городскихъ училищъ баусскаго 2 руб. 10 коп., пернавскаго 1 руб. 20 коп., фелинскаго 3 руб., митавскаго 1 руб., юрьевскаго 1 руб., итого *875 руб. 30 коп.*, а съ полученными ранѣе 1625 руб. 78 коп. выходитъ *2501 руб. 08 коп.*, къ этой суммѣ добавлены наростшіе % 52 руб. 50 коп., *итого 2553 руб. 58 коп.* Съ обращеніемъ этихъ денегъ въ государственные 4% билеты 100 руб. достоинства получилась сумма *въ 2600 руб.* и остатокъ на рукахъ секретаря въ 42 руб. 05 коп. Билеты, согласно съ постановленіемъ ист.-фил. общества 29 ноября 1893 года, съ согласія г. ректора университета, сданы въ депозиты университета.

Историко-Филологическое Общество приноситъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, сдѣлавшимъ пожертвованія, причемъ сообщаетъ, что вся сумма собрана.

Проф. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Еще объ ученическомъ сочиненіи Н. В. Гоголя. Помѣщая въ прошлой книжкѣ журнала вновь найденное мной ученическое сочиненіе Н. В. Гоголя и опредѣляя время его написанія, я упустилъ изъ виду работу Н. А. Лавровскаго «Гимназія Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.)» Кіевъ. 1879 г., въ которой можно найти совершенно точное указаніе относительно этого сочиненія. На стр. 55-ой, въ примѣчаніи читаемъ: «Сохранился списокъ темъ для письменныхъ отвѣтовъ на окончательномъ испытаніи въ 1828 году, съ обозначеніемъ противъ каждой темы фамиліи студента, которому она досталась. Гоголю пришлось писать на слѣдующую тему: въ «какое время славяне дѣлаются извѣстными по исторіи, гдѣ, когда и какими дѣяніями они себя прославили до расселенія своего, и какое ихъ было расселеніе». Нужно признаться, что, считая время написанія этого сочиненія Гоголемъ незадолго до окон-

чанія курса, я невольно задумывался надъ слишкомъ рѣзко бьющей въ глаза неудовлетворительностью его, какъ со стороны содержанія, такъ и изложенія, а о грамотности и аккуратности ужъ и говорить нечего; но объяснялось мною все это тѣмъ, что работа эта, вѣроятно, классная, мимоходная, неважная, а потому, по общей ученической слабости, и отношеніе къ ней со стороны автора было небрежное. Оказывается теперь, что сочиненіе написано на *окончательномъ экзаменѣ*, представляя собой нѣчто болѣе важное, чѣмъ современное гимназическое *сочиненіе зрѣлости*, т. к. окончаніе Гимназіи Высшихъ Наукъ открывало прямую дорогу въ жизнь и въ общественную дѣятельность. И что-же? При всей неудовлетворительности и небрежности работы Гоголя, тогдашніе педагоги не только дали аттестатъ будущей знаменитости, но даже оцѣнили его успѣхи въ *россійской словесности* высшей отмѣткой — 4. Фактъ этотъ слишкомъ поучителенъ и для современныхъ педагоговъ.

В. Науменко.

Нѣсколько словъ, посвященныхъ I. Ролле. Помѣстивъ въ настоящей книжкѣ нашего журнала некрологъ I. Ролле, мы, какъ мѣстный историческій органъ, исполняемъ этимъ наше первое обязательство и по отношенію къ читателямъ, и по отношенію къ ученому, значительную часть трудовъ своихъ посвятившему научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ жизнію края. Будущіе изслѣдователи дадутъ, конечно, безпристрастную и вѣрную оцѣнку всѣхъ трудовъ покойнаго, какъ со стороны научнаго ихъ достоинства, такъ и со стороны высказанныхъ въ нихъ общественныхъ воззрѣній и симпатій. Между прочимъ и мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ дать читателямъ статью объ историческихъ работахъ *доктора Антонія I*, касающихся Малороссіи, тѣмъ болѣе, что журналъ нашъ въ теченіе всего времени своего существованія постоянно пользовался этими работами, помѣщая ихъ на своихъ страницахъ въ переводахъ и извлеченіяхъ, и даже текущій годъ открылъ переводомъ послѣдней статьи покойнаго, печатавшейся въ «Bibliotek'ѣ Warszawsk'ой».

Благодарная память къ заслугамъ и трудамъ покойнаго позволяетъ намъ подѣлиться съ читателями слѣдующими строками, взятыми изъ письма одного частнаго корреспондента нашего.

«Утрата д-ра Ролле для насъ конечно тяжкая, незамѣнимая. Кромѣ своихъ научныхъ историческихъ трудовъ, онъ заслужилъ глубокое

уваженіе здѣсь, какъ докторъ и какъ дѣятель въ благотворительныхъ обществахъ, особенно въ Кам.-Под. Комиссіи Импер. Человѣколюбиваго Общества, гдѣ онъ былъ казначеемъ и управляющимъ безплатной лѣчебницей и оспопрививательныхъ институтовъ. По своимъ знаніямъ прошлаго Подоліи это былъ единственный человѣкъ здѣсь въ Каменцѣ, готовый по первой просьбѣ дать и книгу, и справку, и руководство. Это для нашего захолустья, для насъ, захолустныхъ любителей исторіи, былъ человѣкъ нужнѣйшій; утрата его именно незамѣнима... Съ какою любовію, стараніями и затратами собиралъ онъ книги по исторіи нашего края и предметы старины.... Все это со смертію его потеряло значеніе, тѣмъ болѣе, что семейство его думаетъ часть продавать, а часть перевезти за границу, куда рѣшаетъ переселиться на житье (покойникъ Ролле, какъ извѣстно, былъ иностранный подданный).

Ролле умеръ неожиданно. Праздниками, правда, онъ былъ невполнѣ здоровъ, --у него была старая болѣзнь почекъ, и припадки этой болѣзни въ послѣднее время усилились. 9-го января въ воскресенье онъ весь день чувствовалъ усиленную боль и для облегченія ея принялъ двѣ горячихъ ванны—одну утромъ, другую вечеромъ. Послѣ второй ванны боль унялась, и онъ заснулъ у себя въ кабинетѣ, но это былъ послѣдній сонъ,—онъ уже не просыпался. Въ 9¼ ч. вечера пришли въ его комнату и застали уже тѣло его охладѣвшимъ... И въ гробѣ онъ былъ какъ будто спящій, съ доброй своей улыбкой.—Въ 9 часовъ вечера я пришелъ къ Ролле вмѣстѣ съ другими — и намъ сынъ его сказалъ, что послѣ цѣлодневнаго страданія отецъ уснулъ. Мы пошли домой и только впослѣдствіи узнали, что это былъ сонъ вѣчный, непробудный.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Гульдманъ. Населенныя мѣста Подольской губерніи. (Алфавитный перечень населенныхъ пунктовъ губерніи, съ указаніемъ нѣкоторыхъ справочныхъ о нихъ свѣдѣній). Каменецъ-Подольскій. 1893. 8 д. II+IV+636 стр.

Въ шестидесятыхъ годахъ Центральный Статистическій Комитетъ М—ва Вн. Дѣлъ предпринялъ было черезвычайно полезное изданіе—«Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», для каждой губерніи отдѣльно. Списки состояли изъ девяти графъ, при чемъ въ 1-й, обозначался № по порядку, во 2-й—названіе населеннаго мѣста, въ 3-й—обозначеніе при какой водѣ оно находится, въ 4-й и 5-й, разстояніе отъ губ. города (городовъ) и отъ уѣзднаго города и становой квартиры (для селъ, деревень и проч.), въ 6-й—число домовъ или дворовъ (для селъ, деревень и проч.), въ 7-й и 8-й—число жителей, мужч. и женщ., и въ 9-й—число церквей и другихъ молитвенныхъ зданій всѣхъ вѣроисповѣданій, учебныя и промышленныя заведенія, ярмарки, базары, пристани.—Населенныя мѣстности распредѣлены были въ книгѣ по уѣздамъ, а затѣмъ, въ уѣздѣ, они размѣщались по дорогамъ и рѣкамъ. Въ концѣ книги помѣщался общій алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей губерніи, съ указаніемъ номера по «Спискамъ».

Изданіе «Списковъ» было начато въ 1861 г., когда напечатаны были списки губерній Архангельской, Астраханской и Бессарабской, но затѣмъ, съ 1862 г., списки стали появляться уже не въ азбучномъ порядкѣ, а въ случайномъ. Къ концу шестидесятыхъ годовъ было напечатано около двадцати пяти губерній, но затѣмъ изданіе это почему то остановилось. Кромѣ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерній, не были напечатаны «Списки» губерній: сибирскихъ, кавказскихъ, при-

балтійскихъ, сѣверозападныхъ и юго-западныхъ. Такимъ образомъ, не имѣется этого изданія «Списковъ» и для губерній—Кіевской, Волынской и Подольской. Отсутствіе списковъ населенныхъ мѣстъ этихъ трехъ губерній чувствуется, между прочимъ, и при занятіяхъ научныхъ. Извѣстно, что Лѣвобережная Малороссія была колонизована, въ XVI и XVII вв., преимущественно выходцами изъ кіевской Украины, Волыни и Подоліи, которые переселяясь съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, очень нерѣдко переносили съ собою и названія своихъ родныхъ селъ. Впослѣдствіи, населеніе Лѣвобережной Малороссіи подвинулось далѣе на востокъ, перенося и туда, въ слободскую Украину, названія тѣхъ селъ, изъ которыхъ уходили эти переселенцы... Уже при изслѣдованіяхъ одного этого движенія, правобережныхъ выходцевъ на лѣвый берегъ и далѣе, чувствуется настоятельная потребность въ подробныхъ и точныхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ Юго-Западнаго края. Для Кіевской губерніи недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени, впрочемъ, восполнялся книгою Похилевича («Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи») и тѣмъ алфавитнымъ спискомъ населенныхъ мѣстъ этой же губерніи, который, лѣтъ десять назадъ, началъ печататься кіевскимъ губ. статист. комитетомъ при спискѣ кіевскихъ чиновниковъ. Но для губерній Подольской и Волынской всѣ данныя по этому предмету ограничивались частичными свѣдѣніями, которыя находятся въ Трудахъ Комитета для ист. стат. опис. Подольск. епарх.» и—въ печатающейся книгѣ г. Теодоровича—«Истор.-стат. опис. церквей и приходовъ Волынской епархіи.» (Почаевъ, 1888 и слѣд. г.г.) Съ появленіемъ книги г. Гульдмана, казалось, недостатокъ этотъ для Подольской губ. восполняется, но при ближайшемъ знакомствѣ съ этой работой приходится разочароваться... Дѣло въ томъ, что составитель этой книги, какъ будто и не слыхалъ о «Спискахъ Центр. Стат. Комитета» (въ предисловіи—о нихъ не упоминается) и свои списки населенныхъ мѣстъ напечаталъ въ такомъ видѣ, который испортилъ всю книгу. Всѣ населенныя мѣста губерніи въ книгѣ г. Гульдмана исчислены, въ азбучномъ порядкѣ, съ такими о нихъ свѣдѣніями, напр.,—„Ярославка, село летичевскаго уѣзда, меджибожской волости. 145 дворовъ, жителей 1193 д. об. пола, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 24 верстахъ и мѣстонахожденія волостнаго правленія въ 9. Ближайшая почтовая станція (куда адресуется корреспонденція) м. Меджибожъ (9 в.); ближайшая земская станція Меджибожъ (9 в.); ближайшая желѣзнодорожная станція—Деражня (25 в.); попутная къ губернскому городу м. Меджибожъ

(9 в.). с. Ярославка находится во второмъ станѣ, въ 6-мъ урядническомъ участкѣ, во 2 уч. судебно-мирового округ. (мир. судьи), въ 1-мъ участкѣ мир. посредника и во 2-мъ участкѣ судебнаго слѣдователя."

Сколько здѣсь—лишнихъ словъ и ненужныхъ свѣдѣній! Всѣ свѣдѣнія о томъ, въ какомъ участкѣ (судебн. слѣд., мир. посред. и урядн.) находится то или другое населенное мѣсто, (въ томъ числѣ и корчмы съ населеніемъ «въ 4 д. об. пола»), совершенно излишни, такъ какъ жителю даннаго поселенія эти свѣдѣнія извѣстны, а если и неизвѣстны, то онъ справится о нихъ не по книгѣ г. Гульдмана, а для иносельцевъ, могущихъ имѣть книгу г. Гульдмана подъ руками, свѣдѣнія эти окажутся нужными лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при чемъ, при повторяющемся измѣненіи границъ того или другого участка, свѣдѣнія эти быстро старѣютъ и тогда становятся уже совершеннымъ баластомъ. Къ такимъ-же ненужнымъ свѣдѣніямъ должны быть отнесены и свѣдѣнія о разстояніи населеннаго мѣста отъ ближайшей земской станціи и отъ «попутной къ губернскому городу.» Затѣмъ, если бы населенныя мѣстности были перечислены въ такихъ графахъ, какія приняты въ «Спискахъ» Центр. Стат. Комит., то не пришлось-бы составителю называть тотъ или другой уѣздъ *столько разъ, сколько въ уѣздѣ населенныхъ мѣстъ!*—Загромоздивъ свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ ненужнымъ баластомъ, г. Гульдманъ не сообщаетъ при нихъ главнаго топографическаго признака каждаго населенія—названія водъ, при которой послѣднее расположено; въ книгѣ г. Гульдмана видимъ полное умолчаніе о рѣкахъ и рѣчкахъ, при которыхъ расположены подольскія села, и отъ того весь этотъ перечень населенныхъ мѣстъ является туманнымъ: на картѣ приходится искать эти „мѣста" ощупью, слѣдуя отъ одного села къ другому, тогда какъ при указаніи рѣки, послѣдняя и служитъ маякомъ. Нѣтъ въ книгѣ свѣдѣніяхъ г. Гульдмана также указанія—церквей, ярмарокъ, заводовъ и другихъ свѣденій, которыя конечно нужнѣе и важнѣе свѣдѣній объ урядническихъ участкахъ... Затѣмъ, въ книгѣ г. Гульдмана видится такая странность: хуторà—показаны (стр. 509—531) не подъ собственными своими названіями, а подъ словомъ *хуторъ*, гдѣ и находимъ, въ азбучномъ порядкѣ,—Андріевку, Андріецъ, Бабу, Березину и т. д. Но при этомъ *не всѣ* хутора г. Гульдманъ перечисляетъ подъ словомъ хуторъ; у него есть хутора, которые въ азбучномъ порядкѣ занимаютъ и самостоятельное мѣсто, напр., Костельный хуторъ (стр. 223) Кохманъ

хут. (224), Крутой Яръ (234), Липняки (257) и т. д. Почему одни хутора указаны подъ общимъ словомъ хуторъ, а другіе отдѣльно—неизвѣстно. Очень неопредѣленны названія нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстъ, напр.—дача, односелье, ферма, выселокъ, слободка, поселокъ... Удобнѣе было г. Гульдману принять общую номенклатуру населенныхъ мѣстъ—села̀, деревни, ху̀тора; а если онъ пожелалъ ввести—особую, мѣстную, то долженъ былъ дать поясненія къ ней. Неправильно, по нашему мнѣнію, г. Гульдманъ поотдѣлялъ отъ мѣстечекъ ихъ предмѣстія («Лялинцы»—предмѣстье м. Чернаго Острова), а отъ селъ—ихъ «приселки» („Ластенія"—приселокъ с. Сиворогъ), такъ какъ это такія части того или другого „насел. мѣста", которыя составляютъ одно цѣлое, причемъ отдѣльныя названія этихъ предмѣстій и приселковъ явились вслѣдствіе значительности поселенія, которое, по этому, потребовало особыхъ названій для нѣкоторыхъ своихъ частей, какъ требуетъ особаго названія та или другая улица города....

Вообще книга г. Гульдмана является работою, сдѣланною безъ обдуманнаго плана, загроможденною никому ненужными свѣдѣніями, въ родѣ „попутныхъ станцій", и не имѣющею свѣдѣній необходимыхъ, напр.—указанія воды. Приходится пожалѣть о потраченныхъ на изданіе средствахъ, и, попрежнему, ожидать—списковъ населенныхъ мѣстъ Подольской губерніи въ томъ видѣ, въ какомъ они нужны какъ для дѣловыхъ, такъ и для научныхъ справокъ.

А. Л.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. т. XVI-й Одесса 1993 г.

Настоящій томъ «Записокъ» является послѣ весьма долгаго перерыва въ изданіи ихъ: XV-й томъ вышелъ въ 1889 г. Причиной такого перерыва была, какъ можно думать изъ предисловія, недостаточность средствъ. Получивъ увеличеніе пособія, Общество надѣялось издавать ежегодно по одному тому въ объемѣ 20 печатныхъ листовъ, въ форматѣ in 8; для рисунковъ оно намѣрено употреблять преимущественно фототипію. Такой видъ имѣетъ и настоящій томъ. Программа «Записокъ» осталась безъ измѣненія и состоитъ изъ отдѣловъ: Археологіи, Матеріаловъ и Смѣси. Въ отдѣлѣ Археологіи г. *Э. фонъ Штернъ* разбираетъ *«новооткрытую ольвійскую надпись»* о дарованіи Босфорцу Ахэмену проксеніи (почести) и права граждан-

ства и относитъ ее къ IV в. до Р. Х.; интересно, что жители Ольвіи называютъ себя Борисѳенитами и пользуются правомъ пожалованія проксеніи и политіи, что показываетъ большее или меньшее развитіе культуры и государственной жизни въ греческихъ колоніяхъ южной Россіи.

О. В. Юргевичъ описываетъ три надгробные камня; изъ нихъ болѣе любопытенъ 3-й, какъ указывающій на участіе въ постановкѣ памятника городскаго совѣта и возбуждающій недоразумѣніе относительно города; онъ относится къ 140 г. по Р. Х.

Г. Борисъ Формаковскій посвятилъ обширную статью разбору трехъ керамическихъ фрагментовъ съ надписями, имѣющими важное значеніе для исторіи живописи.

Г. А. Бертье-Делагардъ указываетъ на важное значеніе для исторіи г. Херсонеса Таврическаго надписи, относящейся къ времени императора Зенона, объ исправленіи городскихъ стѣнъ. Надпись эта была издана 17 разъ, и авторъ подвергаетъ ее изслѣдованію въ связи съ исторіею г. Херсонеса.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ помѣщена *»Історія словеноболгарская о народахъ и царѣхъ и святыхъ болгарскихъ и о всехъ дѣянія и бытія болгарская. Собрано и наряджено Паисіемъ іеромонахомъ»* etc. 1762 г.; издатели смотрятъ на эту «исторію» не какъ на матеріалъ историческій, а какъ на памятникъ историко—литературный.

«Документы, относящіеся къ исторіи г. Одессы», собранные г. П. Ивановымъ въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ и изданные подъ редакціей г. А. Маркевича, имѣютъ весьма слабое значеніе для исторіи города и при томъ напечатаны безъ всякаго выбора системы; акты, дѣйствительно болѣе или менѣе важные и интересные, перемѣшаны со множествомъ совершенно ничтожныхъ. Въ предисловіи къ нимъ проф. Маркевича мы съ недоумѣніемъ прочли слѣдующее странное признаніе: «Къ сожалѣнію, вслѣдствіе спѣшности работы лица, которому поручено было дѣлать выписки (самъ г. Ивановъ, вслѣдствіе служебныхъ занятій, могъ сдѣлать лишь немного извлеченій), въ документы (т. е. въ копіи) вкралось не мало погрѣшностей; иныя изъ нихъ могли быть исправлены г. Ивановымъ, или нами (!); но другія, безъ сличенія съ подлинниками (sic!) исправлены быть не могутъ. Впрочемъ (по мнѣнію г. Маркевича), погрѣшности эти не таковы, чтобы онѣ могли повредить смыслъ документовъ (хотя исправить ихъ оказалось невозможнымъ!;) поэтому мы и сочли возможнымъ таковые напечатать, считая ихъ опубликованіе въ настоящее время особенно

своевременнымъ (авторъ имѣетъ въ виду приближеніе 100—лѣтняго юбилея Одессы). Не совсѣмъ ясно, впрочемъ (говоритъ онъ въ заключеніе), обозначено въ документахъ и то, изъ какихъ именно дѣлъ архива они извлечены».

Собранные г. А. Андріевскимъ *«Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній»* представляютъ весьма важный историческій источникъ для изученія жизни козачества въ періодъ 1743—1767 г.г.; они служатъ не столько для политической исторіи самого Запорожья, сколько вообще для исторіи Россіи, рисуя въ тоже время внутренніе распорядки въ Сѣчи. Матеріалы эти извлечены издателемъ изъ старыхъ дѣлъ Кіевской Губернской Канцеляріи; назовемъ нѣкоторые изъ этихъ дѣлъ, что-бы показать ихъ значеніе: развѣдываніе о татарскихъ и польскихъ обращеніяхъ въ 1743 г. грабежи запорожцевъ въ имѣніяхъ кн. Яблоновской въ 1746 г.; коммиссія въ запорожской сѣчи для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ въ 1749 г.; Высочайшія грамоты, опредѣляющія отношеніе гетманской и генералъ-губернаторской власти къ запорожью въ 1751 г.; жалобы запорожцевъ на учрежденные въ Гарду драгунскихъ и компанейскихъ полковъ караулы въ 1752 г.—рапорты кошевого атамана Кіевскому генералъ - губернатору въ 1752 г.; развѣдыванія о положеніи дѣлъ въ Крыму въ 1753; указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, государственной военной коллегіи Правительствующаго Сената и проч. по разнаго рода вопросамъ, касающимся запорожцевъ и т. д. Изъ приведеннаго перечня этихъ дѣлъ видна уже ихъ важность; матеріалы же не оканчиваются въ настоящемъ, хотя и здѣсь, не смотря на мелкій шрифъ, которымъ они напечатаны, они занимаютъ много мѣста.

Къ числу матеріаловъ отнесено и описаніе г. *А. Скальковскимъ* сборника историческихъ статей М. Новаковича; такіе сборники были часто списываемы въ прошломъ столѣтіи любознательными людьми и содержали въ себѣ статьи, показывающія политическіе, религіозные и нравственные интересы ихъ списателей; сборники назывались «Ateny» и содержали иногда такіе матеріалы, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстными; изъ сборника Новаковича г. Скальковскій заимствуетъ краткое описаніе русскаго посольства къ хану крымскому въ концѣ XVIII в.; издатель относитъ это описаніе къ 1770-мъ годамъ.

Въ смѣси помѣщено одиннадцать некрологовъ почившихъ дѣятелей Новороссіи и Крыма или имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ одесскому обществу исторіи.

Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета. Выпускъ 6, подъ ред. Н. Яворовскаго и свящ. Е. Сѣцинскаго. Каменецъ-Подольскъ. Приложеніе къ Подольскимъ епарх. вѣдомостямъ.

Этотъ огромный томъ (болѣе 700 стр. большаго формата) предлагаетъ немало чрезвычайно любопытныхъ числовыхъ и иныхъ данныхъ о такомъ важномъ краѣ, какъ Подолія. Правда, данныя эти, по самой сути дѣла, довольно односторонни, такъ какъ касаются главнѣйше вѣроисповѣднаго и училищнаго вопросовъ; но въ предѣлахъ этихъ вопросовъ они отличаются и полнотою и, повидимому, значительной достовѣрностью, такъ какъ въ числѣ источниковъ, кромѣ свѣдѣній Губернскаго статистическаго комитета, указаны такіе, какъ спеціально католическій «Литургическій календарь Луцко-житомірской епархіи» (Kalendarium liturgicum diecesium Luceoriernsis et Zytomiriensis....), данныя котораго, отличающіяся отъ свѣдѣній губернскаго статистическаго комитета довольно значительно, тоже приведены въ книгѣ. Любопытно, что разница въ показаніяхъ относительно числа католическаго населенія въ Подоліи между данными католическаго календаря и губернскаго статистическаго комитета довольно велика—почти въ двадцать тысячъ! Такъ, по календарю, количество католическаго населенія въ Подольской губерніи выражается цыфрою 236738, а по даннымъ статистическаго комитета только въ 216765 душъ при общемъ количествѣ населенія въ губерніи въ 2661613 душъ. Указанная значительная разница между данными двухъ совершенно различныхъ и притомъ самостоятельныхъ источниковъ наглядно указываетъ, конечно, на продолжающуюся еще въ краѣ борьбу двухъ культуръ: русской и польской, двухъ исповѣданій: православнаго и католическаго, борьбу несомнѣнно, нарушающую правильный ходъ жизни населенія и, вѣроятно, немало задерживающую поступательное его движеніе.

Изъ сопоставленія различныхъ числовыхъ данныхъ можно сдѣлать нѣкоторые любопытные выводы, напримѣръ хотя бы и такой: въ какомъ взаимномъ отношеніи находится въ настоящее время въ Подольской губ. православіе и католичество? Отношеніе это для послѣдняго исповѣданія довольно благопріятно, особенно ежели принять въ разсчетъ историческую его, такъ сказать, нетуземность въ краѣ и исконную враждебность къ основному русскому населенію края. Католиковъ имѣется въ губерніи болѣе 8%, быть можетъ, даже около 9%, и они обладаютъ 148 церквами, такъ что на каждую цер-

ковъ приходится, приблизительно, 1465 душъ. У православныхъ, коихъ считается около 78%, имѣется 1525 церквей, и число прихожанъ на каждую церковь выражается цыфрою, приблизительно, 1330 душъ. Впрочемъ, ежели сравнить подольскія вѣроисповѣдныя отношенія съ волынскими, то первыя, пожалуй болѣе благопріятны для основнаго русскаго населенія въ краѣ, чѣмъ вторыя.

А. Степовичъ.

Путь-Дорога, научно-литературный сборникъ въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Изд. К. Сибирякова. Спб. 1893 г. ц. 3 р. 50 к.

Въ книгѣ около 600 стр., и, кромѣ того, приложено 25 фототипій и цинкографій; эти обстоятельства, а равно высокая цѣль изданія заставляютъ насъ мириться съ довольно высокою цѣною книги. Вся книга—даръ нашихъ писателей и художниковъ бѣдному переселенцу, котораго тяжкая недоля побуждаетъ бросать насиженное мѣсто, родную землю, и искать себѣ на далекихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества иныхъ, болѣе благопріятныхъ условій существованія. Въ сборникѣ немало весьма любопытнаго найдетъ для себя любознательный читатель, и мы отъ всего сердца рекомендуемъ эту хорошую книгу, которой, быть можетъ, суждено разбудить дремлющія силы нашего общества и взволновать его грознымъ вопросомъ, вопросомъ государственной и общественной важности—вопросомъ о переселенцахъ. Разбирать книги, не подходящей къ чисто историческому характеру нашего изданія, мы не станемъ, и лишь укажемъ нашимъ читателямъ тѣ статьи, въ которыхъ можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія о судьбѣ переселенцевъ изъ южнорусскихъ губерній и областей. Такихъ статей собственно три: Переселенія и частный починъ (письмо съ сѣвернаго Кавказа Я. Абрамова), Къ вопросу о культурной роли переселенцевъ въ Сибири и ихъ отношеніяхъ къ сибирякамъ-старожиламъ А. Кауфмана и «Вопросы переселенія и настоятельныя нужды переселенческаго дѣла» Н. Ядринцева, извѣстнаго знатока Сибири и всѣхъ ея важнѣйшихъ нуждъ и запросовъ. Въ статьѣ г. Кауфмана между прочимъ встрѣчаемъ любопытное свѣдѣніе о старожилахъ переселенцахъ изъ малороссійской части Воронежской губ., которые, говоритъ авторъ, „представляютъ единственный извѣстный намъ и изъ собственныхъ наблюденій, и изъ литературы примѣръ сохраненія всѣхъ принесенныхъ съ родины особенностей

хозяйственнаго быта». Статья г. Ядринцева представляетъ чрезвычайно тяжелую, почти даже страшную картину тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, особенно болѣзней, и той поразительной смертности, которыя преслѣдуютъ переселенцевъ на ихъ тяжкомъ, страдномъ пути..... Картина эта способна ужаснуть самое закоренѣлое сердце, самое лѣнивое воображеніе....

Въ чисто литературномъ отношеніи представляютъ извѣстный интересъ повѣсть г. Л. Толстаго «Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ», очеркъ г. Мамина-Сибиряка «Орелъ-городокъ» и нѣкоторые мелкіе разсказы гг. Чехова, Баранцевича, Н. Лѣскова, Н. Златовратскаго и нѣк. другихъ. **А. Степовичъ.**

Очерки по исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южнорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII вв. В. Шимановскаго. Варшава. 1893 г. 8°, 101 стр.

Предметъ названной книги — обозрѣніе особенностей живой южнорусской рѣчи XVI—XVII вв., на сколько онѣ проявились въ письменныхъ памятникахъ того времени. Въ началѣ ея приведенъ краткій перечень памятниковъ, послужившихъ источниками для этого труда; затѣмъ слѣдуетъ систематическое разсмотрѣніе найболѣе характерныхъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей южнорусской рѣчи того времени, а въ заключеніе отмѣчены черты польскаго вліянія на нее и предложены общіе выводы автора изъ разсмотрѣнныхъ имъ данныхъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ выводовъ, равно какъ и съ объясненіемъ нѣкоторыхъ явленій рѣчи, не вполнѣ можно согласиться. Но, въ общемъ, трудъ г. Шимановскаго, заключая въ себѣ довольно значительное число данныхъ о южнорусскомъ языкѣ XVI—XVII вв.,—старательно извлеченныхъ авторомъ изъ небольшого числа памятниковъ того времени и болѣе или менѣе правильно сгруппированныхъ имъ, — представляетъ несомнѣнный интересъ для историческаго изученія южнорусской рѣчи, и можетъ служить хорошимъ для него пособіемъ. **К. М.**

Русскимъ матерямъ, сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ Воронежской губерніи. Москва 1892 г. 260 стр. ц. 1 р.

Такъ какъ къ книгѣ приложено нѣсколько недурныхъ рисунковъ, то цѣна ея оказывается весьма не высокой; но и помимо общедо-

ступности цѣны, сборникъ по самой своей цѣли заслуживаетъ всяческаго распространенія и поддержки. Сообразно, должно быть, съ этнографическимъ составомъ населенія, въ книгу вошли произведенія не только на общерусскомъ языкѣ, но и на малорусскомъ (Шевченка, Д. Марковича, Чайченка, Днипровой-Чайки), будучи объединены общей идеей «глубокаго благоговѣнія предъ материнской любовью и горячаго сочувствія материнскимъ и дѣтскимъ скорбямъ и страданіямъ». Въ книгѣ помѣщена большая часть уже извѣстныхъ вещей, но есть и кое что новое, наприм. «Первыя воспоминанія» Л. Толстаго.

Сборникъ имѣетъ чисто литературный характеръ и интересъ, и потому мы дольше на немъ останавливаться не будемъ: наша цѣль была лишь указать на него читателямъ и искренно совѣтовать имъ ознакомленіе съ нимъ. **А. С.**

Городъ Владиміръ Волынской губерніи въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Историческій очеркъ Н. И. Теодоровича. (Въ память 900-лѣтняго юбилея Волынской епархіи: 992—1892). Съ 9-ю гравюрами. Приложена статья: „Празднованіе 900 лѣтняго юбилея Волынской епархіи“. Почаевъ. 1893 г.

Городъ Кременецъ Волынской губерніи. Церковно-историческій очеркъ Н. И. Теодоровича Почаевъ 1890 г.

Городъ Заславль Волынской губерніи. Историческій очеркъ преподавателя Волынской Духовной Семинаріи Н. И. Теодоровича. Почаевъ 1891 г.

Мѣстечко Грицевъ Заславскаго уѣзда Волынской губерніи. Историческій очеркъ Н. И. Теодоровича. Почаевъ 1892 г.

Если бытовая и политическая исторія г. Владиміра въ изложеніи автора не достаточно полна и оставляетъ еще желать многаго то отдѣлъ церковно-историческій весьма богатъ фактами по исторіи монастырей, церквей, православной іерархіи и проч. Въ историческо-политической части своего труда г. Теодоровичъ останавливается главнымъ образомъ на велико-княжескомъ періодѣ; періодъ литовскаго и польскаго владычества, также какъ и время присоединенія края, представлены имъ въ самыхъ общихъ и блѣдныхъ чертахъ; главное вниманіе авторъ обращаетъ на исторію церкви; здѣсь онъ излагаетъ біографическія данныя о православныхъ епископахъ, не упускаетъ изъ виду уніатскихъ и католическихъ, сообщаетъ факты.

изъ исторіи церквей, монастырей и не обходитъ вниманіемъ положенія католической церкви; далѣе слѣдуетъ указаніе на дѣятельность мѣстнаго братства, описаніе его древлехранилищъ, археологическихъ особенностей окрестностей г. Владиміра и изложеніе судебъ училища. Въ приложеніи мы находимъ описаніе празднованія 900-лѣтняго юбилея Волынской епархіи, происходившее 10, 11 и 12 мая 1892 г., со всѣми относящимися къ описанію документами: программа празднествъ, церемоніалъ его, архипастырское воззваніе къ паствѣ, описаніе перенесенія чудотворной Почаевской иконы Богоматери, описаніе самого юбилейнаго торжества, проповѣди, рѣчи, адресы, привѣтствія, прекрасную содержательную рѣчь проф. И. И. Малышевскаго «объ участіи дворянъ въ защитѣ православія на Волыни», наконецъ описаніе юбилейныхъ торжествъ и молебствій въ С. Петербургѣ, Кіевѣ, Житомирѣ, Луцкѣ, Ковлѣ и друг. городахъ и во многихъ селахъ Волыни. Вообще эта книга служитъ прекраснымъ памятникомъ совершившагося торжества.

Въ описаніи гг. Кременца и Заславля, а также и м. Грицева авторъ пользуется по возможности всѣмъ изданнымъ матеріаломъ, но при этомъ ограничиваетъ свою задачу лишь краткимъ изложеніемъ политическихъ событій, дольше останавливаясь на событіяхъ и предметахъ церковныхъ и монастырскихъ; въ заключеніе рисуетъ современное состояніе города; такое ограниченіе задачи автора могло произойти и отъ того, что онъ не пользовался мѣстными городскими архивами и архивами присутственныхъ мѣстъ. Богатѣйшій матеріалъ для исторіи городовъ Волыни даютъ книги Центральнаго Архива университета св. Владиміра; въ нихъ, между прочимъ, находится и люстрація г. Кременца 1563 г., которую г. Теодоровичъ считаетъ погибшей; она напечатана проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи (ч. VII, т. 2-й, стр. 42 и слѣд.); въ архивѣ правленія университета заключается богатый матеріалъ и для исторіи просвѣщенія Волыни вообще и для характеристики лицейскаго образованія, какое получала польская шляхта въ Кременцѣ. Пожелаемъ автору удобнаго случая воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ, а для начала хорошо и то, что сдѣлано имъ—оно даетъ представленіе о характерѣ временъ, пережитыхъ юго-западнымъ краемъ и въ частности Волынью.

И. Каманинъ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Томъ 5.—Труды педагогическаго отдѣла историко-филологическаго Общества, Вып. 1-й. Харьковъ 1893 г.

По обычаю «Сборникъ открывается протоколами засѣданій Общества за 1892—93 академ. годъ. Въ теченіе этого года оно имѣло 9 засѣданій; изъ нихъ было два административныхъ и одно торжественное; въ послѣднемъ прочтено четыре реферата, посвященные памяти А. А. Потебни и разбору его ученыхъ работъ. Въ остальныхъ шести засѣданіяхъ сдѣлано 15 сообщеній: по археологіи—1, по этнографіи—1, по греческимъ древностямъ—3 всеобщей исторіи—1, по всеобщей литературѣ—1, по исторіи церкви—2, по исторіи русской литературы—4, по исторіи просвѣщенія 2; къ протоколамъ приложены отчеты о дѣятельности и пріобрѣтеніяхъ Харьковскаго архива и по сбору пожертвованій на премію имени А. А. Потебни.

Въ неоффиціальномъ отдѣлѣ «Сборника» мы находимъ статьи и при нихъ матеріалы г. *М. Плохинскаго*: О поселеніяхъ грузинъ въ Малороссіи», г. *П. Иванова*: «Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ», представляющіе собою матеріалъ для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда; какъ и въ прежнихъ своихъ очеркахъ, авторъ не ограничивается передачей суевѣрныхъ разсказовъ, но старается найти ихъ основаніе и объясненіе, что сообщаетъ смыслъ и значеніе этимъ разсказамъ темной массы крестьянъ. Въ дополненіе «Къ исторіи духоборцевъ харьковской губерній» г. *Савва* пересказываетъ одно дѣло о нихъ, хранящееся въ Харьковскомъ архивѣ; далѣе сообщаются «обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, Херсонской губ., записанные С. А. Чернявской; въ числѣ ихъ есть десятокъ историческихъ пѣсенъ, большею частью варіанты уже напечатанныхъ. *Д. И. Багалѣй* продолжаетъ печатаніе своихъ матеріаловъ по исторіи колонизаціи и быта Слободской украины и приступилъ къ «Описи дѣлъ Харьковскаго историческаго архива», за которую нельзя не выразить благодарности ему отъ лица всѣхъ занимающихся южно-русской исторіей; опись составлена весьма обстоятельно и подробно; но все-таки она не можетъ претендовать на ученость, которая была обѣщана въ предшествовавшихъ номерахъ «Сборника»; за отсутствіемъ въ нашихъ архивахъ вообще какихъ-бы то ни было толковыхъ описей, ученая опись представляла-бы собой уже большую роскошь. Къ неудобствамъ печатаемой описи нельзя не отнести 1) отсутствія указаній на листы

дѣла при описи отдѣльныхъ его документовъ, такъ какъ это затрудняетъ нахожденіе нужнаго документа, и 21) неточное обозначеніе даты дѣла; есть, напр., дѣла до 600 листовъ; несомнѣнно они тянулись нѣсколько лѣтъ; вотъ это-то и не отмѣчено въ заголовкахъ дѣла, какъ не приведены и самые заголовки ихъ,—общей описи дѣла нѣтъ; при краткости описи отдѣльныхъ документовъ трудно иногда представить себѣ общую мысль, самую суть дѣла, которая связываетъ между собою въ одно цѣлое разрозненныя бумаги; безъ общей описи дѣла обойтись нельзя никакъ, вслѣдствіе этого и самая опись кажется лишенной всякой научной системы, такъ какъ хронологическое основаніе рѣшительно не годится въ архивахъ, преслѣдующихъ ученыя цѣли. Въ концѣ «Сборника» приложенъ «Отчетъ о дѣятельности педагогическаго отдѣла Историко-филологическаго Общества»; къ отчету приложены и рефераты членовъ; всѣ они трактуютъ о больныхъ мѣстахъ нашей педагогіи и требуютъ спеціальнаго обозрѣнія, а это не входитъ въ нашу задачу.

И. Каманинъ.

И. Я. Акинфіевъ, Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу. Екатеринославъ 1893.

Авторъ названной книжки—по спеціальности ботаникъ—каждый годъ предпринимаетъ научныя экскурсіи на Кавказъ; при этомъ онъ большой любитель природы и путешествій, какъ важнаго образовательнаго и гигіеническаго средства; наконецъ,—онъ человѣкъ разнообразно-наблюдательный, и въ настоящей книжкѣ его, кромѣ картинныхъ описаній природы, читатель найдетъ много любопытныхъ замѣчаній по разнымъ областямъ жизни современной, а, въ связи съ нею,—и прошедшей, какъ то: по исторіи екатерининской желѣзной дороги, о каменоугольной промышленности юга Россіи, о лѣсоразведеніи, о семейной и соціальной жизни кубанскихъ козаковъ и объ экономической исторіи ихъ, о минеральныхъ водахъ и пр. Стоимость книги (50 к.) полностью поступаетъ въ кассу екатеринославской коммиссіи народныхъ чтеній для усиленія фонда на постройку аудиторіи. Все это побуждаетъ желать книгѣ г. Акинфіева полнаго успѣха.

Адресъ—календарь г. Елисаветграда и елисаветградскаго уѣзда на 1894 г. Елисаветградъ 1893.

Это уже не первая попытка изданія календаря для гор. Елисаветграда; настоящему адресъ—календарю предшествовали здѣсь уже два подобныхъ. Елисаветградъ—городъ уѣздный (херсонск. губ.), но довольно большой, и въ немъ довольно продолжительное время существовала даже своя ежедневная газета, о возобновленіи которой нельзя не пожелать; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если здѣсь является и адресъ-календарь, который несомнѣнно долженъ быть дѣломъ не безвыгоднымъ. Кромѣ обыкновенныхъ общихъ и мѣстныхъ календарныхъ и справочныхъ свѣдѣній, въ елисаветградскомъ календарѣ на 1894 годъ напечатаны также небольшія замѣтки о промышленности и торговлѣ Елисаветграда и его уѣзда, статистическія свѣдѣнія о населеніи того же города и уѣзда и статьи о травосѣяніи и о выборѣ пара и посѣвѣ озимей въ елисаветградскомъ у. Въ типографскомъ отношеніи книжка довольно удовлетворительна, хотя и не казиста.

Вновь вышедшія изданія Кіевской Археографической Коммиссіи:

1) Планъ г. Кіева 1695 г. . . . . ц. 1. р. —

2) Пятидесятилѣтіе Коммиссіи (1843—1893).

Историческая записка о ея дѣятельности, составленная О. И. Левицкимъ. . . . . ц. 1 р. —

3) Архивъ Юго-Зап. Россіи часть I томъ 9-й, заключающій въ себѣ Лиѳосъ, полемическое сочиненіе 1644 года . . ц. 2 р. —

4) Архивъ Юго-Зап. Россіи часть VIII, т. 1-й, матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ исторіею сословной организаціи. Акты Барскаго староства XV—XVI в. . . . ц. 2 р. —

и 5) Отчетъ о юбилейномъ торжественномъ собраніи Коммиссіи 19 ноября 1893 года. . . . . ц. » 40 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

XXV. на 1894 годъ. XXV.

Принявъ на себя въ 1893 г. изданіе „Русской Старины," новая редакція заявила что, преслѣдуя тѣ начала, котор. легли въ основу издан., начавшагося еще въ 1870 г., она употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы журналъ не только не утратилъ своего прежн. интереса, но, напрот., оживился бы еще болѣе и давалъ бы какъ можно менѣе сыраго матер. и какъ можно болѣе матер. литературно разработанн. Смѣемъ думать, что наши подписч. не могутъ упрекнуть, что мы не сдержали своего обѣщ. Не трогая драгоцѣн. и общирнаго архива, собран. покойн. издател. „Русской Старины" и пріобрѣтен. редакц. благодаря благосклон. содѣйствія, многихъ достойн. лицъ намъ удалось дать въ течен. года не мало интересн. статей, котор. составили солидный вкладъ въ отечеств. историч. литературу. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшен. журнала, что въ теченіе одного года мы пріобрѣли много цѣнныхъ произвед. воспомин. и обширн. запис. разныхъ лицъ, за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкотор. изъ этихъ произвед. наши читат. имѣли уже случай познакомиться; къ числу ихъ принадл., между проч., Зап. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Восп. В. А. Панаева, Зап. М. Я. Ольшевскаго начатыя въ этомъ г.

Въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочими, слѣдующія произвед: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіог. архимандр Фотія.—За полстолѣтія, мемуары докт. А. И. Ильинскаго,—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н, Глинки.—Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго.—Воспоминанія А А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго,—Записки А. Т. Болотова.

Такія важныя пріобрѣт. въ теченіе одного года новыхъ историческ. вполнѣ обработан. матеріал., устанавл. связь редакціи съ интеллигентн. обществ. лицъ, интересующ. отечеств. исторіею, даютъ намъ надежду, что и впредь редак. въ состояніи будетъ удовлетв. любознат. лицъ, интересующ. историч. событіями въ разныя эпохи русской жизни. Въ 1893 г. редакція начала новый отдѣлъ „Обозрѣніе историческ. журналовъ." Давая краткое содерж. помѣщающихся въ нихъ статей,

---

Мякотини Е. Н. Соловьева, Н. В. Тулупова и многихъ другихъ (всего болѣе 80 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія. Я. В. Абрамова. Отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

1) Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки шесть рублей, съ доставкой 6 р. 50 коп., для иногороднихъ семь рублей, съ пересылкой за границу девять рублей.

2) Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени" и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ВЪ 1894 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ",

ЖУРНАЛЪ

научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ".

Указомъ Св. Синода отъ $^{3}/_{19}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи". такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ„ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи"—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ при Кіевской Духовной Академіи въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56 XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVI (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—

68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г. г. (въ сброшюрованомъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1893 гг. по 7 р. съ пересылкою. **Экземпляры "Трудовъ„ за 1884 г. всѣ распроданы**

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1894 гг. по 1 руб.

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподователяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподованія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учубной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколѣ, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи наачнаго содержанія),

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1894** годъ

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную и Экономическую Газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Газета выходитъ по программѣ раздѣленной на слѣдующіе отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія.
II. Телеграммы Севернаго Телеграфнаго Агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ.
III. Специальныя ежедневныя телеграммы курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи.
IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ.
V. Политическое обозрѣніе.
VI. Иностранныя извѣстія.
VII. О чемъ пишутъ
VIII. О чемъ говорятъ.
IX. Злобы дня.
X. Летучіе листки.
XI. Фельетонъ-крошка.
XII. Зигзаги.
XIII. Протоколы жизни.
XIV. Ростовскій альбомъ.
XV. Хроника (мѣстная и общая).
XVI. Корреспонденціи.
XVII. По Россіи.
XVIII. Мелочи (сценки и наброски).
XIX. Фельетонъ литературный, научный, беллетрическій и др.
XX. Театръ и музыка.
XXI. Наука и литература.
XXII. Торговыя свѣдѣнія.
XXIII. Справочный отдѣлъ.
XXIV. Объявленія и рекламы.

Въ „Приазовскомъ Краѣ“ будутъ помѣщаться портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РОССІИ:

Безъ доставки:		Съ доставкой и пересылкой:	
12 мѣсяц. 8 р. — к.	6 мѣсяц. 4 р. 50 к.	12 мѣсяц. 9 р. — к.	6 мѣсяц. 4 р. — к.
11 „ 7 „ 50 „	5 „ 3 „ 75 „	11 „ 8 „ 50 „	5 „ 4 „ 25 „
10 „ 7 „ — „	4 „ 3 „ — „	10 „ 8 „ — „	4 „ 3 „ 50 „
9 „ 6 „ 50 „	3 „ 2 „ 25 „	9 „ 7 „ 25 „	3 „ 2 „ 75 „
8 „ 6 „ — „	2 „ 1 „ 80 „	8 „ 6 „ 50 „	2 „ 2 „ — „
7 „ 5 „ 25 „	1 „ — „ 80 „	7 „ 5 „ 75 „	1 „ 1 „ — „

За пересылку газеты заграницу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка платежа годовой подписной цѣны допускается по соглашенію съ конторою. Вносы по разсрочкѣ производятся: при подпискѣ — **3** р., 1-го мая — **3** р. и 1-го августа — **3** руб.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца текущаго года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты: „Приазовскій Край“, Большая Садовая, д. Френштейна и въ собств. домѣ, уголъ Больш. Садов. и Братскаго пер.

2—3.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсроча: при подпискѣ—4 руб., 1 Мая—2 руб., и 1 Іюля—руб., а для служащихъ въ административныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ въ году (1 Янтаря по 1 Августа включительно)

Подписка для иногороднихъ принимается въ главной конторѣ редакціи Трехсвятителяская ул., № 16 (у церкви Андрея Первозваннаго).

Подписавшіеся на 1894 годъ получать всѣ номера газеты, вышедшіе въ текущемъ 1893 году.

Издатели: *I. П. Мануковъ и М. Е. Краинскій.*
Редакторъ *М. Е. Краинскій.*

2—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА“.

„Сборникъ Саратовскаго Земства“ имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

„Сборникъ“ будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Сборникъ Саратовскаго Земства“. I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ програму „Сборника“. IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготовляются Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по проекту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ из хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обозрѣніе земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растеній и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ Н. Маклецовъ. О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе Н. Черненко.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ В. Круберъ, и др.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы коммиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля. VI. Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ, VII. Библіографія и библіотека, книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. IX. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. X. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ X-го будутъ выпускаться и разсылаться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со „Сборникомъ“, приложеніе же V-е

будетъ выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, „Сборникъ“ и „Приложенія“ уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція разсчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать „Сборникъ“, не смотря на значительные расходы по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особыя подписки: А—на „Сборникъ“ безъ приложеній, Б—на „Сборникъ“ съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В—на „Сборникъ со всѣми приложеніями.

Подписная цѣна: А.- За „Сборникъ“ безъ приложеній: па годъ безъ пересылки 3 руб. 60 коп., съ пересылкой и доставкой въ Саратовѣ 4 р., на полгода безъ перес. 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р, на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. 1 р., на 1 мѣсяцъ безъ перес. 31 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 35 к.,

Б.—За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на „Сборникъ“ прибавляется:

1. За I приложеніе „Труды Саратовскаго Губернскаго Земства“—журналы, доклады, отчеты и проч. на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ пересылкой и дост. въ Саратовѣ 2 р., на 1 мѣсяцъ безъ пересылки 90 к., съ пересылк. и доставк въ Саратовѣ 1 р.

2. За еженедѣльное V-е приложеніе на годъ безъ пересылки 2 р. 70 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 3 р., на полгода безъ перес. 1 р. 35. к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р., на четверть года безъ перес. 1 р. 10 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 1 р. 20 к, на одинъ мѣсяцъ безъ пересылк. 45 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 50 к.

3. За остальныя ежемѣсячныя приложенія на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 2 р., на полгода безъ перес. 1 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 1 р., на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. и дост. въ Саратовѣ 1 р., на одинъ мѣсяцъ безъ пересылки 27 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 30 к.

В.--За „Сборникъ“ со всѣми приложеніями на годъ безъ пересылки 8 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовѣ 9 р., на полгода безъ перес. 5 р. 40 к, съ перес. и дост. въ Саратовѣ 6 р., на четверть года безъ перес. 3 р. 60 к., съ пер. и дост. въ Саратовѣ 4 р., на одинъ мѣсяцъ безъ перес. 1 р. 35 к., съ пересылк и дост. въ Саратовѣ 1 р. 50 к.

Цѣна экстреннымъ приложеніямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо, о чемъ будетъ публиковатсья заблаговременно.

Подписка на приложенія безъ „Сборника“ не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, извѣстнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодьямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый срокъ впередъ, безъ увеличенія годовой подписной цѣны.

Для Волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена.

За „Сборникъ“ безъ приложеній . . . . 3 р.
„ „ съ I-мъ приложеніемъ . . . . 4 р.
„ „ съ V-мъ приложеніемъ . . . . 4 р.
„ „ съ остальными, кромѣ экстрен. приложеній 4 р.
„ „ со всѣми приложеніями, кромѣ экстренныхъ 6 р.

и листъ отъ Головкина графа до Наумова приложенъ. До жени о повоженню моемъ и чтобъ висилала сюда запасъ по первихъ писмахъ, а особливе каѳанъ и кунтушъ новопошивши, тютюну тур., каѳани бѣліе, юпочку на груди. Увѣдомился я, что генералная старшина пріехали въ Москву зъ С. П. Бурху, и Петръ Апостолъ, и свойственникъ духовниковъ Петръ Яковлевичъ, и Василій Даниловичъ. (Перекрестовъ).

Субота. 13. Сегодня рано былъ я у г-ла С. Л.; вечеромъ оттуда заездилъ до монастира Грецкого и увидѣлъся зъ п. Жураховскимъ, бувшимъ асауломъ енер.[1]), а обѣдалъ зъ отцемъ духовникомъ и ново зъ С. П. Бурху пріехавшими Петромъ Лукяновичемъ, швакгромъ духовниковимъ, и Василіемъ Даниловичемъ, синомъ Данила Івановича Перекрестова. Былъ же у мене секретаръ бывшій колегіи малор. Артѣлний.

Неделя. 14. Сегодня службы Божой слухалемъ въ монастирѣ Богоявленскомъ, а обѣдалемъ зъ Антоновичемъ вкупѣ, зъ отцемъ духовникомъ. По обѣдѣ, ездилемъ къ Новодѣвичому, где забавился долго, въ ночъ; у отца Василія, куда пріехалъ карлъ царици государинѣ, зъ которимъ братство завзялемъ и оному, въ знакъ любвѣ, 5 чер. подарилемъ, и пріехалемъ позно въ свою квартиру. Несторовичъ повернулся зъ С. П. Бурху и привюзъ писмо ко мнѣ отъ архиерея новагор., а другое до ясневел. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р.

Понеделокъ. 15. Рано былемъ у адмирала и писма отъ ясневел. и родителя отдалемъ. Былемъ же у Петра Апостола, сина гетманского[2]), а обѣдалемъ у себе зъ Несторовичемъ и Максимовичемъ; у вечеру Василь Даниловичъ былъ и Яснополскій. Купилемъ минею праздниковъ за 1 р., октоихъ въ двохъ книжкахъ, за 1 р. и 23 а., объ ординахъ книжку за „ “ р.

---

[1]) Жившимъ въ это время, въ Москвѣ, въ ссылкѣ, за участіе въ протестахъ Полуботка. См. Кіевск. Стар. 1888 г., № 11, стр. 365.

[2]) Петръ Даниловичъ Апостолъ, третій сынъ гетмана, жилъ въ это время въ Москвѣ въ качествѣ заложника, и воспитывался подъ наблюденіемъ Меншикова. Говорятъ, что онъ написалъ свои мемуары, будто бы хранящіеся въ Екатеринославѣ, у Алексѣевыхъ.

Во втор. 16. Сегодня, по обѣдѣ, ездилисмо до князя Дмитрія Михайловича Голѣцина и писма оному отъ ясневел. и родителя отдалемъ, и отъ него зайшолемъ до сина его князь Алексѣя Дмитріевича и мало посидѣвши, отехали, а заездили до Волинскаго, отголь былемъ у Степана Лукича и посидѣвши, пріехалемъ въ квартеру свою.

Середа. 17. Сегодня рано ездилемъ въ Новодѣвичой монастиръ, до отца Василія и до Максимовича, которому и о ссорѣ нашей съ Федоромъ Максимовичемъ говорилемъ, чтобъ бить въ компленацѣи за водку. У вечеру билемъ у Стефанова и листи отъ ясневел. и род. отдалемъ, включилемъ 40 чер.

Четвер. 18. Сегодня рано былемъ зъ Несторовичомъ у князя Михайла Михайловича Голѣцина, фелтмаршала, и листи отдалемъ оному, а поехавши оттуда, заездилемъ до Стефанова, а обѣдалемъ у духовника зъ Василіемъ Даниловичемъ и другими. По обѣдѣ же, у вечеру, былемъ у Петра Апостола, гетманского сина, которого просилемъ, чтобъ онъ собою мѣтиговалъ гнѣвъ отца своего на нашъ домъ увесь оберненний невинно, и обѣщался.

Пятокъ 19. Сегодня купилемъ книгъ 6, полскихъ, за 7 р. зъ гривнею, а именно: Speculum Saxonum, статутъ, конституціи коронніе, Твардовскій, о турецкомъ государствѣ и полѣтику Аристотелесову. Особливо книжку о небоземныхъ глобусахъ, за полтину. Тамъже, въ аптецѣ, по рецепту Бидлова, тоея жъ мѣрою, купилемъ декоктъ, species, конфектъ ляксуючихъ, да spiritum, мазать, и за то далемъ 3 р. и 5 а. зъ копѣйкою. Цукру канарского голову, фунтъ по полкопи зъ копѣйкою. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р.

Субота. 20. Сегодня рано былемъ у отца Василія, у Новодѣвичого, а обѣдалемъ зъ Несторовичомъ; по обѣдѣ, были у князь Мих. Мих. Голѣцина, и Шипову отдалъ листи.

Неделя. 21. Сегодня службы Божой слухалемъ у Богоявленскомъ монастиру, а по службѣ Божой билемъ у Жураховского, асаули енер., и Корецкого, а обѣдалемъ у п. Петра Апостола, гетманича, где видѣлемся зъ повернувшимися зъ С. П. Бурху посланними гетманскими, Стишевскимъ, Забѣлою, Стороженкомъ и Лукашомъ. П. Петро

Апостолъ обявилъ мнѣ, что якобы онъ до отца своего писалъ, интерцедуючи за нами, якъ и обѣщался. Писалемъ въ домъ черезъ Левка Прійму, до род., жени, ясновел. и п. Михайла Скоропадского, зъ обявленіемъ писма п. Петра Апостола.

Понеделокъ. 22. Сегодня рано былъ у мене Тернавскій, а пообѣдивши, мы были у Василія Перекрестова, оттоль былемъ у князя Голѣцина, фелтмаршала, где и ужиналемъ. Яснополскій, сотникъ крижскій, полку сумского, отехалъ въ домъ свой.

Вовтор. 23. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. Пообѣдавши, зъ Несторовичемъ поехалемъ до Вишневского архимандрити, оттуду до Курбатова, у которого зъ Тернавскимъ посидѣвши и отъ его къ Тернавскому поехавши, потомъ въ свою пріехалемъ квартеру.

Середа. 24. Сегодня рано былъ я у графа Головкина, а оттоль заездилъ въ городъ покупать книгъ, и у библіотекара купилемъ книгъ, а именно: болшихъ 5 за 6 р. и 20 сор., (коп.), полскихъ 3, за полтора рубля, а себтерновъ (?) диспутаціи медическихъ 35 за 35 а.; обѣдалемъ у себе зъ Несторовичемъ и Максимовичемъ Іваномъ; по обѣдѣ былемъ у князя Сергія и Алексѣя Дмитріевичевъ Голѣциновихъ, зъ которихъ старшому и писмо отдалемъ отъ ахтир. полковника. Вѣжевскому далемъ въ росходъ 11 р. Ночовалъ у мене Петро Мировичъ, секретаръ государинѣ цесаревни [1]).

Четвер. 25. Сегодня приннмалемъ проносное лѣкарство, конфектъ 3 конци, на ночъ, и доволную имѣлъ пурgацѣю. Обѣдалисмо вкупѣ зъ Максимовичемъ и Антоновичемъ. 3 мѣсяци, януаръ, августъ и декавр. минеи, три книги, купилемъ за 2 р. зъ грив.

Пятокъ. 26. Ездилемъ въ слободу нѣмецкую, где Gарнову часовнику далемъ свои часи до поправки, за якіе, тако жъ до онихъ за путло, 2 р. зъ полтиною. Въ аптецѣ Gутбертовой купилемъ алексѣру sopr. schragel. ℨi за зол. зъ грошемъ. Купилемъ оливокъ свѣжихъ зеленихъ, полъ 6 фунта въ бочонку, фунтъ по 4 а. и лимонѣй свѣжихъ 4 по 2 а. Заездилемъ до Новоспаского монастира,

---

[1]) О Петрѣ Федоровичѣ Мировичѣ, сначала секретарѣ цесаревны Елисаветы Петровны, а потомъ енисейскомъ воеводѣ, см. у Костомарова, Мазепа и Мазепинцы, 697 и 698.

где былъ у архимандрити и отца Крулѣка[1]), и оттоль во свою квартеру пріехалъ позно. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, пріехалъ сюда зъ Глухова за квартерами особамъ, зъ гетманомъ мѣючимъ сюда пріехати.

Субота. 27. Сегодня рано былемъ у Петра Апостола и зъ Холодовичемъ ездилемъ до графа Головкина, а обѣдалемъ у Василія Данилова; по обѣдѣ ездилемъ до Горленка, оттоль до Петра Апостола и позно пріехалемъ во свояси.

Неделя. 28. Сегодня службы Божой слухалемъ у Заиконного Спаса, где колегіумъ, а обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до князь Дмитрія Мих. Голѣцина, оттоль до Ве...(?), и тамъ отвечеравши, пріехалемъ въ свою квартеру.

Понеделокъ. 29. Сегодня обѣдалисмо у себе, а съ нами Мировичъ, Максимовичъ Іванъ, отецъ Василій и Ломиковскій; по обѣдѣ ездили до двора прапорщика Бутирского полку Леонтіева, которій для ясневел. торговалъ на мѣсяцъ (квартиру?) по 3 р., у его такъ запросившого; оттоль были у князь Мих. Мих. Голѣцина.

Вовтор. 30. Сегодня службы Божой слухалемъ у соборной церквѣ въ Кремлѣ, а обѣдалемъ у отца духовника зъ Миколаевичомъ, Василіемъ Даниловичемъ, по обѣдѣ ездилемъ до князь Мих. Голѣцина, которому и публѣкацѣи презентовалемъ, оттоль заездилъ до Курбатова, и пріехалъ въ свою квартеру. Купилемъ молочникъ, судонце цѣновее, за 4 гривни. Въ Китай-Городѣ, у посадского человѣка, Івана Миронова сына Кологривова, наняли изби низшіе 3, зъ кладовою и погребомъ, на мѣсяцъ по 3 р.

Середа. 31. Сегодня рано ездилемъ къ Новодѣвичому и заездилемъ до Лизогубовъ, и видѣлся зъ обоима, Яковомъ, бунчучнимъ, и Семеномъ. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. и записалемъ въ реестрѣ. По обѣдѣ, ездилемъ на Мясницкую и билъ въ дому архиерея новгородского, оттоль билъ въ новой своей квартерѣ, и заехавши до Василія Даниловича, тутъ просидѣли долго, забавляю-

[1]) Феофилъ Круликъ учился въ Кіевѣ, затѣмъ съ 1712 г. былъ префектомъ московской академіи и архимандритомъ сначала Чудова м-ря, а потомъ—Новоспасскаго.

чись въ карти. Василій Даниловичъ подарилъ мнѣ трубку въ пуделку, иноземскую.

Мѣсяць февруар. Четвер. 1. Сегодни рано ездилъ я до отца Копи, где видѣлъся зъ отцемъ Ковпецкимъ, недавно пріехавшимъ зъ Амстердама въ Москву, зъ синомъ графа Головкина. Купилемъ ложко (кроват) за 10 а. зъ 5 попѣйками. Переехалисмо зъ Несторовичомъ на квартеру новую, до Івана Миронова сина Кологривова, въ Китай-Городъ, не подалеку Москворецкихъ воротъ.

Пятокъ. 2. Сегодня никуда не ездилъ зъ своей квартери. П. судя енер. Чарнишъ пріехалъ зъ С. П. Бурху въ Москву, и сталъ зъ Горленкомъ.

Субота. 3. Сегодня, рано, ездилемъ до Новодѣвичого монастира, а потомъ обѣдалемъ въ своей квартерѣ зъ Максимовичемъ и Несторовичемъ, а потомъ ездилемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина, оттоль до архиепископа новогородского Прокоповича, где и долго просидѣлемъ.

Неделя. 4. Сегодня, после полудня, входъ былъ імператорского величества въ Москву, изъ Всесвятского; воротъ тріумфалнихъ до Кремля города 3 было, отъ первихъ воротъ даже до самого Кремля, верстъ у нѣсколко, стояли полки пѣшо, по обоимъ сторонамъ, по 2 лави; когда же зближился его величество къ первимъ воротамъ, то сиgналъ дано зъ ракети, такъ же и у другихъ воротъ, и заразъ пойшла рота гвардіи гранадѣрская, зъ перами на головахъ, за нею порожніе карети господъ всякихъ, потомъ заводніе лошадѣ государеви, въ дорогихъ чапракахъ, потомъ, всякое шляхетство и протчіе зъ служителей двору государева и камергери, а потомъ нѣсколко десятъ человѣка кавалерgардіи, передъ которими ехалъ Мамоновъ, за ними самъ его величество въ каретѣ, противъ его же сидѣлъ Остерманнъ Андрей Івановичъ, дядя чили обергофмайстеръ; карета была визолочена, на верхи, по серединѣ карети, извнѣ стояла корона імператорская, лошадей подъ него было 8, около карети ехали: зъ одной сторони Ягушинскій, а зъ другой Салтиковъ; за каретою потомъ ехали минѣстри, въ своихъ каретахъ, а именно: адмиралъ, канцлеръ, князь Димитр. Голѣцинъ,

князь Мих. Мих. Голѣцинъ и другіе. Обѣдалисмо сами у себе, и съ нами Антоновичъ. При вечеру ездилемъ до Василія Даниловича, оттоль до Шереметева. Братъ Андрей преставился въ Ромнѣ.

Понеделокъ. 5. Сегодня я рано ездилемъ до Василія Петровича Шереметова, оттоль до Горленка, где зъ п. Чарнишемъ, судіею, видѣлемся, а потомъ заехали до Кропотова, генерала маэіора, тамъ и обѣдали; едучи оттоль, заехали до Василія Даниловича, а вечеромъ ездилемъ до полковники Безобразова, оттоль билъ у Курбатова и посидѣвши, пріехалемъ на свою квартеру.

Вовтор. 6. Отъ часовника часи зискалемъ, а за направку ихъ и за пуделко 2 р. съ полт. Былемъ у Остермана и писма оному вручилемъ отъ ясневел. и род. Обѣдалемъ у себе, когда пріехали попъ отецъ Василій и Максимовичъ. По обѣдѣ, ездилемъ до полковника Еропкина и до Панѣна.

Середа. 7. Сегодня обѣдалемъ у отца Василія, зъ п. Чарнишемъ и Максимовичемъ, и Несторовичемъ, откуду пріехавши, дома былъ для вчорайшого болю грудей.

Четвер. 8. Сегодня, рано, пріехалъ Семенъ Цилюрикъ отъ родителя, и рано былъ я во дворе и отдалъ князь Алексѣю Григоріевичу Долгорукову, а обѣдалъ у себе зъ Несторовичемъ и Александромъ, слугою ясневел. По обѣдѣ ездилемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина, откуду позно пріехалемъ въ свою квартеру. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р., що и записано въ его реєстрѣ.

Пятокъ. 9. Сегодня о полднѣ пріехала ясневелможная и родитель мой, зъ братами Семеномъ и Маркомъ, Кондзеровскимъ, въ Москву. Панѣ стали квартерою у дяка Автомона Михайлова, противъ двора Прозоровского, а родитель у мою квартеру пріехалъ, и сталъ въ оной.

Субота. 10. Сегодня рано былисмо у Курбатова, отца духовника и обѣдали у себе. По обѣдѣ, были у графа Головкина и князь Дмитрія Мих. Голѣцина, а пріехали въ свою квартеру позно, а ясневел. рано была у царици, и на ночъ туда жъ поехала, у вечеру были у Володимера Шереметева. Купилемъ рукавички тепліе, бобромъ опушеніе еленѣи, за 3 а. и 4 д. Вѣжевскому далемъ

на росходъ 10 р., що и въ реестрѣ записалемъ. Царици Евдокіи Федоровнѣ, по сказнѣ Шеремет., учинено опредѣленіе его величества въ годъ 6000 р., а на 40000 р. запасами, цуковъ зъ каретами 6 и проч.

Неделя. 11. Сегодня рано ездилъ я до Новодѣвичого, где и службы Божой слухалемъ, а по службѣ пріехалемъ въ свою квартеру, и обѣдалисмо тутъ. У вечеру ездили зъ ясневел. до князь Мих. Мих. Голѣцина. Алексѣй, слуга, пріехалъ въ Москву, зъ обозомъ моимъ въ 10 возахъ, а 2 вози род.

Понеделокъ. 12. Рано ездилемъ къ Донекому монастиру, обѣдалемъ дома.

Вовтор. 13. Рано былисмо зъ родителемъ у адмирала, а обѣдалемъ у Еропкива.

Середа. 14. Сегодня рано ездили въ Кремль, обѣдалисмо зъ Тернавскимъ, у вечеру ездилемъ до Курбатова. У попа церкви с. Ирини наняли склепъ, на мѣсяць по 2 р.

Четвер. 15. Сегодня обѣдалисмо купно зъ ясневел., у ея квартерѣ, а по обѣдѣ были у князя Івана Федоровича Боратинского.

Пятокъ. 16. Сегодня рано ходилъ я въ лавки и купилъ осятра, 2 лососѣ и 10 стерлядей, за 3 р.; особливе сіомgу солоную купилъ пудъ по 1 а., кавяру полъ пуда, фунтъ по 5 коп., вина церковного gаліонковъ 5, по 7 а. По обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола. Вѣжевскому далемъ на расходъ 10 р.

Субота. 17. Сегодня отправились отсюду въ домъ люди мои сварковскіе, и черезъ нихъ покупка тая вчорайшая послана до жени, и бочонокъ оливокъ, столикъ круглий. Имъ же на дорогу далемъ 3 р. и 20 а. и барилце горѣлки. Писалемъ до родителки, тако жъ до отца протопопи роменского и до отца Іоиля Савѣцкого, писара печерского и кіевского, зъ прилогомъ вѣршей архиерея новогородского, на привѣтъ его величества, въ Новагородѣ випечатаnихъ.

Неделя. 18. Сегодня обѣдалисмо у Василія Шереметева; по обѣдѣ были у Еропкина.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо у себе. Гетманъ Даніилъ Апостолъ, зъ многими старшинами, пріехалъ въ Москву. Увѣдомилисмося, что братъ п. Андрей преставился въ Ромнѣ.

Вовтор. 20. Сегодня рано былисмо у гетмана и кланялись ему, которій и не посмотрѣлъ на насъ. Оттуду были у князь Івана Долгорукова, обѣдали у ясневелможной, по обѣдѣ у вечеру ездили до княгинѣ Мещерской. Вѣжевскому на росходъ далемъ 4 р. Купилемъ баулъ за 3 р. съ полтиною.

Середа. 21. Сегодня рано былисмо у Наумова, которий израдно поччовалъ. Оттуду заездили до гофъ-мейстера государева Адріяна Никифоровича Елаgина, а потомъ были у ясневелможной, где и обѣдали. Бандурка давній мой Алексѣй приходилъ ко мнѣ, а служить онъ на годъ сталъ у атютанта князя Боратинского, Давидова. Цесаревна Анна Петровна, герцогиня Голштинская, родила въ первомъ часу, сина именемъ Каролюса, а къ крещенію онаго прошени были: цесаръ римскій, императоръ россійскій и королева шведская, которихъ и имени ему жъ дани—Карлъ, Петръ, Улрихъ.

Четвер. 22. Сегодня были рано у Наумова, обѣдалисмо у ясневел.

Пятокъ. 23. Сегодня рано ездилъ я до Елаgѣна и копію чолобитный ему далъ. Отдалъ родитель чолобитную графу Головкину.

Субота. 24. Сегодня рано былисмо у Наумова зъ род., оттоль у князя Василія Лукина Долгорукова и у Елаgѣна, а обѣдали у ясневел. Мировичи ночовали у насъ, зъ которихъ старшему позичилемъ 2 р.

Неделя. 25. Коронацѣя імператора Петра Второго была въ оборной церквѣ, о которой порядку, якому самъ былъ я смотритель, будетъ нижей. Пожаловано въ фельтмаршали: князь Василій Волод. Долгорукій и князѣй Трубецкихъ, въ генерали порутчики—Воладимеръ Шереметевъ и Кропотовъ.

Понеделокъ. 6. Сегодня обѣдалисмо у себе. Аудіенцѣя была всѣмъ знатнимъ лицамъ въ грановитой палатѣ, где по чинамъ духовенство, генералитетъ и гетманъ, со всѣми малороссіянами, где и мы были у ручки его імператорского величества, въ 4-мъ часу

по полуднѣ. Ездили у вечеру въ Новодѣвичій монастыръ, и были у руки государинѣ царици.

Вовтор. 27. Сегодня радо ездилъ я до п. Михайла Скоропадского и обѣдали у ясневел.; у вечеру, на Царициномъ Лугу фейверкъ былъ, где посерединѣ стояли 3 плани болшихъ, на которихъ горѣли фѣкгури разніе зъ надписами, а по сторонамъ обоихъ 6 пѣрамидъ, по 3 зъ одной, также и зъ другой сторони.

Середа. 28. Сегодня ездилъ я рано до п. Петра Апостола, и уобъ обѣщаніи его, чтобъ ему бить медіяторомъ до своего родителя поминался; заездилъ до швакгровъ своихъ, а обѣдалемъ въ дому. Заподлинно увѣдомилемся где жена швакгра моего Якова Полуботна, дочъ Жураковского, а плѣмѣнница гатмана, умерла.

Четвер. 29. Сегодня рано ездилъ я до швакгровъ своихъ Полуботковъ, где пріишолъ и Федоръ Максимовичъ, и братъ его Іванъ, такожъ и зъ . . . . . . (?) пріехалъ и Іванъ Максимовичъ отъ Новодѣвичого, где заводъ . . . . (?) приговорили зъ Федоромъ Максимовичемъ, чтобъ я ему далъ 100 р., а Иванъ Максимовичъ, братъ его, далъ мнѣ карту зъ порукою до декавр. сего году, въ 70 вѣдрахъ гор. двойной.

М-ць мартъ. Пятокъ. 1. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной Рано ездилъ я до Елаgѣна.

Субота. 2. Сегодня рано заездили до Шипова, а обѣдали у ясневелможной, у вечеру были у князь Мих. Мих. Голѣцина, а я былъ у п. Михайла.

Неделя. 3. Сегодня рано были у Курбатова, оттоль у Наумова, обѣдали у ясневелможной. У вечеру былъ асамблей у грановитой палатѣ, где и гетманъ нашъ былъ; а я у вечеру ездилъ до п. Михайла Скоропадского.

Постъ вел. Понеделокъ. 4. Сегодня ездилисмо, оба зъ родителемъ, до п. гетмана, которого видѣти не удостоилися, хочай до ночи просидѣли, а такъ и повернулись назадъ.

Вовтор. 5. Сегодня родитель ездилъ до князь Мих. Мих. Голѣцина и до Наумова, а я до Курбатова. Родитель подарилъ мнѣ 50 чер.

Середа. 6. Сегодня на службѣ Божой были у Богоявленского монастира, оттоль ездили до гетмана, а я заездилъ до швакгра своего Якова Полуботка, отежджаючого въ домъ свой, зъ которимъ и простилемся. Знову, у вечеру, былисмо у гетмана и имѣли честь очи его видѣти, а родитель и разговоръ имѣлъ. Родитель былъ у Курбатова.

Четвер. 7. Братъ п. Семенъ віехалъ зъ Москвы въ домъ, черезъ которого послалемъ книжокъ 11, по реестру, якого здэ копія; да писалемъ черезъ него до родителки зъ поздравленіемъ, да до жени своей—о висилцѣ виправи сюда, а именно: 50 носат. гор. оковитой и 100 пуд. табаку, а остатній табакъ тамъ продать, не менше рубля; тако жъ, чтобъ сюда вислала скотини и овецъ на продажу, а воли тамъ бы продани были, буде отпаслись, да зъ виправою, чтобъ коня ступака сюда прислала, да на низъ Якова Дуброву вислала бъ; а по облѣgахъ денги виправивши, отдала бъ архиерееви кіевскому.

Пятокъ. 8. Сегодня никуда я не ездилъ, а пріездилъ ко мнѣ Іванъ Максимовичъ, Димитріевъ синъ, и привезлъ облѣgъ на 70 вѣдоръ оковитой гор., якую онъ повиненъ отдать въ декавр. м-цѣ сего жъ году., да въ той же картѣ швакгеръ мой п. Андрей Полуботокъ порукою написался, дли чего я довадячіеся денги Федору Максимовичу, Івановому брату, 100 р. послалъ черезъ Вѣжевского до Полуботка, которій такіе денги взялъ и росписку отобрать у Федора, за отдачею денегъ, обѣщалъ.

Субота. 9. Сегодня рано приобщалисмося тайнамъ святымъ и обѣдали у ясневел. У вечеру ездилисмо до князь Мих. Мих. Голѣцина, где видѣли пол. Веревкина, пріехавшого зъ Ромна, которій сказалъ себе имѣючого писма зъ дому до насъ писанніе. Да онъ же говорилъ, что публѣкованно еще родителя, по отездѣ его зъ дому сюда, въ Москву, а такъ, чтобъ тіи, которіи на его чоломъбитствовали, подписивались, а на чомъ онъ не знаетъ.

Неделя. 10. Сегодня, по службѣ Божой, тожъ у ясневелможной обѣдалисмо, а я потомъ ездилъ до швакгра своего Андрея Полуботка, которій обѣщалъ взять росписку у Федора Максимовича, за

денги отъ мене черезъ его Максимовичу данніе. Заездилемъ до архиерея новогородского, где позабавился зъ Миклашевскими.

Понеделокъ. 11. Сегодня хозяинъ нашъ Іванъ Мироновичъ Кологривой[1]), въ лѣтехъ своей жизни 74 бывшій, преставился. Ездилемъ до пол. Веревкина и писма отъ его получилемъ, одно отъ жени о посилаючомся дипліомѣ, якій и отобралемъ у его, а другое отъ братовой п. Андреевой о терновскомъ прикажчику Бруханову, збидившомъ ея, писанніе.

Вовтор. 12. Сегодня рано ездилъ я до Елаȣѣна, заездилъ до Тернавского, обѣдалъ у себе, по обѣдѣ были у князь Дмитрія Мих. Голѣцина и Стефанова.

Середа. 13. Получилемъ карту отъ Федора Максимовича за 100 р., отъ мене ему верненніе. Былисмо вечоромъ у гетмана, где Селивановъ внѣ ума явился. Хазяинъ нашъ покойній. Кологривовъ погребенъ. Вѣжевскому далемъ на росходъ денегъ 3 р.

Четвер. 14. Сегодня обѣдали сами у себе, а по обѣдѣ родитель ездилъ до графа Головкина, а я до ясневел. и въ лавки. Дефаршъ былъ у мене, которому 40 папушъ тютюну подарилемъ. Вѣжевскому далемъ на расходъ 10 р.

Пятокъ. 15. Сегодня купилемъ кулбаку нѣмецкую, совсѣмъ за 5 руб.

Субота. 16. Сегодня, передъ обѣдомъ, ездилемъ до п. Михайла Скоропадского и архиерея новогородского, а обѣдали у ясневел.

Неделя. 17. Сегодня былисмо рано у князя Мих. Мих. Голѣцина, а обѣдали у духовника, отца Тимоѳея (Надаржинскаго); ездилемъ до Еропкина. Писмо до жени моей писанное отослалемъ до п. Михайла, для пересилки.

Понеделокъ. 18. Сегодня исторію полскую, въ томахъ 3-хъ, купилъ я за 2 р. У вечеру зъ ясневелможною былемъ у архиерея новогородского.

Реляція о коронаціи императора Петра II[2]).

---

[1]) Ив. Кологривый—бывшій есаулъ глуховской сотни. См. о немъ Опис. Ст. Малор., II, 485.

[2]) Здѣсь слѣдуетъ реляція о коронаціи, напечатанная въ изданіи 1859 г. т. I, стр. 272.

Вовторокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до генерала лейтенанта Володимера Шереметева.

Середа. 20. Сегодня на поминаніи покойного хазяйна нашего обѣдалисмо съ протчіими, где игуменъ Воздвиженского монастира сказивалъ, что княгиня князя Менщикова жена померла. Рѣку Москву, гораздъ пониже Каменного мосту, роспустило.

Четвер. 21. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной, а по обѣдѣ ездилемъ на Каменний мостъ и до Стефана Гамалѣи.

Пятокъ. 22. Сегодня Вѣжевскому далемъ на росходъ 5 р. и записалемъ. Хустку у Несторовича взялемъ, новообраздевую бавелняную, за 14 а.

Субота. 23. Сегодня обѣдалисмо дома, а по обѣдѣ ездили до князя Михайла Михайловича, откуду я заездилъ до ясневелможной.

Неделя. 24. Сегодня ездилисмо рано до ясневелможной, где по службы Божой и пообѣдалисмо. По обѣдѣ пріехалемъ въ свою кватиру и не ездилемъ никуди, потому что на очи захоровалемъ.

Понеделокъ. 25. Сегодня рано были въ ясневелможной и службы Божой совокупне тамъ слушали, обѣдалемъ дома, а родитель у сестри Наумова.

Вовтор. 26. Сегодня обѣдалисмо у себе сами, а родитель у ясневел. и Наумова; по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и програлемъ 1 р.

Середа. 27. Сегодня принималемъ лѣкарство, зъ малимъ дѣйствіемъ, проносное.

Четвер. 28. Сегодня въ себе обѣдалисмо, а ясневелможная въ нашей квартерѣ била и милася въ банѣ. Сестра Уляна Івановна (Толстая) пріехала сюда. Указъ публѣкованъ печатній о подкиненномъ писмѣ 24-го марта, у Спаскихъ воротъ, въ которомъ извиняетъ бывшого князя Меншикова, которій за многіе вини достоинъ былъ смерти, а сосланъ въ силку ради милосердія. Сегодня купилемъ книжку рускую Синопсисъ давній, за полтину, а картузъ табаку за полтину жъ и образъ тушеній за полтину жъ. Окулярей 2, зеленіеи бѣліе, зъ футлярами, за 4 гривни и 2 а. купили.

Субота. 30. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина, где и вечералемъ.

Неделя. 31. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ зъ ясневел. и сестрою, которая и отехала, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, Стефана Гамалѣи, Василія Даниловича, п. Михайла Скор. и архиерея новогородского, откуду позно въ свою квартеру пріехалемъ.

Мѣ-ць априль. 1. Понеделокъ. Сегодня далемъ лосиную шкуру пекроить себѣ и пошить обранне и рукавички, за 7 гривенъ, а обѣдалисмо у себе.

Вовтор. 2. Сегодня ездилемъ рано до Курбатова, отца Копи, отца Берла, отца Досиѳея Любинского, Савинского архимандрита, Веляминова и ясневелможной, где и обѣдалемъ.

Середа. 3. Сегодня обѣдалисмо у себе и никуда не ездили. Вѣжевскому на росходъ далемъ 13 р., зъ которихъ казалемъ дать всѣмъ своимъ служителямъ по 2 р.

Четвер. 4. Сегодня ездилемъ до п. Михайла Скор., а обѣдалисмо у себе, тогда жъ заездилемъ до Гамалѣи, Івана и Григорія.

Пятокъ. 5. Никуда неездилемъ. Несторовичъ захоровалъ.

Субота. 6. Сегодня службы Божой у ясневел. прихожой церкви слушалемъ, а обѣдалемъ у себе зъ Іваномъ Максимовичемъ, Петровимъ синомъ.

Неделя. 7. Обѣдалисмо у ясневел., по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина и Курбатова. Импер. в-во изволилъ кушать у пана гетмана Даніила Апостола, зъ многими минѣстрами, где пожаловалъ сина гетманского Петра Апостола, въ полковники лубенскіе, къ чому заговаривалъ нѣкоторій камеръюнкеръ Алепли, бывшій въ кухмистрахъ при покойномъ господару Волоскомъ.

Понеделокъ. 8. Сегодня ездилемъ рано въ слободу нѣмецкую и былемъ у Дефарша, и съ нимъ у доктора Быдлова и другихъ; потомъ заехалемъ до п. Михайла Скор. и тамъ при картахъ позабавившись, повернулемся.

Вовтор. 9. Сегодня у ясневелможной зъ п. Михайломъ Скор. обѣдалемъ. Несторовичъ у вечеру отъ февбри терціянки вилѣченъ порохомъ зъ виномъ полиннимъ.

Середа. 10. Сегодня рано ездилемъ въ слободу нѣмецкую, а обѣдалемъ въ дому. По обѣдѣ ездилисмо зъ родителемъ до князь Мих. Мих. Голѣцина. Вѣжевскому на росходъ далемъ 6 р. и въ реестрѣ зиписалемъ ему.

Четвер. 11. Сегодня рано ездилемъ до Елаґѣна, оттоль до ясневелможной, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ заездилемъ до Тернавского, и въ свою пріехалемъ квартиру. Въ аптецѣ великой куплено лѣкарствъ 3, одно—масть, другое конфектъ ляксуючихъ, третее, empl. demyscellag., за которія дано 2 р., 4 а.

Пятокъ. 12. Принималемъ проносное лѣкарство въ конфектѣ. Алексѣй принюсъ отъ Ханенка barometrum и thermometrum, за полтора рубля. П. Михайло посѣщалъ насъ.

Субота. 13. Сегодня обѣдалисмо у себе сами зъ Несторовичемъ и ченцемъ игуменомъ, съ Сѣбира пріехавшимъ, малороссіяниномъ.

Вѣханіе Христово. Неделя. 14. Сегодня рано ездилъ родитель до п. Апостола, а я до Наумова, у которого обѣдали ясневел. и родитель, а я зъ п. Кондзеровскимъ тамъ.

Понеделокъ. 16. Сегодня Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р., зъ которихъ всякому зъ служителей моихъ, и ему, казалемъ видать по 4 а., до первей даннихъ грошей. Онъ же Вѣжевскій купилъ панчохъ нитчанихъ белнихъ, двѣ пари за 17 а., голову цукру за 8 а. фунтъ, флирку простую за полтину, ойста на пистолета, зъ коптурками малими, за 7 гривенъ.

Вовтор. 16. Сегодня въ дому, чи въ квартерѣ, сидѣли и сами кушали.

Середа. 17. Сегодня въ квартерѣ своей былисмо.

Четвер. 18. Сегодня, по службѣ Божой, обѣдалисмо у ясневелможной.

Пятокъ Ст. 19. Сегодня въ дому жъ былисмо безотлучно. Купили въ слободѣ нѣмецкой вина красного, доброго, бутилка по 10 а., а тутъ купили зеленихъ оливокъ солонихъ, фунтъ по гривнѣ.

Субота. 20. Пріобщались сегодня святимъ тайнамъ.

Воскресеніе. Неделя. 21. Сегодня рано былисмо у князь Михайла Мих. Голѣцина, а по службѣ Божой кушалисмо у ясневел-

можной. Пріехалъ зъ Глухова, отъ жени моей, дворянинъ нашъ Ѳедоръ Бѣлополовскій и привезлъ кунтушъ новий легкій, каѳанъ тако жъ отласовий, жовтий, новий же и 3 каѳани бѣлихъ, легкихъ, барилце горѣлки, стоянець ягодъ, шаблю неоправлюваную и спонокъ 2 золотихъ. У вечеру билисмо у пана гетмана, князь Василія Лукича Долгорукова и въ свою квартеру позно пріехали.

Понеделокъ. 22. Сегодня рано билисмо у графа Головкина, Павла Ів. Ягушинского, Веляминова, а обѣдали у ясневелможной.

Вовторокъ. 23. Сегодня билисмо у ясневел., где и кушалисмо, а по обѣдѣ были у князь Дмитрія Михайловича Голѣцина и у князь Мих. Мих. (Голицына).

Середа. 24. Сегодня рано ездилемъ зъ Еропкинимъ до Матюшкина, а незаставши его самого, поздравилемъ праздникомъ жену его Софію Дмитровну; по обѣдѣ езднлисмо въ слободу нѣмецкую, въ дворець государевъ. Алексѣй взялъ у Федора, ключника ясневел., 24 р. и отдалъ Вѣжевскому.

Четвер. 25. Сегодня проносное принималемъ лѣкарство, а по обѣдѣ ездилисмо зъ п. Михайломъ до Еропкина и Ртищева и Володимера Петровича Шереметева, у которого доволно посидѣвши, повернулись назадъ. А родитель ездилъ до Остерманна, Андрея Івановича, зъ поздравленіемъ. Его величество изволилъ поехать въ околичніе мѣста, зъ охотою мисливною [1]).

Пятокъ. 26. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола, у кототого посидѣвши доволно, повернулемся въ свою квартеру.

Субота. 27. Сегодня рано ездилисмо въ Новодѣвичій монастиръ и до п. Чарниша заѣхали, а потомъ повернулись въ свою квартеру и тутъ обѣдалисмо, а по обѣдѣ ездили до пана гетмана, откуду я передомъ пріехалъ въ свою квартеру, затимъ, что еще отъ 25-го числа заболѣлемъ на діарею, и отъ полдня до свѣта имѣлемъ около 40 sedes.

---

[1]) Мисливець— охотникъ. Мисливная охота—здѣсь, охота съ собаками.

Неделя, 28. Сегодня я за своею болѣзнію никуда не ездилъ, но страдалъ дома.

Понеделокъ. 29. Исцѣлѣлся я водкою цитваровою, випивши оной cum elex.-diascondio.

Вовтор. 30. Сегодня тожъ въ своей обрѣтался квартерѣ.

М-ць май. Середа. 1. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной. Родитель захоровалъ, а speciei febris tercianae. Ездилемъ вечоромъ до Курбатова, у которого доволно посидѣвши, повернулемся.

Четвер. 2. Сегодня послалемъ писмо до п. Михайла, якое писано до жени моей, въ отвѣтъ на ея писмо черезъ Федора бѣлополовского ко мнѣ отправленное. По обѣдѣ, ездилемъ до архиерея новогородского, у которого увѣдомилемся, что онъ рекомендовалъ мене пану гетману. Ясневел. поехала безъ п. Михайла до Яковлева. Купилемъ 3 соболѣ за 100 папушъ табаку и 7 р.

Пятокъ. 3. Сегодня ездилемъ по обѣдѣ до Андрея Мнклашевского и п. Михайла, тако жъ Андрея Полуботка и повернулемся назадъ позно.

Субота. 4. Сегодня по обѣдѣ ездилемъ до слободи нѣмецкой, зъ Несторовичомъ, где зъ Дефаршомъ видѣлисмося, а потомъ заехавши до князь Мих. Мих. Голѣцина, повернулись вазадъ. Цесаревна Анна Петровна, супруга герцога Голштинского, преставилась.

Неделя. 5. Сегодня рано поехалисмо зъ п. Михайломъ въ Яковлево, и, пріехавши туда на обѣдъ, застали тамъ ясневел., зъ которою и, обѣдалисмо и переднοвалисмо.

Понеделокъ. 6. Сегодня тамъ же обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехавши, повернулись при заходѣ слонца въ Москву. Его величество изволилъ назадъ повернутись зъ охоты своей въ Москву. Свита посла цесарского пріехала въ Москву.

Вовтор. 7. Сегодня въ дому обѣдалисмо зъ Заруцкимъ, а по обѣдѣ ездилемъ въ слободу до Бидлова, однако жъ его не засталемъ.

Середа. 8. Сегодня обѣдалемъ у ясневел., а родитель ездилъ до князь Мих. Мих. Голѣцина и оттуду пріехавши, захоровалъ, которому докторъ Захарій Захаріевичъ кровъ пускалъ зъ медіани,

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено Цензурою Кіевъ 4 Марта 1894 г.

Генеральный Обозный

Василий Борковский.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО.

Предлагаемыя записки, озаглавленныя авторомъ: *„Воспоминанія о моей жизни“*, были найдены нами въ с. Турановкѣ, глуховскаго уѣзда, между разными бумагами, которыя остались послѣ смерти Ильи Ѳедоровича и его сына Василія Ильича Тимковскихъ и о которыхъ мы говорили въ своей статьѣ, посвященной первому изъ нихъ [1]).

Подобно тому, какъ старшій братъ автора Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, воспоминанія котораго подъ заглавіемъ: *„Мое опредѣленіе въ службу“* были изданы два раза [2]), начавъ вспоминать свою жизнь съ раннихъ, дѣтскихъ лѣтъ, прервалъ этотъ разсказъ на времени своего опредѣленія въ службу, такъ точно и Егоръ Ѳедоровичъ, задумавъ, какъ видно изъ настоящихъ зяписокъ, разсказать всю свою жизнь, остановился въ своемъ разсказѣ приблизительно на той же самой порѣ жизни. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ дѣйствовала общая, свойственная обоимъ братьямъ черта характера, а можетъ быть—у Егора Ѳедоровича были для этого свои особыя причины. Начавъ писать эти воспоминанія по выходѣ въ отставку, на своей родинѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ все напоминало ему о прошломъ и гдѣ такъ удобно было сосредоточиться и уйти мыслью въ это прошлое, Егоръ Ѳедоровичъ не остался тамъ жить навсегда и снова сталъ искать службы въ Петербургѣ;

---

[1]) Кіевская Старина 1891 г. №№ 8—10.

[2]) Москвитянинъ 1852 г. №№ 17—20 и Русскій Архивъ 1874 г. № 6.

а съ переѣздомъ туда новыя встрѣчи, принятыя имъ на себя служебныя обязанности и вообще вся обстановка столичной жизни—конечно, не могли не отвлечь его отъ той работы, которую онъ началъ въ тиши деревенскаго уединенія.

Прерванныя такимъ образомъ записки Е. Ѳ. Тимковскаго обнимаютъ собою годы его воспитанія: сначала въ семьѣ родныхъ, проживавшей въ д. Згорской Тимковщинѣ, или Тимковкѣ золотоношскаго уѣзда, потомъ—въ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ начинали свое образованіе всѣ братья и сестры Егора Ѳедоровича, а также его племянникъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, затѣмъ въ Кіевѣ и Переяславѣ и наконецъ въ Московскомъ университетѣ, причемъ воспоминанія о послѣднемъ относятся къ интересной порѣ, предшествовавшей войнѣ 1812 года. Автору пришлось видѣть этотъ университетъ, курсъ котораго онъ только что окончилъ, опустошеннымъ французами. Нѣтъ сомнѣнія, эта часть записокъ Е. Ѳ. Тимковскаго представитъ большой интересъ для москвичей и для всѣхъ интересующихся прошлымъ Московскаго университета, тѣмъ больше что въ литературѣ, на сколько намъ извѣстно, не имѣется другихъ воспоминаній объ этой порѣ жизни старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ; а для журнала, посвященнаго изученію южно-русской старины, имѣетъ значительный интересъ другая часть записокъ, которая можетъ послужить матеріаломъ для исторіи учебнаго дѣла въ этомъ краѣ, и также представляется цѣнною въ виду скудости свѣдѣній, имѣющихся въ литературѣ по этому предмету.

Такъ какъ, начавъ повѣствовать о своей жизни, Е. Ѳ. Тимковскій не окончилъ своихъ записокъ, разсказавъ лишь о своей молодости, то въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ самъ излагаетъ о себѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ автора. Поступивъ въ концѣ 1813 года на службу по вѣдомству путей сообщенія въ г. Твери, гдѣ въ то время находилось главное управленіе путей сообщенія, состоявшее подъ начальствомъ Ольденбургскаго Принца Георгія, Е. Ѳ. Тимковскій черезъ два года съ переводомъ этого управленія въ Петербургъ

переселился изъ Твери туда. Занимая должность секретаря совѣта путей сообщенія, онъ участвовалъ во многихъ комитетахъ и коммиссіяхъ по представляемымъ въ этотъ совѣтъ проектамъ и запискамъ. Затѣмъ въ 1820 году, по предложенію графа М. М. Сперанскаго, который былъ тогда сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, Тимковскій былъ избранъ правительствомъ для сопровожденія въ Пекинъ вновь составленной подъ начальствомъ архимандрита Петра Каменскаго духовной миссіи и для возвращенія оттуда прежней духовной миссіи, начальникомъ которой былъ извѣстный Іакинфъ Бичуринъ. Выѣхавъ изъ Кяхты 31 августа 1820 г., Тимковскій возвратился туда изъ Китая 1 августа 1821 г., употребивъ такимъ образомъ на путешествіе внѣ предѣловъ Россіи около года, причемъ пять мѣсяцевъ провелъ въ Пекинѣ.

Результатомъ этой поѣздки въ Китай явилось изданное въ 1824 году, въ трехъ томахъ, сочиненіе И. Ѳ. Тимковскаго: „Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ". Въ первой части этого сочиненія описывается караванный путь между Кяхтою и Пекиномъ, вторая часть заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о Китаѣ и отчасти—о восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ и Кореѣ; третья часть посвящена описанію возвращенія въ Россію „прежней духовной миссіи и общему обозрѣнію Монголіи съ точки зрѣнія исторической, географической, административной, этнографической и религіозной; къ книгѣ приложена карта пройденнаго авторомъ пути и нѣсколько плановъ и рисунковъ. Устарѣвшее теперь, съ изданіемъ новыхъ матеріаловъ и источниковъ, прежде недоступныхъ, это сочиненіе въ свое время имѣло огромный успѣхъ, было переведено на языки французскій, нѣмецкій и англійскій и сдѣлало имя Е. Ѳ. Тимковскаго очень авторитетнымъ между всѣми изучающими Китай: въ теченіе многихъ лѣтъ оно служило для нихъ настольною книгою.

Другимъ послѣдствіемъ путешествія Е. Ѳ. Тимковскаго въ Китай было освобожденіе Іакинфа Бичурина и изданіе трудовъ послѣдняго. По поводу этого графъ М. М. Сперанскій, по словамъ К. А. Скачкова [1]), говорилъ: „нашъ Тимковскій подарилъ

[1]) Московскія Вѣдомости 1875 г. № 66.

Россіи два китайскихъ творенія: одно живое—отца Іакинфа и другое живописное—свою книгу *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію*", а упомянутый К. А. Скачковъ, который самъ не одинъ разъ путешествовалъ въ Китай (позже Тимковскаго), въ запискѣ, прочтенной въ засѣданіи Русскаго Географическаго Общества 5 Марта 1874 года, высказалъ слѣдующее: „Если, говоря словами Егора Ѳедоровича, судьба украсила его жизнь событіемъ рѣдкимъ, незабвеннымъ, тѣмъ, что онъ видѣлъ Китай, то, скажемъ и мы, судьба украсила его жизнь еще и вторымъ событіемъ, тоже рѣдкимъ и незабвеннымъ, оставившимъ вѣчную память и признательность ему. Онъ сберегъ намъ, для чести русской литературы, Іакинфа Бичурина. Пользуясь своимъ офиціальнымъ положеніемъ и заслуженнымъ довѣріемъ къ себѣ, Егоръ Ѳедоровичъ успѣлъ избавить изъ заточенія бывшаго архимандрита, поселеннаго въ Валаамскомъ монастырѣ, простаго чернеца; онъ помогъ этому воспитаннику и знатоку крайняго Востока выйти изъ своего ничтожества; онъ упорно содѣйствовалъ просвѣщенной инициативѣ Азіятскаго Департамента къ изданіямъ замѣчательныхъ сочиненій Іакинфа Бичурина, послѣдствіемъ чего было то, что имя названнаго синолога стало не только извѣстно, а даже, и вполнѣ заслуженно, знаменито между учеными въ Европѣ. Значительно выиграла за то и русская литература: она получила лестное первенство своими лучшими свѣдѣніями о Китайской имперіи. И съ легкой руки Тимковскаго и Бичурина, такимъ первенствомъ она пользуется и понынѣ. Оттого, если въ кругу нашихъ ученыхъ сочленовъ будетъ справедливымъ наименовать Іакинфа Бичурина *первоучителемъ* русскихъ синологовъ, то по долгу правды и признательности столько же будетъ справедливымъ наименовать Егора Ѳедоровича Тимковскаго *патріархомъ* тѣхъ русскихъ, которые изучаютъ Китайскую имперію".

По возвращеніи изъ Китая, Е. Ѳ. Тимковскій служилъ начальникомъ отдѣленія въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1830 по 1836 годъ былъ консуломъ въ Молдавіи. Утомленный службой, въ 1836 году

онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ прожилъ около девяти лѣтъ. Затѣмъ недостатокъ средствъ, которыя могло доставлять это небольшое наслѣдственное имѣніе, побудилъ Тимковскаго, продавъ имѣніе, снова поступить на службу, и въ 1845 году онъ занялъ должность начальника отдѣленія драгомановъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1852 году онъ былъ назначенъ на должность управляющаго С.-Петербургскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1866 года служилъ членомъ совѣта названнаго министерства, и въ этой должности умеръ 9-го февраля 1875 года, на 85 году отъ роду.

О частной жизни Е. Ѳ. Тимковскаго упомянутый нами членъ Русскаго Географическаго общества К. А. Скачковъ въ напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1875 г. № 66) статьѣ: „Еще о покойномъ Тимковскомъ" разсказываетъ слѣдующее: „Егоръ Ѳедоровичъ былъ замѣчательнаго ума, отличался необыкновенной памятью, честностью и образцовою деликатностью и аккуратностью; въ своей частной жизни онъ всего болѣе любилъ тишину и спокойствіе. Женившись въ 1826 году на замѣчательной красавицѣ того времени, дочери придворнаго духовника протоіерея Павла Креницкаго, онъ имѣлъ только одну дочь, скончавшуюся на 7-мъ году. Со своею женой онъ жилъ душа въ душу 48 лѣтъ. Въ никогда неизмѣнные его вечера, по понедѣльникамъ и вторникамъ, къ нему собирались его родственники и друзья; добродушный, гостепріимный хозяинъ, всегда довольный, серьёзный, обходительный и словоохотливый, обыкновенно любилъ разсказывать о своихъ протекшихъ долгихъ годахъ; любимѣйшіе его разсказы были о Китаѣ, за событіями котораго онъ усердно слѣдилъ. До момента своей кончины онъ не измѣнялъ себѣ ни въ чемъ; даже его зрѣніе оставалось по прежнему молодымъ, никогда не зная очковъ. За два дня до своей кончины, въ тяжкихъ страданіяхъ отъ антонова огня, послѣ 50 слишкомъ лѣтъ какъ онъ былъ въ Китаѣ, будучи въ полной памяти, онъ встрѣтилъ меня привѣтствіемъ, сказаннымъ по китайски".

Другой знакомый Е. Ѳ. Тимковскаго Л. И. Бутовскій на обѣдѣ 12 февраля 1875 г. сказалъ о немъ:

„Прощальнымъ думая привѣтомъ
Почтить прощальный этотъ столъ,
Могу сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ:
Другъ человѣчества ушелъ
И намъ живой примѣръ оставилъ:
Гражданской доблести, любви
И всѣхъ души высокой правилъ.
Да! какъ его не назови:
Сановникъ, семьянинъ, знакомый,
Хотя онъ тихо, скромно жилъ,—
На службѣ, въ обществѣ и дома—
Вездѣ онъ совершенствомъ былъ“.

Въ текущемъ мѣсяцѣ 9-го числа истекла 19-я годовщина со дня смерти Е. Ѳ. Тимковскаго, а въ будущемъ году въ этотъ день исполнится ровно 20 лѣтъ, и мы рады, что къ этому времени могли извлечь изъ мрака забвенія воспоминанія этого почтеннаго земляка нашего и подѣлиться ими съ читающей публикой.

Н. Шугуровъ.

Воспоминанія о моей жизни.

Живи, живи, умри—и только что въ газетахъ осталось: „выѣхалъ въ Ростовъ“...

Дмитріевъ.

Біографіи людей, отличныхъ умомъ и дѣлами, есть достояніе исторіи, мудрой наставницы народовъ. Но и простой разсказъ о жизни человѣка, менѣе примѣтнаго въ обществѣ, можетъ имѣть нѣкоторую степень занимательности для его ближнихъ, а иногда и для постороннихъ. Первые взглянутъ на такую повѣсть, какъ на пріятный памятникъ объ ихъ товарищѣ, особенно по удаленіи его на вѣки изъ ихъ дружескаго круга, а чужимъ она представится въ видѣ примѣра, если то правда что „les leçons commencent, les exemples achèvent“.

Всегда чуждался я тщеславія. Повинуясь только убѣжденіямъ моихъ истинныхъ друзей—оставить имъ письменное изложеніе разныхъ случаевъ моей жизни, о коихъ разсказы въ

деревенскомъ уединеніи слушали они съ любопытствомъ, я далъ имъ слово какъ нибудь описать мою неизвѣстную жизнь. Долго, очень долго я колебался взяться за перо, уже изсохшее и притупленное разными переворотами въ моей судьбѣ. Возобновились приглашенія, просьбы и—нечего дѣлать!—должно исполнить свое слово.

Вотъ основаніе предлагаемаго разсказа. Не знаю, понравится ли онъ читателямъ, кои, впрочемъ, имѣютъ легкое средство избавлять себя отъ скучныхъ предметовъ [1]). Если же возникнетъ изъ сихъ листковъ хотя малая польза, то она будетъ лучшимъ цвѣткомъ на моей могилѣ.

Егоръ Тимковскій.

24 апрѣля 1841 года. въ д. Згарской Тимковкѣ.

Вчера минуло 50 лѣтъ моего земнаго бытія; слѣдовательно я родился 23 Апрѣля 1790 года. Дѣтская колыбель моя стояла въ скромномъ деревенскомъ домикѣ, на живописныхъ холмахъ, омываемыхъ рѣчкою Згарью, полтавской губерніи, въ золотоношскомъ уѣздѣ.

Родители мои, отецъ Ѳедоръ Назарьевичъ Тимковскій и мать Анна Савична изъ дома Терлецкихъ, происходили изъ семействъ дворянскихъ, благородныхъ не только по дипломамъ, но по ихъ чувствованіямъ и поступкамъ: такъ по крайней мѣрѣ отзываются о нихъ доселѣ всѣ знавшіе ихъ. Отецъ мой сначала подвизался въ рядахъ малороссійскаго козацкаго войска, потомъ служилъ на поприщѣ гражданскомъ. Будучи въ Золотоношѣ почтмейстеромъ, уже въ чинѣ коллежскаго ассесора, онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ своего начальника, знаменитаго нашего земляка князя Александра Андреевича Безбородки, государственнаго канцлера и вмѣстѣ главнаго директора почтъ въ Имперіи. У его свѣтлости бывалъ отецъ мой въ С.-Петербургѣ и въ прекрасномъ его помѣстьѣ Буромкѣ, Золотоношскаго же уѣзда, которое нынѣ принадлежитъ Елисаветѣ Михайловнѣ Фроловой-Багрѣевой, дочери незабвеннаго

---

[1]) Et qui me trouve mal, n'a qu'a fermer les yeux. *Molière*, „L'école des maris“.

благодѣтеля моего графа М. М. Сперанскаго. Князь, узнавши, что у добраго подчиненнаго его родился меньшой сынъ (то есть я), обѣщалъ, въ знакъ отличной милости своей, помѣстить меня современемъ въ пажескій корпусъ. Но фортуна не присутствовала при моемъ рожденіи. Едва открылъ я глаза на свѣтъ, отецъ мой черезъ четыре мѣсяца (29 августа) оставилъ его на вѣки, къ неутѣшной скорби и бѣдѣ нашей. Все пошло за головою, какъ говорятъ малороссіяне. Такъ рушились и блестящіе виды на мое лучшее образованіе и на мой лучшій будущій жребій, тѣмъ болѣе, что и князь Безбородко скончался 6 апрѣля 1799 г., когда еще не совершилось мнѣ 9 лѣтъ—срокъ для доставленія меня въ Петербургъ.

Не могу не сказать здѣсь предварительно о двухъ обстоятельствахъ. Отецъ мой, возвратясь изъ столицы, привезъ съ собою въ нашу деревню между прочимъ: а) надежду на покровительство мнѣ князя Безбородки, великаго отечественнаго *дипломата* и б) въ числѣ разныхъ эстамповъ нѣсколько картинъ *китайскихъ*. Неужели, на зарѣ моей жизни, непостижимое провидѣніе такъ ясно произнесло два непреложныхъ приговора въ моей судьбѣ, кои сбылись на самомъ дѣлѣ: большую часть государственной службы моей имѣлъ я честь проходить въ *дипломатическомъ корпусѣ* и—что всего поразительнѣе—я былъ въ сердцѣ *Поднебесной* имперіи, и нѣсколько времени провелъ въ китайскомъ столичномъ городѣ Пекинѣ, или Бейдзинѣ. Но объ этомъ разскажу послѣ, въ своемъ мѣстѣ.

Бѣдственна была участь моей матери. Молодая вдова, окруженная семью сыновьями и тремя дочерьми[1]), владѣтельница какихъ нибудь 250 десятинъ земли, она во всемъ затруднялась, все ее смущало и мрачило дни ея живѣйшею тоскою. Чѣмъ содержать такую большую семью, какъ одинокой управиться съ хозяйствомъ и какимъ образомъ воспитать и пристроить дѣтей? И подлинно, было о чемъ ей подумать и по тужить.

---

[1]) Сыновья: Илья, Иванъ, Александръ, Ефимъ, Василій, Романъ, Егоръ; и дочери: Татьяна, Марья, Гликерія.

Богъ милосердный услышалъ ея сѣтованія и послалъ самую вѣрную опору вдовѣ и сиротамъ.

Меньшій братъ отца моего Иванъ Назарьевичъ Тимковскій, служившій въ Глуховѣ, въ Малороссійской Коллегіи, при первомъ извѣстіи о смерти его, движимый высокимъ христіанскимъ усердіемъ, оставилъ всѣ преимущества службы и немедленно явился посреди нашего семейства, какъ ангелъ-хранитель. По доброй волѣ, отъ чистаго сердца онъ принялъ на свои руки сиротъ и все хозяйство и далъ слово моей матери не прежде оставить нашъ домъ, какъ выведя, при помощи Божіей, на общую житейскую дорогу ея дѣтей: сыновей—на службу, а дочерей въ замужество.

Такое обѣщаніе далъ дядя мой, и все это исполнилъ въ точности, съ необыкновеннымъ самопожертвованіемъ, къ пользѣ и чести нашего семейства. Славные люди были наши старики!

Уже и я, самый младшій между братьями и сестрами, помѣщенъ былъ въ московскій университетъ (1804), какъ мой благотворительный дядя, по духу благочестія, сильно имъ преобладавшему, отправился изъ нашего дома, на спасеніе, сперва въ Кіево-Печерскую Лавру, а потомъ, устрашенный роскошью и сварами нѣкоторыхъ чернoризцевъ, удалился, въ скромномъ видѣ послушника, въ уединенный Мошненскій монастырь, лежащій въ горахъ праваго берега Днѣпровскаго, въ черкасскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, близъ мѣстечка Мошны. Тамъ скончался онъ въ сентябрѣ 1823 г.[1]).

По плану воспитанія, предположенному еще моимъ отцемъ, и по мѣстному обычаю того времени, братьевъ моихъ, по нѣкоторомъ приготовленіи дома, обучали въ Кіевской Академіи, потомъ отправляли въ Московскій университетъ; а оттуда расходились они по разнымъ путямъ жизни, увлекаясь случаемъ или собственнымъ желаніемъ. Хвала Всевышнему! подъ сѣнію

---

[1]) Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о томъ же Иванѣ Назарьевичѣ Тимковскомъ можно найти въ нашей статьѣ „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій", Кіевская Старина 1891 г. № 8. Н. Ш.

родительскаго благословенія, каждый изъ нихъ служилъ хорошо, къ удовольствію начальства и не безъ пользы для отечества.

Дни моего дѣтства протекли во всей простотѣ сельской жизни. Я росъ вмѣстѣ съ двумя моими сестрами, нѣсколько старшими отъ меня, слѣдовательно безъ товарищей. Какъ самое меньшее дитя, я былъ предметомъ особенной нѣжности матери, которая впрочемъ, по своей разсудительности, не позволяла мнѣ лишняго баловства.

Когда наступилъ шестой годъ моего возраста, матушка, вѣрная исполнительница всѣхъ добрыхъ совѣтовъ и распоряженій нашего дяди-благодѣтеля, отвезла меня въ г. Золотоношу, отстоящій отъ нашей деревни верстахъ въ семи, и тамъ отдала меня, по примѣру другихъ дворянъ нашего уѣзда, въ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ монахинѣ Аврааміи, для обученія чтенію и письму. Не могу выразить, какъ грустна была для меня эта первая разлука съ домомъ, съ сестрами, а всего болѣе съ матерью, которую всегда любилъ я съ благоговѣйнымъ чувствомъ уваженія и привязанности. Нерѣдко посѣщала меня матушка съ сестрами моими, нерѣдко присылала домашніе гостинцы, но все таки монастырь—не родительскій домъ. Впрочемъ, на великіе праздники, раза три или четыре въ годъ, брали меня домой. Тогда занимались мною, какъ самымъ дорогимъ гостемъ. Лучшимъ наслажденіемъ было для меня, вмѣстѣ съ сестрами и другими маленькими родственниками нашими, разсматривать привезенные покойнымъ батюшкою изъ Петербурга разные эстампы и виды голландскіе, итальянскіе, китайскіе и проч. Ничто не поражало столько моего дѣтскаго любопытства, какъ огромное и, помнится, очень искусное изображеніе красками большаго крокодила съ открытою пастью. Всѣ эти картины чрезвычайно занимали меня, и впечатлѣнія ихъ на мое воображеніе тогда же поселили во мнѣ вкусъ и почти страсть къ хорошимъ эстампамъ, усилившуюся съ лѣтами и господствующую до сего времени.

Какъ бы то ни было, поплакавши и погоревавши подъ сѣнію монастырскихъ шелковицъ или тутовыхъ деревъ, я принялся за готическую граматку, т. е. славянскій букварь;

училъ его прилежно, не скажу—съ великимъ ревніемъ. Черезъ годъ, много полтора, я бѣгло читалъ уже часословъ, псалтырь и порядочно писалъ на черной дощечкѣ жидко разведеннымъ мѣломъ и все таки перомъ, а не кистью. Такова была тогда бережливость на бумагу и чернила; но то былъ восемнадцатый вѣкъ, а въ девятнадцатомъ дѣло иное.

Въ первоначальномъ изученіи мною славянской литературы, произведшей довольно благопріятное вліяніе на мой духъ и слогъ (извините, отъ лѣтъ уже сухой и ветхій), я руководствовался уроками нашей учительницы, семнадцатилѣтней дѣвушки Евдокіи Корнѣевны или запросто *Евдошки*, карликовидной, горбатой, но весьма добродушной и любезной. Вообразите, она до сихъ поръ [1]) живетъ въ г. Золотоношѣ, согбенная еще болѣе годами и нуждою, по упраздненіи монастыря, нашего лицея. Сколь изумила меня теперь встрѣча съ нею: это было, такъ сказать, свиданіе прабабушки съ правнукомъ, истинно признательнымъ. Ей никакъ не вѣрилось, чтобы я былъ тотъ самый ученикъ, кото аго въ минувшемъ столѣтіи она изрѣдка и по дѣломъ за уши дирала, къ столу привязывала и проч. Да, было время, когда я поклонялся ученой Евдошкѣ, какъ Аристотелю, и съ удивленіемъ взиралъ, какъ она бѣлые нитяные чулки своей отличной работы украшала симметрически вишневыми пятнышками изъ сока шелковицы, по тонкому вкусу тогдашнихъ щеголихъ, мѣщанокъ золотоношскихъ.—Tempora mutantur, et nos mutamur in illis: время все измѣняетъ.

Монахиня Авраамія, тетка Евдошки, лично не занималась обученіемъ дѣтей, принимаемыхъ въ ея учебное заведеніе, по нынѣшнему—пансіонъ. Она была женщина тихая, скромная, истинно благочестивая, и сіи черты ея нрава легко отпечатывались на сердцахъ ея воспитанниковъ, коихъ въ мое время у нея было двѣ дѣвочки и три мальчика. При всемъ томъ не могу не сознаться, что сухость подобнаго воспитанія въ простой женской обители, а съ другой стороны холодное, нѣсколько суровое обхожденіе монастырское, коего продолженіемъ было и

---

[1]) Напоминаемъ, что это говорилось въ 1841 году. - Н. Ш.

наше обученіе въ знаменитой кіевской академіи, произвели не совсѣмъ счастливое вліяніе на мой характеръ. Въ немъ осталась на всегда излишняя мягкость и даже застѣнчивость между чужими людьми, особенно въ жизни политической, непредолимая наклонность къ уединенію, много меланхоліи и расположеніе къ мрачнымъ картинамъ природы.

Года черезъ два послѣ того, какъ уже три брата моихъ были въ московскомъ университетѣ, остался еще въ кіевской академіи старшій (8-ю годами) братъ мой Василій, котораго, по причинѣ слабаго здоровья, въ тайныхъ совѣтахъ матушки съ нашимъ дядею, предполагалось посвятить въ монашество, и тѣмъ заплатить подобострастную дань любимому обычаю края и времени. Конечно, пути провидѣнія непостижимы, но мнѣ кажется, что въ иноческой мантіи онъ былъ бы превосходнымъ витіею и очень умнымъ педагогомъ въ духовномъ мірѣ, словомъ—совершилъ бы свое земное поприще съ большею пользою, не такъ рано и не столь жалко. Его-то руководству ввѣрено было настоящее уже образованіе моего ума и сердца, и я съ чувствомъ вѣчной благодарности объявляю, что ежели замѣтно въ нихъ что либо хорошее, то оно насаждено его братскими о мнѣ попеченіями въ Кіевѣ, потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, сколь ни были слабы мои способности предъ его геніальными дарованіями. Врожденная наклонность одного къ другому и долговременное пребываніе, такъ сказать, подъ одною кровлею сблизили насъ тѣсно и положили твердое основаніе взаимной дружбѣ и тому глубокому уваженію, которое всегда я къ нему питалъ въ моей душѣ.

И такъ, отправились мы съ любезнымъ братомъ въ богоспасаемый градъ Кіевъ. Тамъ годъ приготовлялся я къ правильному ученію, и потомъ около трехъ лѣтъ посѣщалъ самые классы, носившіе іезуитскія названія *фары*, *инфимы*, *грамматики*, *синтаксмы* и т. д. Каждый годъ пріѣзжали мы домой на два вакаціонныхъ мѣсяца, іюль и августъ; а въ сентябрѣ всякій разъ матушка провожала насъ опять въ Кіевъ, для устройства нашего спартанскаго хозяйства въ наемной квартирѣ, болѣе же для ежегоднаго поклоненія св. мощамъ Божіихъ угодниковъ.

Отрадно было мнѣ провести вмѣстѣ съ нею нѣсколько лишнихъ дней и въ большомъ городѣ, но за то въ день отъѣзда ея въ деревню сердце мое разрывалось до того, что я около недѣли хожу, бывало, въ жестокомъ горѣ, какъ больной. Нехорошо, право нехорошо слишкомъ рано отдалять дѣтей изъ родительскаго дома: лишеніе наслажденій невинными семейственными удовольствіями изсушаетъ сердце и преждевременно наполняетъ его грустнымъ чувствомъ. Въ отдаленномъ учебномъ заведеніи любовь смотрителей и наставниковъ бываетъ болѣе поддѣльною и раздѣляется между великимъ множествомъ. Ребенокъ, подъ надзоромъ совершенно чуждыхъ ему людей, дѣлаетъ сначала все изъ одного только скрытаго страха, который никогда не превращается въ дѣтскую любовь; юная душа его, которая въ родительскомъ домѣ такъ хорошо привязывалась почтеніемъ къ отцу (дядѣ) и нѣжностію къ матери, тамъ стѣсняется въ неизвѣстномъ ей кругѣ. Вотъ отчего происходитъ равнодушіе и холодное обращеніе, замѣчаемыя почти во всѣхъ дѣтяхъ, кои внѣ своего семейства воспитаны подобно сиротамъ.

Первое путешествіе мое въ Кіевъ, по тогдашнему очень далекое, занимало меня новыми мѣстами, лицами и приключеніями. Чрезвычайно поразилъ меня видъ готической башни (нынѣ потомками уничтоженной) съ пушками на стѣнахъ, сооруженной графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ въ его помѣстьи Ташани, которое своимъ турецкимъ именемъ ясно возвѣщаетъ грозу Османовъ. Отдаленная синева праваго днѣпровскаго берега удовлетворяла моей мечтательности, полагавшей за тѣми горами нѣкоторый новый міръ. Бѣлѣющаяся тамъ же надъ Днѣпромъ въ г. Каневѣ церковь и монастырскія зданія въ Переяславѣ показались мнѣ въ первый разъ гигантскими произведеніями архитектуры въ сравненіи съ нашею деревянною приходскою церковью въ селѣ Крупскомъ. Но что вамъ сказать о томъ таинственномъ ужасѣ, съ которымъ вступилъ я въ густой сосновый боръ, на тридцать верстъ простирающійся подъ самымъ Кіевомъ. Утопающія въ глубокомъ пескѣ лошади, обожженныя молніею сосны, пробирающіеся вдали сквозь чащу лѣса поклонники — все это представляло мнѣ мрачную картину; да и старшіе, по-

мнится, не мало трусили. Мнѣ казалось, что въ каждой песчаной долинѣ мы найдемъ гробъ свой, какъ въ пескахъ Ливійскихъ, и за каждымъ деревомъ стоитъ съ предлиннымъ ножемъ разбойникъ, готовый поразить насъ; а въ то время много было тамъ разбойниковъ, или по крайней мѣрѣ разсказовъ о нихъ, напримѣръ о силачѣ Гаркушѣ, о кровожадномъ Мацапурѣ и проч. Тутъ-то зароились у меня въ памяти всѣ пріятно-ужасныя сказки моей нянюшки Христины; тутъ-то, думалъ я, дѣйствительное поприще всѣхъ пугалищъ дѣтскаго воображенія. Далѣе, во глубинѣ бора, козачья могила, памятникъ какой-то давней битвы малороссійскихъ козаковъ съ вѣковыми недругами—ляхами. Но вотъ и Лысая гора—Олимпъ привилегированныхъ вѣдьмъ, не Шекспировскихъ, а нашихъ доморощенныхъ, малороссійскихъ. Въ таинства этого волшебнаго міра ввела меня моя няня. Отъ нея я узналъ, что вѣдьмы по ночамъ вылетаютъ изъ домовъ черезъ трубу, на метлѣ, и такъ путешествуютъ по воздуху; что иногда рыскаютъ онѣ по улицамъ въ видѣ свиньи, собаки, или катаются клубкомъ, пугая невѣрныхъ; что онѣ торгуютъ чарами и лѣкарствами, какъ напримѣръ вдова Терновая, жившая за рѣкою противъ нашего дома, славная колдунья въ нашемъ околоткѣ; что наканунѣ Иванова дня, на 24 іюня, когда вечеромъ молодые козаки и козачки, по преданію славянской старины, празднуютъ бывало языческаго Купала скаканіемъ черезъ огонь и громкими хорами, около полуночи знаменитѣйшія вѣдьмы слетаются для ежегодныхъ отчетовъ и совѣщаній на Лысую гору, у подошвы коей между тѣмъ въ самую полночь раскрываются огненные всесильные цвѣты папоротника. Все это я зналъ, и могъ ли послѣ того вашъ восьмилѣтій антикварій проѣзжать мимо роковой горы безъ страха и трепета. Вообще переѣздъ черезъ кіевскій боръ для меня былъ живою поэмою ужасныхъ народныхъ слуховъ; а однажды, въ концѣ іюня, большая стая волковъ насъ окружила тамъ, и чуть было не исчезли въ ихъ челюстяхъ кони и всадники.

Житье въ Кіевѣ сначала мнѣ не понравилось. Тамъ изнемогалъ я часто, особенно весною, подъ вреднымъ вліяніемъ сгущенной атмосферы на Подолѣ, нижней части города, осѣняемой

крутою горою, на которой величественно возвышается церковь ап. Андрея Первозваннаго. Не выгоднѣе ли было бы, защитивъ эту низменную часть Кіева отъ днѣпровскихъ водъ высокою набережною и глубокими каналами, дать ей видъ новой Венеціи и открыть для заселенія огромное пространство земли, ровное, изобилующее водою и легкими путями сообщенія, для снабженія города разными жизненными припасами, тѣмъ болѣе, что прочія гористыя части его вовсе лишены такихъ необходимыхъ удобствъ. Но про то лучше старшіе знаютъ. Да, много я пострадалъ тамъ отъ простудныхъ болѣзней; однажды пребольшая железа чуть чуть не прекратила было моего дыханія на вѣки. Осенью, а всего болѣе весною, частенько бывало провожаю юныхъ товарищей моихъ на кладбище Щекавицу, коей стародавняго героя, какого-то Щека, вмѣстѣ съ гадательными именами нареченныхъ братьевъ его Кія, Хорива и сестры ихъ Лыбеди, какъ зиждителей Кіева, усердно втискивалъ въ нашу память инокъ—учитель русской исторіи, проглотившій, какъ говорится, все „Ядро“ князя Хилкова и сказанія Татищева, Щербатова и имъ подобныхъ нашихъ ветхихъ историковъ. Молодые студенты сангвиники поражаемы были горячкою, отъ которой не легко избавляла сомнительная помощь академическаго эскулапа. Одинъ изъ нихъ, прекрасный риторъ и поэтъ, жившій по сосѣдству съ нами, въ сильномъ припадкѣ болѣзни, ночью, когда все спало въ его комнатѣ, выскочилъ изъ дома, и по снѣгу (это было въ февралѣ) бросился бѣжать на Днѣпръ и тамъ, по истощеніи силъ, на ледяномъ ложѣ кончилъ свою жизнь. Приключеніе это, вмѣстѣ съ другими случаями слишкомъ ранней кончины знакомыхъ мнѣ учениковъ и студентовъ, чрезвычайно меня смущало. Только *бурсаки* (бѣдныя дѣти духовнаго званія), закаленные нуждами всякаго рода, отличались между нами здоровьемъ и силою, такъ что я смотрѣлъ на бурсу—казенное скудное мѣсто ихъ жилища и пропитанія—какъ на гнѣздо орлиное. Изъ нихъ также набирались отличные пѣвчіе въ церковь академическую и для капеллы митрополита кіевскаго. Еще упомяну о подвигахъ благочестія, казавшихся для дѣтскаго возраста слишкомъ строгими, ежели не преждевременными. Зимою,

въ дни воскресные и праздничные, не взирая ни на какую стужу, я долженъ былъ, вмѣстѣ съ прочими, являться въ церковь Братскаго монастыря, холодную и вымощенную чугунными плитами, и притомъ не только на обѣдню и вечерню, но и къ заутренѣ, начинавшейся часу въ третьемъ по полуночи. Это была сущая эпитимія для моихъ ногъ, которыхъ не могъ я отогрѣвать довольно, даже поднимая подъ шубу попеременно одну за другою, то есть стоя по журавлиному. Впрочемъ наступало теплое время, и я легко забывалъ всѣ обиды зимнія.

Весною, съ апрѣля мѣсяца и такъ далѣе, лучшимъ препровожденіемъ времени для меня было, въ свободные отъ ученія дни, посѣщеніе Лавры и святыхъ пещеръ, гдѣ съ особеннымъ умиленіемъ лобызалъ я руку безсмертнаго Нестора, бросившаго плодотворныя сѣмена въ область отечественной исторіи. Кіево-печерская колокольня, высокая и красивая, коей блистающій крестъ видѣнъ издалека при самомъ вступленіи въ извѣстный сосновый боръ, совершенно изумляла меня. Окружающіе Лавру крѣпостные валы и стоящія на нихъ мѣстами пушки возбуждали въ душѣ моей какой-то горделивый героизмъ. Но верхомъ удовольствія былъ для меня парадъ или разводъ полковой, въ присутствіи военнаго губернатора Беклешова и пресловутаго коменданта Масса, доселѣ живущаго въ памяти кіевлянъ. Не могу выразить того благоговѣнія, съ какимъ я смотрѣлъ особенно на побѣдоносныхъ солдатъ, кажется, Повало-Швейковскаго полка, возвратившихся изъ Италіи въ изорванныхъ мундирахъ, почти дымящихся еще порохомъ и французскою кровью.

Предметами прогулокъ моихъ, вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ Ѳ. и нѣсколькими товарищами, бывали дворцовый садъ и Крещатикъ, въ глубокомъ оврагѣ коего и мы освѣжались струями источника, оросившаго нѣкогда сыновей равноапостольнаго Владиміра благодатію св. крещенія. Теперь Крещатикъ уже не тотъ. У подошвы горы, гдѣ бывало мы ловили молодыхъ жаворонковъ, нынѣ возвышаются большія прелестныя зданія, которыя право не послѣднее мѣсто заняли-бы, не только

въ нашемъ красавцѣ Петербургѣ, но и въ любой столицѣ Западной Европы. Конечно, то было время, а нынѣ другое.

Плаваніе по Днѣпру въ дубѣ, большой шлюпкѣ, на отдаленныя острова, въ обществѣ взрослыхъ уже студентовъ, занимало меня самымъ пріятнымъ образомъ. Подробности такого катанья, сборы, личное приготовленіе пищи и маленькія на водѣ опасности воспламеняли мое воображеніе, и я мысленно представлялъ себя, ежели не Колумбомъ, то никакъ не меньше Кука, коего путешествіе вокругъ свѣта было первою книгою, какую прочиталъ я, научившись хорошо читать и разумѣть. Да, странствія сего предпріимчиваго британца по неизвѣстнымъ морямъ и островамъ увлекали все мое дѣтское вниманіе и поселяли во мнѣ мечту—увы!—не исполнившуюся, быть непремѣнно вторымъ Кукомъ, а не то простымъ козакомъ. Почему знать, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вышелъ бы изъ меня порядочный морякъ, хотя бы сотрудникъ безстрашнаго капитана Казарскаго. Минувшее невозвратимо.

Пойдемте лучше со мною гулять въ Шулявщину, загородный лѣтній домъ кіевскаго митрополита, окруженный оврагами, быть можетъ въ старину съ дремучими лѣсами, въ коихъ наши воинственные Святославы и Ярополки забавлялись подъ часъ звѣриною охотою. Въ дни рекреаціи, отдыха послѣ ученья, весь сонмъ кіевскихъ учителей и учениковъ отправляется, бывало, туда на цѣлый день съ походною провизіею своей, и всѣ въ патріархальной простотѣ, дружески проводили его какъ умѣли веселѣе. Подъ отеческимъ архипастырскимъ призрѣніемъ, все играло, шумѣло, забавлялось и мячемъ, и кеглями, и приличными гимнами; а студенты философіи и богословіи, какъ старшіе и болѣе образованные, иногда тамъ же, при дневномъ свѣтѣ, разыгрываютъ, бывало, какую нибудь комедію или драму.

Въ зимнее время Кіевъ дѣлался тогда очень шумнымъ, по случаю съѣзда польскихъ помѣщиковъ и поссессоровъ на контракты.

Ученье мое шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ классахъ и дома я обучался языкамъ латинскому и нѣмецкому,

также ариѳметикѣ и географіи. Мои успѣхи въ послѣдней обращали на меня вниманіе и похвалы не только учителей, но и начальниковъ; таковы были митрополиты Іероѳей и буковинецъ Гавріилъ, бывшій послѣ экзархомъ Бессарабскимъ и Молдавскимъ. Бойко отвѣчалъ я, помнится, и на географическіе вопросы, сдѣланные для примѣра при посѣщеніи академіи какими-то двумя сенаторами, пріѣзжавшими ревизовать губернію. Я подобострастно тогда смотрѣлъ на лица сихъ озаренныхъ премудростію жрецовъ Ѳемиды, а болѣе на звѣзды, нашитыя даже на ихъ медвѣжьихъ шубахъ. Видите, это было зимою, а въ нашихъ классахъ, ежели и топили, то очень не жарко, въ твердомъ упованіи на пламенное стремленіе наше къ просвѣщенію.

Русскому языку научился я отъ моего старшаго брата Василія, который гремѣлъ тогда въ Кіевской академіи, какъ отличный знатокъ его; да и впослѣдствіи, правда, я лучшаго не зналъ. И на берегахъ Днѣпровскихъ начали уже раздаваться славныя имена первостепенныхъ литераторовъ нашихъ: Дмитріева, Карамзина, Кострова, главнѣйше же въ челѣ ихъ появлялся на горизонтѣ нашего образованія безсмертный Державинъ. Кіевскія музы не могли похвалиться богатствомъ, а потому студенты и ученики съ какою-то истинно поэтическою ревностію переписывали оды и другіе стихи Державина, проникавшіе разными путями на кіевскій Парнасъ. Всѣ спѣшили имѣть ихъ; учили, повторяли ихъ; и съ какимъ упоительнымъ наслажденіемъ слушаю, бывало, когда братъ мой восторженнымъ голосомъ станетъ декламировать изъ *Водопада*:

„Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ“.

За сорокъ лѣтъ предъ симъ выучилъ я много золотыхъ стиховъ Державина, Дмитріева, и теперь готовъ перечитывать ихъ наизусть; но вы сами можете насладиться благоуханіемъ этихъ неувядаемыхъ цвѣтовъ, хранящихся, вмѣстѣ съ новѣйшими, въ моей маленькой библіотекѣ. Позвольте мнѣ только

оправдаться на счетъ памяти о Костровѣ. Въ числѣ немногихъ книгъ русскихъ и латинскихъ были и поэмы шотландскаго барда Оссіана, переведенныя или, справедливѣе сказать, созданныя въ гомерическомъ вкусѣ Костровымъ; ибо, какъ учители наши утверждали, переводъ лучше самаго оригинала Макферсонова. Превосходное твореніе сіе братъ мой часто съ восторгомъ читывалъ при мнѣ въ Кіевѣ; но что можетъ сравниться съ тѣмъ незабвеннымъ удовольствіемъ, когда, бывало, пріѣзжая домой лѣтомъ, мы удалялись съ нимъ въ нашъ дубовый лѣсъ, и тамъ на высотѣ, подъ тѣнію вѣтвистаго дерева, повторяли гармоническіе звуки Оссіановой арфы. Намъ казалось, что его томный гласъ журчалъ съ зефиромъ въ зеленомъ дернѣ холма, на коемъ мы въ задумчивости возсѣдали. Безподобные отрывки произносились на память, и мы съ братомъ знали наизустъ почти всего Оссіана.

Съ такими чувствованіями и знаніями я перешелъ въ XIX столѣтіе, новый періодъ моей жизни. Закрывая страницы моего дѣтства, скажу только, что въ 1801 году братъ мой Василій, не пожелавшій рѣшительно облечься въ черную ризу анахорета, отправленъ былъ въ Московскій университетъ; а меня перемѣстили поближе къ дому (за 70 верстъ) въ городъ Переяславъ, гдѣ и продолжалъ я ученіе мое, вмѣстѣ съ другими дворянскими дѣтьми, въ классахъ тамошней семинаріи. Кладу руку мою на сердце и чистосердечно исповѣдуюсь, что это перемѣщеніе не послужило мнѣ въ пользу, сколько ни отличался я моими дарованіями между товарищами. Изъ числа ихъ всегда и вездѣ вспоминаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ о Бохкаловскомъ, истинномъ моемъ другѣ, о Звенигородскомъ и Дьяконенкѣ. Съ двумя первыми встрѣтился я позже и въ столицѣ, о чемъ разскажу въ свое время. Между старшими видѣлъ я тамъ много примѣровъ излишней преданности Бахусу, а меньшіе вели себя тоже не безъ укоризны, по причинѣ слабаго за ними надзора.

Въ Переяславѣ свѣдѣнія мои развивались болѣе и болѣе. Тамъ читалъ я съ искреннимъ благоговѣніемъ „Письма русскаго путешественника“, Аониды“, „Мои бездѣлки“, „И мои

бездѣлки“ и разныя другія произведенія славнѣйшихъ авторовъ. Постигая уже вполнѣ смыслъ всякой книги, я осмѣливался подражать, или скажу прямѣе—уносить какія нибудь разительныя слова и самые счастливые обороты слога Карамзина или Дмитріева и пересаживалъ ихъ на тощую почву своихъ маленькихъ сочиненій по заданной темѣ. Конечно, мои юныя созданія не разъ являлись въ видѣ баснословной вороны, украсившейся павлиными перьями. Между тѣмъ учитель былъ доволенъ, и часто надписывалъ по нѣсколько строчекъ похвалы, все въ превосходной степени, на моихъ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ. Виноватъ, и я когда-то писывалъ стихи, и притомъ, сознаюсь къ вашему и моему ужасу, не только русскіе, но даже латинскіе. Разумѣется, въ область римской поэзіи лазилъ я при помощи gradus ad Parnassum, то есть парнасской лѣстницы, изъ коей однако время и опытность моя выкидали ступени, и я, узнавъ на опытѣ, что „Парнассъ гора высокая, дорога къ ней не гладкая“,—остался у подошвы ея, предпочитая тихое удовольствіе восхищаться цвѣтами, посѣянными рукою вдохновенныхъ любимцевъ Аполлона. Такъ проза сухая на всю жизнь стала моимъ удѣломъ.

Въ 1804 г. разстался я и съ Переяславомъ, и съ живописными холмами нашей Згари. Одинъ изъ старшихъ братьевъ моихъ, Романъ Ѳ. [1]), облеченный уже въ Московскомъ университетѣ саномъ магистра филологіи, глубокій знатокъ греческой и латинской словесности и древней исторіи, пріѣхалъ лѣтомъ того года къ намъ въ деревню, повидаться съ родными, отдохнуть послѣ ученья и трудовъ и взять меня, послѣдняго въ родѣ, для посвященія Московскимъ музамъ. И такъ, на 14 году моего возраста, я опять и на долго оставилъ родительскій домъ, въ которомъ завистливая судьба никакъ не позволяла мнѣ заживаться до сихъ поръ. И словъ не нахожу для точнаго выраженія тягчайшей скорби, съ какою на прощанье въ послѣдній разъ я поцѣловалъ руку матушки, обнялъ сестеръ и по-

---

[1]) Очеркъ жизни и дѣятельности Романа Ѳеодоровича Тимковскаго помѣщенъ въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета“, томъ II, стр. 486—498.—*Н. Ш.*

клонился достопочтенному дядѣ-благодѣтелю. Съ братомъ Романомъ Ө. и съ горемъ пополамъ, пустились мы въ путь далекій. До Нѣжина ѣхали мы на своихъ лошадяхъ, а тамъ наняли русскаго извозчика, который на своей тяжелой тройкѣ, въ рогожаной кибиткѣ, черезъ города Орелъ, Тулу и проч. доставилъ насъ въ Москву 14 сентября, послѣ двухнедѣльнаго пути, какъ говорится, хоть не скоро да здорово.

Около того времени я нашелъ въ университетѣ и моего брата—друга Василія, возвысившагося и тѣломъ, и духомъ. По большей удобности, меня поселили въ комнатахъ брата Романа, который вообще принялъ меня на свое содержаніе. Въ душѣ моей вѣчно хранится благодарность за его пожертвованія на меня.

Недѣли черезъ двѣ по моемъ пріѣздѣ въ Москву, я съ робостью вступилъ въ классы университетской академической гимназіи; но вскорѣ замѣтилъ, что тамошніе ученики, сверстники мои, далеко уступаютъ мнѣ въ знаніи языковъ русскаго, латинскаго и нѣмецкаго, а моими географическими свѣдѣніями я блеснулъ между ними, какъ Сиріусъ между звѣздами. Затѣмъ, совершенствуя себя въ дальнѣйшемъ познаніи означенныхъ предметовъ, приступилъ я къ изученію языковъ греческаго и французскаго, а равно исторіи. О математикѣ не было и въ поминѣ, о чемъ впослѣдствіи я весьма сожалѣлъ.

Учители гимназическіе далеко превосходили образованіемъ своимъ наставниковъ моихъ кіевскихъ; но не могу утаить, что нѣкоторые изъ нихъ были съ большими странностями физическими и моральными, служившими поводомъ къ разнымъ проказамъ на ихъ счетъ школьниковъ, остряковъ и шалуновъ, къ числу коихъ, право, я никогда не принадлежалъ. Забавно бывало смотрѣть, какъ они утромъ залѣпливали мягкимъ хлѣбомъ внутренность замковъ у шкафовъ съ глобусами и картами г. Надерина, учителя географіи и исторіи, и какъ онъ, являясь въ классъ послѣ обѣда, подъ часъ и на веселѣ, трудится и потѣетъ надъ выковыриваніемъ засохшаго хлѣба изъ своихъ замковъ. Около получаса проходило въ семъ хлѣбокопаніи; а ученикамъ того и надобно для сокращенія двухчасоваго урока. Г. Дмитревскій Иванъ Ивановичъ, заржавленный греко-славя-

нинъ, смѣшилъ всякій разъ передъ урокомъ перекличкою учениковъ, фамиліи коихъ онъ произносилъ съ какимъ то своимъ оригинальнымъ удареніемъ, особенно иностранныя. Напримѣръ, Иванъ Ивановичъ взываетъ: Петръ Дѐло (Deleau), Иванъ Дѐло, почему-же не ять—ѣ (то есть Дѣло)?, и по всему классу раздается громкій хохотъ. Однажды смѣльчаки до его прихода нарисовали на черной учебной доскѣ какое-то изображеніе. Является нашъ Иванъ Ивановичъ, крестится по своему обыкновенію въ углу при чтеніи молитвы; но, взглянувъ на доску, съ изступленіемъ кричитъ: „и вы гордые, и вы буяны, пойдемъ сейчасъ къ инспектору!“ И вотъ подъ его предводительствомъ, въ процессіи учениковъ, несутъ огромную доску съ изображеніемъ, черезъ весь университетскій дворъ, въ комнаты инспектора на разбирательство и судъ, къ удивленію всѣхъ зрителей домашнихъ и проходящихъ по улицѣ. Разумѣется, дѣтское единодушіе всегда скрывало виноватаго; а инспекторъ съ гнѣвомъ и бранью прогоняетъ обратно и учителя и учениковъ.— Французской грамматикѣ обучали Лере (L' heureux), настоящій парижанинъ, щеголявшій своимъ почеркомъ и картавымъ произношеніемъ, и Дежанъ—какой-то гасконецъ. Уморительно бывало, когда сей послѣдній, задавши ученикамъ что нибудь твердить или переписывать, самъ между тѣмъ, вѣроятно, въ воспоминаніе прежняго своего ремесла во Франціи, принимается tout bonnement зашивать и подшивать свой ветхій плащъ; или какъ бывало весь классъ синѣетъ, удерживаясь отъ смѣху, когда m—er Дежанъ начинаетъ толковать полурусскимъ языкомъ свойства временъ въ спряженіяхъ глаголовъ французскихъ. Сказавши, напримѣръ, что такое давно-прошедшее время, онъ обращается къ ученикамъ съ вопросомъ: „понимаете-ли?“ Вотъ какой нибудь дерзкій для шутки отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Дежанъ вторично, но уже значительно возвыся голосъ повторяетъ тоже самое безтолковое толкованіе; отвѣтъ тотъ-же. Учитель выходитъ изъ себя, и для большаго вразумленія поднимаетъ крикъ свой crescendo до того, что наши молодые уши, утомленные грамматическими воплями, понуждаютъ насъ воскликнуть наконецъ хоромъ: „понимаемъ, понимаемъ!“ И m—er Дежанъ съ самодо-

вольнымъ видомъ продолжаетъ преподаваніе урока. Таковы-то были, конечно, не всѣ мои древніе учители. И не взирая на то, при помощи моихъ счастливыхъ природныхъ способностей, я оказывалъ большіе успѣхи и стяжалъ громкія хвалы гимназическихъ учителей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХАРИТАТЫВА.

Харитатывою на Украинѣ назывался налогъ subsidium charitativum, которымъ уніатскіе делегаты[1]) на Варшавскомъ конгрессѣ, состоявшемся 4 апрѣля 1776 года, обложили все православное украинское духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее. Налогъ этотъ былъ вопіющею несправедливостію со стороны уніатскихъ делегатовъ и совершенно противорѣчилъ трактату, заключенному 1768 года, по уничтоженіи гайдамащины, между Россіею и Польшею. Въ первомъ сепаратномъ актѣ, въ § 7 втораго артикула этого трактата было постановлено такъ: „отъ подати, во злоупотребленіе вшедшей и называвшейся jus stolae, разъ навсегда освобождаются и монастыри и священники греко-неунитскаго исповѣданія, и римскія духовныя власти ни подъ какимъ видомъ никакой подати не должны требовать отъ тѣхъ и другихъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности и кары“. Не смотря на этотъ параграфъ, такъ ясно и опредѣленно освобождавшій православное духовенство отъ

[1]) Делегаты эти были слѣдующіе: Леонъ Шептицкій, епископъ Львова, Галиціи и Каменца, коадъюторъ и администраторъ митрополіи цѣлой Россіи; Теодоръ Охримовичъ, Хартофилаксъ Львовской катедры и делегатъ Клира Львовской и Острожской діецезій; Стефанъ Левинскій, архидіаконъ Львовской катедральной церкви, делегатъ епископовъ Хелма и Владиміра Волынскаго; Иларіонъ Комарницкій, докторъ теологіи, провинціальный прокураторъ Польши, делегатъ на Конгрессѣ отъ прото-архимандріи ордена Святаго Василія великаго. Актъ, которымъ установлена подать—subsidium charitativum, озаглавленъ такъ: Informacya istotna y rzetelna o danje Subsidii charitatyvi w Archydiecesyi Kijowskiey kladziesie;—онъ собственноручно скрѣпленъ подписями прописанныхъ делегатовъ и хранится при дѣлахъ архива Кіев. Консисторіи за 1786 г. № 38.

всякаго рода податей, Посполитая рѣчь, по обычному своему непостоянству, утвердила subsidium charitativum въ предѣлахъ Украины и постановила отъ бѣлаго духовенства ежегодно взымать въ коронное казнохранилище по 10556 польскихъ злотыхъ, а отъ монашествующаго по 7146 польскихъ злотыхъ и 12 грошей, съ добавленіемъ къ этой суммѣ отъ монастырей эмеригенціи—подати на непредвидѣнные случаи—по 728 польскихъ злотыхъ и 22 гроша.

На совѣщаніи своемъ, состоявшемся въ м. Подебрахъ 12 ноября того-же 1776 года, уніатскіе делегаты сумму харитатывы и эмеригенціи раздѣлили между украинскими православными и уніатскими монастырями, соотвѣтственно имущественному состоянію и достаткамъ каждаго изъ нихъ и для взысканія ея составили нижеслѣдующія табели:

Tabella, въ которой отдѣльно показывается, сколько каждый изъ греко-унитскихъ монастырей долженъ ежегодно вносить въ казнохранилище царства subsidii charitativi и сколько emerigentiae.

	Subsidii charitativi.		Emerigentiae.	
	Польскихъ злотыхъ.	Грошей.	Польскихъ злотыхъ.	Грошей.
Бѣлиловскій	303	„	22	10
Грановскій	180	2	15	10
Уманскій	1486	10	174	6
Каневскій	42	„	5	„
Лисянскій	284	21	16	20
Овручскій	3428	6	348	10
Тригорскій	362	1	33	4
Всего	6086	10	615	„

Tabella, въ которой отдѣльно показывается, сколько каждый изъ греко-неунитскихъ монастырей долженъ ежегодно вносить въ казнохранилище царства Subsidii charitativi и сколько Emerigentiae.

	Subsidii charitativi.		Emerigentiae.	
	Польскихъ злотыхъ.	Грошей.	Польскихъ злотыхъ.	Грошей.
Богуславскій .	69	„		7
Чигиринскій .	46	2		

	Subsidii charitativi.		Emerigentiae.	
	Нольскихъ злотыхъ.	Грошей.	Польскихъ злотыхъ.	Грошей.
Корсунскій . .	68	„	7	7
Лебединскій .	160	„	18	9
Мотронинскій .	160	„	18	9
Виноградскій .	46	2	4	„
Ржищевскій .	68	„	7	7
Онуфріевскій Жаботинскій. .	77	„	7	25
Медведовскій .	77	„	7	„
Трехтомировскій	66	„	7	7
Бершадскій . .	69	„	7	7
Всего . .	906	4	92	18
А отъ всѣхъ грекоунитскихъ и неунитскихъ монастырей въ каждый годъ въ казну царства должно поступать . . .	7146	12	728	22

Въ прописанныхъ табелляхъ греко-унитскіе делегаты обозначали, какую сумму харитатывы и эмеригенціи должны были вносить въ казнохранилище царства отдѣльно каждый изъ украинскихъ монастырей. Что же касается православныхъ украинскихъ священниковъ, то распредѣленіе харитатывы между ними предоставлено было личному усмотрѣнію, или вѣрнѣе произволу имѣвшихъ быть назначенными сборщиковъ ея.

По распоряженію Радомысльской уніатской консисторіи, послѣдовавшему 20 декабря 1776 года, сборъ харитатывы долженъ былъ начаться съ православныхъ украинскихъ священниковъ и порученъ былъ слѣдующимъ украинскимъ дзѣканамъ: Брацлавскому Іоанну Разворовичу въ протопопіяхъ—Брацлавской, Чечельницкой, Винницкой, Рашковской, Кальницкой и Шаргородской; Уманскому Игнатію Маркевичу въ протопопіяхъ Торговицкой, Уманской и Краснянской; Корсунскому Іоанну Абраменко въ протопопіяхъ Корсунской, Смѣлянской и Ольшанской; Бѣлоцерковскому Михаилу Рубановичу—въ протопопіяхъ Бѣлоцерковской, Ставиской, Пятигорской и Фастовской; Мошенскому Іосифу Гдишицкому въ протопопіяхъ Мошенской, Черкасской и Чигиринской. Эти дзѣканы слишкомъ усердно

приняли́сь за исполненіе возложенной на нихъ обязанности, тѣмъ болѣе, что, не имѣя надъ собою никакого контроля, безнаказанно не только увеличивали, когда хотѣли, сумму харитатывы, но собирали ее съ однихъ и тѣхъ же священниковъ по два и даже по три раза, особенно если послѣдніе имѣли неосторожность потерять выданныя имъ квитанціи. Брацлавскій протопопъ Василій Мокрицкій въ репортѣ своемъ, поданномъ 20 февраля 1777 года преосвященному Иларіону, епископу Переяславскому, писалъ, что дзѣканъ Разворовичъ отъ священниковъ малыхъ приходовъ ежегодно взымалъ по два и по три рубля, отъ священниковъ же большихъ приходовъ по четыре и по пять рублей. Завѣдывавшій Смѣлянскою и Ольшанскою протопопіями Чечельницкій протопопъ Лука Романовскій 20 марта 1778 года репортовалъ тому-же преосвященному, что дзѣканъ Мошенскій Гдишицкій вымогалъ subsidii charitativi отъ однихъ священниковъ по пяти рублей, а отъ другихъ по семи и больше. Изъ репорта намѣстника Бѣлоцерковской протопопіи іерея Василія Стефановича, поданнаго 13 марта 1778 года, видно, что Бѣлоцерковскій дзѣканъ Михаилъ Рубановичъ subsidii charitativi взымалъ отъ православныхъ священниковъ по шести и больше рублей. Такъ-же точно, по распоряженію официаловъ Примовича и Любинскаго, поступали и другіе уніатскіе дзѣканы. Въ меморіалѣ, лично поданномъ 8 генваря 1779 года польскому королю священниками Стоцкимъ и Зеленкевичемъ, уполномоченными отъ лица всего православнаго украинскаго духовенства, между прочимъ, прописано: „Subsidium charitativum неуніатское духовенство аккуратно выплачивало, если имѣло возможность и достатки, и никогда не сопротивлялось экзекуторскимъ властямъ. Между тѣмъ въ прошломъ 1778 году, по приказанію ксендза Любинскаго, официала Брацлавскаго, при содѣйствіи компутовыхъ жолнѣровъ, во всемъ Брацлавскомъ воеводствѣ силою вырвано у насъ отъ кого 15 рублей, отъ кого десять, а отъ кого восемь ради убожества. Вырывали отъ насъ деньги, а квитанціи давали намъ менѣе, чѣмъ на половину. И горе было тому изъ насъ, кто терялъ такія квитанціи.... Уніатскіе официалы Примовичъ и Любинскій и подвѣдомые имъ

дзѣканы, вымогая отъ насъ Subsidium charitativum, сколько хотятъ, богатѣютъ, роскошествуютъ и отъ собранныхъ съ насъ экзекуціями денегъ отдаютъ въ ростъ одни по десять, а другіе по полтораста тысячъ злотыхъ".

Какимъ образомъ уніатскіе официалы и дзѣканы могли богатѣть, толстѣть, роскошествовать и дѣлаться ростовщиками,— это пояснилъ намѣстникъ Корсунской протопопіи, іерей Андрей Вартминскій въ доношеніи своемъ, поданномъ 3 мая 1780 года преосвященному Иларіону. Въ этомъ доношеніи показано, что „отъ священника села Неморожи взыскано Subsidii charitativi и другихъ платежей — катедратика и экспенсу за св. миро 157 руб., отъ священника Лисянской Георгіевской церкви 51 руб., отъ священника Лисянской Вознесенской церкви 46 руб. 50 коп., отъ священника Лисянской Успенской церкви 58 руб., отъ священника села Бужанки 208 руб., отъ священника Стеблевскаго 105 руб., отъ священника Горностаевскаго 109 руб., отъ священника села Яблоновки 23 руб., отъ священника села Журжинецъ 106 руб., отъ священника села Дучиной 67 руб. 50 коп., отъ священника села Юзефовки 104 руб., отъ священника села Щербатинецъ 104 руб. 50 коп., отъ священника мѣстечка Стеблева 120 руб. 20 коп. и т. д.".

При взысканіи Subsidii charitativi и другихъ платежей въ такихъ значительныхъ размѣрахъ уніатскіе дзѣканы довольно часто прибѣгали къ разнаго рода разорительнымъ неистовствамъ и самымъ тиранскимъ истязаніямъ. Спишемъ нѣсколько образцевъ тиранскаго взысканія Subsidii charitativi изъ хранящихся въ архивѣ кіевской духовной консисторіи реестровъ и вѣдомостей, поданныхъ переяславскому епископу Иларіону 1778—1781 года православными украинскими протопопами и хранящихся (въ копіяхъ) въ архивѣ кіевской духовной консисторіи.

„1778 года іюня 22 дня дзѣканъ Разворовичъ, ѣздя съ компутовыми команды полковника Роха Іерлиха выбирать Subsidium charitativum отъ православныхъ священниковъ, набѣгъ на домъ Летковскаго священника Онуфрія Лозѣнскаго и началъ требовать отъ него пяти рублей, за неимѣніемъ же оныхъ приказалъ онаго бить плетьми такъ тиранско, что онъ весь кровью

подплылъ и до тѣхъ поръ билъ, пока братчики увидя, что въ священникѣ мало дыханія остается, вызычили церковныхъ три рубля и дали Разворовичу, который, получивши деньги, пересталъ мучить, лишивши совсѣмъ здоровья священника".

„Того же 1778 года и мѣсяца дзѣканъ Разворовичъ съ компутовыми, выправляя Subsidium charitativum въ селѣ Копаринцахъ у священника Василія Пухальскаго, за неимѣніемъ тогда у него денегъ, велѣлъ его какъ мертвечину какую волочить по цѣлому двору и волочилъ до тѣхъ поръ, пока ему не выданы были два червонцы [1])".

„Того же года и мѣсяца наѣхавшій въ мѣстечко Красное уніатскій дзѣканъ упомянутый Разворовичъ съ товарищемъ польскимъ по прозванію Броднѣцкимъ и четырьмя шеренговыми для отобранія отъ священниковъ православныхъ податковъ, зовомыхъ subsidium charitativum, напалъ вопервыхъ на домъ викарнаго тамошняго священника Петра Зборовскаго, у котораго требовалъ денегъ 20 руб., и какъ онъ священникъ не могъ столько денегъ выстачить, то онъ Разворовичъ съ товарищемъ Броднѣцкимъ приказали шеренговымъ его бить, которые шеренговые, порвавши ему на головѣ и бородѣ волосы, били жестоко палками стоячаго, а потомъ поваливши долѣ, до тѣхъ поръ лозами били, пока онъ безъ памяти сталъ, что увидѣвши самъ товарищъ Броднѣцкій отъ Разворовича его оборонилъ и не допустилъ въ смерть убить, притомъ же повелѣлъ 8 руб. дать, какъ же онъ священникъ, давъ 5 рублей, попросилъ, чтобъ отпустили его гдѣ нибудь три рубля позычить, то и отпущенъ былъ съ шеренговыми въ мѣстечко, которые шеренговые за то, что не тотчасъ досталъ денегъ, били и паки по щекамъ, ногами топтали, наконецъ какъ досталъ уже денегъ, то шеренговый, сѣдши на него, приказалъ везти себя чрезъ мѣстечко до самой квартиры, которая была разстояніемъ отъ мѣстечка версты на полторы. Отъ тиранскихъ побоевъ и мученій помянутый священникъ, девять мѣсяцевъ болѣзнуя на грудь, умеръ".

„Того-жъ 1778 года іюня 26 дня помянутый дзѣканъ Разворовичъ въ мѣстечкѣ Красномъ съ вышеписаннымъ товарищемъ

[1]) Изъ вѣдомости, представленной протопопомъ Лукою Романовскимъ.

Броднѣцкимъ, нападши на домъ викарнаго священника Іакова Сецѣлѣнскаго, приказалъ съ строгостію для subsidium charitativum дать девять рублей, а какъ онъ священникъ сказалъ, что не имѣетъ денегъ, то онъ Разворовичъ приказалъ шеренговымъ взять его за волоса и бороду и водить по мѣсту до тѣхъ поръ, пока не достанетъ помянутыхъ 9 рублей, которые жолнѣры четыре раза за волосы провели его чрезъ мѣсто, притомъ же били жестоко палкою по спинѣ, потомъ дуломъ столь крѣпко подъ грудьми збили, что онъ въ томъ мученіи два раза сомлѣлъ,— что видячи тамошніе прихожане сложили оные деньги отъ себя, и какъ принесъ прихожанинъ до Разворовича оные, то приказалъ его шеренговымъ разложивши бить жестоко, говоря, „на что ты за него вѣру платишъ", а потомъ пустя прихожанина домой, вхватилъ въ избу священника, велѣлъ тоже разложить и бить жестоко палкою, въ коемъ побоѣ здѣлалъ ему близко ста ударовъ, отъ которыхъ побоевъ и мученій онъ священникъ едва живъ остался [1]).

Села Лотошова священникъ Өеодоръ Демковичъ такъ описываетъ свои обиды при истребованіи отъ него subsidii charitativi: „сего 1780 года іаннуарія 12 дня уніатскій парохъ Зелѣнскій наѣхалъ ко мнѣ на ночь съ козаками на закуцію, которые козаки многія обиды мнѣ поробили, посудокъ весь въ дому моемъ поразбивали, и дѣтей моихъ порозгоняли, и мене самого порывались бити и, замѣряючись на мене палицею, Зелѣнскій по иконѣ Божіей Матери два раза ударилъ, которому я взялъ говорить такъ: когда имѣешъ такую волю, то меня бій или убій, а иконы не бій; а они взяли мене ругати псяюхою, и псіою вѣрою называли, и инако сквернословили, страву и мясо, що не могли повыѣдати, на землю бросали и ногами топтали, а другую страву принуждали варити и, стрѣляючи въ хатѣ, грубу разбили, хлѣбъ въ снопахъ пораскидали и молоченаго хлѣба корчевъ четыре спасли, да еще Зелѣнскій отъ мене 13 іаннуарія взялъ 20 рублей. Того-жъ мѣсяца 14 дня той же Зелѣнскій взялъ отъ мене 10 рублей; мѣсяца февраля 7 дня той

[1]) Изъ вѣдомости, представленной преосвященному Иларіову 20 августа 1779 года правителемъ Красиянской протопопіи Петромъ Стефановичемъ.

же Зелѣнскій взялъ отъ мене 19 рублей, и притомъ были громадскіе люди. Козаки же взяли отъ мене грывенъ пять, да горилки и меду рублей на два выпили, а Зелѣнскій взялъ годованаго кабана и новую шкуру лисицы".

Села Богачевки священникъ Петръ Василевичъ такъ репортовалъ о своихъ обидахъ: 1780 года іаннуарія 16 числа внезапно прибыли уніатскіе парохи Курошъ и Кульчицкій съ козаками и стали требовать отъ меня Subsidii charitativi и другихъ податковъ 189 рублей; а какъ я сталъ отказываться, что денегъ не имѣю, то они заразъ сурово стали поступать и бранить меня мерзко, горилку и медъ съ корчмы носить и пить стали, музыку привели, стали скакать, стрѣлять, въ хатѣ горшки бить, куры душить, заставляли варить, слугъ и дѣтей моихъ розогнали, а мене и попадью подъ арестомъ держали, ругаясь намъ безмилосердно, постель всю на землю поскидали, водою ее поливали и по оной скакали, попадине хутро, подшитое бѣлыми зайцями, порвали, потоптали и водою поливали, а дверьми такъ стали стукать, что и глина на стѣнахъ отвалилась, и разныя пакости дѣлали, и весь домъ разорили, лошадямъ своимъ сѣна и овса по цѣлому двору понакидали. А потомъ они принесли сѣна въ комнату и съ курячимъ перьемъ запалили, а мене въ комнатѣ заперли и двери затушковали ряднами, потомъ еле живаго выпустили и, прорѣзавши въ лубку дыру и сквозь оную протягли крайніе мои уды тѣлесные шнуркомъ, стали водить мене по селу на поруганіе и соблазнъ. Послѣ всего того взяли мои лошади и меня повезли до отца Ѳеодора Звенигородскаго и тамъ мнѣ многія пакости чинили, а потомъ повезли мене до отца Петра Звенигородскаго и тамъ двѣ ночи и день такожъ сѣномъ и гноемъ курили и тютюнъ заставляли кришить, а оттуду повезли въ Юровку до комисара и тамъ громада Богачевская, видячи мою биду, сложила въ позыку требуемые отъ мене платежи и отдала экзекуторамъ, которые однако квитанціи не захотѣли выдать.

Священникъ Звенигородской Преображенской церкви, по поводу взысканія съ него Subsidii charitativi, такъ описываетъ свои обиды: „сего 1780 года іаннуарія 16 числа уніат-

скіе порохи Курошъ и Кульчицкій съ козаками, въ небытность мою въ дому, вымогали отъ попадьи моей сто четыредесять руб. а за неимѣніемъ денегъ такъ экзеквовали: приказали козакамъ разбивать горшки и мыски, убивать гуси и индыки, а потомъ велѣли наносить гною изъ сѣна въ избу мою и, зачинивши въ избѣ попадью мою, тотъ гной запалить. Въ томъ куреніи попадья моя гвалту кричала и, отъ дыму удушившись, упала на огонь, аки мертва, ничего нечувствуя. Люди же, видя такое мученіе, близъ смерти бывшее, черезъ великое моленіе и усилованіе вырвали зъ огня жену мою и ледви на дворѣ черезъ полчаса снѣгомъ въ чувство привели ее. Потомъ тіиже козаки снова жену мою въ избу впровадили и паки почали дымомъ курить и принудили ее идти до пана Маршуцкаго, у котораго она позычила рублей 70 и отдала парохамъ а въ решту упрохалась до моего пріѣзду".

„Въ добрахъ ясновельможнаго Феликса Солтыка, старосты Звенигородскаго, въ вси Еркахъ священнику Трофиму отъ уніатскаго пароха Куроша и сообщниковъ его Сосѣмовскаго и Кульчицкаго при взысканіи Харитатывы такія разныя мученія нанесены, которыя только отъ давнихъ мучителей идолопоклонниковъ чинились и въ писаніяхъ житій мучениковъ обрѣтаются, о чемъ пунктовально и запись слѣдуетъ:

1. Какъ скоро набѣгли на домъ мой, заразъ позабирали ключи отъ обоихъ шпиклировъ и почали пашню конямъ носить и зъ медомъ-патокою мѣшать.

2. Отъ орандаря разные напитки носили, пили розливали по хатѣ и самими напитками даже и коней поили.

3. Повбиравшись экзекуторскіе козаки въ мою одежу по селу ходили и, ругаючись, мовляли до людей: ходите до насъ благословенія прохаты, бо мы—благочестивые попы, у своего жъ попа не берить благословенія, бо винъ жидъ, а не пипъ.

4. Тіи же самые подушки, которые подъ кони клали, повкидали въ бочки и буряковымъ квасомъ пообливали.

5. Посадивши меня между собою, скверныя басни выкрикали.

6. Когда тіи басни выкрикували, единъ козакъ, узявши мене за бороду, и другій за усы, ротъ мой роздырали, а третій козакъ дымъ изъ люльки въ ротъ мой пускалъ.

7. Увязавши за тайный удъ мотузомъ, вѣшали мене до жердки и, когда я висѣлъ, кіями въ бока мои штурхали и мовляли такъ: „нехай тебе, благочестивче, ваша осударыня зъ нашихъ рукъ вызволяе".

8. Отвязавши мене отъ жердки, надягли на мене два кожуха, мене за пичъ запхали, а тимъ часомъ почали конскимъ гноемъ курить идо того мовили: „пей, благочестивче, вино, котораго вамъ Катерина, ваша осудариня, наварила".

9. Увидѣвши мене почти уже удушеннаго, окна и коминъ порозбивали.

10. Послѣ разныхъ мученій мене хотѣли взять еще въ неволю, а чтобъ не взяли, то дѣти мои дали имъ готовыхъ денегъ рублей 18.

11. А потомъ шукаючи причины на моихъ дѣтей, еднаго сына моего узяли у неволю, у котораго вымучили рублей 12, кромѣ иншихъ экспенсовъ".

Эти антики уніатскихъ неистовствъ внесены въ вѣдомость, составленную 3 августа 1780 года намѣстникомъ Корсунской протопопіи Андреемъ Вартминскимъ и представленную переяславскому Епископу Иларіону.

Всѣ православные украинскіе протопопы и священники терпѣливо переносили всякаго рода тиранства и неистовства экзекуторовъ, собиравшихъ харитатыву. Но въ Жаботинскомъ ключѣ Чигиринской протопопіи, по распоряженію Мошенскаго уніатскаго дзѣкана Іосифа Гдишицкаго, уніатскіе парохи села Прусъ Журавскій и Цариковскій и села Пляковки Заіончковскій вздумали замѣнить денежную харитатыву женами и взрослыми дочерями совершенно несостоятельныхъ священниковъ Куликовскаго, Головятинскаго, Ревовскаго и Яровецкаго. Такая замѣна не осталась безнаказанною для виновниковъ ея. Экзекуторскій поѣздъ, нагруженный живымъ товаромъ, медленно двигался дорогою мимо Жаботинскихъ церковныхъ полей, на которыхъ многолюдною толокою, въ началѣ іюля 1779 года,

собиралъ свои посѣвы Жаботинскій крестовый протопопъ Григорій Тимофеевичъ Орловскій. Повязанныя веревками жертвы уніатскаго неистовства стали кричать „ратуйте, хто въ Бога вируе“. Заслышавши отчаянный вопль и окруживши съ своими рабочими экзекуторскій поѣздъ, отецъ Орловскій повязанныхъ священническихъ женъ и дочерей освободилъ, а надъ парохами сперва поглумился, смазавши лица ихъ смолою, а потомъ каждому изъ нихъ велѣлъ отсчитать батожьемъ по достаточному числу ударовъ. Отпуская пароховъ, Орловскій присовокупилъ: „теперь всякій, хто васъ забачить, то заразъ пизнае по вашимъ харямъ, що вы збираете харитатыву“, и велѣлъ кланяться Мошенскому дзѣкану, „что и его привелебіе такои же харитатывы достане, якъ понавидается до Жаботина“.

Расправа съ уніатскими парохами не прошла даромъ протопопу Орловскому. Эти парохи рѣшились отмстить ему самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Пригласивши польскихъ жолнѣровъ, они въ сентябрѣ того же года неожиданно напали на домъ Орловскаго и, предавши огню все его имущество, его самого тяжко изувѣчили и потомъ рѣшились было бросить въ огонь. Впрочемъ замыселъ ихъ не былъ исполненъ, благодаря прибытію на пожаръ князя Любомірскаго, который властію своею спасъ жизнь изувѣченнаго и приговореннаго къ сожженію. Спустя 14 лѣтъ послѣ этого печальнаго случая въ своей жизни, протопопъ Орловскій совмѣстно съ игуменомъ Лебединскаго монастыря Даніиломъ возсоединилъ уніатовъ Житомірскаго Округа.

Православные украинскіе монастыри въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1776—1781) отказывались отъ взноса Subsidii charitativi и Emerigentiae, но наконецъ и они привлечены были къ этому взносу постановленіемъ Люблинскаго Провинціальнаго сейма, послѣдовавшаго 2 мая 1781 года. Постановленіе это въ переводѣ на русскій языкъ читается такъ: „поелику подать Subsidium charitativum и Emerignetia Варшавскимъ конгрессомъ наложена на всѣ, безъ исключенія, монастыри Кіевской архидіецезіи, а между тѣмъ законники неуниты въ теченіе ис-

текшихъ пяти лѣтъ уклонялись отъ взноса этой подати и ее за нихъ и за себя, боясь военной экзекуціи, уплачивали до Короннаго скарбу законники уніатскихъ монастырей, и такъ какъ послѣдніе протестовали, предъ кѣмъ слѣдовало, о своихъ прошедшихъ и будущихъ убыткахъ въ этомъ дѣлѣ, то по этой причинѣ и состоялось постановленіе Посполитой Рѣчи о взысканіи Subsidii charitativi и Emerigentiae, за истекшіе пять лѣтъ, съ каждаго изъ неунитскихъ монастырей Кіевской архидіецезіи. А какая сумма сей подати должна быть взыскана отдѣльно съ каждаго изъ сихъ монастырей за истекшіе пять лѣтъ—это показывается въ ниже слѣдующей табеллѣ".

	Subsidii charitativi.		Emerigentiae.		А всего.	
	Польскихъ злотыхъ.	грошей.	Пол. зл.	гр.	Пол. зл.	гр.
Отъ Богуславскаго	345	„	36	5	381	5
— Чигиринскаго	230	10	20	„	250	10
— Корсунскаго	340	10	36	5	376	15
— Лебединскаго	800	„	91	15	891	15
— Мотронинскаго	800	„	91	15	891	15
— Мошенскаго	800	10	91	15	891	25
— Виноградскаго	230	10	20	„	250	10
— Ржищевскаго	340	20	36	5	376	25
— Св. Онуфріевск. Жаботинскаго	385	„	39	5	424	5
— Медведовскаго	385	„	39	5	424	5
— Терехтемировскаго . . .	330	„	35	„	365	„
— Бершадскаго	345	„	36	5	381	5
Всего					5904	15

„Прописанные греко-неунитскіе монастыри, состоящіе въ Кіевской архидіецезіи на Украинѣ, обязательно приглашаются къ уплатѣ за всѣ истекшіе пять лѣтъ въ Коронный скарбъ залеглую за ними подать—Subsidium charitativum и Emerigentiam каждый въ той суммѣ, которая выше обозначена и которая за нихъ уже внесена греко-унитскими монастырями той же архидіецезіи".

„Истребованіе таковой суммы, т. е. 5904 польскихъ злотыхъ и 15 грошей и притомъ при помощи военной экзекуціи, если это окажется нужнымъ, государственною комиссіею поручается произвести въ теченіе текущаго года пречестному отцу Іустину Погорлецкому, суперіору и миссіонеру Лисянскаго монастыря. Для большаго вѣса и вѣры настоящая информація моею собственною рукою подписывается съ приложеніемъ большой государственной печати. Люблинъ мая 2 дня 1781 года.

Орестъ Нахимовичъ, Секретарь Польской Короны".

Упомянутый суперіоръ Погорлецкій, получивши прописанную информацію, немедленно объѣхалъ всѣ украинскіе православные монастыри и, сообщивши игуменамъ копію ея, приказалъ имъ, съ угрозою военной экзекуціи, притотовить къ 8 сентября 1781 года, для взноса ему ту сумму Subsidii charitativ и Emerigentiae, какая показана въ информаціи.

Опасаясь военной экзекуціи, которая всегда сопровождалась безпощаднымъ грабежомъ и разореніемъ монастырей, игумены Чигиринскаго, Лебединскаго, Мотронинскаго, Мошенскаго, Виноградскаго, Онуфріевскаго (Жаботинскаго), Медведовскаго, Терехтемировскаго и Бершадскаго монастырей поспѣшили къ назначенному сроку приготовить и выдать Погорлецкому за истекшіе пять лѣтъ, какъ Subsidium charitativum, такъ и Emerigentiam, чѣмъ предотвратили отъ ввѣренныхъ имъ монастырей военную экзекуцію со всѣми ея послѣдствіями. Но не такъ поступили игумены Богуславскаго монастыря Анемподистъ, Корсунскаго Онуфріевскаго—Елеазаръ и Ржищевскаго—Аркадій. Считая потребованную отъ нихъ подать нарушеніемъ вѣчнаго трактата (1768) г.) Россіи съ Польскимъ Королевствомъ, они рѣшились, для защиты отъ нея, обратиться съ своими просьбами къ преосвященному Иларіону, епископу Переяславскому. Починъ въ этомъ дѣлѣ учинилъ игуменъ Богуславскаго монастыря, тѣмъ болѣе, что суперіоръ Погорлецкій ему первому изъ украинскихъ игуменовъ вручилъ копію выше-прописанной информаціи Люблинскаго сейма.

10 іюля 1781 года игуменъ Анемподистъ съ нарочнымъ іеромонахомъ послалъ преосвященному Иларіону слѣдующее про-

шеніе: сего іюля 8 дня пріѣздилъ въ монастырь Богуславскій суперіоръ Іустинъ Погорлецкій съ объявленіемъ Королевскаго расположенія о взысканіи Subsidii charitativi зо всѣхъ монастырей, наченши отъ Овруцкаго даже до Чигринскаго, не минуя ни уніатскихъ, ни благочестивыхъ по всей Украинѣ обрѣтающихся, въ которомъ расположеніи за пять годъ положено на мой монастырь Богуславскій польскою монетою 381 злотый и грошей 5, и того россійскою монетою пятьдесятъ семь руб. семнадцать копѣекъ съ половиною. И означенныя деньги на столъ Короля польскаго опредѣлено означенному суперіору Іустину Погорлецкому збирать со всей Украины зъ монастырей, по диспозиціи митрополита Іассона Смогоржевскаго, и положенъ срокъ до прійдучаго сентября 8 числа. Сего страшнаго оклада я не надѣялся быть никогда, и за скудостію моего монастыря не только означенной суммы, но ни единаго рубля въ казнѣ монастырской на лицо не имѣется; буди же означеннаго оклада къ показанному сроку не будетъ, то экзекуція королевской команды прислана быть имѣетъ. И въ такомъ горестномъ состояніи и приключеніи донося вашему преосвященству, прошу милостиваго архипастырскаго защищенія и наставленія въ непродолжительномъ времени, дабы за неполученіемъ резолюціи не довелось монастырю моему разоренія.

Такого же содержанія прошенія 23 числа тогоже іюля поступили къ преосвященному Иларіону и отъ игуменовъ Ржищевскаго и Корсунскаго съ тѣмъ только различіемъ, что Корсунскій игуменъ къ концу прошенія своего присовокупилъ: Корсунскій монастырь издревле есть православный... и подъ окладомъ, собираемымъ на уніатскихъ митрополитовъ, никогда не былъ, особливо же на столъ Королевскій збору никогда не было, да и нынѣ собирается не на Королевскій столъ, а только подъ протекстомъ Королевскаго стола на митрополита Смогоржевскаго.

По заслушаніи прошеній, поступившихъ отъ игуменовъ Богуславскаго, Ржищевскаго и Корсунскаго, Переяславская духовная консисторія 26 іюля послала къ нимъ и къ игуменамъ прочихъ православныхъ украинскихъ монастырей указы слѣдующаго

содержанія: по указу Ея Императорскаго Величества въ духовной Переяславской Консисторіи заслушаны доношенія игуменовъ Богуславскаго, Корсунскаго и Ржищевскаго, что суперіоръ Іустинъ Погорлецкій, сего іюля бывши во всѣхъ православныхъ украинскихъ монастыряхъ, объявлялъ расположеніе, отъ уніатскаго митрополита Іассона Смогоржевскаго ему данное, о собираніи со всѣхъ уніатскихъ и православныхъ монастырей и церквей, на Украинѣ состоящихъ, якобы на столъ Королевскій денежнаго оклада... означивъ притомъ для выстатченія онаго оклада срокъ сего года 8 сентября неотмѣнно, съ тѣмъ, что если на тотъ срокъ выстатченъ не будетъ, то экзекуціею Королевскаго войска имѣетъ быть взысканъ: а понеже въ вѣчно заключенномъ отъ Россіи съ Польскимъ королевствомъ трактатѣ, въ актѣ первомъ сепаратномъ, артикулѣ второмъ, параграфѣ седьмомъ по протчемъ узаконено такъ: отъ платежа, во злоупотребленіе вшедшаго и называемаго jus Stolae, диссиденты и греки неуниты увольняются вовсе, и римскія духовныя власти ни подъ какимъ видомъ никакого платежа требовать не должны, для того съ резолюціи его преосвященства приказали: предложить вамъ указомъ и предлагается съ тѣмъ, что какъ вашъ монастырь издревле есть православный и кромѣ своей власти болѣе никакой не подлежитъ, то и окладу суперіоромъ Погорлецкимъ требуемаго давать по силѣ прописаннаго узаконенія вовсе не слѣдуетъ,—чѣмъ и защищаться и чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу.

Того же 26 іюля за № 117 преосвященный Иларіонъ отправилъ въ Св. Синодъ слѣдующее доношеніе: „Сего года 13 апрѣля заграничный Чигиринскій протопопъ Максимъ Левитскій представилъ мнѣ доношеніемъ, что нѣякійсь уніатъ Іосифъ Гдишицкій, именующійся Чигринскимъ и Мошенскимъ дзѣканомъ, разослалъ отъ имени уніатскаго митрополита Іассона Смогоржевскаго печатный универсалъ по всѣмъ православнымъ церквамъ, требуя по оному таковажъ исполненія, какъ предписано въ немъ по уніатскимъ приходамъ, чѣмъ де все священство православное приведено въ крайнее смущеніе. Равнымъ образомъ и по всѣмъ православнымъ монастырямъ на

Украинѣ разосланъ универсалъ таковой же. Сего жъ іюля отъ монастырей Богуславскаго, Корсунскаго и Ржищевскаго представлено особыми доношеніями, что Лисянскаго монастыря суперіоръ Іустинъ Погорлецкій, самъ будучи въ оныхъ монастыряхъ, объявлялъ копію расположенія отъ митрополита онаго Іассона Смогоржевскаго о собираніи со всѣхъ украинскихъ уніатскихъ и православныхъ монастырей якобы на столъ королевскій суммы за пять истекшихъ лѣтъ и срокъ означилъ до 8 слѣдующаго сентября, съ тѣмъ что если въ то число таковъ окладъ положенный отданъ не будетъ, то де имѣетъ быть взысканъ строжайшею королевскаго войска экзекуціею. А какъ въ учиненномъ 1768 года трактатѣ акта перваго сепаратнаго, артикула 2 по 7 параграфу точно заключено, что отъ платежа, во злоупотребленіе вшедшаго и называвшагося jus stolae, диссиденты и греки неуниты увольняются вовсе, и римскія духовныя власти ни подъ какимъ видомъ никакого платежа требовать не должны; то хотя жалующимся и приказано отъ меня онымъ защищаться постановленіемъ, но что уніатскія на православныхъ стремленія, въ противность всѣхъ законовъ, безъ всякаго уваженія дерзновенны; затѣмъ оные универсалъ митрополитанскій и доношенія помянутыхъ монастырей и Чигиринскаго протопопа самые подлинные подъ милостивое Святѣйшему Правительствующему Синоду разсмотрѣніе и резолюцію всенижайше у сего прилагаю“.

На репортъ преосвященнаго Иларіона Св. Синодъ указомъ своимъ отъ 17 сентября 1781 г. за № 1883 отвѣтилъ, что „универсалъ митрополита Смогоржевскаго и прошенія игуменовъ Богуславскаго, Корсунскаго и Ржищевскаго отосланы въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ на примѣчаніе при указѣ, дабы оная къ защищенію находящагося въ Польшѣ православнаго духовенства отъ чинимыхъ ему уніатами притѣсненій и насильственныхъ несносныхъ поборовъ не оставила, чрезъ кого слѣдуетъ, употребить возможныя мѣры, по своему благоизобрѣтенію“.

Копію сего Синодальнаго указа Переяславская Консисторія при своемъ указѣ отъ 31 октября 1781 года за №№ 155—

175 разослала во всѣ украинскіе православные монастыри и духовныя правленія. Одновременно съ тѣмъ Консисторія сообщила во всѣ украинскія духовныя правленія и копію своего указа, посланнаго украинскимъ игуменамъ 26 іюля 1781 г.

Указы, разосланные Переяславскою Консисторіею, не защитили ни бѣлаго, ни монашествующаго духовенства отъ взысканія Subsidii charitativi. Въ репортѣ, поданномъ 10 февраля 1782 года въ Переяславскую Консисторію, игуменъ Богуславскаго монастыря Анемподистъ взысканіе Subsidii charitativi и Emerigentiae съ ввѣреннаго ему монастыря такъ описалъ: „сего 1782 г. генваря 22 числа суперіоръ Погорлецкій, при немъ офицеръ польскій Казимѣръ Рублевскій, два жолнѣры и четыре служители, прибывъ прямо въ мой монастырь съ повозками и лошадьми и только что повидѣвшись со мною въ келіи, тотчасъ офицеръ съ шумомъ и бранью вездѣ пошолъ по монастырю и, расположивъ около церкви свой поѣздъ, а жолнѣровъ и служителей по братерскимъ келіямъ, съ азартомъ воротился ко мнѣ въ келію и требовалъ выстатченія для лошадей и людей всякаго довольствія: я между тѣмъ дѣйствительно отъ суперіора увѣдомився, что онъ пріѣхалъ для взысканія вышепомянутаго оклада, внушалъ ему силу Консисторскаго указа, а особливо предлагая ему для внятія и копію Святѣйшаго правительствующаго Синода указа, изъ духовной Консисторіи полученную, защищался оными отъ оклада, яко не надлежащаго отъ монастыря, напротиву чего суперіоръ съ гордостію и презрѣніемъ сказалъ, что онъ не точію указовъ, но и трактата не уважаетъ; а офицеръ, въ великую пришедъ суровость и обращаясь по келіи съ шумомъ и грубостію, означилъ въ келіи моей квартиру для себя, а для суперіора въ чуланчику, мнѣ же приказалъ выбраться вонъ. Потомъ паки вездѣ по монастырю пошедъ, всѣхъ монашествующихъ повыгонилъ изъ келій, также и скотъ монастырскій весь, съ подъ сарая выгнавъ, а свои лошади поставивъ, сѣно и овесъ, гдѣ неповидѣвъ, приказалъ брать и давать лошадямъ съ великимъ излишествомъ. И такимъ образомъ занявъ весь монастырь и отъ часу на часъ умножая помянутый офицеръ свою суровость,

привелъ меня до того, что лошадямъ фуражъ и людямъ провизію принужденнымъ былъ выстачать съ такимъ довольствіемъ, какова требовали, яко то: для десятерыхъ лошадей, кромѣ сѣна на кормъ и на постелю, брали овса на день по пять четвериковъ, для жолнѣровъ съ служителями на обѣдъ и ужинъ рыбу и мясиво за послѣдніе милостынные деньги куповано и давано, а горѣлки не точію во время обѣда и ужина, но и чрезъ весь день, когда имъ вздумалось, тогда требовали и давано было: ибо хотя я между тѣмъ являлся въ здѣшній Богуславскій замокъ съ объявленіемъ такова нахальства и обиды и съ прошеніемъ защищенія, но и тамъ отказано съ насмѣшкою. Прописанные же суперіоръ и офицеръ, продолжая свои суровства, первый безпрестанно требовалъ отдачи денегъ, а другой, разогнавъ и послушниковъ зъ монастыря до послѣдняго человѣка, началъ употреблять на сторожу къ лошадямъ монашествующихъ: (а именно стоялъ на сторожѣ цѣлую ночь монахъ Ананія), съ произношеніемъ похвалокъ еще прибавить войсковой команды и ограбить зъ церкви святое евангеліе съ чашею, къ чему хотя суперіоръ и несоглашался, но неотступно требовалъ денегъ, однако офицеръ Рублевскій началъ было усиливаться къ тому, чтобы ограбить церковь. Какову крайность я нижайшій видя и предразсуждая, что сія обитель, всечастнымъ гоненіямъ будучи подвержена, и все свое содержаніе отъ труда рукъ, да милостыннаго подаянія имѣетъ, а особливо церковь Божія самонужнѣйшими къ священнослуженію книгами, сосудами и одѣяніями снабдѣна отъ принявшихъ на себя христолюбивыхъ ктиторей имя, мимо вѣдома которыхъ естьлибы подлинно заграблены были церковныя вещи, то, кромѣ всегдашняго отъ оныхъ ктиторей нарѣканія, не лишиться бы напредки и пособія ихъ, за необходимое по общему всей братіи совѣту почелъ дать знать о томъ ктиторамъ, кои, по отличной своей къ православію ревности собрався въ монастырь и также иными къ защищенію средствами ничего не успѣвъ, согласились положить требуемый окладъ общественно отъ себя и положили всего шестьдесятъ девять рублей сорокъ копѣекъ, да на экспенсъ ихъ издержано рублей болѣе десяти. А за приня-

тіемъ денегъ суперіору и офицеру, по вымогательству ихъ, дано по рублю и жолнѣрамъ съ служителями рубля; напослѣдокъ при выѣздѣ изъ монастыря суперіоръ объявлялъ, чтобы и напредки ежегодно таковъ окладъ заготовляемъ и за востребованіемъ отдаваемъ былъ безъ всякаго прекословія, а въ случаѣ еще какова либо сопротивленія съ большею и строжайшею экзекуціею взысканнымъ будетъ. Для того духовной Переяславской Консисторіи о выше писанномъ представляя, всепокорнѣйше прошу отъ таковыхъ совсѣмъ не надлежащихъ поборовъ милостиваго покровительства и благоразсмотрѣнія. Но какъ въ таковыхъ напредки случаяхъ поступать—не оставить еще снабдить въ резолюцію указомъ. По каковому же расположенію оный суперіоръ таковъ окладъ взыскалъ—прилагаю у сего точную копію информаціи".

Подобнаго же содержанія доношенія объ экзекуціонномъ взысканіи Subsidii charitativi и Emerigentiae въ началѣ февраля 1782 года поступили въ Переяславскую Консисторію и отъ игуменовъ Корсунскаго и Ржищевскаго монастырей.

Всѣ доношенія объ экзекуціонномъ взысканіи этой подати, какъ отъ бѣлаго, такъ и отъ монашествующаго Украинскаго духовенства Преосвященный Иларіонъ при репортахъ своихъ немедленно отправлялъ въ Святѣйшій Синодъ, откуда они чрезъ Коллегію иностранныхъ дѣлъ препровождались въ Варшаву чрезвычайному и полномочному русскому посланнику графу Стакельбергу съ предписаніемъ „здѣлать польскому королю и его непремѣнному совѣту сильнѣйшее представленіе для совершеннаго пресѣченія противозаконно взымаемаго уніатскими духовными властями налога и для поправленія всѣхъ обидъ, причиненныхъ единовѣрному духовенству отъ духовенства уніатскаго".

Настоятельныя требованія графа Стакельберга увѣнчались успѣхомъ въ началѣ іюля 1782 года. Сообщая о таковомъ успѣхѣ, Святѣйшій Синодъ въ указѣ своемъ, послѣдовавшемъ 24 августа того же года за № 1540 на имя Переяславскаго епископа Иларіона, писалъ такъ: Святѣйшему Правительствующему Синоду Коллегія Иностранныхъ дѣлъ доношеніемъ сво-

имъ представила, что вслѣдствіе отправленнаго въ Варшаву отъ 13 іюня 1782 года рескрипта. . . не оставилъ посолъ графъ Стакельбергъ сдѣлать его величеству королю польскому и его непремѣнному совѣту сильнѣйшее представленіе для совершеннаго пресѣченія и поправленія всѣхъ обидъ, причиненныхъ заграничнымъ нашимъ единовѣрцамъ отъ уніатскаго духовенства, которое возымѣло уже желанный успѣхъ, и что для переду должно ожидать совершеннаго спокойствія православнымъ монастырямъ и церквамъ . . . и запискою отъ канцлера литовскаго Хребтовича отъ 8 іюля 1782 года дано предписаніе уніатскому митрополиту Смогоржевскому, дабы никакая подать подъ названіемъ Subsidium charitativum, или подъ инымъ какимъ, не была собираема уніатскимъ духовенствомъ съ монастырей и церквей неунитскихъ . . . . и что митрополитъ Смогоржевскій, по моему приказу, велитъ прото-архимандриту Моргульцѣ принудить суперіора Погорлецкаго не токмо ничего не требовать отъ монастырей неунитскихъ подъ именемъ Subsidii charitativi и Emerigentiae, но и возвратить помянутымъ монастырямъ при свидѣтеляхъ все полученное имъ отъ нихъ....".

Принудилъ ли протоархимандритъ Моргулецъ суперіора Погорлецкаго возвратить православнымъ украинскимъ монастырямъ взысканную отъ нихъ за пять лѣтъ Харитатыву и Эмеригенцію—въ дѣлахъ консисторскаго архива свѣдѣній объ этомъ мною не найдено. Что же касается бѣлаго православнаго украинскаго духовенства, то о возвращеніи взысканной отъ него харитатывы съ 1776—1782 годъ ни слова не сказано въ приказѣ канцлера Хребтовича, 8 іюля 1782 года послѣдовавшемъ на имя митрополита Смогоржевскаго. Предполагаемъ, что православное украинское духовенство, по справедливому выраженію протопопа Максима Левитскаго [1]) „совершенно ободранное, ограбленное, обнаженное, лишенное даже своего хлѣба и состоявшее въ большихъ долгахъ", и не рѣшалось поднимать во-

---

[1]) См. доношеніе его преосвященному Иларіону отъ 9 декабря 1778 г., напечатанное 1891 г. въ Подол. Епарх. вѣд. въ моей статьѣ: матеріалы для исторіи православія въ Брацлав. воеводствѣ съ 1776—1782 г.

просъ о возвращеніи ему взысканной съ него харитатывы уніатскими официалами и дзѣканами, которые въ этой подати нашли для себя „источникъ обогащенія и роскоши", какъ засвидѣтельствовали священники Стоцкій и Зелѣнкевичъ въ своемъ меморіалѣ, поданномъ польскому королю въ ноябрѣ 1778 года.

Прот. Петръ Орловскій.

КІЕВЪ ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Способъ заселенія Новаго Кіева и обороны бывшей столицы кіевскаго княжества отъ всякой опасности безъ обремененія его величества короля и безъ затратъ для короны польской, объясненный господамъ посламъ будущаго краковскаго сейма[1]).

Сочиненіе Іосифа Верещинскаго, Божіею милостью бискупа Кіевскаго, аббата Сѣцѣховскаго[2]).

Милостивые государи братья! Отъ всего сердца желаю Вамъ милости и безопаснаго покоя въ Новомъ Году отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа, который предалъ себя за грѣхи наши, чтобы освободить насъ отъ нынѣшняго злаго свѣта, по волѣ Бога и Отца нашего.

Имѣя въ виду, милостивые государи братья, свою присягу, которою я присягнулъ моему Государю совѣтовать и препираться при каждой бѣдѣ, угрожающей Рѣчи-Посполитой, и не желая быть клятвопреступникомъ, я счелъ нужнымъ и умѣстнымъ, по обязанности сенатора, сообщить Вамъ о громадной опасности, угрожающей отъ пограничныхъ непріятелей столицѣ славнаго нѣкогда княжества Кіевскаго. При нашей заспанности и нерадивости мы доведемъ ее рано или поздно до полнаго отчаянія. Поэтому необходимо и своевременно, чтобы Вы, милостивые государи братья, по праву пословъ походатайствовали передъ Его Величествомъ Королемъ, чтобы онъ на этомъ-же сеймѣ принялъ

¹) Ближайшія по времени описанія Кіева принадлежали Эриху Ляссотѣ (1594) и Райнольду Гейденштейну (1596). См. Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева, 1874, стр. 15—24 втораго отдѣла.

²) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 2, ст. А. Стороженка.

мѣры къ охранѣ столицы Кіевскаго княжества отъ пограничныхъ опасностей; теперь есть еще время и мѣсто подумать объ этомъ и принять мѣры къ устройству сильной обороны. Для этого достаточно обратить въ города два стародавнихъ огромныхъ замка, которые нѣкогда были стольными кремлями Кіевскаго княжества, а теперь опустѣли. Это будетъ способъ, по моему мнѣнію, легкій и такой, при которомъ ни Его Величество Король, ни Рѣчь-Посполитая не истратятъ ни одного гроша, а между тѣмъ съ теченіемъ времени ежегодная кварта въ Раву [1]) отъ Кіевскаго староства увеличится болѣе, чѣмъ на 1.000 злотыхъ [2]). Съ Божіею помощью это устроится не только безъ нарушенія публичнаго права, но и безъ затратъ для Короны Польской.

Кіевъ—городъ издавна знаменитый и къ тому-же древній, хотя онъ никогда не былъ, какъ думаютъ иные люди, Троей. Расположенъ онъ надъ славною рѣкою Днѣпромъ, которая впадаетъ въ Черное Море. Раньше этотъ городъ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, занималъ шесть миль [3]); это подтверждаютъ и теперешнія развалины. Онъ имѣлъ въ себѣ до пятисотъ церквей, роскошно выстроенныхъ, но отъ нихъ, какъ и отъ самого города, уцѣлѣли лишь слабые признаки. Выше всѣхъ церквей стоялъ по значенію храмъ въ стольномъ Кіевскомъ кремлѣ, названный по-гречески „Софія", т. е. Премудрость Божія. Храмъ этотъ былъ отстроенъ роскошно и не имѣлъ цѣны. Не только само зданіе храма было выведено изъ камня, похожаго на халцедонъ, но и внутри, вмѣсто живописи красками, онъ былъ украшенъ изображеніями святыхъ лицъ изъ золоченныхъ

¹) Квартой называлась четвертая часть доходовъ, назначенныхъ на содержаніе королевскаго двора, которая, по мысли Петроковскаго сейма 1563 года, должна идти на содержаніе постоянныхъ войскъ для защиты границъ королевства. Касса, куда поступалъ этотъ доходъ, помѣщалась въ г. Равѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ Петроковской губерніи. Подробности см. въ сочиненіи проф. Павинскаго „Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego. Źródła dziejowe, Том. VIII., W. 1881. стр. 132—141.

²) Польскій злотый стоилъ въ 1590-хъ годахъ на наши деньги около 1 р. 35 к., такъ что 1.000 злотыхъ равняется 1350 рублямъ.

³) Польская миля считалась въ 2699, въ 3037 и въ 3374 русск. сажен. Шесть миль составляло отъ 30 до 42 верстъ.

и эмальированныхъ камешковъ разныхъ цвѣтовъ; иконы эти были сдѣланы съ такимъ тонкимъ искусствомъ, что изображенные на нихъ святые могли показаться живыми людьми. Этотъ Кіевскій храмъ былъ выстроенъ по образцу Константинопольскаго Софійскаго, при которомъ находился патріаршій престолъ. Вверху онъ увѣнчанъ двѣнадцатью куполами, а тринадцатый куполъ, на подобіе фонаря, высится надъ срединой церкви Внутри этотъ послѣдній куполъ украшенъ изящными мозаичными изображеніями четырехъ евангелистовъ и иныхъ апостоловъ и прекрасно освѣщаетъ почти всю церковь. Весьма многіе согласны въ томъ, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ храмовъ, которые по драгоцѣнности и изяществу украшеній стояли-бы выше Константинопольскаго и Кіевскаго (оба построены по одному плану). Хотя Кіевскій храмъ меньше Константинопольскаго, но все-таки онъ одинъ со всѣми своими придѣлами равняется по пространству двумъ такимъ храмамъ, какъ костелъ св. Станислава въ Краковскомъ замкѣ. Къ сожалѣнію эта святыня въ настоящее время не только сдѣлалась помѣщеніемъ рогатаго скота, лошадей, собакъ и свиней, но и теряетъ свои украшенія отъ дождей, проникающихъ сквозь дырявую крышу. Кое-гдѣ и стѣны начали уже падать. Виною тому—плохой присмотръ со стороны Кіевскихъ митрополитовъ и равнодушіе господъ греческой вѣры. Этому горю можно было-бы легко пособить, если-бы господа греческой вѣры вмѣстѣ съ своими митрополитами снова истинно полюбили-бы Господа Бога. Тоже самое дѣлается и съ Кіевскимъ бискупствомъ и съ его каѳедральнымъ храмомъ, отъ котораго и остатковъ нѣтъ. Католики въ Кіевѣ болѣе ста лѣтъ не имѣли своихъ собственныхъ бискуповъ и жили, какъ овцы безъ пастырей. Я не засталъ у нихъ ни ксендза, ни костела, ни алтаря, а только каплички въ замкѣ, въ которую замковые урядники изъ пренебреженія къ ней запирали своихъ лошадей, да костеликъ Доминиканцевъ съ однимъ монахомъ при немъ [1]). Не только Татары были причиной такого запустѣнія, но также Кіевскіе обыватели греческой вѣры, которые

---

[1]) Доминиканскій костелъ св. Николая находился въ это время на мѣстѣ нынѣшней духовной семинаріи.

умышленно изо всѣхъ силъ уничтожали, опустошали и угнетали католическія учрежденія. Они присвоили себѣ и распредѣлили между собой бискупскія земли, опредѣленныя на костелъ; но этимъ путемъ они ничего не выиграли ни для своихъ усадьбъ, ни для вѣры, а, напротивъ, жестоко были наказаны за это Господомъ Богомъ, а именно они были со всѣмъ своимъ потомствомъ взяты въ рабство—одни къ Туркамъ, а другіе—въ татарскія орды. Они щепотками расхватывали достояніе римскаго костела, а Татары, съ попущенія Божія, цѣлою горстью хватали ихъ самихъ и ихъ добро; они изо всѣхъ силъ угнетали хвалу Господню и древнюю католическую вѣру, устраивая на грунтахъ, пожертвованныхъ Господу Богу и освященныхъ, свои дворы, конюшни и хлѣвы, а Господь Богъ руками Турокъ и Татаръ не только уничтожалъ славу ихъ, сжигая и обращая въ прахъ ихъ имущества, но и отдавалъ язычникамъ на развратъ ихъ женъ, дочерей и дѣтей. Люди греческой вѣры и обыватели Кіевскіе опустошили одинъ каѳедральный костелъ Кіевскаго бискупа и четыре другихъ костела, а за то Господь Богъ 500 церквей греческой вѣры въ одномъ Кіевѣ не только смѣшалъ съ землею или обратилъ въ прахъ, но и отдалъ иныя, построенныя подобно большимъ замкамъ съ огромными затратами,—на логовища медвѣдямъ, волкамъ, скоту, собакамъ и пороснымъ свиньямъ. Самый митрополитанскій храмъ въ Кіевѣ, посвященный св. Софіи, т. е. Премудрости Божіей, который представляетъ единственное чудо въ свѣтѣ, но на который Русскіе не обращаютъ вниманія,—оскверняется и теперь берлогами разнѣхъ звѣрей. Къ тому-же Кіевъ имѣлъ собственныхъ земель пространствомъ болѣе, чѣмъ на 50 польскихъ миль, и два стольныхъ кремля, расположенныхъ другъ противъ друга и принадлежавшихъ двумъ роднымъ братьямъ, Кію и Щеку. Они и теперь еще стоятъ пустыми, окруженные огромными земляными валами. Валы эти, еслибы нанимать грабарей, съ большой натяжкой едва-ли можно было-бы насыпать за 500,000 червонцевъ [1]). Одинъ изъ этихъ двухъ пустыхъ кремлей захва-

[1]) Сумма эта на наши деньги составляетъ около полутора милліона рублей

тываетъ такое пространство, какое—краковскія стѣны со всѣмъ своимъ замкомъ. Этотъ кіевскій старинный кремль, запущенный еще до тѣхъ поръ, какъ началось процвѣтаніе кіевской столицы, имѣетъ валы такой высоты, какъ костелъ св. Станислава въ краковскомъ замкѣ. Что касается другаго кремля, который и теперь еще стоитъ, то вскорѣ послѣ его разрушенія еще во времена язычества, и послѣ смерти бездѣтнаго упомянутаго выше Щека, родного брата Кія, онъ былъ заселенъ жидами. Со введеніемъ христіанства, по убѣжденію апостола кіевскаго св. Яцка [1]), они были изгнаны оттуда, такъ какъ замучили для своихъ жидовскихъ суевѣрій христіанское дитя, а ихъ мѣстожительство вмѣстѣ съ упомянутымъ кремлемъ отдано было польскими королями каѳедрѣ кіевскаго бискупства. Этотъ кремль и теперь называется жидовскимъ городомъ; послѣдній занимаетъ мѣстность стараго стольнаго кремля; онъ раздѣленъ въ срединѣ на двѣ половины двумя огромными валами, а вокругъ обсыпанъ также огромнымъ валомъ вышиною, какъ костелъ св. Станислава въ краковскомъ замкѣ; ширина и длина его, какъ Страдомъ между Краковомъ и Казиміромъ [2]). Необходимо подумать, чтобы эти два огромныхъ опустѣлыхъ старинныхъ кремля могли заселиться людьми безъ всякихъ расходовъ для Его Величества Короля и безъ обремененія для республики; чтобы эти люди охраняли огромные валы отъ пограничныхъ непріятелей и защищали почтенную столицу отъ различныхъ опасностей, а особенно отъ князя московскаго. Хорошо было-бы, если-бы эти огромные валы для болѣе крѣпкой обороны были-бы еще укрѣплены каменными башнями на стадію одна отъ другой, но въ кіевской сторонѣ нѣтъ не только камня для выжиганія извести, но и простаго камня для кладки, а есть только глина для выработки довольно порядочнаго кирпича. Положимъ, согласно

---

[1]) Яцекъ (Іакинѳъ) Одровонжъ, доминиканскій монахъ, род. 1183 г. ум. 1257 г.), по свидѣтельству его житія проповѣдывалъ католицизмъ въ Кіевѣ между 1222 г. и 1226 г. Житіе его напечатано въ IV т. Monumenta Poloniae historica (1884) стр. 818—910, съ предисловіемъ др. Цвиклинскаго. Критическая статья проф. Малышевскаго въ Трудахъ Кіев. Дух. Акад. 1867 г.

[2]) Страдомъ—предмѣстье Кракова.

новому изобрѣтенію, можно найти землю, пригодную для добыванія мергельной извести, и такимъ образомъ поскорѣе привести въ порядокъ старинныя стѣны. Но если-бы нельзя было достигнуть теперь такого совершенства, то нужно укрѣпить эти валы хоть деревянными башнями и снабдить новыя укрѣпленія пушками, гаковницами, и всѣми потребностями для обороны. Кромѣ того и теперешній кіевскій замокъ [1]) безъ замедленія долженъ быть приведенъ въ лучшій порядокъ, потому что теперь онъ не только пустъ, но и наполовину сгнилъ. Поэтому необходимо будетъ на предстоящемъ сеймѣ ради самого Бога постараться Вамъ, мои милостивые господа братья, окончательно этому помочь и конституціей крѣпко утвердить, чтобы эти два старинныхъ кремля были обращены въ поселенія двухъ городовъ: одинъ городъ Его Величества Короля, а другой—бискупа, такъ какъ послѣ вышеупомянутыхъ жидовъ онъ издавна принадлежалъ бискупамъ. Къ тому-же слѣдуетъ укрѣпить и теперешній замокъ, который расположенъ на довольно высокомъ холмѣ; холмъ подъ теперешнимъ замкомъ, на половину изгнившимъ, имѣетъ самъ по себѣ высоту краковской ратуши, а по ширинѣ и длинѣ онъ соотвѣтствуетъ краковскому замку со всѣмъ его пригородомъ. Вотъ этотъ-то теперешній замокъ на вышеупомянутомъ холмѣ, по природѣ высокомъ, долженъ быть возобновленъ, но своимъ порядкомъ должно быть устроено поселеніе на мѣстѣ прежняго княжескаго двора, на томъ роскошномъ холмѣ, гдѣ князь кіевскій, названный Кіемъ, имѣлъ свои великолѣпныя палаты. Другая гора отъ природы высока, похожа на упомянутую Кіеву гору и не уступаетъ ей по ширинѣ и длинѣ. Эти двѣ горы, какъ братъ съ сестрой, стоятъ въ разстояніи другъ отъ друга, какое занимаетъ Краковскій рынокъ. Вторая упомянутая гора называется бискупской горой

---

[1]) Кіевскій замокъ на той горѣ, гдѣ нынѣ кладбище флоровскаго монастыря, былъ подробно описавъ въ февралѣ—мартѣ 1552 г. Описаніе напечатано въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 106—122. Онъ былъ срубленъ изъ соснаваго дерева около 1542 г. городничимъ Иваномъ Служкою и сгорѣлъ около 1606 г. Варшавскій сеймъ 1607 г. постановилъ отстроить его вновь. См. Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева, 1874, III отд., стр. 56.

или Щекавицей, отъ князя Щека, роднаго брата князя Кія. На этой горѣ онъ имѣлъ свой особый дворъ, очень роскошный, отъ котораго теперь нѣтъ и признаковъ. Гора эта должна быть обращена въ бискупскій замокъ для его каѳедры, такъ какъ она не можетъ быть застроена никѣмъ инымъ, кромѣ самого Его Величества Короля или кіевскаго бискупа. Эти двѣ горы, равныя высотою, если будутъ укрѣплены стѣной и строеніями, то будутъ служить одна другой опорой въ годину опасности отъ непріятеля Короны Польской.

Чтобы это все могло осуществиться, необходимы—вмѣшательство Его Величества Короля вмѣстѣ съ ихъ милостями сенаторами и согласіе Васъ самихъ, милостивые господа братья. Тогда только эти два города въ столь огромныхъ валахъ будутъ заселены людьми. Кромѣ того эти два города съ вновь устроенными поселеніями необходимо снабдить особыми прерогативами и вольностями сравнительно съ другими польскими городами, потому-что они не будутъ имѣть такихъ удобныхъ полей для обработки и для добыванія пропитанія руками жителей, какія имѣютъ другіе города на всемъ пространствѣ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго. Жителямъ новыхъ поселеній едва достанется по одной лановой стадіи земли на каждаго для огородовъ внѣ валовъ, такъ какъ внутри валовъ каждому изъ нихъ не прійдется занять мѣста подъ усадьбу болѣе 8 саж. въ ширину и 12 саж. въ длину [1]). Къ тому же на воду у нихъ будетъ скупо, если не считать Днѣпровской, которая для питья очень нездорова. Если-бы теперешніе кіевляне не пользовались водою изъ ручьевъ и колодцевъ, или не пили-бы вмѣсто пива браги, напаренной изъ проса, которая мало чѣмъ разнится отъ водочныхъ помоевъ или отъ пивныхъ осадковъ, смѣшанныхъ съ дрожжами,—то всѣ они уже давно поиздыхали-бы. Мушкатель, мальвазію и другія вина, медъ, пиво и даже водку кіевлянамъ не дозволено не только гдѣ-либо продавать, но гдѣ-либо покупать, за исключеніемъ двухъ корчемъ—кіевской городской и бискупской. Бискупская

[1]) Польская сажень составляетъ 0,8 русской.

корчма теперь очень упала, потому-что не было въ Кіевѣ бискуповъ и католиковъ, а между тѣмъ они могли-бы извлекать изъ нея вѣрный доходъ, какъ это видно изъ счетовъ казначейства Княжества Литовскаго, такъ какъ за эту бискупскую корчму платили кіевскому бискупу и его канонику ежегодной аренды по 500 злотыхъ. Въ ожиданіи возрожденія этой упавшей бискупской корчмы кіевляне изъ своей корчмы шинкуютъ такое хорошее пиво своей варки, что если-бы налить его козѣ въ горло, то и она не дождалась бы третьяго дня, и такое прозрачное, какъ конская кровь. А въ медъ они подливаютъ тринадцать частей воды, но называютъ его тройникомъ. Этимъ медомъ люди не подкрѣпляются, а скорѣе отравляются, ибо этотъ милѣйшій тройникъ такой сладкій, какъ водка изъ изопа. Я не упоминаю о горѣлкѣ, которая можетъ угодить развѣ старому черту, но однако ее ежечасно пьютъ вмѣсто вина и простонародье ею упивается чуть не каждый день, заливая ею свое горе. Ибо такими страшными тягостями обремененъ городъ Кіевъ, что хуже и на свѣтѣ не можетъ быть, какъ въ немъ. Если кто изъ шляхты кіевскаго воеводства, пріѣзжающей черезъ каждыя 8 недѣль въ Кіевъ на кіевскіе, а иногда и на земскіе рочки, захочетъ, пріѣхавши въ Кіевъ, съѣсть или выпить что-либо въ свое удовольствіе, то долженъ всѣ припасы привозить изъ дому съ немалымъ обремененіемъ для себя и слугъ. Кіевскіе мѣщане только и имѣютъ ту прерогативу, что пользуются даровымъ лѣсомъ для отопленія и постройки, такъ какъ бору у нихъ не мало подъ бокомъ. Если каждый изъ нихъ не купитъ себѣ съѣстныхъ припасовъ, то не будетъ сытъ, потому-что они только и добываютъ себѣ пропитаніе отъ своихъ жалкихъ торговыхъ занятій. Самыми богатыми купцами являются Армяне: они достаютъ свои товары въ разныхъ монархіяхъ у сосѣднихъ народовъ и затѣмъ ихъ перепродаютъ; отсюда, а не откуда иначе—добываютъ они свое скудное пропитаніе и удовлетворяютъ домашнимъ потребностямъ; однѣ только люблинскія ярмарки приносятъ имъ болѣе замѣтный доходъ. Обративши вниманіе на это, необходимо сразу, какъ я говорю, снабдить эти новыя поселенія вмѣстѣ съ старымъ Кіевомъ болѣе значительными преро-

гативами и свободами сравнительно съ другими городами Его Королевскаго Величества.

1) Кіевъ королевскій отовсюду стѣсненъ не только врагами, но и въ земляхъ, которыя принадлежатъ митрополиту, архимандритамъ, монахамъ, игуменамъ и инымъ русскимъ попамъ. Чтобы эти два новыя поселенія могли быть основаны и чтобы старый Кіевъ, равно какъ старые и новые подданные кіевскаго бискупа—имѣли достаточно пространства для имущественнаго благосостоянія, необходимо ихъ сразу надѣлить, по милости Его Королевскаго Величества, землей на двѣ мили во всѣ стороны отъ Кіева: на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. На этомъ пространствѣ земель каждый изъ жителей можетъ имѣть свой хуторъ, а по-нашему фольваркъ, какъ для скота, такъ и для склада сѣна и иныхъ припасовъ, необходимыхъ для сноснаго пропитанія. Для пастбища скота также необходимо не малое пространство, безъ котораго не можетъ обойтись поселеніе, въ которомъ будетъ около 4-хъ тысячъ домовъ. Во имя Бога необходимо дать новымъ жителямъ просторное пастбище для ихъ скота и лошадей. Вѣдь Днѣпръ заноситъ свои луга иломъ и дѣлаетъ ихъ негодными для пастбища, потому-что если скотъ или лошади наѣдятся травы съ иломъ, то пропадаютъ тысячами и это вызываетъ потери, тягости и жалобные стоны у жителей.

2) Необходимо эти два новыхъ поселенія, по примѣру теперешняго стараго Кіева, снабдить правомъ магдебургскимъ.

3) Эти поселенія (какъ и теперешній старый Кіевъ) должны быть освобождены на вѣчное время отъ всякихъ таможенъ и пошлинъ.

4) Далѣе необходимо, чтобы имъ (т. е. новымъ жителямъ г. Кіева) дозволено было не только имѣть свои склады всякихъ напитковъ, а также, чтобы и вообще каждый желающій могъ продавать мушкатель, мальвазію, вино, пиво, водку и другіе напитки и заниматься торговлею на всякомъ мѣстѣ по желанію своему. Также, чтобы они, какъ люди торговые, могли доставлять товары изъ разныхъ монархій, платя только *обвѣстное* (объявительное) своему старостѣ; эту прерогативу имѣетъ и теперешній Кіевъ на основаніи своихъ правъ и вольностей.

5) Чтобы эти поселенія, насколько они будутъ щитомъ всей Украйны, были свободны на 30 лѣтъ отъ *чоповаго* и всякаго инаго налога.

6) Чтобы всѣ кіевскіе мѣщане могли свободно ловить рыбу въ Днѣпрѣ всякимъ способомъ и на всякомъ мѣстѣ и чтобы они за это обязаны были на вѣчныя времена отдавать только третью рыбу: подданные Его Величества Короля на королевскій замокъ, а подданные бискупа на бискупскій замокъ.

7) Чтобы имъ дозволено было имѣть свои пивоварни, винокурни, солодовни, воскобойни, вѣсы, сукновальни, мясныя ятки, склады сала, шкуръ, свѣчей, соли, бани и различные цехи.

8) Желая, чтобы славны кіевскіе города болѣе обогащались, необходимо, по милости Его Величества Короля, разрѣшить двѣ ярмарки, по шесть недѣль въ году каждая, такимъ способомъ: въ нижнемъ городѣ или въ старомъ Кіевѣ Его Королевскаго Величества ярмарка остается двѣ недѣли; въ другомъ нагорномъ новомъ Кіевѣ, принадлежащемъ также Его Королевскому Величеству,—другія двѣ недѣли; въ третьемъ городѣ, также нагорномъ, въ новомъ бискупскомъ Кіевѣ, — третьи двѣ недѣли. Первая ярмарка должна быть на св. Войцѣха [1]), а другая—на Успеніе Пресвятой Богородицы. Для того-же, чтобы всѣ три вышеупомянутые города каждую недѣлю могли производить свою торговлю, то нужно разрѣшить имъ каждую недѣлю собирать однодневные торги, т. е. чтобы старый Кіево-Подолъ Его Величества Короля имѣлъ свой свободный торгъ каждый вторникъ, нагорный Кіевъ—въ четвергъ, а новый третій бискупскій Кіевъ—въ субботу.

9) Чтобы обоимъ поселеніямъ дозволено было для рѣшенія городскихъ дѣлъ имѣть свой особый городской (мѣйскій) урядъ по праву магдебургскому; апелляція на этотъ урядъ должна идти отъ городовъ Его Величества Короля непосредственно къ Его Величеству Королю, а отъ города бискупскаго къ своему кіевскому бискупу, какъ къ судьямъ послѣдней инстанціи.

---

[1]) Память св. Войцѣха (Адалберта) праздновалась 10—20 іюня.

10) Чтобы двумъ новымъ нагорнымъ городамъ дозволено было, по примѣру стараго Кіево-Подола, выбирать себѣ войтовъ изъ мѣстныхъ жителей.

11) Чтобы каждый кіевскій староста, назначенный отъ Его Величества Короля, подчинялся публичному праву и установленію своего старостинскаго уряда и не позволялъ себѣ никакого произвола надъ жителями; и чтобы на всякій случай произвола каждому дозволено было жаловаться непосредственно Его Величеству Королю.

12) Чтобы всѣ три Кіевекіе города: нижній, королевскій и бискупскій—сознавали вѣчную ласку къ нимъ Его Величества Короля, необходимо, чтобы каждый изъ нихъ отдѣльно имѣлъ свой особый, утвержденный Высочайшею привиллегіею гербъ: въ гербѣ стараго Кіево-Подола за труды и бѣдствія его жителей и за вѣрность, съ которою они служили до сихъ поръ своимъ государямъ, королямъ польскимъ, слѣдуетъ помѣстить вытянутую изъ облака голую руку, держащую королевскій скипетръ, вмѣсто теперешняго варварскаго лука съ двумя стрѣлами. Это будетъ знакомъ, что за ихъ вѣрность надъ ними будетъ постоянно простертъ золотой королевскій скипетръ, какъ символъ милости и ласки.

Другой новый нагорный городъ въ огромныхъ валахъ, которые будутъ заселены для Его Величества Короля, долженъ имѣть въ гербѣ вытянутую изъ облака голую руку, держащую королевскій вѣнецъ, чтобы жители его своею вѣрностью и твердостью заслужили вѣнецъ справедливости.

Третій новый городъ, поселенный также въ огромныхъ валахъ для кіевскаго бискупа, долженъ имѣть въ гербѣ отъ щедрой ласки Его Величества Короля бискупскую инфулу, также вытянутую голою рукою изъ облака. Это для того, чтобы жители его помнили золотую корону, возлагаемую на главы святыхъ, славу чести и силу храбрости,—и покладали все упованіе свое на Господа Іисуса Христа; для этого подъ инфулою должно быть три поля или три зарубки дома Верещинскихъ съ надписаніемъ трехъ спасительныхъ словъ: въ верхнемъ полѣ *Христосъ*, въ среднемъ *наша*, въ нижнемъ *надежда*.

13) Двумъ городамъ, поселеннымъ въ двухъ стародавнихъ кремляхъ, должна быть дана льгота отъ всякихъ чиншовъ на 13 лѣтъ. Въ теченіе этихъ тринадцати лѣтъ, а потомъ и на вѣчное время, эти два города, Его Величества Короля и бискупскій, должны будутъ исправлять свои строенія прусскимъ способомъ, на одну пропорцію. Слѣдуетъ укрѣпить эти огромные валы массивными башнями, а также снабдить пушками, различными орудіями, и достаточнымъ запасомъ пороху и пуль. Слѣдуетъ смотрѣть, чтобы башня отъ башни была выстроена (каменная или деревянная, безразлично) на разстояніи по крайней мѣрѣ одной польской стадіи [1]). А старый Кіево-Подолъ не слѣдуетъ укрѣплять парканами и огромными башнями, не слѣдуетъ насыпать съ большими затратами и новые валы согласно повинности, которую выполняютъ всѣ города Его Величества Короля [2]); это будетъ все равно, что мѣрить воду, потому-что Кіево-Подолъ расположенъ въ мѣстѣ, не защищенномъ природою, и кромѣ того страшно растянутъ ради садовъ и огородовъ, которые жители имѣютъ между своими домами; для защиты его было-бы необходимо имѣть 10.000 стрѣлковъ. Вмѣсто этого Кіево-Подолъ для лучшей своей безопасности долженъ на вѣчное время исправлять нынѣшній стольный замокъ Его Величества Короля, укрывать стѣны его, чтобы не гнили, и даже въ случаѣ надобности вновь отстраивать его на свой счетъ. Однако на перестройку стольнаго замка Его Величества Короля всѣ города и села кіевскаго воеводства должны будутъ доставлять старому кіевскому замку всѣ строительные матеріалы. Получивши матеріалы, жители стараго Кіево-Подола должны будутъ затѣмъ на свой счетъ производить каменьщицкія и плотничныя работы въ замкѣ, постоянно досматривать, чтобы онъ не гнилъ, и гдѣ нужно, поправлять. Къ тому-же они должны снабдить замокъ пушками, гаковницами, порохомъ, пулями и пушкарями, и все это въ замѣнъ чоповаго и всякаго другаго налога, который они должны были-бы платить, согласно сеймовому поста-

---

[1]) Польская стадія равняется 84, 3 русскимъ саженямъ.

[2]) Деревянныя укрѣпленія Подола нанесены на планъ Кіева 1695 г., изданный Кіевской Археографической Коммисіей къ юбилею ея 19 ноября 1893 г.

новленію, наравнѣ съ другими на потребности Рѣчи-Посполитой. Такимъ образомъ они получаютъ все, что нужно для того, чтобы не быть отсталыми въ оборонѣ замка Его Величества Короля.

Новые два Кіевскіе города должны вѣчно заботиться о своихъ замкахъ, пушкахъ, гаковницахъ, порохѣ и пуляхъ. Жители Кіево-Подола въ годину опасности должны перебираться въ стольный замокъ вмѣстѣ съ старостой и съ городничимъ, назначенными Его Величествомъ Королемъ, должны охранять въ немъ порядокъ по долгу службы и своею грудью защищать его отъ всякой опасности, которая грозила-бы замку. Также точно и новые вышеупомянутые города должны будутъ выполнять священную обязанность защиты своихъ осѣдлостей и энергично выступать противъ каждаго врага. Чтобы могъ устроиться лучшій порядокъ и чтобы оборона Кіевской столицы могла быть болѣе упорной, то я желалъ-бы отъ чистаго сердца, чтобы Его Величество Король на будущее время назначалъ въ Кіевскій замокъ отдѣльнаго присяжнаго старосту, а не соединялъ-бы этой должности съ должностью Кіевскаго воеводы, и это главнымъ образомъ для того, чтобы староста, подъ угрозой лишенія староства, постоянно жилъ въ замкѣ и заботился о порядкѣ управленія, объ устройствѣ обороны и объ оказаніи каждому немедленнаго правосудія, чтобы онъ прилежно наблюдалъ за приведеніемъ замка въ лучшій видъ и не допускалъ его до развалинъ, чтобы онъ храбро отражалъ нападенія на замокъ по долгу своей старостинской службы. Онъ долженъ присягать на вѣчную вѣрность своему государю.

Также точно и бискупъ кіевскій долженъ имѣть свой каѳедральный замокъ нигдѣ иначе, какъ только на своей бискупской горѣ, называемой Щекавицей, а Вы, милостивые государи, должны строго смотрѣть, чтобы онъ (бискупъ) имѣлъ на своей горѣ каменный или деревянный замокъ, чтобы замокъ этотъ не пустовалъ и чтобы свой каѳедральный костелъ онъ имѣлъ не въ иномъ какомъ мѣстѣ, а на этой-же горѣ. Какъ законный сынъ и истинный ревнитель Рѣчи-Посполитой, а также сенаторъ коронный, я не отказываюсь отъ этого ради блага Рѣчи-

Посполитой и не замедлю взвалить это бремя не только на себя, но и на своихъ преемниковъ. Но чтобы каждый бискупъ могъ исполнить это, то нужно записать въ конституціи нынѣшняго сейма, что какъ кіевскій королевскій замокъ всѣ имѣнія, города и села Кіевскаго воеводства обязаны снабжать лѣсными и вообще строительными матеріалами, такъ точно каѳедральный бискупскій замокъ должны снабжать матеріалами и деньгами всѣ имѣнія, расположенныя въ кіевскомъ воеводствѣ, а въ особенности духовныя, а именно: бискупскія, митрополитскія, архимандритскія, игуменскія и монастырскія, а также города и села, которыя однако, по свойственному Украинѣ своеволію, по пословицѣ, не показываютъ дороги не только своимъ господамъ, но и ихъ собакѣ. На эти средства долженъ ремонтироваться бискупскій замокъ на упомянутой Щекавицѣ и долженъ снабжаться пушками, всякимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, порохомъ и пулями, равно какъ на средства бискупа и его подданныхъ. Когда дѣло идетъ о безопасности ихъ, то было-бы неблагоразумно, если кто-либо въ этомъ случаѣ былъ нерадивымъ! Поэтому, если ударятъ тревогу изъ пушки, а болѣе отдаленнымъ жителямъ дадутъ знать бискупскимъ письмомъ, то всѣ жители указанныхъ мѣстностей подъ страхомъ смертной казни обязаны будутъ явиться самолично въ бискупскій замокъ, а не куда-либо въ другое мѣсто, и вѣчно охранять грудью своею этотъ замокъ отъ всякой опасности. А чтобы они не оставляли однако пустыми собственныхъ своихъ городовъ, то изъ указанныхъ выше городовъ каждый принадлежащій духовенству городъ изъ каждаго десятка мѣщанъ долженъ отправлять трехъ и давать каждому по ружью, саблѣ, по 10 фунтовъ пороху и по 4 копы оловянныхъ пуль; изъ всѣхъ же принадлежащихъ духовенству селъ жители всѣ поголовно тѣмъ-же способомъ должны явиться въ бискупскій замокъ, имѣя каждый ружье, 10 фунтовъ пороху, 4 копы оловянныхъ пуль и къ тому-же саблю при боку. Ясное дѣло, что если-бы, сохрани Боже, эту бискупскую, по прозванію Щекавицкую, гору обошелъ непріятель, то уже ни стольный замокъ Его Величества Короля, ни стародавній Кіево-Подолъ никоимъ образомъ не могли-бы удержаться, несмотря на

свои огромные валы, ибо ихъ отовсюду душилъ-бы непріятель, не давалъ-бы имъ и на свѣтъ глянуть, отовсюду могъ-бы спокойно разстрѣливать ихъ изъ пушекъ, гаковницъ и ружей. Если-бы непріятель овладѣлъ бискупской горой, то могъ-бы не только превосходно истребить изъ разрушительныхъ пушекъ стольный замокъ, но и сравнять его съ землею. Все сказанное относится равнымъ образомъ и къ бискупской горѣ, называемой Щекавицей. Если-бы непріятель овладѣлъ, чего Боже сохрани, стольнымъ замкомъ Его Величества Короля, то не нужно было-бы ходить и въ аптеку за лѣкарствомъ: никто не выдержалъ-бы въ бискупскомъ замкѣ непріятельскаго натиска, если-бы непріятель изъ огромныхъ разрушительныхъ пушекъ началъ метать каменныя ядра въ бискупскій замокъ; участь его была-бы хуже участи св. Стефана, побитаго камнями отъ безбожныхъ жидовъ. Но чтобы отдѣлаться отъ этой опасности, необходимо Его Величеству Королю озаботиться заселеніемъ этихъ двухъ новыхъ городовъ въ огромныхъ старыхъ валахъ и постройкой укрѣпленій для обороны вышеупомянутыхъ новыхъ замковъ. Это мое здравое мнѣніе.

А затѣмъ я уже даю Вамъ, милостивые государи, свое сенаторское слово, что, съ помощью Бога и такихъ укрѣпленій,—какъ теперешній кіевскій замокъ, такъ и вновь устроенные города, безъ всякихъ расходовъ со стороны Его Величества Короля и безъ обремененія Рѣчи Посполитой, на вѣчное время будутъ безопасны отъ пограничныхъ непріятелей. Въ этой оборонѣ всегда будетъ содѣйствовать и каѳедральный замокъ бискупа кіевскаго. Вѣдь при такомъ устройствѣ замокъ Его Величества Короля будетъ имѣть во всякое время для своей защиты отъ одного стараго Кіево-Подола (не считая селъ Его Величества Короля, приписанныхъ къ замку)1,000 душъ вооруженныхъ стрѣлковъ, кромѣ пушекъ, да гаковницъ съ пушкарями, которыя онъ и теперь имѣетъ. Также и тѣ два города, которые будутъ вновь выстроены, будутъ свободно имѣть около 3,000 стрѣлковъ для охраны своихъ огромныхъ валовъ. Также точно и бискупская гора, называемая Щекавицей, можетъ свободно имѣть для своей защиты изъ окрестныхъ бискупскихъ, митро-

политскихъ, архимандритскихъ, игуменскихъ и монастырскихъ имѣній—свыше 1,000 человѣкъ обученныхъ стрѣлковъ. Этимъ способомъ, милостивые государи, каждый поставленъ былъ-бы въ изумленіе, кто отважился бы наступить на главный кіевскій замокъ Его Королевскаго Величества, который былъ-бы зеницей въ глазу, занимая средину между стародавнимъ Кіево-Подоломъ и двумя новыми городами, поселенными въ упомянутыхъ огромныхъ валахъ; ему могло-бы быть оказано необходимое подкрѣпленіе въ случаѣ надобности со всѣхъ трехъ сторонъ. А если-бы къ тому, по милости Его Величества нашего милостиваго Государя и по ходатайству Вашему, милостивые государи, бискупскій замокъ во вниманіе къ бѣдности Кіевскаго бискупства былъ-бы подкрѣпленъ еще уступкою ему разорванныхъ и испорченныхъ по небрежности прежнихъ ротмистровъ и городничихъ пушекъ, которыхъ не мало въ кіевскомъ замкѣ, то этотъ самый бискупскій замокъ, переливши эти обломки отъ пушекъ въ новыя меньшія полевыя пушки, оказывалъ-бы не малую помощь не только стольному замку Его Величества Короля, но и всему городу Кіеву, а вмѣстѣ съ городомъ и Коронѣ Польской.

Если-бы, устроивши такую оборону и давши Кіеву щедрыя льготы, сдѣлать затѣмъ перепись населенію какъ въ старомъ Кіево-Подолѣ, такъ и въ двухъ нагорныхъ вновь поселенныхъ городахъ, то тогда новые города по прошествіи 13 лѣтъ, а старый Подолъ немедленно можно было-бы обложить налогами, предоставивъ сборъ ихъ старостѣ Кіевскому, но сохранивъ право за теперешнимъ воеводою кіевскимъ получать аренды, пока онъ живъ. Они должны будутъ платить по полкопы литовскаго счета отъ каждаго дома на св. Мартина,[1]) по два гроша литовскихъ *коляды* на Рождество Христово и по два гроша литовскихъ *влочебнаго* на Пасху. Если городская дѣвушка изъ стараго или изъ новаго королевскаго города выходитъ замужъ, то каждый новоженъ обязанъ уплатить городничему кіевскаго замка полъ-злота *куницы;* если-же онъ беретъ вдову, то долженъ уплатить злотъ польскій. Изъ этихъ куницъ каж-

---

[1]) Память св. Мартина епископа праздновалась 1—11 ноября.

дый городничій долженъ получать свое жалованье (юргельдъ), собирая ихъ не только отъ стараго Кіево-Подола, но и отъ королевскаго нагорнаго Кіева, а также отъ селъ, принадлежащихъ кіевскому староству. Кіевскій староста не смѣетъ обижать въ этомъ отношеніи городничаго подъ угрозой кары отъ Его Величества Короля, равно какъ не смѣетъ отнимать у него третьяго гроша отъ всякихъ винъ, который также долженъ поступить городничему въ жалованье. Жители вновь заселеннаго бискупскаго города по истеченіи 13 лѣтъ, а кіевскіе бискупскіе мѣщане, давно уже проживающіе подъ горой Щекавицей, немедленно—должны уплачивать эти налоги своему бискупу или на руки бискупскаго старосты.

Когда изъ этихъ двухъ поселеній, т. е. изъ стараго Кіево-Подола и изъ другаго нагорнаго Кіева Его Величества Короля, разовьется вслѣдствіе моего проекта дѣйствительно порядочный городъ и когда онъ достигнетъ 3,000 жилыхъ домовъ, то будетъ поступать отъ каждаго дома налоговъ: *подымнаго*—полкопы литовской, *коляды* на Рождество Христово—2 гроша литовскихъ и *влочебнаго* на Пасху—2 гроша литовскихъ; а всего эти два поселенія, кромѣ еще селъ, принадлежащихъ кіевскому замку, дадутъ каждый годъ дохода 4240 злотыхъ польскихъ. Изъ этой суммы 3187½ злотыхъ поступятъ кіевскому старостѣ, а 1052½ злотыхъ можетъ пойти въ видѣ кварты въ Раву, которая теперь не получаетъ изъ Кіева ни одного гроша. Чтобы ничто не мѣшало развитію новаго нагорнаго королевскаго Кіева и чтобы ничто не препятствовало выгодамъ Его Величества Короля и Рѣчи-Посполитой при устройствѣ обороны отъ возможныхъ опасностей, необходимо немедленно выселить тѣхъ *загродниковъ*, которые съ разрѣшенія кіевскаго митрополита и архимандрита выстроили нѣсколько десятковъ хатъ въ нагорныхъ валахъ. Имъ можно отмежевать въ другихъ мѣстахъ такой же величины усадьбы и огороды, какими они владѣютъ теперь, и переселить ихъ туда, не нарушая правъ на нихъ митрополита и архимандрита, если права эти дѣйствительно существуютъ. То-же самое слѣдовало бы сдѣлать Его Величеству Королю и съ прилегающими шляхетскими землями, если-бы таковыя оказались, обмѣ-

нявши ихъ на земли въ пустыняхъ, которыхъ не мало. Тогда ничто не препятствовало-бы развитію порядочнаго города.

Чтобы вышеупомянутыя поселенія, милостивые государи братья, могли поскорѣе осуществиться и служить къ охранѣ теперешняго кіевскаго королевскаго замка, а затѣмъ всего королевства польскаго и славнаго нѣкогда княжества литовскаго отъ непріятелей, а также къ большему распространенію въ томъ дикомъ краю славословія Божія, необходимо, чтобы Вы, милостивые государи, Его Величество Король и духовныя особы помогли въ заселеніи тѣхъ двухъ огромныхъ и дорогихъ пустѣющихъ валовъ—Его Величества Короля и бискупа кіевскаго. Для этого необходимо сдѣлать слѣдующее: каждый польскій городъ долженъ выслать для поселенія въ новомъ Кіевѣ трехъ купцевъ, а если купцевъ не окажется, трехъ ремесленниковъ какого-бы то ни было ремесла, а если и ремесленниковъ не окажется, то трехъ простыхъ, но только состоятельныхъ мѣщанъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ съ чѣмъ и на чемъ пріѣхать въ Кіевъ, имѣлъ въ чемъ ходить и на что *по-прусски* строиться. Такимъ образомъ по моему проекту посредствомъ польскаго народа въ томъ пустынномъ краю не только процвѣтутъ поклоненіе и словословіе истинному Богу, которыя къ прискорбію тамъ почти замолкли, но также городъ Кіевъ своими прекрасными и изящными постройками будетъ служить образцомъ для другихъ городовъ, защита границъ сдѣлается болѣе надежною, столица бывшаго княжества кіевскаго на вѣчныя времена будетъ защищена огромными валами, и кромѣ того, вещь ясная, какъ Богъ на небѣ, что за этими валами, какъ за самою лучшею стѣною, будутъ навсегда обезопашены отъ Москвы не только вся земля русская, но и вся корона польская.

Милостивые государи братья! Не новая это вещь на свѣтѣ, какъ между язычниками, такъ и въ народахъ христіанскихъ,— что императоры, короли и республики заселяютъ пустыя или пограничныя мѣста людьми воинственными, а особенно своими подданными. Такъ старые города Тиръ и Сидонъ закладывали по-

выя поселенія, умножая свою славу и силу обороны. Такъ извѣстная Дидона, горожанка или жена нѣкоего жреца Сихея, приплывши съ немалыми сокровищами послѣ убійства мужа своего въ Африку, основала на берегу городъ Карѳагенъ! Такимъ-же образомъ городъ Аѳины заселялъ своими гражданами много новыхъ городовъ. Точно такъ-же и король Филиппъ Македонскій, отецъ Александра Великаго, подданными изъ своихъ городовъ заселилъ огромный городъ во Фракіи — Петрополисъ. Я не вспоминаю о Римлянахъ, которые, когда процвѣтали, не упускали случая жителями своихъ городовъ заселять города въ новыхъ колоніяхъ. Такъ поступили Римляне за императора Траяна: когда Даки или Готы не были имъ послушны, они послали подъ начальствомъ Флакка (какъ свидѣтельствуютъ историкъ Сильвій и польскія хроники) 30,000 простаго народа изъ Италіи на заселеніе того края, гдѣ теперь обитаютъ Валахи, чтобы эти колонисты, выгнавши Готовъ и Даковъ, тамъ поселились, орали, сѣяли, пасли скотъ и доставляли продовольствіе войску, которое постоянно тамъ квартировало противъ Сарматовъ и Татаръ. Такимъ-же образомъ раньше и Маркъ Агриппа вывелъ новую колонію, которая теперь называется Колонія-Агриппина, а по-польски *Колоно*[1]); она была поселена надъ р. Рейномъ и пожалована пышными римскими вольностями. То-же слѣдовало-бы сдѣлать и съ кіевской колоніей, пожаловавъ ей обильныя права и вольности отъ Его Величества Короля. Затѣмъ слѣдуетъ прислать въ этотъ новый Кіевъ по три мѣщанина изъ всѣхъ городовъ Его Величества Короля, ихъ милостей особъ духовныхъ и пусть его огромные валы послужатъ препоной, чтобы ни москвитянинъ, ни невѣрный татаринъ не торговали болѣе христіанской кровью. Ихъ милости особы духовныя не должны тревожиться тѣмъ, что онѣ будутъ выполнять повинность по отношенію къ заселенію Кіева, такъ какъ имѣнія Его Величества Короля и имѣнія духовныхъ особъ находятся въ одниxъ условіяхъ. Къ тому-же вѣдь это обязанность всѣхъ старшихъ сносить по примѣру Іисуса Христа недостатки младшихъ, какъ объ этомъ пре-

---

[1]) Кельнъ.

красно учитъ каждаго поставленнаго выше апостолъ Павелъ, пиша къ Римлянамъ слѣдующими словами: „Мы сильные должны сносить немощи безсильныхъ, и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію. Ибо и Христосъ не себѣ угождалъ, но какъ написано: злословія злословящихъ Тебя пали на Меня". (Посл. къ Римл. XV, 1—3). Тотъ-же апостолъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ, пиша къ Галатамъ, предостерегаетъ объ этомъ каждаго въ слѣдующихъ словахъ: „Носите бремена другъ друга и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ" (Посл. къ Галат. VI, 2). Подходятъ сюда и слова св. Амвросія: „Украшеніе таинствъ есть выкупъ плѣнныхъ". А *выкупъ плѣнныхъ* (redemptio captivorum) заключается не только въ томъ, чтобы въ прямомъ смыслѣ выкупать плѣнниковъ, захваченныхъ и загнанныхъ въ неволю, но еще болѣе въ томъ, чтобы заботиться объ охранѣ границъ и о прекращеніи возможности людямъ попадать въ плѣнъ. Больше мудрости и благодѣянія въ томъ, чтобы заранѣе предупреждать зло, нежели лѣчить его тогда, когда уже поздно. Отъ этого предостерегаетъ каждаго и языческій поэтъ Овидій слѣдующими словами: „заботься каждый о предупрежденіи начала болѣзни, а не полагайся на позднее лѣкарство". Тоже самое свидѣтельствуетъ и св. Амвросій въ словахъ: „Лучше искать лѣкарства заблаговременно, нежели послѣ полученія раны". Сами апостолы, какъ мы читаемъ въ Дѣяніяхъ апостоловъ, старались заранѣе предупредить зло. А именно, когда одинъ пророкъ, по имени Агавъ, предвозвѣстилъ Духомъ, что по всей вселенной будетъ великій голодъ, тогда апостолы положили каждый по достатку своему послать пособіе братіямъ, живущимъ въ Іудеѣ; что и сдѣлали, пославъ собранное черезъ Варнаву и Савла (Дѣян. Апост. гл. XI, 28—30). А если убогіе апостолы дѣлали это, то тѣмъ болѣе духовныя особы, болѣе апостоловъ обезпеченныя и паствами, и костельными имуществами, должны, по примѣру ихъ, хоть черезъ меня выполнять эти обязанности. Онѣ должны спасать и подкрѣплять своихъ братьевъ, живущихъ не въ Іудеѣ, а на Руси въ Кіевѣ,—добрыхъ католиковъ, въ которыхъ нуждается костелъ во всей кіевской епархіи. Имъ не нужно ни де-

негъ, ни съѣстныхъ припасовъ, которыми Украина изобилуетъ, какъ лукомъ, но собратьевъ по вѣрѣ, милыхъ собратьевъ, которые подкрѣпили-бы ихъ душевный голодъ и увеличили бы собою католическую паству на Украинѣ; въ случаѣ опасности, мѣстные жители при помощи новыхъ переселенцевъ окажутъ уже болѣе могущественное сопротивленіе каждому непріятелю Короны Польской. При такомъ образѣ дѣйствій Его Величества Короля и ихъ милостей особъ духовныхъ можно сказать навѣрное, что всѣ подданные, переселенные въ Кіевъ изъ городовъ Его Величества и ихъ милостей понесутъ на себѣ благословеніе Божіе, какъ Данъ понесъ благословеніе отца своего патріарха Іакова, сопровождаемое его словами. Новые переселенцы будутъ змѣемъ на дорогѣ, будутъ защищать насъ всѣхъ отъ язычниковъ, будутъ Церастесомъ (змѣемъ о двухъ головахъ), пронзающимъ копыта языческихъ коней, чтобы ѣздоки сваливались съ нихъ навзничь. Ясное дѣло, что каждый непріятель, который дышалъ-бы ненавистью противъ Короны Польской и рвался-бы обрушиться на нее, въ виду кіевскихъ укрѣпленій долженъ былъ-бы пріудержаться отъ своего злобнаго намѣренія; онъ негодовалъ-бы и бранился, а христіанство ликовало-бы.

Если-бы при заселеніи Кіева оказались лишніе люди, то въ такомъ случаѣ подданные Его Величества Короля должны быть направлены на заселеніе другихъ запустѣлыхъ королевскихъ городовъ, которыхъ къ прискорбію не мало на Украинѣ. Особенно важно было-бы заселить расположенный въ томъ-же кіевскомъ воеводствѣ нѣкогда славный, а нынѣ разрушенный замокъ *Вышгородъ*. Драгоцѣнное городище этого Вышгорода находится только въ 3-хъ польскихъ миляхъ отъ Кіева и занимаетъ выгодное положеніе надъ Днѣпромъ. Если-бы въ этомъ городищѣ выстроить замокъ и населить его горожанами, то Днѣпръ былъ-бы почти запертъ для Москвы въ случаѣ враждебнаго столкновенія съ нею. Вѣдь Днѣпръ течетъ изъ Москвы мимо самого городища Вышгородскаго замка и московскій государь съ войскомъ никоимъ образомъ не могъ-бы подойти къ

Кіеву безъ того, чтобы не спорить или не драться съ Вышгородомъ за пропускъ. Поэтому Вамъ, милостивые Государи, необходимо представить Его Величеству Королю, чтобы сей часъ же на этомъ-же сеймѣ назначенъ былъ староста въ Вышгородъ для заселенія города Вышгорода и для отстройки разрушеннаго вышгородскаго замка. Такимъ способомъ безъ затрудненія Вышгородъ заселится и эти-же поселенцы, собранные изъ всѣхъ городовъ Его Величества Короля и оставшіеся въ излишкѣ за наполненіемъ Кіева, въ короткое время отстроятъ вышгородскій замокъ. А затѣмъ и отъ староства вышгородскаго не малая сумма кварты можетъ попасть въ Раву. Такъ-же точно и подданные изъ имѣній ихъ милостей духовныхъ особъ, если ихъ окажется излишекъ для заселенія Кіева, могутъ быть предназначены для устройства какого-либо иного города въ пустыняхъ кіевскаго бискупства.

По-сколько дѣло идетъ о распространеніи славословія Божія и о защитѣ милой отчизны и столицы нѣкогда славнаго княжества кіевскаго отъ непріятельскихъ нашествій, Вамъ, милостивые государи, не слѣдуетъ сомнѣваться въ ласкѣ Его Величества Короля и ихъ милостей особъ духовнаго сословія и предполагать, что они могутъ не согласиться на эти мѣры. Вѣдь если Его Величество Король вмѣстѣ съ духовнымъ сословіемъ не упустятъ обсчитать выгоды этого образа дѣйствій, то они прійдутъ къ заключенію, что вслѣдствіе этого ни на одинъ грошъ не уменьшатся доходы ихъ. Въ тѣ три дома и три усадьбы, которые опустѣютъ въ каждомъ польскомъ городѣ отъ переселенія ихъ хозяевъ на Украину, немедленно вступятъ иные владѣльцы и будутъ платить тѣже налоги, что платили и прежніе. Будутъ и такіе изъ предназначенныхъ къ переселенію, которые пожелаютъ снять съ себя эту христіанскую обязанность и наймутъ вмѣсто себя другихъ, хорошо заплативъ имъ за имущество и принявъ на себя ихъ повинности.

Новые переселенцы въ Кіевъ изъ Королевства Польскаго, изъ Великаго Княжества Литовскаго и изъ другихъ княжествъ, входящихъ въ составъ польскаго государства, принесутъ туда

болѣе утонченные обычаи и, благодаря доброму вліянію Поляковъ, кіевскіе Русскіе процвѣтутъ, достигнутъ сообща съ Поляками вѣчной славы (чего я имъ съ помощью Божіею желаю) и будутъ на вѣчное время доставлять утѣшеніе и похвалу Его Величеству Королю и всей Рѣчи Посполитой.

Въ заключеніе по милосердію Божію прошу Васъ, милостивые государи братья, если Вы истинно любите Рѣчь-Посполитую, то не отнеситесь легко къ моему предостереженію и къ моимъ мнѣніямъ, но, какъ представители всей Рѣчи-Посполитой, походатайствуйте передъ Его Величествомъ Королемъ и передъ духовнымъ сословіемъ, чтобы мое предположеніе осуществилось. Я не желаю, чтобы по нашей общей нерадивости столица славнаго княжества кіевскаго дожила до грозной опасности. Вы должны явиться истинными братьями и благодѣтелями кіевскихъ обывателей, и за то они не только будутъ за Васъ вѣчно молить Бога, но и самъ Господь Богъ благословитъ Васъ на вѣчныя времена. А затѣмъ остаюсь искренне доброжелательнымъ слугою Вашимъ, милостивые государи и братья. Написано въ Сѣцѣховѣ въ день новаго 1595 года. Вашъ, моихъ милостивыхъ государей, братъ, богомолецъ и навсегда преданный слуга Юзефъ Верещинскій, Божіею милостью бискупъ кіевскій, аббатъ сѣцѣховскій.

Записка о послѣднихъ годахъ жизни гр. Ал. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ.

(1818—1822 г. г.).

Вигель, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ о сыновьяхъ гетмана Разумовскаго, что „всѣ они воспитаны были заграницею, начинены французскою литературою, облечены въ иностранныя формы и почитали себя русскими Монморанси, они были любезные при дворѣ и несносные внѣ его аристократы". Къ этому отзыву Васильчиковъ добавляетъ („Семейство Разумовскихъ", II, 44), что старшій изъ сыновей гетмана—Алексѣй Кириловичъ „былъ гордыни непомѣрной... Гордый въ отношеніи къ постороннимъ, Разумовскій былъ суровъ въ кругу своего семейства. Правда, что подроставшіе сыновья часто выводили его изъ терпѣнія своимъ самодурствомъ, а главное долгами. Деньги—это было самое больное его мѣсто. Дѣла по хозяйству шли крайне плохо, на расходы по постройкамъ и роскошныя затѣи часто не хватало средствъ... Графъ хандрилъ, подозрительно относился къ самимъ близкимъ людямъ, вѣчно жаловался, вѣчно былъ недоволенъ"....

Какъ извѣстно, Ал. К. Р—ій, долго уклонявшійся отъ службы, въ 1807 г. былъ назначенъ попечителемъ московскаго университета и округа, а въ 1810 г.—министромъ просвѣщенія. Послѣ шестилѣтней неохотной службы на министерскомъ посту, Р—ій въ 1816 г. вышелъ въ отставку, оскорбленный принятыми правительствомъ мѣрами противъ іезуитовъ, которымъ

министръ просвѣщенія покровительствовалъ въ ихъ школьной дѣятельности.—Первые два года послѣ отставки Р—ій провелъ въ Москвѣ и въ своемъ подмосковскомъ имѣніи Горенкахъ, извѣстныхъ чудесными оранжереями, стоившими сотни тысячъ.... Затѣмъ, лѣтомъ 1818 г. Р—ій со всею своею семьею („Сем. Разум.", II, 110) переѣхалъ въ Малороссію и поселился въ м. Почепѣ, мглинскаго уѣзда. Здѣсь у Р—аго былъ дворецъ, представлявшій собою, по отзыву его доктора, нѣмца Гуна, „великолѣпное каменное зданіе необъятнаго простора"... Въ этомъ дворцѣ Р—ій прожилъ до своей смерти, въ апрѣлѣ 1822 г.

Въ печатаемой здѣсь „Запискѣ" разсказано—ка̀къ жилъ эти четыре года въ Малороссіи Ал. К. Р—ій, какъ онъ умеръ и ка̀къ былъ дважды похороненъ, сначала въ Почепѣ, а потомъ—въ Новгородсѣверскѣ. „Записка" составлена въ 1869 г. и заключаетъ въ себѣ воспоминанія одного изъ дворовыхъ крестьянъ Р—аго, Н. Ш., состоявшаго „главнымъ письмоводителемъ дѣлъ" почепской администраціи. Записку эту, въ копіи, получили мы отъ одного нашего знакомаго изъ мглинскаго уѣзда, печатаемъ здѣсь съ нѣкоторыми необходимыми пропусками, обозначенными точками. Воспоминанія изложены по просьбѣ сына ихъ автора, который при этомъ написалъ отцу вопросы; изъ отвѣтовъ на послѣдніе, *по пунктамъ*, и составилась „Записка". Интересъ послѣдней заключается, какъ въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ чертахъ къ біографіи Ал. К. Р—аго, такъ и въ любопытныхъ, хотя и коротенькихъ, свѣдѣніяхъ о его наслѣдникахъ.

А. Л.

---

1. Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій родился въ 1748 году. Былъ, сколько мнѣ извѣстно, попечителемъ московскаго учебнаго округа и, наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія и членомъ государственнаго совѣта. Умеръ въ м. Почепѣ, апрѣля 5 дня, 1822 года.

Графъ пріѣхалъ изъ Москвы въ м. Почепъ іюня 2 дня 1818 года. Въ это время былъ въ Почепѣ управляющимъ надворный совѣтникъ Башинскій, а я письмоводителемъ. Жители

м. Почепа встрѣтили графа при въѣздѣ въ Почепъ, поздравили съ пріѣздомъ и поднесли хлѣбъ-соль.—Его сіятельство, поблагодаривъ за это, сказалъ: „я давно съ вами не видался" и изъявилъ желаніе видѣть ихъ въ домѣ. Поэтому человѣкъ до 40 изъ нихъ отправились въ домъ. Графъ принялъ ихъ въ залѣ, разговаривалъ съ ними часа два о дѣлахъ коммерческихъ и, наконецъ, пожелавъ добраго въ нихъ успѣха, отпустилъ ихъ.

О пріѣздѣ графа въ Почепъ дано знать почепскому волостному правленію въ концѣ декабря 1817-го года, и съ января 1818 года начали отправлять изъ московскаго дома въ почепскій—людей служащихъ въ домѣ и разныя вещи въ такомъ значительномъ количествѣ, что платежъ наемнымъ извощикамъ составлялъ въ каждый мѣсяцъ до 7—т. руб. и болѣе, ассигнаціями, сумму по тогдашнему времени довольно значительную.

2. Для пріѣзда графа нарочитыхъ приготовленій въ почепскомъ домѣ не было.

3. Почепскій домъ, куда графъ пріѣхалъ, во всякое время былъ содержимъ, какъ снаружи, такъ и внутри, въ наилучшей исправности и въ порядкѣ, и былъ снабженъ всякою приличною мебелью въ достаточномъ количествѣ, такъ что не было надобности дѣлать въ немъ какія либо вновь украшенія.

4. Графъ на другой годъ пріѣзда своего въ м. Почепъ, 1819 года весною, выѣхалъ въ полтавское имѣніе свое м. Яготинъ и, пробывъ тамъ все лѣто, возвратился въ Почепъ въ половинѣ ноября мѣсяца.

Въ Яготинѣ гостили у графа родные изъ Полтавы—военный губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ и супруга его Варвара Алексѣевна съ дѣтьми, и, изъ С.-Петербурга, Сергій Семеновичъ Уваровъ и супруга его Екатерина Алексѣевна, и многіе другіе господа. Изъ Яготина графъ и всѣ эти гости ѣздили въ Ромны на Ильинскую ярмарку. Возвратясь изъ Роменъ въ Яготинъ, всѣ гости разъѣхались въ свои мѣста. Объ этомъ писали въ газетахъ.

Того-же 1819 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, графъ учредилъ въ м. Почепѣ вмѣсто волостнаго правленія—главное правленіе,

куда доставляемы были и денежныя суммы отъ всѣхъ имѣній малороссійскихъ: почепскаго, шептаковскаго, яготинскаго и андреевскаго, и великорусскихъ: ершовскаго и аркадакскаго, составлявшихъ ^{53}/т. душъ мужескаго пола. Денежныя суммы эти, исключая суммы, которая поступала отъ почепскаго имѣнія и которою распоряжалось правленіе, хранимы были въ особомъ желѣзномъ сундукѣ, подъ названіемъ кабинетныя. Изъ нихъ ни одна копѣйка не могла поступить въ расходъ иначе, какъ по письменному повелѣнію графа. Объ этихъ кабинетныхъ суммахъ, о приходѣ и расходѣ, представляемы были графу еженедѣльныя и мѣсячныя вѣдомости, и въ этомъ главномъ правленіи графу угодно было тогда-же, при учрежденіи онаго, опредѣлить меня главнымъ письмоводителемъ дѣлъ. Служеніе мое въ этой должности кончилось вмѣстѣ съ кончиною графа, послѣдовавшею, какъ выше объяснено, апрѣля 5 дня 1822 года.

5. Графъ пріѣхалъ въ Почепъ тогда, когда прибыли изъ Москвы въ Почепъ обозы съ людьми и вещами, выше, въ 1-мъ пунктѣ упомянутые. Съ нимъ пріѣхали докторъ, французъ Бонгарде, секретарь старикъ Сорока....

6. Для графа въ Почепѣ приготовленъ былъ въ домѣ весь главный большой корпусъ..... Убранство вновь въ этомъ домѣ заключалось въ томъ только, что поставлена была по личному указанію графа—мебель, привезенная изъ Москвы.

Графъ, какъ выше объяснено, пріѣхалъ въ м. Почепъ іюня 2 дня 1818 года. Послѣ этого, съ 1819 года и до кончины своей, онъ былъ всегда, можно сказать, въ тяжкихъ заботахъ; неурожай сряду три года, 1819, 1820 и 1821, поставилъ жителей здѣшняго края въ горестное положеніе. Запасы хлѣбные и другіе повсюду истощились. Цѣны на хлѣбъ дошли до 5 р. за пудъ ассигнаціями. Поселяне питались древесною корою, соломою, взятою съ крышъ и истертою въ порошокъ, и тому подобнымъ; словомъ и поселяне, и помѣщики находились въ самомъ горестномъ, плачевномъ состояніи. Касательно крестьянъ графу принадлежащихъ: изъ нихъ въ почепской и шептаковской волостяхъ было такихъ, которые требовали пособія въ пропитаніи до 40 т. душъ обоего пола, всякаго возраста. Про-

довольствіе ихъ личною заботою о семъ графа было обезпечено. По личному распоряженію его—хлѣбъ озимый и яровой покупали въ Курскѣ и Орлѣ, съ поставкою продавцовъ. Сверхъ сего, доставляли изъ имѣній графа, какъ то: яготинской, въ полтавской губерніи состоящей волости, и доставляли въ огромномъ количествѣ изъ саратовской и пензенской—ершовской волостей до г. Орла; тутъ въ нанимаемыхъ графомъ, при содѣйствіи тамошняго губернскаго начальства, магазинахъ ссыпали; и изъ Орла на наемныхъ подводахъ доставляли въ почепскую и шептаковскую волости, и раздавали крестьянамъ для продовольствія и на осѣмененіе полей. Удовлетвореніе такихъ необходимыхъ нуждъ человѣческихъ графу стоило до милліона рублей. Другіе дѣлать этого не могли. Изъ сего краткаго извлеченія видно, что графъ въ лѣтахъ преклонныхъ, пріѣхавшій въ малороссійскія имѣнія свои для покоя,—тутъ не покоился, а былъ тяжко обремененъ заботами.....

7. Графъ во всякое время года, въ хорошую погоду выѣзжалъ для прогулки въ большой, такъ называемый верхній, садъ и въ Рѣчицкій, вблизи Почепа состоящій, хуторъ, тутъ бывалъ на скотномъ дворѣ, гдѣ находилси отличный, голландской породы, рогатый скотъ.....

8. Графъ тогда, когда пріѣхалъ въ Почепъ былъ лѣтъ 70-ти, но еще стройный, роста высокаго, съ выразительнымъ, серьезнымъ и, вмѣстѣ съ чѣмъ спокойнымъ и пріятнымъ лицомъ. У меня имѣется его портретъ, нарисованный такимъ, какимъ онъ былъ въ Почепѣ. Жизнь графа была всегда строгая, трезвая, аккуратная. Графъ обѣдалъ въ три часа пополудни..... и не ужиналъ.

9. Графъ послѣ обѣда не спалъ; ложился въ 12 часовъ вечера и вставалъ поутру рано.

10. У графа бывали вечера домашніе, въ залѣ нижняго этажа; на хорахъ играла духовая музыка, принадлежавшая генералъ-маіору Денисьеву, и пѣла графская пѣвчая,—отличная.. Собственной музыки у графа не было.

11. У графа бывали въ Почепѣ: малороссійскій военный губернаторъ князь Репнинъ, полтавскій и черниговскій граж-

данскіе губернаторы и полтавскій губернскій предводитель дворянства, извѣстный поэтъ Василій Васильевичъ Капнистъ, который гостилъ у графа мѣсяца по два и болѣе, и съ этимъ графъ любилъ бесѣдовать и прогуливаться, въ экипажѣ и пѣшкомъ....

12. Графа почаще навѣщалъ и болѣе другихъ гостилъ у него г. Капнистъ.

13. Свита графа состояла изъ лицъ выше, въ 5-мъ пунктѣ прописанныхъ.

14. . . . .

15. Графъ любилъ заниматься и занимался управленіемъ имѣніями по всѣмъ ихъ частямъ.....

16. Имѣнія, входившія во владѣнія графа: черниговской и полтавской губ.—волости: почепская, шептаковская, яготинская и андреевская—33.333 душъ м. п.; россійскія:—саратовской губ.—аркадакская, и пензенской губ.—ершовская, и часть въ московской губ., до 20 000 душъ м. п. Сверхъ сего, домà въ Москвѣ—на Гороховомъ-Полѣ, въ Горенкахъ, здѣсь и извѣстный Европѣ ботаническій садъ, домъ въ Петербургѣ, съ огромной библіотекою.

17. Имѣнія графа по кончинѣ его поступили, по духовному завѣщанію, двумъ сыновьямъ: Петру Алексѣевичу и Кириллѣ Алексѣевичу и по дарственнымъ актамъ, за годъ до кончины графа сдѣланнымъ, двумъ дочерямъ, княгинѣ Репниной и Уваровой, и г.г. Перовскимъ.

18. Графъ ходилъ въ церковь каждое воскресенье и праздничные дни, исключая изъ нихъ такіе дни, въ которые чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ. Пѣвчіе у него были отлично хорошіе. Хоромъ пѣвчихъ дирижировалъ вольнонаемный изъ Москвы какой-то Абросимовъ. Графъ молился такъ, какъ молится всякій добрый христіанинъ. Всякій великій постъ говѣлъ, исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Таинъ, и отъ другихъ, у него служившихъ, того требовалъ. Духовникомъ у графа былъ въ Почепѣ протоіерей Крыловскій, которому, по завѣщанію графа, выдано пять тысячъ руб. ассигнаціями.

19. Мнѣ неизвѣстно чѣмъ болѣзнь графа обнаружилась въ первый разъ.

20. Графъ почувствовалъ себя нездоровымъ въ мартѣ 1822 года, о чемъ отправлена была эстафета съ извѣстіемъ въ Полтаву княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Репниной, и она вскорѣ прибылъ въ Почепъ. Графъ будучи нездоровымъ, еще ходилъ и занимался...... составленіемъ духовнаго завѣщанія. Въ этомъ завѣщаніи, подписанномъ графомъ въ мартѣ 1822 года, сдѣлано назначеніе двумъ сыновьямъ: Петру Алексѣевичу и Кириллѣ Алексѣевичу такихъ имѣній, которыя оставались никому не отписанными, и сдѣлано распоряженіе о платежѣ долговъ. О погребеніи графъ завѣщалъ такъ: „похоронить меня просто, по христіанскому обряду; сумму, которая потребовалась-бы на пышное меня погребеніе, исчисливъ,—роздать нищимъ". Въ этомъже завѣщаніи сказано, что воля его, графа, кого отпустить на свободу,—извѣстна одному изъ его наслѣдниковъ. Назначенные на волю люди слѣдующіе: а) почепскаго главнаго правленія—главный письмоводитель Никифоръ Ш., конторщики: б) шептаковскій—Григорій Аршуковъ, в) ершовскій—Матвѣй Гусевъ, г) аркадакскій—Данило Варапаевъ и д) московскій—Василій Охотниковъ, ж) кабинетный писарь—Андрей Тарасенокъ; з) архитекторъ—Никифоръ Григоровичъ, и) камердинеръ—Дмитрій Кубаревъ, і) оффиціантъ—Дмитрій Минтюковъ, к) лакей—Погараздовъ, л) поваръ—Давидъ Асадчій, съ ихъ семействами. Графъ въ силахъ слабѣлъ; при немъ было три доктора: домашній—французъ Бонгарде, изъ Полтавы привезенный княгинею Репниной, и третій, занимавшійся по имѣніямъ, Чайковскій. 26-го марта графъ легъ въ постель и уже не вставалъ и, будучи еще въ полномъ разсудкѣ, исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Таинъ, и потомъ приказалъ читать псалтырь. Два чтеца попеременно читали, днемъ и ночью, такъ, какъ было ему угодно. Графъ лежа слушалъ чтеніе псалтыря и это продолжалось шесть дней. Перваго числа апрѣля чтеніе остановили. Графъ слабѣлъ. 5 числа въ 1-мъ часу пополуночи я вышелъ изъ правленія, зашелъ въ домъ, чтобы узнать о здоровьи графа.—мнѣ сказали, что ему дѣлается легче, и я отправился въ

квартиру; послѣ этого, прошло часа два, ко мнѣ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ козакъ и сказалъ: „графъ умеръ, пожалуйте въ верхъ, васъ спрашиваютъ“. Вѣсть эта сильно поразила меея, я въ ту-же минуту отправился въ домъ, взошелъ въ верхъ и въ гостинную графа. Здѣсь встрѣтилъ меня князь Баратовъ, находившійся при князѣ Репнинѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и сказалъ:—„графъ умеръ, мы лишились своего благодѣтеля,—въ главномъ правленіи хранятся кабинетныя суммы,—распорядитесь, чтобы онѣ были цѣлы“. Въ эту минуту дверь изъ гостинной въ спальню была отворена и мнѣ представилась ужасная картина. Умершій графъ лежалъ на кроватѣ, на которой онъ всегда почивалъ, вокругъ него стояли на колѣняхъ, рыдая, его родные...... Изъ гостинной я оправился въ правленіе, призвавъ кого слѣдовало, отдалъ надлежащія приказанія и опять отправился въ домъ. Тѣло графа вынесено было изъ спальни и положено на скамейкѣ, прилично убранной, въ гостинной, гдѣ находилось пока сдѣланы были гробъ и, въ залѣ нижняго этажа, катафалкъ...... Гробъ былъ сдѣланъ краснодеревцемъ Бардаковымъ изъ ольховыхъ досокъ и обитъ матеріею темно-вишневаго цвѣта. Тѣло графа положено было въ этотъ гробъ, перенесено въ залу и поставлено на приготовленномъ катафалкѣ, гдѣ и находилоеь оно три дня; на четвертый день, 8 числа апрѣля, въ 11 часу по утру, при пѣніи пѣвчихъ, въ присутствіи духовенства: духовника протоіерея Крыловскаго, до 30 священниковъ и родныхъ: княгини Варвары Алексѣевны Репниной и друг... тѣло покойнаго графа снято было съ катафалка и перенесено въ церковь; началась обѣдня, послѣ обѣдни—большая панихида, затѣмъ прощаніе и погребеніе въ церквѣ, въ приготовленномъ заблаговременно склепѣ. Я удостоился нести къ погребенію и погребать великаго благодѣтеля своего, знаменитаго вельможу. Съ той минуты, когда тѣло графа поставлено было въ залѣ, на катафалкѣ, и до погребенія, трудно было проходить между людей, приходившихъ со слезами поклониться тѣлу покойнаго благодѣтельнаго вельможи. Съ того дня, въ который совершено погребеніе графа, началось чтеніе, на могилѣ его, псалтыря и продолжалось оное въ

теченіи всего года днемъ и ночью, нанятыми для сего людьми. О болѣзни, предсмертной жизни и кончинѣ графа писано было въ газетахъ... Изъ дому разныя вещи, лошади, экипажи и пѣвчая были отправлены въ Яготинъ. Люди, служившіе въ домѣ, отправлены въ имѣнія, къ коимъ они приписаны; остались въ немъ—дворецкій и нѣсколько человѣкъ, и въ домѣ на мѣстѣ блеска водворилась скучная тишина. Я оставался въ Почепѣ и занимался въ правленіи.

Послѣ кончины графа, спустя семнадцать слишкомъ лѣтъ, когда Почепъ находился уже во владѣніи графа Клейнмихеля, дочь графа, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, просила правительство о разрѣшеніи прахъ родителя ея перевезти изъ Почепа въ Новгородсѣверскій монастырь, на что и послѣдовало разрѣшеніе. Вслѣдствіе сего г. Уваровъ, извѣщая меня о томъ, предписалъ, въ іюлѣ 1839 года, сдѣлать надлежащія къ тому приготовленія и ожидать присылки отъ княгини Репниной чиновника. Посему сдѣланы были мною слѣдующія приготовленія:

а) Такъ какъ тѣло графа положено и погребено въ гробѣ деревянномъ, находящемся въ склепѣ семнадцать слишкомъ лѣтъ, то сдѣланъ изъ прочныхъ, толстыхъ, дубовыхъ досокъ ковчегъ,—гробъ такой мѣры, чтобы тотъ гробъ, въ которомъ положено тѣло графа, удобно было уложить въ немъ. Ковчегъ облитъ нарочито сваренною смолою, обитъ внутри приличною матеріею, а снаружи чернымъ бархатомъ, и на немъ, въ приличныхъ мѣстахъ, вышиты изъ серебряннаго бѣлаго позумента кресты. б) Для людей, которые были при превозкѣ графа—траурныя одѣянія. в) Дроги, на которыхъ везенъ былъ гробъ, и лошади. г) Факелы, еслибы случилось быть въ дорогѣ поздно вечеромъ. д) Разная провизія для дороги. е) Приглашенъ духовникъ покойнаго графа протоіерей Крыловскій, съ причтомъ, въ дорогу. ж) Приготовленъ въ Новгородсѣверскѣ, въ монастырѣ, въ большой церквѣ, склепъ. з) Въ Новгородсѣверскомъ монастырѣ разная провизія, напитки, приличное столовое бѣлье и посуда, для пріема духовенства и другихъ лицъ, послѣ погребенія праха графа. и) Приглашенъ архимандритъ и духовен-

ство монастыря, для встрѣчи и служенія. і) Сдѣлано въ Новгородсѣверскомъ совѣщаніе съ городничимъ и директоромъ гимназіи на счетъ встрѣчи праха графа. к) Приглашена въ Новгородсѣверскомъ гимназическая пѣвчая, которою и дирижировалъ старшій учитель гимназіи Самчевскій.

Все было приготовлено и чиновникъ отъ княгини, г. Василевскій, пріѣхалъ. 27 ч. іюля 1839 года вошли въ подвалъ церкви къ склепу, въ которомъ покоился прахъ графа и который въ подвалѣ представляетъ видъ кирпичной печи, какія дѣлаются въ комнатахъ, прорубили съ боку двери. Собралось со всего Почепа духовенство и народъ, отслужили панихиду и, затѣмъ, я первый вошелъ въ склепъ и, съ помощью привезеннаго мною изъ Баклани Дмитрія Сем. Іонова, подняли гробъ, внесли въ церковь и поставили на приготовленномъ мѣстѣ, отслужили вечерню и панихиду,—разошлись по домамъ. Гробъ и матерія, которой онъ былъ обитъ, оказались нисколько не поврежденными; на матеріи только замѣтны пятна отъ извести, падавшей сверху при задѣлкѣ склепа. Гробъ легокъ такъ, какъ бы въ немъ ничего не было. На другой день отслужили заутреню и панихиду, послѣ сего внесли въ церковь сказанный ковчегъ, отслужили обѣдню и большую панихиду, вложили гробъ въ ковчегъ, покрыли чернымъ сукномъ, вынесли изъ церкви, поставили и укрѣпили на рессорныхъ дрогахъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, и тронулись въ путь, въ сопровожденіи духовника графа протоіерея Крыловскаго, дьякона, дьячка и другихъ многихъ лицъ изъ служившихъ покойному графу. Стеченіе людей, не только изъ Почепа, но и съ окрестныхъ селеній, было чрезвычайно большое.—Всѣ они провожали прахъ графа за Почепъ, не ближе трехъ верстъ, и весьма многіе изъ нихъ плакали, выговаривая: „ты нашъ былъ отецъ“. Того-же дня прибыли въ Баклань, при закатѣ солнца, тутъ остановились возлѣ церкви и, отслуживъ панихиду,—ночевали. На другой день, остлуживъ панихиду, отправились въ путь чрезъ Погаръ, гдѣ останавливались три раза вблизи церквей для служенія панихидъ. Обѣдъ и отдыхъ людямъ и лошадямъ былъ на Ворѣ, въ 10-ти верстахъ отъ По-

гара Отсюда, проѣхавъ чрезъ м. Гремячь, отслужа возлѣ церкви панихиду, ночевали въ Слободѣ Каменской, куда, какъ было вечеромъ и темно, вошли съ факелами и служили панихиды. На другой день, выѣхавъ изъ слободы, остановились, на обѣдъ и отдыхъ людей и лошадей, въ селѣ Мамекинѣ; изъ этого села отправили въ Новгородсѣверскъ нарочнаго съ извѣстіемъ г. директора гимназіи, городничаго, архимандрита и протоіерея, по предварительномъ о томъ мною съ ними совѣщаніи. Когда выѣхали изъ Мамекина, не доѣзжая до Новгородсѣверска версты полторы, встрѣтило духовенство: протоіерей законоучитель гимназіи Ленчевскій и до 20 священниковъ съ причетниками и городничимъ, при многочисленномъ стеченіи народа, отслужили панихиду. Не доходя гимназіи за $^1/_2$ версты, встрѣтили: директоръ, всѣ учителя и ученики гимназіи, и съ ними гимназическая пѣвчая. Когда прошли гимназію, не доходя до монастыря саж. за сто,—встрѣтилъ архимандритъ со своимъ духовенствомъ и, наконецъ, когда остановились у монастырскихъ воротъ, люди, приготовленные г. городничимъ, сняли въ дрогъ гробъ, внесли въ церковь и поставили на приготовленномъ заблаговременно мѣстѣ. Отслужили вечерню и разошлись по домамъ, на ночлегъ. На другой день, 31-го іюля, рано по утру, служилъ заутреню архимандритъ; затѣмъ, спустя часа 3, онъ же совершалъ лятургію въ присутствіи вышеупомянутыхъ, принимавшихъ участіе во встрѣчѣ, лицъ и пѣвчей, при многочисленномъ стеченіи господъ и народа. Послѣ литургіи служили большую панихиду и потомъ произнесены были рѣчи: протоіеремъ Ленчевскимъ и учителемъ гимназіи; наконецъ, совершенно погребеніе въ церкви, въ склепѣ. Затѣмъ—обѣдъ въ залѣ архимандрита. На обѣдѣ были: архимандритъ, духовенство, директоръ, учители гимназіи, городничій и разные значительные господа до 50 душъ. Вскорѣ послѣ сего и памятникъ, перевезенный изъ Почепа въ Новгородсѣверскъ, поставленъ на могилѣ графа.

И такъ, я два раза погребалъ своего великаго благодѣтеля. Миръ праху твоему, благодѣтельный мужъ!

Милости и благодѣянія, которыя оказывалъ мнѣ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, во всю жизнь мою, не могутъ изгладиться изъ благодарной моей памяти.—

Относительно служенія моего графу Алексѣю Кирилловичу и, по кончинѣ его, дочерѣ его, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Уваровой и супругу ея Сергію Семеновичу Уварову.

Служеніе мое графу я проходилъ такимъ образомъ.—1810 г. въ апрѣлѣ, я, бывшимъ въ то время управляющимъ почепскою волостью, маіоромъ Тимоновымъ, опредѣленъ въ почепское волостное правленіе къ письменнымъ дѣламъ, и утвержденъ повелѣніемъ графа января 20-го, 1811 г., за № 28-мъ, (въ подлинникѣ у меня хранящимся). Тутъ служилъ я по 15-е іюня 1813 г. Этого 15 ч. іюня прибылъ въ м. Почепъ, принятый графомъ главноуправляющимъ надъ всѣми малороссійскими имѣніями, составлявшими почепскую, шептаковскую, яготинскую и андреевскую волости, заключавшими въ себѣ 33 333 д. м. п., орловской губ. помѣщикъ Тимоновъ, и графу угодно было назначить меня къ нему письмоводителемъ, и тутъ служилъ я $4^1/_2$ года. Въ концѣ 1817 г. Тимоновъ уволенъ и я занималъ въ почепскомъ волостномъ правленіи должность письмоводителя, до учрежденія въ м. Почепѣ, въ 1819 году, главнаго правленія, гдѣ служилъ я, к къ выше объяснеио, главнымъ письмоводителемъ или правителемъ дѣлъ, до кончины графа, всего 12 лѣтъ.

Служеніе мое г.г. Уваровымъ началось, продолжалось и кончилось такъ: послѣ съѣзда въ Москву наслѣдниковъ графа для раздѣла, пріѣхалъ изъ Москвы въ Почепъ, въ іюнѣ 1822 г., г. Уваровъ и, зная обо мнѣ изъ переписки, обратился ко мнѣ и распрашивалъ у меня о дѣлахъ до бакланской и машевской экономій относящихся, и поручилъ мнѣ, на основаніи акта, даннаго отъ покойнаго графа супругѣ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ, просить о вводѣ во владѣніе сихъ экономій, и я исполнилъ это такъ, что онъ былъ доволенъ и изъявилъ мнѣ свою благодарность. Между тѣмъ, писалъ онъ княгинѣ Репниной, чтобы я допущенъ былъ въ кабинетъ покойнаго графа—отобрать и принять въ немъ бумаги, до тѣхъ экономій относящіяся, на

что послѣдовало отъ княгини Репниной согласіе, и я таковыя бумаги въ кабинетѣ принялъ и доставилъ г. Уварову. Въ тоже время онъ изъявилъ желаніе свое, чтобы я, оставя служеніе свое въ Почепѣ, переѣхалъ въ Машевъ и тутъ принялъ должности письмоводителя и казначея, и устроилъ-бы канцелярскій порядокъ. Я и это исполнилъ такъ, что Уваровъ, будучи вполнѣ мною доволенъ, пріхавъ въ Баклань въ 1826 г., поручилъ моему управленію бакланскую, а въ 1827 г. и машевскую экономіи, заключавшія въ себѣ до 6 т. д. м. п., и суконныя фабрики, съ казною обязанныя; и я распоряжался ими 20 лѣтъ.

И такъ, служеніе мое продолжалось графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому до кончины его, 12 лѣтъ, дочери его Екатеринѣ Алексѣевнѣ Уваровой и супругу ея—20 лѣтъ, всего 32 года.

Наконецъ, несмотря на то, что назначенные на волю выше, въ 20 пунктѣ поименованные люди, всѣ, исключая меня, по кончинѣ графа, получили отпускныя отъ лицъ, получившихъ имѣнія, въ 1822 и 1823 годахъ,—я, доставшійся въ числѣ крестьянъ, составлявшихъ бакланскую и машевскую экономіи до 6 т. д. м. п., на часть дочери графа—г-жи Уваровой, отпускной не получилъ. По волѣ ея и супруга ея, оставленъ служить имъ и служилъ вѣрою и правдою, управляя означенными имѣніями 20 лѣтъ, получая отъ г. Уварова во все продолженіе этого времени весьма часто благодарности, отпускныя дѣтямъ моимъ, вскорѣ послѣ ихъ рожденія, и увѣреніе въ томъ, что и мнѣ, въ непродолжительномъ времени будетъ отпускная и особенная за усердіе мое къ нимъ награда, могущая достаточно обезпечить существованіе мое и семейства моего на будущее время. Но г. Уваровъ сего не исполнилъ, вопреки послѣдней воли благодѣтели своего графа Алексѣя Кирилловича, давшаго супругѣ его огромныя имѣнія, вопреки своихъ обѣщаній и увѣреній и вопреки справедливости!—

Въ 1842 году я отъ управленія имѣніями уволенъ. На мѣсто мое поступилъ полякъ Рудницкій и пять человѣкъ по- [illegible] привезенныхъ имъ изъ Варшавы. Начетовъ на

мнѣ, при всемъ ихъ стараніи запутать меня, никакихъ не оказалось. Послѣ сего, спустя 4 года, въ 1846 году, г.г. Уваровы бакланскую и машевскую экономіи отдали дочери своей А. С., а вмѣстѣ съ ними и меня, назначеннаго графомъ на волю, которую слѣдовало мнѣ получить, какъ и другіе получили, въ 1822 году или 1823 году. Супругъ А. С., которому я ни одного дня не служилъ, принявъ во владѣніе свое означенныя имѣнія, тотчасъ занялся, употребляя во зло помѣщичью власть, притѣснять людей, служившихъ графу и г.г. Уваровымъ, требовать отъ нихъ выходовъ на волю и платить ему за это по назначенію его деньги въ такой суммѣ, которой они не имѣли и имѣть не могли, угрожая въ противномъ сему случаѣ—ссылкою въ Сибирь! Такимъ образомъ разорялъ ихъ до крайности, и тѣмъ способомъ отнялъ и у меня все благопріобрѣтенное предками моими и мною достояніе, разорилъ меня до послѣдка и потомъ выдалъ мнѣ съ женою и двумя малолѣтними дочерьми отпускную въ январѣ 1851 года. Такая, выдуманная мужемъ А. С. для умноженія доходовъ своихъ, неслыханная въ здѣшнихъ мѣстахъ, система — оскорбительна не только для честнаго, благороднаго дворянства, но для всякаго честнаго, здравомыслящаго лица.

Да судитъ ихъ Господь Богъ!

ПѢСНИ И СКАЗКИ О ЖИВОМЪ МЕРТВЕЦѢ.

Содержаніе.

Пѣсни: Варіанты малорусскій и угрорусскій.—Общія и частныя черты.—Варіанты: болгарскій, сербскіе, венгерскій, италіанскій, старинные датскіе, новые шведскіе и англійскіе. Выводы.

Сказки малорусскія. Мотивы объ обманѣ мужа женой посредствомъ рыбъ и объ ѣздѣ женщины на мужчинѣ. Сложная и краткая форма сказки о живомъ мертвецѣ. Фабльо и новеллы о живомъ мертвецѣ. Сужденіе о нихъ Бедье. Литература предмета. Связь малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ съ фабльо.

Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ, записанныя въ небольшомъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Австро-Венгріи, въ этнографическихъ предѣлахъ преимущественно малорусскаго племени, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не привлекали къ себѣ вниманія изслѣдователей. Обширная монографія проф. *Созоновича* о женихѣ-мертвецѣ относится къ другому циклу пѣсенъ, сказаній и повѣрій, ничего общаго не имѣющему съ цикломъ пѣсенъ, сказокъ и новеллъ о живомъ мертвецѣ. Послѣдній распадается на два отдѣла: въ одинъ входятъ почти исключительно народныя пѣсни, во второй—преимущественно сказки и новеллы. Ближайшее изученіе пѣсенъ и сказокъ о живомъ мертвецѣ представляетъ высокій историко-литературный и историко-культурный интересъ, открывая характерныя нити живаго общенія малорусскаго народа съ западнымъ міромъ.

1.

Пѣсни о живомъ мертвецѣ.

Въ V т. „Трудовъ" *Чубинскаго* (113—114) напечатана слѣдующая пѣсня, взятая изъ рукоп. г. Кулиша, безъ обозначенія мѣста и времени записи.

„Ой умру, маты, умру
Да за часъ, за годыну,
За часъ, за годыну,
А за дочку вдовыну."
—Ой, не вмирай, мій сыночку,
Сострой соби церковочку,
А вси дивки прійдуть
До церковци молыться
И вдовына дочка.
А вси дочки приходять
До церкви молыться,
А нема дочки вдовынои.
„Ой умру маты"....
—Ой не вмирай, мій сыночку,
Зроби соби корчемочку,
А вси дивки прійдуть
До корчемки гуляты
И вдовына дочка прійде.
А вси дочки приходять
До корчемки гуляты,
А нема дочки вдовынои.
„Ой умру, маты".....
—Ой не вмирай, мій сыночку,
Зроби соби хочъ труночку,
А вси дивки прійдуть
На тило дывыться
И вдовына дочка прыйде.
А вси дивки приходять
Та на тило дывыться;
Прійшла и едыная дочка
Та дочка вдовыная.
А вси дивки приходять
Та у ниженькахъ стали,
Прійшла дочка вдовиная,
Та й въ головахъ стала.
Козакъ исхватывся,

Давай, маты, пыва, меду
Бо вдовину дочку веду!

Эта пѣсня записана, по всей вѣроятности, въ юго-западномъ краѣ, гдѣ дѣвушки собираются въ корчму на танцы, чего не бываетъ въ лѣвобережной Малороссіи. "Корчма—это народный—клубъ, говоритъ *Чубинскій* въ VII т. Трудовъ 450; сюда сходятся въ часы досуга мужчины и женщины и заводятъ дружескую бесѣду съ знакомыми и пріятелями, которые приходятъ въ корчму не съ тою цѣлью, чтобы напиться, но больше являются съ намѣреніемъ людей посмотрѣть и себя показать... Собирается извѣстная компанія, садится за столъ, а лѣтомъ на дворѣ въ тѣни гдѣ либо вблизи корчмы. Посрединѣ постилается платокъ, на который кладется разломанная на куски паляница и рыба, „чехоня або оселедци", тутъ же въ корчмѣ пріобрѣтенная. Кто угощаетъ водкою, тотъ обязанъ подносить каждому по очереди; но первая рюмка всегда принадлежитъ угощающему. Когда разопьютъ взятую водку, другой членъ кружка покупаетъ и подноситъ такимъ же образомъ; затѣмъ третій и т. д. Во время этой попойки идетъ общая дружеская бесѣда о житьѣ—бытьѣ вообще.... Въ корчму приходятъ музыканты, собираются парни и дѣвушки и пляшутъ подъ звуки музыки"....

Въ пѣснѣ малорусской взято три мотива: постройка церкви, корчмы и труны; мать даетъ совѣты; предполагается, что сынъ исполняетъ ихъ; въ пѣснѣ не пояснено, почему вдовиная дочка не приходила.

Къ малорусской пѣснѣ близко подходитъ и объясняетъ ея основные мотивы слѣдующая болгарская пѣсня о Стоянѣ и Боянѣ:

„Учи ме, майко, карай ме,
Какъ да Бояна пограбамъ?"—
„Учамъ те, синко, научамъ,
Какъ да Бояна пограбамъ.
Напра' и цѫрква стретъ село
Си те девойки ке до'ѣтъ
И калешести невѣсти,
И цѫрноокин вдо'ици,
И бѣла Боя ке до'итъ
Си стана Стоянъ сиромафъ,

Напра'и цѫрква стретъ село
Си те девойки дейдо'е,
И калешести невѣсти,
И цѫрнооки вдо'ици,
Бѣла Бояна не дойде.
Си стана Стоянъ сиромафъ
Отиде дур'при майка си:
„Учи ме, майко, карай ме,
Какъ да Бояна лограбамъ?“ —
„Стояне, синко рожене,
Напра'и чешма стретъ село,
Си те девойки.......
Си стана Стоянъ сиромафъ,
Напра'и чешма стретъ село;
Си те девойки. etc.....
Бѣла Бояна не дойде.“
Си стана Стоянъ сиромафъ
Отиде дур'при майка си......
. . . .
Учамъ те, синко, научамъ,
Напра'и бафча стретъ село
. . . .
Учамъ те, синко, научамъ,
Ты да си умришъ отъ нафолъ
Си те девойки etc......
Умрелъ си Стоянъ отъ нафолъ,
Дочуле си—те девойки,
И калешести невѣсти,
И цѫрнооки вдо'ици,
Си—те Стояна виделе,
Си—те ему пещешъ отнесле;
Уще Бояна househematъ.
Бояна майкѣ ѣ велитъ:
Майко ле, мила майко ле!
Отъ тебе изанъ си сака
Ясъ да го видамъ Стояна,
Веке ми Стоянъ умрело,
Ке пойдамъ да го целивамъ,
Отъ него да сѣ отпростамъ;
Си—те другачки пойдо'е,
И мъ, майчице, да одамъ.“
Майке ѣ изанъ ѣ даде
„Ай одай бѣла Бояно!
Да не сѣ тамо заба'ишъ“
Ми стана бѣла Бояна,

Влезе си въ мала градина,
Си набра киска босильокъ,
Секакво цвѣке 'убо'о,
Колку во дворне ми влезе,
Отъ майки изанъ пакъ зематъ:
Майко ле, мила майко ле!
Я сего тамо ке одамъ
Да си го вида Стояна.
Колку Бояна отиде
Во Стояно'и дворо'и,
Писна Бояна да плачитъ;
„Офъ леле, юнакъ, Стояне!
Душа да неметъ майка ми,
Защо тезеде на душа,
Защо ми младо зачина,
Оба не си сѣ простифме!"
Отиде дур' при Стояна,
Му кладе киска босильокъ,
Прибра сѣ да го целиватъ,
Стоянъѫ фати за рѫка:
„Добре ми дойде, Бояно!
Какъ сѣ излѫжи майка ти,
Како те тебе пущила?
Како ти тебѣ нарѫча?
Арно те госпотъ донесе,
Со тебе ке сѣ кердоса."
Пойдо'е попей да каѣтъ,
Стояна да го закопѣтъ,
Не го Стояна закопѣтъ,
Тук' го Стояна венча'е,
Коча ми дочу майка ѣ,
Отъ ум—отъ ке сѣ расипитъ.
Тіе сѣ два—та венча'е

(*Миладиновы* № 185 стр. 294—296).

Въ переводѣ: „Научи меня, матушка, какъ мнѣ увести Бояну."—„ Научу тебя сынокъ, научу: Построй церковь посреди села; всѣ дѣвушки въ нее прійдутъ, и красавицы молодицы, и черноокія вдовицы, и крàсавица Бояна прійдетъ. Подхватился бѣдняга (сиромаха) Стоянъ. Выстроилъ церковь посреди села; всѣ дѣвушки туда пришли, и молодицы, и вдовицы; но Бояна не пришла...." Далѣе, Стоянъ, по совѣту матери, посадилъ садъ, огородъ, но Бояна все-таки не пришла... Наконецъ, мать совѣтуетъ Стояну притвориться мертвецомъ (умришъ отъ

нафолъ“). Дѣвицы, молодицы и вдовы принесли ему похоронные дары („пещешъ“), и Бояна отпросилась у матери пойти поцѣловать Стояна и проститься съ нимъ. Она нарвала въ своемъ саду букетъ васильковъ, подошла къ Стояну, стала горько плакать и проклинать свою мать разлучницу („душа да праматъ майка ми“). Когда она собралась поцѣловать Стояна, послѣдній схватилъ ее за руку. Стоянъ спрашиваетъ, какъ Боянѣ удалось обмануть мать и благодаритъ Бога, что овладѣлъ Бояной. Поповъ звали хоронить Стояна, а попы обвѣнчали Стояна съ Бояной.

Варіанты у *Миладинова* подъ №№ 186, 187 и 117 сходны. Въ вар. № 186 юнакъ напрасно посылаетъ своихъ, напрасно строитъ церковь. Тогда юнакъ притворяется мертвецомъ (жив мъртовецъ). Дѣвушка является съ букетомъ цвѣтовъ. Пѣсня кончается словами:

Ка ѫ виде войникъ юнакъ,
Рѫка пущи, ѭ бакачи
Сѣ залюбиха, сѣ венчаха.

Въ вар. № 117 Стоянъ строитъ церковь, украшаетъ ее золотомъ и серебромъ; Димана приходитъ посмотрѣть и вѣнчается со Стояномъ. Къ вар. № 187 примыкаютъ два другихъ, у *Верховича* и *Дозана*.

Въ сербской пѣснѣ „Женидба ерцеги Стевана“ красавица Мара, просватанная отцомъ за Стефана, но желая выйти за него, по совѣту матери притворяется мертвой. Стефанъ кладетъ ей на грудь огонь, потомъ змѣю; но Мара выдерживаетъ пытку, и Стефанъ со сватами удаляется. Пѣсня извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ (*Николић*, Срн. нар. песме №№ 43—45). Эти пѣсни, очевидно, отличаются отъ всѣхъ варіантовъ о живомъ мертвецѣ. Повидимому, онѣ составляютъ своеобразную сербскую группу пѣсенъ о живомъ мертвецѣ.

Гораздо ближе къ малорусскимъ и болгарскимъ пѣснямъ стоитъ словинская у Враза „Cudna bolezen“. Здѣсь мать строитъ сначала церковь, потомъ выкапываетъ колодецъ; но дѣвица не приходитъ; тогда юноша притворяется мертвымъ. Дѣвушка приходитъ; мнимый мертвецъ ее обнимаетъ, а молодежь, глядя

въ окно, удивляется, что мертвецъ протягиваетъ руки для объятій и губы для поцѣлуевъ (*Child* I 250).

М. Е. Халанскій любезно указалъ мнѣ на одинъ варіантъ въ „Разне српске народне пjесме", собранныхъ Миланомъ *Осветничемъ* въ Бокѣ Которской и изд. въ 1888 г. Здѣсь на стр. 136—140 помѣщена своеобразная версія подъ заголовкомъ „Царевић Мујо и Мермера дјевојка". Начало: „Гони коня царевића Мујо испред двора Мермере девојке". Мермера заплетаетъ свои прекрасныя косы (жуте-желтыя, золотыя). Мујо влюбляется и приглашаетъ Мермеру. Она отказываетъ: „жена твоя породила ребенка и другаго носитъ подъ поясомъ". Пріѣзжаетъ Мујо домой. У него разболѣлась голова. Мать, узнавъ, что причиной болѣзни является неудачная любовь, совѣтуетъ ему лечь на постель, и начинаетъ плакать о немъ (викнуть), какъ по умирающемъ и созывать къ нему дѣвицъ и молодыхъ женщинъ. Всѣ пришли,—не пришла только Мермера. Дѣвушки и затѣмъ ея собственная мать упрекаютъ ее и посылаютъ къ Муйѣ. „Свачијем је мајка заклинала", и тогда Мермера переодѣлась въ мужеское платье побратима Муя, пріѣхала къ нему и спросила его, чтобы онъ сдѣлалъ, если бы Мермера попалась ему въ руки (да ти Мермер запане у руке). Муя говоритъ, что онъ бы изнасиловалъ ее, но не взялъ (обльубно, ма је узо не би). Мермера переночевала съ Муйомъ ночь на мягкой постели, а утромъ въ насмѣшку надъ нимъ призналась, что она Мермера. Когда Муйо услышалъ, умеръ съ досады (ад муке се мртав преметнуо). Мермера уѣхала домой.

Съ славянскими варіантами въ самомъ близкомъ родствѣ стоитъ венгерскій: Красавецъ Тони говоритъ своей матери, что онъ умретъ отъ любви къ Еленѣ. Мать совѣтуетъ жить. Она строитъ сначала драгоцѣнную мельницу; но Елена не пришла; мать не пустила ее. Мать Тони строитъ мѣдный мостъ; всѣ пошли смотрѣть мостъ; но Елену мать не пустила. Мать Тони совѣтуетъ ему представиться мертвецомъ. Мать Елены опасается, что она не вернется. Елена пошла, стала у ногъ мнимаго мертвеца и сказала: „Никогда я не видѣла такого красиваго мертвеца, съ глазами смѣющимися, съ губами располо-

женными къ поцѣлую, съ ногами, готовыми прыгать“ (eyes smiling, mouth tempting kisses and his feet all ready for a spring). Тони подскочилъ и обнялъ ее (*Child* I 250).

Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ болгарскихъ, словинскомъ и венгерскомъ варіантахъ повторяется одна черта, указывающая на близкое родство ихъ, черта, мѣтко выраженная въ болгарскихъ пѣсняхъ у Верковича, Миладинова и Дозона:

Не ти ѥ Стоянъ умрено:
Нодзе-те му се на потскокъ,
Рѫце—те му се на преградъ,
Очи—те му се на погледъ.

Въ италіанскомъ варіантѣ молодой человѣкъ хочетъ жениться на дочери богатаго купца; онъ разводитъ садъ; всѣ дѣвушки пришли за цвѣтами; но его милая не пришла, потомъ онъ даетъ балъ съ 32 музыкантами, строитъ богатую церковь, наконецъ притворяется мертвецомъ. Дѣвушка получаетъ отъ отца позволеніе пойти въ церковь. Мертвецъ ожилъ, остановилъ похоронное пѣніе, и попы ихъ тутъ же обвѣнчали (изъ Сб. Ферраро, цит. у *Child* I 250).

Среди славянскихъ варіантовъ замѣчательна карпато-русская пѣсня въ сб. *Головацкаго* т. II 710—711.

1. Ей доловъ, ми доловъ, тамъ доловъ далеко,
2. Ей жили, тамъ жили двѣ близки сусѣды.
3. Една мала дѣвку бѣлую Ганичьку,
4. Друга мала сына бѣлаго Яничька,
5. Таты двое люди такъ ся любовали,
6. Же и въ святой церкви покоя не мали,
7. Они въ святой церкви покоя не мали
8. Со златымъ яблочкомъ до себе метали:
9. Ганусина маты на томъ застояла,
10. Отъ вышней сусѣды муръ тягаты дала.
11. „Мураре, мураре, такъ же муръ тягайте,
12. До вышней сусѣды облачокъ вягайте,
13. Жебы я видѣла бѣлаго Яничька,
14. Колы онъ поведе до воды коничька!“—
15. „Умру, матусь, умру, про бѣлу Ганичьку,
16. Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло“.
17. „Не умри, Яничьку, про бѣлу Ганичьку,
18. Дамъ я мурувати округлу корчьмичку:
19. Пойдутъ до ней, пойдутъ пани и панове,
20. А чей маты пуститъ до ней и Ганичьку“.

21. „Пустте мня, мамичько, до округлой корчьмы!“
22. „Не пущу, не пущу, ты хижечна курво!“
23. „Умру, матерь, умру про бѣлу Ганичьку,
24. Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло“.
25. „Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
26. Ей дамъ я справити ременяный мостокъ:
27. Панове и паньи пойдутъ по мостичьку,
28. А чей пуститъ мати и бѣлу Ганичьку“.—
29. „Умру, матусь, умру про бѣлу Ганичьку,
30. Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло“.
31. „Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
32. Дамъ вымуруваты округлу церковцу,
33. Панове и паньи пойдутъ до церковци,
34. Може и Ганичьку мати до ней пошле“.
35. „Пусти мня, мамичько, до округлой церкви!“
36. „Не пойдешъ, не пойдешъ, ты, хижечна курво!“
37. „Умру я, мамичько, про бѣлу Ганичьку,
38. А ужъ конецъ былъ, серденько не било“.
39. Ганчя ся дознала кановцу порвала,
40. Кановцу порвала, на воду бѣжала,
41. Труны ся хватила, житя утратила.
42. А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
43. Души спочиваютъ съ милымъ паномъ Богомъ.
44. Съ едной страны церкви Яничка сховали,
45. Съ другой про Ганичьку смутный гробъ выбрали,
46. На Янчовомъ гробѣ росла розмарія,
47. На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія.
48. Тоты двое зеля такъ повыростали,
49. Ажъ ся ихъ вершочьки верхъ церкви схаджали,
50. Ганусина маты на томъ застояла,
51. Драбины ставляла, вершки сожинала.
52. Яничьково тѣло съ гробу проговарило:
53. „Ей мати, ты мати, пренедобра мати,
54. Не дала'сь намъ жити, дай намъ почивати!
55. Хоцъ тѣло въ гробѣ гніе, порохніе,
56. Але наша любовь и за гробомъ жіе“.

Эта превосходная пѣсня представляетъ любопытный образчикъ мѣстной обработки заимствованнаго литературнаго сюжета.

Стихи 1—14 мѣстнаго угорско-русскаго творчества; въ нихъ отразилась гористая природа. Оригинальныя черты—выраженіе любви въ видѣ перебрасыванія въ церкви яблока и постройка стѣны. Яблоко вошло въ пѣсню, вѣроятно, изъ свадебныхъ и колядокъ, гдѣ оно является часто въ значеніи сим-

вола любви, о чемъ подроб. см. въ „Объясненіяхъ“ *А. А. Потебни* II 482—484. Въ галицкой пѣснѣ отецъ говоритъ „Ой донько жъ моя, верзь же ми ябко“. Дочь отвѣчаетъ: „Бигъ-ме, невержу, милому держу“—образъ, очевидно, тожественный.

Стихи 15—43 составляютъ основную тему пѣсни, причемъ первые 4 стиха почти дословно совпадаютъ съ началомъ пѣсни въ рук. сб. Кулиша. Основные мотивы угорско-русскаго варіанта: мать строительница, постройка корчмы, моста, церкви. Своеобразное окончаніе — молодой человѣкъ умираетъ и его возлюбленная вмѣстѣ съ нимъ. Любопытны мелочи: понятіе округлости въ значеніи красоты зданіи и ременной мостокъ.

Къ угорскому варіанту близко подходитъ нѣмецкій, вѣроятно, и послужившій для перваго оригиналомъ. Мать строитъ мельницу, потомъ церковь, и затѣмъ сынъ притворяется мертвецомъ. Когда милая подошла проститься съ нимъ, онъ вскочилъ и поцѣловалъ ее. Она отъ испуга умерла, и мнимый мертвецъ умираетъ дѣйствительно съ горя. Похоронили ихъ у церкви съ разныхъ сторонъ ея. Двѣ лиліи выросли на могилкахъ, высоко поднялись и переплелись, какъ супруги (*Child*, The engl. and. scottish pop. ballads II 506). Послѣдняя подробность совпадаетъ съ окончаніемъ (ст. 44—56) угорскаго варіанта, ясно указывая на его нѣмецкое происхожденіе. Жалоба Яничька на мать Ганичьки, подчеркивающая злобу старухи, находитъ соотвѣтствіе въ болгарскомъ вар. (у *Миладинова* № 186), гдѣ дочь проклинаетъ свою мать. Вообще, во многихъ пѣсняхъ этого цикла замѣчается противоположеніе доброжелательной матери молодого человѣка злой матери его возлюбленной.

Мотивъ о выростаніи деревьевъ на могилахъ двухъ любовниковъ чрезвычайно популяренъ, встрѣчается въ пѣсняхъ многихъ народовъ, о чемъ подробныя библіографическія указанія см. у *Сумцова* въ Этнографич. замѣткахъ стр. 10, *Melusine* 1888 №№ 3, 4 и 6 и *Child*, The engl. ballads III № 75.

Въ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ о живомъ мертвецѣ (*Child* I 251—252, доп. въ VI и VIII томахъ) подробности о постройкѣ церкви и т. п. утеряны. Пѣсни начинаются прямо съ совѣта матери сыну притвориться мертвымъ. Сынъ

притворяется; дѣвушка проситъ отца отпустить ее въ церковь, получаетъ разрѣшеніе и возвращается изъ церкви замужней. Пѣсни эти сходни съ славянскими, особенно по первой строфѣ:

Willie, Willie, i'il learn you a vile',
And the sun shines over the valleys and a',
How this pretty fair maid ye may beguile'
Among the blue flowrs and the yellow and a'
Ye maun lie doun just as ye were dead.....

Мать даетъ совѣтъ сыну, какъ обмануть (beguile) дѣвушку—притвориться мертвымъ.

Извѣстно много датскихъ пѣсенъ о живомъ мертвецѣ и, что замѣчательно, по рукописямъ XVI в. Въ одной пѣснѣ, по рукоп. XVI в., молодой человѣкъ Карлъ спрашиваетъ у своей матери, какъ пріобрѣсти ему любовь красавицы Кирстинъ. Мать совѣтуетъ притвориться мертвымъ. Кирстинъ проситъ у матери разрѣшенія пойти въ его домъ. Мать, опасаясь обмана, не пускаетъ; но Кирстинъ уходитъ самовольно. Она сильно плачетъ, проситъ окружающихъ молиться за душу Карла. Послѣдній оживаетъ; Кирстинъ упрекаетъ его въ обманѣ. Карлъ спѣшитъ къ ея отцу и испрашиваетъ разрѣшеніе на бракосочетаніе. Въ вар. по рукоп. 1610 г. Карлъ, идя въ церковь, спрашиваетъ Инегирлу, выйдетъ ли она за него замужъ; Инегирла отсылаетъ его къ своимъ родителямъ. Огорченный, блѣдный Карлъ возвращается домой. Мать совѣтуетъ ему притвориться мертвымъ. По окончанію пѣсня сходна съ предыдущей. Въ вар. по рукоп. XVI в. притворнаго мертвеца несутъ хоронить въ монастырь; дѣвушка плачетъ; мертвецъ тихонько говоритъ ей: не плачь, но слѣдуй за мной; у воротъ монастыря пригототовлены черные кони. Затѣмъ онъ выскочилъ изъ гроба, схватилъ дѣвушку и бѣжалъ съ ней. Монахини, пѣвшія на хорахъ, подумали, что это ангелъ явился съ неба и увелъ мертвеца. Мотивъ о монастырѣ повторяется во многихъ датскихъ, шведскихъ и во французской пѣсняхъ, записанныхъ изъ народныхъ устъ. Чайльдъ считаетъ мотивъ объ отпѣваніи героя въ монастырѣ позднѣйшей амплифекаціей—предположеніе весьма вѣроятное, если принять во вниманіе, что пѣсни съ добавочнымъ мотивомъ о монастырскомъ отпѣваніи заключаютъ въ себѣ фривольныя шут-

ки, напр. въ одномъ шведскомъ вар. монахини танцуютъ отъ радости, что ангелъ взялъ мертвеца и въ предположеніи, что и за ихъ душами Богъ пришлетъ такого ангела (*Child* I 249, II 506).

Сравнительный обзоръ варіантовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Пѣсня о живомъ мертвецѣ въ основной своей формѣ была уже извѣстна въ XVI вѣкѣ.

2) Въ географическомъ распространеніи пѣсня эта извѣстна въ сѣверной и южной Европѣ.

3) Малорусскіе варіанты воспроизводятъ западно-европейскіе, причемъ варіантъ украинскій состоитъ въ ближайшей связи съ болгарскимъ, а угорско-русскій, повидимому, примыкаетъ съ нѣмецкимъ.

Мѣсто, время возникновенія и пути распространенія пѣсни вполнѣ загадочны. Нѣкоторый свѣтъ по этимъ пунктамъ прольется при опредѣленіи большаго количества ея варіантовъ, при умноженіи ихъ неизданными, обращающимися въ народѣ, наконецъ, при справкахъ съ анекдотической европейской литературой, новеллами и фацеціями, литературой громадной, и еще слишкомъ мало систематизированной. Пѣсня имѣетъ анекдотическій характеръ и a—priori можно принять, что она не чужда старинной новеллистикѣ. Бойкое, игривое содержаніе говоритъ за южно-европейское ея происхожденіе, а существованіе датскихъ записей XVI вѣка говоритъ въ пользу ея давней популярности у сѣверныхъ германскихъ народовъ.

Что въ основѣ пѣсенъ о живомъ мертвецѣ лежитъ какая-нибудь новела или забытое фабльо, можно предположить на томъ основаніи, что въ основѣ современныхъ народныхъ сказокъ о живомъ мертвецѣ лежитъ средневѣковое фабльо, какъ это видно изъ слѣдующихъ совпаденій.

2.

Сказки и фабльо о живомъ мертвецѣ.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ состоятъ или изъ трехъ сказочныхъ мотивовъ, или изъ одного, причемъ въ исто-

рико-литературномъ отношеніи, въ особенности, любопытнымъ представляется сложный типъ сказки. Образчикомъ сказокъ перваго типа можетъ служить слѣдующая сказка о трехъ женахъ, записанная въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. Было три жены, большія подруги. Пошли онѣ въ монастырь говѣть и на дорогѣ нашли золотое кольцо. Онѣ не знали, какъ подѣлить его. Одна говорила: „нехай мени буде, бо я побачыла“, другая—„нехай мени, бо я взяла“. Третья предлагаетъ оставить перстень той, которая удачнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Остальныя приняли это предложеніе. 1) Первая жена посылаетъ мужа въ поле орать и, когда онъ работалъ въ полѣ, положила въ борозны живыхъ рыбокъ линовъ. Мужъ набрелъ на нихъ съ плугомъ, подумалъ, что выоралъ изъ земли, собралъ рыбу, принесъ домой и велѣлъ женѣ сварить рыбу на ужинъ. Жена не исполнила приказанія и была потомъ избита мужемъ. Сотскій связалъ его. Попъ пришелъ его исповѣдывать. Мужъ и ему сталъ говорить, что выоралъ рыбу, и былъ за то прибитъ. 2) Другая жена притворяется больной и заставляетъ мужа везти ее съ поля на возу, причемъ мужъ запрегся вмѣсто коня; затѣмъ жена садится на него верхомъ и заставляетъ внести ее въ хату, и, наконецъ, 3) третья жена поступила такъ, что обманъ вышелъ въ спасеніи. Мужъ ея долженъ былъ пойти на панщину, но, по совѣту жены, отправился на водяную мельницу, такъ какъ хлѣбъ былъ на исходѣ. Десятникъ и потомъ экономъ похваляются избить мужика за неявку на панщину. Когда вечеромъ мужъ возвратился, жена посовѣтовала ему притвориться мертвымъ. Жена убрала его и стала плакать надъ нимъ. Десятникъ заглянулъ и со двора долой. Положили его въ гробъ. „А що, люде добри, сказалъ попъ, куды понесемъ его, чи черезъ горòдъ, чи навкруги? мабудь несимъ черезъ горòдъ“. Мнимый мертвецъ выскочилъ изъ гроба и погнался за попомъ со словами: „ось я тоби покажу, якъ черезъ горòдъ носыть; що тоби шляху немае, що ты будешъ черезъ горòдъ несты мене“. Жены идутъ къ пану съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ удачнѣе обманулъ мужа. Панъ нашелъ, что первыя двѣ жены поступили неостроумно и приказалъ высѣчь ихъ, а

послѣднюю одобрилъ и вручилъ ей перстень (*Рудченко*, Народ. южнор. сказки. I 165—168).

Эта любопытная сказка недавно подверглась научному анализу въ обширномъ изслѣдованіи *Бедье* „Les fabliaux“ (1893 г.) Правда, Бедье лишь упоминаетъ о нашей сказкѣ при разборѣ нѣкоторыхъ фабльо (въ VI гл. „Tresses“); но отмѣченныя имъ мимоходомъ литературныя параллели весьма цѣнны. Оказывается, что мотивъ о рыбахъ встрѣчается въ трехъ фабльо и особенно сходный въ Повѣсти о 7 мудрецахъ, (2 разсказъ мудреца); мотивъ о томъ, какъ женщина ѣздила на мужчинѣ входилъ въ фабльо, новеллы, драмы, отразился на многихъ памятникахъ искусства, восходитъ къ Панчатантрѣ. Обширная литература указана у *Hagen* Gesammtabenteuer I N 2 и въ особенности у *Bedier* Les fabliaux 403—404.

Въ средневѣковыхъ разсказахъ обыкновенно выступаетъ классическій мудрецъ Аристотель, напр. въ старо-французскомъ фабльо „Lay d' Aristote“, въ нѣмецкомъ „Aristoteles und Phyllis“. Знаменитый философъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ стараго дурака, влюбившагося въ молодую дѣвушку, которая смѣется надъ нимъ, и, между прочимъ, требуетъ въ счетъ будущихъ любовныхъ благъ покатать ее. Аристотель надѣлъ сѣдло, взялъ въ ротъ уздечку и на четверенькахъ каталъ по саду коварную Филлиду, которая подгоняла его колючей розовой вѣтвью и пѣла веселыя любовныя пѣсни, (*Hagen*, I, 20—35). Не входя въ подробности, отмѣтимъ здѣсь лишь одинъ изъ наиболѣе старинныхъ варіантовъ этого анекдота: въ Панчатантрѣ министръ Фаратушти брѣетъ голову въ угоду женѣ, а его повелитель король Нанда въ угоду своей женѣ позволяетъ себя зануздать и ржетъ по лошадиному (ib. I введеніе LXXVII).

Большей частью встрѣчаются сказки на одинъ мотивъ изъ трехъ предъидущихъ, чаще всего на мотивъ о живомъ мертвецѣ. Такъ въ малорусскомъ варіантѣ, записанномъ въ курской губ., говорится, что у одной женщины былъ мужъ Максимъ, глупый, неразговорчивый и некрасивый. Она слюбилась съ кумомъ и, чтобы сжить со свѣта своего мужа, стала увѣрять его, что онъ боленъ, причемъ кумъ ей поддакивалъ. Однажды

мужъ возвратился съ поля очень усталымъ, жена сказала, что онъ умираетъ, и дурень повѣрилъ ей, легъ и сложилъ руки. Жена начинаетъ голосить надъ нимъ, кумъ вслухъ высказываетъ свои сожалѣнія о его смерти, и все это глупаго мужа окончательно убѣждаетъ, что онъ умеръ. Кумъ сдѣлалъ поскорѣе гробъ, позвали попа, и понесли мнимаго мертвеца на кладбище. Глупый мужъ замѣтилъ, что люди понесли его неподходящей дорогой, и крикнулъ: „Не несыть напрямецъ, бо я позавчора втопывъ въ рудци шкапу, насылу вытягъ". Люди отъ страха разбѣжались. Первымъ пришелъ въ себя попъ, распросилъ мнимаго мертвеца и сказалъ, что онъ ожилъ. Максимъ пошелъ домой—„ни на радость ни кумови, ни жинци" (*Чубин.* II 540—542). Этотъ варіантъ, очевидно, стоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ вар. Рудченка.

Подобнаго рода сказки встрѣчаются въ Великороссіи и въ Бѣлоруссіи. Бѣлорусскіе варіанты кратки и безцвѣтны, повидимому, представляютъ искаженіе малорусскихъ. Таковы въ „Смолен. этнограф. сборникѣ" *Добровольскаго* на стр. 354 („якъ мужикъ абмирау, а потэмъ жонку свою падучилъ, што ина дуже любопытна") и 355 („мужикъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любитъ ли его жена"), грубыя сказки, построенныя на мотивѣ о побояхъ жены въ смыслѣ поученія.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ въ сложномъ видѣ стоятъ въ прямомъ родствѣ съ древнимъ французскимъ фаблье „Les trois dames qui trouverent l'anel", а въ сокращенномъ видѣ прямо отвѣчаютъ другому французскому фаблье „Le vilain de Bailleul". Изданы эти фаблье у Монтельона и Ренье (I 15, IV 109 и VI 138). На этихъ фаблье останавливались выдающіеся ученые, Либрехтъ, Руа и въ послѣднее время Бедье. Такъ какъ въ „Les fabliaux" Бедье сведены мнѣнія и указанія предыдущихъ ученыхъ, то мы ограничимся здѣсь лишь этимъ пособіемъ, съ небольшими добавками изъ „Gesammtabenteuer" фонъ-деръ-Гагена; мы извлечемъ лишь то, что нужно для ближайшей нашей цѣли—объясненія сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Фабльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, состоитъ въ слѣдующемъ: Три дамы заспорили, кому должно принадлежать драгоцѣнное кольцо, найденное ими въ одно время; онѣ призываютъ въ посредники постороннее лицо, и послѣднее присуждаетъ кольцо той, которая остроумнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Таковъ основной остовъ сказки; затѣмъ идутъ подробности, которыя измѣняются въ варіантахъ. Одна жена напаиваетъ мужа, стрижетъ у него макушку (дѣлаетъ монашескую тонзуру), надѣваетъ на него клобукъ, отводитъ въ монастырь, и потомъ глупый мужъ начинаетъ думать, что поступилъ въ монахи. Другая убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, потомъ убѣждаетъ, что онъ умеръ. Третья—что мужъ одѣтъ въ чудесное, невидимое ему платье, и повѣрившій этому мужъ идетъ голый по улицѣ. Эти мотивы—самые распространенные; такъ—второй (о мертвецѣ) отмѣченъ въ 12 различныхъ литературныхъ памятникахъ, первый (о монахѣ) въ 11 (въ малорусскихъ нѣтъ), третій (о голомъ) въ 6. Другіе мотивы встрѣчаются рѣже. Въ трехъ фабльо встрѣчается мотивъ о рыбахъ, но въ такой отличной отъ малорусской сказки формѣ: жена оставляетъ въ четвергъ мужа въ обѣденное время подъ предлогомъ, что она пойдетъ жарить рыбу къ сосѣдкѣ; она гуляетъ съ любовникомъ недѣлю, на слѣдующій четвергъ къ обѣду приноситъ горячую жареную рыбу и увѣряетъ, что пробыла у сосѣдки нѣсколько минутъ; мужъ готовъ повѣрить. Другіе варіанты малочисленны, и въ Малороссіи до сихъ поръ не были еще записаны. Жена убѣждаетъ мужа вырвать зубъ (4 разсказа), обращаетъ домъ въ таверну и мужъ не можетъ его найти (въ 6 разсказахъ), мужъ по ошибкѣ уступаетъ жену другому и нѣкот. др., (о чемъ см. *Bedier* 228—231, 415).

Сказка о живомъ мертвецѣ издавна существуетъ подъ разными наименованіями. Въ западной литературѣ она находится въ слѣдующихъ произведеніяхъ:

1) *Фабльо* „Trois dames“ XIII вѣка (изд. у Mont et Reynaud, I, 15).

2) *Keller*, Erzählungen aus altd. Hss. p. 210 (изд. въ Bibliothek des lit. Vereins zu Stuttgart, 1855) XIV вѣка.

3) *Hans Folz* (von dreyen Weyben etc) въ Zts. de Haupt. VIII, 524; повторена въ *Facetiae Bebelinae* XVI в.

4) *Tirso de Molina,* въ Tresoro de novelistas, XVII в. въ парижскомъ изд. 1847, I стр. 234.

5) *Les comptes du monde adventureux* XVII в. въ парижскомъ изданіи 1878, NXLI.

6) *Verboquet* le genereux, изд. въ 1630, II, 31.

7) Le Sieur *d' Ouville*, ed. Ristelhuber, p. 146 XVII в.

8—11) Современныя народныя сказки норвежская, исландская, италіанская, датская.

12) Древній нѣмецкій разсказъ, изд. *фонъ-деръ-Гагеномъ* въ Gesemmtabenteuer, II, глава 45.

13) *Despériers,* Contes et joyeux devis, новелла LXX (въ изд. библіофила Якоба); повторена въ „Thésor des recreations" 1816 г. стр. 27.

14) *Боккачіо* въ Декамеронѣ (III, 8) въ новеллѣ „Ферондо; подражалъ *Лафонтенъ* въ le Purgatoire".

15) Въ *Nast-Eddin Hodja* Plaisanteries въ франц. перев. съ турецкаго 1876 №№ XLIX и LXVI; сходные анекдоты, индійскій, талмудическій и саксонскій указаны *Р. Келеромъ* въ Orient et Occident I, 431, 765); нѣсколько дополненій у Бедье на 431 стр.

У *Фонъ-деръ-Гагена* (II введ. L—LII) сдѣлано еще нѣсколько библіографическихъ указаній (одна фацеція у Поджіо и новелла у Дони).

Эти библіографическія указанія, извлеченныя мной изъ Бедье и Гагена, достаточно опредѣляютъ многочисленную литературную родню малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Бедье при изученіи фабльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, воспользовался почти всѣми источниками и пришелъ къ тому печальному заключенію, что изученіе ихъ не даетъ никакихъ крупныхъ общихъ заключеній по вопросу о происхожденіи мотива о живомъ мертвецѣ. Возможны и дѣствительно сдѣланы лишь частные выводы, напр., о томъ, что сицилійская сказка вышла изъ новеллы, что Фербоке взялъ разсказъ изъ Comptes du Monde adventureux. По словамъ Бедье, изъ

22 варіантовъ только три поддаются историческому объясненію, а на основаніи остальныхъ 19, притомъ наиболѣе древнихъ, нельзя сказать, какова была первоначальная форма фабльо о трехъ дамахъ и въ частности мотива о живомъ мертвецѣ. Нельзя сказать, когда возникли основные мотивы и какими путями они переходили отъ народа къ народу (*Bedier* 232). Въ виду такого категорическаго сужденія Бедье я не беру на себя непосильной задачи входить въ подробный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ варіантовъ, тѣмъ болѣе, что не имѣю подъ руками многихъ изъ указанныхъ выше пособій. Считаю достаточнымъ замѣтить, что малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ имѣютъ западно-европейскихъ родственниковъ XIII и XIV вѣковъ и въ существенныхъ чертахъ очень походятъ на нихъ. Чтобы настоящее утвержденіе наше не было голословнымъ, мы приведемъ въ короткихъ словахъ содержаніе нѣсколькихъ старинныхъ западно-европейскихъ разсказовъ этого рода.

Въ старинной нѣмецкой стихотворной повѣсти „Der begrabene ê man“ (въ 256 стиховъ) въ началѣ говорится о предварительныхъ испытаніяхъ мужа; жена требуетъ, чтобы онъ полдень счелъ за вечеръ, холодную ванну за теплую. Это, такъ сказать, вступленіе. Въ главной части говорится, что жена слюбилась съ попомъ и, затѣмъ, слѣдуетъ разсказъ, чрезвычайно сходный съ малорусской сказкой у Чубинскаго; когда мужъ однажды возвратился домой съ полевой работы усталый, жена сказала, что онъ поблѣднѣлъ, уложила его въ постель, дала ему въ руки свѣчу, закрыла ему глаза и объявила, что онъ умеръ. Сошлись сосѣди и отнесли его въ церковь. Жена плакала и рвала на себѣ волосы. Мужа похоронили, и когда онъ въ могилѣ сталъ кричать, то попъ сказалъ, что это кричитъ демонъ въ трупѣ покойника, сталъ говорить молитвы, а жена и всѣ присутствовавшіе приговаривали „аминь“. Мужъ такъ и погибъ. Мѣстами нѣмецкое стихотвореніе почти тожественно съ малорусскими сказками; выписываю для примѣра лишь нѣсколько строкъ:

Si begunden in ûf die bâre legen,
Die brâhte si vil schiere dar.

dô kômen ir geburen gar,
Die naht man im wachte,
unz sich der tak ûf machte,
Zuo der Kirchen man in truok
dô roufte si sich unde sluok,
Si gienk im weinunde mite... .

Въ фабльо „Le villain de Bailleul“ нѣтъ предварительныхъ испытаній мужа. Жена также входитъ въ связь съ попомъ. Она убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, что онъ умеръ, выноситъ въ другой домъ и здѣсь оплакиваетъ. Приходитъ попъ, поетъ „Oremus“ и затѣмъ уходитъ съ вдовой въ домъ для пріятной съ ней бесѣды. Мнимый мертвецъ, услышавъ разговоръ ихъ, заявилъ, что онъ живъ и былъ за то сильно избитъ.

Въ Декамеронѣ *Боккачіо* (XIV в.), у новеллистовъ *Грацццини* и *Дони* (XVI в.) и въ подражаніе Боккачіо у *Лафонтена* сильно развита насмѣшка надъ католическимъ духовенствомъ, и соотвѣтственно тому обработанъ основной сюжетъ съ эротическимъ пересоломъ.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ стоятъ гораздо ближе къ французскимъ и нѣмецкимъ фабльо XIII—XIV вѣковъ, чѣмъ къ болѣе позднимъ италіанскимъ новелламъ и, повидимому, ближайшимъ источникомъ имѣютъ нѣмецкіе разсказы, въ родѣ того, что изданъ Фонъ-деръ-Гагеномъ. Въ малорусскихъ сказкахъ попъ является какъ-то случайно, очевидно, какъ отзвукъ чужаго литературнаго источника, и весь юморъ сосредоточивается на женѣ, на ея хитрости, причемъ обнаруживается попытка обманъ жены объяснить ея доброжелательствомъ и разумностью.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.

(ОКОНЧАНІЕ). [1]

Зданіе для женской гимназіи было готово. Явился высочайшій указъ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ царствѣ польскомъ. Надзирательница гимназіи, по указу, назначалась главнымъ директоромъ, а класныя дамы—начальниками учебныхъ дирекцій. На самомъ же дѣлѣ, класныя дамы назначались начальниками дирекцій изъ тѣхъ лицъ, которыя рекомендовались собственноручными письмами главнаго директора. Я тоже сталъ получать такія письма. Въ одномъ Θ. Θ. Витте писалъ, что королева прусская Августа просила намѣстника графа Берга письмомъ оказать свое вліяніе, чтобы представить мѣсто классной дамы въ Сувалкской гимназіи ея протеже. Витте писалъ мнѣ, что это безспорно нужно исполнить. Ко мнѣ поступило болѣе 60 прошеній съ документами о представленіи мѣстъ классныхъ дамъ, а мѣстъ этихъ было всего 6. Я забралъ о всѣхъ просительницахъ надлежащія справки и, боясь разойтись съ рекомендаціями главнаго директора, послалъ ему всѣ прошенія, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ сдѣлалъ выборъ. Онъ понялъ меня и, возвращая прошенія, просилъ только о двухъ лицахъ, а на остальныя четыре мѣста предоставилъ назначить классныхъ дамъ, по своему усмотрѣнію, согласно высочайшему

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 1.

указу. По мѣрѣ того какъ приближалось время открытія женской гимназіи, епископъ графъ Лубенскій зачастилъ въ Сувалки. Я узналъ, что инспекторъ мужской гимназіи, который въ тоже время долженъ былъ управлять и женской гимназіей, посѣщаетъ епископа на пробоствѣ поздней ночью, и тамъ вмѣстѣ съ кзендзомъ капеланомъ а другимъ ксендзомъ іезуитомъ о чемъ то совѣщаются. Епископъ въ свои пріѣзды сталъ обѣдать у губернатора Жерве; у него же проводилъ и вечера. Мнѣ передали, что епископъ сталъ ухаживать за М-me Жерве и втолковывать ей, что она, какъ начальница губерніи, должна открываемую женскую гимназію принять подъ свое покровительство; что только тогда родители съ довѣріемъ отнесутся къ этому заведенію и будутъ посылать своихъ дочерей. Сообщалъ онъ ей, что по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, надзирательницей будетъ назначена его старая знакомая М-me Д—ъ высоко-образованная дама; что епископъ разсчитываетъ на покровительство ей М-me Жерве. Хотя, по Высочайшому указу, гимназія подчиняется начальнику дирекціи, но, вопервыхъ, онъ—мужчина, и въ обращеніи съ женщинами не знаетъ толку; во вторыхъ, ему некогда заниматься женской гимназіей. Епископъ вполнѣ увѣренъ, что если М-me Жерве сразу заявитъ свои права на управленіе женской гимназіей,—то не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны начальника дирекціи; при томъ-же онъ едва ли посмѣетъ противорѣчить М-me Жерве. Тутъ же установленъ былъ церемоніалъ открытія женской гимназіи. Ученицы и приглашенные родители и гости соберутся въ залъ мужеской гимназіи. Для епископа тамъ будетъ поставлена каѳедра, и онъ самъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства и клириковъ отслужитъ мшу, окропитъ всѣхъ святой водою и произнесетъ рѣчь къ родителямъ, ученицамъ и гостямъ. Затѣмъ въ сопровожденіи губернатора и губернаторши процессіей пройдетъ въ зданіе женской гимназіи, освятитъ его и объявитъ гимназію открытою. Наконецъ, я получилъ оффиціальное извѣщеніе отъ главнаго директора Витте о назначеніи надзирательницей женской сувалкской гимназіи супруги профессора духовной варшавской академіи, бельгійскаго подданнаго, М-me. Д—ъ. За три дня до ея

пріѣзда прибылъ на пробоство въ Сувалки епископъ графъ Лубенскій и отправилъ на станцію желѣзной дороги въ Гродно свою карету и шестерку лошадей за M-me Д—ъ. Между тѣмъ я назначилъ день открытія женской гимназіи, и, въ случаѣ неприбытія M-me Д—ъ къ этому дню, поручилъ классной дамѣ С., содержавшей прежде въ Ковно пансіонъ и удостоившейся высочайшихъ подарковъ, исполнять должность надзирательницы. Я желалъ, чтобы мшу ученицы слушали въ городскомъ костелѣ, а затѣмъ собрались въ залъ мужской гимназіи вмѣстѣ съ приглашенными гостями выслушать высочайшій указъ о женскихъ гимназіяхъ. Въ женской гимназіи зала не имѣлось. Инспекторъ и ксендзъ просили, чтобы мшу служить, ради зимняго времени, въ мужской гимназической каплицѣ. Я согласился. Утромъ наканунѣ открытія гимназіи, я узналъ, что M-me Д—ъ еще вечеромъ пріѣхала и остановилась не въ своей квартирѣ, а на пробоствѣ, гдѣ тоже остановился епископъ въ сопровожденіи духовенства и клериковъ; что сейчасъ по ея пріѣздѣ инспекторъ съ классными дамами представлялся ей на пробоствѣ. Я немедленно распорядился о приводѣ классныхъ дамъ и прибывшей надзирательницы къ присягѣ въ зданіи женской гимназіи. Вслѣдъ за тѣмъ, идя къ генералу Ганецкому, встрѣтилъ епископскую карету, которая подъѣхала и остановилась у квартиры губернатора. Я генералу и передалъ, что сомнѣваюсь въ назначенной надзирательницѣ, которая живетъ у епископа на пробоствѣ и якшается съ ксендзами, и которая не сочла своею обязанностью представиться мнѣ. Вотъ загудѣла мостовая, и у подъѣзда остановилась епископская карета. Вошелъ ординарецъ и доложилъ: „епископъ съ женою! прикажете просить!"—Врешь братецъ! Развѣ епископы женаты?—„Не могу знать",—отвѣчалъ ординарецъ. „Ну такъ пойди и разспроси, кто такой? Ординарецъ зналъ и карету и лошадей епископа, и, увидѣвши въ каретѣ мужчину и даму, рѣшилъ, что это епископъ, да только съ женою. Ординарецъ опять вошелъ и подалъ карточки „M-seur Д. и M-me Д—ъ". Не принимаю!—сказалъ Ганецкій.

Между тѣмъ я отправился въ женскую гимназію. Присяга не была еще принесена. Я послалъ за инспекторомъ, капелла-

номъ, классными дамами и приказалъ сейчасъ розыскать надзирательницу и потребовать ее въ женскую гимназію присягнуть въ моемъ присутствіи. Явившемуся инспектору я сдѣлалъ строгій выговоръ за медленность исполненія моего приказанія. Онъ понесъ чепуху, что не смѣлъ безпокоить M-me Д-ъ которая съ мужемъ собиралась визитировать въ городѣ. Я отвѣтилъ, что онъ не хочетъ понимать своихъ обязанностей; мои приказанія, а не желанія Д—овъ должны быть исполняемы въ гимназіи. Сейчасъ ее розыскать и доставить къ присягѣ—я жду! Пробоство и костелъ тутъ же по сосѣдству на площади. Изъ пробоства вылетѣлъ верховой и понесся въ городъ. Д—ы спустя десять минутъ подъѣхали, и расфранченная M-me въ сопровожденіи мужа развязно влетѣла въ комнату. Она стремительно направилась ко мнѣ съ французскою фразою: кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. начальника дирекціи. Я остановилъ ее по русски. Сударыня! Вы на первыхъ же порахъ позволили себѣ забыть свои прямыя обязанности. Вы до сихъ поръ не явились ко мнѣ, не вступили въ должность, не принесли присяги; вы занялись прежде всего визитами, а между тѣмъ завтра открывается гимназія, а послѣ завтра уроки, и надзирательница обязана вполнѣ узнать до того времени свои обязанности и мои требованія. Приказываю вамъ въ четыре часа явиться ко мнѣ на квартиру, а теперь не угодно-ли присягнуть! Она совсѣмъ переконфузилась, мужъ ея тоже. Послѣ присяги, сдѣлавши общій поклонъ, я оставилъ гимназію. Ровно въ четыре часа, я принялъ ее и мужа ея въ своемъ кабинетѣ. На чистомъ петербургскомъ нарѣчіи она представляла тысячи извиненій, объясняясь своею неопытностью. Я указалъ ей все неприличіе ея жительства на пробоствѣ. Она объявила, что епископъ ея старинный другъ, а также другъ ея мужа, что она не знала, что это покажется неблаговиднымъ. Она сейчасъ переходитъ и постарается въ точности исполнить мои требованія. Въ этотъ день Д—ы, епископъ и ксендзъ обѣдали у губернатора Жерве. Тутъ честили меня на всѣ стороны, и рѣшено было завтра на актѣ вырвать изъ моихъ мужицкихъ рукъ женскую гимназію и ея надзирательницу и вручить ихъ въ ру-

ки М-me Жерве. Старика инспектора прижали со всѣхъ сторонъ, чтобы онъ самостоятельно распорядился актомъ открытія; но онъ, получивъ уже строгій выговоръ, не рѣшился самъ дѣйствовать. На слѣдующій день часовъ въ 7 утра, онъ съ капелланомъ явились ко мнѣ, первый—испрашивая распоряженій, а второй заявилъ довольно дерзко, что, по требованію епископа, который самъ намѣренъ служить въ гимназіи мшу, должна быть въ торжественномъ актѣ приготовлена каѳедра. Я отвѣтилъ ему, что этого не будетъ. Я очень радъ епископскому служенію и тому участію, которое онъ принимаетъ въ дѣлѣ открытія женстой гимназіи; но залъ останется заломъ. Каѳедру можете устроить въ каплицѣ. Но тамъ нѣтъ мѣста! Какъ знаете! Епископу все это передали. Отправляясь лично пригласить Ганецкаго и губернатора Жерве, я заѣхалъ и къ епископу. Онъ выбѣжалъ на встрѣчу, думая, что я измѣнилъ свое намѣреніе. Но я, будто ничего не зная о его желаніи служить, сталъ приглашать его почтить своимъ присутствіемъ свѣтскій актъ открытія гимназіи. Инспектору приказано было, чтобы мша окончилась въ каплицѣ за $^1/_2$ часа до начала акта, и чтобы дверь въ каплицу была заперта и закрыта, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ дверь, поставленъ былъ на свое мѣсто портретъ Государя Императора. Послѣ моего приглашенія епископъ отказался служить мшу и на актъ не явился; не явилась и М-me Жерве. Ученики пропѣли „Боже царя храни"; я прочелъ Высочайшій указъ о женскихъ гимназіяхъ, программу и составъ управленія и преподавателей. Въ заключеніе я сказалъ слово, которое заключилъ словами: гимназія ни на іоту не отступитъ отъ направленія, указаннаго въ Высочайшемъ указѣ; въ этомъ я даю здѣсь торжественно обѣщаніе. Пока я въ сувалкскомъ округѣ, я для достиженія этой цѣли употреблю всѣ мои способности, опытность и стараніе. Жерве иронически улыбнулся. Слова мои произвели на публику и моихъ подчиненныхъ впечатлѣніе. Ганецкій и лица, сочувствующія русскому дѣлу, послѣ акта выразили мнѣ сочувствіе. Когда мы подходили къ зданію женской гимназіи, къ нему подъѣхала карета епископа, а вслѣдъ за нею карета Жерве. Въ епископскомъ облаченіи, съ клири-

ками и ксендзами графъ Лубенскій освящалъ зданіе гимназіи. Послѣ освященія онъ сказалъ краткое слово ученицамъ, требуя отъ нихъ прилежанія и повиновенія власти. Распрощавшись съ M-me Д—ъ, M-me Жерве и епископъ оставили гимназію. Тогоже дня епископъ, пообѣдавши у губернатора, укатилъ въ Сейны. О M-me Д—ъ я узналъ, будто она родилась въ Петербургѣ въ православіи, но потомъ съ лютеранской семьею уѣхала за границу и сдѣлалась послѣдовательницею лютеранизма; росла въ Германіи, потомъ въ Англіи. Перешла гувернанткой въ католическое польское семейство. Жила съ нимъ долго въ Римѣ, а затѣмъ въ Брюсселѣ и Парижѣ. Здѣсь въ отелѣ Ламбертъ князя Чарторыйскаго присоединена къ католицизму іезуитами, и затѣмъ выдана замужъ за ученаго свѣтскаго іезуита, профессора и доктора. Маркизъ Велипольскій, во время своего управленія въ царствѣ, пригласилъ семью Д—ъ въ Варшаву. Мужу предложилъ мѣсто профессора въ духовной академіи, а женѣ мѣсто учительницы чистописанія въ женскомъ инситутѣ. Когда въ институтѣ начались безпорядки, начальница и классныя дамы отказались отъ своихъ мѣстъ; Д—ъ заявила властямъ, что если ей поручатъ институтъ, то она въ сутки приведетъ его въ порядокъ. Обо всѣхъ эпизодахъ открытія женской гимназіи, а также о слухахъ о Д—ъ, я немедленно полуоффиціальнымъ письмомъ донесъ главному директору Витте. Около этого времени Жерве поѣхалъ въ Варшаву. Витте показалъ ему письмо, и они вмѣстѣ окрестили меня жандармскою душою. Жерве объ всемъ этомъ передалъ женѣ и Д—ъ; наконецъ объ этомъ дошло и до меня. Мнѣ же Витте прислалъ успокоительное письмо. Въ немъ говорилось, что высокообразованная M-me Д—ъ благонадежная изъ благонадежныхъ. Во время безпорядковъ въ институтѣ ей правительство довѣрило это заведеніе и она такъ исполнила возложенную на нее обязанность, что ей по смерть ad personam назначено ежегодно по 300 рублей содержанія. Если она не оставлена начальницей института, то только потому, что она иностранка и что эти должности предоставляются обыкновенно вдовамъ заслуженныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Намѣстникъ лично знаетъ ее

и ея мужа. Самъ Д—ъ фундаментально ученый человѣкъ. Онъ преподаетъ древніе и новые языки въ домахъ высокопоставленныхъ русскихъ лицъ въ Варшавѣ, въ томъ числѣ въ домѣ князя Владиміра Черкасскаго. За благонадежность M-me Д—ъ Витте самъ ручается, а что касается ея опытности, знанія русскаго и всѣхъ европейскихъ языковъ, то подобной высокообразованной начальницы гимназіи въ Россіи нѣтъ другой. Назначеніемъ ея въ Сувалки Витте именно хотѣлъ мнѣ выразить свое расположеніе, и ей я смѣло могу ввѣрить безконтрольно сувалксую гимназію. M-me Д—ъ сдѣлалась заискивающей, любезной, и, узнавъ, что въ числѣ ученицъ 2 класса находилась моя покойная дочь, она стала ее ласкать и зазывать къ себѣ на завтраки. Однажды испросила у меня разрѣшеніе сдѣлать визитъ моей женѣ. Д—ъ очаровала мою жену своимъ умомъ и обращеніемъ. Она вдругъ стала на дружескую ногу и предложила, что возьметъ къ себѣ на квартиру мою дочь; ей будетъ не такъ скучно съ малюткой; столъ не потребуетъ лишнихъ расходовъ. Она не приметъ никакого вознагражденія; лучшимъ вознагражденіемъ для нея будетъ довѣріе къ ней родителей. А ужъ она дастъ дочери познанія, манеры; такъ образуетъ ее, что она поспоритъ съ любой принцессой. Педложеніе было крайне заманчивое и соблазнительное. Д—ъ, дѣйствительно, могла дать хорошее образованіе. Но, во-первыхъ, изъ дочери они могли создать іезуитку или польскую патріотку; вовторыхъ, ей заплатить нужно было измѣною видамъ высшаго правительства. Я не имѣлъ совѣсти Жерве, и потому приказалъ женѣ поблагодарить Д—ъ и отклонить ея предложеніе. Д—ъ всетаки не отставала отъ жены. Она нашептывала женѣ, что дочь наша премилый и преспособный ребенокъ и жаль ограничить ее гимназическимъ ученіемъ. Ее нужно развить, отшлифовать, ввести въ кругъ новыхъ языковъ и искусства. У Д—ъ есть въ Петербургѣ задушевная пріятельница, знакомая и M-me Жерве. Она провела всю свою жизнь въ самыхъ аристократическихъ домахъ Петербурга. Теперь она живетъ, не занимаясь дѣтьми. У ней огромныя въ Петербургѣ связи. Она по просьбѣ Д—ъ за сталъ и квартиру приметъ на себя обра-

зованіе моей дочери. Въ деньгахъ она не нуждается. Въ случаѣ чего своими связями можетъ быть полезною и мнѣ. Я отклонилъ и это предложеніе. Вотъ Д—ъ родила. Пріѣхалъ изъ Варшавы ея мужъ. Въ мое отсутствіе они пригласили жену мою въ воспріемницы. За женою пріѣхала епископская карета. Жена застала у Д—ъ епископа и мѣстнаго пробоща. Послѣдній облачился и приступилъ къ совершенію таинства, а епископъ графъ Любенскій сталъ около моей жены за кума. Такимъ образомъ, не безъ умысла, жена была втянута въ духовное родство съ Д—ми и графомъ Лубенскимъ. Жерве сдѣлалась необыкновенно привѣтлива съ моею женою и даже со мною. Она иногда заѣзжала въ женскую гимназію; но ни во что не вмѣшивалась. Довольно продолжительное время въ женской гимназіи господствовалъ миръ. Ученицы не только всѣ предметы слушали на русскомъ языкѣ; но обязанны были въ зданіи гимназіи говорить между собою, съ классными дамами и учителями, а также съ прислугой по русски. Хотя многіе коммиссары по крестьянскимъ дѣламъ изъ за взятокъ тянули за панами; но было довольно и такихъ, которые дѣйствительно добросовѣстно старались устроить судьбу освобожденныхъ крестьянъ, согласно Высочайшей волѣ. Противъ послѣднихъ неумолкаемо гудѣлъ ропотъ панства. Ихъ называли красными, соціалистами и даже нигилистами, имъ приписывали всевозможныя дурныя качества, сочиняли на нихъ пасквили и извѣстный акафистъ. Эти коммиссары находили поддержку въ Яковѣ Соловьевѣ, завѣдывавшемъ дѣлами учредительнаго комитета и Владимірѣ Черкасскомъ. Эти коммиссары, если ничего и не дѣлали прямо въ пользу заведенія и обезпеченія народныхъ училищъ, то содѣйствовали этому косвенно, внушая народу уваженіе къ Россіи и выставляя Государя благодѣтелемъ народа. Не смотря на всѣ нашептыванья во время исповѣди ксендзовъ, народъ это чувствовалъ довольно живо. Въ базарные дни, которые въ Царствѣ бываютъ только въ будни, во время говѣнія я пришелъ въ церковь еще до благовѣсти. Священника еще не было. Собралось только нѣсколько православныхъ учениковъ и ученицъ. Вотъ входитъ въ церковь какой-то крестьянинъ. Останав-

ливается по срединѣ церкви и крестится по католическому обряду. Онъ озирается во всѣ стороны, а затѣмъ подбѣгаетъ къ царскимъ вратамъ, останавливается передъ иконой Спасителя, Матери Божіей, и качаетъ головою, разводитъ руками и что-то шепчетъ. Полагая, что это съ базара забрелъ подгулявшій, я послалъ ученика спросить, что ему нужно въ церкви. Крестьянинъ отвѣчалъ, что ему необходимо видѣть русскаго ксендза. Я самъ подошелъ къ нему. Оказалось, что онъ изъ селенія, гдѣ была гминная школа. Онъ первый разъ въ церкви. Его ужасно удивило, что въ церкви тѣже образа, что и въ костелѣ: Спасителя, Матери Божіей. А пробощъ на исповѣди, запрещая имъ входить въ церковь, утверждалъ, что въ церкви вмѣсто образовъ, написаны на стѣнахъ какіе-то звѣри, птицы и рогатые черти. Общество собрало деньги и поручило крестьянину, какъ зажиточному хозяину, передать ихъ въ Сувалкахъ русскому ксендзу, чтобы-бы онъ отъ имени всего ихъ общества помолился Богу за долгоденствіе ихъ освободителя и благодѣтеля русскаго Цесаржа! Я сказалъ, что обществу удобнѣе было съ этою просьбою обратиться къ своему мѣстному ксендзу пробощу. Крестьянинъ только свистнулъ. „Далъ-бы намъ пробощъ молебствіе за цесаржа! Три года онъ не допустилъ бы насъ за это до комуніи (причастія)“ Вошедшій священникъ обласкалъ крестьянина, принялъ отъ него деньги и обѣщалъ завтра же помолиться. Крестьянинъ поцѣловалъ священника въ руку, перекрестился, и на цыпочкахъ сталъ уходить изъ церкви, говоря, какъ бы кто изъ ксендзовской прислуги не замѣтилъ, что я былъ въ церкви, а то ксендзъ пробощъ просто сгонитъ со свѣта. Этимъ настроеніемъ народа, гдѣ только можно было, я пользовался при образованіи новыхъ училищъ и при водвореніи во всѣхъ преподованія на русскомъ языкѣ. Будь единодушіе между русскими властями—много можно было бы сдѣлать для объединенія польскаго народа съ Россіей. Народу трудно было, при его малообразованности, устоять. Его постоянно смущали и ксендзы, и паны, и чиновники. Это весьма замѣтно отражалось на ходѣ училищнаго дѣла. Тамъ, гдѣ вчера родители дружелюбно относились къ обученію ихъ дѣтей государственному

языку, и гдѣ дѣти охотно принимали въ видѣ награды и пособій книги на русскомъ языкѣ, украшенныя картинками, тамъ сегодня это измѣнялось. Родители утверждали, что для ихъ дѣтей достаточно знать прочесть по молитвеннику маціежи (молитва); а дѣти какъ то робко и неохотно принимали русскія книги.

Дѣла Сувалкской по крестьянскимъ дѣламъ коммиссіи подъ управленіемъ князя Урусова на столько захромали,—что завѣдующій дѣлами учредительнаго комитета Яковъ Соловьевъ счелъ необходимымъ лично произвести ревизію. Онъ посѣтилъ въ Сувалкахъ обѣ гимназіи и начальныя училища и остался весьма доволенъ ихъ русскимъ направленіемъ. Знанія по всѣмъ предметамъ на столько поднялись въ Сувалкской гимназіи, что всѣ ученики, окончившіе въ ней курсъ, безпрепятственно были приняты въ Варшавскій университетъ. Въ послѣдующіе годы, когда въ университетъ пріемъ сдѣлался весьма строгъ, особенно при ректорѣ Лавровскомъ, а также, когда возрасли требованія по русскому языку, и когда изъ всѣхъ гимназій много забраковывали воспитанниковъ, изъ Сувалкской и Маріампольской гимназіи всѣ были принимаемы, и эти гимназіи во все время управленія моего Сувалкскою дирекціею не получили ни одного замѣчанія

---

2 октября происходилъ актъ открытія педагогическаго курсовъ въ Вейверахъ. На актъ приглашены мною многія почетныя лица. Всѣхъ гостей помѣстилъ у себя Вейверскій помѣщикъ Пуславскій въ фольваркѣ Петкелишки. Пуславскій, зять богача Годлевскаго, служилъ въ гвардіи и считался въ числѣ болѣе благонадежныхъ помѣщиковъ. Онъ былъ весьма радъ угостить у себя сувалкскихъ тузовъ, былъ очень веселъ и разговорчивъ за ужиномъ. Онъ утверждалъ, что помѣщиковъ слишкомъ строго наказываютъ за преступленіе, въ которомъ только немногіе изъ ихъ участвовали. Что во время терроризма опасно и неблагоразумно было выступать впередъ съ заявленіями преданности. Отказывать въ пособіи мятежникамъ было невоз-

можно и донести о прибытіи банды равнялось безумію. Въ примѣръ разсказалъ слѣдующій случай: къ нему въ Ковенской губерніи въ имѣніе нѣсколько разъ приходили банды. Онъ ихъ угощалъ, и они уходили съ миромъ. Въ его отсутстіе опять навѣдалась въ имѣніе банда. Управляющій нѣмецъ угостилъ ее, а между тѣмъ далъ знать русскому отряду. Банда ушла. Пришелъ вслѣдъ затѣмъ русскій отрядъ, за то, что банда была угощена въ фольваркѣ, хотѣлъ его сжечь, и кончилъ взысканіемъ огромной контрибуціи. Между тѣмъ поляки свѣдали о доносѣ управляющаго и распорядились его повѣшеніемъ. Уже петля было на шеѣ, когда выстрѣлъ казаковъ вспугнулъ мятежниковъ. Начальникъ русскаго отряда приказалъ заготовить для него угощеніе черезъ нѣсколько часовъ. Приказаніе исполнено: столы накрыты на дворѣ и наполнены яствами. Но о ужасъ! Въ отсутствіи русскаго отряда, продолжавшаго преслѣдовать банду, на дворъ вскакиваетъ другая банда и истребляетъ заготовленное угощеніе. Управляющій, конечно спрятался. Банда угостилась и удрала въ лѣсъ. Спустя полчаса возвратился русскій отрядъ и не нашелъ уже угощенія. За это управляющій получилъ 70 ударовъ нагайками и отведенъ въ острогъ въ Ковно, откуда по стараніямъ Пуславскаго освобожденъ былъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, но потерялъ на всегда здоровье отъ безчеловѣчнаго наказанія. Теперь контрибуція дорѣзываетъ помѣщиковъ. Она непомѣрно велика и несоразмѣрно обсчитана на имѣнія. Великій князь въ проѣздъ черезъ Вильно благосклонно принималъ депутаціи, принялъ даже евреевъ; но помѣщиковъ не принялъ, не принялъ и предводителя, который въ мятежѣ рисковалъ своею жизнь за Россію. Ковенскій губернаторъ, сынъ Михаила Николаевича Муравьева, пострадалъ за то, что возсталъ противъ неправаго дѣла. Именно, чиновникъ особыхъ порученій при генералъ губернаторѣ Кауфманѣ прибылъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Ковенской губерніи и приказалъ повязать попарно монаховъ съ непотребными женщинами и водить ихъ по городу. Муравьевъ протестовалъ противъ этого, и за то лишился мѣста. Вотъ какова пѣсня благонадежнаго польскаго пана. Въ его словахъ едва-ли есть хоть капля правды.

Гости, преподаватели курсовъ и поступавшіе уже воспитанники, числомъ 28, съ утра присутствовали на богослуженіи въ приходскомъ костелѣ. Пробощъ сказалъ на литовскомъ языкѣ рѣчь народу и ученикамъ; въ ней указывалось на благодѣянія Государя для сельскаго народа. Тотъ же пробощъ проказилъ во время революціи; онъ и теперь исподтишка возстаетъ противъ народныхъ училищъ, но хочетъ показать себя благонадежнымъ, питая надежду попасть въ преподаватели З. Божія въ курсы. Изъ костела всѣ перешли въ зданіе курсовъ. Актъ начался пѣніемъ гимна на русскомъ языкѣ „Боже Царя храни!" Этимъ же гимномъ онъ и заключился. Я, какъ начальникъ дирекціи, прочелъ высочайше утвержд. 5—19 января 1866 уставъ курсовъ, а инспекторъ курсовъ Прокопій Тимофеичъ Тарновскій прочелъ отчетъ и сказалъ краткую рѣчь, примѣненную къ обстоятельствамъ открытія. Между прочимъ онъ указалъ на нелѣпые слухи, распускаемые духовенствомъ и шляхтой, будто изъ курсовъ будутъ прямо брать въ солдаты. Въ заключеніе я въ произнесенномъ словѣ, указалъ на историческое право русскаго языка въ литовской мѣстности; на заботы правительства о благосостояніи и просвѣщеніи сельскаго населенія и на освобожденіе крнстьянъ государемъ изъ крѣпостной зависимости. Поляки начинаютъ возлагать свои надежды на Австрію и намѣстника Галиціи Графа Голуховскаго. Въ Краковѣ разрѣшено сформировать легіонъ кракусовъ. Во всей Галиціи разрѣшены старопольскіе костюмы: кунтуши, пасы, конфедератки. Въ Сувалкахъ на площади между публичнымъ садомъ и костеломъ стоитъ статуя Матери Божіей. Она воздвигнута во время революціи. Говорятъ, что это статуя Польши, распростертою впередъ рукою посылающая сыновъ своихъ на борьбу съ москалями. Уже нѣсколько ночей статуя это неизвѣстными лицами украшается сухими вѣнками и зеленью. Холера въ Сувалкахъ весьма сильна. Много смертныхъ случаевъ. Говорятъ Кауфманъ уволенъ и генералъ губернаторомъ въ Вильно назначенъ графъ Барановъ. Поляки радуются этой перемѣнѣ. Говорятъ еще, что въ Вильнѣ у Острой Брамы среди бѣлаго дня, стянули съ дрожекъ священника Стрѣлецкаго и избили его до по-

лусмерти. Жену русскаго чиновника, отыскивавшую квартиру, облили нечистотами. Другому чиновнику, гулявшему съ сестрами въ публичномъ саду, заступили дорогу, спѣли: jeszcze Polska nie zgineła, и посовѣтовали поскорѣе убираться восвояси. Въ царство намѣстникомъ поляки прочатъ князя Суворова. 30 октября служили молебствіе по случаю обрученія наслѣдника престола Александра Александровича съ Датскою принцесою. Догмарой, въ миропомазаніи нареченной Маріей Θеодоровной. При выходѣ изъ церкви жанд. штаб. оф. Бѣлановскій крупно переговорилъ съ начальникомъ штаба Тарасенко по случаю корма рекрутъ гнилой капустой и дурнымъ хлѣбомъ.

1 ноября вечеромъ въ клубѣ балъ по случаю бракосочетанія Наслѣдника престола и пожалованья графа Берга въ фельдмаршалы. Городъ иллюминованъ. Изъ клуба послана поздравительная телеграмма графу Бергу. Пили здоровье государя, высоконареченныхъ и графа Берга. Губернаторъ Жерве хлопоталъ, чтобы всѣ его чиновники явились на балъ съ женами и дочерьми. Чиновники явились въ мундирахъ; но безъ женъ и дочерей. Одна только старуха Скибинская, мать губернаторскаго чиновника, явилась въ какомъ-то полутраурѣ. Изъ полекъ только были надзирательница гимназіи и всѣ классныя дамы. Русскія дамы были всѣ на лицо. Губернаторша весь вечеръ сидѣли вдвоемъ съ Д—ъ и о чемъ-то бесѣдовали. Въ день пріѣзда изъ за границы M-sieur Д—ъ, прибылъ на пробоство епископъ съ какимъ-то господиномъ и ксендзомъ Мезоніевъ. Д—ъ еле сошелъ съ повозки и поздоровался съ выскочившею ему навстрѣчу женой, какъ сейчасъ съ нею отправился къ епископу на пробоство. Тамъ они провели почти всю ночь, и воротились въ гимназію передъ разсвѣтомъ. Въ это же время съ своими ассистентами епископъ укатилъ въ Сейны. Военно-участковый начальникъ изъ Бѣлой—Пыльцовъ привезъ въ Сувалки временно на поселеніе пять дочерей сосланнаго греко-уніатскаго епископа Калинскаго. Старшей лѣтъ 50, а самой младшей 22. Онѣ мало образованы, отчаянныя польки-патріотки. Пыльцова всѣ дорогу ругали и дразнили, показывая языкъ. Имъ отпускается порядочное содержаніе. По ходатайству Д—ъ, губернаторъ хотѣлъ

помѣстить ихъ между женскою и мужескою гимназіей. Но я просилъ вмѣшаться въ это дѣло жандармъ штабъ-офицера Бѣляновскаго. Бѣляновскій прямо заявилъ Жерве, что считаетъ его распоряженіе вреднымъ для обѣихъ гимназій, протестуетъ и доноситъ шефу жандармовъ. Жерве испугался и приказалъ помѣстить Калинскихъ на большой Петербургской улицѣ въ домѣ купца еврея Аронсона. 6-го ноября я былъ въ гимнаніи на урокѣ французскаго языка M-me Д—ъ и открылъ, что она всѣ учебники для дѣвицъ, какъ-то грамматику, хрестоматію, упражненія и пр. выписала изъ Франціи. Они не годятся для здѣшнихъ воспитанницъ, потому что составлены іезуитами для французскихъ религіозныхъ школъ. Примѣры въ грамматикѣ, статьи въ хрестоматіи всѣ направлены къ тому чтобы образовать фанатичку католичку и патріотку француженку. Встрѣчались статьи, въ которыхъ говорилось о притѣсненіи католицизма въ Россіи, о гоненіяхъ доблестныхъ польскихъ патріотовъ, о жестокихъ казняхъ Муравьевымъ ксендзовъ и пр. Я запретилъ ей употреблять эти учебники и донесъ Витте. Въ бытность въ Сувалкахъ, я сталъ ежедневно посѣщать уроки Д-ъ. Она видя, что я ея стремленія разгадалъ, и слѣжу за нею, отказалась отъ уроковъ французскаго языка, которые оставила за собою съ явно предвзятою цѣлью. Но этотъ случай окончательно вооружилъ противъ меня всѣхъ іезуитовъ. Какой-то мелкій русскій чиновникъ гдѣ-то въ Люблинѣ или Радомѣ при пріемѣ рекрутъ надѣлалъ массу подлоговъ, укралъ часть денегъ отъ продажи выкупныхъ билетовъ и неизвѣстно куда скрылся. Его стали разыскивать; разослали его фотографическія карточки. Однажды Жерве зашелъ чего-то въ губернское правленіе. Его поразила знакомая физіономія писца. Сталъ припоминать, гдѣ онъ его видѣлъ, и вспомнилъ фотографическую карточку разыскиваемаго. Жерве подошелъ къ нему и спросилъ его фамилію. Тотъ назвалъ фамилію, съ которой, по подложнымъ документамъ, опредѣлился въ губернское правленіе. Жерве сразу назвалъ его настоящую фамилію. Писецъ повинился, писца арестовали. Пошла переписка. Въ декабрѣ приказано его препроводить по этапу на мѣсто престу-

пленія. Я объѣзжалъ мазурскую мѣстность. Въ прошломъ году дѣти охотно учились русскому языку и съ жадностью принимали награды, состоящія изъ дѣтскихъ русскихъ книгъ и прописей съ картинками. Теперь незамѣтно прежней охоты, а награды принимаютъ неохотно. Родители же утверждаютъ, что ихъ дѣды и прадѣды жили счастливо, не учась ничему кромѣ пацежей (молитвъ) и для ихъ дѣтей русская наука совсѣмъ не нужна. Теперь и безъ училищъ приходится нести столько тягостей! Выборные войты гминъ хуже прежнихъ войтовъ пановъ. Просто у мазуровъ въ непродолжительное время перевернули мозги. Благонадежные учителя сознаются, что это все дѣла ксендзовъ и разныхъ причетниковъ и продавцовъ на отпустахъ иконокъ, крестиковъ, четокъ, фигурокъ святыхъ. Ксендзы особенно энергично стали дѣйствовать послѣ епископской реколекціи. Мужикамъ стараются внушить, что русское правительство освободило и дало имъ съ выкупомъ малость земли только потому, что, навѣрное, знало, что польскій жондъ, хотѣлъ освободить крестьянъ безъ всякаго выкупа и дать имъ вдвое болѣе земли. Русское правительство желало поссорить крестьянъ съ ихъ жондомъ и только. А кому скорѣе вѣрить? схизматицкому правительству, или своимъ капланамъ и шляхтѣ? Словомъ теперь, когда крестьяне свободны и независимы отъ пановъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы внушить имъ недовѣріе къ благодѣяніямъ и мѣропріятіями русскаго правительства и современемъ главную силу возстанія основать на крестьянствѣ, фабричныхъ и ремесленникахъ.

1-го декабря были у меня поселяне мазуры—увидѣли на стѣнѣ карту Царства и стали вздыхать и говорить, что нѣкогда оно было больше Россіи; а теперь такое маленькое. Я на это замѣтилъ: „мало-ли чего прежде не было. Прежде панъ хлопа могъ бить сколько душѣ угодно, могъ его даже убить безнаказанно, а теперь совсѣмъ другое. Прежде у хлопа своего ничего не было, а теперь онъ—хозяинъ и самъ себѣ панъ; имѣетъ свою собственную усадьбу и свою собственную землю. Двѣнадцатаго января 1867 года хоронили богатаго помѣщика Годлевскаго,

103-хъ лѣтъ, адъютанта Наполеона перваго въ войнѣ съ Россіей. На погребеніи присутствовали: епископъ графъ Лубенскій и семьдесятъ ксендзовъ, множество помѣщиковъ, простаго народа и евреевъ. Похороны происходили поздно вечеромъ. Горѣли смоляныя бочки и костры. Было нѣсколько сотъ факельщиковъ. По обѣимъ сторонамъ дороги съ длинными свѣчами въ рукахъ стояли шпалерами евреи. Со стороны полиціи никого не было. Жандармскій маріампольскій начальникъ былъ однимъ изъ распорядителей на похоронахъ; онъ донесъ, что все обошлось благополучно, а между тѣмъ Годлевскаго не хоронили около двухъ недѣль, поджидая помѣщиковъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Графъ Лубенскій, подъ предлогомъ похоронъ, жилъ десять сутокъ подлѣ Ковно. По ночамъ онъ ѣздилъ къ разнымъ помѣщикамъ, гдѣ были какія-то собранія. На похоронахъ онъ произнесъ двусмысленную рѣчь на тему „скорбь укрѣпляетъ душу".

Въ этой рѣчи восхвалялъ подвиги покойнаго въ походѣ Наполеона перваго на Россію и заслуги отечеству, приглашалъ за правду пролить кровь, подобно покойному, и восхвалялъ мужественное скорбное терпѣніе, которое всегда вѣнчается таки успѣхомъ. Другой ораторъ, каноникъ, говорилъ о покойномъ въ своемъ нагробномъ словѣ, что онъ былъ добрый панъ, отецъ своимъ крѣпостнымъ; да иначе и быть не могло, потому что паны и ихъ крѣпостные были земляки, по происхожденію и религіи. Въ такомъ духѣ сказано было разными ксендзами еще нѣсколько рѣчей. Епископъ графъ Лубенскій обеспокоенъ успѣхами русскаго языка въ маріампольской гимназіи и въ училищахъ литовской мѣстности. Чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ этого дѣла и литвинами, и чтобы повліять на литовское духовенство, происходящее изъ литовскаго простонародія, епископъ намѣренъ лѣтніе мѣсяца провести въ имѣніи графини Кучинской въ Лукшахъ или Сынтовтахъ. Въ глухихъ мѣстахъ ксендзы наказали простому народу два раза въ недѣлю посылать дѣтей на пробоства для обученія молитвамъ. Кромѣ обученія дѣтей будутъ дѣлаемы внушенія ненавидѣть схизматиковъ москалей и ихъ русскій языкъ. Жерве отдѣлался циркуляромъ

начальникамъ уѣздовъ. Въ этомъ циркулярѣ, составленномъ въ прошломъ году совѣтникомъ Янишевскимъ, сказано: Начальникъ дирекціи сообщилъ мнѣ, будто-бы католическое духовенство и шляхта интригуютъ противъ умноженія законныхъ училищъ и успѣховъ въ нихъ русскаго языка. Не знаю, что сообщили губернатору другіе уѣздные начальники, но самый честный и дѣятельный изъ нихъ маіоръ Смѣльскій подтвердивъ, что шляхта, духовенство и польскіе чиновники въ послѣднее время сильно интригуютъ не только противъ училищнаго дѣла, но и противъ всѣхъ мѣръ правительства; стараются ссорить русскихъ между собою и возстановляютъ русскихъ начальниковъ противъ ихъ русскихъ подчиненныхъ. Распоряженія власти или не исполняются, или исполняются такъ, что возбуждають въ народѣ одно неудовольствіе, и все это продѣлывается такъ ловко и умѣло, что къ ослушникамъ нельзя придраться.

Капеланъ Сувалкской гимназіи каноникъ Двороковскій имѣвшій родныхъ и приходъ гдѣ-то около Ломжи, ѣздилъ туда каждыя вакаціи и, наконецъ, заподозрѣнъ мѣстною властью, что во время отпуста собиралъ деньги для эмиграціи и говорилъ въ костелѣ двусмысленныя слова. Учебное вѣдомство сейчасъ устранило его отъ законоучительской должности. Губернаторъ, подъ давленіемъ епископа, не только обѣлилъ Двороковскаго, но вошелъ къ намѣстнику съ сильнымъ представленіемъ о возвращеніи Двороковскаго къ должности законоучителя и вознагражденіи его за тѣ мѣсяцы, въ которые онъ не преподавалъ и оставался безъ содержанія. Онъ выставилъ Двороковскаго лицомъ весьма благонадежнымъ, образцовымъ и никѣмъ незамѣнимымъ законоучителемъ. Двороковскаго возвратили къ дожности и уплатили ему за все время его удаленія отъ должности жалованіе. Губернаторъ долженъ былъ снестись со мною, дѣлая свое представленіе; но онъ не только не исполнилъ этого, но, выставляя его незамѣнимымъ преподавателемъ, ссылался на мою словесную рекомендацію. Мнѣ удалось прочесть его представленіе въ учебномъ округѣ, куда оно было препровождено намѣстникомъ.

Послѣ Пасхи я получилъ донесеніе инспектора маріампольской гимназіи Терновскаго, что ученикъ третьяго класса Я—ъ, сынъ крестьянина литвина, бѣжалъ въ Краковъ, и что инспекторъ телеграфировалъ жандармамъ желѣзнодорожнымъ.

Я—ъ—здоровый парень, лѣтъ восемнадцати, глуповатый до крайности, остававшійся въ классѣ уже третій годъ. По жалобѣ квартирной хозяйки, что онъ не платилъ ей денегъ, при отпускѣ на Пасху инспекторъ предупредилъ Я—а, что, если онъ не привезетъ хозяйкѣ денегъ, то не будетъ принятъ въ гимназію.

Во время Пасхи инспекторъ узналъ, что отецъ Я—а, весьма богатый крестьянинъ, всегда аккуратно при отпускѣ его въ гимназію вручаетъ ему слѣдуемыя за его содержаніе, деньги; что эти деньги онъ, якшаясь съ какими то темными личностями, всѣ спустилъ и потому не удовлетворилъ хозяйку. Послѣ пасхи Я—ъ въ срокъ пріѣхалъ на квартиру, оставилъ свои вещи и объявилъ хозяйкѣ, что отправитъ своего извощика, сдѣлаетъ для отца въ лавкахъ нѣкоторыя покупки и сейчасъ съ нею расплатится. Между тѣмъ онъ вовсе не явился изъ города и не ночевалъ на квартирѣ. Хозяйка увѣдомила объ этомъ инспектора.

Товарищи односельчане показали, что во время Пасхи около костела Я—ъ все гулялъ съ какимъ-то краковякомъ и хвасталъ, что черезъ двѣ недѣли онъ будетъ въ Краковѣ. Другіе его товарищи видѣли наканунѣ, какъ онъ выѣзжалъ изъ Маріамполя въ еврейской повозкѣ по дорогѣ къ желѣзнодорожной станціи Волковышки. Я—ъ былъ арестованъ въ Ченстоховѣ и препровожденъ къ сувалкскому губернатору Жерве. Принимая во вниманіе, что въ учебныхъ заведеніяхъ нельзя будетъ поддерживать порядокъ, если неблагонадежнымъ постороннимъ лицамъ полиція не воспрепятствуетъ свободно пропагандировать между воспитанниками, я просилъ Жерве теперь при удобномъ случаѣ, имѣя въ рукахъ Я—а, разслѣдовать всѣ пружины этой агитаціи. Я обратилъ вниманіе Жерве на то, что Я—ъ почти идіотъ и странно, почему именно на него палъ выборъ эмиссара; что въ послѣднее время замѣчается какая-то

особенно напряженная дѣятельность католическаго духовенства; что епископъ нѣсколько мѣсяцевъ разъѣзжалъ по познанской границѣ. Жерве, улыбаясь, отвѣчалъ, что мои предположенія неосновательны. Онъ, какъ губернаторъ, посвященъ въ положеніе дѣлъ, а что касается поѣздки епископа, то жандармскій уѣздный начальникъ сдѣлалъ объ ней очень хорошій отзывъ, и онъ Жерве, на основаніи донесеній уѣздныхъ и участковыхъ начальниковъ, представилъ объ этой поѣздкѣ намѣстнику одобрительный отзывъ. Слѣдствіе надъ Я—омъ будетъ назначено. Чиновникъ губернатора В. отправился въ Маріамполь производить это слѣдствіе. Онъ не съумѣлъ ничего открыть, а началъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла гимназіи. Такъ, онъ сталъ ежедневно являться на испытанія учениковъ и, предлагая дѣтямъ смѣхотворные вопросы, мѣщалъ ходу испытаній и тѣшилъ только воспитанниковъ. Наконецъ, на какомъ-то лоскуткѣ прислалъ мнѣ запросъ, на какихъ основаніяхъ я счелъ неблагонадежными нѣкоторыхъ содержательницъ ученическихъ квартиръ и запретилъ имъ содержать учениковъ?

За отсутствіемъ Жерве, я показалъ этотъ запросъ вице-губернатору и указалъ ему на вредныя и безполезныя дѣйствія В. Вице-губернаторъ отозвалъ его, и дѣло окончилось ничѣмъ. Я—ъ—отданъ подъ надзоръ полиціи и водворенъ у родителей.

Губернаторша во что-бы то ни стало хочетъ присвоить себѣ званіе попечительницы женской гимназіи и посѣщаетъ ее безпрерывно, къ полякамъ учителямъ благоволитъ, русскихъ на сторонѣ преслѣдуетъ насмѣшками.

Бургомистры въ подрывъ училищамъ уклоняются отъ собиранія училищной сходки, а кассиры требуютъ, вопреки высочайшему указу, за храненіе и выдачу училищныхъ денегъ вознагражденія.

Я объ этомъ сообщилъ Жерве, но, вѣроятно, отношеніе мое останется безъ послѣдствій, такъ какъ бургомистры и кассиры никогда не рѣшились бы отказываться отъ исполненія

своихъ обязанностей, если-бы это не было внушено имъ совѣтниками губернскаго правленія.

26 Мая. Сейчасъ получена губернаторомъ отъ главнаго директора коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ телеграмма: вчера въ Парижѣ въ пять часовъ по полудни, при возвращеніи съ большаго смотра въ Государя Императора Александра Николаевича стрѣляли. Провидѣніе спасло Помазанника Божія.

Въ экипажѣ съ его величествомъ находились: Императоръ французовъ и Великіе Князья: всѣ невредимы. Завтра совершено будетъ благодарственное молебствіе.

Какую возмутительную рѣчь сказалъ епископъ въ присутствіи губернатора Жерве и жандармскаго полковника Ваккера. Въ костелѣ на молебствіи присутствовали обѣ гимназіи и начальное католическое училище. Графъ Лубенскій прочелъ изъ первой главы второй книги царствъ, какъ нѣкій отрокъ Саулова полка, принеся вѣнецъ и нараменникъ этого царя Давиду, извѣщаетъ его о смерти Саула и сознается, что онъ докололь его раненнаго своимъ мечемъ.

Саулъ былъ одержимъ духомъ злобы, сказалъ епископъ: угнеталъ милліоны народа, посягалъ на существованіе самого Давида..... и что же Давидъ? Онъ не только опечалился этимъ извѣстіемъ, но зарыдалъ, разорвалъ ризы свои, молился и казнилъ невиннаго вѣстника этой вѣсти. И мы, дѣти, получили такое же извѣстіе. Въ Парижѣ было покушеніе на жизнь Najjasneijszego Pana i Króla, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришло извѣстіе, что Богъ спасъ его жизнь. Будемъ же, подобно Давиду, плакать и молиться! Здѣсь очевидно сопоставленъ Саулъ съ Государемъ; Давидъ—это католическая Польша. Такъ поняли рѣчь и русскіе, и поляки, исключая Жерве и Ваккера, которые, говорятъ, заѣзжали къ епископу, завтракали у него и благодарили за рѣчь. Они думаютъ, что этакія ихъ выходки ведутъ къ примиренію съ поляками. Русскіе растолковали, наконецъ, губернатору злое сопоставленіе епископской рѣчи, и онъ прихвастнулъ, что этого не проститъ епископу.

На этомъ обрываются записки А. А. Солтановскаго, по крайней мѣрѣ, та часть ихъ, которая находится въ нашемъ распоряженіи. Оканчивая печатаніе ихъ, мы еще разъ напомнимъ читателямъ, что *далеко не все, высказываемое авторомъ записокъ, признается нами, какъ наше убѣжденіе, и что очень многое изъ сообщеннаго имъ требуетъ строгой провѣрки и серьезной критики*. Время, затронутое въ запискахъ, очень живое и интересное время; но еще не наступила пора вполнѣ безпристрастнаго отношенія къ этой эпохѣ; почему мы принуждены были выбирать для печати только болѣе или менѣе возможное въ данный моментъ, пропуская чуть не полъ-на-полъ, съ надеждою, что изъ него въ послѣдствіи кто-нибудь извлечетъ еще не мало всякихъ фактовъ. Нельзя не сознаться, впрочемъ, что записки А. А. Солтановскаго носятъ отпечатокъ очень мелочныхъ воспоминаній, часто слишкомъ личнаго свойства, переходя иногда просто въ характерную политическую или личную сплетню и тѣмъ вызывая у читателя отвращеніе къ автору записокъ—человѣку, очевидно, не высокаго нравственнаго уровня. Конечно, мы очень часто избѣгали печатать это послѣднее, думая, что и впереди ему не увидѣть печатнаго станка, а старались избирать факты болѣе общаго характера, провѣряя ихъ предварительно, гдѣ была для этого у насъ возможность, и *разсчитывая, что всѣ поправки будутъ сдѣланы лицами, знавшими близко описываемое время и событія*. Окончивъ теперь печатаніе записокъ, мы и обращаемся съ просьбою ко всѣмъ могущимъ дать полезныя и необходимыя разъясненія и поправки, подѣлиться съ нами своими свѣдѣніями, для чего охотно откроемъ страницы нашего журнала.

Ред.

„ПОПОКЪ".

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ[1]).

XI.

Захвативъ кусокъ хлѣба и пучекъ зеленаго луку, Хведько, все-таки не желавшій ни съ кѣмъ встрѣчаться на своей улицѣ, знакомымъ ходомъ по садамъ перебрался на гору и горою потянулъ на Пучину.

Миновавъ слободу, онъ спустился съ горы и черезъ посѣвы пошелъ прямо на свѣтящійся въ темнотѣ горнъ.

Было уже поздно. Изъ двухъ рабочихъ при горнѣ одинъ уже спалъ, а другой, наблюдающій за огнемъ, посовѣтовалъ Хведьку остаться ночевать тутъ же, такъ какъ хозяинъ еще до разсвѣта прійдетъ понавѣдаться къ горну.

Осталось послушаться совѣта и завалиться спать, ибо захваченный изъ дому *окраець* хлѣба и лукъ были съѣдены имъ еще въ пути.

Разбудили его уже тогда, когда солнце стало всходить и когда дѣйствительно пришедшій до разсвѣта на горнъ хозяинъ Тищенко собирался уходить домой и давалъ нужныя приказанія работникамъ. Хведько былъ принятъ на работу, и хозяинъ повелъ его къ себѣ въ хуторъ, откуда онъ долженъ былъ возить быками солому къ горну.

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 2.

Не привыкать стать было къ работѣ ему; онъ умѣлъ обходиться со скотиной, а его сила и расторопность были вполнѣ оцѣнены какъ хозяиномъ, такъ и товарищами въ работѣ.

Такъ и прошла вся недѣля,—то въ возкѣ соломы, то во взрыванiи мѣловыхъ глыбъ въ горнѣ, а то и въ спокойномъ наблюденiи за огнемъ. Хведьку было здѣсь покойно: никто не разспрашивалъ его о случившемся съ бурячными сѣменами, никто здѣсь даже не зналъ того, что онъ служилъ въ экономiи. Только была-бы возможность хоть изрѣдка повидаться съ Мелашкой и забыть объ угрожающемъ судѣ, и все было-бы сносно—и харчи, и товарищи, и плата, и самъ Тищенко.

Но счастiе человѣка, даже и въ этой миніатюрной долѣ его достижимости, преходяще. Зашедшiй по пути изъ слободы на горнъ хозяинъ, отозвавъ Хведька, разсказалъ ему, что изъ церкви онъ заходилъ въ расправу, и тамъ писарь велѣлъ прислать къ нему его пораньше, такъ какъ на вторникъ требуютъ его въ камеру мироваго судьи, а потому онъ вечеромъ его разсчитаетъ, но отпуститъ его только утромъ послѣ смѣны около горна.

Опять душевная тоска, тревога, ожиданiе этого неизвѣстнаго, но страшнаго призрака—суда.

Хотѣлось Хведьку еще ночью добраться до слободы, избѣжать лишняго прохода по улицѣ на глазахъ всѣхъ, и, наконецъ, въ садочку опять повидаться съ Мелашкой, но Тищенко съ вечера не пришелъ на горнъ, а явился только передъ свѣтомъ и только уже утромъ отдалъ заработанныя деньги.

Весь выбѣленный известкою и мѣломъ, начиная съ плюшевой шапки и до сапогъ, мало кѣмъ узнаваемый, прошелъ Хведько слободою до волости, гдѣ уже около крыльца стояла запряженной пара лошадей, на которой писарь собирался ѣхать на базаръ въ Бемовку. Дидъ Смалько сейчасъ доложилъ о прибытiи Хведька, и писарь не замедлилъ *„вручить ему 2-й экземпляръ повѣстки“*, разсказавъ, что во вторникъ къ 9 часамъ онъ долженъ явиться въ камеру мироваго судьи.

Не понялъ Хведько, зачѣмъ ему дали листокъ исписанной бумаги, которую онъ держалъ въ рукахъ и не пряталъ, но сущность обязательной явки къ мировому судьѣ онъ уразумѣлъ.

Писарь сейчасъ же поѣхалъ, а дидъ Смалько взялъ изъ рукъ Хведька повѣстку, далъ ее прочитать одному изъ десятниковъ-стойчиковъ, бывшему школяромъ, т. е. грамотному, который озабоченно сдвинувъ брови, началъ запинаясь читать.

Смалько и Хведько, первый съ любопытствомъ, а второй въ какомъ-то отупѣніи внимали этому невнятному чтенію, которое не скоро-бы окончилось, если бы не подошелъ сельскій писарь, при входѣ коего на крыльцо, десятникъ пересталъ читать и, сконфузившись, держалъ въ рукахъ повѣстку. Со словами: „что это?“ писарь взялъ изъ рукъ десятника повѣстку и, бойко прочитавъ, объяснилъ, что Федоръ Андреевъ Самченко вызывается къ „*Мировому,* какъ обвиняемый въ кражѣ бурячныхъ сѣмянъ въ Бемовской экономіи къ 9-ти часамъ утра на завтра“, и отдалъ повѣстку Хведьку.

„Ты, смотри, непремѣнно явись, а то будетъ хуже“.... подвердилъ писарь и пошелъ въ расправу, а за нимъ пошли дидъ Смалько и десятникъ.

Постоялъ Хведько на крыльцѣ съ повѣсткой въ рукахъ и пошелъ, понуривъ голову, домой, но уже не окольнымъ путемъ черезъ гору, а прямо дорогой. Такъ онъ прошелъ мимо винокурни, минуя большой мостъ, паровую мельницу, мостикъ на сточной канавѣ и очутился на своей улицѣ. Въ задумчивости онъ незамѣтно дошелъ до Мелашкинаго двора и тогда только опомнился и осмотрѣлся. Но во дворѣ Коткова было пусто, даже оконицы съ улицы были закрыты. Дома тоже онъ никого не засталъ, такъ что пришлось въ знакомой ему спряткѣ, подъ половицей крыльца, искать ключъ отъ дверей. Только Рябко вертѣлся около крыльца, да пѣтухъ съ нѣсколькими курами копошился около „повитки“.

Не нашедши ключа, онъ пошелъ въ садокъ и тамъ, повалившись на траву, долго лежалъ въ какомъ-то забытьи. Писарь съ его угрозой чего-то худшаго, повѣстка, мировой судья, камера и ненавистная постать старшины... все это мѣшалось у него въ мысляхъ, и въ совокупности, производило какое-то удрученое состояніе. Какъ будто какая-то бездна разверзлась подъ нимъ, и онъ стоялъ надъ нею, готовясь быть стол-

кнутымъ въ нее. Порой въ его мысляхъ проносился образъ Мелашки, но сейчасъ же затемнялся представленіями камеры, писаря или того же старшины и чего то ужаснаго невѣдомаго и невиданнаго. Безсонная ночь послѣдняго дежурства при горнѣ сказалась тѣмъ, что онъ крѣпко заснулъ съ этой путаницей представленій въ мозгу, превратившихся въ тяжелый кошмаръ.

— Хведю, Хведю! вставай, пробуркайся!—разбудилъ его голосъ матери.

— Я оце прійшла зъ базарю, ажъ дывлюсь на балясыни чыясь черкеска, уся убилена крейдою; роздывылась, ажъ це твоя—Ну я й догадалась... поклыкала, ажъ не чуть—я й пишла шукать... Вставай, та хоть юшечкы пойисы...—Ласково гуторила старуха Самчиха надъ заспаннымъ, не пришедшимъ еще въ себя сыномъ, сидящимъ на травѣ.

Наконецъ, онъ поднялся и пошелъ въ слѣдъ за матерью въ хату, умылся и сѣлъ за столъ. За юшкой мать разсказала, что сегодня они только и варили юшку съ картошками, такъ какъ дивчата ушли на всю недѣлю со всѣми уличанами, съ Мелашкой и Сохвой на полку буряковъ, а сама она пошла продавать яйца, да заходила къ ткачихѣ, думая забрать отданныя въ тканье рушники. Затѣмъ спросила его, почему онъ отошелъ отъ Тыщенка, развѣ ужъ работа тамъ окончилась? Пришлось разсказать матери про повѣстку и вызовъ къ мировому судьѣ на завтра.

Съ миской рукахъ остановилась старуха среди хаты, слушая рѣчь о вызовѣ. Это было для нея неожиданностію. Она почему то вѣрила, что Карло простилъ Хведька, и все дѣло ограничилось удаленіемъ его со службы и арестомъ въ волости. И вдругъ эта неожиданность. Чуть не выпала изъ рукъ у нея миска. Она поставила ее на припечекъ и залилась слезами.

Хведько ничего не могъ сказать въ утѣшеніе и только досталъ изъ кармана два рубля, полученныя отъ Тищенка, положилъ ихъ передъ матерью на столъ и, сказавши—„приберить“, вышелъ изъ хаты...

Что дѣлать, куда идти?

XII.

Постоявъ посреди двора и не придумавъ ничего, Хведько пошелъ въ садокъ и легъ ничкомъ подъ деревомъ въ полнѣйшемъ отупѣніи. Ровно ничего онъ не могъ придумать. Такъ онъ лежалъ, смотрѣлъ на траву, на копошащихся въ ней травяныхъ блохъ и кузнечиковъ, на пестрящіяся отъ дрожанія листьевъ просвѣты солнечныхъ лучей, на мелкую крапиву, разросшуюся около самого ствола вишневаго дерева, наконецъ на самый стволъ вишни.... и все это для него теперь было безсмысленно, непонятно, вовсе не интересно; глаза переходили отъ предмета къ предмету, безъ всякаго участія его воли, вполнѣ бездѣйствующей, вслѣдствіе общей апатіи, овладѣвшей имъ. Радъ бы онъ заснуть, но сонъ бѣжалъ отъ него.

Такъ и лежалъ онъ, поворачиваясь только съ боку на бокъ, пока не пришла къ нему мать сказать, что идетъ „де зъ кымъ порадыться“.

— Ключъ тамъ надъ дверыма—добавила она и пошла.

Часъ спустя послѣ ухода матери Хведько услыхалъ лай Рябка и, вышедши во дворъ изъ садка, увидалъ у калитки Петра Цюпу, который звалъ его къ себѣ. Хведько подошелъ къ воротамъ.

— Есть у васъ хто чужый?—спросилъ Цюпа шопотомъ.

— Ни, нема никого, и матери нема...

— Ну такъ веды мене у хату—щось скажу.

Цюпа былъ въ новомъ картузѣ, въ новой казинетовой черкескѣ и съ шерстянымъ краснымъ шарфомъ на шеѣ, не смотря на полуденный жаръ. Очевидно, что не отъ плуговъ прямо онъ пошелъ сюда, и потому Хведько, отворяя дверь хаты. спросилъ его.

— Виткиль ты идешь?

Петро втолкнулъ Хведька въ сѣни, а послѣ и въ хату и, усѣвшись на лавкѣ, началъ рѣчь съ разсказа, какъ *онъ поругался* со старымъ Чумакомъ, какъ тотъ все пугалъ его тѣмъ, что разскажетъ про бурячныя сѣмена, и какъ, наконецъ, онъ пожаловался Оныстратовычу, а тотъ ударилъ его плетью, вслѣдствіе чего онъ еще позавчера вечеромъ бросилъ работу.

— Ну, та це усьо пустяки!—заключилъ онъ свой разсказъ—а ты отъ що: Я оце ходывъ шукать тебе ажъ на Пучыну; проходывъ до обида—Жердьовъ казавъ, щобъ ты прыйшовъ до нього, щобъ потолкуваться, якъ и що говорыть Мыровому. Такъ вбирайся, пійдемъ. Теперъ тамъ никого нема, а то къ вечеру, гляды хто навернеться у кабакъ.

Петро говорилъ вполголоса, чего то торопился и, разъ взглянувъ на высокую, суровую фигуру Хведька, все время избѣгалъ смотрѣть ему въ глаза. Послѣ слова „вбирайся" онъ откинулъ полу черкески, полѣзъ рукою въ карманъ казинетовыхъ штановъ, добылъ бумажку и сталъ вертѣть сигарку, которую сейчасъ же и закурилъ.

Хведько молча стоялъ передъ гостемъ, мрачно исподлобья смотря на него. Торопливость рѣчи, бѣганье глазами и притворно равнодушный видъ, съ какимъ Петро закурилъ „*цыгарку*,— все это почему то ему не нравилось и казалось почему-то подозрительнымъ. Ему вспомнилось, что этотъ самый Петро былъ главнымъ виновникомъ стрясшейся надъ нимъ бѣды, вспомнились ему совѣты Мелашки и матери разсказать начисто все дѣло, какъ оно было, и тѣмъ свалить съ себя вину... Все это моментально промелькнуло въ мысляхъ его, и еще мрачнѣе сдвинулись его брови, еще грознѣе стала вся его фигура передъ Петромъ, повидимому, безпечно потягивавшимъ *цыгарку* и сплевавшимъ отъ времени до времени. Не вытерпѣлъ онъ, однако, этого упорнаго взгляда грозныхъ карихъ очей Хведька и опять заюлилъ, стараясь придать себѣ болѣе увѣренности и безпечности.

— Ну! Що жъ ты настобурчився, наче той на блохи! Убирайся! Усьо пустякы! Жердевъ казавъ, що во штобъ не стало, а выручить. Винъ уси ходы знае. Винъ й облаката нанявъ—Я каже, и сотни рубльевъ не пожалію, а на свойомъ поставлю... Пайдьомъ! убирайся!

Эти слова подѣйствовали на Хведька. Безпомощный, онъ въ этихъ словахъ услыхалъ обѣщанную помощь отъ могучаго человѣка, заинтересованнаго исходомъ дѣла, кабатчика Жердева. Безнадежность положенія послѣднихъ сутокъ этими по-

сулами Петра освѣщалась надеждой на возможно благополучный исходъ, при этомъ нежалѣніи и ста рублей и при участіи еще какой-то невѣдомой ему, но тѣмъ не менѣе спасительной силы *облаката*. Онъ встряхнулъ головой, какъ-бы отгоняя какія-то мрачныя думы, и со словами „*що жъ колы пійдемъ, той пійдемъ*"— сталъ искать черкески.

Петро тоже отряхнулся отъ непріятнаго впечатлѣнія мрачности товарища и, затоптавъ докуренную цыгарку, поднялся съ лавки.

— Такъ бы и давно. А то, братъ, журбою дила не поправышъ. Треба хлопотать, а журба это усьо пустякы.

Хведько заперъ домъ, спряталъ ключъ подъ половицу крыльца и, ободренный надеждой на Жердева, пошелъ изъ дому съ Петромъ, оббивая на ходу испачкaную мѣломъ шапку.

На улицѣ людей не видно было, только около одного двора возилась въ пыли кучка дѣтей, да въ концѣ улицы виднѣлся чей то возъ съ лошадью около колодца. Но тѣмъ не менѣе Хведько предложилъ идти огородами черезъ гору по-за-заводомъ. Скоро они поднялись на гору, прошли откосомъ ея и спустились прямо по мѣловому твердому спуску на ярмарочную, теперь совершенно пустую, площадь и, перешедши мостикъ, подошли къ угольному дому, гдѣ помѣщался кабакъ Жердева, отмѣченный вывѣской и краснымъ флагомъ на высокомъ шестѣ.

Жердевъ, очевидно выглядывалъ ихъ, потому что встрѣтилъ въ сѣняхъ и повелъ не въ кабакъ, а направо, въ помѣщеніе, гдѣ жила его семья, состоявшая только изъ жены, такъ какъ сына онъ отдалъ въ лавку въ городъ, чтобы пріучался къ торговлѣ.

Петро, вошедши въ комнату, сейчасъ же сѣлъ, какъ свой человѣкъ, а Хведько остановился около порога.

„Пайди туда Анисья—сказалъ женѣ Жердевъ, и когда та вышла, онъ прямо обратился къ Хведьку.

— Ты, что же себѣ думаешь молодецъ? Настроилъ дѣла, да и очей не кажешь. А? Вѣдь этакъ черезъ васъ подлецовъ недолго и до острога дожиться! Говори; какъ ты мнѣ тогда

мѣшокъ отдавалъ? Что ты сказалъ мнѣ, что тамъ въ немъ экономическія сѣмена, краденыя? А? Что жъ ты молчишь? Теперь нечего молчать, а нужно думать, какъ выпутываться изъ бѣды. Ты не стой, а сядь. Будемъ толковать, совѣтоваться. Садись, садись вотъ здѣсь, какъ говорится, рядкомъ потолкуемъ ладкомъ. Вы тамъ, чортъ васъ знаетъ, гдѣ берете, а я выручай васъ же, да и отвѣчай послѣ. Говори, какое у тебя намѣреніе?

Хведько какъ ошпаренный слушалъ эти всѣ укоры Жердева. Опять онъ насупился, сдвинулъ брови и мрачно глянулъ на кабатчика и Петра. Даже и тогда, когда по настоянію Жердева онъ сѣлъ на какую то табуретку, и тогда вся его фигура показалась на столько грозною, что кабатчикъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, не давая разгорѣться озлобленію Хведька.

— Ты, вотъ что молодецъ! Такъ не смотри грозно. Я, братъ, такой человѣкъ, что и побраню, и пожалѣю. Такъ и быть, похлопочу за тебя, авось когда и помянешь добрымъ словомъ. Я вѣдь такой, хоть кого спроси. Вотъ хоть его—вѣдь, правда Петро?!

— Ты, слушай, говори мировому одно, что ты сѣмена свои мнѣ завозилъ, а только что въ экономическомъ мѣшкѣ, такъ скажи, что мѣшокъ ты не успѣлъ взять еще у меня. Такъ на одномъ и стой. А коли что́ такое, такъ я, братъ, такой человѣкъ, что хоть какъ, а выручу. Я всегда радъ помочь доброму человѣку. У меня тамъ будетъ адвокатъ, онъ хоть за меня будетъ стоять, а коли что, такъ и апеляцію напишетъ. Мы не то что! И въ Съѣздъ и въ Окружный судъ, а то и въ Сенатъ. Потому онъ это все произошелъ, всѣ выверты знаетъ. А то какъ раскиснешь, такъ и пропадешь. Тутъ нужно шевельнуть мозгами. На меня надѣйся! Я, братъ, выручу!

Легче стало Хведьку отъ этого обѣщанія. Онъ вѣрилъ кабатчику, вѣрилъ въ его искренность и готовность помочь людямъ, вѣрилъ, наконецъ, въ силу адвоката, который всѣ „*выверты*“ знаетъ. Озлобленіе, вызванное рѣзкостью кабатчика, опять улеглось, и, какъ реакція вспышки, явилась покладистость и дружелюбное отношеніе къ этому „*доброму*“ человѣку, гото-

вому помочь ему. Какъ бы сознавая себя виновнымъ за озлобленіе, Хведько отозвался.

— Я—щожъ! Я й самъ бачу, що треба щось думать...

— То то „*Самъ бачу*"—передразнилъ его кабатчикъ. Кабы намъ такъ вотъ при нашемъ торговомъ дѣлѣ быть такой мокрой курицей, такъ давно бы, что называется, хвостъ оттоптали. Плошать нельзя! Тутъ ужъ такъ: онъ свое, а ты свое; небось, не проглотятъ. Кто видѣлъ, какъ ты сѣмена воровалъ, пусть присягу пріймутъ! Это все надо по формѣ. Адвокатъ мой все это знаетъ. Ты ужъ довѣрься. Одно говори—своего молъ посѣва сѣмена, я молъ такъ и Жердеву говорилъ. На томъ и стой. На нихъ, молъ, мѣты нѣтъ. А мѣшокъ? Чтожъ?! Скажи не успѣлъ взять назадъ. Вотъ и все! Понялъ? А?!

— Та я то понявъ, та хто його знае, чы выкажу усе такъ...

— А ты пріободрись; робѣть нечего. Это ужъ такое дѣло.— Вотъ я сейчасъ.—И съ этими словами Жердевъ побѣжалъ въ другую половину въ кабакъ, откуда возвратился, держа въ рукахъ бутылку водки и зеленаго стекла большую рюмку.

— Вотъ этого попробуй для смѣлости. „На, выпей—она всю робость смоетъ"—кончилъ онъ, подавая налитую рюмку Хведьку. Но Хведько сконфузился; ему не приходилось еще быть такъ запросто подчиваемымъ, да и вообще водка ему мало была знакома. Онъ то и пилъ ее всего только три раза: разъ, когда изъ экономіи отвозилъ овесъ становому, ему и другому товарищу его поднесла ключница станового; другой разъ поднесли ему рюмку водки за то, что пособилъ сваливать бочки въ подвалъ, гдѣ онъ очутился, ожидая выпуска барды, и, наконецъ, третій разъ, когда на кошу пили эту злосчастную бутылку, вымѣненную у Жердева за бурачныя сѣмена. А тутъ вдругъ такой дока, дѣлецъ, защитникъ его въ этой бѣдѣ, самъ запросто подноситъ ему водку. Хведько счелъ нужнымъ при этомъ соблюсти вполнѣ вѣжливость и отвелъ стаканъ, сказавъ— слышанную имъ этикетную фразу:

— У вашимъ здоровьи!

— Да ты чтожъ? Пей, бери! Я, братъ, коли захочу самъ выпью—а ты на, пей!...

Хведько, однакожъ, не унялся въ своей вѣжливости: онъ предложилъ поднести сперва Петру. Его желаніе было уважено, и Петро взялъ рюмку, что то пробормоталъ, выпилъ, скривился и сплюнулъ.

Тогда ужъ пришлось Хведьку выпить, что онъ и исполнилъ. Теплой струей прошла водка по всѣмъ жиламъ его; особенно тепло стало въ полости груди и живота. Но сейчасъ же онъ почуялъ, какъ теплота отлила къ головѣ и какъ покраснѣло у него лицо. Закусилъ онъ поданнымъ ему кусочкомъ черстваго хлѣба. Между тѣмъ Жердевъ усѣлся на лавкѣ рядомъ съ Петромъ, крутившимъ цыгарку, и, упершись руками въ колѣни, опять началъ.

— Такъ то другъ ты мой любезный! Какъ говорится, водочку пей, а дѣльце помни! Ты самъ малый не дуракъ—разсуди: во мнѣ, вѣдь, всякій изъ васъ нуждается—тому нужно, другому—а я всегда готовъ пособить. Мало ли что́: у иного копѣйки за душой нѣтъ, а выпить хочется, такъ себѣ душу отвести или, бываетъ, съ похмѣлья. Ну, и пожалѣешь человѣка, потому сами крещеные. Пожалѣешь, а послѣ самъ же въ отвѣтѣ. Вотъ и теперь этотъ случай. Не я вѣдь ходилъ за тобою, самъ ты пришелъ ко мнѣ. Водка понадобилась, а купить не за что—я вѣдь тебя пожалѣлъ, такъ сказать, выручилъ, а ты меня теперь, когда что къ чему пришлось заслони, а я тебя выручу, да и напредки пригожусь... Такъ, вѣдь я говорю?! А?

— Та воно звисно, що такъ.

— То то—Жердевъ взялъ бутылку и налилъ опять рюмку. Петра въ комнатѣ не было—онъ вышелъ курить въ сѣнцы. Не особенно церемонился Хведько и со словами „будьте здоровы!" залпомъ выпилъ всю рюмку. Этимъ послѣднимъ подчиваніемъ уже безъ Петра установилась непосредственная интимность между Хведькомъ и кабатчикомъ, но въ тоже время эта вторая рюмка сильно подѣйствовала на Хведька, такъ что онъ почувствовалъ какое то небывалое настроеніе. Жердевъ казался ему особенно милымъ и симпатичнымъ; онъ понималъ, что на самомъ дѣлѣ этотъ кабатчикъ напрасно изъ-за своей доброты

долженъ пострадать, и ему сильно захотѣлось всячески избавить его отъ напраслины.

— Що правда—то правда!—Началъ уже самъ онъ. Васъ, дядьку, занапрасно оце тягають. Я такъ прямо и скажу. Мени не страшно! Мени не то що у Синодъ, а хоть и до станового—мени не страшно! васъ я захыщу.

— Вотъ это слово твое правое, потому ты самъ видишь и понимаешь! Такъ и скажи: свои, молъ, сѣмена продалъ Жердеву, да не забудь сказать слово „продалъ". Скажи—за 30 копѣекъ, что-ли; понялъ? А?!

— Та понявъ. Такъ и скажу—продавъ за 30 копійокъ.

— Ну, вотъ такъ. Вотъ это хорошо! Пускай они тамъ свое толкуютъ, а ты свое, а я ужъ, братъ, на томъ стою, чтобы тебя не выдать, одно слово...

Но тутъ прервалъ его рѣчь шибко вошедшій въ комнату Петро и сказавшій.

— Идуть старыкы—старшина съ писаремъ, староста.

Жердевъ сразу какъ то заметался.

— Вы, ребята тутъ посидите, а я тогда васъ выпущу.— И пошелъ изъ комнаты.

Хведько сидѣлъ задумавшись; возбужденная водкой энергія опять смѣнилась мягкостью. Ему стало жалко самаго себя, мать, Мелашку... Онъ не разслышалъ даже словъ Петра о прибытіи „*старыкивъ*". Петро, между тѣмъ, безцеремонно налилъ себѣ рюмку, выпилъ, сплюнулъ и, наливъ опять, подалъ Хведьку, который приподнялъ опущенную голову, мотнулъ головою и взялъ рюмку. Въ это время вошла въ комнату Жердиха. Она не знала, какую это водку пьютъ хлопцы—свою ли или оставленную ея мужемъ. Хведько уставился на нее пьяными глазами и сказалъ.

„Будь здорова титко!—выпилъ залпомъ и, замотавъ головою, сплюнулъ, подражая Петру.

— На здоровье—отвѣтила Жердиха и, полагая, что хлопцы пьютъ водку купленную, добавила: допивайте да и идите, а то сюда старшина со стариками пойдетъ.

— Хто? Старшина?—Вдругъ воскликнулъ Хведько, выпрямившись во весь ростъ.—Де старшина? Це йому не у росправи!—Я йому!... и тутъ отпустилъ крупное словцо.

Петро засуетился—поскорѣе налилъ рюмку и подавая Хведьку шепталъ.

— Пый швыдче, тай ходимъ, пый—бо! Ходимъ витсиля.

Взявшаяся было уже за самоваръ Жердиха, такъ и остановилась около лежанки, держась за ручки самовара. Хведько почти вырвалъ изъ рукъ Петра рюмку и, не соблюдая обычнаго при допиваніи остатковъ водки этикета, по которому, обыкновенно, подчуемый выпивалъ только часть рюмки, не поздоровавшись, сразу опрокинулъ въ ротъ всю до капли водку и отдалъ рюмку. Петру досталось не много—онъ допилъ остатокъ и сталъ унимать освирѣпѣвшаго вдругъ Хведька.

— Та ну, та ну, угомонысь! уговаривалъ онъ, но Хведько не унимался, а все громче и громче ругался, угрожая старшинѣ. Жердевъ сразу сообразилъ привычнымъ ухомъ, что это бушуетъ кто нибудь изъ оставленныхъ имъ въ комнатѣ парней и что это не Петро, котораго онъ видѣлъ не разъ пьянымъ, а новый знакомецъ Хведько. Во всякомъ другомъ случаѣ онъ обратился бы за содѣйствіемъ къ сельскому начальству, но теперь ему не хотѣлось, что бы это начальство знало о пребываніи у него въ комнатѣ Хведька и потому онъ со словами: „сейчасъ, на минутку"—пошелъ изъ кабака, плотно затворивъ двери за собою. Въ комнатѣ слышна была ругань Хведька. Отворивъ дврери Жердевъ увидѣлъ мизернаго Петра, старающагося удержать разсвирѣпѣвшаго Хведька, который рвался въ сѣнцы. Жердевъ, которому Хведько представлялся при собесѣдованіи такимъ податливымъ и вахлаковатымъ, сразу порѣшилъ огорошить его строгостію и затѣмъ выпроводить на улицу.

— Ты что же это!—почти прошипѣлъ онъ и, надѣясь на свою силу, схватилъ его за всклокоченный давно нечесанный чубъ. Но тутъ то и не оправдались соображенія кабатчика. Моментально отлетѣлъ въ сторону къ лавкѣ обнявшій было Хведька поперекъ Петро. Хведько рванулся изъ рукъ Жердева, оставивъ въ его пальцахъ клокъ волосъ и со всего маху

хватилъ его въ ухо съ такою силою, что кабатчикъ ударился въ дверь, съ трескомъ отперъ ее тяжестью своего тѣла и вылетѣлъ кувыркомъ за порогъ.

— Старшину пидводыть! Назнарочне напуватъ мене, щобъ писля завдать у тюрьму! Яжъ тоби покажу! глухимъ отъ бѣшенства голосомъ говорилъ Хведько, но слова его покрылись воплемъ вошедшей Жердихи.

Изъ противоположныхъ дверей высунулись на крикъ „начальство—старыкы“.

Увидавъ ихъ и между ними старшину, Хведько, что называется, совершенно осатанѣлъ: черезъ подымающагося съ земли Жердева онъ кинулся въ двери, ругая старшину, но споткнулся на кабатчика и упалъ пластомъ, вытянувшись во весь ростъ. Въ это время Жердевъ успѣлъ подняться, насѣлъ на него и, нанося ему удары кулакомъ, закричалъ: „вяжите его подлеца! чтожъ вы стоите! Вѣдь это разбой!

Всѣ присуствовавшіе, кромѣ писаря, навалились на Хведька, такъ что онъ очутился подъ кучею тѣлъ. Но онъ разметалъ всю эту кучу кулаками, раскровянилъ нѣсколько физіономій, въ томъ числѣ и Жердеву, и вырвалъ у старшины палку. Озлобившіеся въ свою очередь „старыкы“ накинулись опять на него, чѣмъ и заслонили оробѣвшаго старшину. Около дверей кабака откуда то вдругъ собралась кучка дѣтей, женщинъ и навернувшихся мужиковъ. Цѣлою кучею не могли съ нимъ сладить: каждый налетавшій на него въ туже минуту отлеталъ отъ толчка или удара въ сторону. По сю пору никто не зналъ о такой сверхъестественной силѣ его. Каждый отлетѣвшій отъ него, подвернувшійся подъ его увѣсистый кулакъ, не отваживался соваться къ нему другой разъ; нѣкоторые искали какого нибудь орудія, чѣмъ бы можно оглушить неодолимаго бойца; одинъ схватилъ толстый дрюкъ, которымъ засовывались двери кабака. Уже этотъ дрюкъ былъ направленъ на буйную голову Хведька, но въ это время подвернулся кто то другой ему подъ руки.

Вдругъ собравшіеся около дверей разступились, и изъ кучи ихъ съ воплемъ кинулась къ Хведьку его мать, старая Самчиха.

— Сыну жъ мій! дытыно моя! Бога побійтесь! щожъ оце вы зъ нымъ робыте?!—завопила съ визгомъ она и кинулась къ сыну.

Нападавшіе разступились. Остановился и свирѣпый Хведько. Свирѣпость сразу улеглась въ немъ при видѣ матери; при ея воплѣ, озлобленія какъ ни бывало, и онъ, весь осунувшійся, припалъ къ обнявшей его матери и зарыдалъ пьянымъ плачемъ, всхлипывая, какъ маленькій ребенокъ.

Первымъ пришелъ въ себя староста.

-- Це треба його въ рештаньску одвесты.—Но никто не тронулся исполнить это „весты".

Жердевъ зачерпнувъ въ кружку воды, выгнулся за порогъ дверей, выходящихъ во дворъ, и сталъ споласкивать кровь съ лица. Два три человѣка изъ „стариковъ" руками ощупывали свои физіономіи и, увидѣвъ на пальцахъ кровь, тоже вышли за дверь обмываться. Старшина выглянулъ изъ-за спины писаря, стоявшаго на дверяхъ кабака и почти шепотомъ, нахмурившись повторилъ распоряженіе старосты. Въ собравшейся толпѣ слышно было: „Цей не безъ сылы! Цього Богъ сылою не обидывъ"! Винъ теперь и самъ пійде. А хлыстко отбывавсь! Дывы, скилько крови наспускавъ!

Старуха Самчиха въ свою очередь обтирала кровь на лицѣ Хведька и не переставала вопить, что ея *„дытыну"* хотѣли убить, что она пойдетъ жаловаться *усьому начальству.*

Не нашлось никого, кто бы пожелалъ „отвесты" въ арестантскую Хведька, какъ равно никто не возражалъ на жалобы Самчихи. Писарь, между тѣмъ, отозвавъ въ кабакъ старшину, что то переговорилъ съ нимъ шепотомъ. Старшина, очевидно согласился съ мнѣніемъ писаря и не возобновлялъ приказанія объ арестѣ Хведька, котораго мать безпрепятственно повела домой.

Она не переставала всю дорогу тужить, а онъ безъ шапки, которую несла мать, весь опустившійся, шелъ спотыкаясь рядомъ съ нею, отъ времени до времени что то только бурчалъ и кому то грозилъ.

Собравшіеся поглазѣли имъ во слѣдъ и розошлись, а „*старыкы*“, упрошенные Жердевымъ остались у него пить чай на семейной половинѣ и выслушивать его жалобы на то, что онъ вотъ пожалѣть хотѣлъ парня, а онъ же его еще и побилъ.

XIII.

Рано еще до зори поднялась старуха Самчиха и все никакъ не рѣшалась будить спавшаго въ сѣняхъ сына, который ночью отъ побоевъ, какъ думала она, захворалъ.

„Печинкы поодбывалы: бачъ якъ усе рве зъ нього—разсуждала старуха, когда Хведько, никогда въ жизни не напивавшійся, вдругъ ночью на самомъ дѣлѣ разболѣлся отъ этого кабацкаго зелья—водки.

Старуха, наконецъ, рѣшилась разбудить его.

Хведько поднялся съ сильною головною болью, блѣдный. Умывшись, онъ напился воды и, по обычаю, сталъ молиться, но ему опять стало дурно, и онъ сѣлъ на лавкѣ. Старуха между тѣмъ вышла изъ чулана, принаряженная въ очипокъ, и предложила ему идти съ нею сейчасъ же на Бемовку „до Кулиша“, съ которымъ она видѣлась вчера въ Андреевкѣ и который обѣщалъ ей написать такую бумагу, по которой Хведька Судья не только оправдаетъ, но еще отдастъ подъ судъ и старшину, арестовавшаго, на первыхъ порахъ, ея сынка.

Еще только кой гдѣ по дворамъ хозяйки принимались доить коровъ и роса еще синѣла по лугу, какъ уже они дошли до Бемовки, перешли базаръ и подошли къ квартирѣ Кулиша.

Съ вопросомъ „*хто це такъ зпозаранку*“? отсунула засовъ калитки хозяйка квартиры. Иванъ Ивановичъ Кулишъ еще спалъ, но хозяйка, безъ церемоніи, разбудила его, и онъ, всполоснувъ заспанную физіономію, пригласилъ Самчиху съ сыномъ въ избу.

Перекрестившись на образа, приглашенные усѣлись на лавку, при чемъ Самчиха, предварительно, положила на столъ завернутыя въ платочекъ нѣсколько яицъ.

Кулишъ взялъ съ *покутя* листъ бумаги, уложилъ его на подкладку, переставилъ съ окна пузырекъ—чернильницу съ воткнутымъ въ нее гусинымъ перомъ, вздрогнулъ плечами и обратился къ просителямъ.

— Ну-ка, посылай за полбутылкой, а то какъ то погано послѣ вчерашняго.

Хведько понялъ, что это „*погано*" относилось къ нему и потупился, а старуха вопросительно посмотрѣла на Кулиша и на вернувшуюся за чѣмъ то въ хату хозяйку.

„Доставай двугривенный, сказалъ Кулишъ, а ты Мытревна раздобудь, а не то ты сбѣгай,—обратился онъ къ Хведьку

— Я не пійду—я тутъ не знаю—отвѣтилъ онъ.

Привыкшая, очевидно, къ такимъ посылкамъ Мытревна, взявъ у Самчихи деньги, отправилась за водкой.

— Такъ за бурякы засудылысь—началъ Кулишъ.

— Не за бурякы, а за симмя бурякове.

— Та это усьо равно! Разсказуй ты, молодецъ.

Хведько замялся и потому старуха сама перехватила и начала разсказывать длинную повѣсть о томъ, какъ Цюпа далъ ему передать Жердеву мѣшокъ сѣменами и взять за это бутылку водки, какъ послѣ эти Цюпа и Жердевъ остались въ сторонѣ, а его, ея сына, старшина билъ и держалъ въ арестантской, какъ послѣ „*Карло*" обѣщалъ все дѣло прекратить и какъ послѣ получена повѣстка...

Но въ это время вернулась хозяйка съ водкой, которую и поставила на столъ въ бутылкѣ съ рюмкой, кускомъ хлѣба съ солью и съ зеленымъ лукомъ.

— Подожды! Нужно поправытьця посли вчерашняго; а тоди ужъ я усьо это пропишу.

Кулишъ налилъ рюмку водки и, поздоровавшись, выпилъ, скривился и плюнулъ, какъ это дѣлаютъ всѣ пьяницы. Затѣмъ онъ налилъ другую рюмку и поднесъ старухѣ Самчихѣ, но та какъ она на отрѣзъ отказалась, то рюмка была предложена Хведьку. При видѣ поднесенной водки, сей послѣдній вздрогнулъ и отвернулся,—такъ она ему была противна, но Кулишъ настаивалъ, увѣряя, что водка придастъ ему смѣлости, а смѣ-

лость необходима въ судѣ; иначе онъ не будетъ знать, что говорить.

— Выпый, моя дытыно, посовѣтовала старуха; вона, кажуть, усе поправыть.—Хведько не сталъ церемониться и залпомъ выпилъ полную рюмку и закусилъ кусочкомъ хлѣба съ солью. Послѣ этого поднесена была еще рюмка квартирной хозяйкѣ, которая выпила ее со всякими приговорами.

— Дай же Богъ вамъ на суди оправытьця! щобъ выйшлы зъ суду чисты, якъ оця горилка! щобъ Господь вамъ пособивъ побидыты вашихъ ворогивъ, та супротывныкивъ! будьте здорови!—проговорила она, наторѣвшая уже въ этомъ дѣлѣ подчиванья кліентами ея квартиранта „Ивана Ивановича".

— Ну, я еще одну выпью, щобъ на оби ноги було, какъ говорится и тогда пріймьомся за дѣло!—сказалъ Кулишъ и долилъ недопитую его хозяйкою рюмку, опрокинулъ ее цѣликомъ въ ротъ, опять скривившись, сплюнулъ и крякнулъ.

— Ну, теперь сейчасъ напишу усьо. Я вѣдь это могу и мени не впервой. Мы и не таке писали.

Онъ уложилъ передъ собою листъ бумаги и, обмакнувъ перо, котораго раскепъ прежде осмотрѣлъ, началъ тщательно выводить—Его Высокородію Господину Мировому Судьѣ 2-го участка П—скаго уѣзда крестьянина собственника. Здѣсь онъ остановился положилъ перо на край стола, и спросивъ имя, отчество и фамилію, выпилъ еще рюмку водки и писалъ далѣе—*Федора Андреева Самченко* оправданіе и жалоба.

За тѣмъ слѣдовало изложеніе этого оправданія и жалобы, написанное самымъ изысканнымъ, по мнѣнію самого сочинителя слогомъ, при чемъ онъ, отъ времени до времени, пріостанавливался, спрашивалъ имя, отчество Цюпы, Жердева, а также о времени совершившагося. Каждый разъ, при остановкахъ, онъ клалъ перо, наливалъ водки и выпивалъ, какъ бы для приданія себѣ силы и ума въ сочиненіи сей бумаги. Самчиха и Хведько, молча, сидѣли, боясь даже движеніемъ прервать вдохновеніе пишущаго и даже потъ, струившійся съ нихъ, обтирали съ особенной осторожностію.

Наконецъ, какъ бы по строгому разсчету съ количествомъ водки въ бутылкѣ, Кулишъ кончилъ писаніе, долилъ послѣднихъ пол-рюмки, выпилъ и сталъ просматривать написанное, кое гдѣ исправляя что то въ бумагѣ. Оправданіе и жалоба эта была такова—послѣ вышезаписаннаго заголовка. „Бывши я въ услуженіи въ экономіи господина Лутнева, при волахъ, на посѣвѣ сахарной свекловицы, когда нѣкій именующійся крестьянинъ собственникъ слободы Андреевки Петръ Ивановъ Цюпинъ передалъ въ питейное заведеніе кабачика Рязанской губерніи села Бѣлоомута Василія Степанова Жердева мѣшокъ неизвѣстно чѣмъ наполненный. Получа бутылку водки, которую совмѣстно роспили и я о томъ ихъ лихоимствѣ и злодѣйственности не свѣдущій совершенно какъ 27 числа маія мѣсяца вечеромъ прибывши на кошъ пошта и узяли меня въ волостное Андреевское правленіе, гдѣ старшина билъ меня жестоко за волосы и вынуждалъ въ признаніи въ томъ что я ничего несвѣдущій а послѣ заперъ меня въ продолженіи ночнаго времени въ арестантскую и потому что онъ господинъ волостной старшина есть злобитель на моего отца крестьянина собственника Андрея Степановича Самченкова и уличалъ злокозненно мою мать и всячески жестоко билъ безчеловѣчнымъ боемъ и старался меня уличить въ сознаніи. А потому прошу Ваше Высокородіе за эти его незаконные проступки и мою невиновность, какъ я въ этомъ дѣлѣ ничего не извѣстный отдать подъ Окружный Судъ и мени взыскать безчестія за мою не извѣстность пятьдесятъ рублей серебромъ въ этомъ дѣлѣ по закону. Къ сему прошенію за неграмотнаго крестьянина собственника слободы Андреевки Федора Андреева Самченкова по его рукодайной просьбѣ и довѣрительству подписался отставной каптенармусъ Иванъ Ивановъ сынъ Кулишовъ“.

Когда „*Кулишовъ*“ прочиталъ эту бумагу просителямъ, мать и сынъ пришли въ умиленіе и старуха даже всхлипнула, благодарными очами взирая на составителя этой спасительной бумаги. Но тѣмъ не менѣе она стала просить еще приписать что вчера Жердевъ со стариками умышленно напоили ея сына и били смертельнымъ боемъ, но требованіе за эту приписку

особой платы и кромѣ того нежеланіе ея самымъ Хведькомъ, который смутно припоминалъ, что не его начали бить, а онъ самъ устроилъ буйство, заставили ее отказаться отъ этой приписки.

Она уплатила Кулишу одинъ рубль и выслушавъ даваемыя Хведьку наставленія, сказать судьѣ, что въ бумагѣ все написано, бережно завернула въ платокъ бумагу и пошла съ сыномъ въ камеру судьи, такъ какъ солнце уже поднялось порядочно,—и они боялись опоздать.

XIV.

Въ камеру мироваго судьи явились они еще рано—не было еще и восьми часавъ—но уже застали пріѣхавшихъ тоже судиться по дѣламъ какихъ то москалей. Мало по малу начали собираться люди. Прибывающіе справлялись о времени разбора у раньше прибывшихъ и группами размѣщались въ тѣни построекъ и плетней, а нѣкоторые подъ возами, около которыхъ привязаны были и лошади. Всѣ прибывшіе—а ихъ было много, такъ какъ мировой судья не каждый день разбиралъ дѣла, а назначалъ въ мѣсяцъ два три раза только засѣданія, почему и накоплялось на разъ дѣлъ по 20—30—были заинтересованы въ той или другой степени дѣлами. Свидѣтели, вызываемые повѣстками, были болѣе апатичны; приведенные же сторонами—собственно говоря, сторонники того или другого изъ тяжущихся—были оживленнѣе, вмѣшивались въ пререканія между собою тяжущихся, вызсказывали свои мнѣнія, а часто выслушивали и упреки въ пристрастности и несправедливости ихъ, ожидаемыхъ еще, показаній на судѣ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей, не желая озлоблять противъ себя сторонъ, какъ бы оправдываясь въ своемъ вмѣшательствѣ въ дѣло, высказывали что они ничего не знаютъ и даже не знаютъ, зачѣмъ ихъ выставили свидѣтелями. Изъ двухъ сосѣднихъ по мѣсту жительства націй—великороссовъ—москалей и малороссовъ—хохловъ, послѣдніе, особенно если они были изъ ближайшей торговой слободы, вели себя сдер-

жаннѣе; москали же, болѣе дикіе мужики, не сдерживались и наивно высказывались о томъ, что они будутъ показывать или даже, что они будутъ говорить „усьо такъ, какъ говорили и въ кабакѣ“, когда ихъ поилъ ссылающійся на нихъ тяжущійся. Хохлы выглядѣли вообще шельмоватѣе и злостнѣе; видно было, что у нихъ уже разъ рѣшенное крѣпко запало въ голову и они боялись, такъ сказать, открывать задуманные ходы противнику или сторонамъ его.

Старуха Самчиха съ сыномъ сиротливо пріютились подъ стѣной камеры. Хведько былъ мраченъ, онъ не могъ упорядочить въ своихъ мысляхъ никакого представленія о ходѣ дѣла: то казалось ему, что судья поступитъ съ нимъ такъ же грозно, какъ и старшина; то ему представлялось, что написанная Кулишомъ бумага все дѣло обратитъ въ его пользу; то ему приходили на память внушенія Жердева; то имъ овладѣвала тоска и апатія.. Старуха жалостливо посматривала на прибывшихъ и прибывающихъ, по внѣшности ихъ старалась разгадать ихъ отношенія къ суду, намѣревалась нѣсколько разъ подойти и разсказать свое горе тѣмъ, кто ей по виду показывался бойчѣе и наторѣлѣе въ дѣлѣ судебномъ. При этомъ со вздохомъ припоминала она мужа, который, по ея убѣжденію, никогда бы не допустилъ самого дѣла до суда, задобривъ могарычемъ и старшину, и экономическихъ служащихъ, а то чуть и не самого Судью. Эти послѣднія мысли еще болѣе вызывали на глазахъ слезы, которыя она уже не разъ утирала подоломъ юбки, боясь замочить платокъ, въ которомъ была завернута спасительная бумага.

Пришелъ въ камеру письмоводитель, пріѣхалъ на тройкѣ волостной старшина съ писаремъ, старостою и двумя судьями и сотскимъ, наконецъ, явился и Жердевъ, а вслѣдъ за нимъ и экономическій писарь Василь Фирсовичъ Штура пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ съ главнымъ экономическимъ конюхомъ и наѣздникомъ Никитичемъ. Штура сидѣлъ сзади на дрожкахъ, въ которыхъ былъ запряженъ кровный рослый жеребецъ еще стараго Бемовскаго завода, выѣзжаемый Никитичемъ. Они проѣхали прямо во дворъ къ Мировому Судьѣ.

Еще больше нахмурился Хведько, когда мимо его на крыльцо взошли волостной старшина и все волостное начальство. Съ ихъ прибытіемъ приближалась роковая минута, а онъ все-таки никакъ не могъ собраться съ мыслями, надуматься, что и какъ говорить въ камерѣ. Вдругъ къ нему подбѣжалъ хлопчикъ и сказалъ что его *„хтось клыче тамъ у Солошыному городи"*. Посмотрѣвъ въ сторону указаннаго города, Хведько въ чащѣ вишняка за плетнемъ разглядѣлъ фигуру Цюпы въ картузѣ и красномъ шарфѣ на шеѣ. Онъ даже обрадовался случаю прервать путаный токъ мыслей и пошелъ къ плетню. Петро пригнулъ вѣтку дерева, закрылся нею и, кивнувъ головою, сразу началъ.

— Ну, братецъ ты мой, наброивъ ты!

Хведько ничего не отвѣчалъ, сознавая, что, дѣйствительно, онъ *„наброилъ"*.

— Та усьо пустякы! продолжалъ Цюпа—Жердевъ каже усе тоби прощае, абы тилько ты його не путавъ у це дило. Наказувавъ, щобъ ты усе таки стоявъ на свойому, що ты семена продававъ йому свои. А я каже вже выручу його. У нього й облакатъ буде. Онъ дывысь пріихавъ.

Дѣйствительно въ эту пору на парѣ почтовыхъ лошадей подъѣхалъ къ крыльцу камеры какой то господинъ одѣтый по пански. Многіе изъ собравшихся поснимали было шапки, но оглянувшись опять накрыли головы. Адвокатъ что то далъ ямщику и, взявъ съ собою какія то бумаги и книжку, пошелъ въ камеру. Хведько не успѣлъ и разглядѣть его.

— Тоби що? Ты такъ и кажи: я продавъ Жердеву свои семена, а мишокъ зъ экономіи, не вспивъ забрать его, ты й правъ будешь. Хиба воны помичени, семена, та не кажи, що за водку отдавъ, а що продавъ за 30 копійокъ. А винъ уже тамъ усе якъ слидъ выведе, усе зъ аблакатомъ. Тамъ такій, похваляетця! така голова, що якъ зхоче такъ и зробыть...

Въ это время недалеко отъ нихъ задребезжали дрожки, на которыхъ Мировой судья проѣхалъ во дворъ. Всѣ повскакивали, поснимали шапки и сразу посунулись къ крыльцу камеры. Хведько тоже бросилъ Петра и пошелъ къ камерѣ, услы-

шавъ однако же напутственное отъ Цюпы наставленіе.—„Ты жъ смотры братецъ! а то щобъ чого худшого не було!

Столпившіеся около крыльца камери всѣ повернулись въ сторону двора Мироваго Судьи, гдѣ онъ осматривалъ жеребца, на которомъ пріѣхали Никитичъ со Штурою. Никитичъ въ картузѣ и плисовой поддевкѣ, что то довольно фамильярно разсказывалъ Судьѣ, жестикулируя руками, видно, про ѣзду. Судья одобрительно посмѣивался и, наконецъ, кивнулъ въ сторону, что то сказавшему ему Штурѣ.

— Хорошо, я скоро... пошелъ въ домъ.

Письмоводитель вышелъ на крыльцо и по выпискѣ началъ провѣрять тяжущихся и свидѣтелей. О послѣднихъ онъ справлялся у ссылавшихся на нихъ сторонъ, при чемъ на заявленіе о приведенныхъ свидѣтеляхъ говорилъ, что приведшіе могутъ о нихъ заявить Судьѣ. Перекликая такимъ образомъ, онъ отмѣчалъ карандашемъ въ запискѣ. Почти всѣ съѣхавшіеся столпились около крыльца, кромѣ тѣхъ, которые ранѣе еще вошли въ камеру и комнату письмоводителя.

Не много погодя явился Судья. Онъ прошелъ въ комнату, гдѣ происходило засѣданіе; сѣлъ за столъ и, вздѣвъ на носъ пенсне, началъ просматривать пакеты. Между тѣмъ письмоводитель, спѣшно справляясь съ выпискою, укладывалъ дѣла, обернутыя въ синія и палевыя окладки. Цвѣта обложекъ означали уголовное ли или гражданское дѣло въ ней заключалось. Какъ только, сложившій дѣла письмоводитель забравъ, помѣченныя Судьею изъ распечатанныхъ конвертовъ бумаги, отошелъ отъ стола. Судья надѣлъ цѣпь, зѣвнулъ и провозгласилъ:

— Засѣданіе открыто. Э! Э! къ слушанію назначается дѣло по иску мѣщанкою Авдотьею Курносовой съ отставнаго фельдфебеля Ивана Ступайкина 135 рублей по векселю. Э!—Э! стороны на лицо?

— Курносова не явилась—отвѣтилъ письмоводитель.

Судья взялъ перо и чрезвычайно скоро написавъ провозгласилъ:

— На основаніи 145 ст. Устава Гражданскаго Судопро изводства за неявкою истицы Курносовой прекращается...

Письмоводитель успѣлъ отнесть бумаги въ свою комнату, она же была и канцелярія, и съ выпискою въ рукахъ опять сталъ у двери камеры.

— Э!—Э! къ слушанію назначается дѣло по иску крестьянина Андрея Петрова Кривошеина о возстановленіи владѣнія, нарушеннаго купцомъ Ильяшовымъ. Э!—Э! стороны на лицо?

— Стороны не явились—отвѣтилъ письмоводитель.

Судья опять шибко написалъ резолюцію и опять провозгласилъ ее въ томъ же стереотипномъ видѣ—за неявкою истца по такой то статьѣ дѣло прекращается.

Разсмотрѣнныя, такимъ образомъ, дѣла онъ откладывалъ въ сторону.

— Назначается къ слушанію—началъ опять Судья взявши новое дѣло въ синей обложкѣ, э, э, по иску крестьянки Агафьи Фирсовой съ діакона Рождественскаго 26 рублей 60 коп. жалованья. Э—э стороны на лицо?

— Фирсовой нѣтъ—отвѣтилъ письмоводитель. Опять Судья сталъ писать. Написалъ, но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ провозгласить резолюцію, въ дверяхъ камеры показалась, очевидно, кѣмъ то непускаемая женщина—московка въ красномъ кумачевомъ платкѣ на головѣ въ бѣлой свиткѣ клѣтчатой паневѣ и лаптяхъ.

Судья поднялъ голову и сквозь пенсне грозно посмотрѣлъ на нее.

— Э—э—знаете! Что тебѣ?—спросилъ ее. Но московка не отвѣтила сразу, а прежде перекрестилась на маленькую фольговую иконку, мызнула рукою подъ платокъ, оправилась и подошла къ столу. Она, очевидно, не поняла вопроса и уже собиралась подпереть одною рукою щеку, а другою подъ локоть руку, какъ Судья опять еще грознѣе спросилъ ее.

— Э—э ты чего?

— Да, я, родименькій, па своям у судьбишу, що енъ менѣ денегъ не отдаетъ...

— Вы Агафья Фирсова? Э—э?!

— Хвирсовыхъ, Хвирсовыхъ, родименькій по письменному, а такъ зовуть Кондрашовы...

— Ну, это, знаете, до меня не касается, какъ зовутъ... Дѣло ваше за неявкой истицы прекращено...

Московка не двигалась и, съ недоумѣніемъ, поглядывала то на Судью, то оглядывалась ва письмоводителя!

— Э—э—ступайте—дѣло прекращено!

— Я, то есь, родименькій, не разберу, какъ это перекрещено, мы письменному Хвирсовы; а такъ, значить, ещо по дѣду Кандрашомъ дразнили—Кандрашовы.

Судья уже взялъ со стола другое дѣло, а письмоводитель, взялъ за рукавъ московку, шепотомъ сказалъ ей—иди, дѣло твое покончено.

Она, по шепоту письмоводителя, поняла, что въ камерѣ первостепенную роль играетъ не онъ, а сидящій за столомъ Судья, да еще и въ цѣпи, и потому грубо оттолкнула письмоводителя и обратилась къ судьѣ съ вопросомъ:

— Ты менѣ скажи, родименькій, на чемъ же дѣло моя покончена?—кады минѣ съ няго деньги получать, аль може, хвитокъ выдашь минѣ?..

— Э—э! знаете, прикажите удалить ее—сказалъ Судья и письмоводитель уже настойчивѣе вывелъ ничего не понимающую московку въ другую комнату, гдѣ уже ей объяснили о прекращеніи ея дѣла. Тѣмъ не менѣе она осталась въ камерѣ до окончанія засѣданія, увидѣвъ пріѣхавшаго діакона и надѣясь всетаки добиться своего.

Еще три дѣла прекратилъ судья по неявкѣ истцовъ и обвинителя и тогда только провозгласилъ о назначеніи къ слушанію дѣла по обвиненію крестьянина Федора Андреева Самченкова въ кражѣ свекловичныхъ сѣмянъ въ экономіи поручика Африкана Михайловича Лутнева и крестьянина Жердева въ покупкѣ завѣдомо краденаго.

По выклику письмоводителя, въ камеру натолпились—Хведько съ матерью, Жердевъ съ своимъ адвокатомъ, Штура, Никитичъ, старшина, староста и три понятыхъ, изъ коихъ у одного синѣлъ подъ лѣвымъ глазомъ кровоподтекъ отъ вчерашняго Хведькинаго кулака, не въ мѣру размахавшагося.

Судья кивнулъ головою на поклонъ адвоката и сталъ спрашивать вошедшихъ.

— Федоръ Самченко? Э—э—кто?

Хведько выдвинулся изъ за другихъ и, ничего не отвѣчая, сталъ передъ столомъ. Вслѣдъ за нимъ просунулась его мать, развернула платокъ и подала Судьѣ бумагу, писанную Кулишомъ.

Судья, думая, что это какая-нибудь просительница по другому дѣлу, бумаги не взялъ, а только сказалъ.

— Э—э—подожди, послѣ...

Старуха Самчиха отступила опять назадъ. Судья продолжалъ

— Э—э Иванъ Никифоровъ Жердевъ?

— Здѣсь, отозвался Жердевъ, вотъ за меня „*довѣритель*"

— Э э, знаете, то есть, вы довѣряете защиту г-ну Кадушкину? Э—э—Вы принимаете защиту? сказалъ судья.

Кадушкинъ и Жердевъ одновременно отвѣтили—Да! Жердевъ прибавилъ еще „точно такъ—съ!"

Затѣмъ судья сталъ опрашивать свидѣтелей и, спросивъ, предложилъ имъ выйти въ другую комнату, но старшина передъ тѣмъ, какъ послѣдовать за другими, подалъ Судьѣ какую-то бумагу, сказавъ:

— Ще вотъ бумага про його—кивнувъ въ сторону Хведька.

Судья взялъ бумагу и сталъ просматривать, при чемъ раза два отрывалъ глаза отъ читаемаго и взглянулъ на насупившагося Хведька.

— Э—э, знаете, какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ Хведька.

— Знаю—отвѣтилъ сей послѣдній.

— Э—э—то есть. Вы Самченко?

— Самченко?

— Федоръ Андреевъ.

— Хведоръ?

— Отецъ вашъ, э—э, Андрей?

— Андрей.

— Сколько вамъ лѣтъ?

Хведько молчалъ.

— Э э, знаете, отвѣчайте, сколько вамъ лѣтъ.

— Ни, я не знаю.

Въ это время старуха Самчиха, держащая въ рукахъ все еще тотъ же листъ бумаги, сказала:

— Йому оце одъ заговынъ пійде двадцятый, паночку.

— Э, э, васъ не спрашиваютъ!—крикнулъ судья, но послѣ, что-то сообразивъ, сказалъ:

— Вы мать подсудимаго?

— Я жъ саме його маты... винъ у мене одинъ, и старого дома нема, на низахъ и расплакась... Оце й бамага спысана, тутъ усе спысано, якъ и що—всхлипывая, добавила она и подала бумагу.

Судьѣ стало неловко при видѣ слезъ и онъ, взявъ изъ рукъ ея поданную бумагу, сказалъ:

— Э, э—хорошо!—и затѣмъ продолжалъ опросъ, посмотрѣвъ въ лежащій передъ нимъ протоколъ

Э, э, подъ судомъ былъ?

Хведько молчалъ, потому что не понималъ ничего.

— Отвѣчайте, э, э, судились вы прежде?

— Ни, николи ни зъ кымъ не судилися.

— Э—э вы? обратился судья къ Жердеву. Ваше имя, отчество и фамилія? Но тутъ всталъ адвокатъ Жердева и попросилъ слова.

— Мой кліентъ обвиняется въ покупкѣ завѣдомо краденаго, но такъ какъ еще не доказанъ самый фактъ кражи, то я прошу признать привлеченіе къ суду Жердева преждевременнымъ и это мое заявленіе записать въ протоколъ засѣданія.

Судья все сказанное записалъ въ протоколъ и сталъ разсматривать раскрашенную по обрѣзу небольшую книжечку въ тисненомъ каленкоровомъ переплетѣ. Въ камерѣ водворилась тишина и только слышенъ былъ шелестъ перебираемыхъ листовъ книжки. Лобъ судьи наморщился, брови сдвинулись. Перелиставъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ книжку, Судья какъ-будто бы что-то въ ней вычиталъ и, отложивъ ее, написалъ постановленіе, которое сейчасъ же и прочиталъ:

— „Признавая справедливость заявленія защитника крестьянина Жердева, такъ какъ фактъ похищенія свекловичныхъ сѣмянъ Самченковымъ еще не установленъ судебнымъ приго-

воромъ, постановилъ: привлеченіе къ суду крестьянина Жердева, по обвиненію его въ покупкѣ завѣдомо краденнаго, признать преждевременнымъ“.

— Э э, вы свободны!—сказалъ онъ Жердеву и, кивнулъ головою на поклонъ адвоката Кадушкина, которые сейчасъ же и вышли, послѣ чего послышался за дверьми голосъ Жердева, очевидно, кому то объясняющаго.

— Мы сами съ усами! насъ такъ братъ нельзя въ кашѣ съѣсть.

Хведько и его мать поняли, что адвокатъ защитилъ Жердева, что судья его совсѣмъ оправдалъ. Хведько сообразилъ, что, съ удаленіемъ изъ камеры адвоката, онъ лишился обѣщанной ему помощи, но такъ какъ судья взялъ въ руки и просматривалъ поданную старухой бумагу, то онъ и возложилъ все упованіе на это произведеніе Кулиша.

Судья сразу улыбнулся, но тѣмъ не менѣе дочиталъ бумагу до конца и положилъ ее въ сторонѣ отъ дѣла.

— Э, э, зовите свидѣтелей—обратился онъ къ стоящему за дверьми сторожу.

Затѣмъ начался опросъ явившихся свидѣтелей, о томъ не состоятъ ли они въ родствѣ, тяжбѣ или иныхъ какихъ-либо отношеніяхъ съ подсудимымъ. Послѣ этого опроса уже судья вспомнилъ, что слѣдовало бы допросить и Жердева, но его уже небыло и потому онъ прочиталъ подписку о присягѣ и далъ ее подписать грамотнымъ, а за неграмотныхъ удостовѣрилъ подпись.

Первымъ былъ спрошенъ Штура, который показалъ, что Никитичъ сказалъ ему, что одинъ изъ воловиковъ что то заносилъ въ кабакъ къ Жердеву въ мѣшкѣ, какъ будто бы какое зерно. Штура обратился къ Андреевскому волостному старшинѣ и съ нимъ и понятыми нашелъ въ кабакѣ Жердева экономическій мѣшокъ съ клеймомъ А. Л. наполненный почти до половины свекловичными сѣменами, непремѣнно изъ экономіи, ибо больше ни у кого таковыхъ во всей окрестности нѣтъ....

На предложеніе дать объясненіе на это показаніе Хведько сказалъ, что ничего не знаетъ, а мать его опять выдвинулась изъ за скамей и всхлипывая начала было что то говорить о

Цюпѣ и Жердевѣ, но Судья приказалъ ей молчать, такъ какъ ее не спрашиваютъ.

Никитичъ показалъ, что самъ видѣлъ, какъ онъ самый (указывая на Хведька) несъ въ мѣшкѣ что́-то въ кабакъ Жердева и объ этомъ онъ сказалъ Штурѣ, но при обыскѣ въ кабакѣ не былъ, такъ какъ онъ, *„какъ извѣстно Вашей милости, состоитъ въ наѣздникахъ и ему не досугъ за всякимъ надзирать“*.

Когда вошелъ вызванный старшина, то Судья вспомнилъ о поданной симъ послѣднимъ бумагѣ и сказалъ:

— Э, э, знаете, вы, подсудимый, еще обвиняетесь въ буйствѣ въ кабакѣ Жердева, признаете себя виновнымъ?

— Я носывъ свои семена...—а мишокъ не вспивъ узять у Жердева...

— Э! э! я васъ спрашиваю, признаете ли себя виновнымъ въ буйствѣ въ питейномъ заведеніи Жердева?

— Винъ мене ставъ бить, щобъ я признавався, въ рештанську посадивъ на ничъ. Мени у чому признаваться, колы я ихъ не кравъ.

— Э, э, то есть, знаете,

— Я й знать не знаю, хоть мени й присягу принять...

— Э, э, хорошо! значитъ, вы не признаете себя виновнымъ—рѣшилъ судья и сталъ что то писать. Старшина стоялъ передъ столомъ въ цѣпи на коричневой, чосанаго сукна черкескѣ, подпоясанный камлотовымъ синимъ поясомъ. Видно было, что онъ привыкъ къ виду пишущаго—глазами слѣдилъ за быстрыми движеніями пера Судьи по бумагѣ и только изрѣдка легонько вздыхалъ и переступалъ съ ноги на ногу.

Судья кончилъ писать, прочиталъ постановленіе, коимъ опредѣлено спросить приведенныхъ старшиною свидѣтелей, а затѣмъ прочиталъ и самый актъ, представленный старшиною, въ коемъ сказано было, что тотъ же *„Федоръ Самченко, будучи въ пьяномъ видѣ, обругалъ и побилъ сельскаго старосту и такихъ то посланныхъ старшиною для удаленія его изъ питейнаго заведенія“*.

Такимъ образомъ старшина явился передъ судьею свидѣтелемъ какъ по дѣлу кражи сѣмянъ, такъ и по дѣлу о буйствѣ.

Хведько понялъ, что дѣло идетъ о его поведеніи у Жердева и, не давъ судьѣ окончить чтеніе, возразилъ:

— Винъ же самъ мене позвавъ и пидпоювавъ.

Но судья строго взглянувъ на него сквозь пенсне закричалъ:

— Э! э! молчать! когда васъ не спрашиваютъ!

Старшина показалъ, путая дѣло о кражѣ съ указаніями на буйственность обвиняемаго, все, что́ зналъ и добавилъ:

— Своя воля, зупыну ниякого нема... Послуху... Имъ якъ оце спускать, такъ хоть изъ слободы бижы...

Судья, редактируя по своему, записалъ показаніе старшины и прочиталъ.

Остальные свидѣтели о кражѣ сѣмянъ мало знали, повторяя только опредѣленно „це вже выдно—кому жъ украсты, якъ не имъ—(они подразумѣвали всѣхъ воловиковъ)—на пропой вкралы—звисно челядь и т. п., но по дѣлу о буйствѣ дали точно опредѣлившія вину Хведька показанія, разсказавъ подробно, какъ они увидѣвъ драку, кинулись разнимать, какъ Хведько ихъ перебилъ, какъ ругался и т. д. Старуха было высунулась опять впередъ и начала: „сами мордувалы хлопця, побылы...

Но судья грозно остановилъ ее и продолжалъ записывать показанія послѣдняго свидѣтеля.

Покончивъ допросъ, онъ обратился къ Хведьку.

— Э, э, что вы скажете въ свое оправданіе?

— А що мы скажемъ? Воны сами мене напалы, былы... заминался Хведько.

— Хто його знае, що казать бильше.

— Э, э, признаю обстоятельства достаточно выясненными... Садитесь... Приступаю, знаете, къ постановленію приговора.

Всѣ усѣлись. Водворилась полнѣйшая тишина. Слышно было какъ скрипѣло перо у судьи. Кой кто изъ присутствующихъ иногда вздыхалъ, да пригорюнившись Самчиха чмыхнула носомъ. Иногда изъ передней, отдѣленной отъ камеры тонкою перегородкою, доносился шепотомъ разговоръ или топотъ ногъ на крыльцѣ.

Хведько отупѣлый мрачно смотрѣлъ на быстро двигавшееся въ пальцахъ судьи перо и былъ не въ состояніи установить въ своихъ мысляхъ какой либо опредѣленный токъ. То приходило ему на память показаніе кого либо изъ свидѣтелей, то вспоминалъ Жердева и его адвоката; то всплывала злоба на старшину... но главное это было черченіе перомъ судьи. Онъ не отрывалъ отъ него глазъ и водилъ ими вслѣдъ за перомъ однообразно, мелко, быстро черкающимъ и такъ-же быстро переводимымъ съ одного края бумаги на другой. Его ростъ позволялъ ему видѣть увеличивающееся число строкъ, мало по малу, занимающаго почти весь листъ бумаги. Но вдругъ это однообразное черканіе прервалось какимъ то росчеркомъ. Судья положилъ перо, выпрямился и, поднеся ближе къ лицу бумагу сталъ ее просматривать наморщивъ брови.

— Э, э, встаньте! рѣзко раздался голосъ Судьи, всѣ повскакивали, кто то закопошился около притворенныхъ дверей и Судья, откашлянувъ, началъ читать:

По указу Его Императорскаго Величества. Мировой судья 2-го участка Осередскаго округа разсмотрѣлъ уголовное дѣло...

Долго читалъ судья чтó-то совсѣмъ непонятное ни Хведьку, ни его матери. Они только и поняли, что говорилось про бурачныя сѣмена, экономію Лутнева, Федора Андреева Самченко, старосту и затѣмъ что то о тюрьмѣ.

Болѣе наторѣлые изъ присутствующихъ въ пріемной и въ томъ числѣ письмоводитель уразумѣли, что судья *„признавая Федора Самченка виновнымъ въ кражѣ свекловичныхъ сѣмянъ въ экономіи поручика Лутнева, гдѣ онъ служилъ работникомъ, а также въ буйствѣ и нанесеніи оскорбленія сельскому старостѣ словами и дѣйствіемъ, приговорилъ, крестьянина Федора Андреева Самченкова, 19 лѣтъ, заключить въ тюрьму на одинъ годъ*, при чемъ для воспрепятствованія ему способовъ уклоненія отъ суда, на основаніи 125 ст. Уст. Уг. Судопр. сейчасъ же заключить его подъ арестъ въ мѣсто заключенія.

— Э—э! Недовольные этимъ приговоромъ могутъ обжаловать оный въ Мировой Съѣздъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока—закончилъ судья. Э—э! Самченко, вы довольны приговоромъ?

Хведько молчалъ.

— Э! э! Въ теченіе сутокъ вы можете заявить удовольствіе или неудовольствіе. Э, э, объявляю засѣданіе по этому дѣлу оконченнымъ. Э, э, вы, старшина, получите сейчасъ же предписаніе о препровожденіи Самченкова въ городъ въ мѣсто заключенія. Подождите тамъ... окончательно сказалъ судья.

Всѣ присутствовавшіе и въ томъ числѣ Хведько съ матерью вышли изъ камеры, гдѣ въ слѣдъ за тѣмъ послышалось съ обычными „э, э“ провозглашеніе о назначеніи къ слушанію слѣдующаго какого то дѣла.

Письмоводитель, проходя въ свою комнату, велѣлъ сотскому *„не отпускать“* Хведька и вскорѣ, сходивъ еще въ камеру, гдѣ Мировой судья подписалъ какую то бумагу, подалъ писарю разносную книжку съ пакетомъ.

Старуха Самчиха и Хведько стояли въ передней отупѣлые съ опущенными головами. Хведько чувствовалъ, что что то страшное совершилось, но что такое именно онъ не могъ твердо уразумѣть. Наконецъ, подошелъ къ нему сотскій и сказалъ ему:—ходимъ!

Тогда только онъ понялъ, что его арестуютъ, что сотскій намѣренъ его куда то весть. Ему почему то пришла въ голову обѣщанная черезъ Цюпу помощь Жердева и его адвоката, но, оглянувшись, онъ увидѣлъ кругомъ незнакомыя лица. Около тройки волостной почты старшина и прочіе начальники что то толковали ямщику, двое изъ нихъ взяли съ тарантаса свои халаты и за тѣмъ всѣ пошли вдоль по улицѣ. Ямщикъ собравъ недоѣдки сѣна, подтянувъ коренника и, взлѣзши на передокъ, повернулъ тройку къ крыльцу камеры.

Сотскій подошелъ съ Хведькомъ къ тарантасу и предложилъ послѣднему садиться. Еще разъ оглянувшись, Хведько что то хотѣлъ сказать матери, но только вздохнулъ и полѣзъ въ тарантасъ. Туда же помѣстился и сотскій. Не успѣла остолбенѣвшая отъ ужаса Самчиха подойти къ тарантасу, какъ тройка тронулась, зазвенѣли колокольчики, и облако пыли скрыло все отъ расширившихся отъ изумленія и ужаса глазъ старухи.

Она хотѣла что то сказать, но только всплеснула руками и съ воплемъ упала на землю навзничь.

Подбѣжали къ ней люди, какая то молодица оправила свалившійся съ головы очипокъ, кто то принесъ воды, взбрызнулъ лицо, влили воды въ ротъ сквозь стиснутые зубы, и накрыли ее ея же платкомъ, въ которомъ было завернуто поданное судьѣ объясненіе, и порѣшили, что это у нея „*младенческое*", молча стояли надъ ней, пока она пришла въ чувство и могла подняться съ земли.

Долго она сидѣла на землѣ, безсмысленно обводя кругомъ глазами, пока одна изъ сбѣжавшихся женщинъ не увела ее къ себѣ во дворъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Д-ра Антонія I.

(ОКОНЧАНІЕ). [1]

V.

Иванъ Выговскій и Елена Стеткевичъ, его жена.—Перемѣны на Чигиринскомъ дворѣ.

Съ переходомъ гетманской булавы въ руки Выговскаго, при чигиринскомъ дворѣ явились новыя теченія. Преобладающее вліяніе постепенно получилъ привилегированный классъ, выдѣлявшійся изъ козацкой массы. Конечно, тонъ этому обществу давалъ самъ гетманъ и многочисленная его родня. Въ сравненіи съ своимъ предмѣстникомъ, Выговскій представляется человѣкомъ совершенно иного тона. Происходилъ онъ изъ стариннаго, но мелкаго шляхетскаго рода, который встрѣчаемъ уже въ началѣ XVI в. въ Скочковской округѣ подъ Выговымъ. Въ 1611 г. дѣдъ гетмана пользуется гербомъ Габданковъ, а отецъ, владѣвшій Голеевымъ, поселился въ Кіевѣ незадолго до хмельниччины и пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. Старшій сынъ его Иванъ выступаетъ на сцену уже въ 1631 г., а черезъ два года встрѣчаемъ его намѣстникомъ луцкаго подстароства; по словамъ малорусской лѣтописи, онъ былъ затѣмъ кіевскимъ гродскимъ писаремъ. По слухамъ, онъ долженъ былъ оставить урядъ вслѣдствіе какихъ то правонарушеній и по-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“, 1894, Февраль.

ступилъ въ войско; въ 1648 г. встрѣчаемъ его плѣнникомъ въ татарскомъ обозѣ, послѣ битвы у Желтыхъ Водъ. Хмельницкій, будто-бы, выкупилъ его за старую кобылу[1]). Какъ-бы то ни было, съ этой поры начинается возвышеніе Выґовскаго. Богданъ сдѣлалъ его своимъ придворнымъ писаремъ, а годъ спустя писаремъ войска запорожскаго. Вѣроятно, это назначеніе было результатомъ прежняго знакомства. Выговскій служилъ гетману вѣрою и правдою въ теченіе десяти лѣтъ и пользовался большимъ на него вліяніемъ, отличался сдержанностью, хладнокровіемъ и дипломатическимъ тактомъ, сглаживалъ рѣзкость и грубость Богдана. Пить онъ не любилъ, но подчиняясь средѣ, долженъ былъ нерѣдко притворяться пьянымъ[2]). Онъ неизмѣнно сопровождалъ гетмана, часто бывалъ въ военныхъ передѣлкахъ, но особой склонности къ военному ремеслу не проявлялъ,—онъ трудился, главнымъ образомъ, на дипломатическомъ поприщѣ. Занимая выдающееся положеніе при дворѣ, Выговскій тѣмъ не менѣе велъ самый скромный образъ жизни въ небольшомъ домикѣ, отведенномъ ему въ Чигиринѣ по должности писаря, и даже не владѣлъ землями въ предѣлахъ гетманщины. А между тѣмъ у него были немалые доходы: жалованье, раздѣлъ военной добычи, подарки отъ иноземныхъ государей... Будучи бережливымъ, онъ однако не жалѣлъ расходовъ на дѣла благочестія; такъ напр., устройство монастыря и церкви въ окрестностяхъ Чигирина стоило немало и представляло одно изъ лучшихъ украшеній гетманской столицы[3]). Повидимому, Выговскій женился уже немолодымъ[4]). По словамъ Емеліовскаго, онъ похитилъ дѣвушку, такъ какъ родня не желала выдать ее за писаря[5]). Несомнѣнно, что, по шляхетскимъ понятіямъ, панна Стеткевичъ сдѣлала „мезальянсъ“: она происходила изъ сенаторскаго рода, находившагося въ род-

---

[1]) Арх. Ю. З. Р., II, I, 179; III, I, 315—325; IV, 106—166,—Костомаровъ, Богд. Хм., I, 284.—Woycicki, Pamiętniki, II, 29.—Самовидецъ, 220.

[2]) Костомаровъ, Ист. Мон. II, 62.

[3]) Арх. Ю. З. Р., III, 3, 37.

[4]) Костомаровъ, Богд. Хм., III, 264.

[5]) Bartoszewicz. Encykl. powsz., XXVIII, 26.

ственныхъ связяхъ съ князьями Четвертинскими, Друцкими-Горскими, Соколинскими, Соломирецкими, Любецкими, Сангушками, Огинскими, а даже съ Тышкевичами, Суходольскими, Фронцкевичами. Почти до конца XVI в. родъ Стеткевичей придерживался православнаго обряда. Дѣдъ Выговской, Вильгельмъ, склоненъ былъ къ новаторству, жена его Анна Огинская была православною, изъ сыновей одинъ наслѣдовалъ вѣру матери, Янъ и Христофоръ придерживались кальвинизма, а потомки ихъ приняли католицизмъ; католикомъ былъ и Богданъ Стеткевичъ, отецъ Выговской, новгородскій каштелянъ, умершій въ 1651 г. Дѣти его отъ первой жены, кн. Соломирецкой, Михаилъ и Елена придерживались греческой вѣры, а двѣ дочери отъ второй жены, Фронцкевичъ, воспитаны были въ католичествѣ. Это было обычнымъ въ ту пору явленіемъ. Такъ, родной братъ Елены поступилъ въ монахи Кіево-Печерской лавры, одинъ двоюродный братъ былъ назначенъ виленскимъ каноникомъ, а другой служилъ съ 1655 г. въ кіевскомъ козацкомъ полку. Надо думать, что Выговскій познакомился съ будущей своей женой въ Кіевѣ, гдѣ жилъ его отецъ и братъ Елены, монахъ. Ей было подъ тридцать, ему давно перевалило за сорокъ. Родня (Суходольская и кн. Любецкая) были недовольны этимъ бракомъ, какъ видно изъ жалобы въ завѣщаніи Елены, но писарь не обращалъ на это вниманія. Свадьба состоялась въ Кіевѣ, но молодая почти не показывалась въ Чигиринѣ при жизни Хмельницкаго: должно думать, что весь строй придворной жизни у гетмана приходился не по вкусу Еленѣ Выговской, воспитанной въ иныхъ понятіяхъ.

По смерти Богдана въ гетманы былъ избранъ сынъ его Юрій, посланный въ Кіевъ въ науку; до его совершеннолѣтія, дѣлами вѣдалъ Выговскій[1]), распоряжавшійся вполнѣ самостоятельно на Украинѣ и не допускавшій посторонняго вмѣшательства. Конечно, и при дворѣ въ Чигиринѣ наступили другія времена, получили перевѣсъ новые элементы, не игравшіе ранѣе видной роли. Къ новому направленію примкнуло немало

---

[1]) Грабянка, Лѣтопись, 157.

лицъ, приближенныхъ къ покойному гетману и стоявшихъ съ нимъ въ родствѣ. Елена Выговская, женщина простая и скромная, тѣмъ не менѣе имѣла большое вліяніе въ Чигиринѣ, уже благодаря своему положенію. Она явилась въ столицу въ сопровожденіи значительной придворной свиты, прислуги и родственниковъ. Въ авангардѣ кортежа ѣхала музыка и нѣсколько сотенъ лейбъ-гвардіи; далѣе, французская карета везла гетманшу и ея невѣстку, жену Юрія Стеткевича; затѣмъ придворныя дамы и дѣвицы въ богато убранныхъ колясках, разряженныя въ пухъ и прахъ, въ томъ числѣ Павловская, Подарицкая, Рудницая, Лговская и далекая родственница мужа, Выговская; замыкали шествіе многочисленные придворные слуги, между ними кондитеръ, пивничій и даже портной Васильковскій,—вѣроятно, гетманша заботилась о своемъ туалетѣ[1]). Все это великолѣпіе произвело сильное впечатлѣніе на горожанъ; ясно было, что доступъ въ „свѣтлицы" гетманши будетъ не такъ легокъ, какъ прежде, а когда убѣдились, что подъ гетманской крышей завелся необычный этикетъ, возникли нареканія и жалобы; впослѣдствіи оппозиція упрекала Выговскаго, между прочимъ, за то, что женился на шляхтянкѣ, „которая не желаетъ добра Украинѣ" [2]). Но въ началѣ все шло благополучно. Въ Чигиринъ потянулось множество сторонниковъ Выговскаго; естественно, что главныя мѣста заняли его родичи; Даніилъ и Константинъ получили полки; послѣднему досталась, по гадячскому договору, Лысянка, а Ѳедору Выговскому отданъ былъ въ собственность Стеблевъ[3]). Но и болѣе далекіе родственники не были забыты, всѣ они находили въ Чигиринѣ ласковый пріемъ, получали должности и средства къ жизни. Таковы: Василій Грегоровичъ, бывшій полковникъ овруцкій, владѣвшій Мотовиловкой подъ Кіевомъ, Юрій, двоюродный братъ гетмана, получившій полкъ, племянники Илья, Самуилъ и другіе, поступившіе въ придворную хоругвь. Казалось, весь Выговъ опустѣлъ и ушелъ въ степи Украины; даже старый Евстафій,

---

[1]) „Завѣщаніе Елены Выговской, воеводины кіевской", рукопись. Изъ собранія Владислава Гурскаго (въ Катюжанахъ под. губ.).

[2]) Костомаровъ, Истор. Мон.. II, 68.

[3]) Vol. leg., IV, 303.

во время ссоры сына съ московскимъ воеводою Шереметьевымъ, уѣхалъ для безопасности въ Чигиринъ.[1]) Такимъ образомъ, Выговскіе составлили тѣсный кружокъ при дворѣ, но не мало оставалось и прежней старшины, какъ напр., Тетеря, полковникъ переяславскій, Тимошъ Носачъ, обозный войска запорожскаго, нѣжинскій полковникъ Гуляницкій, кіевскій подкоморій и овруцкій староста Юрій Немиричъ. Особеннымъ вліяніемъ пользовался Тетеря, хотя между нимъ и Выговскимъ и возникали разногласія и неудовольствія по частнымъ дѣламъ. Быть можетъ, играло въ этомъ случаѣ роль и соперничество: Тетеря былъ въ числѣ кандидатовъ на гетманскую булаву. Кромѣ того, онъ былъ женатъ на сестрѣ гетмана, которая умерла бездѣтной въ 1657 г., и притязанія полковника на наслѣдство не были удовлетворены. Отсюда холодность, перешедшая въ ненависть и окончившаяся такъ трагически впослѣдствіи. Выговскій уже въ началѣ своей дѣятельности возстановилъ противъ себя людей сильныхъ и вліятельныхъ. Нарушенные частные интересы дали себя знать. Вотъ примѣръ. Хмельницкій оставилъ значительные капиталы, запрятанные въ разныхъ мѣстахъ. Только Выговскій зналъ секретъ, и тотчасъ же по вступленіи во власть употребилъ на нужды края милліонъ таллеровъ, спрятанныхъ въ подземельи Гадячскаго замка, чѣмъ возстановилъ противъ себя наслѣдниковъ Богдана, особенно Юрка, который считалъ эти деньги частною собственностью своего семейства. Точно также и Суботовъ принадлежалъ булавѣ, а дѣти покойнаго гетмана воображали себя владѣльцами, и Юрко жаловался, что „ему не хотѣли оставить даже несчастный Суботовъ“ [2]); а между тѣмъ Выговскій поступилъ совершенно правильно, взявъ это село для надобностей гетмана[3]). Разомъ съ гетманомъ явился въ Чигиринъ Ѳедосій, грекъ изъ Львова, великій фаворитъ Выговскаго, принятый при дворѣ, какъ близкій другъ и пріятель; гетманша отличала его предъ заслуженной козацкой старшиной, гетманъ держалъ съ нимъ долгія ночныя

---

[1]) Костомаровъ, Ист. Моногр. II, 142,

[2]) Пам. изд. К. К. Ш, 3, 424.

[3]) Vol. leg., IV, 303.

бесѣды, хранившіяся въ тайнѣ; явилось неудовольствіе, и пошли слухи, что грекъ этотъ дипломатическій агентъ и что онъ вліяетъ на судьбу Украины [1]). Неудовольствіе сообщилось даже испытаннымъ въ вѣрности чигиринскимъ сотнямъ, составлявшимъ гвардію Хмельницкаго. Выговскій сообразилъ въ чемъ дѣло, началъ реорганизовать ее, сократилъ, а для безопасности вошелъ въ соглашеніе съ татарскимъ мурзой Карамбеемъ: послѣдній за приличное вознагражденіе обязался держать наготовѣ подъ Чернымъ лѣсомъ соотвѣтственное татарское войско и расположился съ избранными отрядами въ Цибульникѣ, чтобы быть поближе къ Чигирину [2]). Но этого было мало для гетмана: онъ завелъ собственную артиллерію, учредилъ собственную хоругвь, въ которой назначилъ поручникомъ козака Степана Радлинскаго и хорунжимъ Алексѣя Вербовскаго, но большинство служащихъ были изъ шляхтичей, судя по именному списку, главнымъ образомъ, выходцы изъ Волыни, но встрѣчались и уроженцы собственно Рѣчи Посполитой. [3])

Постепенно гетманская столица измѣнилась до неузнаваемости, сутолока уменьшилась, гарнизонъ былъ сокращенъ, козацкой старшины осталось здѣсь мало, сношенія съ сосѣдними государствами прекратились. Въ началѣ еще гостилъ здѣсь бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, присланный для присяги на вѣрность изрѣдка появлялся каштелянъ Беневскій, старавшійся возстановить дружественныя отношенія съ Польшей, заглядывалъ иногда посланецъ Карамбея, но затѣмъ и они исчезли. Гетманша почти безвыѣздно проживала въ Суботовѣ, гдѣ могла пользоваться деревенской свободой и тишиной и отдохнуть отъ придворной толкотни и сутолоки, заведенной при Хмельницкомъ, который искалъ поддержки въ посполъствѣ. Суботовъ не только не потерялъ, но выигралъ при Выговской, сюда перебралось нѣсколько семействъ изъ козацкой старшины чтобы быть поближе къ гетманшѣ. Конечно, дочери Хмельниц-

[1]) Пам. изд. К. К., III, 3, 329.
[2]) Тамъ-же, III, 3, 325.
[3]) Архивъ Влад. Гурскаго: матеріалы для исторіи барскаго староства.

каго играли выдающуюся роль въ этомъ обществѣ, особенно Екатерина Выговская: женщина рѣшительная, но не во вкусѣ пьяныхъ козацкихъ свахъ, она иногда заступала мѣсто гетманши, молчаливой и застѣнчивой; отъ отца Екатерина унаслѣдовала находчивость, умѣнье поговорить, она лучше гетманши была знакома съ людьми и отношеніями. Что касается Елены Нечай, то она чувствовала себя чужой въ этомъ кругу, притязавшемъ на свѣтскій лоскъ, да и мужъ ея, отодвинутый на задній планъ, не игралъ политической роли и выполнялъ лишь приказанія гетмана. Кромѣ того, постоянными гостями въ Суботовѣ были: жена Константина Выговскаго, Раина, рожденная Мещеринова, жена обознаго Носача и жена войсковаго писаря Груши,—послѣдняя искренно привязалась къ гетманшѣ въ благодарность за сочувствіе и помощь въ несчастьи. Но Выговская имѣла при себѣ и близкихъ родныхъ, именно, семью Юрія Стеткевича, которая не оставляла ее до смерти. Юрій умеръ въ званіи сотника, и жена его осталась при гетманшѣ. Дочью Юрія Христина сдѣлалась фавориткой тетки и настоящимъ тираномъ въ домѣ, а сыну его Христофору гетманша записала уже при рожденіи имущество въ двѣ тысячи золотыхъ [1]). Елена также была матерью: единственный сынъ ея Евстафій родился въ началѣ 1657 г. и воспитывался у дѣдушки въ Кіевѣ; почему отецъ удалилъ ребенка отъ матери, трудно сказать, тѣмъ болѣе, что гетманъ жилъ съ женою въ мирѣ и согласіи. Но возвратимся въ Суботовъ. Здѣсь царила тишина, хозяйка не принимала участія въ общественныхъ дѣлахъ, довольствуясь своимъ женскимъ кружкомъ. Выпивка и угощенія вышли изъ моды, гетманъ почти вовсе не употреблялъ спиртнаго и уклонялся отъ вечеринокъ; если изъ Кіева пріѣзжалъ для отдыха Юрій, то проводилъ большую часть дня въ церкви, предаваясь молитвѣ и благочестивымъ размышленіямъ, и вообще обнаруживалъ склонность къ аскетизму; нервный, эпилептикъ, онъ избѣгалъ общества. Установившіеся въ домѣ гетмана порядки не остались безъ вліянія и на столицу гетманщины: прежняя рас-

---

[1]) Рукописное „Завѣщаніе Елены Выговской“.

пущенность и безстыдство если не исчезли вовсе, то, по крайней мѣрѣ, не проявлялись такъ публично; пьянство посократилось; женщины хотя и не отреклись отъ рюмки, но уже не показывались въ кабакахъ, по крайней мѣрѣ, тѣ, что принадлежали къ высшему слою. Всѣ эти перемѣны не пользовались популярностью, хотя и не лишены были хорошихъ сторонъ: простой народъ чувствовалъ и понималъ, что нарождается и пускаетъ корни новый строй, съ тѣмъ же ненавистнымъ паномъ во главѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Выговскій не годился для роли повелителя украинскаго посполольства, и сравненіе съ Богданомъ было для него невыгоднымъ. Онъ болѣе склоненъ былъ къ мирнымъ домашнимъ занятіямъ и не могъ импонировать ни отвагою, ни безпощадною суровостью. Нетрудно было предвидѣть трагическую развязку его карьеры. Въ защиту Выговскаго слѣдуетъ сказать, что и задача была неизмѣримой трудности: все брело врозь на Украинѣ, и зданіе, возведенное Хмельницкимъ, грозило конечнымъ разрушеніемъ. Вырисовывались двѣ враждебныя партіи, тянувшія одна къ востоку, другая—къ западу. Взаимной пощады не было: каждый норовилъ истребить противника, и въ результатѣ знаменитая „Руина", такъ краснорѣчиво описанная Костомаровымъ [1]). Но мы коснемся историческихъ событій эпохи лишь насколько это необходимо для нашей цѣли—обрисовать роль украинскихъ женщинъ въ это смутное время.

VI.

Женщины, осажденныя Юріемъ Хмельницкимъ въ Чигиринѣ, плѣнъ ихъ въ Суботовѣ. Судьба родственниковъ Выговскаго и дочерей его предмѣстника.

Собранная въ Переяславѣ козацкая старшина, преимущественно, лѣвобережная, уже въ январѣ 1659 г. объявила Юрія Хмельницкаго гетманомъ. Это было естественно, потому что

[1]) Истор. Мон., XV. Москва, 1882.

Выговскій первоначально былъ назначенъ замѣстителемъ несовершеннолѣтняго сына Богдана Хмельницкаго. Юрію теперь минуло 18 лѣтъ. Переяславская рада рѣшила не только лишить Выговскаго булавы, но и отослать „измѣнника Ивашку Выговскаго, съ женою и дѣтьми, къ царскому величеству, а также брата его Даніила и другихъ родственниковъ, находившихся на службѣ въ войскѣ запорожскомъ". На будущее время Выговскимъ воспрещено было не только оставаться при гетманѣ и на урядѣ, но и вообще служить въ казацкомъ войскѣ [1]). Такимъ образомъ Выговскіе были осуждены на изгнаніе и поставлены внѣ закона, т. е. лишены всякихъ гражданскихъ правъ на Украинѣ. Однако гетманъ не покорился. Лѣтомъ двинулся онъ за Днѣпръ, въ надеждѣ подчинить лѣвобережную Украину, но не имѣлъ успѣха. Сторонниковъ не нашелъ, а число враговъ возрастало съ каждымъ днемъ. Поэтому Выговскій возвратился въ Чигиринъ, поручивъ брату своему Даніилу справляться съ враждебнымъ движеніемъ. Неудача слѣдовала за неудачей, и Даніилъ съ трудомъ спасъ жизнь. Слѣдовало ожидать нападенія. Гетманъ занялся укрѣпленіемъ Чигирина, тѣмъ болѣе, что кошевой атаманъ Брюховецкій объявилъ о своемъ намѣреніи явиться въ столицѣ. Какая-то фальшивая тревога испугала Выговскаго, который тайно ушелъ изъ города „въ одномъ сукманѣ и на одномъ конѣ", оставивъ женщинъ на произволъ судьбы [2]). Онъ искалъ защиты у коронна го обознаго Андрея Потоцкаго въ Бѣлой Церкви. Трудно сказать, почему гетманша не ушла съ мужемъ изъ Чигирина, а жена Даніила Выговскаго осталась беззащитною въ Смѣлѣ, тогда какъ мужъ ея очутился тоже у Андрея Потоцкаго. Какъ бы то ни было, женщинамъ приходилось теперь думать о самозащитѣ и готовиться къ осадѣ въ слабо укрѣпленныхъ замкахъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Положеніе Чигирина было, впрочемъ, болѣе выгоднымъ: по словамъ Ерлича, тамъ находилось до 600 пушекъ разнаго рода, 400 бочекъ пороху и четыре сотни гарнизона изъ поля-

[1]) Лѣт. Величка, I, 415 и 416.

[2]) Пам. изд. К. К., III, 3, 395 и 400.

ковъ и нѣмцевъ [1]). Кромѣ придворнаго женскаго штата, при гетманшѣ оставались Грушова, искренняя пріятельница, и братъ Юрій. Далеко въ худшемъ положеніи была старшая дочь Хмельницкаго, его любимица: ея домъ въ Смѣлѣ защищался землянымъ валомъ, частоколомъ и нѣсколькими старыми пушками, годными развѣ для украшенія; въ качествѣ врага выступалъ родной братъ во главѣ отрядовъ, которые нѣкогда отецъ ея водилъ въ бой,—трагическая иронія судьбы! Опасность была тѣмъ грознѣе, что повсюду толковали о Богдановыхъ сокровищахъ, спрятанныхъ въ замкахъ,—слѣдовало ожидать грабежа. Невольно является вопросъ, что же дѣлали мужья, чтобы освободить своихъ женъ. Гетманъ видимо палъ духомъ, переяславская рада испугала его, и онъ ограничивался разсылкою слезливыхъ посланій. Даніилъ дѣйствовалъ по рыцарски: онъ требовалъ военной помощи у союзниковъ, рвался на помощь Чигирину и Смѣлѣ [2]), которые были окружены враждебнымъ населеніемъ. Выговскій, послѣ всѣхъ неудачъ, рѣшилъ отречься отъ гетманства. Отъ его имени Даніилъ въ октябрѣ 1659 г. вручилъ посламъ Юрія Хмельницкаго булаву и прочіе знаки власти. Актъ отреченія состоялся въ Рудкахъ подъ Бѣлою Церковью. Въ числѣ условій было освобожденіе гетманши и всѣхъ вообще лицъ, оставленныхъ гетманомъ въ чигиринскомъ замкѣ. Юрій обѣщалъ доставить въ Котельню Елену Выговскую со всѣмъ дворомъ, и поручилъ это Самуилу Зародному, Грыцьку Миргородскому и Джамечку, младшему обозному. Но раньше ихъ появился подъ Чигириномъ Брюховецкій съ сичевиками, въ качествѣ авангарда Сирка. Онъ пробовалъ взять замокъ, но штурмъ не удался, и черезъ нѣсколько дней пришлось оставить затѣю. Выговскій думалъ воспользоваться этимъ промежуткомъ, чтобы поспѣшить на помощь женщинамъ, писалъ къ королю, прося его защиты и покровительства женѣ и сыну Евстафію, если онъ самъ погибнетъ [3]). Но планъ не осуществился, войска не хватало, а идти подъ Чигиринъ съ малыми силами было

[1]) Лѣтопись, II, 37.

[2]) Пам. изд. К. К., III, 3 338.

[3]) Тамъ же, III, 3, 380, 382, 389.

слишкомъ опасно. Печальная участь, постигшая Даніила Выговскаго, доказываетъ всю основательность опасеній бывшаго гетмана, возведеннаго теперь уже въ санъ воеводы кіевскаго, слѣд. сенатора Рѣчи Посполитой. Съ горстью смѣльчаковъ Даніилъ двинулся къ Смѣлѣ, которая была осаждена казаками, въ то время какъ Юрій Хмельницкій шелъ къ Чигирину съ Сиркомъ. Несчастный попалъ въ руки враговъ. По однимъ извѣстіямъ, захватилъ его Юрій недалеко отъ Чигирина, по другимъ—корсунскій полковникъ Петренко подъ Лысянкой. Отправленный въ Москву, Даніилъ умеръ 30 ноября, не доѣзжая Калуги, какъ кажется, вслѣдствіе жестокихъ пытокъ [1]). Тѣло было возвращено семейству. Царь Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ новому гетману отъ 10 декабря выразилъ соболѣзнованіе по поводу смерти гетманскаго родственника. Въ то время, какъ Даніилъ попался въ плѣнъ, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко взялъ штурмомъ замокъ, въ которомъ находилась его жена. Странное совпаденіе: побѣдитель былъ младшимъ братомъ ея мачихи, третьей жены Богдана Хмельницкаго. Однако, Золотаренко не издѣвался надъ беззащитной женщиной, ограничившись лишь грабежемъ замка. Жена Даніила была отправлена съ конвоемъ въ Суботовъ. Вдовѣ отдали тѣло мужа, которое она похоронила въ мѣстной церкви, подлѣ праха отца и брата.

Теперь очередь была за Чигириномъ. Юрій съ сичевиками и лѣвобережной вольницей козацкой осадилъ резиденцію своего отца, предлагалъ сдаться безъ всякихъ условій и, получивъ отказъ, штурмовалъ замокъ. Неизвѣстно, кто былъ начальникомъ осажденнаго гарнизона; артиллеріей и нѣмецкой пѣхотой завѣдывалъ Даніилъ Оливемберкъ, но главныя распоряженія давала сама гетманша, которая все надѣялась на скорую помощь отъ мужа и внушала эту надежду осажденнымъ. Сопротивленіе было отчаянное, въ теченіе недѣли приступы не имѣли успѣха, но наконецъ энергія ослабѣла, и гетманша рѣшила сдаться. Гарнизонъ былъ присоединенъ къ войску союзниковъ и отправленъ

[1]) Лѣтопись Ерлича, II, 37, 38. Соловьева, Ист. Росс., XI, пр. 21.

на востокъ, не смотря на протесты, артиллерія досталась запорожскому войску, частное имущество было разграблено,—Юрій равнодушно смотрѣлъ на похищеніе собранныхъ его отцомъ драгоцѣнностей,—а бывшая гетманша со всѣмъ дворомъ отправлена въ Суботовъ, впредь до рѣшенія ея участи [1]). За Выговскую хлопотали обозный коронный Андрей Потоцкій и волынскій каштелянъ Беневскій. Послѣдній упрекалъ Юрія за то, что онъ воюетъ съ бабами и ведетъ свое храброе войско запорожское противъ ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ. Юрій оскорбился и отвѣчалъ энергическимъ протестомъ: „не Выговскую добывали, а чигиринскій замокъ и иноземныхъ солдатъ, и не все войско добывало, а только охотники" [2]). Плѣнницамъ пришлось пробыть въ Суботовѣ почти годъ; лишь въ октябрѣ 1660 г. Выговской разрѣшено было уѣхать со всѣми другими находившимися при ней женщинами и добромъ. Въ Суботовѣ же оставалась и Катерина Выговская, дочь Богдана, которая была отпущена братомъ на волю еще раньше, но не имѣла другого пристанища, такъ какъ домъ въ Смѣлѣ сдѣлался жертвой пламени. Случаю угодно было, чтобы овдовѣвшій два года тому назадъ Тетеря прибылъ въ Чигиринъ съ Беневскимъ для занятія должности войсковаго писаря. Въ Суботовѣ онъ встрѣтился со вдовой, которая собиралась въ трудную дорогу. Поѣздка откладывалась со дня на день по разнымъ причинамъ. Тѣмъ временемъ наступило сближеніе между Тетерей и Катериной, и въ концѣ 1660 г. они обвѣнчались съ согласія гетмана въ Суботовѣ при самой скромной обстановкѣ. Юрій назначилъ имъ Суботовъ временной резиденціей.

Другая участь ожидала младшую ея сестру, жену полковника Ивана Нечая, сторонника Выговскаго. Онъ погибъ при осадѣ Быхова 4 декабря 1659 г.; по мнѣнію Беневскаго, Нечай попалъ въ плѣнъ и умеръ отъ пытокъ. Соловьевъ прибавляетъ, что когда тѣло мужа доставили женѣ, она умерла внезапно отъ горя [3]). Другіе источники говорятъ, что Иванъ былъ

---

[1]) Лѣт. Ерлича, II, 33.—Лѣт. Самовидца 256.

[2]) Пам. изд. К. К., III, 3, 430.

[3]) Ист. Рос., XI, 21.

взять въ плѣнъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Юріемъ и что обоихъ плѣнниковъ отправили въ Тобольскъ, куда прибыли въ концѣ февраля 1660 г. и гдѣ ихъ держали вдали „отъ польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей“ [1]). Какъ бы то ни было, съ той поры нѣтъ никакихъ извѣстій о Еленѣ. Она исчезла со сцены незамѣтно, какъ незамѣтно протекла и ея жизнь. Повидимому, она не стремилась играть видную роль, по примѣру старшей сестры.

Такъ же печально окончили и другіе члены рода Выговскихъ. Овруцкій полковникъ Василій, дядя гетмана, попалъ въ плѣнъ при стычкѣ подъ Васильковымъ и отправленъ въ ссылку; такая же участь постигла Юрія, двоюроднаго брата гетмана, и Илью, племянника. Товарищами ихъ въ этомъ вынужденномъ путешествіи были маіоръ Жумиръ, Стефанъ Гавратынскій, Янъ Душинскій и Василій Ластко [2]).

Съ той поры чигиринская резиденція, благодаря безпрестаннымъ военнымъ замѣшательствамъ, утратила прежній блескъ и обращена была въ оборонительный пунктъ, почти недоступный для женщинъ. Послѣ устраненія Юрія, а затѣмъ Тетери, правильный переходъ власти въ правобережной Украинѣ прерывается, фактически оставаясь въ рукахъ того или другаго начальника войска. Съ уходомъ войска изъ города, онъ остается беззащитнымъ, впредь до появленія новаго полковника, который, разграбивъ поселеніе и забравъ ясырь, уходилъ дальше для такихъ же подвиговъ. Измученное вѣчными тревогами и грабежами населеніе безъ сожалѣнія покидаетъ насиженныя гнѣзда, чтобы искать гдѣ-нибудь подальше болѣе удобныхъ условій для существованія. Неудивительно, если при такихъ обстоятельствахъ украинскія женщины грубѣли, дичали и усваивали разныя непривлекательныя свойства, о которыхъ находимъ недвусмысленныя извѣстія въ современныхъ источникахъ.

---

[1]) Кіев. Стар., 1890. I, стр. 35 и сл.

[2]) Тамъ же, стр. 37—16.

VII.

Изъ казака—сенаторъ, трагическая участь его; послѣдняя воля Елены Выговской.—Судьба семейства Хмельницкаго.

Лишившись гетманской булавы, Иванъ Выговскій былъ назначенъ сенаторомъ Рѣчи Посполитой и получилъ два староства—Любомль въ Холмской землѣ и Баръ въ Подольскомъ воеводствѣ [1]). Въ первомъ числилось 25 поселеній и до 200 тысячъ морговъ земли, во второмъ—до 80 поселеній и 35,5 квадратныхъ миль земли [2]). Баръ представлялъ собою довольно порядочную крѣпость, куда тянулъ разноплеменный торговый людъ. Все это приносило кіевскому воеводѣ немалые доходы, несмотря на то, что значительная часть земель лежала впустѣ, а поселенцы жили на слободахъ, т. е. пользовались на извѣстный срокъ разными льготами отъ платежей. По нѣкоторымъ даннымъ, Выговскому принадлежалъ пожизненно и Браиловъ въ воеводствѣ брацлавскомъ [3]). Мало того: жена принесла Выговскому приданое въ 12.000 золотыхъ и сто волокъ земли въ Восколобовѣ подъ Оршей; впослѣдствіи супруги выкупили у сонаслѣдниковъ еще сто волокъ. Но наиболѣе обезпеченнымъ отъ разныхъ тревогъ и нападеній было имѣніе въ львовской землѣ близъ Жидачева: Руда на Стрыѣ, Волица и Кохавина. Выговскіе устроились въ Рудѣ, отдѣлавъ заново и приспособивъ старый домъ [4]). Теперь, казалось бы, можно было отдохнуть отъ всѣхъ передрягъ, но Выговскому трудно было отказаться отъ участія въ украинскихъ дѣлахъ и его тянуло въ Баръ, чтобы быть поближе къ аренѣ борьбы. На Украинѣ произошли большія перемѣны: въ январѣ 1663 г. Юрій Хмельницкій постригся въ монахи и его мѣсто вскорѣ занялъ Тетеря. Усилія его замирить край не имѣли успѣха, да едва имѣлъ бы успѣхъ и человѣкъ болѣе сильный и вліятельный. Власть приходилось

---

1) Vol. leg. IV, 302.

2) Jabłonowski, Żródła dziejowe, XIX, 91.

3) Арх. Ю. З. Р., VI, 1, приб. томъ, 6, 68.

4) Завѣщаніе Елены Выговской, рукопись

отстаивать саблей, и гетманъ даже не имѣлъ постоянной резиденціи, такъ что жена его находилась постоянно въ обозѣ, а имущество было отправлено подъ надежную охрану въ Брацлавъ. Неудачи свои Тетеря приписывалъ врагамъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто было отведено Выговскому. Ближайшимъ поводомъ къ враждѣ было несогласіе относительно наслѣдованія въ имуществѣ бездѣтной Катерины Хмельницкой, по первому мужу невѣстки Ивана Выговскаго, который считалъ, что часть имѣнія Даніила Выговскаго должна отойти роду Выговскихъ; второй мужъ Катерины Тетеря держался другого мнѣнія и все наслѣдство Даніила захватилъ въ свои руки нераздѣльно. Кромѣ того, съ поступленіемъ Юрія Хмельницкаго въ монахи, всѣ его наслѣдственныя права переходили къ Екатеринѣ. Выговскій заявилъ притязанія на часть наслѣдства, но получилъ отказъ и грозилъ обратиться къ суду [1]). Гетманъ всячески старался погубить противника и распускалъ про него разные слухи о честолюбивыхъ замыслахъ, воспользовавшись тѣмъ, что Выговскій переселился въ Баръ, который былъ укрѣпленъ и снабженъ гарнизономъ. Замокъ былъ тѣсенъ, и семья воеводы съ трудомъ помѣщалась тамъ, пришлось сократить женскій персоналъ; изъ болѣе близкихъ лицъ оставались лишь жена Константина Выговскаго Раина, рожденная Мещерипова, добивавшаяся получить обратно Лысянку, дочь Михаила Стеткевича, кіево-печерскаго монаха, взятая теткой на воспитаніе, и Юрій Стеткевичъ съ женой, исполнявшій обязанности коменданта Бара. Въ замокъ потянулись владѣльцы старостинскихъ земель и мелкіе собственники, такъ или иначе связанные съ Выговскимъ. Все это просило о подтвержденіи правъ и выдачѣ актовъ на владѣніе, но положеніе бывшаго гетмана, повидимому, оказывалось затруднительнымъ и непрочнымъ, такъ какъ утвержденъ былъ лишь одинъ актъ этого рода. Нерѣшительный образъ дѣйствій кіевскаго воеводы толковали въ дурную для него сторону. Уже въ февралѣ 1662 г. вел. гетманъ коронный Станиславъ Потоцкій писалъ королю, что Выговскій старается возвратить

---

[1]) Костомаровъ, Руина, 44.—Panowanie Jana Kazimierza, II, 275.

себѣ гетманство, отъ котораго добровольно отказался ранѣе [1]). Тетеря не переставалъ волновать умы разными страхами и все зло приписывалъ вліянію Выговскаго: „Баръ всему виною", объявлялъ онъ [2]). Между тѣмъ, волненія среди правобережныхъ козаковъ возникли вновь какъ разъ ко времени похода короля за Днѣпръ, и имя Выговскаго служило знаменемъ для недовольныхъ. Вотъ что писалъ современникъ: „Въ томъ же 1664 г. Иванъ Сирко, кошевой, двинулся изъ Запорожья и съ нимъ козаковъ немало, какъ кажется, по проискамъ Ивана Выговскаго, бывшаго гетмана, и нѣкоего Сулимки (полковника), который собравъ много голоты въ Уманщинѣ, оставилъ Сирка и самъ взялъ Лысянку, Ставище и двинулся къ Бѣлой Церкви, чтобы соединиться съ Выговскимъ; но Чарнецкій съ Маховскимъ не допустили этого, разгромили Сулимку подъ Бѣлой Церковью, гдѣ и самъ Сулимка погибъ" [3]). Движеніе это застало Тетерю въ располохъ, онъ не въ состояніи былъ удержаться въ Чигиринѣ и искалъ съ женой убѣжища въ польскомъ обозѣ, а тѣмъ временемъ низовцы разорили брацлавское староство и самый замокъ ограбили; добыча была распредѣлена Сиркомъ въ Умани. Тогда то пущено было присловье, приписанное Выговскому: „продамъ Баръ и Руду, та заграю ляхамъ въ дуду" [4]). На несчастье воеводы, товарищемъ Тетери былъ полковникъ Себастіанъ Маховскій, которому было дано королемъ порученіе безпощадно усмирять волненія въ краѣ. Одичалый Маховскій не стѣснялся въ средствахъ и отличался крайнею жестокостью. Для него не составляло большого труда согласиться на предложеніе Тетери—покончить съ бунтовщикомъ. Между тѣмъ, мнимый бунтовщикъ испугался послѣдствій движенія Сулимы и универсаломъ изъ Фастова отъ 1 марта протестовалъ противъ подозрѣній [5]). Вслѣдъ затѣмъ Выговскій поспѣшилъ въ Бѣлую Церковь для соглашенія съ Маховскимъ, но не засталъ послѣд-

---

[1]) Пам. изд. К. К., IV, 3, 115.

[2]) Тамъ же, 317.

[3]) Лѣтопись Самовидца, 84.

[4]) Darowski, Przysłowia polskie. Poznań. 1874, стр. 116.

[5]) Пам. изд. К. К., IV, 3, 395, 405.

няго; въ Рокитной тоже не оказалось полковника, который просилъ Выговскаго пріѣхать для переговоровъ въ Корсунь. Выговскій согласился, не подозрѣвая измѣны. Въ Корсунѣ оказался и Тетеря. Бывшаго гетмана немедленно судили и приговорили его къ разстрѣлянію. Приговоръ былъ исполненъ раннимъ утромъ 9 марта, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Осужденному не дали даже времени исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ [1]).

По словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, жена воеводы, узнавъ о трагической смерти мужа, умерла съ отчаянія. Но это не такъ. Извѣстіе о погибели мужа она получила въ слабо вооруженномъ пограничномъ замкѣ. Среди приближенныхъ лицъ началась паника,—всѣхъ страшно поразила казнь воеводы,—событіе безпримѣрное въ современной Польшѣ. Темная шляхта сидѣвшая на старостинскихъ земляхъ, не прочь была воспользоваться удобнымъ моментомъ для грабежа. Только братъ Елены Выговской Юрій не потерялъ головы; онъ отправилъ женщинъ и дѣтей въ безопасное мѣсто, остался въ замкѣ съ больной сестрой и лишь черезъ нѣсколько дней они скрылись оттуда. Первое время пришлось укрываться къ барскихъ лѣсахъ, весна была холодная и дождливая, дороги трудныя. Вдова съ благодарностью вспоминала впослѣдствіи объ услугахъ брата во время этого бѣгства изъ Бара въ Руду. Здоровье Елены было подорвано въ конецъ, однако ей удалось послѣ долгихъ усилій получить тѣло мужа, которое и было похоронено въ скитѣ около Руды Гниздычевской, въ склепѣ Крестовоздвиженской церкви. Затѣмъ оставалось распорядиться имуществомъ. Завѣщаніе Елены представляетъ документъ въ своемъ родѣ замѣчательный: не былъ забытъ самый незначительный слуга или отдаленный родственникъ, и только объединственномъ сынѣ не упомянуто ни словомъ. Евстафій находился въ то время у Константина Выговскаго, которому былъ отданъ въ опеку отцомъ. Завѣщаніе начинается исповѣданіемъ вѣры, затѣмъ слѣдуетъ просьба похоронить ее рядомъ съ дорогимъ супругомъ". На поминальныя службы завѣщано игумену 1000 золотыхъ, на погребеніе 3000

---

[1]) Hist. pan. Jana Kazimierza, II, 227. —Ерличъ, Лѣт., II, 89. Костомаровъ, Руина, 50.

золотыхъ, на госпитали для бѣдныхъ и нищихъ 140 золотыхъ изъ доходовъ Руднянскаго имѣнія. За счетъ имѣнія подъ Оршей завѣщано монастырю 500 зол., 2800 зол. женской прислугѣ и далекимъ родственникамъ; 200 волокъ земли оставлено брату, подкоморью брацлавскому. Приданное въ 12.000 зол., драгоцѣнности и другое домашнее имущество распредѣлены между ближайшими родственниками. Епископу львовскому за его услуги Елена завѣщала французскую карету, выѣздъ и рыдванъ „чтобы не забывалъ меня въ своихъ молитвахъ". Умерла Елена въ маѣ или іюнѣ 1664 г., потому что въ іюлѣ завѣщаніе было уже внесено въ жидачевскую гродскую книгу.

Въ началѣ 1665 г. Тетеря удалился въ Варшаву и перемѣнилъ имя. Жена его уже въ 1668 г. не была въ живыхъ, какъ видно изъ завѣщанія бывшаго гетмана [1]) Дѣтей у нихъ не было, и накопленныя богатства перешли въ боковую линію. Тетеря къ концу жизни впалъ въ слабоуміе, отдался благочестію и думалъ о поступленіи въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей, но, наконецъ, отправился въ св. землю и умеръ въ Адріанополѣ, какъ кажется, въ 1670 г.

Юрій Хмельницкій не остался въ Кіевѣ. Онъ устроилъ скитъ въ Смѣлѣ и пригласилъ сюда нѣсколько монаховъ. Лишь съ сестрой не прерывалъ онъ сношеній и нерѣдко навѣщалъ ее въ Городищѣ; во время одной изъ поѣздокъ туда въ 1664 г. онъ былъ задержанъ по подозрѣнію въ связяхъ съ козачествомъ. Освобожденный нѣсколько лѣтъ спустя, онъ вновь выступилъ на историческую арену, сдѣлался сарматскимъ княземъ, по соизволенію падишаха, и по его же приказанію былъ задушенъ около 1680 г. Онъ былъ послѣднимъ представителемъ рода Хмельницкихъ.

Н. М.

---

[1]) Swięcki, Historzyczne pamiętki, II, 482 (примѣч. Бартошевича).

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОБОЗНЫЙ
ВАСИЛІЙ КАСПАРОВИЧЪ БОРКОВСКІЙ.

р. 1640 + 1702 г.

(Къ портрету).

О происхожденіи Борковскихъ въ ихъ „родословіи“ говорится, что они „въ польской рѣчи посполитой знатные шляхетскіе чины имѣли и отъ многихъ прошедшихъ вѣковъ владѣли въ разныхъ воеводствахъ добрами“ (имѣніями). Одинъ изъ этихъ Борковскихъ, по имени Каспаръ, (слѣд.—католикъ), переселился въ перв. полов. XVII в. въ лѣвобережную Малороссію и здѣсь, въ Черниговскомъ полку, основалъ с. Борковку; но „въ бывшее за гетмана Богдана Хмельницкаго на польское шляхетство нападеніе“ Каспаръ Борковскій былъ убитъ; убиты были также жена и дочь Каспара, бѣжавшія въ Нѣжинъ, гдѣ на мѣстѣ ихъ убіенія поставленъ былъ—де каменный столпъ, говоритъ тоже „родословіе“, причемъ столпъ этотъ былъ будто бы цѣлъ еще и въ к. XVIII [1]). Сынъ Каспара Василій, по словамъ „родословія“, „бывшій тогда малолѣтнимъ, лишь случайно остался въ живыхъ“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что у Каспара Борковскаго былъ и другой сынъ, Юрій, который также остался въ живыхъ. Оба эти Борковскіе остались въ лѣвобережной Малороссіи и, выросши, начали служить „войску запорожскому“, причемъ, конечно, были уже православными. Василія Б—аго въ первый разъ въ актахъ встрѣчаемъ въ 1668 г., когда онъ, будучи выбельскимъ сотникомъ,

---

[1]) Другія *преданія* о происхожденія Борковскихъ и наименованіи ихъ Дуниными (отъ слова дунчикъ—датчанинъ) см. въ брошюрѣ гр. Г. А. Милорадовича „Малороссійское дворянство“. (Черниговъ. 1890. 4 д., стр. 18—25.

получилъ въ сентябрѣ отъ Дорошенка универсалъ на село Борковку, „маетность подлежащую ему отчистымъ правомъ“ [1]). Та же Борковка подтверждена въ мартѣ 1669 г. Многогрѣшнымъ „войсковому товарищу Юрію Борковскому“, [2]) вѣроятно, на томъ основаніи, что у Василія, какъ сотника, были маетности и кромѣ Борковки.—Выбельскимъ сотникомъ Василій Б—ій оставался до низложенія Многогрѣшнаго. Въ это время черниговскимъ полковникомъ былъ братъ послѣдняго, Василій Многогрѣшный, который лишенъ былъ полковничества за родство съ гетманомъ и, какъ и гетманъ, сосланъ въ Сибирь. Б—ій принималъ, повидимому, немалое участіе въ низложеніи Многогрѣшныхъ и за это поставленъ былъ черниговскимъ полковникомъ [3]). Поставленіе это сдѣлано было новымъ гетманомъ, Самойловичемъ, который, какъ бывшій тоже черниговскимъ полковникомъ, хорошо зналъ Б—аго и, какъ видно, цѣнилъ его, потому что чрезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія Самойловичъ, даетъ (28 іюня) Б—му рядъ маетностей: сёла Ав-

[1]) Въ нач. XVIII в. крестьяне с. Борковки жаловались на „приверненіе“ ихъ Василіемъ Борковскимъ изъ козачества въ посполъство, при чемъ одинъ изъ жалобщиковъ Фесько Смѣянъ, между прочимъ, разсказывалъ, что „предъ чигиринскимъ походомъ (1674 г.). Радько атаманомъ бувъ въ Бурковцѣ надъ козаками; а когда же покойній п. Бурковскій, зостаючи сотникомъ выбельскимъ, увѣдомился о томъ, же есть листы ихъ отческіе у Сипка, осадчого, на с. Бурворку, того ради прибувши п. Бурковскій до нихъ, тіе писма отъ нихъ отобралъ и того часу осадчому войтомъ приказалъ бути, а Радько атаманъ, собравшись съ козаками, тихъ же временъ, пану Бурковскому въ подданство привернулся, и зостали посполитими, а сихъ козаковъ (жалобщиковъ) дѣды и отцы ихъ, якіе въ первомъ пунктѣ написани, не похотѣли въ подданство привернутися и о томъ челобитствовали и до гетмана на п. Бурковского, а по челобитю томъ служили боярско п. Борковскому, а напотомъ въ посполитство привернени...“ Арх. Ген. Канц., № 330. Изъ этого разсказа видно, что основанная Каспаромъ Б—имъ слобода, во время войнъ Хмельницкаго, разошлась, какъ и многія другія, а потомъ, когда лѣвобережная Малороссія успокоилась,—вновь была „осажена“, на основаніи „листовъ“ черниговскихъ полковниковъ, при чемъ новое поселеніе Борковки, какъ видно, написалось въ козаки. Но В. Борковскій, получивъ въ 1668 г. отъ Дорошенка универсалъ, прежде всего отобралъ у „осадчаго“ тѣ полковничьи „листы“, которыми населеніе Борковки защищаюсь отъ „панскаго начала“ а потомъ, силою старшинской власти, „привернулъ“ тамошнихъ козаковъ „въ подданство“.

[2]) Подлинный универсалъ въ нашей б—кѣ.

[3]) А. Ю. З. Р., IX, 850.

дѣевку, Казиловку и Холмы, въ сотнѣ понорницкой, д. Бобровицу—подъ Черниговомъ и „отчистую маетность въ сотнѣ березинской—село Борковку". Маетности эти даны были, какъ говорилось въ универсалѣ, за то, что Василій Б—ій „зъ дитинних лѣтъ при одвазѣ и ущербіи здоровя своего, вѣкъ свой приводячи, яко зичливый и вѣрный цѣлости добра посполитого и отчизны сынъ, въ очахъ всего войска запорожского, съ разными непріятелями немало навалныхъ и прикрыхъ отправлялъ экспедицій"... Здѣсь Б—му приписаны заслуги, видимо, преувеличенныя, такъ какъ они могли быть имъ понесены лишь на сотничьемъ его урядѣ... Очевидно, что Самойловичъ награждалъ новаго черниговскаго полковника не за бывшія его заслуги въ военныхъ „экспедиціяхъ", а за будущія, желая имѣть въ Б—омъ вѣрнаго сторонника...

Б—ій оставался черниговскимъ полковникомъ до 1686 г., когда поставленъ былъ генеральнымъ обознымъ, на мѣсто свата своего Петра Забѣлы, который долженъ былъ оставить этотъ урядъ по глубокой старости. Когда на походѣ въ Крымъ, въ августѣ 1687 г., старшина рѣшила низложить Самойловича, то, по преданію (Бант.—Кам.) Голицынъ предлагалъ гетманство Б—му, требуя за это десять тысячъ рублей, но скупой обозный отказался. Выбранъ былъ Мазепа, подкупивъ, какъ говоритъ тоже преданіе, Голицына деньгами, взятыми у Борковскаго. Такъ ли это было или нѣтъ, но черезъ два мѣсяца послѣ своего избранія, Мазепа прибавилъ Б—ому къ прежнимъ маетностямъ еще три: Орловку при р. Убеди, Брусиловъ при р. Снови и Тупичевъ—около г. Городни, а въ 1691 г. далъ еще с. Шабалтасовку, около м. Понорницы. Съ такими маетностями Б—ій сталъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи.

Генеральнымъ обознымъ Б—ій оставался до самой смерти. Умеръ онъ въ 1702 г., оставивъ вдову и, кромѣ нѣсколькихъ выданныхъ замужъ дочерей [1]), двухъ сыновей—Михаила и Андрея.

---

[1]) Въ брошюрѣ гр. Милорадовича указывается, что одна изъ дочерей Б—аго, Елизавета, была-де замужемъ за графомъ Войцехомъ Коссаковскимъ, но подтвержденія этого свѣдѣнія мы въ историческихъ актахъ не встрѣчали: вѣроятно, оно записано по одному преданію...

Мазепа не любилъ Б—аго; Кочубей (генер. судья) разсказываетъ, что когда Б—ій умеръ, „а зосталась по немъ жена и сынове его двое въ малыхъ лѣтахъ, то гетманъ заразъ (сейчасъ) немалое числомъ людей у ей, Борковской, отнялъ [1]), а другую маетность, мѣстечко (Орловку), якое на урядъ обозничества належало, тое немало тогожъ дни, якъ умеръ небожчикъ, на гетманскій дворъ отобрано“ [2]). Нелюбилъ Б—аго Мазепа, вѣроятно, за его богатство и скупость, потому что былъ завистливъ и стяжателенъ. Не любилъ Б—аго и народъ—за его жестокость къ своимъ „подданнымъ“. Нелюбовь народа къ Б—ому свидѣтельствуется тѣмъ черниговскимъ преданіемъ объ этомъ богачѣ, которое записалъ историкъ Маркевичъ [3]). Преданіе это называетъ Б—аго *„упыремъ“*; „упырь этотъ былъ-де злой человѣкъ: ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, насиловалъ дочерей и женъ крестьянъ своихъ, самихъ крестьянъ одѣвалъ въ медвѣжьи шкуры и травилъ меделянами. Когда упырь умеръ, его похоронили въ Троицкомъ монастырѣ, а на другой день увидѣли, что онъ ѣдетъ на шестеркѣ вороныхъ по Красному мосту (въ Черниговѣ, черезъ рч. Стрижень), кучеръ, форейторъ, лакей и три собесѣдника были—черти. Вслѣдствіе разнесшейся объ этомъ явленіи по Чернигову молвѣ, надъ умершимъ провозглашено было проклятіе, послѣ чего упырь со всѣмъ своимъ поѣздомъ провалился въ Стрижень; а когда послѣ этого открыли гробъ, то нашли въ немъ упыря красно-синимъ, съ открытыми глазами; тогда его пробили осиновымъ коломъ“... Вся эта легенда, по разсказу Маркевича, изображена была масляными красками на стѣнахъ собора Троицкаго монастыря и закрасили-де эту картину только въ началѣ этого столѣтія... Несомнѣнно, что разсказъ о картинѣ измышленъ фантазіей какого-нибудь „любителя старины“, а историкъ легко

---

[1]) Кочубей говоритъ здѣсь, конечно, объ Авдѣевкѣ, которую отнявши, Мазепа отдалъ Д. Апостолу. Кромѣ Авдѣевки Мазепа отобралъ у вдовы Б—аго еще и с. Казиловку.

[2]) Чтенія въ Моск. Общ. Истор. 1858 г., I, 109.

[3]) Обычаи, повѣрья и проч. малороссіянъ, Н. Маркевича. Кіевъ. 1860. 8 д. Стр. 79.

повѣрилъ этому вымыслу. Начать съ того, что Б—ій погребенъ не въ Троицкомъ, а въ Елецкомъ монастырѣ, въ возобновленіи котораго онъ ревностно помогалъ тогдашнему архимандриту Голятовскому, почему назывался и ктиторомъ этого монастыря [1]). Слѣдовательно, нужно думать, что Маркевичу сообщали объ уничтоженномъ изображеніи похожденій упыря на стѣнахъ не Троицкаго (Ильинскаго), а Елецкаго монастыря; но и тутъ такого изображенія, конечно, не существовало, такъ какъ обитель не дозволила бы такого поруганія надъ памятью одного изъ ревностныхъ своихъ ктиторовъ, котораго портретъ висѣлъ тутъ-же, въ Успенскомъ храмѣ, надъ его могилою, вмѣстѣ съ „надгробкомъ", прославлявшимъ заслуги умершаго предъ обителью. „Надгробокъ" Б—аго гласитъ слѣдующее:

Въ годъ Господень тысящный и семсотный вторій,
Отъ временной сей жизни въ небесніе двори,
Марта дня четвертого духомъ преселися,
А здѣ въ храмѣ Успенскомъ тѣломъ положися
Панъ Василій Борковскій, отъ Дунѣновъ дому,
Лѣтъ шестдесятъ двѣ поживъ не себѣ самому,
Но Богу, царемъ и всей россійской отчизни—
Вѣрний билъ синъ и слуга, ввесь вѣкъ своей жизни.
Годовъ пятнадесять полкъ чернѣговскій правилъ,
По семъ Богъ енералнимъ обознимъ прославилъ,
Лѣтъ шестнадесять славою пребысть на той чести,
Всегда царемъ и вождямъ служаше безъ лести.
Первій бѣ по гетману праведно славимий,
Всимъ бо бяше любезенъ дѣлами своими,
Церкви и обители усердно любляше,
Благолѣпіе оныхъ везде разширяше.
Церковь соборна чрезъ брань бяше опустѣла,
Его тщаніемъ вскорѣ сотворися цѣла,
Своимъ ю имѣніемъ претвори на нову,
Въ честь преобразившуся Христу Богу Слову.
Его тщанія дѣло и храмъ воскресенскій
Каменный, его память храмъ благовѣщенскій,
Ихъ-же создавъ украси иконами зѣло,
Чая себѣ отъ Бога мзды за сіе дѣло.
Онъ отъ основанія дѣвичу обитель
Воздвиже и бысть оной прещедрый кормитель.
Онъ святыхъ страстотерпецъ алтарь попремногу

---

[1]) Опис. Черниг. Епарх., III, 16 и 33.

Дражайшими сосуды украси въ честь Богу.
Сія также церковь Елецка названна
Онымъ основася и трапеза созданна,
И келіи каменіи и иная многа
Чрѣзъ него имать сія обитель убога.
Онъ даде иконостасъ, фелоны, сосуды
Сребряніе, его то укладъ, коштъ и труды.
Много добра духовнымъ и мірскимъ твораше,
Всѣхъ любя и самъ отъ всѣхъ любимъ бяше.
Богъ благослови его въ наслѣдіи рода,
Да не останетъ древо доброе безъ плода:
Двохъ сыновъ въ старости даде и остави
Да будутъ наслѣдницы родителской славы;
Самъ отъ временной къ вѣчной жизни преложися
И на семъ святомъ мѣстѣ тѣломъ положися.
Проводи его сѣмо Іоаннъ (Максимовичъ)
Пастиръ черніѣговскій и весь чинъ освященный;
Погребенъ въ храмѣ, въ немже пречистая Дѣва
Славися успеніемъ и по смерти жива.
И Василій Борковскій да живетъ во вѣки
Съ Богородицею и со ангелскими лики,
Молитъ усердне мимо гробъ его ходящихъ
Гласъ отъ гроба возноситъ спастися хотящихъ,
Молитеся, людіе, о мнѣ Христу Богу,
Да получу отъ него милость въ небѣ многу.
Аминь, аминь, аминь" [1]).

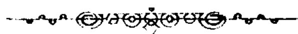
„Надгробки", иначе—„епитафіоны", старой Малороссіи—представляютъ собою очень полезные „послужные списки" умершихъ, такъ какъ въ нихъ приводятся обыкновенно точныя свѣдѣнія о времени рожденія и смерти, а также и о важнѣйшихъ дѣлахъ покойника. То же видимъ и въ приведенномъ „надгробкѣ" Б—аго; если мѣра похвалъ умершему обозному здѣсь и переходитъ границы правды, то за то мы находимъ тутъ полный перечень тѣхъ храмовъ, на украшеніе которыхъ Б—ій сдѣлалъ, конечно, не малыя жертвы: большіе грѣхи нужно было замаливать и большими жертвами.

Висѣвшій надъ гробомъ въ Елецкомъ монастырѣ портретъ Борковскаго находится нынѣ въ собраніи В. В. Тарновскаго и

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1886 г., № 19.

представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ портретовъ этой коллекціи какъ по старательной его работѣ, такъ и по той обстановкѣ, которую портретистъ тутъ изобразилъ. Фототипія этого портрета и прилагается къ настоящей книжкѣ, вмѣстѣ съ факсимиле Борковскаго, взятымъ изъ письма, писаннаго имъ въ 1689 г., къ своему зятю Ивану Петровичу Забѣлѣ.

А. Л.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Картины изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ. Въ напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» за 1889 г. статьѣ г. W, посвященной одной изъ выставокъ картинъ кіевскихъ художниковъ, второй по счету, вспоминалось то недавнее время, когда мѣстное живописное искусство олицетворялось въ единственномъ лицѣ почтеннаго г. Рокачевскаго, и было указано, какъ измѣнился въ этомъ отношеніи Кіевъ въ послѣдніе годы и какъ много художниковъ стало въ немъ жить, благодаря чему сдѣлалось возможнымъ устроить двѣ первыя выставки картинъ мѣстныхъ художниковъ.

Послѣ того какъ въ нашемъ журналѣ были сообщены эти факты, художественная производительность Кіева еще болѣе усилилась, а дѣло устройства въ немъ художественныхъ выставокъ еще болѣе упрочилось. Съ 15 ноября 1890 г. организовалось и стало заботиться объ устройствѣ художественныхъ выставокъ «Кіевское Общество поощренія художествъ», состоящее нынѣ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ великаго князя Владиміра Александровича. Затѣмъ въ прошломъ году кіевскіе художники уже раздѣлились на двѣ группы, имѣвшія свои особыя выставки. Изъ нихъ одна группа участвовала въ выставкѣ, которая въ началѣ года была устроена въ помѣщеніи биржи; а другая, отдѣлившаяся отъ этихъ художниковъ, группа въ мартѣ устроила свою самостоятельную выставку въ университетской залѣ, подъ названіемъ «первой весенней выставки». Кромѣ этихъ двухъ выставокъ, упомянутое общество поощренія художествъ устроило въ своемъ помѣщеніи въ апрѣлѣ конкурсную выставку и осенью—выставку этюдовъ мѣстныхъ художниковъ. Такимъ образомъ, въ прошломъ году мы имѣли уже не одну, а четыре выставки произведеній мѣстныхъ художниковъ.

Послѣ устройства этихъ выставокъ та группа художниковъ, которая участвовала въ прошлогодней выставкѣ въ биржевой залѣ, организовалась въ «Кіевское товарищество художественныхъ выставокъ», получившее утвержденный правительствомъ уставъ. Теперь, въ послѣднихъ числахъ января, это товарищество открыло въ университетской залѣ свою первую выставку, а двумя недѣлями позже, недалеко отъ этого помѣщенія, въ домѣ Хрякова, открылась прибывшая въ Кіевъ XXI-я передвижная выставка «Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ».

Благодаря этому, кіевляне имѣютъ теперь возможность одновременно любоваться картинами на двухъ выставкахъ и сравнивать произведенія своихъ художниковъ съ произведеніями художниковъ иногороднихъ. Само собою разумѣется, что нельзя къ обѣимъ выставкамъ предъявлять одинаковыхъ требованій, ибо какъ бы ни была даровита группа художниковъ одного провинціальнаго города, она не можетъ дать того, что́ могутъ дать совокупныя усилія русскихъ художниковъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціанальныхъ. При этомъ, конечно, не надо упускать изъ виду, что дѣло устройства въ Кіевѣ выставокъ мѣстныхъ художественныхъ произведеній организовалось очень недавно, что совсѣмъ юное товарищество, устраивающее свою первую выставку, только что получило свое существованіе, что вся дѣятельность его еще впереди. И какими прекрасными произведеніями ни дарятъ насъ передвижныя выставки, мы не можемъ не относиться съ бо́льшимъ интересомъ къ выставкамъ мѣстныхъ художниковъ, какъ дающимъ возможность наблюдать ростъ и производительность мѣстныхъ художественныхъ силъ.

Мы могли бы слишкомъ отвлечься отъ задачъ нашего журнала, еслибы стали говорить о всѣхъ картинахъ на обѣихъ выставкахъ, и потому ограничимъ наше сообщеніе тѣми картинами, которыя ближе относятся къ этимъ задачамъ, воспроизводя жизнь и природу того края, изученію котораго посвященъ журналъ.

На выставкѣ мѣстныхъ художниковъ, какъ было и на выставкахъ предъидущихъ лѣтъ, между упомянутыми картинами преобладаетъ пейзажъ. Это не случайное явленіе: въ послѣднее время у нашихъ художниковъ пейзажъ получилъ передъ другими родами живописи преобладающее развитіе. Между молодыми художниками, интересующимися южнорусскимъ краемъ, есть не мало талантливыхъ пейзажистовъ, которые создали много хорошихъ картинъ и отъ которыхъ еще больше можно ждать въ будущемъ, а въ другихъ родахъ живописи яв-

ляется мало произведеній. Исторіи края наши художники почти не касались; ею больше интересовались польскіе художники (какъ напримѣръ, Іосифъ Брандтъ). Въ области жанра на смѣну покойному К. А. Трутовскому тоже явилось немного преемниковъ.

Изъ кіевскихъ художниковъ въ этомъ отношеніи (т. е. разумѣя не особенности таланта, а выборъ сюжетовъ) можно указать только на *Н. К. Пимоненка,* который и является единственнымъ представителемъ малорусскаго жанра на обѣихъ открывшихся въ Кіевѣ выставкахъ. На выставкѣ мѣстныхъ художниковъ онъ выставилъ картину «Парубки». Прямо передъ зрителемъ—улица села съ изображеннымъ на переднемъ планѣ колодцемъ, у котораго стоятъ три парубка, набирая воду, чтобъ напоить тутъ-же стоящую пару воловъ, запряженныхъ въ телѣгу. Отъ колодца только что отошла дивчина съ полными ведрами и на полусловѣ обернулась къ парубкамъ; что-то веселое, игривое сказалось между этою дивчиною и парубками, и впечатлѣніе сказаннаго отражается въ ихъ веселыхъ улыбкахъ. На заднемъ планѣ уходитъ въ даль улица съ хатками подъ соломенными крышами и съ нѣсколькими движущимися фигурами. Вся изображенная на картинѣ сцена залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, который такъ удался художнику, что, переводя глазъ съ картины Пимоненка на нѣкоторыя другія картины выставки, сразу чувствуешь въ изображенномъ на этихъ другихъ картинахъ освѣщеніи что-то условное, болѣе или менѣе далекое отъ дѣйствительности. Въ картинахъ Пимоненка всегда видно много наблюдательности, изученія и знанія того быта, который онъ изображаетъ. Нѣкоторыя изъ нихъ трогательны, какъ бывшее на прошлогодней выставкѣ «Прощаніе съ рекрутами на вокзалѣ», другія веселы, какъ эта сцена. Любуясь картинами этого симпатичнаго художника, мы только сожалѣли иногда о томъ, зачѣмъ онъ изображаетъ по преимуществу некрасивыя лица (вспомните, напримѣръ, лицо невѣсты на картины «Сваты»). Эти лица въ изображеніи Пимоненка всегда типичны, реальны, правдивы; но, кромѣ такихъ лицъ, въ жизни постоянно встрѣчаются и другія, болѣе красивыя и симпатичныя. Отчего они мало привлекаютъ вниманіе художника?

Середину между жанромъ и пейзажемъ занимаетъ большая картина талантливаго художника *С. И. Свѣтославскаго* «По дорогѣ». Въ осеннюю пору на дорогѣ остановились двѣ ѣдущія одна за другою подводы; на передней подводѣ, запряженной парою лошадей, сидитъ старикъ малороссъ, съ которымъ бесѣдуетъ другой такой же малороссъ, стоящій у телѣги; на задней подводѣ, запряженной парою воловъ,

сидятъ мужщина и женщина. Старики малороссы очень типичны и хорошо написаны; превосходно также написаны лошади и волы, а окружающій эти подводы пейзажъ представляется на столько не отдѣланнымъ, что даже нельзя различить, что именно видно у дороги: зелень или какіе-то комья какой-то неопредѣленной массы. Можно думать, что художникъ допустилъ это умышленно, именно для того, чтобъ вниманіе зрителя, не развлекаясь подробностями по сторонамъ, сосредоточивалось на тѣхъ фигурахъ, которыя составляютъ центръ картины; но, если это такъ, то, преслѣдуя не чуждую многимъ новѣйшимъ художникамъ теорію—избѣгать тщательной отдѣлки несущественныхъ подробностей, онъ хватилъ уже черезъ край, вслѣдствіе чего картина его производитъ впечатлѣніе недописанной, не оконченной. На другой принадлежащей тому же художнику картинѣ «Зима» такъ превосходно написанъ снѣгъ, что, смотря на него, словно чувствуешь, какой онъ мокрый. Видимо, художникъ обладаетъ большимъ и оригинальнымъ талантомъ, которому нельзя не пожелать дальнѣйшаго развитія.

Кромѣ картины Свѣтославскаго «По дорогѣ», еще къ картинамъ, занимающимъ среднее мѣсто между жанромъ и пейзажемъ, можно причислить картину *И. О. Ковалевскаго* «Хохолъ съ волами». Она изображаетъ пару запряженныхъ въ телѣгу воловъ, которые чего-то испугались и побѣжали; сидящій въ телѣгѣ малороссъ привсталъ, стараясь ихъ удержать, но испуганные волы мчатся безъ оглядки. Ковалевскій—извѣстный мастеръ рисовать лошадей, недурно вышли у него и волы, но его «хохолъ» недостаточно типиченъ, а окружающій эту сцену пейзажъ не представляетъ ничего особеннаго. Вообще эта картина далеко не изъ лучшихъ между картинами П. О. Ковалевскаго.

Изъ имѣющихся на выставкѣ пейзажей одинъ своимъ названіемъ напоминаетъ объ историческомъ прошломъ—«Свидѣтели гетманской славы» *И. Г. Рашевскаго*. На переднемъ планѣ картины изображенъ обрывъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ торчатъ изъ земли четыре пушки, уцѣлѣвшія отъ временъ гетьманщины; надъ ними вьются птицы, а одна изъ нихъ сѣла на самую пушку. За обрывомъ, внизу стелется лугъ, а дальше вьется рѣка, на которой вдали виднѣется лодочка съ парусомъ. Надо полагать, это—Десна: мы слышали, что около Чернигова есть такое мѣсто съ сохранившимися отъ древнихъ временъ пушками. Кромѣ этой картины, Рашевскимъ выставлены еще двѣ: «Десна» и «Наливается рожь». Картины этого художника—любителя

не чужды разныхъ техническихъ недостатковъ, но есть въ нихъ и одно достоинство: чувство, поэтическое настроеніе.

Вниманіе многихъ останавливаетъ на себѣ эффектная картина *В. М. Галимскаго* «Ночь на Днѣпрѣ». Днѣпръ изображенъ на переднемъ планѣ при яркомъ лунномъ освѣщеніи; у берега виднѣется огонекъ на плоту, а дальше—лодочка, плывущая съ тремя сѣдоками въ той части рѣки, которая отражаетъ лунный свѣтъ; за Днѣпромъ живописно возвышаются печерскія горы съ Печерской Лаврою въ серединѣ. Одни подолгу любуются этою картиною, а другіе ее критикуютъ. Въ упрекъ художнику, можетъ быть, слѣдуетъ поставить то, что въ его картинѣ синій тонъ является слишкомъ преобладающимъ надъ другими: казалось бы, что въ такую свѣтлую лунную ночь, яснѣе должны бы были обозначиться другіе цвѣта, напримѣръ зелень деревьевъ. Но не надо упускать изъ виду, что вѣрное изображеніе луннаго освѣщенія въ картинахъ—вещь очень трудная, вслѣдствіе чего почти у всѣхъ художниковъ, изображавшихъ его въ своихъ произведеніяхъ, не исключая знаменитыхъ картинъ Куинджи, оно не чуждо нѣкоторой условности. И каковы бы ни были техническіе недостатки этой картины, она поэтична, почему и приковываетъ къ себѣ вниманіе многихъ. Изъ другихъ картинъ Галимскаго посвящена изображенію мѣстной природы картина «У ручья». Она изображаетъ лѣсной ручей, въ который вошли волы и пьютъ воду; слѣва межде деревьями виднѣется хатка, отъ которой идетъ къ ручью малороссъ съ ведромъ. Рисунокъ въ картинѣ недуренъ, но зелень деревьевъ кажется слишкомъ свѣтлою и безжизненною.

Еще больше, чѣмъ отъ «Ночи» Галимскаго, вѣетъ поэзіей отъ картины *Е. К. Вжеща* «Сумерки», изображающей рѣку при освѣщеніи вечерѣющаго дня, съ плавающими на ней водяными растеніями и цвѣтами и съ лѣсомъ, который виднѣется вдали за тростникомъ. Кромѣ того, имъ выставлено еще нѣсколько картинъ. („Весна“ «Домикъ», «Уголъ сада», «Вечеръ»), написанныхъ на излюбленную художникомъ тему: онѣ изображаютъ хатки или маленькіе домики съ растущими около нихъ, ярко написанными цвѣтами. Впечатлѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ портитъ лиловый оттѣнокъ, неизвѣстно для чего употребленный въ изображеніи крышъ.

Представляютъ нѣкоторую прелесть по своему меланхолическому настроенію картины *В. К. Менка*: «Лѣсная опушка», «Дорога осенью» и «Хуторокъ»; но въ то-же время онѣ страдаютъ условностью тоновъ, въ особенности—двѣ послѣднія.

Мы указали лучшія изъ тѣхъ картинъ, которыя посвящены изображенію южнорусской жизни и природы. Есть на выставкѣ работы еще и другихъ художниковъ. Кромѣ „Днѣпра" Галимскаго, *Н. И. Мурашко*, по обыкновенію, выставилъ свой «Днѣпръ». Есть картины, изображающія другія рѣки южнорусскаго края: «Рѣка Сула» *Шпанскаго*, «Рѣчка Тускарь» *Гоняка*; есть хатки, дворики, лѣски, хуторки и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ очень слабы, какъ напримѣръ, картина *Іоффе* «Подолъ въ Кіевѣ»; но чтобъ не утомить вниманіе читателя, не будемъ объ нихъ распространяться.

На передвижной выставкѣ имѣется очень немного картинъ изъ малорусскаго быта, всего пять. Лучшая изъ нихъ принадлежитъ кіевскому художнику *И. К. Пимоненко*, о которомъ мы говорили выше, и называется «Гаданье». Художникъ уже не въ первый разъ берется изображать сцены малорусскихъ народныхъ гаданій: читатели, можетъ быть, помнятъ бывшую на передвижной выставкѣ 1888—1889 гг. его картину «Святочное гаданье» (теперь собственность академіи художествъ). На этотъ разъ художникъ изобразилъ гаданье посредствомъ пирожковъ: въ хатѣ у стола сидятъ четыре дѣвушки и съ веселыми улыбками слѣдятъ за тѣмъ, чей именно изъ четырехъ положенныхъ на скамеечку пирожковъ прежде возьметъ подошедшая къ скамеечкѣ собака,—чтобъ по этой примѣтѣ рѣшить, которая изъ нихъ раньше выйдетъ замужъ. Освѣщенныя огнемъ лица дѣвушекъ очень оживленны и превосходно написаны. Эта милая картинка еще разъ подтверждаетъ то, что́ мы выше сказали о художникѣ.

Остальныя четыре картины выставлены *Н. К. Бодаревскимъ*. Онѣ называются: «Малороссійская дѣвочка», снимокъ съ которой (плохо передающій подлинникъ) былъ помѣщенъ въ «Нивѣ» за 1893 г.,— «Хуторокъ Полтавской губерніи», «По рѣчкѣ Удай» и «Весна». Всѣ онѣ небольшихъ размѣровъ и не прибавляютъ ничего новаго; это— скорѣе этюды, чѣмъ картины.

Не смотря на то, что на обѣихъ выставкахъ есть много интереснаго, слышатся сѣтованія художниковъ на то, что въ Кіевѣ картины почти вовсе не покупаются. Можетъ быть, отсутствіемъ надежды на возможность сбыта въ Кіевѣ цѣнныхъ картинъ объясняется и то, почему нѣкоторые живущіе здѣсь художники вовсе не выставляютъ въ Кіевѣ своихъ картинъ, а отсылаютъ ихъ въ Петербургъ. Это отсутствіе въ Кіевѣ пріобрѣтателей цѣнныхъ картинъ составляетъ очень плохое условіе для развитія мѣстныхъ художественныхъ силъ, такъ какъ предложеніе зависитъ отъ спроса, безъ котораго не для чего

становится работать, отсутствіе котораго, убивая энергію, подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на развитіе талантовъ. Еслибъ судьба послала Кіеву такихъ любителей и цѣнителей искусства, какимъ былъ П. М. Третьяковъ для Москвы!

Н. Ш.

О кирикѣ и жадномъ попѣ. Въ „Запискахъ о южной Руси“ П. Кулиша, между прочимъ, разсказывается, какъ художникъ, любитель Малороссіи Жемчужниковъ однажды въ мятель, зимой спѣшилъ въ Кіевъ и по дорогѣ заѣхалъ въ Яблуновку.

„Мы подъѣхали къ шинку, разсказываетъ Жемчужниковъ. Мятель гуляла кругомъ въ степи; хата была занесена снѣгомъ; съ крыши мело; дверь видна была изъ—подъ снѣгу только до половины, и къ ней вели съ дороги глубокіе слѣды ногъ. Кто-то, подобно мнѣ, только что скрылся въ этотъ пріютъ отъ мятели. Шинокъ оказался теплымъ, и слухъ мой, послѣ унылаго завыванія вьюги, пріятно поразили веселые голоса людей, которые собрались здѣсь....Когда я взошелъ, всѣ помирали со смѣху отъ какой-то шутки, или разсказа одного изъ собесѣдниковъ...

— Теперь твоя чергá, Остапе! говорили поселяне. Теперъ тоби треба щось компоноваты. Коли засміемось, пый нашу горилку; а ни такъ самъ поставишь кварту.

— Ни, вже сёго не буде; а ви мини поставите кварту, такъ се вже певне. Роскажу вамъ таке, що инши засміютця, а розумнійши, то може, й посумують. Чи ви чули про бидного Кирика?.. Тò-то, що не чули. Якъ бувъ я въ Кыеви, такъ перенявъ про ёго писню, чи казку, одъ старця зъ Димера. Есть за Днипромъ село Димеръ. Буду жъ я вамъ спиваты, да глядить, мовчить мини, не перебивать. А хто не знае чести, того взять за чуба, да на двиръ вивести“. И спѣлъ (Остапъ) балладу о томъ, какъ у бѣднаго Кирика умеръ въ жнива ребенокъ, какъ онъ хоронилъ его самъ, не имѣя средствъ устроить обычныя похороны, какъ вырылъ на кладбищѣ котелокъ съ цѣлковыми и какъ у него отняли эти деньги.

Къ сожалѣнію, самая „баллада“ не передается въ „Запискахъ“. „Я не могъ записать этой баллады, говоритъ Жемчужниковъ, опасаясь обратить на себя вниманіе слушателей, которые тотъ-часъ остановили бы пѣвца“ [1])

---

[1]) Записки о Южной Руси т. II, СПБ. 1857 г. 83 с.

Намъ удалось записать эту „балладу“ въ волынской губерніи, ровенскомъ уѣздѣ.—Начало ея не совсѣмъ складно въ ритмическомъ отношеніи, но далѣе стихъ выправляется и достигаетъ болѣе или менѣе удовлетворительной метрической техники. Вотъ это „баллада“ или, какъ говорилъ Останъ въ корчмѣ, „писня, чи казка“:

....бижить ричка невелычка [1]),
А на тый ричци стоить каплычка;
Недалечко отъ каплычки Божа церковка,
Святая, старая, благостывая;
А при тій церкви пипъ зъ попадею,
У попа борода велыка й сывая,
А попадя молода ще та гладкая.
Живъ бувъ Кирикъ, бидный чоловичокъ,
Була въ его бидна жинка,
Булы й диты невелычки.
Отъ, пришовъ часъ, жалывова годына,
Померла у бидного Кирика маленька дытына.
Пішовъ бидный Кирикъ до попа:
—„Добродію, добродію, чи не могли-бы меи дытыны сховаты?
„Що вы схочете за нохороны взяты?“
Пипъ радый радесенькій;
Трасе бородою, розмахуе рукою:
—„Щожъ, каже, твою дытыну можно поховаты,
„Але не богато зъ биднихъ людей дбаты,
„А десять карбованцивъ таки треба взяты!..
„Що треба-то треба, не мовъ мини ни слова,
„Бо въ мене зъ тобою короткая мова“.
Кирикъ каже:
—„Добродію, добродію,
„Я не можу стильки даты,
„Де вже мини бидному Кирику стильки взяты?“.
„Пипъ якь тупнувъ ногою,
Якъ мотнувъ головою,
Якъ потрисъ бородою,
Якъ закричить,
Якъ заверещить:
—„Ще такихъ людей не було и не буде,
„Колыбъ выпропадалы таки бидны люде!“.
Заплакавъ бидный Кирикъ, тай пишовъ до пана,
Тай скаржицця пану:

---

[1]) Пѣсню о Кирикѣ разсказчикъ говорилъ послѣ одной юмористической сказки и началъ пѣсню такъ: „Зъ пидъ того же самого села бижить ричка не велычка“. Мы не приводимъ сказки, потому что она съ пѣсней о Кирикѣ не имѣетъ ничего общаго и приставлена къ ней механически.

—„Не хоче пипъ моеи дитыны ховаты.
„Хоче зъ мене, зъ бидного Кирика, десять рублывъ взяты“.
Панъ ему и каже!
—„Я тоби въ томъ Кириче, бидный чоловиче, не поражу.
—„Я тоби ось що скажу:
„Иды ты до села, достань заступа й лопàты
„Та иды самъ на свою дытыну ямы копàты“.
Послухався бидный Кирикъ пàна,
Пишовъ винъ до дому,
Ставъ на колини, помолывся богу...
Ажь пришовъ до ёго Божій старець:
—„Кириче, бидный чоловиче, иды ты до села,
„Достань заступа й лопаты,
Та иды самъ на свою дытыну яму копаты,
„Та не копàй на ныву, а копàй на горбу,
„Нехай богатшіи люде копàють на низу“.
Взявъ Кирикъ заступа й лопàты,
Та ставъ самъ на свою дытыну яму копаты“
Та некопàе на нызу, а копàе на верху,
Якъ казавъ ёму Божій старець.
Ставъ бидный Кирикъ на горбу копàты,
Ставъ до ёго котелъ зъ грошима вырнваты.
Набравъ бидный Кирикъ гроши до кармана,
Пишовъ назàдъ до пана, а отъ пана до попà:
—„Добродію, добродію...“
И т. д. какъ раньше.
Пипъ радый радесенькій:
—„Щожь, каже, не багато зъ бидныхъ людей дбаты,
„А десять карбованцивъ треба взяты“.
Бидный Кирикъ довго не возывся,
Давъ десять карбованцівъ, тай зовсимъ росплатывся.
Пипъ гроши забравъ и старосту зазвавъ,
Казавъ на дзвонныци на збиръ позвоныты;
Зъ радостью, зъ веселостью Кирикову дытыну похороныты.
Зазвавъ бидный Кирикъ попà до хаты,
Ставь ёго добре частоваты,
Ставъ медъ и вино даваты.
Дывуеццн пипъ: якъ се такъ сталося,
„У бидного чоловика стильки грошей набралося?....
А попадя наветь очи вытрищила,
Все до попà пристае, покою не дае:
—„Добродію, добродію, чи не моглн-бъ вы
„Бидного Кирика до сповиди приняты,
Та на духу его добре роспытаты,
Де-бъ винъ мигъ стильки грошей достаты,
Чи не могъ бы винъ объ тыи гроши призняты?“.

Пославъ пипъ старосту, щобъ Кирику наказаты,
Що пипъ ёго хоче во всихъ грихахъ сповидаты.
Пришовъ староста до Кирика, бидного чоловика,
Тай каже:
—„Эй, ты, Кириче, бидный чоловиче,
„Иды-но ты до церквы, хутенько сповидайся
Та въ тыхъ грошахъ гарненько признайся.
Чи хочешъ, чи не хочешь, а мусышь ты таки сповидатысь,
Мусышь въ тыхъ грошахъ признатысь..."
Отъ пишовъ Кирикъ, бидный чоловикъ....
Въ церкви у попа довго таки сповидався,
А въ тыхъ грошахъ ніякъ не признався.
Попадя не знае, що думаты, що й гадаты,
Не знае, якъ тыи гроши отъ Кирика одняты.
Думала, думала таки чимало,
А въ решти таки нагадала:
—„Добродію, добродію, есть у насъ суха шкура;
„Послухай—но—мене гарненько,
Та зробы, що тоби скажу, хутенько.
Визьмы—но ты въ ту шкуру та вберыся,
Та до бидного Кирика по гроши покрутыся.
Якъ побачить, такъ бидный Кирикъ,—злякаецц"
И въ тыхъ грошахъ запевне признаецця..."
Отъ, взяла попадя ту шкуру, намочила,
Пошла на село доставаты дратвы и шила.
Достала дратвы и шила,
Да въ ту шкуру его и зашила.
Зашила попу руки й ноги,
Приставила на голови дьявольски роги.
Ставъ пипъ стукотиты, гракотиты,
Ставъ въ ночи до бидного Кирика подходыты;
—„Гей, Кириче, давай гроши, бо буду свитъ палыты;
„Бо якъ не отдасы, то будешь на огни, въ пекли горитьı,
Станугь тебе чорты гаками драты,
Станутъ тебе быты й катуваты..."
И стукотыть, и гракотыть,
И мотае рогамы,
И тупае ногамы,
Ще й трасе бородою.
Зобачивъ Кирикъ и зовсимъ злякався:
„Отъ пришла теперь до мене лыхая годына
Що я буду теперь робыты зъ тымы грошима...
И чому я попу на сповиди не признався,
Теперь бы я зъ такою бидою-бъ незнався..."
Взявъ Кирикъ котелъ изъ грошима
Та якъ тарахнувъ дверима:
—„А, нехай-де тебе, каже, визьме лыхая годына

Та зъ твоими дьявольскими грошима!
Иды ты одъ мене въ чому пришовъ,
Держи въ рукахъ,—якъ нашовъ,
Не положи нигде,—якъ узявъ,
Носы такъ.—якъ принявъ,
И щобъ-же тебе чортъ узявъ!"
Взявъ пипъ котелъ й до дому подравъ,
Радесенькій, що Кирикъ свои гроши отдавъ
Ставъ пипъ гроши нави отдаваты.
Ажъ стали гроши до рукъ приставаты;
Стала попадя шкуру пороты,
Ставъ пипъ кричаты, верещаты.
Не можна а ніякъ шкуру одняты.
Трапылася зъ попомъ бида малая,
Бида малая и простая:
Пристала ему шкура до сала.
Отъ, началы письма-лысты по свиту розсылаты,
Чи не найдецця часами хто нибудь на свити,
Щобъ тую самую шкуру зъ попа зняты.
Сталы письма-лысты назадъ повертаты.
Нихто не може теи шкуры зняты.
А Кирикъ и каже:
—„Я можу тую шкуру зъ попа зняты,
Оно перше треба мини гроши назадъ отдаты.
Якъ знявъ Кирикъ шкуру и гроши взявъ,
Пипъ закричавъ, щей зубами заскрекотавъ.
Шкода ему тыхъ грошей, але нема що робыты,
Лучше гроши отдаты, чимъ зъ рогами ходыты.

(Записана вь м. Степани, ровенс. уѣзда волынской губерніи).

„Баллада", во многихъ своихъ частяхъ, потеряла правильность ритма и мѣстами приближается къ прозѣ. Это, можно полагать, произошло отъ того, что она теперь не поется народомъ, а разсказывается. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не смотря на всё мое желаніе, такъ и не удалось слышать ея напѣва. Крестьянинъ, передававшій мнѣ „балладу", говорилъ, что она теперь не поется, что теперь опредѣленнаго напѣва „баллады" не существуетъ и что, если кто хочетъ её пѣть, то поетъ такъ, какъ ему нравится, какъ само собой у него сложится.

Но при бѣдности во внѣшне-техническомъ отношеніи, „баллада" не потеряла своей соли. Ея содержаніе—интересно. Черты скареднаго попа и попадьи переданы живо и характерно. Фабула—эпически выдержана и закончена.

Въ своихъ поэмахъ народъ иногда любитъ подчеркивать выводы яркостью изображаемыхъ типовъ... Это особенно нужно сказать относительно нашей „баллады". Мораль фабулы—ясна и опредѣленна. Наивность Кирика и корыстолюбіе священника—черты слишкомъ контрастныя и яркія, чтобы не обратить на нихъ вниманія. Коллизія, построенная на этихъ чертахъ, имѣетъ въ „балладѣ" драматическій характеръ съ трагическимъ оттѣнкомъ. Свѣжій, здоровый юморъ перемѣшивается здѣсь съ невольною грустью при мысли о попѣ въ шкурѣ и съ котелкомъ грошей...

„Остапъ не ошибся, затѣчаетъ въ своемъ разсказѣ Жемчужниковъ, повѣсть его произвела на однихъ веселое, а на другихъ грустное впечатлѣніе. Мнѣ самому, сквозь ея саркастическій тонъ, послышалось что-то глубоко трагическое...Слушатели единодушно потребовали горилки и начали пить за здоровье Кирика" [1]).

Тѣмъ же насмѣшливо-саркастическимъ тономъ звучитъ разсказъ, записанный г. Заботько въ полтавской губерніи и вошедшій въ „Малорусскія народныя преданія и разсказы" Драгоманова. Здѣсь, впрочемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является не попъ, а попадья.

Разсказы „про попивъ та дякивъ" распространены въ Малороссіи. Записано ихъ, впрочемъ, мало. Народъ не охотно ихъ разсказываетъ. Различаясь между собою степенью остроумія и занимательности, эти разсказы имѣютъ одну общую черту—они изображаютъ нравственно-отрицательныя черты священниковъ.

Изслѣдователямъ южно-русскаго штундизма, теряющимъ много энергіи для неблагодарной цѣли—доказать, что штундизмъ есть явленіе, выросшее на почвѣ нѣмецкаго необаптизма, [2]) совѣтуемъ обратить вниманіе на указанную черту этнографическихъ словесныхъ произведеній съ юмористическими сюжетами о попахъ. Думается—эти разсказы не случайны. Быть можетъ, изученіе ихъ, помимо этнографическаго интереса, разъяснитъ одну изъ существенныхъ причинъ распространенія и живучести южно-русскаго сектанства

Ѳ. Кудринскій.

Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго „Москаль Чаривныкъ". Въ декабрьской книжкѣ

---

¹) „Записки о Южной Руси" Кулиша II стр. 96.

²) Статьи Дородницына въ „Чтеніяхъ общества любит. Духовн. Просвѣщ." 1893 г.

«Кіевской Старины» прошлаго 1893 года проф. Н. П. Дашкевичъ помѣстилъ весьма любопытное разысканіе о возможныхъ литературныхъ источникахъ народной малорусской оперы И. П. Котляревскаго «Москаль Чаривныкъ» (стр. 451—482). Г. Дашкевичъ въ заключеніи своего разысканія, въ которомъ довольно подробно и обстоятельно указаны западно-европейскія разработки сюжета «Москаля Чаривныка», приходитъ къ выводамъ, что И. П. Котляревскій заимствовалъ схему своей пьесы у французскаго либретиста, хотя и внесъ въ нее свѣжую мысль и обновилъ свѣжими подробностями «вѣковой сюжетъ». Не касаясь достоинствъ этого разысканія, мы остановимся лишь на одной подробности, которая для насъ кажется весьма любопытной. Авторъ всецѣло стоитъ на сторонѣ заимствованія съ запада, вѣроятно, отчасти и потому, что ему извѣстенъ изъ восточныхъ разсказовъ лишь одинъ, находящійся въ «Панчатантрѣ», стоящій въ слабой относительно связи съ позднѣйшими версіями того же сюжета. Мы, въ свою очередь, не можемъ не остановиться на предположеніи иного источника пьесы Котляревскаго, непосредственно знакомаго каждому. Этимъ источникомъ мы считаемъ малорусскую народную сказку (а не наоборотъ), сложившуюся подъ вліяніемъ, и при томъ весьма продолжительнымъ,— востока съ его богатымъ запасомъ сказочнаго матеріала. Тѣмъ болѣе вѣроятнымъ кажется намъ наше предположеніе, что среди кавказскихъ народовъ подобная сказка пользуется значительной извѣстностью, а вліяніе кавказскихъ народныхъ сказаній на русскія—послѣ изслѣдованій Вс. Миллера—отрицать, по меньшей мѣры, рисковано. Для иллюстраціи нашего мнѣнія приведемъ слѣдующую сказку, оставшуюся неизвѣстной проф. Дашкевичу; она, на нашъ взглядъ, стоитъ весьма близко къ разсматриваемой имъ темѣ.

Въ «Книгѣ Мудрости и Лжи»[1]) Леонъ, воспитатель царевича, разсказываетъ царю исторію своихъ приключеній. Между прочимъ, сообщаетъ и слѣдующій эпизодъ.

«Отправился я оттуда и прибылъ въ страну евлатскую. Никакимъ способомъ не могъ я достать хлѣба, чтобы поѣсть: тамъ живутъ скупые, безбожные и злые люди. Два дня ходилъ я голоднымъ, потомъ придумалъ такое средство: швырнулъ палку на ворона, отло-

---

[1]) Книга Мудрости и Лжи, грузинскія басни и сказки XVII — XVIII стол. Саввы-Сулхана Орбеліани, переведены и объяснены Ал. Цигарели. СПБ. 1878 г. стр. 113—115; книга въ продажу не поступала, почему мы и не ограничиваемся лишь соотвѣтствующей ссылкой, а выписываемъ и самый разсказъ.

малъ крыло и посадилъ его къ себѣ за пазуху, заставляя его кричать,—такъ я началъ гадать. Подошелъ къ одному дому, (дома) была только женщина. Она не отворила мнѣ двери, не впустила въ домъ. Наступила ночь, я ослабѣлъ и прислонился къ дверямъ. Женщина вытащила изъ огня булку и положила её въ ящикъ. Прошло немного времени, пришелъ старшина той деревни и принесъ вино въ кувшинѣ и одного откормленнаго гуся. Вино и гуся положилъ на окно. Сѣли и немного полюбезничали. Къ дверямъ подъѣхалъ одинъ всадникъ. Услышавъ конскій топотъ, она старшину посадила подъ корзину, стоявшую тамъ; сама же женщина прилегла. Я все видѣлъ. Оказалось, что этотъ человѣкъ (всадникъ) былъ мужъ этой женщины; онъ отправился по дѣлу и не ждали его. Онъ подъѣхалъ и спросилъ меня: «кто ты такой?» Я ему сказалъ, что я гость Божій, но никто не пустилъ меня въ домъ. Мужчина позвалъ—женщина поздно отозвалась, притворяясь спящей, и развела огонь. Онъ меня ввелъ въ домъ. «Мы оба голодны»—онъ попросилъ жену пищи. Она принесла съ ропотомъ и дала ему два кукурузные хлѣба, говоря: «гдѣ у меня пища? Вотъ ужъ полночь»! У меня за пазухой сидѣлъ воронъ, (я) прижалъ его рукой и заставилъ закричать. Тотъ человѣкъ спросилъ меня: «что это такое»? Я ему сказалъ: «это воронъ—гадальщикъ, онъ все можетъ узнать, я его языкъ хорошо понимаю». Ему понравилось это. Онъ меня спросилъ объ урожаѣ того года. Все хорошо сказалъ ему. Потомъ заставилъ я ворона закричать. Онъ меня спросилъ: «что воронъ сказалъ»? Я ему отвѣтилъ: «онъ сказалъ—зачѣмъ онъ ѣстъ кукурузный хлѣбъ? Въ ящикѣ лежатъ двѣ бѣлыя булки, кушайте тѣ». Затѣмъ сказалъ про гуся, и того заставилъ принесть. Заставилъ еще закричать, заставилъ подать и вино. Мужъ упрекнулъ жену: «если у тебя были эти, отчего не подавала ѣсть»? Та стала оправдываться: «я собиралась къ роднымъ и хотѣла взять эти, какъ путевую провизію». Я заставилъ ворона снова закричать. Хозяинъ спросилъ меня: «что онъ сказалъ»? Я ему отвѣтилъ: «онъ сказалъ, что вы сидите и пьете, а голодный старшина сидитъ подъ корзиной; зачѣмъ вы поступаете такъ невѣжливо? Дайте и ему повеселиться». Старшина, услышавъ это, сбросилъ съ себя корзину и выбѣжалъ на дворъ. Хозяинъ погнался за нимъ, а я пошелъ своей дорогой».

Не трудно сопоставить этотъ восточный разсказъ, вошедшій въ сборникъ кн. С. С. Орбеліани, съ прочими, сообщаемыми проф. Дашкевичемъ, чтобы указать его дѣйствительное мѣсто въ ряду многочи-

сленныхъ разработокъ интересующаго насъ сюжета комической оперы И. П. Котляревскаго.

Вл. Перетцъ.

Разсказы о вѣдьмахъ. Въ Черкасахъ намъ удалось записать отъ одной старухи, между прочимъ, сказку, содержаніе которой въ общемъ очень напоминаетъ содержаніе Гоголевскаго «Вія». Вотъ эта сказка.

Въ одномъ селѣ жилъ богатый мужикъ, имѣвшій единственнаго сына, который лѣтомъ спалъ во дворѣ на сѣнѣ. Однажды ночью слышитъ онъ, кто-то полощется въ бывшей вблизи криницѣ; онъ свистнулъ и вдругъ въ отвѣтъ на свистъ слышитъ слова: «Будышъ жы ты, сукынъ сыну, свыстить, покы и не вмрешъ». На слѣдующій вечеръ чувствуетъ этотъ паробокъ, что какая-то невидимая сила тянетъ его изъ хаты, и едва только вышелъ онъ во дворъ, какъ кто-то вскочилъ на него верхомъ и поѣхалъ; гдѣ только ни выѣздили они въ эту ночь: и по болотамъ, и въ очеретахъ, и по горамъ, «де тилько саме найвыще». Къ разсвѣту, «якъ первы пивни заспивалы», вѣдьма (это была она) отпустила парня. Измученный, покрытый весь потомъ и пылью, бросился онъ на сѣно и уснулъ, какъ убитый. На другой день вечеромъ снова тянетъ его что-то изъ хаты, снова усѣлась на него вѣдьма и проѣздила всю ночь, а съ первымъ крикомъ пѣтуховъ, неизвѣстно гдѣ дѣвалась [1]). Та же исторія повторилась и на третій вечеръ. Наконецъ, мать парня обратила вниманіе, что сынъ ея за это время страшно измѣнился: ничего не ѣстъ, ходитъ весь измученный. Она спросила его о причинѣ, и тотъ подробно все ей разсказалъ.. Мать стала совѣтоваться съ разными бабами, какъ тутъ быть, но тѣ не могли дать ей никакого совѣта. Наконецъ, встрѣтила она однажды монахиню и разсказала ей свое горе. Монахиня успокоила ее, сказавъ, что она берется помочь бѣдѣ. Обрадованная мать пригласила ее къ себѣ въ хату. Монахиня, разспросивъ самого парня о поѣздкахъ на немъ вѣдьмы, приказала ему сдѣлать уздечку и вечеромъ спрашиваетъ, тянетъ-ли его снова изъ хаты. Парень отвѣчаетъ, что тянетъ «Ну, колы такъ, то иды, мій сыну, та ливою рукою крипко дыржысь за навиртку а правою, якъ умога, накыдай на «нея» уздечку, а якъ накынышъ, то сидай та йидь туды, куды вона йиздыла тобою; а якъ

---

[1]) При этихъ словахъ разскащица перекрестилась со словами: „Духъ святый ..ъ намы“.

закрычать первы пивни, то пусты йіи». Парень такъ и сдѣлалъ: накинулъ на вѣдьму уздечку, вскочилъ самъ верхомъ на нее и погналъ вѣдьму по горамъ и болотамъ. Когда раздалось пѣніе пѣтуховъ, онъ отпустилъ вѣдьму. То же случилось и въ слѣдующую ночь. Послѣ второй поѣздки монахиня сказала, что больше разу вѣдьма уже не въ силахъ будетъ выдержать. Дѣйствительно, послѣ третьей ночи парень пустилъ вѣдьму чуть живою. Когда онъ возвратился домой, монахиня сказала ему: «Теперъ, сыну, вона вже вмре; ну, тыльки жъ вона не вмре, а засне; у раньци, якъ тыльки почуешъ, шо умерла отакая-то, заразъ пойды туды и скажы: «По-сусицьки я ції баби зроблю хрестъ»; бо тоби треба непремино зробыть той хрестъ». Утромъ парень узнаетъ, что на разсвѣтѣ умерла отъ неизвѣстной причины сосѣдка; онъ пошелъ туда и предложилъ сдѣлать крестъ на могилу. Монахиня снова даетъ ему совѣты: «Робы, сыну, хрестъ осыковый, та щобъ бувъ такый вышыны, якь ты, и перехрестя таке, якойи довжены въ тебе рукы». Онъ такъ и сдѣлалъ. Какъ только похоронили эту бабу, онъ сейчасъ же пошелъ и поставилъ надъ нею крестъ. Насталъ вечеръ; монахиня совѣтуетъ парню: «Теперъ же, сыну, иды на кладовыще, та стань ззаду хреста такъ, щобъ ты самъ бувъ уривни зъ хрестомъ, а рукы зъ перехрестямъ; тилько стій тыхо тыхо и ны пошывыльнысь, шобъ вона тыбе ны побачыла. И це будешъ ходыть подъ рядъ тры ночы».

Пошелъ парень ночью на кладбище и сталъ за крестомъ, какъ совѣтовала ему монахиня. Вдругъ въ полночь съ сильнымъ гуломъ вырывается изъ земли гробъ, слетаетъ съ него крышка, поднялась вѣдьма изъ гроба, трижды облетѣла вокругъ него и полетѣла затѣмъ искать повсюду этого парня. Искала она его до тѣхъ поръ, пока не запѣлъ пѣтухъ; лишь только раздалось пѣніе пѣтуховъ, вѣдьма возвратилась ко гробу, бросилась въ него и съ такимъ же гуломъ, какъ и раньше, провалилась въ яму. То же повторилось и въ слѣдующую ночь. На третью ночь раздалось пѣніе первыхъ, наконецъ, вторыхъ пѣтуховъ, а вѣдьма все не возвращается со своихъ поисковъ, парень перепугался и хотѣлъ было уже бѣжать, какъ вдругъ видитъ, идетъ вѣдьма, еле-еле двигаясь; съ трудомъ дотащилась она до могилы и, не въ силахъ будучи уже броситься въ нее, тутъ же упала «та якъ скотына зарывла и вмерла». Парень бросился въ село и разсказалъ всѣмъ объ этой вѣдьмѣ; мужики пришли, бросили ее въ гробъ «ще й осыковыми килками прыбылы».

На вопросъ, что же дѣлала возлѣ криницы эта вѣдьма, разсказщица объяснила, что возлѣ криницы, рѣки или болота происходитъ обученіе вѣдьмы, принятіе въ число вѣдьмъ новыхъ членовъ. Дѣлается это такимъ способомъ. Женщина, желающая стать вѣдьмой, сбрасываетъ съ себя крестъ и идетъ къ своей наставницѣ вѣдьмѣ; та выноситъ три ведра и доитъ въ нихъ молоко кошки, суки, кобылы, свиньи, коровы. Взявъ это молоко, она идетъ со своей ученицей къ криницѣ или болоту и, ставъ къ нему лицомъ, произноситъ какія-то слова; изъ болота выскакиваютъ 4 огромныхъ пса и уносятъ молоко въ воду; вслѣдъ затѣмъ слышится сильный крикъ лягушекъ, пахтающихъ масло, а черезъ нѣсколько минутъ собаки выносятъ изъ болота прекрасное масло. Вѣдьма трижды свиститъ; изъ болота или рѣки выскакиваютъ разныя рыбы, гады; ученица должна всѣхъ ихъ брать зубами. Затѣмъ она возвращается домой, выноситъ свой тѣльный крестъ на широкую улицу, бросаетъ на-земь и топчетъ его ногами. Вернувшись домой, она вылетаетъ въ трубу и летитъ на «Лысу гору». Если она не испугается и въ точности продѣлаетъ все это, то становится настоящей вѣдьмою.

Чтобы вѣдьма не ходила доить коровы, то нужно въ рогъ коровѣ «укынуть всего свячененького и мачку, ремезового гнизда и всего»; тогда къ этой коровѣ не подойдетъ никакая вѣдьма.

Есть еще средство предохранить свой дворъ отъ посѣщеній вѣдьмы; нужно держать «ярчука». Первые щенки у суки называются «ярчатами». Гдѣ только есть ярчукъ, вѣдьма никогда не появится тамъ. Но этихъ ярчатъ слѣдуетъ хорошенько беречь, потому что вѣдьмы стараются всячески ихъ уничтожить.

А. Малинка.

Мѣры гетманскаго правительства Малороссіи въ 1722 и 1757 гг. въ предупрежденіе голода. Приводимые ниже документы извлечены нами изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива (Архивъ Малорос. Коллегіи, Черниг. отд. №№ 8,946 и 187) и представляютъ собою образцы распоряженій, время отъ времени дѣлавшихся правительствомъ гетманщины для обезпеченія продовольствія населенія въ неурожайные годы. Судя по этимъ образцамъ, мѣры, принимавшіяся съ такою цѣлью, носили довольно примитивный характеръ,

и сводились къ заботѣ объ удержаніи цѣны хлѣба на извѣстномъ, по возможности, низкомъ уровнѣ, что должно было достигаться, съ одной стороны, прямымъ запрещеніемъ повышенія цѣнъ, а съ другой—устраненіемъ причинъ, которыя могли бы повести къ быстрому оскудѣнію рынка. Въ этихъ видахъ наказный гетманъ Полуботокъ вмѣстѣ съ генеральной старшиной предписываетъ въ 1722 г. прекратить вывозъ хлѣба за границу, въ Великороссію и Польшу, и подвергнуть строгому регулированію внутреннюю торговлю, предупреждая искуственное поднятіе цѣнъ: накопленіе запасовъ торговцами воспрещалось, уже существовавшіе запасы подвергались „аресту“; въ тѣхъ же видахъ гетманъ Разумовскій въ 1757 г. распоряжается сократить винокуреніе. Тридцатипятилѣтній промежутокъ времени, лежащій между этими двумя распоряженіями, не повліялъ, какъ видно, очень благотворно на развитіе экономической политики: если въ теоріи задачи ея и остались тѣми же самыми, то на практикѣ возможность достиженія ихъ еще уменьшилась, благодаря съуженію предназначенныхъ для нихъ средствъ и вкравшимся въ послѣднія специфическимъ особенностямъ. Предвидя возможность голода вслѣдствіе неурожая, гетманъ Разумовскій рѣшилъ «запретить винное куреніе всѣмъ посполитого званія людемъ, какъ то мѣщанамъ, посадскимъ, раскольникамъ, а особливо попамъ и всѣмъ протчімъ таковымъ разночинцамъ, от которихъ службы не предвидится, ибо они, не имѣя маетностей, подданнихъ и столко млиновъ і грунтовъ, с которихъ би получа достатокъ хлѣба могли курить горѣлку з собственного своего орания и сѣянія, но искупають в народѣ и едень пред другимъ возвишають цену для партикулярного своего прибытка, не разсуждая, сколь нуженъ хлѣбъ биднѣйшимъ от нихъ кроме ихъ прихотей і къ дневному препитанню»... Не нужно обладать особою проницательностью, чтобы видѣть, въ чью пользу должны были пойти эти оригинальныя экономическія воззрѣнія последняго малорусскаго гетмана. Вытекавшій изъ нихъ результатъ врядъ ли могъ быть не только устраненъ, но даже ослабленъ предположеннымъ сокращеніемъ владѣльческаго и козачаго винокуренія.

В. М.

I.

Імператорского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского полковникъ Чернѣговскій и наказный гетманъ з старшиною енералною Павелъ Полуботокъ.

Всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати надлежатиметъ, а меновите пану полковникове наказному Стародубовскому, всей того полку старшинѣ, пп. сотникамъ, атаманамъ, войтамъ и всякого чину градскимъ и сѣлскимъ промислами бавячимся людямъ ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: ижъ донеслося намъ вѣдати, что многіе з заграницѣ полскіе и литовскіе люде, такожъ великороссіане и расколщики приездячи не толко в городи малороссійскіе, но и по селахъ, а нѣкоторіе и з' обывателей малороссійскихъ, скуповуютъ всякіе пашнѣ барзѣй жита на подряди, подвишаючи що разъ вишше мѣри цену, з которихъ пріежджаючіе вивозятъ оніе пашнѣ за границу, наши же обыватели наполняютъ ями и протчіе спряти, держачи тотъ хлѣбъ ради далшой вишшой цени и дорожнети; недостатніе зась и убогіе люде не могутъ и для препитанія своего за тимъ хлѣба докупитися. Прето, мы з общого нашого совѣту и приговору, постановили такой неслушности и непорядку завременно запобѣгти, жебы чрез' тую излишную хлѣба скуплю и вивожене оного з Малой Россіи за границю не учинилася дорожнета, а послѣдователно крайная на хлѣбъ скудость, з скудости же не пришла бы (уховай Боже) на людей голоднеча. А такъ одправивши в' иншіе полки рейменту гетманского нарочніе о томъ указп, ординуемъ и в' полкъ Стародубовский сей нашъ унѣверсалъ, чрез' которий пилно предлагаемъ и приказуемъ, аби панъ полковникъ наказный Стародубовскій, розославши копіи з' оного во всѣ сотнѣ полку тамошнего, по городкахъ и селахъ заказалъ и загрозилъ накрѣпко, чтоб не толко пріежджимъ з заграници людямъ и расколщикамъ, але и нашимъ великороссійскимъ и малороссійскимъ обывателямъ излишного хлѣба скуплѣ чинити нѣгде не допускано и такъ в продажи, яко и в купованю всякого збожа цени подвишшати для приватнихъ прибитковъ нихто бы не важилъся, лечъ мѣетъ быти цена всякому збожу по слушности и по обыкновенію, жебы чрезъ тое чернь и посполство въ препитаніи своемъ, барзѣй в' сустентаціи сего часу армейскихъ войскъ нужди и скудости не имѣли. Если ж бы хто по опублѣкаціи сего унѣверсалу, вѣдая указъ въ ономъ вираженный, дерзнулъ збоже многимъ числомъ чрезъ подвишене цени чи то на подрядъ за границу, чили на схови и спряти приватніе для предбудущой дорожнети и зароботковъ продавати или куповати, таковыхъ позволяемъ арестовати, до вязеня осажовати и хлѣбъ ввесь забирати и держати безъ возвращенія до указу нашого. Тако ж' которіе прежде засланя сего унѣверсалу понакуповували и держатъ въ спрятахъ многое число збожа ради предбудущой дорожнети и зароботковъ, теди и тіе пашнѣ повелѣваемъ

старшинамъ ревѣдовати, а зревѣдовавши, сколко онихъ есть и у кого именно, давать намъ знати. Збоже засъ тое все до полученія одъ насъ указу держати подъ арестомъ въ цѣлости. Данъ в' Глуховѣ з Енералной Канцеляріи при войсковой печати месяця октоврія 1722 року. Звышъ менованный полковникъ и наказный гетманъ рукою.

II.

Графъ Кириллъ Разумовскій гетманъ и кавалеръ. Г-ну полковнику Чернѣговскому Божичу з полковою старшиною.

По репортамъ, с полковъ присланнымъ, ізвестно и особливо самими нами усмотрено по некоторимъ местамъ, что весма худой урожай въ хлѣбѣ, какъ по причинѣ бувшихъ и настоящихъ жаровъ и что дождей мало било и нынѣ нетъ, такъ найпаче, что отродившаясь во многихъ мѣстахъ сарана последній хлѣбъ во многихъ же местахъ с' ела и с' едаетъ; от сего уже вездѣ и цѣна въ хлѣбѣ возвисилась. Послѣдователно ежели б в семъ случаи не предпринять удобныхъ меръ, чемъ бы на далшое время предизберегти хлѣба къ нужному обывателскому препитанию, такъ же и къ продоволствованню указнихъ консистентовъ и скоро вступить имѣющихъ Лантмилицкихъ и другихъ полковъ, то, наконецъ, чаять и ожидать можно-бъ худшихъ следствъ, сего ради мы за потребно разсудили запретить въ Малой Россіи винное куреніе всѣмъ посполитого званія людемъ, какъ то мѣщанамъ, посадскимъ, расколникамъ, мужикамъ, а особливо попамъ и всѣмъ протчіимъ такимъ разночинцямъ, от которихъ служби не предвидится, ибо они, не имѣя маетностей, подданнихъ и столко млиновъ и грунтовъ, с которихъ бы, получа достатокъ хлѣба, могли курить горѣлку з собсвенного своего орания и сѣянія, но искупаютъ в народѣ и еденъ предъ другимъ возвишаютъ цену для партикулярного своего прибытка, не разсуждая сколь нуженъ хлѣбъ биднѣйшимъ от нихъ кроме ихъ прихотей и къ дневному пропитанию, хотя жъ с' ныхъ хто імѣетъ какую неболшую часточку земли, либо мелницю, однакъ приходъ хлѣбній ис того едва можетъ ставать имъ единственно для самого препитанія зъ домашнимы ихъ, а на куреніе горѣлки с того собственного хлѣба нѣ на одинъ котелъ довлѣть не можеть. А сверхъ того дабы и владѣлци духовного и мирского звания, старшины и козаки, імѣющое за собою маетности и доволние мелници, видя подъ сей случай оному простому народу и разночинцамъ запрещение, не могли къ своему прибитку приумножить котловъ и скупливать на оние по торгамъ и по протчіимъ местамъ хлѣба, то къ предъізбереженню сего

надлежитъ описать имѣющиеся въ нихъ котла, с которихъ имъ дозволяется отселѣ до будущаго усмотрѣния продолжать винное курение на половинное число винокурнихъ котловъ, да и то тѣмъ токмо, кои хлѣбъ за продоволствованиемъ своего дому и людей доволно запасний имѣють, не покупая отнюдь ізъ сторони и чрезъ кого подлежитъ зъ урядовъ весма крѣпко надсматривано б, дабы отнюдь никемъ з оних владѣлцовъ и другихъ войсковаго звания людей не прибавляно над тое половинное число, что нинѣ по описи будетъ под жестокимъ отвѣтомъ и взисканиемъ, буде бъ какое в кого в излишности над дозволенное число котловъ опосля в куреніи явитись могло и ко исполнению противъ више прописанного какъ во всѣ протчие малороссийские полки предложено, такъ и вамъ накрѣпко притверждается действовать по више виражениому неотмѣнно.

1757 года іюля 28. Гетманъ графъ К. Разумовскій.

Къ исторіи Малороссійскихъ оффиціальныхъ архивовъ.

Въ числѣ мѣръ принятыхъ высшею администраціею въ Малороссіи, послѣ закрытія въ ней намѣстничествъ, по повелѣнію императора Павла I, существовала забота, какъ видно изъ печатаемаго здѣсь письма гр. И. П. Солтыкова (управлявшаго въ 1797 г. малороссійскою губерніею на правахъ генералъ губернатора) къ тогдашнему малороссійскому губернатору Як. Л. Бакуринскому, о приведеніи въ порядокъ разбросанныхъ по всей Малороссіи архивовъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Какъ видно изъ письма, графъ Солтыковъ желалъ всѣ эти архивы сосредоточить въ Черниговѣ, но распоряженіе это не было исполнено, такъ какъ въ такъ называемомъ архивѣ малороссійской коллегіи, находившемся сначала въ Черниговѣ, а потомъ переведенномъ въ Харьковъ, никакихъ бумагъ, кромѣ доставленныхъ изъ Глухова, повидимому, не было. Да и глуховской архивъ, помѣщавшійся въ *разваливающемся* каменномъ домѣ, перевезенъ былъ въ Черниговъ далеко не весь, такъ какъ, по свидѣтельству глуховскаго старожила А. М. Марковича (1790—1865) — «множество дѣлъ, оставшихся въ Глуховѣ послѣ открытія намѣстничества, за совершеннымъ непризоромъ, погнили и растасканы табашниками и пирожницами на обертки...» [1]).

---

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, II, 433.

«Высокородный и превосходительный господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ малороссійскій губернаторъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

По составленіи нынѣ малороссійской губерніи такимъ образомъ, что она заключаетъ въ себѣ, съ нѣкоторыми не большими перемѣнами, все то, изъ чего Малороссія до открытія намѣстничествъ состояла и повозобновленіи въ ней правленія и судопроизводства сходственнаго прежде существовавшимъ, я нашелъ за приличное, чтобъ въ Черниговѣ. которой сдѣланъ губернскимъ городомъ всей Малороссіи и которой потому заступилъ мѣсто Глухова, гдѣ прежде правительство всея тоя страны находилось, составить архивъ всѣхъ дѣлъ, до Малороссіи касающихся и въ различныхъ мѣстахъ безъ призрѣнія, каковое требовалось бы, оставленныхъ. Какъ-же оныхъ большая часть находится въ Глуховѣ въ разваливающемся каменномъ домѣ, подъ смотрѣніемъ исключеннаго изъ службы поручика Волчанецкаго, то я и препоручаю вашему превосходительству, принявъ мѣры къ назначенію въ Черниговѣ дома прочнаго и способнаго ко вмѣщенію всѣхъ тѣхъ бумагъ, сдѣлать распоряженія къ перевозкѣ оныхъ попервому зимнему пути, сперва изъ Глухова, а потомъ и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ находятся. На сопряженныя съ перевозкою издержки, а равно на разобраніе всѣхъ дѣлъ, приведеніе ихъ въ порядокъ и смотрѣніе, къ чему опредѣлю я чиновниковъ, способныхъ къ выполненію всего того, можно будетъ употребить покудова сумму, остающуюся отъ назначенной поросписанію экспедиціи о государственныхъ доходахъ на городскую въ Кременчугѣ полицію, и въ 1344 руб. 40 коп. состоящую. Я навсегда пребуду съ почтеніемъ моимъ къ вамъ, м. г. мой, вашего превосходительства покорный слуга Т. Салтыковъ [1]),

Сообщилъ **Ал. Ковалевскій.**

О большомъ пожарѣ въ г. Нѣжинѣ въ 1797 году. Объ этомъ пожарѣ въ „указѣ“ Малороссійскаго губернскаго правленія отъ 4 октября 1797 г. изложено слѣдующее: «Слушавъ рапортъ нѣжинскаго городничего коллежскаго совѣтника Вольховскаго опослѣдовавшемъ прошлаго сентября 14 числа въ г. Нѣжинѣ пожарѣ, отъ котораго сгорѣло домовъ каменныхъ тридцать три, деревянныхъ семьдесять четырѣ, да въ Благовѣщенскомъ монастирѣ въ большой и тра-

---

[1]) Письмо писано изъ Кіева, 27 октября 1797 г.

пезной церквѣ—одни только верхи, такъ же въ келіяхъ и въ домѣ нѣжинскаго малаго народнаго училища истреблены крыши, причемъ (городничій) доноситъ, что причина послѣдовавшаго пожара, по увѣренію посторонниxъ, была та, что въ домѣ Протченка перетопливаемо было для здѣлки свѣчей сало, въ чемъ, хотя Протченко и дворовые его люди при слѣдствіи потавлись, и опричинѣ показали себя не свѣдущими, однако далѣе производится слѣдствіе. *Приказали:* какъ изъ онаго репорта не значится-настоящей причины послѣдовавшаго пожара, то нѣжинскому городничему кол. сов. Вольховскому предписать, чтобы опоказанномъ пожарѣ учинилъ строгое аккуратнѣйшимъ образомъ изслѣдованіе, съ какого случая точно оной воспослѣдовалъ, стараяся всемѣрно открыть виновнаго и ежели найденъ будетъ, то поступилъ бы съ нимъ позаконамъ, и поисполненіи, репортовалъ правленію, не упустя донести и отомъ, былъ ли со стороны его къ пресѣченію сего пожара употреблены должныя способы и средства, и какіе именно, о чемъ и правительствующему сенату, въ посылаемомъ за прошедшій сентябрь мѣсяцъ осостояніи губерніи репортѣ, изъяснить. Аотносительно причиненнаго пожаремъ строенію народнаго училища поврежденія сообщить въ здѣшній приказъ общественнаго призрѣнія къ надлежащему опредѣленію. Что-жъ принадлежитъ до Благовѣщенскаго монастыря, объ немъ ожидать будетъ правленіе увѣдомленія со стороны духовной власти».

Сообщилъ **Ал. Ковалевскій.**

Народныя пѣсни Херсонскаго края.

А) Колыбельныя.

1.

Будь, кицю, весела,
Та пойидымъ до сыла.
Тамъ котыкъ меле,
Кыця насыпае,
А горобчыкъ, добрый хлопчыкъ
На дудочку грае,
А вороны, стары жоны
Пишлы танцюваты,
А сорокы билобокы
Весело спиваты,
А крюкъ—та за дрюкъ,
Пійшовъ розганяты:

„Ой, годи вамъ, стары сукы,
По ночамъ гуляты,
А на ничъ, та въ маршаричъ
Дитя колыхаты!“
(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

2.

Гойды, гойды, гойдысю,
Займы нашу тылусю,
Та пожыны въ толокы,
Тамъ травыци по бокы,
Та пожыны на пасы
И до дому прыжыны,
Надоимо молочка,
Напоимо козачка.
(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

3.

Гойды гойдыпо!
Куда йидышь? по сино!
Возьмы мене съ собою,
Буду тоби слугою
И волыкы попасу,
Обидаты прынысу,
А ты будышь сино класты,
А я буду волы пасты,
Галушычекъ наварю,
Подушычекъ постылю.
(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

4.

Китъ воркитъ
Та зъ виконычка скикъ,
А зъ виконця до долу,
У зелену диброву,
А дибровонька шумыть,
Наше мале дитя спыть.
(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

5.

Ой ну люли, котки два,
Ходыть до насъ обы—два,
До нашои хатыны,
Колыхаты дытыны,
Бо въ насъ дитя маленьке,
Воно спатки раденьке,

А щобъ спало, счастья мало,
Щобъ выросло—не болило,
На головку, на все тило.
(М. Глодоссы).

6.

Ой ну люли, коточку,
Та не сиды въ куточку,
Піймай соби мышку,
Та ходы въ колыску!
Мышка буде граты,
Котыкъ танцюваты,
А дытына спаты.
(М. Глодоссы). Кор. вар. у Чуб. IV, 26, № 34.

7.

Ой ну люли, коточокъ,
Та укравъ клубочокъ,
Та й понисъ до дочокъ;
„А нате вамъ, дочкы;
Клубокъ на сорочкы,
Шобъ вы голы не ходылы,
Шобъ васъ люды не судылы".
(М. Глодоссы). Ср. Чуб. IV, 21, № 17, В

8.

А-а-а люлята,
Паслы дивкы тылята
На попови толоци,
Тамъ травыци побаци,
А собакы сбрехалы,
Та попови сказалы,
А пипъ изъ полу,
Та выломавъ ногу,
А попадя съ печы,
Выломала плечы,
А наймычка зъ грубы,
Та побыла губы,
Дытына съ колыскы,
Та побыла нижкы,
А баранъ сгидъ лавы,
Дытыну рогамы.
(Б. Виска. Запис. В. Харченко).

9.

Щук рыба въ мори грае,
А ичка спать лягае.

Я рыбоньки да наловлю,
Ванички да наварю,
Ой я его да накормлю,
Ой я его заколышу.
А Ваничка буде спаты
А я буду колыхаты.
Колыбъ спало, счастья мало,
Колыбъ росло, не болило,
Ни на головку, ни на тило,
Съ р сточки въ косточку,
Съ ножечки хоть трошечки.
(Запис. отъ старухи изъ с. Сентова). Ср. Чуб. IV, 26, № 35.

Б) Дѣтскія.

1.

Бигла кыця топытыся,
А вовчокъ за нею дывытыся.
Тикы кыця въ ополонку,
А вовчокъ іи за головку
Смыкъ до горы!
(Б. Виска).

Варіантъ.

Бигло, бигло козынятко ледкомъ,
Воно бигло до полонкы,
Та й упало у полонку,
А цапочокъ за головку
Смыкъ до горы!
(Ново-архангельскъ. Запис. И. Шевко.

2.

Бомъ, бомъ!
Горыть кыцинъ домъ.
Пишла кыця по водыцю,
Та упала у кырныцю,
Пишовъ котыкъ вытягать,
Та ставъ кыцю мордувать.
(Тишковка. Запис. Мурашкинъ).

3.

Два пивнычка (2)
Горохъ молотять,
Дви курочкы (2)
Солому носять.
Зайчыкъ-Стыпанчыкъ
На скрыпочку грае,

А сорока билобока
Пишла таньцюваты,
А сова изъ гнизда
Та очамы хлупъ, хлупъ!
Якъ бы мини ны диточкы,
Пишлабъ и я тупъ, тупъ!
(Тишковка. Запис. Мурашкинъ).

4.

На городи вивци пасла,
Назбырала горщикъ масла,
А дижечку сыра,
Хлопцямъ разносыла.
Йижьте, хлопцы да вмочайте,
На сметану выбачайте!
Я казала ковалю:
Прыды, варенычкывъ изварю!
Прышовъ коваль, не заставъ,
Въ макыторку посвыставъ.
(Плетеный Ташлыкъ).

5.

Чырвогузе, дядьку,
Зробы мини хатку
И ставокъ, и млынокъ,
И цыбули грядку!
(Тишковка. Запис. Мурашкинъ).

В) Свадебныя.

Когда пекутъ шишки и коровай.

1.

Ой на хати та голубъ гуде,
А въ свитловьки та луна йде.
Тамъ Оксена споряжаецця,
Свого батынька пытаецця:
„Порадь мене, ты, мій батынько,
Стикы мини та дружокъ браты"?
—Быры, доню, всю родыночку
И блызкую, и далекую,
И убогую, и богатую.
Богатые все напытся,
А убогіе подывытся,
Богатые все пыть та гулять,
А убогіе у порога стоять,
А никому порадонькы дать.
(С. Григоро-Денисовка алекс. у. Запис. А. Илличевская). Кор. вар. у Чуб., IV, 584.

2.

Ой пошлю я галочку на Украиночку
По ридную родыночку.
Та нема галочкы зъ Украиночкы.
Та ни однои родыночкы.

(Б. Виска елис. у. запис. Т. Биланенко). Далекіе варр. у Чуб. IV, 67, № 5 и 283. № 716; Голов. II, 675.

2.

Пятныця почынаицця,
Суботонька коравайныця,
А недиленька маты,
Поможи намъ шишокъ бгаты.

(д. Акацатовка елисав. у. Запис. И. Даленко).

4.

Якъ коровай мисылы,
Медъ—горилочку пилы.
Дай, Боже, домисыты,
То будемъ ще питы.
Испыклы на мидочку,
Привизлы на визочку,
Чорнявому коровай мисылы,
Русявы заглядалы,
Та й соби переймалы.

(Тамъ-же записано, тѣмъ же лицомъ).

Когда невѣста ходитъ по селу приглашать на весилья.

5.

Ой высоко сонцо вгору йде,
А вже жъ наша Оксана зъ двору йде,
Червоною калыною квичаная,
Червони чоботкы на нози,
Шо купывъ Павлуша въ дорози.

(С. Григоро-Денисовка александрійск. у. Запис. А. Иллнчовская).

6.

Посыляны, городяны, просымо васъ,
Пропустите дориженьку за для насъ,
Ныхай перейде родына,
Шобъ дорога була счаслыва,
Бо въ насъ лыстоньки отъ короля,
Шобъ наша дорога проста була.

(Записана тамъ-же, тѣмъ же лицомъ).

7.

Стелыся, хмѣлю, по тыну,
А ты, золото, по ёму,

Бо йде дивчина до дому.
Помалу, бояре, коныкы гоныть,
Нашого выноградu не поломыть,
Бо нашъ виноградъ самъ порисъ,
Туды нашу дивчину Богъ понисъ.
(Б. Виска елисав. у. Запис. Т. Биланенко). Начало у Чуб. IV, 280, №, 704.

8.

По той бичокъ ставу
Клыче павычъ паву:
„Иды, иды, моя павочко,
Та й до мене (на) порадочку
Въ вышневый садочокъ,
На жовтый писочокъ
Щипать ягодочокъ.
(Тамъ-же записано тѣмъ-же). Дал. вар. въ Кіев. Ст. 1890 г. іюль, прил., 136, № 33

9.

Сяду впаду орлыцею передъ горныцею,
Стрепену я крыллячками помежъ дружечками.
(Д. Арнаутовка елисав. у. Запис. А. Яковскій). Дал. вар. ў Чуб., IV, 120 № 146.

10.

Болять у мене, моя ненько, крыжечки,
Падаючи добрымъ людямъ въ нижечки,
Старому (й) малому (й) Богови святому.
(д. Акацатовка елисав. у. Запис. И. Даленко).

11.

Ой, то ны гримъ гримыть,
То Марія бижить
Широкими вулычками
Зъ молодыми дружичками.

12.

Широкій лыстъ на калыни,
Вси дружки ленты погубилы.
Лышь Марія ны згубыла,
Бо Васыля полюбыла.
(Тамъ-же, записаны тѣмъ-же).

13.

Горобчику маленькый,
Въ тебе голосъ тоненькый,
Дай моій неньци знаты,
Що я вже коло хаты.
(Тамъ-же, записано тѣмъ-же).

Возвратившись домой, передъ домомъ невѣсты:

14.

Скрыпливыи воритичка уже не скрыплять,
Десь у мого батенька вси сплять,
Десь у мого батенька поснулы,
А за мене, молодую, забулы.

(с. Григоро-Денисовка александр. у. Запис. А. Илличевская).

Во время ужина у невѣсты:

15.

Ой понидъ горамы пшыныця ланами,
Та рано, рано, та ранесенько [1]).
Молода Оксанко, вечеряй изъ намы!
Мои подружечкы, вечерайте сами,
Уже жъ мини не гулять изъ вамы!

(с. Григоро-Денисовка алекс. у. Запис. А. Илличевская).

16.

Ой, ны сыды, Оксанко, бокомъ,
Це жъ тоби ны нарокомъ,
Прысунься блызенько,
Це жъ твое серденько.

(Тамъ же, записана тѣмъ-же лицомъ).

17.

Встань, Оксанко, подывысь,
Частуе батынько, поклонысь,
Бо такъ, Оксанко, годытцця:
Частуе батынько—кланяцця (тоже).

Поютъ дружки:

18.

Вы, буяры, вы, чужесторонци,
Ны бырыть по повни ложци,
Бырыть по половинци,
Шобъ стало всій родынци,
Бо въ Оксаны ридъ вылыкый,
Шобъ стало обдилыты. Тоже).

19.

Лытивъ чорный воронъ.
Майте, буяры, соромъ!
Десь вы сорому ны боитеся,
Шо вы дома ны найистыся (Тоже).

Въ воскресенье, когда вводятъ молодого въ домъ молодой:

---

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

20.

Та ны сюды, ны туды, Иванко, иды!
Возьми Явдошку пидведы,
Не сидай, Иванко, бокомъ,
Це жъ тоби ненарокомъ,
Сядь соби прямесенько,
Колы любишь вирнесенько.
Тоби, дружко, дружкуваты,
Молодому пануваты,
Шо вміе цилуваты.

(Записано отъ женщины изъ с. Алексѣевки елисаветгр. у.).

При выкупѣ молодой поютъ свашки:

21.

Ой, дивны люды городяны,
Ще й дывныйши посыляны:
За чарку горилки
Ны пускають до дивкы!

(д. Арнаутовка елисав. у. Запис. А. Янковскій).

Когда молодой сядетъ съ молодою.

22.

Ще жъ наша тарилочка ны циночана,
Ще жъ наша Танячка ны цилована.
Мы свою тарилочку оцинуемъ,
Мы свою Таничку поцилуемъ. (Тоже).

Если свашка забудетъ одарить дружекъ шишками, тогда дружки поютъ:

23.

Свашка ны ляпашка,
Шишокъ ны ляпыла,
Дружокъ ны дарыла,
Одну злипыла зъ сина,
Та й ту сама зъила.

(с. Григоро-Денисовка алекс. у. Запис. А. Илличевская).

Когда бояре рѣжутъ хлѣбъ, дружки поютъ:

24.

Йижте вы, бояре, йижте,
Та въ долони рижте,
Шобъ ваши долони щимилы,
Шобъ ваши перстени звинилы,
Шобъ васъ дружечки любилы,
Въ чужій сторони хвалилы.

(д. Арнауговка елисав. у. Запис. А. Янковскій).

Когда коровай рѣжутъ:

25.

Вы на Бога гляньте,
Пидошвы не крайте,
Музыци оставьте! (Тамъ же).

По возвращеніи въ хату со двора, послѣ танцевъ:

26.

Думай, думай ты, Оксанко, думай та—гадай
Брысты тоби дви ричевькы, а третій, Дунай!
Перебреду дви риченькы, а Дунаю ни,
За Дунаемъ черешенька зъ ягидкамы,
А вже жъ мини ны ходыты зъ дивочкамы.
(Григоро-Денисовка; А. Иличевская).

Когда покрываютъ молоду, дружки поютъ:

27.

Ваша кибалка поганка,
Наша китайка коханка.
Вашу кибалку пидъ стилъ,
Нашу китайку на стилъ.
(Арнаутовка. А. Янковскій).

Когда ведутъ старшую дружку домой:

28.

Ой, помалу, буяры, дружку ведите,
На неи сорочкы не порвите,
На неи сорочка шовкова,
Вона дочка попова. (Тамъ же).

Свашка, сидя на возу, на подушкахъ, поетъ:

29.

Хо-хо, зятиньку, хо-хо,
Наши подушки съ пуху,
Хто буде на ихъ спаты,
Той буде выкупляты. (Тамъ же).

При выѣздѣ молодыхъ:

30.

Остаюцця лавкы, прылавкы,
И прыпичкы, малёваны клынци.
А хто буде малюваты,
Якъ возьмуть Явдоху съ хаты?
(Б. Виска. Запис. Т. Билаченко).

По пріѣздѣ къ молодому:

31.

Старый оселедько
Не стоить за рѣдьку;
Не успивъ ожыныцця,
Стала жинка быцця (Тамъ же)

Въ понедѣльникъ, когда молодые ходятъ съ подарками:

32.

Ны стынайтесь, берегы,
Ны зглядайтесь, ворогы!
Пыкла Оксана пырогы,
Хоть ны пшынышны, то жытны,
Своему родови сподатни.
(Григоро-Денисовка. А. Илличевская).

33.

Ой сватъ добрый, а сваха лыхая:
Наварыла варенои, а намъ ны давала. (Тоже).

34.

Ой, ны гны(вы)ся, сватоньку, ны гны(вы)ся
Есть у тебе на кошари ягныця,
Вывыды на базаръ та продай,
Намъ горилочкы разгадай. (Тоже).

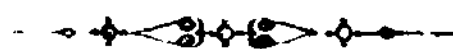
35.

А въ нашего свата
То съ сего, то съ того хата,
Зъ билои березы,
Прыданы тверези. (Тоже).

36.

Кучугуръ, кучугуръ на сватову хату!
Якъ ны дасы горилочкы, переверным хату!
Винъ кудрямы затрясе, горилочкы прынесе,
Лысиною блысне—горилочкы тысне. (Тоже).

Сообщилъ В. Н Ястребовъ.



БИБЛІОГРАФІЯ.

Новѣйшія статистическія изданія Полтавскаго Губернскаго Земства.

Нами только что получены послѣдніе два изъ изданныхъ Полтавскимъ земскимъ статистическимъ бюро «Сборниковъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи»: Сборникъ по роменскому (т. XII) и пирятинскому (т. XV) уѣздамъ, изданіе коихъ помѣчено (въ предисловіяхъ къ нимъ) октябремъ—декабремъ 1893 года. За годъ до этого полтавскимъ бюро изданы были въ свѣтъ тоже два тома, а именно: Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Лохвицкаго (т. XIII) и Кобелякскаго (т. XI) уѣздовъ, о которыхъ также еще не было отзыва въ нашемъ журналѣ.

За изданіемъ названныхъ сборниковъ можно ожидать, что въ 1894 году работы полтавскаго земско-статистическаго бюро по хозяйственному описанію губерніи будутъ закончены выпускомъ въ свѣтъ Сборника по константиноградскому уѣзду, послѣ чего, надо надѣяться, губернское земство поручитъ своему бюро сводку собранныхъ данныхъ по всей губерніи.

Изданіе этого свода итоговъ, полученныхъ при изслѣдованіи всѣхъ 15 уѣздовъ губерніи, вмѣстѣ съ общимъ обзоромъ главнѣйшихъ ея хозяйственныхъ условій въ текстовой разработкѣ по тѣмъ же отдѣламъ, по которымъ производилась эта разработка по каждому уѣзду въ отдѣльности, было бы желательно по многимъ причинамъ. Сборники по описанію нѣкоторыхъ уѣздовъ въ настоящее время стали уже до извѣстной степени библіографическою рѣдкостью, (такъ какъ въ продажѣ ихъ не имѣется); на ряду съ этимъ размѣры нѣкоторыхъ сборниковъ на столько велики, и всѣ они, въ совокупности, составляютъ настолько объемистое изданіе, что необходимую сводку матеріаловъ по цѣлой губерніи можетъ въ надлежащей подробности со-

ставить именно то самое бюро, которое составляло описаніе отдѣльныхъ уѣздовъ, а потому въ достаточной степени знакомо, какъ со свойствами собраннаго матеріала, такъ съ полученными изъ него по каждому уѣзду выводами. Помянутый сводъ свѣдѣній по цѣлой губерніи могъ бы имѣть, между прочимъ, еще и то значеніе, что, давъ цѣльное и ясное представленіе объ экономическихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія губерніи въ ея цѣломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ бы и лучшей постановкѣ дѣла обще—губернской оцѣнки въ цѣляхъ установленія правильнаго земскаго обложенія. Нельзя только не пожалѣть, что поуѣздная разработка статистическихъ матеріаловъ затянулась по полтавской губерніи на столь значительный періодъ времени. Первый выпускъ перваго тома сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи (зѣньковскій у., т. I, ч. I) изданъ былъ, какъ извѣстно, въ декабрѣ 1882 года; послѣдній, какъ мы сказали, ожидается въ 1894 году; слѣдовательно работы по описанію губерніи затянулись почти на 12 лѣтъ. Въ дѣйствительности, собственно мѣстное изслѣдованіе, какъ видно изъ предисловій къ послѣднимъ вышедшимъ сборникамъ по названнымъ выше уѣздамъ, закончено было въ 1889—1890 гг., такъ что заняло всего около 8 лѣтъ, но и это все таки много, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія сравнимости между собой данныхъ, добытыхъ въ столь отдаленное другъ отъ друга время. Отнюдь не думая относить это къ винѣ самого бюро, ограниченнаго въ своемъ составѣ размѣрами средствъ, ежегодно ассигнуемыхъ на веденіе статистики земствомъ и, несомнѣнно, не имѣвшаго возможности исполнить работу скорѣе того, чѣмъ она была исполнена, при необходимости подробной разработки данныхъ по каждому уѣзду и, наконецъ, при наличности такой крупной перемѣны въ ея рабочемъ составѣ, какъ смѣна завѣдующаго работами (вслѣдствіе кончины Н. А. Терешкевича),—мы хотимъ только сказать, что обще—губернская сводка имѣла бы еще и то въ высокой степени важное значеніе, что, при нѣкоторомъ подновленіи наиболѣе устарѣвшихъ данныхъ, увеличила бы сравнимость собранныхъ матеріаловъ.

Всѣ четыре сборника по названнымъ выше уѣздамъ обработаны и изданы подъ редакціей завѣдующаго статистическимъ бюро, г. Кулябко-Корецкаго, причемъ на завѣдующемъ лежало лишь наблюденіе, контроль и руководство ходомъ работъ, такъ какъ ни въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, ни въ текстовой разработкѣ матеріала (составленіе отдѣльныхъ главъ по общему описанію каждаго уѣзда) онъ не участвовалъ. Не находя объясненія этому въ самихъ изданныхъ сборникахъ, мы

можемъ, съ значительною долею вѣроятности, объяснить это тою трудностью, которая безусловно неизбѣжна при обработкѣ статистическаго матеріала, собраннаго безъ участія завѣдующаго. Обработывать такой матеріалъ всегда должны по возможности именно тѣ лица, которыя принимали личное участіе въ его собираніи и не только знаютъ въ деталяхъ всѣ его недостатки и особенности, но и самолично ознакомились уже съ экономической физіономіей каждаго подлежащаго описанію уѣзда.

Названные Сборники составлены, въ общемъ, по образцу описаній прежде изслѣдованныхъ уѣздовъ. Данныя подворной переписи разработаны въ видѣ однѣхъ только посѣленныхъ таблицъ, безъ приложенія какихъ бы то ни было групповыхъ или комбинаціонныхъ подсчетовъ; при этомъ поселенный подсчетъ данныхъ по каждому поселку проведенъ особо для каждой сословной группы мѣстнаго населенія, сводка же подворныхъ данныхъ, какъ и въ предшествующихъ изданіяхъ, произведена не только поволостная и по-сословная, но также и по-районная. Вся текстовая разработка тоже пріурочена, по возможности, къ обстоятельному выясненію и характеристикѣ естественныхъ районовъ каждаго уѣзда.

Къ поселеннымъ таблицамъ приложены обстоятельно составленныя «примѣчанія», въ видѣ описанія отдѣльныхъ селеній. Можно пожалѣть только, что описанію поселеній каждой отдѣльной волости не предшествуетъ общій обзоръ главнѣйшихъ, типичнѣйшихъ экономическихъ ея особенностей. При такомъ—конечно, краткомъ—обзорѣ волости, многое, что приходится повторять при послѣдовательномъ изложеніи примѣчаній къ каждому селенію, вошло бы уже въ этотъ общій очеркъ волости. Этимъ было бы достигнуто значительное сокращеніе примѣчаній, занимающихъ въ каждомъ сборникѣ довольно много мѣста, и вмѣстѣ съ тѣмъ такая сводка значительно облегчила бы ознакомленіе съ каждой волостью въ отдѣльности, а также и сравненіе ихъ другъ съ другомъ.

Изложеніе всѣхъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело статистическое изслѣдованіе названныхъ выше 4-хъ уѣздовъ, и которые изложены свыше чѣмъ на 3600 страницахъ убористой печати, потребовало бы слишкомъ много мѣста, и настоящая замѣтка, неизбѣжно, разрослась бы за предѣлы библіографическаго отзыва. Поэтому въ данномъ случаѣ мы остановимся только на болѣе интересующихъ насъ отдѣлахъ разбираемаго изданія, именно на главахъ, трактующихъ о распредѣленіи земельной собственности, о формахъ землевладѣнія въ

названныхъ уѣздахъ, высказавъ при этомъ нѣкоторыя собственныя соображенія по поводу сообщаемыхъ Сборниками фактовъ.

Роменскій уѣздъ, какъ оказывается по собраннымъ даннымъ, можетъ быть названъ, по преимуществу, дворянскимъ уѣздомъ—съ той точки зрѣнія, что въ немъ «дворянское землевладѣніе занимаетъ болѣе выдающееся мѣсто среди частнаго землевладѣнія, чѣмъ вообще въ губерніи» и «наибольшее количество земель частновладѣльческихъ принадлежитъ крупнымъ имѣніямъ дворянъ, сохранившихъ въ этомъ уѣздѣ свои помѣстья болѣе прочно, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ полтавской губерніи». Наиболѣе крупныя имѣнія принадлежатъ въ немъ дворянамъ (17 имѣній отъ 500 до 1000 десятинъ, девять имѣній свыше 1000 десятинъ). Владѣнія купцовъ не превышаетъ 900 десятинъ, духовенства—300, а евреевъ и мѣщанъ—200 десятинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшее число частныхъ владѣльцевъ (75%) имѣетъ меньше 50 десятинъ каждый, болѣе 20% ихъ имѣютъ отъ 50—500 десятинъ, и только около 5%—болѣе 500 десятинъ; эту послѣднюю группу и составляютъ только дворяне. Послѣдніе, вмѣстѣ съ чиновниками, держатъ въ своихъ рукахъ 87,8% общаго количества частновладѣльческихъ земель, купцы только 5,1%, духовенство—4,4% и мѣщане съ евреями—2,7%. При всемъ этомъ, однако, сравненіе количества земель частнаго владѣнія съ размѣрами землевладѣнія крестьянскаго приводитъ къ убѣжденію, что земли перваго рода составляютъ только 40% всѣхъ земель въ уѣздѣ, слѣдовательно, крестьянское землевладѣніе все таки преобладаетъ надъ частно-владѣльческимъ. Если же сравнить другъ съ другомъ число частныхъ владѣльцевъ съ количествомъ фактически владѣющихъ землею хозяйствъ въ сельскихъ обществахъ (казацкихъ, крестьянскихъ, мѣщанскихъ), то первые составляютъ всего около 4% общаго числа владѣющихъ землею, а послѣдніе (т. е. представители крестьянскаго землевладѣнія)—96%; сообразно этому средній размѣръ владѣнія (на 1 владѣльца) у послѣднихъ не достигаетъ 6 десятинъ, а у частныхъ владѣльцевъ превышаетъ 80 десятинъ на одного. Подобное же отношеніе сохраняется и въ лохвицкомъ уѣздѣ, (около 6 десятинъ—на владѣльца, принадлежащаго къ сельскимъ обществамъ, и 76 десятинъ на частнаго владѣльца), при чемъ землевладѣніе частное составляетъ 41, а сельско-общественное 59% общаго количества земель въ этомъ уѣздѣ; дворянамъ по количеству земли принадлежитъ тоже первое мѣсто (83% всѣхъ земель частнаго владѣнія) въ сферѣ частнаго владѣнія, причемъ въ общемъ числѣ частныхъ владѣльцевъ дворяне составляютъ

52%. Въ пирятинскомъ уѣздѣ хотя мелкіе частные владѣльцы (до 50 десятинъ) и составляютъ громадное большинство частныхъ владѣльцевъ этого уѣзда—71% (въ лохвицкомъ уѣздѣ 75%), но площадь земли, имъ принадлежащей, занимаетъ только 7% (въ лохвицкомъ уѣздѣ около 12%) всей площади частнаго землевладѣнія. Дворянское землевладѣніе по количеству земли даетъ 91% всѣхъ земель частнаго владѣнія, а по числу владѣльцевъ свыше 50%. Въ общемъ, частное землевладѣніе даетъ 56,5, а сельско-общественное 43,5% земель въ уѣздѣ, причемъ средній размѣръ частнаго владѣнія 112 десятинъ на владѣльца, а сельско-общественнаго по 5 десятинъ на хозяйство. Наоборотъ, въ кобелякскомъ уѣздѣ 3/5 удобной земли уѣзда находится въ владѣніи сельскихъ сословій, вслѣдствіе чего этотъ уѣздъ можно назвать, по преимуществу, уѣздомъ съ преобладаніемъ сельско-сословнаго землевладѣнія, и въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ, какъ оказывается, первое мѣсто среди другихъ (раньше его описанныхъ) уѣздовъ полтавской губерніи, гдѣ площадь земли, принадлежащая сельскимъ сословіямъ, колеблется между 43% (полтавскій у.) и 56% (зѣньковскій уѣздъ). При этомъ средніе размѣры землевладѣнія таковы: у сельскихъ сословій по 7 съ небольшимъ десятинъ на дворъ, у частныхъ владѣльцевъ 77 десятинъ въ среднемъ на одного. Дворяне составляютъ 3/4 общаго числа частныхъ владѣльцевъ въ уѣздѣ, и имъ принадлежитъ болѣе 4/5 частно-владѣльческой земли; они же и самые крупные частные владѣльцы въ уѣздѣ.

«Формы землевладѣнія всѣхъ вообще сельскихъ сословій (считая въ томъ числѣ дворянъ, духовенство, купцовъ, и мѣщанъ, владѣющихъ землями не въ городѣ, а также и лицъ, входящихъ въ административномъ отношеніи въ составъ сельскихъ обществъ и волостей) въ полтавской губерніи опредѣлены актомъ генеральнаго межеванія ея 1858—1884 годахъ, т. е. въ тотъ періодъ, когда рядомъ законовъ опредѣлены были и права земельной собственности крестьянъ разныхъ наименованій. На основаніи правъ, существовавшихъ въ губерніи прежде, и цѣлаго ряда полюбовныхъ соглашеній между владѣльцами, всѣ земли полтавской губерніи, а слѣдовательно и роменскаго уѣзда, раздѣлены были на два разряда: особняки или отрубные участки, въ которыхъ землевладѣлецъ не стѣсненъ ничьимъ постороннимъ личнымъ или общественнымъ правомъ, и черезполосные районы, въ которыхъ право хозяйничать на своихъ полевыхъ участкахъ ограничено установленною трехпольною системою хозяйства, при чемъ 1/3 часть пая каждаго владѣльца, какого бы сословія онъ ни былъ, еже-

годно поступаетъ въ общее пользованіе владѣльцевъ, замежеванныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ общесмѣнный трехпольный районъ. Какъ отрубные особняки, такъ общесмѣнныя земли, отмежеванныя одни отъ другихъ, сохраняютъ свои свойства при переходѣ въ руки лицъ того или другаго сословія, привиллегированныхъ или непривиллегированныхъ».

Сдѣлавъ это необходимое разъясненіе и приступая затѣмъ къ выясненію формъ землевладѣнія въ сферѣ земель, принадлежащихъ сельскому—преимущественно, козацкому и крестьянскому—сословіамъ «на правѣ личнаго пользованія», составители XII тома (по роменскому уѣзду) оговариваются, что «о земляхъ личнаго пользованія членовъ сельскихъ обществъ и владѣніи ихъ отрубными участками на хуторахъ (мы) совершенно умолчимъ, *предполагая* [1]), что они ничѣмъ не отличаются отъ формъ частнаго личнаго владѣнія и пользованіи лицъ привиллегированныхъ сословій». Признавая такое предположеніе, въ общемъ, весьма основательнымъ, мы не можемъ не высказать, съ своей стороны, сожалѣнія, что изслѣдователи, въ виду одной только вѣроятности подобнаго предположенія, не попробовали все таки заняться ихъ изученіемъ. При отсутствіи послѣдняго, мы можемъ судить о формахъ владѣнія въ средѣ сельскихъ сословій землями отрубными и владѣемыми «на правахъ личнаго пользованія» только по аналогіи, на которую указываютъ сами изслѣдователи, т. е. именно только по *предположенію*. Между тѣмъ самая распространенность «участковаго»—подворно-наслѣдственнаго владѣнія въ сферѣ земель сельско-общественныхъ даетъ нѣкоторое основаніе думать, что нѣкоторыя бытовыя особенности относительно права владѣнія, пользованія, наслѣдованія по мужской и женской линіи, перехода земель при семейныхъ раздѣлахъ, пользованія землями выморочными и проч., которыя такъ подробно описывается въ Полтавскихъ сборникахъ въ отношеніи земель сельскихъ обществъ, могли хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ, хотя бы въ малой мѣрѣ и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, перенестись и на земли отрубныя, или на земли, принадлежащія лицамъ сельскихъ сословій «на правахъ личнаго пользованія». Вопросъ этотъ о вліяніи бытовыхъ особенностей весьма интересенъ и могъ бы быть выясненъ только детальнымъ изученіемъ, которое даже и въ томъ случаѣ, если бы оправдались предположенія изслѣдователей, все таки оказалось бы въ извѣстномъ выигрышѣ, превративъ болѣе или менѣе вѣроятное *предположеніе* въ *констатированный изслѣдованіемъ фактъ*, уже не подлежащій сомнѣнію.

[1]) Курсивъ нашъ.

Данное изслѣдованіе констатируетъ относительно участковыхъ земель увеличивающееся ихъ дробленіе, ведущее къ обезземеленію, (роменскій уѣздъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на увеличеніе власти «громады» по отношенію къ выморочнымъ землямъ и къ землямъ, «особенно размножающихся за послѣдніе годы», переселенцевъ. Выморочные участки, оставшіеся послѣ смерти членовъ общества, дѣлаются общимъ достояніемъ громады, которая и распоряжается ими по своему усмотрѣнію, (роменскій, лохвицкій, кобелякскій уѣзды), какъ распоряжается нерѣдко и проданными переселенцами участками, особенно, если переселенцы возвращаются домой послѣ неудачныхъ переселеній (роменскій у.). Въ лохвицкомъ уѣздѣ дѣлающая раскладку податей и недоимокъ громада, въ виду общественныхъ нуждъ, начинаетъ даже ограничивать право собственности отдѣльныхъ членовъ передачею имущества другимъ членамъ, а не прямымъ наслѣдникамъ, хотя въ подобныхъ распоряженіяхъ громады, по мнѣнію изслѣдователей, «можно видѣть проявленіе ея власти не только по отношенію къ праву собственности членовъ, сколько по сотношенію къ ихъ личному труду, который «считается основой для добыванія доходовъ». Въ пирятинскомъ уѣздѣ, гдѣ права громады на землю отдѣльныхъ членовъ проявляются только на выморочныхъ земляхъ, она иногда присваиваетъ себѣ и право рѣшенія дѣлъ по неправильному завладѣнію земли. Явленія этого порядка указываютъ на происходящія въ участковомъ владѣніи измѣненія коренныхъ устоевъ подворно-наслѣдственнаго владѣнія, при которомъ,—въ его чистомъ въ видѣ—владѣлецъ земли является полноправнымъ и единственнымъ ея распорядителемъ, а громада не имѣетъ никакихъ правъ на землю отдѣльныхъ членовъ. Но измѣненія эти вообще очень слабы и хотя, въ извѣстномъ смыслѣ, и представляютъ переходъ къ общинѣ, при которой именно громада пріобрѣтаетъ верховныя права на находящіяся у отдѣльныхъ членовъ земли, но далеко еще не даетъ права думать, чтобы населеніе склонялось къ общинной формѣ землевладѣнія. Не доказываютъ этого и замѣченные изслѣдованіемъ факты существованія земельныхъ передѣловъ въ отдѣльныхъ обществахъ, такъ какъ факты эти весьма малочислены и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объясняются извѣстными мѣстными особенностями.

Въ лохвицкомъ уѣздѣ встрѣчается лишь одинъ случай общиннаго владѣнія въ средѣ крестьянъ с. Свѣтличнаго. Село это принадлежало раньше женскому монастырю и еще въ то время крестьяне практиковали земельные предѣлы; послѣдній изъ нихъ былъ въ 1887

году, причемъ земля была раздѣлена не только по мужскимъ, но и по женскимъ душамъ. Къ сожалѣнію, можно только предполагать, что существованіе общины въ этомъ селеніи вызвано какими либо особенностями его прежняго быта подъ властью монастыря, такъ какъ изслѣдованіе не выяснило исторіи происхожденія данной общины, ограничившись лишь констатированіемъ интереснаго факта. По роменскому уѣзду указано 6 случаевъ душеваго общиннаго владѣнія съ періодическими передѣлами полевой земли. Въ одномъ изъ нихъ (общество Чернецкаго и Загойкова хуторовъ) причиной передѣла послужилъ уходъ 11 хозяевъ, бросившихъ свои надѣлы въ пользу общества, въ другомъ (с. Гривки)—не только уходъ части хозяевъ, но и накопленіе надѣловъ выморочныхъ, никому лично не принадлежащихъ. Въ двухъ (Чернечья Слобода и х. Снѣжки) мотивомъ передѣла выставлено въ приговорахъ желаніе крестьянъ «уравнять владѣніе» и «поддержать благосостояніе», причемъ земля въ Снѣжкахъ, какъ и въ указанномъ случаѣ по лохвицкому уѣзду, тоже раздѣлена по душамъ обоего пола—по всѣмъ «ѣдокамъ». Выставленный въ приговорѣ мотивъ не объясняетъ однако исторіи возникновенія общины въ этихъ двухъ селеніяхъ на почвѣ подворнаго землевладѣнія; зная всю трудность такого перехода, можно думать, что не одинъ этотъ мотивъ руководилъ крестьянами, когда они впервые рѣшились на передѣлъ подворныхъ земель, и были какія либо иныя, болѣе, такъ сказать, ощутительныя причины, въ родѣ, напр., тѣхъ, какія были замѣчены въ Чернецкомъ, Загойковѣ и Гривкахъ, гдѣ стремленіе членовъ общества воспользоваться оставшимися за обществомъ землями, при сознаніи одинаковости правъ каждаго на «общескую» землю, вынудило крестьянъ произвести общій земельный передѣлъ въ виду того, что въ данный моментъ всѣмъ или большинству хозяевъ онъ былъ выгоднѣе стараго порядка. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе не даетъ исторіи происхожденія общины въ названныхъ селеніяхъ. Надо замѣтить при этомъ, что нѣкоторые изъ описанныхъ случаевъ перехода къ общинному владѣнію, повидимому, не содержатъ въ себѣ данныхъ для дальнѣйшаго существованія общины, напр.: м. Хмѣлово, раздѣлившее (неизвѣстно почему) казенно-надѣльныя земли въ 1866 г. на ревизскія души, ходатайствомъ своимъ о *выкупѣ земель въ видѣ подворныхъ участковъ* съ несомнѣнностью доказываетъ, что произведенный передѣлъ имѣлъ цѣлью установить *прежнее подворное* владѣніе, но только при новомъ распредѣленіи земли между членами общества. Особенныя причины передѣловъ въ Гришевкѣ, Снѣжкахъ, а также и

въ Малыхъ Будкахъ, гдѣ первый передѣлъ былъ слѣдствіемъ отрѣзки отъ общества части подворно-распредѣленнаго уже надѣла въ чужія руки, тоже не даютъ основанія предполагать прочность новоустановленной формы владѣнія, такъ какъ съ производствомъ передѣла въ послѣдующемъ можетъ уже и не оказаться тѣхъ особенныхъ причинъ, которыя неизбѣжно привели крестьянъ къ необходимости уравнительной разверстки земельнаго владѣнія.

Среди 232-хъ обществъ крестьянъ—собственниковъ пирятинскаго уѣзда передѣлы—и то единовременные—были только въ двухъ обществахъ: въ одномъ—вслѣдствіе отрѣзки части земли послѣ отвода надѣла, въ другомъ—вслѣдствіе прирѣзки участка земли къ надѣлу. У казенныхъ же крестьянъ этого уѣзда передѣлы, введенные у нихъ при устройствѣ ихъ поземельнаго быта въ 1839 г., удержались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до настоящаго времени, а именно: изъ 58 «въ 10 обществахъ замѣчается склонность къ передѣламъ, при чемъ въ послѣдніе годы за единицу уравненія принимается уже не ревизская душа, а наличная душа мужскаго пола». Но самаго широкаго распространенія общинная форма землевладѣнія достигла въ южномъ, кобелякскомъ уѣздѣ. Въ прежде описанныхъ 11 уѣздахъ полтавской губерніи общинная форма владѣнія землею замѣчалась, за самыми малыми исключеніями, преимущественно только у казенныхъ крестьянъ; здѣсь же, на ряду съ послѣдними, общинное землевладѣніе имѣетъ мѣсто и у воинскихъ поселянъ, и у казаковъ и у крестьянъ-собственниковъ, при чемъ казачье общинное землевладѣніе, по крайней мѣрѣ, мѣстами, оказывается даже довольно устойчивымъ. Есть общины, производящія передѣлы земель періодически, черезъ извѣстные сроки, есть и такія, которыя произвели только по одному передѣлу; при этомъ техника передѣловъ доведена мѣстами уже и до извѣстнаго совершенства. Мѣстами, кромѣ пашенъ и покосовъ, идетъ въ передѣлъ и лѣсъ.

Въ формахъ пользованія землями, находящимися въ хозяйственномъ распоряженіи цѣлыхъ обществъ, т. е. выгонами и «общественными» землями, кобелякскій уѣздъ, хотя и представляетъ большое разнообразіе, но также выдѣляется присутствіемъ общинныхъ элементовъ. Такъ, напр., одна изъ формъ пользованія общественными землями заключается въ этомъ уѣздѣ въ томъ, что работы (рубка лѣса, косьба сѣна) производятся всѣмъ обществомъ, а продукты распредѣляются между членами общества по числу дворовъ, душъ или по инымъ основаніямъ. Мѣстами общественныя земли дѣлятся между чле-

нами общества на тѣхъ же началахъ, на коихъ передѣляется земля при общинномъ землевладѣніи между членами общины, т. е. при посредствѣ періодическихъ и не періодическихъ передѣловъ, производимыхъ по извѣстнымъ единицамъ и основаніямъ. Въ то время, какъ въ помянутыхъ выше уѣздахъ товарищескія покупки земель крестьянами при помощи крестьянскаго банка, обыкновенно, сопровождаются *неравномѣрнымъ* распредѣленіемъ покупаемой земли между сопокупщиками, въ кобелякскомъ уѣздѣ «раздѣлъ купленной земли при содѣйствіи крестьянскаго банка между членами товарищества производился, въ большинствѣ случаевъ, на *равныя* доли по числу покупщиковъ и сравнительно, рѣже неравномѣрно».

Въ матеріалахъ по кобелякскому уѣзду указывается также на присутствіе въ уѣздѣ общественныхъ запашекъ. Мѣстами онѣ введены по собственной инициативѣ крестьянъ, мѣстами по приказанію свыше; работы на запашкахъ производятся, обыкновенно, сообща, всѣмъ обществомъ. Практикуются запашки всего лишь въ 15—20 селеніяхъ и, повидимому, не располагаютъ особыми шансами для своего развитія и распространенія. Намъ думается, что такъ оно всегда и должно быть въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ подворно-наслѣдственная форма владѣнія, которая сама по себѣ составляетъ—въ отношеніи выдѣла земель подъ запашки—извѣстное препятствіе устройству общественныхъ запашекъ, точно такъ же, какъ отсутствіе въ населеніи общинныхъ традицій не благопріятствуетъ примѣненію артельнаго труда на тѣхъ же запашкахъ. Изслѣдованіе дѣйствительно констатируетъ, что развитію запашекъ мѣшаетъ въ кобелякскомъ уѣздѣ недостатокъ свободныхъ общественныхъ земель во многихъ общинахъ, и что, по мнѣнію жителей д. Шведѣева, «общественную запашку можно только заводить при общинномъ землевладѣніи, когда по постановленію общества легко отвести 10—20 десятинъ, сообща выорать, посѣять и т. д.; при личномъ же землевладѣніи, въ связи съ малоземельемъ и отсутствіемъ общественныхъ земель, запашка не осуществима».

Л. С. Л.

Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги царствъ» въ собраніи рукописей библіотеки и Новороссійскаго университета. М. Г. Попруженко. Од. 1894 г.

Въ числѣ рукописей, нѣкогда пожертвованныхъ И. Новороссійскому университету знаменитымъ ученымъ В. И. Григоровичемъ, на-

ходится и пріобрѣтенная имъ во время путешествія, въ Рыльскомъ монастырѣ, рукопись «Книги царствъ», писанная въ Сербіи, въ началѣ XV в., когда происходила дѣятельность Константина Философа (Констенчскаго) относительно исправленія и приведенія въ порядокъ текстовъ св. Писанія, результатомъ чего и явились знаменитые ресавскіе изводы. Рукописью «Книги царствъ» занимался еще Григоровичъ, на важность ея указывалъ акад. Ягичъ; но лишь недавно она стала предметомъ обстоятельнаго спеціальнаго изслѣдованія со стороны молодого Одесскаго слависта М. Г. Попруженка, посвятившаго свой трудъ памяти Григоровича. Такъ какъ въ этомъ трудѣ сдѣлано исключительно филологическое обозрѣніе рукописи, то мы и не остановились бы на немъ, если бы авторъ (къ сожалѣнію, только мимоходомъ) не затронулъ вопроса, важнаго въ исторіи литературы юго-западной Руси въ XVI в.—о составленіи Острожской библіи.

Изъ признанія, находящагося въ предисловіи къ изданію Острожской библіи, видно, что для этого дѣла не доставало ни способныхъ людей, ни полныхъ списковъ библіи. Полнѣйшій списокъ полученъ былъ отъ царя Ивана Грознаго и былъ сравниваемъ съ другими списками, причемъ, конечно, обнаружились большія разнорѣчія. Тогда начали просить въ разныхъ мѣстахъ о присылкѣ библейскихъ изводовъ, уже вполнѣ исправныхъ, причемъ обращались во многіе болгарскіе и сербскіе монастыри. По возвращеніи посланныхъ туда лицъ, очевидно, съ новыми списками библіи, опять приступлено было къ работѣ, путемъ сличенія разныхъ списковъ между собою, а также и съ греческими и латинскими текстами, результатомъ чего и было изданіе 1581 г. Острожской библіи. М. Г. Попруженко высказываетъ мнѣніе (Приложеніе стр. 173 —174), что въ Острогъ были доставлены именно широко распространенные тогда въ Сербіи писанные лицами школы Константина Философа, ресавскіе изводы, къ числу которыхъ онъ относитъ и рукопись «Книги царствъ» и сходный съ нею списокъ могъ быть, поэтому, въ рукахъ издателей Острожской библіи. Въ доказательство авторъ дѣлаетъ сопоставленіе нѣсколькихъ отрывковъ изъ Острожской библіи и Одесской рукописи (стр. 175—183). Сходство дѣйствительно открывается значительное, и мнѣніе М. Г. Попруженка о вліяніи ресавскихъ изводовъ на Острожскую библію, повидимому, не безосновательно; но отрывковъ приведено всего 6 (конечно, только и относящихся къ Книгѣ Царствъ), и вообще авторъ лишь затронулъ этотъ вопросъ, который нуждается въ болѣе детальномъ изученіи, особенно, въ виду послѣдующаго значенія Острож-

ской библіи. Даже странно, что этотъ первостепенной важности памятникъ нашей письменности до сихъ поръ не сталъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія со стороны нашихъ филологовъ.

А. М.

Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украйны. Д. И. Багалѣя. Харьковъ. 1893 г. стр. 176, цѣна 1 руб.

Книга, заглавіе которой мы выписали, состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—31) сообщаются свѣдѣнія о «стихійныхъ бѣдствіяхъ и борьбѣ съ ними въ Харьковскомъ краѣ въ XVII—XIX в. в.» Отдѣлъ этотъ, въ свою очередь, распадается на три главы. Въ первой (стр. 1—17) описываются различныя эпидеміи, отъ времени до времени посѣщавшія южную Россію, а именно: чума 1688 г., моровое повѣтріе 1701 г., чума 1718—1719 г., моровая язва 1738—1739 г., холера 1830—1831 г. и 1848—1849 г.; при описаніи всѣхъ этихъ эпидемій, авторъ обращаетъ главное вниманіе на ихъ распространеніе въ харьковскомъ краѣ и на тѣ средства, какія предпринимались съ цѣлію ослабленія губительнаго дѣйствія эпидемическихъ болѣзней. Во второй главѣ (стр. 17—21) говорится о «голодныхъ годахъ»: 1699, 1787, 1821, 1833 и 1848; авторъ при этомъ обращаетъ вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что голодные годы часто совпадали съ эпидемическими, и недородъ хлѣба въ харьковскомъ краѣ происходилъ, преимущественно, отъ различныхъ стихійныхъ бѣдствій въ родѣ засухи, нашествія саранчи и т. п., а вовсе не отъ неблагопріятныхъ условій климата или почвы Слободской Украйны. Въ слѣдующей третьей главѣ (стр. 21—31) сообщаются краткія свѣдѣнія о землетрясеніяхъ, пожарахъ и наводненіяхъ; землетрясенія въ харьковскомъ краѣ имѣли мѣсто въ 1738, 1815 и 1838 годахъ; гораздо чаще, именно: въ 1704, 1731, 1733, 1738, 1803, 1804, 1832, 1833, 1837 и 1841 годахъ страдалъ харьковскій край отъ пожаровъ, которые притомъ, въ большинствѣ случаевъ, бывали весьма опустошительны и разорительны для населенія; наконецъ, изъ наводненій самымъ сильнымъ и замѣчательнымъ было наводненіе 1853 года, захватившее значительную часть нынѣшней харьковской губерніи и сопровождавшееся даже человѣческими жертвами.

Во второмъ отдѣлѣ «замѣтокъ и матеріаловъ» (стр. 32—62) помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Историческія повѣсти и статьи

Г. Θ. Квитки»; наши читатели уже знакомы съ содержаніемъ этой интересной статьи, которая раньше печаталась на страницахъ «Кіевской Старины» (августъ 1893 г. стр. 215—244).

Третій отдѣлъ книги (стр. 63—68) посвященъ библіографической замѣткѣ о новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской Украйны, а самые матеріалы сообщаются въ четвертомъ отдѣлѣ изданія Д. И. Багалѣя (стр. 68—176). Здѣсь неутомимый изслѣдователь Слободской Украйны обнародываетъ пока 28 изъ открытыхъ имъ памятниковъ, а именно: 1) Описаніе г. Мояцка 1666 года; 2) описаніе укрѣпленій г. Суджи 1668 тода; 3) Описаніе города Мирополья 1671, 1678, 1685, 1702, 1706, 1707, и 1709 годовъ; особенно замѣчательно описаніе Мирополья, относящееся къ 1671 году, какъ своею обстоятельностію, такъ равно и тѣмъ, что въ немъ, между прочимъ, упоминается о существованіи въ Миропольѣ, сравнительно незначительномъ слободско-украинскомъ городкѣ, трехъ школъ; изъ этого можно заключить, что въ то время (во второй половинѣ XVII в.) существовали школы и въ другихъ городахъ Слободской Украйны; а между тѣмъ до насъ не сохранилось никакихъ извѣстій объ этихъ школахъ, равно какъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ Слободской Украйнѣ намъ ничего неизвѣстно до самаго начала XVIII в.; 4) Описанія города Острогожска 1672, 1677, 1683, 1687, 1690 и 1694 годовъ; 5) Выпись сотнику Вдовиченку на имѣніе въ Сумскомъ уѣздѣ на вершинѣ рѣчки Бобрика 1676 года; 6) Дозволительный листъ Краснопольскаго Осадчаго на заимку 1676 года; 7) Описаніе новопостроеннаго города Краснополья, составленное воеводой Иваномъ Кусаковымъ въ 1685 году; 8) Описаніе г. Недрыгайлова 1690 —1708 годовъ; 9) Списки служилыхъ острогожскихъ людей, высланныхъ изъ Острогожска на службу 1692, 1695, 1701 г. 10) Отказная отъ сотнички вдовы Федоры Гребенички Андрею Герасимову на Гребенниковку 1696 г. 11) Отказная на хуторъ Пѣщаной Бродъ и мельницу на рѣкѣ Сулѣ Андрею Герасимовичу Кондратьеву 1699 г. 12) Досмотръ Черкасъ слободы Терновой 1702 г. 13) Письмо графу Вейсбаху 1732 г. 14) Рапортъ сотн. Кременецкаго о земляхъ Городнянской сотни 1749 г. 15) Рапортъ въ Ахтырскую полковую канцелярію сотника Колонтаевскаго о земляхъ Колонтаевской сотни 1749 г. 16) Указъ Бѣлгородской канцеляріи о козакахъ, попавшихъ въ подданные 1749 г. 17) Инструкція прикащику Тихону Остафьеву 1751 года. 18) Челобитная бригадиру В. П. Капнисту 1752 г. 19) Вѣдомость, коликое число Ахтырскаго полку въ ниже-

писанныхъ сотняхъ и приписныхъ селахъ по поданнымъ сентябрьскимъ вѣдомостямъ состоитъ казаковъ свойственныхъ и подпомощниковъ и въ нихъ дворовъ, избъ и бездворныхъ имѣется и со оныхъ годоваго оклада взымать надлежитъ, значитъ подъ симъ декабря 4 дня 1764 года. 20) Отзывъ о винномъ откупѣ въ городахъ слоб. украинскаго намѣстничества 1784 г. 21) Вѣдомость о числѣ жителей въ харьковскомъ намѣстничествѣ и о сборахъ 1785 г. 22) О секретарѣ Басевскомъ 1786 г. 23) Письмо управляющаго Торяникова къ помѣщику П. А. Щербинину 1785 года. 24) Письмо управляющаго Торяникова къ помѣщику П. А. Щербинину 1786 года. 25) Письмо управляющаго Торяникова къ помѣщику П. А. Щербинину 1786 г. 26) Вѣдомость о числѣ состоящихъ въ Харьковскомъ Намѣстничествѣ по послѣдней ревизіи разнаго званія людей, сколько при нынѣшнемъ наборѣ рекрутъ взять положено, и въ мѣсто рекрутъ деньгами собрать слѣдуетъ. 27) Вѣдомость о доходахъ и расходахъ въ Бабаевской и Должанской экономіяхъ 1790 г. и 28) Реестръ, что отдано Степану Емельяновичу Лесевицкому по завѣщанію его матушки Прасковіи Петровны Спичинской.

Всѣ эти 28 документовъ, извлеченныхъ изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи, архива Харьковскаго окружнаго суда и частныхъ фамильныхъ бумагъ П. П. Флота, гр. Толстаго и В. П. Пелица, имѣютъ безпорно важный историческій, географическій и этнографическо-бытовой интересъ. Не сомнѣваемся, что будущій историкъ Слободской Украйны скажетъ великое спасибо Д. И. Багалѣю за ихъ открытіе и обнародованіе.

Кіевъ. 1894 года 22 генваря. **Ѳ. Титовъ.**

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, серія вторая, вып. I, К. 1891 г., Н. Леопардова и Н. Чернева, 4°, 29 стр. + VI табл. снимковъ и карта; вып. II. К. 1893 г., Н. Леопардова, 4°, 33 стр. + 10 табл. снимковъ.

Первый отдѣлъ 1-го выпуска заполненъ четырьмя таблицами снимковъ съ древнѣйшихъ русскихъ крестовъ и образковъ, принадлежащихъ Церковно-археологическому музею, состоящему при кіевской духовной академіи; кресты и образки представляютъ, дѣйствительно, рѣдкіе экземпляры и заслуживаютъ полнаго вниманія; снимки снабжены подробнымъ вполнѣ научнымъ «описаніемъ», составленнымъ Н. Петровымъ. Отдѣлъ второй составляютъ предметы брон-

зоваго вѣка и іудейскіе каббалистическіе амулеты и монеты (2 таблицы и объясненія Н. Л.); всѣ бронзовые предметы найдены на территоріи южной Россіи, они слѣдующіе: топоръ сибирскаго типа, кельтъ, топоръ—клинъ, ножъ, наконечники копья и стрѣлы; еврейскіе амулеты относятся къ XVI—XVIII в. в. Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены двѣ «возможныя» «непрофессіональныя» «статейки» (терминологія издателей) г. Леонардова: «О печати царева мужа» и «о благословеніи св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ наддиѣпровскихъ высотъ, и о предреченіи имъ основанія на нихъ великаго города Кіева», безъ которыхъ «Сборникъ», несомнѣнно, выигралъ бы въ качествѣ.

2-ой выпускъ заключаетъ обычное «предувѣдомленіе», подписанное уже однимъ г. Леонардовымъ; здѣсь, между прочимъ, говорится: «Надѣемся, что въ этомъ выпускѣ «Сборника», между прочимъ, обратятъ на себя вниманіе... (идетъ перечисленіе списковъ), а въ III отдѣлѣ, въ приложеніи къ «Сборнику», статья «о значеніи археологіи въ открытіи первыхъ слѣдовъ христіанства у Славяно-Руссовъ»,—статья дѣйствительно обращаетъ на себя вниманіе, но только не въ желательномъ для автора смыслѣ; на ней мы останавливаться не станемъ, отмѣтимъ лишь одну особенность: авторъ въ началѣ ея является защитникомъ реализма и отстаиваетъ научное значеніе археологіи отъ нападокъ на нее профессоровъ Линицкаго и Бѣляева, онъ говоритъ: «пусть г. г. философы изъ области умозрѣній спустятся въ міръ реальности и тогда увидятъ воочію и уразумѣютъ, что такое памятникъ древности, *что такое археологія.* Легко они могутъ узнать это изъ прежнихъ открытій археологическихъ, а нынѣ изъ содѣйствія археологіи къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса «о начальныхъ признакахъ христіанства у Славяно-Руссовъ», между тѣмъ, вся статья цѣликомъ является плодомъ досужей фантазіи автора. Обращаемся къ снимкамъ съ предметовъ (почти всѣ изданные предметы принадлежатъ г. Леонардову). Первые двѣ таблицы и таблица VI заняты крестами и образками; между крестами есть нѣсколько древнихъ, но подобные имъ уже нѣсколько разъ помѣщались въ прежнихъ выпускахъ «Сборника», и они не прибавляютъ ничего новаго. Что касается образковъ, то большинство изъ нихъ совсѣмъ новѣйшаго происхожденія и не представляетъ ничего оригинальнаго. На таблицахъ III и IV помѣщено изображеніе интереснаго рѣзного кіота со вставленной въ него иконой Божіей Матери; кіотъ, по надписи, находящейся на его фронтонѣ, принадлежалъ ка-

кому-то греческому митрополиту Аѳанасію, хотя на немъ же есть и славянскія надписи (ихъ г. Леопардовъ не приводитъ). По увѣренію лица, отъ котораго г. Леопардовымъ пріобрѣтена икона, она въ послѣднее время, находилась, какъ фамильная вещь, у потомковъ одного изъ малороссійскихъ гетмановъ. На таб. V помѣщенъ снимокъ съ иконы Благовѣщенія, а на VII снимокъ съ иконы Божіей Матери Неопалимой Купины; послѣдняя икона хорошаго южно-русскаго письма, повидимому, конца прошлаго вѣка, и напрасно г. Леопардовъ думаетъ, что «едва ли будетъ ошибкою, полагать, что описанная икона Палестинскаго происхожденія», такъ какъ противъ этого говорятъ и славянскія надписи, на ней находящіяся. На табл. VIII помѣщены снимки съ древнихъ бытовыхъ предметовъ; здѣсь есть два браслета, одинъ узкій спиральный, другой—широкій, покрытый орнаментомъ, типичнымъ для бронзоваго вѣка—изъ плоскихъ спиралей; оба браслета мѣдные, найдены близъ г. Канева; затѣмъ интересенъ большой желѣзный замокъ съ ключомъ, найденный на Княжей горѣ, относящійся къ великокняжеской эпохѣ, той же эпохѣ принадлежатъ и серьги, т. н. кіевскаго типа, двѣ изъ нихъ золотыя найдены въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Кривцова (бывшей кн. Трубецкого), третья серебряная—съ Княжей горы; остальные предметы этой таблицы не представляютъ интереса.

Г. Леопардовъ обѣщаетъ продолжать изданіе. «Сборникъ снимковъ» (именно *только* «снимковъ») изданіе несомнѣнно полезное, и потому продолженіе его весьма желательно, слѣдуетъ лишь издателю обратить вниманіе на выборъ издаваемыхъ предметовъ, такъ какъ до сихъ поръ на ряду съ цѣнными матеріалами въ «Сборникъ» поступала масса ненужнаго хлама.

Н. В.

Galicya przedstawiona słowem i ołówkiem w opracowaniu Bolesława Limanowskiego z rysunkami Włodzimierza Tetmajera. Lwów 1892. 8°. 154 и 2 ненум. стран.

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ сборникъ свѣдѣній, имѣющихъ цѣлью въ краткихъ, популярно написанныхъ очеркахъ познакомить съ Галиціей въ разнообразныхъ отношеніяхъ. Въ первой главѣ авторъ описываетъ физическую природу страны, причемъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что Галиція занимаетъ пространство болѣе обширное, чѣмъ Греція, Бельгія, Нидерланды,

Швейцарія, Сербія и Болгарія. Больше всего въ этой главѣ онъ распространяется о горахъ Карпатскихъ, потомъ говоритъ о рѣкахъ и, наконецъ, о флорѣ и фаунѣ.

Вторую главу авторъ посвящаетъ народонаселенію. Сравнивая двѣ главныя галиційскія народности—русиновъ и поляковъ, онъ говоритъ: «если сравнить одну и другую народность, мы найдемъ много общихъ чертъ, а также и несомнѣнную разницу. Польскій народъ сравнительно веселѣе, подвижнѣе; онъ болѣе предпріимчивъ и менѣе склоненъ къ уступчивости. Высказываетъ склонность къ бѣлому цвѣту; свою главную жизненную артерію, Вислу, онъ назвалъ бѣлою рѣкою. Краковяки и мазурки—его любимыя плясовыя пѣсни. Русины болѣе грустны, медлительны, бережливы, уступчивы. Любимый цвѣтъ ихъ черный. Думы русинскія серьезны и грустны. Терпѣніе русиновъ часто граничитъ съ апатіей, а предоставленіе себя на волю судьбѣ дѣлаютъ ихъ непредусмотрительными въ жизни. Съ трудомъ покидаютъ они родные околотки, хотя бы имъ тяжко жилось. Будучи вообще кроткими и сострадательными, они становятся жестоки и мстительны, когда мѣра терпѣнія ихъ истощается. Мало промышленны, упорно держатся старыхъ обычаевъ, легко поддаются тяжелому року». Давъ такую общую характеристику русиновъ, авторъ подобно тому, какъ сдѣлалъ Р. Заклинскій въ своей книгѣ [1]), даетъ краткія характеристики русиновъ, живущихъ въ горахъ--бойковъ, лемковъ и гуцуловъ; о русинахъ же, живущихъ на равнихъ, каковы пидгоряне, ополяне, краиняне (или краинцы), покутяне, коломыйцы, полищуки, ничего не говоритъ. Затѣмъ удѣлено немного мѣста евреямъ, по поводу разселенія которыхъ въ Галиціи Элизе Реклю когда-то говорилъ, что Галиція есть еврейскій край въ большей степени, чѣмъ Палестина, или какая бы то ни была другая страна. Наконецъ, въ нѣсколькихъ строкахъ автора говоритъ о нѣмцахъ и армянахъ.

Третья глава представляетъ краткій историческій очеркъ Галиціи, составленный поверхностно. Въ четвертой главѣ авторъ говоритъ о разныхъ населенныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ—о Львовѣ и Краковѣ. Содержаніе слѣдующихъ главъ составляютъ: политическое устройство края и его политическая жизнь;—поземельная собственность и земледѣліе;—промышленность и промысловое населеніе,—торговля, кредитъ и сообщенія;—просвѣщеніе;—благотворительныя учрежденія и товарищества.

---

[1]) Географія Руси. Часть перша: Русь галицка, буковиньска и угорска. Написавъ Р. Заклиньскій. У Львовѣ. 1887.

Изданіе украшено 48 небольшими рисунками, изъ которыхъ довольно изящно исполнены виды разныхъ населенныхъ мѣстъ и зданій, а менѣе удовлетворительно—рисунки, изображающіе типы населенія. **Н. Ш.**

Блаженный Игорь Ольговичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій и великій князь Кіевскій. Историческій очеркъ М. Н. Бережкова. Черниговъ 1893 г.

Къ числу работъ, вызванныхъ юбилейными торжествами послѣдняго времени, относится и настоящая. Такъ какъ въ 1892 году исполнилось 900-лѣтіе Черниговской епархіи, авторъ, желая съ своей стороны напомнить объ отдальномъ прошедшемъ, поставилъ себѣ задачей очертить образъ мѣстнаго историческаго дѣятеля, причисленнаго къ лику святыхъ-князя Игоря Ольговича. Очеркъ свой авторъ дѣлаетъ по лѣтописямъ и житіямъ этого князя, къ сожалѣнію только устраняя при этомъ всякую критику фактовъ; убійство князя мятежными кіевлянами является вслѣдствіе этого, дикимъ необъяснимымъ поступкомъ; авторъ не обрисовалъ, въ частности, тогдашняго положенія и настроенія кіевлянъ въ княжескихъ усобицахъ, и догадливому читателю самому предоставляется искать объясненія этого поступка въ общемъ ходѣ разсказа. Но каковы ни были обстоятельства, смягчающія вину кіевлянъ, князь Игорь все-таки остается мученикомъ и жертвой усобицъ съ одной стороны князей между собой, съ другой борьбы ихъ съ народомъ и тѣмъ болѣе вызываетъ къ себѣ сожалѣніе, что погибъ въ то время, когда уже удалился добровольно отъ тревогъ міра и заключился въ монастырѣ.

И. Каманинъ.

Mythiske bytosće łužiskich Serbow. Napisał Adolf Černy. 1 zwjazk. Budyšin. 1893. 8°. стр. 239.

При ежегодно увеличивающемся этнографическомъ матеріалѣ, разбросанномъ, по большей части, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, всякому занимающемуся сравнительной этнографіей, а въ частности, этнографіей славянскихъ племенъ, является «камнемъ преткновенія» — разыскать необходимые матеріалы. Только незначительная часть ихъ попадаетъ въ спеціальные журналы, масса же забывается и затеривается въ различныхъ провинціальныхъ изданіяхъ.

Такъ обстояло дѣло у насъ до тѣхъ поръ, пока «Этнографическое Обозрѣніе» не начало давать обзора провинціальной печати; также было и у лужицкихъ Сербовъ. Названная выше книга г. Адольфа Чернаго является опытомъ сведенія всѣхъ извѣстныхъ преданій лужицкихъ сербовъ въ одну цѣлую стройную картину. «Сначала, говоритъ авторъ, я предполагалъ издать одну книгу, но разросшійся матеріалъ заставилъ меня издать пока только *первый* выпускъ; второй же—выйдетъ въ скоромъ времени.

Введеніе, которое авторъ предпосылаетъ своему труду о миѳическихъ существахъ вводитъ насъ in medias res современной миѳологіи. Авторъ даетъ сжатое, но ясное изложеніе основныхъ принциповъ, лежащихъ въ основаніи миѳологическихъ системъ выдающихся ученыхъ нашего столѣтія: Гриммовъ, Куна, Шварца, Макса, Миллера, Маннгардта и др., причемъ самъ является сторонникомъ Тэйлора и его послѣдователя—Ланга.

Вслѣдъ за этимъ авторъ даетъ библіографическій обзоръ источниковъ, которыми онъ пользовался при изложеніи избраннаго имъ предмета, указываетъ сборники и отдѣльныя статьи, затрогивающія миѳологію лужицкихъ сербовъ.

Собственно содержаніе настоящаго I выпуска составляютъ преданія о кобольдахъ (домовыхъ), змѣяхъ, карликахъ, спящихъ рыцаряхъ, вѣдьмахъ, хворостяхъ, смерти, и другихъ миѳическихъ существахъ, рисующихся воображенію народа, привыкшаго обоготворять и олицетворять многія непонятныя ему явленія. Здѣсь мы находимъ много повѣрій и представленій сходныхъ съ представленіями малоруссовъ; низшая миѳологія славянскихъ племенъ вообще очень сходна съ миѳологіей сосѣднихъ, напр. германскихъ, народовъ. Мы нигдѣ теперь не находимъ вѣры въ Волосовъ, Перуновъ, но вѣра въ водяныхъ, домовыхъ, лѣшихъ и во всякую нечисть—еще твердо держится въ среди простаго народа и много еще нужно времени и культурныхъ вліяній, чтобы народъ забылъ свое скудное наслѣдіе, доставшееся ему отъ его языческихъ предковъ.

В. П.

Д. И. Эварницкій. Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. I съ 22 рис. Спб. 1892-й годъ.

Г. Эварницкій издалъ пока 1-й томъ переработаннаго имъ труда—«Запорожье въ остаткахъ старины». Въ этотъ томъ вошли

26 главъ, которыя «посвящены, исключительно, изображенію внутренняго быта запорожской общины». Авторъ обѣщаетъ еще два тома мы считаемъ болѣе удобнымъ подробный разборъ указаннаго сочиненія отложить до выхода въ свѣтъ этихъ томовъ. По поводу небольшаго вступленія къ 1-му тому, гдѣ противупоставляется рецензія г. Житецкаго рецензіи А. Н. Пыпина, мы можемъ отмѣтить, что для переработки и исправленія своего труда г. Эварницкій ничѣмъ не могъ воспользоваться изъ замѣтки г. Пыпина, несмотря на всю объективность и любезность ея, между тѣмъ какъ «недружелюбный» (!) отзывъ г. Житецкаго заставилъ г. Эварницкаго измѣнить характеръ нѣкоторыхъ доказательствъ, прежде употребляемыхъ авторомъ; также точно авторъ принялъ объясненіе происхожденія слова *Сичь*, предложенное нелюбезнымъ рецензентомъ и перенесъ его на страницы своего труда (стр. 78). Едва ли, поэтому думаемъ мы, г. Эварницкому необходимо было противуполагать «недружелюбную» рецензію «Кіевской Старины» любезной замѣткѣ «Вѣстника Европы».

Полагаемъ возможнымъ тутъ же при случаѣ дополнить свѣдѣнія, сообщаемыя въ книгѣ г. Эварницкаго (стр. 4) о границахъ владѣній запорожскихъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ резолюцій Петра I-го на статьи, присланныя Мазепой царю о малороссійскихъ дѣлахъ (Письма Петра В. т. 2-й стр. 195 годъ 1703-й). «О Самарѣ доноситъ господинъ гетманъ, что Запорожцы напрасно его упоминаютца и непристойно своятъ, потому что никакого права на то не имѣютъ. Толко грамота великаго государя была къ нимъ писана въ то время, какъ Новобогородицкой городъ строился,—указная и увѣщевателная, чтобъ они, Запорожцы, никакихъ шатостей не чинили. А привилиеванной грамоты государской они не имѣютъ, и первая грамота по отпискѣ Неплюева къ нимъ писана, здѣлана, какъ онъ, покойной, въ воинскихъ случаяхъ сумнителны былъ человѣкъ. А что и у короля (польскаго) выправили себѣ бутто привилей, и то имъ далъ король, чего у себе не имѣлъ. А та рѣчка Самара взята отъ гетмана Хмелницкаго, въ разположеніи гетманскомъ обрѣталося и что бывало добычи лисица десятая, рыбная ловля и вся степная добычь на гетмановъ давана была. А они, Запорожцы, при Брюховецкомъ влѣсши, съ пасекою присвояютъ себѣ, и то толко по урочищу Быкъ, а нынѣ и всю степь обнимаютъ и своятъ. На которую Самарь буде будетъ Монаршеское изволеніе и грамоту дать, то толко повелителную, а не во все владѣніе, да и для тѣхъ причинъ, что Татары еще Турковъ мало слушаютъ,

пока Турки по прежнему Татаръ примутъ въ первое послушаніе, чтобъ помысливъ между собою пересылкою краю нашему не учинили какой шкоды. А особо Самарѣ, Днѣпру и инымъ рѣчкамъ чертежъ посылается». Такъ и не была послана «грамота на Самаръ» Запорожцамъ. **И.**

Письма и бумаги Петра Великаго т. I и II.

Это—два объемистыхъ тома документовъ (до 1500 стр.), относящихся къ 1688—1703 гг. и изданныхъ подъ редакціей А. Ө. Бычкова. Съ нетерпѣніемъ можно ожидать слѣдующихъ томовъ, особенно, тѣхъ, гдѣ будутъ письма 1707—1709 гг., когда произошли крупнѣйшія событія сѣверной войны. Вышедшіе оба тома даютъ очень мало характернаго для исторіи юга. Необходимо развѣ указать на «резолюціи на статьи, присланныя малороссійскимъ гетманомъ Ив. Ст. Мазепою Петру В. въ половинѣ 1703-го года. (т. 2-й стр. 193—201). Любознательный читатель найдетъ въ этихъ резолюціяхъ свѣдѣнія о томъ, какъ Мазепа сообщалъ Петру В. и какіе получалъ отвѣты: объ измѣнѣ стародубскаго полковника Миклашевскаго, отставкѣ извѣстнаго Ивана Искры отъ полтавскаго полковничества (въ 1703 избранъ былъ въ Полтавѣ И. П. Левенецъ), наконецъ, о «шатости Запорожцевъ» и о предполагавшейся «фортификаціи замка Острянскаго» (Остерскаго) и т. д. **И.**

Графъ Путятинъ. Перекличка Альманаховъ и дополненіе къ нимъ (съ 1794 по 1850-й г.) изд. 93 г.

Это—90 страничекъ въ 16-ю долю листа крайне разгонистой печати. Книга издана въ Новой Ушицѣ Под. губ. и странно поражаетъ излишними интимностями (о составленіи Альманаха, объ Ушицкой типографіи) и невѣроятною цѣною—*2 р. 25 к.* Списокъ Альманаховъ далеко не полонъ, не смотря на дополненіе. Изъ южнорусскихъ Альманаховъ упоминаются съ самыми незначительными и нецѣнными примѣчаніями: Ластовка, Снипъ (1841-й г.), Молодикъ I, II, III, IV ч. (1843—1844 гг.), Кіевлянинъ 1840, 1841 и 50-хъ гг., Ландыши Кіевской Украины и Барвинокъ Украины (1848), наконецъ, южнорусскій Сборникъ 1848-го года. **И.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLIV, 1894 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ I. Драматическія сочиненія: Шельменко, волостный пысарь.—Шельменко деньщикъ.—Сватання на Гончаривци.—Щыра любовь. К. 1894. Ц. 35 к.

II. Малороссійскія повѣсти:—Солдатскій патретъ—Маруся.—Мертвецькый велык-день.—Добре робы, добре и буде.— Конотопська видьма.—Отъ тоби и скарбъ·—Козырь-дивка.—Сердешна Оксана.—Пархимове снидання.—На пущаньня якъ завъязано.—Перекотыполе.—Пидбрехачь —Божи диты.—Щыра любовь.—Листы до любезныхъ землякивъ.— К. 1894. 584 стр. Ц. 75к

В. НАУМЕНКО

Къ Пятидесятилѣтію со дня кончины

ГРИГОРІЯ ѲЕДОРОВИЧА КВИТКИ—ОСНОВЬЯНЕНКА

I. Біографическій очеркъ. 2. Квитка, какъ малорусскій писатель, предъ судомъ критики. Съ Портретомъ Г. Ѳ. КВИТКИ К. 1893. 40 к.

Житецкій П.

МЫСЛИ О НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ

ДУМАХЪ.

Кіевъ 1893. ц. 2 руб.

СОДЕРЖАНІЕ I. Строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ. II. Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи. III. Ста-

9. Надъ днипровою сагою (про контральто) . . . . — 50
10. Сонце заходыть тріо, про 2 сопр. та тен. . . . . — 80
11. Полюбылася я (про мец.-сопр. або альт.) . . . . — 20
12. Закувала зозуленька . . . . — 20
13. Утоптала стежечку . . . . — 30

(№ 1—13 въ идному зшытку 2 руб.)

СЕРІЯ ДРУГА.

14. И богата я, и вродлыва я, (про к.-альт.) . . . . — 30
15. Мынають дни (про баритона) . . . . — 40
16. Огни горятъ (про тенора) . . . . — 20
17. тежъ (про баритона) . . . . — 20
18. „Ой Днипре мій, Днипре". Спивъ Яремы зъ Гайдамакивъ (про баритона). — 30
19. „Гетьманы, гетьманы"...Свято въ Чегрыни, зъ Гайдамакивъ (про баритона). — 30
20. Не женыся на богатій. Думка (бар.) . . . . — 20
21. Зацвила въ долыни червона калына. Дуетъ(про сопрана та тенора) . . — 50
22. Не тополю высокую (про сопрана) . . . . — 20
23. За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ, сопрано, альтъ, теноръ и басъ) — 60
24. Ой по гори роменъ цвите (теноръ) . . . . — 30
25. Якъ бы мени черевыкы . . . . — 30
26. Бьють порогы ..Кантата про одинокы голосы чоловичи, мишанный гуртъ зъ проводомъ оркестра фортепьян. укладъ (Klavierauszug) автора . . . 1 30

(14—26 въ идному зшитку 2 р.)

СЕРІЯ ТРЕТЯ.

27. Реве та стогне Днипръ шырокый (Б) . . . . — 30
28. И шырокую долыну, дуетъ (С. Т.) . . . . — 30
29. Ой крыкнули сири гуси . . . . — 30
30. У недилю вранци рано . . . . — 50
31. Мы заспивалы, розійшлысь. Дуэтъ Б. и С. . . . . — —
32а. Ой умеръ старый батько. К. Альто . . . . — —
32б. „ „ „ „ Сопр. . . . . — —
33. Та не дай Господы никому. Бар. и Басъ . . . . — —
34. Материнъ жаль М. С. . . . . — —
35. У тіеи Катерыны хата на помости. Бар. . . . . — —
36. По диброви витеръ вые (Сопр. або теноръ) . . . . — 20
37. Ой я свого чоловика въ дорогу послала. . . . . — 30
38. Тече вода зъ пидъ явора. Дуэтъ про 2 сопр. . . . . — 30
39а. Бувае иноди старый. (Бар.) . . . . — 30
39б. Бувае иноди старый. (Тен.) . . . . — 30

СЕРІЯ ЧЕТВЕРТА.

40а. Доля. Ты не лукавыла зо мною. (про Тен.) . . . . — 30
40б. „ „ „ „ (про барит.) . . . . — 30

	Руб.	Коп.
Выписывающіе разомъ всѣ 9 выпусковъ уплачиваютъ 4 рубля и пользуются безплатной пересылкой.		
9) А—ръ. Г. Ф. Квитка (Основьяненко), біографическій Очеркъ. Цѣна	—	15
10) И. Лучицкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Цѣна	2	—
11) Рабство и русскіе рабы во Флоренціи. И. Лучицкаго. Цѣна	—	50
12) Его-же. По поводу дрогичинскихъ древностей. Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ с.-з. и южной Русью. Цѣна	—	50
13) Его-же. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи Ц.	—	50
14) Его-же. Очерки по экономической исторіи Европы. Вып. I. Населенность городовъ XIV и XV в. Цѣна	—	50
Вып. II. Рабочее населеніе и экономическая политика городовъ въ XV и XVI вв. Цѣна	—	50

Четвер. 9. Сегодня обѣдалисмо у себе, толко передъ обѣдомъ ездилемъ до Наумова и до пана гетмана, а по обѣдѣ до Курбатова и до графъ Головкина, где и Наумовъ пріехавши, смотрѣли дѣлъ нашихъ малороссійскихъ и о Засуллѣ, и приговорено будто о томъ родителя допрашивать. У Курбатова былемъ повторе и отъ ясневел. прошеніе было о нуждахъ.

Пятокъ 10. Сегодня ездилемъ рано въ слободу до Бидлова, которій мнѣ далъ рецептъ на декоктъ въ такой силѣ. Rp. herb. taraxac. и проч., якого декокту фляшка у полъчетвертной, за которую цена въ аптецѣ Губерта рубль. Ездилемъ по обѣдѣ до ясневелможной и пріехалемъ назадъ. Несторовичеви далемъ 4 рубля, якоби въ позику.

Субота 11. Сегодня рано присиланний лѣкаръ одъ доктора Бидлова прикладалъ пявки и витяглъ крове 2 талѣрки глубокихъ, которому далемъ 4 талѣра битихъ. По обѣдѣ пріездила ясневелможная посѣщать насъ слабихъ зъ родителемъ. Василій Федоровъ, архиерея новгор., пріездилъ и взялъ позиченную книжку Buddei, De Atheismo et Superstitione, знову къ архиерею.

Неделя 12. Сегодня рано ездилемъ до Наумова, пана гетмана, паніи, где и обѣдалемъ. Коваль, сторожъ, пріехалъ зъ Ромна, отъ старшини къ гетману, и писмо ко мнѣ отъ жени привезлъ, мая 3-го писанное. Началемъ декоктъ пить, въ пятокъ описанный, по кубочку рано.

Понеделокъ 13. Сегодня рано купилемъ матеріи, прозиваемой камліотъ, на кунтушъ, помаранчовий коліоромъ, аршинъ 11, по 20 а. зъ шагомъ аршинъ. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ заездилемъ до тіотки, отца Тимофѣя, Стефана Гамалѣи и Василія Даниловича. Володимеръ Петровичъ Шереметевъ унука своего женилъ.

Вовтор. 14. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Наумова, до Курбатова и позно въ свою пріехалемъ квартеру. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 руб.

Середа 15. Сегодня тутъ въ Москвѣ по стѣнахъ каменнихъ, около Кремля и около Китая, обиходъ чили процессія съ крести

всенародно отправлялась. Рано ездилемъ до пана гетмана, а обѣдалемъ въ панеи; по обѣдѣ былемъ у князя Мих. Мих. Голѣцина. Листъ до жени моей писанний о присилцѣ водки двойной 50 нос. и объ висилцѣ въ Гданскъ, зъ Яковомъ Дубровою, зъ которимъ и облѣкъ его на 70 р. послать же и покупки спорадить, именно: сукна и отласу по 2 цѣвки, часи въ 30 таляръ бытихъ, водокъ карбункуловой и алкермесовой, послалемъ до п. Михайла Скор., для пересилки въ Глуховъ и посланъ.

Четвер. 16. Сегодня былемъ у колегіи іностранныхъ дѣлъ и дѣло наше видѣлемъ, то есть екстрактъ зъ чолобитныхъ, Наумовимъ слѣдованнихъ и неслѣдованнихъ, и отъ гетмана присланнихъ зъ прошеніемъ, чтобъ и оніе къ дѣлу томужъ были приняти, дабы обидимимъ безъ сатисфакцѣи не остатся, и приговоръ мар. 14-го состоявшійся о томъ, чтобъ зде слѣдствіе учиненно было. Сегодня по службѣ Божой бывши у церквѣ ст. Алексея, митрополити кіевского, которого и мощамъ прикладался. Купилъ миней 12 годовихъ помисячно, за 23 р., до церкви Веригинской, да требникъ за 20 а., да книжку о князяхъ, за полтину.

Пятокъ 17. Сегодня никуда не ездилемъ, за дожчемъ, увесь день ишовшимъ. Вѣжевскому, Алексѣемъ данныхъ грошей, написалемъ въ пріемѣ 6 руб.

Субота 18. Сегодня рано прислано зъ колегіи іностранной родителиви капрала, чтобъ онъ въ отвѣтъ былъ въ колегію противъ чолобитчиковъ. А я ездилемъ до Наумова, оттоль до панеи, где и обѣдалемъ. Дожчъ увесь день ишолъ.

Неделя 19. Сегодня ездилемъ рано до панеи, где по службѣ Божой обѣдалемъ. Несторовичъ отъ род. ездилъ до канцел. Василія Леонтіева. Скридловскій пріехалъ въ Москву зъ Ромна, зъ листами и крепостми, черезъ которого и я получилъ 2 листи отъ матки и брата п. Семена, зъ извѣстіемъ, что моей виправи не успѣютъ вислать зъ родителскою сюда.

Понеделокъ 20. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова, где начатокъ дѣлъ нашихъ отъ сегодня на другіе дни отсрочили. Обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Миклашевского и п. Ми-

хайла. У п. Михайла згодившіеся переписніе книги полку Лубенского, за Кочубея и Трощинского, виділемъ и читалемъ тое, что Засулле роменское написано селомъ.

Вовтор. 21. Винялемъ вчора зъ мѣшечка, зъ шкатулки, 14 р. и 2 червонних, зъ якими ездивши въ слободу нѣмецкую, бувши у купчина иноземца, купилемъ себѣ и пании—чаю по фунту, а фун. 5 р. зъ полтиною; да у него жъ купилемъ пуделко, зъ зеркаломъ и прочіими срѣбраними рѣчами, за 5 р.; да потомъ купилемъ уже въ городѣ помаранчей 5, за полтину, болшихъ, да 2 лимонѣй за 4 а. У доктора Бидлова былемъ, которій сказалъ мнѣ болшъ не пить декокту, которій сегодня окончилемъ, а за неделю, якъ мнѣ поводитись будетъ, пріехать къ нему зъ извѣстіемъ. Зъ слободы едучи, стрѣтилемся зъ паномъ гетманомъ, ездившимъ до графа Гавріила Івановича и уже поворочавшимся, и пріехавши до панеи, засталемъ п. Михайла, по его же отездѣ скоромъ, и обѣдалемъ.

Середа 22. Рано ездилемъ въ колегію иностранную, оттуду до панеи, а обѣдалемъ въ дому. Составилемъ отвѣтъ о Засуллѣ.

Четвер. 23. Сегодня ездилемъ рано до Курбатова, оттуду былъ въ коллегіи, куда и родитель призиванъ былъ и реверсъ взятъ за его рукою, чтобъ ему стать въ отвѣтъ въ колегіи сего мая 30-го числа. По обѣдѣ ездилемъ до Василія Маркелова Леонтіева, подканцеляристи колеж. Полъ 8 барилця водки оковитой у мене осталось, а вчора за полтора взялъ 4 руб.

Пятокъ 24. Сегодня въ дому обрѣтался, а писма писалъ въ домъ: до родителки объ отводѣ степу короваювского, до брата п. Семена нѣсее-нѣтее, до жени объ отводѣ жъ помянутого степу для укошення степу, до Перервинець, о присилцѣ сюда тютюну тур. окъ 2-хъ, объ удержцѣ Федора Бѣлополовского, о посилцѣ сюда пузаменту сребраного, дѣтямъ пяти аршинъ, такожъ—2-хъ головъ болшихъ цукру, и 7 помаранчей и 3 лимоновъ. Купилемъ помянутій пузаментъ сребраний аршинъ 5, въ которихъ цѣвокъ 6, а цѣвка по 40 а., да купилемъ книжку объ обливателномъ крещеніи, за 7 а. Інтерлѣgатору, чили переплетчику, далемъ оправить книжокъ 4, въ которихъ тетрадей 32, да статутъ литовскій, да на протоколъ го-

лихъ листовъ 120, за що все 20 а. заплатитися мѣютъ; а шевцу за пошитте чобитъ и туфлей 30 а., зъ которихъ послѣднему далисмо 2 гривни. Купили 4 лимони да 8 помаранчей за 1 р. и 5 копѣекъ.

Субота 25. Сегодня обѣдалисмо у ясневелможной, а по обѣдѣ въ гостяхъ былъ у Курбатова. Скридловскій при пашпортѣ князя Голѣцина, фелтмаршала, посланъ въ Роменъ, зъ вишепомянутыми писмами возвратне.

Неделя 26. Сегодня обѣдалъ у насъ подканцеляристъ колежскій Василій Маркеловъ Леонтіевъ, а по обѣдѣ оздилемъ до п. Михайла, где 5 а. и 2 де. програлемъ въ карти.

Понеделокъ 27. Сегодня отвѣти противъ доношенія старшини луб. чолобитствуючой готовили, и за дожчемъ никуда не оздилемъ.

Вовтор. 28. Сегодня тая жъ вчорашняя забавка удержала мене въ дому и дожчъ. Обѣдалъ у насъ Мировичъ старшій, Петръ, которій сказивалъ, что цесаревна Анна Петровна, въ супружествѣ съ князомъ голштинскимъ бывшая, сего мѣсяца преставилась.

Середа 29. Сегодня Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, братъ старшій адмирала Федора Матвѣевича, преставился. Обѣдалемъ у ясневел., по обѣдѣ посѣщалъ мене Ханенко и человѣкъ Василія Даниловича, о которомъ извѣстно стало, что устроенъ въ полковники сумскіе.

Вознесеніе. Четвергъ 30. Сегодня, по реверсу 25-го мая взятомъ, зъ родителемъ былисмо въ колегіи и поневажъ день былъ праздничний, да и чолобитчиковъ найшло, не отвѣтствували, а пріехавши до ясневел., обѣдалисмо. Табакъ родителскій и мой, и братовъ, проданъ за пудъ по 40 а., а моего табаку заважило 81 и пол., а было всего 100 пуд., столко оставиви сэбѣ зъ того табаку 150 папушъ.

Пятокъ 31. Сегодня былисмо зъ родителемъ въ колегіи іностранниxъ дѣлъ и родитель противъ челобиття старшини лубенской допрашиванъ, а въ допросѣ очистилъ 7 пунктовъ, а допрашивалъ ассесоръ колегіи той же Семенъ Івановичъ Івановъ, и отвѣтствовали противъ 7 пунктовъ старшинскихъ.

М-ць іюнь. Субота 1. Сегодня обѣдалисмо у капитана Володимерского полку Іліи Вас. Ржевского. Лобаненко зъ Глухова пріехалъ и сказалъ про мой запасъ, въ дорозѣ сюда имѣющійся.

Неделя 2. Сегодня обѣдалисмо у панеи зъ п. Михайломъ и сестрою (Толстою); по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова и посидѣвши пріехалемъ въ свою квартиру. Составилемъ отвѣти на всѣ 30 пунктовъ доношеній старшинскихъ.

Понеделокъ 3. Сегодня ездилемъ рано до ассесора Іванова и повидѣвшись съ нимъ, заехалемъ въ колегію іностранную, где и родитель пріехавши, отвѣтствовалъ противъ пунктовъ 6. По обѣдѣ ездилемъ до Валкевича, где зъ Петромъ Троцкимъ примирились, въ жалобахъ матки его на родителя занесенныхъ. Князь Василій Володимиревичъ Долгорукій, коммендовавшій въ Низовомъ корпусѣ, генералъ фелтмаршалъ, пріехалъ оттуду сюда въ Москву.

Вовтор. 4. Сегодня рано ездилемъ въ слободу нѣмецкую, где у иноземца сторговалемъ гвоздики болшіе розныхъ коліоровъ, всякій гвоздикъ по 10 а., и задатку ему далемъ червонного золотого. У Гарнова былемъ и отдалемъ направить оба дзикгарики, зъ которыхъ за родителскій простій 2 р., а за тотъ що зъ репетицѣею 7 р., якіе за 3 неделѣ направить обѣщался. Обѣдалемъ у панеи зъ родителемъ и сестрою.

Середа. 5. Рано ездилемъ до панеи, оттоль заехалемъ до колегіи и по отвѣтствіи, повернулись въ квартеру свою.

Четвер. 6. Сегодня перемѣнилисмо отвѣтъ о Зѣсуллѣ; обѣдалемъ дома; по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова. Зъ вечера заболѣлемъ на кшталтъ фебри.

Пятокъ 7. Сегодня черезъ увесь день болѣлъ я, посѣщалъ мене Ханенко. Родитель окончилъ въ колегіи отвѣти свои на пункта старшинскіе, а старшина поспоривши тому, что допросовъ требовали себѣ въ домъ и не получили, не подписавшись, отойшли зъ колегіи.

Субота 8. Сегодня не ездилемъ я никуда за слабость свою. У Валкевича печать взята, потому что на него подали товарищи наши чолобитную пану гетману въ томъ, якобы зъ его дѣйствія унѣверсалъ въ прошломъ октовр. виданъ о зборахъ.

Ст. Тройца. Неделя. 9. Сегодня ездилемъ до панеи и тамъ по службѣ Божой обѣдалисмо. Пріехалъ Казѣміръ зъ Ромна, 12-го мая виехавшій, а зъ нимъ и виправа дойшла, и обявилъ тое, что въ маетностяхъ нихто не хочетъ слухать. П. Михайло былъ у мене и сказивалъ, что поедетъ на сей неделѣ въ домъ.

Понеделокъ. 10. Сегодня обѣдалисмо въ своей квартирѣ.

Вовтор. 11. Валкевичъ отъ реентовства отставленъ, потому что на него дали обще вся старшина чоломбитную пану гетману, что якобы подступомъ его составленъ унѣверсалъ о зборахъ, же въ оніе включенни козаки, а на его мѣсто устроенни два въ реенти, а именно: Тернавскій и Чуйкевичъ.

Середа. 12. Сегодня былисмо зъ родителемъ въ колегіи, где старшину луб. уличали пункта, чили отвѣти наши, на пункта числомъ 7. П. Михайлу Скоропадскому отпустилемъ полъ фунта чаю, за котории далемъ 6 р.

Четвер. 13. Сегодня обѣдалисмо у панеи зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ, котории сегодня и отехалъ въ Украину, а съ нимъ Степанъ Миклашевскій, Федоръ Ширай, да черезъ его жъ писалемъ въ домъ до жени, объ опрятанню сваркозскихъ избъ для небытія Наумова; да черезъ его жъ послалемъ женѣ пару соболей добрихъ и пару куниць подкуренихъ.

Пятокъ. 14. Сегодня былисмо въ колегіи, понеже улика старшинская не окончилась, а обѣдалисмо у себе.

Субота. 15. Сегодня обѣдали у насъ хозяиин наши, Василій Даниловичъ и Боярскій, суддя ахтирскій. Романъ, служитель мой, пріехалъ зъ Глух. сюда въ Москву и привезлъ дещо, чому реестрикъ приложенъ зде.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо у панеи. Его величество пріехалъ зъ охоти въ Москву и кушалъ у посла гишпанского.

Понеделокъ. 17. Сегодня рано былисмо въ коллегіи при улицѣ старшинской. Обѣдалисмо дома и съ нами Антоновичъ, которому табаку 50 папушъ далъ.

Вовтор. 18. Зъ мѣшка винялемъ 29 р. и 4 гривни, зъ якихъ въ расходъ далемъ 10 р.

Середа. 19. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ ездилисмо зъ родителемъ къ Оробіовой горѣ и. увѣстясь о князю Долгорукомъ, въ городъ оттоль переехавшомъ, и сами повернулисмося.

Четвер. 20. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ въ слободу нѣмецкую, гдѣ былемъ въ огродѣ купца Коври (?) именуемого, которій продавалъ дерева зъ овощами помаранчовіе по 5 р. Тамъ же купилемъ пуделко зъ зеркаломъ, пуѕлляромъ и теребильцемъ (зубочисткою) за 1 р., а особливе дзвоникъ за 4 гривни. Билемъ тамъ же у майстера рукавичного, зъ которимъ зторжилемся, чтобъ онъ штани пошилъ мнѣ лосиніе за 4 р., а взялъ задатку рубль.

Пятокъ 21. Сегодня ездилисмо въ колегію и сроку взявши къ 25-му числу стать знову къ уликѣ, повернулисмося назадъ. Вѣжевскому далемъ 10 р. въ расходъ, и записалемъ. Два косяки лудану купилемъ за 10 р., да полтори чвертки чорного аксамиту за 35 а. Такъ же казановъ 2, желѣзнихъ болшихъ, за 40 а., а меншихъ за 30 а., желѣза пудъ, всѣхъ 10, по 20 а., до вѣсовъ, за которіе дано особливе 4 р. зъ полтиною.

Субота. 22. Сегодня рано былисмо у князя Василія Волод. Долгорукова, а обѣдалисмо у себе. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р., зъ которихъ и прежнихъ—куплено косяковъ 2 за 10 р., тюкъ китаю за 7 р., два казана желѣзнихъ болшихъ и мало меншій за 50 а.

Неделя. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе, а родитель у панеи. Докторъ заходилъ былъ и рецептъ далъ Алексѣю на горячку такій: (*слѣдуетъ рецептъ, который трудно прочесть*). Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у панеи зъ Несторовичемъ. Былъ Шостакъ, которому далемъ 1 р. Купилемъ въ аптекѣ Губерта носного порошку фунтъ за 8 гривенъ.

Вовтор. 25. Сегодня въ доказателство отвѣтствовалъ на улику старшины въ колегіи. Докторъ заходилъ, бывши у насъ, далъ еще рецептъ Алексѣеви на прошокъ и каплѣ таковій: (*слѣдуетъ такой же рецептъ*).

Середа. 26. Сегодня былисмо въ колегіи и отвѣтствовали на пункта въ оправданіе; отъ гетмана свѣдителство о Засуллѣ таковое, что не толко по справкѣ въ вой. енер. канцелляріи и самъ господинъ гетманъ доволно отъ многихъ лѣтъ знаетъ, что сколко ни было полковниковъ лубенскихъ, ни единъ не владѣлъ онимъ Засуллемъ на рангъ полковничества, но вездѣ оное было до города Ромна въ послушаніи, ибо изъ градскихъ людей болшимъ числомъ въ ономъ живетъ, нежели въ городѣ.

Четвер. 27. Сегодня послѣдній отвѣтъ составился объ Засуллѣ и слѣдующихъ 4-хъ пунктахъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ смотрѣть квартери. Рецептъ доктора Быдлова на шкорбутъ вимивать ясно таковий: (*слѣдуетъ рецептъ*), а внутрь пріймать рано по 100 капель у винѣ венгерскомъ сего: Rp: Cochlear. peiferment. ℥i.

Пятокъ. 28. Сегодня былисмо въ колегіи и оправданіе свое противъ пунктовъ доносителнихъ окончили. Писма писалемъ въ домъ до жени о мѣючихъ отпуститись Федору и Роману.

Субота. 29. Сегодня праздновали день тозоименитства его величества, а обѣдалисмо у панеи, Несторовичъ же у п. гетмана.

Неделя. 30. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездили до графа Головкина, которому родитель и прошеніе отъ себе подалъ о себѣ, а я оттуду заездилъ до Велляминова, которій указомъ опредѣленъ въ губернаторство московское, а потомъ былъ у Курбатова. Вѣжевскому на росходъ далемъ 9 р. и записалемъ въ реестрѣ.

М-ць юль. Понеделокъ. 1. Сегодня родитель обѣдалъ у панеи, а мы въ себе. По обѣдѣ ездилемъ до слободи нѣмецкой, где у Гарнова взялемъ боевій дзикгарикъ, а ему заплатилемъ 9 р., а отъ его заехавши до портного, взялемъ обранне за 4 р. пошитое, лосинне, и рукавички такіе за 4 гривни. Потѣха огненная была у дворца монаршого на слободѣ, куда всѣ зъ господъ ездили, а я гостилемъ у Андрея Миклашевского и листи до п. Михайла и жени отдалемъ.

Вовтор. 2. Сегодня обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ пріездилъ Александеръ, слуга панеи, и отобралъ у мене 18 червон.

Середа. 3. Сегодня былисмо въ колегіи. Переехалисмо съ прежней квартиры, за которую плачовалисмо по 4 р. за м-цъ, а стали на Стрѣтенки, въ переулку, противъ церкви Воведенія Пр-стой Б-цы, въ дому ямской канцелляріи секретара Мижуева, у которого сторговалисмо за мѣсяцъ платитъ по 6 р. Григор. Скридловскій, подписокъ бывшій роменскій, повернулся зъ дому въ Москву.

Четвер. 4. Сегодня рано былисмо въ колегіи и отвѣтъ чинилъ родитель на чолобитную войта роменского, а потомъ пріехавши домой, обѣдалисмо зъ Стефаномъ Гамалѣею, и въ лазнѣ у вечеру мились.

Пятокъ. 5. Сегодня тожъ былисмо въ колегіи, где войтъ доказателство чили улику докончилъ, а оправданіе намъ принести отложено до понедѣлка. Вѣжевскому на росходъ далемъ 13 р., що и записано въ его реестрѣ. Роману и Федору далемъ по 2 штучки китаю темнозеленого и по 2 р.; сварковцамъ 4-мъ—по 7 гривенъ, а найниту 2 гривни, а на дорогу 3 р. на все. Левенцу зъ-ведро водки далемъ зъ барила. Писалемъ писма черезъ Романа и Федора: до родителки комплементъ, до п. Михайла тожъ зъ прилогомъ вѣдомостей нѣкоторихъ, до жени зъ обявленіемъ того, що Федоръ и Романъ отпущени и съ ними три вози воловихъ, воловъ 10, а якіе рѣчи черезъ ихъ посланни, о томъ явствуетъ реестръ, зде приложенній, а другій маленкій реестрикъ приложенъ—книгъ 14 посилаючихся. Купилемъ ящикъ гвоздиковъ великихъ, коренціовъ 8, по 10 ал. одинъ коренець, яки и посилаются въ Глуховъ; также посилаю (*латинское названіе лѣкарства*) за полтину въ аптецѣ купленній, женѣ моей.

Субота. 6. Сегодня ездилисмо до панеи и тамъ кушалисмо, и привезли туда фляшку алкермесовой водки. Торгъ зъ Іваномъ Семеновимъ Каратаевимъ учинился за часи золотіе: дать ему 70 р. и подездка лошака.

Неделя. 7. Сегодня службы Божой выслухавши въ Богоявленскомъ монастиру, обѣдалемъ у панеи зъ родителемъ, а по обѣдѣ

гостя Богъ далъ Дефарта, зъ которимъ посидѣвши, после ездилемъ до отца Тимофѣя, где зъ Василіемъ Даниловичемъ, сумского полку полковникомъ, виехавшимъ въ домъ свой, спогкавшись, простился, а потомъ заездилъ до п. Петра Апостола и протопопа глуховского,

Понеделокъ. 9. Сегодня оправданіе наше окончилось въ колегіи іностранныхъ дѣлъ.

Вовтор. 9. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ былисмо зъ родителемъ у пана гетмана, а оттоль я заехалъ до п. Павла, полковника миргород.

Середа. 10. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ заездилемъ до Троцкого. П. Петру Апостолу, гетманичу, родился синъ Яковъ, которимъ его я, подъ часъ битности моей въ его квартирѣ, поздравлялъ. За часи зговорился зъ Александромъ заплатить Каратаеву 60 р. и 2 коней. Подъ часъ бытности нашей у пана гетмана, увѣдомилисмося зъ его розговору до кіевского пол. Танского и переясл. бывшого, что получена вѣдомость о запорожцахъ, которіе хочай самоволно отторгнувшись отъ подданства ханского, отойшли зъ Новой Сѣчи и на Старой осѣли попрежнему, однако жъ тотъ ихъ самоволный поступокъ татаръ бынамнѣй не раздражилъ, которіе по утеку помянутихъ запорожцевъ отъ своего коша, чего не могли зъ собою забрати, тое они прійшовши многимъ войскомъ берегли, и потомъ всякому свое взять позволили, зъ таковимъ своимъ лагоднимъ виговоромъ: „була, мовили, вона у насъ спасибогъ, отойшла отъ насъ спасибогъ, лошадь одинъ у васъ пропадаетъ, десять зъ Криму дадимъ" и проч. Увѣдомилемся о силѣ указу 1727-го году, юня 5-го, присланного въ Малую Россію, какіе збори колегіи малороссійской опредѣленіемъ, по доношеніямъ генерала маіора Веляминова збиравшіеся въ оную колегію, оставлени, що и видно зъ доносителнихъ пунктовъ оного генерала маэора, зъ которихъ екстрактъ слѣдующій есть: покуховное, показанщина, пчоляная и табачная десятини, съ мелницъ—войсковая часть, тако жъ протчіе збори; по вѣдомостямъ зборщицкимъ видно, что прежде сего збиривались въ Малой Россіи на гетмана, на полковниковъ и протчую старшину съ козаковъ убогихъ и посполитихъ людей, а старшина,

знатніе козаки и войсковіе товарищи, монастирскіе и церковніе владѣлци, которіи имѣютъ у себе казани, пчели, табакъ и мелници и другіе заводи, противъ помянутихъ козаковъ и посполитихъ людей надлежащихъ зборовъ не платятъ, и нинѣ оніе со всѣхъ ли брать равно? Опредѣленіе таковое было, что брать со всѣхъ равно. Во всей Малой Россіи покуховное берется только зъ шинкарей—зъ вишинкованнихъ куѳъ, а малороссійскіе обыватели многіе продають вино пріижджающимъ зъ великороссійскихъ городовъ куѳъ по 100, по 200 и болшъ, а покуховного, какъ берется зъ вишинкованной куѳи, не платятъ, а платятъ толко скатное по 15 копѣекъ, а нинѣ съ таковихъ продавцовъ и купцовъ противъ вишинкованной куѳи брать ли равно? Резолюція: брать равно. Въ тайномъ верховномъ совѣтѣ состоялся указъ монаршій и оній випечатанъ для розсилки въ Малую Россію о нечиненню жаднихъ обидъ козакамъ и посполству.

Четвер. 11. Сегодня рано былисмо у пана гетмана зъ поздравленіемъ рожденного унука его, которій отехалъ во дворецъ государевъ на службу, а мы, повернувшись въ свою квартиру, обѣдалисмо сами. У Шпетака, бывшого сотника топалского, взялисмо были и перекопіовали екстрактъ, чили виписъ съ книгъ майстрату стародубовского дѣла Івана Рубца, 1679 году точившогося, по которомъ обвиненъ онъ зосталъ отъ покойного гетмана Самойловича и маетности самоволно поселенніе, а именно Ропскую волость, всѣхъ селъ зъ мѣстечкомъ 11, а въ млинахъ колъ мучнихъ 10, а ступнихъ зъ валюшами 3, отъ его отобрано на домъ гетманскій. Была въ насъ панѣ и потомъ отехала, куда и я ездилъ и часи золотіе въ Александра взялъ, подъ такимъ договоромъ, чтобъ дать Каратаеву 60 р. да 2 подездка.

Пятокъ. 12, Сегодня рано былемъ въ колегіи іностраннихъ дѣлъ и видѣлемъ челобитную Калюжненковъ, поданную въ оную коллегію въ такой силѣ, чтобъ футоръ ихъ, будто отческій, отсуженній имъ Турковскимъ да Рощаковскимъ, имъ привернуть, а намъ отказать отъ оного, для того, что тамъ рощу мы будто зрубали на версту. Михайло Гайдученко зъ машталѣремъ род., припровадившимъ двохъ дригантовъ, прибули сегодня въ Москву. Сегодня

ездилемъ въ слободу Нѣмецкую, где у иноземца купилемъ картузовъ 3, по полтинѣ, да въ аптецѣ купилемь алкермесу зъ амброю, полъ унцѣи за 11 а. и 2 копѣйки. У Gарнова, часовника, былемъ и оному для починки, очистки и придѣлки футляра далемъ золотіи часи, а за работу ему дать 4 р. (поневажъ иншую спренжину новую вмѣсто старой вложилъ), а за футляръ 1 р. и 20 а. Тамъ-же въ слободѣ видѣлемъ, что цесарского величества римского посолъ графъ Вратиславъ ехалъ на аудіенцѣю къ імпер. в—ву такимъ порадкомъ: ехали на передъ кавалери его въ двохъ каретахъ, цѣлими цуgами, а за ними ишли два скороходи, а после служители посолскіе, за которими въ каретѣ ехалъ помянутій посолъ съ товарищи, въ 4-хъ человѣкахъ; по немъ ишли карети въ даръ присланніе отъ цесара государю, а именно: первѣйшая, позолоченая вся, подъ нею цуgъ брудно каштановатихъ лошадей чистихъ, шори зъ самого золота, толко мало шовкомъ перевиваніе, зъ мохрами и кутасами золотими, за тоею ишла другая карета болшая, также богатая, объ 8 лошадяхъ воронихъ; по бокахъ и на задѣ каретъ обоихъ—дивного майстерства рѣзання, тако жъ и по другихъ мѣстехъ, а все золотомъ визолочено, якіе карети со всѣмъ, зачисляя шори, коней и провозъ, сказивали Де-Макарти и Дефаршъ, будто на 150 тисячъ рублей коштуетъ, въ чомъ sit penes autorem fides. Тайній совѣтникъ Наумовъ пожалованъ въ кавалери красного банта. Торжество нинѣшнего дня зъ той причини учинено, что нинѣ рожденіе сестри государевой, ея височества государинѣ Наталіи Алексѣевни празднуется, для чего въ соборѣ молебствіе при пушечной стрелбѣ было и жалобное платте всей дворъ монаршій снялъ. Пожалованъ сегодня въ кавалери Александра Невского и въ генерали маіори Шепеліовъ и Дмитрій Еропкинъ въ генерали маіори и въ оберкоменданти московскіе.

Субота. 13. Сегодня рано ездилъ я въ колегію іностранную, гдѣ видѣлъ дѣло чили слѣдствіе Турковского да Рощаковского. Купилемъ коберчикъ малий, притертий, на столъ за 45 а. Александру Левицкому отдалемъ спренжину зъ золотихъ часовъ. Кузма Заруцкій въ разговорѣ своемъ сказивалъ мнѣ: 1) Глуховъ прежде

разоренія своего назывался Василковъ городъ, а былъ такъ великъ, что самихъ въ ономъ церквей, чили костелей, на 70 было, а знатно, что разореніе оному было, тогда и другіе города болшіе, Кіевъ Чернѣговъ и протчіе спустошени стали, за нашествіемъ татаръ азіятскихъ; тако-жъ потомъ и литовскихъ князей, которіе и всю Малую Россію держали въ своемъ порабощеніи черезъ килка сотъ лѣтъ. 2) Послѣ якого разоренія своего помянутий Глуховъ, что стоялъ долгое время пустимъ, якобы въ глушѣ, зъ той причини начавши селитись люде, стали оний звать Глуховомъ. 3) Въ якомъ тогдашнемъ малолюдствіи зъ лутшихъ жителей былъ тамъ купецъ зъ Слуцка захожій Марко, прозваніемъ Ѳимбаръ, который село подъ Глуховомъ, Березу, осадилъ; а где теперъ Марчишина Буда, тамъ онъ имѣлъ буду, где поташъ и смалцугу дѣлалъ, по которого смерти владѣла жена его Марчиха и по ней прозвалась Марчишина Буда.

Неделя. 14. Сегодня службы Божой слухалисмо въ монастиру Спасскомъ училищномъ, где службы служилъ новопоставленний архимандритъ Копцевичъ. Ездилемъ до архиерея великоновгородского, который въ разговорѣ обявлялъ мнѣ способъ садить рекгулярно малини, ожини и другіе ягоди, а именно такъ: потерши руками ягоди, смѣшать оніе зъ тѣстомъ житной муки и онимъ тѣстомъ веровку конопляную всю вдовжъ облѣпить и якъ надобно, такъ землю проривши, закопать, зъ чего ягоди виростуть такою фѣгурою, якъ веровка закопана будетъ; да онъ же говорилъ о способу чинить простіе барометри, а именнно: витесать тоненко дощечку широкую въ ширъ на корхъ, и у довжъ—на 6 вершковъ, чили болшъ, а тесать не по слоямъ, но впоперекъ, чтобъ долгота была зъ ширини, а ширина оной дощечки зъ долготи натуралной, тоесть въ которой былибъ слои въ поперекъ, а не вдовжъ,—до такой дощечки въ долготу жъ ей приклеить три полички тоей же долготи, да натуралнo уже виструженніе, одна отъ другой неподалеку, и поставить такую дощечку на свободномъ воздусѣ, где оная по приходячимъ непогодамъ будетъ нагибатись по мѣри оной непогоди и низше и висше.

Понеделокъ. 15. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до панеи и въ пана гетмана былемъ. Михайло Гайдученко, прійшовшій зъ волами нашими сюда, сказивалъ у столу при вечерѣ, что хвалился его бить сотникъ роменскій Остапенко за то, же онъ нанялся зъ волами нашими чи род. сюда пойти. Архиерей новогородскій сказивалъ, что царь Іванъ Василіевичъ, добувши Великого Новгорода и вивезши оттуду премного злота и сребра, самимъ тимъ золотомъ позолотилъ соборъ Благовѣщенскій.

Вовтор. 16. Сегодня рано заездилъ я до колегіи, а обѣдалъ у панеи.

Середа. 17. Сегодня былъ у насъ п. Чарнишъ, а потомъ ездилисмо до Николая Івановича Бутурлина, на Петровки жиючого, и тамъ обѣдалисмо.

Четвер. 18. Сегодня рано ездилемъ де панеи, где и сестру заставши, обѣдалемъ, а по обѣдѣ ездилисмо зъ родителемъ до п. судіи Чарниша, оттоль повернувшись заехалемъ до Лизогубовъ и до Івана Гамалѣи, и въ домъ свой, чили околную квартиру, поворотилемся. Принесена грамота зъ іностранной колегіи до п. гетмана и указовъ печатнихъ 300, въ которихъ указахъ изображено то, что его імператорскому величеству учинилось извѣстно о збиравшихся въ батуринскомъ ярмарке накладахъ судовихъ, зъ указу правителей вой. енер. канцелляріи и учиненнихъ тягостехъ отъ Гаврила Милорадовича, полковника гадяцкого, тому полку накиданнемъ горѣлокъ и пивовъ, такъже вимоганнемъ провіянта на себе, чого ради повелено, чтобъ никакихъ тягостей козакамъ и посполству не чинили полковники, енералная старшина и полковая, а ежели хто будетъ обыженъ, дабы тѣмъ невозбранно быть челомъ въ Малой Россіи—въ генералномъ судѣ, и въ Москвѣ, въ колегіи іностраннихъ дѣлъ, а Милорадовича, ради изслѣдованія дѣла, взять сюда въ Москву. Такихъ же указовъ послано къ Наумову зъ колегіи 600, якіе онъ сегодня нарочнимъ куріеромъ и отправилв въ Малую Россію.

Пятокъ. 19. Сегодня зъ квартери своей никуда не ездилемъ. Псаломъ П противъ еврейского вивернулемъ на славенскій діялектъ.

Субота. 20. Сегодня обѣдалисмо у панеи зъ сестрою. Слуга п. Петра Апостола утонулъ, купаючись въ Москвѣ. У пана гетмана былисмо. Кумпасъ Камѣнскій привезлъ зъ иглою магнитною, а въ заставу далъ 2 червонныхъ.

Неделя 21. Сегодня службы Божой слухалемъ въ церквѣ Михайла и обѣдалисмо у панеи.

Понеделокъ, 22. Сегодня родитель былъ у пана гетмана, а обѣдалисмо у пенеи. Игралисмо въ карти у Андрея Миклашевского и проигралъ я 30 а., потому что виграннихъ 7 гривенъ далемъ Якову Мировичу.

Вовтор. 23. Сегодня рано ездилемъ до фелтмаршала князя Долгорукова. Тамъ же Масу, штапъ-лекару, далемъ писма мои въ Астраханъ писанніе до Гаврила и Ѳедора о томъ: 1, чтобъ судно збули въ ползу мою, а не зъ убиткомъ; 2, чтобъ грошей не отбирали у Михайла Гавриленка и Антона, но смотрѣлибъ надъ ними, чтобъ они не терали; 3, а если на которомъ расходъ непотребній усмотрѣли, у того бъ взяли зъ росинскою. Приложенно другое писмо до горбунца Івановского, а третее родителское до Черевка съ товарищи писанніе. Обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ привезлъ часи боевіе Камѣнскій отъ Гарнова, потомъ игралемъ въ карти зъ Андреемъ Миклашевскимъ, зъ проигрншомъ 5 а. безъ копѣйки.

Середа. 24. Сегодня обѣдалисмо въ дому чили въ квартирѣ своей. По обѣдѣ зъ братомъ п. Маркомъ ездилемъ въ сѣбирскій приказъ, где купилемъ зъ китайскихъ товаровъ картину за 40 а. чашку черепаховую за 1 р., пушку деревяную на табакъ за полтину и пару чашокъ фарфуровихъ за полтину жъ. Увѣдомилимся отъ Андрея Миклашевскаго, что будто вчора резолюція на дѣла гетманскіе совершилась въ тайномъ верховномъ совѣтѣ. Игралемъ въ карти въ Миклашевского зъ выигришомъ 11 а. и 4 д.

Четвер. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ ездилемъ до архиерея мовогородского, которий въ разговорѣ сказалъ, чтобъ пиво было вскорѣ свѣтло, пѣску крупного, придавши къ нему мало сахару, разжарить и всипать въ куфу, то за неделю, а наиболшъ за двѣ, будетъ свѣтло.

Пятокъ. 26. Сегодня купилемъ зъ китайскихъ товаровъ: подносовъ два деревянихъ за 2 р., картинъ 2 за 2 р., чайникъ орѣховий тожъ за 2 р., чашокъ 2 деревянихъ за 8 гривенъ и чарокъ деревянихъ 4, по 4 гривни одну, итого за все заплатилемъ 8 р. и 4 гривни. Федорцеви, ключникови панеи, подарилемъ каѳанъ красний, едамашковий.

Субота. 27. Сегодня обѣдалисмо у себе. Алексѣй принюсъ 10 р, отъ Федора за кухву двойной,

Неделя. 28. Сегодня былисмо у пана гетмана, а слухали набоженства у Богоявленскомъ монастирѣ и обѣдали у панеи. По обѣдѣ ездилемъ въ слободу нѣмецкую, гдѣ отобралемъ часи золотіе, за которіе заплатилемъ 5 р. 20 а., да въ купчина купилемъ табаку картузного 2 фунта за 1 р. и карти нѣмецкіе за 8 копѣекъ. Заехалемъ до Миклашевскаго, где въ карти игралемъ съ проиграшомъ 10 а.

Понеделокъ. 29. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ходилемъ зъ Яковомъ Мировичемъ до манѣфактури купчина Милюнина, где таѳы, штофи и ленти дѣлаютъ, а потомъ зайшовши до Андрея Миклашевского, тамъ просидѣлъ и игралъ въ карти зъ проиграшомъ 8 гривенъ безъ 2-хъ копѣекъ. Заехалемъ потомъ до Тарновского и въ свою потомъ пріехалемъ квартиру.

Вовтор. 30. Сегодня день рожденія торжествовали царици Евдокіи Федоровни, и самъ его величество туди ездилъ, въ Новодѣвичій монастиръ, поздравлять оную.—Мы обѣдалисмо у себе. Холодовичъ былъ у насъ, зъ которимъ ходилемъ до Миклашевского, где игралемъ въ карти зъ проиграшемъ 2 р. Здѣлано мнѣ мѣднее ведро вагою у 10 фунтъ, фунтъ по 4 гривни, итого 4 р. коштуетъ.

Среда. 31. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ отехали и бісѣдовали о томъ, чтобъ порадочное было у насъ, между обществомъ и гетманомъ опредѣленіе, и то терминовали въ домѣ.

М-цъ августъ. Четвер. 1. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Наумова, где о томъ же доволно разсуждали; оттуду пріехалемъ до панеи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1894 г.

АПРЕЛЬ

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

ВЪ РЕДАКЦІИ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ.

	Руб	Коп.
1) Первые четыре года ссылки Шевченка **Проф. Н. И. Стороженка.** Цѣна.	—	15
2) Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву **И. Каманина.** Цѣна.	—	50
3) **Аврамъ** Езефовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, **Членъ Рады** Великаго княжества Литовскаго. (Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.). **Проф. С. А. Бершадскаго.** Цѣна.	—	75
4) Дневникъ генеральнаго подскарбія **Якова Марковича** (1717—1767 гг.). Изданіе „Кіевской Старины" подъ редакціей **А. М. Лазаревскаго.** Часть I. (1718—1725). Цѣна.	1	—
5) Обзоръ фонетическихъ особенностей Малорус. рѣчи. **В. П. Науменка.** Ц.	—	60
6) Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Г. Ѳ. Квитки. **В. П. Науменка.** Ц.	—	45
7) Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.** Цѣна.	—	20
8) **А. Андріевскій.** Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 2—10 (перваго выпуска въ продажѣ нѣтъ). Цѣна за каждый выпускъ.	—	50
Выписывающіе разомъ всѣ 9 выпусковъ уплачиваютъ 4 рубля и пользуются безплатной пересылкой.		
9) **А—ръ. Г. Ф. Квитка** (Основьяненко), біографическій Очеркъ. Цѣна.	—	15
10) **И. Лучицкій.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Цѣна. . . .	2	—
11) Рабство и русскіе рабы во Флоренціи. **И. Лучицкаго.** Цѣна. . . .	—	50
12) **Его-же.** По поводу дрогичинскихъ древностей. Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ с.-з. и южной Русью. Цѣна..	—	50
13) **Его-же.** Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современой Италіи Ц.	—	50
14) **Его-же.** Очерки по экономической исторіи Европы. Вып. I. Населенность городовъ XIV и XV в. Цѣна..	—	50
Вып. II. Рабочее населеніе и экономическая политика городовъ въ XV и XVI вв. Цѣна.	--	50
15) **Описаніе Старой малароссіи.** Матеріалы для исторіи землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. **Томъ первый. Полкъ стародубскій.** Кіевъ. 1889. Цѣна съ пересылкою.	3	—
16) **Тоже. томъ второй. Полкъ Нѣжинскій.** Кіевъ 1893. Цѣна съ пересылкою	3	50
16) **Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 г.** Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. Ал. Лазаревскаго. Черниговъ. 1890. 186 стр. Цѣна съ пересылкою.	1	—
17). Библіографическій указатель Кіевской Старины (первое десятилѣтіе 1882—1891 г. г.) Цѣна.	—	75

Жена Палѣя.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО.

(*Окончаніе*)[1].

Искусства изящныя, не знаю почему, остались для меня неразгаданною тайною, къ живѣйшему моему сожалѣнію. Поэтомъ я не родился: это уже рѣшено, для чего же не учили меня живописи, обильнѣйшему источнику прочныхъ наслажденій?— За какіе грѣхи первую ноту на скрипкѣ я долженъ былъ вытягивать подъ вліяніемъ тяжелаго смычка нашего учителя— Баранова, съ огромной бородавкой на лѣвомъ вискѣ, въ досадѣ иногда бившаго тактъ даже по моимъ нѣжнымъ пальцамъ, и своимъ готическимъ вкусомъ удалившаго меня на всегда изъ высокаго міра сладкой мелодіи. Слухъ мой былъ не совсѣмъ азіатскій, то-есть козлогласный; я любилъ и понималъ гармонію; украдкою пробирался въ высшій музыкальный классъ послушать учителя Рачинскаго, славившагося тогда въ Москвѣ своею игрою на скрипкѣ, и разыгрывавшаго русскія пѣсни съ неподражаемымъ, упоительнымъ искусствомъ. Восхищался я часто и смычкомъ его ученика въ университетской гимназіи Рахманова, который, какъ Орфей, двигалъ сердцами всѣхъ, и товарищей и учителей, такъ что сіи за его плѣнительную игру охотно все ему прощали. По субботамъ, вечеромъ, съ истиннымъ удовольствіемъ я присутствовалъ бывало и на квартетахъ старшихъ учениковъ или студентовъ.

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 3.

На такихъ же вечерахъ, зимою о святкахъ, играемъ бывало въ фанты, или представляемъ тѣнями Мельника и другія оперы и комедіи; ибо ученикамъ не позволяли ходить въ театръ. Къ танцамъ я не чувствовалъ въ себѣ врожденной охоты; не имѣя же сначала въ Москвѣ знакомства съ семейными домами, я не могъ видѣть тому примѣра. Нашъ танцмейстеръ Морелли, старинный служитель московской Терпсихоры, подъ свинцовою тяжестію шестидесяти или болѣе лѣтъ, очень медленно таскаетъ, бывало, хрупкія свои ноги и томитъ юношескій духъ всего болѣе павлиными менуетами. Такой учитель погашалъ самую пылкую страсть къ танцамъ, а подъ конецъ сдѣлался игрушкою болѣе смѣлыхъ учениковъ и студентовъ, которые въ быстромъ вальсѣ, какъ нѣкія вакханки не разъ хоромъ восклицали подъ тактъ музыки „а у Морелли ноги подгорѣли!"—Съ большимъ удовольствіемъ я заглядывалъ въ классъ фехтовальный, чтобы посмотрѣть на единоборство старшихъ студентовъ, подвизавшихся храбро съ тупыми рапирами и эспадронами по наставленію г. Севенара, бывшаго, можетъ быть, до революціи французской, гренадеромъ въ королевской гвардіи, высокаго, дороднаго, съ черными густыми бровями и большими глазами. Величественная и вмѣстѣ воинственная фигура его, когда бывало онъ выпадетъ съ эспадрономъ въ рукѣ въ позицію на противника, воскрешала въ памяти моей какого нибудь маршала Тюрреня, Конде и т. п.

На другой годъ по моемъ вступленіи въ университетъ, праздновали юбилей, то-есть 50 лѣтъ его существованія. Торжество великолѣпное, при многолюдномъ стеченіи знаменитостей московскихъ, украшенное стройными хорами Данилы Кашина, кои превосходно пѣли университетскіе пѣвчіе съ аккомпанировкою прекрасной музыки графа Ал. Кир. Разумовскаго,—все это восхитило меня до небесъ.

Потомъ еще черезъ годъ, то-есть въ 1806 г. послѣ строгаго экзамена, я произведенъ въ дѣйствительные студенты университета.

Взгляните на этого 16-лѣтняго юношу въ день университетскаго годичнаго собранія. Съ какимъ радостнымъ трепе-

томъ принимаетъ онъ изъ рукъ своего ученаго начальника маленькую шпагу. Онъ уже *офицеръ*—важный человѣкъ въ нашей географической долготѣ и широтѣ. Онъ близокъ къ совершеннолѣтію, и какъ сильно бьется его сердце, какой румянецъ играетъ на его полныхъ щекахъ. Словомъ сказать: это молодой студентъ!—Онъ во цвѣтѣ лѣтъ, во цвѣтѣ радостей и надеждъ своихъ. Многочисленное стеченіе особъ всякаго званія и чина, всякаго возраста и пола, въ ту незабвенную минуту поражаетъ его своимъ разнообразіемъ, оглушаетъ веселымъ говоромъ, ослѣпляетъ радужнымъ блескомъ. Море житейское разстилается передъ глазами молодого человѣка. Онъ стоитъ въ мирной пристани наукъ; на все взираетъ сквозь свѣтлую призму добродушной неопытности, и только готовится еще запастись всѣми потребностями къ предстоящему плаванію по морю, которое такъ часто воздымается напастей бурею.—О, юноша!—Помедли въ сей блаженной храминѣ, подъ крыломъ твоихъ добрыхъ наставниковъ, въ тѣсномъ кругѣ твоихъ товарищей—друзей. Но твоя душа сгораетъ нетерпѣніемъ; любопытство подстрекаетъ тебя скорѣе вкусить изъ тяжелой чаши свѣтскихъ наслажденій и скорбей. И такъ, собирайся въ путь, предназначенный для тебя въ неисповѣдимыхъ судьбахъ провидѣнія. Исполненный такихъ чувствованій, я началъ посѣщать университетскія лекціи профессоровъ, русскихъ и нѣмцевъ, людей съ глубокою ученостію. По преданію, или по какой-то симпатіи, были между ними наставники—наши любимцы, которыхъ мы почти боготворили, не менѣе стародавнихъ учениковъ блистательнаго Платона, достойнаго ученика Сократова, или геніальнаго, свѣтскаго Аристотеля, законодателя всѣхъ наукъ, коего произведенія, основанныя на опытности, составляли нѣкогда единственное чтеніе царей.—Къ другимъ (Богъ да проститъ имъ и намъ) являлись мы въ классы по долгу ученической исправности, для исполненія предписаннаго начальствомъ годичнаго учебнаго курса. И могъ ли молодой студентъ охотно вступить въ храмъ философіи, когда какой нибудь N N, отверзавшій двери онаго дрожащею рукою, въ треволненномъ изъясненіи своего предмета, не такъ то близко ему знакомаго, опрокинулся со стуломъ

на полъ съ высокой каѳедры, при язвительной улыбкѣ слушателей. Къ сугубому уничиженію, на другой день, на той же каѳедрѣ, къ свѣдѣнію самого г. преподавателя, явилась довольно пошлая эпиграмма въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

„Профессоръ NNN философъ между нами;
Чтобъ это доказать, стоялъ здѣсь вверхъ ногами“.

Съ другой стороны, въ челѣ наставниковъ первой категоріи, я доселѣ съ признательностью почитаю профессора физики П. И. Страхова, получившаго превосходное образованіе въ заграничныхъ университетахъ и особенно въ Парижѣ, потомъ профессора русской словесности А. Ф. Мерзлякова, любимаго поэта тѣхъ временъ, а равно профессора латинской и греческой словесности П. А. Сохацкаго. Къ нимъ, по всѣмъ правамъ, долженъ быть причисленъ профессоръ статистики И. А. Геймъ, читавшій лекціи свои хотя и неправильнымъ русскимъ языкомъ, какъ иностранецъ, но всегда умно и привлекательно. Между Нѣмцами я уважалъ болѣе всѣхъ ученаго и отмѣнно добраго профессора практической или нравственной философіи Рейнгарда и Буле, профессора логики и метафизики, исторіи, философіи и проч.

Не берусь произнести оцѣнку моимъ наставникамъ въ частности. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою мѣру знаній, свои достоинства и заслуги; но съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очевидно отражался духъ келіи и лампады, какъ на языкѣ, такъ на одеждѣ и самомъ образѣ жизни. При томъ, къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ обладали даромъ слова—необходимымъ условіемъ для хорошаго преподавателя публичныхъ уроковъ. Профессоръ, по моему мнѣнію, непремѣнно долженъ быть основательно ученый, благообразный, скромный и краснорѣчивый ораторъ, даже нѣсколько свѣтскій человѣкъ, какъ напримѣръ, блаженной памяти Страховъ, Шлецеръ (сынъ знаменитаго историка), и даже мой незабвенный Рейнгардъ, бывшій прежде, какъ говорятъ, пасторомъ въ Ростокѣ,—мудрецъ, который привлекалъ пламенною бесѣдою своей, украшалъ прелестными очарованіями всѣ правила нравственности, и которому внимая, въ восторгѣ не разъ готовъ я былъ сказать, подобно древнему Эс-

хину: „Сократъ, я бѣденъ, отдаю тебѣ себя; вотъ все, что я могу принесть тебѣ!“

Долженъ я однако сознаться, что уроки нашихъ почтенныхъ наставниковъ могли бы принести гораздо обильнѣйшіе и лучшіе плоды, если бы они принимали на себя трудъ лично, или черезъ репетиторовъ, отъ времени до времени заглядывать въ духовную сокровищницу своихъ молодыхъ слушателей и такимъ образомъ повѣрять ихъ успѣхи, степень ихъ прочнаго обогащенія нужными познаніями, или же отвращать какую либо пагубную растрату талантовъ, ниспосланныхъ имъ отъ Бога и раскрытыхъ благонамѣренными учителями. Согласитесь, любезные слушатели или читатели, что какой нибудь 16-лѣтній студентъ, не всякій, и конечно уже не всегда, можетъ охотно съ постояннымъ вниманіемъ углубляться въ темный кладезь премудрости, или съ напряженною бодростію преходить довольно сухсе и тернистое поле, особливо въ началѣ, наукъ философскаго, политическаго или математическаго отдѣленія. Ежели на высокомъ поприщѣ государственнаго служенія, гдѣ обыкновенно дѣйствуютъ люди взрослые, постигающіе вполнѣ долгъ патріотизма, и обезпеченные въ своемъ даже изобильномъ содержаніи, ежели и тамъ введены мѣры надзора и побужденія вещественнаго, то, ради Бога, преслѣдуйте бдительнымъ окомъ учебныя занятія и самую жизнь юноши, еще не твердо стоящаго на пути благоразумія, легко ослабѣвающаго подъ тягостію ученія и тѣмъ скорѣе увлекаемаго живостію чувствъ въ мрачную сферу разсѣянности.

Къ означеннымъ неудобствамъ нерѣдко присоединялось и развлеченіе, производимое въ студентахъ свѣтскими посѣтителями, и особенно прекрасными посѣтительницами нѣкоторыхъ лекцій, какъ напримѣръ—опытной физики, русской словесности и проч. Бывало (что грѣха таить, ужъ лучше признаться) самъ не знаешь, смотрѣть ли на искусственный огонь, извлекаемый Страховымъ изъ электрической машины, или защищаться отъ искръ, разсылаемыхъ дѣвическими глазами, и хотя мимолетомъ западающихъ преждевременно въ студенческое сердце, все же молодое, нѣжное. Нехороша, очень нехороша была эта мода

занятая изъ Парижа, подобно другимъ такимъ-же, нашими неразсчетливыми подражателями. Сами профессоры стѣснялись такою модою. Для угожденія дамамъ, они, по учтивости, должны были выбирать изъ преподаваемой науки предметы, доступные ихъ хорошенькимъ головкамъ, предметы легкіе, забавные. Но какъ любопытныя дщери прародительницы нашей Евы не утерпѣли, чтобъ не заглянуть и въ область медицины, то Ф. Г. Политковскій, одинъ изъ лучшихъ медиковъ, учившійся въ Германіи, Франціи и Англіи, соскучившись такимъ моднымъ ограниченіемъ, для устраненія его, однажды, при своихъ милыхъ посѣтительницахъ, началъ говорить прямо, хотя и съ нѣкоторою пощадою, о дѣйствіи лѣкарствъ на очищеніе желудка *naturalia non sunt absurda.*—Съ тѣхъ поръ модницы не заглядывали болѣе въ классъ слишкомъ откровеннаго профессора.

Около того-же времени долженъ былъ я разстаться, на нѣсколько лѣтъ, съ братомъ моимъ Романомъ Ѳ. По избранію попечителя университета М. Н. Муравьева, онъ отправленъ былъ въ 1806 г., на казенномъ иждивеніи, въ германскіе университеты для усовершенствованія себя въ познаніи древней словесности и проч. Изученіемъ сихъ важныхъ предметовъ онъ занимался главнѣйше въ Геттингенскомъ университетѣ, у главнаго филолога Гейне, и послѣ былъ въ Москвѣ отличнымъ по сей части профессоромъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, и старшій мой братъ и другъ Василій Ѳ. оставилъ университетъ и опредѣлился въ С.-Петербургѣ на службу въ канцелярію Государственнаго Совѣта, пользуясь особеннымъ вниманіемъ члена онаго, адмирала М. С. Мордвинова. А я, въ безвременномъ одиночествѣ, пустился вдоль студенческой рѣки, сопровождаемый юношеской неопытностію и рождающимися страстями.

Наставники наши должны бы неусыпно заботиться о гармоническомъ образованіи чувства въ юношѣ и о борьбѣ страстей съ нравственнымъ чувствомъ, а потому, если въ такой борьбѣ свободная душа не падетъ и сердце въ ней только возвысится,—о! какое тогда было бы торжество для всѣхъ участвовавшихъ въ прекрасномъ дѣлѣ воспитанія. Они обязаны, непремѣнно обязаны приготовлять для отечества совершенно об-

разованныхъ молодыхъ людей, въ которыхъ душа и нравъ, познанія и практическая дѣятельность были бы въ совершенномъ согласіи.

Не взирая на разныя лишенія и самыя неудобства, мое университетское ученіе шло общимъ путемъ. И тутъ природныя дарованія выкупали то, что теряла безпечность; и тутъ я удостоился получить серебряную медаль за мою дисертацію—разсужденіе на латинскомъ языкѣ на задачу изъ уголовнаго права. Золотая досталась въ награду отличному лифляндцу В. Шнейдеру. Конечно, и тогда было немало счастливыхъ исключеній изъ вышесказаннаго; а нынѣ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ, все это дѣлается, какъ слышно, иначе и лучше. Но я съ давняго времени привыкъ говорить громко, откровенно; а потому и буду пересказывать вамъ повѣсть моего бытія по сущей истинѣ.

Патріархальная простота господствовала тогда въ университетѣ, особливо между студентами казенными, то есть получающими жалованье и живущими въ университетскомъ зданіи. Многіе изъ нихъ остались вѣрными ей и на высшихъ степеняхъ государственной службы, такъ что на нѣкоторыхъ можно бы смѣло указать: вотъ студентъ въ чинѣ статскаго и даже тайнаго совѣтника! Впрочемъ, по моему, хорошій исполнитель должности важнѣе счастливаго путешественника *по табели о рангахъ*.—О вольноприходящихъ, или своекоштныхъ товарищахъ моихъ ничего не могу сказать; ибо они отдѣлены были отъ насъ—казенныхъ, какъ говорится, и временемъ и пространствомъ. Каждый изъ нихъ являлъ собою отпечатокъ состоянія и образа жизни въ его семействѣ.—Тѣмъ большее различіе примѣтно было между дѣйствительными студентами и горделивыми претендентами на чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, которыхъ принудили Указомъ, для выдержанія экзамена на тѣ чины, посѣщать университетскія лекціи. Справедливая пеня на русскихъ, слишкомъ равнодушныхъ къ огромнымъ пожертвованіямъ правительства на учебныя заведенія, повсюду открытыя для безмезднаго просвѣщенія всѣхъ и каждаго.

Всякое обученіе требуетъ отдыха и разнообразія. Пріятнѣйшимъ для меня занятіемъ въ часы досуга было чтеніе

книгъ, разумѣется, не глубоко и не тяжело ученыхъ. Путешествія болѣе всего занимали меня. Мысли мои преимущественно стремились въ страны южныя, гористыя, на грозный Кавказъ, въ миловидный Крымъ; мечталъ я часто и о Швейцаріи. Сѣверъ всегда отталкивалъ меня холодомъ, сжимая и самыя крылья воображенія. До романовъ я никогда не былъ охотникъ и болѣе по наслышкѣ зналъ любимцевъ того вѣка: водянистаго Дюкредюминиля, страшную Радклифъ, паркетную Жанли, щеголеватую Коттенъ и проч. Въ области романтизма я отдавалъ пальму (первенства?) писателямъ нѣмецкимъ, какому нибудь Августу Лафонтену, Шпису и т. д., при чемъ скорѣе плѣняли меня разсказы или явленія временъ германскаго рыцарства. И теперь съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ блаженныхъ минутахъ, когда юное воображеніе мое, настроенное подобнымъ чтеніемъ, быстро улетало на живописные берега Рейна и носилось надъ развалинами рыцарскихъ замковъ, доселѣ привлекающихъ къ себѣ толпы счастливцевъ-путешественниковъ.

Чтеніе біографій также нравилось мнѣ. Но всего пріятнѣе, всего занимательнѣе для меня были драматическія творенія. Пристрастіе это усиливалось и моимъ участіемъ въ представленіи на комнатномъ университетскомъ театрѣ разныхъ піесь, на Рождественскихъ святкахъ и объ масляницѣ. Комедіи и драмы А. Коцебу составляли главную часть нашего репертуара. По отзыву товарищей и знакомыхъ, я съ успѣхомъ разыгрывалъ роли молодыхъ чувствительныхъ людей...... Нельзя однако одобрить этой забавы, вѣроятно, перенятой также отъ французовъ. Ею, конечно, пріобрѣтается нѣкоторая ловкость въ обращеніи и средство быть пріятнымъ въ обществѣ симъ талантомъ; но съ другой стороны, она угрожаетъ юношѣ опасностію, могущею произойти отъ рукоплесканій, ласкательства и чрезмѣрной похвалы. Притомъ она много развлекаетъ обучающихся юношей затверженіемъ ролей, репетиціями и проч. И зачѣмъ такъ рано знакомить пылкую молодость словами и дѣйствіями съ разными страстями и соблазнами свѣта—этой скользкой неизбѣжной сцены жизни и дѣйствій человѣческихъ!

Посѣщеніе публичнаго театра, разумѣется, дѣлалось съ возрастомъ моимъ самою искусительною приманкою. Искушеніе это было тѣмъ сильнѣе, что московскій театръ, по уничтоженіи пожаромъ Петровскаго, расположенъ былъ въ домѣ Пашкова, на Никитской улицѣ, близъ университета, скажу болѣе— противъ самыхъ окошекъ моей комнаты, такъ что нерѣдко отражался въ стѣнахъ ея искусственный громъ изъ драматической атмосферы, и канифольная (colophane) молнія сверкаетъ, бывало, по моимъ тетрадямъ.

Не могу безъ умиленія вспомнить о сладкихъ часахъ того упоенія, въ которое приводила меня игра хорошихъ актеровъ. На Московской сценѣ отличались тогда: престарѣлый Померанцевъ, какъ увѣряли, портретъ славнаго Парижскаго актера Моле, Плавильщиковъ, Зловъ, Мочаловъ, а равно искусный комикъ Сила Сандуновъ, жена его г-жа Сандунова, плѣнявшая всѣхъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ, подобно какъ восхищала игрою актриса Воробьева и проч. Бывало, послѣ спектакля, удачно разыграннаго, съ хорошими декорацiями, я долго чувствовалъ въ душѣ тоску, сгонявшую и самый сонъ съ очей моихъ.

Все это очарованіе затмилось однако на нѣкоторое время передъ игрою Петербургскихъ актеровъ, присланныхъ въ Москву для забавы бояръ, кажется 1806 года, когда собиралась первая милиція—простонародное ополченіе наше противъ грознаго, всесокрушающаго Наполеона. Яковлевъ и Семенова—трагическая, Самойловъ и Семенова—оперная красавица: что это за таланты были, что это за восхитительная игра и сладкое пѣніе!—Мой восторгъ не уступалъ истинному восхищенію всей публики. Люди нашего состоянія, имѣющіе право на входъ въ скромный партеръ, стекаются, бывало, въ преддверіе театра заблаговременно, то-есть часа въ три по полудни, чтобы занять выгодный постъ поближе къ кассѣ, и хотя съ такимъ пожертвованіемъ своихъ ногъ и боковъ достать билетъ для входа въ театръ, съ мѣстомъ для сидѣнья. Но чтожe?—Часу въ 6-мъ вступаешь, наконецъ, въ партеръ, и всѣ скамейки заняты уже счастливцами, кои по протекціи (вездѣ-то нужна протекція...) кассира или

театральныхъ лакеевъ, какими то секретными путями проникли туда прежде меня. Вообразите послѣ того студенческій героизмъ: съ 3 часовъ до 10 или 11-ти простоять на ногахъ и въ такой тѣснотѣ, что повернуться нельзя. Превосходное исполненіе роли какого нибудь Рослава, Димитрія Донскаго, Отелло, Фингала, или Ромео и Юліи уносило душу въ радужный міръ фантазіи слишкомъ высоко, гдѣ боль тѣлесная забыта. Воля ваша, а сами римляне едва-ли жертвовали собою до такой степени, приходя тысячами въ свои великолѣпные амфитеатры наслаждаться кровавымъ зрѣлищемъ смертельнаго боя гладіаторовъ, или тигровъ и львовъ, конечно, не знавшихъ еще тогда укротительныхъ взглядовъ ни Фанамбурга, ни Картнера. Право, не вездѣ Мельпомена и Талія почтены были такими усердными жертвами, какъ наши. Всякій студентъ несъ въ театръ послѣдній рубль, да и тотъ нерѣдко занятый у товарища.

Тогдаже любовался я въ Москвѣ искусствомъ и французскихъ актеровъ оперныхъ—Меза, г-жи Филисъ—Андрьё и ея мужа, дѣв. Бертенъ и проч.; удивлялся легкокрылому Дюпору, лучше котораго въ балетахъ я нигдѣ не видалъ. Но болѣе всѣхъ поразила меня своею высокою игрою и великолѣпнымъ, вѣрно-историческимъ костюмомъ знаменитая жрица Мельпомены, прелестная *мамзель Жоржъ*.

Говоря о талантахъ, немогу умолчать, что я любилъ въ молодости слушать и хорошихъ церковныхъ пѣвчихъ. Университетскіе пѣвчіе, подъ руководствомъ своего регента (актера Муромцова), привлекали въ нашу церковь весь beau-monde московскій, но домашнее всегда кажется обыкновеннымъ. И вотъ, по убѣжденію моихъ болѣе дружныхъ товарищей, я въ видѣ пилигрима, охотно и часто, посѣщалъ въ воскресные дни тѣ церкви, въ которыхъ пѣли извѣстные пѣвчіе. Въ то время отличались хоры графа Ал. Кир. Разумовскаго, Бекетова и князя Голицына; въ обоихъ послѣднихъ, для нѣжнаго пѣнія, т. е. дишканты и альты, помѣщались дѣвушки съ прекрасными голосами, разумѣется, одѣтыя въ мужское платье. Поэтому, церковь Голицынской больницы, отстоявшая отъ университета верстъ за 5, была любимою цѣлью моихъ дальнихъ странство-

ваній. Превосходна архитектура ея!. Внутри большая ротонда съ колоннами *стюке* подъ розовый мраморъ, съ огромнымъ темнымъ сводомъ, въ который проникалъ особый свѣтъ сквозь небольшія окна, устроенныя подъ самимъ верхнимъ крестомъ, немерцающимъ источникомъ свѣта духовнаго. Этотъ сумракъ, непозволяющій глазамъ разбѣгаться; эта тишина богослуженія сопутствуемая изрѣдка только вздохами недужныхъ, помѣщавшихся на боковыхъ галлереяхъ; это стройное пѣніе, раздающееся на хорахъ подъ акустическимъ сводомъ и ниспадающее свыше, вмѣстѣ съ немногими солнечными лучами,—все это наполняло юную душу мою умиленіемъ глубокимъ, томнымъ. По окончаніи обѣдни, я возвращался домой въ задумчивости и какъ бы неохотно. О, какъ бы я дорого заплатилъ, еслибы въ то время жила въ Москвѣ моя мать, или сестра, или другая родственница! Въ ихъ родномъ сердцѣ, можетъ быть, я находилъ бы вѣрный отголосокъ и надежную опору моимъ добрымъ наклонностямъ, и тѣмъ сдѣлался бы разсудительнѣе, счастливѣе.

Съ воспоминаніемъ о пѣвчихъ разскажу вамъ два случая въ Москвѣ, къ нимъ относящіеся.

1) Бекетовскій хоръ пѣлъ обыкновенно въ церкви св. Димитрія Солунскаго, близъ Тверскаго бульвара. Въ немъ отличалась какая-то дѣвушка Анисья (не пригожая впрочемъ) своимъ прелестнымъ голосомъ и методою пѣнія, почти театральною. Вотъ поютъ, кажется, „Достойно есть“, и подъ конецъ Анисья своимъ solo и въ хорѣ, а болѣе своими руладами такъ поразила благочестивыхъ и свѣтскихъ слушателей, что одинъ изъ сихъ послѣднихъ, нѣкто князь Визапуръ, выкрещенный индѣецъ, *левъ* того времени, захлопалъ въ ладоши въ какомъ-то неистовомъ восторгѣ. Такой соблазнъ былъ слишкомъ гласенъ и дерзокъ; по требованію извѣстнаго Московскаго Митрополита Платона, г. Бекетовъ принужденъ былъ немедленно отослать своихъ пѣвчихъ въ деревню.

2) Спустя однако года два или три они какъ-то появились опять въ Москвѣ, и стали пѣть въ старой церкви Вознесенія у Никитскихъ воротъ. Разумѣется, я не отставалъ отъ своихъ товарищей, ревностныхъ dilletanti, и приходилъ въ ту церковь

какъ можно раньше, чтобы не пропустить ничего изъ ангельскаго пѣнія. Заслушавшись подобно Карамзинскому монаху, сто лѣтъ непримѣтно внимавшему голосу райской птицы, я вовсе не обращалъ вниманія на входящихъ въ церковь. Вдругъ отдается на хребтѣ моемъ препорядочный толчекъ книгою, сопровождаемый гробовымъ голосомъ: „посторонитесь, батюшка, нѣтъ мѣста мнѣ поклоны бить“. Оборачиваюсь, и вижу, кого бы вы думали?—Вдову нашего достославнаго Суворова, ветхую, слабую старушку съ молитвенникомъ въ рукахъ и креслами за нею. Относительно дамъ я всегда держался системы миролюбія; а потому тотчасъ потѣснилъ стоявшихъ около меня, и почтительно открылъ просторъ для той, которой рука нѣкогда лелеяла великаго героя.

Лѣтомъ часто посѣщалъ я московскія окрестности, истинно живописныя: Воробьевы горы, р. Сѣтунь, Симоновъ монастырь, село Коломенское (Россійскій Виѳлеемъ) и все это пѣшкомъ. Оно, знаете, и экономно и независимо. Тогда и пѣшеходствіе въ Новый Іерусалимъ, или Воскресенскъ, за 46 верстъ отъ Москвы, не казалось далекимъ. Впрочемъ иногда разъѣзжалъ я по достопамятнѣйшимъ селеніямъ и въ экипажѣ, вмѣстѣ съ братомъ В. Ѳ. до отъѣзда его въ Петербургъ, или съ кѣмъ нибудь изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, людей достаточныхъ [1]) Такъ мы не разъ бывали въ Останкинѣ, Свирловѣ, Кунцовѣ, Царицынѣ и проч. Въ с. Архангельскомъ особенно любовался я живописными видами и террасою, на которой стояли мраморные бюсты римскихъ императоровъ, отличной италіанской работы. Вообще московскія окрестности для меня незабвенны, по ихъ пріятному мѣстоположенію, а болѣе по связи съ ними моей молодости. Съ наслажденіемъ воспоминаю также о поѣздкѣ моей верстъ за 30 отъ столицы на главный московскій курганъ, по коломенской дорогѣ, у Боровскаго перевоза черезъ р. Москву, на правомъ ея крутомъ берегу. Никто

---

[1]) Глубокою признательностію запечатлѣно въ душѣ моей воспоминаніе о благосклонности ко мнѣ московскихъ благородныхъ семействъ: Афросимовыхъ, В. С. Филимонова, А. П. Коробьина, П. М. Пичугина, П. А. Новосильцова, добрѣйшаго вельможи Ивана Петровича Архарова и проч.

не знаетъ, по какому случаю и когда насыпанъ сей холмъ. На самой вершинѣ, какъ увѣряютъ, была нѣкогда церковь; въ день Троицынъ, посвященный памяти почившихъ, стекается на курганъ множество окрестныхъ жителей и проводитъ время въ ликованіяхъ. Съ братомъ моимъ В. Ѳ. и Ф. Я. Ваксмутомъ, отличнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, въ простой телѣжкѣ на лихой ямской тройкѣ, однажды мы отправились туда въ прекрасную лѣтнюю ночь. Луна во всей полнотѣ сіяла на чистомъ небѣ. Мы взобрались на высокій курганъ, и оттуда любовались величественными, необыкновенными, фантастическими видами. Передъ нами за рѣкою, на большомъ пространствѣ стояли кучи бѣлаго мячковскаго камня, употребляемаго въ Москвѣ на постройки. Эти насыпи, высокія и низкія, представляли изображеніе, самое естественное, развалинъ обширнаго города какого нибудь Вавилона, какой нибудь Пальмиры. Въ поэтическомъ восторгѣ мы прочитали наизусть хорошіе стихи Мерзлякова, написанные въ честь этого кургана [1]), огромной могилы древнихъ нашихъ витязей, павшихъ тутъ въ жаркой битвѣ съ татарами; въ память ихъ выпили по рюмкѣ мадеры, закусили по походному и, съ отрадою на сердцѣ и утомленіемъ въ тѣлѣ, возвратились въ Москву, какъ рыцари скитальческаго, и частію сантиментальнаго образа.

Такія и выше упомянутыя забавы, впрочемъ совершенно невинныя, требовали денегъ и денегъ; а гдѣ ихъ взять бѣдному студенту? Жалованья получалъ я сначала 150 руб. асс. въ годъ; едва доставало его на самую умѣренную пищу и простую одежду. Университетскіе студенты, получавшіе казенное содержаніе, взыскивали средство подкрѣплять свой скудный бытъ то переводами иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, то преподаваніемъ уроковъ на сторонѣ дворянскимъ дѣтямъ обоего пола.

Первый источникъ доходовъ, конечно, былъ-бы сугубо полезенъ, какъ переводчику, такъ и публикѣ, если-бы, какъ то и слѣдовало, ученымъ трудомъ сего рода руководствовалъ опыт-

---

[1]) Минувшіе съ тѣхъ поръ 35 лѣтъ унесли изъ моей головы много стиховъ, истинно поэтическихъ. Помнится однако, что эта побѣдная пѣснь начиналась такъ: „Остановися Россъ!—Се путь къ побѣдамъ славѣ....“

ный знатокъ этого дѣла. Но вотъ бѣда! Нерѣдко случалось тогда (не знаю, какъ теперь), что переводчикъ, не понимая хорошенько самого содержанія оригинала, не будучи довольно силенъ въ языкахъ, иностранномъ и отечественномъ, кое какъ клеилъ свое созданіе, неутомимо путешествуя и простыми и вооруженными глазами (въ очкахъ) по лексикону нѣмецкому—Академическому, или французскому Татищева. Сами посудите, что это за произведенія были, пестрыя, уродливыя, часто непонятныя! За то, какимъ же и воздаяніемъ вѣнчался подобный трудъ!—Студентъ—бѣднякъ (достаточный, разумѣется, и не думалъ о такихъ поблекшихъ лаврахъ), переведшій по своей волѣ, а не по заказу, какую нибудь книжку, положимъ романъ, переписавши его чистенько, отправляется, бывало, робкими стопами въ лавку, напримѣръ, значительнѣйшаго въ то время московскаго книгопрадавца Матвѣя Глазунова. Вотъ, брадатый книжникъ, съ улыбкою фарисейскою, воздымаетъ на широкой своей длани принесенную рукопись и такимъ образомъ, не читавши ее, а по вѣсу бумаги, рѣшаетъ участь ея, опредѣляя тутъ же и послѣднюю цѣну, которая бывала такъ скудна, что за печатный листъ приходилось переводчику рубля 3 или 4 ассигнац.—Лучшіе же переводчики, возбудившіе уже корыстное вниманіе книгопродавцевъ, получали за свой трудъ по 6 и 7 рублей съ оригинальнаго листа.

Переводчикъ вторoй руки, недовольный слишкомъ унизительною цѣною книгопродавца, поднимается, бывало, на другой оборотъ. Вставши раненько и одѣвшись почище, иногда и въ чужой фракъ, онъ спѣшитъ въ чертоги какого либо вельможи, богатаго и щедраго, каковыхъ всегда въ Москвѣ было много (Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ! Грибоѣдовъ, *Горе отъ ума*), и съ посвятительнымъ письмомъ и низкимъ поклономъ повергаетъ свой переводъ на великудушное воззрѣніе. Сотня рублей была для него лестною наградою, Нѣкоторые изъ вельможъ, въ удовлетвореніе барской спеси, принимали на свой счетъ и напечатаніе такого недозрѣлаго творенія. Любимѣйшимъ меценатомъ былъ тогда въ Москвѣ графъ Сергій Мих.

Каменскій, извѣстный орловскій помѣщикъ, хотя не всегда щедро, но непремѣнно принимайшій всякое сего рода приношеніе.

Искренно скажу вамъ, что я никогда не принадлежалъ къ жалкой когортѣ сихъ юныхъ литературныхъ промышленниковъ. Правда, по приглашенію книгопродавцевъ, и я сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго и французскаго; но—лучше объ нихъ и не вспоминать, тѣмъ болѣе, что мое имя на нихъ не означено. Напротивъ, я думалъ въ то время, а теперь въ совершенномъ убѣжденіи многими опытами произнесу рѣшительно, что такіе переводы, составляя нѣкоторымъ образомъ работу механическую, нисколько или очень мало развивали умственныя способности молодыхъ людей, ею занимавшихся. Отъ этого, изъ моихъ товарищей вышло очень мало настоящихъ сочинителей, людей съ творческой силою. Даже изъ старшихъ студентовъ, помнится, одинъ Захаръ Алексѣевичъ Буринскій, вынесенъ былъ своимъ истинно поэтическимъ талантомъ изъ ряда обыкновенныхъ, дюжинныхъ писакъ; жаль только, что заблужденіе страстей пресѣкло дни его слишкомъ рано. Непонятное и вмѣстѣ прискорбное дѣло, что многіе изъ нашихъ пылкихъ, геніальныхъ людей преждевременно удалились съ земнаго міра, какъ бы вытѣсненные какою нибудь предосудительною слабостію. Отъ чего бы то происходило?—

Другой доходъ студента, въ мое время, составляли уроки, которые преподавалъ онъ на сторонѣ, въ порядочномъ барскомъ домѣ, мальчикамъ или дѣвицамъ. Предметами сихъ уроковъ были преимущественно начала русскаго языка и русской исторіи, отчасти географіи, математики и т. п., смотря по степени образованности счастливца-гувернёра ихъ, или надменной гувернантки. Горько, а должно сознаться, какъ глобоко наводнила ими французская революція не только западную Европу, но и великое отечество наше, подобно страшному Везувію, разливающему изъ своего огнедышащаго кратера тлетворную лаву, полезную лѣнивому Неаполитанцу уже въ разрушенномъ ея видѣ. Говоря вообще, эти пришельцы, болѣе грубые и хвастливые невѣжды и болтуны, нерѣдко давали воспитанію нашего столбоваго дворянства какое то особенное направленіе, невсегда

согласное съ духомъ и нуждами отчизны. По ихъ проэкту, въ извѣстный періодъ дѣтскаго обученія, *папа́* и *мама́* приглашали университетскаго студента, иногда въ качествѣ Цыфиркина или Кутейкина—безсмертныхъ еще учителей, раскрытыхъ нашимъ острякомъ Денисомъ фонъ-Визинымъ. Высокомѣрный пріемъ, скромная плата—рубля по 2 асс. за урокъ двухъ-или трехъчасовый, а въ санную пору и утлые пошевни—вотъ обыкновенное возмездіе, которое пріобрѣталъ онъ (неопытный) тратою лучшихъ часовъ для собственнаго своего образованія. Самые деньги свои онъ издерживалъ болѣе на прихоти, а что хуже всего, непримѣтно свыкался съ разсѣянностію, легкомысліемъ и даже съ худыми примѣрами. По своему личному опыту, я не могу одобрить этой дидактической промышленности, развѣявшей не изъ одной молодой головы много, много полезныхъ знаній въ самомъ цвѣтѣ ихъ.—Съ большимъ удовольствіемъ, въ чинѣ кандидата, я занимался въ бывшей при университетѣ академической гимназіи преподаваніемъ класса высшей географіи почти моимъ однолѣткамъ.

Лучшее употребленіе изъ моихъ доходовъ сдѣлано было мною поѣздкой въ 1811 году на родину. Свиданіе съ матушкою, сестрами и прочими родными моими, послѣ семилѣтней разлуки, было для меня трогательно, восхитительно. Оно составляетъ лучшую эпоху воспоминаній о моей жизни, особенно вмѣстѣ съ путешествіемъ моимъ, семейно, въ Кіевъ и за Днѣпръ въ Мошненскій монастырь, гдѣ подвизался тогда нашъ дядя—благодѣтель Иванъ Назарьевичъ Тимковскій съ христіанскою чистотою возложившій на себя спасительное крестное бремя, въ видѣ простаго анахорета. О, сколь назидательны были его бесѣды подъ сѣнію монастырскаго орѣшника и винограда, какіе опытные, благіе совѣты вливалъ онъ въ мою душу, юную, немощную! Между прочимъ, прислушиваясь къ моимъ раннимъ, идиллическимъ планамъ, какъ бы поскорѣе водвориться на холмистыхъ берегахъ родимой Згари, онъ съ вдохновенною старческою твердостію говорилъ: „не жертвуй усильно мечтательному побужденію приковавъ себя непремѣнно къ мѣсту твоего рожденія; а живи въ отечествѣ по разуму тамъ, куда Богъ тебя

приведетъ“. Къ сожалѣнію, не могъ я выполнить такого совѣта въ точности, покоряясь, впрочемъ, неисповѣдимой судьбѣ, увлекшей меня въ путь, не мною однимъ уготованный, о чемъ объяснюсь, можетъ быть, впослѣдствіи.—

Могъ ли я, сидя на крыльцѣ нашего сельскаго домика и любуясь, какъ

> Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
> Шумящія стада толпятся надъ рѣкой,
> Усталый селянинъ медлительной стопою
> Идетъ задумавшись въ шалашъ покойный свой [1]),—

могъ ли я въ семъ покойномъ созерцаніи предвидѣть, что черезъ годъ грозная политическая буря, нагнавшая волны западныхъ ополченій подъ предводительствомъ необузданнаго Наполеона, опять доставитъ мнѣ случай видѣть свою родину, обнять моихъ кровныхъ друзей, уклониться подъ тѣнь мирныхъ згарскихъ дубовъ, но уже омраченныхъ всеобщею горестію.

Неглубокіе дипломаты были мы съ незабвеннымъ, добрѣйшимъ братомъ моимъ Романомъ Ѳ.—Возможность вторженія Наполеона въ самыя нѣдра любезнаго нашего отечества была слишкомъ невѣроятна для насъ. И такъ, по окончаніи университетскаго учебнаго курса, мы съ братомъ отправились въ іюнѣ роковаго 1812 г. къ берегамъ нашей тихой Згари, гдѣ онъ давно уже не былъ. Щедрая дружба къ нему извѣстнаго московскаго грека Зоя Павловича Зосимы, единственнаго обладателя необыкновенно большой и прелестной жемчужины, придала сему путешествію нашему много пріятности. Проведя мѣсяца полтора въ тѣсномъ родственномъ кругу, такъ сказать, на лонѣ обожаемой матери, которой ласками воспользовались—увы!—въ послѣдній разъ, мы въ концѣ августа поѣхали обратно въ Москву. Но, чтоже?—Въ Орлѣ насъ встрѣтили плачевною вѣстію: нѣтъ уже Москвы! Она пала славною жертвою во искупленіе всей Россіи и даже Европы. Она исчезла въ пламени и подъ грабительской рукою безчисленнаго сонма алчныхъ супостатовъ. Тамъ погибло и все мое маленькое имущество. Но чувствительнѣе всего была потеря значительной библіотеки

[1]) Жу[redacted]ое кладбище.

брата Р. Ѳ., рѣдкаго драгоцѣннаго собранія лучшихъ изданій древнихъ классиковъ и новѣйшихъ филологовъ или знатоковъ исторіи и словесности греческой и латинской. До конца жизни (въ 1820 г.) братъ мой сокрушался о сей неожиданной и невозвратимой утратѣ сего ученаго сокровища, пріобрѣтеннаго имъ въ Германіи личнымъ трудомъ и великими пожертвованіями.

Съ тяжкою скорбію въ сердцѣ и со слезами на глазахъ мы кинулись назадъ и кое какъ добрались до нашего старшаго брата Иліи Ѳ., имѣющаго помѣстье (по женѣ) черниговской губерніи въ глуховскомъ уѣздѣ на р. Шосткѣ. Въ его семействѣ провели мы около полугода, подавляемые самыми грустными чувствованіями при всеобщемъ жестокомъ злополучіи. Составъ и движеніе народныхъ ополченій, то есть милиціи, переходы войскъ, раздробленныхъ смертоносною битвою при с. Бородинѣ, провожаніе непріятельскихъ плѣнниковъ—все это, при извѣстныхъ лаконическихъ повѣстяхъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. И. Лобанова-Ростовскаго, густымъ туманомъ облегло сердце всѣхъ и каждаго, пока реляціи съ поприща военныхъ дѣйствій мало по малу начали разгонять мракъ неизвѣстности и озарили упавшій духъ народа счастливыми надеждами. Наконецъ слухъ о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи, о бѣдственнѣйшей ретирадѣ грозныхъ его полчищъ, и вѣсть о прибытіи Государя Императора въ Вильну, подобно Ноевой голубицѣ, возвѣстили намъ конецъ неслыханному потопу вражескому, наводнившему Россію, и вмѣстѣ зарю возстанія боязливой Европы изъ долгаго порабощенія, въ которое она упала, гнетомая ненасытнымъ властолюбіемъ бывшаго артиллерійскаго офицера, а болѣе увлекшись эгоизмомъ отъ спасительныхъ правилъ добраго единодушія.

Частыми письменными развѣдываніями, какъ дѣти вопіющія къ нѣжной матери, кое какъ отыскали мы съ братомъ Р. Ѳ. наше благотворное университетское начальство, кажется, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Получивъ наконецъ отъ него и родительскій призывъ, и денежное пособіе, мы поспѣшили отъѣздомъ своимъ въ Москву еще въ мартѣ 1813 г., простясь и съ обѣими нашими сестрами, жившими тогда въ с. Авдѣевкѣ, за р. Десною.

Кто изъ Россіянъ не знаетъ, въ какомъ страшномъ положеніи, въ какомъ плачевномъ видѣ была Москва, по выходѣ изъ нея мстительныхъ полчищъ французскихъ. Загляните еще въ краснорѣчивыя описанія нашихъ историковъ сей грозной эпохи, столь живо изобразившихъ назидательный подвигъ Русскаго народа, особенно этотъ пламенный безсмертный памятникъ его вѣры въ Бога и преданности Монарху, его любви къ чести и славѣ отечества и—что всего святѣе—его высокой воли жертвовать собою, чтобъ искупить спасеніе и независимость человѣчества. Нескоро найдемъ такой величественный урокъ на скрижаляхъ всемірной исторіи.

Съ Поклонной горы, на Серпуховской дорогѣ, представилась глазамъ моимъ, въ глубокомъ траурѣ, Москва.

Москва, Россіи дочь любима!
Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ,
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
И ты съ лица земнаго круга
Едва не скрылась отъ очесъ!
Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила,
Проснись, возстань, Россійска мочь.—
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная, осення ночь
Возстала! Все восколебалось.
И князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось.
Перуномъ возблисталъ булатъ, и проч. [1]).

Между развалинами пустыхъ домовъ и палатъ, закоптѣвшихъ отъ дыма, по чернымъ улицамъ побѣжалъ я тотчасъ въ университетъ. Однѣ опаленныя стѣны сего достославнаго храма нашихъ музъ стояли передъ мною, какъ вѣщій скелетъ славнаго человѣка, и въ самомъ истлѣніи поучающаго своихъ потомковъ.

По особенному вниманію начальства къ брату моему немедленно были мы съ нимъ водворены въ университетскомъ флигелѣ, уцѣлѣвшемъ отъ роковаго пожара. Встрѣча моя съ то-

---

[1]) Дмитріевъ, *Освобожденіе Москвы*.

варищами была истинно трогательна; но ихъ оставалось уже немного. Волею правительства, на то время отмѣнено было постановленіе, чтобы казенные воспитанники, по окончаніи университетскаго курса, прожили въ ученомъ званіи (такъ то оно привлекательно) по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ. Вслѣдствіе такого разрѣшенія, многіе студенты и ученики тогда-же поступили въ службу, военную или гражданскую. На мою долю, изъ урны судьбы, выпала послѣдняя: такъ угодно было Провидѣнію, неисповѣдимому въ путяхъ своихъ.

Среди приготовленій моихъ къ поѣздкѣ въ С.-Петербургъ. для опредѣленія на службу тамъ, какъ въ широкомъ горнилѣ всей государственной администраціи,—поразила меня, какъ громомъ, убійственная вѣсть о смерти нѣжной, доброй матери моей, скончавшейся въ Малороссіи 4 мая 1813 г. Такое тяжкое извѣстіе нашло меня въ подмосковной деревнѣ одного изъ моихъ знакомыхъ, въ окрестностяхъ г. Воскресенска или Новаго Іерусалима.—„Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвенна буди десница моя“... (Псал. 136). Тамъ у подражательнаго гроба Спасителя пролилъ я мои сыновнія слезы и теплыя молитвы объ упокоеніи души незабвенной въ райскихъ селеніяхъ горняго міра.—Вотъ и теперь оплакиваю сердечную потерю сію, смотря ежедневно на скромный дубовый крестъ, поставленный надъ ея могилою, подъ грушею, на драгоцѣнной левадѣ или полянѣ, противъ моего сельскаго домика.

Въ концѣ того же года получено было въ университетѣ отъ главнаго управленія путей сообщенія, изъ Твери, приглашеніе желающихъ, изъ числа студентовъ, вступить въ государственную службу по тому вѣдомству. На основаніи предварительнаго одобренія профессора Мерзлякова, обращеннаго, въ отвѣтъ къ старшему секретарю совѣта путей сообщенія Хрущову, я отправился въ Тверь, вмѣстѣ съ племянникомъ моимъ (нѣсколько старше меня) И. И. Прохоровичемъ. Многое въ жизни моей случилось нечаянно, скоропостижно. Кто не знаетъ, съ какими заботами и даже непріятностями сопряжено пріисканіе порядочнаго мѣста на службѣ, выгоднаго по жалованью, а равно по мѣрѣ и предмету занятій; ко мнѣ же сіи мѣста шли

какъ бы на встрѣчу. Я говорю это безъ всякаго хвастовства, и отъ чистаго сердца благословляю провидѣніе за его великія ко мнѣ милости. Такъ, едва мы прибыли въ городъ Тверь, черезъ нѣсколько часовъ уже опредѣлены были оба, 8 декабря 1813 года, въ канцелярію совѣта путей сообщенія, можно сказать: изъ ямскихъ саней я пересѣлъ прямо на стулъ младшаго секретаря, съ жалованьемъ 700 руб. ассиг. въ годъ. Прохоровичу досталось мѣсто переводчика, съ окладомъ 600 руб. Оно какъ будто и хорошо; но я не люблю ни въ чемъ торопливости. По моему, когда всмотришься въ предметъ исподоволь, выслушаешь отзывы объ немъ, да и самъ хорошенько понадумаешься, тогда и незнакомое дѣло не будетъ казаться грознымъ медвѣдемъ.

Покровитель нашъ, Александръ Павловичъ Хрущовъ, обладалъ разнородными, обширными познаніями, и въ особенности отличался необыкновенною, острою памятью: это былъ живой архивъ всѣхъ дѣлъ, когда либо имъ производимыхъ или читанныхъ, и отъ того былъ онъ письмоводитель чрезвычайно быстрый, неутомимый. Понынѣ я сохраняю къ нему чувствованія истиннаго уваженія и душевной признательности, которая была бы еще сильнѣе, еслибы онъ, по долгу ближайшаго моего начальника, обошелся со мною на первыхъ порахъ съ большею ласкою, и терпѣливо, внятно раскрылъ бы таинства канцелярскаго дѣлопроизводства; долго, долго казалось оно молодому, неопытному студенту какимъ-то чуднымъ, непостижимымъ хаосомъ бумагъ входящихъ и исходящихъ, протоколовъ, отношеній, предписаній, рапортовъ, докладовъ. Сообразно установленному порядку, Хрущовъ, какъ правитель канцеляріи совѣта путей сообщенія, произвелъ мнѣ и племяннику моему, у себя на дому, подробное испытаніе нашихъ познаній въ наукахъ и языкахъ, предложилъ намъ сдѣлать нѣсколько переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ и обратно, а равно задалъ составить экстракты изъ дѣлъ. На мою долю, какъ теперь помню, досталось огромное дѣло, то-есть переписка объ Огинскомъ каналѣ въ трехъ претолстыхъ волюмахъ. Дня четыре трудился я, какъ говорится, въ потѣ лица, надъ этимъ дѣломъ

и надъ моимъ экстрактомъ; но до сихъ поръ хорошенько не знаю, что и какъ я тогда написалъ объ этомъ многосложномъ предметѣ, надъ коимъ безпрестанно летало въ моемъ воображеніи имя мѣстнаго начальника водяныхъ сообщеній, генерала Фальконы. Впрочемъ, правитель канцеляріи впослѣдствіи передавалъ бывало для производства всѣ бумаги, относящіяся до канала Огинскаго преимущественно мнѣ, какъ достовѣрному историографу сего водяного пути. Названіе его и теперь пріятно звучитъ въ моихъ ушахъ, напоминая мнѣ превосходную музыку моего любимаго польскаго, сочиненнаго тоже Огинскимъ.—Да, скажу вамъ отъ чистаго сердца, что тогда то я почувствовалъ въ полной мѣрѣ, какъ недостаточно было наше университетское образованіе для юноши, выходящаго на поприще гражданской службы. Всѣ знанія въ туманной теоріи, а практики канцелярской ни на грошъ!—По сей-то причинѣ, если не по какой либо другой сторонней, управлявшій экспедиціею или департаментомъ путей сообщенія Дм. Сем. Серебряковъ, служака готическій, не благоволилъ ко мнѣ почти во все время службы моей въ томъ вѣдомствѣ.

Управленіе путей сообщенія имѣло счастіе прежде состоять подъ начальствомъ Ольденбургскаго принца Георгія, супруга В. К. Екатерины Павловны. То былъ золотой вѣкъ и для чиновниковъ, и для гражданъ тверскихъ. По кончинѣ его, не задолго предъ моимъ поступленіемъ туда на службу, главнымъ директоромъ путей сообщенія былъ инженеръ—генералъ Деволантъ—голандецъ ученый, трудолюбивый и весьма добрый, а членами нашего совѣта, инженеръ генералъ-маіоры: Карбоньеръ, Завалишинъ, Леонтьевъ, Саблуковъ и проч.

Первые шаги мои на службѣ вообще были для меня трудны и непріятны. Суровое обхожденіе старшаго секретаря съ канцелярскими чиновниками (но не со мною); безпрестанное пребываніе, почти жизнь въ канцеляріи; скудное содержаніе, даже безъ чаю и простаго лакомства, а съ другой стороны невыносимая тоска по разлукѣ съ братомъ Р. Ѳ. и съ моими университетскими товарищами: все это повергло меня въ сильную ипохондрію до того, что я рѣшился было возвратиться въ Москву.

Уже подана была мною и просьба объ увольненіи отъ службы, но г. Хрущовъ лично и черезъ посредство моего знакомца по университету, Ѳомы Яковлевича Ранда, уговорилъ меня бросить мое, довольно неосновательное намѣреніе—и я остался съ ними. Самъ не знаю, къ лучшему ли то сдѣлалось, или нѣтъ. Кажется, что и въ университетѣ не было бы мнѣ худо.

Не стану обременять васъ исторіею моей службы: офиціальное для офиціальныхъ; а вамъ, друзья мои, пожалуй скажу что нибудь изъ воспоминаній о моей двухлѣтней жизни въ Твери. Городъ, орошаемый рѣками Волгою, Тверцою и Тьмакою пользуется здоровымъ воздухомъ; послѣ великаго пожара отстроенъ щедротами Императрицы Екатерины II правильно и красиво. Граждане зажиточные; преимущественно занимаются судоходствомъ, а богатѣйшіе—хлѣбнымъ торгомъ съ Ригою. Говоря вообще, они непоколебимые приверженцы старины и весьма равнодушны къ связямъ дружбы и общежитія. Высокіе и добрые хозяева сихъ мѣстъ, принцъ Ольденбургскій и супруга его В. К. Екатерина Павловна, старались всѣми способами великодушія и ласки помочь этому горю, къ сожалѣнію, не чуждому многимъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже объ уѣздныхъ. Но тщетно. Бывало, не дозовутся ихъ на придворные вечера или балы, такъ что сверхъ пригласительныхъ билетовъ, не разъ должны были еще посылать камеръ-лакеевъ съ каретами, чтобы притащить дородныхъ купцовъ съ разрумяненными ихъ женами, какъ возятъ въ столицахъ актеровъ и актрисъ. Дочерямъ же ихъ, живымъ портретамъ великолѣпныхъ красавицъ 16 или 17 вѣка, предоставлено одно только публичное гулянье въ году, одно, но зато 30-ти дневное; нѣчто въ родѣ бывающаго въ Петербургскомъ лѣтнемъ саду, въ Духовъ день. Съ 1 іюля по 1 августа, почти ежедневно, и въ полдень и вечеромъ, онѣ оставляютъ свои теремы, и въ лучшихъ нарядахъ, истинно—русскихъ, появляются хороводами то на улицѣ, то у своихъ домовъ, чтобы, какъ говорится, себя показать и людей посмотрѣть. По захожденіи солнца, во всѣхъ концахъ города раздаются ихъ громкія, веселыя пѣсни, начиная съ удалой „какъ у нашихъ у воротъ стоялъ дѣвокъ хо-

роводъ"... и проч. и проч. Но какъ собраніе дѣвицъ не можетъ, да и не должно быть безъ кавалеровъ, то и длиннополые кандидаты супружества, то-есть суженые тутъ какъ тутъ: анъ дѣло выходило и отраднѣе и успѣшнѣе, не въ обиду будь сказано бабушкамъ, въ свое время тоже выглядывавшимъ коварно изъ-за собольей рукавички. Впрочемъ, сколько помню, все шло чинно, благопристойно въ своемъ видѣ и порядкѣ; что подтвердить могутъ и всѣ бывшіе тамъ наши братья кургузые зрители. А почему знать?—можетъ быть, о всемъ томъ что нибудь сказали въ своихъ мемуарахъ, разумѣется съ обыкновеннымъ на нашъ счетъ преувеличеніемъ, и гг. де-Шапель, Монрозъ или другіе плѣнные французскіе офицеры, жившіе тогда въ Твери, и притомъ въ моемъ сосѣдствѣ. Кстати о мосье де Шапелѣ: что это былъ за молодецъ, красивый, ловкій, привѣтливый до очарованія и говорившій даже по русски изрядно! Ну, вѣрно, не одинъ грустный вздохъ полетѣлъ съ береговъ Волги въ слѣдъ за нимъ на приморскія равнины, helas! счастливой Пикардіи. Видно, говоря языкомъ минувшаго столѣтія, Амуръ плохой моралистъ: сковываетъ сердца и племенъ разнородныхъ, враждебныхъ.

По благополучномъ и славномъ заключеніи мира въ Парижѣ, проходили въ 1815 году и черезъ Тверь плѣнные солдаты французскіе, возвращавшіеся изъ нашихъ сѣверныхъ губерній. Поразительно и любопытно было видѣть этихъ стройныхъ, развязныхъ, высокихъ гренадеровъ въ нашемъ простомъ одѣяніи, можно сказать, летѣвшихъ въ свою изнуренную отчизну послѣ вѣковаго, назидательнаго урока, и въ восторгѣ оглашавшихъ пустыя Тверскія улицы пріятными напѣвами своихъ водевилей. Иные продавали намъ плетеныя кольца съ изображеніемъ vive Alexandre!—Другіе же изъ нихъ, особенно Италіанцы, заглядывали даже въ нашу канцелярію, и своими фокусами, гримасами и припѣвами выманивали у насъ деньги себѣ на дорогу. Vive l'industrie!

Наклонность моя или привычка къ уединенію, отъ самыхъ раннихъ лѣтъ, весьма пригодилась мнѣ и въ Твери. Я не могъ, да и сослуживцы мои не успѣшнѣе въ томъ были, сблизиться

съ кѣмъ либо изъ мѣстныхъ жителей, чиновниковъ и дворянъ А потому лѣтомъ единственнымъ моимъ услажденіемъ были пѣхотныя прогулки по окрестностямъ; причемъ иногда сопутникомъ моимъ былъ сослуживецъ князь Авесовъ, человѣкъ немолодой, но отмѣнно добродушный, потомокъ какого-то поклонника Далай-Ламы. Вотъ и здѣсь еще случай къ моему сближенію съ азіатцами. Изъ окрестностей Тверскихъ незабвенны для меня—Трехсвятское, прекрасное жилище архіереевъ тамошнихъ, близъ него какой-то женскій монастырь, гдѣ г-жа Полторацкая выстроила, было, кровавыми трудами крестьянъ своихъ, огромную каменную церковь, которая, едва на ней водруженъ былъ крестъ, въ мигъ разрушилась до основанія; а всего пріятнѣе бывало мнѣ посѣщеніе монастыря Желтикова, верстахъ въ 4-хъ отъ города. Обитель пустынная, окруженная сосновымъ лѣсомъ, и заунывные напѣвы благочестивыхъ черноризцевъ ея, сладко питали меланхолію въ душѣ моей, подавляемой чувствомъ сиротства и недостаткомъ дружбы.

Наконецъ, генералъ Деволантъ исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе перевести главное управленіе путей сообщенія въ С.-Петербургъ, куда онъ и отправился предварительно съ нѣсколькими чиновниками, въ числѣ коихъ былъ и мой племянникъ И. И. Прохоровичъ. Несчастный! Онъ недолго пользовался столичными удобствами; злая чахотка пресѣкла дни его тамъ весною 1815 г., слишкомъ рано и болѣзненно. Послѣ архивы и большая часть чиновниковъ нашихъ, а особливо семейные, отправлены туда-же отдаленнымъ, но своимъ путемъ, то-есть по водѣ; а такъ называемыя нужнѣйшія лица, я, бухгалтеръ А. С. Осиповъ и проч., осчастливлены повелѣніемъ отправиться въ столицу немедленно, на почтовыхъ; что исполнилъ я скоро, исправно и съ истиннымъ удовольствіемъ.

Такъ, 20 января 1816 года я увидѣлъ въ первый разъ нашу столицу, нашъ стройный, чистый, фрунтовый Петербургъ. Городъ поразилъ меня единообразіемъ, своею правильностію и опрятностію; но всегда скажу: Петербургъ красивый гвардеецъ, а матушка Москва добрая барыня, и здоровая и гостепріимная.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО[1].

(1813—1862 г.).

ГЛАВА X.

Размышленіе отца по пріѣздѣ домой. Сборы и выѣздъ въ Харьковъ. Несчастія на дорогѣ и первое знакомство съ барскимъ домомъ. Ахтырка и Богодуховъ. Мы въ Харьковѣ.

Возвратясь домой, отецъ мой тотчасъ же принялся устраивать дѣла для отъѣзда въ Харьковъ; ибо іюль уже былъ на исходѣ, а извѣстно, что съ 1 августа начинались уже въ университетѣ вступительные экзамены. Оставалось пробыть мнѣ въ деревнѣ не болѣе 5 дней. Въ это время я былъ уже совершенно здоровъ, только на головѣ моей не было волосъ, но это однакожъ не мѣшало мнѣ нисколько наслаждаться, на прощаньи, природой и бесѣдою съ отцемъ, которая была всегда для меня истиннымъ наслажденіемъ. Отецъ мой въ молодости своей ѣздилъ довольно; не былъ—правда—за границей, но былъ въ Крыму и въ Польшѣ, и нѣсколько разъ посѣщалъ Москву; слѣдовательно поѣздка въ Харьковъ всего за 150 в. могла быть для него дѣломъ обыкновеннымъ.... Но съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Крыму, въ Польшѣ и Москвѣ прошло отъ 40 до 30 лѣтъ, и эти 30—40 лѣтъ прожилъ онъ безвыѣздно почти въ своихъ хуторахъ, дѣлая только небольшіе выѣзды верстъ за 50 и не болѣе 80 по разнымъ дѣламъ домашнимъ. Поэтому-то предпо-

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 12.

лагаемая поѣздка въ Харьковъ за 150 в., недѣли на двѣ, въ самое время жатвы, и при томъ будучи старикомъ (ему было тогда 64 года) казалась ему нѣсколько затруднительною, чего въ особенности онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать отъ меня. Деньги въ это время у отца моего водились въ достаточномъ количествѣ, такъ что, не смотря на то, что въ предшествующее горестное время все семейство наше переболѣло,—онъ все таки собралъ до 500 р. ассигн. для Харькова.

„Вотъ мы поѣдемъ завтра,“ сказалъ мнѣ папенька въ послѣдній вечеръ, когда я, нагулявшись по полямъ и лѣсамъ, пришелъ къ нему въ любимую его пасѣку, гдѣ онъ проводилъ почти все свое время дня.

Я сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю той минуты, когда скажутъ мнѣ, что я студентъ.

„А тебя это очень занимаетъ?“ спросилъ онъ

—О какъ же!

„Я этому душевно радъ, но совѣтую тебѣ помнить, что отецъ твой человѣкъ не богатый: это для того говорю я тебѣ, что тамъ много всякаго рода молодыхъ людей, а въ особенности богачей, для которыхъ наука дѣло второстепенное... для нихъ это, положимъ, можно, но для тебя наука должна быть первымъ дѣломъ—ты долженъ учиться хорошо и смотрѣть за братомъ своимъ, котораго отдаю на твои руки; будь уменъ, но старайся также и о нравственности; пока я живъ, я найду какія-нибудь средства васъ поддерживать; но умру—тогда всѣ должны дѣйствовать своимъ умомъ—на мать не надѣйтесь. Вы должны учиться, какъ теперь учатся—свѣта не перемѣнишь.... Когда окончишь курсъ въ университетѣ, я отошлю тебя въ Петербургъ на службу—можетъ быть тамъ выйдешь въ люди и братьевъ своихъ выведешь; я ничего для этого не пожалѣю“.

Я съ благоговѣніемъ слушалъ эту умную рѣчь отца, котораго съ младенчества привыкъ почитать и любить.

Мы собрались и поѣхали въ Харьковъ 28 іюля 1830 г. Утро было прекрасное, дорога гладкая, ровная. Бричка наша, хотя и наложенная сверху до низу разнаго рода поклажей, катилась свободно и довольно быстро, такъ что отецъ мой нѣ-

сколько разъ шутилъ, говоря; „эдакъ мы сегодня еще на ужинъ въ Харьковъ поспѣемъ. Хотя, разумѣется, мы припимали за шутку—не болѣе; однакожъ все таки намѣревались ночевать въ Ахтыркѣ, отстоящей отъ нашего хутора въ 45 вер. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, какъ говоритъ пословица. Не успѣли мы проѣхать верстъ 12, какъ задняя ось въ нашемъ экипажѣ лопнула... И мы остались среди чистаго поля горевать..... Домой далеко, до ближайшей деревни Павловки версты 4—что дѣлать? Ужъ, конечно-же, не назадъ а впередъ надобно ѣхать: кое-какъ увязали поломанную, ось—и отправились пѣшкомъ всѣ, даже кучеръ, который долженъ былъ вести лошадей за поводья. Такимъ тріумфальнымъ шагомъ мы благополучно достигли селенія Павловки, отецъ нашъ тотчасъ-же отправился къ тамошнему богатому помѣщику Евгенію Григорьевичу Бразолю, а мы остановились съ своимъ разломаннымъ экипажемъ въ домѣ одной дальней своей родственницы вдовы.

Не прошло получаса времени, какъ во дворъ нашъ явились человѣкъ восемь людей—взяли нашу бричку и почти на рукахъ вынесли ее изъ двора; къ намъ же въ комнату вошелъ лакей и сказалъ намъ, что просятъ насъ въ домъ пить чай. Мы отправились. Вошли вь комнату и нашли тамъ отца нашего, бесѣдующаго съ Брозилемъ. Мы были отрекомендованы и приняты ласково. Но я былъ рѣшительно уничтоженъ въ присутствіи знатнаго барина, сидящаго въ роскошно убранной комнатѣ. До тѣхъ поръ, я если и видѣлъ порядочную меблировку дома въ Полтавѣ у нашего директора Огнева; но это было слишкомъ далеко отъ того, чему былъ теперь свидѣтелемъ. Въ особенности поразилъ меня богатый чайный сервизъ на дорогомъ серебряномъ подносѣ и хорошо одѣтые лакеи, которые здѣсь прислуживали. Это было первое знакомство мое съ аристократизмомъ и потому весьма понятно мое смущеніе: я, бывши тогда весьма умнымъ и расторопнымъ мальчикомъ, безпрестанно робѣлъ и мѣшался. Напившись чаю, мы отправились на квартиру гдѣ по обычаю пустились бесѣдовать съ отцомъ о разныхъ матеріяхъ. Между тѣмъ былъ уже часъ 10-й. Когда мы собра-

лись уже приняться за трапезу, т. е. съѣсть кусокъ жареной индѣйки, взятой на дорогу, къ намъ вошли два лакея съ подносомъ, на которомъ было наставлено множество разныхъ закусокъ и кушаньевъ. Они сказали, что Евгеній Григорьевичъ прислалъ ужинъ, зная, что здѣсь негдѣ ничего достать, и между тѣмъ какъ отецъ мой выказывалъ передъ ними свою благодарность заботливости ихъ барина, они разставили столъ, накрыли чистой скатертью, поставили приборы и бутылку вина... Папенька посмотрѣлъ на вино и сказалъ имъ: „а я вина почти никогда не пью, но такого хорошаго нельзя не выпить хоть рюмку". Не знаю, какъ отецъ и братъ, а я ѣлъ все съ апетитомъ: тогда-же я познакомился въ первый разъ и съ голландскимъ сыромъ. Ужинъ кончился. Лакеи ушли, а мы погрузились въ объятія Морфея.

На другой день чуть свѣтъ бричка наша стояла уже на дворѣ, совершенно исправленная, и папенька хлопоталъ укладывать вещи. Кузнецъ, видимо, довольный награжденіемъ, полученнымъ за трудъ, стоялъ передъ папенькой безъ шапки и вѣжливо докладывалъ, что уже такой шкоды не буде до Харькова—будьте покойны! Тройка выкормившихся лошадей запряжена, мы сѣли—и пыль столбомъ. Кажется, сами лошади чувствовали, что они стремятся къ Харьковскому университету!!

Дорога прекрасная, гладкая ровная доставляла мнѣ большое удовольствіе... Я увидѣлъ Ворсклу съ ея очаровательными берегами, монастырь, стоящій на дивномъ холмѣ, заросшемъ кустарниками и, наконецъ, самую Ахтырку.

Здѣсь отецъ разсказалъ мнѣ поэтическую легенду о монастыряхъ вообще—я слушалъ со вниманіемъ разсказъ о монашеской жизни, удаленной отъ бурь и треволненій свѣта, объ эстетическомъ ихъ вкусѣ, съ которымъ монахи избирали такія восхитительныя мѣста для своихъ обитателей, что въ послѣдствіи еще болѣе уразумѣлъ, увидѣвши монастыри Будинскій, Хорошевскій, Куряжскій и наслышавшись разсказовъ о Святогорскомъ.

Ахтырка была уже становищемъ татаръ—и въ виду этого становища святая обитель—сколько религіи и поэзіи вмѣстѣ!..

Въ Ахтыркѣ мы кормили лошадей, были у образа чудотворной Матери Божіей—и поѣхали дальше. Проѣзжали по столбовой дорогѣ, на которой безпрерывно встрѣчались намъ поселяне съ нагруженными сѣномъ возами, неслись почтовыя тройки, по бокамъ которой волновалась богатая жатва и жнецы съ блестящими серпами и косами—я мало обращалъ вниманія на дѣйствительность: мысли мои были далеко, далеко!

Въ этихъ мечтахъ и грезахъ, навѣянныхъ на душу мою воспоминаніями прошедшаго, мы нечувствительно доѣхали до Богодухова, гдѣ и остановились ночевать. Я въ первый разъ тогда ночевалъ на постояломъ дворѣ, и потому все меня занимало: и безпрерывное появленіе новыхъ лицъ, и неисчерпаемый источникъ горилки, льющейся въ глотки замысловатыхъ хохловъ, шумъ и гамъ жинокъ, и стоическое хладнокровіе шинкаря, который почти въ одно и тоже время долженъ былъ удовлетворять десять различныхъ требованій.

На другой день, чуть свѣтъ, мы были уже въ дорогѣ, кормили лошадей въ Ольшанѣ и къ вечеру въѣхали на Холодную гору, откуда представилось намъ очаровательное зрѣлище Харькова.

Въ самомъ дѣлѣ, видѣть Харьковъ въ первый разъ для человѣка, который, кромѣ Полтавы, другихъ городовъ не видѣлъ—задача не послѣдняя! Для меня же съ понятіемъ о Харьковѣ и съ воззрѣніемъ на него соединялось еще и чувство образованія—университетъ представлялся мнѣ въ обольстительныхъ лучахъ свѣта. Въ каждомъ каменномъ зданіи я думалъ отгадать это святилище науки и поминутно спрашивалъ отца: гдѣ же университетъ? Отецъ, который былъ въ Харковѣ въ 1798 г., когда еще тамъ не было университета, не могъ удовлетворить моего любопытства. Едва только мы съѣхали съ Холодной Горы, тотчасъ же начали спрашивать себѣ квартиры, и какъ это было только предмѣстіе, то разумѣется, намъ совѣтовали ѣхать дальше въ городъ; переѣхавши площадь, на которой находится жандармская команда, мы ужаснулись громадною возвышающихся каменныхъ зданій и не смѣли уже спросить о квартирѣ: только въ концѣ Екатеринославской улицы останови-

лись возлѣ одного небольшаго дома и спросили: нельзя-ли переночевать? намъ сказали, что можно, но потребовали по 2 р. 50 к. ассиг. въ сутки, и бричка наша торжественно въѣхала въ ворота дома купца Нѣмченка, что я тогда же и прочиталъ на прибитой сверху воротъ доскѣ.

Такъ какъ былъ уже вечеръ, то мы помѣстились въ отведенной намъ комнатѣ, рѣшились поужинать и лечь спать, къ чему побуждала насъ и усталость послѣ продолжительнаго пути. Я заснулъ скоро.

ГЛАВА XI.

Обозрѣніе Харькова. Университетъ. Экзамены. Я студентъ. Начало лекцій. Историческая лекція и смерть профессора исторіи. Товарищи. Холера и отъѣздъ во свояси. Карантинъ въ Куземенѣ.

На другой день очень рано, какъ только-могъ рано проснуться отецъ нашъ, мы отправились осматривать городъ. Екатеринославская улица и тогда уже славилась своими громадными постройками, хотя впрочемъ многихъ домовъ, теперь существующихъ, тогда еще не было; но Московская поразила насъ особенно. Отецъ нашъ, который былъ въ Харьковѣ передъ тѣмъ за 32 года, т. е. въ 1798 г. разсказывалъ намъ, что этой улицы вовсе тогда не было, а вмѣсто ея было почти безвыходное болото, которое къ той сторонѣ, гдѣ теперь домъ купца Собкина, было заросше камышомъ, что это было уже за городомъ и что охотники ходили тогда стрѣлять утокъ и прочую дичь! Далѣе съ стороны университетскаго сада—чистое поле; тамъ же, гдѣ теперь церковь Мироносицы, было кладбище, котораго теперь и слѣдовъ не видно,—только развѣ тѣ слѣды, что при постройкѣ новыхъ домовъ вырываются иногда старыя кости. Мы вошли въ университетскій садъ: длинная, прекрасная аллея очень понравилась намъ, въ особенности же китайская бесѣдка, которая тогда была во всей красѣ своей; оттуда отправились по Сумской улицѣ къ дому дворянскаго собранія: какъ разъ противъ этого зданія находился прекрасный

бульваръ, неизвѣстно для чего послѣ уничтоженный; посидѣвши и отдохнувши съ 1/4 часа на этомъ бульварѣ, мы вошли въ церковь Николая и отслушали тамъ часть обѣдни, которая тогда отправлялась.

„Теперь пойдемъ посмотрѣть университетъ“—сказалъ папенька, и я съ нѣкоторымъ душевнымъ волненіемъ вошелъ въ проулокъ, изъ котораго тотчасъ же и представился намъ университетъ. Папенька предложилъ мнѣ зайти въ правленіе университета, чтобы справиться: какъ, что и гдѣ должно представить и приложить.

Меня въ особенности поразила здѣсьнизменность служащаго люда: я увидѣлъ здѣсь почти то же, что въ уѣздномъ или земскомъ судѣ, между тѣмъ какъ надѣялся увидѣть людей совсѣмъ другаго рода—людей благовоспитанныхъ и благоразумныхъ. Папенька спросилъ какого-то приказнаго о своемъ дѣлѣ—онъ указалъ на другой столъ. Мы подошли къ другому столу. Столоначальникъ принялъ просьбу весьма сухо, сказалъ, что ему некогда, черезъ часъ приходите и т. п., но когда папенька потихоньку засунулъ подъ бумагу цѣлковаго, то тотчасъ же нашлось время и мы были удовлетворены совершенно: Узнали кому, когда и гдѣ подавать прошеніе, какіе нужны документы и въ добавокъ получили копію прошенія. Я переписалъ прошеніе, какъ можно лучше, и на другой день въ 9 ч. утра мы отправились къ ректору Н. М. Еллинскому. Прошеніе мое тотчасъ же было принято, помѣчено: „допустить къ экзамену“—и мы ушли. На другой день я долженъ былъ явиться въ университетскую залу, въ которой обыкновенно производятся экзамены, и которая для многихъ очень часто бываетъ la chambre pas perdus... По какому то внутреннему безотчетному сознанію я не боялся предстать въ этотъ ареопагъ—одна только математика пугала меня; но и здѣсь тотчасъ представлялось мнѣ въ радужныхъ лучахъ сочиненіе, которое я надѣялся написать хорошо и быть расхваленнымъ, какъ обыкновенно всегда почти расхваливалъ учитель словесности въ Полтавѣ. Но когда я предсталъ предъ это судилище и увидѣлъ весь многочисленный составъ профессоровъ, которыхъ—

безъ сомнѣнія—я считалъ тогда чуть не пророками и вѣщими, меня одолѣла робость страшная: ни живъ, ни мертвъ я остановился у дверей залы, не смѣя идти далѣе въ своемъ стареителькомъ, вовсе не по модѣ сшитомъ, сюртучкѣ, и голой отъ горячки головою... тогда я потерялъ рѣшительно всякое сознаніе собственнаго достоинства. Мнѣ стало страшно тѣмъ болѣе, что отецъ мой остался на крыльцѣ до окончанія экзамена, не имѣя права (по положенію) войти въ залу. Въ этомъ положеніи я оставался до тѣхъ поръ, пока подошелъ ко мнѣ какой-то профессоръ и спросилъ: изъ какой вы гимназіи? Я сказалъ. А, это гимназія хорошая, прибавилъ онъ и сказалъ мнѣ, что-бы я шелъ за нимъ. Первый предметъ, изъ котораго меня спрашивали, былъ французскій языкъ: меня заставили писать строчекъ 5 на доскѣ—я сдѣлалъ три ошибки въ орѳографіи. Потомъ перевелъ строчекъ 10 изъ Телемака. Экзаменъ изъ латинскаго языка, исторіи, географіи, Закона Божія и прочихъ предметовъ не оконфузилъ меня—я получилъ хорошія отмѣтки; но профессоръ математики Празицкій сказалъ, что я ровно ничего не знаю, и записалъ нуль, а изъ физики 4, изъ русскаго языка и словесности я получилъ 5, и сверхъ того профессоръ отозвался, что въ моемъ сочиненіи не нашелъ ни одной ошибки, и что мысли и слогъ есть... Сочиненіе мнѣ задано было: о любви къ отечеству; сколько помню, я дѣйствительно написалъ его хорошо. Вслѣдствіе всего этого математическій нуль мнѣ ничего не помѣшалъ и какой-то изъ благороднѣйшихъ г.г. профессоровъ лично поздравилъ отца моего, что его сынъ студентъ! Отецъ тутъ-же расцѣловалъ меня и благодарилъ добраго вѣстника такъ искренно и съ такимъ душевнымъ волненіемъ, что тотъ выразился тутъ-же весьма благосклонно обо мнѣ. Радость наша была неописанная: послѣ обѣда же мы отправились покупать шляпу и шпагу—необходимые атрибуты студенческаго званія. Отецъ нашъ прожилъ еще въ Харьковѣ три дня, въ которые и меньшой братъ мой Андрей былъ принятъ въ первый классъ гимназіи. Выразить любовь и благодарность къ намъ за оказанные успѣхи отецъ старался чѣмъ только могъ: мы ходили смотрѣть волтижеровъ; намъ заказано было хорошее

платье, нанята квартира, хотя безъ чаю, но даны деньги на чай... Наконецъ, надобно было разстаться съ отцомъ надолго: онъ уѣхалъ, благословивши насъ на новый родъ жизни, къ исполненію новыхъ обязанностей.... „Я не прошу тебя учиться хорошо“, сказалъ мнѣ отецъ: ты и безъ моей просьбы будешь хорошимъ студентомъ, потому что любишь науки, но приказываю тебѣ быть нравственнымъ человѣкомъ, чтобы я на старости лѣтъ могъ порадоваться тобою, какъ ты радовалъ меня до сихъ поръ; надѣюсь, что ты не свяжешься съ какими-нибудь негодяями, а будешь искать товарищей добрыхъ, которые тебѣ могутъ пригодиться и которымъ ты можешь быть полезнымъ въ иное время. За братомъ смотри—онъ еще малъ, а ты уже опытнѣе; показывай ему, чего онъ самъ не смыслитъ; Богъ наградитъ тебя за это; да и онъ, когда выростетъ и будетъ добръ, вспомнитъ о братѣ, который былъ ему съ дѣтства и нянькою и учителемъ.

Отецъ уѣхалъ; мы остались въ Харьковѣ одни на попеченіи судьбы, которая одна знала насъ. Долго еще мы не знали, что дѣлать—знакомыхъ никого не было, а лекціи не начинались. Наконецъ 30 августа настало; торжественный актъ совершенъ, и 1 сентября позвали насъ въ аудиторіи внимать мудрости университетской. Я вошелъ въ аудиторію съ какимъ-то необъяснимымъ трепетомъ: мнѣ казалось, что профессоръ, который явится, есть что-то сверхъестественное... ничуть не бывало: черезъ четверть часа вошелъ въ аудиторію толстый человѣкъ, довольно большаго росту, взошелъ на каѳедру, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и потомъ началъ говорить о значеніи и важности исторіи, историческихъ источникахъ, способахъ изложенія и т. п., что мнѣ было извѣстно изъ разныхъ книгъ еще въ Полтавѣ; впрочемъ, я слушалъ очень внимательно, первая лекція сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе—она польстила моему самолюбію: я не только могъ все понять, сказанное профессоромъ, но и знать даже кое-что изъ того, что онъ говорилъ.

Послѣ этой первой лекціи вошелъ другой профессоръ логики Гринбергъ. Это лицо весьма замѣчательное: онъ собствен-

но былъ лекторомъ нѣмецкаго языка, по-русски ровно ничего почти не зналъ, но за смертію профессора философіи Дубровича ему поручено преподаваніе логики и этики. Этотъ-то Гринбергъ явился къ намъ послѣ проф. исторіи Филомафитскаго. Что онъ толковалъ, никто рѣшительно не понялъ, да и онъ самъ, кажется, не сознавалъ значенія словъ своихъ, потому что очень часто останавливался, не кончивши фразы, и извинялся, что онъ „изъяснить не могутъ". Разумѣется, мы всѣ смѣялись— и лекція наша была веселымъ препровожденіемъ времени. На другой день тоже приходили къ намъ разные профессора: Артемовскій, Могилевскій и др.; но я всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ Филомафитскаго, чтобы повѣрять свои историческія знанія, и Гринберга, чтобы посмѣяться. Однажды, помню во вторникъ, мы ожидали Филомафитскаго: прошло уже около получаса, онъ все не являлся и мы не знали, чему приписать это; вдругъ является къ намъ въ аудиторію педель (теперь субъ-инспекторъ) и объявляетъ, что профессора не будетъ. Отъ чего? спросили мы. „Онъ умеръ"! Это извѣстіе поразило меня ужасно, такъ, что я не могъ сказать слова и со слезами отправился домой. На другой день насъ собрали въ домъ умершаго профессора, на третій день было торжественное погребеніе, предшествуемое панихидой, за которой я плакалъ навзрыдъ.

Когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ: „упокой, Господи, душу усопшаго раба Божія болярина Евграфа", я такъ сильно началъ рыдать, что обратилъ общее вниманіе, и инспекторъ, подошедши ко мнѣ, также со слезами на глазахъ, самымъ деликатнымъ образомъ предложилъ мнѣ выйти на чистый воздухъ и успокоиться.

На другой день, послѣ похоронъ профессора, дѣла приняли свой обычный ходъ: мы опять собрались на лекцію въ ожиданіи Гринберга, который—затрудняясь въ изъясненіи лекцій—имѣлъ привычку опаздывать минутъ 20,—мы шутили и смѣялись, съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія, кто займетъ мѣсто Филомафитскаго и вѣровали, что явится какой нибудь знаменитый ораторъ и будетъ все то благо, все добро! Въ лекціяхъ многіе изъ насъ находили жизнь, или—правильнѣе сказать—самыя лекціи считали жизнью.

О юность, прекрасная юность! Какъ обольстительны были для меня мечты твои! На скамейкѣ аудиторіи, окруженный товарищами, я съ жадностію ловилъ каждое слово профессора; я готовъ былъ вѣрить тогда, что преподаваемая намъ исторія есть истинная исторія, естественное правоистолкователь законовъ природы. Относительно ближнихъ и дальнихъ людей, я готовъ былъ среди самой лекціи обнять и расцѣловать товарищей; готовъ былъ разрѣзать руку и кровью своею написать клятву, что если буду полководцемъ, судьею, правителемъ, господиномъ— то не въ петличку или на шею орденокъ, не близость къ тѣлу своей рубашки, не manus manum levat,—но благо общее, слава родины, честь имени и совѣсть будутъ руководителями моими. И гдѣ вы теперь драгоцѣнные мечты юности послѣ тѣхъ жестокихъ опытовъ и примѣровъ жизни, которые заставили меня сдѣлаться школьнымъ учителемъ, чтобы по крайней мѣрѣ остаться честнымъ человѣкомъ, если нельзя—по выраженію поэта—не презирать людей.

О какъ глубоко запали въ душу мнѣ стихи:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей (Пушкинъ).

Они объяснили мнѣ, что можно потерять вѣру въ достоинство людей, можно чуждаться ихъ, и, не преслѣдуя ихъ, не дѣлая, даже не желая имъ зла, можно остаться равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ бѣдствій, которыя они сами себѣ причиняютъ.

Но и это ужасно!

Мы слушали и слушали разныя лекціи—иныя изъ книгъ, другія изъ тетрадокъ, и все это было такъ краснорѣчиво, такъ и ложилось прямо въ душу! Прошелъ августъ, прошла и половина сентября.

Вдругъ разнеслась молва о холерѣ—ужасъ обнялъ всѣхъ—страшное время! безъ ужаса нельзя его вспомнить. Смерть, плачъ, молебны, гробы, восковыя свѣчи, общее уныніе, пустота—вотъ что представлялъ тогда Харьковъ!

Холера, холера, холера! раздавалось и тихо, и громко по всѣмъ улицамъ... О холерѣ толковали и въ аудиторіяхъ студентскихъ!

Однажды собрались мы, не помню на какую лекцію, и въ ожиданіи профессора разсуждали о постигшемъ насъ бѣдствіи... Много было толковъ о томъ, слѣдуетъ-ли уходить изъ Харькова или оставаться? Я былъ того мнѣнія, что лучше уѣхать; едва сказалъ я это, какъ подошелъ товарищъ Ренчицкій и объявилъ, что онъ не прочь отъ того, чтобы также ѣхать. Поразговорившись другъ съ другомъ и узнавши взаимно, что я долженъ ѣхать въ Зѣньковъ, полтавской губ., а онъ въ Городню черн. губ., мы рѣшились отправиться вмѣстѣ. Сказано—сдѣлано. Тогоже дня мы пошли нанимать извощика и—не смотря на страшную цѣну 50 р. ассигн. до Зѣнькова, а равно и на то, что у меня въ карманѣ оказалось всего рублей десять ас., мы рѣшились завтра-же уѣхать. Касательно-же расходовъ Ренчицкій обѣщалъ быть нашимъ кредиторомъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и погостить у насъ въ хуторѣ съ недѣлю, если тамъ не будетъ на ту пору холеры.

На другой день чуть свѣтъ кацапская кибитка выѣхала изъ Харькова и въ той кибиткѣ помѣщались: я, братъ мой, Ренчицкій и нашъ мальчикъ. Весело и пріятно было намъ ѣхать: сентябрь былъ на исходѣ, погода прекрасная, обнаженныя поля благоухали еще сушенымъ хлѣбомъ и соломой; на степахъ стояли стоги сѣна, и лѣса зеленѣли еще, изрѣдка только выказывая то красные, то золотые листы. На душѣ было свѣтло и радостно. Казалось, что уѣхавши изъ Харькова, мы спаслись отъ жестокой эпидеміи—да мы и забыли объ ней вовсе, отъѣхавши верстъ 60. На другой день мы обѣдали въ Ахтыркѣ, вовсе не предполагая и ужинать тамъ-же. Но случилось вотъ какъ: пообѣдавши часу во 2, мы тотчасъ-же отправились въ путь, предполагая въ тотъ-же день быть дома; но, доѣхавши до Гнилицы, верстахъ въ 16 отъ Ахтырки, мы встрѣтили рогатки, такъ названный тогда кордонъ, состоящій въ томъ, что мостъ былъ закрытъ наглухо, и смотритель намъ объявилъ, что по сему тракту нѣтъ никакого проѣзду, что мы ѣдемъ изъ неблагополучнаго мѣста, а потому должны выдержать 2-хъ недѣльный карантинъ, что карантинъ этотъ учреждается теперь же въ Куземинѣ и что если намъ благоугодно, то мы можемъ возвра-

титься въ Ахтырку, ѣхать другой дорогой на Куземинъ, или возвратиться въ Харьковъ. Разсуждать было нечего, перемѣнить судьбы своей невозможно; но ѣхать въ Харьковъ вовсе намъ не приходило въ голову. Мы возвратились въ Ахтырку, переночевали и на другой день пустились на Куземинъ... Тутъ-то уже взяло насъ раздумье—денегъ нѣтъ, извощикъ сердится, угрожаетъ карантинъ... Но этимъ все горе наше не кончилось. Мы приближались уже къ Куземину, какъ вдругъ изъ лѣсу выходитъ толпа вооруженныхъ дубинами мужиковъ и съ крикомъ: „не наблыжайсь!“ загородила намъ дорогу. Мы выскочили изъ кибитки, чтобы узнать причину такой мѣры, и къ сожалѣнію нашему узнали, что вѣсть о карантинѣ есть неоспоримая истина. Мужики сказали, что мы должны явиться къ смотрителю и отъ него уже узнать дальнѣйшій ходъ дѣлъ, а имъ только велѣно не пускать—и больше ничего. Смотритель, увѣдомленный о пріѣздѣ якихсь паничивъ, не замедлилъ явиться; но считая насъ зачумленными, не приближался къ намъ, но разговаривалъ на разстояніи 20 шаговъ. Узнавши, что мы не намѣрены возвратиться въ Харьковъ, онъ сказалъ: такъ подождите же, я сдѣлаю распоряженіе о помѣщеніи васъ въ карантинъ. Узнавши достовѣрно, что намъ необходимо держать карантинъ въ продолженіе 14 дней, мы должны были отпустить извощика,—но тутъ то и явилось затрудненіе—не было достаточной суммы денегъ ни у меня, ни у Ренчицкаго. Здѣсь Провидѣніе послало намъ помощь съ такой стороны, съ которой мы вовсе ее не ожидали. Надобно замѣтить, что карантинъ въ настоящемъ значеніи, т. е. хаты карантинныя отведены были только для благородныхъ; всѣ же прочіе должны были выдерживать его на чистомъ воздухѣ подъ открытымъ небомъ въ долинѣ близь Ворсклы, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ застигло насъ страшное слово: не наблыжайсь! Въ ожиданіи смотрителя, который долженъ привести насъ въ карантинъ, мы сошли внизъ съ горы и увидѣли цѣлый таборъ мужиковъ, мелкихъ торгашей и т. п. людей, изъ которыхъ многіе вчера тольсо выѣхали въ Харьковскую губ. верстъ за 5, а сегодня застигнуты страшнымъ предписаніемъ о карантинѣ и не думая и не гадая

должы, были сѣсть въ карантинѣ на двѣ недѣли. Здѣсь то и явилось намъ спасеніе въ финансовомъ отношеніи. Намъ пришло въ мысль: нѣтъ ли у этихъ православныхъ десятка цѣлковыхъ подъ залогъ серебряныхъ часовъ, которые у меня стучали въ карманѣ—и дѣйствительно одна христіанская душа въ образѣ Зѣньковскаго мѣщанина, торгующаго полотнами, рѣшилась пособить нашему горю, даже безъ процентовъ. Эта душа объявила, что она очень хорошо знаетъ моего отца и потому съ удовольствіемъ даетъ въ займы денегъ,—часы-же беретъ только такъ—для случая. Мы взяли 10 цѣлковыхъ и тутъ-же разсчитались съ извощикомъ, который сей часъ-же отправился въ путь. Между тѣмъ явился и смотритель карантина, вмѣстѣ со докторомъ и 2 мужиками, которые несли горшокъ, наполненный sulphura sublimata, завороченную въ бумагу въ банкѣ. Докторъ нѣмецъ поразспросилъ насъ дурнымъ русскимъ языкомъ о здоровіи, смотритель записалъ въ особенную вѣдомость наши фамиліи, а мужики раздули между тѣмъ жаровню, и предложили намъ приблизиться; горсть sulph sublim высыпана была на горящіе уголья и мы должны были наклониться надъ этимъ благоухающимъ снадобьемъ и выдержать пытку; но этимъ еще не кончилось наше очищеніе. Вскорѣ затѣмъ принесенъ былъ глиняный тазъ съ хлориновой водой и мы должны были почти что скупаться въ этой ароматичеекой жидкости, т. е. смыть около 10 разныхъ оконечностей и отверстій тѣла—не много поболѣе какъ дѣлаютъ православные мусуль мане по предписанію своего пророка. Между тѣмъ какъ подобныя операціи происходили съ нашими персонами, весь багажъ нашъ развѣшивали на жердяхъ, приготовили кучу навозу, зажгли—и куреніе обняло всѣ наши вещи отъ карпетокъ до треугольной шляпы включительно. Окончивши всю эту операцію, мы получили приглашеніе слѣдовать въ карантинъ... и многочисленный кортежъ отправился. Разстояніе отъ мѣста нашего окуриванія до карантина было неблизко (я думаю версты полторы), а потому по дорогѣ, не замѣчая разспросовъ смотрителя и доктора, я имѣлъ время налюбоваться очаровательнымъ мѣстоположеніемъ: чистая Ворскла медленно катила волны въ зеленыхъ берегахъ

своихъ,—по этимъ берегамъ разставлены были курени сторожей карантина,—далѣе на горѣ шумѣлъ лѣсъ, въ который такъ хотѣлось заглянуть мнѣ! Наконецъ мы достигли карантина: это былъ посадъ или подолъ, заключающій хатъ 15 не болѣе. Обитатели этихъ хатъ были погнаны въ слободу, которая видна была на разстояніи $1/2$ вер. До прихода нашего занято было только 2 хаты; намъ отведена была 3, которую мы и заняли. Отдавши нужныя приказанія и распоряженія, смотрители хотѣли удалиться, но мы проголодавшись препорядочно, задали имъ вопросъ: что-же мы будемъ ѣсть?—А вотъ завтра пріѣдетъ сюда маркитантъ, такъ можете накупить у него, что вамъ угодно; между прочимъ—нѣтъ-ли у васъ здѣсь въ Куземинѣ кого знакомаго, такъ я пошлю сказать ему о васъ, да и къ отцу вашему не угодно-ли вамъ написать: я посылаю сегодня нарочнаго къ исправнику въ Зѣньковъ. Я благодарилъ его за участіе и тотчасъ-же принялся писать; между тѣмъ просилъ увѣдомить о положеніи нашемъ въ карантинѣ сосѣдняго помѣщика Ѳедора Ивановича Трипольскаго, который—какъ мнѣ извѣстно было—находился въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Но всѣ эти распоряженія были хороши только для будущаго; въ настоящемъ-же намъ рѣшительно нечего было ѣсть въ буквальномъ значеніи слова. Отъ сторожей, карауливших нась, мы узнали, что тамъ, за лѣскомъ, понавезено кой-какой провизіи, „и горилка е“, прибавилъ одинъ хохолъ. Это открытіе пролило новый свѣтъ на наше состояніе, и мы тутъ-же откомандировали одного изъ нашихъ аргусовъ купить чего-бы то ни было съѣстнаго и штофъ водки; при словѣ водка хохолъ бросился со всѣхъ ногъ, и черезъ $1/2$ часа мы имѣли уже въ своемъ распоряженіи: большой ржаной хлѣбъ, десятокъ тарани, штофъ водки и 2 куска свиного сала. Эти продукты, конечно, не были благопріятны эпидеміи; но мы объ этомъ вовсе тогда не разсуждали и тутъ-же составили трапезу, принявши въ свои сотрудники и нашего метръ д'отеля, т. е. хохла, доставившаго всѣ эти припасы. Апетитъ у всѣхъ былъ порядочный, особенно приправленный малороссійскою горилкою.

Между тѣмъ дѣла наши приняли благопріятный ходъ. Ѳ. И. Трипольскій, узнавши о пребываніи нашемъ въ карантинѣ, тот-

тасъ же пріѣхалъ къ намъ и привезъ намъ нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ, жареную индѣйку и масла, обѣщая на другой день прислать еще кое-что. Мы, конечно, благодарили его за участіе. На другой день утромъ, мы нашли въ сѣняхъ нашей хаты вязанку дровъ и ведро воды; изъ этого вывели такое заключеніе, что еслибъ было изъ чего, то можно было бы сварить борщъ или супъ, а Ренчинскій тутъ же объявилъ, что онъ готовъ принять на себя должность кухмистра на все карантинное время, объяснивши, что это дѣло ему хорошо извѣстно, такъ какъ онъ дома часто помогалъ матери своей, которая была хорошей хозяйкой. Я принялъ на себя должность прислужника, и такимъ образомъ рѣшились помогать и услуживать другъ другу, помня еще изъ гимназической статистики, что vires unitae agunt; такъ какъ это была осень, то въ огородахъ мы нашли нѣкоторые остатки зелени и овощей, т. е. свеклы, капусты, картофеля, моркови и т. п. Это открытіе навело насъ на ту мысль, что нельзя-ли съ помощію жареной индѣйки и масла, привезенныхъ вчера Трипольскимъ и найденныхъ въ огородѣ драгоцѣнностей, приготовить супъ, котораго мы не видали уже цѣлую недѣлю. Рѣшено было, что можно, ибо все нужное для этого—кромѣ соли—есть. Соли купили на гривну у сторожа. Ренчицкій, скинувши свой студенческій вицъ-мундиръ, затопилъ печь, въ горшокъ налита была вода, я съ братомъ принесли картофель и морковь и—съ помощію Божіею—принялись стряпать обѣдъ. Часть индѣйки употреблена была на супъ, другая разогрѣта на жаркое. Часу во 2-мъ студенты Императорскаго Харьковскаго университета обѣдали самымъ вкуснымъ образомъ, имѣя даже водку и кусокъ пирожнаго, который какимъ то дивнымъ образомъ очутился въ чемоданѣ Ренчицкаго.

ГЛАВА XII.

Дальнѣйшая жизнь въ карантинѣ. Пріѣздъ въ деревню, практическій человѣкъ. Жидовская кибитка. Деревенская жизнь студента. Отъѣздъ въ Харьковъ.

Едва успѣли мы пообѣдать, какъ пришелъ къ намъ карантинный лѣкарь, какой-то нѣмецъ (фамиліи не помню), при-

командированный изъ уѣзда. Первый вопросъ его былъ о томъ, что мы ѣдимъ? Мы объявили ему, что обѣдъ нашъ состоялъ изъ индѣйки. „Это хорошо! сказалъ онъ: только не кушатъ баранинъ и свина—а чай питъ можна, индѣйка и гавадинъ можна кушатъ“. Послѣ этого онъ сдѣлалъ намъ еще нѣсколько діетическихъ наставленій, обмылъ насъ хлориновой водой--и ушелъ.

Вскорѣ послѣ этого мы обрадованы были пріѣздомъ нашего отца, который, получивши письмо мое, тотчасъ же отправился въ путь. Сидя въ своей хатѣ, мы были извѣщены объ этомъ черезъ сторожа; но видѣться и разговаривать съ отцомъ могли только на разстояніи 20 шаговъ. Поговоривши съ нами около часу, отецъ оставилъ намъ достаточное количество денегъ, чтобы не только можно было выкупить часы, но и жить двѣ недѣли, ни въ чемъ не нуждаясь, обѣщавши кромѣ того заѣхать къ Трипольскому и просить его о присылкѣ къ намъ самовара. Мы разстались. Самоваръ къ вечеру поступилъ въ наше распоряженіе. Въ тотъ же день и маркитантъ прибылъ изъ Зѣнькова со всѣми нужными припасами, и съ тѣхъ поръ жизнь наша въ карантинѣ сдѣлалась сносною. Но этого мало. Судьба позаботилась, чтобы мы не только были довольны и не скучали, но еще и весело проводили время. На другой день пріѣхали изъ Харькова товарищи наши, студенты Война и Дмитренко. Квартира имъ отведена была сейчасъ же возлѣ нашей хаты, и мы—увидѣвши ихъ—въ туже минуту бросились къ нимъ; но сторожа общей безопасности преградили намъ дорогу, сказавши, что быть вмѣстѣ съ этими господами намъ никакъ нельзя, потому что мы сидимъ въ карантинѣ сутки, а они только что вступили. Мы обратились къ смотрителю, но и смотритель объявилъ тоже. „Впрочемъ, если ужъ вы непремѣнно хотите быть вмѣстѣ, то можете; но только не иначе, какъ чтобы и вашъ карантинъ считался также съ сегодняшняго дня: я еще не подавалъ вѣдомости начальству и готовъ услужить Вамъ, показавши васъ всѣхъ поступившими въ одно время, т. е. сегодня“. Мы съ удовольствіемъ согласились пожертвовать днемъ, и въ самомъ дѣлѣ были вознаграждены за это. Война былъ человѣкъ богатый, а Дмитренко веселъ и беззаботенъ. Съ этихъ

поръ мы уже начали поживать припѣваючи. Кромѣ того, у Войны былъ взрослый человѣкъ, который про нужду справлялся и за повара. Къ концу первой недѣли Война успѣлъ своей протекціей у начальства исхлопотать позволеніе намъ всѣмъ прогуливаться въ ближайшемъ лѣсу, чѣмъ мы съ избыткомъ воспользовались, т. е. рѣдко сидѣли въ хатахъ. Представьте себѣ прекрасный, свѣтлый и сухой октябрь, вѣковой лѣсъ, желтые листья, лежащіе кучами на землѣ, чистый воздухъ, свободу мысли и чувства, беззаботность, довольство—и можете представить себѣ, что заболѣть намъ не было никакой возможности... О золотое, прекрасное время! Пріятно и вмѣстѣ грустно мнѣ вспомнить тебя теперь, когда тотъ же бичъ Божій виситъ надъ нами, таже болѣзнь отмѣчаетъ перстомъ своимъ избранныхъ жертвъ—и теперь не ропщу на промыслъ Божій, съ вѣрою, терпѣніемъ и надеждою предаю себя его волѣ; но въ душѣ не то спокойствіе, какъ было за 17½ лѣтъ... и внутренній, и внѣшній міръ окруженъ не тѣми свѣтлыми мечтами, какъ было въ то драгоцѣнное время, и я не тотъ, и окружающіе меня не тѣ, и все не то! Одна вѣра въ промыслъ Божій была, есть и будетъ все таже... Подкрѣпи, меня Господи! Но все идетъ своимъ путемъ и достигаетъ цѣли, т. е. конца своего теченія—такимъ образомъ и терминъ пребыванія нашего въ карантинѣ окончился: лекарь нашъ, который ежедневно приходилъ смѣшить насъ, совершенно удостовѣрился, что мы не имѣемъ „никакая колера", далъ отъ себя отзывъ, что такіе то окончили срокъ 14 дней въ карантинѣ и должны быть завтра выпущены,—и дѣйствительно рано утромъ мы уже получили отъ карантиннаго начальства дозволеніе оставить карантинъ. Въ этотъ же день должны были прислать за нами лошадей, которыхъ мы съ нетерпѣніемъ и ожидали. Часу въ 11 явился нашъ кучеръ Маттвѣй, и такъ какъ мы уже считались здоровыми, то ему дозволено было войти въ нашу избу.

Признаюсь, мы не безъ сожалѣнія оставили карантинъ: намъ было такъ весело, что теперь вспоминать можно съ удовольствіемъ. Но нужно-же было ѣхать, и мы поѣхали, оставивши воспоминаніе о себѣ въ сторожахъ, которыхъ мы препо-

рядочно все время потчивали водкой, въ хозяевахъ нашей хаты, которые найдутъ жилище свое опустошеннымъ, какъ послѣ набѣга татаръ, и въ начальствѣ, которое посмѣется, увидѣвши презамысловато нарисованныя двѣ картины, изображающія—одна портретъ лекаря нѣмца очень похожій, а другая—мужиковъ съ дреколіемъ, останавливающихъ насъ возлѣ Куземина, съ надписью: не наближайсь! Итакъ мы уѣхали.

Здѣсь кстати сдѣлать маленькое отступленіе. Недалеко отъ Куземина живетъ помѣщикъ Кузьмичъ; услышавши о холерѣ въ Харьковѣ, онъ поспѣшилъ послать за дѣтьми своими, изъ которыхъ старшій воспитывался въ университетѣ, а младшій—въ гимназіи. Это было за недѣлю до учрежденія карантина, который, впрочемъ, уже дѣятельно устраивался. Молодые Кузьмичи успѣли проѣхать благополучно и явились въ домъ родительскій въ совершенномъ здоровьи; но старикъ Кузьмичъ, наслышавшись, что холера—болѣзнь прилипчивая, рѣшился выдержать въ карантинѣ дѣтей своихъ по всѣмъ карантиннымъ правиламъ: они были заперты въ особенной избѣ, лишены всякаго сообщенія съ прочимъ людомъ и только черезъ 14-ть дней могли войти въ домъ. Какова твердость! Дорога отъ Куземина до нашего хутора прекрасная—всего верстъ 25. Осень хотя была и поздняя, но свѣтлая и сухая: часа черезъ три по выѣздѣ изъ карантина мы были уже дома, гдѣ встрѣчены были отцомъ и маменькою съ распростертыми объятіями. Маменька, испуганная разсказами о холерѣ, увѣряла, что уже никакъ не отпуститъ насъ въ Харьковъ, и предлагала отцу опредѣлить меня въ уѣздный судъ, а Андрюша, говорила она, пусть подростетъ еще. Отецъ, который никогда не любилъ говорить, молчалъ, но думалъ свое и, конечно, совершенно противное желанію и намѣреніямъ маменьки нашей. Съ нами же былъ и Ренчицкій, который также былъ принятъ ласково моимъ отцомъ.

Ренчицкій былъ бѣднякъ въ полномъ смыслѣ слова. Воспитавшись кое-какъ въ гимназіи, онъ рѣшился продолжать ученіе въ университетѣ и содержалъ себя въ Харьковѣ собственными средствами, т. е. давалъ уроки дѣтямъ такихъ ро-

дителей, которые не могли нанимать настоящихъ учителей. Разумѣется, вся плата ему состояла въ квартирѣ со столомъ и въ сотнѣ руб. ассиг. жалованья въ годъ. Такимъ образомъ онъ прожилъ въ Харьковѣ болѣе года, будучи доволенъ всѣмъ, что послало ему провидѣніе... Но холера измѣнила нѣсколько планъ его дѣйствій: тѣ, у кого жилъ онъ, выѣхали—оставалось умирать, если не отъ холеры, то ужъ отъ голоду непремѣнно. Ренчицкій предпочелъ ѣхать. Вы видѣли уже, до какой степени этотъ человѣкъ понималъ жизнь, изъ дѣйствій его въ деревнѣ, а особенно въ карантинѣ, гдѣ онъ оказалъ рѣдкую въ студентѣ спокойность — быть кухмистеромъ, т. е. попросту варить кушанья; но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ практическимъ направленіемъ, которое онъ оказалъ у насъ въ хуторѣ. Онъ входилъ во всѣ подробности житейскаго быта и хозяйства и—проживя у насъ около недѣли—былъ неразлучно съ отцомъ, который—какъ извѣстно всему околодку—былъ примѣрный хозяинъ: ни скотные дворы, ни пасѣка, ни винокурня, ни мельница, ни гумно не ускользнули отъ его вниманія, и во всемъ онъ показалъ такія здравыя сужденія, столько участія и даже дѣятельности, что отецъ нашъ былъ отъ него въ совершенномъ восторгѣ. Очень часто, видя отца нашего уставшимъ, онъ предлагалъ ему идти отдохнуть „а мы съ С. А., говорилъ онъ, сами присмотримъ, какъ тутъ будутъ вѣять пшеницу“ или что-либо другое—и дѣйствительно, подобно настоящему хозяину, стоялъ или сидѣлъ тутъже, пока вся пшеница была провѣяна, собрана въ мѣшки и отвезена въ амбары, послѣ этого онъ отправлялся дать отчетъ. Признаюсь откровенно, что я хотя самъ очень хорошо понималъ хозяйство, благодаря отцу; но столько дѣятельности—по тогдашней молодости—не имѣлъ. Между тѣмъ нужно было ѣхать ему на родину въ Городню (черн. губ). Онъ попросилъ у отца лошадей съѣздить въ Зѣньковъ, чтобы нанять извощика, что съ удовольствіемъ и было ему дозволено. Черезъ три или четыре часа онъ воротился, и затѣмъ въѣхала на дворъ жидовская кибитка парою тощихъ клячъ: все это, включая сюда и стараго жида съ ярмолкой, было нанято за 25 р. до Городни. Отцу казалось

это нѣсколько дорого, и онъ, зная хорошо состояніе Ренчицкаго, спросилъ: достанетъ-ли у него денегъ заплатить жиду. Онъ сказалъ, что у него всѣхъ денегъ только 17 р., но что онъ можетъ доплатить ему по пріѣздѣ домой, если у маменьки есть деньги, а нѣтъ—такъ гдѣ-нибудь займу. Папенька предложилъ ему 15 р. въ подарокъ, говоря, что это онъ даетъ ему за труды по хозяйству, разумѣется, шутя. Послѣ маленькаго сопротивленія, деньги были приняты съ большою благодарностію: Ренчицкій и отецъ мой поняли другъ друга, а потому—кромѣ денежнаго подарка—наложено было въ жидовскую кибитку всякой всячины на дорогу: горшокъ масла, жаркое и т. п. Уѣзжая, онъ благодарилъ за гостепріимство, а папенька благодарилъ его за хорошее знакомство и просилъ продолжать оное и пріѣзжать на святки гостить „да будемъ также молотить, вѣять, гнать водку, молоть“, прибавилъ онъ. Еврей встряхнулъ своими пейсами, и кибитка покатилась.

Я остался въ деревнѣ одинъ. О холерѣ я тогда вовсе не думалъ и держать діэту вовсе не имѣлъ охоты. Разсуждать о ней съ кѣмъ бы то ни было не находилъ удовольствія, какъ теперь о политическихъ дѣлахъ Европы. Отецъ, единственный мой умный собесѣдникъ, часто говорилъ шутя: „да холера не найдетъ моего хутора—такая глушь, куда ей забраться сюда“. И въ самомъ дѣлѣ изъ шутокъ вышло дѣло: холера не нашла нашего хутора—никто не только не умеръ, но и не былъ боленъ. Только теперь, черезъ 18 лѣтъ она нашла нашъ хуторъ, посѣтила и мое семейство и заставила думать о себѣ—другое время. Божія воля... Но объ этомъ послѣ!

„Чтожъ мы теперь будемъ дѣлать“?—спросилъ меня однажды отецъ. Я отвѣчалъ ему, что буду приготовлять студентскія тетради, читать книги, заниматься съ братомъ Андреемъ и—если нужно—пособлять въ хозяйствѣ. „Все это очень хорошо“, отвѣчалъ мнѣ отецъ: но мы еще прибавимъ одно занятіе: будемъ читать св. писаніе—ветхій и новый завѣтъ по вечерамъ. Вечера теперь становятся длиннѣе (это было конецъ октября), такъ пусть всѣ занятія окончатся до свѣчей, а чуть свѣчи въ комнату—и св. книгу на столъ. Я плохо вижу, такъ вы по оче-

реди будете читать съ братомъ, а я послушаю васъ—это будетъ и полезно, и занимательно"! Я, разумѣется, принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Такимъ образомъ, занимаясь по три часа вечеромъ, мы успѣли въ три мѣсяца прочесть всю библію... Это было для меня урокомъ чрезвычайно важнымъ тѣмъ болѣе, что такія книги какъ Исаія, Іовъ, Соломонъ и др. не остались безъ надлежащаго, самаго здраваго толкованія. Такъ искусно, такъ мудро велъ отецъ мой образованіе отъ самаго, можно сказать, младенчества, Въ самомъ дѣлѣ, какъ проста, какъ необыкновенно геніальна была выдумка познакомить меня съ св. писаніемъ—и въ какое время? Съ одной стороны то, что я, будучи студентомъ, подвергался язвѣ легкомыслія и вольномыслія студентскаго; съ другой и то, что самое время существованія эпидеміи какъ бы говорило, что теперь всего удобнѣе заняться объясненіемъ истинъ вѣры и нравственности. Признаюсь откровенно, что и сѣмя родительской любви и расположенности падало не на безплодную почву: я съ охотой и удовольствіемъ исполнялъ все то, что требовалъ отъ меня отецъ. Не всегда можно и обвинять родителей въ невѣжествѣ и безнравственности дѣтей—очень часто отъ хорошаго корня происходятъ дурныя отрасли.

Такъ проходили осенніе и зимніе вечера. Они посвящались занятіямъ: чтенію, переписыванію, занятіямъ съ братомъ... но всего пріятнѣе было мнѣ посѣщать вмѣстѣ съ отцомъ и отдѣльно разныя хозяйственныя работы или гулять. Въ это время я вновь воскрешалъ въ своемъ воображеніи давнишнее знакомство съ природой, и тогдашніе лѣса, обнаженные отъ листьевъ, поля, покрытыя засохшей травой, санки и кони—знаютъ, какъ я любилъ природу и умѣлъ восхищаться ею!...

Былъ уже генварь мѣсяцъ 1831 г., къ намъ начали доходить слухи, что холера въ Харьковѣ совершенно прекратилась, и лекціи въ университетѣ начинаются. Надобно было собираться въ дорогу. Отецъ мой, вѣроятно, увѣрившись въ хозяйственности моей и неиспорченности характера, предложилъ мнѣ слѣдующее: „такъ какъ ты теперь, сказалъ онъ мнѣ, самостоятельный человѣкъ и можешь самъ распоряжаться своими

дѣлами; то я, обдумавши хорошенько, сколько можно мнѣ истратить на тебя, а также и то, сколько тебѣ необходимо истрачивать, чтобы не терпѣть нужды (чего я не хочу), назначаю тебѣ въ годъ 600 р. ас., да на Андрея 400 р.—всего 1000; этого весьма будетъ достаточно и на квартиру, и на чай, и на книги, и на все прочее. Разумѣется, если Боже сохрани, кто изъ васъ заболѣетъ, то немедленно увѣдомляйте--тутъ уже мнѣ самому нужно быть". Это предложеніе отца весьма мнѣ польстило, и я поразсчитавши, что этого будетъ довольно, согласился и тутъ же получилъ 200 р., получивши предувѣдомленіе, что деньги будутъ высылаемы по мѣрѣ возможности и надобности. Въ концѣ генваря по прекрасной санной дорогѣ мы вновь отправились въ Харьковъ—и признаюсь, я ѣхалъ не безъ удовольствія,—признакъ какой то учености, какого то просвѣщенія, хотя не ясно, но мелькалъ въ моемъ воображеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ ЛѢТЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Замѣтка о студенческихъ сочиненіяхъ въ 30-е года).

Среди рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Университета св. Владиміра, находится собраніе студенческихъ сочиненій, относящихся къ первымъ годамъ существованія университета и доставшихся въ собственность библіотекѣ отъ покойнаго кіевскаго профессора М. А. Максимовича.

Общее число этихъ сочиненій—73 (56 авторовъ); всѣ они переплетены вмѣстѣ и составляютъ довольно объемистый томъ. Авторы ихъ—студенты философскаго и юридическаго факультетовъ, учившіеся въ Кіевскомъ университетѣ въ періодъ времени отъ 1834 года до 1839, т. е. со дня открытія университета до временнаго закрытія его по извѣстному дѣлу Копарскаго. Большая часть фамилій авторовъ обозначена на представленныхъ ими сочиненіяхъ; нѣкоторые изъ авторовъ получили впослѣдствіи извѣстность, въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и ученыхъ, какъ, напримѣръ: Н. Т. Костырь, К. Ѳ. Страшкевичъ, М. А. Туловъ и др.

По формѣ сочиненія раздѣляются на прозаическія и стихотворныя, всѣ они имѣютъ харатеръ литературныхъ упражненій, въ большинствѣ случаевъ крайне слабыхъ въ отношеніи стиля и особенно—въ отношеніи грамотности. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы помѣтки рукою М. А. Максимовича. По содержанію ихъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ: къ первой относятся произведенія беллетристическаго характера—стихотворенія (напр. Украйна, Колумбъ и др.), повѣсти (Черный

лѣсъ, Поѣздка въ Малороссію и др.), описанія (Вечерняя прогулка, Сельское кладбище, Пріѣздъ Государя и др.); ко второй-разсужденія на отвлеченныя темы (О безсмертіи человѣческомъ, Что должно заключить изъ надежды, которую ощущаетъ добродѣтельный, и страха, который ощущаетъ злодѣй; О необходимости существованія въ мірѣ зла физическаго, Мысли надъ развалинами древняго храма, О счастьи и т. д.); къ третьей, наконецъ, группѣ относятся сочиненія на историческія и историко—литературныя темы (Больше ли пользы или вреда принесла удѣльная система нашему отечеству? Краткій обзоръ постепеннаго образованія русскаго театра, Взглядъ на исторію развитія литературъ славянскихъ народовъ въ средніе вѣка, и т. д.). Заглавія многихъ сочиненій являются очень характерными и сами по себѣ даютъ возможность составить нѣкоторое представленіе о томъ, какіе вопросы интересовали въ то время университетскую молодежь, такъ какъ выборъ темы обыкновенно зависѣлъ отъ самихъ студентовъ, и только сравнительно немногія изъ сочиненій писались на заданную тему. Къ числу послѣднихъ относятся работы историческаго и историко—литературнаго содержанія, отличающіяся отъ прочихъ большею содержательностью и большею выдержанностью изложенія; но расплывчатость и туманность выраженій, риторическія фигуры, сентиментальныя и высокопарно-патріотическія изліянія чувствъ составляютъ обычныя черты большей части, какъ этихъ работъ, такъ и тѣхъ, которыя писались по собственному выбору студентовъ.

Таковъ общій характеръ разсматриваемыхъ произведеній первыхъ питомцевъ Кіевскаго университета. Безграмотность большинства изъ нихъ не должна удивлять насъ, если вспомнить, что Кіевскій университетъ, хотя и предназначался служить разсадникомъ русскаго просвѣщенія на развалинахъ польскаго, однако, какъ говоритъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своей Исторіи Унив. св. Влад., „въ первую эпоху своего существованія, по составу слушателей, не былъ университетомъ русскимъ“ и „въ немъ собралось первоначально юношество въ огромномъ большинствѣ не русскаго происхожденія, или вовсе не

учившееся, или плохо учившееся русскому языку (наравнѣ съ англійскимъ)[1])".

При такихъ условіяхъ лицу, занимавшему каѳедру „россійской словесности", приходилось нести массу сложной и кропотливой работы. Читая русскую и славянскую филологію, теорію словесности и исторію литературы, профессоръ россійской словесности долженъ былъ въ то же время обучать своихъ слушателей правильному письму и элементарной грамматикѣ, т. е. соединять профессорскій трудъ съ трудомъ гимназическаго учителя. М. А. Максимовичъ, извѣстный своею неутомимою и многосторонней дѣятельностью, начавши въ сентябрѣ 1834 г. преподаваніе въ Кіевскомъ университетѣ, съ обычнымъ рвеніемъ принялся за обученіе студентовъ грамотѣ и за ихъ литературное образованіе, установилъ особые часы для разбора образцовъ лучшихъ русскихъ писателей и наряду съ ними—студенческихъ упражненій[2]). Плодомъ этихъ занятій и явились разсматриваемыя нами сочиненія, отличающіяся большимъ разнообразіемъ и по содержанію, и по объему, и по степени литературной обработки. Разумѣется, къ этимъ сочиненіямъ, носящимъ характеръ ученическихъ упражненій, нельзя предъявлять слишкомъ высокихъ требованій. Но принимая во вниманіе незначительность общаго числа студентовъ въ первые годы университетской жизни, равно какъ и право писать сочиненія на темы по собственному выбору, думаетъ, что 73 студенческія работы, написанныя 56 авторами, хотя-бы и въ 4—лѣтній промежутокъ времени, даютъ достаточно полный матеріалъ для того, чтобы судить объ общемъ уровнѣ умственнаго развитія кіевскихъ студентовъ въ тридцатые года. При чтеніи ихъ работъ прежде всего бросается въ глаза почти полное отсутствіе у авторовъ интересовъ къ вопросамъ современной дѣйствительности; отъ всѣхъ сочиненій вѣетъ какою-то счастливою беззаботностью; повсюду замѣчаются самые розовые взгляды на жизнь. Впрочемъ, такой характеръ вообще носила русская литература па-

---

[1]) Ист. унив. св. Влад., стр. 101.

[2]) Ист. унив. св. Влад., стр. 101—102.

чала тридцатыхъ годовъ, остававшаяся слишкомъ равнодушной къ интересамъ современности и слишкомъ отдававшаяся служенію чистому искусству. Въ области научныхъ вопросовъ мысль большинства студентовъ отличалась крайнею неопредѣленностью и сбивчивостью понятій и находилась, можно сказать, въ младенческомъ состояніи. Общее міросозерцаніе ихъ носитъ метафизическую окраску и находится подъ замѣтнымъ вліяніемъ современной нѣмецкой философіи; въ сочиненіяхъ ихъ проглядываетъ убѣжденіе въ разумности и цѣлесообразности всего существующаго, въ гармоніи міра физическаго съ нравственнымъ міромъ человѣка и т. д. Такимъ образомъ, сочиненія эти даютъ довольно ясное представленіе объ уровнѣ умственнаго развитія кіевскихъ студентовъ въ тридцатые года; но мы остановимся на болѣе подробномъ разсмотрѣніи только тѣхъ студенческихъ работъ, которыя представляютъ какія-нибудь характерныя особенности или со стороны формы, или со стороны содержанія.

Мы сказали, что выборъ темы въ большинствѣ случаевъ предоставлялся самимъ студентамъ; фантазія ихъ получала полный просторъ; пріемы изложенія отличались большимъ своеобразіемъ, а подчасъ—и нѣкоторымъ легкомысліемъ, какъ видно это изъ предисловія къ сочиненію „Поѣздка въ Малороссію“.

„Ну господа! начинаетъ авторъ: „маршъ по домамъ, мнѣ писать надо!—Что писать?—Сочиненіе.—Ого братъ ты пустился въ Сочинетели, куда подумаешь, какъ важно: Сочиненіе.—Да развѣ вы забыли, что завтра 3-е число, а къ 1-му велѣно доставить сочиненія?—Скажи же что ты хочешь писать?—Что я хочу писать? Я и самъ еще не знаю, пожалуй напишу вчерашій разсказъ моей тетиньки: о вѣдьмахъ, домовыхъ, Русалкахъ и проч:, въ существованіи которыхъ не думай ее разувѣрить или опишу 2-ва дня, проведенные мною въ Малороссіи.—Ну пожалуста раскажи же намъ одинъ изъ этихъ Анекдотовъ.

„Густыя облака табачнаго дыма струей валили въ растворенныя окошка, въ комнатѣ царствовала.... да Вы были студентомъ, слѣдовательно знаете, что, у него царствуетъ если соберутся товарищи;—усильныя просьбы заставили меня расказывать, что я намѣренъ былъ писать къ завтрешнему дню; ибо

это было 2-го числа и притомъ уже въ 9-ть часовъ вечера—терять времени было недлячего: не во время гость хуже татарина—а потому я началъ, дабы скорѣе избавиться отъ этихъ въ другое время пріятныхъ гостей, разсказывать имъ поѣздку мою въ Малороссію".

Подобныя предисловія, впрочемъ, являлись довольно заурядными явленіемъ и въ журнальной литературѣ 30-годовъ, пріемамъ которой, очевидно, подражали и первые студенты Кіевскаго университета.

За приведеннымъ предисловіемъ слѣдуетъ описаніе самой поѣздки въ Малороссію, посѣщенія авторомъ бала въ одномъ помѣщичьемъ семействѣ, гдѣ онъ принялся ухаживать за одной молоденькой дѣвушкой, и т. д. Фамилія автора осталась неизвѣстной, но сочиненіе его принадлежитъ еще къ числу болѣе грамотныхъ.

Событія мѣстной жизни также давали матеріалъ для студенческихъ сочиненій. Такъ, посѣщеніе Кіева императоромъ Николаемъ I въ 1835 г. послужило темой для двухъ работъ, одной—въ стихахъ, другой—въ прозѣ. Одна изъ нихъ можетъ служить образцомъ безграмотности и безсодержательности; другая, несмотря на безграмотность, даетъ довольно интересную картинку одного изъ моментовъ студенческаго быта въ 30-е года. Помѣтки сдѣланныя на этихъ работахъ рукою М. А. Максимовича, служатъ доказательствомъ того, что и въ этихъ работахъ онъ уже усматривалъ признаки нѣкотораго прогресса въ дѣлѣ усвоенія русской грамоты.

Стихотвореніе, написанное студентомъ Енько Даровскимъ по случаю пріѣзда государя въ Кіевъ, слѣдующее:

Кто мужъ сей доблестьми почтенный
Однимъ все словомъ покоряй,
Се онъ властитель полвселенной,
Се Русскій Царь нашъ Николай!
Хребты Кавказа, Оттоманъ
Предъ знамемъ Русскимъ встренетали
И гордый славою Балканъ
Тебя властителемъ признали!
И ты средь насъ звѣзда Востока,
Среди гробовъ Отцевъ своихъ,

И Щитъ Всевидящаго Ока
Да сохранитъ Потомка ихъ!
И я узрѣлъ о Вѣнценосецъ,
Тебя въ величіи Твоемъ,
Ты средь побѣдъ Молніеносецъ,
Средь подданныхъ, ты ихъ отцемъ!
И днесь средь радости священной,
Мы зримъ Тебя Благословленный,
Мы зримъ—и Бога прославляя,
Благословляемъ Николая!

Какъ видно, стихотвореніе это, за исключеніемъ перваго и послѣдняго четверостишій, представляетъ собою не болѣе, какъ нелѣпый наборъ словъ, лишенныхъ всякой связи, но, несмотря на это, рукою М. А. Максимовича написана на это стихотвореніе такая рецензія: „Какъ одинъ изъ 1-хъ опытовъ хорошо, но ожидаю отъ г. Еньки представленія сочиненія въ прозѣ“. Второе сочиненіе на ту же тему, представленное студентомъ Мерсомъ, является еще болѣе слабымъ въ грамматическомъ отношеніи, однако М. А. Максимовичъ счелъ возможнымъ поощрить автора такою снисходительною рецензіей: „Много хорошаго, но языкъ еще не во власти;—впрочемъ въ семъ отношеніи г. Мерсомъ уже много сдѣлано“. Сочиненіе это, небольшое по объему и написанное въ лирическомъ тонѣ начинается такъ:

„Къ большому счастію можетъ почитать тотъ городъ, въ которомъ пребывалъ Государь, гдѣ взоръ его обращалъ вниманіе на предметы, заслуживающіе его вниманіе“.

Далѣе авторъ описываетъ пріѣздъ государя и восторженную встрѣчу его кіевлянами, а затѣмъ переходитъ къ описанію посѣщенія государемъ общежитія казеннокоштныхъ студентовъ, помѣщавшагося въ 30-хъ годахъ въ Липкахъ, въ наемныхъ домахъ [1]).

„Пребываніе его (т. е. государя), говоритъ авторъ, не долго обрадовало насъ, короткое время не позволяло ему всего осматривать въ нашемъ городѣ; но при всѣмъ томъ удостоилъ Императоръ посѣщать нашъ Пансіонъ. Съ 7 до 2 часа ожидали мы его съ нетерпѣніемъ, наконецъ является для насъ пріятная Минута, государь подъѣжаетъ, въ сію минуту чувствовали

[1]) *Проф. М Ф. Владимірскій-Будановъ*, Ист. Ун. св. Влад., стр. 640.

всѣ какоето тайное ощущеніе, глубокая тишина возстала въ нашей залѣ, гдѣ всѣ стояли въ стройности, гдѣ фантазія всѣхъ только о Немъ размышлял:; тутъ ступаетъ онъ вдругъ среди насъ, не какъ грозной повелитель, но улыбкою здравствуетъ насъ, обращается къ нашему почтенному Попечителю [1]), спрашиваетъ о числѣ Пансіонеровъ, о вышедшихъ въ этомъ году изъ заведенія землемѣровъ, разсматриваетъ комнаты для занятій, столовую, возвращается потомъ опять къ намъ и въ присутствіи всѣхъ изъявляетъ свою благодарность нашему Попечителю за всѣ его труды. Не довольствуясь этимъ, посетилъ онъ Гимназію, которая для удобности находилась въ нашихъ спальняхъ; ровнымъ образомъ здѣсь къ всѣмъ кротко обращался. Ожидали его новыя занятія, онъ оставилъ насъ, но изображеніе его осталось не изглатимо въ нашемъ умѣ.

„Глубокая тишина царствующая у насъ обратилось скоро въ радастное удивленіе, въ расказы о нашемъ достопамятномъ событіи и о радости, которую долженъ былъ чувствовать нашъ почтенный попечитель.

„Приближался вѣчеръ, въ которомъ Государь оставилъ городъ. Счастіемъ обладаетъ человѣкъ только короткое время, оно скоро пролетитъ, подобно скоротечности времени; оно лишь только осіяетъ насъ радостнымъ лучемъ, подобно какъ солнце при пасмурной погодѣ, показывается изрѣдка сквозь темныя облака“.

Самый городъ Кіевъ, быстро измѣнявшій свою прежнюю физіономію подъ вліяніемъ новыхъ, грандіозныхъ построекъ, предпринятыхъ въ царствованіе Николая I, не могъ не привлечь къ себѣ вниманія студентовъ, которые и посвятили нѣсколько сочиненій описанію своего города. Особенное вниманіе ихъ обращало на себя воздвигавшееся въ то время новое зданіе университета. Первые питомцы Кіевскаго университета сознавали всю важность этого учрежденія и смотрѣли на себя, какъ на краеугольный его камень. Строки, посвященныя описанію университета, принадлежатъ къ числу лучшихъ во всемъ сбор-

[1]) Первымъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа былъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке.

никѣ, дышатъ неподдѣльною гордостью этого сознанія и проникнуты чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ императору Николаю, предпринявшему великое дѣло основанія въ Кіевѣ университета. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь слѣдующую выдержку изъ сочиненія студента З. Коленко „Взглядъ на городъ Кіевъ“:

„Но что такъ сильно бьется сердце мое? За чѣмъ глаза мои устремлены прямо за златые врата—на широкую равнину? Что влечетъ меня на это мѣсто?... Здѣсь воздвигнется святилище наукъ, воздвигнется—Университетъ св. Владиміра. Великій Просвѣтитель! Ты первый посѣялъ здѣсь сѣмена просвѣщенія! Озари—нынѣ создающійся храмъ Просвѣщенія и благослови насъ, которые должны быть какъ-бы краеугольнымъ камнемъ этаго заведенія“.

(Замѣтимъ кстати, что тотъ же З. Коленко является авторомъ и другого сочиненія, представляющаго собою опытъ изслѣдованія о русскомъ языкѣ въ Галиціи и заключающаго въ себѣ много ссылокъ на источники и литературу вопроса).

Другой студентъ, Н. Шаверновскій, въ сочиненіи своемъ „Поѣздка въ Кіевъ“, выражаетъ подобныя же мысли въ слѣдующихъ словахъ:

„Столица Ярослава вотъ участь твоя—Величіе твое пало, но духъ творца онаго оживляетъ вѣнценосныхъ потомковъ его и сѣмена, рукою его насажденны, начинаютъ выдавать зрѣлые плоды, служащіе украшеніемъ побѣдоносному вѣнцу повѣлителей Сѣвера. Въ нѣдрахъ твоихъ, отеческимъ попеченіемъ Николая воздвигается разсадникъ мудрости, въ которомъ, какъ будьто бы въ оптическомъ фокусѣ, совокупленные лучи всѣхъ отраслей знаній человѣческихъ разспространятъ благотворное вліяніе на цѣлую Россію“.

Нѣкоторыя студенческія работы обнаруживаютъ сильный интересъ къ изученію прошлаго Малороссіи, проникнуты глубокими симпатіями къ народу и традиціямъ Украины, выраженнымъ въ народныхъ малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, нельзя не признать вліянія М. А. Максимовича, который, являясь, какъ из-

вѣстно, глубокимъ знатокомъ мѣстныхъ древностей и страстнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ, умѣлъ внушать свои симпатіи и своимъ ученикамъ. Въ сочиненіи студента П. Чуйкевича „Что требуется отъ Лирическаго Поэта современнаго?“ вліяніе это сказывается особенно сильно. П. Чуйкевичъ, высказавши свои сужденія относительно задачъ современнаго лирическаго поэта и подвергши краткому критическому разбору произведенія Державина, Жуковскаго, Пушкина, Байрона и др., приходитъ къ заключенію, что „самый лучшій образецъ лирическихъ стихотвореній современныхъ—это пѣсни. Въ нихъ высказаны повѣрья современныя, глубокая народная душа. Изъ пѣсенъ, малороссійскія особенно отличаются въ семъ отношеніи. Подъ гнетомъ Уніи Малороссія испытала всѣ ужасы безграничнаго насилія. Въ этомъ ея состояніи, чье сердце не обливалось кровью, смотря на такія невзгоды очечества?—Кто изъ истинныхъ сыновъ Украины не скорбѣлъ о ея участи? Потому и самыя лучшія пѣсни, пѣсни народныя, относятся ко времени бѣдствія Малороссіи. Въ нихъ говоритъ печаль по родинѣ, самое искреннее желаніе помочь ей. Малороссійскія пѣсни дышутъ глубокимъ элегическимъ чувствомъ, чувствомъ, смѣшаннымъ съ воспоминаніемъ временъ лучшихъ, счастливѣйшихъ; въ нихъ представлена вся жизнь Малороссіи, бытъ козачества. Чувства, какія таилъ каждый козакъ, все Запорожье и наконецъ вся Украина, живымъ потокомъ разлиты въ пѣсняхъ“.

Подъ тѣмъ же вліяніемъ, очевидно, написано и стихотвореніе студента Пильчикова „Украйна“. Оно проникнуто элегическимъ чувствомъ контраста между величіемъ древнихъ традицій Малороссіи и прозой ея современнаго положенія и заканчивается въ духѣ совершенно добродушнаго юмора. Стихотвореніе это рѣзко выдѣляется изъ ряда прочихъ большею правильностью языка и болѣе художественною отдѣлкой формы, и потому мы считаемъ себя вправѣ привести его здѣсь цѣликомъ:

„Украйна я тебя видалъ;
Исполненный воспоминаній,
Твоихъ воинственныхъ сказаній,
Твои я степи вопрошалъ.
Но безотвѣтна степь глухая:

Твои поля молчат давно;
Въ забвеньи мирномъ зарастая,
Молчать имъ долго суждено.
Не огласитесь крикомъ браннымъ,
Не освѣтитесь въ часъ луны
Кровавымъ заревомъ войны;
Прошла пора когда незваннымъ
Были отпоръ твои сыны,
А города—воинскимъ станомъ,
А степи—зрѣлищемъ побѣдъ;
Ужъ плугъ о томъ на полѣ славномъ
Заволочилъ послѣдній слѣдъ.
Уже не тѣ твои сыны,
Сыны степей, сыны войны,
Теперь война для нихъ преданье
Полузабытой старины.
И все, все тихо на Украйнѣ,
И въ этой тихой сторонѣ,
Ничто, какъ о священной тайнѣ,
Невспомянетъ о старинѣ.
Событій память по обломкамъ
И въ хартьяхъ мертвыхъ погреблась,
И отъ отцевъ въ завѣтъ потомкамъ,
Лишь чарка съ пѣсней осталась.
Какъ сынъ послушный и правдивый,
Завѣтъ исполнилъ внукъ лѣнивый:
Онъ пьетъ, поетъ, поетъ и пьетъ,
И такъ къ концу свой вѣкъ ведетъ.

Какъ сказано раньше, среди студенческихъ работъ сохранились и сочиненія лицъ, получившихъ потомъ извѣстность на поприщѣ ученой и общественной дѣятельности. Сочиненія эти не отличаются отъ другихъ чѣмъ-либо оригинальнымъ и имѣютъ слишкомъ частный біографическій интересъ, чтобы была надобность долго останавливаться на нихъ. Достаточно лишь назвать эти сочиненія и замѣтить, что главное отличіе ихъ отъ прочихъ заключается въ большей содержательности и въ большей правильности языка. Мы имѣемъ передъ собою сочиненіе одного изъ первыхъ питомцевъ Кіевскаго университета, Ант. Андр. Глушановскаго, будущаго профессора Нѣжинскаго лицея, а затѣмъ синдика университета св. Владиміра; сочиненіе его написано на тему: „О необходимости высшаго образованія въ жизни общественной“. Далѣе мы имѣемъ студенческія сочиненія: К. Ѳ.

Страшкевича, будущаго доцента Кіевскаго университета по каѳедрѣ греческой и римской словесности,—на темы: 1) „О подражаніи природѣ въ искусствахъ", 2) „Объ искусствѣ, какъ выраженіи идеи изящнаго"; Н. Т. Костыря, будущаго преемника М. А. Максимовича по каѳедрѣ русской словесности, сперва адъюнкта въ Кіевскомъ университетѣ, а потомъ ординарнаго профессора въ Харьковскомъ,—на тему: „О подражаніи природѣ въ искусствахъ"; Пія Даневскаго, будущаго профессора Нѣжинскаго лицея и дѣятеля на административномъ поприщѣ,—на тему: „Краткій обзоръ постепеннаго образованія русскаго театра"; Ивана Шульгина, будущаго инспектора Каменецъ-подольской гимназіи, а затѣмъ—помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа,—на тему: „Больше ли пользы или вреда принесла удѣльная система нашему отечеству"; М. А. Тулова, будущаго профессора Нѣжинскаго лицея, потомъ—инспектора казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа и, наконецъ, помощника попечителя того же округа,—на темы: 1) „Импиризмъ (sic.) и идеализмъ", 2) „О естествознаніи", 3) „Когда у народа является собственная литература и можетъ ли народъ довольствоваться чужою литературой?" Послѣднею темой интересовались многіе студенты; сохранилось нѣсколько сочиненій, написанныхъ по этому вопросу, въ томъ числѣ и сочиненіе студента Гордона, который стоялъ во главѣ кружка, пытавшагося воскресить старыя польскія традиціи въ западной Россіи и сдѣлать Кіевскій университетъ главнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли[1]). Попытка эта, какъ извѣстно, послужила поводомъ къ временному закрытію университета указомъ 9 января 1839 года.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки скажемъ, что среди студенческихъ сочиненій, оставленныхъ М. А. Максимовичемъ, находятся и три стихотворенія, принадлежащія перу двухъ гимназистовъ 7 класса. Одно изъ этихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Шведская могила", написано нѣкіимъ Гр. Лукашевичемъ, два другихъ, изъ которыхъ одно представляетъ собою переводъ извѣстной баллады Гёте „Пѣсня Миньоны", а второе—оригинальное, принадлежатъ перу Н. Т. Костыря еще въ быт-

[1]) Ист. Унив. св. Влад., стр. 164.

ность его гимназистомъ. Переводъ баллады Гёте, съ точки зрѣнія своего времени, сдѣланъ очень удачно, нигдѣ, насколько извѣстно намъ, не былъ напечатанъ, а потому мы и рѣшились воспроизвести его здѣсь, чтобы дать возможность читателю сопоставить переводъ, сдѣланный Н. Костыремъ, съ извѣстными переводами того же стихотворенія, сдѣланными Жуковскимъ, Шкляревскимъ, Струговщиковымъ, Ободовскимъ, Меемъ, Тютчевымъ, М. М., Майковымъ и Гербелемъ. Въ переводѣ Н. Костыря стихотвореніе это озаглавлено „Любимецъ (съ нѣмецкаго)" и читается такъ:

„Ты ль вѣдаешь тотъ край, гдѣ плодъ лимонный зрѣетъ,
Гдѣ рдѣетъ апельсинъ подъ сѣнію листовъ,
И сладостный зефиръ съ лазури неба вѣетъ,
Высоко съ лавромъ миртъ сплетясь расти готовъ,
Ты ль вѣдаешь его?
Туда! туда
О милый другъ мой поспѣшимъ.
Знакомъ ли домъ? гдѣ кровъ на столпахъ почиваетъ,
Гдѣ блещетъ залъ, въ сіяньи весь покой,
И бюсты мраморны окрестъ ко мнѣ взираютъ:
О бѣдное дитя, что сдѣлалось съ тобой?
Знакомъ ли онъ тебѣ?
Туда, туда
О мой защитникъ, поспѣшимъ.
Знакома ли гора, заоблачные своды?
Гдѣ въ дымѣ тучь тропы взбираясь ищетъ мулъ,
Въ вертепахъ сонмы змѣй гнѣздились многи годы,
Съ скалы дробящегось потока слышенъ гулъ?
Знакома ли она?
Туда! туда
Лежитъ нашъ путь! Отецъ мой поспѣшимъ!

Оригинальное стихотвореніе Н. Костыря „Вдохновеніе" написано надъ замѣтнымъ вліяніемъ Пушкинскаго „Поэта" и не представляетъ особаго интереса ни въ литературномъ, ни въ біографическомъ отношеніяхъ. Оба стихотворенія отмѣчены рецензіей М. А. Максимовича: „Кромѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей въ стихосложеніи, очень хорошо".

Вотъ все, что сочли мы возможнымъ сообщить о сочиненіяхъ кіевскихъ студентовъ въ 30-е года. За болѣе подробными свѣдѣніями отсылаемъ интересующихся къ самому сборнику.

28 февраля 1894 г.

В. Пискорскій.

Какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ Полтавской г.?

Въ № 6448 газеты „Новое Время“ отъ 9 февраля с. г. помѣщено было описаніе юбилея, который праздновалъ въ понедѣльникъ 7-го февраля инженеръ генералъ-лейтенантъ А. И. Савельевъ по случаю 50-лѣтія своей государственной службы, а равно ученой и литературной дѣятельности. Въ концѣ описанія замѣчено было, что А. И. Савельевъ работаетъ ежедневно и теперь, несмотря на свой преклонный возрастъ, по разнымъ вопросамъ: по военному дѣлу, по фортификаціи, по исторіи и по литературѣ. „Онъ тутъ же разсказалъ присутствующимъ“, добавляетъ репортеръ, „что 1893 г. долженъ быть отмѣченъ какъ 900-лѣтній юбилей г. Переяслава, Полтавской губерніи, и что онъ объ этомъ напомнитъ въ печати“. Такимъ образомъ А. И. Савельевымъ поставленъ вопросъ, когда основанъ былъ г. Переяславъ, и цѣль моей замѣтки—отвѣтить на этотъ вопросъ и установить, когда и какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ.

Источникомъ нашихъ свѣдѣній о древнемъ Переяславѣ является исключительно первоначальная русская лѣтопись, такъ называемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ въ разныхъ ея спискахъ. Имя Переяслава встрѣчается въ первый разъ на ея страницахъ подъ 6415 г. отъ С. М. или подъ 907 г. отъ Р. Х. въ разсказѣ о походѣ князя Олега на Царьградъ [1]). Среди нашихъ ученыхъ историковъ существуетъ троякое отношеніе къ

[1]) См. Ипат. лѣт. изд 1871, стр. 17—19 и Лавр. лѣт. изд. 1872, стр. 29—31.

этому разсказу: одни считаютъ его вполнѣ согласнымъ съ исторической дѣйствительностью и цѣликомъ вносятъ въ свои повѣствованія; другіе признаютъ его отъ начала до конца сказкою и совсѣмъ выбрасываютъ изъ достовѣрной исторіи; наконецъ, третіе, подвергнувъ его болѣе глубокой критикѣ, доказываютъ, что онъ составленъ изъ двухъ отдѣльныхъ разсказовъ: историческаго, написаннаго немедленно послѣ событія, и сказочнаго, появившагося въ видѣ народнаго преданія, спустя, быть можетъ, цѣлое столѣтіе. Послѣднее мнѣніе особенно убѣдительно развито въ статьѣ г. Ламбина подъ заглавіемъ: „Дѣйствительно-ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка?“, помѣщенной въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1873 г. [1]), и мы вполнѣ его раздѣляемъ.

Главныя положенія г. Ламбина можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

1) Лѣтописное сказаніе о походѣ князя Олега на Грековъ есть чисто механическая сшивка двухъ совершенно различныхъ и разновременныхъ извѣстій о походѣ.

2) Одно изъ этихъ сказаній, заключающее въ себѣ мирный договоръ съ Греками съ предпосланнымъ ему краткимъ извѣстіемъ о дѣлахъ Олеговой рати подъ Царьградомъ,—не позднѣйшая сказка, а современный, вполнѣ достовѣрный памятникъ, писанный въ началѣ X вѣка.

3) Второе сказаніе — баснословно, сказочно, однако не сказка, не вымыселъ книжника, а народная легенда, передающая подъ сказочною оболочкою историческій фактъ. Написана эта легенда, по всей вѣроятности, при Ярославѣ I († 1054 г.).

4) Письменное сказаніе начала X вѣка о походѣ князя Олега было таково (приводимъ его въ переложеніи на современный языкъ):

---

[1]) См. ч. 168, № 7, стр. 115—127. Принята во вниманіе и другая статья тогоже г. Ламбина: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ въ Ж. М. Н. Пр. 1874, г. 173, № 6, стр. 225—263 и ч. 174, № 7, стр. 53—119,—гдѣ обстоятельнѣе развиты взгляды этого ученаго на извѣстія первоначальной лѣтописи.

„Пошелъ Олегъ на Грековъ и подошелъ онъ къ Царьграду, а Греки перегородили свою гавань [1]), крѣпость-же заперли. И высадился Олегъ на берегъ, и велѣлъ своимъ воинамъ вытащить корабли на сушу, и пограбилъ окрестности города, и убилъ многихъ Грековъ, и разорилъ много каменныхъ домовъ [2]), и сжегъ церкви. А кого изъ Грековъ взяли въ плѣнъ, то однихъ зарѣзали, другихъ замучили, третьихъ разстрѣляли, а иныхъ вбросили въ море. Вообще много зла причинила Русь Грекамъ, какъ это постоянно бываетъ во время войны. И начали Греки просить мира и умолять Олега, чтобы онъ не грабилъ греческой земли. Олегъ-же, отступивъ немного отъ города, началъ вести переговоры о мирѣ съ царями греческими Львомъ и Александромъ и послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида съ словами: „соглашайтесь на дань“. И сказали Греки: „Что захотите, дадимъ вамъ“. И приказалъ Олегъ дать воинамъ на 2.000 кораблей по 12 гривенъ на весло [3]) и потомъ давать дань на русскіе города: прежде всего на Кіевъ, потомъ на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полоцкъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочіе города, такъ какъ въ этихъ городахъ сидятъ князья, подчиненные Олегу [4]). Кромѣ того, Олегъ предложилъ Грекамъ заключить договоръ на будущее время на слѣдующихъ условіяхъ:

---

[1]) *Замкоша Судъ*—перегородили гавань; подразумѣвается: цѣпью. *Судомъ* названа здѣсь Царьградская гавань, такъ называемый, *Золотой Рогъ*. Слово это германскаго происхожденія и заключаетъ въ себѣ понятіе о водѣ, раздѣляющей два берега. До сихъ поръ одинъ изъ проливовъ въ Даніи называется *Sund*.

[2]) *Полаты разбиша.* Словомъ *полаты* на древнерусскомъ языкѣ обозначалось каменное зданіе.

[3]) *На ключь. Ключь* мы считаемъ равнозначущимъ съ *уключина*, т. е. столбикъ съ петлею или два столбика, между которыми ходитъ гребное весло. Дань разсчислялась по числу *уключинъ* на русскихъ корабляхъ или иначе по числу *веселъ*, такъ какъ въ каждой уключинѣ было уложено весло.

[4]) Г. Ламбинъ ставитъ вопросъ: „кто эти князья *подъ Ольгомъ суще*, которые сидятъ по разнымъ городамъ русскимъ, и для которыхъ, конечно, а не для жителей городовъ, Олегъ вытребовалъ отъ Грековъ *уклады*, то-есть, дань ежегодную, постоянную?“ и отвѣчаетъ на него: „Очевидно, что они не посадники или намѣстники Олега, а лица владѣтельныя, государи городовъ и волостей, въ которыхъ сидятъ“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Князья эти не принадлежали къ

а) Если русскіе послы пріѣдутъ въ Царьградъ, то должны получить отъ Грековъ продовольствія, сколько захотятъ [1]);

б) Если пріѣдутъ русскіе купцы, то должны получать отъ Грековъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ съѣстные припасы въ видѣ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; они могутъ мыться въ баняхъ, сколько хотятъ [2]);

в) Если Русскіе станутъ собираться домой, то должны получить отъ греческаго царя на дорогу провизію, канаты, паруса, якори и все остальное, что имъ понадобится.

Греческіе цари и ихъ вельможи приняли эти условія съ слѣдующими измѣненіями:

а) Если Русскіе пріѣдутъ въ Царьградъ безъ товаровъ, то не должны получать мѣсячнаго продовольствія;

б) Русскій князь долженъ строго приказать своимъ подданнымъ, являющимся въ Царьградъ, чтобы они не причиняли вреда греческимъ селеніямъ въ странѣ;

в) Пріѣзжающіе Русскіе должны останавливаться у св. Мамы [3]) и когда они пріѣдутъ, то царь долженъ послать чиновниковъ записать ихъ имена и выдать имъ мѣсячное продовольствіе, сначала купцамъ кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ и другихъ городовъ;

г) Русскіе должны входить въ городъ одними воротами въ сопровожденіи царскаго чиновника, безъ оружія, въ числѣ не болѣе 50-ти человѣкъ, и могутъ торговать, сколько имъ укажетъ надобность, не платя пошлины ни за что.

одной княжеской династіи. Нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ князей мы знаемъ по именамъ. Таковы: князь Древлянскій *Малъ*, князь Полоцкій *Рогволодъ*, князь Вятичей *Ходота*. См. статьи о походѣ Олега стр. 121—122.

[1]) Неясное слово лѣтописныхъ списковъ *хлъбное, слебное, слюбное* мы вслѣдъ за Карамзинымъ (примѣчаніе 311 къ т. I. Ист. госуд. росс.—изд. 1842, т. II, стр. 88) читаемъ, какъ *сольбное* отъ *сольба*=посольство. *Сольбнымъ* называлось то, что давалось чужестраннымъ посламъ на содержаніе.

[2]) *Да творять имъ мовъ. Мовь* въ смыслѣ *мытья, бани* принимается всѣми учеными изслѣдователями древней лѣтописи.

[3]) Между городскими стѣнами и Босфоромъ находились церковь и монастырь св. Мамы или Маманта. Около нихъ находились: пристань, которая служила мѣстомъ стоянки для приходившихъ русскихъ кораблей, и слобода съ подворьемъ, въ которомъ останавливались пріѣзжіе Русскіе. См. Голубинскій, Исторія рус. церкви, томъ I, первая половина, М. 1880, стр. 63, примѣчаніе.

Цари Левъ и Александръ заключили миръ съ Олегомъ и согласились на дань.

Греки и Русскіе принесли другъ другу присягу. Греки цѣловали крестъ, а Олегъ и воины его клялись по русскому закону оружіемъ своимъ, и Перуномъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ".

5) Авторомъ этого письменнаго сказанія могъ быть кто-либо изъ членовъ византійской православной миссіи въ Кіевѣ, которая водворилась здѣсь тотчасъ послѣ перваго набѣга Руси на Царьградъ, съ епископомъ во главѣ, и крестила Русь Аскольда и Дира [1]). Подъ ея воздѣйствіемъ появились въ Кіевѣ люди грамотные и притомъ Славяне, которые могли быть очевидцами и участниками тогдашнихъ историческихъ событій и затѣмъ записывали свои воспоминанія на память потомству.

6) Авторъ, записавшій изъ народныхъ устъ легенду о походѣ Олега, вѣроятно, при Ярославѣ I, не зналъ о существованіи письменнаго разсказа объ этомъ-же походѣ съ протоколомъ мирныхъ переговоровъ между русскими и греками, и даже не подозрѣвалъ объ его существованіи. Вотъ почему онъ смѣло записывалъ всѣ сказочныя подробности народной легенды, не стремясь нисколько согласить ихъ съ подлинными обстоятельствами дѣла, и нигдѣ не упомянулъ объ утвержденіи мира письменнымъ актомъ.

7) Записка о походѣ Олега хранилась вмѣстѣ съ другими бумагами въ архивѣ византійской миссіи и по упраздненіи ея въ исходѣ X вѣка могла попасть въ княжескій архивъ, а затѣмъ въ библіотеку, устроенную Ярославомъ I при храмѣ св. Софіи („Ярославъ любимъ бѣ книгамъ, и многы списавь положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ") [2]), гдѣ позднѣе могъ ее открыть составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ.

---

[1]) Проф. Голубинскій отрицаетъ возможность принятія христіанства Аскольдомъ и Диромъ, но находитъ вѣроятнымъ и возможнымъ, что „христіанство впервые явилось въ Кіевѣ именно еще при нихъ" – См. Ист. рус. цер. 1, 1, стр. 19—27. Доводы его не вполнѣ доказательны.

[2]) См. Ипаг. лѣт. 1871, стр. 107.

Такимъ образомъ изъ изслѣдованія г. Ламбина вполнѣ выясняется историческая достовѣрность разсказа о походѣ князя Олега на Царьградъ, и поэтому мы имѣемъ полное право положиться на сообщаемыя имъ свѣдѣнія о г. Переяславѣ.

Что касается года, къ которому относится походъ Олега, то г. Ламбинъ не провѣряетъ лѣтописнаго счисленія. Но еще у Карамзина было замѣчено, что комета, о которой упоминается въ лѣтописи вслѣдъ за изложеніемъ похода Олегова, являлась въ 905 году, и что, слѣдовательно, самый походъ долженъ быть отнесенъ къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 904 года [1]). Къ этому-же году относится и то мѣсто въ сочиненіи византійскаго писателя Симеона магистра, гдѣ онъ говоритъ о Руси—Дромитахъ и о какомъ-то сильномъ или быстромъ Россѣ (по подлиннику въ родит. падежѣ: Ῥῶς τινος σφοδροῦ), подъ которымъ ученые подразумѣваютъ Олега [2]).

Убѣдившись такимъ образомъ въ надежности источника нашихъ свѣдѣній о появленіи г. Переяслава въ исторіи и установивши его хронологію, резюмируемъ эти свѣдѣнія:

1) Городъ Переяславъ существовалъ еще до похода князя Олега на Грековъ, т. е. до 904 года;

2) Онъ былъ административнымъ центромъ извѣстной области и въ немъ имѣлъ пребываніе отдѣльный князь, подчиненный кіевскому великому князю Олегу;

3) Въ Переяславѣ жили купцы, которые торговали съ Византіею и, по договору князя Олега съ Греками, наравнѣ съ купцами другихъ русскихъ городовъ, въ случаѣ прибытія въ Византію, получали право на безпошлинную торговлю, на безмездное продовольствіе въ теченіе 6 мѣсяцевъ и проч.;

4) Греки обязывались постоянно платить извѣстную сумму въ пользу правившаго въ Переяславѣ князя.

Права Переяславскихъ пословъ и купцовъ подтверждены были вновь и позднѣйшимъ договоромъ съ Греками, заключеннымъ при великомъ князѣ Игорѣ (въ 944 или 945 году).

---

[1]) См. Ист. госуд. росс. изд. 1842, томъ II, стр. 90, примѣчаніе 316 къ тому I-му.

[2]) См. Васильевскій, Русско-византійскія изслѣдованія, Вып. II, Спб. 1893, стр. CXXXVII, примѣчаніе.

Такимъ образомъ мы имѣемъ самыя точныя и неопровержимыя извѣстія, что г. Переяславъ не только существовалъ, но и игралъ извѣстную историческую роль, какъ третій городъ земли русской, съ самаго начала X столѣтія нашей эры.

Но перечитывая лѣтопись далѣе, мы наталкиваемся подъ 992 г. Лаврентьевскаго или подъ 993 г. Ипатьевскаго списка— на цѣлый разсказъ объ основаніи г. Переяслава св. Владиміромъ [1]). Рисуется такая картина:—г. Переяслава какъ-будто вовсе еще не существуетъ. Черезъ р. Трубежъ у того мѣста, гдѣ позднѣе заселился г. Переяславъ, пролегалъ бродъ, по которому степные кочевники вторгались въ Русь. Святой Владиміръ только-что возвратился изъ похода на прикарпатскихъ Хорватовъ. Между тѣмъ Печенѣги подошли со стороны р. Сулы Владимиръ выступилъ противъ нихъ и встрѣтился съ ними у брода черезъ р. Трубежъ. Владимиръ расположился лагеремъ на правомъ берегу р. Трубежа, а Печенѣги на лѣвомъ, и обѣ стороны не рѣшались перейти черезъ рѣку. И вотъ подъѣхалъ къ берегу князь Печенѣжскій и, вызвавъ Владимира, сказалъ ему: „Выпусти ты своего воина, а я выпущу своего, и пусть они сразятся. Если твой воинъ одолѣетъ моего, то мы не будемъ воевать три года и разойдемся въ разныя стороны; если-же случится наоборотъ, то мы будемъ воевать три года". Владимиръ возвратился въ лагерь [2]) и послалъ по лагерю глашатая съ запросомъ: „Нѣтъ-ли такого воина, который могъ-бы сразиться съ Печенѣгомъ?" и никого не нашлось. На другой день утромъ пріѣхали Печенѣги и привели своего воина, а съ русской стороны никого не было. И началъ Владимиръ печалиться, но продолжалъ вызывать охотниковъ до единоборства. И вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ ему: „Князь! я вышелъ въ походъ съ четырьмя сыновьями, а одинъ, меньшій, остался дома [3]); съ самаго дѣтства никто не могъ побороть его; однажды

---

[1]) См. Ипат. лѣт. 1871, стр. 83—85 и Лавр. лѣт. 1872, стр. 119—121.

[2]) Въ подл. *въ товары*.

[3]) Никоновская лѣтопись, сообщающая весьма часто имена лицъ, упоминаемыхъ безъ имени въ древнѣйшихъ спискахъ, называетъ отрока Яномъ Усмошвецомъ, говоря о немъ, какъ о богатырѣ, подобномъ Александру Поповичу или Рахдаю удалому.

я его бранилъ, а онъ мялъ кожу, и вотъ, разсердившись на меня, онъ розорвалъ ее руками“ [1]). Князь-же, услышавъ это, обрадовался и тотчасъ послалъ за юношею. И привели его къ князю и князь разсказалъ ему все. Тотъ-же отвѣтилъ: „Князь! не знаю, одолѣю-ли я его. Лучше испытайте меня. Нѣтъ-ли здѣсь большого и сильнаго быка“? И нашли сильнаго быка, раздразнили его горячимъ желѣзомъ и пустили. Быкъ побѣжалъ мимо юноши, и вотъ онъ ухватилъ быка рукою за бокъ и вырвалъ столько кожи съ мясомъ, сколько захватила рука. И сказалъ Владимиръ: „Ты можешь съ нимъ сразиться“. На другой день подошли Печенѣги и начали кричать: „Гдѣ-же вашъ воинъ? Нашъ уже здѣсь“! Владимиръ-же приказалъ своимъ воинамъ надѣть въ ту ночь оружіе. Печенѣги выставили своего воина: онъ былъ очень великъ ростомъ и страшенъ. И выступилъ воинъ Владимира. Посмотрѣлъ на него Печенѣгъ и разсмѣялся, ибо онъ былъ средняго роста. Размѣрили мѣсто между двумя войсками и пустили бойцовъ другъ противъ друга. Крѣпко они схватились. Воинъ Владимира удушилъ Печенѣга руками до смерти и бросилъ его на землю. Русскіе радостно закричали. Печенѣги побѣжали, а Русскіе погнались за ними, нанося имъ раны, и прогнали ихъ. Владимиръ былъ радъ, и заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переяславомъ, ибо юноша *перея* (отнялъ) *славу* у Печенѣга. Владимиръ сдѣлалъ его и отца высокопоставленными людьми, а самъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и съ великою славою.

Большинство ученыхъ историковъ согласно въ томъ, что разсказъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего достовѣрно-историческаго, а есть народная легенда, записанная въ концѣ XI вѣка книжникомъ-собирателемъ народныхъ разсказовъ о минувшемъ. Н. И. Костомаровъ находилъ этотъ разсказъ чрезвычайно важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ служитъ образчикомъ того способа, какимъ древніе общечеловѣческіе миѳы, видоизмѣняясь, прилегаютъ къ мѣстностямъ, историческимъ условіямъ и данному времени. „Онъ не что иное, какъ видоизмѣненный и

---

[1]) *Преторже черевии.* Прет ргнуть=расторгнуть, разорвать. *Черевии*= кожа; отсюда малоросс. *черевики*, кожаная обувь.

локализованный глубоко-древній миѳъ о борьбѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи отъ него угнетенныхъ существъ, миѳъ, воплощавшійся у древнихъ грековъ въ исторіи Тезея, Персея, Беллерофона, и у насъ преимущественно связавшійся съ легендою о Егоріи Храбромъ. Въ Запискахъ о южной Руси Кулиша онъ является въ сказкѣ о Кириллѣ Кожемякѣ, пріуроченной къ Кіеву" [1]). Другіе ученые съ гораздо большимъ основаніемъ видятъ въ этомъ разсказѣ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ такъ называемой народной этимологіи (Volksetymologie), поясненной легендой. Можно думать, что легенда составилась подъ вліяніемъ библейскаго разсказа о единоборствѣ Давида съ Голіафомъ [2]) въ концѣ XI-го вѣка въ г. Переяславѣ, который въ это время, благодаря заботамъ митрополита Ефрема, сдѣлался важнымъ церковнымъ центромъ. Авторомъ ея могъ быть кто-либо изъ мѣстнаго клира. Пріурочена она ко времени Владиміра св., такъ какъ личность равноапостольнаго князя очень скоро послѣ его кончины сдѣлалась эпическою и сохранила этотъ характеръ въ великорусскихъ былинахъ до позднѣйшаго времени. Намъ кажется, что въ этой легендѣ есть и историческій элементъ, а именно—фактъ возобновленія Владиміромъ св. переяславскихъ укрѣпленій, такъ какъ мы имѣемъ извѣстіе той-же первоначальной лѣтописи подъ 988 г., что Владиміръ вообще укрѣплялъ оборонительную линію отъ степныхъ кочевниковъ по р. Трубежу; при этомъ онъ могъ выстроить вновь и переяславскую крѣпость. Къ этому-же времени В. Б. Антоновичъ относитъ и насыпку тѣхъ двухъ огромныхъ валовъ, которые двумя параллельными линіями окружаютъ г. Переяславъ съ юго-востока, начинаясь у берега р. Днѣпра и сходясь вмѣстѣ за селомъ Строковою къ берегу р. Трубежа близь хутора „Дубовая Шея" [3]).

---

1) См. Историч. монографія и изслѣд. т. XIII, Спб. 1881, стр. 163—164.

2) См. Маркевичъ, о лѣтописяхъ, вып. 1-й, Одесса 1883, стр. 135.

3) См. Кіевская Старина 1884, т. VIII, № 3, стр. 355-370, статья: „Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли". Ср. статью Максимовича: „О древнемъ валѣ, бывшемъ еще при Владимірѣ святомъ южнѣе Кіева, на границѣ земли Печенѣговъ". Полн. собр. соч. т. II, 1877, стр. 340-342.

Г. Ламбинъ указалъ на то, что изъ этой легенды видно незнакомство составившаго ее книжника съ договорами Русскихъ съ Греками. „Если-бы книжникъ зналъ, что Переяславъ упоминается въ договорахъ, какъ городъ существовавшій уже при Олегѣ и Игорѣ, то вѣдь онъ могъ-бы пояснить и оправдать народную сказку своею догадкою, до того естественною, что и намъ пришлось-бы признать ее за истину, а именно—догадкою, что этотъ прежній городъ былъ разрушенъ и сожженъ Печенѣгами, тѣми самыми, которые, пользуясь отсутствіемъ Святослава, осадили Ольгу съ ея внуками въ Кіевѣ, и что Владиміръ построилъ теперь новый Переяславъ на мѣстѣ прежняго. Книжникъ могъ-бы, пожалуй, еще прибавить, что прежній городъ и назывался-то не Переяславъ, а какъ-нибудь иначе, напримѣръ, хоть Переплавль,—и мы не могли-бы не повѣрить ему и въ этомъ, такъ какъ въ нашихъ позднѣйшихъ спискахъ прежнее имя города легко могло въ договорахъ замѣниться новымъ, общеизвѣстнымъ. Вотъ здѣсь представлялся книжнику или нашему лѣтописцу, знакомому съ договорами, превосходный, даже вполнѣ законный случай пофантазировать, присочинить кое-что отъ себя, изложить фактъ по своимъ соображеніямъ и домысламъ, согласить народную сказку съ договорами; однако онъ, не мудрствуя лукаво, передаетъ намъ только то, что донесло до него преданіе" [1]).

Изъ всего предыдущаго ясно, что припомянутый А. И. Савельевымъ на его юбилейномъ торжествѣ 993-ій годъ нашей эры, къ которому пріурочена въ Ипатьевскомъ спискѣ легенда объ основаніи Переяслава Владиміромъ св., не имѣетъ никакого значенія въ исторической жизни г. Переяслава, какъ не имѣетъ исторической цѣны и самая легенда, хотя подъ ея сказочною оболочкою и скрывается, быть можетъ, фактъ укрѣпленія Владиміромъ св. Переяслава при общихъ фортификаціонныхъ работахъ для обороны линіи р. Трубежа. Г. Переяславъ существовалъ гораздо ранѣе и съ самаго начала X-го вѣка нашей эры игралъ извѣстную историческую роль, какъ третій го-

---

[1]) См. ст. о походѣ Олега, стр. 124—125.

родъ земли русской, имѣвшій своего князя, торговавшій съ Византіею и т. д. Такимъ образомъ г. Переяславъ имѣетъ право ознаменовать какимъ-либо торжественнымъ празднованіемъ не тысячный годъ своего основанія, которое затеряно во мракѣ вѣковъ и годъ котораго не можетъ быть даже приблизительно опредѣленъ, а тысячный годъ со времени выступленія своего на поприще исторической жизни. Говоря короче: *г. Переяславъ въ 1904-мъ году имѣетъ право отпраздновать тысячелѣтній юбилей своей городской жизни.* Такого рода юбилей гораздо почтеннѣе, нежели обыкновенная годовщина рожденія. Какъ отдѣльный человѣкъ обращаетъ на себя вниманіе окружающихъ не столько своимъ существованіемъ, сколько дѣятельностью на пользу общества, какъ въ частномъ быту публичный характеръ пріобрѣтаетъ не простая годовщина рожденія, а юбилей болѣе или менѣе продолжительной общественной, государственной, литературной или ученой дѣятельности, такъ и въ городской жизни важна ея историческая роль, и городу гораздо почтеннѣе отпраздновать юбилей его исторической дѣятельности, нежели только существованія, первые годы котораго бываютъ по большей части ничтожны и безвѣстны. А Переяславъ имѣетъ чѣмъ повеличаться въ прошедшемъ, и его юбилей напомнитъ всей Россіи такія событія, какъ борьба русскаго міра съ степными кочевниками: печенѣгами, торками, половцами и, наконецъ, татарами; какъ возникновеніе малорусскаго козачества, для котораго Переяславъ былъ однимъ изъ первыхъ гнѣздъ; какъ возсоединеніе Малороссіи съ царствомъ московскимъ въ 1654 г.; какъ борьба съ уніей въ юго-западномъ краѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда Переяславъ былъ духовнымъ центромъ для православныхъ, оставшихся подъ владычествомъ Польши. Напомнитъ онъ и величавые образы такихъ дѣятелей старины, какъ Владиміръ Мономахъ и Богданъ Хмельницкій, изъ коихъ первый былъ наслѣдственнымъ княземъ Переяслава и подолгу въ немъ проживалъ [1]), а второй взялъ изъ Переяслава свою первую жену Анну Сомковну.

---

[1]) Ср. извѣстное мѣсто изъ поученія Владиміра Мономаха: „И сѣдѣхъ въ Переяславли 3 лѣта и зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода“. Лавр. лѣт 1872, стр. 240.

Къ какому дню слѣдуетъ пріурочить празднованіе этого юбилея въ 1904 году? Русскія рати первыхъ князей отправлялись обыкновенно въ Византію со вскрытіемъ рѣкъ, а возвращались обратно домой позднею осенью. Такъ, было, конечно, и въ 904 г. Второй договоръ князя Олега съ Греками 912 года былъ заключенъ въ сентябрѣ — очевидно, передъ отплытіемъ Русскихъ въ обратный путь. Можно думать, что и первый договоръ, относящійся къ 904 году, состоялся приблизительно въ эту-же пору года и что только къ морозамъ, т. е. къ 1-му ноября, торжествующіе побѣдители могли появиться въ родныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Переяславѣ, съ радостною вѣстью о выгодномъ мирѣ съ Греками. Весьма вѣроятно, что возвращеніе участниковъ похода къ сородичамъ было ознаменовано торжественнымъ пиромъ. Тысячелѣтній юбилей можно было-бы пріурочить также къ этому времени, какъ, напримѣръ, къ 1-му ноября. Но въ осенней половинѣ года скоро настанетъ для г. Переяслава иной день,—Успенія Пресвятой Богородицы 15-го августа,—который получитъ знаменательное значеніе, какъ престольный праздникъ Переяславскаго соборнаго храма, созидающагося нынѣ на развалинахъ древней церкви Владимира Мономаха [1]). Желательно думать, что къ 1904 году Успенскій соборъ будетъ оконченъ и освященъ. Тогда, и по климатическимъ условіямъ, и по церковному значенію, день Успенія Пресвятой Богородицы можно будетъ признать самымъ подходящимъ для торжественнаго празднованія въ г. Переяславѣ его тысячелѣтняго юбилея Хотя этотъ день не совпадетъ вполнѣ со временемъ возвращенія изъ Византіи побѣдоносныхъ Переяславцевъ въ 904 году, но упрежденіе дѣйствительнаго срока на какихъ-нибудь $2^1/_2$ мѣсяца не имѣетъ никакого значенія, когда дѣло идетъ объ истекшемъ тысячелѣтіи.

---

[1]) О заложеніи ея сказано въ лѣтописи по Ипат. списку подъ 1098 (6606) годами: „Владимеръ заложи церковь камяну святоѣ Богородицѣ, Переяславли, на княжѣ дворѣ“. При рытьи канавъ для фундамента новаго собора открытъ фундаментъ Мономахова храма почти на всемъ его протяженіи и сохраненъ для потомства подъ поломъ новаго собора. Для желающихъ осмотрѣть его будетъ оставленъ входъ въ подполье.

Хотя г. Переяславъ страшно упалъ и обѣднѣлъ въ послѣднее столѣтіе, хотя онъ заглохъ, остался въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ и нынѣшняго развитія культурной жизни, хотя онъ сдѣлался даже городомъ болѣе еврейскимъ, нежели русскимъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ думать, что день 15 августа 1904 г. не пройдетъ въ г. Переяславѣ совершенно безслѣдно, что заблаговременно къ нему приготовятся, что онъ будетъ ознаменованъ торжественнымъ богослуженіемъ въ соборномъ Успенскомъ храмѣ, крестнымъ ходомъ вокругъ старинной части города, историческимъ чтеніемъ о тысячелѣтней судьбѣ города въ земскомъ домѣ, народнымъ праздникомъ на городской площади между лавками и Вознесенскимъ монастыремъ, и обѣдомъ для почетныхъ гостей въ помѣщеніи городской думы, и что, наконецъ, въ память знаменательнаго тысячелѣтія будетъ положено основаніе какому-либо общеполезному учрежденію, какъ, напримѣръ, городской публичной читальнѣ съ отдѣломъ книгъ, относящихся къ Переяславскому уѣзду и его исторіи, и съ небольшимъ музеемъ предметовъ мѣстной природы, старины и быта. Десять лѣтъ—достаточно времени мѣстнымъ людямъ, чтобы объ этомъ обстоятельно подумать!

А. С.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXIII.

Мои уроки дѣтямъ генерала Капцевича.

Въ Черниговѣ, въ домѣ княгини Прозоровской нѣсколько времени проживалъ зять, ея, генералъ отъ артиллеріи, бывшій генералъ-губернаторомъ въ Сибири, П. М. Капцевичъ, котораго дѣти, по смерти ихъ матери, воспитывались у своей бабушки. Капцевичъ, желая пригласить учителя для дѣтей изъ преподавателей семинаріи, обратился для этого къ ректору ея Архимандриту Іерониму, который и порекомендовалъ ему меня. Сперва я училъ сына Капцевича русскому языку и исторіи; мальчикъ при хорошихъ способностяхъ оказывалъ хорошіе успѣхи, только бывалъ разсѣянъ. Отецъ его, желая представиться Императору Николаю I, находившемуся тогда при дѣйствующей арміи въ Турціи, передъ отъѣздомъ своимъ просилъ меня во время его отсутствія жить при его сынѣ и наблюдать за его поведеніемъ, которое я ежедневно отмѣчалъ въ учебномъ журналѣ. По возвращеніи въ Черниговъ Капцевичъ получилъ отъ начальника штаба Дибича увѣдомленіе, что Государь предлагаетъ ему должность начальника корпуса внутренней стражи. Капцевичъ съ благодарностью принялъ это назначеніе и долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, куда взялъ съ собою и моего ученика. Онъ пред-

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 2.

лагалъ мнѣ принять на себя обязанность воспитателя сына его и ѣхать съ нимъ въ столицу съ тѣмъ, что-бы я по окончаніи воспитанія отправился вмѣстѣ съ сыномъ за границу; при этомъ предложеніи онъ назначалъ мнѣ значительное вознагражденіе, но я, будучи женатъ, не принялъ этого предложенія; вмѣсто меня принялъ на себя эту обязанность бывшій профессоръ Московской духовной академіи Филипповъ Капцевичъ, находясь въ Петербургѣ, чрезъ нѣсколько времени, измѣнилъ свое желаніе готовить сына на дипломатическую службу, и опредѣлилъ его въ артиллерійское училище, что было съ его стороны важною ошибкою: сынъ его плохо учился математикѣ и вышелъ изъ училища съ чиномъ XIV класса.

Когда Капцевичъ увезъ сына въ Петербургъ, я сталъ заниматься съ его дочерью, которая, при хорошихъ способностяхъ, не охотно занималась слушаніемъ моихъ уроковъ по Русской Словесности. Мнѣ стоило большаго труда, чтобы заставить ее старательнѣе заниматься составленіемъ писемъ и другихъ мелкихъ сочиненій, а чтобы она въ точности это исполняла, я заставлялъ ее писать при мнѣ. Замѣтивъ, что она часто поглядываетъ на часы въ ожиданіи, что я скоро уйду по окончаніи назначеннаго времени, я сказалъ ей, что не уйду до тѣхъ поръ, пока она не напишетъ заданнаго сочиненія, на что согласилась и сидѣвшая при нашихъ урокахъ ея гувернантка, послѣ чего она стала лучше заниматься. Впослѣдствіи времени дочь Капцевича была Фрейлиною и вышла замужъ за генерала Эссена.

XXIV.

Княгиня Прозоровская, ея утраты въ жизни и благотворительность.

Когда Капцевичъ бралъ дочь свою изъ Чернигова, то просилъ меня по прежнему часто посѣщать его тещу, княгиню Прозоровскую, которая благоволила ко мнѣ и сама просила меня о томъ-же. Здѣсь въ воспоминаніяхъ моихъ я хочу сказать объ этой достопочтенной особѣ то, что знаю о ней изъ ея разсказовъ и какъ самовидецъ. Княгиня Прозоровская была

изъ богатаго рода фамиліи Скоропадскихъ. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, она воспитывалась въ домѣ дяди своего, который былъ совѣтникомъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, бывшемъ тогда главнымъ городомъ намѣстничества; здѣсь она вышла замужъ за князя Прозоровскаго, роднаго брата фельдмаршала князя Прозоровскаго. Отъ мужа своего она имѣла 5-хъ дѣтей и въ молодыхъ годахъ овдовѣла. Проливая слезы о потерѣ мужа, она едва отъ того не ослѣпла и потомъ во всю жизнь свою носила надъ глазами зонтикъ. Но, оплакивая смерть мужа, она доолжна была въ жизни своей потерпѣть еже три тяжкія для нея утраты; первую утрату понесла она въ смерти старшей дочери,бывшей замужемъ за генераломъ Капцевичемъ.

Княгиня мнѣ говорила, что для излеченія глазъ своихъ она долго проживала въ деревнѣ доктора Трофимовскаго; что, не видя отъ леченія его никакой пользы для своихъ глазъ, она, въ день чтенія покаяннаго канона Андрея Критскаго, когда всѣ слуги ея ушли въ церковь, оставшись одна въ домѣ, молила этого святого открыть ей, вылѣчитъ-ли Трофимовскій ея глаза, и что при этомъ своемъ моленіи она явственно услышала произнесенныя хриплымъ старческимъ голосомъ слова: „онъ тебя не вылѣчитъ“. Вставши съ своего мѣста, она осмотрѣла всѣ комнаты ея квартиры и никого въ ней не нашла; получивши такое откровеніе, княгиня въ тотъ-же день уѣхала изъ деревни Трофимовскаго.

Два сына княгини обучались въ Петербургѣ у іезуитовъ, въ ихъ учебномъ заведеніи, въ которое тогдашніе русскіе аристократы отдавали дѣтей своихъ для образованія. Старшій сынъ впослѣдствіи заболѣлъ, долго лѣчился въ Парижѣ и тамъ же впалъ въ умопомѣшательство. Меньшій сынъ, князь Иванъ, въ чинѣ полковника, состоялъ по особымъ порученіямъ при Малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Рѣпнинѣ; когда началась турецкая война 1828—1829 годовъ, онъ пожелалъ служить въ дѣйствующей арміи и во время сраженій отличился своею храбростію, за что въ томъ-же- году получилъ генеральскій чинъ. Въ зимнее время, когда военныя дѣйствія въ Турціи пріостанавливались, онъ попросился въ домовой отпускъ и

пріѣхалъ къ своей матери, которая невзъяснимо обрадовалась, увидѣвъ генеральскіе эполеты на молодомъ своемъ сынѣ—героѣ.

Домъ княгини тогда оживился: въ немъ молодой князь давалъ балы, на которые собиралась высшая Черниговская публика. Княгиня ликовала, мечтая, что сынъ ея въ генеральскомъ чинѣ своемъ скоро можетъ жениться, и отъ него продолжится родъ князей Прозоровскихъ. Желая предохранить сына отъ опасностей войны, она просила Императора Николая Павловича продлить ему безсрочно отпускъ для того, чтобы онъ поѣхалъ въ Парижъ и тамъ имѣлъ присмотръ за своимъ больнымъ братомъ и, если болѣзнь его окажется неизлечимою, привезъ бы его съ собою въ Россію. Государь не соизволилъ на это прошеніе и положилъ на немъ резолюцію, что храбрые генералы нужны въ дѣйствующей арміи.

Когда кончался срокъ домоваго отпуска, князь немедленно собрался въ дорогу и, прощаясь съ матерью, былъ необыкновенно печаленъ; сѣвши въ коляску, онъ выскочилъ изъ нея и прибѣжавъ къ матери, сталъ предъ нею на колѣни, прося ее вторично благословить его на путь, какъ-бы предчувствуя, что онъ болѣе ее не увидитъ.

Въ скоромъ времени по прибытіи своемъ въ армію, онъ, во время одной вылазки Турокъ изъ крѣпости Силистріи, увидѣвъ, что одинъ русскій полковникъ, пораженъ ядромъ, кинулся подъ стѣны крѣпости спасать раненаго и въ ту минуту, какъ онъ взялъ его къ себѣ на плечи, другое крѣпостное ядро попало князю въ животъ, онъ успѣлъ только перекреститься и палъ на мѣстѣ.

Ужасную вѣсть о смерти князя получилъ управляющій домомъ княгини. Надлежало скрывать отъ нея эту роковую вѣсть, и въ домѣ всѣмъ запрещено было говорить о смерти ея сына. Вскорѣ по отъѣздѣ князя въ армію, княгиня послала дочь свою дѣвицу въ Парижъ привезти больнаго ея брата, и затѣмъ осталась одна въ своемъ домѣ. При такомъ своемъ одиночествѣ она просила меня чаще бывать у нея и почти каждый день присылала за мной экипажъ. Тяжело было мнѣ смотрѣть на несчастную княгиню, когда она, не получая отъ сына писемъ, ни

отвѣтовъ на свои письма, сначала сильно грустила, безпокоясь за жизнь сына, а потомъ начала уже приходить въ отчаяніе. Нужно было наконецъ объявить ей ужасную вѣсть, для чего вызванъ былъ изъ Петербурга зять ея Капцевичъ. Лишь только онъ вошелъ въ ея гостинную, она ужаснулась, когда же онъ сталъ предъ нею на колѣни, она затряслась и упала съ кресел. Думали, что съ нею случился ударъ, но кризисъ прошелъ благополучно. Когда княгиня оправилась и могла заниматься своими дѣлами, ей представилась новая горестная забота о перевезеніи праха ея сына въ Россію; началась по этому предмету переписка, которую она поручила мнѣ, но перевозъ тѣла не былъ разрѣшенъ по причинѣ чумы, свирѣпствовавшей въ томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ покойный князь, а именно въ мѣстечкѣ Калярашѣ на берегу Дуная. Оставалось одно—устроить на мѣстѣ погребенія памятникъ, и онъ сдѣланъ былъ изъ мраморной плиты, на которой изваяна княжеская мантія, поверженная на камень.

Черезъ нѣсколько времени дочь княгини возвратилась изъ Парижа и привезла съ собою своего брата, но не на радость тоскующей матери, которая увидѣла сына живаго тѣломъ, но умершаго умомъ—это была 3-я горькая утрата, понесенная княгинею послѣ смерти мужа.

Подъ тяжестью такихъ утратъ и безпрестанной грусти княгиня стала видимо изнемогать и ее постоянно удручала мысль, что по смерти ея, дочь, дѣвица, останется одна, безъ опоры и утѣшенія. Къ счастью не за долго до смерти княгини съ нею познакомилась добросердечная жена вновь прибывшаго въ Черниговъ губернатора Жукова, которая часто навѣщала ее, а въ послѣдніе дни передъ смертью княгини почти жила въ ея домѣ, и когда княгиня скончалась, сама закрыла ей глаза и безутѣшную дочь ея отвезла въ свою квартиру; послѣ погребенія усопшей, все семейство губернатора поселилось въ домѣ Прозоровскихъ и старалось утѣшать осиротѣлую княжну.

Погребеніе княгини отличалось тою особенностью, что нищіе со всего города собрались и со слезами провожали тѣло покойницы до ея могилы. При жизни княгини часто можно было

видѣть толпы этихъ нищихъ на парадномъ крыльцѣ ея дома. Всему Чернигову извѣстна была благотворительность княгини Прозоровской. Она содержала у себя двухъ воспитанницъ, изъ которыхъ одну успѣла выдать замужъ за окончившаго въ семинаріи курсъ ученика, поступившаго священникомъ въ полкъ, и дала за ней приличное приданое. Въ домѣ ея проживалъ одинъ престарѣлый безприходный священникъ Даніилъ Вишня, которому она постоянно оказывала помощь при жизни, а по смерти помогала его дѣтямъ.

Покойная княгиня сказывала мнѣ, что дочь генералъ-фельдмаршала Прозоровскаго вышла замужъ за князя Голицына съ приданымъ 19,000 душъ, что князь Голицынъ повелъ чрезвычайно роскошную жизнь и въ нѣсколько лѣтъ прожилъ почти все приданое жены и умирая говорилъ плакавшей надъ нимъ женѣ, что оставляетъ ее почти безъ средствъ; изъ прожитаго состоянія вдовѣ Голицыной осталось небольшое имѣніе въ 600 душъ, она воспитывала дѣтей своихъ сама, въ своемъ домѣ при помощи гувернера и гувернантки. Одному изъ сыновей ея, для продолженія фамиліи князей Прозоровскихъ, присвоена эта фамилія, онъ назывался: князь Голицынъ-Прозоровскій.

XXV.

Генеральша Свѣчина, мои уроки ея дочерямъ.

Въ домѣ княгини Прозоровской я часто видѣлъ генеральшу Свѣчину, даму высшаго тона, всегда разряженную по послѣдней модѣ и принадлежавшую къ числу модныхъ и самыхъ легкомысленныхъ женщинъ.

Княгиня говорила мнѣ, что Свѣчина отъ перваго брака своего съ генераломъ Гундіусомъ имѣла двухъ малолѣтнихъ дочерей, изъ которыхъ младшую чрезмѣрно любила и баловала, прощая ей всѣ проступки, а къ старшей была слишкомъ строга и взыскательна, ставила ее часто на колѣни, забывала о томъ, и бѣдное дитя оставалось на полу цѣлую ночь. Сказавъ

это, княгиня прибавила, что изъ состраданія своего къ этой бѣдной дѣвочкѣ, она проситъ меня не отказаться давать уроки дочерямъ Свѣчиной, когда послѣдняя сама будетъ просить меня о томъ. Княгиня надѣялась, что я, обучая дѣтей Свѣчиной, въ старшей дочери найду лучшія качества, и, можетъ быть, моими отзывами въ пользу ея смягчу сколько нибудь суровое съ нею обращеніе ея матери. Вскорѣ послѣ этого Свѣчина, конечно по рекомендаціи княгини, попросила меня давать уроки ея дѣтямъ. При урокахъ моихъ я тотчасъ же замѣтилъ несправедливость матери: любимая дочь Свѣчиной была лѣнива и невнимательна во время моего преподаванія, а старшая всегда слушала меня со вниманіемъ и исправно исполняла уроки. Когда, однажды, и старшая дочь оказалась неисправной, я хотѣлъ было записать въ журналъ невыгодную отмѣтку, но жалкая дѣвочка остановила меня словами: „маменька за это меня накажетъ“, и я, пожалѣвъ ее, не сдѣлалъ такой отмѣтки. Свѣчина готовила дочерей своихъ къ поступленію въ Екатерининскій институтъ и собралась ѣхать въ Петербургъ. Давши послѣдній урокъ дочерямъ ея, я распрощался съ ними, и когда вышелъ въ переднюю, старшая дочь выбѣжала туда ко мнѣ и со слезами благодарила за мое съ нею обхожденіе. Свѣчина, возвратившись изъ Петербурга, говорила княгинѣ, что при прощаніи ея съ дочерьми, любимая дочь ея была довольно равнодушна, а нелюбимая, заливаясь горькими слезами, кинулась къ ней на шею и сказала: „хотя вы, маменька, не любите меня, но мнѣ жаль съ вами разстаться“. Каковъ урокъ матери, данный дочерью!

Что-же послѣ вышло изъ дочерей Свѣчиной. Младшая, любимая матерью, осталась навсегда въ дѣвицахъ, а старшая вышла замужъ за помѣщика Ханенко, и въ ея домѣ жила послѣ мать ея, сдѣлавшись на старости богомолкой, что часто бываетъ съ модными женщинами, когда онѣ приходятъ въ сознаніе, что легкомысленно проводили жизнь свою въ молодости.

XXVI.

Губернаторъ Жуковъ, мое житье въ домѣ его и уроки дѣтямъ Фейгена.

Новоприбывшій губернаторъ Жуковъ, познакомившись съ княгиней Прозоровской, по рекомендаціи ея, пригласилъ меня давать его дѣтямъ уроки, которые я продолжалъ въ этомъ домѣ до самаго выбытія моего изъ Чернигова. Когда жена моя, по болѣзненному ея состоянію, находилась у своихъ родителей въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Жуковы просили меня жить въ ихъ домѣ. Я долго не соглашался, зная, какъ иные родители ставятъ проживающихъ у нихъ домашнихъ учителей наравнѣ съ домашней челядью. Жуковы увѣряли меня, что приглашаютъ меня въ домъ свой, какъ друга, которому ввѣряютъ воспитаніе своего сына. Я наконецъ рѣшился перейти въ домъ ихъ, и не только никогда не раскаивался въ этомъ, но всегда былъ совершенно доволенъ моимъ у нихъ житьемъ, и теперь съ живою признательностью вспоминаю объ этомъ счастливомъ для меня времени. Ни въ одномъ домѣ въ Черниговѣ дѣти не были такъ ко мнѣ привязаны и не учились у меня такъ успѣшно, какъ въ домѣ Жуковыхъ. Жуковы, кромѣ значительнаго, по тогдашнему времени, вознагражденія за труды мои (по 1000 руб. ассигн. въ годъ), часто давали мнѣ и семейству моему не маловажные подарки; они принимали самыя искреннія заботы и попеченіе, когда я бывалъ боленъ; они предоставляли мнѣ всѣ возможныя удобства не только для моей жизни, но и для моихъ удовольствій и развлеченій: для меня всегда готовъ былъ экипажъ, на которомъ я ѣздилъ въ семинарію, катался съ дѣтьми по городу и за городъ; они даже предлагали отъ себя угощеніе посѣщавшимъ меня лицамъ, которыхъ однакожъ я рѣдко могъ принимать у себя по причинѣ безпрерывныхъ моихъ учебныхъ занятій, и при всемъ этомъ, изъ вниманія ко мнѣ, семейство Жуковыхъ часто благотворило бѣднымъ семинаристамъ, являвшимся ко мнѣ по своимъ нуждамъ. Такъ напр., когда одинъ бѣдный ученикъ пришелъ ко мнѣ съ жалобою, что хозяинъ дома, въ которомъ онъ квартировалъ, не выпускаетъ его со двора для отъѣзда къ его родителямъ, пока послѣдніе не уплатятъ

ему должныя за квартиру и содержаніе деньги,—дѣти Жуковы, услышавъ такую жалобу бѣднаго ученика, тотчасъ побѣжали къ своимъ родителямъ и принесли столько денегъ, что ихъ не только стало на уплату квартиросодержателю, но еще осталось на собственныя надобности ученика.

Словомъ сказать, я жилъ у Жуковыхъ, какъ у родныхъ; и когда у меня родился сынъ, губернаторъ самъ вызвался быть воспріемникомъ при крещеніи моего сына.

Сперва я давалъ уроки 12-ти лѣтней дочери и 11-лѣтнему сыну губернатора порознь, такъ какъ они не одинаково къ нимъ были подготовлены. Дочь, одаренная замѣчательными способностями, училась у меня сначала русской грамматикѣ, а потомъ и словесности съ отличнымъ успѣхомъ. Она много и весьма охотно читала подъ моимъ руководствомъ и писала довольно удачно сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ. Братъ ея, также весьма способный мальчикъ, скоро понималъ и охотно исполнялъ задаваемые ему уроки, и когда могъ уже учиться вмѣстѣ съ сестрою, я обоимъ имъ преподавалъ Законъ Божій, Исторію и Географію. Послѣ двухлѣтняго обученія у меня дѣтей Жуковыхъ родители пожелали, чтобъ этимъ дѣтямъ былъ произведенъ въ домѣ ихъ экзаменъ, на который приглашены были постороннія лица изъ высшаго круга ихъ знакомыхъ, въ числѣ ихъ директоръ гимназіи и архіерей Владиміръ.

Экзаменъ былъ произведенъ по формѣ испытаній въ публичныхъ училищахъ: сестра и братъ со стола брали закрытые билеты и на вопросы, въ нихъ написанные, стоя отвѣчали предъ посѣтителями, стоялъ и я, какъ отвѣтственный преподаватель. Отвѣты испытуемыхъ были по всѣмъ предметамъ удовлетворительны; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ предлагали имъ свои вопросы, а болѣе всѣхъ спрашивалъ преосвященный Владиміръ по закону Божію и въ особенности по Богослуженію, и остался очень доволенъ отвѣтами экзаменуемыхъ, много хвалилъ ихъ и благодарилъ меня. Отецъ и мать вполнѣ были довольны успѣхами своихъ дѣтей и послѣ экзамена подарили мнѣ прекрасный чайный фарфоровый сервизъ.

Дочь Жуковыхъ на 15-тилѣтнемъ возрастѣ своемъ отправлена была родителями, съ семействомъ родной ея тетки, во Францію, гдѣ изучала французскую литературу и откуда часто присылала родителямъ на французскомъ языкѣ, а иногда и на русскомъ, пространныя и хорошо изложенныя описанія видѣнныхъ ею мѣстностей и образа жизни туземныхъ обитателей.

По отъѣздѣ дочери губернатора, я занимался съ его сыномъ русскою словесностью и исторіею, въ которой онъ оказывалъ особенно хорошіе успѣхи, и въ день имянинъ своего отца поднесъ ему составленную имъ и мною исправленную исторію города Чернигова. Такъ какъ отецъ желалъ, чтобы сынъ его поступилъ въ университетъ, то надлежало учить его латинскому языку, для чего, кстати, знакомый Жукову извѣстный историкъ М. П. Погодинъ выслалъ намъ изъ Москвы только что вышедшую тогда изъ печати латинскую грамматику Цумпта, которая послѣ пригодилась и мнѣ, во время моего преподаванія латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Но не одинъ только сынъ Жукова слушалъ мои уроки; для компаніи ему жилъ въ домѣ губернатора сынъ знакомой губернатору помѣщицы Миклашевской и учился у меня тѣмъ-же предметамъ, какіе я преподавалъ сыну Жукова; для такой-же компаніи къ слушанію моихъ уроковъ, съ соизволенія губернатора, пріѣзжали къ намъ изъ города сынъ помѣщика Глѣбова и племянникъ вице-губернатора Волховскій; всѣ эти посторонніе слушатели платили мнѣ за мои уроки по 400 руб. въ годъ каждый; изъ нихъ Волховскій учился потомъ въ артиллерійскомъ училищѣ и былъ на службѣ артиллерійскимъ полковникомъ.

Въ то время, какъ я давалъ уроки дѣтямъ черниговскаго губернатора, мнѣ случилось обучать и еврейскихъ дѣтей. Въ домѣ губернатора по временамъ бывалъ богатый откупщикъ еврей Фейгенъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга, котораго семейство жило въ Черниговѣ. Однажды при мнѣ губернаторъ сказалъ ему: „не пора-ли тебѣ, Фейгенъ, оставить твои откупа, а то вѣдь не ровенъ часъ можешь оборваться“! „Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ послѣдній,—или я откупами наживу еще милліоны, или опять сяду въ пивную лавочку, изъ

которой пошелъ на мой промыселъ; если-же я оборвусь, то вмѣстѣ со мною упадутъ и многія изъ высокопоставленныхъ административныхъ лицъ, участвующія въ моихъ откупахъ".

Вотъ этотъ-то Фейгенъ пожелалъ, чтобы я училъ его дѣтей; я отказался, но архіерей Владиміръ, узнавъ отъ губернатора о моемъ отказѣ, убѣдилъ меня исполнить желаніе Фейгена, говоря, что можетъ быть вслѣдствіе моихъ наставленій дѣти Фейгена сдѣлаются христіанами. Двумъ малолѣтнимъ дочерямъ Фейгена и его племяннику я преподавалъ только русскій языкъ, который они весьма охотно и успѣшно изучали въ чтеніи, писаніи и изустномъ произношеніи назначаемыхъ мною статей, отчего еврейскій ихъ выговоръ значительно измѣнился на русскій. Уроки мои дѣтямъ Фейгена скоро прекратились за отъѣздомъ всего семейства Фейгеныхъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени онъ объявилъ себя несостоятельнымъ и уѣхалъ за границу; тамъ онъ вмѣстѣ съ семействомъ принялъ христіанство по лютеранскому исповѣданію, какъ говорили, не по убѣжденію, а по житейскимъ видамъ и разсчетамъ.

XXVII.

Постройка дома.—Виды моего тестя и мои предположенія.—Мое увольненіе изъ духовнаго званія.—Я учитель Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Поѣздка въ Москву.

Преподавая долгое время въ Черниговѣ дѣтямъ разныхъ лицъ частные уроки, я пріобрѣлъ за нихъ порядочную сумму денегъ, на которыя тесть мой, съ моего согласія, построилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ новый просторный домъ, для того, чтобы я съ семействомъ моимъ имѣлъ въ немъ помѣщеніе, когда буду послѣ него протоіереемъ въ этомъ городѣ. Съ того времени, какъ я сдѣлался его зятемъ, онъ постоянно желалъ, чтобъ я со временемъ занялъ послѣ него въ Новгородъ-Сѣверскѣ должности соборнаго протоіерея, смотрителя духовнаго училища и законоучителя гимназіи. Для вѣрнѣйшаго исполненія такого его желанія, онъ впослѣдствіи совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, продолжая служить въ должности профессора семинаріи, посвятился во священника, дабы, проходя двойную службу—духовную и учебную,

пріобрѣлъ чрезъ то неоспоримое право на занятіе означенныхъ 3-хъ должностей въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Я охотно готовъ былъ послѣдовать этому совѣту, хотя, признаюсь, изъ тщеславнаго моего желанія, облектись въ рясу и носить на ней магистерскій крестъ, который магистры получаютъ немедленно по принятіи священническаго званія. Когда въ черниговскомъ соборѣ открылась вакансія, я просилъ архіерея Лаврентія дать мнѣ это мѣсто и нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ, но Лаврентій, не расположенный къ лицамъ, получившимъ высшее образованіе въ академіи, отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ подъ тѣмъ предлогомъ что онъ долженъ дать мѣсто въ соборѣ такому священнику, который могъ-бы быть членомъ консисторіи, какъ будто я, сдѣлавшись священникомъ, не могъ изучить консисторской премудрости. Отказъ его сильно огорчилъ меня, огорчились имъ и мои сослуживцы, видѣвшіе изъ моего примѣра, что имъ нельзя ожидать благоволенія отъ неблаговолившаго къ намъ владыки. Не подумалъ я въ то время, что при слабомъ моемъ здоровьи и при маломъ моемъ ростѣ я и не въ силахъ былъ-бы выносить тѣ труды, какіе выносилъ при полномъ своемъ здоровьи тесть мой, служившій зимою въ холодномъ соборѣ и исправлявшій духовныя требы въ домахъ, расположенныхъ на гористой мѣстности бѣднаго его прихода, на которомъ служа онъ самъ и всѣ его преемники были недолговѣчны. Послѣ, когда отъ усиленныхъ трудовъ моихъ, я сталъ чувствовать болѣзненные припадки, я одумался и началъ помышлять объ увольненіи моемъ изъ духовнаго званія, и теперь благодарю Лаврентія за его отказъ, отклонившій меня отъ пути, на которомъ я не вынесъ-бы непосильныхъ мнѣ трудовъ и преждевременно сошелъ-бы въ могилу. Познакомившись съ домомъ княгини Прозоровской, живя въ домѣ губернатора Жукова, я рѣшился уволниться изъ духовнаго званія, имѣя въ виду получить въ свѣтскомъ званіи выгодную для меня должность. Въ это время въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи открылось мѣсто инспектора. Возможность получить эту должность могла осуществиться для меня при ходатайствѣ княгини Прозоровской, которая писала объ этомъ къ знакомому ей малороссійскому генералъ-губернатору Рѣпнину, а

сей последній передалъ ходатайство княгини свояку своему, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія графу Уварову, который отвѣчалъ своею запискою, *и до меня дошедшею*, въ которой значилось, что министръ предписалъ попечителю кіевскаго учебнаго округа дать мнѣ просимое мною мѣсто. Повидимому, дѣло мое было, какъ говорится, въ шляпѣ, но не тутъ-то было. Прежде полученія инспекторскаго мѣста въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я долженъ былъ получить увольненіе изъ духовнаго званія, при чемъ я долженъ былъ возвратить магистерскій окладъ за все время полученія его на должности профессора семинаріи, такъ какъ я при окончаніи курса въ академіи далъ подписку о желаніи моемъ поступить въ духовенство. Освободиться отъ возврата магистерскаго оклада я могъ только по причинѣ болѣзненнаго состоянія, о которомъ мнѣ надлежало представить удостовѣреніе врачебной управы, откуда, по вліянію губернатора Жукова, оно выдано было мнѣ въ смыслѣ моей неспособности къ прохожденію духовнаго званія. Это удостовѣреніе, вмѣстѣ съ своимъ обо мнѣ ходатайствомъ, семинарское правленіе препроводило въ академическое правленіе, гдѣ дѣло мое долго залежалось и представлено было въ коммиссію духовныхъ училищъ, откуда наконецъ послѣдовало благопріятное для меня рѣшеніе, по которому я увольнялся изъ духовнаго званія безъ взысканія съ меня магистерскаго оклада, вмѣненнаго мнѣ въ награду за продолжительную службу мою въ черниговской семинаріи за безвозмездное исполненіе дѣлаемыхъ мнѣ въ ней порученій; въ то-же время я произведенъ былъ въ чинъ коллежскаго асессора со старшинствомъ. Все это удалось мнѣ какъ нельзя лучше, но инспекторское мѣсто отъ меня ушло, оно во время медленнаго хода дѣла моего по увольненію меня изъ духовнаго званія дано было другому лицу; при томъ я уже не могъ оставаться на службѣ въ черниговской семинаріи, такъ какъ былъ уволенъ изъ духовнаго званія по разстройству здоровья. Изъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа я получилъ увѣдомленіе, что въ этомъ округѣ инспекторской вакансіи не имѣется, и что попечитель спрашиваетъ меня, не пожелаю-ли я пока занять мѣсто старшаго учи-

теля въ гимназіи, и чтобы, если того пожелаю, подалъ ему о томъ прошеніе, каковое я и послалъ къ нему, прося предоставить мнѣ бывшее тогда незанятымъ мѣсто учителя латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, что и было попечителемъ утверждено. На этой должности я состоялъ до самаго окончаніи срока 25-ти лѣтней моей службы,—тогда только сдѣлали меня инспекторомъ. Sic fata volebant! Получивъ назначеніе на учительское мѣсто въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я долженъ былъ выѣхать изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Губернаторъ Жуковъ въ это время просилъ меня, чтобы я отвезъ обучавшагося у меня сына его въ Москву и передалъ его тамъ на руки профессору университета Морошкину для приготовленія къ поступленію въ университетъ. Могъ-ли я не оказать послѣдней услуги Жукову послѣ всего того, что онъ дѣлалъ для меня. Для отъѣзда въ Москву я долженъ былъ взять отпускъ у новаго моего начальства; но какъ попечитель затруднялся дать его мнѣ, то я рѣшился быть полтора мѣсяца въ отставкѣ, чтобы только исполнить порученіе Жукова. Въ Москвѣ Морошкинъ жилъ въ домѣ Сухово-Кобылиной, родной тетки сына Жукова, который у ней остался на квартирѣ. Пока Морошкинъ экзаменовалъ моего ученика, я познакомился съ сыномъ Сухово-Кобылиной, кончившимъ тогда курсъ въ университетѣ, бывшимъ послѣ авторомъ извѣстной комедіи „свадьба Кречинскаго“. Присмотрѣвшись къ кругу веселой молодежи, собиравшейся у молодого Сухово-Кобылина, я вынесъ заключеніе, что юный, неопытный ученикъ мой врядъ-ли пройдетъ университескій курсъ, что и сбылось: онъ на половинѣ курса поступилъ на службу въ конно-гвардейскій полкъ. Возвратившись въ Черниговъ и отдавши Жукову отчетъ въ исполненіи его порученія, я спѣшилъ пріѣхать изъ Чернигова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Жаль мнѣ было разстаться съ незабвеннымъ для меня семействомъ Жуковыхъ, жаль было оставлять и Черниговъ, въ которомъ 13-тилѣтнее пребываніе мое во всѣхъ отношеніяхъ было мнѣ благопріятно. Это былъ счастливѣйшій періодъ моей службы и жизни, никогда уже для меня не повторявшійся; съ перемѣщеніемъ меня въ Новгородъ-Сѣверскъ

насталъ для меня періодъ нужды, разныхъ испытаній и новыхъ трудовъ.

XXVIII.

Мое прибытіе въ Новгородъ-Сѣверкъ. Смерть моего тестя; домашніе невзгоды. Мое преподаваніе Латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

Въ домѣ моемъ родные съ нетерпѣніемъ ожидали моего прибытія, замедлившагося поѣздкою въ Москву. Родители моей жены радовались, что они навсегда уже будутъ неразлучны съ нами и съ внуками своими, на которыхъ они обратили всю свою любовь и заботы; переставалъ и я сожалѣть, что оставилъ Черниговъ, разсчитывалъ, что съ моимъ учительскимъ жалованіемъ, при помощи тестя моего, занимавшаго три должности, я буду съ семействомъ моимъ жить въ Новгородъ-Сѣверскѣ безъ нужды, но надежда эта вскорѣ меня обманула: черезъ 4 мѣсяца послѣ моего водворенія въ Новгородъ-Сѣверскѣ тесть мой внезапно заболѣлъ и на 4-й день скончался.

Смерть его поразила меня какъ громомъ; всѣ хозяйственныя хлопоты пали на мою голову. Напрасно нѣкоторые думали, что тесть оставилъ намъ большое наслѣдство: мы наслѣдовали послѣ него долги, на покрытіе которыхъ пошли всѣ оставшіеся у меня еще деньги и деньги, присланныя мнѣ въ помощь отъ генерала Капцевича и княжны Прозоровской. Для содержанія себя съ семействомъ моимъ я долженъ былъ держать въ своемъ домѣ постояльцевъ изъ учениковъ гимназіи, что сопряжено было съ тяжелыми трудами для моей тещи и жены, и не приносило мнѣ такихъ выгодъ, какія въ другихъ городахъ получаютъ учителя гимназіи; въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи обучаются дѣти небогатыхъ родителей, старающихся нанимать для своихъ дѣтей квартиры подешевле. Содержа у себя такихъ квартирантовъ я, при скромномъ образѣ жизни, всегда оставался къ концу учебнаго года въ долгахъ по лавкамъ. Вскорѣ по смерти моего тестя послѣдовали въ семействѣ моемъ невзгоды: жена моя начала страдать отъ несчастныхъ родовъ, три сына

мои въ одно время поражены были скарлатиною и меньшій изъ нихъ, по имени Стефанъ, крестникъ губернатора Жукова, умеръ.

Когда я пришелъ въ гимназію, то увидѣлъ тотчасъ же, что нахожусь въ другой сферѣ, уже не въ Черниговской семинаріи, гдѣ всѣ сослуживцы мои были одинаковаго со мной происхожденія, воспитанія и направленія; новые мои товарищи сначала какъ-то чуждались меня, смотрѣли на меня, какъ на незнакомаго имъ пришельца изъ другаго учебнаго лагеря; одинъ только директоръ Тимковскій, при первомъ моемъ къ нему представленіи, оказалъ мнѣ благоволеніе, потому что любилъ моего тестя, и отъ него имѣлъ благопріятныя для меня свѣдѣнія. Когда я находился еще въ Черниговѣ, онъ черезъ тестя моего желалъ узнать отъ меня, въ какихъ классахъ гимназіи я хочу преподавать латинскій языкъ, въ низшихъ, или въ высшихъ; я отвѣчалъ, что назначеніе мнѣ классовъ я предоставляю волѣ начальства и постараюсь оправдать то назначеніе, какое будетъ ему угодно. Тимковскому очень понравился мой отвѣтъ, и онъ тогда-же опредѣлилъ мнѣ преподавать въ высшихъ классахъ.

Предъ вступленіемъ моимъ въ должность, Тимковскій, знатокъ и любитель латинскаго языка, сказалъ мнѣ, что къ его сожалѣнію, этотъ языкъ, по причинѣ упущеній долго служившаго моего предмѣстника, находится въ высшихъ классахъ въ упадкѣ, и что онъ проситъ меня постараться его поднять. Съ первыхъ уроковъ моихъ я узналъ, что ученики высшаго класса (7-го) большею частью плохо знаютъ грамматику и переводятъ съ латинскаго языка какъ-то по верхамъ, угадывая смыслъ подлинника по значенію знакомыхъ имъ словъ. Я сталъ повторять съ ними грамматику, разъясняя по Цумпту логически изложенныя правила объ употребленіи временъ и наклоненій, и въ то-же время занимался съ учениками переводами съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. Ученики, видя во мнѣ новаго учителя и новыя для нихъ требованія, при содѣйствіи директора, прилежно занимались моимъ предметомъ и черезъ годъ на экземенѣ оказали если не совсѣмъ достаточные, то значительные успѣхи.

Тимковскій, просмотрѣвъ поданные ему ученическіе, сдѣланные во время испытанія, переводы съ русскаго языка на латинскій, отдалъ мнѣ эти переводы, сказавъ: „дарю вамъ ихъ на память о трудахъ вашихъ и вашихъ учениковъ, надѣюсь что мы съ вами скоро возьмемъ Трою“. По окончаніи годичвыхъ экзаменовъ на торжественномъ актѣ я, по принятому въ гимназіи обычаю, какъ вновь опредѣленный преподаватель, читалъ сочиненную мною на латинскомъ языкѣ и просмотрѣнную въ совѣтѣ Кіевскаго университета, диссертацію: „de societatibus litterariis“. На другой годъ сынъ директора, хорошо приготовленный, поступилъ прямо въ 6-й классъ и своимъ знаніемъ латинскаго языка возбудилъ въ сотоварищахъ такое соревнованіе, что они старались съ нимъ сравниться, а одинъ изъ нихъ, даровитый Сердюковъ, даже превзошелъ его. Затѣмъ латынь моя въ высшихъ классахъ пошла должнымъ порядкомъ, тѣмъ успѣшнѣе, что учитель низшихъ классовъ старался болѣе заниматься съ своими учениками латинской грамматикой. Тимковскій былъ доволенъ мною и моими учениками. Онъ находилъ употреблявшуюся тогда въ гимназіяхъ хрестоматію недостаточною, и, желая, чтобы ученики знакомились съ лучшими латинскими авторами, выписывалъ чрезъ петербургскаго корреспондента изъ заграницы дешевыя стереотипныя изданія латинскихъ классиковъ, прозаиковъ и поэтовъ, которыя ученики покупали изъ гимназическаго книжнаго магазина, которымъ я тогда завѣдывалъ. Изъ всѣхъ этихъ классиковъ ученики мои переводили по нѣскольку главъ, и такимъ образомъ знакомились съ особенностями каждаго изъ нихъ и легко могли каждаго переводить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УТОПЛЕННИЦА[1].

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ уже баба Явдоха въ сильной горячкѣ. Съ каждымъ днемъ ей все хуже и хуже. Изможденная, съ нервно-бѣгающими глазами на высохшемъ, скулистомъ лицѣ, она

---

[1]) На утопленниковъ, висѣльниковъ и другихъ лицъ, умершихъ не своей смертью, наложившихъ на себя руки, или даже умершихъ естественною, но преждевременною смертью (въ молодыхъ лѣтахъ), народъ смотритъ какъ на виновниковъ мірскихъ несчастій—пожаровъ, неурожая, градобитія. Случаи вскрытія могилъ такихъ покойниковъ и кощунственнаго издѣвательства надъ трупами не рѣдки, особенно на волынскомъ полѣсьи. Примѣръ. Въ 1885 году въ с. Кричильскѣ ровенскаго уѣзда, повѣсился, отъ угрызеній совѣсти за ложную присягу, крестьянинъ Григорій Кика. Для предотвращенія симилѣтняго голода, его трупъ, съ разрѣшенія сельскаго старосты, выкопали и зарыли въ другомъ мѣстѣ, а оттуда перенесли на третье и т. д. По этому дѣлу былъ возбужденъ судебный процессъ, привлекшій къ подсудности многихъ крестьянъ. Дѣло разбиралось въ г. Новоградволынскѣ, въ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ.—Въ 1893 году весной, въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, утонула въ Горини мѣщанка М. Б. Крестьяне не желали погребенія ея на кладбищѣ. Съ этой цѣлью они даже подали приставу „донесеніе". Вотъ текстъ этого донесенія:

„Его В—ію, г. Становому Приставу 3 стана, ровенскаго уѣзда, отъ общества крестьянъ м. Степаня—донесеніе. Симъ доносимъ В. В—ію, что въ м. Степанѣ съ 24 на 25 апрѣля ночью утонула въ р. Горынѣ жена О. Б—а, которая проникла черезъ пятеро дверей и такъ потихоньку вышла изъ дома, что будьто-бы мужъ ея и всѣ домашніе не слышали, то видно, что она была при здравомъ умѣ и нарочно причинила таковую смерть себѣ безъ исповѣди и причастія Св. Таинъ, то

напоминаетъ собою скорѣе скелетъ, чѣмъ живаго человѣка. Болѣзнь отняла у нея всю силу, вывела жизнь, какъ говорятъ крестьяне, а оставила только душу „на де якій часъ". Днемъ ей еще ничего: она хоть лежитъ покойно. Но настанетъ ночь,—съ больной управиться трудно. Она вскакиваетъ съ постели, показываетъ на голову и грудь, кричитъ не своимъ голосомъ: „пече, пече! ось тутъ мене пече," рветъ на себѣ сорочку, мечется изъ

мужъ ея О. Б—ъ упорно желаетъ похоронить на освященномъ кладбищѣ, чего всѣ прихожане всѣхъ трехъ церквей не дозволяютъ, ибо опасаются разныхъ несчастныхъ случаевъ, то есть градобитія, громовъ, тучи и неурожая, какъ уже неоднократно случалось въ вышепрописанныхъ предметахъ погребенія таковыхъ покойниковъ, подобныхъ ей на освященныхъ мѣстахъ и тѣмъ болѣе изъ родни Б—а. На основаніи вышеизложеннаго, покорнѣйше просимъ Вашего Высокоблагородія, не предполагать разрѣшать хоронить ея на освященномъ мѣстѣ, на которомъ погребаются таковые покойники, которые кончаютъ жизнь по христіанскому обряду. Мая, 10 дня, 1893 года. Проситъ общество крестьянъ м. Степаня"...

Приставъ, возвративъ донесеніе крестьянъ обратно, предписалъ волости „разъяснить нелѣпость такого донесенія обществу и отвѣтственность, грозящую тѣмъ изъ крестьянъ, которые въ случаѣ малѣйшей попытки на противодѣйствіе священнику въ дѣлѣ преданія землѣ тѣла М. Б., будутъ изобличены тѣмъ въ невѣжественномъ суевѣріи. А затѣмъ старшина первый своимъ личнымъ участіемъ въ христіанскомъ погребеніи Б—ъ, обязанъ дать примѣръ невѣжественной толпѣ. Мая, 12 дня, 1893 г. Приставъ 3 стана Деменко. (Отношеніе отъ 13 мая, за № 671, 1893 г.)".

„Невѣжественная толпа" осталась однако при своемъ мнѣніи. Обстоятельства прочно укрѣпили это мнѣніе. Лѣто 1893 года въ хозяйственномъ отношеніи было очень неблагопріятно. Цѣлый рядъ несчастій, какъ бы нарочно, слѣдовалъ чрезъ все лѣто. На первый день праздника Тройцы молнія сожгла 29 фольварковъ на предмѣстьи Степани; чрезъ нѣкоторое время молніей убило близь степанской лѣсопильни мазура; потомъ, молніей былъ убитъ солдатъ и волъ на полѣ; десятилѣтняя дѣвочка подавилась фасолью; въ Зульнѣ,—деревушкѣ близь Степаня,—деревомъ убило восьмилѣтняго мальчугана; передъ самими жнивами страшный градъ (см. корресп. „Кіевскаго Слова" № 1970) уничтожилъ посѣвы; въ с. Вербчѣ,—недалеко отъ Степаня,—случился пожаръ; на степанскомъ хуторѣ молнія зажгла домъ, фольварокъ и убила свинью на полѣ; 20 іюля на Илію молнія зажгла копу ржи, все почти лѣто систематически шелъ дождь и мѣшалъ уборкѣ хлѣба... Однимъ словомъ—цѣлая серія бѣдствій.... Убѣдить крестьянъ, что между этими бѣдствіями и утопленницей—ничего общаго, нѣтъ никакой возможности. „То все вона", затвердили крестьяне, то ей справа и баста,...".

Этотъ замѣчательный случай совпаденія утопленницы съ бѣдствіями оживилъ народное суевѣрное чувство и вызвалъ въ средѣ крестьянъ много различныхъ толковъ, послужившихъ автору матеріаломъ предлагаемаго этнографическаго разсказа.

стороны въ сторону и бросается къ дверямъ. Ей душно, жарко... ей хочется на свѣжій воздухъ... Но ее удерживаютъ, вяжутъ, насильно укладываютъ въ постель и заставляютъ спать. Итакъ—до утра... утромъ—опять успокоится.

И чего, чего только не дѣлали, чтобы вылѣчить бабу Явдоху. Давали ей пить и холодную воду, и настойку на черникѣ, прикладывали ей ледъ къ головѣ и грудямъ, и водой обливали; и образы на неё клали, и заговоры шептали,—всё оказывалось напраснымъ: болѣзнь осложнялась и дѣлалась серьезнѣй. Пришлось, наконецъ, позвать доктора, но и докторъ не помогъ. Онъ только побранилъ крестьянъ за то, что они не позвали его раньше.

Ничего не помогло. Явдоху приготовили къ смерти. Раза два приглашали батюшку для исповѣди и напутствія больной, но случалось все такъ, что, при появленіи батюшки, Явдоха забывалась, металась больше прежняго, и исповѣдь не удавалась.

Ночь. Въ хатѣ на низенькомъ „коминку" горитъ лучина и, то вспыхивая, то потухая, освѣщаетъ убогую обстановку хаты. На полатяхъ лежитъ Явдоха и стонетъ. Должно быть, она въ эту ночь помретъ. У ея постели сидитъ Настя, ея единственная замужняя дочь, и нѣсколько сердобольныхъ бабъ. На столѣ, на чистой скатерти положенъ большой, непочатый хлѣбъ, къ краю котораго прикрѣплена восковая, церковная свѣчка; тутъ же, возлѣ солонки стоялъ крестъ, оставленный батюшкою.

Больная очнулась, открыла глаза и оглядѣла комнату.

— Иды спаты, сказала она, замѣтивъ у своихъ ногъ дочь: иды спаты!

— Я ничого, мамо, я пасыжу. Може вамъ, мамо, що треба буде.

— Иды, иды, колы я тоби кажу, закричала мать такимъ раздражительнымъ, хриплымъ голосомъ, что дочь встала на ноги. И вы, вси... геть, прочь... щобъ не було васъ тутъ.

— А ты що будешъ робыты?

— Що хочу. Нароблю соби славы, а людямъ—поговору.

Измученная разговоромъ, она впадала въ забытье и бредила. Тихимъ, спокойнымъ голосомъ она разсказывала, что со-

бирается куда то далеко и что ее давно уже ждутъ „высокія та червоныи кони“. Придя въ себя и замѣтивъ, что присутствующіе все еще не уходятъ, она опять возвышала голосъ и настойчиво гнала всѣхъ изъ избы.

Явдоха кричала такъ сильно и съ каждой минутой такъ раздражалась, что тѣ должны были выйти. Осталась только дочь, обѣщавшая „на случай чого“ дать знать бабамъ, которыя ушли спать въ комору. Настя осталась въ сѣняхъ. Ежеминутно она заглядывала чрезъ полуоткрытую дверь въ хату и наблюдала за матерью. Явдоха сидѣла на кровати и, при слабомъ мерцаніи лучины, увязывала въ узелъ свои вещи—рубаху, хустку, свитку—и собиралась...

„Збирается кудысь, забулася зновъ... подумала дочь. Нехай збирается, абы спокійнійша була“.

Навязавъ большой узелъ, Явдоха глубоко вздохнула и хотѣла встать, но силы отказались ей служить.

— Гей, кони, червоны кони! хуткійшъ! крикнула она, все порываясь встать, но въ безсиліи упала на подушки, забормотала что-то такое и уснула.

„Хвалыты Бога, подумала Настя, теперъ и мени можна заснуты“. Она легла на землѣ въ сѣняхъ и тоже уснула.

Дико блуждая глазами и нервно хватаясь костлявыми руками за пологъ своей рубахи, пробудилась чрезъ полъ-часа Явдоха. Лицо ея искривилось отъ внутреннихъ страданій.

— Ой, горыть! Ой, Боже-жъ мій, сорочка горыть! пече, ратуйте! кричала она не своимъ голосомъ.

Но ея никто уже не слышалъ. Въ хатѣ было тихо Въ сѣняхъ раздавался мѣрный, здоровый храпъ Насти. Она оглянулась кругомъ. Огонь на „коминку“ потухъ. Отъ него осталась блестѣвшая зола.

Явдоха встала съ постели и подошла къ выходнымъ дверямъ. Двери были заперты засовомъ. Ей не пришло въ голову открыть засовъ. Она вернулась въ избу и уставилась въ окно. Сквозь окно падалъ блѣдный, лунный свѣтъ на лавку. Она взлѣзла на лавку, открыла окно и въ одной рубахѣ выскочила въ огородъ.

Лунная, тихая ночь была въ половинѣ своего пути. Сонный, круглый мѣсяцъ свѣтлѣлъ на небѣ и озиралъ сонную окрестность. Невдалекѣ, за огородами блестѣла рѣка. Гдѣ то на гати шумѣла вода. На востокѣ чуть-чуть показывались яркія, свѣтлыя полоски, предвѣстницы зари.

Стоя въ огородѣ среди своей бульбы, Явдоха очнулась Обѣими руками стала она собирать росинки съ разросшагося въ огородѣ „бульбынья" и мочить свою голову, грудь, животъ. Постоявъ такъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, она пошла дальше и опять остановилась, съ удивленіемъ осматривая все, что окружало ее, какъ бы не узнавая своей усадьбы.

— Кони! кони, хуткійшъ, я вамъ кажу!.. А не дождете вы! пождить... крикнула она нѣсколько разъ и неизвѣстно кому грозила своими костлявыми кулаками.

Одинъ только крестьянинъ былъ свидѣтелемъ бѣгства Явдохи—рыбакъ Окунь, усадьба котораго была сосѣдней съ хатою Явдохи. Окунь въ эту ночь шелъ „на зорю" рыбу ловить. Онъ часто выходилъ „въ досвита" на рыбную ловлю и зналъ, гдѣ и какая рыба ловится въ это время. Окунь тащилъ съ собой крылачи и думалъ разставить ихъ въ извѣстныхъ только ему одному мѣстахъ.

Раздался крикъ. Бѣлая, тощая фигура стояла въ огородѣ и, грозя кому-то руками, кричала. Окунь догадался, что это была Явдоха, и забылъ цѣль своего путешествія. Онъ остановился и наблюдалъ за Явдохою. Вотъ она пошла прямо къ своей клунѣ, кинулась къ дверямъ... лѣзетъ какъ будто на стѣну... упала... „Що се зъ нею таке? чого се вона? хрестъ святый зъ нами"... Сама собою приходила ему въ голову мысль, что Явдоха въ сильномъ бреду, что слѣдуетъ, не медля ни минуты, или кликнуть людей, или самому броситься къ больной... Но въ самую критическую минуту онъ раздумывалъ и оставался въ нерѣшительности. Онъ стоялъ какъ-бы въ туманѣ и не зналъ, что предпринять. „Ни, треба побигты, ратоваты"...

Нѣсколько разъ бросалась на стѣну Явдоха, хотѣла войти въ свою клуню и всякій разъ, что ни взлѣзетъ, то и упадетъ. Наконецъ, какъ-бы убѣдившись въ безполезности своихъ выла-

зокъ, она направилась къ рѣкѣ и, раньше чѣмъ Окунь успѣлъ добѣжать до нея и принять какія либо мѣры, взошла на кладки, что вели чрезъ рѣчку и бросилась въ воду, „бовтнулась" и какъ камень пошла на дно... Окунь видѣлъ только „бульки" на поверхности воды, обозначавшія послѣднюю дорогу Явдохи. Еще стоя на кладкѣ, она что-то такое крикнула, но кто разберетъ, что больная кричитъ въ горячкѣ въ послѣднюю минуту? Окунь, по крайней мѣрѣ, ничего не разобралъ.

Когда раздался плескъ воды, Окунь тогда только какъ-бы очнулся, и туманъ вышелъ изъ его головы. Онъ бросился къ рѣкѣ но, понявъ хорошенько что случилось, остановился. „Втопылася," сказалъ онъ и испугался своего голоса, словно совершилъ какое нибудь преступленіе. Онъ посмотрѣлъ на клуню. „Ось тутъвона стояла... А вода шумыть"... Ему почудился плескъ во водѣ...

Онъ быстро обернулся и пошелъ въ свою хату; хотѣлъ заснуть, но не могъ. Разныя мысли объ утопленницѣ все шли ему въ голову. А главное—его безпокоилъ этотъ предсмертный крикъ Явдохи. Что онъ значилъ? что такое она кричала? Постепенно приводя себѣ на память слова Явдохи и стараясь разгадать ихъ смыслъ, Окунь съ ужасомъ подумалъ, что она крикнула:

„Окунь! Окунь! я тоби покажу! не дождешь! Эге, такъ и сказала: Окунь, не дождешь"...

Морозъ пошелъ по спинѣ Окуня. „За що и про що? Да воскреснетъ Богъ и расточатся"..... Онъ дрожалъ и накрылся свиткой. „И що я ій зробывъ? тожъ я, здается, ій ничого... Яко исчезаетъ дымъ"... Онъ выглянулъ изъ-подъ свитки. „Мисяць ще свитыть... ще не хутко сонце зійде... Тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица огня... Отъ несчастье. А крылачи въ городи осталыся... Такъ и сказала: я тоби покажу"...

О онъ сталъ быстро перебирать въ памяти свои отношенія къ Явдохѣ. Было о чемъ вспомнить...

II.

Явдохѣ было лѣтъ подъ сорокъ. Она была вдова послѣ двухъ мужей. Ея перый мужъ умеръ на второй годъ послѣ

„шлюбу“. Явдоха осталась одна на хозяйствѣ съ маленькой дочкой Настей.

Въ молодости Явдоха была „молодыця“ видная, красивая и веселая, но въ пожилыхъ лѣтахъ её стали называть сначала знахаркою, а потомъ и „видьмаркою“. Извѣстно, что „гарна молодыця, або дивчина завше бувае на старости видьма; бо такъ вже самъ Господь Богъ устроивъ“... Но кромѣ этого было много другихъ причинъ, почему за Явдохою установилась такая недобрая репутація. Началось это со смерти ея перваго „чоловика“. Мужъ Явдохи умеръ молодымъ отъ простуды. На селѣ стали говорить, „що Явдоха звела свого чоловика и що вона знается“. Мнѣніе это укрѣплялось въ средѣ ея односельчанъ по мѣрѣ того, какъ находились соотвѣтствовашіе этому мнѣнію факты. А такихъ фактовъ было много. „Жинка“, напримѣръ, обязательно должна плакать по смерти своего „чоловика“ и „цилый рикъ не повынна копаты бульбы на городи“; но Явдоха, которой въ то время было только девятнадцать лѣтъ, плакала немного и, главное, бульбу на огородѣ копала.

— А що ты, Явдохо, робышъ? Хиба-жъ годытся по смерти чоловика та бульбу копаты?—удивлялись сосѣдки, видя, какъ Явдоха на огородѣ управлялась заступомъ“.

— А хтожъ мени накопае бульбы до борщу?—отвѣчала Явдоха и продолжала копать.

Скоро къ ней присватался богатый крестьянинъ. Она вторично вышла замужъ. Не прошло и года, какъ и этотъ „чоловикъ„ умеръ. Нечего и говорить, что по другомъ мужѣ Явдоха плакала еще меньше, чѣмъ по первомъ. А какъ у нея умеръ второй мужъ? „Певне вона губыть людей“. Такъ и говорили на селѣ.

И никто больше не хотѣлъ свататься къ богатой, красивой вдовѣ, и ея богатство никому не было „заздростно“. А Явдохѣ отъ этого—„и байдуже“... Она зажила самостоятельно. Съ этого-то времени она сошлась съ своимъ добрымъ сосѣдомъ—Окунемъ, вдовцемъ. Окунь много помогъ Явдохѣ въ хозяйствѣ. Онъ помогалъ ей и въ сѣвбѣ, и въ жнива, и въ косовыцю... Правда, много лишняго на селѣ говорили „довгіи языки“ по

поводу ея отношеній къ Окуню, но Явдоху не особенно безпокоили эти сплетни. Въ отвѣтъ на разные доходившіе до нея слухи, она обыкновенно говорила, что „людямъ заздростно, що ій добре живется на свити и безъ чоловика“. Такова была баба Явдоха,—шустрая была баба.

И дѣйствительно, ей жилось не дурно. Ея волока лежала на лучшей землѣ; сѣнокоса было много; огороды родили хорошо,—только бы управиться далъ Богъ.

Хата ея была старая. Явдоха выстроила новую хату на концѣ села и покрыла её не соломою, какъ у всѣхъ, а „драницами“. Это тоже было очень подозрительно: у всѣхъ людей на селѣ—солома, а у нея—драницы.....

Но окончательная репутація „видьмарки“ установилась за Явдохой послѣ пожара. Случился большой пожаръ на селѣ. Большая половина хатъ стояла въ огнѣ. Кто только имѣлъ руки, спѣшилъ спасать свое имущество и выносить его на огороды. Одна Явдоха была „беспечна“. Она сказала, „що до неи не дойде“, и ничего не выносила. Такъ и вышло: ея домъ уцѣлѣлъ. Мало того, крестьяне видѣли, какъ она во время тогоже пожара нѣсколько разъ обходила кругомъ своей хаты, смотрѣла на небо и говорила, „що витру не буде“. Такъ и вышло: вѣтру не было.

Слѣдовалъ прямой выводъ, что Явдоха умѣетъ и хмару „отвертаты“, и кровь заговаривать, и „споръ“ снимать, и много, много разнаго умѣетъ.

Когда Явдоха заболѣла послѣдней болѣзнью, никто изъ бабъ не хотѣлъ сначала принимать въ ней участья,—всѣ сторонились; но когда болѣзнь усилилась, когда всѣ увидѣли, что больная, при всемъ своемъ знахарствѣ, такъ же безпомощна въ болѣзни, какъ и всякая женщина, её стали участливо посѣщать. Окуню не случилось посѣтить Явдоху во время болѣзни. Онъ почему-то всё откладывалъ свое посѣщеніе...

III.

На слѣдующій день, съ ранняго утра въ домѣ Явдохи началась тревога. Бабы проснулись первыми въ коморѣ и посту-

чались въ хату. Имъ отворила двери заспанная Настя. Матери не было. По открытому окну сразу догадались, что она вышла чрезъ окно. Въ огородѣ нашли ея слѣды, а у рѣки—куски рубахи, которую рвала на себѣ Явдоха въ предсмертную минуту. Не было сомнѣній, что она утонула, но гдѣ и какъ,—никто не видѣлъ. Если бы въ это время обратили бóльшее вниманіе на Окуня, то замѣтили бы, что онъ за ночь перемѣнился. Его сѣдые волосы за ночь стали еще какъ будто сѣдѣе. Лицо потемнѣло и осунулось. Но на него не обращали вниманія,—не до него было.... Въ общей суматохѣ никому не показалось страннымъ и то обстоятельство, что Окунь въ эту ночь не ходилъ на зорю рыбу ловить, тогда какъ многіе знали, что онъ собирался идти... Никому и въ голову не пришло спросить также, какимъ образомъ крылачи Окуня очутились въ огородѣ. Окунь молчалъ,—словно воды въ ротъ набралъ.

Печальная вѣсть обошла всѣхъ. Въ деревнѣ утопленница—большое происшествіе. Оно остановило всѣ работы крестьянъ. Всѣ—отъ дѣтей до стариковъ—интересовались обстоятельствами происшествія: когда, какъ и гдѣ утонула Явдоха. Кромѣ предположеній, никто ничего не могъ сказать. Въ большое смущеніе приводило одно мѣсто у „пидварка“. У одного столба тамъ земля была твердо выбита, „було выковзано якъ на току“. Это было очень странно. Послѣ многихъ разсужденій и предположеній было рѣшено, что здѣсь покойница не то танцовала, не то билась о землю, вообще, „човпláся, звычайно не въ своему розуми“.

О многомъ говорили крестьяне по поводу смерти Явдохи, но никто не думалъ искать тѣла утопленницы. Кто-то, видя, какъ Настя, сидя надъ рѣкой, убивается по матери, заикнулся было, „щобъ поихаты зъ тычками на човнахъ“, но предложеніе было отвергнуто. Другую бабу, быть можетъ, и искали-бы, но не Явдоху. Одна мысль о поискахъ мертваго тѣла „видьмарки“ пугала воображеніе крестьянъ и приводила ихъ въ робость.

Въ полдень изъ сосѣдняго села прибыли сельскія власти—старшина и урядникъ. Послѣ краткаго допроса объ обстоятельствахъ дѣла, они приказали искать тѣло Явдохи. Толпа, до

тѣхъ поръ плотно стоявшая кругомъ урядника, отхлынула отъ него. Многіе недовольно ворчали и перешептывались межъ собою.

— То ничого вамъ не поможе, энергично сказалъ урядникъ: мусыте шукаты, бо якъ прыставу донесу, то тоди буде справа друга. Ну, берить-но човны хутесенько, тай йидьте шукаты, зъ Богомъ!..

— Прысяйби не пойидемо. Отъ, не бачылы чого?!.. щобъ такую шукаты. Тай, проше пана, якъ же мы будемо шукаты, колы въ насъ човнивъ нема.

— Якъ-то нема?! а дежъ ваши човны?

Село, въ которомъ утонула Явдоха, было большое, рыбацкое. Рѣдкій изъ крестьянъ не занимался рыболовствомъ. Однако оказалось, что ни у кого въ эту минуту не было лодки. Иванъ Пенько говорилъ, что его „човенъ зовсимъ розбывся на куски", Грыцько Облупень докладывалъ, „що нехай винъ зовсимъ скисне, якъ въ ёго човни нема дирки и що черезъ тую проклятую дирку не можна а ніякъ йихаты, хоть ты що хочъ"... Грыцько Морозъ божился всѣми святыми, что его „човны" зъ рыбою и крылачами на прошлой недѣлѣ „у пятныцю" украли „злодіи, щобъ имъ болячки повыскакувалы"... Бенедъ „зробывъ зъ свого човна жолобы для своихъ каштановатыхъ коней", а у самаго главнаго рыбака Семена Бондарчука, какъ оказалось, и „зъ роду не було доброго човна"...

Долго „сперечалысь" крестьяне уряднику. Тотъ, наконецъ, разсердился и далъ окончательное распоряженіе, что если чрезъ „годыну" не будетъ „човнивъ", то онъ позоветъ сотскихъ и заставитъ крестьянъ идти безъ „човнивъ" въ воду и искать Явдоху. Угроза была чувствительная и произвела свое дѣйствіе. Толпа задумалась. Она знала своего урядника.

— Слухай-но, Иване, тожъ въ тебе таки повиненъ буты якійсь човенъ!—обратился одинъ крестьянинъ къ другому.

— Ни, нема... Отъ въ Сергія то, здается, есть.

— Що таке?—недоумѣвалъ Сергѣй—човенъ?! Ни, нема, дальби нема.

— А чимъ-же ты рыбу ловышъ? спросилъ урядникъ.

— Рыбу чимъ ловлю?! Онъ задумался. Чимъ прыйдется часомъ удкою, часомъ сачкомъ, часомъ клумлею.

— Клумлею?! А пиды-но прынесы клумлю.

— Нащо вамъ? Сергій подозрительно посмотрѣлъ на урядника.

— Пиды-но прынесы! я тоби кажу треба.

Сергѣй постоялъ, почесалъ затылокъ, недовѣрчиво посмотрѣлъ на урядника; потомъ пошелъ и принесъ клумлю.

— Ну, а теперь роздягайся, та й за Явдохою, гайда! да, ну, живо!

— Пане, змылуйтеся, завопилъ Сергѣй.

— Живо, я тоби кажу, бо... урядникъ показалъ свой мускулистый кулакъ. Это было очень понятнымъ продолженіемъ недоговоренной мысли.

Сергѣй недоумѣвающе глядѣлъ на своихъ товарищей, какъ бы испрашивая у нихъ совѣта въ такую критическую минуту. Возлѣ него стояла клумля. „И надавъ мени чортъ згадаты про клумлю“, думалъ онъ...

— Ну, чого-жъ ты? лизь!

Сергѣй посмотрѣлъ въ воду, на кусты, нависшіе надъ водою, и ужаснулся. Страданіе изобразилось на его лицѣ.

— Ой, пане, колы такъ, то лучше вже я пиду та пошукаю якого небудь човна. Може я де найду.

— Добре, иды, иды... А ось Иванъ тымъ часомъ полизе въ воду зъ клумлею, бо въ ёго, я чувъ, човенъ розбывся на куски.

Но Иванъ тоже отказался идти въ воду. Онъ случайно вспомнилъ, что у него въ огородѣ лежитъ душегубка—„такый соби невелычкый човнычокъ“. У Грыцька Облупня кромѣ лодки съ дыркою оказалась еще лодка безъ дырки, какими то судьбами очутившаяся „на вышкахъ“ и т. п.

И всякій, кому только велѣлъ урядникъ идти съ клумлей въ рѣку по Явдоху, сначала отговаривался, потомъ шелъ „добуваты де якого човна“.

Лодокъ оказалось достаточное количество. Урядникъ былъ очень доволенъ своею находчивостью и обратился къ крестья-

намъ даже съ нравоученіемъ. Ему хотѣлось загладить рѣзкость своихъ предшествовавшихъ приказаній разговоромъ въ легкомъ, миролюбивомъ тонѣ.

— Бо то все суевѣріе, сказалъ онъ наставительно. Явдоха— такый-же чоловикъ, якъ и вси. Надъ нею треба мать сострадание. Понимаете?

— Запевне, отвѣтилъ за всѣхъ одинъ старикъ, стоявшій впереди толпы.

— А суевѣріе треба искоренять...

— Та вже-жъ, подтверждалъ тотъ-же старикъ, потягивая изъ люльки...

— Іи треба ховаты по христіанскому обряду; іи Богъ на тому свити розсудыть, а що про неи люде говорять, то все— суевѣріе.

— Що правда, то правда. Нема що.

Урядникъ замолчалъ. Наставленіе было исчерпано. Онъ не зналъ, что сказать еще, и придумывалъ....

— Ну, а якъ будете сопротивляться, то я васъ всихъ... Понимаете?

— Понимаемо,—отвѣтило сразу нѣсколько голосовъ. Це— понимаемо.

Послѣ наставленія урядникъ еще болѣе сталъ доволенъ собой. Въ ожиданіи нахожденія трупа, онъ сѣлъ на колоду, лежавшую у берега, и смотрѣлъ въ воду.

IV.

Рѣчка, въ которой утонула Явдоха, была не большая, но быстрая. Какъ змѣйка, вилась она по лугамъ въ разныхъ направленіяхъ и дѣлала много колѣнъ. По берегу росли небольшіе кусты вербы и луговыхъ растеній.

По рѣкѣ въ разныхъ мѣстахъ плавали небольшія крестьянскія лодки. На каждой такой лодкѣ сидѣло по два крестьянина: одинъ управлялъ весломъ, другой шестомъ тыкалъ въ дно рѣки: движенья крестьянъ были медленны и меланхоличны. Видно было, что работа не шла къ ихъ сердцу. Урядникъ сидѣлъ на

берегу и распоряжался. День былъ тихій и жаркій, одинъ изъ тѣхъ, какіе бываютъ передъ дождями. До вечера оставалось нѣсколько часовъ.

— Гребы, гребы дальше, говорилъ Иванъ своему товарищу, медленно вытаскивая шестъ изъ воды.

— Все едно, абы до вечора. Въ ночи таки не заставыть шукаты. Не дожде, отвѣчалъ тотъ, едва ворочая весломъ. Въ тебе тютюнъ есть?

— Есть.

— Дай-но, запалымо.

Крестьяне раскуривали трубку, предоставляя лодкѣ плыть внизъ по теченію и менѣе всего заботясь о цѣли своего плаванія.

— Отъ, скажи-но ты мени, разсуждали на другой лодкѣ, и що то воно таке значить? Тожъ вона, здается, була баба никчемна, ни до чого не здатна, та ще й видьмарка. И нащо вона кому?

— Треба, колы прыказано! Начальству треба.

— А мени здается,—никому вона не потрибна. Бо що зъ неи теперъ за корысть?

— Воно-то такъ. Якъ на мій розумъ, то и добре що вона втопылася. Хвалыть Бога... на сели спокійнійше буде...

— А якъ ты думаешь, чи буде вона до Окуня ходыты?

Товарищъ задумался, улыбнулся и, упираясь въ лодку повернулъ её въ сторону.

— Може й буде. Кажуть, що нибы воны ходять и пися смерти, до *своихъ* нибы. Але хто те може знаты?

— Щось дуже Окунь засумовавъ.

— Эге, трохи того... зажурывся, помарнивъ за сей день.... Ну, а якъ въ тебе—жито добре зійшло?

— Не що. Хвалыты Бога... такого урожая вже давно не було.

И они заговорили о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ.

— Я давно чувъ, що видьмарка николы своею смертью не вмирае. Вона або втопытся, або повисытся,—на дереви стрепенется; а врешти, и зилья якого напьется, тай сканае; а

своею смертью нигды не вмирае. Ото, може памятаешь, була колысь стара баба Марына, тежъ видьмарка, то вона вмерла оттакъ само. Пишла до лёху за молокомъ для своеи дытыны, а въ лёху сходы погнылы; отъ вона шла да и упала тамъ головою внызъ тай вмерла. Ждуть, іи ждуть... А вона вже ажъ посынила. Оттакъ само...

— Эй вы, чого бенькетуете? шукайте-но, щобъ до вечора нашлы!—крикнулъ съ берега урядникъ, замѣтивъ, что крестьяне разговариваютъ.

— Такъ заразъ и найдемо... пожды трохи..

— Самъ пиды пошукай, може спорнійшъ буде.

— Циды, поцилуй свого батька.... то може и найдемо...

Заговорили въ полъ-голоса крестьяне съ лодокъ.

Нѣсколько часовъ уже искали Явдоху и всё безуспѣшно. Урядникъ видѣлъ, что дѣло не ладится. Онъ зналъ, почему оно не ладится, и угрюмо молчалъ, равнодушно глядя на плававшія лодки. Ему нужно было, чтобы крестьяне только искали трупъ, чтобы „были приняты всѣ зависящія мѣры для отысканія“, а найдется ли трупъ или не найдется,—ему всё равно. Онъ даже хотѣлъ, чтобы не нашелся. Тогда дѣло прямое. „Симъ честь имѣю донести вашему... что, не смотря на всѣ принятыя мѣры для отысканія онаго трупа, при семъ отысканіи не найдено и т. д.“.

Другое, конечно, дѣло, если найдутъ... Непріятно... Канитель одна. Прежде всего рапортъ о нахожденіи, потомъ—медицинскій осмотръ, потомъ—донесеніе батюшки... Стоитъ ли она того? И жила, Богъ вѣсть какъ, и умерла не по людски, „безъ святыла, безъ кадыла“.

Однообразный, сонный видъ, располагавшій къ медлительному теченію мыслей, и равномѣрное теченіе воды навѣяли на урядника дремоту. Онъ крѣпко зѣвнулъ, встряхнулся, вытеръ рукавомъ своего нѣкогда бѣлаго, но въ настоящую минуту очень грязнаго кителя потъ, выступившій каплями на его загорѣломъ лицѣ, и задумался о бренности житія человѣческаго на землѣ. „Оно бы хорошо теперь соснуть, задать такого храповицкаго, щобъ всѣмъ чертямъ было“. .

— Пане, а пане, окликнули его съ рѣки крестьяне. Не можемо найты. Нехай вже такъ буде! Божа воля. Вже Богъ іи найде на страшнимъ суди.

Представлялся прекрасный случай привести намѣреніе въ исполненіе. Стоило только сказать—„нехай буде воля Божа, якъ неможна найты“—и конецъ. И спать можно идти съ покойною совѣстью. Онъ даже хотѣлъ сказать—„нехай буде“... и даже открылъ съ этою цѣлью ротъ, но замѣтилъ какую-то двухсмысленную, неопредѣленную улыбку на устахъ крестьянъ и сказалъ совсѣмъ наоборотъ:

— Шукать мени! щобъ до вечера нашлы! Негодяи!

— Пане, але слухайте-бо-но, продолжали просьбу крестьяне: вона сама выплыве на третій день. Въ неи жовчъ тоди розильется, то вона мусыть выплыты.

— Що таке?

— Вона сама, проше пана, выплыве, бо вона видьма була.

— Ты ще разсуждать! не твого розуму се дило. Сказано—шукать и шукай!

V.

Въ одной изъ дальнихъ лодокъ, отдѣльно отъ другихъ, плавали Грыцько Морозъ и Окунь. Окуню очень не хотѣлось садиться въ лодку, но Грыцько соблазнилъ его.

— Сядай, дурный, произдымося... Все едно сегодня нема чого робыты.

Грыцько былъ общительный и подвижной человѣкъ. Ни одно крупное предпріятіе не дѣлалось безъ его участія. Онъ былъ мастеръ „на вси руки; де не посій—винъ вродытся“. Нѣкоторые не любили Грыцька за эту его всестороннюю, общественную дѣятельность, но съ Окунемъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Окуню нравилась въ Грыцькѣ эта порывистость, бойкость, изворотливость,—именно то, чего онъ самъ не имѣлъ.

Окунь былъ сильно разстроенъ. Утопленница, какъ привидѣніе, стояла у него предъ глазами, и онъ не могъ отогнать

этотъ призракъ. Ночное происшествіе будило въ немъ много думъ. Ему не столько казалась странною смерть, сколько пугало то таинственное, непонятное, но—онъ вѣрилъ—дѣйствительное отношеніе, въ какое сталъ онъ, живой свидѣтель ея смерти, къ покойницѣ-мертвецу. „И чого вона топталася коло пидварки? думалъ онъ, глядя въ воду и вспоминая подробности происшествія. Певне хтила влизты въ клуню та повисытыся.. Але що-же я выноватъ? чого вона на мене крычала?!

— Я думаю, шо въ сій выбоини певне сомы водятся, сказалъ Грыцько, когда лодка вплыла въ заливъ, въ которомъ вода шла водоворотомъ. Держи ривнійшъ, на середыну!

— Эге, бувае. Сомъ тутъ бувае, отрываясь на время отъ своихъ думъ, подтвердилъ Окунь. Онъ осмотрѣлъ своимъ опытнымъ рыбацкимъ взглядомъ выбоину и осторожно направилъ въ опасномъ мѣстѣ лодку на средину водоворота.

—Тутъ я позаторикъ зловывъ доброго сома на жывця. И Грыцько сталъ разсказывать, какъ онъ поймалъ сома. Но Окунь его не слушалъ: онъ былъ занятъ своими думами и равномѣрно, механически погружалъ весло въ воду.

— Знаешъ що? сказалъ Окунь. Повернимъ мы до того берега...

— Або що?

Но Окунь не отвѣтилъ. Хорошо зная теченіе рѣки, онъ боялся найти въ этомъ мѣстѣ Явдоху. По его разсчетамъ, она, упавши съ кладки, никакъ не могла миновать водоворота и должно быть была тутъ гдѣ нибудь. Онъ налегъ на весло и круто повернулъ лодку къ противоположному берегу.

— Ну а якъ тоби здается: найдутъ люде Явдоху, чи ни? спросилъ Окунь, когда опасное мѣсто было пройдено. Вона певне де небудь тутъ.

— Ой, чортъ не вона! щобъ воча скисла! Нащо вона кому?

— Оттожъ-то и я те саме думавъ. Але щожъ ты зробышь? Скачи ляше, якъ панъ каже!—прибавилъ въ утѣшеніе Окунь, внутренно желавшій, чтобы Явдоху не нашли.

— Прыгорны-но до корча; щобъ *той* не бачивъ, отпочинемо трохи.

Лодка вошла въ заливъ, окруженный двумя широко разросшимися кустами. Русло рѣки тутъ было нѣсколько пошире, и вода шла покойнѣе, тише. Лодка оперлась однимъ концомъ о берегъ, а другимъ—въ выдавшіеся изъ воды коренья лозняка. Теченіе воды все болѣе и болѣе вталкивало этотъ конецъ лодки въ кусты.

Грыцько и Окунь нѣкоторое время молчали. Разросшійся кустъ скрывалъ ихъ отъ урядника. Окунь легъ на спину въ лодкѣ и, заложивъ руки подъ голову, отдыхалъ, глядя вверхъ на верхушки лозняка и небо. Грыцько, согнувшись на днѣ лодки, самоуглубленно копошился въ своей мошнѣ и набивалъ люльку тертымъ тютюномъ.

— Скажи-но ты мени, Грыцько, сказалъ серьезно Окунь, якъ- то воно такъ: чоловикъ живе, живе тай вмре; еденъ въ земли згные, другій—згорыть въ пожари, третій—втопытся, а хто одъ горилки...

Мысль Окуня была собственно очень не ясная. Онъ и самъ не зналъ хорошо, о чемъ хотѣлъ спросить; но не смотря на неясность мысли товарища, Грыцько его понялъ и отвѣтилъ:

— Бо якъ вмре чоловикъ своею смертью, то иде або на небо—въ рай, або въ пекло, до чорта. А хто повисытся, або втопытся, той на небо не йде, а ходыть соби по земли!

— Чого-жъ винъ ходыть?

— А щожъ ему друге робыты? Бо его Богъ не клыче, то винъ и ходыть, поки не прыйде ему часъ, значится...

Окунь задумался. Грыцько продолжалъ набивать трубку.

— По твоему и Явдоха буде ходыты? спросилъ Окунь, нѣсколько понизивъ тонъ.

— Мусыть... Онъ всадилъ трубку въ ротъ и креснулъ кремень о кресало. То колысь... процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Що колысь? тревожно спросилъ Окунь.

— То колысь една баба втопылася въ ричци, якъ нибы Явдоха. А йихавъ Семенъ—іи сосидъ. Иде винъ соби по-надъ очеретомъ, бачить—щось биліе. Винъ туды, зиркъ... ажъ то вона лежить въ очерети. То писля того, люде кажуть, що нибы кожную ничь ходыла до его и покою ему не давала. А то ще кажуть...

Грыцько собирался еще разсказать на туже тему, но остановился, смакуя тютюнъ во рту.

— Що разсказують? що?

— Про москаля едного, що зъ вишальникомъ батькомъ бывся въ ночи.

— Ну-но, розскажи. Все до вечера блыжче буде.

Окуню хотѣлось слышать въ эту минуту что нибудь необыкновенное. Разсказъ въ этомъ именно родѣ подходилъ къ его думамъ и настроенію. Онъ будилъ его воображеніе и заставлялъ его мысль вращаться въ области тѣхъ предметовъ, которые болѣе всего интересовали его въ данную минуту.

VI.

Грыцько началъ.

— То бувъ соби еденъ душе богатый чоловикъ и булы въ его, значытся, диты. Старшого сына взялы въ москали на 25 литъ, бо то колысь отдавалы въ москали па 25 литъ. Добре.

— Отъ значытся, пишовъ и сынъ въ москали и ничого не чуе про батька. А батько его тымъ часомъ повисывся: пишовъ въ лисъ, обмотався рушныкомъ кругомъ шіи, тай почепывся на гилляци. Нихто не бачивъ, якъ винъ повисывся. Сыны сталы шукаты батька. Шукають—нема. Колы—въ лисъ... ажъ винъ высыть: шія вытянулась геть, геть.—Отъ, значытся, воны знялы его зъ гилляки, обризалы рушныки, обрадылы якъ-же звычайно мерця и сказалы, що винъ нибы вмеръ, якъ-же звычайно вмирають люде. Добре... Поклыкалы батюшку. Батюшка ничого не знае и ховае его по хрыстіяньски, якъ же хрещеного чоловика. Отъ и закопалы. Колы прыходыть де-якій часъ, ажъ ставъ винъ ходыты до своихъ сынивъ кожну ничъ. Прыйде въ ночи въ клуню, повыгоняе овечки, телята; после иде до хаты, стукае, дахъ ломае... Нема ладу—що робыть... Дальби! Догадалыся сыны, хто то такій, тай пытають: а чого тоби, тату, треба?—„Давайте, каже, мени мяса“.—„Якого тоби мяса?“— „Щобъ кожну ничъ, каже, мени бувъ баранъ вареный, або печеный“. Такъ и сказавъ. Що тутъ робыты? Сталы баранивъ

пекты. Да стало страшно въ тій хати седиты. Поставылы сыны нову хату; думають, що туды, бачъ, дороги не знайде...

— Що жъ винъ знайшовъ?

— Пожды-но, не перебывай. Запевне, що знайшовъ, по дыму донюхався, куды сыны перебралыся. Ставъ и до новои хаты ходыты... То бувало вже такъ роблють. Спечуть ему теля, або барана, положать въ стару хату на столи, засвитять ему свичку, нехай йисть... Але дывысь-но щось зъ людьми справуется. Чуешь?

— Нехай. Чортъ зъ нымъ. Кажы-но дальше...

— Ну, ото, значытся, прыйшовъ часъ вертатыся москалю зъ війська. Прыйшовъ москаль тай не знавъ, що браты поставылы нову хату, та иде до старои. А було то въ вечори. Отъ, иде соби, дывытся—въ окни свитъ. „Добре, думае, ще не сплять, ще повечеряю“. Войшовъ въ хату, дывытся—стоить мыска барана на столи и окраець хлиба, и свичка горыть. Думае: „куды браты пишлы?“ Йисты москаль дуже хотивъ. Перехрестывся, сивъ за стилъ, одризавъ хлиба, пойивъ трохи барана и лигъ соби на лижко отпочыты трохи. Эге, колы черезъ годыну двери—тарахъ!.. Бачыть—батько иде, страшный такый... Зразу москаль познавъ, що мрець, бо обмотаны онучами ноги, безъ чобитъ, убраный якъ-же на смерть. Побачывъ сына, познавъ.—„Здравствуй!“—каже батько.—„Здравія желаю“—каже москаль. Дрожыть, а каже.—„Ты мій сынъ?“ каже батько.—„Ни, каже москаль, ты мени не батько“. Подывывся батько лучше, очи на его наставывъ.—„Ты бо мій сынъ?“—„Ни, ты мени не батько“. Той пидійшовъ до его самого и пытае третій разъ:—„Ты бо таки мій сынъ“.—„Ни, ты мени не батько, бо я ще зъ роду не бачывъ, щобъ мрець та до жывого въ гости ходывъ“. Батько розсердывся, насупывся. Зиркнувъ на стилъ—нема барана.—„Хто мое йивъ мясо?.“—„Я,“ каже москаль.—„А я зъимъ тебе“. Сивъ за стилъ и ставъ дойидаты вечерю. Москаль пытае:—„батьку, скажить-но вы мени, що то таке, що вы мертвыи, а йисте мясо?“—Такъ мени треба, бо я своею смертью не вмеръ, мени ще жыты треба“.—„А якъ-же вы вмерлы?“. Той... Ой дывысь-но, дальби, сюды идуть.

Окунь оглянулся, не измѣняя своего удобнаго положенія въ лодкѣ.

— Нехай идуть до биса!

Онъ очень заинтересовался разсказомъ, и перерывъ ему очень не нравился.

— Я повисывся, каже батько, продолжалъ разсказъ Грыцько, а твои браты одризалы рушныки и сказалы людямъ, що я вмеръ, и поховалы мене на могилкахъ, а мени на могилкахъ ніякъ не можно буты. Якъ бы мене положылы на граници, тобъ я не ходывъ. А колы воны такъ, то я буду ходыть до ныхъ, поки воны не згинуть, поки все въ ныхъ не пропаде. Все выйимъ у ныхъ: всихъ бараньивъ, и телятъ, и воливъ, и коней... И ты, небораче, зъ ными пропадешъ. Ты йивъ мое мясо кавалками, а я тебе зовсимъ зъимъ; глыну такъ, що й не побачышъ". И направди таки збирается его йисты. Москаль побачивъ, що таке дило, тай каже:—„ну колы такъ, то позвольте мени хоть на двиръ ще выйты, бо мени треба". Пишовъ на двиръ, найшовъ въ шопи старую ось, взявъ іи и иде. Тильки що войшовъ, батько такъ и кинувся на его йисты. А винъ якъ тарахнувъ его по голови осью... Батько на землю впавъ, а пивень—кукареку! Лежыть батько середь хаты й ноги протянувъ и не перевернувся. А той перехрестывся и беспечно лигъ соби спаты. Отъ, переночовалы. На другый день прыходыть невистка въ стару хату посуду забираты. Бачыть—и батько лежыть, и москаль лежыть... Злякалася, наробыла крыку.—„Цыть„ не бійся, каже москаль, „я вашъ братъ". Добре... Отъ, значытся, пишлы до дому, розсказалы все священныку. Треба его теперъ переховаты. Выкопалы ему нову могылу на граници. После откопалы его труну. Прыйшлося класты его въ труну: браты беруть за ноги, а москаль бере за голову. То отъ, якъ бачышъ... якъ протянувъ винъ руку, та якъ схватывъ москаля за щоку, то геть, геть вырвавъ цилого бока, що ажъ зубы було выдно, выщирилыся на...

И Грыцько наглядно показалъ, какъ мертвая рука вцѣпилась въ щеку солдата: одной рукой растянулъ свою щеку, а другой отвелъ нижнюю губу внизъ и выставилъ свои зубы.

Окунь напряжено слушалъ разсказъ товарища. Его воображеніе въ это время сильно работало. Представляя себя на мѣстѣ москаля и соображая, что ему придется дѣлать на случай, если Явдоха придетъ къ нему, онъ повернулся въ лодкѣ на другую сторону, глянулъ въ воду и... обомлѣлъ. Подъ широко разросшимся кустомъ, межъ корнями въ водѣ бѣлѣлось тѣло Явдохи. Ея голова закинулась вверхъ, ротъ былъ открытъ, и зубы двумя полосками бѣлѣли. Она лежала бокомъ, лицомъ къ лодкѣ.

— Гребы, гребы хуткійшъ... сказалъ Окунь, растерянно хватаясь за края лодки.

Грыцько вмѣсто весла схватилъ шестъ.

— Де весло?

— Ось, на... хуткійшъ, щобъ не бачылы люде.

Они старались выплыть на открытое мѣсто, но изъ залива было довольно трудно выбраться. Лодка порядочно запуталась въ корчахъ. Окунь и Грыцько растерялись и не могли направить ее къ выходу.

VII.

Урядникъ давно замѣтилъ, что лодка съ Окунемъ и Грыцькомъ стоитъ въ затонѣ, и, чтобъ разогнать свое сонное настроеніе, направился къ ней—сдѣлать надлежащее внушеніе. Въ эту минуту онъ подходилъ къ кустамъ.

— А що вы тутъ таки сяки!..

Онъ глянулъ подъ кустъ. Въ колыхнувшейся отъ движенія лодки водѣ бѣлѣлось тѣло. Оно тоже какъ будто колыхалось.

— А, ось-що! отъ-де вона! гей, люде! сюда! нашлы!...

Лодки сперлись всѣ въ затонѣ, и у куста, возлѣ котораго нѣсколько минутъ тому назадъ такъ покойно разговаривали Грыцько и Окунь, начался шумъ. Утопленницу притянули шестами къ берегу и вытащили на сушу. Лице ея было синее. По сторонамъ полуоткрытыхъ губъ сбѣжались морщины и придавали лицу насмѣшливое выраженіе. Глаза тоже были полуоткрыты.

„Окунь, я тоби покажу! не дождешъ!“—прочиталъ Окунь на этомъ лицѣ, вздрогнулъ и отвернулся. Онъ не сомнѣвался, что между самоубійцами и ихъ близкими, оставшимися въ живыхъ, существуетъ какая-то связь, но онъ сомнѣвался, чтобы эта связь существовала именно между нимъ и Явдохою. И сомнѣвался онъ въ этомъ не потому, чтобы для него въ этомъ отношеніи было исключеніе, а потому, что *очень страннымъ* представлялось ему всё это. Ему *хотѣлось*, что бы всё это было такъ относительно людей вообще, но не относительно только его и Явдохи. Но теперь, послѣ нахожденія трупа, сомнѣній больше не могло быть. Сама Явдоха нарочно сама напросилась ему на глаза. И нужно было ему ѣхать искать её! Сколько празднаго народа стоитъ на берегу! И однако изъ всѣхъ она выбрала именно его—Окуня! Почему именно *онъ* нашелъ Явдоху, а не другой кто? И какъ всё это странно вышло: онъ самъ предложилъ ѣхать къ этому кусту.

Окунь обернулся назадъ и посмотрѣлъ на кустъ. Ему показалось, что и кустъ въ заговорѣ съ Явдохою противъ него, Окуня, что онъ тоже хранитъ какую-то невѣдомую для него тайну. И такой, въ самомъ дѣлѣ, странный кустъ: его корни плелись во всѣ стороны и частью выходили на берегъ, частью сидѣли въ водѣ. Раньше онъ не замѣчалъ этой особенности

Около трупа Явдохи скоро собралась большая толпа. Хотя крестьяне и знали, зачѣмъ они плавали по рѣкѣ, они, однако, очень удивились, когда увидѣли это обезображенное, посинѣлое, закостенѣлое тѣло.

— Чи вы бачыте? аже-жъ нашлы?!

— Эге... отъ, якъ бачыте.

— Дальби нашлы! ну, ну..

— Хто, хто нашовъ? спрашивалъ каждый новый крестьянинъ, подходившій къ толпѣ.

— Аже-жъ Окунь! отвѣчали въ толпѣ такимъ тономъ, въ которомъ ясно слышалось, что именно Окунь, а не кто другой и долженъ былъ найти Явдоху.

Къ Окуню безпрерывно приставали, его разспрашивали, на него указывали пальцемъ и, не безъ сожалѣнія, кивали головой. Окунь видѣлъ эти кивки и зналъ, что они значили. Его Окуня, живаго человѣка, связывали съ судьбой этого страннаго тѣла, бывшаго нѣсколько часовъ тому назадъ живымъ человѣкомъ.

— Скажи-но, якъ-же ты нашовъ Явдоху? то и дѣло приставали къ нему.

— Оттакъ и нашовъ. Лежала подъ корчомъ и зобачивъ,—отвѣчалъ равнодушнымъ, угнетеннымъ голосомъ Окунь, а самъ въ это время думалъ: „якъ бы не Грыцько, то я-бъ справывся зъ нею не такъ. Сунувъ бы іи пидъ корчи, такъ щобъ чорты не нашлы".

Какъ онъ ненавидѣлъ её въ эту минуту! Какая-то дикая жажда борьбы между имъ и этимъ безпомощнымъ, голымъ трупомъ, лежавшимъ на землѣ, завязалась въ его груди. Ему страшно хотѣлось спихнуть это тѣло туда, назадъ, въ воду, на средину рѣки и посмотрѣть, что будетъ дальше? *что она ему сдѣлаетъ?*

— Берить іи, берить. Охримъ, беры за голову!

Толпа разступилась. Два крѣпкихъ крестьянина взяли трупъ.

— Але тяжка.

— Звистно, водою набракла.

Они положили её на весла и осторожно понесли въ село. Встревоженный своими думами, позади всѣхъ шелъ Окунь. На одномъ поворотѣ онъ нечаянно выдвинулся изъ толпы впередъ къ носильщикамъ и посмотрѣлъ на Явдоху, на ея голову.

„Знаю, все знаю, що ты думаешъ", таинственно говорила Окуню эта голова, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Окунь не зналъ, что и подумать. Блѣдный, истерзанный внутренними страданіями, пошелъ онъ домой.

Тѣло Явдохи принесли на огородъ. На огородѣ выкопали яму и, впредь до разрѣшенія начальства хоронить, положили её въ ямѣ. Яму закрыли досками. Для присмотра надъ трупомъ была поставлена „варта" изъ соцкаго и нѣсколькихъ караульныхъ крестьянъ. Караульнымъ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, урядникъ не велѣлъ оставлять своего мѣста.

Послѣ жаркихъ, знойныхъ дней—шло къ дождю. На западѣ, надъ лѣсомъ, плотной, непроницаемой массой стояла туча. Кругъ солнца казался въ это время краснымъ, и по мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ тучѣ, онъ расплывался всё больше и больше. Глядѣвшему на солнце представлялось, что оно неестественно прыгало въ туманѣ.

— Дывысь-но, дывысь, обращалъ одинъ крестьянинъ вниманіе другаго на солнце. Оба возвращались изъ огорода, на которомъ положили Явдоху.

— Що се таке?

— Яке, чы бачышъ? якъ грае...

— Эге, певне на дощъ скаче...

— Але дывысь-но, яке червоне, та втикае за стовпъ.

Они проходили, съ удивленіемъ наблюдая странное явленіе. Изъ-за хатъ выходила новая группа крестьянъ.

— Тьфу, мара! А чого се воно таке?

— Червоне, якъ кровь нибы... мыгае шаромъ...

— Въ ночи певне буде дощъ.... То не даромъ.

И раньше не разъ солнце заходило предъ дождемъ такимъ-же образомъ, какъ и въ этотъ вечеръ; и раньше всегда крестьяне ожидали послѣ такого заката дождя; но никогда еще они не придавали этому столь обыкновенному явленію такого необыкновеннаго значенія, какъ теперь, въ этотъ вечеръ. Никогда еще закатъ солнца не ставился такъ близко къ факту деревенской жизни, какъ теперь. Наблюдая закатъ солнечный и дѣлая по поводу его тѣ или другія замѣчанія, крестьяне не высказывали самаго главнаго основанія наблюдаемаго явленія. Какъ и всякое общеизвѣстное, непререкаемое положеніе, это основаніе подразумѣвалось. Каждый зналъ, что солнце заходитъ такъ причудливо потому именно, что въ селѣ утопилась баба Явдоха. Ожидаемое—оправдалось. Ночью пошелъ дождь. Крестьяне слышали, какъ ночью хмара долго „гуркотила“ на небѣ и потомъ разразилась ливнемъ.

VIII.

Настало утро—сѣренькое, туманное и дождливое... Хозяйственныя работы были пріостановлены. Крестьяне ничего не дѣлали не потому, чтобы не было работы, напротивъ—каждому нужно было „возы лагодыты" къ жнивамъ, грабли, вилы чинить и пр., и не потому также, что дождь нарушилъ сельско-хозяйственные планы, а потому, главнымъ образомъ, что въ селѣ лежала Явдоха. Она никому не давала покоя. Утопленница—явленіе столь рѣдкое и необыкновенное. Это явленіе волновало общественное мнѣніе и требовало единодушнаго, общаго разсужденія.

Крестьяне собрались у корчмы—обыкновенное мѣсто ихъ сходокъ—и здѣсь, подъ прикрытіемъ отъ дождя, подъ навѣсомъ, курили трубки и разсуждали.

— Ляпае, тай ляпае зъ неба.

— Тай певне не еденъ день буде ще ляпаты. Мусыть.

— А хто ждавъ? хто думавъ, що вона втопытся на лыху годыну?

— Бо то таки-такъ: ну, втопылася... велыка шкода дуже... Нащо іи шукаты?

— Ни-бо нехай и шукаты, але нащо треба-було тому Окуню таскатыся у корчи? а? треба було? нехай-бы вона тамъ соби лежала, а теперъ черезъ неи отъ яке вышло всюды...

И крестьянинъ провелъ рукой по направленію свинцовой, плотной тучи, обложившей небо.

— Ни, то воно не що... треба тильки, щобъ винъ іи въ землю закопавъ; колы винъ іи найшовъ, нехай винъ и закопае... та треба ще колка нибы заткнуты, то ничого не буде.

— Урядникъ не позволыть, бо я чувъ, іи будуть ховаты по нашому, по православному, якже хрещеныхъ людей.

— Що? ховать по нашому? А не дождуть!

— Дальби, я чувъ... кажуть, що и хрестъ надъ нею поставлять.

— Брешуть. Не може буты.

— А не дожде вона лежаты на едному мисци зъ моимъ батькомъ и матерью! ни... того ще, здается, не було.

— Писля неи всякого жыда прыйдется на могилки несты. Бо якъ вона знается зъ нечистымъ, то вона гирше всякого жыда.

— А таки такъ.

Женщины не принимали участія въ мужскомъ разговорѣ. Они вели въ сторонѣ свой особый разговоръ. Бабы очень не любили Явдоху при ея жизни. Каждая имѣла что нибудь противъ нея. Причины недружелюбія были различны. Одна, напримѣръ, была недовольна на неё за то, что Явдоха обозвала её „задрипанымъ обминомъ". Этихъ двухъ словъ она никогда забыть не могла. Другой—не нравилось, что она была два раза замужемъ. Она всегда говорила, „що зъ того ничого не выйде". Третья выводила какія то особыя заключенія изъ того, что Явдоха ходыла не въ „намиткахъ", а въ платкѣ, „якъ нибы дивка"... И всѣ вообще — за то, что Явдоха всегда выдѣлялась чѣмъ нибудь изъ остальныхъ бабъ. Вообще, было о чемъ говорить. И разговоръ велся съ тѣмъ напряженіемъ и необыкновенной энергіей, какая свойственна рѣчи только малорусской бабы. Бабскіе голоса такъ иногда выдѣлялись изъ общей „гуторки", что нѣкоторые изъ „чоловиковъ" прикрикивали на нихъ:

— А цыть-те но!—Чого се вы такъ роскудахталысь?

— То воны, бачъ, на погоду такъ, щобъ дощу не було... Замѣчалъ не безъ ироніи кто нибудь.

— За ихъ репетомъ ничого не чуть. Дви бабы и Янкель— то й ярмарокъ. А безъ бабы—той нема рады, якъ той казавъ...

Дѣти-подростки внимательно прислушивались къ разговору взрослыхъ, и хотя не совсѣмъ ясно понимали, въ чемъ тутъ дѣло, но инстинктивно чувствовали, что въ деревнѣ происходитъ что-то очень важное.

— Бачте, Левко иде! Левко иде! раздались голоса.

На улицѣ, по грязи съ заступомъ въ рукахъ шелъ старый Левко—церковный сторожъ. Онъ шелъ на кладбище—копать могилу.

— Ты для кого? куды идешь?—закричало ему нѣсколько голосовъ.

— Аже-жъ прыказалы, щобъ для Явдохи....

— И не смій! и не думай! вертайсь назадъ, або иды до корчмы.

Вернуться назадъ—значило навлечь гнѣвъ со стороны начальства. Сторожъ разсудилъ зайти въ корчму. Это во многихъ отношеніяхъ было выгоднѣе.

— Ну, що тамъ?... обратились къ нему.

— Що? ничого. Спивають панахиду; да, спивають панахиду.

— Не вжежъ?

— Дальби спивають. И пипъ спивае, и дякъ спивае. Звычайно якъ надъ мерцемъ хрещенымъ... да, хрещенымъ мерцемъ.

— Ты не брешешъ?

— Твій батько брехавъ, не я...

Черезъ нѣсколько минутъ къ толпѣ подошелъ еще одинъ крестьянинъ. Онъ подтвердилъ сообщеніе сторожа.

— Дальби спивають: и „святый Боже", и „аллилуйя", и все... и кадять, и свички горять.

Это было очень удивительно. Отпѣваніе „видьмарки" по общему церковному обряду не мирилось съ понятіями крестьянъ. Если-бы еще она передъ смертью исповѣдывалась, покаялась и причастилась по христіански,—другое дѣло. Но всему селу было извѣстно, что батюшка приходилъ къ ней для исповѣди, и Явдоха понесла что-то такое, что трудно было и разобрать.

— Це бо я такъ скажу: то урядникъ а пипъ... то воны все роблять на злисть хрещеному мыру.

И долго еще въ такомъ родѣ разсуждали крестьяне, стоя подъ навѣсомъ корчмы. Небо понемногу прояснилось и дождь пересталъ.

— Не на довго—рѣшили крестьяне. Повыненъ иты ще дощъ.

— А щожъ вы зробыте зъ нымы? якъ захочуть поховаты, то поховають, резонно замѣтилъ Левко, предвидя невозможность идти противъ попа и урядника.

— Що зробымо?! загуторила толпа. Якъ то що? Не дамо ховаты—ось що. Не дожде вона... якъ будуть иты на могилки,—мы дорогу возамы загородымо и не пустымо.

— Побачымъ... скептически замѣтилъ Левко, улыбаясь. Онъ, стоявшій по должности церковнаго сторожа ближе къ начальству, зналъ, что ничего изъ этого не выйдетъ.

IX.

Нѣсколько разъ посылало начальство Левка на кладбище копать яму для Явдохи и безуспѣшно. Первый разъ—люди не пустили Левка на могилки; другой разъ—онъ „блукавъ, блукавъ по могилкахъ и ніякъ не могъ найти *такого* мисця для неи", а когда въ третій разъ сталъ копать за кладбищенской оградой яму, то у него заступъ неизвѣстно отчего сталъ гнуться и сломался. „Не йде дило а ніякъ, хоть ты ему що хочъ". Пришелъ урядникъ на могилки, сильно побранилъ Левка за заступъ, хотя Левко и божился, „що винъ невиноватъ за свого заступа", и велѣлъ копать не за оградой, а въ оградѣ, на кладбищѣ.

— Ой, проше пана, не можно тутъ, бо....

— Копай, я тоби кажу.

— Нехай лучше Окунь копае, бо винъ нашовъ... та винъ нашовъ....

Урядникъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Левку не знакомиться съ начальствомъ. Онъ знаетъ, что значитъ этотъ шагъ урядника, эти энергично устремленные на него глаза и морщинистые брови надъ ними. Онъ постоялъ минутку, почесалъ шею, подтянулъ штаны, плюнулъ въ правую и лѣвую руку, взялъ заступъ и началъ копать, начиная могилу не съ четырехъ сторонъ, не крестообразно, какъ для обыкновенныхъ покойниковъ, а съ одного мѣста, „нибы яму на бульбу, а не на чоловика".

— Шапку знимы, повелительно сказалъ урядникъ.

Сторожъ посмотрѣлъ на него, медленно снялъ шапку съ головы, бросилъ её на траву, снова поплевалъ въ обѣ руки и продолжалъ работу съ меланхолическою медленностью.

— Пане, тутъ, якъ я згадую, повынна буты Ульяна захована.

— Яка Ульяна?

— Давнишня, вы не памятаете... то вона тутъ захована.

— Ну, то що?

— То не годытся на едному мисци два чоловика класты.

— Чому?

— Ангелы ихъ побьются, якъ тее...

— Отъ, копай-но лучше... заступъ не гнется?

— Ни, хвалыты Бога, щось не гнется... та не гнется...

— Ну, то и добре. Гляды-жъ мени, щобъ черезъ пивъ годыны яма була готова, бо якъ зогнется зновъ заступъ, то я тоби покажу... такъ зогну, що...

Онъ показалъ два кулака, сдѣлалъ ими очень понятный для Левка жестъ и удалился.

— Дальби побьются... отъ, щобъ я не дождавъ... та ангелы побьются; кажуть такъ... нибы...

Безпокоился старый Левко объ ангелахъ, впутренно очень довольный, что урядникъ уходитъ. Сторожъ вздохнулъ свободнѣе и, не торопясь, продолжалъ работу.

Около двадцати лѣтъ служитъ онъ сторожемъ при церкви, видѣлъ многихъ покойниковъ. Конечно, ему болѣе всего извѣстно, какъ и гдѣ кого хоронить. Но и онъ скажетъ, „що такого щось давно не було“... Прежде было иначе. Наприкладъ, якъ вишалныкъ, говорилъ про себя Левко (онъ имѣлъ такую привычку), то, знявши зъ дерева, треба его на тому мисци и поховаты, бо винъ не даромъ выбравъ самъ соби мисце для смерти. И на могилу ему треба зелену гилляку кинуты, сказавши: „на, и я ще тоби дамъ“. Бо винъ зъ тею гиллякою пиде на судъ Божій.... та пиде на судъ Божій. Ну, а якъ отъ горилки хто вмре, то ни що, того можно и на могилкахъ“....

Онъ остановился, передохнулъ и посмотрѣлъ на небо.

— Чи не буде-но зновъ дощу, бо щось дуже хмарно?.. эге. Ну, а якъ зновъ хто втопытся, то треба ёго на границы, або при болоти поховаты, бо ёму сподобалася вода... та сподобалася вода... эге... Онъ прижалъ ногой сильнѣе ступню заступа. „Щось тверде... не лизе заступъ... камень, чи що? ни, це кость? Онъ выбросилъ наружу кость, поднялъ её, посмотрѣлъ, перекрестилъ и отложилъ въ сторону. „Тай сподобалася вода... отъ того-то, якъ втопленныкъ случается, завше дощъ иде... та дощъ иде“.

Верхи деревьевъ зашумѣли, и скоро опять пошелъ дождь.

О, то я те знавъ, то завше такъ: вишалныкъ въ лиси— хвоя шумыть, втопленныкъ въ сели—зъ неба дощъ бижыть...

та дощъ бижыть“. Дождь шелъ порядочный, но Левко продолжалъ копать могилу. Онъ привыкъ...

И, Боже ты мій мылостывый, скильки на свому вику пришлося мени всякихъ мерцивъ переховаты,—скильки вишалныкивъ, втопленныкивъ, ризалныкивъ, згорилыхъ въ пожари, а найбильше що вмерлы зъ горилки! И не переличиты... Онъ, тамъ—пидъ нахилянною вербою насыпана могила, нибы надъ Пылыпомъ. А хиба пидъ нею хто небудь лежить? Ни, нема. Левко вздохнулъ и отрицательно покачалъ головой. Нема... его выкопалы, бо Пылыпъ повисывся... та повисывся. Его тамъ и слиду нема... на границю перенеслы. Або коло брамы также—камень лежить. То также пуста, вытрушана могила. Тамъ лежавъ... Левко остановился и задумался“. Эге, дай Боже память, тожъ тамъ бувъ Өедоръ бондарь... эге-винъ... Винъ заризався. Такъ щось злисть на его нашла, взявъ—тай заризався. То якъ его ховалы, то ему горло шнуркомъ перевязалы, а потымъ его откопалы та въ лиси закопалы. Багато, дуже багато тутъ вытрушаныхъ могилъ. Нехай имъ господь Богъ судыть на тому свити. А онъ, тамъ-старый Шевчукъ спыть пидъ каплыцею. Тай добрый-же то бувъ чоловикъ. И живъ добре, и жинку, и дитей любывъ, а вмеръ не добре... Господь не сподобывъ вмерты по-людьску. И Богъ ёго святый знае, що ёму зробылося передъ смертью... та що ёму зробылося! Лаятыся ставъ передъ самымъ кананьемъ. И жинку лае, и дитей лае, и всихъ, всихъ ставъ обзываты такими словами, що гидко згадаты... та гидко згадаты. А потымъ запинывся тай вмеръ. Така пина пишла зъ рота, що й не доведы Боже. Заступъ не шелъ въ землю. „Певне кость“... Левко отступилъ на нѣсколько вершковъ, всадилъ заступъ въ землю, подважилъ тяжесть, выкинулъ нѣсколько костей и черепъ... А ось и Ульяна... Храны еи Богъ! Що, не казавъ може я, що вона тутъ? спросилъ онъ, мысленно обращаясь къ уряднику, который сомнѣвался въ его знаніи покойниковъ. Ще колысь, колысь вмерла.... ще я тоди малый бувъ. Дождалася зновъ выйты на свитъ Божій, та ничого, неборака, непобачыть... эге... де вже... Левко сталъ пальцемъ очищать отъ песку у черепа глазныя впадины. „Храны еи Богъ... отъ родивъ вмерла“.

Очистивъ черепъ, Левко перекрестилъ его и положилъ на кучкѣ костей.

„Скильки людей! Скильки людей! Маты Божая!..“ шепталъ благоговѣйно Левко, отрываясь отъ работы и оглядывая кругомъ себя безчисленное множество крестовъ. „Скильки хрещеного люду Богъ до себе поклыкавъ! а скильки моихъ тута... Иванъ и Кондратъ Опанасецъ, и Ничипоръ... вси поземлянылыся... всихъ прыбравъ Господь Богъ. И де-хто и молодійшій видъ мене бувъ. Нехай ихъ спомяне Господь Богъ на царство свое, нехай надъ ихъ костями легка земля буде... та легка буде земля“.

„То вже и мени пора... подходыть до того... та подходыть до того. Колыбъ Господь Богъ сподобывъ хоть по людьски вмерты, безъ пороку“.

Работа подъ впечатлѣніемъ печальныхъ воспоминаній шла медленно. Левко не торопился.

X.

Похороны на полѣсьи—многознаменательный и тяжелый обрядъ. Я не знаю болѣе унылой картины.

Медленно, еле-еле передвигая ноги, идутъ въ глубокомъ пескѣ бѣлые волы въ ярмѣ (чорныхъ воловъ нельзя запрягать подъ „мерця“) и везутъ за собой покойника въ возу. Возъ, или по размѣрамъ скорѣе возокъ, чѣмъ возъ, покрытъ бѣлою скатертью. На скатерти поставленъ гробъ. Гробъ—несоразмѣрно большой, сосновый, грубо, на скорую руку сбитый изъ нѣсколькихъ даже неотесанныхъ досокъ.

Лѣтомъ-возомъ снопы съ полей свозятъ, сѣно съ сѣнокоса, осенью—дрова, весной—навозъ изъ хлѣвовъ вывозятъ. Везутъ въ немъ и „дытыну до Хрыста“, и молодыхъ до „шлюбу“, и „мерця“ на могилки. На всё удобенъ возъ. И не даромъ полѣщукъ прозвалъ свой возъ „деревянными плечами на колесахъ“. Онъ небольшой, незначительный—какъ и потребности полѣщука.

Впереди воловъ обыкновенно идетъ поводырь. Онъ держитъ поводъ и управляетъ волами.

Гробъ окружаютъ и провожаютъ родные и чужіе. „До мерця нема *проше*, той иде, хто хоче“. Идетъ обыкновенно вся, или большая часть деревни.

Съ поконъ-вѣку на полѣщукѣ лежитъ печать забитости, горя то отъ неурожая, то отъ „хоробы“, то отъ людской несправедливости. Но это горе обычное: всегда почти бываетъ неурожай, всегда обиды и неправда, и если не всегда хороба, то только потому, „що мужыку нема часу згадоваты, що винъ слабый“. Это горе—полъ горя. Безъ этого горя полѣщукъ, быть можетъ, не былъ бы и полѣщукомъ.

Но есть другое горе—потеря въ деревнѣ силы, здороваго, крѣпкаго мужика, работника. Для семьи—это горе настоящее, „воно и за печинку заходыть“. И сколько слезъ, причитаній, сколько мукъ ведетъ за собою каждый молодой гробъ въ деревнѣ. Осиротѣлую семью обыкновенно утѣшаютъ—тѣмъ, что „Богъ не оставитъ“, „що слезами ничого не выплачешь, що лучше помолытся“. Но плакать нужно, хотя бы и слезъ не было... нужно плакать; иначе люди осудятъ. Полѣсье живетъ предразсудками. Сзади за родными, тихо разговаривая, идутъ односельчане. Они всѣ одѣты по праздничному, кто—въ кожухъ, кто—въ свитку, какъ бы ни было жарко на дворѣ, бабы—въ намиткахъ. Посороннія бабы изъ односельчанъ заливаются слезами, причитываютъ по покойникѣ. Ихъ не останавливаютъ. Такъ нужно. Есть и такія, которыя плачуть „за хлибъ и млынци“. То ихъ заработокъ. Это—нищенки или „шпытальныци“. Да и покойнику отъ этого легче. Крестьяне вѣруютъ, что безъ причитанья „не годытся труну провожаты“. Одного священнодѣйствія священника не достаточно для „мерця“. Тихій гробъ—для богатыхъ „панивъ“. Крестьянина долженъ провожать плачъ людей, „щобъ на улыци чутно було, що чоловикъ до Бога иде“. Поэтому, если одна баба перестаетъ плакать, другая начинаетъ. Но дѣтямъ запрещаютъ плакать. Ихъ даже не берутъ на проводы, „бо дытыни грихъ показоваты дорогу на могилки“. Исклю-

ченіе дѣлается только для малолѣтней круглой сиротки. Её несчастную несутъ за гробомъ матери—„нехай и вона туды йде, бо нащо ій вже жыты безъ батька, безъ матери на Божому свити.

Впереди воловъ несутъ двѣ—три хоругви и крестъ. Хоругви и крестъ перевязаны бѣлыми рушныками. Кто-нибудь несетъ также „боханець“ хлѣба и соль,—въ знакъ непрерывнаго общенія между живыми и мертвыми. Несутъ также и „свяченую“ воду въ “шклянци“ и нѣсколько колосковъ. Впереди гроба, а иногда и сзади идетъ батюшка въ ризахъ и, опираясь на палку, говоритъ ектенію о упокоеніи души раба Божія и съ трудомъ вытаскиваетъ ногу изъ песку.

— Эцъ, эцъ, ксоби[1])!.. отвѣчаетъ ему возница, направляя вышедшихъ изъ дороги воловъ въ колею.

— Господи помилуй, отвѣчаетъ и псаломщикъ откуда-то издали, отставшій на порядочное разстояніе отъ батюшки.

— Ой, бидна жъ моя головонька, що ты наробывъ... убивается кто небудь изъ родныхъ по покойникѣ.

— Цыть, дурна, яко-сь то вона буде!

— Волы воду зобачилы, держи ихъ, щобъ не кинулыся въ воду

— Еще молимся о упокоеніи... Добре-жъ держи волы, щобъ не перекинулы!—авторитетно прибавляетъ возницѣ и батюшка.

Дѣйствительно, передъ лѣсомъ стоячее болото. Тутъ „мерцю“ всегда грозитъ опасность перекинуться въ болото, „бо муха дуже вола кусае, и гедзъ тутъ часомъ литае“...

— И о еже проститися всякому прегрѣшенію вольномуже и невольному... затягиваетъ батюшка.

Но дьячекъ не слышитъ батюшки. Ему надоѣло идти пескомъ. Онъ обходитъ песокъ морожкомъ гдѣ то далеко, далеко по за корчами и, по ошибкѣ, началъ пѣть стихиры. Батюшка глянулъ въ его сторону: „нехай спивае“...

Жарко. Мухи, шмели и оса то и дѣло налетаютъ на людей—и всѣ ждутъ кладбища. Наконецъ, показался лѣсокъ, по-

---

1) Понуканіе воловъ.

вѣяло свѣжестью. Уже не далеко... На кладбищѣ бѣлѣетъ свѣже вынутый изъ неглубокой ямы песокъ. Гробъ опускается при воплѣ и почти истерическихъ рыданіяхъ родныхъ. Батюшка первый бросаетъ грудки песку на гробъ три раза и за нимъ—всѣ.

„Однимъ чоловикомъ меньше стало... Богъ прыбравъ. Якось-то воно таки да буде“, говорятъ въ деревнѣ. Выбывшая сила не разстраиваетъ общаго хода деревенской жизни, такъ же какъ изломанная спица въ колесѣ не останавливаетъ еще хода воза. Худо, если значительное число спицъ поломается.... Поэтому, нѣтъ ничего тяжеле для деревни эпидеміи...

XI.

Похороны Явдохи отличались нѣсколько особеннымъ характеромъ. Они были парадны (Настя заказала богатые проводы), но малолюдны. За труной шли—сторожъ съ крестомъ, хоругвеносцы, нѣсколько братчиковъ и сестричекъ со свѣчами, нѣсколько бабъ причитальницъ да Настя съ мужемъ.

— Ка — ая житейская сла — адость пребываетъ печали неприча — астна, — пѣлъ дякъ своимъ привычнымъ голосомъ. Эти стихиры,—замѣчательнѣйшее твореніе Іоанново (Дамаскина),—онъ пѣлъ, должно быть, уже тысячный разъ на своемъ длинномъ вѣку и потому очень удивился-бы, если-бы его кто спросилъ, что такое онъ собственно поетъ?

Дьячекъ поднялъ голову и посмотрѣлъ впередъ. Недалеко отъ кладбища, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога наиболѣе съуживалась, поперекъ дороги стояло нѣсколько нескладно разставленныхъ возовъ. Группа крестьянъ стояла передъ возами и ждала процессіи. При ея приближеніи крестьяне сняли шапки.

— Батюшка, дывится-но, возы!—толкнулъ пани-дякъ подъ бокъ старичка батюшку, который, опираясь на палку, казалось, дремалъ на ходу. Батюшка поднялъ голову, посмотрѣлъ, но не удивился.

— Отъ, подлецы, чи вы бачите, не хочуть пускаты!—пробурчалъ пани-дякъ себѣ подъ носъ и затѣмъ, съ новой энергіей, какъ-бы показывая, что для него неважны никакія препятствія, запѣлъ:

— Тѣ-ѣмже возлюбленніи мои братія, помысливше нашу краткую жизнь... Эге, треба-бъ урядныку даты знаты, бо неперейдемо, дальби не перейдемо". Онъ оглянулся, нѣтъ-ли урядника. Урядника не было. Онъ, по дѣламъ, долженъ былъ уѣхать въ сосѣднее село.

— Помянувъ пророка вопіюща: азъ есмь земля и пепелъ... А то все Грыцько, то непремѣнно ёго справа, бильшъ никого...

Передовой, несшій крестъ и хоругвеносцы остановились. Процессія стала. Дьячекъ пересталъ пѣть. Впереди начался разговоръ. Крестьяне, что стояли у возовъ, были владѣтели усадьбъ, ближайшихъ къ кладбищу. Они подошли къ батюшкѣ и почтительно поцѣловали у него руку.

— Проше татуня, не несить сюдою, мы васъ дуже просымо.

— Якъ же то такъ можно,—мене та не пустыты... и хреста не пустыты?

— И васъ пустымо, и хреста пустымо, оно труну не пустымо. Нехай люде обнесуть еи по-за клунями... нехай вона не йде черезъ ворота, кудою вси идуть.

— Алежъ то грихъ... то не годытся такъ. Тожъ вона така-жъ христіянка, якъ и вы.

— Ни, проше татуня, яка вона хрыстіянка, колы вона не сповидалася, не прычащалася. Мы не пустымо. Будьте ласкавы, уважьте нашу прозьбу...

Батюшка какъ бы раздумывалъ. Хорошо знакомый съ бытомъ своего села, онъ уважалъ традиціонныя понятія крестьянъ. Ему, болѣе чѣмъ кому, былъ знакомъ этотъ своеобразный міръ вѣковыхъ народныхъ представленій, требовавшихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, для общаго спокойствія, уступки отъ церковныхъ уставовъ. Онъ самъ выросъ среди этихъ сосенъ, въ сферѣ причудливыхъ понятій, и понималъ, какъ огорчатся, какъ обидятся крестьяне, если онъ не уважитъ ихъ просьбу. Мало

того, онъ самъ,—уже семидесятилѣтній старикъ,—хотя и зналъ, что невольная утопленница неповиная предъ Богомъ, подъ вліяніемъ разныхъ, доходившихъ до него разсказовъ о Явдохѣ, смотрѣлъ на нее *какъ-то особенно*, не какъ на обыкновенную покойницу. Батюшка сжился съ крестьянами и понималъ ихъ. Приближаясь къ возамъ, онъ даже зналъ, чтò крестьяне ему скажутъ.

Быть можетъ, крестьяне также знали, чтò отвѣтитъ имъ батюшка. Они понимали другъ друга и безъ словъ, и если разговаривали, то потому, что нельзя же, встрѣтившись при такихъ обстоятельствахъ, не разговаривать.

Батюшка не говорилъ крестьянамъ, что *это суевѣріе*, какъ говорилъ урядникъ, потому что зналъ, что такъ нельзя сказать. Онъ и не грозилъ имъ, потому что это дѣлу не поможетъ. Но онъ *зналъ*, что говорилъ имъ...

— Уважьте нашу просьбу. Мы вже, якъ почнется косовыця, зберемося...

Нужно было уступить. Изъ напоминанія о косовицѣ это было яснѣе всего.

— Ну, то... началъ батюшка и не кончилъ. Да и не нужно было кончать. Его понимали съ полу-слова. Процессія прошла прямо на кладбище, а Явдоху обвезли по-за селомъ, полями и втащили на могилки чрезъ заборъ.

Послѣ окончательной заупокойной литіи по рабѣ Божіей Евдокіи, гробъ опустили. Батюшка сталъ печатать гробъ.

— Господня земля и исполненіе ея—говорилъ онъ, переходя съ края на край могилы и дѣлая заступомъ крестообразные нарѣзы съ четырехъ концовъ могилы. Въ то-же время онъ смотрѣлъ на сыпавшійся въ могилу песокъ и думалъ:

„Чи выкопають Явдоху зъ могилы, чи ни... Богъ святый знае. Але певне“...

— Вѣчна-ая память... заголосилъ пани-дякъ, широко разставивъ ротъ и выпячивая глаза. Онъ былъ доволенъ, что насталъ конецъ погребенью.

— Настя, заговорилъ онъ скороговоркою, когда обрядъ былъ конченъ, слухай ты мени: два злоты шесть грошей, за свичку пивъ-злотка и два гроши, за грамотку также пивъ-злотка и три гроши, та за панахиду ще... та за тее нибы... также пивъ-злотка, а за позвонное—троячка особно... Памятай, дурна, щобъ не забулася.

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

58) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1770 г., 6-го февраля.

М. г. мой братецъ, Григорій Андреевичъ. На писмо ваше прошлого августа отъ 20-го числа 1769 году отпущенное, за скорымъ отъѣздомъ любезнѣйшей супруги вашей отъ насъ, съ Коровинецъ, я тогда отвѣтствовать не успѣлъ, на которое чрезъ сего вручителя симъ отвѣтомъ служу: по увѣренію вашему, что вы сами по веснѣ изволите быть, я какъ зъ роздѣломъ степу и протчихъ коровинскихъ недѣленныхъ угодій, такъ и съ продажею на мене принадлежащого степу поудержусъ, толко васъ покорнѣйше прошу пріѣздомъ своимъ по веснѣ не умедлѣть, ибо весма для сего самое удобное время покамѣстъ люди за работу не пріймутся, чѣмъ можете общій покой зделать, и всякъ свою часть вѣдая, беззаконныхъ утисковъ еденъ другому дѣлать не станетъ. Когда жъ точно положите намѣреніе къ намъ бить, прошу покорнѣйше мене уведомить. Впротчемъ желаю вамъ со всею вашею фамиліею всѣхъ вами желаемыхъ благополучій, есмъ съ моимъ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

---

[1]) См. Кіевская Старина 1893 г. № 11.

Полковая лубенская канцелярія наслала на мѣсто мое правителемъ Ходоровского, сей мошенникъ такія дѣлаетъ обиды нашимъ людямъ налогами и подводами, что ежели не избавимъся отъ сего правителя, то в насъ подъ сіе военное время мало и людей останется въ селѣ, чего ради постарайтесь и напишѣте, до кого вы знать можете, о изверженіи сего мота. Съ чужими лучше сладить можно.

Когда явится у васъ пушкарь Герасимъ Тищенко, прошу нижайше его не оставить и ему въ дѣлѣ помогти, чего онъ просить будетъ.

Батюшка не даетъ мнѣ отрады въ деньгахъ. Прошу покорнѣйше, братецъ, написать отъ себе къ пану Скоропадскому, якожъ онъ мнѣ не весьма знакомъ или къ пану Журману [1]), чтобъ они ссудили меня на мой вексель, который нибудь изъ нихъ, тысячу рублей и тѣ письма ко мнѣ прислать по почтѣ.

59) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1770 г., 24 апрѣля.

М. г., мой братецъ Григорій Андреевичъ. Я извѣстясъ зъ писма вашего, сего апрѣля 17 числа мною полученного, что вы сей весной не хотите быть въ Украйну для роздѣлу коровинскихъ угодій, не мало сожалѣю, что я нѣсколко лѣтъ чрезъ беззаконное владѣніе поношу, въ неполученіи отъ дѣла себѣ настоящей части, обиду чрезъ единое продолженіе. Вы бы, милостивый государь братецъ, ежели бы хотѣли настояще, чтобъ былъ роздѣлъ, то бы знаючи мою уже къ вамъ чрезъ два года продолжаемую за раздѣлъ прозбу, оставили были бъ покупку на сей годъ воловъ, которые уповаю не болше принесутъ вамъ ползы, какъ здѣсь въ непорядочномъ владѣніи убытку и обиды; притомъ же люди продаютъ и чрезъ пріятелей, чтобъ и вамъ оныхъ имѣвши въ Пѣтербурхи много, доставить можно, а сего удобного времени къ роздѣлу, въ которое всѣ способности открити, не пропустить; осенью же, какъ вы пишите, роздѣлу быть

Бригадиръ, Иванъ Михайловичъ.

[1]) Илья Васильевичъ Ж—нъ, сначала стародубскій полков. судья, а потомъ новгородъ-сѣверскій губернаторъ. † 1783 г.

весма не можно, какъ по обстоятелствамъ тогда наступающихъ холодовъ, отчего при розмѣрѣ земли доведется самимъ и людямъ отъ холодовъ пропадать, такъ особливо иногда такія выправки дойдутъ, что и выѣздъ подкоморскій надобенъ будетъ, который тогда намъ будетъ съ немалою тяжестью и коштомъ, чему можетъ способствовать и наступающая еще зима; развѣ вы намѣрены по симъ обстоятелствамъ просить годового отпуску и зачать другой весной роздѣлъ, но я оного до того времени ожидать не намѣренъ, а принужденъ буду поданнымъ отъ меня, въ силу правъ, позвомъ просить уже самъ себѣ мнѣ надлежащей части чрезъ подкоморого выдѣлу, а тѣмъ и избавится отъ обиды, которую и въ семъ заключаю себѣ за чувствителную, что вашъ войтъ с приказу вашего, какъ онъ мнѣ объявилъ, оселюетъ на общей землѣ слободу, принимая въ оную з разнихъ владѣній, безъ письменныхъ видовъ, людей разного рода, въ томъ числѣ и воровъ, которые сверхъ своего скота, принимая и изъ стороннихъ мѣстъ скотъ, вибиваютъ онимъ немалую часть степу, которій прежде употреблялся подъ сѣнокосъ, чѣмъ лишаютъ общество принадлежащой ползы; съ нихъ же ползы, какъ вамъ, такъ и намъ никакой нѣтъ, такихъ же бродягъ можно, получа свой настоящій отдѣлъ вѣчній, и тогда такимъ же порядкомъ, какъ нынѣ, населить доволно, а теперича я васъ покорно прошу приказать на общей землѣ ихъ поселенія пріостановить, и въ ожиданіи скорого вашего в Украйну пріѣзду, пребываю съ всегдашнимъ моимъ почтеніемъ, м. г. братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

60) Григорія Ивановича Полетики[1]), *изъ Вѣны, 1770г.*, $^{8}/_{19}$ *мая.*

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Какимъ образомъ получилъ я два писма ваши, одно отъ 18-го генваря съ извѣстными бумагами (которое отправлено было чрезъ князя Лобковича), а другое отъ 30-го марта, о томъ увѣдомитесь вы отъ г-на

[1]) Григорій Ивановичъ П—ка, р. 1731 † 1798, совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, гдѣ онъ и провелъ большую часть своей жизни. Портретъ его, писанный въ Вѣнѣ, наход. въ собраніи К. Н. Скаржинской, въ х. Кругликѣ, ок. Лубенъ. Григ. Ивановичъ П—ка былъ двоюродный братъ Григ. Андреевича.

Юлинса; мнѣ жъ осталось теперь сказать вамъ, что чрезъ него послалъ я для Елены Ивановны, по послѣднему писму вашему, черную антуалажную мантилію, которую, при засвидѣтельствованіи ей моего почтенія, прошу ея принять, какъ будто нарочно приготовленный для нея отъ меня гостинецъ; что по первому писму до полученія послѣдняго (о чемъ также г-нъ Юлинецъ, уповаю, объявитъ вамъ) я неумедлилъ купить для васъ два сыра пармезанскіе, кои содержатъ въ себѣ вѣсу 151 фунтъ, да шесть сыровъ, или лучше сказать, круговъ, швейцарского сыра, вѣсомъ 96 фунтовъ, первый по 27-ми крейцеровъ фунтъ, а послѣдній по 12-ти крейцеровъ; что сіи сыры укладены, какъ надобно, и закупорены въ два боченка, кои на сихъ дняхъ отправлены будутъ чрезъ фурмановъ во Гданскъ, куда буду я писать объ нихъ, къ находящемуся тамо при нашемъ резидентѣ переводчику Волчкову, съ прозьбою о дальнѣйшемъ оныхъ отправленіи; что я столько помянутыхъ сыровъ не послалъ-бы къ вамъ, естьли-бы оные не были уже у меня куплены до полученія послѣдняго писма вашего; что впрочемъ они не дешево обойдутся вамъ съ провозомъ; но я не хотѣлъ оставить, чтобъ не исполнить воли вашей. Чтоже касается до токайскаго вина, то объ ономъ два раза писалъ я въ Токай къ находящемуся тамъ нашему маіору, а именно: въ первый разъ, съ прозьбою о покупкѣ и присылкѣ сюда одного антала онаго вина, въ другой же, съ прозьбою, чтобъ поудержался онъ отъ моей комиссіи; но ни на то, ни на другое писмо не получилъ я еще отъ него отвѣта.

Покорно благодарствуя вамъ, м. г., мой братецъ, за доброе ваше до меня касающееся намѣреніе, котораго произведеніе въ дѣйство очень къ стати было-бы, не менше же и за стараніе ваше о Тимофѣѣ Ивановичѣ [1]), которому по пріѣздѣ вашемъ въ Украйну, прошу дать на мой щетъ пятьдесятъ рублевъ, да столько-же матушкѣ моей на нынѣшній годъ, а въ слѣдующемъ—здѣлать ей такую-же дачу.—Николаю Николаевичу (Мотонису) и супругѣ его свидѣтельствуя почтеніе мое, сожалѣю о не-

[1]) Родной братъ Григ. Ивановича, докторъ.

удачѣ моей въ комиссіи, какова мнѣ отъ него поручена была, но при первомъ случаѣ стараться я буду наградить потерю, чего конечно не оставилъ бы я здѣлать при отправленіи г. Юлинца, естьли бы оное не скоропостижно и не въ праздничный день случилось.

Что принадлежитъ до извѣстныхъ бумагъ вашихъ, то я за излишнее почитаю здѣсь много говорить объ оныхъ, а только долженъ увѣрить васъ, что онѣ конечно не будутъ списаны; впрочемъ же ссылаюсь на то, что вамъ объ нихъ скажетъ Павелъ Арсеньевичъ Юлинецъ.

Поздравляю васъ, м. г. мой братецъ, ново-рожденною дочерью, которой желаю до того дорости въ добромъ здоровьи, чтобъ она сама могла вамъ родить нѣсколько внуковъ и внучекъ. Пребываю съ непремѣнною преданностію и совершеннымъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій братъ и слуга Григорій Полѣтика.

P. S. На другой день по отъѣздѣ г. Юлинца послалъ я къ нему два писма, одно къ вамъ, а другое къ г. Будлянскому отъ стараго вашего знакомца бѣднаго Годенти, который покорнѣйше проситъ васъ, м. г. мой братецъ, учинить за него, гдѣ надобно, и гдѣ вамъ способнѣе, заступленіе, и употребить стараніе, дабы прозьба его не осталась безплодною, но паче, чтобъ она принята была въ милостивое уваженіе при глубокой его старости и такой бѣдности, которая почти ежедневнаго пропитанія лишаетъ его. Къ собственной его посланной уже къ вамъ прозьбѣ присовокупляю я теперь и мою, надѣясь, что вы не откажетесь здѣлать для бѣднаго старика все то, что возможно вамъ будетъ.

При семъ прилагаю полученное мною въ недавнемъ времени отъ брата моего Ивана Ивановича писмо, по которому покорнѣйше прошу васъ, м. г. мой братецъ, возъимѣть, по пріѣздѣ вашемъ въ Украину, стараніе, дабы намѣреніе его могло исполнится, да сверхъ того прошу на щетъ мой дать ему тридцать рублевъ вмѣсто сукна, о которомъ онъ къ вамъ пишетъ.

Чрезъ г. Юлинца послалъ я къ вамъ въ гостинецъ безъ сумнѣнія знакомую уже вамъ книжку славнаго медицины доктора и профессора Тиссота подъ титуломъ: *Avis au peuple sur*

sa santé, которую может быть вы уже и имѣете, и въ такомъ случаѣ можете подарить ее другому кому, а буде нѣтъ еще ее въ вашей библіотекѣ, то она не столько для умноженія библіотеки, сколько для збереженія здоровья вашего и другихъ пригодится вамъ въ разсужденіи весма разумныхъ и полезныхъ содержащихся въ ней наставленій, совѣтовъ и легчайшихъ къ лѣченію способовъ, которымъ слѣдуя, во многихъ случаяхъ безъ доктора обойтиться можно.

Приложенное при семъ писмо мое изготовлено у меня было къ отправленію по почтѣ, но между тѣмъ оказался случай къ посылкѣ куріера, чего ради удержалъ я его нѣсколько дней, и теперь оно вмѣстѣ съ симъ постскриптомъ посылается чрезъ Афанасія, который вамъ кое что скажетъ для любопытства вашего; мнѣ же самому не удалось болѣе писать къ вамъ, а сверхъ того нѣсколько и лучше, когда можно отъ писма избавиться.

61) Николая Мотониса [1]*, изъ С.-Петербурга, 1771 г., 23 марта.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Благопріятное ваше письмо чрезъ Ивана человѣка вашего получилъ, и радуюся сердечно, что вы со всю любезнѣйшею фамиліею вашею слава Богу въ добромъ здравіи. Я писалъ къ вамъ уже прежде, чтобъ вы на Василіа Романовича Цельмана не надѣялись, а покупали быки и посылали такъ, какъ и прежде дѣлали, заочно торговать никто не захочетъ. Покорнѣйше благодарствую за ваше о мнѣ стараніе, я и по сіе время ни одного письма отъ матушки да и ни отъ кого не получалъ. Напрасно не написали, что вамъ отъ Василія Николаевича сказывано, ибо слова horrenda narrat de s. t. весьма меня и по сіе время безпокоятъ. Графъ Алексей Григорьевичъ (Орловъ) пріѣхалъ изъ Архипелага на пятой недѣлѣ великаго поста и скоро опять отъѣдетъ. Григорій Васильевичъ Козицкой женился въ Синбирскѣ, на дочерѣ Ивана Семеновича Мясникова; онъ коллежской ассесоръ, жена его род-

---

[1]) Николай Мотонисъ, нѣжинскій грекъ, по женитьбѣ на дочери Вас. Андр. Жураковскаго, сталъ владѣльцемъ с. Липова-Рога, подъ Нѣжиномъ. См. Опис. Ст. Малороссіи, II, 83.

ная сестра кол. ас. Твердышеву, у коихъ въ Оренбургѣ мѣдные и желѣзные заводы. Приданаго дано Григорію Васильевичу тысяча душъ въ Пензенскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Сурѣ и по Ломовкѣ, да пять тысячъ деньгами, и на пять тысячъ вещей. Со временемъ Григорій Васильевичъ будетъ имѣть тысячъ пять или и болѣе крестьянъ, ибо у тестя его только четыре дочери: одна за маіоромъ Дурасовымъ, другая за полковникомъ Бекетовымъ Петромъ Аѳанасьевичемъ, братомъ губернатора Астраханскаго, третья за маіоромъ Пашковымъ. Ея императорское величество пожаловала ему на свадьбу, какъ онъ туда ѣхалъ, десять тысячъ рублевъ. Я съ нимъ туда ѣздилъ и, оставивъ его послѣ свадьбы, одинъ въ Петербургъ возвратился, однако и онъ уже тому третій день, какъ пріѣхалъ съ Катериною Ивановною. Вотъ вамъ вся исторія. Сію невѣсту хотѣли было сватать за меня, года тому три назадъ, но... satis sapienti. Жена моя шестой уже мѣсяцъ беременна, чѣмъ меня обрадуетъ сыномъ или другою дочерью, не знаю, признаюся вамъ, что по состоянію моему теперешнему лучше желаю сына. Она вамъ и м. г-нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ свидѣтельствуетъ свое почтеніе, которое ей и отъ меня прошу объявить. Сыры ваши отысканы, но боченки были роскрыты, всѣ ли числомъ не знаю, въ одномъ боченкѣ было два пармезана, въ другомъ шесть сыровъ, а какіе— отвѣдать теперь не можно, изъ оныхъ одинъ пармезанъ и пять сыровъ посланы къ вамъ, одинъ маленкой сыръ взялъ я для себя, а пармезанъ велѣлъ здесь Ивану продать. Что за нихъ заплачено, при семъ посылаю записку. Изъ Москвы недавно получилъ я письмо отъ Ивана Петровича, что Петръ Ивановичъ Разумовской [1]) скончался. Дѣло наше по реестру уже къ слушанью дошло, а Ивана Ивановича слѣдуетъ послѣ нашего скоро. Ежели вы не имѣете копіи съ именнаго нашея премудрыя монархини указа, касающагося до мнѣнія, съ котораго времени щитать срокъ аппелляціонный, то я вамъ за извѣстіе сообщаю: „малороссійскіе законы ясны, опредѣленіе сенатское 57-го года еще яснѣе, да и мой указъ 62-го года не теменъ.

---

[1]) Нѣжинскій полковникъ, 1753—1771.

Сіе дѣло отняло у меня цѣлое утро, а мнѣ каждая минута дорога. Генералпрокурорская должность соглашать спорющихъ, и для того повелѣваемъ ему согласить, дабы поступлено было по законамъ". Въ прочемъ есмь вашъ м. г-ря моего покорный слуга Николай Мотонисъ.—Покорно прошу извините меня передъ Иваномъ Ивановичемъ, что я къ нему не пишу, причина скоропостижный отъѣздъ слуги вашего, а я говѣю и завтра мнѣ приобщаться должно.

62) Графа П. А. Румянцева, изъ главной квартиры города Яссъ, 1771 г., 20 декабря.

Государь мой Григорей Андреевичъ! Лѣстнымъ есть для меня удовольствомъ чувствовать толь искренное участіе ваше въ приносимомъ поздравленіи о успѣхахъ оружія, мнѣ ввѣреннаго. Вы говорите въ своемъ письмѣ, что одинакимъ способомъ мѣрите всякаго дарованія, то коль много въ честь себѣ я ставить могу хвалу согражданина, симъ и другими достоинствами украшеннаго.—Воспользуюсь я тутъ взаимнымъ увѣреніемъ васъ о моей благодарности и всеискренномъ почтеніи, съ которымъ есть вашего высокоблагородія покорнымъ слугою Г. Румянцевъ.

63) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1772 г., 6 января.

М. г мой братецъ Григорій Андреевичъ! Конечно покажется вамъ дико, когда вы распечатавъ пакетъ мой, найдете въ немъ два писма, одно уже весма застарѣлое, тоесть отъ 7/18 октября прошедшаго года, а другое сіе самое; а еще и того больше удивитесь вы, когда я скажу вамъ, что оное прошлогоднее писмо привезено сюда Афанасіемъ назадъ изъ Санктпетербурга; но можетъ быть удивленіе ваше нѣсколько и удалится, узнавъ причину сему неожиданному обратному ко мнѣ пришествію помянутаго писма, а причина сія состоитъ въ томъ, что Афанасій не смѣлъ его никому повѣрить, не заставши въ Петербургѣ Ульяны Федоровны, чрезъ которую надлежало ему отправить къ вамъ оное писмо, когда бы не можно ему было самому съѣздить въ Украину, какъ то и сдѣлалось; сверхъ же

сего г. Рымша сказалъ ему, что онъ на долгое время не имѣетъ никакой надежды къ пересылкѣ моихъ къ вамъ писемъ, по причинѣ пресѣченной между Петербургомъ и Москвою коммуникаціи. Впрочемъ, надобно знать, что при часто реченномъ писмѣ приложенъ былъ отъ меня особливый листокъ, который настоящею причиною былъ тому, что Афанасій не смѣлъ другимъ рукамъ повѣрить моего къ вамъ пакета.—При семъ прилагаю счетъ объ издержкахъ, кои, послѣ учиненнаго мною съ вами въ 1769 г. расчета, довелось мнѣ имѣть по вашимъ комиссіямъ, и прошу васъ увѣдомить меня, чѣмъ я останусь вамъ долженъ, ибо я не имѣлъ отъ васъ извѣстія, изволили-ль вы дать матушкѣ моей пятьдесятъ рублевъ на прошлый годъ; а только то знаю по писму вашему отъ 24 февраля тогожъ года, писанному изъ села Юдинова, что отъ васъ роздано тогда 130 рублевъ, изъ которыхъ матушкѣ досталось 50 рублевъ на 1770 годъ, а прочіе--братьямъ моимъ. И такъ, естьли паче чаянія, за какимъ нибудь помѣшательствомъ по сіе время не могли вы, м. г. мой братецъ, дать матушкѣ моей принадлежащихъ на прошлый 1771-й годъ денегъ, то покорнѣйше прошу васъ дать ей теперь, сверхъ оныхъ, еще шестьдесятъ рублевъ, и потомъ увѣдомить меня, какимъ образомъ жетаете вы, чтобъ я заплатилъ вамъ весь мой долгъ, также и о томъ дать мнѣ знать, получили ль вы отъ Ульяны Федоровны, при проѣздѣ ея чрезъ Украину, означенныя въ щетѣ моемъ денги, кои обѣщала она вамъ отдать. Поздравляю васъ, м. г. мой братецъ, новымъ годомъ, и желаю отъ искренности сердца, чтобъ Богъ не токмо избавилъ васъ въ теченіи онаго отъ всѣхъ непріятныхъ приключеній, но и даровалъ бы вамъ все желаемое вами, сохраняя при томъ здоровье ваше въ совершенномъ состояніи на многіе предбудущіе годы купно съ любезною вашею фамиліею. Впрочемъ имѣю честь быть съ непремѣнною преданностію вашъ, м. г. мой братецъ, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій братъ и слуга Григорей Полѣтика. Скажите пожалуйте, ужъ ли Богъ освободилъ отчизну нашу отъ повѣтрія и не находится ли оно еще въ какихъ мѣстахъ?

64) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1772 г., 24 октября.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! При выздоровленіи моемъ могу я теперь имѣть удовольствіе писать къ вамъ собственною моею рукою, а сіе удовольствіе тѣмъ чувствительнѣе для меня, чѣмъ больше та нужда, которая заставила меня предложить вамъ нѣкоторые вопросы, кои правда надлежало мнѣ здѣлать еще въ первомъ писмѣ, тоесть въ посланномъ чрезъ княжого камердинера, но хворость моя не дозволила мнѣ распространиться ни въ томъ, ни въ другомъ писмѣ, которое предъ нѣсколькими днями послано по почтѣ. Помянутые вопросы состоятъ въ слѣдующемъ: вы изволили въ писмѣ вашемъ дать мнѣ знать объ имѣніи наименованнаго тестя моего сими строками: „имѣніе отца ея весма хорошее и знатное, и все почти вмѣстѣ; онъ имѣетъ около 200 дворовъ въ разныхъ селахъ и деревняхъ, съ весма достаточными лѣсными и полевыми угодіями, а притомъ, говорятъ, не убогъ онъ и готовыми деньгами. Все сіе имѣніе люди цѣнятъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей". А какъ сію оцѣнку можно разумѣть двоякимъ образомъ, то желалъ бы я знать, щитается ли въ означенной суммѣ и денежный капиталъ, или только цѣна недвижимаго имѣнія въ ней разумѣется? Еще жъ прошу васъ, м. г. мой братецъ, изъяснить мнѣ сіи строки писма вашего: „но какъ бы то сіе ни было, все для того зятя будетъ весма авантажно, который сплатить, а особливо естьли сіе здѣлается при его жизни, потому что онъ для сей своей дочери десятитысячное имѣніе въ двѣ или въ три тысячи поставитъ, и въ томъ онъ имѣетъ волю". Какой авантажъ будетъ для послѣдняго зятя, когда онъ принужденъ будетъ выплатить двумъ другимъ принадлежащія имъ части? ибо въ такомъ случаѣ не больше для него останется въ самомъ дѣлѣ, какъ только третія часть имѣнія, да и какая польза можетъ для него послѣдовать изъ того, что г. Бороздна поставитъ десятитысячное дочери своей имѣніе въ двѣ или въ три тысячи? Я признаюсь, что сіе для меня гораздо темно кажется, и представляется въ томъ нѣкоторое противурѣчіе. Сверхъ сего желалъ бы я знать, можетъ ли отецъ по правамъ нашимъ

отдать одному сыну или дочери почти все свое имѣніе, а другимъ по малой части онаго? и естьли не можетъ онъ сего здѣлать на основаніи законовъ, то не можетъ ли къ тому способствовать какое вымышленное средство, какъ напримѣръ продажа или тому подобное, которое могло бы быть надежнымъ для всякихъ процессовъ? ибо мнѣ кажется, что по смерти г. Борозды третій его зять не можетъ миновать процессовъ отъ другихъ двухъ въ случаѣ, когда бы досталось ему все имѣніе тестя его, и что онъ тѣмъ не токмо можетъ себѣ нажить великія хлопоты, но наконецъ и принужденъ будетъ дѣлиться съ другими, и тогда то онъ весма небогатый помѣщикъ будетъ. Наконецъ, прошу увѣдомить меня, какое г. Борозды недвижимое имѣніе, тоесть собственное ли его, и слѣдовательно трудами и иждивеніемъ его приобрѣтенное, или доставшееся ему отъ отца по наслѣдству, или же не получилъ ли онъ за его женою? Также, сколько получаетъ онъ ежегоднаго доходу со всего своего недвижимаго имѣнія, или по крайней мѣрѣ сколько можетъ онъ получать, естьли вамъ о томъ точно неизвѣстно? Чѣмъ скорѣе и чѣмъ обстоятельнѣе получу я отъ васъ отвѣтъ на сіи вопросы, тѣмъ больше одолженъ буду, пребываю впрочемъ съ непремѣнною преданностію и совершеннымъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій и вѣрнѣйшій братъ и слуга Г. Полѣтика. P. S. Я удивляюсь и сожалѣю, что матушка моя вздумала выдать сестру мою за какого то осташковского живописца, который (какъ мнѣ здѣсь сказано отъ одного нѣжинскаго купца) ничего не имѣетъ; а еще больше буду я сожалѣть, когда узнаю, что онъ не изъ вольныхъ людей, но изъ числа велико-россійскихъ купцовъ, кои по большей части иго крѣпости на себѣ носятъ. Избави меня Боже отъ такого зятя! Я почту себѣ за несчастіе, естьли онъ не изъ вольныхъ людей; я жъ имѣю причину объ томъ сумнѣваться потому, что онъ въ своемъ ко мнѣ писмѣ подписался осташковскимъ купцомъ и живописцомъ; а какъ вамъ, м. г. мой братецъ, чаятельно о состояніи его извѣстно, то прошу объ ономъ меня увѣдомить, такожъ и о томъ, съ вѣдомомъ ли, и по согласію ли батюшки вашего, или другихъ родственниковъ нашихъ рѣшилась матушка моя здѣлать

сего живописца зятемъ своимъ, или же не сама ли она собою паче чаянія поступила на такое дѣло, въ которомъ надлежало ей прежде всѣхъ съ вами посовѣтоваться, а естьли долго васъ не было въ Ромнѣ, то съ батюшкою вашимъ, который не думаю, чтобъ присовѣтовалъ ей выдать сестру мою за такого человѣка, о состояніи котораго не имѣлъ онъ довольнаго свѣдения. Гораздо бы лучше она здѣлала, естьли бы она выдала сестру мою за земляка своего, хотя изъ выборныхъ казаковъ, и хоть не богатаго человѣка; а естьли не можно было сыскать никого изъ своихъ земляковъ, то пускай бы лучше осталась сестра въ дѣвкахъ. Въ разсужденіи сего прошу васъ, м. г. братецъ, принять такія мѣры, чтобъ послѣдняя сестра моя не была выдана за подобнаго выше реченному живописцу, и чтобъ матушка моя ни за кого не выдавала ее безъ вашего согласія. Я надѣюсь, что вы сами потрудитесь отдать Настасьѣ Ивановнѣ Соколовой писмо, въ которомъ г. Дюваль вздумалъ не только безъ прозьбы моей, но и противъ моего желанія припомнить ей о томъ, что онъ къ ней писалъ обо мнѣ, тому года съ два, также самъ собою, тоесть не бывъ отъ меня нимало побужденъ къ тому, а только изъ единой ко мнѣ дружбы. Мнѣ нельзя было отвратить его отъ сего припамятованія потому, что онъ не сказалъ мнѣ объ ономъ ничего, пока не написалъ своего писма, котораго также не можно уже было перемѣнить въ разсужденіи упорнаго его нрава и по причинѣ краткости времени до отправленія сегоднишней почты. Впрочемъ, мнѣ кажется, что отъ того не можетъ послѣдовать ни для васъ, ни для меня никакого худа, естьли не получимъ какой пользы.

65) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1772 г., 12 декабря.

Четвертая недѣля уже наступила съ того времени, какъ я имѣлъ честь получить два писма ваши, одно отъ 30 октября, а другое отъ 2 ноября, на которыя конечно ни мало не умедлилъ бы я отвѣтствовать, есть-ли бы онѣ по нещастію моему не застали меня въ такомъ состояніи, въ какомъ я еще никогда здѣсь не былъ, ибо спустя недѣли съ три послѣ того моего припадка, о которомъ я прежде писалъ къ вамъ, случилась мнѣ

другая болѣзнь гораздо сильнѣе первой, которая теперь хотя и не такъ безпокоитъ, какъ она безпокоила и мучила меня съ самаго начала, однако столько ея осталося еще, что никоимъ образомъ самому мнѣ писать не можно, да и то для меня трудно, чтобъ сказывать другому то, что мнѣ доводится сочинять по необходимой нуждѣ. Но всего хуже и прискорбнѣе для меня, что сія болѣзнь моя (которая по французски называется *asthme*, а по русски *удушье*) по объявленію самыхъ искуснѣйшихъ здѣшнихъ докторовъ, которыхъ призывалъ я на совѣтъ, хотя и не опасна, однако долговременнаго требуетъ лѣченія, такъ что она не токмо нѣсколько мѣсяцевъ, но и цѣлый годъ, а по нещастію и больше, продлиться можетъ при частыхъ перемѣнахъ, изъ которыхъ одна другой легче или тяжелѣе бываетъ, смотря по погодѣ и по другимъ обстоятельствамъ. Изъ сего вы, м. г. мой братецъ, видите, что злая судьба моя къ великому моему сожалѣнію удаляетъ отъ меня тотъ пріятный къ женидьбѣ случай, который вы по отличному вашему ко мнѣ доброжелательству предложить мнѣ изволили, и которымъ я бы конечно съ превеликою охотою воспользовался, есть-ли бы не случилась нечаянная въ здоровьи моемъ перемѣна, которая, Богъ вѣсть, когда и какимъ образомъ кончится; мнѣ же не къ стати было бы не токмо требовать, но и помышлять, дабы извѣстная дѣвица, о которой вы ко мнѣ писали, въ ожиданіи меня отсылала другихъ жениховъ, ибо и того не заслужилъ я ни чѣмъ, что она согласилась дожидаться меня до новаго году, и я весма сожалѣть буду, естьли ей между тѣмъ временемъ, какъ она меня ожидала, представлялся случай къ замужеству, и естьли она чрезъ меня потеряла сей случай. При такомъ состояніи здоровья моего не остается мнѣ ничего инаго, какъ имѣть попеченіе о поправленіи онаго, и потому принужденъ я до нѣкотораго времени отложить мысли о женидьбѣ. Впрочемъ имѣю честь быть и проч. Григорій Полѣтика.

66) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1773 г., 9 апрѣля.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Давно уже надлежало мнѣ писать къ вамъ, да и давно уже я къ тому сби-

раюсь; но по сіе время не удалось мнѣ исполнить сей моей должности то за недосугами, то за слабостію здоровья (въ которомъ теперь, слава Богу, начинаю оправляться) а при томъ, естьли истину сказать, нѣсколько удерживался я писать къ вамъ и въ такомъ мнѣніи, что писмо мое не застанетъ васъ въ Санктпетербургѣ; почему и ожидалъ я прежде отъ васъ увѣдомленія объ отъѣздѣ вашемъ оттуда, но какъ предъ нѣсколькими днями получилъ я отъ г. Юлинца писмо, которымъ онъ далъ мнѣ знать, что вы еще въ Петербургѣ находитесь, и что вы еще и сами не знаете, когда отправитесь въ Украину, то я не хотѣлъ болѣе откладывать намѣренія моего, которое тѣмъ охотнѣе теперь исполняю, что имѣю особливую побудительную къ тому причину, тоесть полученную вами отставку отъ службы съ чиномъ коллежскаго совѣтника и съ пенсіею. Вамъ, м. г. мой братецъ, не трудно отгадать, что намѣреніе мое клонится къ поздравительному привѣтствію; но не извольте однакожъ думать, чтобъ я хотѣлъ поздравить васъ чиномъ,—нѣтъ; конечно я не хочу поздравлять васъ онымъ, потому, что вы не только сей чинъ, но и гораздо болѣе онаго заслужили, въ чемъ каждой, кто имѣетъ честь довольно васъ знать, безъ сумнѣнія отдаетъ вамъ надлежащую справедливость. Я только поздравляю васъ учиненнымъ къ чину прибавленіемъ, тоесть пенсіею, ибо кромѣ того, что ее предпочесть можно голымъ чинамъ, она, по мнѣнію моему, значитъ и отличность награжденія за службу, какое у насъ рѣдко дѣлается; сверхъ того, всеусерднѣйше желаю вамъ, м. г. мой братецъ, чтобъ вы до самыхъ дальнѣйшихъ предѣловъ человѣческой жизни могли сею пенсіею пользоваться въ совершенномъ здравіи. Вѣдая, что г. Юлинецъ говорилъ съ вами о всѣхъ тѣхъ причинахъ и обстоятельствахъ, кои помѣшали мнѣ приступить къ предложенію вашему, я за излишнее почитаю повторять здѣсь оныя; и по тому не остается мнѣ болѣе ничего сказать вамъ въ отвѣтъ на писмо ваше отъ 12 генваря, привезенное княжимъ камердинеромъ, которое кромѣ того, что вы, м. г. мой братецъ, конечно ничѣмъ не здѣлали мнѣ нималѣйшей досады, и что не разсужденія ваши, о которыхъ вы писали ко мнѣ въ прежнихъ вашихъ писмахъ, но единственно тѣ причины и обстоятельства, о которыхъ г. Юлинецъ здѣлалъ вамъ подроб-

ное изъясненіе, не допустили меня воспользоваться предложеніемъ вашимъ. Что касается до состоянія здоровья моего, то я правда теперь въ немъ оправляюсь, но при всемъ томъ совѣтуютъ мнѣ доктора принимать здѣсь нѣкоторыя минеральныя воды, или ѣхать для употребленія оныхъ въ тѣ самыя мѣста, гдѣ онѣ имѣютъ свои источники. Впрочемъ покорнѣйше принося вамъ благодареніе мое за ваше благосклонное и впредь обо мнѣ намѣреніе, я осмѣливаюсь только о томъ просить васъ, чтобъ вы пожаловали такія приняли мѣры ко исполненію онаго, когда вамъ окажется къ тому случай, или, лучше сказать, когда вы сыщете къ тому средство, чтобъ не были у васъ и у меня связаны руки съ перваго слова, тоесть чтобъ не опредѣлять мнѣ точнаго времени для пріѣзду, и не увѣрять въ томъ никого, а только условиться, съ кѣмъ надобно будетъ, что вы будете ко мнѣ писать, ибо вы сами, м. г. мой братецъ, вѣдаете, что всего предвидѣть не можно, и что нечаяннымъ образомъ могутъ случиться такія помѣшательства, о которыхъ можетъ быть не доведется и помыслить. Чтожъ касается до обстоятельнаго и подробнаго извѣстія обо всемъ томъ, о чемъ мнѣ нужно будетъ вѣдать, то я не сумнѣваюсь, что вы не отречетесь услужить мнѣ онымъ, сколько возможно будетъ, и въ такой надеждѣ остаюсь и проч. Григорій Полѣтика. P. S. Естьли отъѣздъ вашъ изъ Петербурга въ Малую Россію не послѣдовалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, то вы узнаете до полученія сего писма, что отъ князя здѣлано уже представленіе о произведеніи меня въ коллежскіе совѣтники. И такъ, остается теперь знать, будетъ ли оное представленіе принято во уваженіе, или не положатъ ли его подъ спудъ, такъ, какъ здѣлано было съ прежнимъ обо мнѣ представленіемъ, которое касалось до произведенія меня въ совѣтники посольства.

67) Брата Андрея Андреевича [1]*), изъ Ромна, 1774 г., 4 іюля.*

М. г. мой братецъ Григорій Андрѣевичъ! По причинѣ небитности брата Стефана в домѣ, возній зъ своимъ виездомъ по-

---

[1]) Андрей Андреевичъ Полетика, р. 1745+1790, черниговскій губернскій предводитель 1785—788. Былъ женатъ на Аннѣ Савичъ. Оставилъ двухъ сыновей. Потомки его живутъ нынѣ въ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

удержался, а сего июля 3 издилъ въ Коровинцѣ зъ увяжчими листами [1]), онъ во всемъ поупрямился, итакъ слѣдуетъ возному сознать персонално передъ судомъ, коего нынѣ нѣтъ на лице; за сѣно положена ему зарука, естли неуплатитъ присужденныхъ денегъ 711 рублей, столкожъ, а естли станетъ опять косить тую траву, зарука такаяжъ въ увяжчомъ листѣ положена, которую взискивать, естли станетъ косить, чрезъ позовъ кажется слѣдуетъ по артикуламъ 14-му и 100-му (литовск. статута); и такъ новіе будутъ позви. Зарука каждому по 500 рублей ближе не можетъ быть по праву плачена, какъ въ 24 недели, которой срокъ ему назначенъ декабря до 16 числа. Въ роздѣлку не пошелъ, что будетъ дѣлать—дожидатся ли полугодового сроку или какъ видно, что все сіе должно быть окончено въ сентябрскихъ рокахъ или сказать начато. Какой будетъ вашъ совѣтъ, увѣдомѣте вскорости, а всего лутше какъ помиритесь; братъ Стефанъ наказуетъ, что онъ нынѣ вамъ и брату Ивану Андрѣевичу заплатитъ наличніе денги неотмѣнно. Думайте какъ хотите, а я такъ думаю, что еще и сей годъ дѣла наши не пойдутъ въ сенатъ онъ засѣно суддей и разбирающихъ, болшинство голосовъ суддей, зоветъ въ судъ генералній на очній разговоръ; дѣло хочай для нихъ неопасное та все медлителное и лишающое пріятного покоя человѣка. Естли ви приступите прямо къ миру, то и братъ Иванъ Андрѣевичъ надѣюсь согласится, и оба ви, несумнѣваюсь, что будете удоволствовани; пріедте хочай навремя, посмотримъ что зъ сего війдетъ, а ви и безъ сего, какъ слихалъ я, хочите быть къ Ильи. Озираймось назадъ, чтобъ смерть ненаварила кому либо изъ насъ такого пива, что и дѣти наши не попютъ, какъ нѣкому будетъ сего докончить дѣла. Извѣстіе полковой лубенской канцеляріи посилаю и пребуду зъ неотмѣннимъ моимъ доброжелателствомъ и должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ м. г—ря брата всепокорнѣйшій слуга Андрей Полетика.
P. S. Получилъ я отъ васъ кочубееву экспедицію, нехудо подчиваетъ; отъ сего бы торгу аби зъ носомъ, лутше ничего неимѣть, нежели съ такими варварами имѣть сосѣдство.

---

[1]) Увяжчій листъ представлялъ собою, по литовск. статуту, судебный приказъ объ арестѣ того или другого спорнаго имѣнія.

68) Брата Степана Андреевича, 1774 г., 24 сентября.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Въ переездъ вашъ чрезъ Коровинцы, бившій въ васъ священникъ николскій коровинскій отецъ Карпъ Рудявскій, по приказанію вашему, пересказалъ всѣ ваши виговоренніе мнѣ бранѣ и ругательства, послѣдовавшіе по резону будто мною произносимихъ въ обиду вашу непристойнихъ рѣчей, якими вы въ Ромнѣ завѣрены. Я бы, м. г. братецъ, всѣ ваши бранѣ, ежели бы они били доказателни весмабъ терпеливо снеслъ, ведая, что старѣйшихъ порицанія почитатся должни за наставленіе молодшимъ, но поелику вы оніе употребляете по еднимъ толко наслишкамъ, увѣрясь на пересказкахъ моихъ недоброхотовъ, и ругаетесь съ меня и предъ неприличними сего слишанію лицами невинно, такъ позволте вамъ сказать, что вы въ семъ погрѣшаете, и въ мѣсто мнѣ произносимой невинно бранѣ, себе предъ цѣлимъ свѣтомъ предъосуждаете. Я хочай много и неизобученъ, еднакъ сіе совершенно знаю, что нѣкто еще не родился въ свѣты, которой бы всѣ свои замахи получалъ, какіе онъ вздумаетъ, и во всемъ бы полагать моглъ свою удачу на свое распораженіе, которое отъ единого Бога, защищающого справедливыхъ, зависитъ; я полагаюсь на его Божескую волю, не усумнѣваюсь нѣкогда обличитъ ложніе и лакоміе суди, коими нѣсколко будто вы удоволствовани, и иснести всѣ ваши наносиміе мнѣ обиды разоренія и ругателства. Ревокаціи жъ мнѣ таковой, какъ вы попу пересказовали, чтобъ себя назвать невинно предъ честними людмы плутомъ и бездѣлникомъ, тѣжъ саміе честніе люде произнесть не позволятъ, поелику оная нетокмо дѣйствію ихъ, но и слышанію мерзостна, а колми паче родной кровъ сего требовать неприлично и предосудительно. Вы, м. г. братецъ, какъ старіе насъ всѣхъ, лучше бы изобрѣтали въ фамиліи тишину, а не укореняли къ себѣ всѣхъ недоволство, которое къ вамъ всѣ родомъ внутренно, а я открито имѣю, ежели вы за виговоръ сей объявленній отъ васъ попу, что я будто фасталъ, что вы меня просите купить въ Коровинцахъ ваши части, гнѣваетесь, что въ семъ я себе предъ всѣми честними людми оправдать готовъ, и пересказавшому вамъ несправедливо плуту совершенно его ложъ доказать

могу; а притомъ вамъ, м. г. братецъ, откриваюсь, что ежели желаете, то заплатѣте мнѣ всѣ мои добра въ Коровинцахъ, я, ей, охотно уступаю вамъ, и лучше желаю неимѣть въ нихъ нѣкакого участія, нежели продолжать слезно въ нихъ жизнь; симъ вы себя успокоить можете, а мнѣ оставите конечную вѣка моего жизнь покойную, и дѣтямъ моимъ, и откриете прежную любовь братерскую, которой я себя ласкаясь, пребиваю съ моимъ всегдашнимъ доброжелателствомъ и почтеніемъ, м. г. мой братецъ, вашъ доброжелателнѣйшій братъ и покорнѣйшій слуга Стефанъ Полетика.

Антонъ Танскій, полковникъ кіевскій.

(1712—1734 г.).

(Къ портрету его тещи).

На прилагаемомъ портретѣ изображена жена извѣстнаго бѣлоцерковскаго полковника Семена Палѣя вмѣстѣ съ ея внучатами. Несмотря на громкую извѣстность послѣдняго представителя малорусскаго козачества на правомъ берегу Днѣпра, о семьѣ его сохранились свѣдѣнія болѣе чѣмъ краткія: извѣстно (да и то, о женѣ, изъ одного лишь ея портрета), что жену Палѣя звали Федосьей, а единственную его дочь Марьей и что эта Марья была замужемъ за однимъ изъ братьевъ Танскихъ. Послѣдніе, по семейному преданію, вышли, вмѣстѣ съ отцемъ, изъ Молдавіи и принадлежали къ числу тѣхъ авантюристовъ, которые приходили въ Малороссію искать матеріальныхъ достатковъ на воинскомъ поприщѣ. Одинъ изъ этихъ братьевъ Танскихъ, Михаилъ, благосостояніе свое устроилъ женитьбою на дочери такого виднаго дѣятеля правобережной Малороссіи, какимъ былъ Палѣй. Нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, вмѣстѣ со старыми, какъ объ этомъ Танскомъ, такъ и о его тестѣ, приводимъ здѣсь въ поясненіе той среды, къ которой принадлежала „Феодосія Палѣевая“.

Семейное преданіе говоритъ, что Михаилъ Танскій женился на дочери Палѣя въ 1677 г. [1]), но извѣстнымъ этотъ Танскій становится лишь съ того времени, когда Палій былъ

---

[1]) Арх. Ю. З. Россія, ч. 3, т. II, стр. 64.

сосланъ, по проискамъ Мазепы, въ Сибирь (1704 г.). Около этого времени Антонъ Танскій становится охоче-комоннымъ полковникомъ, получивъ этотъ урядъ конечно отъ Мазепы; а въ 1706 г. Мазепа даетъ ему въ корсунскомъ уѣздѣ село Яхны и сельцо Микитинцы [1]).—Когда Мазепа измѣнилъ, Петръ Великій въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій по этому случаю, послалъ Танскому (31 октября 1708 г.) приглашеніе „немедленно прибыть съ своею командою въ армію", добавляя въ письмѣ: „за что мы вамъ милость свою и жалованье обѣщаемъ, а полкъ вашъ здѣ обрѣтается (письмо писано „отъ р. Десны"), который мы до пріѣзду вашего удоволствовали нашимъ жалованьемъ, а по пріѣздѣ вашемъ не только оный полкъ, но и иные полки охотницкіе, вѣдая вѣрность вашу къ намъ, дадимъ подъ команду" [2]). Танскій не замедлилъ исполнить царскій приказъ и, какъ говоритъ семейное преданіе [3]), тутъ же просилъ царя о возвращеніи тестя изъ ссылки. Возвращенный Палѣй былъ назначенъ „по прежнему" охотницкимъ полковникомъ [4]), т. е. значитъ, ему не былъ возвращенъ Бѣлоцерковскій полкъ; но фактически, Палѣй сталъ по прежнему распоряжаться Хвастовщиною [5]). На этотъ разъ власть Палѣя была непродолжительна: въ январѣ 1710 г., онъ умеръ, какъ видимъ изъ слѣдующаго универсала Скоропадскаго: „панамъ старшинѣ полковой, сотникомъ, атаманомъ... полку бѣлоцерковского, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ извѣстившися мы, что панъ Палій судбами божіими временное скончивъ житіе свое, а при кон-

---

[1]) Т. ж., 698.

[2]) Т. ж., стр. 709.

[3]) Дѣло о родѣ дворянъ Танскихъ. Арх. черниг. дворянск. депут. собр.

[4]) Въ царской грамотѣ, данной 3 сентября 1709 г., въ м. Сольцѣ надъ Вислою, (подписалъ Головкинъ) читаемъ: „Наше царское величество пожаловали бывшаго заднѣпровскаго охотницкаго полковника Семена Палѣя, за его къ намъ вѣрность и службы, велѣли ему быть по прежнему полковникомъ охотницкимъ, коннымъ, надъ компанейцами, которые нынѣ подъ командою его; и быть ему подъ командою и въ послушаніи подданнаго нашего гетмана войска запорожскаго Ивана Илича Скоропадскаго, и ради увѣренія всѣмъ указали мы, великій государь, дать ему, Семену Палѣю, на тотъ чинъ полковничества сію нашу царскаг величества жалованную грамоту". Тамъ же.

[5]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3. т. II, стр. 183.

чинѣ вручилъ данніе себѣ отъ его царского пресвѣтлого величества клейноти войсковіе на охочокомонное полковничество пану Танскому, зятевѣ своему, и притягалъ вашмостей назадъ въ Хвастовъ, желаючи, жебысте его за полковника бѣлоцерковского мѣти соизволили, яко на тое, зъ подписомъ именъ всѣхъ васъ, онъ же, п. Танскій, прислалъ до насъ суплѣку. Лечъ ижъ статися и потвержено отъ насъ тое быти не можетъ безъ вѣдома и виразного указу монаршого, теди за сполнимъ согласіемъ зъ сіятел. министромъ его мил. г. Андреемъ Петр. Измайловымъ, писалисмо оразъ до царского величества о томъ, просячи скорого указу; а нѣмъ одержимо, по доношенію нашомъ, монаршій о полковничествѣ вашемъ бѣлоцерковскомъ указъ, до того часу вручаемъ быти полковникомъ наказнимъ п. Павлу Циганчуку, обозному полковому..." [1]). Изъ этого универсала видимъ—ка́къ Палѣй заботился о будущей судьбѣ Танскаго. На просьбу Скоропадскаго „о скоромъ указѣ" относительно назначенія Танскаго бѣлоцерковскимъ полковникомъ, Головкинъ, въ мартѣ, отвѣчалъ: „что принадлежитъ о полковничествѣ бѣлоцерковскомъ, что къ опому послѣ Палея интересуется Танскій и ваша велможность изволте сіе дѣло оставить до времени въ той мѣрѣ, какъ оное нынѣ есть, а сколь скоро прибуду въ Спб., о томъ его величеству доложу и получа указъ, писать буду". [2]). Но Скоропадскій, не дождавшись этого отвѣта, въ концѣ февраля уже назначилъ Танскаго наказнымъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ, объяснивъ Головкину, что и старшина тамошняя, и чернь о немъ просятъ. Головкинъ нашелъ это распоряженіе „изряднымъ", конечно будучи увѣренъ въ милости царя къ Танскому. Но царское согласіе на назначеніе Танскаго „совершеннымъ" полковникомъ бѣлоцерковскимъ послѣдовало только черезъ годъ: въ февралѣ 1711 г. Скоропадскій объявилъ своимъ универсаломъ „о врученіи совершенной власти полковничества бѣлоцерковского"—Танскому. [3])—Получивъ Хвастовщину въ свое

---

[1]) Генер. слѣдствіе о маетност. кіевск. полка, рукопись нашей б-ки. Изъ приведеннаго универсала опредѣленно узнаемъ мѣсяцъ смерти Палѣя. Ср. Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 185.

[2]) Матер. для отечеств. исторіи, Судьенка, II, 150.

[3]) Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 748.

управленіе, Танскій сталъ распоряжаться здѣсь такъ, что по словамъ мѣстной шляхты, имѣнія послѣдней до того были Танскимъ разорены, что къ нимъ можно было примѣнить слова: „гдѣ стояла Троя, тамъ теперь волнуется созрѣвшая жатва!“ [1]) Недолго однакожъ пришлось Танскому корыстоваться шляхетскими богатствами: прутскій договоръ измѣнилъ судьбу правобережной Малороссіи и козачеству послѣдней пришлось перебираться на лѣвый берегъ Днѣпра. Но Танскій едвали отъ этого проигралъ: за потерянную Хвастовщину, онъ получилъ кіевское полковничество. Въ іюлѣ 1712 г., Головкинъ писалъ Танскому: „царское величество, вѣдая, что вы, будучи въ Бѣлой Церкви, служили его величеству всегда вѣрно и постоянно и что нынѣ вы не у полку, пожаловать повелѣлъ васъ опредѣлить къ кіевскому полку, который нынѣ имѣетъ ваканцію, о чемъ я указомъ его величества писалъ и г. гетману И. И. Скоропадскому, за которую царскаго величества милость надлежитъ вашей милости трудиться наипаче службы ваши показывать... [2]) Гетманъ съ своей стороны огласилъ пожалованіе Танскаго слѣдующимъ универсаломъ (20 августа 1712 г.): „запобѣгаючи тому, чтобы въ полку кіевскомъ, по преставленіи покойного п. Федора Волского, полковника тамъ бывшого, войсковіе порядки безъ совершенного начальника не пришли до якого разоренія, писалисмо до двору царского величества, просячи повелѣнія—кого-бы на тотъ вакансъ полковникомъ устроити, а поневажъ такое ею монаршее состоялося соизволеніе, якое получилисмо, ижъ-бы п. Антонія Танского, полковника бѣлоцерковского, за его вѣрныя службы на томъ полковничествѣ поставили.... Теды мы, гетманъ, вручили ему тотъ полковничества кіевского началъ и полецилисмо оному всякіе тамошніе полковіе, подлугъ давнего обыкновенія, управляти порядки“. [3])

Послѣ измѣны Мазепы, Петръ В. отнялъ у гетмана право назначенія полковниковъ и сталъ выбирать ихъ лично, стараясь, чтобы полковничьи уряды были замѣщены людьми вполнѣ

---

[1]) Тамъ-же, 190.

[2]) Тамъ-же, 763.

[3]) Дѣло о родѣ дворянъ Танскихъ, въ арх. черниг., двор. деп. собр.

надежными. Вполнѣ надежнымъ считалъ, какъ видно, Петръ В. и Танскаго. Но эти полковники, получая власть непосредственно отъ царя, почти не признавали надъ собою власти гетмана и позволяли себѣ всякій произволъ. Танскій также ни во что ставилъ гетмана и управляя полкомъ болѣе 20-ти лѣтъ, самовластвовалъ въ кіевскомъ полку какъ хотѣлъ. [1]. Скоропадскій жаловался царю, что Танскій его не слушаетъ и въ то же время щедро одѣлялъ непослушнаго маетностями. Отъ Скоропадскаго Танскій получилъ въ 1713 г., с. Свѣтильное, въ 1715 г.—хуторъ Мокіевскій съ слободою Мокіевкою, при р. Переводѣ, [2]) съ прилегавшею къ ней степью, простиравшеюся на десятки верстъ, и въ 1716 г.—с. Калиту. Кромѣ того, у Танскаго было значительное количество „ранговыхъ маетностей" [3]).

Антонъ Танскій пробылъ на кіевскомъ полковничествѣ до смерти, а умеръ онъ не раньше 1734 г. Жену свою, повидимому, онъ пережилъ, почему вѣроятно и явился портретъ дѣтей его вмѣстѣ съ ихъ бабкой, которая, значитъ, досматривала своихъ внучатъ по смерти дочери. Антонъ Танскій оставилъ, по документальнымъ свѣдѣніямъ, трехъ сыновей, Михаила, Ивана и Осипа, и дочь Анну. На прилагаемомъ портретѣ изображены, какъ говоритъ надпись, сынъ Танскаго Иванъ и дочь Федора.

Подлинникъ портрета „Федосьи Палѣевой" находится въ коллекціи В. В. Тарновскаго и пріобрѣтенъ имъ, въ старые годы, въ Борзнѣ, откуда Палѣй былъ родомъ [4]). Вѣроятно, тамъ сберегли этотъ портретъ какіе нибудь родичи послѣдняго. Другой портретъ „Палѣевой", сохранявшійся у Танскихъ въ м. Мокіевкѣ, (тоже во весь ростъ и тоже „зъ унуками"), нынѣ находится у А. И. Ханенка. На обоихъ этихъ портретахъ почтенная малорусская матрона временъ Мазепы изображена съ

---

[1]) Танскій не стѣсняется распоряжаться даже въ чужихъ полкахъ. См. Сулимовск. арх., 71.

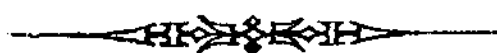
[2]) Теперь въ южной части нѣжинскаго уѣзда.

[3]) См. о нихъ въ генер. слѣдствіи о маетн. кіевск. полка, напечатанномъ Н. П. Василенкомъ въ VII-й книгѣ Чтеній въ общ. Нестора.

[4]) См. Кіевскую Старину 1882 г., № 3, стр. 609.

головою, закутанною въ ту бѣлую повязку, отъ которой женщина у поляковъ встарину называлась „бялогловой“ и которая въ Малороссіи еще недавно (лѣтъ двадцать назадъ) составляла часть народной одежды, подъ именемъ *намитки*; одѣта „Палѣевая“ въ парчевый кунтушъ, который составлялъ въ старой Малороссіи верхнюю одежду какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Кунтушъ у женщинъ составлялъ необходимую одежду, когда они отправлялись въ гости или принимали гостей у себя. „Ни одна женщина не можетъ явиться въ бесѣду безъ кунтуша, а мужчинамъ запрещено видѣть ее въ одномъ корсетѣ, кромѣ развѣ близкихъ родныхъ“, какъ записалъ въ 1808 г., одинъ любитель мѣстной старины, В. Я. Ломиковскій, въ своихъ „припасахъ для малороссійской исторіи“.

А. Л.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо А. С. Анненкова кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. Авторъ этого письма—извѣстный строитель нынѣшней Десятинной церкви, курскій и орловскій помѣщикъ, отставной гвардіи поручикъ Александръ Семеновичъ Анненковъ. Поселившись въ Кіевѣ, онъ пріобрѣлъ обширную усадьбу на углу Владимірской и Трехсвятит. улицъ и развелъ здѣсь большой садъ. Письмо это было написано въ 1845 г. и вызвано слухами о предполагавшихся раскопкахъ въ его усадьбѣ и на погостѣ Десятинной церкви. Слухи эти не совсѣмъ были безосновательны. Въ это время былъ закрытъ состоявшій при учебномъ округѣ комитетъ для открытія древностей въ г. Кіевѣ, и его функціи переданы незадолго предъ тѣмъ учрежденной по ходатайству Бибикова Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. По его иниціативѣ Коммиссія предположила цѣлый рядъ археологическихъ изслѣдованій въ югозападномъ краѣ и въ самомъ Кіевѣ. Весною того же 1845 г. профессоръ А. Ставровскій представилъ въ Коммиссію обширную программу ближайшихъ изысканій. Въ одномъ Кіевѣ и его окрестностяхъ имъ было указано болѣе 30-ти пунктовъ, на которые, по его мнѣнію, слѣдовало обратить вниманіе. На Старомъ городѣ Ставровскій признавалъ нужнымъ произвести раскопки, между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы съ точностію опредѣлить, гдѣ именно находились: а) *Теремный дворъ*, о которомъ въ древней лѣтописи упоминается, что на немъ былъ «теремъ каменъ», служившій жилищемъ кн. Ольги, и б) церковь и монастырь *св. Симеона*,—причемъ, по предположеніямъ Ставровскаго, оба эти пункта должны были находиться вблизи Десятинной церкви. Программа Ставровскаго была одобрена, но за недостаткомъ средствъ лишь въ немногихъ изъ указанныхъ имъ пунктовъ произведены были изысканія.

Помѣщаемое письмо Анненкова представляетъ, между прочимъ, интересъ въ томъ отношеніи, что въ немъ сообщаются нѣкоторыя подробности объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1820-хъ годахъ К. Лохвицкимъ, митроп. Евгеніемъ и самимъ Анненковымъ на погостѣ древней Десятинной церкви и сосѣднихъ мѣстахъ.

Милостивый Государь!

Во упованіи на правосудіе Вашего Высокопревосходительства и на благость души Вашей, осмѣливаюсь прибѣгнуть съ всепокорнѣйшею просьбою. Увѣдомился я, что есть ходатайство у Вашего Высокопр—ства о дозволеніи дѣлать прорѣзы и рвы на цвинтарѣ возобновленной мною Десятинной церкви, также раскапывать прорѣзами и рвами собственный мой садъ, при домѣ моемъ въ г. Кіевѣ, противъ Десятинной церкви состоящій, подъ предлогомъ открытія древностей, къ крайнему моему прискорбію; то посему вынуждаюсь объяснить слѣдующее: Проживающій въ г. Кіевѣ чиновникъ V класса Лохвицкій, узнавъ еще о намѣреніи моемъ возобновить Десятинную церковь, по мѣрѣ возможности моей, на собственное иждивеніе, исходатайствовалъ дозволеніе себѣ у его высокопреосвященства Евгенія, бывшаго митрополита кіевскаго и галицкаго, открыть фундаментъ древней Десятинной церкви и дѣлать поиски въ развалинахъ; почему въ 1825 году сдѣланы имъ глубокіе прорѣзы земли по пространству фундамента древней церкви и во многихъ мѣстахъ на цвинтарѣ не только обнаруженъ фундаментъ, но раскапываны были гробы, не пощажены были кости усопшихъ и проч. Потомъ поручено было академическому архитектору Ефимову [1]) продолжать открытіе фундамента и производить поиски на цвинтарѣ сей церкви; и наконецъ по Высочайшему повелѣнію, допущенъ и я къ окончанію открытія остатковъ древностей Десятинной церкви. Что найдено мною въ развалинахъ и на цвинтарѣ сей церкви, все сохранено, сдано мною по описи и находится въ шкафѣ въ большомъ олтарѣ возобновленной Десятинной церкви (кромѣ только крестика изъ животворящаго древа въ оправѣ червонаго золота съ цѣпочкой, который, съ согласія преосвященнаго митрополита Евгенія, поднесенъ бывшимъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Петромъ Ѳеодоровичемъ Желтухинымъ Ея

---

[1]) Рѣчь идетъ объ архитекторѣ Академіи Художествъ Ефимовѣ, присланномъ въ 1826 г. для освидѣтельствованія остатковъ древняго фундамента Десятинной церкви.

Величеству Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ), а мраморъ, шиферъ, яшма и прочіе камни, найденные въ развалинахъ и въ землѣ на пространствѣ цвинтаря церковнаго, употреблены мною для мозаическаго пола сей церкви. Впрочемъ, отъ вышеписанныхъ поисковъ и прорѣзовъ изрыто было почти все мѣсто церковное, такъ что для спланировки онаго, засыпки глубокихъ рвовъ и ямъ, затромбованія оныхъ и приведенія всего мѣстоположенія, къ церкви принадлежащаго, въ благовидное состояніе употреблено мною довольно трудовъ и иждивенія; слѣдовательно, за таковыми поисками, бывшими прорѣзами и разрытіемъ церковнаго цвинтаря, снова раскапывать оный и дѣлать поиски совершенно не нужно. Касательно жъ собственнаго моего сада, какъ хозяинъ моей собственности, умоляю Ваше Высокопр—ство защитить меня отъ домогательствъ разрывать оный, потому что это неизбѣжно съ поврежденіемъ деревъ и истребленіемъ сада моего, а для мнимыхъ открытій совершенно безполезно, поелику, уважая и любя отечественныя древности, я не упустилъ бы продолжать поиски въ ономъ саду моемъ, и буде бы нашелъ что достопримѣчательное, не преминулъ бы пожертвовать для Императорскаго Университета св. Владиміра, какъ я и дѣлалъ неоднократно таковыя приношенія, и участвуя въ трудахъ Высочайше учрежденнаго комитета о изысканіи и сохраненіи древностей кіевскихъ, я производилъ поиски на собственное мое иждивеніе нѣсколько лѣтъ и сдѣлалъ открытія въ Кіевѣ и Переяславѣ. Но продолженіе теперь таковыхъ поисковъ въ томъ саду моемъ совершенно безполезно, потому что все пространство двора и того сада моего было, со временъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и до построенія крѣпости печерской, складочнымъ мѣстомъ для военныхъ снарядовъ и оружія, изрыто и вмѣщало погреба, въ коихъ хранились порохъ, ядры и прочія артиллерійскія принадлежности. Кромѣ того, полагать должно, что все это мѣсто, со времени еще опустошенія Кіева монголо-татарами, потомъ во владычество оныхъ и въ польское владѣніе было изъ корыстолюбивыхъ видовъ, а можетъ быть и для открытія старины, изрыто почти все глубокими прорѣзами, такъ что я, производивши въ 1830 г. и потомъ по всему пространству сада моего глубокіе прорѣзы, на всѣхъ бывшихъ тогда мѣстахъ безъ деревъ, также и между деревьями открывалъ землю давно рытую и по слоямъ оной слѣды въ разныхъ направленіяхъ глубокихъ рвовъ и ямъ, а весьма много и мѣстъ погребовъ засыпанныхъ, но ничего при всѣхъ тщательныхъ поискахъ и усиліяхъ не нашелъ изъ остатковъ древностей,

кромѣ нѣсколькихъ кусковъ краснаго гранита и древняго колокола корннеской мѣди, найденнаго близъ забора въ саду моемъ, противъ церкви св. Василія, что нынѣ Трехсвятительская, который колоколъ я пожертвовалъ въ Десятинную церковь, пріобщивъ его къ древностямъ оной.

А изъ сего и очевидно, что затѣмъ дальнѣйшіе поиски въ томъ саду моемъ совершенно безполезны, и таковое домогательство разрывать садъ мой клонится къ истребленію онаго, къ нарушенію права собственности, къ обидѣ моей и къ неповинному меня оскорбленію.

«Для того, подвергаясь въ правосудное покровительство Вашего Высокопревосходительства, умоляю о воспрещеніи разрывать цвинтарь при Десятинной церкви и объясненный собственный садъ мой, чѣмъ благотворительную защиту сему храму и большую милость мнѣ оказать изволите.

Съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностью по вѣкъ мой пребыть честь имѣю Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Анненковъ».

На это жалобное посланіе Анненковъ получилъ краткое увѣдомленіе, что безъ его согласія никто и не имѣетъ намѣренія разрывать его садъ для отысканія древностей.

Сообщилъ **О. Л.**

Къ исторіи торговли въ Малороссіи XVIII в. Наши свѣдѣнія относительно торговли и торговыхъ сношеній между Малороссіей и европейскими странами въ XVII и XVIII вв., какъ извѣстно, болѣе чѣмъ скудны. Все, что говорится на этотъ счетъ, не исключая и широковѣщательныхъ фразъ, къ которымъ прибѣгаютъ, когда нужно указать на роль дворянства старшины, и на ея вредное вліяніе,—строется лишь на такомъ фундаментѣ, какъ тотъ, что существовали, молъ, торговыя сношенія съ Данцигомъ и проч. Но какъ велики были размѣры этой торговли, какъ великъ былъ вывозъ, изъ какихъ продуктовъ состоялъ онъ, а, главное, кто былъ главнымъ агентомъ его, кто получалъ плюсы въ этой торговлѣ, объ этомъ не трудились справиться (что было бы естественно и просто) въ архивахъ Данцига, Бреславля и т. п. Въ виду этого нѣкоторую цѣну можетъ имѣть и печатаемый ниже документъ, любезно сообщенный намъ преподавателемъ николаевской гимназіи, г. Ивановымъ, и списанный

имъ въ московскомъ архивѣ. Изъ документа видно, что къ Потемкину обратилась группа полтавскихъ купцовъ съ цѣлой просьбой, указывающей на существованіе уже и раньше, въ теченіе XVIII в. торговыхъ сношеній лѣваго берега не только съ Бреславлемъ, но и съ Голландіей и Франціей. Видимо, что однимъ изъ крупныхъ предметовъ вывоза была пшеница, и обезпечить возможно лучше ея вывозъ—было главною заботой полтавскихъ купцовъ. Образованіе благодаря Потемкину новаго порта на Черномъ морѣ, въ Херсонѣ, открыло новыя перспективы, новые пути для торговли. Воспользоваться ими показалось привлекательнымъ для купцовъ, уже занятыхъ торговыми сношеніями съ европейскими странами, и, слѣдовательно, какъ по этой причинѣ, такъ и вообще по ограниченному размѣру вложеннаго въ торговое дѣло капитала, безсильныхъ воспользоваться лично выгодами новаго торговаго пути моремъ. Документъ состоитъ изъ ряда пунктовъ, крайне характерныхъ: они, эти пункты, весьма рельефно характеризуютъ положеніе купеческаго класса въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII в. въ періодъ, очевидно, господства новыхъ порядковъ, которые далеко не являлись благопріятными для развитія торговыхъ сношеній (пункты просьбы 8, 9 и 10).

Что значеніе и крупная роль, которую должно было играть Черное море для малорусской торговли, не ускользнуло изъ вида у названнаго купечества, ясно, между прочимъ, изъ того пункта (5), въ которомъ они настаиваютъ на разрѣшеніи имъ вывозить по Днѣпру мачтовой и строевой лѣсъ. Вывозъ его изъ Бѣлоруссіи и Польши существовалъ съ давнихъ временъ. Лѣсъ составлялъ главный предметъ, скупкой котораго занимался еще въ XIV и XV в. Данцигъ, устроившій цѣлую сѣть агентовъ для этой торговли. Вывозъ шелъ отъ Бреста, какъ главнаго узла, по Бугу и т. д. въ Данцигъ. Создать новый путь для торговли лѣсомъ значило въ сильной мѣрѣ освободить продавцевъ отъ монополіи сѣвера Германіи.

Какова была судьба ходатайства полтавскихъ купцовъ, нашедшаго, видимо, горячаго защитника въ Потемкинѣ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

«Полтавское купечество, отъ многихъ лѣтъ ведущее торговлю благоуспѣшно въ Саксоніи, Силезіи, Франціи и Голландіи, находитъ новый источникъ преизобильной торговли, открывающійся на Черномъ и Средиземномъ морѣ, премудрымъ усмотрѣніемъ вашего императорскаго величества и устроеніемъ херсонскаго порта. А какъ собственные ихъ капиталы бывъ употреблены въ помянутую, давно

заведенную торговлю не могутъ вступить единовременно въ зборъ и составъ новой сей торговли, да и по обращеніи оныхъ туда, не прежде ожидать можно возврату и прибытка, какъ тогда, когда новозаводимая торговля чрезъ надлежащее кругообращеніе пріидетъ къ извѣстному остепененію, къ чему потребно не мало времени; новость же заведенія торговли отъ херсонскаго порта требуетъ необходимо имѣть собственныя мореходныя суда со всѣмъ снабденіемъ, знающихъ мореходцевъ, учрежденіе конторъ при иностранныхъ портахъ, поставленіе коммисіонеровъ и внутреннее заготовленіе товаровъ, то будучи не въ силахъ произвести въ дѣйство столь важное и полезное предпріятіе всеподданнѣйше испрашиваютъ:

1. Отпустить изъ казны на счетъ вступающей въ сію торговлю компаніи ихъ заимообразно безъ процентовъ триста тысячъ рублей съ срокомъ на десять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи четырехъ лѣтъ взносили они въ казну каждый годъ по равной части оной суммы, на что имѣютъ отъ полтавскаго магистрата аттестаты, представленные ими суммою на четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей.

2. Въ случаѣ недостатка наемныхъ мореходныхъ судовъ, получать имъ казенныя суда по цѣнѣ, во что оные казнѣ обойдутся съ уплатою, какъ и деньги.

3. Знающихъ мореходство шкиперовъ и штурмановъ отпускать имъ казенныхъ на торговыя ихъ суда, на основаніи устава о водоходствѣ, также и флотскихъ офицеровъ, если охотники будутъ находиться.

4. Доставить свободный пропускъ чрезъ Царьградъ въ Средиземное море вывозимой изъ Россіи пшеницы и всякаго рода хлѣба и продуктовъ россійскихъ, которыя способствовать можетъ обратить къ выпуску ихъ изъ Россіи.

5. Дозволить по Днѣпру вывозить изъ Бѣлоруссіи и Польши мачтовыя деревья и строевой лѣсъ.

6. Въ случаѣ опасностей по обстоятельствамъ войны, разбоевъ алжирскихъ и тунискихъ, для провожанія торговыхъ судовъ давать имъ конвой изъ находящихся на Средиземомъ морѣ или по близости военныхъ россійскихъ судовъ.

7. Ходъ торговыхъ судовъ по рѣкѣ Днѣпру и провозъ товаровъ по ней обезпечить надѣжнымъ условіемъ съ польскимъ правительствомъ, дабы со стороны ихъ кромѣ положенныхъ по условію платъ никакихъ притѣсненій чинимо не было.

8. По отлучкамъ отъ домовъ ихъ въ разныя мѣста торговли, домы ихъ и конторы уволить отъ постоевъ до окончанія урочныхъ лѣтъ, равно и самихъ ихъ не употреблять ни въ градскія, ни въ военныя службы.

9. Въ Царьградѣ состоять имъ подъ особливымъ покровительствомъ министра.

10. Въ случаѣ надобностей имѣть имъ прибѣжище надежное къ находящимся въ Архипелагѣ консуламъ съ высочайшимъ препорученіемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Присоединяя къ гласу пользы и славы гласъ всеподданнѣйшаго ходатайства моего, подвергаю я сіе прозорливѣйшему благоусмотрѣнію вашему.

(Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба, опись 194 связка 10: дѣла кн. Потемкина, 1774—1780 г. доклады Потемкина разнаго содержанія на Высочайшее имя безъ означенія годовъ).

И. Лучицкій.

Письмо жены гадяцкаго полковника Григорія Грабянки Евдокіи Ивановны къ брату своему Ивану Забѣлѣ. Григорій Грабянка, которому приписывается лѣтопись— «Дѣйствія презѣльной брани» былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ, (внукѣ двухъ генер. обозныхъ Петра Забѣлы по отцу и Василія Борковскаго—по матери). У Грабянокъ дѣтей не было, и вотъ почему Евдокія Ивановна ту тысячу «золотыхъ», которую она должна была получить по завѣщанію матери своей[1]), отъ брата Ивана Ивановича Забѣлы, даритъ крестной своей дочери «Улясенцѣ», обѣщая брату, что объ этомъ мужъ ея не будетъ знать, что она де ему скажетъ, что завѣщанныя матерью деньги она полностью получила.... Письмо писано въ то время, когда Григорій Грабянка былъ полковымъ судьею (1717—1726) и когда Иванъ Забѣла «выбирался въ далекую дорогу», т. е. въ Сулацкій походъ, весною 1725 г.[2]). Писано письмо конечно не самою «судінною», такъ какъ, безъ сомнѣнія, она была неграмотна, но писало письмо лице, повидимому, довѣренное, можетъ быть мѣстный священникъ....

«Мосцѣ пане Іоанъ Забѣла, мой найкоханшій пане брате рожоній. Зичу вм. м. пану з милою панею отъ Госпота Бога добро-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., № 7, стр. 537.

[2]) См. Дневникъ Як. Марковича, изд. Кіевск. Стар., I, 254 и II, 114.

здравственного пребыванія и во всякихъ замыслахъ благополучныхъ поведеній, причемъ соболѣзную сердцемъ моимъ за вами, же такъ въ далекую дорогу вибираетеся и на долгое время. Чи не можно би отпроситыся въ Глуховѣ прилуцкимъ розыскомъ одъ сей дороги. О гроши, которіи пишете, тисячу золотихъ, даю дочцѣ моюй Улясенци да за мою душу, на сорокоуста, подасте, якъ умру, а я скажу пановѣ своему (т. е. мужу), якъ прийде, що безъ него у васъ отобрала всѣ гроши, а онъ щобъ васъ не турбовалъ нѣ в чомъ. Горѣлки стоятъ не проданы, бо не купуютъ нѣхто. Притомъ вм. мосцѣ пана Господу Богу въ сохраненіе поручаю и зостаю вашмости пану всего добра зичливая сестра Евдокія З(абѣлиная) Г(рабянковая) С(удіина) П(олковая) Г(адяцкая). З Гадяча, мѣсяця февраля 5 числа.»

Письмо списано съ копіи, внесенной въ домашнюю записную книгу б. т. Ивана Ив—ча Забѣлы, которую мы когда то видѣли у Ѳ. Г. Лебединцева.

А. Л.

Варіанты сказки о невѣрной женѣ. Сказки о невѣрной женѣ обстоятельно разобраны въ связи съ пѣснями на ту же тему Н. Ѳ. Сумцовымъ въ XII кн. «Этн. Обозр.» («Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки». Дополненіе въ XVIII кн.); въ XVI кн. «Этн. Обозр.» г. Малинка помѣстилъ четыре варіанта сказки съ тѣмъ же сюжетомъ. Въ послѣднее время этотъ странствующій мотивъ снова подвергнутъ пересмотру по спеціальному вопросу о литературномъ источникѣ оперы Котляревскаго «Москаль чаривникъ» Н. П. Дашкевичемъ, который въ приложеніи къ своей статьѣ напечаталъ еще одинъ варіантъ сказки («Кіев. Стар»., т. 43). Наконецъ, въ мартовской книжкѣ «Кіев. Ст.» г. Перетцъ обратилъ вниманіе на схожій эпизодъ въ «Книгѣ Мудрости и Лжи» (сборникъ грузинскихъ басней и сказокъ, не поступавшій въ продажу). Въ дополненіе ко всѣмъ означеннымъ варіантамъ укажемъ еще сказки № 50 въ «Малор. народн. пред. и разсказахъ,» №№ 11 и 117 у Чубинскаго (II т.) и приведемъ слѣдующій новый варіантъ.

Дурный Иванъ. У одного мужика було три сыны: два розумныхъ, а третій дуракъ. Звалы ёго Иванъ. Передъ тимъ, якъ ихъ батько вмыравъ, позвавъ до себе й каже: «ось я вамъ усё оставляю; якъ я умру, нехай сходка васъ роздиле, якъ зна соби». Умеръ ихъ батько, пишлы воны на сходку, а сходка й каже: «озьмить, кажный построй-

те загороду, а у вечери, якъ прыйде скотъ, то у чью скильки зайде, того стильки й буде». Такъ воны й зробылы; старшихъ два построилы загороды зъ хворосту, а дурынь зъ лободы. Тикы дурынь писля того сыйчясъ лигъ спать, а старши браты сыдять, дожидають череды. Прыйшла череда,—такъ уся й пишла къ дурнёви у загинъ, а къ старшимъ тики одна корова коростява зайшла. Воны сыйчясъ повыганялы скотъ зъ дурнёвого загона, повгонялы у свои, а ёму загналы тики ту паршиву корову. На вутро встае дурынь, бачить: у его загороди тики одна паршива корова. Баче винъ, що ёго пидманылы, та ничого робыть,—винъ и тимъ остався доволенъ. Узявъ сыйчасъ, повивъ свою корову продавать у городъ. Иде винъ лисомъ, а у тому лиси було дерево таке, бурею ёго разщепыло,—то витеръ якъ подуе, то воно: скыргы, скыргы!—скрыпыть. Дурынь це почувъ,—думавъ, що це у ёго торгують корову,—та й каже: «та ничого, я гроши пидожду!»—узявъ, прывязавъ корову до дерева, а самъ пишовъ до дому. Може тамъ черезъ недилю, або й бильшъ, иде винъ у лисъ за грошими; прыходе, ажъ ёго корова вже здохла. Дурынь и каже: «ишь, сукынъ сынъ, заморывъ корову!»—одъязавъ іи, зодравъ зъ неи шкуру, понисъ до дому сушыть. Высушывъ винъ ту шкуру, несе продавать у городъ. Иде винъ; вже вечырь, а до города ще далеко. Винъ заходе у хату (такъ, у поли стояла), а тамъ жинка и пипъ сыдять. Винъ каже: титко, чи не можна мени у васъ переночувать, бо до города ще далеко, а у ранци я соби пиду». Жинка й каже: «ни, чоловиче, ныльзя, бо якъ чоловикъ мій прыйиде, то тутъ и тоби, и мени буде на горихи«. Ничого робыть, пишовъ винъ зъ хаты. А ця хата така була, що по-пидъ стрихою можно було улизты на горище. Дурынь сыйчясъ, недовго думавшы, выкынувъ на горище шкуру, а тоди й самъ улизъ. Улизъ, зробывъ у стели дзюрку и дывыцця, що тамъ у хати роблять пипъ изъ жинкою. Жинка усё выбига подывыцця: чи ны йиде іи чоловикъ; наконець, того вбига й каже: «ой ненько, куды жъ мени тебе, батюшка, ховать?—чоловикъ йиде! иды у комору та сховайся у дижи, а я писля выпустю тебе!» Чуе Иванъ, що прыйихавъ мужикъ, винъ тоди злизъ зъ горища й просыцця у нёго переночувать. Той согласывся. Пишлы воны въ хату, и шкуру за собою дурынь тягне. Уходять у хату, а жинка перехняпыла на одну сторону капоръ, на другу—спидныцю й лежить, стогне: «оохъ, Боже мій! Оохъ, охъ!» А чоловикъ іи й каже дурню: «це якъ бачишь чоловиче, усе бидна не здужа!» Иванъ и каже: «це скверне дило!»

Силы воны за стилъ, а дурынь положивъ свою шкуру соби пидъ ногы. Хазяинъ и каже жинци:

— Жинко, чи ты зварыла йисты?

«Оохъ, оохъ! Онъ, тамички... охъ, охъ!... борщъ позавчорашній стоить у прыпичку.... охъ, охъ!... що ты варывъ.

Хазяинъ узявъ той борщъ, поставывъ на стилъ, прыглаша й дурня йисты. Йидять воны той борщъ,—такій, що бульбы по ёму ходять—а хазяинъ йисть, бо, звисно, зъ дорогы захотивъ йисты,—ще й поштуе дурня. А дурынь бачивъ, що йивъ пипъ, то вже цей борщъ и ны йде ёму у пельку. Вiнъ узявъ та ногою дряпъ по кожи!

— Эй, мовчи, бо я на тебе ны подывлюсь, сыйчасъ одлуплю!

«А що тамъ таке?

— Та,—то моя шкура пащикуе.

«Що жъ вона каже?

— Та, мало чого вона ны наговоре, що у васъ е у хазяйстви, та іи слухать!..

« Та скажи-жъ, що вона тамъ каже?

— Та вона каже, що у печи борщъ изъ кашою.

А хазяйка стогне: ээхъ, эхъ, ны здужаю!

«Хмъ! жинка! а ты й ны кажишь ничого, що въ тебе у печи е борщъ?

— Охъ, ээхъ!... Та я ны знаю.... ой, охъ!... то, мабудь, маты, якъ прыходылы.... ой, Боже мій! охъ!... та зварылы!

Хазяинъ выйнявъ той борщъ; йидять воны зъ Иваномъ, а Иванъ опьять свою шкуру: дряпъ!

— Эй, шкура барабаньска! я тебе попащикую!

«А що вона ще каже?

— Та що вона каже! Вона каже, що у твоеи жинки подъ подушкою стоить кварта горилки.

«Хи, хи! А ты, жинко, ничого й ны кажишь, що въ тебе е горилка?

А хазяйка: «Ээхъ ээхъ! А, Боже мій, хиба я знаю, де та тамъ горилка?... Ой, ненько! Оохъ!... То, мабудь, маты прыходылы... охъ!... та прыныслы для тебе... оохъ, охъ!»

Напывся Иванъ изъ хазяиномъ горилки,—опьять свою шкуру шкарябъ!

— Ээй, чуишь! смотры ты мени! Я не пожалію пьятака, а куплю на тебе батигъ!

«А що тамъ? Вона ще що каже?

— Що каже? Вона каже, що у печи вареныки зъ сыромъ.

А хазяйка: «Оохъ, лышечко, ой, не здужаю!»

Эгээ!? Я, якъ подывлюсь, то ты усёго наварыла й напекла, а мене поштуешь позавчорашнимъ борщемъ!.. Уставай-ка лышинь! Давай сюды вареныкы!

А хазяйка свое: «Ой, ненько! Оохъ, у кисточкахъ ломыть!»

«Ну, ну, швыдче мени! Уставай!»

Ничого робыть, устае наша баба, подае на стилъ вареныкы. Тики що вона поставыла вареныкн, а дурынь опять свою шкуру шкрябъ!

— Ээй, смотры ты мени!

Кажы, що тамъ вона ще каже?

Та вона каже, щобъ жинка твоя уставала, та ставила крипъ, та щобъ запарювала бичи.

Вставай-ка, жинко, заварюй крипъ!

— Ой, ненько, не здужаю!

«Ну, уставай, лярво собаче, бо я сыйчясъ тебе побью!

Устала жинка, заварюе крипъ, а чоловикъ запарюе бичи. А Иванъ опьять—шкрябъ свою шкуру.

— Эй, мовчи! эй, мовчи, бо онъ бичи вже паряцця, то я живо на тоби ихъ побью!

«А що тамъ таке ще вона каже?—пыта хазяинъ.

— Та вона каже, щобъ я узявъ свичку, та шовъ попереди у комору, а вы за мною ныслы бичи, а жинка ваша—окрипъ, та тамъ запаремо кадку, бо у васъ е спорчына.

Пишлы воны у комору, а пипъ ни живый, ни мертвый сыдыть у бочци. Хазяинъ и каже жинци:

— Лый у бочку крипъ!

«Оохъ! охъ! Не пидныму!

— Лый, тоби говорять, бо я сыйчясъ побью на тоби бичи!

Вылыла бидна жинка той окрипъ у кадку, а видтыля пипъ выскочивъ, та: пфъ, пфъ, пфъ!—такъ ёго кыпяткомъ ошпарыло. А тутъ ще чоловикъ на ёго насивъ зверху, та й давай ёго лупыть бичамы! Попобывъ ёго добре, такъ що пипъ ледви дотягнувъ ногы до дому. Затимъ допався й до своеи жинки: «такъ ось що значить, якъ ты нездужаишъ! безъ мене попивъ до себе прыймаешь! ось я тоби покажу, яки попы!» Побывъ винъ жинку добре, писля—до Ивана: «чоловиче, ну та й брава въ тебе шкура,—усе зна! продай лышинь мини

іи! Що ты за неи хочешь?» А Иванъ каже: «гмъ! що я хочу?.. це шкура дорога! якъ дасте сто рублывъ, то буде ваша!» Хазяинъ каже: та у мене наберецця съ пьятдесятъ рублывъ, а пьятдесятъ пидожды, ось я збигаю до сусида та позычу у него». Купывъ винъ ту шкуру, простылывъ рядныну, положивъ на неи ту шкуру, щобъ не пылылась, а на другый день пойихавъ зъ Иваномъ: Иванъ до себе, а винъ у городъ; уйижжа та й каже жинци: «дывысь теперъ мини! шкура усе роскаже, що ты тутъ будышь робыть!...» Тики що чоловикъ уйихавъ, а до жинки прыбига іи маты,—вже резнюхала, що іи бывъ чоловикъ,—та й каже: а що, дочко, тебе бывъ чоловикъ?» А дочка й одвича іи: «ну, та що, шо бывъ, вамъ яке дило? Колы бывъ, то було за що. Идить соби тою дорогою, видкиля й прышлы!»—а вона такъ говорыть, бо надіецця, що шкура роскаже усе чоловикови. Бижить до неи сусидка: «а шо тамъ таке? я чула, що тебе бывъ чоловикъ?»—Ну та що-жъ, шо бывъ? а вамъ яке дило?—«Ты скажи, серце мое, я никому ны буду казать!»—Идить, идять соби, бо якъ чоловикъ прыйиде, то мини й вамъ буде, лучче не уводьте у грихъ!—Выпроводыла й ту. Прыйижжае чоловикъ; сыйчасъ до своеи шкуры, спрашивать, чи ны бувъ тутъ хто?—може тамъ цилый часъ іи спрашивавъ, а вона усе мовчыть, бо, звисно—шкура, якъ шкура!...

А Иванъ тимъ часомъ прыйшовъ до однынеи рички, дывыцця—втопленнывъ на березп лежить. Винъ сыйчасъ свалывъ его соби на плечи и понисъ берегомъ. Побачивъ—човинъ стоить на березп; винъ сыйчасъ того втопленныка посадывъ у той човинъ, попидпыравъ его, щобъ винъ не впавъ, давъ у руки весло и попхнувъ его у ричку, а самъ сховався у осоку и сыдыть. Колы це иде хазяинъ того човна, побачывъ, що хто-сь у его човни плавае,—давай крычять на того мертвеця, бо винъ думавъ, що то живый чоловикъ (бо вечырь, то не выдко добре), крычыть на его; «хмъ, чи вы бачилы?! прыйшовъ, узявъ чужый човинъ, та йиздe соби!.. а, йидь-ко сюды чоловиче!» Той мовчыть. Поругавъ, поругавъ хазяинъ того втопленныка, потомъ узявъ, розувся, узявъ палыцю и полизъ у воду, щобъ однять човинъ. Дойшовъ до човна, а тоди якъ ужаре того мертвеця палыцею,—а Иванъ тутъ якъ тутъ,—выскочывъ и крычыть: «аа, сукынъ сынъ! такъ ты ще будешь людей вбывать!» А той рыбакъ каже: «таа цыть! —Якъ то цыть?—каже Иванъ: людей вбываешь, та ще й цыть?!—славне дило!—«Таа цыть!»—Якъ то цыть?! дай сто рублывъ, то буде цыть!—«Та дамъ тоби й сто рублывъ, тики мовчи!»—Ну, то такъ бы й було напередъ казать, а то: цыть та цыть!—Узявъ Иванъ сто руб-

ливъ,—вже у его двисти рубливъ е. Писля того розійшлысь: рыбакъ пишовъ до дому, а Иванъ одійшовъ трохи, а писля, якъ вже того не чуть було, вернувся, узявъ того втопленныка й опьять иде изъ нымъ на плечахъ. Иде лисомъ, баче: йиде пипъ, а ззаду бижить лоша,—чорт зна де тягнеццця; винъ сыйчясъ упіймавъ те лоша, посадывъ на его мертвеця, а ногы прывязавъ по-пидъ черевомъ, щобъ не впавъ,—а тоди пустывъ, а самъ иде за нымъ по-за кущами. Колы це пипъ оборачуитця, щобъ подывыцця, чи далеко лоша,—обвертаитцця, бачыть: на его лошати чоловикъ йиде,—винъ и крычыть: «злизь ты, сякый-такый! чи ты здуривъ сидать на лоша?! щобъ зломыть спыну?» Той мовчыть. Пипъ тоди злизъ зъ брычки, иде до его, пидходе,—а винъ сыдыть. Винъ тоди его якъ ны вчысте патерыцею,—той и звалывся. А Иванъ тутъ до попа: «а що це вы, батюшка?—хиба попы бьють людей?!—Та цыть!—«Якъ то-цыть?—вбываете людей, та ще й цыть?! дайте сто рубливъ, то я замовчу, ще й заховаю его!» Пипъ, звисне дило, зрадивъ, давъ Ивану сто рубливъ, а самъ пойихавъ. Тоди Иванъ узявъ того мертвеця, убросывъ его у кущъ, а самъ пишовъ вже до дому.

Прыходе до дому, а братывъ нема, уйихалы у городъ, и безъ ихъ вмерла ихъ маты; дурынь якъ разъ на це и наскочивъ. Що тутъ робыть?.. Грошый не хочыцця своихъ тратыть, а въ братывъ, може нема! думае соби Иванъ: заховаю я іи на чужый счотъ! Узявъ, посадывъ іи на повозку, положывъ поперецъ іи крашанки, а самъ сивъ спереду; йиде и усе оглядуиццця назадъ: чи ны впала вона. Прыйижжа винъ у городъ; жидокъ побачывъ, що винъ везе крашанки, подбига: «чуишь, титко! продаешь крашанки?» Та мовчыть. А дурынь усе оглядуиццця, чи не впала его маты. Жидъ опьять: «а почому, жинко, крашанки?» Та мовчыть—звисно,—мертва. Иихъ! жидъ якъ разсердыццця, якъ упече іи крашанкою,—вона й упала. А Иванъ сыйчясъ тутъ до его, наробывъ крыку, гвалту. Позбигалысь люды; прысудылы того жида заховать покойныцю на свій счотъ. Прыйижжа Иванъ до дому, а браты его тожъ вже попрыйижжалы; спрашують: «чи не бачывъ ты матери?—Гмъ, я вже іи й похоронывъ!—Тутъ винъ усе росказавъ якъ було.

И доси Иванъ живе та усихъ людей дурыть, дарма що самъ дурынь.

(Дер. Арнаутовка (Красноглазовка), близъ г. Елисаветграда херс. г. Запис. Янковскій).

Приведенный варіантъ ближе всего къ польской сказкѣ въ собраніи Хелховскаго (Сумцовъ, «Этн. Об.» кн. XII, стр. 111—112);

особенность его—та, что разсказъ о невѣрной женѣ является въ немъ лишь въ качествѣ эпизода въ повѣствованіи о различныхъ похожденіяхъ плутоватаго дурня. Подробность о продажѣ дурнемъ коровы встрѣчается въ одной сказкѣ у Чубинскаго (II, № 4 на стр. 495; «Про трохъ бративъ). **В. Ястребовъ**.

Къ біографіи А. А. Котляревскаго. Въ числѣ рукописей, поступившихъ въ 1877 году въ библіотеку Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ составѣ всей библіотеки покойнаго профессора Московскаго университета и академика С. П. Шевырева, находится небольшая тетрадка въ 4°, озаглавленная : «Древняя Малороссія въ ея пѣсняхъ. (Опытъ характеристики народа по памятникамъ народной словесности). Студента историко-филологическаго факультета 2-го курса Александра Котляревскаго». Эта студенческая работа весьма извѣстнаго впослѣдствіи слависта и профессора Кіевскаго университета А. А. Котляревскаго († 29 сентября 1881 года), по всей вѣроятности досталась Шевыреву, какъ декану историко-филологическаго факультета въ это время, а писана была для О. М. Бодянскаго—м. б. даже по вызову и на тему послѣдняго. А. А. Котляревскій, окончившій курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ въ Московскомъ университетѣ въ 1857 году и слушавшій у О. М. Бодянскаго разныя отрасли славяновѣдѣнія, навсегда сохранилъ о своемъ учителѣ благодарную память, и въ посвященной ему некрологической замѣткѣ причисляетъ себя къ тѣмъ «многимъ ученымъ представителямъ славяновѣдѣнія», которые «обязаны многимъ» Бодянскому [1]). Ему, «какъ первому своему учителю славяновѣдѣнія», посвятилъ онъ свою книгу, объ Оттонѣ Бамбергскомъ (Прага 1874).

Можно предполагать, что названная курсовая работа была первымъ болѣе или менѣе обширнымъ и цѣльнымъ учено-литературнымъ опытомъ будущаго слависта, который, по словамъ близко знавшаго его лица, явился въ Московскій университетъ уже съ опредѣлившимися до значительной степени вкусами и стремленіями. Его занимала исторія, а въ исторіи на первомъ планѣ онъ видѣлъ народъ съ его вѣрованіями, думами и обычаями» [2]). Какъ уроженецъ Малороссіи,

---

[1]) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. I. Кіевъ 1879, стр. 301.

[2]) Поминка по А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1881, стр. 7, ст. П. И. Аландскаго „А. А. Котляревскій. Некрологъ“.

даровитый студентъ взялъ для сочиненія своему профессору—малороссу же—такую тему, въ которой его рано пробудившееся сочувствіе къ этнографическому (въ широкомъ смыслѣ) элементу въ исторіи нашло себѣ приложеніе въ сферѣ интересовъ, близкихъ не только его уму, но и сердцу: историческія судьбы малорусскаго народа, его письменная и устная словесность, его современное состояніе были предметомъ постояннаго вниманія А. А. Котляревскаго, который, по свидѣтельству оффиціальной его біографіи, «былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ южнорусской народной словесности и сочувственно слѣдилъ за разработкой ея» [1]).

Въ виду этого, а также въ ожиданій подробной біографіи А. А. Котляревскаго при издаваемомъ теперь Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ собраніи сочиненій покойнаго слависта, намъ кажется не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ юношескомъ ученомъ его опытѣ.

Сочиненіе, какъ заявляетъ самъ авторъ въ особомъ введеніи («О малороссійскихъ народныхъ пѣсняхъ и думахъ»), основано главнымъ образомъ на слѣдующихъ работахъ: *Н. Костомарова* «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Харьковъ 1843; *О. Бодянскаго* «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» М. 1837; *М. Максимовича* «Украинскія народныя пѣсни». Ч. I. М. 1834; *И. Срезневскаго* «Взглядъ на памятники украинской народной словесности. Письмо къ проф. Ив. М. Снегиреву». Уч.-Зап. Моск. университета 1834 ч. VI. Въ концѣ «введенія» авторъ такъ говоритъ о малорусскомъ народномъ творчествѣ, какъ историческомъ источникѣ, и такими словами опредѣляетъ задачу своего труда: «Въ малорусскомъ народѣ... живое чувство вдохновенія и поэзіи есть врожденный даръ природы; и дѣйствительно, вся самостоятельная жизнь малоруссовъ, вся та жизнь, участіе въ которой бралъ весь народъ, интересы которой были вмѣстѣ и интересами всего народа,—вся эта жизнь цѣло и полно вылилась въ пѣсняхъ малоруссовъ. Приступая къ разсмотрѣнію этихъ пѣсенъ, мы не остановимся на остаткахъ пѣсенъ періода языческаго, сохранившихся только въ пѣсняхъ хороводныхъ и обрядныхъ, остаткахъ, состоящихъ въ призываніи языческихъ боговъ и миѳическихъ лицъ: христіанство, совершенно противное духу язычества, должно было уничтожить эти пѣсни уже и потому, что

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Университета св. Владиміра. Кіевъ 1884, стр. 318.

всѣ таковыя пѣсни и языч. игры считались бѣсовскими и воспрещались церковью. Мы не остановимся также на пѣсняхъ имени Владимірова, ибо онѣ почти не сохранились въ народѣ. Мы начнемъ прямо съ того времени, когда образовалась малороссійская вольница; когда этотъ широкій разгулъ казацкой воли кровавою дорогою обозначилъ слѣдъ свой—и «не было отъ него житья ни турку, ни татарину»; когда потомъ образовалось казачье войско и, видя угнетеніе вѣры и родины, возстало на утѣснителей—и кровавыя битвы и пораженія сопровождали это возстаніе—здѣсь мы сосредоточимъ все свое вниманіе, потому что здѣсь истинное начало истинной поэзіи малоруссовъ; здѣсь въ первый разъ пробудился геній народа, долго, долго пребывавшій въ летаргическомъ усыпленіи; здѣсь то, въ этой борьбѣ съ татарами и съ ляхами развернулась душа народа; борьба эта есть первое общее дѣло малоруссовъ, а общее всегда близко сердцу, народа; оттого то вся эта эпоха такъ полно, ясно и цѣло вылилась въ народныхъ пѣсняхъ. Я не буду въ началѣ излагать историческія событія, чтобы въ связи съ ними разсматривать пѣсни малоруссовъ; самое изображеніе жизни малоруссовъ такою, какою она является въ пѣсняхъ, самое изображеніе уже этой жизни—есть исторія самая вѣрная. Какъ прекрасно подходитъ къ пѣснямъ малоруссовъ пословица: *«пѣсня—быль!»*.

Малорусскія пѣсни, которыя являются единственнымъ матеріаломъ историческаго изученія автора, онъ дѣлитъ на «мужескія» и «женскія», основываясь на томъ, что «это дѣленіе всего болѣе согласно съ духомъ и характеромъ пѣсенъ и есть дѣленіе, котораго держится и самый народъ». Далѣе идетъ изслѣдованіе «мужескихъ» пѣсенъ, историческое содержаніе которыхъ дѣлитъ авторъ, сообразно отразившейся въ нихъ жизни малорусскаго народа, на три періода: гайдамацкій или бурлацкій, казацкій и чумацкій. Разборъ пѣсенъ перваго періода приводитъ автора къ слѣдующему заключенію: «Отличительный и повсюду видный характеръ бурлацкихъ пѣсенъ есть глубокая, сильная жалоба на свою долю—неню, и эта жалоба выливается въ такихъ трогательныхъ, энергическихъ, проникающихъ въ душу и сердце звукахъ, что «по неволѣ заплачешь—и вчужѣ обольешься горючими слезами» (слова О. М. Бодянскаго). Въ этихъ то бурлацкихъ пѣсняхъ мы впервые встрѣчаемъ то, что такъ блистательно является во всей народной поэзіи малоруссовъ: я говорю о драматизмѣ—его породила эта борьба свободнаго духа съ необходимостію, съ «щербатою долею». Пѣсни бурлацкія имѣютъ великое значеніе и

важность въ исторіи жизни и поэзіи малоруссовъ: въ нихъ мы видимъ взглядъ народа на несчастія и бѣдствія; видимъ, какъ справедливо замѣчаетъ Костомаровъ, человѣческое бѣдствіе такимъ, какимъ оно рисуется въ воображеніи малороссіянина. Пѣсни гайдамацко-запорожскія по своему характеру діаметрально противоположны пѣснямъ бурлацкимъ, и если мы въ послѣднихъ встрѣчаемъ борьбу съ судьбою и жалобы на нее, то въ пѣсняхъ гайдамацко-запорожскихъ видна совершенная гармонія между свободою духа и судьбою, совершенное довольство послѣднею: гайдамакъ доволенъ судьбою, онъ любитъ свою разгульную жизнь. Оттого общій характеръ пѣсенъ гайдамаковъ есть необузданная дикая удаль, какъ главная черта народнаго характера, и безцѣльная жажда грабежей и битвъ, какъ слѣдствіе таковаго характера».

Разборъ пѣсенъ казацкаго періода предваряется такими историческими соображеніями: «Постепенно и медленно дряхлѣла увядающая разгульная жизнь запорожцевъ, мало-по-малу изсякалъ источникъ этой бѣшеной богатырской жизни. Запорожецъ уже сталъ не таковъ, какимъ бывалъ прежде: рыцарская безбрачность и эти постоянныя битвы утомляли его... Душа его стремилась къ чему-то болѣе положительному, Но не вдругъ однако угасла эта богатырская жизнь Запорожья: въ ушахъ сыновъ его еще «звенѣла прадѣдная слава», и жизнь этой безбрачной и (если можно такъ сказать) безцѣльной вольницы продлилась еще на нѣкоторое время... Естественная склонность и влеченіе къ семейственности отняли многихъ храбрыхъ витязей у Запорожцевъ—они селились около Днѣпра: въ Сѣчи не было мѣста обабившимся... Вотъ первый зародышъ, первое основаніе козачества! Постепенно увеличивалась эта масса людей семейныхъ, мало-по-малу образовались хутора, сёла, а потомъ и города. Жизни запорожской нанесенъ послѣдній ударъ: она гаснетъ—и на мѣсто Запорожья выступаетъ козачество, сферу дѣятельности котораго можно безошибочно назвать гражданственно-воинской». И далѣе, до конца сочиненія, идетъ разборъ этихъ пѣсенъ второго періода по рубрикамъ: 1 преданность козаковъ вѣрѣ, 2) товарищество, 3) удаль, 4) любовь къ родинѣ.

Такимъ образомъ, въ нашей тетрадкѣ имѣемъ мы не все сочиненіе студента Котляревскаго, такъ какъ по плану долженъ былъ слѣдовать далѣе разборъ пѣсенъ чумацкихъ и затѣмъ «пѣсенъ женскихъ. Въ концѣ послѣдняго листа стоитъ подпись: «конецъ 1-ой половины», но была-ли написана и 2-ая половина, мы не знаемъ.

Намъ думается все-таки, что не смотря на компилятивность этой студенческой работы А. А. Котляревскаго, она можетъ имѣть нѣкоторый интересъ для его біографіи въ томъ смыслѣ, что указываетъ на значительную серьезность занятій его любимымъ предметомъ уже на второмъ курсѣ университета, а приведенныя выдержки могутъ служить до нѣкоторой степени свидѣтельствомъ того, что живость изложенія, сдѣлавшаяся впослѣдствіи одной изъ отличительныхъ особенностей ученыхъ работъ Котляревскаго, проявляется уже и въ его студенческомъ опытѣ, обличая талантъ, много способствовавшій позднѣе вліянію К—го на своихъ слушателей и читателей и въ живомъ словѣ, и въ печатныхъ произведеніяхъ.

Е. Пѣтуховъ.

Справка о практическихъ занятіяхъ студентовъ по предмету россійской словесности въ первые годы жизни Университета св. Владиміра. Въ помѣщенной выше статьѣ В. Пискорскаго „Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіевскаго Университета" говорится, по поводу сочиненій первыхъ студентовъ, что профессору россійской словесности приходилось тогда, кромѣ обязанности чтенія лекцій, вести еще со студентами занятія чисто гимназическаго свойства, а именно—упражнять ихъ въ писаніи сочиненій, и что М. А. Максимовичъ установилъ особые часы для разбора образцовъ лучшихъ русскихъ писателей и наряду съ ними—студенческихъ сочиненій. Въ дополненіе къ этому мы можемъ сообщить самую точную справку, такъ какъ у насъ имѣется печатное расписаніе лекцій за три года (1836—1838), а также нѣкоторые рукописные матеріалы изъ бумагъ М. А. Максимовича.

Въ $18^{36}/_{37}$ учебномъ году для разбора русскихъ писателей и студенческихъ сочиненій со студентами 2-го и 3-го курсовъ 1-го отдѣленія философскаго факультета положено было $1^1/_2$ часа въ недѣлю, а для разбора русскихъ писателей и упражненія въ слогѣ студентовъ 1-го курса всѣхъ факультетовъ опредѣлено было 3 часа въ недѣлю въ два дня (отъ $4^1/_2$ до 6 час. вечера). Сверхъ того, изъ оффиціальной бумаги на имя Максимовича о распредѣленіи занятій въ этомъ году видно, что разборъ авторовъ и студенческихъ сочиненій для 2-го и 3-го курсовъ возложенъ былъ на Максимовича, а упражненіе студентовъ 1-го курса въ русскомъ языкѣ—на исправляющаго должность адъюнкта Голубкова. Въ $18^{37}/_{38}$ году въ

расписаніи уже прямо опредѣлены для студентовъ 1-го курса всѣхъ факультетовъ 3 часа въ недѣлю *разбора сочиненій студентскихъ.* Кто велъ въ этомъ году этотъ разборъ—не знаемъ, только не Максимовичъ, такъ какъ въ рукописномъ отчетѣ его о занятіяхъ въ этомъ году указаны другія его работы со студентами, а именно: со студентами 2-го и 3-го курсвъ 1-го отдѣл. философск. факульт. онъ занимался критическимъ чтеніемъ русскихъ писателей и сочиненій студентскихъ $1^1/_2$ часа въ недѣлю, что въ расписаніи названо только разборомъ русскихъ писателей. Въ $18^{38}/_{39}$ году для 1-го курса всѣхъ факультетовъ остается по прежнему 3 часа въ недѣлю разбора сочиненій студентскихъ, а для 2-го и 3-го курсовъ 1-го отд. философ. факульт. опредѣлено $1^1/_2$ часа въ недѣлю „практическихъ упражненій въ россійской словесности“.

Кромѣ этихъ данныхъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ русскимъ языкомъ, мы имѣемъ возможность еще кое что получить изъ черновыхъ набросковъ отчетовъ Максимовича о своихъ занятіяхъ въ $18^{34}/_{35}$, въ $18^{36}/_{37}$ и въ $18^{37}/_{38}$ учебныхъ годахъ. Эти наброски сохранились среди бумагъ Максимовича и представляютъ небезъинтересную страничку для характеристики какъ самого Максимовича, такъ и преподаванія въ первые годы существованія кіевскаго университета. Оставляя до другого раза знакомство съ этими отчетами по главному содержанію ихъ, мы теперь извлечемъ изъ нихъ только свѣдѣнія, касающіяся практическихъ занятій со студентами.

Въ первые годы существованія университета, какъ сказано въ отчетѣ за $18^{34}/_{35}$ г., «кромѣ лекцій, слушатели упражняемы были еще въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ и въ критикѣ оныхъ; избраніе темъ предоставлено было имъ самимъ; отъ преподавателя были задаваемы слѣдующія: О Кириллѣ и Меѳодіи; О богослужебномъ славянск. языкѣ (еще одной темы нельзя разобрать). Въ отчетѣ за $18^{36}/_{37}$ годъ находимъ еще одну новую справку: „кромѣ того, (т. е. разбора писателей и собственныхъ сочиненій), профессоръ заставлялъ учащихся произносить изустныя лекціи о разныхъ предметахъ„. Тутъ-же находимъ и такую справку: „Изъ учащихся особенно отличились рѣшеніями заданной темы студенты—казеннокоштный *Костырь* (о немъ сказано въ ст. В. Пискорскаго) и своекоштный *Терешкевичъ*; оба они заслуживають похвалу по успѣхамъ въ словесности русской, но названія *отличнаго* студента въ русской словесности, и по любви, и по прилежанію къ ней, заслуживаетъ Костырь. Въ дарѣ изустна

го чтенія отличались: онъ-же, Костырь, и бывшій въ университетѣ казеннокоштный студентъ *Туловъ*".[1]) Наконецъ, въ отчетѣ за $18^{37}/_{38}$ годъ опять встрѣчаемъ еще одну новую группу практическихъ занятій со студентами, а именно: „съ казеннокоштными студентами 4 кур. 1 отд. филос. ф. по 2 часа въ недѣлю занимался наставленіемъ въ ихъ преподаваніи русской словесности въ гимназіяхъ". Это послѣднее прекрасно разъясняется сохранившимся въ бумагахъ Максимовича документомъ „Выписка изъ правилъ для педагогическихъ занятій съ казеннокоштными студентами, утвержденныхъ Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа 16 генваря 1837 года", который мы и помѣщаемъ въ полномъ видѣ.

«Проэктомъ устава университета Св. Владиміра назначены особыя *Педагогическія занятія* для казенныхъ студентовъ, предназначенныхъ къ званію учителей, и опредѣляются слѣдующими параграфами:

§ 67. Студенты, предназначаемые къ званію учителей, сверхъ слушанія университетскихъ курсовъ, получаютъ руководство въ практическихъ упражненіяхъ по части отечественной словесности, древнихъ языковъ, математики и педагогики, сочиняютъ разсужденія, произносятъ пробныя лекціи и подъ надзоромъ профессоровъ даютъ уроки въ училищахъ".—

§ 68. Наблюденіе за учебною частію приготовляемыхъ къ учительскому званію студентовъ возлагается на профессоровъ: россійской словесности, древней филологіи, философіи и чистой математики. Изъ нихъ профессоръ философіи преподаетъ педагогику.— Независимо отъ преподаванія въ университетѣ, профессоры сіи обязаны заниматься по 2 часа въ недѣлю съ оными студентами.

§ 69. Если кто либо изъ приготовляемыхъ къ учительскому званію не окажетъ достаточныхъ успѣховъ въ два полугодичныя испытанія, таковый съ разрѣшенія Министра исключается изъ числа казенныхъ студентовъ.

На основаніи сихъ §§. проэкта устава и предложенія г. Попечителя за № 4340, Совѣтъ университета положилъ сіи занятія расположить слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Въ 1837 году онъ былъ удаленъ изъ университета за какое-то столкновеніе съ инспекціей, но потомъ опять былъ принятъ въ университетъ, пробывъ одинъ годъ учителемъ приходскаго училища.

I. Такъ какъ къ званію учительскому предназначаются студенты только Философскаго факультета обоихъ отдѣленій, то дополнительныя педагогическія занятія съ ними четырехъ профессоровъ можно раздѣлить такимъ образомъ.—

а., съ студентами І-го отдѣленія занимаются три профессора: *Русской словесности, древней* филологіи и философіи.—

б., съ студентами II отдѣленія два профессора: Философіи и чистой Математики.

II. Занятія сіи вообще не относятся къ пополненію свѣдѣній студентовъ: ибо, кромѣ педагогики, всѣ вышеозначенные предметы читаются на общихъ университетскихъ лекціяхъ, и слѣдовательно въ объемѣ и степени достаточныхъ для учителя гимназіи; дальнѣйшее же обогащеніе себя свѣдѣніями зависитъ уже отъ нихъ самихъ. Занятія сіи относятся собственно къ усовершенствованію ихъ практической способности передавать свою науку въ степени соотвѣтственной классу ученика и его возрасту, и свои уроки направлять къ развитію умственныхъ силъ учениковъ.

III-е. Посему, кромѣ того что каждый изъ профессоровъ будетъ отдѣльно наставлять ихъ въ лучшемъ способѣ преподаванія своей науки, Профессоръ философіи особо раскроетъ для всѣхъ ихъ общія основанія *Педагогики.*

IV. Для пріученія студентовъ къ практическому преподаванію и для раскрытія въ нихъ способности къ тому профессоры главнѣйшими средствами избираютъ: изустное чтеніе студентами лекцій и сочиненія письменныхъ разсужденій.

V. Лекціи о предварительно заданныхъ отъ профессоровъ предметахъ читаются ими изустно предъ своими товарищами: профессоръ присемъ сообщаетъ имъ свои замѣчанія вообще и объясняетъ имъ особые пріемы и способы, кои иногда встрѣчаются въ каждой наукѣ.—Въ сихъ задачахъ для лекцій профессоры наблюдаютъ постепенность: сначала задаютъ лекціи, какія студентъ читалъ бы въ высшихъ классахъ гимназіи и которыя сначала ему удобнѣе читать, но потомъ уже переходятъ къ низшимъ частямъ науки, къ элементарному преподаванію въ первыхъ классахъ, которое, какъ начинательное для ученика, требуетъ отъ учителя особенного умѣнья и снаровки.—Въ послѣдній годъ бытности своей въ университетѣ, студенты даютъ нѣсколько уроковъ въ гимназіи или уѣздномъ училищѣ, смотря по назначенію ихъ и другимъ обстоя-

тельствамъ.—При началѣ своихъ занятій профессоръ изъясняетъ общія правила преподаванія своей науки.

VI. Что касается до сочиненія *разсужденій* то для оныхъ также избирается *форма письменной лекціи* для возможно большаго пріученія ихъ къ правильному построенію и лучшему выраженію лекцій изустныхъ.—Поелику же учители обязаны произносить и рѣчи на гимназическихъ актахъ, и преимущественно по своему предмету, то и въ *формѣ рѣчи* студентъ долженъ написать хотя одно разсужденіе о своемъ предметѣ, и къ слушанію таковыхъ приглашается профессоръ словесности.

VII. Поелику отъ училищнаго начальства назначены для гимназій извѣстныя руководства по каждой наукѣ, то профессоръ знакомитъ ближе студентовъ съ сими руководствами, чтобы они, имѣя ихъ въ виду при своемъ преподаваніи, умѣли ихъ направлять, а въ случаѣ нужды исправлять и дополнять, къ вящшей пользѣ учениковъ своихъ.

VIII. Для сей цѣли ректоръ университета, завѣдывающій ходомъ педагогическихъ занятій, заботится о снабженіи студентовъ гимназическими учебными книгами.

IX. Профессорамъ назначено по проэкту устава употреблять на педагогическія занятія по 2 часа въ недѣлю: избраніе сихъ часовъ дѣлается сообразно общему распредѣленію часовъ университетскихъ преподаваній, въ свободное отъ нихъ время. Принимая во вниманіе большое число оныхъ часовъ въ университетѣ Св. Владиміра и самое распредѣленіе наукъ по курсамъ и дабы избѣжать излишняго обремененія студентовъ, необходимо и занятія педагогическія раздѣлить по курсамъ.

Занятія съ студентами 1-го отдѣленія философскаго факультета.

Занятія латинской словесностію и языкомъ назначаются во 2 и 3 курсѣ. Профессоръ занимается изъясненіемъ тѣхъ авторовъ, кои положено проходить въ высшихъ классахъ гимназій,—заставляя между тѣмъ студентовъ читать лекціи о правилахъ латинскаго языка, изъясняться на ономъ изустно и письменно.

Профессоръ философіи занимается съ студентами 4 го курса. Для обоихъ отдѣленій онъ изъясняетъ основанія педагогики и упражняетъ студентовъ 1-го отд., подобно другимъ профессорамъ, въ преподаваніи логики, обращая вниманіе на особое принаровленіе оной къ понятіямъ молодаго возраста и на практическое приложеніе оной, особенно къ грамматикѣ и риторикѣ.

Для занятія преподаваніемъ русской словесности назначается 4 курсъ студентовъ 1-го отд., ибо только въ 3-мъ курсѣ и первомъ полугодіи 4-го проходится теорія словесности на общихъ и логика съ педагогикой на педагогическихъ лекціяхъ. По сему 1-е полугодіе опредѣляется для чтенія лекцій изъ исторіи русской словесности и піитики,—а 2-е остается для риторики съ грамматикой и для чтенія рѣчей».

В. Науменко.

Дорогой хлѣбъ. Всякое выдающееся событіе, или явленіе воспроизводится обыкновенно народомъ въ болѣе или менѣе фантастическомъ разсказѣ. Напр., еврейскій погромъ въ лубенскомъ уѣздѣ сопровождался разсказомъ о какой то барынѣ въ Кіевѣ, будто бы нанимавшей крестьянъ истреблять евреевъ. Около того же времени, въ окрестностяхъ Лубенъ видѣли стараго священника, раздававшаго деньги для этой же цѣли и оказавшагося потомъ антихристомъ. Его появленіе указывало на приближающійся конецъ міра. Тогда же, во многихъ мѣстахъ оржицкой и селецкой волостей, какая то женщина съ распущенными волосами, въ одной сорочкѣ останавливала жнецовъ крикомъ: «годи, годи робыты, бо на пущання вже конець викови!»

Позже, опустошенія, произведенныя дифтеритомъ въ с. Литвякахъ, волчковской вол., объясняли закладкой новой колокольни въ этомъ селеніи «на дитей». Импровизаціи, похожія на приведенныя г. Лѣсковымъ въ «Недѣлѣ» по поводу холеры, имѣли мѣсто также и въ с. Волчкѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ. Отрожденіе итальянской саранчи (кобылки, пруса) па сѣверной окраинѣ уѣзда, вызвало разсказы о прорывѣ неба; будто изъ отверзтія валилась съ неба саранча, какъ изъ торбы, и что опыты зарыванія саранчи въ землю въ мѣшкахъ не приводили къ результату, т. к. при откапываніи торбы оказывались опять пустыми.

(Записанъ въ с. Литвякахъ, лубенск. уѣзда).

Сообщилъ **В. Милорадовичъ**.

Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ. Изъ сообщеній по антропологіи, доложенныхъ IX съѣзду естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ,одно, сдѣланное Н. В. Гильченкомъ, было посвящено

разсмотрѣнію антропологическаго типа малороссовъ. Краткую замѣтку объ этомъ сообщеніи мы находимъ въ № 8 Дневника съѣзда.

Изъ сопоставленія собственныхъ антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій надъ малороссами кубанской области съ данными другихъ авторовъ, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что преобладающимъ типомъ среди малороссовъ является свѣтлый, который, повидимому, обладаетъ большей жизнеспособностью, чѣмъ темный типъ (темные волосы и темные глаза), почему послѣдній и поглощается первымъ. Величины, полученныя, при измѣреніи, для различныхъ черепныхъ и лицевыхъ размѣровъ, заставляютъ признать большое сходство малороссовъ со многими иранскими и тюркскими племенами, сходство, давно уже подмѣченное историками и этнографами, а теперь подтверждаемое антропометріей.

Л. С.

Библіографія.

1) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—1730 годовъ. Сообщилъ Н. П. Василенко. Кіевъ 1892. 40 стр. (Оттискъ изъ VII книги «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца»).

2) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка 1729—1730 годовъ. Изданіе Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1893. 45 стр.

Не такъ давно на страницахъ Кіевской Старины помѣщенъ былъ отзывъ объ изданномъ А. М. Лазаревскимъ Черниговскомъ слѣдствіи о маетностяхъ, а въ настоящее время мы можемъ уже привѣтствовать продолженіе этого изданія. По рукописямъ библіотеки г. Лазаревскаго Н. П. Василенко напечаталъ Кіевское и Гадяцкое слѣдствіе, первое въ «Чтеніяхъ», второе въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» и отдѣльно, и такимъ образомъ дѣло изданія этого драгоцѣннаго памятника представляется значительно подвинувшимся впередъ. О характерѣ самого матеріала, равно какъ о значеніи его въ дѣлѣ разработки историческаго прошлаго гетманской Малороссіи мы имѣли уже случай говорить и потому, не повторяя здѣсь сказаннаго раньше, обратимся прямо къ характернымъ особенностямъ настоящихъ изданій. Въ ряду этихъ особенностей на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить изданіе при слѣдствіи Гадяцкаго полка и всѣхъ приложенныхъ къ нему въ рукописи документовъ. Главный интересъ послѣднихъ, состоявшихъ изъ гетманскихъ универсаловъ и царскихъ жалованныхъ грамотъ на маетности и прошеній отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ разрядовъ старшины о подачѣ имѣній, сводится къ обрисовкѣ вопросовъ, касающихся землевладѣнія «державцевъ» въ предѣлахъ Гадяцкаго полка. Издатель отмѣчаетъ постепенный ростъ этого землевладѣнія, принявшаго наиболѣе широкіе размѣры за время гетмана Скоропад-

скаго (слѣдствіе о маетн. Гад. п., с. 2). Не менѣе любопытно отмѣтить тѣ формы, подъ какими оно здѣсь развивалось: въ полку, имѣнія котораго уже съ 1662 года были въ полномъ своемъ составѣ отданы «на гетманскую булаву», не оказалось мѣста для свободныхъ войсковыхъ селъ, плохо прививалась въ немъ и форма ранговаго владѣнія полковыхъ и генеральныхъ старшинъ. Въ 1730 г. полковые судьи, писарь и асаулы обратились по составленіи слѣдствія къ гетману Апостолу съ просьбой, жалуясь, что за свои труды „войскового респекту и на ранги свои опредѣленія жадного не имеемъ, ибо якіе на которій чинъ маетности прежде насъ ишли, тіе теперъ стали за другими владѣлцами» и прося «на чини наши по сколку дворовъ опредѣлити, дабы и ми, въ настоящомъ служеніи будучи, моглы чимъ убогіе домишка наши препитати, а наче, когда случай до походу укажемъ, могли бы на чемъ службы ея імператорскаго величества служиты». Тогда же просили о надачѣ ранговыхъ маетностей и 8 сотниковъ Гадяцкаго полка, ссылаясь на то, что «по другихъ полкахъ мало не всѣ сотники и значковіе респектомъ войсковимъ доволны», а въ Гадяцкомъ «прежде зъ млиновъ части войсковіе на уряди сотничіе были определены, а нынѣ и зъ нашихъ купленнихъ части войсковіе отбыраютъ». (Слѣдств. о м. Гад. п. приложенія, № I и II). Но наряду съ такимъ слабымъ развитіемъ ранговаго владѣнія, наиболѣе близко стоящаго къ свободнымъ войсковымъ селамъ, развитіемъ, слабость котораго обусловлена частью сравнительно рѣдкой раздачей маетностей на рангъ, частью перерожденіемъ розданныхъ на этомъ условіи маетностей въ наслѣдственныя, идетъ широкая раздача селъ подъ иными условіями „до ласки войсковой“ и въ „зуполное владѣніе“, благодаря которой въ предѣлахъ первоначальной гетманской волости слагается наконецъ группа частно-владѣльческихъ имѣній, весьма солидная по своимъ размѣрамъ. Въ 1730 г. въ полку числилось всего 75 маетностей съ 5,718 дворами посполитыхъ; изъ этого числа «замковыхъ было 29 маетностей и въ нихъ 2,673 двора, ранговыхъ 5 съ 704 дворами, монастырскихъ 5 съ 215 дворами, частновладѣльческихъ — 31 съ 2,066 дворами (въ томъ числѣ 2 маетности, въ которыхъ число дворовъ не показано) и оставленныхъ „до указу“ — 3 съ 60 дворами. Такимъ образомъ число посполитскихъ дворовъ, принадлежащихъ однимъ только частнымъ владѣльцамъ, безъ монастырей, достигло къ этому времени 36% общаго количества посполитыхъ въ полку и лишь на 1/5 уступало числу посполитыхъ замковыхъ или гетманскихъ. Самые мотивы производимой гетманами на-

дачи бываютъ довольно интересны, доходя въ иныхъ случаяхъ до неподражаемой наивности, свидѣтельствующей въ свою очередь о патріархальности отношеній. Такъ напримѣръ, гетманъ Самойловичъ въ 1675 г. надаетъ Переяславскому и Гадяцкому протопопу Григорію Бутовичу с.с. Сары и Крутки не только потому, что онъ «непрестанно ведлугъ поволаня своего протопопского за достоинство великого государя...., также за насъ и все войско запорожское маестатъ бозкій благаетъ, а жеби и въ далшій часъ до ублаганя его жъ маестату бозкого былъ охотнѣйшимъ и горливѣйшимъ», но еще и «видячи, же завше рознимъ якъ духовного, такъ свѣцкого стану людемъ въ дому его вшелякая, отколь толко хто прійдетъ, зъ вираженемъ чести бываетъ вигода, теди въ нагороду тихъ его учинностей и людскости». Такимъ образомъ посполитымъ приходилось своимъ трудомъ оплачивать протопопскую вѣжливость и гостепріимство по отношенію къ „людямъ духовнаго и свѣтскаго стану“. Значеніе вновь изданныхъ документовъ не исчерпывается однако освѣщеніемъ формъ старшинскаго землевладѣнія: хотя рѣже, въ нихъ встрѣчаются все таки указанія и на другіе крупные вопросы соціально-экономической жизни страны, наприм. на отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ надаваемыхъ имъ селъ. Любопытно отмѣтить, напр., характерное ограниченіе размѣра посполитскихъ повинностей, сдѣланное гетманомъ Скоропадскимъ при надачѣ с. Крутковъ въ 1710 г. вдовѣ Бутовича: гетманъ предписываетъ, «жеби (посполитые) ей Бутовичевой хочай не все цѣлое, еднакъ въ кошеню сѣна и въ инныхъ теперешнихъ лѣтнихъ работизнахъ отдавали послушенство» (Гад. сл., прилож., № L). Кошеніе сѣна и возка дровъ составляють «послушенство» и въ томъ случаѣ, когда маетность надается лишь временно, до отысканія другой (ibidem, прилож., № XXXVIII). Впрочемъ, по отношенію къ вопросамъ о повинностяхъ посполитыхъ и другимъ документы Гадяцкаго слѣдствія въ богатствѣ и разнообразіи данныхъ значительно уступаютъ актамъ другихъ полковъ, въ томъ числѣ и Кіевскаго. Въ этомъ послѣднемъ ранговое владѣніе также плохо развилось, его старшина также жаловалась Апостолу на отсутствіе у нея ранговыхъ маетностей, но причины этого явленія здѣсь были нѣсколько иныя. Уяснить ихъ себѣ до нѣкоторой степени можно уже сопоставленіемъ размѣровъ разнаго рода владѣнія. Въ 1730 г. въ Кіевскомъ полку всѣхъ маетностей числилось 195 съ 7966 дворами посполитыхъ; (въ 5 маетн. число дворовъ не означено); изъ этого числа свободныхъ войсковыхъ было 10 съ 614 дворами, спорныхъ маетностей 12 съ 614 дворами,

ранговыхъ—21 и въ нихъ 702 двора, владѣльческихъ—34 съ 702 дворами и монастырскихъ—118, а въ нихъ 4,364 двора (при этомъ въ 5 число дворовъ не показано). Слѣдовательно, монастырскія владѣнія одни составляли почти ²/₃ ихъ общаго числа. Намъ остается только пожалѣть, что уважаемый издатель не могъ напечатать вмѣстѣ съ Кiевскимъ слѣдствiемъ и приложенные къ нему документы, во многихъ отношенiяхъ представляющiе высокiй интересъ, и пожелать, чтобы онъ поскорѣе получилъ возможность выполнить свое обѣщанiе, напечатавъ ихъ отдѣльно.

Переходя къ другимъ сторонамъ изданiй г. Василенка, мы должостановиться на передачѣ рукописнаго текста въ печати. «При изданiи мы старались, говоритъ г. Василенко въ своемъ предисловiи къ Гадяцкому слѣдствiю, сохранить какъ характеръ ея, такъ и правописанiе, находя, что послѣднее, далекое, конечно, отъ грамматической правильности, можетъ служить нѣкоторымъ пособiемъ при изученiи говоровъ малорусской рѣчи, въ виду того, что писецъ часто писалъ слова, очевидно, такъ, какъ произносилъ вставляя, напримѣръ, ъ безъ всякой грамматической надобности, замѣняя *о у* и пр.» (Ген. сл. о м. Гад. п., с. 2). Мы вполнѣ согласны, конечно, съ тѣмъ, что образцовое изданiе должно поставить себѣ задачею до буквальности точную передачу рукописнаго текста, но такой передачи, къ сожалѣнiю, мы не находимъ въ изданiяхъ г. Василенка. Въ обоихъ слѣдствiяхъ, Кiевскомъ и Гадяцкомъ, имѣется цѣлый, и довольно при томъ длинный, рядъ опечатокъ, иногда касающихся только правописанiя, иногда же, гораздо рѣже, однако, измѣняющихъ и смыслъ даннаго мѣста. Для первыхъ мы приведемъ только примѣры, что же касается вторыхъ, то здѣсь мы постараемся указать всѣ замѣченныя нами ошибки [1]). На стр. 24 Кiевскаго слѣдствiя въ примѣчанiи 3-мъ мы читаемъ «владѣлы» вм. «владелы», на стр. 25 въ томъ же примѣчанiи «ејдивенiемъ» вм. «iждивенiемъ», на 29 стр. при с. Евминкѣ «владѣетъ» вм. «владѣлъ», на 31 стр. при д. Киселювкѣ «данному» вм. «дано», причемъ эта послѣдняя ошибка лишаетъ всю фразу правильности, на 34 стр. при с. Корниловкѣ и др. «онымъ» вм. «оными», «дали» вм. «дани» и «унѣверсаломъ» вм. «унѣверсалъ», на стр. 35 «послѣдователи» вм. «послѣдователно» и въ началѣ 4-ой статьи

---

[1]) Говоря о рукописяхъ этихъ слѣдствiй, я не могу не воспользоваться случаемъ выразить здѣсь искреннюю признательность А. М. Лазаревскому, который въ свое время любезно предоставилъ ихъ въ мое пользованiе.

«имеется» вм. рукописнаго «имѣеться», на 37 стр. с.с. Влудшое и Верковъ вм. Блудшое и Берковъ и т. д. Всѣ эти ошибки очень мелки, но нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно касаются не одного правописанія, но и выговора, а взятыя всѣ вмѣстѣ онѣ значительно удаляютъ изданія отъ той строгой точности, которую хотѣлъ придать ему самъ издатель. Наряду съ этимъ можно, какъ мы уже сказали, отмѣтить и нѣсколько болѣе существенныхъ ошибокъ, касающихся смысла текста. Такъ, на стр. 27 читаемъ, что с. Старицу Мазепа «матеры своей игуменіи во владѣніе и монастиру Вознесенскому паненскому.... придалъ», тогда какъ въ рукописи стоитъ: «матеры... къ монастиру» (ркпсь Кіевск. слѣдствія, f° 19); на 29 стр. въ числѣ владѣльцевъ с. Чемера находимъ Драбовскаго и Немировскаго, тогда какъ въ рукописи эти фамиліи читаются Грабовскій и Немеровскій (ib. f° 2 v.). На стр. 30 печатнаго слѣдствія о с. Пархимовѣ сказано, что его «съ опредѣленія полковничого Петра Солонини, сотникъ Бобровицкій до ласки войсковой содержалъ», въ рукописи же въ этомъ мѣстѣ читается: Петро Солонина, т. е. это имя принадлежитъ владѣльцу села сотнику, а не надавшему его полковнику (ib. f° 7—v). На стр. 33 о с. Вовчка сказано «прежде Созонтій онымъ селомъ владѣлъ полковникъ» вм. «прежде Солонини... владѣлъ полковникъ» (ib. f° 10); на 34 стр. въ числѣ владѣльцевъ с. Корниловки и др. названъ Трофимъ Полтеребъ вм. Подтереба (ib. f° 5). Подобныя же ошибки противъ правописанія рукописи, и притомъ въ еще болѣе значительномъ количествѣ, встрѣчаемъ мы и въ печатномъ текстѣ Гадяцкаго слѣдствія. Напр. на стр. 11 его читаемъ: «Романъ (Бороховичъ) одною половиною, а *другая* старая Бороховичева по смерть свою владѣлы»; здѣсь слѣдуетъ: «а *другою*»... и т. д.; на стр. 12 «труждаемся» вм. рукописнаго «труждаемъся» (ркпсь Гад. сл., документы, f° 1); на стр. 13 «дабы смоглы» вм. «дабысмо моглы» (ibid., f° 2); или въ документѣ, напечатанномъ на стр. 22, цѣлый рядъ подобныхъ ошибокъ: «услуги» вм. «услугы», «важился» вм. «важилъся» «ноября» вм. «нолбра» (ср. ibid. f° 22 verso). Послѣдняя ошибка повторяется, впрочемъ, во всѣхъ документахъ. Возьмемъ для примѣра еще одинъ документъ, универсалъ гетм. Самойловича 1675 г., напечатанный на 37—8 стр. Гадяцкаго слѣдствія; здѣсь мы читаемъ «изгола» вм. и «зґола», «поволания» вм. «поволаня», «вся войско» вм. «все войско», «Запорожскаго» вм. «Запорожского» (ср. ibid., f° 54 verso). Мы такъ подробно остановились на этомъ вопросѣ въ виду приведеннаго нами выше заявленія почтеннаго издателя о желательности точнаго изда-

нія настоящаго памятника, заявленія, съ которымъ въ теоріи мы совершенно согласны, но которое на практикѣ, какъ намъ кажется, не получило полнаго осуществленія. Мы далеки однако отъ мысли сдѣлать изъ этого упрекъ по адресу г. Василенка; нѣтъ, одинъ тотъ фактъ, что подобныхъ ошибокъ, явно корректурнаго происхожденія, наиболѣе встрѣчается именно на страницахъ Гадяцкаго слѣдствія, печатавшагося въ Пол. Губ. Вѣдомостяхъ, ясно уже указываетъ, по нашему мнѣнію, на корень зла, подтверждая ранѣе высказанную нами мысль, что провинціальная пресса мало пригодна для изданія сколько-нибудь значительныхъ по объему историческихъ памятниковъ, слишкомъ мало обезпечивая необходимую въ этомъ случаѣ тщательность работы, особенно когда изданіе разсчитано и на нужды филологовъ.

Несравненно важнѣе предсставляется намъ другой вопросъ, касающійся спеціальной особенности изданій г. Василенка. А. М. Лазаревскій, издавая въ свое время Черниговское слѣдствіе, выпустилъ документы, оставивъ всю остальную часть памятника безъ всякихъ измѣненій. Н. П. Василенко, издавъ Гадяцкое слѣдствіе съ документами, Кіевское безъ нихъ, въ томъ и другомъ случаѣ сократилъ самый текстъ слѣдствія, притомъ по способу, который на нашъ взглядъ, едва-ли можетъ быть названъ правильнымъ и удачнымъ. Въ свое время мы высказывали свое мнѣніе объ отношеніи между собою различныхъ частей слѣдствія, которое въ наиболѣе краткой и вмѣстѣ грубой формулѣ можетъ быть выражено слѣд образомъ: наиболѣе существенной частью слѣдствія является 2-я графа 1-ой части; тѣ же самыя свѣдѣнія, которыя заключаются въ ней, передаются въ менѣе полномъ и часто искаженномъ видѣ въ 1-ой графѣ этой же части, и въ сокращенномъ извлеченіи во 2-й части; оригинальными данными представляются въ 1-ой графѣ 1-ой части свѣдѣнія о количествѣ дворовъ въ маетности и во 2-ой части — приговоръ, составленный о родѣ маетности генеральной и полковой старшиной. Такая формула допускаетъ изъ себя лишь рѣдкія исключенія и, исходя изъ нея, мы предполагали, что въ основу всякаго изданія слѣдствія, гдѣ будутъ только допущены сокращенія, должна быть положена именно 2-я графа 1-ой части; при повтореніи одной части слѣдствія другою такое сокращеніе почти неизбѣжно, а варіанты 1-ой графы и 2-й части, равно какъ самостоятельныя данныя ихъ легко могли быть въ такомъ случаѣ отмѣчены. Г. Василенко тоже пришелъ къ мысли о необходимости сокращеній въ текстѣ слѣдствія, но онъ рѣшился произвести это сокращеніе именно на счетъ 2-ой графы 1-ой части,

руководясь тою мыслью, что ея данныя повторяются во второй части. Уже a priori однако можно сказать, что предпочтеніе сокращенно текста полному не представляется правильнымъ методомъ въ дѣлѣ изданія памятника. На практикѣ такой пріемъ, крайне затруднительный въ послѣдовательномъ своемъ примѣненіи, вызвалъ рядъ весьма существенныхъ пробѣловъ. При печатаніи Кіевскаго слѣдствія уважаемый издатель самъ замѣтилъ эту неполноту 2-ой части сравнительно съ пропущенной имъ 2-ой графой 1-ой части и потому рѣшилъ дополнить ее въ примѣчаніяхъ извлеченіями изъ послѣдней. Но такихъ дополненій должно бы было получиться очень много и не удивительно, если значительная часть ихъ ускользнула отъ вниманія издателя. Такъ, о 3-хъ дворахъ въ с. Свидовцѣ, которыми владѣла вдова значк. товарища, а по 2 ой графѣ Бѣлоцерковскаго хорунжаго Семена Якимовича Анастасія Родіоновна, совершенно пропущено, свѣдѣніе 2-ой графы, что ихъ «Павла Циганчука сынъ Михайло своею волею теперь завладѣлъ» (рукопись Кіевскаго слѣдствія, f° 15 verso). Исторію с. Бобрика 2-я графа излагаетъ иначе, чѣмъ извлеченіе во 2-й части: тогда какъ въ послѣднемъ сказано, что Фед. Ханенко держалъ его за услуги войсковыя, на что получилъ подтвержденіе отъ гетм. Апостола (с. 27), во 2 ой графѣ читаемъ: «Федоръ Ханенко на урядъ асаулства полкового по унѣверсалу гетманскомъ содержалъ, а теперь онъ же Федоръ Ханенко обозній полковій Кіевскій за услуги войсковіе по унѣверсалу гетманскомъ же 728 году содержитъ» (рукопись, f° 19 verso). Точно также данныя о владѣльцахъ с. Обухова (с. 28) оказываются въ печатномъ слѣдствіи неполными, такъ какъ во 2-й графѣ рукописнаго слѣдствія въ числѣ этихъ владѣльцевъ между Еренковымъ и кн. Трубецкимъ названъ еще кн. Петръ Голицынъ. (рукопись, f° 20 v.). Владѣлецъ д. Ставиской Василій Харсѣка во 2-ой графѣ названъ «Кіевскій полковій хранорщикъ» (ib f° 3 v.) и это опредѣленіе его чина также не попало въ печать (с. 29, стр. с. 6). О с. Евминкѣ во 2-й графѣ сказано: «здавна войсковое было, потомъ Константій Солонина... владѣлъ» (рукопись, f° 5 v. тогда какъ въ напечатанной 2-ой части стоитъ: «здавна Конст. Солонина владѣлъ» (с. 29) и издатель не сдѣлалъ къ этому мѣсту никакого добавленія. Черта не менѣе характеристическая опускается, когда при сс. Козарахъ и Ржавцѣ не добавлено имѣющееся во 2-ой графѣ указаніе, что они ранѣе Мокіевскаго «ні подъ какими урядниками и подъ ратушемъ не были» (f° 9 v); совершенно такой же пропускъ сдѣланъ при сс. Середникѣ, Нади-

повкѣ, Конóчевѣ и Сѣножатскомъ (с. 39 и прим. 1, ср. рукопись, f° 4). Въ другомъ случаѣ мы опять имѣемъ пропускъ владѣльца, и притомъ сдѣланный такимъ образомъ, что данныя 2-ой графы и 2-ой части могутъ показаться противорѣчивыми, тогда какъ въ дѣйствительности вторыя лишь дополняются первыми. Именно, въ качествѣ владѣльцевъ с. Олбина во 2-ой части названы полк. обозный Яковъ Барановскій и асаулъ Матвѣй Шумъ, а въ приведенномъ въ примѣчаніи извлеченіи изъ 2-ой графы полк. об. Фалковскій и полковникъ Танскій (с. 31 и прим. 1). Но дѣло въ томъ, что рукопись между этими двумя владѣльцами называетъ Як. Барановскаго (f° 6 v.) и слѣд. дѣйствительный порядокъ владѣльцевъ окажется такой: Фалковскій, Барановскій, Танскій и Шумъ. Точно также при перечисленіи полковниковъ, владѣвшихъ м. Бобровицей, опущены указанные во 2-ой графѣ между Константіемъ Солониной и Фед. Волкимъ— Григорій Волкій и «змѣнникъ» Мокіевскій (с. 32, ср. рукопись, f° 16), равно какъ не добавлено тамъ же и болѣе точное опредѣленіе времени раздачи уѣздныхъ селъ, имѣющееся во 2-ой графѣ: «за гетманства покойного Скоропадского» (f° 16). О с. Димеркѣ и др. (с. 38) во второй части слѣдствія сказано, что они «прежде въ вѣдомствѣ никового правленія были», во второй же графѣ первой части: «войскового» (f° 1· v.) и это различіе термина не обозначено издателемъ. Наконецъ, въ печатномъ слѣдствіи представляется безслѣдно пропущеннымъ слѣдующее любопытное мѣсто рукописи: «музики и кожемяки въ нижнемъ городѣ Кіевѣ обретаючіеся, которыхъ не малое дворовое число імеется, прежде въ вѣдомствѣ отъ давнихъ лѣтъ полковниковъ Кіевскихъ и сотниковъ Кіевскихъ же были, а почему теперъ магистратъ Кіевскій завладелъ; ізвестія нѣтъ» (f° 21). Мы собрали всѣ допущенные въ изданіи пробѣлы съ тщательностью, которая быть можетъ покажется даже излишней; но, думается намъ, читатель, у котораго хватило терпѣнія прослѣдить за всѣми этими мелкими указаніями, согласится съ нами, что съ возстановленіемъ этихъ пробѣловъ возстановляются и нѣкоторыя существенныя черты рисуемыхъ даннымъ источникомъ порядковъ, равно какъ яснѣе представляется взаимное отношеніе частей «слѣдствія». На нашъ взглядъ, дѣло именно заключается не въ простомъ отсутствіи (въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, конечно) буквальной передачи рукописнаго текста, но въ томъ, что при этомъ условіи исчезаютъ нѣкоторыя данныя, хотя детальныя, но тѣмъ не менѣе имѣющія немаловажное значеніе. Самые пробѣлы эти пред-

ставляются намъ, какъ мы уже упоминали, результатомъ не недосмотра г. Василенка, а избраннаго имъ способа изданія памятника, при которомъ дополненій къ основному тексту оказывается слишкомъ большое количество и недосмотры являются почти неизбѣжными.

Въ Кіевскомъ слѣдствіи однако мы встрѣчаемъ по крайней мѣрѣ сдѣланныя издателемъ дополненія изъ 2-ой графы рукописи, хотя и не всегда достаточныя. Что касается Гадяцкаго слѣдствія, то здѣсь такихъ дополненій вовсе не имѣется, такъ какъ, по словамъ издателя, здѣсь вторая графа «цѣликомъ, *дословно* (курсивъ г. Василенка) входитъ въ третью часть» (собственно, вторую). Мы однако никоимъ образомъ не можемъ согласиться въ этомъ пунктѣ съ уважаемымъ г. Василенкомъ и надѣемся доказать прямо противоположное его утвержденію. Въ самомъ дѣлѣ о. с. Бобровникѣ, напр., во второй части сказано, что имъ по смерти протопопа Сѣнкевича владѣлъ зять его попъ Матвѣй Тереховскій нѣсколько лѣтъ, «а нынѣ въ державѣ замковой найдуется» (с. 7); во 2-ой же графѣ читаемъ: «по немъ (Сѣнкевичу) зять его нечиновній попъ М. Т—й държалъ, а теперь, яко здавна до замку Гадяцкого принадлежащое до замку жъ указомъ нынѣшнего рейментара и привернено» (рукопись, f° 10 v.). Есть ли первое извѣстіе дословное повтореніе втораго? на нашъ взглядъ оно есть лишь сокращенная передача, съ опущеніемъ важной потребности объ указѣ Апостола. Другой примѣръ: с. Баки по 2-ой части отобрано подъ замокъ отъ Ильи Ворonченка, а по даннымъ 2 ой графы оно за Ворonченкомъ «до умертвія его было и по смерти его до замку отобрано» (с. 7, стр. рукопись, f° 4). Данныя о с. Березовой Лукѣ равнымъ образомъ недостаточно полны во второй части: изъ второй графы 1-ой части мы узнаемъ, что его «неналежне себѣ полковники Иванъ Чарнишъ, да Михаилъ Милорадовичъ привлащили были, ибо оное здавна на артилерію полковую надлежало... чего ради и теперъ указомъ нынѣшнего ясневельможного господина гетмана Апостола до артилеріи полковой привернено, (f° 5); первое и послѣднее изъ этихъ свѣдѣній отсутствуютъ во 2-ой части. При с. Середнякахъ мы находимъ во 2-ой графѣ отсутствующее во 2-ой части, а слѣд. и въ печатномъ текстѣ слѣдствія свѣдѣніе о службѣ одного изъ сыновей Алекс. Сытенкаго въ ген. в. канцеляріи (f° 5 v.). Значительно полнѣе оказываются и свѣдѣнія, сообщаемыя 2-ою графою о с. Русановкѣ [1]). О д. Будищахъ

[1]) Приводимъ это мѣсто рукописи цѣликомъ: „за гетмана Самойловича Ефимъ Вечурка судія полковій Гадяцкій, а после его сынъ Федоръ Вечурка, хоружимъ и

Малыхъ мы изъ второй части, представленной печатнымъ текстомъ (с. 11), узнаемъ только, что она надана Красногорскому монастырю универсаламъ Мазепы 1687 г., тогда какъ во второй графѣ 1-ой части сверхъ того сказано: «а и передъ тимъ законницы тимъ же селомъ владѣлы, гдиж на монастирской землѣ близъ монастира осажено» (f° 11), о с. Павловочкѣ, что «еще за гетмана Самойловича оны законникы тимъ селомъ владѣлы, а здавна подъ замкомъ было» (ibidem). Наконецъ сильно различающимися отъ данныхъ, сообщаемыхъ во второй части слѣдствія, являются данныя второй графы первой части о сс. Максимовкѣ и Ручкахъ, которыя мы въ виду этого рѣшаемся привести въ полномъ ихъ видѣ [1]).

Таковы пробѣлы, которые мы съ своей стороны могли бы указать въ изданіи г. Василенка. Не имѣя въ настоящее время подъ рукою рукописей, по которымъ оно произведено, и пользуясь лишь своими вымѣтками изъ нихъ, которыя были сдѣланы не для цѣлей

асауломъ полковимъ будучи, по смерть свою владѣлъ, по нихъ Василь Кириловичъ асауломъ полковимъ, потомъ и судіею полковимъ Гадяцкимъ завѣдовалъ опимъ селомъ, въ року же 1717 унѣверсаломъ гетмана Скоропадскаго Григорію Грабянцѣ судіи полковому Гадяцкому на урядъ судейства надано до ласки войсковой, которымъ и нынѣ онъ, Грабянка, обознимъ полковимъ владѣетъ, а здавна до замку Гадяцкого належало" (f° 6). Тотъ, кто возьметъ на себя трудъ сличить этотъ текстъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ печатномъ изданіи (с. 8), увидитъ, какъ велики здѣсь отличія двухъ редакцій и въ какомъ отношеніи онѣ стоятъ одна къ другой.

1) с. Максимовкой „прежде владѣли отъ Самойловича аж до пришествія шведского в Малую Россію Кирило прозваніемъ Погана Мать сотникомъ полковимъ, потомъ будучи хоружимъ полковимъ, а по смерти его сынъ его Семенъ владѣлъ, а по баталіи Полтавской на время свое прислушало до замку Гадяцкого, потомъ отдано року 1710 унѣверсаломъ гетмана Скоропадского Андрею Донченку хоружому, да Григорію Грабинцѣ прапорщиковѣ полковимъ, якимъ селомъ по смерть хоружого Донченка Грабянка первіе ставши хоружимъ, потомъ будучи въ чинахъ асаулства и судѣйства полкового владѣлъ, и нынѣ обознимъ владѣетъ, на что и жалованную грамоту... имеетъ; здавна же до замку Гадяцкого належало" (f° 7 v.—8), с. Ручками — „прежде писарѣ полковіе Гадяцкіе Өедоръ Трушъ и Өедоръ Тихоновичъ владѣли; а потомъ обозному полковому Стефану Трощинскому от гетмана Мазепи определено, якимъ и полковникомъ будучи до пришествія въ Украину шведского владѣлъ, а по баталіи Полтавской до замку Гадяцкого на малое время прислушало, потомъ Александръ Сытенскій зять его писарь полковій Гадяцкій нѣсколко лѣтъ владѣлъ, а когда сынъ Трощинского Андрей дойшовъ въ совершенній возрастъ, тогда ему отъ гетмана Скоропадского унѣверсаломъ надано зостало за службу въ войсковой енералной канцеляріи, которымъ и нынѣ владѣетъ зъ братомъ меншимъ Іваномъ, и тѣ владѣтца оба нынѣ въ низовомъ походѣ, а здавна село тое замковое было". (f° 8 v.—9, стр. въ печатн. слѣдствіи. с. 9 и 10).

изданія, мы не можемъ ручаться, что рѣшительно всѣ такіе пробѣлы отмѣчены и восполнены нами, хотя и думаемъ, что все существенное изчерпано въ этихъ дополненіяхъ и за нихъ предѣлами рѣчь можетъ идти лишь о мелкихъ погрѣшностяхъ, всегда конечно возможныхъ. Во всякомъ случаѣ сказаннаго кажется намъ достаточнымъ, чтобы доказать, что г. Василенко несовсѣмъ правъ, когда онъ считаетъ вторую часть слѣдствія простыхъ или дословнымъ повтореніемъ второй графы первой части, и оправдать нашу мысль о томъ, что эта вторая часть есть лишь сокращеніе, иногда съ новыми подробностями, второй графы первой, а слѣдовательно именно эта послѣдняя и должна быть положена въ основу изданія. Наша критика, которая легко могла показаться и уважаемому издателю слѣдствій и читателямъ «Кіевской Старины» слишкомъ придирчивой и мелочной, вся и была направлена къ выясненію этого основнаго положенія, болѣе даже важнаго для будущихъ, чѣмъ для настоящихъ изданій. Мы не столько стремились указать на недостатки данныхъ изданій, далеко не играющіе въ нихъ особенно важной роли сравнительно съ ихъ достоинствами, не столько даже стремились по мѣрѣ силъ восполнить ихъ, исходя изъ мысли о необычайной цѣнности настоящаго памятника, требующаго величайшей тщательности при его изданіи, сколько хотѣли поднять основной вопросъ о планѣ изданія, имѣющій, на нашъ взглядъ, весьма серьезное значеніе при печатаніи другихъ, пока остающихся въ рукописи слѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, пробѣлы, допущенные въ Кіевскомъ и Гадяцкомъ слѣдствіи, мы могли указать и пополнить въ сравнительно скромныхъ рамкахъ настоящей рецензіи; если предположить, что по тому же плану будетъ издано хотя бы громадное Стародубское слѣдствіе, такая задача потребуетъ цѣлой книги, если не новаго изданія. Съ цѣлью предупредить возможность примѣненія такого ошибочнаго плана въ будущемъ мы и взялись за перо и, думается, она можетъ оправдать какъ нашу придирчивость, такъ и непомѣрно большіе размѣры настоящаго отзыва. Намъ остается только еще разъ оговориться, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ изданіе г. Василенка выполнено прекрасно, и пожелать ему успѣшнаго продолженія начатаго труднаго дѣла.

В. М.

Theodorus Wierzbowski. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Varsoviae 1889—1894.

Тѣсная политическая и культурная связь Малороссіи съ Польшею, особенно въ періодъ времени съ Городельской Уніи 1413 г. до Переяславской Рады 1654 г., т. е. въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, —обусловливаетъ то обстоятельство, что для исторической науки о Малороссіи являются весьма важными многія польскія литературныя произведенія того времени, а затѣмъ требуютъ вниманія къ себѣ и тѣ новѣйшіе ученые труды, которые имѣютъ цѣлью привести въ извѣстность и объяснить явленія польской литературной дѣятельности за то время, когда поляки и малороссы объединены были въ одномъ политическомъ тѣлѣ—польско-литовскомъ государствѣ.

Къ числу такого рода новѣйшихъ ученыхъ трудовъ относится и трудъ профессора варшавскаго университета Өеодора Францовича Вержбовскаго подъ заглавіемъ: «Bibliographia Polonica XV ac XVI ss.,» котораго въ настоящее время появилось уже три тома (I т.—1889, II т.—1891 и III т.—1894 гг.)

Трудъ этотъ—чисто библіографическій, заключающій въ себѣ одни только подробныя заглавія старопечатныхъ книгъ XV и XVI столѣтій. Въ предисловіи къ I-му тому проф. Вержбовскій слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ содержаніе своего труда: «Въ этой библіографіи мы помѣстили списокъ книгъ: 1) написанныхъ по польски, какъ поляками, такъ и иностранцами; 2) написанныхъ на иностранныхъ языкахъ, но изданныхъ въ Польшѣ и въ подчиненныхъ ей странахъ; 3) изданныхъ за границею Польши и на иностранныхъ языкахъ, но написанныхъ поляками; 4) написанныхъ иностранцами и на иностранныхъ языкахъ, но трактующихъ о предметахъ, относящихся къ Польшѣ; 5) посвященныхъ иностранцами польскимъ королямъ, сенаторамъ и инымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Наконецъ, мы внесли въ этотъ списокъ 6) синодальныя постановленія Вратиславской (Бреславской) епархіи, такъ какъ въ то время она была подчинена Гнѣзненской митрополіи. Мы пропустили только книги, напечатанныя по церковно-славянски.»

Родъ книгъ, подлежавшихъ описанію, не измѣнялся за все время работы проф. Вержбовскаго; но рамки ея перестраивались съ каждымъ послѣдующимъ томомъ. Въ I-мъ томѣ проф. Вержбовскій описывалъ только книги XV и XVI ст., хранящіяся въ библіотекѣ Варшавскаго университета, при чемъ подъ каждымъ заглавіемъ онъ

старательно отмѣчалъ тѣ библіотечные знаки, по которымъ можно отыскать данную книгу по комнатамъ, шкафамъ и полкамъ варшавской университетской библіотеки. Такихъ книгъ набралось 800 №№, относящихся къ 1488—1600 годамъ.

Во II-мъ томѣ проф. Вержбовскій не ограничивается только наличностью варшавской университетской библіотеки, а описываетъ книги, хранящіяся и въ другихъ библіотекахъ, интересный списокъ которыхъ напечатанъ на стр. IX—XIII тома II-го. Въ предисловіи къ этому тому онъ напоминаетъ читателю, что описываетъ только тѣ книги, которыя видѣлъ своими глазами и переворачивалъ своими руками. Всѣхъ №№ во II-мъ томѣ 1200 (съ 801 до 2000).

Наконецъ, въ III-мъ томѣ проф. Вержбовскій продолжаетъ описаніе книгъ, осмотрѣнныхъ имъ или въ перечисленныхъ библіотекахъ, но послѣ появленія въ свѣтъ II-го тома, или въ такихъ библіотекахъ, которыхъ онъ не посѣщалъ до составленія II-го тома, какъ, напримѣръ, библіотеки гимназіи Маріи Магдалины въ Познани, графовъ ординатовъ Потоцкихъ въ Краковѣ во дворцѣ «Подъ Баранами» и національнаго музея въ Будапештѣ. Списокъ библіотекъ, помѣщенный во II-мъ томѣ, дополненъ этими тремя. Всѣхъ №№ въ III-мъ томѣ также 1200 (съ 2001 до 3200). Во II-мъ и III-мъ томахъ подъ заглавіями отмѣчены условными знаками библіотеки, въ которыхъ каждая изъ книгъ имѣется.

Такимъ образомъ томы „Библіографіи“ проф. Вержбовскаго не слѣдуютъ одинъ за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ появленія описываемыхъ книгъ, а дополняютъ другъ друга новыми заглавіями, при чемъ однако въ предѣлахъ каждаго тома описанія расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

Такъ какъ проф. Вержбовскій каждую описываемую книгу самъ видѣлъ и самъ просматривалъ, то на его указанія можно вполнѣ положиться, и въ этомъ отношеніи его трудъ оставляетъ далеко позади себя однородный трудъ извѣстнаго Эстрейхера: «Bibliografia polska XV—XVI stólecia. Krakow 1875.», составленный на основаніи каталоговъ библіотекъ и печатныхъ библіографическихъ источниковъ, а не на основаніи автопсіи; въ трудѣ проф. Вержбовскаго не можетъ быть ни одного ошибочнаго заглавія, тогда какъ у Эстрейхера очень часто приходится наталкиваться на пропуски и ошибки и въ годахъ изданій, и въ текстахъ заглавій. Кромѣ того, проф. Вержбовскому приходится иногда отмѣчать книги, бывшія до него неизвѣстными ни Эстрейхеру, ни кому другому изъ библіографовъ. Приведемъ два

примѣра, относящихся къ тому писателю, о которомъ недавно была помѣщена статья наша въ „Кіевской Старинѣ“ (1894 № 2),—къ бискупу Іосифу Верещинскому.

У Эстрейхера на стр. 208 названо сочиненіе Верещинскаго: List Michaela Żyda Okrzczonego w. .r Pańs. 1583, ktory do wszystkich Żydów w Polszcze będących posłał, ded. król. Annie. Krak. Piotrk., 1584.“ Оказывается, что это сочиненіе имѣетъ гораздо болѣе распространенное заглавіе (см. т. III, стр. 168, № 2763): „List Michaelà Zyda Okrzczonego, W. Roku Panskim 1853. Który do wszystkich Zydow w Polszcze będących posłał, vkàzuiąc im iz iuz Messyasz to iest Christus Iesus, na świàt przyszedł, á iz oni dàremnie oczekawàią Messyasza. Wypisuiąc tez znàki spustoszenia y rozproszenia Zydowskiego, ustanie Zakonu Moyzeszowego, za przyszćiem Chrystusowym. Wszystko zebrano z Prorokow Bozych, ku wielkiey poćiesze wszem wiernym krześćijànóm. W Krákowie, w drukàrnicy Andrzeia Piotrkowczyká, roku pànskiego, 1584.» 4°, 4, 44 fol; dedic. Annae, reginae Poloniae, a Josepho Wereszczyński, abbate sieciechoviensi, e monasterio, 30 Ianuarii 1584.

Въ „Библіографіи“ Эстрейхера не указано ни одного сочиненія Верещинскаго, которое было-бы отпечатано ранѣе 1584 г. Между тѣмъ проф. Вержбовскому въ библіотекѣ варшавскаго католическаго архіепископа Викентія Хосцякъ-Попеля случилось найти книгу Верещинскаго, отпечатанную въ 1572 г. Она имѣетъ такое заглавіе (см. т. III, стр. 126, № 2570): «Passio Albo Kazànie o Męce Pànskiey, ze czterzech Ewànielistow zebràne, według prostego Ewánieliey textu z nàuką Doktorow S. przydaną.» 4°, 44 fol.; dedic. Barbarae Drzewicka de Drzewice, palatinae Sandomiriensi, Cracoviae, 25 Martii 1571, a Iosepho Wereszczynski, praeposito Biskupiensi (proboszcz Biskupski); in fine: W Kràkowie, z Drukàrni Stànisłàwà Schàffenbergerà: Roku Pàn. M. D. LXXII. Такимъ образомъ дѣлается извѣстнымъ, что публичная литературная дѣятельность Верещинскаго началась на 12 слишкомъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ мы предполагали въ нашей статьѣ.

Изъ приведенныхъ двухъ заглавій по книгѣ проф. Вержбовскаго видно, на сколько они полны, точны и фотографически вѣрно передаютъ оригиналы. И такимъ образомъ описано 3200 книгъ! Есть за что поблагодарить трудолюбиваго описателя не только спеціалистамъ по исторіи польской литературы, но и тѣмъ изслѣдователямъ южнорусской старины, которые захотятъ обратиться къ польскимъ источ-

никамъ для болѣе полнаго освѣщенія своего предмета. Къ каждому изъ томовъ приложены указатели, которые даютъ возможность очень легко находить необходимыя справки.

А. Стороженко

Городъ Качибей или Гаджибей, предшественникъ города Одессы А. Маркевича. Одесса 1894.

Названный трудъ г. Маркевича (оттискъ изъ XVII т. «Записокъ Одесскаго Общ. Ист. и Др.») вызванъ предстоящимъ юбилеемъ гор. Одессы и, въ зависимости отъ этого, имѣетъ въ виду указать въ исторіи Качибея такія черты, которыя дѣлаютъ его предшественникомъ Одессы. Онъ представляетъ собою критическій сводъ старательно подобранныхъ, немногочисленныхъ и часто—мелочныхъ извѣстій объ основаніи этого города, о его топографіи, внѣшнемъ видѣ, промыслахъ, торговлѣ и внѣшнихъ судьбахъ, вплоть до взятія его де-Рибасомъ 14 сентября 1789 года. Примыкая во многихъ случаяхъ къ выводамъ своихъ предшественниковъ: гг. Скальковскаго, Смольянинова, Бруна и Яковлева, г. Маркевичъ, однако, приходитъ къ самостоятельнымъ заключеніямъ о мѣстоположеніи гор. Качибея и Качибеева маяка, приводитъ новыя соображенія объ основаніи гор. Качибея и пытается выяснить торгово-промышленое его значеніе.

По мнѣнію г. Маркевича, Хаджибейскій заливъ представляетъ лучшій пунктъ для захода судовъ, слѣдующихъ вдоль сѣверо-западнаго побережья Чернаго моря, и поэтому привлекалъ поселенцевъ еще въ греческую эпоху; имѣются указанія, что и въ древнерусскую эпоху названное побережье было мѣстомъ оживленныхъ торговыхъ сношеній, и что здѣсь существовало много городовъ, причемъ авторъ признаетъ возможнымъ, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ былъ у Хаджибейскаго залива; впослѣдствіи итальянцы посѣщали этотъ заливъ и отмѣчали на своихъ картахъ. Исторія собственно Качибея начинается съ образованіемъ литовско-русскаго государства. Съ объединеніемъ западнорусскихъ областей, вліяніе литовскаго государства распространяется на Крымъ, съ которымъ, а равно и съ Константинополемъ, устанавливаются бойкія торговыя сношенія; для нихъ то и оказывался необходимымъ портъ; для удовлетворенія этой потребности и явился Качибей. Исторія этого города, какъ извѣстно, становится извѣстною не раньше XV

вѣка, но источники даютъ указанія и на болѣе раннее время; въ 1415 г. Качибей былъ уже замѣтнымъ торговымъ портомъ, черезъ который отправляли хлѣбъ изъ Подоліи въ византійскія гавани, а, слѣдовательно, вѣроятно, существовалъ уже въ концѣ XVI в. Что касается вопроса о мѣстоположеніи Качибея, г. Маркевичъ, признавая безспорнымъ, что турецкій Гаджибей въ XVIII в. находился на мѣстѣ теперешней Одессы, приходитъ къ заключенію, что литовско-русскій Качибей лежалъ на Жеваховой горѣ, между хаджибейскимъ и куяльницкимъ лиманами, т. е. отстоялъ отъ Одессы на 5--6 верстъ. Относительно основанія Качибея авторъ останавливается на предположеніи, что поселеніе это обязано своимъ происхожденіемъ извѣстному земельному роду Язловецкихъ, которому, между прочимъ, принадлежало въ Подоліи село Kaczebijow, существующее и понынѣ, равно и черноморскій Качибей; послѣдній, по мнѣнію автора, могъ быть заселенъ выходцами изъ подольскаго Качибіёва и отъ него же получить свое имя; позднѣйшее же названіе Хаджибей г. Маркевичъ считаетъ попыткой осмысленія существующаго названія [1]).

Таковы тѣ главныя заключенія автора, къ которымъ онъ приходитъ самостоятельно въ своемъ изслѣдованіи. Въ видѣ приложенія къ послѣднему напечатанъ особый экскурсъ: «Существовалъ ли указъ о преобразованіи г. Гаджибея въ г. Одессу?» Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно: онъ полагаетъ, что названіе Гаджибея Одессою имѣло мѣсто въ Петербургѣ въ концѣ 1794 года или въ самомъ началѣ 1795 г., когда слово Одесса стало обращаться частнымъ образомъ въ правительственныхъ сферахъ, и сперва даже наравнѣ съ прежнимъ названіемъ; контрабандно проникло въ правительственныя распоряженія, путемъ практики вошло въ общее употребленіе и, наконецъ, совершенно вытѣснило прежнее названіе города; при этомъ онъ считаетъ довольно вѣроятнымъ распространенный разсказъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ кого-нибудь изъ членовъ Академіи Наукъ, а также и о томъ, что переименованіе это состоялось 6 Января 1795 г. на придворномъ балу; напротивъ, догадку проф. Надлера объ участіи де-Рибаса въ наименованіи города Одессой г. Маркевичъ подвергаетъ сомнѣнію.

Мы не имѣемъ ни возможности, ни надобности передавать здѣсь остальныя детали статьи, отсылая читателей къ ней самой. Замѣтимъ развѣ еще, что оцѣнка торгово-промышленнаго значенія

---

[1]) *Хаджи*—лицо, бывшее на богомольи въ Меккѣ, *бей*, - знатное лицо.

Гаджибея у г. Маркевича выше, чѣмъ у г. Надлера, о книгѣ котораго мы дали отчетъ ранѣе [1]).

Вообще мы прочли книгу г. Маркевича съ большимъ интересомъ. Слѣдуетъ только пожалѣть, что къ ней не приложено ни картъ, ни плановъ, безъ чего топографическая ея часть не можетъ быть понята ясно.

В. Я.

Южная Русь при Екатеринѣ II. Проф. А. И. Маркевича. Одесса. 1893. (Отд. оттискъ изъ „Новорос. календаря" на 1893 г.). Стр. 31 in 8⁰.

Въ исторіи той части южной Руси, которая называется Новороссійскимъ краемъ, по словамъ г. Маркевича, нѣтъ болѣе важной эпохи, какъ время царствованія Екатерины II, разумѣется, если мы имѣемъ въ виду значеніе этого края въ жизни *русскаго* народа. Въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, можно безъ преувеличенія дѣлить исторію новороссійскаго края на два періода: отъ сотворенія міра до Имп. Екатерины II и отъ Имп. Екатерины II до нашего времени». Въ своей статьѣ авторъ не ограничивается новороссійскимъ краемъ, а говоритъ о значеніи означеннаго царствованія вообще для южной Россіи, такъ какъ первый есть только часть второй. Въ сжатомъ и популярномъ изложеніи авторъ группируетъ важнѣйшіе факты избраннаго имъ періода, имѣющіе отношеніе къ югу Россіи, въ связи съ общимъ ходомъ событій и съ идеями просвѣщеннаго абсолютизма.

В. Я.

Николаевскій календарь и справочная книга на 1894 г. Изд. И. А. Фефербойма. Николаевъ. 1893.

Кромѣ календарныхъ и справочныхъ свѣдѣній въ собственномъ смыслѣ, въ николаевскомъ календарѣ находимъ слѣдующія статьи: «Краткій историческій очеркъ гор. Николаева (стр. 41—45), Хронику гор. Николаева (стр. 45—51), «Торговое значеніе Николаева» и, наконецъ, разсказъ, или, какъ онъ претенціозно названъ здѣсь, новелла «Люба Постекъ», подписанный замысловатымъ псевдонимомъ Германомъ Клейфомъ (княземъ Нью Сіонскимъ), съ анекдоти-

---

[1]) „Кіев. Старина" 1894 г. № 1.

ческимъ сюжетомъ; мѣсто дѣйствія въ «новеллѣ»—Елисаветградъ и Кременчугъ, но она не имѣетъ бытоваго интереса и лишена литературныхъ достоинствъ вообще. **В. Я.**

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе Этногр. Отд. Импер. Общества Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., состоящаго при Московскомъ университетѣ. 1893 г. №№ 3. и 4 (Кн. XVIII и XIX). Москва. 1893 и 1894.

Въ означенныхъ книжкахъ московскаго этнографическаго журнала находимъ слѣдующіе матеріалы и статьи, имѣющіе отношеніе къ югу Россіи:

№ 3 (книга XVIII). «Ордынскія параллели къ поэмамъ Ломбардскаго цикла» *Г. Н. Потанина.* Въ кругу восточныхъ преданій авторъ подыскиваетъ между прочимъ новыхъ основаній для сближенія Ильи Муромца русскихъ былинъ съ восточнымъ героемъ Шуно, которое сдѣлано ранѣе его В. В. Стасовымъ; источникъ сказанія о нападеніи Бравлина на Сурожъ онъ ищетъ также на востокѣ.

«Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ» *В. Ѳ. Миллера.* Авторъ подвергаетъ пересмотру высказанныя въ литературѣ мнѣнія объ источникахъ сюжета о Ставрѣ Годиновичѣ: южно-славянскомъ, нѣмецкомъ и восточныхъ; установивъ затѣмъ новгородское происхожденіе былины, онъ склоняется въ пользу гипотезы о происхожденіи ея съ запада.

«*Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ (Сказанія о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ. Окончаніе).*» *П. И.* Весьма почтенный и извѣстный изслѣдователь, скромно скрывающійся подъ этими иниціалами, помѣстилъ здѣсь сказанья о царѣ Соломонѣ и пророкахъ Иліи и Даніилѣ и пасхальную виршу объ изведеніи Іисусомъ Христомъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада, по обыкновенію сопровождая собранные имъ матеріалы своими замѣчаніями. Исходя изъ предположенія, что «въ современныхъ народныхъ сказаніяхъ о Соломонѣ сохранились нѣкоторыя черты, затерянныя древней письменностію,» онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы наши народныя сказки подвергнуты были изслѣдованію по отношенію ихъ къ сюжетамъ соломоновской саги, и съ этою цѣлью ставитъ нѣсколько вопросовъ, которые могли бы послужить программой для такого изслѣдованія. Вмѣстѣ съ разсказами о Соломонѣ онъ собралъ

нѣсколько загадокъ, связанныхъ съ именами Соломона и царицы Савской, нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ встрѣчаются въ «Бесѣдѣ трехъ святителей,» иныя — простыя малороссійскія. Печатаемую имъ пасхальную виршу г. *П. И.* сближаетъ съ апокрифами.

«Брачные договоры у малороссовъ» *Т. И. Осадчаго.* Написанная на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ народной жизнью, эта небольшая статья имѣетъ цѣлью реабилитировать нравственное значеніе брака у малороссовъ; ближайшимъ поводомъ къ ея написанію послужила статья П. Дашкевича «Предбрачные убытки по обычаямъ малороссовъ» (въ Юридич. Вѣстн. 1892 г.), которая составлена по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, и, по мнѣнію г. Осадчаго, освѣщаетъ дѣло односторонне.

Въ той же книжкѣ «Этногр. Обозр.» напечатанъ небольшой разсказъ «Богатырь и его конь», записанный покойнымъ *И. И. Манжурой*, подписанный *Н. Я.*

№ 4 (книга XIX). «Мужъ на свадьбѣ у своей жены» *Н. Ѳ. Сумцова.* Въ этой статьѣ привлечены къ сравнительному изученію былины о Соловьѣ Будимировичѣ и Добрынѣ Никитичѣ. По мнѣнію автора, мотивъ о женѣ Добрыни возникъ въ рыцарскую эпоху на романской почвѣ, но въ Россію проникъ при посредствѣ англійскихъ и скандинавскихъ версій, при чемъ первоначально былъ связанъ съ заѣзжимъ богатыремъ Соловьемъ Будимировичемъ.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ помѣщены юбилейныя замѣтки *А. Крымскаго* о Н. В. Лысенкѣ и объ А. С. Петрушевичѣ и статейка *П. Шеина* „Изъ переписки съ И. И. Манжурою“, въ которой мы прочли одно письмо послѣдняго, автобіографическаго характера, а также нѣсколько записанныхъ имъ малороссійскихъ пѣсенъ.

Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія,“ по своей полнотѣ составляющемъ одно изъ важныхъ достоинствъ журнала, читатель найдетъ много справочныхъ свѣдѣній по этнографіи юга Россіи.

В. Я.

Пятокъ. 2. Послалемъ доктору Бидлову лошадь, карого коня лошака, якого онъ принялъ благодарно, черезъ Каменского и Юска. Джулай, кухаръ, ушолъ отъ Миклашевского а повернулся къ намъ. Подалемъ чолобитную въ колегію іностраннихъ дѣлъ Курбатову на Турковского и Рощаковского, за неправедній судъ, чиненний надъ нами въ Глуховѣ.

Субота. 3. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Валкевичъ. Приялемъ отъ Петра за барило простой 10 р. 30 а. и 2 шаги. Вѣжевскому додалемъ до давнѣй даннихъ грошей 4 р., итого 10 р. въ пріемѣ его; що еще въ юлѣ записано такимъ числомъ.

Недѣля. 4. Тезоименитство царици государинѣ праздновали зъ пушечнымъ стрелянемъ. П. гетманъ зъ прежней квартери переехалъ въ другую, поблизше насъ. Обѣдалисмо сами у себе, а съ нами Ѧ҄делнѣцкій.

Понеделокъ. 5. Сегодня рано вимѣрали вѣдерко государево московское печатное, зъ которого вийшло кубковъ моихъ срѣбнихъ (який отъ Кулябки) 18 и девятогонадцять болшая мало половина. Купленъ мундѣръ со всѣмъ приборомъ Юску за 6 р. безъ 8 копѣекъ. Вирѣзалъ вензель на сталѣ мнѣ майстеръ, а за труди ему далемъ 4 гривнѣ. Вѣжевскому въ расходъ далемъ 6 р.

Преображеніе. Вовтор. 6 Сегодня служби Божой слухалисмо у Богоявленскомъ монастиру, а обѣдалемъ у панеи, родитель у Николая Івановича Бутурлина. По обѣдѣ, игралемъ въ карти зъ Галенковскимъ [1]) и Антоновичемъ, и ездилемъ до Еропкина.

Середа. 7. Сегодня рано ездилемъ до отца Копи и до Наумова, зъ тимъ, чтобъ родителю не ездить до графа, за пунктами. Обѣдалъ у насъ Валкевичъ за тимъ, же ездилъ родитель и Валкевичъ къ нему, однакожъ убѣж....(?) ехали, которихъ я срѣвши оставилъ, а самъ ездилъ до графа, где передъ Наумовимъ вимовилъ, а повернувшись, заездилъ до панеи и потомъ въ свою квартеру пріехалъ и тутъ засталъ п. Чарниша, пріехавшаго. Писалисмо

---

[1]) Федоръ Галенковскій—въ то время писарь Прилуцкаго полка,—пользуясь неграмотностью своего полковника Игната Галагана, имѣлъ большое вліяніе на ходъ полковыхъ дѣлъ. Позже Г—ій былъ полковымъ обознымъ.

въ Глуховъ, а я до жени, о присилцѣ сюда коней верховихъ двохъ, четвернѣ буланой и воронострокатой, и зъ еджалихъ коней старихъ, а писмо послано чрезъ Алексѣя Михайлова конюшого.

Четвер. 8. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Галенковскій, писаръ прилуцкій, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, где заставши отца Копу и другихъ, повернулемся назадъ, посидѣвши съ ними. Вчорайшого числа (о чомъ тогда записать не прійшло), получилемъ писмо зъ дому отъ жени, зъ приложеннимъ писмомъ Тараса о разореніи, учинившомся у футорѣ Криворудскомъ отъ Лаврѣна Кодинця, а писано юля 13-го.

Пятокъ. 9. Отобралемъ отъ Петра за другое 9 р. Вѣжевскому далемъ на расходъ 6 р. и записалемъ въ реестрѣ.

Субота. 10. Сегодня рано заездилемъ до Тарнавского, а оттоль до панеи, сегодня коммунѣковавшейся тайнамъ святимъ, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Количова, и потомъ въ свою пріехалъ квартиру. Родитель у пана гетмана былъ и просилъ его респекту въ томъ, что подданніе непослушни, и никакой резолюціи не получилъ. Пункта отъ пана гетмана, данніе въ тайний совѣтъ, безъ подпису еще въ зимѣ, вчора привозилъ Курбатовъ къ нему для подпису и подписани. Вѣстно учинилось, что грамота до пана гетмана прислана—быть ему послушну князю Голѣцину, фелтмаршалу.

Неделя. 11. Сегодня былемъ у паиа гетмана, а обѣдалисмо въ себе. Пріехалъ Желязо, слуга род., зъ Ромна и привезлъ листи до родителя о разореніяхъ чинячихся; тожъ и ко мнѣ отъ жени, что разореніе у футорѣ Криворудскомъ учинилъ Лаврѣнъ Кодинецъ, который въ сотникахъ наказнихъ лукомскихъ. Да привезлъ мнѣ 3 пари кошуль (рубахъ).

Понеделокъ. 12. Сегодня рано ездилемъ до Семена Івановича и показовалъ ему чолобитную.

Вовтор. 13. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ясневелможная пріездила до насъ мимоездомъ, едучи отъ господина Остерманна, которого видѣть не получила. Отъ Петра кухара принялемъ

денегъ 21 р. и 5 копѣекъ. Вѣжевскому на расходъ далемъ 5 р. и 10 а., а Петру казалемъ дать 2 р.

Середа. 14. Сегодня пописалемъ писма до родителки, п. Михайла, брата Семена, а до жени о томъ, что Алексѣй посилается за конми, якихъ бы сюди припроводилъ, о чемъ именно и въ листѣ, и въ приказѣ ему данномъ написано, а именно: коней верховихъ, буланого и сивого, четверень 2, буланую и вороностр окатую, албо вороную, придавши еще пару для цугу, зъ дригантовъ неспособнихъ до стада и зъ кобилъ до плоду негоднихъ. Ему жъ на дорогу далемъ 3 р., а до панеи писалемъ, еще о присилцѣ водки бедринцевой и рожи, и съ такими писмами отправленъ Алексѣй зъ Казѣмиромъ.

Четвер. 15. Сегодня пріобщалисмося тайнамъ святимъ, и обѣдали у панеи цѣлимъ куренемъ. Родитель ездилъ до Наумова, за присилкою отъ его солдата, а я тутъ съ своими, тако-жъ зъ Ханенкомъ и Валкевичомъ вечоралисмо.

Пятокъ. 16. Сегодня въ колегіи былемъ и чолобитную подалисмо отъ родителя на Калюжненка Григорія, въ подступномъ его чолобиттю и нападеніяхъ, отъ его бывшихъ на футоръ нашъ. У архиерея новгородского у вечеру былъ я. Петру кухару Вѣжевскій купилъ каѳанъ нѣмецкій, сѣрого сукна, за 2 р. зъ полуполтиною.

Субота. 17. Сегодня обѣдалисмо сами, и у насъ Валкевичъ. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова. Вѣжевскому на расходъ далемъ 3 р. и въ реестрѣ записалемъ.

Неделя. 18. Сегодня у Николая Івановича Бутурлина крещенна дочь его новорожденная Наталія, которой воспріемниками были царевна Екатерина Іванова зъ Савеловимъ меншимъ, а родитель зъ ясневелможною, а по крещеніи обѣдалисмо вси у Бутурлина.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо дома, а по обѣдѣ заходилемъ до п. Андрея Миклашевского.

Вовтор. 20. Сегодня ездилемъ въ колегію, а отттду въ свою квартиру, и обѣдалисмо сами, по обѣдѣ былъ Антоновичъ и Голенковскій, зъ которими игралемъ въ карти. Вѣжевскій за куфу пов-

торнимъ разомъ взялъ у Федора панеи 14 р., итого 28 р. Смоляне нѣкоторіе, а именно Потемкѣна генерала маэора смоленского племѣнники, Потемкѣни жъ, за то, что они отъ благочестія уклонились къ римской вѣрѣ, указомъ приговорени въ тайномъ верховномъ совѣтѣ сослать въ силку и послани были, а потомъ именнимъ указомъ монаршимъ велено ихъ возвратить. Барометрумъ купилемъ у иноземца Морица, за 1 р.

Середа. 21. Сегодня купилемъ атласу блакитного на полушлафрокъ, китайского, аршинъ по 30 а., а всего аршинъ 8; да купилемъ въ иноземца струнъ римскихъ перевиванихъ 2 за 10 а., да картинъ 8 за 4 гривни, да трубку за 5 а. Обѣдалисмо сами у себе и съ нами Яковъ Мировичъ; по обѣдѣ прійшолъ Ханенко и пріехалъ Леонтіевъ. Слишно, что сего дня пріехалъ сюда въ Москву Константій Гонваровскій, сотникъ кролевецкій, отставленний отъ сотнѣ, зъ чолобитною [1]). Василій Василіевичъ Степановъ пріездилъ зъ тайного верховного совѣта до пана гетмана зъ предложеннемъ тимъ, чтобъ объяснено было доношеніе, якое подано на Наумова.

Четвер. 22. Сегодня панѣ ездила до Остермана и имѣла случай его проснть. А мы обѣдали у себе. Курбатовъ пріездилъ до пана гетмана и привезлъ резолюцію на пункта просителніе, пунктами жъ описанную, и грамоту объ исполненіи оной, о чемъ нижей будетъ означено.

Пятокъ. 23. Сегодня ездилемъ рано въ слободу нѣмецкую, где зъ сѣделникомъ сторжилемся кулбаку англинскую дѣлать за 7 р., и задатку ему далемъ 1 р., да тогда жъ заездилемъ до портного и уговорилемъ другіе штани сдѣлать просторнѣйшіе; да сребранику далемъ передѣлать 18 гузѣковъ, а ваги въ нихъ 3 злота, тоесть 9 золотник. Оттуду заездилемъ до п. Левенця, а потомъ до Миклашевского, а въ вечеру у панеи былемъ. Призивано нѣкоторихъ малороссіянъ въ тайній верховний совѣтъ, а именно: Гамалѣю, сотника топалского, спрашиваясь о даткахъ отъ нихъ г. Наумовимъ полученнихъ и приказано сказки дать, а хто имѣетъ обыди отъ него, тѣмъ чоломъ быть позволено на него.

---

[1]) См. о немъ Опис. Стар. Малороссіи, II, 375.

Субота. 24. Рано вислани въ домъ люде родителскіе: Гайдукъ, Максимъ, Семенъ. Джулакъ, Василецъ зъ мужикомъ. всѣхъ 6 чловѣка. Черезъ Гайдука писалемъ до родителки, жени и п. Михайла, которому и ..... (?) послалемъ, по его писму декавр. Обѣдалемъ у панеи, и по обѣдѣ зъ Александромъ ездилемъ до купчина Доментія Прохоровича, съ которимъ ходилисмо торговать двора Антипа Іванова, на Стрѣтенки стоячого, для панеи, которого отъ 2800 р., опрочъ пошлини, не уступалъ. 3 косяки лудани принялемъ у человѣка, которому подарилемъ 14 вѣд. двойной.

Неделя. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе, а не ездилемъ нѣкуда за дожчемъ. Вѣдомо зъ Украины пану г тману учинилось, что подданніе владѣлческіе стали непослушни своимъ державцамъ по прочтеніи печатнихъ указовъ.

Понеделокъ. 26. Сегодня торжествовали тезоименитство сестрици государевой, ея височества Наталіи Алексѣевни, а мы обѣдали у панеи. Чаю повну жестянку наложилемъ, до употребленія повседневного.

Вовторникъ. 27. Сегодня ездилемъ въ колегію зъ Александромъ, оттуду до панеи и зъ сестрою, зъ Яковлева пріехавшою, повидѣвшись, поехалемъ на обѣдъ до Бутурлина, и тамъ обѣдалисмо. По обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и увѣдомилемся объ старшинѣ нашой малороссійской, ездившой до графа зъ прошеніемъ объ отпуску своемъ, которой графъ отказалъ, что имѣетъ о томъ утро переговорить. Вѣжевскому на расходъ далемъ 3 р., що и записалемъ въ его реестрѣ.

Середа. 28. Сегодня ездилемъ рано до села Владикина, отъ Москви въ 10 верстахъ отстоящого, по прошенію оного села владѣлци архиерея великоновгор. Прокоповича, где обѣдалисмо зъ братомъ, я и отецъ Копа, а у вечеру знову позно повернулисмося въ Москву.

Четвер. 29. Сегодня въ дому обѣдалисмо съ постомъ, ради нынѣшнего праздника.

Пятокъ 30. Сегодня ездилемъ въ слободу, до доктора Быдлова, зъ Іваномъ Петрович мъ. Купилемъ палку ципрусовую за четверть сивухи. Купилемъ въ аптецѣ Гутберта..... (?), ѯіі за 8 гривенъ.

Субота 31. Сегодня обѣдалемъ у панеи зъ сестрою, а по обѣдѣ ездилемъ до слободи нѣмецкой къ Гарнову и сѣделнику, а оттуду повернувшись, заехалемъ до Андрея Миклашевского, а потомъ и въ свою квартиру.

Мѣсяць сентевр. Неделя. 1. Сегодня службы Божой слухалисмо у ближней церквѣ, гдѣ и князь Дмитрій Голѣцинъ былъ, а по службѣ былисмо у него, и тутъ увидѣлись съ Яковомъ Лизогубомъ и Андреемъ Миклашевскимъ; обѣдалисмо сами; по обѣдѣ были у насъ Голѣнковскій, Антоновичъ, котолий и своихъ клевикордовъ позичилъ намъ на время, и Мировичъ Яковъ, Валкевичъ и Гамалѣя Иванъ, котолий принюсъ паперовъ болшихъ 5, а меншихъ 3, квѣтокъ китайскихъ, отъ Өедора Максимовича даннихъ въ продажъ, ценою по 2 а. одна.

Понеделокъ. 2. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Заруцкимъ, по обѣдѣ ездилемъ до панеи.

Вовторникъ. 3. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Дефаршомъ и Чуйкевичомъ Семеномъ. Переехалисмо съ прежней квартири на Петровскую улицу, за Неглинную, и сталисмо въ дому Николая Івановича Бутурлина.

Середа. 4. Сегодня за дожчемъ не ездилемъ никуда, а толко составилемъ отвѣтъ Александру, противъ поповича бывшого березовского, чолобитствуючого на панюю (гетманшу), за грунта локотковскіе.

Четвер. 5. Торжествовано сегодня тезоименитство цесаревни Елисавеөи Петровни. За 40 вѣд. сивухи 37 р. поступлено отъ слуги п. Ханенка. Обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Кондзеровскимъ осматривать дворовъ продажнихъ, Наришкинового за 1200 р., а Грузинцова за 1500 р. П. Ханенку послалемъ лист о млинѣ его ручанскомъ писанномъ.

Пятокъ. 6. Сегодня конь мой ступакъ, вороностронатій, проданъ за 27 р. Купилемъ мѣхъ бѣлковий за 2 р. и 20 а., да скринку зъ верхомъ старую за 2 р. 8 а. 2 д.

Субота. 7. Сегодня обѣдалисмо у себе. Панъ гетманъ отклонился со всѣми его величеств. и у ручки были, а его величество поехалъ на охоту.

Неделя. 8. Сегодня праздновалисмо у панеи, а по обѣдѣ гостили у насъ Чуйкевичъ, отецъ протопопъ глух. и Ханенко. Куѳу (водки) развели на простую, въ якой мѣри 42 вѣд.

Понеделокъ. 9. Сегодня панъ гетманъ прислалъ черезъ Заруцкого, писма зъ дому присланіе, между которими и до мене отъ жени было писмо, и въ томъ писмѣ включенъ листъ отъ Якубовича, зъ Астраханѣ, 10-го януар. писанний ко мнѣ, въ якомъ обявляетъ, что за пянствомъ лоцмана, прикажчика и приставовъ моихъ, судно зъ табакомъ и водкою нашою затонуло, и табакъ замокъ, а горѣлка виратована, якую онъ намѣриваетъ продать, поневажъ даютъ вѣдро по 6 зол., а надѣется, что по 7 и по 8 дадутъ, для того, же на кабанахъ оной мало, а почитаѣь и нѣчого немашъ, а объ моемъ суднѣ жадного немашъ извѣстія зъ Гиляни. Обѣдала у насъ панѣ, Ханенко и Заруцкій, ради именинницѣ родителки.

Вовторникъ. 10. Панъ гетманъ присилалъ отца протопопу глух. въ той силѣ, чтобъ мы искали у его себѣ примиренія. Купилемъ книжокъ 3 у печатной лавкѣ, служебникъ за 25 а. и копѣйку, минейку общую за 24 а. и копѣйку, о исповѣди поученіо за 8 шаговъ. Пану гетману зъ колегіи иностранной принесено грамоту на гетманъство и шубу зеленую аксамитную, соболями подшитую. У вечеру у Курбатова былемъ, где у Якимовича сегогоднихъ авизій позичилемъ.

Середа. 11. Рано едилисмо до графа Головкина зъ родителемъ, для того, что онъ сегодня отеждаетъ на свои деревнѣ, на нѣкоторое время; а у паней обѣдалисмо. У вечеру былемъ у панеи и видѣлемъ Івана Артѣлного, секретара бывшого колегіи бывшой малор., которій вчора повернулся зъ Глухова, куда ездилъ, посланъ будучи отъ Наумова до Арсеніева. Барометрумъ направлена трубочка, зовемая thermometr, за полтину.

Четвер. 12. Сегодня рано пріездилъ протопопъ глуховскій зъ тимъ, чтобъ панюй и намъ быть у пана гетмана, по его жъ желанію. Обѣдалисмо у отца духовника Тимофѣя Василіевича, имѣющого позавтрому отездить въ домъ свой до Тростянця. Ездила панѣ, родитель, Чарнишъ и я до пана гетмана, а нѣчого съ того. 10

вѣд. за 9 р. прост., а оков. 3 за 5 р. Дефаршу. До колегіи иностранной призивани зъ нашихъ многіе, положенніе въ кандидати на старшинство, и велено имъ по отездѣ гетманскомъ поудержатися.

Пятокъ. 13. Сегодня вимѣрилъ Петро куѳу у Ѳедорця бившую, зъ якой вийшло 21 вѣд. и пол. Петру кухару купленъ камзолъ за 40 а. зъ гривнею. Были у насъ Валкевичъ, Голенковскій, Антоновичъ, зъ которими игралемъ въ карти.

Субота. 14. Сегодня ездилисмо до панеи, где по службѣ Божой кушалисмо. Привезлъ Камѣнскій кулбаку нѣмецкую, чили аглинскую, за 7 р. здѣланную, и верхніе лосиніе за 4 р. кошитіе, вмѣсто данних, назадъ отосланнихъ.

Неделя. 15. Сегодня службы Божой слухалисмо въ Богоявленскомъ монастирѣ, а по службѣ обѣдалисмо у панеи. Ездилемъ до Андрея Миклашевского и тамъ увѣдомилемся, что Лисенко отъ вел. пана гетмана, ездившій до графа зъ прошеніемъ за отпускомъ удержаннихъ старшини, повернулся зъ отвѣтомъ тимъ, что невозможно ихъ теперъ отпустить, но развѣ за поворотомъ ихъ, господъ минѣстровъ. Вѣжевскому на его нужди, что боленъ, далемъ 4 р.

Понеделокъ. 16. Сегодня ходилемъ до лавки зъ Лескомъ кравцемъ, купилемъ понсовой матеріи, на подобіе канатцу, 7 аршинъ зъ чверткою, аршинъ по 7 зол., а всего 10 р. и 5 а. Да ему жъ Леску далемъ полтора рубля на его нужди. Несторовичеви подарилемъ другую часть бесѣдъ Златоуст. на Павлови посланія, а себѣ вмѣсто того другую купилемъ. Ездилисмо оба зъ родителемъ до вел. п. гетмана прощатся по словахъ протопопи глуховского, нарочно отъ его до насъ пріездившого, и потому — нѣчого.

Вовтор. 17. Сегодня обѣдалисмо въ дому. Пану гетману и и протчіимъ при его вел. отеждаючимъ, дано жалованне камками и соболями.

Середа. 18. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ братомъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до Курбатова, где посидѣвши, повернулемся назадъ. Панъ гетманъ виехалъ зъ Москви въ домъ свой, ку Глухову, и много нашихъ малороссіянъ, въ якомъ числѣ и лубенская полковая старшина, опрочъ войта.

Четвер. 19. Сегодня поехалъ Несторовичъ въ домъ свой, черезъ которого писалемъ писма до родителки и брата п. Семена и пана Михайла поздравителніе, и до жени писалемъ же и послалемъ косяковъ лудану 3, книгу бесѣдъ Златоуст., книжечку о исповѣди, квѣтокъ китайскихъ 3 папѣрки и нужникъ крашениновий, полевий. Принялемъ отъ Петра денги, якихъ всѣхъ зъ доводячимися за куфу будетъ 66 р. зъ полтиною и 5-ма копѣйками, зъ сихъ денегъ у его 2 мѣшка мѣднихъ по 20 р.

Пятокъ. 20. Сегодня доношеніе род. составленно. Бандуру принюсъ майстеръ, за якую далемъ 2 гривни, а шкатулку вичистилъ лавочникъ за полтину.

Субота. 21. Сегодня обѣдалисмо у панеи. Продани яловицѣ род., десятокъ за 20 р.

Неделя. 22. Сегодня службы Божой слухалемъ у коллегіумъ, а обѣдалемъ у панеи зъ родителемъ. Заездилисмо до князя Василія Івановича Гагарина двора торговать. Получилемъ писмо зъ дому отъ Клима, въ якомъ означаетъ, что пчоли было въ Уздицѣ 362. Насипали куѳу простой гор., въ которую влѣзло 41 вѣд.

Понеделокъ. 23. Обѣдалисмо въ дому. За часи золот. Александру первимъ разомъ далемъ 30 р. до отдачи Каратаеву. По обѣдѣ, оба зъ родителемъ, ездилисмо до помянутого Гагарина, где панюю заставши, обще сторговали домъ его каменній, на Тверской улицѣ стоячий, за 3300 р., а пошлина панеи. Овса двѣ четверти купилемъ, а четверть по 7 гривенъ.

Вовтор. 24. Сегодня обѣдали у насъ панѣ, Николай Івановичъ Бутурлинъ зъ женою и Сергѣй Автомоновичъ Головинъ зъ женою жъ. Черезъ служку Каратаеву другимъ разомъ ему послалемъ 15 р., а третимъ разомъ Александру далемъ 5 р., итого за часи золот. далемъ всѣхъ денегъ 50 р.

Середа. 25. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Гагарина взглядомъ двора, который то отложилъ за завтрее.

Четвер. 26. Сегодня зъ Александромъ ездилисмо до князя Гагарина, который отложилъ на завтрее; а обѣдалемъ у панеи зъ род. и Левенцемъ. Купилемъ вагу желѣзну за 4 гривни. Камѣн-

скій привезлъ гузѣки, за которіе заплатилъ 2 р. за дѣло, да онъ же сребро у золотара вишукалъ, якое дано на штучки до шаблѣ. Зъ Александромъ отнеслисмо чайникъ фарфоровий въ лавки, здѣлать ручку. Петро продалъ куфу гор. за 42 р. и половину взялъ.

Пятокъ. 27. Сегодня ходилемъ въ лавки и купилемъ бейбереку аршинъ полъ 8, по 8 гривенъ, до полу завойковую (мѣхъ) за 3 р. зъ четвертю, да полку чорнихъ сѣбирокъ за полтора рубля, струнъ римскихъ 6 по 2 а., книжку латинскую Scrutinium sacerdotale за 2 гривни. Ездилемъ зъ Александромъ до Гагарина за дворомъ, который цѣле отказалъ.

Субота. 28. Зъ чтенія познаніе сего, что проба правди всякой у епикуровъ и перипатетиковъ есть самое чувствій чили смисловъ отправленіе да предзнаніе ума; а въ картезіановъ познаніе ясное и собенное, которого основаніемъ и виною есть правда Божія, то-есть напримѣръ: того ради я знаю себе бити животное разумное, что должности таковаго животного во мнѣ сущіе ясно и собенно вижу или познаю; познаніе же тое ясное и собенное для того признано бить въ томъ правдивое, что Богъ творецъ оного самая есть верховная правда. Панѣ дворъ купила въ Китаи городѣ, у князь Сергія Борисовича Голѣцина, за 3000 р., недалече Богоявленского монастира, и задатку дала 200.

Нѣделя. 29. Сегодня рано былисмо у графа Головкина, вчора зъ своихъ маетностей сюда въ Москву пріехавшого, а обѣдали у панеи. Куѳу насипали гор. вѣд. 24 безъ 4-хъ лѣверовъ, якихъ въ вѣдрѣ полъ 10. Очистилемъ себѣ избу, за окно до оной заплатилъ 20 а., а за то что вимазалъ—5 а.

Понеделокъ. 30. Сегодня рано пріездилъ до насъ Валкевичъ, и доношеніе исправилисмо, да и учадѣли (угорѣли) оба. Поехалемъ въ Яковлево, а ехалъ около 5 часовъ, а пріехалъ туда у вечеръ.

Вовтор. М-ць октовр. 1. Сегодня тутъ въ Яковлевѣ, въ тутейшомъ храму, праздникъ Покрова отправовали и мы тутъ обѣдали и дновали. Тутъ увѣдомилемся о секретѣ на блощицѣ (клопы) олѣеюю мазать тамъ стѣну, албо щилину, где они суть.

Середа. 2. Сегодня обѣдалисмо въ купѣ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ за 4 часа въ Москву.

Четвер. 3. Сегодня обѣдалисмо зъ родителемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до Маса и оного не засталемъ въ его квартерѣ, затимъ, что отлучился до болного князь Васил. Волод. Долгорукова. Былемъ у Курбатова и позно у вечоръ пріехалъ въ свояси.

Пятокъ. 4. Сегодня ходилемъ на мѣсто и купилемъ кагве 2 фунта за 40 а., сахару канарского 2 голови, за 2 р. и 4 а., фунтъ по полкопи, да подлѣйшого мало голову третую, фунтъ по 7 а. съ копѣйкою., панчохъ (чулокъ) пару вовняних за 8 а.,носковъ плетенихъ зъ шерсти 2 пари за 16 копѣекъ, смолки (сургучу) чорной и красной 2 прутика, за 2 гривни, свѣчокъ благовонних 20, за 16 копѣекъ; трость 20 а., папѣру 4 лѣбри, по гривнѣ лѣбра, хустку шовковую за 10 а. Да въ лавкахъ же взялемъ книгу старую бесѣди Златоуст. на дѣянія, за полтора руб., а до крайнего сторгованния въ закладъ положилемъ тѣ полтор. Зъ чтенія Антонія Алевенгекъ видно стало, что кожа человѣческая покрита лускою разнофѣgурною, мѣжи которою щилинки, мокрота, тоесть потъ проходитъ, а не порами, которихъ въ тѣлѣ нѣтъ человѣческомъ. Да по его обсерваціи черезъ микроскопію никакого движенія животного нѣтъ въ слюнѣ людской, а въ матеріи бѣлой, якая вмеждy зубами и на зубахъ, въ ротѣ имѣется движенія животних безчисленнихъ суть, которіе онъ увидѣлъ, смѣшавши тую матерію зъ слинею и водою дожчевою чистою, а животніе тіе безмѣрно малой фѣgури, долговатенскіе мало, которіе отъ оцту, примѣсивъ оного туда жъ, заразъ умираютъ. Такъ же и угрики маленкіе, которіе обикновенно зъ носа видавляются, не що инное суть, толко волоски тонесенкіи, зрошіи и будто обволоченніе въ купу, которихъ налѣчинъ отъ 36 до 45. Луска зась на тѣлѣ нашомъ будучая, не есть мокроти зъ тѣла нашого вийшовшой, но особливой субстанціялной матеріи составленіе есть; тая жъ луска не толко отъ внѣ по всему тѣлу, покриваючи оное, имѣется, но и въ ротѣ, и что красний чили кривавий коліоръ показуется, тое усмотрѣлъ Алевенгекъ бити отъ нерекгулярного расположенія оной луски, которая

неплотно сторонами своими боковими лежачи, показуетъ по себѣ той кривавий цвѣтъ. И потому латво домекатись притчини, для чого волосокъ малий по тѣлѣ великій лоскотъ чинитъ, то есть для таковогo то луски помянутого составленія, который волосокъ отъ внѣ твердость острую имѣючи, а во неравнихъ щилинкахъ, между оною лускою имѣющихся, повезенъ, прудкое движеніе дѣйствуетъ и того ради, что не гладко, але якъ би стропотно лоскочетъ. Да помянутий же авторъ, въ своихъ обсерваціяхъ, повѣствуетъ, что мокрота флегматичная внутръ кишокъ обрѣтаючаяся не есть самою рѣчію мокрота, но безчисленное совокупленіе тонкихъ и малихъ жилокъ, умислне къ кишкамъ припаенних, которіе кровъ къ своему питанію притягаютъ. Объ оцтѣ естли разсуждаетъ, который ежели примѣситъ до крове, а прилить въ отверзтую жилу животному якому либо, скоро съ того умретъ, который человѣку не вредитъ, хочай оного и употребляетъ, а то для того, что оного острая мокрота заразъ въ желудку зсѣдается и до жилъ кровоносныхъ не доходитъ оная, кромѣ самой тончайшой мокроти, что видно зъ молока, которое дитя виссавши хочай би заразъ вивомѣтовало, однакъ уже нерѣдкое будетъ, але въ грудочки зсядется. Жилки молочніе или лимфатичніе всю свою матерію получаютъ отъ матеріи молочной, явая хилусъ называется, въ кишкахъ будучой, протчіе же жилки, отчасти оттуду питаются, бо самую кровъ въ себѣ носятъ. Іоганъ Францѣскъ Буддѣй, въ бесѣдѣ своей богословской на атеистовъ, повѣствуетъ, въ главѣ третой, о догматехъ зъ бе божіемъ сопряженнихъ, тѣхъ догматовъ вичисляючи, а именно: отреченіе промислу Божіяго, сумнителство о безсмертіи души, отреченіе ангелъ благихъ и злихъ, пророчествамъ и чудесамъ невѣріе, христіянского благочестія опроверженіе, писанія священного достоинства обруганіе, зъ которихъ числомъ о второмъ разсуждаючи, приводитъ древнихъ египтянъ, исповѣдавшихъ безсмертіе души, но симъ самимъ утверждаху духопрехожденіе, тоесть тѣлу умершу, душа въ другое рождающееся тѣло переходитъ, и тому умершу—въ иное, поколь въ человѣка, знову отъ животнихъ повернется, который поворотъ щитали били за 3000 лѣтъ. Умнѣйшіи же зъ египетскихъ философовъ разсуждали, что душа человѣческая по умертвіи тѣла, къ Богу или

къ душѣ мира всего, которую и толь дѣлному животному признавали быти, нѣкоторую тонкость вишнего воздуха. Другіи же оную душу частію существа Божіяго признавали, но подъ такою силою хитростно и безумно, признавая оную душу мира за бога, якою ересью и Пѳеаѳоръ поврежденъ, которій хотя и смерти душѣ не признавалъ, однакожъ оной и чистого безсмертія не исповѣдалъ, но нѣкоторое по смерти тѣла примѣненіе и оную сказивалъ бити небезматфіялную, или не безтѣлесную, понеже по его систематѣ, и Богъ тѣлесенъ же, хочай тончайшого самого состава, въ якой силѣ и Платонъ философъ тожъ безсмертіе души утверждалъ. Аристотель же тако признавалъ, якъ его толковникъ арапинъ Аверроссъ, гишпанецъ родомъ, свѣдчитъ, тоесть духи движущіе, разумніе всякому кругу опредѣливши съ тѣхъ духовъ и кругу земному единого духа разумного, съ которого и души человѣческіе бываютъ, призналъ и оного частію существа божіяго и послѣдователно безсмертного показалъ; души же человѣческіе, яко множественніе смерти и тлѣнію причелъ.

Субота. 5. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ заездилемъ до архиерея новгор., Веляминова, Степана Лукича и позно въ домъ мой повернулемся.

Неделя. 6. Сегодня господа были у его величества, недавно зъ охоти преехавшого въ слободу, и тамъ трактовани были при пушечной стрелбѣ. Подаренний барометръ, художества механика Лейтмана, получилемъ отъ архиерея новгор. Обѣдалемъ зъ родителемъ у панеи, а по обѣдѣ до нашихъ кандидатовъ заездилемъ и тамъ посидѣвши до позна, въ свою квартиру повернулемся. Петро куѳу, мѣрою у 24 вѣд. безъ чогось, уступилъ знакомцу за 23 р. зъ полт. Купилемъ у шевця чоботи зъ юхти зъ топленимъ саломъ дѣланной пошитіе, за 30 а.

Понеделокъ. 7. Сегодня рано былемъ въ колегіи іностранныхъ дѣлъ, а оттуду до панеи пріехавши, засталемъ тамъ сестру Уляну и обѣдалисмо, а по обѣдѣ повернувшись въ домъ, засталемъ пріехавшого Івана Гамалѣю, такожъ Андрея Миклашевского и Тарнавского. Продани воли род. и мои, за всѣ 25 за 90 р., зъ якого числа, за мои 10 привялъ 33 р. Антоній Левенгекъ въ своихъ об-

серваціяхъ разсуждаетъ о мокротѣ кристалной, которая такъ називается коліоръ бѣлій, у оку обрѣтающійся, что оная мокрота зъ безчисленнихъ тонкихъ нитей, чили жилокъ найтоншихъ, звита, албо сплетена есть, что онъ помощію микроскопія увѣдѣлъ, и оніе напримѣръ промeней отъ центра циркула происходящихъ, толко та рознь, что трома разними дорожками произведени и также власно звити и такою фѣgурою сплетеніе оное не толко въ человѣкахъ, но и во всѣхъ звѣрехъ имѣется, а у рибъ и птицъ не трема дорожками, но двома, отъ центра жъ сплелись оніе нити. Да о составленіи крови въ чловѣкахъ и въ животнихъ признаетъ, что матерія оная, которая кровь нашу красною чинитъ, составляется зъ кружковъ, почому и крове самая малая часть кругла, но въ рибъ и птицъ тая жъ матерія не толко зъ самихъ кружковъ, яко болше зъ плоскостей подобнихъ фѣgурѣ овалной составленна. О черности ефіопа разсуждаетъ же, что оная черность не въ мясѣ человѣческомъ, но въ лусцѣ, которою обикновенно во всѣхъ животнихъ и въ чловѣцехъ оное мясо чили тѣло покрито есть, содержится, а что черность тая самою рѣччю не есть черна, но приложенная до микроскопія блѣда, въ примѣръ воденого коліору, а черна обнаженному оку здается, ради густого оного цвѣту совокупленія, таково и чернило до микроскопія приложенное и матерія едвабная черная показуется блѣдимъ, а не чорнимъ коліоромъ,

Вовторн. 8. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, а обѣдалисмо у себе; по обѣдѣ видѣлемся зъ Еропкиномъ и повернувшись въ домъ, засталемъ Чуйкевича. Златоустъ въ бесѣдехъ на Матѳея, второй части, въ нравоученіи о иноцехъ, сказиваетъ о реgулѣ иноческой въ монастирахъ живущихъ, зъ которого нравоученія видно, что еще въ ту пору оніе иноци мяса не идали, ибо между инними словами приводитъ и то, что оніе иноци вмѣсто мяса печеного огнемъ хлѣбъ зъ водою ядятъ и нѣтъ тамъ диму мясного. Стефанъ Хаввѣнъ и Францѣскъ Буддей, превисокіи философи, тотъ in lexico philosophico, а сей въ бесѣдѣ богословской, о суевѣріи разсуждаютъ астрологическое ученіе весма быти суетное и лживое, и прямому благочестію противное, понеже суетніе астролоgастри, зъ оной своей астрологіи

то притворяютъ себѣ вѣдати, что никому же кромѣ всевидущого Бога видимо есть, и то звѣзднимъ теченіямъ приписуютъ, что едина Божія провѣденція или смотреніе також де свободнихъ тварей свободное изволеніе дѣйствуютъ, а предсказуютъ о члвѣку время рожденія его или горскопъ, зъ таковимъ именно звѣздъ аспектомъ злучивши, какой онъ будетъ инклѣнацѣи и якіе имѣтиметъ темперамента, хто гнѣвливъ, хто мелянхолѣнъ, хто премудръ, хто сластолюбецъ. Будто то единий звѣздъ аспектъ въ пунктѣ рожденія его бывшій имѣитъ натуралную силу раждати въ ономъ члвѣку множество или мелянхолѣи или жолчи, или другихъ мокротнихъ духовъ, и съ такого разсужденія пророчествуютъ о будущихъ случаяхъ, свободно приходячихъ, о кондиціи житія людского, о супружествѣ, дѣтехъ, честехъ, нещастяхъ и проч., и такогово ученія висшепомянутіе философи и богослови, усмотрѣли бити суету и ложъ по таковимъ причинамъ: 1) что оніе астрологи натуру звѣздъ и сили тѣхъ, которіе надъ другіе жъ знатнѣйшіе суть земнимъ, мало и скудно знаютъ; 2) множайшіе же суть звѣзди, которихъ натура и сили весма отъ нихъ закрити, а таковихъ звѣздъ дѣйствіе многоразлично и дѣйствіямъ знакомѣйшихъ звѣздъ примѣшуватися обыкли; 3) разная диспозиція свѣта сего, которій пониже луни обрѣтается и нижнихъ тѣлесъ, зъ чего то бываетъ, что небесній инфлюксусъ или стеченія разнообразно принятіе, такожде разнообразно и дѣйствуютъ; 4) жадной притчини нѣтъ, для чого барзѣй онимъ астрологамъ нужно разсуждать пунктъ рожденія и якому аспектови усмотрѣть, якобы существенно; 5) що жъ, когда единимъ и тѣмъ же времени и начати и рождени суть многіе, а разніе и натури, и житіе, и случаи имѣютъ, сіи показались еще жъ люде обоего полу, всякого возраста разними звѣздъ движеніями на свѣтъ сей произошли въ разнихъ государствахъ, а всѣ тіе или пропастію земною, или упадшими домами, или добитіемъ городовъ, или единимъ въ морѣ потопленіемъ погибли, единимъ образомъ смерти и въ единомъ моментѣ погибли; 6) ежели темпераментъ человѣческого тѣла непремѣнно положеніе звѣздъ управляетъ и за поводомъ звѣздъ все дѣлаютъ люде, то потому добродѣтелемъ и злодѣніямъ нѣтъ мѣста; 7) да

еще жъ и смѣшно унѣверсалной темпер-цѣи тѣло у звѣздъ искать, будто ближайшіе притчини, тоесть перемѣни воздуха, дожчи, вѣтри, погоди и проч., до начала рождаемихъ не надлежатъ; 8) албо тежъ воспитаніе, воскормленіе, наконецъ проведенція Божія, мимо всѣ звѣздніе аспекта, зъ Фараономъ и зъ нимъ бывшимъ моогочисленнимъ народомъ пресѣченіе единакое житія ихъ въ единомъ пунктѣ времене устривщая, нѣчого въ людяхъ не дѣйствуютъ, а такъ суетное и честнихъ мужей недостойное оное астрологическое ученіе, албо рачей вимишленіе тунеядцевъ лживое.

Сину портного Василія Петру билемъ кумомъ зъ дочерю Протасіевой Любовію Михайловною, а Протасіева сяя была жена умершого Протасіева околничого.

Середа. 9. Сегодня тезоименитство мое отправляли и бы и у насъ на обѣдѣ панѣ, Николай Бутурлинъ зъ женою, а кумою род. Маріею Володимер. и Валкевичь, и передъ вечоромъ разехались. Род. 150 чер. по 11 зол. размѣняли.

Четвер. 10. Сегодня Стефанъ Хаввѣнъ въ разговорѣ своемъ, со мною разсуждалъ о имени философскомъ fatum, которое бываетъ раздѣляемо четверократно, тоесть fatum математическое, албо астрологическое, о якомъ вижей; fatum стоическое, нужное всѣхъ вещей сплетеніе и потому случаевъ непремѣнное событіе; fatum физическое, или натуралное, всякихъ вещей дѣйствіе, и fatum божеское, онаго дѣйствія ненатуралного премудр е строеніе и промыслъ. И съ того раздѣленія послѣдніе фата два имѣютъ разумъ правилный и христіанская философія не противится симъ, а первѣйшіе два суть ложніе и благочестію противніе. Да онъ же разсуждаетъ объ урокахъ, которіе натурално биваютъ не зъ чого инного толко зъ особливого дѣйствія, проистекающой сквозь при тѣлесніе сили заразливой у улучающой въ другое тѣло, и сквозь пори проходячой, и амъ помѣшателство въ крове и вредъ сочиняючой. Доводомъ того есть тое, что жена теченіе мѣсячное имѣючая, взоромъ своимъ самое чистѣйшое зерцало окропитъ кровними каплями, которіе зъ ея тѣла виходячи на чистотѣ зеркала видни засхнувши становлятся, и потому малого дитяти, которого молоденкое тѣлце уломно къ урокамъ и склонно

ПРОШЕНІЕ СОТНИКОВЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКА

КОЗАЧЬИХЪ ОБИДАХЪ,

поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й

1894.

Прошеніе сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обидахъ, поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г.

Документъ, печатаемый подъ приведеннымъ заглавіемъ, отысканъ нами въ дѣлахъ Харьковскаго Историческаго Архива и имѣетъ свою исторію, не вполнѣ, правда, ясную, не вполнѣ и законченную, но тѣмъ не менѣе довольно любопытную и поучительную. Мы перескажемъ ее здѣсь, по возможности, въ короткихъ словахъ, не вдаваясь въ подробности, оттѣняя отъ нихъ лишь то, что такъ или иначе уясняетъ значеніе самаго прошенія. [1])

Когда разошлась по Малороссіи вѣсть о предполагаемомъ путешествіи императрицы Елизаветы въ Кіевъ, въ разныхъ слояхъ малорусскаго общества проявилось нѣкоторое оживленіе. Здѣсь уже хорошо извѣстна была близость къ императрицѣ Ал. Разумовскаго, и на фактѣ этой близости и вытекавшихъ изъ нея симпатій Елизаветы къ Малороссіи строились многіе разсчеты. Особенно старшина, заранѣе позаботившаяся обезпечить себѣ вниманіе любимца государыни, надѣялась съ его помощью добиться удовлетворенія своихъ желаній, въ ряду которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимало возстановленіе гетманства и устраненіе великорусскихъ чиновниковъ отъ управланія страною; вмѣстѣ съ тѣмъ старшина хлопотала и объ уничтоженіи тѣхъ указовъ, которые полагали нѣкоторыя препятствія къ свободному росту ея экономическаго могущества на счетъ другихъ классовъ народа. Но ожидаемый пріѣздъ государыни въ страну давалъ, казалось, возможность дойти до нея голосамъ и другаго рода,

[1]) Самое прошеніе извлечено нами изъ дѣла Х. И. Арх., Дѣлъ Малор. Колл., Черниг. отд., № 51. Въ этомъ дѣлѣ находятся бумаги слѣдствія съ декабря 1747 г. по 1754 г. Другое дѣло (ibidem, № 214) рисуетъ судьбу прошенія въ сенатѣ, назначеніе слѣдственной коммиссіи и начало слѣдствія. Прошеніе напечатано нами по списку, который былъ сперва у Кузьминскаго, потомъ у Полянскаго.

представлялъ удобный случай обратить вниманіе верховнаго правительства на тотъ ненормальный путь, какимъ шло развитіе соціальной исторіи края, на тѣ многочисленныя злоупотребленія, какими сопровождались дѣйствія мѣстной администраціи, воплощавшей въ себѣ опредѣленные соціальные интересы, на тѣ прямыя притѣсненія, наконецъ, какимъ часто подвергались лица низшихъ общественныхъ классовъ. Подобныя мысли и дѣйствительно появились мѣстами, главнымъ образомъ въ средѣ сотенной администраціи, обладавшей нѣкоторыми средствами для ихъ осуществленія и не всегда настолько отдѣлявшійся отъ массы козачества, чтобы вполнѣ забыть его интересы. При этомъ однако рѣчь шла именно только о козачествѣ, представителями которыхъ являлась эта сотенная старшина; группа посполитыхъ, не менѣе, если не гораздо болѣе еще нуждавшаяся въ помощи, не входила въ разсчеты лицъ, мечтавшихъ выступить ходатаями отъ лица народа, можно думать, по тому, что самые интересы козаковъ и посполитыхъ представлялись въ данное время уже далеко разошедшимися въ разныя стороны. Особеннымъ успѣхомъ мысль о такомъ представительствѣ передъ императрицею за козаковъ пользовалась въ средѣ черниговскихъ сотниковъ, у нихъ же она нашла себѣ и реальное осуществленіе. Сотники и сотенные старшины Черниговскаго полка, назначенные для встрѣчи и конвоированія императорскаго поѣзда, не разъ съѣзжались и бесѣдовали на ту тему, что хорошо было бы довести до свѣдѣнія государыни о козачьихъ нуждахъ.

Главными участниками этихъ бесѣдъ, а вмѣстѣ, повидимому, и инициаторами всего замысла были четыре сотника: Синявскій—Андрей Полянскій, сосницкій—Павелъ Политанскій, бѣлоусскій—Демьянъ Малинскій и менскій—Григорій Кузминскій. Они-то собирали у себя съѣзды другихъ сотниковъ „для согласія", вели съ ними частые разговоры о злоупотребленіяхъ полковниковъ и генеральныхъ старшинъ и усердно агитировали среди низшихъ старшинъ сотенъ, доказывая необходимость заступиться за козаковъ и обличить передъ императрицей дѣйствія высшей администраціи Малороссіи. Въ концѣ концевъ имъ удалось привлечь къ своему плану еще шестерыхъ сотниковъ (райскаго, волынскаго, городницкаго, седневскаго и наказныхъ менскаго и синявскаго) и нѣсколько десятковъ низшихъ сотенныхъ старшинъ и куренныхъ атамановъ. Въ собравшемся такимъ образомъ кружкѣ каждый изъ лицъ, его составлявшихъ, обладалъ богатымъ запасомъ фактовъ, подтверждавшихъ задуманныя обличенія,

но далеко не всѣ были увѣрены въ успѣхѣ этихъ обличеній. „Хотя то и усе правда, говорилъ Полянскому седневскій сотникъ Иванъ Рымша на одномъ изъ собраній, токмо трудно буде о томъ всемъ доказывать". Постоянныя бесѣды, на которыхъ происходилъ обмѣнъ впечатлѣніями и фактами, подкрѣпляли однако духъ кружка и сообщали отдѣльнымъ его членамъ увѣренность въ возможности осуществить съ успѣхомъ задуманное дѣло. Рѣшено было составить челобитную, въ которой резюмировать всѣ отдѣльные факты злоупотребленій, кому-либо изъ участниковъ извѣстные, и, снабдивъ ее подписями всѣхъ членовъ кружка подать императрицѣ. Такая челобитная и была составлена, притомъ даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и одинъ изъ нихъ, съ подписями 9 сотниковъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновъ, врученъ былъ Кузминскому для подачи императрицѣ. Въ послѣднюю, рѣшительную минуту на Кузминскаго напалъ однако страхъ передъ затѣяннымъ дѣломъ и онъ уѣхалъ изъ Кіева, не подавъ челобитной, о чемъ лишь черезъ нѣкоторое время извѣстилъ Политанскаго слѣдующимъ письмомъ: „Благородный м-цѣ пане сотникъ Сосницкій, мой велце ласкавій благодѣтель! Доношеніе о нуждахъ козачихъ въ обществѣ мною въ Кіевѣ не подано для того, что самому мнѣ едному за отъездомъ вмтей мцѣ панства подавать било не безъ подозрѣния, другое, что слухъ весма надеждній происходилъ о учрежденіи гетмана, третое, что дней за нѣсколко пред выездомъ Ея Императорского Величества и челобитнихъ подавать отказано, зачимъ я оное доношеніе одослалъ до пана сотника Синявского, мнѣ же в Кролевцѣ обявилъ панъ сотникъ Бѣлоускій, что такое жъ доношеніе подано отъ его Ея Императорскому Величеству и онъ видѣлъ уже у габинетнаго секретаря, господина Демидова, обявляю. Вашево благородия покорный слуга Г. Кузмѣнскій. Сент. 29 1744 г. Мена". Въ этомъ письмѣ Кузминскій собственно скрадываетъ дѣйствительные мотивы, въ силу которыхъ онъ не подалъ «доношенія»: другимъ своимъ товарищамъ онъ говорилъ тоже, что не сдѣлалъ этого «за неполученімъ къ тому способного времени», на слѣдствіи же позднѣе показывалъ, что такъ онъ поступилъ «не токмо за неполученіемъ способного времени, но и для того, что онъ, сотникъ, разсуждалъ, ежели де оное доношеніе подать, то будетъ продолжителное по оному слѣдствіе. Какъ бы то ни было, дѣло оказалось сдѣланнымъ и безъ него: Малинскій, въ рукахъ котораго тоже находился списокъ доношенія, подписанный кромѣ него Полянскимъ, Политанскимъ и 22 человѣками сотенныхъ старшинъ и куренныхъ атама-

новъ, подалъ этотъ списокъ имп. Елизаветѣ и такимъ образомъ планъ черниговскихъ сотниковъ былъ осуществленъ: оставалось считаться съ его послѣдствіями.

Они наступили впрочемъ не такъ скоро: доношеніе сотниковъ было передано императрицей, по возвращеніи ея изъ путешествія, въ сенатъ, для разсмотрѣнія и наведенія справокъ по нему; здѣсь оно пролежало около двухъ лѣтъ и лишь въ 1746 г. дѣло было представлено въ докладъ. Сенатъ рѣшилъ нарядить коммиссію для разсмотрѣнія и провѣрки на мѣстѣ тѣхъ обвиненій, какія были возведены сотниками на полковую и генеральную администрацію, и, согласно просьбѣ сотниковъ, назначилъ предсѣдателемъ этой коммиссіи чуждаго Малороссіи человѣка, полковника Мейера, предоставивъ однако ему выбрать въ помощь себѣ какого-нибудь неподозрительнаго человѣка изъ мѣстныхъ старшинъ. Мейеръ прибылъ въ Малороссію лѣтомъ 1747 г. (его первый докладъ сенату помѣченъ 31 іюля) и, избравъ помощникомъ себѣ полковаго обозназо Юркевича, приступилъ къ слѣдствію. Первоначально къ нему были привлечены только тѣ лица, которыя подписались на поданномъ императрицѣ доношеніи, или, какъ именуются они въ актахъ слѣдственной коммиссіи, «доносители», но они, не уклоняясь отъ обязанности доказать справедливость своихъ заявленій, показали однако, что многіе факты имъ извѣстны только по разсказамъ товарищей, которые должны говорить сами за себя, такъ какъ собирались вмѣстѣ съ ними подать доношеніе императрицѣ. Въ доказательство они представили второй списокъ доношенія, пересланный Кузминскимъ Полянскому, и тогда коммиссія указомъ отъ 8 декабря 1747 г. привлекла къ дѣлу и всѣхъ, подписавшихся на этомъ спискѣ, которому въ свое время не дано было хода. Почти всѣ они однако старались подъ разными предлогами уклониться отъ дѣла. Такъ напримѣръ Волинскій сотникъ Романъ Журба на допросѣ 11 янв. 1748 г. въ слѣдственной коммиссіи объявилъ: «в чомъ онъ сотникъ Журба в подписки на некоторихъ пунктахъ и на заготовленномъ ихъ прежнемъ доношеніи подписался, онъ сотникъ Журба ничего по тому в оной коммиссіи показать не имѣетъ, ибо онъ сотникъ безграмотенъ и, на чомъ подписался, подлинно ведать не можетъ, к тому ж онъ тогда вновь в сотню Волинскую сотникомъ в началѣ того ж 744 году былъ определенъ, и тогда нѣ по чому еще било о тѣхъ козачихъ обидахъ ему сотнику знать.» Сотенные Менскіе старшины на призывъ въ слѣдственную коммиссію сперва отвѣтили, что ихъ сотникъ находится въ Петербургѣ, а имъ

самимъ «нѣ по чему явится, понеже де они якъ прежде, такъ и нинѣ не челобитчики», и только мѣсяцъ спустя заявили, что и они, «доносить Ея Императорскому Величеству... были согласни», и обѣщали явиться въ коммиссію, когда возвратится сотникъ ихъ. Но и самъ Кузминскій наравнѣ съ другими пытался теперь увернуться отъ слѣдственной коммиссіи. Долго онъ не ѣхалъ въ нее, не смотря на нѣсколько разъ повторявшіеся вызовы, наконецъ за нимъ посланъ былъ нарочный, который и привезъ его; въ февралѣ 1748 года далъ онъ первыя свои показанія и выпросилъ затѣмъ себѣ отлучку до 1 марта для справки съ документами. Къ этому сроку однако онъ опять не явился, а прислалъ заявленіе, что ѣдетъ въ Глуховъ по дѣлу козаковъ съ указомъ сената, но козакъ, привезшій это заявленіе, показалъ въ коммиссіи, что сотникъ спокойно живетъ дома и никуда не собирался ѣхать. Послѣ новаго настойчиваго приказа коммиссіи явиться къ слѣдствію Кузминскій 7 марта подалъ прошеніе въ генеральную войсковую канцелярію, въ которомъ прямо отстранялся отъ дѣла, мотивируя это тѣмъ, что онъ не подписался на поданномъ императрицѣ доношеніи и ведетъ объ обидахъ козаковъ своей сотни особое дѣло въ сенатѣ. Вытребованный тѣмъ не менѣе въ коммиссію онъ наконецъ взялся доказывать справедливость «доношенія». Точно также поступали и другіе.

Неудивительно, конечно, что при такой обстановкѣ и главные «доносители» не чувствовали особой охоты продолжать начатое дѣло. Изъ нихъ Политанскій долго не ѣхалъ вторично въ коммиссію, отговариваясь болѣзнью; посланный осмотрѣть его нарочный подтвердилъ фактъ этой болѣзни, но коммиссія все таки вытребовала его и тогда на допросѣ 16 марта 1748 г. онъ заявилъ, «что онъ нинѣ за болѣзнью его казать ничего не можетъ». Бѣлоусскій сотникъ Демьянъ Малинскій тогда же сказалъ, «что онъ содержится под карауломъ, а по правамъ де нашимъ кто под карауломъ сидить и що скажеть, то не сыльно, і онъ же на присутствующихъ в слѣдственной коммиссіи обоихъ персонъ, яко то на господина полковника Меэра і обозного полкового Юркевича, челобитчикъ, і для того онъ Малѣнскій ни в какіе дѣла вступать и говорить ничего не хочетъ». Впрочемъ, уже 23 марта Малинскій «сказалъ, что когда от него такие резони не приемлются и другие его товарищи в дѣло вступаютъ, то и онъ в дѣло вступать и доказивать имѣеть, токмо просить притомъ, чтобъ онъ с под караулу былъ освобожденъ».

Дѣло пошло своимъ путемъ, но путь этотъ оказался не очень гладкимъ: опасенія Кузминскаго и Рымши вполнѣ оправдались и сбылись. Доносители не смогли доказать всѣхъ своихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ старшины. Изъ пунктовъ доношенія слѣдователей особенно интересовалъ третій, въ которомъ заключалось обвиненіе полковыхъ канцелярій въ искаженіи и измышленіи указовъ, но онъ остался недоказаннымъ, хотя нѣкоторые изъ сотниковъ и брались отыскать въ своихъ сотенныхъ канцеляріяхъ такіе указы; единственный, представленный ими въ видѣ доказательства, прямо говорилъ противъ нихъ, такъ какъ въ немъ никакого искаженія не оказалось. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненія подтверждались точно указанными фактами, послѣдніе требовали особой провѣрки и слѣдствія: дѣла наростали, число свидѣтелей все умножалось, и постепенно общій вопросъ заслонялся для слѣдователей частностями, съ непомѣрной массой которыхъ они оказывались не въ силахъ справиться. Съ другой стороны къ дѣлу какъ-то незамѣтно припутывались и постепенно входили въ него обвиненія самихъ «доносителей» въ притѣсненіяхъ козаковъ; въ свою очередь эти обвиненія, мѣняя положеніе сотниковъ, обращая ихъ изъ обвинителей въ подсудимыхъ, привлекали къ слѣдствію все новыхъ и новыхъ лицъ, все болѣе и болѣе сложный матеріалъ. Слѣдствіе дѣйствительно становилось «продолжительнымъ»: оно тянулось годъ за годомъ, мало въ то же время подвигаясь впередъ. Прикосновенныя къ дѣлу лица сходили со сцены, смѣщались съ урядовъ, умирали, а самое дѣло все шло и конца ему не видно было. Чѣмъ оно кончилось, намъ такъ и неизвѣстно. Въ тѣхъ двухъ дѣлахъ, ему посвященныхъ, которыя были у насъ въ рукахъ, послѣднія бумаги, помѣченныя 1754 годомъ, все еще представляютъ собою слѣдствіе, а другихъ слѣдовъ этого дѣла мы въ архивѣ не нашли.

Такова исторія «прошенія черниговскихъ сотниковъ». Что касается самого документа, то онъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ двоякое значеніе. Кое-что въ немъ несомнѣнно преувеличено, кое-что обрисовано слишкомъ темными красками; онъ представляетъ собою своего рода запросъ, за которымъ должна бы послѣдовать еще уступка. Работу, въ этомъ смыслѣ не произведенную современникам, можетъ взять на себя потомство, руководясь другими актовыми свидѣтельствами того времени. Въ результатѣ, думается намъ, очищаются нѣкоторыя дѣйствительно присущія тогдашней жизни черты, рѣзко и ярко отмѣченныя современниками. Но если съ одной стороны этотъ документъ

рисуетъ намъ темныя стороны жизни прошлаго вѣка, то онъ же указываетъ и на существованіе протеста противъ нихъ въ самомъ тогдашнемъ обществѣ, не только среди обездоленныхъ низшихъ классовъ, но и въ нѣкоторой части по крайней мѣрѣ лицъ, занимавшихъ привилегированное положеніе. Наличность такого протеста и должна удержать насъ отъ слишкомъ рѣзкихъ, одностороннихъ приговоровъ. Почему же такой протестъ не развился, не принялъ болѣе жизненныя и достойныя формы,—на это должна отвѣчать не одна исторія черниговскаго «доношенія». **В. М.**

(Прошеніе сотниковъ черниговскаго полка о козачьихъ нуждахъ).

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Імператрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Доносятъ малороссійскаго чернѣговскаго полку сотники і сотенная старшина нижейподписавшіесь, а в чемъ наше доношеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Предковъ Вашего І. В-ва всепресвѣтлѣйшихъ и самодержавнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей всемилостивѣйшимы многимы указамы, а паче высокомонаршою грамотою блаженныя и вѣчной славы достоянія памяти в. г—ря Петра перваго Імператора и Самодержеца Всероссійскаго, Вашего І. В—ва вселюбезнѣйшаго родителя, прошлого 723 года октября 23 дня состоявшого, утвержденно козаковъ не токмо не обиждать, но еще повелено канцеляріямъ отъ обѣдъ защищать и охранять, в подданство не порабощать и сего яко огня боятца, грунтовъ ихъ у нихъ не отнимать и ихъ въ работу не употреблять. Якіе имъ козакамъ волности Вашего І. В—ва всемылостивѣйшими многими указамы подтверждены. Оніе ж козачіе ихъ волности и грунта таковимы всомилостивѣйшимы високомонаршими грамотами охранены не токмо в маетностяхъ издавна свободныхъ, но и въ тѣхъ маетностяхъ, кои еще за державы полской под владѣлцамы по дачамъ королевскимъ были, в которыхъ маетностяхъ тогда и козаковъ не было, а посля быть стали, ибо и на таковые маетности и дачи мужиковъ во владѣніе в подътвердителнихъ предковъ Вашего І. В—ва грамотахъ точно пишется тако: кроме козаковъ, которые при своих волностяхъ повинны быть ненарушно.

2.

Якіе козаковъ волности всемилостивѣйшимы всѣхъ предковъ Вашего І. В—ва Россійскихъ монарховъ укрѣпленные, канцелляріи не токмо отъ нихъ бѣдныхъ и безгласнихъ козаковъ разнимы образы отняли и понынѣ отнимаютъ, но и весма ихъ угнетаютъ, а имянно:

3.

Во всемилостивѣйшихъ Вашего І. В—ва высочайшихъ указахъ прошлаго 742 года состоявшихъ велено купленные и без куплѣ в противность указамъ завладѣнные козачіе двори, футора, грунты и лѣса 1743 года съ августа м—ця понынѣ оные всѣ темъ козакамъ безденежно возвратить, а имъ владѣлцамъ отъ того владѣнія отказать и всѣхъ техъ козаковъ, коихъ оніе владѣлцы не обявили в протекціи и в господарствѣ, такожъ в подданствѣ и в курѣнцяхъ и в подсусѣдкахъ держать, всякимы оныхъ доходами и работами доволствуются, а от службы и от протчіихъ общенародныхъ повинностетй защищаютъ, ис подданства оныхъ, с куренчиковъ и ис подсусѣдковъ виключить и написать по прежнему подъ сотнѣ и велѣть имъ козацкую службѣ служить, и общенародные повинности отправлять с протчіимы козакамы, а темъ владѣлцамъ ни в чемъ до нихъ не интересоватся и впредь какъ ихъ, такъ и другихъ козаковъ и ихъ детей и подсусѣдковъ себѣ в подданство не привлекать. И в силѣ оныхъ Вашего І В—ва всемилостивѣйшихъ указовъ многіе владѣлцы таковыхъ купленныхъ и безъ куплѣ неналежне завладѣнныхъ козацкыхъ дворовъ, футоровъ, грунтовъ и протчего и ихъ самихъ понынѣ имъ козакамъ не возвратили и с подданства ихъ и с курѣнщиковъ, такожъ и подсусѣдковъ виключить и по прежнему под сотнѣ къ козачей службѣ и къ общенароднимъ повинностамъ написать не допустили, и какъ онимы козакамы, такъ и ихъ грунтамы вовся завладѣли. А канцелляріи вѣдая оные и протчіе о томъ всемилостивѣйшіе Вашего І. В—ва укази таковыхъ многихъ прямыхъ козаковъ в подданствѣ владѣлцамъ быть не токмо допустили, но и принудили неправо, о чемъ и указами с канцеллярій подъ Превысочайшимъ Вашего І. В—ва именемъ принуждать дерзаютъ, и с которыхъ многіе козакы з грунтами своимы и нынѣ въ подданствѣ и в подсусѣдкахъ мужичихъ остаются.

4.

Которіе козаки егда о своемъ козачествѣ и чтобъ в томъ званіи по присяжной своей должносты В. И. В—ву отбувать службу

бить челомъ учнуть, то канцелляріи не токмо владѣлцамъ онихъ бить нещадно плетъ'мы, кіями и батож'емъ допущають, но инные владѣлцы в самыхъ канцелляріяхъ таковыхъ о козачествѣ своемъ челобитчиковъ бють нещадно, а правителѣ канцеллярій, по занесенним от таковихъ челобитчиковъ жалобамъ, о бою ихъ не токмо молчать и где надлежить по командѣ не доносять, но и самы явно в томъ владѣлцамъ потакають, и паче угнѣтать и в домахъ и по полямъ ловить козаковъ и держать на цепахъ, да и женъ ихъ козаковъ и дѣтей насылно в домы владѣлческіе брать и в утѣсненіи ихъ содержать допускають, и определѣніямы своимы за то, что служить В. И. В—ву, а не владѣлцамъ бедные козаки ищуть, ихъ кіямы бить велять, и указамы подъ Превысочайшимъ В. І. В—ва именемъ то же подтверждать не опасаются. К тому ж владѣлцамъ таковыхъ челобитчиковъ о козачествѣ нарочно разграблять движимыя ихъ и недвижимыя имѣнья, а на протчихъ накидать с'естніе и питейніе припаси с'несносною ихъ обидою допускають же, даби козакъ впредь хотя бы и доказалъ о своемъ козачествѣ, служить В. І. В—ву с чего не имѣлъ. А указомъ . . . . . Петра Перваго . . . . . . прошлаго 1723 году состоявшимъ, о козачествѣ не толко природнимъ козакамъ, но и посполитимъ бить челомъ всемилостивѣйше позволенно, егда же с онихъ козаковъ о таковихъ своихъ нуждахъ къ В. І. В—ву бить челомъ пойдуть, то онихъ канцеллярій привителѣ, перенявъ такихъ козаковъ на путы закидають в турму и всѣмы образы не допущають В. І. В—ву Всемилостивѣйшей Государинѣ челобитствовать. О каковихъ дерзостехъ старшинскихъ и противнихъ дѣйствіяхъ хотя имъ же и протестовали некоторіе з насъ, однакъ не что инное, толко реприманди от нихъ получилы, а паче чтобъ о томъ не представляли и по представленіи при слѣдствіи не били, раскомандироваемы и в коммисіи определяемы бывали.

5.

Всемилостивѣйшимъ указомъ . . . . . Петра Перваго . . . . . зборы праздничніе ралцевіе приватные прежде было собираемые для облегченія народа вовся отставлены. За гетмана же Апостола изобрѣтенъ зборъ денегъ изъ самыхъ козаковъ, который зборъ показанъ на старшини полковые и сотенные и на канцелярскіе служители и на канцелярскіе жъ потребности, а з мужиковъ, которихъ болшимъ числомъ имѣется, и таковые ихъ дѣла в канцелляріяхъ всегда отправляются, ничего не собирается, затѣмъ, что владѣлцы мужи-

ковъ своихъ защитили и всѣ тяжесты мужичіе на козаковъ свалили. Издревле же на войсковіе нужди из' самихъ толко мужиковъ и из' мещанъ, а не с козаковъ собираемы бывали збори по общему совѣту и расположенію, козаки же токмо едину службу государственную ведали. А нынѣ, понеже тѣжъ старшины и владѣлцы послѣ состоявшихся многихъ указовъ роскупили и безъ куплѣ разнообразно завладѣлы и в подданство подвергли многихъ козаковъ и стало уже меншее число, то оны с техъ уже искупленнихъ и безъ куплѣ подверженнихъ и в протекціяхъ содержимихъ ничего взимать не допускаютъ. За таковимъ недостаткомъ з осталнихъ козаковъ и за тѣ отшедшіе в куплю и без куплѣ завладѣніе берутъ денги, такъ что ралецъ той, который запрещенъ указомъ былъ, толко собиранъ малимъ числомъ, а нынѣ оной з'боръ, которого спрежде сего не бывало произ'ійшолъ ежегодно, с'иного козака до осми гривень и болѣе. Да и таковая собираемая сумма невѣдомо куда употребляется, ибо много с тѣхъ, на коихъ дача с той сумми определенна, и в комплектѣ не состоятъ, и определенныхъ на нихъ денги невѣдомо где дѣваются, хотя противъ генералного определенія поежегодно в сотняхъ невѣдомо почему от полковой канцелляріи прибавляются, такожъ и на сотенние старшини не всегда на всѣ определенное число денегъ отдаютъ инніе же чиновники и весма не належно получаютъ денги, з беднихъ козаковъ собираемые, имѣя свои доволствія и маетности, а чиновники сотенніе весма обижденни. А что на расходы сотеннихъ канцеллярій на всякую порознь определенно в годъ по три рубля, то за тѣ денги, покупая папѣръ, чернило, сургучъ, воскъ, оливу, минѣю, свѣчи и проччое, невозможно доволствовать тѣмъ канцелляріи сотенной ниже на четверть года.

6.

А дабы вовся угнѣтать бедныхъ козаковъ и всякому з'правителей канцеллярій и владѣлцамъ пріумножить себѣ козакамы подданства, определяютъ козаковъ подпомощниковъ во всякіе мужичіе тягосты, в работи, в'дачи на почти денегъ, в'подводи и в'протчіе многіе определенія, самимъ мужикамъ прислушаючія, а иногда и виборнихъ козаковъ, и за споромъ и за ослушностію владѣлцовъ, принужденны самые козакы всѣ тѣ отбувать тяжести, а в'случаи в'мѣсто мужичихъ подводъ козачіе лошадѣ в подводи і гвалтомъ берутъ, временемъ же за провіантъ и фуражъ на ихъ владѣлческихъ мужиковъ и подсусѣдковъ по расположеніямъ полковой канцелляріи определенние

за ослушностію владѣлцовъ козаки вистатчаютъ, и от того оніе козаки подпомощики приходятъ в крайнюю нищету, такъ что и виборному козаку подпомоги дать не могутъ. А многие от такого разоренія, оставя свои грунта и домы, идуть прочь, и въ ту пору владѣлцы пустые ихъ козачые грунта похищають безъ жадной дачи и куплѣ, а поселившихся вновь на тѣхъ же козачихъ грунтахъ подвернули себѣ в подданство, и от общенароднихъ указнихъ дабелей защитили, не взирая на то, что указомъ блаженныя и вѣчно достойныя памяты Государины Імператрици Анни Іоанновны Вашего І. В—ва любезнѣйшей сестрицы прошлаго 739 году февраля 5 дня состоявшимъся повелено всѣмъ, кои на козачихъ грунтахъ живуть и имы ползуются, отбувать козачую службу и протчіе общенародные повинности, не обходя никого, равномѣрно по пропорціи имущества, понеже напротивъ того и Коммиссія Экономіи з грунтовъ посполитихъ, на которыхъ козаки, по давнымъ куплямъ и по наслѣдыямъ поселившись живуть, служби посполитой к ратушамъ требуеть. О коихъ козачихъ нуждахъ хотя от инннхъ и насъ и протесты были с представленіемъ, что за таковое владѣлцовъ дерзновеніе, яко они смѣлы присовокупить себѣ без'дачи подданства, и протчую ихъ дачу надлежитъ отписать на Ваше И. В—во, однако канцеляріи ничего того не внушаютъ, предпочитая в томъ свою приватную ползу паче государственнаго інтересу, от чего умаленіе в службѣ козачей происходить, да и за ослушность в разнихъ указнихъ приложеніяхъ владѣлцовъ никакъ не штрафуютъ, но видимо имъ в томъ потакаютъ, от чего владѣлцы в'таково пришли дерзновеніе и безопасность, что присилаемихъ з сотеннихъ канцелярій по тѣмъ же указнимъ дѣламъ, яко то за доправкою провіянта и фуража на консистуючіе, за подводами и за протчіимъ, по силѣ указов по расположеніямъ требуемымъ, нарочнихъ козаковъ и коммиссаровъ сотеннихъ бють нещадно воловими жиламы и увѣчатъ, отчего имѣются многіе на ихъ владѣлческихъ мужикахъ и подсусѣдкахъ недоимки якіе вместо мужиковъ, затемъ, что защищають ихъ владѣлцы, на беднихъ козакахъ и коммисарахъ взискуются, с немалою ихъ козаковъ и коммисаровъ обидою и разореніемъ; а по протестамъ и челобитнимъ никаково правосудія о таковыхъ самоволныхъ бояхъ в канцеляріяхъ обидиміе никогда не получаютъ, да съ онихъ же владѣлцовъ егда за неисполненіе по указамъ Вашего І. В—ва прикажчики ихъ, господарь или подсусѣдки содержутся въ сотеннихъ канцеляріяхъ подъ карауломъ ґвалтовне нападки чинятъ на канцеляріи соттенные и старшину сотенную в

тѣхъ канцеляріяхъ бранятъ, а оныхъ содержимыхъ сами с под караулу самоволно освобождаютъ и по указнимъ дѣламъ исполненія не чинять, а по представленіямъ о томъ в полковую канцелярію никакова определѣнія и истязанія за то не происходитъ.

7.

Когда бедніе козаки в прошедшіе военніе с Полщею и с Туркомъ времена чрезъ килко годовъ были в походахъ, то владѣлцы, а паче тѣ, кои от походовъ укрывались разнимы види, живя в домахъ, а усмотря, что нѣкому обстоевать за козаковъ и ихъ грунта, gвалтомъ козачіе грунта позаежжали, и хотя оные бедные козаки, пришедь с походу, били челомъ и должно б было заразъ по силѣ правъ возвратить отнятое, а владѣлцамъ велѣть судомъ искать ежелибы что имѣли до козаковъ претенсіи, о чемъ такъ словесніе, яко и писменные от многихъ з насъ протести были. Однакъ правителѣ канцелярій, онымъ владѣлцамъ небезъпристрастно потакая, ничего не приняли и по своей присяжной должности не токмо ничего за силу вышшепрописанной грамоты и всемылостивѣйшихъ В. I. В—ва указовъ о защищеніи козаковъ не дѣйствуютъ и ихъ козаковъ не охраняютъ, но еще допустили такъ, что инныхъ козаковъ за то, что они о своихъ грунтахъ били челомъ, и до смерти поприбивали владѣлческіе старости, кои козаки от того бою и померли, о чемъ правящіе в канцеляріяхъ ни протестовъ, ни челобитнихъ не принимаютъ на едину козацкую обиду и разореніе; и в таковихъ они жъ козаки за грунта свои искахъ нигде ни в'единой канцеляріи не получили себѣ никогда правильной сатисфакціи, но ежели не гвалтомъ и боемъ от иску отогнаны, то волокитою отстранены или непринятіемъ челобитнихъ от иску своего вовся отдалены. А временемъ по тажестномъ стужаніи хотя и пріймутъ от кого челобитную, то ни в протоколъ не записавъ, волочать поти, пока бѣдный козакъ, стуживъ волокитою и разореніемъ, отстанетъ отъ иску. А напротивъ того по всѣмъ владѣлческимъ на козаковъ челобитнимъ скорое разсмотреніе и рѣшеніе по хотѣніямъ ихъ владѣлцовъ дѣлается. Многихъ же козаковъ какъ из старинныхъ реестровъ козачіихъ, такъ из новихъ ревѣзіялнихъ книгъ инныхъ совсѣмъ повидиравъ, такъ что ни в'козачіихъ, ни в мужичіихъ ревѣзіяхъ нетъ, а инныхъ повитиравъ, в козачихъ спискахъ старинныхъ, в ревѣзіяхъ мужичихъ попаписовали и старинніе о козакахъ списки почернили и повидирали для своихъ прихотей,

а паче для порабощенія козачихъ грунтовъ и ихъ самихъ себѣ в подданство.

8.

Многихъ беднихъ, разоренныхъ и з'домовъ ихъ вигнанныхъ, такожъ купленнихъ и безцѣнно купленнихъ и безъ куплѣ подверженнихъ козаковъ к присяги на вѣрность В. І. —В—ву владѣлцы не допустили, забравъ и разграбивъ все ихъ имущество такъ, чтобъ темъ привесть ихъ в крайнюю нищету, дабы они впредь не могли о себѣ бить челомъ, но разволоклися бъ по миру, какъ уже многіе и разволоклися, а чтобъ той присяги не чинили, а служили бъ владѣлцамъ, кіими нѣкоторихъ козаковъ били.

9.

Чрезъ какое небреженіе должностей своихъ и чрезъ видимое неисполненіе В. І. В—ва указовъ многимъ числомъ козаки не токмо подпомощики, но и виборные, какъ сами, такъ и грунта ихъ розними образи завладѣнни напрасно, протчіе же многіе в протекцію в'зяти неналежно, а указамы В. І. В—ва всемирно подтверждаютъ в'полномъ комплектѣ имѣть виборнихъ козаковъ, и тѣхъ содержать по указной формѣ во всякой воинской исправности и в умундированіи в'дву достойнихъ лошадяхъ, чимъ оные козаки ради предьписаннихъ разорителнихъ от владѣлцовъ происходящихъ, а от канцеляpiй допущаемихъ причинъ, и что в обидахъ своихъ не получаютъ правосудія и справить себе в'полный комплектъ не могутъ, и всегда умаляются, и тако канцелляріи, самы в томъ состоя, разоряютъ козаковъ и разорять владѣлцамъ допущаютъ, а за неисправносты виборнихъ козаковъ на насъ сотеннихъ комендирахъ спрашиваютъ и репримандуютъ.

10.

Что же всемилостивѣйшимы В. І. В—ва указамы виборные козаки, респектомъ войсковихъ (службъ?) и респектомъ содержанія онимы фарпостовъ безпрестанно, и протчіихъ службъ от сустентаціи консистентовъ уволненны, а козаки жъ подпомощики къ той же сустентаціи кладутся два противъ одного посполитого, то и той дабели самы оные подпомощики знесть не могутъ за крайнимъ убожествомъ своимъ, за разореніемъ и умаленіемъ ихъ числа. Якое ихъ подпомощиковъ несостояніе видя, виборные козаки принужденны в той сустентаціи консистентовъ имъ подпомощикамъ в'спомоществo-

ваніе чинить, которое и дѣйствително чинять. И тако подпомощики скуднихъ виборнихъ козаковъ в'лошадяхъ, в руж'и и в плат'и, харчахъ и в'протчіихъ воинскихъ потребностяхъ подпомогая и самы в службахъ безпрестанно обретаясь, виборніе же козакы имъ подпомощикамъ в сустентаціи консистентовъ и в'протчіихъ в'спомоществуя в'крайнее оскудѣніе и в неспособность къ службѣ В. І. В—ва приходять, да и тотъ наборъ виборнихъ козаковъ в'сотняхъ учиненъ не по пропорціи дворового числа и не по стат'ямъ имуществъ, но смотря на ростъ и природу в наборъ положенны з'весма убогихъ и нищихъ козаковъ.

11.

Нѣкоторіе владѣлцы, чувствуя В. І. В—ва всемилостивейшіе указы, отдали были скупленнихъ онимы козаковъ подъ сотнѣ, кои козаки и на вѣрность В. І. В—ву къ присягѣ приведены и дѣйствително В. І. В—ву служать в'козакахъ, и таковихъ козаковъ по челобит'ямъ тихъ же владѣлцовъ канцелляріи указами обратно владѣлцамъ тѣмъ же в'подданство.

12.

Высочайшимы В. І. В—ва указамы велено владѣлцамъ обявлять козаковъ у нихъ в'подданствѣ имѣющихся, а коихъ бы владѣлци не обявили, то велено самымъ козакамъ себе обявлять. Владѣлци же не токмо не являють самы козаковъ при сочиненіи ревѣзіи дворового числа, но еще, ежели кто самъ себе обявить ревѣзорамъ козакомъ, таковыхъ козаковъ при техъ же ревизорахъ бютъ нещадно, устрашая, чтобъ себе козаками не являли, но были б в'подданствѣ. А канцелляріи таковыхъ же козаковъ, забивъ в колодки, велять привозить в канцеллярію подъ карауломъ и принуждають ихъ дать подписки, чтобъ владѣлцамъ были подданнімы, а за протчіимы козакамы, кои бють челомъ о козачествѣ, с канцеллярій посилають нарочнихъ по інструкціямъ бить ихъ за то кіями, коихъ и б'ють какови бѣдствіи и народніи разоренія (весма чаятелно) и в протчіихъ сотняхъ и полкахъ чинятся. Да кромѣ тѣхъ вышеизображенних и протчіе непорядки и неисправности по указнимъ общенароднимъ расположеніямъ в канцелляріяхъ происходятъ. А что опредѣлены денежки на необходимые потребносты коммисарскіе, яко то на паперъ, на чернило, на сургучъ, на свѣчи и на протчіе нужди, с'обывателей от порцій и рацій собираеміе по единной денежки, то и тѣ в канцеллярію взимаются и невѣдомо куда употребляются.

13.

Владѣлцы в'даннихъ имъ деревнях грунта, коимы козаки нынѣ владѣютъ, а тѣ грунта были прежде владѣнія техъ владѣлцовъ и за мужикамы, по свободной же куплѣ достались козакамъ прежде техъ владѣлцовъ владѣній, а нѣкоторія хотя и за владѣнія техъ владѣлцовъ, токмо издавна индѣже и за позволеніемъ владѣлцовъ купленніе, нынѣ гвалтомъ отбираютъ безденежно без'всякаго указа. А многіе уже грунта и пахатніе поля з'имѣвшимися на нихъ засѣвы и з жатою пашнею безденежно и поотбирали; напротиву же того грунти, кои нынѣ под мужикамы, а были тѣ грунта прежде по свободной же куплѣ и за козакамы, обратно козакамъ не отдаютъ и темъ службу козачую не токмо умаляютъ, но и весма разоряютъ; да оны жъ владѣлцы возбраняютъ шинки содержать и в таковыхъ селахъ и деревняхъ, с коихъ в селѣ или деревнѣ весма малимъ числомъ дворовъ ихъ мужичихъ, а напротиву того козачихъ доволное дворовое число имѣется. С которихъ шинковъ козаки ползу имѣютъ и указанные повинносты отбуваютъ, ис техъ шинковъ они жъ владѣлци забираютъ самоволно питейные рѣчи, и тѣмъ ихъ козаковъ безмѣрно обижаютъ.

14.

Да оные жъ владѣлцы многимы козачими грунтамы завладѣли напрасно таковимъ образомъ: когда подданій его владѣлцы возметь себѣ в'жену наслѣдницу грунтовъ козачихъ, таковими грунтами козачимы многимы они владѣлцы и нынѣ владѣютъ.

15.

В силѣ Высочайшихъ В. І. В—ва многихъ указовъ и по силѣ правъ всемилостивѣйше повелено—не бивъ челомъ первѣе по порядку в нижныхъ правленіяхъ и канцелляріяхъ, в коихъ кто судомъ и расправою вѣдомъ, в вышшіе канцелляріи челомъбытень и доношеній по челобитческимъ дѣламъ не подавать, а по подаваемымъ не чиня никакого производженія, отсилать по порядку в нижніи правленіи и канцелляріи по тому жъ, где кто вѣдомъ для разсмотрѣнія и рѣшенія, вышшихъ же канцеллярій правители, не смотря на то, за прихоти свои челобитніи и доношеніи принимаютъ непорядочно и по онимъ производженія чинятъ неналежно с великою волокитою и помѣшателствомъ судовъ, да сверхъ того, ежели бедной козакъ б'етъ челомъ по земству на которого силного и богатого владѣлцу, то

канцелляріи в судъ сотенный, къ коему суду то земство по правамъ надлежитъ, таковихъ и не допущаютъ, но самы по страстямъ с'немалою обидою и с'крайнимъ разореніемъ челобитчиковъ судятъ в отмѣнность малороссійскимъ правамъ.

16.

О каковыхъ и протчіихъ многихъ нуждахъ, бѣдствіяхъ и разореніяхъ козачіихъ, хотя многіе самы козакы и многократно были челомъ, и мы нижайшіе по присяжной нашей должности, зная о томъ всемылостивѣйшые В. І. В—ва высочайшіе указы, представляемъ такъ в'полковую Чернѣговскую, яко и в'Енаралную Войсковую канцеллярію, однако кроме единой волокити ничего никто не получилъ, а от инныхъ з насъ и представленнія о козачіихъ нуждахъ в'Енералную Войсковую канцеллярію посиланнихъ не принято.

17.

А что инные з сотниковъ и з сотенной старшини полку Чернѣговского на семъ нашемъ всеподданѣйшемъ доношеніи не подписались, то знатно тѣ, за собою тоже касаючоеся къ скупілямъ и къ другимъ обидамъ козачимъ чувствуя, подписатись здесь не похотѣли.

Всемилостивѣйшая Государыня просимъ В. І. Величества подданнихъ отъ вышшепрописаннихъ тяжестей и от мужичихъ повинностей, и от налоговъ и зборовъ, прежде небывалихъ, и от владѣлческихъ разореній освободить, а о подверженнихъ в'отмѣнность какъ предковъ В. І. В—ва, такъ Вашего жъ І. В-ва всемылостивѣйшихъ многихъ указовъ и о завладѣннихъ козакахъ, и ихъ козачіихъ от владѣлцовъ разнимы образы грунтахъ (с чего умаленіе службы козачей происходитъ) и о протчемъ, в семъ доношеніи нашомъ изображенномъ всемилостивѣйше повелѣть мимо полковую Чернѣговскую и Войсковую Енералную канцелляріи, такожде мымо судъ войсковій генералный изслѣдовать нарочно определѣннимы от высочайшой В. І. В—ва персоны. При какомъ слѣдствіи и намъ всѣмъ здѣсь подписавшимся купно во всякой сотнѣ быть приказать, ради праведнаго и безпоноровочнаго слѣдствія, а наче для того, что в разныхъ сотняхъ разные обиди и разоренія от силныхъ владѣлцовъ за поноровкою старшинскою козакамъ приключенны, и чтобъ тѣ обидимые без'опаснѣе, какъ от канцеллярій, такъ и от онихъ владѣлцовъ обиди свои

представлять и доказателствамы утверждать могли; а тѣмъ опредѣленнимъ для слѣдствія всемилостивѣйше повелѣть, дабы они от насъ нижайшихъ представленія о всѣхъ козачихъ нуждахъ и от обижденнихъ козаковъ челомъбитные доношенія и доказательства, безъ всякихъ из'ятій и затѣскъ принимая, разсматривали, да и полковая Чернѣговская и войсковая енералная канцелярiи, такожъ и судъ войсковый енералный ни единого з насъ никуда не отлучали б и в коммисіи во время произвожденія о томъ слѣдствія не опредѣляли бъ височайшимъ В. I. В—ва указомъ запретить, ибо бедніе козаки, яко весма без'гласніе з'силнимы владѣлцамы и старшинамы сами о себѣ ничтоже успѣютъ, но всегда в'своихъ праведнихъ искахъ и доказателствахъ предъ ними силними владѣлцамы и старшинамы, какъ прежде оставались, так и нынѣ остатся могуть.

Всемилостивѣйшая Государыня просимъ В. I. В—ва о семъ нашемъ доношеніи рѣшеніе учинить. Писано сіе доношеніе 1744 году августа дня.

К сему доношенію руку приложилъ Андрей Полянскій сотникъ Синявскій

К сему доношенію Сосницкій сотникъ Павелъ Полѣтанскій руку приложилъ

К сему доношенію Бѣлоускій сотникъ Даміанъ Малѣжскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотникъ Ройскій Леонтій Бакуринскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотникъ Менскій Григорій Кузмѣнскій подписался.

К сему доношенію сотнікъ Волиській (sic) Романъ Журба руку приложивъ.

К сему доношенію сотникъ Городницкій Іванъ Пирятинскій руку приложилъ.

К сему доношенію сотнѣ Синявской вмѣсто наказного сотника Петра Петрова и за себе писаръ тоей же сотнѣ сотенний Кондратъ Яновскій подписался.

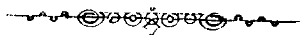
К сему доношенію сотнѣ Синявской хоружій Іванъ Борисенко за себе и за асаулу сотенного яко неграмотного Івана Кобеляка своеручно подписался.

Сотникъ наказний Менскій Іванъ Троцкий подписался.

Атаманъ городовий Менскій Кирило Оникѣевъ.

Писаръ сотений Менскій Михайло Барановский подписался.

К сему доношенію атаманъ городовий Сосницкий Іванъ Можчинъ руку приложилъ.



КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

1894 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1894.

Дозволено Цензурою Кіевъ 2 Мая 1894 г.

Рѣчь Ивана Мелешка, какъ литературный памятникъ.

СОДЕРЖАНIЕ:

Неразработанность южно и западнорусской литературы стараго времени. — Рѣчь Мелешка — политическій памфлетъ XVI в. — Особенности списка гр. Сѣрковскаго въ польскомъ переводѣ Нѣмцевича и малорусскомъ Кулиша.—Переводъ „Рѣчи" на современный литературный языкъ.—Несообразности Рѣчи, какъ историческаго документа, доказывающія ея литературное происхожденіе.—Содержаніе.—Національныя антипатіи.—Нѣмцы.—Поляки.—Бытовая сатира.—Одежда.—Пища.—Женщины.—Параллели изъ Іоанна Вишенскаго и думъ.—Языкъ.—Характерныя выраженія и слова.—Справки въ конституціяхъ варшавскаго сейма 1589 г.—Объ авторѣ и времени происхожденія Рѣчи Мелешки.

Старинная южнорусская литература изслѣдована очень мало. До сихъ поръ не сдѣлано простого библіографическаго подсчета южнорусскихъ литературныхъ памятниковъ стараго времени, т. е. до Котляревскаго, съ котораго можно начинать новую литературу. Совсѣмъ не опредѣлены географическіе предѣлы старинной литературы, внутренняя связь памятниковъ, зависимость ихъ отъ литературъ западно-европейскихъ и польской, степень вліянія малорусской письменности на литературы сосѣднихъ народовъ. Вообще, трудно разобраться въ богатомъ и сложномъ литературномъ и культурномъ наслѣдствѣ, завѣщанномъ намъ предками въ памятникахъ литературы и народной словесности. Наиболѣе правильный путь для такого разбора—обстоятельное монографическое изслѣдованіе каждаго памятника, каждой пѣсни, въ широкой сравнительной обстановкѣ исторической и литературной. Для прочности научнаго зданія нужно подобрать по величинѣ каждый камень и положить его въ надлежащее мѣсто въ рядъ съ другими на крѣп-

комъ цементѣ. Прежде всего нужно опредѣлить количество матеріала, не вторгаясь въ сосѣднія области знанія, но и не оставляя въ нихъ того, что относится всецѣло, или въ значительной части, къ исторіи литературы.

Во 2 т. „Актовъ Юж. и Запад. Россіи" (подъ № 158) издана „*Рѣчь Ивана Мелешка, каштеляна смоленскаго, произнесенная имъ на варшавскомъ сеймѣ 1589 года въ присутствіи короля Сигизмунда III*". Н. И. Костомаровъ въ изслѣдованіи о южной Россіи конца XVI в. [1]) пользовался этой рѣчью еще въ рукописи и сдѣлалъ нѣсколько извлеченій изъ нея для характеристики южнорусскаго общества конца XVI в. Историки литературы, наприм. проф. Огоновскій, о рѣчи Мелешка умалчиваютъ, вѣроятно, относя ее въ разрядъ „актовъ", т. е. формально историческихъ памятниковъ, и съ такимъ значеніемъ формальнаго документа Рѣчь Мелешка попала даже въ христоматіи. Въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы авторомъ рѣчи считать смоленскаго каштеляна Мелешка и видѣть въ ней сеймовую рѣчь 1589 г. Опираясь на конституціи варшавскаго сейма 1589 г. и прежде всего на самую „Рѣчь", можно думать, что въ формѣ этой рѣчи мы имѣемъ чисто литературный памятникъ—политическій памфлетъ и бытовую сатиру конца XVI в., съ вымышленнымъ именемъ Мелешка, или историко-политическій апокрифъ, приписанный смоленскому каштеляну Мелешкѣ. Самое имя Мелешко и нынѣ часто встрѣчается въ фамильныхъ названіяхъ и уличныхъ кличкахъ въ значеніи пустомели.

Рѣчь И. Мелешка, какъ литературное произведеніе, ходила въ разныхъ рукописяхъ, съ дополненіями и сокращеніями, мѣстами совсѣмъ измѣнявшими смыслъ памятника. Такъ, списокъ рѣчи, изданный во II т. „Актовъ Ю. и З. Р.", значительно отличается отъ списка гр. Сѣрковскаго, изданнаго въ переводѣ

[1]) См. „Историч. монографіи" *Костомарова* III 195.

на польскій языкъ въ „Zbiór pamiętników o dawnej Polszcze“ *Нѣмцевича* II 341—344, и перепечатаннаго въ переводѣ на малор. языкъ г. *Кулишомъ* въ „Основѣ“ 1862 VI 13—16 [1]).

---

[1]) Главныя особенности слѣдующія:

1) Только за покойниковъ князевъ нашихъ (въ Актахъ Ю. и З. Рос. II № 158); у Нѣмцевича съ небольшой добавкой: „bo za nieboszczyków Wielkich Książąt naszych Litewskich (Нѣмцевичъ)“; бо за небожчикивъ великихъ княжатъ нашихъ Литовскихъ (Кулишъ).

2) Правдою въ ротъ, якъ солію въ глаза кидывали. У Нѣмцевича добавлено „choć kto podrwil to z dobrej chęci“; въ пер. Кулиша „хоть хто и поглузуе, то зъ доброю мыслью“.

3) Што нашіе старшіе собрали—co stany (?) zebrały—що стáни (?) зобралы.

4) У Нѣмцевича пропущена фраза „того ничого въ люды личыть“ (про Сигизмунда Августа).

5) Въ „Актахъ“ рѣчь Мелешко о нѣмцахъ темная; у Нѣмцевича и въ переводѣ Кулиша яснѣе и полнѣе: „a my na coż patrzemy... na sztuki niemieckie, co oni broją, w jakich to sukniach chodzą, wiele mają groszy, grodów i dzierżaw, zmieszali się z nami, różnemi językami gadają, a wsie licho“....

6) Въ „Актахъ“ Мелешко хочетъ такъ ударить ляха въ морду, чтобы король не слыхалъ; у Нѣмцевича—„żeby i król Jmci poznał“, т. е. совсѣмъ противное.

7) Въ „Актахъ“ радные баламуты; у Нѣмцевича и Кулиша „ридны баламуты“.

8) Въ „Актахъ“ ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ боимо; у Нѣмцевича и Кулиша добавлено „правды не говорымо, а потакаемо похлибными языками“.

9) Вмѣсто „убравшися на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле“ у Нѣмцевича „wykradłszy się z gospody“; у Кулиша переведено въ этомъ случаѣ, какъ и въ многихъ другихъ, слишкомъ ужъ на польскій ладъ—„укравшись изъ господы“.

10) „И такого чортополоха зъ нѣмцами выгнаты, што до насъ влѣзли противъ праву нашему“. Это мѣсто у Нѣмцевича и Кулиша передано совсѣмъ иначе: „Jabym mówił, czas tych to polasków z Niemcami powycinać od porucznika do rady, a co do nich wlazło przeciwko prawu naszemu odjąć od nich“—это сильнѣе и грознѣе, въ козацкомъ духѣ XVII в.

11) Далѣе слѣдуетъ у Нѣмцевича дополнительная вставка: „starsze pokłony (?) Smoleńskie, przedzierajcie oczy, lepiej o nich radzić jak o Inflantach, bo te mistuczki, jak wlezą, to ich i żubtem nie wykorzysz, jak pszczół od miodu“; далѣе, какъ въ „Актахъ“—„але зарадно поговорилисмы о разныхъ нашихъ интересахъ“; вмѣсто послѣдняго слова у Нѣмцевича „stratach“.

12) Мѣсто о часахъ передѣлано у Нѣмцевича такъ: „kupil zegarek.... jakeś my posłów wysyłali do Wilna, cóż? nie długo kręcić zaczął złodziej zamorczyk; dobry to nasz pietuch, co nie chybnie o północi kurykajet“.

13) Вмѣсто „гологузыхъ курей“ у Нѣмцевича „kałakuckie“, у Кулиша „Калакутьски“. Что это—народная этимологія, или мѣстное названіе?

14) У Нѣмцевича и Кулиша рѣчь Мелешка о курахъ пополнена: „Smażyć różne ptaszki, owe torty z rodzynkami, migdałami, cymentem, bogato cukrowane“.

Списки рѣчи въ Актахъ и у Нѣмцевича представляютъ значительное различіе, что указываетъ на популярность рѣчи Мелешка въ старое время и на существованіе ея въ разныхъ редакціяхъ.

Малорусскій переводъ рѣчи Мелешка въ „Основѣ“, мѣстами очень мѣткій и выразительный, мѣстами слишкомъ теменъ по излишней, какъ сказано, близости къ польскому переводу Нѣмцевича; темныя мѣста памятника, а темныхъ мѣстъ въ немъ не мало, оставлены безъ объясненія, кромѣ одного выраженія (трубить въ кубокъ), поясненнаго выпиской изъ Гваньини.

Помѣщаемъ рѣчь Мелешка въ переводѣ на современный языкъ:

Наияснѣйшій милостивый король и любезные паны братья! Выѣхавъ изъ дому, я молилъ Бога, чтобы здоровымъ пріѣхать къ вамъ, здоровыми васъ увидѣть и привѣтствовать. Мнѣ пришлось засѣдать съ вами на сеймѣ, а я на такихъ съѣздахъ никогда не бывалъ и съ королемъ (у *Нѣмц.* королями) его милостью никогда не засѣдалъ; только за покойныхъ князей нашихъ (великихъ литовскихъ), которые королевали, что воеводами бывали (у Нѣмц. нѣтъ), такихъ разсужденій не бывало; попросту говорили, отъ чистаго сердца, политики не знали, а правдою прямо кидывали. Вскорѣ короли нѣмцевъ полюбили болѣе насъ, роздали нѣмцамъ, что собрали предки наши. Сигизмунда короля (Августа) и человѣкомъ считать не стоитъ; назвавшись ляхомъ, онъ разорилъ Подлясье и Волынь (у Н. отдалъ); дорога память Сигизмунда перваго, который нѣмцевъ,

---

15) Въ „Актахъ“ Мелешко совѣтуетъ женщинамъ, „штобы зъ нѣмецка заживали плюндрыки“, у Нѣмцевича, наоборотъ, „plunder nie używać“.

16) Вмѣсто цѣлованія руки у королевны Аннульки у Нѣмцевича совсѣмъ другое: „ani Panni Urszuli, u Królówej Jmość, w rączkę nie pocałuję, jak inni młodsi senatorzykowie, niedziwujcie się Mości Panowie i bracia“. Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ фраза, не существующая въ спискѣ, изданномъ въ „Актахъ“, именно.

17) „Wiek wiekiem to okazuje siwizna w brodzie, choć czart za pasem, kusi na piękne spojrzenie“, въ пер. Кулиша: „викъ викомъ: то оказуется сивина въ бороди, хоть чортъ за пѣясомъ спокутуе на гарный погладъ“—переводъ темный, по крайней близости къ польскому переводу Нѣмцевича. Смыслъ, повидимому, тотъ, что въ пословицѣ „сѣдина въ бороду, а чортъ въ ребро“.

какъ собакъ не любилъ и ляховъ очень не любилъ за ихъ хитрости, но сердечно любилъ Литву и нашу Русь, и въ его время жилось гораздо лучше, хотя и не ходили въ такихъ дорогихъ одеждахъ, а иные и безъ штановъ, какъ бернардины, гуляли, но за то сорочки до косточекъ и шапки до пояса (!) нашивали; дай Богъ дождать повторенія такого времени. Я самъ, когда одѣнусь по домашнему, то жена моя, пани Мстиславская, не можетъ насмотрѣться на меня и натѣшиться. Насмотрѣлся я, паны братья, на противныя нѣмецкія выдумки, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ ходятъ (далѣе у Нѣмц.: имѣютъ много денегъ, городовъ и государствъ), смѣшались съ нами и по-польски умѣютъ говорить и все лихое королямъ, панамъ и Рѣчи Посполитой совѣтуютъ и каламутятъ. А когда идетъ нѣмецъ или жена его выступаетъ, каблуками скрипитъ, шелеститъ и дорогими духами воняетъ. Когда же къ тебѣ пріѣдетъ паничикъ (у Н. porucznik—смотритель, намѣстникъ, должностное лицо), потчивай его щедро, да и жену свою возлѣ него посади, а онъ сидитъ важно, какъ бѣсъ, махаетъ шапкой, женѣ шепчетъ и „въ лодонь скребетъ“ (у Н. „ckrobie po nodzie“, у Кулиша „моргае, мигае, шапку або бриль той перекрывляе, скребе по нози“). Еслибъ такого чорта кулакомъ въ морду да въ зашей, да такъ чтобы король не слыхалъ (у Н. и К. „нехай бы и король его милость знавъ“). Тогда своей противной морды не поднималъ.—Помню я короля Генриха, который къ намъ изъ нѣмецкаго края, изъ-за моря пріѣхалъ; когда онъ увидѣлъ, что мы не даемъ ему воли, и что нѣмцы для него плохая опора, то, увидѣвъ, что не до шутокъ, тайно уѣхалъ въ свою сторону, за море удралъ.—По правдѣ сказать, не такъ виноватъ король, какъ эти совѣтники кривотолки (у Н. „rodne bałamyty“), что сидятъ при немъ и крутятъ. Много тутъ есть такихъ, что хоть и наша кость, да собачьимъ мясомъ обросла и воняетъ (у Н. нѣтъ этого мѣста); они то насъ дерутъ и за ихъ каверзами наши не поживятся (нѣтъ у Н.), Рѣчь Посполитую губятъ, и Волынь съ Подлясьемъ пропали. Знаю, насъ такъ обошли, что ходимъ, какъ вареные, потому что ихъ боимся (у Н. „правды не говоримъ и поддакиваемъ льстиво“). А еслибъ такого чорта

кулакомъ въ морду, другой не мутилъ бы.—Отъ того еще много вреда, что держитъ поляковъ въ услуженіи: дай ему суконную одежду, корми его жирно, а службы не спрашивай.—Убравшись въ сапоги съ высокими каблуками, дыбаетъ онъ къ дѣвкамъ да потягиваетъ вино изъ большого кубка. Панъ за столъ—и слуга за столъ, ты за борщикъ, а слуга за толстый кусокъ мяса; ты за графинъ, а онъ за другой, а если плохо держишь, то и тотъ возьметъ изъ рукъ; только и смотритъ, какъ бы ты изъ дому ушелъ; тогда онъ тихонько приласкается къ женѣ; а такого чертополоха и нѣмцовъ выгнать (у Н. ляшкивъ и нѣмцовъ вырубить къ намъ сверху до низу и отнять что отошло безъ основанія); они налѣзли беззаконно. Поговоривши о разныхъ нашихъ нуждахъ, нужно добавить и то, что и коней держи въ конюшняхъ, зимой и лѣтомъ корми ихъ овсомъ и сѣномъ, всякую ночь клади подстилку, держи для нихъ конюшаго поляка, конюшню и стремяннаго, а службы отъ нихъ не спрашивай, а когда ляхъ, какъ жеребецъ около дѣвокъ, что дрыгантъ (жеребецъ) около кобылъ, то поставь сторожами еще двухъ литвиновъ, но и самъ чортъ не усмотритъ за нимъ. И такая еще нелѣпость—случилось мнѣ купить въ Кіевѣ на толкучкѣ часы, далъ за нихъ три копы грошей, а какъ послалъ въ Вильну для поправки, то злодѣй заморщикъ запросилъ на пятую копу. То ли дѣло наши часы—пѣтухъ, что каждую полуночь безъ ошибки кричитъ. И то очень большой вредъ, разводить гологузыхъ курей, варить ихъ съ разными приправами, печь птичекъ и торты съ изюмомъ, миндалемъ, очень сладкіе, а въ старину за мою память такихъ вкусовъ не было; вкусно ѣли гуску съ грибками, утку съ перцемъ, печонку съ лукомъ или чеснокомъ, а при хорошихъ средствахъ рисовую кашу съ шафраномъ. Вина венгерскаго не употребляли; пили мальвазію, медъ и водочку потягивали, и всегда имѣли деньги, строили стѣны и войны вели удачнѣй, чѣмъ ведутъ ихъ теперь. Не къ дѣлу еще то, что наши дамы ходятъ въ богатыхъ платьяхъ; ранѣе не бросали на нихъ большихъ денегъ, а (теперь) платье въ подолѣ прихватывается и движется, а слуги молодчики, какъ соколы, на ножки поглядываютъ, чтобы ущипнуть сладкаго мя-

са. Я совѣтовалъ бы нашимъ женамъ возвратиться къ старымъ закрытымъ козакинамъ со снурками сзади, да носить широкіе нѣмецкіе штаны; тогда онѣ не скрывали бы такъ скоро свои любовныя связи; а теперь хоть съ дубиной стой на сторожѣ и смотри во всѣ глаза, такого чорта не устережешь. О чемъ далѣе говорить не знаю и прошу только принимать и мой голосъ, сколько бы при королѣ ни было пановъ и сенаторовъ. Староства не имѣю, не схватилъ его, а правду сказалъ и королевну Анульку (у Н. Урсулу) въ ручку любезно поцѣловалъ, (у Н. не цѣловалъ), какъ сенаторы. Не только весь смоленскій, но и мозырскій уѣздъ долго разсуждалъ, кого бы наиболѣе разумнаго послать на сеймъ, и послали меня, человѣка извѣстнаго, и дай Богъ мнѣ изложить наши нужды передъ королемъ и панами. Сказалъ бы, кто изъ васъ лучше, безъ хитрости, а я на этомъ и замолчу".

Рѣчь Мелешка носитъ всѣ слѣды литературнаго произведенія, вымысла, исторической мистификаціи, памфлета, сатиры, и въ то же время заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ несообразностей, которыя сильно подрываютъ ея значеніе, какъ историческаго документа, акта.

Мелешко въ „рѣчи" оказывается депутатомъ отъ Смоленска и Мозыря, городовъ, очень далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго. Мозырь — нынѣ уѣздный городъ на югѣ Минской губ. и отъ смоленской губ. отдѣленъ обширной Могилевской губерніей.

Затѣмъ друдно допустить, чтобы въ такое сравнительно культурное въ Польшѣ время паны двухъ уѣздовъ, послѣ долгаго размышленія, остановились на Мелешкѣ, авторѣ такой своеобразной рѣчи. Могъ быть на сеймѣ и Мелешко, но рѣчь, вложенная въ его уста, недостойна депутатскаго его званія, не отвѣчаетъ его депутатскимъ полномочіямъ, вообще отличается апокрифическимъ характеромъ. Мелешко, какъ рисуется онъ въ рѣчи, ставитъ себя въ положеніе шута и, принижая себя, принижаетъ тотъ край, представителемъ котораго явился на сеймъ, то общество и ту старину, защиту и восхваленіе которыхъ онъ на себя принялъ. Насколько Мелешко теряетъ, какъ личность

и дѣятель, настолько онъ выигрываетъ, какъ литературный образъ. Въ рѣчи Мелешка выразились консервативное теченіе южнорусской мысли конца XVI ст., недовольство новшествами, оскорбленное національное самолюбіе, суровая и мѣстами циничная критика семейныхъ настроеній.

Мелешко не любитъ нѣмцевъ, бранитъ ихъ собаками и желаетъ изгнать ихъ изъ Малороссіи и Литвы. Эта ненависть Мелешка къ нѣмцамъ не мотивирована и, повидимому, не вполнѣ отвѣчала народному настроенію. Въ думахъ не обнаруживается вражды къ нѣмцамъ. Выходки Мелешка противъ нѣмцевъ имѣютъ за собой то историческое основаніе, что въ это время, вѣроятно, пришли изъ Германіи многія изъ тѣхъ новеллъ и повѣстей, которыя и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, наряду съ разными другими вліяніями въ области религіозныхъ вѣрованій, языка, образованности, промышленности и быта.

Мелешко терпѣть не можетъ ляховъ за ихъ хитрости и въ особенности за развратъ. Сомнительно, чтобы такой разносъ ляховъ можно было учинить на варшавскомъ сеймѣ въ присутствіи короля, сенаторовъ и пановъ. Враждебное отношеніе Мелешка къ полякамъ охватывало тогда почти всѣхъ его соплеменниковъ; это была вражда прежде всего національная, изъ оскорбленнаго чувства народнаго самолюбія, и затѣмъ вражда политическая, изъ-за нарушенія поляками политическихъ правъ и вольностей южно и западно-руссовъ. Религіозная вражда въ рѣчи Мелешка не отразилась, хотя она уже волновала въ это время умы и сердца обоихъ народовъ. Въ рѣчи Мелешка прямо высказывается одна изъ главныхъ причинъ недовольства русскихъ—присоединеніе южнорусскихъ земель къ Коронѣ.

Въ рѣчи Мелешка, въ смыслѣ документальной ея подлинности, странными представляются слѣдующія мѣста жалобъ на поляковъ: рѣзкое осужденіе въ присутствіи короля одного изъ ближайшихъ его предшественниковъ, Сигизмунда Августа, съ заявленіемъ, что „короля того нечего въ люды лычить“, осужденіе не совсѣмъ удобное и даже врядъ-ли возможное на вар-

шавскомъ сеймѣ. Затѣмъ, странными представляются жалобы на слугъ ляховъ, наполняющія рѣчь, жалобы очень сильныя. Кто же заставлялъ или могъ заставить смолянъ держать ляховъ въ услуженіи, если они такъ были дерзки и наглы, если обходились дорого хозяину, если даже женъ нужно было защищать отъ нихъ съ дубиной въ рукахъ. Подъ руками были слуги русскіе и литвины. Эти жалобы на слугъ, довольно странныя въ рѣчи депутата, вполнѣ умѣстными окажутся, если на рѣчь смотрѣть, какъ на литературное произведеніе.

Авторъ „рѣчи“ могъ отнестись сурово къ умершему королю, когда другой южнорусскій писатель конца XVI в. Іоаннъ изъ Вишни допускалъ въ своихъ посланіяхъ колкости по адресу живаго короля Сигизмунда III. Предлагая православнымъ посылать къ королю достойныхъ лицъ для утвержденія ихъ епископами, Іоаннъ писалъ: „котораго если (король) не схочетъ вамъ подати и не послухаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувша и онѣмевша...“ Такъ писать могъ Іоаннъ изъ зарубежнаго Аѳона; но не могъ такъ говорить Мелешко въ Варшавѣ.

И жалоба на слугъ поляковъ вполнѣ оправдывается историческими обстоятельствами и подтверждается современными историческими и литературными памятниками и прежде всего многосодержательными сочиненіями Іоанна Вишенскаго: „Русинъ, бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси и раздѣлился.“ Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, обращаясь къ уніатскимъ владыкамъ, которые жили, какъ и другіе крупные паны магнаты, говоритъ: „Ваши милости обнажаете изъ оборы кони, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣняжныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и онихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятъ и мучатъ,—которыхъ кровь, силы и працы, и подвига выссавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ

тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не маютъ. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талярмы, полталярки, орты, четвертаки и потройники, напихаете, сумы докладаете, а тие бѣдници шеляга, за что соли купити, не маютъ."

И такъ жалоба Мелешка на слугъ поляковъ вполнѣ возможна, но не въ Варшавѣ среди поляковъ, а въ предѣлахъ юго-западной Руси, въ обращеніи къ самимъ русскимъ, слѣдовательно, опять таки въ рѣчи, какъ литературномъ обращеніи, въ родѣ сатирическихъ обличительныхъ посланій Іоанна Вишенскаго.

Цѣлительное или точнѣе оборонительное средство Мелешка „въ морду" впослѣдствіи широко практиковалось козаками и гайдамаками. Многія полемическія сочиненія по рѣзкости выраженій отчасти отвѣчали этому оборонительному средству.

Центръ тяжести жалобъ Мелешка лежитъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, и если Мелешко дѣйствительно говорилъ на сеймѣ въ томъ видѣ, какъ передаетъ его рѣчь сохранившійся актъ, то паны и сенаторы имѣли основаніе подумать, что самъ Мелешко пострадалъ отъ „любительной бредни." Въ двухъ мѣстахъ Мелешко говоритъ о посягательствахъ на цѣломудріе женщинъ, и мѣстами впадаетъ въ нѣсколько циничное настроеніе, напр., въ замѣчаніи, что „дворянинъ въ ножку загледаетъ, штобъ где ущипнуть солодкаго мяса" и далѣе въ совсѣмъ уже фривольномъ выраженіи о плюндрикахъ. Вообще, авторъ рѣчи обнаруживаетъ замѣтную слабость къ „бѣложенкамъ;" мѣста о женщинахъ отличаются литературнымъ характеромъ изложенія, плохо отвѣчающимъ депутатскому оффиціальному положенію автора. Говоря о бѣложенкахъ, Мелешко выражаетъ мнѣнія и недовольства массы народной, и его рѣчь стоитъ въ прямой внутренней связи съ думами. Такъ, въ думѣ про угнетеніе поляками Украины (у Ант. и Драг. II 110):

То ще жъ то ляхы,
Мостивіи паны,
По козакахъ, по мужикахъ поставылы,

Да велыку станцію вымыш'ялы,
Одъ ихъ ключи поодбиралы,
Да сталы надъ ихъ домамы
Господаряты.
Хозяина на конюшню одсылае,
А самъ зъ его жоною на подушкахъ почивае,
То козакъ або мужикъ изъ конюшни прихождае
У кватиру поглядае,
Ажъ ляхъ мостивый панъ, ище зъ его жоною
на подушкахъ почивае.

Малороссы всегда были чутки къ вопросамъ о женской чести, что въ новое время выразилось въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Въ своемъ недовольствѣ на измѣненія въ одеждѣ Мелешко сходится съ Іоанномъ Вишенскимъ. Мелешку противны новыя дорогія платья, въ особенности женскія, и онъ хвалитъ старый покрой и старую простоту. У Іоанна Вишенскаго франтовство и щегольство панское выражается въ низкомъ стриженіи волосъ: „обычай бо есть мірскимъ на облупленную голову подголенца выструганнаго, мыломъ вышарованнаго и вымакглеваннаго пильно смотрѣти и мыслью похотною блудити". На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, „косичку или перце запявши", „перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ, шію напяливши, яко индійскій куръ"; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь „къ прелести симатя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иншихъ суконъ". Тутъ упоминается и „златоглавая делѣя" и „алтембасовый копенякъ", провадящіе въ адъ.

Очень любопытно у Мелешка осужденіе измѣненій въ пищѣ, „присмаковъ", съ перечисленіемъ любимыхъ въ старину блюдъ и винъ: „гуски съ грибками", „утки съ перчикомъ", „печонки съ лукомъ" и въ особенности „рисовой каши съ шафраномъ". Въ этомъ пунктѣ Мелешко сходится съ Іоанномъ Вишенскимъ, и его рѣчь обнаруживаетъ большое сходство съ думами, что прямо указываетъ на рѣчь Мелешка, какъ на литературное произведеніе, воспроизводящее излюбленные въ старой Малороссіи мотивы общественнаго недовольства. У Іоанна Вишенскаго паны „въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелю-

хахъ родятся". „Чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная". Роскошь ихъ обнаруживается „во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазыяхъ, алякөнтахъ, ревулахъ, пивахъ розмаитыхъ, въ барилахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ фляшами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,— колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обиліи слугъ". Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: „зъ сихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіянъ наданыхъ, лупите и съ гумна стоги и абороги (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетеся, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припущаные курите, пиво трояк͏ое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостьми своими пресыщаете, а сироты церковныя алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискаютъ (горюютъ), оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлаго урожаю дотягнетъ"!... „Нынѣ владыкове проклятіи фольварки собѣ починили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюютъ въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вѣно*, приданое) готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справуютъ, пріятелей обагачаютъ, кариты зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ". Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно разсчитывало „прагнене ненасычоное утолить" относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Глубокимъ презрѣніемъ и негодованіемъ дышетъ въ одномъ посланіи Іоанна слѣдующее суровое порицаніе „лакомства несчастнаго": „Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой

ты не знаешь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, кгвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколюбецъ".

По поводу „рыжовой каши съ шапраномъ" Мелешка и „шафранелюбца" Іоанна Вишенскаго кстати вспомнить здѣсь ироническій упрекъ пану Потоцкому въ думѣ про корсунскую битву (у Ант. и Драг. II 33):

Гей пане Потоцкий!
Чомъ у тебе и доси розумъ жиноцький?
Не вмивъ ты еси въ Камянскимъ Подильци пробуваты,
Печенаго поросяты, курыци съ перцемъ та зъ шапраномъ уживаты.

Видно, что рисовая каша съ шафраномъ считалась въ старой Малороссіи верхомъ роскоши, что шафранъ былъ въ большомъ употребленіи, гораздо бо́льшемъ, чѣмъ нынѣ, въ кулинарномъ искусствѣ стараго времени, и упоминаніе о немъ въ старинной литературѣ получило значеніе общаго типическаго мѣста.

По языку рѣчь Мелешка также весьма близко подходитъ къ литературнымъ произведеніямъ, мѣстами приближается даже къ думамъ.

Прежде всего бросается въ глаза склонность автора къ глагольной риѳмѣ: „пріѣхалъ... огледалъ", „на гетакихъ съѣздахъ николы не бывалъ и съ королемъ его милостью николы не засѣдалъ" и др. Начало рѣчи носитъ характеръ полуриѳмованнаго литературнаго произведенія. Склонность къ риѳмѣ отглагольныхъ именъ существительныхъ обнаруживается въ сочиненіяхъ такого близкаго къ народу писателя, какъ Іоаннъ Вишенскій, напримѣръ: „Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розсказанье и толстое отрыганье того вашего выкриканння, яко мы прелюбодѣйчищами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упе-

вняетъ". Любовь къ глагольной риѳмѣ обнаруживается въ думахъ, что уже отмѣчено въ „Мысляхъ" *г. Житецкаго* стр. 4, 5.

Литературные пріемы Мелешка, его эпитеты также вводятъ его рѣчь въ рядъ чисто литературныхъ памятниковъ. Отмѣтимъ сначала отдѣльныя мѣткія выраженія:

1) по просту правымъ сердцемъ говорили...

2) *правдою въ ротъ якъ солью въ глаза кидывали...*

И такъ, правда у Мелешка на первомъ мѣстѣ—излюбленный пріемъ старинной малорусской литературы, начиная отъ духовныхъ стиховъ объ исканіи правды до такого характернаго признанія Іоанна Вишенскаго: „а если-бы зась хто... на мене отъ зависти потваръ сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливе и ущипливе въ томъ писаню мовитъ, на тое вамъ такъ отповѣмъ: научился отъ Христа истины безъ похлѣбства ложъ лжею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати". Выраженіе „правдою въ ротъ, якъ солью въ глаза, кидывали" вполнѣ народное. Въ „Приказкахъ" *Номиса* оно встрѣчается многократно: „ставъ мени силлю въ оци" (№ 2762), „силь тоби въ вичи, а каминь у груди" (3835), „силь тоби та печина", „силь тоби въ вичи, та печина въ зубы" (8357).

3) „солодкая память" (историческая поминка);

4) „щипнуть солодкаго мяса" (относительно женщинъ);

5) „черезъ скурку скрыпыть" (скрипъ сапогъ);

6) „на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле";

7) „зъ великого кубка трубитъ" (пьетъ вино);

8) „ляхъ, какъ жеребецъ, ржетъ коло дѣвокъ, какъ дрыгантъ коло кобылъ";

9) „любительную складывали бредню";

10) „въ лодонь скребетъ";

11) „хоть съ рогатыною на вартѣ стой";

12) „ходили, какъ подваренные";

13) „медокъ и горилочку дзюбалы";

14) Король Генрихъ „за море скикнулъ";

15) „хотя наша костка, однакъ собачьимъ мясомъ обросла".

Всѣ эти выраженія, очевидно, проникнуты насквозь жизнью, и многія изъ нихъ типичны, какъ литературные термины

или какъ синтаксическіе обороты старой рѣчи. Такъ, въ выраженіи „за море скикнулъ“ чувствуется еще въ старой южнорусской рѣчи XII вѣка; вспоминается Всеславъ Слова о Полку Игоревѣ, который „скочи волкомъ до Немичи съ Дудутокъ“. Выраженіе о человѣческой кости, обросшей собачьимъ мясомъ, также типичное, поговорочное, съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ повторявшееся въ приложеніи къ разнымъ лицамъ, напр.—къ Адаму Киселю.

Выраженіе „*трубитъ съ кубка*“, какъ описательное для выраженія пьянства, встрѣчается у Гваньини, иностраннаго ротмистра при Стефанѣ Баторіи: „Kiedyby temu szlachetnemu narodowi zbytek, pijanstwo i marnotrawstwo nie przeszkadzało wszystkieby niemal narody cnotą wrodzoną i spaniałoscią animuszu przechodził; ale ieden prze zdrowie drugiego, jako tego iest obyczaj pełniąc dzban by największy aż *do dna wytrąbi*, choćby tez to czasem było przeciw przyrodzeniu... ono zdrowia ich pozbawia“... (*Основа* 1862 VI 14 примѣч.).

Выраженіе „*за море скикнулъ*“, повидимому, употреблено въ значеніи далеко, а съ такимъ значеніемъ выраженіе это встрѣчается еще въ Словѣ о Полку Игоревѣ и до сихъ поръ удержалось въ народныхъ пѣсняхъ.

Относительно лексическаго состава рѣчи Мелешка, любопытнаго во многихъ отношеніяхъ для филолога и историка быта, замѣтимъ лишь немногое:

Сентенціи въ смыслѣ тонкихъ политическихъ разсужденій противоставляются простой правдивой рѣчи.

Люды, повидимому въ современномъ значеніи слова для обозначенія народа.

Нагавица—nogawica, nogawka—часть штановъ ниже колѣнъ, вообще штаны, иногда въ значеніи полосатыхъ длинныхъ штановъ (*Linde*, *Закревскій*).

Бернардины—монашескій орденъ, хорошо укоренившійся въ Польшѣ и Литвѣ, оказали много услугъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія (о чемъ подробно см. въ 6 т. Энциклоп. Словаря *Брокгауза* и *Ефрона*).

Бредня у Мелешка и Іоанна Вишенскаго въ значеніи баловства.

Штука—въ современномъ намъ малорусскомъ значеніи слова—затѣи, выдумки.

Сукни *перестыя*—разноцвѣтныя, точнѣе состоящія изъ бѣлаго и сѣраго цвѣтовъ. Нынѣ говорятъ въ харьковской губер. „телыця перестая“, когда часть шерсти бѣлая, другая сѣрая.

Баламуты—въ современномъ значеніи слова, т. е. причиняющіе смуты, интриганы.

Пижмо—душистое вещество мускусъ, добываемое изъ пупка средне-азіатскаго животнаго кабарги.

Шыбиньковаты—глаг. отъ шыбеникъ—висѣльникъ, достойный висѣлицы, негодяй.

Заморщикъ—обычное въ XVI в. слово для обозначенія иностранца, встрѣчается въ постановленіяхъ варшавскаго сейма 1589 г., какъ синонимъ „cudzoziemec“ (*Wolumina legum* II 282).

Перекрывали—польск. przekrywać, прикрывать, защищать.

Хвалендышевая (сукня)—голандское сукно, отъ fein holländisch, отсюда малор. сл. галанци (штаны), о чемъ подробнѣе см. въ моихъ „Культур. пережив.“. У Іоанна Вишенскаго повторяется упрекъ въ одѣваніи слугъ „фалюндышами“.

Дрыганты—жеребцы, кони; въ стар. польск. выраженіи „kazałbym takowe dryganty, co okolo cudzych żon rźają powalaszyć“ (Slownik Linde), что очень близко къ выраженію Мелешка.

Годынникъ—часы, польск. godzinnik; слово это встрѣчается у польскаго проповѣдника конца XVI в. Скарги.

Тандетъ—рынокъ, базаръ, лоскутный рядъ, польск. tandet—handlarstwo starzyzna, откуда czlowiek z tandety—ничтожный человѣкъ (*Linde*).

Малмазія—мальвазія, вино изъ подъ г. Мальвазіи въ Мореѣ и изъ Кандіи. Въ volum leg. говорится, что „małmazyi we Lwowie zawsze wielki dostatek bywał“. (*Linde*).

Португале (или фортугале)—монеты и медали въ 3, 7, 10 и болѣе червонцевъ (подроб. см. у *Linde*).

Плюндрыки—штаны, szerokie buchaste worowate spodnie Pomphosen (*Linde*).

„Въ морду—въ современномъ намъ значеніи, встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, чаще всего въ пѣсняхъ про сестру отравительницу (см. *Кіев. Стар.* 1893 XI).

Капелюшъ—синонимъ шапки; то же въ старинной виршѣ: „зъ гыри знима капелюху“ (*Житецкій*, Мысли, 92); Кулишъ перевелъ словомъ „бриль“.

Въ заключеніе можно сдѣлать такія положенія:

Рѣчь Мелешка—подложный историческій документъ, приписанный смоленскому каштеляну Ивану Мелешкѣ, фамилія котораго оправдывала до нѣкоторой степени фривольный сатирическій характеръ памятника.

Какъ историческій документъ, рѣчь Мелешка полна несообразностей; но эти несообразности теряютъ всякое значеніе, если на рѣчь смотрѣть, какъ на памятникъ литературный.

Мелешко не могъ бранить на варшавскомъ сеймѣ Сигизмунда Августа въ присутствіи короля, хотя и не родственника перваго; главное—не могъ быть депутатомъ отъ двухъ далеко отстоящихъ городовъ; затѣмъ онъ не могъ свободно бранить поляковъ въ собраніи, состоявшемъ въ подавляющемъ большинствѣ изъ гордыхъ, самолюбивыхъ польскихъ вельможъ, не могъ обращаться къ русскимъ панамъ, гдѣ таковыхъ было немного, и къ ихъ женамъ, которыхъ на сеймѣ совсѣмъ не было, не могъ наконецъ, не нарушая своего депутатскаго достоинства, надѣвать на себя шутовскую маску. Другое дѣло, если памятникъ возникъ, какъ мы думаемъ, вдали отъ короля и Варшавы, въ Бѣлоруссіи, можетъ быть, въ смоленской или мозырской области, о которыхъ упоминается въ рѣчи. Авторъ могъ тогда сохранить полную свободу и дать своей сатирѣ на современное ему общество какое ему было угодно направленіе, и онъ мѣтко избралъ путь народнаго юмора, съ искусственнымъ самоуниженіемъ, съ тенденціозно-преувеличеннымъ противопоставленіемъ старины непріятной ему новинѣ.

Рѣчь Мелешка, какъ политическая и общественная сатира, представляетъ большой интересъ. Она является предшественницей посланій Іоанна Вишенскаго и малорусскихъ народныхъ думъ про польскія притѣсненія и сплетается съ ними по со-

держанію и языку. Какъ бы то ни было, въ силу своего собственнаго содержанія и въ силу своихъ связей съ такими крупными памятниками старины, какъ посланія Іоанна Вишенскаго и думы, рѣчь Ивана Мелешка должна занять прочное положеніе въ исторіи южно и западно-русской литературы XVI. в.

Анонимный политическій памфлетъ, подъ названіемъ рѣчи Мелешка, не единственное явленіе въ старинной малорусской литературѣ; бывали и другія, напр.: знаменитое письмо запорожцевъ къ турецкому султану, также ошибочно принимаемое за историческій документъ, [1]) письмо послужившеее И. Е. Рѣпину сюжетомъ для знаменитой картины.

Изъ западно-европейскихъ и византійскихъ аналогій выдаются сказанія объ индійскомъ царствѣ и богатствѣ его царя—попа Ивана и мнимое посланіе англійскихъ лордовъ къ папѣ Урбану эпохи Виклефа.

Естественно возникаютъ вопросы, не отразилась ли въ конституціяхъ варшавскаго сейма 1589 г. рѣчь Мелешка и его дѣятельность въ духѣ этой рѣчи? Конституціи этого сейма изданы въ 2 т. *Volumina legum* (петерб. изд. 1859 г.) на стр. 277—292 въ числѣ 115 параграфовъ, и ни малѣйшаго указанія на Мелешка здѣсь нѣтъ. Изъ поставленій сейма, на рѣшеніе которыхъ могъ вліять мозырскій и смоленскій депутатъ, можно отмѣтить лишь два-три общаго характера, напр. § 61 (объ огражденіи купцовъ отъ насилій), § 80 (противъ притѣсненій народа солдатскими постоями) и одно или два частныхъ, напр. § 91 (о разграниченіи мозырскаго повѣта и кіевскаго воеводства).

Время составленія „Рѣчи“ и автора ея опредѣлить въ точности невозможно. Полагаемъ, что Рѣчь написана вскорѣ послѣ сейма, въ 1589 или въ ближайшіе къ нему годы, лицомъ, которому извѣстны уже были постановленія сейма и которое, можетъ быть, присутствовало на сеймѣ. Въ спискѣ гр. Сѣрковскаго упоминаются мимоходомъ и неясно Инфлянты, причемъ

---

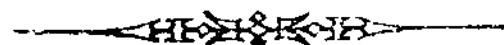
[1]) *Н. И. Костомаровъ* въ Рус. Стар. 1872 г. и въ послѣднее время *Д. И. Эварницкій* въ „Очеркахъ исторіи запорож. козаковъ и Новорос. края“, стр. 68.

Мелешко высказываетъ мнѣніе, что лучше было бы сейму заняться смоленскими дѣлами, чѣмъ лифляндскими. Сеймъ дѣйствительно посвятилъ много времени разсмотрѣнію лифляндскихъ дѣлъ. Къ Лифляндіи относятся первыя 22 конституціи, къ Смоленской области—ни одной. Русскому патріоту, автору „Рѣчи", бросилась въ глаза эта подробность.

Въ конституціяхъ сейма одинъ параграфъ могъ побудить автора „Рѣчи" высказать свою вражду къ мѣстнымъ нѣмецкимъ колонистамъ: постановленіе 33-ье „O cudzoziemciách zamorskich", относившееся—и это могло особенно огорчить автора „Рѣчи"—къ прусскимъ польскимъ областямъ, буквально гласитъ слѣдующее: „Jż siła ludzi z zamorza cudzoziemcow do Prus się przyprowadziło, którzy ziemsckich majętności nakupili, albo na takowe imiona i na zastawę dawali y dawają. A iż takowe ludzie przychodniowie nie są nobiles Regni et Terrarum conjunctarum: ustawiamy tą konstytucyą ninieyszą, aby ci zamorsczycy y cudzoziemcy, co majętnosci ziemskich nakupili do trzech lat powinni to poprzedać, pod utraceniem teyże majętności. A ktoby się takowy tego napotym ważył, zaraz in instanti y pieniądze y majętnosc ziemską tracic ma do scarbu Koronnego...

Авторъ „Рѣчи" по этой оффиціальной канвѣ вывелъ свои литературные узоры въ приложеніи къ южной и западной Руси.

Н. Ѳ. Сумцовъ.



ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXIX.

Гимназическій пѣвческій хоръ, его образованіе и успѣхи.—Мое разсужденіе о церковномъ хорѣ.

Когда я, служа еще въ Черниговѣ, пріѣзжалъ на каникулы въ Новгородъ-Сѣверскъ и проживалъ здѣсь до сентября, ученики гимназіи, знавшіе отъ тестя моего, что я въ Черниговѣ занимался въ семинаріи пѣвческимъ хоромъ, приходили ко мнѣ учиться церковному пѣнію, но за короткое время мало успѣвали, а по отъѣздѣ моемъ забывали выученное; когда же я сдѣлался учителемъ гимназіи, то началъ составлять изъ учениковъ хоръ, для котораго привезъ изъ Чернигова много нотъ; этотъ трудъ былъ для меня тѣмъ легче, что многіе ученики играли на музыкальныхъ инструментахъ. Ученики взялись за дѣло съ особенною ревностью, сами составляли нотныя книги и изъ моихъ партитуръ выписывали въ нихъ голоса. Мы начали науку нотнаго пѣнія съ самой ея азбуки; когда пѣвчіе стали разбирать ноты, мы начали на общихъ спѣвкахъ приготовлять нотныя богослужебныя пѣсни.

Къ началу великаго поста хоръ нашъ сформировался на столько, что могъ правильно исполнять покаянный канонъ во время говѣнія учениковъ въ гимназіи и всю обѣдню въ церкви;

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 4.

въ день причащенія гимназистовъ и на всенощной въ домѣ гимназіи хоръ всю эту службу порядочно исполнилъ, по композиціи Веделя. Тимковскій радъ былъ, что гимназія имѣетъ хоръ и много благодарилъ меня за его образованіе. Гимназическій хоръ подъ моимъ управленіемъ постоянно пѣлъ въ праздничные и высокоторжественные дни въ городскомъ соборѣ лѣтомъ и зимою. Когда въ ненастные дни ученики не были приводимы въ церковь, пѣвчіе сами, безъ моего приглашенія, собирались въ мой домъ, разставляли столы и просили меня приготовлять съ ними новыя пьесы для будущаго времени; поэтому мы пѣли въ церкви всегда что-нибудь новое. Торжественные акты, ежегодно бывавшіе въ гимназіи передъ лѣтними каникулами, всегда начинались и оканчивались концертами. Такимъ образомъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи образовался настоящій церковный хоръ безъ особенныхъ заботъ со стороны начальства и безъ пособія казны. По окончаніи учебнаго года, когда выбывали изъ гимназіи ученики, состоявшіе въ хорѣ, онъ нѣсколько ослабѣвалъ; тогда нѣкоторые альты и дисканты поступали въ басы и тенора, уже съ знаніемъ нотной науки, а для замѣщенія ихъ набирались новые голоса изъ гимназистовъ; возбужденіе въ нихъ охоты къ пѣнію было такъ велико, что непринимаемые въ хоръ по негодности ихъ голосовъ плакали и просили дозволенія хотя книги носить въ церковь, чтобы казаться своимъ сотоварищамъ пѣвчими. Впослѣдствіи отъ гимназіи отпускалось жалованье для найма учителей пѣнія, каковыми въ разное время были Щегловитовъ и послѣ него надзиратель гимназіи Киселевичъ, при которыхъ я по прежнему продолжалъ участвовать въ гимназическомъ хорѣ до выбытія моего изъ гимназіи.

Старожилы Новгородъ-Сѣверскіе и теперь еще помнятъ, какъ мы въ былое время пѣли въ соборѣ и сожалѣютъ, что теперь они въ немъ не слышатъ такого пѣнія. Въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ теперь устроена прекрасная церковь, существуетъ хоръ, но его нельзя назвать порядочнымъ, потому что для него нѣтъ учителя, знающаго свое дѣло, который могъ бы по правиламъ церковной музыки учить хоръ исполнять ду-

ховныя пѣснопѣнія соотвѣтственно ихъ молитвенному содержанію. А слѣдовало-бы позаботиться [1]) пріискать для гимназіи такого учителя, потому что правильно составленный и надлежащимъ образомъ управляемый гимназическій церковный хоръ можетъ много способствовать развитію религіознаго чувства въ учащихся: стройные, гармоническіе звуки духовныхъ пѣснопѣній, образуя слухъ, трогаютъ, питаютъ и согрѣваютъ душу человѣка и располагаютъ его къ молитвѣ, отзываясь въ немъ иногда въ продолженіе всей жизни. Когда я, послѣ многихъ лѣтъ по выбытіи моемъ изъ гимназіи, съ В. Кисилевичемъ пріѣхалъ въ Петербургъ, бывшіе ученики мои, занимавшіе почетныя на службѣ должности, увидавшись съ нами, прежде всего вспомнили о томъ, какъ мы пѣли съ ними въ гимназіи, говорили намъ, что, собираясь вмѣстѣ, они пѣли тоже самое, и за предложенною намъ трапезою воспроизвели съ нами незабытыя ими пѣснопѣнія. Это было братское свиданіе людей, связанныхъ между собою узами духовнаго сочувствія, пріобрѣтеннаго во время участія ихъ въ хорѣ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

По страсти моей къ церковному пѣнію я заговорился о немъ здѣсь потому, что, находясь болѣе 20-ти лѣтъ въ числѣ дѣятелей Новгородъ-Сѣверской гимназіи, я желаю ей полнаго преуспѣванія во всѣхъ видахъ ея учебно-воспитательной дѣятельности.

XXX.

Директоръ Тимковскій, его образованіе и служба въ Харьковскомъ Университетѣ.— Его управленіе въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Попечительство фонъ-Брадке.— Чѣмъ обязаны Тимковскому гимназія и гор. Новгородъ-Сѣверскъ?

Личность Тимковскаго достойна почтительнаго воспоминанія о немъ всякаго, кто зналъ его, когда онъ былъ директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Илія Федоровичъ Тимковскій получилъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ, путешествовалъ съ ученою цѣлью за границу, слушалъ лекціи въ

---

[1]) Въ 1887 году образовалъ хоръ изъ учениковъ гимназіи священникъ М. И. Чикилевъ.

Іенскомъ университетѣ и удостоенъ званія почетнаго члена его; имѣя степень доктора правъ, онъ былъ профессоромъ правовѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ при попечителѣ графѣ Потоцкомъ, о которомъ онъ отзывался всегда съ отличнымъ уваженіемъ. Во время своего профессорства онъ часто былъ командируемъ для ревизіи подвѣдомственныхъ Харьковскому округу гимназій; въ Новгородъ-Сѣверскѣ онъ сблизился съ семействомъ директора гимназіи Халанскаго, и женился на его дочери, за которую въ приданое получилъ въ Глуховскомъ уѣздѣ село Турановку. Выйдя въ отставку съ пенсіей въ 1000 руб. ассигнац. за свою шестилѣтнюю службу, Тимковскій жилъ помѣщикомъ въ помѣстьѣ своей жены и въ это время исправлялъ должность уѣзднаго глуховскаго судьи; за приведеніе въ порядокъ архива глуховскаго суда награжденъ орденомъ Владиміра 4-ой степени. По смерти Халанскаго родственники его упросили Тимковскаго занять должность директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи, въ которой онъ и пробылъ 13-ть лѣтъ. Въ старомъ деревянномъ домѣ гимназіи не было помѣщенія для директора; Тимковскій постоянно жилъ въ домѣ Халанскихъ, гдѣ находилась при немъ директорская канцелярія, въ которой письмоводитель занимался только перепиской бумагъ, потому что Тимковскій самъ составлялъ ихъ. Тимковскій не часто посѣщалъ гимназію, въ которой наблюдалъ за порядками инспекторъ, ежедневно доносившій директору о состояніи гимназіи; за то, когда онъ являлся въ гимназію, онъ былъ ея настоящимъ ревизоромъ: его съ заботливостью ожидали ученики и учителя; онъ обходилъ всѣ классы, хвалилъ успѣшныхъ и побуждалъ лѣнивыхъ, прося учителей обращать особенное вниманіе на послѣднихъ; совѣщался съ преподавателями объ ихъ урокахъ, и послѣ всего этого отправлялся въ свою квартиру, гдѣ постоянно занимался дѣлами гимназіи; въ нужныхъ случаяхъ онъ посылалъ въ гимназію свои распоряженія чрезъ служителя, постоянно при немъ для того находившагося. Во время экзаменовъ онъ ежедневно утромъ и послѣ обѣда присутствовалъ при испытаніи учениковъ по всѣмъ предметамъ ихъ ученія, самъ ихъ спрашивалъ и ставилъ отмѣтки по ихъ

отвѣтамъ, а по окончаніи экзаменовъ вмѣстѣ съ учителями совѣщался о переводѣ учениковъ въ высшіе классы, при чемъ великовозрастные ученики, по малоспособности своей не оказавшіе достаточныхъ успѣховъ, но отличающіеся прилежаніемъ и поведеніемъ, были переводимы въ высшіе классы, прочіе малоуспѣшные оставляемы были въ тѣхъ-же классахъ.

Въ то время учениковъ, пробывшихъ болѣе 2-хъ лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, не исключали изъ гимназіи,—они оставляемы были въ надеждѣ ихъ исправленія; находясь въ гимназіи, такіе ученики не испытывали жалкой участи тѣхъ исключаемыхъ дѣтей, которыя, не имѣя надъ собою училищнаго надзора, развращаются и дѣлаются потерянными для семьи и общества. Изъ учениковъ, засиживавшихся въ низшихъ классахъ гимназіи, многіе мало по малу развивались, успѣшно оканчивали курсъ гимназіи, а нѣкоторые изъ такихъ учениковъ впослѣдствіи выходили изъ гимназіи первыми по успѣхамъ, каковы: Костомахинъ и Чалый; первый отлично окончилъ курсъ наукъ въ Кіевскомъ университетѣ по медицинскому факультету и при немъ былъ оставленъ, а второй, окончивъ въ этомъ-же университетѣ курсъ, былъ превосходнымъ преподавателемъ словесности въ Немировской гимназіи, а послѣ директоромъ нѣжинскаго лицея. Остававшіеся долго въ однихъ и тѣхъ-же классахъ ученики если и не оказывали надлежащихъ успѣховъ, все же учились чему-нибудь въ гимназіи.

Изъ распоряженій, какія Тимковскій дѣлалъ для побужденія учениковъ къ успѣхамъ въ наукахъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что ученики высшихъ 4-хъ классовъ, каждый мѣсяцъ, въ присутствіи директора и учителей, читали свои сочиненія, особо къ тому ими приготовляемыя, при чемъ Тимковскій самъ разбиралъ и исправлялъ такія сочиненія, хвалилъ лучшія изъ нихъ и тѣмъ поощрялъ однихъ и возбуждалъ соревнованіе въ другихъ. Изъ числа учениковъ, отличавшихся тогда первыми опытами своихъ сочиненій, были вышепоименованный Чалый, Константинъ Ушинскій, извѣстный своими руководствами для первоначальнаго обученія, употребляемыми теперь во всей Россіи, и Кулишъ, извѣстный писатель.

Заботясь объ успѣхахъ учениковъ въ наукахъ, Тимковскій принималъ дѣйствительныя мѣры для того, чтобы воспитанники въ гимназіи получали религіозно-нравственное направленіе, пріучались соблюдать уставы и обряды церкви; во время говѣнія учениковъ въ домѣ гимназіи онъ самъ вразумительно читалъ для нихъ покаянный канонъ и самихъ ихъ заставлялъ читать то, что слѣдовало въ богослужебной книгѣ; присутствовалъ съ учениками въ церкви, въ которую инспекторъ приводилъ ихъ парами и разставлялъ въ должномъ порядкѣ; квартирнымъ старшимъ приказывалъ строго наблюдать, чтобы ученики исполняли утреннія и вечернія молитвы; учениковъ, желавшихъ молиться въ церкви въ дни рожденія своихъ родителей, или быть на панихидахъ въ дни поминовенія послѣ ихъ смерти, онъ увольнялъ отъ классовъ, въ день же общаго поминовенія умершихъ, послѣ пасхальной недѣли, ученія въ гимназіи не было. Когда какой-нибудь ученикъ гимназіи умиралъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, то какого-бы класса онъ ни былъ, ученики высшихъ классовъ дежурили при тѣлѣ умершаго, а въ день его погребенія всѣ гимназисты съ своимъ хоромъ, въ предшествіи начальства и всѣхъ преподавателей, при звукахъ гимназическаго колокольчика, провожали покойника; шествіе останавливалось передъ воротами гимназіи, гдѣ и совершалась заупокойная литія, а затѣмъ продолжалось до могилы. Такая погребальная гимназическая процессія имѣла свое значеніе для учениковъ и ихъ родителей: она была очевиднымъ доказательствомъ, что заведеніе, воспитывающее дѣтей, сочувствуетъ семейному ихъ горю и тѣмъ самымъ возбуждала въ нихъ и въ ихъ родныхъ признательность къ воспитателямъ. О поведеніи учениковъ гимназіи Тимковскій часто получалъ точныя свѣдѣнія отъ инспектора и съ нимъ вмѣстѣ старался исправлять неодобряемыхъ въ поведеніи, призывая такихъ учениковъ къ себѣ въ домъ, чего они боялись, потому что въ такихъ случаяхъ вызываемы были ихъ родители, которымъ Тимковскій предоставлялъ принять съ своей стороны мѣры для исправленія дѣтей.

Тимковскій не хотѣлъ, чтобы ученики подвержены были тѣлеснымъ наказаніямъ въ домѣ гимназіи. Говорили, что когда

не было еще въ гимназіяхъ инспекторовъ и когда наблюденіе за учениками поручалось учителямъ, послѣдніе, въ отсутствіи Тимковскаго, однажды сильно наказали розгами одного провинившагося ученика; Тимковскій сдѣлалъ наказавшимъ сильный выговоръ и запретилъ имъ впредь безъ его вѣдома наказывать тѣлесно.

Въ оффиціальномъ обращеніи съ учителями и другими чиновниками гимназіи Тимковскій являлся начальникомъ, съ которымъ никому изъ насъ и въ голову не приходило вступать въ какую нибудь оппозицію, потому что всѣ мы были увѣрены въ его учености, опытности и благонамѣренности; отъ него многому можно было намъ поучиться. Не сближаясь съ нами до пріятельскихъ отношеній, онъ входилъ въ домашнее положеніе каждаго изъ насъ и самъ распредѣлялъ намъ постояльцевъ изъ учениковъ, соотвѣтственно нашимъ нуждамъ и благонадежности. Зная какую нибудь слабость учителя, Тимковскій, не любя доводить о такихъ слабостяхъ до свѣдѣнія высшаго начальства, самъ, домашнимъ образомъ, безъ огласки, дѣлалъ такому учителю вразумленіе, иногда очень эфектное. Жалованье учителямъ онъ всегда выдавалъ самъ, для чего всѣ они въ одно время собирались въ домъ его и изъ пріемной залы по очереди входили въ его кабинетъ, въ которомъ онъ сидѣлъ за столомъ предъ разсчитанными деньгами при запираемыхъ дверяхъ. Однажды учитель исторіи Ерофеевъ, хорошо знавшій и преподававшій свой предметъ, но любившій выпить, вошелъ для полученія жалованья, Тимковскій вручилъ ему деньги, благодарилъ его за успѣхи его учениковъ и заключилъ свою благодарность словами: „выкиньте у себя изъ головы, что хорошій учитель непремѣнно долженъ быть пьяницей“.

Когда Тимковскій говорилъ въ гимназіи свои поучительныя рѣчи ученикамъ, то при произнесеніи ихъ онѣ казались произведеніемъ искуснаго оратора, но писалъ онъ свои произведенія тяжелымъ слогомъ, за то по содержанію своему сочиненія его были полновѣсны и основательны.

Самъ занимаясь всѣми дѣлами по гимназіи, онъ не успѣвалъ дѣлать все въ свое время; особенно медлителенъ онъ

былъ въ исполненіи предписаній попечителя и иногда посылалъ ему на нихъ свои возраженія, когда находилъ эти предписанія неудобопримѣнимыми къ гимназіи, за что получалъ замѣчанія отъ попечителя фонъ-Брадке, который не любилъ никакого противорѣчія и требовалъ безусловнаго повиновенія отъ университетскаго совѣта, за что въ свою очередь получалъ замѣнія отъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова. Въ послѣдній годъ директорства Тимковскаго, гимназію ревизовалъ попечитель фонъ-Брадке, привезшій съ собою инспектора училищъ Люце. Когда Тимковскій представилъ ему всѣхъ чиновниковъ гимназіи, Брадке спросилъ: какъ исполняютъ службу въ гимназіи вновь опредѣленные имъ преподаватели: законоучитель Янчевскій, поступившій на мѣсто моего тестя, и я. Тимковскій отозвался о насъ съ полнымъ одобреніемъ. Во время экзамена по математикѣ учениковъ спрашивалъ Люце, а фонъ-Брадке сидѣлъ въ сторонѣ, посадилъ около себя одного ученика и обнимая его, въ тоже время дѣлалъ за ошибочные отвѣты экзаменуемыхъ учениковъ грубые выговоры учителю, въ присутствіи всего класса, что всѣхъ насъ оскорбило.—Въ томъже году Тимковскій, окончивъ 25-ти лѣтній срокъ своей службы, вышелъ въ отставку.

Трогательно было прощаніе Тимковскаго съ гимназіею, при которомъ онъ выразилъ свое сожалѣніе, что оставляетъ её послѣ 13-ти лѣтнихъ трудовъ своихъ. Новгородъ-Сѣверская гимназія лишилась въ немъ директора-воспитателя, а чиновники ея—благодѣтельнаго начальника. Новгородъ-Сѣверская гимназія обязана Тимковскому тѣмъ, что воспитанники ея при немъ и долго послѣ него отличались доброю нравственностью.

Городъ Новгородъ-Сѣверскъ, пока въ немъ будетъ находиться гимназія, долженъ съ благодарностью вспоминать Тимковскаго, удержавшаго гимназію на своемъ мѣстѣ. Высшее учебное начальство намѣревалось перевести гимназію изъ Новгородъ-Сѣверска въ Нѣжинъ, и предлагало Тимковскому остаться ея директоромъ. Слухъ объ этомъ сильно смутилъ жителей Новгородъ-Сѣверска, въ особенности торговцевъ, ремесленниковъ и домовладѣльцевъ, получавшихъ отъ гимназіи значи-

тельныя выгоды. За себя Тимковскій отвѣчалъ попечителю, что ни въ какой другой гимназіи, кромѣ Новгородъ-Сѣверской, онъ служить не желаетъ, а о гимназіи вошелъ въ переписку съ Петербургомъ, гдѣ братья жены его Халанскіе, занимавшіе почетныя должности, и вмѣстѣ съ ними Кочубей, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія такой дали успѣшный ходъ ходатайству Тимковскаго, что гимназія не только была оставлена въ Новгородъ-Сѣверскѣ, но тогда же ассигнована была сумма на построеніе новаго каменнаго для нея зданія. Тимковскій, кромѣ зданія для гимназіи, предполагалъ выстроить отдѣльныя каменныя зданія для церкви и для квартиръ инспектору и директору, для чего имѣлась въ гимназіи накопленная сумма денегъ около 80000 руб., но высшее начальство не утвердило этого проэкта и означенную сумму отобрало въ казну, а на постройку для гимназіи каменнаго зданія выслало нормальный планъ, по которому и построена теперешняя гимназія, уже послѣ Тимковскаго при его пріемникѣ

XXXI.

Директоръ Батаровскій.—Строеніе гимназіи.—Ревизоръ гимназіи попечитель кн. Давыдовъ и профессоръ Ставровскій.—Частные мои уроки въ домѣ Судіенко.—Рекреація.—Положеніе гимназическаго персонала.

На мѣсто Тимковскаго поступилъ переведенный изъ Каменецъ-Подольской гимназіи директоръ Андрей Батаровскій. Говорили, что онъ переведенъ оттуда потому, что попечитель фонъ-Брадке замѣтилъ въ немъ особенное сближеніе съ поляками, что оказалось вѣроятнымъ, такъ какъ и въ нашей гимназіи онъ особенно былъ расположенъ къ учителямъ изъ поляковъ, которыхъ называлъ бѣдненькими. При Батаровскомъ дѣла по управленію гимназіею и въ особенности отписка по канцеляріи шли скорѣе, чѣмъ при Тимковскомъ, но въ учебно-нравственномъ отношеніи не все шло такъ, какъ было при Тимковскомъ; Батаровскій хорошо дѣлалъ, что ничего не портилъ, только не любилъ слушать, когда кто-нибудь хвалилъ Тимковскаго.

При Батаровскомъ началась и чрезъ два года окончилась постройка новаго дома гимназіи. Для этого учреждена были при гимназіи строительная коммиссія, членами которой были директоръ, инспекторъ (должность котораго въ это время исправлялъ я, по случаю увольненія настоящаго инспектора въ Петербургъ для излеченія его болѣзни) и присланный отъ департамента архитекторъ Трофимовъ съ назначеніемъ ему жалованья, котораго другимъ членамъ коммиссіи не полагалось. Подрядчикомъ строенія былъ 2-ой гильдіи купецъ Сленьковъ. Закладка новой гимназіи происходила торжественно: почетные граждане города съ цѣховыми значками и духовенство съ хоругвями присутствовали при закладкѣ, которую совершилъ архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря Геннадій.

Архитекторъ съ подрядчикомъ не сошлись въ сдѣлкѣ, потому что послѣдній не согласился дать первому 5000 руб., послѣ чего архикторъ дѣлалъ разныя придирки подрядчику во время производства строенія.

Когда стали въ основаніе класть камень, архитекторъ настоялъ, чтобы каждый камень обмазываемъ былъ известью и потомъ уже весь положенный такимъ образомъ рядъ камней заливался известью, что давало особенную прочность фундаменту и что Трофимовъ называлъ римскимъ цементомъ; онъ часто опаздывалъ приходить на работу и когда приходилъ, приказывалъ рабочимъ ломать положенные кирпичи, чѣмъ причинялъ подрядчику убытокъ; но подрядчикъ успѣлъ заручиться благорасположеніемъ попечительской канцеляріи, откуда коммиссія получала разрѣшеніе выдавать подрядчику деньги впередъ противъ положенныхъ сроковъ ихъ выдачи.

Однажды, когда я пришелъ въ строительную коммиссію, директоръ сказалъ мнѣ, что ему снилось, будто шмели налетѣли въ коммиссію и стали кусать членовъ ея. Въ тотъ же день въ коммиссіи получены были отъ попечителя 2 выговора, одинъ, и притомъ весьма строгій, по жалобѣ подрядчика, за то, что она будто бы преждевременно прекратила каменную кладку, за что и должна подвергнуться отвѣтственности за убытки причиненные подрядчику; другой выговоръ за то, что коммиссіею допу-

шено было употребить въ строеніе 20000 недожженаго кирпича. Касательно прекращенія каменной кладки директоръ Батаровскій заблаговременно принялъ предосторожность, поручивъ мнѣ ежедневно записывать градусы холода въ осеннее время, и когда въ октябрѣ мѣсяцѣ морозы стали доходить до 7°, тогда прекращена была каменная кладка. По полученіи за это выговора, Батаровскій отнесся въ Черниговскую строительную коммиссію съ просьбою выслать въ гимназическую коммиссію полное законное постановленіе о каменной кладкѣ въ казенныхъ строеніяхъ, и получивъ оттуда такое постановленіе, увидѣлъ изъ него, что въ Черниговской губерніи каменная кладка должна быть прекращена въ самомъ началѣ октября, что слѣдовательно коммиссія поступила по закону; копію этого постановленія онъ послалъ попечителю, прося его снять съ коммиссіи выговоръ; попечитель отвѣчалъ, что выговора снять не можетъ, потому что коммиссія при закрытіи кладки не имѣла въ виду этого постановленія, а поступила по своему произволу. Послѣ такого отвѣта Батаровскій сказалъ, что послѣ этого ни выговора попечителя, ни взысканія бояться нечего, и что еслибы попечитель рѣшился привести въ исполненіе свою угрозу о взысканіи, то онъ найдетъ защиту у шефа жандармовъ Бекендорфа, котораго онъ вылѣчилъ отъ болѣзни, бывши полковымъ штабъ лекаремъ.

Касательно нежженыхъ кирпичей, употребленныхъ въ кладку, попечитель сносился съ строительнымъ департаментомъ, который отвѣчалъ, что нежженые кирпичи, употребленные въ коридорныя стѣны, не ослабятъ ихъ крѣпости. По окончаніи постройки дома гимназіи, онъ былъ освященъ съ такимъ же торжествомъ, какое было при его закладкѣ; по освященіи новаго зданія въ немъ совершился и торжественный актъ, на которомъ я читалъ мою историческую о гимназіи записку, составленную на основаніи документовъ, доставленныхъ мнѣ Тимковскимъ. Послѣ акта въ нижней залѣ, почетный попечитель гимназіи Ладомирскій далъ богатый обѣдъ для почетныхъ лицъ изъ духовенства, дворянъ и чиновниковъ гимназіи. Онъ же Ладомирскій въ то время подарилъ гимназіи: дорогой портретъ

Императора Николая I-го въ богатой золоченой рамѣ, двѣ бронзовыя люстры, кафедру для залы, большую электрическую машину для физическаго кабинета и для рисовальнаго класса—выписанные изъ-за границы оригиналы, которые развѣшаны были въ торжественной залѣ; старый деревянный домъ гимназіи онъ на свой счетъ перенесъ и передѣлалъ для общей ученической квартиры; въ этомъ домѣ теперь помѣщаются квартиры для директора и инспектора.

При Батаровскомъ въ гимназіи въ разное время были 2 ревизіи, изъ которыхъ 1-ую производилъ попечитель округа князь Давыдовъ. Грозно было его прибытіе: проходя сѣни гимназіи, гдѣ его встрѣтили всѣ чиновники гимназіи, онъ не отвѣтилъ на ихъ поклоны; войдя въ классъ, онъ тотчасъ же началъ производить испытаніе учениковъ, во время котораго молчалъ. Когда испытаніе происходило по исторіи, онъ, при ошибочныхъ отвѣтахъ нѣкоторыхъ учениковъ, дѣлалъ грубые выговоры учителю этого предмета Ерофееву, и наконецъ сказалъ, что пошлетъ его въ уѣздное училище. Мы никакъ не могли понять, за что была такая немилость къ учителю, который хорошо зналъ и преподавалъ свой предметъ; вскорѣ этого учителя Давыдовъ перевелъ въ Немировскую гимназію. Впослѣдствіи мы узнали, что еще до экзамена директоръ Батаровскій сказалъ кн. Давыдову, что Ерофеевъ въ передней графини Цармы, знакомой Батаровскаго, за что-то толкнулъ ея лакея.—На другой день князь Давыдовъ при испытаніи учениковъ былъ гораздо ласковѣе. Когда шелъ экзаменъ по латинскому языку, онъ хвалилъ учениковъ, едва-ли самъ зная этотъ предметъ; когда же я попросилъ его выслушать, какъ ученики мои читаютъ латинскіе стихи, онъ сталъ еще болѣе ихъ расхваливать; на третій день, оканчивая испытаніе, кн. Давыдовъ съ весьма ласковымъ видомъ сказалъ намъ: я нахожу, что Новгородъ-Сѣверская гимназія гораздо лучше того, что мнѣ объ ней наговорили. Мы думали, что послѣ такого отзыва его намъ по крайней мѣрѣ въ печатномъ циркулярѣ будетъ объявлена похвала, но не тутъ-то было: князь Давыдовъ былъ та-

кой человѣкъ, словамъ котораго не вѣрили даже и тогда, когда онъ былъ вице-президентомъ академіи наукъ.

Въ другой разъ ревизоромъ былъ профессоръ Университета Ставровскій. Но прежде, нежели я буду говорить объ его ревизіи, скажу, что за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія его произошла перемѣна въ предметѣ моего преподаванія. Батаровскій, по просьбѣ недавно опредѣленнаго учителемъ исторіи поляка Левандовскаго, невѣдомо для меня сдѣлалъ попечителю представленіе, что Левандовскому, какъ поляку, неудобно преподавать въ гимназіи Всеобщую и Русскую исторію, а какъ Самчевскій преподавалъ этотъ предметъ въ Черниговской семинаріи, то онъ находитъ, что было бы удобнѣе поручить Самчевскому преподаваніе исторіи, а Левандовскому—латинскаго языка, что и было утверждено попечителемъ. Представленіе Батаровскаго было конечно резонно, но для меня оно было не выгодно, такъ какъ, преподавая латинскій языкъ, я настолько себѣ усвоилъ его, что у меня оставалось довольно свободнаго времени для домашняго обученія сыновей моихъ, которыхъ я приготовлялъ прямо къ 4-му классу; кромѣ того, преподаваніе исторіи учителемъ Глушановскимъ, бывшимъ до Левандовскаго, было запущено по всѣмъ классамъ по причинѣ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его изъ Новгородъ-Сѣверска; къ тому же въ это время послѣдовала перемѣна, какъ въ преподаваніи исторіи по болѣе обширной программѣ, такъ и въ учебныхъ по ней руководствахъ: по Всеобщей исторіи введены были въ употребленіе три тома учебника Смарагдова, для древней, средней и новой исторіи, а для русской исторіи руководство Устрялова въ 5-ти частяхъ. Въ короткое время пройти по этимъ руководствамъ, все непреподанное учителемъ Глушановскимъ было не возможно. Наконецъ ожидался ревизоръ, спеціалистъ въ историческихъ наукахъ, профессоръ исторіи Ставровскій. Онъ прибылъ прямо въ гимназію и прежде, нежели успѣли собраться въ нее всѣ преподаватели, началъ экзаменовать учениковъ разомъ по всѣмъ предметамъ; по исторіи ученики мои смѣшались въ отвѣтахъ по непреподаннымъ отдѣламъ.

Послѣ утренняго экзамена Баторовскій былъ такъ добръ, что пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ ревизоромъ, и когда я представилъ послѣднему причину замѣшательства моихъ учениковъ въ отвѣтахъ по исторіи, онъ поддержалъ меня, засвидѣтельствовавъ, что представленная мною причина справедлива; при этомъ я просилъ Ставровскаго испытать учениковъ моихъ въ пройденныхъ съ ними мною отдѣлахъ, на что онъ охотно согласился и послѣ обѣда ученики мои оказались въ отвѣтахъ своихъ исправными. Въ печатномъ циркулярѣ, какой обыкновенно разсылался по гимназіямъ съ отзывомъ о нихъ ревизора, объявлена была благодарность Левандовскому за успѣшное преподаваніе латинскаго языка, а обо мнѣ сказано было, что въ короткое время преподаванія мною исторіи я успѣшно прошелъ съ учениками значительную часть того, что въ свое время учителемъ не было преподано имъ.

Во время директорства Баторовскаго мнѣ представился случай давать частные уроки. Помѣщикъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Судіенко сталъ жить въ своемъ Новгородъ-Сѣверскомъ домѣ для обученія сыновей своихъ, для чего приглашены были преподаватели гимназіи по разнымъ предметамъ, кромѣ латинскаго языка, которому сыновья Судіенка еще не обучались. Когда же учитель исторіи Ерофеевъ выбылъ изъ Новгородъ-Сѣверска, то на мѣсто его приглашенъ былъ я преподавать этотъ предметъ, послѣ я давалъ уроки сыновьямъ Судіенка по Закону Божію, русскому языку и словесности. Сыновья Судіенка учились хорошо, особенно изъ нихъ даровитъ былъ старшій. Послѣ нѣкотораго времени родители Судіенки пожелали, чтобы сыновьямъ ихъ произведенъ былъ домашній экзаменъ, на который приглашены были архимандритъ и директоръ гимназіи. Ученики наши на испытаніи получили похвалу отъ экзаменовавшихъ ихъ, чѣмъ родители много были обрадованы и благодарили всѣхъ насъ. Въ это время Судіенко былъ почетнымъ попечителемъ Черниговской гимназіи, которой при самомъ вступленіи своемъ въ эту должность пожертвовалъ 30000 руб. въ дополнененіе къ пожертвованному отцомъ его капиталу въ девяносто тысячъ рублей для устройства при Черниговской гим-

назіи благороднаго пансіона. Судіенко, пользуясь особеннымъ за то уваженіемъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, предлагалъ мнѣ свое ходатайство о назначеніи меня инспекторомъ въ подвѣдомую ему Черниговскую гимназію; когда я не могъ принять такого предложенія по нежеланію моему оставить свой домъ и семейство, онъ поручилъ мнѣ отъ лица его написать попечителю рекомендательное письмо объ учителѣ *Китченко* [1]), который по этой рекомендаціи и былъ назначенъ инспекторомъ въ

[1]) Въ дополненіе къ этому сообщаемъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, касающихся личности *Китченко* и любезно переданныхъ въ наше распоряженіе однимъ изъ бывшихъ учениковъ О. А. Самчевскаго.—*Ред.*

Не вѣдалъ Судіенко, что творилъ. Китченко, Федоръ Андреевичъ, отошедшій уже въ царство тѣней, былъ инспекторомъ Черниговской гимназіи въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; онъ былъ извѣстенъ между учениками того времени, какъ жестокій «бичъ» и «людоѣдъ». Во время его инспекторства стоялъ стонъ и роздавались вопли во всѣхъ трехъ ученическихъ помѣщеніяхъ: въ зданіи гимназіи, пансіонѣ и въ общей квартирѣ. Ежедневно являлся Китченко въ 8 часовъ утра въ пансіонъ при гимназіи и здѣсь выслушивалъ докладъ воспитателей объ ученикахъ, которые подлежали, по ихъ мнѣнію, наказанію. Зная любовь Китченка къ истязаніямъ дѣтей, воспитатели не скупились и указывали (беря minimum) не менѣе двухъ учениковъ на отдѣленіе, которыхъ было 8, такъ какъ первые 4 класса имѣли по два отдѣленія. Эти несчастные тотчасъ Китченкомъ отзывались «внизъ къ Минѣ». Мина былъ сторожъ при карцерахъ, любимецъ Китченка «по хлесткости ударовъ»; на обязанности его лежало имѣть всегда огромный запасъ розогъ. Осмотрѣвъ пансіонъ, Китченко спускался внизъ къ Минѣ, входъ къ которому было налѣво отъ воротъ въ зданіи старой гимназіи и здѣсь производилась жестокая экзекуція. Во время перемѣнъ между уроками, Китченко входилъ въ классы, и, осмотрѣвъ учительскій журналъ, объявлялъ приказъ получившимъ единицы, а иногда и двойки, идти немедленно къ Минѣ, или приказывалъ остаться послѣ уроковъ. Въ половинѣ третьяго часа уроки оканчивались; послѣ выхода учениковъ и учителей изъ зданія гимназіи, Китченко шелъ въ классы и забиралъ съ собою изъ первыхъ четырехъ классовъ оставленныхъ имъ

Черниговскую гимназію, въ которой послѣ былъ директоромъ.— Судіенки ко всѣмъ намъ очень были расположены, и во всѣ праздничные дни всѣ мы у нихъ гостили. Лѣтнее время семейство Судіенковъ проводило въ своемъ помѣстьѣ Очкинѣ, откуда за каждымъ изъ обучавшихъ ихъ дѣтей присылали экипажъ; во время же лѣтнихъ вакацій мы все это время жили гостями въ Очкинѣ, пользуясь всѣми удовольствіями, какія представлялъ тогда богатый барскій домъ, въ которомъ была картинная галлерея, богатая библіотека, билліардъ, въ усадьбѣ большой паркъ въ англійскомъ вкусѣ, тамъ же купальня; послѣ вкуснаго обѣда

учениковъ и велъ къ Минѣ. Вопль и плачь дѣтей оглашалъ все пустое зданіе гимназіи. Безъ всякаго преувеличенія можно опредѣлить сколько ежедневно учениковъ Китченко подвергалъ тѣлесному наказанію: въ 8 отдѣленіяхъ было по 4 урока; предположимъ, что только одинъ ученикъ въ отдѣленіи получалъ единицу, итого 34 ученика ежедневно наказывались розгами. Насладившись истязаніемъ дѣтей въ пріемной Мины, Китченко отправлялся въ общую ученическую квартиру, помѣщавшуюся въ домѣ Сѣрикова, вправо отъ гимназіи; здѣсь повторялась та-же исторія, что въ 8 часовъ утра въ пансіонѣ, съ той только разницей, что экзекуція исполнялась немедленно только въ праздничные дни, а въ обыкновенное время Китченко объявлялъ: «Остаться завтра послѣ уроковъ»! Такихъ учениковъ общая квартира поставляла Китченку столько-же, сколько и пансіонъ, не менѣе 8 человѣкъ. Каждый день Китченко подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50 учениковъ, многіе наказывались въ день по два раза; ранѣе разрисованные узоры не останавливали Китченка; онъ на эти узоры наводилъ новыя краски. Что въ названной цифрѣ не только нѣтъ преувеличенія, но она даже и очень уменьшена, вѣроятно засвидѣтельствуютъ всѣ бывшіе при Китченкѣ въ черниговской гимназіи. Впрочемъ можно указать и на оффиціальныя подтвержденія жестокости и безчеловѣчія Китченка. Изъ Черингова Китченко былъ переведенъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ житомірскую гимназію; послѣ сего проходитъ 10 лѣтъ; настало иное время, явилось положеніе 19 февраля; мрачный періодъ нашей крѣпостной жизни кончился и безправіе осталось назади. Эта обновленная наша жизнь выразилась всюду, въ каждомъ учрежденіи, только Китченко, этотъ гимназическій Ушаковъ XIX вѣка, былъ чуждъ ея,—все прошло мимо него:

мы обыкновенно съ семействомъ Судіенковъ или катались на лодкахъ по рѣкѣ Деснѣ, или ѣздили въ экипажахъ въ хутора, гдѣ опять насъ угощали сельскими произведеніями—молокомъ и ягодами; вечеромъ всѣ собирались на семейный чай, при которомъ вновь предлагались намъ разныя сласти изъ произведеній фруктоваго сада, оранжереи и парниковъ; все это, при любезномъ съ нами обращеніи радушныхъ хозяевъ, доставляло намъ такое пріятное препровожденіе времени въ Очкинѣ, что изъ него не хотѣлось бы возвращаться въ Новгородъ-Сѣверскъ, казавшійся послѣ Очкина бѣднымъ и скучнымъ.

въ 1858 и 1859 гг. въ попечительство Пирогова, были затребованы свѣдѣнія отъ всѣхъ гимназій Кіевскаго округа о количествѣ учениковъ, наказанныхъ розгами въ теченіе учебнаго года. Изъ этого отчета, напечатаннаго въ тоже время въ журналѣ М. Н. П, видно, что въ каждой гимназіи наказанные считались десятками, а въ Житомірской, гдѣ директорствовалъ Китченко, число сѣченыхъ перевѣсило многія сотни. Эта цифра въ то время поразила всѣхъ; но, зная Китченка, можно съ увѣренностью сказать, что онъ умышленно утаилъ въ отчетѣ многія сотни, если не тысячи. Сѣченіе учениковъ для Китченка было истиннымъ наслажденіемъ; это его единственное занятіе, его единственный трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія Китченко ровно ничего не дѣлалъ. Надо было только видѣть, съ какимъ плотояднымъ выраженіемъ на лицѣ разговаривалъ Китченко съ новичкомъ, только что поступившимъ въ гимназію изъ подъ маменькинаго крылышка. Рѣдко эти бѣдняжки и недѣлю проживали, не побывши въ лапахъ Китченка и Мины. Обыкновенно Китченко спрашивалъ поступившаго ученика: знаетъ ли онъ розги и, если получался отвѣтъ, что дома его никогда не сѣкли, Китченко вскорѣ къ чему нибудь привязывался и знакомилъ его съ пріемной Мины. Однажды поступилъ въ общую квартиру ученикъ 2 класса Джогинъ, лѣтъ 12, розовый, кругленькій и красивый мальчикъ—кровь съ молокомъ. Пріѣзжаетъ въ общую квартиру Китченко, увидя Джогина, онъ спросилъ фамилію, тотъ отвѣтилъ. На другой день опять тотъ же вопросъ. Глядя на выраженіе лица Китченка, всѣ тотчасъ почувствовали, что Джогинъ уже намѣченъ, что Китченко равнодушно мимо него пройти не можетъ и сказали объ этомъ Джогину. «Не боюсь,—отвѣтилъ Джогинъ, меня мама приготовила въ 4

Судіендо передъ отѣздомъ своимъ въ Кіевъ, гдѣ захотѣлъ поселиться для дальнѣйшаго образованія своихъ сыновей, дружески прощался съ нами, сожалѣя, что разстается съ такими усердными наставниками его дѣтей, какихъ желалъ бы найти въ Кіевѣ; тогда же онъ разомъ уплатилъ намъ всѣ деньги, причитавшіяся за наши уроки; на доставшуюся мнѣ значительную сумму я произвелъ перестройки въ своемъ домѣ и покрылъ домъ желѣзомъ. Старшій мой сынъ Иванъ слушалъ лекціи и окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Ростовцевымъ и старшимъ сыномъ Судіенка Іосифомъ, съ которымъ вмѣстѣ жили и приготовлялись къ окончательному экзамену;

классъ и только по просьбѣ директора согласилась на опредѣленіе меня во 2 классъ, я и языки знаю, всегда съ мамой говорю и по французски и по нѣмецки». Пріѣзжаетъ въ третій разъ Китченко, опять подходитъ къ Джогину и спрашиваетъ надзирателя, какъ онъ ведетъ себя. Надзиратель отвѣтилъ: «ничего, только сегодня ударилъ книгою по лицу товарища».—За что?— «Тотъ началъ дразнить его, а Джогинъ бросилъ въ него книгу и попалъ въ лицо».—Ну, а если бы ты попалъ въ глазъ и выбилъ,—сказалъ Китченко, ступай на дрожки. Всѣмъ было извѣстно, что значитъ «ступай на дрожки». Китченко всегда пріѣзжалъ въ общую квартиру на собственныхъ дрожкахъ, на нихъ онъ возилъ ученика на свиданіе къ Минѣ, а отъ послѣдняго ученикъ уже возвращался въ общую квартиру пѣшкомъ. Бѣдный Джогинъ явился чрезъ полчаса, лица на немъ не было; нѣсколько дней мальчикъ плакалъ съ утра до вечера, ночи неспалъ изъ страха. «Что если мама узнаетъ, она непремѣнно умретъ»,—говорилъ товарищамъ Джогинъ. Всѣ успокаивали его, принимая участіе въ его горѣ. Послѣ этого случая Китченко такъ привязался къ Джогину, такъ сѣкъ его за всякую мелочь, что къ концу перваго года отъ Джогина осталась только тѣнь, полнота и розовый цвѣтъ лица были съѣдены Китченкомъ. Когда въ началѣ іюня пріѣхала, кажется изъ стародубскаго уѣзда, мать Джогина и увидѣла въ общей залѣ блѣднаго, замученнаго своего сына, съ нею сдѣлался обморокъ, она такъ рыдала, глядя на него, что всѣ ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась въ памяти присутствовавшихъ; всѣ видѣли и знали, что́ былъ Джогинъ и что́ сталъ; всѣ дѣти понимали и раздѣляли ужасъ и отчаяніе матери.

всѣ трое кончили курсъ кандидатами; покойный сынъ мой былъ послѣ инспекторомъ 2-ой кіевской гимназіи, Ростовцевъ теперь помощникъ кіевскаго попечителя, а Судіенко Владимірскій губернаторъ.

Отецъ Судіенка и въ послѣдующее время во многихъ случаяхъ оказывалъ мнѣ благодѣтельное участіе, котораго я никогда не забуду. По выходѣ моемъ въ отставку отъ службы я долгое время жилъ въ его домѣ, о чемъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

Мы выше сказали, что истязаніе учениковъ было наслажденіемъ Китченка и сослались на Ж. М. Н. П. Чтобы читатель могъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго, мы отсылаемъ его къ 1 т. соч. Добролюбова, стр. 234; здѣсь имѣется таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 году гимназистахъ въ Кіевскомъ округѣ; изъ этой таблицы оказывается, что было высѣчено: въ кіевской 1-й гимназіи 3, въ ровенской 6, въ новгородсѣверской 8, въ черниговской 18, въ нѣжинской 20, въ подольской 37, въ бѣлоцерковской 38, въ полтавской 39, въ кіевской 2-й 43, въ немировской 67, въ житомірской 290.

Послѣ описанныхъ дѣяній Китченка въ черниг. гимназіи невольно возникаетъ вопросъ, кто же былъ въ то время директоромъ и какъ послѣдній могъ допустить устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины, гдѣ ежедневно проливалась кровь дѣтей. Директоромъ въ Черниговѣ въ то время былъ извѣстный педагогъ Януарій Михайловичъ Невѣровъ, впослѣдствіи попечитель кавказскаго учебнаго округа, умершій 27 мая 1893 года. Чрезвычайно странное совпаденіе: съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально честный директоръ (такъ говорятъ близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, — полнѣйшее воплощеніе звѣря, палача, и оба они стоятъ во главѣ одного и того же воспитательнаго заведенія. Въ нашей памяти остались слѣдующія отношенія Невѣрова къ гимназіи: рѣдко, очень рѣдко являлся Я. М. въ классы, всегда въ сопровожденіи почтительнаго по виду и манерамъ Китченка. Бывало войдетъ Невѣровъ въ классъ, посмотритъ на потолки и углы класса (ученики все время стоятъ), спроситъ у стоящаго около ка-

Здѣсь я хочу вспомнить о томъ неблагопріятномъ положеніи, въ какомъ находился гимназическій персоналъ въ послѣдней половинѣ 30-хъ и въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Въ то время преподаватели гимназіи не могли быть увѣрены, что останутся на своихъ мѣстахъ, потому что высшее учебное начальство имѣло обыкновеніе переводить изъ западныхъ губерній учителей польскаго происхожденія въ русскія губерніи, а отсюда русскихъ учителей высылало на ихъ мѣсто въ западныя губерніи, не спрашивая желанія переводимыхъ и не обращая вниманія на ихъ семейныя обстоятельства. И я былъ уже назначенъ преподавать латинскій языкъ въ кіевской гимназіи, гдѣ современемъ, (когда лучше стали смотрѣть на учителей), можетъ быть имѣлъ бы лучшій ходъ по службѣ, но не желая оставить домъ мой и крайне затрудняясь, при моемъ недостаточномъ состояніи, переѣздомъ съ семействомъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ бы нанимать для себя квартиру за двойную цѣну, я едва и съ трудомъ упросилъ начальство оставить меня на моемъ мѣстѣ. Учителей гимназіи тогда не награждали, какъ

ѳедры учителя о чемъ урокъ, а затѣмъ скажетъ, обращаясь къ ученикамъ: «учитесь, дѣти, учитесь!» и уйдетъ изъ класса. Посѣщеніе долѣе 2-хъ, 3-хъ минутъ не продолжалось.—Въ общей квартирѣ если и бывалъ Я. М., то такъ рѣдко, что трудно сказать утвердительно бывалъ-ли онъ два раза въ годъ. Вообще Невѣровъ былъ извѣстенъ ученикамъ только по фамиліи. Что дѣлалъ Я. М., чѣмъ занимался, какія его отношенія были къ учителямъ, въ чемъ проявлялся его директорскій надзоръ, все это было тайной для учениковъ гимназіи его времени. При иномъ директорѣ, который обращалъ бы вниманіе что̀ дѣлается въ стѣнахъ гимназіи, развѣ могло бы существовать пыточное заведеніе Китченка и уроки учителя математики Токарскаго, тоже Федора. Каждый ученикъ, вспоминая Китченка, всегда вспомнитъ и Токарскаго. Особенность этого педагога заключалась въ томъ, что спрашивая уроки въ первыхъ четырехъ классахъ у доски, онъ всегда стоялъ тутъ-же, и при каждой ошибкѣ немилосердно билъ линейкой по рукамъ ученика, дралъ до крови за уши, или крутилъ носъ. Нерѣдко послѣ отвѣта урока ученикъ садился на скамью со вспухшими руками, ушами и носомъ. Каждый съ ужасомъ шелъ, по вызову, къ

теперь, ни деньгами ни орденами, которыхъ не получали даже директора, какъ Тимковскій и Баторовскій. Учителей тогда считали работниками, обязанными нести возлагаемые на нихъ труды за одно скудное ихъ жалованье; бывали случаи, когда у нихъ, по какой-нибудь частной причинѣ, отнимали право содержать у себя на квартирѣ учениковъ, а если позволяли, то съ сильными стѣснительными условіями. Нѣкоторые попечители прямо говорили, что хорошихъ учителей награждать не слѣдуетъ, потому что они должны быть хорошими, въ противномъ случаѣ должны быть удалены. Вообще учителей считали способными только преподавать уроки, но не способными занимать инспекторскія и директорскія должности, которыя давались почетнымъ дворянамъ или отставнымъ военнымъ, а иногда поручали эти должности лицамъ, которыя по спеціальнымъ своимъ занятіямъ совсѣмъ не были подготовлены и не могли служить по учебной части, и подъ начальствомъ такихъ выходцевъ, скрѣпя сердце,

---

доскѣ; этотъ страхъ въ ожиданіи побоевъ былъ причиной, что и знающій урокъ ученикъ ошибался и за ошибки подвергался щипкамъ, ударамъ, крученію носа и ушей.—Ничего подобнаго нельзя сказать о другихъ учителяхъ того времени; были между ними плохіе педагоги, но были люди и вполнѣ порядочные. Къ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, нельзя причислить учителя русской словесности Лузганова, которому впослѣдствіи, когда онъ служилъ при черниговскомъ губернаторѣ Гессе чиновникомъ особыхъ порученій, былъ свыше, изъ С.-Петербурга, запрещенъ въѣздъ въ раскольничьи слободы губерніи. Въ гимназіи Китченкомъ было устроено 4 карцера для учениковъ высшихъ классовъ: два карцера были совершенно темные, одинъ свѣтлый, а одинъ съ окномъ, забитымъ на половину досками. Наполненіе карцеровъ происходило тотчасъ послѣ уроковъ, и заключеніе продолжалось часто до другого дня, а иногда и нѣсколько дней, смотря по озлобленію Китченка на провинившагося ученика. Заключеннымъ Мина давалъ разъ въ день по куску хлѣба и кружкѣ воды; постелью служилъ совершенно грязный голый полъ; температура зимою была въ карцерахъ немного выше нуля, то-есть, тепла было настолько, чтобы не было къ утру замерзшаго трупа.

должны были находиться заслуженные учителя, имѣвшіе ученыя степени кандидатовъ и магистровъ. Повѣритъ ли кто въ теперешнее время, что въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи должность директора исправлялъ человѣкъ, бывшій селитренныхъ дѣлъ мастеръ? А таковъ былъ Бездонъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

УТОПЛЕННИЦА[1].

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ой, курытся дороженька, курытся;
Ой, чого-жъ нашъ господаръ та журытся?
Ой, що треба коныка продаты,
Та женчикамъ горилочки набраты.
Не журыся, господару, не продасы;
Есть у тебе готовая—намъ дасы.
Ой, прочины, господару, кватырку
Та подывысь на неби на зирку,
Ой, кильки на неби та зирочокъ,
Тильки буде въ поли кипочокъ.

Дружно раздавалась пѣсня по селу.

Приближались жнива—лучшее время въ деревнѣ, полное жизни, энергіи, надеждъ и... неизбѣжныхъ съ ними разочарованій.

Жнива обѣщали быть богатые, урожайные. Давно на полѣсьи не было такого урожая. Песокъ родитъ скромно. Онъ не балуетъ своего хозяина. Страшную силу кладетъ полѣщукъ ежегодно въ свою родную почву и взамѣнъ ея получаетъ ежегодный, посредственный урожай,—какъ разъ столько хлѣба, чтобы, по поламъ „зъ лыхомъ“ дожить до слѣдующихъ жнивъ.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 4.

И такъ изъ года въ годъ. Продажа избытка хлѣба считается здѣсь хозяйственною роскошью, рѣдкимъ случаемъ, возбуждающимъ зависть среди крестьянъ.

Но бываютъ годы, когда, какъ бы видѣ преміи за долготерпѣливое ожиданіе хорошаго урожая, песокъ уродитъ „буйно“. Выйдетъ рожь высокая, колосистая. Колосъ—урожайный, наливной... Диву даются крестьяне: что это значить? Удобреніе почвы одинаковое, и уходъ одинаковый, и погода, кажется, какъ всегда; а урожай—необыкновенный. „Такъ Богъ дае....“ Это ясно.

Такой именно урожай и случился въ годъ смерти Явдохи. Давно не было такого года. Крестьяне съ нескрываемой надеждой поглядывали на свои поля и говорили: „давъ бы Богъ въ добру пору зибраты“. Кой-кто разсчитывалъ продать...

О Явдохѣ забыли. Впечатлѣніе, произведенное ея смертью, постепенно изгладилось среди крестьянъ, подъ вліяніемъ сельскихъ хозяйственныхъ работъ.

Забыли Явдоху, да не на долго. Пришлось о ней вспомнить—не въ добрый часъ.

Это было 26 іюня—день памятный для всего села. Рано утромъ въ этотъ день одна молодыця встала отъ сна сильно встревоженною и, не умывшись, не чесавшись, сейчасъ-же побѣжала чрезъ огородъ къ своей сосѣдкѣ. Та еще спала...

— А, на іи голову, сказала молодыця, вбѣгая въ хату; тажъ мени Явдоха снылась.

— Що ты кажешь? невжежь?

— Дальби и присяйби. Отъ, щобъ я скошилася на сёму самому мисци, де стою, колы брешу... Я... она отъ волненія не могла дальше говорить.

— Якъ же вона тоби снылася? спросила съ удивленіемъ та, протирая глаза.

— Нибы такъ. Вышла я соби до колодязя воду браты, ажъ дывлюсь: бижать по улыци велыки та червони кони. Таки велыки, що наветь бильши отъ хаты. Пидъ конями блещить щось—нибы срибны пидковы, чи що. Дальби, отъ щобъ я и свита не

побачыла, колы брешу. Везуть тыи кони велыку бричку, а въ тый брычци—сама Явдоха седыть. Розбрыкалыся кони—трудно стрыматы. Скачуть выше комына и завертають на наши поля. „Що се таке?“ думаю соби. А Явдоха рада-радесенька. Злизла зъ бричкы тай каже:—„Ось, добри люде, и я теперь до васъ пріихала“.—„Чего-жъ ты пріихала?“—„Хочу, каже, зробыты на вашому поли велыки зажинци, велыку толоку“... Дальби. Нехай де на іи нагла!

И никто не зналъ, что-бы могъ обозначать такой сонъ. Только къ вечеру стало ясно, что значили эти роковыя слова Явдохи: „*зроблю зажинци, велику толоку*“.

Съ самаго утра въ этотъ день погода стояла ненадежная, показывала не то на дождь, не то на погоду. Около полудня съ запада надвинулась большая туча, темная, претёмная, съ бѣлоснѣжнымъ верхомъ. Идетъ—клубится, „мотается зверху та внызъ.“

Что сдѣлать, чтобы туча не шла на поле? „Якъ розбыты хмару?“

На это есть средство. Слѣдуетъ взять разщепленную палку, которою передъ тѣмъ въ болотѣ была разъединена пара соединившихся лягушекъ, и этою палкою перекрестить „хмару.“ Послѣ этого „хмара“ разойдется на двѣ половины. „Хоть и гришный то способъ, говорятъ полѣщуки, але помагае.“

Но кто думалъ о палкѣ, когда туча шла? Рѣдкому придетъ мысль о предотвращеніи бѣдствія раньше самаго бѣдствія. О палкѣ и рѣчи не было... Всѣ думали, что хмара стороною пройдетъ; а если и дождь пойдетъ—и то ничего, не впервые...

Но разсчеты были ложны. Пошелъ сильный градъ, какого не было уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ помнятъ старожилы. Удары градинъ оставляли знаки на тѣлѣ человѣка. Градомъ убивало курей, гусей. Птицы падали на лету замертво. У кого были стекла въ окнахъ, обращенныхъ стороною къ граду, всѣ разбились. Это былъ не градъ, а какая-то масса льда, ледяной дождь, безпрерывно сыпавшійся съ неба въ теченіе десяти минутъ, послѣ которыхъ небо прояснилось и на западѣ снова заиграло яркое солнышко. Всё это произошло

такъ быстро и такъ неожиданно, что крестьяне были ошеломлены, и только когда туча прошла, стали понимать значеніе совершившагося.

На поляхъ плотной массой среди уже почти созрѣвшаго посѣва, среди зелени, цвѣтовъ лежали кучи льда. Это былъ какой-то странный компромиссъ лѣта и зимы, теплоты и мороза, жизни и смерти. Всё лежало, какъ на покосѣ. Кой гдѣ только, то тутъ, то тамъ, торчалъ осиротѣлый стебель, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій отъ градовой лавины и, опустивши свой колосъ внизъ, тихо качался. На концѣ его блестѣла дождевая капля. Казалось, колосъ горько плакалъ по своимъ павшимъ братьямъ и раздумывалъ: „зачѣмъ еще остался я? лежать-бы и мнѣ вмѣстѣ съ вами.“ Тяжелая картина.

— Отъ се такъ...

— Такъ то.—Ось що вышло... Гмъ...

Могли только говорить крестьяне въ первыя минуты по минованіи грозы.

— Ой, горенько намъ, щожъ тепера буде? и звитки та хмара взяласся?

— Пропала зновъ вся наша праця, погинула.

И пошли безполодныя, но неизбѣжныя причитыванія, и жалобы, и слёзы, и разговоры, обычные при такого рода несчастьяхъ, когда человѣку приходится разсчитываться съ стихіей, неразсчетливо мириться съ дорогою утратою и разочаровываться въ крѣпко укоренившейся надеждѣ. Пошли говорить, кто что сѣялъ и какъ тяжело было сѣять, и кто чего ждалъ и какъ надѣялся управиться съ збожемъ...

II.

Кто то случайно вспомнилъ о Явдохѣ, и совершившееся явленіе получило совершенно новое освѣщеніе въ сознаніи крестьянъ. Казалось, они только того и ждали, чтобы кто нибудь завелъ рѣчь объ утопленницѣ... Забытый образъ утопленницы быстро охватилъ вниманіе всѣхъ крестьянъ. Они съ какой-то особенной энергіей заговорили о покойницѣ и въ общемъ

разговорѣ была выяснена та непостижимая связь градобитія съ смертью „видьмарки", которая совершенно непонятна намъ и которая ясна какъ божій день полѣщуку. Вспомнили объ утреннемъ снѣ, такъ смутившемъ молодыцю, припомнили до мельчайшихъ подробностей всѣ обстоятельства смерти „видьмарки" и кто что говорилъ тогда, и кто что совѣтовалъ... Оказалось, что всѣ какъ будто знали, что что-то такое непремѣнно должно случиться, что всѣ этого „сподивались"... Теперь только стало ясно, почему Явдоха передъ своею смертью кричала и просила червоныхъ коней...

Матеріалъ для розговора былъ неистощимъ. Чѣмъ больше говорилось, тѣмъ больше находилось о чемъ говорить. Были раскрыты такія стороны, какія сначала трудно было даже предвидѣть. Зачѣмъ, напримѣръ, солнце такъ странно заходило въ день смерти Явдохи? Не предвѣщало ли это несчастья? Зачѣмъ шли дожди? Не говорили ли тогда Иванъ Очерета, и Петро Гайдукъ, и Грицько Морозъ и многіе другіе, „що то Явдоха воды просыть" и что её не слѣдуетъ хоронить на кладбищѣ? Потомъ, что значить этотъ утренній сонъ? Нѣтъ сомнѣнія, что *она* „згидыла мірскія поля", что *она* мститъ и долго еще будетъ мстить, какъ тотъ „вишалныкъ"—батько москаля, который ходилъ къ своимъ дѣтятямъ и ѣлъ у нихъ барановъ, и телятъ... „Що правда-то правда".

Далѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи факта было даже замѣчено такое обстоятельство, которое сначала крестьяне совершено упустили изъ виду. Градовая туча, какъ оказалось, шла прямо на могилки. Это развѣ даромъ? Что это означало. какъ не то, что покойная Явдоха танцовала съ чортомъ и отъ этого произошелъ градъ? Не даромъ она снилась такая веселая и не даромъ она въѣзжала въ село на высокихъ коняхъ.

Затѣмъ, разговоръ перешелъ на разныя темы общаго характера. Стали говорить, вообще, о градѣ и нечистой силѣ, его производящей. Было высказано много разныхъ взглядовъ на градъ. Много находилось охотниковъ разсказывать, и одинъ перебивалъ другаго...

— Ото, колысь выходыть хмара, та такая густая та страшная, що не доведы Боже... хоть не дывысь... Иде, гремыть и мотается то сюды, то туды. А бувъ на сели еденъ хлопець, той зразу догадався, що буде градъ, вышовъ зъ корчмы и не пускае хмару, одвертае іи на сторону. Не йде хмара—стоить. Колы ажъ приходыть старый дидокъ до корчмы тай каже:— „помогай Богъ вамъ добры люде, позвольте мени свій згонъ перегнаты черезъ ваше поле.“—„А можно, кажуть люде, жены соби на здоровье“. А хлопець: „а я не позволяю. Вы позволяете, а я не позволяю“. Стары люде якъ не нападуть: „ахъ ты, кажуть, такій сякій блазню! Мы позволяемо, а ты сміешь не позволяты...“—„А я не позволяю,“ каже таки хлопець. Приходыть зновъ той самый старый дидокъ, тай каже до хлопця: „пусты, бо не вытримаю“.—„Не пущу“. И третій разъ просытся: „пускай, бо сыпну“. Тоди хлопець каже людямъ: „вы знаете, хто сей дидокъ? се—градъ. Кудою его пустыты? Бо якъ не пустымо, то винъ лопне“. Отъ якъ подумалы соби люде, помирковалы и сказалы, щобъ пустыть его на едне поле, на едну тильки волоку. Отъ, якъ винъ пишовъ, то, якъ бачите, вся, вся волока градомъ засыпалася.

— А я то зновъ чувъ, що нибы градъ робыть стара дивка, що, бачь, вона замужъ не вышла, то вона устае у ночи, иде до колодезя и робыть градъ и каже: „граду, граду градобою, иды своей чередою, падай грудками та густо, щобъ на поляхъ було пус...“

Ото, съ тей-то поры и бье на землю и градъ, и громъ...

Много всякихъ разсказовъ, и относящихся и не относящихся къ дѣлу было разсказано при этомъ случаѣ. Для полѣщука достаточно упоминаніе о чортѣ, чтобы онъ перешелъ отъ него къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ своего міросозерцанія. Тема о чортѣ—самая любимая... Чортъ у полѣщука не сходитъ съ языка. И не удивительно—онъ вмѣшивается положительно во всѣ его дѣла. Сломается ось у воза,—„чортъ іи знае, якъ вона зломылася; сыва кобыла не шпарко бижить,— „а щобъ іи чортъ побравъ“; потерялась вещь какая нибудь,— „а де вона въ чорта подилася“; надоѣстъ ли ему кто нибудь,—

„иды къ бисовому батьку“; недоволенъ онъ чѣмъ нибудь—ему „до чорта нудно“, доволенъ—ему „до сто чортивъ весело“... Словомъ, чортъ живетъ у полѣщуковъ. Да гдѣ же ему, спрашивается, и жить, какъ не на полѣсьи, гдѣ такъ много еще дикихъ зарослей, густыхъ „корчивъ“, старыхъ лѣсовъ, гнилыхъ болотъ, трущобъ въ которыхъ самъ чортъ ногу сломыть.....

Какъ ни разнообразны были, впрочемъ, предметы разговора, всѣ они свелись къ одному общему и совершенно не вытекавшему изъ разговоровъ заключенію:

— Треба выкопаты Явдоху зъ могилокъ и закопать іи на граници де-небудь сторчнякомъ (въ вертикальномъ положеніи), щобъ люде не бидовалы симъ литъ.

Хотя объ этомъ почти никто не говорилъ, но это само собою подразумѣвалось и лежало въ основаніи всѣхъ разговоровъ. Всё велось къ тому, что въ происшествіи виновата одна Явдоха и больше никто. Когда послѣ грозы впервые заговорили о Явдохѣ, всѣ еще тогда чувствовали, что её выкопаютъ. Это было такъ ясно, такъ убѣдительно и съ такою очевидностью для полѣщука вытекало изъ всѣхъ его разговоровъ, что спеціально объ этомъ и говорить не слѣдовало.

III.

Позднимъ вечеромъ, когда всё въ селѣ улеглось, къ углу сельскаго кладбища подъѣхали лошадью Грыцько Морозъ и Иванъ Очерета. Они привязали лошадь къ забору, тихо перелѣзли чрезъ заборъ и, стоя въ высокомъ бурьянѣ, стали совѣщаться. У каждаго въ рукахъ былъ заступъ. Ночь была темная полуоблачная, но теплая.

— Поклыкаты Левка? спросилъ Иванъ.

— А треба, бо самы не справымося, отвѣчалъ Грыцько.

Они взялись за исполненіе труднаго порученія—„вытрусыты“ Явдохину могилу и закопать трупъ гдѣ нибудь на границѣ.

— Пожды тутъ, я пиду, поклычу.

Иванъ скрылся въ бурьянѣ и направился къ небольшой сторожкѣ, стоявшей у воротъ кладбища. Спотыкаясь на каждомъ шагу о кресты и могилы, онъ подошелъ къ окну сторожки и постучалъ сначала тихо, потомъ громче... Левко спалъ. Наконецъ, изъ сторожки раздался голосъ:

— Хто тамъ такій?

— То мы...

— А, заразъ.

Сторожъ узналъ по голосу кто—и догадался въ чемъ дѣло. Онъ вышелъ, накинувъ на себя наскоро свитку, съ заступомъ въ рукакъ.

— Хто зъ тобою?

— Грыцько.

— Я такъ и знавъ. А заступы...

— Есть.

Молча, съ сознаніемъ таинственной важности начинаемаго дѣла, шли Иванъ и Грыцько за сторожемъ. Въ самомъ углу кладбища, недалеко отъ забора, межъ бурьяномъ бѣлѣлся песокъ на могилѣ Явдохи. Сторожъ остановился.

— Тутъ. Начинайте соби зъ Богомъ, а я заразъ приду. Чоботы визьму..

Иванъ и Грыцько постояли нѣсколько минутъ, какъ-бы впервые серьезно задумываясь надъ тѣмъ, что они хотѣли дѣлать. Въ разговорахъ у корчмы они громче всѣхъ говорили о Явдохѣ, настаивали, чтобы её выкопать и обзывали её—покойницу—всякими нехорошими словами. Но теперь, на кладбищѣ, межъ крестовъ, въ темную ночь имъ было какъ-то не по себѣ. Не то, чтобы было жутко,—они не боялись,—но они не думали, чтобы это дѣло, казавшееся имъ сначала такимъ простымъ, на самомъ дѣлѣ оказывалось какимъ-то особеннымъ, для котораго требовалась ночь, а не день, два—три человѣка, а не громада, и, вообще, такая непріятная обстановка.

— Чи мисяць хутко зыйде? спросилъ Грыцько, чтобы только что нибудь сказать.

— Вже зыйшовъ, але не выдно, бо за хмарою...

— Ну, то...

Они сняли шапки, перекрестились и начали работу.

— Перше треба-бъ креста выняты.

Грыцько раскачалъ крестъ, вынулъ его изъ земли и прислонилъ къ забору въ бурьянѣ.

Земля на могилѣ еще не успѣла сложиться въ плотную почву. Заступы погружались въ песокъ свободно и легко. Иванъ и Грыцько самоуглубленно молчали и только прислушивались, какъ песокъ скатывался съ ихъ заступовъ и разсыпался въ бурьянѣ. Въ воздухѣ было тихо и покойно. Чуть, чуть шевелились отъ нѣжнаго, ночнаго вѣтерка листья двухъ тополей, сторожившихъ входъ въ кладбище. По небу, еле замѣтно двигались рѣдкіе облака, напоминавшіе рядъ барашковъ, расползшихся по голубому небу. Межъ барашками блестѣли звѣзды. Только на восточной сторонѣ неба стояла темная туча, скрывавшая въ себѣ мѣсяцъ, который, казалось, плотно укутался хмарой, чтобы не видѣть нехорошаго дѣла, начатаго Иваномъ и Грыцькомъ. Въ поляхъ, растилавшихся за кладбищемъ, неугомонно чирикали кузнечики. Этимъ и дѣла не было до того, что совершалось на могилкахъ.

Въ бурьянѣ раздался шорохъ. Грыцько вздрогнулъ, быстро вынулъ заступъ изъ земли и посмотрѣлъ кругомъ.

— То Левко, спокойно замѣтилъ Иванъ, продолжая работу.

Работа шла успѣшно. Грыцько и Иванъ, стоя въ могилѣ, опускались всё ниже и ниже. Левко сѣлъ на сосѣдней могилѣ и глядѣлъ на работу, зѣвая.

Всѣ молчали и всѣ испытывали угнетенное настроеніе. Чувствовалась потребность что нибудь говорить. Естественнѣе всего о покойницѣ. Но каждый зналъ, что такой разговоръ въ настоящую минуту не желателенъ, не идетъ.

— Отъ духота... Маты Божая... днемъ, на сонци такъ не буває, сказалъ Грыцько, оставляя на минуту работу, чтобы утереть вспотѣвшее лицо рукавомъ рабахи.

— А мени то ничого, отвѣтилъ Иванъ, не пеpестававшій работать. Але певне таки буде дощъ.

— Нехай Богъ крые отъ дощу и такъ все погинуло въ поли.

— Въ тебе багато буде збожа?

— Корцивъ 8 мабудь буде, а може и бильшъ...

— Ни, не буде дощу, замѣтилъ Левко, бо кузнеци въ поли кують, то не мусыть буты. Якъ кузнець на поли цвиринькае, роса лежить, а корова на выгони ночуе, то не буде дощу... та не буде.

— Чого-жъ такъ гораче, ажь питъ зъ мене иде?..

— Бо ты впотивъ... та впотивъ. Дай-но я ще трохи покопаю.

Они помѣнялись ролями. Левко сталъ копать, а усталый Грыцько легъ на травѣ и безсмысленно глядѣлъ предъ собою.

— Хутко мисяцъ зыйде, бо вже ясніе, сказалъ Иванъ.

Грыцько сталъ смотрѣть въ сторону, гдѣ за тучею съ одной стороны яснѣло.

—Ото яка чудна́ хмара... Чи ты бачишь?

Грыцько переводилъ тотъ-же безсмысленный взглядъ на причудливые узоры облака. Надъ самымъ его ухомъ звенѣлъ кузнечикъ. Онъ повернулся въ ту сторону. Малѣйшій, неожиданный шорохъ приводилъ его въ смущеніе.

IV.

Поработали еще нѣсколько минутъ. Земли выбрали большой бугоръ. Заступъ Ивана стукнулся о твердое. Онъ выпрямился.

— Вже, сказалъ онъ въ полъ-голоса.

Грыцько быстро вскочилъ на ноги, словно ужаленный.

— Затягайте поводами пидъ труну... хутнійшъ-бо, торопилъ онъ.

Тѣ нагнулись въ могилу, нѣсколько минутъ копошились въ ней, подложили веревки подъ гробъ и выскочили изъ ямы, держа въ рукахъ концы веревокъ. Потомъ равномѣрно и осторожно стали вынимать веревками гробъ. Вся облѣпленная бѣлымъ пескомъ, показалась изъ могилы труна Явдохи. Нужно было поставить её на твердую землю, но кругомъ были бугры вынутаго изъ могилы песку.

— Бери, бери за кинець труны... хватай, говорилъ Грыцько Левку, бо перекинется.

— Ты бери, тоби зручній...

— Якого чорта зручній, отгрызнулся Грыцько. Онъ былъ раздраженъ. Я еденъ не втримаю... Щобъ на васъ нагла!

Онъ легъ на землю, оперся ногой о крестъ сосѣдней могилы и спиной поддержалъ тяжелый гробъ, который безъ поддержки свалился бы съ песчанаго бугра въ траву. Потомъ, давъ возможность оправиться своимъ товарищамъ, вытаскивавшимъ веревки изъ подъ труны, всталъ. Гробъ поставили на твердую землю. Всѣ вздохнули. Предстояло еще не мало работы. „Де на васъ нагла", стояли въ ушахъ Грыцька его собственныя слова. Онъ взглянулъ въ другую сторону, на верхушку тополи. „Де на васъ нагла", шептали листья тополей эти-же слова.

— А мишокъ есть?

— Якій мишокъ? спросилъ Грыцько.

— А въ чому жъ мы еи понесемо?

— Въ труни.

— Чи ты здуривъ?

— Чому?

— А якъ хто зобачить. Въ мишку безпечній. Нехай труна тутъ остается, вона дуже тяжка.

— Колы такъ, то треба десь найты мишка. Пождить-но, я...

Левко поплелся въ сторожку за мѣшкомъ. Иванъ и Грыцько сидѣли съ обѣихъ сторонъ гроба. Ни тотъ, ни другой не хотѣлъ глядѣть на труну. Казалось, она менѣе всего обращала ихъ вниманіе. Они глядѣли по сторонамъ. Хотя они и сознавали, что дѣло, затѣянное ими, необходимо и, поэтому, дѣлается не напрасно, тѣмъ не менѣе обоимъ было тяжело. Грыцько притомъ-же всё болѣе и болѣе злился. Необычайность работы привела его въ возбужденіе.

— Ще пивни не спивалы? спросилъ онъ.

— Ни, здается, бо не чуты, отвѣтилъ Иванъ.

Грудка песку ссыпалась съ гроба на траву. Грыцько вздрогнулъ. Откуда-то прилетѣла ночная птичка и сѣла на со-

сѣдній крестъ, недалеко отъ гроба. Грыцько такъ и впился въ птичку. Птичка посидѣла, какъ-то странно кивикнула и улетѣла. „То певне душа Явдохи“, подумалъ Грыцько, и какой то зудъ пошелъ у него вездѣ по тѣлу. Онъ перевелъ глаза на бурьянъ. Тамъ, прислоненный къ забору, стоялъ крестъ Явдохи и странно бѣлѣлъ среди темной зелени. Грыцько не зналъ куда смотрѣть. Онъ оглянулся кругомъ. По небу теперь двигались уже не барашки, а тучи. Потянуло вѣтромъ и верхи тополей неравномѣрно зашумѣли. „Здается, перше витру не було“, подумалъ Грыцько....

— Въ тебе тютюну нема? спросилъ флегматично Иванъ.

Вопросъ былъ такъ прозаиченъ, что Грыцько сначала даже не понялъ его и переспросилъ.

— Що таке?

— Пытаю, чи въ тебе часомъ нема тютюну, бо мій вышовъ.

— Ни, нема. Одчепысь!

Изъ за тучи вышла луна и блѣдно освѣтила разрытую могилу и вынутый гробъ. Сторожъ принесъ мѣшокъ. Мѣшокъ примѣрили къ гробу,—кажется, хватитъ. Иванъ и сторожъ стали снимать крышку гроба. Предусмотрительный Левко на всякій случай взялъ „сокирку“. Она оказалась не лишней: гробъ былъ заколоченъ крѣпко. „Вѣко“ скоро отбили.

Изъ гроба вѣяло ужаснымъ запахомъ. Грыцько невольно отвернулся и издали разглядывалъ её,—*виновницу мірскаго несчастья.* Она лежала какъ-то бокомъ, какъ-бы съежилась, уткнувшись головой въ уголъ труны. Подушечка, что положили ей подъ голову, лежала отдѣльно. Лица не было видно. Бѣлѣли только сложенныя крестообразно блѣдныя руки и костлявыя ноги, обутыя въ чулки.

Не разъ приходилось Грыцьку видѣть покойниковъ, но никогда еще онъ не испытывалъ такого подавленнаго, томительнаго настроенія. И робость, и усталь, и раздраженіе—всё смѣшалось въ одно томительное настроеніе досады и нетерпѣнія. „Поскорѣе бы съ этимъ справиться“, думалъ онъ и торопилъ... Онъ уже раскаявался въ душѣ, что взялся за это дѣло.

Но на Ивана, казалось, ничего не дѣйствовало. Не смотря на усталь, онъ былъ покоенъ и бодръ.

— Ну, хутнійшъ, беримъ-но іи.... у Грыцька не ворочался языкъ.

— Якъ же іи брать? отвѣчалъ Иванъ, подсаживаясь съ любопытствомъ къ гробу и внимательно разсматривая Явдоху.

— Бери ты за руки, а я за ноги, та въ мишокъ, раздражительно сказалъ Грыцько, еще болѣе раздражаясь такою медлительностью товарища. Слухай-но, Левко, мени здается лучше бы вывалыты іи зъ труны...

— Якъ хочешъ, отвѣчалъ Левко, нехай буде и такъ. Иване, а ты що робышъ?

Иванъ сидѣлъ на корточкахъ у гроба и ощупывалъ ребра Явдохи.

— То я... тее... бо то люде кажуть нибы, якъ надерты зъ такого мерця сала, та ссукаты свичку, то можно по ночамъ весь викъ красты, засвитывши тую свичку, и нихто не побачить, не зловыть... Я такъ чувъ...

Грыцька даже передернуло отъ этихъ ужасныхъ, такъ спокойно, флегматически высказанныхъ словъ; словно рѣчь шла не болѣе, какъ о тютюнѣ...

— Не чепай! покинь!

— Ни, я не що... то я такъ... я не буду. Тай яке тутъ сало... оно смихъ еденъ... тутъ тильки една шкура та кости.

Гробъ опрокинули. Изъ него быстро вывалилось тщедушное тѣло Явдохи.

— Давай мишокъ.

Подставили мѣшокъ.

— Не съ того кинця. Перше ноги всады, а потимъ голову.

— Не все едно: чи голова перше, чи ноги... еденъ чортъ. А по моему, саме лучше іи зогнуты по половыни.

— Колы вона закостенила,—не гнется.

Грыцько съ Иваномъ держали мѣшокъ. Левко вталкивалъ въ него Явдоху. Трупъ входилъ весь, оставалась лишь голова. Возились долго... Наконецъ, стиснувъ со злости зубы, Грыцько съ какимъ то непонятнымъ остервѣненіемъ схватилъ эту тор-

чавшую голову и нагнулъ её насильно въ мѣшокъ. Раздалось легкое хрустѣніе шейныхъ суставовъ и голова свободно вошла въ мѣшокъ.

— Тащимъ... хутнійшъ...

Мѣшокъ потащили къ перелазу, гдѣ стояла кобыла... Лошадь, чуя запахъ мертваго, разлагавшагося тѣла, шарахнулась въ сторону. Её удержали. Явдоху положили на дно воза, на которомъ усѣлись Грыцько съ Иваномъ и лошадь быстро тронула.

Сторожъ остался на могилкахъ, перекрестилъ пустой гробъ, „щобъ вона не вернулася зновъ сюды", и засыпалъ его опять землей. Въ головахъ онъ вставилъ крестъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ стоялъ и прежде, и пошелъ въ сторожку продолжать свой сонъ, прерванный такимъ давно не случавшимся обстоятельствомъ.

А Грыцько съ Иваномъ быстро неслись на клячѣ по полямъ, безъ дороги. Они не ѣхали дорогою по двумъ причинамъ—„щобъ вона не тямыла дороги до села",—это, во первыхъ; а, во вторыхъ,—чтобы съ кѣмъ нибудь не встрѣтиться. Старая, лѣнивая кляча на этотъ разъ храпѣла, раздувала ноздри и такъ быстро бѣжала, что её приходилось удерживать. Иванъ правилъ и удивлялся...

— Тьфу, де той чортъ!... ото мара!... а чого-се ты такъ розбрыкалася? Грыцько сидѣлъ на концѣ воза, крѣпко держась за „драбыны". Посрединѣ межъ ними лежала Явдоха въ мѣшкѣ. Грыцько былъ какъ бы въ туманѣ. Голова его морочилась. При каждомъ ухабѣ его, какъ и Явдоху, кидало изъ стороны въ сторону.

„Надерты сала"... все вертѣлось въ его головѣ. Слѣдовалъ ухабъ и онъ отскакивалъ въ другую сторону воза. „Изъ сала свичку ссукаты"... Гопъ... Снова ухабъ—и онъ передвигался на противоположную сторону. „Сало зъ шкуры и костей... и свичка"... Гопъ, гопъ... Мѣшокъ возбуждалъ въ немъ просто ужасъ: онъ такъ-же прыгалъ, какъ и Грыцько и казался живымъ существомъ. Колеса быстро вертѣлись. Онъ прислушивался къ ихъ оборотамъ. Одно колесо было надломлено и выбивало тактъ. „Надерты сала... надерты сала"... говорили эти обороты, „гопъ, гопъ"...

— Иване, Иване! кричалъ Грыцько.

— А чого тамъ?

— Змылуйся, не женыся такъ, бо духъ выпре...

— А щожъ ты зробышь, колы іи трудно стрыматы...

И они неслись дальше.

При границѣ крестьянскихъ и посессорскихъ полей, на пересѣченіи двухъ дорогъ разросся небольшой, молодой лѣсокъ. Тутъ Явдоха нашла для себя новую могилу безъ креста и могильнаго бугра.

— Треба іи сторчнякомъ закопаты, беспечній буде, предлагалъ Иванъ.

— Все едно, якъ небудь... буде и такъ... еденъ чортъ!

Её закопали въ яму вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ везли. Мѣсто, гдѣ её положили, тщательно втоптали и, чтобы не было никакихъ слѣдовъ, закидали „ломачьемъ".

Назадъ кляча пошла ровнѣе. На самомъ разсвѣтѣ, когда село начинало уже „ворушиться", блѣдные, разбитые отъ непрывычной, ночной работы пріѣхали Иванъ и Грыцько и, какъ мертвые, завалились спать по своимъ клунямъ.

V.

На слѣдующій день уже всѣ знали, что Явдохи на могилкахъ нѣтъ и что крестъ стоитъ тамъ „такъ соби, для попа да урядника". Никого уже больше не смущалъ этотъ могильный курганъ "на свяченому мисци". Перемѣна мѣста утопленницы сразу измѣняетъ отношеніе къ ней крестьянъ. Она не казалась такъ страшна.

— Чого то Окунь такій смутный та засумованый?

— То не даромъ.

— Запевне, що не даромъ. Щобъ се значило? И на рыбу не ходыть.

— Не ходыть.

— И крылачи на гору повыносывъ... тыльки часами зъ удкою сяде коло города надъ ричкою и седыть...

— То съ того часу якъ Явдоха втопылася.

— Эге, оце дыво.

Такіе разговоры всё чаще и чаще слышались на селѣ. Окунь на первыхъ порахъ самъ не замѣчалъ своей перемѣны. Перемѣна шла въ немъ незамѣтно для него *„съ того часу"*... Онъ замѣтилъ её только тогда, когда всѣ обратили на него вниманіе, и, не смотря на то, не хотѣлъ быть прежнимъ, да и не могъ имъ быть, если-бы и хотѣлъ. Онъ не былъ ни особенно суевѣренъ, ни робокъ... Ему просто не везло *съ того дня*. Подъ какой бы кустъ онъ ни подъѣхалъ лодкою, ему всё казалось, что тамъ кто нибудь лежитъ съ бѣлыми зубами и глядитъ на него. Онъ пересталъ ѣздить лодкою. А когда послѣ этого у него сорвало водою нѣсколько крылачей, онъ убѣдился что рыболовство надоѣло ему и что пора оставить „човенъ" Онъ такъ и сдѣлалъ. „Човенъ" отдалъ своему зятю, оставшіеся крылачи положилъ на гору, а самъ сталъ заниматься однимъ пахарствомъ.

Эта перемѣна не могла укрыться отъ крестьянъ, которые интересовались ею тѣмъ болѣе, чѣмъ проще была причина, вызвавшая эту перемѣну.

Однажды, возвращаясь вечеромъ съ поля, Окунь вздумалъ пойти въ рощу, въ которой лежала Явдоха и которая неизвѣстно отъ кого получила названіе „Явдохина стежка". Это названіе такъ и осталось за тѣмъ мѣстомъ. „Явдохина стежка" лежала въ сторонѣ отъ его поля, но Окунь нарочно сдѣлалъ кругъ, чтобы посѣтить могилки своей доброй знакомой. Ничего особеннаго онъ тамъ не нашелъ. Онъ увидѣлъ лишь прогалину среди лужайки въ сажень длиною. Видно было, что прогалину уже не разъ успѣли посѣтить свиньи и успѣли изрыть могилу въ разныхъ направленіяхъ.

Окунь не чувствовалъ теперь по отношенію къ Явдохѣ той ненависти, какую питалъ къ ней въ день нахожденія ея трупа. Напротивъ, онъ чувствовалъ къ ней сожалѣніе, какой-то особенный видъ состраданья, растворяемаго теплыми воспоминаніями минувшаго.

„Люде бають, що вона нибы видьма. Яка вона видьма? Зовсимъ не правда, бо не видьма, а така баба, якъ и вси. Я те добре знаю". И вспомнилъ Окунь Явдоху лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Онъ всегда чувствовалъ въ ней любовь, и было за что любить её. На селѣ не было краще молодыци: смуглая, чорноброва, полнолицая, веселая... хохотунья такая, „що не приведи Боже". И никто тогда не называлъ ее вѣдьмою... Никто, сохрани Богъ... Потомъ уже стали называть, послѣ того пожара. Онъ вспомнилъ, какъ погорѣльцы копошились на пожарищѣ, на другой день послѣ пожара и говорили, „що Явдоха знается". Съ этого и пошло, и пошло... Потомъ, къ ней стали обращаться за совѣтами, просить у нея заговоровъ. А она, бывало, смѣется:

— Яка я вамъ, таки сяки, бывало скажетъ, знахарька далася. Нема мини роботы, чи що? Ну, але вже що зъ вамы робыты. Колы хочете, дивчата, будемо зъ вамы гадаты. Гей, дивчата, идить, скажу, хто зъ васъ перша замужъ выйде.

Дивчата смѣются бывало и она смѣется. Миску съ водой поставитъ и „вона плете имъ щось таке, що воны за боки одъ реготу берутся". Потомъ.... Онъ вспомнилъ, какъ онъ сошелся съ ней—уже вдовой по второмъ мужѣ и какъ любили другъ друга...

„Этъ, шо то згадоваты, що було—те прошло, тай не вернется бильшъ"... А теперь.... Онъ взглянулъ на прогалину. „Ось що зробылося. Не далы наветь ій вмерты по людськи, не далы заховаты по божому закону. Седыть вона теперь въ мишки... безъ хреста... Боже жъ мій милостывый... за що, про що?" Онъ теперь искренно сожалѣлъ, что былъ такъ холоденъ и равнодушенъ къ ней во время ея болѣзни, что ни разу не посѣтилъ ее... и что не бросился къ ней на помощь въ ту ночь? Быть можетъ, она и выдужала бы, поправилась....

Старый Окунь заплакалъ. Но какъ бы стѣсняясь своихъ слёзъ и малодушія, поспѣшно вытеръ свои слёзы... Одного не могъ понять Окунь: что значили ея послѣдніе слова къ нему тогда, ночью? зачѣмъ она кричала такъ? Это была для него такая роковая загадка, что для ея рѣшенія онъ далъ себѣ заранѣе твердое слово сознаться во всемъ священнику на испо-

вѣди въ великій постъ. Авось ему послѣ этого „полегшае на души“.

Въ задумчивости вышелъ Окунь изъ „Явдохиной стежки“ и неожиданно встрѣтился съ Грыцькомъ Морозомъ. Грыцько тоже возвращался съ поля. Онъ подозрительно посмотрѣлъ на Окуня.

— Добрый вечеръ.

— Добре здоровье, отвѣчалъ Окунь.

— Ты чого тутъ?

— Такъ соби. Шовъ съ поля, тай зашовъ.

Грыцько неодобрительно покачалъ головой. Онъ зналъ поле Окуня и зналъ, что дорога съ его поля вела не сюда. Они шли молча. Окунь никогда не любилъ говорить, „хиба якъ колы при чарци“, а теперь былъ положительно угрюмъ. По выраженію лица своего сосѣда, Окунь видѣлъ, что тому не нравилась эта встрѣча въ такомъ мѣстѣ. Грыцько послѣ *той* ночи очень не любилъ „Явдохиной стежки“.

— Що поробляешь? спросилъ Иванъ.

— Ничого.

Грыцько больше не спрашивалъ... такъ они вошли въ село.

VI.

Конечно, Грыцько расказалъ на селѣ о своей встрѣчѣ съ Окунемъ около „Явдохиной стежки“. Этимъ еще болѣе усиливались подозрѣнія крестьянъ въ неблагоповеденіи Окуня. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Окунь туда ходилъ? чего ему тамъ было нужно? развѣ съ поля ему тамъ дорога? Потомъ, что значитъ, что онъ не хотѣлъ разговаривать съ Грыцькомъ, съ которымъ былъ прежде въ большой дружбѣ?

Немаловажнымъ оказывалось при этомъ и то, что именно онъ—Окунь, а не кто другой нашелъ Явдоху подъ корчами. До сихъ поръ между этимъ событіемъ и посѣщеніемъ Окунемъ „стежки“ было мало общаго, но когда Окунь не захотѣлъ гогорить съ Грыцькомъ и шелъ угрюмымъ всю дорогу, сомнѣнія

никакого не оставалось, что между этими событіями самая тѣсная, внутренняя связь. Дальнѣйшія разсужденія о странностяхъ въ поведеніи Окуня привели къ тому, что онъ колдунъ, „видьмаръ“... Это слово было произнесено въ толпѣ. Этого достаточно, чтобы оно получило популярность. Если-бы онъ не былъ „видьмаромъ“, зачѣмъ бы ему, напримѣръ, оставлять рыболовный промыселъ и прятать крылачи на крышу? зачѣмъ, вообще, вести себя такъ странно?

Все это было очень доказательно. Окуня стали бояться. Его сторонились. Когда его меланхолія прошла, впечатлѣніе, произведенное смертью и двойными похоронами Явдохи, ослабѣло, онъ, быть можетъ, и хотѣлъ бы сблизиться съ крестьянами, но уже не могъ. Отношенія между Окунемъ и односельчанами были испорчены. На него смотрѣли иначе. За каждымъ его поступкомъ слѣдили и ему, въ общемъ мнѣніи, не извинялось то, что извинялось каждому. Каждый его самый обыкновенный поступокъ въ глазахъ крестьянъ получалъ необыкновенное значеніе.

Каждый крестьянимъ, напримѣръ, знаетъ, что имѣть дощаный полъ въ хатѣ лучше, чѣмъ голую сырую землю, по которой лѣтомъ прыгаютъ земляныя лягушки и ящерицы и отъ котораго зимой вѣетъ морозомъ и холодомъ. Извѣстно также каждому, что „мурованый комынъ на хати“ имѣть выгоднѣе, чѣмъ выпускать дымъ въ курной избѣ чрезъ двери. Но когда Окунь устроилъ въ своей новой хатѣ новый дощаный полъ и кирпичную трубу,—опять стали всѣ говорить „що винъ знаецця зъ куцыхвостымъ, бо чому винъ не такъ, якъ вси“...

Лѣтомъ перепадали частые дожди и мѣшали уборкѣ какъ хлѣба, такъ и сѣна. Но Окуню случайно удалось собрать свое сѣно въ хорошую погоду и въ то время, когда дождь мочилъ покосы и копны сѣна сосѣднихъ луговъ, на его сѣнокосѣ стояла большая скирда сѣна. И это не пошло въ прокъ Окуню. Говорили, „що винъ вміе выгадоваты для себе погоду, а на людей насылае негоду“.

И такъ все, что-бы не сдѣлалъ Окунь...

Окунь заступилъ мѣсто Явдохи.

Деревня не можетъ жить безъ колдуна.

VII.

Жизнь въ деревнѣ шла своимъ чередомъ. Жнива продолжались. Жали „околотъ“ вмѣсто стеблей и возили „компану“ вмѣсто сноповъ. Люди примирились съ своимъ несчастьемъ. Шли опять дожди и мѣшали уборкѣ хлѣба, опять вспоминали о Явдохѣ, хотя она теперь и не была опасной.

Перемѣщеніемъ Явдохи съ могилокъ на „стежку“ было недовольно на селѣ одно лицо—богатый жидъ Янкель, державшій посессію, т. е. бравшій въ аренду помѣщичье имѣніе. Онъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ. Утопленница оказывалась на его полѣ. Это было непріятно. Узнаетъ, пожалуй, начальство будетъ слѣдствіе... зачѣмъ это? Нужно какъ нибудь поправить дѣло.

— Слухай-но, Иване.

— Ну, чого?

— Чи не можна-но часомъ выкопаты?

— Ай, одчепысь.

Онъ отворачивался. Жидъ не отставалъ.

— Ну, чого-ты гниваешься? Я тоби зла не зроблю, що поговорю. Языкъ чрезъ те не выпаде въ тебе зъ рота.

— Ну.

— Слухай-но. Я тоби.... хочешь?! я тоби дамъ кватырку горилки, дальби дамъ, не пошкодую.

— Ай, одчепысь. Иды соби къ чортовій матери тай пый свою кватырку.

Иванъ уходилъ. Встрѣчался еврею другой крестьянинъ. Съ нимъ начинался тотъ-же разговоръ. Потомъ—съ третьимъ или, четвертымъ и т. д. Еврей подготовлялъ почву для своего дѣла. Онъ ждалъ только случая.

Однажды, въ воскресенье послѣ церковной службы вся корчма была полна народомъ. Еврей воспользовался этимъ собраніемъ, чтобы предложить на его обсужденіе безпокоившій

его вопросъ. Былъ тутъ и сельскій староста. На него особенно уповалъ посессоръ Янкель: староста любилъ выпить. Онъ сидѣлъ на „ослóни“ и вычищалъ свой чубукъ. Еврей подобострастно вертѣлся передъ нимъ, обѣщалъ ему двѣ кватырки горилки, если онъ позволитъ... Староста жирно сплевывалъ въ сторону, но не разрѣшалъ.

— Я не маю права. То не мое дило. Якъ міръ захоче, такъ нехай соби и робыть. Громадьска воля-то Божа воля...

— Ну, люде добры, обратился тогда еврей къ гуторившей толпѣ, староста сказавъ, що якъ вы захочете, то такъ и буде, бо винъ не мае права...

— А таки такъ. Винъ не мае права... То громадьске дило. Винъ для начальства робыть дило, а не для насъ, раздались голоса.

Толпа была польщена сознаніемъ своего самоправія. Еврей умѣлъ подойти.

— Ну, то вы согласны? продолжалъ еврей. Староста ничего не каже, винъ мовчить, винъ надіется на васъ. А я... Вы послухайте мене... я... я вамъ такъ скажу: то все едно—чи буде Явдоха лежаты въ мене на поли, чи въ болоти, чи въ лиси... все едно.

— А таки такъ. Звистно, все едно... всюды една земля—тай годи.

— Ну, то порадьте вы мини. Выкопайте вы еи зъ моего поля. Чижъ я вамъ зло зробывъ колы?

— Воно то такъ: зло не зло, а всего було потрошку, сказалъ одинъ голосъ.

— Запевне, що Янкель неповыненъ. Винъ жидокъ добрый. Прибавилъ другой.

Еврей ободрился.

— Ну, то знаете, що я вамъ теперь скажу? сказалъ онъ слащавымъ голосомъ, растягивая слова какъ можно слащавѣе, колы хочете знаты мою доброту, то осъ вамъ: я вамъ сегодня ставлю циле ведро горилки, а якъ выкопаете,—що ще поставлю ведро друге.

Слова еврея произвели дѣйствіе. Предложеніе было слишкомъ соблазнительно. Два ведра водки—шутка сказать. А

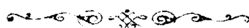
дѣло, какъ подумаешь,—пустое. Лежала Явдоха на одномъ мѣстѣ, перешла на другое, почему бы ей не перейти и на третье?..

Мнѣнія раздѣлились. Толпа пошла шумѣть.

Но видно было, что дѣло ладится, потому что Янкель, опытный въ обращеніи съ крестьянами, не дожидаясь конца спора, вынесъ ведро горилки и сталъ частоваты старосту.

И кто знаетъ, гдѣ кости Явдохи найдутъ, наконецъ, для себя окончательный покой?—

Ѳ. Кудринскій.



По вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества.

I.

Вопросъ о времени возникновенія, а также о мѣстѣ первой запорожской Сѣчи является однимъ изъ наименѣе выясненныхъ вопросовъ козацкаго періода южнорусской исторіи. Прослѣдимъ прежде всего положеніе даннаго вопроса въ наиболѣе важныхъ трудахъ по южнорусской исторіи. Максимовичъ, впервые поставившій изученіе южнорусской исторіи на научную почву, изслѣдуя общій вопросъ о происхожденіи запорожскаго козачества, не коснулся занимающаго насъ вопроса. Въ историческихъ трудахъ Костомарова также не выдвинуты вопросы ни о времени возникновенія Запорожской Сѣчи, ни о мѣстахъ ея пребыванія. По данному вопросу въ трудахъ названнаго историка встрѣчаются только случайныя упоминанія. Антоновичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по южнорусской исторіи, строго придерживаясь источниковъ, въ изложеніи о первыхъ временахъ запорожскаго козачества, говоритъ лишь о Запорожьи и запорожской общинѣ, не упоминая о Запорожской Сѣчи. Отмѣчая въ 4-мъ десятилѣтіи 16 вѣка основаніе княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ перваго козацкаго поселка на низовьяхъ Днѣпра, Антоновичъ называетъ этотъ населенный пунктъ не запорожской Сѣчью, а Хортицкимъ укрѣпленіемъ [1]). Такимъ образомъ, въ строго научныхъ трудахъ по южнорусской исторіи мы не встрѣ-

[1]) Антоновичъ, Исторія мал. козачества Литограф. Записки, стр. 24—25.

чаемъ данныхъ ни о времени, ни о мѣстѣ Сѣчи въ первое время существованія запорожскаго козачества.

Мнѣніе о существованіи Сѣчи въ первый періодъ козацкой исторіи получаетъ распространеніе въ отдѣльныхъ историческихъ работахъ послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго" А Скальковскаго. Хотя Скальковскій на основаніи письменныхъ актовъ называетъ въ этомъ трудѣ первою Сѣчью Старую Сѣчь на Чортомлыкѣ, но наряду съ этимъ онъ допускаетъ существованіе запорожской. Сѣчи и па островѣ Хортицѣ „еще въ героическій періодъ запорожской общины". Мнѣніе Скальковскаго объ орденской организаціи запорожскаго козачества, высказанное имъ наряду съ догадкой о хортицкой Сѣчи, было отвергнуто позднѣйшими изслѣдователями вслѣдствіе произвольности такого мнѣнія; догадка же о существованіи запорожской Сѣчи на островѣ Хортицѣ осталась неразъясненною [1]).

Впервые, насколько намъ извѣстно, отмѣчаютъ существованіе Сѣчи въ первое время запорожскаго козачества Ригельманъ и Мышецкій, писавшіе свои труды по исторіи запорожскаго козачества частію по непровѣреннымъ изустнымъ преданіямъ, частію по козацкимъ хроникамъ, авторы которыхъ точно также небезупречны въ отношеніи достовѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Ригельманъ въ своемъ „Лѣтописномъ повѣствованіи" основаніе первой запорожской Сѣчи относитъ къ послѣдней четверти 16 в., когда по реформѣ Стефана Баторія учреждена была за порогами постоянная сторожа изъ козаковъ для предотвращенія татарскихъ набѣговъ [2]). Мышецкій первую Сѣчь указываетъ на урочищѣ Седневкѣ, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, признавая мѣстами запорожской Сѣчи также Черкасы, Переволочну, Хортицу и т. д. [3]).

Къ позднѣйшему времени относится разработка занимающаго насъ вопроса, предпринятая г. Эварницкимъ въ цѣломъ

---

[1]) Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго; изд. 1841 года, стр. 156.

[2]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствов., стр. 26.

[3]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож., стр. 9.

рядѣ статей и монографіи по исторіи Запорожья. Спеціально этотъ вопросъ разсматривается названнымъ авторомъ въ его трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, гдѣ насчитывается восемь мѣстъ, занимаемыхъ въ разное время запорожскими Сѣчами, при чемъ первая по времени Сѣчь пріурочивается къ острову Хортицѣ [1]). Такое же мнѣніе по данному вопросу высказано и въ послѣдующихъ работахъ г. Эварницкаго по исторіи запорожскаго козачества. Не входя въ разборъ доводовъ автора касательно существованія запорожскихъ Сѣчей въ томъ или другомъ мѣстѣ, мы разсмотримъ здѣсь данныя, относящіяся исключительно къ вопросу, существовала ли запорожская Сѣчь на островѣ Хортицѣ?

Необходимо сперва разобраться въ неточностяхъ и недосмотрахъ существующихъ въ исторической литературѣ, относительно топографіи острова Хортицы и примыкающихъ къ ней мѣстностей. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ исторіи запорожскаго козачества, обычно трактуется объ одномъ островѣ Хортицѣ; между тѣмъ такой достовѣрный источникъ для исторіи Запорожья, какъ дневникъ Эриха Лассоты, даетъ совершенно опредѣленное указаніе на существованіе двухъ Хортицкихъ острововъ: острова Большой Хортицы и о—ва Малой Хортицы. Обстоятельство это является существенно важнымъ потому, что первое козацкое укрѣпленіе на низовьяхъ Днѣпра построено было не на томъ Хортицкомъ островѣ, какой существуетъ въ настоящее время (о—въ Большая Хортица) и обычно принимается за мѣсто запорожской Сѣчи, а на существовавшемъ въ прежнее время о—вѣ Малой Хортицѣ, соединившемся теперь съ материкомъ. Въ запискахъ Эриха Лассоты, путешествовавшаго на Запорожье въ 1594 г., объ островѣ Малой Хортицѣ читаемъ: „затѣмъ (т. е. миновавъ о—въ Большую Хортицу) пристали къ берегу ниже близъ лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкаго, разрушенный потомъ турками и татарами“. Запись Лассоты: *„пристали къ берегу ниже острова Малой Хор-*

[1]) Эварницкій, Запор. въ остаткахъ стар. и преданіяхъ народа, т. I.

тицы" опредѣленно указываетъ на положеніе этого острова выше Большой Хортицы. На протяженіи Днѣпра отъ о—ва Большой Хортицы и до пороговъ въ настоящее время есть только одинъ небольшой островъ Вербовый, лежащій между послѣднимъ Вольнымъ порогомъ и крутымъ поворотомъ Днѣпра на югъ. Но къ этому острову не можетъ относиться приведенное выше свидѣтельство Лассоты уже по одному тому, что о—въ Вербовый, будучи низменнымъ, не могъ быть пригоднымъ для сооруженія замка Вишневецкаго [1]).

Есть достаточное основаніе пріурочивать о—въ Малую Хортицу къ высокому выступу праваго берега на мѣстѣ крутаго поворота Днѣпра съ юго-востока на югъ. Вотъ это основаніе. Нынѣшній „степокъ" колоніи Кичкаса, находящійся въ этомъ мѣстѣ, имѣетъ весьма существенные признаки былаго острова: 1) со стороны, противуположной Днѣпру, названный выступъ примыкаетъ къ довольно глубокой ложбинѣ, огибающей его съ западной и юго-западной сторонъ. (Между русломъ Днѣпра до поворота его на югъ и за этимъ поворотомъ, какъ отмѣчено на прилагаемой картѣ); 2) отмѣченная ложбина усѣяна камнями разной величины, большею частію гладышами, очень

---

[1]) Ф. Брунъ, авторъ примѣчаній къ „Дневнику" Лассоты, разыскивая по смыслу „Дневника" о—въ Малую Хортицу выше Большой Хортицы и, не находя до самыхъ пороговъ другаго острова, кромѣ Вербоваго, къ этому послѣднему острову и пріурочиваетъ о—въ Малую Хотрицу. Свою догадку Брунъ основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что въ дневникѣ Лассоты о—въ Малая Хортица не упомянутъ по пути на Запорожье, при чемъ умолчаніе это Брунъ объясняетъ предположеніемъ, что Вербовый о—въ въ началѣ іюня, когда Лассота спускался внизъ по Днѣпру, могъ быть покрытъ водою. Не говоря о томъ, что заливаемость Вербоваго о—ва исключаетъ возможность сооруженія на немъ укрѣпленія вблизи возвышенныхъ мѣстностей, догадка Бруна не имѣетъ подъ собою основанія потому, главнымъ образомъ, что отсутствіе въ 19 столѣтіи острововъ на Днѣпрѣ между порогами и островомъ Хортицей, кромѣ Вербоваго о—ва, не доказываетъ несуществованія здѣсь острововъ въ концѣ 16 вѣка. Умолчаніе Лассоты по пути на Запорожье объ о—вѣ Вербовомъ—Малой Хортицѣ—по предположенію Бруна, можетъ объясняться тѣми же обстоятельствами, какъ и умолчаніе о другихъ мѣстностяхъ, т. е. обычнымъ пропускомъ, тѣмъ болѣе возможнымъ въ данномъ случаѣ, что Лассота проѣзжалъ по пути на Запорожье эту мѣстность вечеромъ, какъ видно изъ его „Дневника", а къ тому еще потревоженъ былъ близкою опасностью потерпѣть крушеніе на Вольномъ порогѣ. (Путевые Записки Э. Лассоты, стр. 29, 53, 84).

напоминающими русла высохшихъ рѣкъ и, наконецъ, 3) весьма важнымъ даннымъ для выясненія занимающаго насъ вопроса является плотина, загораживающая съ сѣверной стороны вершину этой ложбины отъ напора воды изъ Днѣпра; уровень воды въ Днѣпрѣ у этой плотины настолько высокъ, что и теперь, если бы устранить плотину, при весеннемъ половодьи „степокъ" колоніи Кичкасъ былъ бы отрѣзанъ значительнымъ протокомъ отъ праваго берега. Очевидно, что лѣтъ 300 назадъ, при болѣе высокомъ среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, огибающая „степокъ" ложбина была дномъ днѣпровскаго протока.

Къ этому мѣсту пріурочивать о—въ Малую Хортицу побуждаетъ также общее топографическое устройство данной мѣстности. Отмѣченный „степокъ" въ восточной и сѣверо-восточной части значительно возвышается надъ окрестностями, достигая такой же высоты, какъ и возвышенная часть сосѣдняго о—ва Большой Хортицы. Между тѣмъ характеръ низкихъ песчаныхъ береговъ Днѣпра отъ пороговъ до поворота его на югъ исключаетъ возможность существованія здѣсь когда бы то ни было острова, пригоднаго для сооруженія замка, точно такъ же, какъ и такой же характеръ береговъ отъ отмѣченнаго выше выступа на мѣстѣ поворота Днѣпра на югъ до острова Большой Хортицы. Ниже будетъ приведена болѣе подробная характеристика мѣстностей, окружающихъ о—въ Большую Хортицу; здѣсь же умѣстно будетъ разсмотрѣть мнѣніе г. Эварницкаго, высказавшаго догадку, что о—въ Малую Хортицу слѣдуетъ пріурочить къ Канцеровскому островку, расположенному съ правой стороны о—ва Большой Хортицы, при впаденіи въ старое русло Днѣпра Канцеровскаго оврага [1]):

Основаніемъ для такого мнѣнія послужили остатки укрѣпленій на этомъ островкѣ, относимые г. Эварницкимъ почему-то ко времени Дмитрія Вишневецкаго и Конашевича Сагайдачнаго. Ниже, при обзорѣ остатковъ старины въ данной мѣстности, мы увидимъ, что бывшія здѣсь укрѣпленія входили въ

---

[1]) Эвараницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, т. I, стр. 216—218.

составъ Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря, какъ дополненіе къ главнымъ укрѣпленіямъ, сооруженнымъ Минихомъ на о-вѣ Большой Хортицѣ.—Несомнѣнные слѣды пребыванія Сагайдачнаго находятся на противуположной лѣвой сторонѣ Днѣпра, сохранившись въ названіяхъ урочища „Сагайдашне“ и „Сагайдакового ліжка“ на примыкающей къ этому урочищу „Середней скелѣ“. Искать-же слѣдовъ пребыванія Сагайдачнаго на Канцеровскомъ островкѣ не даютъ основанія ни историческія свидѣтельства, ни остатки старины, ни живыя урочища, связанныя съ историческими дѣятелями. Что касается укрѣпленія Дмитрія Вишневецкаго, то пріурочиваніе его къ Канцеровскому островку у г. Эварницкаго явилось результатомъ неправильнаго толкованія приведенной нами выше записи въ дневникѣ Лассоты: „затѣмъ (т. е. миновавъ о-въ Большую Хортицу) пристали къ берегу ниже близъ лежащаго острова Малой Хортицы“. Какъ видно изъ прилагаемой карты, Канцеровскій островокъ (онъ же Вырва) лежитъ не выше о-ва Большой Хортицы, а пріютился почти противъ средины возвышенной сѣверной части названнаго острова; между тѣмъ, руководясь точнымъ смысломъ приведенной записи, о-въ Малую Хортицу нужно искать безусловно выше о-ва Большой Хортицы. Противъ догадки г. Эварницкаго относительно мѣстоположенія несуществующаго теперь о-ва Малой Хортицы неопровержимо говоритъ то обстоятельство, что Лассота, какъ можно видѣть изъ порядка его топографическихъ замѣтокъ, по пути съ Запорожья вверхъ по Днѣпру плылъ не рѣчищемъ Днѣпра, при которомъ расположенъ Канцеровскій островокъ, а новымъ его русломъ. Лассота пишетъ: *„прошли мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками“*, изъ чего слѣдуетъ прямо заключать, что Лассота при путешествіи вверхъ по Днѣпру,—тогда именно, когда онъ и упоминаетъ объ о-вѣ Малой Хортицѣ,—плылъ, держась лѣваго берега Днѣпра, такъ какъ проѣзжать мимо существующей и въ настоящее время рѣки Большой Московки можно только выбравъ путь по новому руслу Днѣпра, примыкающему къ лѣвому его берегу. Поднимаясь же вверхъ по Днѣпру новымъ его русломъ, Лассота не только не могъ пристать къ берегу ниже

Канцеровскаго о-вка, но даже не могъ видѣть этого миніатюрнаго островка, загороженнаго громаднымъ о-вомъ Большой Хортицей, какъ это можно прослѣдить по картѣ описываемыхъ мѣстностей.

При выясненіи вопроса о слѣдахъ исторіи, а слѣдовательно и о слѣдахъ Запорожской Сѣчи на одномъ изъ Хортицкихъ островов, представляется существенно важнымъ отмѣтить важнѣйшія особенности вообще мѣстностей, прилегающихъ къ острову Большой Хортицѣ, такъ какъ въ историческомъ отношеніи, всѣ они, какъ увидимъ, довольно тѣсно связаны между собою.

Занимающій центральное положеніе въ описываемой мѣстности о-въ Большая Хортица расположенъ въ вершинѣ Великаго Днѣпровскаго луга, верстъ на 10 ниже послѣдняго порога Вольнаго. О-въ Большая Хортица найбольшій изъ Днѣпровскихъ островов: по даннымъ плана колоніи о-ва Хортицы онъ занимаетъ площадь въ 2547 десятинъ, т. е. около $24^1/_2$ квадратныхъ верстъ. Достопримѣчательности о-ва сосредоточились исключительно въ сѣверной гористой части острова, составляющей почти двѣ трети его поверхности. Къ такимъ достопримѣчательностямъ относится прежде всего высоко поднимающійся вверхъ и господствующій надъ обширною окрестностью сѣверо-западный край острова, извѣстный подъ названіемъ „*Верхней головы*“. У подножья „Верхней головы“ обращаетъ на себя вниманіе „*Зміева пещера*“, представляющая собою расщелину между скалами съ довольно глубокою ямою внизу. Неизвѣстно, почему эта пещера называется Зміевою, но не безъинтересно, что на нижнемъ Днѣпрѣ не одна эта пещера носитъ такое названіе. „Зміева пещера“ есть на скалистомъ Перуновомъ островѣ, лежащемъ между порогами Будильскимъ и Гадючимъ; „зміевою норою“ называется длинная и узкая пещера на краю села Волошскаго въ Екатеринославскомъ у. Самый сѣверный пунктъ о-ва Большой Хортицы „*Черная скеля*“ въ юго-западномъ направленіи постепенно спускается въ розлогую „Музычину балку“, достопримѣчательную тѣмъ, что здѣсь мѣстные жители еще недавно находили много

остатковъ глубокой старины. Необходимо при этомъ замѣтить, что эта балка, точно такъ же, какъ и много другихъ мѣстъ надъ рѣчищемъ Днѣпра, далеко еще не обслѣдованы, такъ какъ на этомъ огромномъ островѣ пока привлекали вниманіе изслѣдователей другія мѣста.—По правую сторону „Верхней головы" о-ва, надъ новымъ русломъ Днѣпра, нѣсколько ниже смываемаго теченіемъ рѣки Дубоваго острова, находится живописная „*Савутына скеля*", лучшее мѣсто для привала на протяженіи всего восточнаго берега острова Хортицы. За балкой „*Брагарней*", лежащей ниже Савутыной скели, возвышается „Вошыва скеля', названіе которой связано съ пребываніемъ на о-вѣ сиромахъ-запорожцевъ, непользовавшихся, какъ извѣстно, удобствами домашней жизни. Противъ сѣвернаго края нѣмецкой колоніи о-ва Хортицы, протянувшейся версты на двѣ вдоль берега, мѣстные жители указываютъ „*Думну скелю*", послѣднюю изъ значительныхъ скалъ на восточномъ берегу о-ва. Ниже колоніи, противъ села Вознесенска возвышается „Нижня голова", высокій круто спускающійся къ Днѣпру выступъ, за которымъ къ югу протянулась низменная часть о-ва.

Низменная часть о-ва Большой Хортицы представляетъ слегка холмистую понижающуюся къ югу равнину, сплошь заливаемую Днѣпромъ при большихъ весеннихъ разливахъ. Слѣдами этихъ разливовъ явилось нѣсколько озеръ, наполняющихъ природныя углубленія этой части острова. Значительную площадь прежде занималъ здѣсь вѣковой лѣсъ, почти уничтоженный въ послѣднее время. Эта низменная часть о-ва является характернымъ переходомъ отъ скалистыхъ острововъ въ порожистой части Днѣпра къ наноснымъ о-вамъ въ чертѣ Великаго Днѣпровскаго луга, протянувшагося на 100 съ лишнимъ верстъ внизъ за островомъ Хортицей.

Высокій выступъ праваго берега на мѣстѣ поворота Днѣпра съ юго-востока на югъ, къ которому (выступу) мы пріурочиваемъ примкнувшій къ берегу нѣкогда существовавшій о-въ Малую Хортицу, постепенно понижается по направленію къ западу, составляя довольно обширную долину, точно также постепенно возвышающуюся въ сторону Кичкаскихъ полей. То-

пографическую особенность отмѣчаемаго выступа составляетъ множество скалъ, которыми оточенъ грандіозно высокій въ этомъ мѣстѣ берегъ Днѣпра и густою сѣтью заполнена значительная часть восточной стороны острова. Двѣ безъимянныхъ балки спускаются здѣсь къ берегу противъ балки Кичкаски на противуположной лѣвой сторонѣ Днѣпра. На мѣстѣ историческаго о-ва отъ сѣверо-восточнаго его угла послѣдовательно внизъ расположены „Козловскій камень", урочище „Крынычкы" (мѣсто родниковъ), камень Ступка, камень Крячокъ и нѣсколько другихъ урочищъ и камней съ подобными же случайными названіями.

Изъ урочищъ на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ былого о-ва Малой Хортицы обращаютъ на себя вниманіе находящіяся ниже балки Кичкаски скалы „Хмарна" и „Пугачи", пещера „Шпола", затѣмъ скалы „Дзвиныця" и "Голубына". Къ нѣкоторымъ изъ этихъ скалъ относятся преданія, записанныя ревностнымъ собирателемъ произведеній южнорусскаго народнаго творчества Я. Новицкимъ, въ которыхъ миѳологическій элементъ перемѣшался съ наслоеніями позднѣйшаго времени [1]). Мѣстность эта рельефно описана въ трудѣ г. Эварницкаго „Запорожье въ памятникахъ старины и преданіяхъ народа" [2]). На лѣвомъ же берегу Днѣпра, нѣсколько ниже Кичкаской переправы, находится также урочище „*Сагайдашне*", занимающее низменную прибрежную полосу около 1 версты въ длину, при ширинѣ различной въ разныхъ мѣстахъ,—вплоть до подъема, уходящаго въ лѣвобережную степь. Урочище „Сагайдашне" выступаетъ въ Днѣпръ двумя огромными скалами, извѣстными подъ названіемъ Дурной и Середней скель. „*Дурна скеля*", выдавшаяся далеко въ Днѣпръ, отрѣзана отъ побережья узкимъ „проризомъ" (про-

---

[1]) Екатеринославская газета „Степь", за 1886 г.

[2]) Нельзя однако не замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ г. Эварницкій и здѣсь грѣшитъ крайнимъ преувеличеніемъ. Такъ, напр.. фантастически описанная пещера „Школа" въ сущности представляетъ обыкновенный гротъ въ расщелинѣ скалы съ мало замѣтнымъ входнымъ отверстіемъ. Гротъ этотъ, протянувшійся глаголемъ, на поворотѣ узковатъ, но удобопроходимъ. Расщелина внизу, за поворотомъ пещеры не внушаетъ опасности оборваться. Въ гротѣ темно, но зажженную свѣчу удобно держать въ рукахъ.

токомъ) Днѣпра. Скала эта возвышается надъ величественнымъ въ этомъ мѣстѣ Днѣпромъ, какъ неприступный островъ. „*Середня*“ скеля—это почти такая же огромная скала, поросшая у подножья небольшими деревьями, растущими также и на полянахъ украшающихъ эту сообщающуюся съ берегомъ и часто посѣщаемую мѣстными жителями скалу.

На противуположной правой сторонѣ Днѣпра, противъ сѣверной части о-ва Большой Хортицы, расположенъ соединяющійся въ лѣтнюю пору съ материкомъ небольшой скалистый въ сторону Днѣпра о-въ *Вырва*, извѣстный мѣстнымъ жителямъ подъ названіемъ Канцеровскаго островка. Этотъ же островокъ въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ Мышецкаго названъ „Запорожская вервь“ [1]).

Выше островка Вырвы, за Канцеровскимъ оврагомъ, находится исчезающая *бухта*, сооруженная, какъ увидимъ ниже, Минихомъ для стоянки судовъ „Россійской флотиліи“ во второй четверти прошлаго столѣтія, съ остатками валовъ и редутовъ, предназначавшихся для защиты этой бухты; съ сѣвера къ этой мѣстности примыкаетъ „*Царская пристань*“ при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Нижней Хортицы, получившая такое названіе, по всей вѣроятности, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда стояли здѣсь плоты съ казеннымъ лѣсомъ, присылаемымъ правительствомъ для переселявшихся тогда на о-въ Б. Хортицу нѣмцевъ-колонистовъ, а затѣмъ въ 1796 г. была заложена Екатеринославско-Днѣпровская верфь для постройки судовъ, предназначавшихся перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь [2]). Побережье Днѣпра отъ о-ва Вырвы до Царской пристани представляетъ холмистую мѣстность, покрытую большею частью сыпучимъ пескомъ; на всемъ этомъ протяженіи высятся

---

[1]) Днѣпровскіе тракты и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ А. Русова, стр. 87. Исторія о казакахъ запор. Мышецкаго, стр. 67.

[2]) Брунъ, Черноморье, т. 2, стр. 365.

Въ пользу такого мнѣнія о названіи „Царской пристани“ говоритъ еще мѣстное названіе всей примыкающей къ пристани мѣстности. Такъ говорятъ: „пидемъ на *Царьске*“. Подобный оборотъ рѣчи могъ явиться, если говорившіе выражали принадлежность предметовъ, находившихся на пристани, казнѣ, царской казнѣ.

надъ Днѣпромъ двѣ огромныхъ безъименныхъ скалы, въ промежуткѣ между которыми находится отмѣченная выше бухта.

Посрединѣ Днѣпра, при раздѣленіи его на два русла у вершины о-ва Хортицы высоко поднимаются вверхъ двѣ скалы, называемыхъ „стовбами“ [1]).

При такихъ топографическихъ особенностяхъ описываемой мѣстности сохранилось здѣсь довольно много слѣдовъ, относящихся къ разнымъ періодамъ историческаго прошлаго. Всѣ сохранившіеся остатки старины въ данной мѣстности удобно подраздѣлить на ниже-слѣдующія группы, начавъ съ позднѣйшихъ остатковъ, какъ наиболѣе ясныхъ: 1) слѣды Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря на о-вѣ Большой Хортицѣ и на правой сторонѣ Днѣпра; 2) слѣды пребыванія козацкаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго на лѣвомъ берегу Днѣпра; 3) слѣды стараго укрѣпленія на островѣ Хортицѣ; 4) слѣды валовъ на мѣстѣ соединившагося съ материкомъ о-ва Малой Хортицы, на которомъ укрѣплялся Дмитрій Вишневецкій и 5) слѣды доисторической старины на о-вѣ Большой Хортицѣ.

Слѣды Миниховскихъ укрѣпленій, весьма значительныхъ по своимъ размѣрамъ, сосредоточились, главнымъ образомъ, на о-вѣ Большой Хортицѣ. Мышецкій, военный инженеръ, современникъ Миниха, объ этихъ укрѣпленіяхъ пишетъ: въ 1738 г. на ономъ Хортицкомъ о-вѣ сдѣланъ отъ россіянъ великой ретраншаментъ, со многими редутами и флешами, на которомъ россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, многое время стояла [2]). Слѣды этихъ укрѣпленій представляютъ четыре ряда редутовъ, соединенныхъ траншеями. Какъ видно изъ прилагаемой карты, самый длинный рядъ редутовъ идетъ отъ Черной скели въ сѣверной части острова почти по прямой линіи на югъ, загибаясь поворотомъ на западъ въ сторону рѣчища Днѣ-

---

[1]) "Стовбы" по недоразумѣнію сближаются иногда мѣстными жителями съ путешествіемъ Императрицы Екатерины II, какъ мѣсто ея отдохновенія. Такое сближеніе совершенно произвольно, такъ какъ Екатерина II путешествовала Днѣпромъ только до пороговъ, а затѣмъ, послѣ переправы флотиліи черезъ Ненасытецкій порогъ, направилась сухимъ путемъ по направленію къ Херсону.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запор. стр. 68.

пра. Этотъ рядъ редутовъ пересѣкается другимъ рядомъ, направляющимся отъ скели Вошивой, нѣсколько выше Островохортицкой колоніи, на западъ къ рѣчищу же Днѣпра, противъ островка Вырвы. Третій рядъ редутовъ, расположенный въ сѣверо-восточной части о-ва тянется почти параллельно руслу Днѣпра въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится на половину смытый Днѣпромъ о-въ Дубовый, на которомъ также замѣтны слѣды двухъ редутовъ. Четвертый рядъ редутовъ пересѣкаетъ о-въ нѣсколько ниже колоніи, вблизи „Нижней головы" о-ва.

Къ группѣ Миниховскихъ укрѣпленій относится окопъ съ тремя редутами, сооруженный на правой сторонѣ Днѣпра, для защиты изчезающей въ настоящее время бухты, въ которой, правдоподобно, стояла россійская флотилія, сопровождавшая армію Миниха. Валы окопа этого, насыпанные на песковатомъ грунтѣ, большею частью разсунулись; редуты сохранились лучше, имѣя всѣ признаки редутовъ, находящихся на о-вѣ Хортицѣ [1]. Бухта, находящаяся въ срединѣ окопа, занимаетъ теперь площадь въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженей, шагахъ въ 50 отъ русла Днѣпра; съ рѣкой соединяется углубленіе бухты неглубокой рытвиной, по которой вода изъ Днѣпра заходитъ въ бухту только въ половодье.

Въ составъ Миниховскаго укрѣпленнаго лагеря входило также укрѣпленіе на островкѣ Вырвѣ, къ которому относится слѣдующая запись Мышецкаго: а отъ онаго (отмѣченнаго предъ этимъ) ретраншамента внизъ рѣки Днѣпра... построена отъ россіянъ въ 1739 г. малая крѣпость, именуемая „Запорожская Верва" [2]) Отъ времени Миниха уцѣлѣло, наконецъ, два редута на правой сторонѣ Днѣпра, противъ балки Кичкаски, предназначавшихся для закрытія россійской флотиліи [3]).

Менѣе выразительные слѣды въ описываемой мѣстности сохранились отъ времени Сагайдачнаго. Остатками старины на

[1]) Къ отмѣчаемому окопу съ редутами относится слѣдующая замѣтка Мышецкаго: „а по оной рѣкѣ Хортицѣ" (Верхней или Сухой), разстояніемъ 2 версты, построенъ отъ Россіянъ въ 1738 г. ретраншаментъ съ редутами. (Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 67).

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорож. стр. 68.

[3]) Тамъ же, стр. 67.

урочищѣ *„Сагайдашне“* являются „печища“, находящіяся въ верхней части урочища: въ безпорядкѣ разбросаны здѣсь неглубокія ямы, повидимому, остатки землянокъ, остатки плохо обожженной глиняной посуды, обломки черепковъ очень грубой работы и кучи золы, поросшія травою. Такіе остатки старины могутъ относиться и не ко времени Сагайдачнаго.

Безспорные слѣды знаменитаго козацкаго гетмана находятся на отмѣченной выше „Середней скелѣ“. Мѣстные жители на вершинѣ этой скалы указываютъ камень, называемый „Лижкомъ Сагайдака“. камень этотъ въ прежнее время находился на самой вершинѣ скалы; лѣтъ же 10 назадъ бражничавшая здѣсь компанія невѣжественныхъ людей изъ сосѣдняго города Александровска свалила этотъ камень съ его мѣста. Теперь онъ лежитъ, перевороченный здѣсь же на скалѣ. „Лижкомъ“ камень этотъ называется потому, что въ немъ выдолблено сидѣнье съ приспособленіемъ для головы и ногъ въ полулежачемъ положеніи. Вполнѣ возможно, что Сагайдачный, безспорно пребывавшій въ данной мѣстности, передалъ свое имя этому камню. Сомнительно только, чтобы „лижко“ это сдѣлано было для Сагайдачнаго; дѣлалось оно, вѣроятно, для болѣе лѣниваго вождя раньше пребывавшихъ здѣсь народностей. Такое предположеніе мы связываемъ съ достовѣрнымъ извѣстіемъ о томъ, что въ 30 годахъ настоящаго столѣтія на этой же скалѣ можно было видѣть другой не безъ интересный камень—*„люльку“* громадныхъ размѣровъ (трубку) съ чубукомъ и протычкой [1]).

Пребываніе Сагайдачнаго въ этой мѣстности относится ко второму десятилѣтію XVII вѣка. Сообщеніе Мышецкаго, что послѣ Сагайдачнаго остались укрѣпленія на островѣ Б. Хортицѣ, маловѣроятно. Замѣтка названнаго автора, что за время Сагайдачнаго Хортица не была островомъ, а была „соединенною степью“, показываетъ, что онъ перепуталъ сообщенныя ему изустно свѣдѣнія о мѣстѣ окопа Сагайдачнаго [2]).

Старое укрѣпленіе, находящееся на о-вѣ Большой Хортицѣ, расположено при „Савутыной скелѣ“, одной изъ самыхъ вы-

---

[1]) Драгомановъ, Преданіе малор. народа, стр. 421.

[2]) Мышецкій, исторія о козакахъ запор. стр. 68.

сокихъ на островѣ. Слѣды этого укрѣпленія въ настоящее время едва замѣтны. Одну его сторону (восточную) составляетъ крутой обрывистый берегъ Днѣпра, другая сторона (сѣверная) защищена глубокимъ оврагомъ и только съ остальныхъ двухъ сторонъ это мѣсто ограждено было валомъ и рвомъ, слѣды которыхъ сохранились лишь съ западной стороны этого древнѣйшаго укрѣпленія на островѣ. По отмѣченному несложному характеру это укрѣпленіе представляетъ самый первоначальный типъ укрѣпленія. Нѣтъ данныхъ для того, чтобы отнести это укрѣпленіе опредѣленно къ тому или другому времени. Есть указаніе, не провѣренное нами по первоисточникамъ, что окапывался на о-вѣ Хортицѣ Яковъ Шахъ, одинъ изъ первыхъ гетмановъ низовыхъ козаковъ, предводительствовавшій около 1586 г. Площадь отмѣчаемаго укрѣпленія занимаетъ приблизительно около 500 квадр. саженей.

На соединившемся съ материкомъ о—вѣ Малой Хортицѣ, находятся слѣды единственнаго земляного укрѣпленія—окопа. Окопъ этотъ занимаетъ площадь около двухъ десятинъ; продольные валы окопа тянутся съ востока на западъ на протяженіи саженей 100; длина поперечнаго вала, составляющаго восточную сторону окопа достигаетъ саженей 45; выходъ изъ окопа обращенъ къ отмѣченной выше ложбинѣ, огибающей эту мѣстность съ запада и юга; спускающіеся къ этой ложбинѣ продольные валы окопа заканчиваются квадратными насыпями, саженей около 10 въ каждой сторонѣ валовъ, составляющихъ два квадрата. Валы окопа мѣстами почти сравнялись съ землею; лучше сохранились они близъ угловъ окопа. Высота валовъ достигаетъ 5—6 саженей черезъ верхъ въ окопѣ и до 8 саженей въ квадратныхъ фигурахъ, напоминающихъ редуты.

Трудно сказать, въ этихъ ли остаткахъ земляного укрѣпленія слѣдуетъ искать слѣдовъ „замка“ Димитрія Вишневецкаго. Несомнѣнно только, что валы описаннаго передъ этимъ окопа въ прежнее время были гораздо выше. Дѣло въ томъ что эта мѣстность вслѣдствіе близости къ колоніи Кичкасъ, чуть ли не со времени основанія этой колоніи, служитъ выпасомъ для скота, вслѣдствіе чего супесковатый почвенный слой сильно

разрыхленъ на всемъ протяженіи этой мѣстности. При такихъ условіяхъ на о-вѣ Малой Хортицѣ могло уцѣлѣть только сооруженіе изъ камня. Затронутый вопросъ могутъ рѣшить знатоки военно-инженернаго дѣла въ 16 вѣкѣ.

Относительно доисторической старины на о—вѣ Большой Хортицѣ въ настоящее время оказывается возможнымъ отмѣтить только немногія мѣстности, обращающія на себя вниманіе въ этомъ отношенія. Какъ выдающееся мѣсто находокъ остатковъ доисторической старины, выше отмѣчена „Музычына балка". Другимъ такимъ мѣстомъ является круглая впадина на срединѣ о—ва, гдѣ, какъ и въ Музычыной балкѣ, мѣстные жители находили много стрѣлъ, наконечниковъ, копій, различныхъ металлическихъ пряжекъ и бляшекъ и т. п. Нѣмыми свидѣтелями прошлой исторіи о—ва являются также разбросанные въ сѣверной его части курганы. Объ этой исторіи могутъ разсказать археологи—изслѣдователи послѣ предварительныхъ раскопокъ хортицкихъ кургановъ, по наружному виду не отличающихся отъ обыкновенныхъ степныхъ могилъ.—Въ остаткахъ доисторической старины на о—вѣ Хортицѣ переплелся запутаннымъ узломъ цѣлый рядъ эпохъ съ древнѣйшихъ временъ. Встрѣчающіяся на о—вѣ пещеры могли служить жилищемъ еще первобытнаго человѣка. Для народовъ пастушескаго періода культуры обширный малодоступный о—въ Большая Хортица являлся весьма цѣннымъ для обитанія, какъ привольное и безопасное мѣсто для пастьбы скота. Торговыя сношенія, возникшія на Днѣпрѣ еще на зарѣ исторіи, также должны оставить слѣды на Б. Хортицѣ, самомъ замѣчательномъ изъ Днѣпровскихъ островов.

Обозрѣвъ остатки старины на хортицкихъ островахъ и прилегающихъ мѣстностяхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ данной мѣстности, при чемъ необходимо замѣтить, что такія свидѣтельства касаются почти исключительно о—ва Большой Хортицы.

Какъ извѣстно, русскія лѣтописи упоминаютъ о хортицкомъ островѣ подъ 1103 и 1224 годами. Въ 1103 г. великій князь кіевскій Святополкъ Изяславичъ, предпринявъ походъ противъ

Половцевъ въ союзѣ съ другими князьями, стоялъ ниже пороговъ между прочимъ и на „Хортичимъ" островѣ[1]). Въ 1224 г. на хортицкомъ островѣ держали совѣтъ русскіе князья передъ первой встрѣчей съ татарами на рѣкѣ Калкѣ[2]).

Подъ 1574 есть весьма цѣнное свидѣтельство о Хортицѣ въ польской хроникѣ Бѣльскаго, сообщающаго, что на этомъ о—вѣ „мешкали" низовые козаки, стекавшіеся сюда изъ Украины для промысловъ и набѣговъ въ татарскія земли. Авторъ хроники, племянникъ одного изъ предводителей низовыхъ козаковъ, Орнишевскаго, имѣвшій возможность слышать обстоятельные разсказы о низовьяхъ Днѣпра, занесъ въ свою хронику мнѣніе, что для польскаго государства было бы очень важно построить замки и осадить поселенія на такихъ днѣпровскихъ островахъ какъ Хортица, Кохання (вѣроятно Таволжиный о—въ, одинъ изъ наибольшихъ и неприступныхъ острововъ, находящійся между порогами Будиломъ и Гадючимъ) и о—въ Томаковка[3]).

Къ 1594 г. относится свидѣтельство объ о—вѣ Б. Хортицѣ Эриха Лоссоты: „островъ прекрасный, высокій и уютный, въ длину имѣетъ 2 мили и раздѣляетъ Днѣпръ на 2 равныя части. На ряду съ этимъ Лассота сообщаетъ что козаки имѣютъ обыкновеніе содержать на этомъ о—вѣ лошадей въ зимнее время[4]).

Въ четвертомъ десятилѣтіи XVII вѣка зналъ о—въ Б. Хортицу авторъ описанія Украины Бопланъ, опредѣляющій величину о—ва и совѣтующій, какъ и. Бѣльскій, заложить здѣсь крѣпость.

Такимъ образомъ, ни подробное ознакомленіе съ остатками старины на хортицкихъ о—вахъ, ни справка съ относящимися къ нимъ достовѣрными историческими свидѣтельствами не даютъ никакихъ указаній на существованіе Запорожской Сѣчи ни на одномъ изъ хортицкихъ острововъ. Между тѣмъ невозможно

[1]) Лѣтописи по Ипатскому списку, стр. 183.

[2]) Тамъ же, стр. 495.

[3]) Kronika Bielskiego, стр. 719.

[4]) Путевыя записки Лассоты, стр. 30.

объяснить какою-либо случайностію отсутствіе не только свѣдѣній, а даже упоминаній о Запорожской Сѣчи на Хортицѣ, въ такихъ классичесскихъ для исторіи Запорожья источникахъ, какъ отмѣченныя выше свидѣтельства Бѣльскаго, Лассоты и Боплана.

Эти источники для разрѣшенія вопроса о существованіи хортицкой Сѣчи являются достаточно компетентными, какъ по своей хронологической близости къ начальному періоду запорожскаго козачества, такъ и по своей безусловной доброкачественности въ предѣлахъ занимающаго насъ вопроса.

Отмѣченные остатки старины на Хортицкихъ о—вахъ, въ ряду которыхъ нѣтъ даже намековъ на существованіе здѣсь Запорожской Сѣчи, а равно и приведенныя свидѣтельства современниковъ первоначальной поры запорожскаго козачества даютъ достаточное основаніе заключать, что Хортицкой Сѣчи не существовало. Бѣльскій и Бопланъ совѣтуютъ только на будущее время построить укрѣпленіе на Хортицѣ, при чемъ не ссылаются на существованіе здѣсь прочнаго козацкаго укрѣпленія въ прежнее время, что они не преминули бы сдѣлать для большей убѣдительности своихъ предложеній, если бы существовала на Хортицѣ запорожская Сѣчь. Если въ „Дневныхъ запискахъ" Лассоты отмѣчено, что козаки имѣютъ обыкновеніе содержать лошадей на Б. Хортицѣ въ зимнее время, а равно отмѣчено кратковременное существованіе укрѣпленія Дмитрія Вишневецкаго на М. Хортицѣ, то ни въ какомъ случаѣ о Запорожской Сѣчи не умолчалъ бы авторъ этихъ обстоятельныхъ записокъ, въ которыхъ отмѣчены слѣды и большихъ и незначительныхъ приднѣпровскихъ поселеній довольно отдаленной поры [1]).

Приведенными источниками, относящимися къ концу 16 и къ первой половинѣ 17 вѣка, мы ограничиваемъ историческія свидѣтельства на томъ основаніи, что въ предѣлахъ этого времени только и можетъ обсуждаться вопросъ о существованіи хортицкой Сѣчи. Къ концу первой половины 17 вѣка центральный пунктъ запорожцевъ, какъ извѣстно, подвинулся къ Ники-

---

[1]) Кіевская Стар. 1893, № 5, стр. 261—262.

тину Рогу, лежащему въ предѣлахъ Великаго луга, значительно ниже Хортицкихъ острововъ; въ послѣдующее время центръ запорожскаго козачества, постепенно расширявшаго свои владѣнія, подвигался еще дальше на югъ до мѣста послѣдняго Коша запорожскаго на рѣкѣ Подпольной (т. е. текущей подъ полемъ).

Какую же роль игралъ о—въ Большая Хортица съ прилегающими мѣстностями въ исторіи запорожскаго козачества?

На этотъ вопросъ въ значительной степени отвѣчаютъ отмѣченные выше остатки старины въ данной мѣстности и приведенныя историческія свидѣтельства. Названные источники указываютъ, что эта мѣстность является центральною въ исторіи запорожскаго козачества въ промежутокъ времени отъ Дмитрія Вишневецкаго до Конашевича-Сагайдачнаго включительно. Въ предыдущую пору значеніе центральныхъ пунктовъ для Запорожцевъ имѣли Черкасы и Каневъ [1]); въ послѣдующее время отъ Сагайдачнаго до Богдана Хмельницкаго, особенно за послѣднее 10 лѣтіе, Запорожье находилось въ упадкѣ, такъ что въ этотъ періодъ его существованія не можетъ быть указано опредѣленнаго центра для низовыхъ козаковъ [2]).

Придерживаясь точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ можно утверждать, что о—въ Большая Хортица и прилегающія мѣстности во второй половинѣ 16-го и въ первой четверти 17 вѣка были прочно заняты низовыми запорожскими козаками. Бѣльскій говоритъ только, что въ 70-хъ годахъ 16-го вѣка о—въ Хортица былъ занятъ низовцами такъ же, какъ и другіе большіе и неприступные днѣпровскіе о—ва; Лассота, путешествовавшій на Запорожье во время большого козацкаго похода во владѣнія крымскаго хана и заставшій козацкій лагерь на Бузвлукскомъ о—вѣ въ предѣлахъ Великаго луга, не распространялся о пребываніи Запорожцевъ въ занимающей мѣстности, но въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ это пребываніе въ такомъ же смыслѣ, какъ и Бѣльскій. О характерѣ пребыванія Запорожцевъ въ данной мѣстности при Конашевичѣ Са-

[1]) Кіевская Стар. 1884 г. № 8, стр. 601.

[2]) Антоновичъ, Исторія малор. козачества, Литогр. зап., стр. 64.

гайдачномъ мы не имѣемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ; но судя по остаткамъ старины, не имѣемъ основанія сказать о Хортицкой мѣстности больше, чѣмъ о стоянкахъ здѣсь козацкаго войска [1])

Бопланъ, говоря о козацкомъ возстаніи подъ предводительствомъ Павлюка и Томиленка, упоминаетъ неоднократно о козацкихъ стоянкахъ въ сѣверной части запорожскихъ владѣній, выше пороговъ; о характерѣ пребыванія запорожцевъ на о—вѣ Хортицѣ съ прилегающими мѣстностями нѣтъ свѣдѣній въ „Описаніи Украйны". Умалчиваніе Боплана о хорошо извѣстной ему Хортицкой мѣстности нельзя ничѣмъ объяснять, какъ только тѣмъ, что характеръ пребыванія запорожцевъ въ этой мѣстности ничѣмъ особеннымъ не отличался въ чертѣ мѣстностей, занятыхъ запорожскимъ козачествомъ. Великій лугъ съ озеромъ Скарбнемъ, получившимъ названіе отъ войсковой „скарбницы", имѣвшіе въ эту пору выдающееся значеніе для низовыхъ козаковъ, нашли же мѣсто въ описаніи Боплана, хотя они ему были гораздо менѣе извѣстны, чѣмъ о—въ Б. Хортица съ прилегающими мѣстностями.

Такимъ образомъ всѣ изложенныя выше данныя позволяютъ говорить только о сборныхъ пунктахъ Запорожцевъ на Хортицкихъ о—вахъ съ прилегающими мѣстностями, а не Хортицкой Запорожской Сѣчи.

Л. Падалка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Огромный ростъ запорожскаго козачества при Сагайдачномъ заставляетъ предполагать, что козацкимъ войскомъ въ эту пору занято было не только урочище „Сагайдашне", а могли быть заняты и другія мѣста. Отсутствіе въ настоящее время мѣстныхъ преданій по этому поводу не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ современное населеніе ближайшихъ къ Хортицѣ мѣстностей, какъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, такъ и въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, является чуждымъ для запорожскихъ преданій, относящихся къ тому же къ довольно отдаленному времени. Названіе урочища „Сагайдашне", быть можетъ, потому и сохранилось, что урочище это находится на лѣвой сторонѣ Днѣпра, занятой традиціонно-мѣстнымъ населеніемъ; правая сторона Днѣпра въ этой мѣстности на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, какъ по теченію рѣки, такъ и въ глубину степи, занята нѣмцами—колонистами,

СХЕМАТИЧЕСКАЯ

КАРТА

О-ВА ХОРТИЦЫ

СЪ ПРИЛЕГАЮЩИМИ

МѢСТНОСТЯМИ Р. СРЕДНЯЯ ХОРТИЦА.

Масштабъ 1 дюймъ около 600 с. кв.

Условные знаки:

- редутъ.
- валъ земляной.
- оврагъ.
- * скалы.

N
S

р. Днѣпръ
С. Павло кичкасъ
Козловка скеля
Плорина
Балка кичкасъ
Окопъ
Степонсъ (Малая) Хортица
Лохвина
Федоровка
Скеля Хмарна
Скеля Прачъ
Пещера Школа
Скеля Дзвиныця
Голубына скеля
Кол. Кичкасъ (Эйнлаге)
Кичкачая переприсъ
р. Верхн. Хортица
Царская пристань
Стовбы
ур. Сагайдашне
Окопъ
Бухта
Верхня голова
Музычина балка
Канцеровский оврагъ
О-въ Дубовый
Стрый окопъ
Савутына скеля
Вошыва скеля
Дымна скеля
О-въ (Большая) Хортица
Колонія
Днѣпръ
с. Вознесенскъ
Нызна Голова
Г. Александровскъ
Р. Б. Московка
Р. Старый Днѣпръ (Сухой)
оз. Лозоватое
оз. Головковское
оз. Домаха
оз. Кроплой
оз. Осокоровое
Пидгорпыи
Днѣпръ
р. Средняя Хортица
р. Нижняя Хортица
о-въ Корнетовъ
Днѣпръ

Киевск. стар." 1894, май.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Разставшись съ родиной въ концѣ августа 1844 года, я вернулся въ Кіевъ. „Словесниковъ“ моего выпуска было всего девять человѣкъ, изъ коихъ пять казеннокоштныхъ, будущихъ педагоговъ, обязанныхъ шестилѣтней службой по назначенію отъ правительства. Въ ожиданіи такого назначенія, мы продолжали ѣсть казенный хлѣбъ, оставаясь въ институтѣ. Желая поскорѣй узнать свою судьбу, мы частенько заглядывали въ попечительскую канцелярію, гдѣ между прочимъ намъ сказали, что практиковавшееся до насъ правило—предоставлять кандидатамъ мѣста старшихъ учителей съ 400 рублевымъ окладомъ, а „дѣйствительнымъ студентамъ“ должности младшихъ съ 300 рублевымъ жалованьемъ, что это освященное обычаемъ правило, начальствомъ отмѣнено: всѣ окончившіе курсъ, безъ различія ученыхъ степеней, съ этого времени должны будутъ начинать свою службу съ младшаго учителя. Просьба наша объ отсрочкѣ такого новшества до слѣдующаго выпуска оставлена безъ послѣдствій. Въ началѣ сентября состоялось и наше назначеніе: поляковъ назначили за Днѣпръ, а православныхъ въ юго-западныя губерніи. На мою долю досталась гимназія *Винницкая.*

Такъ какъ эта гимназія въ 1847 году изъ Винницы переведена въ Бѣлую-Церковь, то о шестимѣсячной своей службѣ въ Винницѣ я разскажу тогда, когда доберусь до бѣло-церковской гимназіи. Теперь же я постараюсь занять вниманіе благосклоннаго читателя гимназіей *Немировской.*

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ за 1889 годъ № 12.

Немировская гимназія.

(1845—1852).

Jo giudico che sia impossibile, senza offendere molti, descrivere le cose de' tempi suoi.

Маккіавели.

Предисловіе.

Воспоминанія о Немировской гимназіи принадлежатъ къ самымъ тяжелымъ годамъ моей учительской службы. Они главнымъ образомъ вращаются около личности одного человѣка— директора Зимовскаго, безъ него же ничто-же бысть, яже быша.

Недаромъ сей доморощенный педагогъ, пародируя извѣстное изреченіе Людовика XIV: l'état c'est moi, любилъ самодовольно повторять: гимназія—это я! Всѣ отправленія нетолько училищной, но и домашней жизни каждаго изъ его подчиненныхъ находились въ полнѣйшей отъ него зависимости; отъ него не было возможности укрыться ни въ тиши кабинета, ни у семейнаго очага: окруживъ себя шпіонами, онъ зналъ все, что говорилось въ тѣсномъ кругу пріятелей и даже что у кого варилось въ горшкѣ. На всемъ отпечатлѣвались глубокіе слѣды лапъ этого восьминога, въ которыхъ онъ, какъ въ тискахъ, сжималъ немировскую гимназію втеченіе 10 лѣтъ. Нѣкоторые, изъ весьма впрочемъ немногихъ приверженцевъ „незабвеннаго Егора Яковлевича" [1]), стараются оправдать деспотическія за-

---

[1]) Къ числу панегиристовъ Зимовскаго, заявившихъ печатно о его quasi педагогической дѣятельности, относится авторъ „Исторической записки" на 50 ти лѣтній юбилей Немировской гимназіи (1888 г.) *Стрибульскій*, который, впрочемъ совершенно невольно, введенъ былъ въ заблужденіе ежегодными отчетами о состояніи гимназіи въ 40-хъ годахъ, составленными самимъ директоромъ—это единственный источникъ, изъ котораго авторъ почерпнулъ свѣдѣнія—хороша исторія!

Другой поклонникъ его *Солтановскій*, авторъ Записокъ, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ" за 1893—4 годы, также воздалъ ему похвалы не по заслугамъ. Г. Солтановскаго я зналъ, какъ своего бывшаго ученика, который состоялъ въ числѣ немногихъ „любимцевъ" директора и пользовался его особеннымъ покровительствомъ и потому неудивительно, что онъ изъ Зимовскаго сотворилъ себѣ кумира.

машки его господствовавшимъ въ 40-хъ годахъ направленіемъ, утверждая, что суровость его режима non vitia hominis, sed vitia saeculi, но господа эти правы только отчасти: благоразумная строгость и требовательность въ начальникѣ, при халатномъ отношеніи къ дѣлу большинства тогдашнихъ педагоговъ, конечно, была необходима; но если строгость переходитъ предѣлъ, она граничитъ съ безуміемъ. Личность Зимовскаго, съ одной стороны, дѣйствительно есть продуктъ тогдашняго состоянія служебной атмосферы, но съ другой стороны, въ ней много такого, чего нельзя оправдать никакими вѣяніями свыше, никакими обстоятельствами времени.

Главный источникъ всяческихъ безобразій „добраго стараго времени"—одинъ и тотъ же: наше родное крѣпостное право. Оно портило и нашихъ лучшихъ людей и наши лучшія учрежденія; по образу и подобію его складывался весь общественный и служебный бытъ Россіи того времени. Для того, чтобы пріобрѣсть благоволеніе начальства, отъ насъ требовались жертвы, равносильныя нравственному самоубійству: не имѣть своей воли, сдѣлаться автоматомъ, приводимымъ въ движеніе по усмотрѣнію начальства. Какъ видно, аракчеевскіе принципы практиковались не въ одномъ Грузинѣ. „Всякій человѣкъ, показывавшій признаки самостоятельности и самоуваженія, Аракчееву казался врагомъ общественнаго спокойствія; пришибить въ человѣкѣ человѣческое достоинство, сдѣлать изъ человѣка тряпку, мочалку, годную для затычки всякой дыры—вотъ его государственная система" [1]). Принципы эти черезъ фонъ Брадке унаслѣдованы его креатурой Зимовскимъ. Случилось это такъ:

Когда бывшій сотрудникъ Гр. Аракчеева по управленію военными поселеніями Е. Θ. фонъ Брадке былъ назначенъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, неизвѣстно по чьей рекомендаціи, онъ пригласилъ къ себѣ на должность старшаго письмоводителя своей канцеляріи нѣкоего Зимовскаго, который по окончаніи юридическаго факультета въ Харьковѣ, незадолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ столицу искать службы по министер-

---

[1]) См. Древн. и Нов. Россія 1877, № 12.

ству юстиціи. Тогда еще очень молодой человѣкъ, Егоръ Яковлевичъ своимъ дѣловымъ характеромъ, исполнительностію, умѣньемъ угодить начальству и практическимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ пришелся очень по нраву энергическому и неугомонному фонъ Брадке. Скоро Зимовскій сдѣлался самымъ приближеннымъ лицомъ попечителя. Карьера его, не въ примѣръ другимъ, пошла быстро. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ синдикомъ университета св. Владиміра, а въ 1836-мъ, 25 лѣтъ отъ роду—инспекторомъ 2-й кiев. гимнизiи [1]).

„Назначеніе Зимовскаго во 2-ю кіевскую гимназію инспекторомъ, говоритъ хроникеръ этого заведенія И. И. Слѣпушкинъ: вызвало смуты въ средѣ личнаго ея состава. Зимовскій обладалъ несчастными чертами характера, не располагавшими къ нему ни его сослуживцевъ, ни его подчиненныхъ, ни даже учениковъ". Къ концу 1838 г. не проходило ни одного засѣданія, въ которомъ бы инспекторъ согласился съ большинствомъ и не подалъ бы отдѣльнаго мнѣнія. Это вооружило противъ него всѣхъ учителей, которые особенно были задѣты за живое однимъ изъ его „мнѣній", гдѣ, говоря о преподавателяхъ, онъ позволилъ себѣ употребить выраженіе „нерадивые". Послѣдствіемъ этихъ дрязгъ, столь вредныхъ въ дѣлѣ воспитанія, въ 1839 г. состоялось перемѣщеніе Зимовскаго въ волынскую гимназію. Но и тамъ онъ не удержался: его безпокойный, неуживчивый нравъ вооружилъ противъ него всѣхъ. Учитель русскаго языка Зубъ, человѣкъ весьма дѣльный, былъ оскорбленъ инспекторомъ въ присутствіи учениковъ, вслѣдствіе чего, едва З—й успѣлъ выйти изъ класса, Зубъ, стоя на порогѣ, обратился по его адресу съ весьма нелюбезными выраженіями, показавъ ему кулакъ. Получивъ объ этомъ происшествіи донесеніе отъ директора, окружное начальство было поставлено въ большое затрудненіе—куда дѣвать это сокровище? И вмѣсто того, чтобы предложить Зимовскому поискать службы въ другомъ вѣдомствѣ, оно, при содѣйствіи всемогущаго тогда правителя канцеляріи Лазова (въ которомъ, послѣ отставки фонъ Брадке, Е. Я. нашелъ по-

[1]) Родился въ 1811 году; окончилъ курсъ университета 1832; поступилъ на службу по министерству юстиціи и перемѣщенъ въ Кіевъ 1833. Ум. 1882.

кровителя) послало его исправлять должность инспектора да не одного, а двухъ заведеній: Лицея Кн. Безбородка и нѣжинской гимназіи, мотивируя такое незаслуженное повышеніе строгостію директора Экеблада, извѣстнаго укротителя строптивыхъ.

Покойный профессоръ Н. Т. Костырь, при разборѣ басень Крылова, проводилъ параллель между учиненнымъ надъ Щукой правосудіемъ и назначеніемъ Зимовского въ Нѣжинъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бесѣдъ любимаго профессора, я, не зная тогда Зимовского вовсе, примѣняясь къ содержанію басни, написалъ что-то въ родѣ сатиры, подъ заглавіемъ:

Судъ надъ Щукой.

На Зимовского въ Округѣ опять доносъ,
Что отъ него въ Житомірѣ житья не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватаго, какъ надлежало,
Хотѣли было вызвать въ Кіевъ тотъ же часъ;
Но передумало сердитое начальство,
Рѣшивъ заочно осудить на этотъ разъ
Неисправимое его канальство:
„Инспекторъ Зимовской при Брадке былъ судимъ,
И не смотря на то, что сей пройдоха
Былъ попечителемъ любимъ,
Для водворенія спокойствія и мира
Въ гимназіи второй, его перевели
Въ Волынскую. И тамъ онъ не ужился
И нравомъ не смирился:
Опять всѣ загули,
Что отъ него житья учителямъ не стало;
Взбѣшенный Зубъ чуть не прибилъ его.
(Есть слухъ, что кто-то и побилъ его, да мало,
Онъ не исправился нисколько оттого).
Quousque tandem намъ терпѣть такого педагога—
Онъ язва, онъ позоръ!“
(Лишь Катилину Цицеронъ судилъ такъ строго)
И судьи изрекли свой грозный приговоръ:
„Чтобъ не имѣть впередъ начальству затрудненій
Съ такими мерзкими людьми, какъ Зимовской—
Прогнать его, безъ всякихъ объясненій
И честнымъ людямъ дать покой“.
Тѣмъ бы, кажись, и кончить судьямъ совѣщанье;
Анъ нѣтъ, на этомъ не конецъ.
Почтенное сановниковъ собранье

Желало знать, что скажетъ Лазовъ имъ дѣлецъ.
Молчалинъ имъ сказалъ бы несомнѣнно,
Что онъ не можетъ смѣть
Свое сужденіе имѣть,
Иль молча поклонился бы смиренно.
Не изъ таковскихъ Лазовъ былъ юристъ:
Когда возьмется онъ за казусное дѣло,
Хоть чинъ его и неказистъ,
А говоритъ передъ начальствомъ смѣло:
„Почтенные судьи! Правитель началъ рѣчь:
По моему сужденію, уволить мало,
Иную казнь назначить бы ему, какой
Не видано у насъ,
При попечителѣ фонъ Брадке:
Такимъ плутамъ, какъ Зимовской,
Не слѣдуетъ давать повадки.
Во градѣ греческихъ колбасъ и огурцовъ—
Есть Христіанъ Адольфовичъ директоръ,
Искусный укротитель всяческихъ скотовъ;
Да-съ, у него инспекторъ,
Какъ часовой на вытяжку стоитъ;
Онъ никому не дастъ поблажки;
Онъ Зимовскому пыль стирать велитъ
И съ полу подымать ненужныя бумажки.
Туда его, бездѣльника, послать
Онъ долженъ будетъ тамъ смириться
И станетъ на себя весь вѣкъ пѣнять
Что на Волыни не умѣлъ ужиться".
—„И по дѣломъ ему! промолвилъ главный чинъ [1]):
Въ лицей его инспекторомъ назначить
И въ формулярѣ обозначить:
Перемѣщенъ безъ объясненія причинъ".—
Точь-въ-точь какъ въ баснѣ дѣдушки Крылова:
Судъ присудилъ: повѣсить Щуку на суку!
Но лишь Лиса промолвила два слова—
И щуку бросили въ рѣку.

Впослѣдствіи времени Е. Я—чъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, часто вспоминалъ о своей нѣжинской службѣ, и, указывая на свою раннюю сѣдину, прибавлялъ: „я посѣдѣлъ у Экеблада"!

Но и въ Нѣжинѣ онъ не усидѣлъ, хотя и посѣдѣлъ.

---

[1]) Послѣ фонъ Бадке попечителемъ б. кн. Давыдовъ.

Въ 1841 году между имъ и директоромъ немировской гимназіи И. Г. Кулжинскимъ, который, якобы для воспитанія дѣтей, пожелалъ перейти въ Нѣжинъ,—состоялось добровольное соглашеніе помѣняться мѣстами, хотя люди близко знакомые съ дѣломъ, утверждали, что Егоръ Яковлевичъ просто надулъ Кулжинскаго, увѣривъ его, что Экебладъ скоро выйдетъ въ отставку и что ему, Кулжинскому, очень легко будетъ занять его мѣсто, такъ какъ самъ онъ, Зимовскій, по неимѣнію для того подходящаго чина, лишенъ всякой надежды этого достигнуть. Изъ того обстоятельства, что И. Г. Кулжинскому пришлось удирать отъ директора Экеблада на Кавказъ, не дождавшись его отставки, можно заключить, что онъ, мѣняя самостоятельную директорскую должность на зависимую инспекторскую, зная притомъ крутой нравъ Христіана Адольфовича, расчитывалъ именно на эти шансы.

Представленіе начальству.

Утомительная ѣзда на жидовскихъ клячахъ навела на меня сонъ, который былъ тѣмъ болѣе мнѣ необходимъ, что мы съ Пристюкомъ [1]) пробалагурили до бѣла дня. Я проспалъ большую часть 40 верстнаго пути и, вечеру сущу, въѣхалъ въ м. Немировъ.

Остановился я у своего земляка П. О. Ющенка, учителя исторіи, годомъ раньше меня окончившаго университетъ. Вечеръ провели мы въ интимной бесѣдѣ за самоваромъ и изъ того, что узналъ я о личности директора, совершенно убѣдился, что ходившія о немъ легенды похожи на правду. Какъ историкъ, изучающій характеристики историческихъ дѣятелей, Ющенко окрестилъ своего начальника подходящимъ, по его мнѣнію, именемъ Маккіавелли; но мнѣ такое уподобленіе показалось профанаціей великаго человѣка: громкое въ исторіи итальянскихъ республикъ имя пламеннаго патріота, глубокаго политика и знаменитаго писателя, пріуроченное мелочному пигмею, пріобрѣвшему печальную извѣстность лишь доносами и самодурствомъ, оскорбило бы тѣнь великаго человѣка. Маккіавелемъ,

---

[1]) Мой сослуживецъ по Винницкой гимназіи.

какъ я узналъ послѣ, Зимовскаго никто не называлъ, кромѣ историка. Судя по надписямъ на гимназическихъ заборахъ, гораздо бóльшею популярностію въ мѣстечкѣ пользовалось другое прозвище—Югурты и Родэна. Но все таки мой землякъ имѣлъ нѣкоторое основаніе называть директора Маккіавелемъ. Этотъ самонадѣянный администраторъ, усвоивъ себѣ маккіавелевское правило: divide et impera и нетолько не встрѣчая ни въ комъ противодѣйствія своему произволу, а напротивъ, одобреніе льстецовъ и идіотовъ, возмечталъ изобразить своею особой идеалъ того деспота, который, по мнѣнію великаго флорентинца, былъ необходимъ для спасенія раздробленной, униженной и изнеможенной въ его время Италіи.

На другой день, не безъ внутренняго волненія, я сталъ собираться къ явкѣ передъ особу г. директора.

— Слухай, Михайло! обратился ко мнѣ землякъ: якъ пріидешъ до директора, то якъ побачишь, що есть найпоганійшаго въ свити, то и кланяйся, бо то буде винъ. Бо щобъ часомъ не случилось изъ тобою того, що зо мною, якъ я приставлявся ему въ первый разъ.

Дѣло въ томъ, что когда мой почтенный коллега явился въ первый разъ къ директору, то съ нимъ случилась такая оказія: войдя въ переднюю, (она же и пріемная) онъ встрѣтилъ какую то неказистую фигуру и, принявъ ее за лакея, спросилъ: дома баринъ?

— Что вамъ угодно? переспросила его въ свою очередь фигура, гордо откинувъ назадъ голову и бросивъ всесокрушающій взглядъ на посѣтителя.

— Оце жъ я до васъ на учителя пріихавъ, отвѣтилъ Ющенко, кладя на столъ шляпу, но удержавъ въ рукѣ палку.

— Какъ вы, м. г., осмѣлились явиться ко мнѣ съ палкой, развѣ къ начальнику такъ можно являться? Зарычалъ со злостью директоръ и пробралъ новичка на обѣ корки.

Не могу объяснить себѣ странности нашихъ юныхъ педагоговъ—при выѣздѣ на службу запасаться палками, точь въ точь, какъ молодые священники „стрижаки“, при вступленіи въ іерейскій санъ, пастырскимъ жезломъ. Не есть ли это необходи-

мый атрибутъ учительскаго званія, уцѣлѣвшій со временъ попа Сильвестра и знаменовавшій символъ воспитанія дѣтей жезломъ? Какъ бы тамъ ни было, а на мою бѣду, землякъ забылъ предупредить меня насчетъ палки, тогда я, конечно, оставилъ бы ее на квартирѣ, идучи къ нему.

Переступивъ порогъ пріемной комнаты, я нашелъ въ ней весьма не казистую фигурку, которую дѣйствительно можно было принять за лакея. Представьте себѣ человѣка средняго роста, съ некрасивымъ оваломъ лица, съ носомъ конусообразной формы, зеленоватыми глазами и низко остриженными волосами, одѣтаго въ фланелевый балахонъ темнозеленаго цвѣта, съ черными костяными пуговицами, но державшагося прямо и гордо. Окинувъ меня быстрымъ проницательнымъ взглядомъ и замѣтивъ въ рукѣ у меня палку, онъ нервически дрыгнулъ ногой, мотнулъ головой и сдѣлалъ жестъ рукой—всѣ эти отправленія совершены моментально, какъ бы силою электрическаго тока; но такъ же быстро онъ и оправился, принявъ повелительно спокойную осанку и съ словомъ: пожалуйте! повернулъ въ гостинную; не оборачиваясь прошелъ въ кабинетъ, сѣлъ въ кресло подлѣ своего рабочаго стола и молча указалъ мнѣ рукой на стулъ. Замѣтивъ, что со мною нѣтъ ненавистной ему палки, оставленной мною въ первой комнатѣ, онъ, повидимому, успокоился. Позондировавъ меня бѣглыми вопросами касательно моего предмета и метода его преподаванія, онъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста и сильно постучалъ въ окно. Кабинетъ окнами выходилъ на дворъ, огороженный отъ улицы штахетами, такъ что онъ могъ видѣть все, происходившее на улицѣ. На сей разъ мимо проходилъ инспекторъ и стукъ въ окно относился къ нему.

Довольно толстенькій, рыхлый старичекъ, шедшій до того медленно, заслышавъ хорошо знакомый ему стукъ, вздрогнулъ и быстро зашагалъ по направленію къ директорской квартирѣ. Откланявшись премьеру, я въ дверяхъ столкнулся съ инспекторомъ, которому меня и передали для ознакомленія съ гимназическими порядками.

— Худо, что у васъ нѣтъ мундира, замѣтилъ на прощанье директоръ: не имѣть мундира, значитъ не дорожить своимъ

званіемъ и не уважать начальство. На безмундирныхъ чиновниковъ я смотрю какъ на санкюлотовъ, такихъ нѣтъ въ моей гимназіи, а потому вы непремѣнно должны сшить мундиръ.

Инспекторъ Я. О. Беккаревичъ оказался весьма почтеннымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Онъ отнесся ко мнѣ съ чрезвычайнымъ добродушіемъ и ласковостью, не обнаруживъ и тѣни начальничьяго тона. При всемъ томъ въ его обхожденіи замѣтна была какая-то натянутость, сдержанность, въ особенности онъ какъ-то терялся, когда къ столу, за которымъ мы сидѣли въ сборной учительской, подходили совершенно безъ надобности одинъ за другимъ надзиратели.. Замѣтилъ я еще, что коль скоро рѣчь касалась директора, мой собесѣдникъ видимо стѣснялся высказывать о немъ свое мнѣніе, махалъ только руками и оглядывался по сторонамъ, какъ бы желая убѣдиться, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь.

Во время перемѣны въ залу вошли учителя съ классными журналами въ лоснящихся переплетахъ, и, окруживъ столъ, начали тщательно отмѣчать баллы, справляясь по временамъ съ карманными книжечками, тоже однообразно переплетенными.

При входѣ директора, всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, какъ ужаленные, и вытянулись въ струнку, какъ солдаты предъ отцомъ командиромъ. Не обративъ на такую, чисто военную, субординацію ни малѣйшаго вниманія, даже не кивнувъ головой, директоръ схватилъ меня подъ руку и потащилъ за собой черезъ залу. Озадаченный такой неожиданной любезностію, я не зналъ, какъ мнѣ быть и какъ держать себя. Высвободивъ, однакожъ, мало по малу свою руку отъ непрошенныхъ лобзаній, я принялъ довольно развязную позу и ходилъ въ продолженіе всей перемѣны по залѣ, заложивъ за спину руки, стараясь уклоняться отъ любезностей начальства, но напрасно: разговаривая со мной, директоръ безпрерывно дѣлалъ козлиные прыжки, размахивалъ руками, бралъ меня за пуговицу, подталкивалъ локтемъ, не давая мнѣ ни на минуту забыть, что я удостоенъ великой чести говорить съ начальствомъ. Неудержимый потокъ директорскаго словоизверженія направленъ былъ на меня съ цѣлію познакомить новичка съ существующими въ

его заведеніи порядками, выставить превосходство Немировской гимназіи передъ всѣми другими и представить свою личность чѣмъ то необыкновеннымъ, неподражаемымъ, геніальнымъ.

— Гдѣ вы найдете, тó, чтó въ моемъ заведеніи? Въ цѣломъ округѣ нѣтъ подобной гимназіи, да что въ округѣ—въ цѣлой Россіи: да что Россія!... Заключилъ онъ свой панигирикъ, причемъ махнулъ рукой и мотнулъ головой.

Возвѣстившій окончаніе перемѣны звонокъ прервалъ на время монологъ самовосхваленія, въ которомъ безпрестанно слышались слова: „мое заведеніе, мои учителя, мой инспекторъ и т. п. „Вотъ онъ индійскій Брама, все сущее въ себя воплотившій и все въ себѣ содержащій“, подумалъ я, невольно припомнивъ лекцію Ореста Марковича Новицкаго.

Едва послышалось на коридорѣ пронзительное дребезжаніе звонка, какъ все, что было въ залѣ, встрепенулось: учителя опрометью бросились къ журналамъ и почти бѣгомъ устремились къ дверямъ, стараясь одинъ передъ другимъ выказать, въ присутствіи начальника, свое усердіе къ службѣ.

— Видите ли? обратился ко мнѣ директоръ, когда зала въ одну минуту опустѣла: гдѣ вы найдете это? во всемъ округѣ, да что въ округѣ и т. д.

Въ тоже время изъ коридора вошли въ залу инспекторъ въ сопровожденіи двухъ нарзирателей. По всему зданію воцарилась мертвая тишина. „Ну гдѣ вы найдете что нибудь подобное“? опять было запѣлъ свою обычную пѣсню директоръ, но остановился, какъ бы чего то сконфузившись.

Дѣйствительно, надобно отдать ему справедливость; все, что я видѣлъ до того въ Винницѣ, не выдерживало никакой критики въ сравненіи съ тѣмъ, что я нашелъ здѣсь. Тамъ даже сборной учительской не было: на перемѣнахъ мы всѣ стояли на дворѣ въ шубахъ и входили въ классъ, не раздѣваясь, спустя четверть часа послѣ звонка, а то и 20 минутъ бывало пройдетъ, если анекдотъ Волковскаго оказывался черезчуръ длиннымъ. Тамъ и послѣ того какъ учителя разойдутся по классамъ гулъ и гамъ не прекращались еще долго.

Замѣтивъ, что впечатлѣніе, произведенное на меня образцовыми порядками, весьма благопріятно, директоръ старался еще болѣе удивить меня чудесами своего заведенія. Онъ велѣлъ надзирателямъ выложить на столъ находившіеся у нихъ на храненіи вѣдомости и журналы. Тутъ была огромная книга monstrum-in folio, подъ названіемъ „книга жизни учениковъ“ или проще общая вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, штрафной журналъ, вѣдомость о пропущенныхъ преподавателями урокахъ, объ ихъ опаздываніи (совершенно чистая), мѣсячныя учительскія вѣдомости и все это, не смотря на то, что годъ близился къ концу, блестѣло и лоснилось. Чистота и опрятность этихъ „документовъ“ простирались до того, что въ „книгѣ жизни“ не было не только ни одной подчистки, но ни одной точки возлѣ цифръ, ни одного атома песку, котораго г. директоръ „терпѣть не могъ“ и потому вовсе не употреблявшагося во всей гимназіи, и все это было написано самымъ изящнымъ почеркомъ рукою искуснаго каллиграфа, секретаря педагогическаго совѣта Донченка, на заранѣе приготовленныхъ печатныхъ бланкахъ, на дорогой александрійской бумагѣ, которая въ другихъ гимназіяхъ употреблялась только для рисованія и черченія. Расходы по изготовленію всѣхъ этихъ ненужностей производились изъ несчастнаго жалованья преподавателей.

Во всемъ видѣнномъ мною нельзя было не замѣтить аракчеевскихъ порядковъ, которые преемственно изъ военныхъ поселеній черезъ Брадке перешли къ Зимовскому.

Общія ученическія квартиры.

Оставалось еще одно невиданное мною чудо—chef d'oeuvre директорскаго творчества—общія квартиры, которыя, вѣроятно, не безъ цѣли оставлены, для вящаго эфекта pour la bonne bouche. Освободивъ меня въ этотъ день отъ уроковъ, Е. Я. употребилъ все время на то, чтобы сразу ввести меня въ новую сферу, пробудивъ во мнѣ чувство удивленія и благоговѣнія къ его геніальнымъ учрежденіямъ. Онъ потащилъ меня въ общія квартиры.

Закрытыя заведенія при гимназіяхъ юго-западнаго края учреждены въ 1840 году, въ видѣ опыта, на 10 лѣтъ, но просуществовали до 1856 г. Всѣ воспитанники, если только не имѣли возможности жить у родителей, обязаны были поступать въ общія квартиры. Заведены они были яко бы съ цѣлію облегчить начальству надзоръ за учащимися, что считалось, въ отношеніи польскаго юношества, политическою необходимостью. Что же касается удешевленія содержанія учениковъ, чѣмъ между прочимъ тоже мотивировалось учрежденіе этого рода заведеній, то въ достиженіи такой благой цѣли мы позволимъ себѣ усумниться, по крайней мѣрѣ относительно Немировской гимназіи.

За содержаніе воспитанника въ одно полугодіе взималось среднимъ числомъ 60 рублей, на первоначальное обзаведеніе единовременно 40 рублей, на постройку форменной одежды 30 рублей, серебряная 84 пробы ложка, ножъ и вилка, 20 аршинъ салфеточнаго холста, да сверхъ того нужно было платить репетитору, буфетчику, гардеробщику—такъ что скромная цифра 60 рублей возростала болѣе чѣмъ вдвое. Какъ деньги, такъ и вещи, внесенныя натурой, воспитанникамъ не возвращались, хотя бы кто нибудь изъ нихъ выбылъ изъ заведенія на другой день послѣ вступленія въ него.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что пребываніе воспитанниковъ въ закрытомъ заведеніи, при сравнительной дешевизнѣ въ то время жизненныхъ припасовъ, обходилось родителямъ очень дорого, особенно для бѣдняковъ, которые могли бы пріискать себѣ квартиру за половинную цѣну. [1]).

Не смотря на то, что при составленіи ежегодно смѣты на содержаніе учениковъ, всѣ расходы были предусмотрѣны и точно обозначены, въ концѣ каждаго учебнаго года оставалась не малая сумма, поступавшая въ экономію, которая самымъ легальнымъ путемъ, т. е. съ разрѣшенія попечителя, переходила въ карманы составителей смѣты, при чемъ львиная часть, при де-

---

[1]) Я самъ платилъ за одну порядочную комнату со столомъ, мебелью и отопленіемъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по 10 рублей въ мѣсяцъ (120 рублей въ годъ) сумма равная годичной платѣ въ общ. квартиру.

лежѣ добычи, конечно, доставалась директору, какъ главному воротилѣ этой ловкой денежной операціи.

Важнѣйшія статьи экономически сбереженныхъ остатковъ отъ содержанія воспитанниковъ получались главнымъ образомъ посредствомъ безсовѣстной эксплуатаціи подрядчика-эконома, продовольствовавшаго общія квартиры. Продовольствованіе отдавалось съ торговъ тому, кто соглашался принять предложенныя директоромъ „кондиціи", составленныя самымъ плутовскимъ способомъ. На основаніи, напр., 6 пункта этихъ кондицій „плата подрядчику производится за истекшій мѣсяцъ каждаго 1 числа слѣдующаго мѣсяца, по *наличному составу* воспитанниковъ". Вотъ тутъ-то и закавыка. Если 1 апрѣля приходилось по календарю во время пасхальной недѣли, то за продовольствіе учениковъ въ теченіе всего марта, какихъ нибудь 200 человѣкъ, экономъ получалъ по наличному составу за 10—15 душъ, оставшихся на праздники въ заведеніи; то же самое продѣлывалъ директоръ и 1 января во время зимнихъ капикулъ. Попавши такимъ образомъ въ просакъ, нѣкоторые подрядчики должны были бѣжать изъ мѣстечка, отказавшись отъ внесеннаго ими залога. А экономическая сумма все росла да росла [1]).

Общія ученическія квартиры на оффиціальномъ языкѣ именовались „учебно-воспитательными заведеніями". Если воспитаніе понимать такъ, какъ понимала его г-жа Простакова, т. е. какъ питаніе, то, пожалуй, ихъ можно назвать воспитательными. Но поляки, на перекоръ оффиціальному языку, понимали эти заведенія по своему, упорно продолжая называть ихъ „казармами" и они въ нѣкоторомъ отношеніи были совершенно правы: уже одинъ штабсъ-капитанъ Мальцевъ, надзиратель 3-го разряда, давалъ имъ полное право называть эти заведенія, къ великой досадѣ директора, „казармами". Авторъ „Гимназической переписки", помѣщенной въ „Основѣ" (1862 г.), довольно вѣрно охарактеризовалъ общія квартиры, назвавъ ихъ „учебно-смирительными заведеніями", въ которыхъ успѣхъ эле-

---

[1]) Къ 1 Января 1852 года экономической суммы общихъ квартиръ числилось 3500 рублей; а награды директору и надзирателямъ выдано 3800 руб.

мента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліяніи элемента смирительнаго.

Общія квартиры до 1848 года помѣщались въ наемныхъ домахъ, а съ этого времени въ большомъ двухъ-этажномъ зданіи, построенномъ на счетъ почетнаго попечителя гр. Потоцкаго, гимназія же все время тѣснилась въ одноэтажномъ домѣ, выходящемъ окнами на лютеранскую церковъ. Общія квартиры, по количеству вносимой учениками платы, дѣлились на 3 разряда, или отдѣленія. Осмотръ нашъ начался съ 1-го низшаго разряда и окончился 3-мъ—высшимъ.

Внѣшность вообще была не только въ удовлетворительномъ, но можно сказать въ блестящемъ состояніи, такъ что общія квартиры Немировской гимназіи могли носпорить съ кіевскими благородными пансіонами. О винницкихъ казармахъ нечего и говорить: это были сараи въ сравненіи съ ними. Обходя помѣщенія воспитанниковъ, мнѣ оставалось только удивляться ихъ образцовому устройству и похваливать. Самолюбіе директорское было совершенно удовлетворено; онъ торжествовалъ.

Здѣсь тоже имѣлись особыя книги, подобныя видѣннымъ мною въ гимназіи: для записыванія штрафовъ, для внесенія отмѣтокъ изъ классныхъ журналовъ, для отпусковъ, для посѣтителей, для особыхъ происшествій и т. д.

Когда мы вошли въ дортуаръ 2-го разряда, Е. Я—чъ заставилъ меня искать клоповъ, которыхъ дѣйствительно не оказалось ни въ кроватяхъ, ни въ тюфякахъ. Потомъ предложилъ мнѣ искать пыли, которой тоже не оказалось ни на полу, ни на окнахъ, ни на табуретахъ подлѣ кроватей.

— Такъ вы такъ ищете пыли? Эхъ вы! обратился ко мнѣ директоръ полунасмѣшливымъ тономъ и мигомъ сдвинулъ съ мѣста нѣсколько кроватей.

— Что? есть пыль? попробуйте, попробуйте! говорилъ онъ, указывая на мѣсто, гдѣ стояли ножки кроватей: вотъ гдѣ я ищу пыли!

Подъ ножками не было ни пылинки—и тамъ полъ лоснился, какъ и вездѣ. Выходя изъ послѣдняго разряда, Е. Я—чъ,

съ самодовольнымъ видомъ, обратился ко мнѣ съ своей обычной пѣсней:

— Ну что? каково? а? да есть ли въ какой нибудь гимназіи что нибудь подобное моей? Во всемъ округѣ не найдете, да что въ Округѣ! и т. д.

Разстались мы самымъ любезнымъ образомъ.

Прійдя на квартиру, я занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ впечатлѣній, но о чемъ ни начиналъ думать изъ видѣннаго и слышаннаго въ этотъ первый день моего пребыванія въ новой обстановкѣ, все затмѣвалось личностью директора, на всемъ лежалъ отпечатокъ его вліянія, его судорожной, лихорадочной дѣятельности. Все, что я видѣлъ, безъ сомнѣнія, говорило въ пользу его ума, характера, служебной ревности, но зачѣмъ онъ хвастаетъ? Зачѣмъ онъ самъ себя восхваляетъ до небесъ? propria laus sordet.

По окончаніи уроковъ, изъ гимназіи пришелъ и мой историкъ.

— А що, Михайло, понравились тебѣ наши порядки? спросилъ онъ иронически.

Я, разумѣется, обо всемъ отозвался съ похвалой и одобреніемъ.

— Маккіавель! прервалъ меня мой коллега: вижу, что онъ съ перваго дня сталъ объѣзжать тебя... Гм. Поживи съ нами подольше, то й побачишъ, яки у насъ порядки!

— Та вже-жъ що було, то бачилы, а що буде, то побачимъ! а теперь дружище, подумаемъ о томъ, какъ намъ устроиться на совмѣстное жительство.

Переговоривши съ хозяйкой насчетъ помѣщенія, мы скоро пришли къ соглашенію и принялись за устройство своего холостого хозяйства. Квартира показалась мнѣ на первый взглядъ весьма удобною: три комнаты, черезъ улицу гимназія, небольшой садикъ, за садомъ прудъ. Столъ, правда, пришелся мнѣ не совсѣмъ по вкусу, но со временемъ можно будетъ познакомить пани Поплавскую съ потребностями русскаго же-

лудка, и она перестанетъ подавать намъ эти противныя лигоминки съ повидломъ, барщъ зъ набялэмъ, да клюсечки, да разные рассолы.

Педагогическій совѣтъ.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.

На другой день послѣ представленія я приступилъ къ чтенію лекцій и къ знакомству съ учениками. Хотя въ переданной мнѣ мѣсячной вѣдомости я нашелъ весьма крупныя отмѣтки, повидимому, свидѣтельствовавшія объ отличныхъ успѣхахъ учениковъ въ русскомъ языкѣ и словесности, но при провѣркѣ знанія эти оказались пуфомъ. Предмѣстникъ мой А. Я. Рыбицкій, задумавъ уйти въ акцизное управленіе, порядкомъ таки запустилъ свой предметъ. Положеніе мое было крайне щекотливое: годъ близился къ концу и мнѣ приходилось экзаменовать чужихъ учениковъ, уличая ихъ въ невѣжествѣ, по небрежности преподавателя, въ противность наставленныхъ имъ пятерокъ, но директоръ меня успокоилъ.

— Не обращайте никакого вниманія на эти отмѣтки. „Нѣбожчикъ Антонъ Яковлевичъ хотѣлъ оставить по себѣ добрую память да и наставилъ пятерокъ зря.

По классамъ, въ которыхъ мнѣ приходилось преподавать, обвелъ меня инспекторъ, директоръ же счелъ за лучшее подслушивать мои чтенія подъ дверями и такимъ способомъ, заочно, при быстротѣ и мѣткости свойственнаго ему соображенія, съ перваго же дня моей службы, съ непогрѣшимостью святѣйшаго папы, составилъ свое мнѣніе о моихъ преподавательскихъ способностяхъ и высказалъ его сейчасъ же въ присутствіи инспектора и надзирателей. Мнѣніе такого человѣка, которому очень трудно было угодить, безъ сомнѣнія, польстило моему самолюбію. „Ну, подумалъ я: будущность моя обезпечена. Стану усердно работать—чего же больше отъ меня потребуютъ? Слава Богу, что предметъ достался по душѣ“. Но дальнѣйшее пребываніе мое въ Немировской гимназіи показало, какъ я былъ

мало знакомъ съ служебными отношеніями и тѣми вовсе не относящимися къ моимъ прямымъ обязанностямъ требованіями начальства, которыя были предъявлены мнѣ впослѣдствіи.

Спустя недѣли двѣ особою повѣсткой объявлено было засѣданіе педагогическаго совѣта. Ровно къ назначенному времени, минута въ минуту, въ залу вошелъ директоръ и, занявъ предсѣдательское кресло, пригласилъ насъ сѣсть. Я хотѣлъ было занять первый попавшійся стулъ, но меня согнали съ мѣста, заявивъ, что здѣсь члены совѣта садятся по старшинству чиновъ. Окинувъ своими стеклянными глазами всю коллегію, предсѣдатель замоталъ головой—признакъ неудовольствія. На лицо не оказалось законоучителя Любомудрова. Не болѣе какъ черезъ минуту явился и онъ, весь красный, потный и задыхающійся.

— Извините, Е. Я—чъ, обратился онъ къ директору: у меня часы немного отстаютъ.

— Вѣроятно, вы, о. Александръ, пріобрѣли эти часы отъ вашего предмѣстника: онъ тоже по нимъ всегда опаздывалъ. Убійственно холоднымъ тономъ отвѣтилъ ему директоръ.

При этой остроумной выходкѣ начальника большая часть собранія подобострастно осклабилась.

— Вотъ, господа, началъ директоръ: изъ округа получена бумага, которую мнѣ предписано предложить на обсужденіе педагогическому совѣту. И такъ, не угодно-ли вамъ выслушать ее.

Прочитавъ бумагу, Е. Я. предложилъ гг. членамъ высказать свое мнѣніе, затѣмъ, облокотясь на руку, сталъ смотрѣть въ упоръ на присутствующихъ, которые, смиренно уставя брады, краснорѣчиво безмолвствовали. Молчаніе нарушилъ учитель географіи, преданнѣйшій рабъ Его Высокородія, фигурой своей напоминавшій козлоногаго сатира.

— Егоръ Яковлевичъ! гдѣ намъ разсуждать? вамъ не директоромъ быть, а министромъ, вамъ государствомъ управлять, а не гимназіей. Вы, сами и напишите отвѣтъ г. попечителю.

— Да, господа, я знаю, что пороху вы не выдумаете! Отрѣзалъ директоръ и, сказавши такой лестный комплиментъ

почтенному собранію педагоговъ, поспѣшно удалился. Тѣмъ засѣданіе и окончилось.

Меня, какъ человѣка свѣжаго, до глубины души возмутило такое безцеремонное обращеніе съ коллегіей, а еще болѣе то, что ни одинъ изъ ея членовъ и бровью не пошевелилъ, чтобы высказать свое недовольствіе; между тѣмъ какъ тутъ были старые заслуженные люди, которымъ, казалось бы, не подъ силу переносить директорскія грубости. Я, какъ homo novus, началъ бурлить и кипятиться, но мой землякъ Ющенко дернулъ меня за фалды вицмундира, сдѣлавъ выразительную мину. На сей разъ я его послушался и замолчалъ. Но и минутная моя вспышка не прошла мнѣ даромъ: со дня засѣданія начались безконечныя придирки со стороны директора, которому насплетничали на меня мои же сотоварищи, честь и достоинство которыхъ я покусился отстаивать. Донесеніе попечителю дѣйствительно сочинилъ онъ самъ и носился съ нимъ цѣлые два дня, якъ дурень съ пысаною торбой. Для выслушанія его онъ не собиралъ совѣта, но каждому изъ членовъ читалъ свое произведеніе отдѣльно; даже въ общую квартиру заходилъ прочесть его надзирателямъ. Прочелъ и мнѣ.

— Каково? а? спрашиваетъ.

— Не дурно, говорю, какъ оффиціальная бумага написано мастерски.

— Мастерски! Передразнилъ меня авторъ донесенія, качая укоризненно головой, мастерски! хе! Да можетъ ли кто нибудь въ округѣ написать такъ? Да что въ округѣ! въ министерствѣ...

— А позвольте узнать Е. Я. донесеніе это вы пошлете, какъ ваше собственное мнѣніе, отъ себя или отъ совѣта? въ послѣднемъ случаѣ, мнѣ кажется, слѣдовало бы созвать засѣданіе и составить протоколъ.

Вопросъ, какъ увидитъ всякій, самый обыкновенный: какъ членъ педагогическаго совѣта, я желалъ знать, что́ именно пойдетъ отъ имени совѣта г. попечителю? Но дѣйствіе моего заявленія на г. директора равнялось ведру холодной воды. Онъ замоталъ головой, задрыгалъ ногами, хотѣлъ что то сказать, но

у него „въ зобу дыханье сперло“. Къ сожалѣнію, послышался звонокъ и я, не дождавшись отвѣта, поспѣшилъ на урокъ.

Моя „неумѣстная выходка“ окончательно вооружила противъ меня начальство и упорная продолжительная пря тянулась между нами столько же времени, сколько продолжалась извѣстная семилѣтняя война.

Убѣдившись, частію собственнымъ опытомъ, частію изъ разсказовъ Ющенка, что не только между учителями и надзирателями, но и между учениками, почти въ каждомъ классѣ есть директорскіе шпіоны, передающіе ему все, что они видѣли и слышали какъ въ гимназіи, такъ и внѣ оной, я умышленно, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, сталъ говорить про директора все, что замѣчалъ нехорошаго въ его дѣйствіяхъ: онъ бѣсился и дѣлалъ мнѣ пакости. И ни въ одномъ изъ сослуживцевъ (по крайней мѣрѣ въ первые годы моей немировской службы) я не находилъ ни малѣйшей поддержки въ неравной борьбѣ съ насиліемъ и безграничнымъ произволомъ директора, привыкшаго топтать въ грязь всякаго, кто осмѣливался разоблачать его подлости или высказывать свою самостоятельность и независимость убѣжденій. Да и можно ли было разсчитывать на сочувствіе людей, какихъ я нашелъ тогда въ Немировской гимназіи, подъ деспотическимъ управленіемъ такого начальника, частію составлявшихъ съ нимъ одну шайку эксплоататоровъ, частію служившихъ мишенью для его насмѣшекъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ креатуръ маленькаго Аракчеева я хочу познакомить своихъ читателей въ нижеслѣдующихъ очеркахъ.

Мои немировскіе сослуживцы.

Хромоногій и подслѣповатый, рябой и неопрятный и оттого, подобно гоголевскому Петрушкѣ, носившій съ собой специфическій запахъ, учитель географіи получилъ образованіе въ черниговской семинаріи и, по причинѣ своего уродства негодный для духовнаго сана принятъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Получая по должности младшаго учителя 300 рублей жалованья, онъ, по выслугѣ 25 лѣтъ, вывезъ

изъ мѣстечка болѣе 20 тысячъ капитала. Ему все сходило съ рукъ: онъ открыто бралъ съ учениковъ взятки за переводы, жилъ гнуснѣйшимъ скаредомъ, питаясь акридами и вонючими селедками. Анекдотъ, разсказанный въ „Гимназической переепискѣ" объ учителѣ географіи, развѣшивавшемъ на плетнѣ географическія карты, относится къ нему. Съ каждаго ученика передъ экзаменомъ онъ бралъ три рубля за переводный баллъ, а такъ какъ въ каждомъ классѣ было неменѣе 40 человѣкъ, то первые три класса доставляли жатву преобильную. О достоинствахъ его преподаванія сказать нечего.

Пріемъ вѣчно одинъ и тотъ же: повѣситъ на доскѣ карту, станетъ на своей здоровой ногѣ, прислонившись къ стѣнѣ, и начнетъ тыкать костылемъ въ разные города и государства. Говорилъ онъ отвратительнѣйшимъ жаргономъ:

— Амэрыка гранычить съ сѣвера Лэдовитымъ океаномъ и проч. Ученики слушали и несли ему рубли, добытые крѣпостными руками для воспитанія дѣтей разныхъ поссесоровъ и экономовъ, а онъ, этотъ козлоногій сатиръ, по выходѣ въ отставку, купилъ 2000 десятинъ земли въ Крыму, женился и пріобрѣлъ два дома въ Симферополѣ.

Не менѣе интересна личность другого младшаго учителя русскаго языка *Чунихина*. Длинная, обшарпанная фигура, бѣднякъ, обремененный большой семьей и съ горя сильно зашибавшій хмѣлемъ. Человѣкъ не безъ способностей, учившійся когда-то въ харьковскомъ университетѣ, но совершенно погрязшій въ непроглядной нищетѣ и пьянствѣ, въ сущности онъ былъ созданіе безвредное и жалкое. Отъ преподаванія его не было никакого проку. Возьметъ первую попавшуюся оду да и заставляетъ ее зубрить впродолженіе цѣлаго полугодія. Во время экзамена мнѣ, въ качествѣ ассистента, пришлось прослушать двѣ такія пьесы: оду на „безсмертіе души" Державина и „Ахилла" Жуковскаго. При произнесеніи ихъ учениками, самъ наставникъ, войдя въ азартъ, самолично предъявлялъ образчики старинной декламаціи, процвѣтавшей и у насъ въ Новгородъ Сѣверской гимназіи при Тимковскомъ.

Преподаватель латинскаго языка въ низшихъ классахъ Казиміръ Петровичъ *Чарнецкій*, типъ стариннаго научицѣля польскихъ школъ, какими то судьбами уцѣлѣвшій отъ временъ Чацкаго. Человѣкъ весьма ограниченнаго ума и совершенно невѣжественный, но много о себѣ помышлявшій, Казиміръ относился, какъ всѣ педагоги—поляки, весьма непріязненно ко всему русскому и смотрѣлъ на насъ, москалей, какъ на пришельцевъ—схизматиковъ, „мѣщанчуковъ", навязанныхъ правительствомъ благородному шляхетскому юношеству для того, чтобы его въ конецъ изуродовать. Привыкши въ школѣ Піаровъ и Базиліанъ обходиться съ дѣтьми, какъ съ маленькими животными, посредствомъ „дисцыплины" (ременная плетка, канчукъ)—съ воспитанниками онъ былъ грубъ и неприличенъ. Подслушавши однажды подъ дверями, какими скверными словами Чарнецкій бранитъ учениковъ, Е. Я—чъ сдѣлалъ ему въ присутствіи всѣхъ учителей строгій выговоръ т. е. просто выругалъ самого:

— Зачѣмъ вы, Казиміръ Петровичъ, браните дѣтей свиньями? Вы бы на себя посмотрѣли въ зеркало.

Второй учитель русскаго языка В. А. *Донченко*, будучи обязанъ Зимовскому своимъ перемѣщеніемъ изъ уѣзднаго училища въ гимназію, шесть лѣтъ мучился, исполняя безропотно всѣ его порученія, вовсе не относившіяся къ его служебнымъ обязанностямъ. Обладая на свою бѣду красивымъ почеркомъ, Василій Акимовичъ постоянно писалъ разныя вѣдомости и списки просиживая, не разгибая спины, по цѣлымъ днямъ за своей чисто механической и безполезной работой. Идешь, бывало, на прогулку въ прекрасный майскій вечеръ мимо его квартиры и поздороваешься съ нимъ черезъ открытое окно:

— Здравствуйте, милѣйшій В. А—чъ, что вы подѣлываете?

— Пишу, отвѣтитъ онъ всегда какъ то жалобно.

По природѣ своей человѣкъ общительный, любившій общество и вездѣ принимаемый съ большимъ радушіемъ, Донченко, въ угоду своему патрону, обреченъ былъ на пустѣйшую работу писца, сдѣлавшую и безъ того тяжелую жизнь стараго холостяка просто невыносимою. Не дотянувъ до 25 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку на половинную пенсію. При всякомъ дру-

гомъ директорѣ онъ еще долго оставался бы на службѣ, но отъ благодѣтеля своего Е. Я—ча долженъ былъ уходить. Съ 200 рублевымъ содержаніемъ, онъ поселился на дачѣ у своего прежняго сослуживца, моего предмѣстника Рыбицкаго—учить его дѣтей и смотрѣть за баштанами.

Ариѳметику въ низшихъ классахъ преподавалъ К. А. *Волковскій,* родной братъ винницкаго „баснослова“ Осипа. По причинѣ многочисленнаго семейства и мотоватой жены—польки, онъ вѣчно нуждался. За казенную квартиру и пансіонеровъ, получаемыхъ по милости директора, онъ постоянно долженъ былъ переносить всевозможныя униженія со стороны своего благодѣтеля. На такихъ-то бѣдняковъ и направлялъ Е. Я—чъ острыя стрѣлы своего издѣвательства, не опасаясь встрѣтить съ ихъ стороны отпора.

Между этими старыми „младшими учителями“ съ весьма сомнительнымъ образовательнымъ цензомъ, былъ одинъ молодой, съ университетскимъ образованіемъ, П. Г. *Барщевскій,* преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ первыхъ двухъ классахъ. Извѣстно, что безтолковый учебникъ нѣмецкаго языка Фишера начинается фразой: „Я потерялъ свою утку“. Однажды насъ нѣсколько человѣкъ, не имѣя послѣобѣденныхъ уроковъ, собрались въ монастырскую рощу на прогулку. Проходя по корридору мимо 1 класса, гдѣ въ это время священнодѣйствовалъ Барщевскій, острякъ Камбли постучался въ двери. Выглянулъ учитель. „Барщевскій, обращается къ нему Камбли: я нашелъ твою утку!“ И безъ того разсерженный мальчуганами, весь красный, потерявшій свою утку учитель, не слишкомъ обрадовался, узнавъ о томъ, что она найдена.

М. М. Могилянскій послѣ ревизіи выразился объ этомъ учителѣ иностранныхъ языковъ—поневолѣ такими словами: „Что изъ клочья батогъ, то изъ Барщевскаго учитель!“ Не смотря на подобную репутацію, благодаря протекціи М. А. Тулова, Б—ій былъ сдѣланъ инспекторомъ и даже директоромъ.

Старшіе учители математическихъ наукъ *Юрко* и *Барилко* выглядѣли, на первый взглядъ, совершенными джентльменами, но преклонялись передъ директоромъ, и тѣмъ поддержи-

вали въ немъ безпредѣльное нахальство въ обхожденіи съ другими учителями, совершенно утратившими чувство человѣческаго достоинства. Это были образцовые чиновники, вполнѣ выдрессированные, державшіе себя съ апломбомъ въ отношеніи своихъ сослуживцевъ. Въ нихъ начальникъ всегда могъ найти поддержку и одобреніе своимъ принципамъ. Съ такими надежными союзниками, покорными рабами, благоговѣвшими передъ великою административною мудростію директора, можно было идти на проломъ къ какой угодно цѣли, не разбирая средствъ; на парѣ такихъ объѣзженныхъ коней можно было выѣхать изъ какого угодно болота.

Наши математики жили совершенными сибаритами, издерживая не малыя деньги на гардеробъ и женщинъ. Средства же къ такой жизни добывались частными уроками. Взявъ съ каждаго ученика по 50 рублей, они собирали ихъ въ классную комнату въ послѣобѣденное время и заставивъ лучшаго ученика передѣлать туже самую задачу, которая должна была быть объясненною учителемъ, на казенномъ урокѣ, они распускали ихъ по домамъ. Если въ каждомъ классѣ набиралось, положимъ, такихъ субъектовъ хоть по десяти человѣкъ, то можно сообразить, не будучи математикомъ, до какой почтенной суммы доходило вознагражденіе за приватные уроки и чего стоила родителямъ чистая и прикладная математика въ Немировской гимназіи. На такой денной грабежъ директоръ не только смотрѣлъ сквозь пальцы, но и поощрялъ пріобрѣтеніе денегъ, чтобы потомъ похвалиться передъ окружнымъ начальствомъ, какъ онъ отечески заботится о своихъ подчиненныхъ, а учителя другихъ гимназій позавидовали бы немировскимъ, разнося повсюду молву о благоденствіи служащихъ подъ мудрымъ и заботливымъ управленіемъ примѣрнаго начальника.

Въ мѣстечкѣ жилъ почетный попечитель гимназіи гр. Болеславъ Станиславичъ Потоцкій. Кромѣ громаднаго зданія общихъ квартиръ, выстроеннаго имъ на свой счетъ, онъ подарилъ гимназіи 7 домовъ для квартиръ служащихъ, опредѣлилъ на вѣчныя времена значительный фондъ въ пособіе штатнымъ суммамъ, выдавалъ бѣднымъ ученикамъ стипендіи и ежегодно

жертвовалъ 100 рубл. на награды. Казалось всего этого было бы довольно, пора и честь знать. Но нашему директору всего этого было мало. Эксплуатаціи великодушной щедрости графа не было конца: онъ постоянно измышлялъ все новые и новые поборы.

Графскій палацъ былъ открытъ и для учителей. Осужденные на прозябаніе въ жидовскомъ мѣстечкѣ, мы, безъ сомнѣнія, дорожили такою честью. Помимо вкусныхъ обѣдовъ и рублевыхъ сигаръ, которыми радушный хозяинъ собственноручно обдѣлялъ своихъ гостей, у него на вечерахъ можно было послушать заѣзжаго артиста или знаменитую пѣвицу, увидѣть какую нибудь европейскую знаменитость и отвести душу отъ пошлости, неразлучной съ жизнію въ непроглядной глуши мѣстечка. Графъ Потоцкій, какъ человѣкъ придворный, какъ потомокъ старопольскихъ магнатовъ, любилъ окружать себя цѣлой оравой паразитовъ, жившихъ на его счетъ. Между ними были привилегированные фавориты, пользовавшіеся особыми милостями; ихъ онъ, по панскому капризу, часто замѣнялъ другими. Во время моего поступленія на службу въ Немировскую гимназію, оба наши математика состояли въ фаворѣ, бывая у графа ежедневно и получая отъ него цѣнные подарки, количествомъ и качествомъ коихъ принято было измѣрять степень расположенности Его Сіятельства къ своимъ любимцамъ. Наши математики, увѣшанные золотыми цѣпочками и брелоками, чрезвычайно гордились этими вещественными знаками невещественныхъ отношеній къ своему патрону. Узнавши однажды, что они получили отъ графа въ подарокъ по жилету, я, какъ homo nowus, непривычный къ подобнымъ явленіямъ вступился за честь и достоинство ученаго сословія, сказавъ, что жилеты и штаны дарятъ только господа своимъ лакеямъ. За такой смѣлый протестъ я долженъ былъ вытерпѣть цѣлую бурю нападокъ. Мнѣ потомъ передали, что графъ якобы недоволенъ мною за то, что я разъ не пошелъ къ нему, на обѣдъ, приглашенный въ числѣ другихъ учителей. Въ свое оправданіе я просилъ передать Его Сіятельству, что хотя, приглашая учителей, онъ дѣлаетъ имъ великую честь, но, къ сожалѣнію, человѣку занятому не всегда

можно воспользоваться такимъ лестнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ графъ, какъ человѣкъ умный, не только не оскорбился моею „невѣжественною выходкой", но, напротивъ, въ знакъ особеннаго вниманія, гуляя однажды по мѣстечку, вызвалъ меня черезъ окно изъ квартиры на прогулку за мѣстечко. Математики съѣли грибъ и сконфузились.

Въ мѣстечкѣ, преимущественно населенномъ евреями проживало не мало и польскихъ семействъ. Во избѣжаніе обязательнаго помѣщенія дѣтей въ „казармы", жены мелкихъ помѣщиковъ и поссесоровъ селились въ мѣстечкѣ, приглашая къ себѣ въ домъ для занятій съ дѣтьми инструкторовъ, которыхъ наши остряки почему-то называли „инструментами": это были юноши—гимназисты, 6 и 7 класса, а иногда и учителя гимназіи. Инструкторство такое нерѣдко оканчивалось негласнымъ скандаломъ, поселяя раздоры и даже „сепараціи" между супругами. Кромѣ нѣкоторыхъ, весьма почтенныхъ матронъ, посвятившихъ себя эдукаціи дѣтей и обрекшихъ себя на разлуку съ мужьями, въ Немировѣ не мало числилось интересныхъ „развудокъ" и „сепаратокъ", съ виду совершенно неприступныхъ, вѣчно ходившихъ съ „ксёнжечками до набоженьства" въ костелъ, но по временамъ бросавшихъ изъ подъ вуаля искрометные взгляды, дававшіе поводъ усумниться въ безгрѣшности ихъ помышленій. Изъ всего этого ясно, что для романа въ польдекоковскомъ вкусѣ недостатка въ матеріалахъ не было, и такіе ходоки по части клубнички, какъ нашъ Юрко да ксендзъ пробощъ Остаповичъ, имѣли обширное поле для своей спеціальности, раздѣливши все мѣстечко на два района. И всѣ похожденія моего коллеги были досконально извѣстны всезнающему начальнику, который дорожа приверженностію своего вѣрнаго союзника, ни разу не сдѣлалъ ему ни одного замѣчанія. А что еще печальнѣе, обо всѣхъ скандальныхъ исторіяхъ своего наставника знали ученики и изподтишка старались подражать ему.

И этотъ господинъ, по представленію директора, за отличіе, былъ назначенъ инспекторомъ волынской гимназіи, гдѣ онъ со славой продолжалъ свои подвиги и также не разъ

платился деньгами и боками за свое донжуанство, пока наконецъ во градѣ Черниговѣ не окрутила его какая то вдовица.

П. О Ющенко, мой землякъ, черниговецъ, небольшого роста, толстенькій, съ щетинистыми волосами на маленькой головѣ, не гармонировавшей даже съ его ростомъ, съ широкими, густыми, прямолинейными бровями и неизмѣннымъ малорусскимъ говоромъ. Историкъ нашъ имѣлъ большія притязанія на знаніе французскаго и нѣмецкаго языка и даже итальянскаго, такъ какъ онъ переводилъ сонеты Петрарки на украинское нарѣчіе. Не имѣвъ предварительно никакой практики въ черниговской гимназіи въ разговорномъ языкѣ, коллега мой, по пріѣздѣ въ Кіевъ, нисколько не стѣсняясь заговорилъ и по французски и по нѣмецки и можно себѣ вообразить, какой это былъ убійственный прононсъ въ устахъ нашего городненскаго обывателя. Между студентами вращалось не мало анекдотовъ о безшабашной смѣлости этого чудака пускаться въ объясненія на иностранныхъ языкахъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такъ однажды, пріискавъ себѣ кондицію въ порядочномъ домѣ, онъ привезъ туда свой багажъ, и встрѣтивъ на крыльцѣ барышню, дочь хозяина, обратился къ ней съ вопросомъ.:

Ou est mon ombre, demoiselle?

Дѣвушка захохотала и скрылась за дверью. Не трудно, конечно, догадаться, о чемъ хотѣлъ узнать нашъ французъ изъ Городни: онъ хотѣлъ спросить ее, гдѣ предназначенная ему комната, и вмѣсто chambre употребилъ слово l'ombre. Очень естественно, что дѣвица не могла удовлетворить желанію чудака, ищущаго собственную тѣнь. Но никакіе промахи, ни какія насмѣшки со стороны товарищей на упрямаго хохла не дѣйствовали; онъ задался непреложною цѣлью научиться, во что бы то ни стало parler français.

По окончаніи университета въ 1843 г. Ю—ко, поступилъ на должность учителя исторіи въ Немировскую гимназію и съ перваго же дня своей службы сталъ претерпѣвать отъ директора множество гоненій, но къ концу второго года, т. е. ко времени

моего перемѣщенія изъ Винницы, укротитель упрямыхъ и крутыхъ натуръ Е. Я—ичъ уже успѣлъ достаточно объѣздить этого степного коня и мой землякъ, какъ говорится, долженъ былъ покориться необходимости: пересталъ бурлить, смирился и сталъ ходить къ директору на чай, вмѣстѣ съ Барилкой и Сатиромъ, не обнаруживая ни предъ кѣмъ ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже взглядомъ своихъ настоящихъ чувствъ къ начальству. Только со мной однимъ онъ былъ откровененъ, только мнѣ довѣрялъ свою тайну. Продолжая аккуратно посѣщать директора, улыбаться на его остроты и сносить его язвительныя шутки на счетъ своихъ странностей, онъ питалъ къ нему въ душѣ непримиримую ненависть. Величая Зимовскаго Маіавелемъ, онъ пріурочилъ себѣ самому имя хитроумнаго гетмана Мазепы.

Но снискавъ цѣною приниженія своей личности благорасположеніе начальства, мой коллега въ одно и тоже время лишился уваженія учениковъ, которые никому не прощали сближенія съ заклятымъ врагомъ своимъ Зимовскимъ. Ни у кого изъ учителей они не позволяли себѣ столько школьничать, сколько у Ющенка, за что онъ отплачивалъ имъ единицами и жалобами инспектору. Не проходило дня, чтобы ученики не выкинули ему какой нибудь штуки. Замѣтивъ, напр., что П. О. имѣетъ привычку становиться въ извѣстномъ мѣстѣ, прислонившись къ стѣнѣ, шалуны писали мѣломъ оборотными буквами ,,вова", съ чѣмъ онъ и выходилъ изъ класса на потѣху всей гимназіи. Мучители отравляли ему существованіе. Уроки стали для него пыткой.

Всю, накипѣвшую впродолженіе класныхъ занятій желчь, сожитель мой изливалъ на безотвѣтнаго, забитаго идіота Карпа, 14 лѣтняго мальчика, привезеннаго имъ изъ хутора и обращеннаго въ лакея-попыхача. Чего только не выносило это жалкое существо, какихъ не претерпѣвало истязаній отъ рукъ своего господина: и во время обѣда, и за чаемъ, и ложась спать, и вставая съ постели, этотъ плюгавенькій малороссійскій панокъ не переставалъ надѣлять Карпа пинками и оплеухами. Это обратилось у него въ привычку, замѣняло иногда гимнастику и моціонъ. Мальчикъ, съ своей стороны, повидимому,

привыкъ къ побоямъ, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на неизбѣжную прерогативу всякаго пана. Мстя за свои обиды, онъ воровалъ табакъ, сахаръ, портилъ умышленно барскія вещи и день ото дня становился невозможнымъ. Доказательствомъ тому, что онъ все это продѣлывалъ на пакость своему пану за жестокое съ нимъ обращеніе, служитъ тотъ фактъ, что моихъ вещей онъ не трогалъ, хотя я и не запиралъ ихъ на замокъ, какъ бы въ благодарность за то, что я не только не дѣлалъ ему никакого худа, но старался постоянно защищать его отъ наказаній. Такого безчеловѣчія я не могъ долѣе выносить и скоро долженъ былъ разойтись съ своимъ землякомъ, а подоспѣвшая какъ разъ кстати ссора его съ хозяйкой заставила неугомоннаго моего сожителя поискать другой квартиры. Я остался одинъ.

Размышляя на досугѣ о странности своего земляка, я не могъ совмѣстить въ головѣ моей гнѣздившихся въ немъ противорѣчій: какимъ образомъ человѣкъ, получившій высшее образованіе, съ либеральной даже закваской, демократъ по убѣжденіямъ, знакомый со всѣми мерзостями насилія и жестокостей изъ исторіи, испытавшій отчасти и на собственной кожѣ тягость несправедливости со стороны своего начальника, — какъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться мучителемъ беззащитнаго существа? Вѣдь до чего доходила его безумная тиранія? (Я бы никому не повѣрилъ, если-бы онъ самъ не разсказалъ мнѣ). Ѣдучи во время каникулъ на родину, мой коллега остановился въ одной изъ кіевскихъ гостинницъ. Пропала у него пара носковъ. Карпа сейчасъ подъ допросъ съ пристрастіемъ. Не признается, не смотря ни на какія колотушки. „Пробовалъ, говоритъ, морить его голодомъ—не дѣйствуетъ, все спитъ. Наконецъ, я его повѣсилъ, зацѣпивши веревкой подъ мышки и такъ, чтобы ногами онъ не касался пола: щобъ винъ, каторжный, спать не могъ“, пояснилъ мнѣ маленькій тиранъ.

Вотъ на что пригодились нашему историку свѣдѣнія о пыткахъ святой инквизиціи!

Такое, съ перваго взгляда не совсѣмъ понятное, психическое состояніе моего земляка впослѣдстіи для меня стало

ясно: онъ просто былъ боленъ, страдалъ припадками лунатизма. Живя съ нимъ два мѣсяца, я замѣтилъ, что мой сожитель, ложась въ постель, каждый разъ приказывалъ своему Карпу привязывать себя за ноги къ кровати, потому что всякій разъ, когда онъ этого не дѣлалъ, вставалъ ночью съ кровати и странствовалъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Разъ, во время такою хожденія, мнѣ случилось проснуться и, когда я его окликнулъ, онъ встрепенулся и, не говоря ни слова, легъ въ постель, приказавъ Карпу привязать себя.

По вкоренившемуся изстари въ Немировѣ между педагогами обычаю—промышлять уроками, Ющенко тоже имѣлъ ихъ не мало и скопилъ порядочныя деньги обзавелся мебелью и разнообразнымъ гардеробомъ. Сшилъ онъ себѣ соболью шапку съ бархатнымъ малиноваго цвѣта верхомъ и съ золотою китыцей, заказалъ въ Кіевѣ модный костюмъ и на удивленіе всѣхъ пустился въ плясъ на домашнемъ вечерѣ графа Потоцкаго. Но помимо разнаго тряпья, у него была богатая библіотека. Всѣ новѣйшія сочиненія по всеобщей исторіи на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ въ изящныхъ переплетахъ были пріобрѣтены имъ изъ Риги отъ Кюммеля. Пользуясь такими богатыми пособіями и обѣщанною ему протекціей пр. Ставровскаго, нашъ историкъ, въ гордомъ сознаніи своего превосходства, задумалъ держать экзаменъ на магистра и сдѣлаться профессоромъ. Съ этою цѣлію въ 1848 году онъ перемѣстился во 2-ю кіевскую гимназію, гдѣ и случилась съ нимъ та ужасная катастрофа, которая положила конецъ всѣмъ его затѣямъ и чудачествамъ: въ одинъ осенній день поутру его нашли въ квартирѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Полуживого полиція отправила его въ Кирилловское заведеніе, гдѣ медикамъ удалось спасти ему жизнь.

Никто изъ Кіевлянъ не зналъ настоящей причины, побудившей его къ самоубійству. Одни объясняли покушеніе его на жизнь любовной исторіей, другіе соображеніями политическаго характера.

Но все это чистѣйшая выдумка. Едва ли не одному мнѣ извѣстна была истинная причина этого кроваваго событія: я

положительно утверждалъ тогда, что пріятель мой посягнулъ на самоубійство въ припадкѣ лунатизма.

По выходѣ изъ больницы Ющенко очутился въ безвыходномъ положеніи... Его исключили изъ службы; имущество расхитила полиція; знакомые и сослуживцы отъ него отвернулись, какъ отъ человѣка, совершившаго страшное преступленіе; гимназическое начальство отнеслось къ постигшему его несчастію безучастно и даже враждебно, и жизнь человѣка загублена на всегда.

Кое-какъ добрался онъ до родного хутора. Старушка мать, которую онъ поддерживалъ небольшой субсидіей, а теперь самъ нуждался въ помощи, стала дѣлиться съ нимъ послѣдними крохами. Въ Черниговѣ у него служилъ богатый дядя—членъ приказа общественнаго призрѣнія, но онъ отказалъ ему въ пособіи.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось увидѣться съ нимъ въ 1854 г., когда я былъ уже на службѣ въ Кіевской 2-й гимназіи. Онъ показался мнѣ какимъ то потеряннымъ человѣкомъ.

— Отчего ты, дружище, ни разу не отозвался ко мнѣ?— спросилъ я его съ участіемъ: я рѣшительно не зналъ, гдѣ тебя искать и что съ тобой?

— Эге жъ! напысать! А грывенныка на пысьмо де взять?— отвѣтилъ онъ. мнѣ какъ-то ожесточенно-тоскливо.

Два раза, говорятъ, онъ покушался въ хуторѣ сгубить себя и каждый разъ ему не удавалось покончить съ своимъ жалкимъ существованіемъ: разъ нашли его повѣсившимся на гумнѣ и отцѣпили, другой разъ вытащили его изъ пруда еле жива и отходили. А все таки онъ умеръ натуральною смертію—отъ тифа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Случайныя находки на Княжей Горѣ въ 1893 г.

Систематическія раскопки городища Княжей Горы, производившіяся въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1891 и 1892 гг., вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ не могли быть продолжены въ 1893 г.: Княжа Гора, съ прилегающими къ ней урочищами, поступила во владѣніе крестьянъ с. Пекарей, которые, распахавъ и вскопавъ всю поверхность и склоны горы, засѣяли ее хлѣбомъ и развели баштаны. Очень жаль, конечно, что такое большое дѣло, какъ раскопка всей площади одного изъ замѣчательныхъ городищъ домонгольскаго періода, не было закончено,—можно утѣшать себя лишь тѣмъ, что не обслѣдованной осталась сравнительно незначительная часть городища, именно—приблизительно половина сѣверо-западнаго склона, лежащая ближе къ Днѣпру; во время раскопокъ прошлыхъ лѣтъ сторона эта дала менѣе всего предметовъ. Не оказалась она интересной и въ другомъ отношеніи: на вершинѣ горы и на юго-восточномъ склонѣ былъ обнаруженъ цѣлый рядъ остатковъ жилищъ, на сѣверо-западномъ же склонѣ, какъ довольно крутомъ, такихъ слѣдовъ нигдѣ не найдено. Вслѣдствіе прекращенія раскопокъ не удалось также сдѣлать предполагавшіяся пробныя раскопки у подошвы горы съ сѣверо-восточной стороны, въ мѣстности, сплошь покрытой какъ бы искусственными углубленіями; остался нераскопаннымъ и небольшой курганъ, находящійся на полѣ, вблизи вала городища; быть можетъ, впослѣдствіи обстоятельства позволятъ совершить послѣднія двѣ раскопки.

Распахивая землю весной 1893 г., крестьяне часто находили, главнымъ образомъ, у подошвы склоновъ горы, разные предметы, иногда цѣлыми кучами; такъ напр., въ одномъ мѣстѣ было вырыто плугомъ нѣсколько серповъ, топоровъ и др. желѣзныхъ вещей; не довольствуясь находимымъ случайно, въ свободное время крестьяне спеціально отправлялись на Княжу Гору для розысковъ древностей, и такъ какъ каждый клочекъ земли на горѣ, болѣе или менѣе удобный, былъ обработанъ и засѣянъ, то вниманіе ихъ привлекъ крутой обрывъ надъ Днѣпромъ, которымъ заканчивается гора. Вслѣдствіе ежегодныхъ подмывовъ горы у основанія, она постепенно все больше и больше обрушивается въ рѣку; при этихъ обвалахъ части верхняго культурнаго слоя задерживались на крутомъ склонѣ и постепенно образовали, особенно въ нижней части горы, небольшіе уступы и площадки, издали кажущіеся черными пятнами на общемъ свѣтломъ фонѣ обрыва; здѣсь-то, въ этихъ оазисахъ культурнаго слоя, крестьяне и производили свои раскопки, причемъ работали не напрасно, такъ какъ культурный слой, свалившійся сверху, далъ порядочное число разнаго рода вещей.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось жить вблизи Княжей Горы и, благодаря этому, удалось пріобрѣсть у крестьянъ почти все, что ими было найдено [1]); помимо меня, было продано въ Кіевъ любителямъ и торговцамъ лишь нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещей (серьги, кольца, гривна кіевскаго типа и др.; среди этихъ предметовъ былъ всего одинъ, аналогичнаго которому не найдено при раскопкахъ, — это миніатюрный серебряный крестикъ—тѣльникъ, съ концами, оканчивающимися кружками).

Перехожу къ описанію тѣхъ изъ пріобрѣтенныхъ предметовъ, которые представляютъ изъ себя новые типы сравнительно въ прежде найденными; ихъ въ общемъ немного.

---

[1]) Я старался, главнымъ образомъ, о пріобрѣтеніи такихъ предметовъ, какихъ не дали раскопки, но, чтобы ничего не пропустить, пришлось покупать всѣ вещи, приносимыя крестьянами; пріобрѣтенные предметы великокняжеской эпохи пріобщены къ коллекціи древностей Княжей Горы В. В. Тарновскаго; два или три предмета доисторическаго періода поступили въ мое собраніе первобытныхъ древностей.

Къ эпохѣ каменнаго вѣка относится всего лишь одинъ предметъ, найденный собственно на Княжей Горѣ,—небольшой костяной крючекъ, сдѣланный изъ цѣльной кости; крючекъ служилъ для рыбной ловли—занятія, которымъ первобытные обитатели Княжей Горы преимущественно снискивали себѣ насущное пропитаніе. За то окрестности Княжей Горы были гораздо богаче находками этой эпохи, именно: у такъ называемаго „Велыкого Кургана“ [1]) найденъ большой каменный топоръ-молотъ, интересный потому, что представляетъ собою починенный экземпляръ: орудіе было раньше гораздо длиннѣе, но затѣмъ сломалось на дырѣ; чтобы не терять кусокъ камня, на отдѣлку котораго пошло столько труда, была продѣлана новая дыра, ближе къ острію, края-же стараго отверстія, представляющіе въ настоящемъ видѣ тылье топора, немного сглажены. Слѣдъ первой дыры ясно видѣнъ. На террасѣ, лежащей у подошвы „Малого Городыща“ (гора, лежащая немного выше Княжей), при постройкѣ хаты, найденъ другой каменный топоръ, онъ приготовленъ лишь вчернѣ, лезвіе тупое, дыры нѣтъ. Эти двѣ находки еще разъ подтверждаютъ высказанное мною раньше мнѣніе, что первобытные обитатели Княжей Горы занимались между прочимъ и приготовленіемъ шлифованныхъ каменныхъ орудій, что на Княжей Горѣ существовало нѣчто въ родѣ мастерской этого рода орудій; тутъ же, подъ „Малымъ Городыщемъ“, найденъ глиняный сосудъ, грубой ручной лѣпки, относящійся къ каменному вѣку; два другихъ сосуда, тоже ручной выдѣлки, но болѣе правильной формы, случайно вырыты крестьянами подъ „Велыкимъ Городыщемъ“; они найдены вмѣстѣ, лежащими на боку, съ ними находился и третій сосудъ, но послѣдній нечаянно былъ разбитъ находчиками на мелкіе куски. Находка этихъ сосудовъ является какъ разъ кстати, такъ какъ при раскопкахъ на Княжей Горѣ, среди безчисленныхъ черепковъ, не было найдено ни одного большого *цѣлаго* сосуда этой эпохи, и потому

[1]) Большой курганъ, находящійся приблизительно въ верстѣ отъ Княжей Горы, южнѣе ея; онъ господствуетъ надъ всей окрестной мѣстностью и несомнѣнно въ древности былъ сторожевымъ пунктомъ, съ котораго предупреждали обитателей Княжей Горы о приближающейся опасности.

нельзя было сказать ничего положительнаго о формѣ сосудовъ,— пробѣлъ этотъ теперь пополненъ. Первый изъ вышеуказанныхъ сосудовъ имѣетъ почти прямыя, толстыя стѣнки, вверху расширяющіяся, орнаментированъ углубленіями, происшедшими отъ надавливанія пальца; два другіе сосуда, изъ которыхъ одинъ небольшой, другой побольше, узкіе, высокіе, банкообразной формы, орнаментъ изъ волнообразной полоски.

Посчастливилось также въ этомъ году и промежуточной эпохѣ между каменнымъ вѣкомъ и великокняжескимъ періодомъ,—на Княжей Горѣ найденъ прекрасный образецъ издѣлій бронзоваго вѣка; бронзовый ножъ 26½ сантим. длины, лезвіе занимаетъ 23 стм., остальные 3½ составляютъ часть, вставлявшуюся въ рукоятку; конецъ этой части тонко расклепанъ, ширина лезвія у рукоятки—2 стм., на самомъ концѣ—½ сантм., конецъ закругленъ, ножъ отлично сохранился, покрытъ толстымъ слоемъ зеленой патины; если не ошибаюсь, это первая находка такого рода въ области средняго Днѣпра. Къ этому же періоду можно отнести и бронзовый гвоздь, длина его 8½ стм., шляпка въ видѣ тонкаго кружка отличается величиной— 3½ стм. въ діаметрѣ.

Къ болѣе позднему времени, именно къ эпохѣ великаго переселенія народовъ, относится найденная на Княжей Горѣ бронзовая фибула (застежка); верхняя часть ея состоитъ изъ полукруга, отъ котораго расходятся пять лучей; средняя часть имѣетъ видъ выгнутой полосы, затѣмъ слѣдуетъ ромбъ, украшенный орнаментомъ изъ спиральныхъ завитковъ, нижняя часть фибулы заканчивается змѣиной головкой, длина фибулы 11 стм. [1]). По характеру работы къ этой фибулѣ приближается привѣска, въ видѣ полумѣсяца; концы ея также заканчиваются змѣиными головками, такая же головка помѣщена и посрединѣ; привѣска сдѣлана изъ сплава мѣди съ оловомъ.

Во время раскопокъ прошлыхъ лѣтъ не было найдено почти ни одного предмета великокняжеской эпохи, строго да-

[1]) Изученіемъ такого рода фибулъ спеціально занимается французскій археологъ баронъ де Бай, посвятившій этому предмету нѣсколько статей; см. напр. „Les bijoux gothiques de Kertch“ и др.

тированнаго. Въ настоящееe время мы имѣемъ три: 1) аббасидскій диргемъ 196 г. (811—812 по Р. Х.), халифа Абдуллахъ-Эль Мамуна, битъ въ Самаркандѣ [1]); диргемъ этотъ найденъ не на самой Княжей Горѣ, а у подошвы рядомъ лежащей другой горы—„Марьиной"; 2) колоніальная мѣдная византійская монета императора Романа I (920—944 г.); 3) серебряная венеціанская монета, пока еще точно не опредѣленная, на лицевой сторонѣ ея находится изображеніе сидящаго на тронѣ Спасителя, на оборотѣ—двѣ стоящія фигуры, держащія крестъ, голова одной въ нимбѣ, надпись не совсѣмъ разборчива . . . . . DUXSN VENETI, монета эта представляетъ подражаніе византійскимъ IX—X вв., на ней есть признаки, указывающіе на то, что она служила образкомъ,—она позолочена, и какъ разъ надъ головой Спасителя замѣтны слѣды ушка; именно изображеніе Христа и дало поводъ обращенія монеты въ образокъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, опредѣляющія эпоху существованія поселка на Княжей Горѣ, онѣ указываютъ главнымъ образомъ на X вѣкъ, что подтверждаетъ съ одной стороны высказанное уже раньше предположеніе, что Княжа Гора есть мѣсто лѣтописнаго города Родни, разрушеннаго Владиміромъ въ 980 г., съ другой стороны, отсутствіе датированныхъ предметовъ, относящихся ко времени позже 2-ой половины XIII в. служитъ отрицательнымъ доказательствомъ того, что оправившійся послѣ разгрома 980 г. и развившійся затѣмъ поселокъ (о чемъ свидѣтельствуетъ масса найденныхъ предметовъ) прекратилъ свое существованіе въ половинѣ XIII в., по всей вѣроятности при нашествіи монголовъ.

Въ 1893 г. найденъ еще четвертый предметъ, дату котораго можно было бы опредѣлить, если бъ не плохая его сохранность,—это вислая свинцовая печать, въ $2^1/_2$ стм. діаметромъ; можно предполагать, на основаніи остатковъ надписи, что мы имѣемъ дѣло съ митрополичьей печатью; на одной сторонѣ ея находится изображеніе стоящаго ангела (архангела Михаила?), держащаго въ одной рукѣ копье, въ другой дер-

---

[1]) Тизенгаузенъ, Монеты Восточнаго Халифата, № 1634.

жаву, на оборотной помѣщена греческая надпись, въ 7-ми строкахъ, въ концѣ которой можно лишь разобрать . . . **МН-ТГО[. . ЛІТН] . ОСІ** . . ; печать найдена на расположенной съ лѣвой стороны Княжей Горы горѣ Нетеребкѣ.

Среди крестовъ и образковъ, пріобрѣтенныхъ въ этомъ году, большинство типовъ, уже добытыхъ прежде; новыхъ немного: довольно большой каменный крестъ, не вполнѣ цѣлый, маленькій круглый образокъ въ 2 стм. въ діаметрѣ съ изображеніемъ всадника и, наконецъ, змѣевикъ, послѣдній 4-хъ стм. въ діаметрѣ съ изображеніями очень плоскаго рельефа, стертыми и плохо разбираемыми; на одной сторонѣ видны три стоящія фигуры, на другой—одна; змѣевикъ этотъ представляетъ точную копію изданнаго уже Голышевымъ [1]); экземпляръ, описанный Голышевымъ, лучшей сохранности,—три стоящія фигуры представляютъ Крещеніе Господне: посрединѣ Христосъ, справа Іоаннъ Креститель, слѣва ангелъ, держащій одежду, на оборотной сторонѣ помѣщена стоящая фигура человѣка съ исходящими изъ него 11 змѣями; на нашемъ экземплярѣ змѣи сглажены. Кромѣ того, на сосѣднемъ съ Княжей Горой „Велыкомъ Городыщѣ" найдена часть каменнаго образка, на которомъ изображены рельефомъ на одной сторонѣ стоящая фигура святого съ длинной бородой, на другой—повидимому—святая [2]).

---

[1]) *Голышевъ—„Древняя пауза, или амулетъ съ изображеніемъ Крещенія Господня, XIII—XIV вѣка"*, Владимірск. губ. вѣд. 1877 г. № 4, а также отдѣльный оттискъ съ рисунками.

[2]) Прекрасной работы каменный образокъ, также съ Княжей Горы, былъ выставленъ на археологической выставкѣ, устроенной при IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ; образокъ представляетъ ап. Ѳому, вкладывающаго пальцы въ бокъ Христа; образокъ этотъ принадлежитъ г. Хойновскому, найденъ въ 1887 г.; выставленная коллекція г. Хойновскаго заключала также нѣсколько другихъ предметовъ съ Княжей Горы (см. своеобразное описаніе ихъ въ *„Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 году"*, Вильна, 1893, отдѣлъ 0: „Археологическія древности греческихъ колоній, найденныя въ странѣ Скифовъ Южной Россіи, до занятія ея Сарматами, изъ музея І. А. Хойновскаго въ Кіевѣ"). На этой же выставкѣ находилась цѣлая группа предметовъ, найденныхъ будто бы на Княжей Горѣ и составляющихъ часть собранія г. Болсуновскаго; въ виду того, что боль-

Бытовыхъ предметовъ пріобрѣтено очень много, но почти всѣ они не даютъ ничего новаго сравнительно съ прежде добытыми: это разнаго рода скобы, задвижки, завѣсы, гвозди, костыли, оковки, ключи и замки типовъ уже извѣстныхъ [1]); среди желѣзныхъ ножей обращаетъ на себя вниманіе одинъ,—у него и лезвіе, и ручка сдѣланы изъ сплошной узкой желѣзной полосы, конецъ ручки немного раздвоенъ; этотъ ножъ напоминаетъ небольшіе бронзовые ножи сибирскаго типа. Отмѣтимъ найденную впервые желѣзную бритву, что указываетъ на существованіе обычая у древнихъ обитателей Княжей Горы брить бороды,—фактъ интересный по аналогіи съ такимъ же обыкновеніемъ позднѣйшихъ обитателей этой мѣстности; разнаго рода инструменты, топоры, серпы, косы, мотыки—по формѣ ничѣмъ не отличаются отъ прежде найденныхъ; разновидность представляетъ подкова—она состоитъ изъ сплошной желѣзной пластины, подковообразной формы, съ рядомъ отверстій для гвоздей. Среди оружія встрѣтились двѣ новинки: часть обоюдоостраго меча—сохранился стержень рукоятки и приблизительно половина клинка, и цѣлая кривая сабля, болѣе метра длиной; основываясь на томъ, что при раскопкахъ было найдено нѣсколько перекрестій именно отъ сабель, и ни одного прямого меча, можно предположить, что въ эту эпоху, т. е. приблизительно въ половинѣ XIII в., сабли были здѣсь въ большемъ употребленіи, чѣмъ мечи [2]). Большинство пріобрѣтенныхъ въ этомъ

шинство предметовъ этой группы по формѣ и по работѣ не имѣетъ ничего общаго съ предметами, до сихъ поръ дѣйствительно найденными на городищѣ Княжей Горы, является сомнѣніе въ правильности обозначенія мѣста ихъ происхожденія (см. „*Прибавленіе къ каталогу выставки при IX Археологическомъ Съѣздѣ*“, стр. 28).

[1]) Въ послѣднемъ выпускѣ (2-мъ, 2-ой серіи) „*Сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ*“, издаваемаго *г. Леопардовымъ*, помѣщено изображеніе большаго, хорошо орнаментированнаго замка, происходящаго съ Княжей Горы; въ предыдущихъ выпускахъ „Сборника“ также издано нѣсколько предметовъ изъ этой же мѣстности, главнымъ образомъ, крестовъ.

[2]) Въ коллекціи покойнаго А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ, также есть сабля и мечъ съ Княжей Горы; сабля узкая, до половины прямая, нижняя часть кривая; при ней сохранилось перекрестье и часть желѣзной оковки ноженъ, длина ея

году вещей—украшенія: серьги золотыя и серебряныя кіевскаго типа, височныя кольца, перстни, пряжки, привѣски и т. п. совершенно такія же, какихъ сотни добыты раскопками; новыя слѣдующія: дукачъ, въ видѣ мѣднаго позолоченнаго кружка, одна сторона его завернута въ трубочку, въ которую продѣвался шнурокъ, нѣсколько большихъ бусъ изъ тонкой проволоки, въ видѣ ажурныхъ шариковъ, такихъ, какіе встрѣчаются въ могилахъ радимичей, желѣзная пряжка, украшенная серебряной насѣчкой, такимъ же способомъ орнаментирована и одна изъ пріобрѣтенныхъ желѣзныхъ шпоръ, нѣсколько оригинальныхъ бусъ изъ композиціи.

Между пріобрѣтенными предметами есть мѣдный слитокъ замкообразной формы, одна сторона его плоская и гладкая, другая выпуклая, покрытая гравированнымъ орнаментомъ,—быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ формой, на которой приготовлялись замкообразныя серьги.

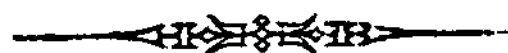
1,19 метр. Мечъ—полянскаго типа, длинный, прямой, обоюдоострый, посрединѣ съ обѣихъ сторонъ небольшой продольный желобокъ; (см. составленный г-жей *Мельникъ „Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ“* вып. 1, Кіевъ. 1893 г). Всего предметовъ съ Княжей Горы въ этомъ собраніи болѣе ста, преимущественно украшенія; отмѣтимъ болѣе интересные изъ нихъ. Къ эпохѣ доисторической относятся три цѣлые сосуда грубой, ручной выдѣлки; изъ предметовъ великокняжеской эпохи есть, между прочимъ, семь свинцовыхъ кружковъ—5 малыхъ, 2 покрупнѣе, нѣкоторые изъ нихъ помѣчены значками; 8 маленькихъ плиточекъ изъ бронзы, круглыхъ и четырехугольныхъ, также съ мѣтками, большой висячій замокъ изъ красной мѣди, серебряный обручъ,—повидимому верхняя часть ковша или чаши, золотой образокъ, въ видѣ овальнаго медальона изъ двухъ тисненыхъ блях, вложенныхъ одна въ другую, на одной сторонѣ его изображенъ ликъ Спасителя, сдѣланный пунктиромъ; нѣсколько серебряныхъ цѣпей, шейная бронзовая гривна, болѣе древняго типа, сдѣланная изъ круглой толстой проволоки, концы ея четырехгранные, согнуты въ длинную застежку; пара серебряныхъ наконечниковъ цѣпи, литыхъ въ видѣ змѣиныхъ головокъ, на мѣстѣ глазъ сквозное отверстіе, въ которое пропущено серебряное кольцо; двѣ фибулы—одна серебряная, другая бронзовая; 2 фрагмента серебряныхъ височныхъ колоцъ, очень крупныхъ и роскошно орнаментированныхъ; золотая серьга, въ видѣ плоскаго луновиднаго медальона, съ треугольнымъ выступомъ вверху, на которомъ изображены два голубя, на обѣихъ сторонахъ рельефный орнаментъ: равноконечный крестъ и два лебедя по бокамъ, у нижняго края 5 колечекъ, между которыми нанизывался жемчугъ, и мн. др. (см. „Каталогъ“ стр. 105 и слѣд.; большинство перечисленныхъ предметовъ изображено на XII таблицѣ снимковъ, приложенныхъ къ „Каталогу“).

Во время раскопокъ 1892 г., среди нѣсколькихъ десятковъ череповъ, встрѣтился одинъ, на лобной части котораго находилось овальное отверстіе, повидимому искусственнаго происхожденія; не будучи вполнѣ увѣренъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ одинъ изъ трепанированныхъ череповъ, я передалъ его для разсмотрѣнія проф. Д. Н. Анучину, который, по тщательномъ изученіи черепа, пришелъ къ заключенію, что дѣйствительно, здѣсь мы имѣемъ трепанацію черепа, и что черепъ съ Княжей Горы является первой находкой такого рода въ Россіи; черепъ этотъ, вмѣстѣ съ другими слѣдами трепанаціи, не такъ очевидными, послужилъ матеріаломъ для рефератовъ проф. Анучина о слѣдахъ трепанаціи черепа въ Россіи, доложенныхъ IX Археологическому Съѣзду въ Вильнѣ 1893 г., и IX Съѣзду естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, состоявшемуся въ январѣ настоящаго года. Въ Западной Европѣ, особенно во Франціи, давно уже было обращено вниманіе на черепа, относящіеся обыкновенно къ доисторической эпохѣ, съ искусственными отверстіями, была также разъяснена и цѣль продѣлыванія отверстія: по первобытнымъ понятіямъ разнаго рода нервныя заболѣванія, въ родѣ падучей, истеріи и т. п., объяснялись присутствіемъ въ человѣкѣ, именно въ головѣ его, особаго духа; что бы дать ему естественный выходъ, и прибѣгали къ трепанаціи,—это прижизненная трепанація. Съ другой стороны, придавая какую-то таинственную предохранительную силу кускамъ черепа, быть можетъ взятымъ у человѣка, при жизни страдавшаго какой нибудь болѣзнью этого рода,—вырѣзываніе кусковъ изъ черепа—„черепныхъ амулетовъ", практиковалось и на мертвомъ человѣкѣ; на черепѣ съ Княжей Горы слѣдовъ заживленія краевъ отверстія не замѣтно, и можно думать, что трепанація была совершена на мертвомъ черепѣ, или что субъектъ, подвергшійся ей, не пережилъ этой тяжелой операціи. Особенность настоящаго черепа сравнительно съ черепами, найденными въ Западной Европѣ, заключается въ томъ, что отверстіе въ немъ продѣлано не на теменной кости, какъ это обыкновенно встрѣчается у западноевропейскихъ череповъ, а на верхней боковой части лобной кости; трудно сказать, къ

какой эпохѣ относится черепъ, такъ какъ на Княжей Горѣ культурные слои разныхъ эпохъ смѣшаны—по сохранности черепа и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ находки можно предположить, что онъ скорѣе принадлежитъ великокняжеской эпохѣ, чѣмъ доисторическому періоду.

Въ одной изъ предыдущихъ замѣтокъ о Княжей Горѣ я упоминалъ о томъ, что разсказы мѣстныхъ крестьянъ объ этомъ городищѣ не имѣютъ никакого историческаго значенія; въ этомъ году мнѣ пришлось слышать замѣчаніе одного изъ стариковъ с. Пекарей [1]), которое, если мѣстное происхожденіе его будетъ установлено, должно пріобрѣсть большую важность. Крестьянинъ, на мой вопросъ: что было на Княжей Горѣ?—отвѣтилъ: „це бувъ колысь городъ Родня“,—замѣчаніе конечно очень цѣнное для рѣшенія вопроса объ историческомъ значеніи городица Княжей Горы; но на мѣстное происхожденіе этого замѣчанія полагаться вполнѣ нельзя; Княжа Гора въ послѣднее время возбудила большой интересъ среди мѣстныхъ жителей, благодаря многимъ наѣздамъ сюда ученыхъ и любителей, а также благодаря производившимся на ней раскопкамъ. С. Пекари находится нъ мѣстности оживленной, имѣетъ постоянныя сношенія съ Кіевомъ и другими городами и, легко могло статься, что пріурочиваніе Княжей Горы лѣтописному городу Роднѣ, высказанное уже нѣсколько разъ въ литературѣ, окольнымъ путемъ достигло и мѣстной крестьявской среды; во всякомъ случаѣ, фактъ существованія у крестьянъ такого преданія требуетъ подтвержденія и разъясненія.

Ник. Бѣляшевскій.



1) Дида Опанаса Дьяченка.

„ПОПОКЪ".

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ[1]).

XV.

Зелеными рядками по темнокоричневому фону изузорено поле свекловичной плантаціи, широко раскинувшейся въ сторону отъ проѣзжей дороги. Поперекъ этихъ зеленѣющихъ нѣжною листвою рядовъ кривою ломаною линіею вытянулся рядъ полольщицъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ по цвѣту юбкахъ и головныхъ платочкахъ. Всѣ онѣ перегнуты и вооружены тяпками (сапами), которыми пробираютъ между рядами зелень и соръ. Степной вѣтеръ, нескромно помавающій ситцевыми юбками и подолами пидтычекъ, уноситъ куда-то въ даль заунывный голосъ пѣсни, раздающейся на одномъ концѣ ряда, гдѣ нарочно собрались знакомыя другъ-дружкѣ пѣвицы-дивчата. Какъ пастухи, торчатъ два приказчика сзади ряда полольщицъ, кой когда указывая на пропущенное зелье или нечаянно срѣзанную батву свеклы. Они апатично похаживаютъ вдоль ряда, покуривая коренковыя трубки, поглядывая то на рядъ женскихъ фигуръ, то озирая горизонтъ поля, не ѣдетъ ли кто изъ чиновъ экономіи, побуждающій ихъ къ болѣе тщательному наблюденію и даже ругательному понукиванію полольщицъ.

Солнце уже давно свернуло съ полудня и вотъ-вотъ затянется находящею съ запада тучею. Но вотъ туча закрыла солнце,

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 3.

и вѣтеръ погналъ ее прямо на плантацію. Еще немного спустя послышались раскаты грома, и вслѣдъ за тѣмъ изъ заволокшей болѣе двухъ третей горизонта тучи полилъ дождь, настоящій, тучный, лѣтній дождь, сразу запрыгавшій шлепками по лужамъ, мгновенно образовавшимся на ровныхъ мѣстахъ, и тѣмъ самымъ сулившій затяжную непогодь.

Полольщицы бѣгомъ кинулись къ куреню, устроенному въ концѣ плантаціи, столпились было у входа, стараясь скрыться отъ ливня и припрятать верхнюю одежу и мѣшки. Скоро ихъ набилось въ куренѣ полнехонько, такъ что пришлось тѣсниться вплотную. Какъ сторожа, около входа прижались приказчики. Какъ только умѣстились всѣ, сейчасъ же начали полудновать добытыми изъ мѣшковъ хлѣбомъ и лукомъ.

Вскорѣ по межѣ отъ дороги показалась везомая парою рослыхъ старыхъ воловъ бочка съ водою. Около воловъ шелъ, весь измокшій, въ одномъ только бѣльѣ, прилипнувшемъ къ тѣлу, водовозъ Опанасъ. Онъ только пожимался подъ струями неустававшаго дождя. Довезши бочку къ куреню, Опанасъ не сталъ отгонять на пастьбу воловъ, а только распрегъ ихъ и, привязавъ къ вію, пошелъ и себѣ прятаться въ курень.

— Ой пустить обсушиться!—шутилъ онъ пожимаясь и пролѣзая въ курень.

Его тамъ встрѣтили смѣхомъ и отталкивали отъ себя тѣ изъ полольщицъ, къ кому онъ нарочно присѣдалъ поплотнѣе.

Наконецъ и онъ какъ то устроился и вдругъ сообщилъ новость.

— Повезлы, дивчата, нашого Попка у городъ.

— Якого Попка?—отозвался кто-то изъ дальнихъ, но свои отвѣтили кратко: та це у насъ тутъ бувъ воловыкомъ—и обратились къ Опанасу съ вопросомъ, откуда онъ узналъ эту новость. Опанасъ объяснилъ, что, проѣзжая къ рѣкѣ за водою, онъ самъ видѣлъ, какъ на тройкѣ провезли его, Попка, съ сотскимъ по дорогѣ на городъ.

Пошли толки, слышались сожалѣнія, укоры по адресу Цюпы... Мелашка, полудновавшая съ сестрами Хведька и съ Сохвою, услыхавъ эту новость, какъ то вздрогнула и сильно сжала за локоть сестру Хведька.

Ей хотѣлось заплакать, закричать, но она выдержала и только сильно поблѣднѣла. Знавшіе про ея отношенія къ Хведьку, какъ будто и не замѣтили ея волненія, а только прекратили разговоръ о Хведькѣ. Одна только Сохва впилась было на мгновеніе своими сѣрыми глазами въ лицо Мелашки, но и та сейчасъ же отвернулась, какъ только послѣдняя повернула къ ней свой взглядъ. Сестры Хведька ничего не могли понять, куда и какъ повезли его—имъ это казалось въ порядкѣ вещей.

Дождь не переставалъ. Пополудновали; кой кто уже и задремалъ, скорчившись кое какъ въ тѣснотѣ; а на небѣ не видно ни малѣйшей прогалинки—одна только сплошная сѣрь, испускавшая потоки дождя. Работа должна прекратиться, такъ какъ даже если бы и прояснилось, то и тогда нужно будетъ день-другой переждать. Дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ Штура переписывать полольщицъ и отпустить ихъ съ работы.

Началась переписка работницъ, при чемъ имъ объявлено, что платить будутъ только въ субботу и то не 25 коп., а только по 18. Поднявшійся было ропотъ и торги смолкли, когда Штура, кое какъ примостившись у двери куреня, началъ записывать всѣхъ въ списокъ и выдавать квитки. Записанныя забирали свои узелки, подсмыкивали повыше подолы и, по возможности прикрывшись верхнею одежею, всѣ босикомъ, выходили изъ куреня и пошли къ селу. Нѣкоторыя оставались въ куренѣ переждать хоть ливень, такъ какъ у нихъ не было съ собою свитокъ, а только ситцевыя кофты. Въ числѣ такихъ были и сестры Хведька. Они не рѣшались идти по такому ливню и стали толковать о томъ, что если хоть чуточку уменьшится дождь, то они кое какъ добѣгутъ до хутора—Бѣлой Деревни и тамъ переночуютъ у *титки Горпыны*—сестры ихъ отца. Сохва стала подбивать кой кого изъ своихъ отправляться сейчасъ же.

— Ажъ онъ пишлы дивчата. И намъ можно. А же у тебе есть куцынка?—обратилась она къ Мелашкѣ, сидѣвшей въ какомъ то отупѣніи.

— Ходимъ; Машка й Полька пійдуть зъ нами; чого тутъ сыдиты? Винъ бачъ якый—обложный.

Собралось ихъ пятеро съ одного кутка и порѣшили идти черезъ Бемовку въ тѣхъ видахъ, что тамъ дорога песчанѣе, хоть немножко и дальше.

Такъ и пошли къ большой дорогѣ по межнику, шлепая по лужамъ, скользя по грязи подъ неустающимъ ливнемъ. Сначала каждый скользокъ вызывалъ шутки и смѣхъ, но послѣ все обошлось, и онѣ потянулись по большой дорогѣ, обходя лужи и грязь.

Одиноко и печально сидѣла старуха Самчиха въ своей опустѣлой хатѣ въ тотъ день. Сумрачное небо съ непрестающимъ дождемъ еще болѣе сгущало поздніе сумерки. Дождь крупными каплями барабанилъ въ шибки оконъ. Усталая вся, душевно истерзанная, сидѣла она на лавкѣ, сложивъ на колѣнахъ руки. Не хотѣлось ей зажигать огонь, а топить она и не думала сегодня. Да и когда ей было?!

Изъ камеры мироваго судьи, не смотря на слабость послѣ обморока, она все-таки пошла въ экономію Лутнева къ „*Карло*“. Долго ей пришлось его ожидать. Возвратившись съ какими то офицерами, прошедшими прямо въ домъ, Карло съ нетерпѣливымъ жестомъ обратился къ ней съ вопросомъ.

— Што такой?

Долго онъ не могъ понять ея просьбы, сопровождаемой плачемъ и всхлипываніями, пока наконецъ не уразумѣлъ, что рѣчь идетъ про извѣстную ему исторію кражи свекловичныхъ сѣмянъ воловиками. Попросту желая отдѣлаться поскорѣе отъ нея, Карло пообѣщалъ простить ея сына и переговорить съ судьею.

По пути отъ Карло старуха зашла къ Кулишу, но онъ былъ такъ пьянъ, что кромѣ какого то мычанія она ничего у него добиться не могла.

И вотъ пришла она домой и все время сидѣла, отупѣвшая отъ неутѣшной скорби въ своей хатѣ, оторвавшись только отъ думъ на время, пока подоила и заперла въ закуту пришедшую съ поля довольно рано по случаю дождя корову.

Ничего она не могла придумать: одиночество ея и безпомощность отупили ее окончательно. Она даже уже и не плакала; ѣда ей на мысль не шла, какъ равно не думала она и ложиться, не смотря на позднее время.

Вдругъ ей почудилось, что кто то идетъ на крылечко и даже повернулъ дверную завертку. Она прислушалась... Кто-то вошелъ въ сѣни и ощупывалъ щеколду хатней двери.

— Хто тамъ?—спросила старуха.

Дверь отворилась, и въ хату вошла какая то женская фигура.

— Хто се? повторила вопросъ Самчиха.

— Це я—какимъ то подавленнымъ голосомъ, почти шепотомъ, произнесла вошедшая: це я—Мелашка. И не успѣла старуха еще сказать и слова, какъ дѣвушка кинулась къ ней, обхватила ее руками, припала головой и истерически зарыдала.

Самчиха сразу было даже испугалась, но эти объятія, этотъ плачъ моментально все ей обяснили, и она тоже стала плакать и въ то же время гладила голову Мелашки.

Поплакались такъ эти несчастныя женщины, и плачъ этотъ облегчилъ ихъ наболѣвшія души; онѣ взаимно пополнили недостающее имъ: старухѣ облегчилось ея сиротство, Мелашка нашла случай выплакать свое горе плачемъ, который она сдерживала при чужихъ, и слить притокъ накопившагося чувства.

Выплакавшись, онѣ начали разговаривать. Старуха разсказала, что Хведька повезли въ городъ, но что она навѣрное не знаетъ даже куда. Мелашка хотѣла было разсказать, какъ ей на куренѣ стало извѣстно про увозъ Хведька, какъ она страдала, какъ ей некому было излить своего чувства, какъ, пришедши домой, она не знала, что дѣлать, чѣмъ унять охватившее ее чувство, и какъ, наконецъ, она, не отдавая себѣ отчета, побѣжала къ старухѣ Самчихѣ и тутъ, вопреки принятому этикету, вопреки всѣмъ сельскимъ приличіямъ, разревѣлась на груди у женщины, близкой Хведьку... Все это хотѣлось ей разсказать, но, пришедши въ себя послѣ экстаза, она поняла, какъ безтактно она поступила, какъ ее будутъ „*судыть по селу*“, если узнаютъ про ея настоящій визитъ, и она ничего

не сказала, а только еще больше заплакала. Старуха чутко отнеслась къ чувствамъ Мелашки; она въ ней видѣла дѣвушку *„хорошого роду“*, очевидно влюбленную въ ея сына, но въ то же время поняла и всю неловкость ея положенія.

— Не плачъ, дочко! що жъ робыть! На те Божа воля! Якось то Господь дасть!.. И когда Мелашка, сидѣвшая уже на лавкѣ, приподнялась, то старуха ласково погладила ее по головѣ и сказала.

Иды, доню, до господы, щобъ ще хто небудь не побачивъ...— и проводила дѣвушку на улицу, гдѣ она, никѣмъ не замѣченная, въ темнотѣ добѣжала до своего двора.

XVI.

Подъ проливнымъ дождемъ въѣзжали сотскій съ Хведькомъ въ городъ. Они скорчившись сидѣли въ тарантасѣ, повтягивали, какъ можно было только, шеи въ приподнятыя плечи, что однако же мало спасало ихъ отъ дождевой воды, проникавшей за воротники черкесокъ и даже сквозь поношенное сукно оныхъ. На нихъ, что называется, нитки сухой не было. Ямщикъ умудрился изъ имѣвшагося съ нимъ мѣшка устроить что-то въ родѣ башлыка и, повернувшись кое какъ бочкомъ къ вѣтру, хоть сколько нибудь защитилъ себя отъ потоковъ дождя. Лошади, измокшія до нераспознаваемости ихъ масти, съ загрязненными хвостами, съ утончившимися шеями, прижимали только уши.

Колокольчики глухо звенѣли, сбруя вся раскисла, грязь съ заднихъ колесъ тарантаса швырками прилипала къ спинамъ сотскаго и Хведька; нѣсколько брызговъ жидкой грязи, попавшей изъ-подъ копытъ пристяжныхъ, изукрасили ихъ физіономіи....

Пригородная слободка, по улицѣ которой они ѣхали, мало чѣмъ разнилась отъ села; развѣ только отсутствіе садковъ и левадъ на пескахъ, да обмытый побѣлъ хатокъ дѣлали видъ особенно невзрачнымъ и печальнымъ.

Но вотъ начался городъ; пошли улицы, сперва обставленныя небольшими домиками съ соломенными и камышовыми крышами и плетнями, а послѣ и большими домами съ желѣзными кры-

шами и съ вывѣсками. Наконецъ тройка подъѣхала къ одному высокому дому, обвѣшанному непонятными для Хведька вывѣсками, и имѣвшему нѣсколько оконъ съ желѣзными рѣшетками.

На крыльцѣ стоялъ какой то панокъ, по виду уже не молодой, хотя на рыжей его бородкѣ, немного подстриженной, сѣдина не сильно выдѣлялась. Лицо его выражало радушіе, какъ у содержателя постоялаго двора, къ которому навернулись проѣзжіе.

Онъ даже какъ будто потеръ рука объ руку.

Сотскій соскочилъ съ тарантаса и, пока слѣзалъ Хведько, успѣлъ рукавомъ мокрой черкески обтереть обрызганное грязью лицо, снять прокислую шапку и сталъ доставать изъ-за пазухи разносную книжку съ пакетомъ, который и подалъ старичку.

— А-а, молодца привезъ?! Хорошо. Ступайте за мною! И пошелъ въ корридоръ, по обѣ стороны котораго были двери. Въ концѣ корридора отпертая дверь вела въ небольшую комнату, въ которой стояли двѣ кровати съ высокими спинками, покрытыя толстаго полотна простынями и желтыми верблюжьяго сукна одѣялами. У окна помѣщался столъ съ какими-то на немъ большаго журнальнаго размѣра книгами, бумагою и чернильнымъ приборомъ.

— Здѣсь подождите! сказалъ старичокъ, оставивъ Хведька и сотскаго у порога въ корридоръ, а самъ, набожно перекрестившись, сѣлъ за столъ, надѣлъ на носъ въ толстой мѣдной оправѣ очки и началъ читать вынутую изъ разносной книжки запечатанную бумагу. Читая бумагу, старичокъ, какъ бы провѣряя ее, раза два поверхъ очокъ глянулъ на Хведька. Потомъ взялъ перо и, старательно выводя буквы, росписался въ разносной книжкѣ и сейчасъ же отдалъ ее сотскому.

— Снеси, что тамъ его есть въ тарантасѣ—сказалъ онъ сотскому—и отправляйся!

— Тамъ ничого не иміется—отвѣтилъ послѣдній и пошелъ за дверь, гдѣ уже стоялъ кто-то изъ служителей, изъ-за котораго выглянули два-три человѣка арестованныхъ, пожелавшихъ посмотрѣть на новоприбывшаго.

Смотритель строго глядѣлъ на Хведька.

— Ты что же это собрался такъ, даже безъ куска хлѣба. Теперь тебѣ прійдется до завтрашняго дня не ѣсть: у насъ уже все распредѣлено, а ты ужъ только завтра поступишь на довольствіе.

Хведько мрачно молчалъ.

— Ты за что же это попалъ? За какія это свекловичныя сѣмена, голубчикъ ? Га?!

Опять тупое молчаніе.

— Ты что же это не отвѣчаешь, когда тебя спрашиваетъ начальникъ? Га?

— Та отъ же пришлось одвичать за другихъ--мрачно отвѣтилъ Хведько, смѣшивая понятія предложеннаго вопроса.

— Какъ же это за другихъ?

— Та такъ, що воны мене пидвелы.

— То есть кто это они?

— Цюпа та Жердёвъ.

— Это кто же такіе, какъ ты сказалъ Цюпка и Жеребьевъ,

— Цюпа та Жердёвъ.

— Ага! Цюпинъ и Жердевъ

— Эге жъ!

— Ну, да какъ же это они подвели тебя?!

— Та такъ, що оце я й у одвити за ныхъ.

— Значитъ, ты это у нихъ эти сѣмена укралъ—у этого Цупина и Жеребьева? Га?

— Та ни, воны, Петро, мени давъ, що бъ я Жердёву завизъ, ажъ воно крадене.

— А—а! Это кто же Петро? Га?

— Та Цюпа жъ, а Жердёвъ кабатчикъ.

— Ну, ну—понимаю; значитъ, Петро этакъ продалъ кабатчику, а ты тамъ былъ и съ пьяна укралъ ихъ.

— Та я ихъ не кравъ, а Петро мени давъ.

-- Г-мъ! Это не хорошо! Ты вотъ передъ начальникомъ и запираешься. За это вашего брата не хвалятъ. Такъ нельзя. Это запирательство. А кто запирается, у того, значитъ, нѣтъ раскаянія. Ты думаешь, такъ это тебѣ и пройдетъ; анъ Богъ все видитъ и накажетъ тебя за твое запирательство. Нѣтъ,

такъ нелья! Вотъ я тебя за это самое и запру теперь. Антонъ! Иди сюда за мной, ворчалъ смотритель, изъ-подъ нависшихъ рыжихъ бровей смотря на понурившагося мрачно Хведька, который ровно ничего не понялъ изо всей его рѣчи. Одно ему было понятно, что рѣчь идетъ про „запирательство", по его пониманію разъясненное словомъ „запру".

И дѣйствительно, старичекъ съ Антономъ провели его въ какую-то дверь, впустили и заперли за нимъ дверь на замокъ.

Прямо противъ двери было окно, задѣланное желѣзною рѣшеткою, и затѣмъ голыя стѣны, полъ и потолокъ. Хведько ощущалъ какую-то небывалую усталость. Давно уже ему не приходилось ни на какой работѣ такъ уставать. Душевное волненіе, голодъ, непривычная ѣзда въ тарантасѣ,—все это вмѣстѣ такъ его утомило, что ему прежде всего захотѣлось ѣсть. Подошедши къ окну, онъ апатично глянулъ въ него, увидѣлъ черезъ улицу какой-то домъ кирпичный, не бѣленый, какую-то вывѣску надъ открытою дверью, какихъ-то людей, шедшихъ по улицѣ подъ проливнымъ дождемъ; но все это его мало интересовало. Онъ распоясался, снялъ мокрую черкеску, скомкалъ ее и, бросивъ себѣ подъ голову, моментально заснулъ мертвымъ сномъ.

Проснулся онъ еще до восхода солнца. Сквозь окно видѣнъ былъ разсвѣтъ, но въ цѣломъ зданіи царствовала совершенная тишина. Было часа три утра. Какъ-то безсознательно онъ подошелъ къ двери, толкнулъ ее, но она оказалась запертою; подошедши къ окну, онъ увидѣлъ тотъ-же двухъэтажный домъ съ вывѣскою на углѣ и улицу, совершенно пустынную. Попробовалъ онъ опять заснуть, но не спалось,—хотѣлось ѣсть страшно, ибо кромѣ кусочка хлѣба, которымъ закусилъ онъ выпитую рюмку водки у Кулиша, онъ ничего не ѣлъ цѣлыя сутки. Это желаніе ѣсть было на столько сильно, что на немъ сосредоточились всѣ его мысли. Онъ не зналъ, какъ и что добыть поѣсть, но полагалъ, что какъ только проснутся въ домѣ, такъ сейчасъ же и явится возможность хоть какъ нибудь удовлетворить голодъ.

Лучи восходящаго солнца освѣтили одну сторону ниши окна; по улицѣ кто-то проѣхалъ; наконецъ, въ домѣ послышался скрипъ дверей, чьи-то шаги по корридору и голоса. Еще часъ спустя онъ услыхалъ голосъ старичка смотрителя, и вслѣдъ за тѣмъ кто-то подошелъ къ двери его камеры, побрязгалъ ключами, погремѣлъ задвижкою и отперъ двери.

Это былъ сторожъ, котораго вчера смотритель назвалъ Антономъ.

— Иди прибирать камеры и на кухнѣ! сказалъ онъ.

По окончаніи работы Хведько очутился опять въ той же, гдѣ ночевалъ, камерѣ, но уже снабженный кускомъ хлѣба. Это запираніе въ отдѣльной камерѣ его ничуть не поразило, какъ не поражаютъ случайно упавшаго въ воду поливающія послѣ этого его струи дождя. Онъ все это считалъ продолженіемъ несомаго наказанія. Запертый опять въ особой камерѣ, онъ сейчасъ же принялся ѣсть ткнутый ему Антономъ хлѣбъ. Поѣлъ и завалился опять спать. Происшедшее съ нимъ въ это послѣднее время подавляюще притупило въ немъ даже способность размышленія: онъ не могъ ни надъ чѣмъ остановить своихъ мыслей, и поэтому, можетъ быть, такъ и клонило его ко сну.

Спалъ онъ долго, благо мухи не залетали въ эту всегда запертую и потому прохладную камеру. Сонъ благотворно подѣйствовалъ на него, и проснувшись, онъ могъ уже болѣе сознательно отнестись къ своему положенію. По его мнѣнію, онъ отбывалъ наказаніе въ тюрьмѣ, но почему то незакованный въ кандалы, что ему представлялось непремѣннымъ аксессуаромъ тюремнаго содержанія. Какъ долго ему прійдется сидѣть и что еще съ нимъ будутъ дѣлать, онъ не зналъ и не хотѣлъ про это думать. Мысли унесли его въ Андреевку, къ своему двору, улицѣ, и остановились на Мелашкѣ. Онъ почему то не думалъ о продолжительности заключенія, а прямо перенесся мыслями въ садокъ и къ осеннему времени, когда возвратится отецъ съ заработковъ и когда послѣ Покровы женятъ его на Мелашкѣ. Эти мечты его на столько увлекли, что онъ не обратилъ вниманія на топотъ ногъ въ корридорѣ, лязгъ ключей и скрипъ отпираемаго у его дверей засова.

Тотъ же Антонъ отворилъ дверь и позвалъ его обѣдать на кухню, гдѣ уже было нѣсколько человѣкъ.

Смотритель присутствовалъ тутъ же и весь былъ занятъ наблюденіемъ за разрѣзкой большихъ двухъ хлѣбовъ на куски, которые онъ раздавалъ собравшимся на кухню.

— Подай и тому, новому—сказалъ смотритель, указывая на Хведька.—Да пріймите его кто нибудь къ мискѣ—прибавилъ онъ. Получивъ пайки хлѣба, арестанты подходили съ разнаго рода мисками къ плитѣ, гдѣ какой то человѣкъ наливалъ имъ жиденькія щи изъ какого-то зелья. У нѣкоторыхъ были небольшія деревянныя чашки, другіе же ѣли изъ большихъ мисокъ. Хведька позвалъ къ своей компаніи Николенко; онъ же сунулъ ему гдѣ то добытую ложку.

Хведько взглянувъ на Николенка, сразу вспомнилъ обстоятельство утрешней встрѣчи съ нимъ во время работъ и почувствовалъ къ нему благодарность; примостился къ мискѣ Николенка и, не обращая вниманія на прочихъ арестованныхъ, разсматривавшихъ его, сталъ хлебать щи и закусывать хлѣбомъ. Николенко покровительственно приглашалъ ѣсть словами: „ѣшь, хлебай! чего ты!—когда Хведько, соблюдая застольный народный этикетъ, отъ времени до времени клалъ ложку.

Послѣ щей въ эту же миску арестованнымъ дали пшенной каши размазни, т. е. не особенно крутой. Пробуя эту кашу, Николенко сталъ острить.

— Ну, братцы!—Эта въ глоткѣ не застрянетъ—мякенькая!

Но смотритель, этимъ вдругъ раздобрился и обратился къ повару съ приказаніемъ дать всѣмъ сала къ кашѣ.

— Несите свои миски ребята, сказалъ онъ: а ты дай имъ вотъ отсюда сала. Оно посытнѣй будетъ! Я вѣдь такой: когда и побраню, а то и пожалѣю!

Поваръ ложкою колупалъ застывшее въ большомъ горшкѣ сало и подходившимъ клалъ въ кашу.

Николенко долженъ былъ замолчать со своими замѣчаніями и остротами.

Послѣ обѣда Хведька уже не запирали въ особую камеру, и онъ остался съ прочими перемывать посуду и прибирать на кухнѣ.

Часа два спустя сторожъ Антонъ предложилъ арестованнымъ выйти во дворъ „прогуляться“, такъ какъ смотритель послѣ обѣда съ семьею легъ заснуть.

Не особенно было удобно гулять на голомъ примыкающемъ къ зданію дворѣ по полуденной жарѣ; но тѣмъ не менѣе всѣ вышли. Нѣкоторые во дворѣ занялись по указанію Антона приборкою щепокъ на дровотнѣ, Николенко же отказался, сказавъ „чертъ имъ не работалъ! и съ тремя такими же, и въ томъ числѣ съ Хведькомъ, усѣлись въ тѣни забора. Послѣдняго Антонъ даже и не приглашалъ работать.

Жара стояла страшная, усиленная какъ песчанымъ грунтомъ двора, такъ и отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ каменной стѣны большаго двухъэтажнаго городскаго дома, гдѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась земская арестантская. Жара такъ и варила. Сидѣвшіе въ тѣни скоро поснули, Хведько тоже завалился было спать, но къ нему поближе подсѣлъ Николенко и началъ его разспрашивать, кто онъ, откуда и за что „*попался*. Когда Хведько объяснилъ, разумѣется, по своему, какъ свою вину, такъ и то, что его Судья приговорилъ къ тюремному заключенію, что и такъ понялъ опытный въ этихъ дѣлахъ Николенко, то послѣдній посовѣтовалъ ему заявить „удовольствіе“ на приговоръ и просить перевода въ тюрьму.

— Такъ и скажи: я, молъ, приговоромъ доволенъ; переведите меня въ тюрьму,—такъ и скажи. Тамъ, братъ, много лучше и въ харчахъ и во всемъ—объяснилъ Николенко.

— Тамъ вотъ на огородъ къ капустѣ посылаютъ, да и подаяніе бываетъ; а главное, что тутъ сколько ни сиди, все равно не засчитаютъ въ срокъ. А то ужъ по просту: отсидѣлъ свое да и на волю. Смотри, до Покрова тамъ или до Казанской и отсидишь.

Хведько не могъ объяснить своему совѣтчику, на сколько времени его приговорилъ мировой судья.

— А тутъ что̀? Тамъ гляди, кто и провѣдаетъ, да и народу тамъ больше. Есть бравые ребята, такіе, что можно кое чѣмъ и позаимствоваться у нихъ; а здѣсь—одно слово мужичье...

Не все понималъ Хведько изъ совѣтовъ своего собесѣдника; но одно онъ уразумѣлъ, что въ тюрьмѣ онъ „*отсидитъ* скорѣе и что тамъ посылаютъ на огородъ. Срока заключенія онъ не зналъ, а только понималъ, что на долго онъ попалъ въ эту западню....

На другой день рано утромъ въ арестантскую, возвращаясь изъ купальни, зашли предсѣдатель мироваго съѣзда Стеценко и слѣдователь Федорашъ.

На крыльцѣ ихъ встрѣтилъ смотритель.

Стеценко захотѣлъ видѣть новаго арестанта и нашелъ въ кухнѣ, гдѣ они вмѣстѣ съ Николенкомъ крошили на столѣ какое то зелье на щи.

При входѣ посѣтителей всѣ повставали и на привѣтствіе „здорово!“, произнесенное Стеценкомъ, отвѣтили кто „здоровъ, ничего!“ а кто „добраго здоровья!“

Федорашъ забѣгалъ глазами по плитѣ, какъ бы стараясь узнать, что тамъ поставлено въ горшкахъ, а Стеценко, строго смотря на Хведька, сказалъ.

— Вотъ такъ хорошо! здѣсь надо слушать начальство.

— Онъ, ваше превосходительство, желаетъ заявить удовольствіе на приговоръ и перевестись въ замокъ—вдругъ сказалъ Николенко, указывая на Хведька.

— Доволенъ ты приговоромъ? Желаешь въ замокъ? спросилъ Стеценко.

— Доволенъ, желаю!—отвѣтилъ кротко Хведько.

— Донесите немедленно рапортомъ Мировому Судьѣ,—обратился Предсѣдатель къ смотрителю.

— Слушаю-съ, немедленно-съ исполню-съ!—отвѣтилъ послѣдній.

Посѣтители вышли, а смотритель, заглянувъ еще въ кухню, пошелъ писать рапортъ ворча про себя. Онъ отчасти доволенъ былъ сбыть съ рукъ Хведька заявившаго себя сначала непокорнымъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого Хведька въ сопровожденіи Антона съ разносною книжкою отправили черезъ базаръ къ громадному зданію тюремнаго замка, гдѣ онъ и былъ водворенъ... надолго.

Борисъ Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРЕЧЕСКІЕ ЕПИСКОПЫ-САМОЗВАНЦЫ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII В.

Въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ православный востокъ высылалъ въ Россію не одну тысячу просителей матеріальной помощи единовѣрнымъ и соплеменнымъ угнетеннымъ народамъ, искавшихъ кромѣ того и нравственной поддержки... Тутъ были и представители высшей іерархіи, горячо преданные служенію православной церкви, и пламенные патріоты, скорбѣвшіе о судьбѣ страдавшей подъ иновѣрнымъ басурманскимъ игомъ родины. Но наряду съ этими лучшими представителями греческой церкви шло не мало людей совсѣмъ другаго типа, беззастѣнчивыхъ торговцевъ святыни, искателей приключеній, черноризцевъ, необлеченныхъ иноческимъ саномъ и даже не христіанъ. Все это были жертвы корыстолюбія и наживы, неудержимо влекомые щедрой московской милостыней и „мягкой рухлядью" Сибирскаго приказа.

Западная Россія (Малороссія и Бѣлоруссія) представляла еще болѣе благодарную почву для дѣятелей обоихъ указанныхъ типовъ. Западно-русская церковь до конца XVII в. была подчинена патріарху Константинопольскому. Различныя церковныя нестроенія, въ особенности унія, не разъ побуждали православное населеніе страны искать помощи у восточныхъ патріарховъ, которые пріѣзжали лично или посылали своихъ намѣстниковъ и посвящали православныхъ священниковъ и епископовъ. Сношенія съ Греціею не прекратились и послѣ подчиненія западно-русской церкви Московскому патріарху: греческіе епископы нерѣдко пріѣзжали въ Малороссію, священнодѣйствовали и посвящали священниковъ, съ согласія мѣстныхъ епископовъ

(такъ, при Черниговскомъ епископѣ Лазарѣ Барановичѣ жилъ въ Нѣжинѣ Мелетій, епископъ ахридонскій, при Кіевскомъ митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ—въ Кіевѣ епископъ Дамаскинъ). Иногда само русское правительство предоставляло греческимъ епископамъ подобныя права. Такъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, во время продолжительнаго заточенія Кіевскаго митрополита Варлаама Ванатовича, производство въ духовные чины въ Кіевской епархіи поручено было греческому коринѳскому митрополиту Митрофану, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшему въ Кіевъ изъ Греціи [1]). Въ царствованіе Елисаветы Петровны, при митрополитѣ Кіевскомъ Арсеніи Могилянскомъ, за слабостью его здоровья, опредѣленъ былъ викаріемъ пребывавшій въ Кіево-Печерской лаврѣ бывшій архіепископъ греческаго острова Андры Герасимъ, и кромѣ того разрѣшено исправлять священнослуженіе выѣхавшему изъ Далмаціи епископу Симеону Кончаревичу [2]). Вслѣдъ за ними пріѣхали въ Малороссію еще два греческихъ епископа, но они не были признаны св. Синодомъ.

Между переселявшимися въ Малороссію греческими епископами нерѣдко встрѣчались и лица недостойные, самозванцы, не имѣвшіе епископскаго сана или лишенные его за преступленія. Отъ такихъ личностей предостерегали русское правительство и духовенство сами восточные патріархи [3]). Московскій патріархъ Адріанъ въ 1694 г. обращалъ вниманіе митрополита Кіевскаго В. Ясинскаго на странствующихъ по Малороссіи греческихъ архіереевъ. Бѣлоруссія, остававшаяся подъ польскимъ владычествомъ и не имѣвшая, благодаря уніи, своего православнаго духовенства, представляла особенный просторъ для подобныхъ искателей приключеній.

Всецѣло къ послѣднему типу авантюристовъ долженъ быть отнесенъ и тотъ „гречанинъ", о которомъ идетъ рѣчь далѣе.

Сынъ купца Степанъ (фамилія его неизвѣстна) родился въ началѣ 80-хъ годовъ XVII вѣка во Ѳракіи, въ г. Димотихѣ,

---

[1]) Опись К.-Соф. собора митр. Евгенія, стр. 220.

[2]) Тамъ же, стр. 228.

[3]) См. письмо іерусалимскаго патріарха Досиѳея къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, 1686 г. въ Архивѣ Ю.-З. Россіи, часть I, томъ V, стр. 155.

на р. Марицѣ, недалеко отъ Адріанополя, въ „Турской области". Какъ провелъ онъ годы дѣтства, получилъ ли какое либо образованіе въ отцовскомъ домѣ—неизвѣстно, не знаемъ мы такъже, что заставило его 13 лѣтъ отъ роду оставить родной городъ и отправиться на Аѳонъ.

Можно только съ увѣренностью сказать, что едва ли влекли его туда серьезныя цѣли истиннаго монашества, вѣрнѣе гнали его туда какія либо внѣшнія, не благопріятно сложившіяся обстоятельства жизни, или уже въ то время зародившаяся, при природной живости и смѣтливости, страсть къ странствованіямъ и приключеніямъ.

Скорѣе всего, что послѣднее; по крайней мѣрѣ, не дойдя до цѣли своего путешествія, онъ странствовалъ по Турціи „года съ три", не умѣя впослѣдствіи сказать ни гдѣ онъ бродилъ, ни чѣмъ существовалъ все это время. Наконецъ, 16 лѣтъ, Степанъ пришелъ на Святую Гору и здѣсь, въ Предтечевѣ монастырѣ, былъ постриженъ „подлинно, какъ показывалъ онъ позднѣе, по содержанію восточной церкви, а самъ на себя монашескаго чина не накладывалъ". Проживъ въ монастырѣ пять лѣтъ, въ 1703 году онъ былъ посвященъ въ санъ іеродіакона, а затѣмъ и іеромонаха епископомъ Скитскимъ и Скопельскимъ Климентомъ [1]). Однако молодому іеромонаху Симеону не сидѣлось на мѣстѣ и онъ „вскорѣ, отлучась отъ монастыря", ушелъ странствовать „по разнымъ иностранныхъ государствъ городамъ и монастырямъ". Весь этотъ почти 20-лѣтній періодъ жизни Симеона намъ совершенно неизвѣстенъ, въ своей автобіографической запискѣ онъ не сказалъ гдѣ все это время „бродилъ" и чѣмъ занимался. 1724 годъ застаетъ его въ Варшавѣ. Здѣсь, въ столицѣ Польши, судьба столкнула іеремонаха Симеона съ двумя, повидимому, такими-же авантюристами: „бѣльцомъ" Серафимомъ, который „назывался націями разными, грекомъ и французомъ", и съ настоящимъ грекомъ изъ села Аграфа, сыномъ ремесленника-ткача, Юріемъ.

---

¹) Скопело и Скіатъ острова въ Эгейскомъ морѣ изъ числа Спорадскихъ, на сѣверъ отъ Эвбеи.

Съ этого момента и начинаются наиболѣе любопытныя похожденія нашего героя. Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ ли, какъ онъ разсказывалъ позднѣе, „бѣльца Серафима" или самъ собой, „бѣсовскимъ прельщеніемъ", но только „дьяволъ низложилъ его въ такія беззаконія", что онъ началъ съ того времени выдавать себя за странствующаго за сборомъ пожертвованій греческаго архіерея. Именуя себя теперь Стефаномъ Юстиніаномъ, то Филиппопольскимъ архіепископомъ и митрополитомъ и архимандритомъ трехъ монастырей, то архіепископомъ своего роднаго города Димотиха, и въ обоихъ случаяхъ, не упуская прибавить, что онъ „князь и кавалеръ св. апостола Андрея Первозваннаго", смѣлый авантюристъ позаботился обзавестись и митрополичьей одеждой, „сшилъ бѣлый клобукъ и мантію и ходилъ по архіерейскому". Два его сотоварища, Серафимъ и Юрій, пристроились около самозваннаго іерарха, первый въ качествѣ секретаря „составлялъ многія грамоты и письма", второй просто служителемъ „изъ платы". Составивъ такимъ образомъ себѣ свиту, Димотихскій лже-владыка сталъ разъѣзжать по разнымъ городамъ Литвы и Бѣлоруссіи и здѣсь, въ Слуцкѣ, Могилевѣ и Вильнѣ „служилъ божественныя службы по архіерейскому чиноположенію" съ іеромонахами, посвящалъ во время богослуженія „разныхъ персонъ во дьяконы" и даже „благословилъ архимандрита и игумена"... Въ Польшѣ, повидимому, Стефанъ-Юстиніанъ пробылъ года два-три и все это время благополучно разыгривалъ принятую на себя роль. Въ іюнѣ или въ іюлѣ 1727 года мы уже находимъ его въ Римѣ и здѣсь онъ является уже въ качествѣ оффиціальнаго представителя греко-восточной церкви, прибавляя къ прежнимъ своимъ титуламъ еще новый—„намѣстника святѣйшаго патріарха Іереміи". Въ качествѣ такого оффиціальнаго лица въ Римѣ онъ приноситъ присягу, „чтобъ признавать папу, яко намѣстника Христова, свыше святѣйшихъ патріарховъ и содержать чиноположеніе и уставы, какъ повелѣваетъ западная церковь".

Пробывъ въ Римѣ почему-то очень не долго, „дондеже могъ оттуда свободу получить", искатель приключеній напра-

вился въ единовѣрную Россію, въ надеждѣ, вѣроятно, на болѣе щедрую милостыню. Для большей безопасности онъ заѣхалъ однако предварительно въ Парижъ, гдѣ 13 мая 1728 года у русскаго посланника князя Ал. Бор. Куракина предусмотрительно запасся паспортомъ, переименовавшись снова скромнымъ іеромонахомъ Симеономъ „изъ Палестины Благовѣщенскаго монастыря съ острова Скопелло въ Архипелагѣ".

Поѣздка въ Россію, которую предпринялъ теперь бывшій лже-архіерей, была гибельна для него и закончила всѣ его авантюры. Въ сентябрѣ 1728 года іеромонахъ Симеонъ вмѣстѣ съ служителемъ Юріемъ [1]), пріѣхали въ Москву и нашли здѣсь пріютъ на Никольской улицѣ въ Греческомъ монастырѣ, а 30 числа Симеонъ предъявилъ свой парижскій паспортъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, подавъ въ тоже время и прошеніе въ Синодъ о выдачѣ ему указа на сборъ милостыни для Благовѣщенскаго монастыря. По всѣмъ вѣроятіямъ все обошлось бы благополучно и собравъ деньги и пожертвованія, Симеонъ успѣлъ бы убраться заграницу, если бы на свою бѣду онъ не встрѣтился въ Москвѣ съ однимъ своимъ старымъ знакомымъ по пребыванію въ Западномъ краѣ и Польшѣ. Это было также духовное лицо, а именно архидіаконъ Бѣлорусской епархіи Каллистъ Заленскій, которому, быть можетъ, даже приходилось принимать участіе въ служеніяхъ, которыя совершалъ въ Могилевѣ Симеонъ. 16 октября Каллистъ подалъ въ Синодъ заявленіе, что „онъ, чернецъ, человѣкъ весьма подозрительный и по подложнымъ грамотамъ и паспортамъ проходилъ многія государства, а будучи у нихъ въ Могилевѣ при бывшемъ ихъ епископѣ называлъ себя архіепископомъ града Димотиха". Такой „извѣтъ", конечно, не могъ не произвести въ Синодѣ значительной тревоги и на поиски самозваннаго архіерея отряженъ былъ немедленно синодальный копіистъ. Однако, повидимому, и „подозрительный чернецъ" послѣ встрѣчи съ Кал-

---

[1]) Но уже безъ „бѣльца Серафима", который, вѣроятно, отсталъ въ столицѣ міра, послѣ того какъ при простомъ іеромонахѣ уже и не удобно было состоять секретаремъ.

листомъ почуялъ угрожавшую ему бѣду и вмѣстѣ съ своимъ „хлопцемъ“ Юріемъ скрылся, до прибытія копіиста, изъ Никольскаго монастыря. Бѣгство это было такъ поспѣшно, что онъ не взялъ даже съ собой своего, въ значительной степени его компрометировавшаго, „скарба“, который былъ опечатанъ и представленъ копіистомъ въ Синодъ. При осмотрѣ этого скарба въ немъ оказались изобличающіе самозванство бѣлый клобукъ и архіерейская мантія, а также нѣсколько „писемъ“, грамотъ отъ мнимаго владыки Димотиха и кавалера св. Андрея Первозваннаго.

Скрыться Симеону, однако, не удалось, скоро онъ былъ пойманъ въ Ново-Нѣмецкой слободѣ и приведенъ полиціей въ Синодъ. Видя, что теперь запираться, при существованіи такихъ вѣскихъ уликъ, какъ принадлежности архіерейской одежды и письма, было бы напрасно, Симеонъ принесъ повинную на греческомъ языкѣ, каясь во всѣхъ „беззаконіяхъ, въ кои низложилъ его діаволъ“, а 23 октяоря, противъ предложенныхъ ему въ Синодѣ допросныхъ пунктовъ, подробно описалъ и всю свою богатую приключеніями жизнь. Какъ въ повинной, такъ и въ своей автобіографической запискѣ, смѣлый авантюристъ, не отрекаясь отъ всего, что было въ Малороссіи, Польшѣ и Римѣ, употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы какъ нибудь вывернуться и доказать, что онъ уже давно сознаъ свои „заблужденія“ и въ Россію теперь пріѣхалъ не только безъ всякихъ обманныхъ намѣреній, но именно съ цѣлью „принести о своихъ заблужденіяхъ Его Императорскому Величеству и Св. Синоду показаніе, но отъ страха самъ собой того не учинилъ и какъ въ Синодъ его сыскивали и онъ, убоясь того, ушелъ въ Нѣмецкую слободу и хотѣлъ ѣхать паки въ Аѳонскую гору, въ свой монастырь“. Въ другой разъ онъ наивно заявлялъ, что въ Россію онъ пришелъ „радоваться о благочестіи“, а платье привезъ съ собой съ самымъ невиннымъ намѣреніемъ, „дабы здѣсь очернить“. Не довольствуясь, однако, одной повинной, Симеонъ подалъ вторую, также по гречески, которую въ Синодѣ перевели такъ: „Господь Іисусъ Христосъ иже не хощетъ смерти грѣшнику, то предѣлъ поло-

жи исповѣданіе, се пріидохъ подъ покровъ его Императорскаго величества и Св. Прав. Синода, зане вся исповѣдую согрѣшенія своя, дьяволъ прельстилъ, а иной привелъ меня на сіе, сотворите со мной милость, свободите душу мою отъ рукъ дьявольскихъ, и каюся вседушно, плачу и рыдаю о грѣсѣхъ своихъ, прельстихся паче всего міра, однакожъ надѣюсь на Господа Іисуса Христа той сокрушитъ главу зміеву, который привелъ меня въ такіе грѣхи, токмо прошу милости о животѣ и простить согрѣшеніе мое, что именовалъ себя и намѣстникомъ святѣйшаго Іереміи патріарха и который грѣхъ учиненъ въ Римѣ".

Повидимому, однако, надежды на помилованіе и прощеніе было мало и у самаго Симеона; онъ, конечно, и самъ хорошо сознавалъ, какъ рискованно было бы выпустить его на свободу, а потому и постарался устроить такъ, чтобы выбраться на свободу, помимо суда.

Все время, пока тянулось слѣдствіе, Симеонъ сидѣлъ въ Синодѣ въ колодничьей палатѣ въ цѣпи и въ ножныхъ желѣзахъ. Въ концѣ февраля, совершенно неожиданно, при осмотрѣ колодника, оказалось что цѣпь и желѣза отперты. Отрицая намѣреніе бѣжать, Симеонъ разсказалъ, что, воспользовавшись сномъ караульныхъ, онъ взялъ изъ шкафа ключи и ими отперъ кандалы, и съ того времени болѣе мѣсяца цѣпь и желѣза были на немъ не заперты, устроилъ же онъ это единственно съ тѣмъ, чтобы „лежать и спать было ему легче".

Въ томъ же году послѣдовало и окончательное рѣшеніе дѣла. При этомъ Синодъ „за учиненныя имъ весьма важныя святѣй восточной греческаго исповѣданія церкви и правиламъ противности и христіанскому истинному закону нарушеніе и прочіе вымышленные лживые имъ, яко суще злодѣемъ приличествующіе поступки" рѣшивъ „обнажить его священства и монашества", предоставилъ его въ распоряженіе свѣтскаго суда. Изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ дѣло Симеона перешло въ Верховный Тайный совѣтъ, который и приговорилъ „разстригу" Степана къ ссылкѣ въ Пустозерскій острогъ архангелогородской губерніи.

Почти 15 лѣтъ спустя, которыя Степанъ провелъ въ глухомъ Пустозерскѣ, дѣлу о немъ суждено было возникнуть вновь.

Это было въ 1746 году, царствовала Елизавета, указомъ 15 іюля 1745 г. предписавшая всѣхъ ссыльныхъ „колодниковъ свободить и отпустить въ домы". Амнистія эта не распространялась только на сосланныхъ богохульниковъ и по первымъ двумъ пунктамъ, также воровъ, разбойниковъ и смертныхъ убійцъ, запрещалось возвращать вообще тѣхъ, у кого „ноздри выняты и другіе знаки положены".

Недоумѣвая какъ поступить со Степаномъ, архангелогородская губернская канцелярія просила указаній отъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, которая въ свою очередь обратилась 8 января 1746 года съ представленіемъ въ Синодъ. Хотя, писалъ между прочимъ президентъ коллегіи гр. Безстужевъ-Рюминъ, надъ онымъ разстригой милость показать, но по важности содѣянныхъ поступковъ не токмо заграницу, но и здѣсь въ Россіи скитаться отпустить его непристойно, онъ же человѣкъ иностранный и дома нигдѣ въ Россіи не имѣетъ, развѣ отослать его въ Соловецкій монастырь, гдѣбъ онъ, яко уже прежде бывшій монахъ, а нынѣ человѣкъ престарѣлый, неисходно быть и пищу имѣть и жизнь свою богоугодно скончать могъ". Не смотря на всю основательность этого гуманнаго мнѣнія Бестужева-Рюмина, оно не было „аппробовано" Синодомъ; который вновь подтвердилъ, чтобъ „оному разстригѣ въ томъ же мѣстѣ быть по прежнему а въ Соловецкій монастырь не посылать, ибо опасно чтобъ оный оттолѣ утечки учинить не могъ". Также рѣшилъ дѣло и Сенатъ, высказавъ при этомъ, „что за таковыя важные и злодѣйственные поступки къ освобожденію по силѣ указовъ и не слѣдуетъ". 10 марта 1746 г. это окончательное рѣшеніе было сообщено вѣдѣніемъ Синоду и указомъ къ исполненію въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ предпріимчиваго „гречанина" не имѣется [1]).

---

[1]) Дѣло о Самозванцѣ Стефанѣ находится въ книгахъ Сената Моск. Архива Мин. Юст. № 44/206. л. л. 1012—1027.

Монахъ Стефанъ былъ, какъ мы уже замѣттили, не единственнымъ самозваннымъ епископомъ въ то время. Внутреннее состояніе западно-русской церкви представляло благопріятныя условія для появленія подобныхъ личностей, и они являлись не только изъ среды пришельцевъ—грековъ, но и изъ среды мѣстнаго духовенства. Два подобныхъ случая разсказаны въ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи“ митрополита Евгенія. Въ 1724 г. монахъ Козелецкаго монастыря Епифаній, лишенный за пороки священства и монашества, бѣжалъ за границу. Онъ явился къ молдавскому митрополиту Антонію и представилъ ему подложную грамоту митрополита кіевскаго Варлаама Ванатовича“ съ просьбою, чтобы онъ посвятилъ его во епископы града Чигирина, по желанію якобы козаковъ и съ жалобою на св. Синодъ, якобы унизившій кіевскаго Митрополита въ санъ Архіепископа и проч. Митрополитъ, повѣривъ этой грамотѣ, посвятилъ Епифанія въ санъ епископа чигиринскаго. Епифаній возвратился въ Малороссію и началъ рукополагать многихъ во священство. По распоряженію митр. Варлаама онъ былъ арестованъ, и по опредѣленію св. Синода сосланъ въ Соловецкій монастырь. Въ 1729 г. онъ бѣжалъ, но былъ пойманъ, наказанъ тѣлесно и сосланъ въ Сибирь. Съ дороги ему опять удалось бѣжать, но онъ опять былъ пойманъ и въ 1735 г. заключенъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ въ томъ же году и умеръ [1]).

Въ царствованіе Елизаветы Петровны въ 1751 г. золотоношскій крестьянинъ, ушедшій въ Польшу и тамъ принявшій монашество, а затѣмъ переселившійся на Аѳонъ, возвратился въ Россію подъ именемъ архимандрита Анатолія (санъ этотъ онъ получилъ отъ константинопольскаго патріарха) „для полученія отъ россійскаго двора опредѣленной по штату палестинскому милостынной дачи“. Онъ получилъ эту милостыню за всѣ прошлые годы, и кромѣ того особое жалованіе отъ Императрицы, а отъ св. Синода книгу для сбора пожертвованій по Россіи на три года. По истеченіи этого срока, въ 1754 г. онъ получилъ паспортъ для выхода за границу. Въ 1757 г. Анато-

---

[1]) Опис. К. Соф. собора стр. 220—221.

лій уже въ санѣ епископа Мелетинскаго пріѣхалъ въ С.-Петербургъ „подъ предлогомъ нѣкоторыхъ важныхъ пользъ Россійскому Императорскому Престолу." Въ слѣдующемъ году онъ былъ отпущенъ за-границу, но скитался по Россіи и остановился въ Запорожской Сѣчи. Онъ пытался основать здѣсь новую епархію, независимую отъ кіевскаго митрополита и съ этою цѣлью принималъ пришлыхъ изъ Греціи и Молдавіи и друг. мѣстъ. монаховъ и опредѣлялъ ихъ къ мѣстамъ, какъ епархіальный архіерей. Не смотря на запрещеніе св. Синода, козаки поддерживали его и даже выхлопотали сенатскій указъ объ учрежденіи запорожской епархіи. Наконецъ въ 1760 г. указомъ св. Синода предписано было взять Анатолія въ Кіевъ подъ стражу, но „по дѣламъ не видно, чтобы онъ былъ взятъ и привезенъ сюда"[1]).

Всѣ подобные факты, объясняются тогдашнимъ состояніемъ западно-русской церкви. Она переживала въ то время переходный періодъ: старые устои были разшатаны, новыя отношенія еще не успѣли окрѣпнуть. На этой-то почвѣ и возникли такіе продукты броженія, какъ названные выше епископы-самозванцы.

А. Голомбіовскій.

[1]) Опис. К. С. собора, стр. 228—230.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи А. В. Марковича. Знакомство мое съ Аѳанасіемъ Васильевичемъ началось очень давно—еще во время нашего студенчества, въ 1844 году. Въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ за 1889 годъ, говоря о профессорѣ Н. Т. Костырѣ, я упомянулъ о Марковичѣ, какъ о знатокѣ малорусской народности, уже тогда отличавшемся горячею любовію ко всему родному, и потому избранномъ Николаемъ Трофимовичемъ для участія въ проэктированномъ нами археологическомъ путешествіи по Малороссіи: ему предназначалась губернія полтавская. По окончаніи университета, въ томъ же 1844 году я оставилъ А. В—ча на четвертомъ курсѣ словеснаго факультета. Оставаясь въ Кіевѣ и послѣ окончанія университета, онъ, по своему настроенію, не могъ не примкнуть къ Кирилло-Меѳодіевскому братству, за что и былъ удаленъ на жительство въ орловскую губернію, гдѣ и познакомился съ будущей своей женой, дѣвицей М. А. Вилинской.

Встрѣтился я съ нимъ послѣ возвращенія его изъ ссылки въ концѣ 1852 года въ Кіевѣ [1]). Служилъ онъ тогда въ Кіевской Палатѣ Государственныхъ имуществъ бухгалтеромъ. Узнавъ о моемъ перемѣщеніи изъ немировской гимназіи во вторую кіевскую, А. В. тотчасъ же явился ко мнѣ и сталъ канючить, чтобы я передалъ ему для напечатанія нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ мною въ подольской губерніи, такъ какъ въ то время готовился къ печати сборникъ народныхъ пѣсенъ профессоромъ Метлинскимъ. Послѣ этого, впродолженіе двухъ лѣтъ, занятый службой, я встрѣчался съ нимъ очень рѣдко.

---

[1]) Изъ ссылки А. В. былъ возвращенъ раньше другихъ: въ 1851 г. онъ былъ уже въ Черниговѣ на должности корректора Губернскихъ вѣдомостей.

Какъ-то вечеромъ весною 1854 года мы сошлись на террасѣ Андреевской церкви полюбоваться Днѣпромъ и, идя оттуда, зашли къ нему на квартиру. Жилъ онъ тогда на большой Владимірской улицѣ въ домикѣ, уцѣлѣвшемъ какимъ то чудомъ отъ прежняго Кіева доселѣ, пріютившемся подъ брандмауэромъ большого дома Лаппо; принадлежалъ онъ тогда Мандрикѣ. Въ первой комнатѣ сидѣла съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ Марья Александровна. Обстановка квартиры была неособенно богатая. Хотя А. В. занималъ уже въ той же палатѣ должность чиновника особыхъ порученій съ тысячерублевымъ окладомъ, но онъ не переставалъ жаловаться на недостаточность содержанія и высказывалъ желаніе бросить эту службу и поискать чего нибудь получше.

Не прошло послѣ нашего свиданія и недѣли, какъ онъ явился ко мнѣ на Васильковскую улицу съ просьбой принять на квартиру мѣсяца на два брата жены своей гимназиста Митю. Имѣя лишнюю комнату, я согласился взять мальчика на время экзаменовъ безплатно; самъ же А. В. уѣхалъ съ женой изъ Кіева въ с. Коченовку, къ помѣщику В. В. Тарновскому, приглашенный имъ для статистическаго описанія его владѣній. Шнагеръ его Митя не по лѣтамъ оказался большимъ любителемъ нумизматики и надѣлалъ мнѣ не мало хлопотъ....

Прошли каникулы. Въ началѣ сентября, проходя мимо Братскаго монастыря, въ окнѣ второго этажа Московской гостинницы я увидѣлъ какъ будто знакомое лицо, всматриваюсь—Марья Александровна. Предполагая, что она пріѣхала одна на время изъ деревни, я зашелъ въ нумеръ побесѣдовать; но оказалось, что она съ мужемъ оставили г. Тарновскаго навсегда.

— Аѳанасій, объяснила она, нашелъ, что ему, не имѣя почти никакого дѣла, даромъ брать деньги не приходится и потому мы и уѣхали въ Кіевъ [1]).

Оставшись такимъ образомъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, А. В. поселился съ семьей на Куреневкѣ, въ самой бѣдной лачугѣ, даже безъ дверей, вмѣсто которыхъ входъ въ квартиру былъ завѣшенъ какой то дерюгой. Такая нищета произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Измышляя способы, какъ бы помочь земляку, не оскорбляя его самолюбія, я замѣтилъ на полу въ углу кучку книгъ.

---

[1]) По словамъ настоящаго владѣльца Кочевки В. В. Тарновскаго, А. В. занимался въ Коченовкѣ больше собираніемъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ, чѣмъ статистикой, проводя цѣлые дни на мельницѣ съ помольцами.

— А что это у васъ, А. В., за книги? спрашиваю его.

— А это оставшіяся непроданными пѣсни Метлинскаго.

— А сколько ихъ у васъ осталось?

— Кажется, экземпляровъ 30.

— Хотите, я ихъ продамъ. Кстати въ это самое время мнѣ приходится читать своимъ ученикамъ о народной поэзіи—они ихъ и разберутъ.

Книги эти я взялъ съ собой на извощика и на другой же день черезъ Митю отослалъ А. В. вырученные за нихъ 30 рублей [1]).

На слѣдующій день къ квартирѣ моей, въ новомъ цилиндрѣ отъ Огюста и сиреневыхъ перчаткахъ, подкатилъ на лихачѣ А. В.; подъ мышкой ящикъ бомбическихъ сигаръ, другой—съ сухими конфектами отъ Балабухи и еще что-то въ сверткѣ—такъ что какъ я посчиталъ все, что было куплено, то изъ 30 рублей едва ли что нибудь осталось на продовольствіе.

Ну, думаю себѣ, тутъ не поможетъ никакая субсидія. Нужно придумать что нибудь другое. Посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ сослуживцевъ, я склонилъ въ пользу А. В—ча инспектора казенныхъ училищъ Тулова, который и предоставилъ ему должность учителя географіи въ немировской гимназіи, гдѣ оставались еще на службѣ мои недавніе сотрудники: Теодоровичъ, Барщевскій и Дорошенко, ребята теплые, которые участливо отнеслись къ новоиспеченному учителю и приняли его, какъ говорится, съ распростертыми объятіями, а юный педагогъ Илья Петровичъ Дорошенко даже поселился вмѣстѣ на коммунистическихъ началахъ, вложивъ въ общую кассу всѣ свои заработки.

Зажили мои Марковичи въ Немировѣ припѣваючи. Отсюда то, какъ плодъ обезпеченной жизни, и были отправлены въ Петербургъ приведшія въ неописанный восторгъ Кулиша и Шевченка «Народни Оповидання» Марка Вовчка. Достовѣрно неизвѣстно, кто подъ этимъ псевдонимомъ скрылъ свое имя—мужъ ли, кровный украинецъ, или жена его, орловская уроженка?...

Засимъ немедленно послѣдовала поѣздка въ Петербургъ, оваціи, учиненныя столичными земляками, путешествіе Марьи Александровны

---

[1]) Это были остатки экземпляровъ, полученныхъ отъ издателя за доставленныя ему пѣсни для Сборника, изд. въ 1854 г.

съ сыномъ заграницу и поступленіе Аѳанасія Васил. на службу по акцизу.

И вотъ мнѣ пришлось еще разъ въ жизни встрѣтиться съ старымъ университетскимъ товарищемъ на родинѣ—въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Въ первый годъ своего пребыванія въ этомъ городѣ А. В. квартировалъ въ домѣ сестры моей, недалеко отъ Десны, подъ Замкомъ. Занималъ онъ семейную квартиру въ 3 комнаты съ кухней, частію потому, что со дня на день ожидалъ прибытія изъ заграницы милой подруги, частію ради нерѣдкихъ пріѣздовъ изъ с. Мезина семейства Загорскихъ или точнѣе г-жи Загорской, извѣстной пѣвицы, съ малыми дѣтьми и вѣчно пьянымъ мужемъ. Сестра жаловалась, что посѣщенія эти всегда сопровождались для нея сильнымъ безпокойствомъ, потому что въ то время въ большую комнату обыкновенно вносилось нѣсколько кулей соломы и вся семья ложилась вповалку на полу, при чемъ папаша съ дѣтьми спалъ безъ просыпу всю ночь, а хозяинъ съ мамашей отъ зари до зари «все спивалы, да ставылы самовары», что было весьма небезопасно въ комнатѣ, наполненной соломой.

Въ Новгородъ Сѣверскѣ А. В., помнится, оставался не болѣе двухъ лѣтъ; затѣмъ онъ былъ перемѣщенъ на службу въ Черниговъ и тамъ вскорѣ умеръ, не дождавшись своей «Манычки» и страстно любимаго имъ сына Богданка.

Изъ воспоминаній **М. К. Чалаго.**

Къ исторіи обителей Паисія Величковскаго. Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый (1893) годъ помѣщена была интересная статья князя А. Дабижи подъ заглавіемъ: «Малороссійская обитель на Аѳонѣ». (стр. 34—40). Изложенная въ этой статьѣ краткая исторія Ильинскаго скита, который авторъ называетъ «духовнымъ дѣтищемъ» запорожскаго козачества (стр. 35), къ сожалѣнію говоритъ очень мало объ отношеніяхъ запорожскаго козачества къ своему «духовному дѣтищу». Правда, авторъ включаетъ въ число братіи ильинской обители «не мало старыхъ сѣчевиковъ, разбредшихся по бѣлу свѣту по разореніи ихъ роднаго гнѣзда» (стр. 37); онъ говоритъ также и о «посильной помощи, оказываемой монастырю селившимися въ предѣлахъ Турціи и на Кубани запорожцами» (стр. 38), но объ отношеніяхъ къ скиту «запорожскаго товариства» въ болѣе ранній періодъ, въ періодъ началь-

ной исторіи обители, въ статьѣ ничего не говорится. Случайно встрѣтившійся намъ документъ можетъ нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ въ начальной исторіи ильинской обители и дать нѣкоторое право называть ильинскій аѳонскій скитъ «духовнымъ дѣтищемъ запорожскаго козачества». Документъ этотъ, найденный нами въ архивѣ кіевской духовной консисторіи, представляетъ собою отрывокъ какого-то «дѣла». Содержаніемъ же его служитъ показаніе бывшаго нѣкоторое время монахомъ ильинской обители Гавріила, данное имъ въ кіевской духовной консисторіи въ 1769 году.

Этотъ монахъ Гавріилъ, излагая со всякими подробностями свою біографію, даетъ вмѣстѣ съ этимъ и драгоцѣнныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ запорожцевъ къ ильинскому скиту. Изъ показаній Гавріила мы узнаемъ, что уже въ первое время жизни обители въ числѣ ея братіи были и сѣчовые братчики. Такъ, онъ самъ былъ воспитанникомъ «Матери—Сичи». Прійдя почти пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ туда, онъ жилъ малое время при своемъ отцѣ,—потомъ «приставалъ» то къ одному, то къ другому запорожцамъ, а будучи совершеннолѣтнимъ, самъ «въ сѣчи разними промислами бадался», и, наконецъ, отправился отсюда въ ильинскую аѳонскую обитель и принялъ монашескій санъ. Очевидно, этотъ путь отъ козакованья въ Сѣчи и до строгой подвижнической жизни въ ильинскомъ скиту былъ извѣстенъ сичовикамъ, и значитъ не только по разореніи Сѣчи, но и гораздо раньше они находили въ немъ пріютъ.

Съ другой стороны, изъ автобіографіи монаха Гавріила можно заключать о томъ расположеніи, какое питали къ ильинской обители Малороссіяне и въ частности сѣчевые братчики, не забывавшіе своего «духовнаго дѣтища», но оказывавшіе ему посильную матеріальную помощь. Самъ онъ съ іеродіакономъ ильинской обители Парѳеніемъ, будучи отправлены въ Малороссію для сбора «милостиваго подаянія» на скитъ, въ теченіе цѣлаго года живутъ въ Сѣчи, откуда вызваны были «чрезъ нарочнаго, отъ начальника (скита) Паисія присланнаго». Ясно, что у запорожцевъ существовали тѣсныя и оживленныя сношенія съ ильинской обителью, и особенно съ основателемъ ея знаменитымъ Паисіемъ Величковскимъ, съ которымъ они не прерывали связей и по переходѣ его изъ ильинской обители въ Драгомирну. Отношенія ихъ къ драгомирнской обители—отношенія людей близкихъ, коротко знакомыхъ между собою. Такъ, упомянутый Гавріилъ, уже монахъ драгомирнской обители, съ другимъ монахомъ Спиридономъ и послушникомъ Михаиломъ испрашиваютъ въ

Сѣчи милостыню и, очевидно, чувствуютъ здѣсь себя, какъ дома: живутъ продолжительное время (болѣе двухъ лѣтъ), дѣлаютъ Сѣчь временной своей резиденціей, откуда совершаютъ выѣзды въ другія мѣста (въ Ромны, въ Кіевъ); здѣсь же въ Сѣчи они сохраняютъ и разныя вещи, пріобрѣтенныя ими для своего монастыря, напр.—колоколъ. Такія связи запорожья съ драгомирнской обителью и объясняются тѣмъ, что значительная часть братіи ея была «отъ православно-именитыя страны запорожскія» (Скальковскій. Исторія новой Сѣчи. т. I стр. 176—177), какъ писалъ въ 1768 году въ Кошъ самъ Паисій Величковскій. Извѣстный интересъ также представляетъ указаніе документа и на то, что Паисій перешелъ съ Аѳона въ Драгомирну *«со всею братіею»* ильинскаго скита. Въ данномъ случаѣ показаніе монаха Гавріила не согласно съ утвержденіемъ князя А. Дабижи, что Паисій, «рѣшившись оставить Аѳонъ, съ *большинствомъ иноковъ* отправился искать новаго пріюта въ Молдовалахію (стр. 37). Но свидѣтельство Гавріила, какъ современника описываемаго событія и какъ инока ильинскаго скита, можетъ, по нашему крайнему разумѣнію, заслуживать довѣрія, и тѣмъ болѣе, что оно находитъ для себя подтвержденіе и въ жизнеописаніи Паисія, составленномъ ближайшими и непосредственными его учениками, каковъ, напр., старецъ Митрофанъ. (См. житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго. Изданіе третье оптиной пустыни стр. 15—16). Въ этомъ жизнеописаніи говорится: «егда (Паисій) пріуготовися (къ отъѣзду), наятъ два корабля и вниде во единъ самъ и весь словенскій языкъ, а въ другій же отецъ Виссаріонъ и молдавскій языкъ» (стр. 46). А на эти два языка и дѣлилась только, по сказанію того же жизнеописанія, вся братія обители (стр. 42). Значитъ, на нѣкоторое время скитъ запустѣлъ—что на Аѳонѣ случалось не рѣдко. Такъ, самъ Паисій, вслѣдствіе умноженія братіи, одно время занималъ монастырь Симопетра «бѣ бо празденъ», по замѣчанію жизнеописанія Паисія (стр. 45). Итакъ вся братія ильинскаго скита вмѣстѣ съ нимъ перешла въ Драгомирну. Время этого перехода въ документѣ очень точно опредѣляется; оно падаетъ на іюнь мѣсяцъ 1764 г.

Въ этомъ случаѣ дата, указанная княземъ А. Дабижей, находитъ для себя прочное основаніе, которое тѣмъ болѣе важно, что переходъ Паисія съ Аѳона въ Драгомирну не указывается точно и въ житіяхъ его. Въ виду этихъ указаній нашего документа, небезъинтересныхъ для исторіи основанныхъ Паисіемъ обителей, считаемъ не излишнимъ привести самый документъ.

«1769 года февраля 18 въ канцеляріи духовной митрополіи кіевскія консисторіи по опредѣленію той консисторіи монахъ Гавріилъ Пѣтка допросомъ показалъ: что свѣтское имя ему было Григорій; родился онъ полку миргородского въ мѣстечку Сорочинцахъ отъ родителей званія посполитского отца Самуила Шевца, а матери Зиновіи, крещенъ і миропомазанъ того мѣстечка Сорочинецъ церквы Успенія Пресвятыя Богородицы священникомъ умершимъ Андреемъ; при крещеніи его восприемники: тогожъ мѣстечка Сорочинецъ жители Лазаръ Коваль, мать Дарія Борювна Сущиха. Жилъ онъ Гавріилъ при своихъ родителяхъ лѣтъ до четырнадцати; когда отецъ его оставилъ жену свою и пошолъ въ Сѣчь жить, то мать его Гавріила не могуючи пропитать его отправила къ сестрѣ своей, гдѣ проживалъ онъ мѣсяцей до 9-ти, и отъ оной тетки своей отълучившися и сълучившимися тогда сѣчовыми козаками поехалъ въ Сѣчь къ отцу, при которомъ мало поживъ, присталъ къ козаку куреня нижестеблѣевского Павлу прозваніемъ Малому въ службу, и служилъ при немъ годовъ три, а отставши отъ него служилъ же при козаку куреня Куренѣвскаго [1]) Грицку Бѣлому годовъ чрезъ два, после же того самъ въ Сѣчи разними промислами бацался до 761 года, того жъ года, спродавши свое все имущество, поехалъ въ гору аѳонскую съ тѣмъ, чтобъ по своему желанію получить монашескій чинъ въ какомъ либо монастырѣ; куда за прибытіемъ явился скитка святаго пророка Иліи у начальника Паисія и обявилъ свое желаніе о принятіи монашества. Кой Паисій, принявъ въ послушаніе его Гавріила, содержалъ свѣтскимъ ири себѣ 762 года до великого поста, а того поста первой седмицы въ субботу по его Гавріила прошенію онымъ Паисіемъ съ нареченіемъ имени Гавріилъ Мандійно въ церквѣ оного скитка ильинской постриженъ въ монаха. По постриженіи же въ монашество жилъ онъ Гавріилъ въ томъ скитку чрезъ великій постъ до святой воскресенской, а святами отъправленъ онимъ начальникомъ Паисіемъ съ іеродіакономъ Парѳеніемъ къ его преосвященству нинѣшнему митрополиту кіевскому Арсенію, чтобъ спросить грамоту для спрошенія по кіевской епархіи отъ доброхотнихъ дателей милостивого подаянія на оной ильинской скитокъ, о чемъ отъ цариградского патриархи Кирилла и оного началника Паисія писма

[1]) Этотъ курень назывался Кореввивскимъ (Скальковскій Истор. Нов. Сѣчи т. I, стр. 74) и Коревѣвскимъ (Записки одес. общ. истор. и древн. т. XIV, стр. 655).

его преосвященному нынѣшнему кіевскому оны іеродіаконъ Пареенѣй и монахъ Гавріилъ 762 года въ мѣсяцѣ іюнѣ подали, по которымъ писмамъ отъ его преосвященства для испрошенія чрезъ одинъ годъ на оной ильинской скитокъ милостиваго подаянія граммата и при ней для вписанія дателевихъ именъ книга видана, которую книгу по исходѣ году обратно въ катедралную его жъ преосвященства кантору 1763 года въ мѣсяцѣ іюнѣ оной Гавріилъ (на полѣ: съ іеродіакономъ Пареѳеніемъ) отдали; а отъдавши оную книгу поехали въ Сѣчь и тамъ за болѣзнію его Гавріила проживали 764 года до іюня жъ мѣсяця, пока онъ выздоровѣлъ. По виздоровѣніи жъ извѣстяся они іеродіаконъ Пареѳеній и монахъ Гавріилъ чрезъ нарочного отъ оного началника Паисія въ Сѣчь присланного, что онъ началникъ означенной ильинской, (а по какой причинѣ и по винѣ онъ монахъ Гавріилъ не знаетъ), оставивъ скитокъ перешелъ со всею братіею Волоской области епархіи Яской въ монастырь молдавскій Драгомирный; поехали и они въ тотъ Драгомирный монастырь, и за приездомъ оному Паисію по означенной книги спрошенын до 400 рублей денги поручили. Поручивши же тѣ денги оному началнику Паисію, въ томъ монастырѣ Драгомирномъ не отъ-лучно с 764 по 766 года по мѣсяцъ май онъ Гавріилъ жилъ. А того мая 17 дня онъ Гавріилъ да монахъ Спиридонъ съ послушникомъ Михаиломъ съ двома треконними возкамы посланы съ оной обители Драгомирни въ Малороссію дляісправленія нуждъ, о чемъ той обители отъ строителя іеромонаха Паисія свидѣтелство дано, по которому свидѣтелству за приездомъ въ Сѣчь запорожскую по дозволенію кошового онъ Гаврилъ съ онимъ монахомъ Спиридономъ въ Сѣчи запорожской милостиню спрашивали. А между тѣмъ онъ Гавріилъ изъ Сѣчи за пашпортомъ кошового отлучался въ 1767 году мѣсяця априля в городъ Роменъ для куплѣ звона, кой купленъ за шесть сотъ и трицять рублевъ съ денегъ спрошенныхъ четырехъ сотъ и тридцяти, а двохъ сотъ рублей собственныхъ его Гавриила, и оной дзвонъ есть нынѣ въ Сѣчи, какъ въ описѣ показано. А находился онъ Гаврилъ въ той дороги по мѣсяцъ іюль оного жъ 767 года; того же іюля прибывши въ Сѣчь спрашивая милостиню съ онымъ своимъ товарищемъ монахомъ Спиридономъ проживалъ 768 года іюля по 7-е число, отъ того же числа за пашпортомъ кошового приездилъ въ Кіевъ для покупки мухояру, котораго за денги спрошеніи 16 руб. полтора ста аршинъ и купилъ. Отъехавши же съ Кіева ездилъ въ Роменъ на ярмарокъ Ильинской и тамъ тисячу локотъ накупивъ хрищу за спрошенніи

денги 23 руб. отъехалъ въ Сѣчь и пакигдѣ минувшаго 768 года отъ сентября проживалъ по мѣсяцъ октябрь. Не могучи же нынѣ возвращаться в свой монастырь оставя своего товарища монаха Спиридона, онъ Гавриилъ октября 30 дня взявъ пашпортъ зъ Коша поехалъ въ Кіевъ возомъ треконнымъ съ послушникомъ Іваномъ для поклоненія святымъ мощамъ съ тѣмъ, чтобъ когда случится съ нимъ поехать съ Кіева і в монастырь свой . . . . . Прибывши декабря 4 дня въ Кіевъ, (на полѣ написано: въ Кіево-губерской канцеляріи съ онимъ пашепортомъ не являлся) свѣдома капидралнаго кіевософѣйскаго монастыря іеромонаха Рафаила на конюшенномъ дворѣ дней чрезъ два проживалъ, потомъ же по прошенію оного Рафаила и по дозволенію протопопа Кіево-подолского Романа у Кресто-воздвиженского іерея Іоанна сложивши вещи, послушника и возъ стрема лошадми къ Куренѣвскому жителю Никитѣ Перехристу отъправилъ, въ котораго Перехриста послушникъ и одна лошадь съ возомъ находятся и нынѣ, двое жъ лошадей чрезъ више показаннаго Спорника въ Сѣчь отъправилъ къ своему товарищу монаху Спиридону. Онъ же Гавріилъ и по нинѣ квартировалъ у оного іерея крестовоздвиженского. Что праведно показалъ, въ томъ и подписался (другимъ почеркомъ написано). Къ сему допросу монахъ Гавріилъ Питка подписался, а вмѣсто его неграмотно(го) по его прошенію консисторской кіевской канцеляріи копіистъ Іванъ Кияновскій подписался.

П.

Письма А. А. Краевскаго къ Г. Ѳ. Квиткѣ. Въ двухъ послѣднихъ книгахъ «Кіевской Старины» за 1893 годъ были напечатаны любопытныя письма Г. Ѳ. Квитки къ А. А. Краевскому. Въ дополненіе къ этому собранію представляемъ два отвѣтныхъ письма А. А. Краевскаго, сохранившихся въ архивѣ И. И. Срезневскаго. Несомнѣнно, что два печатаемыя здѣсь письма далеко не обнимаютъ собою всего количества писемъ Краевскаго къ Квиткѣ: наравнѣ съ другими бумагами Г. Ѳ., послѣ его смерти они, вѣроятно, разошлись по разнымъ рукамъ и растерялись [1]). Позволяемъ себѣ надѣяться,

---

[1]) Намъ случилось видѣть подобный примѣръ съ письмами актера Григорьева къ Квиткѣ, часть которыхъ находится въ архивѣ журнала „Русская Старина“, часть въ архивѣ И. И. Срезневскаго, часть была въ рукахъ у Г. П. Данилевскаго.

что обладатели другихъ писемъ Краевскаго къ Квиткѣ пополнятъ съ теченіемъ времени печатающуюся на страницахъ «Кіевской старины» переписку этихъ двухъ лицъ.

Вс. С—ій.

1 [1]).

Милостивый государь Григорій Өедоровичъ. Душевно буду радъ напечатать въ «Отечественныхъ запискахъ» статью вашу «1812-й годъ въ провинціи» [2]). Предметъ ея въ высшей степени интересенъ и важенъ, и особенное достоинство будетъ—правда, высказанная очевиднымъ свидѣтелемъ. Молодое поколѣніе, къ которому принадлежу и я (мнѣ въ 1812 году было только два года отъ роду), прочтетъ ее съ жадностью, въ старикахъ возбудитъ она отрадныя воспоминанія. Нисколько не останавливаясь, прошу васъ прислать ее, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Цѣна за листъ оригинальной статьи, какъ вамъ извѣстно, 150 р. ас. Журналы русскіе и иностранные, какіе вамъ угодно, извольте только написать,—будутъ вамъ высланы немедленно. По отпечатаніи статьи сведемъ счеты и вѣрно не останемся другъ у друга въ неоплатномъ долгу. Не знаю, какую форму дали вы статьѣ своей, и потому не знаю, въ какомъ отдѣлѣ журнала она должна быть напечатана. Если по характеру своему она должна быть напечатана въ «наукахъ» (какъ напр. «Головатый»), то я покорнѣйше просилъ бы васъ поспѣшить присылкою ея такъ, чтобъ первую ея половину я получилъ къ 1-му декабря сего года, когда поступаетъ въ наборъ первый нумеръ 1843 года, а вторую—къ 1-му января, для второго нумера; если же она имѣетъ форму повѣсти и идетъ въ «словесность», то время терпитъ до конца января: повѣсть для 1-го № ужъ назначена.

Ожидаю литературной новости, о которой вы пишете. Я читывалъ объявленія г. Бецкаго о «Молодикѣ». Странно, почему онъ не избралъ моего журнала проводникомъ для извѣщенія публики объ альманахѣ его. Неужели Харьковцы такъ не любятъ меня за то, что я, питая полное уваженіе къ малороссійскимъ талантамъ, жалѣю иногда, что они пишутъ не для русской образованной публики, которая бы оцѣнила ихъ, а для тѣхъ классовъ народа, которые говорятъ только малороссійскимъ языкомъ и которымъ едва-ли доступны

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Г. Ѳ. Квитки № 9 („Кіевская Стар"., 1893, № 12, 379—380.

[2]) Повѣсть, напечатанная въ „Отеч. запискахъ" 1843 т. 27, стр. 74—182 (словесность).

ихъ произведенія, слишкомъ для нихъ высокія? Съ душевнымъ уваженіемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Краевскій.

30 окт. 1842 г. С.-Петербургъ.

2.

Милостивый государь Григорій Өедоровичъ. Прошу извинить мою невольную неакуратность. Хлопоты по изданію «Отечественныхъ записокъ» и по преобразованію «Русскаго инвалида», котораго редакцію по литературной части я на себя принялъ, не давали мнѣ свободнаго времени, чтобъ написать вамъ о «1812 годѣ въ провинціи»; но я считаю достаточнымъ съ своей стороны отвѣтомъ посылки, отправленныя къ вамъ давно уже и не знаю, почему до сихъ поръ вами неполученныя. Я нарочно старался пригонять такъ, чтобъ въ особенности шляпка поспѣла къ праздникамъ, но увы! старанія мои, какъ видно, не увѣнчались успѣхомъ. Тогда же отправлены къ вамъ «Pelerin» д'Арленкура и «Утренняя заря» на 1843 годъ. На русскіе журналы и иностранные вы записаны и будете получать ихъ, надѣюсь, аккуратно. Вотъ, однимъ словомъ, счетъ всему, что къ вамъ послано и будетъ посылаться, какъ представила мнѣ контора (кромѣ шляпки, которую покупала моя свояченица):

Шляпка	80 р. — к. [1])
За коробъ и пересылку ея	2 р. 23 к.
Pelerin	5 р. 60 к.
Альманахъ, пересланный вмѣстѣ съ Pelerin.	14 р. 70 к.
Библіотека	57 р. 75 к.
Сѣв. пчела	52 р. 50 к.
Маякъ	47 р. 27 к.
Москвитянинъ	45 р. —
Revue Etrangère	87 р. 50 к.
Follet	60 р. 20 к.
Magasin pittoresque	30 р. 10 к.
	482 р. 83 к.
Сверхъ того экземпляръ Отеч. записокъ съ пересылкою къ г. Рындину	55 р. —
	537 р. 83 к.

[1]) Пятью рублями дороже, но, говорятъ, за то очень хорошо сдѣлана.

За все это деньги отданы; слѣдственно, если вы чего нибудь не получите или не будете получать, прошу васъ тотчасъ извѣстить меня и неисправность поправится.

Теперь едва-ли нужно мнѣ говорить, будетъ ли напечатана ваша статья въ «Отечественныхъ запискахъ». Остается просить только о присылкѣ окончанія ея.

На дняхъ вы получите мою толстую визитную карточку на новый годъ, т. е. первую книжку «Отечественныхъ записокъ».

Независимо отъ того поздравляю васъ съ новымъ годомъ, желая въ немъ вамъ всего лучшаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. А. Краевскій.

7 января 1843. Спб.

Мѣры противъ уменьшенія сборовъ въ кіевскихъ казенныхъ кабакахъ (1775 г.). Кіевская губернская администрація серьезно была встревожена замѣтнымъ уменьшеніемъ съ 1771 г. сборовъ съ продажи питей въ казенныхъ кабакахъ. Откупная сумма за эти кабаки поступила за время съ 1771 по 1775 г. съ недоимкою безъ малаго *въ тридцать три тысячи* рублей [1]). Вступившій съ 1775 г. въ завѣдываніе питейными сборами коронный повѣренный обратился по этому поводу къ генералъ-губернатору съ просьбой, «чтобъ, въ отвращеніе недоборовъ и къ пополненію продажи питей», въ состоящихъ здѣсь монастырскихъ шинкахъ продажа питей была *тѣми же цѣнами*, какими изъ питейныхъ домовъ продаваться будутъ», и

---

[1]) Какое значеніе имѣли эти „недоборы", видно изъ раньше напечатанной замѣтки моей „Казен. кабаки въ Кіевѣ 1721—1734 г." (Кіевская Старина 1893 г. февраль). „Недоборы" эти повторялись, какъ видно, нерѣдко. Изъ одной вѣдомости о сборахъ въ 1723—25 гг. въ „австеріяхъ" гг. Кіева, Нѣжина, Чернигова и Переяслава видно, что въ эти годы „недоборы" оказались повсемѣстно.

Такъ поступило въ 1723 г.—1724 г.—1725 г. (въ рубляхъ отбросивъ копѣйки)

въ Кіевѣ	7,402 р. —	6,092 —	5,621
— Нѣжинѣ	839 —	536 —	264
— Черниговѣ	251 —	269 —	230
— Переяславѣ	708 —	655 —	365.

Въ казенныхъ „австеріяхъ", кромѣ горячаго вина, продавались табакъ и трубки, карты и деготь. Табакъ для австерій покупался въ Кіевѣ въ 1732 г. по 97 к. за сто папушъ, по 66 к. за пудъ, а въ Нѣжинѣ отъ 47 до 56 к. за пудъ. Карты нѣмецкія покупались въ Кіевѣ по 6 и по 10 к. за игру.

чтобы всѣ жители К. Печерской и Старокіевской крѣпости, военнослужащіе и статскіе, покупали всякіе напитки обязательно въ казенныхъ питейныхъ домахъ, а не въ монастырскихъ или магистратскихъ шинкахъ. Генералъ-губернаторъ, исполняя послѣдовавшій по тому же поводу высоч. указъ отъ 12-го іюня 1765 г., предписалъ оберъ-коменданту, чтобы «всѣ воинскіе служители, мимо казенныхъ питейныхъ домовъ, въ неуказныхъ мѣстахъ вина и другихъ напитковъ не покупали и не корчемствовали», а затѣмъ потребовалъ, чтобы во всѣхъ монастырскихъ шинкахъ питья продавались по той же цѣнѣ, по какой они продаются въ казенныхъ питейныхъ домахъ; губернской же канцеляріи предложилъ, чтобы и она объявила подчиненному ей населенію такое же требованіе. Губ. канц. предписала полицмейстерской конторѣ учинить троекратныя публикаціи, какъ въ Печерскомъ форштатѣ, такъ и въ Старокіевской крѣпости, чтобы живущіе тамъ «разнаго званія великороссійскіе, такожъ купцы, отставные и кто только изъ великороссійскихъ въ вѣдомствѣ оной конторы состоитъ и домашніе ихъ вино, водку и другія продающіеся съ казен. пит. домовъ питья покупали и въ домы свои брали въ оныхъ казен. пит. домахъ, а не въ шинкахъ, дабы чрезъ то отъ уменьшительной съ пит. домовъ продажи не послѣдовало въ казенномъ интересѣ ущербу и въ сборѣ денегъ недобору, а кто сему противное учинитъ, со онымъ поступлено будетъ по силѣ законовъ *и безъ наказанія оставлено не будетъ*, въ чемъ отъ оной конторы каждому объявить въ домѣхъ съ подписками». Такое же объявленіе съ подписками долженъ былъ сдѣлать и въ рейтарской командѣ пр.-маіоръ Мельниковъ, а въ раскольничьихъ слободахъ тамошняя контора [1]).

Возможно, что «недоборы» въ казенныхъ кабакахъ зависѣли, между прочимъ, и отъ личныхъ качествъ откупщика, отъ его матеріальной состоятельности, отъ его распорядительности, а равно и отъ административнаго надзора надъ его дѣйствіями. Въ данное время откупщикомъ былъ валуйскій купецъ Ѳома Зябкинъ, а поручительницей за него являлась Валуйская ратуша, которая обязалась, въ случаѣ неисправности Зябкина, платить ежегодно по десяти тысячъ. Можно думать, что Зябкинъ не былъ «капитальнымъ» чело-

[1]) Въ февралѣ мѣсяцѣ Пит. контора просила уже объ обыскѣ обывателей, скрывающихъ корчемное вино. Эта любопытная просьба напечатана въ 3 вып. моихъ „Ист. мат. изъ арх. К. Г. Пр." стр. 148.

вѣкомъ и исправностію не отличался [1]). Опредѣленный «къ смотрѣнію» надъ кіевскими питейными сборами со стороны казны рейтарской команды капитанъ Суковкинъ обнаружилъ слабое смотрѣніе и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1776 г. вмѣсто его назначенъ былъ надворный совѣтникъ Никифоровъ, который сразу поставилъ себя во враждебныя отношенія къ откупщику, являясь по отношенію къ нему подозрительнымъ и строгимъ начальствомъ [2]). Уже въ январѣ мѣсяцѣ 1777 г. Зябкинъ жаловался на Никифорова, прямо обвиняя его въ томъ, что своими дѣйствіями онъ является причиной «умаленія» сборовъ.

Въ ноябрѣ 1776 г. два цѣловальника донесли, что Зябкинъ приказывалъ имъ не всѣ выручаемыя деньги бросать въ запечатанный ящикъ, а только часть, другую же доставлять прямо ему въ домъ. По этому поводу поручикъ Климовскій допрашивалъ всѣхъ другихъ цѣловальниковъ, но никто изъ нихъ доноса своихъ двухъ товарищей не подтвердилъ. Зябкинъ объяснилъ, что доносы эти сдѣланы ими по злобѣ, такъ какъ они были наказываемы за подливъ воды въ водку и за «озорничества». Кап. Суковкинъ подтвердилъ такое объясненіе Зябкина.

Жалуясь на дѣйствія Никифорова, питейная контора, «вышедъ изъ терпѣнія» и чтобы не отвѣчать коронному повѣренному (т. е, тому же Зябкину), писала въ Губ. канц. такъ: «и по каковымъ случаямъ онъ, Никифоровъ, дѣлаетъ такіе поступки и навлекаетъ чрезъ то коронному всекрайнѣйшее разореніе и замѣшательство во всѣхъ

---

[1]) Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1776 г. Зябкинъ купилъ у сотника Ивана Гудима вина на 1500 р., на каковую сумму и выдалъ вексель на 7 мѣсяцевъ, оставивъ вино въ 28 бочкахъ на хуторѣ Гудима подъ замкомъ, наложивъ на бочки печати свою и капитана Суковкина. Гудимъ не хотѣлъ отдавать вина до уплаты всѣхъ денегъ и не допустилъ поручика Климовскаго до освидѣтельствованія этого вина, а затѣмъ представилъ вексель ко взысканію, а при немъ и росписку Зябкина въ полученіи уже части проданнаго вина (35 боч.). Магистратъ назначилъ было въ продажу домъ Зябкина, но Губ. канц., имѣя въ виду долги Зябкина казнѣ, не разрѣшила этой продажи.

Вообще Зябкинъ покупалъ водку больше въ кредитъ, небольшими партіями и не во время, почему и терпѣлъ убытки (см. „Ист. мат. изъ арх. К. Губ. Пр.“ вып. 6-й стр. 126).

[2]) По просьбѣ Никифорова, об. ком. Ельчаниновъ командировалъ въ его распоряженіе одного оберъ-офицера, одного унтеръ-офицера, капрала и четырехъ солдатъ, такъ что для „смотрѣнія“ у Никифорова была въ распоряженіи значительная команда.

сборахъ, неизвѣстно; да и напередъ сего онъ Н. дѣлалъ въ казен. пит. сборѣ многія неустройства, яко то: ѣздя самъ по всѣмъ пит. домамъ, приказывалъ, чтобъ находящіеся въ пит. домахъ служители питейной конторы повѣреннаго не слушали, для чего онъ Н. тѣхъ служителей и въ домъ свой часто призывалъ и угрожалъ: я де не только васъ, но и повѣреннаго вашего буду сѣчь плетьми, понеже де я во всемъ уполномоченъ; на что оные служители уповая, ни въ чемъ и не слушаютъ, такъ что и въ пит. дома никакъ невозможно пріѣхать для освидѣтельствованія, таковыя ли продаютъ питья, каковыя имъ отпускаются и не бываетъ ли иногда какова примѣсу». Благодаря данной Никифоровымъ потачкѣ служителямъ, народъ «опасается ходить въ пит. домы, а болѣе для питья идутъ въ шинки и *потому въ казен. пит. домахъ часъ отъ часу стала умаляться и продажа напиткамъ и сборъ деньгамъ*». Явившись въ пит. контору, Никифоровъ при зерцалѣ «весьма скверными ругательными и несносными словами повѣреннаго Зябкина невѣдомо почему ругалъ, выговаривая, что онъ съ мужикомъ дѣла никакого имѣть не желаетъ, а чтобъ ему всѣ сборы отданы на его содержаніе». Вообще же, благодаря Никифорову, заключаетъ пит. контора, «здѣшніе казен. пит. сборы приходятъ во всеконечное разореніе».

Никифоровъ же объяснялъ «умаленіе» сборовъ «изнеможеніемъ» откупщика Зябкина, корчемствомъ, подрывомъ со стороны монастырскихъ и магистратскихъ шинковъ и т. п. Несомнѣнно однако, что этому «умаленію» значительно содѣйствовалъ своимъ вмѣшательствомъ въ чисто торговое дѣло самъ Никифоровъ [1]). А. А.

Изъ прошлаго Кіево-Межигорскаго монастыря. Извѣстно, что въ прежнее время монастыри являлись иногда мѣстомъ ссылки или заточенія для людей политически «неблагонадежныхъ». Такія лица бывали и въ стѣнахъ К. Межигорскаго монастыря. Объ одномъ изъ такихъ лицъ, о бѣгствѣ его изъ монастыря напечатано было мною свѣдѣніе въ 8-мъ вып. «Ист. матер. изъ архива Кіев. Губ. Пр.» (см. стр. 14). Въ томъ же архивѣ кіев. губ. прав. мнѣ встрѣтился указъ изъ канцеляріи тайныхъ разъискныхъ дѣлъ отъ 18 сентября 1755 г., изъ котораго видно, что въ томъ же Межигорскомъ монастырѣ проживалъ нѣкій іеромонахъ Тюлепанскій, возбуждавшій какое то подозрѣніе, потребовавшее обыска его книгъ и бумагъ. Вотъ этотъ указъ въ Кіев. Губ. Канц.

---

[1]) О проэктѣ его по части казенной продажи питей см. мои „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 6-й стр. 121—130.

«По полученіи сего Е. И. В. указу того жъ часа, посланной при семъ К. Межиг. монастыря къ архимандриту Никонору з братіею за печатью в пакетѣ указъ в тотъ монастырь отправить с нарочнымъ, добрымъ и надежнымъ человѣкомъ, на почтовыхъ подводахъ, и что от показанного архим. Никонора в ту Губ. Канц. для отсылки в тайную контору прислано будетъ, оное с первою почтою прислать в тайн. контору при доношеніи в самой скорости. Да той же Губ. Канц. велѣть помянутому нарочному посланному с позволенія означ. архим. Никонора з братіею в объявленномъ монастирѣ в кельѣ того жъ монастиря іеромонаха Матвея Тюлепанскаго обыскать всякихъ книгъ, писемъ и тетратей и что по обыску его явитца, оное все не смотря и не читавъ ничего запечатавъ своею печатью велѣть же ему привести в Кіев. Губ. Канц., а той Канцеляріи за печатью жъ и ежели немного и послать возможно на почтѣ, то в пакетѣ чрез почту, а буде чрезъ почту невозможно послать, то с нарочнымъ увязавъ в тюкъ и потому ж запечатавъ в твердомъ охраненіи на почтовыхъ подводахъ прислать в Тайн. контору в самой же скорости; и К. Г. Канц. учинитъ о томъ по сему Е. И. В. указу. И дабы во обысканіи вышеупомяненныхъ книгъ, писемъ и тетратей от означ. архм. Никонора з братіею вышеобъявленному нарочно посланному какова препятствія было не учинено, о томъ в вышеписан. посланномъ к тому архм-ту из тайн. конторы указѣ написано имянно». Сундучекъ съ книгами и бумагами, найденными у Тюлепанскаго, былъ доставленъ кіевскимъ рейтаромъ Жуковымъ въ Петербургъ въ тайную контору 10-го октября. **А. А.**

Историческія мелочи. I. *Военнопоходной приказъ ґенер. обознаго Якова Лизогуба бунчуковымъ товарищамъ.* «1. Всякому щоденно отбирать у пановъ асаулъ лозонъ, и зъ конми своихъ служителей на пашу безъ лозона не посылатъ, а приказать всякому зъ служителей при коняхъ имѣти списъ и заправное оружѣе. 2. Поочередно всякому пану бунчуковому, по опредѣленію велможного пана обозного енералного, бить готовому на обездній полевій караулъ. 3. Имѣтъ всякому оружже заправное и по едному осѣдланмому коню зъ служителемъ—потчу (почту?) содержать въ готовности. 4. Наперед зъ подъ знаку не выѣздитъ и назадъ безъ вѣдома не оставатся; такожъ до мѣстечокъ, городовъ и селъ безъ позволенія, самоволне не отъездить. Обозный войсковий енералний Яковъ Лизогубъ. (Приказъ написанъ въ 1733 г., на походѣ, когда Лизогубъ «съ бунчуковыми товарищами и съ полками рушилъ къ Смоленску, заграницу, въ Полшу». Дн. Зап. Як. Марков., I, 408).

II. *Портретъ козака 1644 г.* Въ церквѣ Рождества Богородицы м. Богачки (миргородск. у., полтавск. губ.) въ женскомъ предѣлѣ, виситъ портретъ на холстѣ въ рамахъ, вышиною въ аршинъ, а шириною $^3/_4$ арш., изображающій масляными красками старика въ позѣ— молящагося предъ распятіемъ, колѣнопреклоненнаго и съ сжатыми на груди руками. Вверху портрета надпись: «Тутъ преставился Михаилъ Бреславецъ, козакъ его королевской милости, умеръ року 1644 г., декабря 15 дня». По мѣстному преданію Бреславецъ былъ основателемъ м. Богачки. (См. Полтавск. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 8, стр. 288).

III. *Письмо кіевскаго полковника Солонины къ Братскому игумену, 1687.* «Превелебный въ Богу, мосцѣ отче игуменъ братскій киевскій, мой велце ласкавий отче и пріятелю. По росказаню ясневелможного его милости добродѣя пана гетмана, въ листѣ его панскомъ до мене виpаженномъ, отдаю вашей превелебности до Карпиловки (остерск. у., черниг. губ.) два присюлки Косачовку и Лутаву (около Карпиловки), а Виповзовъ заставуемъ къ мѣсту (т. е. къ городу Остру). А коли Господь Богъ дастъ здоровье, можемъ ми и лучшіе до того святого вашого мѣсца знайти маетности, при томъ яко здорового вашу превелебность оглядати зичу, такъ его жъ святимъ полѣцаю мене молитвамъ. Вашой превелебности всего добра зычливий приятель Костантій Солонина, войска ихъ царского пресв. велич. запор. кіевскій. З Козелца. Октоврія 1 дня, року 1687». Полковникъ даетъ Братскому монастырю маетности по распоряженію только что поставленнаго на гетманство Мазепы, но тутъ же замѣчаетъ, что онъ, полковникъ, современемъ *лично* дастъ монастырю лучшія маетности. А Мазепа предоставляя Солонинѣ выбрать для Братскаго м-ря маетности, желаетъ этимъ выразить свое вниманіе къ одному изъ старыхъ полковниковъ, передъ которыми онъ въ первые мѣсяцы своего полковничества особенно заискивалъ...

IV. *Племянница Мазепы.* Въ универсалѣ Мазепы 12 января 1708 г. читаемъ: «Превелебная в Богу еи милость панна *Маріанна Вѣтовлавская*, милая *сестриниця*, инокиня монастыря девичого Святовознесенского Печерского Киевского, поблизу кгрунтовъ своихъ в уѣздѣ Козелецкомъ, полъ селомъ Крехаевомъ лежачихъ, маетъ давно уже занятій лѣсъ, прозиваемий Малий Кормилъ, на который просила насъ о потвержателный нашъ унѣверсалъ и оборону, жебы нѣхто того лѣса не пустошилъ...». (Докум. Михайловск. м-ря, въ б-кѣ Кіевск. Духовн. Акад., № 52).

V. *Портретъ гетмана Самойловича на стѣнѣ Густынскаго монастыря, описанный въ 1785 г.* «Въ церквѣ Живоначальныя Тройцѣ, на лѣвой сторонѣ, на стѣнѣ, гдѣ казалница (гдѣ говорены были проповѣди) стоитъ, написанъ портретъ во весь ростъ гетмана Ивана

Самойловича, предъ которимъ на столику изображена гетманская золотая булава и бархатная шапка съ соболимъ околишкомъ. Тамъ же, около головы, написанъ гербъ его—на дворянскомъ щите, въ голубомъ полѣ, три золотіе креста повыше другихъ, а около щита золотые лавры; на верху щита золотой шлемъ и подъ онымъ три бѣліе страусовые пера; коло лавръ стоятъ слѣдующія буквы: І. С. Г. В. І. Ц. В. В. З. Платье на гетманѣ польское, кафтанъ бѣлой золотой парчи, поверхъ оного на епашку алая бархатная шуба, соболями опушоная; руки держитъ сложивши, въ верхъ поднявши». (Изъ замѣтокъ о Густынскомъ м-рѣ, записанныхъ въ 1785 г.).

VI. *Письмо печерскаго архимандрита Іоасафа Кроковскаго къ генер. есаулу Ломиковскому, 1698 г.* «Mosci panie assauł woyska iego carskiey przeswietney msci Zaporozskiego generałny, mnie wiełce msci panie y zyczliwy dobrodzieiu.

Przy szczęsliwym powrocie z domu ich mosciow miłych panow synow wmsci msci pana na swiętym mieyscu debita weneratione przywitawszy, modlitwami naswiętszey Panny Matki Bożey przy dobrym zdrowiu felicem studiornm życzę ich mosciom w naukach wyzwolonych continuationem, sumkę sto talery bitych własnie . . . . . . loco od wmsci msci pana wdzięcznie przyiawszy, pokornie dziękuiemy albowiem nie przynależalo na . . . . . . wchodzie z wmscią msci panem przychilney et major . . . . . . ku mieyscu swiętemu y ku sobie samym doznawaiącym . . . . . . iako y w dalszy czas mieyscu swiętemu y nam wielce po . . . . . wmsci msci pana y dobrodzieia upraszamy. Zapis . . . . wmsci msci pana, iako doskonale cum suis . . . . . podpisawszy y do ksiąg urzędowych kiiowskich . . . . . posyłamy wmsci msci panu et fortunatam cum benedict . . . . . domûs zycząc possessionem, panskiey łasce y do . . . . . . iako naypokorniey siebię y na zawsze połeca. . . . . . .

Wmsci mego wielce młciwego pa . . . . . y zyczliwego dobrodzieja zyczliwy bogomodlca y sluga nayniźczy Joasaph Krokowski, archimandryta Pieczarski Kijowski z bracią.

Dat. z manastyra Pieczarskiego

17 7*bris*, anno 1698, februarii 20.»

На оборотѣ: Memu wielce msciwemu panu iego msci panu Janowi Łomikowskiemu, assaułowi iego casarskiey przeswietney mosci woyska Zaporozskiego generałnemu, mnie wielce msciwemu panu y życliwemu dobrodzieiowi pokornie oddac.

Рукою Ломиковскаго: «*Ten list podany 27 februar. 1698, z zapisem na dwor Kijowskij*».

Печерскій архимандритъ Іоасафъ Кроковскій (впослѣдствіи кіевскій митрополитъ) пишетъ генер. есаулу Ломиковскому *попольски* о

возвращеніи въ Кіевъ, съ праздниковъ, сыновей генер. есаула, какъ видно, учившихся въ это время въ академіи, и извѣщаетъ Ломиковскаго о полученіи ста талеровъ «битыхъ», за «кіевскій дворъ», проданный послѣднему лаврою. Напечатанныя курсивомъ слова—писаны Кроковскимъ собственноручно. Съ подлинника въ нашей б-кѣ. Точками обозначены слова отъ времени истлѣвшія.

VII. *Письмо императрицы Екатерины II къ черниговскому епископу, 1781 г.— «Преосвященный епископъ черниговскій Өеофилъ.* Генералъ-фельдмаршалъ и малороссійскій губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій по воли моей будетъ съ помощію Божіею открывать правленіе въ намѣстничествахъ Черниговскомъ, въ декабрѣ сего года, Новгородскомъ-Сѣверскомъ, въ генварѣ слѣдующаго 1782 года, по образу отъ меня предначертанному. Я удостовѣрена, что, ваше преосвященство, не оставите ему въ семъ на пользу отечества устрояемомъ дѣлѣ пособствовать, паче же общими ко Всевышнему молитвами предводительствовать вашими пастырскими, да судъ, правда и благо нами насаждаемое возрастятъ плодъ желаемый, пребывая въ прочемъ вамъ доброжелателная Екатерина. Въ Царскомъ Селѣ, сентября 16 дня, 1781 года. Съ подлиннымъ сводилъ катедралный намѣстникъ Илія».

VIII. *Гдѣ полковники разбирали дѣла своихъ полчанъ, а судьи—гдѣ судили.* Черниговскій полковникъ Богдановъ писалъ въ 1724 г., въ генералную канцелярію: «За бывшихъ прежде мене въ Чернѣговскомъ полку полковниковъ, якъ старшина полковая мнѣ объявила,—полковые по указамъ дѣла отправлялись въ домахъ полковничихъ, а судовые, кромѣ криминалныхъ справъ [1]) (которіе тогда обще зъ магистратовыми урядниками въ ратуши были отправлены) сужены приватне въ домахъ судейскихъ; и въ тѣ поры для отправленія полковыхъ дѣлъ, давалось де въ дворъ полковничій, на свѣчи лою (сала) изъ городовъ Чернѣговского полку, зъ ратушей, а именно: зъ мѣстечка Березной шесть пудъ, а зъ Мены и изъ Сосницы—по полъ четыре пуда». Арх. Генер. канцел., № 2530.

А. Л.

[1]) Т. е. уголовныхъ дѣлъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Крестьянское хозяйство въ кіевской губерніи. (По поводу брошюры И. М. Рева. «Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство», Кіевъ, 1893 г.).

Въ прошломъ году членъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества И. М. Рева издалъ въ свѣтъ свою брошюру о хозяйствѣ крестьянъ кіевской губерніи. Издавая свою книжку, авторъ оговорился въ предисловіи, что предпринимаемая имъ работа «является первой попыткой» въ смыслѣ уясненія экономическихъ условій жизни мѣстнаго сельскаго населенія, отъ которой, при отсутствіи какихъ либо болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ свѣдѣній по этому вопросу, не слѣдуетъ требовать полнаго, всесторонняго и точнаго описанія экономическаго быта данной мѣстности. Цѣль этой работы, по объясненію автора, заключается въ желаніи обратить вниманіе читателей на этотъ бытъ и происходящія въ немъ разстройства, указавъ тѣмъ самымъ на необходимость «отбросить мысль», что если о неблагополучіи кіевскаго крестьянства нѣтъ рѣчей, то слѣдовательно нѣтъ и самаго неблагополучія». Суть въ томъ, что «рѣчей нѣтъ, потому что некому говорить, некому заниматься детальными изслѣдованіями экономическаго положенія крестьянъ. Но было бы въ высшей степени печально, если бы это молчаніе принималось за неимѣніе что сказать и если бы надъ нами стряслась такая же бѣда (голодъ 1891 г. въ 17 черноземныхъ губерніяхъ), какъ надъ восточными крестьянами».

Цѣль предпринятой авторомъ работы весьма почтенна, оговорка его относительно невозможности предъявлять къ его работѣ требованія точныхъ и полныхъ свѣдѣній и категорическихъ выводовъ вполнѣ умѣстна, потому что, при полной почти неизслѣдованности югозападнаго края въ экономическомъ отношеніи, онъ и не

могъ сдѣлать большаго; брошюра, написанная живымъ выразительнымъ языкомъ, читается легко и съ удовольствіемъ. Она вызываетъ на массу размышленій, и тѣмъ, кто еще не читалъ брошюры, мы позволяемъ себѣ рекомендовать ее, какъ работу, которая при «отсутствіи рѣчей» впервые заводитъ солидную рѣчь о нашихъ экономическихъ недугахъ и ставитъ на очередь, вѣрнѣе сказать, намѣчаетъ, вопросы, подлежащіе серьезному обслѣдованію и обсужденію.

На сколько намъ удалось познакомиться съ бытомъ мѣстнаго крестьянства, мы думаемъ, что, въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ, выводы автора справедливы, и расходимся съ нимъ лишь во взглядѣ на значеніе нѣкоторыхъ причинъ, ведущихъ экономическій бытъ нашихъ крестьянъ къ постепенному, но несомнѣнному упадку.

Изложеніе брошюры авторъ начинаетъ съ указанія, что *внѣшніе* признаки экономическаго положенія кіевскаго крестьянства не отвѣчаютъ истинному положенію дѣла, обрисовывая его въ преувеличенно благопріятномъ свѣтѣ: казенные недоимки на кіевскомъ крестьянинѣ ничтожны и несравнимо ниже недоимокъ, накопившихся на великороссійскомъ крестьянинѣ; крестьяне кіевской губ. являются наиболѣе исправными плательщиками крестьянскому банку за дѣлаемыя ими при его помощи земельныя покупки; ссуды изъ хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ берутся кіевскимъ крестьянствомъ сравнительно рѣдко и въ малыхъ размѣрахъ; потребленіе водки въ кіевской губ. значительно; покупка земель крестьянами кіевской губ. и съ помощью и безъ помощи крестьянскаго банка составляетъ нынѣ довольно обычное и распространенное явленіе. Все это свидѣтельствуетъ *повидимому* не о нуждѣ, а объ избыткѣ, среди котораго живетъ кіевскій крестьянинъ.

И однако, человѣкъ, дѣйствительно знающій бытъ мѣстнаго крестьянства, не смотря на такую массу столь вѣскихъ признаковъ избытка и довольства, ни въ какомъ случаѣ, по мнѣнію автора, не рѣшится утверждать, чтобы за этими видимыми признаками избытка не скрывались нѣкоторые существенные и несомнѣнные признаки экономическаго разстройства. Суть прежде всего въ томъ, что благопріятные признаки эти не являются слѣдствіемъ общаго экономическаго благополучія мѣстнаго крестьянства. Несомнѣнно, напр., что благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ политическаго характера выкупные платежи въ юго-западномъ краѣ, а въ томъ числѣ и въ кіевской губ., имѣютъ сравнительно незначительный размѣръ и потому земля плодородная по своимъ природнымъ свойствамъ, легко

несетъ ихъ на себѣ, давая избытки, чѣмъ и объясняется отсутствіе недоимокъ, невозможное тамъ, гдѣ (какъ во многихъ мѣстахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ, напр., губерній) платежи, взимаемые съ надѣла, равны или даже превышаютъ ея доходность. Аккуратность въ платежахъ Крестьянскому Банку объясняется для кіевскаго крестьянства опять же таки тѣмъ, что земля легко сама себя оплачиваетъ. Незначительные размѣры ссудъ изъ продовольственныхъ средствъ зависятъ не отъ отсутствія нужды въ нихъ, а отъ самой организаціи продовольственнаго дѣла вслѣдствіе того, что хлѣбные запасы продовольственныхъ магазиновъ обращены въ капиталы, изъ коихъ полученіе какихъ бы то ни было ссудъ крайне осложнено трудно доступною для крестьянина формалистикою (стр. 18—19). Размѣры водочнаго потребленія не доказываютъ экономическаго благосостоянія кіевскаго крестьянства, потому что высота этого потребленія обусловливается размѣрами—трехмилліоннаго—населенія, наличностью трехъ большихъ городовъ и присутствіемъ многихъ сахарныхъ заводовъ, гдѣ расходъ на вино весьма значителенъ.

Такимъ образомъ перечисленные выше видимые признаки благосостоянія, по мнѣнію автора, не представляютъ еще изъ себя несомнѣнныхъ доказательствъ послѣдняго, а напротивъ *маскируютъ* собою *неприглядную* истину.

«Со времени освобожденія крестьянъ по настоящій моментъ деревня наша весьма значительно измѣнила свою физіономію и въ ней произошли крупныя измѣненія не земельнаго *владѣнія*, а земельнаго *пользованія*. Обстоятельство это . . . . для опредѣленія экономическаго благосостоянія крестьянской массы имѣетъ почти рѣшающее значеніе. De jure, каждая крестьянская семья владѣетъ цѣлымъ недѣлимымъ участкомъ, de facto—ничего подобнаго нѣтъ. За послѣднія 30 лѣтъ въ крестьянствѣ нашемъ образовалась глубокая трещина, въ немъ произошло (самый процессъ этотъ впрочемъ еще далеко не законченъ) разложеніе на 2 діаметрально противоположные лагеря: на крестьянъ достаточныхъ и крестьянъ малоимущихъ». Болѣе бѣдные эксплуатируются болѣе богатыми; земли первыхъ то путемъ долгосрочныхъ и краткосрочныхъ арендъ, то въ видѣ прямой продажи, сопровождаемой обыкновенно досрочнымъ выкупомъ надѣловъ начинаютъ постепенно сосредоточиваться въ рукахъ послѣднихъ. Владѣніе надѣльными землями въ средѣ хозяевъ одного лагеря (маломощныхъ) все чаще и чаще становится только номинальнымъ, фиктивнымъ, такъ какъ надѣлы ихъ только числятся

за ними, фактическими же ихъ владѣльцами являются крестьяне болѣе состоятельные, созидающіе свое благополучіе на поприщѣ пріобрѣтенія и сосредоточенія въ своихъ рукахъ земель маломощныхъ. Малоземелье въ средѣ маломощныхъ увеличивается вслѣдствіе этого все больше и больше, недостаточное количество земли не даетъ средствъ къ существованію, и маломощные хозяева обращаются къ заработкамъ, а на землѣ ихъ накопляются недоимки; чтобы избавиться отъ ихъ накопленія маломощному остается избавиться и отъ послѣдней земли, еще остающейся въ его рукахъ: сдать ее въ аренду или продать на вѣчно болѣе богатому, благо это очень легко сдѣлать, такъ какъ земля «сама себя окупаетъ», и потому каждый состоятельный хозяинъ, въ надеждѣ на несомнѣнный доходъ, арендуетъ или купитъ ее охотно. Сданная такимъ образомъ въ аренду земля, продолжаетъ все-таки числиться за маломощнымъ, который получилъ ее по уставной грамотѣ, а пользуется доходомъ съ нея и платитъ лежащія на ней податныя тягости тотъ, кто ею владѣетъ фактически. Выходитъ, что, благодаря этому, на землѣ не накапливается недоимки, ибо исправный состоятельный домохозяинъ, которому эта земля даетъ противъ платежей избытки, уплачиваетъ подати аккуратно. Но изъ этого не выходитъ однако, чтобы юридическій владѣлецъ земли оставался чистымъ отъ недоимокъ: «неуплата податей влечетъ за собою понудительное взысканіе не съ даннаго крестьянина, а съ даннаго участка земли, отдачу этой земли въ аренду и пр. Такого рода вещь не можетъ быть ни выгодною, ни пріятной фактическому владѣльцу надѣла, и онъ платитъ все, что долженъ платить данный участокъ и при этомъ, конечно, перелагаетъ свой платежъ на якобы собственника, съ обязательнымъ прибавленіемъ громадныхъ процентовъ и такимъ образомъ способствуетъ все большему и большему земельному закабаленію его. И такой порядокъ дѣлъ будетъ *продолжаться до тѣхъ поръ, пока* крестьянская земля, даже при ея нынѣшней безобразной обработкѣ, *будетъ давать избытокъ надъ слѣдуемыми съ нея повинностями и платежами* [1]), т. е. еще очень и очень долгое время, такъ какъ производительныхъ силъ эта земля имѣетъ еще достаточно».

Остановившись на этомъ выводѣ автора съ особою подробностью, чтобы обратить на него вниманіе читателя, такъ какъ ниже намъ придется къ нему возвратиться, будемъ пока продолжать дальнѣйшее изложеніе интересной брошюры г. Рева.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Основываясь на томъ убѣжденіи, что въ дѣйствительной жизни кіевскаго крестьянства юридическое владѣніе надѣльною землею слишкомъ часто не соотвѣтствуетъ владѣнію фактическому, такъ какъ землею этою пользуются на самомъ дѣлѣ не тѣ, которые получили ее по уставнымъ грамотамъ, г. Рева не признаетъ возможнымъ это общее мѣрило крестьянскаго благосостоянія—землю—принять мѣриломъ экономическаго благосостоянія крестьянъ кіевской губерніи. Въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ вполнѣ послѣдовательно и, если только онъ правъ въ своихъ выводахъ относительно громадной разницы между фактическимъ и юридическимъ владѣніемъ землею, то правъ и въ томъ отношеніи, что вмѣсто земли, беретъ количество скота за главное мѣрило экономическаго благосостоянія мѣстнаго крестьянства. Пользуясь данными, собранными мировыми посредниками въ 1891 г. по распоряженію г. генералъ-губернатора юго-западнаго края въ цѣляхъ разрѣшенія вопроса о пастбищныхъ сервитутахъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что «ничтожное количество владѣемаго крестьянами кіевской губ. скота указываетъ ясно, что, съ одной стороны, настоящее экономическое положеніе ихъ очень незавидно, а съ другой, имѣются весьма серьезныя данныя предполагать его дальнѣйшее ухудшеніе, особенно, если ухудшенію этому будутъ дѣятельно помогать разнаго рода побочныя обстоятельства, о которыхъ будетъ сказано дальше». Недостатокъ рабочаго скота у крестьянъ приводитъ къ уменьшенію урожайности земель: плохимъ скотомъ, да имѣющимся еще въ недостаточномъ количествѣ и часть котораго притомъ работаетъ по найму на помѣщиковъ, для крестьянъ невозможно удовлетворительно обработывать собственную землю и потому вполнѣ естественно, что собранныя данныя констатируютъ меньшую урожайность крестьянскихъ земель сравнительно съ помѣщичьими того же качества. И чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ скотъ у него плоше, или тѣмъ скота у него меньше—а слѣдовательно и тѣмъ хуже обрабатывается его земля, тѣмъ худшіе она даетъ урожаи.

Существующее у крестьянъ кіевской губ. подворнонаслѣдственное землевладѣніе не спасаетъ мѣстнаго крестьянина отъ необходимости имѣть общую толоку, общій принудительный сѣвооборотъ и, въ зависимости отъ этого, производить обработку земли и уборку хлѣбовъ не иначе, какъ приблизительно одновременно съ прочими односельцами, какъ того требуютъ условія общаго выпаса, ибо въ противномъ случаѣ хлѣба запоздавшихъ уборкой будутъ потравлены скотомъ, пущеннымъ на стерни. Такими запоздавшими обыкновенно

бываютъ, какъ разъ, наименѣе состоятельные крестьяне. Въ свою очередь, вынужденно-поздняя, въ виду необходимости общаго выпаса по толокамъ, вспашка земли на паръ «препятствуетъ накопленію въ почвѣ влаги и создаетъ благопріятныя условія для гибели посѣвовъ при засухѣ».

«Чѣмъ беднѣе крестьянинъ, тѣмъ онъ позже сѣетъ и тѣмъ позже свозитъ съ поля собранный хлѣбъ, т. е. тѣмъ больше для него шансовъ получить плохой урожай и потерять его отъ нерадѣнія и злоумышленности своихъ болѣе зажиточныхъ односельцевъ. Уже одно это обстоятельство нерѣдко заставляетъ малосильныхъ крестьянъ «продавать» свой надѣлъ въ аренду болѣе зажиточнымъ и идти въ батраки самому съ семьею. И совершенно ясно, что разъ въ данномъ селеніи начинается такой процессъ хозяйственнаго разложенія, трудно, даже невозможно ожидать, чтобы онъ самъ собою остановился и не развивался далѣе все болѣе и болѣе усиленнымъ темпомъ. Чѣмъ больше земли скопляется въ рукахъ зажиточныхъ крестьянъ, тѣмъ меньше они имѣютъ возможности обрабатывать своимъ скотомъ, хоть мало-мальски своевременно, поля безлошадныхъ крестьянъ, тѣмъ обработка эта дѣлается позже и хуже и тѣмъ большій процентъ неимущихъ становится въ рискованное положеніе относительно своихъ посѣвовъ и тѣмъ больше является охотниковъ получить за свой надѣлъ арендную плату и «избавиться отъ хлопотъ». Чрезмѣрная чрезполосица только содѣйствуетъ всѣму этому, такъ какъ «при такой земельной разбросанности для безлошаднаго крестьянина представляется весьма серіозная задача сохранить свою экономическую самостоятельность, и здѣсь открывается самое широкое поле для концентраціи надѣловъ въ рукахъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ и замаскированнаго обезземеленія крестьянской массы». Общая толока и обязательный общій сѣвооборотъ вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуютъ крестьянамъ перейти къ другой, болѣе раціональной системѣ хозяйства, или по крайней мѣрѣ завести посѣвы кормовыхъ растеній. Возможность устроить это имѣютъ лишь нѣкоторыя, болѣе зажиточныя хозяйства, могущія арендуемыя или купленныя ими у сосѣднихъ помѣщиковъ земли, изолированныя отъ общаго крестьянскаго трехполья, обратить подъ улучшенныя культуры. Это однако только способствуетъ увеличенію начавшагося распаденія крестьянства на двѣ разнохарактерныя экономическія группы: на болѣе богатыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, эксплуатирующихъ и на болѣе бѣдныхъ—эксплуатируемыхъ.

Фактъ распространенія между крестьянами улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій, радующій многихъ, на самомъ дѣлѣ не даетъ еще права заключать объ общемъ прогрессѣ крестьянскаго хозяйства;—«распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій только тогда могло бы служить признакомъ общаго прогресса крестьянскаго хозяйства, еслибы новыя орудія вполнѣ, или хотя приблизительно соотвѣтствовали цѣнѣ старыхъ, которыя ими замѣняются», такъ какъ только при этомъ условіи они могли бы сдѣлаться достояніемъ массы и такимъ образомъ способствовать массовому повышенію культуры крестьянскихъ полей. Но такъ какъ этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ и такъ какъ улучшенныя орудія эти не могутъ считаться рентабельными въ крестьянскомъ хозяйствѣ, ибо производимая ими работа не покрываетъ процентовъ на затраченный на ихъ покупку капиталъ и на погашеніе, то и замѣчаемое нынѣ распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій указываетъ не столько на крестьянскій хозяйственный прогрессъ вообще, сколько на усиленіе той же самой экономической розни между крестьянами, о которой говорилось выше. «Пользоваться усовершенствованными земледѣльческими орудіями могутъ только деревенскіе буржуа», и у такихъ крестьянъ, «имѣющихъ возможность копировать пріемы обработки земли, практикующіеся въ помѣщичьихъ экономіяхъ, урожай хлѣбовъ всегда близко подходитъ къ урожаю на помѣщичьихъ поляхъ, даже часто совпадаетъ съ этимъ послѣднимъ, и это обстоятельство еще болѣе оттѣняетъ низкій уровень урожая, получаемаго крестьянами слабосильными. Отсюда совершенно ясно, что и съ этой стороны, чѣмъ дальше, тѣмъ указанная выше экономическая рознь между крестьянами должна дѣлаться все большей и большей, и въ то время, какъ меньшинство будетъ подыматься вверхъ, теперешніе крестьяне средняго достатка будутъ все болѣе и болѣе приближаться къ неимущимъ, такъ что нѣтъ рѣшительно ничего невозможнаго въ томъ, что въ концѣ концовъ и въ кіевской губ. получится та же картина хроническаго голоданія большинства деревенскаго населенія, которая наблюдается нынѣ въ восточныхъ губерніяхъ. И тамъ, какъ оказывается, голодали не всѣ крестьяне, а голодало большинство, которое сразу послѣ освобожденія, было поставлено въ болѣе неблагопріятныя условія, нежели крестьяне кіевской губ., и которое, вслѣдствіе этого, успѣло скорѣе совершить экономическій путь, обязательный и для большинства кіевскаго крестьянства».

— Въ дальнѣйшемъ затѣмъ изложеніи авторъ приводитъ все новые и новые факты, доказывающіе, во первыхъ, обѣднѣніе мѣстнаго крестьянства, а во вторыхъ—и главнымъ образомъ, все увеличивающееся расщепленіе прежде однородной крестьянской массы на двѣ радикально противоположныя другъ другу группы: маломощную и богатую, эксплуатируемую и эксплуатирующую, изъ коихъ благосостояніе послѣдней съ каждымъ годомъ растетъ все болѣе и болѣе и при томъ растетъ въ значительной мѣрѣ на счетъ первой, тогда какъ экономическое положеніе первой группы все сильнѣй и сильнѣй понижается до окончательнаго обѣднѣнія, при чемъ на этой группѣ, какъ нельзя лучше, оправдывается наша русская пословица: гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Прежде чѣмъ приступить къ ближайшему разсмотрѣнію выводовъ автора, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что запозданіе нашего отзыва о его брошюрѣ обусловлено было желаніемъ, по возможности выяснить на мѣстахъ факты ею констатированные, такъ какъ серіозность возбужденныхъ авторомъ вопросовъ не давала намъ права браться за критику его работы безъ надлежащихъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи дѣла.

— Со времени выхода въ свѣтъ брошюры, намъ удалось побывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи и собрать на мѣстахъ кое какія данныя. За отсутствіемъ правильной и точной статистики въ краѣ, потребность въ которой, по нашему мнѣнію (какъ замѣчаетъ и авторъ) дѣйствительно настоятельна, собранныя нами свѣдѣнія, конечно, не могутъ претендовать на полноту и всесторонность, и потому, вступая въ споръ съ авторомъ, мы не можемъ все-таки не пожелать, чтобы этотъ споръ о столь важныхъ вопросахъ былъ скорѣе выясненъ точнымъ и всестороннимъ статистическимъ изслѣдованіемъ. Тѣмъ не менѣе, пока это будетъ, мы считаемъ себя вправѣ, пользуясь тѣмъ, что у насъ есть, сдѣлать все-таки нѣсколько замѣчаній по поводу цитируемой брошюры г. Рева. Можетъ быть наши замѣчанія послужатъ къ вящшему разъясненію истины и кромѣ того, какъ и брошюра г. Рева, лишній разъ обратятъ вниманіе на вопросъ объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія нашего края, молчаніе о которомъ, какъ правильно думаетъ авторъ, не представляетъ еще доказательства его «благополучія».

Отчасти повторяя уже сказанное раньше, мы прежде всего должны согласиться съ авторомъ, что подъ его указаніемъ на ростъ неблагополучія и на расчлененіе крестьянской массы на два діа-

метрально противоположные лагеря мы считаемъ возможнымъ подписаться обѣими руками. Къ сожалѣнію, указаніе это по нашему мнѣнію вполнѣ справедливо, и ростъ расчлененія дѣйствительно идетъ crescendo, и причины его именно тѣ, на которыя указываетъ авторъ, хотя относительное значеніе ихъ и обрисовывается авторомъ не совсѣмъ вѣрно.

Надо сказать прежде всего, что фактическое подтвержденіе на кіевскомъ крестьянствѣ пословицы «гдѣ тонко тамъ и рвется» и факты роста происшедшей въ крестьянской средѣ дифференціаціи на бѣдныхъ и богатыхъ, факты осложненія (за послѣднія 30 лѣтъ) условій крестьянской жизни, перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, увеличенія среди крестьянъ потребности въ деньгахъ и пр.—не представляютъ собою какихъ-либо исключительно *мѣстныхъ* особенностей, такъ какъ однородныя явленія, но только въ значительно большихъ размѣрахъ, совершаются и въ средѣ «восточнаго» крестьянства. Точно также и многія причины, способствующія увеличенію экономической розни (между двумя лагерями мѣстнаго крестьянства), каковы увеличивающееся, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ условій, обезземеленіе значительнаго процента крестьянскихъ семей, концентрація земель у богатѣевъ, лучшая земледѣльческая культура на земляхъ зажиточныхъ, высшая урожайность ихъ земель и пр., тоже не составляютъ чисто мѣстныхъ особенностей края, такъ какъ тоже самое, въ общемъ, замѣчается и у восточнаго крестьянства. Разница лишь въ томъ, что размѣры неблагополучія у послѣдняго достигли нынѣ бóльшаго развитія, чѣмъ въ нашемъ краѣ—и на это именно и указываетъ самъ г. Рева. Все это причины и условія общія, почему и понятно, что и самый процессъ и тамъ, и здѣсь развивается въ одинаковомъ направленіи, что юго-западное крестьянство идетъ въ этомъ отношеніи по стопамъ восточнаго, къ счастію однако, запаздывая противъ послѣдняго въ увеличеніи наростающаго неблагополучія. Запозданіе это, и по нашему мнѣнію, стоитъ между прочимъ въ зависимости отъ тѣхъ «политическихъ причинъ», которыя въ свое время, побудивъ дать мѣстному крестьянству болѣе обширные надѣлы изъ хорошихъ земель съ небольшими за нихъ платежами, тѣмъ самымъ оказали высокое содѣйствіе устроенію его экономическаго благосостоянія. Эти причины между прочимъ породили то, что надѣлъ мѣстнаго крестьянина и за уплатой податей даетъ избытокъ, но напрасно все-таки г. Рева думаетъ, что это превышеніе доходности земли надъ лежащими на ней платежами есть одна изъ глав-

ныхъ причинъ сосредоточенія надѣльныхъ земель въ рукахъ меньшинства крестьянства, которому выгодно прибирать къ своимъ рукамъ надѣлы, дающіе избытокъ противъ податного оклада. Еслибы это было такъ, то можно было бы думать, что противуположныя условія (когда надѣлъ *не* окупаетъ платежей, на немъ лежащихъ) гораздо выгоднѣе для крестьянства, потому что спасаютъ крестьянскую массу отъ расчлененія на эксплуатируемыхъ и эксплуатирующихъ, т. е. надо было бы предположить, что ухудшеніе условій приводитъ къ улучшенію быта. Однако факты изъ жизни восточнаго крестьянства не даютъ права на такой выводъ. Дифференціація на богатыхъ и бѣдныхъ происходитъ, какъ извѣстно, и тамъ, гдѣ надѣлъ не окупаетъ платежей, и она даже тамъ тѣмъ легче, что бо́льшая масса крестьянства терпитъ отъ этого не окупанія и, оказываясь не способной вынести его тяжести, или совсѣмъ сбѣгаетъ съ земли, бросая ее на произволъ судьбы, или, не будучи въ состояніи вести хозяйство, передаетъ ее болѣе богатымъ съ обязательствомъ доплачивать «недохватки противъ податей» изъ своего кармана, добывая для этого деньги заработками на сторонѣ. Существующее въ юго-западномъ краѣ превышеніе доходности надѣловъ надъ платежами, напротивъ, по нашему мнѣнію, еще до извѣстной степени сдерживаетъ начинающееся расчлененіе, охраняетъ мѣстное крестьянство отъ чрезмѣрнаго обѣднѣнія, потому что лучшія условія приводятъ и къ лучшимъ, а не къ худшимъ послѣдствіямъ. Замѣченная же авторомъ концентрація надѣловъ можетъ происходить и при томъ, и при другомъ соотношеніи между доходностью надѣловъ и платежами.

На основаніи наблюденныхъ нами фактовъ, намъ думается также, что авторъ имѣетъ преувеличенное представленіе о размѣрахъ происшедшей разницы между юридическимъ владѣніемъ и фактическимъ пользованіемъ надѣльною землею. Мы не споримъ, что «чѣмъ дальше, тѣмъ въ крестьянскомъ быту владѣніе и пользованіе землею оказываются все болѣе и болѣе несовпадающими».—Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, что ростъ этого не совпаденія постепенно увеличивается, но все-таки въ настоящее время процессъ этотъ среди нашего крестьянства, къ счастію, не достигъ еще столь поражающихъ размѣровъ, какъ это можетъ дѣйствительно показаться на первый взглядъ, и какъ это кажется автору. Размѣры этого явленія значительны и теперь, но пока еще не поражаютъ своею громадностью, если вспомнить при этомъ, что господствующая здѣсь подворнонаслѣдственная форма владѣнія могла только способствовать

его развитію. Печально однако то, что въ самыхъ условіяхъ мѣстнаго крестьянскаго землевладѣнія заключаются обширныя данныя для широкаго роста такого явленія въ будущемъ, въ особенности послѣ того, какъ данный процессъ уже пошелъ crescendo. Суть въ томъ, что само надѣленіе крестьянъ землею, не смотря на указанныя «политическія причины», произведено было на началахъ расчлененія крестьянства на обезпеченныхъ, мало и совсѣмъ не обезпеченныхъ землею и что принципъ этотъ (раздѣленіе на тяглыхъ, полутяглыхъ, пѣшихъ, огородниковъ, бобылей) проведенъ при надѣленіи югозападныхъ крестьянъ, надѣлявшихся при томъ же на подворномъ правѣ, въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ при надѣленіи восточныхъ (крестьяне и дворовые). Оно то и представляетъ собою одну изъ главныхъ причинъ происходящаго расчлененія крестьянства, которое при высокой надѣленности землею, нынѣ далеко еще не достигло бы настоящихъ его размѣровъ, еслибы не это первоначальное раздѣленіе крестьянства на много и малоземельныхъ, на имѣющихъ только огороды и не имѣющихъ ни клочка никакой земли. Оно сразу расчленило мѣстное крестьянство на обособленныя экономическія группы съ различными интересами и даже съ враждебнымъ, какъ показываютъ факты, отношеніемъ другъ къ другу во многихъ мѣстностяхъ. Подворнонаслѣдственная форма землевладѣнія могла только помочь дальнѣйшему расчлененію, потому что каждый дворъ, не смотря ни на семейные раздѣлы, ни на сильное размноженіе членовъ семьи, могъ владѣть только тою землею, которая дана была ему при нарѣзкѣ надѣловъ, тогда какъ при общинномъ землевладѣніи міръ могъ бы произвести уравненіе происшедшихъ неуравнительностей на счетъ надѣловъ болѣе обезпеченныхъ землею дворовъ. По мнѣнію г. Рева въ крестьянской средѣ «увеличилось значительно число душъ, но *не число семействъ*. Въ виду этого толки о крайней раздробленности крестьянскихъ надѣловъ для Кіевской губ. слѣдуетъ признать не имѣющими общаго значенія. Раздробленность есть, но не какъ общее правило, а *незначительное исключеніе*, основывать на которомъ какіе либо общіе выводы не возможно». «Сила не въ раздробленіи надѣловъ, а напротивъ въ концентраціи ихъ въ рукахъ крестьянскаго меньшинства»... «Даже при раздробленномъ на три части надѣлѣ (болѣе мелкое дробленіе встрѣчается очень рѣдко и должно быть признано исключеніемъ) крестьянинъ не лишается еще самостоятельности и можетъ жить, не нуждаясь въ батрацкой службѣ,

ибо 3 морга ежегоднаго посѣва обезпечиваютъ его существованіе, а поденщина даетъ возможность урегулировать повинности» [1]).

Выводъ этотъ о малораздробленности надѣловъ представляется немного сомнительнымъ, если вспомнить извѣстную склонность малороссовъ къ семейнымъ раздѣламъ.

По нашимъ даннымъ количество крестьянскихъ хозяйствъ со времени надѣленія крестьянъ землею болѣе чѣмъ удвоилось—слѣдовательно на каждый дворъ стало надѣльной удобной земли вдвое меньше того количества, какое было отведено на выкупъ. На ряду съ этимъ дробленіе отдѣльныхъ семей достигло значительныхъ размѣровъ: во всѣхъ почти селеніяхъ есть дворы, фактически раздѣлившіеся и раздѣлившіе свои надѣлы на 5—6 частей, и такія семьи составляютъ въ среднемъ, около 10% общаго числа дворовъ, бывшихъ при надѣленіи землею; дворы же, вовсе не дѣлившіеся, составляютъ нынѣ всего только около одной пятой общаго наличнаго числа ихъ.

При такомъ раздробленіи прежнихъ домохозяйствъ несомнѣнно, что масса пѣшихъ хозяйствъ многихъ деревень можетъ не имѣть и трехъ морговъ ежегоднаго посѣва, и это число малоземельныхъ должно быть еще увеличено на счетъ извѣстнаго процента тѣхъ тяглыхъ хозяйствъ, которыя могли, какъ упомянуто выше, раздѣлиться на 4—5—6 семей, уменьшивъ такимъ образомъ свою высокую надѣленность даже до размѣровъ болѣе низкихъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ изъ раздѣлившихся пѣшихъ дворовъ. Объ огородникахъ же и бобыляхъ и говорить нечего—тѣ и безъ раздѣловъ должны быть причислены къ безземельнымъ.

По нашимъ даннымъ оказывается, что нынѣ, въ ряду общаго числа наличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, свыше 20% такихъ, которыя не имѣютъ полевого надѣла и изъ нихъ 8% не имѣющихъ въ томъ числѣ даже и усадьбъ. При этомъ насчитывается сверхъ того около 20% такихъ семей, которыя, при наличности полевого надѣла, имѣютъ его въ количествѣ меньшемъ $^2/_3$ десятины ежегодной посѣвной площади на душу мужскаго пола, или, иначе говоря, въ средѣ наличнаго населенія насчитывается около 40% такихъ семей, которыя по мѣстнымъ условіямъ должны считаться безусловно не обезпеченными. На ряду съ этимъ замѣчается, что наибольшее обезземеленіе произошло въ рядахъ бывшихъ пѣшихъ хозяйствъ,

---

[1]) Курсивъ нашъ.

сравнительно съ тяглыми—какъ болѣе обезпеченными землею, и что въ тоже время изъ числа собственно пѣшихъ наибольшимъ процентомъ безземельныхъ отличаются тѣ группы этихъ хозяйствъ, которыя получили меньшій средній размѣръ надѣла; въ средѣ же болѣе надѣленныхъ, наоборотъ, оказывается меньшая часть безземельныхъ (т. е. и тутъ, «гдѣ тонко, тамъ и рвется»). Отсюда неизбѣжно заключить, что обезземеленіе происходило тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ меньше была средняя обезпеченность хозяйствъ надѣльною землею и что дифференціація, проведенная при надѣленіи крестьянъ землею, только способствовала дальнѣйшему расчлененію крестьянской массы.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, семейные раздѣлы, а слѣдственно и дробленіе надѣловъ происходило въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагаетъ авторъ. Происходя съ большей интенсивностью въ менѣе обезпеченныхъ землею группахъ, они еще болѣе дробили и безъ того малодостаточные надѣлы; крупнонадѣльныя же хозяйства дѣлились меньше, а то не дѣлились и вовсе. Такимъ образомъ расчлененіе обозначалось само собою уже вслѣдствіе однихъ только раздѣловъ, происходившихъ въ такой неодинаковой—для разнообезпеченныхъ землею группъ—пропорціи. Но надо опять таки повторить, что и безъ раздѣловъ расчлененіе уже существовало вслѣдствіе разнаго надѣленія землею. А потому вполнѣ естественно, что въ связи съ прочими условіями, эти двѣ причины могли имѣть даже превалирующее значеніе въ дѣлѣ происшедшей дифференціаціи крестьянской массы.

Если бы при надѣленіи крестьянъ землею въ юго-западномъ краѣ не было сразу же допущено указанное расчлененіе крестьянства на разнообезпеченныя землею группы, то ни г. Рева, ни мы, вѣроятно и теперь еще не считали бы нужнымъ поднимать рѣчь о возрождающемся «неблагополучіи», потому что остальныя условія надѣленія (крупные надѣлы при сравнительно малыхъ платежахъ) могли только содѣйствовать упроченію быта мѣстнаго крестьянства. Существующее же въ краѣ подворно наслѣдственное владѣніе землею, въ которомъ многіе видятъ источникъ благополучія мѣстнаго крестьянства, ни въ какомъ случаѣ не могло оказать какого бы то ни было противодѣйствія этому расчлененію и вообще улучшенію крестьянскаго быта, потому что въ немъ, по нашему мнѣнію, былъ напротивъ, другой источникъ расчлененія и неблагополучія. Сто разъ правъ г. Рева, (стр. 30), указывая на невѣрность укоренившагося въ обществѣ взгляда, что

при подворномъ землевладѣніи открывается будто-бы для крестьянина «широкій просторъ въ спюсобахъ пользованія своею землею и въ возможности улучшенія своей агрикультуры». Правъ онъ вполнѣ, утверждая, что «это—заблужденіе, основанное на теоретическомъ лишь знакомствѣ съ хозяйственною дѣйствительностью подворнаго владѣнія», такъ какъ на самомъ дѣлѣ «подворный крестьянинъ въ возможности пользоваться своей землею стѣсненъ нѣсколько меньше, нежели крестьянинъ—общинникъ, но все же стѣсненъ настолько значительно, что стѣсненность эта является одной изъ весьма серіозныхъ причинъ слабости урожаевъ на крестьянскихъ поляхъ. Подворный крестьянинъ, владѣя своимъ надѣломъ среди надѣловъ другихъ крестьянъ, не можетъ пахать его раньше другихъ своихъ односельцевъ, особенно если вопросъ идетъ о вспашкѣ на паръ—и пр. Мы скажемъ даже больше: крестьяне, надѣленные землею въ подворное владѣніе, совершенно такъ же, какъ и общинники, вынуждены имѣть общія толоки и общій принудительный сѣвооборотъ, при неизбѣжной раздробленности подворныхъ и посемейныхъ участковъ на мелкія полосы въ каждомъ полѣ и въ каждомъ сортѣ полевой земли (такъ какъ и при подворномъ владѣніи наблюдается обыкновенно равненіе по качеству), въ отношеніи веденія своего хозяйства находятся въ *совершенно* одинаковомъ положеніи съ крестьянами—общинниками. Но за послѣдними остается при этомъ то преимущество, что они могутъ до извѣстной степени уравнивать происходящія въ ихъ средѣ нарушенія въ первоначальномъ распредѣленіи земли [1]); подворники же не только не имѣютъ къ тому возможности, но обречены на постоянное увеличеніе разъ появившейся неуравнительности.

Въ виду всего этого, указанное выше неравномѣрное надѣленіе крестьянъ землею въ юго-зап. краѣ въ связи съ подворнымъ владѣніемъ ею, по нашему мнѣнію, и являются главными причинами, въ силу которыхъ намъ уже теперь приходится заводить рѣчь о грядущемъ неблагополучіи мѣстнаго крестьянства; не будь ихъ, крестьянство это, благодаря прочимъ благопріятнымъ условіямъ, вѣроятно, долго еще находилось бы въ «благополучіи», а не слѣдовало бы по сто-

---

[1]) И если бы у „восточныхъ" общинниковъ были такіе надѣлы и такіе платежи, какъ у юго-западныхъ подворниковъ, т. е. еслибы это уравненіе наступающихъ неравномѣрностей сводилось у нихъ не къ нарѣзкамъ *квадратныхъ сажень*, а къ отрѣзкамъ и прирѣзкамъ *десятинъ*, или крупныхъ долей ихъ, то, вѣроятно, и восточное крестьянство имѣло бы силы долго противиться надвигающемуся экономическому разстройству.

намъ малоземельнаго восточнаго крестьянства къ нынѣшнему неблагополучію.

Такъ ли это, или иначе—рѣшить это наше разногласіе съ г. Рева можно только на основаніи «точныхъ, правильно систематизированныхъ данныхъ». Суть во всякомъ случаѣ въ томъ, что «отсутствіе рѣчей ничего не доказываетъ, такъ какъ «рѣчей нѣтъ», потому что «говорить некому»; а на самомъ дѣлѣ говорить, дѣйствительно есть о чемъ и поговорить заблаговременно: «пока громъ не грянулъ» пока «роса глаза не выѣстъ». Но чтобы говорить, какъ слѣдуетъ нужны точныя систематически собранныя статистическія данныя, нужна организація правильной статистики въ краѣ, необходимо сплошное его статистико-экономическое изслѣдованіе.

Л. С. Л.

Е. Рѣдинъ. Харьковъ—какъ центръ художественнаго образованія юга Россіи. Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія 1894. 16⁰ 36 стран.

Въ небольшой брошюркѣ, заглавіе которой мы выписали, авторъ говоритъ о Харьковѣ, какъ центрѣ художественнаго образованія юга Россіи, не потому, чтобы Харьковъ въ дѣйствительности былъ такимъ центромъ: указывая на недостаточность и бѣдность имѣющихся въ Харьковѣ художественно-образовательныхъ учрежденій, которыя заключаются только въ одной школѣ рисованія, содержимой на средства одного частнаго лица, въ городскомъ музеѣ, составленномъ главнымъ образомъ изъ одолженныхъ на время Академіей картинъ, и въ музеѣ при университетѣ,—онъ высказываетъ лишь свое желаніе, чтобы Харьковъ, какъ центръ Украйны «поэтической, богато надѣленной красотами природы и населенной даровитымъ, чуткимъ къ изящному, народомъ», сдѣлался и центромъ художественнаго образованія юга Россіи, для чего, по мнѣнію автора, онъ долженъ имѣть поставленную на широкихъ началахъ, хорошо организованную, обезпеченную всѣми средствами школу рисованія [1]) и два музея: одинъ—изящныхъ искусствъ и древностей, который преслѣдовалъ бы цѣли научныя, художествено-историческія, т. е. былъ бы собраніемъ выдающихся

---

[1]) Самый доходъ отъ изданія своей книги авторъ, назначивъ цѣну ея въ 25 коп., предназначаетъ на этотъ же предметъ, какъ видно изъ напечатанныхъ на обложкѣ словъ: „въ пользу *будущей городской школы рисованія*“.

памятниковъ искусства въ различныхъ областяхъ его и различныхъ временъ и народовъ, а также собраніемъ памятниковъ мѣстной художественной старины, и другой—музей художественно-промышленный, который преслѣдовалъ бы цѣли практическія, т. е. былъ бы собраніемъ образцовъ художественно-промышленной дѣятельности.

Подкрѣпляя свою мысль, авторъ указываетъ на Италію, какъ страну, гдѣ процвѣтаніе искусства было обязано именно тому, что въ ней незначительные небольшіе города, рядомъ съ большими, трудились въ далекомъ прошломъ и трудятся теперь въ созданіи школъ искусства, въ поддержаніи ихъ, и каждый болѣе или менѣе значительный городъ имѣлъ свою школу живописи. Въ подтвержденіе же положенія, что именно Харьковъ, а не какой-нибудь другой городъ, долженъ сдѣлаться центромъ художественнаго образованія юга Россіи, авторъ ссылается на мнѣнія В. Н. Каразина, по проэкту котораго однимъ изъ отдѣленій Харьковскаго университета должна была явиться мѣстная академія художествъ, и И. Е. Бецкаго, издававшаго украинскій альманахъ «Молодикъ» и принесшаго въ даръ Харьковскому университету свое собраніе картинъ, числомъ 543, причемъ авторъ приводитъ письмо, которое Бецкій, находясь за границею, написалъ въ отвѣтъ на избраніе его членомъ-корреспондентомъ Харьковскаго университета,

Это письмо И. Е. Бецкаго, извлеченное авторомъ изъ университетскаго архива и впервые появляющееся въ печати, на столько интересно, что мы позволимъ себѣ привести его все цѣликомъ. Вотъ что писалъ Бецкій изъ Ливорно 20 Августа (1 сентября) 1857 года:

«Честь имѣю извѣстить симъ Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго Университета о полученіи мною диплома на званіе члена-корреспондента означеннаго университета, которымъ вполнѣ вознаграждено посильное усердіе мое къ распространенію любви къ искусству въ томъ краѣ славнаго отечества нашего, гдѣ Божіи дары туземцевъ особенно къ тому способствуютъ. Принимая съ живѣйшею благодарностью какъ письменное, такъ и печатное доказательство снисходительнаго одобренія господами членами Совѣта моего намѣренія, изъявляю вмѣстѣ съ симъ мое искреннее сожалѣніе о томъ, что средство, мною избранное къ осуществленію моей мысли, т. е. самое собраніе картинъ, принятое столь благосклонно отъ меня университетомъ, хотя на своемъ мѣстѣ, т. е. *въ краѣ, способномъ воспитать въ юношествѣ врожденный въ немъ художественный вкусъ*, однако въ сущности своей далеко не соотвѣтствуетъ тому совершен-

ству исполненія, которымъ должны отличаться образцовыя художественныя произведенія, поставляемыя на плодотворящее руководство художественнаго класса.

«Не зная въ точности обязанностей, сопряженныхъ съ новымъ моимъ званіемъ члена-корреспондента, пользуюсь однакоже на первый разъ своимъ правомъ письменно объяснить предъ Совѣтомъ причины, побудившія меня предложить университету собранныя мною картины. Господамъ членамъ Совѣта извѣстно, что сіе собраніе было предназначено мною въ рисовальный классъ Харьковскаго университета. Но какъ объ этомъ классѣ въ отзывѣ Совѣта ко мнѣ отъ 25 мая сего года вовсе не упомянуто, то я, находясь за границею, могу усомниться въ дѣйствительномъ существованіи означеннаго класса, между тѣмъ какъ главная моя цѣль состояла въ томъ, чтобы картины мои украшали его преддверіе. Сіе сомнѣніе само собою ведетъ къ изъясненію мнѣнія о томъ, что буде художественный классъ не существуетъ при Харьковскомъ университетѣ, то *полезно было бы оный учредить*, на томъ основаніи, что *малороссіянину суждено быть великимъ на полѣ искусства*, природа такъ указываетъ, академики приговорятъ, а о томъ, кто благословитъ и покровительствовать будетъ, кажется, смотря на дипломъ, пожалованный мнѣ Совѣтомъ, и говорить не слѣдуетъ по силѣ русскаго сердца и указу Карамзина [1]).

«Здѣсь впрочемъ можетъ быть возраженіе: *отчего въ Харьковѣ*. Развѣ врожденный талантъ не проложитъ самъ себѣ пути, по примѣру Ломоносова, къ Васильевскому Острову и отъ памятниковъ Петра и Николая не шагнетъ прямо въ Римъ?—Конечно, и то можетъ быть: не только можетъ быть, но и было, и есть. Такова сила, Божіею милостію, при такихъ дарованіяхъ, какія проявили себѣ въ «Послѣднемъ днѣ Помпеи», въ «Іоаннѣ Крестителѣ на островѣ Патмосѣ», въ «Преображеніи», недавно въ Римѣ оконченныхъ [2]) Но кажется, что это возраженіе не опровергаетъ той истины, что первоначальное опредѣленіе призванія къ художественному дѣлу много зависитъ отъ обстановки первоначальнаго воспитанія. Воспитывать же способныхъ къ искусству должно если не съ колыбели, въ которой «художники родятся», то по крайней мѣрѣ съ того возраста, въ который дается въ руки азбука. А художество имѣетъ свою собственную азбуку и своего

---

[1]) Карамзинъ, какъ извѣстно, не совѣтовалъ называть по именамъ живыхъ выдающихся дѣятелей.

[2]) Очевидно, разумѣются картины Брюллова и Иванова и гравюры Іордана съ картины Рафаэля „Преображеніе“, исполненая имъ въ Римѣ въ 1850 году.

рода книги и ученіе, какъ главное, такъ и вспомогательное. Если завести въ Харьковѣ, на подобіе Москвы, классъ для первоначальнаго художественнаго образованія, то нѣтъ сомнѣнія, что природныя наклонности, свойственныя самому климату и натурѣ южнаго человѣка, и обнаружатся, и разовьются».

О, еслибы когда-нибудь оправдались эти около сорока лѣтъ тому назадъ написанныя и такъ пріятно звучащія для насъ слова, что «малороссіянину суждено быть великимъ на полѣ искусства»!

Конечно, В. Н. Каразинъ и И. Е. Бецкій были глубоко правы, находя, что одной академіи художествъ, устроенной на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ въ теченіе полугода вслѣдствіе слишкомъ короткихъ зимнихъ дней и тумановъ художники бываютъ почти лишены возможности пользоваться при своихъ работахъ яснымъ солнечнымъ свѣтомъ, который такъ необходимъ для этихъ работъ, что и сказывается въ замѣчаемой у многихъ русскихъ художниковъ бѣдности колорита и что побуждаетъ другихъ переселяться для болѣе успѣшной дѣятельности съ туманнаго сѣвера на свѣтлый югъ,—что одной этой академіи художествъ слишкомъ недостаточно для процвѣтанія художествъ въ обширной Россіи. Конечно, въ интересахъ развитія русскаго искусства и грядущей славы его, южная Русь, какъ представляющая, сравнительно съ сѣверною, болѣе благопріятныя условія для художественной дѣятельности, должна бы была имѣть свою академію художествъ. Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о мѣстѣ для такой академіи. Автору разбираемой нами книги кажется, что Харьковъ, какъ центръ Украйны, долженъ быть и центромъ художественнаго образованія юга Россіи; а намъ думается, что Харьковъ составляетъ центръ только Слободской Украйны, центромъ же всей мѣстности, населеніе которой говоритъ украинскимъ нарѣчіемъ, является не Харьковъ, а Кіевъ, и что, если академія художествъ должна существовать на югѣ Россіи, то именно въ Кіевѣ, а не въ другомъ городѣ. Но не будемъ спорить съ авторомъ: наши разсужденія вѣдь не создадутъ академій; это—только наши pia desideria, которыя никого ни къ чему не подвинутъ, также какъ ни къ чему не подвинули появлявшіяся въ печати указанія на самую настоятельную необходимость устройства въ Кіевѣ музея. Ужъ сколько разъ высказывались эти желанія, сколько цѣнныхъ собраній памятниковъ художественной старины, которыя могли бы сдѣлаться достояніемъ этого музея, разсѣялись или погибли. И теперь есть люди, которые, обладая драгоцѣнными собраніями памятниковъ старины, охотно были

бы готовы принесть ихъ въ даръ кіевскому музею, еслибъ онъ существовалъ; можетъ быть, и эти драгоцѣнныя собранія погибнутъ. А дѣло устройства въ нашемъ городѣ музея все-таки не двигается.

По связи одного искусства съ другимъ, вспоминаются намъ разсужденія одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ музыкальныхъ дѣятелей, которыя онъ высказывалъ какъ здѣсь, въ Кіевѣ, на одномъ обѣдѣ, такъ и въ Петербургѣ, въ бесѣдѣ съ знакомыми намъ профессорами консерваторіи—о томъ, что Кіевъ непремѣнно долженъ имѣть свою музыкальную консерваторію, что петербургская и московская консерваторіи успѣшно исполняютъ свое назначеніе, вырабатывая артистовъ инструментальной музыки, но онѣ не могутъ достигать такихъ же результатовъ въ вокальномъ отношеніи—вслѣдствіе климатическихъ условій, которыя для развитія хорошихъ голосовъ не на столько благопріятны тамъ, какъ на югѣ, и потому не онѣ, а будущая кіевская консерваторія современемъ будетъ поставлять для Россіи пѣвцовъ. Развивая свои положенія, этотъ почтенный музыкальный дѣятель высказывалъ и свою готовность всячески содѣйствовать дѣлу преобразованія существующаго въ Кіевѣ музыкальнаго училища въ консерваторію. И всѣ эти хорошія слова остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а причина все та же: недостатокъ средствъ.

Этимъ отсутствіемъ средствъ приходится объяснять, почему въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, которые прошли послѣ того, какъ В. Н. Каразинъ и И. Е. Бецкій мечтали о насажденіи художественнаго образованія въ Малороссіи, до сихъ поръ ни въ одномъ изъ южнорусскихъ городовъ не устроилось ни такого музея, который вполнѣ удовлетворялъ бы своему назначенію, ни широко поставленной художественной школы съ организаціею подобною, если не петербургской академіи художествъ, то по крайней мѣрѣ московскому училищу живописи и ваянія. И перечитывая письмо Бецкаго, невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего-же зависитъ этотъ недостатокъ средствъ? Неужели край, о которомъ Бецкій говорилъ, что въ немъ Божіи дары туземцевъ особенно способствуютъ развитію искусствъ и что сама природа его указываетъ, чтобъ эти туземцы сдѣлались великими на полѣ искусства,—неужели весь этотъ край въ дѣйствительности такъ бѣденъ, неужели въ немъ нѣтъ людей, обладающихъ такими средствами, при которыхъ осуществленіе предположеній объ устройствѣ музея или художественныхъ школъ возможно и легко? Или они есть, но имъ нѣтъ дѣла ни до исторіи, ни до искусства?

Можетъ быть, имъ никогда не приходила въ голову мысль о томъ, что ничѣмъ другимъ они не могли бы въ такой степени увѣковѣчить свое имя въ потомствѣ, какъ устройствомъ хорошаго музея. Многіе-ли, напримѣръ, знаютъ теперь подробности жизни и служебной дѣятельности Н. П. Румянцева и кто изъ грамотныхъ людей не знаетъ этого-же Румянцева, какъ устроителя того музея, надъ входомъ въ который красуются слова: «отъ государственнаго канцлера графа Румянцева на благое просвѣщеніе». Точно также никогда не забудется и всегда съ признательностью будетъ вспоминаться всѣми, кому дороги интересы русскаго искусства, имя другого жертвователя— Третьякова, недавно обогатившаго Москву своею замѣчательною картинною галлереей. И какое честолюбіе, казалось бы, не можетъ удовлетвориться отъ сознанія возможности своимъ пожертвованіемъ содѣйствовать благосостоянію города и успѣшному развитію изящныхъ искусствъ въ краѣ. Даже обидно дѣлается, когда подумаешь, какъ много можетъ иногда сдѣлать пожертвованіе суммы, которую иному богачу ничего не стоитъ бросить, и какъ отъ такого пожертвованія можетъ зависѣть дальнѣйшая судьба города и цѣлаго края. Чѣмъ, напримѣръ, былъ бы теперь Харьковъ, еслибъ въ свое время харьковское дворянство не вздумало пожертвовать 400 т. рублей на устройство въ Харьковѣ университета и еслибъ осуществившійся вслѣдствіе этого университетъ, вмѣсто Харькова, устроился въ другомъ городѣ? Можетъ быть, это былъ бы городокъ въ родѣ Чернигова; а открылся университетъ—это совершенно измѣнило положеніе не только Харькова, но и всей окружающей его мѣстности; и теперь высказываются желанія, чтобы Харьковъ сдѣлался центромъ художественнаго образованія юга Россіи.

Что-же, если судьба не посылаетъ Кіеву щедрыхъ радѣтелей о его лучшемъ будущемъ, пусть будетъ счастливѣе Харьковъ; и благо будетъ тому городу, который изыщетъ средства для устройства въ надлежащемъ видѣ художественно-образовательныхъ учрежденій и сдѣлается дѣйствительнымъ центромъ художественнаго образованія юга Россіи.

Н. Ш—въ.

Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Имп. Моск. Археологич. Общ. 1893 г. №№ 7—12.

Въ указанныхъ нумерахъ «Извѣстій и замѣтокъ» помѣщено довольно много свѣдѣній, касающихся юга Россіи, сообщающихъ о случайныхъ находкахъ разнаго рода древностей, систематическихъ

раскопкахъ, новыхъ пріобрѣтеніяхъ музеевъ, засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и т. п. Изъ сообщеній упомянемъ: о раскопкахъ г. Бохенскимъ кургановъ у д. Кульпинки Елисаветградскаго у. Херсонской губ; нельзя сказать, чтобы раскопки производились вполнѣ научно, это видно напр. изъ того, что г. Бохенскій уступилъ раскопку мѣстнымъ крестьянамъ, условившись подѣлить съ ними поровну тѣ сокровища, которыя ими будутъ найдены (№ 7—8 двойной); г. Фурсовымъ помѣщена замѣтка о произведенныхъ имъ систематическихъ раскопкахъ въ Могилевской губ. (№ 12); отрадно встрѣтить извѣстіе, что въ Херсонѣ, по инипіативѣ секретаря губернскаго статистическаго комитета В. И. Гошкевича, положено основаніе археологическому музею при комитетѣ; въ настоящее время музей заключаетъ около 1000 предметовъ, сюда вошли древности изъ Ольвіи, кремневые, бронзовые (между прочимъ формы для литья, фрагменты сосуда, въ которомъ плавилась бронза) и желѣзные предметы, собранные на песчаныхъ дюнахъ между г. Алешками и Кинбурнской косой, предметы, собранные на пескахъ близъ села Вышенки Остерскаго у. Черниговской губ., нѣсколько вещей изъ кургановъ близъ д. Могилиной, Днѣпровск. у. Таврич. губ., обломки шиферной плиты съ греческой надписью изъ Херсона (изображеніе ея помѣщено въ № 11), казацкіе спись и келепъ, разныя монеты и т. п. (№ 7—8); затѣмъ идутъ извѣстія: о найденныхъ недавно въ Кіевѣ издѣліяхъ человѣка древне-каменнаго (палеолитическаго) вѣка, обслѣдованныхъ проф. Антоновичемъ и проф. Армашевскимъ (№ 12); о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора (№ 7—8); объ уничтоженіи въ Кіевской губ. памятниковъ церковной старины (№ 11); наконецъ, мы находимъ (№ 11) сообщеніе (С. О. Долгова) о новомъ пріобрѣтеніи московск. Румянцевскаго музея. Въ виду большого интереса, какой представляетъ это пріобрѣтеніе, мы остановимся на немъ подольше, заимствуя все болѣе существенное изъ замѣтки г. Долгова: Румянцевскимъ музеемъ пріобрѣтено рукописное Евангеліе, которое среди датированныхъ Евангелій этого рода займетъ почетное мѣсто: его слѣдуетъ поставить тотчасъ за галицкимъ евангеліемъ 1266 г. Публичной Библіотеки, или даже передъ нимъ, такъ какъ время написанія послѣдняго опредѣляется лишь приблизительно, по времени княженія Льва Даниловича Галицкаго (1266—1301), настоящее же евангеліе писано въ то же княженіе и имѣетъ опредѣленную дату—1282 г. Евангеліе это принадлежитъ ко числу памятниковъ письма галицко-волынскаго и по имени писца

его можно назвать Евсевіевымъ. Евангеліе писано на пергаментѣ, въ листъ, въ два столбца, на 140 листахъ; по типу Евсевіево евангеліе относится къ числу евангелій апракосъ, т. е. такихъ, гдѣ чтенія расположены по порядку не евангелистовъ, а недѣль года; въ концѣ помѣщенъ мѣсяцесловъ начиная съ сентября; изъ русскихъ святыхъ занесены въ мѣсяцесловъ, только свв. Борисъ и Глѣбъ подъ 24 іюля. Очень интересна запись на 62 листѣ, открывающая имя писца и время написанія: «Въ лѣт(о) 6791 (=1282). Сконечашася книги сия м(ѣся)ця октяб(ря) 15 д(е)нь с(вята)го Люкияна прозвютора. Бл(а)гословить, а нѣ кленѣть, а кеде боудоу исекривило исправляте. Си же писало Евсивии поповиче с(вя)таг(о) Иоана, азъ грѣшнии — Г(оспод)и помози рабоу своему! — Коли ся женило Горши князе, а о(те)цъ ему в Оугры ходило, тогды скончашася книги сия». Историческія данныя, заключающіяся въ этой записи, подтверждаютъ и дополняютъ свѣдѣнія, занесенныя продолжателемъ Ипатьевской лѣтописи. Около 1282 г., по свидѣтельству лѣтописи, татарскіе ханы Ногай и Телебуга, по просьбѣ Куманскаго князя Олдамура, двинулись чрезъ Галицко-Владимірскую землю и вторглись въ Венгрію. Всѣ почти князья галицкіе должны были присоединиться къ татарскому войску; былъ въ томъ числѣ и кн. Левъ Даниловичъ, сынъ знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго и отецъ того князя Юрія, о которомъ говорится въ записи. Нѣсколько ранѣе Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ и о намѣреніи князя Юрія Львовича жениться. Именнно, подъ 1281 годомъ тамъ разсказывается слѣдующее: Кондратъ, князь Угрско-Мозовецкій, просилъ помощи у Владиміра, кн. Владимірскаго, противъ Болеслава Плоцкаго; тотъ согласился и, въ свою очередь, просилъ о томъ же «сыновца» своего Юрія, а Юрій ему отвѣтилъ такъ: «Строго мой, рабъ быхъ и самъ съ тобою шелъ, но нѣколи ми: ѣду господине, до Суждаля жениться». Женитьба эта состоялась въ 1282 году, какъ свидѣтельствуетъ наша запись. Дальнѣйшая судьба евангелія слѣдующая: вскорѣ по написаніи евангеліе было куплено нѣкимъ Константиномъ Манойло, повидимому молдаваниномъ; въ 1600 году оно было пожертвовано воеводой Стефаномъ въ какую-то церковь (подпись вытерта); затѣмъ находилось въ старообрядческомъ монастырѣ въ Слатинѣ.

«Археологическія извѣстія и замѣтки» продолжаютъ издаваться и въ настоящемъ 1894 году. Желательно, чтобы кругъ читателей

ихъ расширился, этимъ самымъ увеличится число корреспондентовъ и увеличится количество оригинальныхъ сообщеній. В.

Dr. Fr. Pastrnek. Bibliographische Uebersicht über die Slavische Philologie 1876—1891. Берлинъ 1892. (Библіографическій обзоръ славянской филологіи).

Книга эта явилась въ видѣ приложенія къ извѣстному изданію г. Ягича «Archiv für Slavische Philologie». Для читателей этого «Архива» она является необходимымъ пособіемъ въ качествѣ указателя къ содержанію этого изданія за 15 лѣтъ его существованія, а какъ важны подобные указатели, знаетъ всякій, кому приходится имѣть дѣло съ повременными и неповременными учеными изданіями... Но кто пожелалъ бы найти въ разсматриваемой книгѣ полный критико-библіографическій справочникъ всего, что явилось въ литературѣ славяновѣдѣнія за время 1876—1891 г., тотъ изрядно ошибся бы въ своихъ ожиданіяхъ. Я уже не говорю о томъ, что до нельзя краткіе отзывы имѣются далеко не при всѣхъ указываемыхъ книгахъ, лучше сказать, лишь при немногихъ; но книга просто очень и очень неполна въ смыслѣ даже простого перечисленія всѣхъ явленій литературы славяновѣдѣнія за указанное время, и въ этомъ легко убѣдиться едва-ли не всякому русскому автору трудовъ изъ этой научной области.

Указаніе нерусскихъ работъ по Славяновѣдѣнію болѣе обстоятельно и полно. Нижеслѣдующія краткія замѣчанія послужатъ къ обосновкѣ высказаннаго нами мнѣнія, причемъ мы должны заявить, что эти замѣчанія вообще мы могли бы развить до любыхъ размѣровъ, здѣсь же приводимъ лишь болѣе любопытныя для читателей нашего изданія.

На стр. 211—212 приводятся библіографическія данныя по Малорусской литературѣ, поражающія своей скудостію. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ни книги г. Дикарева «Очеркъ Воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украйнорусскимъ нарѣчіемъ» (нѣтъ ея и на стр. 67—78, гдѣ приводятся библіографическія данныя по русскому и малорусскому язз.), ни книжки «Вѣкъ XIX въ діяхъ руской літератури» (Львовъ 1880 г.) ни книжки М. Комарова «Покажчикъ нової українскої літератури» (1798—1883 г.) Кіевъ 1883 г. (а книжка эта очень могла бы пригодиться г. Пастрнеку), ни даже указанія на превосходный разборъ книги г. Н. Петрова «Очерки исторіи украин-

ской литературы 19 столѣтія» Кіевъ 1884 г., сдѣланный Н. П. Дашкевичемъ по порученію Академіи Наукъ Отзывъ о сочиненіи (г. Петрова), тогда какъ небольшая замѣтка г. Поливки о книгѣ Петрова, помѣщенная въ Елинковомъ изданіи «Slovansky Sbornik» (Прага, 1884 г. 448 стр.) удостоилась упоминанія... Пропущена также въ надлежащемъ мѣстѣ книжечка г. Бѣленькаго «Опись церк. богослужебныхъ книгъ, принадлежащихъ Комитету Описанія Подольской епархіи, 1876 г. т. 8, стр. 14, оттискъ изъ Подольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей» (книжка его же «Сербская граматика по восточному говору» Каменецъ-Подольскъ 1877 г. тоже пропущена). О пропускѣ брошюръ, въ родѣ, наприм., книжечки г. А. Лисовскаго «Опытъ изученія малорусскихъ думъ» (Полтава 1890 г.) мы уже и не говоримъ, равно какъ и о томъ, что читатель напрасно сталъ бы искать въ книгѣ г. Пастрнека также указанія на многія любопытныя журнальныя статьи по малорусской литературѣ, хотя въ другихъ случаяхъ подобныя статьи приводятся.

А. Степовичъ.

С. Блекловъ. «За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика». Москва, 1894, ц. 1 р.

Земскій статистикъ г. Блекловъ, производившій земско-статистическія изслѣдованія въ двухъ губерніяхъ (одной южной, малороссійской и одной сѣверной великорусской), издалъ свою книжку, какъ видно изъ предисловія, съ тою цѣлью, чтобы ознакомить читающую публику съ пріемами земско-статистическихъ изслѣдованій. Эпиграфомъ къ ней онъ взялъ между прочимъ цитату изъ «подворной описи козелецкаго уѣзда»: «статистическій матеріалъ имѣетъ какую-нибудь цѣну только въ томъ случаѣ, если онъ достаточно вѣренъ, а судить объ этомъ можно, *только ознакомившись съ пріемами собиранія этого матеріала*».—Въ этомъ и заключается задача автора, который желаетъ познакомить читателя во всѣхъ главнѣйшихъ подробностяхъ съ методами и пріемами производившагося изслѣдованія, изобразивъ, «какъ нами производились земско-статистическія изслѣдованія, какія трудности намъ приходилось одолѣвать, какое отношеніе къ нашему дѣлу мы встрѣчали».

Съ этою цѣлью авторъ ведетъ свое изложеніе въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ въ дѣйствительности производятся статистическія изслѣдованія: начиная съ пріѣзда изслѣдователей въ во-

лостное правленіе для предварительныхъ выборовъ необходимыхъ свѣдѣній изъ книгъ и документовъ, переходя къ подворной переписи населенія и кончая составленіемъ пообщиннаго или поселеннаго бланка. Въ этомъ порядкѣ расположены и отдѣльныя главы книжки: «Первые шаги; подворная перепись; поселенный бланкъ; посредники; внѣ программы». Въ послѣднихъ двухъ главахъ приводятся характеристики сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, являвшихся въ извѣстной мѣрѣ «посредниками» между народомъ и статистиками, и приводится рядъ фактовъ, наблюденій, разговоровъ, встрѣчъ, характеризующихъ отношеніе населенія къ дѣлу собиранія статистическихъ свѣдѣній, и пріемы, употреблявшіеся статистиками для открытія истины, для побужденія мужиковъ говорить правду.

Избранный авторомъ способъ послѣдовательнаго изложенія всего хода статистическихъ работъ, хотя и имѣетъ то преимущество, что не оставляетъ ничего недосказаннаго и вводитъ читателя въ кругъ всѣхъ статистическихъ операцій, несомнѣнно имѣетъ въ тоже время тотъ недостатокъ, что дѣлаетъ изложеніе болѣе сухимъ, чѣмъ бы это могло быть при изображеніи только ряда отдѣльныхъ наиболѣе живыхъ и характерныхъ эпизодовъ и картинокъ изъ наблюденій земскаго статистика. Въ этомъ отношеніи печатавшійся въ приложеніяхъ къ «Недѣлѣ», кажется за 1886 или 1887 г. рядъ очерковъ подъ общимъ именемъ «На развалинахъ стараго» производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, хотя и не даетъ, конечно, общаго представленія о всемъ ходѣ работъ.

Книжка Блеклова написана весьма правдиво, съ полнымъ знаніемъ народной жизни и статистическихъ пріемовъ, и изображаетъ ходъ земскостатистическихъ работъ въ надлежащей послѣдовательности, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній. Нельзя не пожалѣть, что она явилась очень поздно: въ то время, какъ во многихъ губерніяхъ земскостатистическія работы или закончены, или приходятъ къ концу. Въ смыслѣ ознакомленія съ пріемами работъ, со всѣмъ ихъ ходомъ, съ степенью достовѣрности собираемыхъ данныхъ она бы могла имѣть весьма серіозное значеніе въ тотъ періодъ, когда земская статистика только начинала свое существованіе въ большинствѣ земствъ и когда некому было разсѣять существовавшихъ въ то время противъ нея предубѣжденій.

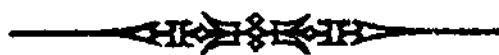
Л. С. Л.

П. Тутковскій. Юго-западный край. Популярные естественно-историческіе и географическіе очерки. Вып. I 1893. Кіевъ.

Названная книга представляетъ сборникъ статей, напечатанныхъ въ различное время въ видѣ фельетоновъ въ газетѣ «Кіевское Слово» и въ журналѣ «Наука и Жизнь». Издавая ихъ отдѣльной книжкой, авторъ имѣлъ въ виду, какъ говоритъ въ предисловіи, вызвать интересъ къ изученію нашего отечества и побудить мѣстныхъ жителей къ собиранію данныхъ въ этомъ направленіи. Книга содержитъ 17 статей изъ которыхъ болѣе половины касаются природы здѣшняго края, таковы: 1) кіевскій мамонтъ, 2) кіевскій янтарь, 3) южно-русскіе овраги, 4) минеральныя богатства юго-западнаго края, 5) петрографическій музей въ Кіевѣ, 6) фосфоритовыя копи, 7) медоборскія горы, 8) кременецкія горы, 9) артезіанскія воды Кіева и юго-западнаго края и ихъ значеніе.

Въ этихъ статьяхъ авторъ въ живомъ изложеніи знакомитъ читателя со многими вопросами, касающимися геологіи здѣшняго края, иногда имѣющими важное практическое значеніе.

А.



есть берегти отъ таковихъ невѣстъ, а барзѣй отъ старихъ бабъ оное теченіе имѣючихъ, зъ которихъ тѣла особливая происходитъ ядовитость.

Обѣдалисмо зъ сестрою Уляною Івановною, а панѣ поехала въ Новодѣвичее. По обѣдѣ, ездилемъ до архиерея Новогородского и позно пріехалъ въ свою квартеру.

Пятокъ. 11. Сегодня жол.(?) 100 отдалъ, а бѣл.(?) 233 и 2 зол. (?) а притчи Соломонови окончивши(?) 287, опрочъ красныхъ, налѣчилъ [1]). Были у мене Максимовичъ, Антоновичъ и Чуйкевичъ [2]).

Субота. 12. Сегодня день рожденія его величества праздновали, и мы рано былисмо у князя Василія Влад. Долгорукова и графа Головкина. Обѣдалисмо у панеи; у вечеру зъ Гамалѣею ездилемъ въ слободу нѣмецкую и назадъ повернувшись, пріехалемъ зъ братомъ въ свою квартеру.

Недѣля. 13. Службы Божой слухалемъ у коллегіумъ и проповѣди, а обѣдалисмо зъ род. и зъ панею у Николая Бутурлина; оттуду заездилемъ до Курбатова.

Понеделокъ. 14. Обѣдалисмо у себе и нѣкуда не ездилемъ.

Вовтор. 15. Былемъ у колегіи рано и получивши писмо отъ жени зъ Глухова 5-го октовр. писанное, черезъ канцеляризту иностранной колегіи, увѣдомилемся, что панъ гетманъ пріехавши въ Глуховъ 1-го октовр. 5-го, велѣлъ отобрать старшинѣ городовой въ вѣдомство ратушное село мое Сварковъ, для чого и козаки, ездячи по селу, приказовали людемъ, чтобъ они впредъ двору моего не слушали. Да тогда жъ получена вѣдомость о публѣчномъ его гетманскомъ въ Глуховѣ шествіи и что билети подкуренние на паперѣ печати гетманскія, давани были въ Глуховѣ, кому имѣть входъ въ церковь Николая и кому нѣтъ. Далемъ Вѣжевскому на росходъ 21 р.

---

[1]) Приведенныхъ выше сокращеній мы не можемъ объяснить.

[2]) За симъ слѣдуютъ дальнѣйшія выписки, очень обширныя, изъ Буддея и другихъ авторовъ, которыя мы опускаемъ, находя, что приведенныхъ выше—совершенно достаточно для знакомства съ литературнымъ языкомъ учениковъ кіевской академіи перв. пол. XVIII в.

Середа. 16. Принималемъ лѣкарство пургуючое, mixturam 100 капель, зъ которой дѣйствія имѣлемъ столцевъ 14, черезъ 5 годинъ и одно vomitorum. Composio toto: Rp. R. ttr. Ebix. prop. par. a͞a ʒi. ess. or. aper. ʒβ. resina jalapp. ʒi mane in vino ungarico.

Четвер. 17. Сегодня праздновалисмо тезоименитого род. и обѣдали у панеи зъ сестрою и п. Петровою Апостоловою. По обѣдѣ ездилемъ до Миклашевского и тамъ посидѣвши, пріехалемъ позно въ свою квартеру зъ Петромъ Мировичемъ.

Пятокъ. 18. Далемъ Александру Лесицкому чоботи черкескіе чорніе. Окончилемъ объ атеистахъ Буддеовой бесѣди суммахъ.

Субота. 19. Сегодя рано былъ я у Петра Апостола, которій указомъ монаршимъ зъ тайного вер. сов. пожалованъ полковникомъ . . . . (Лубенскимъ?) и оному велено жалованне государево давать, зъ іностранной коллегіи, по рублю на день, и жалѣлся ему за отнятіе села моего Сваркова и онъ обявилъ, что писалъ о томъ въ Глуховъ. Поехавши оттуду, заездилемъ въ колегію иностранную и пріехавши до панеи, тамъ обѣдалемъ. У вечеру былъ у мене Гамалѣя и посидѣвъ, отехалъ.

Неделя. 20. Сегодня рано былисмо зъ род. у Курбатова и фелтмаршала князя Долгорукова. Служби Божой слухалъ я у Богоявленскомъ, а у Спаса проповѣди. Обѣдалъ у панеи; по обѣдѣ, заехалъ до Івана Гамалѣи и тамъ зъ протчіимъ сидѣлъ, и до позна просидѣлъ. Войтъ Роменскій Андрей Павловъ отехалъ зъ Москви въ домъ свой.

Понеделокъ 21. Пріехалъ Казѣмиръ слуга род. передомъ и увѣдомилъ о припроваженихъ коняхъ и товару съ нимъ и съ Алексѣемъ, и писма мнѣ вручилъ, отъ родителки, отъ сестри, зъ присилкою двохъ хустокъ, и отъ жени съ приложеннимъ реестромъ коней припроваженнихъ 17, зъ тимъ что у войску два. Такожъ и двѣ барилцѣ водки сливянки.

Вовтор. 22. Сегодня праздновано явленіе икони Пресвятой Б-ци Казанской, а я обѣдалъ у панеи. А по обѣдѣ пріехалемъ домой и были у вечеру Валкевичъ и Яковъ Мировичъ.

Середа. 23. Сегодня Николай Бутурлинъ былъ у насъ и принялъ кобилъ родителскихъ припроваженнихъ за 60 р. пять, а шестую подаровано, всѣ чорніи. Обѣдали сами у своей квартерѣ и Мировичъ. Купилемъ себѣ футро сѣбирковое неподлое за 5 р. зъ полтиною.

Четверъ. 24. Заездилемъ въ колегію іностранную и тамъ съ полковникомъ прилуцкимъ посидѣвши, пріехалемъ до панеи и тамъ зъ сестрою всѣ обѣдалисмо, а по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Миклашевского, оттуду заходили до Гамалѣи и пріехалемъ позно въ свою квартеру. Петръ Петровичъ Толстой, бывшій полковникъ нѣжинскій, померъ год. около другой съ полдня, зъ причини такой, что онъ питтемъ излишнимъ водки повредилъ себѣ легкое и нажилъ епилепсію; оставилъ жену и двохъ синовъ Александра и Івана, и дочь Анастасію[1]). А якъ получена сія вѣдомость тутъ въ Москвѣ, зъ Яковлева, то туда панѣ зъ сестрою заразъ и поехали.

Пятокъ. 25. Сегодня рано поехалемъ туда жъ въ Яковлево, на погребеніе умершого Петра Толстого, где засталемъ собственнихъ покойниковихъ туда пріехавшихъ, жену и дочерей Івана брата его, такъ же и Ртищева зъ женою.

Субота. 26. Сегодня пріехалъ архиерей Ігнатій, митрополитъ Коломенскій, архимандритъ Златоустовского монастира, Пахомій, бывшій економъ печерскій, и еще другихъ нѣсколко монаховъ и поповъ мирскихъ, и погребли покойника Петра въ церквѣ Яковлевской между сродственниками его, а после погребенія кушали всѣ и разъехались, а мы тутъ зъ его сродниками ночовали.

Неделя. 27. Сегодня тутъ же, въ Яковлевѣ, обѣдалисмо, а по обѣдѣ нѣкоторіе зъ насъ розехались, и я пріехалъ въ Москву пятого часа, всей ездѣ моей, а по полудню шестого. Игуменъ Мгарского луб. монастира Иларіонъ Рогалевскій устроенъ архимандритомъ Донскимъ.

Понеделокъ. 28. Сегодня купилемъ овса 7 четвертей по 26 а. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездилемъ и погостивши у Кур-

---

[1]) См. о Толстомъ и его сыновьяхъ—Опис. Стар. Малороссіи, II, 15.

батова, повернулемся въ свою квартеру. Родителскихъ яловиць 16 продалось, за которіе взяли 60 р., но съ тихъ 5 р. пошлини. Архимандритъ Новоспасского монастира Ерофей преставился.

Вовтор. 29. Сегодня былемъ у графа и родитель безъ мене подалъ чолобитную на імя его величества написанную до рукъ графа Головкина въ своихъ обидахъ. Обѣдалисмо у себе, а подчасъ обѣда пріехалъ до насъ Николай Бутурлинъ зъ женою, которіе обѣдали у царевни Екатерини Івановни, затѣмъ, что день ея рожденія. А по обѣдѣ ездилемъ до архиерея новгород. и тамъ позабавившись, повернулся. Пошита мнѣ гусарка бейберековая и канавацовію кунтушъ подшитъ, за что кравцеви далемъ полтину. Морозъ сегодня великій былъ, якъ бываетъ въ декабрѣ албо въ генварѣ, и снѣгъ ишолъ.

Середа. 30 Сегодня былисмо зъ род. рано у Наумова, оттуду былъ я у панеи, пріехавшой зъ Яковлева и обѣдалемъ у себе.

Четвер. 31. Сегодня рано ездилисмо въ слободу нѣмецкую до Остермана барона и не бувши у его, затимъ что заболѣлъ, по совѣту секретара его Сергія Іллѣча повернувшись, и я заехалъ въ коллегію іностраннихъ дѣлъ, а оттуду до панеи, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Миклашевского и Івана Гамалѣи, и тако повернулемся въ свою квартеру.

М-цъ Ноеврій. Пятокъ. 1. Сегодня рано ездилисмо зъ род. въ слободу и были у барона Остерманна, которій что затрудненъ былъ экспедицѣею къ его величеству, того ради секретаръ казалъ намъ быть завтра, и тако мы повернулись назадъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 5 р. и въ реестрѣ записалемъ. Отъ панеи о сестрѣ (Толстой) составилемъ прошеніе до графа, и отослалемъ черезъ Федора.

Субота. 2. Сегодня обѣдалисмо у себе и никуда не ездилемъ. Писалемъ писма въ домъ черезъ слугу Желяза, а именно: до жени два листи, въ одномъ пунктами предложилемъ, чтобъ увѣдомила мене черезъ его жъ Желяза, а именно, о Сваркову, о Сухоносовцѣ, о Калюжновскомъ футорѣ, о Сухѣ(?) Перервинцяхъ, о футорѣ Криворудскомъ, о тютюнѣ; а въ другомъ писалемъ о присилцѣ сюда

штофу зъ бѣлими квѣтками, такъ же око тютюну и 5 барилець водки алембиковой, до родителки зъ подякованнемъ за писмо оя и и Олесино и хустки и о Григор. Скридловскомъ; до Количова, поздравленіе; до брата п. Семена тожъ; да до жени жъ писаломъ о робленню горѣлки чтобъ не переставало.

Неделя. 3. Сегодня рано бы.исмо у Наумова, князя Долгорукова, фелтмаршала, а у панеи обѣдалисмо; по обѣдѣ заездилемъ до Андрея Миклашевского и Івана Гамалѣи, и съ ними посидѣвши и въ клавиковди погравши, повернулемся назадъ во свою квартору.

Понеделокъ. 4. Сегодня рано ездилисмо въ слободу нѣмецкую а были въ Андрея Івановича барона Остерманна, которому род. подалъ доношеніе на імя государево о своихъ нуждахъ написанное. Жена Александра Бутурлина, а дочь князь Мих. Вих. Голѣцина, преставилась.

Вовтор. 5. Сегодня рано ездилъ я въ колегію іностран., а обѣдалъ у панеи. По обѣдѣ былъ у пана Якова Лизогуба и въ свою квартеру позно пріехалъ зъ Валкевичемъ, которій посидѣвши у насъ и погравши въ дами, отехалъ.

Серда. 6. Сегодня рано ездилемъ въ лавки, где купилемъ блюдо зъ кришкою за 40 а., окропникъ, чили кофейникъ мѣдній, за 15 а., рукомойникъ за 2 гривни и блюдо до рукомойника мѣдное, за 41 а. и 2 д. Обѣдалемъ у панеи, где обѣдалъ и Петро Мировичъ.

Четвер. 7. Сегодня рано заездилемъ въ колегію іностр., а обѣдалемъ у панеи. Александеръ Поповичъ пріехалъ зъ Глухова и подалъ мнѣ писмо отъ жени 28-го октовр. писанное, зъ Глухова, о томъ, что село наше Сварковъ п. гетманъ по плачевномъ ея суплѣкованню къ нему, привернулъ назадъ въ подданство. Да особливе получилемъ писмо отъ п. Михайла, въ якомъ ознаймуетъ, что по словесним вѣдомостямъ дается чути тое, будто судно мое, на которомъ люде наши пойшли въ Гилянь зъ Анстраханѣ, викинуло гдесь на берегъ, изъ людей одинъ . . . . (?) въ цѣлихъ осталея, а протчіе отъ татаръ плѣнени или порублени. Да особливе жъ еще получила панѣ вѣдомость зъ Глухова, что Семенъ Лизо-

губъ [1]) виправилъ грамоту еще въ мартѣ до п. гетмана, объ отданню ему маетностей и протчего недвижимого имѣнія, приданного будто за тещею его, первою женою покойного ясневелможного, да объ ученню слѣдствія и составленіи мнѣнія по покойномъ гетману оставшагося, которой дочери—оной ли Семеновой или Уліяни меншой (Толстой) надлежитъ.

Пятокъ 8. Сегодня рано былъ я у панеи, а службы слухалъ у соборѣ болшемъ, и оттуду въ свою квартеру повернулся. Вѣжевскому на расходъ долемъ 5 р. и записалемъ.

Суббота 9. Сегодня по службѣ Божой, которой слухалемъ у церкви близъ панеи двора, обѣдалемъ у панеи жъ, а по обѣдѣ заехалемъ до минѣстра Наумова и тамъ игралемъ въ карти зъ програшомъ рубля. Федоръ Матвѣевичъ графъ Апраксинъ, генералъ адмиралъ, преставлялся въ ночъ противъ завтрійшного неделного дня, зъ пухлини залитъ [2]).

Неделя. 10. Сегодня рано былиемо зъ родителемъ у князь Дмитрія Голѣцина, а оттуду ездилемъ на службу до Заиконного Спасского монастира, откуду ездилемъ до Григорія Герцика [3]) и тамъ зъ род. и многими нашими старшинами обѣдалисмо, понеже былиемо отъ него прошенни на актъ весалній, отправовавшійся дочери его сегодня. Оттуду заездилемъ до Петра Апостола, гетманича, и пріехалемъ поздно въ свою квартеру.

Понеделникъ 12. Сегодня далемъ Мировичу Якову рубля. Григорію Герцику позичилемъ 5 талярь битихъ, а 5 рублей сцѣлникъ черезъ руки Якова Мировича, за чимъ приходилъ просить синъ его меншій. Вѣжевскому на расходъ далемъ 4. Алексѣйцеви далемъ 2 р. на кожухъ и кафтанъ свой отласовій зелений. Пявки приставлялъ я къ гоморроидамъ. Черезъ Веляминова первий рекурсъ до панеи отъ князь—Вас. Влад. Дол. о сестрѣ [4]).

---

[1]) Женатый на дочери гетмана Скоропадскаго отъ перваго его брака.

[2]) Т. е. умеръ отъ водянки.

[3]) Сынъ полтавскаго полковника Павла Герцика. См. о немъ Кіевск. Старина 1883 г., № 3.

[4]). Рѣчь идетъ о сватовствѣ вдовы Толстого, Ульяны Ивоновны, за племянника Долгорукаго. См. ниже, число 19-е.

Вовтор. 12. Сегодня не ездилемъ никуда, а обѣдалисмо у себе сами и съ нами Мировичъ Яковъ [1]).

Середа 13. Сегодня обѣдалисмо у панеи, где обѣдали и ігуменія новодѣвичого монастира, загостившая до панеи зъ нѣкоторыми монахинями; а я по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и пріехалемъ позно въ свою квартеру.

Четвер. 14. Сегодня рано былисмо у фелтмаршала князя Долгорук., обѣдали у панеи, зъ Жураковскимъ, княгинею Одоевскою и Наумова, у вечеру быломъ у п. Якова Лизогуба, где и долго посидѣлемъ, и пріехалемъ позно въ свою квартеру, и тутъ вечералемъ. Старшій Горленко сказывалъ, будто минѣстромъ въ Глуховѣ при гетману опредѣленъ генералъ маіоръ Леонтіевъ.

Пятокъ 15. Сегодня былъ у мене рано порутчикъ інженѣрскій, отправляющійся въ низовий курпусъ, и зъ нимъ кондукторъ, опредѣленний въ Дербентъ, которіи просили о Чугутову зъ своею о немъ рекомендацѣею [2]).

Субота 16. Сегодня рано былисмо у Степана Лукича Веляминова, а оттуду у панеи, где и обѣдалисмо, потомъ ездилемъ до Курбатова и посидѣвши, повернулемся въ свою квартеру.

Неделя 17. Сегодня службы Божой слухалемъ у колегіи училищномъ, а обѣдалемъ у панеи, куда на обѣдъ пріехалъ Николай Бутурлинъ зъ женою. Слишно стало, что сестриця его величества государиня Наталія Алексѣовна болна зѣло на сухоти и оную приговорили доктори послѣднимъ симъ лѣкарствъ лѣчить, чтобъ ссала зъ грудей молоко женское Бутурлинъ сказивалъ.

Понеделокъ 18. Вѣжевскому на расходъ долемъ 6 р. Дворецкого Каратаева человѣку далемъ зосталне за часи 6 р., итого 56 р.

Вовтор 19. Сегодня составлена паней чолобитная о купленнихъ ея грунтахъ при Коропѣ имѣющихся чтобъ имъ при ней оститься. Обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ пріехалъ Степанъ Лукичъ Веляминовъ до панеи зъ прошеніемъ, чтобъ она пріехала до князя Долгор. фелтмаршала, куда ездила панѣ и увѣщователни.

---

[1]) Засимъ слѣдуетъ выписка изъ библіи.

[2]) Слѣдуетъ выписка изъ „Стефана Хавѣна".

чула разговоръ о сватбѣ дочери ея, за племѣнника его къ Юр. (?). Ездилемъ до Курбатова и посидѣвши пріехалемъ позно въ свою квартеру.

Середа 20. Сегодня ездилемъ рано до графа Головкина и не улучивши времени, пріехалемъ до панеи и тутъ обѣдалемъ. Вѣжевскому въ росходъ далемъ 5 р. и записалемъ.

Четвер. 21. Сегодня рано былисмо зъ род. у князя Дмитрія Голѣцина и графа Головкина, а ездили санками, понеже мало снѣгу припалу, а морози нѣсколко денъ лютіе саміе. Обѣдалисмо у панеи, куда по обѣдѣ у вечеру пріехала Вевяминова жена и просидѣлисмо долго, и тамъ я вечералъ.

Пятокъ 22. Сегодня тожъ рано я билъ у графа Головкина и поворотясь не съѣздя, билъ въ своей квартерѣ, где посѣщали мене Тернавскій и Гамалѣя. Купилемъ футро бѣлковое за 40 а., да панчохи шерстяніе бѣліе за 2 гривни [1]). Сестрица государя нашего государыня Наталія Алексіевна преставилась 8-го часа пополудни зъ чехотной болезни; имѣла лѣтъ 14 возраста своего.

Субота 23. Сегодня рано ездилемъ до графа Головкина и не получивши видѣть его, за вчорайшою скорбію, поехалемъ до панеи и обѣдалемъ тамъ же, а по обѣдѣ ездилемъ до Степанова о сестрѣ просить, которій сказалъ, что есть склонніе господъ минѣстровъ къ свободѣ ея. У вечеру билемъ у архиерея Новогородского, где и архимандритъ Крулѣкъ былъ, и тутъ былъ разговоръ о сентенцѣи картезіяновъ, всякое чувство отъ животнихъ всѣ отоймаючой, а толко единому человѣку, имущому умъ причитаючой, будто чувство безъ ума не можетъ быть, и тако оніе животніе автоматами називаючой, а въ разговорѣ было тое, что оное мнѣніе Картезія есть некрѣпкое, ибо явственно споритъ противъ повседневнихъ експериментовъ, по которихъ видими диковинніе животнихъ поступки, которимъ безъ чувствій и безъ памятствованія (якое Картезій чувствомъ називаетъ) не возможно бить. Такъ же о существѣ духа разсужденіе было, что не въ самомъ помишленіи оного

[1]) Слѣдуетъ выписка изъ „Хаввѣна".

духа существо содержится, но есть особливѣйшее нѣчто, чего мы, же не вѣдаемъ, должни признать и съ такого разруждения мощно нѣякийся видъ дебелого и весма скудного помишления животнимъ нарические, однако жъ оного безсмертнимъ назвать невозможно, а какое оно есть—неизвѣстно, для того, что не толко духа, но и тѣла существъ не знаемъ, и отъ незнаемой вещи знаемую утверждать невозможно, развѣ вопреки.

Неделя 24. Сегодня былъ я у службѣ Божой въ Богоявленскомъ монастиру, а у Спаскомъ предикъ слушалъ нѣякогось Хмарного, у хмару, якъ приказують, знать по оной заходячого. Обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и Курбатова и позно приехалемъ въ свою квартеру. Его величество переехалемъ зъ слободи въ Кремль.

Понеделокъ 25. Сегодня обѣдалемъ въ дому, и увесь день пробавилемъ не виездя.

Вовтор. 26. Сегодня ездилемъ до графа Гаврила Ивановича и челобитние панеи двѣ, одно въ дѣлѣ Лизогубовой, а другое о грунтахъ купленнихъ, при Коропѣ имѣючихся, отдалемъ. Обѣдалемъ у панеи и приехалемъ въ свою квартеру. Купилемъ двѣ штучки китаю чорного за полтора руб. и люльку (трубку) рѣзанную за 10 а.

Середа 27. Сегодня обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до Дементия Прохоровича и тамъ зъ Александромъ у лазнѣ росмился. Тамъ-же, въ разговорѣ, слишалъ, что послѣдний городъ российский до Китайского государства идучимъ, есть именуемий Селенgа, до которого съ Тоболска разними рѣками, водою, доходятъ, а отъ оного уже приспособившись на телѣги и на харчъ на 12 недель, а найменше на 6 идутъ степами до стѣни китайской, по тамошнему називаючейся калgанъ, где перечотомъ пущаютъ людей а найболше до 240 человѣкъ, руских, и отъ стѣни въ 7 албо въ 8 денъ поспѣваютъ до столѣчного китайского города Пекѣна, который величестю своею будетъ зъ Москву, а протчие города велми густо по дорогамъ суть, такъ что чрезъ 30 верстъ 5 городовъ биваютъ. Вѣжевскому въ расходъ далемъ 4 р. и записалемъ.

Четвер. 28 Черезъ Александра Поповича писалемъ въ домъ до жени поздравленіе, такъ же и до п. Михайла Скор., и оніе нисма послалемъ до рукъ пана Петра Апостола, черезъ Скридловского. Обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ панѣ поехала въ Яковлево, до сестри Уляни Івановни, а я заехавши до Миклашевского, тамъ просидѣлемъ доволно, играючи въ карти безъ проиграша.

Пятокъ 29, Сегодня родитель, бывши у князь Долгорукова фелтмаршала, подалъ прошеніе на имя его написанное о своихъ нуждахъ и что объ оних подалъ чолобитную въ колегію иностр., а я не выездилъ зъ дому. Герцикъ присилалъ зъ Алексѣйцемъ моимъ своего старшого сина, присяги о виждание грошей 10 р. до пріидучой неделѣ [1]).

Субота 30. Сегодня рано ездилемъ до Богоявленского монасира, где службы Божой слухалемъ, а по службѣ обѣдалисмо у себе. Іоаннъ Чарнишъ, судія енералний, преставился передъ полуднемъ, зъ поврежденнихъ внутренностей, где Александеръ Левицкій его сундуки, позносивши на гору, своею печаттю позапечатовалъ, куда и ми зъ родителемъ, и многіе зъ нашихъ малороссіянъ, пріехали, а оставивши тамъ Матвѣя, панеи слугу, и нашихъ двохъ, Скридловского и Семена Цилюрика, для лутшой певности, и надъ тѣломъ священниковъ читаючихъ устроивши, поехалисмо родитель передомъ, а я после зъ Александромъ [2]).

Декавр. Неделя 1. Сегодня рано ездилисмо, оба зъ родителемъ, до преставлшогося Іоанна Чарниша, а въ монастиру Новодѣвичомъ службы Божой вислухавши, повернулисмося въ свою квартеру, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова отъ панеи, и тамъ мало позабавивши, пріехалемъ въ своясн. Герцикъ, позичившій у мене 5 таляр. битихъ да 5 рубліовиковъ, прислалъ 5 р.

Понеделокъ 2. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріездилъ до насъ Николай Бутурлинъ и обявилъ намъ о брату Марку, что парукъмахеръ Наумова, именемъ Онисимъ, пяній, привязав-

---

[1]) Слѣдуетъ выписка изъ „Хаввѣна".

[2]) Тоже, слѣдуетъ выписка.

шись до него на площадѣ, подъ караулъ привелъ, откуду оба въ гварнѣзонную канцелярію приведени и парукъмахиръ скованъ, зачимъ я бувши у Наумова зъ канцеляристою его Смирнимъ, ездилемъ до полковника Коробова объ висвобоженню братовомъ, и тамъ толко тотъ приказъ, чтобъ ему брату особливую избу определено зъ респектомъ получивши, былемъ у его брата потрете уже, и заехавши до Наумова, пріехалемъ въ свояси. Панѣ гетманова, тетка моя, пріехала зъ Яковлева въ Москву для погребенія приставлшогося Чарниша [1]).

Вовтор. 3. Сегодня рано поехавши въ канцеллярію гварнѣзонную зъ Артѣлнимъ Іваномъ, висвободилемъ брата Марка на росписку Артѣлного. Покойникъ Іоаннъ Чарнимъ, судія енералній, погребенъ въ монастиру Новодѣвичомъ, въ большомъ склепу, подъ великою церквою къ трапезѣ стоячимъ, где и многіе зъ високихъ фамилѣй погребаются. При погребеніи его била панѣ зъ нами и многіе зъ малороссіянъ нашихъ, а отъ чина духовного архиерей крутицкій Леонидъ, архимадритъ Берло и проч. По погребеніи, обѣдали у квартерѣ покойника духовенство все, а по обѣдѣ разехалися всѣ, и по розездѣ Александръ, слуга панеи, зъ отцемъ Василіемъ, позапечатовавши сундуки, побрали зъ собою до двора панеи 3 сундуки, чили скринки и 3 шуби.

Середа 4. Сегодня обѣдалисмо у панеи зъ Тернавскимъ, а по обѣдѣ билемъ у Андрея Миклашевского, Якова Лизогуба, и въ свою квартеру пріехалемъ.

Червер. 5. Сегодня рано ездилемъ до доктора Бидлова и ускаржалемся ему на боль въ палцяхъ руки правой, такожъ на безсиліе въ передержанню урини и въ болю моемъ гипохондріячномъ пускать ли часто кровь, совѣту искалемъ, на що въ резолюцію получилемъ, лѣчить руку, тручи горячимъ спѣритусомъ и въ ономъ доволное время держати. О другомъ отложилъ на теплѣйшое время къ лѣченію и сказалъ, что тое отъ слабости нѣкоторого мускула, при пенхержу мѣючогося, происходитъ, а третее—позволилъ

[1]) Чарнышъ былъ женатъ на дочери гетманши Скоропадской, отъ перваго ея брака съ Голубомъ.

привювши въ прикладъ и себе, часто велми зъ своихъ жилъ кровъ пускаючого. Купилемъ старіе сани за рубля. Сестра Уляна Івановна пріехала въ Москву зъ дѣтми своими, зъ которою у панеи обѣдалисмо, а по обѣдѣ пересмотрували рѣчи покойного пана Чарниша въ двохъ скриняхъ, а въ третей шкатулцѣ обрѣтаючіеся, и порениcавши, закрѣпили той реестръ Тернавскій и отецъ Василій.

Пятокъ 6. Петръ Курбатовъ просилъ родителя и мене къ себѣ на кушание и другихъ, где я не билъ, а родитель съ протчими кушалъ. Якову Мировичу на еко тютюиу тур. далемъ полтора руб. [2]).

Субота 7. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а не ездивши никуда повернулемся въ свою квартеру.

Неделя 8. Сегодня службы Божой слухалемъ у Спаса святого и тамъ предики слухалемъ же, а обѣдалемъ у Курбатова зъ Штишевскимъ [2]) и подполникомъ Батуриньмъ, и подпіяхомъ.

Понедел. 9. Сегодня службы слухалисмо зъ род. у Богоявленія, и обѣдали у панеи, по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и просидѣлемъ, играючи въ карти зъ выиграшомъ.

Вовторникъ 10. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ род., а по обѣдѣ ездилемъ въ колегію иностр. и до панеи, где служителю генерала Чарнишова Антону, по картѣ покойника пана Чарниша, заплачено его долгу 230 р, а въ закладъ прибавлено табакерку и еще щось, панюй саплатившой тіе денги. Ездилемъ до Валкевича, где съ нимъ и зъ Артѣлнимъ игралемъ въ карти зъ виграшомъ.

Середа 11. Сегодня ездилемъ рано въ колегію, а оттуду ездилемъ зъ Андреемъ Миклашевскимъ и другими до двора адмиралского видѣти адмирала покойного, и видѣли въ церемонѣялномъ уборѣ лежачого, а именно где лежалъ—саля болшая чорнимъ обитая и окна завѣшени; онъ въ катафалку лежалъ, надъ нимъ болдахинъ сребромъ по аксамиту вишитий зъ его гербомъ и трома кутасами болшими сребраними зъ одной сторони, а зъ другой трома

---

[1]) Засимъ слѣдуетъ выписка изъ „Хаввѣна".

[2]) Мартынъ Штишевскій—есаулъ Гадяцкаго полка.

жъ висячими. Тѣло лежало въ трунѣ оксамитомъ чорнимъ оббитой пузаментомъ широкимъ бѣлимъ, руки въ палчаткахъ бѣлихъ, покрито зъ верха богатого золотою матеріею, округъ гроба свѣчъ зъ десятокъ горѣло, по сторонамъ гроба обоимъ, на подушкахъ, лежали кавалеріи обѣ святого Андрея апостола и Александра Невского, шпада зъ притупеемъ, на вкрестъ остроги, два уборовъ желѣзнихъ, завомихъ гробовіе кавалери, рукавици желѣзніе, шишакъ, а у ногъ палка правителская, золотою матеріею обшитая, оподаль на палкахъ чили столпчикахъ, чорнимъ сукномъ обшитихъ, около десятка стояло гербовъ придѣланнихъ флота россійского, а при томъ всемъ—два гранадѣри по обоимъ сторонамъ у гроба стояли, и близъ голови Евангеліе читанно; въ дворѣ цѣлая рота гранадѣрская стояла на караулѣ. Обѣдалемъ въ дому зъ родителемъ и Валкевичемъ, а по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского и тамъ просидѣли, забавляючись въ карти зъ моимъ выиграшомъ.

Четвер. 12. Сегодня, въ часу десятомъ передъ полуднемъ, провожено тѣло покойного адмѣрала графа Апраксѣна отъ дому его въ монастиръ Златоустовскій, на погребеніе, таковимъ порядкомъ: сперва проважена артилерія, въ которой било пушекъ болше десятка, потомъ ишла гранадѣрская рота Семіоновского полку и за нею полки, а заключала оніе гранадѣрская жъ рота Преображенского полку, потимъ ишли солдати, по обоимъ сторонамъ зъ свѣчами, а серединою; первей, служители покойного по пари, въ плащахъ долгихъ чорнихъ, а за ними діакони, попи, игумени и архимандрити, и архіереи, несли три кавалери на подушки акеамитной вишневой остроги, а за ними другіе три—кавалерію красного банта, ехалъ кавалеръ гробовий въ желѣзѣ, а потомъ другій ишолъ пѣшій въ желѣзѣ жъ, несено кавалерію, тожъ на подушки, синего банта, а потомъ передъ гробомъ несено жъ такимъ же порядкомъ палку правителскую, золотою матеріею обшитую, и по обоимъ концамъ блакитною лентою пообвязанную. Напередъ тѣхъ клейнотовъ ведено конѣ дорогими чапраками приодѣтіе, съ которихъ на одномъ, по обоимъ сторонамъ, вмѣсто сѣдла герби россійского флота зъ гербомъ покойниковимъ пришити били. Такъ же за конми несено флаги

флота россійского чорнимъ перевязаніе, гробъ оббитий билъ чорнимъ аксамитомъ, которій везли шесть лошадей въ капѣ убраннихъ а надъ гробомъ болдахинъ (о которомъ вчера упомянулемъ); за гробомъ ишли минѣстри и многіе изъ знатнихъ лицъ, въ опанчахъ долгихъ чорнихъ и въ капелюшахъ, долгими крепами чорними перевязаннихъ, а потомъ каретъ нѣсколко чорнообшитихъ ишло, и тако окончилась церемонія въ походѣ, а въ монастирѣ Златоустовскомъ по погребеніи и предикѣ архиерея Новогородского, трижди палбу отправляли полки шедши, опрочъ пушечного стреляня, съ которихъ на болванкахъ во время походу переривцемъ стреляно до пренесенія на мѣсто. Укладъ отъ покойника въ монастирь тотъ, где погребенъ, опредѣленъ повсегодно по сто рубліов, отъ того хто наслѣдникъ недвижимимъ имѣніемъ останется. Несила мене лошадь и обернувши, руку правую наразила болно, для чого кровъ пускалемъ зъ головной жили.

Пятокъ 13. За приключившоюся болѣзнію нѣкуда я зъ кватири не отлучался. Вѣжевскому на росходъ далемъ пять рублей денегъ. Слишно, что указъ публѣкованъ—зъ фанарами всѣмъ ездить ноччу, а безъ фанаровъ нѣкому, кромѣ ближайшихъ двору—государева да цесаревни, и для того онимъ зъ бѣлими, н симъ зъ чорними попонами ездить позволено. Для тое же слабости нѣкуда зъ квартири не ездилемъ.

Неделя 15. Не ездилемъ никуди, а обѣдалемъ въ квартирѣ нашой зъ попами, Сидоромъ Житянскимъ и Іваномъ Родѣнскимъ, которіе тутъ содержатся въ дѣлѣ попа Лозовского. Пріехалъ слуга родителскій Желѣзо зъ Ромна, сюда въ Москву, съ писмами, зъ которихъ числа и мнѣ вручилъ нѣкоторіе, отъ родителки зъ поздравленіемъ, отъ швагра пана Якова Полуботка въ такой же силѣ, а отъ жени зъ извѣстиемъ о домашнемъ поведеніи, что челобичикъ зъ Смоленска Лярскій, повѣренний отъ Швайковского, показался на насъ за Сиваковъ оного крестянъ, за которихъ претендуетъ на четири тисячи восѣмьсотъ рублей и болше, и что оное дѣло по ласце гетманской отсрочено до моего повороту, а при листѣ

принялемъ привезенніе двѣ пари кошуль и штофу квѣтчатаго на портище [1]).

Понеделокъ. 16. Сегодня, до прежней болѣзни, двѣ бѣди прилучились, а именно: кашель съ хрипотою и чадъ головний; для чаду по двору безъ шапки ходилъ и презджался, и будто тимъ мало оного поотбувъ, да тимъ же самимъ кашель и хрипоту умноживъ. Ездилемъ въ слободу нѣмецкую и тамъ былъ въ дворце государствомъ, где г. Наумовъ представлялъ мене, зъ братомъ Маркомъ, до тѣла преставлшойся покойной государини великой княжни, и первой увойшли мы въ прихожую избу, налѣво огъ салѣ стоячую, всю чорнимъ обвишаную, а оттуду увойшли въ другую избу, где тѣло лежало, такъ-же чорнимъ позавѣшеную сквозь, где зъ дневалнихъ дамъ осми, четирехъ замужнихъ, а четирехъ дѣвицъ, една напередъ насъ ишла до тѣла, и открила лице и руку, а за нею мы къ руки приложились, прочле жъ дами около тѣла стояли, у головахъ два кавалегарди зъ обнаженними шпадами, и два свѣтилника болшихъ у головахъ, а два въ ногахъ сребранихъ; оттуду въ протчіе изби ходилисмо и видѣли споражаючійся уборъ на ту избу, где тѣло лежитъ, а именно сребраную суто матерію, на якой корону императорскую и другіе цвѣти вишиваютъ золотомъ и шовками французкіе майстери, а потомъ отехалисмо. Я жъ едучи оттуду, заехалемъ до панеи и тамъ доволно посидѣвши, повернулемся въ свою квартеру.

Вовтор. 17. Сегодня обѣдалисмо у п. Петра Апостола, гетманича, ради тезоименитства родителя его, Даніила Апостола, гетмана.

Середа. 18. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова, до панеи и въ колегіи бувши, читалемъ выписку дѣла нашего зъ Калюженками [2]). Продани 2 конѣ вороніе род. и мой за 53 р., нѣякомусь Медведеву [3]).

---

[1]) Запись 12, 13, 14 и 15 декабря сдѣлана чужою рукою, какъ видно, подъ диктовку Марковича, по случаю тому, что онъ правую руку „наразилъ".

[2]) Слѣдуетъ выписка изъ философіи „о желаніи".

[3]) Слѣдуетъ выписка „о отчаяніи„.

Четвер. 19. Сегодня рано ездилемъ зъ братомъ въ городъ и купилемъ у печатного двора псалтиръ со изслѣдованіемъ, болшой руки, за 2 р. и 10 а. да зъ Штишевскимъ и зъ Валкевичемъ ходилемъ въ болшую аптеку и купилемъ на мою въ персахъ тяжесть лѣкарствъ, а именно: . . . . (?) да . . . . gum. armen. αα ξι по полуполтини, да по совѣту Штишевского, еще loochsanum et expertum, золотникъ по 2 полушки, за 8 лотовъ 4 а. зъ копѣйкою. Оттуду поехавши, былемъ у квартерѣ его Штишевского и позичилемъ рускую книгу Мавроурбина, архимандрита рагузского, о славенского рода началѣ [1]). Получилемъ писмо отъ жени зъ пр..логомъ писемъ Петра Михайлова и обидъ отъ Кодинця чинячихся.

Пятокъ. 20. Сегодня не ездилемъ никуда и полегкость въ себѣ ощутулемъ отъ вчерайшой тинктури gum. armor., которой капель 70 у винѣ випилемъ, также и отъ тинктури panch magig., которой капель 40 принялемъ, имѣлемъ 1 sedes. П. бунчучному Лизогубови отослалемъ барилце вишневки, а баришнику дать казалемъ сивухи четвертную. Барометръ чили рачей термометръ новий, по інформацѣи Хаввѣна устроилемъ, а именно: трубочку долгую зъ банкою, которую весма злегка когда нагрѣвъ я, то срѣбра живого часть увойшла въ трубочку и по состояніи холоду болшого въ банкѣ, а меншого къ концу шійки подвигается оное сребро, очинь чувственно, чего ради оной термометръ названъ отъ мене thermometrum chawinianum.

Субота. 21. Сегодня всѣ три, родитель и мы оба, пріобщались с—тимъ Тайнамъ, обѣдалиу панеи, а по обѣдѣ ездилемъ въ слободу до Галанки Матвѣя Францевича, лѣкара, затимъ, чтобъ онъ пріехалъ до сестри болной.

Неделя. 22. Сегодня ране ездилемъ до Курбатова, поздравить его вчорашнимъ тезоименитствомъ, а оттуду заехалемъ до панеи, которая именинницею нинѣ, и тутъ пріймалемъ гостившихъ для тихъ именинъ, Горленка, Максимовича, Тернавского и Рощаковского, а панъ зъ родителемъ прошени были до Наумова,

---

[1]) Слѣдуетъ выписка „отъ Хаввѣна, о Бозѣ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено Цензурою Кiевъ 3 Iюня 1894 г.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ.

По I. Ролле.

Въ январѣ текущаго года умеръ I. I. Ролле, которому такъ много обязана исторія правобережной Украины. Въ „Кіевской Старинѣ“ былъ помѣщенъ некрологъ съ краткой характеристикой его литературно-научной дѣятельности. Но это, конечно, далеко не все, чѣмъ мы обязаны его памяти: необходимо познакомить читающую публику съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для нашей исторіи. Казалось-бы, какія особенныя трудности можетъ это представлять, разъ дѣло идетъ о такомъ легкомъ и интересномъ писателѣ, какъ Dr. Antoni I.? А между тѣмъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ, въ особенностяхъ его литературной манеры, его синтетическаго способа трактовать историческія темы, являющіяся у него воплощенными въ лица и картины, его живаго, всегда легкаго, часто художественнаго стиля, и заключаются препятствія. Прямой и простой путь къ ознакомленію съ писателемъ такого типа—это переводы. Но едва-ли можетъ быть серьезный разговоръ о переводѣ 19 томовъ—правда небольшихъ, но все-таки 19—его разсказовъ, въ которыхъ масса повтореній, масса отступленій, масса имѣющаго интересъ лишь мѣстный, случайный, временный, личный. Лучше выбрать для перевода отдѣльные разсказы,—но это и дѣлалось: „Кіевская Старина“ не разъ давала на своихъ страницахъ мѣсто такимъ переводамъ, однако цѣнный историческій матеріалъ, заимствованный въ значительной степени изъ фамильныхъ архивовъ, разбросанъ у него повсюду.

Намъ пришла въ голову мысль выбрать изъ сочиненій Ролле то болѣе цѣнное, что имѣетъ отношеніе къ исторіи Ук-

раины, и представить выбранное въ цѣльномъ и связномъ изложеніи. Такимъ образомъ, получился очеркъ исторіи правобережной Украины, правда, страдающій нѣкоторыми пробѣлами, но тѣмъ не менѣе пополняющій въ извѣстномъ смыслѣ тотъ существенный недостатокъ, какой чувствуется въ нашей литературѣ по отношенію къ цѣльнымъ работамъ по исторіи юга, доступнымъ для публики.

Разумѣется, при такой постановкѣ намъ невозможно было устранить свою личность съ ея собственными взглядами на предметъ и съ ея критическимъ отношеніемъ къ положеніямъ и утвержденіямъ своего источника. Но мы все-таки льстимъ себя надеждой, что намъ удастся избѣжать опасности быть обвиненными въ неуваженіи къ взглядамъ Ролле.

I. До Люблинской уніи.

На рубежѣ 15-го и 16-го вѣковъ слово „Украина“, „кресы“ (пограничье) имѣло для обывателя внутреннихъ областей Литовско-Польскаго государства особый, таинственно-привлекательный смыслъ. На плоскихъ равнинахъ Великой Польши, надъ Нѣманомъ, въ непроходимыхъ литовскихъ пущахъ, одѣтыхъ вѣчнымъ туманомъ, кружились фантастическіе разсказы о залитомъ солнцемъ краѣ, гостепріимно открытомъ для каждаго пришельца, гдѣ травы въ ростъ человѣка, укрываютъ дикихъ коней и безъ труда выкармливаютъ стада превосходныхъ воловъ и овецъ, гдѣ стоитъ бросить въ землю горсть зерна, чтобъ народилось столько хлѣба, что не знаешь, куда съ нимъ дѣваться... И понурый бѣлоруссъ, бредя за своей деревянной сохой по истощенному полю, мечталъ о золотыхъ нивахъ Поросья и Побужья; и мазовшанинъ зналъ, что на прекрасномъ Подольѣ ждетъ его не только сытый хлѣбъ, но и воля. Тѣмъ не менѣе однако, далеко не каждый изъ тѣхъ, кому нехорошо жилось дома и кто могъ уйти, уходилъ въ эти сказочныя страны: на рубежахъ ихъ залегалъ змѣй Горынычъ, та чудовищная гидра, которая постоянно впускала въ предѣлы Украины свои безчисленныя щупальцы, выбирала ad libitum жертвы и втягивала

ихъ въ свою бездонную утробу. Но не будь татаръ, и кресы не были бы кресами, тѣмъ плѣнительнымъ краемъ, который неотразимо привлекалъ и привязывалъ къ себѣ всѣ истинно „рицерскія“ души.

Украина примыкала къ остальному міру красивой гористой южной Волынью и плоской равниной Кіевскаго Полѣсья, гдѣ на ряду съ болотомъ и пескомъ встрѣчается и настоящая украинская пшеничная земля. Все это были земли исконнаго старо-русскаго заселенія, которыя хранили—какъ и до сихъ поръ хранятъ—въ своихъ нѣдрахъ, подъ своими курганами и валами, поросшими исполинскимъ лѣсомъ, много историческихъ тайнъ, ждущихъ раскрытія. Не смотря на пронесшіяся надъ краемъ крупныя политическія бури—монгольское нашествіе, литовское завоеваніе—населеніе въ массѣ осталось, повидимому, на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, перенеся такимъ образомъ живую нить исторической традиціи изъ удѣльной эпохи въ Литовско-Русское государство. Къ югу отъ этой полосы прочнаго заселенія тянулись уже „кресы“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: прекрасная пустыня, куда населеніе, свое—пограничное и пришлое, безудержно тянулось, привлекаемое изобиліемъ разсыпанныхъ вокругъ богатствъ природы, но гдѣ оно могло прочно держаться лишь подъ охраною замковъ или какихъ-нибудь естественныхъ прикрытій. Странно одиноко торчатъ эти замки, какъ напр. Каневъ, Черкассы, на территоріи южной части бывшаго кіевскаго княжества, но, очевидно, что не просто же они забыты здѣсь исторіей, что прикрываютъ же они кого-нибудь. А естественными прикрытіями для населенія служили лѣса, куда оно убѣгало при татарскихъ нападеніяхъ, если успѣвало, а на берегахъ Днѣстра и Смотрича, сверхъ того, и пещеры въ скалистыхъ берегахъ. Въ двухъ полосахъ этой пустыни населеніе успѣло болѣе или менѣе сплотиться: это по верхнему теченію Буга до Брацлавля (Побужье) и по Днѣстру отъ Смотрича приблизительно до Могилева (Поднѣстровье, Подолье). И та и другая территорія, и Поднѣстровье и Побужье, не сейчасъ только начинали свою историческую жизнь.—Несомнѣнно, на Побужьѣ въ концѣ удѣльной эпохи сидѣли, а, слѣдова-

тельно, и имѣли свои княжества эти загадочные Болоховскіе князья, за которыми такъ тщетно гоняются историки; а русское заселеніе Поднѣстровья имѣетъ еще болѣе раннюю исторію: остатки скитовъ, выдолбленныхъ въ мягкомъ прибрежномъ камнѣ, православныхъ церквей и монастырей надъ богатыми залежами кремневыхъ орудій и друг. памятниковъ каменнаго вѣка, намекаютъ какъ-бы на древнюю культурную роль этой территоріи. Но и тутъ и тамъ, на Днѣстрѣ, какъ и на Бугѣ, нить исторической преемственности, видимо, чѣмъ-то порвана, и жизнь какъ-бы начинаетъ складываться съизнова. На Побужьѣ жизнь эта складывается подъ явнымъ тяготѣньемъ Волыни; на Поднѣстровьѣ, примыкающемъ къ Галиціи, на такъ-называемыхъ молдавскихъ кресахъ, которые уже съ 14-го вѣка встали въ непосредственную политическую связь съ Польшей, русскій элементъ оказался подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго. Вотъ въ грубомъ видѣ контуры той исторической сцены, которую называли Украиной—той совсѣмъ особенной исторической сцены, глядя на которую, въ исторической перспективѣ трехъ послѣднихъ вѣковъ (XVI—XVIII) какъ будто не видишь ничего, кромѣ потрясающихъ драматическихъ эпизодовъ, кромѣ потоковъ человѣческой крови и слезъ... Дальше къ югу тянулись уже „дикія поля", совершенно безлюдная ровная степь, гдѣ зимой бушевали снѣжныя мятели, а осенью сѣверный вѣтеръ гналъ безпрепятственно къ югу цѣлыя полчища перекатиполя; за то весной все убиралось въ цвѣточный коверъ, все было полно блеска, сладкихъ звуковъ и благоуханій. Но въ эту то именно пору расцвѣта своей красоты степь и дѣлалась страшно опасной для пограничнаго человѣка: подъ прикрытіемъ ея роскошной растительности татары незамѣтно пробирались въ заселенныя мѣстности... И при первой возможности пограничникъ безжалостно пускалъ въ эту степь краснаго пѣтуха, и вся ея цвѣтущая красота исчезала подъ чернымъ саваномъ пепла. Да, не могъ онъ смотрѣть на эту степь иначе, какъ взглядомъ вѣчно настороженнаго, вѣчно озлобленнаго врага...

Литовское государство, сплотивъ около своего ядра западныя русскія земли, въ половинѣ 14 вѣка отбросило къ Черному

морю татарскія орды, которыя кочевали было по Бугу и Днѣстру и мирно уживались со своими осѣдлыми русскими сосѣдями, собирая съ нихъ дань серебромъ и хлѣбомъ и предоставляя имъ за то свободу и безопасность. А между тѣмъ въ теченіе слѣдующаго столѣтія положеніе рѣзко измѣнилось. Крымскій полуостровъ сдѣлался теперь центромъ, около котораго группировались кочевники степей, прилегающихъ къ Черному морю. Въ то же время Крымъ оторвалъ отъ Астраханской орды ногайцевъ и передвинулъ этихъ дикарей, возбуждавшихъ ужасъ, въ сосѣдство Украины: они-то именно, подъ названіемъ татаръ очаковскихъ, бѣлгородскихъ, буджакскихъ, отличающимъ ихъ отъ татаръ собственно крымскихъ, или перекопскихъ, и играютъ такую важную роль на кровавыхъ страницахъ Украинской исторіи. Вассальная связь Крымскаго ханства съ Турціей, только что водворившейся въ Европѣ, придала этому само-по-себѣ слабому и неустойчивому государству прочность и силу. Но бѣда была не въ силѣ, а въ томъ направленіи, какое получила эта сила. Расположившись по берегамъ Чернаго моря, Крымское ханство унаслѣдовало традиціи венеціанской и генуэзской торговли, но оригинально приспособило къ себѣ эти традиціи: главнымъ и чуть-ли не единственнымъ предметомъ его торгово-промышленной дѣятельности были люди. Ловля людей и торговля ими сдѣлалась главнымъ жизненнымъ нервомъ для Крымскаго ханства. Роскошныя нивы Украины, совершенно открытыя съ юга, отъ татаръ, служили для нихъ своего рода питомникомъ, гдѣ такъ легко выращивался и разводился этотъ цѣнный человеческій товаръ.

Украинскій хлопъ былъ ходкимъ товаромъ въ районахъ Чернаго и Средиземнаго морей, какъ рабочая сила на галерахъ; онъ требовался на сѣверное прибрежье Африки, въ Аравію, въ Персію. Но совсѣмъ особую цѣну имѣла украинская женщина. Ея славянская красота вошла въ моду на мусульманскомъ востокѣ, и начала вытѣснять смуглыхъ и худощавыхъ черкешенокъ нетолько изъ гаремовъ крымскаго хана, но и самаго падишаха: въ Константинополѣ особенно цѣнились подолянки. Дѣло было широко организовано. Суда торговцевъ невольни-

ками подвозили къ крымскимъ портамъ все необходимое для промысла—оружіе, одежду, коней, и отплывали нагруженныя человѣческимъ товаромъ. Въ 16-мъ столѣтіи колонія турецкихъ купцовъ прочно устроилась подъ Бѣлгородомъ (Аккерманомъ): купцы эти снабжали татаръ всѣмъ, въ чемъ тѣ нуждались для своихъ разбойничьихъ экспедицій, однимъ словомъ, брали на себя всѣ расходы, составляли сами планы этихъ экспедицій подъ условіемъ раздѣла добычи пополамъ. Здѣсь содержались шпіоны и проводники, которые знали всѣ дорожки „Лехистана": иногда повѣренные константинопольскихъ купцовъ даже сопровождали шайки въ ихъ экспедиціяхъ, чтобы лично наблюдать за правильнымъ дѣлежомъ добычи.

Отправлялись татары на добычу то малыми шайками, то большими отрядами, иногда въ нѣсколько тысячъ всадниковъ подъ предводительствомъ какого-нибудь предпріимчиваго мурзы или даже крымскаго царевича—какъ случалось. Успѣхъ зависѣлъ отъ одного: отъ того, насколько имъ удавалось пробраться незамѣченными вглубь края. Замѣтятъ чамбулъ во время съ могилы или кургана, какіе были разсыпаны всюду на границахъ съ дикой степью, съ селитрянаго майдана—дѣло на этотъ разъ пожалуй и проиграно: поднимется тревога, запылаютъ сторожевые огни, зазвонятъ звоны—населеніе опрометью кинется за стѣны замковъ, въ лѣса и пещеры, а тамъ сберется и какая-нибудь вооруженная сила для отпору. Удастся пробраться незамѣченными, залягутъ татары кошемъ въ укрытомъ мѣстѣ и распустятъ вокругъ загоны: прежде чѣмъ населеніе опомнится, уже все опустошено, пограблено, и разбойники скачутъ что есть силы въ свои степи, безжалостно гоня и таща за собой свою живую добычу, людей и скотъ. Въ поспѣшномъ уходѣ щадили только красивыхъ женщинъ и людей богатаго и знатнаго рода, за которыхъ можно было взять большой выкупъ: остальное могло и пропадать, если затрудняло уходъ и подвергало шайку опасности быть настигнутой погоней. Только въ глубокой степи, въ безопасности, останавливались на отдыхъ, осматривали и дѣлили добычу. Большіе чамбулы, и при благопріятныхъ для татаръ обстоятельствахъ, уводили людей нетолько тысячами, а

десятками тысячъ: прибавьте къ этому опустошенныя деревни, угнанныя стада, стравленный хлѣбъ, не говоря уже о цѣнной движимости. Три шляха вели изъ глубины дикихъ степей на Украину: Черный,—самымъ названіемъ указывающій на ту трагическую роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ края—велъ перекопскихъ татаръ съ лѣваго берега Днѣпра, отъ Канева, Черкассъ вглубь Волыни по направленію къ Львову; Кучменскій, или ханскій,—отъ Чернаго моря на Балту и дальше вглубь края по водораздѣлу правыхъ притоковъ Буга и лѣвыхъ Днѣстра; Волосскій направлялся по правому берегу Днѣстра къ Покутью, при чемъ татары переправлялись черезъ рѣку для грабежа Подоля: два послѣднихъ шляха служили, главнымъ образомъ, для ордъ ногайскихъ.

Какъ могла существовать жизнь подъ такою вѣчной угрозой? И, тѣмъ не менѣе, она существовала. Мало того: въ земляхъ стараго заселенія она существовала въ извѣстной независимости отъ этого вѣчно тяготѣющаго надъ ней Дамоклова меча, повинуясь импульсамъ, вынесеннымъ ею изъ иныхъ эпохъ и иныхъ условій.

Передъ нами двѣ территоріи—Волынь и Кіевское Полѣсье. Онѣ сливаются другъ съ другомъ, слѣдовательно, сходны по своимъ физическимъ условіямъ, та и другая земли исконнаго русскаго заселенія, гдѣ русскій элементъ развивался совершенно самостоятельно, безъ примѣси какихъ-нибудь постороннихъ вліяній. И при всемъ неизбѣжномъ сходствѣ, какая разница въ соціальномъ обликѣ этихъ территорій!

Волынь, которая захватывала своими отношеніями и кіевщину по верховьямъ Тетерева, всегда выступаетъ съ яркимъ сознаніемъ своей политической особности и самостоятельности. Она какъ будто бы не хочетъ знать иной связи съ остальными частями литовско-русскаго государства, кромѣ той, какая для нея добровольно создается признаніемъ верховной власти Ягеллоновъ. Да и къ этимъ своимъ господарямъ относится она довольно легко: свысока третируетъ господарскихъ пословъ, люстраторовъ и т. под. Но что такое Волынь, какъ политическое понятіе? Это ея князья и земяне. Волынь кишѣла князьями:

это опять—таки ея типическая особенность. Почему вышло такъ, что въ ней именно сохранилось и размножилось такое количество княжескихъ родовъ, которые вели свое происхожденіе отъ старыхъ русскихъ удѣльныхъ князей и отъ Гедиминовичей, дѣло спеціальнаго изслѣдованія. Фактъ въ томъ, что были на лицо всѣ эти безчисленные Сангушки и Вишневецкіе, Заславскіе и Корецкіе, Пронскіе, Ковельскіе, Каширскіе, Козики, Курцевичи и т. д.—все буйное и гордое, заявляющее какія-то свои особыя права на привиллегированное положеніе, на исключительное занятіе урядовъ своей земли и пользованіе господарскими (государственными) имуществами. Иные роды или вѣтви ихъ убожали и обращались въ „ходачковыхъ" князей, у которыхъ ничего не оставалось отъ ихъ величія, кромѣ титула; другіе, наоборотъ, удачно пользовались своею привиллегированностью и выростали въ настоящихъ владѣтельныхъ князей. Во главѣ этой послѣдней категоріи стояли, конечно, князья Острожскіе. Благодаря выдающимся достоинствамъ и заслугамъ великаго гетмана литовскаго кн. Константина Ивановича и его личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ Сигизмунду I, родъ князей Острожскихъ занялъ первое мѣсто на Волыни. Князь Василій Константинъ Острожскій, извѣстный поборникъ православія, имѣлъ полное право смотрѣть на себя, какъ на удѣльнаго князя, да и удѣльнаго князя не изъ послѣднихъ. Его княжество заключало въ себѣ 40 замковъ, 100 мѣстъ (городовъ) и мѣстечекъ и 1300 деревень. Недаромъ на его печати значилось: „Dei gratia dux Ostrogiae", а въ документахъ, выдаваемыхъ имъ обывателямъ своихъ владѣній, онъ писалъ: „били намъ челомъ"... Въ каждой изъ 600 церквей на земляхъ его владѣній—въ которыхъ тысяча поповъ молилась за здоровье его княжеской милости—былъ устроенъ золоченый закрытый конфессіоналъ на случай прибытія князя, чтобъ никто не видѣлъ, какъ такой большой земной панъ бьетъ поклоны небесному; а выходъ изъ церкви салютовался надворной милиціей, которая въ числѣ 2000, сопровождала князя въ его торжественныхъ выѣздахъ. И все это не случайное проявленіе болѣзненно вздутаго тщеславія, а что-то находящееся въ соотвѣтствіи съ средой и обстоятельствами.

Но на чемъ матеріальномъ опиралось все-таки это княжеское могущество, представителемъ котораго можетъ служить князь Острожскій? Разумѣется, на крупномъ землевладѣніи. Но какъ и изъ чего сложилось это землевладѣніе? Каждый изъ такихъ землевладѣльцевъ, княжескаго рода, непремѣнно долженъ былъ что-нибудь унаслѣдовать; затѣмъ онъ получалъ отъ господаря земли, какъ вознагражденіе за свои личныя услуги государству, главнымъ образомъ, по защитѣ края; наконецъ, всякій князь и земянинъ, по мѣрѣ своихъ способностей и значенія, имѣлъ притязанія на высшіе или низшіе уряды, занятіе которыхъ было соединено съ пользованіемъ землями. Все это создавало землевладѣніе очень пестраго характера. Вѣдь съ землями, переходившими черезъ пожалованіе или урядъ отъ государства въ частныя руки, передавались только тѣ права и обязательства, которыя лежали на этихъ земляхъ, т. е. права на пользованіе извѣстными повинностями со стороны населенія этихъ земель— не больше. Но дѣло въ томъ, что сильныя руки, захватившія земли, хотя бы въ совершенно условное владѣніе, уже не выпускали ихъ больше и быстро превращали въ настоящую собственность. Вмѣстѣ съ превращеніемъ условнаго владѣнія въ безусловную собственность, свободный крестьянинъ—отчичъ, сидѣвшій на своемъ дворищѣ, превращался въ волочнаго или полъ-волочнаго, четверть-волочнаго хлопа (по польской терминологіи); впрочемъ, много крестьянъ садилось уже на готовыя размѣренныя волоки, оставленныя своими первоначальными собственниками, добровольно-ли или по неволѣ, напр.—послѣ татарскаго набѣга; садились сначала на полную свободу, которая продолжалась до 24 лѣтъ, а потомъ за опредѣленныя договоромъ небольшія повинности. Вообще, не смотря на несомнѣнное и значительное развитіе панской власти на землю, волынскому крестьянину жилось все-таки недурно: земли и угодьевъ вволю, а отъ излишнихъ притязаній всегда можно было уйти на свободную степь. Оттого-то и притязанія не были велики; а кое съ какими тяготами крестьянинъ охотно мирился, получая въ обмѣнъ нѣкоторую защиту и относительную безопасность. Надо думать, что въ общемъ доходы отъ крестьян-

скаго населенія были не велики, а отъ другихъ свободныхъ людей, жившихъ на княжескихъ земляхъ, бояръ и мѣщанъ, и того меньше: ихъ обязательства почти исключительно ограничивались участіемъ въ военной оборонѣ края. Поэтому, приходилось крупнымъ землевладѣльцамъ, эксплуатируя свои недавнія права на свободныя земли захваченныхъ ими районовъ, прибѣгать къ разнаго рода промысламъ, смотря по условіямъ мѣстности: выпасыванію скота въ степяхъ, добыванію селитры, бортничеству, разнымъ видамъ лѣсной промышленности, шинкованію водки, пива и меду. Все это могло имѣть широкіе размѣры у князей Острожскихъ, числившихъ въ своей латифундіи больше 2 милліоновъ морговъ земли; а у другихъ, хотя-бы и князей, все было скромно по необходимости, которая коренилась въ невозможности вполнѣ закрѣпостить крестьянина. Вотъ основная причина того, что на Волыни, не смотря на обиліе князей, на ихъ большія притязанія, жизнь была съ внѣшней стороны обставлена очень просто. Не отступалъ отъ этихъ традицій простоты даже и самъ князь Василій Острожскій. Замокъ Острогъ, его главная резиденція, былъ великолѣпенъ снаружи своими массивными стѣнами, прекрасными готическими арками и сводами своихъ башенъ; но внутри онъ былъ патріархально скроменъ. Вообще, утонченность европейской цивилизованной обстановки, уже очень распространенной въ Польшѣ, еще не имѣла доступа на Волынь; и оттого волынскіе князья казались панамъ какой-нибудь краковской или сандомирской земли полудикарями.

И какъ странно поражаетъ своими противорѣчіями эта волынская жизнь! Европейскія вліянія еще такъ мало коснулись Волыни, что ея женщина и не мечтаетъ пока о первенствующей роли въ салонѣ, какую уже занимаетъ ея ближайшая сосѣдка, малопольская шляхтянка: волынская земянка должна по традиціи сидѣть въ своемъ теремѣ, прясть и ткать Однако ей уже тамъ тѣсно. Широкій розмахъ личной энергіи, который она чуетъ въ окружающей общественной атмосферѣ, захватываетъ и ее. И она выходитъ изъ терема, но не въ салонъ,

а прямо въ чистое поле, одѣвается въ броню, садится на боеваго коня и во главѣ своихъ приближенныхъ мчится, если не на защиту края, то, по-крайней мѣрѣ, на защиту своихъ личныхъ интересовъ. Передъ нами цѣлый рядъ волынскихъ женщинъ этого типа: онѣ ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ изъ рушницы, какъ любой козакъ, дѣлаютъ вооруженныя засадки на своихъ враговъ по дорогамъ, заѣзды на чужія имѣнія, штурмуютъ замки враговъ, конечно, личныхъ враговъ. Женщина, такъ рѣшительно порвавшая съ теремомъ, не можетъ быть и вѣрной хранительницей патріархально-семейныхъ традицій; а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы общества теряютъ строгость. И вотъ мы видимъ, что Волынь, еще не тронутая заразой европейскаго религіознаго вольномыслія, которая уже проникла въ Польшу, тѣмъ не менѣе представляетъ такую картину расшатанности устоевъ, какую являютъ обыкновенно лишь эпохи кризисовъ. Съ одной стороны, такая суровость семейнаго обычая, что взрослый сынъ, самъ носящій званіе высокаго государственнаго сановника, не смѣетъ возвысить голоса въ присутствіи отца, не смѣетъ сѣсть, выйти безъ разрѣшенія отца изъ покоя; съ другой, братья и сестры воздвигаютъ другъ на друга настоящія войны, супруги безъ особыхъ церемоній кидаютъ другъ друга и вступаютъ въ новые брачные союзы, замужнія женщины вступаютъ открыто въ любовныя связи. Ни католичество, ни протестантизмъ не имѣютъ пока доступа на Волынь: здѣсь безраздѣльно царитъ православіе. Для князей и земянъ волынскихъ православіе есть знамя особности и независимости ихъ земель, и они дорожатъ имъ чрезвычайно. Каждый княжескій родъ имѣетъ не только свои церкви, но и монастыри, которые онъ одѣляетъ по мѣрѣ силъ и возможности, такъ какъ въ нихъ онъ имѣетъ мѣсто и для успокоенія своихъ княжескихъ останковъ, и для помѣщенія тѣхъ лишнихъ членовъ рода, которые не нашли себѣ соотвѣтствующихъ положеній въ жизни. Вообще, церкви, монастыри, епископскіе столы—все это богато надѣлено и движимыми имуществами, и землями. Но при всемъ томъ, трудно счесть это отношеніе къ православію за проявле-

ніе глубокой общественной религіозности, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ классѣ. Наоборотъ, многое указываетъ скорѣе какъ-бы на значительное развитіе религіознаго индифферентизма. Низшее духовенство сплошь темно и невѣжественно; высшее.... но высшее есть никто иной, какъ тѣ же волынскіе князья и земяне. Они смотрѣли на „духовные хлѣба", т. е. духовные уряды, тѣми же глазами, какъ и на остальные, свѣтскіе, уряды, и стремились на перебой ихъ захватывать, повидимому, совсѣмъ забывая о томъ особенномъ значеніи, которое съ ними было связано. Оттого на Волыни, случалось, бывали епископы, не принявшіе духовнаго сана; епископы, которые хотя и приняли духовный санъ, но постоянно забывали, что пастырскій жезлъ не палашъ, и расправлялись имъ по военному; епископы, которые устраивали другъ противъ друга настоящія военныя компаніи, осуждали и штурмовали свои столицы и т. п. Такая пастырская среда едва-ли могла воспитывать религіозность у своей паствы. Еще разъ повторимъ: общественный строй Волыни поражалъ своими противорѣчіями; разъясненіе же ихъ надо искать въ предъидущихъ историческихъ эпохахъ.

Иную картину представляло сосѣднее Кіевское Полѣсье. Князей здѣсь нѣтъ совсѣмъ, если не считать двухъ-трехъ захудалыхъ княжескихъ родовъ, не играющихъ никакой роли въ краѣ. Ни на какую политическую самостоятельность и особность эта территорія не претендуетъ: ею заправляетъ воевода кіевскій, который соединяетъ въ своемъ лицѣ и званіе овручскаго старосты, настоящаго хозяина края. Не претендуетъ, потому что нѣтъ такого класса, который былъ-бы достаточно силенъ для поддержки своихъ притязаній. Въ Кіевскомъ Полѣсьѣ преобладали бояре, которые иногда назывались по волынски земянами, а позже околичной шляхтой—классъ очень архаическаго облика, если можно такъ выразиться. Это были мелкіе собственники, одновременно землевладѣльцы и земледѣльцы. Какимъ образомъ могло случиться, что процессъ общественнаго дифференцированія обошелъ ихъ, не разбивъ на два враждебныхъ стана—дѣло темное: разъясненіе лежитъ во всякомъ случаѣ за предѣлами той эпохи, на которой мы останавливаемся.

Они сохранили за собой право служить государству исключительно военною, а не тяглой службой, а въ этомъ-то собственно и заключалось ихъ отличіе отъ крестьянина, ихъ привилегированность. Напрасно цѣлыя столѣтія боролись полномочные овручскіе старосты, которые не могли обойтись безъ тяглой службы населенія, за то, чтобы привлечь бояръ къ этой службѣ: бояре, сильные лишь своей сплоченностью и единодушіемъ, не дѣлали ни малѣйшей уступки, и вынесли таки нетронутой свою привилегированность изъ этой неравной борьбы. Интересна жизнь этихъ архаическихъ русскихъ обывателей. Они жили въ поселеніяхъ, которыя звались околицами. Каждую околицу занималъ цѣлый боярскій родъ, который состоялъ иногда меньше чѣмъ изъ десятка, иногда изъ многихъ десятковъ, даже сотенъ семействъ: напр.,—Дидковскихъ, Меленевскихъ было до 300 семействъ каждаго рода. Когда количество семей разрасталось, онѣ отличались одна отъ другой прозвищами, но твердо держались своего родоваго имени, какъ и вообще во всемъ свято хранили свои родовыя традиціи. Конечно, въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ семей могли возникать различія, но онѣ не разрывали родовыхъ связей: убогіе гордились зажиточностью своихъ родичей, зажиточные не забывали, что они должды поддерживать убогихъ. Да и не могло возникать большихъ имущественныхъ различій, разъ отдѣльные члены родовъ не разрывали со своей почвой и не уходили въ вольный широкій свѣтъ искать доли, а къ этому бояре были мало наклонны. Все хозяйство было мелкое, патріархальное, какъ пахатное, такъ и промысловое, на своихъ промысловыхъ угодьяхъ, составлявшихъ необходимую принадлежность пахатной земли. Ловили рыбу, такъ какъ край былъ богатъ рѣчками и ручьями, гнали бобровъ, которые ютились еще во многихъ мѣстахъ въ заросляхъ, по берегамъ этихъ водъ, занимались бортничествомъ, варили пиво и медъ, охотились въ пущахъ, гдѣ водились даже лоси, копали болотную желѣзную руду, обрабатывали лѣсной матеріалъ. Главное шло для собственнаго потребленія, кое-что на продажу, и ничто не принимало характера широкаго промышленнаго хозяйства, на подставѣ котораго въ политиче-

скихъ условій—только и могутъ создаваться большія имущественныя различія. Внѣшнимъ выраженіемъ родовыхъ связей служили для каждаго рода своя особая церковь или монастырь, поддерживаемыя общими средствами; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и свои особые праздники. Такъ жили эти боярскіе роды, каждый на своей территоріи, ревниво оберегая свою особность отъ сосѣдей, ревниво оберегая свою привилегированность отъ притязаній государства въ лицѣ старосты. Все было темно и невѣжественно, и также мало тянулось за культурностью, какъ и настоящее крестьянство. Но постоянная острая необходимость быть на сторожѣ своихъ правъ создали въ этомъ классѣ особую черту: исключительную страсть къ тяжбамъ. Ссоры одного рода съ другимъ, взаимные заѣзды, безконечные процессы—это постоянная картина положенія. Бояре не довольствуются своими собственными копными судами, а обращаются въ общіе суды и наводняютъ ихъ жалобами, протестами, манифестами. Въ концѣ-концовъ, когда взаимныя отношенія совѣднихъ родовъ не доставляли достаточно матеріала, питающаго эту несчастную страсть, она обращалась внутрь и разъѣдала свою собственную околицу. Разъигрывались безконечные процессы уже между родичами изъ-за куска болота, изъ-за плетня, пары сапогъ, шапки, сопровождающіеся взаимными штуками, которыя строили другъ другу близкіе враги, напр.—въ родѣ заплетанія улицъ, чтобъ соперникъ не могъ выбраться изъ дома и т. д. Тѣмъ не менѣе, это боярство, въ общемъ, были мужественные и честные люди, очень привязанные къ своей родинѣ, очень преданные православной вѣрѣ, всегда готовые сложить въ честномъ бою свои головы, какъ за Полѣсье, или по крайней мѣрѣ хоть за свою околицу, такъ и за православіе, а особенно за свой монастырь или церковь.

Можно думать, конечно, что бояре не удержали бы своей привилегированности, еслибъ они не были такъ нужны для обороны края, еслибъ не была такъ важна ихъ военная служба.

Всюду на Украинѣ организація защиты опиралась на замки, которые являлись ея необходимыми центрами. Особенности татарскихъ нападеній дѣлали такую именно ея организацію особенно важной. Дѣло въ томъ, что татары почти никогда не

нападали на замки, даже маленькіе и слабо защищенные, обходили ихъ совершенно: только очень большой чамбулъ, и по особенно сильнымъ побужденіямъ, рѣшался, какъ изрѣдка случалось, попытаться овладѣть замкомъ. Къ каждому замку тянула территорія, для которой вопросъ о защитѣ отъ татаръ былъ вопросомъ такой же важности, какъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Каждый полноправный обыватель, подъ какимъ бы именемъ онъ ни являлся—князя, земянина, боярина, непосредственно участвовалъ въ устройствѣ замка и владѣлъ тамъ своей городней, или двумя—тремя, смотря по размѣру своихъ средствъ, а то цѣлая группа обывателей складывалась общими силами на одну городню: во всякомъ случаѣ, городня наглядно представляла собою обывателя земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовала объ его обывательской полноправности. Въ замкѣ ютилось, въ опасное время, все, что требовало обороны; въ замкѣ хранились военные снаряды. А самое главное—замокъ былъ организаторомъ защиты для всей своей земли: сюда сходились всѣ извѣстія, отсюда выходили всѣ распоряженія. Такимъ замкомъ былъ для кіевскаго Полѣсья Овручъ, къ которому тянули бояре и который распоряжался ихъ службой. Кромѣ прямой военной службы, на которую они всегда должны были быть готовы по требованію старосты, представлявшему собою замковый урядъ, они еще обязаны были и специальными службами. Такъ, напр., на обязанности бояръ лежало держать полевую сторожу въ двухъ пунктахъ. Цѣлью этой сторожи было предупреждать замокъ о татарскомъ нападеніи; сторожевые пункты расположены были надъ Чернымъ шляхомъ, который только и былъ опасенъ для данной мѣстности. Кромѣ того, бояре должны были сторожить въ самомъ замкѣ и развозить извѣстія или листы, по требованію замковаго уряда.

Организація военной защиты на Волыни была того-же типа, только нѣсколько сложнѣе въ соотвѣтствіе съ болѣе сложнымъ составомъ общества. Поскольку волынскіе князья являлись господарскими (великокняжескими) урядниками, старостами и державцами господарскихъ замковъ, они также привлекали къ

замковой службѣ всѣхъ свободныхъ обывателей замковыхъ районовъ и распоряжались ими по своему усмотрѣнію и по требованіямъ обстоятельствъ. Но поскольку они являлась дѣйствительно панами, т. е. частными собственниками, дѣло стояло иначе. Паны-собственники должны были сами защищать свои владѣнія. Если они хотѣли имѣть заселенныя земли—а что значила въ тѣ времена земля безъ населенія?--они должны были доставить населенію защиту. И вотъ, волей-неволей, а должны паны строить на собственный счетъ замки и поддерживать ихъ; должны вступать въ такія сдѣлки съ населеніемъ, въ силу которыхъ они поступались разными своими выгодами, лишь бы привлечь населеніе къ участію въ оборонѣ; должны на собственныя средства нанимать и содержать надворные отряды.

Такъ жили старыя русскія области, приспособляясь къ тому новому опредѣляющему условію, какое исторія создала для нихъ въ видѣ близости хищныхъ татарскихъ ордъ. Но на территоріяхъ новаго заселенія условія эти отразились гораздо ярче.

Побужье, отъ Винницы до Саврани, представляло чрезвычайно большія удобства и выгоды для заселенія. По обѣимъ сторонамъ Буга тянулась слегка волнистая поверхность съ очень плодородной почвой. Многочисленные притоки Буга представляли собою массу текучей воды, не высыхающей въ засуху, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не наводняющей окрестности въ половодье, текучей воды, образующей превосходные рыбные пруды, очень удобной для устройства мельницъ. Луговъ и пастбищъ сколько угодно, и какихъ луговъ! Отъ восточнаго холоднаго вѣтра край былъ защищенъ бужскими пущами, которые на сѣверовостокѣ соединялись съ пущами литинскими и хмѣльницкими, а на сѣверозападѣ съ барскими. Такимъ образомъ не было недостатка ни въ лѣсномъ матеріалѣ, ни въ звѣриныхъ ловахъ, ни въ бобровыхъ гонахъ. А для пчеловодства врядъ-ли и выдумать можно было болѣе благодатный край. И въ то же время мѣстность совершенно открытая съ юга, со стороны степи, вполнѣ предоставленная природой хищничеству татаръ, проторившихъ вдоль Буга свой кучменскій, или ханскій, шляхъ.

Конечно, разъ жизнь начинала складываться при такихъ обстоятельствахъ, она должна была складываться по-своему. Повидимому, территорія колонизовалась Волынью, но жить по-волынски она не могла. Здѣсь нечего было дѣлать волынскимъ князьямъ и земянамъ—не было настоящей почвы ни для какой привилегированности: все уравниваетъ вѣчная грозящая опасность, вѣчная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Правда, государство выдвинуло на Побужье два замка Винницу и Брацлавль, а гдѣ замки, тамъ, конечно, и старосты—они назначались изъ волынскихъ князей—слѣдовательно, попытки организовать защиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественныя отношенія господари щедро раздавали здѣшнія земли волынскимъ земянамъ. Но замки стояли полуразрушенные, „стѣны дыра на дырѣ, и не только людямъ спрятаться въ случаѣ опасности отъ непріятелей, а и скотъ страшно сюда загнать“—въ такихъ краскахъ описываетъ господарскій люстраторъ положеніе винницкаго замка, лучшаго изъ двухъ. Земяне же пустили кое-какіе слабые корни въ винницкомъ районѣ и почти совсѣмъ не пустили ихъ въ брацлавскомъ, болѣе южномъ, слѣдовательно, болѣе опасномъ. На Побужьѣ было полное царство простолюдина, который не имѣлъ никакихъ правъ, но и не нуждался въ нихъ, такъ какъ всѣ его права заключались въ той отчаянной рѣшимости, съ какой онъ селился и держался на своемъ ежеминутно угрожаемомъ посту. А пока его не ухватили татарскія руки, онъ широко пользовался всѣми благами, какія разливала вокругъ благодатная природа. Онъ былъ „богатшій и пышнѣйшій нижли панъ“, владѣлъ такими пасѣками, изъ которыхъ иная одна стоила трехъ пахатныхъ дворищъ (селищъ), такъ какъ къ ней принадлежало окружной земли на полмили, а то и на цѣлую милю, а на той землѣ и пашня, и рыбные пруды, и сады, и огороды. И простолюдинъ считалъ себя полнымъ господиномъ всего этого добра, не признавая обязательства уплатить что-нибудь съ своей собственности господарю или послужить чѣмъ-нибудь замку. Съ пахатныхъ же селищъ, вошедшихъ въ обложеніе, онъ отбывалъ ничтожныя повинности: три дня въ годъ работы или шесть грошей денежной подати. Къ

привилегированному же сословію, водворявшемуся или водворяемому государствомъ въ качествѣ урядниковъ или иначе, онъ относился съ нескрываемой ненавистью и презрѣніемъ, не смотря на то, что это были люди одной съ нимъ народности, вѣры и обычая: прежде всего, онъ въ нихъ не нуждался. Дѣло въ томъ, что здѣшній „человѣкъ“ не возлагалъ на государство и на привилегированный классъ заботы о своей безопасности, а, дурно или хорошо, но заботился о ней самъ,—и вотъ это-то именно и составляетъ основную характерную черту положенія. Проявленіемъ этой заботы было выдѣленіе изъ среды здѣшняго народа людей, для которыхъ столкновеніе съ татарами было главнымъ содержаніемъ жизни. Мы говоримъ о козакахъ.

Здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какой предумышленной организаціи; все дѣлалось само-собой, въ силу жизненной необходимости. Смѣлое, гордое, свободолюбивое населеніе естественно выдвигало изъ себя людей, которые мало дорожили прелестями осѣдлой земледѣльческой жизни, правда, доставляющей извѣстныя удобства, но за то томительной своимъ напряженнымъ и регулярнымъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки лишенной обезпеченнаго завтрашняго дня. Зачѣмъ привязывать себя къ пашнѣ, когда можно быть сытымъ и безъ такой привязи? Стоитъ ли такъ много вкладывать заботъ въ хозяйственное благоустройство, чтобы тѣмъ вѣрнѣе привлечь на себя вниманіе хищника? Не гораздо-ли занимательнѣе изъ преслѣдуемой татариномъ дичи обратиться въ охотничью собаку и такимъ образомъ35 помѣняться ролью съ врагомъ? Какъ бы то ни было, людей такого или подобнаго настроенія, которые предпочитали „козацкій хлѣбъ“ всякому иному, всегда было много на окраинахъ. Такой козакъ имѣлъ обыкновенно осѣдлость въ какомъ-нибудь населенномъ пунктѣ, семью, хату, гдѣ онъ могъ „доповать“ въ свободное время. Правда, хата была запущенная, безхозяйственная, такъ какъ настоящаго хозяйства не было и не могло быть. Козакъ могъ заниматься ремесломъ, наниматься временно работать на майданы (смолокуренные), на буды или гуты, винокурни—вездѣ нужны были рабочія руки; но его тянуло въ дикую степь. Лишь только наступала весна, козаки сплачива-

лись въ артели и уходили на низовья рѣкъ на рыбные и бобровые промыслы. Но подходя такимъ образомъ къ татарскимъ кочевьямъ, они всегда были не прочь отогнать у кочевниковъ стадо, спалить улусъ, вообще, поживиться на его счетъ и навредить по-возможности. И вмѣстѣ съ тѣмъ они отбывали попутно обязанности полевой сторожи, такъ какъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ татарской степи, и извѣщали о подозрительныхъ движеніяхъ осѣдлое населеніе; затѣмъ, при удобныхъ обстоятельствахъ они нападали на чамбулы, разгоняли ихъ или отбивали добычу. Жизнь въ дикой степи, полная опасностей и лишеній, клала особый отпечатокъ на этихъ людей, выработала изъ нихъ особый типъ. Закаленность—чрезвычайная; привычка сносить холодъ и голодъ такая, что въ случаѣ нужды могли перебиваться желудями, рогами, копытами и костями животныхъ; отчаянное мужество естественно вытекало изъ презрѣнія къ смерти, которая постоянно глядѣла въ глаза козаку, хозяйничавшему подъ носомъ смертельнаго врага; любовь къ свободѣ выростала до неспособности сносить какое-нибудь стѣсненіе, изъ чего бы оно ни вытекало. Не дорожа жизнью, козакъ естественно не дорожилъ и имуществомъ: что перепадало ему въ карманъ—тяжелымъ-ли трудомъ или легкимъ наскокомъ на нагруженнаго врага—онъ все готовъ былъ спустить заразъ въ разгулѣ, для котораго онъ не зналъ внутренней мѣры. Дикую степь и всѣ ея свойства козаки изучили до тонкости, и это-то дѣлало ихъ такъ опасными для татаръ. Пограничные старосты не могли не понимать, какое важное значеніе имѣютъ эти качества козаковъ для охраны края, и старались ихъ привлекать въ замки; такимъ образомъ, являются козаки брацлавскіе, барскіе, черкасскіе. Конечно, только при дѣятельномъ содѣйствіи козаковъ, могъ извѣстный хмельницкій староста Предславъ Ланцкоронскій дойти въ 1516 г. до Черного моря и уничтожить Бѣлгородъ. Но, покровительствуя козакамъ, старосты естественно стремились ихъ подчинить себѣ, а это противорѣчило основнымъ инстинктамъ этихъ людей. И потому мы видимъ, что козацкія организаціи возникаютъ не подъ крылышкомъ старостъ, а на вольномъ просторѣ дикой степи. Одна изъ такихъ организацій,

при благопріятныхъ условіяхъ, успѣла вырости и закрѣпнуть въ настоящее политическое цѣлое, которое стянуло къ себѣ и съорганизовало неустойчивые элементы степной вольницы: едва-ли надо пояснять, что мы подразумѣваемъ Низъ, Запорожье.

Въ такіе разнообразные типы складывалась русская жизнь на Украинѣ. И это еще не все: была на ея обширномъ пространствѣ одна территорія, которая представляетъ опять-таки свой особенный обликъ, съ рѣзкими чертами отличія отъ всего, описаннаго выше. Но здѣсь русскій элементъ оказался оттѣсненнымъ въ низшіе общественные слои, а на общественную сцену выступилъ иной элементъ—польскій. Дѣло идетъ о Подольѣ.

Какъ только татары были вытѣснены изъ Подолья, начинается борьба за него между Литвой и Польшей: подъ Подольемъ, или Понизьемъ, тогда подразумѣвалось все Побужье и Поднѣстровье въ доступныхъ захвату предѣлахъ. До политической уніи Литвы съ Польшей, борьба шла открытая, кровавая, позже, по преимуществу, мирная, политическая и дипломатическая. Но дѣло шло къ развязкѣ какъ-бы независимо отъ этой борьбы, въ силу какихъ-то естественныхъ внутреннихъ отношеній: Побужье тяготѣло къ Волыни и черезъ нее къ Литвѣ, Поднѣстровье, или Подолье собственно—къ Польшѣ, и никакія усилія политики не могли перешагнуть черезъ этотъ фактъ. Между Подольемъ и Побужьемъ лежало Барское староство, польское политически, но сохранившее во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ, въ своихъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцахъ „боярахъ", слѣды литовско-русской соціальной организаціи.

Подолье, иначе молдавскіе кресы, т. е. порубежье съ Молдавіей, или Волощиной, имѣло центральнымъ своимъ пунктомъ неприступный замокъ Каменецъ—этотъ первый оплотъ христіанства со стороны мусульманскаго востока—и было территоріей съ характеромъ исключительной привлекательности. Отроги Карпатъ, заходя съ сѣвера, придавали ландшафту рѣдкое разнообразіе и красоту, почва отличалась плодородіемъ, лѣса изобиловали звѣремъ; въ красивыхъ рѣчкахъ, притокахъ Днѣстра, ловили жемчугъ. Но главное, это была непосредственная бли-

зость Днѣстра и торговыхъ путей, которые Богъ знаетъ съ какихъ незапамятныхъ временъ проходили этимъ краемъ, соединяя азіатскій востокъ съ европейскимъ сѣверо-западомъ. Черезъ Подолье шли восточные товары на Львовъ, Замостье, Варшаву, Вильно, Кіевъ: этимъ путемъ снабжалась Польша, Литва и даже Московія дорогими восточными тканями, шалями и коврами, дамасскими саблями, турецкими луками и стрѣлами, сѣдлами и проч. конскою сбруей, сафьяномъ, винами, бакалеей, благоуханіями и мылами—однимъ словомъ, почти всѣмъ, что составляло комфортъ и роскошь тогдашняго быта. Немудрено поэтому, что восточные торговцы разныхъ національностей охотно селились на этомъ пограничьѣ, и такъ какъ встрѣчали большое покровительство со стороны польскаго государства, то и осѣдали прочными колоніями. Но ни евреи, ни греки, никто не привился къ Подолью такъ, какъ армяне. Каменецъ сдѣлался для нихъ вторымъ Эчміадзиномъ, и всѣ армяне, выбрасываемые политическими бурями изъ своей старой родины, находили на прекрасномъ Подольѣ новую. Въ концѣ концовъ вся восточная торговля очутилась въ ихъ рукахъ; но за то же они всегда платили краю теплой привязанностью. Вотъ на какомъ пестромъ фонѣ складывалась общественная жизнь Подолья. Впечатлѣніе этой пестроты еще усилится, если прибавить, что мы встрѣчаемся здѣсь съ осѣдлыми татарами, которые извѣстны были подъ именемъ черемиссовъ; а пограничные молдаване, или волохи, подъ тѣмъ или другимъ видомъ постоянно участвовали въ жизни этой области.

Какъ бы то ни было, русская народность всегда являлась преобладающимъ и устойчивымъ элементомъ, скорѣе способнымъ притворить въ себя ей чуждое, какъ это было съ выселившимися сюда мазурами, чѣмъ самой поддаться ассимилированію. Но тѣмъ не менѣе изъ привилегированнаго и правящаго класса она была вытѣснена совершенно элементомъ польскимъ. Дѣлалось это, сколько можно судить, воздѣйствіемъ Польскаго государства, прямо и просто навязавшаго области свой классъ пановъ и правителей; но есть основаніе думать, что рядомъ шелъ и иной процессъ. По крайней мѣрѣ, если родъ Бучац-

кихъ, такъ извѣстный въ исторіи Подолья въ 15-мъ вѣкѣ, былъ въ самомъ дѣлѣ русскій, какъ это утверждаетъ Шайноха, то, слѣдовательно, высшій классъ русскій былъ не просто отодвинутъ въ низшіе общественные слои, но частью и полонизированъ.

Подолье было чрезвычайно привлекательно для Польши. Но положеніе его требовало исключительнаго вниманія, исключительной заботы, такъ какъ край былъ окруженъ опасностями со всѣхъ сторонъ. По правому берегу Днѣстра проходилъ волосскій шляхъ, и ногайскіе татары могли свободно, пользуясь многочисленными днѣстровскими бродами—главное подъ Рашковымъ—сворачивать для грабежа Подолья; на восточной границѣ Подолья пролегалъ шляхъ Кучменскій; да и перекопскіе татары, двигавшіеся по Черному шляху, пускали свои загоны съ сѣвера на Подолье. Мало того: Подолье лежало на рубежѣ съ Молдавіей, а „здрадливые“ (коварные) волохи всегда не прочь были разъиграть роль татаръ по отношенію къ близкимъ сосѣдямъ, лишь бы чуяли возможность богатой и легкой поживы. А когда закрѣпились вассальныя отношенія Молдавіи къ Турціи, то Подолье очутилось лицомъ къ лицу съ тою силой, которая держала въ трепетѣ всю Европу. Нелегко было обезпечить краю необходимую безопасность.

Могла или нѣтъ Польша какъ-нибудь иначе гарантировать безопасность этой своей отдаленной провинціи—но устроила она дѣло такъ: передала Подолье въ руки нѣсколькихъ панскихъ родовъ, возложивши все на ихъ иниціативу и энергію, подстрекаемую личнымъ интересомъ. Иные изъ этихъ пановъ являлись въ качествѣ органовъ государственной власти, воеводъ старостъ и каштеляновъ, причемъ уряды дѣлались, повидимому, почти наслѣдственными въ томъ или другомъ родѣ: напр., семь Потоцкихъ подъ-рядъ несли урядъ „генерала земли подольской“. Другимъ—государство просто передавало во владѣніе такую или иную часть территоріи. И панъ-урядникъ и панъ владѣлецъ обязаны были по отношенію къ своему району двумя вещами: возможно его заселять и возможно защищать. Впрочемъ, это были двѣ стороны одного предмета, такъ какъ заселять нельзя было

не обезпечивши населенію защиту, а ростъ защиты опирался на растущее населеніе. Брать на себя обязанность такого подольскаго пана со всѣми ихъ правами могли только люди большой личной энергіи и въ то же время сильные матеріально, имѣющіе на чемъ основаться въ своихъ первыхъ операціяхъ по упорядоченію своихъ территорій. Надо было немало затратить, чтобъ встать твердою ногою на новую почву; но за то-же какая блестящая перспектива открывалась всякому, не обдѣленному умомъ и мужествомъ... Вѣдь на Подольѣ выросли, кромѣ Потоцкихъ, Кмиты, Одрвонжи, Фирлеи, Мѣлецкіе, Язловецкіе, Гербурты, Сѣнявскіе, Тарновскіе, Сѣненскіе, и наконецъ Конецпольскіе и Калиновскіе—всѣ эти „кролевята", которые вмѣстѣ съ волынскими князьями и литовскими магнатами распоряжались позже судьбами Рѣчи Посполитой.

Привлекать населеніе было не легко по той простой причинѣ, что оно вообще было малочисленно, какъ въ Подольѣ, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ. Надо было для привлеченія обѣщать большія льготы, помощь, а главное защиту. И вотъ первой заботой каждаго пана было устроить укрѣпленный дворъ, „замечекъ", непремѣнно каменный, непремѣнно обведенный валомъ и насыпью, съ подъемнымъ мостомъ, а гдѣ можно было воспользоваться водой для защиты, тамъ и она приводилась въ дѣйствіе. Старались устроить такой „замечекъ" на возвышеніи, чтобъ съ его сторожевой башни можно было видѣть далеко окрестности. Конечно, такой укрѣпленный дворъ не могъ имѣть притязаній на званіе крѣпости, но онъ удовлетворялъ своему назначенію: населеніе, которое ютилось въ своихъ хатахъ около, могло въ случаѣ тревоги укрыться въ его стѣнахъ, а татары, какъ уже было сказано выше, считали неразсчетливымъ тратить время и силы на взятіе стѣнъ. Но недостаточно было воздвигнуть замокъ или замечекъ, надо было его обезпечить вооруженною силой. Каждый панъ долженъ былъ содержать на своемъ иждивеніи въ каждомъ изъ своихъ замечковъ наемный отрядъ хоть въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Болѣе сильные паны и въ укрѣпленіяхъ болѣе важныхъ держали и по нѣсколько сотъ наемнаго войска; а Сѣнявскій въ Меджибо-

жѣ, послѣ Каменца и Бара значительнѣйшемъ изъ подольскихъ замковъ, имѣлъ на готовѣ до 1000 человѣкъ одной пѣхоты.

Такимъ образомъ, организація защиты Подолія опиралась, съ одной стороны, на пограничныхъ старостахъ—каменецкомъ, барскомъ—которые содержали на доходы своихъ старостствъ вооруженные отряды въ замкахъ и устраивали сторожевые посты, дѣйствуя за-одно съ другими пограничными старостами, трембовльскимъ, львовскимъ; съ другой стороны—на панскихъ надворныхъ отрядахъ. Но польскій общественный строй выдвинулъ на защиту этого въ высшей степени привлекательнаго и дорогаго, но и въ высшей степени угрожаемаго края еще одну силу, очень аналогичную по своему происхожденію и свойствамъ съ козачествомъ, но настолько отличную отъ него, насколько, вообще, русско-демократическій строй отличался отъ польско-шляхетскаго. Эта сила олицетворялась „ротмистромъ на Подольѣ". Ротмистрованье, возникшее съ начала 16 вѣка, сдѣлалось для Польши тѣмъ же, чѣмъ было для Руси козакованье.

„Ротмистръ на Подольѣ"—это былъ терминъ, получившій даже и правовое признаніе, обозначающій шляхтича, который на собственный счетъ и рискъ занялся на пограничьѣ партизанской войной съ татарами. Для всякой истинно „рéцирской" души Подолье представляло поле, гдѣ удаль могла широко размахнуться, а въ случаѣ удачи, и много выиграть: коли не пропалъ, то панъ. Такой шляхтичъ, задумавшій заняться ротмистрованьемъ, долженъ былъ, прежде всего навербовать себѣ отрядъ удальцевъ хотя бы въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. У обывателей Подолья онъ всегда встрѣчалъ радушный пріемъ: край былъ такъ богатъ и такъ нуждался въ защитѣ, что пріютить на время и накормить молодцевъ не считалось за обремененіе. Случалась большая тревога—ротмистръ присоединялся къ старостѣ или какому нибудь пану; въ другое время онъ сторожилъ татаръ на пограничныхъ курганахъ, самъ шелъ въ степь гоняться за татариномъ, дѣлалъ засады на волосскомъ шляху, иногда, соединившись съ другими ротмистрами, шелъ въ степи, подъ самое гнѣздо очаковскихъ или бѣлгородскихъ татаръ, какъ это сдѣлали въ 1529 г. Латальскій и Сѣнявскій, или направ-

лялся вглубь Молдавіи, мстя волохамъ за пограничные набѣги. Удачное ротмистрованье открывало шляхтичу дорогу не только къ богатству, но и къ почестямъ, къ видному уряду, пожалуй и къ сенаторскому креслу. Очень типиченъ въ этомъ отношеніи извѣстный Претвичъ, силезецъ родомъ, гроза татаръ и оборона кресовъ, о которомъ до сихъ поръ помнитъ народъ на Подольѣ: „за пана Претвица спала отъ татаръ граница“, и жалобы на котораго доходили до самого падишаха. Претвичъ неустанно гоняется за татарами по степямъ, изучивъ до тонкости всѣ непріятельскіе „фортели и фигли“; нѣсколько разъ становится подъ Очаковымъ, Киліей, Бѣлгородомъ, освобождаетъ изъ неволи множество народа, отбиваетъ на милліоны награбленной движимости. Въ награду за свои заслуги, Претвичъ получилъ отъ Сигизмунда I барское, а потомъ трембовльское староство. Въ качествѣ барскаго старосты, Претвичъ имѣлъ поле дѣйствія общее съ брацлавскими козаками и, вѣроятно, оцѣнивъ преимущества козацкой организаціи и способа дѣйствій, онъ формируетъ на козацкій манеръ черемиссовъ, жившихъ на земляхъ барскаго староства.

Только къ концу первой половины 16 вѣка защита Подолья была нѣсколько урегулирована; кварцяное войско [1]) должно было постоянно пребывать здѣсь, и вновь учрежденъ урядъ польскаго гетмана, въ обязанность котораго входило всегда держаться на кресахъ.

Что такое были подольскіе магнаты и какъ понимали они свою роль въ краѣ, это превосходно иллюстрируется молдавской политикой.

Молдавія издавна находилась въ запутанныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ: то признавала себя въ вассальной зависимости отъ нея, то вела съ ней вражду изъ-за пограничныхъ областей—Покутья и Шепинскаго округа. Когда же на Молдавію заявили притязанія турки, польское государство охотно готово было поступиться своими правами, чтобъ не дразнить слишкомъ могущественнаго врага. Но не такъ думали на этотъ счетъ по-

[1]) Кварцяное войско—наемное войско, на содержаніе котораго шла кварта, т. е. 4-я часть доходовъ со староствъ.

дольскіе магнаты. Имъ отчетливѣе были видны выгоды, проистекающія изъ зависимаго положенія Молдавіи, а общіе государственные разсчеты задѣвали ихъ мало, и вотъ они ведутъ молдавскую политику, не давая себя труда сообразоваться съ общей политикой Рѣчи-Посполитой. Пользуясь хронической анархіей, на которую была обречена несчастная страна, гдѣ господарю почти никогда не удавалось досидѣть благополучно на тронѣ до своей естественной смерти, подольскіе паны то сажаютъ господарей, то низвергаютъ ихъ, вступаютъ съ ними въ договоры, ведутъ съ Молдавіей на собственный рискъ и страхъ войны, лишь извѣщая Рѣчь-Посполитую о случившемся. Гдѣ, кромѣ Польши, возможны были такія отношенія? гдѣ могъ рѣшиться подданный изъ личной мести захватить въ плѣнъ государя союзной державы, какъ это сдѣлалъ Кристофъ Зборовскій съ господаремъ Богданомъ? Все это было, какъ было и многое другое, что такъ ярко рисуетъ польское „можновладство" вообще, окраинское въ частности.

Непосредственная близость къ востоку не могла не отразиться на Подольѣ. Было и смѣшеніе крови съ молдаванами и армянами, было и духовное воздѣйствіе. Конечно, этому воздѣйствію надо приписать жестокость нравовъ, проявлявшуюся, напримѣръ, въ утонченныхъ пыткахъ и казняхъ, жестокость, мало свойственую польскому національному характеру. Отсюда же, конечно, и склонность къ роскоши въ домашнемъ быту, къ дорогимъ коврамъ, мягкимъ диванамъ, блестящимъ погремушкамъ. Какой нибудь угрюмый и невзрачный съ виду замечекъ часто заключалъ внутри чарующее сочетаніе восточной роскоши съ европейской утонченностью. Вообще, паны на Подольѣ жили весело, шумно и дружно: общая опасность и общая отвѣтственность связывала панство въ одинъ узелъ, котораго не расторгала даже и рознь религіозныхъ убѣжденій, хотя многіе подольскіе паны уже заражались „лютерскими еретическими новинками". Вѣротерпимость царила полная: подъ хоругвью пана католика или зараженнаго лютерской вѣрой, сражался православный русинъ кметь или мѣщанинъ, рядомъ съ армяниномъ-грегорьянцемъ, черемиссомъ-магометаниномъ и даже съ невѣр-

нымъ жидомъ. Правда, католическое духовенство, глядя на православную русскую массу, уже мечтало о своей просвѣтительной и душеспасительной миссіи; но историческія условія еще не расчистили поля для его дѣятельности. А между тѣмъ эти историческія условія уже подготовлялись. Польская цивилизація, господствовавшая, хотя и не пускавшая еще глубокихъ корней, въ одной части края, скоро должна была разлиться на чужую бѣду и свою собственную гибель по всей обширной территоріи Украины.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXXII.

Директоръ гимназіи Бездонъ, инспекторъ Писаревъ и учитель Лещинскій.—Назначеніе меня инспекторомъ Немировской гимназіи, выѣздъ изъ Новгородъ-Сѣверска, пребываніе въ Кіевѣ и прибытіе въ Немировъ.

Бездонъ былъ нѣмецкій полякъ, пришедшій съ войсками нашими, возвратившимися изъ заграницы въ 1815 году; онъ намѣревался служить въ артиллеріи, но не поступилъ въ полкъ, а былъ селитренныхъ дѣлъ мастеромъ въ петербургскомъ пороховомъ заводѣ, изъ котораго перешелъ надзирателемъ въ стеклянный императорскій заводъ, гдѣ въ то время служащіе производили злоупотребленія и гдѣ Бездонъ нажилъ себѣ порядочный капиталъ, затѣмъ, какъ говорили, женился на любовницѣ генерала Клейнмихеля, за которою получилъ богатое приданое. Бездонъ, дослужившись до чина титулярнаго совѣтника, пожелалъ сдѣлаться дворяниномъ и обзавестись крестьянами; для этого онъ прибылъ въ Кіевъ и, умѣя говорить по-французски съ помощію пріятелей своихъ, опредѣлился надзирателемъ благороднаго пансіона, въ которомъ, прослуживъ два года, сдѣланъ былъ инспекторомъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, а еще черезъ два года, когда директоръ Баторовскій, по окончаніи своей 25-ти лѣтней службы, не былъ оставленъ еще на пять лѣтъ, по-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 5.

тому что кіевскіе благопріятели Бездона хотѣли очистить для него директорское мѣсто, онъ и получилъ его съ названіемъ исправляющаго должность директора. Можно судить, каковъ былъ директоръ Бездонъ, который самъ не могъ порядочно составлять представленія попечителю. Сдѣлавшись директоромъ, Бездонъ зажилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ богатымъ бариномъ, имѣя пару прекрасныхъ лошадей. У него жили 2 племянницы его жены; для одной изъ нихъ онъ прочилъ въ женихи инспектора гимназіи Писарева, поступившаго на эту должность изъ отставныхъ прапорщиковъ, и дѣло пошло было на ладъ, но скоро Писаревъ съ Бездономъ не поладили, и на мѣсто Писарева явился другой женихъ, полякъ, учитель Лещинскій, человѣкъ слишкомъ молодой, легкомысленный и пустой; онъ понравился семейству Бездона и сдѣлался въ немъ домашнимъ человѣкомъ. На потѣху Бездонамъ Лещинскій написалъ и читалъ имъ какую-то комедію, въ которой осмѣялъ всѣхъ насъ. Въ это время я исправлялъ должность инспектора по случаю отъѣзда Писарева въ Кіевъ для излѣченія своей болѣзни, къ своему брату, бывшему правителемъ канцеляріи при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ. Учителя поляки просили меня объясниться съ Бездономъ на счетъ этой комедіи, но я, зная, что они при случаѣ отрекутся отъ своихъ словъ, соглашался на объясненіе съ Бездономъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они представили мнѣ эту комедію, а такъ какъ они ее мнѣ не представили, то я и молчалъ. Впослѣдствіи Бездонъ выговаривалъ мнѣ за то, что я не открылъ ему неудовольствія противъ него учителей. Я отвѣчалъ, что не придавалъ вѣры слуху о комедіи и что, если въ самомъ дѣлѣ было что либо подобное читано въ его семействѣ, то это ему самому лучше извѣстно. Но Лещинскій своимъ легкомысліемъ приготовилъ Бездону и самому себѣ катастрофу: въ классѣ, предъ учениками, онъ позволилъ себѣ глумиться надъ нашею церковью и ея святыми угодниками. Слухъ объ этомъ его глумленіи разнесся по гимназіи и дошелъ до Кіева, откуда присланъ былъ въ гимназію инспекторъ казенныхъ училищъ Могилянскій произвести на мѣстѣ слѣдствіе, по которому Бездонъ и Лещинскій оказались виноватыми. По до-

несеніи о томъ Могилянскаго попечитель Бибиковъ, не любившій шутить съ поляками, отрѣшилъ Бездона отъ должности, а Лещинскаго назначилъ учителемъ въ Суражское уѣздное училище. Катастрофа эта съ Бездономъ произошла въ то время, когда я уже былъ въ Немировѣ.

Въ Немировѣ я очутился совсѣмъ для меня неожиданно. Въ октябрѣ 1848 года оканчивался 25 лѣтній срокъ моей службы, и я не былъ увѣренъ, оставятъ ли меня еще на службѣ, или я получу отставку съ пенсіономъ учительскаго жалованья въ 400 руб.; но недоумѣніе мое счастливо разрѣшилось не только оставленіемъ меня на службѣ, но и повышеніемъ въ служебной должности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ увеличеніемъ моего пансіона на 100 руб. Въ это время новый попечитель Траскинъ, первый изъ начальниковъ кіевскаго учебнаго округа, обратилъ доброе вниманіе на службу учителей гимназіи; по случаю бывшей въ 1848 году холеры открылись въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ инспекторскія вакансіи, и Траскинъ циркулярнымъ предписаніемъ директорамъ гимназій потребовалъ, чтобы они для назначенія на эти вакансіи представили заслуженныхъ учителей, которые тогда раздѣлялись на старшихъ и младшихъ. Такъ какъ я служилъ долѣе всѣхъ старшихъ учителей и одобряемъ былъ отъ начальства, то Бездонъ представилъ меня и еще младшаго учителя поляка Осѣчковскаго. Вскорѣ послѣдовало изъ канцеляріи попечителя на имя мое предписаніе, въ которомъ было сказано, что попечитель, желая назначить меня инспекторомъ въ немировской или ровенской гимназіи, спрашиваетъ меня, въ которой изъ этихъ двухъ гимназій я желаю занять должность инспектора. Я отвѣчалъ, что готовъ служить инспекторомъ въ той изъ этихъ гимназій, въ какую его превосходительство самъ изволитъ назначить меня, и Траскинъ назначилъ меня въ немировскую гимназію. Повторю здѣсь то же, что сказалъ я при опредѣленіи меня учителемъ новгородъ-сѣверской гимназіи: Sic fata volebant. Видно, въ Немировѣ мнѣ суждено было получить испытаніе, какого я еще не имѣлъ на службѣ.

Когда сослуживцы мои узнали о назначеніи меня инспекторомъ немировской гимназіи, то учителя поляки, завидуя мнѣ,

говорили, что въ Немировѣ меня ожидаетъ счастливая служба и жизнь; напротивъ, русскіе учителя, служившіе прежде въ западныхъ губерніяхъ говорили мнѣ, что служба тамъ для русскихъ чиновниковъ тяжела и непріятна.

Оставивъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ жену мою съ младшимъ сыномъ моимъ Михаиломъ, оканчивавшимъ курсъ въ 7 классѣ, я 1 октября того же 1848 года отправился къ мѣсту моего назначенія. Въ Кіевѣ я имѣлъ надобность повидаться съ старшимъ сыномъ моимъ Иваномъ, обучавшимся въ университетѣ, и получить нужныя для меня свѣдѣнія о директорѣ немировской гимназіи Зимовскомъ, о которомъ я тогда узналъ, что онъ, окончивъ въ Харьковскомъ университетѣ курсъ съ званіемъ студента, служилъ секретаремъ въ канцеляріи попечителя Фонъ-Брадке, который сдѣлалъ его инспекторомъ нѣжинскаго лицея, а потомъ директоромъ немировской гимназіи. Близкіе къ высшему начальству лица говорили мнѣ, что я буду служить подъ начальствомъ лучшаго изъ директоровъ кіевскаго учебнаго округа и что, прослуживъ съ нимъ нѣкоторое время, самъ буду директоромъ; другіе, знавши Зимовскаго по службѣ его въ Кіевѣ и Немировѣ, сказывали мнѣ, что служба моя у Зимовскаго будетъ для меня тягостна, что предмѣстникъ мой Беккаревичъ изъ духовнаго званія, магистръ, на службѣ при Зимовскомъ въ должности инспектора былъ мученикомъ. Вотъ съ какими свѣдѣніями о Зимовскомъ я отправился въ Немировъ.

XXXIII.

Директоръ Немировской гимназіи Зимовской; образъ управленія его гимназіею.— Общая ученическая квартира.—Взыскательность Зимовскаго.—Продовольствіе учениковъ въ общей квартирѣ. — Ученикъ Жабокрицкій.—Разсужденіе объ общихъ квартирахъ.

Приступаю къ самому непріятному для меня воспоминанію объ инспекторской службѣ моей въ немировской гимназіи. Благодарю Бога, что этотъ несчастный періодъ моей службы былъ непродолжителенъ, что я могъ перенести представившееся мнѣ испытаніе и благополучно возвратиться въ родной мой Новгородъ-Сѣверскъ, къ родной моей семьѣ.

Въ Немировъ я прибылъ 13-го октября 1848 года и остановился въ квартирѣ учителя словесности М. К. Чалаго, бывшаго прежде ученикомъ моимъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Въ тотъ же день я, какъ слѣдовало, въ полной формѣ явился къ Зимовскому. Онъ встрѣтилъ меня съ серьознымъ видомъ и замѣчаніемъ, что я поздно прибылъ на службу; я отвѣчалъ ему, что имѣлъ надобность пробыть въ Кіевѣ и получилъ на то позволеніе начальства. Второе замѣчаніе его состояло въ томъ, что я долженъ былъ остановиться въ моей инспекторской квартирѣ, на что я сказалъ ему, что остановился у Чалаго, желая узнать, готова ли моя квартира. Зимовской требовалъ, чтобы я скорѣе перешелъ въ свою квартиру, и потомъ, когда я еще нѣсколько дней оставался у Чалаго, каждый день присылалъ надзирателя гимназіи узнавать, на своей-ли квартирѣ я нахожусь. На другой день моего прибытія онъ формально представилъ меня всѣмъ чиновникамъ гимназіи въ ея залѣ и ввелъ въ отправленіе моей должности. Каждый день вечеромъ я приходилъ къ Зимовскому, который давалъ мнѣ наставленія касательно моихъ обязанностей и показалъ мнѣ, что онъ хорошо знаетъ поляковъ. Онъ говорилъ мнѣ, что ученики Немировской гимназіи совсѣмъ не такія простодушныя дѣти, какія учатся въ русскихъ гимназіяхъ; что въ польской семьѣ глава не отецъ, а мать; что ксендзы имѣютъ законодательное вліяніе на польскія семейства; что передъ отправкой сына въ гимназію ксендзы съ крестомъ въ рукѣ, въ присутствіи отца и матери, заклинаютъ его быть всегда врагомъ русскихъ; что семейства, пріѣзжая навѣдаться въ Немировъ къ сыновьямъ своимъ, представляютъ имъ случаи и способы къ разнымъ соблазнамъ. Вообще сообщенныя мнѣ отъ Зимовскаго свѣдѣнія были дѣльны и для меня поучительны. Слушая его наставленія, я почувствовалъ къ нему уваженіе и расположенность, и говорилъ нѣкоторымъ лицамъ, что нахожу Зимовскаго гораздо лучшимъ, чѣмъ о немъ говорили. На такой отзывъ мой о немъ слушавшіе меня отвѣчали: „поживете узнаете!“ И скоро, дѣйствительно, я узналъ Зимовскаго настолько, что никогда не желалъ бы служить подъ начальствомъ такого директора. Въ своихъ первыхъ

бесѣдахъ со мною Зимовской высказался, что онъ въ управленіи гимназіею держится правила древнихъ Римлянъ: „divide et impera“, и это было программой его дѣйствій, о которыхъ я узналъ, служа съ нимъ. Если правило древнихъ Римлянъ могло имѣть какое либо примѣненіе по отношенію къ полякамъ, то совсѣмъ не годилось по отношенію къ русскимъ чиновникамъ гимназіи, которые, составляя малую колонію среди враждебнаго и интригующаго противъ русскихъ мѣстнаго населенія, должны были-бы одушевляться единомысліемъ и, подъ руководствомъ опытнаго и благомыслящаго начальника, дружно и добросовѣстно исполнять дѣло своего призванія въ ополяченномъ краѣ; но этого то и не доставало гимназическому персоналу въ Немировѣ, гдѣ Зимовской, держась своего принципа, поселялъ между чиновниками гимназіи взаимное недовѣріе и подозрительность, заставляя всѣхъ опасаться его придирчивой взыскательности.

При самомъ вступленіи моемъ въ службу онъ, разговаривая со мною объ учителяхъ, совѣтовалъ мнѣ не сближаться съ ними и имѣть надъ ними постоянно строгую инспекцію, а учителямъ, которымъ я на первыхъ порахъ за хлопотами по гимназіи не успѣлъ сдѣлать визитовъ, внушалъ, что я чуждаюсь ихъ общества, когда и безъ того нѣкоторые изъ нихъ негодовали на меня за то, что я занялъ инспекторское мѣсто, которое они надѣялись получить и одинъ изъ нихъ до моего пріѣзда исправлялъ эту должность. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ моей инспекторской службы въ гимназіи, я поставленъ былъ въ неблагопріятное отношеніе къ учителямъ, которое оставалось такимъ и во все время моего инспекторства. Одинъ только учитель Чалый оказывалъ мнѣ свое благорасположеніе; онъ держалъ себя осторожно и въ сторонѣ отъ Зимовского, не заискивалъ его милости, и потому я съ нимъ всегда могъ быть откровененъ.

Учителя гимназіи въ то время занимались только преподаваніемъ уроковъ въ классахъ гимназіи и не обязаны были внѣ ея наблюдать за поведеніемъ учащихся, а потому, если только исправно приходили въ классы на уроки свои и свое-

временно представляли мѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ въ классахъ, (за чѣмъ Зимовской строго слѣдилъ самъ и мнѣ приказывалъ слѣдить неослабно),—то не подвергались контролю Зимовского въ своемъ преподаваніи предметовъ, въ которыхъ онъ былъ несвѣдущъ, потому что самъ никогда ничего не преподавалъ. Одинъ только учитель рисованія, добродушный малоруссъ и смиренный по характеру—Сошенко, хорошій художникъ и усердный учитель, приходилъ въ какой-то паническій страхъ, когда Зимовской посѣщалъ его классъ, даже внѣ гимназіи боялся съ нимъ встрѣчаться на улицѣ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что Зимовской заставлялъ его, какъ спеціалиста въ писаніи, поддѣлать какой-то актъ, на что Сошенко не согласился.

Совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ Зимовскому, чѣмъ учителя, находились инспекторъ и надзиратели; по безпрестанному наблюденію ихъ за учениками, они всегда были отвѣтственными за нихъ предъ директоромъ; особенно тяжела была ихъ отвѣтственность за учениковъ, находившихся въ общей квартирѣ.

Общія квартиры помѣщались въ зданіяхъ, находившихся въ гимназической усадьбѣ, окруженной каменной стѣной, за ворота которой ученики не могли выходить безъ особеннаго разрѣшенія начальства. Въ этихъ общихъ квартирахъ содержалось болѣе 200 учениковъ, въ числѣ которыхъ русскихъ православныхъ было человѣкъ до 70. Общая квартира раздѣлялась на 3 отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ ученики получали особое содержаніе и вносили различную за него плату. Въ каждомъ отдѣленіи было свое имущество, состоявшее изъ принадлежностей дортуаровъ, учебныхъ комнатъ и столовой. Все это хозяйство находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ и отвѣтственностью надзирателей и въ тоже время подъ контролемъ инспектора, какъ главнаго хозяина общихъ квартиръ. По этой причинѣ во всѣхъ отдѣленіяхъ общихъ квартиръ часто происходили повѣрки и пересмотры ихъ имуществъ, и, въ случаѣ какого-нибудь въ нихъ недостатка или порчи, надзиратели подвергались отъ директора взысканіямъ, а иногда и вычетамъ изъ ихъ жалованья. Отвѣтственность инспектора и надзирате-

лей за поведеніе учениковъ, жившихъ въ общихъ квартирахъ, была еще тяжелѣе: тамъ почти ежедневно происходили разные безпорядки между учениками, которымъ служители помогали входить съ жидами въ разныя сдѣлки по доставленію имъ недозволенныхъ вещей, за что отвѣтственность падала на надзирателя и инспектора; иногда ученики секретно продавая свое платье, жаловались, будто оно пропало изъ общихъ гардеробовъ отдѣленій, и въ такомъ случаѣ надзиратели платились за худой присмотръ; иногда ученики, недовольные строгимъ присмотромъ за ними надзирателей, и зная, что за какую-нибудь ученическую выходку надзиратели подвергнуться гнѣву директора, нарочно дѣлали такія выходки.—Зимовской въ обращеніи съ надзирателями былъ суровъ: кричалъ на нихъ, поступалъ деспотически, почти какъ съ служителями, не позволяя свободно съ нимъ объясняться; приходя къ нему, они стояли всегда у порога и должны были выслушивать всѣ его грубости. Одинъ только учитель Мерцаловъ, бывшій вмѣстѣ и надзирателемъ 3-го отдѣленія общихъ квартиръ, не боялся придирчивости раздражительнаго Зимовского, смѣло объяснялся съ нимъ и своимъ хладнокровіемъ выводилъ его изъ себя, за что Зимовской описалъ его неблагонадежнымъ въ своемъ представленіи попечителю, и Мерцалова перевели въ Бѣлую Церковь. Немировская гимназія лишилась въ Мерцаловѣ хорошаго преподавателя математики, а чиновники ея, озадаченные внезапнымъ смѣщеніемъ его, стали еще болѣе опасаться Зимовского, зная, какое великое онъ въ округѣ имѣетъ къ себѣ довѣріе, да и самъ Зимовской, не обинуясь, любилъ хвалиться предъ нами тѣмъ, что такого-то чиновника онъ сбылъ съ рукъ, что такой-то отъ преслѣдованій его самъ бѣжалъ изъ гимназіи; хвалился онъ и тѣмъ что, будучи правителемъ канцеляріи фонъ-Брадке, причинялъ непріятности профессорамъ университета. Какъ же намъ было не бояться его придирчивой взыскательности, когда притомъ немировцы говорили, будто онъ былъ членомъ тайной полиціи и потому могъ, пожалуй, обвинить кого-нибудь изъ насъ даже въ политической неблагонадежности. Не довѣряя надзирателямъ общихъ квартиръ относительно точного исполненія ими своихъ

обязанностей, я не могъ полагаться и на гимназическихъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ былъ полякъ Штейнъ, а другой русскій Корсунъ, картежникъ и наушникъ Зимовского. Кромѣ того, при мнѣ постоянно находился инспекторскій служитель, лукавый уніатъ, который былъ неотлучнымъ при мнѣ соглядатаемъ, зналъ, что я дѣлаю, у кого бываю и кто бываетъ у меня, и доносилъ о томъ Зимовскому; притомъ, будучи посылаемъ отъ меня на развѣдки за учениками, онъ бралъ съ нихъ взятки и дѣлалъ мнѣ ложныя донесенія, по которымъ я подвергался отвѣтственности предъ Зимовскимъ.

Въ отношеніи ко мнѣ Зимовской показывалъ такую же взыскательность, какой подвергались надзиратели; въ случаѣ какихъ-нибудь безпорядковъ въ общей квартирѣ, онъ не только на словахъ дѣлалъ мнѣ обидныя укоризны, но часто давалъ мнѣ замѣчанія на бумагѣ, притомъ за номеромъ канцеляріи, чтобы оффиціально оправдать свою взыскательность и записать мою неисправность по службѣ; такихъ бумагъ его у меня накопилось много, и я могъ опасаться, что на нихъ при случаѣ онъ не задумается указать ревизору.

Хлопоты мои по общей квартирѣ еще болѣе увеличивались наблюденіемъ за продовольствіемъ находившихся въ ней учениковъ, которое производилъ подрядчикъ по контракту. Весьма часто ученики жаловались мнѣ на худую пищу. Я, въ силу контракта, имѣлъ право въ случаѣ поставки подрядчикомъ худой провизіи, составить актъ и на счетъ подрядчика купить кушанья изъ трактира, но когда я говорилъ Зимовскому, что хочу привести въ исполненіе этотъ пунктъ контракта, онъ отклонялъ меня отъ того говоря, что эта исторія окончится только затрудненіемъ получить изъ трактира требуемое кушанье для учениковъ всего отдѣленія,—что было справедливо. Однажды, когда ученики представили мнѣ испорченный сыръ, съ которымъ они любили ѣсть такъ называемыя клюски, и я сталъ выговаривать за то подрядчику, онъ въ оправданіе свое сказалъ мнѣ, что такой сыръ полученъ имъ отъ директора въ числѣ прочей провизіи, доставляемой Зимовскому родителями жившихъ у него учениковъ. Мнѣ оставалось молчать.

Озабочиваясь исполненіемъ моихъ обязанностей по гимназіи и общей квартирѣ и безпрестанно опасаясь замѣчаній отъ Зимовского, я усиливалъ мою дѣятельность и иногда, вставши по утру, отправлялся въ общую квтртиру смотрѣть, какъ ученики встаютъ и пьютъ чай, потомъ съ ними шелъ въ гимназію, гдѣ проводя 4 часа, приходилъ въ столовую, а послѣ обѣда опять въ классы, и затѣмъ занимался какимъ-нибудь разбирательствомъ въ общей квартирѣ. Въ свою квартиру я возвращался только поздно вечеромъ съ безпокойнымъ духомъ и съ боязнью за завтрашній день. Но такія постоянныя хлопоты мои по службѣ однажды предохранили меня отъ тяжкой отвѣтственности, которой я подвергся бы, еслибы исполнилъ приказаніе Зимовского. Ученикъ третьяго класса Жабокритскій не пришелъ изъ общей квартиры въ классъ подъ видомъ болѣзни. На запискѣ, посланной гимназическому лѣкарю, послѣдній написалъ, что Жабокритскій здоровъ. Зимовской приказалъ мнѣ высѣчь Жабокритскаго розгами. Захлопотавшись по дѣламъ моимъ, я могъ исполнить это приказаніе только въ 12 часовъ дня, но въ это самое время получилъ отъ надзирателя общей квартиры извѣстіе, что Жабокритскій умираетъ. Пришедши въ квартиру, я увидѣлъ, что ученики придерживаютъ грудь Жабокритскаго, страдавшаго чрезвычайнымъ біеніемъ сердца, котораго причину пришедшій сюда лѣкарь не могъ мнѣ объяснить. Что сталось бы со мною, еслибы такой припадокъ у Жабокритскаго случился подъ розгами!

Судя по строгимъ мѣрамъ, съ какими начальство старалось обрусить польскихъ дѣтей въ общихъ квартирахъ, казалось можно было бы ожидать громадныхъ результатовъ въ этомъ направленіи, а между тѣмъ на дѣлѣ вышло не то. Поляки, помѣщавшіе своихъ сыновей въ общихъ квартирахъ, тѣмъ больше старались внушить имъ свои польскія тенденціи, и ихъ дѣти, находясь въ большомъ сообществѣ, тѣмъ болѣе укрѣплялись въ полонизмѣ. Отцы находившихся въ общихъ квартирахъ дѣтей могли имѣть только экономическую выгоду въ болѣе дешевой платѣ за содержаніе; но они совсѣмъ не желали этой выгоды и

съ охотою платили-бы гораздо дороже въ частныхъ квартирахъ, еслибы начальство имъ дозволяло. Отъ немировской общей квартиры наживался только Зимовской, въ квартирѣ котораго богатые польскіе помѣщики помѣщали своихъ сыновей за высокую плату и въ то же время вносили другую плату въ кассу общей квартиры, чтобы жившіе у Зимовского ихъ сыновья фиктивно считались въ числѣ учениковъ, состоявшихъ по списку въ общей квартирѣ. Находившіеся такимъ образомъ въ общей квартирѣ Зимовского ученики учились нисколько не лучше жившихъ въ общей квартирѣ, а вели себя гораздо хуже послѣднихъ и дѣлали такіе проступки, за которые тотъ же Зимовской исключилъ бы ихъ изъ гимназіи, еслибы они находились въ общей квартирѣ. Черезчуръ взыскательный къ ученикамъ общей квартиры и къ ихъ надзирателямъ, Зимовской у себя въ домѣ до того распустилъ своихъ квартирантовъ, что они не разъ били его, и не смотря на то, онъ продолжалъ держать ихъ у себя, получая за то дорогую плату. Вообще говоря, общія ученическія квартиры въ западныхъ губерніяхъ дѣлу обрусенія польскихъ дѣтей приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы, и не потому ли онѣ были вездѣ закрыты, кромѣ нѣкоторыхъ главныхъ городовъ, въ которыхъ остались по просьбѣ родителей изъ экономическихъ разсчетовъ послѣднихъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ нѣкоторое время существовала при гимназіи общая ученическая квартира на 40 человѣкъ, но и при такомъ маломъ количествѣ содержимыхъ въ ней, она причиняла начальству большія хлопоты, не принося существенной пользы квартирантамъ, а потому и здѣсь она скоро была закрыта.

Прослуживъ мѣсяцъ въ немировской гимназіи, я изучилъ почти всѣ порядки, подлежавшіе моему наблюденію, дѣлался осторожнѣе при Зимовскомъ и началъ уже привыкать къ моему положенію, какъ случилось въ общей квартирѣ такое происшествіе, которое взволновало всю гимназію и поставило меня въ критическое положеніе. Виновникомъ этого несчастнаго происшествія былъ ученикъ 5-го класса Вольскій.

XXXIV.

Ученикъ Вольскій, его преступленіе противъ Зимовскаго и надзирателя Мальцева; присмотръ за ними въ карцерѣ; болѣзнь Зимовскаго; мой рапортъ.—Выздоровленіе Зимовскаго и его придирка ко мнѣ.—Учитель Ш.—Слѣдователь Скворцовъ и Балабинъ.—Наказаніе и ссылка Вольскаго.

Ученикъ Вольскій, сынъ русскаго и польки, былъ чрезвычайно лѣнивъ и дерзокъ. Когда послѣ многократныхъ взысканій онъ нисколько не исправлялся, Зимовской велѣлъ мнѣ написать письмо къ отцу его, становому въ городѣ Балтѣ, чтобы онъ взялъ сына изъ гимназіи подъ опасеніемъ исключенія изъ нея, но пока письмо мое дошло по адресу, ученикъ Вольскій совершилъ уголовное преступленіе. Ровно чрезъ мѣсяцъ по прибытіи моемъ въ Немировъ, 13 ноября, въ воскресный день, я отвелъ учениковъ католиковъ въ костелъ, потомъ зашелъ въ православную церковь, гдѣ находились православные ученики, и, побывавъ у пріѣхавшаго изъ гор. Брацлава новаго исправника, съ которымъ мнѣ надлежало познакомиться, пришелъ прямо въ столовую общей квартиры, гдѣ ученики уже обѣдали. Въ средней столовой я встрѣтился съ Зимовскимъ, и, раскланявшись, мы пошли въ противоположныя стороны. Вскорости послышался необыкновенный стукъ, и я, думая, что упала скамья или разбита посуда, спокойно возвращался назадъ и опять встрѣтился въ той-же столовой съ Зимовскимъ, который съ блѣднымъ лицомъ и держась рукою за поясницу свою, молча рукою указалъ мнѣ въ крайнюю столовую, въ которую вошедши я увидѣлъ всѣхъ учениковъ вставшихъ изъ-за стола и передъ ними Вольскаго, держащаго въ рукѣ большой перочинный ножъ. Здѣсь мнѣ сказали, что Вольскій сидѣлъ за столомъ облокотясь на руку, и когда Зимовской, отдернувъ его руку, приказалъ ему сидѣть прилично, онъ облокотился по прежнему, когда же Зимовской сталъ опять поправлять его, Вольскій, вставши изъ-за скамьи, ударилъ Зимовского въ лицо, а когда послѣдній велѣлъ схватить его, то Вольскій, вынувши изъ кармана перочинный ножъ, отвернулъ большое лезвіе его и ударилъ Зимовскаго въ поясницу. Надзиратель Мальцовъ бросился

къ Вольскому, который нанесъ ему тѣмъ-же ножомъ двѣ раны. Къ счастью Вольскій самъ бросилъ ножъ свой на полъ, и я велѣлъ служителямъ схватить преступника, вести его прямо въ карцеръ, куда и самъ пошелъ за нимъ, взявъ съ собою другого надзирателя (Мальцева повели въ квартиру), и приказалъ туда же позвать гимназическаго лекаря, чтобы освидѣтельствовать, не сошелъ-ли Вольскій съ ума. Въ карцерѣ на вопросъ мой, какъ онъ осмѣлился сдѣлать такое преступленіе противъ директора, онъ отвѣчалъ: „пускай онъ меня не трогаетъ, я его убью!“ Лѣкарь объявилъ мнѣ, что никакого сумашествія въ Вольскомъ не находитъ. Сдѣлавши такое дознаніе, я, оставивъ при Вольскомъ надзирателя и одного изъ служителей, пошелъ въ квартиру директора и увидѣлъ его лежащимъ на кровати, гдѣ другой городской врачъ прикладывалъ ему ледъ къ раненной поясницѣ. Я разсказалъ Зимовскому, какъ я распорядился съ арестованіемъ и освидѣтельствованіемъ Вольскаго, и Зимовской въ первый разъ похвалилъ мою распорядительность и велѣлъ мнѣ тотчасъ составить актъ о случившемся происшествіи и отправить его при рапортѣ въ Кіевъ къ попечителю; притомъ онъ сказалъ мнѣ: вы теперь распоряжайтесь управленіемъ гимназіей, на васъ лежитъ отвѣтственность за Вольскаго, если онъ уйдетъ изъ карцера. Но нельзя было устеречь заключеннаго въ карцерѣ, котораго окно выходило на улицу, а потому немедленно была сдѣлана въ окнѣ желѣзная рѣшетка. При Вольскомъ поочередно находились сторожа, и несмотря на это, онъ однажды убѣжалъ на улицу. Когда Зимовской отъ меня узналъ объ этомъ побѣгѣ, то приказалъ, чтобы кромѣ сторожа по ночамъ дежурили въ карцерѣ по очереди надзиратели гимназіи. При всемъ томъ для наблюденія за дежурствомъ сторожей и надзирателей, я каждую ночь самъ съ моимъ служителемъ навѣдывался въ карцеръ, и однажды не засталъ въ немъ надзирателя Корсуна, ушедшаго вѣроятно играть карты. Каждый день я навѣщалъ Зимовского, который все боялся, чтобы Вольскій не ушелъ при содѣйствіи поляковъ, приходившихъ къ окну карцера, разговаривавшихъ съ Вольскимъ и пившихъ тутъ же въ честь его вино. Зимовской говорилъ мнѣ, чтобы я, кромѣ

строгаго присмотра за Вольскимъ, принялъ надлежащія мѣры наблюденія вообще за учениками гимназіи, дабы ихъ не увели изъ Немирова польскіе эмиссары подобно тому, какъ они въ то время уводили учениковъ изъ каменецъ-подольской гимназіи для поступленія въ польскіе отряды во время бывшей тогда Венгерской кампаніи. Между тѣмъ Вольскій въ карцерѣ повторялъ, что онъ убьетъ Зимовскаго, что будетъ бить и тѣхъ начальниковъ, которые пріѣдутъ изъ Кіева; обо мнѣ пока молчалъ, но вскорѣ и меня хвалился бить. Я пересталъ входить къ нему въ карцеръ; вдругъ неожиданно онъ чрезъ надзирателя попросилъ меня придти къ нему. Взявъ нужную предосторожность, я, не входя въ самый карцеръ, чрезъ растворенныя двери спросилъ его, что ему нужно отъ меня. Онъ съ дерзостью меня спросилъ: „зачѣмъ вы запретили давать мнѣ чай?" Я сказалъ, что, какъ ему самому извѣстно, ученикамъ 1-го отдѣленія общей квартиры, къ числу которыхъ и онъ принадлежитъ, чай не полагается, а если подрядчикъ, сначала отпускавшій ему чай, пересталъ его давать, то это была его воля, и я не могу его заставить отпускать чай. На томъ Вольскій и успокоился.

Между тѣмъ ученики въ классахъ гимназіи и въ общей квартирѣ волновались и выражали какое-то злорадство и непослушаніе начальству. Чрезъ нѣсколько времени по заключеніи Вольскаго въ карцеръ, прибылъ въ Немировъ отецъ его и, съ дозволенія Зимовскаго, въ присутствіи надзирателя, имѣлъ свиданіе съ сыномъ. На вопросъ отца, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такой проступокъ относительно директора, сынъ отвѣчалъ: „пускай онъ меня не трогаетъ". Мать Вольскаго въ карцеръ не была допущена. Въ это время генералъ-губернаторъ и вмѣстѣ попечитель Бибиковъ находился въ Петербургѣ, куда изъ округа отправленъ былъ мой рапортъ, и мы полтора мѣсяца ожидали, чѣмъ рѣшится дѣло о Вольскомъ. Зимовской, по выздоровленіи, самъ вступилъ въ управленіе гимназіею и по прежнему началъ распоряжаться въ ней съ обычною ему придирчивостью ко мнѣ и надзирателямъ и сдѣлался даже еще раздражительнѣе прежняго. Однажды, когда я и учителя собрались въ залу для обычнаго подписанія мѣсячныхъ вѣдомостей, Зимовской не пришелъ

къ намъ, а прислалъ только письмоводителя своего съ книгами и велѣлъ черезъ него намъ подписать эти книги. Когда во время этого засѣданія учителя подняли вопросъ о неудовлетворительномъ содержаніи учениковъ въ общей квартирѣ, письмоводитель поспѣшилъ увѣдомить о томъ Зимовского, который тотчасъ же пришелъ въ залу и напалъ на меня за то, что я позволилъ учителямъ разсуждать о сказанномъ вопросѣ. Я отвѣчалъ, что не считалъ себя въ правѣ запретитъ имъ говорить о томъ, такъ какъ они имѣютъ одинаковый со мною голосъ въ совѣтѣ. Когда учителя разошлись, Зимовской опять напалъ на меня и сталъ кричать. Когда-же я при этомъ замѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права такъ грубо обращаться со мною, онъ сказалъ, что при слѣдствіи о поступкѣ Вольскаго поляки прежде всего станутъ жаловаться слѣдователямъ на бывшіе безпорядки въ продовольстіи учениковъ общей квартиры, и что я подвергнусь отвѣтственности за эти безпорядки. При такомъ его нагломъ обвиненіи меня, я не вытерпѣлъ и напомнилъ ему, что онъ, во 1-хъ, самъ отклонялъ меня отъ принятія какихъ бы то ни было мѣръ взысканія противъ подрядчика, а во 2-хъ, что по словамъ подрядчика дурные продукты для продовольствія учениковъ общей квартиры, онъ получалъ отъ него же, директора. Послѣднія слова мои такъ озадачили Зимовского, что онъ замолчалъ, ушелъ изъ залы и дня три не являлся въ гимназію. Нужно замѣтить, что Зимовской, въ случаѣ полученія имъ отъ кого-нибудь смѣлаго и справедливаго отпора, всегда приходилъ въ замѣшательство. Такъ, однажды, прохаживаясь по залѣ рядомъ съ учителемъ латинскаго языка—Ш., онъ по дурной своей привычкѣ поталкивалъ его локтями и колѣнами. Ш. вскипѣлъ и вскрикнулъ: „какъ вы смѣете меня толкать!“ Зимовской при этомъ возгласѣ совсѣмъ растерялся и, обратившись къ намъ, заявилъ, что онъ не толкалъ учителя Ш. Впослѣдствіи онъ вспомнилъ полученное отъ Ш. замѣчаніе, о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Незадолго передъ праздникомъ Рождества Христова прибылъ изъ Каменецъ-Подольска въ Немировъ жандармскій полковникъ Скворцовъ, приказалъ всѣхъ учениковъ высшихъ клас-

совъ гимназіи собрать въ залу, и самъ разспрашивалъ ихъ, довольны-ли они своимъ начальствомъ, причемъ не присутствовали ни Зимовской, ни я, и никто изъ учителей. Ученики отвѣчали, что довольны, и тѣмъ допросы Скворцова въ гимназіи кончились; спрашивалъ-ли онъ о томъ-же у кого-нибудь въ Немировѣ—неизвѣстно. Вскорѣ за Скворцовымъ пріѣхалъ изъ Петербурга чиновникъ особыхъ порученій, зять министра Уварова, Евгеній Петровичъ Балабинъ (впослѣдствіи сдѣлавшійся іезуитомъ) и остановился въ палаццѣ графа Потоцкаго, откуда вечеромъ прислалъ нарочнаго съ требованіемъ, чтобы я пришелъ къ нему. Когда я явился, онъ объявилъ мнѣ, что онъ присланъ отъ министра разслѣдовать на мѣстѣ всѣ обстоятельства преступленія Вольскаго, и отъ лица самого министра требовалъ, чтобы я по чистой совѣсти разсказалъ ему все, какъ было, а главное, чтобы я открылъ ему, было-ли преступленіе Вольскаго выраженіемъ духа всѣхъ учениковъ гимназіи, или было случайнымъ дѣломъ одного лица. Я, изложивъ всѣ обстоятельства преступленія Вольскаго такъ, какъ они мною выше описаны, отвѣчалъ, что въ недолгое исправленіе мною должности инспектора гимназіи я не замѣтилъ въ ученикахъ такого враждебнаго отношенія, какое сказалось въ ученикѣ Вольскомъ. Потомъ онъ спросилъ меня, каковъ директоръ гимназіи въ отношеніи къ ученикамъ гимназіи? На это я сказалъ, что кромѣ отличной дѣятельности, распорядительности и должной взыскательности я не замѣтилъ въ немъ ничего, могущаго оскорблять учениковъ. Наконецъ Балабинъ, отпуская меня, запретилъ мнѣ сказывать директору, что онъ призывалъ меня къ себѣ и разспрашивалъ о его управленіи. Въ тотъ же вечеръ Зимовской, конечно, узналъ, что я былъ у Балабина, потому что всѣ знали, что я былъ потребованъ къ послѣднему.

По возвращеніи отъ Балабина я у Зимовского не былъ, и онъ не призывалъ меня къ себѣ. На другой день по утру, 23-го декабря, получено въ гимназіи рѣшеніе дѣла Вольскаго, котораго Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ высѣчь розгами предъ всею гимназіею и отослать барабанщикомъ въ Оренбургскій пѣхотный корпусъ.

Вечеромъ того-же числа Зимовской приказалъ мнѣ на другой день рано утромъ собрать учениковъ гимназіи въ залу и разставить ихъ вдоль стѣнъ по классамъ, между тѣмъ въ это самое время родители, пріѣхавшіе взять дѣтей своихъ на праздникъ, своими просьбами объ отпускѣ ихъ докучали мнѣ и Зимовскому, который на отрѣзъ объявилъ имъ, что по Высочайшему повелѣнію всѣ ученики гимназіи должны быть свидѣтелями примѣрнаго наказанія Вольскаго. Когда ученики были поставлены въ порядокъ, дано было знать о томъ Балабину и Скворцову, которые, не входя въ залу, назначили дать Вольскому 25 ударовъ розгами. Въ залу вошли Зимовской, я и присланный изъ Кіева директоръ гимназіи Любимовъ. Всѣ мы трое стали съ учителями въ главномъ концѣ залы, среди которой стояла уже скамья, а предъ нею исправникъ съ разсыльными, державшими розги. Директоръ приказалъ надзирателю Корсуну привести Вольскаго изъ карцера въ залу. Корсунъ имѣлъ глупость, приведши Вольскаго, поставить его передъ Зимовскимъ, который въ испугѣ отъ того приказалъ Корсуну отвести его къ скамьѣ. Зимовской вручилъ мнѣ бумагу и приказалъ прочесть ее. Вольскій, услыхавъ что его будутъ сѣчь розгами, вскрикнулъ: „этому не быть!.“ Сильный Корсунъ сталъ раздѣвать его. Сначала при сѣченіи Вольскій молчалъ но послѣ 10-ти или 15-ти ударовъ сталъ кричать: „виноватъ, не буду!“ По окончаніи экзекуціи онъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Корсунъ сорвалъ воротникъ съ форменнаго сюртука, бывшаго на Вольскомъ. Затѣмъ Зимовской приказалъ Корсуну отвести Вольскаго опять въ карцеръ, а мнѣ велѣлъ составить списокъ имущества послѣдняго и съ тѣмъ и другимъ отправиться въ квартиру становаго, куда разсыльные отвезли Вольскаго для отправленія въ Брацлавъ, а оттуда въ Оренбургъ. Во время приготовленія къ отъѣзду Вольскій въ квартирѣ становаго сидѣлъ и молчалъ, когда-же становой посадилъ его съ собою въ сани, онъ сказалъ: „прощайте, инспекторъ.“ Окончивъ эту непріятную для меня миссію, я уже вечеромъ явился къ Зимовскому и разсказалъ, какъ увезли Вольскаго. Зимовской спрашивалъ меня, видѣлъ-ли я это

своими глазами и точно-ли Вольскаго увезли изъ Немирова, въ чемъ я, наконецъ, его увѣрилъ. Такимъ образомъ съ утра до вечера я находился въ постоянныхъ хлопотахъ и тревогѣ и только вечеромъ могъ напиться чаю и отдохнуть. Это было на канунѣ праздника Рожд. Христ. Носились слухи, что на пути поляки Вольскому давали деньги и что будто бы Вольскій въ Оренбургѣ впослѣдствіи былъ произведенъ въ офицеры, на самомъ же дѣлѣ Вольскій и тамъ по своей дерзости ударилъ офицера и за это опять былъ высѣченъ розгами, послѣ чего, конечно, не могъ уже быть офицеромъ.

XXXV.

Прибытіе Могилянскаго въ гимназію.—Мое намѣреніе выйти въ отставку.—Помѣщикъ Лещинскій.—Графъ Потоцкій.—Мои сны.—Я инспекторъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.—Задержаніе меня въ Немировѣ и мой изъ него выѣздъ.—Несчастія Зимовскаго.—Мое сознаніе.—Явка моя въ Кіевъ Бибикову.—Благопріятныя для меня свѣдѣнія.

Во время Рождественскихъ праздниковъ я, не имѣя по службѣ надобности являться къ Зимовскому, не бывалъ у него, изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что я скрываю отъ него мое посѣщеніе Балабина и, что (какъ послѣ онъ говорилъ) я желаю занять его директорское мѣсто въ Немировѣ, на которомъ онъ тогда не думалъ удержаться. Но это опасеніе Зимовскаго на счетъ моего искательства было не основательно: послѣ того, что я вытерпѣлъ отъ него во время моей инспекторской службы въ Немировской гимназіи, и въ особенности послѣ несчастнаго столкновенія его съ Вольскимъ, Немировъ до того мнѣ опротивѣлъ, что еслибы Зимовской и въ самомъ дѣлѣ былъ смѣщенъ, и мнѣ предложили бы его мѣсто, я отказался-бы отъ этой чести, притомъ же около этого времени утвержденъ былъ мнѣ инспекторскій пансіонъ за 25-ти лѣтнюю мою службу, и я писалъ въ Кіевъ къ моимъ знакомымъ, близкимъ къ помощнику попечителя Юзефовичу, что если начальству не угодно будетъ перемѣстить меня въ другую гимназію, то я подамъ просьбу объ отставкѣ. Во время тѣхъ-же Рождественскихъ праздни-

ковъ прибылъ изъ Кіева въ гимназію сочувствовавшій и постоянно благопріятствовавшій Зимовскому другъ его, инспекторъ казенныхъ училищъ, Могилянскій для развѣдокъ на мѣстѣ о дѣлѣ Вольскаго и, можетъ быть, для разузнанія о дѣйствіяхъ Балабина по этому дѣлу. Безъ сомнѣнія, Зимовской тотчасъ же сообщилъ ему о призывѣ меня къ Балабину, о моей скрытности и о своей догадкѣ на счетъ моего искательства. Могилянскій, узнавъ отъ Юзефовича о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, призвалъ меня въ квартиру Зимовскаго и при немъ прежде всего спросилъ меня, чѣмъ я недоволенъ въ Немировской гимназіи; я отвѣчалъ, что въ эту гимназію я поступилъ, желая получить инспекторскій пансіонъ, и теперь, по утвержденіи его въ министерствѣ, чувствуя разстройство въ здоровьи, хочу возвратиться къ роднымъ моимъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, что ни на кого и ни на что не могу жаловаться въ Немировской гимназіи, а самъ себя считаю неспособнымъ продолжать въ ней службу. Зимовской говорилъ, что, можетъ быть, его требовательность по службѣ мнѣ не нравится, и при этомъ не преминулъ сослаться на свои оффиціальныя данныя мнѣ отъ него на бумагѣ замѣчанія, желая оправдать себя и обвинить меня предъ Могилянскимъ. Я молчалъ, и что я могъ сказать въ защиту себя предъ этими двумя друзьями?

Когда началось ученіе въ гимназіи, я продолжалъ службу мою съ стѣсненнымъ сердцемъ. Хотя Зимовской въ обращеніи съ мной не позволялъ себѣ прежней грубости, но холодное отношеніе его ко мнѣ было для меня тягостно и не безопасно, а потому я вновь писалъ въ Кіевъ о нежеланіи моемъ служить въ Немировской гимназіи.

Предъ наступленіемъ Пасхальныхъ праздниковъ я хотѣлъ развлечься и отдохнуть гдѣ-нибудь внѣ Немирова. Кстати, отецъ жившаго у Чалаго ученика, польскій помѣщикъ Лещинскій пригласилъ меня на праздникъ въ свою деревню, куда Зимовской благоволилъ отпустить меня. Пасхальную заутреню я слушалъ въ русской православной церкви, въ которой поразила меня ея крайне бѣдная обстановка: на иконостасѣ висѣли какія-то ветхія полотна съ изображеніями святыхъ; облаченіе и прочія при-

надлежности церковныя были также не благолѣпны. Возвратившись отъ заутрени въ домъ Лещинскаго, я удивился, увидѣвъ православнаго священника, освящавшаго тамъ пасхи. Жена помѣщика, замѣтивъ мое удивленіе, сказала мнѣ, что, не могши дозваться католическаго ксендза, она пригласила нашего священника въ увѣренности, что святая вода у католиковъ такая-же' какъ и у русскихъ. Я замѣтилъ особенность въ польскомъ разговѣніи: прежде всего хозяйка, изрѣзавши крутыя яйца на небольшіе кусочки, на тарелкѣ подносила каждому изъ присутствовавшихъ. Утромъ къ Лещинскому являлись на поклонъ его крестьяне и при этомъ случаѣ испрашивали у него разныхъ себѣ льготъ по работѣ. Лещинскій указалъ мнѣ на одного изъ нихъ, говоря: „онъ уменъ, какъ министръ“. Послѣ обѣда крестьянки являлись также на поклонъ къ женѣ помѣщика, и она ихъ угощала. Мнѣ казалось, что отношенія между Лещинскимъ и его крестьянами были довольно хороши. Дня черезъ три я вмѣстѣ съ Лещинскимъ возвратился въ Немировъ. Зимовской сказалъ мнѣ, что графъ Потоцкій спрашивалъ его, почему я не былъ у него на первый день Пасхи вмѣстѣ съ другими чиновниками гимназіи, и совѣтовалъ мнѣ немедленно побывать у графа съ визитомъ. Графъ принялъ меня весьма благосклонно. Онъ вообще былъ весьма расположенъ къ служащимъ въ гимназіи, приглашалъ ихъ къ себѣ на вечерніе балы и на домашніе спектакли, учителя часто ѣздили къ нему играть въ карты. Мнѣ пришлось быть у него на великолѣпномъ ужинѣ (Зимовской на немъ не былъ) и сидѣть противъ Балабина за столомъ, на которомъ лежало зеркальное плато во всю его длину и ширину, кромѣ небольшихъ краевъ для постановки тарелокъ; на зеркалѣ стояли богатые шандалы со многими горящими свѣчами, отражавшими свѣтъ свой въ зеркальной поверхности и вазоны съ фруктами и конфектами; по обѣимъ сторонамъ столовой, въ красивыхъ шкафахъ за стекломъ было множество саксонской столовой посуды, передъ столомъ стоялъ въ черномъ фракѣ такъ называемый маршалъ— распорядитель ужина, командовавшій прислугой, одѣтой въ богатыя ливреи. Въ залѣ подлѣ столовой играла графская музыка;

другія комнаты имѣли великолѣпное убранство; въ нихъ я замѣтилъ два мраморныхъ бюста графа и жены его и картину кисти знаменитаго Брюлова, изображавшую венеціанскій карнавалъ, въ которой пляшущія лица представлялись мнѣ движущимися, когда я долго въ нихъ всматривался.

Вообще въ великолѣпной обстановкѣ палаца графа Потоцкаго Болеслава, видна была роскошь польскаго магната прежнихъ временъ. Графъ Потоцкій былъ вдовъ; женатъ онъ былъ на графинѣ Салтыковой, отъ которой имѣлъ одну только дочь тогда лѣтъ десяти, воспитывавшуюся въ православіи.

Для нея въ палацѣ Потоцкаго была православная церковь, въ которую самъ отецъ въ камеръ-герскомъ вицѣ мундирѣ приходилъ съ дочерью на богослуженіе, и любилъ, чтобы эту церковь посѣщали чиновники гимназіи, въ числѣ которыхъ и я часто бывалъ. Для обученія дочери Потоцкаго русскому языку Императрица Александра Ѳеодоровна прислала наставницу изъ Смольнаго монастыря, а гимназическій православный законоучитель давалъ ей уроки изъ Закона Божія. Графъ Потоцкій извѣстенъ былъ своею преданностью Русскому Императорскому Дому и соблюдалъ русскіе обычаи высшаго сословія, ѣздилъ въ каретѣ, запряженной цугомъ въ простяжь, а не съ бича по польски, кучера одѣты были по русски. Польскіе Паны не любили Потоцкаго за соблюденіе русскихъ обычаевъ, а между тѣмъ въ глаза льстили ему; его поссесоры наживались, управляя его имѣніями, и сами отъ того дѣлались помѣщиками.

Дочь Потоцкаго вышла замужъ за графа Строганова, во владѣніе котораго перешло все имѣніе Потоцкаго. Распространился я, воспоминая графа Потоцкаго, по чувству моей къ нему признательности, потому что въ его палацѣ и въ его гостепріимномъ обращеніи я находилъ себѣ отдохновеніе и нѣкоторую отраду послѣ тяжелыхъ трудовъ моихъ и непріятностей, получаемыхъ въ гимназіи.

Насталъ май мѣсяцъ, начались въ гимназіи экзамены, и я думалъ, что по окончаніи учебнаго года я получу отставку и возвращусь въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Въ это время я видѣлъ сонъ, въ которомъ мнѣ представлялось, будто теща моя, умершая отъ холеры предъ выѣздомъ моимъ въ Немировъ, поднявшись въ гробѣ, подозвала меня къ себѣ и положила на меня свои руки; въ другой разъ мнѣ снилось, что я, находясь въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, вижу митрополита Филарета, сидящаго въ мантіи, распростертой по амвону, и падаю предъ нимъ на колѣни, причемъ онъ благословилъ меня и возложилъ на мою голову свои руки. Послѣ такихъ сновидѣній я почувствовалъ облегченіе въ моей душѣ. Чрезъ нѣсколько дней получено было отъ попечителя увѣдомленіе, въ которомъ было сказано, что я переведенъ инспекторомъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію на мѣсто Писарева, оговореннаго Бездономъ и переведеннаго въ Луцкое дворянское училище. Радость моя была неизъяснима. Пришедши къ Зимовскому, я увидѣлъ у него прибывшаго преемника моего Дельсаля. Я думалъ, что дня черезъ два отправлюсь въ Новгородъ-Сѣверскъ; но Зимовской задержалъ меня въ Немировѣ болѣе недѣли подъ тѣмъ предлогомъ, что я долженъ произвести повѣрку имущества общей квартиры, состоявшаго въ завѣдываніи и подъ отвѣтственностью надзирателей, отъ которыхъ Дельсаль долженъ былъ принять означенное имущество. Настоящею же причиною моего задержанія было желаніе сдѣлать меня орудіемъ его мщенія. Онъ упросилъ меня присутствовать на экзаменахъ, на которыхъ находился и инспекторъ Дельсаль. Зимовской подшучивалъ надо мною, говоря, что въ послѣдствіи времени будутъ думать, что я былъ ревизоромъ Немировской гимназіи. Во время испытанія по разнымъ предметамъ въ разныхъ классахъ я предсѣдательствовалъ въ одномъ отдѣленіи, а Дельсаль въ другомъ; Зимовской, переходя изъ одного класса въ другой, засматривалъ въ дѣлаемыя нами отмѣтки ученикамъ по ихъ отвѣтамъ, вмѣшивался въ нихъ и заставлялъ перемѣнять ихъ по его усмотрѣнію. Когда, послѣ присутствованія моего на экзаменѣ по Исторіи, Зимовской просилъ меня предсѣдательствовать при испытаніи учениковъ по Латинскому языку, то я догадался, для чего Зимовской задерживалъ меня въ Неми-

ровѣ: онъ хотѣлъ чрезъ меня отмстить учителю Латинскаго языка Шведову за полученное отъ него оскорбленіе. Учитель Шведовъ хорошо зналъ преподаваемый имъ предметъ, но самое преподаваніе было малоуспѣшно: многіе ученики, какъ я видѣлъ при посѣщеніи классовъ, не имѣли латинскихъ книгъ, по которымъ производились переводы, только ихъ слушали и конечно безъ успѣха. Зналъ это и Зимовской и хотѣлъ, чтобы я, при испытаніи, дѣлалъ соотвѣтственныя такимъ успѣхамъ отмѣтки при его вмѣшательствѣ; вслѣдствіе чего оказавшаяся на экзаменѣ малоуспѣшность учениковъ въ латинскомъ языкѣ давала ему средство повредить Шведову, можетъ быть, донесеніемъ о томъ попечителю. Смекнувши о такомъ зломъ умыслѣ Зимовскаго противъ человѣка, мною уважаемаго, я рѣшительно отказался присутствовать на экзаменѣ по латинскому языку; хотя Зимовской два раза присылалъ ко мнѣ Дельсаля просить меня придти на экзаменъ, я отвѣчалъ, что мое мѣсто быть на экзаменѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, послѣ чего Зимовской меня не удерживалъ. На проѣздъ отъ Немирова до Новгородъ-Сѣверска я не имѣлъ у себя денегъ, ими ссудилъ меня добрый Чалый, и благодаря его одолженію, я поспѣшилъ въ обратный мой путь. Зимовской, прощаясь со мной, просилъ меня писать къ нему, когда буду въ Кіевѣ, но я къ нему не писалъ.

Послѣ описаннаго выше столкновенія Зимовского съ Вольскимъ, онъ, еще во время моего пребыванія въ Немировѣ, получилъ пощечину отъ квартировавшаго у него ученика, котораго секретно отъ всѣхъ самъ посадилъ въ карцеръ, и тѣмъ дѣло кончилось; въ другой же разъ, когда ученикъ нанесъ ему, уже безъ меня, подобный ударъ, жандармскій полковникъ донесъ о томъ высшему начальству, послѣ чего Зимовской переведенъ былъ директоромъ въ орловскую гимназію, гдѣ опять случилось съ нимъ неблагополучіе: письмоводитель его промоталъ казенныя деньги пять тысячъ рублей, довѣренныя ему для доставки на почту, которыя Зимовской долженъ былъ пополнить изъ своего кармана. По выслугѣ 25-ти лѣтняго срока онъ получъ отставку.

Заключу свое воспоминаніе о Зимовскомъ сознаніемъ, что непріятное нахожденіе мое въ службѣ подъ его начальствомъ съ получаемыми отъ него огорченіями принесло мнѣ и своего рода пользу: его строгая взыскательность заставила меня скоро изучить и исправно исполнять мои инспекторскія обязанности, а огорченія пріучали меня къ терпѣнію и осторожности въ службѣ и жизни.

Въ Кіевѣ я долженъ былъ представиться грозному Бибикову. Въ пріемной я засталъ уже какого-то полковника; по докладу обо мнѣ Бибиковъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и при входѣ моемъ велѣлъ мнѣ сѣсть противъ него въ креслахъ. Увидѣвъ на головѣ моей повязку, онъ спросилъ о причинѣ ея, и когда я сказалъ, что у меня давно испорченъ зубъ, совѣтовалъ мнѣ обратиться къ Караваеву; потомъ онъ спросилъ меня, находятся-ли въ новгородъ-сѣверской гимназіи учителя поляки, и послѣ моего утвердительнаго отвѣта, приказалъ мнѣ строго за ними наблюдать и не давать имъ потачки въ интригахъ; затѣмъ онъ приказалъ мнѣ особенно наблюдать за успѣхами учениковъ по русскому языку и наказывать ихъ розгами за непослушаніе начальству. При выходѣ моемъ отъ Бибикова чиновникъ его спросилъ меня о моемъ имени и квартирѣ, гдѣ я остановился. Въ Кіевѣ я получилъ благопріятное свѣдѣніе о новомъ директорѣ новгородъ-сѣверской гимназіи Науменкѣ, котораго всѣ хвалили за его добродушіе и обходительность съ учениками, когда онъ былъ инспекторомъ кіевской гимназіи, откуда, во время пребыванія моего въ Немировѣ, переведенъ директоромъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію. Узналъ я объ немъ также, что онъ кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата и былъ хорошимъ учителемъ русской словесности; я познакомился съ жившею въ Кіевѣ его тещею, и отъ нея получилъ письмо къ Науменку. Въ Кіевѣ-же я получилъ другое пріятное для меня извѣстіе отъ помощника попечителя Юзефовича, что меньшій сынъ мой Михаилъ, окончившій курсъ въ новгородъ-сѣверской гимназіи въ числѣ лучшихъ учениковъ, будетъ принятъ въ универ-

ситетъ на казенное содержаніе, на которомъ состоялъ и старшій сынъ мой Иванъ. Съ такими благопріятными для меня извѣстіями я, съ сыномъ моимъ Иваномъ, отправился изъ Кіева въ Новгородъ-Сѣверскъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества [1]).

(Окончаніе).

Прослѣдивъ въ предыдущемъ изложеніи данныя, относящіяся къ вопросу о существованіи Хортицкой Сѣчи, мы пришли къ заключенію, что такой Сѣчи не существовало. Обслѣдованіе вопроса о существованіи Запорожской Сѣчи на островѣ Томаковкѣ привело насъ къ выводу, что не было и Томаковской Сѣчи. [2])

Теперь на очереди выясненіе вопроса о существованіи запорожскихъ Сѣчей на островѣ Базавлукѣ при чертомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, и на Микитиномъ рогѣ въ чертѣ нынѣшняго м. Никополя екатеринославской губерніи.

По первому вопросу достовѣрный матеріалъ даетъ неоднократно уже цитированный нами дневникъ Лассоты, въ которомъ находимъ цѣнныя, хотя и не исчерпывающія вопроса, свѣдѣнія объ организаціи и бытѣ запорожцевъ въ концѣ 16 вѣка. Въ Запорожскомъ войскѣ были тогда части, состоящія подъ начальствомъ полковниковъ [3]); каждая изъ такихъ частей подраздѣлялась на сотни съ сотниками во главѣ [4]). Изъ войсковыхъ должностей отмѣчена у Лассоты должность эсауловъ, которые въ одномъ случаѣ передавали козакамъ на радѣ соображенія Лассоты отно-

---

[1]) Кіев. Стар. 1894 г. № 5.

[2]) Кіевская Старин. 1893, № 5.

[3]) Путевыя Записки Эр. Лассоты, въ прилож. стр. 92.

[4]) Тамъ-же, стр. 93.

сительно похода въ Молдавію, а въ другомъ случаѣ созывали козаковъ на раду [1]). Предводительствовалъ войскомъ гетманъ [2])

Нѣсколько неяснымъ является свидѣтельство Лассоты относительно обыкновенія запорожцевъ при обсужденіи важныхъ вопросовъ составлять одновременно два „кола“, т. е. два собранія, или двѣ рады; „коло“ начальниковъ и „коло“ черни, при чемъ по одному и тому же вопросу могли состояться различныя рѣшенія, какъ это и было при Лассотѣ [3]). Одобрительное рѣшеніе вопроса на общей козацкой радѣ сопровождалось бросаніемъ шапокъ [4]). Въ запорожскомъ войскѣ въ пору пребыванія Лассоты на Базавлукѣ находилось около 3, 000 козаковъ. Но это былъ не полный составъ Запорожскаго войска, которое по даннымъ грамоты запорожцевъ къ австрійскому императору могло достигнуть численности въ 6, 000 человѣкъ старыхъ козаковъ, не считая пограничныхъ хлѣборобовъ [5]). Запорожское войско на время походовъ пополнялось козаками, жившими въ городахъ и селахъ на Украинѣ [6]). Относительно боевой способности Запорожскаго войска цѣнно замѣчаніе Лассоты, что запорожцевъ, въ качествѣ наемнаго войска, не нужно было снабжать ни аммуниціей, ни оружіемъ, ни оружейниками при орудіяхъ, въ виду того, что всѣмъ этимъ запорожское войско было достаточно обезпечено [7]). Въ составѣ запорожскаго войска Лассота отмѣчаетъ вскользь группу охотниковъ, которые наравнѣ съ хозяевами челновъ, являлись элементомъ, выдававшимся среди запорожцевъ по своему значенію [8]). Имущество запорожцевъ, кромѣ вооруженія и челновъ, на которыхъ они предпринимали рѣчные и морскіе походы, заключалось въ лошадяхъ, необходимыхъ для походовъ сухопутныхъ. Во время посѣщенія Лассотою запорожцевъ, лошадей у нихъ было недостаточно вслѣд-

[1]) Путевыя Зап. Лассоты, стр 36, 38.
[2]) Тамъ-же, стр 30.
[3]) Тамъ-же, стр. 33.
[4]) Тамъ-же, стр. 32.
[5]) Тамъ-же, стр. 49.
[6]) Тамъ-же, стр. 39.
[7]) Тамъ-же стр. 44.
[8]) Тамъ-же стр. 36.

ствіе того, что въ теченіе предшествующей зимы татары предприняли на Запорожье 7 набѣговъ, похитивъ при этомъ болѣе 2 т. лошадей[1]).—Въ политическомъ отношеніи Запорожское войско въ данное время является независимымъ. Воюя съ турками и татарами, Запорожское войско находилось теперь въ разрывѣ и съ короннымъ канцлеромъ, т. е. съ правительствомъ Речи Посполитой, такъ же, какъ и съ кіевскимъ воеводою. Московскій великій князь, хотя и считалъ запорожцевъ своими слугами, но сносился съ ними черезъ пословъ, какъ съ независимымъ войскомъ, имѣвшимъ право заключать союзы и предпринимать походы по своему усмотрѣнію[2]). „Свободное" Запорожское войско, какъ оно называетъ себя въ полномочіи своимъ посламъ къ императору Рудольфу, по даннымъ дневника Лассоты, находилось въ это время въ довольно тѣсныхъ отношеніяхъ съ Польскою Речью Посполитою. Такъ, изъ дневника видно, что запорожцы могли успѣшно предпринять походъ въ Молдавію только въ томъ случаѣ, если этому походу не будетъ противодѣйствовать польское правительство. Вступить въ Украину запорожцамъ было необходимо, съ одной стороны для того, что бы раздобыть лошадей у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а также „у пріятеля" своего, воеводы брацлавскаго, съ другой стороны—для пополненія войска козаками, „причислявшими себя къ запорожцамъ"[3]). Потому то представители Запорожскаго войска и настаивали при переговорахъ съ Лассотой, чтобы императоръ Рудольфъ испросилъ разрѣшеніе у короля и сейма каждому „рыцарю" свободно выступать въ походъ противъ татаръ и проходить черезъ владѣнія Речи Посполитой[4]). Не только во время походовъ, но и въ мирное время запорожцы являлись на Украинѣ. Лассота отмѣчаетъ, что Хлопицкій, запорожскій полковникъ, отправлялся къ императору Рудольфу изъ Кіева, здѣсь же предварительно обсудивъ это предпріятіе съ низовыми козаками[5]).

[1]) Тамъ же стр. 33.
[2]) Тамъ же стр. 44.
[3]) Тамъ же, стр. 39.
[4]) Тамъ же стр. 42.
[5]) Тамъ же, стр. 39.

Существенно важною для характеристики козацкаго быта той поры является одна подробность дневника Лассоты, это его сообщеніе о переговорахъ козака Северина Наливайка съ запорожцами въ іюлѣ 1594 г. Поводомъ для этихъ переговоровъ послужило участіе Наливайка въ походѣ кіевскаго воеводы противъ козаковъ подъ предводительствомъ Косинскаго. Наливайко, служившій въ милиціи кіевскаго воеводы князя Острожскаго, черезъ двухъ посланцевъ просилъ прощенія у Запорожцевъ за этотъ свой поступокъ, оправдываясь тѣмъ, что еще до войны козаковъ съ кіевскимъ воеводою онъ состоялъ у послѣдняго на службѣ, а затѣмъ собственная его честь не дозволила ему оставить своего господина. Теперь Наливайко просилъ у запорожцевъ позволенія явиться къ нимъ, чтобы, положивъ свою саблю, доказать на радѣ неосновательность взводимыхъ на него обвиненій, при чемъ если его признаютъ виновнымъ, то онъ самъ предложитъ отрубить себѣ голову своею собственною саблею. [1])

Въ какомъ смыслѣ приведенныя выше данныя освѣщаютъ бытъ запорожцевъ, будетъ прослѣжено нѣсколько ниже, послѣ предварительныхъ справокъ по дневнику же Лассоты о мѣстѣ пребыванія Запорожскаго войска. Изъ названнаго источника мы узнаемъ, что Запорожское войско стояло на о—вѣ Базавлукѣ лагеремъ; жилищемъ для козаковъ служили шалаши, сдѣланные изъ хворосту и покрытыя для защиты отъ дождя лошадиными кожами. Такое же помѣщеніе, называемое кошемъ, предоставлено было и Лассотѣ съ его спутниками. [2]) Сообщенныя здѣсь подробности даютъ основаніе для заключенія, что на островѣ Базавлукѣ во время пребыванія Лассоты у запорожцевъ находилась обыкновенная стоянка Запорожскаго войска, которую никакъ нельзя отождествлять съ Запорожской Сѣчью. Мѣсто пребыванія Запорожцевъ Лассота въ дневникѣ вездѣ называетъ *лагеремъ* и ни въ одномъ случаѣ не прибавляетъ опредѣленія „укрѣпленный или окруженный валомъ." Отмѣчая въ сво-

---

[1]) Путевыя записки Лассоты стр. 50.

[2]) Путевыя записки Лассоты, стр. 31.

емъ дневникѣ не только всѣ укрѣпленія, встрѣчавшіяся ему на пути, но даже валы и насыпи, Лассота очевидно не преминулъ бы описать и укрѣпленіе Запорожцевъ, если бы оно существовало. Коши, носившіе всѣ признаки временныхъ жилищъ, точно также характеризуютъ лагерь на о—вѣ Базавлукѣ, какъ случайную стоянку здѣсь Запорожскаго войска [1]).

Обращаясь къ подробностямъ войсковаго устройства запорожцевъ, также видимъ черты, существенно отличающія бытъ запорожцевъ, въ эту пору отъ быта позднѣйшаго Низоваго запорожскаго войска, имѣвшаго свой центръ сперва въ Старой Сѣчи надъ Чертомлыкомъ, а затѣмъ въ Новой Сѣчи на Подпольной.

Не входя въ разсмотрѣніе неясной замѣтки Лассоты о рѣшеніи важнаго вопроса о походѣ одновременно въ двухъ „колахъ" и о возможности жестокой расправы черни съ тѣми изъ начальниковъ, которые не раздѣляютъ желаній войска, мы не можемъ не обратить вниманія прежде всего на то обстоятельство, что основной единицей въ запорожскомъ войскѣ въ данное время мы видимъ не курень, съ куреннымъ атаманомъ во главѣ, а часть войска, состоящую подъ начальствомъ полковника. Если возможно, допуская натяжку, видѣть въ двухъ „колахъ" аналогію съ позднѣйшимъ совѣтомъ старшинъ и общей войсковой радой, если возможно запорожскихъ полковниковъ съ такой же натяжкой приравнивать къ полковникамъ, существовавшимъ въ позднѣйшее время на Запорожьи въ паланкахъ, то невозможно въ позднѣйшемъ устройствѣ За-

---

[1]) Брунъ въ примѣчаніяхъ къ дневнику Лассоты допускаетъ, что этотъ иностранецъ Запорожскую Сѣчь называетъ лагеремъ вслѣдствіе того, что „такъ называли столицу запорожцевъ его нѣмецкіе и польскіе спутники." Взявъ, однако, во вниманіе, что Лассота, описывая пребываніе свое на Базавлукѣ, употребляетъ такія слова, какъ „kocz" „czerna" „jasauli" и вообще имѣлъ обыкновеніе приводить въ своемъ дневникѣ туземныя названія неизвѣстныхъ ему предметовъ, то догадку Бруна въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать неосновательною. Упоминая въ дневникѣ о такихъ бытовыхъ предметахъ, какъ кобеняки (kepenikh), любознательный путешественникъ, ожидавшій въ теченіи девяти дней возвращенія изъ похода гетмана Микошинскаго и остававшійся на Базавлукѣ безъ всякаго дѣла, не могъ бы умолчать о Запорожской Сѣчи, если бы она существовала.

порожской общины найти что-либо, соотвѣтствующее отмѣченнымъ у Лассоты *„хозяевамъ челновъ"*, мнѣніе которыхъ имѣло важное значеніе при рѣшеніи вопроса о предлагаемомъ Лассотой походѣ въ Молдавію.—Эта характерная частность быта запорожцевъ даетъ основаніе заключать, что запорожцы въ концѣ 16 вѣка не имѣли еще законченной организаціи.

Такой же смыслъ имѣютъ и другія бытовыя черты, отмѣченныя по дневнику Лассоты. Такъ, кромѣ хозяевъ челновъ, вліятельную группу среди запорожцевъ представляли собою охотники. Эта замѣтка Лассоты имѣетъ существенное значеніе для характеристики запорожскаго быта въ концѣ 16 вѣка. Охотники, какъ извѣстно, всегда существовали на Запорожьи. Такъ называемые „лисичники" популярны еще и въ 18 вѣкѣ, когда они представляли собою заурядную группу въ составѣ сѣчевого товариства. Иное значеніе на Запорожьи имѣли охотники въ концѣ 16 вѣка. По свидѣтельству имѣвшаго обстоятельныя свѣдѣнія о низовьяхъ Днѣпра хроникера Бѣльскаго, на Запорожьи въ 70-хъ годахъ 16 вѣка оставались козаки для промысловъ и набѣговъ только съ весны до осени, на зиму же возвращались въ украйные города и поселенія, оставляя за порогами лишь сторожу при орудіяхъ [1]). Въ главныхъ основаніяхъ такой же бытъ запорожцевъ продолжался, какъ увидимъ ниже, и въ концѣ 16 вѣка. Здѣсь же отмѣтимъ, что упоминаемые въ дневникѣ Лассоты козаки— охотники, по существу положенія дѣлъ на Запорожьи, въ ту пору должны были составлять одну изъ наиболѣе авторитетныхъ группъ въ средѣ Запорожцевъ. Охотничій промыселъ производился главнымъ образомъ зимою, а потому охотники—это козаки, зимовавшіе на Запорожьи, своего рода туземцы въ запорожскихъ вольностяхъ. Перенесеніе всевозможныхъ опасностей въ пустынномъ краѣ въ сосѣдствѣ съ татарами, предпринимавшими, какъ отмѣчено выше, по 7 набѣговъ въ теченіе одной зимы, и вырабатываемыя такимъ положеніямъ ихъ закаленность и знаніе мѣстности,—все это должно было выдѣлять козаковъ—охотниковъ въ рядахъ осталь-

---

[1]) Kronika Bielskiego, стр. 717.

ныхъ запорожцевъ и придавать особую важность ихъ мнѣніямъ при обсужденіи вопросовъ о походахъ.—

Приведенныя выше подробности о связяхъ запорожцевъ съ Украйной въ свою очередь служатъ признакомъ того, что низовое Запорожское козачество въ концѣ 16 в. не представляло еще самостоятельной организаціи, отдѣльной отъ городового Запорожскаго козачества. Въ самомъ дѣлѣ, если во время похода противъ татаръ въ низовомъ запорожскомъ войскѣ было около 3.000 человѣкъ, а другіе 3.000 могли примкнуть къ нимъ только послѣ объявленія на Украйнѣ о молдавскомъ походѣ, то нѣтъ основанія въ Запорожцахъ, бывшихъ въ Базавлукскомъ лагерѣ, видѣть отдѣльное и самостоятельное „Низовое Запорожское войско".

Здѣсь необходимо точно опредѣлить употребляемые нами термины „городовое" и „низовое" запорожское козачество. Городовое запорожское козачество—это легальные, реестровые, (т. е. внесенные въ реестры) козаки, получившіе права свободнаго сословія при Баторіи послѣ неоднократныхъ мятежей на Украйнѣ, поднимаемыхъ козаками большею частью противъ королевскихъ старостъ, пытавшихся подчинить козаковъ своей юрисдикціи. Выдѣленныя Баторіемъ 6000 семействъ козаковъ на правахъ свободнаго военнаго сословія получили оффиціальное названіе „Запорожскаго войска" въ виду того, что на нихъ возложена была обязанность содержать стражу за Днѣпровскими порогами для пресѣченія частыхъ въ то время татарскихъ набѣговъ въ предѣлы Польскаго государства[1].—Козаковъ, не вошедшихъ въ реестры и поставленныхъ Баторіевою реформою въ положеніе посполитыхъ, польскіе хроникеры обычно называютъ свавольными козаками. Эти козаки, всегда принимавшіе участіе въ мятежахъ и возстаніяхъ на Украйнѣ, регулярно уходили на низовья Днѣпра для промысловъ и добычи, почему назывались также „низовцами". Это—нелегальное низовое Запорожское козачество.

Независимость низоваго Запорожскаго козачества отъ польской Речи Посполитой при такомъ положеніи вещей имѣла въ

[1]) Кіевская Старина 1884 г., № 9, стр. 45—49.

значительной степени условный характеръ. Независимымъ отъ Польши Запорожское козачество могло быть только въ пустынномъ краѣ за порогами; возвращаясь же на Украйну, непризнанные низовые козаки положеніемъ вещей ставились въ необходимость или подчиняться насильственному режиму польскаго правительства, или открыто возставать противъ соціально-экономическаго строя въ государствѣ. Послѣдующія козацкія возстанія и вызваны были, главнымъ образомъ, такимъ положеніемъ низовыхъ козаковъ; въ этомъ же ихъ положеніи нашли точку опоры всѣ козацкія возстанія безъ исключенія.

Для выясненія положенія низовыхъ козаковъ въ польской Речи Посполитой въ концѣ 16 вѣка, достаточно отмѣтить существенныя черты ближайшаго козацкаго возстанія подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, разразившагося черезъ годъ послѣ посѣщенія запорожцевъ Лассотою. Возстанію этому дало поводъ запрещеніе польскаго правительства выступать козакамъ въ походъ въ Молдавію наперерѣзъ отправившейся туда татарской ордѣ, чтобы избѣжать войны съ Турціей. Козаки тѣмъ не менѣе предприняли этотъ походъ. Послѣ похода Лобода, предводительствовавшій низовыми и реестровыми козаками, возвратился на Украйну, не распустивъ однако здѣсь козацкаго войска, а Наливайко, предводительствовавшій отрядомъ, состоявшимъ изъ крестьянъ, бѣглыхъ слугъ и вообще всякой вольницы, возвратившись изъ Молдавіи въ Брацлавщину, поднялъ возстаніе, такъ какъ находившихся при немъ участниковъ молдавскаго похода ожидало наказаніе, а затѣмъ подневольное положеніе подъ присудомъ старостъ и державцевъ [1]).

Всѣ отмѣченныя черты быта низовыхъ козаковъ въ концѣ 16 вѣка указываютъ, что на Запорожьи въ эту пору не существовало отдѣльное отъ остального козачества и самостоятельное „Низовое войско Запорожское“, какимъ видимъ мы его впослѣдствіи. Въ данное время низовое козачество, правдоподобно, проходило среднюю стадію развитія между моментомъ окончательнаго устройства самостоятельнаго Низоваго войска За-

---

[1]) Антоновичъ, литограф. лекціи 1882 г. стр. 36—38.

порожскаго, и моментомъ того примитивнаго войскового устройства, какое находимъ у Бѣльскаго въ описаніи козацкаго похода въ Молдавію подъ предводительствомъ гетмана Свирчовскаго [1]).

Запорожскій лагерь на о-вѣ Базавлукѣ нѣкоторые изслѣдователи Запорожья, какъ напримѣръ Брунъ, а вслѣдъ за нимъ и Эварницкій, неосновательно называютъ Запорожской Сѣчью.

Всѣ подробности обстоятельнаго дневника Лассоты, какъ изложено выше, указываютъ на то, что на островѣ Базавлукѣ находилась обыкновенная стоянка запорожцевъ во время похода противъ татаръ, безъ всякихъ признаковъ какой-либо осѣдлости въ этомъ пунктѣ [2]).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію данныхъ, относящихся къ вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ. Въ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи Запорожскаго козачества, Микитинская сѣчь признается установленнымъ историческимъ фактомъ. Костомаровъ, говоря о бѣгствѣ Б. Хмельницкаго на Запорожье въ концѣ 1647 г., пишетъ: „Запорожская сичъ не имѣла еще постояннаго мѣстопребыванія, а, какъ военный станъ, переходила съ одного днѣпровскаго острова на другой.

---

[1]) Участники этого похода состояли подъ начальствомъ 7 предводителей, изъ которыхъ Свирчовскій съ Бастаномъ были главными; въ этомъ же походѣ (1574 г.) принимало участіе 200 брацлавянъ, предводитель которыхъ не названъ. (Кіевская Стар. 1884 г., № 8, стр. 604).

[2]) Г. Эварницкій въ своемъ трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“ представляетъ планъ Базавлукской Сѣчи, но странно, что изображенная въ этомъ планѣ мѣстность не представляетъ даже острова, такъ какъ съ восточной стороны примыкаетъ къ полямъ с. Грушевки (стр. 260). Никакихъ источниковъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ дневника Лассоты, г. Эварницкій не указываетъ, говоря о существованіи Базавлукской Сѣчи. Изъ всего дневника Лассоты единственнымъ основаніемъ для такого мнѣнія могло служить лишь слово „сѣчъ“, ошибочно употребляемое Бруномъ въ его примѣчаніяхъ къ русскому переводу этого дневника (Эварницкій, Запорожье..., т. I, стр. 257—262, Путевыя зап. Лассоты, стр. 77). Признаками сѣчи въ этомъ мѣстѣ г. Эварницкій считаетъ слѣды ямъ „числомъ 21, расположенныхъ совершенно правильно въ одну линію, одна возлѣ другой у восточной окраины острова“ (стр. 258). Представленные въ такомъ видѣ доводы для доказательства существованія Базавлукской Сѣчи, очевидно, этого не доказываютъ.

Въ то время она находилась на Микитиномъ Рогѣ" [1]). Антоновичъ также признаетъ существованіе сѣчи на Запорожьи передъ бѣгствомъ сюда Б. Хмельницкаго, хотя собственно Микитина Рога и не называетъ мѣстомъ Запорожской сѣчи [2]). Нельзя не замѣтить, однако, что какъ названные, такъ и всѣ другіе изслѣдователи свое мнѣніе о существованіи сѣчи на Микитиномъ Рогѣ основывали на данныхъ, заключающихся въ малорусскихъ лѣтописяхъ и составленныхъ по этимъ лѣтописямъ компиляціяхъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, не только историческія компиляціи, но и найболѣе достовѣрныя наши лѣтописи, каковы лѣтописи Львовская и Самовидца, не чужды ошибокъ и хронологическихъ неточностей, какъ показываютъ комментаріи къ изданнымъ лѣтописямъ [3]).

Такую ошибку лѣтописцевъ мы допускаемъ и въ пріурочиваніи Запорожской сѣчи къ Микитину Рогу. Допускать эту ошибку позволяютъ намъ слѣдующія соображенія. Лѣтописи наши составлялись значительно позже занимающаго насъ времени, вслѣдствіе чего существованіе сѣчи, возникшей въ позднѣйшее время, могло быть пріурочено ко времени болѣе раннему. Такое пріурочиваніе тѣмъ возможнѣе, что послѣ 1647 г. послѣдовалъ продолжительный періодъ бурныхъ событій на Украйнѣ, при дѣятельномъ участіи въ нихъ низовыхъ козаковъ. Составители козацкихъ хроникъ, появляющихся не ранѣе конца 17 столѣтія, даже неумышленно могли перенести въ болѣе раннюю пору такое выдающееся явленіе, какимъ была въ ихъ время Старая Запорожская сѣчь. Тѣмъ болѣе могли это сдѣлать переписчики и компиляторы лѣтописей, которые по своему усмотрѣнію не только пополняли однѣ лѣтописи не всегда вѣрными свѣдѣніями изъ другихъ, но и вставляли въ повѣствованіе иногда завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія. Таковъ, напримѣръ, фальсифицированный универсалъ Б. Хмельницкаго, въ которомъ

---

[1]) Костомаровъ Б. Хмельн., т. I. стр. 251.

[2]) Антоновичъ, лекціи 1882 г.. стр. 82.

[3]) Лѣтопись Самовидца, предисл., стр. 74—76.

приводится якобы грамота Баторія, утверждающая земельныя владѣнія Низоваго Запорожскаго войска [1]).

Характернымъ для занимающаго насъ вопроса является то обстоятельство, что въ лѣтописныхъ замѣткахъ относительно Запорожской Сѣчи мы видимъ непослѣдовательность и несогласованность свѣдѣній даже одной и той же лѣтописи. Такъ, въ найболѣе достовѣрной для даннаго времени лѣтописи Самовидца сперва читаемъ, что Хмельницкій отправился *за пороги*, но на Запорожьи не могъ оставаться „за для залоги, которая на тотъ часъ съ полковниками лядскими посполу з жолнѣрами зоставала", и ушелъ „на Низъ, ку мору, на поля, къ лиману", гдѣ къ нему собирались козаки, уходящіе отъ польскихъ полковниковъ [2]). Такъ пишетъ Самовидецъ вначалѣ своего повѣствованія о возстаніи Хмельницкаго. Этому свидѣтельству вовсе не соотвѣтствуетъ дальнѣйшій текстъ этой же лѣтописи, именно то мѣсто, гдѣ говорится, что реестровымъ козакамъ, поплывшимъ по Днѣпру противъ Хмельницкаго, было приказано отправиться на Запорожье *„до Сѣчи"* зносити (въ одномъ изъ списковъ лѣтописи *зловити*) Хмельницкаго, *албо осадити его зъ войскомъ* [3]). Если признать достовѣрнымъ первоначальное свидѣтельство лѣтописи о первыхъ шагахъ Хмельницкаго за порогами, то въ послѣдующемъ изложеніи слово „до Сѣчи" послѣ слова на Запорожье и слова „албо осадить его з войскомъ" послѣ „зловити",—оба эти поясненія въ послѣдующемъ изложеніи слѣдуетъ признать позднѣйшими вставками переписчиковъ.

Не менѣе важнымъ для разъясненія занимающаго насъ вопроса о существованіи Запорожской Сѣчи является текстъ параллельныхъ мѣстъ въ „Собраніи Историческомъ" Лукомскаго. Въ данномъ случаѣ важно то, что Лукомскій не составлялъ этого труда, а компилировалъ хронику Гвагнина [4]) и „русскія

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Собраніе историческое, стр. 350. Здѣсь упоминается городъ Чигиринъ, основанный по смерти Баторія, что несомнѣнно указываетъ на фальсификацію названнаго документа.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 6—7.

[3]) Лѣт. Самов., стр. 8.

[4]) Хроника Гвагнина во второй своей половинѣ принадлежитъ къ числу найболѣе достовѣрныхъ источниковъ для исторіи запорожскаго казачества, какъ можно

старыя вѣрныя лѣтописи", при чемъ авторъ сопровождаетъ свой трудъ постоянными ссылками на источникъ. Изъ лѣтописнаго труда этого автора мы узнаемъ, что Б. Хмельницкій передъ возстаніемъ ушелъ на днѣпровскіе острова, прежде всего на островъ Бучки (Томаковку), а потомъ прибылъ на Микитинъ Рогъ, гдѣ засталъ 300 запорожскихъ козаковъ [1]). „На Запорожьи, *въ Сѣчи* — говорится далѣе въ „Собраніи" Лукомскаго—*Хмельницкій ни самъ быть, ни войска собирать не могъ,* потому что тамъ залога лядская и нѣмецкая съ своими начальниками межъ запорожцами состояла"... [2]). Первая наша выписка изъ Лукомскаго вполнѣ согласна съ первой выдержкой изъ лѣтописи Самовидца, не представляя, однако, заимствованія, а существенно пополняя лѣтописный разсказъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ упоминаніе объ о—вѣ Бучки (Томаковка) и, что́ особенно важно для выясненія занимающаго насъ вопроса, встрѣчаемъ упоминаніе о Микитиномъ Рогѣ, какъ обыкновенномъ урочищѣ. Вторая приведенная нами выписка изъ „Собранія Историческаго", если не допустить здѣсь погрѣшности компилятора или переписчика, находится въ противорѣчіи со всѣми какъ лѣтописными, такъ и вообще историческими данными о Запорожьи въ концѣ первой половины 17 вѣка. Здѣсь говорится, что Б. Хмельницкій, бѣжавъ за пороги, въ первое время не появлялся въ Сѣчи, такъ какъ будто бы въ ней находился польскій отрядъ, при чемъ Сѣчь, по смыслу приведенныхъ выдержекъ, находилась гдѣ-то внѣ о—ва Томаковки и Микитина Рога. Это сбивчивое и непонятное мѣсто въ „Собраніи Историческомъ" станетъ совершенно яснымъ, если допустить произвольную вставку одного слова „въ *Сѣчи*" (во второй выдержкѣ, послѣ слова на Запорожьи).

Допускать ошибку нашихъ лѣтописей въ пріурочиваніи Сѣчи къ Микитиному Рогу въ концѣ 40-хъ годовъ 17 столѣтія даютъ основаніе документальныя данныя о Запорожьи, относя-

---

видѣть изъ сопоставленія этой части хроники съ хроникой Бѣльскаго, девизъ которой: „*противъ правды нѣтъ разума*".

[1]) Лѣтопись Самоила Величка, т. 4, стр. 309.

[2]) Тамъ-же, стр. 310.

щіяся къ этому времени. Такъ, въ цѣломъ рядѣ документовъ, касающихся пребыванія Б. Хмельницкаго на Запорожьи, говорится о бѣгствѣ его на *низовья Днѣпра* [1]), о предложеніи ему *выйти изъ Запорожья* [2]), о пребываніи его *на о—вѣ Бучкѣ* [3]), о невозможности найти его въ *днѣпровскихъ протокахъ* [4]), говорится, что Б. Хмельницкій принужденъ былъ спасать жизнь свою въ *днѣпровскихъ пещерахъ* [5]), что сторонники его собрались на Запорожьи въ *тѣснинахъ днѣпровскихъ* [6]) и вовсе не упоминается о Запорожской Сѣчи. Всѣ указанные источники представляютъ собою извѣстія современниковъ. Въ такихъ извѣстіяхъ не было бы умолчанія о Запорожской Сѣчи, если бы она существовала [7]).

Приведенныя предъ этимъ нѣсколько отрывочныя свидѣтельства современниковъ подтверждаются документальными дан-

---

[1]) Памятники, изд. временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. I, отд. 3, стр. 5.

[2]) Тамъ-же, стр. 10.

[3]) Тамъ-же, стр. 18.

[4]) Тамъ-же, стр. 32.

[5]) Тамъ-же, стр. 323.

[6]) Тамъ-же, стр. 50.

[7]) Попытаемся привести къ единству всѣ отмѣченныя выше разрозненныя и въ отдѣльныхъ случаяхъ несогласныя данныя о пребываніи Б. Хмельницкаго на Запорожьи въ концѣ 1647 и въ началѣ 1648 г. Послѣдовательное передвиженіе Б. Хмельницкаго на низовьяхъ Днѣпра представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего Хмельницкій съ соучастниками его бѣгства направился къ уединенному среди плавень Томаковскому о—ву, гдѣ въ то время находился Линчай съ своими приверженцами. (Буцинскій, о Б. Хмельницкомъ, стр. 38). Линчаньцы, поднимавшіе передъ этимъ мятежъ на Украйнѣ и усмиряемые реестровыми козаками, въ рядахъ которыхъ могъ быть и чигиринскій сотникъ, по всей вѣроятности, недружелюбно отнеслись къ новому бѣглецу, и Б. Хмельницкій съ своими спутниками отправляется „на Низъ, къ морю, на поля, къ лиману и на днѣпровскіе о—ва, объединяя въ этихъ мѣстахъ укрывающіяся отъ польскихъ полковниковъ ватаги запорожцевъ. Польскіе полковники изъ коша на Микитиномъ Рогѣ высылали противъ него отряды, но Хмельницкій разбивалъ ихъ, усиливаясь перебѣгавшими реестровыми козаками. Собравшись съ силами, Б. Хмельницкій прибылъ въ Запорожскій кошъ, гдѣ дружелюбно былъ встрѣченъ козаками. Открывъ свой замыселъ только козацкой старшинѣ и не предпринимая рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ польскому отряду, стоявшему гдѣ-то, въ окрестности „залогой“, Б. Хмельницкій оправляется въ Крымъ искать союза у татаръ, а затѣмъ, возвратившись на Запорожье, истребляетъ польскій отрядъ и этимъ начинаетъ возстаніе.

ными о развитіи Запорожскаго козачества прежде всего въ первой четверти 17 вѣка.

Цѣннымъ источникомъ для исторіи Запорожья въ эту пору являются „Pisma“ Станислава Жолкевскаго, который въ 1596 г. рѣшилъ исходъ козацкаго возстанія подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, а затѣмъ имѣлъ близкое отношеніе къ козакамъ по должности коронного гетмана въ 1620 г. Въ этомъ сборникѣ „Писемъ“ заключается оффиціальная переписка Жолкевскаго съ королемъ, инструкціи комиссарамъ, переговаривавшимся съ козаками, его отчеты сейму и т. д. Здѣсь находимъ цѣлый рядъ достовѣрныхъ свѣдѣній о современныхъ событіяхъ на Запорожьи. Таковы свѣдѣнія о двухъ морскихъ походахъ козаковъ и о погромѣ турецкой флотиліи у Очакова въ 1613 г., о козацкомъ походѣ въ Молдавію и о шкодахъ, причиненныхъ козаками на пути въ Брацлавскомъ воеводствѣ въ 1614 г., о большомъ морскомъ козацкомъ походѣ 1615 г., въ которомъ козаки выступили 80-ью челнами, грабили окрестности Константинополя и разгромили турецкій флотъ у устьевъ Дуная; сообщается здѣсь также о пораженіи въ днѣпровскомъ лиманѣ Али-паши, пытавшагося по Днѣпру проникнуть на Запорожье въ 1616 г., и о большомъ морскомъ походѣ, предпринятомъ козаками въ этомъ же году къ Трапезунту, при чемъ изъ похода козаки возвращались на Днѣпръ черезъ Азовское море, Міусъ и Волчью рѣку въ виду того, что Ибрагимъ-паша заступилъ имъ дорогу [1]).

Всѣ эти данныя, однако, не говорятъ о прочномъ устройствѣ Запорожцевъ на низовьяхъ Днѣпра. Вслѣдъ за отмѣченными свѣдѣніями о морскихъ козацкихъ походахъ мы имѣемъ извѣстія, опредѣленно устанавливающія прежнюю тѣсную связь низоваго козачества съ городовымъ козачествомъ на Украйнѣ. Такой смыслъ имѣетъ извѣстіе о томъ, что Ибрагимъ-паша, отправившись въ 1616 г. на Запорожье, разрушилъ козацкія жилища, взялъ здѣсь двѣ пушки и нѣсколько челновъ, оберегаемыхъ нѣсколькими сотнями запорожцевъ, такъ какъ осталь-

---

[1]) Piśma Żołkiewskiego, стр. 301—303. Отмѣчены нами не всѣ морскіе походы, предпринятые козаками въ эту пору.

ные козаки находились въ это время въ городовой Украйнѣ („na wlosciach") [1]). Въ слѣдующемъ 1617 г. запорожцы опустошили панскія владѣнія на Украйнѣ и, уйдя на низъ, отказались прислать своихъ представителей для выслушанія условій мирнаго договора, заключеннаго предъ этимъ Речью Посполитою съ Турціею. Извѣщая объ этомъ, Жолкевскій сообщаетъ также о томъ, что на Запорожьи собралось столько „гультяйства", что трудно даже пріискать слугу (на Украйнѣ),—такъ всѣ быстро стекаются до ихъ „sentyny" (лат. sentina=сбродъ, сволочь) [2]); заключаетъ это свое письмо коронный гетманъ мнѣніемъ, о необходимости строгаго запрещенія провозить на „Низъ" живность и другіе потребные предметы. Не менѣе опредѣленную характеристику быта Запорожскаго козачества въ данную пору видимъ въ другомъ письмѣ Жолкевскаго, въ которомъ онъ предлагаетъ упорядочить козаковъ какъ на „влостяхъ", та и на „Низу", гдѣ козаки „незвычайными громадами своими шкоды и крывды подданнымъ нашымъ чынять и покой посполитый зъ сусидами руйнують". „Тѣ козаки,—продолжаетъ Жолкевскій, которые мешкаютъ на „влостяхъ", должны повиноваться старостамъ и державцамъ, а также и панамъ своимъ, „не удаваясь ни-до-якихъ купъ и громадъ", а тѣ, которые будутъ на „Низу", должны оставаться въ положенномъ числѣ въ надлежащемъ порядкѣ, съ старшиною отъ насъ назначенною" [3]). Существеннымъ дополненіемъ къ этимъ даннымъ о Запорожьи является рѣчь Жолкевскаго на сеймикѣ передъ сеймомъ 1615 г. „Низовые козаки—говорилъ Жолкевскій—опановали кіевскую Украину и особенно поднѣпровскій край, собравшись въ немалыя войска .., опустошая панскія владѣнія на Украйнѣ и наѣзжая на владѣнія турецкаго султана и крымскаго хана [4]).

Такой же смыслъ имѣютъ подробности, заключающіяся въ двухъ письмахъ Запорожскихъ козаковъ къ Жолкевскому, при переговорахъ, касающихся устройства козаковъ на „влостяхъ" и

[1]) Pisma Żołkiewskiego, стр. 309.

[2]) Тамъ-же, стр. 284—286.

[3]) Тамъ-же, стр. 326—327.

[4]) Тамъ же, стр. 507—508.

на „Низу“. Въ отмѣчаемой перепискѣ наиболѣе характерно то, что въ 1617 г. запорожскіе козаки, обязываясь исключить изъ своего войска ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, рѣзниковъ, портныхъ, kafanikow (?) balakieziow (?) и всѣхъ другихъ, примкнувшихъ къ козакамъ въ послѣдніе 2 года, согласились на всѣ требованія комисаровъ, даже на требованіе принять „старшого“ „изъ руки короля и короннаго гетмана“, хотя и оговаривались, что этотъ старшій долженъ быть выбранъ изъ ихъ же войска, ими самими, а не кѣмъ-либо инымъ; согласившись на всѣ требованія комисаровъ, козаки выговорили для себя право обратиться къ королю и сейму съ просьбой объ увеличеніи какъ размѣровъ жалованья, такъ и числа запорожскаго войска „для охраненія тѣхъ мѣстъ“ [1]). Нѣсколько иное положеніе занимаетъ запорожское козачество въ 1619 г. послѣ своего успѣшнаго похода въ московское государство на выручку королевича Владислава. Теперь козаки, какъ и прежде, повторяютъ свои обязательства передъ Речью Посполитою, но самостоятельность Сагайдачнаго на этотъ разъ сказывается въ весьма существенной оговоркѣ, именно, что войско запорожское не можетъ дать свѣдѣній о своей численности; при этомъ Сагайдачный ссылается на то, что медленную процедуру „выписки“ необходимо производить въ городкахъ на Украйнѣ [2]).

Если принять во вниманіе послѣдующую дѣятельность Сагайдачнаго, то покорность его при переговорахъ съ польскими комиссарами приходится объяснять обдуманнымъ дипломатическимъ пріемомъ. Одна указанная оговорка давала возможность Сагайдачному удержать всѣ козацкія права и вольности. Дѣлая такую оговорку, Сагайдачный стремился утвердиться на Украйнѣ. „Управленіе Украйною—говоритъ на основаніи документальныхъ данныхъ В. Б. Антоновичъ—было (затѣмъ) вполнѣ въ рукахъ Сагайдачнаго. Теперь онъ даетъ болѣе широкое устройство козакамъ, раздѣляетъ ихъ на полки и присоединяетъ къ полкамъ такія области, гдѣ уже давно не было козаковъ, каковы напр.: Сѣверская область, Кіевская и другія“ [3]).

---

[1]) Pisma Żołkiewskiego, стр. 318—322.

[2]) Pisma Żołkiewskiego, стр. 334—338.

[3]) Антоновичъ, Лекціи 1882 г. стр. 46.

Хотя при такомъ положеніи запорожскаго козачества еще не возникла Сѣчь, какъ центръ отдѣльнаго „Низоваго запорожскаго войска“, но упоминаніе о сѣчовцахъ (sieczowcy) встрѣчаемъ въ письмахъ Жолкевскаго. Примѣнилъ такое названіе Жолкевскій для обозначенія группы низовыхъ козаковъ, пребывавшихъ за порогами и находившихся въ разрывѣ съ правительствомъ. Въ одномъ изъ писемъ коронный гетманъ извѣщаетъ ротмистровъ и поручиковъ кварцяного войска о томъ, что „своевольные“ козаки, находившіеся на „влостяхъ“, отнеслись враждебно къ нѣсколькимъ ротамъ, прибывшимъ сюда „на становыще“, указанное коронным гетманомъ. „*На дняхъ*—сообщаетъ онъ далѣе—*долженъ получиться отвѣтъ съ Низу, какъ намѣрены поступать sieczowcy, подчинятся-ли они постановленіямъ назначенныхъ королемъ комиссаровъ, или будутъ сопротивляться*“ [1]). „Сѣчовцы“, по смыслу приведенной выдержки,—возставшіе козаки, ушедшіе на Запорожье и не желающіе возвращаться оттуда на Украйну [2]).

Не могла возникнуть Сѣчь на Запорожьи и въ послѣдующій періодъ козацкихъ возстаній подъ предводительствомъ Жмайла, Тараса Трясилы, Павлюка и Остраницы, вызванныхъ репрессивными мѣрами польскаго правительства, которое и въ городовой Украйнѣ, и на Низу пыталось ограничить запорожское козачество въ смыслѣ отмѣченныхъ выше предложеній Жолкѣвскаго. Что Запорожская Сѣчь не возникала въ ту пору, можно заключать уже изъ того обстоятельства, что въ 10-лѣтіе передъ возстаніемъ Б. Хмельницкаго на Запорожьи окончательно утвердилась власть польскаго правительства: здѣсь, кромѣ реестровыхъ козаковъ, находилась „залога“ польскихъ жолнѣ-

---

[1]) Pisma Żołkiewskiego, стр. 421—422.

[2]) Названіе „sieczowcy“ не является, по нашему мнѣнію, свидѣтельствомъ о Запорожской Сѣчи. Мы не беремся выяснить подлинный смыслъ этого слова, но все же не рѣшаемся понимать его въ значеніи „сѣчевниковъ“, обитателей укрѣпленнаго пункта, Сѣчи, и вотъ почему. Названное письмо Жолкевскаго относится къ 1614 году, между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, Ибрагимъ-паша въ 1616 г. не нашелъ здѣсь никакого укрѣпленія; онъ здѣсь „знесъ домки, взялъ пару пушекъ и нѣсколько челновъ“. Бывшіе въ ту пору „на островѣ“ нѣсколько сотъ запорожцевъ, не имѣя возможности противостать турецкой силѣ, скрылись. (Pisma Żołkiewskiego, стр. 309).

ровъ, при чемъ время отъ времени посылались сюда польскія войска, которыя и разсѣевали козацкія скопища. Если бы передъ этимъ временемъ существовала Сѣчь, то о разрушеніи ея были бы хоть какія-нибудь упоминанія въ записяхъ современниковъ. Между тѣмъ въ первоисточникахъ по исторіи Запорожья нѣтъ и намека на такое упоминаніе.

Для выясненія занимающаго насъ вопроса о существованіи Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ по даннымъ остатковъ старины въ этой мѣстности, мы располагаемъ совсѣмъ скуднымъ матеріаломъ. Та часть Микитина Рога, на которой, по свидѣтельству мѣстныхъ старожиловъ, были древнѣйшіе слѣды пребыванія запорожцевъ, обвалилась въ днѣпровскій протокъ, многоводную рѣчку Орлову, образовавшуюся уже въ настоящемъ столѣтіи. Слѣды земляного окопа, окруженнаго валомъ и рвомъ, находящіеся неподалеку отъ Микитина Рога, въ сторонѣ отъ Днѣпра въ чертѣ нынѣшняго Никольскаго кладбища, по самому положенію своему, устраняютъ сближеніе ихъ съ Запорожской Сѣчью [1]).

Въ большей степени высказанное нами мнѣніе о несуществованіи Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ подтверждаютъ топографическія особенности этой мѣстности. Микитинъ Рогъ представляетъ довольно возвышенную мѣстность, господствующую надъ окрестностью на значительномъ разстояніи со стороны Днѣпра. Такая мѣстность, вполнѣ пригодная для сторожевого пункта, по естественнымъ условіямъ высокаго полуострова, примыкающаго къ возвышенной правобережной степи, совсѣмъ не пригодна для пункта защиты и отступленія на случай необходи-

---

[1]) По измѣренію Карелина валы окопа тянутся на протяженіи 750 саж. въ длину и 500 саж. въ ширину. (Записки Одесскаго общ. истор. и древн. т. VI). Возможно, что къ этому окопу относится замѣтка Мышецкаго о сооруженіи россіянами ретраншамента, въ которемъ стоялъ козацкій обозъ во время крымскаго похода въ 1687 г. (Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 69). По мѣстному преданію, отмѣченному Карелинымъ (VI т. Записокъ Одесскаго общ. исторіи и древн.) въ этомъ окопѣ помѣщался польскій отрядъ, посланный на Запорожье передъ 1649 года и стоявшій здѣсь залогою. Такое преданіе относится къ Томаковскому о—ву. Въ этомъ случаѣ возможно и соревнованіе жителей мѣстными преданіями, и дѣйствительное передвиженіе польской залоги съ одного мѣста на другое.

мости. Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ наименьшую ширину на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ его теченія, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что это мѣсто приспособлено было сперва для сторожевого пункта, гдѣ запорожцы препятствовали татарамъ переправляться на „русскую сторону" Днѣпра, а затѣмъ становится извѣстно, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ перевозовъ черезъ Днѣпръ съ оффиціальнымъ названіемъ „Микитинскаго", еще со времени Андрусовскаго договора. Такой укрѣпленный пунктъ, какимъ мы знаемъ Запорожскую Сѣчь, какимъ она и по существу вещей должна была явиться у запорожцевъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, Великому лугу въ связи съ днѣпровскими порогами,—такой укрѣпленный пунктъ не могъ имѣть мѣста на Микитиномъ Рогѣ тѣмъ болѣе, что и со стороны степи мѣстность эта не пригодна для обороны, такъ какъ къ Микитиному Рогу съ юго-восточной стороны примыкаетъ покатая къ Днѣпру еще болѣе значительная возвышенность,—именно та, на которой находятся слѣды отмѣченнаго выше окопа на мѣстѣ нынѣшняго Никопольскаго кладбища.

Въ самомъ дѣлѣ, если для несомнѣнныхъ мѣстъ запорожскихъ сѣчей—Старой Сѣчи надъ Чертомлыкомъ и Новой надъ Подпольной—выбраны были укромные уголки надъ Великимъ Лугомъ, въ мѣстахъ средоточія днѣпровскихъ протоковъ, какъ можно видѣть на прилагаемой картѣ, то такими же природными свойствами должны отличаться и другіе пункты, къ которымъ пріурочиваются запорожскія укрѣпленныя мѣста, разсчитанныя на долговременное пребываніе въ нихъ Низоваго запорожскаго войска. Запорожскому войску со второй половины 17 вѣка, какъ извѣстно, неоднократно приходилось выступать изъ Сѣчи и укрываться въ извилинахъ и заросляхъ Великаго Луга[1]). Обезпеченіе возможности такого отступленія до второй половины 17 вѣка было бы еще болѣе необходимо, если бы существовалъ въ эту пору укрѣпленный пунктъ на Запорожьи. Та-

[1]) Такой случай, кромѣ 1708 и 1775 гг. относится къ 1679 г. Лѣтопись Самовидца, стр. 148.

кой пунктъ не остался бы безвѣстнымъ при неоднократныхъ попыткахъ не только со стороны турокъ и татаръ, но и со стороны польскаго правительства „wywrocic“ Запорожье, т. е. пресѣчь низовымъ козакамъ возможность держаться на низовьяхъ Днѣпра. Между тѣмъ, въ свидѣтельствахъ современниковъ, а равно и въ многочисленныхъ документахъ, относящихся къ Запорожью до второй половины 17 вѣка, нѣтъ указаній ни на осаду запорожцевъ въ какомъ либо укрѣпленіи на низовьяхъ Днѣпра, ни на отступленіе козацкаго войска изъ укрѣпленія въ Великій лугъ, недоступный для непріятеля, какъ показали это атакованіе „Старой“ и руйнованье „Новой“ Сѣчи.

Такимъ образомъ, обслѣдованіе всѣхъ доступныхъ для насъ данныхъ, какъ историческихъ, такъ и заключающихся въ топографическихъ особенностяхъ мѣстности, приводитъ къ заключенію, что Запорожской Сѣчи на Микитиномъ Рогѣ не существовало.

Мы подошли къ выясненію основного вопроса въ исторіи развитія Запорожскаго козачества,—къ выясненію вопроса о различіи между понятіями „запорожскій кошъ“ и „запорожская сѣчь“. Къ сожалѣнію, историческая литература не даетъ пока достаточно матеріаловъ для разрѣшенія этого вопроса. Въ капитальныхъ трудахъ по исторіи Запорожскаго козачества, каковы труды Максимовича, Костомарова, Антоновича и, отчасти, Кулиша, не затрогивается этотъ вопросъ. Ставился онъ во второстепенныхъ трудахъ по исторіи Запорожскаго козачества. Такъ, Ригельманъ въ своемъ Лѣтописномъ повѣствованіи опредѣляетъ кошъ, какъ сборное мѣсто, названіе же сѣчи пріурочиваетъ къ войсковому управленію. Мышецкій, насчитывающій 10 мѣстечекъ, очевидно, не различалъ занимающихъ насъ понятій, озаглавивъ, напр., вторую главу своей исторіи слѣдующимъ образомъ: „О прежнемъ житіи козаковъ запорожскихъ, гдѣ оные свои *главныя жилища, а по ихъ званію сѣчи,* имѣли“ [1]).

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запор., стр. 9.

Скальковскій, авторъ „Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго“, не достаточно различаетъ понятія „сѣчь“ и „кошъ“, говоря, что „слово *Кошъ* означало у Запорожцевъ и просто Сѣчь, или столицу, и въ переносномъ смыслѣ—общину (commune) Запорожскую [1]). Изъ позднѣйшихъ авторовъ по исторіи запорожья, Эварницкій не выясняетъ различія между занимающими насъ понятіями, ограничившись опредѣленіемъ ближайшаго значенія слова „кошъ“ [2]). Названный авторъ, выполнившій обширную работу, посвященную исторіи запорожскихъ сѣчей, судя по характеру выполненія работы, стоитъ въ отношеніи занимающаго насъ вопроса на точкѣ зрѣнія Скальковскаго [3]). Самостоятельное мнѣніе по данному вопросу высказалъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей Никопольскій священникъ Карелинъ, любитель и знатокъ запорожскихъ древностей. По мнѣнію Карелина, основанному на живомъ изустномъ употребленіи словъ, слово „сѣчь“ обозначаетъ козацкое войско, въ отличіе отъ слова „кошъ“, выражающаго понятіе о мѣстѣ, занятомъ этимъ войскомъ. Въ такомъ смыслѣ—говоритъ Карелинъ—понимали Запорожцы слово „сѣчь“, когда говорили „сичове војсько, „сичове товариство“ „сичовый скарбъ“, а никогда не употребляли выраженій „кошове військо“, „кошове товариство“, „кошовый скарбъ“. Сѣчь, по мнѣнію Карелина, „центръ военныхъ силъ Запорожья, храброе товариство, боевой корпусъ, а кошъ—закрытая осѣдлость, укрѣпленный лагерь За-

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, 1841 г., стр. 19. Въ ближайшемъ смыслѣ Кошъ—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Скальковскій—означаетъ столицу Запорожья, т. е. Сѣчь, или городъ, укрѣпленный извнѣ валомъ, палисадами и башнями, окруженный рвомъ и глубокою рѣчкою..... Въ Кошѣ было главное пребываніе войска: ибо здѣсь находились *курени*, т. е. обширныя казармы, служившія обиталищемъ для козаковъ сѣчевыхъ, или собственно товариства. Въ Кошѣ было сѣдалище властей (старшины) кошевого атамана, судьи, обознаго, осаула, писаря и другихъ старшинъ, также куренныхъ атамановъ, войсковой канцеляріи, арматы (т. е. артиллеріи) и наконецъ пребываніе сѣчевого настоятеля, или архимандрита, главы запорожскихъ церквей и духовенства.... Наконецъ, Кошъ былъ и важнѣйшая войсковая крѣпость.

[2]) „Кхошь“—по-татарски—корзина, кибитка, шалашъ; вообще всякое помѣщеніе, легко переносимое. Эварницкій, Запорожье въ ост. стар., т. 1, стр. 261.

[3]) Эварницкій, Предисловіе къ „Запорожью въ остаткахъ старины“.

порожскаго войска, его резиденція, гдѣ сосредоточивались всѣ распоряженія...... въ лицѣ кошевого атамана, сего правителя республиканской общины" [1]).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ по вопросу о различіи между понятіями „запорожскій кошъ" и „запорожская сѣчь" высказаны два взгляда. По взгляду Ригельмана и Карелина, „кошъ" выражаетъ понятіе мѣста, тогда какъ „сѣчь", по мнѣнію Ригельмана, относится къ войсковому управленію, а по мнѣнію Карелина, прямо къ войску. Скальковскій, являющійся выразителемъ другого взгляда, не находя различія между этими понятіями, склоняется, однако, придавать переносное значеніе слову „кошъ", понимаемому имъ въ смыслѣ общины. Всѣ эти мнѣнія, высказанныя безъ объективныхъ основаній, мало разъясняютъ занимающій насъ вопросъ.

Попытаемся взять за такое основаніе прежде всего этимологію словъ „кошъ" и „сѣчь". „Кошъ", какъ достаточно выяснено названными изслѣдователями Запорожья, по-татарски значитъ корзина, шалашъ, а затѣмъ, сборный пунктъ и общество людей, объединенныхъ общими интересами. Прослѣживая употребленіе этого слова въ документахъ, мы видимъ полное подтвержденіе такого его смысла. Такъ, въ договорныхъ статьяхъ, относящихся къ присоединенію Малороссіи къ Россіи, читаемъ: „За порогами люди малые коша берегутъ, понеже нельзя его самого безъ людей оставляти" [2]). Точно также въ исторіи Новой Сѣчи Скальковскаго въ подлинныхъ выдержкахъ изъ Запорожскаго архива неоднократно встрѣчаемъ донесенія полковниковъ въ Сѣчь во время походовъ „Зъ коша надъ Чичиклеею", „зъ коша надъ Ингульцемъ" и т. д. [3]). При сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ просьбы запорожцевъ представлялись отъ имени Коша, какъ это можно видѣть въ той же исторіи Новой Сѣчи [4]).

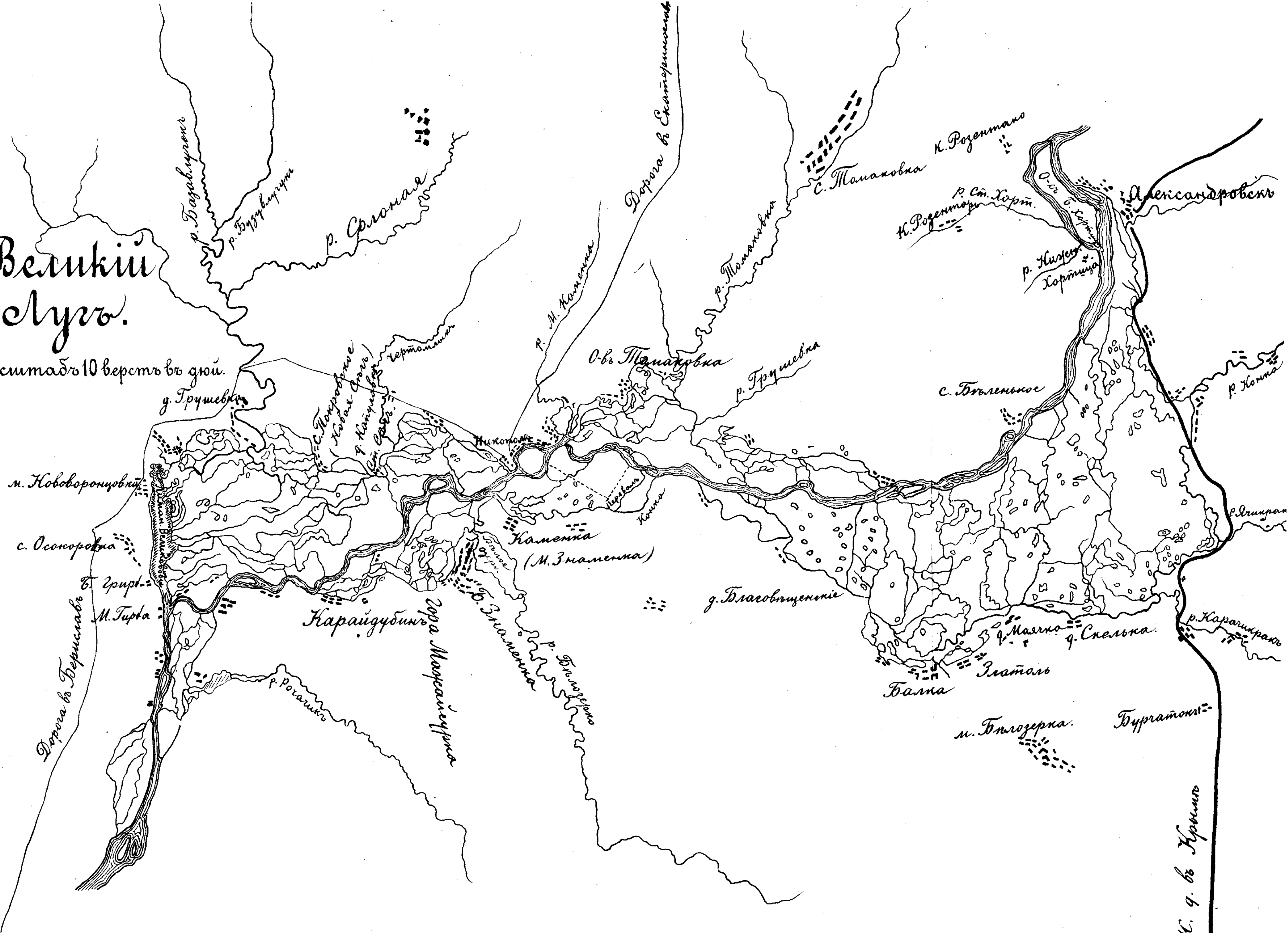
---

[1]) Записки Одесскаго общ. исторіи и древностей, т. VI, стр. 528.

[2]) Бантышъ Каменскій, Исторія Малой Россіи, т. 1, приложенія стр. 124.

[3]) Исторія Новой Сѣчи.....

[4]) Тамъ же, стр. 240.


Великій Лугъ.
Масштабъ 10 верстъ въ дюй.
р. Базавлукъ
р. Бузувлукъ
р. Сулоная
Дорога въ Екатеринославъ
р. М. Каменка
р. Томаковка
с. Томаковка
К. Розентало
р. Ст. Хорт.
К. Розенторъ
Александровскъ
р. Нижн. Хортица
О-въ Томаковка
р. Грушевка
с. Бѣленькое
р. Конка
д. Грушевка
м. Нововоронцовка
с. Осокоровка
Никополь
Каменка
(М. Знаменка)
Карайдубинъ
Гора Мохайлевка
Б. Знаменка
р. Бѣлозерка
д. Благовѣщенкіе
р. Ячикрак
р. Карачикракъ
д. Маячка
д. Скелька
Златоль
Балка
м. Бѣлозерка
Бурчатокъ
р. Рогачикъ
Дорога въ Берислав
Б. Гирка
М. Гирка
К. д. въ Крымъ

Болѣе затруднительнымъ представляется толкованіе слова „сѣчь". Слово это, какъ понятіе, могло значительно видоизмѣнять свой смыслъ въ теченіе многовѣковой жизни южнорусскаго народа на различныхъ ступеняхъ его культуры. Первоначально слово это выражало, по всей вѣроятности, понятіе, близкое къ понятію о засѣкѣ, во всякомъ случаѣ, слово это первоначально могло выражать только понятіе о мѣстѣ. Мы не знаемъ, какіе оттѣнки получало слово „сѣчь" по мѣрѣ измѣненія народнаго быта и козацкаго въ частности. Достовѣрно извѣстно только, что въ началѣ второй половины 17 вѣка слово „сѣчь" примѣняется къ укрѣпленному пункту Запорожскаго козачества, какъ имя собственное. Историческіе акты впервые упоминаютъ только о Сѣчи надъ Чертомлыкомъ въ 1661 году [1]).

Л. Падалка.

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. V, № 31, стр. 57.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Разставшись съ Ющенкомъ, я оставилъ за собой одну комнату, которая служила мнѣ и кабинетомъ, и спальней, и гостинной.. Сослуживцы мои, замѣтивъ неблаговоленіе ко мнѣ начальства, въ угоду ему, совершенно меня оставили. Не смотря на то, что, кромѣ уроковъ, я находилъ дома довольно работы, составляя записки по теоріи и исторіи словесности. исправляя массу ученическихъ сочиненій, читая журналы и по временамъ занимаясь стихотворствомъ,—за всѣмъ тѣмъ одиночество и отчужденность подчасъ меня сильно тяготили. Особенно были для меня невыносимы эти безконечные осенніе вечера: одурь, бывало, возьметъ отъ тоски. А тутъ за стѣной моя хозяйка, желая, какъ надо полагать, усладить мое одиночество, начинала на разбитомъ роялѣ бренчать „хлопскія пѣснечки", которыя какъ она хвалилась, ей очень нравились. Впродолженіе какого нибудь часа репертуаръ ея истощался, и она начинала опять „зъ почонтку". Дребезжащіе звуки ея инструмента, напоминавшіе мнѣ отвратительную шарманку Крестьянскаго переулка, вполнѣ гармонировала съ шлепаньемъ дождя и скрипомъ вѣчно отворенной калитки.

Въ томъ же домѣ, черезъ сѣни, жилъ bardzo nabożny staruszek—панъ Бродзевскій, вѣчно бормотавшій молитвы съ пяти часовъ утра до 10 вечера. Читалъ онъ постоянно одну и туже ксёнжку до nabożeństwa, зналъ въ мѣстечкѣ одну лишь улицу, ведущую до костела, куда онъ спѣшилъ иногда, при первомъ

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 3.

ударѣ колокола, просто въ халатѣ или въ шубѣ, надѣтой на выворотъ, не взирая ни на какую погоду. Придя въ костёлъ, распростирался krzyżem, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ и ожидая смертнаго часа. Съ такимъ сосѣдомъ больно не разговоришься.

Въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ въ комнату мою нежданно-негаданно ввалился Барилко: въ гости значитъ пожаловалъ. Ну, что жъ, я не прочь былъ, при тогдашнемъ моемъ настроеніи, сблизиться не только съ Барилкой, но хоть съ самимъ чортомъ, еслибъ онъ ко мнѣ явился, подобно мефистофелю, изъ топившейся тогда у меня печки. Слово по слову языкъ у меня развязался, и я пустился на откровенность, хоть и зналъ, что откровенничать съ моими сослуживцами несовсѣмъ безопасно. Но у меня такъ много накопилось горечи въ душѣ, что я чувствовалъ сильнѣйшую потребность облегчить себя неудержимымъ словоизверженіемъ. Гость премило хихикалъ и поддакивалъ. Съ этого самаго вечера между нами началось сближеніе: то я къ нему, то онъ ко мнѣ.

Собесѣдникъ мой, имѣя два уха и одинъ ротъ, поступалъ совершенно по законамъ природы: больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, предоставляя мнѣ, въ противность свойству человѣческому, болтать безъ умолку. Но у кого сердце переполнено, у того скоро развязывается языкъ, и потому всѣ сокровенныя помышленія мои, „поэзію и правду“ моей жизни я исповѣдалъ первому встрѣчному проходимцу:

Такъ люди, первый каюсь я.
Отъ дѣлать нечего друзья.

И зачѣмъ онъ навязался мнѣ съ своею дружбой? Общаго между нами ровно ничего не было. Интересовавшіе меня литературные и отчасти политическіе вопросы не занимали его вовсе, книги читалъ онъ подобно гоголевскому Петрушкѣ, ограничивался лишь однимъ процессомъ чтенія. Разъ увидѣлъ у меня книжку „Отечественныхъ Записокъ“—дайте-ка, говоритъ, почитать на сонъ грядущій.

— Да вѣдь въ этомъ нумерѣ все или продолженіе или окончаніе статей, вамъ нужно взять въ библіотекѣ предыдущіе номера.

— Тѣмъ лучше, отвѣчаетъ Барилко: я именно люблю читать повѣсти и романы не сначала, а съ конца.

— Какъ такъ? удивился я.

— Да такъ, говоритъ, занимательнѣе выходитъ: читая послѣднія главы, я люблю догадываться, что было въ первыхъ, и почти всегда угадываю.

Замѣтивъ, что раскусивши его, я началъ понемногу остывать отъ первоначальнаго жару, Барилко втянулъ меня въ игру въ преферансъ en deux, не приглашая никого третьяго,—такъ мы бывало и провозимся съ нимъ, играя по десятой, до полуночи.

Съ весной начались отдаленныя прогулки, охота съ ружьемъ и то же переливаніе изъ порожняго въ пустое. Въ одинъ прекрасный майскій вечеръ мы отправились въ монастырскую рощу слушать соловьевъ. На полдорогѣ между нами произошелъ такой разговоръ:

— Кстати, М. К., помните нашъ вчерашній споръ, относительно церковнаго пѣнія?

— Да, помню. А что, вы желаете возобновить его сегодня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, какъ то странно оттопыривъ свои мясистыя губы: я больше съ вами объ этомъ предметѣ спорить не намѣренъ: высказанное мною вчера подтвердилъ и Егоръ Яковлевичъ.

— А ему зачѣмъ знать, о чемъ мы съ вами бесѣдуемъ? спросилъ я, остановившись.

— У меня, отвѣчалъ съ важностію Барилко: съ уважаемымъ начальникомъ моимъ нѣтъ никакихъ секретовъ.

— Аа, такъ вотъ оно что!—почти пропѣлъ я, почухавъ потылыцю: Ахъ, я филинъ простота! Ну, да и поддѣли жъ вы меня знатно, Александръ Герасимычъ. Такъ коли у васъ съ директоромъ нѣтъ секретовъ—то и цѣлуйтесь съ нимъ на здоровье! Прощайте! спасибо за науку!

Окончивъ такимъ манеромъ объясненіе свое съ Іудой предателемъ, я повернулъ назадъ къ мѣстечку, предоставивъ своему спутнику одному наслаждаться соловьиными трелями.

Идучи домой и сообразивъ всѣ обстоятельства, при которыхъ завязалось наше сближеніе, я понялъ все. Ясно—это махинація нашего Родэна. Извѣстно, что о. о. іезуиты всю систему воспитанія своихъ учениковъ построили на психологически вѣрномъ соображеніи, что ничто не подчиняетъ такъ безусловно юношу, какъ сознаніе, что воспитатели знаютъ все его прошлое, всѣ его поступки, сокровенныя влеченія и насквозь видятъ всѣ его помыслы и слабости. Обычный пріемъ, употребляемый нашимъ директоромъ, имѣетъ много сходнаго съ іезуитизмомъ: какъ только поступитъ къ нему на службу новый человѣкъ, первою задачей онъ считаетъ—изучить его характеръ, отыскать въ немъ слабую струнку, уязвимое мѣсто, какое, какъ извѣстно, нашлось и у безсмертнаго Ахиллеса, и дѣйствовать на него орудіемъ насмѣшки. Такъ какъ я, послѣ перваго съ нимъ столкновенія, какъ улитка, заключился въ своей скорлупѣ и тѣмъ самымъ лишилъ его возможности узнать мою слабую сторону, уязвимое мѣсто, то онъ довѣрилъ сіе своему наперснику, который въ точности выполнилъ его порученіе и сообщилъ ему достовѣрныя свѣдѣнія о моей личности. А прибавивъ ко всему тому, что сообщено ему Барилкой, вычитанное имъ изъ моихъ писемъ [1]), директоръ зналъ меня какъ самого себя.

„Аа! онъ либералъ, идеалистъ, стихи пишетъ... погоди-жъ, я тебя допеку!.. порѣшилъ онъ въ умѣ своемъ и систематически сталъ меня преслѣдовать, наигрывая все на одной и той же чувствительной стрункѣ...

У пани Поплавской я прожилъ съ небольшимъ годъ. Уволивши изъ гимназіи сына, по милости Вовы, который сталъ вымещать на немъ, свою ссору съ матерью, она не нашла надобности далѣе оставаться въ Немировѣ и выѣхала къ мужу въ деревню. Квартиру предложилъ мнѣ у себя учитель латинскаго языка de jure и преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ высшихъ классахъ de facto—*Людвигъ Осиповичъ Грудзинскій*. Замѣчательный лингвистъ, искусный виртуозъ на

---

[1]) Дознано, что почтмейстеръ передавалъ Зимовскому для прочтенія письма служащихъ подъ его начальствомъ чиновниковъ.

скрипкѣ и далеко недюжинный поэтъ. По окончаніи Харьковскаго университета, онъ, по желанію своего отца, избралъ учительское поприще, не чувствуя къ нему ни малѣйшаго призванія. Обладая рѣдкимъ знаніемъ языковъ, Л. О. вовсе былъ лишенъ способности передать свои знанія другимъ. Безвыходно витая въ мірѣ звуковъ, доканчивая иногда въ классѣ, во время спрашиванія урока, начатый дома сонетъ этотъ педагогъ malgré lui, до того былъ сосредоточенъ, что ученики, подмѣтивъ это, отвѣчали ему вмѣсто урока Pater noster или произносили смѣхотворные стихи, а учитель только похваливалъ да ставилъ баллы. Вставалъ мой хозяинъ лѣтомъ часа въ четыре и пилилъ на скрипкѣ до 8 часовъ. Заслышавъ призывной звонокъ, онъ бросалъ скрипку и бѣжалъ на службу, оставивъ нетронутымъ поставленный передъ нимъ стаканъ чаю. Промучившись на урокахъ до обѣда, онъ бѣжалъ домой, опять брался за свою скрипку и пилилъ до вечера. Зимовской подобныхъ субъектовъ терпѣть не могъ.

По своимъ вкусамъ и наклонностямъ, Грудзинскій болѣе всѣхъ моихъ сослуживцевъ приходился мнѣ по душѣ, и если бы не супруга его, до мозга костей пропитанная полонизмомъ, мнѣ было бы у нихъ очень не дурно. У пани Грудзинской вѣчно толклись разныя личности. Ея гостинная, конечно, въ самой крошечной миніатюрѣ, представляла нѣкоторое подобіе парижскихъ салоновъ времени Людовика XV. У нея можно было встрѣтить и заѣзжаго артиста съ лошадиной гривой, и непризнаннаго поэта съ звѣриными ногтями, и даже заграничныхъ эмиссаровъ. Всѣ эти esprits forts преисправно ѣли, пили и врали, не зная никакого удержу. На пріемы гостей уходили всѣ доходы мужа, который, помимо жалованья, получалъ порядочныя деньги съ пансіонеровъ, на которыхъ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Зимовской неутомимо преслѣдовалъ Людвига Осиповича за его эксцентричность, за патріотическія тенденціи его супруги, а больше всего за скрипку.

— Ну, какую пользу приноситъ вамъ ваша скрипка? обращался онъ не разъ къ нему: если бы всѣ проходящіе

мимо вашей квартиры бросали вамъ въ окно хоть по грошу, то изъ вашей игры былъ бы какой нибудь прокъ, а то пилитъ-пилитъ, и все на вѣтеръ—эхъ, вы! террпѣть не могу!

Въ 1849 г., воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ—введеніемъ въ гимназіяхъ законовѣдѣнія, вслѣдствіе котораго одного изъ учителей Латинскаго языка нужно было похѣрить, Грудзинскій оставленъ за штатомъ. Проживъ 10 л. въ деревнѣ у богатаго помѣщика въ качествѣ гувернера и заработавъ порядочныя деньги, онъ снова поступилъ на службу и съ грѣхомъ пополамъ выслужилъ пенсію въ Полтавской гимназіи, купилъ въ Кіевѣ домъ и зажилъ на свободѣ по своему желанію, играя по цѣлымъ днямъ на скрипкѣ.

Неумирающій типъ учителя классика вполнѣ воплотился въ нашемъ почтенномъ сослуживцѣ *Артеміи Аѳанасьевичѣ Шведовѣ*. Наружность его была совершенно классическая, напоминавшая бюсты греческихъ философовъ. Съ крупными чертами лица и съ обнаженнымъ черепомъ, прикрытымъ сзади надвинутыми космами длинныхъ волосъ, уцѣлѣвшихъ только на затылкѣ, всегда съ насупленными бровями—онъ, какъ живой, сидитъ передо мною, склонивши немного вправо думную голову и скрестивши на колѣнахъ руки. Такимъ онъ постоянно засѣдалъ „въ совѣтѣ нечестивыхъ" во все продолженіе моей немировской службы. Личность его до того сливалась съ преподаваемымъ предметомъ, что какъ бы отождествлялась съ Цицерономъ и Салюстіемъ. Усумниться въ образовательномъ значеніи латинской грамматики—значило нанесть ему кровную обиду; посягнуть на уменьшеніе числа уроковъ древнихъ языковъ, заѣдающихъ другіе предметы — значило сократить на столько же часовъ жизнь самого учителя.

По случаю введенія Законовѣдѣнія программы по Латинскому яз. должны были сократиться: поэты оказались лишними. Прочитавъ объ этомъ въ совѣтѣ предписаніе попечителя, директоръ не безъ злорадства обратился къ Шведову съ вопросомъ: какъ онъ объ этомъ сокращеніи думаетъ? Сидѣвшій во время чтенія бумаги, какъ приговоренный къ смерти, Артемій Аѳан. отвѣтилъ гробовымъ голосомъ:

— Нечего тутъ, Е. Я., думать! Ясное дѣло: сегодня уничтожили „поэтовъ" и прозодію, затѣмъ дойдетъ очередь и до прозаиковъ, а тамъ скажутъ: на какого чорта этотъ латинскій языкъ! Вѣдь это больно, какъ хотите!

Но какъ гладкая и спокойная поверхность моря во время штиля, иногда смѣняется бурными ураганами, такъ и невозмутимое съ виду состояніе духа нашего классика смѣнялось иногда такою грозой, что за человѣка становилось страшно. Я помню нѣсколько такихъ взрывовъ.

Проказникъ ученикъ, дѣлая переводъ съ русскаго языка на латинскій, написалъ на доскѣ вмѣсто Fabius Cunctator—Fabius medlitelus. Эту невинную шалость учитель принялъ за личное оскорбленіе и поднялъ такую бучу, что въ классъ вбѣжалъ инспекторъ, а на коридорѣ столпились ученики изъ другихъ классовъ, думая, что случилось Богъ знаетъ что такое.

Другой взрывъ произошелъ въ сборной учительской передъ уроками. Французъ Блюкле, какъ свободный гражданинъ швейцарской республики, носившій всегда къ великой досадѣ директора, длинные волосы à l'artiste и полосатые брюки, и входившій въ залу засѣданій, постукивая палкой, что тоже не мало испортило крови нашему формалисту-премьеру,—этотъ то легкомысленный иностранецъ, при видѣ вошедшаго въ залу Шведова въ застегнутомъ на всѣ пуговицы вицмундирѣ, указывая на него, сказалъ, обращаясь къ прочимъ учителямъ: „voilà un vrai précepteur!" Спокойное до того лицо Артемія страшно исказилось, глаза налились кровью, и онъ, задыхаясь отъ волненія, наговорилъ дерзкому вѣтрогону такихъ любезностей, что если онъ хоть половину понялъ изъ того, что выслушалъ, то и того довольно.

— Ахъ ты, мальчишка, фармазонишка плюгавый! А ежели я тебѣ скажу, что у меня ревматизмъ, что я круглый годъ ношу фланель, что я наконецъ человѣкъ старый, въ отцы тебѣ проходимцу гожусь и проч.

Не избѣжалъ пораженія и самъ директоръ. Разъ какъ-то при выдачѣ жалованья Е. Я. коснулся семейной жизни Артемія Аѳанасьевича и замѣтилъ, что у его жены Пелагеи Степановны

не уживется ни одна кухарка... (намекъ на сварливый нравъ этой воинственной дамы).

— А тебѣ какое дѣло до моей домашней жизни? Тебѣ мало того, что ты позволяешь себѣ на службѣ—и пошелъ, и пошелъ....

Извергая съ великою яростію ругательства, классикъ до того возвысилъ свой голосъ, что стало слышно на улицѣ. Грозный самодуръ струсилъ и убѣжалъ въ спальную жены. И хорошо сдѣлалъ, потому что за Артемія поручиться было нельзя: онъ былъ способенъ проучить нахала, заглядывающаго въ чужіе горшки. Ужъ слишкомъ много накипѣло въ немъ желчи за 10 лѣтъ немировской службы: abuti patentia хватило черезъ край.

Да, это былъ весьма небезопасный человѣкъ, не вмѣняемый при своей болѣзненной раздражительности. Въ черниговской гимназіи такая же исторія случилась съ инспекторомъ Сбитневымъ, задѣвшимъ старика на урокѣ логики вмѣшательствомъ въ его преподаваніе, временно ему порученное. При всемъ томъ, бурные взрывы вспыльчивости, неудобные въ служебныхъ отношеніяхъ, не попрепятствовали Шведову прослужить въ должности учителя болѣе 40 лѣтъ: такъ велики были нравственныя качества его, какъ человѣка, и такими достоинствами обладалъ онъ, какъ преподаватель.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины, говорятъ философы: болѣзненная раздражительность почтеннаго педагога мотивируется несчастными обстоятельствами его жизни.

Кто бы могъ подумать, что этотъ скромный, благочестивый, до послѣдней крайности терпѣливый труженикъ, мирившійся съ самой плачевной обстановкой, недюжинный знатокъ латыни и глубоко религіозный человѣкъ—провелъ бурную, незнавшую удержу юность. Довольно сказать, что онъ былъ университетскимъ товарищемъ поэта Полежаева, ярый поклонникъ его таланта и даже ученикъ въ его похожденіяхъ. Онъ зналъ наизусть почти всѣ какъ печатные, такъ и „презрѣвшія печать“ стихотворенія злополучнаго Сашки. Наиболѣе пикантныхъ вещей, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось записать и они пропали

безслѣдно. По окончаніи университета, А. А. получилъ мѣсто штатнаго смотрителя въ Торжкѣ, откуда переведенъ въ черниговскую гимназію. Прожившій болѣе ста лѣтъ, отецъ его былъ священникомъ въ одной изъ слободъ Стародубья и за обращеніе значительнаго числа стародубцевъ въ православіе пожалованъ наперснымъ крестомъ. Самъ уже человѣкъ старый, Артемій Аѳан. относился къ нему съ чисто дѣтскимъ чувствомъ сыновней любви.

Женатъ былъ Шведовъ въ первый разъ на красавицѣ итальянкѣ, имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей и наслаждался полною блаженства семейной жизнію. Но злая судьба позавидовала этому счастію: въ одинъ годъ онъ лишился жены и дѣтей, оставшись безпомощнымъ горемыкой. Ударъ былъ такъ неожиданъ и такъ ужасенъ, что онъ лишился разсудка... Но человѣкъ, говорятъ, самое выносливое животное, а время самый лучшій врачъ душевныхъ болѣзней. Прошло два года, дѣйствіе страшной катастрофы потеряло свою силу, но слѣды остались на остальную жизнь. Классикъ нашъ задумалъ лѣчить свою тоску новой женитьбой. Ему встрѣтилась женщина безъ образованія, неукротимаго нрава, сварливая, какъ Ксантиппа, но онъ мирился и съ ней. Вчужѣ становилось жалко этого достойнаго педагога, когда, бывало, разсвирѣпѣетъ его супруга и начнетъ осыпать его крупною бранью. Затѣмъ слѣдуетъ укрощеніе строптивой:

— Полинька! да перестаньте же, довольно!... Но брань не унималась, а становилась все сильнѣе и сильнѣе: „злая бо жена кротима высится, а біема бѣсится“, какъ сказано въ притчѣ о злыхъ женахъ.

— Полинька! да перестаньте же наконецъ или... я вамъ скажу большую непріятность! Укрощалъ нашъ Сократъ свою Ксантиппу. Но она продолжала свирѣпствовать.

— Наконецъ, вы меня вывели изъ терпѣнія! возвышаетъ голосъ классикъ: я долженъ вамъ сказать: вы... не перестанете? такъ жалѣйте же сами на себя—вы... невѣжливы!

Не знаю, всегда ли такъ миролюбиво оканчивались семейныя несогласія почтенной четы или омрачавшія думное чело классика тучи разражались иногда грозой? Знаю только, что

некрасна была жизнь нашего классика въ сожительствѣ съ такой неразвитой и свирѣпой женщиной. Единственнымъ его удовольствіемъ послѣ служебныхъ занятій была неизмѣнная трубка, нарочито большая, да свѣжая книжка журнала. Какъ закуритъ бывало свою бездонную трубку, сидя съ книгой на своемъ обычномъ мѣстѣ въ гостиной, то никакой крикъ, никакая трескотня кухонной перепалки не въ состояніи были нарушить созерцательнаго настроенія духа нашего философа; при этомъ мыслено онъ любилъ повторять стихи Полежаева:

Курю и мыслю: какъ горитъ
Табакъ мой въ трубкѣ жаркой,
Такъ и меня испепелитъ
Рокъ пагубный и жалкій...

Хотя А. А. и читалъ передовые наши журналы: Современникъ и Отечественныя Записки, но по складу своихъ убѣжденій склонялся болѣе къ воззрѣніямъ славянофиловъ, силившихся доказать, что Западъ гніетъ, а Россія цвѣтетъ. Мысль эту, какъ извѣстно, издатели пресловутаго „Маяка" довели до абсурда. Ревностный послѣдователь и постоянный сотрудникъ этого журнала, И. Г. Кулжинскій, въ бытность свою директоромъ немировской гимназіи успѣлъ привить отсталое направленіе Маяка къ нѣкоторымъ преподавателямъ, въ числѣ которыхъ очутился и нашъ почтенный классикъ. Никто бы и не подозрѣвалъ этого, еслибы, благодаря случайности, онъ самъ не обнаружилъ принадлежности своей къ компаніи Бурячка.

Нашъ немировскій донъ Жуанъ Юрко, совершенно равнодушный на счетъ литературы, получилъ отъ совѣта порученіе написать для торжественнаго акта рѣчь. Застигнутый врасплохъ въ самый разгаръ своихъ амурныхъ похожденій, онъ придумалъ остроумный способъ увернуться изъ бѣды, обратившись за помощью къ Шведову. Находясь въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, А. А. взялся написать рѣчь „о современномъ направленіи просвѣщенія въ Россіи" за сторублевое вознагражденіе. Когда рѣчь была окончена, Юрко принесъ ее ко мнѣ для просмотра, выдавъ ее, конечно, за свое произведеніе. Ничего не подозрѣвая, я на досугѣ приступилъ къ ея чтенію, но меня

сразу огорошили несвойственныя этому уличному Ловеласу мысли о превосходствѣ древне-русскаго воспитанія въ страхѣ Божіемъ предъ новымъ антирелигіознымъ направленіемъ современнаго просвѣщенія, якобы растлѣваемаго злокозненнымъ Западомъ. Желая подѣлиться такимъ курьезомъ съ Артеміемъ, я отправился къ нему. Но едва я началъ читать рѣчь, съ приличными предмету коментаріями, какъ мой классикъ нахмурился и готовъ былъ вспылить. Понявши, въ чемъ дѣло, я спряталъ рукопись въ карманъ и, допивши стаканъ чаю, убрался по добру, по здорову во-свояси. Рѣчь была прочитана въ совѣтѣ, одобрена и отправлена въ округъ. Попечитель Траскинъ, какъ на зло, передалъ ее на рецензію самому рьяному западнику Н. Т. Костырю, который, по прочтеніи, пришелъ въ ужасъ... неужели недавній еще кандидатъ университета, получившій золотую медаль за сочиненіе по математикѣ, могъ написать такую ерунду?

Ѣдетъ профессоръ къ попечителю:

— В. П—во! Это позоръ для нашего университета! Какъ совѣтъ немировской гимназіи, съ директоромъ во главѣ, могъ одобрить къ прочтенію предъ посторонней публикой такую рѣчь? Зачѣмъ смотрѣлъ Зимовской? Нужно быть непроходимымъ обскурантомъ, чтобы допустить такое безобразіе въ средѣ педагоговъ! Автору, по моему мнѣнію, слѣдуетъ послать строжайшій выговоръ.

— Да я его выгоню! порѣшилъ по военному генералъ Траскинъ. Быть можетъ, попечитель и привелъ бы въ исполненіе свою угрозу, если бы на помощь племяннику не подоспѣлъ дядюшка пр. Дьяченко, который оправдалъ его невѣжество тѣмъ, что Юрко—математикъ, а не словесникъ, что онъ по своей спеціальности, еще будучи студентомъ, написалъ весьма дѣльное сочиненіе, удостоенное факультетомъ медали. (Хотя это сочиненіе тоже не имъ написано).

Черезъ много лѣтъ послѣ описаннаго, я видѣлъ Шведова во градѣ Черниговѣ въ отставкѣ. Онъ успѣлъ уже потерять сына, ученика IV класса, мальчика даровитаго и красиваго. При немъ жила дочь, овдовѣвшая на второмъ году своего замужества. Полинька шипѣла по прежнему и на мужа, и на дочь, и

на прислугу. Неумолимая судьба не оставляла въ покоѣ честнаго труженика, какъ онъ не оставлялъ своей учительской профессіи, безъ которой жизнь была для него немыслима.

— Какъ поживаете, уважаемый А. А—чъ? спросилъ я его при свиданіи.

— Слава Богу! благодаря Ильѣ Петровичу (инспекторъ гимназіи Дорошенко) у меня теперь и праздники, и вакаціи есть: учу дѣвицъ въ женской гимназіи нѣмецкому языку, да на досугѣ рѣшаю алгебраическія задачи.

Къ сожалѣнію, директоръ Кустовъ не далъ Артемію умереть на службѣ, чего онъ такъ пламенно желалъ: найдя старика несостоятельнымъ въ преподаваніи нѣмецкаго языка, К—въ лишилъ его этого послѣдняго утѣшенія, уволивъ его въ отставку, хотя Шведовъ приносилъ гимназисткамъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ природный нѣмецъ, не знавшій ни слова по русски...

Законоучитель нашъ о. Александръ Любомудровъ жилъ какъ то особнякомъ, не охотно сближаясь съ своими сослуживцами, а придерживаясь больше кружка духовнаго — сосѣднихъ священниковъ. Ближе всѣхъ онъ былъ со мной и со Шведовымъ.

О. Александръ любилъ иногда прокатиться на конѣ высокой политики. Борьба двухъ враждебныхъ другъ другу національностей въ Галиціи—Русиновъ и Поляковъ, приведшая, какъ извѣстно, эту несчастную провинцію къ катастрофѣ 1846 года, сильно его напугала. Онъ не переставалъ бояться, чтобы рѣзня пановъ не повторилась и у насъ, но только въ иномъ видѣ: нашъ политикъ почему то считалъ подольскихъ поляковъ сильнѣе милліоннаго населенія православныхъ крестьянъ и вообразилъ, что если поляки взбунтуются, то непремѣнно начнутъ истребленіе русскихъ съ духовенства. Опасенія свои онъ сообщилъ и Шведову. Оба они страшно трусили, даже по ночамъ не спали, прислушиваясь къ уличному шуму. Призвавъ на помощь статистику, я немного успокоилъ ихъ нервы, послѣ чего мой протопопъ сталъ даже храбриться:

— Что-жъ, говоритъ, пускай попробуютъ—я сейчасъ съ крестомъ на коня!..

Во всемъ, что касалось внутренней политики, о. протоіерей былъ крайнимъ консерваторомъ. Воспитанный въ страхѣ Господнемъ и начитавшись „Маяка“, онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что у насъ все обстоитъ благополучно. Съ непроглядньмъ состояніемъ нашей общественной жизни онъ мирился на основаніи гегелевскаго тезиса: „что́ дѣйствительно, то и разумно“. Какъ видно, лекціи философіи прослушанныя имъ въ духовной академіи, принесли свои плоды: малѣйшее порицаніе современныхъ намъ порядковъ, даже въ интимной дружеской бесѣдѣ, поднимало въ немъ цѣлую бурю патріотическаго негодованія.

Въ началѣ 1846 года изъ нѣжинскаго греческаго уѣзднаго училища къ намъ перемѣщенъ учитель рисованія, товарищъ по академіи и другъ поэта Шевченка, *Иванъ Максимовичъ Сошенко* [1]).

Обладалъ онъ рѣдкою способностію возбуждать въ своихъ ученикахъ любовь къ рисованію, не прибѣгая къ понудительнымъ мѣрамъ со стороны инспекціи, что составляетъ немалую заслугу въ учителѣ такого предмета, который въ ряду другихъ не имѣлъ въ глазахъ учащихся никакого значенія, такъ какъ отмѣтки по рисованію и чистописанію не принимались въ разсчетъ при переводахъ въ высшій классъ. Кромѣ того, И. М—чъ, имѣлъ счастливый даръ угадывать въ своихъ ученикахъ несомнѣнное призваніе къ живописи, и нѣкоторые изъ нихъ, благодаря своему наставнику, съумѣвшему сообщить надлежащее направленіе ихъ природному дарованію, достигли впослѣдствіи громкой извѣстности: портретистъ Страшинскій, скульпторъ Гуйскій, пейзажистъ Орловскій и др. не переставали съ благодарностію вспоминать о первоначальныхъ урокахъ Сошенка,

Чего бы, казалось, больше требовать отъ такого преподавателя самому взыскательному начальнику-педагогу? Но въ

---

[1]) Желающимъ короче познакомиться съ этою симпатическою личностію мы предлагаемъ обратиться къ изданному въ 1877 году отдѣльною брошюрой біографическому очерку; здѣсь же помѣщаемъ краткую характеристику его двухлѣтней службы подъ начальствомъ директора Зимовскаго.

томъ то и бѣда, что директоръ немировской гимназіи былъ вовсе не педагогъ, а чиновникъ-самодуръ, ставившій ни во что самое добросовѣстное исполненіе подчиненными ихъ прямыхъ обязанностей, если только они, служа дѣлу, не могли, или не хотѣли служить его особѣ; а въ этомъ то и заключалась, по его мнѣнію, главнѣйшая обязанность имѣвшихъ несчастіе подпасть подъ его начальство. Учители чистописанія и рисованія, уже по одному значенію преподаваемаго ими предмета, составляли въ гимназіи, какъ говорится, послѣднюю спицу въ колесѣ, а гг. директоры бибиковскаго режима своимъ унизительнымъ обращеніемъ съ ними еще больше унижали и безъ того низменное положеніе ихъ въ кругу сослуживцевъ. Между тѣмъ преподаватели рисованія были художники съ сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ характеромъ независимымъ—каково же имъ было переносить подобное обращеніе?

Сошенко натолкнулся именно на такого начальника въ лицѣ немировскаго директора. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ истощалъ свое остроуміе надъ странностями и непрактичностію художниковъ вообще и учителей рисованія въ особенности, причемъ употреблялъ въ дѣло такую манипуляцію надъ болѣзненнымъ организмомъ И. М—ча, что вчужѣ становилось жалко смотрѣть на его душевныя страданія.

— Эхъ, Иванъ Максимовичъ! приговаривалъ директоръ тономъ не то сострадапія, не то презрѣнія, обнимая его правой рукой и подталкивая сзади колѣнкомъ: таковы вы всѣ художники! Какая польза отъ вашей живописи? а?

Иногда для большей внушительности, директоръ, словно одержимый болѣзнію, извѣстною въ медицинѣ подъ названіемъ пляски Св. Вита, подпрыгивалъ, моталъ головой, хлопалъ въ ладоши, дергалъ подчиненнаго за пуговицу, подталкивалъ локтемъ, тыкалъ пальцемъ въ грудь.

— Г. Директоръ, сказалъ ему однажды нашъ многострадальный Іоаннъ: не штовхайте мене въ груди—я больной человѣкъ.

— То-то больной, ха-ха, а еще жениться задумалъ. А много ли даетъ учитель музыки приданаго за своей цуркой? Эхъ, вы, художники! террпѣть не могу!

Дѣло въ томъ, что нашъ Сошенко, давая уроки рисованія одной гувернанткѣ, зарабатывавшей себѣ хлѣбъ честными трудами, влюбился и возымѣлъ намѣреніе сочетаться съ ней законнымъ бракомъ. Спрашивается: какое право имѣетъ начальникъ вмѣшиваться въ интимную жизнь подчиненнаго, когда его къ тому не приглашаютъ? и какую дозу безцеремонности и безсердечія можно предположить въ человѣкѣ, который, пользуясь своею властію, позволяетъ себѣ публично издѣваться надъ сердечною тайной скромнаго труженика, для котораго эта тайна— святая святыхъ, куда не допускаются непосвященные? Не смотря, однакожъ, на ѣдкія выходки со стороны директора и даже на угрозы уморить ослушника голодною смертію, день свадьбы былъ назначенъ во время каникулъ. Приходитъ женихъ къ начальнику съ прошеніемъ о дозволеніи вступить въ законный бракъ, а тотъ поздравляетъ его съ монаршею милостію, суя ему въ руки бумагу о взысканіи съ него 24 рублей за пожалованный чинъ коллежскаго секретаря. Вотъ такъ обрадовалъ! Несомнѣнно, онъ нарочно приготовилъ сюрпризъ для такого торжественнаго случая.

— Играйте, говоритъ свадьбу, да не давайте гостямъ шампанскаго, ха-ха, потому что я обязанъ изъ вашего жалованья сдѣлать вычетъ.

Такъ какъ И. М--чъ получалъ всего 16 рублей съ копѣйками въ мѣсяцъ, то ему, значитъ, цѣлыхъ полтора мѣсяца не приходилось видѣть ни копѣйки. Правду сказалъ директоръ; что уморитъ голодною смертію. Нужно поневолѣ отложить свадьбу до полученія жалованья. Перебѣдовалъ нашъ художникъ и эти голодные мѣсяцы, пріискалъ работишку и кое-какъ состряпалъ свадьбу. Стали супруги жить да поживать да деньги наживать: мужъ малюетъ образа, а жена учитъ дѣтей. Такъ сякъ и перебивались помаленьку. Но преслѣдованія не унимались.

Приходитъ, напр. И. М—чъ изъ гимназіи домой въ 5 часовъ вечера, отбывши четыре полутора-часовыхъ урока, въ сырой осенній день, по страшной грязи, въ квартиру на концѣ мѣстечка, усталый, мокрый. Скидаетъ онъ свои бранные доспѣхи и собирается облачиться въ халатъ, чтобы немножко отогрѣться

за самоваромъ и отдохнуть отъ нескончаемой возни съ мальчуганами,—какъ вдругъ въ комнату ввалился гимназическій сторожъ.

— Пожалуйтя къ дялехтуру!

— Зачѣмъ? спрашиваетъ его И. М—чъ.

— Не могимъ знать: стало быть есть важное дѣло, коли велѣно позвать въ такую пору—разсуждаетъ, уходя, инвалидъ.

Представьте себѣ, читатель, положеніе бѣднаго учителя, который долженъ опять надѣвать только что сброшенный хомутъ и брести въ темнотѣ по грязнымъ переулкамъ, почти за полверсты отъ квартиры. Приходитъ бѣдняга къ директору.

— Что прикажете? спрашиваетъ.

— Вы, любезнѣйшій И. М—чъ, отлично чините карандаши, будьте же такъ добры, очините мнѣ парочку, да женѣ одинъ.

Стружитъ несчастный художникъ карандаши, а руки такъ и трясутся отъ волненія.

— Ничего больше не прикажете? спрашиваетъ.

— Ничего, покорно благодарю!

Но порученія директорскія не всегда ограничивались такими пустяками, какъ очинка карандашей: бывали дѣла и посерьезнѣе.

Умерла кастелянша ученической больницы, не сдѣлавъ до смерти никакого распоряженія. Между разнымъ бабьимъ тряпьемъ найденъ былъ именной билетъ въ 300 рублей. Наслѣдниками были сынъ студентъ и дочь. Сочувствуя почему то больше дочери, Е. Я—чъ желалъ, чтобы деньги достались ей одной; но для полученія ихъ изъ конторы Государственнаго банка, нужно было на билетѣ сдѣлать передаточную надпись умершей. Что тутъ дѣлать? Конечно, оставалось только пожалѣть о бѣдной дувушкѣ и больше ничего. Анъ нѣтъ! у насъ не такъ было: недаромъ мы унаслѣдовали въ юго-западномъ краѣ принципы оо. іезуитовъ, у которыхъ самыя нечистыя средства оправдывались благою цѣлію. Мы способны были и подлогъ сдѣлать лишь бы панна Пэйзанъ осталась нами довольна.

— Позвать Сошенка! скомандовалъ директоръ.

Приходитъ И. М—чъ. Зовутъ въ кабинетъ.

— Вотъ что, любезнѣйшій! вы, какъ учитель чистописанія, конечно, знакомы съ различными почерками: не можете ли вы подвести руку вотъ подъ эту подпись? Одну только фамилію напишите. Садитесь, возьмите перо!

Говоря это, Е. Я—чъ положилъ на столъ банковый билетъ и, подталкивая локтемъ учителя, прибавилъ:

— Да нуте же! о чемъ тутъ думать! терпѣть не могу! Но услышавъ такое дикое предложеніе, Сошенко лишился способности мыслить: онъ остолбенѣлъ отъ изумленія, перо выпало изъ рукъ, губы тряслись; онъ долго не могъ произнести ни одного слова. Наконецъ всталъ и, пробормотавъ какое то нескладное оправданіе своего неповиновенія приказаніямъ начальства, ушелъ, повѣся голову, домой—подѣлиться съ женой новымъ, еще не бывалымъ сюрпризомъ, который пахнулъ уголовщиной.

Такъ прошли для бѣднаго труженика два года, исполненные невыносимыхъ страданій и нравственной пытки. Служба стала для него тяжелымъ бременемъ; но гнетущая душу нужда заставляла терпѣть и скрѣпя сердце переносить незаслуженное гоненіе.

Разъ какъ то на урокѣ чистописанія произошелъ небольшой безпорядокъ. Зимовской, стоявшій въ это время, по своему обыкновенію подъ дверями, (въ которыхъ продѣлано было небольшое оконце, завѣшенное снаружи для внезапнаго соглядатайства начальства)—влетѣлъ въ классъ, какъ ураганъ, лютый-прелютый.

— Кто шумѣлъ? кричитъ задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ.

— Такой-то, и такой! докладываетъ „старшій".

— Сторожей! розокъ! неистовствуетъ директоръ.

Виноватыхъ раздѣли и тутъ же, посреди класса, растянули на учительской каѳедрѣ.

Въ самомъ „пылу горячихъ", З—й, какъ разъяренный тигръ, бросается на сторожа, вырываетъ у него изъ рукъ розги и со словами: „какъ ты сѣчешь, бездѣльникъ?" начинаетъ сѣчь рукою властною, сопровождая отчаянные крики мальчика адскимъ смѣхомъ:

— Посмотрите, посмотрите, И. М—чъ, что за богатая натура у этого негодяя? обратился онъ къ Сошенку, указывая на обнаженное тѣло ученика.

Чтó происходило потомъ, И. М. не помнитъ: отъ сотрясенія нервной системы съ нимъ случился обморокъ...

Такая звѣрская жестокость палача-педагога до того подѣйствовала на голубиную натуру нашего художника, что онъ заболѣлъ серьезно и затѣмъ, едва пришелъ въ себя, тотчасъ же написалъ просьбу объ отставкѣ.

— Будь что будетъ! говорилъ онъ друзьямъ своимъ, а служить подъ начальствомъ такого изверга я не въ состояніи! Готовъ дрова рубить, трубы чистить, съ голоду пропадать, чѣмъ тамъ мучиться.

Въ отставкѣ онъ занялся писаніемъ образовъ, стало быть съѣхалъ на ту же колею, съ которой своротилъ 16 лѣтъ тому назадъ, съ такимъ самоотверженіемъ рѣшившись отправиться въ Петербургъ изучать высшую живопись въ академіи.

Въ 1851 году, когда И. М. лежалъ на смертномъ одрѣ, исполняя христіанскій долгъ, его посѣтилъ директоръ. Сидя у постели больного, который былъ, однакожъ, при полномъ сознаніи, этотъ непрошенный утѣшитель, обратясь къ женѣ его, сказалъ во всеуслышаніе:

— Вамъ, сударыня, все равно начать плакать—сегодня или завтра—такъ лучше начните сегодня: вѣдь надежды никакой нѣтъ, это видно.

Утѣшилъ, не правда ли?

Зловѣщее карканье этого ворона, къ счастію, не сбылось. И. М—чъ, какъ бы въ пику ему, сталъ поправляться: въ болѣзни совершился спасительный кризисъ. Когда выздоравливающій въ состояніи былъ уже сидѣть на постели, онъ припомнилъ не сбывшееся пророчество своего пріятеля и, усмѣхаясь горькимъ своимъ смѣхомъ, слабымъ голосомъ промолвилъ:

— Отже брешешъ! таки буду малевать, таки буду!..

Надобно замѣтить, что нашъ художникъ и послѣ выхода въ отставку, не будучи подъ начальствомъ Зимовскаго, чувствовалъ къ нему какой-то инстинктивный страхъ, какой обыкно-

венно испытываютъ слабонервные люди въ присутствіи разъяреннаго животнаго. Завидѣвъ его гдѣ нибудь на противоположномъ концѣ улицы, мой Соха всегда чувствовалъ внутренюю лихорадочную дрожь.

— Отъ несчастье! говорилъ онъ обыкновенно при такой неожиданной встрѣчѣ: не даромъ мнѣ не хотѣлось идти по этой улицѣ.

Не доходя до З—го на нѣсколько шаговъ, онъ скидалъ фуражку, оставаясь съ непокрытой головой, пока не пройдетъ это пугало честныхъ людей, обмѣнявшись нѣсколькими любезностями, нелишенными впрочемъ ядовитой насмѣшливости:

— Чого вы, И. М. его боитесь? спросилъ я его однажды.

— Эхъ, М. К. развѣ вы меня не знаете? я всякого злого человѣка боюсь...

Инспекторъ гимназіи *Яковъ Омельяновичъ Беккаревичъ*, по словамъ юбилейной записки Каменецъ-Подольской гимназіи 1888 г. „принадлежалъ къ числу тѣхъ воспитателей, которые своими душевными качествами—добротою и любовію къ воспитывающимся дѣтямъ-на всегда оставляютъ въ своихъ питомцахъ добрую о себѣ память и признательность“. Къ этимъ правдивымъ словамъ составителя записки, я, съ своей стороны, добавлю только то, что „доброта“ Я. О—ча нисколько не вліяла на смягченіе суроваго режима немировской администраціи; дѣятельность его была совершенно парилизована безграничнымъ произволомъ директора. Исполняя буквально, до ничтожныхъ мелочей, всѣ распоряженія начальника и дѣйствуя во всемъ въ предѣлахъ данной ему инструкціи, окруженный фискалами въ лицѣ подчиненныхъ ему надзирателей, онъ былъ лишенъ и тѣни самостоятельности и иниціативы. При другомъ директорѣ онъ несомнѣнно могъ бы имѣть благотворное вліяніе на нравственность воспитанниковъ, но при Зимовскомъ онъ ничего не былъ въ состояніи сдѣлать, при всемъ своемъ желаніи и добрыхъ намѣреніяхъ, которыми, какъ говоритъ Данте, вымощенъ адъ...

Надзиратели немировской гимназіи.

Надзиратели, не отличались способностію комбинировать свои наблюденія, передавая своему повелителю одни лишь голые факты, а изъ этого сырого матеріала творческая фантазія Е. Я-ча создавала цѣлую поэму доносовъ.

Поговоримъ же о надзирателяхъ, въ оное время замѣнявшихъ нынѣшнихъ классныхъ наставниковъ съ ихъ помощниками, а на дѣлѣ бывшихъ ни болѣе, ни менѣе, ни выше, ни ниже надзирателей околодочныхъ.

Ихъ было пять человѣкъ: два надзирали за вольно-приходящими учениками, а три—за воспитанниками общихъ квартиръ.

Старшій всѣхъ по службѣ Каэтанъ Демьяновичъ *Штейнъ* любилъ повторять вѣчную свою пѣсню о томъ, какъ „они съ попечителемъ фонъ-Брадке пріѣхали въ Немировъ, открыли гимназію; затѣмъ Егоръ Ѳедоровичъ сказалъ: оставайся ты здѣсь— и я остался, а онъ вернулся въ Кіевъ".

Своими съ сильною просѣдью волосами Штейнъ напоминалъ одного изъ тѣхъ „шпаковатыхъ коней", на какихъ любили разъѣзжать тогда по ярмаркамъ польскіе панычи-балагулы. На сходствѣ Каэтана съ шпакомъ (скворцомъ) основывается полученное имъ отъ учениковъ прозвище „Шпацю". Какъ полякъ, Штейнъ былъ очень пригоденъ Е. Я-чу по части политическихъ доносовъ, а какъ рьяный охотникъ, онъ лгалъ немилосердно, сочиняя иногда такіе факты о неблагонамѣренности своихъ родаковъ, какихъ не случалось встрѣчать мнѣ, очевидцу повстанья, даже наканунѣ 1863 года. Сознавая всю важность занимаемаго имъ поста, Каэтанъ иногда позволялъ себѣ дѣлать замѣчанія учителямъ, по поводу какого нибудь кляпса въ классномъ журналѣ, за что неоднократно претерпѣвалъ отъ нихъ бранное поношеніе. Помнится такой случай: ученики VII класса на окончательномъ экзаменѣ писали сочиненія подъ наблюденіемъ учителей, между которыми было распредѣлено часовое дужурство отъ 8 до 3 ч. Но тутъ же въ залѣ, какъ безсмѣнный часовой,

былъ и Штейнъ, которому приказано было наблюдать за учителями, чтобы они не помогали ученикамъ. Едва только одинъ изъ молодыхъ преподавателей заговорилъ къ обратившемуся къ нему ученику о темѣ сочиненія, какъ къ нему подходитъ Каэтанъ и съ важностію говоритъ: „Нѣтъ, ужъ я вамъ этого не позволю!". Вышелъ скандалъ: учитель показалъ Штейну кукишъ, а ученики подняли его на смѣхъ. Влетѣлъ директоръ, разругалъ учениковъ и съ грязью смѣшалъ учителя. Штейнъ торжествовалъ.

Не взирая, однако жъ, на такія полномочія со стороны начальника, этотъ же самый начальникъ обходился съ Каэтаномъ иногда ужъ черезчуръ безцеремонно, вѣроятно, боясь, чтобы сей невѣжественный господинъ не возмечталъ о себѣ слишкомъ: знай, молъ, сверчокъ свой шестокъ: Такъ, однажды поймалъ его директоръ на улицѣ и за какую то неисправность сталъ бранить самыми поносными словами, потомъ въ заключеніе поднялъ на него палку, но ударилъ не его, а проходившую мимо свинью, присовокупивъ: вотъ я васъ, какъ эту поганую животину"!

Другой надзиратель за вольными квартирами Ефимъ Ивановичъ Корсунъ, sic dictus *Кумъ*, человѣкъ совершенно невѣжественный и глупый, какъ бревно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой, безъ котораго полная характеристика немировской администраціи была бы неточна. Грубой и неотесанной фигурой своей и холопскими ухватками Кумъ напоминалъ скорѣе городового, чѣмъ чиновника по министерству народнаго просвѣщенія, да и на самомъ дѣлѣ былъ не надзирателемъ только, а факторомъ директорскаго дома, исполнявшимъ самыя унизительныя порученія, вовсе къ службѣ не относящіяся.

Служебную карьеру свою Кумъ началъ въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ состоялъ фискаломъ при инспекторѣ лицея и гимназіи, въ то самое время, когда должность эту занималъ Е. Я. Зимовской.

Для занятія классной должности ему нужно было выдержать экзаменъ на приходскаго учителя. Одинъ изъ преподавателей гимназіи Ѳ. А. Токарскій взялся безвозмездно приготовить его къ испытанію по ариѳметикѣ; но пробившись съ

нимъ около года, пришелъ къ убѣжденію, что „легче камень долотити, чѣмъ Кума ариѳметикѣ научити“: онъ не могъ вбить въ эту бездарную башку первыхъ четырехъ дѣйствій. Такъ и остался Кумъ неучемъ на всю остальную жизнь, хотя по протекціи инспектора ему выдали свидѣтельство, удостовѣрявшее въ знаніи имъ курса уѣзднаго училища, а Токарскій получилъ отъ него за труды дѣдовскіе часы съ репетиромъ. Но этимъ благодѣянія патрона не кончились: Е. Я-чъ женилъ его и, отправляясь въ Немировъ, взялъ съ собой и его съ супругой.

Кума рѣдко можно было видѣть въ гимназіи за исполненіемъ прямыхъ его обязанностей по должности надзирателя: это былъ въ полномъ значеніи слова чиновникъ *особыхъ порученій* г. директора.

Отправляясь въ Харьковъ жениться, Е. Я-чъ оставилъ у себя на хозяйствѣ Кума, въ качествѣ дворника, съ приказаніемъ ожидать его съ готовымъ самоваромъ ровно черезъ три недѣли, но пріѣздъ почему то замедлился на три дня. И что же? Въ продолженіе этихъ трехъ дней Кумъ безпрерывно наставлялъ самоваръ и дулъ въ трубу во всю ивановскую, засыпая иногда тутъ же, подъ шипѣнье самовара, растянувшись на голомъ полу въ вицмундирѣ.

Подъѣхавъ съ своей новобрачной къ воротамъ, директоръ нашелъ ихъ неотворенными и, не входя еще въ комнату, разругалъ своего раба въ пухъ. Въ передней Кумъ повалился въ ноги разгнѣванному повелителю и всхлипывая сталъ умолять о прощеніи за свою оплошность. Осмотрѣвъ квартиру и найдя все въ исправности, Е. Я-чъ смягчился и великодушно простилъ.

Въ другой разъ, уѣзжая съ супругой на каникулы, Зимовской снова поручилъ Куму смотрѣть за домомъ и за всѣмъ, что было въ немъ. На бѣду его въ погребѣ стояло изрядное количество бутылокъ вина и наливокъ, да нѣсколько банокъ варенья, до котораго Е. Я—чъ былъ очень лакомъ. Искушеніе было слишкомъ велико, чтобы избѣжать соблазна. И вотъ, Кумъ

сперва самъ началъ понемногу пробовать содержимое въ банкахъ и бутылкахъ, а потомъ, вошедши во вкусъ, началъ потчивать и канцелярскихъ, приходившихъ къ нему по ночамъ играть въ карты. Но вотъ приближается день страшнаго суда, а Кумъ все не кается и все глубже и глубже погрязаетъ въ своихъ продерзостяхъ: все молъ равно пропадать; мало ли, много ли выпито, вылизано—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ! Наконецъ Е. В—діе изволили прибыть изъ путешествія. Кумъ, стоя на вытяжку, рапортуетъ, разсыпаясь мелкой дробью, подобно барабанщику. Онъ безъ запинки докладываетъ о своей неусыпной дѣятельности въ отсутствіе господъ: „какъ онъ холилъ лошадокъ, свинокъ, какіе дорожки продѣлалъ въ саду, ни разу не ложился въ постель, обходя дозоромъ весь домъ, какъ онъ вывѣтривалъ и перечищалъ платье и проч. и проч.; въ заключеніе же своей рѣчи просилъ за усердіе награды—представить его въ коллежскіе регистраторы за отличіе, такъ какъ до этого важнаго чина ему, какъ мѣщанину, слѣдовало прослужить 12 лѣтъ.

Тѣмъ временемъ г-жа директорша занялась осмотромъ кладовой и погреба и нашла значительный недочетъ. Директоръ взялъ подъ допросъ своего мажордома.

— А куда, Е. И., дѣвалось вино, наливка, варенье?

— Накажи мене Богъ, щобъ мени и руки и губы отсохли, коли я до чого небудь прикасався,—клянется окаянный Кумъ.

Но божба и клятвы не помогли и вмѣсто чина „за отличіе“ онъ получилъ такую встрепку, что даже не успѣлъ расплакаться. Его съ безчестіемъ выгнали изъ дому и запретили показываться на глаза. Повѣсилъ мой Кумъ носъ, тоскуетъ и скорбитъ, блуждая у воротъ директорской квартиры, какъ грѣшная душа въ чистилищѣ. Неразъ порывался онъ войти къ своему разгнѣванному идолу, пасть къ ногамъ его прахомъ, разрыдаться и вымолить себѣ прощеніе. Но едва онъ отворитъ калитку, его гонятъ какъ пса. Такъ прошла недѣля. Кумъ скорбитъ и ходитъ, понуривъ голову. Наконецъ, башку его

озарила геніальная мысль, и онъ немедленно приступилъ къ ея выполненію.

Квартира Кума была смежна съ директорской. Смотритъ онъ изъ-за частокола: директоръ съ директоршей кушаютъ въ саду чай. Навалившись всѣмъ корпусомъ на частоколъ онъ раздвигаетъ его, сбрасываетъ сюртукъ и, схвативъ дубину, гонитъ въ отверстіе свинью. Черезъ гряды и клумбы онъ подгоняетъ ее къ бесѣдкѣ. Директоръ кричитъ, бѣснуется—Кумъ ничему не внемлетъ. Поровнявшись съ бесѣдкой, онъ бросилъ дубину и бухъ въ ноги директору. Г-жа директорша, при своей ангельской добротѣ, стала просить за кающагося грѣшника—и Кумъ прощенъ. Вскочивъ на ноги, онъ снова погнался за свиньей и выгналъ ее тѣмъ же самымъ отверстіемъ на свой дворъ. Хитроумная, подумаешь, выдумка!

Верстахъ въ пяти отъ мѣстечка у Е. Я—ча была пасѣка съ небольшимъ садикомъ. Сначала весны Кумъ превращался въ садовника и пасѣчника, отправляясь съ зарей на пасѣку и возвращаясь домой къ вечеру. Если ему удавалось „поймать рой“ онъ во всѣ лопатки бѣжалъ съ рапортомъ къ директору—хвалиться своимъ подвигомъ. Тогда вся гимназія знала объ этомъ событіи, потому что Кумъ каждому встрѣчному трубилъ въ уши: „сіогодни я роя поймавъ“!

Кромѣ того, въ концѣ мѣстечка былъ вишневый садъ, подаренный графомъ гимназіи, находившійся, однакожъ, въ пользованіи одного директора. Кумъ и тамъ поспѣвалъ бывать, гоняя по всему саду воробьевъ, чтобъ не ѣли директорскихъ вишень. Какъ бы обиленъ ни былъ урожай, никогда никто изъ учителей и учениковъ не съѣлъ ни одной ягодки. Кумъ, бывало, продаетъ вишни жидамъ по копѣйкѣ ведро и вырученныя деньги относитъ директору, а даромъ никому не дастъ и понюхать.

Тому же фактору вмѣнялось въ обязанность ходить на базаръ. Неразъ приходилось мнѣ встрѣчать его съ живымъ поросенкомъ въ рукахъ или индѣйкой подъ мышкой. Ему же поручалась и продажа всего, что оставалось неизрасходованнымъ по части провизіи, доставляемой помѣщиками на продо-

вольствіе директорскихъ пансіонеровъ, самыхъ, конечно, достаточныхъ, за которыхъ родители платили по 1000 рублей сер., что по тогдашнимъ деньгамъ составляло громадную сумму. Сверхъ того, возами, бывало, везутъ на директорскій дворъ всякіе деревенскіе продукты, такъ что Е. Я—чъ легко могъ бы прокормить цѣлый разрядъ общей квартиры, да онъ таки излишекъ нерѣдко и продавалъ эконому, а чаще всего отправлялъ на базаръ, гдѣ тотъ же Кумъ продавалъ въ раздробь: муку, сыръ, масло, картофель, бураки и живность, а вырученныя деньги полностію представлялъ г-жѣ директоршѣ.

Для соблюденія экономіи при заготовленіи для заведеній дровъ, нѣсколько лѣтъ сряду они покупались на корню. Рубка и доставка обыкновенно производилась зимой. Слѣдить за рабочими поручалось тому же вездѣсущему Куму, который проживалъ въ лѣсу по цѣлымъ мѣсяцамъ, за 25 верстъ отъ мѣстечка.

Ученики прозвали Кума адъютантомъ директора, такъ какъ онъ постоянно сопровождалъ своего начальника на прогулку, какъ для вящей безопасности и въ огражденіе личности Е. В—дія отъ покушеній на оную со стороны неблагонамѣренныхъ людей, такъ и для преслѣдованія гимназистовъ.

Въ этомъ отношеніи Кумъ, обладая здоровенными кулаками и нестомчивыми ногами, какъ человѣкъ дикій, съ комплекціей первичной формаціи, могъ быть и дѣйствительно былъ очень и очень полезенъ обожаемому начальнику. И съ того времени, какъ быстрыя ноги Кума вступили въ союзъ съ ястребиными глазами директора, бѣднымъ ученикамъ не стало спасенія, хоть бы за версту шли они отъ своихъ неутомимыхъ инстигаторовъ.

Шествовали однажды сіи два достойные мужа въ монастырскую рощу на прогулку. Это было въ концѣ октября. На разстояніи версты у опушки лѣса директоръ усмотрѣлъ нѣчто похожее на гимназиста.

— Е. И—чъ! а вѣдь это ученикъ! обратился онъ къ своему спутнику: видите, видите, какъ будто и дымокъ показался! да, куритъ бездѣльникъ, куритъ! Узнайте-ка, кто это!

Молча кивнулъ головой быстроногій атлетъ и пустился въ путь. То былъ дѣйствительно гимназистъ. Какъ только юноша замѣтилъ, что его хотятъ поймать, потерявъ отъ страха всякое соображеніе, вмѣсто того чтобы поворотить къ лѣсу, бросился въ сторону, по направленію къ пруду. Какъ отлично выдрессированная собака, Кумъ, не давъ ему опомниться, отрѣзалъ несчастному отступленіе къ лѣсу и погнался за нимъ, какъ борзой за зайцемъ. Прибѣжалъ ученикъ къ пруду—что дѣлать? на дворѣ осень, погода вѣтреная—лѣзть въ воду не безопасно. Но сзади другая бѣда—въ двадцати шагахъ Кумъ. Нѣтъ, лучше броситься въ воду, чѣмъ попасться въ лапы директора. Не оборачиваясь, бѣглецъ вошелъ въ прудъ по грудь и накрылъ голову воротникомъ шинели, руководясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что не полѣзетъ же за нимъ въ воду при такомъ холодѣ надзиратель. Но какъ мало зналъ этотъ неопытный юнецъ, что значитъ долгъ, для такого служаки, какъ Кумъ, который, исполняя волю начальства, готовъ былъ не только полѣзть въ воду, но и въ огонь броситься? Не задумавшись ни на одну секунду, Кумъ вошелъ въ воду, поднялъ воротникъ шинели гимназиста, заглянулъ ему въ лицо и сказавъ только: „а, се ты!“ вылѣзъ изъ воды, отряхнулся, какъ пудель, и побѣжалъ съ донесеніемъ къ своему повелителю.

Въ награду за такое усердіе и чисто собачью преданность, Е. Я—чъ страшно издѣвался надъ глупостію и простотой своего вѣрнаго раба. У него Кумъ исполнялъ всѣ низменныя работы по дому: смотрѣлъ за лошадьми, ѣздилъ за кучера, вытиралъ директорское тѣло губкою и т. п. Е. Я—чъ такъ привыкъ къ его услугамъ, что, имѣя даже лакея, иногда посылалъ за Кумомъ [1]).

Отправляясь съ женой въ Одессу, директоръ взялъ съ собой Кума, вмѣсто лакея, на козлы. Соблазнившись дешевизной

---

[1]) Прислуга у З—кого долго не держалась. Онъ никого не наказывалъ и даже не бранился, но своими ядовитыми насмѣшками и презрительнымъ обхожденіемъ всѣхъ отталкивалъ.

товаровъ, (тамъ было въ то время porto franco), онъ купилъ своей супругѣ великолѣпную шаль и хотѣлъ провезти ее, не заплативъ на таможнѣ пошлинъ. Кумъ вызвался спрятать покупку такъ, „що ніякій бисъ не знайде". Разрѣзавъ подкладку шинели, онъ выбросилъ вату и вмѣсто нея засунулъ контрабанду, считая себя затѣмъ въ совершенной безопасности; но таможенныя ищейки пронюхали добычу, уличили директора въ мошенничествѣ и вытащили изъ-за подкладки шинели „его человѣка" шаль, сорвавъ большой штрафъ.

Во время высочайшаго проѣзда императора Николая въ Винницу на смотръ войскъ, директоръ, не дождавшись на станціи прибытія Его Величества, отправился домой спать, оставивъ Кума для наблюденія за всѣмъ, что произойдетъ во время перемѣны лошадей; но не одинъ директоръ и попечитель Траскинъ, пріѣхавшій въ Немировъ за три дня до царскаго проѣзда, тоже проспалъ его, утомившись истребленіемъ обѣдовъ и завтраковъ, изготовляемыхъ на станціи графскимъ поваромъ на случай, если бы Государю благоугодно было откушать. Такимъ образомъ, встрѣтилъ царя одинъ графъ Потоцкій. Съ нимъ Государь, не выходя изъ экипажа, перекинулся нѣсколькими милостивыми словами, пригласивъ его пріѣхать въ Винницу съ дочерью. Затѣмъ, едва успѣли заложить свѣжій восмерикъ, раздался богатырскій окрикъ:

„Пошелъ"!

Вотъ все, что произошло на станціи во врѐмя высочайшаго проѣзда.

На другой день рано по утру Кумъ стремительно ворвался въ квартиру директора и забилъ нескончаемую дробь на своемъ барабанѣ. И чего, чего не нагородилъ этотъ безтолковый болтунъ, изъ желанія показать свое усердіе, понимаемое имъ по своему. Онъ передалъ директору не только то, что дѣйствительно происходило, но и то, чего вовсе не было. Такъ, между прочимъ, онъ сообщилъ, что графъ приглашалъ государя въ палацъ и въ гимназію, что государь, якобы извинялся тѣмъ, что онъ спѣшитъ на смотръ и т. п. Утомившись слушать непрерыв-

ную дребедень своего повѣреннаго, Е. Я—чъ неожиданно прервалъ его вопросомъ: „на какомъ языкѣ Государь изволилъ объясняться съ графомъ“?

— По французскому! отвѣтилъ безъ запинки Кумъ.

— Ахъ вы Бальзакъ, Е. И—чъ! Да какъ же вы узнали о чемъ говорилъ Государь съ графомъ, не понимая ни бельмеса?

Пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Кумъ на сей разъ почему то позволилъ себѣ даже обидѣться.

— Покорно васъ благодарю, Е. Я—чъ! за мое усердіе вы ругаете меня такимъ словомъ, какого я ще зроду ни отъ кого не слыхалъ: Бальзакóмъ мене ще нихто не называлъ!

И не безъ причины почтенный куманекъ такъ сильно оскорбился прозвищемъ Бальзака. Хотя онъ рѣшительно не зналъ, что это за такое слово Бальзакъ, но инстинктивно догадывался, что оно должно быть французское, а къ французамъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе. Ему не удавалось запомнить и произнесть сколько-нибудь правильно ни одного иностраннаго слова, не исковеркавъ его на манеръ русскаго, какъ обыкновенно поступаютъ наши солдатики съ иноземными фамиліями своихъ остзейскихъ командировъ. Chapeau claque, напр., у него выходило клячо шляпъ, вентиляторъ—вентинаторъ, медальонъ—мандальонъ, Магбета—онъ назвалъ Бахметомъ и т. п.

Однажды за преферансомъ, рѣшаясь сыграть рискованную игру, Кумъ выразился такъ: „э, кинь на рискъ“!

— Вы, Е. И—чъ, какъ будто наворачиваете на французскій языкъ? замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Такъ всегда говоритъ гр. Шуазель, когда играетъ не совсѣмъ вѣрную игру: „кинь, говоритъ, на рискъ!

Потомокъ знаменитыхъ въ исторіи Франціи Шуазёлей Гуфье, проживая нѣкоторое время въ м. Немировѣ для воспитанія дѣтей, любилъ по вечерамъ перекинуться въ картишки. За неимѣніемъ лучшихъ партнеровъ, онъ иногда приглашалъ къ себѣ Кума. У него то Е. И—чъ и подцѣпилъ эту передѣланную на свой ладъ французскую фразу: qui ne risque n’a rien.

Совершенную противоположность Куму, всегда смѣлому и подвижному, представлялъ надзиратель средняго 2-го отдѣленія

общей квартиры *Ситенскій*, лысое, запуганное существо, всегда говорившее вполголоса, оглядываясь по сторонамъ, хотя бы съ нимъ случалось разговаривать гдѣ нибудь въ полѣ. Боясь, чтобы предательскій вѣтеръ не донесъ его словъ до ушей директора, онъ дѣлалъ изъ своей ладони щитокъ, закрывая имъ ротъ съ подвѣтренной стороны. З—й страшно надъ нимъ издѣвался, говоря ему такія вещи, какихъ не вынесъ бы послѣдній гимназическій сторожъ, а онъ, какъ истуканъ, стоялъ и слушалъ, не обнаруживая ни малѣйшаго признака жизни; только холодный потъ градомъ катился по его лоснящейся лысинѣ. Разъ засталъ я его въ директорской передней за головомойкой:

— Ну, что ему говорить? обратился ко мнѣ директоръ, указывая на Ситенскаго: вѣдь его мѣдный лобъ все равно, что вотъ (при этомъ онъ щиколоткой указательнаго пальца постучалъ о стѣну); я, право, не понимаю, отчего надзирателей нельзя сѣчь?

И кто бы подумалъ, что въ этомъ униженномъ и оплеванномъ человѣкѣ, какъ въ могилѣ, схоронены были тайны, ему одному довѣренныя тѣмъ же самымъ начальникомъ, который собирался его высѣчь? Лежа на смертномъ одрѣ, послѣ исповѣди и причастья, Ситенскій сознался своему пріятелю Сошенку, что всѣ секретныя донесенія на имя генералъ-губернатора Бибикова переписывалъ всегда онъ, будучи обязанъ этою великою честію красивому почерку и своему молчаливому, робкому характеру. Этого никто не могъ подозрѣвать до самой его смерти.

Надзиратель высшаго отдѣленія общей квартиры Филипъ Андр. *Госовскій*, по образованію и по развитію, стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ товарищей. Какъ человѣкъ гуманный, прямой и справедливый, онъ пользовался довѣріемъ и любовью воспитанниковъ; Зимовской же подобныхъ людей *„терррпѣть не могъ“*.

Пріятно остановиться на такой свѣтлой личности подольше. Но мы лучше предоставимъ ему самому говорить о себѣ, помѣстивъ здѣсь немногія выдержки изъ его дневника.

„Служба моя началась должностію, къ которой я былъ вовсе не приготовленъ, не предполагая даже служить по учебному вѣдомству. Но я былъ твердо увѣренъ, что всякая обя-

занность не страшна тому, кто желаетъ трудиться. О людяхъ я имѣлъ тогда самыя чистыя понятія и потому, прибывши въ Немировъ, я не заботился разспросить о личности моего будущаго начальника. Я вошелъ въ переднюю, и, не видя никого изъ прислуги, отправился въ слѣдующую комнату. Здѣсь встрѣтился я съ Зимовскимъ. Одѣтъ онъ былъ довольно неопрятно, такъ, что на первый разъ показался мнѣ лакеемъ, и я чуть былъ не спросилъ: дома ли баринъ? Но замѣтивъ его гордую и самолюбивую физіономію, догадался, что личность эта—мой начальникъ, и тутъ же отрекомендовался ему, представивъ билетъ, выданный мнѣ изъ канцеляріи попечителя на проѣздъ изъ Кіева въ Немировъ. Онъ улыбнулся, но въ этой улыбкѣ было что-то язвительное.

— Въ билетѣ вашемъ, сказалъ онъ, есть поправка—не вы ли ее сдѣлали?

Дѣйствительно, въ билетѣ было написано: данъ по 20 іюня, но по неосторожности канцелярскаго, не высохшія чернила растерты такъ, что трудно было разобрать, какимъ числомъ выданъ билетъ.

Такое несправедливое подозрѣніе въ подлогѣ сильно меня обидѣло. На вопросъ его я только могъ сказать: нѣтъ,—и скрѣпя сердце, замолчалъ.

— Идите, сказалъ онъ мнѣ довольно сурово, къ инспектору и возьмите у него надзирательскую инструкцію, прочтите ее и выучите наизусть.

Я поклонился и вышелъ. Директоръ произвелъ на меня на первыхъ порахъ дурное впечатлѣніе. Мнѣ сдѣлалось грустно. Не такимъ я воображалъ себѣ начальника.

......Были вакаціи. Послѣ представленія моего директору, я болѣе не видалъ его. Прошло нѣсколько дней. У меня бывали письмоводитель Смоленскій и надзиратели. Вдругъ однажды входитъ Зимовской. Я былъ въ халатѣ, сконфузился и хотѣлъ выйти въ другую комнату надѣть сюртукъ, но онъ меня остановилъ и осматривая стѣны и полъ, со злостію сказалъ:

— У васъ накурено, какъ въ кабакѣ. Это что? а это?

И пошелъ указывать на каждое пятнышко, на брошенный на полъ окурокъ и т. п.

— Да вы мнѣ домъ спалите, а? Какой вы надзиратель?

Дѣлая мнѣ замѣчаніе, онъ былъ похожъ на раздраженную собаку. Говорилъ еще много кой чего, но я ничего не помню, По выходѣ его я долго не могъ прійти въ себя. Мнѣ все казалось, что это сонъ, а не дѣйствительность. Я не зналъ, куда дѣваться отъ тоски. Я не могъ постигнуть, какъ человѣкъ, безъ всякой причины, могъ такъ жестоко оскорбить подобнаго себѣ. Я не получилъ еще никакого назначенія, не начиналъ даже службы, а онъ упрекаетъ меня, что я не знаю своихъ обязанностей.

Прошли каникулы. Я получилъ въ свое завѣдываніе 3 отдѣленіе общихъ квартиръ и сталъ изучать свою должность на практикѣ. Директоръ ежедневно посѣщалъ мое отдѣленіе, и всякій разъ мнѣ отъ него доставалось. Онъ искалъ всевозможныхъ случаевъ придраться ко мнѣ: приставитъ лѣстницу къ печкѣ, заглянетъ туда, найдетъ какой-нибудь клочекъ бумажки или пыль—нахлобучка; возьметъ тарелку—хукнетъ, потретъ своимъ носовымъ платкомъ—нахлобучка, да какая! Преступника арестанта меньше истязаютъ. Всѣ мелочи, неимѣющія никакого значенія въ дѣлѣ воспитанія, были предлогомъ, чтобы придраться ко мнѣ и распечь. Такъ прошло около года. Я страдалъ подъ тяжкимъ гнетомъ деспотизма и не зналъ, чѣмъ пособить своему горю. Присматривался я, какъ у другихъ надзирателей; кажется ничего особеннаго, все то же, что и у меня; имъ ничего, а мнѣ нахлобучка. Безчеловѣчное обращеніе со мной не столько меня огорчало бы, еслибъ онъ не дѣлалъ своихъ язвительныхъ выговоровъ въ виду учениковъ и прислуги. Нѣтъ, тутъ то онъ и торжествовалъ. Я падалъ духомъ. Служба мнѣ опротивѣла.

......Разъ приходитъ ко мнѣ добрѣйшій—дай Богъ ему царство небесное!—инспекторъ Беккаревичъ. По его смущенному виду замѣтно было, что онъ хочетъ что-то сказать, но не рѣшается. Посидѣлъ въ моей комнатѣ, поговорилъ болѣе о посторонних̆ъ предметахъ и уходя сказалъ:

— Какая причина тому, что Е. Я. такъ ожесточенъ противъ васъ? У васъ все исправно, вы успѣли расположить къ себѣ воспитанниковъ—странно. Онъ вамъ хочетъ зло сдѣлать, и я васъ предупреждаю: будьте осторожны въ словахъ—не всякому довѣряйтесь. Есть неблагонамѣренные люди, они то, кажется, и вредятъ вамъ. Что за мерзавецъ этотъ Зимовской, прощайте!

Послѣ этого посѣщенія, я началъ припоминать всѣ случаи гнѣва директора и оказалось, что всякій разъ онъ разражался надо мною вслѣдъ за посѣщеніемъ меня какимъ-либо изъ его агентовъ, которыхъ я считалъ добрыми людьми, которымъ я вѣрилъ, что они сочувствуютъ моему горю, и предъ которыми я не скрывалъ своего глубокаго презрѣнія къ дѣйствіямъ Зимовскаго. Инспекторъ навелъ меня на настоящую дорогу. Я пересталъ говорить о директорѣ. Я не зналъ прежде, что у него много шпіоновъ, которые все, что видятъ и слышатъ, объ всемъ трубятъ въ уши директору. Я не скрывалъ передъ ними своего о немъ мнѣнія, а они, преувеличивъ вдвое все, что я говорилъ, передавали ему.

Другая причина негодованія З-го—мое пренебреженіе къ его безмѣрному высокомѣрію, которому я не въ состояніи былъ удовлетворить съ перваго моего представленія. Онъ требовалъ униженія, низкопоклонства отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, а особенно отъ надзирателей, совершено отъ него зависѣвшихъ. Онъ требовалъ, чтобы въ его присутствіи держали руки пошвамъ, вытягивались въ струнку, на каждое его приказаніе отвѣчали по солдатски: слушаю! стояли бы возлѣ самаго порога и дальше ни шагу, смѣялись подобострастно, если онъ надъ кѣмъ-нибудь издѣвается, хвалили бы безъ зазрѣнія совѣсти всѣ его дѣйствія, даже всѣ принадлежащія ему вещи, при встрѣчѣ стояли передъ нимъ безъ шапки. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, я сдѣлался осторожнѣе, уклоняясь, елико возможно, отъ лести и угодничества. При встрѣчѣ, напр., я снималъ шапку и тотчасъ покрывалъ ею голову. Онъ не разъ дѣлалъ мнѣ замѣчаніе или косвенные намеки въ родѣ такихъ: „вамъ, вѣроятно, солнце печетъ въ голову? Или: козырекъ вашей

фуражки, кажется, мѣшаетъ вамъ видѣть?" Но я прикидывался непонимающимъ этихъ вовсе не тонкихъ намековъ.

Директоръ никогда не наказывалъ учениковъ по донесеніямъ надзирателей, а призывалъ къ себѣ надзирателя и ученика, дѣлалъ очную ставку, заставляя при ученикѣ разсказать о его проступкѣ; ученикъ, разумѣется, оправдывался и всегда оставался правымъ, а надзиратель уходилъ съ носомъ. Если же и наказывалъ ученика, то всегда говорилъ ему: „вотъ видишь, надзиратель на тебя донесъ!" Такими дѣйствіями онъ вооружалъ воспитанниковъ противъ надзирателей.

Шпіоны у Зимовского были нетолько между чиновниками и прислугой, но и между учениками всѣхъ возрастовъ. Попалъ онъ гдѣ-то бѣднаго сиротку, мальчика лѣтъ семи, взялъ его къ себѣ якобы изъ состраданія, а въ сущности для того, чтобы воспитать его по своему, т. е. сдѣлать изъ него покорнаго раба, готоваго на всякія низости. Скоро въ мальчикѣ обнаружились слѣды такого воспитанія. Его можно было видѣть подъ дверью, подъ окномъ, или найти спрятавшимся въ темный уголъ комнаты, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ квартирахъ. Высмотрѣвъ все, что тамъ происходило, онъ незамѣтно ускользалъ.

Учениковъ, преданныхъ себѣ, директоръ поддерживалъ всѣми правдами и неправдами во время экзаменовъ, а надѣясь на такую подержку, даже способные переставали учиться и оставляли гимназію, дѣлаясь большими негодяями. До прибытія З—го въ немировской гимназіи было 600 учениковъ; въ короткое же время его управленія половина учащихся уволилась, остались большею частію бездарные трусы. Составляя отчетъ за трехлѣтнее управленіе и ставя въ параллель прежніе порядки съ своими, онъ выставлялъ начальству свои заслуги самымъ безсовѣстнымъ образомъ: что онъ де искоренилъ взятки, возвысилъ нравственность учениковъ, улучшилъ методы преподаванія, и чего не написалъ онъ въ свою похвалу [1])! Каждому

[1]) Историческая записка къ 50-лѣтнему юбилею немировской гимназіи 1887 г. объ управленіи З—го повторяетъ тоже самое, такъ какъ единственнымъ источникомъ для составленія записки служили автору ея годичные отчеты, самимъ З—мъ сочиненные—хороша исторія!

встрѣчному кричалъ онъ, что для немировской гимназіи, съ его пріѣздомъ, началась новая эпоха, что старая закваска имъ уничтожена.

Зимовской хорошо зналъ, что ученики VII класса получаютъ медали и аттестаты не по истиннымъ заслугамъ, а съ его помощью, и потому онъ убѣждалъ ихъ не поступать въ университетъ св. Владиміра, а ѣхать въ Харьковъ, не будучи увѣренъ въ томъ, чтобы—при повѣрочныхъ экзаменахъ ихъ аттестація оказалась справедливою. Какъ ни хвасталъ онъ, что послѣ перечистки гимназіи у него остались одни „жемчуги и брилліанты“, но въ душѣ не могъ не сознавать, что успѣхи и нравственность учащихся не только повысились, но значительно понизились. Для исправленія этихъ „жемчужинъ и бриліантовъ“ въ общихъ квартирахъ были назначены экзекуціи, на которыя директоръ всегда приходилъ самъ и публично, въ общемъ собраніи всѣхъ учениковъ, дралъ розгами лѣнтяевъ и шалуновъ, начиная съ 10-лѣтняго мальчугана до 20-лѣтняго юноши отъ I до VI класса включительно. Разъ онъ хотѣлъ высѣчь и учениковъ VII класса; всѣ разбѣжались, остался только одинъ по трусости и сталъ молить о пощадѣ, вслѣдствіе чего ему досталось только розгами по спинѣ. Въ этотъ же разъ много было высѣчено взрослыхъ. Тутъ же чуть было не рѣшилась участь и самого Зимовского: ученики зашумѣли, вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились на него, но онъ улизнулъ *зане не приспе часъ его*. Раздраженіе воспитаниковъ все усиливалось и привело къ роковому дню 14 ноября 1848 года“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

69) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1774 г., 25 сентября.

М. г. братецъ, Григорій Андреевичъ Присилка къ вамъ дѣлъ и увѣдомленія о сроки, на какой срокъ зоветъ братъ Стефанъ суддей на очной разговоръ, умѣдлена потому, что я отъ Слюза на посиланное писмо нѣчего не получилъ, какъ толко то, что онъ самъ хотѣлъ быть въ Роменъ на 11-е число сего сентября, и со мною, о чемъ надобно, поговорить; онъ самъ не былъ, а пріехалъ Павелъ Михайловичъ Воротилякъ и объявилъ мнѣ, что они не требуются на очній разговоръ, а имѣютъ в получені указы зъ суда генералного во многомъ числѣ, по дѣламъ нашимъ полюбовнимъ, коими судъ генералный порознь требуетъ присилки репортовъ. Онихъ указовъ копіи всѣ ко усмотренію вашему присемъ прилагаются, и сочиненіе репорта по онимъ въ судъ генералный Павломъ Михайловичемъ термѣнами къ вамъ посилаются съ тѣмъ, чтобъ вы оніе пересмотрѣли порядочно, дабы немогло быть какой ошибки, и исправили, и какъ возможно найскорѣе сюда присилали ибо земскій судъ въ первихъ числехъ октября розедется; а за присилкою оніе будутъ отправлени со всѣми дѣлами въ Глуховъ и вы будете о томъ чрезъ нарочного жъ увѣдомлени. Подлѣнніе компромисси—2, полюбовнихъ рѣшеній—2, постановленіе между нами или сказать со-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 4.

гласіе подлѣнное—1, справочніе копіи судей земскихъ рѣшеній—5, при семъ къ вамъ посилаются. Замѣтка руки Павла Михайловича посилается, который можетъ назватся честнимъ и добримъ человѣкомъ, прилѣжнимъ его и неусипнимъ раченіемъ въ дѣлахъ нашихъ нѣтъ съ нимъ никакихъ заботъ, все что слѣдовало вамъ объявить о нужнихъ дѣлахъ, обявилъ. Теперь приступаю зъ обявленіемъ о нашей коммерціи. Милостію Божіею наши фури всѣ сохранени отъ нещастного случая и непріятелского нападенія, и слѣдуютъ зъ соллю къ тарифѣ. Семенъ Ивановичъ уже былъ въ Ромнѣ и отправленъ отъ мене въ тарифу съ часточкою маленкою денегъ, а еще надобно денегъ, надо платить въ тарифу и заплатить круговимъ фурщикамъ двѣ тисячи рублей. Я уже сломя голову шатался, куда возможно, за денгами, но не моглъ нѣкакимъ образомъ достать и затѣмъ къ вамъ адрессуюсь съ тѣмъ, что естли вы означеннихъ денегъ двухъ тисячъ рублей, взявши оніе въ кого маете, хочай зъ десятого процента, чрезъ восемь дней не пришлете, то я къ вамъ и ваше со мною обовязательство на случай неприсилки вами денегъ, посилаю, которое ви при себѣ удержѣть и ненадѣйтесь нѣ соли, ни бариша, потому что я долженъ буду великую часть соли на своей цѣнѣ, за готовіе денги продать и денги визволить, чтобъ было чемъ заплатить въ тарифу и фурманамъ, кои всего страшнѣе заидятъ, естли за поставкою ими соли заплатить будетъ имъ нѣчемъ. Я отъ Левандовского не получилъ ни едной копейки. Какъ знаете, такъ и добувайте денегъ, а я болѣе уже доставилъ денегъ. А впрочемъ не здивуйте: ябы вседушне радъ вамъ симъ не кучить, но истинно способу нѣтъ чѣмъ кончить промислъ, а и мнѣ, имѣющему на себѣ всю тягость оного промисла, убитка имѣть не слѣдуетъ, что объявивъ зъ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ пребуду и есмь вашъ, милостиваго государя, братца, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика, P. S. Надлежитъ ли подлинние судние рѣчи, сказанние въ полюбовномъ судѣ, всѣми сторонами, къ репортамъ приложить и ежели надлежитъ, то откудова ихъ отискать, особливо сказанние со сторони Ласкевичей и Телеснѣцкого, понеже ихъ придѣлѣ нетъ; вѣрующое, данное отъ Стефана

Полетики, Пугачу на вислушаніе приговоровъ, надобно ли приложить и гдѣ оное: не въ васъ ли? естли въ васъ, пришлѣте.

70) Адмирала Ивани Логиновича Кутузова, изъ С.-Петербурга, 1774 г., 5 ноября[1]).

М. Г. мой, Григорій Андрѣевичъ! Дружеское, пріятнѣйшее писмо темъ болѣе меня обрадовало, что будучи о васъ въ неизвестности, приписывалъ молчаніе ваше или вашей или изъ любезнаго семтійства вашего, чьей либо болезни или другимъ какимъ непріятнымъ для васъ обстоятельствамъ, но нынѣ, къ крайнему моему удовольствію, отъ сего безпокойства я избавлѣнъ. Благодарю васъ попримногу, любезный мой другъ, какъ за оное писмо, такъ и за гостинцы, но жаль, что изъ оныхъ бутыли съ розовою и земляничною водою разбиты. Такъ, мой другъ Григорій Андрѣевичъ, человѣкъ вездѣ человѣческому жребию подверженъ и въ городѣ, и за городомъ, какъ апостолъ говоритъ: беды въ городѣ.... Однако одни болше, а другия менше. Въ городе, а паче въ службе, одна зависимость человѣческой свободѣ тягостна, а когда притомъ и угнетѣніе есть, то тягость становится сугуба. Материя сия столь пространная, что много можно объ оной разсуждать, а я заключу „нѣтъ щастья на земли, на небесахъ оно, богамъ оставлѣно и смѣртнымъ не дано.“ Доздѣ Сумароковъ въ Гостомыслѣ. Новыя чада фортуны не толко лучшаго не привносятъ, но болѣе неприступны и горды оказались. Кратко: терпеніе и спокойство духа потребно, кои я, благодаря Бога имѣю. Сверхъ того, внутрь моихъ домашнихъ заключаюсь, считая себя доселѣ благополучнимъ. Главное мое упражненіе нынѣ въ воспитаніи детей. . . . . . всемъ извѣстный ко мне приехалъ. Но я не слѣдуя примѣру прочихъ отцовъ, не токмо . . . . собственнаго труда воспитаніе дѣтей почитаю, но й прямою отеческою должностью, а особливо въ наставленіи серца во благонравіи и образѣ предначертанія въ продолженіи учения. Воть, мой любезный другъ, что тебѣ о себѣ сказать имѣлъ. Возвращусь паки къ . . . . фортуны:

[1]) Въ это время директора морскаго кадетскаго корпуса.

приключеніе Дионисиево (?) со старухою вамъ памятно, которую онъ нашелъ молящуюся о его благоденствіи. Изъ сего заключить вы можете легко, что послѣдняя становятся горше первыхъ. Посылаю вамъ неболшой гостинецъ, ящикъ съ дюжиною бутылокъ разныхъ винишекъ, кои уже у меня дома случились. Примите сие за знакъ моего дружелюбия. После всего, осталось мне засвидетельствовать вамъ и дражайшему вашему семѣйству мое истинное и непремѣнное почтеніе. Я не сумнѣваюсь о вашей къ намъ дружбѣ, какъ и томъ, что вы любезную свою для меня и утешительную переписку продолжать не оставите. Наконецъ, пожелавъ вамъ отъ чиста серца всехъ благъ отъ Бога на всю жизнь, называться не премину, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій и преданный слуга Иванъ Г. Кутузовъ [1]).

За дружеское приписку принашу маю благодарностъ, продолжайте сие, для насъ утешително ведать, что вы со всеми вашеми здарови; весма благодару за участия, катория вы приемлете въ нашихъ обстоятелствахъ, и еще разделаете наши прискорбности. Სколъ не старалась я бодрствавать духомъ, но ударъ за ударомъ и притомъ не зря себе нигде ни малейшей надежди, всо сие такъ стеснили мое сертце, что корпусъ мой великое чуствуетъ всебѣ растройку, и я часто бална бываю. Не стану васъ отягощать описаніемъ моихъ припатковъ, зная, что сие наведетъ вамъ прискорбнасть. За гостинцы васъ благодару и сама посилаю. Верте мне, что я всехъ васъ помну и желаю вамъ спокойства, здоровья, долгий векъ и навсегда верная ко услугамъ Авдотья П. Кутузова.

71) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1774 г., 10 ноября.

М. Г. мой, братецъ Григорей Андреевичъ. Всю экспедицѣю къ вамъ посилаю, а репорти пойдутъ отъсюду въ Глуховъ сего ноября 12 числа; могли бы они послани быть и по пре-

---

[1]) Обозначенныя точками мѣста — не прочитаны вслѣдствіе неразборчивости почерка.

жней почтѣ, но поелику, какъ слихалъ я, что въ Глуховѣ былъ братъ Стефанъ, съ посилкою онихъ поудержался для того, чтобъ къ вамъ прежде отправить, даби ви заразъ ехали въ Глуховъ. Что принадлежитъ до обширнихъ вашихъ по соляному промислу мнѣ приписаннихъ репримандовъ и пороковъ, противу онихъ учиню вамъ возраженіе словесно, естли удатся мнѣ съ вами видѣтся въ Глуховѣ слѣдующой филиповки. Ви тамъ много де-чого понисали такого, что по всѣмъ правиламъ купеческому промислу есть противно; денегъ я отъ вашего Даналченка не получилъ ни единои копейки и нинѣ . . . . что крученіи (?) за денгами ви много помогли въ семъ промислѣ и на соль сискали, по вашему обовязателству, купца и денгами снабдѣли, а любитемете сотъ четире или пять рублей взять бариша, чемъ перемѣн . . . я додержу моего слова, а впредь навчусь, какъ товаришить съ такими помочниками. Въпротчемъ зъ должнѣйшимъ почтеніемъ пребуду и есмь вашъ, милостиваго государя, моего братца покорнѣйшій слуга Андрей Полетика. Воротилякъ посилаетъ къ вамъ писмо; поможѣть ему въ его прозбѣ, онъ и впредъ намъ пригодится.

72) Графа Ивана Григорьевича Чернышева [1]*), изъ Москвы, 1775 г., 20 октября.*

Государь мой Григорей Андреевичъ! Съ сердечнымъ удовольствіемъ получилъ, государь мой, ласковое ваше ко мнѣ письмо. Не могу я болѣе изъявить вамъ благодарности моей за неложныя желанія ваши о здоровье, щастіи моемъ, какъ такими же точно чистосердечными выраженіями, какими вы увѣрили меня о истиннѣ вашей ко мне любви. Чемъ пріятнѣе было мне видеть признаніе вашей благодарности за слабыя мои къ вамъ услуги, темъ болѣе обязываете вы меня по возможности моей, оказать вамъ новыя большія, и конечно почту великимъ удовольствіемъ, естьли темъ сохраню таковыя ваши къ себѣ благородныя сентименты. Графиня Анна Александровна [2]) прино-

---

[1]) Президентъ адмиралтействъ-коллегіи. Р. 1726+1797.

[2]) Вторая жена Чернышева, рожд.. Исленева.

ситъ вамъ свою благодарность за присланныя ей отъ васъ конфеты, и мы оба просимъ васъ засвидѣтельствовать почтеніе наше любезной вашей сожительницѣ, и быть увѣреннымъ, что ничего не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ при всякомъ случаи доказать вамъ особливое почтеніе, съ которымъ пребываю, государь мой, покорный слуга гр. И. Чернышевъ.

73) Адмирала Ивана Логиновича Кутузова, изъ С.-Петербуга, 1775 г. 8 ноября.

М. Г. мой, Григорій Андрѣевичъ! За дружеское ваше писмо съ человѣкомъ вашимъ, покорно благодарствую; вы увѣрены, что писма ваши великое удоволствіе мнѣ приносятъ, и я истино сердцемъ жалѣю, что не имѣемъ случая такъ часто писать другъ ко другу, какъ бы того желалось. Благодарю васъ за дружескій совѣтъ о поведѣніи съ извѣстныма господиномъ, но къ сожаленію не всѣгда оному слѣдовать можно, иногда не бываетъ времени даже и одуматся, для того, что въ дѣлахъ часто или согласится или несогласится надлежитъ, и я конечно сколко можно слѣдовать буду, и досѣле слѣдовалъ; наважнѣйшее дѣло настоитъ мнѣ съ вами, любезный другъ, бесѣдовать: време наступаетъ мыслить мнѣ о ученіи сыновей моихъ. То васъ прошу дать мнѣ дружескій свой совѣтъ. Они теперь учатся по руски и по французки, географіи и частію исторіи, а отъ вазъ требую, чтобъ вы мнѣ сообщили планъ разположенія ихъ предбудущаго ученія: 1-е, чему ихъ учить, 2-е, чему за темъ слѣдовать должно и 3-е, образъ или методъ ученія. Разсуждаю, что они не назначаются, собственно въ ученыя люди но . . . . въ известное состояніе, то есть, никуды или всюды. Вы, чаю, мѣня понимаетете, что я разумѣю чрезъ никуды или всюды; у насъ, вамъ извѣстно, нетъ ничего определѣннаго: всякъ долженъ быть все, то есть и военный, и штатский, и ученый, а для того болшую часть, суть ничто, то есть за все взявшись, ничего не знаютъ. Вы знаете впротчемъ, мой другъ, что дворянское ремесло есть шпага, по этому надобно быть имъ у (гвардію?), но мнѣ хочется, чтобъ они и во всѣмъ прочемъ

не были невѣжи; сего то я отъ вашея дружбы ожидаю, не надѣясь получить отказа. Вы знаете, я думаю, что я перемѣненъ чиномъ и пожалованъ вице-адмираломъ. Я знаю, что сие васъ много порадовало. Сие послѣдовало въ торшество мира; и такъ теперь что до мѣне касается, то я въ мѣсто свое вошелъ, и хотя поздо, но мнѣ обиды мои удовлѣтворены; мнѣ неостается болше чести желать, толко бѣдное состояніе мое, а особливо въ разсужденіи дѣтей, мѣня тревожитъ; да надѣюся на Бога, что и въ томъ когда живъ буду, оставлѣнъ не буду. Вотъ, мой любезный другъ, все вамъ сообщилъ о себѣ и о своемъ. Изъ него вы видитѣ, сколь много я васъ почитаю и люблю. Прошу покорно сообщить о вашихъ обстоятельствахъ, то есть каковы вы въ здоровье и о любезныхъ дѣтяхъ вашихъ, которые я уповаю успѣхами своими во ученіи достойны васъ. Скажите мнѣ куда вы ихъ опредѣляете или назначаете. Я во всемъ касательномъ васъ приемлю истинное участие, и отмѣнно почелъ бы себя щастливымъ, когдабъ могъ хотя мало въ чемъ либо способствовать, но чего дѣломъ исполнить немогу, то хотя желаниемъ и усердиемъ. Пріятное и любезное для мѣня съ вами, (?) окончаю, сказавъ вамъ, что я съ истиннымъ почтениемъ, преданностию и непремѣннымъ дружелюбиемъ навсѣгда останусь, м. г. мой, вашъ покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Г. Кутузовъ
P. S. Сообщаю вамъ переводъ сына моего Павла, въ которомъ ничего чужаго нѣтъ, но то самое какъ онъ сказывалъ кромѣ двухъ словъ вовсѣмъ, которые онъ не в . . . . . разумѣ . . . . . . Авдотья Ильинишна свидѣтелствуя вамъ и Аленѣ Ивановнѣ свое почтение, покорно благодаритъ за гостинцы и проситъ простить, что на сей разъ не нашла ничего семейнаго взаимно послать.

74) Адмирала Ивана Кутузова, изъ С.-Петербурга 1776 г., 26 іюля.

М. Г. мой, Григорій Андрѣевичъ! Давно уже не имѣлъ я удоволствія получить дружеское ваше писаніе, но не жалуюся на то потому что инако нелзя писать, какъ съ нарочнымъ; я очень часто ищу случая къ пересылкѣ къ вамъ писемъ; труд-

но оный нахожу, какъ и теперь насилу посредствомъ г. Левиніца (?) тотъ могъ сыскать. Главное дѣло о чемъ къ вамъ писать имѣю, есть то, чтобъ дать знать вамъ, какъ моему другу любезному, участвующему въ моемъ состояніи, о себе и изъявить всѣгдашнѣе и нелицемерное мое къ вамъ почтеніе и дружелюбие. И такъ доношу, что я со всѣми моими, благодаря Бога, здоровъ; почитаю васъ и люблю, какъ всѣгда то было, ибо знакомство и дружелюбие, основанное на добродѣтели и почтеніи, укрѣпленное долгимъ временемъ и опытама, есть неизменно. Что до моихъ обстоятѣлствъ касается, то они всѣгда одинаковы, то есть ни худы, ни хороши, а держу себя единою службою и трудами, и неимѣю никакого вида къ полученію чегонибудь къ поправленію моей участи, а паче къ поправленію участи детѣй. За новость вамъ донесу, что ея императорское величество удостоила своимъ присутствиемъ флотъ, стоявшей на Кронштатской рейдѣ, чему и описаніе прилагаю. Вы увидитѣ награждени за прошедшую войну, а притомъ и темъ кои здѣсь были за особливыя труды, но мои видно что малы, а сие всѣ работа нашего главнаго. Князь Потемкинъ недавно отсюда ѣздилъ, и сказываютъ, что будетъ жить в своемъ домѣ, которой и купленъ у графа Разумовскаго, тотъ что известѣнъ подъ именемъ Аничковскаго. Вашъ землякъ Петръ Васильевичъ Заводовской пожалованъ генералъ маіоромъ о чемъ вы, я чаю, уже свѣдомы. Мнѣ онъ несколко знакомъ по Муромцовѣ, моемъ двоюродномъ шуринѣ, которой губернаторомъ въ Тверской губерніи; онъ мнѣ сказывалъ, что онъ вамъ и свой. Прошу васъ, какъ моего друга, ежели можете ознакомте ему мѣня и рекомендуйте, какъ добраго человѣка, онъ васъ очень почитаетъ. Внушитѣ ему о моемъ состояніи и о моемъ прямодушіи и правдолюбіи; онъ бы не погрѣшилъ, здѣлавъ мнѣ какое нибудь добро. Я сие къ вамъ пишу, полагая, что ежели вамъ то можно и статно вразсужденіи вашихъ съ нимъ обстоятѣлствъ, и надѣюсь, что вы мнѣ въ томъ помочь не откажетесь, дѣлая то не какъ стороннимъ отъ себя образомъ, чтобы (?) вниманіе и знакомство его заслуживаю, однакожъ повторяю, когда то вамъ способно и прилично. Изъ земляковъ вашихъ г-да Коневскіе

отмѣнны, а особливо меншой, которой по наукамъ и поведѣнію теперь первой и сержантомъ, а г. Лобысевичъ[1]) въ корпусѣ подпоручикомъ. Теперь осталось въ заключеніе испросить у васъ увѣдомленія, какъ вы съ любезными своими домашними обретаетесь и весело ли свое время и спокойно ли проводитѣ, чемъ мнѣ великое удовольствіе покажите. Окончу мое писмо тѣмъ, что съ истиннымъ и непремѣннымъ почитаніемъ и дружелюбиемъ навсѣгда пребуду, м. г. мой, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Г. Кутузовъ.

75) Адмирала Ивана Логиновича Кутузова, изъ С.-Петербурга, 1776 г., 29 октября.

М. Г. мой, и любезный другъ Григорій Андрѣевичъ! Случилось мнѣ быть у Петра Васильевича Заводовскаго, гдѣ я видѣлъ шурина вашего и съ великимъ удоволствіемъ отъ него услышалъ, что вы предъидущею зимою сюда быть намѣрены; но удоволствіе мое и радость несравнѣнно умножило дружеское ваше писмо, подтверждающее тожъ самое. Приежжайте, мой дражайшій другъ, приежжайтѣ и утештѣ человѣка, истинно васъ почитающаго! Незнаю я получили ли вы отъ мѣня писмо, отправлѣнное отъ мѣня съ бунчуковымъ товарищемъ Тимоѳеемъ Левенецѣмъ,[2]) который записалъ ко мнѣ сына, и поѣхавъ отсюда, взялся вѣрно оное къ вамъ доставить. Я разумѣю не получилиль вы послѣ отправлѣнія сюда человѣка вашего. Болше писать неразпространяю, ласкаясь надѣждою васъ самолично увидѣть и бесѣдою вашею насладится. Во ожиданіи сего вож-

---

[1]) Говорится о Степанѣ Павловичѣ Лобысевичѣ (род. въ 1754 г. въ с. Гримячемъ, подъ Погаромъ, а въ 1873 г.—отставн. капитанъ-лейтенантъ), который въ литературѣ извѣстенъ какъ переводчикъ книжки „Любовь Палирія и Дирфіи" (Спб. 1774, 24 д., 149 стр.), посвященной „его пр—ву генералу казначею, госуд. адмирал. коллегіи члену и морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса директору Ивану Логиновичу Г. Кутузови." Въ посвященіи читаемъ: „превосходительный господинъ! М. Г. Я имѣя честь быть изъ числа воспитанниковъ вашего пр—ва и имѣя щастіе пользоваться отеческими вашими благодѣяніями, поставляю заботъ мой принести вамъ, м. г., первый сей опытъ упражненія моего, яко плоды труждающемуся дѣятелю, въ знакъ найпризнательнѣйшей благодарности...."

[2]) Левенцомъ?

деленнаго для меня случая, смѣю васъ увѣрить, что я навсѣгда останусь съ нелицѣмѣрнымъ къ вамъ почитаніемъ и дружелюбиемъ, м. г. мой, вашъ покорный слуга Иванъ Г. Кутузовъ. P. S. Человѣку вашему, по прозбѣ ево, далъ я 30 р. дѣнегъ, потому что онъ въ другихъ мѣстѣхъ, гдѣ ему отъ васъ взять приказано, не могъ получить.

Я вамъ обеимъ, моимъ любезнымъ друзъямъ, приписую истинное почтение; благодарю за гостинци; любезной Алене Ивановне взнакъ памети посилаю на платья остнпчкой (sic) матеріі, желаю насить на здаровья! Детемъ вашимъ желаю всехъ благъ отъ Бога, пребуду вамъ всегда верная ко услугамъ Аг. К.

76) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1777 г., 25 октября.

М. Г. мой, братецъ Григорей Андрѣевичъ! Сего октября 22-го арсинагогъ (?) [1]) пріездилъ въ Коровинцѣ зъ двумя возними, четирма шляхтами, в лисицѣ одѣтеми, для полученія опеки и описиванія братнихъ имѣній, но получа отъ мене нѣсколко фигъ, отъехалъ обратно. До безъконечности мене безпокоитъ, ругаетъ мене и васъ, какъ можно болѣе, и въ едномъ мѣстѣ говорилъ: пускай де панъ Григорій мудрствуетъ, я всѣ дѣла въ нивочто оберну! И весма скоро будетъ к вамъ въ Петербургъ. Такъ надѣется беззаконнимъ образомъ надъ нами побѣду получить, хочай би и в сенатѣ дѣла конченни, надѣется на не отмѣнную помощь случайнаго человѣка З [2]). Онъ, сказуютъ, ему знакомъ коротко. И такъ, я васъ увѣдомляю и предостерегаю употребить средство познакомится и преодолѣть козненніе хитрости, даби вслучаи, по отъездѣ вашемъ съ Петербурга, не надѣлано пакостей. Петръ Василіевичъ отзивается въ Пѣтербургѣ къ мѣсту, вѣрно васъ увѣдомляю, пребивая въ протчемъ зъ неотмѣннимъ и должнимъ почтеніемъ, вашъ м. г. братца покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

---

[1]) Левандовскій.

[2]) П. В. Заводовскаго.

77) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1777 г., 15 ноября.

М. Г. мой, братецъ Григорей Андрѣевичъ. Въ прежнемъ писмѣ моемъ писалъ я к вамъ, что беззаконій нашъ земскій судъ приговорилъ опеку Левандовскому, почему онъ зъ возними и шляхтою приежалъ въ Коровинцѣ, для отбору отъ мене опеки, но получивъ отъ мене самаго болшого сорту дулю, возвратився вспять во Иудею. Имѣлъ желаніе къ опеки, аки елень на источники водния, имѣя жадность, устремляется; но получивъ отъ суда генералного уничтоженіе самое кепское опредѣленія земскаго суда, которое по моему старанію опрокинуто, жадности своей не утолилъ; нинѣже, в самомъ скоромъ времени, устремляется къ С. Пѣтербургу и хочетъ весть дѣтей туда, увѣряя всѣхъ, что онъ старшую здѣлаетъ при дворѣ фрелѣною, имѣя при томъ неотмѣнную надежду на Семена Гавриловича, что и опеку у мене вирветъ з рукъ; и дѣла хочай би и в сенатѣ и въ нашу ползу кончились, онъ опрокинетъ; онъ сіе торжественно пророчествуетъ, о чемъ васъ увѣдомляю, наискорѣйшаго и благополучнѣйшаго ожидая вашего прибитія, пребиваю зъ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ м. г. моего покорнѣйшій слуга Андрей Полетика. Послѣ карети, привезите, на щетъ мой, хочай на десять трубокъ курителнаго табаку, а носового самого найпревосходителнѣйшаго, фунтовъ съ 5. А съ Москви неможете ли доставить хочай полъ коляски, за вашими порукамн, что какъ скоро оная будетъ въ Роменъ привезена, то денги чрезъ здешняго купца Сидора Петровича Хаврина, которой въ Москвѣ многимъ купцамъ извѣстенъ, будутъ послани в тожъ время, ибо онъ въ Москвѣ всякой годъ разовъ четире и шесть биваетъ; отнюдь нѣчемъ в городѣ виехать зъ двора, а иначе и вамъ пріехавши въ Роменъ, нѣ начемъ будетъ виежать.

78) Гр. Ивана Григорьевича Чернышева, 1778 г., 11 апрѣля.

Государь мой Григорей Андрѣевичъ! Благодарствую, государь мой, за увѣдомленіе мѣня о приездѣ вашемъ въ жилище свое; благодарствую много такжѣ за себя и за свою жену, о присылки конфектовъ, которыя очень хороши. Радуюсь много

удовольствію вашему, которое въ деревенской жизни находитѣ и завидуя тому, и прося о продолженіи ко мнѣ вашей дружбы, увѣряю, о искренности моихъ извѣстныхъ вамъ сентиментовъ, съ которыми и пребуду, государь мой, всегдашній слуга гр. Чернышевъ. Г-ну Полетикѣ.

79) Брата Ивана Андреевича,[1] *1779 г., 8 генваря.*

М. Г. мой, братецъ Григорей Андреевичъ. Посылаю к вамъ заказанные отъ васъ заедки, на которыя вы и сахару тритцать пять фунтовъ и пудъ прислали, за работу которыхъ доводитца шестнатцать рублевъ счетвертью; я оные здѣсь заплатилъ, а вы пожалуйте, тамъ прикажите заплатить Ивану Матвѣевичу, а сверхъ того посылаю вамъ отъ себя одинъ пудъ заедковъ, которые я вамъ долженъ. О коровинскихъ нашихъ делахъ я никакого извѣстия не имею, какъ они до зимы остались, и не могу ни у Андрея Андреича, ни Ивана Матвѣевича допроситца, чтобъ они меня о томъ уведомили, и для того, ежели оказія будетъ, пожалуйте меня о томъ уведомить неоставае и когда весною потребенъ будетъ нашъ съѣздъ, впротчемъ съ истиннымъ моимъ к вамъ усердіемъ остаюсь вашъ, м. г., вседоброжелателный братъ и слуга И. Полетика.

80) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1779 г., 24 іюля— 4 августа.

М. Г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Тому уже пятый мѣсяцъ, какъ я собираюся писать къ вамъ, получа въ началѣ марта писмо ваше отъ 28 декабря прошедшаго года, а потомъ въ апрѣлѣ, другое отъ 23-го февраля нынѣшняго года; но разныя обстоятельства, хлопоты, и безпокойства не токмо политическія, но и мои собственныя, о которыхъ чаятельно вамъ уже извѣстно, и которыя понынѣ еще не совсѣмъ миновалися,

---

[1]) Иванъ Андреевичъ Полетика, 1724+1783, докторъ медицины; женатъ на плѣнной турчанкѣ Фатьмѣ; оставилъ сына Петра (членъ государственнаго совѣта,—1845) и двухъ дочерей Катерину (фрейлину) и Марью. См. о немъ Кіевская Стар. 1893 г., № 5, май, 287—291.

по сіе время препятствовали мнѣ исполнить и долгъ мой передъ вами, и требованіе ваше. Теперь-же, получа чрезъ прибывшаго сюда на сихъ дняхъ, нѣжинскаго купца Дмитрія Муранта, третіе писмо ваше, писанное изъ Ромна, маія 12-го числа, принужденъ я приняться за отвѣтъ на оныя писма; но прежде всего я долженъ вамъ, м. г. мой братецъ, вкратцѣ примѣтить, что сперва извѣстныя вамъ политическія наши хлопоты, и происходившія отъ оныхъ весма сумнительныя о здѣшнемъ пребываніи нашемъ обстоятельства, причиною были моего предъ вами молчанія, а потомъ оказалися собственныя для меня безпокойства, въ которыхъ находясь и по нынѣ, я обойтиться, чтобы со дня на день не откладывать отвѣта моего на выше означенныя ваши писма, ожидая рѣшенія жеребію моему, о которомъ еще и теперь не могу ничего сказать вамъ подлиннаго; въ чемъ же состоитъ дѣло, о томъ не премину я въ концѣ сего писма учинить вамъ нѣкоторое изъясненіе. А между тѣмъ приступимъ къ отвѣту, котораго вы отъ меня ожидаете, съ октября мѣсяца прошедшаго года и которымъ однакожъ я съ моей стороны долженъ вамъ только съ марта мѣсяца сего года, ибо первыя два писма, кои отъ васъ въ октябрѣ и въ ноябрѣ мѣсяцахъ отправлены были, совсѣмъ до меня не дошли, о чемъ вы, уповаю, уже и отъ Василія Александровича Шарапова имѣете увѣдомленіе. По запискѣ, данной вами г. Кудрявскому, здѣлана отъ меня чрезъ г. Коха справка, которую желали вы имѣть о Презбургскихъ школахъ и о прочемъ. Сію справку съ достаточнымъ увѣдомленіемъ обо всемъ, чего по оной запискѣ хотѣлося вамъ знать, найдете вы, м. г. мой братецъ, въ приложенномъ при семъ оригинальномъ писмѣ, которое г. Кохъ предъ нѣкоторымъ временемъ получилъ отъ ректора Презбургскихъ школъ, такожъ и въ запискѣ, которая отъ конректора тѣхъ же школъ присовокуплена къ оному писму, изъ коего вы усмотрите, что едвали вамъ можно будетъ успѣть привезти или прислать дѣтей вашихъ сюда къ тому времени, въ которое въ реченныхъ школахъ начнутся годовыя лекціи, то есть къ 1 числу будущаго ноября по новому стилю, а по старому къ 21 октября. Когда вы совсѣмъ рѣшитесь, чтобъ дѣти ваши привезены сюда были

(въ чемъ однакожъ я съ моей стороны совѣтовалъ бы вамъ обождать до весны или до осени слѣдующаго года, какъ по предъидущему, такъ и по другому, а имянно до меня касающемуся резону, о которомъ ниже сего рѣчь будетъ) въ такомъ случаѣ, кажется мнѣ, что лучше будетъ везти ихъ отъ Кіева, или по меншей мѣрѣ отъ Бродовъ, на наемныхъ, нежели на своихъ лошадяхъ, естьли почта несходна съ вашими экономическими распоряженіями; ибо я не думаю, чтобы собственныя лошади, сверхъ неминуемыхъ съ ними хлопотъ, дешевлѣ наемныхъ могли обойтиться, а особливо, ежели здѣсь хоть только недѣли съ двѣ покормить ихъ; я жъ еще и о томъ гораздо сумнѣваюсь, что бы почта, особливо же польская отъ Кіева до Бродовъ, больше наемныхъ лошадей коштовала. При всемъ томъ нѣжинскіе купцы лучшее и обстоятельнѣйшее о семъ артикулѣ могутъ вамъ здѣлать изъясненіе, по которому и вамъ легче будетъ принять ваши мѣры. Снабдѣть дѣтей платьемъ и бѣльемъ самымъ только нужнымъ на первый случай, было бы мое мнѣніе, а по пріѣздѣ ихъ сюда можно будетъ разсмотрѣть оное и въ чемъ окажется недостатокъ или неисправность, то здѣлать или поправить. Слуга національный, который бы вѣренъ, надеженъ, постояненъ, неглупъ, не пьяница и не изъ молодыхъ людей былъ, не безнуженъ въ чужой сторонѣ для присмотру за молодыми людьми и для лучшаго вещей ихъ сбереженія; естьли же такого человѣка не можно сыскать, то лучше и не брать никакого. О спекуляціи вашей, касающейся до привозу сюда решетиловскихъ овчинокъ и зеленаго чаю, скажу я вамъ м. г. мой братецъ, не обинуясь, что я будучи на вашемъ мѣстѣ, оставилъ бы оную, потому что вамъ не надобно и думать, чтобы въ скоромъ времени и съ хорошимъ барышомъ могли вы сбыть съ рукъ товарцы ваши, ибо мы уже довольно примѣровъ видѣли и теперь видимъ, съ какою медлѣнностію и съ какою неудачею по большой части продаются здѣсь таковые товары, для которыхъ надобно времени, случая, купеческаго промысла и проворства. Объ Афанасіѣ Емельяновичѣ Кудрявскомъ извольте быть увѣрены, что онъ не имѣлъ такого прямаго и точнаго намѣренія, какъ вамъ объ ономъ насказано, и что и впредь не вдругъ, и не такъ

легко прійметея онъ за преселеніе отсюда въ свое отечество, какъ о томъ можетъ быть кому нибудь въ Ромнѣ и въ другихъ тамошнихъ сосѣдныхъ мѣстахъ воображается по тѣмъ его разговорамъ, кои онъ тамо съ нѣкоторыми людьми о сей матеріи имѣлъ въ ґенеральныхъ терминахъ и которые однакожъ ни къ какому серіозному намѣренію не клонилися. О произведеніи четырехъ человѣкъ изъ родни нашей я долженъ вамъ, м. г. мой братецъ, здѣлать примѣчаніе, что одинъ только г. Коноваловъ не тѣмъ чиномъ пожалованъ, о которомъ отсюда писано, ибо для него чинъ вакансоваго сотника, а не войсковаго товарища, отъ насъ требованъ; но мнѣ кажется, что и въ томъ нѣтъ большой разности, что ему данъ чинъ войскового товарища, а не вакансоваго сотника; чтожъ касается до дяди моего Степана Яковлевича Лукьяновича и до сына его Льва Степановича, то они грѣшатъ, естьли увѣряютъ другихъ, будьто они не знаютъ отъ чего произошло произведеніе послѣдняго изъ нихъ въ войсковые товариши, ибо онъ не можетъ запереться, что отъ г. Кудрявскаго дана ему копія съ того писма, которое чрезъ него отъ князя Дмитрія Михайловича Голицына отправлено было къ г. фельдмаршалу,[1]) и въ которомъ прозьба объ немъ г-нѣ Лукьяновичѣ между прочими здѣлана была въ такой силѣ, чтобы ему пристойное повышеніе чина учинено было; они жъ оба, какъ отецъ, такъ и сынъ, не могутъ запереться и въ томъ, что они просили меня, дабы я сына при случаѣ рекомендовалъ графу для доставленія ему другаго чина; а что они не довольны войсковымъ товариществомъ, въ томъ конечно я ни мало не виноватъ, когда они сами ни извѣстно, ни въ писмѣ, которое мнѣ вручено было отъ дяди, въ день самаго отъѣзда моего изъ Ромна въ здѣшнія стороны, не изъяснилися, какого имъ хотѣлося чина. Впрочемъ, напрасно въ вашихъ мѣстахъ толкуютъ, да и вы сами, м. г. мой братецъ, (съ позволенія вашего сказать) напрасно думаете, будьто графъ недоволенъ былъ тѣмъ, что я самъ въ бытность мою у него не просилъ его ни о чемъ. Въ опроверженіе такого общаго ваше-

---

[1]) Гр. П. А. Румянцеву.

го мнѣнія довольно одно только то сказать вамъ, что Кудрявскій конечно могъ бы хотя мало что нибудь примѣтить и услышать въ Вишенькахъ и въ Парафѣевкѣ, естьли бы оное на какой либо истиннѣ основано было. Къ сему можно присовокупить еще одно примѣчаніе, состоящее въ томъ, что г. фельдмаршалъ не здѣлалъ бы ничего по рекомендаціи нашей, буде бы онъ противъ меня имѣлъ нѣкоторое неудовольствіе. Въ заключеніе всего сего скажу вамъ не обинуясь, что я никакой не признаю ошибки моей въ томъ, что самъ я ни о чемъ не просилъ графа, бывши у него въ Вишенькахъ; а въ доказательство того есть у меня еще и другіе резоны, о которыхъ однакожъ я уже за излишнее почитаю болѣе тутъ распространять мою диссертацію, а предоставляю изустно съ вами объ оныхъ побесѣдовать, естьли дастъ мнѣ Богъ видѣться съ вами здѣсь или въ другомъ мѣстѣ. За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, какъ вышепомянутый нѣжинскій купецъ Дмитрій Мурантъ вручилъ мнѣ послѣднее писмо ваше, поѣхалъ отсюда въ г. Грацъ за косами, а оттуда обратно поѣдетъ въ Малороссію, города Рыльска купецъ Иванъ Федотовъ сынъ Филимоновъ тотъ самый, чрезъ котораго въ прошломъ году отправленъ къ вамъ былъ отъ меня ящичекъ съ дипломомъ вашимъ. Нынѣ вновь чрезъ него жъ послалъ я два пакета, одинъ побольше, а другой поменше; обажъ они адресованы сперва на имя ваше, а потомъ на имя Петра Степановича Милорадовича; а что въ нихъ послано, о томъ вы усмотрите изъ приложенной при семь записки. Остается мнѣ теперь прежде, нежели окончу я сіе писмо, касающеюся до меня повѣстію, просить васъ, м. г., мой братецъ, чтобъ вы пожаловали дали знать Ивану Андреевичу (Полетикѣ), что я не могу выстряпать для него извѣстнаго диплома[1]) безъ денегъ, коими я съ моей стороны весма скуденъ, какъ по причинѣ бывшаго моего путешествія, которое лѣтъ на шесть разстроило казенныя мои дѣла, такъ и по другому обстоятельству, о которомъ тотъ часъ рѣчь будетъ; сколько же всѣхъ денегъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о покупкѣ австрійскаго дворянства, которое было куплено Григоріемъ Ивановичемъ для Григорія Андреевича.

надобно будетъ на полученіе помянутаго диплома, о томъ чрезъ г. Кудрявскаго посылалъ я къ Ивану Андреевичу данную мнѣ изъ имперской канцеляріи записку, съ которой оставилъ онъ у себя копію, и по которой доведется ему употребить на свой дипломъ до четырехъ сотъ пятидесяти рублевъ на наши денги. Естьли жъ бы оба братья, то есть Иванъ Андреевичъ и Андрей Андреевичь, согласилися вмѣстѣ искать имперскаго дворянства отъ котораго послѣдній изъ нихъ къ сожалѣнію моему, не знаю, по чьему то совѣту отрекается, въ такомъ случаѣ не болѣе, какъ по триста рублевъ довелось бы каждому изъ нихъ исдержать на два диплома. Весь сей артикулъ можете вы сообщить Ивану Андреевичу между тѣмъ, пока я самъ къ нему писать буду при отправленіи серебра его, которое онъ около новаго года получитъ. Теперь пора мнѣ удовольствовать любопытство ваше, касающееся до собственной нашего высокородія персоны, о которой можетъ быть вы уже и сами, естьли не все, то по крайней мѣрѣ сіе слышали, что въ 5-й день прошедшдго маія между прочими пожалованъ въ канцеляріи совѣтники, однако съ тѣмъ, дабы я по сему чину помѣщенъ былъ въ коллегіи; но какъ статься можетъ, что прочія мои отъ того произшедшія обстоятельства еще вамъ не совсѣмъ иззѣстны, то долженъ я сказать вамъ вкратцѣ, что князь мой отнюдь не желая отпустить меня отъ себя, адресовался къ разнымъ персонамъ съ прозьбою, дабы я при немъ попрежнему оставленъ былъ; и хотя на сіе и не получилъ онъ еще точной резолюціи, однако между тѣмъ имѣетъ уже чрезъ другихъ отъ графа Никиты Ивановича (Панина) обнадеживаніе, что я столь долго могу здѣсь остаться, сколь долго возможно ему будетъ меня оставить. Сего, кажется, нѣкоторымъ образомъ и довольно было бы на первый случай для успокоенія моего князя и меня самаго, но напротивъ того, есть еще другое обстоятельство, которое теперь обоихъ насъ тревожитъ, и приводитъ въ немалое сумнѣніе о желаемомъ рѣшеніи моего жребія: а состоитъ оно въ томъ, что учрежденнаго нынѣ при коллегіи особливаго департамента директоръ, статскій совѣтникъ г. Сухаревъ, (который хотя и принадлежитъ до коллегіи, однако имѣетъ право не слушаться шефовъ ея въ дѣлахъ,

касающихся до его департамента, когда онѣ нынѣшнему ея штату и указамъ противны) пользуясь такимъ правомъ, и будучи весма исправенъ въ своей должности, не переводитъ сюда моего жалованья, да и весма не надежно, чтобъ онъ безъ особливаго указа согласился переводить оное. Изъ чего вы, м. г., мой братецъ, видите, въ какомъ я критическомъ состояніи нахожуся и сколь трудно поправить оное; развѣ Иванъ Ивановичь Бецкой, по учиненной къ нему отсюда усильной прозьбѣ, не постарается ли здѣлать въ немъ перемѣну, употребя заступленіе свое предъ самою государынею. Мѣсяца чрезъ два надѣемся мы получить, естьли не совсѣмъ рѣшительное, то по крайней мѣрѣ къ большей и точнѣйшей ясности простирающееся увѣдомленіе о семъ, не менше для меня, какъ и для князя моего, непріятномъ дѣлѣ. Впрочемъ пребуду я всегда съ непремѣнною къ вамъ преданностію и истиннымъ почтеніемъ вашъ, м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій братъ и слуга Григорій Полѣтика. P. S. При семъ посылаю вамъ, м. г., мой братецъ, рецептъ на испытанное здѣсь нѣкоторыми людьми съ хорошимъ успѣхомъ лѣкарство отъ подагры, усерднѣйше желая, чтобъ оное помогло вамъ на всю жизнь вашу совершенно избавиться отъ сей болѣзни. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, которой, равно, какъ и вамъ самимъ, просилъ меня г. Кудрявской изьявить отъ него тоже почтеніе. При семъ же прилагаю пакетецъ на имя Петра Афанасіевича Шкляревича, прося васъ доставить ему оной вѣрнымъ и надежнымъ образомъ.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО[1].

(1813—1862 г.).

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА XIII.

Я опять въ Харьковѣ. Новая квартира и новыя знакомства. Университетскія занятія. Я мечтаю о славѣ, о товариществѣ.

Мы пріѣхали въ Харьковъ на старую квартиру, которую нанимали только $1^1/_2$ мѣсяца; но она была занята уже другими постояльцами, а потому—кое-какъ переночевавши вмѣстѣ съ хозяевами, намъ нужно было позаботиться о пріисканіи себѣ жилища. На другой же день, встрѣтившись съ однимъ изъ своихъ товарищей (впрочемъ уже 2-го курса), я изъявилъ ему сожалѣніе о потерѣ квартиры; но въ немъ же нашелъ и облегченіе своего горя, ибо онъ предложилъ мнѣ прійти къ нему и договориться съ его хозяйкой, у которой есть свободная комната. Разумѣется, я тотчасъ же отправился, и дѣло было слажено въ $^1/_2$ часа; я долженъ былъ платить за 1 комнату со столомъ, т. е. обѣдомъ и ужиномъ, 40 р. ас. за себя и брата Андрея. Кромѣ выгоды дешевизны, даже въ то время поразительной, эта квартира представляла для меня и ту еще выгоду, что была на Троицкой улицѣ (возлѣ самой церкви) и слѣдовательно недалеко отъ университета, и тутъ же былъ прекрасный товарищъ Бутовскій, и притомъ много другихъ товарищей, хотя

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 4.

не прекрасныхъ, но все таки товарищей. Знакомство съ Бутовскимъ имѣло на меня благодѣтельное вліяніе: онъ былъ человѣкъ нравственный, благородный и умный, отличный студентъ, прекрасно рисовалъ и былъ охотникъ танцовать. Узнавши, что я вовсе не умѣю танцовать и не имѣю даже къ тому никакой охоты, онъ рѣшился убѣдить меня, что это необходимо и что нужно даже природное отвращеніе побѣдить силою ума—такъ необходимо было, по его мнѣнію, танцовать въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Поколебавши мое убѣжденіе, онъ тотчасъ же отправился со мною къ знакомому своему танцмейстеру Лесевицкому, и мы договорились по 1 р. ас. за урокъ; съ слѣдующаго же дня началось и ученіе... Это было состояніе для меня новое и неожиданное! Чтожъ? Взявши уроковъ 10, я уже могъ кое-какъ протанцовать франц. кадриль и, посѣтивши общій танцклассъ, бывавшій каждое воскресеніе, я рѣшился даже ангажировать какую-то дѣвочку, тоже изъ ученицъ Лесевицкаго: во всѣхъ 6 фигурахъ кадрили я ошибся не болѣе 5 разъ, успѣхъ неслыханный! Успѣхъ, заронившій въ голову мою дерзновенную мысль учиться даже воздушнымъ па, которые были тогда въ большой модѣ, и модные танцоры выдѣлывали ихъ въ бальныхъ танцахъ. Бутовскій былъ безъ ума отъ этихъ воздушныхъ па, и смѣшно было смотрѣть, какъ онъ въ своей комнатѣ, взявшись за спинку стула, выплясывалъ какое-нибудь pas des pigeons, pas des zephyrs и т. п. Признаюсь, какъ-то сдѣлалось веселѣе, когда я началъ учиться танцовать,—въ особенности на танцклассахъ, гдѣ я не преминулъ вскорѣ же и влюбиться. Первый предметъ моей страсти была дѣвица М., купеческая дочь, довольно миловидная и при томъ молоденькая—лѣтъ 16 не болѣе. Разумѣется, эта страсть была довольно идеальна и не повела ровно ни къ какимъ, съ моей стороны, искательствамъ: все ограничилось только тѣмъ, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ воскреснаго общаго танцкласса, гдѣ я могъ съ нею видѣться, говорить и танцовать. Вмѣстѣ съ окончаніемъ курса моего танцовальнаго искуса окончилась и любовь. Ни танцы, ни любовь не отвлекали, впрочемъ, меня отъ занятій университетскихъ: я очень прилежно посѣщалъ лекціи, готовился къ каждой изъ нихъ, составлялъ лекціи, читалъ

ученыя книги и весьма часто отправлялся на лекціи въ другіе факультеты—даже въ медицинскій; но это—разумѣется—было только любопытство съ небольшой примѣсью любознательности. Мой, т. е. юридическій, факультетъ состоялъ тогда изъ профессоровъ, которыхъ учености и искусству передать познанія слушателямъ никто тогда не удивлялся, а надо многими даже явно смѣялись, за исключеніемъ впрочемъ 2-хъ, именно: Цыха—занимавшаго каѳедру всеобщей исторіи послѣ смерти Филомафитскаго, и Артемовскаго-Гулака, читавшаго намъ Рос. Исторію и статистику. Цыхъ былъ идоломъ студентовъ: это былъ въ полномъ смыслѣ европейскій профессоръ по глубинѣ своихъ познаній, мастерскому изложенію лекцій и удивительной памяти; онъ читалъ всегда безъ тетради, что у насъ въ Харьковѣ теперь [1]) рѣдкость, такъ какъ теперь не по тетрадямъ читаютъ, а по книгамъ... Слово читаютъ—надобно принимать въ буквальномъ смыслѣ. Артемовскій-Гулакъ хотя большой учености и не выказывалъ на своихъ лекціяхъ, но былъ большой мастеръ читать—настоящій ораторъ. У него всегда была полна аудиторія слушателями—не только ex officio, но и аматерами.

Этихъ 2 профессоровъ только и можно было слушать съ пользой и удовольствіемъ. Что же сказать о прочихъ? Пауловичъ, Криворотовъ, Бабичевъ и нѣкоторые другіе—все это не стоило мѣднаго гроша! И время, употребленное на выслушиваніе глупостей, ими разсказываемыхъ, гораздо лучше было отдать чтенію книгъ. Но дѣлать нечего—надобно было ходить на лекціи. Прошелъ первый академическій годъ—и я перешелъ во 2-й курсъ; это очень порадовало моего отца, который, по пріѣздѣ моемъ домой, выразилъ эту радость въ самыхъ лестныхъ для меня словахъ, и при томъ высказалъ свое намѣреніе—отправить меня въ Петербургъ на службу по окончаніи курса въ университетѣ. Это намѣреніе заронило въ душу мою мечту о славѣ, которая не оставляла меня почти 2 года: Петербургъ съ своими заманчивыми благами, о которыхъ я успѣлъ уже наслышаться, представлялся мнѣ во снѣ и на яву.

---

[1]) Это писано въ 1849 г.

Даже отецъ мой, который вообще отличался умѣренностію своихъ мнѣній и предположеній, много способствовалъ къ тому, чтобы мечты мои развивались болѣе и болѣе: онъ представлялъ мнѣ множество примѣровъ выслужившихся изъ бѣднаго состоянія знаменитостей... Я все это слушалъ съ восторгомъ и—имѣя порядочное о себѣ мнѣніе—мѣтилъ въ министры, а уже на крайность въ губернаторы. Кромѣ того, Петербургъ представлялся мнѣ въ радужномъ свѣтѣ и съ другой стороны: тамъ открывалось мнѣ литературное поприще, на которомъ я думалъ подвизаться и стяжать себѣ безсмертную славу! Для этой послѣдней цѣли я началъ прилежно заниматься языками латинскимъ, французскимъ и польскимъ—и два послѣдніе изучилъ въ такой степени, что могъ уже читать книги, совершенно понимая, а по французски немножко даже говорилъ; польскимъ я началъ заниматься только въ университетѣ и занимался офиціально: въ это время была даже кафедра этого языка и лекторомъ былъ Артемовскій-Гулакъ, проф. исторіи и статистики. Воспоминаніе объ этихъ прекрасно проведенныхъ годахъ занятій и теперь наполняютъ душу мою удовольствіемъ, ибо хотя мечты мои о славѣ разсѣялись, какъ дымъ, но познанія, пріобрѣтенныя въ то время, остались для меня навсегда и, какъ увидимъ впослѣдствіи, послужили даже къ пріобрѣтенію насущнаго куска хлѣба.

Кромѣ Бутовскаго, близкаго ко мнѣ по сердцу и нравственному направленію, у меня было еще нѣсколько знакомыхъ въ словесномъ факультетѣ, съ которыми я познакомился, бывая очень часто на словесныхъ лекціяхъ: въ числѣ ихъ въ особенности отличалъ я Авдіева и Коваsucceeding Кованьку, того самого Кованьку, который былъ нѣкогда моимъ товарищемъ въ гимназіи и отличался поэтическимъ своимъ талантомъ. Мы очень часто трактовали съ нимъ о дѣлахъ разнаго рода и не забывали также, какъ выражается А. С. Пушкинъ, поговорить:

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Авдіевъ воспитывался въ семинаріи (въ Бѣлгородѣ), потомъ въ университетѣ уже былъ приглашенъ въ дядьки помѣщикомъ Карповымъ къ своему сыну студенту же, который—мимоходомъ

говоря—столько же тогда нуждался въ дядькѣ, какъ я теперь; кромѣ того, Авдіеву было тогда лѣтъ 25 или около того: онъ былъ хорошимъ студентомъ, хотя вовсе не имѣлъ въ себѣ ничего особеннаго. Кованько, напротивъ того, отличался въ университетѣ если не бо́льшимъ увлеченіемъ, какъ въ гимназіи, то не меньшимъ; былъ поэтъ, любилъ читать свои стихи встрѣчному и поперечному, и какъ Авдіевъ ихъ слушалъ терпѣливо, то этого и было достаточно для того, чтобы между ними завязалась вѣчная дружба. Я, какъ товарищъ Кованьки по гимназіи, продолжалъ свое знакомство съ нимъ въ университетѣ и очень часто тоже долженъ былъ выслушивать разныя стихотворенія, на которыя авторъ никогда не скупился.

У насъ было положено за правило—непремѣнно каждый вечеръ гулять, а потому предъ началомъ этихъ ежедневныхъ гуляній Авдіевъ и Кованько заходили ко мнѣ, пили у меня чай, курили трубки, и послѣ мы отправлялись на бульваръ, а иногда и въ садъ.

Впрочемъ, очень скоро Кованько ушелъ изъ нашего круга. У помѣщика Карпова было 2 воспитанницы; однажды на праздникахъ Р. Х. студентъ Карповъ пригласилъ Кованька къ себѣ въ деревню; молодой поэтъ нашелъ свой идеалъ въ одной изъ воспитанницъ и—не долго думая—тамъ же и тогда же женился. Такъ какъ права нашихъ университетовъ вовсе не права университетовъ нѣмецкихъ, то Кованько долженъ былъ выбраться изъ университета, а какъ у молодой супруги его не было ровно ничего, кромѣ—можетъ быть—необходимаго бѣлья и паръ двухъ ситцевыхъ платьевъ, то надобно было выбираться изъ Харькова: такъ и уѣхалъ отъ насъ въ одно прекрасное утро Кованько. О дальнѣйшихъ его подвигахъ на поприщѣ жизни, словесности и служебной дѣятельности я буду имѣть случай не разъ еще вспоминать въ свое время.

Потерянный на время товарищъ замѣненъ былъ 2 другими—студентами I курса Шидловскимъ Ив. Ник. и Панковымъ. Къ первому изъ нихъ я чувствовалъ нѣчто болѣе пріятельской расположенности. И въ самомъ дѣлѣ, невозможно было не любить этого прекраснаго въ полномъ смыслѣ моло-

дого человѣка съ цвѣтущимъ лицомъ, съ поэтическимъ воодушевленіемъ, съ способностями почти геніальными—немножко только взбалмошнаго, чему весьма способствовало состояніе его родителей, и въ особенности любовь бабушки, которая души въ немъ не чаяла, и потому присылала ему денегъ столько, что для него, меня, Панкова и еще кого-нибудь посторонняго доставало для кондитерскихъ вдоволь. Мы кутили препорядочно; но — къ чести нашей надобно замѣтить—кутили только въ кондитерскихъ, изрѣдка только посѣщая monsieur Montesquieu, т. е. по просту трактиръ Мотузка, который теперь принадлежитъ Собкину и К°.

О способностяхъ Шидловскаго можно было бы написать много, но какъ здѣсь рѣчь собственно обо мнѣ, а не о немъ, то замѣчу, что онъ прекрасно говорилъ по французски, писалъ стихи и прозу, говорилъ, не заминаясь, о чемъ угодно, читалъ много—однимъ словомъ былъ comme il faut тогдашняго студенческаго общества; но что всего удивительнѣе, онъ не любилъ общества студентовъ аристократовъ—всегда бездушнаго, мелочнаго и пустаго, и чаще искалъ случая быть вмѣстѣ съ нами, гдѣ—какъ онъ говорилъ—можно было побесѣдовать не о пустыхъ забавахъ свѣта, а о дѣлѣ, а въ заключеніе и подурачиться. Я—съ своей стороны—весьма интересовался имъ не какъ человѣкомъ болѣе меня образованнымъ для свѣта и аристократомъ, но какъ товарищемъ, съ которымъ можно было и поговорить о наукѣ и пріятно погулять и пр. и пр. Боже мой! Чего мы не переговорили и не перемыслили!.. Какихъ плановъ не создали мы! И все какіе возвышенные планы!—Не знаю, помнитъ ли онъ меня теперь, живъ-ли въ своей богатой деревнѣ; знаетъ-ли, что я служу учителемъ? Но все прошло... мечты, планы, надежды! Sic transit gloria mundi.

ГЛАВА XIV.

Я въ послѣднемъ курсѣ. Высокій посѣтитель въ Харьковѣ. Смерть моего отца. Отъѣздъ на родину. Дѣла. Возвращеніе въ Харьковъ. Опять мечты!

Боже мой! Я въ послѣднемъ курсѣ—время проходитъ быстро... желанный берегъ недалеко! Впрочемъ я тогда мало

заботился о томъ, что будетъ, будущее меня вовсе не тревожило—мнѣ казалось, что судьба должна позаботиться о моемъ счастіи—и перспектива жизни представлялась мнѣ въ радужныхъ, очаровательныхъ цвѣтахъ! Настоящее же мое было прекрасно. Я былъ въ полномъ сознаніи ума и достоинствъ своихъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, довольный тѣмъ, что незабвенный отецъ доставлялъ мнѣ, преданный наукѣ и поэзіи со всею силою юношескаго стремленія... Чего я не читалъ, чему не учился я тогда? Знанія мои во французкомъ языкѣ, вынесенныя изъ гимназіи, были весьма недостаточны, и я трудомъ и прилежаніемъ достигъ того, что могъ читать свободно французскихъ писателей; Мицкевичъ заставилъ меня выучиться польскому языку—и я съ жаромъ принялся за эту работу: черезъ $^1/_2$ года я не только читалъ его Dziady и Wallenroda, но переводилъ сонеты стихами и даже дерзнулъ передать на русскомъ языкѣ огромный отрывокъ изъ Dziadow! Романы, журналы, философскія книги, исторія, богословіе—все занимало, все увлекало меня,—и между тѣмъ каждый день я бывалъ въ обществѣ товарищей, каковы во всей полнотѣ были: Панковъ, Авдіевъ, Кованько и др. Прогулка въ саду или на бульварѣ была необходимымъ условіемъ каждаго дня,—иногда съ Шидловскимъ и Панковымъ мы заходили и въ кондиторскія, но это бывало весьма не часто, и тамъ, кромѣ шоколаду, конфектовъ и пирожнаго мы ничего не требовали,—при томъ же читали газету.

Отношенія мои къ университету были такого рода, что я посѣщалъ лекціи весьма исправно, слушалъ внимательно (хотя признаться, кромѣ Цыха и Степанова, и нечего было слушать); но какъ я въ глаза профессоровъ, за слабостью зрѣнія, смотрѣть не могъ, того, что они читали, не записывалъ, надѣясь на свою память, и на поклоны къ нимъ не только не ходилъ, но даже не зналъ, гдѣ и живутъ они—считая это низостью, то само собою разумѣется, что я не могъ пользоваться особеннымъ ихъ расположеніемъ... Объ этомъ я не очень то и заботился, забравши себѣ въ голову, что кандидатомъ мнѣ не бывать, а въ степени дѣйствительнаго студента отказать мнѣ не

смѣютъ! И такъ, жизнь моя въ университетѣ была прекрасна: объ ней можно вспомнить съ удовольствіемъ.

Между тѣмъ какъ все это было такъ хорошо, къ довершенію полнаго удовольствія моего и всѣхъ прочихъ студентовъ разнеслась молва, что Государь Императоръ будетъ въ Харьковѣ. Мысль увидѣть Монарха въ первый разъ въ жизни такъ заняла меня, что я оставилъ даже на нѣкоторое время любимыя мои занятія и прогулки—къ нему одному стремились всѣ мечты мои и желанія! Слухъ оказался достовѣрнымъ и сентября 12-го въ 7 ч. утра Императоръ былъ въ Харьковѣ (1832). Намъ велѣно было собраться въ 10 ч. въ университетской залѣ. Заботы и хлопоты мои по этому дѣлу были велики: я осматривалъ свою амуницію, какъ на смотръ. Въ назначенное время болѣе 300 студентовъ ожидали въ залѣ съ нетерпѣніемъ привѣтствовать громогласнымъ ура великаго царя Русскаго. Что за минуты, что за ожиданіе!

Мы, наконецъ, увидѣли царя, мы услышали его голосъ, въ сердцахъ нашихъ загорѣлось (можетъ быть, у нѣкоторыхъ въ первый разъ) чувство народной любви и славы... и все кончилось, все исчезло, какъ сонъ,—Государь ушелъ и исчезъ въ толпахъ народа, его окружавшаго. Насъ распустили по домамъ уже часу въ 3-мъ по полудни... Упоенный восторгомъ, я летѣлъ въ квартиру свою на Троицкой улицѣ, вошелъ во дворъ, но... кто опишетъ мое удивленіе, когда я, не думая, не гадая, увидѣлъ нашего кучера Матвѣя, покойно и машинально распрягающаго тройку лошадей, запряженную въ простую повозку. Первый мой вопросъ былъ: зачѣмъ ты пріѣхалъ?—А за тѣмъ, отвѣчалъ онъ: що треба йихать домой,—барынъ дуже нездоровъ, такъ барыня послала, щобъ вы яко-мога поспишалы—колыбъ сегодня хочь надъ вечеръ выйихать".

Такъ мой отецъ, мой драгоцѣнный папенька уже вѣрно не существуетъ!... Такъ я не увижу его болѣе! Это были мысли, какъ молнія, мелькнувшія въ головѣ моей, и слезы навернулись на глаза...

— Та не лякайтесь! може Богъ дасть, що ище застанемо живого, сказалъ Матвѣй, вѣроятно догадавшись о моихъ мысляхъ,—и самъ прослезился.

Я понялъ, что все кончено, что на землѣ нѣтъ уже у меня отца—и тотчасъ же бросился къ инспектору. Увидѣвши меня сильно встревоженнаго, ничего не могущаго сказать, онъ спросилъ меня: что вамъ угодно? Я кое-какъ собрался съ силами и объяснилъ ему, что мнѣ сегодня же нужно ѣхать домой... черезъ часъ я уже былъ въ квартирѣ съ отпускнымъ билетомъ, и засталъ братьевъ моихъ Андрея и Алешу рыдающихъ—они также догадались изъ словъ кучера, что отца нашего нѣтъ на свѣтѣ, хотя онъ ясно и опредѣлительно не сказалъ имъ этого. Я плакалъ и утѣшалъ ихъ, какъ могъ. Они должны были остаться въ Харьковѣ, не смотря на все желаніе взглянуть по крайней мѣрѣ на родную могилу; но я представилъ имъ всю невозможность исполненія ихъ желанія, и они согласились.

Передъ вечеромъ я выѣхалъ.

Какова была эта дорога, описывать не стану. При всемъ убѣжденіи Матвѣй все таки не сказалъ, что отецъ мой умеръ, и мнѣ, какъ утопленнику, хватающему соломенку для своего спасенія, часто приходило на мысль, что можетъ быть папенька живъ еще, можетъ быть я еще увижу его... Мысль о смерти его до такой степени казалась мнѣ страшною, что я—при всей видимости—не хотѣлъ допускать ее къ себѣ... На дорогѣ нѣсколько разъ я такъ забывался, что былъ совершенно веселъ, шутилъ и смѣялся... Матвѣй искоса на меня посматривалъ при этихъ случаяхъ.

Вотъ ужъ и хуторъ нашъ недалеко; вотъ уже синѣетъ вдали лѣсъ, стоящій въ концѣ хутора—ближе, ближе, ближе... Что жъ это двѣ могилы? Тамъ была одна? Спросилъ я кучера, какъ бы совершенно забывши все прошлое, что и безъ отвѣта Матвѣя могло быть яснымъ... Въ это время мы уже подъѣхали къ могилѣ—остановились,—слесы брызнули изъ глазъ моихъ, кучеръ также плакалъ. Все понято, все ясно, какъ было ясно тогда солнце на небѣ... Я сирота: у меня нѣтъ болѣе отца—и какого отца! Много-ли такихъ отцовъ на свѣтѣ! Я провелъ полчаса близъ могилы моего друга-отца... Это были минуты—слезъ, сожалѣнія, благоговѣнія, тоски невыразимой!!... Свиданіе мое

съ матерью было столько же плачевно: завидя меня издали ѣдущаго, всѣ уже были настроены къ тому, чтобы встрѣтить меня слезами... Долго не говорили мы ни слова—но я изъ выраженія физіономіи маменьки ясно увидѣлъ, что она, наконецъ, поняла, что лишилась человѣка, который былъ основнымъ камнемъ ея и нашего благополучія, и чего лишились дѣти ея въ нравственномъ смыслѣ!

Я плакалъ горько, неутѣшно... Я не въ состояніи былъ слушать и понимать подробностей страшной катастрофы, происшедшей въ нашемъ семействѣ, и изъ всего, что говорили мнѣ, только и понялъ, что причиною внезапнаго удара былъ сосѣдъ нашъ, который разсердилъ какъ-то папеньку; что вечеромъ покойникъ пошелъ проходиться въ поле, что тамъ съ нимъ и сдѣлался обморокъ, что его привели или принесли домой почти безчувственнаго, что черезъ нѣсколько часовъ ему сдѣлалось какъ будто лучше, что ночью онъ не ложился спать, а все ходилъ и что утромъ 8 сентября часу въ 7 онъ упалъ и испустилъ духъ... Все это очень сильно трогало меня; я конечно, не смѣлъ роптать на промыслъ Божій, но мнѣ прискорбно было, отчего не подано было ему пособія; ибо такіе обмороки и прежде съ нимъ очень часто случались, и онъ спасенъ былъ кровопусканіемъ. Но судьбѣ угодно было лишить насъ отца—и такъ или иначе мы должны были остаться сиротами! Его святая воля...

Что-же намъ нужно было предпринять дальше? какъ начать новую жизнь? Маменька тотчасъ же предложила мнѣ остаться дома и приняться за хозяйство! Я съ ужасомъ выслушалъ это предложеніе и съ тайнымъ негодованіемъ его отвергнулъ. Милосердное Провидѣніе, которое въ эту минуту не совершенно оставило меня, внушило эту мысль... Мнѣ было 18 лѣтъ, я былъ судентъ въ послѣднемъ курсѣ, въ полномъ сознаніи ума и дарованій своихъ, съ надеждами на лучшее будущее, съ свѣтлыми еще предположеніями на счетъ моего папеньки—и мнѣ погребсти себя заживо въ могилѣ! Оставить университетъ, такъ сказать, при самомъ выходѣ! Быть помыкачемъ у маменьки въ то время, когда черезъ годъ я могъ имѣть свой собствен-

ный кусокъ хлѣба... все это было для меня дѣломъ неслыханнымъ, выше невозможнаго, и я отказался, отказался на отрѣзъ, не смотря на слезы маменьки, на усиленныя просьбы ея, на самую кажущуюся необходимость этого.—Имѣніе наше, хотя порядочное, могло давать доходъ только при такомъ хозяинѣ, каковъ былъ папенька.

Я далъ, впрочемъ, обѣщаніе пробыть цѣлый мѣсяцъ и по возможности уладить кое-что по дѣламъ и хозяйству; ибо я, хотя былъ и молодъ, смыслилъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, научившись всему заблаговременно отъ отца моего. Къ счастію моему, на другой день пріѣхалъ зять нашъ Радіонъ Осиповичъ Филоновъ, который—казалось—сначала изумился моему отказу оставаться дома (вѣроятно, понимая меня за школяра, которому всегда пріятно избавиться училища); но впослѣдствіи, увѣрившись въ искренности моихъ чувствъ и намѣреній, вмѣстѣ же со мною сталъ доказывать, что мнѣ необходимо кончить курсъ въ университетѣ, а „тамъ уже, прибавилъ онъ: можетъ быть Ст. Лук. захочетъ служить въ зѣньковскомъ уѣздномъ или земскомъ судѣ и будетъ помогать вамъ, маменька!“ Я благодарилъ его за участіе, и дѣло уладилось по моему желанію. Уладивши кое какія дѣла и получивши отъ маменьки 100 р. ас., я уѣхалъ въ Харьковъ, сомнѣваясь немножко, зная маменьку, чтобы жизнь моя и братьевъ моихъ въ Харьковѣ не была подорвана тяжкими обстоятельствами безденежья. Я видѣлъ ясно, что хозяйство наше должно погибнуть, доходы были сомнительны, а безъ денегъ—что же можно сдѣлать? Но однакожъ я, нагрустившись довольно о смерти отца, погоревавши о дѣлахъ своихъ, уѣхалъ въ Харьковъ...

На свободномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ исчезли мои вздохи, и я—не доѣзжая даже Харькова, началъ мечтать уже опять, какъ прежде.

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви!

Но не о войнѣ, потому что я никогда, даже въ молодости, не отличался воинственнымъ духомъ.

Первымъ долгомъ моимъ по пріѣздѣ въ Харьковъ было, конечно, явиться къ инспектору и оттуда прямо на лекціи.

Послѣ дрязгъ житейскихъ, для души моей, еще не охладѣвшей къ возвышеннымъ стремленіямъ, пріятно было пріобрѣсти себѣ въ атмосферѣ науки и поэзіи, которыхъ хотя и очень мало было тогда въ Харьковскомъ университетѣ, но за то слишкомъ много было въ моей квартирѣ, въ книгахъ и товарищахъ, меня окружавшихъ! Съ какою радостію встрѣтилъ я друзей своихъ Шидловскаго, Мелецка, Панкова и др.! Съ какимъ неописаннымъ восторгомъ принялся я за Мицкевича, Мильвуа, Парни, Ламартина, естественное право, политическую экономію; съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я лекцій Цыха и Степанова! Даже лекціи Артемоскаго-Гулака въ 5 ч. вечера, т. е. при свѣчахъ, въ огромной аудиторіи, при блескѣ бриліантовыхъ перстней которыми унизаны были всѣ пальцы лѣвой и правой руки его, съ торжественной его дикціей—нравились мнѣ, если не по внутреннему содержанію, то, по крайней мѣрѣ, по наружной обстановкѣ, по тому эфекту, который производили онѣ на большое число слушателей.

Въ ноябрѣ, кажется, прибито было на университетской доскѣ объявленіе о темахъ на полученіе медалей. По юридическому факультету красовалась слѣдующая: показать въ главныхъ и существенныхъ очеркахъ, какимъ образомъ политическая экономія, какъ наука, раскрывалась до нынѣшняго времени. Я съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ это объявленіе, и въ умѣ моемъ тотчасъ же образовалась идея: нельзя-ли, эдакъ, захватить въ свои руки золотую или серебряную медаль! Зачатки этой благой идеи тотчасъ же и начали свое воплощеніе, которое на другой день достигло такого развитія, что я, чего никогда прежде не бывало, рѣшился идти къ проф. Степанову попросить книгъ, какъ источниковъ, для исполненія моего намѣренія. Принятъ я былъ радушно. Книги получены разныя: французскія и рускія. Я съ жаромъ принялся за чтеніе и обдумываніе. Черезъ 2 недѣли уже было исписано листа 3 сѣрой бумаги—это было вступленіе; оно такъ мнѣ нравилось, что я чаялъ непремѣнно получить золотую медаль... И съ тѣхъ поръ я совершенно забылъ все, погрузившись въ свою диссертацію! Мечтамъ моимъ не было конца, пока я—перебравши

всѣхъ меркантилистовъ, физіократовъ, Адама Смита, Се, Тюрго, Рикардо, Малтуса—не увѣрилъ себя, что можно уже подписать благословенный конецъ.

ГЛАВА XV.

Первый припадокъ безденежья. Диссертація одобряется и подается. Окончательный университетскій экзаменъ. Я дѣйствительный студентъ. Ура! Увы! Еще ура!

Но сладкія мечты—все таки мечты; а горькая существенность—все таки существенность! Это я испыталъ на самомъ дѣлѣ, да еще какъ испыталъ! На диссертаціи своей я написалъ конецъ, но и кошелекъ мой тоже засвидѣтельствовалъ, что и въ немъ прозвенѣли послѣдніе 2 гривеника. При жизни отца моего это обстоятельство нисколько не устрашило бы меня, но теперь—дѣло другое... Я таки съ первой же почтой и написалъ къ маменькѣ, что финансы наши находятся въ дурномъ состояніи, но это только для утѣшенія себя, чтобы имѣть какую нибудь надежду въ будущемъ. Признаюсь, мнѣ было очень совѣстно писать противъ собственныхъ своихъ мнѣній, что нужны деньги, что безъ денегъ жить нельзя, что хозяйка требуетъ денегъ, что въ лавкѣ не даютъ сахару и чаю безъ денегъ и т. п. Совѣстно было писать къ маменькѣ это потому, что въ диссертаціи моей въ статьѣ о меркантилистахъ я энергически доказывалъ противное, что деньги вздоръ, что безъ денегъ могутъ существовать даже государства, не только индивидуумы (я таки и философскими терминами умѣлъ щегольнуть); что трудъ составляетъ богатство и т. п.

Такое страшное разногласіе между счастливо оконченной диссертаціей и письмомъ, которое послалъ на почту, поставило меня въ совершенный тупикъ... Я началъ сомнѣваться не врутъ ли всѣ теоріи, не вздоръ-ли вся философія и даже поэзія, и рѣшилъ на томъ, что меркантилисты чуть-ли не правы,—и вслѣдствіе этого рѣшился продать серебряные часы свои, чтобы купить сахару и табаку, такъ какъ за трудъ мой (по системѣ

Адама Смита) не давали мнѣ ничего, и одинъ купецъ, у котораго я—по дѣтской легкомысленности—пытался взять въ долгъ 3 ф. сахару и 1/8 чаю, сказалъ совершенно вопреки Адаму Смиту и всѣмъ физіократамъ, что „безъ денегъ отпустить нельзя“. Я хотѣлъ было доказать, что онъ глупый меркантилистъ; но, догадавшись изъ первыхъ словъ, что для него слова меркантилистъ и маркитантъ—синонимы, отправился во свояси безъ сахару и чаю.

Какъ и можно было ожидать, получено было письмо отъ маменьки, въ которомъ прямо сказано, что денегъ нѣтъ и взять негдѣ; а въ заключеніе слѣдовалъ совѣтъ: какъ можно скорѣе ѣхать домой, ибо хозяйство приходитъ въ упадокъ. Дѣлать было нечего: проэктъ о продажѣ часовъ надобно было осуществить! Онъ былъ осуществленъ весьма не блистательнымъ образомъ, ибо вся выручка заключалась въ 20 р. ас. Уплата хозяйкѣ изъ такой ничтожной суммы была невозможна, а потому вся она поступила къ купцу, который и снабдилъ меня чаемъ, сахаромъ и табакомъ! Я радъ былъ несказанно и, напившись чаю, накурившись табаку, принялся переписывать свою диссертацію. Работа шла такъ быстро, что недѣли за три до назначеннаго срока все было переписано самымъ изящнымъ образомъ и я на радостяхъ рѣшился подѣлиться своимъ твореніемъ съ профес. политической экономіи Степановымъ.

Этотъ профессоръ былъ въ то время самый ретивый физіократъ и смитистъ (это было тотчасъ по полученіи имъ каѳедры): онъ трудился до поту, исписывалъ горы бумаги; но презиралъ деньги и былъ бѣденъ, какъ Аристидъ. Я явился къ нему съ моей диссертаціей въ то время, когда онъ былъ еще не женатъ, не имѣлъ ни гроша денегъ и занималъ квартиру всю въ 2 комнаты. Сочиненіе мое произвело совершенный furor—я былъ тутъ же поздравленъ съ золотой медалью и въ восторгѣ побѣжалъ домой пріискивать приличный девизъ, утѣшаясь сладостной мечтой о золотой медали, которая по всѣмъ моимъ соображеніямъ стоила не менѣе 200 р. асс. И я уже въ это время послѣ сцены съ купцомъ и хозяйкой былъ въ душѣ немножко меркантилистъ. Девизъ найденъ у Цицерона самый за-

мысловатый: justitiae primum munus est, ut ne cui quis noceat, nisi lacessitas injuriae и т. д. Этотъ девизъ былъ написанъ и на диссертаціи, и на конвертѣ, въ которомъ закупорено было мое имя,—и на другой день братъ Андрей отнесъ къ декану юридическаго факультета отъ неизвѣстнаго.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я подалъ свою диссертацію, начались въ университетѣ экзамены: для меня это былъ окончательный экзаменъ... но я объ немъ вовсе не думалъ и приготовляться не имѣлъ никакой охоты—хотя впрочемъ совершенно былъ готовъ по всѣмъ предметамъ; но какъ приготовленіе мое произведено было не по профессорскимъ тетрадкамъ и сверхъ того—я ничего не зазубривалъ, то и опасно стало нѣсколько пускаться на скользкое поприще—тамъ могли встрѣтить меня бойцы, съ ногъ до головы вооруженные всѣми броненосными снарядами ферулы и педантизма, я только и могъ надѣяться на Степанова, который, кажется, по прочтеніи моего сочиненія, возъимѣлъ обо мнѣ хорошее мнѣніе. Но вооруженный мнѣніемъ, что кандидатомъ мнѣ не бывать, а въ степени дѣйствительнаго студента отказать мнѣ не посмѣютъ, я смѣло пошелъ на экзамены... Экзаменовали меня и въ философіи, и въ богословіи, и въ римскомъ, и въ русскомъ правѣ, и въ политической экономіи и во всемъ этомъ я получилъ по 3 и по 4, но ни одного 5 и ни одной 1. Послѣдній экзаменъ былъ изъ всеобщей исторіи, и не смотря на то, что на меня смотрѣли какъ на человѣка, котораго только что пропустить слѣдуетъ, нѣкоторые похвалили мои отвѣты и, кажется совѣщались о томъ, не написать-ли мнѣ 5, но посмотрѣли на шары мои, рѣшили что будетъ 4—и написали 4. Такимъ образомъ степень дѣйствительнаго студента была за мною! мнѣ только этого и нужно было!... Въ душѣ моей, не чуждой благороднымъ побужденіямъ, родилась было мысль: идти благодарить профессоровъ; но разсудокъ возсталъ противъ этого, а опытъ такими аргументами подтвердилъ, что все это вовсе не стоитъ благодарности, что я рѣшился поскорѣе уѣхать изъ Харькова домой, ибо нечѣмъ было вовсе жить въ Харьковѣ.—Послѣ часовъ пошелъ въ продажу и лексиконъ французскій Ольдекопа, который только что вышелъ и достав-

лялъ мнѣ неизъяснимое наслажденіе. Я разстался съ нимъ не безъ сожалѣнія—но что-же дѣлать было?

Въ тѣ времена студенты, по окончаніи экзаменовъ, около половины іюня, обыкновенно уѣзжали, кто куда хотѣлъ, не дожидаясь аттестатовъ, которые были выдаваемы всегда послѣ акта, т. е. въ сентябрѣ. Такъ и я долженъ былъ сдѣлать тѣмъ болѣе, что оставаться въ Харьковѣ рѣшительно не было никакой цѣли.

Въ концѣ іюня я и братья мои были уже дома, и тутъ же началось разнообразное поприще моей дѣятельности.

Записныхъ друзей моихъ Панкова и Шидловскаго просилъ я, между прочимъ, не забывать справляться о моей диссертаціи и въ письмахъ своихъ извѣщать меня. Они писали ко мнѣ довольно часто,—но о диссертаціи изъ писемъ ихъ я могъ только вѣдать, что она еще не разсмотрѣна. Наконецъ, въ началѣ сентября я, къ ужасу моему, читаю, что нѣтъ надежды получить медаль—не потому, впрочемъ, чтобы она не была того достойна, а единственно по проискамъ секретаря нашего факультета профессора Г., который задержалъ ее до 27 августа, когда уже совѣтъ университета вовсе не имѣлъ времени заняться разсматриваніемъ ея, ибо до акта оставалось всего только 3 дня. Извѣстіе это какъ громомъ меня поразило... И такъ: труды мои, мое авторское самолюбіе, мой первый опытъ на поприщѣ умственной дѣятельности, наконецъ самыя сладостныя мечты и надежды мои не будутъ удовлетворены! И почему же? Потому только, что человѣкъ рѣшился причинить зло человѣку, нисколько передъ нимъ невинному? О Боже! это была первая минута въ моей жизни, когда въ душѣ моей заговорило адское чувство ненависти къ человѣку, который такимъ чернымъ поступкомъ убилъ, уничтожилъ мой бѣдный умъ, мое чувствительное сердце!.. Но это были вспышки юношескаго сердца, которое—довѣряя людямъ и вѣря въ добро на землѣ, въ первый разъ разочаровалось и такъ страшно, мучительно страшно!.. Черезъ нѣсколько дней я совершенно упокоился—только въ душу заронилось тяжелое сомнѣніе: не начало-ли это камней преткновенія на пути моей жизни, не суждено-ли мнѣ судьбой идти

по пути, усѣянному въ изобиліи этими камнями?.. Я, говорю, совершенно успокоился, тѣмъ болѣе, что милосердіе послало мнѣ утѣшеніе въ собственномъ сознаніи, что все только случайность, обстоятельства,—а я таки стою вниманія и сочиненіе мое заслуживаетъ медали: это сознаніе, этотъ таинственный голосъ души для всей послѣдующей моей жизни былъ символомъ примиренія съ людьми и міромъ, безъ него—при всѣхъ послѣдовавшихъ бѣдствіяхъ жизни—я десять разъ уже могъ попасть въ домъ сумасшедшихъ!

Но Богъ съ ними—и съ людьми и съ міромъ: міръ прекрасенъ, люди... какъ люди!

Я думалъ пособить горю тѣмъ, что, оставивши все, поѣхалъ въ Харьковъ и здѣсь узналъ только то, что сочиненіе мое отъ Г. въ совѣтъ не представлено, и слѣдовательно на актѣ 30 августа получить медали я не могу. Проф. Степановъ, который такъ блистательно утѣшалъ меня золотою медалью, сказалъ только, что на Г. мнѣ можно жаловаться ректору. Я и отправился къ ректору И. Я. Кронбергу, который — разумѣется— весьма удивился этому пожалѣвъ и сказалъ, что онъ потребуетъ мое сочиненіе на разсмотрѣніе, и обнадежилъ, что если ово заслуживаетъ, то я могу воспользоваться медалью, хотя и прошелъ срокъ. Очарованный ласковымъ пріемомъ достойнаго ученаго, я утѣшился и началъ хлопотать объ аттестатѣ на званіе дѣйствительнаго студента. Въ полученіи этого документа не представлялось большихъ затрудненій: только и оказалъ нѣчто въ родѣ притѣсненія столоначальникъ, который завѣдывалъ тогда выдачею дипломовъ; но какъ мнѣ извѣстенъ уже былъ тогда этотъ сортъ людей, то я—не откладывая дѣла—тотчасъ-же далъ ему красную ассигнацію, и онъ сказалъ мнѣ, что черезъ 3 дня все будетъ готово; и въ самомъ дѣлѣ, на третій день я уже имѣлъ въ рукахъ аттестатъ весьма порядочный, т. е. совершенно занимающій середину между превосходнымъ и дурнымъ—въ немъ всѣ были отмѣчены хорошіе да очень хорошіе успѣхи. Но всего удивительнѣе въ этомъ аттестатѣ показалась мнѣ отмѣтка въ поведеніи тоже хорошая; въ продолженіи 3-хъ лѣтъ пребыванія моего въ университетѣ я не только не былъ замѣ-

ченъ въ какихъ либо дурныхъ поступкахъ или ослушаніи противъ начальства; но не пропускалъ лекцій даже Чанова, Приворотова и Бабичева, кланялся своимъ профессорамъ и педелямъ и всего только одинъ разъ за 3 года сидѣлъ въ карцерѣ 6 часовъ за просрочку 6 дней послѣ праздниковъ Р. Х.,—тогда помѣшала мнѣ явиться въ срокъ страшная мятель. Я всегда былъ строжайшимъ исполнителемъ обязанностей, даже сознавая иногда всю нелѣпость требованій—и только къ одному лазарничеству не могъ принудить себя, что и помѣшало мнѣ крѣпко въ жизни. Такое хорошее поведеніе отмѣтилъ мнѣ новый инспекторъ (послѣ Баикова) Венедиктовъ, который едва-ли зналъ меня и въ глаза. Это обстоятельство сильно озадачило меня, ибо объ отмѣткахъ въ моихъ успѣхахъ я зналъ впередъ, а о поведеніи своемъ былъ всегда высокаго мнѣнія и всегда ожидалъ, что въ аттестатѣ дадутъ мнѣ примѣрное.

Съ этимъ вовсе не блистательнымъ аттестатомъ, я былъ брошенъ въ свѣтъ безъ денегъ, безъ протекціи, даже безъ самоувѣренности, или лучше сказать—безъ дерзости, которая очень часто пролагаетъ путь дуракамъ, не смыслящимъ ни аза въ глаза. Но я былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, молодъ и дѣятеленъ, не жаденъ къ яствамъ и питіямъ, и—что всего важнѣе—не слишкомъ оскорблялся неудачами.

Но прежде нежели въ самомъ дѣлѣ выйти мнѣ на арену свѣта, я долженъ былъ отправиться домой, гдѣ мнѣ хотѣлось опочить на лаврахъ нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ посмотрѣть: не спадетъ ли съ неба какое либо сѣдалище, на которомъ можно было бы мнѣ примоститься. Въ душѣ моей такъ мало было честолюбія въ это время, что я вовсе не предполагалъ разбирать, какое будетъ это сѣдалище: трехногій-ли стулъ въ уѣздномъ училищѣ, или скамейка въ какомъ-либо присутственномъ мѣстѣ—я готовъ былъ тогда даже поѣхать въ деревню учителемъ какихъ-нибудь маленькихъ сыновъ и дочекъ, или даже управителемъ надъ имѣніемъ—если бы это могло избавить отъ униженія кланяться и искать, но судьба устроила жизнь мою по своему. Въ концѣ сентября я былъ уже въ де-

ревнѣ. Осень была во всей красѣ и прелести своей, а потому я предался всей беззаботности деревенской жизни, которой рѣшительно никакое горе не тревожило и не нарушало. Напротивъ, друзья и пріятели безпрерывно писали ко мнѣ письма, въ которыхъ сердечныя изліянія были во всей силѣ, и я—пользуясь юношескимъ настроеніемъ души—разумѣется принималъ ихъ за чистую монету.

Въ это время я читалъ и писалъ много; бывалъ въ обществахъ, хотя впрочемъ этого послѣдняго обстоятельства ни тогда, ни теперь не считалъ очень важнымъ.

Такъ мирно и прекрасно протекала жизнь моя въ деревнѣ. Казалось, я готовъ былъ весь погрузиться въ созерцаніе природы, заняться хозяйствомъ и не думать вовсе о суетѣ міра сего. Но мечты, навѣянныя поэтическою жизнію въ Харьковѣ, безпрерывный рядъ писемъ отъ моихъ университетскихъ друзей и товарищей о томъ, чтобы я поскорѣе пріѣзжалъ въ Харьковъ,—начало побуждать меня къ отъѣзду. Наконецъ, письмо Панкова—въ которомъ онъ, между прочимъ, увѣдомлялъ меня, что меня ждетъ въ Харьковѣ толико вожделѣнная медаль, окончательно уже зиставила меня оставить деревню, и я около половины января 1834 г. пріѣхалъ опять въ Харьковъ. Въ Харьковѣ встрѣтила меня дружба съ распростертыми объятіями, въ карманѣ моемъ было до 300 р. ас. денегъ, надежда получить медаль, льстившая моему самолюбію, книги,—все это, конечно, могло на нѣкоторое время усладить горечь жизни вдали отъ роднаго крова, гдѣ я оставилъ такъ много сладостныхъ воспоминаній. Какое-то тяжелое предчувствіе тяготило мою душу: это былъ первый шагъ мой въ свѣтѣ! Служба? Гдѣ искать ее?... Кто поможетъ, кто замолвитъ за меня слово, подастъ руку помощи облегчитъ душу совѣтомъ и участіемъ?

О, воспоминаніе объ этомъ тяжкомъ январѣ 1834 года такъ страшно для меня, что и теперь, черезъ 15 почти лѣтъ, оно леденитъ кровь въ моихъ жилахъ...

ГЛАВА XVI.

Послѣднее свиданіе съ университетомъ. Я ищу службу.

Пріѣхавши въ Харьковъ, я имѣлъ въ карманѣ своемъ около 300 р. ас.: это былъ весь капиталъ, которымъ я долженъ былъ сдѣлать свою карьеру, т. е. одѣться, заплатить квартиру и искать службу!

Одежды у меня почти никакой не было, кромѣ студентской, въ которой я щеголялъ въ Зѣньковѣ; но здѣсь уже нельзя было пользоваться этой привилегій: нужно было партикулярное платье. При моихъ ограниченныхъ средствахъ, я создалъ для себя слѣдующій скромный костюмъ: черный фракъ десятирублеваго сукна со всѣми къ нему принадлежностями, шинель теплую съ тюленьимъ воротникомъ, а изъ вицмундира (сюртука) студентскаго—однобортный сюртукъ, да еще кое-что необходимое. Между тѣмъ какъ я ожидалъ съ нетерпѣніемъ новаго платья, которое—разумѣется—считалъ только франтовскимъ, получено мною объявленіе изъ университета: явиться 19 января въ 11 ч. утра въ залу университетскаго совѣта для полученія медали. Такое радостное извѣщеніе, о которомъ я зналъ и прежде, заставило меня забыть на нѣкоторое время все,—а когда въ назначенное время я явился и отъ проректора въ полномъ собраніи профессоровъ получилъ серебряную медаль, то восторгу моему не было предѣловъ: мнѣ казалось, что послѣ этого мнѣ легко будетъ получить самое выгодное мѣсто. Надпись на медали: Auspiciis Nikolai primi Universitats Charkoviensis ingenio et moribus и лавровый вѣнокъ, окружающій эту надпись, казалось, были живы, приняли образъ и душу въ моемъ воображеніи! Въ полномъ чувствѣ, я забылъ, что университетъ страшнымъ образомъ обидѣлъ меня, не только не отличивши, но даже не замѣтивши ревности моей къ наукамъ,—что Г. страшнымъ образомъ притѣснилъ меня, задержавши мою диссертацію и проч. проч., и — отложивши одинъ изъ немногихъ полтинниковъ, оставшихся мнѣ на пропитаніе—рѣшился нанять извощика и ѣхать благодарить профессоровъ. За что? Теперь это смѣшно, но тогда именно съ искреннимъ чувствомъ

благодарилъ я каждаго профессора и вѣроятно довольно красноречиво выражалъ свою благодарность, потому что нѣкоторые изъ нихъ готовы были, кажется, прослезиться и обѣщали мнѣ покровительство, которое—впрочемъ—принесло мнѣ не больше пользы, какъ и ихъ лекціи. Къ одному только Г. я не могъ себя заставить поѣхать.

Раздѣлавшись такимъ образомъ окончательно съ университетомъ, я рѣшился заняться пріисканіемъ какой нибудь службы, потому что въ карманѣ моемъ едва-ли было и на двѣ недѣли пропитанія. Но гдѣ же искать эту службу? Къ кому обратиться мнѣ, человѣку бѣдному, безъ денегъ, безъ протекціи? Это стоглавое чудовище, называемое службой, для которой—говорятъ—нужны только способности, рвеніе, дѣятельность, усердіе, представлялось мнѣ теперь—на первомъ шагу—совершенно въ другомъ видѣ, съ другими аттрибутами.

О мѣстѣ классномъ, которое бы сколько-нибудь соотвѣтствовало моимъ способностямъ и образоваію, и думать было невозможно: я отъ всѣхъ слышалъ, что надобно послужить прежде писцомъ, и потомъ уже, когда начальство увидитъ мои способности и усердіе, искать большаго.

Это вовсе неутѣшительное извѣстіе до такой степени озадачило меня, что я подумывалъ было: нельзя-ли занять мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ, только чтобы непремѣнно въ Зѣньковѣ. Но и тутъ опять неудача: въ Зѣньковѣ таковаго мѣста не оказалось.

Между тѣмъ, какъ я рѣшительно недоумѣвалъ, какъ пристроить себя, одинъ изъ моихъ знакомыхъ сказалъ мнѣ, что вновь назначенный въ Харьковъ губернаторъ князь Трубецкой весьма желаетъ, чтобы у него въ канцеляріи служили люди образованные, и что я—вѣроятно—получу тамъ какое-нибудь мѣсто.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Историческія мелочи. I. *Договоръ прихожанъ съ священникомъ о размѣрахъ платы за требы.* „Року 1705 г., мѣс. януарія 20 дня. Ми, громада села Краснослободскіи и Видилскіи, ставши предъ превелебнимъ г. чеснимъ отцемъ Селивестромъ, городничимъ (управляющимъ) Пакулскимъ Томошевичомъ съ честнимъ отцемъ Евстафиемъ, священникомъ своимъ новопосвященнимъ, которій у насъ упоминается датку рокового, гдижъ ми всѣ ему поступуемъ громадою таковый датокъ: съ кождого пахара по четверику жита чернѣговской мѣри, яко тежъ давали отцу Тимофею, презвитеру пакулскому, такъ тежъ и ему; а кто жъ однимъ воломъ оре, съ таковихъ по повчетверика, съ огородниковъ чеховъ по пять, съ сусѣдовъ—по шагу; зъ шлюбу младенческого—по повзолотого, зъ удовця—повкопи; а зъ челядника нашего повиненъ болше узяти за шлюбъ; за похоронъ великій—повзолотого, за малий—чеховъ пять, за столи (т. е. за поминанье) аще дома становлятся, чеховъ пять, а роковіи—повзолотого; въ церквѣ поминати—повиненъ копу дати; за субутникъ (за субботнее поминанье) що впишетъ,—копу. И абы не было зъ насъ ни съ кого якой змаги; доходи, якіе поступилисмо, абы не вымагалъ зъ насъ болшей, що тежъ мы даемо ему писаніе сіе вѣкупстое ему и дѣтемъ его, абы за насъ Господа Бога благалъ до конца живота своего, а по смерти его повиненъ и сынъ его на томъ же престолѣ зоставати. Тое ему предложивши, симъ нашимъ писаніемъ его жъ святимъ молитвамъ отдаемося назавше. Ми, громада, подписуемся руками своими напродъ Антонъ Дудка, войтъ краснослободскій, Ѳеодоръ Котлубай, Петро Жолобецкій, Кирило Жабчинецъ, Павелъ Шинкаръ и вся гро-

мада. Такъ тежъ и Видилская: Стефанъ Гетманъ, войтъ, Василь Бойченко, Кирѣй Курдукъ, Корнѣй Шапаръ и вся громада. Дѣялося въ замку Пакулскомъ року и дня вишеписанномъ". (Арх. Черниг. Казенной Палаты, акты Печерской лавры).

С. Пакуль, Черниговскаго уѣзда, было центромъ одной изъ волостей, принадлежавшихъ Печерской лаврѣ, почему въ актѣ значится, что онъ написанъ *въ замкѣ*. Къ пакульской волости принадлежали с. Видѣльцы и с. Краснослободка, теперь, кажется, несуществующая.

II. *Универсалъ гетмана Скоропадскаго объ учрежденіи въ Глуховѣ богадѣльни.* „Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ всей обще старшинѣ и чернѣ и кождому зособна, кому бы колвекъ о томъ теперъ и въ потомніе часи вѣдати надлежало, а меновите п. сотниковѣ глуховскому, атамановѣ городовому и войтовѣ тамошнему съ протчіими урядовими, ижъ, устроивши, мы, гетманъ, въ городѣ Глуховѣ власнимъ нашимъ коштомъ болницу, ради промешканя престарѣлихъ, такожъ разними немощми и калѣствами обдержимыхъ людей, а также для нихъ поблизу церковь теплую, до которой священникъ съ протчіими церковними жъ служителми, даби въ ней во умноженіе хвали Божія всегдашня не уставала отправа святой литоргіи и инихъ надлежащихъ церемоній, установленъ, а хотячи, жебы за житія нашего и въ будущіе понасъ времена, такъ помянутому священнику съ служителми, яко и самимъ въ той болницѣ мешкаючимъ таковимъ немощнимъ, въ пищи, въ одѣяніи и въ инихъ нужнихъ потребахъ не било оскудѣнія, зъ горливости христіанской, опредѣляемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ до той же церкви и болници, приселокъ подъ Глуховомъ, именуемій Новая-Гребля и клѣтку одну млива о трехъ колахъ, подъ самимъ городомъ на греблѣ мѣской, на рецѣ Есманѣ обрѣтающюся. Вѣдаючи прето о таковой волѣ нашой всякъ, абы нѣхто зъ старшины и чернѣ войсковихъ и посполитихъ людей жадной священникамъ съ служителми при церквѣ той и въ болницѣ теперь живючимъ и впредъ жити мѣючимъ немощнимъ людемъ, во владѣніи помянутого приселка и вишевираженного млина, такожъ въ отбираню приходячихъ зъ него розмѣровихъ, обоей, мелницкой и войсковой части, пожитковъ перешкоди, насилія'и трудности чинити не важился; посполитіе зась тогожъ приселка Новой-Греблѣ жители, должны суть и будутъ до помянутой церкви и болницы обиклое, въ чомъ указуватиметъ потреба, отдавати послушенство, мѣти хочемъ и реймен-

тарско приказуемъ. Домъ въ канцеляріи нашей войсковой, въ Глуховѣ, генваря 9 дня, року 1718. Звишменованній гетманъ рукою власною». (Арх. генер. канц., № 6304).

Въ 1734 г. въ этой богадѣльнѣ находилось богадѣльниковъ: 18 мужчинъ и 14 женщинъ.

III. *Къ исторіи налётовъ саранчи въ Малороссію.* Въ одной изъ книгъ нашего дѣда встрѣтилась записанная имъ слѣдующая любопытная замѣтка о саранчѣ, остававшейся на поляхъ (въ Малороссіи) *семь лѣтъ.* „Саранча въ Малой Россіи укоренившаяся, дѣйствовала въ болшомъ количествѣ зъ 1798 по 1806 годъ; а въ семъ году зима была такъ гнилая, что и хлѣбъ въ землѣ вездѣ повипрѣвалъ и сѣмена саранчи также погнили. Отъ таковой непостоянной зимы, а весною отъ безпрестаннихъ ливнихъ дождей, которіе простирались даже до августа мѣсяца, здѣлался неурожай хлѣба и было въ продажѣ въ Конотопѣ жито по 75 коп., а гречи и протчая ярина по 50 коп. за пудъ". Къ этой замѣткѣ можно прибавить другое свѣдѣніе о той же саранчѣ, записанное въ одной церковной книгѣ м. Ични, (Борзенск. уѣзда) мѣстнымъ священникомъ.—„Въ 1799 г., августа 5 дня, съ юго-востока шла чрезъ Ичень саранча въ такомъ множествѣ, что собою закрывала солнце. Начала ити въ 10 ч. утра, а кончила шествіе въ три часа пополудни. Ночевала всѣми своими силами за Ичнею, занявъ мѣста для ночлега двѣ версты въ длину и больше двухъ въ ширину. Толща слоя ея, покрывшая землю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была болѣе аршина. Пашнямъ здѣсь причинила мало вреда, но лѣсъ в. тов. С. Булыги совсѣмъ поломала...".
(Опис. Черниг. Епарх. VI, 521).

IV. *Письмо кіевскаго коменданта Андр. А. Аракчеева къ брату его гр. Ал. А. Аракчееву, 1825 г., объ открытіи фундамента древней Десятинной церкви.* «М. г., батюшка-братецъ Алексѣй Андреевичъ. Иностранные наряды въ отечественныхъ земляхъ своихъ будучи побуждаемы благороднымъ тщеславіемъ, въ доказательство ихъ древняго рода, происхожденія и что ихъ предки были люди образованные, съ познаніемъ ученыхъ искусствъ и художествъ, стараются ясными доказательствами, чрезъ открытіе древнихъ памятниковъ, сообщать потомству существующему славу ихъ предковъ. Городъ Кіевъ есть мѣсто отечества любезныя Россіи! Городъ Кіевъ есть фундаментъ вѣры Христа Спасителя нашего! Городъ Кіевъ есть источ-

никъ нравственности, наукъ и художествъ нашихъ! Какъ же не гордиться и не уважать сей памятникъ бытія нашего, нынѣ существующаго подъ благословенною сѣнію благочестивѣйшаго нашего монарха и отца! Сими изъясненными причинами будучи побуждаемъ, почтеннѣйшій архипастырь нашъ митрополитъ Евгеній, обративъ вниманіе на древній памятникъ по исторіи и преданіямъ извѣстной бывшаго храма пресв. Богоматери, сооруженной въ 996 году всероссійскимъ великимъ княземъ Владиміромъ, подъ названіемъ Десятинныя церкви, которая по нашествіи враговъ отечества татаръ за 600 лѣтъ была разрушена и приведена въ ничтожность и неизвѣстность. Принявъ сіе благочестивое намѣреніе высокопреосвященный сообщилъ о семъ людямъ имъ избраннымъ, изъ коихъ одинъ, чиновникъ 5 класса морскаго департамента Лохвицкій, побуждаемый единымъ усердіемъ, принялъ на себя трудъ исполнителя, коимъ нынѣ въ короткое время открытъ фундаментъ оного храма, огромность онаго строенія, основанная на гранитныхъ большихъ разнаго рода камняхъ, отъ разрушенія остатки найдены карнизовъ и колонъ восточнаго бѣлаго мрамора, части красокъ алфреско на цементѣ, непотерявшій (шихъ?) цвѣта чрезъ 600 лѣтъ, мѣлкой стекляной разноцветный мазоихъ (sic), какъ должно полагать бывшимъ украшеніемъ стѣнъ храма, коего подобные остатки украшенія еще существуютъ въ Софійскомъ соборѣ, полъ въ главномъ олтарѣ изъ разноцвѣтнаго мрамора и граната (sic); всѣ сіи достопамятныя древности, любезныя для всякого сына отечества, прошедшей осени, сколько позволяло время, означены, а для яснаго соображенія и нужнаго понятія отряженнымъ отъ меня чиновникомъ инженеровъ снятъ планъ онаго храма сообразно помѣстному отрытію фундамента означеннаго. Объяснивъ все оное согласно съ желаніемъ высокопреосвященнаго м. Евгенія, я посылаю къ вамъ, батюшка-братецъ, планъ и обращики древнимъ вещамъ найденнымъ, увѣренъ будучи, что вы не откажетесь въ полезномъ быть помощникомъ нашимъ и что таковое древнее и рѣдкое открытіе доведете до свѣдѣнія всемилостивѣйшаго государя императора, коего мнѣніе подастъ болѣе силы и способовъ къ открытію и описанію сего достопамятнаго памятника вѣры нашей. Былъ, есмь и пребуду по гробъ вѣрно любящимъ братомъ и слугою....» «Г. Кіевъ. Генваря 15 дня, 1825 года».

Настоящее письмо найдено, въ копіи, между бумагами Ив. Ром. Мартоса († 1831), жившаго въ это время въ Кіевѣ.

V. *Батуринскій заводъ восковыхъ свѣчей гетмана Разумовскаго* славился качествомъ выдѣлываемыхъ въ немъ свѣчей; свѣчи эти выписывались даже въ Кіевъ. Одинъ изъ усердныхъ богомольцевъ печерской лавры, въ ней прожившій болѣе десяти лѣтъ, бывшій директоръ департамента министерства юстиціи Ив. Ром. Мартосъ, писалъ въ 1827 г., изъ лавры, конотопскому своему пріятелю: «прошу привезти для меня два пуда батуринскихъ восковыхъ свѣчей, на коихъ съ-поду бываютъ печати или штемпели. Я знаю что они дорого покупаются, въ чемъ не извольте и сомнѣваться, лишь бы только свѣчи были хорошіе, до сихъ поръ я платилъ за сіи произведенія гетманской экономіи по сто рублей за пудъ».

Свѣчной заводъ въ Батуринѣ былъ устроенъ въ концѣ XVIII в., поселившимся въ это время тамъ на покой гр. К. Гр. Разумовскимъ.

А. Л.

Леопардовская коллекція въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. Почетный членъ церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи, д. с. с. Н. А. Леопардовъ окончилъ передачу въ церковно-археологическій Музей своихъ коллекцій археологическихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныхъ имъ сему музею на вѣчныя времена. Въ этихъ коллекціяхъ числится 8366 №№, на сумму 31,261 р. 50 коп. серебромъ, а именно 730 №№ археологическихъ предметовъ на сумму 5641 р. 50 к. сер., и 7636 монетъ, медалей, жетоновъ и т. п. на сумму 25,620 р. сер.

Археологическіе предметы раздѣляются на слѣдующіе разряды: а) священныхъ предметовъ и образовъ 65; б) картинъ, портретовъ и нѣкоторыхъ бытовыхъ предметовъ 16; в) образковъ, преимущественно металлическихъ 143; г) шейныхъ крестиковъ, образковъ, энколпіоновъ и медальоновъ 236; д) предметовъ домашняго быта изъ великокняжеской эпохи 45; е) предметовъ первобытной эпохи и греко-римскихъ колоніальныхъ, полученныхъ изъ раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Россіи и изъ случайныхъ находокъ 200; ж) предметовъ русской исторической эпохи 25. Большая часть этихъ предметовъ собрана на юго-западѣ Россіи и потому имѣетъ мѣстный

археологическій интересъ. Археологическіе предметы этого рода пріобрѣтались преимущественно въ Кіевѣ изъ находокъ въ самомъ Кіевѣ, а также изъ раскопокъ и находокъ въ кіевской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ черниговской, полтавской, екатеринославской, херсонской, таврической, подольской, волынской, гродненской, минской и могилевской. Къ такимъ предметамъ относятся предметы первобытной эпохи, древнихъ греческихъ колоній въ южной Россіи, бытовые предметы изъ русской великокняжеской эпохи и многіе изъ металлическихъ образковъ, медальоновъ, крестиковъ и энколпіоновъ. Особенное значеніе для церковной археологіи имѣютъ христіанскіе священные предметы, назначавшіеся для домашняго употребленія и чествованія, т. е. металлическіе образки, крестики и энколпіоны. Представляя полную картину историческаго развитія этого рода памятниковъ въ Россіи отъ начала христіанства въ ней и до настоящаго времени, этотъ отдѣлъ коллекціи г. Леопардова особенно интересенъ по тѣмъ немалочисленнымъ представителямъ своимъ, которые носятъ на себѣ несомнѣнную печать византійскаго производства, или же сдѣланы русскими мастерами въ великокняжескую эпоху южнорусской исторіи.

Монеты, медали и жетоны раздѣляются на слѣдующіе разряды: а) монетъ средняго міра автономныхъ и колоніальныхъ, преимущественно греческихъ и древневосточныхъ 466; б) римскихъ 801; в) византійскихъ 285; г) босфорскихъ 940; д) восточныхъ и татарскихъ 196; е) русскихъ 4655; ж) медалей, наградныхъ знаковъ, жетоновъ и проч. 293.—По металлу, онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 173 золотыхъ, 10 копій съ золотыхъ монетъ, 3 электровыхъ, 4 платиновыхъ, 2729 серебряныхъ, 4633 бронзовыхъ и мѣдныхъ, и 84 свинцовыхъ, чугунныхъ и т. п. Изъ перечисленныхъ нумизматическихъ разрядовъ, монеты древняго міра автономныя и колоніальныя, римскія, византійскія, босфорскія и восточныя съ татарскими имѣютъ прежде всего самостоятельное историко-археологическое значеніе. Всѣ вообще эти монеты служатъ иллюстраціею и дополненіемъ всеобщей гражданской исторіи; а монеты древняго греко-римскаго міра вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко изображаютъ языческихъ боговъ и героевъ, языческіе храмы, святилища и принадлежности богослуженія, и въ этомъ отношеніи представляютъ богатый матеріалъ для изученія греко-римской миѳологіи и религіи; византійскія же монеты, по находящимся на нихъ христіанскимъ священнымъ изображеніямъ, представляютъ незамѣнимое пособіе къ изуче-

нію византійской иконографіи. Но большая часть монетныхъ собраній Н. А. Леопардова, кромѣ самостоятельнаго, имѣетъ и другое, еще болѣе важное значеніе,—служебное или вспомогательное по отношенію къ русской исторіи и къ русской нумизматикѣ. Собиратель обращалъ свое вниманіе преимущественно на собираніе монетъ такихъ народовъ и государствъ, которые или жили и находились въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, какъ напр.: греческіе колонисты по берегамъ Чернаго моря и Босфорцы, или оказывали могущественное и продолжительное вліяніе на судьбы и просвѣщеніе Россіи, какъ напр. Византія, непосредственно и чрезъ свои черноморскія колоніи, или же имѣли извѣстную долю вліянія на монетное дѣло въ Россіи, какъ напр. та же Византія и восточный мусульманскій міръ. Вѣнцомъ же нумизматическихъ коллекцій у собирателя является коллекція русскихъ монетъ, и самая многочисленная по количеству монетъ (4655), и самая цѣнная въ матеріальномъ отношеніи (16,910 р. сер.). При составленіи этой коллекціи, Н. А. Леопардовъ собиралъ и аналогичныя русскимъ монеты другихъ народовъ, для объясненія монетнаго дѣла въ Россіи, какъ напр. куфическія монеты, пражскіе и саксонскіе широкіе гроши, шведскія, литовско-русскія и другія монеты, и нерѣдко помѣщалъ ихъ въ той же русской коллекціи.

Важнѣйшіе изъ предметовъ и монетъ коллекціи г. Леопардова изданы самимъ собирателемъ въ издававшемся имъ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ» Кіевъ, 1890—1893 г. г. Въ шести вышедшихъ доселѣ выпускахъ этого «Сборника» издано изъ коллекцій г. Леопардова 135 археологическихъ предметовъ и 30 монетъ, а всего 165 №№.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о вечерницахъ, кулачныхъ бояхъ, сборищахъ подъ Ивана Купала и проч. 1719 года.

(Списокъ съ копіи, снятой съ документовъ бывшаго Стародубскаго магистрата).

Унѣверсалъ рейментарский о вечерницах, кулачках и протчиихъ зъборах, абы выкоренити. Пресвѣтлѣйшого и дер-

жавнѣйшого великого государя нашего его царского священѣйшого величества войскъ запорожских обоих сторон Днепра гетман Іоаннъ Скоропадский пану полковниковѣ стародубовскому, всей старшинѣ его полковой: сотникамъ, атаманамъ, войтамъ городовимъ и сѣлскимъ, також пп. державцамъ духовнимъ и свѣцкимъ, в томъ полку маетности своей мѣючимъ, и прочіимъ всѣмъ войскового и посполитого чину, од старшого до найменшого, полчанамъ тамошнимъ, зъ особы засъ каждому, кому колвекъ въ томъ надлежатиметъ видати, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ,—ижъ не од теперъ доносѣтся намъ вѣдати з розних мѣсцъ, что в полках рейменту нашого по городахъ, городкахъ и селах многіе од полу мужеска и женска молодіе и своеволніе люде, барзѣй неповстягливіе од родителей своих дѣтей, вимисливши себѣ безчинное гулянье вечерницѣ, нанимаютъ у подобних собѣ жъ легкомислниковъ на тое мѣсца, и збираючись туда по ночахъ, купали справуютъ, игри, танци и пиятики, з яких биваютъ галаси и зачепки до звадокъ; послѣдователно засъ з того уростаютъ забойства, а ктому розніе под часъ таковихъ зборовъ чинятся ексцесси, яко то: грихи блудніе, растлѣнія дѣвства, безъзаконное дѣтей прижітіе; з того потомъ чрезъ тихже безчинниковъ, закриваючихъ свое нерадное дѣло, стаются дѣтогубства, якъ з розниxъ мѣсцъ не разъ мѣлисмо въ томъ извѣстіе. За яковое безчинія видимъ гнѣвъ Божій на всѣхъ насъ зрится, ибо не од теперъ тилко лѣтвіе неурожаи хлѣба, многіе надежи скотовъ, а що болшей и моровіе язви и другіе тяжкіе въ людяхъ болѣзни Малая Россія понесла и прочіе поноситъ злоключенія. За чимъ, хотячи мы тое въ народѣ нашомъ злонравное, заповѣди Божой и християнскому званію противное вивести и ускромити безчиніе, яко въ томъ в иншіе рейменту нашего полки послалисмо грозніе укази, такъ и полкъ стародубовскій ординуючися сей унѣверсалъ, пилно въпоминаемъ и приказуемъ, абы панъ полковникъ тамошней старшинѣ своей полковой: сотникамъ, атаманамъ и войтамъ городовимъ и сѣлскимъ, а п: п: державцѣ духовніе и свѣцкіе дозорцамъ маетностей своих повелѣли накрѣпко того постерѣгати, жебы од сего часу в городах, в городках и селах на помянутіе по вечерницах сборы, а ктому на богомерзкіе купалніе игриска въ Петровъ постъ звикли и на кулачніе бои, чрез которое многіе здоровья, а иншіе лишаются и житія, що все зъ образою Божою дѣется, нихто нѣкогда и нѣгде сходитися и жадною безчинія, галасовъ и звадокъ, барзѣй з контентуючими великороссѣйскими жолнѣрами, чрез

що намъ особливая дѣется трудность, затѣвати не важился; прочіе же для тих безчинних сборовъ господъ своихъ нанимати такожби отнюдъ не держали. Хто би засъ упорне противъ заповиди Божои и сего нашого указу поступуючи, вред не мѣлъ таковихъ поперестати ексцессовъ, то не тилко всякого, виполняючого оное, старшинамъ городовимъ и сѣлскимъ вязенемъ без пощадѣнія трапити и кіовимъ боемъ наказовати позволяемъ, лечъ и то, хто би з легкомисяности якового ради себѣ скверно прибитчества важился для тих нерадних сходовъ нанѣмати господи, карати злизвѣщеніем (?) ся на горлѣ роскажем; того и духовніе власти постерѣгати и такових безчинников крипко истязовати, а преслушнихъ и од церкви одлагати мѣют. Жеби теди кождий з обивателей полку стар. о таковой волѣ й указу нашом вѣдали і оний содержали неприминно, должен панъ полковникъ тамошній сей унѣверсалъ всѣде (?) в полку своемъ, розославши оного списка, по городах і селахъ оголосѣти и заставніе торговіе и . . . . . . народом . . . . . . читовати пилно і рейментарско приказуемъ. Данъ в Глухови іануар. року ҂аѱді.

Вишменованным гетманъ рукою власною.

Сообщ. **Ѳ. Николайчикъ.**

Про вовкулакивъ.

(*Записала отъ своей бабы Анна Сахонова, дѣвочка 13 лѣтъ, въ м. Веркіевкѣ, нѣжинск. у.*).

Годивъ за трыдцять тому назадъ у мого дида кошеливци [1]) робылы комору. Дидъ тоди жывъ надъ полемъ. Майстри посидалы снидать. На городи бигало козеня; а вовкъ якось пидкрався, ухватывъ и побигъ, тутъ кинулысь доганять, да куды тамъ доженешъ. А одынъ

---

[1]) Веркіевка въ 12 верстахъ отъ Нѣжина; Кошелевка въ 10 в. отъ Веркіевки. Кошелевцы—плотники и пильщики.

майстеръ каже: «Не доганяйте, то вже ёму Богъ показавъ; уже Богъ якъ покаже, що ему зъисты, дакъ ёму вже тее, що думае зъисты, буде показувать красне. Я и самъ бувъ вовкулакою». Тутъ наши люде сталы пытать: «Роскажить якъ було».—«Да от-же якъ. Я любывъ дивку; да такъ прыйшлось, що взявъ другую. У недилю я пишовъ изъ жинкою до церквы; жинка пишла попереду, а я трохи пидождавъ да и соби пишовъ; треба було йты крузъ тоеи дивки двиръ, що я любывъ да не взявъ.

Тилько що я поривнявся зъ дворомъ, дивка тая выбигла дай каже. «На тоби ленту, що ты мени купывъ», дай кинула на мене, а сама засміялась дай побигла. Тутъ я ставъ минытця и вже не пишовъ до церквы, а пишовъ изъ села, да тамъ за селомъ пидъ клунею лигъ дай лежу; а вже въ мене и шкура вовча выросла. Отъ прыходять тры вовки, дай кажуть мени: «Чи ты будешъ намъ служыть, а не хочешь, дакъ мы тебе зъимо».—«Ни, буду вже лучче вамъ служыть».—«Ну добре», кажуть вовки: «иды за намы». Я пишовъ. Идемо—гуси пасутся; отъ вовки кажуть: «Дывысь, котора гуска тоби показуется красна, ту й ловы.». Я вловывъ, давъ имъ. Воны кажуть: «Ижъ же й ты». Довго я не хотивъ исты сырого мяса; да вже якъ прывыкъ, тоди вже й не розбиравъ. Такъ я имъ прослужывъ симъ годъ. Наставъ срокъ, дакъ воны мене й отпустылы до дому. Я прыйшовъ да у хливи й лигъ. Батько у ранци прыйшовъ до хлива одчынывъ двери, да якъ закрычыть, побачивши мене: «Вовкъ, вовкъ»! Да скорийши двери зачынывъ. Люде збиглысь. Тутъ я бачу що не перелывки, давай лизты на тынъ, щобъ утикты, да якось зачепывсь за ломаку, прорвавъ вовчу шкуру, да й вылизъ изъ шкуры. Отчынылы воны двери, дывлятся—я стою. Маты тоди якъ заголосыть: «Иванъ! Иванъ, сыночокъ мій, де ты скитався». Я давай и соби плакать. Мене повелы въ хату, роздягнулы, далы билу сорочку, штаны и посадылы исты. Добрый мыни показався хлибъ посли сырого мъяса; а воны все мене пытають: «Роскажи-бо намъ, де ты бувъ». Я хочу сказать имъ слово, дакъ вовкомъ и зареву. Диты крычать, боятся; дакъ я вже и мовчу.

Цилый тыждень я усе ревивъ вовкомъ; а у недилю я пишовъ у ранци на двиръ, саме до церквы благовистыло; я увишовъ у хату

дай кажу батьку: «Уже, тату, до церквы благовистять». Наши вси зрадилы, що я гомоню; батько пійшовъ до попа, дакъ мене высповидалы и прычастылы. Одъ того дня я вже й ставъ говорыть.

Отакее-то! щобъ воно до мене й неворочалось»!

1894 года 3-го апрѣля.

Библіографія.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссіею. № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Изслѣдованіе А. А. Бертье-Делагардъ. Съ 7 таблицами и 2 политипажами. Спб. 1893.—№ 14. Древности Сѣверо-Западнаго края. Т. I, вып. 2. Люцинскій могильникъ. Съ XV таблицами рисунковъ и 36 политипажами. Спб. 1893.

До сихъ поръ еще пользуется довѣріемъ мнѣніе, пущенное въ ходъ академикомъ Палласомъ и путешественникомъ Кларкомъ, будто развалины Херсонеса уничтожены русскими матросами при постройкѣ Севастополя. Г. Бертье-Делагардъ фактически доказываетъ, что еще до этого времени онѣ находились въ жалкомъ состояніи, и что русскимъ немного оставалось и расхищать: Херсонесъ прекратилъ свое существованіе послѣ долгой агоніи, нѣсколько разъ подвергался разрушенію и снова созидался изъ развалинъ и, такимъ образомъ, самъ себя расхитилъ; съ другой стороны авторъ не обольщается и вообще культурой Херсонеса, а видитъ въ немъ не что иное, какъ «полуварварскій городъ, о которомъ упоминается большею частью только потому, что онъ былъ мѣстомъ ссылки».

Разсматриваемый нами трудъ посвященъ исторіи херсонесскихъ раскопокъ и научной оцѣнкѣ результатовъ ихъ, при чемъ почтенный авторъ избираетъ область, ближайшую къ его коренной спеціальности—остатки архитектуры. Передавъ исторію раскопокъ, г. Бертье-Делагардъ приходитъ къ заключенію, весьма не выгодному для Херсонеса. «Вышеуказанныя раскопки, говоритъ онъ, вскрыли весьма большую часть города, около 10.000 кв. саженъ, въ разныхъ, но преимущественно самыхъ населенныхъ и богатыхъ его частяхъ, и я, конечно, не найду словъ для выраженія той жалкой нищеты, того

глубокаго архитектурнаго невѣжества и безграмотности, которыя съ непререкаемою ясностью встаютъ изъ раскопокъ Херсонеса; развалины нашихъ самыхъ бѣдныхъ слободъ покажутся совершенствомъ по сравненію съ херсонесскими». Основываясь на мѣстныхъ условіяхъ и на результатахъ произведенныхъ доселѣ раскопокъ, г. Бертье-Делагардъ относится съ рѣшительнымъ недовѣріемъ къ возможности открытія высокохудожественныхъ древнѣйшихъ развалинъ. Однако, относясь къ дѣлу съ совершенной трезвостью, онъ придаетъ большое значеніе раскопкамъ Херсонеса и въ частности—находкамъ не классическаго, а византійскаго періода, такъ какъ послѣдній мало имѣетъ такихъ представителей, какъ Херсонесъ; значеніе это становится еще болѣе важнымъ для насъ, по связи Херсонеса съ нашей исторіей—политической и церковной.

Описавъ въ краткихъ словахъ различныя археологическія находки, сдѣланныя въ Херсонесѣ, авторъ переходитъ къ остаткамъ архитектурнымъ, о которыхъ и говоритъ съ большою обстоятельностью. Касаясь весьма немногочисленныхъ остатковъ классическаго періода, послужившихъ матеріаломъ для позднѣйшихъ построекъ, онъ дѣлаетъ интересное наблюденіе, что въ Херсонесѣ, который, какъ извѣстно, былъ заселенъ дорійцами, находимы были фрагменты многихъ разновременныхъ зданій, почти исключительно іоническаго ордера; авторъ видитъ въ этомъ указаніе на вліяніе родины іоническаго ордера—Малой Азіи. Обращаясь затѣмъ къ описанію остатковъ позднѣйшаго, византійскаго города, онъ касается общаго характера его, при чемъ обращаетъ вниманіе на необыкновенную правильность въ расположеніи улицъ, происшедшую, вѣроятно, въ позднѣйшее время, послѣ какого-нибудь погрома, отъ котораго въ городѣ мало что уцѣлѣло;—говоритъ о частныхъ домахъ, которые представляютъ собою жалкія лачужки, о прославленномъ херсонесскомъ водопроводѣ, который, по словамъ г. Бертье-Делагарда, оказывается поразительно плохимъ, и наконецъ переходитъ къ описанію церквей, которымъ и посвящаетъ большую часть своего труда.

По причинѣ весьма понятной мы не можемъ слѣдовать за авторомъ въ его подробномъ описаніи херсонскихъ церквей. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя общія замѣчанія его, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи и древностямъ южной Россіи. Извѣстно, что въ Херсонесѣ открыты церкви двухъ типовъ: базилики и купольныя церкви. Въ наукѣ держится мнѣніе, что съ VIII вѣка церкви перваго типа на востокѣ исчезли, поэтому и херсонесскія базилики при-

ходилось считать принадлежащими ко времени не позднѣе этого столѣтія, а онѣ тамъ преобладаютъ. На основаніи изслѣдованныхъ имъ фактовъ, г. Бертье-Делагардъ оспариваетъ это положеніе для Херсонеса, полагая, что тамъ онѣ не вывелись даже послѣ XII вѣка, по той причинѣ, что купольныя постройки въ такомъ «безграмотномъ» городѣ, какъ Херсонесъ, представляли непобѣдимыя техническія трудности, сравнительно съ базиликами, которыя, наоборотъ, по простотѣ своей, могутъ быть приравнены къ сараю.

Съ большой подробностью останавливается авторъ на развалинахъ церкви, въ которой, какъ предполагали раньше, крестился Владиміръ святой, и на мѣстѣ которой, въ воспоминаніе этого событія, сооруженъ теперь храмъ св. Владиміра; г. Бертье-Делагардъ, на ряду съ нѣкоторыми другими изслѣдователями, не находитъ для такого предположенія никакихъ основаній; онъ полагаетъ, что если св. Владиміръ крестился въ Херсонесѣ, то вѣроятнѣе всего—въ особой, открытой въ 1877 году, крещальнѣ (IX—X в.), находящейся рядомъ съ большой базиликой, открытой гр. Уваровымъ и признаваемой авторомъ за соборную церковь.

Замѣчательно, что всѣ херсонесскія церкви обращены алтарями на сѣверо-востокъ, чего не наблюдается въ восточныхъ церквахъ другихъ городовъ, даже и крымскихъ; но то же самое замѣчается въ кіевской св. Софіи, Десятинной и Михайловской церквахъ, что служитъ указаніемъ на херсонесское вліяніе. Откуда взялся этотъ обычай въ самомъ Херсонессѣ—вопросъ открытый; авторъ предполагаетъ, что изъ Малой Азіи.

Въ недавнее время была заподозрѣна достовѣрность показанія Страбона о положеніи древняго, языческаго города. Г. Бертье-Делагардъ становится въ этомъ вопросѣ на сторону греческаго историка, основываясь на необыкновенной точности его описанія и на передаваемыхъ имъ подробностяхъ осады города скиѳами, и ищетъ древнѣйшаго Херсонеса въ глубинѣ Козачьей бухты. Произведенныя имъ здѣсь въ 1890 году раскопки обнаружили крѣпостныя стѣны съ башнями и дали несомнѣнные остатки древне-эллинскаго города, какъ-то: монеты, черепки черно-лаковой посуды, зданія и ни малѣйшихъ слѣдовъ христіанскаго времени. Къ этой раскопкѣ была у автора и другая побудительная причина. Занимаясь обслѣдованіемъ Инкермана, онъ пришелъ къ заключенію о невозможности обычно-допускаемаго пребыванія тамъ св. Климента, папы римскаго, и нѣкоторыя данныя привели его и по этому поводу къ мѣстности древнѣйшаго Херсо-

неса. Въ частности, онъ обратилъ вниманіе на находящійся здѣсь островокъ, искусственно сооруженный еще въ древности, для того чтобы выдвинуть стѣну укрѣпленія въ воду, для защиты города отъ обхода непріятелемъ по мелкому мѣсту. На островкѣ и ранѣе извѣстны были остатки церкви съ нѣсколькими жилыми помѣщеніями. Раскопки, произведенныя здѣсь г. Бертье-Делагардомъ, подтвердили вѣроятность его предположенія, что мощи св. Климента найдены были здѣсь. А именно: онъ открылъ здѣсь остатки по всей вѣроятности монастыря, съ небольшой церковью; въ этой послѣдней нашлась крипта, доступная извнѣ церкви по особому ходу, который, по его мнѣнію, продѣланъ изъ желанія сдѣлать доступною могилу, въ коей найдены мощи.

Могильникъ, доставившій матеріалъ для XIV выпуска «Матеріаловъ», открытъ совершенно случайно на вершинѣ Комаровой горы, близъ гор. Люцина витебской губ. Въ 1890 и 1891 г. онъ былъ изслѣдованъ Е. Р. Романовымъ и В. И. Сизовымъ, при чемъ первый открылъ 293 погребенія, а второй 45, и все-таки окончательно не исчерпанъ.

Въ разсматриваемый выпускъ «Матеріаловъ по археологіи Россіи» вошли дневники обоихъ изслѣдователей, рисунки найденныхъ ими древностей и описаніе могильника, которое составлено членомъ Археологической Комиссіи А. А. Спицынымъ на основаніи дневниковъ раскопокъ и изученія собранныхъ при раскопкахъ коллекцій.

Преобладающимъ способомъ хороненія въ Люцинскомъ могильникѣ является погребеніе трупа. Глубина могилъ большею частію не превышала $1^1/_2$ аршина. Изрѣдка встрѣчались остатки деревянныхъ гробовъ, обыкновенно же дно могилы, а иногда и бока ея прокладывались досками, а трупы покрывались берестой или досками тоже; при нѣкоторыхъ скелетахъ найдены остатки деревянныхъ изголовій, отчасти орнаментированныхъ. Почти всѣ скелеты найдены лежащими на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, но положеніе рукъ оказывалось различнымъ; голова лежала большею частію лицомъ вверхъ. Относительно оріентаціи скелетовъ г. Спицынъ сдѣлалъ наблюденіе, что мущины полагались головою почти всегда на востокъ, а женщины на западъ, чего, сколько намъ извѣстно, не замѣчалось въ другихъ могильникахъ; но самая классификація могилъ на мужескія и женскія не достаточно имъ мотивирована, и потому открытіе его возбуждаетъ сомнѣнія; факты, и на его взглядъ противорѣчащіе его обобщенію, г. Спицынъ объясняетъ возможными, по его мнѣнію,

описками въ дневникѣ г. Заманова, что кажется намъ нѣсколько опрометчивымъ.

Другою, менѣе распространенною, формою похоронъ въ Люцинскомъ могильникѣ является трупосожженіе. По мнѣнію г. Спицына, обрядъ трупосожженія совершался гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ могилы; по окончаніи обряда, остатки костей собирали и погребали въ сравнительно не глубокой ямѣ, положивъ на доскѣ, или на берестѣ, или на кускѣ ткани, изрѣдка—въ ящикъ; сверхъ костей клали вещи, принадлежавшія покойному. Иногда остатки сожженія труповъ наблюдались въ самихъ могилахъ.

Наконецъ, бывали случаи нахожденія въ могильникѣ вещей безъ костей. Такія находки г. Спицынъ признаетъ «погребеніями однихъ вещей безъ костяковъ», на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ означенныхъ случаяхъ вещи находимы были въ испорченномъ видѣ, 2) онѣ помѣщались, по его выраженію, «съ видимой заботливостью», т. е. на подстилкѣ, а иногда и прикрывались сверху, и 3) подобные случаи нахожденія костей безъ вещей бывали и въ нѣкоторыхъ другихъ могильникахъ, въ тамбовской, рязанской и вятской губерніяхъ. Авторъ считаетъ почему-то «изысканнымъ» предположеніе, что такія находки представляютъ остатки трупосожженій; но гораздо изысканнѣе кажется намъ его собственное мнѣніе объ отдѣльномъ погребеніи вещей въ томъ случаѣ, если трупъ не могъ быть доставленъ въ руки родственниковъ покойнаго [1]); во всякомъ случаѣ, оно не подтверждается ни историческими свидѣтельствами, ни этнографическими данными. По столько же неожиданному съ его стороны, сколько справедливому сознанію самого г. Спицына, подобныя объясненія создавать не трудно (стр. 14).

Порча вещей, наблюдавшаяся—къ слову сказать—и въ могилахъ съ трупосожженіемъ, могла происходить отъ различныхъ причинъ, какъ то: отъ удара киркой или лопатой при копаніи новой могилы и при грабительскихъ раскопкахъ, отъ дѣйствія почвенной сырости и огня при трупосожженіи, наконецъ вещь могла быть попорчена еще при жизни погребеннаго. Что касается подстилки и покрытія, то они-то и сближаютъ разсматриваемыя находки вещей съ могилами въ собственномъ смыслѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, являлись вещью весьма обыкновенною. Наконецъ, наличность такихъ

---

[1]) Въ болѣе положительной формѣ мнѣніе это высказано г. Спицынымъ въ Отчетѣ Имп. Археол. Комм. за 1891 г., стр. 104.

находокъ въ «различныхъ, очень отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ Россіи» можетъ быть объяснена вполнѣ удовлетворительно, если поискать условій, общихъ этимъ мѣстностямъ: г. Спицынъ упустилъ изъ виду, что всѣ указанные имъ могильники, изъ числа которыхъ и Люцинскій не представляетъ исключенія, отличаются песчаной почвой и глинистой подпочвой,—обстоятельство, какъ нельзя болѣе благопріятствовавшее разрушенію и полному уничтоженію костей и образованію водомоинъ, которыя нарушали порядокъ погребеній.

Переходя къ обозрѣнію древностей Люцинскаго могильника, г. Спицынъ, указывая на рисунокъ, сдѣланный г. Сизовымъ и напечатанный въ текстѣ, дѣлаетъ замѣчаніе относительно того, что одежда женщинъ была необыкновенно коротка. Это возможно, но кайма, изображенная на рисункѣ, съ неменьшей вѣроятностью могла принадлежать и переднику.

Въ Люцинскомъ могильникѣ найдены остатки шерстяныхъ и холщевыхъ матерій; матеріи перваго сорта оказывались иногда затканными бронзовыми колечками и въ такомъ видѣ, по мнѣнію г. Спицына, служили оборкой у платья и нарукавниками. Ноги обертывались полоской шерстяной ткани, которая скрѣплялась шнуромъ.

Общераспространенными украшеніями головы служили шерстяные круглые жгуты, унизанные мѣдными кольцами и снабженные привѣсками въ видѣ пучковъ изъ жгутовъ-же. Незначительность діаметра этихъ круговъ (43—52 сант.) авторъ отказывается объяснить «естественнѣе» и иначе, какъ малымъ размѣромъ головъ покойницъ, для чего, однако, не приведено фактическихъ основаній, хотя въ книгѣ есть спеціальная глава, посвященная антропологическимъ наблюденіямъ. Относительно происхожденія этого головного убора авторъ высказываетъ правдоподобное и законное въ методологическомъ отношеніи предположеніе, что уборъ этотъ является подражаніемъ убору косы, своего рода—фальшивой косой, но дѣлаетъ какъ-то случайно, вскользь, «въ видѣ догадки,—по его словамъ—почти ни на чемъ не основанной». Намъ думается, что основаній для него можно бы поискать не безъ успѣха съ помощью сравнительнаго изученія древнихъ уборовъ. Кромѣ жгутовъ, головнымъ уборомъ служили бронзовые вѣнки въ видѣ повязокъ, которые попадались также въ могильникахъ другихъ мѣстностей Россіи. Обыкновеннымъ украшеніемъ шеи служили гривны жгутообразныя и пластинчатыя, также хорошо знакомыя; рѣже попадаются ожерелья изъ раковинъ, бусъ и мѣдныхъ спиралей и подвѣски въ видѣ уточекъ и собачекъ. Грудь

украшалась сложной системой цѣпочекъ, которыя прикрѣплялись къ дужкѣ, обхватывавшей сзади шею. Были употребительны фибулы весьма распространеннаго кольцеобразнаго типа; между ними найдены экземпляры съ интересной орнаментаціей скандинавскаго пошиба; встрѣчались также арбалетообразныя фибулы. На рис. 13 въ текстѣ (стр. 31) изображенъ еще предметъ весьма оригинальной формы, названный также фибулой, но ни рисунокъ, ни описаніе его не даютъ понятія о его дѣйствительномъ назначеніи. Попадались въ могильникѣ ременные пояса, украшенные металлическими узорчатыми бляшками и снабженные такими же наконечниками; послѣдніе служили для того, чтобы облегчить продѣваніе ремня въ пряжку. Къ пажамъ привѣшивались иногда украшенія, а чаще ножи. Въ большомъ количествѣ находимы были браслеты—спиральные, цилиндрическіе, обручевидные, иногда покрытые красивымъ узоромъ, также перстни въ видѣ кокошника и витые и кольца--спиральныя и простыя. Изъ предметовъ вооруженія въ могильникѣ найдены два желѣзныхъ меча; то, что въ текстѣ названо саблею (стр. 45), на рисункѣ (Табл. XIV, рис. 13) не похоже на саблю; формы копій однообразны; далѣе, встрѣчались топоры двухъ типовъ: узкіе и длинные—и широкіе. Кромѣ того, попадались серпы, остроги, костяной гребень, вѣсы, бронзовая булавка (вѣрнѣе—шпилька), украшенная плетеніемъ и схематическими изображеніями конскихъ головокъ; наконецъ, при одномъ трупосожженіи найдены два креста, несомнѣнно—христіанскіе. Общее впечатлѣніе, оставляемое древностями Люцинскаго могильника, сравнительно съ родственными имъ древностями средней и восточной Россіи—бѣдность формъ и недостатокъ оригинальности ихъ; за рѣдкими исключеніями, почти всѣ типы предметовъ, изображенные на 15 таблицахъ и 36 политипажахъ, были извѣстны уже по древностямъ сѣверо-западнаго края, изданнымъ Крузе, Беромъ и самой Археологической Коммиссіей.

Г. Спицынъ относитъ могильникъ къ X—XI ст., но научно не обосновываетъ этого положенія, о чемъ надо пожалѣть тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя формы люцинскихъ древностей могутъ найти себѣ аналогіи даже въ эпохѣ, ближайшей къ переселенію народовъ (напр.—арбалетообразныя фибулы).

Въ общемъ, описаніе могильника сдѣлано г. Спицынымъ чрезвычайно старательно. Забота о точности обобщеній простирается у него, напр., до того, что онъ, не довольствуясь ссылками на номера дневника г. Романова, послѣ описанія каждой подробности погре-

бальнаго обряда и каждаго рода древности, приводитъ статистическія вычисленія относительно того, напр., сколько процентовъ даютъ могилы, заключавшія по одной гривнѣ, сколько—по двѣ, сколько—по три и т. д.; мало того,—приводитъ въ извлеченіи еще и соотвѣтствующія мѣста изъ дневника раскопокъ. Все это безъ особенной нужды загромождаетъ текстъ и ни мало не остерегаетъ автора отъ неосторожныхъ заключеній. Изложеніе его не свободно отъ шероховатостей. Такъ, на первыхъ же двухъ строкахъ предисловія мы встрѣчаемъ такую, не вполнѣ понятную фразу: «Описываемый могильникъ находится близь самаго г. Люцина, витебской губ., *на землѣ примыкающей къ городу дер. Юриздика*»; въ началѣ самаго описанія находимъ не вполнѣ удачное заглавіе: «Погребеніе въ могилѣ (sic!) неповрежденнаго (слѣдуетъ разумѣть—не сожженнаго) трупа»; вмѣсто «въ Люцинскомъ могильникѣ», авторъ почему-то почти вездѣ пишетъ «*на* Люцинскомъ могильникѣ»: «этотъ способъ погребенія на Люцинскомъ могильникѣ является преобладающимъ», «на Люцинскомъ могильникѣ при мужскихъ костякахъ не обнаружено никакихъ шейныхъ украшеній», «фибулы на Люцинскомъ могильникѣ встрѣчены, въ видѣ большой рѣдкости, лишь при нѣсколькихъ мужскихъ костякахъ» и пр.; описанія предметовъ не свободны отъ повтореній неясностей и неточностей, чему иногда способствуютъ и стилистическіе промахи, вродѣ замѣченнаго нами на стр. 17: «*Жгутомъ* мы называемъ женскій головной уборъ, состоящій изъ плотнаго круглаго шерстяного *жгута*, сплошь унизаннаго мѣдными кольцами», или на стр. 28: «*цѣпочки* перваго типа представляютъ собою украшеніе, составленное изъ нѣсколькихъ мелкихъ и длинныхъ *цѣпочекъ*», или «лучевидныя фибулы» на 33 и др. стр.; неологизмы, вродѣ слова *сгибень* также ни мало не помогаютъ дѣлу. Вотъ какъ, напримѣръ, нескладно и неладно описываетъ г. Спицынъ общеизвѣстную арбалетообразную фибулу: «длинная, болѣе четверти аршина, основная пластинка, украшенная (sic!) по верху острою выпуклостью, скобочкой въ концѣ и двумя штифтами посрединѣ, круглая поперечная палочка, обвитая проволокой, и наконецъ полукруглая пластинчатая перемычка, также съ выпуклостью поверхъ». Объ опечаткахъ, пожалуй, можно бы и умолчать, если бы г. Спицынъ былъ также строгъ къ себѣ, какъ и къ г. Романову, въ дневникѣ котораго онъ заподозрилъ описки, безъ всякаго при томъ повода. Самыя досадныя опечатки въ трудѣ г. Спицына замѣчаются въ ссылкахъ на рисунки,

начиная съ стр. 7-й и далѣе. Ихъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, оговорить въ концѣ книги.

Дневники гг. Романова и Сизова, напечатанные въ приложеніи, составлены подробно и внимательно. Къ сожалѣнію, г. Спицынъ въ дневникѣ г. Романова измѣнилъ названія и описанія нѣкоторыхъ предметовъ. По нашему мнѣнію, удобнѣе было бы сдѣлать это въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Спицынъ иногда даетъ названія и описываетъ предметы не вполнѣ удачно, въ чемъ мы могли убѣдиться изъ собственнаго его труда.

В. Ястребовъ.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1891 годъ. Съ 200 политипажей. СПБ. 1893.

По установившейся традиціи, въ своихъ раскопкахъ Археологическая Коммиссія и въ 1891 году оказывала предпочтительное вниманіе югу Россіи.

Въ Херсонесѣ сотрудникъ Археологической Коммиссіи К. К. Костюшко-Валюжиничъ продолжалъ изслѣдованіе городища, чему, однако, не мало мѣшало то обстоятельство, что почти третья часть городища безъ особенной надобности занята монастырскими постройками. Изъ находокъ, сдѣланныхъ во время раскопокъ, слѣдуетъ упомянуть о мраморной четыреугольной купели съ отверстіемъ для стока воды и съ изображеніемъ креста на узкихъ сторонахъ, о бронзовомъ замкѣ въ видѣ какого-то фантастическаго звѣря, съ птичками вмѣсто ушей, объ остаткахъ шелковой ткани съ изображеніемъ всадника, о бронзовомъ идолѣ съ волосами, заплетенными въ косу, какъ на каменныхъ бабахъ, о фрагментахъ прекрасныхъ терракотъ; изъ остатковъ архитектурныхъ—о развалинахъ нѣсколькихъ храмовъ, въ одномъ изъ коихъ оказался мозаичный полъ. Кромѣ самого городища, изслѣдованію подвергнуты также катакомбы и другія могилы, заключавшія остатки обыкновеннаго погребенія и остатки трупосожженія. Черепа нѣкоторыхъ скелетовъ оказывались сильно деформированными. Кромѣ г. Косцюшко-Валюжинича, предсѣдатель археологической коммиссіи гр. А. А. Бобринской проѣздомъ въ Керчь изслѣдовалъ въ Херсонесѣ двѣ катакомбы и гробницу, но онѣ оказались ограбленными.

Близъ гор. Ялты гр. Бобринской изслѣдовалъ 11 древнихъ могилъ, устроенныхъ въ видѣ каменныхъ ящиковъ; изъ нихъ только двѣ оказались нетронутыми и заключали остатки скелетовъ, лежавшихъ, насколько можно было судить, головами къ В.; изъ находокъ въ этихъ могилахъ любопытны раковины cypraea moneta, добываемыя, какъ извѣстно, въ Индійскомъ океанѣ.

Въ то же лѣто гр. Бобринской производилъ обширныя раскопки въ Керчи и ея окрестностяхъ. При раскопкахъ горы Матрадатъ онъ нашелъ, между прочимъ, черепки панаѳинейскихъ амфоръ, служившихъ наградой побѣдителей при состязаніяхъ на панаѳинейскихъ празднествахъ, фрагменты разныхъ другихъ расписныхъ вазъ, надписи, золотыя украшенія и пр. Любопытна также каменная статуя, отдаленно напоминающая каменныя бабы (рисунокъ см. на стр. 40-й отчета). И въ Керчи также, какъ и во многихъ другихъ, различныхъ мѣстахъ, были находимы остатки погребенія и трупосожженія.

Проф. Ю. А. Кулаковскій при раскопкахъ въ Керчи въ 1891 году преслѣдовалъ главнымъ образомъ открытіе катакомбъ, имѣя въ виду собрать матеріалъ для составленія археологической карты. Имъ открыто 11 катакомбъ, при чемъ, хотя онѣ обыкновенно оказывались ограбленными, г-ну Кулаковскому удавалось находить иногда интересные предметы, не замѣченные или брошенные грабителями, а въ одной изъ нихъ посчастливилось найти также и фрески. Небольшія раскопки въ Керчи производилъ также директоръ керченскаго музея К. Е. Думбергъ.

Въ уѣздахъ мелитопольскомъ, евпаторійскомъ и симферопольскомъ продолжалъ раскопки проф. Н. И. Веселовскій. Въ большомъ курганѣ въ с. Шульговкѣ мелитопольскаго уѣзда въ разграбленной могилѣ ему посчастливилось найти весьма много золотыхъ украшеній, принадлежащихъ къ тому типу, который извѣстенъ по другимъ, т. н. скиѳскимъ, могиламъ, а въ курганѣ на землѣ М. Д. Талаевой въ симферопольскомъ уѣздѣ, въ нетронутой могилѣ онъ нашелъ брусковую точилку въ золотой оправѣ съ изящнымъ орнаментомъ съ эмалью и большое золотое ожерелье съ львиными головками на концахъ.

Въ Области Войска Донского Н. Е. Бранденбургъ занимался раскопкой курганов съ цѣлью изслѣдованія вопроса о каменныхъ бабахъ. По его мнѣнію, составившемуся на основаніи его раскопокъ 1891 года, связь между постановкой на курганахъ каменныхъ бабъ и культурнымъ содержаніемъ тѣхъ же кургановъ, а равно и погре-

бальными обрядами, наблюдаемыми въ послѣднихъ, можетъ быть признана во многихъ случаяхъ очевидною.

Проф. Ѳ. И. Кнауеръ продолжалъ свои курганныя раскопки въ аккерманскомъ уѣздѣ бессарабской губ., при чемъ нашелъ, между прочимъ, бронзовый кельтъ и бронзовую чашку съ ручкой и замѣчалъ слѣды окраски костей.

Въ александровскомъ уѣздѣ екатериносл. губ. Д. И. Эварницкій раскопалъ одинъ небольшой курганъ, въ которомъ отыскалъ мѣдную орнаментированную серьгу, фибулу и просверленные зубы какого-то животнаго.

Къ херсонской губерніи одинъ курганъ раскопанъ В. Н. Ястребовымъ; въ ограбленной могилѣ найдены: разбитая амфора съ клеймомъ, черепки черно-лаковой посуды, бронзовые наконечники стрѣлъ, желѣзный наконечникъ копья, фрагменты серебряныхъ браслетъ.

Въ кіевской губ. производили раскопки Н. Е. Бранденбургъ и проф. В. Б. Антоновичъ. Первый занимался изслѣдованіемъ кургановъ въ кіевскомъ у., близь с. Витичева и въ м. Кагарлыкъ. Въ витичевскихъ курганахъ скелеты лежали въ дубовыхъ колодахъ, головою на З. или на Ю. З., погребенія оказались очень бѣдными: при нѣкоторыхъ скелетахъ найдены только бронзовыя кольца, да попалась бронзовая пуговка, глиняный дискъ и остатки кожи. Положеніе скелетовъ въ кагарлыкскихъ курганахъ преимущественно на З. или на В., иногда они находились въ деревянныхъ гробахъ; въ головахъ всегда стоялъ простой глиняный горшокъ; кромѣ горшковъ, найдены только мѣдный браслетъ и бусы; въ насыпи одного кургана найдено погребеніе человѣка съ конемъ. Прежняя раскопка одного изъ кагарлыкскихъ кургановъ заводскими рабочими привела къ открытію интереснаго бронзоваго ковша съ латинскою надписью на ручкѣ.

Проф. В. Б. Антоновичъ копалъ курганы въ липовецкомъ уѣздѣ, около с. Кальника, по близости городищъ, называемыхъ въ народѣ «майданами». Въ одномъ изъ кургановъ, на грунтѣ оказался деревянный помостъ, на серединѣ котораго сооруженъ былъ шатрообразный костеръ, а подъ нимъ оказалась яма, передѣленная дубовыми столбами на три квадратныя части. Изъ вещей въ раскопанныхъ имъ курганахъ г. Антоновичъ нашелъ желѣзныя удила, бронзовыя бляшки, остатки деревяннаго колчана съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ, желѣзный ножъ, амфору, желѣзные наконечники копій и черепки терракотовой мисочки.

Въ витебской губ. Е. Р. Романовъ и В. И. Сизовъ производили слѣдованіе люцинскаго могильника. Описаніе его и дневники раскопокъ напечатаны въ 14 выпускѣ издаваемыхъ археологической коммиссіей «Матеріаловъ по археологіи Россіи».

Кромѣ свѣдѣній о раскопкахъ, отчетъ содержитъ перечень случайныхъ находокъ, частныхъ приношеній и пріобрѣтеній, съ указаніемъ, гдѣ были сдѣланы находки.

Въ приложеніи помѣщены дневники раскопокъ гр. Бобринскаго и гг. Кнауера и Антоновича и таблицы распредѣленія древностей, поступившихъ въ Коммиссію въ отчетномъ году.

В. Я.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 годъ. Изданіе Курскаго Статистическаго комитета. Составлена Секретаремъ Комитета Т. І. Вержбицкимъ. Цѣна 1 р. 30 коп.

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1892 годъ былъ сдѣланъ лестный отзывъ о Памятной книжкѣ Курской губерніи на 1892 годъ. Такого же отзыва по всей справедливости заслуживаетъ и недавно изданная «Памятная книжка» курской губерніи на 1893 годъ. Честь составленія ея принадлежитъ Т. І. Вержбицкому, одному изъ весьма усердныхъ и неутомимыхъ изслѣдователей Курской старины.

«Памятная книжка» состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ (стр. 3—34), послѣ краткаго замѣчанія о лѣтосчисленіи, содержатся мѣсяцесловъ святыхъ и статьи: «Чудотворныя иконы, находящіяся въ курской губерніи», «Монастыри курской губерніи» и «Императорскій Россійскій Домъ». Что касается замѣтки о лѣтосчисленіи, то она видимо составлена на основаніи какого-то популярнаго сочиненія и потому нелишена ошибочныхъ сужденій. Такъ, напр., здѣсь происхожденіе первоначальнаго лѣтосчисленія относится ко времени еврейскаго законодателя Моѵсея, на основаніи Исх. XII, 12, т. е. слѣдовательно, приблизительно къ 15—14 в. в. до Р. Хр. Но кто же не знаетъ, что правильное и довольно точное лѣтосчисленіе не только по луннымъ, но даже и по солнечнымъ годамъ было извѣстно гораздо раньше Моѵсея древне-месопотамскимъ народомъ и египтянамъ? Впрочемъ, мы не ставимъ въ особенную вину составителю «книжки» ошибочныхъ представленій о началѣ лѣтосчисленія, такъ какъ подобныя ошибки нерѣдко встрѣчаются

даже въ спеціальныхънаучныхъ сочиненіяхъ. Это зависитъ, кажется, вообще отъ несовершенства свѣдѣній русской исторической литературы по древней исторіи человѣческаго рода. Замѣтимъ только, что «памятная книжка» ничего не потеряла бы, еслибы въ ней совсѣмъ не было статьи «о лѣтосчисленіи».

Гораздо болѣе интересенъ и содержателенъ второй отдѣлъ «памятной книжки». Здѣсь помѣщены статьи: 1) страничка изъ исторіи Курской гимназіи (А. Гусаковскаго стр. 1—18), гдѣ, подъ видомъ біографіи П. А. Денисьева, излагается исторія устройства помѣщеній для курской классической гимназій и пансіона при ней въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. 2) Александръ Михайловичъ Мизгеръ (А. Танкова. Стр. 1—40). А. М. Мизгеръ былъ учителемъ Курской гимназіи по каѳедрѣ естественныхъ наукъ (1859—1891 г.) и оставилъ въ ней по себѣ самыя добрыя воспоминанія. Кромѣ образцоваго исполненія своихъ прямыхъ педогогическихъ обязанностей, онъ былъ весьма усерднымъ изслѣдователемъ курской фауны и флоры. Плодомъ неутомимыхъ занятій его по изученію окружающей природы, кромѣ кандидатской диссертаціи «о коловраткахъ» и переводнаго съ нѣмецкаго «Руководства къ раціональному способу герборизаціи» съ дополненіями, примѣчаніями и 52 политипажами (изд. въ Харьковѣ въ 1864 г.) были: а) капитальное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «конспектъ растеній, дикорастущихъ и разводимыхъ въ курской губерніи» и б) «о курскомъ самородѣ»; оба эти сочиненія А. М. Мизгера въ свое время были отмѣчены и одобрены спеціалистами. 3) Курское нарѣчіе (Матеріалъ для описанія курскаго края. Стр. 1—10),—статья, принадлежащая самому составителю «памятной книжки» и въ высшей степени интересная. Въ ней, послѣ общихъ замѣчаній о курскомъ нарѣчіи, представляющемъ смѣсь великорусскихъ, малорусскихъ и польско-литовскихъ словъ, перечисляются подмѣченныя наблюдательнымъ авторомъ а) выдающіяся грамматическія особенности курскаго нарѣчія сравнительно съ общимъ русскимъ языкомъ (всѣхъ особенностей указывается 14) и б) мѣстнохарактерныя слова, встрѣчающіяся въ курскомъ нарѣчіи. 4) Описаніе Курскаго Намѣстничества, изъ древнихъ и новыхъ разныхъ о немъ извѣстій вкратцѣ собранное Сергѣемъ Ларіоновымъ, того намѣстничества верхней расправы прокуроромъ (Изд. въ Москвѣ въ 1786 г.). «Описаніе» Ларіонова издано въ «памятной книжкѣ», очевидно, потому, что въ настоящее время оно является уже библіографическою рѣдкостью. Остается пожалѣть только о томъ, что этотъ весьма инте-

ресный памятникъ изданъ Курскимъ статистическимъ Комитетомъ безъ надлежащаго критическаго предисловія, въ которомъ онъ положительно нуждается, такъ какъ заключаетъ въ себѣ ошибочныя свидѣтельства, которыя обязательно долженъ имѣть въ виду будущій историкъ Курскаго края при пользованіи настоящимъ документомъ. Укажемъ наиболѣе выдающіяся изъ замѣченныхъ нами ошибочныхъ свидѣтельствъ Ларіонова. Такъ, о Бѣлгородѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ курской губерніи, говорится: «когда начало онъ возъимѣлъ точнаго показанія не имѣется, хотя онъ и упоминается построеннымъ отъ Великаго князя Владиміра въ 990 году, однакожъ онъ долженъ существовать и прежде того, потому, что въ 980 году, сей же Великій князь имѣлъ въ немъ наложницъ своихъ». (Описаніе. Отд. III. Стр. 31). Здѣсь Ларіоновъ, очевидно, смѣшалъ Бѣлгородъ курскій, основаніе котораго относится ко времени царствованія Өеодора Іоанновича (въ 1593 г.), съ Бѣлогородомъ кіевскимъ (нынѣ с. Бѣлгородка, кіевскаго уѣзда), происхожденіе котораго, дѣйствительно, восходитъ ко временамъ Владиміра Святого. Подобнымъ же образомъ и о Суджѣ въ «Описаніи» Ларіонова говорится: «городъ сей построенъ въ 1712 году на Татарскихъ сакмахъ, кое названіе урочищу сему было по частымъ тамо становищамъ татаръ въ древнее нахожденіе ихъ» (Отд. XIII, стр. 60). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новою историческою ошибкою, такъ какъ документально извѣстно, что городъ Суджа существовалъ гораздо раньше 1712 года и отъ 1664 и слѣдующихъ годовъ сохранились подробныя описанія этого города и его укрѣпленій. Наконецъ, о началѣ Бѣлоградской (нынѣ курской) епархіи Ларіоновъ пишетъ: «Бѣлогородская епархія учреждена въ лѣто отъ сотворенія міра 6580, (1072 года) при державѣ Великаго князя Изяслава Ярославича, и есть старшинствомъ третья классная... По учрежденіи епархіи сея, поставленъ былъ во оную Кіевскимъ Митрополитомъ Георгіемъ первый Епископъ Никита»... И дальше еще перечисляются слѣдующіе Бѣлгородскіе архіереи: Лука, Өеодоръ, Діонисій, Іоаннъ и Кириней (Отд. XVIII, стр. 73). Здѣсь мы, безъ всякаго сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ новымъ смѣшеніемъ Бѣлоградской (нынѣ курской) митрополіи, учрежденной Большимъ Московскимъ Соборомъ въ 1667 году, съ Бѣлгородской епархіей, существовавшей нѣкогда подъ Кіевомъ. Мы указали здѣсь крупнѣйшія ошибки въ «Описаніи» Ларіонова, хотя оно требуетъ поправокъ и въ другихъ своихъ свидѣтельствахъ

Въ концѣ второго отдѣла «Памятной книжки» содержится описаніе снимковъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ»: I. Курскій мужской первоклассный Знаменскій монастырь II. Чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы курскія. III. Часовня на берегу рѣки Тускори надъ источникомъ называемымъ святымъ, изъ котораго, по преданію, преп. Өеодосій Печерскій получалъ воду при печеніи просфоръ. IV. Набережная рѣки Тускори съ юго-восточной стороны города Курска. V. Видъ дома, принадлежащаго курскому дворянству, до пожара 17 октября 1892 года. VI. Пригородняя слобода Стрѣлецкая во время разлива рѣки Тускори и ручьевъ: Кура, Кривца и Ровца весною 1892 года и VII. Памятникъ И. Ө. Богдановичу на Курскомъ Всесвятскомъ кладбищѣ.—Описаніе всѣхъ поименованныхъ снимковъ, превосходно исполненныхъ въ фототипическомъ заведеніи г. Кульженка въ Кіевѣ, принадлежитъ почтенному составителю «книжки» и изложено безукоризненно.

Третій отдѣлъ «книжки» посвященъ «статистическимъ свѣдѣніямъ о курской губерніи за 1891 годъ» (стр. 1—127), а въ четвертомъ отдѣлѣ содержится адресъ-календарь (личный составъ правительственныхъ, сословныхъ, общественныхъ, благотворительныхъ и др. учрежденій курской губерніи, стр. 1—190).

Не можемъ не закончить нашей замѣтки искреннимъ пожеланіемъ Т. І. Вержбицкому полнаго успѣха въ его дальнѣйшемъ изученіи курскаго края.

Ө. Титовъ.

Кіевъ 1894 года 19 января.

Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви. Кіевъ. 1894 г. Стр. 56. С. Т. Голубева.

Въ небольшой книжкѣ подъ выписаннымъ нами заглавіемъ сообщаются новыя данныя, небольшія изслѣдованія и замѣчанія историко-библіографическаго характера, имѣющія отношеніе къ исторіи западно-русской церкви, при чемъ заглавіе книжки избрано авторомъ въ подражаніе одному изъ сочиненій покойнаго знатока западно-русскаго края М. А. Максимовича («Объяснительные параграфы о Кіевѣ).

Всѣхъ объяснительныхъ параграфовъ по исторіи западно-русской церкви проф. Голубевъ даетъ пять. Въ первомъ изъ нихъ (стр. 1—20) говорится о *времени кончины мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича и толкахъ въ обществѣ по поводу ея,* дѣлаются инте-

ресныя *замѣчанія о времени кончины князей Константина и Василія Острожскихъ*, и, наконецъ, исправляется *ошибка, вкравшаяся въ чтеніе надгробной надписи на памятникѣ типографу Ивану Өедорову*, а въ особомъ примѣчаніи къ этому параграфу (стр. 20—28) исправляется *ошибочное мнѣніе объ игуменствѣ въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ Іосифа Бобриковича*, выясняются *отношенія его къ кіевскому митрополиту Петру Могилѣ* и сообщаются *документальныя данныя объ игуменствѣ въ Межигорскомъ монастырѣ Исаіи Копинскаго*. Второй параграфъ (стр. 28—32) посвященъ *«добавочнымъ статьямъ къ дѣяніямъ Виленскаго собора 1509—1510 г.»*, а въ слѣдующемъ параграфѣ (стр. 32—41) разъясняются *«неточности, допущенныя при изданіи сочиненій Іоанна Вишенскаго, и нѣкоторыя недоразумѣнія въ нашей литературѣ, вызванныя этими неточностями»*. Въ параграфѣ четвертомъ (стр. 41—48) трактуется о *«волненіи въ Кіевѣ по поводу слуховъ о нежелаемомъ кандидатѣ на Кіево-Печерскую архимандрію послѣ кончины Елисея Плетенецкаго»* и *«процессахъ съ кіево-печерскою капитулою племянниковъ архимандрита Захаріи Копыстенскаго, возникшихъ по смерти послѣдняго»*. Наконецъ, въ послѣднемъ параграфѣ (стр. 48—56) разъясняется *«библіографическое недоразумѣніе» (ошибочное мнѣніе нашихъ библіографовъ объ изданіи типографомъ Михаиломъ Слезкою «Собранія короткой науки о артикулахъ вѣры Православной Каѳолической христіанской»)*.

Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви заключаютъ въ себѣ много новыхъ и цѣнныхъ данныхъ и читаются съ большимъ интересомъ.

Кіевъ 27 генваря 1894 года.

Ѳ. Титовъ.

«Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности. Слово Кирилла Философа». Г. М. Бараца. Одесса 1994 г.

Названное сочиненіе—трудъ извѣстнаго знатока древне-еврейской литературы, мѣстнаго ученаго юриста, помѣщено въ недавно вышедшей 3-й книжкѣ «Лѣтописей Историко-Филологическаго Общества» при Императ. Новорос. университетѣ. Сочиненіе это посвящено тому же вопросу, котораго авторъ не разъ уже касался въ статьяхъ своихъ, помѣщавшихся въ «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи» за 1889 годъ. («Замѣтки диллетанта на соч. проф. И. Малышевскаго: «свв. Кириллъ и Меѳодій») и за 1891 годъ. («Кирилло-Меѳодіевскіе вопро-

сы»). Въ статьяхъ этихъ авторъ указываетъ на то, что при тщательномъ изслѣдованіи тѣхъ произведеній, которыя приписываются св. Константину или св. Кириллу, «необходимо признать, что между ними нѣкоторыя представляются цѣликомъ заимствованными изъ еврейской религіозной письменности и лишь мѣстами перелицеванными, такъ сказать, въ духѣ христіанскаго ученія, а другія оказываются съ значительными вставками изъ той же письменности». Чтобы выяснить это положеніе, которое приводитъ къ выводамъ, весьма любопытнымъ въ религіозно-церковномъ, культурномъ и историко-литературномъ отношеніяхъ, авторъ въ статьѣ своей „Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы» привелъ нѣсколько типическихъ образовъ изъ разныхъ отдѣловъ древне-русской духовной литературы, соотвѣтствующихъ главнѣйшимъ дисциплинамъ еврейской духовной словесности. Въ послѣднемъ же своемъ сочиненіи авторъ останавливается на «Словѣ Кирилла Философа», посвященномъ столь живо интересовавшему всегда вѣрующихъ людей вопросу о конечной судьбѣ людей и вселенной. «Слово о исходѣ души» или о мытарствахъ пользовалось особенною распространенностію въ древне-русской читающей массѣ и оказало несомнѣнное вліяніе на духовную народную поэзію. Съ нимъ въ связи находятся и нѣкоторыя малорусскія народныя разсказы о мытарствахъ, о страшномъ судѣ и т. п. Убѣдившись, что приписываемое св. Кириллу «Слово», подобно другимъ письменнымъ памятникамъ, приписываемымъ тому же имени, имѣетъ отношеніе къ іудейскимъ традиціямъ и воззрѣніямъ, г. Барацъ въ названномъ выше сочиненіи обстоятельно сопоставляетъ каждое предложеніе анализируемаго имъ «Слова» съ соотвѣтственными выдержками изъ древне-еврейскихъ сочиненій. Въ заключеніе такого обстоятельнаго анализа «Слова объ исходѣ души» авторъ и приходитъ къ тому общему выводу, что оно и по содержанію, и по складу рѣчи находится въ очевидной зависимости не столько отъ византійскихъ, сколько отъ еврейскихъ источниковъ.

Эта въ высшей степени тщательная ученая работа во всякомъ случаѣ представляетъ не малый интересъ для занимающихся древне-русскою письменностію, особенно тѣмъ ея отдѣломъ, который, касаясь столь важныхъ вопросовъ, какъ конечная судьба людей, находится въ такой общей связи съ произведеніями народнаго творчества.

А. А.

где и кушали. Отъ п. Михайла получилемъ писмо, въ якомъ виражаетъ, что жена моя за бѣглихъ отъ Лярского страждетъ.

Понеделокъ. 23. Сегодня рано ездилемъ въ слободу до Галанки и съ нимъ былъ у Бидлова, который посѣтить сестру болную обѣщалъ, а оттуду билъ у п. Петра Апостола и обѣдалемъ тамъ, и просилемъ оного о помоществованіе взглядомъ Сиваковъ, и обѣщался. У вечеру пріездилъ Герцикъ отъ Кор. . . . . . (?) о женитвѣ спрашиваясь брата. Пріехалъ Валкевичъ и посидѣвши отехалъ.

Вовтор. 24. Сегодня окончилемъ чтеніе пророка Исаии и нѣкоторіе текста о знатнѣйшихъ вещехъ виписалемъ на словенскій язикъ.

Рождество Христово. Середа. 25. Сегодня рано булисмо у графа фелтъ-маршала князя Долгорукова и въ церквѣ Богоявленской, а обѣдали у панеи. Докторъ Бидловъ вчорайшого дня бувши, у вечеру, у панеи, смотрѣлъ сестри Уляни Івановни и на болѣзнь еи, имѣючуюся у неи, а именно fluorem muliebri, inappetentiam sitim, lipothimiam, tumore in sime, далъ рецептъ таковий пѣлулъ и тинктури: (слѣдуетъ рецептъ). Но всякое утро на тщий жолудокъ по 100 капель у винѣ венгерскомъ принимать.

Четвер. 26. Сегодня рано булисмо у Наумова, оттуду ездилисмо до Остермана, а не заставши его, вернулись и были у Богоявленія на службѣ, а обѣдали у Наумова. У вечеру былу у Курбатова и посидѣвши зъ нимъ и п. Лизогубомъ, отехалисмо въ свою квартеру. Да рано жъ были у князь Василія Лукича, где зъ генераломъ маэоромъ графомъ Дуклясомъ видѣлись.

Пятокъ. 27. Сегодня тожъ рано ездили до Остерманна и стрѣвшись съ нимъ, повернулись назадъ и заездили до Степанова, отъ которого были у панеи и у Богоявленія, на службѣ, а потомъ заехавши до панеи, обѣдали.

Субота. 28. Сегодня рано ездилисмо до Остерманна и заставши его въ дому, поздравляли, оттуду поехалъ я до Бидлова и оному отъ сестри далемъ 15 червоннихъ, а потомъ пріехавши до панеи, тамъ и обѣдалемъ, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Александромъ до Микла-

шевского и тамъ погравши въ карти, повернулемся въ свояси, безъ уроку, а заехавши до Веляминова, Степана Лукича, тамъ доволное время просидѣлемъ.

Неделя. 29. Сегодня билъ у службѣ у церквѣ Алексея метрополита, а по службѣ былъ у п. Петра Апостола и обѣдалъ въ своей квартерѣ. У вечеру ездилемъ до Курбатова и оттоль зайшовши до Якимовича и посидѣвши мало зъ Іваномъ Юревичемъ Аврамовимъ, секретаремъ, повернулемся.

Понеделокъ. 30. Сегодня рано ездилемъ до п. Петра Апостола, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ пріехалъ Михалъ Швайковскій, смоленскій шляхтичъ, которій сказивалъ, что Іванъ Лярскій, которій въ пленѣпотентахъ за Сиваками въ Глуховѣ на насъ доходитъ, тесть Якову Швайковскому, отъ котораго и Сиваковъ тѣхъ имѣетъ, да на тихъ же Сиваковъ тотъ же Яковъ далъ передомъ карту Дудзѣникому, то жъ смолянину, уступая ему, до которого мѣлъ оний писать.

Вовтор. 31. Сегодня никуда не ездилемъ для слабости родителской, чего ради призиванъ былъ докторъ Захарій Захарьевичъ и велѣлъ пустить кровъ зъ медіинни и пущено чимало, да въ лазнѣ милемся. У родителя Species била горячки, але кровю утопилась и прошками таковими: (слѣдуетъ рецептъ), по одному прошку, въ чаю либо въ пивѣ [1]).

1729 годъ. Януарій мѣсяцъ.

Середа. 1. Сегодня рано ездилемъ до графа для поздравленія, а родитель, за своею позавчора приключившоюся болѣзнію, не моглъ, которого посѣщалъ лѣкаръ Захарій Захар. и другій далъ рецептъ въ аптеку на 5 прошковъ. (Слѣдуетъ рецептъ). Службы слухалемъ у Богоявленія, заездилемъ до панеи, обѣдалемъ у себе, ездилемъ по обѣдѣ до Еропкинаи п. Петра, и не заставши его, съ панею его, także Тернавскимъ съ товарищи посидѣлемъ, и тако въ свою квартеру пріехалемъ.

---

[1]) Слѣдуетъ выписка изъ тѣхъ же авторовъ.

Четвер. 2. Сегодня тинктури, составленія доктора Бидлова принималемъ, капель 80, имѣлемъ sedes зъ 8, обѣдалемъ самъ, а у вечеру играли въ карти, до позна. А тинктура таковая: Rp. elix. pronr. Paracels aa 3i., essea 6 aper. ξβ resin. jalapp. ℨi.

Пятокъ. 3. Опредѣленіе генералной старшини малороссійской въ тайномъ верховномъ совѣтѣ учиненное, обявлено сіятелнимъ графомъ Гавриломъ Івановичомъ Головкиномъ въ такой силѣ: обозний енералний—Яковъ Лизогубъ, бывшій бунчучний енералний, судѣ енералніе два, Андрей Кандиба, полковникъ, да Михайло Забѣла, бывшій суддя полковий нѣжинскій, за писара, чи во мѣсто писара енералного—Михайло Турковскій, бывшій господаръ замку Гадяцкого, въ асаулахъ енералнихъ—Іванъ Мануйловичъ, бывшій сотникъ глуховскій, да Федоръ Лисенко, хоружій енералний—Якимъ Горленко, бунчучний енералний,—Іванъ Борзна, которимъ и отпускъ зъ протчіими бывшими кандидатами, сказанъ, а Тернавскому и Корецкому повелено, по даннимъ на нихъ чолобитнимъ, на оного отъ полковника чернѣговского, Миха°ла Богданова, а на сего отъ полковника стародубского Пашкова, въ іностранрнихъ дѣлъ коллегіи, не ездить съ Москви до указу. У вечеру просидѣлисмо зъ Вал. и Александромъ, въ карти играючи.

Субота. 4. Сегодня былемъ въ коллегіи иностранной, а у панеи обѣдалемъ. По обѣдѣ, заездилемъ до Миклашевского и пріехалемъ въ свою квартеру вскорѣ жъ.

Неделя. 5. Сегодня старшина новоопредѣленная приведена къ присягѣ въ церквѣ собору Архангелского, въ Кремлѣ, въ присутствіи протопопи оного собору съ братіею. Слухалисмо вечернѣ у Богоявленскомъ монастиру, где служилъ тверскій архиерей Лопатинскій, а по вечернѣ обѣдалисмо чи вечералисмо у панеи.

Крещеніе. Понеделокъ. 6. Сегодня рано былисмо у графа, где и служби Божой слухалисмо, а по службѣ присмотрувались входу на Іордань государеву, при полку Преображенскомъ, и въ панеи обѣдали, а у себе въ карти играли зъ Валкевичомъ и своими.

Вовтор. 7. Сегодня пріехалъ Романъ зъ Глухова и привезлъ нѣкоторіе запаси. Попи Горбунъ и Родѣнскій отехали въ доми свои,

черезъ которихъ писалемъ до жени о присилцѣ писемъ потребнихъ, а именно писма, данного отъ горошинцевъ на футоръ Криворудскій, писма Михайла Кирилова о зборахъ, такъ же и о раздѣлцѣ зъ Лярскимъ, а до п. Михайла—о томъ же Лярскомъ и о старшинѣ новоустроенной и до родителки зъ поздравленіемъ. Обѣдалисмо зъ родителемъ у панеи, где случился и Тернавскій, а по обѣдѣ посидѣвши долго зъ сестрою, пріехалемъ въ свою квартеру.

Середа 8. Рано ездилемъ до Дмитрія Еропкина, где у него, тако жъ и у братовъ его Александра и Андрея, позабавившись, заехалемъ до п. Петра Апостола, и у него тамъ обѣдалемъ.

Четвер. 9. Сегодня рано заездилемъ до Наумова и колегіи иностранной, а оттуду заехалемъ до панеи и тамъ обѣдалемъ, по обѣдѣ у вечеру заездилемъ до Курбатова и Еропкина и посидѣвши у нихъ мало, пріехалемъ въ свою квартеру. Въ колегіи бывши, тамъ далемъ писмо мое до п. Михайла писанное куріеру нашему, до пана гетмана отправленному, а при томъ писмѣ писалемъ до жени о присилцѣ сюда писемъ потребнихъ, а именно горошинского писма на футоръ и Михайлового о зборахъ.

Пятокъ. 10. Сегоддя продани пара коней буланихъ за 19 р. да Сушко, снѣдокарий (sic) конь, за 16 р. Ездилемъ зъ Дмитрашкомъ въ слободу нѣмецкую до продажной бибдіотеки и оттуду повернувшись, заехалемъ до Миклашевского и посидѣвши, повернулемся назадъ.

Субота. 11. Сегодня обѣдалисмо у себе и у насъ Валкевичъ.

Неделя. 12. Сегодня рано родитель ездилъ до Наумова просить его о ходатайство, чтобъ ему не бить въ подскарбѣхъ енер., понеже въ тую должность его промуютъ господа минѣстри. А потомъ у панеи обѣдалисмо. У вечеру у себе игралисмо во карти, зъ проиграшомъ моимъ 8 гривенъ, а игралъ братъ, Валкевичъ и Александеръ.

Понеделокъ 13. Сегодня рано ездилемъ до доктора Бидлова просить его о сестрѣ, которую посѣтить обѣщалъ, а оттуду билъ въ колегіи, куда требовано родителя отъ ассесора Семена Івановича, знать, о преждепомянутомъ чину обявить ему. Обѣдалисмо у па-

неи. У вечеру ездилемъ до Семена Івановича и Курбатова, где и род. засталъ, и оттуду повернулись въ свою квартеру. Докторъ Бидловъ билъ сегодня у сестри и рецептъ написалъ, о которомъ ниже.

Вовтор. 14. Сегодня рано былисмо зъ род. у графа, которій самъ род. сказивалъ о томъ же, чтобъ ему бить подскарбѣмъ, отъ чего онъ отпрашивался, и отложено тое на долшое время. Билъ я въ колегіи, куда пріехали и наши п. п. старшина за жалованнемъ, при отпуску ихъ мѣючомъ имъ датись. Обѣдалисмо у панеи зъ Жураховскимъ и Тернавскимъ, а по обѣдѣ ходилемъ въ лавки зъ Александромъ и купилемъ шапку себѣ баранковую, зъ 4-ма рогами, за 3 р. Докторъ Бидловъ на дефектъ сестри Уляни Івановни таковий, что она имѣетъ боль въ правомъ боку зъ обструкцѣи печонки и селезенки и твердость и что задержалось мѣсячное теченіе Rr. Нерb. Gorismarin. ʒii herb. veronic n. rad chin. M. incisa dent. по всякое утро, вмѣсто чая, пить обикновенно. Rr. Extr. cathal ʒi, pill. Russi ʒβ Resin. jalapp. 8 dulce. M. f. pilul № 30, дважди въ тижнѣ по 7, после вечери.

Середа. 15. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а я ездилемъ до п. Петра Апостола, въ которого видѣлемся зъ новопріехавшими отъ пана гетмана сюда посланцами: Стефаномъ Миклашевскимъ, Григоріемъ Гамалѣею, Григор. Стороженкомъ, сотникомъ іченскимъ, и Федоромъ Омеляновичомъ, атаманомъ глуховскимъ. По обѣдѣ у вечеру ездилемъ до панеи и Курбатова.

Четвер. 16. Сегодня былисмо у панеи и обѣдали, а по обѣдѣ заездилемъ до Григор. Гамалѣи и Стефана Миклашевского, отъ которихъ получилемъ писмо, одно, отъ п. Михайла, брата, зъ Глух. генвар. 3-го писанное, о Лярскомъ и понинѣ живучомъ въ Глуховѣ, о его лѣлѣ, чтобъ старатся зде зъ прошеніемъ, и отъ жени, зъ Жукутокъ, отъ декавр. 10-го писанное.

Пятокъ. 17. Окончилемъ прошлолѣтній протоколъ (т. е. дневникъ) нравоученіями. Продани молодіе мои конѣ 4 гнѣдіе Потомкѣну за 68 р. П. Яковъ Лизогубъ, обозній енер., позичилъ у насъ коня гнѣдого ездить. Вѣжевскому для отмѣнки далемъ 18 р. мѣдних на цѣлковіе, Кондзеровскому бандурку позичилемъ черезъ

Кузмича [1]). Жалованне старшинѣ енералной и полковникомъ виданно зъ иностранной колегіи, а именно: обозному генералному на 250 р., а старшинѣ енер. и полковникамъ по 200 р., бунчуковимп товарищамъ по 60 р. и по 2 пари соболей, сотникамъ по 40 р. и по парѣ соболей.

Субота. 18. Сегодня былемъ въ колегіи, а у панѣи обѣдалемъ. По обѣдѣ заездилемъ до Миклашевскимъ. 4 партіи трубачей зъ литаврщиками ездили по всей Москвѣ, публѣкуючи погребеніе великой княжни у пріидучій понеделникъ отправоватись имѣючее.

Неделя. 19. Сегодня по службѣ Божой, которой въ Богоявленскомъ монастиру слухалисмо, обѣдалисмо у панеи зъ новопріехавшими Григоріемъ Стороженкомъ и Омеляновичемъ, атаманомъ. По обѣдѣ, не заежджая никуди, пріехалемъ въ свою квартеру и тутъ позабавилемся въ карти зъ пріехавшимъ Валкевичомъ и своими домашними.

Понеделокъ. 20. Сегодня церемонѣя погребенія сестри імператорской, великой государинѣ Наталіи Алексѣевни отправлялася. Началась около десятого часа, а окончилась зъ полдня, о которой будетъ впредъ написанно, завтрийшего дня. Обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ заездилемъ до Миклашевскихъ, оттуду до обозного енер. п. Якова Лизогуба, который тако жъ зъ Борзною, Тернавскцмъ и Валкевичомъ посѣщалъ насъ и простившись за нами отехалъ.

Вовтор. 21. Сегодня рано зъ Афанасіемъ, коляснимъ майстеромъ, уговоръ здѣланъ за коляску старую, чтобъ оную поновить и станки оба придѣлать и сукно перевернуть и наміотку здѣлать за 25 р., а придать вина 10 вѣдеръ, вмѣсто дара, и тогда жъ заразъ дать ему задатку полтора руб. Обозній енер. Яковъ Лизогубъ, Лисенко, Берзна, Турковскій, Ращаковскій простились съ нами и поехали всѣ въ доми своя зъ квартири чили дому канцеляристи иностранной колегіи Михаила Новоторжцова, где новорожденной дочерѣ его обозний зъ п. Петровою были воспріемниками на крестинахъ, да за ними жъ поехали Андрей Миклашевскій и Іванъ Га-

[1]) Слѣдуетъ выписка изъ Іоанна Златоуста.

малѣя въ Малую жъ Россію. Получилемъ писмо зъ дому, одно отъ п. Михайла о моемъ для росправи зъ Лярскимъ пріяздѣ въ Глуховъ, да отъ жени, зъ Чернѣгова писанное, другое, о ея поведеніи, и отписалемъ черезъ п. Гамалѣю до п. Михайла на тотъ листъ зъ прошеніемъ о Лярскомъ и зъ увѣдомленіемъ о его дѣлѣ и моемъ за онимъ старателствомъ, а при листѣ и табаку аглинского картузъ послалемъ, а до жени о Лярскомъ же, чтобъ она ехала въ Глуховъ и зъ совѣтомъ п. Михайла съ нимъ раздѣлалась. Вчорайшая церемонѣя отправлялась порядкомъ таковимъ: началась около 10-го часа тутъ въ городѣ; ехали сперва три маршалки въ рядъ, за оними ишли гранадѣри отъ гвардіи съ перами, въ 9 рядовъ, около сто человѣкъ, за ними ишли служители придворніе разніе преставлшойся государинѣ, парами, а закончили знову 2 маршала, потимъ діякони своею компанѣею ишли, которихъ было на нѣсколко сотъ, предъ которими пѣвчіе разніе и государеви ишли спѣваючи; за ними ишли попи, тожъ множайшимъ числомъ, которихъ било близъ 400, по нихъ архимандрити, архиереи 7 человѣкъ, ла которими несли три зъ знатнихъ персонъ кавалерію святія Екатерини, а нотомъ тожъ трое персонъ несли на подушкѣ золотой корону імператорскую, а потомъ проважено тѣло на золотомъ шитомъ съ многими кутасами балдахинѣ, подъ которимъ ишли 8 лошадей въ чорніе аксамитніе капи обшитихъ зъ приложенними на чолахъ и сторонахъ побочнихъ конскихъ—гербами фамилѣи імператорской, а близъ всякого коня по человѣку зъ знатнихъ ишло; такъ же и около балдахина, придержуючи зъ кутасами шнуровъ; балдахинъ укритъ билъ внизу бѣлимъ срѣбнимъ моремъ, а наверхъ покривала стояла труна сребраная зъ тѣломъ и когда балдехинъ норовнялся зъ монастиремъ Богоявленскимъ, то зъ оного монастира вийшелъ самъ імператорское величество къ балдахину и за онимъ пошолъ, съ должайшимъ фліоромъ; подъ руки его величество вели господинъ баронъ Остерманнъ и князь Алексѣй Григоріевичъ Долгорукій; за государемъ ишла госувариня цесаревна, подъ руки вели Іванъ Гавриловичъ Головкинъ, да князь Черкасскій; потомъ ишли дами такъ же въ трауръ убранніе и позавѣшуванніе чорними фло-

рами зъ должайшими хвостами, одна пара, заключили 3 маршалки и рота гранадѣровъ Семеновского полку. Полки отъ слободи до Кремля, а въ Кремлѣ до монастира Вознесенского дѣвичого стояли и когда туди принесенно тѣло, то дали всѣ огонь бѣгучій трижди; во время же ходу съ пушекъ били помѣнутно и окончилась церемонѣя первого часа зъ полудия.

Середа. 22. Ездилемъ рано въ слободу, где билемъ у доктора Бидлова въ нуждѣ сестри Уляни Івановни. Купилемъ чаю средней руки за 2 р. фунтъ московскій и онимъ великой и малой жестянокъ досипалемъ. Родитель захоровалъ на кшталтъ фебри горячой, а я ездилемъ до Курбатова и посидѣвши у его вечеромъ, отехалемъ въ свою квартеру. Купилемъ 4 лимонѣй свѣжихъ по 2 а. Продани мои конѣ буланіе пара за полъ 10 р.

Четвер. 23. Сегодня рано заездилемъ къ Наумову и въ колегію, а оттуду къ панюй, откуду ездилемъ до Новоторжцева на обѣдъ, и тамъ зъ членами и служителми колегіи іностранной позабавился и подпіяхомъ. Купилемъ 2 табакерки чорнихъ за 20 а. У Наумова отъ Андрея Кропотова зачулемъ о преставленіи генерала лейтнанта и кавалера св. Александра, Гаврила Семеновича Кропотова.

Пятокъ. 24. Сегодня не ездилемъ никуди, а посилалъ Камѣнского въ слободу нѣмецкую, который тамъ купилъ полъ-фунта чаю фу (?) за полтора руб.

Субота. 25. Сегодня слухалемъ служби Божой у Богоявленскомъ монастирѣ, а обѣдалемъ у панеи; по обѣдѣ заездилемъ до п. Петра Апостола и тамъ игравши въ карти, виграалемъ болше полтора руб. а повернувшись въ свою квартеру, игралемъ тожъ въ карти зъ проиграшомъ около 40 а.

Неделя. 26. Сегодня обѣдалемъ у панеи же, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова.

Понеделокъ. 27. Сегодня по службѣ Божой, которой слухалемъ въ Богоявленскомъ монастирѣ, былемъ въ колегіи, а у панѣи обѣдалемъ; оттуду пріехавши у вечеру въ свою квартеру, игралемъ въ карти зъ домашними, такъ-же Валкевичомъ и Яковомъ Мировичемъ.

Вовторокъ. 28. Сегодня рано купилемъ соб. 18 паръ за 140 р. по 8 р, пара. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра, оттуду до Григор. Гамалѣи и съ нимъ до Еропкина, Дмитрія Федоровича, и тамъ зъ генераломъ атютантомъ Федоромъ Івановичемъ Вендикомъ играли въ карти зъ проиграшомъ 3 р. моихъ.

Середа. 29. Сегодня отправилемъ писма мои въ Глуховъ, черезъ куріера гетманского, а именно: писмо до п. Михайла и до жени о Лярскомъ, а особливе до панеи гетмановой въ томъ же интересѣ; да черезъ повара панеи, зъ другими отпускаючогося въ Глуховъ, писалемъ до жени и риби послалемъ осетра, лосося и полъ пуда свѣжой икри. У вечеру ездилемъ до архиерея Новгородского и тамъ забавилемъ до полночи, зъ нимъ сидячи.

Четвер. 30. Сегодня купилемъ чаю доброго фунтъ ġаланскій за 6 р. Обѣдалемъ у панеи, а панѣ зъ род. у Наумова. По обѣдѣ былемъ у Курбатова, а оттоль у Спасскомъ монастирѣ, где видѣлемъ діялогъ, отправлявшійся сочиненнымъ профессоромъ реторики Нероновичемъ. За вишневку взялъ Вѣжевскій 6 р. 20 а.

Пятокъ. 31. Сегодня рано былемъ у колегіи, а оттоль у панеи, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ у вечеру поехалъ въ домъ Скридловскаго, черезъ которого писалемъ до родителки, жени и брата п. Михайла, поздравителніе писма.

Мѣсяць февруар. Субота. 1. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по оаѣдѣ милемся у панеи въ лазнѣ и кровъ пускалемъ.

Неделя. 2. Сегодня рано былисмо у графа, а обѣдали у панеи зъ Валкевичомъ. По обѣдѣ пріехавши до насъ, игралисмо въ карти зъ виграшомъ моимъ.

Понеделокъ. 3. Сегодня рано ездилемъ до доктора Быдлова, которій на мой дефектъ не licet incontinentiam sapissimam urina, далъ разептъ первей, очистителній отъ нѣкоторой мокроти въ тамошнихъ скважинкахъ залипшой, а именно конфектъ и прошокъ. За какіе два сіи рецепта заплатилъ въ аптецѣ Гутберта 8 гривенъ, а конфектъ есть пурġуючій. У панеи обѣдалисмо зъ род. и п. Петромъ гетманичомъ и панею его, Тернавскимъ и Корецкимъ, зъ которими по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина.

Вовтор. 4. Сегодня обѣдалисмо въ своей квартерѣ, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Александромъ до п. Петра, оттоль заездилемъ до Степанова, и тако въ свою пріехалеиъ квартеру. Вѣжевскому далемъ на росходъ 4 р. и записалемъ.

Середа. 5. Архиерей Новогородскій прислалъ ке мнѣ книжокъ 5: четыре Буддея, а пятую Петра Даніила Нусцѣя, епископа Абринценского, подъ титуломъ Demonstratio theologica. Обѣдалисмо у панеи, а я у колегію заездилемъ. Вилинскій и Петръ Мировичъ, секретаръ государинѣ цесаревни, поехали въ Малую Россію. Посѣщали мене здешніе посацкіе купчини Авраамъ Дмитріевъ и Дементій Прохоровъ, которіи въ разговорѣ своемъ сказивали про состояніе Китайского государства, что будетъ тому около 200 лѣтъ, татаре азіятскіе, прозиваеміе тунгуси, завладѣли царствомъ китайскимъ, пробравшись черезъ стѣну каменную и теперъ онихъ катайцовъ въ тѣснотѣ и великомъ имѣютъ презрѣніи, тако, что онимъ оружія имѣть, на лошадяхъ ездить, кромѣ ишаковъ, не волно, а оній тунгуцкій народъ, инако називаючійся мансури, суть физіогномѣею подобніе колмикамъ и гораздъ рознятся отъ китайцевъ, которіе имѣютъ иншое тѣла расположеніе, кгрекамъ или грузинамъ подобное. Монета у нихъ малая мѣдная есть, 10 у копѣйку, а болшой нѣтъ, кромѣ штучокъ сребранихъ, у рубль и болше, и золотихъ.

Четвер. 6. Сегодня рано заездилемъ до кофейного дому, где купилемъ два календарѣ за полтину. Обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ пріехалемъ въ свою квартеру. У Курбатова мнѣ прилучившемуся, тамъ же пригодившійся Глазуновъ, бывшій секретаръ при Савѣ Рагозѣнскомъ, у комиссѣи китайской, розговаривалъ о состояніи тамошнемъ, что пряміи китайци въ великомъ обрѣтаются утѣсненіи у манзуровъ, которіе онимъ государствомъ не въ давномъ времени завладѣли, и когда у китайца 3 сина родится, то одного зъ нимъ каструютъ, не толко ядра но и самій членъ отрѣзуютъ, такъ, что маленкая толко останется скважника, которою приложивши рожокъ роговий, или что другое на примѣръ того здѣланное, воду зъ себе випускаютъ. Да въ Пекинѣ, царственномъ городѣ китайскомъ, нѣкоторое есть строеніе каменное, на прикладъ монастирей

нашихъ здѣланное, надъ воротами которого строенія написанни болшіе лѣтери золотіе.—Домъ Божій, и когда хто либо зъ тамошнихъ, не толко мѣлкихъ, но и знатнихъ персонъ, мимоездомъ зровняется зъ оними воротами, то ради чести онихъ словъ встаютъ съ коня албо телѣги, и нѣшо перейшовши, знову всѣдаютъ и въ путъ свой такъ едутъ. Да онъ же сказивалъ, что не въ давномъ времени за житія умершого хана, которого синъ теперъ царствуетъ, учинилася была ссора езуитовъ зъ нѣякимсь доминѣканомъ, тамъ же въ Пекинѣ резидуючими, понеже доминиканъ оній описалъ езуитовъ въ Римъ до папи, будто оніе езуити въ суевѣріи идолопоклонническомъ манятъ тамошнимъ китайцамъ, тимъ которіе и вѣру Христову приняли, по которому доношенію папа до хана въ Пекѣнъ присилалъ своего пунцѣуса и когда ханъ увѣдалъ то оскарженне езуитобъ, ставшееся отъ доминѣкана передъ папою, велѣлъ оного домонѣкана бить передъ собою и голову всадивши въ дошку, велѣлъ его въ турму вкинуть, где оного и уморено, а езуити виправились, что они снисходя жестокосердію оного народа, невозбраняли нѣкоторихъ чинить церемонѣй вѣрнимъ, особливо въ воспоминаніи свойственнихъ умершихъ ихъ, надъ которихъ могилами обикли садится свойственники живие и тамъ кушать и пить, протчіе же имѣютъ дощечки нѣкоторіе, на которихъ имена умершихъ порядкомъ внизъ написанни суть, при которихъ словахъ мнятъ умершимъ душамъ обрѣтагися. Да и то говорилъ, что удивителная робкость и страхъ въ китайцовъ прямихъ имѣется по завладѣніи манзуровъ, ибо хочай толь безчисленное множество онихъ китайцовъ противъ числа манзуровъ есть, на одного Манзура по 1000 развѣ китайцовъ стигло стати, однако жъ китайци въ превеликой отъ нихъ содержатся боязни и саміе тяжкіе подати безъ всякого прекословія манзурамъ видаютъ.

Пятокъ. 7. Сегодня рано ездилемъ до п. Петра просить о дѣлѣ моемъ и обѣщалъ завтра Швайковского призвать къ себѣ [1]).

Субота. 8. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, и оттуду въ свою пріехалемъ квартеру.

---

[1]) Слѣдуетъ выписка изъ „философіи".

Неделя. 9. Сегодня обѣдалисмо у панеи, по обѣдѣ игралемъ въ карти зъ Александромъ и другими, зъ виграшомъ моимъ; у вечеру пріехалемъ въ свою квартеру зъ Яковомъ Мировичемъ и тутъ заставши Валкевича, всѣ вечералисмо. Новоторжцовъ Михайло Івановъ, канцеляристъ иностранной колегіи, за секретара посланъ въ Глуховъ, до князя Шаховского.

Понедел. 10. Сегодня рано билемъ у Степанова и графа Головкина, отъ которихъ слихалъ тое, что о сестрѣ Улянѣ Івановнѣ указъ закрѣпили въ тайномъ верховномъ совѣтѣ, чтобъ ей свободно ехать въ Малую Россію. Обѣдалемъ у панеи; по обѣдѣ, у вечеру ездилемъ до архиерея новогородского, у которого долго просидѣвши, пріехалемъ въ свояси.

Вовтор. 11. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ позабавилемся у карти и заездилемъ до Курбатова и оттуду въ свою квартеру.

Середа. 12. Сегодня ездилемъ до Наумова и до п. Петра, обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ заездилемъ до нашихъ посланниковъ и тамъ игралъ въ карти зъ виграшомъ 2 р. зъ баришемъ, тамъ и вечералемъ зъ доволнимъ разговоромъ продажѣ Якова Мировича, а куплѣ Стефана Миклашевского, 3 штановъ за 10 алтинъ.

Четвер. 13. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а у вечеру были у мене наши посланники, Валкевичъ и Іванъ Гамалѣя, и долго просидѣли въ карти играючи, тутъ же билъ и Тарновскій, а я зъ виграшомъ остался.

Пятокъ. 14. Сегодня родитель былъ у графа, у которого о своемъ и панеи опредѣленіи увѣдомился. Обѣдалисмо у панеи мало, а окончили обѣдъ у Николая Івановича Бутурлина, откуду я заездилъ до Курбатова прощатся, оттуду у панеи билъ и посланниковъ нашихъ, где лики со тимпани били и я заледво увойшолъ.

Субота. 15. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ тамъ же забавилемся для пріехавшихъ гостей Бутурлина Николая зъ женою, и пріехалемъ въ свою квартеру оттуду. У вечеру позно пріехалъ Казѣмиръ зъ подводами, и въ нихъ запасомъ.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо у панеи, были рано у князь Дмитрія Мих. Голѣцина и у вечеру у панеи были жъ, вечерали и заговѣли, где билъ Тарнавскій и Омеляновичъ, а по ихъ отходѣ Валкевичъ, зъ которимъ играли въ карти зъ проиграшомъ моей полтини. Увѣдомилисмося отъ Казѣмира и вчора поданнихъ писемъ, что родителка била барзо болна и что сотникъ лукомскій людей моихъ хуторнихъ посажалъ за приказъ и жени моей въ Глуховѣ по сейчасъ немашъ.

Постъ вел. Понеделокъ. 17. (*Слѣдуетъ выписка изъ Буддея*).

Вовтор. 18. Сегодня зачалъ я читать книгу епископа Абриценского Петра Даніила Гуецѣя подъ титуломъ тимъ: Demonstratio evangelica.

Середа. 19. Сегодня рано ездилъ въ телѣжній рядъ и купилъ аглинскую коляску за 22 р. и 2 ведра вина простого. Вѣжевскому далемъ 6 р. въ росходъ и записалемъ

Четвер. 20. Сегодня ездилемъ зъ род. въ телѣжній радъ и некупивши, повернулись назадъ. Вѣжевскому далемъ 11 р., зъ которихъ тюкъ китаю середней руки купили за 8 р., штучка по 8 аршинъ; да Вѣжевскому жъ на кафанъ далемъ 2 р. и Роману 3 р.

Пятокъ. 21. Сегодня службы Божой у Воскресенія слухалисмо. Подводи у жителей сѣвскихъ наняти до Глухова за 5 р. Вѣжевскому обранне свое далемъ.

Субота. 22. Сегодня пріобщалисмося Тайнамъ Святимъ и обѣдали у себе зъ братомъ, а родитель у панеи. Карету род. купилъ на зимномъ стану за 38 р. (*Слѣдуетъ выписка изъ Даніила Гуеція*).

Неделя. 23. Сегодня рано билисмо у графа, а оттоль я ездилъ до Богоявленского и по службѣ обѣдалъ у панѣи. Отецъ Ісаия Заславскій, бившій Іоанъ капелянъ панеи, пріехалъ въ Москву, акоби до панеи зъ едной горливости своей.

Понеделокъ, 24. Сегодня обѣдалисмо у панеи, где Ісаия въ разговорѣ обявилъ мнѣ свой інтерессъ: сирѣчь изверженіе себе отъ ігуменства Каташинского архиереемъ чернѣговскимъ и удержаніе его имѣнія Гавриломъ, черецомъ, ради чего пріѣхалъ сюда въ Москву.

Воспоминаніе прошлогодной его величества коронацѣи праздновано и іллюминацѣя била на Царициномъ лугу израдная въ присутствіи его величества, а я оную смотрѣлъ у Курбатова.

Середа. 26. Романъ и машталѣръ мой Лисий, также Желязо и другіе поехали въ Малую Россію, а черезъ Романа послалемъ писма до родителки—зъ сожалѣніемъ о приключившойся ей болѣзни, до п. Михайла—зъ прилогомъ календара пѣтербурского, до Количова—комлементъ, до господара моего—о пространнѣйшемъ его ко мнѣ писанню, а до панеи—о моемъ скоромъ отездѣ и всѣхъ насъ ку домови, да къ ней же послалемъ лѣкарство, за 7 гривенъ въ аптецѣ купленное, на ея болѣзнь, и коляску аглинскую, а о протчемъ приложенъ зде реестръ. После нихъ поехалъ Степанъ молодикъ зъ викупленнимъ канцеляристою Чуѕутовимъ, женою и дочерью его, въ Роменъ. Антонъ Антоновичъ (Гамалѣя), зъ числа давнихъ арестантовъ, умеръ зде въ Москвѣ.

Четвер. 27. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, а оттуду у панеи обѣдалемъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до (архіепископа?) Новогор., где долго просидѣлемъ.

Пятокъ. 28. Сегодня присилалъ ко мнѣ Небушъ, маіоръ гвардіи, за коляскою своею, якую я заарестовалъ за полтора руб., взятихъ Афонкою плотникомъ.

Мартъ. Субота. 1. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ заездилемъ до Івана Гамалѣи и оттуду пріехалемъ зъ ними до кунштовъ, чили куколъ нѣякихсь, майстера, которіе онъ зъ танцами намъ представлялъ. Былемъ сегодня у Степанова зъ прошеніемъ о видачѣ указовъ зъ тайного верховного совѣту о дѣлехъ панеи. Слушало дѣло род. у графа зъ полчанами (лубенскими) бившее.

Недѣля. 2. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ зъ Александромъ ездилемъ до Івана Гамалѣи и посланниковъ.

Понеделокъ. 3. Сегодня былемъ у Степанова и въ колегіи, а у вечеру посѣщали мене посланники, Іванъ Гамалѣя, Валкевичъ, зъ которими до 11-го часа програлисмо въ карти. Видалемъ ящикъ Небушу, а полтора руб. пропало.

Вовтор. 4. Сегодня праздновалисмо у панеи тезоименитство сестри Уляни Івановни и подпіяхомъ. Купилемъ столикъ каменний за 1 р.

Середа. 5. Сегодня въ своей квартерѣ кушалисмо, а у вечеру ездилемъ до Курбатова и посидѣвши, повернулемся назадъ въ свою квартеру. Сегодня род. обсилка била, куѳа гор., масла дѣжка, кури. гуси... (?) Вѣжевскій далъ людямъ моимъ по 2 р., Алексѣю, Петру и Юску.

Четвер. 6. Сегодня рано былемъ у колегіи, у панеи и дома обѣдалисмо, а по обѣдѣ заездилемъ до Степанова зъ благодареніемъ и пріехавши до Івана Гамалѣи, игралемъ въ карти.

Пятокъ. 7. Купилемъ сіомгу копченую за 4 гривни.

Субота. 8. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до п. Петра, где фабулу слушалъ о Турандоктѣ и Каляфу. Василій Жуковскій, сотниченко глинскій, отъ своихъ подданнихъ волошиновскихъ забитъ, пробитъ, проколотъ и носъ ему отрѣзанъ.

Неделя. 9. Сегодня праздновалисмо два рожденія: сестри Уляни и дочери ея, и самой панеи—завтрешнее тезоименитство; оттуду заездилемъ до Еропкина и пріехалемъ въ свою квартеру.

Понеделокъ. 10. Сегодня ездилемъ въ колегію рано, а оттуду пріехавши, обѣдалисмо въ своей квартерѣ, а у вечеру билемъ у Степанова и Курбатова.

Вовтор. 11. Укази зъ тайного верховного совѣта о сестрѣ и панюй прислани въ іностанную колегію. Семенъ, слуга братовъ, пріехалъ зъ Ромна зъ извѣстіемъ о болѣзни головной матки нашой.

Середа. 12. Сегодня Вѣжевскому далемъ 6 р. и записалемъ. Былемъ въ колегіи іностр.

Четвер. 13. Сегодня былемъ же въ колегіи и видѣлемъ указы о панеи и сестрѣ, состоявшіеся въ тайномъ верховномъ совѣтѣ. О панеи таковъ: по титлѣ, сего февр. 10-го дня, пожаловали мы гетманшу Скоропадскую за вѣрную службу мужа ея гетмана Скоропадского, указали—по доношенію и мнѣнію іностранной колегіи, дать ей для пропитанія по смерть ей во владѣніе изъ отписнихъ, вновь пожалованнихъ мужу ея, бывшему гетману Скоропадскому

деревень кромѣ тѣхъ, которіе надлежатъ на булаву, отъ трехъ до четирехсотъ дворовъ, а по смерти еи тѣ деревнѣ взять возвратно на насъ, и о томъ въ посланной грамотѣ къ гетману написать іменно, и повелѣваемъ нашей колегіи іностраннихъ дѣлъ учинить о томъ по сему нашему указу. 1729 году, февр. 28-го, въ тайномъ верховномъ нашемъ совѣтѣ. О сестрѣ Улянѣ Івановнѣ по титлѣ: Сего февр. 5-го дня, указали мы по челобиттю бывшей гетманши Скоропадской, дочь ея Уліяну, которая была за бывшимъ нежинскимъ полковникомъ Петромъ Толстимъ и нинѣ по указу живетъ въ деревнѣ, изъ деревнѣ отпустить къ помянутой матери еи и нашей колегіи іностраннихъ дѣлъ о томъ вѣдать, а въ сенатъ о томъ же нашъ указъ посланъ февр. 20-го дня 1729 г.“.

Пятокъ. 14. Сегодня рано ездилемъ до доктора Бидлова и давши ему 15 ефимковъ, обявилъ ему о болѣзни матки и просилъ рецепта.

Субота. 15. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ билъ у Курбатова. Посланники наши отправились уже въ дѣлехъ своихъ, да не ехали, бо не били у графа. Далъ рецептъ докторъ Бидловъ на епилепсѣю болѣзнь матери, въ которомъ 14 лѣкарствъ, и за оніе дано 14 р. безъ 5 а. Сихъ лѣкарствъ таковимъ порядкомъ употреблять: по 1-му, спѣритусомъ теплимъ виски мазать и платкомъ обмоченимъ въ оний обязовать, да спину вподовжъ терти крѣпко, по утру и у вечеру, и шію. По 2-му, прошки проносніе принимать по одному черезъ тиждень въ чаю, и тогда другихъ лѣкарствъ не принимать жаднихъ. По 3-му, прошокъ, всякій папѣркъ оного на всякій день въ полдня часъ спустя по обѣдѣ и у вечеру, якъ спать ложится, въ чаю албо пивѣ, смѣшавъ, принимать. По 4-му, тинктури еježеденно рано по 100 капель, съ виномъ венґерскимъ, принимать. По 5-му, зъ травъ шапку здѣлать и тую денно и нощно носить. Отъ корѣння, водокъ крепкихъ, ренского вина и сировизнъ берегтись. NB. Прежде употребленія лѣкарства, зъ ноги пустить кровъ до полфунта и 4 неделѣ спустивши, въ другій разъ, такою жъ мѣрою пустить изъ другой ноги, съ такого жъ мѣста, жилную. Зъ тимъ лѣкарствомъ посланъ Семенъ слуга брата

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLV, 1894 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Дозволено Цензурою Кіевъ 3 Іюля 1894 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVI, 1894 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Экскурсія въ область искусства.

Чрезъ рядъ вѣковъ художникъ подаетъ
Путеводительную руку:
Искусство образецъ высокій въ немъ найдетъ,
Потомство обрѣтетъ науку.

Гете.

Сближеніе съ Грудзинскимъ и чехомъ Навотнимъ значительно подвинуло впередъ мое эстетическое образованіе. Предаваясь подъ ихъ вліяніемъ изученію искусствъ, я пополнилъ весьма важный пробѣлъ въ пріобрѣтенныхъ мною въ университетѣ познаніяхъ. Спеціалисты въ музыкѣ и страстные любители всего изящнаго, оба мои пріятеля обладали солидными свѣдѣніями по теоріи и исторіи искусствъ. Счастливецъ Грудзинскій, имѣя полную возможность читать въ подлинникѣ творенія великихъ поэтовъ Германіи, Франціи и Италіи, проштудировалъ и лучшія сочиненія объ искусствѣ нѣмецкихъ эстетиковъ. Навотній много путешествовалъ по Европѣ и познакомился съ художественными памятниками, какъ древняго, такъ и новаго міра, изучая ихъ не по книгамъ, а въ галлереяхъ и храмахъ, и такимъ способомъ пріобрѣлъ основательныя познанія въ архитектурѣ, живописи и скульптурѣ. Не смотря на свои 50 лѣтъ, онъ не утратилъ способности восхищаться прекраснымъ и передавать свои впечатлѣнія съ истинно-юношескимъ жаромъ, выражая свои восторги частію по-нѣмецки, частію по-

[1] См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 6.

польски, съ примѣсью родного своего языка. Мы часто сходились по вечерамъ, и наши дружескія бесѣды иногда дотягивались за полночь. Къ нашему кружку присоединился было еще одинъ любитель прекраснаго, даровитый проповѣдникъ ксендзъ Остаповичъ, но такъ какъ произведеніямъ искусства онъ предпочиталъ пластику живой красоты, то скоро и отсталъ отъ насъ.

Въ самый разгаръ нашихъ восторженныхъ бесѣдъ по мѣстечку пронесся слухъ, что, по приглашенію графа, возвращаясь изъ своей артистической поѣздки по Россіи, къ намъ заѣдетъ великій піанистъ Листъ. О концертахъ, данныхъ имъ въ обѣихъ русскихъ столицахъ, а также въ Одессѣ, Елисаветградѣ и Кіевѣ въ свое время было писано довольно, а о пребываніи виртуоза въ Немировѣ нигдѣ не было сказано, и потому я считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Первое достовѣрное извѣстіе объ этомъ неожиданномъ и радостномъ для насъ событіи сообщилъ пасторъ Брацмюллеръ:

— Mirabile dictu! воскликнулъ онъ при встрѣчѣ съ Грудзинскимъ: великій Листъ въ нашемъ маленькомъ мѣстечкѣ дастъ концертъ.

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было ожидать, чтобы нашъ протухлый чесночнымъ запахомъ Немировъ удостоился такой великой чести? Обитатели большихъ городовъ не въ состояніи понять того всеобщаго увлеченія, какимъ была объята интеллигенція нашего захолустья. Чтобы ощутить тотъ восторгъ, какимъ обуяла нашъ умъ невѣроятная новость о пріѣздѣ въ Немировъ перваго піаниста въ свѣтѣ—нужно испытать на опытѣ всю пошлость, всю пустоту нашего прозябанья въ мѣстечкѣ, гдѣ, кромѣ жидовскихъ гешефтовъ и карточной игры по вечерамъ, не жди ничего, заслуживающаго вниманія мыслящаго человѣка.

Еще задолго до прибытія Листа, оповѣщенные объ этомъ событіи паны стали съѣзжаться чуть ли не со всѣхъ трехъ юго-западныхъ губерній. Съѣздъ былъ такъ великъ, что въ Немировѣ нехватило помѣщеній; жили въ крестьянскихъ хатахъ въ предмѣстіи и въ жидовскихъ домахъ. Больше всѣхъ волновался

энтузіастъ ксендзъ пробощъ. Прочитавъ въ Петербугской газетѣ статью объ игрѣ Листа, гдѣ было между прочимъ сказано, что виртуозъ игралъ на двухъ рояляхъ, онъ пошелъ вездѣ трубить о такомъ неслыханномъ искусствѣ чародѣя. При входѣ въ концертный залъ, онъ дѣйствительно усмотрѣлъ два фортепіана, но обращенные клавитурой въ разныя стороны—и патеръ сильно сконфузился.

Въ ожиданіи прибытія артиста, мы перерыли всѣ газеты, ища вездѣ отзывовъ о концертахъ, данныхъ имъ въ разныхъ городахъ Россіи и заграницей.

„Счастливы мы, что живемъ въ 1842 году, писалъ за четыре года предъ тѣмъ нашъ русскій композиторъ Сѣровъ послѣ концерта Листа въ Петербургѣ: такого чуднаго явленія свѣтъ до нынѣ не видалъ еще, и много опять пройдетъ вѣковъ, пока явится что-нибудь подобное“.

„Мы слышали не фортепіано, мы слышали самую душу Листа, одну изъ глубочайшихъ душъ человѣческихъ, писалъ московскій профессоръ Кудрявцевъ: оттого можетъ быть и дѣйствіе его игры такъ раздражительно, такъ электрически дѣйствуетъ на нервы“.

По словамъ музыкальнаго критика Стасова, „мы никогда еще не встрѣчались съ такой геніальностію, съ такою страшной демонической натурой, то носившеюся ураганомъ, то разливавшеюся потоками нѣжной красоты и граціи“.

Послѣ такихъ восторженныхъ отзывовъ о геніальной игрѣ Листа, болѣе чѣмъ странно было встрѣтить въ печати критику на его послѣдній въ Кіевѣ концертъ въ томъ же 1847 году, предъ пріѣздомъ въ Немировъ, нѣкоего Н. Р—на: едва ли это не единственный зоилъ между музыкальными критиками въ Россіи и за границей.

Что касается моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ концерта Листа, то я бы, конечно, не былъ въ состояніи черезъ 40 слишкомъ лѣтъ воспроизвесть ихъ, если бы у меня случайно не уцѣлѣлъ отрывокъ изъ письма къ одному пріятелю:

„Листъ давно уѣхалъ, а въ душѣ моей до сихъ поръ не умолкаютъ волшебные звуки его вдохновенной игры. Воображенію

не перестаетъ являться образъ величественной фигуры маэстро, его выразительное лицо, то мрачное и грозное, какъ гремучіе аккорды „Erlkönig'а, то вдохновенно сіяющее и умильное, какъ мелодіи Бетховена и Шуберта, то таинственно-безумное, какъ бѣшенные мотивы „Донъ-Жуана" „Соннамбулы", то весело простодушное и веселое, какъ „Ave Maria" и „Серенада" Мнѣ все чудится, что это мимолетное явленіе въ моей жизни было какимъ-то волшебнымъ сномъ, унесшимъ меня въ иной, лучшій міръ. Никогда въ жизни не испытывалъ я такого высокаго наслажденія: словно слышалась несущаяся съ яснаго неба ангельская пѣснь, какая, быть можетъ, никогда не раздавалась съ такою полнотой и совершенствомъ въ нашей земной юдоли: я первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу видѣлъ генія—вѣнецъ человѣческаго бытія....

„ Да, геніальная музыка Листа проникла въ самые сокровенные изгибы сердца, потрясла все существо мое. Отчего изъ слышанныхъ мною въ разное время артистовъ ни одинъ не взволновалъ такъ сильно души, не сталъ надолго предметомъ немолчной бесѣды, между тѣмъ какъ объ игрѣ Листа—говорить и не наговориться со всякимъ, кто сочувствуетъ прекрасному? Анализируя свое душевное настроеніе, я не иначе объясняю его, какъ въ діалогѣ Платона Сократъ объясняетъ рапсоду Іону, не могшему понять, отчего онъ ни о комъ изъ поэтовъ не въ состояніи говорить такъ много, какъ о Гомерѣ? „Это потому, Іонъ, поучаетъ Сократъ, что ты говоришь о Гомерѣ по вдохновенію, отъ самого же Гомера истекающему; если бы ты говорилъ о немъ по наукѣ, то могъ бы и о другихъ говорить съ одинаковымъ искусствомъ: муза посылаетъ истиннымъ поэтамъ вдохновеніе, сообщаемое ими другимъ, и такъ составляется цѣпь людей вдохновенныхъ".

Такъ объясняетъ divinus Plato устами своего учителя тайну могучаго дѣйствія геніальнаго поэта на людей, которымъ безсмертные боги отказали въ творческой силѣ, но не лишили способности воспринимать впечатлѣнія чрезъ посредство своихъ избранниковъ, являющихся къ намъ вѣками изъ другого міра.

Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть.

Пушкинъ.

Къ послѣднему пріѣзду Листа въ Кіевъ относится характерный анекдотъ. Какой-то дюжинный нѣмецкій скрипачъ, от-

правляясь въ Кіевъ на контракты, завернулъ въ Немировъ и вздумалъ дать концертъ, но его пришли послушать всего три человѣка: Грудзинскій, Навотній и я, и то лишь потому—что получили отъ него даровые билеты. Не смутившись такой неудачей, никому неизвѣстный скрипачъ дерзнулъ дать концертъ въ Кіевѣ: нанята была контрактовая зала, напечатаны афиши, зажжены свѣчи, но увы! на концертъ явился одинъ Листъ, по приглашенію самого скрипача. Изъ состраданія къ нѣмцу, великій піанистъ пригласилъ его къ себѣ и заставилъ играть въ присутствіи своихъ гостей; затѣмъ, выбросивъ на подносъ сторублевую ассигнацію, любезный хозяинъ обошолъ вельможныхъ пановъ и собралъ отъ нихъ порядочную сумму въ пользу артиста. Вручая ему деньги, онъ посовѣтовалъ ему никогда больше не давать концертовъ.

Извѣстно, что Листъ, выручая за свои концерты громадныя суммы, въ тотъ же день проигрывалъ ихъ въ карты. Въ Кіевѣ отъ него не мало поживился студентъ Котюжинскій, а въ Немировѣ какой то сіятельный шулеръ. Деньгами онъ не дорожилъ нисколько. Въ этомъ отношеніи геніальный піанистъ составлялъ совершенный контрастъ другому геніальному виртуозу-скрипачу Паганини, который послѣ каждаго концерта собиралъ свѣчные огарки и морилъ себя голодомъ.

Какъ плодъ моихъ занятій теоріей и исторіей искусствъ, была написанная мною для произнесенія на торжественномъ актѣ рѣчь „О важности эстетическаго образованія въ общественномъ воспитаніи юношества“. Содержаніе этой рѣчи еще болѣе убѣдило Зимовского въ непогрѣшимости составленнаго имъ обо мнѣ мнѣнія, какъ о неисправимомъ идеалистѣ-романтикѣ. Когда я прочелъ ее въ совѣтѣ и передалъ рукопись предсѣдателю, то Е. Я—чъ поднесъ ее къ носу, понюхалъ и сказалъ:— „Небомъ пахнетъ“!

Такъ въ 1821 году извѣстный обскурантъ Руничъ, глумясь надъ лекціями профессоровъ Раупаха, Германа и Арсеньева, зажавши носъ, предложилъ членамъ конференціи понюхать ихъ

записки. Тѣмъ не менѣе рѣчь моя послана въ округъ и признана „вполнѣ достойною быть произнесенною на актѣ". Н. Т. Костырь, въ пику нашему обскуранту, написалъ цѣлую рецензію съ весьма лестнымъ отзывомъ о моемъ трудѣ. Хотя съ перемѣной литературныхъ взглядовъ, рѣчь моя не удовлетворитъ современнымъ воззрѣніямъ критики на назначеніе искусства, но мнѣ кажется, что высказанныя мною въ ней мысли о важности эстетическаго элемента въ дѣлѣ воспитанія не лишены значенія и для настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, какъ протестъ противъ господствующаго нынѣ направленія въ общественномъ воспитаніи юношества. Выражаясь стихомъ Лермонтова, „мы изсушили умъ наукою безплодной", оставляя въ пренебреженіи другія силы духа, также требующія соотвѣтственной имъ пищи. Упражняя классической гимнастикой одну память изученіемъ сухихъ формъ древнихъ языковъ, мы еще такъ недавно пренебрегали образованіемъ сердца и развитіемъ эстетическаго вкуса, не оставивъ въ программахъ достаточно мѣста для занятій изящными искусствами и словесностію: два часа въ недѣлю, опредѣлявшіеся уставомъ 1871 года на изученіе такого важнаго предмета, какъ Словесность, лишали преподавателя возможности основательно заняться съ учениками его изученіемъ, а потому они и выходили изъ гимназіи круглыми невѣждами въ русской литературѣ, не говоря уже о литературахъ иностранныхъ, и не получивъ твердыхъ основаній, извращали свой вкусъ чтеніемъ книгъ, случайно попавшихъ имъ въ руки.

Рѣчь моя не лишена нѣкотораго значенія еще въ одномъ отношеніи, именно: какъ продуктъ теоріи 40-хъ годовъ, истолкователемъ и поборникомъ которой былъ нѣкоторое время нашъ знаменитый критикъ Бѣлинскій, отвергавшій въ чисто художественныхъ произведеніяхъ чуждыя искусству цѣли—тенденціозность. Взглядъ Бѣлинскаго на значеніе искусства, долженствующаго служить само себѣ цѣлью (искусство для искусства), путемъ журналистики усвоенъ цѣлымъ поколѣніемъ людей 40-хъ годовъ. Проникнутый до мозга костей этими взглядами, я не могъ не написать такой рѣчи, которая бы „не пахла небомъ".

Въ 1846 году, какъ извѣстно, по мысли профессора Костомарова въ Кіевѣ возникло Кирилло-Меѳодіевское братство... Въ тоже самое время люди съ научнымъ направленіемъ, не будучи его членами и даже не подозрѣвая о его существованіи, но увлеченные общимъ пробужденіемъ славянскихъ народностей и движимые любовію къ своему родному, усердно стали заниматься изученіемъ исторіи и языковъ славянскаго корня, какъ наукою, и если нѣкоторые изъ нихъ сближались съ членами Кирилло-Меѳодіевскаго братства, то единственно по случайному знакомству съ ними, по однородности ученыхъ занятій, безъ всякаго отношенія къ политическимъ тенденціямъ, если таковыя существовали. Къ такого рода любителямъ родной старины въ оное время принадлежалъ и я.

Плодами моихъ занятій въ этомъ направленіи были немногія монографіи по исторіи Малороссіи, не попавшія однакожъ въ печать и уничтоженныя, страха ради Іудейска, да нѣсколько стихотвореній, навѣянныхъ чтеніемъ лѣтописей, думъ и пѣсенъ.

Весь $18^{46}/_{47}$ учебный годъ былъ мною посвященъ изученію искусствъ и поэзіи. Я забылъ всѣ дрязги обыденной жизни, полной низкихъ интригъ, сплетенъ, ненужной жестокости, произвола и самодурства: мнѣ стали менѣе чувствительны эти поминутные булавочные уколы, которыми съ ядовитымъ ехидствомъ не переставалъ уязвлять меня неутомимый антагонистъ мой.

Около этого времени на страницахъ „Современника“ появилось одно изъ раннихъ произведеній послѣдняго Могикана нашей беллетристики 40-хъ годовъ—„Обыкновенная исторія“.

Въ романѣ этомъ Гончаровъ задался цѣлію изобразить два контраста: человѣка положительнаго, руководящагося опытомъ, и юношу—идеалиста, едва вступившаго въ жизнь и принимающаго мечту за дѣйствительность. Одинъ дѣйствуетъ по разсчетамъ ума, другой по влеченію сердца: одинъ поступаетъ умно, по строго обдуманному плану, другой не хочетъ знать никакой логики и дѣлаетъ одни глупости.

Съ первыхъ же главъ романа Е. Я—чъ отъ души полюбилъ своего двойника, дядюшку Петра Ивановича, и сталъ каж-

дому встрѣчному прославлять практическій умъ его, умѣнье наживать деньгу: въ племянникѣ же его Сашѣ Адуевѣ, пріѣхавшемъ въ столицу дѣлать карьеру, онъ видѣлъ лишь пустого мечтателя, находя въ немъ большое сходство со мною. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ заводилъ со мною рѣчь о романѣ Гончарова и весьма не тонкими намеками, издѣваясь надъ увлеченіями Адуева младшаго, старался выставить мою личность въ смѣшномъ видѣ, на потѣху своимъ креатурамъ. Между тѣмъ герой „Обыкновенной исторіи" продолжалъ свои романическія похожденія, пока не перебѣсился, и вотъ получается N „Современника" съ послѣдними главами романа, изъ которыхъ Зимовской узнаетъ, что двойникъ его Петръ Ивановичъ съ своей практической житейской мудростью остался въ дуракахъ, а мечтатель и племянникъ, заплативъ долгъ юности, не только пересталъ нуждаться въ наставленіяхъ своего ментора, но и самъ могъ научить его кой-чему. Директоръ сконфузился и пересталъ мнѣ надоѣдать своими остротами..

Обнаруженіе Кирилло-Меѳодіевскаго братства повлекло за собой увольненіе попечителя Траскина. Въ дополненіе къ тому, что сказано мною прежде о дѣятельности этого безпримѣрнаго администратора [1]), я считаю не лишнимъ, для болѣе полной характеристики лица, коснуться его служебной карьеры до назначенія попечителемъ.

По выходѣ изъ военной академіи, А. С. Траскинъ провелъ первоначальную свою службу въ военномъ министерствѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ отличался чудовищной толщиной; лукулловскій столъ, вино и женщины составляли главную задачу его жизни. Серьезнаго образованія онъ не имѣлъ; свѣтскій лоскъ, буфонство и французскій языкъ сдѣлали его домашнимъ человѣкомъ въ семействѣ военнаго министра Чернышева, который женилъ толстяка на красавицѣ—побочной дочери кн. Куракина, но она скоро умерла. Въ 1842 году, въ чинѣ полковника, Траскинъ назначенъ начальникомъ штаба на Кавказъ, но такъ какъ комплекція его не переносила тамошняго климата, то онъ

просилъ министра о переводѣ въ болѣе умѣренную полосу, и вотъ Александръ Семеновичъ—попечитель Кіевскаго учебнаго округа, къ великому неудовольствію Бибикова, который еще раньше задался цѣлію соединить въ своей особѣ управленіе учебнымъ округомъ съ генералъ-губернаторствомъ. Такъ, еще въ 1845 году, сдавъ кн. Давыдова въ сенатъ, онъ разсчитывалъ получить желаемое, но министру Уварову на сей разъ удалось отстоять обычный порядокъ управленія учебнымъ округомъ черезъ попечителя, на постъ котораго, по протекціи Чернышева и назначенъ генералъ-маіоръ Траскинъ.

Но по увольненіи его, управленіе округомъ перешло, наконецъ, къ начальнику края Д. Г. Бибикову. Случилось это въ 1848 году, памятномъ не для одной Россіи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1883 г. № 2.

ЯРЕМА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЗАПОРОЖСКОЙ ЖИЗНИ).

Широкая, безбрежная степь. Куда ни кинуть взоромъ, всюду безпредѣльное волнующееся море высокой травы. Нигдѣ ни одного деревца, ни одной возвышающейся точки; только на далекомъ исчезающемъ горизонтѣ одиноко подымаются курганы своими зелеными куполами, едва замѣтными на безконечномъ, вольномъ просторѣ полей. Косые лучи заходящаго солнца лѣниво освѣщаютъ роскошную картину дѣвственной степи, постепенно замирающей отъ полныхъ и разнообразныхъ звуковъ дневной жизни. Едва доносится легкое серебристое трепетаніе жаворонка изъ глубины темнѣющаго голубого неба. Солнце опускается все ниже и ниже; вотъ ужъ край его пылающаго диска погружается въ темно-зеленыя волны травы; краснымъ заревомъ загорѣвшійся небосклонъ гаснетъ,—и степь начинаетъ засыпать.

Направляясь прямо черезъ степь, ѣдутъ два всадника. Крѣпкіе и легкіе татарскіе кони ихъ быстро подвигаются впередъ, изрѣдка нарушая тишину сонной степи веселымъ своимъ фырканіемъ. Но вотъ, почуявъ близость дикаго звѣря, насторожило уши умное животное, захрапѣло вдругъ и метнулось въ сторону; раздается въ воздухѣ свистъ казацкой нагайки,—и опять слышится мѣрный и бодрый топотъ успокоившагося коня. Всадники ѣдутъ молча. По костюму и наружности сразу можно узнать въ нихъ запорожцевъ. Алаго сукна жупаны, перетянутые

поясами, на которыхъ висятъ короткія козацкія люльки; какъ козацкая воля, широкіе шаровары; съ отчаянной смѣлостью взбитыя на бокъ высокія шапки съ краснымъ аксамитнымъ верхомъ; блестящіе мушкеты за плечами и сабли на боку, наконецъ, смѣлыя, загорѣвшія лица съ слѣдами рубцовъ отъ ранъ, и длинные чубы, выбивавшіеся изъ-подъ шапокъ,—показывали, что это были истые сыны свободной и безпокойной сѣчи, дерзкими своими набѣгами приводившіе въ трепетъ не только степныхъ хищниковъ — татаръ, но и самого повелителя правовѣрныхъ.

Весело и безпечно ѣдетъ Ярема (такъ назывался одинъ изъ путниковъ). Тысячью разноцвѣтныхъ огней играютъ лучи заходящаго солнца на кривой турецкой саблѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями, и на такихъ же дорогихъ пистоляхъ, заткнутыхъ за широкій поясъ. Залюбовалась бы козачка, глядя на его высокій да стройный станъ; горячимъ поцѣлуемъ захотѣлось бы ей обжечь его черныя очи, радостнымъ свѣтомъ горѣвшія изъ-подъ взмахомъ очерченныхъ тонкихъ бровей. Счастьемъ и радостью бьется беззаботное козацкое сердце.

— Эй, Иванъ, наконецъ прервалъ угрюмое молчаніе другого козака захотѣвшій поболтать Ярема:—что это ты сегодня глядишь, точно Черное море передъ бурей; чего еще не достаетъ твоей козацкой душѣ?... Есть у козака вольная волюшка, вѣрный конь, добрый самопалъ да острая сабля,—и гуляй козакъ. Много ли радости нужно козаку! Иль можетъ быть у тебя спина почесывается? Можетъ быть, тяжкой думой лежитъ у тебя на сердцѣ сотня добрыхъ батьковскихъ кіевъ?

Иванъ, къ которому были обращены эти слова, приземистый некрасивый козакъ, но сильный и крѣпкій, точно скованный изъ стальныхъ мускуловъ, сердито посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Смотри, чтобъ тебя самого не приласкалъ атаманъ лозиной! Не похвалитъ кошевой, что тайкомъ уѣхали изъ Сѣчи, когда товариство работаетъ надъ челнами, да снаряжаетъ ихъ въ походъ. Не рыцарское дѣло бросать войсковую работу, чтобы ѣхать гулять съ бабою.

— Такъ зачѣмъ же ты поѣхалъ? Оставался бы въ куренѣ, да сбивалъ бы челны!

— Не затѣмъ я помѣнялся съ тобою крестомъ, чтобы только пить, да гулять съ тобою; гдѣ смерть гуляетъ—тамъ я тебѣ вѣрный товарищъ, и въ степи тебя одного не оставлю. Слушай, Ярема, продолжалъ мягче Иванъ,—не первый разъ тебѣ говорю: брось ты бабу, не доживешь ты съ нею до добра,—погубишь навсегда свою рыцарскую славу. Добрымъ и мягкимъ отеческимъ наставленіемъ звучали эти слова въ устахъ грубаго, посѣдѣвшаго въ битвахъ козака.

Ярема встрепенулся.

— Чорта губатаго тебѣ въ бокъ! Чтобъ я бросилъ Катрю, мою черноокую Катрю! Не брошу я Катрю; не только тебѣ, всему свѣту скажу это—со страстной стремительностью въ голосѣ проговорилъ Ярема. Эхъ, Иванъ, Иванъ!—съ грустью продолжалъ онъ: люблю я Катрю всѣмъ моимъ сердцемъ, всею душою, и хуже лютой смерти для меня разлука съ нею.

— Не доля козаку любить, да глядѣть въ черныя дѣвичьи очи—сурово возразилъ Иванъ. Полюбитъ козакъ—пропадетъ козацкая душа. Не гулять ему вольной птицей по степи, да гоняться за татариномъ, не ходить ему по турецкимъ берегамъ добывать рыцарской славы. Даромъ сгинутъ молодыя силы да молодецкая удаль. Обабится козакъ, броситъ Сѣчь и пропадетъ для всего міра христіанскаго.

— Не обабится козакъ, коли онъ настоящій рыцарь, не дастъ онъ надъ собой воли бабьей любви и не погубитъ своей рыцарской славы. Бросить Сѣчь, родную козацкую матерь! Ишь до чего добрехался старый чортъ! Не бывать тому никогда! Нѣтъ безъ Сѣчи разгульной, широкой воли, да простора молодечеству. Пропадать козаку совсѣмъ безъ Сѣчи. Не брошу я Сѣчи, не брошу и Катри. Если любитъ она вѣрно козака,—не будетъ корить его козацкой доли.

— А обычаи войсковые, а Бурлай? Узнаетъ старый чортяга, что знаешься съ его дочкой, то такъ выдеретъ за чубъ, что и головы своей не найдешь.

— Не боюсь я Бурлая, не хуже его умѣю рубить острой саблей. Товариство? А кто козаку не позволитъ любить? Козакъ вольная птица—люби кого хочешь. И товарищества не посрамлю. Увезу я Катрю въ такое мѣсто, что и самъ чортъ не узнаетъ, куда я её спряталъ. Много у Яремы спрятано золотыхъ цехиновъ, да битыхъ таляровъ,—всё отдастъ Катрѣ.

Иванъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Ну, а если Катря не захочетъ покинуть стараго отца, не захочетъ ѣхать съ тобой? спросилъ Иванъ.

— Катря не захочетъ? Да ты, Иванъ, не знаешь Катри; на край свѣта пойдетъ она за мной; плюнетъ она на всѣхъ, и на стараго батьку и на весь свѣтъ плюнетъ, а пойдетъ за мной. У Катри свободная козацкая душа.

— Ну дѣлай, какъ хочешь; повторяю только тебѣ,—не рыцарское ты дѣло затѣваешь, и не будетъ изъ всего этого добра,—вспомнишь мое слово.

— Не ворчи, старый; увидишь Катрусю, самъ тогда скажешь, можно ли бросить и разлюбить черноокую красавицу. Эхъ, скорѣй бы добраться до Черной балки! такъ и рвется сердце къ милой!

Иванъ ничего ни отвѣтилъ и задумался.

Задумался и Ярема. Живо вспомнилось ему, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ увидѣлъ красавицу Катрю, какъ радостно затрепетало при видѣ ея его молодое сердце какимъ то новымъ, неизвѣданнымъ для него чувствомъ, какъ съ перваго взгляда полюбились ему крѣпко ея черныя очи.

Это было годъ тому назадъ. Стояло знойное, горячее лѣто. Пылающее солнце бросало волны распаленнаго воздуха на бездыханную степь. Вездѣ было спокойно. Кругомъ во всей степи не замѣтно ни одной бараньей остроконечной шапки. Орда какъ будто заснула. Лѣниво посматриваютъ козаки со сторожевыхъ кургановъ на степь, уставши ждать хищныхъ гостей. Но орда не спитъ; провидѣла она, что козаки ушли въ походъ и, какъ хищный звѣрь, притаилась въ ближнихъ балкахъ и лощинахъ, чтобы сразу броситься на добычу. Вдругъ запылали въ темную ночь на сторожевыхъ вышкахъ яркіе огни; зловѣщимъ заревомъ

разлились они по небосклону, извѣщая жителей о появленіи татаръ. Заволновалась степь. Покинули люди неоконченныя работы свои, бросились домой прятать добро и стремительно ринулись въ болѣе спокойныя, безопасныя мѣста.

Быстрѣе вѣтра прорвалась орда черезъ сторожевую козачью цѣпь, дикимъ ураганомъ пронеслась впередъ, всё разрушая и сжигая на своемъ пути; вихремъ закружилась она по степи и широкой, всесокрушающей кровавой волной бурно разлилась по окрестностямъ. Запылали козацкіе хутора и зимовники, раздались кругомъ громкіе крики торжества и отчаянія, надрывающія душу горькія рыданія полонянокъ и стоны раненыхъ. Сотнями гонятъ съ собою татары черноокихъ красавицъ, связанныхъ арканами; громкимъ ревомъ оглашаетъ степь согнанный татарами козацкій скотъ.

Но не долго пришлось погулять татарамъ; не знали они, что много храбрыхъ рыцарей оставалось еще въ Сѣчи. Не дремлютъ запорожцы; взнуздали они своихъ быстрыхъ коней, мигомъ вскочили на нихъ и вихремъ понеслись догонять татаръ. Не уйти татарамъ отъ бѣды, догоняютъ—ихъ козаки. А тамъ впереди снимаютъ селяне со стѣнъ свои заржавѣвшіе мушкеты и сабли и собираются въ громады, чтобы дать отпоръ дикой ордѣ. Чуютъ татары бѣду, поворачиваютъ своихъ коней назадъ въ улусы. Но крѣпко стоятъ запорожцы; живой стѣной съ острыми саблями въ рукахъ, загородили они дорогу. Бросились татары въ сторону, гдѣ не алѣли козацкія шапки и не сверкали на яркомъ солнцѣ мушкеты. Несется впереди всѣхъ на бѣшеномъ конѣ храбрѣйшій изъ богатырей татарской орды, мурза Челибей. Блеститъ на немъ дорогими каменьями турецкое оружіе и сверкаютъ глаза, какъ у сѣраго волка въ темную ночь. Не отдается живымъ въ полонъ козакамъ храбрый мурза; дороже жизни для него, цѣннѣе всѣхъ богатствъ, награбленныхъ имъ, добыча, которую онъ мчитъ съ собой на конѣ. Поперекъ сѣдла, привязанная ремнями, лежитъ у него съ распущенными пышными черными косами красавица, какихъ не видалъ еще свѣтъ. Въ ханскомъ гаремѣ нѣтъ такой красавицы; краше солнца, лучше гурій для него молодая плѣнница, и теперь онъ только

и думаетъ о томъ, какъ бы унести домой свою драгоцѣнную ношу. Быстрѣе молніи мчится его конь, а за нимъ несется вся орда, посылая тучи стрѣлъ на встрѣчу врагу.

Но хорошо знаютъ козаки татаръ. Спрятали они въ балкѣ, мимо которой должны были возвращаться татары, два храбрѣйшіе куреня. Какъ соколъ, выпущенный на волю, стрѣлой бросается на испуганную, трепещущую птицу, такъ и козаки налетаютъ со всѣхъ сторонъ на убѣгающую орду и гонятъ её на засаду. Сверкаютъ на солнцѣ сабли, трещатъ мушкетные выстрѣлы, и много бритыхъ татарскихъ головъ валяется уже по широкой степи. Недалеко уже татары отъ того мѣста, гдѣ спрятались козаки. Тихо и стройно стоятъ запорожскіе рыцари, чувствуя въ сердцахъ своихъ всю торжественность и важность минуты; тихо шепчутъ уста ихъ молитву о дарованіи побѣды надъ врагомъ христіанской вѣры. Впереди всѣхъ на лихомъ конѣ красуется сѣдоусый атаманъ Ничипоренко. Спокойно его лицо, силою и мужествомъ дышетъ весь онъ, и только изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей недобрымъ огнемъ горятъ его грозныя очи. Прислушивается атаманъ; вотъ опытное ухо его всё ближе и ближе слышитъ быстрый топотъ татарскихъ коней; вотъ еще одна минута—блеснула на солнцѣ атаманская сабля, и, какъ одинъ человѣкъ, быстрѣе птицы, вынеслись козаки изъ засады. Какъ дикій звѣрь, испуганный внезапнымъ нападеніемъ врага, бросается въ сторону, такъ орда, застонавшая отъ неожиданности и страха, метнулась отъ козаковъ. Стонетъ земля отъ топота нѣсколькихъ тысячъ коней. Несется впереди всѣхъ Каневскій курень во главѣ съ своимъ свирѣпымъ атаманомъ Ничипоренкомъ. Не отстаетъ отъ атамана Ярема; огнемъ горитъ въ немъ козацкая кровь, молніей сверкаютъ его черныя очи,—много будетъ работы козацкой саблѣ!

Устали татарскіе кони; всё ближе и ближе козаки. Вотъ еще нѣсколько мгновеній—и, подобно неудержимой волнѣ бушующаго моря, ударились козаки со всего размаху о татарскую силу. Завыли татары отъ бѣшенства; быстро ихъ окружаютъ козаки; сильнѣе полилась бусурманская кровь.

Ярема еще издали замѣтилъ скакавшаго впереди всѣхъ съ нѣсколькими татарами мурзу и слѣдилъ за нимъ жадными глазами. Онъ узналъ въ немъ того витязя, который два года тому назадъ во время набѣга, изрубивъ нѣсколькихъ налетѣвшихъ на него козаковъ, ловко ускользнулъ отъ него самого, нанеся ему саблей двѣ раны по головѣ. Не стерпѣло обиды козацкое сердце, кипитъ въ немъ горячая, молодая кровь; хочется ему еще разъ помѣриться силами съ татарскимъ богатыремъ и отомстить ему за обиду. Не сводитъ съ него Ярема глазъ; видитъ онъ—выхватилъ мурза саблю, взялъ въ зубы острый кинжалъ и, озираясь по сторонамъ своими узкими глазами, бьетъ нагайкой уставшаго коня. Всё ближе и ближе къ нему Ярема. Но набѣжали съ другой стороны козаки, и исчезъ среди нихъ Челибей.

Видитъ онъ только, какъ извивается его кривая сабля, и быстро рѣдѣетъ около него толпа козаковъ. Прошло нѣсколько мгновеній. Не выдержали козаки; прорвался Челибей сквозь козацкія сабли и быстро понесся одинъ по степи. Взмахнулъ Ярема нагайкой и быстрѣе птицы полетѣлъ за мурзой. Оборачивается татаринъ, почуявъ погоню, и злобно сверкаетъ глазами на Ярему. Ближе и ближе Ярема; слышитъ онъ уже тяжелое дыханіе уставшаго коня; еще нѣсколько мгновеній—и Ярема почти поровнялся съ мурзой. Вотъ онъ ужъ заноситъ свою саблю; но не дремлетъ татаринъ: круто поворачивается онъ на сѣдлѣ, молніей взмахиваетъ своей кривой саблей,—и не увидѣлъ бы больше Ярема Божьяго свѣта, если бы, почувствовавъ опасность, не пригнулся весь къ сѣдлу. Свиснула по воздуху татарская сабля, и съ размаху понагнулся въ сѣдлѣ Челибей. Въ одно мгновеніе ока выпрямился на сѣдлѣ Ярема, и не успѣлъ Челибей поднять руки, чтобы отразить смертельный ударъ, какъ буйная голова его отдѣлилась отъ тѣла. Горестнымъ и яростнымъ воплемъ тысячи голосовъ огласилась степь; видѣли татары смерть своего любимаго богатыря и, не думая уже больше о спасеніи награбленной ими добычи, бросились по степи въ различныя стороны, спасая свою собственную жизнь. Разсыпались за ними и козаки, добивая отставшихъ хищниковъ.

Убивъ Челибея, Ярема сейчасъ же остановилъ его коня, разрѣзалъ кинжаломъ ремни, связывавшіе лежавшую безъ движенія дѣвушку, и бережно положилъ её на землю. Вспыхнуло его лицо, забилось его сердце при видѣ пышной красы лежавшей передъ нимъ дѣвушки. До сихъ поръ не встрѣчалъ онъ такой красавицы, до сихъ поръ не видѣлъ онъ такихъ чудныхъ черныхъ очей.

Дѣвушка продолжала лежать неподвижно. Отвязалъ Ярема деревянную баклагу отъ сѣдла, брызнулъ водой въ лицо освобожденной плѣнницы; медленно открыла глаза красавица. Радостной надеждой заискрились ея черныя, какъ темная ночь, очи, при видѣ стоявшаго передъ ней красиваго козака, и неизъяснимой прелести тихая улыбка благодарности, мягкимъ свѣтомъ загорѣвшаяся на ея блѣдныхъ устахъ, была наградой залюбовавшемуся ею спасителю. Быстро оправилась дѣвушка отъ испуга и черезъ нѣсколько минутъ уже разсказывала Яремѣ, какъ набѣжала татарва на зимовникъ отца ея, стараго запорожца Бурлая, уѣхавшаго по своимъ дѣламъ въ Украину, какъ перебили наймитовъ, храбро встрѣтившихъ ихъ съ мушкетами въ рукахъ, какъ разорили хату, а её, связавши крѣпко, увели къ тому самому татарину, который лежитъ теперь убитый. Видѣла она, какъ стремительно кинулись козаки на татаръ; бросилъ её на коня татаринъ, прикрутилъ её крѣпко ремнями къ сѣдлу и помчался съ нею по степи,—тутъ она потеряла память.

Узналъ Ярема, что зовутъ её Катрей, что она единственная дочь у покинувшаго Сѣчь бывшаго запорожскаго козака Бурлая, живущаго въ своемъ зимовникѣ недалеко отъ этого мѣста, въ Черной Балкѣ.

Въ степи стало спокойно; далеко уже, едва замѣтными точками мелькали татарскія и козацкія шапки. Ярема рѣшилъ отвезти дѣвушку домой. Снявши съ Челибея его богатое оружіе и захвативши его дорогого коня, пустился онъ съ Катрей въ дорогу. Скоро они пріѣхали въ зимовникъ. Кругомъ были видны свѣжіе слѣды хищнаго, разрушительнаго набѣга. Около открытой хаты лежало нѣсколько убитыхъ наймитовъ съ обрѣзанными ушами и носами; въ хатѣ всё было перебито и изло-

мано: видно было, что здѣсь жестоко хозяйничала варварская рука. Не успѣлъ Ярема войти въ хату съ Катрей, зарыдавшей отъ боли и горя при видѣ грустной картины разрушенія и убійства, какъ прискакалъ съ нѣсколькими козаками на взмыленномъ и еле дышащемъ конѣ Бурлай, покинувшій въ степи свои возы и бросившійся спасать свою любимую единственную дочь. Оросилось слезами лицо стараго, никогда не плакавшаго козака при разсказѣ Катри о ея похищеніи и спасеніи. Крѣпко обнялъ и поцѣловалъ онъ Ярему и просилъ не забывать его зимовника, гдѣ его всегда встрѣтятъ лаской и привѣтомъ, какъ родного сына.

И не забывалъ Ярема хаты стараго Бурлая, часто заглядывалъ онъ туда; крѣпко полюбилась ему черноокая Катря, а онъ ей еще больше.

Сладкія думы навѣваетъ тихая, уснувшая степь. И чудится ему теплая, лѣтняя ночь, окутанная покрываломъ, сіяющимъ миріадами звѣздъ. Мягко льетъ луна свои лучи на серебристый трепетный тополь, у подножія котораго шепчетъ любовную рѣчь бѣгущій по каменьямъ ручей. Тысячи самыхъ чудныхъ благоуханій несетъ сонная степь. Поднялись вдругъ неожиданно широкой волной полные и страстные звуки запоздавшей соловьиной пѣсни,—и горячій, какъ огонь, жаркій поцѣлуй первой молодой любви горитъ на его пылающихъ устахъ. Вздрагиваетъ Ярема, сильнѣе бьется его переполненное счастьемъ сердце. И всё дальше, дальше, ярче, выпуклѣе длинной вереницей тянутся воспоминанія недавняго прошлаго.

Ярема былъ запорожецъ съ головы до ногъ; но горячая, стремительная юность, живымъ, полнымъ ключемъ бившая въ его не совсѣмъ еще загрубѣвшемъ сердцѣ, уносила его въ тотъ яркій и живой міръ грезъ, гдѣ пылкимъ мечтамъ его во всей чарующей прелести своей является образъ любящей нѣжной женской души. Молодое сердце его жаждало горячей женской привязанности, но свободной и вольной, какъ его козацкая жизнь. Всѣмъ существомъ и понятіями сросшись съ Запорожьемъ, онъ былъ чуждъ всякой мысли о какой либо обязанности, могущей наложить узду на его безпечную, беззаботную жизнь.

Сиротой взятый на Украинѣ своимъ названнымъ отцемъ атаманомъ Ничипоренкомъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ прошелъ суровую школу боевой жизни, гдѣ одна лишь неудержимая смѣлость и храбрость давали почетъ и уваженіе; здѣсь не имѣло мѣста нѣжное женское существо съ его горячими, беззавѣтными привязанностями и мягкимъ, воспитывающимъ вліяніемъ. Какъ проказа, изгонялась женщина изъ среды грубыхъ и суровыхъ запорожскихъ рыцарей, и привязанность къ ней козака лишала его всякаго уваженія среди товарищей. Градъ самыхъ злыхъ и дерзкихъ насмѣшекъ сыпался на козака, позволившаго себѣ полюбить женщину. Но какъ свѣтлый лучъ солнца прорывается въ темную комнату и ослѣпляетъ её яркимъ свѣтомъ, такъ вспыхиваетъ иногда въ загрубѣвшемъ сердцѣ яркимъ пламенемъ любовь. Со всей страстностью молодого сердца отдается этому чувству человѣкъ, но часто время и нравы заставляютъ его таить эту любовь и скрываться съ нею отъ насмѣшливыхъ взоровъ друзей. Потребность любить у Яремы была слишкомъ велика, чтобы покончить съ нею на первыхъ шагахъ. Бросить Сѣчь и отдаться одной любви,—онъ былъ слишкомъ запорожецъ для этого; бросить любимую дѣвушку и подчиниться понятіямъ среды—не было силъ. Оставалось одно: спрятать эту любовь, уйти съ нею въ такое мѣсто, куда бы не могли проникнуть посторонніе любопытные взоры. Въ тотъ грубый вѣкъ нравственное чувство человѣка не было еще развито на столько, чтобы задуматься надъ тѣми явленіями, которыя останавливаютъ передъ собой современнаго человѣка. Смѣлымъ взмахомъ незрѣлой еще мысли рѣшалъ тогда человѣкъ самыя трудныя и сложныя задачи.

II.

Переночевавши въ степи, на слѣдующій день къ полудню наши путники были уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Черной Балки.

Кто не знаетъ Черной Балки и хутора стараго Бурлая! Нѣтъ въ степи богаче Бурлая, ни у кого не найдется такихъ

богатыхъ табуновъ быстрыхъ коней, какъ у стараго дуки, ни у кого не найдется и такой красавицы дочки! Не мало удалыхъ молодцовъ наѣзжало на хуторъ полюбоваться статной и пригожей дѣвушкой, не мало и сѣдыхъ чубатыхъ козаковъ, сидя на широкихъ лавкахъ съ люльками въ зубахъ, заглядывались на черныя очи красавицы.

Какъ пышная роза, разцвѣтала Катря на широкомъ, привольномъ просторѣ степи подъ яркими лучами южнаго горячаго солнца. Лишенная въ ранней юности заботливой и нѣжной материнской любви, она, еще несозрѣвшей дѣвочкой перешла на попеченіе угрюмаго отца, бывшаго сѣчевика, побывавшаго во многихъ походахъ и возвращавшагося оттуда всегда съ богатою добычею. Жизнь, близкая къ природѣ и среди постоянныхъ опасностей, полные трагическаго интереса, спокойные, безстрастные разсказы наѣзжавшихъ иногда въ хуторъ сѣдоусыхъ стариковъ съ ихъ суровыми, покрытыми рубцами отъ ранъ лицами, горячіе восторги пылкой юности съ ея волшебнымъ міромъ сказочныхъ подвиговъ и приключеній и оглашавшія по временамъ безмолвную степь при набѣгахъ татаръ неудержимыя рыданія неутѣшнаго горя и отчаянія, отзывавшіяся скорбнымъ стономъ въ ея чуткомъ сердцѣ,—дали какой-то своеобразный складъ ея душевной жизни.

Ея нѣжная душа не была чужда сладостныхъ мечтаній любви. Когда въ тихія лунныя ночи вся поверхность степи колыхалась и переливалась мягкимъ серебристымъ свѣтомъ и изъ глубины темныхъ небесъ трепетно сіяли звѣзды, она, сидя подъ вѣковымъ вѣтвистымъ тополемъ, по цѣлымъ часамъ предавалась задумчивымъ грёзамъ; въ эти минуты ея мечты уносились далеко,—она вся, всѣмъ своимъ существомъ тянулась въ неопредѣленную даль, откуда набѣгавшій вѣтерокъ приносилъ съ собою цѣлый міръ сладкихъ, невѣдомыхъ звуковъ. Грудь ея тѣснилась какимъ-то томительнымъ, неизъяснимымъ желаніемъ, горѣвшія уста искали поцѣлуя, и мечтательная, неудовлетворенная уходила она спать въ хату.

Но вотъ надвигается съ горизонта черная туча. Грозно со всѣхъ сторонъ, ближе и ближе неотразимо охватываетъ она

ясное лазурное небо. Слышатся отдаленные, тихіе раскаты грома; все сильнѣе, крѣпче, опредѣленные величественные его звуки. Блеснула молнія,—одна, другая; тысячью огненныхъ линій засверкала темная глубина неба; моремъ ослѣпительнаго огня вспыхиваетъ небосклонъ, и рѣзкій, оглушительный трескъ раздается вдругъ гдѣ-то недалеко около самаго уха. Рванулъ вѣтеръ, и самымъ дикимъ, бѣшенымъ ураганомъ застонала и заревѣла пробужденная степь. Тихо сидитъ Катря въ хатѣ, прислушиваясь къ реву разбушевавшейся стихіи. И чудится ей грозный ропотъ бѣшено катящихся волнъ, громъ и трескъ вражескихъ арматъ; слышатся ей въ бурныхъ порывахъ вѣтра рыданія и стоны томящихся въ неволѣ братій; невыразимо-горестнымъ стономъ звучитъ въ ушахъ ея звонъ невольническихъ цѣпей. Загораются глаза ея яркими искрами, дышетъ быстрѣе взволнованная грудь, и вся горячая, страстная, возбужденная, она сама готова броситься спасать погибающихъ братьевъ. Распаленное ея воображеніе невольно влечетъ ея думы на берега тихаго, сверкающаго Днѣпра, въ Сѣчь, бывшую родной, любящей матерью всему страждущему, угнетенному и обездоленному, въ ту дерзкую и отважную Сѣчь, которая на своихъ утлыхъ ладьяхъ со смѣлой, отчаянной рѣшимостью переплывала бурлящее море, чтобы саблей разрубить невольническія цѣпи мучениковъ.

И въ пылкихъ мечтахъ ея рисуется образъ козака, мужественнаго, отважнаго витязя, лишеннаго нѣжной женской ласки и материнской любви, лишеннаго своего собственнаго теплаго насиженнаго гнѣзда, но свободнаго и вольнаго душой. Доля его—томиться тяжкой галерной неволей или лежать съ выклеванными степной птицей глазами въ широкомъ полѣ. Никто не прольетъ о нёмъ слезъ любви и состраданія, и одинокаго, какъ всегда, приметъ его земля въ свои холодныя объятія. Невольно протягиваетъ къ нему Катря свои руки, и съ сострадательнымъ самоотверженіемъ юной души готова она отдать ему самыя святыя и лучшія свои чувства, чтобы сдѣлать милой и радостной его одинокую безталанную жизнь.

Встрѣча съ Яремой оставила въ мечтательной душѣ ея глубокіе слѣды. Въ ней заговорило не только одно чувство благодарности и признательности,—нѣтъ, болѣе глубокія, болѣе живыя струны зазвучали въ ея сердцѣ. Узнавши, что онъ круглый сирота, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, нѣтъ никого, къ кому онъ могъ бы склонить свою одинокую голову, она, со всѣмъ самоотверженіемъ любящей женщины, отдала ему свою душу, свои мечты и желанія. Она отъ него ничего не требовала, кромѣ такой же любви. Ярема ее любилъ! Счастье живой, благодатной волной охватывало ее всю, и она на-яву жила въ какомъ то очарованномъ мірѣ грезъ, сновидѣній любви и поцѣлуевъ. Изрѣдка легкой, мимолетной тучкой набѣгала на ясное и спокойное чело ея мысль о будущемъ, но прояснится ея чело—и она опять вся, всѣми мыслями и чувствами въ настоящемъ.

Катря чувствовала, что отецъ, прожившій большую половину своей жизни въ Сѣчи и весь проникнутый суровыми правилами запорожской жизни,—не могъ понять ея мечтательной, восторженной любви. Любовь къ молодому козаку, давшему обѣтъ безбрачной жизни, была въ его глазахъ, если не преступной, то во всякомъ случаѣ опасной. Бурлай любилъ и уважалъ Ярему, какъ спасителя своей дочери и какъ храбраго, отважнаго козака, но онъ первый грозный и неумолимый сталъ бы между ними, если бы эта любовь ложилась позоромъ на его сѣдую голову. Катря это понимала и скрывала отъ него свои чувства. Но ея сердце искало сочувствія; оно искало вылить кому нибудь то, что свято хранилось въ его глубокихъ тайникахъ.

Въ одной хатѣ съ нею на правахъ сестры жила молодая дѣвушка, почти одних лѣтъ съ нею. Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ вся семья ея была вырѣзана татарами, и Марыся, оставшаяся круглой сиротой, была взята въ домъ Бурлаемъ. Катря рѣшилась открыть ей свое сердце. По цѣлымъ часамъ неумолчно разсказывала она Марысѣ о своей любви, о любви къ ней Яремы, о ихъ взаимномъ счастьи. Марыся молчала; иногда только лицо ея блѣднѣло, глаза загорались ревнивымъ огнемъ, и она низко опускала свою голову на

грудь, стараясь скрыть волновавшія ее чувства. Упоенная своимъ собственнымъ счастіемъ, вся радостная и воодушевленная, Катря не замѣчала, что ея откровенность мучительнымъ, судорожнымъ трепетомъ отдается въ сердцѣ Марыси; она не замѣчала, что Марыся любитъ и любитъ такъ же горячо и беззавѣтно, какъ и она, Ярему.

Марыся полюбила Ярему чуть ли не съ перваго его появленія на хуторѣ. Его красота и мужество произвели на нее неотразимое впечатлѣніе. Сознавая, что не хороша собой, она робко, стыдливо, тайкомъ взглядывала на Ярему, боясь самой себѣ сознаться въ своихъ чувствахъ къ нему. Но некрасивая, безцвѣтная, съ свѣтло-грязными волосами и съ лицомъ, покрытымъ веснушками, она не только не обратила на себя вниманія Яремы, но вызывала въ немъ жалость и состраданіе. Марыся своимъ любящимъ, но самолюбивымъ сердцемъ вѣрно угадала тѣ чувства, которыя питалъ къ ней красивый козакъ, и молча, глубоко страдала. Она знала, кто приворожилъ сердце статнаго Яремы, и у ней появилось и начало быстро расти къ Катрѣ враждебное чувство, которое она всѣми силами старалась скрыть.

Въ то утро когда Ярема съ Иваномъ подъѣзжали къ Черной Балкѣ, Катря сидѣла съ Марысей около хаты и внимательно прислушивалась къ доносившимся издалека звукамъ. Бурлая не было дома. Катря знала, что не сегодня, завтра пріѣдетъ Ярема проститься съ ней передъ походомъ, въ который по словамъ Бурлая, побывавшаго въ Сѣчи, запорожцы должны были выступить черезъ нѣсколько дней, окончивши снаряжать челны. Обѣ дѣвушки молчали. Марыся, углубившись повидимому вся въ свою работу, изрѣдка посматривала украдкою на Катрю, и въ глазахъ ея горѣла злобная зависть къ чужому счастью и радости.

— Что же это Ярема не ѣдетъ?—прервала молчаніе Марыся скоро вѣдь козаки отправятся въ походъ, а твой Ярема и носу своего не показываетъ. Не вѣрь ему, Катря, обманываетъ онъ тебя.

Марыся пытливо посмотрѣла на Катрю.

— Пріѣдетъ Ярема, моя милая Марыся, чуетъ мое сердце, что пріѣдетъ. Ярема не пойдетъ въ походъ, не простившись со мною; тайкомъ уйдетъ изъ Сѣчи, безъ атаманскаго вѣдома, а всё таки пріѣдетъ въ Черную Балку.

— Ужъ такъ онъ объ тебѣ одной и думаетъ! Эхъ, Катря, жалко мнѣ тебя, моя голубка; не на радость ты связалась съ этимъ гультяемъ; опозоритъ онъ тебя и твоего стараго отца; найдетъ онъ другую красивѣе тебя дѣвушку и покинетъ, броситъ тебя, а тамъ ищи козака въ полѣ!

— Недобрая ты, Марыся, проговорила, вся вспыхнувши Катря; ты не знаешь Яремы,—никогда Ярема меня не разлюбитъ; а что его давно не было, то не его вина въ томъ, сама знаешь, что онъ ѣздилъ въ Украину по войсковымъ дѣламъ.

— Такъ ты вѣришь Яремѣ, вѣришь въ его любовь? Если такъ, то когда же ваша свадьба?—вотъ ужъ скоро годъ, какъ онъ ѣздитъ на хуторъ.

Катря ничего не отвѣчала.

— Развѣ Ярема ничего тебѣ объ этомъ не говоритъ, настойчиво продолжала Марыся допрашивать Катрю, грустно склонившую на грудь голову. Тайная радость начала проникать въ ея сердце при одной мысли, что Катря можетъ быть обманутой и сдѣлаться такой же несчастной, какъ и она. Но не успѣла Катря отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздался протяжный крикъ совы. Катря вскочила, услышавши условный знакъ.

— Слышишь Марыся? Моя правда—Ярема здѣсь; онъ любитъ меня и никогда не покинетъ!

Вотъ еще раздался условный крикъ, и Катря, вся радостная и сіяющая счастьемъ, бросилась бѣжать по направленію крика.

Мѣсто для свиданій у нихъ было давно условлено. По балкѣ протекалъ ручей, а въ полуверстѣ отъ хаты по берегу ручья росъ густой ивнякъ. Здѣсь, скрытые отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ, проводили они цѣлые часы, отдаваясь всецѣло своей любви и своему счастью.

Катря бѣжала, что было духу. Увидѣвши Ярему, она стремительно бросилась къ нему на грудь и, вся трепетная отъ счастія, замерла въ его объятіяхъ.

Злобно посмотрѣла Марыся на убѣгавшую счастливую дѣвушку. Ревностью и злостью волновалось ея сердце. Задумалась Марыся, припомнила она свою грустную, блѣдную, безцвѣтную жизнь, проходившую безъ любви и ласки. Хорошо ей было жить у Бурлая, относившагося къ ней, какъ къ родной своей дочери, но этого ей было мало; сердце ея жаждало горячей любви. Она сознавала, что она не хороша собой, и это сознаніе тяжелымъ камнемъ ложилось на ея душу; съ завистью смотрѣла она на красавицу Катрю, а еще больше завидовала любви къ ней Яремы. Доброта къ ней Катри сдерживала еще въ ней до нѣкоторой степени ревнивое чувство; благодарность къ Бурлаю и его дочкѣ, не изсякшая въ ея сердцѣ, еще до поры до времени брала верхъ надъ другими чувствами; но съ каждымъ пріѣздомъ Яремы ревность разгоралась въ ней всё сильнѣе и сильнѣе. Оскорбленная и непризнанная ея любовь не давала ей покоя; откровенность Катри еще больше распаляла ея страсть и всё сильнѣе возбуждала ревность, которая скоро перешла въ самую непреклонную ненависть. Ихъ счастіе—полное, глубокое, безмѣрное счастіе—сдѣлалось для нея, наконецъ невыносимымъ. Безпокойный червь зависти подтачивалъ ея сердце, и самая непреодолимая жажда разбить, уничтожить ихъ счастіе, отомстить за свою любовь, за свое горе и несчастіе, трепетно охватывала всё ея существо. Безъ надежды на лучшее, она всей своей душой, всѣми своими помыслами отдалась этимъ мечтамъ.

Оставленная убѣжавшей Катрей, она задумчиво углубилась въ свои думы, и всё тотъ же червь продолжалъ грызть ея сердце. Но вотъ на дворѣ раздался голосъ возвратившагося домой Бурлая. Мысль о возможности теперь, сейчасъ же отомстить Яремѣ блеснула въ ея головѣ. Она видѣла, какъ Бурлай слѣзъ съ лошади и направился къ хатѣ, но осталась сидѣть неподвижной на томъ же мѣстѣ, опустивши голову на грудь.

— Марыся, что это ты сидишь одна пригорюнившись?— обратился къ ней подошедшій Бурлай. А гдѣ же моя Катря, что это она не выходитъ встрѣтить и поцѣловать своего стараго батьку?

Марыся промолчала.

— Гдѣ Катря, милая Марыся? Что же ты не отвѣчаешь?

— Катря? смущенно спросила Марыся. Катри нѣтъ дома, Катря ушла.

— Куда же ей уйти! Вѣдь ты сама знаешь, что съ хутора уйти некуда.

Марыся, опустивши глаза въ землю, молчала.

Бурлай пристально посмотрѣлъ на нее, и его вдругъ сразу охватило какое-то чувство безпокойства.

— Ты отъ меня что-то скрываешь, Марыся, продолжалъ Бурлай; ты не можешь не знать, гдѣ Катря; стыдно тебѣ скрываться отъ меня; вѣдь я тебѣ замѣнилъ родного отца и ничѣмъ не отличалъ отъ родной дочки.

— Не гнѣвайся на меня, панъ-отецъ, прошептала Марыся,—Катря мнѣ велѣла молчать и ничего не говорить тебѣ.

— Катря не велѣла мнѣ говорить, мнѣ, отцу! Эй, Марыся, сейчасъ же говори, гдѣ Катря, а то такъ тебя отдеру за косу, что и на томъ свѣтѣ будешь вспоминать Бурлая. Отвѣчай, гдѣ Катря—началъ волноваться терявшій терпѣніе Бурлай.

— Все скажу тебѣ, только прости Катрю, не сердись на нее. Катря съ Яремой.

— Такъ что-жъ, что съ Яремой? Ярема добрый козакъ и настоящій рыцарь; дай Богъ ему всего хорошаго на этомъ и на томъ свѣтѣ; если бы не Ярема, то не пришлось бы мнѣ, можетъ быть, и видѣть больше мою Катрю.

— Да Катря тайкомъ отъ тебя ушла повидаться съ Яремой.

— Тайкомъ отъ меня! Что же ей скрывать отъ меня? развѣ я гналъ Ярему изъ хаты, не позволялъ ему говорить съ Катрей?

— Любитъ она Ярему, а онъ ее, и таятся, скрываются отъ тебя, панъ отецъ.

— Ну? нетерпѣливо спросилъ Бурлай.

— Ну, а дальше ты самъ долженъ знать, что бываетъ, когда красивый, да статный козакъ полюбитъ молодую и пригожую дивчину.

— Брешешь, змѣя, брешешь, не сдѣлаетъ этого Катря, не опозоритъ она сѣдую голову стараго отца!—закричалъ Бурлай, у котораго, при одной мысли о возможности этого, вся кровь бросилась въ голову.

— Я брешу? Нѣтъ, Марыся никогда не брехала. Не вѣришь, такъ иди самъ посмотри,—сидятъ они теперь у рѣчки въ ивнякѣ и цѣлуются, да обнимаются.

Бурлай больше не слушалъ. Захвативши съ собою двухъ дюжихъ наймитовъ, онъ, какъ дикій звѣрь, бросился къ тому мѣсту, на которое указала Марыся.

Ярема и Катря сидѣли близко другъ около друга и, всецѣло отдавшись охватившимъ ихъ чувствамъ, не обратили вниманія на то, какъ зашумѣла недалеко отъ нихъ трава и сквозь зеленыя вѣтви густыхь деревьевъ глянули на нихъ сверкающіе глаза стараго козака.

— Слушай Яремо, продолжала начатый разговоръ Катря, нѣжно склонивши свою голову на грудь козака: батько начинаетъ уже говорить о томъ, что пора мнѣ найти и вѣрнаго друга, что онъ старъ, можетъ скоро умереть—и останусь я круглой сиротой на бѣломъ свѣтѣ.

Ярема поднялъ голову.

— Не слушай, моя голубка, брехни стараго батька.

— Батько говоритъ, продолжала грустно Кятря, что Степанъ Вовкъ всѣмъ молодецъ собою,—и красавецъ, и богатъ, что лучшаго друга и найти трудно.

— Пусть провалится сквозь землю твой Вовкъ!—воскликнулъ Ярема, сверкнувши глазами: а тебя, мое сердце, я никому не отдамъ.

— Говорю я батькѣ,—молода я еще, можно и обождать; но батько погладитъ меня по щекѣ, поцѣлуетъ и засмѣется. Боюсь я, Яремо; прійдутъ сваты, что я буду дѣлать?—батько приневолитъ.

— Не приневолитъ батько, если не захочешь! Жить съ нелюбымъ—хуже смерти. Вотъ что, моя ненаглядная Катруся: брось ты батька, поѣзжай ты со мною; будешь жить близко около меня, недалеко отъ коша. Все я тебѣ отдамъ; много у меня золота,—все будетъ твое.

— Какъ бросить стараго батька! Да въ своемъ ли ты умѣ Ярема! У батька только и есть радости что я. Не для того онъ меня выростилъ, чтобъ я бросила его старую голову; не покрою позоромъ его сѣдыхъ волосъ. Люблю тебя, Яремо; все отдала я тебѣ; душу свою, сердце свое отдала, но батька не брошу для тебя,—грѣхъ великій; Господь покараетъ, и не будетъ мнѣ счастья и доли на этомъ свѣтѣ. Не говори объ этомъ больше, Яремо; не разрывай ты моего сердца. Батько любитъ тебя, какъ родного сына, за что же хочешь ты зломъ отплатить за добро?

— Яремо, продолжала, нѣжно ласкаясь къ нему, дѣвушка: ты довольно козаковалъ, много раздобылъ рыцарской славы,— брось Сѣчь и живи съ нами.

— Бросить Сѣчь!—прервалъ ее быстро Ярема; никогда этого не будетъ, моя ласточка; бросить Сѣчь и лежать на печи, да нянчить дѣтей, когда товарищество будетъ проливать кровь свою за христіянскую вѣру, будетъ биться съ поганымъ татариномъ! Никогда этого не будетъ! Не пропала еще во мнѣ молодецкая сила, не буду я гречкосѣемъ. А тебя, моя милая голубка Катря, люблю я, люблю всею душою и никому тебя не отдамъ; не пойдешь со мною своею охотою, силою увезу тебя отъ Бурлая.

— Какъ силою?—въ бѣшенствѣ заревѣлъ выскочившій изъ-за деревьевъ Бурлай. У Бурлая ты возьмешь силою его дочь? Не родился еще на свѣтѣ такой человѣкъ, который могъ бы силою отнять у меня Катрю. Вязать его, собачьяго сына, крикнулъ онъ двумъ наймитамъ, выглядывавшимъ изъ-за его спины.

Ярема вскочилъ.

— Вязать меня, козака? запорожскаго рыцаря? Не выросли еще для этого руки, закричалъ онъ, хватаясь за саблю.

— Запорожскаго рыцаря? Не рыцарь ты,—разбойникъ, бабникъ; какъ воръ ночной. хотѣлъ выкрасть дѣвушку... Эй, хлопцы, чего смотрите, вязать его, да хорошенько кіями!

Бурлай и наймиты бросились къ Яремѣ; и не сдобровать бы имъ, если бы вдругъ, точно изъ земли, не выросли передъ ними два рослыхъ запорожскихъ козака.

Давно они уже прислушивались ко всему происходившему. Проѣзжая по балкѣ въ зимовникъ Бурлая, они услышали въ ивнякѣ разговоръ и пріостановились въ ожиданіи, чѣмъ окончится вся эта сцена. Ихъ никто не замѣтилъ. Остановивши лошадей, они почти вплотную подошли къ разговаривавшимъ, скрытые густою зеленью деревьевъ. Увидѣвши, что Бурлай съ двумя наймитами бросился къ Яремѣ, они быстро выскочили изъ-за деревьевъ и остановились между ними.

— Стой, закричалъ одинъ изъ нихъ, не молодой, но крѣпкій и сильный козакъ, бывшій куренной атаманъ Гусакъ, увидѣвши, какъ недобрымъ огнемъ сверкнули глаза Яремы и какъ крѣпко сжалъ онъ въ рукахъ свою саблю. Стой, не годится козака бить кіями,—на то есть войско и кошевой, чтобы разсудить твою обиду, обратился онъ къ Бурлаю. А связать и отвезти въ Сѣчь—отчего же, можно; пусть посмотритъ войско, какъ поважаютъ войсковые всѣ обычаи и исполняютъ войсковую работу.

— Бросай саблю, Ярема, крикнулъ ему Гусакъ.

— Чорта лысаго свяжешь! Не сгинула еще во мнѣ молодецкая сила... И съ этими словами Ярема съ обнаженной саблей въ рукахъ стремительно направился впередъ въ надеждѣ пробиться къ своему недалеко привязанному коню.

— Такъ то ты поважаешь старшинъ! И оба сѣчевика, схватившись за саблю, бросились на Ярему. Въ одно мгновеніе ока скрестились сабли, и не прошло минуты, какъ Гусакъ лежалъ уже на землѣ съ разрубленной головой. Плохо пришлось бы и другимъ, если бы два наймита не догадались подкрасться сзади и, схвативши Ярему крѣпко за руки, повалить его на землю.

— Такъ то, собачій сынъ! Не только съ бабами гуляешь, а еще и товарищей своихъ убиваешь! Узнаешь теперь, что зна-

читъ войсковой козацкій судъ. Эй, хлопцы, вязать его распроклятаго сына и въ хату, и тамъ и въ Сѣчь на расправу!—распоряжался другой козакъ.

Ярема угрюмо молчалъ, мрачно сдвинувъ брови.

Наймиты быстро скрутили ему назадъ руки своими поясами; Ярема двинулъ руками; но, увидѣвши, что всѣ усилія будутъ напрасны, опустилъ голову на грудь и больше не сопротивлялся.

Какъ виноватая, склонила Катря на грудь свою голову, затрепетавши вся при неожиданномъ появленіи отца. Она не знала, что дѣлать, что сказать, не въ силахъ будучи освободиться отъ овладѣвшаго ею смущенія. Но когда ея отецъ, весь дрожавшій отъ гнѣва и бѣшенства, бросился на Ярему, она стремительно рванулась впередъ, чтобы стать между ними; появленіе козаковъ ее остановило. Затаивши дыханіе, съ воспаленными, блестящими глазами, она вся замерла въ томительномъ ожиданіи конца ужасной минуты. Она задрожала всѣмъ тѣломъ, когда Ярема промелькнулъ мимо нея съ обнаженной саблей въ рукахъ; какъ безумная кинулась она за нимъ, чтобы остановить его руку. Но было поздно; не успѣла сдѣлать она нѣсколькихъ шаговъ, какъ одинъ изъ козаковъ лежалъ уже на землѣ, а рядомъ съ нимъ обезоруженный Ярема.

— Ну, дочка, спасибо тебѣ за любовь, да за доброе слово; спасибо, что не хотѣла покинуть своего стараго батька. А на Ярему плюнь; не любитъ онъ тебя, если не хочетъ бросить Сѣчи и жить съ нами. А теперь ступай въ хату,—послѣ поговоримъ еще съ тобою.

— Батько, прости ему, умоляющимъ шепотомъ обратилась она къ Бурлаю; прости за меня, за мое спасеніе...

— Ступай, Катря, ступай домой; Бурлай простить теперь не можетъ. Видишь...—и онъ указалъ рукой на окровавленнаго Гусака; простить ему можетъ теперь только одно войско.

Взволнованная, со слезами на глазахъ и съ разбитымъ сердцемъ направилась Катря въ зимовникъ, а за нею пошли и всѣ остальные. По дорогѣ къ нимъ присоединился и Иванъ, спавшій недалеко отъ рѣчки. Услышавши шумъ и звонъ сабель,

онъ бросился къ ивняку, когда все уже было окончено. Увидѣвши связаннаго Ярему и истекавшаго кровью Гусака, онъ сейчасъ же догадался, что произошло тутъ безъ него. Безнадежно махнулъ онъ рукою, посмотрѣвши на Ярему. „Бабы, все бабы, шепталъ про себя старый козакъ: говорилъ я—не доведутъ онѣ до добра“. Враждебно и злобно посмотрѣлъ онъ на Катрю и, уныло повѣсивши голову, пошелъ за всѣми, придумывая, какъ выручить товарища изъ бѣды.

Бережно перенесли оказавшагося живымъ Гусака въ хату, и Бурлай опытной рукой перевязалъ ему сочившіяся кровью раны. Скоро все успокоилось кругомъ, и только изъ небольшого сада, лежавшаго около хаты, доносились сдержанныя рыданія Катри, горестно прильнувшей къ груди Марыси.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Южно-русскія интермедіи изъ польской драмы „Comunia duchowna Ss. Borysa y Hleba".

Въ старыхъ интермедіяхъ польскихъ хранятся драгоцѣнные матеріалы для исторіи народнаго быта, и интересующіеся разработкою исторіи народной культуры не могутъ не желать, чтобы эти любопытныя изображенія народнаго прошлаго были собраны и перепечатаны въ возможной полнотѣ. (Тихонравовъ, Отчетъ о 19 присужденіи. стр. 100).

Въ польскомъ учебникѣ риторики конца XVII в. [1]) находится польская драма „Comunia duchowna Ss. Borysa y Hleba na akt dana przez mlodz Collegium Polockiego Societatis Iesu „съ южно-русскими интермедіями. Приведена она неизвѣстнымъ составителемъ этого учебника, вѣроятно, какъ подтвержденіе его правилъ о сущности драматическихъ произведеній, но самыхъ правилъ въ сборникѣ мы не находимъ: они точно также, какъ и начало, и конецъ нашей драмы, утеряны. Что нашъ сборникъ написанъ въ концѣ XVII в., этому мы находимъ слѣдующее доказательство: на послѣднихъ его листахъ помѣщены планъ и содержаніе другой драмы „Mauritius orientis caesar", и сказано, что она была представлена въ 1693 году. Если и предположить, что самый сборникъ риторики могъ быть составленъ много позже представленія названныхъ драмъ, то все таки интермедіи изъ „Comunia duchowna Ss. Borysa y Hleba" относятся къ любопытнымъ памятникамъ южно-русской рѣчи конца XVII в.

---

[1]) Этотъ сборникъ любезно былъ намъ предложенъ для изслѣдованія проф. П. В. Владиміровымъ, которому за это и приносимъ свою благодарность.

Содержаніе этой драмы слѣдующее: прежде всего идетъ интермедія, начало которой утеряно. Дѣйствующими лицами ея являются garbarz (кожевникъ) и хлопъ. Въ сохранившемся отрывкѣ интермедіи они, очевидно, разговариваютъ между собой о тѣхъ декораціяхъ, какія необходимы были для постановки драмы, при чемъ вся соль интермедіи заключается въ неудачныхъ замѣчаніяхъ хлопа по поводу объясняемыхъ ему кожевникомъ непонятныхъ предметовъ: [1])

Garbarz. Да, мужыку, цына мон дорога то матерія.
Chłop. Одну маю, ой пане, дорога (ą) maciora (ą),
Garbarz. Що тутъ седят, усюгды ѣдят аксамыты.
Chłop. Такъ пане, и я знаю, од нас оны сыты.
Garbarz. В ных на полумысках атлас готованы.
Chłop. Так пане, од нас паны завше выхованы.
Garbarz. Еще ты, дурен, ходы, ос обачыщ органы.
Chłop. Што, пане, да еще по пар не ораны.
А щож гето за скрыня, колыб як одомкнуты,
Мог бы што кольвек одтуль грошей высунуты.
Garbarz. В середине, дурню, найдеш тылько михи.
Chłop. Я казавъ, што грошы сут нетощые михи.
Garbarz. От, дурны, он напхане михи давны мае.
Chłop. Держы, пане сусиде, он там той утикае.
Жывіе гето гуслы, держы, утикают.
Garbarz. Не руш, коли потягнеш, то уси заграют.
Эй не руш, крыкне, зараз познают панове.
Не упынеш, як скрыня голосно зарове.
Chłop. А на щож разложоно дощечки маліе?
Гето ж якіе дуды панове лихіе.
Garbarz. Не упыныш гета, як роговни..... [2])

---

[1]) Передавая польскую abeced'у русскими буквами, мы строго слѣдили за точнымъ воспроизведеніемъ фонетическаго правописанія нашей рукописи, и такъ какъ въ ней нѣтъ никакихъ знаковъ для обозначенія твердости и мягкости согласныхъ, то мы и рѣшили не употреблять ъ и ь, опасаясь надѣлать ошибокъ: фонетическое правописаніе нашего памятника вообще не выдержано, и потому разстановка еровъ можетъ выйти слишкомъ произвольною; только лишь ł мы передаемъ чрезъ *лъ*, *а* l черезъ *ль*.

[2]) Не разобрано слово.

Не бурчы, дурнило, щоб нас не зогналы,
Як почнут нас хвостат, щоб не прыстогналы.
Я есмы прышов сынка мого послухаты,
Учуеш, як хорошенко буде казаты.
Полацинску як репку грызе, як озме чытати
Повна светлица іого усюды чуваты.
Як лапку коли сати медвед озме малы,
Так мармолыт мой сынок на своим Альвары.....
Колы.... [1]) здойме, надмется як ропуха.
Так то іому, а тут.... [2]) около опуха.
Так то іому прыстойно, як бы то панятко,
Альбо великого князя якое князатко.

Chłop. Такъ, сусиде, и нам Бог дав доброго сына.
Там же то роскошна погана детіна.
Год тылько мае, юж з города гонит
И свыне, хот и бохон озме, не уронит.
Як народився, повны ночвы іого были,
А корыто завысилы мисто колыбыли.
Третіого дня почав смалыты капусту.
Чы редку бувало даси, чы ты кашу густу,
И палци осмокче. Дай Боже, дождаты,
Буде землю, сусиде, кому там пахаты.

Послѣ этого отрывка слѣдуетъ Prologus. Выходятъ, над полагать, два ученика и прогоняютъ кожевника съ хлопом (въ текстѣ драмы стоятъ неясныя обозначенія primus, secundus)

Primus. Iakiescie wy tu weszli, precz z tąd, grubianie.
Garbarz. Не журыся, сподару, мілостівы пане.
Чы гутко Гаврылко буде говорыти?
Колыб то, пане, сынка мого обачыти.
Secundus. Abo ma twoy Hawryłko tu iaką personą?
Garbarz! Так, мосци пане, и мает од матки перстонек
Primus. Ale ty nie wiesz, ze się akt wystawia?
Garbarz. Гак самому у горло,.... [3]) що за проява.

---

[1]) Неразобран. слово.
[2]) Idem.
[3]) Idem.

Secundus. Wiedz, chłopie, zè nie iedna tu dzis będzie scena.
Garbarz. И я бачил, що стоит тут не одна стена (стѣна).
Primus. Ale, glupcze, wszak widzisz, zè iest proscenium?
Garbarz. Простенко стены (стѣны) стоятъ,—и мы разумѣіом.
Secundus. Ale patrz, durny chłopie, wszak synopsys w ręku,
Garbarz. Сам ты свынопас, да не мой сынок..... [1])
Чы чув, сусиде, згонят того, хто не мае.
Такой кардочки. Паничок ос гетой роздае.
Chłop. Дай же и нам, панятко, продай готовую
Карточку мне одну, а іому другую.

Prologus.

Nie dla ciebie to, chłopie, co tu napisano,
Nie domyszlisz się, choc by to tobie powiedziano.
Pudz na strone a słuchay, ia zas okrucienstwo
Opowiem Swantopełka a Ss. męszęstwa.
Borys y Hleb, xiężęta, Ruscy patronowie
Wielkiego Włodzimierza sławni potomkowie
Od brata Swantopełka są pozabiani,
Kiedy za konkurentow na panstwo mniemani
Bo Swantopełk po oycu chciał rządzic Ruskiemi
Kraiami, y iak ociec władnąc poddanemi.
A ne mogąc inaczey dopiąc tyran swego,
Ażby bracią wygubił w panstwie do iednego,
Wprzod Borysa przez zaboycow zgładzic namowionych,
Do siebie iadącego, potym przekupionych
Y na Hleba namowił, aby iadącego
Nozem skłoto, a po nim miał iuż y trzeciego
Jarosława pokonac, lecz inaczey rady
Bog obrocił; postrzegszy Jarosław te zdrady
Z panstwa go swego wygnał rospaczaiącego.
Pażarła Swantopełka ziemia surowego.

Между тѣмъ передъ сценой простонародная толпа все увеличивается, и среди нея происходятъ слѣдующіе разговоры:
Garbarz. Апанас, ходи до нас, ну и ты, Иване.

[1]) Idem.

А ты чого прыпіорсе, мужыку, пры том пане (панѣ)?
Не мнитеса, мовчыте, и он прышла Хведя,
А Овдуня не хотила ждаты и обеда.

Chłop. И он, сусиде, и наш Спиридон прибрався,
Он и Микита межы людми показався.

Garbarz. Пане куме, поправ накрывлоную шапку,
Назад горло, а наперед обернувсе лапку.

Chłop. Паненко, от муха тут сила, изгоны рукою,
Бестія, на што она пит (пить) кров мае твою.

Garbarz. Другая по другой от сидит стороне;
Покусают те споренко. Ну, ты, Спиридоне,
Втры нос табакою, таки засыпавес,
Дуру того под носом, як лопатою, наклавес.

Chłop. Чы кров з носа текла, чом тут помазалася.

Garbarz. А га, га, дай покой, гето ты фарбовалася.
Що гето за хвосточок, которы махлюеш.

Chłop. Авжеж вымышляеш и троху дуруеш.
Иване, пусты панов, з дороги умкныся.

Garbarz. И он не умкнется, и, смерде, не мныся.
На тоби посог, Грышко, за кончык уймыся,
А сам на той помост боржей всхватыся.
Хотивес бы, мужыку, коли до косціола
Ходити або до церкви, то тоби неволя.

Послѣ этого слѣдуетъ уже и самая драма. Въ первой сценѣ перваго акта разсказывается о томъ, какъ Святополкъ задумываетъ сдѣлаться единодержавнымъ властителемъ Руси и уговариваетъ Ерымана, казначея своего отца, чтобы онъ склонилъ посредствомъ подкупа на его сторону сенаторовъ. Но Ерыманъ на это не соглашается и во второй сценѣ рѣшаетъ употребить деньги въ пользу избранія Бориса. Въ третьей сценѣ Ерыманъ совѣтуетъ сенаторамъ избрать княземъ Бориса и разсылаетъ „listy“ и до другихъ сенаторовъ, склоняя ихъ къ тому же. Въ четвертой сценѣ сенаторы убѣждаютъ Бориса сдѣлаться княземъ, тогда какъ онъ чувствуетъ отвращеніе ко всякаго рода почестямъ. Въ пятой сценѣ разсказывается о томъ, какъ козакъ, посланный Ерыманомъ съ письмами, теряетъ коня и до-

гадывается, что его уворовали солдаты Святополка. Въ этой сценѣ есть нѣсколько мѣстъ, написанныхъ на народномъ языкѣ. Козакъ, посланный Ерыманомъ къ сенаторамъ, сильно усталъ въ дорогѣ. Пожаловавшись достаточно на свою судьбу (iestem na dworze własnie grabieżna kobyła, говоритъ онъ въ своемъ монологѣ), козакъ ложится спать, „кобылу до рук прывязавшы". Въ это время показываются два драгуна. Они уже много пробродили, но успѣли уворовать только шкуру кобылы,—и ведутъ между собою такіе разговоры:

Драгунъ 1. Нѣт папехуров полову тож усюгды
Клеты, тож чые клуни, немаш нигды люды.
Перед тым подкопався часом под хорому,
Выволочеш, што Богъ дав мужыку дурному.
Тепер ледва на гною облизлы собака
Лежыт где на сели, а скотына усяка
Покынула, тож чые усюгды оборы.
Німаш чого украсты и в панским дворы.
Кобылы тылько скуру надыбав у клеті.
Где продаты не видаю и сам где задеты.
Драгунъ 2. Цыт, спит нехто, и голову, и ноги задравшы.
Драгунъ 1. Цыт, и кобылу паствыт, до рук прывязавшы.
Драгунъ 2. Що чыныты, Иване, колыбы як дурного
Ошукаты, кобылу украсты з рук у іого.
Драгунъ 1. Бачыш, кобыла ходит по граским болоты
И ледво може хвостом облизлым молоты.
Так учыным: у гразы тут скуру утопым,
А зверху трошки всѣнку болотом покропим,
Да мнымаіы буде, вставшы, що у граз упала
Кобыла, а облизлы хвостъ тылко задрала,
И не буде насъ гнаты, даст покой усіому.
Смих учыним и соби, и тому дурному.
Уткны, Иуско, я коня одгетуль спроважу.
Драгунъ 2. Зараз я стуки моей, Иване, докажу.
Спы, дурны, болш кобыла тоби не прыснытся.
Драгунъ 1. Продавшы, пане Іуско, треба поділытся.

Козакъ, проснувшись и не находя кобылы, догадывается, что ее уворовали солдаты Святополка (Swantopełka żołnierstwo). Вытащивъ шкуру, которую утопили драгуны въ болотѣ, онъ говоритъ, что это „nie moia skora, ale mi się zgodzi, nuż się kupiec na towar ten iaki przygodzi", и, увидѣвъ, что къ нему подходитъ жидъ, козакъ обращается къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: „czemu się to nie często Borucha widami". На это жидъ ему отвѣчаетъ.

Нетуска насих мосціов, сцо до моей хаты,
Не хочете на пиво и на міод буваты.

Kozak. Czy nie kupisz u mnie towar?

Żyd. А сцо там такого?
Чы не скуру продаес коника здоглого.

Kozak. Nie zdehłego, bo zginął chwalebnie w potrzebie.
Targuy się, ia też wiele nie zachcę od ciebie.
Zobiedzoncy moy sabre, to skora kobyły.

Żyd. Три дни в полѣ вовки здохлую лупылы.

Kozak. Nie dzwi, żydzie, to skora z konia tureckiègo,
Pod Chocinem złupiona ode mnie samego.

Żyd. Чы може на турецкы сафян преробити,
Турецке цоботы цы могут тут быты?

Kozak. Jest to skora turecka y boty tureckie
Mogą byc, zrobisz sobie y skornie niemieckie,
Abo na zamsz wyprawic każesz ankolecie,
Dla chładu będziesz sobie przechodił się lecie.

Żyd. Сцож хочеш, пане сабре, за той товар взяты?
Много за турецкую скуру тобѣ даты?

Kozak. Pare, żysiu, talerow, ty za każde boty,
Wiem, że nie ieden wezmiesz od twych kupcow złoty.

Żyd. Дорого, пане сабре, за скуру без мяса
Просис, гето видис, яка згуба наса.
Озмы таляр.
Kozak. Kto widział turecką przedawac.
Za talar skurę, iakoś smiał tak wiele dawac.

Żyd. Озмы ж таляр и други, а больш не торгуйся,
На други раз зо мною лепс, пане, сабруйся.

(Козакъ уходитъ).

Чы не зыск тут, панове, за так мало гроси
Турецкую скуру купыв, товар так хороси.
Покину орендарство, буду гандловаты,
Юже корцом в аренди не хоцу держаты.
В куты мескою, нихто пива не скостуе,
Ни табаки, ни меду нихто не торгуе.
Я пива ковенского кажу наробыты,
З боцки ячменя двадцят, а колы ситыси,
Мед слахецки роскажу, такы гырдяка
Буде и лоб закрутыт тверды дубеняка.
Юже не одну жменю соли усипати
Казав у пиво, следцих головок напхаты,
Сцоб смацненко мужыцтву пяному було.
Кажу класти бугуну, сцоб лоб закрутыло.
По старом не охвоцо цомус тягнут гости.
А як год мыне, жыде, заплаты старости.
Юже купцом остану, буду продавати
Турецкіе скуры, буду ѣми торговати.

Настроенный такъ радостно выгодной покупкой, жидъ ложится отдыхать, накрывшись шкурой. Въ это время является діаволъ. Злой духъ не доволенъ: дѣла его идутъ плохо, но, говоритъ онъ, „teraz dowcip pokażę, kiedy będę radził Swantopełkowi, aby swoię bracią zgładził, a sam na panstwo wstąpił. Doznaią, co umie ten diabel, прибавляетъ онъ. Діаволъ желаетъ записать для себя „niecnoty wszystkie", какія совершаются на землѣ, но у него нѣтъ ни пергамену, ни даже шкуры кобылы. Увидѣвъ жида, отдыхающаго подъ шкурой, діаволъ приказываетъ ему вылѣзть изъ подъ нея,—и между ними завязывается слѣдующій разговоръ:

Żyd. Ахъ страх, пане дябле, з скуры лезти тоей,
Колыб з кобылыною не згубыты моей,
Пане дябле, копило.

Diabel. Iako, żydzie, kropidło wnet iacie skropie,
I ieszcze się smiesz natrząsac z swiętych rzeczy, chłopie!
Wylaz że mi z pod skury, stan tu, a twe złosci
Powiaday, żydzie, bo twe będę mlocił kosci.

Żyd. Пане дябле, просты, жыд ницого не знае

Diabel. Iako, ieczsze się zapizac chcesz, smierdzący baiu!
Powiedz twoie psykusi, ktore chrzescianom
Czynisz, ktore y chłopom, ktore wielkim panom.
Żyd. Ницого, мости пане дябле, не видаю,
Однаково усенкі, мой satanie, даю
Diabel. Iako, żydzie, kto miesza do gorzałki wodę,
Kto y w innych napoiach ludziom czyni skodę.
Żyd. Ой не я, пане дябле, Лейба то завсюгды
Женет тылько смердзіонку, прыливает воды,
А до табаки сыпле завше цемерыци,
А до ретки смажоной догтику з мажницы,
Diabel. Piszę y to, ale kto na ohyde czyni
Chrzescianom, a kto kal wrzuca w miody swini.
Żyd. Боруг, мости пане, Боруг, он завсюгды, дою,
Уварывси, усипле у капусту гною.
Diabel. Toto żydowskie złosci, a wiesz co na innych?
Żyd. Ой, пане дябле, много и христіан винных
Diabel. Powiaday mi, a naprzod od panow zaczniemy,
Ostatek przy ogonie na innych spiszemi.
Żyd. Не выписес, мой дябле, на панов усіого,
Хоц быс зніос скуры свѣта.... цалого,
Горе жыдов и панове тепер салберами,
И пан тепер заровно микитит з жыдами.
Пан одын за полтора тепер жыда стоит,
Торгует, барысует, як на то прыстоит,
Од тое, пане дябле, хотей написаты,
Позычывшы, панове не хотят оддаты.
Diabel. Czy wszystko? czemu większe rzeczy, żydzie, miiasz?
A bo ty mię z pamięci, poganinie zbiiasz?
Czemu tego nie mowisz, że sprawedliwosci
Miedzy wiernemi nie masz, wzaiemney milosci,
Wolą grosz wziąc od żyda, niż trzy od wiernego;
Kiedy co arendowac, a w karczmie kożdego.
Żyd nie mal...., czemu nie zarabia chleba
Katolik w tey zè karczmie, to powiedziec trzeba
Czemus tego nie powiedzial, że krzywdę chłopkowie

Wielką od panow cierpią, a zotto brzuchowie
Ich się krwią, ich potami w rosadzi rozpychaią,
Ty ią iako bedlęta ciata nabywaią?
Czemus tego nie mowil, że podatki częste,
Dochody y z sel, y z myta tak przychodzą gęste,
Kiedy się zadziewaią? na tey ia karbuię
Skurze wszystko y na sąd Boży nagotuię.
Nie żarty to, nie żarty, tam się postrzeżecie,
Kiedy się pod me rządy w piekle dostaniecie.
Popraw mi piora, kosm ten wyciągni rękoma.
Nie umiesz ręką, widze, wyciągni zęboma.
Ieczsze czy nie masz czego powiedziec, moy żydzie?—
Nuz mi też zokaży, co na pamięc przydzie

Żyd. Пане дябле, студенци часом нам здымуют
Сапки и на улыцах часом зацепают.

Diabel. Fraszka to, żydzie, za to wszak odsepie w szkole,
Kiedy się porwie iakie na cię pocholę.
Lecz ia postrzegłem, żydziè, ieczsze cos lepsze,
Zapomiales u niewiast stroiu zbytecznego,
Często się stroią nie tak, by się podobały
Swym malżonkom, lecz innych oczy powiabiały.
Obetnę ia ogony, tam ia upiękrzone
Posypię proszkiem włosy, tam ia rozpałone
Wprowadzę włosy rozęki. Łeb z włosami
Skręcisz się babę, ktora pysznisz się stroiami
Przyczytay że, żydzie, co iest tut napisano.

Żyd. Босков яких, мой дябле, тут намаліовано!

Diabel. Czytay, żydzie, umiesz, aby slebizowac.

Żyd. Чы я скапа, мосци пане, сцоб умев жолжовац?

Diabel. Iako żydzie! mow za mną: wez tę ckore, diable...

Żyd. Не страс, юже жолжовац потрафлю, мой дябле,
Ву, ву, ву, верни скуру, пане дябле.

Diabel. Ieczsze się sam mi, żydzie, zapisz na tey skorze,
Inaczey, poganinie, na cię się oburzę

Żyd. Не сцо чыныты, юже руцка подписифа.
Одно ты, пане дябле, просу, не глумися.

Diabel. A coż mi po tey skorze, na niey nie poiadę,
Tylko po drogach chodząc, będę miał zawadę.
Ciebie ia za mierzyna, moy życiu, obiorę,
Będzięsz u mnie romakiem, masz pedały spore.
Pokaż sam, ktora pasza lubos pokładany
I wałach dawni kiedys ieczsze obrzezany,
Lecz mi się za parobkę zgodzisz podrożnemu
Cieżko krążąc tak wielie diabłowi pieszemu.
Tylko czy nie tylczak ci, lub insza doymuie.
Choroba, powiedz, żysiu, to mie zafrasuie.

Zyd. Пане дябле, пов мили на мне не заедес,
Сам себе обсукаес, сам себе заведес.
Тыльчак и хороба у мене всенкіе,
Пусты, пане дябле, косточки бедные.

Diabel. Nic trwoż, żydzie, zleczę cię, iak iełonek skoczysz,
Wnet tu nadusz kołka, w rozne strony zboczysz.
Sprawię ia cię, moy, żyśiu, powiedz, czuiesz kędy
Tylczak, iesli iakie cierpisz bole wszędy.

Żyd. Под хвостом кобили тыльчак з тамтоль тым гоныти,
Пане дябле, постронком треба мне не быти.

Diabel. Bredzisz, zydzie, twoy tylczak, iako pod ogonem
Ma byc cudzim, uciecha z tym głupim gawionem.
Lecz, zlodzieiu, sprawię cię, będziesz ty wnet zdrowy:
Kiedy ciebie lekarstwem opatrzę ia tym nowym.
A iuż es zdrow?

Żyd. Мосци пане дябле, пусти, ой юже тыльчаки
Послы усенкіе з мене вон тепер червяки.

Послѣ этого діаволъ садится на жида и уѣзжаетъ,—этимъ и оканчивается пятая сцена.

Въ шестой сценѣ перваго акта Святополкъ выманиваетъ письма у козака, пришедшаго къ нему съ жалобой на драгуновъ и, узнавъ о замыслахъ противъ себя сенаторовъ, рѣшаетъ подмѣнить письма Ерымана своими. Въ седьмой сценѣ козакъ, посланный Святополкомъ къ полковнику, жалуется ему на то, что драгуны уворовали у него коня. Тогда первый драгунъ спрашиваетъ козака:

Скажы, нешто мы, брате? яка твоя кобыла?
Kozak. Czy o szersc idzie, siwą iabkowitą była.
Драгунъ 2. Кто выдав, щобы яблыка на хрепти носыла!
Колы скапа, да скажы, яковая была?
Kozak. Miała w chrapach dwie driurki, a zas ogon w tyle.
Uszy..., dwie oczy, iesli się nie milę,
A nad to miała cztery z kopitami nogi,
Rącza była y trwała, sposobna do drogi.
A nade wszystko ieczsze taki zwyczay miała:
Inne stada zadartym ogonem zegnała
Драгунъ 1. Бѣс ѣѣ не возме, ой колы жегнала
Хвостом, чорт не озме. А як была мала?
Kozak. Wzrostu była miernego, Turka nie dorosła.
Więcey się nad zmudzina miernego podniosła.
Ale rącą biegała, twardousta była,
Kiedy w błoto leciała, żadna nie zatrzymała siła
Драгунъ 1. Она то, мелючы хвостом, бигла до Шершеніова,
Ржала, як бис там драв, бигучы вовкова.
Kozak. A gdzież to Chercheniowo, powiedz, miły panie?
Драгунъ 2 Але он где грышку горох там подобно стане,
Kozak. A gdzież to hryszko?
Драгунъ 2. Влево од курыловои грушы.
Kozak. Powiedz że, miły panie, niech mię ta wiadomosc nie suszy.
Драгунъ 2. Допытаем ся остатка, а тепер до пана.

Конецъ этой сцены утерянъ. Въ восьмой сценѣ Святополкъ отдаетъ посланцу (козаку) подмѣненныя письма, а Грамротъ, его преданный слуга, совѣтуетъ ему отравить Бориса, указывая и чернокнижника, который бы могъ это сдѣлать. Въ девятой сценѣ призванный чернокнижникъ совѣтуетъ Святополку отравить письмо къ Борису, прочитавъ которое, онъ умретъ. Исполняя этотъ совѣтъ, Святополкъ пишетъ письмо къ Борису, въ которомъ, повинуясь будто бы голосу совѣсти, онъ предлагаетъ ему власть, и посылаетъ его черезъ Грамрота.

Въ первой сценѣ второго акта Грамротъ, распечатавъ письмо къ Борису, умираетъ отравленный ядомъ, и солдаты его об-

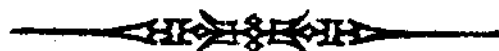
дираютъ. Затѣмъ вторая, третья, четвертая и пятая сцены въ сборникѣ утеряны. Въ шестой сценѣ убійцы, переодѣтые пилигримами, лишаютъ Бориса жизни. Въ седьмой сценѣ Ярославъ, встрѣтивъ слугъ Бориса, „stoią̨cych“ надъ своимъ убитымъ господиномъ, отсылаетъ ихъ къ Святополку, подозрѣвая ихъ въ злодѣяніи. Въ девятой сценѣ сенаторы, догадавшись, что тѣ письма, которыя они получили, ложны, и узнавъ о смерти Бориса, избираютъ княземъ Глѣба. Услыхавъ о новыхъ замыслахъ сенаторовъ, Святополкъ въ десятой сценѣ рѣшаетъ вооружить Глѣба и Ярослава другъ противъ друга, чтобы они погибли въ междоусобной войнѣ,—и въ одиннадцатой сценѣ Глѣбъ получаетъ извѣстіе отъ посланца Святополка, будто Ярославъ идетъ на него съ войскомъ, желая истребить всѣхъ братьевъ, чтобы сдѣлаться единодержавнымъ властителемъ Руси. Подобное же извѣстіе о замыслахъ Глѣба въ двѣнадцатой сценѣ получаетъ и Ярославъ.

Третій актъ начинается сценой, въ которой сходятся вѣстники Ярослава и Глѣба и уговариваются насчетъ войны. Но Глѣбъ, боясь пролитія братской крови, рѣшаетъ уйти въ пустыню. Тоже въ третьей сценѣ дѣлаетъ и Ярославъ. Въ четвертой сценѣ сенаторы, узнавъ о новой жизни Глѣба и Ярослава, идутъ въ пустыню, чтобы убѣдить ихъ принять власть надъ Русью. Между тѣмъ въ пятой сценѣ Глѣбъ и Ярославъ случайно встрѣчаются въ пустынѣ, но не узнаютъ другъ друга. Туда же въ шестой сценѣ приходятъ къ нимъ и сенаторы и, узнавъ ихъ, силою уводятъ изъ пустыни. Въ седьмой сценѣ Святополкъ, услышавъ, что Ярославъ и Глѣбъ ушли въ пустыню, замышляетъ ихъ тамъ убить. Но когда онъ узналъ, что сенаторы уже вывели ихъ оттуда, онъ рѣшаетъ убить сначала Глѣба. Въ восьмой сценѣ Глѣбъ тоскуетъ о жизни пустынника, и Святополкъ, лживо предлагая ему уступить свою власть, приглашаетъ его къ себѣ. Въ девятой сценѣ поваръ Святополка, узнавъ, что у князя будутъ гости, печалится. Этой сценой обрывается наша драма.

Анализируя языкъ интермедій, мы видимъ, что въ немъ нѣтъ ни дзеканья и уяканья, которыя въ бѣлорусскомъ нарѣчіи

появляются уже съ XVI в. [1]), ни аканья, начало котораго въ бѣлорусскомъ нарѣчіи восходитъ уже къ XIV в. [2]), но за то въ немъ очень часто встрѣчается такая довольно характерная особенность малорусскаго нарѣчія, какъ *и* вмѣсто *ѣ* Правда, *и* вмѣсто *ѣ* и въ срединѣ словъ сильно распространено и въ сѣверно-восточной части бѣлорусскихъ говоровъ (въ юго-западной менѣе), но во всякомъ случаѣ, эта звуковая черта не составляетъ особенности чисто бѣлорусской, а представляетъ ту или другую степень—на югѣ вліянія малорусскаго нар., а не сѣверѣ—новгородскаго говора [3]). Поэтому, хотя въ нашихъ интермедіяхъ и не встрѣчается самой рѣзкой черты малорусскаго нарѣчія— *и* вм. *о* и *е*, попадающейся въ южно-русскихъ памятникахъ изрѣдка уже съ XIV в. [4]), ихъ можно отнести къ памятникамъ южно-русской письменности конца XVII в. Составителемъ этихъ интермедій былъ, надо полагать, какой-нибудь малороссъ (быть можетъ, школьникъ Полоцкаго іезуитскаго коллегіума), который и не могъ поэтому сообщить имъ яркаго колорита того народнаго языка, который звучалъ среди простого люда г. Полоцка, но, съ другой стороны, разсчитывая на туземную публику, авторъ и не рѣшился ввести въ свои интермедіи рѣзкихъ чертъ своего родного языка.

Сообщилъ **М. Марковскій.**



[1]) Недешевъ, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ, Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884 г., т. XII, стр. 28.

[2]) Ibid. стр. 3—13.

[3]) Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, стр. 35.

[4]) Кочубинскій, отчетъ о 32 присужденіи наградъ граф. Уварова, 313—314.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЧЕКЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Въ № 2-мъ 1893-го года были напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“ мои воспоминанія, касавшіяся періода моей жизни въ Петербургѣ и знакомства моего съ Н. И. Костомаровымъ, Т. Г. Шевченкомъ, С. С. Гулакомъ-Артымовскимъ и др. Теперь я хочу подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя остались у меня отъ времени пребыванія моего въ юго-западномъ краѣ сейчасъ послѣ польскаго возстанія.

Оставивши окончательно Петербургъ, я пріѣхалъ съ семействомъ въ м. Радзивиловъ, волынской губерніи, расположенное на самой австрійской границѣ, гдѣ мнѣ назначена была постоянная служебная квартира. Польское возстаніе хотя было потушено, но броженіе продолжалось; войскъ, какъ для м. Радзивилова, было сосредоточено немало: стояла часть пѣхотнаго Селингинскаго полка, уланы, козаки и батарея 11-ой бригады. Семейной квартиры не было возможности найти, и, благодаря обширной почтовой станціи, я прожилъ въ ней съ семействомъ до двухъ мѣсяцевъ. Въ Радзивиловѣ тогда жилъ начальникъ таможеннаго радзивиловскаго округа, генералъ-маіоръ Богданъ Ивановичъ Крейтеръ, изъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ таможнѣ было много чиновниковъ изъ Петербурга, такъ-что жизнь не казалась скучной, не смотря на стѣснительное квартирное положеніе. Офицеры ежедневно проводили время у полиціймейстера, капитана Федора Владиміровича Зайковскаго, человѣка хлѣбосольнаго и гостепріимнаго. Въ нашей компаніи очень часто бывалъ ксендзъ мѣстнаго костела, человѣкъ уже пожилой и весьма сдержанный. Очень много было между таможенными чиновни-

ками поляковъ, или лучше сказать—католиковъ, даже съ чисто русскими фамиліями, напримѣръ—Афанасьевъ.

По разсказамъ очевидца, таможеннаго чиновника Григоровича, въ началѣ 1863 г. польскій генералъ Милославскій или Мирославскій (когда и кто его произвелъ въ генералы, остается неизвѣстнымъ) подступилъ къ Радзивилову съ трехтысячнымъ отрядомъ повстанцевъ. Когда узнали о движеніи на Радзивиловъ Милославскаго, пограничная таможенная стража была снята для охраны таможни, а пѣшая вошла въ составъ инвалидной роты. Милославскій остановился на самой границѣ по таможенной дорогѣ, ведущей изъ Радзивилова въ Броды. Польскіе конные разъѣзды взяли Григоровича, оставленнаго для охраны пограничной рогатки, и представили своему генералу. Генералъ этотъ очень былъ обходителенъ и любезенъ, разспросилъ его, о чемъ ему нужно было, затѣмъ спросилъ „якего вызнаня", т. е. какой религіи; отвѣтомъ Григоровича было, что онъ русскій и православный, на что генералъ сказалъ: „ты русинъ, а потому и православный; какой-бы ты ни былъ религіи—это ничего не значитъ, но ты все-таки русинъ этого края",—и затѣмъ велѣлъ его отпустить, съ приказаніемъ не трогать его, какъ исполняющаго свою службу. Послѣ этого генераломъ этимъ была послана шайка въ тысячу человѣкъ въ Радзивиловъ обходнымъ путемъ, не чрезъ таможню, а на предмѣстье „Левятинъ". Отрядъ вошелъ въ Радзивиловъ стройными колоннами; такъ какъ войскъ нашихъ, за исключеніемъ инвалидной роты и пограничной стражи, не было, то дали возможность войти повстанцамъ въ самое мѣстечко. На военномъ совѣтѣ отряда нашего, состоящаго изъ одной роты, рѣшено было двинуть наши силы противъ непріятеля подъ командою капитана Полищука-Замлинскаго. Отрядъ нашъ двинулся на встрѣчу, но, при видѣ стройныхъ колонъ консеньеровъ, оробѣлъ и сталъ на мѣстѣ; впрочемъ, благодаря храбрости командира-капитана, который съумѣлъ воодушевить солдатъ, они двинулись впередъ и завязали перестрѣлку. По первому выстрѣлу былъ убитъ предводитель-довудца тысячной арміи Подгородинскій, вслѣдствіе чего непріятель смѣшался; начали отступать тѣмъ же путемъ, въ безпо-

рядкѣ и, наконецъ, при сильномъ напорѣ со стороны нашей, начали бросать оружіе и прятаться по жидовскимъ хатамъ; а другіе черезъ огороды и рвы бѣжать за границу, находящуюся въ $1^1/_2$ верстѣ отъ мѣстечка. Заднія колонны польскаго отряда, болѣе сохранившія строй, отступили тѣмъ же путемъ чрезъ Левятинскую плотину. Крестьяне наши, видя бѣгство поляковъ, бросились на нихъ, кто съ чѣмъ только могъ. Пошли въ дѣло вилы, косы и колья. Отъ сильной паники много поляковъ попряталось въ тростникѣ на Левятинскомъ прудѣ и много ихъ тамъ потонуло. Милославскій, узнавши о пораженіи части его войска, не спѣшилъ на помощь, а разругалъ свой ржондъ за увѣреніе его, что ему только слѣдуетъ показаться на границѣ, какъ все населеніе русское и польское нашего государства бросится ему чуть-ли не въ объятія. „Я вижу", говорилъ, онъ „что крестьяне больше свирѣпствовали, чѣмъ регулярныя войска", и затѣмъ съ уцѣлѣвшимъ отрядомъ удалился вовнутрь Галиціи. Однихъ убитыхъ поляковъ похоронено на польскомъ кладбищѣ болѣе 60-ти человѣкъ; въ общей могилѣ за плотиной на „Левятинѣ" тоже насыпанъ большой курганъ, гдѣ похоронено тоже немало убитыхъ крестьянами и утонувшихъ, но сколько именно—преданіе умалчиваетъ. А сколько-жъ было раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ! Вообще у поляковъ выбыло изъ строя немало. Съ нашей стороны тоже были убитые и раненые, до 15-ти человѣкъ, но это сравнительно количество небольшое. Русскіе воины были похоронены на русскомъ кладбищѣ, отдѣляющемся отъ польскаго однимъ деревяннымъ заборомъ; кругомъ-же кладбища, какъ польскаго, такъ и русскаго возведена одна ограда. Кладбище съ двухъ сторонъ входитъ въ самое мѣстечко. Однажды во время прогулки съ дѣтьми возлѣ кладбища, меня подстрекнуло любопытство зайти на кладбище и посмотрѣть на памятникъ павшихъ русскихъ воиновъ. На общей могилѣ поставленъ былъ крестъ съ надписью времени событія. Няня дѣтей моихъ, пріѣхавшая съ нами вмѣстѣ изъ Петербурга, уроженка ярославской губерніи, женщина уже пожилая, грамотная и отъ природы разумная, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „что это значитъ: ограда кругомъ кладбища

одна, а посрединѣ перегорожено заборомъ; кресты, какъ тутъ, такъ и по другую сторону забора одинаковые?“ Я ей объяснилъ, что это русское кладбище, гдѣ мы гуляемъ, а тамъ—польское. „Господи Іисусе Христе“! воскликнула старуха: „что же это? одинъ только заборъ?—„Согласенъ съ тобою“, отвѣчаю ей: „одинъ только заборъ, и вотъ уже тысячу лѣтъ, какъ эта перегородка отдѣляетъ насъ отъ живыхъ и мертвыхъ нашихъ братьевъ.“

Дальше оставаться жить на почтовой станціи, при семейномъ положеніи моемъ, было немыслимо. Стѣсненіе и неудобства заставили меня нанять домъ въ уѣздномъ городѣ Кременцѣ, отстоящемъ отъ Радзивилова въ 45 верстахъ, и перевезти туда семейство. Сборы были не велики; все было упаковано; запрягли въ экипажъ почтовыхъ лошадей и тронулись въ путь. Дорогою, подъ Радзивиловымъ встрѣтили подъ военнымъ конвоемъ партію плѣнныхъ поляковъ; ихъ направляли въ Радзивиловъ, для передачи австрійскимъ властямъ, какъ оказавшихся австрійскими поданными галичанами. Австрійское же правительство, по договору съ нашимъ обезоруживало инсургентовъ, бродившихъ по австрійской пограничной территоріи, и тѣхъ, которые оказывались русскими подданными, передавало намъ тоже обратно. На эту партію плѣнныхъ обратила вниманіе та-же няня. „Что это за мальчики и куда ихъ гонятъ? да какіе славные ребята, ровно-бы изъ благородныхъ!“ Когда я ей объяснилъ, что это плѣнные польскіе воины, которые вздумали воевать съ Россіей, то старуха ахнула: „да вѣдь это дѣти; у насъ въ Россіи такихъ малолѣтокъ при кулачныхъ бояхъ посылаютъ въ задоръ, а въ бою одни пожилые да старики дѣло вершатъ“.

Въ Кременцѣ я устроилъ домъ по семейному, а самъ отправился по служебнымъ дѣламъ въ объѣздъ и между прочимъ заѣхалъ въ Почаевъ. Пріѣхавши въ Почаевъ, я прямо направился въ становую квартиру, гдѣ засталъ полный дворъ солдатъ въ полной походной формѣ. Обстоятельство это меня нисколько не удивило, такъ какъ постоянно происходили фальшивыя тревоги то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, благодаря тому,

что являлись донесенія, будто изъ заграницы такого-то дня прійдутъ шайки инсургентовъ; въ большинствѣ-же случаевъ это не оправдывалось. Изъ Почаева я направился къ границѣ въ с. с. Крутневъ и Лопушню. Въ то время въ каждомъ селѣ стояла стража изъ мѣстныхъ крестьянъ съ пиками, которая никого не пропускала, хотя бы и изъ оффиціальныхъ лицъ, пока не будетъ предъявленъ видъ за печатью. Если въ числѣ стражи были грамотные, что въ то время было большою рѣдкостью, то не приходилось долго ждать пропуска; въ противномъ-же случаѣ для прочета нужо было ѣхать къ мѣстному священнику, или же, за отсутствіемъ священника, къ дьячку, на что не мало терялось времени. При этомъ не обходилось безъ курьезовъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ помѣщикъ полякъ, что ему нужно было выѣхать изъ дому непремѣнно по весьма важному дѣлу, а за свидѣтельствомъ приходилось посылать къ исправнику, или же становому; процедура эта была не легкая, а время не терпѣло. Придумывалъ я всѣ способы, разсказывалъ онъ, какъ бы уѣхать, и, роясь безсознательно въ бумагахъ, нашелъ старыя афиши Варшавскаго цирка, гдѣ были изображены четыре лошади и два сѣдока на колесницѣ Римскихъ проконсуловъ. Недолго думая, я велѣлъ закладывать четверку лошадей и отправился въ путь. На дорогѣ, въ первомъ селеніи по пути стража меня остановила, требуя паспортъ; я вынулъ афишу и показалъ со страхомъ, боясь, чтобы меня не задержали съ этимъ документомъ, но каково-же было мое удивленіе, когда крестьяне пришли въ восторгъ отъ этого нагляднаго документа, говоря: „оце паспортъ настоящій, дывысь! и тутъ четверо коней и два сыдыть, и у пана тожъ саме; оттаки бы всимъ выдавали паспорты, то не було-бы замороки“, и меня свободно пропустили. Но говорятъ, бывали случаи еще покурьезнѣе, свидѣтельствующіе о томъ, какъ своеобразно понимали иногда крестьяне, поставленные на стражѣ, свои обязанности. Имъ велѣно было съ проѣзжающими отправляться къ батюшкѣ, или въ волость, для прочета паспорта. По разсказу одного очевидца, было такъ. „Когда я подъѣзжалъ“, говоритъ онъ, „къ селу, меня стража остановила, требуя съ однимъ изъ стражниковъ ѣхать къ ба-

тюшкѣ читать предъявленный мною имъ документъ. Тутъ-же вслѣдъ за мною подъѣхалъ другой господинъ, который не имѣлъ никакого документа для свободнаго пропуска. Стража обратилась къ пріѣзжему за документомъ; отвѣтъ послѣдовалъ: „у мене нема ніякои бумаги“—„Ну, то йидьте соби съ Богомъ“.

—„Какъ такъ“? обратился я къ стражѣ: „меня задержали съ паспортомъ, а этотъ панъ-безъ паспорта, и его свободно пропускаете“? „Бо у ёго нема чого чытать, то нехай соби йиде съ Богомъ“.

Пріѣхавши въ село Лопушню, расположенное на самой границѣ, я остановился въ волости, гдѣ и ночевалъ. Ночью слышу шумъ и бѣготню; я соскочилъ съ постели и обратился къ стойчику съ вопросомъ: „что это за бѣготня“? Стойчикъ объяснилъ мнѣ, что ночью пришла бумага отъ станового, чтобы люди, „хто мае пыки“, шли въ Почаевъ, „бо кажуть, що пидъ Каменемъ (польскій монастырь называется Подкаменемъ, расположенный отъ границы верстахъ въ двухъ, а отъ Почаева неболѣе 9 или 10 верстъ, откуда видѣнъ какъ на ладони) зибралось багацько польскаго війска и хоче идты на Почаивъ“. Впослѣдствіи оказалось, что это была тоже фальшивая тревога. Изъ Лопушни нужно было мнѣ ѣхать въ Старыя Алексѣенцы, принадлежавшіе графу Ржещевскому, и служебныя обязанности заставляли меня видѣться съ самимъ помѣщикомъ; но графа я не засталъ дома, почему мнѣ пришлось объясняться съ женою его. Графиня оказалась женщиною очень развитою, съ утонченнымъ воспитаніемъ; но вся бѣда была въ томъ, что по-русски не могла или не желала говорить. Наше объясненіе не поддавалось пониманію ни на одномъ языкѣ. Наконецъ, она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:—„а панъ муви по-хлопску?“ „Хлопскаго языка нѣтъ, а есть языкъ малороссійскій, на которомъ наши крестьяне объясняются и говорятъ“, отвѣчаю ей, „и я его понимаю.—„Ну, то добже, то бендземы мувиць по малороссійску“,—и какъ оказалось, графиня прекрасно владѣла этимъ языкомъ.

На другой день я возвратился въ Почаевъ и остановился въ домѣ еврея Мордка, у котораго останавливались всѣ, какъ

военныя, такъ и гражданскія власти, какъ въ единственномъ чистомъ и порядочномъ домѣ. Мордко сообщилъ мнѣ, что вчера у пристава былъ обыскъ, и его уже арестовали, что по этому дѣлу и его, Мордка, военная коммиссія допрашивала. Причина обыска у пристава и ареста его, какъ разсказалъ мнѣ Мордко, человѣкъ всевѣдущій и разбитной малый, была слѣдующая. Еще до повстанія, приставъ одолжилъ одному помѣщику поляку своего стана 2 тыс. р.; а когда вспыхнуло повстаніе, то должникъ панъ перешелъ границу и поступилъ въ одну изъ польскихъ бандъ, сформированныхъ заграницею. Приставъ зналъ чрезъ евреевъ, гдѣ находится его должникъ, и по этому поводу велъ съ нимъ переписку, настаивая на возвратѣ ему денегъ. Переписка эта была перехвачена и доставлена полковнику, командиру Селенгинскаго полка Салову, какъ начальнику военно-пограничнаго отряда. Сейчасъ же былъ произведенъ обыскъ, и пристава арестовали; какъ я слышалъ, его въ скоромъ времени засудили въ Сибирь и чуть ли не въ каторжныя работы.

Возвратившись домой, въ Кременецъ, я засталъ жену въ слезахъ: плакала она вмѣстѣ съ няней, соскучившись по родинѣ, а болѣе всего оттого, что все окружающее—другой народности, съ другимъ, непонятнымъ для нихъ языкомъ. Чиновники уѣздные если и были русскіе, то женаты были на полькахъ, вслѣдствіе чего въ семействахъ преобладалъ польскій языкъ; однимъ словомъ—попали онѣ въ другой міръ по нравамъ, вѣрѣ, языку и политическимъ тенденціямъ. А тутъ еще подвернулся такой случай. Во время моего отсутствія въ Кременцѣ, на военной гауптвахтѣ умеръ содержавшійся по подозрѣнію въ политическихъ польскихъ дѣлахъ православный помѣщикъ Спановскій. Жена, увидѣвши изъ оконъ своей квартиры церковную процессію съ крестами и хоругвями (въ Петербургѣ съ такимъ парадомъ никого не хоронятъ) и немалое количество дамъ, преимущественно полекъ, какъ оказалось впослѣдствіи, ожидавшихъ выноса тѣла, подстрекаемая любопытствомъ, и сама отправилась съ няней туда; но исправникъ, пріѣхавши на мѣсто сборища, разогналъ публику и безцеремонно пригрозилъ дамамъ, что если онѣ не разойдутся, то онъ всѣхъ ихъ по-

садить за рѣшетку, а процессіи велѣлъ удалиться. Жена моя была зрительницей, а не участницей въ этой оваціи и нисколько не подозрѣвала, что это была со стороны поляковъ манифестація; однако угроза исправника и безцеремонное обращеніе, чего, конечно, она въ Петербургѣ не видала и не слыхала, произвели на нее удручающее впечатлѣніе. Изъ этого она составила себѣ понятіе, что въ этомъ краѣ иного обращенія и не бываетъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. я опять переѣхалъ съ семействомъ въ м. Радзивиловъ, во избѣжаніе расходовъ на частые поѣздки, а главное потому, что Радзивиловъ представлялъ колонію русскихъ людей, и семейство мое находило болѣе утѣшенія среди своихъ, чѣмъ въ Кременцѣ. Въ началѣ іюня того же года я отправился въ уѣздъ, на самой границѣ—къ м. Алексѣенцамъ. На пути я заѣхалъ на Ледоховскій постъ къ знакомому мнѣ пограничному офицеру. Постъ находился въ полѣ, на самой границѣ. Гуляя по границѣ, я обратилъ вниманіе на бѣленькую крестьянскую избу на австрійской территоріи, стоящую отъ поста не далѣе полуверсты совершенно особнякомъ въ полѣ. Я спросилъ своего спутника, кто тамъ живетъ. Вмѣсто прямого отвѣта, спутникъ мой пригласилъ меня отправиться къ той избѣ, говоря, что увидимъ тамъ интересный феноменъ. Сначала я не рѣшался переходить границу, изъ опасенія быть задержаннымъ австрійскими властями; но мой знакомый увѣрилъ меня, что этого быть не можетъ, и я рѣшился перейти границу. Вошли мы въ избу и увидѣли старика, сидѣвшаго за работой съ иголкой; онъ сейчасъ-же поднялся, сталъ во фронтъ, и въ отвѣтъ на наше привѣтствіе, держа руку по-швамъ, отчетливо отвѣтилъ: „здравія желаемъ ваше благородіе". Сразу можно было узнать въ старикѣ николаевскаго солдата: волосы выстрижены на головѣ по-солдатски, сѣдые баккенбарды сливались съ усами, подбородокъ выбритъ, на груди изъ цвѣтной матеріи теплый нагрудникъ. Я спросилъ, въ какомъ онъ полку служилъ, и отвѣтъ послѣдовалъ—въ гренадерскомъ корпусѣ, князя Суворова полку, а стояли то въ Москвѣ, то въ Новгородѣ, а въ Петербургѣ подъ Красное ходили въ лагерь.—„Какъ же ты, старикъ, по-

палъ сюда, заграницу, ты—русскаго царя воинъ? На заданный мною вопросъ, старикъ сначала пригласилъ насъ усѣсться и началъ свое очень романическое повѣствованіе. „Это было, ваше благородіе, такъ. Я родомъ галичанинъ, изъ ближайшей отсюда деревни; съ малыхъ лѣтъ, будучи мальчуганомъ шустрымъ, проворнымъ и расторопнымъ, попалъ я въ партію контрабандистовъ; сначала посылали меня въ развѣдчики на границу, узнать, какъ и гдѣ расположена пограничная стража, а когда я уже подросъ, то началъ самъ носить контрабанду съ товарищами, а послѣ того, замѣтивъ мою ловкость, пригласили меня въ партію конныхъ контрабандистовъ, и со временемъ я самъ уже былъ вожакомъ партіи. Товары мы доставляли въ Почаевъ, Кременецъ и даже въ г. Дубно, верстъ за 50. Лошадей намъ выбирали что ни есть лучшихъ, выносливыхъ и бѣгуновъ, на случай погони, чтобы возможно было уйти. Въ одинъ пріемъ товары возили партіей человѣкъ въ двѣнадцать, на десятки тысячъ рублей. Въ партіи моей находились и закордонные крестьне с. Ледухова. Между нами въ одно время возникъ споръ: не подѣлились, какъ слѣдовало быть, заработанными деньгами, и на меня больше всего озлились Ледуховскіе компаніоны; когда же я сопровождалъ небольшую партію съ контрабандою въ м. Почаевъ, а путь лежалъ черезъ Ледуховъ, то на меня сдѣлали засаду и задержали въ селеніи; контрабанду отобрали, а какъ это было во время рекрутскаго набора, то, недолго думая, заковали меня въ кандалы и на другой день повезли въ пріемъ и сдали въ солдаты за свое общество. Жаловаться я не рѣшился, такъ какъ меня напугали, что если я только пожалуюсь, то меня, какъ пойманнаго съ контрабандою, сошлютъ въ Сибирь. У меня созрѣлъ было планъ бѣжать, но насъ привели къ присягѣ и сейчасъ же отправили съ партіею рекрутъ въ Москву; и чѣмъ дальше мы углублялись внутрь Россіи, тѣмъ побѣгъ мой казался болѣе невозможнымъ. Наконецъ, послѣ долгаго похода, прибыли мы въ Москву, и меня, какъ парня рослаго и здороваго, назначили въ гренадерскій полкъ князя Суворова. Сначала въ полку было мнѣ трудновато, но я парень былъ смышленый и усердный къ дѣлу, скоро понялъ службу, и на-

чальство мною было довольно, о побѣгѣ я уже не помышлялъ. На письма къ женѣ не получалъ отвѣтовъ: должно быть, письма не доходили къ ней; а тутъ наступила война венгерская, а послѣ—турецкая. Будучи постоянно въ походахъ и передвиженіяхъ, я мало-по-малу про родину началъ и забывать. Благодаря Бога, 25-ти лѣтній срокъ пробѣжалъ незамѣтно. Получивши отставку, я пожелалъ побывать на родинѣ; хотя и не думалъ застать никого изъ родныхъ въ живыхъ, но меня тянула какая-то невидимая сила, и я желалъ хоть взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ я родился и провелъ свою юность. Прибывши въ с. Ледухово, откуда былъ сданъ въ солдаты, я многихъ уже изъ знакомыхъ не засталъ въ живыхъ. Изъ Ледухова нужно было пробраться заграницу на свою родину, отстоящую въ 6 верстахъ, но переходить границу я побоялся, такъ какъ я считался уже русскимъ, да еще солдатомъ; въ родное село явиться было небезопасно: могли судить, какъ бѣглеца изъ своей родины. Но большого труда мнѣ не представлялось собрать нужныя для меня свѣдѣнія о родныхъ. Нашелся одинъ изъ крестьянъ, который перешелъ границу ночью и, побывавъ въ моемъ селѣ, въ ту же ночь возвратился обратно съ двоюроднымъ моимъ братомъ. Послѣ долгихъ разспросовъ о родителяхъ, братьяхъ, сестрахъ и женѣ, я узналъ, что почти никого не осталось въ живыхъ, а жена въ скоромъ времени послѣ моей сдачи въ солдаты пошла за кордонъ, т. е. въ Россію, и больше уже не возвращалась. Оставаться въ Ледуховѣ было невозможно: ни родныхъ, ни своихъ, ни кола, ни двора, какъ говорится, своего не было; нужно было искать работы,—я и направился въ м. Радзивиловъ. Сборы были, какъ солдату, не велики; уложивъ въ котомку все свое имущество, я отправился въ путь-дорогу. Подъ Радзивиловымъ нужно было проходить с. Башаровку. Въ Башаровкѣ зашелъ въ корчму отдохнуть, а словоохотливый шинкарь-еврей началъ разспрашивать меня, откуда я и куда иду; но когда онъ узналъ, что я ищу работы, то предложилъ мнѣ, не согласенъ-ли я буду остаться у мѣстнаго батюшки. „Пипъ старенькій, чоловикъ дуже поцтывый, ихъ тилько двое стариковъ, и вамъ тамъ буде добре, абы вы самы булы чо-

ловикъ працювытый и не пьяныця, якъ хочете, то ходимъ заразъ. Мене батюшка давно просывъ нараять ему чоловика и за те пообицявъ дать курку на шабасъ". Нечего было мнѣ долго думать, я согласился, и мы вмѣстѣ съ Янкелемъ отправились къ батюшкѣ. Батюшка, разспросивъ меня, могу-ли я ходить возлѣ хозяйства, велѣлъ остаться, а тамъ посмотрю, сказалъ онъ, по твоей работѣ, и послѣ договоримся „на рикъ". Янкель же былъ очень радъ этому случаю и обратился къ старухѣ-матушкѣ: „я вамъ прывивъ хорошого роботныка, и вы за те обицялы дать мени курку на шабасъ".—„Колы обицялы, то и дамо, курки намъ не жалко, абы що путнёго выйшло съ цего робитныка", и въ тоже время обратилась къ старухѣ-кухаркѣ съ приказаніемъ, чтобы она поймала курицу и отдала Янкелю. Старуха-кухарка пришла въ негодованіе на Янкеля. „Оце вже", обращаясь къ матушкѣ, кричала кухарка: „жидюга цей десяту курку бере, а толку все таки нема: ни одного не нараявъ путнёго чоловика; ему абы курку ухопыть". Долго старуха ворчала, а все-таки Янкель ушелъ съ курицею, а я остался и принялся за работу по хозяйству. Въ продолженіе двухъ недѣль хозяйство я привелъ въ порядокъ; мальчугана-подростка, смотрѣвшаго за скотиной, я прибралъ въ руки по солдатски и, поощряемый батюшкою, сталъ хозяйничать какъ будто у себя дома. Въ одно время, когда я убиралъ на току смолоченную мною рожь, пришла старуха Марина (такъ звали кухарку) звать на обѣдъ. Я не торопился идти, а она уходить, и завязался у насъ разговоръ; она разспросила, откуда я; я ей разсказалъ, откуда я самъ родомъ, какъ сданъ въ солдаты, какъ, вернувшись домой, узналъ отъ двоюроднаго брата, что родители, братья и сестры поумирали, а жена ушла за кордонъ, и никто не знаетъ, куда дѣвалась, а можетъ быть ее уже и на свѣтѣ нѣтъ. Кончивъ разсказъ, слышу и вижу, что Марина рыдаетъ; слезы такъ и льются рѣкой, и, наконецъ, не выдержала она да прямо мнѣ въ ноги такъ и упала: „Остапе, мій голубе, я твоя жинка Марына"; проговорила она сквозь слезы. Тутъ и я уже не выдержалъ, не смотря на то, что солдатъ закаленный, и самъ заплакалъ. Узнавъ объ этомъ, батюшка и

матушка приняли сердечное участіе въ нашей радости, а батюшка (царство ему небесное: хорошій и добрый былъ человѣкъ) сказалъ: „пойдемъ всѣ въ церковь и помолимся Богу, что онъ своею милостію сохранилъ васъ въ живыхъ и на старости вашихъ лѣтъ благословилъ вамъ найти другъ-друга“, и отслужилъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери. Итакъ, я съ найденною женою прожилъ у добраго батюшки годъ; жилъ бы и больше, если бы не постигла смерть батюшку-старика. Послѣ этого старуха-матушка уѣхала къ замужней дочери, а мы съ женой начали подумывать, какъ бы сколотить свой уголъ. Я хотѣлъ остаться въ Россіи, но жена питала надежду, что братья ея не откажутъ уцѣлить кусочекъ земли, чтобы построить хатенку на сколоченныя ею за долголѣтнюю свою службу кой-какія деньжонки. Надежда не обманула ее. Родные жены отвели намъ на своихъ поляхъ, прилегающихъ къ самой границѣ, кусокъ земли, гдѣ мы и построили эту хатенку, а теперь и живемъ, вѣкъ доживаемъ, и, пока силы есть, я работаю, благодаря тому, что въ молодости научился портняжничать, что теперь для меня какъ находка: съ голоду не помремъ и съ сумою не пойдемъ по міру“.

Въ 1864 или 65 г. былъ назначенъ въ Радзивиловскую таможню нѣкто Пейзенъ, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, а раньше этого, какъ говорили, былъ учителемъ въ Иркутской гимназіи. П. по службѣ былъ строгъ, но Радзивиловское общество почему-то относилось къ нему сухо, какъ къ человѣку гордому и несообщительному. Польская смута улеглась, и сообщеніе съ заграницею сдѣлалось безопаснымъ. Чиновникамъ, съ разрѣшенія начальства, дозволялось ѣздить заграницу, въ Броды за покупками для домашнихъ надобностей. Въ одно время отправился въ Броды Пейзенъ, и въ тотъ же самый день изъ Бродъ начальникъ округа и полиціймейстеръ получили доносъ, что Пейзенъ будетъ везти контрабанду, заключающуюся въ шелковой матеріи. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы при возвратѣ управляющаго П. обыскать его. Дѣйствительно, когда Пейзенъ возвращался обратно, то таможенная прислуга обыскала его экипажъ и кучера, у котораго подъ ар-

мякомъ найдено было два куска шелковой матеріи. Пейзенъ тутъ же оплатилъ найденный товаръ пошлиною и просилъ начальника округа произвести по этому дѣлу дознаніе, такъ какъ онъ матеріи въ Бродахъ не покупалъ. Вслѣдъ за этимъ явился жандармскій офицеръ, который тоже получилъ доносъ изъ Бродъ, что Пейзенъ намѣренъ былъ пропустить на двухъ подводахъ-балагулахъ оружіе для поляковъ, независимо отъ задержанной контрабанды. По дознанію оказалось, что въ Бродахъ какой-то еврей отдалъ кучеру матерію, сказавши ему, что баринъ его велѣлъ спрятать подъ армякъ и отдать ему въ Радзивиловѣ. Допрошенъ былъ офицеръ Володковскій, начальникъ отряда, квартирующій на самой пограничной рогаткѣ, и другіе, которые показали, что послѣ проѣзда управляющаго чрезъ рогатку обратно въ Радзивиловъ, дѣйствительно двѣ балагулы пріѣхали изъ Бродъ къ рогаткѣ и сейчасъ же повернули и уѣхали обратно въ Броды. Обстоятельство это надѣлало немало тревоги, но впослѣдствіи выяснилось, что всю эту злую штуку продѣлали евреи за строгій осмотръ товаровъ въ таможнѣ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1865 г. въ м. Радзивиловѣ появился изъ заграницы контрабанднымъ путемъ одинъ цадикъ. Приверженцы его по цѣлымъ днямъ осаждали квартиру своего учителя и апостола. Между евреями оказалась партія, не признающая ученія цадика; пошли между ними религіозные споры, и дошло до поголовной свалки: партія на партію наступила, и учинили общее побоище. Недовольствуясь этимъ, начали бить окна одинъ другому, и чуть не кончилось всеобщимъ погромомъ, если бы въ свое время не прибыла полиція во главѣ съ полиціймейстеромъ маіоромъ Романовымъ. Толпа была разогнана, а цадика, съ помощью противной ему партіи, удалось схватить и посадить за рѣшетку. Защитники цадика, видя себя окончательно побѣжденными и оскорбленными противною партіею съ помощію властей, воодушевились еще больше и съ неумѣренною поспѣшностію всею толпою бросились на приступъ, завладѣли полицейскимъ дворомъ и, разломавъ дверь отъ кутузки и схвативъ плѣннаго своего учителя, направились въ мѣстечко, гдѣ и скрыли его до ночи, а ночью передали его заграницу также конт-

рабанднымъ путемъ. О поступкѣ этомъ полиціймейстеръ телеграфировалъ губернатору и генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ, получивши объ этомъ свѣдѣніе, телеграфировалъ въ Луцкъ, гдѣ расположены были наши войска въ лагеряхъ, чтобы сейчасъ же одинъ баталіонъ пѣхоты былъ командированъ въ Радзивиловъ въ распоряженіе полиціймейстера. Въ тотъ же день отрядъ выступилъ въ походъ. На третій день баталіонъ пѣхоты прибылъ въ Раздивиловъ. Внезапное появленіе солдатъ въ полной походной формѣ смутило евреевъ: „какъ такъ," говорили они, „квартирьеровъ не было, а солдаты явились," и предчувствовали какую-то для себя бѣду. Полиціймейстеръ же тоже получилъ телеграмму отъ генералъ-губернатора, что въ распоряженіе его командированъ баталіонъ солдатъ для военной экзекуціи Радзивиловскому еврейскому обществу, на время, по усмотрѣнію полиціймейстера. Солдаты скоро были разведены по еврейскимъ домамъ, сами не зная, для какой надобности они сюда пришли; но когда узнали, что они присланы для экзекуціи за бунтъ жидовъ, то стали съ евреями безцеремонно обращаться и упрекать ихъ, что они бунтуются противъ царя. „Какого тебѣ рожна нужно? на перинахъ спитъ, и вздумалъ бунтовать еще! Нѣтъ, братъ! теперь я лягу на перинѣ, а ты поспи по-солдатски—на землѣ," говорили солдаты. Евреи не знали, какъ имъ уже угодить; всѣмъ подчивали, угощали виномъ, водкой, кормили до отвалу, лишь бы только задобрить и лишь-бы ихъ не называли бунтовщиками противъ царя. Въ продолженіе недѣли солдаты какъ сыръ въ маслѣ катались, но подъ конецъ уже сдѣлалось евреямъ невмоготу, и они, собравшись всѣмъ кагаломъ, такъ какъ общее горе помирило враждующія партіи, явились къ полиціймейстеру съ повинною и упросили, чтобы солдатъ перевести на котлы, а они обязались отпускать для солдатъ всѣ съѣстные продукты. Главной причиной было то, что у нихъ наступаетъ праздникъ кущей, и они боялись, что солдаты не дадутъ имъ свободно отправлять богослуженіе. Полиціймейстеръ, переговоривъ съ военными властями, порѣшилъ перевести солдатъ на котлы. Объ этомъ отданъ былъ приказъ по баталіону, но солдаты заявили

своимъ ротнымъ командирамъ, что ихъ хорошо кормятъ и что они желаютъ остаться по прежнему на еврейскихъ харчахъ. На другой день поутру велѣно бить тревогу; но предъ этимъ распустили между евреями слухи, что въ Радзиviловъ идутъ еще козаки и артилерія. Евреи, услыхавши тревогу и понимая ея значеніе, такъ какъ имъ еще остался въ свѣжей памяти 63-й годъ, были напуганы до того, что между ними произошло общее смятеніе: кто куда могъ удиралъ,—кто въ лѣсъ, а кто по крестьянскимъ хатамъ; прятались съ дѣтьми, и едва полиція могла ихъ разувѣрить, что поступокъ ихъ уже прощенъ, а тревогу били для того, чтобы солдатъ перевести на котлы.

Зосимъ Недоборовскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXXVI.

Директоръ Науменко. — Экзамены въ гимназіи. — Учитель Микульскій. — Качества директора Науменка.—Распоряженія его по гимназіи.—Надзиратели Гиргасъ и Лавида.— Клевета учителя Орловскаго.—Отношеніе Науменка къ чиновникамъ гимназіи.—Взаимное сближеніе наше при Науменкѣ.—Представленіе меня въ директоры.—Выбытіе Науменка.

По прибытіи моемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ я отъ жены моей узналъ, что въ Новгородъ-Сѣверскомъ казначействѣ получена уже бумага о выдачѣ мнѣ пенсіи со времени окончанія 25-ти лѣтней моей службы, что дало мнѣ возможность расплатиться съ долгами, сдѣланными передъ выѣздомъ въ Немировѣ.

На другой день, утромъ, я въ мундирной формѣ явился къ директору Науменку. Онъ принялъ меня совсѣмъ не такъ, какъ Зимовской въ Немировѣ, не съ упреками въ поздней моей явкѣ на службу, а съ выраженіемъ своего удовольствія, что я поспѣлъ къ начавшимся тогда экзаменамъ въ гимназіи. Странное тогда произошло для меня сопоставленіе случайностей: передъ выѣздомъ изъ Немирова я уклонился отъ экзамена по латинскому языку, чтобы не сдѣлаться орудіемъ непріятности преподавателю его; по пріѣздѣ-же въ Новгородъ-Сѣверскъ я,

[1] См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 6.

безъ всякаго моего намѣренія, подалъ поводъ къ непріятности тоже для учителя латинскаго языка. Учитель полякъ Микульскій, получившій образованіе въ бывшемъ Виленскомъ Университетѣ у іезуитовъ, конечно хорошо зналъ латинскій языкъ, но преподавалъ его по методу, не обѣщавшему успѣховъ: вмѣсто того, чтобы заставлять учениковъ самостоятельно работать, онъ самъ дѣлалъ имъ переводы въ классѣ, а въ слѣдующій урокъ спрашивалъ ихъ имъ переведенное; вслѣдствіе этого ученики сами не приготовлялись къ уроку и, какъ извѣстно было, оставляли латинскія книги въ классѣ. Во время экзамена по латинскому языку я, предсѣдательствуя на немъ, при отвѣтѣ лучшаго изъ учениковъ, Овсѣенка, которому въ спискѣ Микульскимъ поставлено было *пять*, замѣтилъ, что Овсѣенко плохо знаетъ латинскую этимологію, и заставилъ его просклонять мѣстоименіе *ego*, при чемъ онъ отвѣчалъ ошибочно, а такъ какъ это было въ присутствіи его сотоварищей, то я, недоумѣвая, какой ему поставить баллъ, вышелъ въ другой классъ, въ которомъ Науменко производилъ экзаменъ по законовѣдѣнію (преподававшемуся тогда въ гимназіи), и просилъ его разрѣшить мое недоумѣніе. Науменко велѣлъ мнѣ по окончаніи экзамена оставить одного Овсѣенка въ классѣ, и, окончивъ свой экзаменъ, пришелъ къ намъ. Овсѣенко вновь былъ проэкзаменованъ и на этотъ разъ также оказался незнающимъ латинской грамматики. Микульскій чрезвычайно сконфузился и говорилъ намъ, что онъ удивляется такому незнанію означеннаго ученика, который, по словамъ его, Микульскаго, всегда отлично отвѣчалъ ему. Поставить соотвѣтственный его отвѣту баллъ значило бы лишить его аттестата, котораго онъ заслуживалъ по всѣмъ другимъ предметамъ; мы поставили ему баллъ три (3). Овсѣенко окончилъ курсъ въ Университетѣ со степенью кандидата и былъ хорошимъ учителемъ математики.

По окончаніи всѣхъ экзаменовъ въ гимназіи, по тогдашнему обычаю, былъ актъ, на которомъ я читалъ годичный отчетъ и списокъ о переводѣ учениковъ въ высшіе классы.

Такъ началъ я мою инспекторскую службу въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ и продолжалъ ее спокойно и благо-

получно, благодаря добродушію директора Науменка. И легко мнѣ было служить при немъ, потому что въ Немировѣ я вполнѣ изучилъ инспекторскую службу, а къ тому же въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи обучались все русскія дѣти; среди учениковъ тогда почти не было поляковъ, и совсѣмъ не было евреевъ; родители смотрѣли на насъ не какъ на приставниковъ изъ чуждой народности, а какъ на воспитателей ихъ дѣтей. Науменко никогда не любилъ подчиненнымъ своимъ высказывать начальническую власть, но постояннымъ наблюденіемъ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей предотвращалъ ихъ неисправность по службѣ и въ нужныхъ случаяхъ, съ спокойнымъ видомъ, давалъ имъ свои совѣты, никого не оскорбляя своими замѣчаніями.

Науменко, пріѣхавши въ Новгородъ-Сѣверскъ, занялъ въ гимназіи инспекторскую квартиру, зная, что я буду жить въ своемъ домѣ. Директору тогда отпускалось на наемъ квартиры сто рублей. Чтобы вознаградить меня за занятую имъ квартиру, онъ соотвѣтственно означенной суммѣ ежегодно велѣлъ на свой счетъ давать мнѣ десять саженъ дровъ. Для меня было весьма выгодно, что Науменко жилъ въ самой гимназіи: я во всякое время могъ видѣться съ нимъ и совѣщаться по моимъ дѣламъ, отчего не происходило между нами никакого недоразумѣнія.

Науменко любилъ соблюдать чистоту въ зданіи гимназіи, самъ ежедневно осматривалъ всѣ классы, даже корридоры, заставляя служителей исправно убирать ихъ. Въ гимназіи тогда были двѣ залы—въ верхнемъ этажѣ и въ нижнемъ; находившаяся въ верхнемъ этажѣ назначена была только для торжественныхъ собраній и въ обыкновенное время была запираема, чтобы ученики не сорили; зала въ нижнемъ этажѣ была сборная, здѣсь ученики могли собираться и гулять. Отдѣльной комнаты для инспектора въ зданіи гимназіи не было, учителя предъ классами собирались въ комнатѣ возлѣ директорской канцеляріи, а для инспектора и надзирателей стоялъ большой столъ съ креслами въ концѣ верхняго корридора, въ которомъ я всегда могъ видѣть учениковъ, выходящихъ изъ класса, и учителей, входящихъ въ классы. Въ гимназію я всегда пріѣзжалъ около 8 ча-

совъ утра. Въ началѣ уроковъ подавались мнѣ классными старшими записки объ ученикахъ, не пришедшихъ въ классъ, и если означались въ нихъ неприбывшіе по болѣзни, то записки отсылались чрезъ служителя гимназическому лѣкарю, для освидѣтельствованія больныхъ учениковъ, а надзиратель, не дежурившій въ это время въ гимназіи, отправлялся осматривать квартиры учениковъ, не пришедшихъ въ гимназію по неизвѣстной причинѣ, и по осмотрѣ возвращался въ гимназію съ донесеніемъ о томъ, что находилъ въ нихъ [1]).

---

[1]) Въ дополненіе печатаемъ полученныя нами прибавки къ воспоминаніямъ І. А. Самчевскаго, сдѣланныя однимъ изъ его бывшихъ учениковъ. Всѣ послѣдующія добавленія въ выноскахъ принадлежатъ ему-же.

На этомъ «большомъ столѣ съ креслами» надзиратели клали записки учениковъ, «доводившихъ до ихъ свѣдѣнія» о болѣзни. Предъ большой перемѣной эти записки отсылались къ гимназическому врачу Петру Алексѣевичу Зимину; но случалось нерѣдко, что между вторымъ и третьимъ уроками часть записокъ исчезала со стола; исчезали записки обыкновенно учениковъ высшихъ классовъ, которые, такимъ образомъ, освобождались отъ посѣщенія Зимина, и ему приходилось видѣть только дѣйствительно больныхъ учениковъ, но уклонявшихся отъ посѣщенія гимназіи подъ видомъ болѣзни если и приходилось навѣщать Зимину, то такіе случаи были очень рѣдки по отношенію къ ученикамъ высшихъ классовъ. Впрочемъ въ періодъ надзирательства Гиргаса могъ быть такой случай, что, подслушавъ у замочной скважины разговоръ въ квартирѣ, Гиргасъ являлся на другой день къ мнимо больному съ врачомъ, не смотря на исчезнувшую со стола записку о болѣзни. Все десятилѣтіе 1850-хъ годовъ гимназическимъ врачемъ былъ П. А. Зиминъ, не имѣвшій, какъ врачъ, никакого авторитета въ городѣ: отъ всѣхъ болѣзней у него было три лѣкарства—касторка, ромашка и горчишники. Ученики знали о его слабыхъ медицинскихъ познаніяхъ и обманывали Зимина самымъ безцеремоннымъ образомъ, зачастую просто глумились надъ нимъ, выдумывая небывалыя болѣзни. Зиминъ, выслушавъ нелѣпое объявленіе ученика о своей болѣзни, осматривалъ языкъ, щупалъ пульсъ, а затѣмъ совѣтовалъ употребить одно изъ любимыхъ имъ лѣкарствъ, увѣряя, что завтра свободно можетъ ученикъ идти въ гимназію.

Науменко каждое утро находился въ своей канцеляріи, занимаясь текущими дѣлами. Всѣ мѣсячныя и годовыя вѣдомости онъ напередъ повѣрялъ самъ и потомъ уже въ другой разъ провѣрялъ ихъ со старшими учителями, составлявшими

Очень рѣдко Зиминъ заявлялъ инспектору о мнимой болѣзни ученика. Въ наше счастливое время (1851—1858 г.) и понятія не было о скарлатинѣ, дифтеритѣ и многихъ иныхъ нынѣ процвѣтающихъ въ гимназіяхъ болѣзняхъ. Въ теченіе означеннаго періода только одинъ ученикъ (Михаилъ Самохваловъ) умеръ, и то въ 1855 году отъ холеры. Никакихъ калошъ мы не знали и, благодаря уличной грязи, зачастую уроки просиживали съ мокрыми ногами. Рѣдко простуживались и зимою, хотя для учениковъ мученіемъ было хожденіе въ большіе морозы въ церковь, на другой отъ гимназіи конецъ города. Въ праздничные дни къ 8 часамъ ученики собирались въ зданіи гимназіи, отсюда попарно велъ ихъ надзиратель въ Соборъ; этотъ далекій путь по не расчищенной отъ снѣга улицѣ замораживалъ многихъ, а въ холодномъ Соборѣ, на чугунномъ полу, ученики просто коченѣли отъ стужи, но все это проходило благополучно; тяжкія простуды и болѣзни невѣдомы были ученикамъ того времени.

Въ наше время ученикамъ дозволялось единственное развлеченіе—это игра на площади въ мячъ, въ которой принималъ участіе и Метлинскій. Спектакли впервые явились въ 1858 году. Никакихъ литературныхъ вечеровъ мы не знали. Съ литературными произведеніями мы знакомились только по тѣмъ выдержкамъ или образцамъ, которые помѣщались въ Хрестоматіи Галахова или учебникахъ Кошанскаго. Учитель Словесности Терновскій далѣе учебниковъ не двигался. Въ 1854 году былъ назначенъ преподавателемъ Русскаго языка въ низшихъ классахъ извѣстный впослѣдствіи. Александръ Ивановичъ Стронинъ. Онъ долженъ былъ заниматься тѣмъ же предметомъ съ учениками 4-го класса, которые только съ 5-го класса начинали слушать Законовѣдѣніе. За этотъ одинъ годъ Стронинъ познакомилъ насъ съ русской литературой на столько, на сколько Терновскій, учитель Словесности, не въ состояніи былъ познакомить и за десять лѣтъ. Всѣми своими знаніями и грамотностью мы исключительно обязаны Александру Ивановичу, отъ него мы получали книги, онъ самъ во время уроковъ очень много читалъ намъ. Первый романъ, который мы въ своей жизни прочитали—это была «Обыкновенная исторія»

тогда педагогическій совѣтъ. Не имѣя надежнаго письмоводителя въ канцеляріи своей, онъ самъ для занятія этой должности образовалъ увольнившагося изъ гимназіи ученика Василія Деленчь-Ленчевскаго, который и теперь исправляетъ эту должность, усвоивъ основательное знаніе канцелярскаго производства и относящихся къ нему законоположеній. По окончаніи своихъ занятій въ канцеляріи, Науменко обыкновенно приходилъ въ классы, въ которыхъ слушалъ преподаваніе уроковъ. Директоръ и инспекторъ въ то время преподаваніемъ уроковъ въ классахъ не занимались, а наблюдали только за порядкомъ, первый по учебной части, а второй по нравственной, и дѣла имъ по этимъ

Гончарова, получилъ же ее классъ отъ Стронина; массу монологовъ этого романа мы списали и теперь помнимъ слово въ слово, какъ напр.: «мать любитъ безъ толку и безъ разбору; богаты-ли вы, красивы, горды, гремятъ-ли ваши дѣла по свѣту, голова старушки трясется отъ радости, она и плачетъ, и смѣется, и шепчетъ: это мой! и т. д.». По своему вліянію на развитіе учениковъ Стронинъ былъ достойнѣйшій сотоварищъ Метлинскаго, жаль только, что вскорѣ онъ былъ переведенъ въ Полтавскую Гимназію.

Прогулки за городъ ученикамъ строго воспрещались, только воровскимъ образомъ можно было отправиться за Десну или въ далекіе овраги, окружающіе прелестный по своему мѣстоположенію городъ. Туда и Гиргасъ боялся забираться, зная, что встрѣча можетъ добромъ не кончиться, если нарвется на компанію мужей. Въ началѣ 1850-хъ годовъ ученики за 25 лѣтъ были не рѣдкость; всѣ они носили за голенищами сапогъ воловьи рога съ нюхательнымъ табакомъ, который и употребляли согласно его назначенію. Странно было видѣть, какъ послѣ словъ Орловскаго: «болванъ! на колѣни»! эти гиганты мгновенно опускались на цѣлый часъ на полъ и смиренно стояли на колѣнахъ. Такого сорта ученики страха не знали, Гиргасъ ихъ побаивался. Былъ однажды такой случай. На площади, что около гимназіи, вдали отъ всякихъ построекъ стояла оставленная по ветхости кладбищенская церковь Св. Юрія; дожди промыли отверстіе, шедшее подъ церковь. Ученики его раскопали болѣе и когда полѣзли туда, то оказалось, что это склепъ, наполненный гробами съ совершенно истлѣвшими трупами, въ числѣ которыхъ былъ трупъ гене-

предметамъ наблюденія было не мало. Въ случаяхъ неприхода учителей на уроки Науменко считалъ безполезнымъ сводить учениковъ въ одинъ какой-нибудь классъ, гдѣ они мѣшали только преподаванію, и велѣлъ отпускать ихъ на квартиры. Науменко, узнавъ, что незадолго до прибытія его въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда ученики толпами бѣжали изъ классовъ, одинъ изъ нихъ упалъ на лѣстницѣ и сломалъ себѣ ногу, распорядился, чтобы по окончаніи уроковъ служитель не звонилъ въ колокольчикъ, а чтобы дежурный надзиратель, за пять минутъ до конца уроковъ, шелъ въ нижній коридоръ и, начиная съ 1-го класса, выпускалъ учениковъ изъ гимназіи; когда такимъ образомъ надзиратель оканчивалъ выпускъ учениковъ изъ классовъ нижняго этажа, тогда я такимъ-же образомъ выпускалъ ихъ изъ классовъ верхняго этажа; отъ соблюденія такого порядка въ гимназіи, по окончаніи уроковъ, не происходило такого шума, какой обыкновенно бываетъ при одновременномъ выпускѣ учениковъ всѣхъ классовъ по колокольчику.

Въ общей ученической квартирѣ были два особые надзирателя. По окончаніи уроковъ въ гимназіи, я обыкновенно за-

---

рала, судя по сохранившемуся въ гробѣ платью. Ученикъ 3 класса Т—й держалъ пари съ ученикомъ Ш—емъ (обоимъ далеко за 20 лѣтъ), на четверть фунта табаку Кріола папа Никола, что въ полночь онъ пойдетъ въ склепъ и напишетъ свою фамилію на гробѣ генерала. Пари состоялись. Когда вышелъ изъ квартиры Т—й, Ш—ъ другой улицей, пробѣжалъ на площадь, влѣзъ въ склепъ, накрылся простыней и сѣлъ на гробъ генерала ожидать Т—аго; тотъ не замедлилъ придти и, когда приблизился къ Ш—у, послѣдній стремительно летитъ изъ склепа, сталкивается уже на площади, у отверстія, съ Гиргасомъ, который подслушалъ ранѣе эти пари, бьетъ, какъ показалъ впослѣдствіи, отъ испуга немилосердно Гиргаса и летитъ домой. Пари, безъ сомнѣнія, выигралъ Ш—ъ, такъ какъ Т—ый своей фамиліи на гробѣ не написалъ. Вспоминая это давно прошедшее, себѣ не вѣришь, что жилъ во время оно съ такими богатырями, видѣлъ ихъ и, на одной скамьѣ сидя, слышалъ призывъ: «а ну-ста, разскажи урокъ-ста»! Смиренно подпимается богатырь, ни звука не произноситъ и смиренно идетъ въ уголъ, гдѣ и становится лицомъ къ стѣнѣ, засовывая въ носъ золотникъ нюхательнаго табаку.

ходилъ въ эту квартиру и пробовалъ оставляемую для меня порцію чая и пищи. Науменко часто освобождалъ меня отъ этой обязанности и самъ приходилъ для того же въ общую квартиру.

Частныя ученическія квартиры въ городѣ состояли подъ наблюденіемъ двухъ гимназическихъ надзирателей, и подъ моимъ личнымъ надзоромъ, а иногда посѣщаемы были и самимъ директоромъ. Изъ двухъ гимназическихъ надзирателей, *К. П. Гиргасъ*, отличался своею энергіею и былъ порядочный сыщикъ [1]).

---

[1]) Константинъ Петровичъ Гиргасъ оставилъ по себѣ недобрую память между учениками гимназіи. Это не былъ воспитатель, обязанный способствовать развитію разумныхъ и нравственныхъ началъ между учащимися; это былъ шпіонъ по страсти, могущій стоять ночи гдѣ нибудь за угломъ, за деревомъ, если онъ предполагалъ что тамъ онъ изловитъ ученика съ папиросой, или увидитъ и помѣшаетъ свиданію ученика высшаго класса. Иногда Гиргасъ дѣйствительно простаивалъ ночи у ставень гимназической квартиры, прислушиваясь къ разговорамъ, приложивъ ухо или глазъ къ скважинѣ съ цѣлью узнать, что говорятъ и что дѣлаютъ ученики въ квартирѣ. Высмотрѣвъ все, Гиргасъ входилъ въ квартиру, облизываясь, точно легавый песъ, садился и издалека начиналъ вести бесѣду о томъ, что онъ все знаетъ, что какъ бы ни были осторожны и скрытны ученики, ему всегда все извѣстно, что о немъ ученики говорятъ, кто его бранитъ и гдѣ у учениковъ находится все запрещенное. Намеками о томъ, что находится въ данной квартирѣ, онъ доводитъ слушателей до крайняго испуга и наслаждается всеобщимъ смущеніемъ и страхомъ въ теченіе часа, или двухъ, а потомъ продолжаетъ: вотъ и здѣсь мнѣ извѣстно, гдѣ у кого лежитъ табакъ и гдѣ у Лисаневича (малый, лѣтъ 23, ученикъ 3-го класса) стоитъ шкаликъ съ лимонной. Послѣ этихъ словъ всѣ столбенѣютъ,—наступаетъ страшная минута. Гиргасъ встаетъ, отодвигаетъ кроватъ Лисаневича отъ печки, вынимаетъ тщательно придавленный кроватью кирпичъ и вытаскиваетъ изъ отверстія шкаликъ лимонной водки. Затѣмъ Гиргасъ подходитъ къ этажеркѣ съ книгами и внизу подъ послѣдней полкой находитъ табакъ, бумаги и мундштучки изъ очерету. Записавъ все происшедшее въ квартирный журналъ, несмотря ни на какія просьбы и мольбы, Гиргасъ, какъ истый охотникъ, съ добычей возвращается

Наблюдая за учениками, чтобы они не курили (что въ то время сильно преслѣдовалось), онъ нарочно прохаживался по городу; видя какого-нибудь ученика, идущаго въ лавку, Гиргасъ скрывался за нею и при выходѣ ученика изъ лавки осматривалъ его карманы и вынималъ табакъ. Узнавъ о предстоящемъ какомъ-нибудь безпорядкѣ между учениками, напримѣръ о ночной пирушкѣ, Гиргасъ ночью же являлся въ ихъ квартиру,

---

домой. (Онъ жилъ на директорскомъ огородѣ въ домикѣ, имѣвшемъ двѣ комнатки, включая сѣни, или переднюю). Очевидно было, что Гиргасъ много часовъ простоялъ у скважины оконной ставни, чтобы высмотрѣть, гдѣ и что спрятано учениками. Самчевскій, говоря о немъ, что это былъ «порядочный сыщикъ», сказалъ мало,—это былъ идеальный шпіонъ по страсти, по призванію, неоцѣненный при жизни, такъ какъ онъ попалъ на службу не туда, гдѣ бы ему слѣдовало служить. Доставалось иногда и Гиргасу: стоило только кому либо замѣтить, что онъ ходитъ по ночамъ подслушивать къ извѣстной квартирѣ, тотчасъ собирается облава на Гиргаса, приглашаются мастеровые, сапожники—и Гиргаса подъ видомъ вора поколотятъ. Побои ему наносились осторожно, издалека, палками, которыя бросали въ него. Прекомично окончилась исторія съ Лисаневичемъ. На другой день Гиргасъ обо всемъ доложилъ Самчевскому. Во время перваго урока входитъ О. А. въ третій классъ. «А ну, стерво [1]), сказалъ онъ обращаясь къ Лисаневичу, выходи сюда, се ты уже за водку принявся, то тылько нюхавъ и куривъ, а теперъ вонъ якъ, ходимъ лишь». Это означало приглашеніе внизъ въ сторожку на расправу подъ розги. Проходитъ полчаса; О. А. является въ классъ съ Лисаневичемъ весь красный отъ смѣха и кричитъ Лисаневичу: покажъ, покажъ—и заставляетъ Лисаневича показать классу свои штаны. Оказалось, что Лисаневичъ, предвидя розги, продѣлъ сквозь петли штановъ замокъ, заперъ его и ключъ оставилъ дома. Приведя въ сторожку и видя, что приказанія «а ну, стерво, ложись» Лисаневичъ не исполняетъ, О. А. велитъ сторожу снять съ него штаны, причемъ обнаруживается, что послѣдніе заперты. Эта штука такъ поразила О. А. что онъ чуть не умеръ отъ смѣха; повелъ Лисаневича къ Науменку, показалъ замокъ директору,

---

[1]) Единственная и любимая ругань О. А., впрочемъ никого особенно неоскорблявшая. Въ глазахъ учениковъ она равносильна была тому, какъ бы онъ сказалъ: а ну, дрянный мальчишка...

какъ снѣгъ на голову, а если ученики спали, зажигалъ спичку и повѣрялъ, всѣ ли они дома.—Однажды дошелъ до меня слухъ,

чуть того не уморилъ, а затѣмъ привелъ въ классъ. Хохотъ былъ всеобщій, Лисаневичъ сдѣлался героемъ дня. На большой перемѣнѣ Самчевскій показывалъ его учителямъ, интересовавшимся посмотрѣть, какъ это штаны заперты. Въ концѣ концовъ Лисаневичъ былъ на нѣсколько дней посаженъ въ карцеръ въ назиданіе другимъ. Не долго послѣ этой исторіи жилъ Гиргасъ; ходилъ слухъ, что на Воздвиженской улицѣ его такъ избили, что, проболѣвъ нѣкоторое время, онъ отправился ко всеобщей радости учениковъ ad patres. Совершенной противоположностью Гиргасу былъ другой надзиратель Гавріилъ Владиміровичъ Лакида; въ его участкѣ (городъ былъ раздѣленъ на два участка) жилось гимназистамъ спокойнѣе; на куренье учениковъ высшихъ классовъ Лакида смотрѣлъ сквозь пальцы. О шпіонствѣ у благороднаго Г. В. и помину не было. Гиргасъ же развивалъ это искусство, приближалъ къ себѣ доносчиковъ, покровительствовалъ имъ и тѣмъ оказывалъ вполнѣ развращающее вліяніе на учениковъ гимназіи. Личность Гиргаса была въ гимназіи такимъ зломъ, которое, какъ всякую нечисть, надо было убрать немедленно, и надо удивляться, какъ такіе почтенные люди, какъ Науменко и Самчевскій, терпѣли Гиргаса до кончины дней его.

Въ 1850-хъ годахъ, кромѣ общей квартиры, ученики селились на двухъ главныхъ улицахъ города и на Воздвиженской, самой любимой улицѣ, наполненной садами. За 30 руб. годовой платы можно было имѣть помѣщеніе со столомъ. Въ комнатѣ помѣщалось столько учениковъ, сколько могло быть поставлено кроватей. Многіе ученики жили на собственныхъ хлѣбахъ; они нанимали комнату съ правомъ варить кушанья въ хозяйской кухнѣ. Такъ напримѣръ, три ученика Василій, Петръ и Георгій Чуйкевичи нанимали въ дворѣ Яковенка за 1 р. въ мѣсяцъ комнату, привозили съ собою изъ села Быстрика, кролевецкаго уѣзда, Горпину съ коровой, съ надлежащей провизіей—мукой, масломъ, саломъ, крупой и проч. Горпина въ хозяйской кухнѣ готовила обѣды. При такомъ способѣ содержаніе обходилось еще дешевле 30 р. въ годъ, ибо Горпина была баба своя, крѣпостная, и провизія была тоже своя, непокупная; въ деньгахъ не было никакой надобности. Чаю въ дешевыхъ квартирахъ не знали: поутру давался стаканъ молока съ бубликомъ. На учительскихъ квартирахъ ученики получали стаканъ жидкаго чая съ такимъ же грошовымъ бубликомъ.

что ученики гимназіи, толпою собравшись на одной изъ Новгородъ-Сѣверскихъ горъ, устроили драку съ учениками духовнаго уѣзднаго училища. Я хотѣлъ послать за Гиргасомъ, но онъ самъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ, что онъ видѣлъ эту драку, замѣтилъ нѣкоторыхъ учениковъ на мѣстѣ ея, и когда ученики, увидѣвъ его, разбѣжались по своимъ квартирамъ, онъ обошелъ послѣднія и, ощупывая головы учениковъ, по тѣмъ, которыя оказались въ поту, узналъ участниковъ драки; при этомъ онъ представилъ списокъ послѣднихъ, которые были за это наказаны заключеніемъ въ карцерѣ и въ классахъ. Объ ученикахъ духовнаго уѣзднаго училища я тогда же далъ знать инспектору этого училища, и съ тѣхъ поръ подобныя драки прекратились. Другой надзиратель—Г. В. Лакида—былъ исправенъ по службѣ, но не такъ энергиченъ, какъ Гиргасъ. Съ нимъ случилось слѣдующее, весьма непріятное происшествіе: одинъ изъ учениковъ, замѣченный въ дурной нравственности, когда Лакида, посѣтивъ его квартиру, выходилъ изъ сѣней, спрятался за дверь на скамейкѣ и облилъ его сзади купоросным маслом; къ счастью оно не попало на тѣло, но испортило только шинель Лакиды. За этотъ поступокъ виновный ученикъ былъ исключенъ изъ гимназіи, а отецъ его заплатилъ Лакидѣ за испорченную шинель.

Къ ученикамъ, въ случаѣ ихъ провинности, Науменко былъ довольно снисходителенъ[1]). Когда я представлялъ ему шалуновъ

---

[1]) Кто зналъ директоровъ Невѣрова и Науменка у того они въ памяти совершенно сливаются, такъ они были похожи другъ на друга; оба представляются чрезвычайно добрыми и симпатичными начальниками. Кажется, никто не можетъ сказать, чтобы кто либо изъ нихъ наказалъ ученика. Характеръ ихъ служебной дѣятельности былъ также совершенно одинаковый, и манера говорить и замѣчать у нихъ была одна и таже. Оба были высокаго роста, худощавы, съ медленной походкой и медленной рѣчью; Невѣровъ былъ блондинъ, а Науменко болѣе подходилъ къ брюнету. Не особенно часто являлся въ классы и Павелъ Осиповичъ; входилъ онъ такъ-же, какъ и Невѣровъ, въ сопровожденіи почтительнаго инспектора, такъ-же скоро оставлялъ классъ, спросивъ учителя, о чемъ сегодня урокъ. Всѣ кругомъ гово-

или лѣнивыхъ, онъ обыкновенно говорилъ мнѣ: „побить, побить ихъ надо", а я по его мимикѣ зналъ, кого должно наказать, а кого только постращать розгою. По одному случаю такого рода наказанія, я имѣлъ большую непріятность отъ клеветы учителя Орловскаго [1]). Въ гимназіи учились тогда два сына умершаго

рили, что Науменко очень добрый директоръ и ученики этому охотно вѣрили, ибо знали, что П. О. никому никогда зла не дѣлалъ. Какъ въ Черниговѣ преподаваніе учителями своихъ предметовъ шло безъ всякаго вѣдома и надзора директора Невѣрова, точно тоже совершалось и въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Случая не было, чтобы Науменко когда либо пришелъ въ классъ во время урока, прослушалъ преподаваніе учителя и обратилъ бы вниманіе на отвѣты учениковъ. Если бы П. О. не былъ прежде учителемъ гимназіи, о чемъ было извѣстно ученикамъ, послѣдніе имѣли полное основаніе думать, что ихъ директоръ ровно ничего не знаетъ, поэтому и уклоняется посѣщать классы. По неволѣ приходится допустить, что въ то время къ директору его начальствомъ были предъявляемы иныя, чѣмъ теперь, требованія, что его обязанности были не точно опредѣлены, что канцелярская работа поглощала массу времени, поэтому методъ преподаванія учителями своихъ предметовъ ускользалъ изъ сферы вліянія и надзора директора. Какъ бы то ни было, но мы глубоко уважали Науменка и очень сожалѣли, когда узнали о переводѣ его въ другую гимназію.

[1]) Людвигъ Осиповичъ Орловскій былъ учителемъ ариѳметики и геометріи; свои предметы онъ зналъ превосходно, также и объяснялъ свои уроки ученикамъ: «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». Л. О. являлся въ классъ одѣтымъ по послѣдней модѣ, медленно подходилъ къ доскѣ и тотчасъ объяснялъ слѣдующій урокъ, затѣмъ приказывалъ лучшему по математикѣ ученику повторить все то, что онъ объяснилъ, послѣ чего начиналъ спрашивать предъидущій урокъ. Въ классѣ Орловскаго была всегда мертвая тишина, никто слова не смѣлъ шепнуть своему товарищу. Орловскаго всѣ ученики очень боялись, зная его мстительный характеръ. Въ низшихъ классахъ онъ всегда почти всѣхъ вызывалъ къ доскѣ, и чуть только въ отвѣтѣ ошибка, тотчасъ: «болванъ! на колѣни!» Къ концу урока полъ класса на колѣняхъ окружали каѳедру. Орловскій охотно принималъ къ себѣ на квартиру учениковъ, чѣмъ и пользовались мало способные по математикѣ ученики; Орловскій ихъ никогда не спрашивалъ, ставилъ

Новгородъ-Сѣверскаго аптекаря О., изъ которыхъ одинъ въ особенности отличался лѣностью и любилъ ходить на охоту, что

въ теченіе года переводныя отмѣтки, а на экзаменѣ они отвѣчали то, что имъ приказано было дома приготовить. Ученикамъ, жившимъ на квартирѣ у Орловскаго, покровительствовалъ и его другъ учитель Физики и Алгебры Леопольдъ Карловичъ Искерскій, замѣчательно умный и симпатичный учитель. Онъ никогда не ставилъ ученикамъ Орловскаго непереводной отмѣтки; бывало, видя, что ученикъ ничего не знаетъ, Л. К. подойдетъ къ доскѣ, объяснитъ весь урокъ ученику и затѣмъ поставитъ три, тоже онъ дѣлалъ и на экзаменѣ. Многіе ученики брали у Искерскаго уроки по математикѣ; плата была 50 р. въ годъ. Занимался Л. К. чрезвычайно добросовѣстно, и нельзя было не знать его предметовъ. Какъ преподаватели своихъ предметовъ, Орловскій и Искерскій были образцовыми учителями, у нихъ только тотъ не зналъ, кто ничего не хотѣлъ знать, или былъ совершенно неспособнымъ ученикомъ. Самчевскій къ нимъ относился недружелюбно,—вѣроятно онъ вообще не любилъ поляковъ. Искерскій женился на дѣвицѣ Ольденборгеръ, бракъ которой съ Орловскимъ почему то не состоялся, хотя въ городѣ говорили въ свое время о немъ, какъ о вопросѣ рѣшенномъ. Въ январѣ 1858 года Искерскій былъ переведенъ, кажется, въ Ровенскую гимназію, его мѣсто занялъ Илья Гавриловичъ Радкевичъ. Пріѣхалъ къ намъ И. Г. совершеннымъ юношей, въ студентской фуражкѣ, лѣтъ повидимому 18, и тотчасъ сталъ съ учениками 7 класса на дружескую ногу, о чемъ мы прежде и мечтать не смѣли. До Радкевича всѣ учителя, кромѣ Метлинскаго, были олимпійскіе боги, страшно было подумать сказать изъ нихъ кому либо слово, въ ихъ присутствіи ученики были безгласны. Радкевичъ явился другомъ, товарищемъ, всѣ бросились къ нему съ распростертыми объятіями, и И. Г. сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. При немъ ученики 7 класса впервые, какъ существуетъ гимназія, отправились съ нимъ въ поле на практическія занятія съ астролябіей. Это былъ незабвенный день. Всѣ запаслись на цѣлый день провизіей, взяли даже съ собою нѣсколько бутылокъ церковнаго вина. Сняли мы на планъ нѣсколько участковъ земли и возвратились въ городъ съ заходомъ солнца. Впослѣдствіи мы узнали, что милѣйшему Ильѣ Гавриловичу досталось отъ директора Кулжинскаго за эту прогулку. Кажется, всю бѣду надѣлало церковное вино. Болѣе уже научнаго свойства прогулокъ никогда не было—первый блинъ оказался комомъ.

тогда строго ученикамъ запрещалось; такъ какъ этотъ ученикъ былъ въ четвертомъ классѣ и могъ быть наказанъ розгами только съ согласія матери, то она дала мнѣ отъ себя записку о своемъ согласіи наказать ея сына, если онъ того заслужилъ; сынъ ея при мнѣ и въ присутствіи дежурнаго надзирателя, который всегда въ подобномъ случаѣ при томъ находился, былъ наказанъ розгами. На другой день, когда я пришелъ въ гимназію, надзиратель Лакида разсказалъ мнѣ, что Орловскій говорилъ учителямъ, будто я жестоко наказалъ ученика О., будто мать его показывала окровавленную рубаху наказаннаго сына и хочетъ послать на меня прошеніе попечителю. Пораженный такимъ на меня нареканіемъ, я тотчасъ пошелъ къ Науменку и, разсказавъ ему слова Лакиды, просилъ позволенія подать ему рапортъ съ просьбою разслѣдовать заявленное противъ меня обвиненіе. Павелъ Осиповичъ, не терпѣвшій никакой тревоги въ гимназіи, убѣждалъ меня не начинать дѣла такимъ формальнымъ образомъ, говоря, что изслѣдованіе конечно обнаружитъ интригу Орловскаго, и что Бибиковъ, всегда строгій къ полякамъ, непремѣнно отрѣшитъ его отъ службы; при этомъ Науменко просилъ меня ни съ кѣмъ не разговаривать о клеветѣ Орловскаго, чтобы молва о ней не разнеслась по городу и между учениками, и увѣрялъ меня, что время обнаружитъ клевету и выведетъ правду на чистую воду. Нельзя было не согласиться съ такимъ совѣтомъ благомыслящаго начальника. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, когда мать наказаннаго ученика пришла ко мнѣ просить о назначеніи ей квартирантовъ изъ учениковъ, я спросилъ ее о ея намѣреніи жаловаться на меня попечителю; она съ изумленіемъ отвѣчала, что совсѣмъ не знаетъ, былъ ли сынъ ея мною наказанъ, что не видала его окровавленной рубахи и не думала на меня жаловаться, что Орловскій, сдѣлавшись женихомъ ея дочери, оставилъ ее и женился на другой дѣвицѣ полькѣ, а теперь хочетъ загладить предъ нею свой безчестный поступокъ безчестною на меня клеветою, выражая свое участіе къ наказанному ея сыну.—Ни Науменко, ни я ничего не говорили Орловскому о его клеветѣ.

Къ службѣ гимназическихъ чиновниковъ директоръ Науменко всегда былъ внимателенъ, ежегодно представлялъ ихъ по очереди къ денежной наградѣ изъ суммы, собираемой за право ученія, что тогда начальствомъ дозволялось.—Законоучителемъ гимназіи былъ въ это время Павелъ Крыловскій, недавно только посвященный въ священники[1]). Науменко совѣтовался со

[1]) Въ началѣ 1850-хъ годовъ законоучителемъ въ гимназіи былъ Протоіерей Василій Янчевскій. Онъ имѣлъ привычку прибавлять почти что къ каждому слову: «ста». А ну-ста иди-ста отвѣчать чтоль-ста! говаривалъ Янчевскій. Все преподаваніе Закона Божія Янчевскимъ заключалось въ требованіи выдолбить слово въ слово «отсюда и досюда» Таковымъ же учителемъ, только безъ «ста», явился въ 1853 году и преемникъ Янчевскаго священникъ Павелъ Алексѣевичъ Крыловскій, мущина высокаго роста, съ громадной рыжей бородой и съ постоянно ругательной фразой на устахъ: «эхъ ты, остолопъ»; за что ученики и окрестили его этой кличкой,—иного имени онъ не имѣлъ. Какъ и всѣ лица духовнаго званія, Крыловскій пользовался дружбой Самчевскаго; какъ окончившіе духовную академію, они имѣли много общихъ точекъ соприкосновенія. Очень часто, во время большой перемѣны, О. А. приходилъ завтракать къ Крыловскому, домъ котораго былъ вблизи гимназіи; разговоры ихъ всегда вертѣлись около служебныхъ движеній лицъ высшей духовной іерархіи. Крыловскій не умѣлъ составить себѣ надлежащаго положенія въ гимназіи; между учениками онъ пользовался извѣстностью отрицательнаго свойства; въ низшихъ классахъ онъ иногда прибѣгалъ къ собственноручной потасовкѣ. Будучи до сего учителемъ въ бурсѣ, Крыловскій всѣ свои привычки извѣстнаго свойства перенесъ и въ гимназію. Заданный урокъ онъ всегда спрашивалъ по книгѣ, поправляя каждое пропущенное, или не такъ сказанное слово, почему ученики предполагали, что по своему предмету онъ ровно ничего незнаетъ; этотъ способъ преподаванія убилъ въ глазахъ учениковъ всякій его авторитетъ. Крыловскій также держалъ у себя въ домѣ и во флигелѣ учениковъ—квартирантовъ, которые пользовались полной свободой; къ нимъ въ комнаты онъ никогда не ходилъ, а надзиратели не имѣли права навѣщать учениковъ, жившихъ на квартирѣ учителей. Флигель помѣщался въ саду, жизнь въ немъ была истиннымъ наслажденіемъ; это была вполнѣ студентская квартира. Здѣсь,

мною, какъ бы намъ упросить архіерея посвятить Крыловскаго въ протоіерейскій санъ, и когда Архіепископъ Павелъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, Науменко и я пришли къ нему въ полной формѣ съ просьбою о томъ; владыка соизволилъ удовлетворить нашу просьбу и поручилъ прибывшему въ то же время архіерею Дамаскину, по пути его въ Кіевъ, посвятить Крыловскаго въ протоіереи. Когда архіепископъ Павелъ выходилъ изъ монастырскаго храма, на пути его шествія въ покои разставленные нами по обѣимъ сторонамъ этого пути гимназисты брали у него благословеніе. Когда мы явились къ владыкѣ за благословеніемъ въ его покояхъ, онъ сказалъ намъ: „вотъ ужъ и видно, что въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи теперь начальники русскіе, православные,“ намекая на поляка Бездона, бывшаго прежде Науменка директоромъ; на принесенную нами ему

въ теченіе $185^7/_8$ года процвѣтала игра въ карты между учениками 7 класса, здѣсь устраивались попойки, отсюда предпринимались экскурсіи въ отдаленныя мѣста за городъ, за Десну и очень рѣдко на охоту. Половину флигеля занималъ одинъ изъ учениковъ 7 класса В.; къ нему изъ начальства никто никогда не заглядывалъ,—квартира прикрывалась флагомъ Крыловскаго. Очень многіе, выпуска этого года, игру въ преферансъ и ералашъ знали въ совершенствѣ. Въ Великій постъ 1858 года раза два или три въ недѣлю во флигелѣ Крыловскаго шла шумная и превеселая игра. Никто изъ насъ впослѣдствіи завзятымъ игрокомъ не вышелъ, эта страсть къ игрѣ окончилась у каждаго еще во время зеленой молодости,—уже въ университетѣ карты были забыты.—Крыловскій не долго былъ законоучителемъ: въ маѣ 1858 года всѣ замѣтили въ немъ большую перемѣну; П. А. началъ часто задумываться и цѣлые часы сидѣлъ одинъ на балконѣ въ саду, понуривъ голову. Признаки малѣйшей важности въ немъ исчезли. Если человѣкъ предчувствуетъ ожидающее его несчастіе, то это предчувствіе имѣло полное развитіе въ Крыловскомъ, онъ сталъ для всѣхъ невѣдомымъ какъ бы психически больнымъ человѣкомъ, и дѣйствительно, 9 іюня его видѣли еще физически здоровымъ, а 10 онъ умеръ отъ удара и утромъ лежалъ уже на столѣ, оставивъ жену и пять малолѣтнихъ дѣтей съ самыми скудными средствами къ жизни.

благодарность за посвященіе законоучителя нашего въ протоіереи, онъ съ улыбкою проговорилъ: „да, я спроворилъ".

Когда оканчивалось данное мнѣ пятилѣтіе на службѣ, Павелъ Осиповичъ, не дожидаясь отъ меня просьбы, самъ предложилъ мнѣ остаться еще на пять лѣтъ на службѣ, и представленіе его о томъ утверждено было попечителемъ.

Гуманнымъ своимъ обращеніемъ со всѣми чиновниками гимназіи Павелъ Осиповичъ сообщалъ ихъ между собою, поселялъ между ними взаимное дружелюбіе, и въ праздничное время они собирались другъ у друга. Помню одинъ Рождественскій праздникъ; начиная съ 1-го дня его до 6-го января, мы съ семействами нашими каждый вечеръ собирались сперва у директора, потомъ у меня и далѣе, по взаимному назначенію, у каждаго изъ нашихъ сослуживцевъ, и весело проводили время въ бесѣдахъ, иные въ играхъ, другіе въ танцахъ, заканчивая такое пріятельское собесѣдованіе ужиномъ, предлагаемымъ по средствамъ каждаго.

— Въ лѣтнее вакансіонное время семейство Науменка, вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, на лодкахъ, по рѣкѣ Деснѣ пріѣзжали на мой сѣнокосъ, гдѣ весь день проводили подъ открытымъ воздухомъ; косари, убиравшіе тогда сѣно, ловили намъ въ озерѣ рыбу, тутъ же ее варили и угощали насъ, подноси ее вмѣсто блюда на веслѣ; веселонравный надзиратель гимназіи Киселевичъ своими забавными разсказами и шутками увеличивалъ нашу веселость. Пріятно вспомнить проводимое такимъ образомъ время!

Отъ веселаго воспоминанія перехожу здѣсь къ печальному. Жена моя, съ молодости привыкшая ко всѣмъ перемѣнамъ погоды, слишкомъ надѣясь на свое здоровье, не берегла его. Однажды въ холодную оссеннюю пору, развѣшивая при сильномъ вѣтрѣ бѣлье, она получила такой кашель, отъ котораго уже не могли ее вылѣчить доктора—у нея образовалась чахотка. Пролежавши въ постели около пяти мѣсяцевъ, она умерла съ полнымъ сознаніемъ: наканунѣ смерти она сама распредѣлила все нужное для ея погребенія, заказала къ другому дню для насъ кушанья и за часъ предъ своею кончиною просила меня

прочитать надъ нею отходную молитву, послѣ которой поблагодарила меня за всѣ мои о ней попеченія, попросила у меня прощенія въ томъ, что не слушала моихъ совѣтовъ для сохраненія своего здоровья, и простившись со мной и сыновьями, велѣла намъ удалиться спать; черезъ часъ времени мы послышали послѣдній стонъ ея, и войдя, нашли ее уже мертвою. Это случилось въ ночь передъ праздникомъ Рождества Христова. Науменко принялъ самое дружеское участіе въ моемъ горѣ; по его совѣту меньшій сынъ мой Михаилъ перешелъ изъ Кіевской гимназіи учителемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, чтобы служить мнѣ подпорою въ моемъ несчастіи.

Науменко желалъ предъ концомъ службы своей получить другое мѣсто съ большимъ окладомъ жалованья и, по просьбѣ его о томъ, былъ переведенъ директоромъ въ Бѣлоцерковскую гимназію. Жаль намъ было разстаться съ такимъ благороднымъ начальникомъ; на данномъ ему прощальномъ обѣдѣ мы выразили общую нашу искренюю признательность и благодарность. Попечитель предписалъ мнѣ исправлять должность директора, и Науменко сдалъ мнѣ все имущество гимназіи въ совершенной цѣлости и исправности. Въ Бѣлоцерковской гимназіи Науменко служилъ съ такимъ же уваженіемъ и любовью къ нему его подчиненныхъ, какъ и въ Новгородъ-Сѣверскѣ; тамошніе сослуживцы, при выходѣ его въ отставку, поднесли ему отъ себя подарокъ. Будучи въ отставкѣ, Павелъ Осиповичъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ воспитывались два сына его, и пользовался тамъ уваженіемъ отъ всѣхъ, его знавшихъ. Когда мнѣ случалось пріѣзжать въ Кіевъ, мы встрѣчались съ нимъ, какъ старые пріятели, и съ удовольствіемъ вспоминали о нашей службѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

(Продолженіе будетъ).

АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОМИССАРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Удивительно!.. Перечитывалъ и перелистывалъ я всѣ новыя и старыя изданія и нигдѣ, даже въ академическомъ словарѣ не встрѣтилъ достопочтеннаго имени Александра Семеныча Дороганѣвскаго, отъ котораго, какъ планеты отъ солнца, многіе ученые, многіе святители россійскіе, будучи воспитанниками академіи, черпали свѣтъ и силу. Александръ Семенычъ съ сороковыхъ и до конца шестидесятыхъ годовъ былъ комиссаромъ Кіевской Духовной Академіи и не мало послужилъ просвѣщенію, раздавая студентамъ для вечернихъ занятій свѣчи и завѣдуя питаніемъ.

Такую непростительную невнимательность со стороны нашихъ лѣтописцевъ къ свѣтилу науки мы объясняемъ лишь скромностью нашего героя, не любившаго выставляться впередъ.

Беру на себя смѣлость пополнить этотъ пробѣлъ въ исторіи замѣчательныхъ людей XIX вѣка описаніемъ хотя нѣкорыхъ сторонъ жизни Александра Семеныча. Долженъ къ сожалѣнію сознаться, что перо мое слабо для изображенія дѣяній великаго жреца науки; но боги да помогутъ моему намѣренію!

Между бумагами моего покойнаго дѣда—священника Фоки Струтинскаго—я нашелъ листокъ, озаглавленный: „изъ жизни Александра Семеныча Дороганѣвскаго—комиссара Кіевской Духовной Академіи“, и помѣченный 1852 годомъ. Этотъ листокъ и побудилъ меня описать интересную въ своемъ родѣ жизнь и

дѣянія человѣка, безкорыстно отдавшаго лучшіе свои годы наукѣ. Пусть же этотъ листокъ послужитъ началомъ моему посильному труду, составивъ двѣ первыя главы настоящаго повѣствованія.

Авторъ этихъ двухъ главъ жилъ въ одной комнатѣ съ описаннымъ имъ героемъ у своего родственника, архимандрита Димитрія—ректора академіи (впослѣдствіи архіепископа херсонскаго).

Не лишенъ интереса случай, обрекшій было этотъ драгоцѣнный для меня листокъ, повидимому, на вѣрную погибель, но, какъ нерѣдко бываетъ, этому именно случаю мы и обязаны тѣмъ, что строки эти сохранились и донынѣ.

Написанная на большомъ листѣ бумаги и оставленная на произволъ судьбы, рукопись эта очутилась подъ столомъ. Авторъ, видно, не придавалъ ей никакого значенія, а написалъ только потому, что вообще любилъ что-нибудь писать. Александру Семенычу понадобилась бумага для завертыванія испеченнаго имъ слоенаго пирога, который онъ посылалъ съ оказіей въ гостинецъ моему дѣду—священнику с. Гореничъ Фокѣ Струтинскому. Не подозрѣвая, что валяющаяся подъ столомъ бумага касается его личности, Александръ Семенычъ завернулъ въ нее пирогъ. Мой дѣдъ отличался любознательностію и за отсутствіемъ книгъ и журналовъ, которые въ ту пору, кстати сказать, были недоступною для сельскаго священника роскошью, не брезгалъ перечитывать печатную и писанную бумагу, какая попадалась къ нему въ качествѣ обертки купленныхъ въ городѣ предметовъ.

Получивъ пирогъ, дѣдъ не преминулъ прочесть и его засаленную обертку, да и переписалъ ее въ свой дневникъ. (Выдержки изъ дневника дѣда моего—Фоки Струтинскаго были помѣщены на страницахъ журнала „Древняя и Новая Россія“ за 1880 годъ въ 5, 6 и 7 книжкахъ подъ заглавіемъ „Дневникъ священника“. Подлинный дневникъ составляетъ девять большихъ томовъ и обнимаетъ собою время съ 1829 по 1854 г.). Въ этомъ дневникѣ часто встрѣчается имя нашего героя. А такъ какъ дальнѣйшія дѣянія его происходили почти у меня

на глазахъ, то я и почелъ своей священной обязанностію повѣдать о подвигахъ великаго человѣка въ назиданіе потомству.

ГЛАВА I.

О томъ, кто у насъ комиссаръ [1]).

Комиссаръ у насъ Александръ Семенычъ, а у послушниковъ Братскаго монастыря извѣстенъ просто подъ именемъ „Семенычъ"; студенты Академіи дали ему почему-то прозвище „Пентефрій"; въ училищѣ отъ преподавателя латинскаго языка онъ получилъ названіе „Сало", а у эконома Академіи получилъ самое точное и вѣрное названіе „Кабанъ", или дружеское „Кабаша". Съ этимъ послѣднимъ остается онъ и до-нынѣ.

Изъ него можетъ выйти очень многое: преизряднѣйшій угодникъ Бахуса, почитатель Минервы, поклонникъ Венеры, отчаянный сибаритъ, эпикуреецъ, послѣдователь Діогена касательно излишества одежды, когда онъ, Александръ Семенычъ, въ жаркое время лѣта отправлялся нагишемъ чрезъ все село на рѣчку купаться.

Смотря по таковымъ рѣдкимъ свойствамъ, онъ человѣкъ выше своего вѣка и только жертвуетъ собою для блага міра ученаго, занимая такую обыкновенную должность. У него вездѣ и во всемъ видно стремленіе къ высшему, идеальному. Начиная съ манишки, отличающейся длинными выше ушей воротничками, плотно обхватывающими толстую шею Александра Семеныча, въ которой заключается богатырская глотка, все, рѣшительно все въ немъ носитъ характеръ необыкновеннаго величія. Ротъ нашего героя свободно вмѣщаетъ въ себѣ половину пятикопѣечной булки, оставляя при этомъ довольно мѣста для десятка крѣпкихъ словъ, необходимыхъ для вразумленія неисправныхъ служителей. Ничуть не меньше, если еще не больше, достойны удивленія бѣгающіе глазки Семеныча. Это какая-то музыка, не поддающаяся никакому описанію. Главнымъ же украшеніемъ величественной фигуры Семеныча служитъ безъ сомнѣ-

---

[1]) Изъ листка, помѣченнаго 1852 г.

нія его идеальный носъ, который, подобно зеркалу, отражаетъ всѣ ощущенія благородной души нашего героя. Въ минуту гнѣва носъ его задирается кверху, уступая поле брани оскаленнымъ зубамъ. Конфузится ли Семенычъ,—а это случается, когда его хвалятъ или благодарятъ,—носъ его виляетъ направо и налѣво, словно ищетъ выхода изъ неловкаго состоянія. Тщетно Семенычъ старается его успокоить, придавая ему при помощи двухъ пальцевъ правильное положеніе. Попробуйте удержать въ спокойномъ состояніи хвостъ вашей вѣрной собаки, встрѣчающейся съ вами послѣ нѣкоторой разлуки! Да проститъ мнѣ герой за такое свободное сравненіе...

Для полноты описанія внѣшности нашего героя слѣдуетъ упомянуть, что ростъ его выше средняго, то есть именно такой, какой необходимъ комиссару для внушенія страха и почтенія къ его особѣ со стороны непокорныхъ служителей, которые могутъ быть совершенно различнаго роста. Вѣдь смѣшно бываетъ глядѣть со стороны, какъ маленькаго роста начальникъ, обуреваемый гнѣвомъ, подскакивая, старается достать до ланитъ своего подчиненнаго, человѣка очень высокаго роста. Относительно Семеныча мы должны сознаться, что „лазить по мордасамъ“ было не въ его характерѣ. Къ такой мѣрѣ, и то только для поддержанія дисциплины, онъ прибѣгалъ чрезвычайно рѣдко; обыкновенно же ограничивался тѣмъ, что къ носу провинившагося поднесетъ свой богатырскій кулакъ,—понюхай, молъ... Запахъ кулака на служителей производилъ благотворное дѣйствіе; вкусъ же его приходилось отвѣдывать только пьяницамъ, коимъ отъ Семеныча не было пощады. Будучи и самъ угодникъ Бахуса, Семенычъ посвящалъ ему только совершенно свободное отъ занятій и службы время.

ГЛАВА II.

О происхожденіи Комиссара.

Родился нашъ герой отъ благочестивыхъ родителей въ 1820 году и по желанію отца его—діакона одной изъ подоль-

скихъ г. Кіева церквей—нареченъ Александромъ. Отецъ его былъ строгъ и не разъ потягалъ сына полѣномъ, желая усовершенствовать на диво стаченный образъ.

Въ дѣтствѣ любимымъ занятіемъ нашего героя было катанье съ горы Киселевки (нынѣ Флоровской) зимой на салазкахъ, а лѣтомъ на соломѣ, а также пусканіе бумажныхъ змѣй, кои онъ дѣлалъ весьма искусно. Это послѣднее, повидимому невинное, занятіе было причиною большого переполоха въ городѣ.

Дѣло въ томъ, что маленькій Семенычъ въ одну темную, довольно вѣтреную ночь пустилъ большого змѣя съ прицѣпленнымъ къ нему фонаремъ, въ которомъ горѣла свѣча. Кіевляне, не привыкшіе еще къ уличному освѣщенію города, а тѣмъ болѣе къ такому необыкновенному, сильно взбудоражились. Чины полиціи и пожарной команды забили тревогу. Не успокоились даже тогда, когда убѣдились, что свѣтъ исходитъ отъ фонаря, привѣшеннаго къ бумажному змѣю, о чемъ легко было догадаться по знакомому всѣмъ змѣиному гудку. У всѣхъ былъ въ памяти громадный пожаръ 1811 года, истребившій почти весь Подолъ, а потому тотчасъже принялись за строжайшіе розыски дерзкаго новатора, но конечно не нашли виновнаго. Семенычъ чрезъ своихъ братьевъ былъ извѣщенъ, что его затѣя произвела въ городѣ большой переполохъ, а потому привязалъ къ дереву шнурокъ отъ летающаго змѣя; самъ же по возвращеніи домой благоразумно скрылся на чердакѣ, гдѣ высидѣлъ 3 дня, такъ какъ тѣ же братья сообщили ему, что отецъ догадывается, чьи это штуки, и собирается отдуть юнаго просвѣтителя тьмы. Добрая *мамуня* тайкомъ отъ отца посылала на чердакъ любимчику своему пищу. А за три дня отцовскій гнѣвъ остылъ.

Уже изъ этого незначительнаго случая видно, что Александръ Семенычъ съ юныхъ лѣтъ призванъ къ просвѣтительской дѣятельности, но въ то время невѣжественные кіевляне, погрязавшіе во тьмѣ, его не оцѣнили. Это общая участь всѣхъ великихъ открытій.

Когда Семенычу было пятнадцать лѣтъ, онъ первый разъ надѣлъ штаны, ибо почувствовалъ себя неловко, катаясь съ мальчи-

ками по зимнимъ вечерамъ съ горы. Не удивляйтесь, что онъ до пятнадцати лѣтъ прожилъ безъ штановъ. Въ первой четверти настоящаго вѣка нерѣдко бывали примѣры, что молодые люди до самой свадьбы обходились безъ штановъ. Это доказываетъ только то, что въ старину нравы молодыхъ людей были чище и что имъ нечего было стыдиться. Прародители наши Адамъ и Ева до своего грѣхопаденія не чувствовали наготы.

И такъ, Семенычъ въ пятнадцать лѣтъ первый разъ надѣлъ штаны. Когда увидѣли, что онъ привыкъ къ штанамъ, его отдали въ Кіево-подольскую бурсу. Вотъ здѣсь уже вполнѣ открылся геній юнаго Семеныча, съ одной стороны, въ неподражаемой ловкости сѣчь учениковъ, которые не повыучивали своихъ уроковъ, за каковую добродѣтель онъ пріобрѣлъ почетное званіе класснаго цензора, а съ нимъ и то право, что его самого не сѣкли; а съ другой стороны...[1]) въ умѣніи пользоваться выгодами своего цензорскаго положенія, не накликая на себя непріятностей.

Поставленный въ необходимость сѣчь своихъ товарищей и записывать ихъ проступки, Семенычъ могъ только вселить ненависть къ себѣ ихъ,—повидимому такъ, но на дѣлѣ выходило наоборогъ: его любили всѣ товарищи. Въ такомъ случаѣ другая сторона—педагогическій синклитъ былъ-ли доволенъ такимъ цензоромъ? Да, вполнѣ доволенъ. Это былъ образцовый цензоръ. Какъ сумѣлъ онъ примирить интересы обѣихъ вѣчно враждующихъ между собою сторонъ—учителей и учениковъ, объ этомъ читатели узнаютъ изъ слѣдующей главы.

Вскорѣ по опредѣленіи Семеныча въ училище отецъ его скончался.

ГЛАВА III.

Дореформенная бурса и начало служенія нашего героя Минервѣ.

Въ старое доброе время въ бурсѣ не было ни надзирателей, ни классныхъ наставниковъ, ни воспитателей; не смотря

---

[1]) На этомъ и обрывается найденная мною рукопись 1852 г,

на это, контроль надъ учениками былъ гораздо строже, чѣмъ въ любой изъ нынѣшнихъ гимназій. Въ каждомъ классѣ старой бурсы было около ста учениковъ, и они по успѣхамъ въ наукахъ раздѣлялись да три разряда. Ученикамъ перваго разряда, какъ лучшимъ, ввѣрялось выслушиваніе уроковъ у своихъ товарищей низшихъ разрядовъ. Авдиторы—такъ называли перворазрядниковъ—въ свою очередь выслушивались другъ у друга. Результаты выслушиваній отмѣчались въ классномъ журналѣ, носившемъ характерное названіе *эрраты* (отъ erro—грѣшу, ошибаюсь), впослѣдствіи передѣланное въ *иратки* (вѣроятно отъ ira—гнѣвъ). Отмѣтки же свои авдиторы дѣлали не цифровыми баллами, на что имѣли право лишь учителя, а сокращенными латинскими словами: er. (erravit)—ошибался, nt (non tota)—не все, nsc (nescit)—незнаетъ.

Благодаря такому мудрому порядку, ни одинъ ученикъ не могъ скрыть ни одного даже самомалѣйшаго грѣшка противъ науки.

Какъ въ книгѣ живота отмѣченъ каждый шагъ человѣка, такъ и въ эрратахъ отмѣчалось всякое отступленіе отъ заданнаго урока. Грозному судьѣ-учителю оставалось только взглянуть въ эрраты и, сообразно авдиторской отмѣткѣ, назначить каждому виновному количество ударовъ розгой, кои немедленно тутъ же у порога цензоръ и отсчитывалъ полностію.

Цензоръ—важная птица въ классѣ. Это блюститель чистоты, порядка и тишины, хранитель мѣлу и розги и, что главнѣе всего, исполнитель кары надъ преступными товарищами. Въ виду того, что на обязанности цензора лежали: наблюденіе за порядкомъ и чистотою въ классѣ, записываніе въ журналъ неявившихся, удравшихъ, заболѣвшихъ, нарушавшихъ до прихода учителя тишину и спокойствіе класса, перекличка, сѣкуція, добываніе мѣлу, розгъ, линейки, чернилъ и перьевъ для учителя и проч. и проч.,—то ему не ставился въ вину неуспѣхъ въ наукахъ. Цензоръ могъ не слушать, что разсказываетъ въ классѣ учитель, и зѣвать по сторонамъ. Это его право, это его даже обязанность, такъ какъ, зѣвая по сторонамъ, онъ подмѣчаетъ всякія нарушенія класснаго порядка.

Возможно ли было требовать отъ цензора, что бы онъ успѣвалъ и въ наукахъ? Поэтому рѣдкій изъ цензоровъ оканчивалъ курсъ не только семинаріи, но даже и училища.

За розгами цензора Кіево-подольской бурсы отправлялись за Днѣпръ въ лозы; мѣлъ крали съ плотовъ; чернила же сами приготовляли изъ чернильныхъ орѣховъ и квасцовъ. На пріобрѣтеніе мѣла и чернилъ въ бурсѣ былъ установленъ традиціонный послѣрождественскій сборъ по три коп. съ ученика.

Такъ какъ совершенства въ мірѣ нѣтъ, то даже и при такой мудрой организаціи контроля надъ знаніемъ уроковъ и поведеніемъ учениковъ встрѣчались несправедливости. При помощи булки или иной снѣди, преподнесенной авдитору или цензору, виновные избѣгали заслуженнаго наказанія.

Извѣстно, что человѣческій контроль въ разсужденіи непогрѣшимости всегда и вездѣ хромалъ, хромаетъ и будетъ хромать, потому, главнымъ образомъ, что въ человѣкѣ сидитъ желудокъ. Человѣчество давно уже сознало свою несостоятельность въ борьбѣ съ желудкомъ и давно уже трудится надъ изобрѣтеніемъ всевозможныхъ механическихъ счетчиковъ, контрольныхъ снарядовъ и проч. для провѣрки дѣйствій. Эта же слабая сторона человѣчества, то есть зависимость его отъ желудка, была извѣстна и бурсацкимъ учителямъ, а потому они не очень то довѣряли авдиторскимъ отмѣткамъ.

По окончаніи сѣкуціи надъ тѣми изъ учениковъ, которые имѣли въ эрратахъ отмѣтки er, nt, nsc, если времени до звонка оставалось довольно, учитель вызывалъ и спрашивалъ наиболѣе слабыхъ, но отмѣченныхъ въ эрратахъ знающими. Горе было авдитору, если вызванный срѣзывался! За несправедливую отмѣтку въ эрратахъ авдитору отсчитывалась „у порога" двойная порція.

Изъ этого можете заключить, какому страшному риску подвергался авдиторъ, удовлетворяя требованію голоднаго желудка!

Но возвратимся къ нашему герою. Хотя люди привыкли видѣть въ исполнителѣ правосудія бездушнаго и безчеловѣчнаго изверга, но отнюдь не слѣдуетъ думать, что Семенычъ, по волѣ судебъ назначенный палачемъ, былъ таковымъ. Напротивъ, о его безграничномъ великодушіи свидѣтельствовали всѣ тѣ,

кого неумолимый рокъ приводилъ „къ порогу." Пользуясь отдаленностью „порога" отъ учительской резиденціи въ классѣ—кафедры, цензоръ при нѣкоторой умѣлости могъ ослаблять истязательное дѣйствіе розги. Управляемая опытной рукою Семеныча, розга со свистомъ разсѣкаетъ воздухъ и яростно опускается на ватную, грубую одежду преступника, минуя обнаженное тѣло. Въ довершеніе же иллюзіи преступный бурсакъ, безчувственную одежду коего наказуютъ, неистово реветъ:

— Ой, не буду! ей Богу не буду!

— Такъ, такъ его; хорошенько!—подбодряетъ учитель, не подозрѣвающій обмана.

Послѣ такой полезной гимнастики, возбуждающей аппетитъ, Семенычъ и его признательные кліенты усаживаются на мѣста и принимаются за блины, коими предусмотрительныя матери снабдили своихъ любимцевъ, уложивъ блины между листами засаленной псалтыри.

Во время провѣрки, которая для авдиторовъ, равно какъ и ихъ кліентовъ, рѣдко оканчивалась благополучно, когда въ классѣ раздается грозное „къ порогу!",—Семенычъ, державшій за секунду до этого въ обѣихъ рукахъ по блину, стоитъ уже у порога съ розгой. Куда онъ успѣлъ дѣвать блины—неизвѣстно. Многіе считали Семеныча магомъ и волшебникомъ, владѣвшимъ тайной превращать блинъ въ розгу, но мы думаемъ, что волшебства не было, а быстрое превращеніе блиновъ въ розгу объясняется присущимъ одному лишь Семенычу феноменальнымъ проворствомъ.

Послѣ учительскаго восклицанія „къ порогу", медленно подходитъ къ Семенычу бурсакъ, еще медленнѣе разстегиваетъ пуговицы своей одежды, въ коей одинъ изъ кармановъ, сильно оттопырившійся, обѣщаетъ аппетиту Семеныча нѣкое удовольствіе, спускаетъ съ попружки (пояса) штанишки, ложится ничкомъ на полъ, довѣрчиво предоставляя себя на благоусмотрѣніе великодушнаго Семеныча. Снова для героя нашего полезная въ смыслѣ возбужденія аппетита гимнастика—и въ результатѣ къ недоѣденнымъ блинамъ является кусокъ сала.

Послѣ обѣда, когда ученики зубрили латинскую грамматику, Семенычъ не терялъ времени безплодно, а, по изготовленіи нужнаго количества свѣжихъ розгъ, отправлялся на кухню чистить картофель, крошить капусту, нарѣзать порціи хлѣба на ужинъ. Въ этихъ полезныхъ занятіяхъ нашъ герой достигъ необыкновенныхъ успѣховъ, стяжавшихъ ему похвалу, признательность и уваженіе бурсацкаго повара и лучшіе куски, а впослѣдствіи мировую извѣстность.

Благодаря такому разумному распоряженію своими досугами, а также толковому и умѣлому обхожденію съ педагогическимъ пособіемъ добраго стараго времени, сирѣчь розгой, Семенычъ вполнѣ оправдалъ на себѣ извѣстный стихъ: „науки юношей питаютъ"..... и, вмѣстѣ съ прекраснымъ воспитаніемъ, получилъ отъ учителя латинскаго языка кличку „Сало", данную ему за его лоснящуюся отъ жиру физіономію.

ГЛАВА IV.

Повѣствующая объ окончаніи образованія нашего героя и о вступленіи его въ высшій храмъ Минервы.

Какими бы совершенствами вы ни обладали, людская несправедливость не минуетъ васъ. По проискамъ бурсацкаго инспектора И. А. Демченка, котораго старшій братъ Семеныча сдѣлалъ на вѣки калѣкою, пустивъ ему въ ноги во время вечерняго обхода полѣно, нашъ герой изъ второго класса вынужденъ былъ оставить училище. Черезъ недѣлю онъ поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію.

Вотъ какъ это случилось. Всякій, я думаю, знаетъ, что значитъ имѣть хорошую протекцію. У Семеныча былъ дядя ризничимъ въ Братскомъ монастырѣ, въ оградѣ котораго находится и Кіевская Духовная Академія. Отецъ Исаія,—такъ звали дядю,—былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ академическимъ экономомъ и упросилъ послѣдняго дать племяннику какое-нибудь мѣсто въ его вѣдомствѣ. Нечего и говорить, что отецъ экономъ остался весьма доволенъ своимъ новымъ подчиненнымъ.

Для испытанія поручили Семенычу нарѣзать около двухсотъ порцій хлѣба. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ порціи, аккуратно нарѣзанныя, красиво разложены были на студенческихъ столахъ. Каково же было удивленіе эконома и поваровъ, когда Семенычъ показалъ имъ свое искусство въ чисткѣ картофеля и крошкѣ лапши.

За такія добродѣтели Семенычъ, не въ примѣръ прочимъ, опредѣленъ былъ сразу *столовымъ* при академической кухнѣ съ правомъ покрикивать на служителей.

Вскорѣ Семенычъ свелъ знакомство съ мальчиками академическаго хора, которыхъ поражалъ необыкновенной быстротой своихъ дѣйствій, взимая за то съ нихъ контрибуцію въ видѣ выигранныхъ пари.

Когда въ Академію навезли для просола огурцовъ, Семенычъ предложилъ пѣвчукамъ слѣдующее пари: трое изъ нихъ станутъ очищать огурцы, а Семенычъ тутъ же вслѣдъ долженъ уплетать ихъ, и наоборотъ: Семенычъ одинъ берется снабжать ихъ всѣхъ троихъ очищенными огурцами, какъ бы скоро они ни уплетали ихъ.

Не смотря на такое громадное неравенство, побѣда осталась за Семенычемъ. Въ первомъ случаѣ трое, какъ ни торопились чистить огурцы, не могли угоняться за проворно дѣйствовавшими челюстями Семеныча, и ему приходилось ждать; а во второмъ—трое не въ состояніи были справляться съ очищаемыми Семенычемъ огурцами; какъ они ни старались быстро уплетать, а горка предъ ними все росла.

А вотъ другой опытъ съ вишнями. Обѣдали мы какъ-то вшестеромъ; подали двѣ тарелки вишенъ. Придвинувъ къ себѣ одну тарелку, Семенычъ предложилъ намъ:

— А ну, кто скорѣй справится съ вишнями—я одинъ, или вы всѣ пятеро? но съ условіемъ класть въ ротъ по одной ягодѣ.

Что же вы думаете? Семенычъ раньше насъ управился съ своей тарелкой. Онъ пальцами обѣихъ рукъ бралъ по одной ягодѣ и подбрасывалъ себѣ въ ротъ, при этомъ ни одна ягода не пролетѣла мимо рта.

Изъ всего этого можете заключить, какое сокровище пріобрѣла Академія въ лицѣ нашего героя.

ГЛАВА V.

Семенычъ на службѣ у ректора Академіи и нѣсколько словъ о ректорѣ архимандр. Димитріѣ.

Понятно, что необыкновенные таланты нашего героя, пока онъ занималъ скромную должность столоваго, не могли развернуться во всемъ своемъ блескѣ. Геній его требовалъ большаго простора, и вотъ фортуна, чтобы выдвинуть его, указала ему путь управителя ректорскаго хозяйства.

Эта отличающаяся непостоянствомъ богиня заинтересовалась Семенычемъ, хотя нельзя сказать, чтобы баловала его; напротивъ, часто, вѣроятно по своей вѣтренности, строила ему такія закорючки, что каждый только руками разводилъ. Другой бы при этомъ голову потерялъ или запилъ бы, но Александръ Семенычъ ни головы не терялъ, ни запивалъ, хотя для борьбы противъ козней злой богини и пальцемъ ни разу не шевельнулъ. Только „въ минуты жизни трудныя,“ продолжавшіяся иногда по нѣсколько лѣтъ, нашъ герой ложился и засыпалъ, предоставляя времени улаживать свои дѣла. Выведенная изъ терпѣнія такой невозмутимостью нашего героя, фортуна сама первая подаетъ ему руку примиренія и возвращаетъ то, что сама же и отняла.

Изъ академической столовой Александръ Семенычъ переселился въ ректорскіе аппартаменты и принялъ бразды правленія, какъ ректорскимъ хозяйствомъ, такъ и массой просителей, которые обращались къ отцу ректору, извѣстному милостынераздавателю.

Ректоръ этотъ былъ архимандитъ Димитрій (Муретовъ),— впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій. Его помнитъ вся Россія за его необыкновенную отзывчивость кь нуждамъ человѣческимъ; при этомъ онъ былъ крайне неразсчетливъ. Получая сравнительно большое содержаніе отъ Академіи и, какъ настоятель,

отъ Братскаго монастыря, Димитрій не только не собралъ ничего, но нерѣдко на другой же день по полученіи жалованья нуждался въ нѣсколькихъ рубляхъ. Его великой душѣ былъ совершенно чуждъ какой-бы то ни было разсчетъ; онъ давалъ, не вѣдая кому даетъ, на что даетъ и сколько даетъ; онъ отдавалъ все. Объ отказѣ не было и помину, потому что Семенычъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ на этотъ предметъ своего патрона, который говорилъ:

— Если проситъ кто, стало быть очень нуждается—и ему необходимо дать.

Потому-то Семенычъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ докладывалъ отцу ректору о каждомъ, рѣшительно каждомъ просителѣ.

Такъ какъ въ распоряженіи отца ректора часто не было ни копѣйки, то для удовлетворенія просителей онъ долженъ былъ частенько прибѣгать къ займамъ. Займы эти производились чрезъ посредство Семеныча у монастырскаго эконома или другого кого и были такъ значительны, что едва-едва прикрывались слѣдуемой настоятелю изъ монастырской кружки долей. Въ рѣдкихъ случаяхъ кое-что наличностью попадало къ отцу ректору въ его краснаго дерева конторку [1]), которая никогда не запиралась и изъ которой мальчуганы пѣвчіе таскали деньги.

Когда кто-то замѣтилъ отцу Димитрію. что деньги слѣдуетъ запирать, онъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Вѣдь деньги въ настоящее время, какъ вода и воздухъ, всякому нужны, даже дѣтямъ нужны. Могу ли я запирать то, что каждому нужно?

Вотъ въ какой сферѣ образовывался характеръ и наклонности нашего героя, эпикурейца и отчаяннаго сибарита, какъ рекомендовалъ его авторъ первыхъ двухъ главъ. Куда же дѣвались въ немъ эти качества самаго черстваго эгоизма? Уступили мѣсто тѣмъ качествамъ, коими прославился милостивый архипастырь Димитрій, къ которому и вернемся.

---

[1]) Эта знаменитая конторка находится у автора.

Уѣзжая на епископство въ Тулу, преосвященный Димитрій по пути роздалъ всѣ имѣвшіяся при немъ деньги; и только счастливая случайность—встрѣча его съ знакомымъ протоіереемъ—вывела его изъ критическаго положенія путешественника безъ денегъ...

При управленіи преосвященнымъ Димитріемъ Волынской епархіей, богатой архіерейскими доходами, онъ не переставалъ нуждаться, и по смерти его (1883 г.), кромѣ двухъ рясъ, у него ничего не осталось.

ГЛАВА VI.

Способъ Семеныча добывать деньги; месть его эконому и пожалованіе съ рукъ Семеныча наперсныхъ крестовъ.

Впродолженіе семилѣтней службы у ректора Семенычъ усвоилъ себѣ такой же духъ милосердія, какимъ отличался и его любвеобильный хозяинъ—архимандр. Димитрій. Впослѣдствіи, будучи комиссаромъ, и даже до самой глубокой старости, онъ старался быть подражателемъ архипастыря. Но не даромъ говоритъ пословица: guod licet Jovi, nou licet bovi, въ вольномъ же переводѣ: — что возможно было ректору съ его содержаніемъ, то не подъ силу комиссару съ 60 руб. годоваго жалованья.

Вмѣстѣ съ любовью помогать ближнему Семенычъ унаслѣдовалъ отъ своего патрона и его неразсчетливость. Но что ректору ставилось въ заслугу и возвышало его въ глазахъ народа, то у комиссара выходило порокомъ, и практичные люди, а такихъ на свѣтѣ большинство, называли его безразсуднымъ расточителемъ. И они правы: вмѣсто того, чтобы на старости лѣтъ пользоваться покоемъ и плодами трудовъ своихъ, Семенычъ въ шестьдесятъ лѣтъ вынужденъ былъ приняться за самый непріятный и неблагодарный трудъ—веденіе подворной книги, гдѣ въ графѣ о занятіяхъ противъ своей фамиліи отмѣтилъ: *„по старости лѣтъ голодаю.“* Не правда-ли много сказано въ этихъ четырехъ словахъ? Но я забѣгаю впередъ.

Если академическіе пѣвуки пользовались изъ ректорской конторки, какъ изъ своихъ кармановъ, то о домочадцахъ, къ которымъ принадлежалъ и Семенычъ, и говорить нечего. Впрочемъ, къ сожалѣнію какъ пѣвчихъ, такъ и домочадцевъ, эта конторка рѣдко бывала съ содержимымъ. Но, какъ мы уже замѣтили раньше, шаловливая фортуна на первыхъ порахъ благоволила къ Семенычу и доставляла ему пріятные сюрпризы.

Какъ-то совершенно случайно, помимо своей воли, нашему герою посчастливилось оказать большую услугу академическому инспектору, іеромонаху Даніилу. Нужно замѣтить, что тѣнистыя аллеи Братскаго монастыря, за отсутствіемъ въ то время городскихъ скверовъ, были любимымъ мѣстомъ для дѣтей съ няньками и мамками. Бѣдному инспектору, окна котораго выходили въ аллеи, цѣлый день не было покоя отъ дѣтскаго шуму, но протестовать онъ не имѣлъ духу.

Однажды Семенычъ, будучи въ раздраженномъ отъ безденежья состояніи и не зная на комъ сорвать зло, набросился на дѣтей и съ няньками выгналъ ихъ вонъ изъ монастырскихъ владѣній. Вышелъ изъ своей келіи инспекторъ и съ горячими выраженіями своей искренней благодарности за такую услугу далъ Семенычу двугривенный.

Послѣ этого Семенычъ ревностно принялся оберегать инспекторскій покой и, когда нуждался въ деньгахъ, выходилъ на дворъ, громогласно крича:

— Какъ вы, такія да сякія, смѣете тутъ шумѣть?! Развѣ нѣтъ вамъ другаго мѣста, что подъ окнами отца инспектора балуетесь? Пошли отсюда прочь!...

Признательный монахъ, не справляясь—точно ли у него подъ окнами баловались дѣти, или Семенычъ, какъ часто и случалось, кричалъ на вѣтеръ—неукоснительно каждый разъ выносилъ Семенычу двугривенный.

Награждая Семеныча двугривенными, подчасъ совершенно даромъ, инспекторъ такимъ образомъ обезпечилъ себѣ покой, застраховалъ себя отъ дѣтскаго шуму и пріобрѣлъ въ лицѣ нашего героя искренно преданнаго ему человѣка.

А вотъ монастырскій экономъ за свой отказъ одолжить денегъ, нажилъ себѣ въ Семенычѣ непримиримаго врага.

— Вы съ настоятелемъ принадили къ себѣ всѣхъ кіевскихъ дармоѣдовъ, а я давай для нихъ деньги? Вы и такъ много уже перебрали. Нѣтъ у меня про васъ денегъ.

Семенычъ и помимо эконома раздобылъ для отца настоятеля денегъ, а объ отказѣ эконома не счелъ нужнымъ докладывать своему патрону, зная, что при добротѣ послѣдняго такая дерзость останется безнаказанной, а проучить дерзкаго слѣдовало. Въ сообразительной головѣ нашего героя созрѣлъ планъ, достойный Макіавелли. Время не замедлило и исполненіемъ его.

На Оболони есть сѣнокосъ Братскаго монастыря. Былъ іюль мѣсяцъ—время косовицы. Отецъ экономъ съ боченкомъ водки отправился на сѣнокосъ, гдѣ толокою убирали монастырское сѣно. Угощая рабочихъ, отецъ экономъ не забывалъ и себя, такъ что къ вечеру вернулся въ монастырь, какъ говорится, „еле можаху." Семенычъ давно ждалъ такого благополучнаго случая для исполненія своего плана.

При помощи послушниковъ о. экономъ добрался до своей келіи и тотчасъ же захрапѣлъ. Вдругъ влетаетъ въ келію Семенычъ.

— Отецъ экономъ! Отецъ экономъ! Вставайте, васъ спрашиваетъ настоятель. Слышите? Васъ требуетъ къ себѣ настоятель. Да вставайте же! Такъ говорилъ Семенычъ, тормоша, что есть мочи, храпѣвшаго эконома.

— Чего ты присталъ? Скажи отцу настоятелю, что я еще не вернулся. Завтра утромъ прійду.

— Какъ можно?! Отецъ настоятель своими глазами видѣлъ, когда вы въѣзжали во дворъ, и велѣлъ сейчасъ же позвать васъ. Одѣвайтесь!

Дѣлать нечего, надо идти! Всталъ о. экономъ, одѣлъ рясу и клобукъ и съ помощію Семеныча кое какъ добрался до ректорской квартиры.

— Сядьте, отецъ экономъ, вотъ здѣсь, здѣсь!—говорилъ Семенычъ, бережно усаживая ослабѣвшаго эконома въ ректорской пріемной я сейчасъ доложу отцу настоятелю.

Димитрій что-то писалъ, когда вошелъ Семенычъ съ докладомъ, что къ его высокопреподобію явился зачѣмъ-то экономъ.

— Передай эконому, что я ныньче занятъ; можетъ завтра утромъ зайти,—сказалъ Димитрій, не отрываясь отъ работы.

Не выгорѣло, подумалъ Семенычъ и направился въ пріемную, сочиняя, что бы такое сказать эконому въ оправданіе за причиненное ему безпокойство; но не успѣлъ еще ничего и придумать, какъ увидѣлъ, что экономъ заснулъ въ пріемной. Такая продерзость со стороны эконома переполнила всякую мѣру терпѣнія, и противъ него, т. е. эконома, въ душѣ нашего героя поднялась буря негодованія. Не раздумывая о послѣдствіяхъ, Семенычъ рѣшилъ во что бы то ни стало выдать врага головою, т. е. представить его въ такомъ именно положеніи настоятелю, и снова отправился къ Димитрію съ докладомъ.

— Ваше высокопреподобіе! экономъ не желаетъ уходить. Сѣлъ и говоритъ, что пока не примете его, онъ не уйдетъ, а будетъ сидѣть въ пріемной хотя всю ночь.

Бросивъ перо, Димитрій, нѣсколько раздраженный, выходитъ въ пріемную со словами:

— Ну, что тамъ загорѣлось у тебя, что не могъ до завтра...

Но тутъ случилось такое обстоятельство, котораго и нашъ доморощенный Макіавелли не ожидалъ. Сгоряча онъ не соображалъ, какія послѣдствія можетъ имѣть для него такая необдуманная и неумѣстная шутка. Въ послѣдній моментъ онъ раскаялся было уже и ломалъ голову надъ вопросомъ, какъ бы извернуться, когда обнаружится его мистификація, жертвой которой стали почтенный настоятель и экономъ, и конечно ничего не могъ придумать въ свое оправданіе. Но шаловливая фортуна выручила нашего героя.

Внезапно разбуженный громкимъ настоятельскимъ голосомъ, экономъ торопливо поднялся со стула, сдѣлалъ какое-то движеніе, обозначавшее, вѣроятно поклонъ, потерялъ равновѣсіе и весьма некрасиво растянулся на полу.

Всѣ усилія его подняться, чтобы принять настоятельское благословеніе, оказывались напрасными.

Благодаря этой оказіи, которой Семенычъ и не предвидѣлъ, между дѣйствующими лицами не послѣдовало никакого объясненія, и мистификація Семеныча, какъ для настоятеля, такъ и для эконома, осталась тайною. Разсердившійся настоятель только плюнулъ и велѣлъ вывести эконома, поручивъ это дѣло нашему герою.

Провожая или вѣрнѣе влача эконома, Семенычъ не преминулъ при этомъ удобномъ случаѣ прочесть ему наставленіе о томъ, какія подчасъ непріятныя послѣдствія влечетъ за собою отказъ въ такихъ пустякахъ, какъ напримѣръ—хотя бы въ ссудѣ пятью рублями, когда къ нему, какъ къ доброму, обращаются порядочные люди.

Впрочемъ казусъ этотъ для эконома не имѣлъ печальныхъ послѣдствій, а Семенычъ выигралъ то, что экономъ, не только никогда не отказывалъ ему въ ссудѣ на счетъ настоятельской доли въ монастырской кружкѣ, но даже съ величайшей предупредительностію открылъ ему свой неограниченный кредитъ.

Къ чести нашего героя мы должны сказать, что онъ не злоупотреблялъ этимъ кредитомъ, а предпочиталъ добывать средства разными остроумными способами.

При награжденіяхъ монаховъ Братскаго монастыря наперсными крестами Семенычъ извлекалъ довольно крупные по тогдашнему времени доходы. Обыкновенно представленіе монаховъ къ наградамъ производилось помимо ихъ вѣдома.

Когда кому либо изъ представленныхъ выходитъ крестъ, то секретарь консисторіи препровождаетъ его вмѣстѣ съ указомъ настоятелю монастыря. Въ Братскомъ монастырѣ при настоятельствѣ архим. Димитрія передача наперснаго креста по принадлежности поручалась Семенычу.

— Отнеси крестъ и бумагу отцу Іосафу, да поздравь его отъ меня,—говоритъ настоятель, передавая Семенычу крестъ съ указомъ.

Съ дорогой ношей въ боковомъ карманѣ отправляется Семенычъ къ ничего нечающему старцу Іосафу; стучитъ въ дверь его келіи съ обычнымъ въ монастыряхъ возгласомъ:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ!

— Аминь! отвѣчаетъ монахъ, впуская къ себѣ Семеныча.

— Здравствуйте, отецъ Іосафъ!

— А, это вы, Александръ Семеновичъ? А я думаю, кто бы это ко мнѣ? Садитесь, Александръ Семеновичъ.

Усаживаются. Наступаетъ неловкое молчаніе, какое бываетъ при свиданіи двухъ знакомыхъ, ничего между собою общаго неимѣющихъ. Отецъ Іосафъ вопросительно глядитъ на Семеныча, думая: „что тебя занесло ко мнѣ? Никогда не заходилъ и вдругъ приплелся"... Семенычъ, утерши носъ, прерываетъ молчаніе.

— Гляжу я на васъ, отецъ Іосафъ, и думаю: пора бы вамъ и крестъ получить; вы такъ давно уже служите.

— Охъ! сорокъ два года въ монастырѣ, говоритъ отецъ Іосафъ.—Тридцать одинъ годъ въ іеромонахахъ состою.

— А вотъ отецъ Панкратій и годами моложе васъ, однако четыре года уже носитъ крестъ.

Такъ подзадориваетъ Семенычъ отца Іосафа, зная, что съ Панкратіемъ онъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, и продолжаетъ:

— А за что, подумаешь, ему такое предпочтеніе? За то развѣ только, что онъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи? Вѣдь вы и старше, и ваше богослуженіе благолѣпнѣе, и жизни строгой, а Панкратій... да развѣ его можно сравнить съ вами?

— Да что и говорить объ этомъ!—молвитъ съ грустью отецъ Іосафъ.—Видно, и помру, а наперснаго креста не увижу.

— Что вы, отецъ Іосафъ! Помирать вамъ еще рано. Богъ дастъ, мы еще долго будемъ любоваться на васъ, когда вы, украшенный золотымъ наперснымъ крестомъ, будете сидѣть подъ колокольней и окроплять св. водою богомольцевъ.

— Развѣ вы слышали что нибудь?... Можетъ быть, меня собираются представить, или отецъ настоятель говорилъ обо мнѣ? оживился отецъ Іосафъ.—Вотъ если бы Богъ сподобилъ на старости!.. Я бы кажется послѣднее отдалъ за такую милость, а то Панкратій больно ужъ куражится.

О, человѣче! Ты и на старости лѣтъ остаешься ребенкомъ. Дитя огорчается не тѣмъ, что ему не дали игрушку, а тѣмъ, что не ему, а другому дали. Предпочтеніе, оказываемое одному, порождаетъ зависть другого; а зависть переходитъ въ ненависть. Вся исторія человѣчества, начиная съ Каина и Авеля, полна такими примѣрами. Не получи отецъ Панкратій наперснаго креста, отецъ Іосафъ прожилъ бы весь свой вѣкъ спокойно, ни разу не помышляя о наградѣ. Теперь же, разогрѣтый рѣчами Семеныча, онъ готовъ былъ на всякія жертвы, чтобы получить крестъ и тѣмъ самимъ посбавить куражу съ отца Панкратія.

Семенычъ, какъ видите, былъ опытнымъ психологомъ и повелъ дѣло какъ слѣдуетъ.

— Не унывайте, отецъ Іосафъ! говоритъ Семенычъ.—Богъ дастъ — и вы получите крестъ, да еще лучшій, чѣмъ у отца Панкратія. У него уже и позолота облазитъ.

— Получите!... съ пафосомъ воскликнулъ монахъ.—Развѣ дубовый... Да поглядите, Александръ Семеновичъ, какія мои лѣта! Не сегодня—завтра въ Китаевъ свезутъ [1]).

Чувствуя, что почва уже достаточно подготовлена, Семенычъ, безъ всякихъ околичностей спросилъ:

— А вы бы дали двадцать пять рублей за крестъ?

— И пятьдесятъ бы съ радостью отдалъ.

— Почему же вы не сказали мнѣ раньше, что не пожалѣете дать за наперсный крестъ пятьдесятъ рублей? Вы давно уже носили бы его.

— Да ну?!... И вы не шутите? Да я готовъ хоть сейчасъ выложить... то есть я хотѣлъ сказать, спохватился осторожный монахъ, что, какъ получу крестъ, то сію же минуту выложу и деньги. Вы бы, Александръ Семенычъ, замолвили отцу настоятелю обо мнѣ. Вы близки къ нему, вы можете; а я сейчасъ, какъ получу крестъ, вамъ полсотни.

— Вынимайте грóши! говоритъ Семенычъ, вытаскивая при этомъ изъ бокового кармана золоченый съ длинной цѣпью крестъ.—Вы думаете я не заботился объ васъ? А вотъ и указъ.

---

[1]) Въ Китаевѣ—предмѣстіи Кіева—монастырскія кладбища.

Александръ Семенычъ ушелъ съ пятидесятирублевой бумажкой, а въ келіи монаха, не смотря на позднюю пору, виднѣлся огонь. Это—монахъ въ десятый разъ перечитываетъ указъ, не вѣря своему счастью.

Пока о. Іосафъ перечитывалъ указъ, нашъ герой размѣнялъ сѣренькую ассигнацію на мелкія и въ кругу своихъ друзей, въ квартирѣ пѣвчихъ, провозглашалъ тосты и многолѣтствія новонагражденному; при этомъ не жалѣлъ своей богатырской глотки, выражая свою признательность щедрости отца Іосафа.

Н. Ракитинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ отношеній печерской лавры къ кіевской митрополіи въ XVIII в. Печатаемый здѣсь документъ, найденный въ бумагахъ А. М. Марковича, издателя Дневныхъ Записокъ своего дѣда, представляетъ любопытный фактъ изъ отношеній печерской лавры къ кіевской митрополіи въ то время, когда лавра ревниво берегла свою самостоятельность и управлялась архимандритами, почти независимыми отъ кіевскихъ митрополитовъ. Документъ этотъ представляетъ собою письмо кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго къ гетманшѣ Скоропадской о томъ, что печерскій архимандритъ Романъ Копа будто бы старается въ Москвѣ отторгнуть Гамалѣевскій монастырь отъ кіевской митрополіи и подчинить печерской лаврѣ.

А. Л.

«Ясновелможная м-цѣ п-нѣ гетманова; мнѣ велце м-цѣ п-нѣ и милостивая благодѣтелко,

Дано смиренію моему отъ певныхъ нѣкоторыхъ особъ извѣстіе, что будто зостаючій теперъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ страпческихъ монастыря святопечерского кіевского дѣлахъ, отецъ Романъ Копа, схимникъ и начальникъ ближной пещеры, намѣриваетъ и монастырь строенія велможности вашей Гамалѣевскій со всякими угодьями къ нему прилежащими чрезъ страпаны свое въ Москвѣ къ высокимъ лицамъ отторгнувши отъ епархіи и катедры нашей архіерейской и подвергнути къ монастырю святопечерскому и во владѣніе свое и въ область свою подчинить, какое отцевъ святопечерскихъ намѣреніе и замишленное дѣло есть ли велможности вашей извѣстно или нѣ—извѣститися отъ велможности вашей за благо желаю воскорѣ, понеже хотя нѣкоторое мѣрности моей и приходитъ мнѣніе, чи не съ согласіемъ велможности вашей сіе дѣло устро-

яется, однакъ не надѣялся бъ я дабы такій подлогъ епархіи кіевской и моему смиренію архіерейской особѣ и по мнѣ будучимъ архіереемъ отъ велможности вашей содѣеся. О чемъ до велможности вашей подъ секретомъ сіе мое писаніе ординуючи, прошу и молю вашу велможность, такожде подъ секретомъ, мене, пастыря своего, писаніемъ своимъ немедленно увѣдомити. Какой вѣдомости ожидаючи отъ велможности вашей, божіе и моего смиренія архіерейское велможности вашей засилаю благословеніе и желаю при молитвахъ моихъ архіерейскихъ, о здравіи вашемъ всегда приносимыхъ, здравствовати благополучно на множество лѣтъ.

Велможности вашей, милостивой моей благодѣтелки всѣхъ благъ желаючій пастырь и богомолецъ смиренный Варлаамъ, архіепископъ кіевскій.

Кіевъ, 1728 г. февраля 13 дня. (Съ копіи).

Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малорусской старины. Приводимъ здѣсь разсказъ, записанный когда-то со словъ покойнаго редактора нашего журнала А. С. Лашкевича о гибели памятниковъ фамильной старины Рубцовъ, громадныя владѣнія которыхъ возбуждали зависть самого гетмана Самойловича[1]). У одного изъ многочисленныхъ потомковъ богача Ильи Рубца, Афанасія Ивановича Рубца, въ хуторѣ Раздорахъ, близъ с. Истобокъ (новозыбковск. у., черниг. губ.) сохранялся фамильный архивъ Рубцовъ, ихъ портреты (числомъ 18) и множество старинныхъ вещей, въ томъ числѣ и жалованные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ—Михаилу Рубцу (брату Ильи) кубки. Афанасій Ивановичъ Р-цъ въ сороковыхъ годахъ сошелъ съ ума и до зимы 1869—70 г. жилъ подъ вѣдѣніемъ опекуновъ, въ своей усадьбѣ, гдѣ вся Рубцовская старина продолжала сохраняться въ томъ видѣ, какъ было и до болѣзни ея владѣльца. Слухи о богатомъ собраніи серебра, хранившагося въ усадьбѣ, расположенной среди дремучихъ лѣсовъ, давно уже привлекалъ вниманіе жителей сосѣднихъ раскольничьихъ слободъ... Въ зиму 1869—70 г. собралась шайка грабителей и напала на Раздорскую усадьбу; случайно не нашедши сундука съ серебромъ, грабители напали на больного Афанасія Ивановича и страшно изранили его топорами. Отъ этихъ ранъ онъ тогда же и умеръ. Потомъ, изрубивъ мебель въ домѣ, забрали разную

---

[1]) Опис. Стар. Молорос.. I. 396.

движимость, въ томъ числѣ фамильныя бумаги и портреты, и всю эту движимость, ломая и уничтожая, разбросали по лѣсу... Такъ погибло одно изъ богатѣйшихъ собраній фамильной старины. Оставшееся старинное серебро разошлось между множествомъ бѣдныхъ наслѣдниковъ Афанасія Ивановича, отъ которыхъ затѣмъ было пріобрѣтено разными спекулянтами.

У нѣкоторыхъ изъ Рубцовъ сохранилась впрочемъ часть фамильныхъ бумагъ и была собрана А. С. Лашкевичемъ. Этими бумагами мы пользовались при разсказѣ о Рубцахъ, въ первомъ томѣ описанія старой Малороссіи.

А. Л.

Дѣятельность „шаритокъ" въ Житомирѣ. Въ сборникѣ «Charitas», недавно вышедшемъ въ пользу благотворительнаго общества при римско-католической церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, помѣщена небольшая статья, сообщающая свѣдѣнія о пребываніи шаритокъ въ Житомирѣ. Шаритки или сестры милосердія ордена св. Викентія а Paulo появляются въ Житомирѣ впервые въ 1766 году. Трое ихъ прибыло тогда сюда по приглашенію кіевскаго бискупа Іосифа Залускаго и въ сосѣднемъ съ бискупскимъ домомъ зданіи основали пріютъ для сиротъ и больныхъ. Но въ началѣ же ихъ ожидала неудача. Большой пожаръ 1768 года, истребившій большую часть города, уничтожилъ и ихъ пріютъ. Ихъ перевели въ село Сербиновку, а потомъ въ Дубно. Чрезъ годъ, однако, онѣ снова были въ Житомирѣ. Во время эпидеміи въ 1769 г. онѣ оказали громадныя услуги. Много обездоленныхъ сиротъ, много больныхъ нашли у нихъ пріютъ и опеку. Горожане цѣнили ихъ труды. Въ ихъ руки стекались все новыя и новыя приношенія.

Тогда явилась возможность значительнаго расширенія дѣятельности шаритокъ. Рѣшено было построить новое обширное для нихъ помѣщеніе въ окрестностяхъ города. Съ 1805 года и въ послѣдующіе годы община постепенно пріобрѣла обширную площадь на лѣвомъ берегу Тетерева, которая раньше называлась Поповкой, а теперь получила прозвище Паненскаго плаца или Дѣвичьяго поля. Мѣстность выбрана была весьма удачно въ гигіеническомъ отношеніи. Берегъ здѣсь высокій, сухой, воздухъ превосходный, вокругъ рощи, вдали—прекрасный видъ на противоположный берегъ. Здѣсь-то 2-мая 1816 года положено было основаніе новому обширному зданію общины

шаритокъ. Волынскій губернаторъ Гижицкій своими средствами и своимъ вліяніемъ содѣйствовалъ этой постройкѣ. Государь Александръ I рескриптомъ 7 ноября 1825 года отдалъ во владѣніе шаритокъ деревню Вильскъ и разрѣшилъ имъ пользоваться дровами изъ казенныхъ лѣсовъ подъ городомъ. Большія пожертвованія стекались отовсюду. Въ грандіозномъ зданіи устроено было помѣщеніе для сиротъ, госпиталь для больныхъ, часовня и квартиры для монахинь. Мѣстный дворянинъ Осовецкій особенно много оказалъ услугъ при окончаніи постройки зданія и часовни.

Въ 1840 году произошло торжественное освященіе зданія и открытіе въ немъ дѣятельности общины въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Съ 1844 года госпиталь былъ поставленъ подъ непосредственное казенное завѣдываніе. Много услугъ оказалъ онъ больнымъ и сирымъ обывателямъ Житоміра. Въ 1865 году въ городѣ свирѣпствовала холера. Сестры милосердія самоотверженно ухаживали за больными, и одна изъ нихъ Схоластика Свищевская умерла отъ холеры, заразившись у постели больного. То былъ послѣдній годъ ихъ дѣятельности въ Житомирѣ. Въ декабрѣ 1865 года шаритки выѣхали въ Краковъ.

Обширное и прекрасное зданіе, гдѣ помѣщалась прежде община шаритокъ, теперь занято мѣстнымъ военнымъ лазаретомъ. Чудное мѣстоположеніе, капитальность стѣнъ, обширныя комнаты, громадныя окна—все свидѣтельствуетъ о сознательномъ отношеніи къ тѣмъ благотворительнымъ задачамъ, которыя руководили при постройкѣ зданія. Большое пустопорожнее мѣсто между госпиталемъ и городомъ, называвшееся Дѣвичьимъ Полемъ, постепенно застроилось; здѣсь возникъ цѣлый рядъ улицъ и домовъ. Послѣдній остатокъ Дѣвичьяго поля, расположенный у второго бульвара, отданъ теперь подъ новое зданіе Окружнаго суда. Только улицы Монастырская и Дѣвичья, ведущія къ зданію лазарета, напоминаютъ о бывшей здѣсь когда-то общинѣ.

Дѣятельность шаритокъ въ Житомирѣ была въ общемъ весьма благотворной. Ихъ здѣсь живало одновременно не болѣе 12, но въ госпиталѣ ихъ бывало до 100 дѣтей сиротъ и до 300 больныхъ и престарѣлыхъ. Политическихъ цѣлей община никогда не преслѣдовала и не могла играть никакой политической роли. Это было учрежденіе чисто филантропическое и, какъ таковое, заслуживаетъ добраго о немъ воспоминанія.

Н. Л.

Болгары колонисты въ с. Борщаговкѣ. Десять человѣкъ болгаръ съ семействами поселились на землѣ Кіево-Братскаго монастыря при с. Борщаговкѣ, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1768 г. выдано имъ изъ Кіев. Губ. Канцеляріи «на хлѣбопашество и домостроительство и на заведеніе скота» въ ссуду по 50 руб. каждому за круговою порукою. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1771 г. остававшіеся за ними 300 рублей были отсрочены, «уважая послѣдовавшее отъ бывшей опасности несостояніе», до 1-го Ноября того же года, но и въ этотъ срокъ болгары представили только 153 р., а остальныхъ 147 р. просили отсрочки на годъ: «какъ здѣсь въ Кіевѣ опасная болѣзнь паки возобновилась и продолжается, то и въ торгу ихъ препятствія противъ прошлогодняго не только не уменьшены, но еще и большею осторожностію пресѣчены, почему өни, болгары, едва съ нуждою и то число 153 р. нынѣ собрать могли». Прошелъ годъ, и въ Ноябрѣ 1772 г. болгары «едва-едва» собрать могли только 57 р., потому что изъ нихъ Искра Дмитріевъ отъѣхалъ предъ симъ изъ Кіева въ 1-ю армію по найму его маркитентерами для отвозу туда съѣстныхъ припасовъ, къ томужъ изъ нихъ нѣсколько уже и померло», а поэтому просили отсрочки еще на годъ остальныхъ 90 р. Губ. канцелярія въ отсрочкѣ этой отказала. Трудолюбивые хозяева, хорошіе огородники, болгары крѣпко держались занятой ими земли; но не владѣя ею на правахъ собственности, какъ видно, не мало встрѣчали затрудненій при возобновленіи своихъ арендныхъ контрактовъ. Въ 1781 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ болгары Иванъ Искра, Михаилъ Златоновъ и Иванъ Юрьевъ заключили съ Кіево-Братскимъ монастыремъ новый договоръ (вмѣсто заключеннаго въ сентябрѣ 1773 г.) *на два года*: какъ огородами, или до сего занятыми, такъ и полями, изъ чагарниковъ на землѣ того монастыря раздѣланными, пользоваться, при чемъ и сѣно каждому продовольство зимнее скота своего потребное количество въ хуторѣ Которскомъ укашивать, за что и должны они платить ежегодно чиншу отъ каждой хаты по два рубля.

Не такъ-то легко было болгарамъ справляться съ хозяйственною властію Кіево-Софійскаго монастыря, и для заключенія необходимаго договора въ томъ же 1781 г. потребовалось вмѣшательство свѣтской власти, которая и обратилась въ «кафедру» съ просьбой, чтобы «благоволено было прежде отведенныя отъ того монастыря и расчищенныя собственнымъ ихъ капиталомъ и трудомъ пахатныя и сѣнокосныя отобранныя у нихъ земли возвращены были имъ болгарамъ по прежнему съ заключеніемъ съ ними надлежащаго кон-

тракта такъ, какъ и въ Кіево-Братскомъ училищномъ монастырѣ сказанной контрактъ уже заключенъ, дабы они болгары не могли несть въ томъ напрасной обиды и убытковъ и чрезъ то прійти вовсе въ несостояніе къ платежу состоящаго на нихъ казеннаго долгу».

Изъ послѣднихъ словъ видно, что или этимъ болгарамъ была выдана новая ссуда, или же здѣсь рѣчь идетъ о новой партіи болгаръ.

Къ характеристикѣ московскихъ „ратныхъ людей", служившихъ въ малороссійскихъ городахъ. Въ тѣхъ изъ малороссійскихъ городовъ, въ которыхъ, послѣ присоединенія къ Московскому государству, было введено воеводское управленіе, какъ существенная принадлежность послѣдняго, были размѣщены гарнизоны, составленные изъ стрѣльцовъ, солдатъ, рейтаръ и т. д. Что не всегда эти гарнизоны заключали въ себѣ здоровые элементы, объ этомъ даютъ понятіе приводимые ниже факты, взятые нами изъ оффиціальной переписки.

Начнемъ съ «отписки» кіевскаго губернатора Андрея Гулица.

«Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Андрей Гулицъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ 1703 году ноября въ 16 день въ твоей великаго государя грамотѣ, какова прислана изъ приказу Малыя Россіи за приписью дьяка Ивана Волкова въ Кіевъ, ко мнѣ, холопу твоему, написано: буде въ Кіевѣ приводные воры какихъ чиновъ нибудь есть, которые по твоему, великаго государя, указу по уложенію и по новоуказнымъ статьямъ доведутся смертной казни или ссылки, и имъ, не чиня того, заковавъ ихъ всѣхъ въ кандалы, велено присылать къ Москвѣ съ кѣмъ пригожъ и съ провожатыми на подводахъ, приказавъ имъ тѣхъ воровъ вести съ великимъ береженіемъ, чтобъ тѣ воры съ дороги у нихъ не ушли или какого зла сами надъ собою не учинили. А въ какихъ дѣлахъ тѣ воры приведены и въ чемъ въ распросѣ и съ пытокъ винились, о томъ къ тебѣ великому государю велено писать и перечневую выписку прислать въ приказъ Малыя Россіи за дьячьею приписью. И въ нынѣшнемъ 1704 г. февраля въ 23 день пришелъ въ приказную палату съ извѣтомъ ко мнѣ холопу твоему твоего великаго государя подданнаго войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана и славнаго чина св. апостола Андрея кавалера Ивана Степановича Мазепы родственникъ его Андрей Ивановъ сынъ Войнаровской;

а въ извѣттѣ сказалъ: февраля де противъ 23 числа въ ночи покрали у него Андрея во дворѣ воровскіе люди, а кражею взяли три сѣдла оправныхъ подушки и крылца и тебенки вышиты волоченымъ золотомъ и серебромъ и орчаки обложены тянутымъ серебромъ, четвертое сѣдло орчакъ общитъ красным сафьяномъ, крылца писаны золотомъ и серебромъ и красками, пятое сѣдло простое, два потника покрыты кожею, третій не покрытой, да платъ суконной; и что-бъ о той его пропажѣ въ Кіевѣ, въ верхнемъ городѣ, заказать по проѣзжимъ воротамъ. И февраля-жъ 23-го числа съ тою кражею прислалъ въ приказную палату отъ Золотыхъ Воротъ солдацкаго строю полковника Вилимова полку Ѳанзалина караульной начальной человѣкъ прапорщикъ Герасимъ Стебловской того-жъ полку знаменщикомъ съ Григорьемъ Смыковымъ да съ солдатомъ съ Дмитріемъ Діяновымъ дву человѣкъ рейтаръ—Карпа да Тимофея Кизиловыхъ да отставнаго рейтера Сидора Каракулина да жилого полку солдата причиннаго человѣка Терентія Мыльникова. И тѣ приводные воры рейтары Карпъ и Сидоръ въ той кражѣ, а Тимофей въ провозѣ и въ похоронкѣ безъ пытки винились. И по твоему великаго государя указу тѣхъ воровъ, заковавъ въ кандалы изъ Кіева къ Москвѣ послалъ я, холопъ твой, марта 9 числа нынѣшняго 1704 году, а въ провожатыхъ за ними послалъ я солдатскаго строю полковника Вилимова полку Ѳанзалина сержанта Василія Подтележникова да съ ними разныхъ полковъ солдатъ и стрѣльцовъ шти (?) человѣкъ, и приказалъ я, холопъ твой, тѣмъ провожатымъ накрѣпко, чтобъ они тѣхъ воровъ везли дорогою съ великимъ береженіемъ и смотрѣли-бъ того накрѣпко, чтобъ тѣ воры съ дороги у нихъ не ушли или какова-бъ зла сами надъ собою не учинили. А что они воры о той кражѣ въ распросѣ сказали и изъ тѣхъ ихъ допросныхъ рѣчей велѣлъ я, холопъ твой, учинить перечневую выписку, и изъ Кіева къ тебѣ великому государю къ Москвѣ послалъ я, холопъ твой, за дьячьею приписью съ сею отпискою. А пріѣхавъ къ Москвѣ провожатымъ, велѣлъ я, холопъ твой, явиться и отписку и перечневую выписку подать и про воровъ объявить въ приказѣ Малыя Россіи боярину Ѳеодору Александровичу Головину съ товарищи».

Вотъ эта и перечневая выписка».

«А въ распросѣ рейтара Карпа Кизилова да отставного рейтара Сидора Каракулина написано: у Андрея Войноровскаго на дворѣ изъ чюлана сѣдла и потники и платъ они украли ночною порою, и укравъ, схоронили было за городомъ за Львовскими вороты въ

гумнѣ, и съ утра де рано за городомъ встрѣтился съ ними рейтаръ Карпа Кизилова братъ его, Тимофей, ѣхалъ въ саняхъ, и они, Карпъ и Сидоръ, взявъ у него лошадь, поѣхали на гумно, а брату велѣли себя дожидаться на дорогѣ; и положа ту кражу въ сани подъ сѣно, поѣхавъ на то мѣсто, гдѣ велѣли дожидаться, ту его лошадь съ саньми и съ кражею отдали рейтару, и его Карпову брату, Тимофею, и велѣли ему ѣхать въ Золотыя ворота, а что они положили въ сани ту кражу, про то ему Тимофею они не сказывали.

А рейтаръ Тимофей Кизиловъ сказалъ: февраля 24 числа поѣхалъ было онъ за Львовскіе ворота на мельницу для взятья муки, и на дорогѣ, близъ Софійскаго дворца, встрѣтились съ нимъ братъ его Карпъ Кизиловъ, да отставной рейтаръ Сидоръ Каракулинъ, и, взявъ у него лошадь его, поѣхали на гумно, а ему велѣли себя дожидаться на дорогѣ, и помешкавъ небольшое время, пріѣхавъ съ гумна, ту его лошадь ему отдали и велѣли ему ѣхать въ городъ въ Золотыя ворота; и онъ Тимофей, взявъ лощадь, по ихъ словамъ поѣхалъ въ городъ въ Золотыя ворота, и что они въ сани положили, про то ему не сказывали. И какъ онъ, пріѣхавъ на дворъ свой, поднявъ сѣно, увидѣлъ въ саняхъ сѣдла, и тѣ сѣдла сталъ было хоронить въ погребъ; а какъ онъ клалъ въ погребъ и въ то число пришелъ къ нему на дворъ солдатъ Терентій Мыльниковъ; и въ томъ же скоромъ часѣ пришедъ къ нему съ караулу знаменьщикъ Григорій Смыкаловъ съ караульщики, его Тимофея и солдата, и сѣдла, и потники, и платъ взявъ повеси въ приказную палату, а онъ съ ними сѣделъ не крадовалъ.

Солдатъ Терентій Мыльниковъ сказалъ: на дворъ къ рейтару Тимофѣю Кизилову онъ приходилъ вина пить, а сѣделъ и потниковъ и плата съ Карпомъ и съ Сидоромъ не крадывалъ?

Интересенъ слѣдующій затѣмъ списокъ преступленій, раньше совершенныхъ обвиняемыми. Карпъ Кизиловъ былъ пойманъ всего одинъ разъ: въ 1701 г., „мѣстечка Бѣлогородки у жителя евреина деньги и всякую рухледь онъ升кралъ и въ той кражѣ онъ пытанъ и битъ кнутомъ, а покраденные деньги и рухледь сыскана и отдана истцу".

Гораздо больше грѣховъ за Сидоромъ Каракулинымъ; «въ 1697 г. Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ изъ возовъ яблокъ и за то ему учинено наказанье—передъ полкомъ битъ батоги. Въ томъ же году онъ же Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ Софійскаго монастыря старца золотыхъ червонныхъ и ефимковъ. и за ту кражу пытанъ и

бить кнутомъ, а покраденные червонные и ефимки сысканы и отданы истцу. Въ 1702 г. онъ же Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ денегъ у новгородскаго жителя у Микиты Иванова, и въ томъ онъ пытанъ и въ проводку битъ кнутомъ, и за ту кражу онъ отъ службы рейтарской отставленъ, а покраденные деньги сысканы и отданы истцу. Въ 1703 г. онъ же Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ денегъ и рухледи у кіевскаго козака Ивана Ерошенка, и то покраденное сыскано и отдано истцу, а наказаніе ему не чинено, для того, что сидя, вскорѣ изъ за караулу, разбивъ желѣза, онъ ушелъ».

Солдатъ Терентій Мыльниковъ «былъ въ приводехъ» одинадцать разъ: въ 1687 г. въ кражѣ всякой рухледи и серебра кіевскаго бурмистра Василія Зименка и за ту кражу битъ кнутомъ. Въ 1689 г. въ кражѣ серебра и перстней золотыхъ бывшаго войта Ждана Тадрины и за ту кражу онъ пытанъ и битъ кнутомъ. Въ 1691 г.—въ кражѣ всякой рухледи стольника и полковника Степанова полку Стрекалова стрѣльцовъ. Въ 1692 г.—въ кражѣ лисицъ кіевскаго мѣщанина Максима Самойленка, и въ той кражѣ пытанъ и въ тѣхъ лисицахъ винился, а кража не сыскана для того, что та кража съ похоронки его у него украдена. Въ 1693 г.—въ кражѣ всякой рухледи печерскаго мѣстечка жителя Ивана Шабельника. Въ 1694 г.—въ трехъ кражахъ: лубенскаго козака Тимофея, да генеральнаго судьи Михайловой жены Воехевича, да Михайловскаго монастыря игуменьи. Въ 1699 г.—въ кражѣ сукна кіевскаго греченина Родіона Иванова. Въ томъ-же году—въ кражѣ лисицъ у пріѣзжаго греченина. Въ томъ же году въ Нижнемъ городѣ въ кражѣ въ мясномъ ряду говяжихъ сырыхъ кожъ и топора и безмѣна и денегъ» [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ былъ пытанъ и битъ кнутомъ, краденныя же вещи возвращены потерпѣвшимъ.

На этой отпискѣ помѣта: «1704 г. марта 26, взять къ отпуску и колодниковъ принять и отослать въ приказъ морскихъ воинскихъ дѣлъ съ памятью, велѣть ихъ за тѣ воровства посадить на каторгу, а провожатыхъ отпустить». Тутъ же находится и копія съ этой памяти изъ приказа Малой Россіи въ приказъ морскихъ воинскихъ Дѣлъ [2]).

Этимъ дѣло не кончилось. Изъ грамоты, посланной въ Кіевъ, мы узнаемъ слѣдующее:

---

[1]) Моск. Архивъ Министъ. Юстиціи, Дѣла Кіевскаго Повытья, кн. 41, лл. 360—364.

[2]) Кн. 41. лл. 365—366.

«Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ нашу отчину, въ Кіевъ, генералу нашему маіору и губернатору Андрею Гулицу да дьяку нашему Макару Калашникову. Въ нынѣшнемъ 1704 году, марта въ 29 день, къ намъ великому государю писалъ ты и прислалъ четырехъ человѣкъ воровъ: отставного рейтара Карпа Казилова, солдатъ—Терентья Мыльникова, Тимофея Казылова, Сидора Каракурина, которые въ Кіевѣ въ распросѣ и въ пытки винились въ кражѣ животовъ гетманского свойственника Андрея Вороненцкого (sic), которые и напередъ сего были въ татебныхъ во многихъ приводахъ. И то новосостоятельному нашему, великаго государя, указу, прошлаго 1703 году, посланы тѣ воры на олонецкую верфь, на каторгу, посольскаго приказу съ приставомъ Степаномъ Сусловымъ, изъ дороги у него они бѣжали. И сего іюля въ 27 день, къ намъ великому государю, писалъ ты-жъ, генералъ нашъ маіоръ, что изъ тѣхъ, вышепомянутыхъ воровъ, явились въ Кіевѣ два человѣка—Карпъ Кизиловъ да Терентій Мыльниковъ. И что Михайлова полку Сухарева стрѣльцы Петръ Свиридовъ да Леонтій Желѣска, въ полку быть у него Михайла не годны, потому что онъ Петръ пьетъ и бражничаетъ и карты играетъ и на караулы и на работу не ходитъ и съ нашей. великаго государя, службы бѣговъ четыре побѣга, за которые чинены ему наказаніе—битъ кнутомъ; а Леонтій Желѣска приведенъ съ краденнымъ кафтаномъ, и въ той кражѣ винился, и изъ Кіева, со службы, бѣгалъ же дважды. И какъ къ вамъ ея наша, великого государя, грамота придетъ, и ты-бъ генералъ нашъ маіоръ и дьякъ, велѣлъ вышеписанныхъ двухъ съ Олонца бѣглыхъ солдатъ, за побѣгъ и за воровство ихъ, повѣсить, а негодныхъ стрѣльцовъ отъ полку откинуть и впредь имъ въ службу нигдѣ быть не велѣли. А что учинено будетъ о томъ къ намъ, великому государю, писали, а отписку велѣли подать въ приказѣ Малыя Россіи боярину нашему Ѳеодору Алексѣевичу Головину съ товарыщи. Писанъ на Москвѣ лѣта 1704 г. іюля 14 дня. Подписавъ дьякъ Василій Посниковъ» [1]).

10-го же августа губернаторъ Гулицъ писалъ: и по твоему великого государя указу рейтаръ Кизиловъ, солдатъ Терентій Мыльниковъ повѣшены, а Михайлова полку Сухарева стрѣльцы Петръ Свиридовъ Леонтій Желѣско отъ полку откинуты [2]).

---

[1]) Дѣла Кіесвк. повытья, кн. 41, л. л. 518—519.

[2]) Ibid. кн 41, л. 539.

О дѣятельности Желѣска подробнѣе мы узнаемъ изъ другой «отписной губ. Гулица: «Въ нынѣшнемъ 1704 году, августа 8, били челомъ тебѣ, великому государю, и мнѣ, холопу твоему, въ Кіевѣ, въ приказной палатѣ Кіево-фроловскаго дѣвичья монастыря черницы Ѳеофанія да Антонида, подали челобитную за рукою, и въ челобитной ихъ написано: іюля де въ 15, да августа въ 4 числахъ, въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ, выхватили у нихъ изъ возовъ воровскіе люди у Ѳеоѳаніи рясу черную, подбита баранками бѣлыми, цѣна четыре талера, у Антониды кунтышъ нарпуровой вишневой, подбитъ сибирками, кругомъ шнурокъ шелковой боршовой перевитъ золотомъ цѣна двадцать талерей. и въ той краже изымали они челобитчицы въ Нижнемъ городѣ на площади стольника и полковника Михайлова полку Сухорева стрѣльцы, а именно—его они не знаютъ, а товарышъ его русской же человѣкъ ушелъ. И тотъ де измѣнный стрѣлецъ нынѣ сидитъ за карауломъ стольника и полковника у Михайла Сухорева. И они де черницы ему полковнику въ рясѣ и въ кунтышу били челомъ многажды, и онъ полковникъ расправы имъ не далъ, и чтобъ того стрѣльца въ приказную палату взять и товарища его русскаго человѣка сыскать и допросить, а допросу его государевъ милостивый указъ учинить. И противъ того ихъ челобитья посылалъ я холопъ твой, къ стольнику и полковнику къ Михайлу Сухореву по стрѣльца, который пойманъ въ той кражѣ и сидитъ за карауломъ у него полковника, Кіевскія приказныя палаты подъячаго Василія Налетова. И полковникъ Михайло Сухоревъ ему подъячему сказалъ, что того де стрѣльца онъ изъ за караула выпустилъ по прошенію ихъ черницъ. И тогожъ числа того стрѣльца онъ полковникъ прислалъ въ приказную палату, а товарищъ его русскій человѣкъ, тогожъ полку отставной стрѣлецъ Леонтій Желѣска, который по твоему, великаго государя, указу и по грамотѣ изъ приказу Малыя Россіи за его воровство и за побѣги отъ стрѣлецкой службы отставленъ и впредь ему въ службѣ никакой быть не велѣно, да его жъ Леонтія Кіева Нижняго города жители мещане торговые люди, которые сидятъ въ лавкахъ, опасаются кражи и смертнаго убійства для того, что онъ ходя по улицамъ у нихъ мѣщанъ и у пріѣзжихъ людей съ возовъ. платья и всякую рухлядь схватываетъ и, ходя по рядамъ, мошны рѣжетъ и досады и грабежи чинитъ имъ. И въ приказной палатѣ, противъ челобитья чернецъ, стрѣлецъ Максимъ Алексѣевъ и онъ Леонтій Желѣска допрашиваны порознь и приведены были къ пыткѣ и съ пытки допрашиваны съ пристрастіемъ; «въ той кражѣ не

винились". Да противъ извѣту солдацкаго строю полковника Вилимова полку Ѳанзалина, солдатъ Якова, прозвище Скотина, Кузьмы Ратозѣя, Якова Жукова, въ кражѣ у черницы Антониды парпуроваго вишневаго кунтыша явился Михайлова жъ полку Сухарева стрѣлецъ Прокоѳей, прозвище Чюрила [1])».

Послѣ многихъ допросовъ и пытокъ кунтушъ былъ наконецъ найденъ и отданъ по принадлежности, черницѣ же Ѳеоѳаніи заплатили за рясу 4 талера.

Въ приведенныхъ фактахъ интересно то обстоятельство, что за небольшими исключеніями, всѣ преступленія были направлены противъ мѣстныхъ жителей.

Н. Б.

Шуточная народная пѣсня.

А щыголъ маленькій
Думае—гадае;
Самъ не хоче въ свити жыты,
Женытыся мае.

—

А задумавъ въ сваты
Горла посылаты;
А горелъ здыбавъ гусивъ,
Начавъ мордуваты.

—

Засватавъ сыныцю,
Горобья сестрыцю,
Сличную, вдатную,
Прекрасную птыцю.

—

Дружко—соловейко
Щебече гарненько,
Зозуленька—матинка,
Все-жъ то хорошенько.

—

Сходылысь вороны
Коровай ляпыты,

[1]) Дѣла Кіевск. Повытья, кн. 41, лл. 624—626.

Й а на той часъ шулячокъ
Ставъ курочокъ быты.

Шпакы пьяни булы,
Снигура забылы,
А вороны—стари жоны
Коровай злипылы.

Перепилка—свашка,
Сорока—свитылка,
Гусакъ грае, лебидь скаче—
Добирна музыка.

А тхирь и зъ щуромъ
Тай обиглы кругомъ,
Й а обиглы кругомъ хаты,
Сталы танцюваты.

А журавли пышни
На весилля прыйшлы,
Поскакалы, погулялы
Тай до дому пишлы.

Два каплуна, два каплуна
Горохъ молотылы,
Дви кокошкы по тры ношкы
До млына носылы.

Сычъ меле, сычъ меле,
Боцюнъ засыпае,
А горобчикъ—славный хлопчикъ
Мирку одбырае.

Ой летыть тетерукъ,
Пытаеця, що за гукъ,
Шо то за подвирья,
Обедяне зиллямъ?
— А то щыголъ-молодець
Сходывся зъ весиллямъ.

Стоитъ деркачъ у порози,
Тай стоячы плаче,

Шо на двори журавли
Грають у трембачи.

—

Полевіи пташечкы—
Сынычыны дружечкы
И скакалы, и гулялы,
Якъ сыныченьку звинчалы.

—

Сыдыть ятелъ на пенёчку
Та въ долони плеще,
А горобци въ конопляхъ:
„Напыймося ёще!"

—

А комаръ въ лиси
Добирае злости,
Чмиль меду додае,
Котентуе гости.

—

Снигурови волыкы
Тягнуть возы, якъ быкы,
Й а завезлы сыныченьку
Щыглыкови на вики.

—

Расходывся щыголъ
На порцію зваты:
— Выбачайте, люде добри,
Ничымъ частоваты.

—

А сыныци по пополыци
Ниженькамы тупъ, туиъ!
Дай-то, щыголъ, горилоньки,
Напьемося тутъ-тутъ!"

—

Сорокы-прыданки
Скачуть поверхъ лавкы
„— Бидна наша голозонька,
Щей немае чайкы!"

—

Ой а шулякъ чайку
Веде за чубайку,
А чаёчка зъ кулычкомъ
На весильечко разкомъ.

—

Перепилка-свашка
Хату замитае;
Сыдыть сова скинець стола
Скоса поглядае:
„Колысь була горилочка,
Чомъ теперъ немае?“

—

Сыдыть боцюнъ за столомъ,
Дрибни лысты пыше;
Боцюныха у куточку
Дытыну колыше

—

Чорный крукъ упывся,
На сову звалывся;
Сова жартивъ не знала,
Крука въ морду вытала

—

А вже по весилли—
Другая недилька,
А вже щыгла-молодца
Покынула живка

—

Щыголъ молоденькій
Думае-гадае:
Оженывся, утратывся
И жинки чортъ мае.

Настоящая пѣсня записана лѣтомъ 1893 года отъ лирныка изъ м. Шепетовки заславскаго у. волын. губ. Это совсѣмъ еще молодой парень, но прекрасно владѣетъ своимъ инструментомъ. Онъ ловко играетъ «комаринскаго» и любитъ блеснуть разными техническими трудностями. Въ видѣ особенно забавной вещи онъ и сообщилъ вышеприведенную пѣсню. — «Що-то панщына! Я щыглыка знаю»,—и сталъ пѣть. Пѣсня эта не представляетъ собою ничего слишкомъ новаго. Въ 5 т. Трудовъ этногр.-статист. эксп. Чубинскаго на стр. 1124, подъ № 66, помѣщена пѣсня подобнаго же характера. Не говоря о мелкихъ разностяхъ въ отношеніи ролей, приписываемыхъ дѣйствующимъ лицамъ, сообщаемый нами варіантъ, какъ кажется, гораздо полнѣе изображаетъ картину свадьбы; общепринятый порядокъ ея со всѣми бытовыми подробностями выступаетъ здѣсь весьма рельефно. Съ этой стороны непечатанныя въ томъ-же томѣ Трудовъ на стр. 1144—1145, подъ №№ 131 и 132, еще двѣ

такія-же пѣсни не болѣе, какъ отрывки, выхваченные изъ середины пѣсни и рисующіе отдѣльныя сцены; особенно это нужно сказать о варіантѣ подъ № 132. Онъ начинается словами: «Два когуты горохъ молотылы»; это вполнѣ соотвѣтствуетъ въ нашемъ варіантѣ тому мѣсту, которое начинается словами: «Два каплуна» и т. д. Такимъ образомъ сообщаемый варіантъ объединяетъ въ себѣ три пѣсни, напечатанныя въ «Трудахъ» Чубинскаго. Въ немъ не выяснены только мотивы оставленія жены мужемъ и поиски послѣдняго, но отъ этого онъ ничего не теряетъ въ своемъ достоинствѣ, такъ какъ указанные варіанты трактуютъ эти моменты слишкомъ грубо и заключаютъ въ себѣ описанія довольно несимпатичныхъ сценъ.

В. Храневичъ.

Два неизданныя малорусскія стихотворенія Е. П. Рудыковскаго. Помѣщая въ 1892 г. на страницахъ «Кіевской Старины»[1]) стихотворенія. Е. П. Рудыковскаго по имѣвшимся у насъ черновымъ рукописямъ, мы высказали предположеніе, что эти рукописи заключаютъ въ себѣ не всѣ его сочиненія. Предположеніе это оказалось справедливымъ: въ бумагахъ М. А. Максимовича найденъ небольшой сборникъ малороссійскихъ стихотвореній Рудыковскаго, въ которомъ, кромѣ извѣстныхъ уже стихотвореній, находятся помѣщаемыя ниже басня и сказка.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ сборникѣ. Это небольшая тетрадка формата обыкновенной почтовой бумаги въ 36 ненум. страницъ, тщательно переписанная, съ заглавнымъ листкомъ (на манеръ печатнаго или литографированнаго) слѣдующаго содержанія: «Казкы и Байкы Остапа Кыевського.—У Кыиви року 1841, Червця 28 дня». Подъ заглавіемъ помѣщенъ эпиграфъ:

„Хто скоро скаже намъ казку
„Той одъ насъ матыме бублыкивъ вязку.
„А якъ хто казку ту перебье,
„Дурень винъ буде нехай на имье.
„А хто не буде той казочки слухать,
„Тому доставетця кыя понюхать.
„Старинна сильска приказка“.

---

[1]) 1892, № 5—7.

Сборникъ состоитъ изъ девяти пьесъ. Первою поставлена «казка Чумацькій визъ» [1]) съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

„...якъ будемъ маты часъ
Я вамъ, Добродію, скажу такую казку,
Якъ возъ перевернувсь чумацкій на коляску.
Объ Натальци Полтавци мои думкы 1825 року.

Затѣмъ слѣдуютъ: 2) казка Клымова капуста, 3) байка Некрутчина [2]) 4) казка Невистчина плахта, 5) мужыча казка Ни-се-ни-те, або Гапчынъ ставокъ, 6) байка Бондаръ наверхъ дзвиныци, 7) казка Жныва на грошы або Завороженный кладъ, 8) байка Звириный миръ и 9) байка Выборъ женыхивъ. Всѣ стихотворенія датированы—такъ же, какъ и въ черновыхъ рукописяхъ; два стиха, не имѣвшія даты, помѣчены: некрутчына—«паздерныка 5 дня 1840 року», Выбиръ женыхивъ—9 дня 1841 року».

Судя по тщательной обработкѣ, сборникъ предназначался для печати (можетъ быть въ «Кіевлянинѣ», который тогда именно издавалъ Максимовичъ. Нахожденіе рукописи въ бумагахъ Максимовича, а также даты стихотвореній 1840—1841 г. служитъ новымъ подтвержденіемъ вліянія послѣдняго на поэтическую дѣятельность Рудыковскаго. Но въ томъ же сборникѣ встрѣчается указаніе на то, что Рудыковскій интересовался малорусскою поэзіею и пробовалъ свои силы на этомъ поприщѣ задолго до встрѣчи съ Максимовичемъ. Оказывается, что одно изъ оригинальнѣйшихъ стихотвореній Рудыковскаго «объ Натальци Полтавци мои думкы» написано еще въ 1825 г., что даетъ право отнести Рудыковскаго къ числу самыхъ раннихъ представителей новой украинской литературы.

В. Щербина.

БАЙКА.

Бондаръ на верхъ дзвиныци.

Хто повзать на земли навчивсь,
Не важся залитать ажъ въ хмары,
Щобъ не упавъ, тай не разбывсь,—
И просто не попавъ на мары.
Бо де одны орлы литають,

---

[1]) Сказка эта была напечатана безъ заглавія подъ № VIII (К. С. 1892 № 6).
[2]) Тоже—подъ № XII.

Тамъ совы зроду не бувають;
Воны се добре знають,—
Що якъ подымутця—то каркъ соби зламають,

На все те не вважавъ премудрый нашъ Охримъ,
И людямъ винъ старымъ
Ни въ чымъ ни на волосъ не вирывъ.
Винъ бачте бондаръ бувъ, стругавъ все обручы,
Та кадкы набывавъ—и мавъ на калачы.
А тутъ разъ лучылысь поправки на дзвиныци.
Прыйды жъ іому до головы,
Мабуть дурнійшой якъ въ совы,
Що ти поправки вси—дурныци:
И винъ берется смило
За цее дило.
Іому жъ говорять старыки:
„Охрыме!—схаменысь!—Дзвиныци не кленкы!...
„Туды тоби высоко!...
Ось глянь лышъ до хреста,—заколе ажъ увъ око!...
Тутъ майстру вмилому за тее треба братця—
Щобъ поправляшы хрестъ зъумивъ не обирватьця.
—Атъ, що вы знаете? Я лазыты умивъ
Ищей малымъ, якъ дравъ у стрихахъ горобцивъ;
Теперъ хиба я не полизу?
Раззявте ротъ, дывитесь знызу,
Якъ я тамъ буду майстровать...
Хвать, хвать!..
Уже Охримъ на верхъ Дзвиныци!...
Злетивъ туды скорыйше птыци,
Злетивъ безъ крылъ; злетивъ вхопывшись за вировку...
Не мавъ же винъ и стылько толку,
Що безъ рыштованья, тамъ ничого робыть,—
Не вдержатьця, ни цвяха вбыть;
Що тамъ на макивки загостренній якъ шпычка,
Не вседыть винъ якъ птычка.
И тилько до хреста лившою доторкнувсь—
Ногамы якось послызнувсь,
И звитиль сторчъ головъ летыть!
И отъ!—на марахъ вже лежыть!

Другій зъ пысарчукивъ такъ лизе въ еднораты!...
На нашому вику чого мы не выдалы...
А Бонапартивъ вы уже й позабувалы?..
Булы то добры бондары,

Высоко лизлы—до поры;
Та якъ зъ дзвиныць пообрывалысь,
То бильшъ съ земли не пиднымалысь.

Чирвця 20 дня, 1841 року.

КАЗКА.

Жныва на грошы або Завороженный кладъ.

Съ пидъ Кыева, съ села Жилянъ
Хлопчына—сырота,—а звався винъ Иванъ,—
Блукавшы въ наймытахъ по свиту
Довгенько щось—уже винъ мавъ кожухъ и свыту—
На решти й на копійку збывсь,
Служывъ, ивъ, пывъ—и не журывсь.
Рубливъ же не носывъ въ калытци,
Позашывавъ ихъ десь у свытци.
Носывъ такъ довго ихъ,—носывъ,
Покы едного не згубывъ.
Отъ тутъ іому іогожъ копійка
Зробылась люта чародійка.
Нагнала на сердце печаль:
Не исть винъ и не пье—рубля до смерти жаль!..
Сыдыть одынъ да все сумуе,
Якъ день такъ ничъ соби миркуе:
Ту згубу якъ-бы воротыть?..
Другихъ рубливъ не хтивъ згубыть,
Зибравъ въ калытку шкуратяну—
Изъ мицной юхты чы зъ сапьяну—
И мицно, мицно завязавъ,
Въ кышеню тамъ, чы де сховавъ.
Изновъ бида! Рубли бражчать!
Въ кешени, въ пазуси ихъ легко прымичать
Тому, кому чужее мыло—
Чы галка тамъ, чы шыло.
Бида Ивану за бидою
Зъ іого ремиnною кысою:
Чы пиде въ поле, чы на лугъ,
Боитця всюды винъ злодюгъ.
Нарешти думае: Дай грошы закопаю,
„Въ такому мисти, що одынъ я тыльки знаю,
А тожъ отъ страху я такъ зъ ными пропадаю.
Ходывъ ходывъ,—зайшовъ у лисъ,
Щобъ не пидгледивъ бачъ іого ныякій бисъ.
Пидъ дубъ тамъ въ яму грошы врывъ,

Дернынку зверху наложывъ.
Що жъ? на ничъ винъ прыходыть до господы—
Не исть, не пье, и спаты годи!,,
За думкой думка въ голови:
Чы тамъ рубли іого жывы?...
Чы не пидгледивъ хто, якъ винъ ихъ клавъ у ямку?
Бижыть пидъ дуба винъ, ще не дождавшись ранку!..
Пиднявъ дернынку: циле все!...
Тутъ чортъ подъ дубъ свыню несе,—
Бижыть вона за жолудямы, —
И просто—до тыеижъ ямы!...
„Чы се свыня, чы чортъ?... Аминь, аминь! Богъ зъ намы!...
Эге?—таке?... Колыжъ тутъ носыть бисъ свыней,—
То якъ же уцилить тутъ схованци моей?...
„Колы вже свыни тутъ пасутця.
Воны жъ одъ жолудивъ
И до моихъ рубливъ
Якъ плюнуть доберуться!...
Нехай свыней тыхъ визьме бисъ!
Мы зъ схованкою дальше въ лисъ!..."
Бере кису свою—понисъ,—
И закопавъ еи подъ клена;
Кругомъ іого кисы росте трава зелена.
Ивану въ голову влитае мысль шалена:
„Усе росте—що ни посій,—
Росте цыбуля и картопля,
Росте и жыто, и конопля;
То тильки крапыва та дурни
(Якъ кажуть люде вси розумни)
Несіяны ростуть!—Однакъ!...
Чы не рослы бъ то й грошы такъ?...
Давай—для пробы я посію тутъ пьятакъ!"
Ни! мало пьятака!.. Винъ наминявши дрибныхъ,
Шагивъ, копіокъ мидныхъ,
Ихъ въ землю повтыкавъ рядкомъ,
Загрыбъ землыцею зъ пискомъ.
Жде, жде винъ всходу—цилый рикъ!...
А якъ хто жде чого—покажетця за викъ.
Ну! що жъ якъ грошы ти посіяны повсходять?
Тутъ думки чорни зновъ Иванови приходять:
Якъ стане дуже винъ богатъ:
Що, якъ, кому про те сказать?
И грошы ты куды дивать?
„Зъ кисою стильки амбарасу;
Що жъ зъ корцемъ грошей!...?"
Ну! не гаймо жъ бильше часу!

Що думавъ нашъ Иванъ, того не зналы люде,
Не знавъ Иванъ и самъ, що зъ іого гришмы буде.
По сіянци, по тій надходыть вже весна;
Побигъ Иванъ у лисъ—побачыть, чы рясна
Изъ грошей завъязь появылась?...
И довго зъ заступомъ рука іого возылась—
Покы знайшовъ винъ тамъ шага.
Копійка тамъ—одна, друга...
Заржавилы въ земли—да й тилько...
А заходыты, росты—й не думалы, нискилько!...
Иванъ ажъ плакать почынавъ;
Бо дурень бувъ—сіого й не знавъ,
Що грошей такъ якъ макъ нихто ниде не сіе,
А жнуть не сіявшы—колы хто добре вміе.
Выкопуе свое... На заступъ налята!
Копнувъ поглыбше—разъ!.. а тутъ іого нога
У яму разомъ провалылась!...
Дира іому одкрылась!..
Загляне въ яму винъ—стоять тамъ два котлы!...
Въ однимъ червоньци все, въ другому жъ все рубли!
А зверху на одномъ заржавлена шаблюка;
А на другомъ лежыть претовстая гадюка.
А срибло й золото увъ очы ажъ блыщить!..
Винъ крыкнувъ, обомливъ, и замертво лежить.
Скарбъ завороженный, чы кажуть бувъ заклятый.
Не знавъ Иванъ на тимъ, соби іого якъ взяты.
Надходыть въ лисъ коваль—тамъ уголье палыть,
И бачить, що Иванъ надъ скарбомъ—вмеръ, лежить.
Винъ скарбъ перехрыстывъ и трійчи на-земь плюнувъ,
Та й руку правую туды по локоть всунувъ.
Начавъ червиньци выгрибать,
Та въ угольны мишки зсыпать.
Упоравшись же трохи,
Пустывъ коваль до Бога вздохи,
Щобъ Богъ покійныка принявъ.
Гарнесенько іому очки позакрывавъ,
Копійками понакладавъ—
Скупый! и тутъ рублывъ не давъ!...
И тильки що хотивъ одволокты у яму
Покійныка—у тую жъ саму,
Де бувъ зарытый скарбъ; молытву зговорывъ,
И трійчи трупъ перехристывъ,
И тилько заспивавъ надъ нымъ винъ: „со святыми"...
Якъ той моргне брывмы густыми!
Якъ вскочыть на ногы... и впростъ до коваля!...
Той мертвого злякавсь, а сей крычыть: аля!

Аля! аля! свыня! Се скарбъ, ты бачышъ, мій!
Я сіявъ, вырисъ винъ; а ты соби носій!...
(Винъ думавъ: се свыня—що тамъ колысь пидъ дубомъ кису іого хватала зубомъ)
Коваль іому на те: „Я скарбъ одворожывъ;
Якъ-бы не я, то й ты не бувъ бы доси жывъ.
Теперъ за те мени одъ скарбу половына.
Подилимся! не будь упрямый, мовъ дытына!...
Колы жъ що дійде до чого,
Такъ въ судъ!!! А тамъ нема ничого вже твого!...
Якось то вже воны соби тамъ погодылысь
И скарбомъ подилылысь.
Иванъ и доси всимъ росказуе Жилянамъ,
А часто и Кыянамъ,
Якъ грошы сіявъ винъ и якъ воны рослы,
Не знае тильки якъ зайшлы
Воны у ты котлы...
Коваль же ворожбу свою все выхваляе,
Що одъ нечыстого таки слова винъ знае:
Якъ скаже слова тры—нечыстый утикае,
А скарбъ свій, що стеригъ, іому вже зоставляе...

Бида безъ грошей буть! Зъ грошмы жъ нема покою.
Злодіивъ бійсь, огню—и литомъ и зимою.
Пріятеливъ же бійсь: вси просять у займы,
А взялы, одъ тебе жъ бижать, якъ одъ чумы.
У карты грошы сій, на моды, на наряды,
На коней, на собакъ,
Вси вытребеньки и табакъ!..
Шелыхвосты купци тому вси будуть рады;
А потимъ осміють изъ головы до нигъ,
Що высіявъ ты все, забрать же зновъ не змигъ.
Не вси жъ шастлывы такъ, якъ той нашъ бувъ Иванъ,
Що сіявши шагы—червинцивъ взявъ казанъ.
Не всякъ такій коваль, що въ лисъ по угли йшовъ,
И тамъ готовый скарбъ знайшовъ,
И не давывши винъ Ивасенька клещамы
Зъумивъ дилыця зъ нымъ червиньцями й рублямы.
Зробить вы коваля секлетаремъ на часъ—
Таки у того жъ пана,
Що грошы сіявъ—у Ивана.—
Побачыте якъ зъ нымъ подилытця Ивась.
Якъ скаже секлетарь: „Ой пиде панъ пидъ судъ!“
То панъ іому й готовъ дать ассигнацій пудъ!

Такъ щожъ? Ще й не бере! торгуетця: дай пять!
Щобъ и покійныка було чымъ помынать,
А якъ покійнычокъ умре,
То винъ копійки дви іому у въ очи впре,—
Ни, ни!—не бильше!
А то бува ще й гирше.—

Червця 26 дня 1841 року.

Челобитная митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго о безпокойствѣ, причиняемомъ Софійскому монастырю близостью дворовъ, населенныхъ военными людьми. За монастыремъ престольнымъ митрополитанскимъ Кіевскимъ Свято-Софійскимъ, въ великой тѣснотѣ и въ непокою между самыми ратными людьми сущемъ, идѣже всегдашне есть убогое многоскорбное жилище митрополита, суть тамо поблизку на землѣ изстари церковной Свято-Софійской дворы людей ратныхъ, нѣкія и пустыя, якоже единъ, идѣже живяше нѣмчинъ генералъ Петръ Гордонъ [1], другой идѣже зять его Родіонъ [2]) и прочіе, отъ нихъ же въ нѣкихъ нынѣ имѣютъ свои угодья воеводы кіевскіе, а митрополиту въ тѣснотѣ той отнюдь есть непокойно *отъ вопля близкихъ всегдашнихъ барабановъ и трубныхъ игралищъ*, тѣмъ-же отчасти на прибавку монастыря, подалѣе отстояніе отъ воротъ монастырскихъ, ради нѣкоего упокоенія отъ того вопля, да тѣ дворы поблизку тамо на землѣ церковной сущіе присовокуплены будутъ къ самой той оградѣ Свято-Софійскаго монастыря до валовъ городовыхъ, яко же бѣ до того мѣста монастырь той при древнихъ митрополитахъ, о томъ превеликой милости вашего царскаго пресвѣтлаго величества бьетъ челомъ богомолецъ вашъ митрополитъ Кіевскій со всѣмъ монастыремъ тѣмъ престоломъ Свято-Софійскимъ.

А въ смѣтномъ списку прошлаго 193/1685 года написано:

17 дворъ государевыхъ и полковаго строенія, а на нихъ будучи на ихъ в. г. службѣ въ Кіевѣ по пріѣздѣ своемъ до отпуску живутъ генералъ-поручикъ Петръ Гордонъ и Московскихъ и Кіевскихъ жи-

---

[1]) П. Гордонъ жилъ въ Кіевѣ съ 1679 по 1686 годъ.

[2]) Старшая дочь Гордона Екатерина была замужемъ за полковникомъ Рудольфомъ Штрасбургомъ, который жилъ въ Кіевѣ до 1691 года.

дыхъ рейтарскихъ и солдатскихъ и стрѣлецкихъ полковъ стольники и полковники и подполковники и нижнихъ чиновъ начальные люди.

А близколь тѣ дворы къ Софійскому дому, того въ смѣтномъ спискѣ не написано и въ приказѣ Малыя Россіи не вѣдомо.

(Моск. Арх. М. Ю., кн. Сената, № $^{2}/_{1729}$, л. 153—154).

БИБЛІОГРАФІЯ.

M. Bobzzyński St. i Smolka. Jan Długosz, jego życie i stanowisko w piśmiennictwie. Kraków, 1893. (М. Бобжинскій и Ст. Смолька. Янъ Длугошъ, его жизнь и положеніе въ письменности). Стр. VII+336, in—4.

Настоящій трудъ извѣстныхъ польскихъ историковъ былъ предназначенъ къ выходу еще въ 1880 г., къ 400-лѣтней годовщинѣ смерти Длугоша. Въ надеждѣ отыскать новые матеріалы, авторы отложили печатаніе книги, но надежда эта оправдалась лишь въ слабой степени, и книга выпущена нынѣ въ свѣтъ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. Популярное изложеніе настоящаго труда дано г. Смолькой еще въ 1880 г., въ журналѣ Tygodnik illustrowany, и вошло въ сборникъ статей того же автора «Szkice historyczne» (т. I, стр. 65—124). Вышедшія впослѣдствіи сочиненія, касающіяся Длугоша (Семковичъ, Krytyczny rozbiór «Dziejów polskich» Jana Długosza, Kraków, 1887 г. и Каро, Geschichte Polens, т. V, Gotta, 1886, 1888 г. г.) ни въ чемъ не измѣнили основныхъ сужденій нашихъ авторовъ о дѣятельности и манерѣ отца польской исторіи.

Сочиненіе г. г. Бобжинскаго и Смольки снабжено обширными регестами для біографіи Длугоша, извлеченными большею частью изъ мѣстныхъ архивовъ (стр.—333), и представляетъ образцовый біографическій трудъ. Авторы, отдавая должное заслугамъ польскаго Геродота, въ тоже время съ полнымъ безпристрастіемъ указываютъ на слабыя стороны Длугошева главнаго труда: его узкій націонализмъ, многочисленныя извращенія фактовъ, умолчанія о событіяхъ, неудобныхъ для основной тенденціи, и вообще на вліяніе идей знаменитаго въ исторіи XV в. краковскаго епископа Збигнѣва Олесницкаго, вѣрнымъ послѣдователемъ котораго былъ Длугошъ, приступившій къ своей работѣ по его инициативѣ.

Для исторіи польско-русскихъ и польско-литовскихъ отношеній «Исторія» Длугоша даетъ разносторонній, нерѣдко оригинальный матеріалъ, съ которымъ необходимо считаться. Поэтому не лишенъ значительнаго интереса взглядъ г. г. Бобжинскаго и Смольки на эту сторону историческаго труда Длугоша.

Наряду съ борьбой противъ гусситства, въ програму Олесницкаго входило полное подчиненіе и окатоличеніе Литвы и подвластныхъ ей русскихъ областей. Политическая самостоятельность Литвы на основѣ компромиса между православіемъ и католичествомъ отнюдь не ладилась съ такой программой. Для достиженія цѣли Олесницкому представлялось наиболѣе удобнымъ удовлетворить честолюбіе многочисленныхъ гедиминовичей, оставивъ въ ихъ владѣніи мелкіе княжескіе удѣлы, ослабить ихъ такимъ разъединеніемъ и тѣмъ открыть широкую дорогу польскому преобладанію и католической пропагандѣ. Длугошъ не въ состояніи былъ охватить этотъ планъ во всемъ его объемѣ,—созданное польско-литовской уніей положеніе вещей требовало отъ историка новыхъ пріемовъ изложенія, новой группировки фактовъ и отношеній. Съ такой задачей Длугошъ не могъ справиться. Изложеніе исторіи этой эпохи страдаетъ у Длугоша расплывчатостью и отрывочностью, отсутствіемъ исторической перспективы и рѣзко выраженною тенденціозностью на польско-національной основѣ, причемъ отношенія королевской власти къ польской аристократіи изображены историкомъ въ неполномъ и даже извращенномъ видѣ.

Наиболѣе рельефнымъ образомъ эти недостатки сказались въ изложеніи польско-литовскихъ отношеній. Нужно замѣтить, что въ борьбѣ съ Литвой поляки любили ссылаться на исторію, и Длугошъ, какъ знатокъ историческихъ документовъ и притомъ практическій дипломатъ, думалъ въ этомъ случаѣ оказать услугу своему отечеству, излагая все дѣло въ патріотической окраскѣ. Этимъ можно объяснить, что Длугошъ силится представить литовцевъ XIV в. чуть-ли не дикарями, игнорируетъ факты давняго распространенія на Литвѣ христіанства, чтобы тѣмъ ярче выставить заслуги Польши, умалчиваетъ, что Ольгердъ и Ягайло были христіанами, наконецъ, совершенно упускаетъ изъ виду вліяніе на Литву высшей культуры покоренныхъ русскихъ областей.

Съ особенною силою сказывается тенденція Длугоша въ изложеніи спора за Подольскую землю. Этотъ «текущій медомъ и млекомъ» край еще со времени занятія Червонной Руси сдѣлался пред-

метомъ жадности польской аристократіи, въ надеждѣ на извлеченіе огромныхъ доходовъ изъ дѣвственной почвы. Польская колонизація ширится тутъ уже съ конца XIV в., вслѣдъ за отнятіемъ земли отъ Θедора Корьятовича, и многочисленныя политическія перемѣны на Подольи лишь благопріятствуютъ этимъ притязаніямъ. Въ интересахъ аристократіи, необходимо было поставить Подолье на одну доску съ Червонною Русью. Отсюда лживая теорія о занятіи Подолья поляками еще въ XIV в., по изгнаніи татаръ. Поэтому, Длугошъ совершенно игнорируетъ такіе факты, какъ синеводская битва, вовсе умалчиваетъ о тридцатилѣтнемъ пребываніи на Подольи кн. Корьятовичей, самое Подолье является у историка какъ deus ex machina лишь ко времени передачи земли Спытку изъ Мельтьена, который представленъ ленникомъ польской короны, будто-бы владѣвшей этою провинціею со временъ Казимира Великаго. Въ концѣ концовъ, измѣнническій захватъ каменецкаго замка въ 1430 г. изображенъ у Длугоша какъ вполнѣ законное и справедливое дѣяніе, оправдываемое прошедшей исторіей польской «провинціи».

Точно также и дальнѣйшія стремленія Литвы къ политической самостоятельности на основѣ персональной уніи приравниваются Длугошемъ чуть ли не къ прямому возмущенію противъ законной власти, къ измѣнѣ общему отечеству. Отсюда полное непониманіе или извращеніе политической роли Витовта и невѣрное освѣщеніе дѣятельности кн. Свидригайла Сигизмунда, и короля Казимира Меллончика, политика котораго въ отношеніи Литвы представляется историку измѣной Польшѣ.

Благодаря открытымъ впослѣдствіи хроникамъ, и документамъ, новѣйшіе изслѣдователи нынѣ могутъ исправить ошибки сужденія Длугоша и возстановить историческую истину и дѣйствительный характеръ эпохи, и въ этомъ отношеніи безспорная заслуга принадлежитъ не только русскимъ, но и польскимъ ученымъ, насколько и они, въ свою очередь, отрѣшаются отъ предвзятыхъ взглядовъ, вызываемыхъ новой складкой исторической жизни. Изданный нынѣ трудъ г.г. Бобжинскаго и Смольки, предназначенный къ юбилею Длугоша, какъ можно уже судить изъ сказаннаго выше, въ высокой степени свидѣтельствуетъ о возможности такого безпристрастія даже при обстоятельствахъ по истинѣ затруднительныхъ. Быть можетъ, этою чертою изслѣдованія должно отчасти объяснять нѣсколько запоздалое его появленіе, не лишающее его однако значенія весьма цѣннаго вклада въ науку.

Н. М.

Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздахъ херсонской губерніи В. Н. Ястребовымъ. Одесса, 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

«Матеріалы» раздѣлены на два отдѣла: 1) на суевѣрія и обряды, и 2) на легенды, сказки и разсказы.

Первая часть собственно заключаетъ народную космогонію, народный календарь и народную медицину. Многіе разсказы составляютъ матеріалъ, совершенно оригинальный, другіе служатъ варіантами къ изданнымъ уже Чубинскимъ, Драгомановымъ и Харьковскимъ филологическимъ обществомъ.

2-й отдѣлъ легендъ будетъ служить цѣннымъ вкладомъ въ малорусскую народную, т. н. двоевѣрную литературу. Хотя легенды записаны отъ народа, но онѣ изложены такъ живо, что представляютъ изъ себя какъ бы обработанныя повѣсти, какъ напр.: разсказъ подъ № 22 «Про царильныка».

«Объясненіе топографическихъ названій» иногда кажется не совсѣмъ удачнымъ, напр. «Бѣдняжка» (балка) названа такъ потому, что здѣсь жилъ гайдамакъ Бѣднякъ; «Коротякъ» (балка) названа по имени запорожца Короткаго; Бессарабія («конецъ» Петроострова) названа такъ по отдаленности положенія (?).

Въ діалектологическомъ отношеніи «Матеріалы г. Ястребова представятъ много интереса для филолога какъ со стороны лексической, такъ и фонетической.

Х. Я.

Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ А. Анненской изд. Павленкова Спб. 1891 г. цѣна 25 к.

Изъ большой серіи біографій, издаваемыхъ Ф. Павленковымъ, попадается многія, которыя съ удовольствіемъ читаешь и изучаешь: видно, что составитель стоялъ на высотѣ своего дѣла.

Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о біографіи Гоголя, написанной г-жей А. Анненской. Обыкновенно, даже въ Павленковскихъ біографіяхъ въ началѣ прилагается перечень источниковъ и пособій, по которымъ составляется эта біографія,—въ разбираемой біографіи такой перечень почему-то отсутствуетъ. А матеріалы и источники, въ видѣ писемъ Гоголя, біографіи его, написанной П. Кулїшомъ, критики нашихъ корифеевъ и изслѣдованій Н.

Тихонравова, В. Шенрока,— существуютъ очень достовѣрные и почтенные.

Первая половина біографіи: ученическіе годы Гоголя и генезисъ первыхъ разсказовъ его съ знаменитой повѣстью «Тарасъ Бульба»,—эта половина какъ-то пройдена вскользь и поверхностно. Эпоха «Ревизора» и душевнаго кризиса писателя освѣщена нѣсколько лучше. Затѣмъ, къ крайнему сожалѣнію, тоже отсутствуетъ оцѣнка писателя и его произведеній.

Наконецъ, въ издательскомъ отношеніи такая масса опечатокъ, что просто совѣстно книгу въ руку взять. Какъ обидно, что такой великій писатель, какъ Гоголь, гордость и слава нашей литературы, глава натуральной школы, дождался такой небрежной и поверхностной біографіи.

Х. Я.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа, выпускъ 15 и 16. Тифлисъ 1893 г.

Мы уже имѣли случай упоминать объ этомъ дѣльномъ изданіи (Кіевская Старина 1889 г. кн. 7); нельзя не радоваться, что оно находится, повидимому, въ хорошихъ рукахъ, которыя продолжаютъ выпускать его въ свѣтъ съ рѣдкой настойчивостью и достаточнымъ умѣньемъ. Любопытнѣе всего то, что всѣ статьи и весь народоописательный матеріалъ принадлежалъ труженикамъ народнаго образованія: учителямъ и учительницамъ, изрѣдка инспекторамъ народныхъ училищъ, и нельзя не радоваться той поддержкѣ, какую получаютъ они въ дѣлѣ народоизученія у мѣстнаго окружнаго начальства. Благодаря рѣдкой энергіи этихъ почтенныхъ тружениковъ, русская наука ежегодно обогащается обильными, иногда любопытными и даже весьма важными этнографическими данными. (Въ 15 выпускѣ приведены, напримѣръ, болѣе 60 записей пѣсенныхъ напѣвовъ въ скрипичномъ ключѣ). Изъ вышеуказанныхъ двухъ выпусковъ пятнадцатый показался намъ особенно любопытнымъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ, въ числѣ прочихъ статей, историко-этнографическое описаніе малороссійской козачьей станицы «Прохладной» Терской области Пятигорскаго округа. Изъ приведенныхъ въ этомъ отношеніи обрядовъ, обычаевъ и пѣсенъ видно, что не смотря на порчу и неиз-

бѣжное видоизмѣненіе многихъ изъ нихъ, (хотя бы напримѣръ, досвитокъ) въ нихъ все еще можно наблюдать и своенародную исконность нѣкоторыхъ обрядовъ и пѣсенъ, и иногда даже слѣды глубокой древности, хотя уже и потерявшей все свое значеніе въ сознаніи населенія и иногда порядкомъ таки извращенной. Изъ искаженій въ обрядныхъ пѣсняхъ можно отмѣтить хотя бы слѣдующее. Въ свадебной пѣснѣ № 16 «Да стояла Параска пидъ винцемъ» дѣвушка, находясь уже подъ вѣнцомъ чешется «гребенцемъ», что является обстоятельствомъ совершенно невозможнымъ. Искаженіе это явилось уже, конечно, какъ слѣдствіе забвенія старинныхъ обычаевъ и пѣсенъ, потому что, какъ справедливо замѣтила редакція въ подстрочномъ примѣчаніи, въ черниговской болѣе или менѣе первообразной равновидности этой пѣсни («Нар. южнорус. пѣсни» 167 стр.) невѣста чешетъ свою косу не подъ вѣнцомъ, а еще только собираясь къ вѣнцу, что, конечно, вполнѣ естественно; прочія обстоятельства сходны въ обѣихъ равновидностяхъ.

Изъ свадебныхъ пѣсенъ, поющихся въ Наурской станицѣ, съ чисто великорусскимъ населеніемъ, любопытна первая «Тамъ у броду, тамъ у броду брала дѣвчоночка воду», представляющая замѣчательный примѣръ усвоенія населеніемъ малороссійской пѣсни и подправки въ ней языка преимущественно въ звуковомъ отношеніи Вотъ эта пѣсня:

Тамъ у броду, тамъ у броду
Брала дѣвчоночка воду;
Козаченька до коня наповаетъ,
Самъ съ дѣвчонкой размовляетъ:
— Горе жъ тому козаченкѣ,
Что двѣ дѣвчины любитъ:
Одну любитъ чернявую,
А другую бѣлявую:
Чернявая дѣвчоночка
Цѣлуется, обнимается,
А бѣле́нька—то-жъ моя миле́нька—
Слезочками умывается—
„Я пробила черевички
На горочку выбѣгаючи,
Просмотрѣла да свои ясны очи,
На милаго выглядаючи —
Если-бъ тому козаченькѣ
Челнокъ да весельце

Сѣлъ бы, поѣхалъ на тотъ бережочекъ,
Гдѣ дѣвчина—его сердце.

Пѣсня эта поется парнями, товарищами жениха въ то время какъ онъ, въ сопровожденіи своихъ родственницъ, идетъ къ невѣстѣ на дѣвичникъ. Изъ пѣсенъ, поющихся въ Слѣпцовской станицѣ, отмѣтимъ особенно № 12 въ отдѣлѣ «Военно-бытовыхъ пѣсенъ». Поѣхалъ далече козакъ на чужбину на добромъ конѣ ворономъ, свою онъ на вѣки покинулъ краину...». Пѣсня эта, очевидно, малороссійскаго происхожденія и является усвоеніемъ извѣстнаго украинскаго первообразца—пѣсни «Стоить явиръ надъ водою, въ воду похилився...» Слово «Вкраина» малорусской пѣсни превратилось въ «краину» слѣпцовской. Пресловутая калина тоже имѣется въ слѣпцовской пѣснѣ

Не имѣя въ виду подробно разбирать матеріалъ, предлагаемый «Сборникомъ, мы не останавливаемся здѣсь на доказательствахъ нашихъ сближеній. Скажемъ только, что родство указанныхъ пѣсенъ для насъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе почти полной тождественности *поэтическихъ образовъ*, особенно главнаго изъ нихъ: посадки калины на могилѣ козака, уѣхавшаго на чужбину, Вотъ это мѣсто въ обѣихъ пѣсняхъ:

а) Въ малорусской;

(Козакъ) Казавъ соби насыпаты
Высоку могилу.
На могилу посадыты
Червону калыну.
Будуть пташки прилытаты
Калыноньку исты,
Будуть ему прыносить
Изъ родыны висти.

б) Въ слѣпцовской.

Козакъ и просилъ и молилъ умирая
Насыпать курганъ у него въ головахъ:
— Пускай на курганѣ калина родная.
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
Пусть вольная пташка, сидя на калинѣ,
Порой прощебечетъ она обо мнѣ,

Какъ нѣкогда жилъ здѣсь козакъ на чужбинѣ:
Онъ помнитъ о милой родной сторонѣ.

Отличіе въ образѣ только то, что въ Слѣпцовской пѣснѣ онъ имѣетъ драматическое выраженіе, а въ малорусской эпическое.

При пятнадцатомъ выпускѣ приложено значительное количество напѣвовъ къ пѣснямъ станицъ Прохладной, Слѣпцовской и Наурской.

Въ шестнадцатомъ выпускѣ приведено много данныхъ къ народному (врачевательству) врачеванію разныхъ болѣзней (есть свѣдѣнія, относящіяся и къ малороссійскому населенію, наприм., въ статьѣ учителя Дѣдуха «О болѣзняхъ въ ст. Переяславской»), по экономическому состоянію разныхъ мѣстностей. Есть, впрочемъ, и записи повѣрій, сказокъ, обрядовъ; между прочимъ ученикомъ Закавказской учительской семинаріи Максимиліановымъ записано даже одно чешское сказаніе «Три двугривенныхъ».

Есть нѣсколько записей, свидѣтельствующихъ также о замѣчательномъ взаимномъ воздѣйствіи, въ отношеніи языка, мѣстнаго великорусскаго и малороссійскаго населенія. Такъ, на стр. 344, въ статьѣ учителя Гусева «Повѣрья, праздники, пѣсни и сказки въ ст. Ардонской Терской области», приведена, напримѣръ, пѣсня «Выйду, выйду и на круту гору, стану, гляну я на синю хмару. Высокъ соколъ, сызокрылъ орелъ...», сообщенная составителю статьи козакомъ Игнатомъ Ткаченкомъ; языкъ этой пѣсни представляетъ почти неуловимое уже сочетаніе двухъ стихій: великорусской и малорусской, необыкновенно тонкое и до того, такъ сказать, органическое взаимное ихъ проникновеніе, что даже чисто малорусскія выраженія, какъ напримѣръ, «Положила ихъ (кудри) все подъ *вишеньку, подъ вишеньку, подъ черешеньку*», не рѣжутъ такъ слуха, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ только механическое сочетаніе великорусской и малорусской стихіи въ языкѣ пѣсни.

Въ заключеніе не можемъ не выразить пожеланія видѣть записи народныхъ пѣсенъ и другихъ памятниковъ народнаго творчества болѣе исправными, а то въ разсматриваемыхъ нами книгахъ попадается значительное количество всяческихъ искаженій и самыхъ непріятныхъ недосмотровъ, что невольно можетъ подрывать довѣріе къ самой точности записей... Опечатокъ такъ много, что, напримѣръ, раскрывши какъ то совершенно *случайно* пятнадцатый выпускъ на 60 страницѣ, мы сразу же наткнулись на двѣ слѣдующія: *если* вм.

ели (въ стихѣ: Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и *если*), *шнуроки*, очевидно, вмѣсто *шнурочки*. Просматривая оба выпуска уже съ спеціальной цѣлью изученія ихъ, мы то и дѣло встрѣчали недосмотры въ такомъ же родѣ, но выписывать ихъ здѣсь не считаемъ нужнымъ.

А. Степовичъ.

п. Семена сегодня, черезъ которого писалемъ до матки, жени и брата. У лазнѣ милемся у панѣи. Панѣ била у графа и благодарила его за опредѣленіе маетностей.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ былемъ у своихъ посланнихъ, а оттоль у себе зъ Валкевичемъ игралъ въ карти.

Понеделокъ. 17. Сегодня рано билемъ у графа и отдалемъ ему роспиську, обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, оттоль до п. Петра Апостола и посидѣвши доволно, пріехалемъ въ свояси.

Вовтор. 18. Принялемъ слугу Павла Лещенка, бывшого передъ симъ у архиерея псковского Рафаила Заборовского за служителя. Заплатилемъ Юску сестриному за баранка чорного 2 р. зъ четверт. и аксамитъ алий да Александра зъ парою соболей послалемъ. У вечеру ездилемъ до Курбатова и до панеи. П. Михайлови за пару лѣйцовъ зъ чубами и сергами 3 р. и 5 копѣекъ.

Середа. 19. Сегодня п. Петровая, посланники малороссійскіе, Стороженко, Миклашевскій, Гамалѣя и Омеляновичъ и слуга мой Алексѣй (которому на дорогу далемъ полтора руб.) поехали отсюду въ Глуховъ, черезъ которихъ писалемъ до Количева поздравленіе и листъ къ брегадиру, отъ Александра принятий, включилемъ. До брата п. Михайла и пару лѣцовъ зъ чубами и сергами, за 3 р. купленніе, послалемъ и о его інтерессѣ его увѣдомилемъ, до жени и пару соболей черезъ Омеляновича послалемъ. Обѣдалемъ у п. Петра Апостола и оттуду до посланниковъ заехавши, простилемся зъ ними и въ свою повернулемся квартеру. (*Выписка изъ „Буддея“*).

Четвер. 20. Сегодня обѣдали у своей квартири, а въ вечеру играли въ карти п. п. Гамалія и Валкевичъ.

Пятокъ. 21. Купилемъ полтора футра сѣбиркового за 4 р. 3 грив. да два кутаси срѣбнихъ съ конотелю, за два рубли и 4 копейки, золотникъ по 25 к.

Субота. 22. Сегодня обѣдалемъ у панеи и позабавилемъ у сестри. Увѣдомилемся, что Петръ Андр. Толстой въ силки въ Со-

ловецкомъ монастиру умеръ, которого погребати посланъ указъ и что о родителеви определеніе учинилось.

Неделя. 23. Обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ доволно просидѣлемъ зъ сестрою, и въ вечеру у своей квартерѣ зъ пріехавшими Валкевичомъ и Гамалѣею игралемъ въ карти нѣ... (?) ми до нихъ ездили. Панѣ заболѣла, опаривши себѣ руптуру овсомъ горячимъ.

Понеделокъ. 24. Сегодня шапки 2 пошитіе мнѣ: чорная баранковая и бѣлая аксамитная, съ соболемъ и зъ кистями. Обѣдалисмо у себе и вечоромъ съ родителемъ до Курбатова ездили.

Вовтор. 25. Благовѣщеніе. Сегодня службы Божой слухалисмо купно съ панею у церквѣ прихожой и обѣдали тамъ же, а по обѣдѣ долго зъ сестрою просидѣлемъ, и пріехавши въ свою квартеру играли въ карти зъ Іваномъ Гамалѣею и Валкевичомъ пріехавшими. Родитель билъ у графа и просилъ его объ Засуллю и получилъ отвѣтъ ни утвердителний, ни отрицателний.

Середа. 26. Сегодня рано былемъ у панеи, а обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова отъ панеи зъ прошеніемъ etc. Коня продалисмо своего за 7 р. зъ полтиною, якіе на росходъ Вѣжевскому отдалемъ и записалемъ.

Четвер. 27. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, оттуду до панеи, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ пріехавши, засталемъ въ своей квартерѣ Копіева, шурина Мировичового, зъ которимъ, тако жъ зъ братомъ и Мировичомъ, играючи въ карти, програлъ около 3 р., братъ виигралъ. Сегодня начали писать разсужденіе богословское на безбожіе, на чисто; я диктовалъ, а Мировичъ писалъ.

Пятокъ. 28. Сегодня уговорили коновала лѣчить отъ паршей коня ступака, до праздника, за 1 р. и вѣдро горѣлки простой. Сплутовалъ коновалъ. Ездилемъ въ день до панеи для ея болезни, а до Курбатова нелзя било ехать для Москви реки розлившойся.

Субота. 29. Сегодня получилемъ черезъ Каратаева писма зъ дому, зъ которихъ въ одномъ пишутъ о приключившойся смерти Василеви Жуковскому, сотниченку Глинскому, которого мужики Волошиновскіе убыли, коломъ голову съ потилицѣ сквозь пробыли,

носъ оттяли, покололи и другіе тиранства на немъ пополнили, и тотъ случай прийшолъ ему сего марта 8-го числа.

Неделя. 30. Сегодня службы Божой слухалемъ въ колегіумъ, где предику сказивалъ отецъ архимандритъ Копцевичъ; обѣдалемъ у панеи, у вечеру былемъ у архиерея Новогородского и осмотрувалемъ книгъ и картинъ его, зъ П бурха теперъ привезенныхъ.

Понеделокъ. 31. Сегодня никуда не ездилемъ, а дописивали бесѣди на аѳеисговъ, я диктовал, Яковъ Мировичъ писалъ.

М-ць Априль. Вовторокъ. 1. Сегодня обѣдалисмо дома, а брата Марка посилалемъ до сестри зъ обманою, то есть листомъ, будто откудась писаниимъ, а въ немъ толко било: 1-ma aprilis. Получилемъ листовъ пакетъ отъ п. Михайла зъ Глухова, которій пишетъ о первѣйшомъ пакетѣ, посланномъ до мене черезъ Андрѣйця, служку п. Петра, и неотданномъ.

Середа. 2. Сегодня окончилисмо бесѣду на аѳеистовъ, въ 20 листахъ, in 4-to.

Четвер. 3. Сегодня приобщалисмося тайнамъ Христовимъ.

Пятокъ. 4. Сегодня чоботи заплатилемъ нѣмецкіе за 30 а.

Субота. 5. Никуда жъ не ездилисмо, а въ насъ нощное и повечерное набожество отправлялось черезъ Полѣтовича.

Воскресеніе. 6. Сегодня ране были у князь Дмитрія Михайловича и графа, а обѣдали у панеи, а и продновалъ тамъ.

Понеделокъ. 7. Сегодня рано ездилемъ до князей Василія Володимер. и Василія Лукича Долгор., а обѣдали у панеи.

Вовтор. 8. Сегодня рано былисмо у Наумова и Курбатова, обѣдалемъ у панеи, которая заболѣла на фебру и кашель. Сихъ дней начавши отъ свѣтлого воскресного первого дня, когда воздухъ зъ теплого въ холодний перемѣнился, множайшіи люде, а особливе едва не вси знатніе заболѣли на фебру и кашель, такъ что цѣлими фамилѣями многіи зъ господъ хорѣли. У вечеру билемъ у Бутурлина Николая и у панеи.

Середа. 9. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ били у Степанова и графа Гаврила (Рагузинскаго) и Милитиновича, свойственниковъ Сави Рагузинского, тожъ болного.

Четвер. 10. Рано ездилемъ въ слободу до доктора Бидлова за слабостю панеи, которого зъ женою тожъ болнихъ засталемъ; обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ и у вечеру билъ у панеи.

Пятокъ. 11. Сегодня обѣдалисмо у панеи, куда я по обѣдѣ пріехалъ, для того, что Курбатовъ визитовалъ оную, до которого посля ездилемъ и пріехалемъ въ свою квартеру. Кровъ зъ головной жили пускалемъ.

Субота. 12. Сегодня служби Божой слухалисмо у Богоявленскомъ, обѣдали у панеи, а по обѣдѣ пріехалъ до насъ Валкевичъ и Гамалѣя и съ ними въ карти игравши, просидѣли.

Неделя. 13. Сегодня то жъ у панеи обѣдалемъ, а я для приключившейся мнѣ алтерацѣи, резолвовался упится виномъ нолиннимъ, которое пили я, Кондзеровскій и отецъ Ісаия. Съ нимъ же, п. Кондзеровскимъ, компленацѣю учинилемъ. Едучи оттуду зацепился зъ молодимъ Салтиковимъ и взаимная била брань.

Понеделокъ. 14. Тинктуру . . . . . . (?) принималемъ 100 капель, а имѣлемъ седесъ около 10. О прововѣденцѣи виписалемъ въ добавку и далемъ до переписки Якову Мировичу, швакгру.

Вовтор. 15. Сегодня обѣдалисмо у панеи. Сестра Уляна Івановна заболѣла на давний свой боль и обморокъ въ головѣ.

Середа. 16. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Мировичъ, а по обѣдѣ ездилисмо до Курбатова зъ род., оттоль до панеи и и тамъ доволно забавившись съ Тернавскимъ и Корецкимъ и маіоромъ Зотомъ, повернулись къ себѣ. Вѣжевскому 5 р. далемъ на росходъ.

Четвер. 17. Сегодня рано ездилемъ въ слободу до доктора Бидлова, ради сестри Уляни Івановни захоровавшой, и незаставши его въ дому, бо уехалъ до зятя своеге Конова умираючого, тамъ его видѣлемъ и купивши тинктуру сестрѣ за 1 р. и прошку курителного за 10 а., повернулемся и обѣдалемъ у панеи. Указъ публѣкованъ—болнихъ зъ Москви за городъ вивозить. Сторговалемъ палатку за 5 р. съ пол. и полъ ведра вина, а полтину далъ.

Пятокъ. 18. Сегодня никуда не ездилемъ ради жестокого моего катару, а окончили объ атеизмѣ разсужденіе.

Субота. 19. Сегодня обѣдалисмо у панеи, я по обѣдѣ ездилемъ до Івана Гамалѣи, зъ братомъ и Мировичемъ, и тамъ игралемъ въ карти.

Неделя. 20. Сегедня службы Божой слухалисмо въ Богоявленскомъ монастирѣ, обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ пріехалъ въ свою квартеру, где билъ Іванъ Гамалѣя и пожекгнался со мною для того, что етездитъ во свояси, а Валкевичъ игралъ въ карти. Сегодня снѣгъ випалъ рано и холодно было. Онъ же Іванъ Гамалѣя говорилъ, что будто, по репорту, умершихъ 5000. Панѣ зъ сестрою у насъ была.

Понеделокъ. 21. Сегодня обѣдалемъ въ панеи и родитель. Получилемъ писмо отъ брата п. Михайла, въ которомъ пишетъ о своемъ дѣлѣ и обходителствѣ князя Шаховского. Куплени мнѣ сѣмена за 57 а. Вѣжевскому далемъ на росходъ 8 р.

Вовтор. 22. Сегодня рано не ездилемъ, а обѣдалисмо дома. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, котерий дѣла тіотки и отца моихъ обѣщалъ представить къ окончанію въ суботу.

Середа. 23. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а оттуду ездилемъ до Новогородского архиерея, у которого позабавилемся до полночи. Сего вечора въ въ слободѣ немецкой отъ двора доктора Бидлова якъ стало горѣтн, то за полночь горѣло и згорѣло дворовъ 170, зъ великимъ купчиновъ иноземнихъ убиткомъ отъ огня и розхвату.

Четвер. 24. Сегодня обѣдалисмо дома, а по обѣдѣ зъ Мировичемъ ездили до слободи нѣмецкой, где випили понтаку бутилку, оттуду заехали до панеи и въ свою квартеру.

Пятокъ. 25. Сегодня заполдень въ дому сидѣлемъ. (*Выписка „изъ философа Конфуція“*).

Субота. 26. Сегодня обѣдалемъ у паней, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра и оттуду пріехалемъ въ свою квартеру. Александру Поповичу, которій пріехалъ зъ Глухова, отдалемъ писма до п. Михайла и моей жени писанніе, где приложени и сѣмена заморскіе. Началемъ декоктъ кровочистителній пить.

Неделя. 27. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ пріехалемъ въ свою квартеру, где засталъ Валкевича, игравшого въ

карти. Составилемъ прошеніе до графа Івана Гавриловича о Засуллѣ. Бывшій войтъ бакланскій Бруневичъ получилъ жалованве 24 р. и на отездъ 4 подводи, пашпортъ зъ прописаніемъ его терпѣнія за битія колегіи понесенного, сказивалъ Валкевичъ.

Понеделокъ. 28. Сегодня никуда я не ездилъ, а род. ездилъ зъ прошеніемъ тимъ до Івана Гавриловича. Обѣдалъ у насъ Валкевичъ и играли въ карти зъ проиграшомъ моимъ.

Бовтор. 29. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова и Маркелова и увѣдомилемся о нашемъ дѣлѣ еще у великій постъ вершенномъ, у страстній вовторникъ. Панеи дѣло совсѣмъ сконченно и грамота на владѣніе Кучеровки зъ присѣлками, Савиновки и Линовицѣ подписанни графскою рукою канцлера, да указъ до князя Шаховскаго, и грамота де п. гетмана о томъ же и отдачи пожитковъ во всѣхъ маетностяхъ панеи отписнихъ, заарестованнихъ, и о не судѣ панеи самой, которому, по силѣ протекціялной грамоти, бить отправляему у иностранной колегіи, а въ земскихъ дѣлехъ судимимъ бить у генералного суда. Теперъ же увѣдомился я, что еще у постъ вел., у помянутий вовторникъ, приговорено отказать намъ отъ села Засулля. Вѣжевскему 6 р. дано на росходъ.

Середа. 30. Сегодня обѣдалисмо у панеи, по обѣдѣ ездилемъ до Василя Маркелова и о оттоль до Курбатова.

М-ць Май. Четвер. 2. Сегодня обѣдалемъ у панеи же, где былъ и Тернавсвій. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, упоминаючись о панеи інтерессѣ.

Пятокъ. 2. Сегодня ездилемъ въ колегію и переехалемъ зъ своей квартери до панеи, для того что въ мою палатку родитель перейшолъ, ради веселля имѣючого въ прійдучую неделю чинитись въ семъ дому князю смоленскому Соколѣнскому зъ Долгорукою княжною, сестрою жени Николая Івановича Бутурлина.

Субота. 2. Сегодня тутъ же у панеи обѣдалисмо, а по обѣдѣ играли въ карти. Вѣдомо мнѣ стало о дѣлѣ род. зъ старшиною лубенскою чинившомся, что оное 27-го марта вершено приговоромъ иностранной колегіи, за подписаніемъ канцлера и всѣхъ членовъ,

а въ ономъ приговорѣ 8 пунктовъ, а именно: 1) о селѣ Зассулѣ чолобитствовали старшина, что оно не село, но фолварки роменскіе и хотя въ отвѣтѣ и показано тое, что оно село и била ссилка на ревизіялніе книги давніе и 1723-го году чинившіеся, однако жъ понеже самъ же отвѣтчикъ показалъ, что тое Засулле прежде его владѣнія обрѣталося въ вѣдомствѣ роменской городовой старшини, того ради по силѣ указа въ тайномъ верховномъ совѣтѣ о возвращеніи ратушнихъ селъ къ ратушамъ, оное Засулле по прежнему привернуто къ городу, а отвѣтчику отказать и владѣть имъ не велѣть. 2) О собранномъ въ Смоленскъ провіантѣ, такъ же и о стародубовскомъ провіянтѣ жъ допросить комисаровъ самихъ и взять реестръ у Костантія, на которихъ била общая ссилка. 3) О церковнихъ покуховнихъ изъ скарбу войскового денгахъ, о купцахъ въ Шліонскъ зъ волами ходившихъ, о взятихъ козакахъ въ походъ низовий къ возамъ, допросить тѣхъ, на которихъ била общая ссилка, а о ямщикахъ роменскихъ подряднихъ писемъ осмотрѣть. 4) О сустентацѣи драгунской неравнимъ числомъ противъ другихъ въ маетностяхъ отвѣтчиковихъ бившихъ, по дѣламъ въ бывшой колегіи и енер. канцеляріи имѣючимся, и о сихъ всѣхъ пунктахъ, второмъ, третемъ и четвертомъ по допросамъ свѣдителей и по писменнимъ доказателствамъ разсмотря и изслѣдовавъ, учинить рѣшеніе по указу и по тамошнимъ малороссійскимъ правамъ. 5) О лишнихъ зборахъ въ ярмарки виписать зъ дѣла Протасіева и представить зде, въ Москвѣ, къ рѣшенію. 6) О тягостехъ полчанамъ чинившихся въ работахъ и взяткахъ, буде оное было, а по сказкамъ старшинскимъ прежде запрѣтителного указа, того ради сіе оставляется. 7) Въ показаннихъ на сына Якова (Марковича) жалобахъ о завладѣніи Перервинецъ и устроеніи футора Криворудского, такъ же о селѣ Кулажинцахъ, рѣшить по унѣверсаламъ и по крепостямъ и съ правъ малороссійскихъ, и о всѣхъ сихъ пунктахъ произвесть слѣдствіе и учинить рѣшеніе князю Шаховскому, купно зъ великороссійскими персонами обрѣтаючимися у суда генералного, понеже и тайному совѣтнику Наумову велено освѣдителствовать о тягостехъ небылихъ отъ него, а не гетману. 8) По

дѣламъ челобитческимъ изслѣдованнимъ, когда будутъ челобитчики, здѣлать особіе виписки зде, въ колегіи іностраннихъ дѣлъ къ рѣшенію, а которіе не изслѣдованни, тѣ отослать туда жъ (тоесть къ князю Шаховскому) для слѣдствія. Тіоткѣ моей по силѣ указа въ тайномъ верховномъ совѣтѣ состоявшогося въ иностранной колегіи, якіе приговорени села дать во владѣніе, а именно, въ тѣхъ по переписной великой книзѣ, такъ же по описнимъ вѣдомостямъ сколко дворовъ показуются:

По описнимъ вѣдомостямъ.		*По переписной книзѣ.*
Кучеровка, зъ присѣлками	—168	160.
Въ томъ числѣ бобилей. .	71	
подсусѣдковъ.	16	
Сасиновка, пахатнихъ . .	71	
бобилей	48	
итого	119	
Линовиця.	37	30
Всѣхъ—324, безъ подсусѣдковъ	308	
Оставшіеся отъ тѣхъ:		
Евминка	178	170.
Въ томъ числѣ бобилей. .	58	
подсусѣдковъ.	32	
Рудковка.	52	
Въ томъ числѣ огородниковъ	12	
Ремесниковъ	18	
Всѣхъ	320	

Быковская волость.

Слобода Быковская—30 двор. Старая Быковская—14, деревня Козацкая—20, Бѣлоцерковцѣ—25, Веприкъ—21, Воронки—99, Комишная—19, село Красное—15, деревня Усовка—16, Макѣевка—58, хуторъ Степуновскій 4. Всѣхъ 321.

Чеховская волость.

Село Чеховка—30 двор., село Воронци—44, село Чернобаи—71, село Васютинцѣ—46. Всѣхъ 191. Лука-Княжая—60, Кулажинцѣ—45, Давидовка 64.

Собственного владѣнія панеи въ Черниговскомъ полку:

Буровка дворовъ—97, Вихвостово—60, Дроздовица—67, Ваганичи—40, слобода Амувка—27, слоб. Володимерская—37, слоб. Волинская—45, слоб. Суховирская—13, слоб. Невкля—23, Полуботки—10, Пивцѣ—10, футоръ Бѣлоусовъ—5, слоб. Новая Александровка—73, слобода Загорская—67, Жерновая—34.

Неделя. 4. Сегодня обѣдалисмо тутъ у панеи, а по обѣдѣ играли въ карти зъ одиграшомъ денегъ, отъ мене Александрови доводившихся 2 р. съ полт. Князь смоленскій Соколѣнскій женился на сестрѣ куми нашей Николая Бутурлина женѣ.

Понеделокъ. 5. Сегодня обѣдалисмо тутъ же, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова и повернулемся сюда жъ на ночъ.

Вовтор. 6. Сегодня рано зъ род. ездилисмо до графа просить замѣни за село Засулле и нѣчого не получивши, отехали, а обѣдали у панеи. Зъ Глухова привезенъ Хмеловскій, посланникъ запорожскій, за арестомъ.

Середа. 7. Сегодня родитель мой въ церквѣ соборѣ архангела Михаила былъ у присягѣ на содержаніе подскарбіего енер. должности. По полученіи милостивого указа, якіе бывшая колегія малор. опредѣлила збырать збори и якіе повелено брать въ рѣшителнихъ пунктахъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ прошлого году, зде виражается:

Опредѣленіе колегіи.	*Въ рѣшител. тайного верховного совѣта пунктахъ.*
1. Торговое, ковшики.	1. Покуховное.
2. Ваговое (кромѣ старшинъ и знатн.	2. Скатное.
3. Вѣдерковое (	3. Зъ продажного вина въ отвозъ въ великор. города.
4. Стацѣю зъ ратушнихъ селъ.	
5. Поводное.	

6. Скутное.
7. Діогтевое.
8. Отъ вина волоского.
9. Отъ ташъ (торговыхъ палатокъ).
10. Ярмарковое, кромѣ старшинъ и знатнихъ.

11. Покуховное.
12. Показанщина.
13. Ралцѣ.
14. Поколющина.
15. Тютюнная десятина зъ поспол.
16. Пчоляная десятина award.
17. На слуги войсковіе зборніе денги.

4. Діогтевое.
5. Показанщина.
6. Пчоляная десятина, кромѣ козаковъ.
7. Табачная десятина award.
8. Ярмарковое.
9. Зъ хлѣба мѣрки.
10. Зъ мостовъ и перевозовъ.
11. Зъ откупнихъ разнихъ статей.
12. Зъ ратушнихъ селъ годовой платежъ и за живность.

(*Слѣдуетъ выписка изъ „демонстраціи Гуеція“*).

Четвер. 8. Сегодня обѣдалисмо у панеи, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова.

Пятокъ. 9. Сегодня ездилисмо зъ род. до Остерманна и неполучивши его видѣть, за приключившоюся ему болѣзнію, повернулись назадъ. Вѣжевскому далемъ 7. р. и записалемъ въ реестрѣ.

Субота. 10. Сегодня тожъ ездилисмо до Остерманна и такъ же болного заставши, не получили его видѣть, оттуду заехавши въ аптеку Ѳутберта, купилемъ сестрѣ тинктуру на тоску, по рецепту доктора Бидлова, за 1. р.

Неделя. 11. Сегодня ездили до Остерманна и видѣли его, и род. подалъ чолобитную о Засуллѣ или вмѣсто его—другихъ свободнихъ селахъ. Обѣдалисмо у панеи и съ нами п. Петро Апостолъ, Тернавскій и Корецкій, для того что п. Петро зъ панею, я зъ сестрою, Алексаша (Толстой) зъ сестрою Настусею, былисмо восприемниками сынови Александра Левицкого Івану отъ крещенія, которое совершалъ отецъ Хризанѳъ.

Понеделокъ. 12. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова и до колегіи, и оттоль повернувшись въ квартеру, обѣдалемъ зъ панею и род. и сестрою. Взялемъ копіи въ колегіи грамоти до гетмана и указа до Шаховского писанныхъ объ учрежденіи въ подскарбѣи енер. родителю, въ якихъ вираженно, чтобъ родителеви щитатся зъ енер. старшиною подъ суддями и чтобъ гетманъ повелѣлъ отвесть дворъ на канцелярію и придалъ по приличію канцеляристъ, а Шаховскій придалъ бы канцеляристу и 2-хъ копеистовъ, и ундеръ офѣцеровъ и салдатъ для караула и посилокъ въ потребу. Панюй принесена на маетности Кучеровку зъ приселками, тако жъ на Сасиновку и Липовную грамота, а принесли Уріилъ и Инеховъ, поддячіе иностранной колегіи, зъ которихъ первѣйшому дали 15 р., а другому 3 р.; они жъ принесли грамоту до гетмана и указъ до Шаховского о семъ писанніе. Билемъ у Быдлова и далемъ ему 10 червонних отъ сестри.

Вовтор. 13. Сегодня пявки приставленни были мнѣ до мѣста геморгоидалного и крове вийшло зъ фунтъ. Быдловъ на мой дефектъ, о неудержаніи долгомъ урини, далъ кровоочистителній рецептъ. (*Слѣдуетъ рецептъ*).

Середа. 13. Сегодня обѣдалисмо тутъ, а родитель, тако жъ, якъ я вчора, лѣчился.

Четвер. 15. Вознесеніе. Сегодня были мы рано у графа и тамъ службы слухали и прошеніе род. свое подалъ о Засуллѣ либо замѣнѣ, а я отъ панеи о 7 парахъ лошадей ямскихъ.

Пятокъ. 16. Сегодня ездилемъ зъ сестрою до доктора Бидлова и неполучивши его видѣть, за приключившеюся ему болѣзнію, повернулись. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. и записалемъ. Графъ Головкинъ поѣхалъ на свою деревню и Курбатовъ.

Субота. 17. Сегодня никуда не ездилемъ, а рано билъ у мене Тернавскій, которому чоботи красніе новоманѣерніе подарилемъ.

Неделя. 18. Сегодня обѣдалемъ у панеи, а род. у себе, бо заболѣлъ; по обѣдѣ игралемъ въ карти и никуда не ездилемъ.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ зъ род., а по обѣдѣ ездилемъ зъ сестрою до Бидлова и до Василія Никифор.

Тол. Панѣ подарила мнѣ денегъ 60 р. (*Слѣдуетъ выписка изъ „Гуеція“*).

Докторъ Бидловъ на болѣзнь сестри моей Уляни далъ рецептъ. (*Далѣе слѣдуетъ рецептъ и наставленіе какъ его употреблять.*)

Вовтор. 20. Сегодня обѣдалемъ тутъ у панеи, по обѣдѣ ездилемъ въ свою квартеру посѣщать род. занемогшого. Вѣжевскому далемъ.

Середа. 21. Сегодня обѣдалисмо тутъ и въ карти играли зъ проиграшомъ 1 р.

Четвер. 22. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, обѣдалемъ тутъ же, по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола. Чаю семирубелного далъ род. полфунта мнѣ. Купилемъ штофцу полъ 12 аршина, по 20 а. Купилемъ пузаменту золотого дочерамъ 5 аршинъ, золотниковъ 29, по 8 а. безъ копѣйки, всего 9 р. безъ алтина. Купилемъ полотна розбитого Івановского 3 штуки. за 18 зол.

Пятокъ. 23. Сегодня ездилемъ до Курбатова и отискалемъ указъ сестрѣ о свободномъ ея проездѣ въ Малую Россію, за рукою канцлера. Род. подарилъ мнѣ 60 р. Панѣ дала мнѣ на шлафрокъ штофу квѣтчатого поступила. Вѣжевскому на росходъ далемъ 30 р. сими днями.

Субота. 24. Сегодня купилемъ пару шоръ совсѣмъ за 10 р. зъ 10 а. да чайникъ фарфуровий за 2 р. зъ полтиною, да тесми золотой до шаблѣ по — —, да башмаки за 18 а. Велѣлемъ дать Вѣжевскому денегъ ему и Петру по 2 р., а Юску и Павлу по полтора р. Ездилемъ до Еропкина и тамъ игралъ въ карти зъ проиграшомъ 40 а.

Неделя. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе.

Понеделокъ. 26. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова, оттуду до графа, которому подалемъ чолобитную объ Андрѣяшовцѣ.

Вовтор. 27. Сегодня обѣдалисмо тутъ, панѣ намѣрила была виежджать, да не виехала, а я ездилъ до п. Петра и тамъ просидѣвши, повернулемся назадъ.

Середа. 28. Панѣ и сестра виехали въ путь свой съ Москви, а мы были у Степанова, Сави Рагозѣнского, а потомъ я билъ у колегіи и ночовалемъ у прежней своей квартерѣ. Билисмо у Курбатова.

Четвер. 29. Сегодня писалисмо писма до Курбатова, род. и я. Род. въ прописаніи своего ранга и опредѣленіи маетностей объ приписанію къ приговору—буде будутъ чолобитчики, о футорѣ Калюжновскомъ, чтобъ тогда рѣшить, когда составится право одно малороссійское, а я о своемъ дѣлѣ зъ прошеніемъ. Виехалисмо зъ Москви, простившись зъ Тернавскимъ, Корецкимъ и Мировичемъ, которому далемъ 1 р., гусарку лисюю, водки ведро. Ночовалисмо за 15 верстъ отъ Москви, у села Битецъ.

Пятокъ. 30. Сегодня поехавши отъ обозу своего въ легцѣ зъ род. и уехавши верстъ 35, у Молодей обѣдалисмо, а оттуду поехавши, уехали верстъ 30, ночовали у Сухой Лопатней.

Субота. 31. Сегодня поехали рано и пріехали до Серпухова, отъ Москви отстоящого въ 90 верстахъ, а оттоль симъ же бокомъ Оки поехавши и уехавши верстъ зъ 20, пріехали до села Истомина, сестриного.

М-цъ юнь. Неделя. 1. Сегодня тутъ же въ Истоминѣ проживалисмо. Посланъ чоловѣкъ въ Москву здяшній, черезъ которого писалемъ до Александра о присилкѣ шапокъ и струнъ дротянихъ.

Понеделокъ. 2. Сегодня тутъ же прожилисмо.

Вовтор. 3. Сегодня тутъ же прожилисмо. Сестра обѣщала прислать малчика черезъ Александра.

Середа. 4. Сегодня тутъ же прожили. Сестра дала мнѣ пологъ. Въ сихъ сторонахъ гусеницѣ такъ много, что все на деревѣ листе позидала и стало голое, будто въ осени, и оной гусеници везде по полямъ, наветь и по селамъ и по дворамъ, очинь много есть, толко хлѣба не вредитъ. Розехалисмося зъ сестрою, она осталась зъ детками своими при Истоминѣ, а мы поехали въ свой путь и пріехали до села Новодѣвичого монастира, именуемого Недѣлное, въ 30 верстахъ отстоящое отъ Истомина. Получилемъ писма отъ сестри, отъ Александра о шапкахъ и дѣлѣ моемъ, уже начавшомся и помѣченномъ, и отъ Василія Маркелова. Тутъ обѣдалисмо

на становиску вчорайшомъ, а пообѣдавши поехали и уехавши верстъ зъ 20, стали на ночлѣгъ.

Пятокъ. 6. Сегодня вставши рано поехали и пріехали до до Калуги въ обѣдномъ часѣ, которая отстоитъ въ 60 верстахъ отъ Истомина, и тутъ черезъ Оку переехавши, уехали верстъ зъ 20 и стали на ночь при рѣцѣ и лугахъ, а рѣчка Жилава. Казѣмиръ, слуга род., отправленъ въ домъ передомъ, черезъ которого писалемъ до родителки и жени. Зъ Калуги Петро Тѣлний, слуга сестринъ, отправленъ къ ней, до которой писалемъ черезъ его писмо.

Субота. 7. Рано вставши, поехали отъ ночлѣга и пріехали въ городокъ Лихвинъ, отстоящій отъ Калуги въ 40 верстахъ, где и обѣдали. По обѣдѣ поехали и переправившись черезъ гори, не доезджаючи монастирня Бѣловского Жабѣна, тамъ стали на ночь, а уехали верстъ около 30.

Неделя. 8. Сегодня рано вставши, пріехали до монастирня Жабѣна, отъ Лихвина, отстоящого въ 30 верстахъ, где служби Божой вислухавши, поехали и переехавши черезъ Оку, пріехали въ городъ Беловъ, отстоящій отъ монастирня въ 6, а отъ Лихвина въ 36 верстахъ и тутъ уехавши верстъ зъ 2 въ передъ, стали при лугахъ, на обѣдъ. По обѣдѣ, поехавши, уехали верстъ 22 и пріехали до села Долцовъ, где и ночовалисмо. Ножовъ бѣлихъ беловскихъ дюжину купилъ за 60 а.

Понеделокъ. 9. Сегодня вставши рано, поехали и пріехали до Болхова, отстоящого отъ Долцовъ въ 20, а отъ Белова въ 42 верстахъ, где и обѣдалисмо. Петро Івановъ синъ Сивицинъ, болховскій ямщикъ, обявилъ намъ, что въ суботу, неделя минула, якъ проехалъ въ Москву Григор. Скридловскій и будто за тимъ, что похвалки гет. били, собравши полкъ луб., на дорозѣ, не допуская до Глух., уходить, чого не дай Богъ. Поехавши отъ обѣда, уехали верстъ зъ 25 и стали у рѣчкѣ прозиваемой Рибѣца, где и ночовали.

Вовтор. 10. Сегодня вставши рано, пріехали до села Хатѣнки верстъ у 30, где и обѣдали, а по обѣдѣ поехавши, уехали верстъ 30 и пріехали на ночъ до Карачева, отстоящого отъ Болхова въ

80 верстахъ. По рощету столповъ поверстнихъ, отъ Москви до Сѣвска показуется верстъ 481.

Середа. 11. Тутъ въ Карачевѣ обѣдалисмо, а Скридловского, которий повернувшись съ Москви, доехалъ насъ у Болховѣ, послали рано передомъ въ Глуховъ, для того, что онъ сказивалъ, якоби обозний Мартосъ лубенскій согласился зъ значковими того жъ полку, якимъ либо образомъ убить родителя, о чомъ онъ слишалъ отъ Кучарского и пот. отъ Якова Дуброви. По обѣдѣ поехалисмо зъ Карачева и уехавши верстъ 16, пріехали до села зовемого Кошкаданова, где и заночовали на другомъ боцѣ моста.

Четвер. 12. Сегодня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали верстъ 15 и пріехали до мосту Сомова, где и село, и тутъ черезъ рѣчку переехавши, поехали далѣй и уехавши верстъ 6, стали на обѣдъ въ урочища, именуемаго Кривая верста. По обѣдѣ поехавши оттуду, уехали верстъ 30 и стали на ночъ противъ заводовъ винокуреннихъ, въ правой сторонѣ намъ стоячихъ.

Пятокъ. 13. Сегодня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали верстъ 10 и пріехали до мосту Карпова, черезъ который переехавши, уехали еще верстъ зъ 10 и стали на обѣдъ у почти, зовемой Любовшта. Тутъ куріеръ гетманскій, поехавшій зъ Москви въ Глух., обехалъ насъ. По обѣдѣ поехавши отъ становиска, переехали черезъ Карповскій мостъ, отстоящій отъ почти въ 15 верттахъ, где стрѣтилемся зъ посломъ турецкимъ, при которомъ въ конвояхъ Федоръ Ушаковъ, а отъ мосту того уехавши 7 верстъ, стали на ночъ не доеждаючи Сѣвска въ 4-хъ верстахъ, при рѣки, перебравшись черезъ мостъ на другую сторону.

Субота. 14. Сегодня рано вставши, пріехали въ Сѣвскъ, въ 4-хъ верстахъ отъ нашого ночлѣга отстоящій и вислухавши тутъ службы Божой, поехали и стали на обѣдъ у 5 верстахъ отъ Сѣвска, а по обѣдѣ уехали верстъ зъ 15 и стали на ночъ. близко недоеждаючи Толстодубова.

Неделя. 15. Сегодня поехавши рано, пріехали въ село Ясмань, отъ ночлѣга нашего отстояшое въ 16 верстахъ, где службы Божой слухалй и съ виехавшими противъ насъ сюда женами, моею и Конд-

зеровского, увидѣлись и обѣдали, а по обѣдѣ передъ вечоромъ пріехали въ Глуховъ.

Понеделокъ. 16. Сегодня рано былисмо зъ родителемъ у князя Алексѣя Івановича Шаховского, которому и писма отъ графа и Еропкина поотдавали, а потомъ были у гетмана и у п. Михайла Скоропадского, брата. Обѣдалисмо у себе, сами, и съ нами Заруцкій; по обѣдѣ п. Михайло до мене пріездилъ и посидѣвши доволно, отехалъ.

Вовтор. 17. Сегодня рано былисмо у князя Шаховского и тіотка моя ясневел., зъ которою потомъ до пана гетмана нашего ездилисмо, где и обѣдали у панеи гетмановой; у вечеру п. Михайло пріездилъ и отехалъ.

Середа. 18. У тіотки зъ род. обѣдалисмо и были у Количева и Арсеніева.

Четвер. 19. Родитель отехалъ рано въ Роменъ и брати обидва, Семенъ и Марко. Князь Шиховской визиту отдавалъ тіоткѣ моей, которого я уже не заставши, но споткавшись съ нимъ, обѣдалемъ тамъ же.

Пятокъ. 20. Сегодня пріехалъ въ Глуховъ генералъ лейтенантъ Дуклясъ, котрий и обѣдалъ у князя Шаховского. Староста мой тулиголовскій билъ и сказивалъ, что повнихъ куѳъ гор. простой въ тулиголовахъ 7; ему жъ сукна на кунтушъ далемъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 6 р. и записалемъ. Пойшолъ полкъ компанѣйскій, въ числѣ 500 члвѣкъ, въ Сулакъ. Слѣдствіе о селахъ ратушнихъ и урядовихъ такое чинится: ездятъ канцеляристи зъ полковихъ канцелярій по седамъ и допрашиваютъ мужиковъ и козаковъ старихъ противъ даннихъ себѣ вопросовъ, и такъ оніе села означаютъ. Указъ принесенъ зъ Москви до пана гетмана грамотою и до князя—о поготовости всего войска въ походъ военний и о виправѣ партіи, по требованію фолтмаршала князя Голѣцина.

Субота. 21. Сегодня обѣдалемъ у панеи зъ женою, а въ день панѣ была у пана гетмана и подала грамоту, о себе писанную.

Неделя. 22. Сегодня былемъ у пана гетмана и князя, а обѣдалемъ у панеи.

СЛОВАРЬ
МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ,

составленный въ 1808 г.

В. Я. Ломиковскимъ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Киевск. стар. 1894, июль.

Печатаемый здѣсь словарь озаглавленъ, въ подлинникѣ, такъ: „*О Малороссіи. О древнихъ обычаяхъ малороссійскихъ, о службѣ воинской и гражданской, о чинахъ и должностяхъ чиновниковъ. По алфавиту. Писано 1808 года.*“ Рукопись словаря, писанная (въ 4 д. л., на 67-ми страницахъ) вся сплошь самимъ его составителемъ Василіемъ Яковлевичемъ Ломиковскимъ, нашлась среди недавно пріобрѣтенныхъ нами бумагъ послѣдняго. О Ломиковскомъ кое какія свѣдѣнія найдены въ этихъ же бумагахъ. Такъ, ближайшій его другъ Ив. Ром. Мартосъ, въ одномъ письмѣ 1826 г., о Ломиковскомъ говоритъ: „онъ есть потомокъ гетмана Апостола [1]), воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, жительство имѣетъ близъ Миргорода, въ населенной имъ слободѣ своей, названной Паркъ-Трудолюбъ, любитъ заниматься хозяйствомъ и древностями, и книгами до сихъ предметовъ относящимися“... Изъ бумагъ Л-аго видно, что „древностями“ онъ занимался исключительно малорусскими; въ его бумагахъ сохранилось нѣсколько тетрадей, въ листъ и въ 4-ку, подъ заголовками—„припасы для малороссійской исторіи“; припасы эти заключаютъ въ себѣ выписки преимущественно изъ рукописныхъ малорусскихъ лѣтописей, печатныхъ книгъ и разнаго рода актовъ. Занятія свои малорусскими „древностями“ Л-ій началъ, повидимому, поселившись, послѣ отставки, въ своей деревнѣ. Родился онъ, какъ видно изъ одного его письма, въ 1778 г., служилъ, послѣ корпуснаго воспитанія, въ военной службѣ и уже въ самомъ началѣ XIX в. жилъ въ отставкѣ, съ чиномъ штабсъ-капитана, въ своемъ миргородскомъ хуторѣ Трудолюбѣ. Изъ имѣющихся на нѣкоторыхъ работахъ Л-аго хронологическихъ обозначеній видимъ, что печатаемый словарь былъ оставленъ въ 1808 г.; въ 1809 онъ перевелъ съ французскаго „исторію малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ“, Шерера, („изданная въ Парижѣ, въ 1788 г., а нынѣ переведенная вновь съ французскаго на русской языкъ Василіемъ Ломиковскимъ, въ Трудолюбѣ“); затѣмъ, рукопись „о первобытныхъ жителяхъ Малороссіи обоихъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1886 г., № I, стр. 10.

береговъ Днѣпра и береговъ Чернаго и Азовскаго моря" писана „въ 1812 г., въ Паркѣ Трудолюбѣ" (это выписки изъ описанія Крыма, сочиненіе кардинала Богуша Сестренцевича"). Засимъ, наполненіе тетрадей „запасами для малороссійской исторіи" продолжается до сороковыхъ годовъ [1]..... Въ виду названія собранныхъ Л-мъ матеріаловъ „запасами для малороссійской исторіи" можно, думать, что собиратель имѣлъ въ виду писать эту. „малороссійскую исторію"... Но намѣренію этому, если оно было, трудно было осуществиться вслѣдствіе совершенной неподготовленности Л-аго къ такой учено-литературной работѣ. Изъ указанныхъ „запасовъ" можно видѣть, что Л-ій былъ однимъ изъ тѣхъ любителей малорусской старины, къ числу которыхъ принадлежалъ Гр. А. Полетика, Як. Мих. Марковичъ, Ал. Ив. Мартосъ, М. Ф. Берлинскій, Дм. Н. Бантышъ-Каменскій, Ал. Мих. Марковичъ, Н. А. Маркевичъ... Всѣ эти лица оставили послѣ себя литературные труды, указывающіе, что у всѣхъ у нихъ было достаточно любви къ дѣлу, но мало было подготовки. Полетика (если только онъ есть авторъ *Исторіи Русовъ*) и Бантышъ-Каменскій представляютъ впрочемъ нѣкоторое исключеніе...

Самостоятельную работу Л-аго представляетъ одинъ только здѣсь печатаемый словарь. Не смотря на неполноту послѣдняго, собраныя въ немъ свѣдѣнія представляются однакожъ весьма цѣнными, причемъ цѣнность эта является тѣмъ значительнѣе, что словарь, какъ слѣдуетъ догадываться, составленъ частью по личнымъ свѣдѣніямъ и справкамъ Л-аго, а частью, должно быть, по живому преданію людей, лично периживавшихъ эту старину... Словарь Л-аго внесетъ въ научный обиходъ изслѣдователей малорусской старины не мало существенныхъ поясненій о предметахъ, о которыхъ до сихъ поръ не имѣлось обстоятельныхъ свѣдѣній; для сего достаточно указать статьи: *казусъ*, *канцеляристы*, *канцеляріи*, *кафтаны*, *козаки*, *колегія малороссійская*, *коморникъ*, *комисары*, *компромисъ*, *коровай*, *корона*, *кунтушъ*... Встрѣчающіяся въ словарѣ ошибки происходятъ, полагать должно, какъ отъ неполноты того матеріала, который былъ въ рукахъ Л-аго, такъ, вѣроятно, и отъ излишней его довѣрчивости къ устному преданію.

Нѣкоторыя поясненія и добавленія къ словарю и указаніе явныхъ въ немъ ошибокъ—помѣщаются въ нашихъ примѣчаніяхъ.

16 мая 1894 г. **Ал. Лазаревскій.**

---

[1]) Когда именно умеръ Л-ій—у насъ нѣтъ свѣдѣній, но въ 1845 г. онъ былъ еще живъ.

Абшитованный. Въ войскѣ Малороссійскомъ всѣ чиновники изъ службы вышедшіе, должны были имѣть письменные обшиты и къ чину своему непремѣнно прибавлять сіе слово: *абшитованный сотникъ*, *есаулъ* и проч.

Академія. Академія заведена въ Малороссіи въ городѣ Кіевѣ, въ архіерейство Петра Могилы.

Атаманъ. Слово персидское, зри словотолкователь, часть 1-я, страница 272, значитъ—главный начальникъ козачьихъ нерегулярныхъ войскъ; кажется, уменшительное отъ *гетмана*. Онъ—начальникъ нетокмо военный, но и главный судья; однимъ словомъ хозяинъ во всѣхъ частяхъ войска своего и селеній къ оному подсудственныхъ. Атаманы имѣли разныя степени, а именно:

Атаманъ кошевый былъ главный военачальникъ Запорожскаго войска, такъ какъ нынѣ Черноморскихъ, Донскихъ и другихъ козаковъ. Сей запорожскій атаманъ долженствовалъ состоять всегда подъ главнымъ начальствомъ гетмана Малороссійскаго, но силой и буйствомъ руководимый, не рѣдко отъ повиновенія отлагался и съ войскомъ своимъ Запорожскимъ составлялъ почти отдѣльную республику. Всегдашнее Запорожскаго гетмана пребываніе было въ крѣпости, названной Сѣчью,—надъ рѣкою Днѣпромъ.

Атаманъ сотенный. По сотникѣ, сей атаманъ былъ первый человѣкъ въ сотнѣ, и по части военной какъ бы капитанъ-порутчикъ. Онъ всегда присутствовалъ въ сотенной канцеляріи и до учрежденія судовъ городскихъ и земскихъ, разбиралъ всѣ тяжбы и рѣшалъ по приговору сотника. Въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ не было магистратовъ, онъ заступалъ мѣсто бургомистра, а гдѣ токмо ратуши, присутствовалъ въ оныхъ. Полиція земская по сотнѣ зависѣла больше отъ него, поелику онъ въ отсутствіе сотника занималъ первое мѣсто, а самъ и въ походъ весьма рѣдко хаживалъ. Отъ 1600 года до половины 18-го вѣка постъ сотеннаго атамана былъ въ Малороссіи важенъ, поелику безъ сотника соединялъ онъ въ себѣ должность

сотеннаго военачальника, судьи въ гражданскихъ уголовныхъ дѣлахъ, земскаго комисара, всю должность нижняго земскаго суда, казначея, ревизора и главы въ городѣ, неимѣющемъ магистрата.

Атаманъ сельскій. Начальникъ въ селѣ, который былъ избираемъ всегда изъ достойнѣйшихъ того селенія козаковъ, а иногда опредѣлялся отъ начальства. Онъ смотрѣлъ за полиціей селенія своего, за высылкой козаковъ на службу и рѣшалъ, сколько могъ, распри и дѣла селенія своего. Жалобы на рѣшенія его, или большею частію словесные приговоры, шли въ сотенную канцелярію.

Атаманъ куринный былъ у Запорожскихъ козаковъ начальникъ куреня своего. *Куринь* или *курень* ничто иное было, какъ строеніе состоящее изъ одного большого и разныхъ малыхъ домовъ, въ одномъ мѣстѣ выстроенныхъ, въ которыхъ жили козаки до уничтоженія Запорожской Сѣчи, которая раздѣлялась на 18 куреней.

Байдакъ. Такъ называется большое на барку похожее судно, обыкновенно въ Малороссіи по Деснѣ, Днѣпру и по берегамъ Чернаго моря, длиной до 10 саженъ (плавающее)? Употребляемо оно также и на рѣкахъ для перевоза разныхъ товаровъ.

Бунчукъ. Такъ назывался въ Малороссіи знакъ почести гетманской, состоявшій изъ золотаго жезла, иногда драгоцѣнными камнями осыпаннаго, и при выборѣ гетмана, въ знакъ пріемлемой власти, ему съ протчими почетными знаками вручаемый. Сей знакъ гетманскаго достоинства и власти былъ третій, и до учрежденія генеральныхъ бунчучныхъ, былъ въ вѣдѣніи втораго генеральнаго есаула [1]).

Бунчуковые товарищи. Сіи были въ Малороссіи изъ заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ выбираемые, ни къ которому полку не принадлежавшіе, но составлявшіе родъ знатной гвардіи гетмана, а во время шествія его въ походъ были подъ начальствомъ генеральнаго бунчучнаго и по обязанности своей оберегали и защищали бунчукъ. Рангомъ считались онѣ первые по Малороссійскомъ полковникѣ, и, въ случаѣ нужномъ, на войнѣ заступали его мѣсто въ командованіи полкомъ. Опредѣленнаго ихъ числа не было, но гетманъ жаловалъ ихъ, сколько ему было угодно. Онѣ жили въ Малороссіи разсѣянно, завися токмо отъ гетмана, генеральной войсковой канцеляріи и генеральнаго бунчучнаго. Во время мирное употреблялись отъ гетмана въ разныя важныя комиссіи. По упраздненіи гетманства сей чинъ сдѣлался токмо титломъ для людей отличныхъ и съ

---

1) Свѣдѣніе, повидимому, ни на чемъ неоснованное.

онымъ никакая собственно должность сопряжена не была, а зависѣло отъ воли начальника наряжать и опредѣлять бунчучныхъ товарищей къ какому либо дѣлу по разсмотрѣнію. Учрежденіе чина сего относится къ тому же времени, какъ и генеральнаго бунчучнаго [1]).

Бунчучный генеральный или генеральный бунчучный. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, урядникъ сей въ 1711 или въ 1712 годахъ учрежденъ гетманомъ Скоропадскимъ, ибо до того времени нигдѣ въ лѣтописяхъ объ ономъ не упоминается [2]). Онъ принадлежалъ къ числу генеральныхъ старшинъ, имѣлъ титулъ также *вельможнаго*, токмо рѣдко; по особливому гетманскому повелѣнію, присутствовалъ онъ въ генеральной войсковой канцеляріи или командовалъ отря-

---

[1]) Чинъ бунчуковаго товарища при Самойловичѣ уже существовалъ. Въ универсалѣ этого гетмана, данномъ въ 1685 г. Прокофію Левенцу и сыну его Ивану читаемъ: „уже и при предшественникахъ нашихъ водилось, что годные и заслуженные въ войскѣ особы, знатность свою и порядки пристойные имѣющіе, жалованы были рейментарскою зверхностью (властью) и для оздобы (почета, украшенія) и поваги (значенія) рейментарской, въ военныхъ походахъ ходили *подъ бунчукомъ рейментарскимъ*. Потому мы и теперь старинного въ полку Полтавскомъ мужа и заслуженнаго въ войскѣ товарища Прокопа Левенца съ сыномъ Иваномъ, увольняя отъ полковыхъ службъ, причисляемъ ихъ къ тѣмъ особамъ, которые *подъ знакомъ нашимъ рейментарскимъ* ходятъ, съ тѣмъ, чтобы оба они, по нашему приказу, всегда являлись при боку нашемъ и служили бы тѣ службы, которыя имъ будутъ указаны". См. Кіевск. Стар. 1886 г. № 7, стр. 447. Бунчуковые товарищи назначались не только „изъ заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ", но и изъ молодыхъ сыновей знатной старшины, которыхъ нельзя было пристроить къ какому нибудь опредѣленному уряду. Племянникъ гетманши Скоропадской, извѣстный Яковъ Марковичъ былъ бунчук. товарищемъ уже двадцати лѣтъ отъ роду, получивъ этотъ чинъ, значитъ, почти тотчасъ по выходѣ изъ Кіевской академіи. См. „О бунчук. товарищахъ", прилож. къ Записк. Як. Марковича, изд. Ал. М. Марковича, I, 453.—Меншиковъ доносилъ Петру В., въ 1720 г., изъ Малороссіи, что онъ нашелъ тамъ множество праздныхъ,—подъ названіемъ подбунчужныхъ (т. е. бунч. товарищей), которые суть всѣ гетманскіе, старшинскіе и другихъ всѣхъ чиновниковъ родственники, свойственники, близкіе и дальные, и подъ симъ видомъ пребываютъ въ праздности, чего ради я, дабы сихъ тунеядцевъ, приверженныхъ къ панамъ (т. е. къ старшинѣ) разогнать и дать имъ дѣло, предложилъ гетману, чтобъ приготовилъ къ походу въ Смоленскъ и по полученіи о томъ указа отъ государя, тотъ-бы часъ послали ихъ туда... (Изъ „записовъ" Ломиковскаго). Какъ извѣстно, всѣ эти праздные „подбунчужные" высланы были поголовно, въ 1725 г., въ Сулацкій походъ, гдѣ и бѣдовали около трехъ лѣтъ искупая свое „тунеядство".

[2]) Невѣрно. Чинъ генеральнаго бунчучнаго существовалъ уже и въ 1669 г., какъ это видно изъ „статей" Многогрѣшнаго, которыя подписаны генер. бунчучнымъ—Лукашемъ Зборовскимъ. „Статьи" Самойловича подписаны ген. бунчучнымъ Л. Полуботкомъ. Братъ жены Самойловича, Конст. Голубъ былъ ген. бунчучнымъ

домъ войска. Главная же его должность состоитъ въ храненіи и сбереженіи, и, во время войны, въ защищеніи бунчука, съ подвластными ему бунчуковыми товарищами.

Бурса. Слово латинское, значитъ *кошель*. При Кіевской академіи и при семинаріяхъ—благодѣтельное заведеніе, состоящее въ домѣ, въ которомъ бѣдные студенты живутъ на казенномъ содержаніи, и отъ того называются бурсаками.

Возный. Слово польское. Чиновникъ при судахъ земскихъ и городскихъ, изъ осѣдлыхъ дворянъ избираемый для врученія позывовъ, свидѣтельства насилій, убытковъ, мертвыхъ тѣлъ и проч. Главный изъ нихъ находился при Малороссійскомъ генеральномъ судѣ и назывался генеральный возный; а въ другихъ мѣстахъ—при трибуналахъ.

Воевода. Въ бывшей Польшѣ воеводы были купно и сенаторы, а въ опредѣленномъ воеводствѣ собирали войска и онымъ предводительствовали; созывали сеймики и на оныхъ предсѣдательствовали; были главноуправляющими уголовнымъ судомъ и наблюдали полицію.

Войсковой товарищъ. Титло почетное, даваемое отъ гетмана тому изъ чиновниковъ или престарѣлыхъ, отличія великія оказавшихъ козаковъ, которые ради престарѣлости и слабости здоровья, увольняемы бывали отъ службы вовсе, и имѣя его титулъ, въ собраніяхъ и обществахъ занимали первыя мѣста, призывались для совѣта къ гетману. Такъ, извѣстно въ лѣтописяхъ, что генеральный судья, вышедшій въ отставку, получалъ титло войсковаго товарища [1]). Въ новѣйшія времена сіе титло помѣщено между чиновъ и войсковый товарищъ, въ сей чинъ произведенный, равняется рангомъ съ *сотникомъ*. Войсковые товарищи не имѣли никакой опредѣленной должности, но употребляемы были по ордерамъ гетмана, или по благоразсмотрѣнію начальства, въ комиссіи не имѣющія большой важности, въ которыя бунчуковаго товарища не посылали, ибо бунчуковый товарищъ имѣлъ уже войсковаго подъ начальствомъ своимъ.

Войтъ. Имя сіе производится отъ нѣмецкаго слова *фоитъ* или *фойтъ*. Такъ назывался главный правитель города, въ Малороссіи,

---

[1]) До XVII в. могло случаться, что лица изъ первостепенной старшины, по выходѣ въ отставку, именовались войсков. товарищами. Полтавскій полковникъ Гуджелъ (1675 г. по выходѣ въ отставку, въ актахъ называется „славетнымъ паномъ, козакомъ Полтавскимъ“. Въ XVIII в. званіе войск. товарища стало *чиномъ* тѣхъ отставныхъ урядниковъ, которые не получали *чина* бунчук. товарища.

въ тѣхъ городахъ, которые производя обширную внутренную торговлю и внѣшнюю, имѣли въ дѣлахъ гражданскихъ собственную расправу въ ратгаузѣ или магистратѣ, и снабжены были касательно торговли отличными привилегіями. Знатнѣйшіе таковые города были: перваго класса—Кіевъ и Нѣжинъ; втораго—Черниговъ и Стародубъ; третьяго—Глуховъ, Лубны и Роменъ, кромѣ многихъ другихъ. Войтъ былъ въ городѣ настоящій градоначальникъ, коему чиновники ратгауза отдавали во всемъ отчетъ; приказъ его въ магистратѣ долженствовалъ быть исполняемъ безпрекословно. Онъ подчиненъ былъ въ дѣлахъ общественныхъ, всея Малороссіи касающихся, т. е. военныхъ и полицейскихъ,—гетману, но переписывался съ нимъ грамотами и рескриптами[1]), а въ протчихъ внутреннихъ дѣлахъ—никому не давалъ отчету.

Генеральная старшина. Во время гетманскаго правленія въ Малороссіи такъ назывались пять главныхъ чиновниковъ: *генеральный писарь*, *генеральный есаулъ*, *генеральн. бунчучный*, *генеральн. судья* и *генер. обозный*. *Генер. бунчучный*, зри страница 7; *генер. есаулъ* зри—есаулъ генеральный. *Генер. обозный*—то что генералъ-квартирмистеръ; въ владѣніи (sic) его была гетманская артилерія. *Генер. писарь*—чиновникъ при гетманѣ исправлявшій должность канцлера и вѣдавшій весь приходъ и расходъ его. *Генер. судья*—чиновникъ при гетманѣ производившій всѣ судныя дѣла[2]).

Гетманъ, тоже что *генералисимусъ*. Такъ назывался главный начальникъ Малороссійскихъ козацкихъ войскъ. Гетманъ былъ глава всего Малороссійскаго войска и народа.—Малороссія раздѣлялась на полки, которые и провинціи составляли. Полковникъ въ полку своемъ былъ то, что гетманъ былъ въ Малороссіи. Подъ нимъ полковые старшины, какъ то: обозный, судья, писарь, есаулъ, хорунжій или хоронжій. Полки раздѣлялись паки на сотни, и въ сотнѣ сотникъ былъ то, что въ полку полковникъ, товарищъ его, но ниже его, назывался *атаманъ сотенный*, а подъ нимъ—писарь, есаулъ и хоронжій сотенные.—Въ тяжбахъ гражданскихъ и уголовныхъ первоначальное мѣсто

[1]) Свѣдѣніе ни на чемъ неоснованное. Войты, даже первостепенныхъ городовъ (Нѣжина, Стародуба), никакихъ самостоятельныхъ дѣловыхъ отношеній съ гетманами не имѣли.

[2]) Не упомянутъ урядъ *генер. подскарбія*, установленный Брюховецкимъ, при которомъ генер. подскарбіемъ былъ Романъ Ракушка. По смерти Брюховецкаго урядъ генер. подскарбія перестаиъ существовать и былъ возобновленъ, когда на этотъ урядъ иностр. коллегія поставила Андрея Марковича.

было сотенной канцеляріи; на сіе подавали аппеляцію въ полковую канцелярію, а оттоль въ трибуналъ [1]).

Есаулъ или асаулъ. Такъ назывался чиновникъ въ Малороссійскихъ войскахъ по различію мѣста, въ которомъ опредѣленъ, какъ то слѣдуетъ: *есаулъ генеральный* состоялъ въ числѣ старшины своего войска, какъ бы дивизіонный генералъ, и титулованъ *вельможный панъ;* ихъ было всегда два: старшій изъ нихъ былъ хранитель гетманской булавы. Они временно присутствовали въ генеральной войсковой канцеляріи, но главная ихъ должность состояла—объѣзжать полки и за исправностью ихъ имѣть строгое наблюденіе. Во время войны, командовали они частію войска, а буде не было верховнаго начальника, то и всею арміею. При владѣніи польскомъ были они на жалованьѣ, а въ цвѣтущее Малороссіи время, доколѣ въ службѣ пребывали, владѣли ранговыми деревнями. *Есаулъ полковой*—чиновникъ или старшина въ полку, принадлежавшій къ штабу полка, съ титуломъ *высокоблагородный*, и должность исправлявшій маіорскую; ихъ было два при каждомъ полку, и иногда присутствовали временно въ полковой канцеляріи. *Есаулъ артилерійскій*—чиновникъ бывшій при генеральной артилеріи, онъ состоялъ въ вѣдомствѣ генеральнаго обознаго и всегда присутствовалъ въ генеральной артилеріи и въ канцеляріи. *Есаулъ сотенный*—чиновникъ отправлявшій должность какъ бы порутчика въ каждой полковой сотнѣ.

Казусъ. Слово латинское, случай. Въ Малороссіи при выборѣ въ писари генеральные, задаваемы были кандидатамъ разные казусы, или казусныя дѣла, къ докладу, а писарямъ суда генеральнаго—къ сочиненію приговора.

Канцеляристъ войсковый. Въ Малороссіи была первая степень служенія для лучшаго и знатнѣйшаго козачества. Дефинировали сіе званіе—candidatus omnium degnitatum, т. е. кандидатъ всѣхъ достоинствъ. Въ канцеляристы войсковые не легко было попасться, ибо надлежало имѣть достаточныя доказательства о честномъ поведеніи и благонравіи и о пріобрѣтенныхъ наукахъ въ Кіевской академіи, по крайней мѣрѣ въ довольномъ знаніи грамматики, синтаксиса и риторики и хотя первыхъ основаній философіи, особливо же логики; но нерѣдко и лучшіе богословы добивались сего званія. По пріемѣ субъекта въ сіе званіе и приводѣ къ присягѣ, вносился онъ

[1]) Въ генер. канцелярію или же въ генер. судъ. Трибуналовъ не было.

въ списокъ и отводимо ему было мѣсто въ курени, гдѣ онъ съ протчими сослуживцами жилъ, состоя подъ вѣдѣніемъ *старшаго канцеляриста.* Образовались они тутъ почти въ совершенство—юриспруденціи, камеральнымъ наукамъ и военной теоріи, поелику въ генеральную восковую канцелярію входили и отправляемы были многоразличныя дѣла, яко въ первенствующемъ правительствѣ надъ всею націей; въ семъ званіи не токмо отправляли они всѣ по мѣсту сему дѣла, но и посылаемы были по важнымъ коммисіямъ, а паче для слѣдствія и по жалобѣ на рѣшеніе подкоморія, для разграниченія земель[1]). Изъ нихъ по заслугамъ происходили—въ сотники, бунчуковые товарищи, полковые старшины и прочіе; нерѣдко видывали войсковаго канцеляриста лѣтъ съ пятдесятъ, совершеннаго въ знаніяхъ, но еще не попавшагося въ кандидаты для поступленія въ высшіе чины. Нерадѣніе или какой другой поступокъ канцеляриста, по повелѣнію генеральнаго писаря, старшій канцеляристъ наказывалъ посаженіемъ на пушку. *Просидѣть на пушкѣ* считалось для канцеляриста ужъ весьма важнымъ безчестіемъ; но было оно при долгомъ сидѣніи и чувствительно; едва кто въ состояніи былъ просидѣть три часа. Наказаніе сіе можно сравнить съ воинскимъ для дворянъ—*поставить подъ ружье.* Всѣ они служили изъ одной чести, на своемъ иждивленіи и безъ жалованья; по мѣрѣ трудовъ и дѣлъ, получали онѣ узаконенныя акциденціи, которыя въ случаѣ коммисій, имъ поручаемыхъ, составляли хорошій доходъ. Въ часы отдохновенія, въ обитаемомъ ими курени, провождали они въ вокальномъ пѣніи, въ играніи на скрипкахъ, басахъ, гусляхъ, фрейтѣ и составляли иногда концерты, такъ что для прохаживающихся мимо куреня, казался оный жилищемъ рая. Въ воскресенье и праздничные дни, поставляли они себѣ долгомъ занимать клиросы во время всенощныхъ бдѣній и литургій, и часто не уступали лучшимъ пѣвчимъ. Въ лѣтнее время играли въ кегли (крагли) и мячи, на площади; рѣдко, но иногда заходили въ кофейной домъ. Они не считались, ни въ какомъ классѣ, по знанію и поведенію весьма были уважаемы, и нерѣдко приглашались къ гетманскому столу. Посланнаго по коммисіи войсковаго канцеляриста, встрѣчали въ сотняхъ съ хоругвями[2]) и со всѣми воинскими почестями. Кандидатъ всѣхъ достоинствъ могъ быть поутру войсковой канцеляристъ, а ввечеру—полковникъ; и по-

---

[1]) Подкоморскіе суды учреждены были въ Малороссіи только въ 1765 г.

[2]) Т. е. знаменами (корогвями).

тому всякое причиненное ему безчестіе наказываемо было тягчайше. Изъ сословій ихъ выходили всѣ по исторіи извѣстные великіе люди. Въ сей собратіи образованъ и свѣтлѣйшій князь Безбородко [1]).

Канцеляристъ суда генеральнаго былъ гораздо ниже войсковаго и степенью и производствомъ. Канцеляристы полковые и сотенные имѣли надежду получить чинъ значковаго товарища, а весьма рѣдко и по отличнѣйшимъ заслугамъ, чинъ сотеннаго атамана.

Канцеляристъ старшій. А) Въ войсковой генеральной канцеляріи былъ родъ оберъ-секретаря, сидѣлъ въ присутственной камерѣ и при докладѣ дѣлъ чрезъ повытчика, объяснялъ оныя и напоминалъ законы. Состоя же въ непосредственномъ вѣдѣніи писаря генеральнаго, онъ, въ случаѣ неправильныхъ резолюцій, докладывалъ ему, а сей гетману. Онъ считался въ классѣ полковыхъ старшинъ и былъ выше сотника. Вмѣсто жалованья пользовался доходами изъ ранговыхъ деревень, сему мѣсту присвоенныхъ. По увольненіи послѣдняго гетмана, переименованъ въ коллежскіе ассесоры. Б) Канцеляристъ старшій въ полковой канцеляріи и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ былъ точно то, что секретарь, и въ канцеляріи полковой состоялъ подъ непосредственнымъ владѣніемъ полковаго писаря, а въ протчихъ мѣстахъ—подъ начальствомъ старшаго члена.

Канцелярія войсковая. Она была въ Малороссіи верховное и главное правительство, непосредствено отъ воли и вліяній гетманскихъ зависящее, и по подобію въ другихъ мѣстахъ верховныхъ сенатовъ, управлявшая всею землею во всѣхъ частяхъ и родахъ правленія, и составляла аки бы совѣтъ гетмана, и никому кромѣ его отчету въ дѣлахъ своихъ не давала и давать не была обязана; а въ случаѣ отсутствія гетмана изъ земли въ дальній походъ, или по обстоятельствамъ политическимъ на долгое время, то она управляла землею и всѣмъ совластію самого гетмана. Токмо въ дѣлахъ гражданскихъ тяжебныхъ, формою процесною производимыхъ, предоставляла она большею частію окончательное рѣшеніе генеральному судьѣ; но и въ семъ случаѣ по уголовнымъ и политическимъ дѣламъ брала на ревизію; а по дѣламъ подкомораго касающимся—имѣла всю власть. Обыкновенные сей канцеляріи присутствующіе должны быть вся генеральная старшина (кромѣ судей); но болѣе зависѣло назначать

---

[1]) Дополнительныя свѣдѣнія о войск. канцеляристахъ см. въ „Запискѣ“, составленной въ 1798 г. ген. судьею Ак. Сем. Сулимою. Кіевск. Стар. 1884 г., № 1, стр. 135

[2]) Подкоморій—судья (онъ же и председатель) подкоморскаго суда.

присутствующихъ отъ воли гетманской, и не иного, какъ изъ среды старшины генеральной. Чаще всего присутствовали обозный и асаулы генеральные; писарь же генеральный всегда членъ непремѣнный, каково бы ни было присутствіе.

Канцелярія скарбовая, что въ другихъ мѣстахъ финансъ-камера, или нынѣ—казенная палата. Она завѣдывала всѣми доходами и расходами земли въ монетѣ и натурѣ; управляла національными и ранговыми недвижимыми имѣніями, а фабрики и заводы всякого роду подлежали ея вѣдомству. По учрежденіи чина *генеральнаго подскарбія*, онъ былъ шефъ сего управленія; члены же въ оную и протчіе чины какъ то: *рентмейстеръ и цалмейстеръ* съ ихъ должностями опредѣляемы были по разсмотрѣнію гетмана в войсковой генеральной канцеляріи. Ей подчинены были отчетомъ и отвѣтомъ земскіе всѣ нижніе присутственные мѣста, арендаторы и арендари въ національныхъ имѣніяхъ, индукторы и откупщики пошлинъ. Ей предлежало денежное снабденіе войскъ въ жалованьи и продовольствіи, храмы отъ содержанія на казенномъ иждивеніи зависящіе, мосты и перевозы казенные, однимъ словомъ все то, что вѣдомству скарба или притязанія казны какимъ бы то образомъ ни было, принадлежать могло. Рѣдкое о сей канцеляріи должно здѣлать примѣчаніе, что она никогда не заимствовалась чуждымъ или долгомъ, но за всѣми войсковыми расходами, никогда не останавливаемыми, имѣла всегда въ наличности годъ отъ году нѣсколько сотъ тысячъ рублей, которыми пользовались правители или владычествующіе землею, начальствующіе особы внѣ націи.

Канцелярія военная и войсковая. Она была въ Малороссіи токмо временно, по указу Петра I отъ 17 ноября 1720 году, учрежденная по болѣзни и отлучки изъ Глухова гетмана Скоропадскаго. Въ ней предсѣдательствовалъ генеральный писарь. Она принимала жалобы отъ всѣхъ и на всѣ суда; апеляція шла къ гетману и на него самому государю. Кончилась по смерти Скоропадскаго и вступила опять въ дѣйствіе войсковая генеральная канцелярія [1]).

Канцелярія министерская. Такъ назвали въ Малороссіи временное правительство (ad interim, provisoire), которое императрица Анна, по смерти гетмана Скоропадскаго (л. б. Апостола), повелѣла указомъ отъ 31 генваря 1734 года учредить въ Малороссіи на мѣсто управ-

[1]) Объ учрежденіи этой особой кнцеляріи указъ см. въ Источник. Малорос. ист., Б.-Каменск., II, 297.

ленія гетманскаго уряда. Канцелярія сія состояла изъ великороссіянина—управляющаго и двухъ великороссіянъ, изъ малороссіянина—главнокомандующаго и двухъ малороссіянъ. Но управляющій великороссіянинъ былъ всегда повелитель. Въ присутствіи, за столомъ великороссіяне сидѣли по правую, а малороссіяне—по лѣвую руку. Правительство не принимало апеляціи на генеральнаго судью, съ перенесеніемъ дѣлъ въ сенатъ тоже по апеляціи, а о дѣлахъ блага націи и выгодъ Россіи касающихся, относилось съ мнѣніемъ своимъ ко двору. Всѣ же щеты о доходахъ и расходахъ отсылаемы были въ столицу, въ существовавшій тогда въ сенатѣ *малороссійскій приказъ*, по роду дѣлъ иностранныхъ. Въ силѣ своей существовало сіе правительство до царствованія императрицы Елисаветы и ослабло указомъ 5 мая 1747 года, которымъ позволено было избрать гетмана по пунктамъ Хмельницкаго, а потомъ вовсе исчезло.

Канцелярія артиллерійская, просто называема была и общимъ именемъ—*артиллерія*; состояла не токмо по письменному предложенію, но и по словесному приказанію, подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ генеральнаго войсковаго обознаго, который лицемъ своимъ предъ гетманомъ и войскомъ отвѣчалъ за порядокъ и устройство въ артиллеріи и всѣхъ ея частяхъ. Тутъ—жизнь его и всѣхъ ему близкихъ, имѣніе его и всѣхъ родственниковъ его—твердой было порукой [1]). Ему подчинены были всѣ *полковые обозные*, управлявшіе въ полкахъ сею частію. Въ отличіе именована сія канцелярія *войсковой генеральной артиллеріею*. Въ вѣдомствѣ сей канцеляріи состояли всѣ разныхъ родовъ полковыя и сотенныя артиллеріи, литейные и пороховые заводы, поставка и выработываніе селитры, крѣпостные валы и зданія, лѣса къ водоходству и работамъ артиллерійскимъ годные, и имѣнія національныя, на часть сію предопредѣленныя [2]). Въ новѣйшія времена принадлежали доходы города Коропа и села Спасскаго на артиллерію, а о протчихъ перемѣнахъ гласитъ исторія. Присутствовали въ сей канцеляріи несмѣнно: генеральный артиллерійскій асаулъ и генеральной артиллеріи писарь. Часто той же артиллеріи хорунжій, а иногда прикомандированы были и прочіе чиновники, особливо же, нерѣдко бунчуковые или войсковые товарищи. Асаулъ генеральной артиллеріи равнялся рангомъ съ полковыми обозными, хорунжій—съ полковымъ судьею, а писарь съ сотеннымъ атаманомъ,

---

[1]) Фраза не имѣющая никакого историческаго основанія.

[2]) См. Опис. Ст. Малороссія, II, 313.

буде сей послѣднiй по избранiю войска опредѣленъ гетманомъ, а не взятъ отъ генеральнаго обознаго для письмоводства.

Канцелярiя полковая. Предметъ раздѣленiя Малороссiи на полки относительно порядка воинскаго—былъ токмо отвлеченный, для исчисленiя поставки и явки воиновъ и артиллерiйскаго снадобья; въ протчемъ же сiе полковое раздѣленiе или дѣленiе на полки было гражданское, и потому полкъ составлялъ—или губернiю или знатную провинцiю. Полковая канцелярiя, въ которой, подъ предсѣдательствомъ и вѣдѣнiемъ (?) присутствовали всегда полковые: обозный, судья и писарь, а иногда, по прикомандированiю, асаулъ и хорунжiй; иногда нерѣдко бунчуковые товарищи, имѣла въ вѣдомствѣ своемъ всѣ дѣла военныя, казенныя и гражданскiя съ уголовными, по обширности дистрикта, или департамента, полка составлявшаго. По дѣламъ военнымъ зависѣла она непосредственно отъ гетмана, а посредственно—отъ войсковой генеральной канцелярiи. По части артиллерiйской требовала отчета отъ полковаго обознаго и сносилась промеморiями съ войсковой генеральной артиллерiйской канцелярiей. По дѣламъ казеннымъ или скарбовымъ, кромѣ гетмана и войсковой генеральной канцелярiи, подлежала перепискамъ съ скарбовой канцелярiей и генеральной щетной комиссiей; по дѣламъ тяжебнымъ формальнымъ подлежала апелляцiи суда генеральнаго и гетмана; по уголовнымъ,—какъ симъ обѣимъ, такъ и войсковой генеральной канцелярiи, а по дѣламъ полицiи—одной войсковой генеральной канцелярiи. По учрежденiи въ Малороссiи судовъ земскихъ повѣтовыхъ, не имѣла уже она дѣла до формальныхъ процессовъ, но остались во власти ея военныя, частiю казенныя, всѣ полицейскiя и городскiя, и по симъ послѣднимъ за упраздненiемъ уже гетманства, подлежала она по апеляцiи суду генеральному, прежде Малороссiйской коллегiи. Весьма погрѣшаютъ тѣ, которые обманываясь рѣшенiями въ смыслѣ буквенномъ, считаютъ сiю канцелярiю только regiments canzelley, chancellerie du regiment; она точно была то, что мы нынѣ именуемъ губернское правленiе, но гораздо съ большею властiю и обширнѣйшимъ вѣдомствомъ.

Канцелярiя сотенная. Какъ Малороссiя и Украйна генерально разбита была на полки, то есть на губернiи или департаменты, такъ каждый полкъ разбитъ былъ, токмо въ однихъ процессахъ, на повѣты, а въ протчихъ всѣхъ дѣлахъ—на сотни; посему со устроенiя сотенныхъ канцелярiй, въ теченiи дѣлъ сообразны они были во всемъ полковымъ канцелярiямъ; тѣ, какъ въ вышней, а сiи какъ въ

низшей инстанціи, имѣли въ вѣдомствѣ своемъ всѣ дѣла военныя, казенныя, артиллерійскія, гражданскія, уголовныя и полицейскія; и во всѣхъ оныхъ жалобы и апеляціи шли на сотенныя приговоры, рѣшенія, опредѣленія и распоряженія—въ полковую канцелярію. Но по учрежденіи въ Малороссіи судовъ земскихъ, всѣ тяжебныя формальныя дѣла отъ сотенной канцеляріи изъяты и перешли туда; дѣла, городскія отняты у сотенной канцеляріи и велѣно первоначально вѣдать ихъ въ полковой концеляріи, которая потому и названа городскимъ судомъ; дѣла полицейскія до устроенія дорогъ, мостовъ и квартированія—поручены непосредственно полковой концеляріи. По упраздненіи же гетманства и учрежденіи Малороссійской второй коллегіи—сотенныя концеляріи не могли иначе переписываться, какъ посредствомъ полковой канцеляріи, вмѣсто того, что во времена гетманства онѣ имѣли сношеніе не токмо съ вышними мѣстами и особами, но и съ самимъ гетманомъ. Въ сотенной канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ сотника, неизмѣнно засѣдали сотенные: атаманъ и писарь; иногда, по надобности, прикомандированы были войсковые и значковые товарищи, асаулы и хорунжіе сотенные.

Канцелярія экономическая ясневельможнаго называлась такъ придворная гетманская канцелярія, соединявшая въ себѣ вѣдомства: дворцовое, волостное, егермейстерское, шталмейстерское и все прочее, касательно продовольствія и хозяйствованія собственно особы гетманской. Въ оной присутствовали чины отъ произволу гетманскаго; обыкновенно—бунчуковые, а при нихъ значковые товарищи. Она переписывалась съ войсковою генеральною и протчими вышними мѣстами—промеморіей, въ полковые—рѣдко, а въ сотенные—всегда посылала ордера [1]). Для любопытныхъ вотъ образецъ промеморій сей канцеляріи въ генеральную: *его ясневельможности пѣвенъ (пѣтухъ) утекъ (сбѣжалъ) вчора съ двора, публиковать во всей Малороссіи и проч.*— Самый лучшій пѣтухъ продаваемъ былъ тогда по копѣйкѣ и дешевле.

Кафтанъ. Въ Малороссіи есть одѣяніе нижнее, которое носятъ мужчины подъ *кунтушемъ* или *черкескою.* Бывъ у себя или между пріятелями, не надѣваютъ ни кунтуша, ни черкески, а военные при частныхъ екзерциціяхъ, тоже для легкости, бываютъ въ одномъ кафтанѣ. Покроемъ совершенно какъ у духовныхъ подрясникъ, или полукафтанье, длиною по произволу, и чтобы пола на полу заходила порядочно, застегивая вверху близъ воротника (гапликомъ), крючкомъ

---

[1]) Эти формы сношеній явились только въ концѣ XVIII в.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVI.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено Цензурою Кіевъ 2 Августа 1894 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXXVII.

Устройство карниза на домѣ гимназіи. — Ардалліонъ Каллистратовъ. — Директоръ Кулжинскій; его распоряженія и отношенія къ чиновникамъ гимназіи.—Ученическіе спектакли.—Ревизія Ребиндера.—Моя отставка отъ службы.—Переводъ Кулжинскаго въ Полтаву.

Вступивъ въ исправленіе должности директора, я долженъ былъ произвести ремонтировку наружной стороны дома гимназіи, на которомъ алебастровый карнизъ началъ обваливаться и угрожалъ опасностью ходившимъ близъ стѣны. Разрѣшено было отбить карнизъ вокругъ всего дома и сдѣлать новый опять изъ алебастра. Принимая во вниманіе, что новый алебастровый карнизъ будетъ дорого стоить и недолго продержится на старомъ кирпичѣ и что выгоднѣе и прочнѣе будетъ, отбивши алебастровый карнизъ, подбить его досками и покрасить масляною краскою, я сообщилъ мое мнѣніе Попечителю Округа, и оно удостоилось утвержденія. Сдѣланный такимъ образомъ деревянный карнизъ вверху дома гимназіи держится на немъ и доселѣ.

Довольно долгое время я исправлялъ должность директора въ ожиданіи назначенія преемника Науменку. Въ это время высшее начальство опять стало опредѣлять директорами въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію людей, не приготовленныхъ къ учеб-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 7.

ной службѣ. Изъ газетъ я узналъ, что директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи назначенъ какой-то Ардаліонъ Каллистратовъ. Прежде нежели я получилъ предписаніе о томъ отъ попечителя Кіевскаго учебнаго Округа, Каллистратовъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ и занялъ въ домѣ гимназіи директорскую квартиру. Когда я явился къ нему, онъ вручилъ мнѣ предписаніе министерства о его назначеніи и считалъ себя начальникомъ гимназіи, хотя я не сдавалъ ему должности. На первой недѣлѣ великаго поста онъ говѣлъ съ нами и предъ началомъ ученія велѣлъ мнѣ собрать учениковъ въ залѣ для слушанія молебна, чего прежде никогда не бывало; по окончаніи молебна онъ произнесъ предъ учениками грозную рѣчь, въ которой говорилъ имъ, что будетъ строго взыскивать съ нихъ за лѣность и худое поведеніе. Такой поступокъ Каллистратова всѣхъ насъ удивилъ своимъ на первыхъ-же порахъ неблагоразуміемъ. Послѣ такой рѣчи онъ пошелъ въ свою квартиру, а я въ канцелярію, гдѣ нашелъ два присланные на мое имя пакета, въ одномъ изъ нихъ мнѣ предписывалось, не сдавая должности Каллистратову, продолжать по прежнему исправленіе директорской должности, а другой пакетъ вручить Каллистратову, когда онъ прибудетъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Когда я вручилъ Каллистратову означенный пакетъ, онъ, прочитавъ присланную ему бумагу, заплакалъ: въ предписаніи ему было сказано, что вмѣсто директорской должности въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи онъ назначается чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа. Онъ тогда же написалъ отъ себя представленіе попечителю и далъ мнѣ прочитать его; найдя его безграмотнымъ, я совѣтовалъ Каллистратову исправить написанное, но онъ меня не послушался и послалъ въ томъ видѣ, какъ было написано; эта бумага убѣдила всѣхъ въ округѣ въ его неспособности служить по учебному вѣдомству. Говорили, что когда Государь Императоръ былъ въ Кіевѣ, Каллистратовъ хотѣлъ ему жаловаться за удаленіе отъ директорской должности, назначенной ему по Высочайшему приказу, но его удержали отъ такой жалобы; онъ оставался въ Кіевѣ все тѣмъ же чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ, который не поручалъ ему ника-

кихъ дѣлъ. Впослѣдствіи времени объяснилось, почему въ Петербургѣ его назначили директоромъ. Онъ служилъ прежде по Министерству Государственныхъ Имуществъ на какой-то должности, отъ которой былъ удаленъ по неспособности; онъ былъ женатъ на незаконной дочери какого-то генерала, имѣвшаго связи съ высокопоставленными лицами; вотъ эти-то лица и упросили министра народнаго просвѣщенія Норова дать Каллистратову открывшееся въ Новгородъ-Сѣверскѣ директорское мѣсто. Въ это время въ Петербургѣ находился попечитель Кіевскаго учебнаго округа Ребиндеръ, который, узнавъ о назначеніи Калистратова и объ его удаленіи отъ прежней должности, лично объяснилъ Норову неспособность Каллистратова быть директоромъ гимназіи и убѣдилъ министра назначить Каллистратова для опыта сперва чиновникомъ особыхъ порученій, а находившагося тогда при Ребиндерѣ чиновника особыхъ при немъ порученій Кулжинскаго опредѣлить директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

Кулжинскій долгое время не пріѣзжалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, находясь въ Кіевѣ, откуда писалъ мнѣ, чтобы я производилъ внутреннія перестройки въ домѣ гимназіи, но не получивъ формальнаго на то предписанія отъ попечителя, и притомъ самъ будучи невѣдущъ въ строительномъ дѣлѣ, я не рѣшился исполнить приказанія Кулжинскаго. Въ то время предположено было верхнюю залу гимназіи передѣлать въ классы, при чемъ надлежало поставить въ ней печи непремѣнно на желѣзныхъ кронштейнахъ, между тѣмъ Кулжинскій распорядился сдѣлать эти кронштейны изъ дерева; прибывшій для освидѣтельствованія этой постройки чиновникъ изъ черниговской строительной коммиссіи привязался было къ такому устройству кронштейновъ, но былъ упрошенъ не доносить о томъ въ строительную коммиссію.

Въ ожиданіи прибытія Кулжинскаго всѣ мы находились въ недоумѣніи, какъ онъ будетъ управлять гимназіей, потому что изъ Кіева доходили до насъ неблагопріятные слухи о его характерѣ. Учитель Варжанскій, знавшій Кулжинскаго и, кажется, обучавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ университетѣ, прямо объявилъ намъ, что онъ считаетъ унизительнымъ служить подъ его на-

чальствомъ, и вскорѣ вышелъ въ отставку. Засѣдая въ канцеляріи гимназіи, Кулжинскій былъ на своемъ мѣстѣ, какъ компетентный по такой службѣ дѣятель: служа въ канцеляріи попечителя въ должности чиновника особыхъ порученій, онъ хорошо изучилъ порядокъ веденія дѣлъ въ гимназіяхъ и, будучи знакомъ со всѣми близкими къ попечителю лицами, черезъ частныя свои съ ними сношенія, зналъ напередъ, когда и въ какомъ смыслѣ представленія его въ округѣ будутъ имѣть свою силу. Первымъ его распоряженіемъ по гимназіи было учрежденіе правильнаго порядка чтенія получаемыхъ для гимназіи журналовъ и газетъ, для чего онъ составилъ очередной списокъ читающихъ лицъ съ обозначеніемъ, сколько времени означенны ежемѣсячныя изданія должны находиться на рукахъ каждаго изъ читающихъ. Этимъ порядкомъ всѣ мы остались довольны. Дѣятельность же Кулжинскаго по учебнымъ занятіямъ гимназіи ограничивалась только тѣмъ, что онъ ежедневно при началѣ уроковъ въ гимназіи приходилъ изъ своей квартиры повѣрять, всѣ ли преподаватели въ свое время приходили на уроки. Въ самое преподаваніе уроковъ въ классѣ онъ не вникалъ, да и не могъ судить о немъ, потому что самъ никогда ничего не преподавалъ и въ университетѣ, какъ говорили, проходилъ курсъ кое-какъ, почему и поступилъ не на учебную службу, а въ канцелярію попечителя, въ которой ему посчастливилось сдѣлать себѣ незаслуженную карьеру. Труды и занятія преподавателей онъ оцѣнивалъ не по ихъ достоинсту, а по своему произвольному взгляду и пристрастію.

Особенное благоволеніе свое Кулжинскій оказывалъ почему-то младшему учителю русскаго языка Мануйловичу, который хорошо зналъ свой предметъ и могъ бы преподаваніемъ его приносить надлежащую пользу учащимся, но по нетрезвому образу своей жизни часто пропускалъ уроки, или приходилъ на нихъ слишкомъ поздно и въ классѣ иногда засыпалъ, или читалъ газеты. По обязанности моей, я записывалъ преподавателей, опоздавшихъ на уроки на полчаса. Мануйловичъ, не смотря на свою постоянную неисправность, жаловался на меня Кулжинскому, будто я неправильно записываю его опаздыванія на

уроки, и когда послѣдній передалъ мнѣ эту жалобу, я отказался записывать пропускаемые Мануйловичемъ уроки, предоставляя Кулжинскому о томъ вѣдать. По особенному благоволенію своему къ Мануйловичу, Кулжинскому хотѣлось сдѣлать его старшимъ учителемъ латинскаго языка на мѣсто учителя этого предмета Глобенка, который хорошо зналъ и преподавалъ его, но котораго Кулжинскій не взлюбилъ и притѣснялъ: онъ безъ всякой причины лишилъ его должности надзирателя въ общей квартирѣ, даже вмѣшался въ частныя его отношенія къ семейству учителя Носачевскаго, котораго дочь считалась уже невѣстою Глобенка, но по совѣту Кулжинскаго вышла замужъ за другого учителя. Огорченный такими непріязненными поступками Кулжинскаго Глобенко подалъ прошеніе о переводѣ его въ Пятигорское училище, гдѣ послѣ онъ былъ смотрителемъ[1]). Законоучителю протоіерею Павлу Крыловскому Кулжинскій ока-

[1]) Алексѣй Карповичъ Глобенко принадлежалъ къ числу лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ учителей гимназіи. Вѣчно спокойный и скромный до застѣнчивости, онъ въ то же время былъ неумолимо строгъ къ ученикамъ во всемъ, что касалось уроковъ. За все время пребыванія А. К. въ Новгородсѣверской гимназіи никто, вѣроятно, никогда не слышалъ, чтобы онъ возвысилъ голосъ, а между тѣмъ мало-мальски лѣнивые ученики боялись его страшно. Онъ никогда не вызывалъ ученика къ каѳедрѣ, а всегда самъ подходилъ къ ученику и стоя предлагалъ вопросы или заставлялъ дѣлать переводы съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій, при чемъ, если ученикъ ошибался, А. К. не поправлялъ его, а только повторялъ ошибку, и ученикъ самъ долженъ былъ поправиться. Помнится, напримѣръ, такой случай. Обращается А. К. къ ученику и спрашиваетъ: «Скажите, г. Яценко, какъ будетъ сравнительная степень отъ слова magnus?» —Мажо́ръ,—отвѣчаетъ, незадумываясь, Яценко. «Гм.... Мажо́ръ!» повторяетъ А. К.—Маіо́ръ!—поправляется ученикъ. «Гм... полковникъ! съ усмѣшкою замѣчаетъ учитель.—Màjor!—наконецъ догадывается Яценко. «Такъ бы и сказали сначала,—садитесь». Съ учениками онъ былъ всегда одинаково серьезенъ и никогда не позволялъ себѣ никакой шутки. Таковы же, вѣроятно, были его отношенія и ко всѣмъ другимъ; по крайней мѣрѣ во все время завѣдыванія его общею ученическою квартирою А. К. былъ одина-

зывалъ почему-то свое нерасположеніе. Личныя отношенія Кулжинскаго ко мнѣ, если не были явно непріязненны, то всегда оказывались двуличными, даже и тогда, когда онъ хотѣлъ показать мнѣ свое доброжелательство. Когда онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ представить меня къ ордену 3-ей степени Станислава, я, угадывая его недобрый умыселъ, просилъ вмѣсто ордена представить меня къ денежной наградѣ, въ которой я нуждался и которую за долговременную мою службу могъ бы навѣрное получить, такъ какъ деньгами чиновниковъ гимназіи высшее начальство тогда награждало, а орденовъ имъ не давало; но Кулжинскій не уважилъ моей просьбы и представилъ меня къ ордену, котораго я не получилъ и не могъ получить. Онъ не давалъ мнѣ дровъ, которыя я получалъ отъ Науменка, а представилъ попечителю о назначеніи мнѣ квартирныхъ денегъ, на что, какъ и ожидать надлежало, послѣдовалъ отказъ по той причинѣ, что въ гимназіи инспекторская квартира была въ натурѣ. На что Кулжинскій расходовалъ 100 руб., ассигнованные на квартиру директору, я не знаю. Когда я въ отставкѣ жилъ уже въ Кіевѣ, Кулжинскій притѣсненіями своими хотѣлъ выжить изъ гимназіи

ково серьезенъ и требователенъ какъ съ учениками, такъ и съ надзирателями и съ прислугою. Требуя отъ другихъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, онъ наиболѣе строго относился къ самому себѣ. Только болѣзнь могла помѣшать А. К. пропустить урокъ, не явиться во время обѣда учениковъ въ столовую и не попробовать пищи или не зайти въ спальныя комнаты, когда ученики ложатся спать. Нельзя сказать, чтобъ ученики любили его такъ, какъ, напримѣръ, они любили учителя исторіи Федора Лукьяновича Метлинскаго, но уважали его ничуть не менѣе и занимались его предметомъ съ большою охотою и успѣхомъ. Къ Ф. Л. Метлинскому каждый ученикъ шелъ смѣло за разрѣшеніемъ какого бы то ни было интересующаго его вопроса, къ А. К-чу—ни у кого не хватило бы для этого храбрости, хотя несомнѣнно, что А. К. точно такъ же отнеся бы къ вопрошающему: и снисходительно и добросердечно. Ф. Л. Метлинскій весь былъ наружу и что думалъ, всегда говорилъ прямо, А. К. Глобенко всегда былъ замкнутъ въ самомъ себѣ. Интересно, что Ф. Л. и А. К. были большими друзьями.

ничѣмъ неповиннаго предъ нимъ, усерднѣйшаго по службѣ надзирателя Киселевича, притѣсняя его по несправедливому своему подозрѣнію, будто онъ сообщалъ мнѣ въ Кіевъ невыгодныя о немъ свѣдѣнія, тогда какъ Киселевичъ по дружбѣ своей ко мнѣ только жаловался на его преслѣдованія. Когда я не имѣлъ уже никакихъ отношеній къ Кіевскому окружному начальству, то стороною слышалъ, что бывшій въ это время послѣ Ребиндера попечителемъ Пироговъ худо отзывался о Кулжинскомъ, называя его пустымъ человѣкомъ.

Произвольно распоряжаясь по гимназіи, Кулжинскій нашелъ полезнымъ завести въ ней ученическіе спектакли. Ученики занялись устройствомъ ихъ въ нижней залѣ, приготовленіемъ и раскрашиваніемъ декорацій и частыми репетиціями; въ спектакляхъ участвовали и учителя: извѣстный хохломанъ, учитель исторіи Метлинскій, мой меньшій сынъ Михаилъ; volens-nolens и я принужденъ былъ принимать участіе въ этихъ спектакляхъ, приготовляя на нотахъ канты и пѣсни, которыя гимназическій хоръ подъ моимъ управленіемъ исполнялъ при своей музыкѣ во время антрактовъ [1]). Ученики, игравшіе женскія роли, наряжаемы были къ спектаклю въ женскія платья женою Кулжинскаго. Долго

---

[1]) Михаилъ Осиповичъ Самчевскій прибылъ въ 1855 году въ качествѣ учителя Географіи, которую преподавалъ умершій въ томъ же году Георгій Андреевичъ Носачевскій, получившій воспитаніе, кажется, въ семинаріи. Г. А. особенными способностями и познаніями педагога не отличался; преподаваніе географіи заключалось въ томъ, что онъ бралъ учебникъ Ободовскаго и читалъ все то, что надо было приготовить къ слѣдующему уроку, подчеркивая прочитанное карандашомъ. Черченіе картъ было обязательно и играло главную роль въ изученіи предмета. Ученикъ долженъ былъ не только начертить и разрисовать красками географическую карту въ ученическомъ атласѣ, но и знать эту карту самымъ подробнымъ образомъ. Г. А. требовалъ, чтобы ученикъ, отвѣчая урокъ, начертилъ карту на доскѣ, означивъ подробно горы, рѣки, озера, города и провинціи. Всѣ невѣрности чертежа исправлялись слѣдующимъ вызваннымъ къ доскѣ ученикомъ. Благодаря Г. А., мы, по прошествіи 40 лѣтъ, можемъ свободно начертить весь земной шаръ, можетъ быть, съ нѣкоторыми

продолжались эти спектакли, доставляя не мало удовольствія ученикамъ и ихъ родителямъ, но наука отъ этого страдала: не

неточностями. Г. А. доброты былъ необычайной; случая не было, чтобы чрезъ него ученикъ понесъ какое-либо наказаніе. Георгій Андреевичъ имѣлъ двухъ дочерей; старшая изъ нихъ Клавдія была предметомъ обожанія и тайной любви почти всѣхъ учениковъ, перешедшихъ въ юношескій возрастъ; каждый изъ нихъ, встрѣтивъ хорошенькую К. Г. на улицѣ, обѣгалъ скорѣе слѣдующій кварталъ, чтобы еще разъ мелькомъ полюбоваться красотой ея.—Въ то время, кромѣ К. Г., красавицей считалась и Ольга Петровна Зимина.—Клавдія Егоровна любила музыку и хорошо играла на роялѣ. Ноты въ то время были и рѣдки и дороже, чѣмъ теперь. Замѣтивъ по рисункамъ картъ, способнаго къ черченію ученика, Егоръ Андреевичъ просилъ его «написать листочекъ нотъ для дочери». Такая просьба была величайшимъ счастіемъ для всѣхъ: для этого надо было послѣ уроковъ идти въ домъ къ Е. А., гдѣ Клавдія Егоровна и передавала ноты для переписки; избранный счастливецъ могъ не только видѣть красавицу, говорить съ нею, но даже пріобрѣталъ право кланяться при встрѣчѣ на улицѣ, что вызывало величайшую зависть у неимѣвшихъ этого права юношей. Многіе сами предлагали Е. А. свои услуги по части переписки нотъ, но онъ ими не пользовался, а когда являлась надобность въ перепискѣ, самъ всегда избиралъ для этого ученика.—Глубоко сожалѣя и скорбя, въ 1855 году, ученики проводили милый и дорогой имъ прахъ Егора Андреевича на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Клавдія Егоровна въ 1857, или въ первой половинѣ 1858 года, вышла замужъ за учителя естественныхъ наукъ Худзинскаго, хотя всѣ предполагали, что она будетъ женой мнительнаго и нерѣшительнаго Алексѣя Карповича Глобенка, влюбленнаго въ К. Е., но слетѣвшій тогда только что съ университетской скамьи Худзинскій, изъ-подъ носа, такъ сказать, Глобенка, вырвалъ красавицу Клавдію Егоровну.

Ольга Петровна Зимина нѣсколько раньше вышла замужъ за пожилаго Маіора Ломовцова, давно уже умершаго.—Воскресенская церковь, гдѣ она вѣнчалась, была переполнена взрослыми гимназистами; ея свадьба была цѣлымъ событіемъ въ жизни многихъ юношей, ея поклонниковъ; не одинъ изъ нихъ проходилъ многіе часы по противоположному съ домомъ Зимина тротуару, во время празднованія свадьбы, удивляясь, какъ такая красавица могла выбрать себѣ въ

только участвовавшіе въ представленіи ученики не занимались своими уроками, но и другіе на квартирахъ своихъ вмѣсто при-

---

мужья, кромѣ того, что военнаго, да еще съ полнолуніемъ на затылкѣ [1]).

Михаилъ Осиповичъ Самчевскій по своей добротѣ и кротости былъ достойнымъ преемникомъ Носачевскаго и пользовался также всеобщей любовью. При немъ успѣхи учениковъ по географіи пришли нѣсколько въ упадокъ; черченія картъ не требовалось, признано было достаточнымъ, если ученикъ, по нѣмой картѣ, разскажетъ свой урокъ, при чемъ рука ученика могла показывать совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ языкъ, указаніе не тѣхъ рѣкъ, городовъ и проч. особенно важнаго значенія не имѣло, да къ тому же М. О. былъ очень близорукъ, почему съ кафедры и не могъ замѣтить, насколько правильно показываетъ ученикъ по нѣмой картѣ.

Федоръ Лукьяновичъ Метлинскій былъ чрезвычайно похожъ на Пушкина. Онъ уроженецъ Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, села Саръ; окончилъ Харьковскій университетъ. Явился въ Новгородсѣверскъ въ 1853 году, въ качествѣ учителя исторіи, вмѣсто мрачнаго и грубаго Подпружникова, и сразу завоевалъ всѣ симпатіи учениковъ. Это былъ невиданный перлъ между педагогами того времени. Обладая характеромъ спокойнымъ, кроткимъ, любезнымъ, обя-

---

[1]) Намъ недавно попался Евгеній Онѣгинъ, переписанный въ 1857 году однимъ изъ учениковъ гимназіи того времени; въ немъ карандашомъ между строкъ въ 7 части, строфѣ X, имѣются указанія, относящіяся къ свадьбѣ О. П. Зиминой вышедшей замужъ, послѣ смерти своего жениха Чуйкова, за Ломовцова.

Мой бѣдный Чуйковъ! Изнывая
Не долго плакала она!.....
Маіоръ успѣлъ ея волненье
Любовной лестью усыпить.
Маіоръ умѣлъ ее плѣнить,
Маіоръ терпимъ ея душою...

Несомнѣнно, что это былъ одинъ изъ юношей, видѣвшій обрядъ вѣнчанія въ Воскресенской и церкви оставившій слѣдъ въ своей книгѣ.

готовленія къ урокамъ занимались воспроизведеніемъ того, что видѣли на сценѣ. Спектакли эти не обошлись для меня безъ

зательнымъ, Федоръ Лульяновичъ сдѣлался идоломъ, которому всѣ поклонялись. Вмѣсто «отсюда и досюда» Ф. Л. началъ намъ читать нѣсколько сокращенныя университетскія лекціи, объясняя и освѣщая надлежащимъ свѣтомъ историческія событія, только намѣченныя въ учебникѣ Смарагдова. Обладая хорошей дикціей и даромъ слова, Ф. Л. поражалъ насъ своими знаніями и своей начитанностью; такого слова до него ученики не слышали. Съ перваго урока Ф. Л. объявилъ, что онъ всегда будетъ спрашивать все пройденное и будетъ требовать такихъ знаній, которыя указывали бы, что трудъ учителя не прошелъ безслѣдно. Случалось, что ученикъ, вовсе незнавшій послѣднихъ уроковъ, получалъ пять за основательное знаніе ранѣе пройденнаго. При Ф. Л. исторія была любимѣйшимъ предметомъ; ее знали всѣ, да и совѣстно было предъ такимъ учителемъ не знать; кротость и доброта Ф. Л. самаго лѣниваго заставляли заниматься исторіей. Будучи всю жизнь холостымъ человѣкомъ, Ф. Л. всѣ свои силы направилъ исключительно на умственное развитіе учениковъ и на пріобрѣтеніе ими возможно большей суммы знаній. Его квартира была доступна всѣмъ, къ нему ходили ученики за совѣтами по другимъ предметамъ; онъ занимался съ желающими иностранными языками и искренно радовался, видя успѣхи своихъ учениковъ. Когда директоръ Кулжинскій пожелалъ устроить въ гимназіи любительскіе спектакли, Ф. Л. первый принялъ въ этомъ самое горячее участіе и съ большей энергіей содѣйствовалъ развитію учениковъ въ сценическомъ направленіи: онъ читалъ съ ними образцовыя драматическія произведенія, пріучалъ ихъ критически относиться къ дѣйствующимъ лицамъ и вообще къ сценѣ, самъ принималъ въ спектакляхъ непосредственное участіе, почти въ каждой пьесѣ; умѣлъ находить признаки талантливости между учениками, и благодаря ему, нѣкоторые изъ гимназистовъ своей игрой навсегда оставили между товарищами самыя пріятныя воспоминанія, какъ напримѣръ—Андрей Прокофьевичъ Сендаровскій въ роли Добчинскаго, Дублянскій въ роли Наталки Полтавки, И. З. Сазонецъ въ роли Николы. Василій Демьяновичъ Киселевичъ въ роли Терпелихи вызывалъ всеобщій восторгъ; такой Терпелихи вѣроятно никто никогда не видалъ. Замѣчательный сценическій талантъ проявилъ Иванъ Петровичъ Котляровъ, учитель мѣстнаго уѣзднаго училища; его игра

непріятности: Кулжинскій, дозволявшій лицамъ, участвовавшимъ въ представленіяхъ, и вообще всѣмъ гимназистамъ приглашать

Городничаго въ «Ревизорѣ», Расплюева—въ «Свадьбѣ Кречинскаго» и Вознаго, по мнѣнію всего города, была верхъ совершенства, всѣ были имъ очарованы. Метлинскій игралъ въ «Ревизорѣ» Хлестакова, въ «Наталкѣ Полтавкѣ» Выборнаго. Принимали участіе въ спектакляхъ учителя Худзинскій и М. О. Самчевскій.—Въ то время Осипъ Акимомовичъ не считалъ спектакли зломъ для успѣховъ учащихся, не находилъ ихъ помѣхой занятіямъ, къ нимъ онъ относился также съ сочувствіемъ; онъ организовалъ прекрасный хоръ, пѣвшій разныя пѣсни во время антрактовъ подъ акомпаниментъ гимназическаго же оркестра. Въ запискахъ О. А. измѣнилъ свой взглядъ на значеніе ученическихъ спектаклей; вѣроятно, впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, явились какія либо основательныя причины, заставившія О. А. измѣнить свое мнѣніе, извѣстное всѣмъ ученикамъ выпуска 1858 года, относительно умѣреннаго допущенія въ гимназіяхъ ученическихъ спектаклей.

Въ гимназіи практиковалось, что учителя, имѣвшіе у себя на квартирѣ учениковъ, поручали имъ приготовить къ экзамену карточки для билетовъ и надписать ихъ. Такія порученія задолго до экзамена были извѣстны; ученики собирались въ какой либо квартирѣ, рѣзали карточки изъ двухъ сортовъ бумаги, на бѣлой надписывались легкіе номера, а на сѣроватой, т. е. болѣе темной, трудные, при чемъ самые трудные были на печатяхъ бумажной фабрики. Подойдя къ экзаменаціонному столу, каждый ученикъ отлично видѣлъ и зналъ, изъ какой части ему надо взять билетъ, и, не ошибаясь, доставалъ билетъ изъ желаннаго отдѣла. Метлинскій всегда просилъ учениковъ нарѣзать ему карточки для билетовъ, но не надписывать; тоже было и въ маѣ 1858 года. Жилъ тогда Ф. Л. въ саду Боровика, во флигелѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатокъ. Ученики 7 класса принесли ему билеты для древней, средней и новой исторіи, оттѣнивъ цвѣтомъ бумаги всѣ три исторіи. Ф. Л. пригласилъ пришедшихъ садиться и, разговаривая съ ними, началъ, какъ карты, тасовать билеты, тасовалъ онъ долго, говоря, что надо смѣшать Зуева съ Смарагдовымъ, а затѣмъ надписалъ номера и положилъ на столъ. Пригласивъ желающихъ идти съ нимъ купаться къ Деснѣ, Ф. Л. замкнулъ своей флигелекъ и ушелъ. Не прошло послѣ сего и десяти минутъ, какъ билеты были уже въ рукахъ учениковъ,

на эти спектакли своихъ родственниковъ, не смотря на желаніе

ихъ достали чрезъ незапертое окно, при посредствѣ мальчика Петра, служившаго у Метлинскаго; тотчасъ были приготовлены новые билеты, при чемъ средняя исторія Зуева, которую, благодаря автору, всѣ знали плохо, была отмѣчена темной бумагой. Надписать цыфры подъ руку Метлинскаго особенныхъ трудностей не представило, его почеркъ былъ самый простой, крупный. На экзаменѣ каждый ученикъ долженъ былъ отвѣчать на два билета, и какъ ни тасовалъ Ф. Л. билеты, видя, что средней исторіи никто не вынимаетъ за исключеніемъ близорукаго В. Θ. Фененка, ничто не помогло—вся средняя исторія осталась на столѣ. Чрезъ мѣсяцъ, прощаясь съ нами, Ф. Л. вспомнилъ Зуева и очень просилъ разсказать, какъ это случилось, что вся средняя исторія прошла мимо, «точно фокусъ какой-то». Мы, понятно, уклонились отъ разъясненія, обѣщая разсказать при слѣдующемъ свиданіи; намъ не хотѣлось выдавать главное виновное лицо, хотя оно творя не вѣдало сути дѣла, и кромѣ того, зная голубиную чистоту души Метлинскаго, всѣмъ намъ совѣстно было сознаться въ своемъ поступкѣ, въ которомъ хотя и была чистота, но иного свойства; впрочемъ, родная сестрица ея въ настоящее время народилась въ видѣ покупки темъ сочиненій и письменныхъ отвѣтовъ.

Много вышло изъ гимназіи честныхъ дѣятелей и развитыхъ умственно молодыхъ людей, благодаря тому вліянію, какое имѣлъ на нихъ Ф. Л. въ теченіе курса. Онъ находился въ постоянномъ общеніи съ учениками; его увлекательныя бесѣды обо всемъ, его знанія, его умѣнье передать самымъ популярнымъ способомъ серьезный вопросъ, касающійся той, или другой науки, все запечатлѣть въ умахъ молодыхъ слушателей—все это не могло не оказать сильнаго вліянія на слушателей, а въ особенности на поклонниковъ его, послѣдними же были почти всѣ болѣе или менѣе взрослые ученики. Ф. Л. по городу и за городомъ всегда ходилъ, окруженный учениками, ловившими каждое его слово.

Въ 1873 году въ Январѣ я былъ, по дѣламъ службы, въ первый разъ въ г. Гадячѣ; пріѣхавши вечеромъ, я тотчасъ разузналъ, гдѣ село Сары и живетъ-ли въ немъ Метлинскій. На другой день въ 8 часовъ утра я былъ уже въ крестьянской усадьбѣ, гдѣ рубившій дро-

мое и сына моего, не позволилъ давать билетовъ родственнику

ва крестьянинъ указалъ мнѣ плохенькую хату, въ которой мнѣ суждено было увидѣть незабвеннаго Федора Лукьяновича. Войдя въ хату, мы (насъ было двое, выпуска 1858 г.) были крайне изумлены; по хатѣ ходилъ старикъ, одѣтый въ крестьянскую простую свиту, въ рубахѣ и штанахъ толстаго крестьянскаго холста и въ смазныхъ сапогахъ, но все еще имѣющій большое сходство съ Пушкинымъ. Мы объяснили Ф. Л., кто мы и для чего явились нарушить его покой. Ф. Л., видимо, очень обрадовался нашему посѣщенію; онъ сѣлъ на скамью, на которой въ углу, гдѣ образа, лежалъ кожухъ, свернутый такъ, что, видимо, онъ служилъ Ф. Л. изголовьемъ вмѣсто подушки, другой постели въ хатѣ не было; на палатяхъ лежало рядно; печь была такъ нагрѣта и воздухъ въ хатѣ былъ такъ тяжелъ для насъ, что мы часто выходили въ сѣни подышать морознымъ воздухомъ. Вся обстановка жилья дорогаго учителя указывала на бѣдность, даже въ крестьянскомъ смыслѣ. Худоба и блѣдность лица съ удушливымъ, безпрерывнымъ кашлемъ указывали, что у Ф. Л. чахотка въ послѣднихъ градусахъ; грудь у него была обнажена, и онъ часто повторялъ, задыхаясь отъ кашля: «воздуха мало, дышать трудно». До самаго вечера мы съ наслажденіемъ провели время въ обществѣ Ф. Л. Его, по прежнему, увлекательный языкъ и масса общихъ воспоминаній такъ сократили время, что мы и не замѣтили, какъ наступили сумерки.— Ф. Л. предложилъ намъ закусить «что Богъ его на старость послалъ». Онъ досталъ изъ печи (очевидно прислуги у него не было никакой) горшочекъ съ горячей водой, бросилъ туда нѣсколько щепотокъ чаю, который съ нѣсколькими кусочками сахара досталъ изъ-подъ кожуха, лежавшаго въ углу на лавкѣ. Потомъ онъ досталъ изъ той-же печи что-то вродѣ супа, невозможнаго на вкусъ; оказавшимися двумя деревянными ложками мы по очереди черпали изъ горшка. Въ черепочкѣ было нѣсколько черныхъ разорванныхъ кусочковъ говядины, которую мы ѣли при помощи рукъ и одной поломанной вилки. Курилъ Ф. Л. простой табакъ (махорку) изъ крестьянской деревянной трубочки. Изъ разговоровъ Ф. Л. мы узнали, что, по переводѣ изъ Новгородсѣверской гимназіи въ Симферопольскую, онъ въ послѣдней былъ не долго и долженъ былъ оставить службу, вслѣдствіе невозможныхъ отношеній къ нему директора, не выслуживъ никакой пенсіи. Прощаясь съ нами, Ф. Л. очень благодарилъ за посѣщеніе и сказалъ: «эти 7 часовъ я никогда незабуду; за 7 лѣтъ я не испыталъ здѣсь того, что

жены моей, генералу Быковскому, на котораго за что-то сер-

испыталъ благодаря вамъ за нѣсколько часовъ; спасибо за то, что бы мнѣ доставили». Возвратясь въ Полтаву, мы приготовили Ф. Л. относительно спокойную и вполнѣ удобную жизнь: въ одно богатое семейство онъ могъ поступить для того, чтобы быть только руководителемъ въ воспитаніи и развитіи дѣтей. Но посланное въ Февралѣ объ этомъ письмо Ф. Л. было прислано обратно, и на конвертѣ значилось: «за смертью Метлинскаго возвращается».

Страсть I. А. Самчевскаго къ хоровому пѣнію доходила до крайнихъ предѣловъ. Когда хоръ исполнялъ какой-либо концертъ, I. А. забывалъ, что онъ въ церкви и что онъ не 15-лѣтній солистъ армейской семинаріи, а почтеный инспекторъ гимназіи, 60-лѣтній старикъ. Не проходило, кажется, ни одного праздника безъ того, чтобъ I. А., увлекшись, не выполнилъ фистулой партію перваго дисканта. Когда пѣніе шло ровно, правильно, I. А. спокойно дирижировалъ съ камертономъ въ рукѣ и съ закрытыми глазами, но стоило какому-нибудь дисканту или альту сфальшивить—и камертонъ I. А—ча тотчасъ же напоминалъ провинившемуся объ ошибкѣ. Доставалось при этомъ и регенту Киселевичу, который въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно начиналъ бить поклонъ до тѣхъ поръ, пока I. А. успокаивался и переставалъ браниться. И дѣйствительно, гимназическій хоръ при I. А. былъ замѣчательно хорошъ и доходилъ до 60 человѣкъ. Въ пѣвчіе ученики поступали охотно, такъ какъ они пользовались, во 1-хъ, нѣкоторыми льготами относительно уроковъ (чаще всего почему-то спѣвки приходились во время уроковъ нѣмецкаго языка), а во 2-хъ, пользовались особеннымъ покровительствомъ I. А. во время экзаменовъ.

Вспоминая всѣхъ учителей Новгородсѣверской гимназіи, бывшихъ въ теченіе 1850-хъ гг., нельзя не остановиться на преподаваніи въ то время въ гимназіи новѣйшихъ языковъ.—Французскій и нѣмецкій языки были въ полнѣйшемъ загонѣ; никто на нихъ не обращалъ вниманія, и, кажется, не было случая, чтобы за абсолютное незнаніе языковъ ученикъ былъ оставляемъ въ классѣ на второй годъ;

дился и который долго былъ недоволенъ мною и сыномъ моимъ

обыкновенно на экзаменѣ ставилась переводная отмѣтка, а если и ставились единицы, то только такимъ ученикамъ, которые уже имѣли единицы по другимъ предметамъ и считались безнадежными.—Въ описываемое время учителемъ нѣмецкаго языка былъ рыцарь честности—Эдуардъ Андреевичъ Штранге, уважаемый и любимый всѣми своими товарищами и учениками; онъ жилъ въ собственномъ домѣ на углу Глуховской улицы и площади, и хотя принималъ къ себѣ на квартиру учениковъ, но не съ той цѣлью, какъ это дѣлалъ напримѣръ Терновскій,—это была обыкновенная ученическая квартира безъ всякихъ надеждъ на протекцію. Преподаваніе Эдуарда Андреевича ограничивалось задаваніемъ уроковъ по учебнику; но этихъ уроковъ, за исключеніемъ двухъ трехъ учениковъ въ классѣ, никто не училъ. Спрашивалъ же Штранге, сидя на каѳедрѣ, только тѣхъ, которые ему смотрѣли въ глаза; тѣхъ же, которые сидѣли на скамьяхъ, опустивъ глаза внизъ, въ книгу, онъ никогда не вызывалъ. Все это очень хорошо знали и изъ 20 учениковъ класса непремѣнно 16 или 17 сидѣли «уткнувши носъ въ книгу». Зная отношеніе начальства къ преподаванію иностранныхъ языковъ, Штранге и дѣйствовалъ въ требуемомъ направленіи; никакихъ принужденій къ изученію языка съ его стороны не было, но какъ скоро онъ видѣлъ въ ученикѣ желаніе заниматься его предметомъ, Э. А. каждый урокъ спрашивалъ этого ученика и самымъ добросовѣстнымъ образомъ постоянно объяснялъ ему тѣ, или другія правила. Для большинства же учениковъ было, такъ сказать, модой, не только ничего не знать, но даже и не имѣть учебника.

Преподавателемъ французскаго языка въ это время былъ Іосифъ Антоновичъ Гронтковскій, маленькаго роста, презлющій человѣкъ, по происхожденію полякъ; у него кое что знали ученики, но только въ низшихъ классахъ, и то потому только, что за незнаніе урока онъ прибѣгалъ къ собственноручной расправѣ: билъ линейкой по рукамъ, таскалъ учениковъ за волосы и за уши съ искреннимъ желаніемъ, какъ можно болѣе доставить наказываемому страданій. Въ высшихъ же классахъ Гронтковскаго ставили ни во что; на экзаменахъ ему приказывалъ директоръ или инспекторъ ставить переводныя отмѣтки.—Кажется, въ 1855 году Гронтковскаго, переведеннаго въ Орелъ, замѣнилъ Яковъ Ивановичъ Боричко, крайне лѣнивый и неряшливый толстый старикъ; при немъ французскій языкъ былъ въ край-

за то, что мы не могли доставлять ему билетовъ на спектакли.

Во время директорства Кулжинскаго ревизоромъ нашей гимназіи былъ самъ попечитель Ребиндеръ [1]). Испытанія онъ

немъ пренебреженіи и въ низшихъ классахъ; даже и тѣ, которые поступали въ гимназію съ достаточными знаніями языка, считали какъ бы своимъ долгомъ скорѣе забыть то, что пріобрѣтено было ими дома.

Былъ еще одинъ учитель—это чистописанія и рисованія, Наумъ Филиповичъ Воробинскій; жилъ онъ на Воздвиженской улицѣ, называвшейся учениками Андалузіей, въ крайней бѣдности; онъ такимъ всегда казался жалкимъ, что при одномъ видѣ его и задорные шалуны класса усмирялись. Это былъ вполнѣ лежачій человѣкъ, убитый тѣломъ и духомъ; всего и всѣхъ онъ боялся и былъ настолько безличенъ, что едва-ли у кого либо о немъ осталось какое-либо воспоминаніе; помнится только, что онъ самъ вмѣсто буквъ писалъ какія-то каракули и не отличался грамотностью. Гораздо большее Воробинскаго и Борички имѣлъ значеніе въ гимназіи бравый гвардеецъ Никита, преподаватель «шагистики» во всѣхъ ея видахъ. Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Императора Николая I приказано было учить воспитанниковъ гимназій разнаго рода пѣхотнымъ пріемамъ безъ оружія; для этой цѣли и присланъ былъ къ намъ упомянутый Никита, высокаго роста, красивый унтеръ-офицеръ. Обыкновенно, въ назначенное раньше время, выстраивали всѣхъ учениковъ на гимназическомъ дворѣ и начиналась громкая команда Никиты: стой! равняйся! лѣвое плечо впередъ! и проч. Никита былъ строгъ, часто жаловался Самчевскому на невниманіе къ строю и командѣ его того или другаго ученика, и послѣдніе получали головомойку съ увѣщаніемъ исполнять велѣнія Никиты отчетливо и аккуратно и такимъ образомъ исполнять волю и пославшаго его. Не рѣдко Самчевскій принималъ и непосредственное участіе въ шагистикѣ, становился на правомъ флангѣ, выравнивался съ шеренгой и за Никитой громко повторялъ: разъ, два, три, разъ, два, три.....

[1]) Въ началѣ учебнаго 1857—58 года уже начали носиться тревожные слухи о ревизіи гимназіи попечителемъ Ребиндеромъ, о которомъ говорили, какъ о чрезвычайно строгомъ начальникѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда I. А. Самчевскій уже ходилъ въ застегнутомъ на всѣ пуговицы вицъ-мундирѣ, говорилъ дрожащимъ голосомъ,

производилъ обыкновеннымъ порядкомъ, посѣщая классы, спрашивая учениковъ по предметамъ преподаванія и слушая лекціи преподавателей. Намъ извѣстно было, какъ Кулжинскій рекомендовалъ каждаго изъ насъ по службѣ Ребиндеру, но самого

училъ классы, какъ отвѣчать согласно: «здравія желаемъ Ваше Превосходительство»; по всему было замѣтно, что робость и трусость вступили въ немъ во всѣ свои права. Однажды въ 7 классѣ былъ урокъ исторіи; Метлинскій, ходя по классу взадъ и впередъ (это была всегдашняя его привычка при чтеніи лекцій), читалъ намъ о феодальной системѣ; вдругъ открывается кончикъ двери, едва просовывается часть носа Самчевскаго, и мы услышали какой-то странный звукъ: «вже!» — и двери затворились мгновенно. Чрезъ четверть часа вошелъ въ классъ высокаго роста худощавый господинъ съ непріятной физіономіей нѣмецкаго типа и сѣлъ на первой скамьѣ. Сопутствовавшіе ему Кулжинскій и Самчевскій стояли на почтительномъ разстояніи сзади. На вопросъ, о чемъ урокъ, Метлинскій объяснилъ. Продолжайте, сказалъ Ребиндеръ. Федоръ Лукьяновичъ, не измѣняя себѣ ни въ чемъ, такъ-же началъ ходить по классу и съ большимъ воодушевленіемъ окончилъ свою феодальную систему. Ребиндеръ пожалъ ему руку и выразилъ свою благодарность. Попечитель произвелъ на насъ дурное впечатлѣніе; насъ поразило его обращеніе съ уважаемымъ нами инспекторомъ, показавшееся намъ недостаточно вѣжливымъ. На другой день Ребиндеръ явился на урокъ Русской Словесности и также сѣлъ на первой скамьѣ. Учитель Прокофій Тимофеевичъ Терновскій заявилъ, что онъ читаетъ ученикамъ о Пушкинѣ. Читай!—былъ отвѣтъ Ребиндера. Терновскій всегда говорилъ чрезвычайно скоро; такъ началъ онъ и теперь свою лекцію. — Такого быстраго лепета никто не пойметъ, — замѣтилъ попечитель. П. Т., стоя у каѳедры сталъ говорить медленнѣе, но вскорѣ, увлекшись, опять зачастилъ.—Ты кому читаешь?—вспылилъ Ребиндеръ: что это за таранта! Тебя, вѣдь, не стѣны слушаютъ! Продолжай!—Терновскій сконфузился, растерялся и самымъ медленнымъ образомъ, слово за слово, окончилъ свое чтеніе. Не сказавъ ни слова, Ребиндеръ вышелъ изъ класса. Очевидно, до попечителя дошли слухи, что у Терновскаго было рыльце въ пушку; этого учителя не уважали товарищи и терпѣть не могли ученики за его страшный произволъ и неспра-

себя онъ не хорошо зарекомендовалъ передъ своимъ патрономъ, когда при освидѣтельствованіи гимназической суммы оказался недочетъ въ деньгахъ, находившихся на рукахъ у Кулжинскаго.

Черезъ годъ послѣ ревизіи Ребиндера оканчивалось другое пятилѣтіе моей службы въ гимназіи; я получилъ отставку съ пенсіономъ въ 700 руб. и съ правомъ получить заслуженный мною орденъ 4-й степ. Владиміра, который въ скоромъ времени высланъ былъ мнѣ при установленной грамотѣ. Такъ, въ октябрѣ 1857 года[1]) кончилась моя 35-тилѣтняя учебная служба, которой большая половина (22 года) прошла въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ мнѣ довелось служить подъ начальствомъ

ведливость при опредѣленіи на экзаменахъ знаній учениковъ. Получить у Терновскаго ту или другую отмѣтку зависѣло отъ расположенія его духа, отъ его встрѣчъ, отъ погоды, но знанія ученика по большей части значенія не имѣли. П. Т. держалъ квартирантовъ учениковъ и въ домѣ, и во флигелѣ, покровительствуя имъ всѣми способами. Иногда онъ изъявлялъ согласіе давать уроки какому либо состоятельному ученику, получая 100 руб. въ годъ, по тогдашнему времени деньги очень большія, но эти уроки заключались въ томъ, что онъ назначалъ тѣ страницы, которыя, по учебнику Кошанскаго, ученикъ долженъ знать, но знанія эти не провѣрялись ни дома, ни въ классѣ. Брать у Терновскаго уроки не значило то же, что у Искерскаго: у послѣдняго ученикъ пріобрѣталъ дѣйствительныя знанія, а у Прокофія Тимофеевича это было ничто иное, какъ замаскированная взятка. Мстительность Терновскаго не знала границъ, достаточно было чѣмъ-либо вызвать его неудовольствіе, чтобы въ будущемъ много разъ сожалѣть о своей опрометчивости, ибо не разъ придется такому ученику остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Послѣ повстанья П. Т. перешелъ на службу въ западный край, гдѣ и умеръ директоромъ гимназіи. Выборъ его въ обрусители края былъ совершенно неудачный: по своему характеру и направленію Терновскій никогда не только не могъ имѣть на кого либо разумнаго авторитетнаго вліянія, но никто съ уваженіемъ никогда къ нему не относился.

---

[1]) Вѣроятно въ 1858 г., потому что выпускъ 185⁷/₈ года былъ при Осипѣ Акимовичѣ.

такихъ достойныхъ директоровъ, какими были Тимковскій и Науменко, и при такихъ узурпаторахъ директорства, какими были Бездонъ и Кулжинскій, которые теперь, благодаря современнымъ распоряженіямъ министерства народнаго просвѣщенія, въ гимназіяхъ уже невозможны.

Уже по выходѣ моемъ въ отставку, Кулжинскій былъ переведенъ директоромъ въ Полтавскую гимназію. При сдачѣ имъ имущества гимназіи оказался недостатокъ казенной суммы въ 900 руб., которую онъ уплатилъ, занявъ деньги у лѣкаря Кудрявцева, сдѣланнаго имъ гимназическимъ врачемъ на мѣсто смѣненнаго имъ же Зимина, и которой онъ Кудрявцеву не возвратилъ. Означенный недостатокъ казенной суммы могъ произойти отъ неразсчетливости самого Кулжинскаго, всегда жаловавшагося на свое безденежье, и отъ излишней расточительности его жены. Никто изъ чиновниковъ гимназіи, кромѣ одного Мануйловича, не пожалѣлъ объ удаленіи изъ нея Кулжинскаго. Учитель исторіи Метлинскій, котораго онъ побаивался за прямоту его характера, при прощаніи съ нимъ въ присутствіи своихъ сотоварищей высказалъ ему горькія истины на счетъ его управленія Новгородъ-Сѣверскою гимназіей и обращенія съ ея чиновниками. Въ Полтавѣ Кулжинскому не посчастливилось: тамошнее дворянство не полюбило его и заставило выйти изъ своего собранія [1]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) Точнѣе: не приняло его въ члены общественнаго собранія, забаллотировавъ его на своихъ выборахъ. *Ред.*

ЯРЕМА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЗАПОРОЖСКОЙ ЖИЗНИ).

(*Окончаніе*)[1].

III.

Прошло нѣсколько дней. Въ Сѣчи кипитъ работа. Всё товарищество, какъ муравьи, копошится надъ челнами, снаряжая ихъ къ предстоящему морскому походу. Съ близъ лежащихъ островковъ слышатся глухіе удары топоровъ, крики и смѣхъ работающихъ. Вдругъ неожиданно раздается рѣзкій трескъ, и медленно, уныло склоняется къ землѣ подрубленный чудовищной толщины стволъ вѣковой липы или ивы.

Быстро хватаютъ козаки пригонявшіяся бревна, и нѣсколько десятковъ сильныхъ и крѣпкихъ рукъ въ нѣсколько часовъ выдалбливаютъ дно въ этихъ гигантахъ, передаютъ ихъ другимъ козакамъ, которые обшиваютъ ихъ досками, обсмаливаютъ и отъ кормы до носа обкладываютъ толстыми пучками тростника, связанными лыкомъ. Нѣсколько чаекъ совершенно готовыхъ, слегка покачиваются у берега. Еще нѣсколько дней, и морская флотилія запорожскаго козачества совершенно готова.

Второй день томится Ярема въ темной и сырой войсковой тюрьмѣ, крѣпко прикованный къ пушкѣ. Непривычнымъ огнемъ жжетъ его тѣло желѣзо цѣпей.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 7.

Грозный говоръ и веселый смѣхъ работающихъ на берегу козаковъ, беззаботная, разудалая пѣсня, раздавшаяся гдѣ-то недалеко, съ невыносимой докучливостью отдаются въ его ушахъ, тревожа воспоминанія столь недавняго прошлаго. Онъ силится отогнать ихъ отъ себя, силится забыться, уйти отъ всѣхъ живыхъ, свѣтлыхъ, радостныхъ впечатлѣній, прорывающихся къ нему сюда, въ его мрачную темницу, подобно неожиданно ворвавшемуся веселому лучу солнца, вдругъ ярко блеснувшему на вычищенномъ металлѣ пушки. Но неотвязныя воспоминанія не оставляютъ его; горкія мысли все навязчивѣе кружатся въ его головѣ и неутѣшнымъ стономъ врываются въ его сердце. „Такъ ни за что пропала слава, пропала честь рыцаря! Когда-то и ты, Ярема, былъ честнымъ козакомъ, когда-то и тебя любили, поважали, разсказывали о твоихъ подвигахъ и доблестяхъ! А теперь? Что скажетъ товарищество? Стыдъ, позоръ! Безславная смерть разбойника, злодѣя! А ты Сѣчь, вольная свободная Сѣчь, родной, ласковой матерью была ты обездоленному, горемычному сиротѣ, и опозорилъ тебя и себя твой сынъ, опозорилъ и погибъ, погибъ безъ славы, безъ доли!

Катря, милая, хорошая Катря! Прощай теперь все; прощай любовь и горячіе поцѣлуи, и счастье. Боже, Боже! всему всему теперь конецъ! Скоро сожметъ меня своими объятіями земля, и заплачешь ли ты Катря, прольешь ли ты слезу о несчастномъ Яремѣ? Тамъ все жизнь, свѣтъ, радость, а здѣсь холодно, мрачная, сырая могила“. Холодный трепетъ пробѣгаетъ по тѣлу Яремы при этихъ воспоминаніяхъ, ноющая, давящая тоска все сильнѣе, крѣпче щемитъ его сердце, а налетѣвшія думы невольно влекутъ его назадъ, все дальше и дальше, въ ту яркую еще живыми воспоминаніями даль, гдѣ рисуется ему его раннее дѣтство. Образъ за образомъ возстаютъ въ его памяти и уносятъ туда въ чигиринщину, гдѣ жилось такъ хорошо и привольно. Вотъ передъ нимъ его отецъ, высокій и сѣдой старикъ, богатый хуторянинъ, мрачный и суровый на видъ, но безконечно доброй души и сердца; сидитъ онъ около чисто выбѣленной хаты, исправляя конскую сбрую, а недалеко отъ него, въ саду, уже не молодая, полная женщина, его мать

среди неумолкаемаго чириканья воробьевъ, собираетъ давно созрѣвшія вишни; широко и горячо разливается по всему хутору мелодичная, стройная, хватающая за душу пѣсня его сестры, красавицы Ганны, сидящей тутъ же въ саду за работой; а онъ самъ, еще ребенокъ, склонивши на колѣни къ отцу свою кудрявую головку, жадно слушалъ разсказы отца о запорожцахъ, о туркахъ, о походахъ и битвахъ.

Невольно содрогается Ярема, вспоминая, какъ однажды на хуторъ наѣхалъ съ гайдуками какой-то панъ-полякъ и схватилъ его сестру Ганну. Видѣлъ онъ, какъ его отецъ, съ саблею въ рукахъ хотѣвшій загородить дорогу пану, упалъ на землю окровавленный, съ разбитой головой; видитъ онъ и свою трепещущую съ распущенными, развѣвающимися волосами мать, съ раздирающимъ воплемъ отчаянія и тоски ухватившую за платье свою окаменѣвшую дочь; но вотъ безъ состраданія, безъ жалости мелькаетъ передъ его глазами сабля свирѣпаго, съ окаменѣвшимъ лицомъ гайдука, и, съ раздробленнымъ черепомъ, вся обрызганная кровью, остается его мать недвижимой на мѣстѣ. Дрожащій, испуганный, съ сдержанными рыданіями въ груди, спрятавшись подъ возъ, смотрѣлъ онъ на всю эту сцену и отъ ужаса не въ состояніи сказать ни слова, не въ силахъ сдѣлать какое-либо движеніе. Умчался панъ съ гайдуками, и онъ, одинокій, брошенный, съ безумными рыданіями, бросился на трупъ отца и застылъ на немъ, полный отчаянія и горя. Сбѣжались сосѣди, обласкали его, похоронили отца и мать, и онъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ сталъ жить у чужихъ людей.

Но не долго онъ тамъ жилъ. Скоро онъ попалъ въ Сѣчь, куда стремился всей душой, воодушевленный разсказами отца. Взялъ его туда запорожскій козакъ Ничипоренко, которому понравился живой, умный и смѣлый мальчикъ.

„Добрый козакъ будетъ“, сказалъ онъ про него и повезъ съ собою въ Сѣчь. Тутъ началась для него новая жизнь. Здѣсь онъ прошелъ всю школу боевой жизни подъ руководствомъ храбраго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ Ничипоренка, не разъ заслонявшаго своею грудью его, еще молодого, не оперившагося птенца, отъ татарской сабли.

Вспоминаетъ Ярема, съ какимъ радостнымъ волненіемъ явился онъ опять въ Украину, но уже сильнымъ и опытнымъ козакомъ, весь проникнутый жаждой мести и отплаты за убійство отца и матери. Кровавымъ праздникомъ была для него эта прогулка. Во главѣ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ запорожцевъ и бездомныхъ сиромахъ, кинулся онъ въ Украйну и, появляясь неожиданно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, безпощадно вырѣзывалъ пановъ и ксендзовъ, разрушалъ вездѣ и предавалъ огню панскія помѣстія и костелы, обозначая свой путь лишь заревомъ отъ пожаровъ. Но вотъ онъ нашелъ и гнѣздо убійцы. Какъ ураганъ, налетѣлъ онъ ночью на крѣпкій замокъ пана Зацвилиховскаго, подпалилъ его со всѣхъ сторонъ, и, послѣ самаго непродолжительнаго сопротивленія, его козаки, опьяненные побѣдой, ворвались внутрь замка и въ вихрѣ огня и дыму безпощадно добивали оставшихся въ живыхъ защитниковъ. Съ неизъяснимымъ чувствомъ радости, торжества и удовлетворенной мести увидѣлъ онъ передъ собой брошеннаго ему подъ ноги связаннаго и покрытаго ранами престарѣлаго пана.

Сестры его Ганны не оказалось уже въ живыхъ. Гордая, самолюбивая, чистая, она успѣла покончить съ собою раньше, нежели сластолюбивый панъ успѣлъ поживиться своей добычей.

Сидитъ Ярема въ замкѣ и наслаждается мученіями врага. Что, проклятый ляхъ, вспоминаешь теперь хуторъ стараго Бовцюга подъ Чигириномъ“? обращается онъ къ Зацвилиховскому и съ радостной улыбкой смотритъ, какъ козаки вбиваютъ ему подъ ногти гвозди и горящей смолой обливаютъ его обнаженное тѣло; веселымъ хохотомъ отдаются въ его душѣ раздирающіе вопли истерзаннаго муками пана. Но довольно,—махнулъ онъ рукой, и нѣсколько козаковъ хватаютъ подъ руки полуживого пана и подъ звуки и топотъ козацкаго гопака сажаютъ его на острый, вбитый посреди двора колъ. Корчится въ предсмертныхъ мукахъ, освѣщенный яркимъ огнемъ горящаго замка, панъ, проклиная свою жизнь и судьбу, а вокругъ него раздаются удалая запорожская пѣсня и пьяный хохотъ подгулявшихъ побѣдителей.

Вздрагиваетъ Ярема при этомъ воспоминаніи, и невольно опять приходитъ ему на память все, что такъ недавно случи-

лось. „Боже мой, вѣдь онъ точно такъ-же хотѣлъ увезти, выкрасть единственную и любимую дочь Бурлая, его всю радость, счастье и надежду!“ И это внезапно блеснувшее сочетаніе воспоминаній острымъ ножомъ рѣзнуло его сердце. Онъ сразу какъ-то опустился; сознаніе неправоты, своей безсердечности и безчеловѣчности острою болью проникло въ его душу. Онъ только теперь началъ понимать, сколько муки и горя готовилъ своей Катрѣ и старому Бурлаю, любившему его, какъ сына. Но не успѣлъ Ярема углубиться и разобраться во вновь нахлынувшихъ мысляхъ, какъ глухой гулъ войсковыхъ литавръ, раздавшійся недалеко отъ него, прервалъ теченіе его мыслей. Ярема вздрогнулъ; онъ услышалъ, какъ вдругъ замолкла вездѣ работа, и всѣ бросились къ церкви на площадь. „Да, вотъ она и заслуженная кара“—подумалъ Ярема, чувствуя, что ему придется сейчасъ предстать передъ войсковымъ судомъ.

И не ошибся онъ; не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ дверь тюрьмы отворилась, и войсковой довбышъ вывелъ его на площадь, уже покрытую густой толпой козаковъ.

Мрачно, не подымая глазъ, шелъ Ярема; стыдно и горько ему было явиться преступникомъ передъ товарищами, всегда относившимися къ нему съ уваженіемъ и любовью, какъ къ храброму козаку и доброму товарищу.

Какъ море, волнуются на широкой площади тысячи козацкихъ головъ; невообразимая пестрота одѣяній живописной картиной развертывается передъ глазами; глухой шумъ голосовъ волной перекатывается по всей Сѣчи. Но вотъ всѣ умолкли, и толпа обнажила головы. Изъ куреня съ головой, важно закинутой назадъ, вышелъ пожилой, сѣдой козакъ съ умнымъ, строгимъ лицомъ и орлинымъ взглядомъ. Одежда его ничѣмъ не отличалась отъ одежды другихъ козаковъ; только бывшая у него въ рукахъ палица указывала, что это былъ не простой козакъ; манера себя держать, спокойный, увѣренный, острый взглядъ, показывали, что онъ умѣлъ властвовать и не терпѣлъ возраженій,—это былъ кошевой атаманъ запорожскаго козачества.

За кошевымъ вышли и стали рядомъ судья, осаулъ и писарь, а недалеко отъ нихъ въ сторонѣ остановились Бурлай и Гусакъ.

При появленіи кошеваго всѣ 38 куренныхъ атамановъ вышли впередъ и расположились полукругомъ, а за ними вышли и стали рядомъ древніе и уважаемые всѣмъ козачествомъ козаки, занимавшіе раньше уряды войсковыхъ старшинъ.

Кошевой махнулъ рукой. Едва доносившійся сзади глухой ропотъ голосовъ сразу умолкъ; наступило мертвое молчаніе, и десятитысячная толпа, жадно устремившая глаза на кошеваго, замерла въ ожиданіи.

Кошевой снялъ шапку и поклонился всему войску, атаманамъ и старшинѣ.

„Панове молодцы! началъ онъ медленно громкимъ голосомъ: не затѣмъ я васъ сюда собралъ, чтобы сказать вамъ о набѣгѣ на христіянскія земли поганаго татарина, или о мученіяхъ, претерпѣваемыхъ нашими братьями на Украинѣ отъ проклятаго ляха; нѣтъ, панове, собралъ я васъ сюда, чтобы сказать вамъ еще худшія вѣсти. Гибнетъ славное войско запорожское,— лучшіе его рыцари плюютъ на дѣдовскіе и прадѣдовскіе обычаи, ни въ грошъ не ставятъ они войсковые законы и не почитаютъ старшинъ. Прежде запорожскіе козаки за славу считали освободить женщину отъ татарской неволи и ярма., а теперь сами крадутъ ее среди бѣлаго дня у отца и матери. Дороже рыцарской славы и чести имъ бабья ласка; а еще хуже того,—съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, не было того, чтобы возсталъ братъ на брата, и лилась бы козачья кровь рукою своего же брата козака. Гибнетъ, панове, слава Сѣчи!“

Старшина стоялъ молча, мрачно опустивши глаза въ землю.

Среди козаковъ послышался ропотъ.

— Неправду говоришь, батько; не топчетъ товарищество ногами войсковыхъ обычаевъ,—раздались голоса: не гибнетъ слава войска и нѣтъ въ немъ рыцарей, которые бы проливали братскую кровь!

— Нѣтъ такихъ рыцарей? возразилъ кошевой; такъ пусть вамъ правду скажетъ старый Бурлай.

Глаза всѣхъ устремились на Бурлая. Все опять замолкло. Бурлай, сдѣлавши нѣсколько шаговъ впередъ, остановился и, снявши шапку, поклонился кошевому, старшинѣ и войску.

— Храброе и славное рыцарство, такъ началъ онъ: когда то и я былъ сѣчевикомъ и много еще осталось въ войскѣ стариковъ, которые помнятъ, что честно служилъ саблей Бурлай войску. Теперь Бурлай живетъ только на войсковой землѣ, но Бурлай помнитъ и знаетъ, что значатъ войсковые обычаи и рыцарская слава. Есть у стараго Бурлая дочь; доживаетъ свой вѣкъ Бурлай, и радости у него только, что она,—не нарадуется онъ въ свое единственное и любимое дѣтище. Думалъ Бурлай спокойно дожить свой вѣкъ; не боялся онъ, что злой татаринъ увезетъ его дочь въ Крымъ; не боялся онъ подъ защитою войска и ляха; не боялся онъ никого, а пришлось бояться своего же православнаго христіянина, запорожскаго козака. Какъ родного сына, любилъ я Ярему,—спасъ онъ мою душу отъ татаръ; спасибо ему, и поклонюсь еще разъ ему въ ноги за это.“ При этихъ словахъ Бурлай повернулся къ Яремѣ и поклонился ему въ ноги.

„Но обманулъ Ярема Бурлая, продолжалъ онъ: не уважилъ онъ его хлѣба-соли и опозорилъ старика и его дочь на весь свѣтъ.

Двѣ крупныя слезы покатились изъ глазъ Бурлая.

— Теперь старый, опозоренный Бурлай стоитъ передъ вами, славное рыцарство, и ждетъ отъ васъ суда и расправы“.

Бурлай замолчалъ. Среди козаковъ, какъ легкій вѣтерокъ пронесся глухой, неопредѣленный шумъ, постепенно разросшійся въ мощный гулъ бурлящаго моря.

— Кіями гультяя, кіями, чтобъ не позорилъ запорожскаго товарищества!—гдѣ-то вправо вырывались изъ общаго гула голосовъ громкіе крики.

— Къ столбу и кіями, чтобъ не бѣгалъ за бабами, чтобъ помнилъ обычаи рыцарства!—поддерживали ихъ голоса въ серединѣ.

— Къ черту кіи! Не пропадать же козаку изъ-за бабы,— старались перекричать всѣхъ козаки Каневскаго куреня, въ которомъ числился и Ярема

Крики становились все громче и сильнѣе, страсти разгорались все больше и больше; гдѣ то уже началась свалка,—и

Богъ вѣсть, чѣмъ бы это всё окончилось, если бы кошевой не махнулъ рукой довбыша, который сейчасъ же забилъ въ литавры,

Крики начали притихать и скоро опять умолкли.

— Стойте, панове, закричалъ кошевой, не все еще вамъ сказалъ Бурлай; выслушайте еще стараго Гусака.

Взоры всѣхъ обратились на Гусака. Гусакъ вышелъ впередъ, поклонился всѣмъ низко и началъ.

— Панове товариство, всѣ въ войскѣ знаютъ стараго Гусака. Много послужилъ я войску въ турецкихъ походахъ и въ битвахъ съ ляхами, и не забывало моихъ услугъ войско,—не разъ меня выбирало въ куренные атаманы. Думалъ я,—будетъ всегда поважать войско мою службу и мои раны. Но былъ дурнемъ старый козакъ. Думалъ я сложить свою голову гдѣ-нибудь въ полѣ подъ татарской саблей или подъ янычарскимъ ятаганомъ, а вышло, что чуть не сложилъ ее отъ руки своего же брата запорожца. Не уважилъ сѣдыхъ волосъ стараго козака Ярема; какъ бѣшенная собака, бросился онъ на меня и изрубилъ саблею за то, что хотѣлъ его представить на судъ товариществу за его безпутную жизнь. И если бы не Бурлай, то можетъ быть, и лежалъ теперь гдѣ-нибудь, какъ брошенная всѣми собака. Не много остается мнѣ, старому, жить; не за раны мои мнѣ обидно, а за товарищество боюсь я,—не стали держать его обычаевъ, не стали почитать и поважать старшину, а если такъ, то долго ли будетъ держаться и стоять Сѣчь? Пусть умретъ Гусакъ, но пусть крѣпко на славу всему міру стоитъ запорожское рыцарство; но не хочу умереть до тѣхъ поръ, пока не увижу, что сильно еще товарищество, что не позволитъ оно смѣяться надъ своими обычаями, не позволитъ гультяямъ и злодѣямъ позорить его славу.

Толпа заволновалась, и гулъ голосовъ прервалъ рѣчь Гусака.

— Ярема, правду говоритъ Гусакъ?

Ярема, неподвижно стоявшій съ опущенными внизъ глазами, ничего не отвѣтилъ и кивнулъ лишь головой.

— О, такъ Гусакъ говоритъ! правду!—раздались крики со всѣхъ сторонъ; такъ значитъ правда, что поругано запорожское

товарищество; не надо намъ такихъ козаковъ, на шибеницу его, чтобъ не страшилъ Божьяго свѣта!

— На шибеницу? Нѣтъ, мало этого распроклятому собачьему сыну, на острую палю его [1]).

— На шибеницу, на палю! раздавались со всѣхъ сторонъ крики. Козаки Каневскаго куреня собрались было опять протестовать, но должны были скоро умолкнуть, заглушенные бѣшенными криками толпы.

Вдругъ отъ толпы старшинъ отдѣлился старый Ничипоренко и направился къ Яремѣ. Горько ему было видѣть позоръ Яремы, котораго онъ воспиталъ и любилъ всѣми силами души человѣка, не имѣвшаго больше никакихъ привязанностей.

Толпа, увидѣвшая Ничипоренка, умолкла и, притаивъ дыханіе, стала прислушиваться къ тому, что скажетъ всѣми уважаемый атаманъ и названный отецъ Яремы.

Ничипоренко съ мрачно сдвинутыми бровями, но твердой и увѣренной походкой подошелъ къ Яремѣ и, положивши ему свою руку на плечо, слегка дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Обезславилъ ты себя, Ярема, обезславилъ и меня стараго! „Каждый козакъ можетъ теперь плюнуть мнѣ въ очи; не уважилъ ты товарищества, не жилъ ты по рыцарски. Слышалъ ты рѣшеніе войска! Такъ ступай же теперь и умри, какъ подобаетъ доброму козаку.“

Ярема взволнованный, растроганный, бросился въ ноги Ничипоренку.

— Прости, батько, прости,—за тебя душа болитъ!—дрожащимъ голосомъ проговорилъ онъ; а смерти не боюсь я; не поминай меня только лихомъ.

Ничипоренко поднялъ Ярему, обнялъ его и поцѣловалъ.

— Ну Богъ съ тобой, проговорилъ старикъ и отвернулся. И увидѣли запорожцы, какъ полились слезы по морщинистымъ щекамъ стараго козака и повисли на его сѣдыхъ усахъ. Махнулъ Ничипоренко рукой и отошелъ къ старшинамъ.

Толпа продолжала молчать, чувствуя, что, ей больше нечего сказать.

---

[1]) Шибеница—висѣлица; острая паля—острый колъ.

— Такъ какъ же, панове, на шибеницу? прервалъ общее молчаніе кошевой.

Толпа молчала.

— Ну, такъ завтра рано и съ Богомъ, въ путь-дорогу на шляхъ, чтобъ видѣлъ весь свѣтъ, какъ караетъ войско своихъ злодѣевъ и преступниковъ.

Козаки начали расходиться, и скоро опять на берегу закипѣла работа; послышался стукъ топоровъ и шумъ падающихъ деревьевъ.

Опять задумался Ярема, сидя въ сырой и темной пушкарни, и невеселыя были его думы.

IV.

Отправивши Ярему въ Сѣчь, Бурлай отдался весь ухаживанію за раненымъ Гусакомъ. Онъ не обращалъ вниманія на Катрю и старался не замѣчать ея присутствія. Молчала и Катря, какъ виноватая, опуская глаза при случайной встрѣчѣ съ глазами отца. Поблѣднѣвшая и похудѣвшая отъ охватившаго ее горя, она не могла найти себѣ мѣста.

„Боже мой, неужели же Ярема погибнетъ? За что же, за что? За любовь къ ней? Нѣтъ, не можетъ этого быть! Она, Катря, его спасетъ, она причина его страданій, его несчастья; все для него погибло—и честь козацкая, и слава. Она одна осталась для него, она его любитъ и она одна должна его спасти, вырвать отъ смерти, дать ему за его мученіе—спасеніе и счастье. Да, она должна это сдѣлать, непремѣнно, во что бы то ни стало...“ Такъ думала она. И съ разсѣяннымъ, безцѣльно блуждающимъ взоромъ бродила въ саду и около хаты, лелѣя въ своей головѣ мысль о спасеніи Яремы; разгоряченная голова ея создавала самыя невозможныя и неосуществимыя фантазіи; но часы проходили за часами, а она все еще не могла на чемъ либо остановиться.

Задумчивая, молчаливая сидѣла и Марыся. Она также любила Ярему; она не хотѣла допустить мысли, что Ярема по-

гибнетъ и будетъ для нея всегда потерянъ,—она также мечтала о его спасеніи.

Между тѣмъ Гусакъ быстро поправлялся; раны его почти зажили, и не сегодня-завтра онъ съ Бурлаемъ долженъ былъ отправиться въ Сѣчь.

Надо было спѣшить. Марыся вдругъ повеселѣла; очевидно какая то мысль ее сразу ободрила; увидѣвши сидѣвшую около хаты Катрю, она подошла къ ней и крѣпко ее обняла.

— Что же ты думаешь дѣлать, милая Катря? обратилась она къ ней мягкимъ, какъ будто изъ глубины сердца несущимся голосомъ. Неужели Ярема умретъ какъ злодѣй, неужели ты позволишь ему умереть? Вѣдь ты любишь его попрежнему, да?

— Охъ, Марыся, я все готова сдѣлать, чтобы спасти его; скажи только, что дѣлать, придумай, Марыся.

Нѣтъ ничего легче, милая Катря; отпросись ты у батька на хуторъ къ Товкачу,—скажи, что хочешь повидаться съ его дочкой Мотрей.

— Ну, а дальше что-же?

— Ты вѣдь знаешь, что хуторъ Товкача недалеко отъ коша; тамъ ты скорѣе узнаешь, какъ осудило войско Ярему, и скорѣе и легче будешь въ состояніи его тамъ спасти.

— Спасти? но какъ спасти? Вотъ въ этомъ то вся бѣда что не знаю, какъ это сдѣлать.

— Очень просто, милая Катря. Ты знаешь, что на Запорожьи давно существуетъ обычай, что если за осужденнагѳ на смерть козака пожелаетъ выйти замужъ какая-нибудь дѣвушка, то козакъ, если захочетъ жениться, освобождается отъ казни.

— Правда твоя, Марыся, слышала я объ этомъ отъ батька.

— Ну, такъ мы узнаемъ, когда поведутъ Ярему на казнь, ты выйдешь на дорогу, по которой поведутъ Ярему, и скажешь что хочешь выйти за него замужъ.

— Милая, добрая Марыся, ты лучше сестры родной!— воскликнула со слезами на глазахъ обрадованная Катря и съ изліяніемъ самой сердечной благодарности бросилась на шею къ Марысѣ.

Бурлая не пришлось долго упрашивать отвезти ихъ на хуторъ къ Товкачу, и на слѣдующій день рано утромъ Бурлай съ Гусакомъ и двумя дѣвушками ѣхалъ уже по направленію къ Сѣчи.

Всю дорогу думала Катря объ этомъ. Въ мечтательной головѣ ея уже складывался цѣлый планъ освобожденія его отъ смерти. Она заранѣе радовалась, представляя себѣ ту минуту, когда явится передъ Яремой его спасительницей; засіютъ счастьемъ и благодарностью его очи при видѣ ея, и, освобожденный отъ неминуемой смерти, любящій и благодарный за ея самоотверженную любовь, поведетъ онъ ее къ церкви, какъ невѣсту.

Пріѣхавши на хуторъ Товкача, Катря сейчасъ-же посвятила въ свою тайну Мотрю, и всѣ три дѣвушки общими силами принялись обсуждать исполненіе предложеннаго Марысей плана. Прежде всего необходимо было узнать, когда будетъ совершена казнь, и съ этою цѣлью Марыся какъ можно скорѣе должна была отправляться на развѣдки.

На слѣдующій день Марыся сообщила уже Катрѣ, что, встрѣтивши по дорогѣ двухъ запорожскихъ козаковъ, она узнала отъ нихъ, что Ярему еще не судили, а будутъ судить лишь завтра. Лелѣя свой собственный планъ, Марыся скрыла отъ Катри, что Ярема уже осужденъ и завтра рано утромъ должна была совершиться его казнь.

Съ надеждою въ сердцѣ, нравственно ободренная, легла Катря спать въ хатѣ вмѣстѣ съ Мотрей. На дворѣ около хаты улеглась и Марыся.

На слѣдующій день рано утромъ, едва края горизонта зарумянились лучами восходящаго солнца, какъ изъ Сѣчи потянулась по одной изъ дорогъ длинная процессія, направляясь къ одиноко растущему при дорогѣ высокому, крѣпкому, развѣсистому дубу, на которомъ не одно уже буйное и разгульное козацкое тѣло висѣло на страхъ и поученіе безшабашному молодечеству, не знавшему ни нравственной узды, ни преградъ своимъ страстямъ.

Впереди огромной толпы козаковъ въ траурныхъ одеждахъ медленно шелъ сѣчевой священникъ, съ крестомъ и евангеліемъ

въ рукахъ; по сторонамъ несли хоругви; сзади священника спокойный, покорный своей судьбѣ шелъ Ярема. Въ послѣднія минуты своей жизни онъ пожертвовалъ все добытое въ походахъ добро, лежавшее раньше гдѣ-то зарытымъ подъ деревомъ, на сѣчевую церковь и просилъ лишь, чтобы казнь была совершена съ подобающею для запорожскаго козака пышностью.

Повидимому, онъ совершенно свыкся съ мыслью, что скоро долженъ лишиться жизни; онъ старался уйти отъ всего земного и не думать о милыхъ и близкихъ его сердцу людяхъ. Смерть не холодила его души; въ походахъ и битвахъ привыкнувъ всегда быть лицомъ къ смерти,—онъ не боялся теперь ея холодныхъ, вѣчно-жесткихъ объятій. Онъ не смотрѣлъ и не хотѣлъ видѣть шедшихъ сзади и около него козаковъ, съ сокрушеннымъ, печальнымъ видомъ провожавшихъ любимаго товарища, никогда не оставлявшаго ихъ въ бѣдѣ.. Козаки Каневскаго куреня до одного съ обнаженными чубатыми головами сопровождали печальную процессію, напоминавшую похоронное шествіе. Спокойной, твердой походкой, съ головой, склоненной на грудь, подходилъ Ярема къ кресту и подъ благословеніе священника, служившаго на перепутьяхъ литію, какъ объ умершемъ уже человѣкѣ. Грустные, печальные звуки похороннаго напѣва скорбнымъ гимномъ летали надъ головами безмолвно шедшей толпы. До мѣста казни оставалось лишь нѣсколько сотъ шаговъ. Уже ясно стали обозначаться мрачно раскинувшіяся вѣтви рокового дуба. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Яремы, когда мимо него проскакалъ козакъ на его лошади, на которой его должны были подвести подъ дерево, чтобы и надѣть ему на шею петлю. Процессія прошла еще нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ-за группы деревьевъ вышла на дорогу и остановилась вся закутанная въ бѣлое покрывало высокая женская фигура. Она стояла недвижно въ ожиданіи приближенія процессіи.

Ярема вздрогнулъ. „Боже мой, неужели это его Катря?“ подумалъ онъ; „она, она, кто же можетъ быть иной; она оставила домъ, пришла сюда спасти его, избавить его отъ смерти“. Сердце его быстро забилось, кровь ударила въ голову, и мысль

о возможности жить, о возможности счастья съ любимой дѣвушкой живительной волной хлынула на него.

Толпа подошла къ дѣвушкѣ и остановилась. Дѣвушка продолжала стоять недвижимой. Ярема, не будучи въ силахъ совладать съ собой, быстро подошелъ къ ней, дрожащей, трепетной рукой сорвалъ съ нея покрывало и остолбенѣлъ отъ изумленія и неожиданности. Передъ нимъ стояла Марыся. Для него сдѣлалось вдругъ все понятнымъ. „Такъ вотъ она виновница всѣхъ бѣдъ, такъ неожиданно грянувшихъ на мою голову!"— мелькнула у него мысль, и онъ рѣшился ей отомстить тутъ же, сейчасъ, безъ всякой пощады. Хладнокровіе сразу къ нему возвратилось. „А, гадюка, такъ это все твоихъ рукъ дѣло, такъ это ты тогда навела Бурлая! Ну постой же, не поминай теперь меня лихомъ", проговорилъ онъ вполголоса и, отступивши нѣсколько шаговъ назадъ, остановился и съ усмѣшкой обратился къ столпившимся около него козакамъ, сильно заинтересованнымъ неожиданнымъ появленіемъ дѣвушки.

— Панове, въ войскѣ давно уже ведется обычай, что если осужденнаго къ смерти козака по дорогѣ къ казни встрѣтитъ дѣвушка и скажетъ, что хочетъ за него выйти замужъ, то козакъ, если пожелаетъ жениться, освобождается отъ казни.

— Такъ, вѣрно говоритъ Ярема, крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Добрый обычай выдумали наши предки; дай имъ Богъ на томъ свѣтѣ весело и легко жить. Что можетъ быть лучше жизни, да еще съ милой, доброй да красивой подругой? А когда петля виситъ на шеѣ, то жизнь еще краше и милѣе;— подавай тогда такую паскуду, что тошно смотрѣть,—а другому й плюнуть захочется, и та покажется писаной красавицей. Ну, а вотъ эта, продолжалъ Ярема, указывая на Марысю, чѣмъ она не красавица? Посмотрите, панове: волосы—точно хвостъ у ободранной Янкелевой кобылы, глаза—какъ у паскудной жабы, лицо—вѣдьмы съ лысой горы, а душа-то лучше всего— настоящая гадючья".

Громкій хохотъ прервалъ рѣчь Яремы. Марыся, вся блѣдная и дрожавшая отъ стыда и оскорбленія, сдѣлала движеніе, чтобы

закрыть лицо и бѣжать отсюда, бѣжать подальше отъ позора, но Ярема движеніемъ руки преградилъ ей дорогу.

— Чтожъ, панове, добрая была бы жинка у Яремы,—на удивленіе всему міру христіянскому; не только добрый человѣкъ отвернется отъ такой красавицы, а собака и та залаетъ и побѣжитъ отъ нея прочь. Нѣтъ, панове, „якъ маты таку дзюбу весты до шлюбу, липше на шибеныци дать дубу. Гайда дальше“!

Толпа не двигалась. Смѣхъ, хототъ, атуканья, крики восторга слышались въ общемъ гулѣ голосовъ.

— Бѣги, бѣги отсюда, гадючья дочка!

— Въ болото, жабья порода!

— Эй, дивка, не попадайся на глаза жиду Янкелю, а то скажетъ, что ободрала хвостъ у его кобылки и посадила его себѣ на голову!

— Сгинь, паскуда, не пугай людей на бѣломъ свѣтѣ!

Марыся, совершенно ошеломленная всѣмъ происшедшимъ, убѣгала, что было силъ отъ насмѣшливыхъ возгласовъ толпы; и долго еще въ ея ушахъ звучали оскорбительные крики козаковъ.

Когда они скрылись за деревьями, толпа начала понемногу утихать, вмѣсто хохота и смѣха раздались крики восторга и хвалы Яремѣ.

— Молодецъ Ярема, видно, что настоящій козакъ,—кричали одни.

— Не продалъ своей жизни за нелюбую, да паскудную бабу.

— Эй, панове, развѣ можно умереть такому рыцарю? сильнѣе начали раздаваться голоса.

— Не можно, не можно; пусть живетъ Ярема! Войско его наказало, войско его и милуетъ!

— Пусть живетъ Ярема! грянула безъ единаго возраженія тысячная толпа козаковъ, и вдругъ вся картина моментально перемѣнилась.

Печальное похоронное шествіе обратилось вдругъ въ какое-то веселое, свѣтлое празднество. Со смѣхомъ и криками веселья повернула толпа назадъ въ Сѣчь. Раздалась вдругъ широкая, разгульная запорожская пѣснь, и бѣшенное топаніе танцующихъ

козацкихъ ногъ, неудержимо несущихся въ вихрѣ гопака, замѣнило собою печальный похоронный напѣвъ.

Между тѣмъ, какъ въ Сѣчи дикимъ и широкимъ разгуломъ праздновалось освобожденіе Яремы отъ смерти, Катря одинокая сидѣла на хуторѣ Товкача въ нетерпѣливомъ ожиданіи возвращенія Марыси. Но вотъ ужъ и солнце потонуло за горизонтомъ; вотъ ужъ и луна глянула изъ за тучи, а Марыси все еще нѣтъ. И не знала Катря, что никогда она больше не увидитъ Марыси, исчезнувшей Богъ вѣсть куда, и что болью и горькимъ разочарованіемъ будетъ переполняться ея сердце при воспоминаніи о той, которой она такъ много вѣрила и которую такъ много любила.

V.

Черезъ два дня сотня совершенно готовыхъ чаекъ мѣрно колыхалась около берега.

Легкіе, длинные, стрѣлоподобные челны, снабженные только десятью-пятнадцатью парами веселъ и двумя рулями съ каждаго конца, поражали своимъ дерзостнымъ видомъ. Современный мореплаватель презрительнымъ смѣхомъ разсмѣялся бы, если бы ему показали морскую флотилію запорожцевъ; но онъ изумился бы безумно отважной дерзости козаковъ, увидѣвъ ихъ переплывающими на этихъ утлыхъ невѣрныхъ лодкахъ грозно-шумящее Черное море.

Въ Сѣчи идутъ уже послѣднія приготовленія.

Козаки сносятъ въ челны сухари въ бочкахъ, вареное просо и кислое тѣсто для приготовленія саламаты; каждый козакъ заготовляетъ необходимое количество пороху и пуль. Не сегодня—завтра сѣчевой флотъ отправляется въ дерзкій набѣгъ, и все козачество нетерпѣливо ждетъ только знака кошевого.

Но вотъ загремѣли литавры; все, что было въ Сѣчи, устремилось на площадь и зашумѣло въ ожиданіи появленія кошевого.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ куреня кошевой и, поклонившись войску, началъ:

— Всѣмъ вѣдомо, панове храброе рыцарство, что давно козаки не гуляли на Черномъ морѣ, давно не бенкетовали въ турецкихъ городахъ и мѣстечкахъ. Много за это время набрали турки христіанскихъ невольниковъ. Зазнались бусурмане,—думаютъ, сгинуло христіанское рыцарство; плачутъ и невольники, ожидая своего избавленія отъ мукъ и горькой доли. На кого у нихъ надежда? На одно только запорожское войско,—больше никому до нихъ нѣтъ дѣла. Пора, панове, погулять и самому козачеству, да „зажить" рыцарской славы молодымъ козакамъ; пора, наконецъ, и султану турецкому напомнить о козацкихъ чубахъ и козацкихъ сабляхъ, а то, можетъ быть, забылъ о нихъ бусурманскій недовѣрокъ.

— Пора, давно пора, батько!—закричали кругомъ козаки.

— Ну, такъ и съ Богомъ, въ путь-дорогу; только, панове, по войсковому обычаю надлежитъ избрать прежде наказного атамана.

Между козаками пошелъ шумъ и говоръ. Вопросъ о выборѣ наказного атамана былъ чрезвычайно важный, такъ какъ отъ его опытности во многихъ отношеніяхъ зависѣлъ исходъ похода. Нужно было избрать не только человѣка храбраго, но опытнаго и бывалаго уже въ морскихъ походахъ.

Спустя нѣсколько минутъ, какъ будто согласившись между собою, всѣ козаки въ одинъ голосъ закричали:

— Ничипоренка хотимъ; пусть будетъ наказнымъ Ничипоренко! Намъ не найти лучше каневскаго куренного атамана!

Ничипоренко вышелъ впередъ и, снявши шапку, поклонился козакамъ.

— Старъ я, панове, не могу служить уже войску въ большихъ походахъ.

— Не бреши, ты годами старъ, но тѣломъ и разумомъ крѣпокъ, закричали запорожцы.

— Есть много козаковъ лучше меня, и не достоенъ такой чести Ничипоренко.

— Нѣтъ опытнѣе тебя; не разъ ты гулялъ уже по морю и окуривалъ мушкетнымъ дымомъ стѣны цареградскія. Не ври, старый; принимай честь, которую тебѣ оказываетъ войско.

Принимай, принимай, заревѣла толпа.

— Если того хочетъ все войско,—не могу идти противъ воли войска, отвѣтилъ Ничипоренко. Пусть будетъ по вашему. Спасибо вамъ, молодцы, за честь и повагу,—можетъ еще и послужитъ моя старая голова на славу войску.

— Пусть Богъ тебѣ поможетъ съ честью послужить войску, закричали голоса, и вся толпа кинула кверху шапки.

— Ну, панове рыцарство, а теперь слушать меня, проговорилъ Ничипоренко, надѣвая шапку; завтра рано утромъ выступимъ въ походъ! чтобы все было въ исправности. А теперь, дѣти, ступайте по куренямъ отдохнуть, чтобъ со свѣжими силами выступить въ походъ.

Черезъ минуту площадь опустѣла. Въ Сѣчи сдѣлалось тихо и спокойно; это было затишье передъ той бурей, которая спустя нѣсколько дней ураганомъ разразилась на анатолійскомъ берегу.

На слѣдующій день рано утромъ съ восходомъ солнца шесть тысячъ запорожцевъ сидѣло въ челнахъ, ожидая атаманскаго приказа къ отплытію. На берегу стоялъ кошевой атаманъ, а за нимъ густая толпа остававшихся въ Сѣчи козаковъ.

— Помогай вамъ Богъ; чтобъ крѣпко стояли за вѣру и не опозорили славы войска! Дай Богъ всѣмъ живыми вернуться въ нашу родную мать Сѣчь!—обратился кошевой къ сидящимъ въ чайкахъ козакамъ.

— Дай Богъ, дай Богъ!—раздались голоса съ берега.

— Прощайте и будьте всѣ здоровы!—отвѣтили голоса съ челновъ, и вся флотилія тронулась вслѣдъ за челномъ наказного атамана Ничипоренка.

Долго еще слышались крики прощанія, долго еще махали шапками запорожцы.

Но вотъ начали исчезать въ извилинахъ между островами одинъ за другимъ козацкіе курени; вотъ еще одинъ поворотъ— и скрылся за зеленью деревьевъ и крестъ сѣчевой церкви. Послѣдній разъ взглянули козаки на родныя и дорогія сердцу мѣста, перекрестились и, затянувши пѣсню, быстро понеслись внизъ по Днѣпру.

Быстро очутились козаки на низовьяхъ Днѣпра. Они спѣшили; они боялись, чтобы турки не провѣдали о походѣ и не преградили бы имъ пути въ Черное море. Не доѣзжая до Очакова, чайки остановились и, спрятавшись въ густыхъ прибрежныхъ камышахъ, выжидали ночи, чтобы незамѣтно пройти мимо прибрежныхъ турецкихъ укрѣпленій, снабженныхъ пушками.

Наступила ночь. На небѣ, покрытомъ отъ краю до краю тучами, ни одной звѣзды. Густая, глубокая темнота охватила землю и спокойно несущую свои воды рѣку. Скрытые въ камышахъ запорожцы тихо выплыли на середину Днѣпра и быстро направились къ Очакову. Но вотъ надъ самымъ Очаковымъ раздается тихій свистъ, и вся флотилія пріостанавливается. Глубокая тишина царитъ между козаками,—ни одного возгласа, ни одного звука! Быстро отвязываютъ козаки заранѣе приготовленныя бревна и пускаютъ ихъ внизъ по Днѣпру. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ раздается звонъ перекинутыхъ съ одного берега на другой желѣзныхъ цѣпей, и бѣшеннымъ ревомъ турецкихъ арматъ оглашается окрестность. Еще одна секунда—налегли козаки всею силою на весла и помчались внизъ за атаманской чайкой. Какъ птицы, пронеслись они черезъ цѣпи, и не успѣли турки снова зарядить пушекъ, какъ запорожцы были уже далеко отъ Очакова, подсмѣиваясь надъ недогадливостью бусурманъ.

Не прошло и двухъ дней, а запорожцы уже какъ громъ грянули на малоазіатскій берегъ. Счастливо избѣгнувши встрѣчи съ турецкими галерами, тихо въ темную ночь пристали запорожцы къ берегу. Оставивши для охраны въ каждомъ челнѣ по нѣсколько человѣкъ, они, подобно бурной волнѣ, обрушились на турецкіе поселенія и города, приведя въ трепетный ужасъ ошеломленныхъ жителей неожиданнымъ своимъ появленіемъ. Въ нѣсколько часовъ весь прилежащій берегъ запылалъ заревомъ пожаровъ; одинъ изъ богатѣйшихъ турецкихъ городовъ, Синопъ, обратился въ пылающее огненное море, вдругъ забушевавшее въ окружающей темнотѣ при порывахъ рванувшаго вѣтра. Кровавой, сверкающей пеленой заволокло весь горизонтъ. Какими-то фантастическими существами казались запорожцы, пи-

ровавшіе среди огня, дыму и громадныхъ столбовъ и фонтановъ искръ, временами стремительно взлетавшихъ кверху и потухавшихъ въ глубинѣ неба. Козаки бенкетовали безпощадно. Среди треска валившихся домовъ раздавались отчаянные вопли избиваемыхъ жителей; козаки никого не щадили. Дѣти, женщины, старики вырѣзывались наравнѣ съ сильными и молодыми мущинами. Но не долго пировали козаки. Избивъ населеніе, разрушивъ городъ и избавивъ отъ неволи нѣсколько сотъ плѣнниковъ, они, нагруженные богатой добычей—золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными тканями, такъ же быстро вернулись къ чайкамъ, какъ и высадились на берегъ. Запорожцы спѣшили сѣсть на чайки, боясь быть отрѣзанными турецкими галерами и сбѣгавшимися жителями, догадавшимися по зареву пожаровъ, какіе у нихъ гостятъ гости.

Весело пустились козаки въ обратный путь; крѣпко налегли они на весла, чтобы добраться до Днѣпра—Славуты, прежде чѣмъ турки успѣютъ перегородить имъ дорогу. Только старый Ничипоренко морщитъ свой лобъ и мрачно сдвигаетъ брови, глядя на небо. Предвидитъ старый и опытный козакъ, что предстоитъ войску борьба болѣе страшная и грозная, чѣмъ борьба съ туркомъ. Мрачно смотритъ онъ на легкое облачко появившееся на горизонтѣ, и торопитъ козаковъ. Быстрѣе птицы мчатся чайки, градомъ льетъ потъ съ козаковъ, работающихъ изо всѣхъ силъ. И не ошибся Ничипоренко. Не проѣхали козаки и половины пути, какъ маленькое облачко разрослось въ черную, какъ ночь, тучу и медленно ползло на козацкія чайки.

Море потемнѣло, загудѣло и сердито понесло высокія, сѣдыя пѣнящіяся волны. Широкими сверкающими столбами полились огненныя рѣки изъ глубины черныхъ тучъ; крѣпчаетъ вѣтеръ и всё сердитѣе становится море. Подобно громаднымъ горамъ, готовы обрушиться волны на утлыя козацкія ладьи и раздавить ихъ своей бѣшеной, могучей силой. Крѣпко держатъ козаки рули; изъ всѣхъ силъ стараются держать они правильный бѣгъ чаекъ. Какъ стрѣлы, взлетаютъ хрупкіе челны на стремительную, кипящую пѣной высоту, чтобы черезъ нѣсколь-

ко мгновеній низринуться затѣмъ въ темную, мрачную пропасть. Все мрачнѣе становится Ничипоренко. Видятъ козаки— силится что-то сказать ихъ атаманъ, но заглушаетъ его слова ревъ бури; ближе къ нему стараются подъѣхать запорожцы, чтобы выслушать атаманскій приказъ. Но вотъ наступила минута затишья.

— Панове молодцы,—громкимъ голосомъ крикнулъ Ничипоренко, чтобы слова его были слышны всему войску,—можетъ недолго остается намъ жить, можетъ скоро загніютъ козацкія тѣла на днѣ моря; чтобъ не загубить на вѣки вѣчные христіанскихъ душъ, пусть исповѣдается каждый Богу и Черному морю, пусть каждый вспомнитъ о своихъ грѣхахъ.

И задумались запорожцы. Каждый вспоминалъ свою жизнь, свои грѣхи и съ молитвой на устахъ просилъ Господа Бога о прощеніи всѣхъ прегрѣшеній. Задумался и Ярема, сидѣвшій на рулѣ въ самой близкой къ атаману чайкѣ.

— Иванъ, обратился онъ, къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ побратиму: караетъ Господь Богъ насъ за наши грѣхи; можетъ быть, не придется мнѣ больше увидѣть и родной Сѣчи, и моей Катри; такъ скажи ей, если останешься живъ, что Ярема любилъ ее попрежнему и только и думалъ о томъ, чтобы, возвратившись изъ похода, загладить передъ ней и Бурлаемъ свою вину. Скажи ей, что Ярема любилъ ее больше всего на свѣтѣ, и тяжело, больно умирать ему, не простившись съ нею.

— Дастъ Богъ не погибнемъ и вернемся со славою въ Сѣчь. Слышишь, ужъ не такъ страшно шумитъ море, вонъ ужъ и тучи начинаютъ разрываться. Эй, панове, смотрите!—обратился Иванъ, къ остальнымъ козакамъ, показывая на небо,—не погибло еще козачество, и вновь засіяетъ надъ нимъ на родныхъ поляхъ нашихъ солнце.

Дѣйствительно, недолго еще буря трепала козацкіе челны. Ревущее море начало утихать; лучи солнечнаго свѣта прорвались вдругъ сквозь разорванныя тучи и освѣтили уставшія лица выбившихся изъ силъ козаковъ. Еще нѣсколько минутъ—и море успокоилось, а тамъ черезъ нѣсколько часовъ и Днѣпръ-Славута.

Но не совсѣмъ еще спасены козаки. Тамъ далеко около устья Днѣпра зачернѣли маленькія точки турецкихъ галеръ ставшихъ на пути козаковъ. Увидѣвши стерегущій козаковъ турецкій флотъ, Ничипоренко приказалъ сложить мачты и остановился въ ожиданіи ночи, расположивъ козацкіе челны такъ, чтобы они не были замѣчены туркомъ. Наступила ночь. Незамѣтно приблизились козаки къ туркамъ и по знаку Ничипоренка остановились.

— Панове молодцы, пусть на долгіе годы живетъ слава войска. Не опозоримъ козачества.

— Впередъ, молодцы, за мною—кому Богъ поможетъ! закричалъ Ничипоренко, выхватывая саблю.

— Кому Богъ поможетъ!—грозно отвѣтило войско, и быстролетныя чайки на всѣхъ веслахъ полетѣли впередъ, чтобы прорваться сквозь турецкія галеры.

Загремѣли турецкія арматы; столбы огня пышутъ съ галеръ; раздается свистъ пуль и ревъ ядеръ; но молчатъ запорожцы, крѣпко насѣвши на весла. А тамъ впереди высокая, грозная мужественная фигура Ничипоренка, освѣщенная огнемъ пушекъ и мушкетовъ, длинный, развивающійся сѣдой чубъ и сверкающая сабля въ рукахъ—указываютъ путь всему войску. И призываются уже козаки; болѣе половины чаекъ вышло уже въ устье Днѣпра. Но не хотѣлъ Ярема вернуться въ Сѣчь, не показавши своего молодечества. Быстро уговорился онъ съ нѣсколькими чайками напасть на одну изъ галеръ, отдѣлившуюся отъ другихъ и повернувшую къ Днѣпру въ погоню за козаками. Согласились козаки, налетѣли на галеру; быстро схватились съ нею на абордажъ, и не прошло нѣсколько мгновеній, какъ на палубѣ галеръ закипѣла грозная сѣча. Одолѣваютъ уже козаки; ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ Ярема отъ румелійскаго паши, бывшаго на этой галерѣ; но вотъ свиснула въ воздухѣ янычарская сабля—и безъ звука, безъ движенія опустился Ярема, ошеломленный ударомъ, на тѣла убитыхъ имъ янычаръ.

Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ галеры на помощь пашѣ, и не справились козаки съ галерой, бросились назадъ въ челны, но уже было поздно: окружили ихъ со всѣхъ сторонъ турки. И

не видѣть больше козакамъ своихъ родныхъ, привольныхъ степей, не видать имъ своей матери Сѣчи; гибнутъ козаки въ непосильной борьбѣ одинъ за другимъ,—а тамъ вдали становится уже едва замѣтными развивающійся атаманскій значокъ и козацкіе челны, летѣвшіе на всѣхъ веслахъ туда, въ родную Сѣчь, на тихія воды, на ясныя зори, въ край веселый, въ міръ крещеный [1]).

Но скоро очнулся Ярема, и не радостно было его пробужденіе.

Царьградъ кишитъ необычайнымъ движеніемъ. Возбужденный и разгоряченный вѣстью о гибели Синопа народъ, среди котораго не мало отцовъ, мужей о братьевъ избитыхъ козаками жителей, грозно-мстительной волной спѣшитъ къ городскимъ стѣнамъ, чтобы посмотрѣть и насладиться казнью страшныхъ и ненавистныхъ запорожцевъ. Криками ненависти, воплями мести встрѣчаетъ дико сверкающая глазами толпа приближающихся по улицѣ связанныхъ козаковъ, окруженныхъ крѣпкой стражей изъ янычаръ.

Ободранные, въ лохмотьяхъ, полуобнаженные, твердой походкой идутъ козаки, гордо и презрительно закинувши свои чубатыя головы. На ихъ истомленныхъ, изнуренныхъ, блѣдныхъ лицахъ—печать претерпѣнныхъ уже ими мукъ, но спокойно, мужественно смотрятъ ихъ очи на возвышающіяся на стѣнахъ желѣзныя спицы..

— А что, милые братья, не дадимъ натѣшиться поганому бусурману надъ козаками!—обратился Ярема къ идущимъ рядомъ съ нимъ козакамъ; покажемъ, какъ умѣютъ умирать запорожскіе рыцари.

— Не осрамимъ рыцарства; умремъ во славу Сѣчи и православной Христовой вѣры—отвѣтили козаки и, осѣнивши себя крестнымъ знаменіемъ, спокойно безъ содраганія взошли на стѣну, гдѣ ожидали ихъ страшныя муки.

Медленно сдираютъ турки съ козаковъ кожу, и ни единаго звука страданій, ни единаго вопля отчаянія и нестерпимой

---

[1]) Слова козацкой думы.

муки! Только крѣпче сжимаютъ козаки зубы, и смертельной блѣдностью покрываются ихъ лица. Молчитъ оцѣпенѣвшая толпа, пораженная мужествомъ и выносливой твердостью мучениковъ.

— Что, Иванъ, обращается Ярема къ стоящему рядомъ съ нимъ побратиму: доведется таки умереть тебѣ столбовой смертью.

— Хвала Богу! отецъ и дѣдъ отдали Богу душу на этихъ стѣнахъ; сподобилъ и меня Господь этой же чести,—отвѣчаетъ обливающійся кровью Иванъ.

И вотъ одно за другимъ сажаютъ турки на колъ полуживыя, ободранныя козацкія тѣла, обратившіяся въ сплошные сочащіеся кровью куски человѣческаго мяса. Ярема впереди всѣхъ. Насаживаютъ его палачи на остріе кола, и медленно, грузно, пронзенное смертоноснымъ желѣзомъ опускается его тѣло съ потоками крови внизъ по колу; блеститъ уже на яркомъ солнцѣ вышедшее изъ спины остріе желѣза, но безъ звука, безъ движенія сидитъ Ярема на колѣ съ горячей молитвой на устахъ, окровавленныхъ хлынувшей изъ горла кровью. Страшная мука, нестерпимая боль передергиваетъ его лицо, но сдерживается Ярема, и холодная улыбка презрѣнія летитъ на встрѣчу радостнымъ взорамъ мучителей. „Господи, пріими душу раба твоего“—шепчутъ помертвѣвшія уста, и смертельная тоска покрываетъ его лицо; дико уставляются его широко раскрытыя страданіями очи туда въ даль, гдѣ его милая родина, и навѣки остаются неподвижными.

Пройдетъ нѣсколько дней, расклюютъ хищные вороны козацкія гніющія тѣла, и застучатъ, зазвенятъ страшной пляской мертвецовъ колеблемыя вѣтромъ обглоданныя бѣлыя козацкія кости.

А Катря ждетъ и никогда не дождется своего Яремы!

А. Добровольскій.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Надзиратель Мальцевъ и директоръ Зимовской — воспитатели - политиканы.

Нѣкоторые изъ директоровъ заведеній юго-западнаго края до того втянулись въ политику, что, оставивъ въ пренебреженіи научно-воспитательныя цѣли, стали преслѣдовать однѣ лишь политическія, стараясь всевозможными путями увѣрить начальство, что въ политическомъ отношеніи во ввѣренныхъ имъ училищахъ все обстоитъ благополучно. Хотя они въ душѣ не могли не сознавать все свое безсиліе побороть неотразимое вліяніе на воспитанниковъ враждебной всему русскому среды, но въ то же время желая отличиться передъ начальствомъ, прибѣгали къ разнымъ манифестаціямъ, въ родѣ празднованія воспитанниками высокоторжественныхъ дней, съ рѣчами, иллюминаціями и восторженными криками ура, отправляя вслѣдъ затѣмъ попечителю пространнѣйшія описанія торжества.

Самымъ искуснымъ по этой части въ округѣ считался Е. Я. Зимовской: il etait plus royaliste que le roi même. Въ порывѣ усердія онъ своими неблаговидными дѣйствіями ронялъ въ глазахъ поляковъ достоинство русской правительственной власти, во имя которой якобы онъ дѣйствовалъ, разжигая національную вражду, и безъ того сильную. Самымъ дѣятельнымъ помощникомъ его въ данномъ направленіи былъ надзиратель 3-го отдѣленія общихъ ученическихъ квартиръ штабсъ-капитанъ *В. И. Мальцевъ*.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 7.

Происходя изъ солдатскихъ дѣтей, воспитанникъ школы кантонистовъ, а потомъ фейерверкеръ, дослужившійся до офицерскаго чина, Василій Ивановичъ, по выходѣ въ отставку, посвятилъ остатокъ дней своихъ воспитательской профессіи. Это былъ именно такой человѣкъ, какой былъ нуженъ директору. Въ немъ Е. Я-чъ нашелъ чистый кладъ. Въ новомъ надзирателѣ ему съ перваго же шагу понравилась чисто солдатская выправка—руки по швамъ, слушаю-съ, на лѣво кругомъ! Мальцевъ, съ своей стороны, какъ сметливый фельдфебель, сразу понялъ, чего требуетъ отъ него начальникъ. Воспитанниковъ своего отдѣленія онъ повелъ совершенно по-солдатски: училъ ихъ муштрѣ, пѣть солдатскія пѣсни, строить земляныя укрѣпленія, рыть траншеи, брать штурмомъ укрѣпленія и т. д.

Въ царскіе дни въ общей квартирѣ за обѣдомъ присутствовалъ самъ директоръ, а иногда приглашались и посторонніе посѣтители, въ качествѣ гостей при совершеніи торжества въ его заведеніи.

На другой-же день въ Кіевъ отправлялось донесеніе съ краснорѣчивымъ описаніемъ „дѣтскаго праздника“, при чемъ каждый разъ не былъ забытъ и главный проводникъ русскаго элемента въ массу нерусскихъ дѣтей—надзиратель Мальцевъ, „полезная и усердная дѣятельность коего (говорилось въ донесеніи) выше всякой похвалы и вполнѣ достойна поощренія начальства“.

Между тѣмъ люди, близко стоявшіе къ дѣлу и знакомые съ „полезною дѣятельностію“ вчерашняго фейерверкера, могутъ по совѣсти засвидѣтельствовать, что воспитанники ввѣреннаго ему отдѣленія не только по внѣшности выглядѣли совершенными кантонистами, но и заражены были тѣми же пороками, тайными и явными, какими отличались эти жалкіе заключенники. Василій Ивановичъ любилъ часто бесѣдовать со своими питомцами о тѣхъ „порядкахъ“, какіе существовали въ его время въ школѣ кантонистовъ, приводя подъ часъ такіе факты, что у мальчиковъ кровь застывала въ жилахъ.

— Что ваши порядки-съ?—говорилъ онъ, шевеля усами, какъ тараканъ; дадутъ вамъ 25, вы и нюни распустите. У

насъ было не такъ-съ: всыпятъ 200—300 разомъ, да на шинеляхъ и вынесутъ-съ.

Положимъ, что отъ грубаго и невѣжественнаго салдафона Мальцева ничего хорошаго нельзя было и требовать въ трудномъ дѣлѣ воспитанія: виноватъ ли онъ, что нашлись люди, пожаловавшіе его въ воспитатели? Но неужели директоръ, человѣкъ несомнѣнно умный, неужели онъ не понималъ всей нелѣпости казарменнаго воспитанія ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, не замѣчая пагубной порчи мальчиковъ—будущихъ сыновъ отечества? Право, мнѣ иногда невольно приходила въ голову мысль, что назначеніе воспитателей, подобныхъ Мальцеву, дѣлалось умышленно, съ предвзятой цѣлію — деморализовать польское юношество.

Какъ вы иначе объясните, напр., хоть такое распоряженіе г. директора: на гимназическомъ дворѣ развелось множество собакъ, питавшихся отъ крупицъ ученической кухни. Е. Я-чъ черезъ брацлавскаго исправника выписываетъ „гицеля" и устраиваетъ подъ самыми окнами своего заведенія облаву. Какъ должно было отразиться въ нѣжной душѣ дитяти это ужасное звѣрство человѣка, эта возмутительная картина избіенія ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ остервенѣлымъ гицелемъ, гонявшимся за ними по гимназическому двору съ желѣзнымъ крюкомъ и окровавленной булавой.

Но вотъ приближался высокоторжественный день 6 декабря—день тезоименитства Императора Николая I. По суетливой бѣготнѣ и озабоченнымъ физіогноміямъ приближенныхъ директора можно было догадаться, что готовится какое-то небывалое зрѣлище. Запершись въ особой комнатѣ ученической больницы, надзиратель Мальцевъ, вмѣстѣ съ учителемъ рисованія, день и ночь работаютъ надъ транспарантами и цвѣтными фонариками. Е. Я—чъ призывалъ къ себѣ двухъ семиклассниковъ братьевъ Ребинскихъ и приказалъ имъ изготовить для предстоящаго торжества рѣчи. Въ одной изъ самыхъ большихъ залъ Общихъ квартиръ по цѣлымъ днямъ вощатъ полы, бѣлятъ потолки и т. д. И вотъ, наканунѣ самаго торжества за мной присылаетъ директоръ. Какъ словесныхъ дѣлъ мастеръ, я обя-

занъ былъ выправить двѣ ученическія рѣчи. Просмотрѣвъ ихъ тутъ же, въ директорскомъ кабинетѣ и не найдя въ сихъ юныхъ твореніяхъ никакихъ погрѣшностей ни противъ грамматики, ни противъ логики, я сказалъ, что они годны для произнесенія въ кругу товарищей и наставниковъ. Но рецензіей моей директоръ остался крайне недоволенъ и приказалъ мнѣ взять эти рѣчи на домъ и просмотрѣть ихъ со всею тщательностію и должнымъ вниманіемъ, какого заслуживаютъ они по своему назначенію. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ вдохновить ораторовъ болѣе возвышенными патріотическими чувствами. Просмотрѣвъ эту новую редакцію, Е. Я—чъ остался доволенъ. „Ну вотъ и хорошо, что вы меня поняли, а то думали отдѣлаться грамматическими ошибками“ [1]).

День 6 декабря начался тѣмъ, что въ 8½ часовъ мы собрались въ полной парадной формѣ въ гимназію и оттуда цѣлой коллегіей, подъ предводительствомъ инспектора, двинулись въ квартиру директора поздравить съ высокоторжественнымъ днемъ. Застали мы его сидящимъ на диванѣ и сіяющимъ праздничной физіогноміей. При входѣ нашемъ, онъ слегка приподнялся и пригласилъ всѣхъ садиться на указанныхъ мѣстахъ: инспектору на диванѣ, рядомъ съ собой, а учителямъ на стульяхъ; надзиратели же въ это время, не входя въ гостинную, толклись въ первой комнатѣ. Спросивъ, ни къ кому особенно не обращаясь, о погодѣ и получивъ отъ инспектора въ отвѣтъ, что погода, слава Богу, ничего, директоръ поднялся съ дивана, а затѣмъ, какъ по манію волшебнаго жезла, встали и гг. наставники, едва лишь успѣвшіе размѣститься по стульямъ въ маленькой гостинной. Затѣмъ въ треуголкахъ пошли въ церковь, а изъ церкви къ почетному попечителю гр. Потоцкому, который въ торжественные дни приглашалъ насъ на обѣдъ или на музыкальный вечеръ.

Въ памятный день 6 декабря съ солнечнымъ закатомъ приступлено было къ установкѣ транспарантовъ съ вензелями

---

[1]) Рѣчи эти напечатаны въ приложеніяхъ къ юбилейной запискѣ о Немировской гимназіи 1838—1888 г.

Н. и А., между коими (какая невообразимая дерзость!) красовался вензель самого Зимовского: три ярко освѣщенныя буквы: Е. Я. З., увѣнчанныя лаврами. Графъ прислалъ воспитанникамъ цѣлый пудъ конфектъ и собственный оркестръ музыки, но этимъ не отдѣлался.

Въ самый разгаръ торжества директоръ ѣдетъ въ палацъ съ приглашеніемъ Его Сіятельства осчастливить своимъ посѣщеніемъ „дѣтскій праздникъ". Графъ пріѣхалъ со своими гостями. Оставшись въ залѣ, гдѣ танцовали ученики, онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ смотрѣлъ на веселившуюся молодежь; гости тоже были довольны. Какъ вдругъ... лица ихъ омрачились: по данному директоромъ знаку двери сосѣдней комнаты раскрылись, и изумленнымъ взорамъ публики представилась такая картина: подъ царскимъ портретомъ, ярко освѣщеннымъ свѣчами, стоитъ каѳедра, а на каѳедрѣ въ живописной позѣ стоитъ молодой ораторъ Н. Ребинскій съ сверткомъ въ рукѣ. Е. Я—чъ приглашаетъ гостей, прослушать рѣчь. Volens-nolens, а попавшіе въ ловушку паны должны были покориться необходимости и выслушать рѣчи молодыхъ ораторовъ на патріотическія темы.

Просвѣтительная дѣятельность директора З—го не ограничивалась воспитанниками ввѣреннаго ему заведенія; она простиралась и на ихъ родителей и родственниковъ.

Какъ извѣстно, поляки считаютъ себя народомъ болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ мы русскіе. Въ обхожденіи съ людьми, даже съ такими, которымъ они не симпатизируютъ, они соблюдаютъ изысканную вѣжливость, требуя въ то же время, чтобы и съ ними обходились такимъ же образомъ. Полякъ иногда не обидится за самую горькую правду, если только она будетъ облечена въ деликатную форму: позлащенная пилюля глотается охотнѣе. Напротивъ, онъ не проститъ вамъ самой пустой вещи, если вы въ обхожденіи съ нимъ забудете коренное правило свѣтской вѣжливости—васъ назовутъ варваромъ, брусомъ. „Сдѣлай мнѣ какую ни на есть пакость (какъ бы думаютъ они), но

будь со мной grzecznym i delikatnym. Оффиціальнаго тона нашихъ администраторовъ, нерѣдко граничащаго съ грубостію, но хорошо усвоеннаго чиновничьей рутиной, поляки тоже не могутъ или не хотятъ понимать, требуя отъ всякаго лица, какое бы положеніе оно ни занимало въ чиновной іерархіи, общеевропейскихъ формъ общежитія.

Нашъ Е. Я—чъ, какъ видно, прежде всего задался мыслію искоренить эти шляхетскія черты, пріучивъ подольскую интеллигенцію къ суровой простотѣ русскихъ нравовъ и противному для шляхетскаго гонора чинопочитанію, игнорируя польскую поговорку: Szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie! Но лучше всего обратимся къ фактамъ.

Одинъ панъ, пріѣхавъ въ Немировъ для опредѣленія дѣтей въ гимназію и наслышавшись о грубомъ обращеніи директора съ посѣтителями, рѣшился послать къ нему свою супругу, руководясь тѣмъ простымъ соображеніемъ, что съ дамой онъ не будетъ невѣжливымъ. Вѣруя во всемогущество польской женщины вообще и своей очаровательной Зоси въ особенности, панъ думалъ, что она своими прелестями и умомъ смягчитъ суроваго москаля, но увы! барынька напрасно потратила время за туалетомъ: директоръ вышелъ къ ней, по обыкновенію, въ своемъ балахонѣ въ пріемную (или точнѣе, въ переднюю) и, не давши ей докончить начатаго комплимента, сухо спросилъ; „что вамъ угодно?“ и не узнавши въ чемъ дѣло, присовокупилъ: подайте прошеніе; экзаменъ въ 5 часовъ.“ Повернулся и ушелъ въ другую комнату, не поклонившись.

Пришелъ въ директорскую канцелярію старый почтенный господинъ—внесть плату за содержаніе сына въ общей квартирѣ. Пересчитавъ полученныя отъ него деньги, письмоводитель сказалъ, что деньги не всѣ, что слѣдуетъ доплатить еще столько-то рублей, такъ какъ плата, по случаю дороговизны продуктовъ, увеличена. Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты влетаетъ директоръ и, подавая этому господину бумагу, говоритъ:

— Читайте, здѣсь объ этомъ написано.

Помѣщикъ достаетъ изъ кармана очки и медленно надѣваетъ ихъ. Въ это время З—й бьетъ его бумагой по носу,

приговаривая: „поскорѣй, поскорѣй, надѣвайте свои очки да получше всмотритесь въ то, что здѣсь написано! Старикъ, внѣ себя отъ бѣшенства, отскочилъ на нѣсколько шаговъ назадъ и, уходя изъ канцеляріи, промолвилъ:

— Жалко, что у меня дѣти, я бы съ тобой, раздѣлался иначе!...

Во время пріемныхъ экзаменовъ какой-то панъ опоздалъ явиться въ квартиру директора съ прошеніемъ, а пришелъ прямо въ залу, гдѣ производились уже экзамены. Увидѣвъ вошедшаго въ залу господина съ двумя очень красивыми мальчуганами, Е. Я—чъ выразительнымъ жестомъ остановилъ его у порога и, подойдя къ нему, взялъ прошеніе, не отвѣтивъ на поклонъ и не сказавъ ни слова. Пробѣжавъ глазами просьбу и пересмотрѣвъ документы, онъ обратился къ просителю съ вопросомъ:

— Это ваши дѣти?

— Мои, г. директоръ.

— Собственные?...

Но на такой вопросъ отвѣчать словами панъ не нашелся; онъ только стиснулъ зубы, поблѣднѣлъ и нервно сжалъ кулаки. З—й, по инстинкту самосохраненія, быстро повернулся и отошелъ къ столу.

Но мало того, что этотъ грубіянъ оскорбляетъ родителей своихъ учениковъ, онъ старался уронить ихъ въ глазахъ собственныхъ дѣтей, подмѣчая въ нихъ смѣшныя стороны и передразнивая ихъ публично въ классѣ, въ присутствіи учениковъ. Надобно замѣтить, что нашъ премьеръ предъявлялъ большую претензію на комическій талантъ, кривляясь и паясничая передъ воспитанниками и копируя манеры, походку, даже голосъ какого нибудь оригинала машродзея, въ которомъ сидящій тутъ же юноша узнавалъ своего отца, дядю и др.

Входитъ однажды ко мнѣ въ классъ директоръ и начинаетъ паясничать. На сей разъ онъ старался изобразить нѣкоего пана Гуйскаго, который имѣлъ слабость, или просто привычку старомоднаго господина, одѣваться джентльменомъ: вѣчно надушенный и завитой, съ блестящими запонками и брелоками,

пряжками на башмакахъ и т. п., онъ напоминалъ своею фигурой и своими утонченными манерами маркиза XVIII столѣтія. Его-то нашъ комикъ и хотѣлъ представить въ каррикатурѣ, обративъ классъ въ театральную сцену, а учениковъ (между которыми сидѣлъ, понурившись, и сынъ изображаемаго лица—будущій скульпторъ Марцелинъ Гуйскій) въ зрителей. Прибѣжалъ же директоръ въ гимназію тотчасъ послѣ сдѣланнаго ему визита его отцомъ.

На сходствѣ двухъ соплеменныхъ языковъ русскаго и польскаго нашъ комикъ построилъ не мало своихъ шутовскихъ выходокъ. Съ этою цѣлію онъ завелъ особую тетрадь, куда вписывалъ выхваченныя изъ разговорнаго языка, какимъ въ то время объяснялись наши поляки съ русскими, слова и выраженія. Съ этой тетрадкой онъ носился по классамъ, мѣшая преподавателямъ и предлагая ученикамъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ:

— Когда у кого голова заболитъ, какъ говорятъ дураки?

— Я боленъ на голову, отвѣчаютъ хоромъ ученики.

— А какъ говорятъ умные люди?

— Боленъ головою.

— А когда трясетъ лихорадка, какъ говорятъ дураки?

— Я боленъ на лихорадку.

— А какъ говорятъ умные? и проч.

Конечно, собраніе полонизмовъ вещь чрезвычайно полезная, особенно для преподавателя русскаго языка въ Юго-западномъ краѣ того времени; я и самъ заботился о пополненіи директорской тетрадки извлеченными изъ ученическихъ сочиненій словами и оборотами; но мнѣ страшно надоѣдалъ директоръ, не переставая носиться со своею тетрадкой, въ которой года черезъ три моего преподаванія не было уже никакой надобности.

Издѣваясь надъ польскимъ языкомъ, премьеръ нашъ не оставлялъ безъ вниманія и обрядовъ римско-католической религіи. Сопоставляя наши церковно-славянскія слова съ польскими, онъ находилъ ихъ святотатственными, а нѣкоторые обряды театральными.

Гордости, высокомѣрію, самохвальству З—го не было ни мѣры, ни предѣловъ, такъ что я не разъ задавался вопросомъ:

не близокъ ли онъ къ помѣшательству: это была настоящая *манія величія.*

Получивъ чинъ статскаго совѣтника и не дождавшись формальнаго поздравленія отъ подчиненныхъ съ монаршею милостію, онъ прямо съ почты побѣжалъ по классамъ звонить во весь народъ о своемъ повышеніи чиномъ.

Однажды послѣ бани, Е. Я—чъ зашелъ въ общія квартиры и, собравши воспитанниковъ въ кружокъ (по солдатски), началъ имъ показывать обнаженныя выше локтя руки и грудь.

— Каково? спрашиваетъ дѣтей.

Не понявъ сразу, чего хочетъ директоръ, ученики молчали, а онъ бѣсится, повторяя свою любимую фразу: „терпѣть не могу"!

— Эхъ, вы! да этакого чистаго тѣла вы ни у кого не найдете во всей вашей подольской губерніи!

Похваляясь передъ дѣтьми бѣлизною своего грѣшнаго тѣла, З—й любилъ холить его, вытираясь ежедневно, въ подражаніе Чичикову, греческой губкой, любилъ соблюдать чистоту въ одеждѣ, переодѣваясь по нѣсколько разъ въ день. Вздумается ли ему пойти въ гимназію—одѣвается, придетъ домой—раздѣвается и облачается въ свой балахонъ; отправляясь на прогулку, опять одѣвается, воротившишь, переодѣвается. На счетъ пищи онъ былъ порядочный gourment: хорошая сигара, доброе вино, первый сортъ балабухинскаго варенья, истребляемаго имъ цѣлыми банками — составляли неотъемлемую принадлежность его послѣобѣденнаго кэйфа. Гостей онъ принимать не любилъ, да они къ нему неохотно и ходили.

И о чемъ бы ни заговорилъ этотъ себялюбецъ, вездѣ и во всемъ первую роль играло Я. Такъ однажды, бесѣдуя съ воспитанниками о добродѣтели и не умѣя сдѣлать ей точнаго опредѣленія, онъ привелъ примѣръ изъ своей служебной практики:

— Будучи инспекторомъ 2-й кіевской гимназіи, я сшилъ одному бѣдному ученику шинель, не говоря, что я построилъ ее на собственныя деньги: вотъ это добродѣтель!

Отчего бы этому благодѣтелю человѣчества не привесть тутъ же кстати и другого примѣра своей благотворительности—субботнихъ подаяній нищимъ? Бывало, какъ поѣдемъ въ Брацлавъ за деньгами на содержаніе гимназіи, то каждый разъ Е. Я—чъ поручалъ взять, въ казначействѣ самой мелкой монеты: полушекъ и денежекъ, которыми онъ обдѣлялъ по субботамъ слѣпыхъ, хромыхъ и увѣчныхъ, толпами приходившихъ на директорскій дворъ.

На ту-же тему о душевныхъ доблестяхъ Е. Я—чъ завелъ однажды разговоръ и со мной. Узнавъ отъ своихъ агентовъ, что я необинуясь считаю его безсердечнымъ эгоистомъ, человѣкомъ безъ твердыхъ нравственныхъ началъ, онъ хотѣлъ косвенными путями убѣдить меня въ противномъ, высказавъ почти такое сужденіе:

„Человѣкъ безъ сердца, но одаренный умомъ, можетъ поступить по правиламъ добродѣтели, потому что онъ силою своего ума ясно различаетъ добро отъ зла, а сознавая, что дѣлать добро хорошо, а дѣлать зло — худо, онъ естественно выбираетъ лучшее, а не худшее. Сердце, продолжаетъ немировскій моралистъ, глупо, оно можетъ заблуждаться, а умъ—никогда".

Очевидно, такая философія не выдерживаетъ критики.

Для человѣка безъ сердца, какимъ бы умомъ онъ ни обладалъ, выборъ между добромъ и зломъ—немыслимъ: онъ можетъ маскироваться, исполнять въ точности обрядовую сторону нравственности, *сдѣлаться* добрымъ для вида, но внутренняго существа своего измѣнить не можетъ: именно добрые люди, какъ истинные поэты—nascuntur, а Зимовскіе—fiunt.

„Злостному человѣку, говоритъ Шопенгауеръ, такъ же врождена его злость, какъ змѣѣ ядовитые зубы и ея ядовитый пузырь, и онъ также мало можетъ измѣнить свой характеръ, какъ и она свои зубы и свой пузырь".

Всѣмъ сослуживцамъ З—го было извѣстно, что онъ причисляетъ себя къ разряду геніевъ, понимая геніальность какъ-то по своему. Не признавая въ человѣкѣ величія нравственнаго и преклоняясь только предъ силой матеріальной, физической,

онъ не разъ выражалъ мнѣ свое недоумѣніе, отчего какой-нибудь Гете или Шекспиръ считаются геніями? По его мнѣнію, одинъ Наполеонъ былъ настоящій геній. Суворова онъ также уважалъ, перенявъ отъ него даже особую манеру предлагать неожиданные вопросы и требуя на нихъ быстрыхъ отвѣтовъ. Не удовлетворявшихъ его желанію онъ называлъ *немогузнайками*.

— Эхъ, вы! террпѣть не могу немогузнаекъ!

Фанатическій поклонникъ палки и штыка нашъ доморощенный педагогъ никакъ не могъ постигнуть, что истинное величіе состоитъ не въ физической силѣ, а въ мощномъ разумѣ, дарованномъ небомъ для просвѣщенія себя и другихъ, что только генію, воспитывающему умы силою истины, а не тому, кто порабощаетъ людей грубымъ насиліемъ, мы обязаны своимъ уваженіемъ.

Приверженцы З—го считали его если не геніемъ, то человѣкомъ необыкновеннаго ума, сильнаго характера, желѣзной воли, человѣкомъ, одареннымъ рѣдкою способностію разгадывать людей, умѣющимъ найтись въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Изучая втеченіе восьми лѣтъ этотъ „сильный характеръ", этотъ необыкновенный умъ, я, однакожъ, не восчувствовалъ къ нему ни удивленія, ни восторга.

Дѣйствительно, онъ былъ человѣкъ далеко не глупый, но умъ его не былъ тотъ высшій умъ, не теоретическій умъ человѣка всесторонне развитого, а спекулятивный, коммерческій умъ, какимъ обладаютъ Колупаевы и Розуваевы. Что же касается способности „разгадывать людей", то объ немъ можно сказать то, что сказалъ Викторъ Гюго про Наполеона III: „у иныхъ есть даръ провидѣнья, у него—чутье. Это скотское свойство, но оно не обманываетъ".

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ[1]).

По J. Ролле.

II. Подъ польскимъ владычествомъ.

Конечно, въ исторіи не часто случаются политическіе факты, такъ богатые проистекающими изъ нихъ послѣдствіями, какъ была богата ими Люблинская унія 1569 г., связавшая Литовско-Русское и Польское государства въ одно политическое цѣлое.

Бѣдный Вольскій, королевскій дворянинъ, ѣздилъ нѣсколько мѣсяцевъ по Волыни, чтобъ собрать всѣ необходимыя подписи: волынскіе князья и земяне предпочитали подписывать унію на дому. Ясно, что они не слишкомъ-то торопились узаконить этотъ актъ, котораго такъ добивались поляки; но не было замѣтно и сопротивленія. Само-собою разумѣется, что владѣтельному князю, въ родѣ Острожскаго, Люблинская унія ничего не могла прибавить, несмотря на всю полноту шляхетскихъ правъ, какую она несла съ собой, а убавить—она убавляла ужъ однимъ тѣмъ, что низводила его, хотя бы только de jure, на одинъ уровень съ другими, сравнивая въ одномъ общемъ понятіи шляхтича. Но большіе паны уже успѣли втянуться въ интересы польской жизни. Напр., Острожскій былъ женатъ на дочери знаменитаго гетмана Тарновской, которая принесла съ собою на Волынь атмосферу польской культуры, а главное, какъ разъ ко времени Люблинской уніи завязался споръ о громадныхъ наслѣдствен-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 6.

ныхъ имѣніяхъ Тарновскихъ между Острожскими и польскими претендентами: унія расчистила почву для рѣшенія спора въ пользу Острожскаго.

Какъ-бы то ни было, унія была подписана, и такимъ образомъ проведена демаркаціонная линія, которая разбила общество на двѣ части: надъ линіей все было сравнено въ полнотѣ шляхетскихъ правъ,—подъ нею все было погружено въ безправіи. Первой части общества слишкомъ легко было примѣняться къ новымъ условіямъ, второй—слишкомъ трудно. Конечно, до-поры до-времени все оставалось по-старому, по крайней мѣрѣ съ виду. Новыя правовыя нормы стояли пока въ отдаленіи, какъ идеальныя цѣли жизненныхъ стремленій: нельзя было сразу навязать русскому обществу польскихъ понятій о земельной собственности, объ отношеніи хлопа къ пану. Но это должно было сдѣлать время; а пока что, русскіе князья, земяне и бояре пріучались къ своимъ новымъ политическимъ правамъ, сеймикованью и выборамъ пословъ на сеймъ и депутатовъ въ трибуналъ, политическимъ интригамъ, публичному краснорѣчію. Но важнѣйшимъ изъ непосредственныхъ результатовъ уніи былъ не этотъ: за такой результатъ надо, конечно, признать польскую колонизацію.

Дѣло польской исторіи рѣшить, въ силу чего польскій элементъ устремился съ такою энергіей на Украину, какъ только унія уничтожила преграды этому стремленію: для насъ важенъ, конечно, лишь фактъ. Въ томъ же роковомъ 1569 г. состоялась конституція, въ силу которой станы могли раздавать пустыя земли на кресахъ, въ качествѣ „panis bene merentis“ хорошо заслуженнаго хлѣба). Кто же были люди, достойные этого „panis bene merentis?“ Конечно, магнаты. На Волыни не было пустыхъ земель: свои князья давно поразобрали все, что можно было забрать. Полѣсье тоже было занято, да къ тому же и не особенно привлекательно. За то Брацлавское и Кіевское воеводства, по новой польской административной терминологіи,—и въ особенности послѣднее,—представляли запасъ свободныхъ земель, фактически почти неисчерпаемый, еслибъ не польско-магнатскій способъ захватывать земли цѣлыми об-

ластями. Напр., Валентій Калиновскій получилъ въ даръ Уманскую „пустыню“: чтобъ объѣхать ея границы, надо было скакать на добромъ конѣ нѣсколько дней. Но главную притягательность для захвата представляла собою бывшая Кіевская земля съ ея необъятной территоріей, неопредѣленно уходящей въ дикія степи, съ ея благодатной почвой и слабой, спорадической населенностью. Кіевскія окраины, переходящія съ лѣваго берега Днѣпра на правый, составляли какъ-бы цѣлый поясъ огромныхъ королевщинъ, отдѣляющихъ Польское государство отъ остального свѣта: любецкое, остерское, переяславское, каневское, черкасское, корсунское, богуславское и бѣлоцерковское. Поляновскимъ миромъ предѣлы его были еще расширены на счетъ Сѣверской земли. Заднѣпровскія земли пошли почти всѣ въ однѣ руки—Іереміи Вишневецкаго, владѣнія котораго занимали всю теперешнюю Полтавскую и большую часть Черниговской губ. Но это имѣло мѣсто уже въ концѣ разсматриваемой эпохи; да и о территоріи лѣвобережной Украины мы упомянули лишь ради иллюстраціи. Вообще, надо сказать, что общее стремленье крупныхъ польскихъ пановъ захватывать себѣ земли на Украинѣ обнаружилось въ полной силѣ лишь нѣсколько позднѣе; пока же разбирали королевщины, или просто пустыя урочища, польскіе магнаты, на первомъ планѣ: Конецпольскіе, Калиновскіе, Сенявскіе, Замойскіе, а частью тѣже волынскіе князья—Острожскіе, Вишневецкіе, Заславскіе, Збаражскіе.

Польскіе магнаты приводили съ собою на Украину и мелкую служебную шляхту—это не могло быть иначе. Но шляхта эта стремилась сюда и самостоятельно, стремилась неудержимо еще и до того, какъ магнаты развернули во всю ширину свою колонизаціонную дѣятельность. Изъ Великой Польши, Силезіи, Поморья тянулась на благодатный украинскій югъ „загоновая“ шляхетская бѣднота, влекомая увѣренностью, что стоитъ ей добраться до мѣста, а тамъ уже ее ждутъ, если не богатство, то довольство. И въ самомъ дѣлѣ, земли было сколько угодно, и какой земли! Но тѣмъ не менѣе не такъ-то легко было извлечь что-нибудь изъ земли такому шляхтичу, у котораго былъ только конь да сабля. И если его не выручалъ какой-

нибудь случай—выгодная женитьба, участіе въ удачной военной экспедиціи въ Молдавію, противъ татаръ,—то ему ничего не оставалось, какъ пристать къ какому-нибудь панскому двору и выжидать панской ласки. Конечно, можно было и не дождаться этой ласки, и тогда шляхтичъ увеличивалъ собою массу недовольныхъ, безпокойныхъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ и потому всегда на все готовыхъ элементовъ, которыхъ безъ того въ избыткѣ выдѣляла украинская жизнь. Панская же ласка давала возможность шляхтичу „врости въ землю“; за „врosненьемъ“ слѣдовало занятіе мелкихъ урядовъ, затѣмъ покрупнѣе—и новый шляхетскій родъ вступалъ на дорогу роста, который шелъ иногда, на тучной украинской почвѣ, въ ея исключительныхъ условіяхъ, съ поразительной быстротой. Выростало, случалось, такимъ образомъ даже и настоящее магнатство, напримѣръ: Яблоновскіе. Но была и средина между магнатомъ, который представлялъ собою колесо политическаго механизма и въ качествѣ частицы государственной силы какъ-бы завоевывалъ новую территорію, и описаннымъ выше шляхетскимъ голышемъ, искателемъ фортуны. Средину эту занималъ предпріимчивый шляхтичъ, которому или не везло на родинѣ, или который былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и не видѣлъ возможности его измѣнить на старомъ пепелищѣ. Онъ продавалъ свое имущество или отдавалъ его „въ державу“, забиралъ съ собою деньги и отправлялся на Украину, имѣя съ чѣмъ осѣсть на новомъ мѣстѣ. Оглядѣвшись, онъ отправлялся къ какому-нибудь пану и просилъ уступить ему кусокъ земли. Тотъ, конечно, не отказывалъ, такъ какъ пустой земли лежало сколько угодно, а непосредственныя выгоды отъ уступки ясны: взявшій землю позаботится о томъ, чтобъ на ней были люди, сначала хоть дворовая челядь, а потомъ и земледѣльческія хозяйства, и такимъ образомъ, земля получитъ цѣнность, которой у нея не было; притомъ же, такой шляхтичъ есть во всякомъ случаѣ лишняя вооруженная единица. Но иногда шляхтичъ бралъ не пустую землю, а населенную; въ такомъ случаѣ онъ вручалъ пану деньги, какъ-бы помѣщая у него свой капиталъ, и начиналъ хозяйничать на землѣ, сбиралъ доходъ

отъ населенія въ видѣ процентовъ на этотъ капиталъ. Это называлось „заставнымъ державствомъ“. Кромѣ того, осѣдало на Украинѣ много шляхты изъ военныхъ людей, заходившихъ сюда съ войскомъ, ротмистры, поручики, намѣстники, товарищи хоругвей, иногда остававшіеся здѣсь подолгу „на лежахъ“: ознакомившись съ мѣстными условіями и оцѣнивши всѣ ихъ выгоды, эти военные люди часто обзаводились осѣдлостью.

А было еще и то, что изъ Польши просто бѣжали или укрывались на Украину преступники, преслѣдуемые закономъ, должники отъ кредиторовъ, боящіеся чьей-нибудь мести. Но обыкновенно кто бы и какъ ни попадалъ на Украину, онъ сживался съ своей новой родиной и не стремился уже назадъ: слишкомъ много было здѣсь привлекательнаго для всякаго, у кого разъ хватило рѣшимости порвать съ насиженнымъ гнѣздомъ.

За шляхтой тянулось и католическое духовенство, никогда не забывающее о своей просвѣтительной и душеспасительной миссіи.

И такъ, Люблинская унія снесла плотину, разгораживавшую Польшу отъ Литовско-русскаго государства, и на Украину хлынула польская волна. Конечно, бѣда была не въ волнѣ: Украина была такъ обширна, мало населена и богата естественными своими богатствами, что ей ничего не стоило пріютить и прокормить и гораздо большую по численности массу людей. Дѣло въ характерѣ этой волны: вѣдь все это была шляхта, т. е. классъ людей, предполагавшій собою существованіе другого класса—хлопскаго, который долженъ его кормить. А между тѣмъ, кметей изъ Польши не шло совсѣмъ или почти совсѣмъ. Такимъ образомъ, нахлынувшая шляхта вся должна была какъ-то прокармливаться и рости на счетъ наличнаго земледѣльческаго русскаго населенія. Но это послѣднее, естественно, не было расположено увеличивать своей тяготы, а отъ насилія имѣло возможность укрываться въ степяхъ. Ясно, что съ наплывомъ польской шляхты въ условіяхъ украинской жизни произошло измѣненіе, невыгодное для ея равновѣсія. Часть шляхты, приспособляясь къ условіямъ, садилась на землю и начинала сама лично заниматься земледѣліемъ, и въ концѣ концовъ „хлопѣла“

и „русѣла“. Но это не могла быть значительная часть: для этого поляки были слишкомъ проникнуты чувствомъ своей высшей культурности, а также и сознаніемъ политическаго верховенства своихъ соціальныхъ принциповъ.

Люблинская унія, какъ извѣстно, не налагала никакихъ стѣсненій по отношенію къ русской народности, ея языку, ея религіи: первымъ стѣсняющимъ актомъ по отношенію къ религіи была Брестская унія 1596 г.; а языкъ и другіе элементы національности пока не подвергались никакимъ ограниченіямъ. Но вліяніе польской культуры начало обнаруживаться уже тогда, когда не было рѣчи ни о какихъ насильственныхъ воздѣйствіяхъ. Обнаружилось оно, конечно, лишь на высшемъ классѣ русскаго населенія, на тѣхъ, кто получилъ права польской шляхты, и сначала тамъ, гдѣ русскіе земяне были слабѣе численно и поставлены въ зависимость отъ польскихъ магнатовъ. Такъ напр., слѣды такого ополяченія мы замѣчаемъ у земянъ Брацлавщины, которые находятся подъ вліяніемъ Потоцкихъ и Конецпольскихъ, захватившихъ почти все такъ называемое побережье. По крайней мѣрѣ, на такое ополяченіе намекаютъ эти прозвища, передѣланныя на польскій ладъ и иногда изобличающія довольно странную и какъ-бы юмористическую фантазію, въ родѣ напр. „Дзика (кабана) де Свиняны“, извѣстнаго сподвижника Стефана Хмелецкаго. Но тамъ, гдѣ русское населеніе не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскаго, какъ напр. на Волыни, земяне обнаруживаютъ пока большую привязанность къ своимъ національнымъ особенностямъ. Къ тому же у нихъ были братства, которыя волынскіе князья и земяне горячо поддерживали; были, наконецъ, такіе столпы народности, какъ князь Василій Острожскій со всѣми его просвѣтительными учрежденіями, какія онъ устраивалъ въ Острогѣ, русской типографіей, академіей, семинаріей и школами. Но какъ непрочны были эти столпы, видно изъ того, что когда, напр., Острожскій женился на Тарновской, въ брачное условіе было внесено, что сыновья будутъ слѣдовать религіи своего отца, а дочери—матери; а старшій сынъ Острожскаго Янушъ съ юныхъ лѣтъ оказался ревностнымъ католикомъ. Очень ин-

тересенъ для характеристики тогдашняго положенія Волыни, этого главнаго центра русской народности, одинъ документъ. Это завѣщаніе богатаго землянина волынскаго Загоровскаго, состоявшаго въ родствѣ съ княжескими домами, который попадаетъ въ плѣнъ къ татарамъ и оттуда, изъ Крыму, дѣлаетъ нѣкоторыя распоряженія на счетъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Онъ приказываетъ устроить въ своемъ имѣніи церковь по образцу той, какую у себя устроилъ князь Курбскій, а при ней, такъ же, какъ и при другой церкви во Владимірѣ, по шпиталю, каждый на 20 человѣкъ; но главнѣйшая его забота о дѣтяхъ, сыновьяхъ. Загоровскій горячо умоляетъ опекуновъ позаботиться, чтобы дѣти не забыли „своего русскаго письма, своего русскаго языка, честныхъ и покорныхъ русскихъ обычаевъ, а главнѣе всего своей вѣры"; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказываетъ отослать дѣтей въ Вильно „до іезуитовъ, потому что хвалятъ тамошнюю добрую методу преподаванія", и выражаетъ желаніе, чтобы они оставались въ обученіи, не выходя ни на минуту изъ школы, втеченіе 7 лѣтъ, потому что только такимъ образомъ они могутъ, по его мнѣнію, какъ слѣдуетъ „отполироваться". Можно представить себѣ, что могло остаться изъ народныхъ традицій у этихъ русскихъ мальчиковъ послѣ семи лѣтъ іезуитской полировки.

Но пока еще ополяченіе не связывалось необходимо съ католичествомъ, за которымъ не стояло насиліе въ видѣ государственнаго воздѣйствія. Политика Стефана Баторія, какъ и политика Ягеллоновъ, была свободна отъ религіозной нетерпимости; все это принесло съ собою лишь несчастное царствованіе Сигизмунда III, да и то не сразу. Мало того: положеніе вещей въ самомъ польскомъ обществѣ было такое, что польская культура, являясь на Украинѣ во второй половинѣ 16-го в., привлекала къ себѣ симпатіи высшаго класса русскаго общества главнымъ образомъ религіознымъ раціонализмомъ, который она несла съ собою, въ видѣ лютеранства, кальвинизма, социніанства съ ихъ разными толками и сектами. А какъ мало было въ этомъ слагающемся молодомъ украинскомъ обществѣ съ его неперебродившими и неустоявшимися элементами ре-

лигіознаго фанатизма видно изъ того, что мелкая католическая шляхта, наново селившаяся здѣсь, крестила дѣтей, совершала вѣнчанья, похороны въ православныхъ церквахъ, такъ что понадобилось особое распоряженіе Баторія, запрещающее православному духовенству подъ угрозой большого штрафа исполнять требы для католиковъ; а съ другой стороны, низовые козаки безъ малѣйшихъ затрудненій принимали католиковъ въ свое общество.

Религіозный раціонализмъ, занесенный изъ Польши, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ на Украинѣ. И при томъ надо замѣтить, что здѣсь распространялись болѣе крайнія секты. Кальвинизмъ не выходилъ за предѣлы Подолья, гдѣ его прививалъ Янъ Потоцкій, устроившій въ Паніовцахъ Кальвинскую академію; въ русскихъ же украинскихъ областяхъ находили горячихъ сторонниковъ социніане, аріане, антитринитаріане—все крайнія секты, не останавливавшіяся передъ „demoliendum dogma Trinitatis“. Главными очагами аріанской пропаганды были Краковъ и Люблинъ: отсюда аріанство расходилось, изъ одного панского двора въ другой, по Волыни, заходило въ пустынное еще кіевское воеводство, забиралось и въ полѣсскія пущи. Украинская шляхетская молодежь ѣздила учиться въ Краковскую академію, которая могла соперничать съ іезуитскими школами какъ въ изученіи классическихъ языковъ, такъ и діалектики. Но на Волыни появилась и своя аріанская школа въ Киселинѣ, которая нѣсколько позже выросла до степени академіи; такая же школа была въ Хмѣльникѣ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ, въ средней Волыни, по направленію отъ Киселина къ Житомиру, при панскихъ дворахъ были аріанскія каплицы, а при нихъ и низшія училища. Въ Кіевскомъ воеводствѣ сдѣлался главнымъ покровителемъ аріанства старый русскій земянскій родъ Немиричей; на Волыни—Чапличи. Въ качествѣ ихъ сторонниковъ выступаетъ множество и польско-шляхетскихъ, и чисто русскихъ земянскихъ родовъ.

Но, конечно, какъ до Брестской уніи, такъ и послѣ нея, старое православіе, восточнаго обряда, составляло все-таки пре-

обладающую религію русскаго населенія, между прочимъ, и русской шляхты.

Оставимъ однако пока въ сторонѣ тѣ интеллектуальныя воздѣйствія, которыя принесла съ собою польская колонизація, а остановимся на ея ближайшихъ практическихъ результатахъ. Результаты эти, по нашему мнѣнію, группируются около двухъ фактовъ.—Первымъ изъ нихъ надо считать усиленіе защиты.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый отдѣльный шляхтичъ, прибывшій на Украйну, представлялъ собою вооруженную и опытную въ военномъ дѣлѣ единицу; каждый осѣвшій на землѣ шляхтичъ былъ маленькимъ организаціоннымъ пунктомъ защиты. Болѣе же энергичные изъ магнатовъ организовали защиту умѣло и на широкую ногу. Возьмемъ, напр., хоть-бы Замойскихъ. Замойскіе тоже перебрались съ Подолья на русскую Украину и принялись за колонизацію своихъ огромныхъ имѣній со страстнымъ увлеченіемъ. Но успѣхъ колонизаціи, конечно, зависѣлъ самымъ тѣснымъ образомъ отъ успѣха защиты, и организація защиты была у нихъ поставлена превосходно. Отъ Паволочи до Тарнополя, на страшно растянутой линіи ихъ земель, гдѣ раскидано было до 110 мѣстечекъ и около 200 деревень, имъ принадлежащихъ, постоянно дѣйствовалъ сторожевой отрядъ, въ 600—800 человѣкъ, организованныхъ по-козацки. Отрядъ этотъ находился подъ предводительствомъ такого тонкаго знатока и необычайно энергическаго человѣка, какъ Стефанъ Хмелецкій, который всю жизнь проводилъ въ степи верхомъ на конѣ и былъ здѣсь, какъ у себя дома, который умѣлъ угадывать безошибочно по полету птицы, по всполошенному звѣрю, не только то, что приближается чамбулъ, но и какъ онъ великъ, далеко-ли онъ и т. п. Конечно, такая организація защиты требовала большихъ жертвъ со стороны владѣльца: Томасъ Замойскій съ королевскою щедростью предоставилъ Хмелецкому цѣлую волость „въ ласкавую (безплатную) державу“, не говоря уже о громадныхъ прочихъ расходахъ такого хозяйничанья на государственную ногу. Если прибавить къ этимъ панскимъ заботамъ то обстоятельство, что теперь на Украинѣ должно было постоянно пребывать кварцяное войско съ польнымъ гетманомъ, то ясно,

какъ должна была выиграть Украина, особенно если припомнимъ, что гетманами, многіе годы дѣйствовавшими на Украинѣ, были такіе люди, какъ Жолкѣвскій и Конецпольскій. Немудрено, что и на дѣйствіяхъ татаръ какъ-бы отражается вліяніе измѣняющихся условій: они, повидимому, начинаютъ воздерживаться отъ постоянныхъ нападеній небольшими чамбулами, а снаряжаютъ уже цѣлыя военныя экспедиціи, формальные походы.

Вторымъ важнымъ фактомъ, вытекшимъ изъ колонизаціи, является чрезвычайный и трудноудовлетворяемый спросъ на хлопа, на рабочія руки. Надо было привлекать населеніе какими-то особенными мѣрами, приманкой полной безопасности, чрезвычайными льготами, въ родѣ свободы отъ всякихъ повинностей на многіе годы, обѣщаніемъ матеріальной помощи, напр.—постройки хорошихъ хатъ и проч., наконецъ, даже магдебургскимъ правомъ. Приходилось смотрѣть сквозь пальцы на сомнительное прошлое этихъ хлоповъ, даже прикрывать ихъ передъ закономъ: по-крайней мѣрѣ на Яна Замойскаго внесена была жалоба въ сеймъ, что „онъ имѣнія свои осадилъ бѣглецами и гультяями съ удивительными и неслыханными вольностями. Да и что же оставалось дѣлать такому украинскому владѣльцу, одолѣваемому колонизаторской горячкой? Бывало и еще хуже: владѣльцы побезцеремоннѣе просто переманивали хлоповъ у сосѣдей, а случалось, при враждѣ и насильственно ихъ переводили, позабравши въ плѣнъ, а такихъ плѣнниковъ придерживать приходилось иногда и угрозой пытки и казни.

Но русская жизнь въ лицѣ козачества сама выработала себѣ защиту, которая имѣла крайне непріятное для шляхетства свойство вбирать въ себя, съ большою интенсивностью, хлопство, рабочія руки. Отсюда непріязненное отношеніе польскаго строя, начинавшаго обхватывать собою Украину, къ козачеству было неизбѣжнымъ. Тотъ или другой отдѣльный магнатъ, гетманъ, уже не говоря о рядовой шляхтѣ, могъ питать самыя дружескія чувства къ козачеству—въ общей враждѣ къ невѣрному востоку была благодарная почва для такихъ чувствъ, но общія условія въ концѣ концовъ должны были взять верхъ надъ личными симпатіями и частными отношеніями.

Въ одномъ мѣстѣ степей, какъ уже было сказано выше, козачество успѣло сложиться въ организацію съ чертами политическаго характера. Это было на южныхъ границахъ Кіевскаго воеводства,—на днѣпровскихъ островахъ, за порогами, на такъ называемомъ Низу или Запорожьѣ. Къ этому пункту тяготѣли всѣ козацкіе элементы, разбросанные по русской Украинѣ, кромѣ, конечно, козацкихъ милицій, содержимыхъ крупными владѣльцами при своихъ дворахъ, милицій, не имѣвшихъ ничего общаго съ настоящими козаками, кромѣ названія и нѣкоторыхъ военныхъ пріемовъ.

Нельзя назвать точно времени, къ какому слѣдуетъ пріурочить возникновеніе козацкаго Низоваго, т. е. Запорожскаго „братства“: повидимому, къ началу 16-го в. оно уже существовало. По крайней мѣрѣ, документы этой эпохи упоминаютъ о низовыхъ козакахъ, которые появляются со своими товарами на рынкахъ г. Кіева и гуляютъ тамъ. Вѣроятно, только незначительная часть козаковъ оставалась постоянно на островахъ; большинство расходилось зимой по Украйнѣ: извѣстно, что масса низовцевъ проживала въ Брацлавщинѣ.

Писатели польскіе той эпохи, Папроцкій и Бѣльскій, отзываются о козакахъ съ большимъ сочувствіемъ: они удивляются ихъ рыцарскому духу, ихъ неутомимости въ борьбѣ съ невѣрными. Повидимому, никакого племенного или религіознаго антагонизма между козацкимъ братствомъ и польскимъ элементомъ сначала нѣтъ и тѣни. Сыновья русскихъ князей и земянъ, какъ и подольскихъ магнатовъ, одинаково ѣздятъ на Запорожье, чтобы обучаться тонкостямъ „татарскаго танца.“

Низовцы добровольно приглашаютъ въ гетманы Самуила Зборовскаго, сына одного изъ могущественнѣйшихъ польскихъ магнатскихъ родовъ, и вопросъ о разновѣрьи не выступаетъ ни малѣйшимъ намекомъ во всей эпопеѣ его козацкихъ похожденій. Польскій шляхтичъ, являясь на Запорожье, долженъ былъ оставить дома свой гербъ, свое фамильное имя, прибрать себѣ прозвище, приличное его новой демократической средѣ, а дальше уже дѣло шло лишь о его мужествѣ, выносливости, преданности общимъ интересамъ. Такъ было до-поры до-времени.

Могло-ли государство относиться безразлично къ новому политическому тѣлу, возникающему на его границахъ, поддерживающему съ нимъ постоянныя сношенія и, такъ сказать, питающемуся соками своей метрополіи? Очевидно, нѣтъ. Въ видахъ внѣшней политики, Стефанъ Баторій могъ дѣлать туркамъ такое объясненіе относительно козаковъ: „Это горстка разноплеменныхъ бродячихъ людей, не имѣющихъ ни постоянной осѣдлости, ни права, и ни отъ кого не зависящихъ.“ Но потребностямъ внутренней политики не могла удовлетворять такая формулировка. Пока еще государство оставалось литовско-русскимъ, уже и тогда чувствовалась необходимость какъ-нибудь урегулировать козачество; но вызванное Люблинской уніей обострѣніе отношеній сдѣлало эту необходимость жгучей. Однако, положеніе вещей было такъ сложно, что остановиться сразу на какомъ-нибудь рѣшеніи было невозможно, и вѣсы польской политики долго колебались. Украина не могла быть подчинена польскому общественному строю до тѣхъ поръ, пока существовало козачество въ его старомъ видѣ—это ясно, какъ не менѣе ясно было и то, что козачество составляло такой барьеръ отъ татаръ, снести который едва-ли было возможно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рискованно. Тѣ самые паны, которые постоянно страдали отъ того, что хлопъ выскальзывалъ у нихъ изъ рукъ, оставляя невоздѣланными ихъ роскошныя нивы, рука объ руку съ этимъ окозаченнымъ хлопомъ дѣлали погони за татарами, садили господарей на молдавскій тронъ и такимъ образомъ невольно воспитывали въ себѣ симпатію и уваженіе къ нему. Но въ концѣ концовъ одна чашка вѣсовъ дожна была неизбѣжно перетянуть: выработался такой взглядъ на положеніе дѣлъ, что козаки вредятъ государству, такъ какъ дразнятъ постоянными нападеніями татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и турокъ—своимъ вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла. Можетъ быть, кое-что въ этомъ взглядѣ слѣдуетъ приписать и близорукости варшавскаго кабинета. Варшавскіе политики, слишкомъ удаленные отъ мѣста дѣйствія, могли и серьезно себѣ представлять, что безъ вызова со стороны козаковъ татары будутъ удовлетворяться „упоминками“, которые ежегодно шли отъ поль-

скаго двора въ Крымъ. Они могли и не соображать, что одно удачное нападеніе доставляло татарамъ въ нѣсколько разъ больше выгоды, чѣмъ 15,000 червонныхъ золотыхъ вмѣстѣ съ златоглавыми и адамашками, луньскими и иными сукнами,—соболями, куницами, лисицами. Да еще и могъ-ли перекопскій царь съ царевичами и мурзами удержать отъ нападеній бѣлгородскихъ, буджакскихъ, очаковскихъ татаръ, т. е. ногайцевъ? А на счетъ молдавскихъ дѣлъ, польскіе политики тоже очевидно забывали, что первый походъ козаковъ въ Молдавію подъ предводительствомъ князя Димитрія Вишневецкаго былъ сдѣланъ по иниціативѣ Польскаго пана Лаского, который разорился на молдавскихъ проэктахъ; а подольскіе магнаты считали молдаскія дѣла чуть-ли не своими собственными. Выработалось убѣжденіе, энергическимъ представителемъ котораго былъ король Стефанъ Баторій, что козачество должно быть преобразовано изъ вольнаго братства въ пограничную стражу, опредѣленнаго комплекта, на постоянномъ жалованьи, съ „старшимъ,“ утвержденнымъ правительствомъ. Всѣ самостоятельныя политическія дѣйствія козачества должны быть строго преслѣдуемы, какъ противозаконныя—и вредящія интересамъ государства.

Первымъ яркимъ проявленіемъ этой точки зрѣнія на козачество надо считать казнь Ивана Волошина или Подковы въ 1578 году.

Кто таковой былъ этотъ Иванъ Волошинъ,—теперь уже возстановить этого не возможно; неизвѣстно даже точно, какъ онъ прозывался—Подковой или Серпягой. Были-ли у него дѣйствительно какія нибудь формальныя права на молдавское господарство въ видѣ родства съ бывшимъ господаремъ Ивоней, которому помогалъ козацкій атаманъ Свирговскій, или онъ былъ просто запорожской креатурой,—однимъ изъ тѣхъ „господарчиковъ,“—самозванцевъ, какіе изготовлялись въ Запорожьѣ—дѣло темное. Несомнѣнно, что онъ былъ родомъ русскій; несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ съ достоинствами. „Всѣ люди того Подкову жалѣли, говоритъ польскій хроникеръ, а король даже не рѣшился казнить его въ Варшавѣ, чтобы не дѣлать непріятности шляхтѣ, собранной на сеймъ, такъ какъ послы (депутаты)

просили за него. Когда же казнили Подкову во Львовѣ, то король распорядился, чтобы войско стояло наготовѣ, и для усиленія его далъ своихъ гайдуковъ, такъ какъ боялся народнаго волненія, которое могли произвести козаки, появившіеся въ большомъ числѣ въ городѣ.

Изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь простымъ бродягою, случайно выдвинутымъ на сцену. Запорожцы сдѣлали двѣ экспедиціи со своимъ атаманомъ Шахомъ, чтобы водворить Подкову на господарствѣ, и это имъ удалось. Но господарствовалъ онъ всего два мѣсяца и долженъ былъ бѣжать назадъ на Украину. Любопытно, что главнымъ организаторомъ этихъ походовъ, повидимому, былъ польскій шляхтичъ Копыцкій; польскіе же магнаты, пограничные староста и воеводы, всѣ эти Бучацкіе, Мелецкіе, Збаражскіе относились ко всему совершающемуся передъ ихъ глазами съ видимымъ участьемъ. Необходимы были рѣшительныя мѣры со стороны столь вообще рѣшительнаго человѣка, какъ Стефанъ Баторій, чтобы побудить воеводу брацлавскаго, въ районѣ котораго расположился Подкова съ запорожцами, выслать Подкову въ Варшаву. Да и то дѣло обошлось безъ всякаго насилія. Подкова самъ охотно отдался въ руки короля, въ надеждѣ на милость: но на короля, раздраженнаго козацкимъ самовольствомъ, сильно напиралъ чаушъ, прибывшій съ укоризненнымъ посланіемъ отъ султана, и посолъ молдавскаго господаря. Итальянецъ Талдучки, очевидецъ, оставилъ подробное описаніе казни Подковы, между прочимъ написалъ и тѣ слова, съ которыми осужденный обратился къ народу передъ казнью. Слова эти очень характерны. „Господа поляки, говорилъ онъ, иду на смерть, не знаю за что, потому что не помню, чтобы я въ жизни сдѣлалъ что-нибудь, заслуживающее такого конца. Хорошо знаю то, что всегда бился храбро и по-рыцарски противъ врага христіанскаго и что всегда трудился на корысть и добро края, желая твердо быть для него стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, такъ, чтобы они въ границахъ своихъ оставались. Ничего больше не знаю, только то, что умираю отъ руки палача, потому что турокъ, поганая собака, велѣлъ это сдѣлать вашему ко-

ролю, своему подданному, и вашъ король тому (палачу) приказалъ. Наконецъ, для меня одного все это не много значитъ, но держите въ памяти, что скоро то, что со мной случилось, и васъ пристигнетъ, и ваше имущество, головы ваши и вашихъ королей будутъ отвезены въ Царьградъ, какъ только та поганая собака прикажетъ".

Какъ все это дышетъ спокойной вѣрой не только въ свою личную правоту, но и въ правоту того дѣла, за которое пострадалъ осужденный. Тѣло его козаки отвезли на Украину. Это былъ первый рѣшительный шагь по роковому пути, который привелъ къ гибели и Польшу, и Украину. Польская политика, у руля которой стоялъ Стефанъ Баторій, начала все сильнѣе и сильнѣе напирать на козаковъ. Король слалъ на Украйну универсалъ за универсаломъ со строгими, стѣснительными распоряженіями по отношенію къ непослушнымъ запорожцамъ. „Отъ этого времени, писалъ онъ пограничнымъ старостамъ, чтобы никто не смѣлъ Низовцевъ у себя принимать, ни ихъ защищать, давать имъ селитру, порохъ, свинецъ, съѣстные припасы"... Приказываемъ, пишетъ онъ къ Острожскому, который, какъ кіевскій воевода, имѣлъ Запорожье въ своемъ яко-бы административномъ вѣдѣніи, чтобы ясновельможный князь Острожскій отправился на Днѣстръ и выгналъ оттуда этихъ разбойниковъ Низовцевъ, а которыхъ достанетъ, чтобы казнилъ...» Возможно-ли все это было? возможно-ли было „раскозаковать" не одинъ десятокъ тысячъ сильныхъ и до высокой степени мужественныхъ и привыкшихъ къ свободѣ людей и усадить ихъ на землѣ, гдѣ имъ угрожало подданство? Варшава думала, что такія стѣсненія заставятъ ихъ подчиниться реестрованію. Въ этотъ смыслѣ состоялось въ 1589—90 г. первое сеймовое постановленіе относительно Запорожья, «Порядокъ со стороны Низу и Украины", заключавшее рядъ суровыхъ постановленій, направленныхъ противъ козачества и угрожавшихъ ему въ случаѣ ослушанія полной гибелью. Жизнь тотчасъ же дала отвѣтъ на предъявленныя ей политикой требованія: прошло всего только три года, и разразился первый бунтъ, бунтъ Косинскаго. Дѣло было такъ. Тотчасъ вслѣдъ за смертью Баторія козаки возна-

градили себя тѣмъ, что предприняли большіе походы на татаръ: Очаковъ пошелъ съ дымомъ, Козловъ сравненъ съ землей; они воспользовались тѣмъ, что паны украинскіе отправились въ Варшаву на элекцію, уводя съ собою и свои милиціи; князь Острожскій имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ, такъ что его въѣздъ въ Варшаву занялъ на цѣлый день вниманіе столицы. За козацкими нападеніями послѣдовалъ тотчасъ же реваншъ со стороны татаръ, которыхъ козакамъ опять-таки удалось ограбить на возвратномъ пути, и жалобы и угрозы Варшавѣ со стороны Порты. Въ половинѣ 1590 г. придумана была новая стѣснительная мѣра: для усмиренія украинскаго своеволія была учреждена специальныя сторожа въ тысячу человѣкъ, и на урочищѣ Кременчугѣ предположено устроить новый замокъ. Все это поручено было очень опытному въ пограничныхъ дѣлахъ человѣку Язловецкому, который носилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ» старшóго войска Запорожскаго“, т. е. начальника реестровыхъ козаковъ и долженъ былъ стеречь, чтобы отъ козачества не было „зацѣпки сосѣднимъ государствамъ“. Язловецкій поддерживалъ дружескія отношенія съ козаками и не ухудшилъ положенія лишнимъ вмѣшательствомъ; но за то же онъ и оставался лишь номинальнымъ старшимъ въ то время, какъ въ степи дѣйствовали, то и дѣло смѣняя одинъ другого, фактическіе старшіе. Такимъ „атаманомъ козацкимъ и всего войска на Низу“ былъ Косинскій, который успѣлъ не только соединить около себя купы своевольныхъ, т. е. нереестровыхъ козаковъ, но привлекъ и реестровыхъ, обѣщая имъ жалованье, которое вѣчно задерживало польское правительство.

Косинскій былъ польскій шляхтичъ, изъ служебныхъ дворянъ князя Василія Острожскаго. Повидимому, у Косинскаго было и личное раздраженіе противъ князя; но во всякомъ случаѣ, Острожскій, какъ кіевскій воевода, а, слѣдовательно, главный исполнитель требованій государства, имѣлъ поводъ къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Запорожьемъ. Собравши козаковъ, зимой 1591 г. нападаетъ Косинскій на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, на Бѣлую Церковь, лежавшую въ то время на самомъ рубежѣ степей; Бѣлая Церковь, куда татары загляды-

вали, по образному выраженію одного тогдашняго писателя, „какъ псы на кухню“, принадлежала вмѣстѣ съ огромнымъ пространствомъ земли, князю Янушу Острожскому, воеводѣ волынскому. Безъ всякаго сопротивленія забралъ Косинскій у бѣлоцерковскаго подстаросты деньги и драгоцѣнности, принадлежащія князю Острожскому, и всѣ его бумаги, которыя тоже хранились здѣсь: уничтоженіе документовъ характеризуетъ собою всѣ козацкія волненія. Очевидно, это былъ сознательный протестъ противъ правъ, вещественнымъ выраженіемъ, а иногда и основаніемъ которыхъ были эти документы. Но вслѣдъ за этимъ Косинскій скрылся въ степи и не появлялся на Украинѣ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. А между тѣмъ на Украинѣ всюду что-то творилось неладное. Цѣлая Кіевщина и Брацлавщина были покрыты сѣтью маленькихъ отрядовъ своевольныхъ людей, занимающихся грабежемъ земянъ и мѣщанъ. Всюду чувствовалось присутствіе горючаго матеріала, который пока только дымилъ, но каждую минуту могъ вспыхнуть и залить пожаромъ весь край. Волненіе распространялось дальше, на Волынь, на Подолье. Въ началѣ 1592 г. появились на кресахъ коммиссары, высланные королемъ, съ уполномочіями относительно усмиренія „людей своевольныхъ, которые учиняютъ великіе и неслыханные шкоды, кривды, грабежи и убійства, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ деревняхъ“... Но что значили коммиссары со всѣми ихъ полномочіями и грозными листами, если угрозы и полномочія не подпирались военной силой? Язловецкій двинулся въ Хвастовъ и оттуда уговаривалъ запорожцевъ вести себя спокойно, въ предѣлахъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ, и выдать Косинскаго, какъ главнаго зачинщика смуты. Но все это ни къ чему не повело, а между тѣмъ Низовцы похозяйничали въ Кіевѣ, забрали тамъ „пушки, порохъ и всякую стрѣльбу“. Къ осени появился изъ степей и Косинскій, но теперь уже во главѣ настоящаго хорошо вооруженнаго войска... Народъ привѣтствовалъ это запорожское войско, укрѣпленныя мѣстечка отворяли ему свои ворота, православное духовенство встрѣчало его со звономъ, пѣніемъ и хоругвями, съ водосвятіемъ. Косинскій сбиралъ подати съ народа, требовалъ

отъ шляхты и мѣщанъ „послушенства“ и присяги на вѣрность козачеству; мѣста, гдѣ встрѣчалъ отпоръ, приказывалъ жечь и грабить. Впрочемъ, въ Брацлавщинѣ онъ не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія; наткнулся на него онъ лишь на Волыни, гдѣ было гораздо больше земянъ. Войско Косинскаго заняло Острополь, любимое мѣстечко князя Острожскаго, богатое и очень удобное по своему положенію на границѣ Волыни съ благопріятной для запорожцевъ Брацлавщиной, и укрѣпился здѣсь. Не дремалъ и князь Острожскій. Онъ просилъ о помощи короля, а пока самъ, съ сыномъ, началъ организовать защиту изъ подданныхъ, служебныхъ людей, подчиненной или дружественной шляхты. Любопытно то, что польный гетманъ Жолкѣвскій, который стоялъ недалеко отъ границъ Волыни съ короннымъ войскомъ, не тронулся съ мѣста на помощь, какъ бы все совершавшееся на Волыни было лишь частнымъ дѣломъ князя Острожскаго. Между тѣмъ король прислалъ универсалъ, сзывающій на посполитое рушеніе шляхту Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго воеводствъ. „Такъ далеко распространилось то своеволіе низовыхъ козаковъ, пишетъ король въ своемъ универсалѣ, что они наши и сенаторскіе и шляхетскіе города берутъ какъ непріятели, грабятъ, мучатъ подданныхъ, забираютъ имущество, а что самое важное, принуждаютъ какъ шляхтичей, такъ и горожанъ отдавать себѣ присягу“. Въ то же время шляхта, собранная на судовые рочки въ Луцкѣ, занесла въ гродскія книги протестъ въ томъ смыслѣ, что она не можетъ исполнять своихъ обязанностей по случаю козацкихъ безпорядковъ; слѣдовательно, волненіе обхватывало уже и отдаленныя части Волыни. Пунктомъ сбора для посполитаго рушенія назначенъ былъ Старый Константиновъ. Хотя паны и земяне со своими отрядами сбирались неохотно, крайне медленно, но Косинскій все-таки отступилъ въ кіевское воеводство и подошелъ къ границамъ Волыни съ другой стороны, со стороны житомирскаго повѣта. Здѣсь онъ занялъ Пятокъ, мѣстечко, принадлежащее тоже Янушу Острожскому, и укрѣпился снова. Позиція и здѣсь была очень выгодна: населеніе ближайшихъ пунктовъ было очень расположено къ козакамъ, а пустая степь къ югу обезпечивала

отступленіе. Милиція Острожскаго была не мала, но плохо дисциплинирована, большихъ пановъ пришло на помощь только двое, Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, и Александръ Вишневецкій, староста каневскій и черкасскій,—кромѣ того, нѣсколько православныхъ земянъ, изъ „пріятелей“ дома Острожскихъ. Они преслѣдовали Косинскаго, но не могли ему помѣшать укрѣпиться въ Пяткѣ. Пока они раздумывали, какой имъ принять дальнѣйшій образъ дѣйствій, Косинскій самъ рѣшилъ ихъ сомнѣніе. Онъ задумалъ смять врага и кинуться въ глубь Волыни. 2-го февраля 1593 г. произошла битва. Но результаты ея были крайне неблагопріятны для козаковъ: Запорожцы потеряли много людей, всѣ пушки и знамена. Еще съ недѣлю Косинскій держался за валами мѣстечка, но голодъ вынудилъ просить о посредничествѣ пана Вишневецкаго, который въ качествѣ старосты пограничнаго съ Запорожьемъ, всегда поддерживалъ съ козаками близкія отношенія и не разъ пользовался ихъ помощью въ своихъ сорахъ съ сосѣдями-панами... 10-го февраля Косинскій съ горстью Низовцевъ явился въ станъ враговъ, отдаваясь на ихъ милость. Самъ престарѣлый воевода кіевскій князь Василій Острожскій пріѣхалъ на это торжество. Косинскій униженно просилъ прощенія. Воевода простилъ съ условіемъ, чтобы бунтовщикъ вмѣстѣ съ старшиною козацкою далъ письменное обязательство, которое и дошло до насъ. Вотъ нѣкоторыя, важнѣйшія, мѣста этого пятковскаго договора между яко-бы удѣльнымъ княземъ паномъ Острожскимъ и взбунтовавшимся козацкимъ вожакомъ: „Кристофъ Косинскій, гетманъ на тотъ-часъ, сотники, атаманы и все рыцарство войска запорожскаго. Не памятуя милостей, оказанныхъ намъ княземъ воеводою кіевскимъ, постыдно напали мы на его владѣнія, а теперь получивши отъ него прощеніе, присягаемъ: не имѣть отъ сего часа Косинскаго гетманомъ, а на его мѣсто выбрать на Украинѣ себѣ другаго втеченіи трехъ недѣль. Королю его милости обѣщаемъ послушенство; кромѣ того, обязуемся не возобновлять распрей съ сосѣдними государствами и пребывать за порогами на означенныхъ мѣстахъ. Обязуемся не расквартировываться во владѣніяхъ ихъ княжескихъ милостей (т. е. князей Острожскихъ),

также какъ и въ имѣніяхъ и державахъ пріятелей ихъ милостей, князя Александра Вишневецкаго и иныхъ, здѣсь находящихся, не чинить никакихъ шкодъ или кривдъ; а также въ имѣніяхъ и державахъ слугъ ихъ его милости ничего злого не дѣлать".

Но Косинскій не чувствовалъ себя связаннымъ заключеннымъ имъ договоромъ. Онъ отправился тотчасъ же на Низъ снова набралъ тамъ горсть охотниковъ и въ концѣ марта уже отправился на Черкассы противъ Вишневецкаго; экспедиція была неудачна, и самъ Косинскій былъ убитъ.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОМИССАРЪ[1].

ГЛАВА VII.

Нѣчто о душевныхъ свойствахъ и характерѣ Семеныча.

На сколько изобрѣтательность Семеныча при добываніи денегъ похвальна или не похвальна, судить трудно. Если смотрѣть на нее съ нравственной стороны, то конечно не совсѣмъ... того..., вообще съ этой стороны, какъ чисто субъективной, авторъ не признаетъ за собою права выразить какое бы то нибыло мнѣніе. Съ художественной стороны изобрѣтательность Семеныча заслуживаетъ полнаго одобренія. Если же взглянуть на нее съ точки зрѣнія политической экономіи, то не трудно убѣдиться, что всѣ дѣйствія нашего героя были направлены къ цѣли, которую преслѣдуетъ эта наука. У отца Іосафа и отца Даніила, какъ у людей не отъ міра сего, деньги залеживались цѣлые десятки лѣтъ безъ всякаго движенія, что не согласуется съ принципомъ политической экономіи; тогда какъ, перешедши къ Семенычу, они находили для себя свойственное имъ назначеніе: они поступали въ обращеніе.

Куда пошли тѣ пятьдесятъ рублей, что получилъ Семенычъ отъ отца Іосафа за наперсный крестъ? А пошли они по торной дорожкѣ, протоптанной къ ректорскимъ дверямъ множествомъ нуждающихся и обремененныхъ.

Пользуясь деньгами изъ ректорской незапиравшейся конторки, если конечно въ ней что нибудь бывало, Александръ

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 7.

Семенычъ въ свою очередь не считалъ одолженіемъ, когда выносилъ просителямъ свои собственныя деньги, такъ какъ ректорской казны часто не хватало.

Лично на себя Семенычъ, соблюдавшій во всемъ умѣренность, издерживалъ не много. Практическое же правило—копить про черный день—не прививалось къ нему. Безразсчетно щедрый, онъ въ тоже самое время отличался крайней бережливостью. За всю свою продолжительную жизнь онъ не выбросилъ ни одного окурка папиросы: дома онъ складываетъ окурки въ пепельницу и при значительномъ накопленіи фабрикуетъ изъ нихъ крѣпкій табакъ; въ гостяхъ же окурки прячетъ въ карманъ. Пустыя баночки, коробки, оберточную бумагу, найденные на улицѣ булавки, шпильки, пуговицы, старый гвоздь—все, все подбираетъ Семенычъ и прячетъ.

„Александръ Семенычъ! нѣтъ ли у васъ шворочки обвязать корзинку“?

„Александръ Семенычъ! дайте булавку подколоть юбку“.

„Александръ Семенычъ! я видѣлъ у васъ какъ то связку старыхъ ключей. Не подберется ли какой нибудь къ моему замку? Я свой ключъ потерялъ“.

Всѣхъ, рѣшительно всѣхъ удовлетворялъ Семенычъ, но предварительно обругаетъ за небережливость и безпорядокъ, послѣдствіемъ которыхъ бываютъ потери.

Щедрость его извѣстна многимъ, даже монастырскому барбосу, который изъ рукъ Семеныча, бывшаго тогда еще только столовымъ, а не комиссаромъ, хваталъ казенное мясо и пироги. Его радушіе знали: ректорскій котъ „отецъ Базиль“, что потерпѣлъ поносную смерть въ выгребной ямѣ, куда попалъ, охотясь за крысами, и большой песъ „отецъ Лыско“, котораго изъ личностей послушники утопили въ Днѣпрѣ. Дѣло въ томъ, что „отецъ Лыско“ часто прогуливался по монастырскимъ аллеямъ съ привяванной къ хвосту бумагой, заключавшей въ себѣ доносъ или паскиль на послушниковъ. Злые языки утверждали, что редакторомъ этихъ доносовъ или пасквилей былъ никто иной, какъ Семенычъ.

Какъ истый коммунистъ, денегъ своихъ Семенычъ никогда не запиралъ, а просто клалъ ихъ подъ тюфякъ, о чемъ знали всѣ, посѣщавшіе нашего героя. Кому нужно было, тѣ, не утруждая ни себя, ни его излишней формальностью, одолжались, запустивъ подъ тюфякъ руку. Замѣчательно, что за всю его долголѣтнюю жизнь у него не случилось воровства; по крайней мѣрѣ отъ Семеныча объ этомъ никто не слышалъ.

Если его собственностью могъ безпрепятственно пользоваться каждый, то въ свою очередь и онъ не пренебрегалъ тѣмъ, что ему предлагалось, но никогда, ничего и ни у кого не просилъ, а даже повидимому отказывался. Подъ старость онъ довольно часто пользовался подачками въ видѣ разныхъ яствъ, которыя предлагались иму иногда и не безъ разсчета со стороны благодѣтелей.

Припомнился мнѣ одинъ недавній случай, иллюстрирующій тонкій разсчетъ, съ одной стороны самого Семеныча, а съ другой—его благодѣтельницы.

Дѣло происходило въ домѣ матери моей, гдѣ нашъ герой за квартиру съ отопленіемъ и за три рубля мѣсячнаго жалованья ведетъ подворную книгу.

Зашелъ я какъ-то поболтать къ нему на досугѣ о томъ-о семъ, а главное о старинѣ глубокой. Вдругъ въ его комнату со стороны двора открывается оконная форточка и въ нее глянуло не молодое уже, но сильно накрашенное лицо.

— Александръ Семенычъ! не хотите ли супу?

Семенычъ торопливо вскакиваетъ и съ самой утонченной любезностью принимаетъ изъ рукъ благодѣтельницы тарелку, говоря:

— Ахъ, зачѣмъ вы безпокоитесь? Право, это напрасно. Покорнѣйше васъ благодарю!

— Кушайте на здоровье!

Но едва только благодѣтельница скрылась, какъ Семенычъ опрокинулъ содержимое тарелки въ помойное ведро.

Я въ недоумѣніи.—Что это вы сдѣлали? сыты, что ли?

— А щожъ я свыня, чи собака? Позлывала съ тарилокъ, трасця іи матери, тай подчуе.

— Такъ зачѣмъ же вы приняли, да еще съ благодарностью? Могли бы отказаться.

— Какъ можно? Откажись я—она обидится и ничего не станетъ приносить мнѣ; а отъ нея иной разъ и хорошее что-нибудь перепадаетъ мнѣ.

— Это другое дѣло. За что же это она такъ къ вамъ расположена, что кормитъ васъ даромъ?

— Совсѣмъ не даромъ; я за то сбавляю ей лѣта.

— Какъ такъ?!

— А такъ. У нея, видите ли, документъ дворянскій, постоянный. По этому документу, выданному ей въ 1871 году, значится ей 26 лѣтъ. Когда она поселилась у насъ—это было въ 1886 году,—я такъ и отмѣтилъ ее *двадцати шести* лѣтъ, Она какъ-то узнала объ этомъ, назвала меня благороднымъ и вѣжливымъ человѣкомъ и пригласила обѣдать. Съ тѣхъ поръ я вездѣ: и въ книгахъ, и въ адресныхъ листкахъ отмѣчаю ее *двадцатишестилѣтней*, а она меня кормитъ. Если кто скажетъ ей, что она старше, то она ссылается на меня и на подворную книгу.

— Почему же вы думаете, что она посливала съ тарелокъ?

— Развѣ трудно узнать? Вотъ, еслибы она принесла мнѣ раньше, чѣмъ сама сѣла обѣдать, то я бы не сомнѣвался.

— А почемъ вы знаете, что она уже пообѣдала?

— А ея блѣдныя губы. Вѣдь она ихъ краситъ; за обѣдомъ же съѣдаетъ краску. А кромѣ того, обратите вниманіе на картошку изъ ея супа. При этомъ Семенычъ выловилъ изъ помойнаго ведра нѣсколько кусковъ картофеля.—Видите, каждая штука перерѣзана ложкой.

Конечно, послѣ такихъ вѣскихъ доказательствъ оставалось только преклониться предъ тонкой наблюдательностью нашего героя.

———

ГЛАВА VIII.

Невольное участіе Семеныча въ печеніи пасхальнаго тѣста.

Мѣсто дѣйствія то же, т. е. усадьба матери моей, гдѣ Семенычъ проживаетъ уже восемнадцать лѣтъ.

Была страстная пятница. Изъ печей собирались вынимать бабы. Знаете, что это за моментъ у хозяекъ? Это у нихъ своего рода „быть или не быть". Предъ появленіемъ на свѣтъ младенца, женщина-мать меньше тревожится, меньше волнуется, меньше задумывается надъ вопросомъ: чтó то изъ него выйдетъ, не уродъ ли? чѣмъ женщина-хозяйка предъ выниманіемъ изъ печи пасхальнаго тѣста. Такую странность, чтобы не сказать болѣе, мы объясняемъ тѣмъ, что младенцы-уроды явленіе чрезвычайно рѣдкое, тогда какъ уродливыя бабы (въ смыслѣ тѣста конечно), если вы наблюдательный человѣкъ, то, обходя съ поздравленіемъ, встрѣтите въ каждой почти семьѣ. Оттого, вѣроятно, и пошла поговорка, что „въ семьѣ не безъ урода"...

Въ этотъ критическій моментъ случай натолкнулъ Семеныча попасть въ лабораторію самой зубастой хозяйки, которая наканунѣ приняла новую кухарку. Зубастая хозяйка накинулась на Семеныча.

— Сумасшедшій!... Лѣзетъ, какъ медвѣдь! Не видите развѣ, что я собираюсь вынимать тѣсто? А вы дверьми стучите.

— Да я тихонько... нужно записать паспортъ вашей кухарки, отвѣчалъ смѣшавшійся Семенычъ, помышляя объ отступленіи; но, не видя возможности удрать прилично, заглядываетъ въ печку и говоритъ:

— Эге, да какія славныя у васъ бабы! Знаете у генеральши Ротъ, гдѣ я жилъ,—у ней поваръ французъ,—а чтоже вы думаете? одинъ только разъ и удались такія, какъ у васъ. Я самъ тогда и изъ печи вынималъ ихъ, такъ, повѣрите ли, ни на волосокъ не осѣли. Хотите—я и вамъ повынимаю?

Польщенная похвалой такого просвѣщеннаго цѣнителя, какъ нашъ герой, жившій у богатой генеральши Ротъ и еще съ академической службы свѣдущій въ кулинарномъ искусствѣ, хозяйка допускаетъ Семеныча къ печкѣ, и онъ, затаивъ дыханіе

и зажавъ нижнюю губу зубами, съ присущей ему одному ловкостью благополучно вынулъ изъ печи дѣйствительно на славу выпеченныя бабы.

Сказавши нѣсколько лестныхъ замѣчаній хозяйкѣ по поводу ея хозяйства вообще, а искусства печь бабы въ особенности, Семенычъ хотѣлъ удалиться.

— Александръ Семенычъ! возьмите же и себѣ одну бабу; а то расхвалить вы расхвалили, а на вкусъ можетъ быть и не того...

Такъ съ преувеличенною скромностью говоритъ хозяйка, подавая Семенычу небольшую бабу.

— Зачѣмъ же вы безпокоитесь? Очень вамъ благодаренъ, но я право... я не затѣмъ... а насчетъ документа. Да и къ чему мнѣ это, вѣдь я не люблю сдобнаго тѣста; въ немъ толку мало.

— Берите, берите; а то я разсержусь на васъ. Да вотъ кстати возьмите и колбасу; это я сама дѣлала. Попробуйте!

Вышелъ Семенычъ изъ кухни съ бабой въ одной рукѣ и колбасой въ другой. Онъ и взаправду не любилъ тюлеваго тѣста, а потому, спрятавъ колбасу въ карманъ, поставилъ бабу на ладонь лѣвой руки, правой нажалъ её сверху и сплюснулъ такъ, какъ складываютъ шапо-клакъ, являясь въ гостинную съ визитомъ.

На пути встрѣчаетъ онъ другую хозяйку съ лицомъ мрачнѣе тучи. У этой бабы не удались. Когда она замѣтила въ рукахъ Семеныча сплюснутую бабу, напоминающую своимъ несчастнымъ видомъ шапку мороженщика, мрачное лицо хозяйки нѣсколько прояснилось и она спросила Семеныча:

— Гдѣ это вы такого коржа достали?

— А это мнѣ мадамъ *** приподнесла.

— Да ну?!... Мадамъ ***?... И у ней всѣ такія красавицы вышли?

По мрачному лицу хозяйки нашъ герой угадалъ, что у нея неудача; но „на міру и смерть красна". Не желая огорчить её истиной, Семенычъ благоразумно умолчалъ о своемъ участіи въ превращеніи въ коржъ этой злополучной бабы, имѣвшей несчастье попасть въ лапы Семеныча; а потому, не смущаясь, отвѣтилъ:

— Всѣ такія, одна въ одну.

— А я думала, что у меня хуже всѣхъ вышли. Вы, Александръ Семенычъ, человѣкъ понимающій; зайдите взглянуть на мое печенье.

— Посмотримъ, посмотримъ! отвѣчаетъ Семенычъ тономъ доктора, приглашеннаго опредѣлить состояніе больного.

Вошли въ комнату. Хозяйка осторожно приподнимаетъ скатерть, подъ которой на подушкахъ остываютъ горбатые, кривобокіе уродцы.

Наступило тягостное молчаніе, какое бываетъ при посѣщеніи только что умершаго.

Семенычъ опомнился первый и сказалъ:

— Да вы знаете, что у насъ во всёмъ дворѣ ни у кого не удались бабы. Ваши еще туда-сюда, а то, вотъ видите, какія?

При послѣднихъ словахъ онъ указалъ ей на свой злополучный коржъ. Это утѣшило бѣдную хозяйку.

— Бываетъ, что „и ложь во спасеніе", подумалъ Семенычъ и ушелъ уже съ двумя бабами: одна по волѣ Семеныча имѣла видъ коржа, а другая волею судебъ съ истерзаннымъ, лишеннымъ корки бокомъ и головой сросшейся со сподкой.

Этою послѣдней жилецъ Семеныча, котъ Васька, не дожидаясь праздника, разговѣлся.

ГЛАВА IX.

Семенычъ въ должности комиссара Академіи.

Предъ отъѣздомъ преосвященнаго Димитрія, назначеннаго епископомъ Тульской епархіи, Семенычъ получилъ должность комиссара при Кіевской Духовной Академіи.

Знаете ли, что значитъ быть комиссаромъ Академіи, которую вполнѣ справедливо называютъ alma mater—кормилицей? Кромѣ средствъ казенныхъ, Кіевская Духовная Академія имѣетъ полъ-милліона собственнаго капитала, проценты съ котораго нужно же какъ-нибудь истратить. Мало-мальски умному комиссару такое мѣсто кладъ.

„Назначьте меня смотрителемъ корма казеннаго воробья, и у меня ежедневно къ обѣду будетъ гусь“, давно уже сказала народная мудрость. А вѣдь Академія не воробей; можно было бы комиссару при самомъ скромномъ желаніи съѣдать за обѣдомъ по меньшей мѣрѣ быка; но Семенычъ, какъ разсказываютъ, довольствовался прусаками, которыми въ ту пору изобиловалъ неоштукатуренный сосновый потолокъ кухни.

Какъ-то одинъ прусачекъ попалъ въ суповую вазу студентовъ. Во время обѣда одинъ изъ студентовъ замѣтилъ въ тарелкѣ злосчастнаго прусачка. Между студентами поднялся ропотъ негодованія. На шумъ явился инспекторъ; потребовали эконома; экономъ сослался на своего помощника, комиссара, какъ ближе стоящаго къ кухнѣ. Послали за комиссаромъ.

Съ сковородкой въ одной рукѣ и ножемъ въ другой нашъ герой явился въ столовую. Его обступили грозныя лица студентовъ и къ самому носу совали ему прусака.

— Что это?!... отравить насъ хотите?!...

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное для студентовъ и для инспектора. Александръ Семенычъ съѣлъ предъявленнаго ему прусака.

Вмѣсто ожидаемыхъ громовъ, готовыхъ было разразиться надъ головой нашего героя, допустившаго злосчастнаго прусачка попасть въ студенческую столовую, въ ней раздался гомерическій хохотъ. Хохотали студенты, смѣялся инспекторъ, весело улыбались экономъ и служителя, глядя, какъ Семенычъ безъ словъ оправдался отъ несправедливо взводимаго на него обвиненія въ намѣреніи отравить.

— Какъ вы можете жрать такую гадость? спросили студенты.

— Какую гадость? Прусаковъ? Ѣдятъ же устрицъ. Да вы знаете, что здоровѣе и вкуснѣе прусаковъ ничего нѣтъ на свѣтѣ. Хотите испробовать?

Охотниковъ испробовать этого блюда не оказалось. Глядя на здоровое, цвѣтущее лицо Семеныча, трудно было спорить противъ цѣлебности прусаковъ.

Съ этихъ поръ между судентами нашъ герой сталъ пользоваться большой популярностью. Послѣ инцидента съ прусач-

комъ нашъ герой всё болѣе и болѣе обращалъ на себя вниманіе студентовъ, которые не могли не оцѣнить его по достоинству. Не было при немъ студента, которому бы Семенычъ не услужилъ чѣмъ-либо. Тому понадобилась при усиленныхъ занятіяхъ лишняя свѣча, другому не въ пору ѣсть захотѣлось, третій перехватывалъ деньжонокъ у комиссара. Были и такіе, что забѣгали къ Семенычу опрокинуть предъ ужиномъ рюмочку настойки, которую держалъ Семенычъ у себя въ шкапчикѣ про всякій случай. Комиссарская кровать Семеныча съ двумя тюфяками не разъ служила покойнымъ и безопаснымъ пріютомъ тѣмъ изъ студентовъ, которымъ случалось хватить черезъ край.

Не навязываясь своими услугами, когда ихъ не просятъ, Семенычъ въ тоже время никому и ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не отказывалъ. Иной разъ его услуги переходили предѣлы вѣроятнаго.

Одному оканчивавшему курсъ семинаріи во время самыхъ экзаменовъ представился самый благопріятный случай занять хорошій приходъ, предоставленный за дѣвушкой, священнической сиротой. Для этого нужно было семинаристу заблаговременно обручиться съ невѣстой.

Отложить обрученіе на послѣ экзаменовъ опасно; могли найтись охотники и отбить у него завидную партію. Бросить же экзамены и ѣхать къ невѣстѣ, конечно, невозможно.

Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ бѣднякъ семинаристъ, не видя иного исхода, обратился съ просьбой къ великодушному Семенычу быть его замѣстителемъ при обрученіи. Семенычъ безъ высшихъ разсужденій согласился; отправился къ чужой невѣстѣ, объяснилъ ей затруднительное положеніе, въ которомъ находился ея женихъ; побилъ съ нею поклоны, подаривъ ей первый поцѣлуй жениха, и привезъ обрадованному жениху обручальное кольцо.

Современному читателю такое обстоятельство, какъ обрученіе съ подставнымъ лицомъ, пожалуй можетъ показаться не правдоподобнымъ. Какая дѣвушка согласилась бы на такое дѣло?

Если на свадьбахъ за отсутствіемъ настоящихъ родителей фигурируютъ „посаженые“, то почему же не допустить, чтобы

за отсутствіемъ настоящаго жениха при обрученіи фигурировалъ „подставной“?

Въ нынѣшнее время такія вещи, правда, не практикуются болѣе. Теперь иныя времена и иные нравы.

Вспомнимъ, какъ устраивались сватовства лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ назадъ.

Умираетъ сельскій священникъ, не успѣвшій „пристроить“ дѣтей. Въ то благодатное для священническихъ сиротъ время существовалъ обычай „предоставлять приходъ за сиротой,“ то есть давалось право одной изъ дочерей найти себѣ мужа изъ окончившихъ курсъ семинаріи, котораго и назначали священникомъ въ осиротѣвшій приходъ. Такимъ образомъ отцовское мѣсто замѣняло дѣвушкѣ-сиротѣ приданое, а вдовѣ и остальнымъ сиротамъ обезпечивало дальнѣйшее ихъ существованіе.

Если у дѣвушки есть на примѣтѣ женихъ, то дѣло улаживалось скоро и просто. Но нерѣдко бывало, что жениха подъ руками не оказывалось и его нужно было искать. Тутъ уже вопросъ осложнялся; ждать суженаго некогда—приходу безъ священника долго оставаться нельзя, а потому дѣвушкѣ приходилось во что бы то ни стало немедленно добывать себѣ мужа. Какъ же это дѣлалось?

Справивъ по покойномъ сорочины (40-й день), вдова матушка съ дочерью-невѣстой собираются въ губернскій городъ, гдѣ находится семинарія. Нарѣжутъ и нажарятъ куръ и поросятъ, напекутъ пироговъ и булокъ, нацѣдятъ изъ боченковъ разныхъ наливокъ и съ этимъ грузомъ на лучшихъ лошадяхъ и въ лучшей найтычанкѣ отправляются въ городъ, хотя бы въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ останавливаются они на постояломъ дворѣ Афанасія Ивановича Каткова на Братской улицѣ, занимаютъ просторный номеръ и посылаетъ своего кучера въ семинарію увѣдомить дальняго родственника или близкаго знакомаго семинариста о своемъ прибытіи, а равно и о цѣли таковаго.

Вѣсть эта быстро распространяется во всѣ уголки семинаріи, и вечеромъ толпа богослововъ, большей частью казеннокоштныхъ, является на постоялый дворъ въ гости къ пріѣз-

жимъ. Сперва между гостями и хозяевами царитъ нѣкоторая натянутость, неловкость, какая, обыкновенно, бываетъ между людьми, видящими другъ друга первый разъ. Стараніями близкаго знакомаго семинариста, принявшаго на себя по просьбѣ вдовы, роль посредника, такая натянутость нѣсколько сглаживается, а радушіе хозяевъ, пуще же всего наливка довершаютъ сближеніе, и даже у самихъ застѣнчивыхъ развязываются языки. Къ полуночи всѣ гости становятся развязно непринужденными и веселыми. Многіе поютъ, а иные затѣваютъ ученые споры, переходящіе иногда въ ссору. А хозяйка, знай, подноситъ да подноситъ.

— Да вы, господа, лучше выпейте, чѣмъ спорить, бо зна, о чемъ. А попробуйте этой сливяночки.

— Выпить, такъ выпить. Ну, давай чокнемся!

Сливяночка оказывала свое благотворное дѣйствіе на спорящихъ и умиротворяла до того, что многіе изъ гостей складывали кости тутъ же въ номерѣ.

ГЛАВА X.

Александръ Семеновичъ сватъ. Неудача. Скандалъ на свадьбѣ.

Какъ сангвиникъ и человѣкъ вполнѣ здоровый, Семенычъ не могъ не поклоняться Венерѣ, но быть въ зависимости и подчиняться мальчишкѣ Амуру не въ его натурѣ. Онъ терпѣть не могъ любовной канители, какъ онъ выражался.

Правда, чувствительныя посланія отъ него по адресу хорошенькихъ женщинъ попадались таки. Въ этихъ посланіяхъ, вмѣсто обыденныхъ: „голубка,“ „душечка,“ „ангелочекъ“, употреблялись болѣе съѣдобные предметы: „крендельчикъ,“ „пупочекъ,“ „поросяточко.“ У насъ сохранилось одно изъ его писемъ амурнаго содержанія, которое и приводимъ здѣсь дословно.

„Драгоцѣнное мое поросяточко Машенька!

Нетерпимые отлагательствомъ дела, мешаютъ мнѣ лететь къ Вамъ, мой пупочекъ. Вся нутренность моя рвется къ Вамъ хочется взглянуть на Вашу мордочку. Вы поразили меня въ

самую совѣсть. Мой пульсъ сердечный пылаеть къ Вамъ жестокой страстію отъ невозможности видѣть Васъ. Посылаю Вамъ яблокъ и апельсинъ для наслажденія Вашей нутренности и желаю радостно танцовать безъ меня.

Остаюсь любящій Васъ съ прискорбіемъ по гробъ души моей за невозможностью пріѣхать, такъ-какъ у насъ въ Академіи заготовка капусты въ погребѣ и я долженъ по закону находиться при девкахъ, чтобы не испортили качановъ волею Божіею.

А. До.“

Судя по этому письму, нѣжныя чувства къ женщинамъ не были чужды нашему герою; но эти чувства нисколько не мѣшали ему изъ роли влюбленнаго перейти въ роль свата, какъ скоро онъ замѣчалъ чьи-либо неравнодушные взгляды, бросаемые на его дорогое „поросяточко.“

Чувство ревности никогда не закрадывалось въ душу нашего героя. Смирный и не злобивый по натурѣ, онъ становился страшенъ для тѣхъ, по чьей интригѣ предполагаемая имъ свадьба разстраивалась. Горе тогда было интриганамъ! Горе тѣмъ, кто становился ему на дорогѣ! Онъ мстилъ жестоко.

Одинъ изъ близкихъ пріятелей Семеныча увидалъ его „дорогое поросяточко“, Машеньку, гдѣ-то на сельской вечеринкѣ, устроенной по случаю храмового праздника. Съ перваго же разу Машенька произвела на молодого человѣка сильное впечатлѣніе; онъ влюбился въ нее по уши. Въ чувствахъ своихъ онъ открылся Семенычу, и тотъ горячо принялся за устройство судьбы пріятеля.

Немедленно же нашъ герой въ качествѣ свата отправился къ родителямъ Машеньки. Миссія его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: молодой человѣкъ былъ объявленъ женихомъ Машеньки. Оставалось только съиграть свадьбу, но... свадьба не состоялась, разстроилась. На горизонтѣ Машеньки появился ловкій, красивый, вполнѣ свѣтскій молодой щеголь и сразу плѣнилъ неопытное сердечко Машеньки.

Образъ жениха затмился. Въ душѣ бѣдной Машеньки произошла борьба; долгъ боролся съ сердцемъ, и нужно думать,

что побѣда осталась бы на сторонѣ долга, такъ какъ Машенька была добрая и честная дѣвушка, немного только экзальтированная. На грѣхъ у Машеньки была подруга, которая приняла большое участіе въ разрѣшеніи борьбы чувствъ Машеньки. Эта подруга говорила, что любовь есть чувство священное; бракъ безъ любви—безумство; что любви можно жертвовать и долгомъ; что любовь насиловать грѣшно—это будетъ обманъ; что любовью все оправдывается и т. д. А для окончательнаго убѣжденія она сообщила Машенькѣ, что слышала о ея нареченномъ не совсѣмъ хорошія вещи. Въ чемъ стояли эти „нехорошія вещи", Машенька даже не поинтересовалась узнать. Она *хотѣла* вѣрить словамъ своей подруги и повѣрила безъ разсужденій, безъ колебаній.

Машенька возвратила жениху данное имъ слово, чѣмъ причинила, какъ ему, такъ и своимъ родителемъ большое огорченіе. Какъ же отнесся къ этому Семенычъ?

Прежде всего онъ наговорилъ бѣдной Машенькѣ кучу упрековъ и колкостей. Красавца, плѣнившаго Машенькино сердечко, грозилъ изрубить въ куски, если только онъ не уберется по добру, по здорову. Но больше всѣхъ досталось подругѣ Машеньки.

Когда подруга эта выходила замужъ, то на свадьбѣ ея Семенычъ устроилъ грандіозный скандалъ.

Свадьба ея предполагалась быть самой скромной, безъ танцевъ, безъ музыки; приглашены были только самые близкіе родственники молодыхъ. Едва только пришли отъ вѣнца и усѣлись пить чай, какъ вдругъ на улицѣ, подъ самыми окнами, раздались звуки дрянной, разбитой шарманки и безобразное пѣніе множества пьяныхъ. Это Семенычъ нанялъ шарманщика, купилъ четверть водки и собралъ къ окнамъ дома, гдѣ была свадьба, множество босяковъ. Когда кто-то изъ гостей попытался было прогнать эту пьяную сволочь, то вышло еще хуже: босяковъ этимъ только больше раздразнили. Поднялся страшный визгъ поросячьяго свойства: это визжалъ босякъ, искусный подражатель поросенка. Въ толпѣ нашлись артисты на амплуа другихъ животныхъ, и начался ужасный концертъ. Одинъ ржалъ лошадью,

другой мычалъ коровой, третій кричалъ пѣтухомъ, четвертый завывалъ волкомъ, пятый заливался собаченкой. Вдобавокъ собрались и заправскіе псы и стали подтягивать. Каламбуры и остроты уличнаго пошиба раздражали слухъ и нервы присутствовавшихъ на свадьбѣ. За тѣмъ всё это завершилось пляской босяковъ съ пѣніемъ разухабистой „барыни", при чемъ мальчишки барабанили въ тактъ по оконнымъ ставнямъ. Скандалъ вышелъ крупный.

ГЛАВА XI.

Комиссаръ исчезаетъ изъ Академіи, становится мирнымъ пейзаномъ и послѣдователемъ Діогена.

Прослуживъ лѣтъ семь въ Академіи, Семенычъ въ одно прекрасное утро имѣлъ непріятное столкновеніе съ академическимъ экономомъ. Что было причиною раздора, неизвѣстно, а окончилось тѣмъ, что герой нашъ исчезъ изъ Академіи. Не выѣхалъ, не выбрался, какъ люди, прожившіе на одномъ мѣстѣ много лѣтъ, а такъ таки просто исчезъ, къ удивленію всей Академіи.

Трубка, бритва, да изъ запасовъ академическихъ два большихъ яблока—это весь его багажъ; капиталу же двугривенный. Вотъ съ какимъ имуществомъ Семенычъ ушелъ изъ Академіи.

Изъ Академіи нашъ герой направился на Житній базаръ, гдѣ встрѣтилъ крестьянина, продававшаго возъ украденныхъ изъ казеннаго лѣсу дровъ. Изъ разспросовъ оказалось, что крестьянинъ былъ изъ того села, куда нашъ герой держалъ путь; а держалъ онъ путь въ село Лютежъ, гдѣ священствовалъ мой отецъ, пріятель и однокашникъ нашего героя, родственникъ и воспитанникъ преосв. Димитрія. Съ нимъ, во время своей службы у ректора, Семенычъ много лѣтъ прожилъ въ одной комнатѣ. Къ нему въ село и направилъ онъ свой путь.

Крестьянинъ охотно взялся подвезти Семеныча за два крючка водки; вознагражденіе за двадцатисемиверстный провозъ скромное, а главное, что не превышало тощихъ ресурсовъ

нашего героя. У него оставался свободнымъ цѣлый гривенникъ, на который онъ купилъ прекрасную бѣлую ситницу въ гостинецъ моей матери. Въ ближайшемъ кабакѣ плата за провозъ, то есть два крючка водки, вручена или вѣрнѣе влита была въ голодный желудокъ подводчика, и наши путники тронулись въ путь. Ѣхали они сперва чрезъ луга оболонскіе; затѣмъ пошли пески сыпучіе; далѣе потянулся дремучій лѣсъ, гдѣ устроили привалъ, чтобы кляченка передохнула. Черезъ часъ снова тронулись и къ вечеру благополучно прибыли въ село Лютежъ.

Въ эпоху появленія въ этомъ селѣ Семеныча, то есть въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, оно было маленькое, въ сорокъ дворовъ.

Окруженное съ трехъ сторонъ казенными лѣсами, а съ четвертой къ нему прымыкаетъ лугъ, весною омываемый водами Днѣпра,—село это представляется скучнымъ, такимъ по крайней мѣрѣ казалось оно намъ, дѣтямъ. Кромѣ неприглядныхъ, необмазанныхъ крестьянскихъ избъ безъ штановъ, то есть безъ сѣней, да кабака среди песчаной площади—выгона, не было ничего утѣшительнаго. Ни одного интеллигентнаго дома, ни одной семьи, гдѣ бы, хотя изрѣдка, можно было разогнать скуку. Даже лавченки ни одной не было въ селѣ. Только и радости, что неглубокій прудъ, вполнѣ пригодный для дѣтскаго купанья. За то и купались же мы по пяти разъ въ день; благо прудъ былъ близко.

Однообразіе нашей жизни изрѣдка только нарушалось пріѣздомъ кого-либо изъ сосѣднихъ священниковъ или станового. Послѣдній, за отсутствіемъ другого приличнаго помѣщенія, разбиралъ въ нашемъ домѣ дѣла и чинилъ между крестьянами судъ, чѣмъ доставлялъ намъ, дѣтямъ, несказанное удовольствіе. Насъ интересовало рѣшительно все, что выходило за предѣлы повседневнаго однообразія, такъ что даже еврей Ицко, мясникъ изъ Дымера, завозившій намъ говядину одинъ разъ въ мѣсяцъ, казался намъ интереснымъ.

И вдругъ не жданно не гаданно является къ намъ Семенычъ и не на одинъ только день, какъ бывало пріѣзжалъ раньше, а на долго, быть можетъ, и на всегда. Радости нашей

дѣтской не было границъ. Вѣдь Семенычъ былъ нашимъ идеаломъ, онъ казался намъ воплощеніемъ всего самаго лучшаго. Видѣть Семеныча возлѣ себя постоянно казалось намъ безконечнымъ, веселымъ праздникомъ. Семенычъ, никогда не унывающій, отличался отъ остального человѣчества, какъ большой праздникъ отъ буднихъ дней.

Съ появленіемъ Семеныча начался для насъ цѣлый рядъ интересныхъ сюрпризовъ. Прежде всего мы поражены были полученными отъ него громадными яблоками; до тѣхъ поръ мы такихъ и не видывали. На другой день мы впервые увидали такое чудо, какъ бумажный змѣй. Не успѣли пройти у насъ восторги отъ летающаго змѣя, какъ Семенычъ, наколотивъ для бритья мыла, показалъ намъ искусство пускать мыльные пузыри. За тѣмъ устроилъ намъ изъ бумаги хлопушки, которыми пугали мы нашего кота. Семенычъ выучилъ насъ клеить картонныя коробки. Много, очень много почерпнули мы отъ него полезныхъ свѣдѣній.

Лѣтомъ вставалъ онъ по комиссарской привычкѣ до солнца и, не одѣваясь, въ костюмѣ Адама ходилъ на рѣчку купаться. Бабы и дѣвки, гнавшія въ череду скотъ, сперва принимали его за черта и съ визгомъ разбѣгались; впослѣдствіи же присмотрѣлись, привыкли и болѣе уже не тревожились.

Такъ какъ другого занятія, кромѣ устройства дѣтскихъ забавъ, у насъ для него не находилось, то онъ, пока мы сидимъ надъ книжками, забирался въ кухню на полати и засыпалъ до обѣда. Если же спать не хотѣлось, то онъ принимался дразнить жившую у насъ родственницу, пожилую дѣвицу; та огрызалась, называла его дармоѣдомъ, откормленнымъ кабаномъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ выводить, что Семенычъ, живя у насъ, только лодырничалъ; напротивъ, онъ тоже принималъ участіе въ трудахъ по хозяйству. Онъ даже оклеилъ обоями одну комнату въ нашемъ домѣ, устроилъ калитку въ садъ, соорудилъ для собаки будку, а для рѣзваго кабанчика, повадившагося ежедневно прыгать въ огородъ, смастерилъ деревянную медаль на шею.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе экстренныхъ, онъ былъ не только полезенъ, но, какъ увидите ниже, не замѣнимъ.

ГЛАВА XII.

Семенычъ замѣняетъ собою машину. Контрабандный подвигъ его, результатомъ коего было заболѣваніе. Лѣченіе, соотвѣтственное величію героя.

У моего отца объ Рождествѣ и Крещеніи собиралось порядочное количество паляницъ. Не съѣсть же всего сразу, а потому паляницы обращали въ сухари, служившіе во время жнивъ и косовицы большимъ подспорьемъ въ хозяйственномъ обиходѣ. Процедура рѣзки паляницъ на сухари чрезвычайно длинная; въ продолженіе цѣлой недѣли двое едва могли справиться съ этимъ дѣломъ, а дѣло такое, что ждать не любитъ: паляницы портятся, цвѣтутъ. Вотъ тутъ бы хорошо имѣть скорорѣзательную машину; но она только разъ въ годъ бываетъ нужна, а для одного разу и заводить не стоитъ.

Живя у насъ, Семенычъ съ полнымъ успѣхомъ замѣнялъ собою такую машину. Нужно было видѣть и удивляться, съ какимъ проворствомъ и ловкостію Семенычъ справлялся съ массою паляницъ. Однимъ ловкимъ ударомъ большого ножа разрубитъ хлѣбъ на двѣ половины, поставитъ ихъ рядомъ и сѣчетъ, какъ котлеты. Чрезъ двѣ секунды хлѣбъ раздробленъ на шестнадцать равныхъ по величинѣ кусковъ. Въ искусствѣ рѣзать хлѣбъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго и могъ поспорить съ машиною, что на сухарномъ заводѣ.

Разскажу случай, гдѣ Александру Семенычу довелось исполнить роль контрабандиста.

Это было предъ косовицей. Мой отецъ въ разговорѣ съ Семенычемъ по поводу косовицы пожаловался на дороговизну водки, коей нужно было не мало, такъ какъ въ то отдаленное время сѣно убиралось у насъ толокою, то есть за водку. Водка была дорога лишь въ казенныхъ селахъ, гдѣ питейная торговля находилась въ рукахъ откупщика. За рѣкой Ирпенемъ, въ шести

верстахъ отъ Лютежа, въ помѣщичьихъ селахъ водка продавалась значительно дешевле, но провезти ее оттуда, не только въ большомъ количествѣ, но даже одну бутылку нельзя было; на всѣхъ дорогахъ разставлены были кордоны, оберегавшіе интересы откупщика. Всякій проѣзжій подвергался тщательному обыску кордонщиковъ, вооруженныхъ желѣзнымъ „щупомъ" (родъ шомпола), которымъ тыкали во всѣ закоулки повозки.

Не смотря на всё это, Семенычъ вызвался контрабанднымъ способомъ представить ведра четыре дешевой помѣщичьей водки изъ сосѣдняго села Демидова.

Въ легкую таратайку запрягли лошадь, уложили въ сѣно боченокъ, и Семенычъ, вдвоемъ съ кучеромъ, отправился на охоту...

Не доѣзжая кордона, помѣстившагося возлѣ парома чрезъ рѣку Ирпень, Семенычъ вылѣзъ изъ повозки, вынулъ изъ подъ сѣна боченокъ и съ нимъ свернулъ въ лѣсъ по правому берегу рѣки подальше отъ парома. Кучеръ между тѣмъ обычной дорогой подъѣхалъ къ парому, гдѣ и повозка, и онъ самъ подверглись тщательному обыску кордонщиковъ.

По пріѣздѣ въ помѣщичье село Демидовъ, расположенное на самомъ берегу Ирпеня, кучеръ оставилъ лошадь съ повозкой у знакомаго жида шинкаря и отправился за мельницу искать Семеныча.

Обрѣлъ онъ Семеныча въ осокѣ сидящимъ на боченкѣ въ костюмѣ Венеры, выходящей изъ волнъ. Свой костюмъ Семенычъ оставилъ на другомъ берегу въ кустахъ.

— Давай мени свою свитку, а то я смерзъ. Да скорише управляйся, говорилъ Семенычъ кучеру, вручая ему боченокъ.

Сбѣгалъ кучеръ къ шинкарю, гдѣ ему наполнили боченокъ водкой, плотно закупорили и вложили въ мѣшокъ, чтобы удобнѣе нести.

Задрапированный въ дырявую свитку, герой нашъ пошелъ на встрѣчу сгибавшемуся подъ тяжестью кучеру и вырвалъ у него ношу.

Каждый своей дорогой возвратился къ тому мѣсту, гдѣ они разстались: кучеръ съ подводой переправился паромомъ, гдѣ

снова подвергся ощупыванію кордонщиковъ, а Семенычъ съ боченкомъ перешолъ рѣку въ бродъ.

Дешевая водка благополучно доставлена, и геройскій подвигъ Семеныча былъ оцѣненъ по достоинству. Однако долгое пребываніе въ холодной водѣ и сидѣнье голымъ въ осокѣ не прошли для Семеныча даромъ: онъ застудилъ желудокъ.

Чѣмъ же лѣчился Семенычъ? По теоріи гомеопатовъ „similia similibus curantur" или „клинъ клиномъ выбивай," Семенычъ принялся напихаться хлѣбомъ, чтобы, по выраженію его, пропхать..." Это ему иногда помогало; но на сей разъ случилось такъ, что даже и это, повидимому, самое вѣрнѣйшее средство не помогло, и Семенычъ на пятый день почернѣлъ. Узнавъ про недугъ Семеныча, отецъ мой посовѣтовалъ ему принять сенесу. До сихъ поръ Семенычъ никогда и ни отъ чего не лѣчился, и ему неизвѣстна была доза, какую слѣдуетъ ему принять этого сенесу, но вѣроятно угадалъ.

Горшокъ вмѣстимостью четверть ведра набилъ онъ листомъ сенесу, налилъ водой и поставилъ на два часа въ горячую печь. Отваръ получился въ родѣ добраго дегтю. Этого отвару выпилъ Семенычъ пять стакановъ и, конечно, выздоровѣлъ.

По поводу этого намъ сельскій коновалъ замѣтилъ:

— Александръ Семенычъ выпилъ двѣ лошадиныя порціи.

ГЛАВА XIII.

Торжественное возвращеніе Семеныча въ Академію; дальнѣйшая его служба въ должности комиссара и отношенія къ подчиненнымъ.

Незамѣтно прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Семенычъ поселился у насъ. Онъ настолько обжился, что пересталъ уже и думать объ Академіи, но Академія сама вспомнила о немъ. Это было въ 1860 году.

Какъ нѣкогда римляне, тѣснимые эквами, вспомнили о Цинцинатѣ, розыскали его на полѣ за плугомъ и призвали на службу отечеству, такъ и Академія, осаждаемая протестами не-

довольныхъ дурною пищею студентовъ, вспомнила о своемъ изчезнувшемъ комиссарѣ, котораго никто, рѣшительно никто замѣнить не могъ.

Не смотря на то, что мѣстность, гдѣ поселился Семенычъ, была въ самой глухой части Кіевской губерніи, вдали отъ всякаго тракта, и что Семенычъ въ Академіи не оставилъ даже адреса, куда онъ уходитъ, словомъ изчезъ безслѣдно,—не смотря на все это, онъ былъ розысканъ. За нимъ послана была академическая подвода, и нашъ герой торжественно чрезъ экономическія ворота въѣхалъ во дворъ Акадиміи, гдѣ случайно попавшіеся старшіе студенты и послушники Братскаго монастыря устроили ему самую сердечную встрѣчу.

— Семенычъ пріѣхалъ! кричали послушники.

— Пентефрій Фараоновичъ!?... восклицали пріятно удивленные студенты.

Шумъ оваціи обратилъ на себя вниманіе почтеннаго эконома, который выглянулъ въ окно и, не въ силахъ будучи скрыть своей радости, весело произнесъ:

— Пріѣхалъ таки, Кабаша!

Экономъ побаивался, что Семенычъ, повздорившій съ нимъ нѣкогда, откажется отъ его предложенія вернуться на постъ комиссара; но нашъ герой, какъ и подобаетъ герою, былъ выше всякихъ мелочей.

По исчезновеніи Семеныча академической кухнѣ досталась незавидная доля. Новый комиссаръ, назначенный на мѣсто Семеныча, не въ состояніи былъ справляться съ оравой служителей а тѣ въ свою очередь не понимали, чего отъ нихъ хотѣлъ комиссаръ. Выходили недоразумѣнія, дурно отзывавшіяся на студенческой пищѣ, что порождало ропотъ между студентами. Попробовали перемѣнить комиссара; но и отъ другого не добились толку. Такого комиссара, какимъ былъ Семенычъ, врядъ ли можно найти въ цѣломъ мірѣ. Между тѣмъ недовольство студентовъ росло, и академическое начальство не имѣло покоя отъ ихъ жалобъ на дурную пищу. Эконому категорически предложено было изыскать средства для водворенія порядка на кухнѣ.

Вотъ почему за Александромъ Семенычемъ экономъ послалъ академическихъ лошадей.

Мѣстопребываніе Семеныча было открыто совершенно случайно, благодаря словоохотливости академическихъ служителей.

Въ Академію поставляли дрова. Подводчики оказались крестьянами с. Лютежа и, болтая съ служителями о томъ, о семъ, сообщили, что у ихняго батюшки живетъ такой человѣкъ, что можетъ есть прусаковъ. Слово по слову, и служителя убѣдились, что это некто иной, какъ ихній исчезнувшій комиссаръ Александръ Семенычъ. О своемъ открытіи служителя довели до свѣдѣнія эконома, чѣмъ оказали ему важную услугу.

Не менѣе другихъ прибытію Семеныча обрадовались и служителя, на которыхъ герой нашъ сейчасъ-же прикрикнулъ:

— Ну, чего вытаращили баньки? Пошли по своимъ мѣстамъ!

Давно, очень давно не слыхали они голоса любимаго своего комиссара. Не прошло и десяти минутъ со времени пріѣзда Семеныча, а онъ уже распоряжался на кухнѣ, кричалъ, ругался, словно онъ находился тутъ безпрерывно и никуда не отлучался.

Какъ солдаты радуются присутствію возлѣ нихъ любимаго полководца, хотя бы онъ велъ ихъ на вѣрную погибель, такъ и академическіе служителя радовались и ликовали, видя возлѣ себя Семеныча, который никогда не давалъ имъ потачки, а, напротивъ, подгонялъ, пробиралъ и подчасъ подталкивалъ. Даже новички служителя, никогда до того не видѣвшіе Семеныча, раздѣляли всеобщій восторгъ, чувствуя что это настоящій комиссаръ, а не тотъ мямля, что говоритъ бывало:

„Вы бы, Григорій, чѣмъ зря шататься, занялись бы чѣмъ-нибудь." А чѣмъ заняться, не скажетъ. Или: „это ни на что не похоже! Всюду у васъ безпорядокъ, грязь; да неужели нельзя держать кухню опрятнѣе?" И никто не знаетъ, къ кому должна относиться его рѣчь. А то иной разъ впадетъ въ такое отчаяніе, что ломаетъ себѣ руки и говоритъ: „это каторга, а не служба!... Лучше сдохнуть, чѣмъ возиться съ такимъ народомъ. Будь я проклятъ, если останусь здѣсь служить!..."

Понятно, что такой способъ управленія служителями никуда не годится.

Поглядите на Семеныча, когда онъ въ кухнѣ; это соколъ! Онъ мало тратитъ словъ, даже по имени рѣдко кого называетъ; вѣдь служителей много; перепутаешь имена, анъ глядь, и вышла неурядица. То ли дѣло клички по примѣтамъ, по личнымъ качествамъ, по одежкѣ; тутъ уже не спутаешься.

— „Прикрой, Лысый, кастрюлю"! „Эй, ты, Куртка! убери лохань! Да не плескай, чертъ тебя дери! Кликни курносаго, да вдвоемъ и выноси". „Подложи, Куцый, дровъ". Куда прешь, Кривой бѣсъ"?! „Да не такъ, Долговязый идолъ! Давай сюда!" И Семенычъ безъ лишнихъ словъ самъ сдѣлаетъ то, чего не смогъ Долговязый, а сдѣлавши, еще и похваливаетъ Долговязаго: „ну, вотъ такъ, молодецъ"! Какъ будто сдѣлалъ самъ Долговязый.

— А ты, Рябой дьяволъ, почему до сихъ поръ не убралъ двора?

— Да времени не было, Александръ Семеновичъ!

— Я тебѣ покажу „не было времени"! Дворъ заместь— первое дѣло! Слышишь?

Чрезъ пять минутъ дворъ былъ чисто выметенъ, и Рябой— дворникъ награжденъ рюмкой водки изъ комиссарскихъ рукъ.

Работа и отдыхъ у Александра Семеныча распредѣлены были точно. Требовательный во время работъ, онъ весьма уважалъ послѣобѣденный отдыхъ служителей и считалъ грѣхомъ нарушить въ ту пору ихъ покой.

Не мудрено, что подъ управленіемъ такого комиссара дѣло велось прекрасно, и всѣ были имъ довольны. Своею аккуратностью и исполнительностью Семенычъ заслужилъ благоволеніе инспектора Академіи архимандрита Іоанникія [1]), который, будучи назначенъ ректоромъ кіевской духовной семинаріи, пригласилъ туда и Семеныча въ комиссары. „Но въ семинаріи прослужилъ Семенычъ не долго и вмѣстѣ съ архимандритомъ Іоанникіемъ,

---

[1]) Нынѣ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго.

получившимъ назначеніе быть ректоромъ Академіи, вернулся на старое мѣсто.

Должность семинарскаго комиссара, не смотря на большую, чѣмъ въ Академіи, самостоятельность (въ семинаріи эконома не полагается), мало интересна въ смыслѣ матеріальномъ. Семинаріи содержатся на скромныя епархіальныя средства, и то, что въ Академіи отпускается на одного воспитанника, въ семинаріи приходится дѣлить на пятерыхъ.

Академическій песъ, увязавшійся было за Семенычемъ, не пожелалъ оставаться при семинарской кухнѣ, гдѣ не могъ уже получать изъ рукъ комиссара ни мяса, ни пироговъ, а вернулся въ свою конуру на академическомъ дворѣ, недоумѣвая, какъ это Семенычъ при своемъ геніальномъ умѣ рѣшился промѣнять Академію на Семинарію.

Н. Ракитинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„ПОПОКЪ".

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ[1].

XVII.

Острогъ, тюрьма, солдаты съ ружьями, высокое кирпичное зданіе въ три этажа, два меньшіе домика—одинъ квартира смотрителя, другой баня,—столбъ съ колоколомъ, ступеньки, корридоры, бряцанье кандаловъ на нѣкоторыхъ арестантахъ, восклики *„позвать старшаго"*, *„клюшникъ"*, *„парашка"*, *„цехаузъ"*, *„конторка"*, *„этапъ"*, *„рѣшенный"*, *„подслѣдственный"*, *„непомнящій"*... все это темнымъ, никогда невиданнымъ какимъ-то облакомъ закрыло несчастнаго Хведька. Онъ отупѣлъ опять, растерялся, окончательно обезличился. Впослѣдствіи, когда ему приходилось вспоминать этотъ моментъ его жизни, онъ никогда не могъ достаточно ясно припомнить все съ нимъ происходившее,—такъ вся эта обстановка была ему чужда во всѣхъ ея деталяхъ, такъ она подавляла его.

Между тѣмъ съ нимъ, собственно говоря, ничего необыкновеннаго, такого, чего не продѣлывалось и со всѣми вступающими въ тюрьму, не случилось.

Часовой, посмотрѣвъ въ маленькое окошечко большихъ обитыхъ листовымъ желѣзомъ воротъ, позвонилъ и крикнулъ:

— Позвать ключника и старшаго!...

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 5.

Выбѣжавшій къ воротамъ солдатъ въ форменной кепкѣ [1]) и съ тесакомъ на лѣвомъ бедрѣ и другой солдатообразный человѣкъ въ какой-то черкескѣ что-то спросили Антона, затѣмъ второй отперъ вдѣланную въ ворота калитку и впустилъ ихъ обоихъ, Хведька и Антона, во дворъ и пошелъ съ ними въ среднія двери большого зданія. На крыльцѣ стояли два какіе-то арестанта въ грязномъ бѣльѣ и одинъ въ кандалахъ на ногахъ. Они спросили Хведька:

— Съ воли или отъ Бычкова?—Антонъ за него отвѣтилъ.

— Отъ насъ.

Затѣмъ ввели ихъ въ первую дверь въ корридорѣ направо, гдѣ, опустившись двумя ступеньками ниже, они очутились въ небольшой продолговатой комнатѣ со сводами. Сейчасъ же у двери подъ широкимъ низкимъ окномъ стоялъ столъ съ письменными принадлежностями и бумагами. За столомъ сидѣлъ какой-то сѣденькій старичокъ и по пискливому выклику, доносящемуся изъ другого конца комнаты, что-то записывалъ. Въ томъ другомъ концѣ этой комнаты небольшой, еще не старый человѣкъ въ потертомъ мундирѣ полицейской формы считалъ перекидываемые двумя арестантами сѣрые халаты, такіе же куртки и штаны.

При входѣ Хведька въ сопровожденіи тюремнаго служителя и Антона, слѣдившій за счетомъ куртокъ и штановъ смотритель еле повелъ глазами въ ихъ сторону и мановеніемъ руки остановилъ ихъ у порога, пока не кончилъ счета.

— Отъ Бычкова?—спросилъ онъ, протягивая руку къ Антону за книжкой.

— Точно такъ-съ! вотъ съ арестантомъ! отвѣтилъ послѣдній.

Смотритель взялъ изъ разносной книжки пакетъ и, бросивъ книжку писцу для росписки, самъ быстро сломалъ печать и сталъ читать. Получившій съ роспиской книжку Антонъ ушелъ, а Хведька по приказанію смотрителя стали обыскивать.

— Деньги у тебя есть?—спросилъ смотритель.

---

[1]) Дѣло происходитъ въ 70-хъ годахъ.

— Нѣту-ти—отвѣтилъ по русски, какъ ему казалось, Хведько.

— Смотри, а то, братъ, мои кадеты вразъ разыщутъ. Отъ нихъ не спрячешься, а послѣ будешь матушку рѣпку пѣть... профальцетилъ смотритель.

Но Хведько ровно ничего не понялъ, ни его словъ, ни всей этой процедуры записыванія его мѣры роста, обыска и т. п. Онъ только опомнился, когда провожавшій его на второй этажъ надзиратель въ корридорѣ сказалъ ему.

— Ты, если деньги имѣешь при себѣ, отдай; а то тамъ въ вашей камерѣ ихъ скоро подберутъ! и на вторичное отрицаніе Хведька сказалъ.

— Ну, ничего! Я такъ только къ слову...

Надзиратель по темному узкому корридору, въ коемъ встрѣчались снующіе туда и сюда арестанты, привелъ Хведька въ одну изъ камеръ, надъ растворенной дверью которой была надпись „*воровская*".

— Принимайте новаго постояльца—сказалъ надзиратель, вводя Хведька въ камеру и обращаясь къ находившимся тамъ нѣсколькимъ человѣкамъ.

Ему никто не отвѣтилъ; но всѣ, а ихъ было тамъ человѣкъ десять, повернулись къ дверямъ и смотрѣли на Хведька.

— Вотъ тутъ какъ-нибудь примостишься на нарахъ—сказалъ надзиратель и сейчасъ же ушелъ.

Хведько такъ и остался у двери, осматриваемый какъ жильцами камеры, такъ и остановившимися сзади его у дверей проходящими по корридору арестантами.

Камера была большая, аршинъ десять въ длину и не менѣе 7—8 въ ширину. Два большія окна давали достаточно свѣта, особенно послѣ пройденнаго мало освѣщеннаго корридора. Не смотря на открытыя окна, воздухъ въ камерѣ былъ промозглый; пахло онучами, потомъ и кожевеннымъ товаромъ. Во всю длину одной изъ стѣнъ устроены были нары... На нихъ кой-гдѣ валялась какая-то арестантская одежа—рвань. Въ одномъ углу кто-то изъ арестантовъ лежалъ слегка стонучи; у

одного изъ оконъ на нарахъ же стоялъ столикъ, и около него на чурбанѣ сидѣлъ арестантъ сапожникъ.

— Ну, проходи, чего стоишь!—обозвался одинъ изъ жильцовъ камеры, очевидно намѣревавшійся выйти въ корридоръ.

Хведько посторонился, но все-таки не проходилъ дальше.

— Проходь сюды; оттутъ и сядь!—отозвался къ нему сапожникъ.

Хведько какъ бы встрепенулся отъ забытья, прошелъ до наръ и прежде, чѣмъ сѣсть, сказалъ.

— Здрастуйте! Богъ у помочь!

— Здоровъ, спасибо! Сидай оттутъ—отвѣчалъ сапожникъ.

— Ишъ чортова хохлацкая голова, мазепская! Когда сказалъ „здраствуйте"... какъ своего брата мазепу повидалъ; а то стоитъ, какъ статуй какой! отозвался одинъ арестантъ, тщедушный, блѣднолицый брюнетъ въ донельзя засаленной грязной рубахѣ и такихъ же штанахъ.

Хведько ничего не отвѣтилъ на эту ругань, а только повернулся на мгновеніе въ сторону ругающаго, какъ бы для удостовѣренія, откуда несется эта брань.

Сапожникъ замоталъ головою и только крякнулъ, но тоже ничего не отвѣтилъ ругателю, а обратился къ Хведьку со словами.

— Що жъ, братэць! примощуйся!—Ты откедова?

— Андріевській...

— Знаю! Землякъ! Не дальній! За экономію?—спросилъ онъ, и когда Хведько, не понявъ вопроса, не отвѣчалъ,—объяснилъ вопросъ: за паньске що-небудь попався? Одтедова усе больше таки попадаються....

— Та за паньске бурякове симя. Хлопци передалы у кабакъ, а винъ и каже, що я вкравъ...

— Хто се винъ?

— Та старшина.

Сапожникъ по осторожной деликатности не счелъ себя вправѣ выпытывать всю подноготную, хотя и не вѣрилъ объясненіямъ Хведька.

— Што жъ, на довго?

— Що, на довго?

— Та тутъ тоби сидить,—спрашываю,—довго?

— О! Я не знаю гараздъ...

— „Не знаю ґараздъ"—чортова мазница!—отозвался тутъ же за спиною у Хведька голосъ того же ругателя, слушавшаго все спрашиваемое сапожникомъ, и не успѣлъ Хведько повернуться, какъ тотъ же арестантъ шлепнулъ его со всей руки по затылку и съ непечатною бранью замахнулся ударить и другой разъ. Но Хведько, ограждая себя, поймалъ драчуна за обѣ руки и такъ его давнулъ, что тотъ присѣлъ, какъ-то съежился, и не успѣлъ Хведько его отпустить, какъ онъ зубами впился въ одну его руку.

Отъ боли и неожиданности Хведько разжалъ свои руки и выпустилъ драчуна, который не подымаясь прижалъ концы своихъ пальцевъ ко рту, подувая на нихъ, какъ на обожженные.

— Ишь дьяволъ! Чуть не растрощилъ пальцевъ! Медвѣдь проклятый! Мазепа!—не переставалъ онъ ругаться.

Это обстоятельство послужило поводомъ сближенія Хведька съ арестантомъ сапожникомъ, оказавшимся на самомъ дѣлѣ землякомъ, неподалеку изъ хутора, носившимъ знакомое въ той мѣстности прозвище—Шляховой.

Когда Хведько выхватилъ руку изъ зубовъ ругателя и драчуна, она у него оказалась укушенною до крови. Шляховой, ругая укусившаго, досталъ какую-то ветошку и далъ Хведьку придержать текущую кровь.

Укусившій былъ извѣстный въ этой мѣстности карманщикъ Чистяковъ, предназначенный къ ссылкѣ въ арестантскія роты. Нѣсколькократный сидѣлецъ тюрьмы, юркій, злой и всегда любившій потѣшиться надъ новичками, обыкновенно торопѣвшими на первыхъ порахъ заключенія.

Шляховой, человѣкъ немолодой, былъ профессіональный конокрадъ, отсиживавшій уже другой годъ въ тюрьмѣ вмѣсто арестантскихъ ротъ. Сапожничая и дома, онъ въ тюрьмѣ усовершенствовался и шилъ весьма недурно простые сапоги и штиблеты, чѣмъ заслужилъ даже славу въ средѣ мѣстныхъ кучеровъ и кухарокъ. Мастерствомъ этимъ онъ не только заши-

балъ лишнюю копѣйку, но, благодаря тому, что его умѣньемъ нерѣдко пользовался смотритель тюрьмы, даже добылъ себѣ нѣкоего рода привиллегированность: его свободно допускали къ окошечку воротъ для переговоровъ со знакомыми, водили въ кожевенную лавку, не посылали на огородъ и другія арестантскія работы.

Хведько примостился около Шляхового и прижималъ тряпкою укушенное мѣсто. Лежавшій и все видѣвшій арестантъ приподнялся и вышелъ изъ камеры, и, когда скомандовали идти обѣдать, то уже всѣ знали про случившееся, осматривали съ любопытствомъ Хведька, и даже одинъ подшутилъ, сказавъ:

— Ты бы, братъ, въ больницу попросился полѣчиться, а то онъ вѣдь, смотри, бѣшеный: какъ бы не пришлось послѣ щенятъ скалывать подъ языкомъ.

Отчисленный у Бычкова и не зачисленный на этотъ день въ острогѣ, Хведько не получилъ отпускного хлѣба и довольствовался тѣмъ, что ему далъ Шляховой, пригласившій его и къ своей мискѣ.

Сближеніе Хведька съ нимъ установилось: онъ, Шляховой, далъ ему размять намоченный сапожный товаръ, что и было тщательно и со всею силою исполнено; другой разъ Шляховой ссукивая изъ пряжи дратву, давалъ ему подержать концы. Хведьку не хотѣлось отдаляться отъ этого человѣка, и онъ, какъ-то не думая объ этомъ, очутился въ помощникахъ у Шляхового. Сначала что-то выминалъ, послѣ гладилъ какою-то косточкою ремень а послѣ мало-по-малу началъ и тачать шиломъ и дратвою.

Иногда его отрывали отъ сапожничанья по инымъ дѣламъ и работамъ арестантскимъ: то подметать дворъ, то вывозить парашу, то поливать на огородѣ капусту, то носить воду или колоть дрова,—но онъ каждую свободную минуту примащивался къ Шляховому, помогалъ ему и учился шить, колоть шиломъ и дратвой, которую онъ научился не только сукать, но даже заправлять въ нее щетину. Шляховой между прочимъ научилъ Хведька, что слѣдовало бы ему черезъ кого-нибудь передать домой, чтобы его провѣдали.

Время шло. Отупѣлый сначала, Хведько присмотрѣлся, попривыкъ въ тюрьмѣ, вошелъ въ ея жизнь, ея интересы. Ему почему-то эта тюремная среда казалась высшею отъ той среды экономическихъ рабочихъ и сельскихъ мужиковъ, въ какой онъ по сю пору жилъ. Въ тюрьмѣ всѣ казались бойчѣе, образованнѣе, и хохолъ Хведько начиналъ помимо воли поддаваться вліянію москальскаго духа, господствующаго во всѣхъ „бѣлокаменныхъ“ острогахъ всей Россійской Имперіи, не смотря на то, гдѣ и какое племя окружаетъ этотъ острогъ. Хведько начиналъ „закидать по руському“ и для выраженія болѣе сильныхъ ощущеній употреблять русскую національную брань. Обрусѣніе его, разумѣется, шло бы еще быстрѣе и успѣшнѣе, еслибы не дружба со Шляховымъ, ютившимъ его около себя и пріучавшимъ его къ сапожничеству. Шляховой же былъ заматерѣлый хохолъ, котораго было уже поздно подвергать передѣлкѣ какой бы то ни было среды.

XVIII.

Недѣли двѣ спустя послѣ начала заключенія получилась наконецъ вѣсть изъ дому, хотя и невеселая. Кто-то изъ привозившихъ съ Пучины известку переказалъ Хведьку, что его мать лежитъ больная и даже врядъ-ли поднимется.

Лѣто было уже въ разгарѣ. Прошли Петровки, близилась лѣтняя Казанская (8-го іюля), и за стѣнами тюрьмы на городской площади стала строиться ярмарка.

Изъ кольевъ, шелевокъ, полстей, рогожъ и лубковъ сооружались цѣлые ряды лавокъ, наметывались палатки; явилось двѣ карусели и какой-то балаганъ съ акробатами. Площадь все больше и больше заполнялась этими постройками, телѣгами, людьми, рогатымъ скотомъ и лошадьми. Скотская и овечья ярмарка началась сейчасъ же послѣ Петрова дня и успѣла отторговаться къ кануну оффиціальнаго открытія торга.

Вся эта гуща лавокъ, людей и скотовъ укутывалась облаками пыли, поднятой съ разбитой, измельченной песчаной почвы,

такъ что въ самый день ярмарки (8 іюля) съ высоты тюремныхъ оконъ, гдѣ цѣлый день тиснулись головы арестантовъ, видна была только одна туча пыли, въ которой всѣ голоса и звуки сливались въ какой-то громъ и рокотъ.

Обыкновенно окрестныя крестьянки, бабы, женщины и дѣвки, какъ московки, такъ и хохлушки, бывая на ярмаркѣ, старались побывать и въ недалекомъ отъ города монастыркѣ, въ пещеркахъ. Это особенно бываетъ удобно, когда ярмарка совпадаетъ близко съ воскреснымъ днемъ. Онѣ идутъ дня за два, за три раньше другихъ изъ дому въ городъ; у знакомыхъ оставляютъ ношу, состоящую большею частію изъ призапасенныхъ для продажи на ярмаркѣ холстовъ, нитокъ, ряденъ, суконъ, поясовъ и т. п. женскихъ ткацкихъ издѣлій и, на-легкѣ сходивъ въ пещеры, къ вечеру кануна ярмарки возвращаются въ городъ. Обыкновенно берегъ рѣки Дона въ эти дни унизывается вереницами этихъ мѣстныхъ богомолокъ. Рѣдко, рѣдко въ такой компаніи увидѣть можно дальняго странника—все свои мѣстные.

Отстоявъ обѣдню въ Пещерахъ, богомольцы кой-что закусили и потянулись безконечною пестрою низкою по узенькой тропѣ внизъ къ рѣкѣ Дону.

Широкая панорама развертывается передъ ними.

Внизу подъ горою ровною синею полосою съ сѣвера на югъ тянулась рѣка. За ней широко разстилалась дельта рѣки Осередья, поросшая луговымъ лѣсомъ, среди котораго высилась гора Мамайка. Во впадинахъ одноцвѣтной лѣсной поросли кой-гдѣ блестѣли зеркала озеръ. За лѣсомъ на пескахъ виднѣлся маленькій городокъ съ башнями колоколенъ, желѣзными разноцвѣтными крышами и бѣлѣющими стѣнами, укутанный въ сторону рѣки облакомъ пыли. Къ востоку за городомъ тянулся зеленый лугъ съ виднѣющимися кой-гдѣ излучинами рѣки Осередья и окаймляющими его хуторами. Къ сѣверу отъ луга шла степь съ раскиданными на ней кое-гдѣ сельцами вплоть до синѣющей на горизонтѣ полосы лѣса. На юго-востокѣ, подымаясь отъ луга до края горизонта, разлеглась степь.

Въ длинномъ, неправильно прерывающемся ряду богомольцевъ были богомолки и изъ Андреевки, а между нимъ Сохва,

Мелашка и одна изъ сестеръ Хведька по имени Полька—всѣхъ ихъ было душъ двѣнадцать.

Онѣ незамѣтно для себя пришли до Перебоя, вырывающагося въ сторону притока рѣки Дона, черезъ который устроена переправа на лодкѣ. Тамъ же надъ протокомъ въ нѣсколькихъ шалашахъ живутъ станомъ мѣстные рыболовы, добывая на самоловныя снасти стерлядь. Одинъ изъ такихъ рыболововъ перевозилъ на движущейся по бичевѣ лодкѣ и богомольцевъ. Совершенно достаточная въ обыкновенное время, лодка при такомъ стеченіи ярморочныхъ богомольцевъ не успѣвала скоро ихъ перевозить, почему здѣсь въ эти немногіе часы бываетъ порядочное скопленіе людей.

Андреевскія богомолки не попали сразу на переправу и должны были дожидаться очереди.

Между ними шелъ разговоръ о томъ, что вотъ вчера не удалось Полькѣ Самченковой „добытыся до Хведька".

— Та яжъ и пишла туды до воритъ, а воно якъ гуконе на мене, я й злякалася, а тутъ такы боюся одъ васъ остаться... такъ и не добылася,—объясняла Полька.

— Отъ прыйдеться такы мени добываться—отозвалась бойкая Сохва... Давайте уси гуртомъ пійдемо, такъ насъ пустятъ—добавила она.

— Або ще й усихъ запруть у тюрьми—подшутила Леська Токорева.

— Усихъ не запруть, взмахнувъ задорно головою, сказала Сохва. Мы й справди давайте йты до него. Аже пускають.... Ото тоди, якъ ото Штанькивъ Олекса сыдивъ, такъ до него уси заходылы... разказувалы....

— Пійдешъ, Мелашка,—спросила она внезапно, повернувшись къ ней, задумчиво вперившей глаза въ шибко бѣгущую воду.

— Хто се? Я?—встрепенулась Мелашка и покраснѣла вплоть до ушей.

Взглянувшія было при вопросѣ Сохвы на Мелашку, увидавъ ея сконфуженность, отвернули отъ нея свои глаза.

— Мени за чимъ же йты туды? добавила Мелашка, и не успѣли еще возразить ей, какъ послышался голосъ сидѣвшаго около нихъ дальняго какого-то странника.

— Это что жъ? Кго-нибудь изъ вашихъ обрѣтается въ заключеніи?—пробасилъ онъ. Въ неволѣ вражеской, въ темницѣ? Такихъ подобаетъ посѣтить—продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта.—Въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ—сказано въ священномъ писаніи. Это сдѣлать—все равно, что Богу сдѣлать. Отказываться нельзя. Когда человѣкъ живетъ въ довольствѣ и богатствѣ, когда для всякаго къ нему приходящаго уготовано пиршество и угощеніе, тогда всякій зайдетъ къ нему, всякій обрящетъ себѣ пріятность въ этомъ. А вотъ, ты посѣти сираго, оскорбленнаго, во узѣхъ сущаго, поплачь о его скорби, дай душѣ его пищу духовную, потщися объ утѣшеніи его—вотъ это угодно будетъ Господу, вотъ за это воздастъ тебѣ сторицею... Аминь, глаголю вамъ, понеже сотворите единому отъ сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотворите. Такова заповѣдь Господня— А вы напрасно...

Но въ это время перевозчикъ позвалъ къ лодкѣ, и всѣ поднялись, а съ ними вмѣстѣ и странникъ.

Всѣ молча сидѣли на лодкѣ и, казалось, какъ бы подумывали услышанное отъ странника, на самомъ же дѣлѣ испытывали извѣстнаго рода сконфуженность поучаемыхъ.

Около рыбальскихъ куреней на треногѣ кипѣлъ казанокъ, и странникъ, вѣроятно разсчитывая на рыбную уху, остался на стану, а богомолки потянулись по тропѣ вдоль Дона, то прячась въ прибрежные кусты, то выходя къ самому обрѣзу воды.

Первая заговорила Сохва, когда уже порядочно удалились отъ перевоза.

— А що чулы, дивчата, що винъ наказувавъ? Такъ такы гуртомъ и пійдемо.

Никто не отозвался на это предложеніе, но отсутствіе возраженія означало согласіе компаніи.

Надъ городомъ стояло пыльное облако, сгущающееся къ мѣсту ярмарки и вытягивающееся по дорогамъ; доносился шумъ, рокотъ; берегъ рѣки на всемъ протяженіи кипѣлъ народомъ,

купающимся, варящимъ кое-гдѣ пищу, поившимъ скотину, ждущимъ переправы....

Когда, наконецъ, богомолки, переправившись черезъ Донъ, поднялись по крутому песчаному спуску въ городъ, то порѣшено было идти сейчасъ же въ тюрьму. Въ этомъ соглашеніи, затѣянномъ Сохвою, приняли участіе всѣ ихъ уличане и, разумѣется, безъ спроса предполагалось и участіе Мелашки. Остальныя богомолки пошли въ какой-то домъ за оставленною ношею.

— Аще отъ що: давайте складемося, та купымо паляныцю або кренделивъ—предложила Сохва.

— Та у мене жъ тутъ е паляныця—отозвалась Полька.

— То въ тебе, а то одъ насъ буде—отвѣтила Сохва и первая вынула изъ запрятаннаго за пазухой узелка три копѣйки. Кто далъ копѣйку, кто двѣ, и денегъ набралось шестнадцать копѣекъ. Сохва пошла купить паляныцю, а дивчата кучкой остановились поодаль отъ тюремныхъ воротъ, съ любопытствомъ разглядывая зданіе тюрьмы съ его большими окнами, въ рѣшеткахъ.

Сохва скоро вернулась съ двумя паляныцямы. и подъ ея приводомъ всѣ тронулись къ воротамъ.

На ихъ счастье какъ разъ отворилась калитка, вдѣланная въ ворота, и оттуда вышелъ смотритель замка Лошадкинъ.

Бабы не успѣли посторониться и, что называется, столкнулись съ нимъ носомъ къ носу.

— Вы что?—громкимъ фальцетомъ спросилъ смотритель.

— Мы, пане, Ваше Благородіе тутъ своего, человика хотилы побачиты.

— Какого своего человика? пискнулъ Лошадкинъ въ отвѣтъ сначала было оторопѣвшей, а послѣ оправившейся Сохвѣ.

— Попка, тяпнула Сохва, но сейчасъ же спохватилась, Хведора Самченкового, зъ Андріивки—объяснила она и поклонилась въ поясъ. За нее и всѣ это продѣлали.

— Пусти! Скажи старшему, чтобы вызвалъ—сказалъ Лошадкинъ стоявшему съ ключами около дверей солдату.

Солдатъ отстранился и пропустилъ всѣхъ шесть душъ въ калитку. Всѣ онѣ крестились, переступая порогъ и сейчасъ же

поприжались одна къ другой около столба съ колоколомъ. Даже смѣлая Сохва какъ-то притихла.

— Проходите,—брякнулъ стоявшій около колокола часовой, и онѣ, прижимаясь одна къ другой, пошли за пригласившимъ ихъ ключникомъ въ корридоръ тюрьмы, изъ котораго вели двери къ караулу.

Робко озираясь на солдатъ, стояли оторопѣвшія посѣтительницы въ корридорѣ, молча, ничего не говоря другъ другу, пока наконецъ не явился къ нимъ блѣдный, взволнованный Хведько.

Онъ вышелъ въ корридоръ, близко подошелъ къ нимъ и не могъ ничего сказать. Онъ еле могъ разобрать хорошо, кто пришелъ къ нему, такъ какъ подошедши опустилъ глаза и не смотрѣлъ ни на кого. Немного оправившаяся Сохва первая нарушила молчаніе:

— Здравствуй, Хведоре!—какъ-то въ полголоса произнесла она и передала бывшую въ рукахъ ея паляныцю. Всѣ, кто громче-кто тише сказали тоже—„здравствуй!“

Хведоръ мрачно молчалъ и блѣднѣлъ. Всѣмъ было неловко, не о чемъ было говорить. Полька вдругъ всхлипнула. Это было какъ бы сигналомъ,—всѣ женщины заплакали. Хведько вдругъ покраснѣлъ, еще больше насупился, опустилъ голову, но удержался отъ слезъ и только опять еще больше поблѣднѣлъ.

Стоявшій въ сторонѣ солдатъ что-то хотѣлъ сказать, но только встряхнулъ головою и ушелъ въ караулку.

— Годи, буде, наче покойника, провожаты!—буркнулъ Хведько и взялъ за плечи Польку.

Но долго не унимались разстроганныя посѣтительницы. Мелашка какъ уткнулась лицомъ въ платокъ, какъ закусила губу, такъ и не всхлипнула, но только пошатнулась и должна была прислониться къ стѣнѣ, чтобы не упасть,

Не скоро успокоились всѣ, начиная съ Хведька, который еле могъ себя сдерживать и только, то краснѣя, то блѣднѣя, все говорилъ!

— Буде, годи, чого се вы такъ?

Въ этотъ же корридоръ вошли пришедшія на свиданіе двѣ цыганки, и вскорѣ къ нимъ вышелъ старый слѣпой цыганъ.

Присутствіе этихъ лицъ уняло плачъ, и Сохва обратилась къ Хведьку съ вопросомъ.

— Чи ще тоби довго тутъ страждать?

— А хто его знае; кажуть довго.

Полька разсказала о болѣзни матери, о томъ, что отъ отца нѣтъ вѣстей, хотя двое изъ Александровскихъ и вернулись уже; что ячмень уже скосили—отдали 40 коп. косарю; что на этой недѣлѣ она съ сестрой пойдутъ его вязать и надѣются скосить и жито; что мать приказывала ему пораспросить, не слѣдуетъ ли еще куда-нибудь „списать" какую-нибудь бумагу; такъ она, какъ только „одужаетъ", прійдетъ...

Разговорились о слободѣ, передали Хведьку, что княгиня затѣяла поновлять иконостасъ въ церкви; что передъ заговинами на Бемовкѣ былъ большой пожаръ, сгорѣлъ весь порядокъ около казармъ; что Плахотя Максимъ уже на горѣ строитъ вѣтрякъ; что собирается Микиту своего осенью женить и т. п. и т. п. И еще бы говорили, но явился ключникъ и велѣлъ расходиться.

Полька изъ мѣшка достала было штаны и сорочку, но Хведько отказался взять, говоря, что имъ даютъ казенное.

Стали прощаться, и опять неудержимыя слезы полились изъ глазъ посѣтителей.

Мелашка чего-то было засуетилась, что-то хотѣла будто бы сказать, но окончила тѣмъ, что взяла другую паляныцу изъ рукъ Польки, подержала ее и подала Хведьку.

Оглядываясь на Хведька и все-таки прижимаясь одна къ другой, вышли дивчата съ Сохвою во главѣ изъ тюрьмы и отправились въ ярмарочную гущу.

Разламывая вечеромъ одну изъ паляныцъ, Хведько нашелъ воткнутымъ въ нее серебряный двугривенный.

XIX.

Хведько уже попривыкъ къ острогу и его жизни. Утренняя приборка, носка воды, смѣна караула, провѣрка, приходъ и отправка этаповъ, поливка капусты, вывозъ параши— все это шло своимъ чередомъ, втягивая его въ этотъ циклъ обыденныхъ интересовъ тюрьмы съ ихъ разнообразіемъ.

Особенно любилъ онъ, какъ и многіе изъ его соузниковъ, ходить на огородъ для поливки капусты.

Арестантскій огородъ находился въ излучинѣ рѣки Осередья, облитый этою рѣкою, и только въ одномъ мѣстѣ соединявшійся перешейкомъ съ материкомъ. За Осередьемъ широко стлался лугъ съ порослью лѣса. Въ эту пору лугъ убирали, и всюду виднѣлись косари, гребцы и копны и даже кое-гдѣ сметанные стоги сѣна.

Смотритель Лошадкинъ любилъ тоже бывать на огородѣ, имѣлъ свой бредень, и арестанты охотно ловили мелкую рыбу на уху и раковъ.

Послѣ духоты тюремнаго замка пріятно было дышать свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ огорода; весело было глядѣть на рѣку, лугъ, людей. Двое изъ арестантовъ очень недурно пѣли. Это были хохлы изъ Семеновки и сидѣли въ острогѣ за лѣсную порубку съ сопротивленіемъ и нанесеніемъ побоевъ лѣсной стражѣ. Стройное ихъ пѣніе было какъ-то одобрено женою смотрителя, и съ тѣхъ поръ надзиратели не мѣшали имъ пѣть при поливкѣ.

Слезно, трогательно отзывалась въ душѣ Хведька пѣтая этими арестантами пѣсня.

„Та сама я цвѣтики садила, сама й буду поливать...

„Та сама жъ я дружка полюбила, сама й буду циловать...

Не разъ заходящее солнце своими яркими лучами освѣщало томно задумчивую фигуру Хведька среди грядъ капусты, подъ звуки этой или другой пѣсни забывшаго про поливку и находящіяся въ рукахъ ведра. Думы его витали по надъ левадами Андреевки, душа рвалась въ садокъ къ Мелашкѣ, слезы навертывались на глазахъ и судорожно сжималось что-то въ

глоткѣ.... и только покрикъ надзирателя, торопящаго къ поливкѣ или подшучиваніе кого-нибудь изъ товарищей арестантовъ возвращали его изъ міра грезъ къ горькой дѣйствительности.

— Эй ты! Что задумался?—покрикивалъ кто-нибудь, и Хведько, какъ бы встрепенувшись, брался всегда за работу.

Вечеромъ, когда послѣ повѣрки запирались камеры и когда арестанты устраивали картежную игру, къ которой пристрастіе имѣлъ и Шляховой, Хведько забирался на его мѣсто къ окну и прильнувъ къ рѣшеткѣ, предавался грезамъ—думкамъ, прислушиваясь къ затихающимъ звукамъ городской суеты и впиваясь зрѣніемъ въ туманную даль въ сторону Андреевки. Тоска, гнетъ заключенія не разъ доводили его до нервнаго раздраженія, и въ такія минуты онъ готовъ бы, казалось, разломать эти запоры и цѣною какихъ бы то ни было усилій и страданій вырваться отсюда и хоть на мгновеніе очутиться въ садку, подъ грушею, съ ней, которая для него теперь становилась съ каждымъ днемъ цѣннѣе, желаннѣе.

„Тоскуетъ“!—говорили про него, какъ про новичка, арестанты, въ меньшей или большей степени всѣ знакомые съ этимъ душевнымъ настроеніемъ.

Но эти душевныя страданія, эти, такъ сказать, сеансы порывовъ и тоски имѣли и воспитывающее вліяніе на Хведька. Онъ развивался морально, сталъ болѣе понимать, хотя и по своему, смыслъ окружающей его жизни, сталъ болѣе сознательно относиться ко всему. Его немного поблѣднѣвшее лицо сдѣлалось болѣе осмысленнымъ, каріе глаза его съ поволокой печали уже не смотрѣли съ тою „бугайковатою“ тупостію, которую мы видимъ у многихъ сельскихъ парубковъ, а твердо упирались во все ими видѣнное. Сразу какъ-то онъ возмужалъ, сдѣлался мужчиною.

Въ отношеніяхъ своихъ съ соузниками онъ былъ ровенъ, спокоенъ и, благодаря этому, а также благодаря оцѣненной при случаяхъ физической его силѣ, пользовался нѣкоего рода уваженіямъ. Даже Чистяковъ сталъ было въ немъ заисковать. Но тѣмъ не менѣе вліяніе тюрьмы и ея нравственной атмосферы не могло не сказаться и на немъ, что во первыхъ вырази-

лось, какъ это сказано было выше, въ говорѣ, а затѣмъ уже и въ воззрѣніяхъ на все, какъ заключающееся въ тюремныхъ стѣнахъ, такъ и за ними, „на волѣ.“ Не могъ онъ не поддаться вліянію солидныхъ и, по тюремной этикѣ, „*хорошихъ*“ людей, какими для него были Шляховой и вскорѣ прибывшій въ тюрьму знакомый по земской арестантской Николенко. Онъ, будучи не въ состояніи собственной критикой отвергать и порицать положенія и принципы арестантской морали, постепенно усваивалъ себѣ взгляды этой среды на право собственности, на право насилія и защиты отъ таковаго, сталъ понимать удаль въ умѣніи перехитрить чужую бдительность и бережность.

Какъ это всегда бываетъ, въ острогѣ скоро узнали всю исторію его преступности и поняли, что онъ есть одна изъ жертвъ недоразумѣнія, а также и безсердечность знакомаго имъ судьи. У Хведька же такъ и окрѣпло въ сознаніи понятіе о панахъ, какъ о какой-то неумолимой, жестокой силѣ, которая стоитъ внѣ всякаго взаимопониманія съ нимъ и ему подобными и стихійно давитъ всякаго мужика.

Вращаясь теперь въ этой атмосферѣ дѣятельности, порицаемой обычною жизненною моралью, въ этомъ мірѣ, состоящемъ большею частію изъ нарушителей правъ чужой собственности—(онъ сидѣлъ въ воровской камерѣ), видя въ этихъ нарушителяхъ самыхъ обыкновенныхъ людей, при томъ болѣе или менѣе достойныхъ, Хведько мимовольно поддавался вліянію этой среды и проникался общей этикой. А эта этика въ основаніи своемъ имѣла два положенія: ловко украсть и еще ловчѣе припрятать украденное. Проще говоря, кражи совершались не всегда изъ-за нужды, а сплошь и рядомъ изъ-за удали, по какому-то особому влеченію и по той психической болѣзни которую называютъ клептоманіей. Воръ изъ-за нужды не воръ, а таковымъ только дѣлается, прошедши курсъ сей науки въ острогѣ. Тамъ онъ путемъ общенія съ заправскими ворами, выслушавъ разсказы о разныхъ похищеніяхъ, впитываетъ въ себя всѣ эти воззрѣнія и узнаетъ вкусъ этой удали, прелесть этой жизни, полной риска, сильныхъ ощущеній и не рѣдко, хотя бы

съ недолговременнымъ матеріальнымъ удовлетвореніемъ, полной прихоти разгула.

Проникаясь всѣмъ этимъ, Хведько однакожъ по началу, выслушивая разные разсказы о кражахъ, не могъ не подумать и объ обкрадываемыхъ. Онъ сначала даже относился съ сожалѣніемъ къ нимъ, справедливо громко разъ замѣтивъ, при разсказѣ о кражѣ пары лошадей у проѣзжаго: „Отожъ то побидкався, сердега,“ т. е. обокраденный;—крѣпчая въ этой этикѣ тюремныхъ возрѣній, онъ мало по малу сталъ привыкать къ различію между собою, равно какъ и себѣ подобными арестантами, и тѣми людьми, которые находятся за стѣнами тюрьмы, „на волѣ,“ между ничего не имущими и людьми состоятельными. А такъ какъ этимъ послѣднимъ тюрьмою, а особенно жильцами воровской камеры ихъ состоятельность ставилась въ вину и всегда—хотя бы для оправданія себя—приписывалась загребистости и умѣнію захватить неправыми путями всѣ блага міра,—то всѣ они, люди состоятельные, живущіе на волѣ, и суть враги всякаго порядочнаго арестанта и кромѣ враждебнаго отношенія къ нимъ ничего не заслуживаютъ.

Это общая всѣмъ тюремнымъ сидѣльцамъ мораль. И Хведько, не имѣя въ себѣ запаса разсудительности и нравственныхъ устоевъ, которые бы дали ему возможность противиться этимъ вѣяніямъ, мимо воли имъ поддавался.

Но разъ однакожъ случилось Хведьку рѣзко выказать, что общечеловѣческое чувство жалости къ пострадавшему и общей правды еще не успѣло въ немъ совсѣмъ вывѣтриться подъ мертвящимъ ихъ вѣяніемъ тюрьмы и арестантской философіи.

XX.

А было это такъ.

Этапные дни—(т. е. дни, когда приходитъ или отходитъ этапъ)—имѣютъ для обитателей острога особое значеніе, которое совершенно аналогично съ значеніемъ прибытія парохода въ захолустный какой-нибудь фортъ или въ одинъ изъ прибреж-

ныхъ портовъ, на Кавказскомъ берегу Чернаго моря, или еженедѣльнаго базара въ какомъ-нибудь селѣ.

Съ этапомъ прибываютъ новые люди, новыя вѣсти; или отбываютъ свои сидѣльцы, является возможность быть о нужномъ увѣдомленнымъ, а также увѣдомить давно ожидающихъ вѣсти гдѣ-то въ далекой тюрьмѣ. Кой-что купится, кой-что продастся.... Для обитателей тюрьмы, лишенныхъ возможности свободнаго, безъ цензуры общенія съ такими же сидѣльцами другихъ тюремъ, между которыми сплошь и рядомъ имѣются знакомцы, друзья, а то и товарищи похожденій, весьма важно имѣть случай черезъ живыхъ вѣстниковъ подать или получить вѣсть. Ко всему этому нужно добавить, что этапные пересыльные почти всегда проносятъ съ собою въ тюрьму водку.

Осенній мокрый дождливый день близился къ концу. Перезвонили уже къ вечернѣ въ соборѣ, куда шагомъ проѣхалъ на своемъ старомъ сѣдомъ конѣ отецъ протоіерей; арестантамъ водоносамъ осталось еще только одинъ разъ сходить по воду на Донъ, послѣ чего сейчасъ же будетъ „провѣрка", и за тѣмъ сначала корридоры, а послѣ и камеры запрутъ... А ожидаемаго въ тотъ день этапа все нѣтъ еще. Въ окнахъ верхняго этажа тюрьмы то и дѣло показываются зорко вглядывающіяся въ даль головы нетерпѣливо ожидающихъ этапа арестантовъ. Но не перестающій дождь и какая-то тѣнь отъ низко нависшихъ тучъ не позволяютъ ничего разсмотрѣть вдали.

— Вонъ! тянутся наконецъ!—громко воскликнулъ одинъ изъ такихъ выглядателей, и сидѣльцы тюрьмы зашевелились. Съ этимъ этапомъ, какъ вообще въ осеннее время, ожидалось прибытіе многихъ направляющихся съ юга къ центру Россіи. Но по мѣрѣ приближенія этапа черезъ базарную площадь къ зданію тюрьмы не отрывающіеся отъ рѣшетокъ оконъ третьяго этажа все больше и больше разочаровывались: между нѣсколькими конвойными солдатами двигалась какая-то маленькая фигурка, прикрытая по верхъ головы не то какою-то одежею, не то рядномъ. На возу сзади виднѣлась лишь прикрытая разнымъ тряпьемъ блестящая мокротою куча.

Столпившимся на крыльцѣ тюремнаго дома арестантамъ вскорѣ въ воротахъ предстала такая группа.

За бойкимъ солдатомъ конвойной команды, съ кожанной для бумагъ сумкой черезъ плечо, шла, шлепая мокрыми въ грязи башмаками, молодая еврейка съ двумя дѣтьми—однимъ на рукахъ и другимъ около, а за ними подъ громоздкою ношею намокшаго какого-то тряпья, между коимъ еле можно было различить какія-то одежи, одѣяла и подушки, совсѣмъ согнувшись, тащился изможденный еврей. На нихъ, что называется, нитки сухой не было.

Въ толпѣ арестантовъ послышалось насмѣшливое „ай вай миръ“ и чей-то смѣхъ, но сейчасъ же все смолкло, отъ вызваннаго ли видомъ этихъ несчастныхъ евреемъ, чувства жалости, или потому, что вышедшій изъ своей квартиры и направляющійся за этапными въ контору тюрьмы смотритель Лошадкинъ своимъ высокимъ фальцетомъ закричалъ: пошли! Вонъ по камерамъ!

Арестанты подались внутрь зданія, но пропустивъ въ контору Лошадкина и евреевъ съ конвойнымъ, опять столпились на лѣсницѣ и у дверей конторки.

Процедура пріемки этапныхъ продолжалась не долго: принята препроводительная бумага, статейные (формулярные) списки, сдѣланъ обычный обыскъ, и за тѣмъ вслѣдъ за отступающими по корридорамъ арестантами надзиратель повелъ еврейку съ дѣтьми въ женскую камеру, а еврея сдалъ въ пересылочную. Но не успѣлъ еще надзиратель возвратиться изъ женской камеры, какъ въ пересылочной раздался вопль, вызвавшій туда же стражу и всѣхъ этого корридора арестантовъ. Кричалъ, терзая себя за пейсы и ударяя въ грудь кулакомъ, несчастный новоприбывшій еврей.

— Моя подуска, моя подуска! Ай вей миръ! Моя подуска!— повторялъ онъ, плача.

Не успѣвшій еще уйти изъ конторы смотритель, тоже появился въ этомъ корридорѣ, и его присутствіе уняло начавшійся было ропотъ арестантовъ.

— Ишъ чертовъ жидъ, какую бучу сбилъ изъ-за подушки!— отозвался кто-то.

— Да она то подушка, подушкѣ розы!..—отвѣтилъ другой.

Еврей кинулся къ смотрителю и съ тѣмъ же воплемъ сталъ умолять его найти подушку. Лошадкинъ велѣлъ кликнуть конвой и на арестантовъ закричалъ, чтобы шли всѣ по камерамъ, гдѣ ихъ сейчасъ и заперли.

Вслѣдъ за тѣмъ было приступлено къ обыску, начиная съ воровской камеры. У дверей со смотрителемъ и конвоемъ стоялъ и еврей, весь согбенный, хнычущій.

— Вы!—своимъ пискливымъ голосомъ скомандовалъ смотритель. Сами черти ищите; а то вѣдь я, знаете, какъ поищу!

Угроза эта имѣла такой смыслъ, что сами арестанты станутъ искать только подушки, а если обыскъ начнетъ самъ Лошадкинъ, то можетъ быть отыскано многое, чего арестантамъ держать при себѣ не полагается, табакъ, карты, деньги, водка и т. п. Какъ арестанты, такъ и Лошадкинъ отлично понимали другъ друга и потому обыскъ стали производить сами арестанты. Сперва осмотрѣли нѣсколько изголовьевъ, только для виду, такъ какъ сейчасъ же перешли въ противоположную нарамъ сторону, гдѣ въ углу стояло нѣсколько ряжекъ, и сейчасъ же нашли подушку, вложенную въ двѣ взаимноприкрывающіяся ряжки.

Еврей кинулся къ подушкѣ, схватилъ ее, но когда она оказалась распоротою, и когда онъ, разметывая перья и пухъ, ощупалъ нутро, то завопилъ ужаснымъ голосомъ. Всѣ смекнули, что не подушку такъ настойчиво искалъ онъ, а то, что въ ней было спрятано и чего уже не оказалось.

Вопль еврея поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ своею внезапностію и рѣзко выразившимся отчаяніемъ. Но это былъ всего только однозвучный крикъ, вмѣстѣ съ которымъ несчастный еврей, выронивъ изъ рукъ подушку, разорвалъ обѣими руками воротъ рубахи и, опустившись на полъ, безпомощно откинулся къ стѣнѣ и съ какимъ-то отупѣвшимъ, стекляннымъ взглядомъ, съ постепенно закрывающимися опадающими вѣками, впалъ въ обморокъ.

Лошадкинъ, сначала пораженный этимъ воплемъ, отскочилъ было отъ еврея, но послѣ, опомнившись, закричалъ, обращаясь къ арестантамъ:

— Черти! Это что?! Мнѣ за васъ отвѣчать?! Что стали дьяволы!!

Нѣсколько человѣкъ кинулись къ безчувственному еврею, стали его тормошить, кто-то догадался взбрызнуть водой и, наконецъ, привели его въ чувство. Всѣ эти ухаживанія сопровождались въ своемъ родѣ ласкательными „ну жидочекъ! ишь чортова душа! какъ жидокъ на расправу! Нужно было затѣваться....“ и т. п.

— Смотрите же у меня, погрозился смотритель тѣмъ же своимъ фальцетомъ и, добавивъ обращаясь къ надзирателю со словами: Прійдешь, доложишь!—вышелъ изъ камеры.

Приведенный въ чувство еврей однакожъ не подымался съ полу, плакалъ и жалобнымъ тономъ разсказывалъ, что у него въ подушкѣ были спрятаны тридцать два рубля, все его состояніе, съ каковымъ ему съ женою и двумя дѣтьми предстоитъ еще далекій путь въ Ковенскую губернію.

—Что жъ ребята! отдайте деньги! Это твоя дѣль, Романецъ?—обратился надзиратель сначала ко всѣмъ, а послѣ къ низенькому тщедушному арестанту, къ которому при этихъ словахъ и всѣ обратились. Романецъ какъ-то замялся, но скоро оправился и на слова Шляхового: „Што жъ? Треба отдать! За чимъ свойого брата, невольныка, зобижать“!—онъ вдругъ разразился руганью и полѣзъ на нары.

— Зобижать! передразнилъ онъ Шляхового.—Сами, проклятые варняки, украли, да еще на меня поклепъ ведутъ!—Романецъ, хохолъ по рожденію, совершенно обрусѣлъ, маючись уже нѣсколько лѣтъ по тюрьмамъ. Ворчалъ онъ, прикрашивая каждое слово руганью.

Но у всѣхъ жильцовъ воровской камеры отрицаніемъ и руганью этою ничуть не поколебалась твердость убѣжденія въ томъ, что деньги уворованы не кѣмъ другимъ, какъ только Романцемъ. Хведько же, видѣвшій, какъ Романецъ, вбѣжавшій передъ тѣмъ въ камеру, зачѣмъ-то переставлялъ наваленныя въ углу ряжки, гдѣ нашлась подушка, не сомнѣвался въ опредѣленіи похитителя денегъ, но не смотря на ощущаемую имъ жа-

лость къ еврею, онъ, уже понаторѣвшій въ обычаяхъ и обиходѣ тюрьмы, молчалъ и не высказывалъ своего убѣжденія.

Дѣло выходило щекотливое. Глубокаго убѣжденія въ томъ, что украденныя у жида деньги нужно отдать, никто не имѣлъ, кромѣ Хведька, которому по просту было жаль обокраденнаго. Онъ сознавалъ, наконецъ, что еврею деньги гораздо нужнѣе, чѣмъ Романцу, который ихъ пропьетъ и проюрдонитъ въ карты или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ отдастъ кому нибудь изъ ему подобной братіи. Съ другой стороны, нужно было удовлетворить пригрозившаго смотрителя, требующаго такого или иного, но во всякомъ случаѣ мирнаго прекращенія этой исторіи. Сидѣльцы тюрьмы, опытные старые, не сговариваясь, а въ силу артельной арестантской снаровки сразу порѣшили пойти на компромисъ: они послѣ отрицающей кражу ругани Романца, изъ чего поняли, что если онъ и укралъ деньги, (а въ этомъ почти что были всѣ убѣждены),—то во всякомъ случаѣ не легко будетъ у него ихъ отобрать, стали совѣтовать еврею пообѣщать часть денегъ „нашедшему", но когда и на это еврей не изъявилъ согласія, а Романецъ новымъ, по видимому ничѣмъ не вызываемымъ усиленіемъ ругани всѣхъ предлагающихъ этотъ компромисъ—онъ понялъ, что и его поняли,—окончательно убѣдилъ всѣхъ, до надзирателя включительно, что деньги украдены имъ, то артель порѣшила предоставить его ему самому и даже, въ случаѣ надобности, во искупленіе всѣхъ отъ гнѣва смотрителя, выдать его головою. При томъ же можно было надѣяться, что за ночь изъ камеры денегъ онъ никуда не дѣнетъ и, можетъ быть, одумается.

— Чтожъ, доложи, Мефодъ Тарасьичъ, (такъ звали надзирателя) ихъ высокоблагородію, что сейчасъ не нашли, а къ утру, можетъ, и найдутся—сказали надзирателю, который и самъ по навыку понялъ, что сейчасъ дѣло не устроится, и потому повелъ плачущаго еврея въ пересыльную камеру.

Хведько нѣсколько разъ порывался было вмѣшаться въ это дѣло, обличить Романца, но не сдѣлалъ этого. Ему такъ и хотѣлось схватить этого обидчика несчастнаго еврея, этого ругающаго ослушника, какъ это Хведько понялъ, общаго мнѣ-

нія всей камеры и выжать изъ него эти горкіе тридцать два рубля; но онъ помимо воли подчинился чувству общей сдержанности и, проникаясь надеждою на то, что похитителя за ночь уговорятъ и все уладится, молчалъ.

Но какъ только на корридорѣ затихли шаги удалившихся надзирателя и еврея, и Шляховой сталъ зажигать въ своемъ углу сальную свѣчу, какъ переставшій ругаться Романецъ вдругъ слѣзъ съ наръ и направился къ дверямъ камеры.

Всѣмъ стало понятно, что онъ идетъ припрятать украденныя деньги и такимъ образомъ уменьшить шансы на мирное окончаніе этого дѣла. Хведько это тоже понялъ и, какъ только Николенко громко сказалъ: „Эй ты куда жъ это молодецъ?"—онъ сталъ поближе къ дверямъ, молча заступилъ дорогу Романцу и протянулъ къ нему руку, чтобы его задержать. Но Романецъ, сразу освирѣпѣвшій, ругнулъ Хведька и замахнулся откуда-то взятымъ ножемъ.

Этого было достаточно, чтобы долго сдерживаемое раздраженіе Хведька прорвалось.

Какъ какой-нибудь узелъ тряпья, полетѣлъ отъ здоровенной оплеухи выронившій ножъ Романецъ и вслѣдъ за тѣмъ опять попалъ въ руки блѣднаго, съ грозными выкатившимися глазами Хведька, не бившаго даже, а какъ-то рвавшаго и давившаго свою жертву. Всѣ кинулись разнимать драку или, лучше сказать, отнимать Романца, но послѣ того, какъ первые митигаторы поотлетали въ сторону отъ тычковъ Хведька, всѣ поняли, что тутъ силою ничего не подѣлаешь, и гуртомъ стали уговаривать его. Но онъ не переставалъ терзать Романца, отъ боли и испуга даже не подающаго и голоса, и повторялъ: „отдай гроши! Я съ тебе ихъ выдавлю!"

Шляховой, не безъ злорадства смотрѣвшій на начало потасовки, счелъ необходимымъ унять Хведька, когда Романецъ, сдавленный рукою за горло, уже посинѣлъ и высунулъ языкъ.

— Що то робышъ, нависный?—закричалъ онъ, подходя поближе къ нему.—Отпусты горло, такъ винъ скаже, де гроши! Осатанивъ! Право!

Хведько разжалъ руки, и Шляховой успѣлъ отхватить отъ него Романца, который сквозь кашель и хрипоту съумѣлъ проговорить:

— Въ котахъ!—и повалился на нары, весь истерзанный, оборванный, съ окравленнымъ лицомъ и въ царапинахъ по тѣлу, свѣтящемуся сквозь порванное бѣлье.

Кто-то кинулся къ слетѣвшему съ ноги Романца и валяющемуся на полу его башмаку и въ немъ подъ стелькой открылъ завернутые въ какую-то тряпку, съ пухомъ на ней, тридцать два рубля.

Находка эта отвлекла вниманіе всѣхъ отъ Хведька, который въ какомъ-то отупѣніи, съ опущенными руками и головою, стоялъ на томъ же мѣстѣ гдѣ Шляховой отнялъ отъ него полуживого Романца.

Кто-то побѣжалъ по корридору доложить о находкѣ надзирателю, а Шляховой, сообразивъ, что Романца и Хведька на эту ночь оставлять въ одной камерѣ опасно, пошепталъ объ этомъ Николенку, и затѣмъ уже черезъ того же надзирателя дѣло дошло до смотрителя, который, предполагая, что Романца, вѣрятно, всѣ гуртомъ немного пощупали, распорядился взять его въ особую камеру.

Но на другой день дѣло оказалось хуже: у Романца оказались переломанными ключица и одно ребро, такъ что его пришлось отослать въ больницу.

Исторія эта могла бы окончится плохо для самого Хведька, если не въ смыслѣ отвѣтственности за нанесеніе побоевъ Романцу, про что никто изъ свидѣтелей, а равно и самъ побитый въ силу тюремной этики не заикнулся, то по мстительности самого потерпѣвшаго, способнаго отомстить ему ножемъ. Но случилось такъ, что Романца потребовали въ Ростовъ, куда онъ и отправился въ день выхода изъ больницы.

Но самый фактъ проявленія необычайной силы и употребленіе оной при осуществленіи своего желанія, что было сдѣлано Хведькомъ въ этомъ дѣлѣ отысканія украденныхъ денегъ, упро-

чилъ за нимъ уваженіе всѣхъ соузниковъ и даже стражи, которой все на другой день стало извѣстно.

Это уваженіе имѣло своимъ послѣдствіемъ и то, что Хведько сразу сталъ въ самостоятельное положеніе и избѣжалъ положенія новичка, большею частію уподляемаго тюремномъ режимомъ.

Б. Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія-картинки изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.

ГЛАВА I.

Маленькій уѣздный городокъ Таращa былъ 30 лѣтъ назадъ еще глуше и тише, чѣмъ теперь. Окруженный отчасти чернымъ лѣсомъ, отчасти сосновымъ боромъ, онъ представлялъ красивую, здоровую мѣстность, но городомъ онъ могъ лишь только потому называться, что въ немъ былъ уѣздный судъ, жила уѣздная администрація, были лавки на базарной площади, гдѣ торговали исключительно евреи, да была неизбѣжная въ подобныхъ городахъ „дворянская улица“ съ домами, а не хатами, по которой въ лѣтніе вечера прогуливалась городская знать, т. е. чиновничество. По базарной площади и даже по пресловутой главной дворянской улицѣ важно гуляли обывательскія коровы, свиньи, но главнымъ образомъ любимцы изъ животныхъ народа израильскаго, козы и бородатые козлы, на которыхъ часто съ наслажденіемъ гарцовали малолѣтніе отпрыски мужского пола мѣстныхъ чиновниковъ.—Лѣсъ былъ отъ города близко, хоть рукой, кажись, подать, но добраться до него было трудно, такъ какъ никакъ не могли собраться построить плотину. Черезъ прудъ же, по кладкамъ, ходить было неудобно, а объѣзжать довольно далеко, а потому жители городка чаще довольствовались лишь созерцаніемъ своего красавца лѣса. Въ самомъ городкѣ обыватели все были больше гоголевскаго типа, исключая молодыхъ чиновниковъ изъ университетскихъ, которые, впрочемъ, служили тамъ не долго, а старались, какъ можно скорѣе, выбраться изъ этого милаго захолустья, гдѣ сонъ, карты и сплетни погло-

щали весь досугъ чиновника.—Отъ Кіева нашъ городокъ отстоитъ на цѣлыхъ 130 верстъ, что означало двое сутокъ ѣзды; о желѣзной же дорогѣ тогда только начали поговаривать. Кругомъ, въ имѣніяхъ, жили вельможные паны поляки, тогда еще гордые и смотрящіе съ презрѣніемъ на каждаго, кто не былъ полякомъ, или по крайней мѣрѣ не прикидывался имъ и не говорилъ по-польски, а говорилъ только на своемъ „бараньемъ ензыку." Паны подъ звуки собственныхъ оркестровъ задавали банкеты, большія охоты, ѣздили на контракты въ Кіевъ, куда возили всю кухню, поваровъ и боченками излюбленный бигосъ. Въ уѣздный городъ они тоже пріѣзжали изрѣдка по дѣламъ до „пана маршалка," или за мелкими покупками, или же въ праздникъ въ каплицу. Тогда на улицахъ городка, а главнымъ образомъ у каплицы появлялись роскошные экипажи, запряженные шестериками и четверками цугомъ, раздавался трескъ бичей и стукъ отворяемыхъ дверецъ козачками, въ высокихъ шапкахъ съ цвѣтными верхами и широкихъ шароварахъ съ красными лампасами. Въ эпипажахъ сидѣли хорошенькія пани и паненки. Иногда эти экипажи подкатывали къ плохенькимъ лавкамъ, завѣшаннымъ до половины красной матеріей, что означало, что здѣсь продаются мануфактурные товары, и „піенкныя" пани и паненки выбирали гостинцы для своихъ Марысь и Ганекъ. Пани разговаривали между собой по-французски, а евреи-продавцы калѣчили польскую рѣчь, чтобы угодить покупательницамъ. „Чего мувишь по-москевску, кеды я у цебѣ въ слепѣ?" приходилось часто слышать, когда прикащики осмѣливались въ ихъ присутствіи, въ особенности старухъ полекъ, заговорить по-русски съ русскими покупателями.—Гордость пановъ доходила до того, что одинъ изъ нихъ, еще молодой человѣкъ, богатый помѣщикъ, который, впрочемъ, пользовался общей нелюбовью и среди своихъ и носилъ названіе безуха (говорили, что у него нѣтъ ушей), обращался къ каждому въ третьемъ лицѣ со словомъ „фигура": „нехъ фигура сяда"—обращался онъ къ говорящимъ съ нимъ, безъ разбора возраста и положенія, занимаемаго человѣкомъ; для него всѣ были ниже его. И гнулось, и кланялось, и унижалось все мелкое чиновни-

чество, все, что могло ожидать чего-нибудь отъ широко живущихъ ясновельможныхъ пановъ. Но пало крѣпостное право, прокатилось свѣжей волной новое вѣяніе реформъ, и закипѣла новая жизнь на Руси, съ рѣдкимъ подъемомъ духа, съ большимъ проявленіемъ желанія „положить душу за други своя“ и послужить на пользу меньшаго брата-крестьянина. Съ одной стороны люди средняго возраста, тогдашняя соль земли, отдались служенію по выборамъ въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, вообще занялись вопросомъ, какъ бы лучше развить въ подробностяхъ и ввести въ жизнь великое дѣло освобожденія и послѣдовавшихъ за тѣмъ реформъ. Молодежь же стала заниматься собраніемъ поговорокъ, сказокъ и пѣсенъ народныхъ, всего того, что такъ или иначе характеризировало интересующій всѣхъ теперь народъ. Впрочемъ, послѣднее движеніе началось далеко раньше шестидесятыхъ годовъ. И вотъ среди этой кипучей дѣятельности стало замѣтно движеніе среди поляковъ, какъ ясновельможныхъ пановъ, живущихъ по помѣстіямъ, такъ и среди учащейся молодежи, которая въ то время составляла половину или даже и двѣ трети контингента всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ и университетахъ. Чаще стали паны съѣзжаться на вечера другъ къ другу, въ обществѣ аристократіи-магнатовъ стали появляться оффиціальные посессора; къ нимъ теперь снисходили, ихъ ласкали даже, они, повидимому, были нужны. Среди студентовъ и даже гимназистовъ поляковъ шли также сходки, бурныя пренія. На балахъ магнатовъ пани патріотки, сидя на приготовленныхъ для нихъ тронахъ, старались разными рѣчами, исходящими изъ прекрасныхъ устъ, развить и укрѣпить духъ возстанія за освобожденіе Польши; онѣ же изыскивали источники для добыванія необходимыхъ средствъ, принося, конечно, посильныя пожертвованія. Тутъ же составлялись списки вступающихъ въ ряды повстанцевъ, покупалось и пряталось по погребамъ и ямамъ оружіе, закупались лошади, и ихъ объѣзжали, въ манежахъ, содержимыхъ поляками, или же на конюшняхъ магнатовъ. Въ стѣнахъ университовъ составлялись полки и даже заранѣе молодежь называла другъ друга, со свойственной полякамъ любовью къ титуламъ и внѣш-

нимъ отличіямъ, „пане капитане,“ „пане поручику„ и т. д. Тщетно болѣе благоразумные изъ студентовъ, слышавшіе и видѣвшіе все это, требовали на сходкахъ слова и доказывали осязательно все безуміе этой кровавой затѣи, съ тысячами жертвъ въ результатѣ и съ ухудшеніемъ положенія поляковъ. „Прочь, биць его!“—раздавалось въ отвѣтъ на охлаждающія рѣчи, и бѣднымъ ораторамъ приходилось искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ началѣ лѣта 1863 года раздался общій призывъ „до лясу“, и началось открытое возстаніе. Въ костелахъ ксендзы въ своихъ проповѣдяхъ старались, на сколько возможно было, поддерживать духъ мятежа въ мужской половинѣ своей паствы и вліять на мужчинъ черезъ женщинъ, которыя въ Польшѣ всегда отличались патріотизмомъ и желаніемъ пожертвовать личнымъ благомъ и спокойствіемъ для блага родины.

ГЛАВА II.

Вскорѣ забили тревогу, и всколыхнулись тихіе, далекіе отъ всякой политики обыватели городка Таращи. Помимо того, что они были связаны съ внѣшнимъ міромъ, кто сыномъ студентомъ, кто братомъ,—они вѣрили распускавшимся поляками слухамъ будто-бы войска инсургентовъ были близко, и каждую минуту можно было бояться взятія совершенно беззащитнаго городка инсургентами. Хуже всего себя чувствовали мѣстные чиновники, да всѣ тѣ, что могли быть у народа извѣстны подъ названіемъ пановъ. Озлобленіе крестьянъ малороссовъ противъ поляковъ помѣщиковъ, жестокихъ притѣснителей, дошло до высочайшей точки, а въ такія минуты, какъ данная, народъ при малѣйшемъ поводѣ не сталъ бы разбирать, и досталось-бы всѣмъ, кто по образу жизни и костюму былъ панъ. Особенно угрожающе выглядѣли городскіе мѣщане: вооруженные косами, топорами, вилами, они толпами ходили по улицамъ, побросавъ всѣ свои работы, прислушиваясь къ разговорамъ, грозя убивать каждаго, кто имъ покажется подозрительнымъ, т. е. похожимъ на мятежника. Въ городкѣ была паника: во всѣхъ домахъ

вещи всѣ были уложены, лошади стояли въ упряжи, вездѣ раздавались плачъ, причитанія и боязливый шопотъ. Жена мѣстнаго пристава велѣла на скоро выкопать глубокую яму и помѣстилась тамъ со всѣми чадами, а также съ имѣющимся имуществомъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ занятій не было, и кромѣ полиціи, которая была занята больше, чѣмъ въ другое время, всѣ чиновники слонялись по улицамъ, съ недоумѣніемъ и испугомъ посматривая другъ на друга, ожидая чего-то страшнаго, какъ отъ наступающихъ инсургентовъ, такъ и отъ свирѣпо поглядывающихъ и по своему вооруженныхъ мѣщанъ. По городу, къ увеличенію паники, были раскиданы подметныя письма, обѣщающія рядъ пожаровъ вслѣдствіе поджоговъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ изъ этихъ дней ожиданія ужасовъ раздался звукъ набата и звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, предвѣщающій близость наступающихъ повстанцевъ. Все населеніе съ трепетомъ и страхомъ стало смотрѣть въ даль, гдѣ показалось облачко пыли. Облачко все росло и росло, и, наконецъ, ясно обозначилась толпа людей, двигающихся по направленію къ городку. „Повстанцы, ляхи"!—раздалось кругомъ. Да, это были ляхи, повстанцы, но это не были побѣдныя войска поляковъ, идущія взять городокъ, а это были плѣнные, почти безъ боя взятые русскими войсками, заставшими ихъ раскиданными по лѣсамъ и даже не успѣвшими соединиться, потому что..... среди этихъ отрядовъ были назначены начальники, ихъ уже титуловали, было высокое мнѣніе о будущихъ геройскихъ подвигахъ, но не было ни порядка, ни дисциплины, ни военной подготовки. Толпа приблизилась, и теперь можно было разглядѣть этихъ страшныхъ повстанцевъ, этихъ храбрыхъ защитниковъ отчизны. Это были большею частью безусые юноши, гимназисты и студенты, промѣнявшіе свои мундиры на венгерки, не имѣвшіе понятія не только о войнѣ, да еще партизанской, но не имѣвшіе даже понятія о суровой жизни солдата и въ мирное время. Не у одного изъ невольныхъ зрителей обливалось сердце кровью при видѣ этихъ несчастныхъ юношей и дѣтей-жертвъ, погибающихъ безслѣдно, вырывалось невольное проклятіе по адресу тѣхъ, кто, будучи опытнѣе, послалъ ихъ

жертвовать собой за проигранное дѣло возстанія. Да и было ихъ немного, хотя убитыхъ совсѣмъ небыло. Ихъ хватали почти безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Ихъ всѣхъ изъ ближайшихъ лѣсовъ, мѣста стычекъ, приводили сюда въ городокъ для заключенія въ тюрьму; толпу же составляли горожане зрители, встрѣтившіе ихъ далеко за городомъ. Провожавшая ихъ толпа, все мѣщане и крестьяне, бранилась, смѣялась надъ ними, бросала камнями и грязью. И благо, если въ этихъ молодыхъ, способныхъ на самопожертвованіе сердцахъ оставалась хоть какая-нибудь вѣра въ дѣло, за которое они платили всей своей молодой жизнью.

Что было для нихъ наказаніе, ожидающее ихъ, въ сравненіи съ мыслью, что они были игрушкой въ рукахъ другихъ, что все возстаніе лишь *пуфъ*, но, къ несчастью, *кровавый пуфъ!* Скоро наполнились плѣнными тюрьмы и больницы. Поляки разослали свою „Золотую грамоту", въ которой взывали о помощи у мѣстнаго малороссійскаго народа, обѣщая взамѣнъ золотыя горы. Но какъ наивны были эти воззванія! Неужели населеніе могло забыть такъ скоро обращеніе, польскихъ пановъ со своими крѣпостными? Хотя жестокіе помѣщики встрѣчались и въ коренной Руси, но тамъ была общность религіи, здѣсь же ничто не связывало, а все возстановляло, и потому ясно, что народъ смотрѣлъ на время мятежа, какъ на минуту отмщенія, и нередко по его указанію пана, какъ мятежника, брали подъ стражу, сажали въ тюрьму. И крестьяне пользовались этими правами съ большимъ усердіемъ. Такъ, однажды къ крыльцу мѣстнаго врача въ Таращѣ подкатываетъ собственный экипажъ управляющаго имѣніемъ одного богатаго помѣщика, къ тому же русскаго; управляющій же, правда, полякъ. Въ домѣ замѣтили подъѣхавшій экипажъ, но не обратили особеннаго вниманія на то, кто сидитъ въ экипажѣ, а ждали звонка. Но вмѣсто звонка на кухню входитъ дюжій мужикъ и объявляетъ женѣ доктора, занятой по хозяйству, что пріѣхалъ панъ Х. „Такъ скажи, что просятъ пожаловать въ домъ"—говоритъ докторша. „Ни, имъ не можно; воны арештовани, а вы выйдить до ныхъ, воны хочуть зъ вамы говорыть". Удивленная жена доктора поспѣшила за ворота и съ

недоумѣніемъ увидѣла въ экипажѣ пана X. подъ строгимъ надзоромъ мужиковъ: двое сидѣли на передней скамейкѣ, одинъ рядомъ съ паномъ, а одинъ на козлахъ съ кучеромъ. „Что со мной будетъ"?—спрашиваетъ испуганный X., отъ страха тряся головой, что у него и осталось потомъ на всю жизнь,—„я за собой не чувствую никакой вины; меня же мужики схватили и потащили въ городъ". Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, происшедшаго отъ испуга, пана, вмѣсто тюрьмы, взяли, все же какъ арестанта, въ больницу, гдѣ онъ просидѣлъ довольно продолжительное время. Семья измучилась въ неизвѣстности о дальнѣйшей судьбѣ его, а затѣмъ оказалось, что онъ ни къ чему не былъ причастенъ. Были со стороны крестьянъ и недоразумѣнія: Такъ, въ одномъ сахарномъ заводѣ служилъ англичанинъ Д., говорившій, впрочемъ, по необходимости на ломанномъ польскомъ языкѣ; его то крестьяне схватили. Понятно, что англичанинъ не оставилъ этого дѣла такъ, а пожаловался своему консулу.

ГЛАВА III.

Въ одинъ тихій лѣтній вечеръ шелъ по лѣсу небольшой отрядъ вооруженныхъ людей, подвигавшихся осторожно впередъ по направленію виднѣющейся вдали на опушкѣ лѣса хатки лѣсника. Это былъ отрядъ инсургентовъ, спѣшившихъ соединиться съ остальными польскими отрядами. „Знаете что, панове! не дурно было-бы намъ отдохнуть послѣ нашего тяжелаго маршрута, да и поѣсть не мѣшало бы, а я бы, кстати, занесъ койчто въ дневникъ, а то за этой проклятой погоней за нашими мнѣ давно ничего не приходилось записывать; все равно раньше завтрашняго дня мы съ нашими не соединимся, да и то дай Богъ; вѣдь мы навѣрное не знаемъ, такъ-ли мы идемъ".—Съ удовольствіемъ!—подхватили всѣ предложеніе довудцы, а за тѣмъ нѣкоторые замѣтили близость хаты и предложили зайти попросить чего-нибудь поѣсть, быть можетъ, молока, яицъ или сметаны. Раздалось нѣсколько голосовъ противъ, которые доказывали, что такимъ образомъ можно попасть въ бѣду, но голосовъ этихъ было немного, и скоро большинству удалось убѣдить этихъ

немногихъ, что имъ бояться нечего, городъ былъ далеко, а хлопамъ они дадутъ Золотую грамоту и заплатятъ за угощеніе золотыми дукатами. Отрядъ состоялъ изъ богатыхъ паничиковъ. Вскорѣ поляки достигли хаты лѣсника. На порогѣ ихъ встрѣтила старуха и на ихъ привѣтствіе отвѣчала низкими поклонами. Она объявила имъ, что она осталась одна дома, сынъ же съ невѣсткой ушелъ въ ближайшее село. На просьбу дать поѣсть чего-нибудь баба предложила кислаго молока и сметаны. Принесла она крынку молока, миску сметаны и стала суетиться, вытирая столъ, кладя рушники и приготовляя все для вечери. „Ой лышенько-жъ мое"!—воскликнула она вдругъ, всплеснувъ руками, „а я жъ и забула, що ложокъ у мене не стане. Вybачайте, голубчикы мои паничи" ,прибавила она, низко кланяясь, „почекайте трошечкы, а я побижу, та достану вамъ ложокъ, тутъ не далеко, у сусида; я не забарюсь". Съ этими словами баба, накинувъ платокъ, исчезла изъ хаты и пробѣжала мимо оконъ. Повстанцы расположились въ хатѣ, сбросивъ оружіе. Кто прилегъ на лавкѣ и дремалъ, кто читалъ книгу, а молодой довудца, вынувъ элегантную походную чернильницу и записную книжку, скорѣе альбомъ съ изящными иниціалами на кожанномъ тисненномъ переплетѣ, сталъ записывать впечатлѣнія послѣднихъ дней. Тутъ были описанія живописныхъ мѣстъ, по которымъ они проходили, были элегическія воспоминанія, посвященныя тѣмъ лицамъ и мѣстамъ, которыя они покинули, идя на кровавый бой, но не было ни одной строчки, которая бы показывала, что ее писалъ человѣкъ, выбранный вести цѣлый военный отрядъ, каждую минуту могущій ожидать необходимости сражаться съ непріятелемъ и выступить въ качествѣ распорядителя въ горячей схваткѣ. Минуты тянулись, а баба все не возвращалась. Ужъ запись въ дневникѣ была кончена, сумерки замѣтно сгущались, а бабы все нѣтъ, да нѣтъ. Поляки встревожились; у нихъ явилось подозрѣніе, но уйти, спастись имъ ужъ не удалось: дверь растворилась, и вслѣдъ за бабой вошли мужики и сельскія власти и съ словами „отъ, голубчики, мы васъ и спіймалы", принялись вязать огорошенныхъ неожиданностью поляковъ. Борьба была не долгая: мужиковъ было

вдвое больше, и вмигъ повстанцы были обезоружены и связаны. Ихъ тотчасъ же рѣшили, еще въ ночь, вести въ городъ. Партію пойманныхъ инсургентовъ пришлось вести черезъ село. Часъ еще былъ не поздній, и изо всѣхъ избъ повыскочили смотрѣть на связанныхъ ляховъ. Въ толпѣ слышались проклятія, брань по адресу ведомыхъ. Одному изъ нихъ захотѣлось пить, но не смотря на просьбы, ни одинъ человѣкъ изъ окружающихъ ихъ не захотѣлъ дать глотка воды ненавистному ляху. Ночь спустилась на землю, когда инсургентовъ вели черезъ лѣсъ, и вмѣстѣ съ темнотою ночи пробудились въ душахъ темныхъ людей крестьянъ, ведущихъ повстанцевъ, злые инстинкты злобной мести и жестокости. На просьбы отпустить, на обѣщаніе всего хорошаго въ будущемъ, согласно „Золотой грамотѣ", крестьяне отвѣчали бранью, издѣвательствами и побоями.

ГЛАВА IV.

Во многихъ семействахъ въ городкѣ, и не только въ польскихъ, предавались тревогѣ: всѣ боялись за свою учащуюся молодежь. Особенно безпокоились въ семействѣ мѣстнаго врача, не поляка, у котораго всѣ четыре сына въ то время были въ университетѣ. И тревога оказалась не напрасной: вскорѣ по городу пронесся слухъ, что самый младшій изъ сыновей, студентъ младшихъ курсовъ, арестованъ, но подробностей никто не зналъ. Слухъ подтвердился извѣстіемъ изъ Кіева, но опять же ни причины ареста, ни степени виновности, ничего не было извѣстно, что повергло стариковъ родителей еще въ большее отчаяніе. Но каковы-же были удивленіе и радость всей семьи, когда, спустя двѣ, три недѣли послѣ того, какъ ихъ сынъ, какъ говорили, былъ арестованъ, онъ вдругъ неожиданно, какъ снѣгъ на голову, появился собственной персоной, живъ и невредимъ, среди своихъ домашнихъ. Послѣ первыхъ радостей встрѣчи, обычныхъ въ такихъ случаяхъ привѣтствій и разговоровъ, заговорили, наконецъ о томъ, что больше всего интересовало всѣхъ: объ арестѣ, исторіи, вызвавшей арестъ, и какъ молодой студентъ могъ такъ скоро быть освобожденнымъ. Домашнимъ пришлось

услышать слѣдующую исторію. Молодой человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ къ людямъ весьма веселаго нрава, а политикой совсѣмъ не занимался. Онъ любилъ пѣть, не прочь былъ послушать пѣніе, любилъ хорошенькихъ барышень и радъ былъ ихъ почаще видѣть. Въ описываемое время въ костелахъ можно было видѣть много хорошенькихъ, и къ тому же онѣ тамъ пѣли мелодичные гимны. Траурные костюмы и патріотическія слезы дѣлали паненокъ еще привлекательнѣе. Всего этого было достаточно, чтобы молодой студентъ сталъ посѣщать костелъ и, заглядываясь на миленькихъ паненокъ, сталъ самъ подтягивать патріотическіе польскіе гимны. Такія его дѣйствія, конечно, были замѣчены полиціей и истолкованы въ смыслѣ симпатіи къ начинающемуся броженію среди польской учащейся молодежи. Какъ-то одинъ изъ товарищей предложилъ молодому человѣку, котораго мы будемъ называть Н., помѣняться съ нимъ шляпами. У студента, предложившаго мѣну, шляпа была продолговатая съ большимъ черным перомъ и походила на одинъ изъ видовъ конфедератокъ. Какъ потомъ оказалось, шляпа, надѣлавшая столько бѣдъ, была сдѣлана для Гамлета на домашней сценѣ. Ничего не подозрѣвавшій Н. охотно согласился на предложеніе: необыкновенный видъ шляпы ему нравился. Но и чины полиціи не дремали: конфедератка была замѣчена, но съ варьянтомъ—перо было отмѣчено оранжевымъ. При первыхъ арестахъ Н. не избѣгъ общей участи и былъ засаженъ. Вскорѣ начался допросъ, и здѣсь Н. впервые узналъ, что былъ записанъ поляками-товарищами въ одинъ изъ уланскихъ полковъ, которые должны были формироваться въ стѣнахъ университета изъ студентовъ. Для него это была неожиданная новость, но убѣдить обвинителей въ полномъ незнаніи этого факта и абсолютной невиновности было весьма и весьма трудно. Пребываніе въ мѣстѣ заключенія не представляло ничего страшнаго и непріятнаго; напротивъ, молодежь проводила тамъ время весело, только неизвѣстность будущаго, при накопленіи вышепоименованныхъ уликъ, страшила такихъ инсургентовъ (а ихъ было не мало), какимъ былъ Н. Наконецъ Н. повели къ тогдашнему полицій-мейстеру, очень добродушному нѣмцу. Полиціймейстеръ объ-

явилъ студенту, что онъ за несомненное участіе въ польскомъ возстаніи долженъ отсидѣть въ крѣпости, а затѣмъ послѣдуютъ еще какія-то наказанія. Передавая бумагу, съ которой Н. долженъ былъ явиться въ крѣпость, полиціймейстеръ ему сказалъ: „Я васъ знаю, вы хорошій молодой человѣкъ, вы меня не надуете, я считаю лишнимъ препровождать Васъ съ жандармомъ, не правда-ли, вы и сами отправитесь къ мѣсту назначенія". Студентъ, понятно, разсыпался, въ увѣреніяхъ, но вмѣсто того чтобы отправиться въ крѣпость, отправился въ родной городокъ къ своимъ старикамъ. Родители студента, слушая все переданное, едва вѣрили ушамъ своимъ. Затѣмъ преданному семьѣ доктора человѣку, служившему въ учрежденіи, гдѣ было дѣло о повстанцѣ Н., удалось уничтожить всѣ бумаги, и все дѣло кануло въ Лету. Прошло затѣмъ много лѣтъ, и Н., по окончаніи университета, находясь на государственной службѣ, встрѣтился съ приставомъ, записавшимъ его носителемъ конфедератки съ оранжевымъ перомъ. „Ахъ вы мятежникъ, инсургентъ, какъ это вы попали на государственную службу?" „А вы молчите, клятвопреступникъ," отвѣчалъ ему, тоже шутя Н., „вѣдь вы поклялись, что у меня было на шляпѣ оранжевое перо, а перо было черное." Говорятъ, доброму душой полиціймейстеру удалось спасти такимъ же образомъ, какъ и Н., многихъ невинныхъ въ то тревожное время, когда такъ легко было ошибиться.

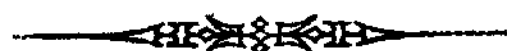
ГЛАВА V.

Очень скоро удалось переловить по лѣсамъ всѣхъ повстанцевъ и потушить мятежъ. Полиція городка Таращи особенно усердно принялась за дѣло, такъ какъ исправникъ нашелъ постановленіе инсургентовъ, которымъ его приговаривали къ повѣшенію, и только счастливый случай спасъ его. Тюрьмы переполнились инсургентами, а также и больницы наполнились больными, ранеными и увѣчными. По тюрьмамъ и больницамъ ходили родственники и близкіе, отыскивая со страхомъ дорогихъ сердцу. И тутъ случались раздирающія душу сцены. Долго ра-

зыскивала одна молодая полька своего жениха; войдя въ больничную палату городка Т., она взглянула на одну изъ коекъ и упала безъ чувствъ. На койкѣ лежалъ, съ ампутированной ногой блѣдный молодой юноша, кромѣ того весь израненный косами, и довольно было взглянуть на него, чтобы понять, что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Бѣдная дѣвушка подоспѣла только для того, чтобы проститься на всегда со своимъ несчастнымъ женихомъ. Вскорѣ изъ губернскаго города былъ присланъ генералъ, чтобы въ присутствіи его были составлены партіи схваченныхъ мятежниковъ для дальнѣйшей отправки. Генералъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы больные были исключены изъ числа связываемыхъ, и имъ дозволено было ѣхать на повозкахъ. Для опредѣленія степени слабости и болѣзни были приглашены врачи. Окруженные конвоемъ и плачущими родными, а также толпой зѣвакъ, въ средѣ которыхъ при видѣ обезоруженныхъ мятежниковъ ужъ далеко меньше озлобленія и пробуждается даже жалость, партіи подвигаются мѣрнымъ, тяжелымъ шагомъ по направленію къ почтовому тракту. Тяжело было глядѣть на это грустное шествіе: лица все молодыя, но измученныя, изстрадавшіяся. Въ ихъ лицѣ зачинщики возстанія погубили безслѣдно молодыя, здоровыя силы, а сколько бы пользы могли принесть эти большею частью образованные и все же способные на самоотверженные поступки юноши! Грустная драма польскаго возстанія закончилась повѣшеніемъ болѣе виновныхъ вожаковъ, ссылкой другихъ въ Сибирь, конфискаціей многихъ имѣній и общими мѣрами для ослабленія польскаго вліянія въ краѣ. Фанатичныя польки надѣли глубокій трауръ. Появились у нихъ на груди большіе черные кресты, онѣ надѣли тяжелыя черныя платья. Но вскорѣ между русскими барынями и барышнями, преимущественно провинціалками Юго-Западнаго края, нашлись подражательницы, принявшія траурные эффектные костюмы за моду. Случалось, что на какой-нибудь деревенской свадьбѣ, у мѣстнаго священника, всѣ поповны и молодыя попадійки танцовали всю ночь до упаду въ длинныхъ черныхъ платьяхъ, подчасъ съ крепомъ, и съ крестами изъ черняго угля на груди.

На лонѣ прекрасной мирной природы, среди не менѣе мирной провинціальной жизни глухого захолустья, развернулась предъ дѣтскимъ тогда еще взоромъ пишущей эти воспоминанія страшныя кровавыя картинки братской борьбы, въ дѣтскомъ сердцѣ запечатлѣлся навсегда страхъ и отвращеніе къ подобнымъ противоестественнымъ явленіямъ. Дай Богъ, чтобы все тогдашнее подростающее поколѣніе, которому въ настоящее время приходится быть руководящимъ поколѣніемъ, вынесло такое-же впечатлѣніе, и чтобы впредь подобныя политическія движенія, столь-же несчастныя, сколько и безплодныя, были-бы немыслимы.

Р. Семенцова.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ юбилею украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды.

I.

Отъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества.

Согласно съ постановленіемъ состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Историко-филологическаго Общества 5 апрѣля 1894 г. принимаются предварительные взносы на издаваемыя обществомъ сочиненія Г. С. Сковороды. Философъ и поэтъ Григорій Саввичъ Сковорода былъ просвѣтителемъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества, преимущественно передового его слоя—дворянства во второй половинѣ прошлаго столѣтія и своей просвѣтительной дѣятельностью подготовилъ почву для открытія Харьковскаго университета. Изъ круга его ближайшихъ учениковъ и друзей вышли самые щедрые жертвователи на университетъ. Съ другой стороны нравственно-воспитательное вліяніе Г. С. Сковороды простиралось и на народъ, который усвоилъ нѣкоторыя религіозно-нравственныя его стихотворенія. Изъ многочисленныхъ произведеній Г. С. была напечатана лишь ничтожная часть и притомъ крайне неудовлетворительно.

Въ виду предстоящаго столѣтія со дня кончины Г. С. Сковороды (29 октабря 1894 г.), Харьковское Историко-филологическое Общество озаботилось собраніемъ его неизданныхъ сочиненій и въ настоящее время располагаетъ цѣлою коллекціею его рукописей; часть ихъ находится въ библіотекѣ Харьковскаго университета, но другая болѣе значительная прислана на время въ Харьковъ изъ Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи и съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества изъ Императорской публичной библіотеки въ Петербургѣ и Румянцевскаго

музея въ Москвѣ (послѣднія рукописи особенно драгоцѣнны, потому что представляютъ автографы Сковороды и подлинное «житіе» его, написанное Ковалинскимъ). Общество нынѣ переписало всѣ эти новые богатые матеріалы и съ мая 1894 г. приступаетъ къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды, какъ философскихъ (9 названій, изъ коихъ 6 неизданыхъ), такъ и литературныхъ.

Въ составъ книги войдутъ слѣдующія статьи: 1) **Критико-біографическая и библіографическая статья** проф. Д. И. Багалѣя, 2) Житіе Г. С. Сковороды, составленное М. И. Ковалинскимъ, 3) Нарцисъ или узнай себя, 4) Правда вѣры, 5) О древнемъ мірѣ, 6) Бесѣда двое, 7) О душевномъ мірѣ, 8) Алфавитъ міра, 9) Начальная дверь ко христіанскому добронравію, 10) Благодарный Еродій, 11) Харьковскія басни, 12) Борьба Архистратига Михаила съ сатаною, 13) Садъ божественныхъ пѣсней, 14) Убогій жайворонокъ, 15) Израильскій змій, 16) Плутархъ о спокойствіи души, 17) Ода Сидронія объ уединеніи и 18) Письма. Означенныя статьи издаются въ одномъ томѣ объемомъ приблизительно въ 35 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ **портрета** Г. С. Сковороды. Изданіе это должно выйти въ свѣтъ къ 29 октября 1894 г. Для ближайшаго завѣдыванія этимъ дѣломъ избрана редакціонная комиссія въ составѣ пяти профессоровъ: А. С. Лебедева, А. С. Дринова, Д. И. Багалѣя, Ѳ. А. Зеленогорскаго и Н. Ѳ. Сумцова. **Цѣна три рубля съ пересылкою** (по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена). Мѣстные харьковскіе подписчики вносятъ предварительные взносы одному изъ поименованныхъ выше членовъ редакціонной комиссіи, а иногородные обращаются непосредственно въ **Харьковскій университетъ**, въ **Историко-филологическое общество**. Даровыхъ экземпляровъ членамъ Историко-филологическаго общества не будетъ.

II.

По поводу извѣщенія Харьковскаго Историко-филологическаго Общества объ изданіи сочиненій Г. С. Сковороды.

Къ столѣтнему юбилею украинскаго философа Гр. Сав. Сковороды (29 октября 1894 г.) долженъ выйти большой томъ его сочиненій (до 40 печатныхъ листовъ). Въ этотъ томъ войдетъ 16 его произведеній, богословскаго философскаго и литературнаго содержа-

нія, изъ коихъ раньше изданныхъ 7 [1]), а неизданныхъ 9. Въ числѣ этихъ 9 неизданныхъ есть одинъ такой трактатъ, принадлежность котораго Г. С. Сковородѣ представляется сомнительной («правда вѣры» —мы его помѣстимъ въ приложеніи), а другой («О душевномъ мірѣ») представляетъ совершенно новую редакцію, сравнительно съ той, которая была извѣстна въ печати. Впрочемъ и то, что было раньше отпечатано, мы теперь издаемъ по подлиннымъ рукописямъ Г. С. Сковороды, во многомъ исправляющимъ и дополняющимъ печатные тексты. Благодаря счастливымъ находкамъ въ Кіевѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Харьковѣ, мнѣ удалось собрать весьма значительную коллекцію рукописей Г. С. Сковороды. Изъ церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи было прислано 12 переплетенныхъ тетрадей, собранныхъ нѣкогда въ Харьковѣ незабвеннымъ архіеп. Филаретомъ и пожертвованныхъ въ Кіевъ С. И. Миропольскимъ; онѣ заключаютъ въ себѣ слѣдующія 13 сочиненій Григорія Саввича: 1) Наркисъ, 2) Бесѣда двое 3) Брань арх. Михаила 4) Жена Лотова 5) Израильскій Змій 6) Потокъ Зміинъ 7) О древнемъ мірѣ 8) О душевномъ мірѣ 9) Симфонія: аще не увѣси 10) Алфавитъ міра 11) Харьковскія басни, 12) Переводъ соч. Цицерона «о старости» 13) Правила нравоучительныя (изъ нихъ изданныхъ 4, неизданныхъ 9). Все это были весьма исправные списки сочиненій Г. С. Сковороды (какъ оказалось по сличеніи ихъ съ оригиналами); нѣкоторые же изъ нихъ (а именно—О душевномъ мірѣ и Алфавитъ міра, переводъ изъ Цицерона и правила нравоучительныя) волей-неволей должны замѣнить оригиналы, такъ какъ этихъ послѣднихъ не найдено. Если мы прибавимъ къ этому, что «Алфавитъ міра» и трактатъ «О душевномъ мірѣ» являются наиболѣе замѣчательными въ философскомъ отношеніи произведеніями, то для насъ сдѣлается окончательно яснымъ, весьма важное значеніе рукописей, любезно предоставленныхъ церковно археологическимъ музеемъ въ распоряженіе Историко-филологическаго общества. Но являлся все-таки вопросъ объ автографахъ сочиненій Г. С. Сковороды, и они были отысканы мною въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, куда были проданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ внучкой того самаго друга и ученика Гр. Сав., Мих. Иван. Ковалинскаго, которому большая часть ихъ была посвя-

---

[1]) Нарцисъ, Бесѣда двое, Начальная дверь ко христіанскому добронравію, Харьковскія басни, Борьба арх. Михаила съ сатаною, Садъ божественныхъ пѣсней, Убогій жайворонокъ.

щена и который написалъ «житіе» наставника. Въ Румянцевскомъ музеѣ оказались слѣдующія рукописи Г. С. Сковороды и о Сковородѣ: 1) 4 объемистыхъ сборника его *автографовъ*, заключающихъ слѣдующія его сочиненія (числомъ 12): а) Асхань или симфонія аще не увѣси б) Потокъ Зміинъ, в) Бесѣда двое г) Наркисъ, д) Брань. арх. Михаила е) Жена Лотова ж) О древнемъ мірѣ з) Начальная дверь ко христіанскому добронравію и) Икона Алківіадская (тоже что Израильскій Змій) і) Ода Сидроніева объ уединеніи к) Еродій л) Садъ божественныхъ пѣсней; 2) объемистый сборникъ собственноручныхъ его писемъ и стихотвореній, преимущественно на латинскомъ языкѣ (а частію на русскомъ и греческомъ); почти всѣ эти письма писаны Г. С—емъ къ его другу М. И. Ковалинскому и представляютъ весьма важный матеріалъ для характеристики его міросозерцанія (въ печати они не были извѣстны, а по количеству своему въ нѣсколько разъ превосходятъ всю извѣстную доселѣ переписку Г. С. Сковороды); 3) 10 писемъ къ пріятелямъ съ 1785 г. (списокъ, сдѣланный повидимому въ г. Острогожскѣ воронежской губ.; въ печати не были извѣстны); 4) Списки нѣкоторыхъ сочиненій Г. С. Сковороды—Харьковскихъ басенъ, Алфавита міра, Кольца (распространенная редакція трактата «О душевномъ мірѣ», соотвѣтствующая печатному изданію его); наконецъ, тутъ же есть и оригиналъ «Потока Зміина» (по свидѣтельству В. Н. Каразина, подтверждаемому сравненіемъ почерковъ) съ любопытной припиской читателя; 5) Два оригинала біографіи Гр. Саввича, составленной М. И. Ковалинскимъ. Какъ видимъ, это—цѣлый кладъ. Въ Имп. Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ нашлись слѣдующія сочиненія Г. С. Сковороды: 1) «Правда вѣры или симфонія божества, почерпнутыя изъ разсмотрѣнія природы въ минуты уединенія для пользы православнаго русскаго люда посвящаетъ странникъ Григорій Сковорода» въ 6 частяхъ, содержащихся въ 6 отдѣльныхъ тетрадкахъ, переплетенныхъ въ бархатный переплетъ; 2) списки Израильскаго Змія» и «Потока Зміина»; 3) Переводъ изъ Плутарха «О спокойствіи души» (едва ли не автографъ). Первое сочиненіе чрезвычайно интересно по своему содержанію, но является сомнѣніе въ принадлежности его Г. С. Сковородѣ, а потому оно будетъ напечатано въ приложеніи, третье представляетъ не простой переводъ, а вольное изложеніе со своими примѣчаніями сочиненія Плутарха и потому заслуживаетъ быть напечатаннымъ. Въ библіотекѣ Харьковскаго университета хранятся тѣ самыя рукописныя сочиненія Г. С. Сковороды, которыя издалъ Пе-

тербургскій книгопродавецъ Лисенко (въ 1861 г.), а именно: 1) Садъ божественныхъ пѣсенъ (списокъ) 2) разговоръ о томъ: знай себя (т. е. Наркисъ) (оригиналъ, какъ сказано въ примѣчаніи, писанный Гр. С-емъ въ пасикѣ на разношерстной бумагѣ) 3) Начальная дверь ко христіанскому добронравію (списокъ) 4) Письмо изъ Гусинской пустыни 5) Израильскій Змій, 6) Борьба и пря о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ, 7) пря бѣсу съ Варсавой (эти послѣднія рукописи были собраны еще въ 1762 г. священникомъ Ѳед. Залѣсскимъ).

Сверхъ того, мы имѣемъ свѣдѣнія о нахожденіи нѣкоторыхъ рукописей Г. С. Сковороды въ библіотекѣ Московской духовной академіи и рукописномъ хранилищѣ Гр. А. С. Уварова (въ с. Порѣчьѣ), но онѣ новыхъ трудовъ его въ себѣ не заключаютъ.

Такимъ образомъ, сверхъ тѣхъ сочиненій, заглавія которыхъ помѣщены въ извѣщеніи Харьк. Историко-филологическаго общества, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи еще слѣдующія: 1) Потопъ Зміинъ 2) Асхань или симфонія аще не увѣси 3) Жена Лотова (или о чтеніи священнаго писанія), 4) Борьба и пря о томъ: претрудно быть злымъ; 5) Пря бѣса съ Варсавою 6) Переводъ соч. Цицерона «О старости». Эти труды могутъ войти во 2-й томъ сочиненій Гр. Сав. Сковороды. Но, не смотря на то, что поиски рукописей оказались весьма удачными, нѣкоторыхъ сочиненій Григорія Саввича не достаетъ еще и теперь. Это обстоятельство побуждаетъ меня обратиться печатно ко всѣмъ знатокамъ, любителямъ, хранителямъ и владѣтелямъ рукописей, къ сотрудникамъ и читателямъ «Кіевской Старины», какъ единственнаго органа, посвященнаго изученію прошлыхъ судебъ Южной Руси, съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ свѣдѣніе о нахожденіи этихъ неизвѣстныхъ еще рукописныхъ трудовъ знаменитаго укринскаго мыслителя и литератора. До самаго послѣдняго времени на сочиненія Г. С. Сковороды обращали мало вниманія даже специалисты изслѣдователи: всѣ интересовались не столько его сочиненіями, сколько его личностью и жизнью; это нужно сказать и даже относительно обстоятельнаго очерка, составленнаго Г. П. Данилевскимъ. Единственное исключеніе представляетъ изъ себя статья Хиждеу[1] (въ «Телескопѣ»), но и она, во 1-хъ, къ сожалѣнію не окончена, а во 2-хъ критика заподозрила знакомство ав-

---

[1]) Арх. Гавріилъ въ своей „Исторіи русской философіи“ повторилъ ее почти цѣликомъ.

тора съ нѣкоторыми сочиненіями Г. С. Сковороды; во всякомъ случаѣ статья эта не даетъ документальныхъ свѣдѣній о тѣхъ произведеніяхъ Г. С. Сковороды, которыя не дошли до насъ, но были въ рукахъ у автора ея, по его же собственному сознанію. Въ теченіе цѣлаго полувѣка со дня смерти Сковороды (въ 1-ю половину XIX в.) было напечатано только нѣсколько отдѣльныхъ его трудовъ и при томъ весьма неудовлетворительно; петербургское изданіе его сочиненій (въ 1861 г.) также не дало истиннаго представленія о Г. С. Сковородѣ, какъ *писатель*; а между тѣмъ съ той поры уже не появлялось въ свѣтъ больше ничего вплоть до нашихъ дней, если не считать прекрасной біографіи Григорія Саввича, составленной другомъ его М. И. Ковалинскимъ и напечатанной впервые въ полномъ ея видѣ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ на страницахъ «Кіевской Старины».

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ,—при отсутствіи возможно полнаго печатнаго изданія сочиненій Г. С. Сковороды,—трудно было составить о немъ надлежащее представленіе, какъ о философѣ, богословѣ и литераторѣ. Неудивительно, что лица, писавшія о немъ, ограничивались тѣмъ, что давали самому ему какую-либо кличку (напримѣръ, мистика, или Сократа, или украинскаго Ломоносова) и о сочиненіяхъ его говорили, что это неинтересная сушь (но при этомъ вовсе иногда не читали ихъ).

Между тѣмъ въ этихъ именно сочиненіяхъ,—каковыми бы они ни оказались,—лежитъ ключъ и разгадка и его міровоззрѣнія, и даже его жизни, ибо это былъ такой цѣльный характеръ, который жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. Вотъ почему Харьк.-Историко-Филологическое общество, желая почтить память Гр. Сав. какъ одного изъ самыхъ выдающихся историческихъ дѣятелей своего края, прежде всего рѣшило заняться собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ его сочиненій.

И доказательствомъ того, что оно стало на правильный путь, можетъ служить между прочимъ тотъ фактъ, что уже теперь явилось двѣ работы о Гр. Сав. Сковородѣ, въ основу которыхъ положено знакомство ихъ авторовъ съ рукописными сочиненіями Гр. Саввича, собранными Харьк. Историко-Филологическимъ Обществомъ (г-жи А. Я. Ефименко въ журн. «Недѣля» и первая часть обширной статьи проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго спеціально о философіи Сковороды въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» за текущій годъ).

Но для того, чтобы составить полное, всестороннее представленіе о Гр. Сав. Сковородѣ, какъ писателѣ, необходимо собрать все, что было имъ написано, а для этого нужно еще розыскать слѣдующіе его рукописные труды: 1) Неграмотный Марко, 2) Бесѣда I. Сіонъ, 3) Бесѣда II. Сіонъ, 4) Бесѣда о любви до своихъ, нареченная Ольга православная, 5) Двѣ проповѣди: а) «убуждшеся, видѣша славу его» и б) «да лобжетъ мя», 6) Бесѣда ангельская о клеветѣ діавольской, 7) О внутреннемъ человѣкѣ. Разговоръ I. Симфонія о народѣ, 8) Помни послѣдняя, помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи (это письмо къ арх. Георгію Конисскому отъ 5 мая 1789 г. изъ Бурлука, представляющее родъ автобіографіи Г. С. Сковороды), 9) Трагедо-комедія (въ силлабическихъ стихахъ), 10) О богослуженіи на небѣ, 11) Небо состоитъ изъ двухъ царствъ, 12) О первомъ состояніи человѣка послѣ смерти, 13) Сфинксъ о древнемъ мудрецѣ Ицпѣ, 14) Переводы— толкованія изъ Плутарха о тишинѣ сердца, о добротѣ и злобѣ и нѣк. др.

Особенно интересны были бы №№ 7, 8, 9, 1, 4. Если И. И. Срезневскій сомнѣвался во всѣхъ вообще библіографическихъ указаніяхъ Хиждеу, въ томъ числѣ и въ принадлежности Сковородѣ сочиненія № 8, которое намъ извѣстно только по глухой ссылкѣ этого послѣдняго, то едва ли это даетъ намъ право отвергать существованіе всѣхъ остальныхъ трудовъ; изъ №№ 1-го и 7-го мы имѣемъ кое-какіе отрывки, а другіе были въ рукахъ у того же Срезневскаго, Г. П. Данилевскаго и Хиждеу. Быть можетъ, при ближайшемъ изученіи окажется, что нѣкоторыя изъ этихъ рукописей не принадлежатъ Г. С. Сковородѣ; но для этого ихъ нужно розыскать и изслѣдовать. И если онѣ такъ недавно существовали на свѣтѣ, то весьма вѣроятно, что и теперь еще онѣ хранятся въ какомъ-либо книгохранилищѣ или у частнаго лица. Вѣдь сочиненія Г. С. Сковороды ходили большею частью въ рукописяхъ и ими интересовались очень многіе! Припомнимъ извѣстный фактъ, что одинъ любитель черезъ «Московскія Вѣдомости» вызывалъ къ себѣ желающихъ вмѣстѣ съ нимъ читать произведенія украинскаго мудреца. Значительную коллекцію рукописныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, еще при жизни его, имѣли священники Ѳед. Залѣсскій, Яковъ Правицкій, помѣщикъ М. И. Ковалинскій и мн. др. Впослѣдствіи его рукописями интересовались такія лица, какъ преосв. Иннокентій и Филаретъ: и тотъ, и другой собирали и изучали ихъ..... Въ семейномъ архивѣ покойнаго И. И. Срезневскаго оказалась его знаменитая вступительная лекція въ курсъ

христіанскаго добронравія, читанный въ Харьковскомъ коллегіумѣ; она любезно предоставлена намъ сыномъ покойнаго Измаила Ивановича, Вс. Изм. Срезневскимъ... Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя сочиненія хранятся и доселѣ въ фамильныхъ архивахъ нашихъ южнорусскихъ дворянскихъ родовъ, въ особенности тѣхъ, которые стояли близко къ покойному философу (а таковыми были Тамары, Тевяшовы, владѣльцы Панъ Ивановки, гдѣ похороненъ Григорій Саввичъ, Ковалевскіе, Розальонъ-Сошальскіе, Шидловскіе и др.). Аскоченскій въ своей исторіи Кіевской Духовной Академіи сообщаетъ, что онъ видѣлъ сочиненія Г. С. Сковороды въ библіотекѣ у Тамаръ[1]); быть можетъ, кое что отыщется и у наслѣдниковъ покойнаго біографа Г. С. Сковороды, Гр. П. Данилевскаго, которому присылали и отдавали его сочиненія разныя лица (въ томъ числѣ преосв. Иннокентій и, кажется, г. Розальонъ Сошальскій). Покойный редакторъ «Кіевской Старины» Өеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ также повидимому имѣлъ въ своемъ портфелѣ его рукописи; желательно было бы знать, какая судьба постигла эти бумаги....

Ожидать отъ находокъ мы можемъ еще многаго; между прочимъ *внѣ всякихъ сомнѣній стоитъ фактъ существованія автобіографическихъ записокъ самаго Гр. Сав. Сковороды и его друга Мих. Ив. Ковалинскаго*; объ этомъ мы находимъ прямое указаніе у этого послѣдняго.

Въ заключеніе два слова о портретахъ Г. С. Сковороды. Изъ одного принадлежащаго намъ письма (владѣльца Панъ Ивановки Ковалевскаго) видно, что съ Гр. Сав. былъ снятъ портретъ въ послѣдній годъ его жизни. По всей вѣроятности, съ этого портрета были сдѣланы вскорѣ послѣ смерти копіи. Но гдѣ оригиналъ, неизвѣстно, также точно, какъ темно происхожденіе его литографированныхъ портретовъ (въ Петербургскомъ изданіи его сочиненій, въ альманахѣ «Утренняя звѣзда и т. п.). Въ нашемъ распоряженіи теперь находится три портрета Григорія Саввича, исполненныхъ масляными красками: одинъ принадлежитъ музею Харьковскаго университета, другой—Императорской публичной библіотекѣ (съ него сдѣлана при-

---

[1]) Основываясь на этомъ и на заявленіи Историко-фил. общества, Императорскій Харьковскій университетъ обратился къ нынѣшнему представителю этой фамиліи, г. Кіевскому губернатору Льву Павловичу Томарѣ съ покорнѣйшей просьбой сообщить, нѣтъ ли въ его распоряженіи рукописей Г. С. Сковороды, но отвѣта до сихъ поръ еще не получилъ.

дворнымъ фотографамъ Класеномъ прекрасная фотографія), третій— наслѣдникамъ недавно скончавшагося любителя малорусской старины и поэта доктора медицины Влад. Степ. Александрова. Здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться на описаніи этихъ портретовъ. Мы пользуемся только настоящимъ случаемъ, чтобы спросить, нѣтъ ли въ чьей-либо коллекціи еще какого-нибудь портрета Г. С. Сковороды. Высказывая свои desiderata относительно матеріаловъ для *біографіи* Г. С. Сковороды, не можемъ, наконецъ, не пожелать, чтобы кто-нибудь (кому это доступно) собралъ свѣдѣнія о пребываніи Григорія Саввича въ Кіевѣ, въ качествѣ студента Духовной Академіи, и въ Петербургѣ, въ качествѣ пѣвчаго придворной капеллы [1]).

Д. Багалѣй.

Къ исторіи Кіево-Печерской Лаврской типографіи. Сообщенная А. И. Соболевскимъ «Похвала Исаіи Балабану» въ VIII-й книгѣ «Чтеній» общества Нестора имѣетъ, намъ кажется, нѣкоторое значеніе и для начальной исторіи кіевскаго книгопечатанія; извѣстно, что оно началось въ 1617 г. выходомъ изъ лаврской типографіи «Часослова», началось, благодаря заботѣ объ этомъ Кіево-Печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, который пріобрѣлъ для Лавры шрифтъ изъ Стрятинской типографіи. Послѣдняя была основана въ 1602 г. Ѳеодоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ, племянникомъ львовскаго епископа Гедеона Балабана; издавъ «Служебникъ» въ 1604 г. и «Требникъ» въ 1606 г., Ѳ. Балабанъ умеръ незадолго до выхода въ свѣтъ послѣдней книги. Послѣ его смерти работа въ типографіи прекратилась, и шрифтъ оставался безъ употребленія до перевода его въ Кіевъ. Лаврскія изданія, по наблюденіямъ изслѣдователей, печатаются и стрятинскимъ, и острожскимъ шрифтомъ; но какимъ путемъ достался послѣдній Е. Плетенецкому, неизвѣстно. Положеніе Исаіи Балабана нѣсколько разъясняетъ этотъ вопросъ.

Исаія (въ мірѣ Іона) былъ вторымъ племянникомъ львовскаго епископа и притомъ, кажется, на столько любимымъ, что изъ-за него онъ ведетъ продолжительную борьбу съ львовскимъ братствомъ. Желая передать послѣ себя епископію племяннику, Гедеонъ еще 5 ап-

---

[1]) Сообщать мнѣ свѣдѣнія можно по слѣдующему адресу: въ Харьковъ, въ Университетъ, профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю.

рѣля 1595 г. выхлопоталъ у короля привиллегію для Исаіи на званіе епископскаго коадъютора; въ 1597 году епископъ овладѣлъ Уневскимъ монастыремъ и передалъ его въ управленіе племяннику, а 30-го іюля того же года архимандрія была утверждена за нимъ королемъ; вслѣдствіе самовольнаго распоряженія монастырскимъ имуществомъ, между братіей и архимандритомъ произошли споры, и онъ былъ сначала изгнанъ изъ монастыря, но возвратившись, силой разогналъ братію. Между тѣмъ Гедеонъ Балабанъ продолжалъ борьбу съ братствомъ, настаивая на признаніи его экзархомъ патріаршаго цареградскаго престола; примиреніе между ними состоялось подъ тѣмъ условіемъ, что Гедеонъ не будетъ домогаться права назначенія себѣ преемника; участіе въ примиреніи принималъ и Исаія; однако, по смерти дяди своего въ началѣ 1607 г., онъ силою захватилъ церковь св. Юрія и домъ епископа, забралъ церковную утварь и на духовенство наложилъ налогъ; при этомъ, отбивая замки у церкви, онъ сказалъ: «кто не имѣетъ ключа обыкновеннаго, для того годится и ключъ св. Петра». Братство отказалось признать Исаію епископомъ и избрало на мѣсто Гедеона Евстафія (въ монашествѣ Іеремія) Тисаровскаго. Князь Константинъ Острожскій старался примирить братство съ Исаіей, но все было напрасно. Тисаровскій, пользовавшійся общими симпатіями, былъ утвержденъ и королемъ 31 октября 1607 г. Исаіи Балабану пришлось уступить и удалиться. Мы думаемъ, что въ это именно время онъ былъ приглашенъ покровительствовавшимъ ему княземъ Конст. Острожскимъ къ занятію Дерманской архимандріи, при чемъ его власти были подчинены и всѣ другіе острожскіе монастыри; при Дерманскомъ монастырѣ въ это время существовала типографія. Исаія, изучившій, вѣроятно, типографское дѣло еще въ Стрятинѣ, могъ собственно съ цѣлью руководства имъ явиться и въ Дермани, монастырь въ которой какъ бы предназначался на вознагражденіе типографовъ; «справцей» этого монастыря былъ также и первопечатникъ русскій Иванъ Ѳедоровъ. Въ 1608 г. умеръ князь Константинъ; устроенная же имъ типографія проработала еще 4 года; въ 1612 г. вышла изъ нея послѣдняя книга; перерывъ въ работѣ произошелъ внезапно по неизвѣстной, впрочемъ, причинѣ; печатаніе въ 1613 г. предполагалось; на это указываетъ сохранившійся переводъ книги Ѳеодора Авукара, который былъ сдѣланъ однимъ изъ учениковъ Острожской школы и посвященъ Исаіи. Приведенное А. И. Соболевскимъ заглавіе книги свидѣтельствуетъ, что оно какъ будто сдѣлано для печати и утверждено подписью Исаіи, въ которой онъ

обозначаетъ свой полный титулъ. Быть можетъ, это былъ выходной листъ. Такого же мнѣнія держится и архимандритъ Леонидъ, составившій «Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова» [1]), въ числѣ коихъ находится и книга Ѳеодора Авукара; что книга была приготовлена къ печати, въ этомъ архимандрита Леонида убѣждаетъ листъ 2-й, на которомъ помѣщено восемь двустишій: «На старожитный клейнотъ княжатъ Острозкихъ» и для герба оставленъ пробѣлъ. Однако, въ 1613 году не только не была напечатана названная книга, но и самое печатаніе вообще прекращено.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Исаія Балабанъ былъ распорядителемъ одной типографіи и владѣльцемъ другой; охладѣвъ почему-то къ издательскому дѣлу и продавъ свою собственную типографію Елисею Плетенецкому, онъ могъ передать въ Лаврскую типографію и шрифтъ Дерманской, съ согласія, конечно, князя Януша Острожскаго, который, какъ католикъ, счелъ, быть можетъ, теперь для себя неудобнымъ поддерживать интересы чуждаго ему уже православія въ возраставшей литературной полемикѣ послѣдняго съ римской церковью.

И. Каманинъ.

Къ исторіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній. Въ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова «Малорусскія фамильныя прозванія» («Кіевск. Ст.» 1885, кн. 2) сообщено много интересныхъ данныхъ о происхожденіи малорусскихъ фамилій. Посвятивъ большую часть статьи фамиліямъ чисто малороссійскимъ, происхожденіе которыхъ «не можетъ быть вставлено въ строго опредѣленныя хронологическія и историческія рамки», авторъ въ заключеніе указываетъ рядъ фамилій иноязычнаго происхожденія, въ которыхъ отразились слѣды сближенія малорусскаго племени съ различными другими народностями. Съ чисто-исторической точки зрѣнія наибольшій интересъ представляетъ эта послѣдняя часть статьи г. Сумцова. Въ фамильныхъ прозвищахъ иноязычнаго происхожденія довольно ясно отразились различныя отношенія малорусскаго народа къ другимъ народностямъ въ различные періоды его исторической жизни. Такъ, по замѣчанію автора, фамилій нѣмецкаго происхожденія среди малорусскихъ фамилій встрѣ-

---

[1]) Т. I, стр. 350.

чается очень мало, татарскаго же происхожденія—довольно большое количество, изъ чего можно заключить, что нѣмцы всегда стояли особнякомъ и мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ, съ татарами же у малороссіянъ, наоборотъ, было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ горькое и невольное; въ началѣ XVII ст. раздаются жалобы на полонизированіе южно-русскихъ фамилій (ок. *скій*), а въ концѣ XVIII ст. фамиліи эти передѣлываются на великороссійскій ладъ (ок. *овъ*); однимъ словомъ по выраженію автора, «безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьянскихъ фамильныхъ прозваніяхъ живетъ старая Малороссія».

Предметомъ настоящей замѣтки послужитъ нѣсколько простонародныхъ фамильныхъ прозваній XVIII в., по происхожденію своему отличающихся отъ разсмотрѣнныхъ въ упомянутой статьѣ г. Сумцова. Прозванія эти встрѣчаются въ многочисленныхъ дѣлахъ «объ ищущихъ вольности» (преимущественно—«съ подъ владѣнія гр. Браницкихъ»), хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Различныя лица, считавшія себя неправильно закрѣпощенными, излагали передъ судомъ свою генеалогію, при чемъ иногда объясняли и происхожденіе своихъ крестьянскихъ фамильныхъ прозваній. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ получили свободу—слѣдовательно, показанія ихъ признаны судомъ за достовѣрныя,—другія оставлены въ крѣпостномъ состояніи; но для нашей цѣли то или другое рѣшеніе дѣла не имѣетъ особаго значенія, во 1-хъ, потому что и неправильно закрѣпощенному не легко было добиться свободы, а во 2-хъ, даже въ случаѣ неточности другихъ показаній, показаніе о происхожденіи фамильнаго прозванія почти всегда можетъ быть признано достовѣрнымъ, т. к. обыкновенно подтверждалось показаніями старожиловъ (70—80-лѣтнихъ стариковъ).

Фамиліи, о которыхъ идетъ рѣчь, можно раздѣлить на три группы: однѣ принадлежатъ козакамъ и мѣщанамъ, переселявшимся съ лѣваго берега на правый, другія—шляхтичамъ, поселившимся на Украинѣ въ концѣ XVIII в., третьи—евреямъ-выкрестамъ

Козаки и мѣщане объясняли свое закрѣпощеніе тѣмъ, что они (или ихъ предки) зашли въ Польшу «въ то время, когда въ оной люди разнаго званія имѣли волю переходить изъ мѣста въ мѣсто безъ приписанія кому-либо и безъ обложенія окладомъ», и закрѣпощены только послѣ присоединенія края къ Россіи—по ревизіи 1795 г. Вотъ нѣсколько фамилій этого рода. 1) Козаки Бурляи, потомки Гадяцкаго полковника временъ Богдана Хмельницкаго, поселились

въ с. Мисаиловкѣ и прозваны были *Капустами*, потому что у нихъ въ огородѣ родилась хорошая капуста; 2) они же прозваны были *Гаркавенками*, потому что «отецъ ихъ имѣлъ рѣчь гаркавую»; 3) золотоношскій—козакъ Котманъ, поселившійся въ м. Городищѣ, получилъ прозваніе *Качуръ*, потому что «для пріѣзда брата зарѣзалъ съ птицъ утокъ самца, при чемъ родственникъ его сказалъ, что будь ты братъ, съ сего времени не Котманъ, а Качуръ»; 4) кіевскій мѣщанинъ Сиволодскій зашелъ въ м. Новояновъ, гдѣ снялъ мельницу; впослѣдствіи записанъ крѣпостнымъ подъ фамиліею *Кривогубъ*, потому что «у него былъ кривой ротъ»; 5) другой кіевскій мѣщанинъ (прежняя фамилія его не названа) переселился въ м. Богуславъ и получилъ прозваніе *Кіяница*.

Шляхтичи обыкновенно объясняли свое закрѣпощеніе «бывшею въ Польшѣ революціею», когда они «должны были утаивать свое званіе, чтобы сохранить жизнь свою отъ распутныхъ людей»; поселившись среди крестьянъ, они принимали крестьянскія прозвища. Вотъ нѣсколько фамилій подобнаго происхожденія: 1) Шляхтичъ Маевскій въ с. Потѣевкѣ получилъ прозваніе *Очеретяный*, потому что «по бѣдному своему состоянію укрылъ хижину очеретомъ»; 2) племянникъ его получилъ прозваніе *Дармограй*—«по искусству его музыкальной игры»; 3) шл. Зборовскій въ с. Малой Половецкой получилъ прозваніе *Распутный*, потому что «поселился между двухъ дорогъ на распутіи»; 4) шл. Галецкій, поселившійся въ с. Насташкѣ, прозванъ былъ *Пехотою*, потому что «въ великую зиму (1788) билъ на нартахъ звѣрей;» 5) другой Галецкій (тамъ же) получилъ прозваніе *Ковтунъ*, потому что «у бабушки его, родомъ молдаванки, находился на головѣ колтунъ»; 6) шл. Костецкій въ с. Насташкѣ прозванъ *Таранъ*, потому что имѣетъ оспова́тое лицо; 7) шл. Харлицкіе «во время гайдамакъ, потерявъ свою прерогативость дворянскую, ради страха зашли въ с. Салиху, гдѣ получили прозваніе *Лисого*, зъ причины отца нашего лысины»; 8) шл. Галузинскіе въ с. Насташкѣ получили прозваніе *Безнощенко* отъ своего предка, записаннаго въ ревизію подъ именемъ Трохима Безносаго; 9) шл. Бѣлокшицкіе въ с. Чепелевкѣ прозваны *Кравченками*, п. ч. одинъ изъ нихъ занимался кравецкимъ ремесломъ; 10) то же прозваніе и по той же причинѣ получили шл. Кржиские въ с. Севериновкѣ; 11) малолѣтній шл. Гіевскій «за существованіе Польши, когда людямъ былъ вольный переходъ съ мѣста на другое», заведенъ съ Волыни въ с. Потѣевку своею матерію, которая вторично вышла за-мужъ за

мѣстнаго коваля, почему онъ и получилъ прозваніе *Коваленко*; 12) шл. Корженевскій, товарищъ значковый, поселился въ с. Кожанка, потомки его записаны при ревизіи крестьянами подъ фамиліею *Швецы* (по ремеслу); 13) шл. Кржискіе въ с. Севериновкѣ (ср. № 10) назывались также *Радченки*, потому что отецъ ихъ назывался Родіонъ; 14) одинъ изъ шл. Костецкихъ (ср. № 6) въ с. Насташкѣ назывался *Марченко* по имени отца; 15) шл. Матусевичъ въ с. Пищикахъ женился на крестьянкѣ «Евдокіи Зяхаровнѣ», почему потомки его занесены въ ревизскія сказки крестьянами подъ фамиліею *Зяхаренковъ*, хотя двоюродный братъ ихъ записанъ шляхтичемъ и подъ прежнею фамиліею; 16) шл. Соецкіе въ с. Янишовкѣ получили прозваніе *Лабунцы*, п. ч. зашли изъ м. Лабуня.

Евреи-выкресты, принявъ христіанскую вѣру (по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ «въ часѣ колеивщины»), поселялись среди крестьянъ и впослѣдствіи закрѣпощались. Фамильныя прозванія ихъ въ большинствѣ случаевъ не нуждаются въ комментаріяхъ; вотъ нѣсколько наиболѣе распространенныхъ: 1) *Крыжановскіе*, 2) *Обеляниновы*, 3) *Навроцкіе*, 4) *Добровольскіе*, 5) *Цибульскіе*.

Приведенные факты, подтверждая нѣкоторыя общія положенія Н. Ѳ. Сумцова о происхожденіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній, могутъ нѣсколько дополнить сказанное во второй части его статьи объ отраженіи въ фамильныхъ прозваніяхъ разнообразныхъ отношеній малорусской народности къ народностямъ, съ которыми она вступала въ соприкосновеніе. Факты эти показываютъ, что взаимодѣйствіе различныхъ народностей отразилось не только въ появленіи фамильныхъ прозваній иноземнаго происхожденія или въ передѣлкѣ малорусскихъ фамилій на иноземный ладъ, но и въ замѣнѣ иноземныхъ прозваній малорусскими. Другими словами, они показываютъ, что малорусская народность, при соприкосновеніи съ другими народностями, играла не всегда пассивную роль, но иногда и активную: польскіе шляхтичи, евреи, даже лѣвобережные козаки, поселяясь среди крестьянскаго населенія, ассимилировались съ нимъ и принимали крестьянскія прозвища, не предвидя роковыхъ послѣдствій, которыя навлекла на нихъ эта перемѣна во время ревизіи 1795 г. Фамилій подобнаго происхожденія, вѣроятно, существуетъ не мало среди крестьянъ (въ особенности, конечно, въ правобережной Украинѣ), но онѣ съ трудомъ могутъ быть выдѣлены изъ общей массы фамилій, чисто малороссійскихъ, вслѣдствіе полной ассимиляціи носителей ихъ съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Тѣмъ

большій интересъ представляютъ приведенные факты, въ которыхъ происхожденіе фамилій констатировано оффиціальными документами. Кромѣ того, факты эти заключаютъ въ себѣ указанія на нѣкоторыя небезынтересныя стороны въ положеніи крестьянъ правобережной Украины въ XVIII в.

В. Щербина.

Инструкція для кіевской духовной академіи 1763 года (Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1893 года, №№ 19. 20).

Подъ такимъ заглавіемъ обнародованъ проф. С. Т. Голубевымъ открытый имъ въ одномъ изъ кіевскихъ книгохранилищъ (къ сожалѣнію, не говорится въ какомъ) весьма интересный памятникъ. Обстоятельства происхожденія этого памятника, какъ они излагаются въ предисловіи къ изданію, были таковы.—25 іюля 1758 года, вмѣсто скончавшагося Манассіи Максимовича, ректоромъ Кіевской Академіи былъ назначенъ Давидъ Нащинскій. Это назначеніе было непріятно для академической корпораціи, которая желала видѣть ректоромъ Академіи своего префекта Самуила Миславскаго. Поэтому, съ самаго же начала между ректоромъ Давидомъ Нащинскимъ и профессорами Академіи установились немиролюбивыя отношенія, вскорѣ принявшія даже характеръ открытой борьбы. Слѣдствіемъ борьбы между начальникомъ и подчиненными было увольненіе Давида Нащинскаго отъ должности ректора Академіи. Но борьба академическихъ наставниковъ съ ректоромъ Давидомъ Нащинскимъ имѣла еще и другое—доброе—слѣдствіе. Она открыла въ жизни Академіи многія неустройства, устраненіемъ которыхъ и долженъ былъ прежде всего заняться новый ректоръ Академіи—Самуилъ Миславскій. Плодомъ заботъ послѣдняго объ упорядоченіи внутренней академической жизни, надъ чѣмъ онъ работалъ подъ руководствомъ митрополита Арсенія Могилянскаго, и былъ проэктъ, или мнѣніе о возможно лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ Академіи. Мнѣніе это, утвержденное м. Арсеніемъ, получило значеніе устава для Академіи и потому является драгоцѣннѣйшими матеріалами для исторіи нашей старѣйшей Академіи за время второй половины XVIII в. Важное историческое значеніе академической инструкціи 1763 года еще болѣе возвышается слѣдующими особенностями ея. Съ одной стороны, инструкція эта обнимаетъ всѣ стороны внутренней академической жизни и, такимъ

образомъ, даетъ полное и цѣлостное представленіе объ этой послѣдней; а съ другой стороны, составители инструкціи руководились древними академическими традиціями, изъ которыхъ однѣ были возстановлены, какъ полезныя, а другія, наоборотъ, были отмѣнены, какъ уже отжившія свой вѣкъ, или же прямо вредныя въ какомъ-либо отношеніи. Благодаря всему этому, академическая инструкція 1763 года проливаетъ свѣтъ и на предшествующую исторію Академіи.

Самая инструкція состоитъ изъ пяти отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: «мнѣніе, чему именно, въ какой школѣ, и какъ обучать должно?» довольно подробно излагается программа учебнаго курса всѣхъ классовъ, или школъ Академіи; во второмъ—точно обозначается, «когда и кому имянно изъ учителей ходить въ свою школу, сколко въ оной сидѣть, такожъ когда какую школу каждому начинать и кончить»; въ третьемъ содержится «росписаніе, какимъ образомъ часы для ученія въ академіи кіевской раздѣлены», въ четвертомъ—говорится о томъ, «какъ учителямъ и внутрь и внѣ своей школы поступать», а въ пятомъ—о томъ, «чего имянно ректору съ префектомъ наблюдать найприлежнѣйше должно».

Инструкція 1763 года знакомитъ насъ съ нѣкоторыми весьма интересными обычаями и любопытными порядками тогдашней академической жизни. Въ одномъ, напр., мѣстѣ инструкціи внушается учителямъ, что они «всякаго дня приходя въ свою школу по означенному себѣ сигналу, должни всуе времени не терять, забавляя учениковъ или нѣкоторыми баснями (какъ прежде сего часто обычай бывалъ), или инымъ какимъ безполезнымъ образомъ, но по приходѣ своемъ тотъ часъ дѣло свое начинать, и о произвожденіи онаго со всякимъ успѣхомъ всемѣрно стараться». Учители должны были во всемъ слушаться ректора и префекта, не прекословить въ исполненіи ихъ законныхъ требованій и не вмѣшиваться «въ дѣла, единственно касающіяся префектовской должности». Учители «не должны были отъ служенія соборнаго ни мало отговариваться» (кромѣ непритворной болѣзни); но «на берегъ къ Днѣпру съ прежняго обычая прохаживатся, такожъ лѣтного времени съ учениками на рекреацію въ поле ходить не воспятително» было. Наконецъ, учители должны были «какъ самы богоугодное и непорочное житіе всегда проводить, такъ и учениковъ къ тому добрымъ ученіемъ всетщательно опасаясь за нераченіе въ томъ суда Божія и архипастырскаго истязанія, наставлять, образъ всякой добродѣтели отъ себе подавая».—Ректоръ былъ верховною властію въ Академіи, а префектъ былъ начальни-

комъ преимущественно въ отношеніи къ ученикамъ. Оба они должны были посѣщать «въ недѣлю двѣ школы, а въ другую неделю другіе двѣ, и такъ и прочіе кругомъ, а когда въ школу прійдутъ, учитель при нихъ учить будетъ, а они слышать хотя черезъ полчаса, такожъ и вопросами отвѣдывать учениковъ, знаютъ ли, что уже должно бы имъ знать». Вмѣстѣ съ тѣмъ среди академической корпораціи существовало нѣчто подобное домашнему суду. Вслучаѣ недоразумѣнія между учениками и учителемъ, дѣло разсматривалось въ собраніи всѣхъ учителей подъ предсѣдательствомъ префекта, при чемъ недовольные имѣли право обращаться потомъ съ жалобою къ ректору; если недоразумѣніе происходило между самимъ префектомъ и учениками, то дѣло разбиралось учителями подъ предсѣдательствомъ ректора; обращаться же съ жалобами къ высшему начальству (митрополиту), «мимо верховную академическую команду, то есть, ректора», запрещалось, «подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ». Въ Академіи того времени видимо процвѣтала система тѣлесныхъ наказаній. За каждую провинность полагалось соотвѣтствующее наказаніе лозою, или палею отъ 3 до 20 ударовъ. Употреблялся, кромѣ того, такъ называемый калкулюсъ. «Между студентами Академіи кіевской и солдатами, такожъ Магистрату кіевскому, сотенной Кіевской канцеляріи и другимъ командамъ подсудственными людми» происходили иногда споры и драки. «Обычай древній въ Академіи кіевской былъ ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ девятаго числа по 1 число сентября отпускать учениковъ риторики, поэтики и сѵнтаксими бѣдныхъ, нищихъ, родителей лишившихся, и вовся никаково же питанія ни откуду не имущихъ, для испрошенія себѣ милостини».

Изданная проф. Голубевымъ инструкція 1763 года имѣетъ важное значеніе не только для исторіи Кіевской Духовной Академіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для характеристики ея составителя—Самуила Миславскаго, скончавшагося въ 1796 году въ санѣ кіевскаго митрополита. Въ виду собственно этого считаемъ позволительнымъ и умѣстнымъ обратить вниманіе будущаго біографа кіевскаго митрополита Самуила Миславскаго на слѣдующее обстоятельство, пропущенное авторомъ существующей біографіи Самуила—Рождественскимъ. Инструкція для кіевской Академіи 1763 года была вторично издана Самуиломъ Миславскимъ въ измѣненномъ—отчасти сокращенномъ, отчасти дополненномъ видѣ. Это случилось въ 1769 году, когда Самуилъ Миславскій былъ Бѣлгородско-обоянскимъ епископомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ Харьковскимъ коллегіумомъ. Послѣдній былъ

однимъ изъ превосходнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ южно-русскихъ учебныхъ заведеній прошедшаго вѣка. Основанный въ 1726 году Бѣлгородско-обоянскимъ епископомъ Эпифаніемъ Тихорскимъ подъ именемъ славяно-греко-латинскихъ школъ и покровительствуемый тогдашнимъ меценатомъ Бѣлгородской провинціи кн. М. М. Голицинымъ, Харьковскій коллегіумъ быстро разцвѣлъ и скоро сдѣлался самымъ любимымъ и симпатичнымъ для всего слободско-украинскаго населенія учебнымъ заведеніемъ. И самою блестящею эпохою въ исторіи Харьковскаго коллегіума было именно время управленія Бѣлоградско-обоянскою епархіею и вмѣстѣ Коллегіумомъ Самуила Миславскаго. Въ самый годъ вступленія преосв. Самуила на Бѣлоградско-обоянскую архіерейскую каѳедру въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, по приказанію Императрицы Екатерины II, были учреждены прибавочные, или вспомогательные классы, въ которыхъ должны были преподаваться воспитанникамъ математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія, геодезія и языки: итальянскій, французскій и нѣмецкій, тогда какъ въ нормальныхъ классахъ коллегіума изучались слѣдующіе предметы: богословіе, философія, естественная исторія, физика, риторика, піитика, этика, гражданская исторія, географія, музыка, живопись и языки: еврейскій, греческій, латинскій, славянскій и русскій. Преосв. Самуилъ, съ своей стороны, распорядился, чтобы прибавочные классы посѣщались не одними только дворянскими дѣтьми, для которыхъ они преимущественно предназначались, но и всѣми вообще учениками Коллегіума. А для того, чтобы посѣщеніе учениками Коллегіума прибавочныхъ классовъ не вносило никакого замѣшательства или безпорядка на общій ходъ коллегіумскаго преподаванія, преосв. Самуилъ издалъ составленныя имъ: а) «росписаніе часовъ, по которымъ имянно должны обучаться какъ латинскаго языка, русской грамматики, риторики и поэзіи, тако же и языковъ иностранныхъ и другихъ искусствъ въ новоприбавочныхъ классахъ преподаваемыхъ Харьковскаго коллегіума ученики» и б) «*Инструкція Харьковскаго училищнаго Коллегіума ректору и богословіи учителю Іову да префекту и философіи учителю Харьковскому протоіерею Михаилу Шванскому съ учителями о томъ, какъ и чему именно въ ономъ Коллегіумѣ учить*». [1]).

---

[1]) Она отпечатана въ „Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Ист. и Древн. Рос.“ 1885 г.. Окт.—Дек. (Кн. 4), стр. 60—79.

Послѣднюю «инструкцію», изданную преосв. Самуиломъ Миславскимъ въ 1769 году, мы и имѣемъ въ виду. Она во многихъ случаяхъ буквально сходна съ «инструкціей для кіевской духовной Академіи 1763 года». Такъ, въ первомъ трактатѣ, озаглавленномъ въ кіевской инструкціи: «Въ священной Богословіи», а въ Харьковской инструкціи просто: «въ Богословіи» § 10 первой совершенно сходенъ съ § 6 второй, § 11 первой—съ § 8 второй, § 12 первой—съ § 4 второй и § 13 первой»—съ § 5 второй; но въ указаніи пособій по «богословіи» (особенно русскихъ) харьковская инструкція подробнѣе кіевской. Во второмъ трактатѣ, который въ обѣихъ инструкціяхъ озаглавливается такъ: «въ философіи» §§ 1 и 4 совершенно сходны между собою и только въ указаніи пособій по философіи харьковская инструкція является болѣе точной, чѣмъ кіевская.—Дальнѣйшее сравненіе между двумя разсматриваемыми инструкціями также обнаруживаетъ между ними во многихъ случаяхъ буквальное, а въ другихъ болѣе или менѣе приблизительное сходство. Совершенно самостоятельными являются въ кіевской инструкціи трактаты: 1) въ «еврейской школѣ», 2) «въ французской школѣ», 3) «въ нѣмецкой школѣ»», а въ харьковской инструкціи трактатъ «о катихизисѣ».

Словомъ, сравненіе кіевской и харьковской инструкціи показываетъ, что въ половинѣ прошедшаго столѣтія южная Россія имѣла два почти совершенно одинаковыхъ превосходныхъ разсадника высшаго образованія, Кіевскую Академію и Харьковскій Коллегіумъ. Исторія окончательнаго благоустроенія обоихъ этихъ учрежденій неразрывно связана съ именемъ кіевскаго митрополита Самуила Миславскаго.

Ѳ. Титовъ.

Къ исторіи пьянства въ Малороссіи. *Два распоряженія гр. П. А. Румянцева.* 1) Отъ графа Румянцева-Задунайскаго Черниговскому Намѣстническому правленію циркулярно въ должности всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества о губерніяхъ учрежденій Генералу Губернатору предписанной, обязанъ онъ между протчимъ оказывать доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу, пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, роскошъ безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества и безпутства; а земскому исправнику въ уѣздѣ и городничему въ городѣ препоручено: «словами поощрять обыва-

телей, не токмо ко всякому роду дозволеннаго трудолюбія, рукодѣлія и промысла, но и вообще всѣхъ людей къ добронравію, человѣколюбію и порядочному житію» и особливо состоявшагося устава благочинія или полицейскаго въ статье 256 сказано: «Буде кто найденъ будетъ на улицѣ или въ общенародномъ мѣстѣ отъ пьянства въ безпамятствѣ, да накажется суточнымъ воздержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; «буде же кто злобыченъ въ пьянствѣ, безпрерывно пянъ (sic) или болѣе времени въ году пьянъ, нежели трезвъ, того отдать на содержаніе въ смирительный домъ, дондеже исправится». Въ наблюденіе коихъ, и видя съ крайнимъ сожалѣніемъ, что нѣтъ почти преступленія и злодѣянія, коихъ бы произшествію и пагубнымъ слѣдствіямъ не было причиною, узнаю необходимо нужнымъ намѣстническому правленію симъ препоручить, чтобы оное къ воздержанію и охраненію отъ чрезмѣрнаго пьянства приказало о семъ моемъ предложеніи и сію изъ всевысочайшаго устава статью выписавъ, во всѣхъ городахъ и уѣздныхъ селеніяхъ, къ свѣдѣнію всѣмъ и каждому, публиковать, и при томъ городничимъ и земскимъ исправникамъ притвердить, дабы они всеприлѣжно старались увѣщаніями приводить жителей къ порядочному и трезвому житію, а за тѣмъ съ невоздерживающимися отъ пьянства поступали по точности предписанныхъ въ оной статье правилъ. 9 дня Марта 1783 года. Вишеньки.

2) Отъ него-же Черниговскому Намѣстническому Правленію циркулярно. Изъ присланнаго ко мнѣ Кіевскаго Намѣстничества отъ палаты уголовнаго суда экстракта изъ дѣла о колодникахъ Козелецкаго уѣзда мѣстечка Борышевки жителяхъ козакѣ Якимѣ Котляренкѣ и мѣщанскомъ сынѣ Саввѣ Дудкѣ, оказалось, что первый изъ нихъ, по закладу или условію съ служителемъ діакона Михайла Кудлаевскаго Давыдомъ Сердюченкомъ, покупкою ему для выпитія вдругъ одной кварты горячего пѣннаго вина, и оба допущеніемъ его къ тому, льстясь отъ него, ежели бы онъ не выпилъ одной, получить пять квартъ вина, здѣлались причиною послѣдовавшей ему въ то же время смерти. Я въ томъ разсужденіи найпаче что сіе преступленіе произошло точно отъ чрезмѣрной жадности къ пьянству, которое, какъ уже изъ прошедшаго моего намѣстническому правленію отъ 9 прошедшаго Марта примѣчанія видно, всѣмъ почти преступленіямъ и злодѣяніямъ бываетъ главною причиною, нахожу весьма нужнымъ сему правленію и теперь особливо препоручить, чтобы оно давъ знать повсюду въ губерніи о вышепрописанномъ произшествіи и пагубныхъ слѣдствіяхъ пьянства къ отвращенію вообще подобнаго зла

приняло всѣ наилучшіе и съ законами сходственнѣйшія мѣры, а земскимъ исправникамъ и городничимъ притвердило, дабы они, имѣвъ въ должности ихъ точное предписаніе приводить жителей къ благонравію и порядочному житію, ничего нималѣйше къ тому не упущали, и къ лучшему надъ домашними ихъ или подчиненными въ томъ присмотру посредствомъ увѣщаній, кому надлежить внушали. 25 числа октября 1783 года. Вишеньки.

Сообщилъ **А. Л. Ковалевскій.**

БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Павленкова. Т. Г. Шевченко, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ В. И. Яковенко. Спб. 1894 г.

На протяженіи 95 стр., которыя заключаетъ въ себѣ очеркъ, можно было помѣстить лишь въ сжатомъ видѣ главнѣйшіе факты изъ сложной и богатой своимъ разнообразіемъ жизни Т. Г. Шевченка. Къ сожалѣнію, авторъ разсматриваемаго очерка значительную часть и этихъ немногихъ страницъ посвятилъ различнымъ публицистическимъ отступленіямъ въ нѣсколько тенденціозномъ духѣ, извращающимъ къ тому же дѣйствительный характеръ разсматриваемой личности. Не входя въ разсмотрѣніе достоинства представленной здѣсь характеристики поэта, національное значеніе котораго представляется автору очерка слишкомъ слабо, укажемъ лишь на нѣкоторыя, встрѣченныя нами въ очеркѣ, фактическія погрѣшности, обусловленныя въ значительной степени указаннымъ тенденціознымъ замалчиваніемъ основныхъ принциповъ разсматриваемой личности.

Прежде всего бросается въ глаза исключеніе авторомъ изъ списка источниковъ многихъ цѣнныхъ статей и монографій, которыя, не смотря на то, цитируются имъ иногда въ самомъ текстѣ. Такъ, показавши въ числѣ матеріаловъ «Очерки по исторіи украинской литературы» Н. И. Петрова, авторъ не указываетъ весьма цѣнной критической монографіи проф. Н. П. Дашкевича по поводу указанной книги. Не указавши затѣмъ труда проф. В. Б. Антоновича въ «Чтеніяхъ общества лѣтописца Нестора», весьма важныхъ въ біографическомъ отношеніи «Хуторной поэзіи» Кулиша и статьи г. Кониcскаго въ украинскомъ журналѣ «Зоря» за 1893 г., г. Яковенко проходитъ даже совершенно непонятнымъ молчаніемъ помѣщенную въ

«Русской Мысли» за прошлый годъ статью послѣдняго автора— «Дѣтство и отрочество Т. Г. Шевченка», представляющую впервые полный и критически провѣренный очеркъ означеннаго періода жизни нашего поэта.

При такомъ отношеніи автора къ источникамъ, нисколько не удивляютъ насъ многочисленныя ошибки въ фактической сторонѣ разсматриваемаго очерка, начинающіяся съ первой же страницы. Очеркъ начинается совершенно излишнею догадкой относительно опредѣленно извѣстнаго времени смерти отца поэта, происшедшей 21 марта 1825 года. На первой же стр., въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ, с. Кирилловку, въ которой поэтъ провелъ значительную часть своего дѣтства, авторъ очерка помѣщаетъ въ Каневскомъ уѣздѣ, хотя на 10-й стр. показываетъ ее уже въ Звенигородскомъ уѣздѣ, къ которому она, дѣйствительно, и принадлежитъ. На 2-й стр. авторъ указываетъ на «тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что о ней (о своей матери) поэтъ нигдѣ не вспоминаетъ, даже въ своихъ явно-субъективныхъ повѣстяхъ и стихотвореніяхъ»; но этотъ «странный на первый взглядъ фактъ» просто устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что біографу Шевченка неизвѣстны такіе даже классическіе перлы нашего поэта, какъ стихотвореніе—«Якъ-бы вы зналы, паничи», не говоря уже о другихъ. Отъ недостатка критическаго отношенія къ имѣющемуся подъ руками біографическому матеріалу произошла у г. Яковенка замѣна священника Губскаго (учителя Шевченка)—мѣщаниномъ Губскимъ (стр. 13), с. Хлыпновки—с. Хлѣбновкой (стр. 15); несостоятельно также заявленіе автора очерка, что занятія Шевченка гравюрой, по возвращеніи изъ ссылки, «шли не особенно успѣшно» (стр. 74): извѣстно, что за представленныя въ 1859 г. въ академію художествъ гравюры поэтъ получилъ званіе академика. Насколько вообще рискованы и лишены всякой практической почвы соображенія автора относительно фактической стороны жизни поэта, видно изъ того, напр., мѣста очерка, гдѣ говорится объ арестѣ Шевченка (47 стр). Г. Яковенко мотивируетъ арестъ поэта тѣмъ, что у участниковъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Кіевѣ найдены были непечатанныя стихотворенія Шевченка, вслѣдствіе чего изъ Петербурга пришло предписаніе въ Кіевъ арестовать поэта; но, какъ извѣстно, арестъ Костомарова произошелъ 31 марта 1847 г., арестъ Шевченка—5 апр. того-же года; возможно-ли допустить, чтобы при тогдашнемъ отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ сообщеніе изъ Кіева въ Петербургъ и обратно произошло въ теченіи 4 дней?!... Нельзя также

не отмѣтить безразличнаго смѣшенія въ очеркѣ малорусскаго и «вообще русскаго» языковъ; кажется, вопросъ этотъ достаточно изслѣдованъ и выясненъ. Очеркъ написанъ легко и живо и читается съ интересомъ, хотя и портитъ подчасъ впечатлѣніе слишкомъ развязный, неумѣстный тонъ, въ который иногда впадаетъ авторъ.—Вообще же отъ библіотеки Павленкова можно было-бы ожидать болѣе серьезнаго и безпристрастнаго біографическаго очерка украинскаго поэта.

А. Л—кій.

---

1) Адресъ-календарь и справочная книжка полтавской губерніи на 1894 годъ Ц. 1 руб.

2) Календарь черниговской губерніи на 1894 годъ Ц. 1 руб.

3) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 189⁴/₅ годъ. Ц. 75 коп.

Эти изданія администраціи Черниговской и Полтавской губерній на текущій годъ не представляютъ въ содержаніи своихъ статей чего-либо выдающагося и интереснаго въ историческомъ отношеніи. Въ Полтавскомъ календарѣ, кромѣ свѣдѣній статистическихъ, справочныхъ, календарныхъ и адресныхъ, даже и нѣтъ никакихъ статей съ систематическою разработкою данныхъ. Въ Черниговскомъ календарѣ, напротивъ, встрѣчаемъ прекрасно разработанныя статьи о полезныхъ ископаемыхъ въ губерніи, о состояніи пчеловодства въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, о нашествіяхъ саранчи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, о ростѣ лицъ, принятыхъ въ военную службу въ 1874—93 годахъ и т. п., есть тутъ и перепечатка свѣдѣній изъ старыхъ сочиненій по исторіи Южной Россіи (Бантыша-Каменскаго, Георгія Кониисскаго, Маркевича, Миллера) о значеніи малороссійскихъ чиновъ, начиная отъ гетмана и кончая хорунжими. Историческихъ изслѣдованій въ полномъ значеніи этого слова и въ Черниговскомъ календарѣ нѣтъ.

Особенное вниманіе изъ перечисленныхъ книгъ можетъ быть остановлено на послѣдней книжкѣ, имѣющей характеръ оффиціознаго изданія, но и по внѣшнему виду и по содержанію представляющей новинку. Въ этой книжкѣ въ 16-ю долю листа, предназначенной служить справочною въ теченіе двухъ лѣтъ, помѣщены портретъ г. черниговскаго губернатора, изящно-исполненные (красками) гербы уѣздовъ черниговской губерніи, снимокъ съ жетона въ честь 900-лѣ-

тія черниговской епархіи, изображеніе Преосвященнаго Θеодосія Углицкаго, которому приложенъ историко-біографическій очеркъ жизни этого святителя, составленный А. И. Ханенко. Изъ справочныхъ свѣдѣній въ «памятку» внесены законы объ охотѣ съ раскрашенными таблицами о срокахъ охоты на звѣрей и птицъ, о полезныхъ и вредныхъ для сельскаго хозяйства птицахъ и т. п. Небольшія статейки о раскольничьемъ Стародубьѣ, о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ въ черниговской губерніи (А. Марковича), о Черниговской губерніи вообще по послѣднимъ статистическимъ даннымъ и т. п. разнообразятъ содержаніе этой книжки, полной также справочными и календарными свѣдѣніями. Можно конечно пожалѣть, что въ ней не помѣщенъ планъ г. Чернигова, оріентироваться въ которомъ пріѣзжему очень трудно, и даны адресы далеко не всѣхъ служащихъ въ Черниговѣ и губерніи. Но слѣдуетъ привѣтствовать изданія подобнаго рода, которыя даютъ возможность за 75 коп. узнать кое-что и о Черниговѣ и о черниговской губерніи.

Необходимо отмѣтить еще одну особенность послѣдней книжки. На оберткѣ ея помѣщена съ подписью «Черниговскій городской валъ» извѣстная картина даровитаго черниговскаго художника И. Г. Рашевскаго. «Нѣмые свидѣтели гетманской славы». Пушки, лежащія на валу, изображенномъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ до 50-хъ годовъ истекающаго столѣтія, заливная пойма Десны, надъ которою паритъ чайка—все содержаніе этой картины; но выполненіе ея въ видѣ виньетки маленькой книжки самимъ художникомъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ какъ имъ и здѣсь сохранена та чарующая прелесть картины, которая доставила ей извѣстность.

А. Р.

Понеделокъ. 23. Сегодня рано былемъ у князя, обѣдалемъ у панеи. Повторная грамота до пана гетмана прислана о поготовости всѣхъ въ походъ военний.

Вовтор. 24. Сегодня службы Божой слухалемъ у панеи и обѣдалемъ. Прошокъ началемъ принимать.

Середа. 25. Конфектъ принималемъ проносний, до прошку належній. Алексѣй виправленъ, черезъ которого писалемъ до род. о коняхъ князю обѣщаннихъ, объ отездѣ въ Харковъ, о моемъ пріуготовленіи въ походъ, да ему жъ зъ виборними овцами и скотиною ити въ Москву; на експенси далемъ 15 р., а ему 5 р. и кунтушъ мой легкій. Черезъ его жъ писалемъ до сестри и Александра, да ему жъ наказъ въ 7 пунктахъ далемъ, а покупки спорадить: футро лисее шлюмовее, да рисее хребтовое, вина красного бутилокъ, да гишпанского 10 (*Далѣе слѣдуетъ рецептъ*). Обѣдалемъ зъ п. Федоромъ, которий и отехалъ въ домъ свой, и Шпстакомъ, а по обѣдѣ были у насъ п. судѣная и п. Кондзеровская, а потомъ ездилемъ лодкою до п. Михайла и позно повернулся. Панюй на Кучеровку зъ приселками, Сасиновку и Линовицю присланъ унѣверсалъ гетманскій, черезъ Турковского.

Четвер. 26. Сегодня рано до князя Шаховского заходилемъ, а обѣдалемъ у панеи. Князь за слюсара и за виговоръ Матвѣемъ учиненний, виговаривалъ.

Пятокъ. 27. Сегодня былемъ у князя и у гетмана зъ поздравленіемъ вѣкторіи. Женѣ далемъ 30 р. на покупку жита. Разбивали и пересмотрували палатокъ, зъ которихъ одна капа круглая, наметъ палатка вибойчатая, да палатка новая московская, да 3 палатки крашениновихъ старихъ, итого 7, кромѣ нужника. П. Павлова кролевецкая (Огіевская) писала ко мнѣ привѣтъ, до которой отписалемъ.

Субота. 28. Сегодня рано былъ я у князя, которому доношеніе отъ панеи о посилцѣ въ деревнѣ ей опредѣленніи офѣцера написанное, подалемъ etc. Обѣдалемъ у панеи, а по обѣдѣ заездилемъ и посѣщалемъ Тернавіота, въ арестѣ здѣ, въ Глуховѣ, содержачогося, по навѣту протопопи кіевского Ширѣпи. Писалемъ до

Ромна, до род., отвѣтній листъ на писмо сегодня полученное родителское, о поѣздѣ князя въ Харковъ, да приложилемъ писмо до Велинского и Демяна о присилцѣ вѣдомости о учинившомся мнѣ отъ Коцинця, въ футорѣ Лукомскомъ, разореніи. Черезъ господаря п. Григоріевой писалемъ до неи и 6 р. послалемъ на . . . . (?). Рагозѣнскій Гаврило пріехалъ, а Новоторжцовъ чаю мнѣ горсть далъ.

Неделя. 29. Сегодня обѣдалисмо всѣ у пана гетмана и подпіяхомъ,

Понеделокъ. 30. Сегодня крестини были дочери князя Шаховского, воспріемниками были гетманъ зъ дочерю княжею, а синокъ княжій зъ тіоткою, где и обѣдалисмо многіе, и п. Павелъ, миргород. полковникъ, пріехавшій. Старики села моего Сваркова, Володко да Гладкій, были у мене и говорили о томъ, что село Сварковъ было шляхетское до гетмана Хмелницкого, которое осаживалъ нѣкоторий шляхтичъ Пѣсочинскій, а дань готовую забыралъ съ нихъ по копѣ грошей, пѣвня и коноцель часть, а после Богдана Хмелницкого, козакъ знатній Пилипча владѣлъ онимъ селомъ по смерть свою, а по смерти его, у сина его Демяна отойшло оное зъ его подданства, и было волное, подъ присудомъ сотеннимъ глуховскимъ, до того времени, якъ мнѣ оное 1718-го году досталось.

М-ць юль. Вовтор. 1. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ пріездила панѣ до насъ зъ тою вѣдомостю, что панъ гетманъ послалъ по старостъ монастира Гамалѣевского трохъ, чтобъ они пріездили въ Глуховъ; затимъ, ездилемъ до п. Михайла, где засталемъ у пана гетмана князя. И посидѣвши доволно, повернулемся назадъ, а дожчъ великій ишолъ. Архипъ Сварковскій бувъ, которого простилемъ, а велѣлемъ ему быть тогда, якъ будетъ допросъ о селѣ.

Середа. 2. Сегодня рано былемъ у князя Шаховского, затимъ, что панъ гетманъ послалъ по старостъ Гамалѣевского монастира сюда имъ бить, и увѣдомилемся, что они сюда будутъ, для того чтобъ взять вѣдомость о Мутинѣ, Каменѣ, Марчишиной Будѣ, Макову, Руднѣ, Бирину, Роговцѣ и Пушкарахъ, якіе зъ нихъ приходи въ годъ бивали, а то ради того, что имѣютъ отобраны

быть до двора гетманского, по указу. Обѣдалемъ у панеи. Пріехали зъ Сухоносовки Донецъ и кучеръ и пригнали зъ собою овецъ зъ ягнятами—15, барановъ 25, коней 8, сукна жовтого локоть 40, червоного 40, мухояру 40, полотна локоть 117, полотна плосконего локоть 60.

Четвер. 3. Сегодня рано подалемъ отъ тіотки вѣдомость князю купленнихъ грунтовъ, въ селахъ отбираемихъ обрѣтаючихся, а именно: въ Марчишиной Будѣ млинъ, у Оникіихи купленъ за 800 р., у Мутинѣ, на Сейму, кола собственніе, Загорская слобода въ Стар. полку купленная и млини построени на купленной землѣ. Обѣдалемъ у панеи, где билъ братъ п. Михайло зъ панею.

Пятокъ. 4. Сегодня рано былемъ у князя, где были и переводчики правъ, а были потомъ у мене протопопи пѣратинскій и роменскій. Вѣжевскому на росходъ далемъ 15 р. и записалемъ. Слугамъ своимъ далемъ: Вѣжевскому кунтушъ свой ģранатовий, сукно и полтора рубля, Петру—кунтушъ рудий, сукно и полтора р., Юску—каѳанъ китаевий, сукно и полтора р. Павлу—сукно и полтора руб. Машталѣру Тимошу—бѣлякъ, мухояръ и таляръ. Донцу машталѣру—сукно и 20 а., кучеру—20 а., господареви—сукно и 5 р. Опанасъ (Жуковскій), сотникъ глинскій, былъ у мене.

Субота. 5. Отправлени Донецъ и кучеръ, черезъ которихъ писалемъ до род. о виездѣ въ Харковъ княжомъ и о взяттю вновъ сказокъ отъ старожиловъ о селахъ род., якіе суть, а до Волинского о томъ же, такъ же о присилки вѣдомости починеннихъ отъ Кодинця обидъ намъ у футорѣ. Князь Шаховскій поехалъ въ Харковъ до фелтмаршала князя Голѣцина.

Неделя. 6. Писалемъ въ Москву, черезъ почту, до Курбатова, повторая первое прошеніе, до Александра и до сестри, а цедулою—о присилки часовъ. П. Павелъ Апостолъ, миргор. полковникъ, поехалъ въ Москву. Черезъ сотника говтвянского послалемъ писма до сестри и до Александра о направкѣ часовъ, отъ сестри мнѣ даннихъ, зъ будѣлникомъ, якіе часи оному сотнику мѣвъ дать п. Михайлю, а я ему далъ. У Мануйловича, асаули ѳенер., былисмо и обѣдали, для того, что сегодня дочери его за Пироцкимъ родив-

шеея дитя крещенно, при воспріемничествѣ гетмана и тіотки моей, брегадира и комендантши. Князь Шаховскій сказивалъ клеить фарфурніе посуди, когда разбются, бѣлкомъ лечимъ свѣжимъ, заразъ отъ курки взятимъ, поколь не застинетъ, помазать и слѣпить помазанніе росколини, поколь осхнутъ.

Понеделокъ. 7. Сегодня рано былъ у мене Тарноліотъ [1]), которого зъ подъ крѣпкого аресту освобожено, а велѣно бить при немъ полѣтичному аресту. Ездилисмо до панеи, а съ нами Новоторжцовъ зъ женою, и обѣдали; ему панѣ подарила 20 р., а жонѣ его таеу.

Вовтор. 8. Сегодня не ездилемъ никуда, а пересмотривалемъ книгъ своихъ и пересушовалемъ, которихъ по ищисленію показалось, болшихъ книгъ самихъ—88, аркушовихъ—29, чвертковихъ и малихъ—223, итого 340. Обѣдалемъ съ Новоторжцовимъ и женою его и дѣтми нашими. Зъ Тулиголовъ имбаръ перевезли сюда, который на той сторонѣ Раховки строится.

Середа. 9. Ездилемъ до п. гетмана, откуду зъ п. Михайломъ ездилемъ до панеи и тамъ обѣдалемъ, и подпіяхомъ черезъ цѣлий день.

Четвер. 10. Сегодня рано ездилемъ въ Сварковъ, где и обѣдалемъ, по обѣдѣ заездиломъ до футора, оттуду назадъ поворочаючись, заехалемъ до панеи, где и вечералемъ. Панъ гетманъ послалъ указъ до полковника прилуцкого Галагача, чтобъ монастира Гамалѣевского, въ маетностяхъ поліовихъ, мужики не слухали.

Пятокъ. 11. Былъ у мене протопопъ пѣратинскій Ѳома Збрискій, черезъ которого отездившого писалемъ до род., зъ прилогомъ повшехныхъ вѣдомостей, и до брата п. Семена, о присилкѣ сюда Романа. Вѣжевскому далемъ въ росходъ 8 р. По вѣдомости Клима, господара, видимо, что за рибу взялъ онъ вялую 107 р. и 80 а., опричъ просолной осятрини.

Субота. 12. Сегодня рано ездилемъ до п. гетмана и до Молчанова, обѣдали у панеи.

---

[1]) Повидимому, говорится о Петрѣ Тернавіотѣ, войтѣ нѣжинскомъ. См. Онис. Стар. Малороссіи, II, 62.

Неделя. 13. Сегодня обѣдалемъ у панеи. Купилемъ коляску у Молчанова, полукаретку, за 24 р.

Понеделокъ. 14. Сегодня писалемъ писма въ Астрахань до Якубовича и Худолѣя, о вспоможеніи людямъ моимъ и чтобъ послали кого зъ людей въ Астраханѣ обрѣтаючихся моихъ, въ помощь Уласу, о чомъ и до людей тихъ писалемъ; такъ же писалемъ до Уласа, упоминая его въ исправленіи и поисканіи разграбленнихъ пожитковъ моихъ; писалемъ же и до генерала Левашова, благодаря его за показанную милость ему Уласови, и такіе писма отдалемъ Молчанову, Якову Андрѣевичу, которий полуполковникомъ пошолъ съ командою сегодня въ Низовій корпусъ. Обѣдалисмо дома и съ нами Новоторжцовъ и Тарноліотъ. По обѣдѣ былъ Ханенко зъ женою, такъ же п. Петрова и п. Михайлова, и Делука, и п. Михайло.

Вовтор. 15. Сегодня принялемъ слугу нового Гаврила Костенецкого, зъ уговоромъ на годъ плати ему 6 р. и кафанъ китаевий. Жидъ потребки здѣлалъ до кунтиша, шнурокъ и тясму, и паргаментъ.

Середм. 16. Сегодня обѣдалисмо у панеи и увѣдомилемся зъ писма Савки Терлецкого, что панъ гетманъ писалъ до полковника прилуцкого, дабы онъ старосту дубогаевского прислалъ въ Глуховъ, а мужикамъ сѣлъ Дубового Гая, Бѣлошапокъ и другихъ не велѣлъ слушать монастира Гамалѣевского [1]). Были у мене Кубраковскій и писарчикъ его и п. Михайло, до которого передомъ ездилемъ лодкою и повернулемся.

Четвер. 17. Сегодня панѣ до насъ рано пріездила и зъ женою моею ездила до пана гетмана, о деревняхъ отнятихъ, висше упомяненнихъ, просить, где и обѣдала. Кубраковскій, значковий полку нѣжинского товаришъ, бувши въ юнѣ м-цѣ въ селѣ моемъ Сварковѣ, взялъ вѣдомость онимъ, чили сказку, у старожиловъ въ такой силѣ: село Сварковъ сперва было шляхетское, полского шляхтича Пѣсочинского, которій оное и осадилъ на себе, а по гетманѣ Хмелницкомъ было владѣлческое, которимъ владѣлъ знатний козакъ

---

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г., II, 254.

глуховскій, зовемий Пилипча, а потомъ осталося волное войсковое и не было ни въ чіемъ подданствѣ и владѣніи, а вѣдомо толко было присудомъ сотеннимъ глуховскимъ, а 1717-го году досталося знову во владѣніе бунчукового товариша Якова Марковича, который и понинѣ онимъ селомъ владѣетъ, по унѣверсалу гетманскому и по монаршой жалованной грамотѣ, за службы войсковіе; а кромѣ висше писанныхъ владѣлцовъ оное село никуда не надлежало; подписался дякъ во мѣсто старожиловъ.

Пятокъ. 18. Сегодня послалемъ писмо до швакгра п. Андрѣя Полуботка о моемъ пріездѣ извѣщаючое. Юско, молодикъ, посланъ въ Ромень и въ футорѣ мои, черезъ которого писалемъ до род. поздравленіе, а до брата п. Семена о покупки сукна на кунтушъ рудосѣрого. Да до Волинского и Демяна—о исполненіи того, что въ приказѣ Юскови данномъ написано, а именно: о починеннихъ отъ Кодинцевъ обидахъ, о Марку, стадѣ, овцахъ, сѣнѣ, пчолахъ, горѣлцѣ и винницѣ, объ Алексѣеви и протчемъ; ему жъ на дорогу далемъ 20 р.

Субота. 19. Сегодня обѣдалисмо у панеи. Дмитрій Өедоровичъ Потіомкинъ, колежскій совѣтникъ, пріехалъ въ Глуховъ и сталъ въ дому п. Жураховского квартерою, который опредѣленъ членомъ въ судъ енералній. Князь Шаховской повернулся зъ Харкова въ Глуховъ.

Неделя. 20. Сегодня обѣдалемъ у панеи, где была и панѣ гетманова зъ протчіими. Ездилемъ до Потіомкина.

Понеделокъ. 21. Валкевичъ пріехалъ зъ Москви. Обѣдалемъ у себе и съ нами Ханенко зъ панею, куда и Валкевичъ прійшолъ.

Вовтор. 22. Сегодня рано былемъ у князя, обѣдалемъ у коменданта Писарева, потому что дочъ именинниця. Потомъ былемъ у п. Михайла, оттоль у панеи, где и князя засталемъ, зъ которимъ къ нему пріехалемъ. Пріехали Камѣнскій, Демянъ и Романъ. Дожчъ зъ великимъ вѣтромъ и громомъ былъ.

Середа. 23. Сегодня рано былемъ у князя и тамъ же обѣдалемъ, откуду зъ Танскимъ, переяславскимъ (полковникомъ), зайшолемъ до себе, куда потомъ пріехалъ п. Михайло. Тіотка п. Пав-

лова пріехала зъ Ромна. Жураковскій былъ въ Сварковѣ и взялъ вѣдомость отъ селянъ о селѣ, что оно было шляхетское, а потомъ владѣлческое, а потомъ волное, а нинѣ знову по силѣ моего владѣнія, владѣлческое.

Четвер. 24. Сегодня Петро Яновскій, писаръ роменскій, подалъ пану гетману супплѣку на род. за побитте, якую прислалъ панъ гетманъ до князя при своемъ листѣ. Обѣдалемъ у панеи, у вечеру былемъ у князя.

Пятокъ. 25. Сегодня отправилемъ Камѣнского въ Роменъ и свою составилемъ чолобитную. Также—чолобитную панюй, въ отдачѣ пожитковъ.

Субота. 26. Сегодня былемъ у суда генералного и чолобитную на Кодинцевъ обохъ подалемъ.

Неделя. 27. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною п. Яковъ, швагеръ, Валкевичъ, а по обѣдѣ Чуйкевичъ.

Понеделокъ. 28. Сегодня обѣдалисмо у панеи и подпіяхомъ, где князь былъ и протчіи.

Вовтор. 29. Сегодня обѣдали у мене Валкевичъ, швагеръ п. Яковъ, п. Михайло. Видѣлемъ грамоту объ Валкевичу до пана гетмана присланную, въ якой повелено до изслѣдованія, отдать ему село зъ деревнею Гориславле и . . . [1]), а изслѣдовать подлинно: оніе свободніе ль, войсковіе и никому неотданніе и къ ратуши и другимъ урадамъ не подлежащіе.

Середа. 30. Сегодня Романъ отправленъ въ Роменъ, которому на покупку колѣсъ далемъ 7 копъ и писалемъ черезъ оного до родителя и родителки.

Четвер. 31. Сегодня показивалъ мнѣ п. Яковъ Полуботокъ писмо п. Андрѣя, брата своего, въ якомъ написалъ, что онъ по силѣ духовной отческой долженъ всѣмъ имѣніемъ движимимъ и недвижимимъ зъ нимъ пополамъ дѣлится. Панъ Яковъ, швагеръ, далъ мнѣ писмо, писанное отъ его до п. Андрѣя о томъ, что Криски село, якъ еще 1725 году декляровано было намъ отъ нихъ обо-

[1]) Пропущено мѣсто.

ихъ, такъ бы и теперъ оная декларація здѣлана, въ чомъ свое таковое представляетъ мнѣніе.

М-ць августъ. Пятокъ. 1. Сегодня швагеръ Полуботокъ п. Яковъ отехалъ зъ Глухова. Конюшество Демяну приказано, которий и отправленъ въ степъ, а съ нимъ писма до род., зъ прошеніемъ объ опредѣленіи степу скосить, и до Волинского о немъ Демяну, о присилцѣ 10 воловъ, о роблениию гор. и побиттю пчоли, толко самой худой. Да ему жъ Демяну далемъ на сѣно денегъ 40 р., а осталось 60 р. Ему жъ въ опредѣленіи должности данъ приказъ пунктами.

Субота. 2. Сегодня рано былъ я у князя и тіотка. Прислана грамота о слободѣ Яворского зъ прощеніемъ вини его, что доносилъ на покойного Савича и Кутневского змѣну, а не довелъ, и если впредь въ чемъ проступитъ, безъ пощади смерть, а старику, который за то, что молился за царицу, страдалъ въ прошлихъ годахъ, дано 100 р.

Неделя. 3 Сегодня былемъ у пана гетмана, обѣдалемъ у панеи. У сотника Омеляновича былемъ, который обѣщалъ служить взглядомъ футора Калюжновского. Князь вибралъ род. 7 коней, 5 гнѣдо пѣгихъ, а 2 воронихъ. Писалемъ въ Москву до Курбатова и Маркелова о Калюжновскомъ футорѣ и Андріяшовцѣ, до Александра и сестри—о часахъ. Получилемъ зъ Москви отъ Александра и сестри писма. Швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ пріехалъ и обѣдалъ у насъ. Отправилемъ осталніе отъ вибору конѣ 7 въ Роменъ и Камѣнского, черезъ которого до родителя писалемъ и писма включилемъ до князя писанного копію.

Вовтор. 5. Сегодня п. Павлова отехала зъ Глухова.

Середа. 6. Преображеніе. Сегодня обѣдалемъ у князя, а по обѣдѣ были у мене п. Михайло, швакгеръ п. Андрѣй и Бурковскій. Швакгеръ п. Андрѣй уступилъ село намъ Криски и взялъ уступное писмо для подпису своего, якое оставити въ Тулиголовахъ имѣлъ.

Четвер. 7. Сегодня рано ездилемъ до п. Михайла, где и пану гетману отклонился. Женѣ далемъ 20 р. на покупку жита.

По обѣдѣ виехалемъ зъ Глухова и пріехалемъ передъ вечоромъ въ Тулиголови, где и заночовалемъ. Писалемъ зъ Тулиг. до швакгра п. Андрѣя Полуботка, упоминаючись о карту на село Криски, деклярованное намъ, и посилалемъ Юска, которого безъ отвѣту отправилъ, обѣщавшись оную карту, за повиданнемся своимъ зъ братомъ своимъ п. Яковомъ, прислать въ Роменъ албо Глуховъ. Писалемъ писма въ Москву, до архиерея Новгор. и копію его писанія до парижскихъ богослововъ приложилемъ. Еще писалъ до сестри и Александра, а писма тіе брату п. Михайлу отдалемъ.

Пятокъ. 8. Старостѣ Тулиголовскому далемъ 5 р. на покупку свѣтлицѣ и комнати до муру, въ городъ. Въ імбарѣ горѣлки оковитой 3 куви, а простой 2, великая и меншая. Поехалемъ зъ Тулиголовъ и пріѣхалемъ въ пустинку Мутинскую за полъ 3 год. Сего тыжня братія избрали зде себѣ настоятеля іеромонаха Паисія. (*Выписка изъ бл. Августина*).

Субота. 9. Сегодня ст. Тайнамъ въ монастирцѣ Мутинскомъ сообщался. Писалемъ до жени о разсиченню меду на шинки. Черезъ Федора Гайдука писалемъ до тіотки ясневел., прося въ путь благословенія.

Недѣля. 10. Сегодня пообѣдавши тутъ въ монастирцѣ, поехалемъ зъ попомъ отцемъ Астравскимъ къ Ромну и уехавши миль 2, ночовалемъ у Кросенъ.

Понеделокъ. 11. Уехавши 4 милѣ, у Сухого Ромна обѣдалемъ, по обѣдѣ, у вечерномъ времени пріехалемъ въ Роменъ, где засталемъ родителей обоихъ и братовъ всѣхъ, кромѣ брата п. Семена, въ добромъ здоровю, и Несторовича.

Вовтор. 12. Сегодня братъ Марко подарилъ мнѣ чубукъ и арапникъ. Обозний прилуцкій Огроновичъ былъ зде у родителя и со мною видѣлся.

Середа. 13. Сегодня братамъ Луцѣ и Івану подарилемъ 4 книжки, въ якомъ числѣ и „venerabilis Beda“, а інспекторови ихъ пятую „De modo intentati suscripturum; а въ палубѣ осталось книгъ 27.

Четвер. 14. Отправленъ возъ воловий въ Глуховъ зъ 10 волами, а на возѣ 6 грудъ воску, а семой половина, а ваги въ тѣхъ грудахъ фунтовъ 177, да на возѣ жъ новокупленнихъ колѣсъ 12. Юско, молодикъ, посланъ въ футорѣ.

Успеніе. Пятокъ. 15. Романъ за возомъ отправленъ въ Глуховъ, черезъ которого писалемъ до панеи о споряженню возовъ и горѣлки въ Москву, о горѣлцѣ жъ писалемъ до Романа тулиголовского. Да Роману далемъ 5 р. зъ полтиною, а Вѣжевскій полтину додалъ, итого 6 р., въ дорогу. Ездилемъ въ Засулскую пасѣку и видѣлемъ пчоли всеей 26, зъ которой 3 худихъ. Волинскій Іванъ, служитель мой, въ Сухоносовцѣ померъ.

Субота. 16. Сегодня обѣдалисмо у себе, а подъ часъ вечери родитель подарилъ воронихъ лошаковъ 5, да строкатого одного гнѣдого, да каштановатого верхового. Братъ п. Семенъ подарилъ мнѣ собаку, до флѣнти гонца.

Недѣля. 17. Отправленъ зъ братомъ Маркомъ въ Глуховъ Камѣнскій, а зъ Глухова въ Москву зъ Романомъ, черезъ которого писалемъ до сестри Уляни Івановни о надсмотреніи надъ ними, до Каратаева объ отдачѣ 20 р. ему доводячихся, до Александра о надсмотрѣніи жъ надъ ними и о посилаемомъ ему боченку водки, а ему Камѣнскому на дорогу далемъ 9 р., итого зъ данними Романови будетъ 15 р.; да въ наказѣ данномъ положено тое, чтобъ они согласни зъ собою были, оттуду виславибъ заразъ вози и воли, а лишніе продалибъ, если будетъ продажа хороша, и самимъ управившись, при оказѣи, сюда повернутись. Купить сахару полъ пуда канарского, чаю фунтъ, фронтиніяку 5, а понтаку 18 бутили, да въ аптецѣ Кр. II ℨiii. Писалемъ до жени о немъ Камѣнскомъ, о пчолѣ, чтобъ худую бить и о поставленню свѣтелки. До панеи привѣтъ. До ахтирского полковника писалемъ привѣтъ:

Justum et tenacem propositi virum,
Non civium arbor pr... in bentivum
Non vultus instantis tyranni
Mente quasit solida......
Dux in quieti turbidus adria

Hec fulminantis saeva Jovis manu
Si fractus illabax orbis
Jmpavidum ferent ruina.

Зъ скринѣ взялемъ 1, а 1 оставилемъ мѣшечокъ.

Понеделокъ. 18. Сегодня былисмо зъ род. на службѣ божой, у Николая церквѣ, и обѣдали у отца Іоанна намѣстника. Родители обое даровали мнѣ степъ, прозиваемий Гамалѣевщина.

Вовтор. 19. Сегодня обѣдалисмо у себе и празновали имениннника род. Попу Астровскому сукна чорного на реверенду далъ род. и 1 р., а попадѣ запаску.

Середа. 20. Сегодня отехалъ Астровскій, черезъ которого писалемъ до господара о строенню імбара, свѣтелкѣ, о дранѣ и пчолѣ. Да черезъ егожъ послалемъ бандуру. Пріехалъ чи повернулся Юско слуга и сказалъ, что Волинскій прошлого пятка померъ, а 17 р. у его въ лубенскомъ ярмарку украдено и коней сюда пригналъ зъ Донцемъ 12, зъ Перервинецъ. Романъ да Камѣнскій послани въ Москву, а зъ ними 6 воз. воловихъ, воловъ 16, горѣлки оковитой 3 куѳи, а въ нихъ... и простой 3 куѳи, а въ нихъ..., дулевой вѣдеръ 10, яблочной вѣдеръ 11, ганишковой 2 барилѣ по носатцѣ, гусей да утятъ вялихъ паръ 40, масла 7 пуд. и 10 фунт.

Четвер. 21. Сегодня обѣдалисмо у себе сами. Составилемъ описаніе лѣкарствъ, зъ Кролевца привезенныхъ. Писалемъ черезъ Павла до жени о моемъ въ Сухоносовку отездѣ и пріездѣ на Семена въ Кролевецъ. Отецъ Павелъ Свѣтъ пріехалъ зъ Бубновъ и вечералъ съ нами.

Пятокъ. 22. Сегодня рано поехалемъ зъ Ромна и пріехалемъ смеркомъ, по волѣ охавши, въ Сухоносовку, где засталемъ Демяна зъ Кривой Руди пріехавшого.

Субота 23. Злѣцено Василеви, дворникови, правленіе здешнее Сухоносовское и реестромъ здано все, въ якомъ числѣ что въ пріемѣ его показалося: соли 7 бочокъ, куѳа вел. повная и ширутвасъ [1])

---

[1]) Ширутвасъ—какая то посуда.

повенъ; вовни съ Кривой Руди 900 рунъ, зъ Перервинецъ 200, овечихъ шкурокъ, чиненыхъ и нечиненыхъ 240, козиних 13, конскихъ шкуръ 54, воловая одна, смушковъ бѣлихъ ягнячихъ 50, чорныхъ 14, сукна свитного локоть 60, нетканого 60, жита на току 225 копъ, ячменю 60, пшеницѣ 13, казановъ винничныхъ 4, свиней старихъ 55, поросятъ 45, воловъ 15, корова съ телямъ, коней 2, полъ 3 засѣка проса, тютюну папушъ 1000, возовъ воловихъ 2, а 2 робится, пчелы оставленной на зиму 44.

Неделя. 24. Сегодня рано далемъ за млинокъ сѣлскій сухоносовскій 10 р., на церковъ тамошную жъ, отобралъ колотъ (?) до своихъ рукъ при попу Іоакиму и отдалъ атаманови сѣлскому. Далемъ на писмѣ нѣкоторые пункты Демянови и денги 18 р. на покупку индиковъ и гусей, 12 р. на заплатку стѣнки [1]), попу перервинскому, и другихъ стѣнокъ, 10 р. на виготовленіе сѣна до футора Криворудского, 10 р. на заводъ шинковъ, чтобъ меду и пива въ оніе уготовать. Да ему жъ приказалемъ имѣть надзираніе надъ Василемъ дворникомъ сухоносовскимъ, а въ правленіе его не вступать, а дворнику далемъ наставленіе въ 18 пунктахъ, которихъ екстрактъ зде приложенъ и денги дани 10 р. на церковъ за млинокъ, 30 р. на покупку жита. Сегодня въ Сухоносовцѣ первая носатка горѣлки дойшла, бо позавчера стало у винницѣ робитися. Воску 2 груди чи кружковъ 2, взялисмо оттуду. Поѣхалемъ зъ Сухоносовки по служби, а пріехалемъ въ Токарѣ на обѣдъ, а оттуду на ночъ въ Андрѣевку.

Понеделокъ. 25. Сегодня зъ Несторовичомъ обезделисмо степъ родителскій, прозиваемий Гамалѣевщина и видѣли, что розбишовскій староста графа Рагозѣнского отбираетъ чи уже отобралъ и недаетъ много того жъ степу Дубровою, козакомъ лохвицкимъ, Гамалѣи проданного, а отъ Гамалѣи родителеви моему доставшагося, а теперъ мнѣ дарованного; а то подъ такимъ резаномъ, что будто граница полку луб. по шляхъ толко Ромадановского означена, еще 1717 году, унѣверсаломъ гетмана Скоропадского, якій унѣверсалъ

[1]) Стѣнка—лѣсокъ.

въ Сенецкую церковъ данъ въ сохраненіе, а ограниченне тое обополнимъ полковъ согласіемъ и розездомъ Данила Кутневского, бунчукового товариша, и Івана Несторовича, канцеляриста, учинено; однако въ томъ унѣверсалѣ виключены стародавніе загоны и купля, а не новое завладѣніе. Билисмо у футорѣ ȝалецкого, гдѣ книжку Manuale contra.....(?) противъ лютеранъ и проч. подарилъ мнѣ его служитель и сказывалъ, что хатъ будетъ зъ 20 поселенныхъ тамъ.

Вовтор. 26. Сегодня полковница Леслѣва пріехала въ роменское Засулле, которую посѣщать ездила родителка. Отецъ протопопъ роменскій принюсъ мнѣ поетику Прокоповича, архиерея. Отецъ Орановскій былъ у мене, которому далемъ талярь битий.

Середа. 27. (*Выписки изъ Буддея* и *бл. Августина*). Полковница Леслѣва была и обѣдала у насъ. Родитель отехалъ зъ Ромна и заночовалъ у Процювцѣ. Табакерку купилемъ за 3 р. съ полт.,ясписовую, и матцѣ подарилемъ.

Четвер. 28. Сегодня, рано передъ обѣдомъ, ездилемъ до Процювки и тамъ зъ родителми обѣдалемъ, а по обѣдѣ род. поехалъ въ Глуховъ, а мы сюда повернулись въ Роменъ. Родителка заболѣла на голову и жолудокъ, которую лѣчилемъ sp. sal. ar. и pulv. rub.

Пятокъ. 29. Сегодня проезджали строкатого коня, котораго маштальра Федорця прибылъ тяжко. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р. и записалемъ. Тарасу далемъ приказъ въ 7 пунктахъ, о строеніи футора на Гамалѣевщинѣ, на степу Артополотскомъ, и на кошеннѣ сѣна 10 скиртъ, а на все тое 15 р. Родителка подарила мнѣ на каѳанъ атласу зеленого, а самой (женѣ) штофу.

Субота. 30. Сегодня родителка подарила мнѣ штофу на кунтушъ, атласу на каѳанъ и сукна зеленого на кунтушъ и 12 р. Дала род. пару соболей и 2 р. пошить ей шапку. Тарасови далемъ листъ до Демяна писанний, о присланню къ нему, на футоръ Гамалѣевскій, для строенія 3-хъ людей зъ возомъ воловимъ, да рецептъ для мене взять декокту въ аптецѣ, да сказка Семена Бардака о заборѣ его воза у слободахъ, черезъ неосторожность якоби Юска Сердюченка учинившомся, приложенни. Коней 2 дано Тарасови, а 9 осталось въ Ромнѣ. Виехалемъ зъ Ромна, отъкуду випро-

вожали мене брати, домашніе и кіевскіе, которимъ обоимъ и ихъ інспекторови далемъ талярей битихъ „ “, а ночовалемъ у Сухого Ромна.

Неделя. 31. Сегодня, зъ ночлѣга вставши, уехали миль 4 до Кросенъ и тутъ обѣдали, а по обѣдѣ пріехали до Хижокъ [1]) и оттоль лугомъ не доехали до Каменя для того, что ось у спалнѣ [2]) передняя зломилась, и въ лугу заночовали.

М-ць сентеврій. Понедел. 1. Сегодня перевюзшись лодками черезъ Сеймъ, пріехалемъ въ дворецъ родителскій, где и обѣдалемъ. (*Выписка изъ Буддея*) Поехавши зъ Каменя, пріехалъ год. за 3 до Кролевця, куда будетъ миль 3, и сталемъ квартерою въ дворѣ тіотки паней Павловой, где засталемъ пріехавшого Количева.

Вовтор. 2. Сегодня былемъ у князя Шаховского, тутъ же загостившого, где увидѣлемся зъ п. Михайломъ и п. Петромъ. Вѣжевскому въ росходъ далемъ 30 р. на покупки и на роздачу ему, Юску и Петру на кожухи по 2 р., а машталѣру Федорцю 1 р.

Середа. 3. Сегодня принесенни писма до князя зъ Москви и до подскарбѣхъ. П. сотникови глуховскому позичилемъ 10 р.

Четвер. 4. Вѣжевскому на покупки далемъ 20 р. и 40 таляр. бытихъ. Получилемъ писмо отъ швакгра своего п. Андрея Полуботка, обнадеживаючого мене въ томъ, что уступитъ въ декляраціи села своего Крисокъ, мнѣ обѣщанного. Французжскому королю сынъ родился делфинъ, о часъ 3-мъ мѣс. (?) 30, предъ полуднемъ.

Пятокъ. 5. Сегодня покупки свои окончили, на которіе далемъ Вѣжевскому 32 р. и записалъ. Поехалемъ зъ Кролевця, а пріехалемъ въ Подоловъ до сестри п. судіиной, которой то учинилемъ, что Громѣцѣ 210 червонныхъ далемъ въ 500 р. доводячіеся ему отъ сестри за млини Аксютинскіе, на что онъ и росписку далъ, да другому человѣку, Борису Лисому, 30 таляр. и 7 шаг. далъ же, а сестра дала въ заставу двое часовъ золотихъ, одни простіе, а другіе зъ репетицѣею. Да два ящики, чи пуделки, зъ

[1]) Село конотопскаго уѣзда.
[2]) Экипажъ.

персняли, спонками и обручиками, третую готоваленку и компасъ. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Тулиголови, на ночъ, зъ Астровскимъ.

Субота. 6. Сегодня пообѣдавши въ Тулиголовахъ, пріехалемъ у вечеру въ Глуховъ. Въ Тулиголовахъ горѣлки 4 носатки въ кухвѣ было, пчоли 39.

Неделя. 7. Сегодня рано былемъ у ясневел. п. гетмана и у князя Шаховского, где и обѣдалемъ. По обѣдѣ родитель поехалъ въ Гамалѣевку, а я заночовалъ по предложенню княжомъ. Зъ п. Михайломъ разговаривали о своихъ нуждахъ домашнихъ.

Рождество Пресвятыя Б-ци. Понеделокъ. 8. Поехалисмо рано, князь, брегадиръ, Потемкинъ, Хрущовъ, Сухаревъ, Новоторжцовъ и я зъ п. Михайломъ, братомъ, и пріехали въ Гамалѣевку, а ехали полчварта часа. По службѣ обѣдали и подпивали до ночи. Тутъ я видѣлся зъ сестрою жени моей Журавковою Григоріевою [1]).

Вовтор. 9. Сегодня обѣдали тутъ же въ Гамалѣевцѣ, у тіотки тіе жъ гостѣ, а по обѣдѣ разехались, а мы зъ п. Михайломъ пріехали въ Глуховъ.

Середа. 10. Обѣдалисмо у себе сами зъ родителемъ. Господаръ повернулся зъ ярмарку кролевецкого, где купилъ око кагве, а Железо вина 19 квартъ.

Четвер. 11. Сегодня рано былемъ у п. Михайла, п. Петра, князя и обѣдалъ у себе зъ род. Петръ токаровскій отпущенъ отсюду, черезъ которого писалъ до Тараса и до тихъ 15 р. еще теперъ 5 р. послалъ, черезъ его Петра Волошина, о чомъ писалемъ и до п. Несторовича, а о присилцѣ коня сивого до брата Марка и поздравленне до родителки. Юска послалемъ зъ будкою въ Гамалѣевку, черезъ которого до тіотки писалемъ о томъ, что монастирскіе села отнимаются приговоромъ старшинъ малор.

Пятокъ. 12. Купилемъ тросль за 8 гривенъ и 5 копѣекъ. *(Выписка изъ бл. Августина)*. Жена пріехала зъ Гамалѣевки на ночъ.

---

1) Женою Григорія Журавки, сына стародубскаго полковника.

Субота. 13. Сегодня рано ѣздилемъ до п. Петра и повернувшись обѣдалисмо зъ род. У вечеру ездилемъ до Каневского, суддѣ чернѣговского. Новоторжцовъ переехалъ въ свой домъ, на Бѣлополовку.

Неделя. 14. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Голенковскимъ, писаремъ пол. прилуцкимъ. Забарѣ до 49 р. еще далемъ 11 р., итого 60 р., на покупку жита.

Понеделокъ. 15. Сегодня ездилемъ рано въ городъ и былъ у столовой гетманской, где собралисъ били полковники для слѣдствія о селахъ и нѣчого не здѣлавши, розехались. Обѣдалисмо у себе и съ нами Ханенко, суддя стародубовскій, по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра и п. Михайла, которіи полъ ока тютюну тур. подарили. Господаръ коваля на годъ уговорилъ, отъ октовр. 1-го числа, за 4 р. и хлѣба певную часть. Юско, молодикъ, отправленъ въ Сухоносовку.

Вовтор. 16. Сегодня ездилемъ рано въ городъ до п. Михайла, где написавши писмо до швакгра п. Андрея Полуботка, отпустилемъ о его прибытіи сюда. Обѣдалемъ у себе зъ род. Полкъ Чернѣговскій старшина енер. и полковники очищали, которіи отъ швакгровъ Полуботковъ Виблѣ, Пѣски и еще третее (село) приговорили отобрать на полковника, да на полковника Чернѣговского отобрать же приговорили слободу Петрову отъ суддѣ Чернѣговского. Панѣ повернулась у вечеру зъ Гамалѣевки.

Середа. 17. Сегодня обѣдалемъ у панеи. Купилъ родитель вина венкгерского, анталъ за 21 р., да зъ Мякининомъ купилъ же два антала за 45 р. Канцеляристъ великороссійскій, до канцелляріи сборовъ опредѣленній, былъ у день у родителя и сказивалъ, что гетманъ самъ принюсши у столовую 12 суплѣкъ, даннихъ на родителя, велѣлъ оніе принять и сохранить. Слободу Петрову у суддѣ чернѣговского теперъ приговорено отобрать, а возвратить на полковника чернѣговского Богданова.

Четвер. 18. Сегодня обѣдалисмо зъ род. у Мякинина. Проминялемъ 4 пари соболей на 2 антали вина венгерского столового а осталось 3 пари еще до лутшихъ 9. У лазнѣ милемся и кровъ рожками пускалемъ себѣ.

(гузикомъ) пуговицею или бляшкою. Достатокъ, а болѣе щегольство, находили удовольствіе дѣлать сіи защепы изъ золота, жемчугу и алмазовъ. Военнослужащимъ не позволено было носить долгихъ кафтановъ, а токмо немного ниже колѣнъ, чтобы легче и на лошадь вскочить и маршировать безпрепятственно. Статскимъ и частнымъ людямъ ни цвѣта, ни ткани не положено, и потому видны кафтаны разнаго цвѣта и разныхъ тканей, матерій и парчевые; особливо же щеголи малороссійскіе, какъ нынѣ дамы, въ выборѣ цвѣтовъ черкески и кафтана были такъ же модники: лиловое верхнее, изподъ зеленой, или бѣлое и красное, красное и бѣлое, кафтанъ парчевой, черкеска бархатная или атласная и проч. Но военнослужащіе обязаны были имѣть кафтаны токмо суконные и короткіе: 1) козаки—прежде краснаго, потомъ—единообразнаго бѣлаго цвѣта; 2) жолдаки—желтаго цвѣта; 3) запорожцы, отдѣлившись отъ Малороссіи, употребляли цвѣтъ по произволу; 4) пушкари или артиллеристы малороссійскіе—желтый.

Кобза—музыкальный въ Малороссіи инструментъ, уменьшенный отъ *бандуры*, который бываетъ отъ 3-хъ до 7 струнъ, а иногда и самая настоящая бандура, но иногда именуется кобзою, ежели въ рукахъ нищихъ или богадѣленныхъ, которые ходя съ оною по торгамъ и ярмаркамъ, играютъ на ней, припѣвая. Нынѣ она еще во всемъ своемъ употребленіи, но пѣвчіе или пѣсельники, съ нею ходившіе, поуменьшились.

Козакъ. Національный малороссійскій воинъ, отъ котораго произошли украинскіе, донскіе, терскіе и всѣ прочіе. О произведеніи его имени несчетные споры, а именно: 1) отъ *косы*, якобы косарь; быть не можетъ по етимологіи и по противорѣчію буквъ *з*, *к*, твердаго *ъ*, противъ *с*, *р*, и мягкаго *ь*, да и косы не были никогда настоящимъ оружіемъ козаковъ, развѣ въ нуждѣ. 2) Отъ *козы*, по ихъ скорости и легкости въ бѣганіи и поимкѣ татаръ;—неосновательно и смѣшно. Всѣ гусары, черкасы—должны бы зваться козаками. 3) Отъ мухи *косаки* или *кусаки*,—не стоитъ возраженія. 4) Подобное сему отъ *кипчаковъ*, отъ *коссоговъ* или *косаговъ*, извѣстныхъ современъ Константина Порфирогенета. Тутъ можно было по существующей *козачьей ордѣ* нѣчто толковать, но вспомнивъ *козаровъ* и положенія между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, очевидно, что и коссоги, и козаре, и козачья орда—не имѣютъ ни малѣйшаго сродства съ малороссійскими козаками. 5) Извѣстіе Синопсиса о предводителѣ войскъ малороссійскихъ *козакѣ*—выдумано по старинѣ, чтобы какъ

нибудь добраться до Ноя или его сыновей и внуковъ; да и то вѣдомо, что первый и важный малороссійскихъ козаковъ предводитель былъ Евстафій (Остапъ) Дашкевичъ, староста черкасскій, другъ хмѣльниковскаго старосты Предислава или Прецлава Ланцкоронскаго, и онъ, Остапъ, былъ первый дѣйствительный малороссійскій гетманъ. 6) Отъ *козаковъ*, такъ названныхъ вольныхъ работниковъ, отъ рѣчныхъ судовъ, *косы* именуемыхъ,—суть нелѣпости. 7) И такъ почти не остается сумнѣнія, что слово *козакъ* есть прямо турецкое и татарское, заимствованное національными малороссійскими воинами отъ сихъ народовъ по сосѣдству и подражанію, ибо А) незадолго до гетмана Остапа извѣстны были уже отряды козаковъ у татаръ, что подкрѣпляется свидѣтельствомъ важнаго писателя: теперь и у насъ будутъ козаки, и что татаре дѣлали нашимъ, то и они имъ *ветъ* за *ветъ*, т. е. взаимно. В) Почти современный Предиславу Ланцкоронскому писатель говоритъ, что въ 1516 году нѣсколько малороссіянъ собравшись поѣхали противъ турокъ подъ Бѣлгородъ (Аккермень) для *козаету* и прибавляетъ: а съ того времени и нынѣ стало извѣстно званіе козаковъ; *козаетъ* же на языкѣ турецко-татарскомъ значитъ *добычу*. Ѣхать для козаету—пуститься въ воинскій наѣздничій или насильственный промыслъ, отправиться съ добычей. С) Турецкое слово *козакъ* . . . . [1]) точнѣйшее значитъ хищника, а потому и воина-нападчика. D) Прежде 1516 года ни одинъ писатель о Малороссіи сего имени не употреблялъ, слѣдовательно и выходитъ заключеніе, что козакъ имя заимствованное отъ татаръ и турокъ, и въ разумѣ настоящаго ограниченнаго и регулированнаго войска, означаетъ человѣка независимаго, вольнаго, храбраго, жизнь свою воинскимъ подвигамъ посвятившаго, и иногда отъ народнаго права удаленнаго, нечаянное по силѣ своей нападеніе чинившаго. Е) Ошибаются сѣверные писатели, именующіе козаковъ настоящими разбойниками, publicarum viarum latrones. F) Поляки, видя мужество сихъ войскъ, называли ихъ съ начала своевольниками. Сіи то своевольники въ 1615 году, пустившись въ пользу короля и по его просьбѣ, со флотомъ въ Черное море, истребили въ Трапезунтѣ султанскій арсеналъ, взяли и разорили Синопъ. Козаки малороссійскіе должны быть исповѣданія греко-россійскаго; оружіе ихъ состояло изъ пики, сабли, лануки (sic), ружья, фусеею ими называемаго, пары пистолетовъ и лошади. Все сіе пріобрѣтали они собственнымъ иждивеніемъ, безъ на-

[1]) Здѣсь написано тоже слово—по турецки.

гражденія, кромѣ непріятельской добычи. Отъ скарбу войсковаго получали они токмо пушки и порохъ, но и сей послѣдній имѣли чаще свой собственный. Мундиръ ихъ состоялъ въ синей суконной черкескѣ съ красными отворотами, въ кафтанѣ же—по волѣ ихъ, такъ, какъ и въ шароварахъ; но послѣ законоположено козаку имѣть черкеску ту же, а кафтанъ и шаровары всегда изъ бѣлаго сукна; въ шапкѣ овчинной и сапогахъ разнаго цвѣта. Козацкая пословица: *хлѣбъ да вода,—козацкая ѣда.* Всегда готовыхъ къ походу было 60000, безъ жалованья, самыхъ добрыхъ выборныхъ реестровыхъ козаковъ. Козаки малороссійскіе въ царствованіе Екатерины II упразднены, нѣкоторые преобразованы въ регулярные полки, а прочіе остались на законахъ статутовыхъ, но на правѣ государственныхъ поселянъ, и обложены сорокаалтыннымъ окладомъ съ души.

Козакъ украинскій. Козаки отшедшіе отъ Малороссіи ко владѣнію польскому въ 1686 году, жившіе по правую сторону Днѣпра, кромѣ Кіева и Василькова, оставшихся при Россіи. Гетманъ же всегда титулованъ—*гетманъ обоихъ сторонъ Днѣпра.* Сіи мало по малу исчезли.

Козакъ запорожскій или низовый. Первое названіе отъ того, что они отъ Малороссіи жили по ту сторону днѣпровскихъ пороговъ или водопадовъ, *за порогами*; второе,—потому, что жили по теченію рѣки Днѣпра, въ низъ къ Черному морю. Еще гетманъ Евстафій Дашкевичъ началъ, въ 1535 году, по островамъ Днѣпровскимъ заводить коши и *сѣчи*, которыхъ главныхъ было 13, и съ начала состояли подъ управленіемъ города Чигрина, и всегда, кромѣ своевольнаго ихъ времени, подчинены были гетману малороссійскому. Они были токмо отдѣльная команда малороссійскихъ козаковъ, составлявшая форпосты противу турокъ и татаръ, по островамъ и по низу Днѣпра, и находились подъ вѣденіемъ *атамана*, съ начала *запорожскимъ* или *низовымъ*, а потомъ кошевымъ названнаго и состоявшаго подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ украинскаго, въ 1656 году названнаго малороссійскимъ гетманомъ. Число ихъ было неограничено и пребываніе неопредѣленно, ибо все сіе зависѣло отъ воли гетмана и обстоятельствъ; но въ 1667 году, когда по Андрусовскому миру Днѣпръ сдѣланъ былъ границею Россіи и Польши, то въ мѣсто одного здѣлалось два гетмана, по лѣвую сторону Днѣпра—малороссійскій, а по правую—*украинскій.* Когда Россія и Польша предоставили себѣ совокупное право владычествовать надъ запорожскими

козаками, и посылать туда и другіе, съ обѣихъ сторонъ, караулы, тогда атаманъ сихъ козаковъ началъ мало помалу уклоняться отъ власти малороссійскаго гетмана. Сѣчь запорожская стала тогда удѣломъ его. *Сирко* былъ тогда атаманомъ и негодуя на раздѣлъ, преклонился всею дружбою къ Польшѣ. Диванъ въ Станбулѣ подавалъ ему надежду соединить двуличное гетманское достоинство опять во едино, яко совокупною кровію установленное. Чтобы составить особаго роду правленіе, ввели они у себя старшинъ: войсковаго судью, кошеваго писаря, какъ родъ канцлера, войсковаго эсаула, войсковаго пушкаря, подобнаго малороссійскому обозному и войсковаго довбиша или литаврщика. Не надѣясь, по несогласію гетмана, получать умноженіе войска и ведя жизнь безбрачную, принуждены они были принимать къ себѣ всѣхъ авантюристовъ, бѣглецовъ и отвагъ (sic). Такъ скоро увидѣли между козаками запорожскими великороссіянъ, поляковъ, нѣмцевъ, турокъ, татаръ, французовъ, италіанцовъ и множество малороссіанъ, недовольныхъ новымъ устроеніемъ Малороссіи. И дѣйствительно Сирко провозгласилъ себя гетманомъ, но въ 1675 году увидѣвъ слабость поляковъ и свое безсиліе, поддался Россіи. Съ того времени, при разныхъ коловратностяхъ, были кошевые удѣльные начальники. Козаки запорожскіе управляемы были особо отъ Малороссіи, кидаясь то къ туркамъ, то къ полякамъ, до времени кошеваго *Городенскаго*, который призналъ надъ собою власть гетмана малороссійскаго во всей точности и уговорилъ всѣхъ запорожцевъ, дабы были и они въ полномъ повиновеніи гетм. малор. Затѣи Мазепы вовлекли его и запорожцовъ въ согласіе, и потому 19 мая 1709 года, главная ихъ крѣпость на Чертомликѣ—*Сѣчь* раззорена генералъ-маіоромъ Яковлевымъ. Послѣ сего, запорожцы приклонились къ татарамъ, но гетманъ Апостолъ соединилъ ихъ паки съ Малороссіей. При бывшемъ въ 1761 году, по повелѣнію гетмана графа Разумовскаго, изчисленіи дѣйствительныхъ запорожскихъ воиновъ, или собственно называемыхъ *сѣчевыхъ козаковъ*, сочтено подъ ружьемъ 27,117 человѣкъ. Екатерина II, въ 1762 году, іюня 6-го, пожаловала Запорожской Сѣчи новую печать, съ обыкновеннымъ для всѣхъ прочихъ русскихъ присутственныхъ мѣстъ подписаніемъ. Съ того времени вошло странное обыкновеніе, что самые знатнѣйшіе россіяне и вельможи начали записываться въ число рядовыхъ въ курени запорожскіе: князь Потемкинъ былъ изъ числа сихъ. Наконецъ, указомъ отъ 3 августа 1775 года, запорожскіе или низовые козаки уничтожены, и они поселились было во владѣніи турецкомъ, но вскорѣ вызваны и оживлены подъ

именемъ *черноморскихъ козаковъ*. Храбрость сихъ козаковъ въ исторіи невообразима. Они раздѣлялись на сухопутныхъ и морскихъ... Первые противъ непріятеля шли всегда *таборомъ*. Таборъ, или родъ вагенбурга, состоялъ изъ 8 до 10 повозокъ впереди, толикаго же числа сзади, а съ обѣихъ сторонъ и въ срединѣ—по распоряженію военачальника. По всѣмъ сторонамъ шло нѣсколько и безпрестанно караульныхъ стражей. Коль скоро увидятъ кучу татаръ, замыкаются всѣ въ таборѣ и бьютъ ихъ изъ ружей; при удобномъ же случаѣ, или при немногочисленности татаръ, выходя изъ табора, бьютъ непріятеля и раззоряютъ ихъ селенія. По сему расположенію—таборъ или двигался или останавливался. Вторые ѣздили по рѣкѣ, къ порогамъ и чрезъ пороги, и въ Черное море—въ *чайкахъ* и *дубахъ*. Въ три недѣли могли они таковыхъ судовъ изготовить до ста, а тысячь пять козаковъ, взявъ сухарей, пускались въ походъ. Горячее вино въ походѣ было запрещаемо. Каждый изъ нихъ обязанъ взять съ собою и два ружья; а на суднѣ бывало отъ 5 до 6 фалконетовъ или по двѣ небольшія трехфунтовыя пушки. Къ выѣзду избирали обыкновенно послѣднюю четверть луны, чтобы быть скрытымъ отъ непріятеля, и проѣзжали или на востокъ Очакова, въ Лиманъ, или между Таманомъ и Керчью. Галеры турецкія всегда ихъ боялись и часто были побѣждаемы; купеческіе корабли отдавались безъ сопротивленія. И анатолійскіе, и византійскіе берега чувствуютъ и доселѣ ихъ посѣщенія. Пословица сихъ козаковъ: *терпи козакъ, атаманъ будешь.*

Козакъ выборный или реестровый. Такъ назывались тѣ козаки, которые стояли въ реестровомъ спискѣ, и должны были всегда готовы быть къ походу.

Козакъ подпомощникъ—состоящій въ компутѣ или реестрѣ для службы; самъ въ походъ не ходилъ, доколѣ не записанъ будетъ въ выборные или реестровые, но обязанъ былъ: 1) въ числѣ собратій своихъ, къ выборному или реестровому приписанныхъ, снабдевать его по мѣрѣ иждивеніемъ на мундиръ и всею амуниціею, и во время похода блюсти домашнее его хозяйство. 2) Изъ нихъ опредѣляемы были во внутренніе наряды, напримѣръ: на стражу при канцеляріяхъ и прочихъ публичныхъ зданіяхъ, на развозъ публикацій, для препровожденія въ скарбъ, или куда повѣлено будетъ, казны, и въ протчіе коммисіи, регулярной службы не требующіе. Изъ нихъ во всѣхъ городахъ было нѣсколько на очереди, аки *штатныя команды.*

Козакъ наемникъ. Козаки иногда, по снисхожденію полковниковъ, присваивали себѣ право уклониться отъ исполненія должности своей и поставляли вмѣсто себя на службу наемниковъ, или—изъ козаковъ подпомощниковъ или—изъ людей другого состоянія, платя имъ по договору деньги. Хотя по строгости дисциплины, сего никоимъ образомъ допускать не должно было, но слабость полковниковъ и другія политическія причины на таковое злоупотребленіе смотрѣли равнодушно, и за благовидныя къ тому причины поставляли: болѣзнь реестроваго или выборнаго настоящаго козака, его дряхлость или разстройство экономіи, малосемейство и проч. Въ послѣднія времена сіе такъ ужилось, что козацкое мужество ослабѣло, дисциплина выпущена изъ виду и нѣга восторжествовала; что самое и было главнѣйшимъ поводомъ преобразовать сіе храброе войско, ибо козаки реестровые или выборные, колико можно уклоняясь отъ службы, оную забывали, а наемники почти ежегодно перемѣняемые, не могли навыкнуть къ дисциплинѣ да и не старались прилѣжать и смотрѣть за оной.

Козакъ абшитованный—уволенный по долговременной службѣ отъ списка въ реестровыхъ или выборныхъ. Онъ точно былъ то, что *ветеранъ* у древнихъ римлянъ. Живя при экономіи, яко отечеству заслуженный, употребляемъ онъ былъ иногда въ лучшіе внутренные коммисіи, яко коммисіонеръ.

Козакъ аттестованный—назывался тотъ, который служа долговременно и заслуживъ во всемъ по нравственности и службѣ предпочтеніе, былъ въ правѣ просить чина, въ войскѣ ему угоднаго. Онъ имѣлъ право въ мѣсто *черкески* носить кунтушъ вездѣ, и былъ принятъ во всякомъ обществѣ.

Коллегія малороссійская. 1) Первая учреждена Петромъ I предъ кончиной гетмана Скоропадскаго, послѣдовавшей 1722 года, подъ видомъ спомоществованія ему въ дѣлахъ правленія, ради слабости здоровья его. Присутствіе составляли въ оной со стороны великороссійской: одинъ бригадиръ и 4 гарнизонные офицера, по правую сторону стола, и бывшіе военной войсковой при томъ же Скоропадскомъ учрежденной канцеляріи малороссійскіе члены, сидѣвшіе по лѣвую сторону присутственнаго стола. Сіе правительство соединяло въ себѣ верховную власть, апелляціонную, казенную и по внутреннему управленію малороссійскихъ войскъ. Коллегія сія имѣла цѣлію мѣста старшинъ и полковниковъ наполнить великороссійскими уро-

женцами и весь скарбовой доходъ обратить въ казну столицъ, оставя скуднѣйшее жалованье для служащихъ въ землѣ націоналовъ. Сія коллегія ввела въ Малороссіи несообразное правамъ ея употребленіе гербовой бумаги по мѣстамъ присутственнымъ и нѣкоторые сборы податей съ земли и ремесла. Со временемъ чиновники въ сію коллегію введены высшихъ класовъ, и дѣйствовали по своему, яко на мѣстѣ гетмана; тогда, въ первые, глуховскій сотникъ Мануйловичъ здѣлался членомъ коллегіи и изъ подчиненнаго полковнику Нѣжинскому, сталъ правителемъ цѣлыя націи, управляя притомъ и сотнею своей[1]). Для ограниченія самоволія сей коллегіи, Екатерина I, указомъ своимъ отъ 3-го іюня 1726 года, повелѣла при существованіи сей коллегіи, существовать опять и войсковой генеральной малороссійской коллегіи, и уничтожила зборъ канцелярской и судной пошлины. Сія первая коллегія существовала токмо до 1727 года, а въ семъ году, октября 1-го, по волѣ императора Петра II избранъ въ гетманы Даніилъ Апостолъ. 2) Екатерина II въ 1764 году уволила доселѣ бывшаго гетмана графа Разумовскаго и на мѣсто его учредила *коллегію малороссійскую вторую*, подъ руководствомъ и управленіемъ всей земли чрезъ генералъ губернатора, который купно былъ и президентъ сей коллегіи; члены же коллегіи не различались породою, но великороссіяне и малоросіяне сидѣли совмѣстно, занимая стулы по рангу. Коллегія сія состояла подъ вѣдѣніемъ сената и имѣя въ подчиненности себѣ всю Малую Россію, составляла во всемъ смыслѣ верховное для націи мѣсто. Въ ней были 4 секретаря или исправители дѣлъ, а по раздѣленіи ихъ на экспедиціи, можно ясно понять и власть и упражненіе ея. Въ *первой* (экспедиціи) вѣдомы были всѣ дѣла процесныя, формальныя или тяжебныя о недвижимости и движимости дворянъ, духовныхъ и козаковъ; дѣла уголовныя колодничія и по сей части переходили дѣла, по аппеляціямъ или на ревизію, изъ судовъ городскихъ или полковыхъ канцелярій и судовъ земскихъ, чрезъ генеральный судъ, въ коллегію. Во *второй экспедиціи*—всѣ дѣла внутренныя, такъ ихъ называли, яко то: ревизія—состоявшая въ переписке дворовъ, и потому платежъ не былъ подушной, но подымный, отъ дыму, сколько печей, столько рублей, сборъ денежный и натурою, гдѣ и какимъ то каналомъ ни шло въ казну; управленіе національнымъ имѣніемъ, тогда же *коронным*ъ

---

1) Невѣрно. См. Опис. Ст. Малороссіи, II, 423.

переименованнымъ; устроеніе дорогъ, мостовъ, перевозовъ; всѣ на казенный счетъ (построенныя?) зданія; извѣстные и кирпичные казенные заводы; судоходство по рѣкамъ и фабрики. По сей части подчинены были скарбовыя, всѣ полковые и сотенныя канцеляріи; генеральная счетная коммисія, а нѣкоторою частію магистраты и ратуши, кромѣ магистрата кіевскаго, который уже напослѣдокъ съ прочими получилъ равную участь. Въ *третьей*—дѣла тяжебныя и уголовныя городскія изъ магистратовъ и ратушъ; дѣла спорныя національныхъ, коронными названныхъ, посполитыхъ или селянъ; переводъ денегъ; пересылочные колодники; паспорта и подорожныя; дѣла наукъ, художествъ и ремесла; по сему поводу подчинены были тутъ всѣ магистраты и ратуши непосредственно, сотенная глуховская канцелярія, а частію скарбовыя и полковыя канцеляріи.—*Въ четвертой*—всѣ дѣла до войны и воинскаго обряда, безъ изъятія, принадлежащія, яко то: щетъ, наборъ, разпредѣленіе, мундировка, нарядъ полковой; артилерія съ литьемъ пушекъ и дѣланіе пороха; ряды (подряды) на селитру и поташъ, крѣпостныя укрѣпленія и проч., пожалованіе въ чины и увольненіе отъ службы, начавъ включительно (ибо отъ полковника и далѣе предлежало монаршему рѣшенію) отъ бунчуковаго товарища до послѣдняго козака и всякаго именованія военнослужащаго. Коллегія сія существовала по 1782 годъ, въ которомъ, слѣдуя системѣ единообразія, и Малороссія преобразована въ намѣстничества и нынѣ раздѣлена въ губерніи.

Коляда. Бывшее у малороссіянъ божество. Въ воспоминаніе ли его или по другимъ причинамъ—слѣдующій въ Малороссіи и доселѣ еще вездѣ существующій обрядъ, называютъ *колядою* или *колядованіемъ*. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ въ вечеру, когда смеркнется, на первый день святокъ Рождества Христова, составя компанію, идутъ подъ окошки, къ кому хотятъ, и весьма пріятнымъ голосомъ поютъ разныя на сей токмо случай сочиненныя пѣсни, коихъ каждая строфа, а иногда каждая строка, должна непремѣнно оканчиваться сими словами: *святый вечеръ, добрый вечеръ*. Содержаніе сихъ пѣсень раздѣляется обыкновенно на три рода: 1) желать хозяевамъ счастія, 2) увѣрять молодца, что уже время ему жениться, 3) прорицать дѣвицѣ, что получитъ хорошаго жениха, причемъ вмѣшиваютъ и имена тѣхъ, къ кому обращаютъ свою пѣснь. Хозяева за сіе подчиваютъ.

Коммисаръ. Званіе коммисара было и временное или неизмѣняемое, по свойству дѣла. *Коммисары неизмѣняемые* были слѣдующіе: 1) *Ком-*

мисаръ повѣтовый—до раздѣленія Малороссіи на губерніи и введенія казенныхъ палатъ, былъ избираемъ того повѣта дворянствомъ довѣренный чиновникъ, котораго должность состояла въ зборѣ квартальныхъ денегъ, арендныхъ и другихъ скарбу принадлежащихъ поборовъ, о приходѣ и расходѣ которыхъ велъ онъ, по данной формѣ, книги по ордерамъ и указамъ скарбовой канцеляріи, въ которую ежегодно доставлялъ и остатки, а книги для ревизіи отсылалъ въ генеральную счетную комиссію. Его же должность была препровождать отъ границы до границы повѣта проходящія воинскія команды, разводить имъ квартиры и пещись о продовольствіи ихъ. 2) *Комиссары пограничные*,—они обязаны были жить въ учрежденномъ мѣстѣ близъ границъ націй и разбирать споры туземцевъ съ пограничными сосѣдями о межахъ владѣнія, долгахъ и обидахъ всякаго рода. 3) *Коммисаръ повѣтовый*—нынѣ называется въ Малороссій капитанъ-исправникъ и дѣйствуетъ по наставленію учрежденій для губерній, почему и выбираемъ бываетъ чрезъ три года.

Коммисары временные: 1) назначаемы отъ верховнаго начальства для разбору споровъ объ имѣнія скарбовомъ съ дворянами, козаками или духовными; 2) опредѣляемые изъ членовъ суда генеральнаго для изслѣдованія о таковыхъ казенныхъ имѣніяхъ, которыя окажутся въ чьемъ либо неправильномъ завладѣніи; 3) чиновники по апеляціи на рѣшеніе подкомораго, отъ суда генеральнаго опредѣляемые для разсмотрѣнія и рѣшенія вновь того дѣла, и поелику между сими чиновниками всегда первое мѣсто занимаетъ повѣтовый маршалъ, то потому и судъ сихъ коммисаровъ именуется особымъ словомъ—*маршалковско-коммисарскій судъ*. Кто же въ сей судъ назначается коммисарами, о томъ судъ генеральный сообщаетъ для свѣдѣнія каждый разъ губернскому правленію. Прежде же назначаемы были отъ гетмана, а потомъ отъ малороссійской коллегіи. Сихъ коммисаровъ два рода: а) или назначаемые по согласію истца и отвѣтчика; въ такомъ случаѣ единогласное ихъ рѣшеніе непоколебимо и не пріемлется на оное ни апелляція и ни какая жалоба: б) или по несогласію сторонъ, опредѣляется по волѣ суда генеральнаго; въ такомъ случаѣ недовольные ихъ рѣшеніемъ, могутъ жалобу, однакожъ не апелляціоннымъ порядкомъ, подать въ судъ генеральный, который дѣло беретъ на ревизію и рѣшитъ, предоставляя право апелліовать и въ сенатъ. Коммисарамъ симъ жалованья не полагается, но они пользуются узаконеннымъ доходомъ отъ тяжущихся; рав-

но подкоморому, и всѣ свои дѣла и рѣшенія записываютъ въ подкоморскія книги [1]).

Коммисія генеральная счетная, или генер. счетн. ком. Она состояла въ Малороссіи изъ трехъ присутствующихъ штабъ-офицерскаго чина, или почетнѣйшихъ малороссійскихъ старшинъ, отъ начальства опредѣляемыхъ, и имѣла отправленіе дѣлъ точно, какъ бывшая

[1]) Для исторіи *маршалковско-коммисарскихъ судовъ* приводимъ здѣсь представленіе черниговскаго губернскаго предводителя дворянства А. М. Марковича, на имя министра внутреннихъ дѣлъ, объ уничтоженіи этихъ судовъ. — „Въ малороссійскихъ губерніяхъ существуютъ, какъ извѣстно, два особенные суды, называвшіеся прежде подкоморскій, а нынѣ межевый, и посредническій — межевый. По артикулу VII розд. 9-го статута, кто не доволенъ былъ рѣшеніемъ подкоморскаго суда, тотъ подавалъ апелляцію въ главный судъ, отъ котораго назначались коммисары, кастелянъ того повѣта или маршалъ или судовой староста, съ двумя дворянами. Сіи коммисары могли рѣшеніе подкоморскаго суда исправить или оставить въ своей силѣ. Засимъ никакая апеляція не имѣла мѣста“. Но затѣмъ 20 августа 1801 г. послѣдовалъ законъ, по которому: „1-е найдено несообразнымъ оставить рѣшеніе маршалковско-коммисарскаго суда неподлежащимъ апеляціи, тогда какъ рѣшенія даже главнаго суда подлежатъ апеляціи сенату; 2-е, маршалковско-коммисарскій судъ признанъ среднимъ между состоящимъ непосредственно подъ апеляціею сената а потому 3-е, кто недоволенъ останется рѣшеніемъ маршалковско-коммисарскаго суда, по просьбѣ того подлежитъ дѣло апеляціонному разсмотрѣнію главнаго суда. При семъ постановлено, что если члены маршалковско коммисарскаго суда будутъ избраны общимъ согласіемъ сторонъ, тогда учиненное онымъ судомъ опредѣленіе вступить должно во всю силу законныхъ третейскихъ рѣшеній и положенія оного должны приводимы быть въ дѣйствіе; когда по несогласію сторонъ главный судъ принужденнымъ найдется назначить самъ членовъ, тогда положенія маршалковско-коммисарскаго суда подлежать должны, въ случаѣ недовольствія стороны, разсмотрѣнію главнаго суда. — Изъ теченія подобныхъ дѣлъ извѣстно, что стороны никогда не назначаютъ сами членовъ сего суда, но предоставляютъ назначеніе оныхъ главному суду, слѣдовательно двѣ цѣли сего суда: 1-е, подвергать рѣшенія о межевыхъ дѣлахъ вмѣсто главнаго суда окончательному рѣшенію маршалковско-коммисарскаго суда, уничтожено докладомъ правит. сената (т. е. закономъ 20 августа 1801 г). и 2-е, замѣнить апелляціонное разсмотрѣніе главнаго суда рѣшеніемъ третейскаго суда — недостигнуто по всегдашнему отрицанію сторонъ назначать отъ себя коммисаровъ. При таковыхъ обстоятельствахъ маршалковско-коммисарскій судъ остается инстанціею не только совершенно лишнею, особенно при существованіи третейскаго суда, но весьма обременительною для тяжущихся сторонъ и для тѣхъ, которые бываютъ назначаемы членами онаго, а наиболѣе для предводителей дворянства. Процессы, передаваемые на разсмотрѣніе маршалковско коммисарскихъ судовъ, часто продолжаются по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Каждый изъ оныхъ представляетъ примѣры неоднократныхъ уклоненій предводителей дворянства и дворянъ, назначаемыхъ отъ гражданскихъ палатъ. Часто, когда дѣло готово къ рѣшенію — перемѣняется по выбору дворянства предводитель и случается, что вновь избранный по какимъ либо

ревизіонъ-коллегія. Она ревизовала всѣ щоты, какъ прямо въ оную входившіе, такъ и тѣ, кои взносимы были отъ подвѣдомственныхъ ей *полковыхъ счетныхъ коммисій*, и окончивъ оныя, представляла, со мнѣніемъ своимъ, коллегіи на ея утвержденіе, хотя состояла въ одномъ классѣ съ *скарбовой канцеляріей*, но и оную въ приходахъ, расходахъ, распоряженіяхъ и предписаніяхъ о томъ равизовала, и *подскарбій генеральный* не властвовалъ надъ нею.

Коммисія счетная полковая, или полк. счетн. коммисія, подвѣдома была *генеральной счетной коммисіи*, которая поручала ей маловажные счеты и ревизованіе коммисаровъ повѣтовыхъ, состояла такъ же изъ трехъ членовъ, отъ начальства назначаенныхъ, и обыкновенно старшій членъ былъ *войсковой товарищъ.*

Комора. Такъ въ Малороссіи именуется таможняя застава, а потому и *коморникъ*—таможенный надзиратель.

Коморникъ—помощникъ подкомораго, для разбору дѣлъ маловажныхъ, для которыхъ подкоморій самъ не выѣзжаетъ, отправляется коморникъ, и дѣйствуетъ по предписаніемъ онаго; но въ случаѣ ошибки его въ дѣлѣ, подкоморій оную исправитъ, такъ какъ за исправность и прилѣжность его отвѣчать долженъ; ежели же кто желаетъ поновить грани своего владѣнія, то силою законовъ предписано чинить то непремѣнно при бытности коморника, обязаннаго дать о томъ сосѣдамъ повѣстки. По правамъ малороссійскимъ предоставлена подкоморому власть назначать себѣ коморника, увѣдомивъ о томъ повѣтоваго маршала для свѣдѣнія дворянства, но нынѣ большая часть повѣтовъ согласились, при возобновленіи выборовъ, избирать и коморника. Онъ по штату въ 14 классѣ, буде чина выше не имѣетъ.

Компанеецъ. Какъ *жолдани* составляли собственно гвардію особы и дворца гетменскихъ, такъ *компанейскіе полки* отдѣлены были вовсе отъ національнаго управленія и подлежали единственно личной власти гетмана. При смутномъ времени въ Малороссіи, кромѣ козаковъ, были *охочекомонными* названы. Послѣдующіе гетманы составили изъ нихъ компанейцевъ. Опредѣленіе въ сіе званіе, отъ полковника до рядового, зависѣло единственно отъ воли гетмана, и они составляли лег-

---

законнымъ причинамъ не можетъ вступить въ составъ суда. Начинается новая переписка, новыя назначенія, новые отказы. Итакъ проходятъ годы... Полагая оставить межевый судъ, какъ весьма полезный, на прежнемъ основаніи, я считаю, что уничтоженіе маршалковско-коммисарского суда было-бы истиннымъ благодѣяніемъ какъ для тяжущихся, такъ и для присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ". (*Писано въ 1835 г.*).

кую кавалерію. Мундиръ ихъ былъ—зеленая черкеска съ красными обшлагами и красный исподній кафтанъ; большею частію, носили они узкіе шеравары, а иногда штаны *голанцами* называемые; шапки ихъ были круглые. Они получали отъ гетмана умѣренное жалованье и записываемы были изъ людей охочихъ, свободныхъ. Компанеецъ выходящій въ отставку, ежели оставался въ городѣ, то долженъ былъ записаться въ мѣщане, ежели пріобрѣталъ имѣніе, куплею, даромъ или женидбою, въ повѣтѣ, то долженъ былъ записаться въ сотню, въ козаки; ежели входилъ въ селенія въ скарбовыя, то долженъ былъ подвергнуть себя повеленію тѣхъ селеній. Люди принимаемы были сюда токмо молодые и искусные въ наукѣ кавалериста. Ихъ старшины щитались по порядку всегда ниже одною степенью, и сотникъ козачей командовалъ полковымъ компанейскимъ старшиною, такъ какъ бунчуковый товарищъ компанейскимъ полковникомъ. Но Екатерина II при уничтоженіи малороссійскаго козачьяго устройства, производила компанейскихъ полковниковъ въ бригадиры, а бунчуковыхъ товарищей въ коллежскіе ассесоры. Оружіе компанейцевъ состояло въ саблѣ, въ короткомъ ружьѣ, но иногда дуппелтонѣ, и въ нагайкѣ, канчукомъ называемой; сапоги носили коротенькіе, и всегда были на службѣ. Въ ограниченіе гетманской власти, подъ россійскою державою, указомъ отъ 22 августа 1728 года не позволено гетману имѣть больше трехъ компанейскихъ полковъ, и каждому изъ сихъ полковъ состоять токмо изъ 500 человѣкъ, по сказанной тутъ весьма важной причинѣ: «*дабы народу въ поборахъ было облегченіе*». Сіе три компанейскіе полка преобразованы потомъ Екатериною II въ легкоконные подъ названіемъ: Кіевскаго, Черниговскаго и Сѣверскаго, а нынѣ и сіи уже не существуютъ.

Компромиссъ—*латынское слово*, въ правахъ малороссійскихъ: 1) соглашеніе обѣихъ тяжущихся сторонъ не вступать въ тяжбу по обыкновеннымъ присутственнымъ мѣстамъ, но избравъ двухъ или трехъ полюбовныхъ судей, предоставить судьбу дѣла своего разсмотрѣнію и рѣшенію ихъ. На сей конецъ тужущіеся дѣлаютъ запись въ надлежащемъ присутстверномъ мѣстѣ, въ которой именуя назначаемыхъ ими полюбовныхъ судей *медіаторами*, или посредниками въ другихъ мѣстахъ называемыхъ, даютъ имъ уполномочіе къ сему разбору, предписываютъ границы власти ихъ, обязываются призыву и требованію ихъ повиноваться, и на непокориваго или упорнаго полагаютъ заруку, т. е. именно назначаемую пеню денежную. 2) Когда сіи полюбовные судьи, разсмотрѣвъ дѣло, рѣшатъ оное, то приговоръ

ихъ такъ же называютъ *компромиссъ*. А) Ежели рѣшили дѣло единогласно и не выпустя (выступя)? изъ границъ ввѣренной имъ отъ тяжущихся власти, то тяжущіе обязаны вѣчнымъ молчаніемъ, и сей компромиссъ отсылается къ неизмѣнному исполненію въ повѣтовый земскій судъ и никакая власть не можетъ и малѣйшей здѣсь здѣлать перемѣны или послабленія. Неспокойный же, приносящій жалобу на таковой компромиссъ, или упорствующій въ исполненіи предписаннаго, платить каждый разъ положенную въ записи заруку. Б) Ежели полюбовные судьи вышли изъ границъ имъ повѣреннаго, то за указательствомъ о томъ отъ тяжущихся, повѣтовый судъ исполняетъ компромиссъ только въ томъ, что было ввѣрено, а протчее отставляютъ, предоставляя сторонамъ или итти формою суда, но не нарушать того, что рѣшено уже компромиссомъ во ввѣренныхъ предѣлахъ. В) Ежели полюбовные судьи здѣлаютъ разногласные компромиссы, то дѣло вступить въ повѣтовый земскій судъ, который приступаетъ рѣшеніемъ къ мнѣнію одного или другого, но въ такомъ случаѣ могутъ уже тяжущіеся приносить дѣло по апелляціи въ генеральный судъ и далѣе.

Компуты—слово польское; такъ называются въ Малороссія книги, въ которыя вносятся роды козаковъ, ихъ жилища и раздѣленіе по службѣ. Сими книгами доказываютъ они свою породу и свободу.

Контора раскольническая. Въ Малороссіи отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ терпимость вѣръ была закономъ. Множество раскольниковъ удаляясь гоненій, поселились тутъ [1]), на земляхъ пустыхъ, и селеніи свои назвали слободами, паче же всего избирали мѣста дремучихъ лѣсовъ: въ Добрянкѣ, Зыбкой, Митьковкѣ, Воронкѣ и проч., около Стародуба и Чернигова. Для управленія ихъ существовала нѣсколько времени особая контора, уничтожившаяся съ преобразованіемъ Малороссіи въ намѣстничества и отдачею ихъ подъ вѣдомство казенныхъ палатъ. Они никогда не были причисляемы въ число малороссійскихъ туземцевъ, но щитались токмо промышленниками, живя изъ кожевенныхъ, мыльныхъ и частію стеклянныхъ заводовъ, и довольно богатились, пользуясь дровами изъ лѣсовъ вольныхъ, весьма обширныхъ. Духовенство малороссійское, всегда просвѣщенное и снисходительное, не мѣшалось въ обряды ихъ, ни въ вѣроисповѣданіе ихъ, только бы то было безъ нарушенія общаго покоя. Малороссіяне внутренно смѣялись ихъ заблужденіямъ, но въ при-

---

[1]) Т. е. въ Малороссіи.

сутствіи ихъ всегда молчали и были скромны. Хоть число раскольниковъ было не велико, но трудолюбіе ихъ всегда хвалили. До открытія намѣстничествъ неизвѣстно, чтобъ кто согласился на ихъ толки, но съ того времени принимаютъ они и малороссіянъ въ свое сожительство.

Контравенція—слово латынское въ правахъ малороссійскихъ—сопротивленіе или неповиновеніе приговорамъ судебныхъ мѣстъ. Въ правѣ трибунальномъ и въ конституціи 1647 года узаконено таковое сопротивленіе трибуналу или генеральному суду наказывать тюремнымъ содержаніемъ и платежемъ ста копъ присутствующимъ.

Контроверсія—слово латынское. Въ малороссійскихъ судебныхъ мѣстахъ такъ называется судопроизводство, т. е. доказательство или доводъ исковый стороны и отвѣтъ или оправданіе, или отвѣтъ, обжалованной стороны, отвѣтчика. За пришествіемъ назначеннаго въ позвѣ срока и по окончаніи трехъ чрезъ *вознаго* вызововъ, *воланьемъ* именуемыхъ, должны обѣ стороны немедленно вступать въ контроверсію и окончить оную не далѣе третьяго дня, въ который уже должна вся контроверсія, купно съ документами, отдана быть писарю. Опоздавшій лишается права доказывать или отвѣчать, и считаться (sic) *отъ суда упавшимъ въ рѣчи*, т. е. виновнымъ.

Конфедерація—слово латынское. Славнѣйшая изъ конфедерацій есть при съѣздѣ вельможъ коронныхъ, духовныхъ и мірскихъ, всего рыцарства и депутатовъ польскихъ, литовскихъ, кіевскихъ, волынскихъ, подлѣскихъ, русскихъ, прусскихъ, поморскихъ, жмудскихъ, лифляндскихъ, и прочихъ, учиненная въ Варшавѣ генваря 28 дня 1573 года, которою утверждено свободное греческое въ Малороссіи вѣроисповѣданіе, безопасность храмовъ, личная каждаго безопасность и собственность владѣнія.

Копа—мысленный денежный счетъ, подобно алтыну, въ Малороссіи простымъ народомъ употребляемый и раздѣляемый на три рода: 1) при куплѣ и продажѣ на торгахъ и ярманкахъ, щитается въ полтину или 50 коп. 2) Въ судовыхъ приговорахъ и разборѣ акциденцій содержитъ въ себѣ шесть золотыхъ или 120 коп. 3) Копа правная въ законахъ оцѣнкою или въ штрафъ полагаемая, содержитъ 22 золотые съ половиною, или 450 коп.

Коровай—особый хлѣбъ, употребляемый въ Малороссіи токмо при свадьбахъ. Пекутъ его на подобіе кулича съ разными шишками, коихъ чѣмъ больше, тѣмъ коровай виднѣе; у достаточныхъ людей

сіи шишки вызолачиваются. Коровай украшаютъ маленькими хоругвами или знаменами, гаками (?) и другими нарядами. Коровай величиною дѣлается по числу близкихъ гостей т. е. родныхъ, почетныхъ приглашенныхъ и всѣхъ имѣющихъ должности при свадьбѣ, яко то: бояръ, дружковъ и дружекъ, сватовъ и свахъ, свѣтилокъ и проч., и проч. Буде же одного коровая недостаточно, то заготовляется оныхъ нѣсколько. Коровай обыкновенно ставится на большомъ столѣ, за который садятся свадебные гости и служитъ украшеніемъ обѣденному столу, при окончаніи котораго (ибо въ Малороссіи новобрачные должны отслушать обѣдню и послѣ оной бываютъ вѣнчаемы) старшій бояринъ или кому поручено, раздробляетъ коровай и подноситъ по кусочку онаго, въ которой воткнуто или знамя или елка, по порядку занимаемыхъ степеней, а приемлющіе оной по возможности и соизволенію кладутъ на блюдо или серебреныя деньги или объявляютъ, чемъ они новобрачныхъ на новое хозяйство подарить предположили. Къ роднымъ и близкимъ, на свадьбѣ не бывшимъ, новобрачные кусокъ коровая съ вышеприписаннымъ украшеніемъ или сами отвозятъ, будучи сопровождаемы музыкою и пѣніемъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, или отсылаютъ со сватовьями и другими. По древнему обычаю, должно имѣть въ запасѣ сего коровая на цѣлую недѣлю, дабы можно было подчивать пріѣжжающихъ съ поздравленіемъ къ новобрачнымъ, какъ въ первый, такъ и въ послѣдующіе дни. Подносится при короваѣ и бокалъ съ напиткомъ, чтобы выпить за здоровье новобрачныхъ при желаніи долгой и счастливой жизни.

Корона. Корона латынское слово—вѣнецъ. Обыкновеніе украшать себя вѣнками, хотя и есть самой глубокой древности, но въ Малороссіи существуетъ оное еще и понынѣ. Молодыя дѣвицы по окончаніи работъ своихъ (но тѣ, которыя непорочны чистотою) возвращаясь при закатѣ солнца съ поля въ домы свои, плетутъ изъ разныхъ цвѣтовъ, травъ и колосьевъ, вѣнки, коими украшаютъ головы свои, покрытыя длинными сплетенными косами, и столпясь напѣваютъ хоромъ, въ разныхъ голосахъ, пѣсни приятныя, простыя, натуральныя или сочиняемыя, непорочность златыхъ временъ изображающія, и бывъ сопровождаемы отцами, матерями, братьями, родственниками, друзьями, въ такомъ торжественномъ видѣ входятъ въ селеніе свое, наполняя все пространство онаго эхомъ голосовъ своихъ, возвѣщающихъ возвращеніе ихъ съ полей, изъявляющихъ удовольствіе о благополучномъ окончаніи того дня приятныхъ имъ за-

ботъ, съ желаніемъ начать оныя, по отдохновеніи отъ трудовъ, наутріе столько же удачно удовольствованно, какъ и предшествовавшіе дни.

Коронный. Во время существованія второй малороссійской коллегіи такъ именовалось скарбовое сокровище, яко бы казнѣ принадлежащее и отъ того: 1) коронный смотритель, родъ казеннаго коммисара, отъ начальства опредѣленнаго, для управленія ввѣреннаго ему скарбоваго имѣнія части, сбора, расходовъ и расправъ между коронными поселянами; 2) коронное имѣніе вѣдомству скарба войсковаго подлежащее и проч.

Кошевой. Иногда называется съ прибавленіемъ *атаманъ кошевой*, названный такъ отъ слова *кошъ*, былъ избираемъ всѣми вообще куренями, и по выборѣ оставался въ реестрѣ рядовыхъ козаковъ того куреня, къ которому принадлежалъ. Должность его продолжалась по волѣ козаковъ, иногда не болѣе одного года, ибо обыкновенно въ новый годъ собирались всѣ курени на раду (совѣтъ), гдѣ или подтверждали стараго или избирали новаго кошеваго и тогда прежде бывшій возвращался къ своему куреню и вступалъ въ прежнее званіе козака. Все отличіе кошеваго доколѣ пребывалъ въ должности, состояло въ большой палкѣ, аки бы въ начальственномъ жезлѣ, которая сохранялась въ церквѣ. Мнѣніе, что кошевые должны быть всегда безграмотные, несправедливо въ точности смысла, ибо извѣстно, что сіе мѣсто получали и весьма ученые люди; но въ смыслѣ по запорожски дипломатическомъ, сіе утвержденіе истинно: каждый избранный кошевый долженъ былъ притворяться человѣкомъ простымъ, добрымъ, никакого умственнаго преимущества надъ рядовыми козаками неимѣющимъ, а токмо храбростію и добротою сердца отличаться, судить и говорить съ протчими въ мирное время, яко отецъ съ дѣтьми (а въ походѣ и на войнѣ онъ былъ совершенный деспотъ) и дѣйствовать во всемъ, что касается до общественныхъ дѣлъ, чрезъ писаря, съ согласія старшинъ, а въ важнѣйшихъ случаяхъ—куренныхъ атамановъ.

Кошъ. Сіе слово значитъ на татарскомъ языкѣ *станъ*, *лагерь*; потому—первенствующій въ лагерѣ, гетманомъ назначаемый, именованъ кошевымъ. Козаки запорожскіе, считая себя воинами всегда дѣйствующими, присвоили потомъ исключительно имя сіе начальнику своему, желая вящше противоставить власть его власти законнаго гетмана.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVI.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1894.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 3 Сентября 1894 года.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ[1].

По J. Ролле.

II. Подъ польскимъ владычествомъ.

(*Продолженіе*).

Мы разсказали подробно эпизодъ бунта Косинскаго, разскажемъ и о бунтѣ Лободы и Наливайка, и такимъ образомъ познакомимъ читателя со всѣмъ первымъ цикломъ козацкихъ волненій—въ pendant къ его послѣднему циклу, Хмельнищинѣ. Въ противоположность Хмельнищинѣ, гдѣ все ярко, цѣльно, а, слѣдовательно, и понятно, этотъ первый циклъ непріятно удивляетъ всякаго, кто съ нимъ знакомится, кажущейся нецѣлесообразностью событій, неясностью мотивовъ, противорѣчивостью стремленій. „Чего ради"? вотъ невольный вопросъ, то и дѣло навязывающійся при видѣ этихъ хаотически нагромождающихся фактовъ. А между тѣмъ эта смута въ воспріятіи фактовъ неизбѣжна: она есть естественное отраженіе смуты, которая царила въ настроеніяхъ людей той эпохи. Ко времени Хмельнищины логика жизни уже выяснила до очевидности всѣ противорѣчія; въ періодъ первыхъ козацкихъ волненій, противорѣчія эти лишь неопредѣленно ощущались, отражаясь неудовлетворенностью, порождавшей броженіе, съ признаками какого-то стихійнаго процесса. Чтобъ сколько-нибудь въ этомъ оріентироваться, надо постоянно помнить слѣдующее. Новыя правовыя понятія требовали отдѣленія хлопа отъ козака: жизнь, по сво-

[1] См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 8.

имъ старымъ традиціямъ, рѣшительно противилась этимъ требованіямъ. Правительство желало непремѣнно реестровать козаковъ, выбросивъ тѣмъ самымъ все остальное въ посполство: козачество не хотѣло, а можетъ быть и не могло этому подчиниться. Вся эта козацкая масса должна была чѣмъ-то содержаться, а государство запрещало ей ходить за „козацкимъ хлѣбомъ“ въ степи; должна была гдѣ-то имѣть пріютъ на зиму и имѣла его въ своихъ родныхъ селахъ или хуторахъ, а правительство требовало, чтобъ козаки жили или за порогами, или на точно опредѣленной, прилегающей къ Низу территоріи; да и паны желали и считали себя въ правѣ требовать, чтобъ на ихъ, панскихъ, земляхъ жили только ихъ подданные, а не свободные, какими были козаки. Сдѣлавъ эти оговорки, продолжаемъ нашъ разсказъ.

Тотчасъ вслѣдъ за смертью Косинскаго, въ томъ-же 1593 г., выдано было новое сеймовое постановленіе о Низовцахъ, въ силу котораго козаки объявлялись изъятыми изъ-подъ дѣйствія правъ, провозглашались измѣнниками и врагами отечества.

Въ 1596 г. состоялась религіозная, такъ называемая Брестская унія: политическій актъ, въ высокой степени несвоевременный. Съ одной стороны, онъ разбилъ панскій лагерь на два враждебныхъ стана: князь Василій Острожскій, главная сила панской Украины, побѣдитель Косинскаго—оказался въ оппозиціи, сближенный религіозными интересами съ тѣми самыми Низовцами, съ которыми онъ только-что сражался. Съ другой стороны, всѣ бродящіе элементы недовольства получали объединяющій и, въ извѣстномъ смыслѣ, санкціонирующій ихъ лозунгъ. Каждый отдѣльный взрывъ могъ обходиться свободно и безъ этого лозунга; но для объединенія этихъ взрывовъ, для приданія движенію цѣльности, а, слѣдовательно, и устойчивости, это условіе оказалось чрезвычайно важнымъ.

Но пока что, дѣло на Украйнѣ шло своимъ ходомъ, не справляясь съ епископами и соборами. Хотя Язловецкій продолжаетъ называться старшимъ войска Запорожскаго, но у реестровыхъ запорожцевъ появляется свой „старшій“, пользующійся, повидимому, признаніемъ со стороны мѣстныхъ

представителей польскаго правительства,—Лобода, человѣкъ выдающихся качествъ; „наклонный къ великодушію, онъ вѣрно держалъ свое слово, охранялъ права, и самъ, суровый по отношенію къ подчиненнымъ, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности",—такъ характеризуетъ его одинъ польскій историкъ; отвага же его имѣла легендарный характеръ. И вотъ этотъ-то старшій, охраняющій права съ опасностью жизни, тою же осенью (въ годъ смерти Косинскаго), бросился въ степь, напалъ на городъ Джурджевъ (около Аккермана) во время ярмарки, которая тамъ происходила, ограбилъ все, потомъ пустилъ загоны, по татарско-козацкому обычаю, и счастливо ускакалъ съ добычей. Очевидно, онъ не считалъ свой образъ дѣйствій расходящимся съ правомъ такимъ, какимъ онъ его представлялъ. Въ томъ же 1593 г., является въ Брацлавщинѣ новый предводитель уже „своевольныхъ купъ", который набираетъ себѣ отрядъ въ нѣсколько тысячъ, чтобы съ ними выступить въ степь. Это Семенъ Наливайко, который, повидимому, не справляется уже ни съ какимъ правомъ. Брацлавщина, опираясь на него и его „своевольныхъ" козаковъ, волнуется такъ, что Струсь, староста брацлавскій, не можетъ явиться въ городъ для отправленія правосудія: „изъ-за своеволія и бунтовъ злыхъ хлоповъ", какъ онъ объясняетъ. Шляхта должна была для сеймикованія отправиться въ Винницу; а когда рѣшилась вернуться въ Брацлавль, то на дорогѣ, подъ городомъ, на нее напали козаки Наливайка подъ предводительствомъ бурмистра, избили и отняли все имущество. Своевольныя купы забираютъ у земянъ коней, стада, съѣстные припасы. Однимъ словомъ, Брацлавщина представляетъ картину территоріи, которую начинаетъ обхватывать пламя „хлопскаго бунта". Но кто же этотъ Наливайко, который занимаетъ центръ въ новой разыгрывающейся бурѣ?

Наливайко былъ русскій, сынъ скорняка, значитъ мѣщанина, родомъ изъ Гусятина, принадлежавшаго въ то время Мартыну Калиновскому. „Отцу моему", пишетъ самъ Наливайко, „который у меня одинъ былъ, онъ (Калиновскій) безъ всякой причины такъ поломалъ ребра, что тѣмъ самимъ его и со свѣта сжилъ". Слѣдовательно, съ польскимъ панствомъ были

у Наливайка личные, и не малые, счеты. Послѣ смерти отца семейство Наливайка переселилось на жительство въ Острогъ. Старшій братъ Семена Демьянъ учился въ Вильнѣ, сдѣлался священникомъ, потомъ протопопомъ, и усердно работалъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ надъ печатаніемъ извѣстной Острожской библіи. По своему времени, онъ былъ человѣкомъ ученымъ, писалъ, переводилъ сочиненія религіознаго содержанія, отличался краснорѣчіемъ; патріархъ Іеремія, гостившій на Волыни, обратилъ на него вниманіе, и Демьянъ Наливайко, по его ходатайству, сдѣлался духовникомъ князя Василія-Константина. Повидимому, и Семенъ Наливайко не былъ лишенъ книжнаго образованія; но главная его школа была Запорожье, откуда онъ ходилъ „со многими козацкими гетманами во многихъ мѣстахъ въ земляхъ непріятельскихъ“.

Во время войны князя Острожскаго съ Косинскимъ, Наливайко состоялъ на службѣ князя и „связавши себя словомъ честнаго человѣка, служилъ ему по-рыцарски, какъ слѣдуетъ;“ слѣдовательно, сражался противъ Запорожцевъ. Такимъ образомъ, когда Наливайко выступилъ въ степь съ отрядомъ своевольныхъ козаковъ, Запорожье отнеслось къ нему съ недовѣріемъ. И вотъ Наливайко, захватившій у татаръ 3—4 тысячи коней, шлетъ пословъ на Запорожье, прося Низовцевъ принять въ даръ половину добычи въ знакъ пріязни и заявляя при томъ, что онъ не замедлитъ и самъ лично стать среди козацкой рады и, вручивши ей свою саблю, дать ей объясненіе на счетъ своего поведенія. Этихъ Наливайковыхъ пословъ встрѣтилъ на Базавлукѣ у Чертомлыка Лассота, который пріѣхалъ на Низъ приглашать „пановъ братьевъ“ на войну съ невѣрными отъ имени германскаго императора Рудольфа II, который прислалъ Низовцамъ серебряныя трубы и котлы, знамена и деньги. Вѣроятно, нѣсколько раньше Наливайко со своимъ отрядомъ своевольныхъ козаковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ совершилъ большой походъ по обыкновенному козацкому шляху между Аккерманомъ и Бендерами, опустошилъ Бендеры, но не могъ добыть замка штурмомъ и пустилъ по краю загоны: „пятьсотъ селъ огнемъ уничтожилъ“, а въ плѣнъ взялъ турокъ, турчанокъ, та-

таръ, татарокъ 4000. Но молдавскій господарь на обратномъ пути, при переправѣ черезъ Дунай, „далъ помощь бусурманину“ и отбилъ всю добычу. Козаки „словомъ рыцарскимъ“ пообѣщали отмстить молдаванамъ за это вмѣшательство, но все-таки должны были вернуться ни съ чѣмъ. На обратномъ пути черезъ степь пришлось бѣдствовать отъ голода; Наливайко потерялъ въ этомъ походѣ полторы тысячи человѣкъ.

И такъ, между Наливайкомъ и Запорожьемъ состоялось соглашеніе. Результатъ его обнаружился въ томъ же 1594 году. Въ Брацлавщинѣ появился Лобода во главѣ большого и хорошо вооруженнаго отряда; подъ начальство Лободы поступилъ Наливайко со своими своевольными козаками. Такимъ образомъ является войско въ 12000 человѣкъ, раздѣленное на 40 хоругвей. Двѣ главныя хоругви имѣли гербы германскаго императора. Козаки разсказывали, что ихъ посылаетъ козацкая рада на помощь христіанскому монарху противъ невѣрныхъ.

Однако все предпріятіе разрѣшилось традиціоннымъ походомъ на несчастную Молдавію. Съ быстротою молніи кинулись козаки за Прутъ на Яссы и въ три дня разграбили и окрестности, и городъ: молдавская столица была разорена до неузнаваемости, сохранился только каменный дворецъ воеводы.

На обратномъ пути ранняя и жестокая зима захватила козацкое войско на Подольѣ. Подолье было совсѣмъ лишено защиты: всѣ военныя силы были отвлечены молдавскими дѣлами. О козакахъ ходили страшныя вѣсти: всѣ панско-польскіе обыватели края убѣгали и прятались. Козаки заняли Баръ. На козацкой радѣ, которая состоялась на другой же день послѣ занятія, рѣшено было окружить городъ стражей, часть войска расквартировать въ Барѣ, часть по сосѣднимъ селамъ. Предводители разослали универсалы мѣстнымъ властямъ о доставленіи войску провіанта; порѣшили напомнить правительству о жалованьѣ. Сотникъ Демковичъ командированъ былъ панами козаками къ молдавскому господарю для выслушанія присяги, которую долженъ былъ дать господарь со всѣми чинами, духовными и свѣтскими, въ томъ, что онъ отказывается отъ подданства турецкаго и принимаетъ подданство императора хри-

стіанскаго. Однимъ словомъ, козаки ведутъ, себя какъ политическая сила, вполнѣ увѣренная въ своей легальности. Правда, въ Барѣ жилъ, въ средѣ козацкой дружины, шляхтичъ Хлопицкій, который принималъ раньше участіе въ переговорахъ Лясоты съ Запорожцами и, надо думать, служилъ для козачества своего рода юрисконсультомъ.

Съ открытіемъ весны Лобода, который тѣмъ временемъ успѣлъ жениться на шляхтянкѣ изъ окрестности Бара, опять отправился въ татарскую степъ, подъ Бѣлгородъ и Очаковъ. А между тѣмъ Наливайко занялъ Острополь и началъ опять стягивать себѣ своевольныя купы для новыхъ предпріятій. Онъ называлъ себя гетманомъ войска запорожскаго и такъ объяснялъ свое поведеніе коронному гетману: „съ соизволеніемъ князя пана моего (т. е. Вас. Острожскаго) собралъ я себѣ товарыство, чтобы стать съ нимъ тамъ, гдѣ окажется надобность противъ непріятеля государства“, въ концѣ проситъ Замойскаго защитить его отъ людей, привыкшихъ умалять козацкую славу и указать мѣсто, гдѣ бы онъ могъ „добывать себѣ пока необходимые съѣстные припасы“. Въ то же время кн. Острожскій писалъ зятю своему Радзивилу: „а тотъ разбойникъ Наливайко, оторвавшись отъ другихъ, въ тысячу человѣкъ гоститъ у меня въ Острополѣ... другого Косинскаго Господь Богъ на меня посылаетъ...“ Не дождавшись отвѣта отъ гетмана, Наливайко открылъ самостоятельно дѣйствія. Онъ во главѣ 2000 козаковъ отправился въ Венгрію на помощь Максимилліану, напугалъ обывателей больше, чѣмъ татары, спустился съ горъ отъ Мункачи черезъ Самборъ, мимо Львова, и очутился въ Луцкѣ. По дорогѣ онъ заглянулъ въ Гусятинъ, чтобы отмстить убійцѣ своего отца, но не засталъ Калиновскаго: сжегъ замокъ, разрушилъ мѣстечко. Въ Луцкѣ онъ тоже спалилъ предмѣстье, ограбилъ городъ и, прогостивъ только три дня, исчезъ такъ-же неожиданно, какъ и появился. Добравшись до Днѣпра, этой извѣчной козацкой дороги, Наливайко двинулся вверхъ по рѣкѣ, на Литву. Здѣсь онъ разсчитывалъ повидимому расположиться на зимнихъ квартирахъ. Но, пишетъ Наливайко, „едва мы тамъ одной ногой ступили, какъ обратились противъ насъ литовскіе паны,

безъ вины, только за чуточку хлѣба, котораго мы едва поѣли въ ихъ имѣніяхъ, а лучше сказать и совсѣмъ не ѣли“. Что звучитъ въ этихъ словахъ: умышленная-ли наивность лукаваго украинца, или серьезная, хотя и трудно объяснимая, увѣренность въ томъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего находящагося въ противорѣчіи съ правомъ? Какъ бы то ни было, Наливайкѣ пришлось на Литвѣ непріятельскимъ способомъ добывать себѣ хлѣба: онъ взялъ штурмомъ Слуцкъ, забралъ оттуда все оружіе, въ томъ числѣ и пушки, а на обывателей наложилъ контрибуцію. Изъ подъ Слуцка козачество разошлось по краю, сбирало подати деньгами, вербовало хлопскую молодежь; наконецъ, Наливайко утвердился въ Могилевѣ. Но литовскіе паны начали шевелиться не на шутку, и скоро войско Радзивилла уже стояло подъ Могилевымъ. Наливайко оставилъ замокъ, чтобы дать битву въ открытомъ полѣ; по козацкому обычаю, отаборовалъ своихъ людей возами и конями, и литовское войско отступило, ничего не подѣлавши врагу, къ Могилеву, а Наливайко направился къ югу. Его войско росло съ каждымъ днемъ, обозъ растягивался на нѣсколько миль. Вслѣдъ за нимъ лѣниво тащились Литвины, видимо заботясь только о томъ, чтобы выпроводить эту орду на Волынь. Необычайно мягкая зима благопріятствовала Наливайку. Въ январѣ 1596 г. Наливайко остановился въ Рѣчицѣ. Сюда явился къ нему одинъ предпріимчивый шляхтичъ, нѣкто Нишковскій, повидимому задумавшій составить себѣ карьеру умиротвореніемъ края. Онъ привезъ Наливайку яко-бы письмо короля, имъ самимъ скомпонованное, съ обѣщаніемъ простить козаковъ, если перестанутъ бунтовать. Наливайко въ отвѣтъ послалъ королю свои оправданія и вмѣстѣ проектъ упорядоченія дѣлъ, очень характерный. Онъ проситъ короля, чтобы тотъ пожаловалъ ему пустыню, къ югу отъ Брацлавщины, между Днѣпромъ и Бугомъ, „на татарскомъ шляху, между Тясинемъ и Очаковымъ, гдѣ отъ сотворенія міра никто никогда не живалъ“. Здѣсь онъ устроитъ городъ и замокъ для защиты государства, соберетъ сюда реестровыхъ козаковъ, а за порогами будетъ держать своего поручика. Обязуется не принимать къ себѣ своевольныхъ людей и „знаковать“ тѣхъ, кто будетъ къ нему

сбѣгать, обрѣзая имъ уши и носы, возвращать подданныхъ и банитовъ. За свою вѣрную службу онъ проситъ, чтобы изъ казны выдавалось ему то, что идетъ на „упоминки" татарамъ или что заблагоразсудится его величеству. За все это онъ готовъ по первому приказу биться, какъ съ врагами христіанства, такъ и съ великимъ княземъ московскимъ; а въ предѣлы государства никогда не будетъ входить, развѣ только по Днѣпру въ Бѣлоруссію будетъ посылать за нужнымъ для войска"... Нишковскій отправился съ проектомъ въ Варшаву, но вмѣсто ожидаемой награды былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти.

Насталъ роковой 1596 г., принесшій съ собою, съ одной стороны, церковную унію, съ другой, трагическую развязку этого перваго цикла козацкихъ волненій.

Положеніе вещей было такое. Уже въ январѣ король прислалъ универсалъ волынской шляхтѣ, извѣщая ее, что скоро появятся коронныя войска для усмиренія бунтовщиковъ. И въ самомъ дѣлѣ, польный гетманъ Жолкѣвскій, покончивши съ молдавскими дѣлами, уже стоялъ на западной границѣ воеводства волынскаго. Но войска у него было всего тысяча человѣкъ, да и то изнуренныхъ, ободранныхъ; онъ упрашивалъ украинскихъ воеводъ и пановъ поспѣшить къ нему на помощь, но не могъ ничего дождаться ни откуда. Между тѣмъ Наливайко, оставивъ Рѣчицу, расквартировался между Константиновымъ и Острополемъ, на земляхъ Радзивилла, полученныхъ имъ отъ Острожскаго. Лобода, вернувшись, по приказу великаго короннаго гетмана Замойскаго, изъ татарскихъ степей, держался въ окрестностяхъ Кіева: у него былъ отрядъ въ 3000 человѣкъ, и въ его большомъ таборѣ находились козацкія жены и дѣти. Лобода пока отрекался отъ всякой солидарности съ Наливайкомъ, „своевольнымъ человѣкомъ, который, забывши страхъ Божій, пренебрегаетъ всѣмъ на свѣтѣ, собралъ подобныхъ себѣ людей своевольныхъ и дѣлаетъ шкоды коронѣ польской, а мы о немъ ничего не знаемъ и знать не хотимъ". Другая часть запорожцевъ ушла подъ предводительствомъ Савулы, „съ сильною" арматой, по примѣру Наливайка, на Литву добывать себѣ козацкаго хлѣба. Въ глубинѣ Волыни творится нѣчто особенное:

совершаются систематическіе заѣзды, повидимому организуемые въ Острогѣ и направленные противъ главныхъ двигателей уніи, епископа Кирилла Терлецкаго и брацлавскаго каштеляна Семашко. Въ этихъ заѣздахъ принимаютъ участіе земяне, близкіе дома Острожскихъ, какъ Гулевичи и князья Воронецкіе, и протопопъ Демьянъ Наливайко. Князь Василій отрекается отъ участія въ какихъ-нибудь дѣйствіяхъ, противныхъ праву; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что участники заѣздовъ укрываются отъ преслѣдованій закона подъ его могущественной рукой.

Жолкѣвскій рѣшился дѣйствовать, не смотря ни на что: это былъ человѣкъ чрезвычайной энергіи и опытный вождь. Наливайко не предвидѣлъ, что гетманъ можетъ двинуться въ походъ по снѣгамъ и ростепели, и едва успѣлъ уйти. Началась погоня Жолкѣвскаго по пятамъ за Наливайкомъ, гдѣ оба выказали геройскую выносливость, упорство, отвагу, ловкость; но козаки успѣли таки выскользнуть изъ рукъ стараго гетмана и скрылись въ „Хманіи“, въ дикихъ поляхъ за Бѣлой Церковью. А между тѣмъ около Бѣлой Церкви расположился и Лобода съ горстью Запорожцевъ. Въ Кіевѣ хозяйничалъ Саско, а изъ Бѣлоруссіи уже успѣлъ вернуться и Савула. Жолкѣвскій рѣшился отдохнуть нѣсколько дней въ Брацлавщинѣ, принялъ мѣры къ усмиренію Брацлавля, а затѣмъ двинулся къ востоку, въ центръ волнующагося района, двинулся уже съ увеличеннымъ войскомъ, такъ какъ къ нему пришла кое-какая помощь. Правой рукой его былъ князь Рожинскій, владѣлецъ маетностей, лежащихъ около Бѣлой Церкви, который имѣлъ свой собственный отрядъ въ 500 человѣкъ, свою артиллерію, знакомство со степью и большую опытность въ „фортеляхъ“ пограничной войны; къ тому же онъ былъ заядлый ненавистникъ козацкой вольницы. „Наймалъ множество того гультяйства“, пишетъ про него Жолкѣвскій, „и больше пятидесяти изъ нихъ велѣлъ порубать. Я же до-сихъ-поръ держу руки чистыми отъ ихъ крови, кромѣ тѣхъ, что въ битвахъ падаютъ. Хотѣлось бы мнѣ, если можно, попорченные члены лѣчить, а не отрубать. Но и князю Рожинскому не удивляюсь: какъ всѣхъ тамошнихъ обывателей, такъ, особливо, его живьемъ заѣли“. Кромѣ естественнаго увлеченія

борьбы, старый гетманъ былъ тоже озлобленъ на своихъ противниковъ доходившими до него угрозами и похвальбами, въ которыхъ съ панствомъ переплетался и король, и Краковъ. Жолкѣвскій остановился въ Погребищахъ. Ему все-таки очень хотѣлось кончить дѣло мирно, и отсюда онъ началъ переговоры съ Лободой. Онъ требовалъ, чтобы козаки вернулись за пороги и выдали ему Наливайка. Неизвѣстно, что думалъ объ этомъ самъ Лобода, но его козаки были рѣшительно противъ этого, и Лободѣ едва удалось спасти гетманскаго посланнаго. Но въ то же время явился въ польскій лагерь посолъ отъ Наливайка съ просьбой о помилованіи. Гетманъ требовалъ, чтобы предводитель отдался въ руки, хотя и соглашался оставить его въ живыхъ, и ставилъ условіемъ выдачу захваченныхъ пушекъ и нѣмецкихъ знаменъ. Отвѣтомъ на эти условія было соединеніе Наливайки съ Лободой. Военныя дѣйствія должны были продолжаться. Враги сошлись надъ Острымъ Камнемъ, недалеко отъ Бѣлой Церкви. Козаки, по обыкновенію, скрѣпили цѣпями возы и сражались подъ этимъ прикрытіемъ. Бились съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ ожесточеніемъ, и потери были большія. Хотя поляки какъ будто и брали верхъ, но разорвать таборъ не могли, и козаки отступили въ боевомъ порядкѣ къ Кіеву, гдѣ оставались ихъ семьи, чтобы забрать ихъ оттуда и на чайкахъ переправить съ „русскаго" на „татарскій" берегъ, хотя рѣка и была покрыта плывущими льдинами. Жолкѣвскій, получивши себѣ еще подкрѣпленія, двинулся вслѣдъ за козаками къ Днѣпру, а молодого Ходкевича, къ которому присоединился князь Рожинскій и Михаилъ Вишневецкій, тоже богатый украинскій панъ, отправилъ, чтобы очистить отъ бунтовщиковъ Каневъ. Польскій отрядъ ворвался въ городъ на первый день Пасхи: 400 человѣкъ было посѣчено въ церкви, изъ остальныхъ, спасавшихся бѣгствомъ, много утонуло въ Днѣпрѣ. „Ой, бодай же, ты, дивчыно бранко, щастя и доли не знала, що ты намъ той смутный день Свитлого праздныка напоминала". Такъ до нашихъ дней дошло въ думѣ воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ: такія событія, къ несчастію, слишкомъ глубоко врѣзываются въ народную душу.

Цѣлый апрѣль и начало мая ушли на безплодные переговоры. Козаки хотѣли помѣшать полякамъ переправиться на лѣвый берегъ; Жолкѣвскому хотѣлось задержать козаковъ, чтобы они не ускользнули куда-нибудь въ Московскія границы, или на Донъ, или, наконецъ, снова на правый берегъ „въ дикія поля“; и это они могли сдѣлать, такъ какъ въ ихъ распоряженіи была цѣлая запорожская флотитія, приведенная Подвысоцкимъ. Но козаки были слишкомъ стѣснены въ своихъ движеніяхъ женами и дѣтьми. Лобода самъ пріѣзжалъ потихоньку для переговоровъ съ гетманомъ, но уѣхалъ ни съ чѣмъ: козаки не могли согласиться на выдачу Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, ни на отдачу иноземныхъ знаменъ. Значитъ, дѣло должно было идти прежнимъ ходомъ: козаки тронулись въ степь. Послѣ отступленія ихъ кіевскіе мѣщане, терроризированные присутствіемъ польскаго войска, согласились перевезти поляковъ на лѣвый берегъ; явились челны, спрятанные до тѣхъ поръ подъ водой, и переправа состоялась. Козаки утвердились было въ Переяславлѣ; но когда узнали о приближеніи Жолкѣвскаго, рѣшились двинуться къ Лубнамъ. Они думали, перейдя Сулу, сжечь за собою переброшенный черезъ нее искусный мостъ и такимъ образомъ выиграть время для дальнѣйшаго отступленія. Но эти разсчеты обманули ихъ. Поляки не только не дали имъ разрушить мостъ, но одинъ отрядъ неожиданно зашелъ имъ съ тылу, воспользовавшись боромъ. Козаки были окружены, оставалось или отдаться на милость врага, или защищаться до послѣдней капли крови. Можно вообразить себѣ, какъ велико было взаимное ожесточеніе, если козаки, при которыхъ были жены и дѣти, все-таки рѣшились на сопротивленіе, совершенно безнадежное.

Это было на урочищѣ Салоницѣ, недалеко отъ Лубенъ. Козаки окопались валами съ трехъ сторонъ, четвертая примыкала къ болотистой Сулѣ. Всего въ козацкомъ таборѣ было отъ 6 до 8 тысячъ, кромѣ женщинъ и дѣтей. Войско Жолкѣвскаго было теперь и численно, и пышно. Въ его лагерѣ были представители польскаго рыцарства изъ Польши и Подолья,

литовскіе и русскіе князья и множество земянъ: тѣмъ замѣтнѣе было отсутствіе князей Острожскихъ и „пріятелей“ ихъ дому.

Осада козацкаго табора началась 25 мая и продолжалась до 7 іюня. Осаждающіе постоянно тревожили осаждаемыхъ нападеніями, отражая вылазки, врывались въ таборъ. Послѣднюю недѣлю они обступили таборъ на коняхъ и стерегли его день и ночь. Но рѣшительный оборотъ дѣла приняли только тогда, когда привезли изъ Кіева большія пушки.

А между тѣмъ положеніе осаждаемыхъ было ужасно въ полномъ смыслѣ этого слова. Стояла невыносимая жара, воды не было, и пили жидкую грязь, добываемую изъ копанокъ; не стало топлива,—разбивали въ щепки возы; не стало муки, соли; а что важнѣе всего, не было пастбища для коней и они падали сотнями. Женщины, а особенно дѣти умирали то и дѣло; труповъ не погребали, и они, разлагаясь, заражали атмосферу. Плачъ и стоны голодныхъ и томимыхъ жаждою дѣтей наполнялъ воздухъ. Случалось, что отецъ умерщвлялъ своего ребенка, чтобы не видѣть его мукъ. Отчаяніе доходило до послѣднихъ предѣловъ. Въ то же время козацкая рада, вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ помыслы на одномъ, ссорилась: таборъ распался на двѣ партіи, запорожцевъ и вольницъ, Лободы и Наливайка. Послѣдняя, болѣе сильная, взяла верхъ. Лобода былъ убитъ, а вмѣсто него выбранъ атаманомъ Кремпскій. Но положеніе дѣлъ не улучшилось; помощи ни откуда, а врагъ тѣснилъ все сильнѣе. Рѣшили еще разъ вступить въ переговоры. Но Жолкѣвскій ставилъ непремѣннымъ условіемъ выдачу, съ одной стороны, Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, съ другой—подданныхъ, убѣжавшихъ изъ панскихъ имѣній. Это первое ясное выступленіе на историческую сцену соціальной подкладки украинскихъ волненій. Казаки не могли принять этихъ условій.

Два дня большія пушки громили козацкій таборъ. 6 іюня вечеромъ гетманъ предложилъ конницѣ спѣшиться, чтобы сдѣлать атаку.—А въ таборѣ былъ настоящій „судный день“! Наливайко во главѣ полка изъ болѣе храбрыхъ и испытанныхъ товарищей хотѣлъ пробиться въ степь. Но другіе его не вы-

пускали: „не пустимъ, кричали со всѣхъ сторонъ, ты насъ довелъ до такого лиха, такъ и расхлебывай вмѣстѣ.“ На разсвѣтѣ поляки заняли таборъ почти безъ сопротивленія. Насталъ послѣдній кровавый актъ трагедіи. Изъ 10000 человѣкъ обоего пола едва 1500 спаслось, подъ предводительствомъ Кремпскаго. Остальное все было порублено. Наливайко, Савула и нѣсколько другихъ предводителей лежали связанными у ногъ побѣдителя.

Нѣсколько недѣль спустя, Жолкѣвскій торжественно вступилъ въ Львовъ. Передъ нимъ несли хоругви императора Рудольфа II, эрцгерцога Максимиліана, забранныя у козаковъ. За хоругвями шли плѣнники въ цѣпяхъ: впереди всѣхъ человѣкъ, исполинскаго роста и вида, съ гордой осанкой, рядомъ съ которымъ другіе выглядывали карликами: то былъ Наливайко. Проходя мимо собора, онъ воскликнулъ презрительно: „О святыня, святыня! Стали бы твои алтари яслями, а то обратилъ бы я тебя въ конюшню! „Наливайка держали еще 10 мѣсяцевъ въ Варшавѣ, гдѣ его инквизиторски допрашивали о всѣхъ подробностяхъ. Тамъ онъ былъ и казненъ въ апрѣлѣ 1597 г. Товарищи его еще раньше сложили голову подъ топоръ. Появился грозный королевскій универсалъ, который приказывалъ ловить козаковъ, раскиданныхъ погромомъ, карать смертью непослушныхъ и сбирающихся въ купы, а запорожцамъ воспрещалъ входъ на Украину.

Побѣда была одержана, и она имѣла результаты. На настроеніе массы произведено было сильное впечатлѣніе въ смыслѣ выгодномъ для польско-государственныхъ интересовъ. Конечно, спокойствіе не могло быть возстановлено разомъ. Въ слѣдующемъ же 1597 г. появляются на мгновеніе на сцену новые вожаки вольницы Метла и Гедройцъ и тотчасъ исчезаютъ. Старшій запорожскаго войска, признанный правительствомъ, Тихонъ Байбуза, находитъ себѣ соперника въ Полузѣ, являющемся предводителемъ враждебной полякамъ партіи, и цѣлый отрядъ, высланный Байбузой въ степь на развѣдки, падаетъ жертвой ночного нападенія этихъ братьевъ-враговъ. Нѣкоторые изъ пограничныхъ пановъ, какъ напримѣръ каменецкій каштелянъ

Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, принимаютъ дѣятельное участіе въ томъ, чтобы примирить запорожье съ правительствомъ. Претвичъ ведетъ съ Запорожьемъ оживленную корреспонденцію, совѣтуя послать депутацію къ королю и отвезти ему въ гостинецъ нѣсколько плѣнниковъ и хотя пару верблюдовъ, обѣщая и свое содѣйствіе, чтобы выпросить королевское прощеніе. Мало по малу польское, такъ сказать, настроеніе беретъ верхъ окончательно и выдвигаетъ въ вожаки козачества такихъ лицъ, какъ Кошка и въ особенности Сагайдачный, которые, являясь энергичными представителями и защитниками козацкихъ интересовъ, пытаются создать modus vivendi на компромиссахъ съ государствомъ.

Въ 1599 г. у поляковъ опять начинается война съ Молдавіей. Коронный гетманъ Замойскій посылаетъ листы на Низъ, прося двѣ или три тысячи Запорожцевъ придти на помощь: посолъ везъ имъ, какъ баннитамъ, охранный королевскій листъ, немного денегъ и много обѣщаній. Запорожцы поставили свои скромныя условія: „чтобы невинно возложенная на нихъ банниція была уничтожена", чтобы имъ шло постоянное жалованье, и еще кое-какія мелкія условія. Гетманъ ихъ принялъ, снялъ временно, силою своихъ полномочій, банниціи, и запорожцы тронулись въ походъ. Въ письмахъ кошевого Кошки сохранились интересныя подробности этого похода. 16 іюля 1599 г. Низовцы тронулись съ днѣпровскихъ острововъ вверхъ, шли водой, при чемъ ихъ задерживали противные вѣтры, съ большимъ усиліемъ прошли пороги, пришлось тащить суда по песку, а это было такъ тяжело, что одно судно тащили триста человѣкъ. По дорогѣ лежали Каневъ и Черкассы: здѣсь отдыхали и ждали панско-козацкихъ отрядовъ изъ пограничныхъ городовъ. Отъ Канева, черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавль, лежало большое пространство, и молодцамъ давали подводы. Кошка держалъ козаковъ въ строгой дисциплинѣ, коронныя имѣнія обходили совсѣмъ, земянъ не притѣсняли, провіантъ брали справедливо, не допуская насилій. По дорогѣ козаки покупали коней, которыхъ было сколько угодно на равнинахъ Брацлавщины, и когда козаки остановились на отдыхъ подъ Каменцемъ,

дружина изъ пѣшей обратилась уже въ конную. Въ началѣ сентября Кошка съ Запорожцами уже былъ въ Молдавіи, въ обозѣ Замойскаго, подъ Сочавой. Козаки принимали самое дѣятельное участіе въ обложеніи Сочавы, затѣмъ служили авангардомъ польскому войску, расчищая ему дорогу по горамъ и буковымъ лѣсамъ Седмиградіи. Великій коронный гетманъ принадлежалъ къ числу пановъ, нерасположенныхъ къ козакамъ: но онъ долженъ былъ признать ихъ выдающіяся заслуги въ этомъ блестящемъ походѣ, благодарилъ Кошку за его вѣрную службу, обѣщалъ ходатайствовать за запорожцевъ у короля и наградить всѣхъ по ихъ заслугамъ. Не успѣли еще козаки вернуться на Запорожье, какъ ихъ догнало новое гетманское предложеніе идти съ поляками на сѣверъ противъ шведовъ, которые вторглись въ Лифляндію. Послѣ бурныхъ совѣщаній, запорожцы приняли и это предложеніе, но опять поставили свои условія: чтобы выдано было жалованье, чтобы наслѣдство по умершемъ запорожцѣ доставалось его товарищу, чтобы козаки судились лишь своимъ судомъ, чтобы никакія мѣстныя власти не затрогивали ихъ во время ихъ походовъ на службѣ у государствъ, для чего при нихъ будетъ на это время находиться королевскій коммиссаръ, и, наконецъ, чтобы банниція была снесена, а Терехтемировъ возвращенъ: Терехтемировскій монастырь, расположенный на земляхъ Каневскаго староства, служилъ шпиталемъ для старыхъ и больныхъ козаковъ, а въ Терехтемировѣ проживала козацкая старшина. Гетманъ на все согласился, и запорожцы поворотили на сѣверъ. Много тяжелаго пришлось имъ вынести: негостепріимная чужая сторона, суровый климатъ, холодъ, дожди; живности нѣтъ, фуражу нѣтъ, нѣтъ даже дровъ, нѣтъ соломы, чтобы сдѣлать хоть какое-нибудь прикрытіе, жалованье доставляется неаккуратно, да нечего и купить, хоть и есть деньги. Цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ терпѣли запорожцы; наконецъ терпѣніе лопнуло. „Не хотятъ больше служить его королевской милости“, пишетъ Кошка гетману, „и если бы мы (старшины) стали ихъ уговаривать, то вѣрно бы насъ побили камнями“. Но и тутъ запорожцы не оставили позиціи, пока не дождались отвѣта отъ гетмана.

Такъ старались козаки примириться съ государствомъ, сохраняя все-таки за собой свою самостоятельность. Но едва-ли бы взаимныя отношенія могли такъ долго, цѣлую четверть вѣка, держаться на этой нотѣ, еслибы не благопріятствовали этому внѣшнія обстоятельства.

Польша всю первую четверть 17-го вѣка вела тяжелыя внѣшнія войны, требовавшія отъ нея большихъ усилій, сначала съ Московскимъ государствомъ, потомъ съ Турціей, и помощь козаковъ ей была крайне необходима и тутъ, и тамъ. Естественно, поэтому, что поляки вынуждены были смотрѣть сквозь пальцы на то, что всѣ ихъ запрещенія на счетъ войны съ сосѣдями нисколько не соблюдаются. Козаки не только дѣлаютъ по старому походы въ степь, жгутъ татарскіе аулы, но расширяютъ свою контрабандную дѣятельность за всѣ мыслимые до сихъ поръ предѣлы: достаточно вспомнить ихъ походы противъ Турокъ 1614—16 годовъ, опустошеніе береговъ Анатоліи, Синопъ, Трапезундъ. Но за то все растущія козацкія силы и энергія выливались на востокѣ, наполняя ужасомъ Московское государство и добывая тамъ богатые козацкіе хлѣба, а внутри государства, внутри Украины все было относительно спокойно. Относительно, потому что отдѣльные эпизоды своеволія козацкой вольницы, конечно, бывали. Такъ напримѣръ, когда Польша въ 1609 г. сбирала свои силы подъ Смоленскомъ и скликала охотниковъ, запорожское козачество прошло съ своихъ островъ черезъ кіевское воеводство въ образцовомъ порядкѣ. Вслѣдъ за нимъ начали собираться своевольныя купы съ той же цѣлью, но по дорогѣ грабили шляхетскія имѣнія. Нѣкто Пашкевичъ, шляхтичъ изъ Низовыхъ козаковъ, принялъ титулъ полковника и началъ вербовать людей въ Смоленскій походъ. Разумѣется, охотники тотчасъ нашлись. Къ Пашкевичу присоединились другіе такіе же полковники со своими отрядами, и онъ уже сталъ себя называть атаманомъ. Отрядъ Пашкевича вступилъ въ границы Кіевскаго воеводства въ числѣ 8000. Все это, двигаясь широкимъ поясомъ и распуская слухи о татарахъ, чтобы самому удобнѣе было грабить, доплыло до имѣній Немирича и, найдя здѣсь всего въ изобиліи, расположилось на квартирахъ.

Цѣлое лѣто Пашкевичъ оставался на мѣстѣ, при чемъ его отрядъ поѣдалъ и истреблялъ все, что только было, къ тому же допускалъ всякія издѣвательства надъ подданными, такъ что когда своевольное войско двинулось дальше къ Смоленску, имѣнія Немирича были разорены. Но этимъ не кончилось дѣло. Въ то время, какъ Пашкевичъ былъ на сѣверѣ, Немиричъ организовалъ свои военныя силы, чтобы отомстить врагу, когда тотъ будетъ возвращаться. И въ самомъ дѣлѣ, на обратномъ пути, когда Пашкевичъ шелъ съ отрядомъ, значительно ослабленнымъ, но за то съ богатой добычей, Немиричъ такъ ловко устроилъ нападеніе, что не только атаманъ былъ убитъ, но и вся его добыча досталась Немиричу. Но такіе эпизоды не интересовали государство. Это была частная война пана Немирича съ полковникомъ Пашкевичемъ—и только.

Да, втеченіе цѣлой почти четверти вѣка внѣшнія обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали тому, чтобы создать нѣкоторое временное равновѣсіе. Но вѣдь всѣ старыя условія, дѣлавшія столкновенія между панско-польскимъ и козацко-русскимъ элементомъ почти неизбѣжными, оставались все-таки во всей своей силѣ. И если равновѣсіе не нарушалось такъ долго, то только потому, что теченіе дѣлъ за это время не было предоставлено своей собственной стихійной силѣ, а что имъ заправляла сознательная мысль сильнаго человѣка, обхватывавшаго положеніе и цѣлесообразно имъ руководившаго. Мы говоримъ о Сагайдачномъ. Онъ цѣлые полтора десятка лѣтъ, до самой своей смерти, держался, какъ „самодержавный панъ на Низу", на этомъ самомъ капризномъ Низу, который мѣнялъ своихъ кошевыхъ по первой прихоти своего непостояннаго права. И эти долгіе годы его проницательная мысль и вся энергія его сильной натуры была направлена на одно: чтобы отстоять интересы того дѣла, которое ему было вручено довѣріемъ массы. Интересы эти онъ понималъ широко. Достаточно вспомнить ту серьезную и спокойную увѣренность, съ какой онъ вмѣшивался въ религіозныя дѣла, поддерживая православіе, которое къ этому времени уже вступило въ настоящую борьбу съ уніей. На Украйнѣ центромъ борьбы былъ Кіевъ, гдѣ жизнь въ это время

била ключемъ. Здѣсь, по преимуществу, набирались вольныя дружины, которыя поддерживали московскихъ самозванцевъ, широко развивалась торговля; умственная жизнь, хотя въ видѣ религіозныхъ вопросовъ и споровъ, распространена была во всѣхъ слояхъ общества. Во главѣ уніатовъ стоялъ игуменъ Выдубицкаго монастыря Антоній Грековичъ, ревностный распространитель своихъ религіозныхъ убѣжденій; во главѣ православныхъ—скромный игуменъ монастыря Михайловскаго, будущій митрополитъ, Іовъ Борецкій, умный и энергичный. Жилъ здѣсь и католическій епископъ; успѣли водвориться, подъ покровительствомъ польскихъ властей, и бернардины, и іезуиты, и доминикане. И если православные все-таки могли высоко держать голову, то только потому, что чувствовали за собой постоянно сильную опеку Низоваго козачества и его знаменитаго кошевого, въ которомъ такъ нуждались поляки. Нуждались они въ немъ постоянно; но бывали такіе моменты, когда отъ Сагайдачнаго и его козачества многое зависѣло. Припомнимъ хотя бы послѣдніе годы жизни Сагайдачнаго. Въ то время, какъ онъ пріобрѣталъ для Польши Сѣверскую землю,—добыча Московскаго похода 1618 г.,—Польша въ первый разъ встрѣтилась лицомъ къ лицу въ открытомъ полѣ съ Турціей. Результаты встрѣчи были очень плачевны для Польши. По договору въ Бушѣ 1617 г., заключенному Жолкѣвскимъ съ Скиндербашей, Польша отказывалась отъ своихъ старинныхъ притязаній на Молдавію; а когда она нарушила договоръ, то наказаніемъ было ужасное пораженіе подъ Цецорой. Тогда Поляки обратились за помощью къ Сагайдачному и его козакамъ; и только ихъ содѣйствіямъ обязаны они были блестящей Хотимской побѣдой 1621 г. Запорожцы дрались, какъ львы, шли въ огонь съ какимъ-то отчаяннымъ мужествомъ, никому не давали пощады, зная, что имъ-то ужъ, конечно, не будетъ пощады. Молодой королевичъ Владиславъ, будущій король, принималъ личное участіе въ Хотимскомъ походѣ и съ этихъ поръ проникся тѣмъ расположеніемъ къ козачеству, которымъ онъ всегда отличался. Когда войска уже были распущены, Владиславъ оставался еще нѣсколько дней подъ Хотимомъ, чтобы осмотрѣть его укрѣпленія, и задержалъ

низовцевъ: часто ѣздилъ въ ихъ станъ, снабжалъ ихъ живностью и провіантомъ и потомъ выхлопоталъ имъ у короля хорошую денежную награду. Сагайдачнаго же, который былъ тяжело раненъ, окружилъ заботливостью и знаками уваженія: уступилъ ему свой экипажъ, своего придворнаго врача и т. п. Только пять мѣсяцевъ прожилъ Сагайдачный послѣ Хотимской побѣды.

Прошло два-три года со смерти Сагайдачнаго, и неизбѣжность трагической коллизіи, заключенная въ положеніи украинскихъ дѣлъ, обнаружилась съ новой силой. Козацкія волненія слѣдуютъ одно за другимъ; польская военная сила систематически ихъ давитъ, топитъ въ крови. Но террорь уже какъ бы теряетъ свою обычную силу: онъ не парализуетъ энергіи, а только озлобляетъ. Передъ нами проходятъ ряды вожаковъ, которые часто платятся мучительною смертью за свою дерзость, но это не устрашаетъ другихъ, слѣдующихъ за ними. Поляки изъ всѣхъ силъ стараются удерживать отношенія въ томъ видѣ, какъ они были формулированы договоромъ, заключеннымъ между коммисіей, уполномоченной Рѣчью посполитой и козаками въ 1625 г. на урочищѣ Медвѣжьи-Лозы; черезъ 13 лѣтъ правительственной коммисіи, договаривавшейся съ козаками послѣ ужаснаго пораженія Павлюка подъ Кумейками, удалось формулировать эти отношенія въ еще болѣе стѣснительномъ видѣ. Но жизнь не могла приспособляться къ предъявляемымъ ей государствомъ требованіямъ; правда, насиліе вымучивало иногда на нѣкоторое время внѣшнюю покорность, какъ это было послѣ 1638 г., по усмиреніи гетманомъ Конецпольскимъ возстанія Остраницы, когда, между прочимъ, учреждена была должность коммиссара, замѣнившаго собою „старшаго" запорожскаго войска: комиссаръ этотъ долженъ былъ жить въ Терехтеміровѣ и зависѣть вполнѣ отъ гетмана, который самъ и назначалъ его на эту должность. За то тѣмъ ужаснѣе былъ взрывъ, какъ реакція этой вынужденной покорности. Такимъ взрывомъ была Хмельнищина.

Не могъ русско-украинскій народъ подписать самъ себѣ смертный приговоръ; но не могло и польское государство от-

казаться отъ самого себя, отъ распространенія на области, которыя оно теперь считало своими, основъ быта, выработанныхъ его исторической жизнью. Разсмотримъ положеніе края.

Панская колонизація на Украинѣ въ 17 вѣкѣ росла съ такою энергіей, которая невольно напоминаетъ современному изслѣдователю, при всей громадной разницѣ условій, американскую колонизацію западныхъ штатовъ. Польскіе магнаты разобрали вмѣстѣ съ русскими князьями, какъ уже было сказано, всѣ королевщины, староства. Съ этихъ староствъ, вмѣсто законной кварты, т. е. четвертной части доходовъ въ казну, они едва платили десятую, обращая остальное, якобы на содержаніе замковъ. Эти староства, переходя отъ отца къ сыну, пріобрѣтали характеръ частной собственности. Опираясь на нихъ, а то и независимо, магнаты пріобрѣтали имѣнія покупкой, тратя иногда на такія покупки большіе капиталы: сдѣлалось въ Польшѣ какъ-бы модой пріобрѣтать себѣ земли на Украинѣ Замойскій за Поволоцкую волость заплатилъ княгинѣ Рожинской 1200000 злотыхъ; въ ней было, правда, 58 деревень. Конецпольскій половину такой суммы заплатилъ за голую степь. Тышкевичъ, для закругленія Махновецкой волости, заплатилъ за 6 небольшихъ деревень около 400,000 злотыхъ. Когда нельзя было пріобрѣсть покупкой, паны не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы брать имѣнія у мѣстныхъ владѣльцевъ въ заставныя державства (аренды, обезпеченныя капиталомъ, внесеннымъ владѣльцу): такъ, Конецпольскій, до пріобрѣтенія собственной земли, арендовалъ Мгліевскую волость у княгини Рожинской и т. д. А выше уже была упомянута сеймовая конституція о раздачѣ пустыхъ земель на кресахъ заслуженнымъ людямъ. Пріобрѣтая землю, паны изо всѣхъ силъ старались ее заселять. На Уманской пустынѣ, которую получилъ отъ становъ Валентій Калиновскій въ 1609 г., сынъ его Мартинъ, черезъ 30 лѣтъ, уже имѣлъ больше 100 деревень и 11 церквей въ мѣстечкахъ. Конецпольскій, при помощи французскаго инженера Боплана, осадилъ на пріобрѣтенной имъ степи 50 городовъ и мѣстечекъ, а около нихъ вскорѣ появилось около 1000 сельскихъ поселеній и т. д. Какъ это дѣлалось, объ этомъ уже шла рѣчь выше

Хлоповъ приходилось и приманивать, и переманивать, однимъ словомъ, добывать всякими правдами и неправдами: особенно два первыя десятилѣтія 17-го вѣка суды переполнены жалобами владѣльцевъ одинъ на другого за уводъ чужихъ хлоповъ. Бѣдные шляхтичи, которымъ всегда было несравненно труднѣе привлечь хлоповъ, чѣмъ магнатамъ, выручали, случалось, себя очень экстраординарными мѣропріятіями. Напримѣръ, нѣкто Иванъ Жашковскій, изъ самозванныхъ полковниковъ, занялся ловлей хлоповъ, чтобы заселить свой клочекъ земли; упорныхъ изъ изловленныхъ распиналъ на крестѣ, мучилъ, пока мучимый не сложитъ троекратной присяги, что останется жить на землѣ Жашковскаго и уже никогда не воротится на свое гнѣздо. Но что же выходило изъ этого по отношенію къ интересующей насъ соціальной сторонѣ украинскаго положенія?

А выходило вотъ что.

Гордые брацлавскіе „окозаченные" хлопы съ ихъ свободными землями, хлопы, которые едва удостаивали помнить, что они сидятъ на земляхъ, находящихся въ районѣ старостинской власти, безчисленные хутора, „посѣянные козаками" въ Кіевщинѣ, все это оказалось теперь на панскихъ земляхъ. По польскому праву, свободный земледѣлецъ былъ аномаліей, которой нѣтъ мѣста въ благоустроенномъ обществѣ; а потому, пріобрѣтая какимъ бы то ни было правомъ территорію, панъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ право на всю земельную собственность всѣхъ владѣльцевъ этой территоріи, кромѣ шляхтичей, буде бы они оказались, а вмѣстѣ въ тѣмъ и права на самыя личности этихъ владѣльцевъ. Но не могъ же украинецъ, исторически воспитанный на понятіи своей личной и земельной свободы, примириться съ этой точкой зрѣнія; не могъ даже и тогда, когда садился на панскую землю по договору, привлекаемый временными, хотя и долгосрочными, слободами и другими льготами. Козачество поддерживало этотъ, крайне аномальный, съ польской точки зрѣнія, строй. И потому всѣ договоры съ козаками необходимо говорятъ о томъ, что всѣ, кто живетъ на панскихъ земляхъ, есть панскіе подданные, а кто не хочетъ себя такимъ считать, отказывается отъ послушéнства, долженъ уходить съ земли: но куда же дѣваться, когда вся земля

кругомъ панская, а число козаковъ точно реестровано? Такимъ образомъ, вся масса украинскаго народа, въ силу договора на Медвѣжьихъ Лозахъ и другихъ, распадалась на двѣ страшно неравныя по численности части: нѣсколько тысячъ реестровыхъ козаковъ, которые должны были жить на точно опредѣленныхъ правительствомъ тирриторіяхъ и пользовались личной свободой, и все остальное населеніе, которое жило на панскихъ земляхъ съ накинутой на шеѣ петлей крѣпостного состоянія, хотя эта петля во многихъ случаяхъ и была еще совершенно свободной, могла совсѣмъ не давать себя чувствовать. Многолѣтнія свободы, льготы и защита, которою окружали сильные владѣльцы своихъ подданныхъ, въ соединеніи съ земельнымъ просторомъ и естественными богатствами края, могли дѣлать положеніе хлопа нетолько не дурнымъ, но даже во многихъ отношеніяхъ завиднымъ, и паны, между которыми не рѣдко были и гуманные, высокообразованные люди, невольно сравнивая положеніе украинскаго хлопа съ положеніемъ польскаго, правы были въ своемъ искреннемъ удивленіи: какого еще рожна нужно этому буйному хлопу? и чѣмъ кромѣ innata malitia (врожденной злости) объяснить его ничѣмъ неудовлетворяемое недовольство? Во многихъ случаяхъ могло быть такъ, но, конечно, нерѣдко бывало и иначе, и чѣмъ шире распространялась панская власть, чѣмъ увѣреннѣе она становилась, тѣмъ сильнѣе проявлялись и ея отрицательныя стороны: это неизбѣжный естественный ходъ вещей.

Но, конечно, въ числѣ многаго другого не было условія, болѣе ухудшавшаго положеніе, болѣе обострявшаго отношенія, какъ появленіе на Украинѣ еврея, въ качествѣ посредника между паномъ и хлопомъ. На Волыни евреи жили издавна. Въ Острожскомъ княжествѣ, еще до Люблинской уніи, около 4000 и раильтянъ занималось приготовленіемъ водки, пива и меду; а княжескіе ревизоры, докладывая о состояніи княжескихъ земель, на ряду съ такими отмѣтками о пустыхъ земляхъ: „татары забрали“ (населеніе) или „кмети пошло прочь послѣ татарщины“,— отмѣчаютъ и такъ: „пустки за жида“ или „дворищовые за жида прочь пошли“. На Подольѣ евреи также издавна соперничали въ торговлѣ съ армянами; но въ Кіевщинѣ и Браплавщинѣ они

появляются только послѣ договора на Медвѣжьихъ Лозахъ, т. е. 1625 г. Появляются между прочимъ даже и какъ подстаросты, т. е. замѣстители старостъ, на которыхъ лежала, главнымъ образомъ, организація пограничной защиты. Государство принимало мѣры къ тому, чтобы старосты жили непремѣнно въ замкахъ, чтобы староства не переходили наслѣдственно къ женщинамъ. Но тѣмъ не менѣе случалось, что старосты проматывали въ столицѣ доходы со своихъ староствъ, которыя простирались иногда, какъ напримѣръ Бѣлоцерковское староство, на сто миль, а всю власть передавали державцу, который, естественно, заботился только о своихъ доходахъ. Если же на мѣстѣ державца оказывался еврей, то, конечно, онъ не только заботился о доходахъ, но и умѣлъ ихъ извлекать артистически; а что изъ этого выходило, показываетъ слѣдующій примѣръ. Нѣкто панъ Снопковскій отдалъ въ аренду еврею Капелю Каневщину и Богуславщину, которыя самъ онъ держалъ въ качествѣ старосты,—отдалъ „съ млинами, корчмами горѣльчаными, поташовыми будами, чиншами, рыбными ловлями, перевозами, мытами и со всякими доходами тѣхъ староствъ"... На обязанности Капеля лежало содержать въ порядкѣ замокъ, снабжать его военными снарядами, содержать гарнизонъ, пушкарей и пр. Что же удивительнаго, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ еврейскаго державства ревизоры нашли, что доходы староствъ упали меньше, чѣмъ на половину первоначальной величины, а въ замкѣ Каневскомъ ни воротъ, ни башенъ, какихъ слѣдуетъ, стѣны въ дырахъ и т. д. Однимъ словомъ, по отношенію къ государственному имуществу, какимъ считалось староство, еврей являлся прямымъ разорителемъ; но за то для пана-старосты еврей былъ чрезвычайно удобенъ, такъ какъ всегда имѣлъ наготовѣ деньги, все готовъ былъ купить или арендовать, за все готовъ былъ платить впередъ наличными, требовалъ же для себя только одного: напугать хлопа, чтобы тотъ боялся дѣлать что-нибудь, могущее служить къ уменьшенію его, еврейскихъ, доходовъ. Трудно даже и понять, какъ могли успѣть евреи въ такое относительно короткое время, меньше чѣмъ въ четверть вѣка, обхватить Украинскій народъ желѣзной цѣпью своего посредничества и возбудить къ

себѣ ту бѣшенную, неукротимую ненависть, какая проявлялась въ каждомъ народномъ взрывѣ.

Много содѣйствовалъ ухудшенію положенія и религіозный вопросъ. Съ распространеніемъ панства, католическая вѣра не только de jure, но и de facto начала выступать въ роли господствующей. Конечно, кіевская католическая епископская кафедра, которая имѣла въ концѣ 16-го вѣка такого блестящаго представителя, какъ Іосифъ Верещинскій, не могла потягаться земельными имуществами съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ, но она была уже хорошо обезпечена: три торговыхъ мѣстечка, кромѣ деревень и мельницъ. Но главной, воинствующей силой католичества было на Украинѣ не свѣтское духовенство, а монашествующее: доминикане и въ особенности іезуиты. Іезуиты имѣли большой успѣхъ, между прочимъ на Кіевскомъ Полѣсьѣ, среди его боярства, еще недавно такъ преданнаго православію. Много отдѣльныхъ мелкихъ земельныхъ имуществъ перешло здѣсь въ ихъ руки. Былъ здѣсь устроенъ въ 1634 г. въ Ксаверовѣ и іезуитскій коллегіумъ вмѣстѣ съ разными другими учрежденіями, воздвигнутыми средствами и инициативой Игнатія Ельца, обращеннаго въ католичество изъ православія. Такъ, усиліями іезуитовъ, католичество пробиралось даже и до низшихъ общественныхъ слоевъ русской народности, уже не говоря о высшихъ, гдѣ іезуитская пропаганда имѣла большой успѣхъ. Но за то аріанство осталось на Украйнѣ спеціально „панской вѣрой“,—принадлежностью настоящаго панства. Броженіе религіозной мысли, обуславливаемое вторженіемъ религіозныхъ „новинокъ“, придавало отчасти украинскому панству видъ религіознаго вольномыслія; но были и настоящіе столпы католичества. Къ такимъ столпамъ принадлежалъ, напримѣръ, весь магнатскій родъ Тышкевичей, но въ особенности извѣстный кіевскій воевода Янушъ Тышкевичъ. На свой счетъ водворилъ Тышкевичъ іезуитовъ въ Кіевѣ и Винницѣ, кармелитовъ въ Бердичевѣ, бернардиновъ въ Махновкѣ, доминиканъ въ Морафѣ. громадныя суммы тратилъ онъ на костелы, на содержаніе духовенства. Но не такъ распространеніе католичества, какъ оно ни было велико, раздражало и волновало умы украинскаго на-

рода, какъ тотъ расколъ, который раздѣлилъ православную церковь на два лагеря. Знамя восточнаго православія уже теперь неразрывно связалось съ дѣломъ украинскаго народа: всѣ оппозиціонные правительству элементы были въ лагерѣ „дизунитовъ“.

Вообще, распространеніе польскаго политическаго и правового строя на русскую Украину съ ея своеобразно развившимися бытовыми формами было такъ внезапно и навязчиво, что мирный выходъ изъ положенія во всякомъ случаѣ былъ бы крайне затруднителенъ. Но если принять во вниманіе свойства польскаго государства, какъ формы самой по себѣ, его крайнюю неустойчивость, слабую сплоченность его частей, обусловливавшую теченія, которыя парализовали другъ-друга своимъ противорѣчіемъ, то такой мирный исходъ является уже прямой и простой невозможностью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на ту картину анархіи, какую представляла собою Украина въ разсматриваемую эпоху, эпоху относительно мирную, эпоху торжества государственнаго начала, эпоху Сагайдачнаго, а потомъ цѣлаго ряда побѣдъ надъ козаками, все сильнѣе и сильнѣе сгибавшихъ хлопское своеволіе подъ панское ярмо. Земли стараго заселенія, Волынь и Кіевское Полѣсье, т. е. Овручскій и Житомірскій повѣты съ ихъ давними исторически сложившимися формами, представляли болѣе порядка; но положеніе русской Украины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. Брацлавщины и Кіевщины, было крайне ненормально. У государства не хватало силы поддерживать здѣсь хоть какое-нибудь элементарное общественное равновѣсіе, дать опору дѣйствующему праву, и край былъ погруженъ въ такой правовой хаосъ, представленіе о которомъ съ трудомъ вмѣщается въ головѣ современнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ забыть, что имѣетъ дѣло съ областью польскаго государства, снабженной, повидимому, всѣми необходимыми по государственной конституціи учрежденіями, административнымъ, судебнымъ и инымъ. Видя, что дѣло неладно, государство передаетъ въ руки пограничныхъ старостъ право brachium regale (королевской руки), т. е. жизни и смерти, но это не улучшаетъ по-

ложенія. И всѣ эти экстренныя мѣры направляются не противъ козаковъ или хлоповъ, а противъ шляхетско-польскаго элемента: это ясно изъ смысла сеймовыхъ конституцій. Да оно и не могло быть иначе. На Украину постоянно прибывали изъ глубины края безпокойные люди, искавшіе здѣсь убѣжища: осужденные преступники, участники политическихъ движеній, и т. п. Здѣсь, у „татарской стѣны", имѣя за плечами врага, готоваго ежеминутно обрушиться, не такъ-то легко было, конечно, преслѣдовать преступника, буде-бы власти и смотрѣли на дѣло серьезно. А смотрѣли они вотъ какъ: гетманъ Жолкѣвскій открыто, универсалами, приглашалъ на Украину политическихъ преступниковъ, участниковъ жолнѣрскихъ конфедерацій, на службу королю и Рѣчи Посполитой. Иногда же безпокойные элементы на Украинѣ усаживались на землѣ и превращались въ мирныхъ гражданъ, на сколько здѣсь вообще могли быть мирные граждане. Но большею частью они и здѣсь оставались столь же безпокойными и входили въ вольныя дружины. Эти вольныя дружины составляли въ данную эпоху настоящее бѣдствіе украинской жизни, пожалуй не меньшее, чѣмъ татарскіе набѣги. Вызывало ихъ къ жизни само государство. Ведя тяжелыя войны и нуждаясь постоянно въ военной силѣ, оно охотно выдавало каждому, хотя бы то былъ ловкій запорожецъ или польскій шляхтичъ-баннитъ, „заповѣдный или приповѣдный листъ" который давалъ право формировать вольную дружину. О подвигахъ одной такой дружины, атамана Пашкевича, и его войнѣ съ Немиричемъ, мы говорили выше. Во время Московскихъ походовъ Украина доставила до шестидесяти тысячъ такихъ волонтеровъ, которые двигаются по однимъ только побужденіямъ, наживы посредствомъ грабежа, и которые начинаютъ свои подвиги чуть не съ перваго момента своего выступленія въ походы, съ перваго ночлега. Актовыя книги гродскихъ судовъ переполнены жалобами на такія дружины и ихъ предводителей. Вотъ два-три примѣра. Нѣкто Искоростенскій, напр., земянинъ изъ Быхова, явился въ Кіевщину, чтобы вербовать здѣсь охотниковъ, и такъ хорошо управлялся, что втеченіе одного 1609 г. подано было

на него 29 жалобъ о грабежѣ, а тридцатая о смертоубійствѣ одного мирнаго шляхтича. Во время приготовленій къ турецкой кампаніи нѣкто Фастовецъ набралъ себѣ войско изъ „своевольнаго мѣщанскаго гультяйства“ въ 2000 человѣкъ, вымуштровалъ его, снабдилъ даже пушками, захваченными въ одномъ изъ замковъ, и повелъ въ краѣ настоящую войну по всѣмъ правиламъ искусства. Онъ приближался къ какому-нибудь дворцу, конечно, защищенному, какъ это обыкновенно водилось, и требовалъ выкупъ деньгами и съѣстными припасами. Если предложеніе отклонялось, онъ начиналъ осаду; побѣжденныхъ облагалъ тяжелой контрибуціей. Когда-же встрѣчалъ упорный отпоръ, то все палилъ, а виновныхъ вѣшалъ: нѣсколько поселеній подверглось такой участи. Еще одинъ подобный отрядъ дѣйствовалъ такъ, что грабилъ дворы и мѣстечка, а отъ обиженныхъ вымогалъ документы, въ томъ смыслѣ, что они не имѣютъ никакихъ претензій на грабителей и т. д. Правительство, видя, какое зло вытекаетъ изъ всего этого, пыталось ограничить, если не совсѣмъ прекратить, выдачу „заповѣдныхъ листовъ“; но вынуждаемое необходимостью, само отмѣняло свои распоряженія. Наконецъ, зло достигло такихъ размѣровъ, что гетманъ Жолкѣвскій издалъ универсалъ къ кварцяному войску, чтобы оно готовилось къ усмиренію своевольниковъ. Однако, все и всѣмъ проходитъ безнаказанно, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда личная месть является на помощь безсильному правосудію.

Но хуже всего, конечно, было то, что сами коронныя войска, въ виду опаснаго положенія края, расположенныя здѣсь на постоянныхъ квартирахъ, вмѣсто того, чтобы охранять внутренній порядокъ и защищать отъ непріятеля, допускали такія же злоупотребленія, какъ и вольныя дружины. Разница была лишь въ томъ, что коронныя войска никогда не трогали имѣній магнатовъ и высшихъ урядниковъ, но мелкую шляхту съ ея имѣніями они третировали по-непріятельски. Цѣлый рядъ кварцяныхъ ротмистровъ пользовался такой же громкой и столь же заслуженной печальною славой, какъ и предводители разбойничьихъ шаекъ, извѣстныхъ то подъ именемъ своевольныхъ купъ, то вольныхъ дружинъ. Одна хоругвь порубила въ пень

обывателей Звягля за то, что они не хотѣли исполнить требованій ея начальника. Подъ предлогомъ „выбиранія стацій“ допускались самыя вопіющія злоупотребленія, да и вообще выбираніе стацій очень смахивало на военныя дѣйствія въ непріятельской странѣ. Двѣ хоругви, „черная“ Стемпковскаго и „красная“ Хмелецкаго, каждая изъ тысячи человѣкъ, дѣйствовали такъ, что народъ собирался и вооружался, при вѣсти о ихъ приближеніи, точно какъ при вѣсти о татарскомъ чамбулѣ; Брусиловъ для защиты укрѣпился, они взяли его штурмомъ и спалили до-тла. И правительство не находили иного способа справиться со зломъ, какъ только уменьшить войско. „Постоянный плачъ и жалобы бѣдныхъ людей, кровавыми слезами взывающихъ къ небесамъ“, пишетъ гетманъ Конецпольскій, „привели его королевскую милость къ рѣшенію уменьшить украинскія войска, чтобы они не слишкомъ распространялись по краю: такъ расширились они, такъ высвободились изъ войсковой строгости, что уже, не обращая вниманія ни на страхъ Божій, ни на свою совѣсть, ни на военные законы, ни на добрую славу, чуть что не кровь пьютъ бѣдняковъ и дѣлаютъ въ глазахъ кресовыхъ людей отвратительнымъ и ненавистнымъ самое имя жолнера“...

Что можетъ быть краснорѣчивѣе признанія стараго гетмана, главы этихъ самыхъ жолнеровъ?

Но если такъ дѣйствовали коронныя войска, то чего же ожидать отъ панскихъ надворныхъ отрядовъ. Вотъ какими словами описываетъ Іерличъ надворное войско Лаща, короннаго стражника: „баниты, волохи, татары, разбойники, воры, честнаго человѣка и не спрашивай, а нѣсколько сотъ всегда при немъ находилось такихъ, которые и дороги въ Кіевъ потеряли и не ѣздили туда ради своихъ разбоевъ и грабежей“... Какъ могла дѣйствовать такая дружина? А вотъ какъ. Падаетъ конь подъ всадникомъ, онъ забираетъ перваго попавшагося коня; а приводится ли выпречь этого коня изъ встрѣчнаго экипажа, или вывести изъ чьей-нибудь конюшни—это ужъ все равно; не достаетъ припасовъ—осматриваются вокругъ, не работаетъ ли гдѣ плугъ въ полѣ, не тянется ли обозъ по дорогѣ: выпрягутъ во-

ла, разложатъ тутъ же огонь, зарѣжутъ—и сыты; нужна водка, пиво, фуражъ—на то есть сосѣдняя деревня: является отрядъ, а народъ, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, торопится попрятаться поскорѣе.

Въ такомъ положеніи находилась организація защиты. Еслибы все это не было лишь симптомомъ анархіи, то оно само по себѣ могло бы быть ея достаточной причиной. Если разнузданность личныхъ стремленій вообще характеризуетъ собою польское общество, то здѣсь, на Украинѣ, въ разсматриваемую эпоху, разнузданность эта принимаетъ по истинѣ чудовищные размѣры. Отдѣльные шляхетскіе дома ведутъ между собою безконечные процессы, которые то и дѣло сходятъ съ правовой дороги на путь частной войны, сопровождаемой всѣми ея необходимыми послѣдствіями, вооруженнымъ занятіемъ земель противника, штурмомъ замковъ, взаимнымъ грабежомъ и убійствами. Всплывалъ и антагонизмъ между магнатствомъ и мелкою шляхтою, въ основѣ котораго, между прочимъ, лежала и рознь экономическихъ интересовъ: магнаты, при посредствѣ экстренныхъ мѣръ, усиленно колонизуя свои земли, тѣмъ самымъ подрывали возможность для мелкой шляхты колонизовать свои. Антагонизмъ этотъ, случалось, прорывался очень ярко, такъ какъ въ условіяхъ украинской жизни все легко приходило къ взрыву: напр., когда въ 1611 г. одинъ магнатъ справлялъ въ Бердичевѣ свадьбу своей дочери съ богатымъ земяниномъ, который имѣлъ въ родствѣ много бѣдной шляхты, произошло настоящее побоище съ многими жертвами, убитыми и ранеными, вызванное тѣмъ, что магнатскіе служебники начали смѣяться надъ земянскими гайдуками. Общественная атмосфера Украины была такъ насыщена правонарушеніемъ, что нелегко было найти шляхтича, котораго не привлекали бы въ судъ за насиліе или заѣздъ, который не имѣлъ бы на себѣ хотя одной банниціи. Выработался особый типъ шляхтича „съ фантазіей“, въ родѣ князя Романа Рожинскаго, этого не-то героя, не-то авантюриста, не-то разбойника отъ природы, однимъ словомъ, человѣка, который былъ совсѣмъ не приспособленъ къ условіямъ мирнаго гражданскаго быта и долженъ былъ необходимо искать себѣ

какого-нибудь подходящаго поля, если не въ Молдавіи, то на Запорожьѣ, если не въ Запорожьѣ, то въ Москвѣ: онъ, Рожинскій, сдѣлалъ своей спеціальностью московскихъ самозванцевъ, за нихъ и сложилъ свою буйную голову. О какихъ-нибудь высшихъ цѣляхъ, какъ бы онѣ ни понимались, здѣсь нѣтъ и помину. Крайне любопытно заявленіе, которое сдѣлалъ этотъ авантюристъ королю Сигизмунду черезъ своего посланнаго: „если кто рѣшится отнять у насъ наши кровавыя заслуги и ту жатву, которую мы собрали потомъ чела, кровью и желѣзомъ, то мы въ такомъ случаѣ не будемъ почитать ни пана за пана, ни брата за брата, ни отечество за отечество“. Конечно, мораль князя Рожинскаго была очень откровенная; но еще откровеннѣе были дѣйствія другого, еще гораздо болѣе извѣстнаго, шляхтича, который даже не считалъ нужнымъ разыскивать поле для своей широкой натуры внѣ предѣловъ отечества. Мы говоримъ о знаменитомъ коронномъ стражникѣ, овручскомъ старостѣ Самуилѣ Лащѣ, который представлялъ собою для Украины героя даннаго историческаго момента.

Несомнѣнно, Лащъ былъ человѣкъ выдающихся дарованій, по крайней мѣрѣ военныхъ. Недаромъ же онъ заслужилъ названіе „татарскаго страха“; съ этой стороны онъ можетъ стать въ ряду съ такими защитниками Украины, какъ Претвичъ, Хмелецкій, Гослицкій. Но и помимо своихъ военныхъ заслугъ, онъ умѣлъ пріобрѣтать себѣ симпатіи людей: гетманъ Конецпольскій стоялъ за него горой до конца, не смотря ни на что, и самъ Владиславъ IV, человѣкъ правдивый и не склонный къ лицепріятію, не разъ спасалъ его отъ преслѣдованій закона. Но какъ третировалъ всякіе права и законы этотъ украинско-польско-шляхетскій герой, трудно было-бы повѣрить, если бы мы не имѣли на этотъ счетъ точныхъ документальныхъ свидѣтельствъ. Прежде всего, онъ никогда не удостоивалъ связываться съ судами. Противъ него велось безчисленное множество процессовъ—онъ самъ не жаловался и не отвѣчалъ, т. е. не отвѣчалъ правовымъ способомъ, а если отвѣчалъ, то только истцу фактически: „кто на него въ судъ обращался, тотъ долженъ былъ раньше отказаться отъ жены и отъ дому и спасаться, по-

ка цѣлъ“. Подкладкой всѣхъ его дѣяній было безцеремонное добываніе средствъ: онъ былъ изъ „худопахолковъ“, а большія матеріальныя средства были ему необходимы уже хоть бы и для того, чтобы исполнить свою обязанность по защитѣ края,—таковъ былъ строй Рѣчи-Постолитой, что бѣдному человѣку трудно было быть даже и полезнымъ своему отечеству. Началъ Лащъ съ небольшихъ злоупотребленій, которыя какъ бы даже и примыкали къ обычному украинскому праву, съ порубокъ въ чужомъ лѣсу, насильственнаго выбиранія стацій, небольшихъ заѣздовъ.—Все сходило съ рукъ благополучно, и фантазія Лаща разыгрывалась шире и шире. Первыя крупныя правонарушенія Лащъ производилъ въ товариществѣ и какъ бы подъ покровительствомъ Криштофа Немирича, члена одного изъ самыхъ вліятельныхъ въ Кіевщинѣ домовъ. Зимой 1618 г. они произвели штурмъ и взятіе двухъ людныхъ и защищенныхъ мѣстечекъ, Ярославки и Михайловки; за упорную защиту мѣстечки предназначены были къ истребленію, ихъ подпалили съ четырехъ концовъ; особенно жестоко пострадало Ярославка, мѣстечко пана Адама Рожинскаго. Обиженные нашли сильную поддержку въ Кіевскомъ воеводѣ Замойскомъ, и Криштофъ Немиричъ, не смотря на всю поддержку, какую они имѣли въ родственныхъ связяхъ, былъ казненъ Лащъ; его сподручный, подвергся банниціи, но это было лишь началомъ его выступленія на дорогу самостоятельныхъ предпріятій. Съ этихъ поръ онъ выступаетъ, съ одной стороны, какъ очень важный полезный слуга государства—въ войнахъ съ Турціей, въ столкновеніяхъ съ козаками и, наконецъ, въ качествѣ короннаго стражника въ постоянныхъ погоняхъ за татарскими чамбулами: онъ былъ правою рукою гетмановъ. Но съ другой стороны, развивается crescendo и противозаконная дѣятельность Лаща: въ одномъ 1630 г. его двадцать шесть разъ требовали къ суду—по дѣламъ о грабежахъ, нарушеніи договоровъ, неуплатѣ долговъ и т. д. Вообще по отношенію къ равнымъ себѣ шляхтичамъ или даже высшимъ магнатамъ—надо отдать должное Лащу, что онъ мало смотрѣлъ на лица—почти всѣ его правонарушенія носили имущественный характеръ, лишь квалифицируясь насиліемъ,

грабежомъ, поджогомъ и т. п. Онъ занималъ чужія имѣнія, отдавалъ въ заставную державу, выгонялъ державцевъ и самъ водворялся на ихъ мѣсто, какъ державца, безплатный; или отдавалъ свое имѣніе, пріобрѣтенное имъ тѣмъ или инымъ путемъ, въ заставную державу; бралъ деньги, но не допускалъ державцу водворяться; или отдавалъ одно и тоже имѣніе разомъ двумъ-тремъ лицамъ и т. д. Процессы за процессами тянулись по судамъ противъ Лаца; истцы ихъ выигрывали; на Лаща сыпались банниціи и инфаміи, изъ которыхъ каждая дѣлала его изъятіемъ изъ-подъ охраны законовъ, такъ что первый встрѣчный обязывался его схватить и представить *въ гродъ*, могъ даже безнаказанно убить его, какъ дикаго звѣря. И тѣмъ не менѣе Лащъ, неся на плечахъ тяжесть 236 банницъ и 37 инфамій, не только жилъ и дѣйствовалъ какъ полноправный обыватель, но и продолжалъ беззаконія, опираясь на королевскія глейты и гетманскія экземпты, которые ему выдавались безконечно, какъ человѣку необходимому для обороны края. Есть преданіе, что онъ явился въ Варшаву къ королю въ ферязи, подшитой банниціями и инфаміями. Но если такъ дѣйствовалъ Лащъ въ той средѣ, которая могла какъ-ни-какъ защищать себя при содѣйствіи закона и права, то какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать тамъ, гдѣ не было защиты со стороны закона по отношенію къ низшему классу, козакамъ и хлопамъ? Здѣсь не ведется процессовъ, нѣтъ актовъ, есть только намеки и отдѣльныя отрывочныя указанія въ судебныхъ шляхетскихъ документахъ. Какъ широко и свободно здѣсь раскинулась дѣятельность Лаща, видно изъ того, что практика жизни выработала особые термины, которыми обхватывалась эта его дѣятельность: „лащованье“ и „лащовчики.“ Подразумѣвались же подъ лащованьемъ такія дѣйствія: обращеніе козаковъ въ хлоповъ, значкованіе упорныхъ хлоповъ, т. е. обрѣзаніе имъ носовъ и ушей свадьбы „по-татарски“, т. е. похищеніе молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ потомъ насильственно выдавали замужъ за похитителей; лащовчики же, по словамъ Хмельницкаго, это тѣ, кто „козаковъ заслуженныхъ въ Польшѣ, въ хлоповъ обращали, грабили, за бороды таскали, въ плуга запрягали“. Но суды во

все это вступались лишь по столько, по сколько здѣсь были задѣты имущественныя права шляхтичей—не больше. Выведенная изъ терпѣнія волынская шляхта въ 1646 г. на сеймикѣ въ Луцкѣ, составляя инструкцію для своихъ пословъ, внесла петицію, чтобы король лишилъ силы охраняющія Лаща глейты, какъ противные праву. Но только внезапная смерть гетмана Конецпольскаго могла сломить Лаща; однако и тутъ понадобилось созвать противъ него посполитое рушеніе, которое приблизилось къ дому Лаща съ такими предосторожностями, точно дѣло шло о татарскомъ кошѣ: но Лащъ уже не могъ и не хотѣлъ защищаться.

Могъ-ли русскій козакъ или хлопъ уважать это чуждое и явно враждебное ему право и его опору—польское государство, если къ этому праву и этому государству съ такимъ пренебреженіемъ относились его родныя дѣти?

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО.[1]

(1800—1886 г.).

XXXVIII.

Житье мое въ отставкѣ.—Обученіе сына Судіенка.—Пропускъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи.—Митрополитъ Арсеній.—Крестный ходъ въ Кіевѣ.—Юбилей Академіи.—Отъѣздъ сына моего Ивана за границу.—Смерть меньшаго сына моего Михаила.

Напрасно мнѣ говорили, что въ отставкѣ моей я буду скучать по службѣ своей въ гимназіи. Напротивъ, послѣ 35-лѣтняго хожденія моего по звонку на службу и послѣ безпрерывныхъ служебныхъ хлопотъ, а иногда и непріятностей, я пріятно почувствовалъ свободу и независимость, съ удовольствіемъ занимаясь домашнимъ моимъ хозяйствомъ, а въ лѣтнее время моимъ садомъ. Спокойно я жилъ въ моемъ домѣ, имѣя подпору себѣ въ меньшемъ моемъ сынѣ Михаилѣ, жившемъ при мнѣ и занимавшемъ учительское мѣсто въ гимназіи; не доставало только при моемъ вдовствѣ хозяйки въ моемъ домѣ, но и ее я надѣялся имѣть, предполагая, что сынъ мой скоро женится. Но какъ несбыточны бываютъ наши человѣческія желанія и предположенія! Чрезъ годъ послѣ моей отставки у сына моего, всегда здороваго и имѣвшаго крѣпкое тѣлосложеніе, вдругъ открылась серьезная грудная болѣзнь, о лѣченіи которой нужно было безъ замедленія позаботиться. Въ это время помѣщикъ

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 8.

Судіенко, у котораго я училъ прежде двухъ старшихъ сыновей, просилъ меня принять на себя обязанность быть воспитателемъ меньшаго его сына и для того переселиться къ нему въ Кіевъ; но я, не желая оставить домъ свой, рѣшительно отказался отъ этого предложенія. Когда же болѣзнь сына моего не проходила, а еще болѣе увеличивалась, и когда Судіенко повторилъ мнѣ свою просьбу о воспитаніи его сына, предлагая мнѣ за то 1000 руб. жалованья въ годъ, я рѣшился, наконецъ, переѣхать къ нему въ Кіевъ въ томъ предположеніи, что и сынъ мой перейдетъ на службу въ кіевскую гимназію, и что такимъ образомъ я съ обоими сыновьями моими буду жить въ одномъ городѣ и, получая означенное жалованье отъ Судіенка, при моемъ пансіонѣ, буду имѣть возможность лѣчить сына въ Кіевѣ при помощи тамошнихъ искусныхъ врачей, а въ случаѣ нужды отправить его для излѣченія за границу. Сынъ мой неохотно соглашался на такое рѣшеніе, и я самъ перемѣнилъ бы его, если бы въ то время зналъ, что берусь за дѣло, которое не будетъ имѣть успѣха. На пути моемъ въ Кіевъ, въ Понoровкѣ, въ домѣ Миклашевскихъ, родственниковъ Судіенка, я узналъ, что будущій мой воспитанникъ имѣетъ прирожденные недостатки въ способностяхъ. Въ Кіевѣ, давая ему уроки, я замѣтилъ, что онъ имѣетъ нѣкоторую охоту учиться, но съ трудомъ можетъ понимать преподаваемое ему на урокѣ; на другой же день онъ совершенно забывалъ пройденное. Во время преподаванія онъ нѣкоторое время былъ внимателенъ, а потомъ на лицѣ его было видно сильное утомленіе, и онъ дѣлался невнимательнымъ. Я думалъ тогда, что современемъ, при постоянномъ упражненіи въ умственныхъ занятіяхъ, способности ею разовьются, но въ этой надеждѣ моей я обманулся, о чемъ скажу впослѣдствіи. Родная сестра моего воспитанника, которой я также, по временамъ, давалъ уроки, надѣленная счастливыми способностями и имѣвшая необыкновенную охоту къ ученію, по всѣмъ предметамъ, какіе преподавали ей разные учителя, даже по математикѣ, оказывала отличные успѣхи и, окончивши свое воспитаніе, сама занималась русскою и иностранною литературою; когда она вышла замужъ за князя Голицына и привезена была

имъ въ Петербургъ, родственница его графиня Строгонова удивлялась, что жена его могла получить такое многостороннее образованіе въ провинціи. Обучая воспитанника моего, я исполнялъ обязанности гувернера, находился при немъ весь день и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на прогулки. Въ воскресные и праздничные дни я былъ свободенъ отъ этой обязанности и обыкновенно ѣздилъ въ лавру, куда привлекалъ меня древній напѣвъ тамошняго монашескаго хора, а потомъ проводилъ время у моихъ сыновей, ибо въ это время и меньшій сынъ мой вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ былъ учителемъ 2-ой кіевской гимназіи.

Для развлеченія своего, при однообразной моей жизни въ качествѣ гувернера, я, по желанію отца моего воспитанника, занимался въ его библіотекѣ, составляя каталогъ. Судіенко, пополняя эту библіотеку, поручилъ мнѣ, во время прогулокъ съ его сыномъ, спрашивать въ книжномъ магазинѣ Литова о вновь выходившихъ книгахъ и приносить къ нему ихъ для выбора и покупки. Въ декабрѣ 1860 года прикащикъ Литова далъ мнѣ вышедшій изъ печати академическій календарь на 1861 годъ, къ которому былъ приложенъ рисунокъ проэктировавшагося тогда памятника 1000-лѣтія Россіи въ Новгородѣ, и при немъ напечатанъ списокъ достопримѣчательныхъ дѣятелей Россіи за время ея 1000-лѣтія. Разсматривая списокъ лицъ, изображенныхъ въ нижней части памятника на окружающемъ его горельефѣ, я не нашелъ въ числѣ ихъ Императора Николая I и поэта Державина, тогда какъ въ немъ помѣщены были нѣкоторые художники и актеры. Когда я указалъ Судіенку на непонятный пропускъ, онъ поручилъ мнѣ написать по этому поводу отъ имени его статью и отдать ее для напечатанія въ кіевской газетѣ „Телеграфъ“ съ тѣмъ, чтобы типографія въ особой брошюрѣ напечатала эту статью и дала бы нѣсколько экземпляровъ Судіенку. Въ этой краткой статьѣ я указалъ на напечатанную въ томъ же календарѣ большую историческую статью профессора кіевскаго университета Павлова о тысячелѣтіи Россіи; въ ней Павловъ объ Императорѣ Николаѣ I говоритъ, что въ 30-лѣтнее его царствованіе онъ строго охранялъ какъ внутреннюю, такъ

и внѣшнюю безопасность Россіи. Указавъ на это, я выразилъ удивленіе, какъ такой охранитель Россіи могъ быть забытъ на Новгородскомъ памятникѣ, тогда какъ въ Петербургѣ ему поставленъ отдѣльный великолѣпный памятникъ, на барельефахъ котораго онъ изображенъ въ одномъ мѣстѣ усмиряющимъ народный бунтъ на сѣнной площади во время холеры, а въ другомъ—награждающимъ Сперанскаго за составленіе свода законовъ. Помощникъ попечителя Юзефовичъ, прочитавъ мою статью въ Телеграфѣ, составилъ отъ себя и прислалъ въ ту же газету статью, въ которой изобразилъ добросердечіе Императора Николая I, проявившаго свою заботливость по отношенію къ несчастнымъ декабристамъ, пославъ къ нимъ полковника Лепарскаго въ качествѣ коменданта мѣста ихъ заключенія, будучи увѣренъ, что Лепарскій съумѣетъ исполнить и строгость закона, и человѣколюбіе къ несчастнымъ преступникамъ. Юзефовичъ указалъ также и на другіе примѣры человѣколюбія Николая I.

Когда обѣ означенныя статьи напечатаны были въ отдѣльной брошюрѣ, Юзефовичъ нѣсколько экземпляровъ ея послалъ въ Петербургъ къ знакомымъ ему лицамъ при дворѣ, которые чрезвычайно удивились, что Императоръ Николай не изображенъ на памятникѣ, и когда о томъ доложено было Императору Александру II, онъ повелѣлъ исправить горельефъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи и, исключивъ изъ него два или три лица, изобразить на немъ Императора Николая I и поэта Державина.

Въ бытность мою въ Кіевѣ въ немъ были митрополитами одинъ послѣ другого Исидоръ—по фамиліи Никольскій (нынѣ Петербургскій) и Арсеній Москвинъ, съ которыми вмѣстѣ я обучался въ Петербургской духовной академіи. Оба узнали меня, но въ особенности показалъ ко мнѣ свое благорасположеніе Арсеній. Когда я явился къ нему въ первый праздничный день послѣ обѣдни, онъ просилъ меня на будущее время посѣщать его по вечерамъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пить чай, и во время такихъ моихъ посѣщеній познакомилъ меня съ пріѣзжавшимъ къ нему архимандритомъ, ректоромъ академіи Іоанникіемъ, нынѣ

Московскимъ митрополитомъ[1]), и не въ келейномъ только собесѣдованіи со мною, но однажды публично онъ показалъ свое ко мнѣ благорасположеніе. Въ храмовой праздникъ Софійскаго собора ожидали въ немъ бывшаго тогда въ Кіевѣ наслѣдника престола великаго князя Александра Александровича съ супругою; множество народа собралось по этому случаю въ оградѣ собора, но насъ не допускали до мостковъ, по которымъ должны были проходить Ихъ Высочества и которые съ обѣихъ сторонъ обставлены были солдатами. Минутъ за 10 до прибытія Ихъ Высочествъ показался принцъ Ольденбургскій и приказалъ отодвинуть солдатъ и позволить народу стать у мостковъ. Думали, что по окончаніи обѣдни Ихъ Высочества будутъ въ домѣ митрополита, но, спѣша выѣздомъ своимъ изъ Кіева, они отправились изъ собора во дворецъ. Тогда многія лица пошли къ митрополиту, а за ними и я; прошедши первую залу, наполненную духовенствомъ, я вошелъ въ другую, гдѣ находились архіереи и нѣкоторыя важнѣйшія посторонния лица. Митрополитъ Арсеній, благословивъ меня, посадилъ подлѣ себя, самъ угощалъ меня закускою и, когда я уходилъ, обнялъ меня и сказалъ, обращаясь къ гостямъ своимъ: это мой товарищъ по Петербургской духовной академіи. И не словами только, но и на самомъ дѣлѣ онъ оказывалъ мнѣ свое благосклонное вниманіе. Письмоводитель кіевской семинаріи О—скій, обучавшій воспитанника моего чистописанію, по окончаніи семинарскаго курса, сказалъ мнѣ, что имѣетъ уже въ виду невѣсту, но не можетъ получить желаемаго имъ священническаго прихода, потому что кончилъ курсъ по второму разряду. Я въ тотъ же день вечеромъ отправился къ митрополиту Арсенію съ моей просьбой объ О—скомъ; Арсеній чрезъ меня приказалъ О—скому на другой день подать прошеніе на желанный приходъ, который тогда же ему былъ предоставленъ и на которомъ О—скій священнодѣйствуетъ и донынѣ. Когда я безуспѣшно просилъ бывшаго моего товарища по академіи Императорскаго духовника

---

[1]) Писано въ 1886 году.

Баранова перевести брата моего священникомъ въ какой-нибудь находящійся въ Петербургѣ гвардейскій полкъ, я обратился къ ходатайству митрополита Арсенія, по слову котораго Барановъ перевелъ брата моего сперва въ Лейбъ-гренадерскій, а потомъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ.

Въ бытность мою въ Кіевѣ митрополитомъ Арсеніемъ возобновленъ былъ въ немъ 60 лѣтъ несовершавшійся крестный ходъ въ день св. князя Владиміра, 15 іюля. Великолѣпное глазамъ моимъ представилось зрѣлище: Михайловская гора и противоположныя ей возвышенности покрыты были безчисленнымъ множествомъ зрителей, стекшихся со всѣхъ концовъ Кіева смотрѣть на эту священную процессію, шедшую въ частяхъ своихъ съ мѣстными иконами и пѣніемъ отъ Десятинной церкви, съ митрополитомъ во главѣ, отъ Михайловскаго монастыря съ викарнымъ архіереемъ, отъ Печерской лавры съ ея намѣстникомъ и братіею, съ Подола отъ всѣхъ его церквей и монастырей съ ихъ настоятелями; когда всѣ части сошлись къ крещатицкому источнику, въ которомъ, по преданію, крещены были сыновья св. Владиміра, здѣсь торжественно совершено было обычное водосвятіе. Въ стоящемъ на Михайловской горѣ монументальномъ изображеніи св. равноапостольнаго князя представлялся въ это время какъ бы онъ самъ вышедшимъ изъ своего дворца смотрѣть на всенародное празднество, совершаемое кіевлянами въ память его святого подвига—крещенія Руси. Къ довершенію этого священнаго зрѣлища маститый митрополитъ Арсеній вмѣстѣ со своимъ клиромъ, взошедши на гору, съ пьедестала памятника осѣнялъ крестомъ молящихся зрителей, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, вспоминающихъ въ этотъ день просвѣщеніе ихъ предковъ свѣтомъ христіанской вѣры.

Находясь въ Кіевѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ тамошняя духовная академія праздновала свой 50-лѣтній юбилей со времени ея преобразованія. Празднество это началось торжественнымъ богослуженіемъ, которое совершилъ митрополитъ въ храмѣ Братскаго монастыря. По окончаніи литургіи 12 архіереевъ, большею частью обучавшихся въ Кіевской Академіи, среди храма совершили молебствіе. Послѣ церковнаго священно-слу-

женія происходилъ торжественный актъ въ академической залѣ, увѣшанной по стѣнамъ портретами бывшихъ благотворителей, начальниковъ и преподавателей академіи, начиная съ портретовъ Сагайдачнаго и митрополита Петра Могилы. Актъ начался пѣніемъ молитвы: „Царю небесный“, исполненной студентами. Митрополитъ Арсеній прочиталъ Высочайшій указъ о праздновании юбилея академіи и потомъ сказалъ, что жертвуетъ отъ себя въ пользу академіи 10000 руб.; затѣмъ сѣлъ въ кресло лицомъ къ посѣтителямъ; за нимъ стояли начальники и преподаватели академіи, а за послѣдними всѣ студенты. Посреди залы, за особымъ столомъ противъ митрополита, сидѣли прочіе архіереи, по очереди вstававшіе и подносившіе отъ себя иконы въ благословеніе академіи, причемъ они произносили краткія рѣчи и говорили, чѣмъ кто изъ нихъ жертвуетъ академіи. Сербскій митрополитъ Михаилъ, кончившій курсъ въ Кіевской Академіи со степенью магистра, предложилъ отъ себя ей въ даръ нотную сербскую обѣдню. Въ особенности между привѣтствіями архіереевъ академіи замѣчательны были слова, сказанныя Херсонскимъ архіепископомъ Дмитріемъ Муретовымъ: „въ то время, какъ сослужители мои являются съ своими приношеніями академіи, я скорблю, что пришелъ къ ней съ пустыми руками, но утѣшаюсь тѣмъ, что и моего меду капля тутъ есть“. Слова эти тронули всѣхъ, знавшихъ, что Димитрій, кончившій курсъ въ академіи первымъ магистромъ при ректорѣ Иннокентіѣ Борисовѣ и бывшій послѣ него самъ ректоромъ этой академіи, принесъ ей учеными трудами своими большой вкладъ въ богословскую науку, приведенную послѣ него въ систему. Будучи архипастыремъ въ разныхъ епархіяхъ, Димитрій щедро надѣлялъ неимущихъ своими пожертвованіями и однажды заложилъ свой брилліантовый крестъ за 300 руб., чтобы этой суммой дать пособіе одному бѣдному семейству. Замѣчательно, что этотъ великій богословъ, не печатавшій своихъ сочиненій, не имѣлъ степени доктора богословія, тогда какъ младшій товарищъ его архіепископъ Антоній Амфитеатровъ получилъ эту степень за составленное имъ руководство по богословію для семинаріи. Когда нѣкоторые спрашивали Димитрія, почему онъ не напе-

чаталъ своего руководства по богословію для академіи, онъ отвѣчалъ, что ему не было о томъ приказано отъ высшаго начальства. Говорили, что Московскій митрополитъ Филаретъ высоко цѣнилъ богословскіе труды Димитрія; говорили также, что послѣ него много осталось богословскихъ сочиненій ненапечатанныхъ.

Въ 1861 году старшій сынъ мой Иванъ, бывшій учителемъ исторіи во 2-ой Кіевской гимназіи, посланъ былъ на казенный счетъ въ Германію для изученія положенія низшихъ тамошнихъ народныхъ училищъ; онъ тамъ занимался полтора года и составилъ описаніе фридрихштадтской учительской семинаріи. Сколько меня радовала успѣшная служба его по учебной части, столько въ то же время печалило меня болѣзненное состояніе меньшаго сына моего Михаила, при всѣхъ средствахъ лѣченія не подававшаго надежды на выздоровленіе. Въ это время семейство Судіенка собиралось къ выѣзду изъ Кіева на лѣтнее время въ Новгородъ-Сѣверское свое имѣніе. Я долженъ былъ остаться при больномъ моемъ сынѣ, такъ какъ старшій братъ его былъ за границей, но когда я объ этомъ объявилъ больному, онъ сильно былъ пораженъ моимъ намѣреніемъ и упрашивалъ меня ѣхать съ семействомъ Судіенковъ, увѣряя меня, что онъ не такъ еще боленъ, какъ мнѣ кажется, и что черезъ два мѣсяца, ко времени моего возвращенія, онъ надѣется на поправленіе своего здоровья. Не желая огорчать его, я уступилъ его настоянію и поѣхалъ съ семействомъ Судіенковъ, но прощаясь съ нимъ, я видѣлъ его уже въ послѣдній разъ. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ имѣніе Судіенка я во снѣ видѣлъ сына моего Михаила въ образѣ малолѣтняго отрока и, когда хотѣлъ обнять его, онъ исчезъ. Недѣли черезъ двѣ, получивъ изъ Кіева извѣстіе, что больной сынъ мой находится въ безнадежномъ состояніи, я возвратился въ Кіевъ, но уже не засталъ его въ живыхъ: за день до моего пріѣзда онъ былъ погребенъ. Бывшій при немъ слуга говорилъ, что въ день кончины больной приказывалъ ему отпереть ворота во дворѣ квартиры, говоря, что отецъ его къ нему ѣдетъ. Безъ меня онъ родился въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, безъ меня же и умеръ въ Кіевѣ. Смерть сына

моего Михаила была для меня невознаградимою утратою: я думалъ спокойно провести съ нимъ вмѣстѣ всю жизнь мою, въ чемъ обнадеживали меня его сыновняя ко мнѣ любовь и отличныя свойства его характера, за которыя любили его всѣ, знавшіе его въ Кіевѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ.

XXXIX.

Безуспѣшное обученіе сына Судіенка.—Обученіе монастырскаго хора.—Архимандритъ Анатолій.—Поѣздка въ Москву, возвращеніе изъ нея и оставленіе дома Судіенка.

Отецъ воспитанника моего, возвращаясь изъ-за границы въ Кіевъ, взялъ меня съ собою въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ тогда находилось его семейство. Здѣсь я опять началъ продолжать прерванное обученіе его сына, но и продолженіе этого обученія такъ-же меня не радовало, какъ и самое его начало: годы проходили, а мой воспитанникъ, возрастая, не показывалъ развитія умственныхъ способностей, въ немъ по прежнему замѣчалось то же утомленіе на урокахъ, та же непонятливость и забывчивость. Родители его желали, чтобы онъ былъ приготовленъ къ поступленію въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, но такъ какъ онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ вновь поступающіе въ гимназію ученики не были принимаемы въ низшіе ея классы, то нужно было готовить его къ поступленію въ 3-й классъ, для чего я началъ обучать его Латинскому языку, который ему совсѣмъ не давался. Для преподаванія ему разныхъ предметовъ, требовавшихся для поступленія его въ 3-й классъ гимназіи, приглашены были разные преподаватели, и кромѣ того впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ съ нами вмѣстѣ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, для репетиціи преподанныхъ уроковъ; родители желали, чтобы сынъ ихъ какъ можно болѣе былъ занятъ уроками, но послѣдніе только его утомляли, не принося никакой пользы; но при всѣхъ такихъ мѣрахъ для обученіи его онъ не оказывалъ ожидаемыхъ успѣховъ. Въ поведеніи онъ обнаруживалъ ненормальность и странность: не будучи рѣзвъ, онъ

любилъ забавы, свойственныя малолѣтнему возрасту, не оказывая любознательности къ предметамъ ученія, онъ чрезвычайно любилъ узнавать домашнія новости, слушать разныя, часто самыя нелѣпыя, росказни, которымъ онъ вѣрилъ, не понимая, что какъ ни старались родители и я отучить его отъ этой дурной привычки, онъ ея не оставлялъ. Сокрушались родители, убѣждаясь въ неспособности сына ихъ къ образованію; тяжело было и мнѣ наблюдать въ немъ ежедневно эту неспособность, а еще тяжелѣе было быть свидѣтелемъ, когда нѣкоторые находили удовольствіе смѣяться надъ его слабоуміемъ. Видя, что взятую на себя обязанность я не могу исполнять съ должнымъ успѣхомъ, я подумывалъ отказаться отъ нея, но отказъ мой поставилъ бы ихъ въ затрудненіе: найти въ Новгородъ-Сѣверскѣ досужаго человѣка, который могъ-бы быть неотлучнымъ наставникомъ ихъ сына трудно, почему я и продолжалъ обучать ихъ сына безъ надежды на успѣхъ. Такъ былъ неудаченъ послѣдній опытъ частныхъ моихъ уроковъ, совершенно противоположный первому счастливому моему опыту въ лицѣ Александра Рославскаго-Петровскаго.

Чтобы имѣть какое-нибудь развлеченіе при однообразной жизни моей въ Новгородъ-Сѣверскѣ, я, по просьбѣ монаховъ здѣшняго монастыря, занялся, вмѣстѣ съ надзирателемъ гимназіи Киселевичемъ, обученіемъ небольшого монастырскаго хора, состоявшаго человѣкъ изъ десяти, но имѣвшаго въ то время прекрасные голоса. Для такого обученія я въ послѣобѣденное время приходилъ въ монастырь и отдѣльно отъ хора училъ дискантовъ и альтовъ, а затѣмъ раза два въ недѣлю собирался весь хоръ для исполненія назначеннаго къ воскресенію пѣнія Въ скоромъ времени мы порядочно уже пѣли нотныя пьесы и даже концерты. Изъ учениковъ моихъ бывшій альтъ Быстрицкій теперь уже священникъ и завелъ въ приходѣ своемъ хоръ, а превосходный дискантъ Дубинскій въ настоящее время служитъ въ одной изъ западныхъ губерній учителемъ народной школы, въ которой обучаетъ и пѣнію.

Къ большому моему удовольствію въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь прибылъ новый его настоятель архимандритъ Ана-

толій, который прежде былъ священникомъ; овдовѣвши, онъ принялъ монашество, прошелъ курсъ Петербургской духовной академіи, получилъ степень магистра, былъ ректоромъ Витебской семинаріи. Узнавъ о моемъ участіи въ монастырскомъ хорѣ, онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, и съ тѣхъ поръ началось и нѣсколько лѣтъ продолжалось самое пріятное для меня знакомство: въ бесѣдахъ съ нимъ я находилъ много для себя утѣшительнаго; часто бывая другъ у друга, мы раздѣляли и трапезу. Къ прискорбію моему непріятныя обстоятельства заставили Анатолія выбыть изъ Новгородъ-Сѣверска, и всѣ хорошо знавшіе его сожалѣли объ его удаленіи, вспоминая, какъ онъ благолѣпно служилъ въ монастырѣ, какъ трогательно читалъ въ немъ страстныя евангелія и какъ поучительны были его разумныя проповѣди, которыя онъ сказывалъ всегда наизусть. Потомъ онъ находился при нашемъ посольствѣ въ Аѳинахъ, гдѣ заслужилъ къ себѣ особенное благоволеніе короля и королевы, а также пріѣзжавшихъ въ Аѳины нашихъ Великихъ Князей. Въ Аѳинахъ онъ завелъ при посольствѣ училище для русскихъ дѣтей. Въ настоящее время Анатолій вызванъ въ Петербургъ и посвященъ въ епископа Балтскаго, викарія Каменецъ-Подольской епархіи.

Во время преподаванія воспитаннику моему учителями гимназіи уроковъ, я мало уже съ нимъ занимался, оставаясь при немъ только для наблюденія, къ тому-жъ при немъ жилъ и репетиторъ,—вслѣдствіе этого отецъ Судіенка, часто ѣздившій по своимъ дѣламъ въ Кіевъ, бралъ и меня туда съ собою для компаніи, гдѣ я и проживалъ съ нимъ иногда болѣе мѣсяца и имѣлъ удовольствіе часто видѣть тамъ старшаго моего сына, возвратившагося изъ-за границы. Поѣздка моя съ Судіенкомъ въ Москву доставила мнѣ не мало удовольствія. Я тогда видѣлъ въ ней уже снаружи совсѣмъ отстроенный великолѣпный храмъ Христа Спасителя. Подходя къ нему, я видѣлъ на немъ людей у самаго купола; испросивши у строительной коммисіи позволеніе побывать внутри этого храма, я нашелъ въ немъ кругомъ обставленные лѣса и хотѣлъ было по нимъ взойти на верхъ къ самому куполу, но прошедши только половину лѣсовъ и взгля-

нувши внизъ, почувствовалъ головокруженіе и велѣлъ проводнику моему свести меня внизъ; тогда внутри храма облицовывался только нижній поясъ его лабрадоромъ; ставши среди храма, я ясно видѣлъ въ куполѣ изображеннаго Бога Саваоѳа.

Изъ Москвы я въ первый разъ по желѣзной дорогѣ проѣхалъ въ Сергіеву лавру, куда поспѣлъ до начала обѣдни, предъ которой монахи отправляли панихиду по родителямъ преподобнаго Сергія. Пѣніе ихъ послѣ напѣва Кіево-Печеркой Лавры мнѣ не понравилось. Прослушавъ обѣдню и молебенъ Преподобному Сергію, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми богомольцами былъ въ ризничной палатѣ, гдѣ видѣлъ во многихъ шкафахъ сокровища этой богатѣйшей въ Россіи ризницы, а въ первомъ изъ нихъ крашенныя ризы преподобнаго Сергія и подъ ними его башмаки, въ которыхъ онъ былъ погребенъ; особенное вниманіе мое обратилъ на себя вправленный въ архіерейскую панагію необыкновенный прозрачный камень, въ срединѣ котораго видѣнъ молящійся на колѣняхъ передъ крестомъ монахъ. Говорятъ, что камень этотъ найденъ въ Алтайскихъ горахъ; когда онъ былъ представленъ Императрицѣ Екатеринѣ II, она велѣла его распилить, и открылось, что означенное внутри его изображеніе было игрою природы.

Изъ Лавры я прослѣдовалъ въ находящійся въ двухъ верстахъ отъ нея Геѳсиманскій скитъ, устроенный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, проводившимъ въ немъ лѣтнее время въ подвигахъ аскета. Скитъ этотъ состоитъ изъ многихъ деревянныхъ строеній, въ числѣ которыхъ есть двѣ церкви: одна подлѣ келіи митрополита, а другая для братіи. Въ келіи Филарета вся мебель очень простая изъ дубоваго дерева безъ всякой покрышки, въ церкви иконостасъ рѣзной изъ кипариснаго дерева, вся утварь и облаченія не представляютъ никакого богатства. Въ подвалѣ церкви для братіи я сквозь окно видѣлъ устроенный склепъ, въ которомъ, по предположенію Филарета, должны были похоронить его тѣло; но не здѣсь покоится прахъ его. Надо замѣтить, что по уставу, данному Филаретомъ этому скиту, женскій полъ въ него не допускался, кромѣ одного дня въ году, въ храмовой его праздникъ. Од-

нажды только было сдѣлано исключеніе для Императрицы Маріи Александровны, благоволившей посѣтить особенно уважаемаго ею митрополита. Братія Сергіевой лавры просила измѣнить его завѣщаніе касательно мѣста его погребенія въ уваженіе того, что по смерти его многія женскаго пола лица, которымъ воспрещенъ входъ въ скитъ, пожелаютъ помолиться надъ его могилой. Филаретъ согласился на эту просьбу и, по желанію братіи, погребенъ въ лаврѣ, въ особой церкви, во имя св. Филарета Милостиваго, пристроенной къ церкви сошествія св. Духа. Въ этой церкви за правымъ клиросомъ недалеко отъ стѣны устроенъ надъ могилою Филарета саркофагъ, у котораго стоитъ его архипастырскій жезлъ, а у западной стѣны, противъ саркофага, находится со стеклянною дверью шкафъ, въ которомъ виситъ его ряса и клобукъ. Многіе изъ приходящихъ въ лавру богомольцевъ въ этой церкви отправляютъ панихиду за упокой Филарета. Въ церкви этой день и ночь монашествующіе поочередно читаютъ псалтырь надъ его могилою. Отъ скита я поѣхалъ въ Виѳанію, гдѣ былъ въ небольшомъ двухъ-этажномъ домѣ, въ которомъ жилъ митрополитъ Платонъ; въ кабинетѣ его я видѣлъ столовые часы, принадлежавшіе, какъ говорили мнѣ, французскому королю Людовику XVI, а на стѣнѣ этого кабинета большое зеркало, въ которомъ черезъ окно отражается видъ лаврской колокольни. Въ этомъ скромномъ жилищѣ своемъ митрополитъ Платонъ часто бесѣдовалъ съ любимцемъ своимъ молодымъ учителемъ Василіемъ Дроздовымъ и въ этихъ собесѣдованіяхъ своихъ склонилъ его принять монашество и въ лицѣ его приготовилъ для русской церкви великаго іерарха Филарета, митрополита Московскаго, котораго восточные патріархи назвали отцомъ церкви, находя въ его богословскихъ сочиненіяхъ сходство съ твореніями св. Григорія Богослова, а москвичи называютъ его своимъ Златоустомъ.

По возвращеніи изъ Москвы, куда Судіенко ѣздилъ для покупки приданаго дочери своей, выходившей замужъ за князя Голицына, по случаю свадебныхъ хлопотъ въ домѣ уроки ученику моему были прерваны. Послѣ свадьбы я недолго уже находился въ домѣ Судіенка; ученикъ мой, по неуспѣшности своей,

не могъ поступить въ гимназію, а по великовозрастію ему пора было прекратить и домашнее обученіе. При прощаніи моемъ съ семействомъ Судіенка, они просили меня не забывать ихъ дома; я съ своей стороны всегда помнилъ и не забывалъ ихъ благорасположенія ко мнѣ, въ особенности памятуя неоднократное ходатайство обо мнѣ Судіенка передъ начальствомъ и наиболѣе послѣднее изъ нихъ, по которому я былъ перемѣщенъ изъ Немирова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Такъ какъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ я не получалъ положеннаго мнѣ жалованья отъ второго сына Судіенка, управлявшаго всѣмъ его имѣніемъ и не находившаго какъ-то денегъ для меня, то при оставленіи мною дома его мнѣ дана была отъ экономіи бумага, по которой и до нынѣ я пока получаю проценты съ означеннаго въ ней капитала.

XI.

Вязовикъ и его врачебная благотворительность.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ домѣ Судіенка скончался въ Новгородъ-Сѣверскѣ Захарій Григорьевичъ Вязовикъ, замѣчательный въ свое время врачъ-самоучка, долгое время благотворившій жителямъ своего города и другихъ мѣстностей своими врачебными пособіями. Вязовикъ былъ сынъ Новгородъ-Сѣверскаго дворянина, обучался въ мѣстной гимназіи, служилъ нѣкоторое время въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ; подвергшись болѣзненнымъ припадкамъ, онъ оставилъ службу и предался изученію медицины, которою занимался почти всю жизнь свою, неутомимо трудясь въ изученіи этой науки; при своей наблюдательности онъ пріобрѣлъ многія врачебныя свѣдѣнія, лѣчилъ не только самого себя, но и другихъ горожанъ не безъ успѣха. Слухъ объ искусномъ лѣченіи больныхъ распространился далеко, и многіе больные пріѣзжали къ нему пользоваться даже изъ другихъ губерній. Онъ лѣчилъ больныхъ и домашними средствами изъ травъ, которыхъ у него всегда много было въ запасѣ, и по рецептамъ изъ мѣстной аптеки. Новгородъ-Сѣверскій

аптекарь, у котораго зять былъ лѣкарь, въ случаѣ болѣзни своей и своего семейства обращался преимущественно за пособіемъ къ Вязовику. Болѣе успѣшно Вязовикъ лѣчилъ женскія и дѣтскія болѣзни. Судіенко передавалъ мнѣ, что когда молодая жена его подверглась тяжкой болѣзни, онъ долго не соглашался обратиться къ Вязовику, но когда она стала болѣе и болѣе ослабѣвать и не получала облегченія въ своей болѣзни отъ мѣстныхъ врачей, онъ рѣшился пригласить Вязовика въ Очкинъ, гдѣ послѣдній послѣ 3-хъ-дневнаго наблюденія за больной объявилъ, что онъ ее вылѣчитъ; и дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ больная совершенно выздоровѣла. Отъ такой же болѣзни Вязовикъ вылѣчилъ жену полковника Видова, бывшаго потомъ Бессарабскимъ губернаторомъ. Жена моя въ молодости подвергалась какой-то неопредѣленной болѣзни, сопровождавшейся рвотой зеленоватаго цвѣта съ осадкомъ въ видѣ песка. Приглашенъ былъ жившій тогда въ Шептаковской экономіи докторъ Чайковскій; осмотрѣвъ больную, онъ прописалъ ей 3 лѣкарства и такъ какъ не могъ часто навѣщать ее, то посовѣтовалъ пригласить для наблюденія Вязовика. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ двухъ изъ прописанныхъ лѣкарствъ рвоты прекратились, но черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что лицо моей жены совершенно измѣнилось, она не могла говорить и только знаками указывала мнѣ на свой ротъ. Послали за Вязовикомъ, но пока онъ пріѣхалъ, у больной возобновились прежнія рвоты. Вязовикъ сказалъ мнѣ, что когда Чайковскій прописывалъ лѣкарства, онъ тогда зналъ, что лѣкарства будутъ дѣйствовать противъ рвотъ, а прописанное питье будетъ возбуждать ихъ, отчего и произошелъ у больной означенный припадокъ, что онъ, Вязовикъ, во время прописки лѣкарствъ не осмѣлился противорѣчить оффиціальному доктору. Приказавъ не принимать лѣкарствъ Чайковскаго, Вязовикъ перевелъ болѣзнь жены моей въ нормальную лихорадку и совершенно вылѣчилъ. Вылѣчивши одну больную пожилую дѣвицу, Вязовикъ женился на ней, будучи уже старъ. Когда мѣстные врачи, завидуя успѣшной практикѣ Вязовика, хотѣли при помощи начальства запретить Вязовику практику, то весьма многіе паціенты его составили ад-

ресъ со своими подписями и послали прошеніе къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Перовскому, прося его дать Вязовику формальное позволеніе продолжать свою практику; но Перовскій, не смотря на ходатайство о томъ сестры своей, которую Вязовикъ вылѣчилъ отъ болѣзни, рѣшительно запретилъ Вязовику продолжать лѣченіе и предписалъ мѣстному начальству строго наблюдать за исполненіемъ своего предписанія. Тогда Вязовикъ занялся гомеопатіею, изучилъ ее въ короткое время, составилъ свою аптеку и пользовалъ больныхъ; онъ находилъ лѣченіе гомеопатіею болѣе вѣрнымъ и надежнымъ. Когда же и за этотъ способъ лѣченія медики стали преслѣдовать Вязовика, онъ пользовалъ обращавшихся къ нему больныхъ только своими домашними средствами, давая имъ полезные совѣты.

Когда онъ ослѣпъ, жена его по наставленію его продолжала пользовать больныхъ. Вязовикъ былъ религіозенъ, отъ природы добродушенъ и сострадателенъ къ неимущимъ больнымъ, которыхъ пользовалъ безвозмездно своими лѣкарствами. Онъ умеръ въ глубокой старости, оставивъ по себѣ память искуснаго врача и благотворительнаго человѣка. Я, въ молодости моей отъ усиленной сидячей жизни подвергшись жестокимъ геморoccидальнымъ припадкамъ, прибѣгалъ къ піявкамъ, но Вязовикъ рѣшительно запретилъ мнѣ это лѣченіе, говоря, что отъ такого лѣченія геморрой въ старости разовьется съ большею силой, и далъ мнѣ полезные совѣты, исполняя которые, я чувствую отъ нихъ дѣйствительную пользу.

XLI.

Поѣздка въ Петербургъ.—Свиданіе съ братомъ и моими учениками.—Петропавловскій соборъ. Домикъ Петра Великаго и его дворецъ. Исакіевскій соборъ. Зоологическій садъ. Эрмитажъ. Духовная Академія. Реформы въ духовномъ вѣдомствѣ. Царское село. Павловскъ. Петергофъ. Кронштадтъ.

По оставленіи дома Судіенка, въ собственномъ домѣ моемъ, при моемъ одиночествѣ, я жить не могъ и помѣстился на постоянное жительство въ домѣ надзирателя гимназіи Киселевича, который былъ ученикомъ моимъ въ Черниговской семинаріи, а

потомъ сослуживцемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи; двѣ дочери его были воспринимаемы отъ купели крещенія двумя моими сыновьями, а два сына его были мои крестники. При такихъ отношеніяхъ моихъ къ семейству Кисилевича я надѣялся среди него найти себѣ пріятное пребываніе.

Черезъ два дня по переселеніи моемъ въ домъ Киселевича мы съ нимъ наскоро собрались ѣхать въ Петербургъ, котораго я не видалъ со времени окончанія курса академіи. Въ гвардейскомъ полку въ Петербургѣ служилъ родной братъ мой Николай, съ которымъ я много лѣтъ не видѣлся. Киселевичъ ѣхалъ со мною въ Петербургъ лѣчить свои глаза. Добрый архимандритъ Анатолій далъ намъ свой крытый экипажъ и письмо къ зятю его, учителю семинаріи въ Витебскѣ; въ этомъ городѣ мы оставили экипажъ нашъ и по желѣзной дорогѣ отправились въ Петербургъ. Приближаясь къ столицѣ, я съ радостью завидѣлъ вдали сверкающіе на солнцѣ два золотые шпица, Петропавловскій и Адмиралтейскій, и влѣво отъ нихъ блестящую золотую главу Исаакіевскаго собора, на мѣстѣ котораго при мнѣ стоялъ мрачный прежній соборъ, при мнѣ же разобранный до основанія. Неизъяснима была радость моя при свиданіи съ братомъ и его семействомъ. На другой день по пріѣздѣ нашемъ, мы начали и втеченіе цѣлаго мѣсяца ежедневно продолжали осматривать достопримѣчательности столицы. Но прежде этого осмотра скажу о томъ, съ какою любовью отнеслись ко мнѣ бывшіе ученики мои въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, занимавшіе въ то время почетныя мѣста на службѣ въ столицѣ. Одинъ изъ такихъ учениковъ, профессоръ медицинской академіи Иванъ Гавриловичъ Карпинскій далъ намъ у себя обѣдъ, а за нимъ другіе ученики мои дали намъ отъ себя богатое угощеніе въ гостинницѣ, куда мы прибыли въ нанятой ими для насъ каретѣ. Всѣ приняли насъ съ сердечнымъ радушіемъ, называя меня своимъ „батькомъ“; развеселившись за обѣдомъ, при тостахъ за мое здоровье, они пѣли съ нами тѣ церковныя пѣсни, которыя нѣкогда пѣвали въ гимназическомъ хорѣ. Первымъ предметомъ нашего осмотра былъ Петропавловскій соборъ, представившійся мнѣ въ обновленномъ видѣ, какой далъ ему Императоръ Николай I.

Изъ собора въ тотъ же день мы зашли въ домикъ Петра Великаго; въ одномъ изъ двухъ его отдѣленій теперь находится часовня Спасителя, обставленная внутри многими образами въ серебряномъ окладѣ, пожертвованными разными богомольцами. Любопытно было видѣть, въ какомъ укромномъ помѣщеніи жилъ Великій Преобразователь Россіи, основатель Петербурга. Черезъ два дня по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, мы были въ Исаакіевскомъ соборѣ во время литургіи, которую совершалъ въ немъ съ митрою на головѣ протоіерей Колоколовъ, учившійся при мнѣ въ академіи; соборные пѣвчіе на двухъ клиросахъ пѣли прекрасно; по окончаніи литургіи мы по лѣстницѣ всходили на крышу собора, съ которой открывается прекрасный видъ на городъ. Въ зоологическомъ саду, что на Петербургской сторонѣ, я видѣлъ въ желѣзной клѣткѣ большого красиваго ягуара, а въ отдѣльномъ сараѣ огромнѣйшій остовъ кита. Любопытнѣй всего въ Петербургѣ, конечно, былъ для насъ Эрмитажъ; проходя залы, наполненныя рѣдкими произведеніями ваянія и живописи, мы, хотя имѣли съ собою печатный указатель этихъ произведеній, не могли понять ихъ достоинства безъ руководителя художника. Въ послѣдней залѣ, занятой произведеніями русской живописи, мы долго смотрѣли на картины: „Послѣдній день Помпеи“ кисти Брюлова и „Мѣдный змій въ пустынѣ“ работы Бруни. Въ одной большой комнатѣ Эрмитажа мы проходили мимо восковаго изображенія Петра Великаго, представленнаго сидящимъ въ креслахъ, но это изображеніе отъ времени потемнѣло; въ той же комнатѣ находятся чучело его лошади, на которой онъ разъѣзжалъ во время Полтавскаго боя, и чучело его собственной собаки; тутъ же находится и его треугольная шляпа, прострѣленная пулею во время этого сраженія. Въ то время, когда я учился еще въ Петербургѣ, восковое изображеніе Петра I имѣло лучшій видъ и, какъ мнѣ кажется, удобнѣе помѣщалось въ кунстъ-камерѣ въ особой палатѣ, въ которой по стѣнамъ висѣли портреты сподвижниковъ Петра. Въ передней передъ этою палатою комнатѣ находилось много разныхъ работъ Петра, вырѣзанныхъ изъ слоновой кости и на мѣди. Говорили, что когда Петру I предлагали сдѣлать

его изображеніе съ механизмомъ, по которому онъ поднимался бы изъ своихъ креселъ, Петръ отвѣчалъ, что лучше оставить его изображеніе въ покоѣ, потому что подлинникъ его много трудился въ своей жизни; однако, восковое его изображеніе сдѣлано съ подвижнымъ механизмомъ; говорили также, что когда Императрица Марія Θедоровна пожелала видѣть восковой портретъ Петра, и когда при вступленіи ея въ палату Петръ всталъ изъ своихъ креселъ и поклонился, она испугалась, и по этой причинѣ никого уже не впускали въ эту палату, а зрители могли смотрѣть на изображеніе Петра только чрезъ стеклянныя ея двери.

По осмотрѣ означенныхъ достопримѣчательностей города, мы, наконецъ, были и въ духовной академіи. Мы отправились къ ней на пароходѣ, по Невѣ, мимо Гагаринской набережной и Смольнаго монастыря. Когда мы миновали лавру, на берегу Невы за чугунною оградою, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи, представилось мнѣ великолѣпное четырехъ-этажное зданіе, alma mater—духовная академія съ ея колоннами и съ прекрасными надъ фронтомъ ея изваяніями двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ придерживаетъ лѣвою рукою большой золоченый крестъ, а правою указываетъ на него другому преклоненному ангелу—символъ, показывающій наставляющаго и наставляемаго и въ то же время означающій мѣсто, подъ которымъ внутри устроена академическая церковь. Вошедши въ академію, я осмотрѣлъ въ ней студенческую столовую, номера, въ которыхъ живалъ, взглянулъ сквозь окно въ запертую церковь; все было въ томъ же видѣ, какъ и при мнѣ, только мебель въ номерахъ была уже изъ краснаго дерева; академическій садъ вмѣсто небольшихъ березокъ представлялъ уже тѣнистую высокую рощу, но самое пространство сада уменьшено на половину, такъ какъ другая половина отдана подъ семинарію.

Осмотрѣвъ нѣкоторыя помѣщенія академіи, я, какъ бывшій воспитанникъ ея, хотѣлъ представиться ректору ея протоіерею Я., но мнѣ сказали, что онъ съ семействомъ своимъ уѣхалъ на всю вакацію на дачу. Въ мое время и затѣмъ въ продолженіе многихъ курсовъ ректорами академіи бывали архи-

мандриты или архіереи, и въ вакаціонное время не удалявшіеся изъ академіи, а постоянно занимавшіеся ея дѣлами, которыхъ во всякое время бываетъ не мало по управленію. Что-же заставило вмѣсто монашествующихъ ректоровъ поручать эту должность бѣлому духовенству, которое при своихъ семейныхъ заботахъ и развлеченіяхъ не можетъ съ такой настойчивостью предаваться трудамъ въ академіи, какъ предавались имъ монахи! Чѣмъ провинились архимандриты и архіереи въ своемъ начальствованіи надъ академіею? Вопросы эти разрѣшаетъ только то время, когда происходили безпрестанныя перемѣны и нововведенія въ административномъ нашемъ мірѣ. Чтобы видѣть, какую великую службу сослужили монахи въ дѣлѣ духовнаго образованія, надобно обратить только вниманіе на ихъ полезные труды со времени преобразованія духовныхъ училищъ. Не говоря о геніальномъ Филаретѣ, положившемъ твердое основаніе академическому ученію и начертавшемъ планъ преподаванія богословскихъ наукъ, всѣ преемники его въ должности ректоровъ, слѣдуя его примѣру, усердно трудились въ пользу академіи и своими трудами преемственно привели въ стройную систему богословское ученіе; въ наблюденіи своемъ за нравственностью студентовъ академіи они были строгими ихъ охранителями отъ недостойнаго съ ихъ положеніемъ вольномыслія. Напрасно говорили, будто монашествующіе начальники духовныхъ училищъ деспотически обращались съ учащимися: обучавшіеся въ академіи студенты не видѣли надъ собою особенно строгаго надзора начальства; поступая въ нее изъ числа лучшихъ учениковъ семинаріи, они безъ всякаго понужденія, съ особенной любовью занимались въ ней своимъ дѣломъ и, постоянно трудясь, не имѣли ни времени, ни охоты предаваться какимъ-нибудь безполезнымъ развлеченіямъ. Сколько изъ воспитанниковъ духовныхъ академій, подъ руководствомъ монашествующихъ ректоровъ вышло извѣстныхъ своими достоинствами архипастырей, профессоровъ и служителей церкви въ бѣломъ духовенствѣ! Почему же нововводители игнорировали такія заслуги монашествующихъ начальниковъ академіи и лучшихъ ли лицъ поставили во главѣ академіи? Протоіерей Я., по выходѣ изъ академіи, служа

при посольствахъ, не могъ должнымъ образомъ подготовить себя къ ректорской должности въ академіи, въ которой онъ, будучи ректоромъ, преподавалъ не главный богословскій предметъ и не получилъ степени доктора богословія, хотя и написалъ для того диссертацію, которая академическою конференціею не была признана заслуживающею этой степени.

Хотя государственныя реформы предшествовавшаго царствованія впослѣдствіи стали приносить и приносятъ государству свою пользу, но вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла Св. Синода оказалось рѣшительно вреднымъ, что предсказалъ незадолго до смерти своей митрополитъ Филаретъ, при которомъ предполагались такія реформы; онъ успѣлъ удержать за синодомъ свѣчной капиталъ, который составляетъ фондъ для содержанія духовныхъ училищъ и который свѣтская власть намѣревалась взять въ свое распоряженіе; Филаретъ доказалъ, что если свѣчной сборъ поступитъ въ такое распоряженіе, то неминуемо станетъ уменьшаться, потому что мѣстные священники не будутъ уже такъ усердно по церквамъ собирать и представлять начальству за свѣчи деньги для посторонняго вѣдомства. Измѣнивъ духовно-учебный уставъ 1823 года, новаторы завели въ духовныхъ академіяхъ небывалые прежде факультеты, отчего сами академіи утратили свое значеніе; въ семинаріяхъ введено преподаваніе медицины и сельскаго хозяйства безъ всякихъ необходимыхъ къ тому пособій, почему оно, не принося никакой пользы семинаристамъ, отнимало только время у нихъ для существенныхъ занятій. Чтобы сдѣлать учениковъ семинаріи лучшими священниками, узаконено было кончившихъ въ семинаріи курсъ держать три года въ званіи псаломщиковъ на дьячковскомъ окладѣ, отчего лучшіе изъ такихъ учениковъ перешли на службу въ другія вѣдомства, а въ семинаріяхъ остались только посредственные, которымъ некуда было дѣваться.

Въ церковномъ вѣдомствѣ сдѣланныя нововведенія произвели еще большій вредъ. Задумано было улучшить содержаніе приходскихъ священниковъ—мысль добрая, но исполненіе ея обусловливается большими денежными къ тому средствами, которыхъ правительство наше не въ состояніи дать. Было время,

когда приходское духовенство въ Россіи могло вполнѣ и навсегда быть обезпечено въ своемъ содержаніи, если бы отобранныя при Екатеринѣ II у монастырей недвижимыя имущества обращены были въ денежный капиталъ для содержанія бѣлаго духовенства, но отобранныя у монастырей имущества розданы были въ постороннія руки, духовенство осталось на жалкомъ пропитаніи отъ доброхотнаго подаянія прихожанъ, которые большею частью и сами бѣдны. Для улучшенія состоянія священниковъ въ бѣдныхъ приходахъ нововводители придумали соединять приходы, не смотря на увеличившееся народонаселеніе Россіи; по соединеніи приходовъ, многія церкви были упразднены, тогда такъ увеличившееся народонаселеніе требовало ихъ умноженія; по закрытіи церквей поселяне лишились возможности своевременно слушать богослуженіе и отправлять христіанскія требы, отъ чего религія у нихъ стала приходить въ упадокъ, а нѣкоторые перешли въ расколъ. Вредъ отъ такого рода нововведеній сталъ слишкомъ очевиденъ. Высочайшая власть отмѣнила всѣ эти не особенно полезныя для духовнаго вѣдомства реформы. Св. Синодъ сталъ съ принадлежащимъ ему авторитетомъ распоряжаться въ духовномъ вѣдомствѣ и возстановлять прежніе, испорченные свѣтскимъ вмѣшательствомъ порядки. Въ академіяхъ способъ преподаванія наукъ возстановленъ соотвѣтственно прежнему уставу и онѣ опять сдѣлались центромъ высшаго богословскаго образованія. Замѣчательно, что одинъ изъ Московскихъ публицистовъ, по случаю отмѣны непригоднаго академіямъ нововведенія, сказалъ: „Слава Богу! бѣсъ изъ академіи выгнанъ“. Семинарское ученіе пошло также по прежнему порядку.

По осмотрѣ Петербурга внутри его, мы посѣтили загородныя достопримѣчательныя мѣста. Въ Царскомъ Селѣ мы были въ великолѣпномъ Императорскомъ дворцѣ, на крышѣ и на кареатидахъ, по наружнымъ стѣнамъ не было уже позолоты, какую я видѣлъ, когда съ отцомъ проѣзжалъ мимо его въ Петербургъ. Въ этомъ дворцѣ мы видѣли такъ называемую янтарную залу, украшенную янтаремъ, подареннымъ Николаю I тестемъ его, прусскимъ королемъ.

Изъ Царскаго села мы на дрожкахъ по прекрасному шоссе, окруженному дачами, проѣхали въ Павловскъ, имѣніе Великаго Князя Констинтина Николаевича, который въ тотъ день праздновалъ рожденіе своего внука, сына Эллинскаго короля; по этому случаю весь дворецъ его ярко былъ освѣщенъ газомъ; публика собралась многочисленная; играли два оркестра: военная и Штрауса; слушателей была масса. Великій Князь, одѣтый въ военное пальто, прохаживался среди посѣтителей и снимавшимъ предъ нимъ свои шлипы отвѣчалъ, дѣлая подъ козырекъ.

Въ Петергофѣ я узналъ всѣ тѣ мѣста, какія я видѣлъ, будучи семинаристомъ, и тѣ аллеи, по которымъ я бѣгалъ, потерявъ изъ виду своихъ знакомыхъ. Фонтаны по прежнему выбрасывали воду; одинъ изъ нихъ, вновь устроенный въ видѣ обелиска, состоитъ изъ множества трубочекъ, изъ которыхъ бьетъ вода; при освѣщеніи обелискъ этотъ представляется взору какъ-бы состоящимъ изъ бриллiантовъ.

Никогда не видавъ Кронштадта, я, съ Киселёвичемъ и сопровождавшими насъ племянницами, отправился туда на пароходѣ. Люботытнѣе всего для насъ было видѣть Кронштатскія гавани: купеческую и военную; первая вся была запружена иностранными кораблями, на которыхъ копошились большею частью рыжіе англичане; во второй находился тогда одинъ только военный 130-ти пушечный корабль „Николай I.“ Матросы довезли до него насъ на яликѣ, и мы по спущенному трапу взлѣзли на первую палубу; на другія палубы я не пошелъ, а Киселевичъ съ моими племянницами побывалъ и на двухъ верхнихъ палубахъ, съ которыхъ, какъ говорилъ онъ, открывается необозримый видъ на Финскій заливъ. Матросы предлагали намъ проплыть на яликѣ за стѣнку гавани, но такъ какъ тамъ море сильно волновалось, то я не согласился на такую непріятную прогулку. Въ Кронштадтѣ я былъ въ смущенномъ состояніи духа, потому что передъ отправленіемъ въ него я получилъ изъ Кіева отъ Ростовцева печальное извѣстіе о болѣзни сына моего Ивана, почему и спѣшилъ въ обратный путь.

XLII.

Смерть сына моего Ивана.—Директоръ Слѣпушкинъ и жена его.—М. И. Шохъ.—Семейство Монаховыхъ.—Рядъ лишеній. Жизнь моя въ домѣ Киселевича.

По возвращеніи въ Новгородъ-Сѣверскъ я черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ нашелъ сына моего начинающимъ выздоравливать послѣ болѣзни. Впослѣдствіи я нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Кіевъ и долго проживалъ въ немъ, оставаясь на хозяйствѣ въ квартирѣ моего сына, когда онъ уѣзжалъ на Кавказъ лѣчиться тамошними водами.

Насталъ роковой для меня 1871 годъ, въ которомъ свирѣпствовавшая въ Кіевѣ холера отняла и послѣдняго моего сына Ивана. Никакія медицинскія средства не могли помочь ему, и онъ, заболѣвши поутру, вечеромъ попросилъ у меня благословенія и, сказавши: „такъ Богу угодно", скончался. Я самъ закрылъ ему глаза и палъ духомъ. Смерть сына моего случилась 15 Августа 1871 года въ самый смертоносный день, когда maximum умирающихъ простирался до 400 человѣкъ. Тѣло сына моего погребено на Байковомъ кладбищѣ недалеко отъ церкви, подлѣ могилы сына моего Михаила; надъ могилами обоихъ поставлены памятники. Положеніе мое тогда было самое безутѣшное и безпомощное, но Богъ послалъ мнѣ свою помощь въ лицѣ чужихъ людей, принявшихъ во мнѣ теплое участіе, за что я никогда не забуду этихъ добрыхъ людей. Директоръ 2-й Кіевской гимназіи Иванъ Ивановичъ Слѣпушкинъ и жена его Александра Ивановна, находившіеся въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ моимъ сыномъ, оказали и мнѣ полное свое состраданіе; опасаясь, чтобы во время холеры, которою заболѣлъ находившійся при мнѣ слуга, мнѣ не повредила неудобная по тому времени пища, во все время, пока я оставался въ Кіевѣ, они звали меня къ себѣ на обѣдъ, приготовленный по правиламъ нужной діэты. Въ квартирѣ покойнаго сына моего, который вмѣстѣ съ должностью инспектора 2-й гимназіи исполнялъ и обязанности дѣлопроизводителя коммисіи, учрежденной для собиранія древнихъ актовъ Юго-Западной Россіи, находилось много книгъ по изданію этихъ актовъ, а также и бумагъ

по дѣлопроизводству, которыя я долженъ былъ разобрать и сдать въ коммиссію, чего самъ не могъ сдѣлать въ моемъ печальномъ положеніи. На помощь мнѣ явился пріѣхавшій вмѣстѣ со мною въ Кіевъ родственникъ мой, студентъ университета Михаилъ Ивановичъ Шохъ и объявилъ мнѣ, что онъ готовъ перебраться ко мнѣ на квартиру и вмѣстѣ со мною заняться приведеніемъ въ порядокъ книгъ и бумагъ, чѣмъ весьма много облегчилъ мнѣ этотъ трудъ. Кромѣ того, для очищенія казенной квартиры, я долженъ былъ убраться съ имуществомъ сына моего, состоявшимъ изъ мебели и библіотеки. И въ этомъ дѣлѣ много помогъ мнѣ Михаилъ Ивановичъ Шохъ: онъ составилъ списокъ книгъ библіотеки и выставилъ его въ университетѣ для желающихъ купить ихъ; но такъ какъ неудобно было продавать книги порознь, то я долженъ былъ за безцѣнокъ продать всю библіотеку шкафами одному профессору семинаріи съ трудомъ согласившемуся и на такую дешевую покупку. Въ числѣ людей, принявшихъ во мнѣ свое участіе въ Кіевѣ, я не могу забыть семейства Монаховыхъ, всегда оказывавшаго дружеское расположеніе къ сыновьямъ моимъ и ко мнѣ. Жена генерала Монахова Теофилія Ивановна, утѣшавшая меня по смерти сына моего Михаила, утѣшала меня и по кончинѣ сына моего Ивана; она впослѣдствіи взяла на себя трудъ получать въ Кіевскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и высылать мнѣ проценты съ хранившагося въ нихъ капитала покойнаго моего сына и не задолго до смерти своей передала этотъ трудъ своей дочери, которая недолго его исполняла; послѣ нея взялся по этому предмету хлопотать для меня давній мой пріятель Михаилъ Корнѣевичъ Чалый, который изъ Нѣжина простиралъ мнѣ руку помощи, приглашая меня переѣхать къ нему изъ Кіева для успокоенія отъ моихъ душевныхъ тревогъ; я не могъ воспользоваться его дружескимъ предложеніемъ, потому что долженъ былъ тогда заняться дѣлами моими въ Кіевѣ и по окончаніи ихъ ѣхать въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ ожидали меня новыя безпокойства и лишенія, одно за другимъ послѣдовавшія.

По возращеніи въ Новгородъ-Сѣверскъ, я узналъ, что дальніе родственники моей покойной жены начали судебный искъ,

желая овладѣть оставшимся небольшимъ капиталомъ послѣ сына моего и даже моимъ домомъ; они успѣли уже въ Кіевской палатѣ получить утвержденіе въ правѣ наслѣдства; родной братъ въ опроверженіе этого иска заявилъ свое право на наслѣдство; ему въ этомъ дѣлѣ помогли знакомые, и въ Кіевской палатѣ рѣшено было предоставить ему и дѣтямъ его получить означенный капиталъ послѣ моей смерти, а мнѣ до смерти моей пользоваться процентами. Хотя такое рѣшеніе явно противорѣчило закону, по которому благопріобрѣтенное имѣніе дѣтей исключительно принадлежитъ ихъ родителямъ, но я остался доволенъ рѣшеніемъ палаты, потому что, если-бы капиталъ сына моего и достался мнѣ, я завѣщалъ-бы дѣтямъ моего брата, которымъ по смерти сына моего я переслалъ все наше серебро и цѣнныя вещи и при томъ выслалъ имъ же деньги на уплату за труды ихъ адвокату. Во время этихъ непріятныхъ для меня хлопотъ сгорѣлъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ мой домъ, построенный на мои деньги, пріобрѣтенныя мною въ Черниговѣ. Къ довершенію моихъ лишеній въ глазахъ моихъ открылся катарактъ, происходившій отъ ихъ напряженія при частомъ писаніи нотъ, которыми я слишкомъ много занимался. По этому случаю я, въ сопровожденіи Киселевича, ѣздилъ въ Кіевъ посовѣтоваться съ извѣстнымъ окулистомъ Ивановымъ, который нашелъ, что катарактъ еще не созрѣлъ, и что я долженъ пріѣхать для операціи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но я уже не рѣшился на эту операцію, опасаясь, чтобы при неудачномъ исполненіи совсѣмъ не лишиться глазъ, которыми еще вижу свѣтъ солнца или свѣчи, хотя не могу уже различать предметовъ. Возвратившись въ Новгородъ-Сѣверскъ, я остался въ немъ навсегда уже безвыѣздно.

Пятнадцать лѣтъ живя въ домѣ Киселевича, я нахожу въ немъ покойный для себя пріютъ и благорасположеніе ко мнѣ всего его семейства. Два сына его Василій и Алексѣй, мои крестники, много оказывали мнѣ услугъ, пока учились въ гимназіи, они же первые подъ диктовку мою начали писать мои воспоминанія. Къ счастію моему во флигелѣ дома Киселевича поселился бывшій мой по гимназіи ученикъ, Михаилъ Алексѣевичъ Ѳоденъ, оказывающій мнѣ въ случаѣ болѣзни медицин-

ское пособіе и своими со мною бесѣдами доставляющій мнѣ много удовольствія. Обучающійся въ гимназіи сынъ его Алексѣй и другіе ученики, живущіе въ домѣ Киселевича, а именно—Петръ Коваленко и Михаилъ Стойковъ, продолжали писать мои воспоминанія, которыхъ безъ этихъ усердныхъ помощниковъ я не могъ бы передать на бумагу.

Упомяну и о находящемся при мнѣ слугѣ Михаилѣ Бунаковѣ, который ежедневно читаетъ мнѣ газеты и книги. Вообще обстановка моя въ домѣ Киселевича для меня весьма благопріятна; благодарю Бога, что нахожу близъ себя людей, оказывающихъ мнѣ пособіе въ настоящемъ моемъ положеніи.

Надѣюсь и увѣренъ, что добрые мои хозяева, Василій Демьяновичъ и жена его Ефросинья Захарьевна Киселевичи, по неизмѣнной ко мнѣ дружбѣ своей всегда оказывавшіе ко мнѣ свое благорасположеніе, присмотрятъ за мною и тогда, когда наступитъ смертный часъ мой, что они проводятъ тѣло мое до могилы и помолятся о грѣшной моей душѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заключаю воспоминанія мои тѣмъ, чѣмъ я ихъ началъ. Онѣ говорятъ мнѣ, что милость Божія, спасшая меня отъ смерти послѣ моего рожденія и даровавшая мнѣ возможность дожить до глубокой старости, во время моего сиротства и во все продолженіе долголѣтней моей жизни оказывала мнѣ свою помощь въ лицѣ людей, благотворившихъ мнѣ наставленіями, совѣтами и участіемъ. Никогда не имѣя никакого богатства, я не терпѣлъ никогда и крайней нужды и трудомъ моимъ могъ снискивать себѣ и семейству моему потребное для жизни; не достигъ я на службѣ моей особеннаго почета, который, можетъ быть, былъ бы мнѣ не по силамъ и не по моему характеру; часто не исполнялись мои желанія, въ предотвращеніе вредныхъ для меня послѣдствій, если бы эти желанія исполнялись; не имѣлъ я въ жизни моей враговъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а если получалъ отъ кого оскорбленія, то и самъ часто бывалъ неправъ предъ моими ближними; иногда я находилъ

себѣ искреннихъ друзей въ людяхъ мнѣ сочувствовавшихъ. Въ послѣдніе годы моей жизни я претерпѣлъ тяжкія лишенія и скорби для моего вразумленія, что въ этомъ мірѣ все измѣняется, и за радостью скоро наступитъ горе, что посылаемыя сердцу нашему отъ Бога печали зовутъ насъ туда, гдѣ нѣтъ уже никакихъ печалей и гдѣ вѣчно будутъ радоваться достойные такой радости. Теперь, когда лишенный зрѣнія при ослабленіи тѣлесныхъ моихъ силъ, я приближаюсь къ концу дней моихъ, и когда по милости Божіей сохраняется во мнѣ сила разумѣнія и памятованія о полученныхъ отъ Господа Бога благодѣяніяхъ, мнѣ остается желать и молить, да сохраняется во мнѣ и память смертная вмѣстѣ съ вѣрою и упованіемъ на милосердіе Божіе, не оставлявшее меня во время моей жизни.

1886 годъ, 23 іюня.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОМИССАРЪ [1].

(Окончаніе).

ГЛАВА XIV.

Комиссарскіе доходы и благотворительность Семеныча.

Экономическое обиліе Академіи придавало должности комиссара большой интересъ. Лѣтъ десять службы обезпечивали комиссару безбѣдную старость; а прослуживъ лѣтъ двадцать, умный комиссаръ имѣлъ полное право разсчитывать на самую теплую признательность своего потомства, какъ добрый и заботливый семьянинъ, а у согражданъ могъ стяжать себѣ глубокое уваженіе, какъ человѣкъ обстоятельный.

Переговоры съ подрядчиками, поставлявшими для Академіи разные припасы, давали комиссару порядочный доходъ. Хотя комиссаръ въ этихъ переговорахъ и не принималъ прямого участія—это дѣло эконома,—но все таки могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на исходъ ихъ, а потому доходъ этотъ считался безгрѣшнымъ въ смыслѣ риска. Затѣмъ слѣдовали доходы отъ пріемки припасовъ, отъ взвѣшиванія на безмѣнѣ, который никогда и нигдѣ правильно не показываетъ, отъ экономной выдачи студентамъ чаю и сахару; не станутъ же студенты перевѣшивать и не захотятъ поднимать возни изъ за того, что вмѣсто 5 фунтовъ сахару они получили $4^{15}/_{16}$ фунта. Да и вглязы тогдашняго общества на предметъ „доходовъ по службѣ“ были не

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 8.

таковы, какъ въ нынѣшнее время, что доказывается уже тѣмъ, что жалованье комиссара было всего 5 рублей въ мѣсяцъ. Дали тебѣ теплое, хлѣбное мѣстечко—проживешь и безъ жалованья не худо.

И нашъ герой своего не упускалъ, „доходами по службѣ" не брезгалъ; но куда же онъ дѣвалъ ихъ, если жилъ скромно, не имѣлъ привычки копить и о своемъ потомствѣ, по нежеланію обзаводиться семьей, не имѣлъ надобности заботиться?

Какъ уже было сказано, онъ, слѣдуя примѣру своего патрона, архипастыря Димитрія, всѣ свои доходы и свое жалованье раздавалъ нуждающимся.

Разъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ такой сценки. Во дворъ Академіи забрела нищенка дѣвочка лѣтъ восьми. Была холодная осень, и дѣвочка топталась своими озябшими босыми ногами. Увидѣлъ ее Семенычъ.

— Эхъ ты, сопливая! Ступай на кухню, обогрѣйся! Да чего ты, дура, боишься? Иди за мной.

Дѣвочка нерѣшительно пошла за Семенычемъ.

— Дай ей, лысый, борщу.

Поваръ—видно это ему не впервые—захватилъ добрый кусокъ говядины, налилъ въ миску борщу и подставилъ дѣвочкѣ. Семенычъ между тѣмъ отхватилъ кусище фунта въ три хлѣба и положилъ предъ дѣвочкой.

Дѣвочка и четверти всего этого не съѣла и стала креститься на образъ.

— Ну, что-жъ не доѣдаешь? кто-жъ послѣ тебя сопливой станетъ ѣсть?

Съ этими словами Семенычъ кладетъ въ бумагу недоѣденные хлѣбъ и говядину и отдаетъ дѣвочкѣ. Обрадованная подачкой дѣвочка спѣшитъ уйти. На дворѣ догоняетъ ее Семенычъ и суетъ что-то въ руку ей, говоря:

— Скажи своей маткѣ, чтобъ купила тебѣ башмаки. Если другой разъ увижу тебя босую, то задамъ такъ, что ты будешь у меня помнить. А какъ прійдешь въ башмакахъ, то получишь отъ меня на пряники. Слышишь? Ну, ступай!

Въ другой разъ я встрѣтилъ Семеныча на базарѣ, окруженнаго дѣтьми: онъ раздавалъ имъ яблоки и при этомъ велъ съ ними такой разговоръ:

— У тебя дома есть братья или сестры?

— Есть три брата и одна сестра, отвѣчаетъ дѣвочка, къ которой обратился Семенычъ съ вопросомъ.

— Вотъ тебѣ четыре яблока еще. Отдай своимъ братьямъ и сестрѣ. А у тебя?

— У насъ нѣтъ, а у тетки, что живетъ съ нами, есть мальчикъ и дѣвочка.

— На тебѣ еще два яблока для теткиныхъ дѣтей. А у тебя?

— У насъ есть одно, да такое маленькое, что еще и зубовъ нѣтъ; оно только сосетъ.

— Сосетъ? Постой я куплю ему конфетку.

Такъ одѣлялъ Семенычъ на базарѣ дѣтвору, которую привлекаютъ сюда разложенныя у торговокъ лакомства.

Въ числѣ знакомыхъ Семеныча было одно семейство консисторскаго чиновника. Не выслуживъ пенсіона, чиновникъ этотъ умеръ. Осталась болѣзненная, нервная вдова съ двумя маленькими дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію. Осиротѣвшая семья всѣмъ, рѣшительно всѣмъ обязана щедрости Семеныча. Онъ отдавалъ вдовѣ свое жалованье, свои доходы, свой трудъ; помогалъ ей и натурою: свѣчи, чай, сахаръ, мыло— все, все получала вдова отъ Семеныча.

Каждый человѣкъ вправѣ разсчитывать на признательность тѣхъ, кому онъ оказываетъ помощь. Непріятно и обидно, когда, кромѣ равнодушія, вы ничего не можете ожидать отъ пользующагося вашимъ добромъ; но и съ этимъ можно еще примириться, а извольте примириться, когда тѣ, которые ѣдятъ вашъ хлѣбъ, носятъ ваше платье, которымъ отдаете всего себя, для которыхъ вы готовы даже красть,—не только не выражаютъ вамъ своей признательности, а еще постоянно оскорбляютъ васъ, третируютъ, какъ послѣдняго. Семенычу суждено было испытать это удовольствіе.

Болѣзненная вдова была крайне раздражительна и, какъ большая часть нервныхъ, эгоистична. На благодѣяніе Семеныча

глядѣла она, какъ на нѣчто обязательное для него, и становилась въ отношеніи къ нему все требовательнѣе. Ничѣмъ, бывало, не могъ онъ угодить ей. Свои неудовольствія она выражала въ самой грубой формѣ: швыряла то, что приносилъ Семенычъ, прямо ему въ лицо, ругала его на чемъ свѣтъ стоитъ, когда онъ осмѣливался возражать ей. Впродолженіе многихъ лѣтъ нашъ герой безропотно сносилъ ея капризы, какъ капризы больной, и только по смерти ея могъ вздохнуть свободно.

Посторонніе истолковали такую покорность Семеныча по своему. Говорили, что между Семенычемъ и вдовой существовалъ романъ, но смѣю утверждать, что ничего подобнаго не было и не могло быть. Семенычу было за пятьдесятъ лѣтъ; а главное, что вдова, какъ существо больное, для романа совсѣмъ не годилась.

А кто изъ студентовъ Академіи не перехватывалъ у щедраго комиссара рубль—другой, но впослѣдствіи никто изъ нихъ не вспомнилъ и даже не поинтересовался узнать, что сталось съ ихнимъ комиссаромъ? На бѣломъ свѣтѣ не мало должниковъ нашего героя, а онъ, какъ старый, беззубый левъ, залегъ въ свою берлогу умирать голодной смертью, да еще при этомъ, не задолго до смерти, ухитрился пріютить у себя и кормить одну дѣвочку, круглую сироту.

Жить для другихъ у Семеныча было, какъ видите, органической потребностью.

ГЛАВА XV.

Семенычъ окончательно разстается съ Академіей, становится управляющимъ имѣніемъ и корреспондентомъ у деревенскихъ бабъ.

Какъ экономистъ, какъ толковый распорядитель по хозяйственной части Академіи, Александръ Семенычъ былъ на высотѣ своего призванія. Но у каждаго героя бываетъ своя Ахиллесова пята. При всей своей геніальности, Семенычъ никакъ не могъ справиться съ веденіемъ экономическихъ книгъ.

Въ старину, когда контроль былъ слабѣе, на книги мало обращалось вниманія. Кухня въ порядкѣ, всѣ довольны, жалобы нѣтъ—чего же больше? Впослѣдствіи же, когда контроль сталъ строже, слабая сторона комиссара, какъ бухгалтера, обнаруживалась весьма рельефно, и къ тому же имѣла характеръ неизлѣчимаго недуга.

Купилъ Семенычъ на базарѣ у мужика два воза сѣна, а по комиссарскимъ книгамъ выходитъ, что сѣно отпущено изъ гастрономическаго магазина. Капуста и огурцы по книгамъ оказывались купленными изъ магазина канцелярскихъ принадлежностей. Бабы, нанятыя для рубки капусты, оказывались проданными изъ мясной лавки. Бондарскія, лудильныя, стекольныя работы по записямъ Семеныча исполнены были какимъ-нибудь приказчикомъ чайной торговли. Въ этихъ курьезныхъ записяхъ строгій контроль усмотрѣлъ безпорядочность комиссара, и Семенычъ вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Такъ закончилось двадцатилѣтнее служеніе нашего героя въ Академіи.

Можно было-бы ждать, что цѣлое состояніе нажилъ за это время Семенычъ; но перенесемся въ тотъ моментъ, когда нашъ герой выѣзжалъ изъ академическаго двора и, отбросивъ всякую скромность, пошаримъ въ его повозкѣ. Кромѣ неразлучныхъ съ нимъ трубки и бритвы, да еще байковаго одѣяла, коимъ прикрыто сѣно, ничего въ ней не видно: ни сундука, ни чемоданчика, ни даже узелка съ необходимымъ запасомъ платья и бѣлья; въ карманахъ-же комиссара не было ни гроша, а находилось тамъ метрическое свидѣтельство да аттестатъ, выданный Семенычу академическимъ начальствомъ, правда, весьма лестный, но только для одного Семеныча [1]).

Куда же держалъ путь нашъ герой и на что онъ разсчитывалъ, не имѣя ничего за душой?

Къ счастью нашего героя, фортуна еще не совсѣмъ покинула его и предоставила ему не только даровую подводу, но даже и мѣсто управляющаго имѣньемъ.

---

[1]) Этотъ аттестатъ находится у автора.

Въ с. Гореничахъ, въ двадцати верстахъ отъ Кіева, было имѣніе помѣщицы С—ской. Помѣщица давно знала Семеныча, встрѣчая его у мѣстнаго священника, моего дѣда, къ которому нашъ герой иногда пріѣзжалъ въ гости. Роль гостя нисколько не мѣшала Семенычу принимать дѣятельное участіе въ хлопотахъ хозяевъ. Дѣдъ былъ хлѣбосоломъ, и помѣщица удостаивала его своимъ посѣщеніемъ. Здѣсь-то она увидала нашего героя въ его настоящей сферѣ дѣятельности: онъ и въ гостяхъ былъ комиссаромъ. Расторопность его, безъ всякой при томъ суетливости, очень понравилась помѣщицѣ.

— Вотъ бы такого ко мнѣ въ управляющіе! говорила помѣщица; но пока Семенычъ состоялъ на службѣ въ Академіи, она не осмѣливалась предложить ему мѣсто у себя; Гореничи— имѣніе маленькое, а стало быть и мѣсто управляющаго не важное. Когда же помѣщица узнала, что Семенычъ оставляетъ свою комиссарскую должность, она немедленно послала за нимъ подводу, приглашая его къ себѣ на службу.

Какъ уроженецъ города, нашъ герой имѣлъ весьма смутное представленіе о сельскомъ хозяйствѣ и агрономіи, однако не задумался принять предложенное ему мѣсто въ томъ разсужденіи, что „не святые горшки лѣпятъ“.

Какъ онъ справлялся съ обязанностями управляющаго, я не знаю, но думаю, что и тутъ онъ оправдалъ возложенныя на него помѣщицей надежды, такъ какъ прослужилъ онъ у нея два года и оставилъ мѣсто по своей собственной волѣ. Благодаря своей величественной осанкѣ, а еще болѣе богатырской глоткѣ, онъ былъ достойнымъ представителемъ помѣщичьей власти, которая въ ту пору (въ шестидесятыхъ годахъ) потеряла свою силу и очень нуждалась въ хорошихъ представителяхъ, способныхъ замѣнить вышедшую изъ моды палку потокомъ крѣпкихъ, дѣйствующихъ на натуру мужика, словъ.

Жилъ онъ въ одномъ съ владѣлицею домѣ, ѣлъ за ея столомъ и получалъ за свою службу маленькое вознагражденіе. Что же касается доходовъ по службѣ, то увы! вся эксплоататорская часть этого имѣнія застряла въ жидовскихъ рукахъ. Да и зачѣмъ ему въ деревнѣ посторонніе доходы? Вѣдь въ деревнѣ поле благо-

творительности не такъ широко, какъ въ городѣ; для этого достаточно ему было и его скромнаго жалованья. А вотъ ученость его очень и очень пригодилась темному деревенскому люду.

Такъ какъ въ деревнѣ грамотныхъ людей не много, то къ Семенычу нерѣдко обращались крестьяне за составленіемъ писемъ къ родичамъ-солдатамъ, и онъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль корреспондента. Нужно отдать полную справедливость этому таланту нашего героя: краснорѣчіе въ его писаніи было внѣ всякаго подражанія; никто не могъ такъ трогательно изливать свои чувства на бумагѣ, какъ изливалъ ихъ Семенычъ въ письмахъ солдатокъ къ своимъ далеко отсутствующимъ мужьямъ.

Во время прочтенія Семенычемъ написаннаго, какая-нибудь солдатка Мотря проливаетъ слезы умиленія и развязываетъ узелокъ своей хусточки, соображая, какою бы монетою достойно возблагодарить Семеныча. Но Семенычъ за свой корреспондентскій трудъ платы не бралъ; а тѣхъ, кто старался насильно всунуть ему въ руку какую-нибудь мѣдяшку, выталкивалъ вонъ.

ГЛАВА XVI.

Нашъ герой снова служитъ Минервѣ въ качествѣ педагога, исполняя въ тоже время обязанности церковнаго пономаря.

Помѣщица не раздѣляла гуманныхъ наклонностей нашего героя. По поводу штрафа, назначеннаго помѣщицей за потраву, между ею и Семенычемъ произошла размолвка, окончившаяся тѣмъ, что Семенычъ отказался отъ службы управляющаго и переселился къ священнику.

Такъ какъ гореницкая школа нуждалась въ учителѣ, а при церкви пономарское мѣсто было свободно, то нашъ герой и занялъ эти двѣ должности. Объ этомъ времени сохранились два письма Семеныча къ волостному старшинѣ, характеризующіе его заботливость о школѣ.

Письмо первое:

Федоръ Макаровичъ!

Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, прикажите кому слѣдуеть купить для школы кадушку у два ведра неболѣе, а также одно ведро и кружку деревянную.

Ибо школьники часто бѣгають пить воду до колодезя, тягаютъ бутылкою и глеками, гдѣ могутъ сдѣлать для себя несчастный случай, пострадать утопленіемъ въ колодцѣ. Я вотвѣтственности тогда небуду. Я уже говорилъ старостѣ не одно кратно прошедшій годъ, и теперь не надѣюсь его исполненія. А воспритить мальчикамъ пить воду я этого не могу сдѣлать, ибо сказано священномъ писаніи жаждущаго на пой, алчущаго на корми. Такъ какъ выше сказано ту посуду необходимо нужно имѣть при школѣ именно кадушка ведро и кружка. О чемъ прошу Вашего распоряженія о значенныхъ вещахъ приказать купить овую посуду. Симъ имѣю честь до вести до свѣдѣнія Вашего Повелѣнія и исполненія старосты немедленнаго, потому что школьники чрезъ эту воду теряютъ много времени и не успѣваютъ учить Лекціи бѣгающіи до колодезя пить воду.

Вашъ покорнѣйшій слуга и проситель Вашего усмотрѣнія и безъ порядка законнаго исполненія особенно въ оплошности старосты Гордія обратите вниманія все это прописано мною Дабы болѣе Васъ этими пустяками не безъ покоили не доводя до свѣдѣнія Вашего и неимѣлибы ослушанія, какъ начальника поставленнаго по закону Государственному по Высочайшему Повелѣнію должны они выполнять строго Ваше приказаніе.

Остаюсь уважающій Васъ Исполнителя Божіею волею
Учи. с. ГорENичъ А. Д. Ноября 5 дня 1866 г.

Школа еще и теперь не обмазана о чемъ я просилъ и прошу.

Письмо второе:

Милостивый Государь

Ѳедоръ Макарычъ!

Гореницкая школа нуждается дровами, давно уже терпитъ холодъ; писаніе прекратилось, не за имѣніемъ теплоты къ ручному направленію пера; ученики теряютъ способность къ приготовленію на будущей жизни и Государственной потери, также для семейнаго безпорядка отъ недоумѣнія.

Вашъ проситель по должности Законнаго требованія прошу возьмите во вниманіе приказать кому слѣдуетъ доставить дровъ въ с. Гореничи для отопленія школы.

А. Дорог.

Языкъ этихъ отношеній къ старшинѣ нѣсколько страненъ для васъ, читатель: вы, пожалуй, готовы воскликнуть: и это учитель! Но, представьте себѣ—Семенычъ былъ прекраснымъ учителемъ. Правда,—онъ не придерживался никакого метода, такъ какъ о методахъ обученія и самъ не имѣлъ никакого понятія, а училъ по старому, по православному букварю лаврскаго изданія, и мальчишки выучивались читать.

Сколько получалъ Семенычъ жалованья за свою педагогическую службу, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что харчи ему полагались отъ всего села, какъ и пастуху, съ той лишь разницей, что пастухъ самъ являлся въ хату, которой наступала очередь кормить его, а Семенычу приносили въ школу. И кормили же его такъ, что у него круглый годъ была масляница: то блины, то вареники въ сметанѣ, и при этомъ полубутылка водки, не въ счетъ абонемента, а отъ усердія очередной хозяйки. Гореницкія бабы души въ немъ не чаяли и старались угодить ему.

Исполняя въ то же время и службу церковнаго пономаря, нашъ герой вполнѣ оправдывалъ на себѣ поговорку: не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Для сельской церкви такой пономарь, какъ Семенычъ, былъ, пожалуй, даже роскошью, но дѣло въ томъ, что гореницкая церковь, имѣющая у себя чудотворную икону, посѣщается богомольцами изъ горожанъ, и представительный пономарь тамъ—вещь далеко не лишняя. Принимая же во вниманіе, что на обязанности пономаря лежали и заботы о богомольцахъ—нужно отвести имъ пріютъ, снабдить ихъ самоваромъ,—то ясно, что въ Гореничахъ такой пономарь, какъ Семенычъ, былъ даже необходимъ.

Въ квартирѣ Семеныча—онъ жилъ при школѣ—богомольцы находили для себя самый радушный пріемъ. За трапезой (закуски привозятся богомольцами съ собой) Семенычъ былъ для своихъ гостей интереснымъ собесѣдникомъ. Темы бесѣдъ бого-

мольцевъ всегда одни и тѣже: вспоминаются замѣчательные архіереи, громогласные протодіаконы старыхъ временъ и ихъ легендарные подвиги, необыкновенные октависты въ хорахъ. Семенычъ поражалъ гостей своихъ громаднымъ запасомъ свѣдѣній изъ этой области.

ГЛАВА XVII.

Семенычъ снова попадаетъ въ комиссары и женится на одинъ мѣсяцъ.

Эхъ, Семенычъ, Семенычъ! Жилъ бы да поживалъ себѣ въ Гореничахъ безъ горя, безъ заботъ; преподавалъ бы мальчишкамъ букварь и часословъ, сочинялъ бы солдаткамъ трогательныя письма, подавалъ бы кадило, велъ бы съ богомольцами душеспасительныя бесѣды, ѣлъ бы „гречаные“ вареники со сметаной,—такъ нѣтъ, захотѣлось ему въ городъ, захотѣлось еще покомиссарствовать...

Узналъ какъ-то Семенычъ, что въ Кіево-Софійской бурсѣ освободилось мѣсто комиссара. Бросилъ все: и школу, и пономарство, не внялъ слезнымъ мольбамъ горенецкихъ бабъ, которыя души въ немъ не чаяли, и полетѣлъ, какъ мотылекъ на свѣчку. Ну, благо бы мѣсто важное, а то въ бурсу... Статочное ли дѣло, бывши академическимъ комиссаромъ, комиссарствовать въ бурсѣ?

Почему-же такъ захотѣлось Семенычу комиссарствовать въ бурсѣ?

А вотъ почему. По сосѣдству съ Софійской бурсой жила одна вдова, съ которой Семенычъ имѣлъ несчастье познакомиться. Пусть не думаетъ читатель, что эта вдовица, подобно другимъ, эксплоатировала великодушіе Семеныча и обирала его. О, нѣтъ! Вдова была со средствами и немалыми къ тому же: у ней былъ домъ, стоившій тысячъ пятнадцать. Но теперь, пожалуй, читатель готовъ впасть въ новое заблужденіе и подумать, что богатство вдовы соблазнило нашего героя. И тутъ нѣтъ!

Безъ обиняковъ скажу прямо: эта вдовица посягнула на свободу Семеныча и, къ сожалѣнію добилась, своего:—она женила его на себѣ.

Вдовѣ было подъ пятьдесятъ лѣтъ. Совершенно одинокая и бездѣтная, она хотѣла найти себѣ опору въ мужѣ. Аккуратный, бережливый и воздержный Семенычъ вполнѣ подходилъ къ ея идеалу.

Семенычу стукнуло пятьдесятъ пять лѣтъ; онъ вступилъ въ тотъ почтенный возрастъ, когда человѣкъ по естественнымъ законамъ становится свободнымъ отъ увлеченій и ошибокъ въ матримоніальномъ вопросѣ. Кажись бы, что бракъ такихъ двухъ существъ, какъ Семенычъ и его невѣста, долженъ быть дѣломъ строго обдуманнымъ: ему бракъ этотъ обезпечивалъ покойную старость, а ей, вдовицѣ беззащитной, давалъ опору, если бы не странная оговорка Семеныча, дѣлающая бракъ этотъ безсмысленнымъ.

— Вы настаиваете, чтобы я женился на васъ? Ну, извольте! Я женюсь; но знайте, что я женюсь на одинъ мѣсяцъ.

Такъ послѣ долгаго упорства Семенычъ выразилъ вдовѣ свое согласіе. Тоже самое говорилъ онъ и всѣмъ своимъ знакомымъ. Но, конечно, никто не принималъ въ серьезъ его оговорки, и всѣ считали ее просто за милую шутку.

Каюсь, и я подумывалъ въ то время, что стоицизмъ Семеныча не устоялъ предъ заманчивой перспективой хорошо обезпеченной старости, и его долгое упорство я считалъ тонкимъ съ его стороны разсчетомъ, ограждавшимъ его особу отъ упрековъ супруги на случай вспышки у домашняго очага.

— „Годи уже по чужихъ кухняхъ исты прусакивъ; пора и своими завестысь“,—говорилъ старый бурсацкій поваръ по поводу сватовства комиссара.

— Да я только на одинъ мѣсяцъ, оправдывался Семенычъ.

Послѣдствія показали, какъ мы всѣ ошиблись. Семенычъ своею простотою всѣхъ насъ одурачилъ. Всѣ наши мудрствованія, тонкія предположенія и догадки по поводу женитьбы Семеныча—все пошло прахомъ.

— Думали, что Семенычъ хотя разъ въ жизни поступилъ умно, воспользовавшись такимъ прекраснымъ случаемъ. Шутка ли, такой домина самъ въ руки залѣзъ? Такъ нѣтъ—взялъ и отшвырнулъ, какъ выѣденное яйцо,—говорили чрезъ мѣсяцъ знакомые.

Но разскажемъ все по порядку.

Порѣшивъ сдѣлать Семеныча своимъ мужемъ, вдова пустила въ ходъ всѣ средства. Подсылала къ нему искусныхъ для такого дѣла застрѣльщицъ, попросту свахъ; тѣ выкладывали предъ Семенычемъ весь запасъ своего краснорѣчія; порицали холостяцкое положеніе человѣка, какъ нѣчто противозаконное, и выставляли несравненныя преимущества, какими пользуются женатые.

— Неравно, храни Боже, заболѣешь—есть кому и походить за тобой; а холостякъ—помирай, какъ собака!—говорили свахи.

Однако, какъ ни убѣдительны были ихъ доводы, Семенычъ не поддавался. Бѣднымъ свахамъ оставалось только плюнуть на это дѣло. Тогда вдова рѣшилась на послѣднее средство, это—слезы. Нашъ герой не могъ равнодушно видѣть слезъ, да еще вдовьихъ, и, тронутый ими, далъ, наконецъ, свое согласіе жениться, но съ извѣстной уже читателямъ оговоркой „на мѣсяцъ". Эту оговорку вдова-невѣста пропустила мимо ушей.

Наступилъ день свадьбы, который у Семеныча ничѣмъ не отличился отъ всѣхъ прочихъ дней. Какъ и всегда, въ этотъ день провелъ онъ утро въ заботахъ о бурсацкомъ обѣдѣ; послѣ обѣда вздремнулъ; затѣмъ выдалъ повару, что требовалось на ужинъ; а въ 7 часовъ вечера, одѣвъ сюртукъ, пальто и фуражку, отправился къ невѣстѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею ѣхать „къ вѣнцу".

Глядя въ это время на шагавшаго по улицѣ Семеныча, никто бы не подумалъ, что онъ дѣлаетъ важнѣйшій въ жизни шагъ; да и самъ онъ, вѣроятно, объ этомъ не думалъ. Караульщикъ брамы Софійскаго собора, привыкшій къ частымъ вечернимъ отлучкамъ Семеныча, въ этотъ разъ, выпуская его за ворота, подумалъ только: „а куда отправляется комиссаръ се-

годня—въ гости или въ кіятръ? Если повернетъ направо, то стало-быть въ кіятръ. Нѣтъ, повернулъ налѣво; значитъ пошолъ въ гости и раньше утра его не жди, не вернется."

Свадьба Семеныча была скромная, но не безлюдная. Быть въ числѣ гостей удостоился и вашъ покорнѣйшій слуга. Пировали до утра; а утромъ женихъ откланялся гостямъ и пошолъ въ бурсу къ своимъ обязанностямъ.

— Не могу, никакъ не могу остаться, говорилъ Семенычъ.—Пора уже на базаръ, а то бурсаки останутся сегодня безъ обѣда.

Въ продолженіе мѣсяца Семенычъ ежедневно по вечерамъ навѣщалъ свою супругу, ходилъ съ нею въ гости или въ театръ, но ни разу не оставался у ней ночевать, а уходилъ къ себѣ въ бурсу.

ГЛАВА XVIII.

Семенычь срываетъ съ себя цѣпи Гименея. Отставка его отъ должности бурсацкаго комиссара.

Въ концѣ „медоваго" мѣсяца между нашими „молодыми" супругами произошла первая и въ то же время послѣдняя размолвка.

Это было въ гостяхъ. Сѣли играть въ стуколку; Семенычъ нѣсколько разъ сряду заремизился. Это вывело изъ терпѣнія его жену, и она заявила, что послѣдняго ремиза она не признаетъ, а ремизъ былъ больше трехъ рублей. Другіе партнеры запротестовали: на какомъ, молъ, основаніи она не желаетъ признать этотъ ремизъ?

— Да вѣдь Александръ Семенычъ ремизится пятый разъ сряду; это ни на что не похоже! Онъ не имѣлъ права идти четвертымъ, да еще въ разрѣзъ,—говорила Семенычева жена.

— Это его дѣло, и мы не видимъ основанія не разыгрывать этого ремиза.

— А! Вы, я вижу, хотите обыграть насъ! Рады, что попался вамъ такой... случай. Такъ поступать не честно!.. Алек-

сандръ Семенычъ! идемъ домой; а то досидимся, что насъ чисто оберутъ...

— Вы насъ и нашъ домъ оскорбляете... заявили было хозяева, но страшный голосъ разгнѣваннаго Семеныча заглушилъ все.

— Вонъ отсюда!!.. Чтобъ и духу твоего не было!.. Ты не умѣешь держать себя между порядочными людьми! Вонъ пошла!.. И никогда, слышишь? нигдѣ и никогда не смѣй со мной встрѣчаться! Отъ сего часу ты мнѣ не жена и я тебѣ не мужъ!

— Александръ Семенычъ,—заговорила виноватымъ голосомъ жена,—что вы?... да я, право, такъ...

— Молчать!!.. рявкнулъ нашъ герой.—Мѣсяцъ уже прошелъ; забудь и думать обо мнѣ! Съ этими словами Семенычъ вынулъ изъ кармана звено цѣпей Гименея, кольцо, и выбросилъ его за окно.

Такъ просто и безъ лишнихъ затѣй нашъ герой вернулъ себѣ свободу.

Повидимому, эта необыкновенная въ своемъ родѣ женитьба „на мѣсяцъ" не измѣнила ни сколько положенія Семеныча,— какъ былъ бурсацкимъ комиссаромъ до женитьбы, такимъ и остался; какъ жилъ, ѣлъ и спалъ въ бурсѣ, будучи холостякомъ, такъ все это осталось при немъ и послѣ женитьбы. Однимъ словомъ, эта женитьба, такъ скоро окончившаяся разрывомъ между супругами, не внесла въ жизнь Семеныча никакой перемѣны ни съ внутренней, ни съ внѣшней стороны. Почему же авторъ считаетъ несчастьемъ женитьбу своего героя?

А потому, что съ момента женитьбы Семеныча въ жизни его совершился крутой поворотъ къ худшему: фортуна поворачивается къ нему спиной.

Послѣ исторіи за стуколкою наши „молодые" супруги каждый порознь разошлись по домамъ. Прошли сутки, прошли и другія; напрасно жена ждетъ, что мужъ явится съ повинной. Она не могла примириться съ мыслью, что Семенычъ серьезно рѣшилъ порвать съ ней все. Мало ли чего не случается между супругами?

На третій день къ Семенычу отъ имени жены его явились парламентеры, и повторилась такая же процедура, какъ и при сватовствѣ. Парламентеры, какъ истые дипломаты, стали доказывать ему всю непрактичность его разрыва съ женой, убѣждали его вернуться подъ ея мирную сѣнь. Не вдаваясь ни въ какія объясненія и препирательства съ парламентерами по поводу его разрыва съ женой, онъ объявилъ имъ, что, женившись на мѣсяцъ, онъ выдержалъ свой срокъ и считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ.

Наконецъ, явилась къ нему жена самолично во всеоружіи убитой горемъ женщины, надѣясь, какъ давича, до брака, тронуть его слезами. Какъ только завидѣлъ Семенычъ входящую къ нему жену, такъ, словно котъ, застигнутый въ воровствѣ, скрылся чрезъ окошко.

Не смотря на всѣ старанія жены, не смотря на всю тонкость дипломатіи со стороны знакомыхъ, вернуть Семеныча къ мирному семейному очагу не удалось. Оставалось ждать благопріятнаго случая; такой случай представился скоро.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого въ Софійской бурсѣ совершился большой переворотъ. Извѣстно, что никакой переворотъ не обходится безъ жертвъ. Въ число жертвъ бурсацкаго переворота попалъ и нашъ герой. Наравнѣ со всѣми духовно-учебными заведеніями Софійская бурса подверглась преобразованію. Прежній 6-ти лѣтній курсъ ея сократился въ 4-хъ лѣтній. Прежде въ каждомъ классѣ обязательно высиживали по два года, при неудачѣ же—по четыре и по шесть лѣтъ, съ преобразованіемъ же двухгодичный срокъ замѣненъ однолѣтнимъ. Старый, многовѣковой спартанскій духъ бурсы подъ ферулою розги, иратъ, общей субботней порки, и проч. и проч., что такъ благотворно дѣйствовало на укрѣпленіе нервовъ, уступилъ мѣсто новымъ современнымъ вѣяніямъ. Безчеловѣчную порку благодѣтельная реформа замѣнила болѣе гуманной мѣрой, исключеніемъ.

Съ введеніемъ реформы старый смотритель бурсы, незабвенный Степанъ Романовичъ Турчинскій, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли не съ самаго основанія Софійской бурсы, управлявшій ея судьбами, вышелъ въ отставку. Старый холо-

стякъ—онъ всю душу отдавалъ ввѣренному ему училищу и оставилъ о себѣ между своими воспитанниками воспоминаніе, какъ о любвеобильномъ отцѣ и мудромъ наставникѣ.

Бурсацкая реформа коснулась и нашего героя. На перелицованномъ кафтанѣ осталась одна старая, потертая пуговица. Хотя обязанность свою выполняла она, какъ слѣдуетъ и даже лучше новой, но своимъ потертымъ видомъ не гармонировала съ общимъ, свѣжимъ видомъ кафтана. Эта пуговица—Семенычъ, бурсацкій комиссаръ-бухгалтеръ. Какъ комиссаръ, Семенычъ не оставлялъ желать лучшаго, а бухгалтерія, какъ была, такъ и осталась у него неизлѣчимой язвой. Старый смотритель С. Р. Турчинскій отлично зналъ больное мѣсто комиссара и предпочиталъ заглядывать въ кухню, въ погребъ и въ кладовыя, а не въ экономическія книги, гдѣ и самъ авторъ ихъ не разобрался бы. При первой же ревизіи бухгалтерская несостоятельность нашего героя выплыла наружу, и онъ вынужденъ былъ оставить свой комиссарскій постъ.

Вышелъ онъ изъ бурсы, какъ когда-то изъ академіи, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Разница въ положеніи его тогда и теперь была лишь та, что тогда онъ былъ моложе, а теперь ему за 55 лѣтъ; тогда его, полнаго силъ, помѣщица приняла охотно къ себѣ на службу, а теперь могли принять его лишь изъ милости.

Этимъ затруднительнымъ въ положеніи Семеныча обстоятельствомъ воспользовалась жена его, чтобы вернуть себѣ бѣглеца-мужа; при этомъ предлагала даже свой домъ переписать на имя мужа. Не согласиться и отвергнуть такія выгодныя условія, находясь при томъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не видя другаго сколько-нибудь сноснаго выхода, могъ только Семенычъ.

Честь оказать Семенычу гостепріимство послѣ выхода его изъ бурсы досталась моимъ родителямъ. Незадолго предъ этимъ они купили себѣ въ Кіевѣ домъ и предложили Семенычу вести подворную книгу за вознагражденіе въ три рубля въ мѣсяцъ и комнату съ отопленіемъ.

ГЛАВА XIX.

Какъ Семенычъ ухитрился жить на 3-хъ рублевое жалованье. Нечаянно свалившійся большой кушъ въ 700 р.

Сперва Семенычу предложено было моими родителями ѣхать къ нимъ „на хлѣба“ въ деревню; но Семенычъ такъ освоился съ городомъ, что отъ деревни отказался рѣшительно. Къ тому же онъ еще питалъ надежду найти для себя подходящую должность, на что, живя въ деревнѣ, разсчитывать труднѣе.

Какъ же ухитрился онъ съ тремя рублями въ мѣсяцъ сводить концы съ концами? При его изобрѣтательномъ умѣ и это оказалось возможнымъ.

Прежде всего Семенычъ эксплоатировалъ свободный уголъ своей маленькой квартирки, впустивъ къ себѣ одного канцеляриста въ сожители за два рубля въ мѣсяцъ; а затѣмъ, осмотрѣвшись хорошенько, занялся дѣломъ чисто комиссарскимъ.

Квартировавшимъ здѣсь холостымъ чиновникамъ Семенычъ предложилъ устроить у него общую чайную, гдѣ за три рубля въ мѣсяцъ каждый могъ пользоваться утромъ и вечеромъ чаемъ съ булками. Холостяки охотно согласились на такое предложеніе Семеныча. Окно его комнаты выходило въ палисадникъ; тамъ онъ соорудилъ живую бесѣдочку, поставилъ столъ, скамьи, и чайная вышла такимъ поэтическимъ уголкомъ, что привлекла въ число кліентовъ Семеныча не только всѣхъ холостяковъ, но даже и женатые примкнули къ этому кружку, предпочитая его своему семейному очагу. Увлекательно веселый, балагуръ, проворно дѣйствующій ножемъ, салфеткой, ложками, чашками, блюдцами, руками, языкомъ—онъ былъ кумиромъ своего „чайнаго“ кружка. Процессъ чаепитія въ этомъ кружкѣ производилъ впечатлѣніе веселой комедіи. Нерѣдко посѣтители приносили съ собою и водочку, а Семенычъ приготовлялъ завтракъ, состоявшій изъ печенаго картофеля съ лукомъ.

Отъ „чайной“ операціи“, какъ называлъ Семенычъ свое дѣло, ему перепадало весьма немного, за то самъ онъ могъ пить чаю, сколько хотѣлъ, и такимъ способомъ обманывать свой желудокъ, требовавшій чего либо посущественнѣе.

Иногда Семенычъ по порученію судебнаго разсыльного, находившагося въ числѣ его чайныхъ кліентовъ, разносилъ повѣстки суда по городу, за что получалъ по пятнадцати копѣекъ отъ каждой врученной повѣстки.

Въ такихъ полезныхъ и пріятныхъ занятіяхъ провелъ Семенычъ лѣтъ пять или шесть, ожидая, что для него откроется гдѣ-либо подходящая должность. Небогатый гардеробъ его изнашивался. Какъ ни бережливъ былъ Семенычъ, какъ ни старался при помощи иглы и латокъ продлить вѣкъ бреннаго своего платья, все было напрасно: оно требовало полной замѣны его новымъ. На такой экстраординарный расходъ у Семеныча не было средствъ.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ судьба послала Семенычу мѣсто, нельзя сказать, чтобъ хорошее, но и худымъ считать его не можемъ. Въ Кіевѣ проживала тогда вдовая, пожилая генеральша Ротъ. Мужъ ея началъ свою служебную карьеру еще при Екатеринѣ II и женился на склонѣ лѣтъ. По смерти генерала вдовѣ досталось громадное состояніе и почтенная пенсія. У ней то и довелось Семенычу послужить немного. Какъ же онъ туда попалъ?

Въ числѣ приживальщицъ генеральши была родная племянница нашего героя. Генеральша, окруженная приживальщицами и большимъ количествомъ слугъ, чувствовала, что не въ силахъ сладить съ этой оравой и что для порядка нуженъ въ домѣ распорядительный мужчина. Слово по слову, и Семенычъ получилъ у ней мѣсто.

По своей скупости генеральша не назначала никакого жалованья Семенычу, но одѣвала его весьма прилично и хорошо кормила. Впрочемъ и служба его, состоявшая изъ прикрикиванія на лакеевъ да на дворника, безъ всякой при томъ отвѣтственности съ его стороны, была самая скромная.

Въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и такой же шапкѣ Семенычъ выглядѣлъ, если не графомъ, не барономъ, то по меньшей мѣрѣ главноуправляющимъ. Видный и осанистый къ тому же отъ природы, онъ наводилъ страхъ на жидковъ, имѣвшихъ къ генеральшѣ дѣло; они торговали у нея лѣсъ на весь-

ма значительную сумму. Извѣстно, что дѣла такого рода, какъ покупка лѣсу, требуютъ со стороны заинтересованныхъ большой осторожности. Вмѣшательство-какой нибудь даже мелкой сошки, обойденной просто по забывчивости или не замѣченной, благодаря ея миніатюрности и мизерному виду, разрушаетъ подчасъ самыя хитрѣйшія комбинаціи и губитъ совсѣмъ уже налаженное дѣло. Предусмотрительные комерсанты, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, стараются устранить всѣ видимыя и невидимыя препятствія.

Въ лицѣ нашего героя жидки усмотрѣли нѣчто гораздо большее, чѣмъ мелкую сошку, а въ его ворчаніи почувствовали угрозу, которая казалась имъ тѣмъ страшнѣе, что Семенычъ ни разу не обмолвился объ интересовавшемъ ихъ дѣлѣ, и вопросъ о томъ, какою цѣною можно купить благоволеніе такого важнаго пана, для нихъ оставался открытымъ.

Между тѣмъ Семенычъ далекъ былъ отъ мысли поживиться отъ жидковъ чѣмъ-нибудь, и даже болѣе того: рѣшительно не зналъ и не интересовался знать, ради чего жидки осаждаютъ квартиру генеральши, не зналъ даже о существованіи лѣса у генеральши. Если и выражалъ имъ свое неудовольствіе ворчаніемъ, то единственно потому только, что они своими посѣщеніями производили нѣкоторый безпорядокъ въ домѣ.

Когда между генеральшей и покупателями установилось уже нѣкоторое соглашеніе относительно цѣны за лѣсъ, въ комнату Семеныча входитъ прилично одѣтый еврей и послѣ кроткаго привѣтствія суетъ въ руки нашего героя пачку кредитныхъ билетовъ. Семенычъ въ недоумѣніи, глядитъ вопросительно въ глаза еврею и только что собрался было спросить: не передать-ли генеральшѣ эту пачку, какъ еврей, понявшій повидимому нѣмой вопросъ Семеныча по своему, поспѣшилъ проговорить успокоительно:

— Будьте покойны относительно цифры. Ваше благосклонное участіе къ намъ и нашимъ интересамъ оцѣнены по достоинству. Не трудитесь провѣрять, а положите просто въ карманъ,

Съ этими словами еврей взялъ вѣжливо ту руку Семеныча. въ которой лежала пачка, и направилъ ее къ боковому карма-

ну. Пачка безпрепятственно опустилась въ пустой карманъ сюртука нашего героя, а еврей продолжалъ уже съ оттѣнкомъ фамиліарности:

— Мы другъ друга должны понимать безъ словъ, по одному взгляду; не такъ-ли? Позвольте пожать вашу благородную руку и быть увѣреннымъ, что съ вашей стороны я, такъ сказать, вправѣ надѣяться на дружественное отношеніе къ себѣ, а главное—по вопросу, болѣе всего интересующему меня.

О чемъ толкуетъ еврей, какой такой вопросъ интересуетъ его, Семенычъ рѣшительно не понималъ. Не находя словъ для отвѣта на вѣжливое обращеніе еврея, Семенычъ почувствовалъ неловкость. Носъ его по обыкновенію сталъ вилять направо и налѣво. Не зная такихъ свойствъ носа Семеныча, еврей нѣсколько встревожился; это виляніе показалось ему подозрительнымъ, а потому онъ поспѣшилъ вынуть изъ своего бумажника одну крупную депозитку и проговорилъ заикивающимся тономъ.

— Виноватъ! Вы не обидитесь, если я позволю себѣ предложить эту бездѣлицу на игрушки для вашихъ милыхъ внучатъ. Вы знаете, какъ они любятъ игрушки! Нельзя, возрастъ такой... Затѣмъ я направляюсь къ ея превосходительству вершить свое дѣло. Надѣюсь вы намъ не помѣшаете?

Послѣднія слова еврей проговорилъ торжественнымъ, серьезнымъ тономъ. Семенычъ радъ, что можетъ, наконецъ, сказать что-либо.

— Да я... чтожъ... ничего. Я собирался было отдыхать, когда вы вошли ко мнѣ; ну, да это пустяки, можно и потомъ.

Еврей снова встревожился и поспѣшилъ промолвить:

— Какъ можно? въ вашъ почтенный возрастъ мѣнять привычки вредно. Отдыхъ для васъ долженъ быть важнѣе всякихъ дѣлъ. Ложитесь сейчасъ же.

— Да я ничего... еще успѣю. Есть для этого и ночь...

— Безъ разсужденій ложитесь и отдыхайте, строго проговорилъ еврей.—А я чрезъ часъ или два зайду разбудить васъ еще кое-чѣмъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я лучше отдохну.

По уходѣ еврея, Семенычъ поспѣшилъ развернуть бывшую у него въ рукѣ „бездѣлицу", оказалась радужной. Вынулъ онъ изъ кармана пачку, а въ ней двадцать штукъ двадцати пяти рублевыхъ. Такой суммы денегъ у Семеныча отродясь не бывало.

Чрезъ часъ снова явился еврей, уже сіяющій, и вручилъ Семенычу еще одну радужную.

Правда, еврей совершилъ съ генеральшей выгодную сдѣлку, которая дала ему много тысячъ барыша: но при чемъ тутъ былъ Семенычъ и за что свалилось къ нему семьсотъ рублей, одному Богу извѣстно.

XX.

Отставка Семеныча у генеральши. „По старости лѣтъ голодаю". Куда дѣвалось бобровое пальто. Тщетныя вожделѣнія пріобрѣсть новое пальто. Конецъ.

Вотъ теперь-то поправился Семенычъ, получивъ такую уйму денегъ, подумаетъ читатель. Ни мало! Даже многолѣтній опытъ голодовки не послужилъ для него урокомъ. Черезъ три дня отъ 700 руб. не осталось ничего, кромѣ пріятнаго воспоминанія; онъ всѣ денежки роздалъ, а кому—и самъ, я думаю, не помнилъ. По крайней мѣрѣ я достовѣрно знаю, что даже въ „минуты самыя трудныя" онъ не заикнулся ни объ одномъ своемъ должникѣ.

Пристроивъ такимъ образомъ свои денежки, Семенычъ вскорѣ послѣ этого вынужденъ былъ разстаться съ своимъ мѣстомъ у генеральши, которая на склонѣ лѣтъ пожелала жить въ оградѣ Фроловскаго женскаго монастыря, гдѣ Семенычъ, какъ мужчина, хотя и не очень молодой, не могъ уже оставаться въ штатѣ генеральши.

Куда жъ было ему дѣваться? Приплелся снова на старое мѣсто, въ усадьбу моихъ родителей, и снова принялся за подворную, книгу гдѣ прежде всего вписалъ себя и въ графѣ о занятіяхъ и положеніи начерталъ: *„по старости лѣтъ голодаю"*. Иначе не могъ онъ опредѣлить своего положенія. Вѣдь такое занятіе,

какъ веденіе подворной книги, нельзя и считать занятіемъ. Принимая во вниманіе свой 65-лѣтній возрастъ, Семенычъ не могъ разсчитывать на что-либо лучшее, не могъ обманывать себя несбыточной надеждой найти благопріятный исходъ изъ своего голоднаго положенія. Горбъ нашего героя ясно свидѣтельствовалъ, что все, что человѣчество могло извлечь изъ него, уже извлечено, и на рынкѣ труда Семенычу прописана чистая отставка, но безъ пенсіона...

Прибылъ онъ къ намъ отъ генеральши настоящимъ франтомъ. На немъ была суконная сюртучная пара, пальто съ бобромъ (не знаю настоящимъ ли) и мѣховая шапка. Генеральша, какъ было сказано выше, одѣвала его хорошо. Черезъ недѣлю я обратился къ Семенычу съ просьбой сходить куда-то по дѣлу.

— У меня теперь не во что одѣться, отвѣтилъ Семенычъ.— Одолжите развѣ свое пальто и шапку, такъ я схожу.

— А гдѣ-же ваше бобровое пальто?

Помялся, помялся Семенычъ, наговорилъ мнѣ цѣлую кучу разной безлѣпицы, приплелъ было и портного-мошенника и свои опасенія касательно моли, воровства; привелъ даже нѣсколько примѣровъ изъ газетъ и въ концѣ концевъ сознался, что пальто и шапку онъ заложилъ у ростовщика, такъ какъ Нина Петровна временно нуждалась въ деньгахъ, но что Нина Петровна скоро получитъ деньги, и онъ выкупитъ заложенное.

Нина Петровна, вдова, была сосѣдкой Семеныча; она занимала въ нашемъ домѣ комнату рядомъ съ келіей Семеныча. У вдовы была дочь лѣтъ 7 и никакихъ средствъ къ существованію. Этихъ двухъ обстоятельствъ достаточно было для того, чтобы Семенычъ обратилъ на нее свое милостивое вниманіе. А такъ какъ денегъ у Семеныча уже не было, то онъ представилъ въ распоряженіе Нины Петровны свое пальто и шапку.

Кстати скоро наступила весна; теплая одежда оказывалась лишней и о заложенныхъ пальто и шапкѣ забыли. Осенью Семенычъ хотя и вспомнилъ о своемъ бобровомъ пальто, но какъ-то вскользь, робко, словно о чемъ-то недосягаемомъ. Затѣмъ впродолженіе многихъ лѣтъ у Семеныча было завѣтной мечтой сколотить нѣсколько рублей для покупки себѣ пальто,

не боброваго конечно, а какого-бы то ни было, попроще, но разныя побочныя обстоятельства препятствовали ему осуществить свою мечту. Года черезъ три эта его завѣтная мечта была уже близка къ осуществленію; нужная сумма собрана, даже намѣчено было и самое пальто, продававшееся по случаю весьма сходно. Всѣ знакомые заранѣе поздравляли Семеныча съ обновкой и, шутя конечно, напрашивались на магарычъ или на вспрыски. Но, извольте видѣть, какую штуку съиграла съ нимъ злая фортуна?

Захожу я какъ-то къ Семенычу рано утромъ.

— Тише, тише! шепчетъ мнѣ Семенычъ, самъ ступая на цыпочкахъ.

— Что такое?... спрашиваю я въ недоумѣніи.

— У меня тутъ на время поселилась Полина; она теперь еще спитъ.

— Зачѣмъ-же она тутъ, когда ей нужно быть въ мастерской?

— Она убѣжала отъ своей мадамы и вся въ синякахъ. Мадамъ ее чуть не убила. Такъ вотъ до пріисканія другого мѣста поживетъ пока у меня.

Полина тринадцатилѣтняя дѣвочка, раньше жила въ нашемъ домѣ съ своей сестрой, молодой вдовушкой. Билась, билась молодая вдовушка съ нуждой и въ концѣ концовъ нашла себѣ покровителя въ лицѣ нѣкоего господина среднихъ лѣтъ, который принялъ вдовушку къ себѣ, а маленькую Полину помѣстилъ въ первую попавшуюся мастерскую. Вдовушка съ господиномъ среднихъ лѣтъ укатила въ Одессу, а Полину оставила на произволъ ея хозяйки. Каково жилось бѣдной дѣвочкѣ, видно было по синякамъ.... Нечего было и разспрашивать. Сбѣжала дѣвочка отъ злой мегеры и по старому знакомству прибилась къ доброму дѣдушкѣ, который не разъ баловалъ ее лакомствами, когда она жила съ сестрой.

Вотъ тебѣ и пальто!... Куда уже тутъ и думать о немъ! Самому голодать можно, а дѣвочку, дитя, которое растетъ, морить голодомъ никакъ нельзя. Изъ экономіи Семенычъ отказывалъ себѣ въ чаепитіи, а если пилъ, то не у себя, а у кого

либо изъ добрыхъ сосѣдей: теперь-же, съ прибытіемъ къ нему Полины, пришлось раскошелиться: купить и сахару, и чаю, брать булочку, либо пеклеваникъ въ лавкѣ. Въ одномъ лишь Семенычъ не измѣнилъ экономіи: какъ раньше, такъ и съ прибытіемъ Полины вечера просиживалъ безъ свѣта въ комнатѣ. Пріотворитъ на половину дверь и пользуется полусвѣтомъ коридорной лампочки.

Для пополненія своихъ убогихъ ресурсовъ Семенычъ клеилъ бумажные кулечки для сосѣдней лавочки, но это занятіе мало доставляло ему прибыли; много-ли кулечковъ требуется для мелочной лавочки? И такъ, собранныя путемъ многихъ лишеній 12 рублей Семенычъ вмѣсто того, чтобы купить на нихъ пальто, истратилъ на содержаніе Полины, которая прожила у него мѣсяца четыре, пока онъ не отыскалъ ей подходящее занятіе.

Но какъ-бы то ни было, а отсутствіе теплой одежды по временамъ давало таки Семенычу чувствовать себя. При наступленіи осени вопросъ о пріобрѣтеніи пальто всегда всплывалъ наружу. Съ теченіемъ времени этотъ вопросъ у Семеныча сталъ жгучимъ вопросомъ. При строгомъ воздержаніи можно было-бы кое-что собрать, но сберечь собранное и не впасть въ искушеніе, не расчувствоваться при видѣ нужды другого—для Семеныча было дѣломъ труднымъ.

Наконецъ ему удалось разрѣшить эту дилемму, благодаря ловко придуманной имъ комбинаціи, гарантирующей ему и образованіе нужнаго для пальто капитала, и, что всего важнѣе, неприкосновенность его. Изъ слѣдуемаго ему жалованья, Семенычъ предложилъ удерживать по полтиннику въ мѣсяцъ до тѣхъ поръ, пока не составится потребная для пальто сумма. Семенычу въ то время шелъ 72-й годъ, и по разсчету выходило, что на 75-мъ году онъ непремѣнно будетъ щеголять въ пальто. Комбинація безусловно блестящая. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Семенычъ усугубилъ воздержаніе, сталъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ: курилъ рѣже и дошелъ до того, что могъ откладывать уже не по полтиннику, а по рублю въ мѣсяцъ. Черезъ годъ съ чѣмъ-то у него образовалось сбереженій около

12 р.; мечта о пальто была весьма уже близка къ осуществленію; но тутъ случилось обстоятельство, рѣшившее многолѣтній жгучій вопросъ о пальто окончательно; обстоятельство это—смерть Семеныча.

Мѣсяца за два до смерти Семенычъ сталъ чувствовать какую-то внутреннюю слабость, отсутствіе аппетита, одышку, отвращеніе къ табаку и чаю, но не обращалъ на это никакого вниманія; далѣе спазмы въ желудкѣ стали сильно его донимать. Излюбленное лекарство его, сенесъ, не приносило ему облегченія. Наконецъ нестерпимыя боли понудили его обратиться первый разъ въ жизни къ помощи врача. Приглашенный докторъ С—ій опредѣлилъ у него окостѐнѣніе артерій и сообщилъ мнѣ, что дни Семеныча сочтены. Между тѣмъ больной и не помышлялъ еще о томъ, чтобы слечь въ постель, а все бродилъ по квартирамъ, записывая въ подворную книгу прибывающихъ, и только за четыре дня до смерти улегся въ постель.

Сильныя боли заставляли его искать помощи у врачей, и спасибо докторамъ Р—ому и С—ому, которые безвозмездно посѣщали больного, принося ему, если не облегченіе, то хоть утѣшеніе. Единственной пищей служило ему 6-ти коп. пиво, которое во время болѣзни онъ пилъ по рюмочкѣ. На мой вопросъ, не вредно-ли пиво больному, докторъ отвѣчалъ, что ему уже ничто не вредно.

Не жѐлая тревожить постороннихъ уходомъ за собою, Семенычъ потребовалъ, чтобы прицѣпили къ вѣшалкѣ бичевку и при помощи ея привставалъ и поворачивалъ свое исхудавшее и почернѣвшее тѣло.

17 марта 1893 г. въ полдень душа нашего героя покинула изстрадавшуюся оболочку свою земную. Смерть его была тиха. Глаза его, устремленные на икону, благословеніе его матери, какъ будто спрашивали о чемъ-то и изумлялись чему-то.

Умеръ нашъ герой, не оставивъ по себѣ никакого портрета. Сколько ни уговаривали его знакомые сняться, онъ ни за что не соглашался, отговариваясь тѣмъ, что тогда онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

За двѣ недѣли до смерти одинъ изъ его академическихъ „воспитанниковъ“ протоіерей Ф—ій напутствовалъ его и пріобщилъ св. Таинъ, при чемъ долго съ нимъ бесѣдовалъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда они составляли съ академіей и ея незабвеннымъ свѣтильникомъ, ректоромъ Димитріемъ, что-то неразрывно-общее. Живой струей лилась ихъ бесѣда съ восторженными воспоминаніями о событіяхъ и лицахъ за полъ-вѣка назадъ; но главнымъ центромъ этихъ воспоминаній была дорогая для нихъ Alma Mater.

А скажите, къ кому-же, какъ не къ комиссару, болѣе всего подходитъ симпатичный эпитетъ—*alma*? Кого только во время своего комиссарства не кармливалъ Семенычъ!...

Н. Ракитинъ.

„ПОПОКЪ".

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ[1]).

XXI.

Долго тянулся этотъ годъ тюремнаго житья, и много воды утекло за это время. Судьбѣ угодно было въ теченіе этого года вырвать у Хведька многое, что могло-бы современемъ укрѣпить его опять на грунтѣ сельской жизни.

Началось съ того, что въ августѣ пріѣхавшіе въ казначейство сборщикъ и староста Андреевскіе оповѣстили Хведька о смерти его матери, при чемъ сказали, что присланныя отъ отца по почтѣ деньги въ количествѣ 25-ти рублей, частію удержаны въ видѣ подати, а остальные 14 рублей съ копѣйками отданы его сестрамъ, Полькѣ и Машкѣ. Кромѣ того, изъ прочитаннаго въ расправѣ письма извѣстно, что его отецъ останется на низахъ и на осеніе сплавы плотовъ, чуть не до Казанской (22 октября). Затѣмъ дивчата, т. е. сестры, спрашиваютъ его, можно ли пустить въ хату квартирантовъ, бондаря съ женой съ винокуреннаго завода, и продать корову, такъ какъ имъ за присмотромъ хаты и коровы нельзя будетъ отлучится и на копку свеклы, а это наилучшій заработокъ.

Понурившись, выслушалъ Хведько всѣ эти новости и еле слышно промолвилъ: Що жъ! нехай! якъ знають...

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 8.

Къ матери своей никогда онъ не относился съ особою нѣжностію, а въ послѣднее передъ постигшей его катастрофой время онъ даже все больше и больше отрознялся отъ нея, какъ бы въ силу того, что близокъ былъ для него часъ, когда онъ долженъ былъ „оставить отца и матерь свою“, но теперь, когда ея не стало, когда онъ такъ неожиданно узналъ о ея смерти, когда ему пришло на память, что не онъ ли самъ со своими похожденіями причина ея преждевременной смерти,—ему такъ стало жаль ее, что онъ еле могъ окончить свиданіе съ вѣстниками о ея смерти и сейчасъ же, закусивши нижнюю губу, чуть не бѣгомъ прошелъ дворъ, лѣстницу и корридоръ и, добравшись до наръ, упалъ на нихъ и далъ волю слезамъ.

Шляховой, который только и былъ одинъ въ камерѣ около своей шевской табуретки, оглянулся на Хведька и, увидавъ его лежащаго ничкомъ съ покрытою халатомъ головою, подошелъ къ нему...

— Эге-ге! Такъ ты що жъ, хлопче, такъ тоскуешь? Пора, парень, вже обтерпитыся. Усе гараздъ будеть! сталъ утѣшать его, предполагая, что это обычный приливъ тюремной тоски.

— Иди сюда! тутъ у мене есть чимъ тоску залить,—и, открывъ потайную похоронку въ толстой ножкѣ наръ, досталъ оттуда плоскую бутылочку съ водкой.

— Ось на, лишень, ковтны! Усьо горе забудешь!

Хведько опомнился, что онъ въ камерѣ не одинъ, рукавомъ грязной сорочки отеръ слезы, сѣлъ и на вторичное приглашеніе подошелъ къ Шляховому, взялъ поданную ему бутылочку и залпомъ почти всю ее выпилъ. Шляховой только цмокнулъ, увидавъ такую нецеремонность Хведька въ потребленіи дорогой въ острогѣ водки, но въ силу особаго покровительства къ затосковавшему Хведьку онъ промолчалъ.

Не залила однакожъ выпитая Хведькомъ водка его горя, а, напротивъ, оно у него какъ-то еще яснѣе обрисовалось въ душѣ. Возбужденный хмѣлемъ мозгъ отчетливѣе возстановлялъ себѣ его сиротливость, его оставленіе матерью, которой онъ больше не увидитъ.

— Все это послѣ водки еще больше его растрогало, и онъ опять еще пуще залился слезами.

Шляховой, очевидно пріобыкшій къ этимъ проявленіямъ тоски, только вздохнулъ, мотнулъ головою и продолжалъ тачать голенище сапога, а когда съ корридора послышался голосъ надзирателя, вызывающаго Хведька на дровотню, то онъ заявилъ, что Хведько лежитъ больной въ лихорадкѣ.

Проводивъ надзирателя, Шляховой, остановившись надъ лежащимъ на нарахъ Хведькомъ, сказалъ ему.

— Ты жъ уже такъ и лежы, якъ що спытають, то скажи, що голова болыть. Та глядьі, не повертайся лыцемъ и не дыхны, а то зразу розберуть... Заснешь, воно и полегшае...

Дѣйствительно, возбужденіе стало уступать отуманенію, и скоро благотворный сонъ успокоилъ несчастнаго парня.

Къ обѣду Шляховой не велѣлъ его будить, а только когда въ три часа дня стали собирать партію на тюремный огородъ, тогда проснулся Хведько съ головною болью и пошелъ со всѣми.

На огородѣ собственно и работы то уже не было никакой, такъ какъ капуста и другія овощи не требовали поливки, а арестантовъ водилъ смотритель больше для ихъ и для своего удовольствія. Въ тюрьмѣ невыпускъ на огородъ считался своего рода мѣрою наказанія, которая изрѣдка примѣнялась добрякомъ смотрителемъ къ арестантамъ, въ болѣе рѣзкой формѣ проявлявшимъ свою строптивость.

Шляховой вошелъ въ роль покровителя и Ментора Хведька. Онъ съумѣлъ упросить смотрителя, чтобы Хведька дали ему въ помощь въ качествѣ перешивальника. Постепенно онъ обучалъ своего протеже сапожному мастерству, и это мастерство спасало послѣдняго отъ овладѣвающей большинствомъ арестантовъ лѣни и затѣмъ многихъ иныхъ послѣдствій этой лѣни.

Хведько сталъ усерднымъ и сверхъ чаянія даже умѣлымъ помощникомъ Шляхового, чѣмъ вполнѣ вознаграждалъ его покровительство, такъ какъ заказы стали исполняться значительно скорѣе.

Между тѣмъ еще одно горе посѣтило его, какъ бы въ оправданіе той поговорки, что напасть всегда ходитъ въ компа-

ніи: пришло извѣстіе, что отецъ его, ушибленный рычагомъ ворота на плотѣ, умеръ. Извѣстіе это не вызвало въ немъ такой жалости, какъ вѣсть про смерть матери, можетъ быть и потому, что вѣчно отсутствующій, всегда на заработкахъ, отецъ его не былъ къ нему такъ близокъ, какъ мать. Но онъ созналъ себя единственнымъ представителемъ семьи и поддержкою оставшихся на его рукахъ двухъ сестеръ дѣвицъ.

Теперь тюрьма стала тѣсною для него не въ силу свойственнаго всѣмъ узникамъ чувства стѣсненія и не въ силу тѣхъ неопредѣленныхъ порывовъ на волю, въ коихъ стремленіе къ Мелашкѣ играло немаловажную роль, а по причинамъ чисто практично-житейскимъ: онъ понималъ, что дома нужно хозяйничать, нужно распорядиться.

По его переказу уже въ филипповку по снѣгу посѣтили его сестры, Полька и Горпына. Заранѣе обдумавъ все, онъ далъ имъ наставленія, какъ сохранить какъ деньги, оставшіяся послѣ отца въ количествѣ 56 рублей, такъ и небольшіе запасы зерна на весенній посѣвъ, а равно и тотъ кормъ, который остался непотребленнымъ за продажею коровы. Онъ понималъ, что за этотъ кормъ можно будетъ весною вспахать и засѣять поле.

Это свиданіе Хведька съ сестрами такъ и ограничилось этою дѣловитостію, и хотя у него и вертѣлось на мысли спросить про сосѣдей, а значитъ и про Мелашку, но такъ онъ и не спросилъ, а только выслушалъ о томъ, какъ квартирантъ бондарь обставилъ сѣверную стѣну избы коноплями и какъ трудна была получка денегъ изъ экономіи Лутнева за копку свеклы.

Теперь онъ уже цивилизовался на столько, что съумѣлъ разчислить, сколько именно времени ему еще оставалось сидѣть въ тюрьмѣ, что впрочемъ давалось ему при помощи Шляховаго, которому онъ не переставалъ помогать въ сапожничествѣ. По разсчету выходило, что срокъ содержанія въ тюрьмѣ оканчивается ему какъ разъ въ Петровку.

Далеко еще! Еще только наставала зима съ ея холодными короткими днями и нескончаемо длинными ночами, когда узни-

камъ приходилось томиться запертыми въ камерахъ—сезонъ самый скучный для тюремныхъ обитателей.

Короткій зимній день скоро проходилъ въ обычной сутолокѣ—уборкѣ камеръ,носкѣ воды, въ разныхъ обыденныхъ событіяхъ, иногда разнообразящихъ тюремную жизнь,—а затѣмъ наставалъ вечеръ и безконечная ночь. Духота, вонь въ камерахъ, общая какая-то пригнетенность—все это или заставляло арестантовъ до одури спать, или отводить душу въ картежной игрѣ. Немногіе были такъ счастливы, какъ Хведько: имѣли опредѣленное дѣло, спасавшее ихъ отъ тоски и развитія лѣни.

Хведько помогалъ Шляховому и, повторяемъ, все больше и больше усваивалъ себѣ это умѣніе сапожничества. Нужно при этомъ сказать, что и самъ маестро Шляховой сему искусству научился, просидѣвъ раньше около года въ этой-же тюрьмѣ. Теперь онъ по приговору Окружнаго Суда отсиживалъ уже второй годъ въ тюрьмѣ взамѣнъ арестантскихъ ротъ, куда его не послали вслѣдствіе его болѣзни грыжею и благоволенія къ нему смотрителя тюрьмы, съумѣвшаго упросить мѣстное начальство оставить ему Шляховаго, какъ нужнаго человѣка.

Рождественскіе праздники мало чѣмъ украсили острожную жизнь. Усиленная приборка, чистка острога, усиленное подаяніе отъ благочестивыхъ горожанъ, да нѣсколько посѣщеній—только и отличали отъ скучныхъ будней сѣрый обиходъ тюрьмы, сквозь намерзшія окна которой нельзя было даже путемъ посмотрѣть на праздничное движеніе въ городѣ.

Хведька тоже провѣдали сестры, при чемъ онъ узналъ, что Польку сватаютъ на Бемовку, а Машкѣ совѣтуютъ наняться въ горничныя въ семейство Бемовскаго конторщика. Какъ выйти замужъ, такъ и наняться въ люди совѣтуютъ не только сосѣди, но и „титка Горпына“, родная сестра ихъ отца, которая обѣщала и сама побывать у него и обо всемъ уговориться, если только онъ „подасть слово“, т. е. изъявитъ согласіе на это.

Что-же Хведьку оставалось дѣлать? Разумѣется, онъ изъявилъ согласіе на выходъ замужъ сестры Польки, тѣмъ болѣе, что сватающіе ее брали на себя всѣ свадебные расходы и давали невѣстѣ на покупку кожуха восемнадцать рублей. Само

собою, что послѣ выхода замужъ старшей сестры, меньшей Машкѣ ничего иного не оставалось, какъ наняться въ люди.

Все это было условлено при свиданіи съ прибывшею нарочно для того теткою Горпыною съ Полькою, при чемъ на совѣтѣ порѣшили, что хата останется занятою квартирантомъ—бондаремъ, а худоба, какая останется въ ней, будетъ заперта въ чуланѣ.

Хотя всѣ эти распоряженія естественно вытекли изъ обстоятельствъ и хотя поступить иначе и нельзя было, тѣмъ не менѣе, устроивая все это, Хведько чувствовалъ, хоть и неясно, что вмѣстѣ съ этимъ у него уничтожается что-то связующее его съ селомъ, съ сельскою жизнію, что онъ что-то теряетъ.

Нѣсколько разъ порывался онъ спросить посѣщавшихъ его сестеръ про Мелашку, но такъ и не спросилъ.

XXII.

А между тѣмъ единовременно со сватаньемъ Польки шло сватовство и Мелашки.

Ее сватали за неособенно виднаго жениха. Какъ уже послѣ оказалось, жениха этого уже сватали два мясоѣда, да никакъ не могли найти ему невѣсту, и вотъ допытались о Мелашкѣ, надежда на отдачу которой зиждилась на томъ, что она уже (по обычаямъ села) засидѣлась въ дѣвкахъ и что намѣченный ея женихъ Хведько сидитъ въ острогѣ.

Разсчетъ оказался вѣрнымъ: мать и отецъ Мелашки не долго отнѣкивались и скоро сказали:

— Що жъ! Мы хлиба-солы не цураемся и добрымъ людямъ ради. Тильки отъ якъ дивка скаже?—ій зъ нымъ викуваты...

Мелашка, между тѣмъ узнавшая уже отъ молодежи о старостахъ, ни жива ни мертва сидѣла у Сохвы, рвала неладившуюся пряжу и прислушивалась къ малѣйшему шуму на улицѣ.

Дѣйствительно, скоро послышался скрипъ мерзлаго снѣга, и изъ-за облака пару въ отворенныхъ дверяхъ хаты Сохвы показалась фигура Ивашка, подростка—брата Мелашки, который, какъ-то изъ подлобья смотря, сказалъ:

— Иды, тамъ тебе клычуть!

И Сохва, и Мелашка, и еще бывшія тамъ-же на „попрядкахъ“ двѣ дивчины—всѣ хорошо знали, что значитъ этотъ посолъ, но тѣмъ не менѣе съ особымъ любопытствомъ устремили глаза на Ивашка, когда онъ на понурый вопросъ Мелашки—зачимъ?..—отвѣтилъ.

— Тамъ сама побачишъ...

— Иды! я прійду—сказала приглашаемая.

— Заразъ иды—маты прыказувала! повторилъ Ивашко и вышелъ.

Мелашка, блѣдная, съ опущенною съ концомъ нитки рукою, молча сидѣла около остановившейся прялки. Остальныя пряхи тоже пріостановились съ работой. Въ хатѣ стало тихо, только слышно было, какъ вѣтеръ завывалъ въ печномъ дымарѣ, да слегка потрескивалъ фитиль каганца.

Сохва первая прервала молчаніе.

— Що-жъ, дивко, иды! що небудь скажы!—обратилась она къ Мелашкѣ, которая, не подымая рѣсницъ, благодаря любопытнымъ взорамъ сопрядильницъ и Сохвы и отхлынувшей отъ сердца крови, покраснѣла, что называется, до корня волосъ.

— Не пійду! хай ему бисъ! отозвалась она почти шепотомъ.

— Чому не пійты? пійты треба, що-жъ людей водыть?—совѣтовала Сохва.

Но Мелашка вдругъ какъ-бы въ подтвержденіе своего рѣшенія, поплевала на пальцы, энергично смыкнула съ гребня кудели и привычною ногою завертѣла прялку.

Всѣ послѣдовали ея примѣру и тоже начали прясть, какъ-бы ни въ чемъ не бывало, хотя на лицѣ каждой изъ молча прядущихъ пряхъ можно было ясно прочесть вопросъ: Ну, ну! посмотримъ, что изъ этого выйдетъ?...

А вышло то, что обыкновенно должно было выйти и что выходитъ въ этихъ случаяхъ въ крестьянской средѣ, гдѣ суровая дѣйствительность сплошь и рядомъ беретъ верхъ надъ сердечными порывами и заглушаетъ всякую нѣжность.

Мать Мелашки хорошо понимала, что ея дочь по обычаямъ села должна была быть отдана замужъ еще прошлую зиму, а

такъ какъ она пересидѣла и осенній мясоѣдъ, то неотдача ея замужъ въ этотъ сезонъ угрожала ей возможностію остаться въ дѣвкахъ, что, разумѣется, было крайне нежелательно. А потому...

Не смотря на то, что Мелашка прямо и наотрѣзъ отказалась выходить замужъ, что этотъ отказъ ея въ рѣзкой формѣ высказанъ былъ ея жениху, и не смотря на ея слезы и плачъ, ее выругали, два раза побили и въ концѣ концовъ ни живую, ни мертвую свезли въ церковь и повѣнчали. Ея противленіе только стало причиною попрековъ новой семьи и неласковости молодого мужа.....

Уже на масляной одинъ изъ водоносовъ арестантовъ—воду носили съ рѣки Дона—полусерьезно, полушутя сказалъ Хведьку.

— А тамъ на ричци роспытувавъ про тебе одынъ чоловикъ, такъ ще молодый парняга—коней напувавъ—и переказувавъ, що твоя невиста выйшла замужъ.

Хведько сразу даже и не вдумался въ эти слова—ему почему-то даже показалось, что рѣчь идетъ про его сестру, вышедшую замужъ на всеядной недѣлѣ, но послѣ, когда сообразилъ, ему стало болѣе понятно это извѣстіе.

Сейчасъ же кинулся онъ внизъ искать этого вѣстника, но на бѣду онъ съ прочими былъ взятъ для очистки базарной площади. Пришлось дожидаться обѣденной поры.

Не сидѣлось Хведьку за шевскимъ столикомъ; онъ то и дѣло срывался съ мѣста и выбѣгалъ изъ камеры, что даже обратило вниманіе Шляхового.

— Це, чи не жывитъ въ тебе болыть?—спросилъ его Шляховой.

— Ни, це я такъ!—мрачно отвѣтилъ Хведько, держа въ рукахъ шило, но не работая имъ, а смотря въ сторону.

Шляховой уже попривыкъ къ неблагополучнымъ вѣстямъ изъ дома Хведька, а потому, замѣтивъ его задумчивость и хмурость, опять спросилъ.

— Хиба що таке почувъ зъ воли?

— Ни, це я такъ!—отвѣтилъ Хведько опять.

Когда зазвонили на обѣдъ, Хведько, обыкновенно ходившій на кухню за пищей для себя и для Шляхового, на сей разъ побѣжалъ внизъ безъ всякой посуды съ намѣреніемъ разспросить Лазебнаго—такъ звали того водоноса—поподробнѣе „про переказъ“; но когда онъ очутился въ кучѣ, столпившейся около дверей кухни, гдѣ староста раздавалъ хлѣбъ и гдѣ въ числѣ прочихъ былъ и Лазебный,—вопросъ, съ которымъ онъ протѣснился къ послѣднему, замеръ у него на губахъ, и онъ по особому чувству совѣстливости не рѣшился спросить его о томъ, какъ именно и кто такой передалъ ему эту горькую вѣсть, а только стоялъ около него, стыдясь даже посмотрѣть ему въ глаза.

Арестанты поочередно входили въ кухню, гдѣ кухари наливали имъ въ миски и шайки жиденькія щи, брали у стоявшаго у дверей старосты порціи хлѣба и удалялись по камерамъ.

Уже почти всѣ разошлись, остались только такіе, которые особо для себя стряпали на кухнѣ свое; уже и для женскаго отдѣленія взяли два надзирателя пищу, уже и Лазебный давно ушелъ, а Хведько стоялъ задумавшись, втиснувшись въ уголъ около дверей:

— Ты что-жъ это, Хведоръ, стоишь? Нѣшто свое что готовилъ съ Денисычемъ?—такъ звали Шляхового—спросилъ подвернувшійся Николенко и этимъ вопросомъ какъ-бы разбудилъ Хведька, который тутъ только сообразилъ, что наверху Шляховой ожидаетъ по обыкновенію обѣда и что у него нѣтъ чашки для щей съ собою. Отряхнувшись отъ этого отупѣнія, онъ побѣжалъ на верхъ за чашкой.

Шляховой уже ожидалъ его, помылъ руки и стоялъ около накрытой какою-то ветошкою табуретки, но, увидѣвъ Хведька, вошедшаго безъ всего, крайне удивился и только что хотѣлъ спросить, что это значитъ, какъ увидѣлъ, что Хведько преспокойно сѣлъ на нары, устремивъ въ одну точку задуманный взоръ.

— Эге, онъ воно що!—промолвилъ про себя, мотнувъ головою, Шляховой и, взявъ чашку, отправился внизъ за пищей для себя и для Хведька.

— Вернувшись, онъ уже не засталъ его на нарахъ, прошелъ по корридору, заглянулъ въ другія камеры и, не нашедши Хведька, сѣлъ обѣдать самъ, раздумывая о томъ, что бы такое особое могло случиться съ его ученикомъ.

Всѣ размышленія о Хведькѣ сводились у его Ментора на то, что онъ, Хведько, тоскуетъ, а рѣзкость проявленія этой тоски клалась въ счетъ уже обнаружившейся порывистости его характера и молодости.

Между тѣмъ тоскующій Хведько безъ шапки, въ одномъ только халатѣ и въ опоркахъ на босу ногу шагалъ вдоль задней стѣны тюремнаго корпуса, гдѣ никого, благодаря обѣденной порѣ, не было, и тутъ никто его не могъ видѣть, такъ какъ въ ту сторону зданія выходили два совершенно закопченныя окна кухни, два цехаузные окна, окна заброшенной на зиму ради экономіи отопленія мастерской и окно задней комнаты тюремной конторы, гдѣ днемъ тоже никого не бываетъ.

Полученное Хведькомъ извѣстіе какимъ-то гвоздемъ, тормозившимъ всякія иныя размышленія, стояло у него въ мозгу. Сомнѣніе, которое онъ хотѣлъ было разъяснить разспросомъ Лазебнаго, теперь почему-то совершенно изчезло, и онъ былъ увѣренъ, что Мелашка выдана замужъ, такъ увѣренъ, какъ-бы это все произошло при немъ, на его глазахъ.

Наконецъ его увидали; одинъ за другимъ обратили вниманіе на неестественность его прогулки въ такую холодную погоду безъ шапки, въ опоркахъ и въ развѣвающемся халатѣ, и кто-то объ этомъ сказалъ Шляховому.

— Що се ты? Одуривъ, чи що?—обратился къ Хведьку выбѣжавшій Шляховой.—Це можно здоровья соби збавыть! Ходимъ у каморъ! Господь зъ тобою!—мягко заговорилъ онъ, воочію убѣдившись, что съ нимъ приключилось что-то неладное.

Хведько безпрекословно повиновался своему ментору, пошелъ за нимъ и, приведенный въ камеру, молча, свалился на нары.

Арестанты, узнавшіе отъ Лазебнаго причину этого ошеломленія Хведька, съ соболѣзнованіемъ отнеслись къ нему.

— Эхъ-ма!—Жаль парня!—кое-кто отозвался.

Къ вечеру Хведько разгорѣлся весь, а ночью сталъ бредить и метаться, безпокоя своихъ соузниковъ. Явившійся на другой день фельдшеръ сказалъ, что у него горячка, и послѣ осмотра докторскаго его взяли въ городскую больницу, гдѣ имѣлось особое отдѣленіе для арестантовъ, охраняемое особо наряжаемымъ карауломъ.

Хведько такъ ослабъ, что идти въ больницу не могъ, и его пришлось перевезть на истребованной съ пожарнаго двора лошади.

У него оказался форменный тифъ, и только черезъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ черезъ фельдшера узнали, что есть надежда на его выздоровленіе, такъ какъ кризисъ болѣзни миновалъ, въ чемъ не мало помогла молодая, здоровая его натура; но въ больницѣ еще долго пришлось ему пролежать.

Шляховой умудрился провѣдать Хведька, пристроившись къ посылаемымъ для очистки больничныхъ ретирадовъ арестантамъ. Но это посѣщеніе ухудшило только состояніе здоровья больного, такъ какъ посѣтитель-менторъ проявилъ свою сердобольность принесеніемъ провѣдываемому селедки со шкаликомъ водки.

Хведько, начинавшій было уже поправляться и, значитъ, „алкать", какъ всѣ выздоравливающіе, съ удовольствіемъ выпилъ водку и сожралъ всю до косточки большую селедку—бѣшенку. Сейчасъ-же у него появился жаръ, бредъ и, не смотря на огромную приставленную фельдшеромъ къ его затылку мушку, состояніе его много ухудшилось, и тѣмъ затянулось пребываніе въ больницѣ.

XXIII.

Такъ для него и свѣтлый праздникъ прошелъ въ больницѣ, и только уже къ концу апрѣля онъ опять, какъ выздоровѣвшій, былъ доставленъ въ тюрьму.

Шляховаго уже тамъ не было. Онъ былъ выпущенъ по окончаніи срока высѣдки и принятъ обществомъ своего села въ

свою среду. Старшій ключникъ передалъ Хведьку оставленные для него Шляховымъ три шила, источенный сапожный ножикъ, доску и „потягачъ"—ремень и двѣ пары колодокъ.

Настала уже весна. Окрестности города зазеленѣли; лугъ, хотя еще не совсѣмъ освободившійся отъ залившей его весенней воды, зеленѣлъ блѣдною зеленью распустившихся подмоченныхъ половодьемъ лозъ; даже песчаная базарная площадь зеленѣла выбившейся изъ-подъ песку и навозу растительностію, не соженною еще солнцемъ и невытоптанною еще нелюдными въ эту пору базарными сборищами.

Въ открытыя окна тюрьмы, особенно ночью, вливался свѣжій и влажный воздухъ весны, доносилось щелканіе соловьевъ и кваканье лягушекъ.

Все это усугубляло тягость заключенія, вызывало въ душахъ узниковъ порывы, стремленія куда-то въ даль, въ поле, въ степь... на волю.

Никто изъ арестантовъ не сидѣлъ въ камерахъ—всѣ повылазили на ясное солнышко, на пригрѣтыя имъ каменныя плиты двора; всѣхъ какъ то разнѣжило, поразомлѣли всѣ...

И чѣмъ моложе лѣтами и срокомъ знакомства съ тюрьмою былъ арестантъ, тѣмъ тяжелѣе переносилъ онъ это томленіе, это пригнетеніе пробудившихся съ новою силою порывовъ.

Хведько, точно вновь народившійся, съ нѣжною, заново выросшею бородкою и усами и съ облѣзлою отъ горячки головою, особенно какъ-то затосковалъ: въ немъ явился необычайный приливъ жизни, порывы къ чему-то ему непонятному, къ чему-то такому, на что, кажется, онъ не пожалѣлъ бы всего себя, всего своего естества...

И всѣ эти порывы сдерживались этими желѣзными воротами, этимъ мизернымъ солдатикомъ съ ружьемъ, этими стѣнами, рѣшетками, этою всею обстановкою тюрьмы—затвора.

Съ какимъ удовольствіемъ отправлялся онъ на работы внѣ тюремнаго двора, на чистку базарной площади, на носку воды и на спускъ отстроенныхъ на берегу Дона суденъ, куда обыкновенно брали изъ тюрьмы за особую плату арестантовъ. Огородъ былъ еще залитъ водою, и работы тамъ начались только

въ концѣ мая... Съ какою неохотою возвращался онъ въ тюрьму! Какъ его подманывало не разъ бѣжать, особенно когда онъ находился внѣ стѣнъ, но за желѣзными воротами и рѣшетками удерживала его отъ исполненія этого желанія не боязнь стражи, которая ему почему-то казалась вовсе не страшною, и не боязнь послѣдствій бѣгства, которыхъ онъ не зналъ и о которыхъ не думалъ, а попросту своего рода чувство совѣстливости. Какъ это онъ будетъ бѣжать, люди будутъ тюлюкать, гнаться за нимъ, какъ онъ будетъ прятаться, какъ неловко ему было-бы передъ тѣмъ же ключникомъ Тарасьевичемъ и предъ тѣмъ же, всегда къ нему ласковымъ, смотрителемъ Лошадкинымъ! И онъ подавлялъ въ себѣ порывы, хмурился, тосковалъ и впадалъ въ апатію.

Вѣстей изъ Андреевки, какъ нарочно, не было, и онъ какъ то мало даже порывался туда. Тамъ у него ничего не было, чтобы тянуло его къ себѣ. Одна сестра была замужемъ, другая жила у кого-то въ услуженіи. Мелашка... онъ только разъ было и вспомнилъ ее, когда увидѣлъ простыхъ деревенскихъ женщинъ, пришедшихъ посѣтить кого то изъ его соузниковъ. Она ему вспомнилась, какъ будто кто изъ умершихъ, безвозвратно утраченныхъ. Такъ вспомнилась ему его мать. Все село, вся обстановка сельской жизни послѣ его болѣзни какъ будто улетучились изъ его памяти, и онъ, стараясь иногда вспомнить все это, никакъ не могъ представить себя самого въ иной обстановкѣ.

Но разъ ему пришлось обстоятельнѣе вспомнить слободу, ея обывателей и все случившееся съ нимъ передъ постигшей его бѣдою.

Его вызвалъ городской Мировой Судья для спроса въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу обвиненія кабатчика Жердева въ покупкѣ завѣдомо краденнаго, т. е. тѣхъ злосчастныхъ бурячныхъ сѣмянъ. Допросъ этотъ производился по просьбѣ Андреевскаго мироваго судьи и долго откладывался по причинамъ болѣзни Хведька.

Въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, отправился онъ, одѣтый въ нарочно для него выданный ему смотрителемъ халатъ, въ

камеру мироваго судьи. Стараясь не смотрѣть на людей, шелъ онъ черезъ базаръ, мимо мелочныхъ лавочекъ и ряда торговокъ. Одна изъ нихъ подала ему два бублика.

Въ передней камеры, гдѣ пришлось ему дожидать прихода судьи, Хведько увидалъ Жердева, который поздоровался съ нимъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ уговаривать его, чтобы онъ показалъ на допросѣ, что сѣмена онъ ему продалъ за свои

— Вотъ какъ пришлось, другъ любезный! Всѣ подъ Богомъ ходимъ—говорилъ онъ шопотомъ.—Вѣдь я тебя не искалъ, самъ ты мнѣ принесъ ихъ и самъ же ты взялъ у меня деньги, или все равно—водки бутылку? Вѣдь ты же говорилъ, что это твои сѣмена? А?! Всѣ умирать будемъ! Тебѣ что за польза меня топить?! Пригожусь вѣдь еще, да смотри еще какъ! Такъ, какъ было, такъ и говори, на одномъ стой—свои молъ сѣмена продавалъ, а не экономическія. Хведько слушалъ всѣ эти уговариванія и иначе, какъ это ему разсказывалъ Жердевъ, онъ не могъ себѣ представить въ памяти всего съ нимъ случившагося. Почему то онъ затвердилъ себѣ, что ему слѣдуетъ говорить, что сѣмена, принесенныя Жердеву, были его собственныя. Все остальное, сопровождавшее его осужденіе и арестъ, онъ положительно забылъ. И когда судья, продѣлавъ непонятую Хведькомъ процедуру составленія заголовка протокола, допроса и отобранія подписки и присяги, приступилъ къ допросу его, то онъ, предупреждая послѣдовательность вопросовъ, началъ говорить:

— Я семена свои йому прынисъ...

— Подождите. Все по порядку будетъ записано—остановилъ его судья и началъ съ спроса о его званіи, имени, отчествѣ и фамиліи, а также объ отношеніяхъ къ обвиняемому.

При разъясненіи послѣдняго вопроса Хведько вдругъ вспомнилъ все то, что происходило въ кабакѣ Жердева, и объяснилъ, что этотъ послѣдній „пидводывъ начальныкивъ“, подразумѣвая подъ этимъ прежде всего волостного старшину.

Судья ничего не понялъ изъ объясненій Хведька и, не добившись обстоятельнаго разсказа, записалъ въ протоколъ

только то, что „сѣмена Жердеву онъ продавалъ свои и не говорилъ ему, что они экономическія.“ Этимъ и окончился допросъ Хведька, въ памяти коего однакожъ возстановились всѣ обстоятельства передачи сѣмянъ и судъ надъ нимъ, и вызванное этими воспоминаніями раздраженіе стало уже выявляться наружу.

— Воны мене былы, пидводылы начальныкивъ—все твердилъ онъ. Судья, закончивъ дѣло допроса, приказалъ увести его изъ камеры.

На крыльцѣ подошелъ къ нему Жердевъ и, сунувъ въ руку двугривенный, сказалъ:

— Прости, братъ Хведоръ! Всѣ мы грѣшные, всѣ подъ Богомъ ходимъ! Смотри—пригожусь!

Съ опущенною головою и съ зажатымъ въ рукѣ двугривеннымъ прошелъ Хведько опять черезъ базаръ въ тюрьму и тамъ ничего не могъ отвѣтить и объяснить вопрошающимъ его соузникамъ.

Въ первый разъ теперь онъ сталъ объяснять все съ нимъ случившееся. Ошеломленный арестомъ, заключеніемъ у Бычкова, а послѣ въ тюрьмѣ, опечаленный смертями матери и отца и наконецъ вызвавшею продолжительную болѣзнь вѣстію о выходѣ замужъ Мелашки, Хведько какъ-то мало обсуждалъ все съ нимъ случившееся, довольствуясь сложившимся на первыхъ порахъ убѣжденіемъ, что все это устроено за что-то злымъ на него старшиною. Теперь у него мысль о случившемся работала въ иномъ направленіи. Сидѣнье въ тюрьмѣ дало ему возможность понимать, разумѣется по своему, соразмѣрность наказанія, и разсказы соузниковъ о разныхъ судахъ и судьяхъ выяснили ему, что годъ тюремнаго заключенія далеко не соотвѣтствовалъ его винѣ, если бы даже и можно было считать его виновнымъ въ кражѣ сѣмянъ. Эта несоразмѣрность, въ силу установившагося въ тюрьмѣ мнѣнія о жестокости мироваго судьи 2 участка, всецѣло въ умѣ Хведька клалась на счетъ этого судьи и волостного старшины, а самое обвиненіе его въ томъ, въ чемъ онъ не сознавалъ себя виновнымъ, складывалось на общую враждебность людей состоятельныхъ къ бѣднымъ, а особенно къ

острожнымъ сидѣльцамъ. Онъ, разумѣется, не соображалъ, что враждебность эта выразилась въ осужденіи его раньше, чѣмъ онъ попалъ въ число тюремныхъ жильцовъ.

Всѣ эти разсужденія далеко не миротворно настраивали его по отношенію ко всему внѣострожному міру, появиться въ которомъ однакоже приближалось для него время.

Прошелъ май, насталъ Петровъ постъ и близокъ сталъ день выхода Хведька изъ тюрьмы.

Б. Познанскій.

(Конецъ I-ой части.)

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Житейское попеченіе.

Другіе дни—другіе сны,
Смирились вы моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

(*Пушк.*).

Изъ предыдущихъ очерковъ можно было видѣть, что вся наша ученая братія до мозга костей пропитана была жаждой наживы. Подъ вліяніемъ удушливой атмосферы, зараженной міазмами гнилого болота, именуемаго Немировомъ, и я обратился къ практической сторонѣ жизни, задавшись цѣлію обезпечить свое существованіе, скопивъ малую толику, какъ говорится про черный день.

Оглядѣвшись кругомъ, я не могъ не прійти къ убѣжденію, что жить изо-дня въ день однимъ жалованьемъ, не имѣя никакого обезпеченія, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно. Находиться всю жизнь въ зависимости отъ поденной платы за работу, не имѣя лишняго рубля въ карманѣ—положеніе весьма непривлекательное. „Да я, наконецъ, могу лишиться должности и остаться безъ куска хлѣба (продолжалъ я размышлять самъ съ собой); чего нельзя ожидать отъ такого пакостнаго человѣка, какъ нашъ директоръ? Вѣдь уже не одного труженника упекъ онъ своими доносами, да и мнѣ уже пригрозилъ недавно“:

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 8.

— Вы знаете, говоритъ, кто у насъ теперь попечителемъ? Въ Сибирь можетъ сослать собственною властію. Будьте-же осторожнѣе!

Получивъ первое предостереженіе, могу получить и второе, а третьяго, вѣроятно, и не будетъ. До Сибири-то, пожалуй, и далеко, а просто выгонятъ изъ службы да и шабашъ! Или какъ казеннаго воспитанника сошлютъ въ Остеръ или Кобеляки приходскимъ учителемъ, какъ услали, по проискамъ того-же З—го, Чугаевича и Стронина. Почти всѣ мои сослуживцы, за исключеніемъ развѣ отпѣтаго Чунишки, имѣютъ въ банкѣ деньги, одни меньше, другіе больше; всѣ хлопочутъ о томъ, какъ-бы въ теченіе года сберечь какую-нибудь сотнягу да отправить въ государственный банкъ; одинъ лишь я до сихъ поръ не помышлялъ объ этомъ, называя деньги, за одно съ Адуевымъ младшимъ, „презрѣннымъ металломъ“. Да и не мечталъ о томъ, чтобы когда-нибудь сдѣлаться богатымъ: съ моими пуританскими правилами большихъ капиталовъ не соберешь, да и Богъ съ ними! Изъ-за денегъ люди дѣлаютъ другъ другу столько гадостей!.. Ренанъ гдѣ-то сказалъ: „человѣкъ трудомъ достигаетъ только довольства; если-же онъ достигаетъ богатства, то достигаетъ его трудомъ другихъ“.

Директоръ нашъ, съ отеческою заботливостію безпрерывно хлопочетъ о томъ, чтобы всѣ его подчиненные имѣли деньги, смотря иногда сквозь пальцы на тѣ неблаговидныя средства, къ какимъ прибѣгаютъ нѣкоторые изъ нашихъ капиталистовъ, какъ напр.—оба математика и географъ. Онъ даже придумалъ что-то въ родѣ сберегательной кассы, пригласивъ учителей вносить ежемѣсячно по 10 рублей при полученіи жалованья. Охотниковъ набралъ онъ 9 человѣкъ и каждое первое число отправляетъ въ контору банка 100 рублей, откуда высылался на предъявителя билетъ, поступавшій въ собственность того, кому онъ доставался по жребію, такъ что черезъ 10 мѣсяцевъ каждый изъ вкладчиковъ, не исключая и самого изобрѣтателя такой финансовой операціи, имѣлъ одинъ сторублевый билетъ. Выдумка, несомнѣнно, хорошая, она дѣлаетъ честь комерческому уму директора, но она не лишена была комизма. При 300—400

рублевомъ окладѣ преподавателей, едва-ли возможно семейному человѣку отложить въ годъ 120 рублей, не подвергая себя крайнимъ лишеніямъ. Послѣдствіемъ этого было такое явленіе: внесши, въ угоду начальству, 1 числа 10 рублей, нѣкоторые господа уже съ 15 числа жили съ семьей впроголодь и дѣлали долги, платя жидовскіе проценты. Конечно, для такихъ тузовъ, какъ самъ директоръ, Юрко и Барилко, или для такого Плюшкина, какимъ былъ сатиръ-географъ, питавшійся акридами и обладавшій несносимой и весмѣняемой одеждой,—для нихъ, считавшихъ свой годовой доходъ тысячами, внесть 120 рублей—плевое дѣло, но для бѣдняковъ, подобныхъ безсребреннику Шведову, не имѣвшихъ ни частныхъ уроковъ, ни пансіонеровъ,—директорская выдумка была очень тягостной.

Пока я виталъ въ эмпиреяхъ идеализма и пока мой бюджетъ ограничивался лишь однимъ казеннымъ гонораромъ, для меня было немыслимо сберечь что-нибудь къ концу года, да если какая-нибудь малость и оставалась, то она расходовалась на каникулярныя поѣздки на родину, что составляло для меня какъ физическую, такъ и моральную потребность, послѣ каторжной немировской моей службы впродолженіе цѣлаго года.

Но вотъ, благодаря счастливой случайности, и мнѣ улыбнулась фортуна. Помѣщикъ ближайшей деревни Лещинскій, имѣя въ гимназіи сына, предложилъ мнѣ принять на себя обязанности тутора, на весьма выгодныхъ для меня условіяхъ: полное содержаніе и 200 рублей деньгами. Самъ онъ постоянно оставался въ деревнѣ, а жена его съ дѣтьми всю осень и зиму жила въ Немировѣ. Нанята была прекрасная квартира, съ садомъ, подлѣ самой гимназіи—и я зажилъ припѣваючи, не издерживая на свое продовольствіе ни гроша. Кромѣ шестикласника сына, у Лещинскаго были двѣ маленькія дочери, при нихъ гувернантка и бона. Не взирая на питаемое поляками недовѣріе къ русскимъ, меня въ семействѣ полюбили, какъ родного, особенно сильно привязались ко мнѣ дѣвочки: Мариня и Климця (12 и 8 лѣтъ). Все свободное отъ службы время я проводилъ въ кругу этого милаго семейства. Сожительство мое съ гимназистомъ ни мало меня не стѣсняло. Онъ былъ малый

неиспорченный, но взбалмошный и разсѣянный до нельзя; занимался неохотно, не выходя изъ посредственностей, хотя крупныхъ проказъ за нимъ не водилось. Характерные разсказы почтенной хозяйки, за которою, по ея словамъ, въ оное время, когда была она дѣвицей, приволакивался въ Тульчинѣ извѣстный декабристъ Пестель; сантиментальничанье гувернантки, не молодой уже особы, а больше всего эта неистощимая веселость, немолчный дѣтскій смѣхъ и вѣчныя проказы живыхъ и бойкихъ дѣвочекъ Климци и Марини—все это способствовало къ тому, что я совершенно отсталъ отъ своихъ сослуживцевъ, сталкиваясь съ ними лишь въ урочные часы въ гимназіи. Замѣтивъ, что я еще больше прежняго сталъ чуждаться раболѣпствующаго предъ начальствомъ товарищескаго кружка, Е. Я—чъ весьма прозрачными намеками напоминалъ мнѣ уже не разъ, чтобы я не очень-то дружилъ съ поляками. Однажды онъ мнѣ конфиденціально замѣтилъ:

— Извѣстно-ли вамъ, что вашъ Лещинскій, за участіе въ мятежѣ, въ 31 году сидѣлъ въ казематѣ и до сихъ поръ состоитъ подъ надзоромъ полиціи?

— Съ п. Лещинскимъ, отвѣчалъ я, о польской революціи мы никогда еще не говорили, да врядъ-ли и придется говорить, потому что всякому поляку-патріоту о такихъ вещахъ вспоминать непріятно. Что-же касается сближенія моего съ его семействомъ, то этого я не скрываю ни отъ кого: я, дѣйствительно, подружился съ нимъ и дорожу его расположеніемъ ко мнѣ, что также рѣдкость въ этомъ краѣ. Не думаю, чтобы въ этомъ заключалось что-нибудь такое, что могло-бы повредить мнѣ по службѣ.

— То-то же, смотрите, будьте осторожнѣе!

Съ наступленіемъ весны, передъ Пасхою, пани моя съ дочерьми переселилась въ деревню, а мы съ Ясемъ остались полными хозяевами немировской квартиры. Но на страстной недѣлѣ и мы уѣхали. Всѣ праздники и каникулы я проводилъ въ деревнѣ, гдѣ гостепріимная хозяйка закармливала меня разными деревенскими благодатями. Одного только моя хохлацкая натура не могла выносить: это, когда бывало подадутъ въ ап-

рѣлѣ мѣсяцѣ п. Клеменсу жареныхъ жабокъ—самое любимое блюдо моего хозяина весною, когда онѣ бываютъ такія зелененькія. Я просто не могъ усидѣть за столомъ, а онъ ихъ кушаетъ да похваливаетъ. Да вотъ еще по временамъ подаваѐмые отвратительные слимаки, приготовленные подъ соусъ—гадость!

Наканунѣ Пасхи въ Воробіевку ожидали ксендза Городницкаго—святить бабы. Праздники случились ранніе; цѣлый день въ субботу валила мятель, а къ вечеру занесло всѣ дороги. Сидимъ мы съ п. Клеменсомъ подъ окномъ и видимъ: плетется по двору старенькій священникъ о. Николай, весь засыпанный снѣгомъ, въ людскую святить пасхи; я и говорю хозяину: „а что если-бы батюшка освятилъ и ваши пасхи, а то, пожалуй, придется вамъ разговляться людскимъ священымъ, потому ксендзъ навѣрное не рѣшится ѣхать въ такую завирюху".

— A dobźe mówisz!—отвѣчаетъ п. Клеменсъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ старался выказать передо мною свой либерализмъ: to wszystko jedno—що пипъ, то батько! „А заволай—но отца благочиннаго"! обратился онъ къ лакею. Къ великому огорченію хозяйки, хлопскій попъ освятилъ ея пышныя бабы и мазурки, приготовляемыя съ такимъ усердіемъ впродолженіе трехъ дней. Но едва о. Николай успѣлъ выйти изъ комнаты, какъ къ крыльцу подкатилъ ксендзъ. Пани хотѣла было скрыть отъ него, что пасхи уже освящены, но я не могъ удержаться, чтобъ не подразнить фанатика-ксендза, открывъ ему истину. Какъ только онъ услыхалъ отъ меня, что приглашали схизматицкаго попа святить пасхи, то, не простясь ни съ кѣмъ и поднявши свою реверенду, далъ тягу и потомъ, со злости, раззвонилъ и всей околицѣ между католиками сплетню: że panstwo Leszczynscy na ruske wiarę przechodzą!

Имѣніе Лещинскихъ—селеніе Воробіевка—находилось въ 10 верстахъ отъ Немирова въ очаровательной мѣстности. Рѣка Бугъ, лугъ, лѣса, скалистые берега, прогулки, охота, купанье—это такія для меня удовольствія послѣ сидячей жизни, что, проведя каникулы въ деревнѣ, я набирался свѣжихъ силъ на цѣлый годъ. Каковы-бы ни были личныя заботы человѣка, онъ всегда подчинялся неотразимому вліянію окружающей его при-

роды: веселые виды дѣлаютъ его веселымъ, мрачный пейзажъ наводитъ на него тоску. Благословенная земля, счастливая Подолія! Кому хоть разъ въ жизни удалось насладиться прелестями твоей богатой природы, подышать ароматическимъ воздухомъ, упиться благоуханіемъ твоей неистощимой растительности, заглядѣться на твои роскошныя равнины-поля, засѣянныя колосистой пшеницей, при тихомъ дуновеніи вѣтерка сверкающей на солнцѣ золотистыми отливами, на эти зеркальные пруды, окаймленные яркою зеленью, обильные рыбой и дичью, на эти сады, богатые сочными фруктами,—тотъ не забудетъ тебя, благословенная Подолія, до самой смерти... Да, не даромъ поляки называли заднѣпровскую украину житницей Посполитой речи, не даромъ за обладаніе ею пролито столько козацкой и польской крови!

Пріятель мой Лещинскій съ виду казался хорошимъ человѣкомъ и довольно пріятнымъ собесѣдникомъ; но лишь только, бывало, коснешься его соціальныхъ и политическихъ воззрѣній—дружеская бесѣда съ нимъ становилась невозможной: мы оба начинали терять самообладаніе. Не слѣдовало-бы, конечно, и дотрогиваться до этого больного мѣста каждаго патріота-поляка; но читая вмѣстѣ иностранныя газеты и наталкиваясь на жгучіе вопросы о переустройствѣ европейскаго общества, возбуждаемые французскими ораторами и публицистами, мы принимались судить и рядить о примѣненіи ихъ утопій къ русской жизни и совершенно расходились съ нимъ во взглядахъ. Да и кто въ памятный для Европы 1848-й годъ не увлекался соціальными теоріями „друзей народовъ“?

Меня всегда приводили въ негодованіе эти невѣжественные, своекорыстные польскіе либералы, проповѣдывавшіе съ легкой руки Ламартина о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, громко заявившіе о томъ, что они готовы дать крестьянамъ волю choć zaraz... (nota bene—безъ земли)—только правительство не позволяетъ имъ этого сдѣлать. Но какую цѣну можетъ имѣть свобода, если она дастъ одно лишь право—свободно умереть съ голоду? Да имъ-ли разглагольствовать о свободѣ и равенствѣ, когда они не въ состояніи были переварить даже „Инвентар-

ныхъ положеній“ Бибикова, въ сущности весьма умѣреннаго покушенія ограничить панскій произволъ въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ?

Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ самовольной расправы моего либерала, вслѣдъ за обнародованіемъ „Инвентаря“. Приходитъ съ поля экономъ и докладываетъ пану Клеменсу, что такой-то крестьянинъ самопроизвольно ушелъ съ работъ на томъ основаніи, что онъ наработалъ столько, сколько слѣдуетъ „по положенію“, сказавъ:

— Я роблю такъ, якъ царь звеливъ, а не такъ, якъ панъ каже.

Нужно было видѣть, какъ закипѣла помѣщичья кровь при докладѣ эконома о продерзостяхъ хлопа. По возвращеніи крестьянъ съ поля, ихъ собрали передъ крыльцомъ. Вышелъ господинъ и неключимаго раба, вопреки инвентарному положенію, потащили на конюшню и всыпали. Чтожъ, жаловаться ему? но кому? Таковы всѣ они эти либералы — на словахъ и деспоты — на дѣлѣ. Красно говорятъ они о свободѣ и братствѣ, что твои Лафаеты...

А глядишь—нашъ Лафаетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ пресъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

(*Давыд.*).

Когда русская армія, для спасенія погибающей Австріи, перешла границу, наши поляки были совершенно увѣрены въ неуспѣшности такого предпріятія со стороны русскаго правительства.

— Zobaczysz, jak oni będą uciekać, твердилъ мнѣ п. Клеменсъ.

Въ ожиданіи неблагопріятнаго исхода венгерской кампаніи, польскіе паны пограничной съ Галиціей Подоліи стали склонять на свою сторону крестьянъ: въ передней помѣщичьяго дома слишкомъ часто стала собираться громада—потолковать о

политическихъ новостяхъ. Изъ немногихъ фразъ, долетѣвшихъ до моего слуха чрезъ растворенную дверь, я понялъ, что п. Клеменсъ до усовъ кормитъ своихъ крестьянъ обѣщаніями льготъ, если только они помогутъ прогнать москалей: „Якъ намъ буде добре, то й вамъ буде добре"!

„Какъ-бы не такъ! подумалъ я: держи карманъ! Вамъ, панове, всегда было добре, а вашимъ хлопамъ — мука мученская"!

Наблюдая за выраженіемъ физіогномій окружавшихъ пана крестьянъ, я невольно остановилъ свое вниманіе на одномъ среднихъ лѣтъ мужчинѣ, стоявшемъ въ уголку и прелукаво ухмылявшемся при разглагольствованіяхъ помѣщика. Меня онъ сильно заинтересовалъ, и я искалъ случая познакомиться съ нимъ покороче. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Бродя съ ружьемъ по лугу, я набрелъ на косарей, во время ихъ отдыха, послѣ изнурительной работы. Тутъ я нашелъ и Данилу Ткачука, который такъ занялъ меня на митингѣ въ передней помѣщика. Мы разговорились.

Оказалось, что это былъ человѣкъ себѣ на умѣ. Отлично понимая панскіе затѣи и ихъ льстивыя ухаживанья за хлопами, онъ не вѣрилъ ни одному слову своего пана, возлагая всѣ надежды на облегченіе участи крестьянина на одного Бѣлаго Царя.

— У насъ Даныло—голова на все село! говорили о немъ крестьяне. Когда въ присутствіи исправника прочитаны были въ церкви инвентарныя правила, мой Даныло прямо изъ церкви отправился до дяка и обратился къ нему съ такою рѣчью.

— Прочитай-но мени, дяче, оте „Положеніе", нехай я буду знаты що воно есть, а за хватыгу матымешъ кварту горилки.

Дьячекъ, разумѣется, согласился весьма охотно. Пошли въ садочокъ, сѣли подъ вишнею—и чтеніе началось. Прослушавъ съ величайшимъ вниманіемъ отъ начала до конца все „Положеніе", лежа подъ вишнею „до горы-черева", Даныло, по удаленіи дьячка, оставался въ томъ-же горизонтальномъ положеніи

до самаго вечера, стараясь припомнить все слышанное имъ. Дня черезъ два онъ снова зоветъ дяка: „прочитай мени, каже, дьяче, у друге—матымешъ другу кварту“.

Опять пришли на прежнее мѣсто—и опять Данылo растянулся подъ вишнею „до горы-черева“ и, закрывъ глаза, прослушалъ еще разъ Инвентарь. Черезъ нѣсколько дней, дьячекъ, разсчитывая на третью кварту, спросилъ его при встрѣчѣ:

— Може ще разъ прочитать тоби?

— Ни, теперь, дьяче, уже годи читать! бильшъ не треба! Съ этого времени всѣ крестьяне, въ случаѣ неумѣренныхъ требованій со стороны эконома, шли къ Даныл у, и онъ имъ, какъ по писанному разъяснялъ „що до чого и якъ“.

Разъ у Лещинскихъ собралось нѣсколько человѣкъ гостей. Какъ водится, выпили старки, закусили и сѣли съ трубками въ кабинетѣ хозяина. Заговорили о политикѣ. Паны единогласно порѣшили, что москали изъ Венгріи będą uciekać. Вопросъ о возстаніи крестьянъ и присоединеніи ихъ къ польско-венгерскимъ легіонамъ у нихъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Я слушалъ эти сказки молча, не желая горькой правдой разбивать ихъ радужныя фантазіи. Въ это время, подъ самымъ окномъ въ палисадникѣ очутился волъ; кликнули „стойчика“, чтобы онъ выгналъ его. Преслѣдуя скотину, крестьянинъ въ самое почти ухо пана Клеменса крикнулъ:

— А бисывъ кателыкъ, щобъ тебе вовки зъилы!

Паны переглянулись и какъ-то ожесточенно потянули изъ чубуковъ...

Послѣ капитуляціи Гёргея, наши подольскіе паны окончательно повѣсили носы. Возбужденное состояніе умовъ улеглось само собою. Мой храбрый помѣщикъ стушевался и пересталъ звать на митинги крестьянъ. Политика смѣнилась экономическими разсчетами. По прежнему наши машродзѣи стали работать хлопами, какъ скотиной, продавали жидамъ пшеницу, проживали въ свое удовольствіе вырученные за нее дукаты, содержали своры собакъ, и борзыхъ и гончихъ, устраивали шумныя охоты... и по прежнему считали себя угнетенными „россыйскимъ жондомъ“ страдальцами...

Чего, чего, подумаешь, не доставало имъ на Украинѣ? Благословляли-бы судьбу, надѣлившую ихъ своими дарами, въ ущербъ милліоннаго коренного русскаго населенія, добывающаго имъ въ потѣ лица неистощимыя средства для праздной и веселой жизни. Но имъ всего этого мало. Они никогда не смотрятъ на тѣхъ, что стоятъ ниже ихъ, а задираютъ носы кверху—къ тѣмъ, что стоятъ повыше; всѣ наровятъ сдѣлаться магнатами!

Панъ Лещинскій владѣлъ отличнымъ имѣніемъ въ 400 душъ. Превосходныя поля, родившія первый сортъ пшеницы, двѣ мельницы, винокурня, довольное количество лѣсу, барская усадьба надъ самой рѣкой, окрестности, живописнѣе которыхъ трудно вообразить—чего-бы, кажется, еще желать ему? Тѣмъ болѣе, что вся эта благодать досталась ему задаромъ.

Носились слухи, что во время повстанья 1831 года подольскихъ поляковъ, панъ Клеменсъ, тогда еще мелкая сошка, былъ избранъ казначеемъ значительнаго отряда повстанцевъ. Когда эту банду козаки разогнали ногайками, мой пріятель съ крупною суммой денегъ далъ тягу за границу, спрятавшись подъ навозъ, который вывозилъ крестьянинъ въ поле, граничившее съ Галиціей, да вмѣстѣ съ навозомъ выбросилъ за границу и пана Клеменса. Оставивъ на родинѣ жену и сына, эмигрантъ сильно затосковалъ за ними; и потомъ, прочитавъ во Львовской газетѣ дарованную ушедшимъ за границу повстанцамъ амнистію, если они добровольно вернутся въ Россію до извѣстнаго срока,—онъ явился въ Каменецъ-Подольскъ и передалъ себя въ руки правосудія. Издержавъ около половины того, что осталось у него изъ повстанскихъ денегъ, панъ Клеменсъ, получивъ свободу, за другую половину той-же общественной суммы купилъ Воробьевку и зажилъ настоящимъ паномъ, повѣсивъ въ гостинной гравированный портретъ матери короля Станислава Лещинскаго, увѣривъ невѣжественную подольскую шляхту, что то была его родная бабушка. Но всего этого новоиспеченному королевскому внуку было мало,—захотѣлось большаго.

Пріѣхалъ въ Воробьевку молодой человѣкъ, нѣкто Плонскій, племянникъ пани Лещинской. Получивъ по раздѣлу съ братьями,

25 тыс. рубл. отцовскаго наслѣдства, онъ обратился за совѣтомъ къ своимъ родственникамъ, какъ бы выгоднѣе пристроить ему свой капиталъ. Судили да рядили и наконецъ порѣшили совершить такую аферу: Плонскій выстроитъ на свои деньги на Бугѣ крупчатку, на землѣ п. Лещинскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла небольшая мельница, приносившая помѣщику 500 р. дохода; затѣмъ Плонскій будетъ пользоваться выстроенной крупчаткой втеченіе 14 лѣтъ, платя Лещинскому по 500 р. ежегодно, по истеченіи же этого срока, крупчатка переходитъ во владѣніе Лещинскаго. Заключивъ такое, повидимому, выгодное для обѣихъ сторонъ условіе, Плонскій приступилъ къ работамъ. Чрезъ полтора года мельница о 13 камняхъ была готова; 25 тыс., благодаря прожорливости рабочихъ, которыхъ строитель взялся продовольствовать на свой счетъ, издержаны до копѣйки. Племянникъ пани Лещинской—натура широкая—не жалѣлъ денегъ на довольство артели; ѣлъ, пилъ и спалъ вмѣстѣ съ рабочими, а по праздникамъ задавалъ такія попойки, что и въ будни отъ нихъ трещали головы. Развеселое житье! Пѣсни, шутки, смѣхъ никогда не умолкали. Рабочіе даже пѣсню сложили въ честь своего тароватаго хозяина.

Но вотъ пришла пора пустить въ ходъ крупчатку да загребать денежки. Тутъ-то и заковыка: для того чтобы громадина—мельница о 13 камняхъ дѣйствовала безостановочно круглый годъ, нужно было имѣть постоянно большой запасъ зерна, а чтобы сдѣлать его, необходимы были деньги или широкій кредитъ; но ни того, ни другого у Плонскаго не было. Оставалось одно средство—сдать крупчатку жидамъ въ аренду, а помѣщику больно не хотѣлось напустить въ свое имѣніе эту саранчу.

На выручку молодого афериста изъ бѣды явился другой аферистъ п. Шокальскій. Онъ предложилъ Лещинскому такой проектъ: сплатить Плонскому 25 тыс. и взять крупчатку въ свое владѣніе. Составилось засѣданіе изъ экспертовъ—обывателей. Толковали очень долго, дѣлали подробнѣйшія вычисленія, предусматривали всевозможныя случайности, брали maximum и minimum будущихъ доходовъ—на бумагѣ выходило все отлично По ихъ разсчетамъ п. Клеменсъ лѣтъ черезъ 10 будетъ въ

состояніи пріобрѣсть еще двѣ такихъ деревни, какъ Воробьевка. Завѣтная мечта Лещинскаго оставить каждому ихъ троихъ дѣтей по деревнѣ растрогала родительское сердце, и онъ рѣшился завладѣть крупчаткой, принявъ въ компанію пана Шокальскаго, у котораго хотя и не было капиталу, но онъ взялъ на себя обязанности по управленію мельницъ за извѣстный процентъ изъ доходовъ. Не дождавшись доходовъ, Шокальскій повелъ дѣло на широкую ногу. Подлѣ самой крупчатки, на живописномъ берегу Буга онъ построилъ каменный двухэтажный домъ съ балкономъ, для помѣщенія мельничной администраціи; завелъ отдѣльную контору съ кассиромъ и бухгалтеромъ, выписалъ изъ Ельца пузана-крупчатника за 600 р. въ годъ и т. д.

Зажилъ Шокальскій большимъ бариномъ: разъѣзжаетъ себѣ на шпаковатыхъ коняхъ, охотится съ борзыми за лисицами, принимаетъ гостей—словомъ, ни въ чемъ себѣ не отказываетъ.

Двѣ недѣли, проведенныя мною на крупчаткѣ, принадлежатъ къ пріятнѣйшему времени моей немировской жизни. Спалъ я на мезониеѣ, подъ самой крышей мельницы, подъ неумолкаемый стукъ мельничныхъ колесъ; проснувшись рано утромъ, слѣзалъ по лѣстницѣ внизъ, освѣжалъ себя холоднымъ душемъ подъ колесомъ; пилъ чай или кофе, обѣдалъ сытно; удилъ рыбу, охотился съ борзыми и съ легавыми; волочился за племянницей п. Шокальскаго, Викторіей, и велъ по временамъ, для сваренія въ желудкѣ, нелѣпѣйшіе дебаты съ кассиромъ Сухіемъ, ярымъ поборникомъ независимости родной Венгріи и заклятымъ врагомъ „подлыхъ австріаковъ". По временамъ сюда пріѣзжали мои маленькія рѣзвушки, Мариня и Климця—покататься со мной на лодкѣ, при закатѣ солнца, озарявшаго розовыми лучами скалистые берега Буга. Да, такія счастливыя минуты никогда не забываются... Но обратимся къ житейской прозѣ.

Прошелъ годъ—прибылей оказалось меньше minimum'a; но п. Шокальскій—великій мастеръ заговаривать зубы. Онъ успокоилъ п. Клеменса исчисленіемъ разныхъ экстраординарныхъ расходовъ по устройству крупчатки, между тѣмъ наличный капиталъ помѣщика весь ушелъ на закупку пшеницы—пришлось обратиться къ займамъ за большіе проценты. Завели по уѣзд-

нымъ городамъ мучныя лавки и учредили главное депо муки въ Одессѣ. А мельница все мелетъ да мелетъ.

Прошелъ еще годъ—опять итоги неутѣшительные. Третій годъ—безснѣжная зима, бездорожье: ни зерна доставить на мельницу, ни муку развозить по лавкамъ не было никакой возможности; а долги все растутъ да растутъ въ возрастающей прогрессіи. Четвертый годъ—опять бездорожье, а тамъ нѣсколько прикащиковъ по лавкамъ, размотавши деньги, бѣжали; а тамъ отпущенная одному греку въ кредитъ мука на 10 тыс. руб. не дошла до Константинополя: корабль разбитъ бурей, и купецъ объявилъ себя банкротомъ. А Шокальскій все мелетъ да мелетъ.

Загрустилъ мой Клеменсъ крѣпко; осунулся, весь почернѣлъ—жалко было смотрѣть на него. Въ томъ же злополучномъ году не замедлила послѣдовать и развязка неудавшейся спекуляціи.

Въ Воробьевку пріѣхалъ изъ Немирова большой пріятель Лещинскаго докторъ Лозинскій; у него п. Клеменсъ занялъ 13 тыс. руб. на извѣстный срокъ. Не получивъ своихъ денегъ, этотъ австрійскій выкрестъ, обругавъ хозяина банкротомъ въ присутствіи дѣтей, прямо отъ него покатилъ въ Брацлавъ и предъявилъ ко взысканію вексель, за нимъ послѣдовали и другіе кредиторы, такъ что денежныхъ взысканій по векселямъ оказалось, въ концѣ концовъ, больше чѣмъ на 100 тыс.

Выигралъ п. Клеменсъ справу, jak Zabłocki na mydle! Воробьевку продали съ молотка, вмѣстѣ съ мельницей, проклятой мельницей, на которой п. Шокальскій за 4 года промололъ довольство, счастіе и благосостояніе милаго семейства, пользуясь довѣрчивостью своего родственника.

Cholera morbus.

Еще задолго до появленія въ предѣлахъ имперіи нашей азіатской гостьи, учитель русскаго языка, поступившій на мѣсто В. А. Донченка *Н. А. Шастовъ,* узнавъ изъ газетъ, что эпидемія начинала свирѣпствовать гдѣ-то въ Персіи и Аравіи, заблаговременно запасся медицинскими книгами, въ которыхъ по-

дробно описаны всѣ признаки и свойства холеры, по наблюденію докторовъ въ 1830—31 годахъ. Начитавшись этихъ книгъ, нашъ почтенный товарищъ, и безъ того человѣкъ до крайности мнительный на счетъ своего здоровья, приготовилъ три запечатанные конверта къ Немировскимъ эскулапамъ, приказавъ своему лакею, на случай если онъ заболѣетъ, бѣжать во всѣ лопатки къ докторамъ. Страхъ смерти до того обуялъ жизнелюбиваго педагога, что онъ лишился сна и аппетита.

Лежитъ онъ ночью въ постели и постоянно ощупываетъ свои ноги, не охладѣли-ли они? Но вотъ, дѣйствительно, какъ будто начинаютъ холодѣть—несомнѣнный признакъ начинающейся холеры. Слуга побѣжалъ за докторами. Тѣ всѣ трое рады стараться—явились немедленно, переглянулись между собой, прописали какую-то дрянь и разошлись: значитъ, во время захватили болѣзнь. На другой день вся гимназія узнала, что Николай Акимовичъ заболѣлъ холерой, тогда какъ никто и не помышлялъ о ней. Е. Я—чъ, любившій, при всякомъ удобномъ случаѣ, высказать свое дешевое остроуміе, пришелъ къ концу уроковъ въ гимназію и пригласилъ всѣхъ насъ, по долгу христіанскому—посѣтить болящаго.

Войдя въ первую комнату квартиры Шастова, онъ пригласилъ насъ сѣсть, а самъ, стоя среди комнаты, сталъ держать рѣчь, посвященную памяти ново-преставленнаго раба Божія Николая, лежавшаго въ другой комнатѣ подъ двумя одѣялами; потомъ, заглянувъ къ нему, пріотворивши дверь и какъ-бы удивившись, что мнимый покойникъ живъ, высказалъ непритворную радость и, поглумившись еще нѣсколько времени надъ трусостью хозяина, ушелъ домой, чрезвычайно довольный своимъ паясничествомъ.

Съ наступленіемъ весны, на окраинахъ Россіи появилась наконецъ настоящая cholera morbus и быстро подвигалась къ нашимъ внутреннимъ губерніямъ. Немировъ, какъ всѣ западныя мѣстечки, представлялъ весьма благопріятную почву для эпидемій, хорошо удобренную экскрементами всяческихъ нечистотъ. Особенно былъ грязенъ и вонючъ его жидовскій кварталъ, со скученнымъ населеніемъ: живя нѣсколькими семьями въ одной

хатѣ, безъ двора и отхожихъ мѣстъ, евреи уже давно заготовили матеріалъ для болѣзней. Естественно, прежде всѣхъ стали умирать жиды. А у насъ въ гимназіи, въ самый разгаръ холеры, производились испытанія, какъ будто мы были застрахованы отъ смерти. Но вотъ дошла очередь и до насъ. Умеръ инспекторскій пансіонеръ Бюловъ, единственный сынъ заслуженнаго полковника, любимецъ добряка Беккаревича и его семейства. Смерть юноши до того потрясла старика Якова Омельяновича, что онъ самъ заболѣлъ. Еще не остылъ трупъ покойника-гимназиста, а директоръ нашъ, вступивъ въ союзъ съ холерой, позаботился о другой жертвѣ. Замѣтивъ какой-то безпорядокъ въ гимназіи, онъ послалъ за инспекторомъ. Больной, убитый горемъ старикъ съ большимъ трудомъ дотащился до инспекторской комнаты, думая, что г. директоръ зоветъ его на совѣщаніе относительно похоронъ его пансіонера; да и кому могла придти въ голову мысль, что этотъ каменный человѣкъ зоветъ инспектора для того, чтобы дать ему нахлобучку? Едва показался въ гимназію Беккаревичъ, какъ З—й накинулся на него, какъ бѣшеная собака и чего-чего не наговорилъ онъ бѣдному старику въ присутствіи учителей и надзирателей! Инспекторъ совершенно растерялся отъ такого неожиданнаго нападенія: онъ бормоталъ какія-то невнятныя слова, весь дрожалъ и едва устоялъ на ногахъ, а директоръ неистовствовалъ:

— Я знать ничего не хочу, что у васъ тамъ случилось дома—это къ службѣ не относится, а если вы больны, то должны были подать рапортъ о болѣзни.

Отъ страшнаго душевнаго потрясенія Я. О—чъ въ тотъже вечеръ заболѣлъ сильнѣйшею холерой, а къ утру его не стало. Истинный виновникъ смерти любимца и друга дѣтей не устыдился почтить его погребеніе своимъ присутствіемъ; у него даже достало духу утѣшать осиротѣвшее семейство пошлыми сентенціями у той самой могилы, въ которую онъ безчеловѣчно втолкнулъ свою жертву.

Умерло еще два гимназиста. Экзамены пріостановились сами собой, потому что родители учениковъ самовольно стали развозить дѣтей по домамъ. Большая часть преподавателей тоже

разъѣхалась. Остались одни семейные да я. Директоръ отказалъ мнѣ въ отпускѣ на томъ основаніи, что я, какъ библіотекарь, обязанъ привесть въ порядокъ фундаментальную библіотеку, пользуясь каникулами. Но это, разумѣется, былъ одинъ лишь предлогъ; онъ хотѣлъ, при семъ удобномъ случаѣ, сдѣлать мнѣ пакость, а можетъ быть, кто знаетъ? не желалъ-ли онъ отъ меня совсѣмъ избавиться, разсчитывая на услуги своей родной сестрицы мадамъ Холеры?..

Я остался въ опустѣломъ домѣ одинъ одинешенекъ, тогда какъ семья моего помѣщика въ десяти верстахъ отъ зараженнаго мѣстечка наслаждалась чистѣйшимъ воздухомъ, спокойствіемъ и здоровьемъ. Положеніе мое было крайне незавидное: днемъ жара 30°; духота и зной убивали всѣ мыслительныя способности; не могъ я ни читать, ни заниматься въ библіотекѣ; ночью, едва успѣетъ скрыться жгучее солнце и, пользуясь прохладой, я выйду въ садикъ,—какъ со всѣхъ сторонъ несутся вопли осиротѣлыхъ семей: невдалекѣ отъ моей квартиры находились четыре кладбища—православное, католическое, лютеранское и еврейское; тамъ во всю ночь свѣтились огни и кипѣла страшная работа; оттуда неслись плачъ и стоны, способные наполнить ужасомъ душу самаго неустрашимаго человѣка. Умирало по 70 человѣкъ въ сутки.

Мѣстечко представляло картину осажденнаго непріятелемъ города; торговля и сношенія съ людьми прекратились, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились источники дневного пропитанія для бѣднѣйшаго класса евреевъ, жившихъ грошовыми заработками. Одинъ полковникъ пріятель Е. Я—ча, роздавъ жидамъ весь свой капиталъ на „тыгоднювки", совершенно разорился, не получивъ не только процентовъ, но и собственныхъ денегъ [1]).

Можно себѣ вообразить, что было въ это время съ Шастовымъ. Онъ бѣгалъ по мѣстечку, весь облитый духами, закрывши ротъ и носъ двумя платками, совершенно мокрыми отъ

---

[1]) Деньги раздавались по мелочамъ—пять, десять рублей—съ обязательствомъ каждую пятницу вносить часть капитала и проценты за недѣлю (tygodni—оттуда тыгоднювки). Полученная т. обр. часть розданнаго капитала отдавалась другимъ на тѣхъ-же условіяхъ. За недѣлю-же взималось 5%.

благовонныхъ жидкостей; не ночевалъ дома, ища убѣжища у знакомыхъ, которымъ всю ночь не давалъ покоя, безпрерывно вскакивая съ постели и натираясь разными снадобьями. Дрянность этого животолюбиваго труса обнаружилась во всей силѣ при слѣдующемъ случаѣ: заболѣлъ холерой преданный ему слуга и едва раскрылъ ротъ, чтобы пожаловаться своему барину на нездоровье, какъ тотъ въ одинъ мигъ очутился у станового съ просьбой отвезти его человѣка въ больницу, откуда, кажется, никто не вышелъ живымъ; между тѣмъ какъ скоро послѣ этого захворала у этого пошляка комнатная собаченка, онъ ее повезъ за 25 верстъ къ ветеринару и за одинъ рецептъ заплатилъ 3 руб. с.

По сосѣдству со мной, черезъ улицу, жилъ въ казенной квартирѣ К. П. Чарнецкій. Встрѣтясь однажды со мной, онъ, по своей привычкѣ, загоготалъ и сталъ хвалиться изобрѣтенными имъ антихолерными настойками и совѣтовалъ, въ случаѣ надобности, обратиться не къ доктору, а къ нему. Едва успѣли мы съ нимъ разстаться, какъ черезъ нѣсколько часовъ узнаю, что мой Казиміръ заболѣлъ холерой. Бѣгу къ нему, а онъ и языкомъ не въ состояніи повернуть. Почувствовавъ припадки болѣзни, почтенный педагогъ до того нализался, пробуя разныя специфическія по его мнѣнію средства, что никакой докторъ уже не былъ въ состояніи спасти его.

— Такъ небожчикъ пьяненькимъ и вмерлы!—печаловалась за нимъ старенькая кухарка его.

Скончался еще одинъ педагогъ—учитель нѣмецкаго языка Опперманъ, братъ гимназическаго врача. Зашедши-же въ канцелярію, я узналъ, что къ намъ въ Немировъ назначенъ преподавателемъ французскаго языка на мѣсто Блюкле, Mr Denis, старый нашъ знакомый, забавлявшій насъ гимназистовъ въ Новгородсѣверской гимназіи разсказами про Наполеона. Получивъ бумагу о своемъ назначеніи, онъ счелъ долгомъ явиться къ начальнику. Но представившись директору въ парусиновомъ пиджакѣ, Denis навлекъ на себя такую грозу со стороны директора за оказанное ему неуваженіе, что на возвратномъ пути въ деревню, гдѣ проживало его семейство, отъ сильнаго душев-

наго потрясенія, послѣ полученной отъ З—го встрепки, дорогой заболѣлъ и едва добрался домой—отдалъ Богу душу.

Опустошенія, производимыя холерой, были до того ужасны, что жиды, не видя никакого спасенія, побросали свои жилища и, забравши свои бебехи, огромнымъ таборомъ стали въ полѣ—бѣдняки подъ открытымъ небомъ, а кто побогаче—въ будахъ, на манеръ кочующихъ киргизовъ. Опустѣвшее мѣстечко стало еще печальнѣе. Тоска давила грудь; тяжело было дышать. Еслибы такое состояніе продлилось еще нѣсколько дней, я бы, кажется, съ ума сошелъ.

Наконецъ утромъ, въ одинъ изъ самыхъ удушливыхъ дней іюля мѣсяца, я отправился къ директору съ твердой рѣшимостью уѣхать безъ билета, если онъ меня не отпуститъ. Но Е. Я—чъ, какъ опытный физіогномистъ, посмотрѣвъ на меня, прочелъ на лицѣ моемъ рѣшимость и, не доводя дѣла до крайности, подписалъ билетъ. Разставаясь въ такое бѣдственное время, мы, конечно, не пожелали другъ другу увидѣться въ добромъ здоровьѣ; я поклонился молча и ушелъ. Не заходя на квартиру, прямо отправился на почтовую станцію, взялъ за тройные прогоны пару лошадей и, забравши свои пожитки, укатилъ въ Воробьевку къ маленькимъ моимъ друзьямъ, давно меня ожидавшимъ.

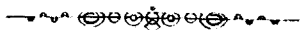
Дорога лежала черезъ поля, золотившіяся несжатой еще пшеницей; на меня пахнуло здоровымъ воздухомъ, пропитаннымъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ. Все кругомъ дышало жизнью. Какой контрастъ со всѣмъ тѣмъ, что я оставилъ за собой въ вонючемъ жидовскомъ мѣстечкѣ!

Въ ожиданіи нежеланной гостьи, помѣщикъ принялъ необходимыя мѣры: снабдилъ свою домашнюю аптеку нужными медикаментами, согналъ съ баштана пилипона-кацапа, возвративъ ему арендныя деньги за землю и побросавъ въ рѣку недозрѣвшіе еще дыни и арбузы; наконецъ пригласилъ жидка фельдшера.

Кровопусканіе было въ то время въ большомъ ходу. Пора была страдная; многіе крестьяне, помимо холеры, заболѣвали въ полѣ просто отъ жары, и имъ услужливый Берко тотчасъ „отворялъ кровь“. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ бѣжалъ съ рапортомъ до пани.

А co, panie Berku, jak tam slabemu? спрашиваетъ она. А у Берка былъ всегда одинъ и тотъ-же стереотипный отвѣтъ: lżej (легче), за что я и его самого прозвалъ „докторомъ лжей“

Но вообще говоря, санитарное состояніе сельскаго люда въ Воробьевкѣ было отлично, хотя импровизированный врачъ, чтобы выказать свою дѣятельность и получить большій гонораръ за свое усердіе, не жалѣлъ хлопской крови и неутомимо розыскивалъ больныхъ между крестьянами.



БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ.

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

Каневскій уѣздъ считается первымъ въ кіевской губ. по населенности, плодородію почвы и обилію сахарныхъ заводовъ. Уѣздъ этотъ назывался прежде „Богуславскимъ". Богуславъ былъ въ свое время зажиточный городъ. Красивое мѣстоположеніе города, масса евреевъ, центръ староства, а послѣ—главнаго управленія имѣніями графа Браницкаго, возвысили этотъ городъ среди другихъ городовъ губерніи; частыя большія ярмарки и бойкая торговля обѣщали въ будущемъ поднять еще больше его благосостояніе; но пожаръ во всемъ городѣ (въ 1826 году) заставилъ правительство, вслѣдствіе скученности народонаселенія, перенести присутственныя мѣста въ Каневъ. Богуславъ, сдѣлавшись мѣстечкомъ, сталъ постепенно оправляться послѣ пожара; экономическое и торговое его значеніе нисколько не ослабѣло. И въ настоящее время Богуславъ можно считать главнымъ торговымъ мѣстечкомъ не только каневскаго, но и другихъ смежныхъ уѣздовъ.

Съ какой бы стороны вы ни подъѣзжали къ Богуславу, прежде всего вы невольно обратите вниманіе на высокую гору, на которой теперь возвышается каменная церковь съ колокольнею, и увидите нѣсколько каменныхъ зданій въ садахъ, окруженныхъ каменною оградою,—это Богуславскій Свято-Николаевскій монастырь, въ которомъ съ 1818 по 1884 г. находилось Богуславское Духовное уѣздное училище. Дѣйствительно, трудно найти болѣе живописное мѣсто, какъ мѣстность подъ мона-

стыремъ и бывшимъ училищемъ. Усѣянная камнями, бурная р. Рось, пройдя м. Богуславъ, расширяется и видимо принимаетъ тихое и плавное теченіе; берега ея, за четверть версты до горы, ослѣпляютъ васъ бѣлизной отъ массы песка, которымъ они покрыты. Рось, поворачивая немного отъ горы противъ монастыря, начинаетъ суживаться, и стремительно вся вода ея попадаетъ въ пороги, образовавшіеся отъ дикаго камня. На самой возвышенной сѣверной части горы устроена каменная церковь съ колокольнею, и потому издали церковь и колокольня монастыря обращаютъ на себя вниманіе. Южная часть этой горы не такъ обрывиста, и по менѣе наклонной ея площади проведена, въ западной части горы, чрезъ лугъ дорога изъ Богуслава въ монастырь. Почва южной части этой горы менѣе камениста и даже очень плодородна, такъ что засѣвали тамъ хлѣбныя растенія и разводили огороды и сады. На самой возвышенной южной части горы противъ церкви было устроено духовное уѣздное училище. Зданіе училища было деревянное, обшитое досками и потому имѣло видъ „темнаго зданія"; сѣньми раздѣлялось оно на двѣ половины; въ одной половинѣ было двѣ классныхъ комнаты, а въ другой—одна и залъ для собраній. Противъ училища, черезъ дорогу, стояло зданіе, гдѣ жилъ инспекторъ училища: теперь тамъ каменная теплая церковь. По склонамъ горы находилось съ восточной и западной стороны училища пять зданій, въ которыхъ жили учителя и ученики; два изъ этихъ зданій назывались „Монастырскими квартирами", и монастырь содержалъ здѣсь учениковъ за извѣстную плату; но многіе бѣднѣйшіе ученики жили на квартирахъ у мѣщанъ за монастыремъ.

Каменистая почва и прекрасный черноземъ въ этой мѣстности такъ уживались вмѣстѣ и такъ дополняли другъ друга, что приходится удивляться живописности и роскоши природы. Для живописности и красоты мѣстоположенія бывшій настоятель монастыря и вмѣстѣ смотритель Богуславскаго Духовнаго училища, игуменъ Ѳеодоръ, въ 50 годахъ настоящаго столѣтія у самой подошвы горы прорылъ по лугу во всю его длину глубокую канаву, которая, обходя монастырь кругомъ,

вмѣстѣ съ р. Росью образовала островъ. Къ Монастырю и училищу за лугомъ прилегали только съ сѣверной стороны усадьбы Богуславскихъ мѣщанъ съ прекрасными садами. Нельзя сказать, чтобы усадьбы были густо населены; свобода была полная, каждый изъ мѣщанъ жилъ, окруженный прекраснымъ огородомъ, садомъ, и имѣлъ болѣе 2-хъ десятинъ земли.

Въ этотъ благодатный и здоровый для дѣтей уголокъ попалъ я девятилѣтнимъ мальчикомъ въ сентябрѣ 1855 г. и опредѣленъ былъ въ низшее отдѣленіе училища. При моемъ поступленіи училище состояло изъ 3-хъ классовъ: высшаго, средняго и низшаго отдѣленій; въ каждомъ нужно было учиться по 2 года, такъ что срокъ ученія продолжался 6 лѣтъ. Богуславское духовное училище открыто 2 февраля 1818 г. на средства, собранныя отъ духовенства Богуславскаго уѣзда. Средства были не особенно обильны: всего собрано было 501 руб. ассигнаціями и 8 к. Принималъ горячее участіе въ сборѣ денегъ протоіерей Ѳедоръ Андреевскій, и онъ же былъ назначенъ первымъ смотрителемъ училища, Занятія были открыты въ келіяхъ настоятеля Богуславскаго монастыря, въ составѣ двухъ классовъ: высшаго и низшаго отдѣленій; въ высшее отдѣленіе было принято по экзамену 15 учековъ, въ низшее 14 учениковъ; приходское училище было открыто 6 Мая 1818 въ Богуславѣ въ нанятомъ домѣ [1]).

Кромѣ смотрителя, при училищѣ былъ инспекторъ, два учителя и особо учитель приходскаго—приготовительнаго класса. Жалованья смотрителю полагалось 325 р., учителю высшаго отдѣленія 150 р., низшаго—125, приходского—100 р., за исправленіе инспекторской должности 60 р., Въ 1821 г. жалованье было увеличено: смотритель получалъ 350 р., инспекторъ 350 р., учителямъ высшаго отдѣленія по 350 р., каждому учителю низшаго отдѣленія по 300 р., приходскаго—400 р. на двухъ. Въ 1826 г. смотритель Андреевскій былъ уволенъ отъ должности—и на его мѣсто назначенъ іеромонахъ Владиміръ, кандидатъ Академіи и настоятель монастыря. Въ 1828 г. приходское училище было соедине-

---

[1]) Подробности объ открытіи училища см. Кіевск. Епархіальн. Вѣдомост. за 1879 г. №№ 18, 22, 23, 46, 47 и 49 и за 1880 г, №№ 31, 32 и 33, стат. преподавателя Екатеринославской семинаріи Королькова.

но съ уѣзднымъ и состояло изъ двухъ классовъ, и изъ 2-го класса ученики переводились въ низшее отдѣленіе. Смотритель Владиміръ получилъ 1 іюня 1830 г. изъ правленія семинаріи строгое замѣчаніе за то, что безъ существенной пользы для учениковъ выписывалъ въ 1830 году *„Московскія Вѣдомости“* и *„Московскій Наблюдатель“*, и было ему на всегда предписано, „вѣдомостей, журналовъ и другихъ книгъ не *классическихъ,* безъ дозволенія Правленія, ни подъ какимъ видомъ не смѣть выписывать“. Смотритель Владиміръ былъ уволенъ отъ должности 28 іюня 1831 г., а на его мѣсто назначенъ іеромонахъ Пантелеймонъ, послѣ котораго смотрителемъ былъ назначенъ іеромонахъ Григорій (съ 28 Мая 1832 г.) При Григоріѣ устроено было новое зданіе училища, которое открыто было 4 сентября 1833 г. и стоило около 5000 руб. ассигнаціями.—Въ 1835 г. іеремонахъ Григорій оставилъ должность смотрителя, а на его мѣсто назначенъ былъ кандидатъ академіи Игнатій Мацкевичъ.—Въ 1845 г. уволенъ протоіерей Мацкевичъ, и должность смотрителя занялъ игуменъ Ѳеодоръ.—Замѣчательно то, что ежегодно почти всѣ учителя уходили изъ училища, особенно-же при игуменѣ Ѳеодорѣ, такъ что правленіе Семинаріи потребовало, чтобы игуменъ Ѳеодоръ не притѣснялъ учителей, а учителямъ предписано, чтобы они относились съ должнымъ почтеніемъ къ своему начальнику. Причиною бѣгства учителей были недостаточность средствъ содержанія и деспотическое обращеніе смотрителя съ ними. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, и еще одна была причина постояннаго ухода учителей, а именно: учителя смотрѣли на эту должность, какъ на временную, переходную, и разъ гдѣ оказывалось выгодное священническое мѣсто, учителя переходили на должность священника, а митрополиты учителямъ училищъ предпочтительно давали хорошіе приходы. Училище находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ правленія Кіевской Духовной семинаріи, и правленіе строго слѣдило за учебною, экономическою и другими частями и давало всегда очень строгія указанія; для большей убѣдительности и знакомства съ положеніемъ училища на мѣстѣ посылаемы были ревизоры. Въ 1824 г. ревизовалъ училище рек-

торъ Семинаріи соборный іеромонахъ Владиміръ; въ декабрѣ 1828 г.—ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іустинъ; въ 1830 г. посѣщалъ училище митрополитъ Евгеній, нашелъ учениковъ несвѣдущими въ пѣніи и сдѣлалъ строгій выговоръ учителю Фіалковскому. Отношеніями отъ 28 іюня и 11 сентября 1827 г. правленіе семинаріи обратило вниманіе на то, что, при пріемѣ въ Семинарію, ученики Богуславскаго училища плохо знали латинскій языкъ, за что сдѣлано внушеніе смотрителю; смотритель же объяснилъ въ своемъ отвѣтѣ незнаніе учениковъ тѣмъ, что въ высшемъ отдѣленіи латинской книги „Корнелія Непота“ приходится по одному экземпляру на 5 душъ, а въ низшемъ отдѣленіи нѣтъ ни одного экземпляра священной исторіи, назначенной для перевода. Правленіе Семинаріи отношеніемъ отъ 18 октября 1828 г. предписало: текстъ переводимаго списывать. Въ 1832 г. съ 14 по 16 іюня была произведена ревизія училища ректоромъ Семинаріи Архимандритомъ Іустиномъ, и все найдено было въ порядкѣ. Затѣмъ періодически черезъ каждые 3—4 года производились ревизіи, при чемъ большею частію служащіе были представляемы къ наградамъ, хотя каждый разъ получались также строгія указанія, какъ вести дѣло образованія, чтобы оно вполнѣ удовлетворяло тому назначенію, которое требовалось высшимъ начальствомъ; экономическая и счетная части были въ строгомъ наблюденіи правленія, и смотрителя получали очень часто внушенія за неимѣніе оправдательныхъ документовъ въ израсходованіи суммъ.

Отецъ мой, опредѣляя меня въ Богуславское училище, руководствовался близостью его отъ своего мѣста жительства, а главное—нравилось ему прекрасное мѣстоположеніе училища и возможность не бояться болѣзней. Съ глубокою почтительностью вспоминаю то дорогое время, когда привели меня на экзаменъ къ смотрителю о. игумену Ѳеодору: онъ далъ мнѣ читать псалтирь, но я, не видѣвши никогда начальства, сталъ плакать; между тѣмъ игуменъ Ѳеодоръ вмѣсто всякихъ утѣшеній сказалъ мнѣ „принятъ, ступай учиться“, и я стремглавъ бросился въ зданіе училища, гдѣ засталъ учениковъ въ залѣ, при чемъ увидѣлъ между учениками большихъ ростомъ, почти съ бородами

и въ разныхъ костюмахъ: отъ мѣщанской чемерки до сюртука и что-то похожее на настоящіе пиджаки. Скоро въ залъ прибыли: игуменъ Ѳеодоръ, инспекторъ училища, кандидатъ богословія Алексѣй Ельчуковъ (преподаватель греческаго языка, русской исторіи и священной исторіи), учителя: Комаровскій (русскаго языка), Дмитрій Левицкій (ариѳметики), Георгій Рождественскій (латинсваго языка). Впервые пришлось увидѣть училищную корпорацію и понять, что теперь-то не такъ нужно учиться, какъ учились прежде у малограмотныхъ дьячковъ или въ сельскихъ училищахъ казенныхъ имѣній кіевской губерніи. Я водворенъ былъ на монастырской квартирѣ, съ платою *25 руб. въ годъ,* что въ то время казалось очень дорого: бѣдные ученики у мѣщанъ за годовое кормленіе съ доставкою провизіи платили 5 руб, и того меньше, а учителямъ съ репетиціей платили по 25 руб. Только въ 1860 году плата начала подниматься и доходила до 40 руб., а съ репетиціями отъ 1 руб. за каждый предметъ. Поступивъ на квартиру по отъѣздѣ отца, я остался одинъ, не было съ кѣмъ слова промолвить; но сейчасъ ко мнѣ, какъ къ новичку, подошелъ одинъ изъ *великовозрастныхъ* и предложилъ написать слова: „лей, лей, не жалѣй; Богомъ клянусь, не разсержусь". Не замѣтилъ я въ рукахъ у него кувшина съ водою, потому сразу не понялъ, что означаютъ эти роковыя слова; написалъ я, и добрый молодецъ вылилъ на мою голову кувшинъ воды,—это означало „посвященіе въ ученики".

Для вечернихъ занятій осенью и зимою выдавались сальныя свѣчи, и ученики приготовляли уроки, а въ 9 час. должны были спать. Учениковъ въ то время было во всемъ училищѣ до 80 человѣкъ, а на квартирѣ со мною въ 3-хъ большихъ комнатахъ жило человѣкъ 16. У каждаго былъ свой сундукъ; и у меня былъ свой сундучекъ гдѣ я сохранялъ свое бѣлье, одежду и книги. Однажды, прійдя изъ класса, я увидѣлъ, что замокъ возлѣ сундука отбитъ, бѣлье выброшено, а книги взяты или правильнѣе украдены. Плакалъ я, плакалъ, но ничто не помогло. Безслѣдно пропали мои книги, а жаловаться было некому. Нужно было искать другого выхода изъ бѣды, и одинъ изъ добрыхъ товарищей моихъ по-

совѣтовать мнѣ, по пріѣздѣ родителей, перемѣнить квартиру,— перейти къ учителю. Дѣйствительно, въ уѣздныхъ училищахъ очень была замѣтна въ эти годы кража книгъ и вещей. Дѣти въ большинствѣ здѣсь были бѣдныхъ родителей, по большей части церковнослужителей, и тѣ, особенно изъ высшихъ классовъ, пользуясь своею силою, а, значитъ, и „правомъ“, обирали новичковъ до рубахи. Жаловаться трудно было: во 1-хъ—нельзя указать, на кого именно имѣешь подозрѣніе, а во 2-хъ—украденныя книги сами ученики переплетали въ другія обертки и продавали, такъ что узнать книги нельзя. Я даже послѣ узналъ, кто укралъ мое имущество, но жаловаться боялся. Только по пріѣздѣ матери я объяснилъ ей свое горе, что нѣтъ книгъ и учиться не могу. Къ счастію я имѣлъ хорошую память и успѣвалъ въ классахъ до прихода учителя выучивать уроки, а подчасъ пользовался книгами товарищей, и такъ обходился пока безъ книгъ, до присылки мнѣ новыхъ.

Въ низшемъ отдѣленіи учитель Нечай преподавалъ краткую церковную исторію и „нотное пѣніе“ и занимался разборомъ книги „Друзья дѣтей“, заставляя выучивать оттуда стихи; Рождественскій преподавалъ латинскій языкъ, Левицкій—ариѳметику. Смотритель училища, игуменъ Ѳедоръ, лично не преподавалъ при мнѣ никакого предмета, но слѣдилъ за преподаваніемъ, очень часто являлся въ классъ и самъ спрашивалъ учениковъ. Когда находилъ плохое знаніе учениковъ по какому-либо предмету изъ болѣе серьезныхъ, то назначалъ иногда время для репетиціи и самъ разъяснялъ все непонятное ученикамъ. Когда кого-либо изъ учителей не было въ училищѣ или была вакансія, (а вакансіи были постоянно), то игуменъ Ѳеодоръ самъ преподавалъ предметъ, и преподавалъ всегда съ пользою для учениковъ. Какъ педагогъ, о. Ѳеодоръ былъ рѣдкій человѣкъ. Относясь строго къ ученикамъ и учителямъ, онъ былъ причиною того, что въ училищѣ не долго уживались учителя. По случаю частыхъ перемѣнъ учителей, до прибытія новаго, самъ смотритель постоянно давалъ намъ уроки, сближался съ учениками, изучалъ ихъ способности и направленія, наказывалъ виновныхъ и съ полною добросовѣстностью восполнялъ пропущенное учителемъ. Припоминаю наружность этого смо-

трителя: онъ былъ средняго роста, худощавъ, лицо блѣдное съ остатками оспы; глаза небольшіе, закрытые камилавкою и всегда сверкающіе; голосъ чистый, не очень звучный, разговоръ—лаконическій; требовалъ онъ всегда отвѣта „да“ или „нѣтъ“; по жизни былъ полнѣйшимъ анахоретомъ и аскетически смотрѣлъ на все; этого же требовалъ и отъ подчиненныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ весьма оригиналенъ. Укажу, напримѣръ, на такой фактъ. Однажды онъ пришелъ въ классъ преподавать ариѳметику, вызвалъ ученика Николая П—скаго, приказалъ ему писать задачу; тотъ написалъ, но онъ обратилъ вниманіе на цифру „5“ и сказалъ „не умѣешь писать цифры „5“. П—скій со всею возможною аккуратностью и тщательностью написалъ „5“; Игуменъ опять сказалъ: „не такъ пишешь! высѣчь“! Тотъ еще тщательнѣе написалъ „5“, но опять услышалъ роковое „высѣчь“. Такъ сѣкли 5 разъ; наконецъ надоѣло П—скому это сѣченіе, и онъ въ раздраженномъ состояніи сталъ писать „5“ самымъ небрежнымъ образомъ. И вдругъ игуменъ Ѳедоръ сказалъ: „такъ, такъ“. Оказалось, что ему хотѣлось, чтобы ученикъ началъ писать „5“ сверху однимъ почеркомъ пера. Въ воскресенье и въ праздничные дни, передъ вечернею и литургіей, ученики собирались въ классъ; приходилъ инспекторъ или его помощникъ, провѣрялъ, всѣ ли ученики на лицо, и затѣмъ попарно шли въ монастырскую церковь,—зимою въ теплую, а лѣтомъ въ большую каменную. По заведенному издревле порядку ученики читали въ церкви во время богослуженія часы, канонъ, псалтырь. Распредѣленіе чтенія въ церкви составлялось заранѣе старшимъ дежурнымъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія, утверждалось инспекторомъ и объявлялось ученикамъ, такъ что за недѣлю до чтенія въ церкви ученикъ зналъ, что ему прійдется читать и могъ приготовиться. Нужно замѣтить, что игуменъ Ѳедоръ серьезно слѣдилъ за чтеніемъ каждаго ученика въ церкви и послѣ богослуженія призывалъ тѣхъ изъ учениковъ, которые что-либо не такъ прочитали или ошиблись въ произношеніи ударенія. Помню слѣдующій случай: ученикъ средняго отдѣленія читалъ въ концѣ утрени 1-й часъ; игуменъ Ѳедоръ потребовалъ его вмѣстѣ съ другими и сказалъ ему „читай: прій-

дите поклонимся"; ученикъ читаетъ; игуменъ Өедоръ приказываетъ, высѣчь. Высѣкли,—и „опять читай". Тотъ другимъ голосомъ, протяжно читаетъ „прійдите поклонимся"; игуменъ опять сказалъ: „высѣчь!" Стоятъ всѣ ученики и недоумѣваютъ, за что сѣчетъ онъ. Затѣмъ онъ сказалъ ученику: „ты христіанинъ"? Тотъ отвѣчаетъ „христіанинъ".—„Почему же не крестишься"? Вина ученика оказалась въ томъ, что онъ забылъ перекреститься, когда читалъ „прійдите поклонимся". Игуменъ Өедоръ требовалъ при чтеніи въ церкви отъ ученика медленнаго, яснаго и громкаго чтенія, правильности ударенія, изученія на практикѣ церковнаго устава, и потому обязательно было самому ученику разыскать по уставу, какой тропарь читать, какіе каноны, какому святому. И горе было тому ученику, который ошибался въ чтеніи! Особенно было тяжело на первой недѣлѣ Великаго поста вставать по первому звону въ 3 часа ночи, бѣжать въ церковь и читать полунощницу. По первому удару колокола, игуменъ Өедоръ всегда—въ церкви, ученикъ же долженъ быть уже на мѣстѣ и стоять на клиросѣ. Болѣе ревностные ученики еще до звона колокола бѣжали къ теплой церкви и ожидали звона, чтобы поспѣшить къ чтенію—иначе игуменъ Өедоръ былъ грозенъ, неумолимъ и не прощалъ такого невниманія къ церкви. Какъ я уже упомянулъ, послѣ каждаго служенія игуменъ Өедоръ звалъ къ себѣ чтецовъ, заставлялъ въ своемъ присутствіи читать, указывалъ на ошибки, исправлялъ ударенія и требовалъ при вторичномъ чтеніи избѣгать ошибокъ, иначе грозилъ сѣченіемъ; за то лучшимъ чтецамъ высылалъ просфоры и старался чѣмъ-нибудь поощрять учениковъ къ внимательному и осмысленному чтенію. Если принять во вниманіе, что ни одинъ изъ учениковъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не освобождался отъ чтенія въ церкви молитвословій, то это имѣло очень хорошую свою сторону, а, при строгомъ надзорѣ смотрителя, пріучало дѣтей къ ясному и правильному произношенію. При выговорахъ за неправильное чтеніе, о. Өедоръ всегда говорилъ: „вы, господа, приготовляетесь къ священническому сану, на васъ будетъ лежать обязанность тяжелая; вы будете проповѣдниками слова Божія"—и какъ же вамъ съ дѣтства не выучиться ясно, громко и

выразительно читать, чтобы всѣ слушающіе богослуженіе могли ясно понимать, что читается и о чемъ говорится въ молитвословіи. Чтобы развить у учениковъ способность къ прекрасному произношенію, онъ установилъ въ 1858 г. лѣтомъ чтеніе молитвъ утреннихъ и вечернихъ возлѣ церкви; для этого въ назначенный часъ, по звонку, ученики собирались возлѣ церкви, и по очереди одинъ изъ учениковъ, начиная съ высшаго отдѣленія и далѣе средняго, читалъ молитвы. Требовалось читать всегда ясно, громко.

Въ монастырской квартирѣ жилось мнѣ плохо. Послѣ присылки книгъ, у меня опять ихъ украли, и я вторично никому не заявлялъ, кромѣ одного своего пріятеля. Кромѣ того, для малыхъ учениковъ было и еще одно неудобство, именно: ночью ученики старшихъ классовъ подносили спящему такъ называемыя „пынхвы": къ носу подносили свернутую вату и зажигали ее, такъ что приходилось бѣдному долго откашливаться. При всей кажущейся небольшой платѣ, кормили учениковъ, можно сказать, хорошо. Обязательно былъ по утрамъ завтракъ: въ постные дни, въ среду и въ пятницу, супъ, въ понедѣльникъ—супъ съ масломъ, а во вторникъ „лазанки", въ четвергъ и субботу — блины; даже по улицамъ въ эти дни запахъ блиновъ далеко былъ слышенъ. На обѣдъ давался борщъ, жаркое изъ мяса, вареники съ сыромъ; на ужинъ всегда приготовляли что-нибудь свѣжее. Вообще всѣ ученики были довольны пищею. По мѣщанскимъ же квартирамъ еще лучше кормили: тамъ ученики положительно объѣдались,—и въ день *блиновъ*—безусловно спали въ классѣ. Учителя знали этотъ день и относились не очень строго къ спавшимъ ученикамъ. Въ день заговѣнья на посты ученики ужинали ночью по нѣсколько разъ: поужинаютъ разъ— ложатся спать; встанутъ—опять ѣдятъ, и такъ до разсвѣта; а предъ разсвѣтомъ насыщаются еще, чтобы приготовиться вполнѣ къ посту.

Для сближенія учениковъ между собою и для поощренія лучшихъ, игуменъ Ѳеодоръ нѣсколько разъ на свой счетъ устраивалъ балы. На балъ приглашались всѣ учителя, лучшіе ученики и пѣвчіе. Давали дѣтямъ чай, орѣхи и закуску; пѣвчіе пѣли

духовные псалмы по нотамъ; и самъ смотритель распоряжался въ качествѣ хозяина: предлагалъ чай, конфекты и пр., и дѣлался совсѣмъ не тѣмъ грознымъ начальникомъ, какимъ его приходилось всегда видѣть въ классахъ. При мнѣ бывало это по большей части зимою. Въ девять часовъ вечера дѣтямъ отдавался приказъ идти домой спать. Бывшіе на балу или на вечерѣ у смотрителя гордились этимъ, разсказывали товарищамъ, какъ имъ хорошо было, какъ угощалъ ихъ отецъ игуменъ и какъ ласкалъ. Еще одна прекрасная черта была у смотрителя Ѳедора; это—дѣтей бѣдныхъ родителей онъ принималъ къ себѣ „за келейныхъ,“ т. е. за лицъ, которыя прислуживали ему, подавали самоваръ, обѣдъ; всѣхъ этихъ учениковъ онъ у себя кормилъ, поилъ, одѣвалъ, а работы не было никакой, потому что кромѣ учениковъ были и послушники, а слѣдовательно, ученики изъ келейныхъ носили только это званіе, въ дѣйствительности-же мало прислуживали. А между тѣмъ самъ игуменъ Ѳедоръ занимался съ ними, объяснялъ уроки имъ, выслушивалъ и такимъ образомъ давалъ возможность многимъ окончить курсъ семинаріи, такъ какъ келейники учились лучше, чѣмъ квартирные ученики. Въ то время предъ праздниками Рождества Христова, Свѣтлаго Воскресенія и предъ каникулами производились экзамены, а послѣ экзаменовъ выдавались билеты. Ученики, по полученіи билетовъ, могли ѣхать домой; на масляную также ѣздили домой, но только ученики ближайшихъ селъ. Экзамены производилъ самъ смотритель, и ужъ каждаго ученика такъ проэкзаменуетъ, что, не учившись въ теченіе года, не отвѣтишь. Экзамены всегда производились въ присутствіи всѣхъ учителей, съ особой торжественностью: ученика вызывали на средину класса, онъ стоялъ предъ учителями, такъ что никто не могъ подсказать. Смотритель Ѳедоръ къ неучившимся былъ неумолимъ; онъ прощалъ дѣтскія шалости, неучившихся уговаривалъ, оставлялъ на второй курсъ и, когда уже ничто не помагало, исключалъ. Но разъ находилъ у ученика желаніе учиться, не смотря ни на возрастъ, ни на бѣдность, давалъ возможность учиться: хлопоталъ предъ семинарскимъ начальствомъ о

выдачѣ пособія, и многіе, благодаря этому, имѣли возможность перейти въ семинарію.

При мнѣ въ училищѣ заведены были двѣ книги, „черная“ и „бѣлая“, и ежегодно на конференціи, при выдачѣ наградъ лучшимъ ученикамъ (наградами были только похвальные листы), приносились смотрителемъ училища обѣ книги. Сначала инспекторъ училища читалъ изъ „бѣлой книги“, гдѣ значилось: кто переводился въ высшій классъ, кому выдана награда; затѣмъ изъ рукъ смотрителя инспекторъ бралъ „черную книгу“. Тяжело было намъ смотрѣть на нее; изъ черной книги читали, „кто оставленъ былъ на второй курсъ, кого совсѣмъ исключали, кого оставляли до усмотрѣнія“. Въ то время оставленія ученика до усмотрѣнія были въ большомъ ходу; даже переводили въ высшій классъ съ отмѣткою „до усмотрѣнія“. Кажется, игуменъ Ѳедоръ ввелъ это „до усмотрѣнія“; онъ, по крайней мѣрѣ, ежегодно читалъ изъ черной книги, кто и за что оставляется до усмотрѣнія, вызывалъ тѣхъ учениковъ на конференцію, указывалъ имъ проступки и требовалъ исправленія, въ противномъ случаѣ грозилъ увольненіемъ. Вообще онъ желалъ испробовать всѣ средства для исправленія ученика, и когда ничто не помогало, тогда только онъ подписывалъ приговоръ объ исключеніи ученика. Учениковъ Богуславскаго училища въ семинаріи называли „косарями“, т. е. возмужалыми, полными мужами, могущими не то что учиться, а и косить хлѣбъ. Это прозвище „косарей“ имѣло въ своей основѣ еще и то, что великовозрастные ученики, ведя дружбу съ послушниками, часто на монастырскихъ поляхъ косили пшеницу, сѣно и помогали послушникамъ просто изъ любви къ искусству, а не по приказанію начальства. Послѣ экзаменовъ ученикъ, получивъ билетъ, считалъ себя независимымъ человѣкомъ отъ начальства. Многіе бѣдные шли пѣшкомъ домой, а состоятельные родители присылали подводу. Случалось и такъ, что бѣдняки измышляли способы доѣхать безплатно. Помню, въ то время ученики Кіево-Подольскаго училища продѣлали такую шутку съ подводчикомъ. Три ученика добыли старый сундукъ, наложили въ него камня и пошли на житній базаръ искать подводы. Предъ Рождественскими и Во-

скресенскими праздниками крестьяне привозили въ Кіевъ битыхъ кабановъ, сало, птицу для продажи. Ученики стали разыскивать крестьянина изъ смежныхъ съ ними селъ. Разыскали, сговорились на базарѣ о цѣнѣ, при чемъ объяснили, что денегъ нѣтъ у нихъ теперь, а заплатятъ ему по пріѣздѣ домой, а въ обезпеченіе даютъ ему сундукъ съ священными церковными вещами. Каждый изъ учениковъ назвалъ себя по фамиліи, изъ какого онъ села, и указалъ своихъ родителей. Крестьяне всегда съ охотою брали пассажировъ, чтобы не ѣхать порожнякомъ домой, а въ данномъ случаѣ ученики за доставку сундука съ вещами посулили хорошую плату. Крестьянинъ былъ радъ заработку, сундукъ съ вещами принялъ подъ особый свой надзоръ, относился къ нему съ благоговѣніемъ, а паничамъ, какъ неимущимъ денегъ, далъ въ займы на дорогу, платить за ночлеги, за самовары, закуски. Бѣдные ученики рады были на чужой счетъ ѣсть, пить и не жалѣли денегъ крестьянина, а для убѣдительности во время пути не позволяли даже себѣ ногами касаться сундука. Такимъ образомъ, на счетъ того крестьянина ученики ѣхали три дня. Вблизи были тѣ деревни, куда имъ нужно было отправляться, и ученики во время ночлега скрылись, сундукъ же остался при крестьянинѣ. Утромъ крестьянинъ долго разыскивалъ своихъ паничей, но ихъ не оказалось; тогда онъ заплатилъ за ночлегъ и поѣхалъ прямо въ деревню, куда отправлялся сундукъ. Крестьянинъ явился къ священнику, объяснилъ церковному старостѣ, что привезъ для ихъ церкви вещи, при чемъ представилъ имъ счетъ расходовъ на паничей и въ счетѣ слѣдуемую за провозъ плату. Священникъ и староста удивились заявленію крестьянина и сказали ему, что никто не просилъ для ихъ церкви производить въ Кіевѣ покупки,—никакихъ паничей въ ихъ селѣ нѣтъ;.но если церковныя вещи дѣйствительно окажутся въ сундукѣ, они готовы заплатить договорную плату и возвратить расходы. Торжественно, при большомъ количествѣ крестьянъ, былъ вскрытъ сундукъ, и увы!—вмѣсто церковныхъ вещей въ сундукѣ оказались каменья. Затѣмъ, бывая въ Кіевѣ, тотъ крестьянинъ нѣсколько разъ ходилъ къ начальству Подольскаго училища жаловаться; опозналъ да-

же одного ученика, но тотъ доказывалъ, что въ то время не ѣздилъ домой, а товарищи удостовѣряли это. Такъ и пропало дѣло. Въ мое время хожденіе пѣшкомъ домой было обычнымъ дѣломъ для учениковъ; ходили и семинаристы домой пѣшкомъ. Бывало и такъ, что, во время польскаго бунта, семинаристы часто, идя домой, въ селахъ называли себя „поляками"; крестьяне брали ихъ на подводы, доставляли въ становую квартиру. Тамъ они объявляли свое настоящее званіе, предъявляли билеты, и становой отпускалъ ихъ съ Богомъ; крестьянамъ же за любезность семинаристы только низко кланялись, а тѣ только почесывали затылки.

При смотрителѣ о. Θедорѣ устраивались ежегодно два или три раза въ маѣ мѣсяцѣ „рекреаціи". Игуменъ давалъ свои деньги на покупку орѣховъ, конфектъ и пр. Обыкновенно съ вечера объявляли ученикамъ, что такого-то числа будетъ „рекреація". Въ назначенный день ученики, съ утра собравшись въ классѣ, попарно шли въ монастырскій хуторъ, въ разстояніи 3-хъ или 4-хъ верстъ отъ училища. По распоряженію о. Θеодора, послушники устраивали на полянѣ въ лѣсу „палатку" для смотрителя, инспектора и учителей, затѣмъ съ утра везли туда самовары, тарелки, ножи, вилки, купленные продукты; учителя также брали съ собою провизію, равно какъ и ученики, имѣвшіе деньги, могли покупать булки, орѣхи пр. Все это водворялось въ палаткѣ. Ученики, явившись въ хуторъ до пріѣзда смотрителя, инспектора и учителей, бѣгали по лѣсу, шалили, играли. Заранѣе давался приказъ ученикамъ, чтобы они выучили стихи, разсказы; кто лучше и толковѣе прочтетъ стихи, или умѣло передастъ какой-либо разсказъ, тотъ получитъ орѣхи, конфекты и чай въ палаткѣ. Съ пріѣздомъ смотрителя, всѣ ученики являлись къ палаткѣ. Игуменъ Θедоръ выходилъ на поляну; подносили ему палку и мячъ, онъ первый ударялъ въ мячъ, а ученики ловили; затѣмъ инспекторъ и учителя брали по мячу, и устраивалась тогда игра въ мячъ, въ жгутъ, въ жмурки и пр. Смотритель Θедоръ около часу принималъ участіе въ какой-нибудь игрѣ, а учителя по большей части играли до вечера. Во время игръ всѣ составляли какъ бы одну семью, какъ-бы

что-то родное; даже самъ смотритель Өедоръ изъ суроваго и строгаго начальника обращался въ веселаго, любезнаго и щедраго. Разрѣшивъ игры, онъ затѣмъ спрашивалъ: „кто изъ учениковъ приготовилъ стихи или разсказъ, пожалуйте въ палатку, а остальные играйте“. Ученики входили въ палатку, по очереди произносили стихи, и, смотря по успѣху, получали изъ рукъ смотрителя орѣхи, конфекты, булки, пили чай, а затѣмъ уходили опять играть. Такъ оживленно, весело проходилъ день, что даже и не замѣчали, когда являлся нежеланный вечеръ. Бывали случаи, что „великовозрастные“, пользуясь правомъ сильнаго и имѣя злобу къ какому-нибудь учителю, подчасъ при игрѣ въ „жгутъ“ такъ сильно били учителей по плечамъ платкомъ, что тѣмъ приходилось только морщиться; но это были единичные случаи, а по большей части игра шла, какъ слѣдуетъ, съ должнымъ уваженіемъ къ учителямъ. Также бывали случаи, что ученики высшаго отдѣленія, имѣющіе голосъ, особенно „басъ“, черезъ лѣсъ бѣгали въ с. Хохотву за водкою, а то заранѣе припасали ее въ карманахъ и къ вечеру были немного подвыпивши; но это при общемъ оживленіи и веселости мало было замѣтно, и учителя на такихъ героевъ мало обращали вниманія. За часъ до захода солнца смотритель объявлялъ, чтобъ ученики приготовлялись идти домой; при закатѣ солнца, начальство уѣзжало, и ученики, при помощникѣ инспектора, возвращались пѣшкомъ домой, при чемъ разрѣшалось дорогой пѣть. Была и еще одна симпатичная черта въ дѣятельности игумена Өеодора, а именно: зная, что не всѣ ученики окончатъ курсъ семинаріи и будутъ священниками, а многіе поступятъ въ гражданскую службу, онъ, будучи самъ знакомъ съ формами дѣлопроизводства въ судахъ по поводу веденія дѣла съ графомъ Браницкимъ за монастырскую землю, по субботамъ послѣ вечерняго богослуженія призывалъ къ себѣ на домъ всѣхъ учениковъ высшаго отдѣленія, заставлялъ писать разныя дѣловыя бумаги, при чемъ объяснялъ, какъ составлять протоколы, рапорты, прошенія, докладныя записки, какая форма каждой оффиціальной бумаги, значеніе каждой бумаги, назначеніе ихъ по формѣ и содержанію, давалъ темы для составленія бумагъ, училъ,

какъ держать себя при писаніи и какъ стоять предъ начальствомъ при докладахъ. Желая видѣть, на сколько ученики усвоили преподанныя имъ формы дѣлопроизводства, игуменъ Ѳедоръ установилъ, чтобы старшіе въ квартирѣ по субботамъ послѣ уроковъ являлись къ нему съ рапортомъ о состояніи квартиръ, поведеніи учениковъ внѣ классовъ на квартирахъ, во время общей молитвы и во время богослуженія въ церкви.

Смотритель Ѳедоръ, по происхожденію малороссъ, однако всегда говорилъ чисто по-русски и требовалъ того-же отъ учениковъ, которые, будучи дѣтьми сельскихъ священниковъ и причетниковъ, вели бесѣды другъ съ другомъ по-малороссійски. Кромѣ мѣръ убѣжденій, что рѣчь русская для насъ необходима, какъ рѣчь государственная, о. Ѳеодоръ прибѣгнулъ и къ нѣсколько странному пріему искорененія малорусскаго разговора среди воспитанниковъ. Чтобы заставить учениковъ исполнить его распоряженіе, онъ приказалъ приготовить нѣсколько дощечекъ, выкрасить ихъ черной краской и надписать слово „оселъ“ во всю длину доски, затѣмъ сдѣлать изъ бумаги длинные уши, подъ названіемъ „ослиные“, и тетрадь, подъ названіемъ „журналъ“, и установилъ, что кто изъ учениковъ скажетъ въ разговорѣ съ другимъ какое-либо малороссійское слово, тотъ сейчасъ-же записывался въ журналъ, на грудь его навѣшивали дощечку съ надписью „оселъ“ на голову надѣвали ослиные уши, а въ руки давали тетрадь. Провинившійся ученикъ долженъ былъ ходить среди товарищей и прислушиваться къ разговору, чтобы свои наряды передать другому. Я былъ при учрежденіи этой мѣры въ низшихъ классахъ училища; помню, что сначала эта мѣра возбуждала только смѣхъ, но впослѣдствіи стала оказывать дурное вліяніе. Въ первое время не успѣлъ одинъ надѣть наряды, какъ ловко подбѣгалъ къ группѣ товарищей, подслушивалъ разговоръ, схватывалъ на лету сказанное слово, повторяя его, удостовѣрялъ свидѣтелями и передавалъ дощечку и уши провинившемуся, при чемъ вручалъ журналъ, куда вписывалъ: такой-то произнесъ такое-то малороссійское слово при такихъ-то свидѣтеляхъ“. Затѣмъ ученикъ, получившій знаки, при общемъ смѣхѣ надѣвалъ ихъ на себя и отправлялся также шнырять между

учениками, прислушиваться къ разговору, такъ что въ теченіе часа этотъ нарядъ обходилъ весь классъ. Между тѣмъ смотритель строго приказалъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, ни подъ какимъ предлогомъ самому не снимать съ себя наряда безъ передачи другому, даже спалъ въ немъ. Повторяю, что на первыхъ порахъ это распоряженіе не вызвало особаго протеста; даже заговорили ученики сразу кое-какъ по-русски, но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ношенія дощечки на груди и ушей на головѣ, ученики стали уже избѣгать встрѣчи съ лицомъ, имѣвшимъ на себѣ „нарядъ", при явкѣ ученика въ нарядѣ къ товарищамъ, они прекращали разговоръ; прійдешь бывало въ классъ,—вмѣсто оживленнаго прежде разговора, видишь, что всѣ ученики *прямо онѣмѣли*. Если являлась крайняя необходимость что нибудь передать или попросить товарища, то стали уже мимикой передавать свое требованіе и пальцемъ указывать, что нужно; товарищъ догадывался и исполнялъ просимое втихомолку. Просматривая журналъ, однажды о. Ѳедоръ замѣтилъ, что одинъ и тотъ же ученикъ нѣсколько недѣль ходитъ въ нарядѣ; онъ спросилъ „почему ты такъ долго ходишь съ дощечкою и ушами?" Ученикъ отвѣтилъ: „*товарищи ничего не говорятъ, онѣмѣли, вмѣсто словъ вошла въ моду мимика*". Учителя, особенно, помню, учитель Нечай обратилъ вниманіе смотрителя, что изъ этого распоряженія врядъ ли можетъ выйти толкъ, что ученики говорить по-русски не научатся, а только совсѣмъ разучатся владѣть рѣчью. Стало также замѣтно, что въ классѣ ученикъ начинаетъ что-нибудь разсказывать своими словами, затрудняется въ выраженіи, не знаетъ, какъ сказать „чисто по-русски", а высказать по-малороссійски боится,—поэтому совсѣмъ остановится и молчитъ. Всѣ эти неудобства заставили о. Ѳеодора отмѣнить свое распоряженіе, послѣ чего всѣ вздохнули какъ-то свободно. Но при отмѣнѣ этого распоряженія онъ строго-на строго приказалъ, чтобы ученики старались говорить по русски, а нарядъ приказалъ надѣвать въ классѣ на тѣхъ, кто не зналъ уроковъ. Когда я былъ, кажется, въ высшемъ отдѣленіи, о. Ѳеодоръ распорядился, чтобы ученики по алфавитамъ составляли малороссійскія слова съ переводомъ по-русски; каж-

дый ученикъ, составивъ такой словарь, представлялъ его о. Өеодору, и кто больше вписывалъ словъ, тотъ получалъ благодарность.

Помню я еще, что, находясь въ училищѣ, слыхалъ я названіе одного кушанья „Өедоровскій супъ; по разсказамъ учениковъ, исторія этого супа слѣдующая. Игуменъ Өедоръ, вступивъ въ должность смотрителя училища, преподавалъ латинскій языкъ и географію. Однажды онъ замѣтилъ, что всѣ почти ученики во время урока заснули; сталъ онъ дознаваться причины, и оказалось, что на квартирахъ учениковъ ежедневно, кромѣ постныхъ дней, приготовлялись блины, которые очень рано давались ученикамъ на завтракъ. Наѣвшись блиновъ, ученики играли, повторяли уроки и, являясь затѣмъ въ классъ къ 9 часамъ, чувствовали себя совсѣмъ отяжелѣвшими, благодаря чему незамѣтно, при разсказахъ объ отвлеченныхъ предметахъ, засыпали. О. Өедоръ воспретилъ хозяйкамъ печь блины и приказалъ изгнать это кушанье, доказывая негодность его пословицею „сытое брюхо на ученіе глухо“, а взамѣнъ его распорядился на всѣхъ квартирахъ варить супъ. Ученики стали просить хозяекъ тайкомъ печь блины; хозяйкамъ было даже выгодно не изгонять блиновъ, такъ какъ, наѣвшись блиновъ до сыта, ученикъ, хотя спалъ въ классѣ, но за то не былъ цѣлый день голоденъ и мало уже ѣлъ. Съ обоюднаго согласія хозяекъ и учениковъ было рѣшено, чтобы ученики не ѣли супа, о чемъ вскорѣ узналъ и о. Өеодоръ. Послѣ разныхъ просьбъ и ходатайствъ хозяекъ, о. Өеодоръ опять разрѣшилъ печь блины, но только два раза въ недѣлю, по *четвергамъ и субботамъ*, а по понедѣльникамъ и въ постные дни ученики обязательно должны ѣсть супъ. На томъ и покончень былъ вопросъ о блинахъ и „Өеодоровскомъ супѣ“.

Проживъ годъ въ монастырскихъ квартирахъ, я былъ переведенъ на квартиру къ учителю Ивану Августиновичу Буйницкому, который былъ для учениковъ-квартирантовъ настоящимъ отцомъ. Правда, въ монастырскихъ квартирахъ жилось свободнѣе: ученикамъ, особенно старшихъ отдѣленій, можно было въ карты играть, курить; на квартирахъ же учителей надзоръ былъ серьезнѣе, и предаваться развлеченіямъ, не доз-

воленнымъ начальствомъ, положительно нельзя было. Кражи книгъ и вещей на квартирахъ учителей положительно были немыслимы. Если же онѣ случались, то всегда украденное находили, а виновнаго могли выгнать изъ училища. При мнѣ лучшіе ученики высшаго отдѣленія назначались старшими, и ученикъ въ этой должности считался уже „начальствомъ“; старшій держалъ высоко свое знамя, онъ во всякое время ученика низшаго и средняго отдѣленія могъ бить, даже сѣчь, а жаловаться на то опасно было, потому что при жалобѣ старшій наговоритъ инспектору или помощнику.

П. Клебановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лирникъ Евдокимъ Мыкитовычъ Мокровизъ. Евдокимъ Мокровизъ родился въ с. Сывкахъ Острожскаго у., Уніевской волости, приблизительно въ 1859 году, но выглядитъ онъ гораздо старше своихъ лѣтъ. 10-ти лѣтъ онъ ослѣпъ отъ оспы и, будучи вслѣдствіе этого неспособнымъ къ физическому труду, отправился черезъ 5 лѣтъ въ Ямполь учиться къ лирнику Левонтію Михалевичу. Михалевичъ,— тогда уже старикъ лѣтъ 60,—дѣлалъ лиры и бралъ къ себѣ въ науку слѣпыхъ мальчиковъ. Вмѣстѣ съ Евдокимомъ у Левонтія учились еще 4 мальчика: Архипъ Спычка, Андрій, Иванъ и Павло. Въ наукѣ Евдокимъ пробылъ 1 годъ и 2 мѣсяца и заплатилъ за все это время «майстру» 20 р. У него онъ научился играть на лирѣ и пѣть псалмы: 1) Пьятныцю, 2) Лазара, 3) про Страшный судъ; 4) Мыколая, 5) Спасытеля, 6) Гаврыила, 7) Васылія, 8) про Адама, 9) про Почаевську Божу Матеръ, 10) Алексія, 11) Ивана Богослова, 12) Понедилокъ, 13) «Адама св. писню», 14) про св. Петра и Павла и др., и разныя пѣсни: 1) про панщыну, 2) про биду, 3) Сыритку, 4) Тещу....

15 лѣтъ назадъ онъ женился и уже имѣетъ 7 дѣтей; жена присматриваетъ за маленькимъ хозяйствомъ и дѣтьми, а самъ Евдокимъ со старшей дѣвочкой своей Настей ходитъ зарабатывать хлѣбъ своимъ пѣніемъ и игрой на лирѣ.

Встрѣтился я съ Мокровизомъ на ярмаркѣ въ г. Острогѣ весною 1894 г. На мое приглашеніе зайти ко мнѣ, Евдокимъ отвѣтилъ рѣзкимъ вопросомъ: «а шо вы мыни за те дасте?» Подобнаго вопроса

мнѣ не приходилось слышать раньше ни отъ одного лирника, и потому рѣзкость его вмѣстѣ съ угрюмымъ видомъ слѣпца расположили сперва не въ пользу послѣдняго; но это впечатлѣніе, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ Евдокимомъ, совершенно изгладилось. Самъ Мокровизъ поспѣшилъ объяснить причину, вызвавшую его вопросъ: за нѣсколько часовъ до нашей встрѣчи его окружила толпа евреевъ съ просьбой спѣть имъ что-либо; почти цѣлый часъ продолжалось пѣніе и, когда послѣ него Евдокимъ попросилъ пожертвовать ему что-либо, евреи осыпали его градомъ насмѣшекъ и разошлись. Подобный-то случай и вызвалъ недовѣрчивое отношеніе пѣвца къ своимъ слушателямъ; но, разъ успокоившись, Евдокимъ охотно пропѣлъ весь свой запасъ пѣсенъ. Я прочелъ ему нѣсколько думъ и пѣсенъ, записанныхъ отъ другихъ лирниковъ и кобзарей. Думы, повидимому, не произвели на него никакого впечатлѣнія, хотя онъ и слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ; но отъ нѣкоторыхъ пѣсенъ онъ пришелъ въ восторгъ; особенно же понравились ему пѣсни про Хому и Ярему и про вдову; послѣднюю онъ просилъ прочитать ему нѣсколько разъ и каждый разъ выслушивалъ съ глубокимъ вниманіемъ.— «А, колы-бъ сю якъ замитыть!... Насте, а Насте!» —кликнулъ онъ зашедшую въ другую комнату дѣвочку; «йды-но сюды, послухай: ты скорійшъ іи замитышъ». Настя также со вниманіемъ выслушала пѣсню, но сразу не замѣтила; послѣ вторичнаго прочтенія ея, дѣвочка сказала, что можетъ уже повторить, но повторить пѣсню громко постѣснялась.

№ I. Про Почаевську Божу Матерь.

Паслы пастыры овци на гори,
Увыдѣли Матерь Божу на скали.
На тыйи ска́ли ступкы знаты,
Де стояла Божая Маты;
Тамъ воду беруть,
Усимъ вернымъ дають.
Прычыстая Дѣво Маты,
Де въ Почаеви икона твоя?
Чуда твойи надъ чуда̀мы
Показала надъ турка́мы;
Твоя сыла усихъ победыла...
Зразу зъ Баража въ Почаевъ прышли,
Много хрыстіанъ нашлы.
У Почаеви въ монастыри плачуть-рыдають,
Крыжемъ упадають,

Руци возносять:
О, змылуйся, Маты Божа, надъ намы!
Зійшла зôра вечôрава
Надъ Почаевомъ стала;
Вышло восько турецькее,
Якъ чорная хмара.
Есть то восько—есть то турки.
Сталы воюваты,
Почаевъ руйнуваты.
Дозналася Пресвята Дива,
Вышла, на икони стала,
Чудо показала:
Кули вертала,
Турковъ побывала.

№ II. Про Мыколая.

Больши его нѣтъ на земли трона.
Хто хоче соби за патрона,—
Обратысь къ Мыколаю святому.
Хоть-бы ты былъ потопалъ на мори,
То буде Мыколай вскори;
И „ратуй насъ!"—заразъ дае руци въ помощъ
Духъ святый Миколая на мори.
А вунъ ратуе звызня (?) съ темныци,
А сыроти, вдовыци
Дае способъ, якъ на свити прожыты.
Досыть ёго свитъ немалый.
Люде дозналы:
Хто ёму помолыть Богу,
Онъ спосубъ дасть, якъ на свити прожыты.
Ходь-бы й былъ у якій напасти,
То не дасть Мыколай пропасти,
Сыротамъ онъ есть опекунъ;
Хто Миколая спросыть на помощъ,
Тому вонъ заступныкъ стае́,
Сребла и злата у помощъ дае́.
Вомигдемъ (?) главы склоняймо
Мыколаю святому!
Шо мы будемъ ёго благаты,
Буде Мыколай усихъ душы ратуваты.

О святителю, оче Мыколаю, ратуй насъ,
Якъ самъ чудотворець,
На викы виковъ!

№ III. Про Гаврыила.

Выйду я на высоку гору,
Подывлюся зъ гóры додолу;
Выдю я свой прекрасный домъ,—
Тамъ стойить прекрасный домъ;
Выдю я свой гробъ.
Колыбъ я знавъ свой конець вика,
То-бъ я душамъ царствіе уготовавъ.
Первыми служ-божымы,
Другымы панахыдамы,
Третіимы перестасамы,
А четверты окапыстамы,
А пъятымы молытвамы.
Ой выйду я на высоку гору,
Зобачу я красную рику;
Тамъ уси грѣшныйи идуть,
И попереду святый Гаврыилъ иде,
Въ правій руци золотый хрестъ несе.
Де-жъ вы, душы, забарылыся,
Що до царствія не вспишылыся,
Гаврыилови не поклоныл ся?
Гаврыиле, ой ты ойче нашъ,
Прыймы вси душы до царствіа насъ.

№ IV Про Спасытеля.

Ой выйду я на высоку гору;
Тамъ стойить панъ Спасытель,
На крыжу прыбытый.
Пане, зá що терпышъ раны?
Черезъ злую долю
Тече кровъ зъ водою:
Въ образи Хрыста пана
Есть збоку рана.
Навозять дровъ зъ темного лиса,
Наложать дровъ,—оддадуть душу къ бѣсу;
Наварать пыва и рознёго отрунку,
На симъ свити зададуть трясунку.
О Боже мій, Боже,

Яке смутне ложе!
Набралася душа грыховъ
И збутысь не може.
О, ты, грышныку, кайся,
До Господа вдайся!
Молытвамы да постамы
До Господа вдайся!
И мы, хрыстіяне, Спасытеля прославляймо
И имя ёго помынаймо
На викы виковъ.

№ V. Про Васылія.

Возъявляйся благодать,
Уста, очы твойи;
Альбы си булъ еси Васылій добрый пастыръ,
Словесныя овци
Увировалы въ Бога въ Тройци.
Кайся, владію, грихамъ свойимъ,
Покуты держыся,
Передъ свойимъ ойцемъ Васыліемъ слёзамы омыйся.
Замкнувъ Васылій владія въ доми,
А самъ пошовъ молыцця Богу о доли;
Вославословять, писни спиваютъ
И запыси кидаютъ,
Въ церкву вертаютъ,
На владія нарекаютъ
И вельми ёго проклынаютъ,
Яко слугу свою,
О, змылуйся, Боже, надо мною,
Шо я недостойный передъ тобою,
Сотворытелю мой и спасытелю мой,
И Васылію мой!

№ VI. Про Олексія, Божого чоловика.

Ой у Бога велыкая сыла!
Одружывъ же царъ по неволи сына,
Одружывъ и велывъ у пари жыты,
А винъ пишовъ по пущи блудыты.
Блудывъ же винъ трыдцять и тры лита,
Не йившы, не пывшы,
А прыйшовъ же до отця, якъ земля счорнившы.
И ёго отець въ лыцё не пизнавъ,

У свойму доми за старця прынявъ,
И казавъ слугамъ шпыталець збудоваты,
Йисты-пыты ёму доношаты.
Ёму слугы шпыталець збудовалы,
Йисты и пыты доношалы;
А вунъ того нищъ-ничого не ежывавъ,
Усе тое на нищыхъ роздававъ.
Прыйшло Олексію скончене вика,
Прыйшло помираты,
Казавъ собы жытья пысаты,
По смерти въ билы руци даты:
—Дайте, слугы, до оця знаты,
Нехай прыде карты чытаты.—
Прышовъ отець, карту чытае,
Надъ картою горко умливае:
„Горко окрашеный свиту,
Олексію, сыну мій, рожовый квиту!..
Дайте, слугы, до матинкы знаты,
Нехай прыде карты чытаты.“
Прышла маты, карту чытае,
Надъ картою горко рыдае:
„Горко окрашеный свиту,
Олексію, мій сыну, рожовый квиту!...
Дайте, слуги, до мылой знаты,
Нехай прыде карты чытаты,
Олексѣю мужа спознаваты.“
Прышла мыла, карту чытае
И надъ картою горко рыдае;
„Горко окрашеный свиту,
Олексію, мой муже, рожовый квиту!
Я съ тобою въ церкви стояла
И Богу прысягала;
Прывивъ Господь у пари жыты,
А ты пишовъ у пущи блудыты...
Кожна птыця пару мае,
Кожне древо одрески пускае,
А я съ тобою плоду не мала,
Черевъ тебе свій викъ скоротала...
Плыдне древо въ раю прыймають,
А безплыдне древо зъ раю выкыдають“..
Богови на славу, Олексію на охвиру, намъ на здоровье.—

№ VII. *Про св. Петра и Павла, якъ Господь и воны ходылы по земли.*

Ой въ чытверъ по вечери
Ишовъ Господь по беседи;
Ишовъ Господь дорогою,
Здыбавъ дивку зъ водою.
—Ой дай, дивко, воды пыты,
Смажни уста окропыты.—
„Ой то, старче, вода нечыстая:
Изъ гиръ писку насыпалось,
Изъ клена лысту нападало.“
—Ты, дивко, сама нечыстая;
То есть вода свята—пречыстая;
Ты симъ сыновъ породыла
И въ тій води потопыла.—
Стала дивка та й зумылась,
Якъ упала, то й зомлила.
—Встань, дивко, не лякайся,
Йды до церкви, сповидайся,
Зъ оцомъ-зъ маткою попрощайся.—
Прышла дивка до церквы, стала;
Пидъ нею земля растворылася;
Пошла въ пекло глыбоко.
Святый Петре, святый Павле,
Подай ключы пекельни,
Выпусты душы спасеныя,
Тылько тійи не выпускай,
Шо въ недилю рано йила,
А въ пятныцю писни пила,
А въ суботу не умывалась,
Зъ оцомъ-зъ маткою валаялась.
—Я не лаяла, тылько помыслыла.—
Гирше твое помыслыння.
Нижъ налаяння.
Богови на честь и хвáлу, намъ на здоровье!

№ VIII. *Адама святого писня.*

Прыйде годына
Для всихъ йидына;
Куда ся розлучаты,
Якъ скажуть изъ неба
Усе въ свити покыдаты?
Судія чтывый,
Всимъ намъ страшлывы

Сядь на своемъ трони.
Кому гляне по ливымъ ст'рóни,
Начне судыты,
Добрымъ платыты,
А злыйи оддасть на мукы.
Съ лучамы слóньця
Тило безъ кóнця
Гришный злослывый
Лита златыйи.
Перестаньмо гришыты.
Пѣсню святую
Ангéли будуть питы.

№ IX. *Страшный судъ.*

Когда часъ прыде,
Страшный судъ наступыть,—
Хто добре чыныть,—царствія доступыть.
Часъ-годына уплывае,
Страшный судъ прыблыжае,—
Готуймося вси.
Огная рика буде клыкотаты,
Усю землю очыщаты;
Когда крыкнуть уси святыйи:
Идуть одъ насъ проклятыйи
Въ пропасть вичную
И въ пропасть пекельную;
Поднесуця пидъ небеса;
Вóгонь спаде, земля займеця—
Господне времъя.
На Сахватуй долыни тамъ люде зыйдуця,
Тамъ прыятельство вытатыся буде;
Не заступыця ныхто,—а ни отець, ни маты.
Отъ своей смерты
Будемъ очы закрываты,
Велыкый страхъ маты.
Якъ изыде Христосъ,
Де янголи въ трубу затрубять,
Усихъ умершыхъ у грóби збудять:
Уси умершыйи вставайте,
Лыцемъ у неби вглядайте,
Лыцемъ у неби и на вики.

№ X. Понедилокъ святый (про сына блудящого).

Якъ шо въ мыри зъявляеця,
Такъ до конечно;
Шо чоловикъ жые въ свити,
Злыне статечно;
А гришачы мыслыть соби:
Покаюсь я й не пиду въ гробъ.
А винъ пошовъ въ яврейській домъ.
Хмелю вкусывъ;
Якъ закусывъ,
Такъ гришыты мусывъ,
Якъ за нымъ злый дьяволъ ходыть,
На грихъ, на блудъ, на забойство прыводыть.
За нымъ иде вотець ёго и маты
На все добре научаты
Сына блудящого;
А вонъ водъ йихъ якъ звиръ быжыть,
Якъ звиръ блудыть.
—Якъ пидешъ зъ сёго свита,
Будешъ горко тужыть.—
Прыйшло времъя блудящому
Въ огонь ступаты,
Наздривъ отець и маты
Сына блудящого.
А вонъ просыть вотца свого:
„Дайте ратунку!"
—Иды, сыну, въ огонь вѣчный,
Зажывай смутку.—
„Ой Боже мой, ой творче мой,
Шо я учынывъ,
Шо я свого оця-матку
На викъ розгнивывъ.
Нещаслывы той день бувъ
И тая годына,
Когда мене нещасного
Матка уродыла;
Нещаслывы той день бувъ,
Шо я уродывся;
Зумивъ-бы,—въ утроби заснитывся."
А въ недилю ране-барзо
Не пыйте вина,
Бо те выно барзо злее
Зводыть чоловика зъ ума.
Останьте-жъ вы, хрыстыяне,
Да й выслушайте,

Що то е прописано
Дванадцятъ понедилкивъ;
А хто же йихъ воспоствуе
Воспостамы, молытвамы
Той чоловикъ воспасеной буде,
Ёго душа во царствіи буде.

№ XI. Про сыритку.

Зашумилы лугы, забрынилы рикы.
Померъ отець-маты, сырота на викы;
Померлы сестры, померлы браты,—
Никому сыро́ти порадочку даты.
А пишла сыритка по свити блукаты,
По свити блукаты, мамуни шукаты."
Стречавъ іи Осподь, ставъ іи пытаты.
—Куды йдешъ, сыритко?—„Мамуни шукаты."
—Ой вернися, сыротко, бо далеко зайдешъ,
А своеи мамуни повикы не знайдешъ,
Бо твоя мамуня на высокій гори,
На высокій гори у сыдящому гроби.—
А стала сыритка надъ гробомъ плакаты.
Озываеця до неи еи ридна маты:
—Хто жъ тамъ плаче на моёму гроби?—
„А я жъ, мамо, сыритка; возьмы мене до себе."
—Нема жъ тутъ, сыритко, ни йисты, ни пыты,
А прызвавъ Господь въ сырій земли гныты;
Насыпалы земли, до тебе не встану,
Склыпылися очы, шо на свитъ не гляну.
А йды ты, сыритко, мачухи просыты,
Чы ны схоче тоби головку измыты.—
„А ще мачуха й головки не змыла,
А щасте й здоровъя на викы вмалыла;
А йще мачуха мени сорочки недала,
А вже мене мачуха словами прокляла."
Ссылае Господь ангола зъ неба
Узяты сыритку до ясного неба.
Посылае Господь двохъ пекельныхъ зъ пекла,
Узялы мачыху до вичного пекла,
Понеслы у пекло барзо высоко,
А вкинулы въ пекло барзо глыбоко:
Плавай, плавай, мачухо, ище будешъ кыпиты,—
Ото тоби кара за сыроты-диты.
Уже бидна сыротка у неби со святымы,
А невирна мачуха у пекли съ проклятымы.

№ XII. Про панщыну.

Ой летила зозуленька
По-надъ геремъ-селамъ.
Чогось наша громадонька
Смутна, невесела.
Ой летила, та й летила,
Сила спочываты.
Почекайте, добры люде,
Щось маю вамъ сказаты,
Маю вамъ казаты
И говорыты:
Не будете, добры люде,
Панщыны робыты.
Ой летила зозуленька,
Сила въ саду, заковала.
На трейтій день велыкодня
Панщына пропала.
Выйшла стара пани
На затыльни дверы:
—Ой вернися, панщынонько,
Хоча й до вечéра.—
„Не вернуся, стара пани,
Я съ того невынна;
Самы того наробылы,—
Панщына загыла.“

А. Малинка.

Пререканіе кіевскаго магистрата съ губернской канцеляріей по поводу квартирной повинности въ 1759 году. Кіевскій магистратъ, основываясь на Высочайшихъ грамотахъ, считалъ обывателей Подола, входившихъ въ составъ мѣщанства, свободными отъ квартирной повинности. Въ старинныхъ грамотахъ, жалованныхъ городу, дѣйствительно, повторяется эта привиллегія: «находящихся въ верхнемъ городѣ Кіевѣ ратныхъ людей и стрѣльцовъ въ здѣшній городъ въ постой никого не присылать»; а въ 1733 г. февраля 26-го послѣдовалъ по этому поводу особый указъ Правительствующаго Сената, въ силу котораго расположенная была временно на Подолѣ инженерная команда выведена была на Печерскъ. Тѣмъ не менѣе привиллегія эта не рѣдко нарушалась, изъ чего и возникли пререканія между магистратомъ и губернской канцеляріей. Любопытнымъ примѣромъ такихъ пререканій можетъ служить дѣло 1759 г. «объ

отводѣ артилеріи г. генералъ-маіору Чиркову въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ пристойной квартиры».

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1759 г. Кіевская губернская канцелярія предписала магистрату отвести на Подолѣ пристойную квартиру генералу. Магистратъ же въ отвѣтъ на это предписаніе просилъ освободить его отъ этой обязанности давать квартиру названному генералу, такъ какъ городъ, по имѣющимся у него грамотамъ, долженъ отводить квартиры только *проѣзжающимъ* черезъ городъ разнаго рода чинамъ, военнымъ и гражданскимъ, посылаемымъ отъ высшаго правительства, а «артилерійскій департаментъ здѣсь учрежденъ не на время, но навсегда, таковыхъ же навсегда здѣсь учрежденныхъ командъ генералитетъ, штабъ и офицеры имѣютъ квартиры въ Печерскомъ и въ верхнемъ городѣ Кіевѣ». Кромѣ того, магистратъ указывалъ и на крайнее стѣсненіе мѣщанскихъ домовъ существующими уже постоями. Губернская канцелярія не уважила ходатайства магистрата и предписала отвести квартиру генералу Чиркову «безъ замедленія, не принося никакихъ отговорокъ».

Магистратъ, однако, нашелъ нужнымъ привести въ отвѣтъ на это предписаніе весьма обстоятельное «доношеніе», въ которомъ доказывалъ незаконность такого требованія квартиры для генерала Чиркова, а въ заключеніе сообщалъ, что на Подолѣ и нѣтъ подходящихъ помѣщеній: «хотя же зъ чиновническихъ домовъ нѣкоторые противъ прочихъ мѣщанскихъ домовъ мало и лучшіе показуются, однакъ тѣ домы по высокомонаршимъ грамотамъ всякихъ постоевъ увольнены, прочіе жъ мѣщанскіе домы крайне тѣсные и въ строеніи скудные, да и тѣ всегда отъ постоевъ не свободны, чимь и такъ здѣшніе обыватели противъ другихъ малороссійскихъ обывателей излишнее поносятъ отягощеніе, въ дополненіе же того, ежели еще таковымъ навсегда здѣ быти имѣющимъ чинамъ здѣ квартировать, и кольми паче отягощенни и разоренни будуть». Въ виду всего этого, такъ какъ требованіе губернской канцеляріи идетъ «въ отмѣнность» высочайшихъ грамотъ и указовъ, магистратъ «надъ тѣ высочайшіе грамоты и другія предъизображенныя обстоятельства и поступать дерзости не имѣетъ».

Но губернская канцелярія во всѣхъ этихъ объясненіяхъ магистрата усмотрѣла, «единыя непристойныя отговорки»: все представленное въ нихъ, «къ настоящему резону не служитъ, но найболѣе къ ослушанію», такъ какъ де и самый вопросъ о томъ, временно или постоянно придется быть въ Кіевѣ генералу Чиркову, «не толико

кіевскому магистрату, но и кіевской губернской канцеляріи къ разсужденію не принадлежитъ». Такъ какъ, по мнѣнію губернской канцеляріи, магистратъ въ отводѣ квартиръ воинскимъ чинамъ «долженъ по опредѣленіямъ и указамъ Губернской Канцеляріи безпрекословно поступать и исполненіе чинить», то и опредѣлено было послать въ магистратъ «третичный указъ, которымъ найкрѣпчайше подтвердить, чтобъ предписанному г. артилеріи генералъ-маіору Чиркову на Подолѣ по рангу его пристойную квартиру отвесть въ самой скорости, не принося недѣльныхъ ко отбывательству отъ того отговорокъ, а ежели и за симъ по упорству отъ того магистрата таковой квартиры ему, г. генералъ-маіору, отведено не будетъ, то принуждено будетъ на оной магистратъ въ ослушаніи представить въ Прав. Сенатъ».

Кіевскій магистратъ этихъ представленій въ Прав. Сенатъ со стороны губернской канцеляріи не боялся и, имѣя своихъ собственныхъ ходатаевъ по городскимъ дѣламъ, весьма упорно отписывался отъ предписаній губернской канцеляріи [1]).

А. А.

Нѣсколько словъ о колядкахъ. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» сего года помѣщены два варіанта колядки «Дывное нарожденіе Божого Сына», записанной въ Александрійскомъ уѣздѣ херсонской губерніи. Небезъинтересно сравнить съ этими варіантами ту-же колядку, записанную въ селѣ Будахъ Зеньковскаго уѣзда Полтавской губерніи:

Дывное нарожденея Божого Сына!...
Уродывся сынъ Божій у Дивы Маріи—
Въ малимъ тили, въ многолитти...
Сынъ Божій страждався на объявленя (sic).
Ходимо поклонимось Пречисти Пани!
Ще-жъ мы не знаемъ Божои тайны...
Огонь горыть, смола кыпыть,

---

[1]) Въ слѣдующемъ 1760 г. октября 26-го послѣдовалъ указъ Пр. Сената „О вѣданіи кіевскихъ мѣщанъ судомъ и управленіемъ по Магдебургскимъ правамъ въ кіевскомъ магистратѣ, о бытіи оному магистрату подъ апелляціями Пр. Сената и объ охраненіи отъ обидъ, какъ магистрата, такъ и мѣщанъ, кіевскому губернатору". Этимъ указомъ магистратъ освобождался отъ непосредственной подчиненности губернской канцеляріи, но въ сущности едва ли что либо этимъ выигрывалъ: то, что писалось прежде отъ губ. канцеляріи, стало писаться лично отъ генералъ-губернатора, который стоялъ, такъ сказать, во главѣ губернской канцеляріи.

Душа вырынае..
Отце-жъ тоби, душе моя,
Що маты прокляла.
Вечеръ добрій!...

Приведенный варіантъ, очевидно, представляетъ попытку въ чисто народномъ духѣ осмыслить сюжетъ колядки—рожденіе Сына Божія и связанную съ этимъ событіемъ Божью *тайну*—другимъ событіемъ, страданіями Спасителя, тогда какъ въ двухъ варіантахъ Херсонской губерніи заключается простое указаніе на важность событія и выраженіе по поводу его радостнаго чувства въ нѣсколько книжномъ духѣ.

Въ той-же книгѣ «Кіевской Старины», подъ № 3, помѣщена колядка о трехъ товарищахъ: красномъ солнцѣ, свѣтломъ мѣсяцѣ и крупномъ дождикѣ. Этотъ сюжетъ вотъ какъ трактуется въ трехъ колядкахъ, записанныхъ въ томъ-же селѣ Будахъ:

1. Прыслалося до Марушкы трое гостей,
Трое гостей—трое старостей....
Марушко-пани, говоры зъ намы
Стехенько!
Первіи гости въ конци стола,
А други гости на порожечкахъ,
А трети гости въ воротечкахъ;
А тымъ, що въ кинци стола,
Рушнычкы дала,
А що на порожечкахъ,
Почастувала,
А що въ воротечкахъ,
Одказала.
Марушко-пани и т. д.

2. Поихавъ Дыныско дивкы свататы...
Соколе ясній,
Молодче красній,
Дыныско!
Зострило ёго тры розбійнычкы,
Сталы ёго быты—корыты,
Батька—матери пытаты.
—„У мене батько, якъ ясенъ мисяцъ,
„У мене матиръ, якъ ясне сонечко,
„У мене братикы, якъ буйни витречкы,
„Въ мене сестрыци—ясни зирныци...
Бувай здоровъ, молодый Дыныско,
Зъ мылымъ Богомъ и зъ родомъ,

Зъ Сусомъ Хрыстомъ,
Зъ святымъ Рожествомъ!
Вечиръ добрій!...
3. Ты, Иванку мій!
Одчиняй же двиръ,—
Одчиняй двора,
Застилай стола:
(Славенъ есы, мій мылій Боже, на небесы!)
Буде до тебе трое гостенькивъ:
Первій гостенько, якъ ясенъ мисяць,
А другый гостенько, якъ ясне сонечко,
А третій гостенько—дрибный дощикъ.
Якъ похвалытця ясенъ мисяць:
Якъ освичу я небо и землю,
И звиръ у поли, и звистъ (sic) у дорози....
Якъ похвалытця ясне сонечко:
Якъ прыгрію—взрадуетця старе й мале.
Якъ похвалытця дрибній дощыкъ.
Якъ пиду я—взрадуетця жыто й пшеныця,
Всяка пашныця, щей рыба въ мори.
Вечеръ добрій...

Собственныя имена въ этихъ колядкахъ произвольно замѣняются другими именами. Припѣвы «Марушко пани...» и «Славенъ есы...» повторяются черезъ стихъ или черезъ два стиха. Всѣ приведенныя мною колядки называются «дивчачыми», въ отличіе отъ «парубоцькыхъ» и «жиночыхъ».

В. Штепенко.

Выходецъ изъ полону Василій Віоленскій. Василій Віоленскій, «казацкій сынъ», уроженецъ г. Иваня (теперешней Подольской губ.) десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ выданъ туркамъ жителями м. Торговицы вмѣстѣ съ другими дѣтьми въ видѣ откупа. Пространствовавъ затѣмъ сорокъ лѣтъ по разнымъ странамъ, онъ вернулся въ Россію, желая поступить на морскую службу. Въ Москвѣ, въ приказѣ Малой Россіи, Віоленскій подробно разсказалъ свою біографію, которую въ виду ея интереса, мы здѣсь и приводимъ.

«1702 г. августа въ 12 день въ приказѣ Малыя Россіи явился выходецъ изъ полону и подалъ изъ Кіева генералъ-маіора Юрья Ѳемендина проѣзжій листъ. А въ распросѣ сказался Васильемъ зовутъ Степановъ сынъ, прозвище Віоленскій, родомъ литовскаго города Иваня, казацкой сынъ благочестивой вѣры греческаго закона. И тому

нынѣ назадъ лѣтъ съ сорокъ остался онъ по смерти отца своего и матери въ сиротствѣ и въ малыхъ лѣтехъ. И по взятіи отъ турковъ города Каменца Подолскаго въ приходъ ихъ же турецкихъ войскъ подъ иные литовскіе облежащіе кругъ того Каменца городы перевезенъ онъ Василій сродники ево въ городъ Торговицы; и когда турецкіе войска подъ тот городъ Торговицы пришли и того города мещаня, учиня съ приводцы тѣхъ турецкихъ войскъ договоръ, за избавленіе свое отъ разоренія ихъ собравъ въ томъ городѣ казацкихъ дѣтей, которые туды прибѣгали и привезены отъ приходу тѣхъ же турецкихъ войскъ изъ разныхъ окрестныхъ мѣстъ, отдали Туркамъ всѣхъ мужеска и женска полу человѣкъ съ 700, въ томъ числѣ и ево Василья, тогда десяти лѣтъ бывша.

И привезли ихъ турки въ Царь-городъ раздѣлили по себѣ, и онъ Василей достался пашѣ Ѳлару Мустаѳѣ, которой ево у себя держалъ въ Царѣ-Городѣ зъ годъ; и что онъ православной своей вѣры нарушити и ихъ басурманской приняти не пожелалъ, продалъ его на галанской военной корабль, имянуемой Ясвель, капитану Менегу, которой былъ тогда въ Царѣ-Градѣ за торговыми галанскими корабли опаснымъ; а взялъ за него Василья тотъ паша у галанскаго капитана 700 ефимковъ. И купя тотъ капитанъ привезъ ево на кораблѣ своемъ въ Голандію, въ городъ Амстердамъ, и жилъ онъ у того капитана въ хлопцахъ 5 лѣтъ; и давалъ ему тотъ капитанъ по три ефимка на мѣсяцъ; и ѣздя съ нимъ на кораблѣ по разнымъ государствамъ признал пушкарскую службу. Потомъ, когда тотъ капитанъ умре, и онъ сталъ быть свободенъ.

И пошелъ онъ въ Амстердамъ-же на вольной войсковой же корабль капитана Корнила Клауса, которой тогда нанявся у курѳистра Бранденбургскаго ходилъ противъ Шведа въ караванѣ съ съ иными наемниками жъ и съ спомогательными дацкими корабли и сходясь съ швецкими корабли бились у острова Линдеруи; а онъ служилъ на томъ помяненномъ кораблѣ въ пушкаряхъ 2 года и имал жалованья по 5 ефимковъ на мѣсяцъ.

А по усмиреніи той Бранденбургскаго курѳистра со Шведы войны возвратясь онъ паки въ Амстердамъ ходилъ на воинскомъ же оберегательномъ кораблѣ въ Смирнъ 2 года и служилъ въ матросехъ.

А послѣ того, нанимаясь же, ходилъ въ разные государства на многихъ торговыхъ кораблахъ въ пушкарской же и матроской службахъ, а между тѣмъ было на кораблѣ во Ѳлоренскомъ воинскомъ

караванѣ, которой караванъ ходилъ на море и бился съ Турки и тѣмъ случаемъ былъ онъ Василій на Мальтійскомъ островѣ.

Да онъ же служилъ противъ Турка жъ на венецыйскихъ корабляхъ, а именно: былъ онъ на кораблѣ, именуемомъ Ланавіи—Ѳиницыи капитана Петра Селвя, которой ходилъ подъ правительствомъ генерала Александра Мулина, и служилъ онъ на томъ кораблѣ надъ всѣми пушкарями начальнымъ и имѣлъ по 11 червонныхъ на мѣсяцъ, и былъ онъ въ случай бою близъ острова Сія съ турецкимъ караваномъ подъ правительствомъ Метзаморта капитана паши бывшимъ.

Потомъ будучи онъ нѣсколько въ Венецыи возвращался въ отечество свое въ литовсіе городы, и тому нынѣ года зо два былъ въ малоросійскихъ городѣхъ и хотѣлъ итти къ Москвѣ въ службу великого государя и понеже въ Малой Россіи услышалъ онъ, что между великимъ государемъ и салтаномъ турецкимъ учиненъ миръ на многіе годы и для того службы себѣ на Москвѣ быти не чаялъ, не бывъ на Москвѣ ходилъ по обѣщанію въ Баръ-градъ видѣти и поклонитися мощамъ святителя Николая. И бывъ въ Баре и въ Римѣ пришелъ въ Вѣну, а оттолѣ хотѣлъ итти въ Галандію, слышалъ, что собираютъ тамо воинскіе корабли и дабы ему на тѣхъ корабляхъ въ службу пристать. И когда онъ пришелъ во Вѣнѣ къ стольнику ко князю Петру Алексѣевичу Голицыну, которой ево до сего времяни будучи въ Венецыи зналъ, и онъ князь Петръ Алексѣевичъ говорилъ ему, что естли онъ похочетъ служить великому государю и онъ бы шелъ изъ Вѣны къ Москвѣ и тамо въ службу на корабли онъ принятъ будетъ. И онъ де Василій, услышавъ такіе слова, чего онъ всегда желалъ, чтобъ ему въ православіи будучи служить, взявъ отъ него князя Петра Алексѣевича пашпортъ, пошелъ къ Москвѣ, и пришедъ въ Кіевъ съ тѣмъ пашпортомъ явился генералу маіору, и онъ давъ ему листъ свой къ Москвѣ ево пропустилъ.

А корабельное де на морѣ хожденіе ему заобычно, и какъ выше сего сказалъ, что на всѣхъ моряхъ, опричь Черного, онъ хаживалъ и пути въ морѣ также карту, по которой познаютъ вѣтры, и всякіе корабельныя оснащиванія онъ знаетъ подлинно, да и дѣлать корабли онъ умѣетъ; и свидѣтельствованные листы у нело Василья, что онъ на корабляхъ въ службахъ бывалъ и тому дѣлу искусенъ, отъ всѣхъ капитановъ, у которыхъ онъ на корабляхъ служилъ, были, и изъ тѣхъ листовъ въ хожденіи корабельномъ многіе у него разпропали, а иные съ пожитки его покрадены, токмо нынѣ имѣетъ онъ у себя проѣзжіе

разныхъ государствъ правительствующихъ господъ листы, а вмѣсто свидѣтельствованныхъ листовъ объявитъ онъ дѣло свое самъ, гдѣ ему по указу великаго государя велено будетъ.

Да онъ же, бывъ въ тѣхъ государствахъ на корабляхъ, и живучи въ городѣхъ, изучился говорить по гречески, по турецки, по галански, по италіански.

И бьетъ челомъ великому государю онъ Василей, чтобъ указалъ ево въ свою государеву службу принять и учинить свое великаго государя жалованье, чѣмъ ему питатися».

На это предложеніе послѣдовалъ приговоръ боярина Головина съ товарищи «Исъ полону выходцу козаку Василію Степанову за выходъ дать его великаго государя жалованья въ приказъ противъ иныхъ такихъ къ прежней дачѣ къ шестнадцати алтынамъ къ четыремъ денгамъ полтора рубли, взявъ деньги изъ ратуши, да сукна амбурского пять аршинъ изъ наличныхъ суконъ приказу Малыя Россіи и дать о томъ къ расходу указъ, а ево Василья исъ приказу Малыя Россіи отослать съ памятью въ приказъ Воинскихъ Морскихъ Дѣлъ и велѣть ево написать въ томъ приказѣ въ матросы и его великаго государя жалованье давать противъ иныхъ такихъ, а на Воронежъ до его великаго государя указу не посылать [1]).

Н. Б.

Цѣны на сукна, матеріи, сафьянъ, жемчугъ и проч. въ г. Стародубѣ въ началѣ XVIII вѣка. Приводимый ниже документъ списанъ съ копіи архивныхъ дѣлъ Стародубскаго магистрата. Владѣлецъ копіи [2]) не могъ объяснить, кѣмъ и когда она сдѣлана. Копія снята въ нынѣшнемъ столѣтіи должно быть съ цѣлой связки дѣлъ, такъ какъ въ той тетради, которая у насъ подъ руками, внизу по листамъ стоятъ цифры 1221, 1222.....1229, очевидно указывающія на то, какая часть листовъ связки списана. Уцѣлѣла ли эта и другія связки подлинныхъ дѣлъ Стародубскаго магистрата и гдѣ находится магистратскій архивъ, не знаемъ.

Ѳ. Николайчикъ.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго повытья, кн. 37 лл. 233—242.

[2]) Учитель Роменскаго реальнаго училища Л. Л. Ижицкій, которому приносимъ здѣсь благодарность за сообщеніе.

Справа его милости пана Спиридона Яковлевича Ширая, войта майстратового Старод. зъ Семеномъ Чорниговцем и его товариши. Року ҂аѱи, февруарія ҁ д.

По виразномъ его царского пресвѣтлого величества войскъ запорожскыхъ гетмана и кавалера ясне велможного премѣлостивѣишого добродѣя нашего его милости пана Івана Мазепы росказанню, а тудежъ и по злеценню урожоного его милости пана Івана Скоропадского полковъника Стар:, Семена Чернѣговца, Богдана Аѳанасовича и Матвѣя Мартиновича. Под арештомъ у пана Спиридона Яковлевича Ширая, войта старод:, лежачим нижей виражённим іхъ товаром чиненна была ревѣзия и шацунок. Року Божого 1708, Февруарія 6 дня. На майстратѣ его царского пресвѣтлого величества стародубском перед нами Прокопомъ Силенкомъ, обозним старод: полковим, отъ боку его милости пана полковника старод: для присмотреняся тихъ товаровъ іхъ ревѣзій и шацунку зосланим, а Іваном Кононовичом райцею, Парфеномъ Щербиновичомъ и Семеном Тишковичом лавниками майстратовими, купеческие люде, на товарах знаючиеся, были ужитими, именно: панъ Демянъ Григориевич, лавник майстратовий старод:, панъ Григорий Самуйлович, панъ Ігнат Петрович, панъ Яковъ Андрѣевичъ, панъ Ѳеодоръ Сухота, и при бытности Малоросийского приказу подъячого господина Алексѣева сына Жадаева, мѣрили и шацунок нижей мененним товаром чинили таковим порадкомъ.

Поясовъ перскихъ троколотних	8
по талярей 3, чинитъ зол.	72
Штопы штука перловой локотъ	35
по золотихъ 4 чинитъ зол	140
Штопи другой дволичнои штука локотъ 35 и чвертей 3,	
по зол: 4 чинитъ зол	143
Штопы другой дволичной зеленой локотъ	35
и пол локтя то вс по зол: 4 чинит зол	142
Материи узористой малиновои едвабной локтей пол.	12
по зол 5 локотъ, чинитъ зол.	57
и шаг	5
Табѣну рожового локтей пол.	9
по талярей 3 локотъ, чинитъ зол	77
и шаг	5
Табѣну гвоздикового в двох портищах локот	18
локот по талярей 3 чинит зол	172

Полутабѣнку желтого локтей	6
и полтора чвер, по золотих 9 чинитъ зол.	23
и шаг	7
Атласу чорного локтей.	43
и чвертка 1 локотъ 5 чинитъ зол.	216
и чеховъ	5
Адамашки дволичной локтей	12
по зол 5 чинит зол	60
Лудану желтого локтей 9 без чвер; копъ.	8
Злотоглаву темно кармазинового локотъ	9
без чвертки по копъ 5 чинитъ зол.	47
Едамашкы зеленой зъ квѣтами сребрними локотъ. . . .	19
и полтори чверти по копъ 5 чинит зол.	237
и шаг	5
Злотоглаву шкарлатного локотъ полчверта по копъ 5 чинит зол	44
Злотоглаву зеленого зъ квѣтами злоцѣстими малими локотъ тридцят шест без чверти по зол.	4
чинитъ зол	125
Злотоглаву цеглястого в дробних квѣтках локотъ	25
по зол 9 чинитъ зол	87
и шаг	5
Злотоглаву гвоздикового локотъ	6
по талярей 4 чинит зол.	72
Корунокъ марцѣпановихъ золотниковъ.	11
чинить зол	11

Китайка мосолбаская.

Китайки козолбаской керанатозон двѣ тюмы по зол . . .	40
чинитъ зол	80
Вишневой китайки штук	5
Бѣлой китайки штукъ пол.	6
чинит зол	40
Штамету власового локтей 25 и чвертка	1
по золотому чинит зол	25
Штамету такой же масти штука зол	40
Штамету зеленого штук двѣ чинитъ зол	80

Гарусу штукъ двѣ една зеленая, а другая блакитная по копъ десят чинит зол 50

Сумма матеріямъ тисячей 2056

Реестръ суконъ.

Сукна тонкого чорного локотъ тридцят пят по талярей. . 2
чинит зол 207 и шага пол. 8

Сукна вишневого локотъ 28 и три чвертки по талярей два чинит зол 172 и шаг 2

Трипу на плосконном полотнѣ в квѣ(т) рубленого локтей. 20 и чвертки 3. Тоеи же материи трипу еще локтей 21, по зол 2—тии ободва трипи чинят зол. . . . . . , ... 83
и шаговъ 5

Сукна Ишпанского лимонѣевого локтей 8 безъ трохъ чвертей по золотыхъ пят, чинит зол 132

Сукна керонатового тонкого локтей 21 и чвертки 3 по талярей 2 чинит зол. 119

Тузинку простого локтеи 8 безъ чвортки по зол 2
чинит зол 25

Сукна Гишпанского локотъ 30 без чверти по зол. . . . 4
чинит зол 119

Тузинку простого локот 30 без чверти по золотихъ два
чинитъ зол 25
и шаг 5

Тузѣнку блакитного простого локот 4 по зол 2
чинит зол 8

Сукна зеленого кострижи локтей 25 по зол 4
чинит золотих 100

Сукна кгортового тонкого локтей 24 талярей по 2
чинит золотих 144

Сукна кострижи локотъ 35 и пол локтя по зол 4
чинитъ золотих 142

Еще сукна тонкого кгорнотового локотъ 20 и чверти . . 1 по талярей 2 чинит зол. 151
и шаг 5

Сукна Гишпанского накраняного доброго локотъ сорокъ по копъ 3 чинит зол 352 и шаг. 5

Сукна кострижи зеленои локотъ тридцят и пол 5 локтя по золотих 4 чинит зол. 138

Сафяновъ турецкихъ бунтовъ 10 бунтъ по копъ 10
чинит золотих 250
Килимовъ 2 простих старих в которин сукна и матерін увиваются.
При суккахъ и материях в мѣшечку запечатаних перел найшлося лотовъ 30 сумма тым перламъ золотихъ . . . 500
Сумма сукнамъ и перлам тысячей 2656 золотих и шаг пол. 8

Сребро и перла Матвѣевыи.

Перел Матвѣя Мартиновича моточковъ 2, единъ ношений, а другий мало заживаний урянскых з атрижикомъ и перстникомъ лотовъ 8 и золотникъ 1. Сума тим перламъ и атрижиком и перстником положилася тысяча золотихъ.

Сребра въ ложкахъ и чаркахъ аштурской роботи заживаного гривенъ двадцят лотовъ девят, гривна по таляреи 10 чинит зол. 377
Сребра подлого стародубовской роботи гривенъ 3 и лотовъ 7 по зол 10, чинитъ зол 33
Сумма тим перлам и сребру Матвѣевимъ золотих. . . 1410

Богданъ зъ Матвѣемъ суконнихъ и материялнихъ товаровъ з перлами реестромъ, рукою своею подписанним, подали пану вонту на тисячей пятъ золотихъ.

Якожъ подлугъ іхъ реестру написанной суммы мало що не доходитъ з шацунку, показалося тое.

На том же своемъ реестрѣ меду присного бочокъ шестдесят двѣ подали, в которихъ бочкахъ вѣдерокъ девят сотъ и пятдесятъ положили мѣри рестровне, а купуютъ у насъ тепер меду вѣдерко по таляреи два, а пуд по зол: пять и по полпята, теды якъ продается пуд меду вѣдерко по таляреи два, пораховавши, виносит суммы тысячей 5700 зол.

Приложивши теды тую сумму, з шацунку товаровъ суконнихъ, матерѣи, перелъ и сребра написанную, тысячеи 6110 зол., ку пяти тысячамъ и семи стамъ золотим і медовим грошамъ, всей суммы скомпутованой учинит тысячей 11816 золотих, а на копѣйки чинитъ тысячей двѣ рублей, триста и шестьдесятъ рублей и гривенъ 6.

Такъ войтъ за нхъ Семена, Богдана и Матвѣя долгы заплатилъ тысячей тридцятъ зол. іноземцямъ, якъ з онних кабалъ и листу рейментарского ясно оказалося тое. Писанъ на Маистратѣ его царского пресвѣтлого величества Стар. року и дня вишъ писанних.

Завѣщаніе Тимоѳея Щербацкаго, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи. Копія завѣщанія Тимоѳея Щербацкаго списана нами съ подлинника, хранящагося у одного изъ родственниковъ покойнаго крестьянина предмѣстья м. Триполья, церковнаго старосты, *Кисленка*, который состоитъ въ настоящее время владѣльцемъ лаврской мельницы. Получено это завѣщаніе, благодаря любезности мѣстнаго настоятеля прихода, священника I. Ф. Волосного.

Д. А. Синицкій.

Божію милостію Тимоѳей Щербацкій Православный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи. Всѣмъ, кому о томъ вѣдати подлижатиме, а особливо превелебному каѳедральнаго нашего Кіево-Софейскаго монастыря намѣстнику Іеромонаху Лукѣ и всему духовному пречестному собору Божіе Благословеніе желая симъ нашимъ Пастырскимъ писаніемъ извѣстно чинимъ: владѣнія онаго Свято-Софейскаго Каѳедральнаго нашего монастыря въ дистриктѣ Тріполскомъ близь мѣстечка Тріполя, на рѣчкѣ прозываемой Красной, имѣется умершаго брата нашего іерея Свято-Николаевскаго Триполскаго Андрея мельница о двухъ колахъ мучныхъ, третомъ ступномъ на греблѣ, прозываемой Чайковской, купленная онымъ покойнымъ братомъ нашимъ Іереемъ Андреемъ въ мѣщанина Трипольскаго Павла Стягайленка, которая мелниця по смерти прописаннаго брата нашего Іерея Андрея опредѣлена была нашей мѣрности во владѣніе брату нашему Максиму. А понеже онъ братъ нашъ Максимъ и жена его настоящаго года волею Божію преставилися, остается же еще въ живыхъ сестра мѣрности нашей при старости лѣтъ и слабости въ безпомощіи; и мы Пастырь, пріемля въ разсужденіе святого Іоанна Златоустаго о призрѣніи кровныхъ увѣщательное слово, глаголетъ бо: блаженъ рече, иже рода своего непрезритъ; прописанную мелницю съ принадлежащими къ ней, по имѣющимся на то купчимъ, угодіями, и съ оной мелницы собираемые доходы, помяненной сестрѣ нашеи Ѳеодосіи в спокойное по смерть ея къ пожиткованію владѣніе опредѣляемъ.

А по смерти ея Ѳеодосіи съ овой мелницы собираемыхъ доходовъ половинную часть родному сыну ея сестры нашея Ѳеодосіи Мартіну Михайлову Кисиленку зъ дѣтми его ради прокормленія; а другую половинную часть съ оной мелницы доходовъ на имѣющуюся строитися въ вышнемъ градѣ Кіевѣ при Трехъ-Святительской приписной къ Каѳедральному нашему Монастырю Церквѣ, болницю и оною опредѣленного отъ насъ половинною частію доходовъ завѣдывать находящимся при оной Трехъ-Святительской Церквѣ начальникомъ, и отдавать тѣ доходы на прокормленіе бѣдныхъ въ той болницѣ больнымъ безобыдно, Архіерейски утверждаемъ.

И по сему нашему Архіерейскому завѣщанію якъ нынѣшнему Превелебному каѳедральнаго нашего Кіево-Софѣйскаго Монастыря Намѣстнику Іеромонаху Лукѣ съ ихъ пречестною о Христѣ братіею, такъ и по немъ будущимъ Превелебнымъ Каѳедральнымъ намѣстникамъ и братіи неотмѣняемое во всемъ, подъ неблагословеніемъ Божіимъ чинить исполненіе пастырски упоминаемъ. Тысяча сѣмъ сотъ пятьдесять седмаго года ноября шестогонадесять числа.

Свыше именованный мітрополитъ Тимоѳей Щ.

Погребеніе на саняхъ. Въ «Кіевской Старинѣ» 1893 г. № 4, помѣщена была статья подъ заглавіемъ „Сани въ похоронномъ обрядѣ» г. Ник. Бѣляшевскаго, въ которой даются справки о существованіи обычая хоронить въ саняхъ какъ въ древнее время на Руси, такъ и въ позднѣйшее. Между прочимъ тамъ указывается существованіе этого обряда сравнительно недавно въ радомысльскомъ уѣздѣ кіевской губ., а въ концѣ 17 в.—на Волыни.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ можемъ указать на то, что обычай погребенія на саняхъ лѣтомъ существуетъ до настоящаго времени въ подольской губерніи, въ балтскомъ уѣздѣ; такой же обычай и въ сосѣдней херсонской губ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы были свидѣтелями, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ 2 ч. дня, въ м. Кривомъ Озерѣ погребали одного изъ мѣстныхъ однодворцевъ, зажиточнаго земледѣльца, на саняхъ. Гробъ съ останками покойника уложенъ былъ на обыкновенныхъ дровняхъ, которыя тянули на кладбище три пары воловъ, запряженныхъ цугомъ. Такого торжественнаго погребенія удостаиваются только почтенные старые хозяева.

Д. А. Синицкій.

Неизданныя стихотворенія К. Думитрашка. *(Къ исторіи г. Одессы).* Столѣтній юбилей г. Одессы, отпразднованный 22 августа настоящаго года, вызвалъ появленіе нѣсколькихъ изданій, относящихся къ исторіи Одессы, и множество замѣтокъ, воспоминаній и разсказовъ изъ прошлаго этого города, которыми въ теченіе цѣлаго мѣсяца пополняются столбцы мѣстныхъ періодическихъ изданій. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о пробудившемся живомъ интересѣ одесситовъ къ прошлому своего родного города. Думаемъ поэтому, что небезъинтересны будутъ и относящіяся къ прошлому г. Одессы, до сихъ поръ неизданныя, стихотворенія покойнаго малорусскаго поэта К. Думитрашка, писавшаго, какъ извѣстно, подъ псевдонимомъ К. Д. Копытько». Стихотворенія эти вызваны знаменательнымъ въ исторіи Одессы событіемъ 10 апрѣля 1854 г., когда союзный англо-французскій флотъ, неожиданно появившійся подъ Одессой, въ страстную субботу открылъ пальбу по городу и бомбардировалъ Одессу въ продолженіе 12 часовъ. Одесса, какъ-чисто коммерческій городъ, который находился при томъ въ постоянныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей и Франціей, и въ которомъ даже въ то время проживало не мало англичанъ и французовъ, имѣвшихъ здѣсь свои конторы и торговыя заведенія, совсѣмъ не ожидала нападенія и была почти не защищена: на всѣхъ 6 батареяхъ было всего 40 орудій, а войско состояло всего изъ 16 батальоновъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, войска и населеніе геройски защищали городъ, при чемъ особенно отличился командовавшій батареей на Практическомъ моллѣ прапорщикъ Щоголевъ, который въ продолженіе 7 часовъ успѣшно отражалъ направленное противъ его батареи нападеніе семи англійскихъ пароходовъ и оставилъ батарею всего лишь за нѣсколько минутъ до взрыва на ней пороховыхъ ящиковъ. Канонада съ непріятельскихъ судовъ продолжалась до 7 часовъ вечера, затѣмъ союзный флотъ, простоявши подъ Одессой еще 3 дня, на 4-й день Свѣтлаго праздника снялся съ якоря и удалился, не причинивши городу особеннаго вреда. Вотъ это-то событіе и вдохновило музу нашего поэта, воспѣвшаго его въ двухъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ въ одномъ онъ выражаетъ свое негодованіе по поводу нападенія въ такой великій для христіанъ день, какъ канунъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, при чемъ главнымъ виновникомъ этого нападенія считаетъ англичанъ, а въ другомъ воспѣваетъ подвигъ прапорщика Щоголева.

Крымская война, въ которую, независимо отъ общаго участія малороссіянъ по воинской повинности, сформированы были малорос-

сійскіе полтавскій и черниговскій полки, принимавшіе участіе въ послѣдній разъ въ качествѣ особаго войска, война, прославившая подвиги малороссійскихъ чумаковъ-погонцевъ и особенно черноморскихъ пластуновъ, была очень популярна среди малороссіянъ и весьма дѣятельно вдохновляла малорусскую патріотическую музу. Такъ, извѣстны цѣлые сборники малорусскихъ стихотвореній, посвященныхъ крымской войнѣ, какъ напр: Бенкетъ для непрошенныхъ гостей. Яцимирскаго, СПБ. 1854 г., До чумака або война Ягло-французо-турецька у 1853 и 1854 рокахъ—Ф. Морачевського, К. 1856 г. и др. множество стихотвореній печаталось въ повременныхъ изданіяхъ, какъ напр. Землякамъ—Г. Надхина (Рус. Инвалидъ 1854—№ 74). Дамо прочухана!—И. Ваненко (Московскія Вѣдомости 1854—№ 24) и др., а еще больше малорусскихъ стихотвореній было распространено въ рукописяхъ и многія изъ нихъ были настолько популярны, что ихъ зналъ на память почти каждый грамотный малороссіянинъ. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ воспѣвались подвиги русскаго воинства, преимущественно малороссійскихъ козаковъ и погонцевъ, или высказывались общія патріотическія чувства. Почему именно знаменательное для Одессы, но въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій незначительное событіе 10 апрѣля 1854 г. вдохновило музу Думитрашка—трудно сказать. Изъ біографіи его извѣстно, что съ 1839 г., по окончаніи курса въ Кіев. духовной академіи, Думитрашко оставался на службѣ въ Кіевѣ, гдѣ былъ преподавателемъ семинаріи, потомъ секретаремъ совѣта духовной академіи, наконецъ библіотекаремъ академіи и до самой смерти своей жилъ постоянно въ Кіевѣ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выраженіемъ общаго патріотическаго чувства, которое вдохновлено было событіемъ 10 апрѣля 1854 г., быть можетъ, благодаря сравнительной близости мѣста дѣйствія къ Кіеву, гдѣ жилъ поэтъ. Стихотворенія эти найдены нами въ собственноручной рукописи К. Думитрашка, доставшейся намъ отъ бывшаго кіевскаго книгопродавца и издателя Л. В. Ильницкаго, которою пользовался и профессоръ Н. Петровъ при составленіи своей книги «Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.». Рукопись эта озаглавлена: «Копытькови вирши» и заключаетъ въ себѣ извѣстную «Гомерову жабомышодракивку», изданную въ Петербургѣ въ 1859 г., стихотворенія Думитрашка, напечатанныя подъ псевдонимомъ «К. Д. Копытько» въ Манкѣ за 1843 г., нѣсколько неизданныхъ его стихотвореній, а также стихотворенія другихъ малорусскихъ поэтовъ, переписанныя имъ изъ разныхъ изданій, при чемъ подъ каждою піесою

приведено имя автора, такъ что представляется полная возможность опредѣлить принадлежность каждой піесы тому или другому автору, независимо отъ иныхъ соображеній и библіографическихъ справокъ.

Предлагаемыя стихотворенія К. Думитрашка подписаны его псевдонимомъ «К. Д. Копытько» и, по наведеннымъ нами тщательнымъ библіографическимъ справкамъ, до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны. Приводимъ ихъ въ такомъ видѣ, какъ онѣ записаны въ нашей рукописи.

М. Комаровъ.

Одесса, 25 августа 1894 г.

I.

Іуда на Велыкдень або Англичанци у чорта въ гостяхъ 1854 року.

На самомъ дни преисподній
Іуда проклятый горыть,
А биля його врагъ Господній
Въ страху, поджавши хвистъ, сыдыть,
Сопе и трусыться, якъ злодій,
Шпурля дривця въ пекельну пичъ,
А самъ мурчыть пидъ нисъ: та годи
Дзвоныть вамъ въ дзвоны цилу ничъ!
Це наступа опьять Велыкдень,
Хочъ уши затыкай ввесь тыждень!
Нехай бы вже соби дзвоныли,—
До сього трохи я прывыкъ,—
Хочъ бы зъ гармативъ не палыли.
Отто проклятый чоловикъ!
Я порохъ выдумавъ на його,
А винъ на мене имъ стриля;
Хочъ бы поглянуть видкиля
Такую пиднялы тревогу.
Та ни вже треба пидождать
Бо страшно носа показать
Теперъ на землю. Огъ и жде.
Ажъ гулькъ, колы у двери ада
Людей цылисенька громада
На дно пекельнее иде.
„Оци попалы въ пекло рано,
Та далеченько вже зайшлы;
Глянь, ще здаеться христіане,
А видкиля сюды прышлы!

Мабудь вы добри забіякы,
Що васъ гараздъ и не пеклы,
А вы вже якъ варены ракы [1])
Почервонилы. Де булы?
Що бачылы да що робылы?
Чымъ вичну муку заслужылы?"
—„Та ни, мы пане, Аглычанци,
Мы Туркамъ продалы Христа;
У чорта-жъ пидъ Адесомъ вранци,
Якъ бачишъ, избулы хвоста;
Прыйшлы Адесъ мы штурмоваты
Та чорта зъ два взялы"... „Ага!
Такъ то у васъ гулы гарматы!
И въ васъ Христосъ найшовъ врага?
Та вы бачу жыды на чудо!
Посунься одъ огню Іуда!
Сюды до печи люби гости,
Гой, гой! якъ зъ васъ вода дзюрчить,
Васъ треба трохы просушыть,
Бо вы промоклы ажъ до кости.
Тай просушу-жъ,—огню чымало,
Залью я вамъ за шкуру сала,
На вышкварки я васъ спряжу.
Дождався на Велыкдень чуда.
Зробылы празныкъ и мени",
Огъ бачишъ братику Іудо,
Е крашанка и сатани!"

II.

Щыголь.

Ой не чорна хмара встае
Зъ-за сынего моря,
Вража сыла въ мори сную,
Шука свого горя.

***

Ой не витеръ на простори
Буйны хвыли гоныть,—
Одъ корабливъ чужыхъ море
Сердытее стогныть.

---

[1]) Бо въ червоній одежи.—Примѣчаніе къ рукописи.

***

То не галычъ въ неби грае,
Роспустывшы крыла,—
Сыне море покрывае
Супостатьска сыла

***

Не гримъ Божый гремыть зъ небесъ,—
То ревуть гарматы;
Аглычанци городъ Адесъ
Хотять руйноваты.

***

А щожь Адесъ? Аглычанцивъ
Чомъ не проганявъ?
Чому Сакенъ на поганцивъ
Зъ гарматъ не стрилявъ.

***

Некай сыла супостата
Якъ цуцыкъ ярытьця.
Булобъ чести ій багато
Зъ генераломъ бытьця.

***

Въ Адеси винъ, якъ господынъ,
Що роботы знае,
Прапорщыцькый найменшый чынъ
Щыгля посылае.

***

Дае іому дви гарматы
На всихъ супостатывъ,
Наказуе щобъ зарядывъ
Винъ марно не тратывъ

***

Не велычка птычка щыглыкъ,
Та гарно спивае,
Не велыкый чынъ прапорщыкъ
Та добре стриляе.

***

Тай якъ добре Щыголь стриля
На вражеську сылу,
Кожнымъ ядромъ врагивъ вцил
И шпурля въ могилу.

***

Одынъ бьетьця зъ цилымъ флотомъ,
Хиба-жъ то не чудо?
Облывайся кровью й потомъ
Аглыцькій Іудо!

***

Стрилявъ есы цили суткы
Изъ усихъ гармативъ,
Та и влучывъ, мовъ на шуткы,
Чотыріохъ салдативъ.

***

Чы не смихъ то, не хымера?
Не мало й утраты!
На одного офыцера
Ввесь порохъ потратывъ.

***

Тай того ще, слава Богу
Ты такы не влучывъ,
А винъ тебе, якъ пса злого,
Добре поподущывъ.

***

Оступитьця-жъ хвастовыти
Аглыцьки лацюгы,
Бо вже булы есте быти,
Будете и вдруге.

***

Та вже не такъ, якъ першый разъ
Мала сыла была,
А всихъ разомъ загарба васъ
Глыбока могыла.

Замѣтка о рукописяхъ Г. С. Сковороды. Въ дополненіе къ замѣткѣ о рукописяхъ Г. С. Сковороды, помѣщенной нами въ прошлой книжкѣ «Кіевской Старины», спѣшимъ сообщить, что Л. П. Томара, къ которому Харьковскій университетъ обращался съ покорнѣйшей просьбой о высылкѣ рукописныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, розыскалъ въ своемъ фамильномъ архивѣ и прислалъ въ Харьковъ 6 большихъ томовъ этихъ рукописей, которыя мною разсматриваются и перечитываются. Позволяю себѣ принести почтенному владѣльцу рукописей за это искреннюю благодарность отъ имени Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Д. Багалѣй.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Двадцать пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи, съ 1866 по 1892 годъ, краткій очеркъ, изданіе Полтавскаго Сельскохозяйственнаго общества». *Полтава. 1893 г.*

Подъ этимъ заглавіемъ текущимъ лѣтомъ издана интересная работа С. Н. Велецкаго, заключающая сводъ дѣятельности уѣздныхъ и губернскаго земствъ полтавской губ. за 25 лѣтъ. Въ предисловіи къ названной брошюрѣ, объясняющемъ значеніе предлагаемой работы, выясняются между прочимъ и причины, почему сводъ дѣятельности мѣстнаго земства изданъ не на средства земства, а на средства мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества. Какъ извѣстно, тяжелыя послѣдствія неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ «обратили общее вниманіе общества и литературы, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій» на необходимость серіозныхъ мѣръ въ смыслѣ устраненія «крайне спутанныхъ и затруднительныхъ обстоятельствъ въ общественно-государственной жизни», вызвали «массу различныхъ проэктовъ оздоровленія» и возбудили массу вопросовъ, требующихъ серіознаго обсужденія, поставивъ на первый планъ необходимость разработки сельскохозяйственныхъ вопросовъ и обсужденія мѣръ къ скорѣйшему устраненію сельскохозяйственнаго кризиса. Полтавское сельскохозяйственное общество, стремясь «разобраться въ длинномъ ряду вопросовъ и предложеній», возникающихъ по поводу переживаемаго сельскохозяйственнаго кризиса», выработало въ 1893 г. обширную программу своей дѣятельности «соотвѣтственно нуждамъ и условіямъ полтавской губерніи». Осуществляя эту программу, оно, очевидно, сочло полезнымъ воспользоваться между прочимъ трудомъ С. Н. Велецкаго, тѣмъ болѣе, что «обозрѣніе земскихъ мѣропріятій представляетъ—какъ говорится въ предисловіи къ брошюрѣ—значеніе не

только съ точки зрѣнія фактическаго ознакомленія съ тѣмъ, что сдѣлано земствомъ за время его существованія, но и въ виду чисто практическихъ соображеній о томъ, *что и какъ* сдѣлано уже въ этой области, или хотя бы только проэктировано, но по разнымъ причинамъ не осуществлено—въ особенности въ настоящее время, когда вопросъ о воздѣйствіи организованныхъ общественныхъ учрежденій на экономическую сторону государственной жизни рѣшенъ у насъ учрежденіемъ министерства земледѣлія въ положительномъ смыслѣ и когда уже поставленъ на очередь «къ практическому рѣшенію другой вопросъ, о созданіи на мѣстахъ вспомогательныхъ органовъ этого центральнаго учрежденія».

Брошюра обнимаетъ собою дѣятельность Полтавскаго земства по всѣмъ ея отраслямъ, при чемъ въ каждой главѣ по каждому отдѣлу дѣятельности земства авторъ старается съ возможною точностью и подробностью установить объемъ тѣхъ результатовъ, къ которому пришло земство за 25 лѣтъ, приводя при этомъ сравненіе между тѣмъ, что было въ моментъ учрежденія земства и тѣмъ, что, благодаря его дѣятельности, имѣется въ настоящее время.

Чтобы ознакомиться съ замѣчательными результатами плодотворной дѣятельности Полтавскаго земства за 25 л. его существованія, не вдаваясь въ разсмотрѣніе результатовъ его работъ по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства, достаточно провести такое сравненіе только по двумъ отраслямъ: по дорожной повинности и народному образованію. Въ 1864 г. состояло на денежномъ сборѣ всего 183 моста, всѣ же остальные мосты и прочія дорожныя сооруженія устраивались и ремонтировались чрезъ посредство тягостной и неравномѣрно распредѣленной натуральной повинности. А черезъ 25 лѣтъ въ вѣдѣніи одного лишь губернскаго земства состояло уже 867 мостовъ протяженіемъ 11 верстъ 280 кв. саж. и кромѣ того на счетъ сбора содержалось 789 плотинъ и гатей и 85 каменныхъ мостовыхъ протяженіемъ 230 верстъ, при чемъ одно лишь губернское земство выполняло расходовъ на дорожныя сооруженія до 325000 руб. въ годъ, достигая въ тоже время значительнаго удешевленія работъ по устройству дорожныхъ сооруженій, стоимость производства которыхъ, при улучшеніи качества работъ, уменьшалась тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ. Благодаря дѣятельности земства, дорожныя сооруженія, состояніе которыхъ въ моментъ перехода ихъ въ руки земства признавалось и губернскою администраціею и губернскою управою «крайне неудовлетворительными», уже въ 1869 г. признаны были губернато-

ромъ въ рѣчи его къ собранію «доведенными до такого удовлетворительнаго состоянія, въ какомъ желательно было бы видѣть ихъ всегда».

Говоря словами брошюры, «на дѣло развитія народнаго образованія земство вообще обращало почти такое же вниманіе, какъ и на народное здоровье, вслѣдствіе чего медицинскій и школьный бюджетъ Полтавскаго земства росли почти одновременно и параллельно».

Если не принимать во вниманіе качества школъ, а имѣть въ виду лишь одни оффиціальныя *цифровыя* данныя, то успѣхи низшаго народнаго образованія за земскій періодъ могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ: въ 1864 г. въ полтавской губ. числилось 677 школъ разныхъ наименованій съ 14853 учащимися; по прошествіи же 18 лѣтъ (въ 1882 г.) число школъ достигло 786 съ 38307 учащимися, т. е. число школъ возрасло на 16%, а учащихся на 158%, а въ 1891 году число школъ превышало уже 1000, число же учащихся достигло почти до 100 тысячъ душъ. Въ 1864 г. всего только 89 училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ получали матеріальное пособіе въ 13859 р. (по 156 р. на каждое), а остальныя школы содержались или на частныя средства, или же были въ полномъ значеніи этого слова «безвозмездными»; въ 1882 же году пособіе получали 540 училищъ разныхъ наименованій въ общемъ итогѣ на 207000 р. (по 384 р. на каждое); такимъ образомъ число матеріально обезпеченныхъ школъ возрасло къ этому времени въ 6 разъ, а средства каждой изъ субсидируемыхъ школъ—въ $2^1/_2$раза; къ 1891 же году ассигнованія земства на народное образованіе возрасли еще почти вдвое.

Брошюра обнимаетъ собою слѣдующіе вопросы изъ области дѣятельности земства: пути сообщенія, подводная и другія обязательныя повинности. Переложеніе разныхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя и уравненіе ихъ. Экономическая дѣятельность земства: продовольственное дѣло, общественныя запашки; мѣропріятія къ урегулированію землевладѣнія; организація кредита; мѣропріятія къ урегулированію сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства и улучшенію хлѣбной торговли; урегулированіе движенія рабочаго населенія на заработки; отношеніе земства къ мѣстнымъ сельскохозяйственнымъ обществамъ и организаціи сельскохозяйственныхъ выставокъ и опытнаго поля; мѣры къ поднятію скотоводства, коневодства, овцеводства и табаководства и т. п., къ лѣсоразведенію, осушенію болотъ и т. п.,

мѣропріятія къ поднятію промышленности; изслѣдованіе губерніи въ экономическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ—организація статистическаго бюро и естественно-историческаго музея. Медицинская и ветеринарная организація. Народное образованіе. Земское страхованіе; страхованіе движимости и продуктовъ сельскаго хозяйства; страхованіе скота отъ падежей.—И наконецъ въ послѣдней главѣ подводятся «итоги земской дѣятельности». Изъ этихъ итоговъ между прочимъ съ очевидностью ясно, насколько невѣрны раздающіяся иногда обвиненія противъ земства въ томъ, что, благодаря избирательному началу, оно страдаетъ неустойчивостью личнаго состава и что въ земское представительство съ каждымъ будто бы трехлѣтіемъ попадаетъ все больше и больше элементовъ изъ некультурныхъ и необразованныхъ слоевъ общества. Брошюра вообще не фразами, а цифрами и фактами убѣждаетъ въ громадности той пользы, которую принесло земство за 25 лѣтъ его существованія; составляя экстрактъ изъ обширныхъ систематическихъ и т. п. сводовъ и отчетовъ о дѣятельности земства за весь періодъ его существованія и за отдѣльные годы, она даетъ обыкновенному читателю возможность, безъ потери времени и труда на разсмотрѣніе такихъ сводовъ, (которые и достать-то не всегда возможно), въ короткое время ознакомиться со всѣми сферами дѣятельности земства и результатами его трудовъ во всѣхъ областяхъ земскаго хозяйства. Болѣе частое появленіе такихъ экстрактныхъ сводовъ дѣятельности отдѣльныхъ земствъ,—сводовъ столь же толково, безпристрастно и обстоятельно изложенныхъ, легко разсѣяло бы существующія въ нѣкоторыхъ слояхъ читающей публики предубѣжденія противъ земства и облегчило бы для дѣятелей другихъ земствъ возможность ознакомиться съ ходомъ и практическими результатами трудовъ ихъ соратниковъ въ земствахъ прочихъ губерній, что могло-бъ имѣть несомнѣнно важное практическое значеніе.

Л. С. Л.

Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ Западной Россіи, Бѣлоруссіи и Малороссіи, за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 годъ. Составилъ и издалъ С. Ф. Рубинштейнъ. Вильна. 1894. 8 д. л. XII+918 стр.

Въ предисловіи къ этой книгѣ составитель говоритъ: «настоящій *указатель* составленъ исключительно по оффиціальнымъ источ-

никамъ: по «полному собранію законовъ Россійской Имперіи», а за послѣдніе годы—по «Собранію узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемому при Правительствующемъ Сенатѣ». За исключеніемъ послѣдовательнаго нумера указателя, помѣченнаго, для удобства справокъ, болѣе крупною цифрою, все остальное: нумерація, дата, названіе и самое оглавленіе указовъ, означающее краткое ихъ содержаніе, между которыми небольшое число указовъ, напечатанныхъ полностью,—все это извлечено изъ означенныхъ двухъ правительственныхъ изданій, съ сохраненіемъ буквальнй этнографической вѣрности источника... Этимъ способомъ составленный *указатель*, въ совокупности съ приложенными къ нему тремя алфавитами, предназначенъ служить пособіемъ при пользованіи тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который совмѣщаетъ въ себѣ многочисленные фоліанты полнаго собранія законовъ, и въ нѣкоторой степени—замѣнить его». Отсюда видно, что составитель имѣетъ въ виду дать указатель законовъ, относящихся къ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи за время съ полов. XVII в. до нашихъ дней. При этомъ нѣкоторые указы въ книгѣ приведены полностью, напр. грамота 1753 г. Кіевскому митрополиту Тимофею Щербацкому, «на заведеніе при домѣ его типографіи», высочайшій указъ 1763 г. объ учрежденіи въ Малороссіи подкоморіевъ, жалованная 1764 г. грамота г. Кіеву, манифестъ 1775 г. объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи, именной указъ 1787 г. Кіевскому митрополиту Самуилу Миславскому—о заведеніи типографіи при Кіевской академіи для печатанія книгъ на россійскомъ и иностранномъ языкахъ и объ отправленіи студентовъ въ иностранные университеты для усовершенствованія въ наукахъ и друг. Нѣтъ сомнѣнія, что книга г. Рубинштейна для справокъ небезполезна, но цѣна этой книги (пять рублей) ужъ очень велика....

Описаніе ризницы и библіотеки Черниговскаго Архіерейскаго дома. Изданіе братства св. Михаила, князя Черниговскаго. Дмитрія Козминскаго. Черниговъ. 1893. 8 д. л. 105 стр. (Оттискъ изъ Черниг. Епарх. Извѣстій за 1893 г.).

«Ризница и библіотека Черниговскаго архіерейскаго дома не только въ ряду монастырей Черниговской епархіи, но и въ ряду безъ огромнаго большинства монастырей другихъ епархій занимаетъ, безспорно, выдающееся мѣсто, какъ по обилію церковной утвари и об-

леченій, такъ и по древности, цѣнности и художественности работы многихъ, входящихъ въ составъ ея предметовъ». Такъ начинаетъ свою работу г. Козминскій и затѣмъ подробно описываетъ: 1) церковную утварь, 2) древности, не принадлежащія къ богослуженію, 3) священнослужебныя облаченія и 4) библіотеку. Перечисленная въ первомъ отдѣлѣ церковная утварь древнихъ предметовъ рѣшительно не заключаетъ; незначительное число ихъ относится къ XVII в., а все остальное—позднѣйшихъ временъ; по крайней мѣрѣ, изъ описанія древности описанныхъ предметовъ не видно. Перечисляя евангелія (около 20-ти), г. Козминскій, описывая оклады ихъ, къ сожалѣнію вовсе не приводитъ тѣхъ надписей, которыя, несомнѣнно, имѣются на многихъ изъ этихъ евангелій и которыя очень часто заключаютъ въ себѣ интересныя историческія свѣдѣнія. Въ библіотекѣ архіерейскаго дома рукописей вовсе нѣтъ, а старопечатныхъ книгъ достаточно и притомъ большею частью Кіевской печати, причемъ очень многія изъ нихъ имѣются въ нѣсколькихъ экземплярахъ, напр. *Служебника* кіевской печати 1653 г. имѣется десять экземпляровъ, *Служебника* львовской печати 1691 г.—четыре экземпляра, *Тріоди постной* кіевской печати 1688 г.—три экз. Достаточно есть въ библіотекѣ и книгъ Черниговской печати, преимущественно впрочемъ XVIII в.; но впрочемъ все это книги большею частью богослужебныя: служебники, минеи, тріоди, требники, акафистники.... Евангелій ни кіевскихъ, ни черниговскихъ—ни одного экземпляра въ библіотекѣ нѣтъ. Перечисляя всѣ эти книги, г. Козминскій лишь изрѣдка упоминаетъ объ имѣющихся на нихъ надписяхъ (по листамъ), между тѣмъ какъ эти надписи бываютъ важнѣе самихъ книгъ.

Каменскій свято-успенскій женскій монастырь и его святыня[1]). *(Протоіерея Іоанна Платонова). Черниговъ. 1893. 8 д. л. 28 стр. (Оттискъ изъ Черниг. Епарх. Изв. 1892 г.).*

Брошюра, не заключающая никакихъ новыхъ свѣдѣній относительно исторіи монастыря, и составитель ея самъ говоритъ, что «при составленіи сего описанія было *отчасти* руководствомъ» описаніе этого монастыря 1863 г., т. е. описаніе архіеп. Филарета Гумилевскаго. Каменскій монастырь первоначально былъ мужскимъ, но въ 1786 г. обращенъ въ дѣвичій; сюда были тогда же переведены монахини Стародубскаго

[1]) Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, Черниг. губ.

Печеницкаго монастыря. Этотъ фактъ даетъ поводъ составителю брошюры повторить тутъ же и исторію Печеницкаго монастыря, *дословно повторяя* описаніе архіеп. Филарета (Опис. Черниг. Епарх., IV, 60—64), даже со всѣми ссылками на Величка, Маркевича и дѣла Консисторіи. Изъ брошюры г. Платонова видно, что она составляетъ почти буквальную перепечатку (до стр. 13-й) той брошюры, о которой составитель говоритъ, что онъ пользовался ею лишь *отчасти.*

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1894 г. подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. Изданіе Харьковскаго Губернскаго. Статистическаго Комитета. Харьковъ 1894 г. Стр. 1—11+206+384. Выпускъ 8-й.

8-й выпускъ «Харьковскаго Сборника» —по обыкновенію самаго разнообразнаго содержанія. На первомъ мѣстѣ напечатано „*Житіе Григорія Сковороды*“, написанное другомъ его помѣщикомъ *М. И. Ковалинскимъ* и напечатанное раньше по копіи въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г; теперь оно перепечатано по подлиннику, отысканному проф. Д. И. Багалѣемъ въ Румянцевскомъ музеѣ. —Статья *П. С. Илларіонова* „*Очеркъ отношеній обычнаго права къ законодательствамъ*“ лишній разъ поднимаетъ вопросъ о важности изученія обычнаго права не только съ теоретической, но и съ практической точки зрѣнія; авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы должностныя лица, созданныя реформой 12 іюня 1889 года, по возможности, собирали бы народные юридическіе обычаи, такъ какъ обычаи эти могутъ имѣть громадное практическое значеніе въ дѣлѣ отправленія правосудія въ крестьянскихъ судахъ и затѣмъ при составленіи гражданскаго уложенія Имперіи. *Л. О. Павловичъ* продолжаетъ въ 8-мъ выпускѣ «Харьковскаго Сборника» свои „*Очерки растительности Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстностей*“, а прот. *Н. А. Лащенковъ*—*Матеріалы къ столѣтію Харьковской кафедры. Христофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій.*

Въ этомъ же выпускѣ начались печатаніемъ матеріалы по обычному праву, собранные Харьков. Губ. Стат. Комитетомъ по программѣ, которая была напечатана раньше въ 7-мъ вып. «Харьковскаго Сборника», а также этнографическіе матеріалы, собранные при посредствѣ учителей и учительницъ харьковской губерніи. Печатаніе и тѣхъ и другихъ матеріаловъ началось съ старобѣльскаго уѣзда. Изъ юридическихъ матеріаловъ напечатаны только матеріалы по Никольской

волости. Матеріалы касаются гражданскаго права и судопроизводства и содержатъ любопытныя свѣдѣнія по семейственному праву крестьянъ, объ юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи, объ опекѣ и попечительствѣ, владѣніи и собственности, договорахъ и обязательствахъ; объ устройствѣ народныхъ судовъ и взгляды на нихъ народа; о порядкѣ производства и рѣшенія судебныхъ дѣлъ и затѣмъ о доказательствахъ. Кромѣ этихъ матеріаловъ по старобѣльскому уѣзду, въ 8-мъ выпускѣ продолжены также свѣдѣнія «о правѣ наслѣдованія у крестьянъ харьковскаго уѣзда». Свѣдѣнія эти начались печатаніемъ съ прошлаго 7 выпуска «Сборника».

Въ высшей степени цѣнны этнографическіе матеріалы, собранные учителями и учительницами. Вотъ, напримѣръ, какія свѣдѣнія имѣемъ мы о Сл. Свято-Дмитровкѣ старобѣльскаго уѣзда: Изъ прошлаго. Жилище, одежда и пища.—Народная медицина.—Заговоры.—Молитвы.—Религіозность и нравственность.—Свадебные обряды и пѣсни.—Обряды и обычаи.—Игры.—Повѣрья.—Пѣсни.—Сказки. Приблизительно по такой программѣ, которая въ иныхъ случаяхъ расширяется, а въ другихъ съуживается, составлены свѣдѣнія и по другимъ 11 селамъ старобѣльскаго уѣзда. Въ виду цѣнности матеріаловъ, нельзя не пожелать его скорѣйшаго опубликованія. **Н. В.**

Журнальное обозрѣніе за 1-ую половину 1894 г.

Русское Обозрѣніе № 1—6. *Въ № 1-мъ* помѣщена маленькая статейка подъ заглавіемъ «Изъ исторіи русско-польскихъ отношеній», которая представляетъ краткія выдержки изъ напечатанныхъ въ «Русскомъ архивѣ» 1893 г. № 12 воспоминаній Д. Д. Броневскаго, бывшаго мировымъ посредникомъ въ юго-западномъ краѣ въ 1865—66 г. (Лѣтопись печати, стр. 372—375).

Въ № 2-мъ находимъ краткій очеркъ учено-литературной дѣятельности Н. С. Тихонравова, составленный Д. Языковымъ. Тутъ, кромѣ немногочисленныхъ біографическихъ данныхъ, помѣщены справки о его учено-литературной дѣятельности, при чемъ особенно цѣннымъ является библіографическій указатель всѣхъ трудовъ Н. С. Тихонравова, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1858 г. и оканчивая 1893 г. Статья озаглавлена «Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей, (стр. 857—879).

Тутъ-же, въ «Областномъ отдѣлѣ» помѣщены нѣкоторыя данныя, касающіяся художника Яна Матейка и его картинъ на темы, имѣющія ближайшее

отношеніе къ югу Россіи, какъ-то: Рейтанъ (моментъ изъ засѣданія Варшавскаго сейма 1773 г.), Люблинская Унія, Вернигора и др. (стр. 989—994). Эта статейка, впрочемъ, имѣетъ не научный, а публицистическій характеръ, т. к. Матейко разсматривается, какъ художникъ-агитаторъ.—По этому поводу *въ № 3-мъ* помѣщено «Письмо въ редакцію» (стр. 504—509) А. Кирѣева, гдѣ прямо уже затрогивается общій вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ.

Въ № 3—4-мъ напечатана статья *И. Филевича* «Польша и польскій вопросъ» (стр. 85 — 105), которая представляетъ изъ себя сводъ главнѣйшихъ положеній приготовляемаго авторомъ къ печати «Историческаго очерка русско-польскихъ взаимоотношеній». Уяснивши вначалѣ значеніе польскаго вопроса въ связи съ общеславянскимъ, авторъ переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ русско-польскихъ отношеній въ три главные момента историческаго прошлаго: 1) Государственное объединеніе русскаго племени при Владимірѣ святомъ; 2) польскій напоръ на Русь въ половинѣ XIV в. при Казимірѣ III; и 3) начало возсоединенія Руси при Иванѣ III.

Въ № 3-мъ, въ отдѣлѣ «Бесѣды и письма свѣтскаго человѣка о предметахъ несвѣтскихъ», встрѣчаемъ нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ по разрѣшенію вѣчно остраго и запутаннаго еврейскаго вопроса (стр. 296—308). Къ этому-же надо прибавить и еще нѣсколько страничекъ, помѣщенныхъ тоже въ № 3-мъ, въ отдѣлѣ «Изъ газетъ и журналовъ», гдѣ говорится о евреяхъ въ Россіи на основаніи неоконченной статьи покойнаго М. Ѳ. Шугурова (стр. 460—465).

Тутъ-же, въ «Областномъ отдѣлѣ» встрѣчаемъ статью А. Владимірова, представляющую подведеніе итоговъ газетно-журнальныхъ мнѣній по извѣстному вопросу о томъ, что нужнѣе устроить въ Вильнѣ—Духовную академію или Университетъ (стр. 481—503). По этому-же вопросу см. также № 8-й, стр. 884—889.

Въ № 5-мъ находимъ статью *А. Павлова.* «О началѣ галицкой и литовской митрополій и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ документальнымъ источникамъ XIV вѣка» (стр. 214—251), въ которой авторъ устанавливаетъ данныя объ учрежденіи галицкой и литовской митрополій и слѣдитъ за послѣдовательной смѣной митрополитовъ, заканчивая митрополитомъ Кипріаномъ-сербомъ, перешедшимъ въ 1389 году изъ Кіева на митрополію въ Москву.

Тутъ-же находимъ статейку *Сергѣя Бартенева* «Подъ живымъ впечатлѣніемъ картинъ Васнецова (373—376 стр.), въ которой авторъ восторгается картинами этого художника, украшающими строящійся въ Кіевѣ Владимірскій соборъ.

Н.

Пятокъ 19. Сегодня далемъ Забарѣ, до данних ему 60 р., еще 10 р., итого всѣхъ 70 р., на жито. Купилемъ полтори сотнѣ драни за 7 зол. Черезъ Калениченка, бившого атамана житнянского, писалемъ до брата п. Семена, а включилемъ писмо до Демяна писанное и приложенний Юскови приказъ, въ 6 пунктахъ, о виборѣ коней для продажи и езды здесь, и о протчомъ. (*Выписка изъ бл. Августина.*) Швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ пріѳхалъ въ Глуховъ.

Субота. 20 Сегодня рано заездилемъ до брата п. Михайла и оттоль заходилемъ въ столовую. Былъ у князя, а обѣдалемъ у панеи.

Неделя. 21. Сегодня рано былемъ у князя, и у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ обѣдалемъ. Сисканни въ Глуховъ Скридловскій и сынъ отца намѣсника роменского Іоанна, указомъ гетманскимъ, для переводу правныхъ книгъ. У вечеру билемъ у Андрея Миклашевскиго, и зъ п. Михайломъ повернулемся, а пріехавши въ домъ, засталемъ князя и брегадира. Андрей Полуботокъ, швакгеръ, пріехалъ.

Понеделокъ. 22. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ заездилемъ до п. Михайла и брегадира, отъ которого поехавши, стрѣтилемся зъ швакграми своими. По облѣку доправилемъ у Тимофѣя Скоропадскаго 20 р. и отдалемъ п. Михайлу. Полкъ лубенскій очищенъ, въ якомъ 3 села наши отмѣчены—до слѣдствія.

Вовтор. 23. Сегодня швакграмъ своимъ составилемъ чолобитную о маетностяхъ ихъ, якихъ себѣ домогается полковникъ чернѣговскій, потому что они полковіе. Писалемъ въ Москву до Курбатовъ, благодаря за вѣдомость о Калюж. футорѣ, черезъ Александра присланную; до сестри и до Александра—о покупкѣ футеръ шлямового, лисіого и хрибтового рисіого. Былемъ у князя, где п. Михайло, братъ, Андрей Миклашевскій и Михайлиха сумская били и разговаривали о раздѣлѣ между собою имѣній движимихъ и недвижимихъ и маетностей. День былъ и ночъ свѣтла и суха, да студена и тиха. Заграбилъ Туранскій пару воловъ моихъ у Кирпича свого. (?)

Середа. 24. Сегодня рано ездилемъ до брата п. Михайла, а обѣдалемъ у себе, зъ женою. Швакгри, поданную чолобитную о

маетностяхъ своихъ ясневелможному, носили зъ Андреемъ Миклашевскимъ въ сессею старшинъ, въ столову, где оную читано и копію грамоты, а другую такую жъ чолобитную дали князю Шах.—П. Михайло зъ Михайлихою сумскою и Андреемъ Миклашевскимъ помирился на томъ: Михайлисѣ—Дунаецъ зъ слободкою и со всѣми ґрунтами тамъ будучими, Андрею—Кубраковка слободка зъ млиномъ подъ городомъ и всѣми тутейшими ґрунтами, а п. Михайлу—село Васковци да слободка Локня, зъ млинами на Свесѣ, Ивотѣ и въ Локоткахъ; але когда его дочъ умретъ, то ґрунта возвратить въ родъ Четвертенскихъ [1]). День былъ вѣтряный, холодный, а ночъ свѣтла, вѣтряна и холодна.

Четвер. 25 Мартинъ Кодинецъ, сотникъ лукомскій, по челобитной моей, въ юлѣ поданой, сисканъ въ судъ енералный, и взята сказка не сездить ему зъ Глухова. Обѣдалисмо у Потіомкина, родня, такъ же князь, брегадиръ Мякининъ, Еропкинъ. Воловики мои попились и побились, и зъ нихъ одинъ умеръ. День былъ также вѣтрянѣй, и ночъ.

Пятокъ. 26. Сегодня князь Шаховскій и другіе обѣдами у панеи, для именинника Івана. Родителка пріехала зъ Олесею и братомъ Маркомъ въ Глуховъ (*Выписка изъ бл. Августина.*) День былъ тепловатъ, похмуренъ и велми ветренъ; по заходѣ слонца дожчикъ показался и ночъ такова жъ, и противъ прежнихъ ночей теплѣйшая. Отъ архиерея кіевского получилемъ писмо, упоминаючеєся объ отдачу грошей, Ґоркою [2]) означенныхъ.

Субота. 27. День бувъ теплый и около полудня вияснився, такъ же и ночъ тепла и ясна. Былемъ у суда енералного, куда и Кодинця, сотника, призвано, который отвѣтствовать не схотѣлъ и того ради велено оного держать, не спуская. Обѣдалемъ у панеи, зъ обома род. Швакгри у вечеру были.

Неделя. 28. Вѣжевскому въ расходъ далемъ 8 р. и записалемъ. Юско повернулся и привезлъ вѣдомость, на писмѣ, отъ Демяна,

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 441.

[2]) Епископъ астраханскій.

что конний для продажи 15 поставили и что въ Жостѣрѣ [1]) удѣлали сѣна скиртъ 15, да въ копицяхъ—на полтори тисячи некиданого, на що пойшло 31 р., въ Перервинцяхъ—сѣна скиртъ 90, а до Сухоносовки—7; да Юско жъ пригналъ коней 8, итого здесь 20 коней. Обѣдалемъ у панеи зъ род. и швакграми Полуботками, а потомъ билемъ у Миклашевскихъ и повернувшись,—у князя, где тіотка и матка были у княгинѣ. День бувъ теплий, вѣтряний, зъ половини свѣтлий, ночъ такая жъ, передъ свѣтомъ стало похмурно.

Понеделокъ. 29. Сегодня до полудня было похмурно, тепло и мокровато, а послѣ полудня мало яснѣй и въ ночъ, а по полночи, свѣтло и холодновато. Былъ я у судди енералного и просилъ на Кодинця, что онъ отвѣтствовать не хотѣлъ, которого велено держать за арестомъ, а потомъ, по присилки отъ ясневел—го, отпущенъ и данъ срокъ, чтобъ зъ братомъ явились октовр. 26-го числа, а буде неявится, то искъ мой платить безъ суда. У вечеру былъ я у князя и имѣлъ разговоръ о швакграхъ.

Вовтор. 30 Сей день противъ другихъ былъ ветрянъ и отчасти холодноватъ, по заходѣ слонца, хмара наступила, отчего дожчь трома рази, у ночѣ, ишолъ, а передъ свѣтомъ, противъ середи, віяснилося. Пріехалъ человѣкъ сухоносовскій зъ тимъ, что возовъ 4 зъ Сухоносовки прійшло въ Тулиголови, а въ тихъ возахъ вовни бранки—рунъ 440, шкуръ конскихъ, чиненихъ,—18, проса ромен. четвер. 4, шкуръ овечихъ старихъ 30, ягнячихъ випортковъ 50, яблукъ возъ, соли бочокъ 6, часнику и цебулѣ по части; да тотъ же человѣкъ привезлъ декоктъ въ разбитой фляшцѣ. Отецъ и товаришъ его Мякининъ въ первий день засѣли въ канцеляріи своей, въ дворѣ Балсаровскомъ, и сидѣли за 2 часа, зъ полдня. У вечеру ездилемъ до тіотки, у которой былъ епископъ чернѣговскій, а позно у мене п. Яковъ швакгеръ, зъ обнадеженіемъ о уступкѣ Крисіокъ.

М—цъ октоврій. Середа. 1. Сей день былъ тепловатъ и свѣтелъ, а ночъ вся свѣтла была и суха. Писалемъ до Демяна писмо, черезъ сухоносовцевъ, и 4 теляр. быт. послалемъ ему на кожухъ и

---

[1]) Хуторъ Марковича, около Лубенъ.

проч., а писалемъ о висилцѣ подводъ сюда, въ началѣ филипового посту, въ болшомъ числѣ, о куплѣ дробини и о присланню вѣдомости взглядомъ футора Криворудского. Писалемъ черезъ Іваниху лубенскую, сегодня отехавшую, до Несторовича, чтобъ вѣдомость взялъ у Тараса о футорѣ Криворудскомъ. Обѣдалемъ дома зъ Юремъ Еропкиномъ, а по обѣдѣ ездилемъ до Миклашевскихъ, оттоль до князя, где подпіяхомъ, оттуду заехалъ до насъ полковникъ Юрий Федоровичъ Лесли и тутъ еще позабавили. У пана гетмана былъ банкетъ, на которий я не званъ, такъ и не былъ.

Четвер. 2. Сей день былъ тепловатъ и похмурний, ночь свѣтла. Обѣдалемъ у тіотки, по обѣдѣ заездилемъ до полковника Леслѣ, Еропкина, п. Михайла, брата, Мякинина, и оттоль зъ Хрущевимъ отехавши, пріехалемъ въ свой домъ. Писалемъ листомъ по полску до Леслѣ, просячи его, чтобъ онъ Сиваковъ купилъ мнѣ отъ Швайковского, чили Лярского, за 100 р., а если бъ болшъ претендовалъ, то на деляту пустить, поколь помѣркуюся, не будетъ ли то зъ моею шкодою, въ якомъ купованню поднялся Лесли трудится и отехалъ къ Смоленску. Хрущовъ, полковникъ нѣжинскій, помирился зъ Жураковскимъ, уступивши ему полковихъ маетностей 4, въ якомъ числѣ и Крупичъ-Поле.

Пятокъ. 3. Жена моя поехала въ Тулиголови, а я до швакгровъ писалемъ, упоминаючись о село деклярованное. (*Выписка изъ бл. Августина*). Писалемъ до швакгровъ своихъ п. п. Полуботковъ, упоминаючись объ уступку деклярованного села Крисіокъ, на что отписали, обѣщаючи вскорѣ оное уступить, якъ пріѣдетъ староста той, въ которого вѣдомствѣ оное село имѣется. Вѣжевскій далъ вѣдомость о воску въ склепу имѣючомся, которого великихъ и малихъ грудъ, чили круговъ, есть 20, а въ нихъ по нумерамъ означеннимъ 16 пудовъ и 20 фунт. День сей былъ зъ ранку мокръ и дожчоватъ, для туману поднявшагося въ гору, а по полуднѣ, къ вечору, свѣтелъ, такъ же и ночъ свѣтла.

Субота. 4. Сей день былъ зъ ранку до полудня гораздо мокръ и дожчоватъ, а къ вечеру вѣтеръ великъ, и випогодилось, а ночъ свѣтла была, але холодна. У князя былемъ рано, призванний отъ

него, при которомъ швакгеръ п. Андрѣй говорилъ, что сегодня пришлетъ писмо на Криски. Раздѣлались полюбовно между собою братъ п. Михайло, Андрѣй Миклашевскій и Анна Михайлиха Кондратiева, и писмами мировими размѣнялись, на которихъ во свѣдителство подписались: полковники нѣжинскій Хрущовъ и чернѣгов. Богдановъ, тако жъ швакгри обидва Полуботки, Григор. Гамалѣя и я. Обѣдалисмо у себе и сегодня никуда не ездилемъ.

Неделя. 5. Сегодня отъ ранку до вечора было погодно, сухо и холодно, ночъ была похмурна, толко жъ суха. Швакгри мои прислали ко мнѣ, черезъ Мануйловича, писмо уступное на село Криски, въ полку чер., сотнѣ понурницкой найдуечееся. Обѣдалемъ у панеи, билемъ у п. Михайла, п. Петра, подаровавшого теперъ мнѣ око тютюну, и у швакгровъ.

Понеделокъ. 6. Сегодня началъ учитись по французжску, отъ Люки, секретара гетманского. Обѣдалемъ у панеи, а потомъ она изволила у насъ вечерать. Сей день былъ погодний, а холодний, а ночъ такъ же, и вѣтеръ былъ.

Вовтор. 7. Началемъ вино венгер. зъ анталовъ обоихъ и одного досипалемъ. Тiотка обѣдала у насъ потому, что день рожденiя моего былъ, а всѣхъ лѣтъ моихъ 33. Ездилемъ до п. Войцеховичевой и Новоторжцова. Получилемъ писмо зъ Москви, отъ Александра и Камѣнского, о продажѣ гор. оковитой, куеи за 60 р. Сей день былъ погодний и ночъ такъ же, толко морозъ былъ.

Середа. 8. Сей день до полудня былъ погодний, а по полудню до вечора дожчъ ишолъ. Ночъ випогодилась, противъ четверга зъ вечора, а потомъ стала похмурна да не холодна. Панъ Михайло, братъ, купилъ у Михайлихи Кондратiевой ґрунта дунайскiе при Дунайцу, [1]) за полтори тисячи рублей и купчую взялъ, на которой во свѣдителство подписались: Еропкини, я и швакгеръ Андрей Полуботокъ. Зачулъ я, что зъ Сулаку повернулся Михайло Литвиненко, подданий сварковскій.

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссiи, II, 441.

Четвер. 9. Сей день былъ похмурний и отчасти мокрий, ночъ была похмурна и не холодна. Михайло Литвиненко, подданий мой сварковскій, вернулся зъ Астрахани (*Выписка изъ бл. Августина*). День тезоименитства моего былъ и многіе у насъ обѣдали зъ великор. и швакгри, п. Михало и п. Петро, и подпіяхомъ. Воловъ 14 пригнали гайдаи, ходившіи зъ гор. въ Москву, и привезли де-що.

Пятокъ. 10. Сей день былъ мокроватъ, у вечеру и до полночи дожчъ ишолъ. Михайло Гавриленко сказалъ про Гаврила и другихъ, съ нимъ на суднѣ бывшихъ, что когда ихъ на пѣсокъ винесло, ладажанскіе татаре, напавши, похватали ихъ, а другихъ порубыли, и самъ Гаврило взятъ и обесурманився, и отъ болѣзни захорувавши, умеръ. Привезлъ онъ 1500.

Субота. 11. Сей день былъ зранку свѣтелъ, около полудня и по полудни дожчъ невеликий ишолъ; ночъ похмурна. Опанасъ Шаповаленко и другіе сухоносовскіе отпущени, черезъ которихъ до Демяна писалемъ и на покупку индюковъ 12 р. послалемъ, и предлагалемъ, чтобъ онъ виправу присилалъ сюда болшую, заговѣвши на Филиповъ постъ. Обѣдалемъ зъ жоною у швакгра п. Якова Полуботка, и подпіяхомъ.

Неделя. 12. Сей день былъ увесь похмурний и ночъ. Праздновали день рожденія государева, чернѣгов. архиерей служилъ. Обѣдали у ясневелможного, а я дома. У тіотки было освященіе новихъ хоромъ.

Понеделокъ. 13. Сей день увесь былъ погодний, и светлий и теплий, и ночъ таковде. Швакгри мои Полуботки перемѣнили уступное писмомъ другимъ и оное отдали мнѣ, тако-жъ и писмо отказное до старости Оболонского писанное; и сегодня п. Андрѣй отехалъ въ домъ свой. Сеей ночи знову зъ футора виведено коней 4 нашихъ, невѣдомо куда.

Вовторокъ 14. Сей день былъ и ночъ свѣтліе, тепліе и погодніе. Далемъ Забарѣ на жито, до прежде даннихъ 70 р., еще 30 р., итого всѣхъ 100 р. Купилемъ поле въ трохъ рукахъ, на сварковскомъ полѣ, у Сидора Третяка, козака и жителя бѣлополовского, за 17 р. съ полтиною, на что и купчую далъ въ 20 р; а на

болшой нивѣ, что при футорѣ Калюжновскомъ жито посѣяно, якое ему принадлежитъ, знять. Старшина малороссійская, полковники и протчіе были у князя Шаховского и о слѣдствіи селъ войсковихъ, урядовихъ и ратушнихъ, неучинивши ничего крайнего, приговорили разехатись по домамъ, а для конечного опредѣленія пріехать сюда 15-го декавр. Князь поехалъ въ Клишки. Я обѣдалъ у тіотки. П. Григоріева отехала въ домъ. У вечеру былъ у мене швакгеръ п. Яковъ да Борковскій, который обѣщалъ шибъ болшихъ, до оконъ, 40, зъ гути [1]) прислать.

Середа. 15. Сегодня день вѣтряний, однакъ ясний былъ и ночъ такъ же. Получилемъ писмо онъ сестри, зъ Москви. Несторовичъ пріехалъ зъ Ромна.

Четвер. 16. Сей день былъ теплий и свѣтлий, и ночъ такожде. Тіотка ясневол. была у княгинѣ, до насъ заехала и вечерала.

Пятокъ. 17 *(Выписка изъ бл. Августина.)* Пер. . . . Михайловъ Гаврилецъ и 6 мѣш., особливе 3, въ которихъ 500 р. и 40 чер. Сей день и ночъ были тепліе и погодніе.

Субота. 18. Сегодня рано отправленъ Скридловскій въ Москву, которому родитель на дорогу далъ 18 р., а писано черезъ его отъ род. до графа Головкина, Степанова и Курбатова, объ опредѣленіи маетностей на рангъ его нинѣшній, о чомъ и челобитная дана; а я писалъ до Курбатова, прося совѣту въ дѣлѣ тіотки моей и моемъ, тамъ имѣючомся. До сестри писалъ и послалъ икри, битой камбали, каракатицѣ и колбасъ пару нѣмецкихъ, да водки рожевой трохи, а жена—барилце мастихини водки. Да до еи жъ послалъ я, черезъ Скридловского, двѣ пари соболей, зъ одной—кораблйкъ пошить, а другую вичистить и прислать сюда; да до еи жъ писалъ, предая служителей своихъ въ ея послушаніе. До Александра писалемъ о покраденнихъ коняхъ моихъ зде и о штофцу коричномъ, а до Камѣнского и Романа о томъ, чтобъ сестри слушались и рецептъ послалемъ на декоктъ, который послѣдній данъ мнѣ отъ Бидлова кровочистителний о не удержаніи урини, да имъ

[1]) Т. е. съ собственнаго Борковскаго стекляннаго завода.

же велѣлемъ купить 20 ℥аліонокъ гишпанского вина. А Скридловскому далемъ пуделко отъ часовъ, чтобъ онъ шило купилъ и приправилъ. Сей день былъ и ночъ противъ прежнихъ тепліе, свѣтліе и потодніе. Обѣдалемъ у тіотки; по обѣдѣ заездилемъ до Количева, до швакгра п. Якова и до обозного енер., отъ которого домой пріехалъ. Князь повернулся зъ Клишокъ.

Неделя. 19. Сегодня былъ я рано у князя, оттуду у гетмана и зъ Лярскимъ пріехавшимъ видѣлся. Сей день бымъ похмурний и теплий, и ночъ такъ же. Обѣдали у насъ тіотка, Валкевичъ, Чуйкевичъ и другіе. Казѣмиръ и Опанасъ пріехали зъ Москви и привезли денги за вовну зъ бранокъ, которую продавали пудъ по 40 а. митую, а въ пудѣ митой будетъ 10 чи болшъ рунъ, а немитую продавали по 7 гривенъ, и немитой по 7 рунъ у пудѣ, мнѣ отдали 33 р., а было 29 пудъ, а пудъ по 48 а.

Понеделокъ. 20. Сей день былъ похмурний и теплий, и ночъ такъ же. Зъ Михай. Литвин. привозныхъ взялемъ 100 р. и далемъ женѣ. Купили меду пудовъ 49 безъ до 2-хъ фунт., а пудъ по полъ 7 зол. безъ дерева, а дали грошей 56 р. 22 а., а еще недодано 7 р., поколь дерево зважится. Обѣдали у тіотки князь и протчіе господа, и подпіяхомъ.

Вовтор. 21. Сей день и ночъ противъ прежнего тепліе и похмурніе были. Господара отправилемъ въ Криски. Далемъ ему отказное писмо, отъ швакгровъ данное, до старости оболонского, писмо п. Якова швакгра къ нему жъ и приказъ въ 12 пунктахъ, и денегъ ему 20 р. далемъ для споряженя винокурного заводу и протчего. Обѣдалемъ въ себе зъ родителми. по обѣдѣ былъ у князя и швакгра.

Середа. 22. Сегодня до полудня было похмурно и однакожъ сухо, а отъ полудня до вечора тепло и ясно, такъ же и ночъ была свѣтла и суха, а зъ полночи туманъ. Рано былъ у суда, обѣдалъ у тіотки, ездилемъ у вечеру до Количова и Еропкина. У гетмана былемъ и п. Михайловой.

Четвер. 23. Рано туманъ былъ и по туману дожчъ малий ишолъ до полудня и до вечора скорий, а при заходѣ слонца пере-

стало, и было такъ похмурно черезъ ночъ и холодно. Писалемъ до Новѣцкого, чтобъ сюда пріездилъ въ Глуховъ, зъ Спаского. Рано ездилемъ въ судъ и просилемъ, чтобъ дѣло мое зъ Кодинцемъ имѣючееся переносенно было зъ повиття Булавки до повиття Руновского, що и учинено. Обѣдалемъ у себе; п. Войцеховичева отехала въ домъ свой. У лазнѣ милемся и кровъ пускалемъ рожечную. Получилемъ писмо отъ Демяна зъ Сух., октовр. 18-го писанное, о виправѣ сюда впредь, о заборѣ людей отъ Кодинця зъ футора, о купленнихъ 5 вѣдеркахъ меду, о устроенихъ станяхъ и о колахъ, объ оправцѣ шинку лубенского, о купленнихъ гусахъ, курахъ и каплунахъ, о полученнихъ имъ 12 р., черезъ Шаповаленка.

Пятокъ. 24. *(Выписка изъ бл. Августина.)* День сей былъ холодний, зъ морозомъ, да похмурний, и ночъ также. Началъ я теперъ учится французской конструкцѣи. Зъ денегъ привозныхъ Мих., далемъ женѣ 150 р., да 100 р. отложилемъ, итого уже лѣчен. 250 р. Маляра, брата попа Астровскаго, принялемъ въ Сварковъ на житло.

Субота. 25. Сей день былъ похмурний, але холодний, и ночъ такъ же зъ морозомъ сухимъ. Сегодня въ суде генер. взята сказка зъ Кодинцевъ, чтобъ зъ суда не зездить, до окончанія суда зо мною. Обѣдалемъ у тіотки; ездилемъ до Количова и Еропкина, где съ нимъ, Кутневскимъ и Федоромъ Савичемъ, вечералемъ. Количовъ сказивалъ о Лярскомъ, что онъ былъ у его и сказивалъ ему тое, что будто нѣкоторий ябедникъ смоленскій купилъ крестянъ всѣхъ, бѣжавшихъ въ малороссійскіе города, отъ Богдана Швайковского, зятя его, у его Богдана, за 160 р., якихъ якобы онъ откупилъ за 1200 р. Посланъ отъ п. гетмана Карпѣка Яковъ за Петромъ Мировичемъ и Лѣсянскимъ (?). Пріехалъ сынъ духовниковъ Гарасимъ и сказалъ про отца своего Тимоѳея Василіевича, что септ. 24-го преставился. (См. выше, стр. 200).

Неделя. 26. Сей день былъ зъ ранку холоденъ и похмуренъ, а около полудня дожчъ ишолъ меленкій, а потомъ снѣгъ прорывался до ночи, а въ ночѣ вѣтеръ билъ великій и холодно было. Былемъ у гетмана, а обѣдалемъ у Еропкина, которого братъ име-

нинникъ и подпіяхомъ. Тутъ же миръ здѣлался зъ Михайломъ Бѣлоцерковскимъ (полковникомъ) и швакгромъ Савичемъ, въ побиттю сина Михайлового, въ чомъ и росписались, а за то далъ швакгеръ Михайлу 75 р.

Понеделокъ. 27. Сей день былъ зъ ранку холоденъ и похмуренъ и снѣгъ виривался, а по полудню до вечора былъ ясенъ, и ночъ такъ же ясна была, толко вѣтрена. Генералъ Девейзбахъ пріехалъ съ Москви въ Глуховъ и сталъ квартирою у Мануйловича, асаули енер., а простуетъ въ нѣмецкую сторону зъ синомъ. Началемъ учитись вокабуловъ и діяліga французского.

Вовтор. 28. Сей день былъ съ ранку похмурний але холодний, зъ морозомъ, а отъ полудня до вечора ясенъ, такъ же и ночъ била мало похмурна, але вѣтряна. Билисмо рано у Вейзбаха генерала, оттуду зайшолъ я въ склепъ и насипалъ вина 14 бутилокъ венgерского; обѣдалемъ у себе. Родитель подарилъ мнѣ табакерку cребраную и 50 червонних.

Середа. 29. Ездилемъ въ судъ и до бригадира, службы Божой слухалемъ у святихъ Анастасій, а обѣдалемъ у себе. Генералъ Девейзбахъ обѣдалъ у князя Шаховского и отехалъ въ свояси, а именно—въ Кіевъ, а съ Кіева въ нѣмецкую сторону, на время. Сей день былъ зъ ранку сухъ, а по полуднѣ мокръ, а барзѣй вѣтренъ, и ночъ тако жъ. Указъ присланъ зъ Москви, за графскою рукою, о содержаніи овецъ по регламенту.

Четвер. 30. Сей день былъ вѣтряний на збитъ, а къ вечеру утихло и випогодилось черезъ всю ночъ. У канцеляріи судовой допрашиванъ Лаврѣнъ Кодинецъ. Получилемъ писмо отъ господара моего зъ Крисіокъ, въ якомъ пишетъ, что оное село отобралъ октовр. 25-го, да что Оболонская за должное здвора притягла въ свое подданство; да что староста оболонскій нам должен горѣлки 30 вѣдеръ государевыхъ, а въ селѣономъ людей пахотнихъ 43, а бобилей 51, всѣхъ 94. Купилемъ у брата ступака гнѣдого за 10 р. Всѣхъ грошей моихъ уже перелѣч. 600 безъ 6.

Пятокъ. 31. Сей день былъ холодній, однако жъ ясний и погодній и ночъ также, толко мало хмурна. П. Павловая кроле-

вецкая за гор., давно взятую, узяла до прежнихъ грошей 10 р. Принималемъ тинктуру проносную 100 капель и имѣлъ около 20 столцовъ всѣхъ. *(Выписка изъ бл. Августина)*.

М—ць ноеврій. Субота. 1. Сей день былъ погодній, сухій и холодній, и ночъ такъ же. Сегодня допрашиванъ сотникъ лукомскій Кодинецъ. Обѣдалисмо у тіотки зъ род. и п. Михайломъ. Родителка подарила мнѣ коверъ.

Неделя. 2. Сей день былъ холодній, однако жъ сухій и погодній, и ночъ такъ же. Обѣдалисмо у панеи, где была панѣ гетманова и п. Михайлова.

Понеделокъ. 3. Сегодня противъ прежнихъ дней было воздуха состояніе и ночъ такъ же. Денги лѣчени Мих. Гавр. и всѣхъ 749. Панѣ Забарѣ дала на покупку овса и ячменю 30 р., а на жито я далъ 50 р., и того даннихъ всѣхъ Забарѣ на жито 150 р. Кровъ зъ головной жили пускалемъ.

Вовтор. 4. Сей день былъ противъ прежнихъ сухій, погодній и холодний, и ночъ. Винда Іванъ, осаулъ глух., померъ, а у вечеру овина его згорѣла. Билъ я рано у князя, обѣдали ми зъ род. у себе и съ нами швакгеръ п. Яковъ. Сторговалемъ зъ Забарою дворъ зъ всѣмъ полемъ у Катерини Хоцихи, жителки сварковской, за 10 р.

Середа. 5. Сей день и ночъ была противъ прежнихъ холодніе, свѣтліе и погодніе. Родителка поехала въ Роменъ, которую жена поехала опроважать до Каменя. До род. послалемъ 5 червон., то есть 10 р., на покупку канавацу. У вечеру ездилемъ до Еропкина, где заставши Лярского, торгъ имѣлемъ за крестянъ Сиваковъ, за которихъ онъ просилъ 1000 р., а я давалъ 60 р. и пару коней.

Четвер. 6. Сей день и ночъ были противъ прежнихъ дней однакового состоянія. Былемъ у канцеляріи судовой, а обѣдалисмо зъ род. у себе. По обѣдѣ ездилемъ до тіотки, где князя и княгиню и комендатшу, отеждкаючую въ Москву, засталемъ. Дорошенко, зъ Астрах. пріехавшій, билъ у мене и Кутневскій.

Пятокъ. 7. Сей день противъ прежнихъ холодний, погодний и свѣтлій былъ, а зъ вечора до полночи вѣтеръ былъ мокрий, зъ

полночи до свѣта снѣгъ ишолъ. Архипъ посланъ за шкломъ до гути. Родитель купилъ аргамака у Потемкина за 120 р., тоесть за 100 р. и двѣ кобили. (*Выписка изъ бл. Августина.*) Жена повернулась зъ Кролевця, где была род. для хорошой (хоровавшой?) тіотки Павловой.

Субота. 8. Сегодня писалемъ до господара въ Криски о непріемѣ бѣглихъ, о присилки въ Тулиголовъ 5 человѣка на мѣсяцъ, а 10—въ Шабалиновъ, за дранню. Такъже писалемъ, чтобъ Оболонскій людскихъ ґрунтовъ непопускалъ; о взяттю куѳи гор. зъ Оболоння, о ловлѣ рибной и присилцѣ сюда оной, о неписаніи цедулками, о куплѣ дощокъ липовихъ, о винницѣ, о чиншовихъ людяхъ, о присилцѣ вѣдомости годового платежу. Обѣдалисмо у Новоторжцова для того, что онъ имянинникъ, и многіе, а во первихъ: готманъ, князь, тіотка и протчіе великор. Господаръ зъ Крисіокъ прислалъ горшковъ два воза. Сей день былъ похмурній зъ ранку, тепловотъ и снѣгъ шолъ до полудня, а после полудня до вечора былъ погодній, и ночъ также погодна.

Неделя. 9. Сей день былъ похмурний, сухий и холодний, а ночъ випогодилась отчасти. Андрѣю, теслѣ, далемъ на кожухъ полтора руб. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ, для того, что онъ сего числа женился. Гаврило, слуга п. Михайла Скор., женился на дѣвки панеи его.

Понеделокъ. 10. Сей день похмурний и зъ ранку до вечора снѣгъ малий ишолъ, а потомъ и черезъ ночъ мрѣлъ дожчъ маленкій. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ. Въ числѣ 8, писанний листъ зъ приложеннемъ запрѣтительнаго приказу о бѣглихъ, врученъ Крисковцямъ, зъ горшками пріехавшимъ.

Вовтор. 11. Сей день былъ дожчеватъ и съ туманомъ великимъ, и ночъ такожде. Ездилемъ въ канцелярію судовую и посилали по Кодинцевъ, але не знайшли; оттуду зъ Юріемъ Еропкинимъ заездилемъ до Лярского и поводковавши, разехались. Обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездилемъ до Еропкиновъ. Писма вручили въ Москву Андрею Еропкину, отъ тіотки и отъ мене, до сестри и Александра,

а отъ род. до Курбатова, и отъ тіотки. Денги всѣ Мих. Гавр. перечитани 934 р., недостаетъ 67.

Середа. 12. Сей день былъ дожчеватъ, а у вечеру и въ ночѣ— и хорошій дожчъ ишолъ. Писма зъ Москви получилемъ отъ Василія Маркелова и Александра Левѣцкого. Обѣдалисмо у себе; по обѣдѣ былъ я у князя, где писма двѣ, одно до Дмитрія Еропкина, а другое до Александра, отдалемъ Андрею Еропкину. Іоаникій Сенютовичъ, архимандритъ кіевопечерскій, паралѣжемъ зараженний, умре.

Четвер. 13. Сей день былъ зъ ранку дожчеватъ, а после полудня до вечора и ночъ похмурни, толко дожчу не бывало. Андрей Еропкинъ сегодня рано поехалъ въ Москву. Обѣдали въ тіотки князь зъ княгинею, брегадиръ зъ женою и проч.; подпіяхомъ и проч.

Пятокъ. 14. Сей день былъ дожчеватъ, и ночъ такъ же. Сегодня зъ правной книги статута началемъ нужнѣйшое выписивать.

Субота. 15. Сегодня зъ ранку дожчевато было, а потомъ мало вияснилось къ вечеру и черезъ ночъ. Рано былемъ у князя и простился съ нимъ въ бывшемъ позавчора посварѣ. Ездилемъ въ городъ и оттуду повернулемся въ домъ, где и обѣдалисмо зъ род. и съ нами швакгеръ п. Яковъ; у вечеру тіотка у насъ была. Вѣжевскому въ росходъ мой далемъ 3 р., а женѣ 20 р., а въ мѣшечку 60 р., въ баулцѣ. Да ему жъ Вѣжевскому далемъ приказъ о смотреніи шинковъ, въ 8 пунктахъ.

Неделя. 16. Сей день и ночъ были похмурніе, толко не дожчоватіе. Сегодня зъ Ларскимъ князь помирилъ насъ, ему уступить Сиваковъ за 150 р. и пару коней. Обѣдалемъ у тіотки, а пріехалемъ у вечору въ домъ свой. Лукѣ, секретару гетманскому, черезъ его слугу, послалемъ 20 р.

Понеделокъ. 17. Сей день былъ такій же, якъ и вчора, толко после полудня дожчикъ прорывался и въ ночѣ вѣтеръ былъ полуденний, мокрий, а передъ свѣтомъ дожчъ велий. Увѣдомились, что Леонтій, бывшій економъ род., умеръ. Обѣдалисмо у Мякинина, откуду заездилемъ до Потіомкина и тамъ посидя, отехалъ.

Вовтор. 18. Сей день зъ ранку былъ до вечора мокрий, дожчевитый, а у вечеру былъ туманъ, и черезъ ночъ похмурно было и

вѣлдотно. Улику говорилемъ у судѣ противъ Лаврентія Кодинця и не окончилемъ. Обѣдалисмо дома и съ нами Лярскій. По обѣдѣ былъ Танскій и тіотка. Родитель подарилъ 50 р.

Середа. 19. Сей день былъ сухъ, однако жъ похмуренъ и нехолоденъ, и ночъ недожчевата, а вѣлдотна. У суда енер. былемъ, где Кодинцу улику Лаврѣну отъ мене окончилемъ. Обѣдалемъ зъ род., а по обѣдѣ въ первое, въ новой хатѣ на каминку горѣло; у вечеру же былемъ у князя Шаховского и доволно посидя, пріехалемъ въ свой домъ. Енералъ порутчикъ Леонтіевъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ у Астровского, а швакгеръ п. Яковъ къ намъ перейшолъ.

Четвер. 20. Сей день былъ теплій, похмурній, толко жъ дожчу не было и ночъ такъ же. Ездилемъ въ городъ и въ гетманскій дворъ, и поворотилемся назадъ къ обѣду. Позно повернулись зъ Ромна Кучарскій и Семенъ Цилюрикъ и привезли мнѣ отъ род. канавацу канарового (желтаго) 13 локоть да цѣвку злата, а канавацу локоть по 4 зол. Тіотка подарила щось на оплатку Лярскомму.

Пятокъ. 21. Сей день былъ теплій и похмурній, а зъ вечора дожчъ ишолъ и въ ночѣ. Обѣдалисмо у себе, а род. у князя; у вечеру ездилемъ до тіотки, где зъ сестрою увидѣлемся.

Субота 22. Сей день былъ такъ же похмурний и мокротний, однако жъ дожчъ не ишолъ, а въ ночѣ морозъ и снѣжокъ малий. Зъ Лярскимъ сегодня раздѣлалемся за Сивака Омеляна и дѣтей его, за которихъ далемъ ему 150 р., якіе гроши отъ тіотки 100 р., а отъ род. 50 р. дани. Обѣдалисмо у себе зъ род. и Лярскимъ и Кутневскимъ. Его імпер. вел. обявилъ волю свою, что имѣетъ себѣ посягнуть въ жену дочъ князь Алексѣя Григоріевича Долгорукова, княжну Екатерину Алексѣевну.

Неделя. 23. Сей день былъ холодний и вѣтрений полунощного вѣтра, и ночъ такъ же, а после полночи снѣжокъ прорицался и умерзла земля. Обѣдалемъ у тіотки; у брата п. Михайла былемъ.

Понеделокъ. 24. Сей день былъ холодній и снѣжокъ малий вирывалси, а ночъ мало теплѣйшая, толко вѣтренная. Сегодня екзерцѣцѣя по французжску началемъ компоновать. Полковница мирго-

родская пріехала въ Глуховъ. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ билъ у мене Данило Галенковскій зъ листомъ отца его.

Вовтор. 25. Сей день былъ теплѣйшій мало отъ вчорайшого, а ночъ студена, такъ что рѣка стала. Петро кухаръ посланъ въ Сухоносовку; черезъ его послалемъ Тарасу на достройку футора 10 р., о чомъ къ нему писалемъ, а до Демяна на покупку дробини 10 р. и листъ, до Несторовича листъ и 2 червонныхъ, до родителки листъ и ему Петру приказъ въ 6 пунктахъ о дробинѣ, гор. и протчемъ, чтобъ сюда ему бить передъ святами. Жена моя поехала въ Тулиголови.

Середа. 26. Сей день свѣтлий былъ и погодній, але холодний такъ же, иного—толко вѣтеръ былъ. Обѣдалисмо зъ род. сами. Князь повернулся зъ Климокъ и п. Михайло. У князя у вечеру былемъ.

Четвер. 27. Сей день зъ ранку холоденъ и снѣгъ былъ, а ночъ свѣтла была, а велми холодна. Пріехалъ Мощанскій въ Глуховъ, зъ вѣдомостю, что братовая п. Андрѣвая въ Будкахъ на сихъ дняхъ преставилась; тожъ сказивалъ и швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ, сегодня пріехавшій сюда. Вѣдомость зъ Москви полученна, что его величество невѣсту себѣ усмотрѣлъ дочь князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, княжну Екатерину Алексѣевну. Обѣдалисмо сами у себе, а у вечеру посѣщали мене оба швакгри Полуботки. Пявицами отворялъ себе геморгоиди.

Пятокъ. 28. Сей день збитъ холодний былъ, а свѣтлий, и ночъ также. У князя рано билемъ, а у вечеру были у мене оба швакгри. Полну наклалемъ до употребленія жестянку чаю. До п. Федора Савича послалемъ de maleficaene (?) трактатъ, по руску, для переписѣ, а онъ далъ 100 кирпичей для печи въ городѣ. Повернулся Архипъ и привезлъ шкла шибъ полуаркушовыхъ 109, по 4 копѣйки одна, да бутел. 3 за 10 а., зъ гути Івана Чумака, сотника слоского (?).

Субота. 29. Сей день против вчорайшого былъ холодний а свѣтлий, и ночъ такожде. Рано былемъ у князя, обѣдалисмо у себе, у вечеру былемъ у тіотки; жена зъ Тулиг. пріехала. Федоръ Кочубей, бунчуковый товарищъ, умре.

Неделя. 30. Сей день былъ холодний и ночъ такъ же, а ясніе были и погодніе. Вѣжевскому на расходъ 6 р. и записано. У п. Федора Савича умерла дочъ малая, которую похоронили. Обѣдалемъ у тіотки моей ясневел., а оттуду до швакгровъ Полуб. заехалемъ.

М—цъ декаврій. Понеделокъ. 1. Сей день былъ сперва холодний и тихий, а по обѣдѣ, и черезъ ночъ, вѣтеръ билъ полуденний. Билемъ у судѣ генер. и подписалемъ улику противъ Лаврѣна Кодинца. Обѣдалемъ въ дому и со мною швакгри Андрѣй и Яковъ Полуботки. Пріехалемъ Алексѣй, служитель мой, съ Москви и привезлъ за 158 овецъ, якіе продалъ каждую по 4 гривни, да за 30 козъ, якіе продалъ всякую по 10 а., да за 11 воловъ, якіе гуртомъ продалъ за 50 р., да еще за 90 биковъ, гуртомъ же проданнихъ за 30 р., а такъ всѣхъ грошей привезлъ готовихъ 134 р., а зъ покупокъ футро шлямовее лисее за 15 р., да хрибтовее рисее за 12 р., да 12 ꙃаліонковъ вина за 6 р.; а на мито, за помянутіе овци и товаръ, вийшло 16 р.

Вовтор. 2. Сей день былъ вѣлꙃотний а вѣтряний, и ночъ такъже, и снѣгъ ишолъ. Сегодня былемъ у суда генералного, где приговорили мнѣ передомъ говорить улику противъ Мартина Кодинца, а потомъ—обоимъ имъ оправданія принесть. Писалемъ писма въ Москву до сестри Уляни Івановни отъ себе и отъ тіотки, такъ же до Камѣнского и Романа, о покупкѣ спалнѣ зимной и чтобъ тую, якая есть, запровадили, а писма отправлени черезъ атютанта княжого Леонтіева. Отдалемъ пару коней Лярскому, воронихъ, бѣлоногихъ.

Середа. 3. Сей день такъ же билъ вѣлꙃотний и вѣтряний, а ночъ барзѣй вѣтраная. Рано былемъ у суда енер., где улику противъ Мартина Кодинца окончилемъ. Обѣдалемъ зъ швакграми своими п. Полуботками. У вечеру билемъ у князя, гдѣ швакгри Полуботки помирились зъ Лярскимъ за крепостнихъ, въ денгахъ 175 р. и 4-хъ коняхъ, всякой конь у 20 р. ценою.

Четвер. 4. Сей день былъ мокрий, дожчеватъ, и ночъ такъ же. У княжой квартирѣ и у сестриномъ дворѣ Чарнишевомъ, въ

Кунтушъ—одѣяніе въ Малороссіи мужчинами и женщинами употребляемое. 1) Мужчины носятъ съверьхъ *кафтановъ*, покроемъ почти такъ, какъ *черкеска*, но отъ ея отличенъ кунтушъ слѣдующимъ: а) носятъ его токмо степенные люди, б) воинскимъ по тогдашнему чинамъ нижнимъ козакамъ и до войсковаго товарища, никогда безъ отставки, или абшида носить не позволено, а вышнимъ чиновникамъ во время свободное и внѣ службы, носить было можно, но въ часы службы должны были быть въ черкескѣ. в) Въ покроѣ отличенъ кунтушъ отъ черкески тѣмъ, 1) что длина не опредѣлена и зависѣла отъ произвола, 2) ни цвѣтъ, ни качество матеріи не опредѣлено, но по волѣ каждаго то и другое употребляемо было; 3) рукава безъ вылетовъ, т. е. безъ разрѣзовъ; 4) поясъ всегда долженъ быть по кафтану, а не такъ, чтобы можно было оный имѣть съ верху, какъ то при черкескѣ; 5) кунтушъ можно имѣть съ шелковыми отворотами и обшлагами; 6) кунтушъ долженъ быть разнополъ. 2) Женщины замужныя и дѣвицы носили кунтушъ въ праздники и нарочитые дни. Покрой онаго, съ верху до низу грудей былъ точно таковъ, какъ нынѣ капоты, съ отворотами бархатными, парчевыми или другой какой матеріи, отличной отъ той, изъ какой сшитъ кунтушъ. На обоихъ бокахъ нашиваются *усы* по состоянію, изъ снурка, изъ позументу, а иногда выложенные драгоцѣнными каменьями, но никогда длиннѣе шести вершковъ быть не доджны. Отъ грудей къ низу, какъ обыкновенное женское платье, безъ хвоста, но съ переди весьма разнополо, дабы вся запаска была видна. Подъ кунтушемъ корсетъ, застегиваемый пуговицами той же матеріи или крючками, а между полами запаска покрайней мѣрѣ шелковая, а по состоянію парчевая. Кунтушъ у людей посредственнаго достатка шьется изъ сукна, по названію малороссійскому, сеетоваго, т. е. англійскаго или голладскаго, у достаточныхъ же шелковые, бархатные, а въ большіе праздники парчевые или золотомъ шитые по атласу. Ни одна женщина не можетъ явиться въ бесѣду безъ кунтуша, а мужчинамъ запрещено видѣть ее въ одномъ корсетѣ, кромѣ мужа и близкихъ родныхъ.

Курултай. Такъ называли при Чингисъ-Ханѣ и при Тамерланѣ сеймъ или генеральное собраніе князей и вельможъ татарскихъ, вассаловъ или данниковъ великаго хана. Сіи сеймы созываемы были въ то время, когда дѣло шло до какого либо военнаго предпріятія или завоеванія, и тутъ то установляли число войска, каковое каждый вассалъ долженствовалъ поставить. На сихъ сеймахъ также великіе ханы обнародывали свои законы и повелѣнія.

Листъ. Техническій малороссійской юриспруденціи терминъ, значащій начальственное или надлежащаго судебнаго мѣста законное сообщеніе, и таковые узаконены слѣдующіе: 1) *Листъ железный*—дается отъ главнаго начальства частному и добраго поведенія человѣку, пришедшему въ убожество нещастными случаями, яко то: отъ пожара, наводненія, потопа, разбойниковъ и во время войны, отъ разграбленія непріятельскаго, или по правильнымъ доказательствамъ чрезъ продолженіе службы въ пользу отечества, и таковыми случаями доведенному до несостоянія заплатить свои долги. Получившій таковой листъ чрезъ три года, но ни одного дня ни долѣе, щитается свободнымъ отъ притязаній заимодавцевъ, а представляетъ токмо надежныхъ поручителей, что въ теченіи сего времени будетъ стараться привесть хозяйство въ порядокъ, и по изтеченіи онаго разплатится съ долгами. Сіи железные листы не пользуютъ тѣмъ: А) о которыхъ по слѣдствію окажется, что въпали въ долги чрезъ мотовство и розпутство; Б) мѣщанамъ и купцамъ въ долгахъ принадлежащихъ шляхтичамъ, а не таковымъ же мѣщанамъ и купцамъ; В) жидамъ въ долгахъ шляхтичамъ и ихъ подданнымъ; Г) шляхетскимъ подданнымъ и слугамъ въ повинностяхъ ихъ своему господину; Д) всѣмъ тѣмъ, которые недокажутъ вышеприписанныхъ причинъ и обълстоятельствъ, ради которыхъ желѣзные листы давать позволено [1]). 2) *Листъ заручный*. Дается изъ суда гродскаго по прозбѣ шляхтича къ другому шляхтичу въ томъ, чтобы онъ не дерзалъ на жизнь и здоровье просителя или просителей, подъ опасеніемъ кроме слѣдующаго по законамъ наказанія по мѣрѣ винности, еще съверьхъ того и платежа положенной въ томъ за руки, отъ чего и листъ сей названъ заручнымъ, значитъ написанную въ семъ листѣ денежную сумму, которая отъ суда назначается по (просьбѣ?) просителя, но не можетъ никогда превзойти [2])..... коп. *Листъ заручный* обязываетъ и повергаетъ такому наказанію и платежу обоихъ, какъ просителя, такъ и того, кому оный выпущенъ; напримѣръ, по просьбѣ А данъ заручный листъ Б, ежели Б самъ или чрезъ другихъ убьетъ А, то подвергается смертной казни и платитъ съверьхъ того положенную заруку наслѣдникамъ убитаго, равно тоже ежели А убьетъ Б. Ежели Б побьетъ А, то платитъ ему и безчестіе и заруку, равно тому же подвергается и А, ежели онъ побьетъ Б. Заручныхъ листовъ запрещено давать; 1) не

---

[1]) Листы эти практическаго примѣненія въ старой Малороссіи не имѣли.

[2]) Цыфра въ рукописи отъ времени изгладилась.

шляхтичамъ; 2) въ другихъ дѣлахъ кромѣ безопасности жизни и здоровья.

Лука, по древнему *лонка*, реченіе юридическое правъ малороссійскихъ, значащее владѣніе сѣнокосною полосою въ округѣ чужаго лѣса. На таковы сѣнокосы, т. е. луки, права малороссійскіе дозволяютъ ѣздить хозяевамъ оныхъ токмо съ косами для *кошенія сѣна* и съ топоромъ для *чистки лѣсу*, причемъ строжайше запрещено брать съ собою борзыхъ, гончихъ и легавыхъ собакъ, никакого огнестрѣльнаго оружія, никакой рогатины, а то для того, по словомъ закона, *дабы дичи лѣсной не причинить вреда,* ибо, по разсужденію закона, дичь принадлежитъ тому, чей лѣсъ.

Пикенеръ. Копейщикъ, копейникъ, копьеносецъ, воинъ, ратникъ вооруженный пикой, отъ которой и званіе свое имѣетъ. Въ послѣдней половинѣ 18-го столѣтія были у насъ сформированы пикинеры изъ козаковъ малороссійскихъ, поселенныхъ иностранцевъ и проч. и составляли собою пять полковъ, а именно: Днѣпровскій, Елисаветградскій, Донецкій, Луганскій и Полтавскій, но въ послѣдствіи времени онѣ обращены въ другой родъ военной службы.

Посполитый. Разночинецъ, простолюдинъ, мужикъ, не дворянинъ. Въ Малороссіи и бывшей Польшѣ, по древнему онаго слова знаменованію, значитъ человѣка общественнаго или принадлежащаго къ обществу, какого бы онъ ни былъ званія, изключая дворянство. Въ послѣдствіи подъ именемъ посполитаго разум. токмо селянина, пахаря, или третій родъ государственныхъ жителей. Подъ словомъ *Рѣчь Посполитая* разумѣли дворянство или шляхетство польское, собранное въ войскѣ.

Почта. Въ Малороссіи почта существовала за долго до 1765 года, въ которомъ, для порядочнаго сообщенія городовъ, графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ издано учрежденіе о почтахъ и почтовыхъ конторахъ. За всѣмъ тѣмъ, по новости ли сего заведенія или по другимъ причинамъ сношеніе ограничивалось большею частію между малороссійскими городами посредствомъ избранныхъ козаковъ. Въ столичные же города отправлялись письма черезъ Глуховъ и посредствомъ первыхъ, вѣроятно, сношеніе происходило съ протчими россійскими городами до 1782 года.

Типографія. Въ Россіи первая типографія заведена въ царствованіе царя Ивана Васильевича, въ Москвѣ, и первая славянская книга, напечатанная въ оной, въ 1564 годѣ, есть *Апостолъ*, которая и по нынѣ храниться въ библіотекѣ Санкпетербургской императорской

академіи наукъ. Однакоже, кромѣ сей книги были многія другія славенскія книги въ разныхъ мѣстахъ Россіи и внѣ оной иечатанныя, каковы извѣстнѣйшія суть: *Псалтырь*, напечатанной въ *Краковѣ*, 1491 года; *Апостолъ*, въ Вильнѣ, 1517 года; *Пентатевхъ* или пять книгъ Моисеевыхъ, въ четвертую долю листа, 1519 года; *Катихизисъ*, въ Венеціи, 1527 года, тоже *Катихизисъ*, въ Несвижѣ, 1562 года; *Библія*, въ Острогѣ, 1581 года; *Грамматика*, въ Львовѣ, 1591 года; *Служебникъ*, въ Стрятинѣ, 1604 года; *Евангеліе воскресное*, въ Галичѣ, 1606 года; *Служебникъ*, въ Могилевѣ, 1617 года; *Максима Грека слово*, въ Почаевѣ, 1618 года; *Трифологіонъ*, въ Кіевѣ, 1618 года; *Евангеліе*, въ Рохмановѣ, 1619 года; *Катихизисъ*, въ Стокгольмѣ, 1627 года; *Новый Завѣтъ*, въ Кутейскомъ монастырѣ, 1632 года; *О подражаніи Христовѣ*, въ Дельскомъ монастырѣ, 1647 года; *Часословъ*, въ Иверскомъ монастырѣ, 1658 года; *Чудеса Богородицы Черниговской*, въ Черниговѣ, 1670 года; *Зерцало Богословіи*, въ Невскомъ монастырѣ [1]), 1692 года; *Грамматика*, въ Оксфордѣ, 1696 года; *Введеніе въ исторію*, въ Амстердамѣ, 1699 г. Въ 1707 году введены въ московскую типографію гражданскія буквы, литыя въ Амстердамѣ, и первая книга, напечатанная сими буквами была подъ названіемъ: *Прикладьі какъ пишутся комплименты*, а въ 1711 году, Петръ I приказалъ часть сей новой типографіи отдѣлить и перевесть оную въ С.Петербургъ, съ коего времени и въ сей столицѣ учреждена россійская типографія и первая книгъ, напечатанная въ оной, 1713 года, была *Марсова Книга* и Санкпетербургскія вѣдомости, 1714 года.

Хорунжій или *хоронжій*. Знаменоносецъ въ козацкихъ полкахъ, отъ слова *хоругвъ*—военное знамя.

---

[1]) Должно быть—въ Уневскомъ м—рѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 3 Октября 1894 года.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Новыя лица—новыя событія.

Прошли каникулы. Холера въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ совершенно прекратилась. Распуганное стадо наше стало помаленьку собираться „до кошары“. Нѣкоторые и вовсе не вернулись, успокоившись на родномъ кладбищѣ на вѣки. Нашъ директоръ тоже не избѣжалъ холеры; значитъ, она и его не побоялась. Самъ Е. Я—чъ разсказывалъ очень эффектно о томъ, какую силу воли высказалъ онъ, заболѣвши „поносной болѣзнью“.

— Я призвалъ врача и говорю: что дѣлать, докторъ? Кровь, говоритъ, нужно бросить. Я въ ту-жъ минуту протягиваю руку (при этомъ онъ обнажалъ руку до локтя) и говорю: дѣлайте свое дѣло! Крови, совершенно чорной, вышла цѣлая тарелка. „Да, говорю, кровь дѣйствительно слѣдовало пустить“.

На мѣсто Я. О. Беккаревича, искренно оплаканнаго учениками, назначенъ, совершенно противъ желанія директора, мой старый наставникъ Іосифъ Акимовичъ Самчевскій. И захотѣлось же почтенному классику на старости лѣтъ добровольно обречь себя на каторгу, промѣнявъ сравнительно независимую должность учителя на инспекторство, да еще у такого директора, которому инспекторъ служитъ вмѣсто помела.

Появилось еще нѣсколько новыхъ личностей—люди молодые и, кажется, порядочные. И слава Богу! Авось мы сообща сколько-нибудь обуздаемъ произволъ и самодурство нашего

[1] См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № ,

премьера. Новые преподаватели своимъ болѣе гуманнымъ обхожденіемъ съ воспитанниками познакомятъ ихъ съ болѣе человѣчными отношеніями между старшими и низшими, чѣмъ въ какихъ находились они до сихъ поръ подъ ферулой З—го и компаніи.

Не стало Барилка и Юрка, географъ уѣхалъ въ Крымъ, Чунихинъ выслужилъ пенсію, умре и сквернословъ Чарнецкій. При новыхъ преподавателяхъ ученики время отъ времени замѣтно стали обнаруживать духъ критики къ нелѣпымъ требованіямъ начальства, какъ вьюны, увертывались они отъ іудиныхъ лобзаній директора; его любимцы-наушники стали отказываться отъ директорскаго чаю и конфектъ, за которыя ихъ больно поколачивали товарищи; шпіоны-надзиратели казнились всеобщимъ презрѣніемъ. Система З—каго пошатнулась въ своемъ основаніи, машина стала портиться....

На мѣсто директорской креатуры Барилки, выжимавшаго изъ учениковъ, за одно съ Юркомъ, рубли своей математикой и пожалованнаго за то въ инспекторы сперва Винницкой гимназіи, а потомъ лицея и гимназіи въ Нѣжинѣ,—на мѣсто его къ намъ поступилъ человѣкъ, не знавшій счету своимъ деньгамъ, счастливый игрокъ и bon vivant—Михайло Ивановичъ Мерцаловъ. Благодаря неумѣнью гр. Потоцкаго играть въ преферансъ, онъ жилъ открыто и даже роскошно: почти ежедневно онъ бралъ за науку отъ графа отъ 50 до 75 рублей. Этотъ замѣчательно способный, упрямый и чертовски хладнокровный математикъ умышленно бѣсилъ З—го, стараясь все дѣлать ему наперекоръ. Выговоры, получаемые имъ отъ директора, какъ строгіе, такъ и строжайшіе, не только не огорчали его, но доставляли нѣкоторое удовольствіе; онъ ими гордился, такъ какъ каждый изъ нихъ, по его словамъ, портилъ директору 5 фунтовъ крови.

На мѣсто Юрка поступилъ Чугаевичъ, а на мѣсто Ющенка—Теодоровичъ. Чунихина замѣнилъ весельчакъ Щитинскій, а Шастова—А. И. Стронинъ. Большая часть изъ нихъ были люди самостоятельные и честные, хорошіе товарищи и способные преподаватели. Какъ исключеніе между ними, былъ учитель

нѣмецкаго языка и надзиратель общей квартиры прусакъ Камбли. Этотъ проходимецъ-авантюристъ, какъ большая часть таковыхъ изъ нѣмцевъ, для которыхъ ubi bene, ibi patria, вѣрою и правдою служилъ турецкому султану, отъ котораго за усмиреніе Майнотовъ получилъ два ордена и, выйдя въ отставку, явился въ Немировъ къ нашему падишаху искать службы по министерству народнаго просвѣщенія. Обладая практическимъ знаніемъ языковъ нѣмецкаго, французскаго, турецкаго и ново-греческаго, а главное способный къ предательству и шпіонству, Камбли не могъ не приглянуться Е. Я—чу, который охотно принялъ его на службу въ свою гимназію, разсчитавъ заранѣе, какую пользу извлечетъ онъ изъ способностей этого *пройдысвита*. Прусакъ вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Будучи отъ природы нрава веселаго и общительнаго, при склонности къ шутовству и буффонству, онъ сразу поставилъ себя на дружескую ногу съ новыми сослуживцами и все, что слышалъ отъ нихъ въ веселой компаніи, передавалъ своему патрону, чего сначала никто не подозрѣвалъ. Втершись въ семью гр. Потоцкаго, онъ-то и доносилъ З—му обо всемъ, что говорилось въ интимныхъ бесѣдахъ между гостями графа. Его же предательству Мерцаловъ обязанъ ежедневными выговорами директора за неисправности по надзирательской должности въ общей квартирѣ, а Чугаевичъ ссылкою въ Кобеляки приходскимъ учителемъ...

Но времена перемѣнились. Обаяніе директорской власти исчезло. Видя, что авторитетъ его утраченъ, что макіавеллевское правило „divide et impera“, практиковавшееся прежде съ такимъ успѣхомъ, при новомъ составѣ преподавателей, совершенно стало непримѣнимымъ, З—кой всею силой своей жестокости обрушился на инспектора Самчевскаго, который, по свойству своихъ обязанностей и по своимъ личнымъ качествамъ, не могъ дать ему должнаго отпора и дѣйствовать самостоятельно.

Къ сожалѣнію, почтенный наставникъ мой Іосифъ Акимовичъ, извѣстный уже намъ изъ прежнихъ очерковъ, какъ отличный преподаватель латинскаго языка, оказался плохимъ инспекторомъ.

Прослуживъ 25 лѣтъ въ должности учителя, частію въ Черниговской семинаріи, частію въ Новгородъ-сѣверской гимназіи, вовсе незнакомый съ характеромъ западныхъ гимназій и находившихся при нихъ общихъ квартиръ, съ ихъ казарменными порядками, да встрѣтивъ, въ добавокъ ко всему этому, въ начальникѣ не руководителя, не совѣтника, а лютаго гонителя и обидчика,—бѣдняга Осипъ Акимовичъ оказался совершенно несостоятельнымъ. Чѣмъ больше онъ суетился и хлопоталъ, тѣмъ больше дѣлалъ промаховъ. Неровность его обращенія съ учениками, то крикливаго и сердитаго, то не въ мѣру ласковаго и заискивающаго, лишила дѣтей уваженія къ нему и должной субординаціи. Угнетеніе, претерпѣваемое имъ отъ директора, и происходившая оттого запуганность и суетливость, при его маленькомъ ростѣ, возбуждали въ ученикахъ смѣхъ и злорадство: сей возрастъ жалости не знаетъ! Уже по одной кличкѣ, придуманной ими новому инспектору, можно судить о томъ, какъ недоброжелательно и зло они къ нему относились: на стѣнахъ коридора и въ отхожихъ мѣстахъ, рядомъ съ „директоромъ Югуртой", красовалась надпись: „инспекторъ Тиверій Горобецъ"! (намекъ на его маленькій ростъ и напускную жестокость при расправѣ съ шалунами и лѣнтяями).

При такихъ условіяхъ своей немировской службы, Осипъ Акимовичъ сдѣлался настоящимъ мученикомъ. То удовольствіе, какимъ онъ могъ бы отчасти усладить свое горе и забыться на досугѣ отъ огорченій,—любимое имъ до страсти церковное пѣніе—въ Немировѣ для него не существовало. Желая хоть сколько-нибудь удовлетворить этой страсти, онъ по вечерамъ приглашалъ къ себѣ приходскаго дьячка и распѣвалъ съ нимъ Бортнянскаго до полуночи. Идешь бывало мимо его квартиры, возвращаясь домой отъ Грузинскаго, и невольно остановишься послушать, какъ заливается дьячокъ своимъ раздирательнымъ фальцетомъ подъ дребезжащую октаву инспектора: „тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона". Магистръ петербургской духовной академіи, товарищъ протопресвитера Бажанова и покойнаго митрополита Арсенія, глубокій знатокъ духовнаго пѣнія долженъ былъ довольствоваться обществомъ

дьячка и его козинымъ голосомъ. А то бывало сидитъ одинъ-одинешенекъ въ своей квартирѣ, думаетъ-думаетъ, и страшно станетъ ему одиночество; накидываетъ наскоро на халатъ шинель, да такъ и придетъ ко мнѣ подъ двери. Я уже лежу въ постели, читаю на сонъ грядущій какой-нибудь журналъ. Слышится робкій стукъ.

„Кто тамъ?—„Это я! впустите, землякъ", умоляющимъ голосомъ отвѣчаетъ инспекторъ. Отворяю дверь... „Извините, землякъ, что я такъ поздно безпокою васъ. Ложитесь, пожалуйста, въ постель, а я тутъ посижу подлѣ васъ и хоть немного отведу душу отъ смертной тоски".

Затѣмъ сядетъ въ кресло и начнетъ выливать свои жалобы на лютаго обидчика З—кого.

— Что онъ со мной дѣлаетъ, негодный,—уму не постижимо! За малѣйшую неисправность надзирателя или эконома, онъ заставляетъ меня дежурить по цѣлымъ днямъ въ общей квартирѣ, сидѣть въ кухнѣ съ прислугой, стирать надписи въ отхожихъ мѣстахъ—и чего-чего не выдумываетъ этотъ дьяволъ, чтобы досадить мнѣ! Просто, землякъ, мнѣ житья нѣтъ отъ этого бездѣльника!

— Вольно же вамъ, дорогой Іосифъ Акимовичъ, подчиняться всѣмъ его нелѣпымъ требованіямъ. Онъ потому и ѣздитъ на васъ, что вы не даете ему отпора. Вы бы когда-нибудь огрызнулись.

— А въ самомъ дѣлѣ, что онъ позволяетъ себѣ глумиться надо мною?—начинаетъ храбриться мой наставникъ, выпивъ стаканчикъ сливянки: я не помело какое-нибудь—я инспекторъ! Что ты надо мной смѣешься?... окончательно входитъ въ азартъ инспекторъ, глядя въ пустое пространство и воображая передъ собою своего заклятаго врага: смѣется, бездѣльникъ, что я не умѣю дѣлать того, что онъ приказываетъ? все это ниже моихъ понятій, да! А ну, какъ я тебѣ задамъ вопросъ: знаешь ли ты по-гречески?

— Конечно, не знаетъ ни бельмеса ни по-гречески, ни по-латыни!—подзадариваю я гостя: вы его, Осипъ Акимовичъ, хорошенько проберите, а то онъ слишкомъ ужъ зазнался.

— Да, я ему скажу: какъ ты смѣешь? Я—инспекторъ, а не помело. Со мной нельзя такъ обращаться—я не позволю!

Просидѣвъ такимъ образомъ у моей кровати часа два и выругавшись до-сыта, наставникъ мой уходитъ домой ободренный и успокоенный.

— Спасибо, землякъ, вы мнѣ душу отвели, говорилъ онъ на прощанье.

Разъ утромъ, идучи на службу, зашелъ ко мнѣ инспекторъ и объявилъ, что онъ, наконецъ, рѣшился дать отпоръ З—ому при первомъ же его нападеніи. Заинтересованный этой любопытной стычкой и придумавъ благовидный предлогъ, я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ директору. Наставникъ мой, вижу, держитъ себя съ достоинствомъ, на лицѣ видна рѣшимость.

— Е. Я-чъ!—обратился онъ довольно развязно къ директору—нѣкоторые родители учениковъ желаютъ взять съ собой въ театръ дѣтей: можно ли ученику дозволить быть въ театрѣ съ отцомъ?

— И съ дѣдомъ нельзя! отвѣчаетъ благодушно директоръ.

— Слышите, слышите, землякъ! говоритъ: съ дѣдомъ—обратился онъ ко мнѣ по выходѣ директора въ другую комнату, какъ бы ища во мнѣ поддержки. Но я только руками развелъ и удалился, не дождавшись на сей разъ никакой стычки. За мной вышелъ и инспекторъ.

— Осипъ Акимовичъ! окликнулъ его въ догонку директоръ, когда мы были уже въ сѣняхъ: а табакерку не забыли? Вы опять уйдете изъ гимназіи за табакеркой.

Наставникъ мой нюхалъ табакъ и, потерявши голову отъ вѣчной суеты, часто терялъ табакерку. Директоръ постоянно трунилъ надъ нимъ за это.

Между тѣмъ терроръ директорскаго режима достигъ своего апогея и неминуемо долженъ былъ привести къ катастрофѣ.

Дерзкая выходка [1]) противъ директора со стороны одного изъ учениковъ послужила поводомъ къ тому, что ученики не хотѣли признавать больше никакихъ властей. Инспекторъ же расте-

---

[1]) Подробности см. „Кіев. Стар." Іюнь стр. 425—431.

рялся окончательно. Преподаватели, не допускаемые до сихъ поръ ко вмѣшательству въ распоряженія администраціи относительно дисциплины, ограничивая свою дѣятельность отбываніемъ однихъ уроковъ,—не могли, конечно, измѣнить вдругъ свой обычный образъ дѣйствія, чтобы возстановить въ заведеніи порядокъ и спасти дѣтей отъ деморализаціи. Время было тревожное, все перевернулось вверхъ дномъ...

Вотъ къ чему привела нелѣпая система единоличнаго управленія гимназіей, вотъ послѣдствія примѣненія къ педагогіи государственнаго принципа Людовика XIV: l'état c'est moi!

Спустя часъ послѣ своего пораженія и постыднаго бѣгства изъ общей квартиры, Е. Я-чъ посылаетъ за инспекторомъ:

— Подайте, говоритъ, мнѣ рапортъ о случившемся.

Іосифъ Акимовичъ вытаращилъ глаза. Онъ никакъ не ожидалъ услышать о такомъ щекотливомъ порученіи. Прямо отъ директора онъ прибѣжалъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ ему писать рапортъ?

— Пишите, говорю, такъ; и я началъ ему диктовать проэктъ рапорта, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Да неужели же я долженъ въ такомъ родѣ подать рапортъ?

— А то какъ же? Вы, какъ очевидецъ, обязаны, по совѣсти, написать то, что было, коли отъ Васъ того требуютъ. Впрочемъ, мое дѣло сторона, дѣлайте, какъ знаете.

Смягчивъ, по возможности, нѣкоторыя жесткія выраженія въ рапортѣ моей редакціи, наставникъ мой понесъ свое курьезное донесеніе г. директору, который, передѣлавъ его опять по своему, заставилъ инспектора подписать. Документъ сей въ подлинникѣ отправленъ того же числа въ округъ.

Назначено было слѣдствіе. Пріѣхалъ въ Немировъ депутатъ отъ учебнаго вѣдомства, директоръ 1-й гимназіи Любимовъ, а изъ министерства командированъ Балабинъ. Виновнаго, въ присутствіи учениковъ и весьма немногихъ учителей, наказали розгами и отдали въ барабанщики въ оренбургскій баталіонъ. Директоръ же Зимовскій, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ многихъ, оставленъ былъ на своемъ посту.

Въ концѣ года Е. Я—чу „за отличіе" пожалованъ орденъ Анны 2-й степени: fiat justitia—pereat mundus.

Испытавъ въ чужомъ пиру похмелье, не будучи никогда пьянъ, Іосифъ Акимовичъ дождался, наконецъ, исполненія своихъ пламенныхъ желаній: въ іюнѣ 1849 года получена бумага о его перемѣщеніи на родину—въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію. Получивъ на прощаніе нѣсколько замѣчаній и выговоровъ, при сдачѣ должности А. Н. Дельсалю, онъ быстро собрался въ дорогу и, какъ школьникъ, радовался своему освобожденію отъ работы вражіей. Восторгу его не было предѣловъ.

Въ часъ, назначенный для отъѣзда, въ квартиру его пришелъ и Е. Я—чъ и, когда счастливецъ сѣлъ уже въ почтовую телегу и, ухарски подбоченясь, крикнулъ ямщику: „пошелъ!",—директоръ и тутъ не утерпѣлъ, чтобы не отравить отъѣзжающему это счастливое мгновеніе.

— А табакерку, Осипъ Акимовичъ, не позабыли?—крикнулъ онъ ему въ слѣдъ. Какое пожеланіе послалъ ему въ отвѣтъ уѣзжающій, нельзя было разслышать за почтовымъ колокольчикомъ.

Послѣдніе два года моей немировской службы.

Покойный митрополитъ Арсеній, будучи архіепископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, очень благоволилъ къ нашему законоучителю А. В. Любомудрову, котораго онъ зналъ еще въ Орлѣ въ бытность свою ректоромъ семинаріи. При объѣздѣ епархіи онъ два раза останавливался въ его квартирѣ, гдѣ я имѣлъ случай познакомиться съ Владыкой. Но съ перемѣщеніемъ этого святителя въ Варшаву для нашего о. Александра все измѣнилось. На мѣсто епископа Арсенія назначенъ Ельпидефоръ, человѣкъ до крайней степени вспыльчивый... Сказанное у Добрынина (см. Русс. Старина) о сѣвскомъ епископѣ Кириллѣ Флоринскомъ, жившемъ въ половинѣ XVIII столѣтія, отчасти можно примѣнить къ преосвященному Ельпидефору, жившему въ половинѣ XIX в.

Этотъ-то архипастырь въ 1849 году былъ приглашенъ графомъ Потоцкимъ для освященія домашней церкви при дѣтскомъ пріютѣ въ с. Ковалевкѣ, въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка. При первой же встрѣчѣ съ новымъ епископомъ, Любомудровъ почувствовалъ, что на него подулъ противный вѣтеръ. Во время освященія Ковалевской церкви нашъ законоучитель, какъ протоіерей и магистръ академіи, долженъ былъ первенствовать между сослужащими священниками. Хотя по требнику онъ и изучилъ „чинъ освященія храма", но на практикѣ ему ни разу не случилось участвовать въ этомъ обрядѣ, а потому, какъ пришлось ему совершать его, онъ совершенно растерялся, при чемъ прочіе священники, хотя и опытные въ семъ дѣлѣ, не захотѣли выручить его. Нашъ протоіерей окончательно сконфузился. Отъ сильнаго волненія, при страшной іюльской жарѣ, съ нимъ случился ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ и года. На мою долю выпала печальная обязанность почтить память усопшаго надгробнымъ словомъ, а почтенный классикъ Артемій Аѳанасьевичъ оставилъ за собой неотъемлемое право составить эпитафію:

Почившій пастырь здѣсь средь дней преполовенья,
Стремился „всѣмъ вся быть" для вѣчнаго спасенья.

На мѣсто покойнаго назначенъ преподаватель Каменецъ-Подольской семинаріи И. А. Зефировъ, весьма достойный человѣкъ.

Въ слѣдующій 1850 годъ неоскудѣвающими щедротами гр. Потоцкаго была окончена гимназическая домашняя церковь. За отсутствіемъ его сіятельства, директоръ самъ пригласилъ преосвященнаго на освященіе. Парадный обрядъ закончился назидательнымъ словомъ Владыки. Прослушавъ проповѣдь и поцѣловавъ святой крестъ, мы разбрелись по домамъ. Директоръ тоже куда-то юркнулъ, такъ что преосвященный остался въ церкви одинъ съ духовенствомъ. Вышедъ на крыльцо и не видя никого изъ ученой братіи, онъ обратился къ протоіерею Зефирову съ вопросомъ:

— Куда же мы теперь?

— Въ палацъ, в. пр—во, отвѣтствовалъ тотъ.

— Да что-жъ все въ палацъ да въ палацъ! Ну, нечего дѣлать, поѣдемъ въ палацъ.

Лишь только карета отъѣхала отъ крыльца, Е. Я—чъ быстро собралъ всѣхъ чиновниковъ въ гимназію и повелъ ихъ въ палацъ, благодарить Владыку за подъятые имъ труды.

— Мы, господа, люди тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ духовные, а потому и благодарность наша должна быть чисто духовная,— обратился онъ къ намъ съ ироніей.

Оно-то, пожалуй, и такъ, а все-таки начальнику заведенія не мѣшало бы напоить преосвященнаго хотя чаемъ.

Владыка былъ очень огорченъ оказаннымъ ему невѣжествомъ: принявъ отъ насъ „духовную благодарность", онъ отнесся къ намъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма сухо, не удостоивъ своего архипастырскаго благословенія.

Хотя по образованію нашъ Е. Я—чъ не имѣлъ ничего общаго съ богословскими науками, но онъ, не обинуясь, принималъ на себя роль миссіонера, дѣлая постоянно покушенія „уловлять вселенную" въ лицѣ жидковъ-гимназистовъ. Онъ зазывалъ ихъ къ себѣ на квартиру, ласкалъ ихъ, давалъ для чтенія душеспасительныя книги, но не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своемъ миссіонерствѣ, такъ какъ хассиды-отцы учениковъ постоянно стояли на стражѣ.

Наконецъ, нашему рыбарю удалось изловить жидка-подростка, занимавшагося въ общей квартирѣ починкой ученическихъ штановъ и куртокъ. Приготовивъ его, какъ должно, къ принятію св. таинства крещенія, директоръ устроилъ въ гимназической церкви торжественную церемонію и самъ воспринялъ его отъ святой купели. Крестный отецъ поселилъ юнаго неофита въ казенной квартирѣ, одѣлъ его на казенный счетъ и т. п. По временамъ это духовное чадо исполняло обязанности лакея; шустрый крестникъ вездѣ поспѣвалъ: чистилъ сапоги, ставилъ самоваръ и за отсутствіемъ Кума вытиралъ губкою тѣло своего „папуньки". Такъ прошло около трехъ мѣсяцевъ.

Разъ З—й велѣлъ ему перечистить свой гардеробъ. Крестникъ, сложивъ на плечо всю одежду изъ шкафа, унесъ ее въ свою конуру. Директоръ въ то-же время отправился на про-

ґулку. Вернувшись домой, посылаетъ за крестникомъ, но его и слѣдъ простылъ: все унесъ съ собой на память о своемъ благодѣтелѣ, даже новехонькій мундиръ, съ дорогимъ петербургскимъ шитьемъ. Нашелся таки молодецъ, надувшій самого З—го; нашла коса на камень.

Der Jude war ein grösserer Schelm, als er.

На мѣсто I. А. Самчевскаго къ намъ назначенъ инспекторомъ знакомый мнѣ по Винницкой гимназіи весельчакъ и хлѣбосолъ А. Н. Дельсаль, натура широкая. Проживъ въ нѣсколько лѣтъ состояніе жены, онъ запутался въ долгахъ и, надѣясь поправить свои обстоятельства, задумалъ искать мѣсто исправника. Черезъ агентовъ жидковъ онъ узналъ, что правителемъ генералъ-губернаторской канцеляріи назначена извѣстная такса за мѣста: исправницкое мѣсто стоило 600 р. Знакомые жены Дельсаля паны ссудили его деньгами, и онъ внесъ требуемую сумму; но черезъ мѣсяцъ узнаетъ, что обѣщанное ему мѣсто отдано другому лицу, заплатившему 1000 р. Обманутый Дельсаль отправляется въ Кіевъ и получаетъ свои деньги обратно, а вмѣсто должности исправника, съ 20 тысячнымъ годовымъ доходомъ, съ трудомъ получаетъ мѣсто субъ-инспектора студентовъ; но едва вступилъ онъ въ должность, какъ получаетъ извѣстіе, что Самчевскаго изъ Немирова перевели въ Новгородсѣверскую гимназію, ѣдетъ къ Зимовскому и занимаетъ вакантное мѣсто инспектора.

Перемѣщеннаго за продерзости въ Бѣлоцерковскую гимназію Мерцалова замѣнилъ кандидатъ Петербургскаго университета Клейненбергъ, человѣкъ благовоспитанный, безукоризненный джентльменъ, личность прямая и благородная. На мѣсто сосланнаго Зимовскимъ въ Кобеляки приходскимъ учителемъ Чугаевича поступилъ И. П. Дорошенко, а вмѣсто Шастова, перешедшаго на законовѣдѣніе, назначенъ А. И. Стронинъ. Графъ Потоцкій, озабоченный въ это время воспитаніемъ своей единственной дочери (впослѣдствіи графини Строгановой), пригласилъ Клейненберга и Стронина давать ей уроки математики и русскаго языка. Получаемые ими отъ графа подарки, помимо солидной поурочной платы, имѣли свой raison d'être, не оскор-

бляя ничьего самолюбія. Въ палацѣ они скоро стали людьми домашними и держали себя съ тактомъ и достоинствомъ, не то что поповичъ Барилко и пошлякъ Юрко, награждаемые за лесть и низкопоклонство жилетами.

Вообще говоря, въ это время большинство преподавателей были люди молодые, свѣжіе, иного пошиба. Шпіоны поджали хвосты, между преподавателями же не осталось ни одного предателя, за исключеніемъ прусака Камбли. Всѣ сплотились въ дружную корпорацію и, какъ люди холостые, устроили общій столъ и общую квартиру, получившую названіе „учительской колоніи". Главнымъ распорядителемъ по найму и устройству помѣщенія былъ избранъ учитель исторіи А. Г. Теодоровичъ. Кормилецъ нашъ знаменитый Макаръ, женатый на очень искусной кухаркѣ, получалъ отъ каждаго изъ насъ по 8 руб. въ мѣсяцъ и задавалъ великолѣпные обѣды съ пирожнымъ и дессертами. Отсутствіе при обѣдѣ вина замѣнялось шутками и остроумными каламбурами, ни для кого необидными, никого не оскорблявшими. Стронинъ завелъ даже особую „книгу для записыванія удачно сказанныхъ остротъ" и въ качествѣ секретаря колоніи вносилъ туда, съ общаго одобренія, все достойное вниманія потомства.

По случаю совершившагося XXV-лѣтія труженнической жизни Артемія Аѳанасьевича Шведова, колонія затѣяла отпраздновать у себя юбилей уважаемаго товарища. Вечеръ удался на славу. Начальство приглашено не было. Во время тоста за здоровье юбиляра, ему поднесенъ былъ серебряный кубокъ съ подобающею надписью. Неизбалованный фортуной классикъ растроганъ былъ до слезъ. Затѣмъ, по обычаю нѣмецкихъ студентовъ, устроили торжественный Fakelzug, проводивъ виновника торжества до самой его квартиры, пройдя съ пѣснями мимо директорскаго помѣщенія. Такое небывалое въ Немировѣ событіе, имѣвшее видъ демонстраціи, раздразнило Зимовского до бѣшенства, но онъ не осмѣлился не только намылить кому-либо голову, но даже и не вспомнилъ ни разу объ этомъ „дурачествѣ". Значитъ, „громада—великій человѣкъ", съ ней ничего не подѣлаешь.

Воспитанникъ мой Ясь Лещинскій, съ грѣхомъ пополамъ, окончилъ гимназію и поступилъ въ Ришельевскій лицей; но изъ него не вышло ничего путнаго: онъ былъ слишкомъ вѣтренъ и взбалмошенъ и, вырвавшись на волю, окончательно свихнулся. Но какъ бы тамъ ни было, а у меня, благодаря его папашѣ, въ банкѣ скопились небольшія сбереженія, съ помощію которыхъ я мечталъ предпринять путешествіе въ Питеръ, какъ только окончится шестилѣтній срокъ моей обязательной учительской службы. Авось мнѣ удастся вырваться изъ когтей коршуна, терзающаго мои внутренности.

Даровая квартира на кондиціи такъ мнѣ пришлась по вкусу, что я, разставшись съ Лещинскими, готовъ былъ снова пойти въ репетиторы. Случай къ тому скоро представился. Мнѣ предложено жить съ тремя учениками на всемъ готовомъ и 300 рублей гонорару. Я отправился къ директору за разрѣшеніемъ занять кондицію, такъ какъ ни одинъ учитель не смѣлъ безъ дозволенія начальства ни имѣть пансіонеровъ, ни жить у кого нибудь въ качествѣ гувернера, на что имѣлъ право каждый порядочный гимназистъ въ другихъ гимназіяхъ. На мой вопросъ, могу ли я занять кондицію у Гуляницкихъ, Е. Я—чъ отвѣтилъ лаконически: „нельзя“:

— Почему же, позвольте узнать, нельзя?

— Потому что я такъ хочу, отрѣзалъ самодуръ.

— Ну, если, по вашему мнѣнію, это совершенно достаточная причина лишать подчиненнаго заработка честнымъ трудомъ, то очень жаль!

Сказавши это, я взялся за фуражку.

— Погодите! остановилъ меня директоръ: я считаю нужнымъ поговорить съ вами серьезно.

При этомъ онъ толкнулъ ногою дверь кабинета, и она со стукомъ затворилась.

— Видите ли въ чемъ дѣло, началъ онъ, ходя по комнатѣ: вы постоянно идете противъ меня, питая ко мнѣ самыя враждебныя чувства. Мало того, вы вооружаете противъ меня общественное мнѣніе своими близорукими сужденіями о моихъ дѣйствіяхъ,—мнѣ все извѣстно.

— Если вы, Е. Я—чъ, довѣряете низкимъ людямъ, которые, пользуясь вашей довѣренностью, безсовѣстно лгутъ вамъ и чернятъ всякаго честнаго человѣка разными клеветами, то въ этомъ виноваты вы сами; вольно же вамъ вѣрить всякому проходимцу.

Немного помолчавъ, онъ опять началъ.

— Скажите, ради Бога, за что вы меня ненавидите? Вы постоянно отзываетесь обо мнѣ, какъ о человѣкѣ безсердечномъ, несправедливомъ и жестокомъ. Вы сильно заблуждаетесь. Вамъ, какъ неисправимому идеалисту, все представляется въ черномъ цвѣтѣ. Поймите меня—и у меня есть сердце!.. закончилъ онъ свою рѣчь дрожащимъ голосомъ.

— Извините меня, Е. Я—чъ, за откровенность: я не въ состояніи принудить себя (а тѣмъ болѣе притворяться) полюбить человѣка, къ которому не лежитъ у меня сердце, такъ же, какъ говорить и поступать противъ своихъ убѣжденій. Въ симпатіяхъ и антипатіяхъ никто не воленъ.

Директоръ ходилъ по комнатѣ молча и потомъ со злостью проговорилъ.

— Ну, такъ и оставайтесь при вашихъ убѣжденіяхъ, но не позволяйте себѣ открыто порицать мои дѣйствія, чтобы другіе, слушая васъ, не заражались вашими близорукими сужденіями.

— А, если вы только этого отъ меня требуете, то даю вамъ честное слово, что пока я буду жить у Гуляницкихъ, я не позволю себѣ сказать ни одного слова о васъ.

— Прощайте, можете занять предлагаемую вамъ кондицію.

Такимъ образомъ заключена была между нами конвенція: за 300 рублей директоръ купилъ мое молчаніе на одинъ годъ.

Изъ троихъ учениковъ, съ которыми судьба и Зимовской опредѣлила мнѣ жить, два были отличные, благовоспитанные малые, но между ними затесался третій—отпѣтый негодяй. Объ исправленіи его нечего было и думать, нужно было, по крайней мѣрѣ, уберечь отъ его вліянія двухъ неиспорченныхъ. Квартиру намъ пріискали у родственниковъ. Жилось мнѣ тамъ не такъ удобно, какъ у Лещинскихъ, но что дѣлать? нужно было терпѣть.

Занимая кондицію, я втеченіе цѣлаго года ни разу не позволилъ себѣ нарушить заключенную съ директоромъ конвенцію.

Какихъ сѣтей ни разставлялъ онъ, чтобы уличить меня въ недержаніи даннаго слова, подсылая своихъ наушниковъ, я не поддался искушенію и выдержалъ характеръ до конца. Изъ этого мои товарищи заключили, что Зимовской, наконецъ, и меня, степного коня, объѣздилъ и перевоспиталъ на свой образецъ,— я молчалъ и ухмылялся въ бороду.

Къ концу учебнаго года совѣтъ избралъ меня секретаремъ; начались экзамены. Питомцы мои въ теченіе мая прошли благополучно самые трудные для нихъ предметы, такъ что переводъ ихъ въ высшіе классы можно было считать обезпеченнымъ, и директоръ никоимъ образомъ не могъ повредить имъ. Срокъ нашей конвенціи близился къ окончанію. 1 іюня состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта. Приступили къ повѣркѣ кассовыхъ книгъ. По должности секретаря я сидѣлъ по правую руку предсѣдателя. Передавая мнѣ одну изъ кассовыхъ книгъ о приходѣ и расходѣ суммъ общей ученической квартиры, Е. Я—чъ сказалъ: „ищите здѣсь прихода за май".

Я перелисталъ всю книгу отъ доски до доски и, не найдя прихода, началъ въ другой разъ дѣлать тоже самое. Въ это время директоръ, подмигнувъ членамъ, лукаво подсмѣивался на мой счетъ. Мнѣ стало досадно на себя, что не нахожу прихода, и Е. Я—чъ, ядовито ухмыляясь, замѣтилъ мнѣ.

— Эхъ вы, секретарь! чего вы ищите? вѣдь прихода въ маѣ не бываетъ вовсе.

— Чтожъ вы меня дурачите, заставляя искать то, чего вовсе нѣтъ? почти крикнулъ я, бросая на столъ кассовую книгу: меня не для того избрали секретаремъ, чтобы сдѣлать мишенью для вашихъ насмѣшекъ.

— Вотъ вы уже и разсердились: я пошутилъ, сказалъ благодушно директоръ, видимо подавляя свою злость.

По этой вспышкѣ моей онъ заключилъ, что конвенція моя кончилась, и я безъ вреда для своихъ воспитанниковъ могу оставить кондицію.

Въ концѣ 1851 года обязательный для казеннокоштныхъ студентовъ шестилѣтній срокъ моей учительской службы, по назначенію отъ правительства, кончился. Я получилъ возможность распорядиться своей особой по собственному усмотрѣнію. Скопивши посредствомъ кондицій немножко деньжатъ, я возъимѣлъ намѣреніе оставить педагогическую карьеру и отправиться въ Питеръ искать иной дѣятельности. Рѣшимости моей сдѣлать такой важный шагъ въ жизни помогъ случай: одинъ панъ отправлялъ своего сына въ артиллерійское училище и предложилъ мнѣ довезть его до Петербурга на его счетъ. Когда я пришелъ за билетомъ къ Е. Я—чу, то онъ далъ мнѣ порученіе купить для него сотню гаванскихъ сигаръ и какую-то машинку, обратясь за содѣйствіемъ къ полковнику Англяресу, который, разорившись во время холеры на тыгоднювкахъ, переселился въ столицу и получилъ мѣсто управляющаго домомъ Энгельгарда, на Невскомъ проспектѣ. Собравшись въ дорогу и не получивъ отъ директора на покупку денегъ, я просилъ инспектора Дельсаля напомнить ему объ этомъ, но Е. Я—чъ велѣлъ передать мнѣ, что деньги на покупку для него сигаръ и машинки я могу взять въ банкѣ изъ тѣхъ 250 рублей, которые, по его милости, получены мною въ награду. Такъ безъ денегъ я и уѣхалъ; а вѣдь 35 рублей, издержанные мною на эти покупки, куда какъ не были бы лишними въ столицѣ.

Не стану описывать впечатлѣній своего путешествія въ Питеръ черезъ Москву и обратно черезъ Могилевъ; за давностію лѣтъ они не могли бы имѣть той свѣжести, какая необходима для подобнаго рода описаній. Скажу только, что рекомендательныя письма къ столичнымъ тузамъ, за исключеніемъ одного, доставка котораго по адресу стоила мнѣ болѣе трехъ рублей, истраченныхъ мною на поѣздки на дачу, гдѣ жилъ сановникъ, брошены въ огонь. На пріѣзжаго провинціала, а тѣмъ паче на учителя, столичные бюрократы въ оное время смотрѣли съ презрѣніемъ: имъ нужны были не образованные чиновники, а пройдохи-дѣльцы, которыхъ вся наука заключалась въ знаніи канцелярскихъ порядковъ. Побесѣдовавъ съ оберъ-секретаремъ Сената, землякомъ своимъ Нагулой, бывшимъ учи-

телемъ 1 кіевской гимназіи, я навсегда выбросилъ изъ головы мысль оставить педагогическую профессію и около мѣсяца употребилъ на ознакомленіе съ столичными достопримѣчательностями и въ концѣ августа вернулся во-свояси.

Въ слѣдующемъ 1832 году во время каникулъ мы съ Сошенкомъ предприняли путешествіе по Кіевской губерніи, подробно описанное въ другомъ мѣстѣ (Иванъ Макс. Сошенко, біографическій очеркъ 1877 г.). Здѣсь же я ограничусь однимъ лишь финаломъ этого путешествія.

Разставшись съ пріятелемъ въ Матусовѣ, я поѣхалъ кратчайшимъ путемъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Немирова со мной случилось довольно оригинальное приключеніе, къ счастію, не имѣвшее для меня печальнаго исхода. Жидокъ мой Эль, желая сберечь лишній грошъ изъ своего заработка за трехнедѣльное странствованіе со мной по градамъ и весямъ Украины, не подмазалъ своей буды. Скрипитъ да скрипитъ колесо, а мнѣ и байдуже—еще лучше спится подъ эту музыку въ дорогѣ. Сплю себѣ, зарывшись въ сѣно (дѣло было ночью), какъ вдругъ, сквозь сладкую дремоту слышу крикъ какъ будто знакомаго человѣка: „стой, стой! колесо горитъ!“

Проснувшись, я дѣйствительно увидѣлъ горящее колесо. Случилось это противъ почтовой станціи. Но нестолько меня озадачилъ пожаръ буды, сколько внезапное появленіе директора, который, какъ deus ex machina, стоялъ тутъ же подлѣ буды, рядомъ съ ямщиками. Ему-то главнымъ образомъ я обязанъ тѣмъ, что не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ будой и своимъ возницей Элемъ, который тоже заснулъ во время пути. Дѣло въ томъ, что подо мной въ сѣнѣ спрятано было 3 фунта пороху, купленнаго у солдатика въ Умани: этого количества было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отъ меня и жида и слѣда не осталось.

Да и допекалъ-же меня Е. Я—чъ, по прибытіи въ Немировъ:

— Я, говоритъ, вамъ жизнь спасъ, а вы, неблагодарный, этого не чувствуете

Въ августѣ 1852 года, совершенно для меня неожиданно, состоялось и мое перемѣщеніе въ Кіевъ. Послѣ неоднократнаго

покушенія вырваться изъ цѣпкихъ щупальцевъ восьминога, я ужеересталъ и думать о переводѣ въ другую гимназію. Такъ, въ 1849 году я ѣздилъ въ Одессу съ цѣлію проситься о перемѣщеніи, но прежде чѣмъ я успѣлъ туда пріѣхать, мой пріятель Е. Я. уже успѣлъ отрекомендовать меня директору Петрову, который принялъ меня сухо и отказалъ въ моей просьбѣ.

Какая-же, спроситъ читатель, была у Зимовского цѣль удерживать въ гимназіи человѣка, подрывающаго авторитетъ его власти и не сочувствующаго его распоряженіямъ? А цѣль была та, чтобы я, перейдя на службу въ другую гимназію, не вынесъ изъ избы сору. Держа меня въ зависимости, онъ все-таки разсчитывалъ на то, что мои протесты противъ его дѣйствій, какъ бы я ни кричалъ во весь народъ, пока я остаюсь подъ его начальствомъ, дальше Немирова не пойдутъ; вырвавшись же на волю, я могъ оставить ему незавидную репутацію и за предѣлами Кіевскаго учебнаго округа.

Въ другой разъ, въ 1851 году, узнавъ, что во 2-й Кіевской гимназіи за смертію учителя русской словесности Унтилова, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя проситься о переводѣ. Хотя, впредь до пріисканія преподавателя, туда приглашенъ былъ проф. Селинъ, но я все-таки рѣшился попытать счастья, но попытка моя и на сей разъ также не удалась.

Спустя годъ, пр. Селинъ защищалъ диссертацію на степень доктора. Димитрій Гавриловичъ, какъ попечитель, пригласилъ на диспутъ директрису института съ цѣлой плеядой пепиньерокъ. Во время ученыхъ преній докторантъ, по своему обыкновенію, зарапортовался, сказавъ что-то не совсѣмъ пріятное для слуха дамъ. Когда послѣ диспута Бибиковъ подошелъ къ директрисѣ и спросилъ, довольна-ли она диспутомъ, она отвѣчала, что еслибы она предвидѣла, что здѣсь будутъ говорить о такихъ неприличныхъ вещахъ, то она ни за что не взяла бы съ собой дѣвицъ. Димитрій Гавриловичъ это замѣчаніе замоталъ себѣ на усъ и, спустя недѣлю, когда Лазовъ поднесъ ему къ подписи бумагу, спросилъ: это что?

— Представленіе г. Министру объ утвержденіи въ докторской степени пр. Селина.

— А, кстати? Что, онъ преподаетъ еще гдѣ-нибудь кромѣ университета?

— Во 2-й Кіевской гимназіи читаетъ русскую словесность.

— Долой его оттуда—онъ мнѣ тамъ дѣтей попортитъ.

— Кого прикажете на его мѣсто назначить?

— Найдите сами, отвѣчалъ генералъ.

Идучи послѣ доклада домой, Лазовъ встрѣтился на Крещатикѣ съ инспекторомъ 2-й гимназіи Гренковымъ.

— Что новаго? спрашиваетъ его инспекторъ.

— Есть и для вашей гимназіи новость; велѣлъ найти учителя словесности. Не знаете ли вы кого-нибудь изъ желающихъ?

Такъ какъ Гренкову было извѣстно о моемъ желаніи, то онъ и указалъ на меня, и я получилъ переводъ въ Кіевъ.

Божественный Александръ Ив. не могъ мнѣ простить своего увольненія. Узнавъ отъ Лазова, что Бибиковъ, якобы самъ меня назначилъ на его мѣсто, ученый мужъ былъ увѣренъ, что я какими-то путями пролѣзъ къ генералъ-губернатору и добился перемѣщенія. „Пролазъ"—прошипѣлъ профессоръ.

Да, государи мои, тяжелыя времена переживали мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕГЕНДА О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЖИВОПИСЦѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современныя и старинныя малорусскія версіи легенды о малярѣ.—Нѣмецкія и французскія фабльо.—Отраженіе легенды въ памятникахъ искусства.—Предположеніе о происхожденіи легенды.

Въ Малороссіи большой популярностью пользуется легенда о благочестивомъ малярѣ. Въ печати она также извѣстна. Сравнительно болѣе подробный и лучше развитый варіантъ въ сборникѣ легендъ изъ купянскаго уѣзда харьков. губ. г. *Иванова* въ „Этногр. Обозр." 1892 кн. 2—3, стр. 73—75.

— Жывъ колысь соби одынъ благочестывый малярь. Винъ рысувавъ иконы ловко и дома, и въ церкви; молывся усердно Богу и дуже не любывъ лукавыхъ. Отъ разъ нарысувавъ винъ выдъ нечыстого и поставывъ въ тимъ мисти, куды ходывъ про себе. Каждый разъ, якъ пиде туды, яку-небудь и зробе ему пакость; и высквернывъ ёго такъ, що то бувъ страшный, а то ще страшнійше ставъ. Розсердывся на его лукавый, явывся ему во сни и каже: „посміявся ты зъ мене, а я якъ зъ тебе посміюсь, то зъ тебе и людей не буде!" Малярь не злякався ёго, ще пуще знущается надъ нымъ. Отъ одынъ разъ зазвоныли до утрени, собралысь люды, дывляця, а на иконостаси нема ни капли золота и кой-яки иконы тожъ обобрани, що булы зъ золотомъ. Тоди люды собралысь и пишлы кой-кого изъ прымитныхъ трусыты (обыскивать). И отъ ходылы скризь по слободи, всю слободу пройшлы и ни въ кого не нашлы. Якъ идуть мимо маляра, одынъ чоловикъ и каже: „давайте до ёго зайдемъ!" а други кажуть: „хиба можно, щобъ цей чоловикъ се зробывъ?"

Той опьять: „та ни таки, зайдемъ!“ Ти опьять: „хиба такы можно на ёго це думаты: винъ николы ничого чужого не трогавъ, а то, бачъ, полизе у церкву... та зайты, такъ и зайдимъ“. Отъ зайшлы и началы скрызь шукаты. Шукалы, шукалы—нема ниде; потимъ якось заглянулы пидъ трубу, а тамъ стоитъ тры мишка золота. Ну, золото забралы, а маляра повелы на судъ и осудылы его на суди повисыты за его кражу. Якъ является до его лукавый и каже: „согласысь поставыты мене къ ликамъ Божіимъ и класты мени що дня пьять поклонъ, то я тебе выручу“. Маляръ согласывся, пишовъ додому, взявъ выдъ лукавого, обмывъ гарненько и поставывъ къ ликамъ Божіимъ. А лукавый принявъ выдъ маляра, его и повелы вишаты замисто маляра. Повисылы и пишлы люды въ церкву. Дывляця, а на иконахъ все золото цило и на иконостаси. Воны и кажуть: „защожъ це мы его загубылы!“—и пожалилы за нымъ. Потимъ идуть зъ церквы, глядь, а намисто маляра на висылыци высыть вязанка соломы, люды удывылысь и пишлы до маляра, а винъ живый. Глядь на стину, а у него высыть тамъ мижъ богамы лукавый. Воны и спрашують маляра: „на що ты цю пакость повисывъ межъ иконы святи“? Винъ и розсказавъ имъ все поряду, якъ и що було; тоди воны устрашылысь и пишлы видъ его геть. Но не довго маляръ ему молывся: напала на него скорбь и мучыла его такъ, що винъ скоро и пропавъ безъ всякои висти, такъ що ныхто и незнавъ, де винъ и дився“.

Въ вар. г. *Драгоманова* въ „Малорус. преданіяхъ и разсказахъ“ стр. 51 подъ заглавіемъ „Месть чорта богомольному человѣку“ не сказано, что этотъ человѣкъ маляръ. Чортъ разсердился на благочестиваго человѣка за то, что онъ „въ церкви Богу молыться, а чортови дули пхае“. Великорусскій варіантъ у *Аѳанасьева* („Сказки“ IV, 542).

Легенда о малярѣ была хорошо извѣстна въ южно-русской схоластической литературѣ XVII вѣка. Въ „Небѣ Новомъ“ *Галятовскаго*, вышедшемъ впервые въ 1665 г. во Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ, затѣмъ въ Черниговѣ въ 1677 г. и въ Могилевѣ въ 1699 г., въ XXI главѣ говорится, что одинъ живописецъ очень хорошо нарисовалъ пресв. Дѣву

Марію и помѣстилъ подъ ея ногами чорта въ отвратительномъ видѣ. Обиженный чортъ вихремъ налетѣлъ на него и опрокинулъ лѣстницу, на которой онъ стоялъ.

Въ 24 главѣ „Неба“ находится разсказъ о томъ, что въ одномъ монастырѣ монахъ живописецъ очень хорошо изображалъ пр. Дѣву Марію и очень безобразнымъ рисовалъ чорта. Чортъ сталъ его мучить и соблазнилъ обокрасть церковь. Монаха хотѣли казнить и уже привязали его къ столбу для казни; но пресв. Богородица освободила его, привязала къ столбу чорта, и монахи сильно избили его. Послѣднее сказаніе, очевидно, стоитъ въ родствѣ съ современными народными легендами о малярѣ и, можетъ быть, было непосредственнымъ для нихъ источникомъ. Галятовскій хорошо былъ знакомъ со средневѣковой схоластической литературой, и, вѣроятно, отсюда онъ взялъ легенду о малярѣ.

Легенда о благочестивомъ живописцѣ въ Германіи и во Франціи въ XII—XIV ст. входила въ fabliaux, новеллы, проповѣди, памятники искусства. Въ древнемъ нѣмецкомъ стихотвореніи „Maria und der malaere“ говорится, что одинъ талантливый живописецъ однажды нарисовалъ на наружныхъ стѣнахъ храма картину, въ которой пресв. Богородицу изобразилъ, какъ можно лучше, а демона, какъ могъ хуже. Демонъ разсердился и сдѣлалъ строгій выговоръ живописцу, но послѣдній нарисовалъ его еще болѣе безобразнымъ. Тогда демонъ бросился на него во время работы и хотѣлъ его сбросить съ приставныхъ лѣсовъ; но живописецъ обратился съ молитвой къ пресв. Богородицѣ, и Она протянула съ иконы правую руку и поддержала его. Демонъ улетѣлъ и болѣе не безпокоилъ художника. (*Hagen*, Gesammtabenteur, III, 474—476).

Насколько разсказъ о благочестивомъ художникѣ былъ популяренъ въ старинное время въ европейскихъ литературахъ, видно изъ того, что онъ вошелъ въ фривольную сферу фабльо. Въ сборникѣ Барбозана и Меона приведена, между прочими, слѣдующая новелла (передаю въ сокращеніи г. *Шепелевича* въ „Очеркахъ изъ ист. средневѣк. литер.“ 24—25). На стѣнахъ церкви монахъ художникъ изобразилъ сцены изъ рая и ада.

Ему удалось нарисовать такого дьявола, что никто не могъ смотрѣть на него безъ отвращенія. Мало того, монахъ взялся за рѣзецъ, и результаты оказались блестящими: дьяволъ оказался столь ужаснымъ и безобразнымъ, что всѣ, кто его только видѣлъ, серіозно увѣряли, что ни въ живописи, ни въ скульптурѣ не видѣли никогда такого безобразія. Дьяволъ обидѣлся, явился къ художнику и осыпалъ его упреками за изображеніе его безобразія, убѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить ненавистное ему изображеніе. Но монахъ отказался повиноваться. Тогда дьяволъ рѣшилъ ему отмстить. Онъ склонилъ монаха влюбиться въ монахиню сосѣдней обители, добиться ея взаимности и не только убѣжать вмѣстѣ съ нею, но еще унести монастырскія сокровища. Виновный былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму; его ожидала смертная казнь. Въ тюрьмѣ его посѣтилъ дьяволъ и обѣщалъ выпутать изъ бѣды, если отвратительное изображеніе будетъ уничтожено. Монахъ съ радостью согласился. Дьяволъ освободилъ его, остался въ тюрьмѣ, а монахъ отправился въ келію. Утромъ монахи пришли за осужденнымъ на казнь; но каково было ихъ изумленіе, когда они увидѣли прикованнаго къ столбу чорта. Онъ сорвался съ цѣпи и съ шумомъ улетѣлъ. Монахи пришли къ заключенію, что во всемъ этомъ дѣлѣ братъ былъ ни причемъ и что все натворилъ лукавый бѣсъ. Художникъ сдѣлалъ другое, болѣе благообразное изображеніе чорта. Въ другой версіи заключеніе иное. Послѣ троекратныхъ просьбъ и угрозъ чорта, художникъ не только не сдѣлалъ уступки, но изобразилъ чорта попраннымъ ногами Богородицы и низвергаемымъ въ адъ. Чортъ толкнулъ лѣстницу, на которой стоялъ живописецъ, когда оканчивалъ свой назидательный трудъ; но пресв. Дѣва съ образа схватила за руку художника и спасла его отъ гибели. Послѣдняя версія, очевидно, тожественна съ древнимъ нѣмецкимъ фаблью.

Въ одномъ латинскомъ сборникѣ XV вѣка въ библіотекѣ св. Марка г. Шепелевичъ нашелъ латинскій пересказъ, очень короткій. Вотъ его начало: „О живописцѣ и дьяволѣ. Живописецъ нарисовалъ дьявола въ безобразномъ видѣ и очень низко, а пресв. Дѣву въ славѣ и высоко; тогда явился діаволъ". Да-

лѣе передаются упреки дьявола и отказъ живописца уничтожить изображеніе. Чортъ толкаетъ лѣстницу; но икона протянула руку живописцу и удержала отъ паденія“ (ib. 26).

Этотъ разсказъ отразился въ искусствѣ. Г. Шепелевичъ указываетъ на миніатюры въ рукописи, извѣстной подъ названіемъ Псалтири королевы Маріи (ib. 25).

Разсказъ возникъ въ монастырской средѣ въ глухіе средніе вѣка; въ основаніи его, по всей вѣроятности, лежитъ дѣйствительный случай: монахъ живописецъ обворовалъ церковь и сбѣжалъ, можетъ быть, даже съ сосѣдней монахиней, какъ передаетъ французская версія; но его преступленіе было истолковано въ его пользу вмѣшательствомъ чорта—довольно обычное явленіе средневѣковой жизни, когда чортъ являлся къ услугамъ тѣхъ, кто желалъ воспользоваться имъ, оправдать близкаго человѣка, насолить врагу, прикрыть и оправдать нарушеніе божескихъ и человѣческихъ законовъ. Разъ попалъ этотъ разсказъ въ письменность, онъ пришелся по плечу тогдашней читающей публики, вошелъ въ разрядъ многочисленныхъ демонологическихъ легендъ, связанъ былъ съ обширнымъ цикломъ сказаній о Мадоннѣ и въ разныхъ формахъ циркулировалъ въ Европѣ, начиная съ сухихъ монастырскихъ хроникъ до фривольныхъ фабльо. Въ Малороссію его внесла, вѣроятно, схоластическая литература, мѣстные ея представители, изъ воспитанниковъ кіевскаго коллегіума; съ ихъ легкой руки легенда о благочестивомъ живописцѣ привилась къ малорусской народной словесности, что могло произойти безъ прямого непосредственнаго воздѣйствія западныхъ фабльо.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ[1].

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

Проживъ годъ въ монастырскихъ квартирахъ, я былъ переведенъ на квартиру къ учителю Ивану Августиновичу Буйницкому, который былъ для учениковъ-квартирантовъ настоящимъ отцомъ. Правда, въ монастырскихъ квартирахъ жилось свободнѣе: ученикамъ можно было въ карты играть (особенно ученикамъ высшихъ отдѣленій), курить; на квартирахъ же учителей надзоръ былъ серьезнѣе, и предаваться развлеченіямъ, недозволеннымъ начальствомъ, положительно нельзя было. Кражи книгъ и вещей на квартирахъ учителей были немыслимы; если же и случались, то всегда украденное находили, а виновнаго могли выгнать изъ училища. При мнѣ лучшіе ученики высшаго отдѣленія назначались старшими, и ученикъ въ этой должности считался уже „начальствомъ“. Старшій держалъ высоко свое знамя: онъ во всякое время ученика низшаго и средняго отдѣленія могъ бить, даже сѣчь, а жаловаться на него опасно было, потому что при жалобѣ старшій наговоритъ инспектору, или помощнику его столько разныхъ проступковъ на ученика, что инспекторъ непремѣнно высѣчетъ, да еще и поручитъ сѣченіе самому старшему. Обязанность старшаго была наблюдать за поведеніемъ учениковъ ввѣренной ему квартиры, о замѣченныхъ проступкахъ доносить каждую недѣлю инспектору, а о болѣе важныхъ смотрителю. По очереди назначался „дежур-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 9.

ный старшій", который могъ до прихода учителя входить въ классы низшаго и средняго отдѣленія и замѣченный крикъ и шумъ прекращать собственною властью. Часто старшій самъ расправлялся съ учениками, производившими шумъ. Каждый день онъ являлся къ инспектору, доносилъ о безпорядкахъ и выслушивалъ приказанія, а по субботамъ передъ вечернею всѣ старшіе являлись къ смотрителю, выслушивали отъ него наставленія и указанія, какъ смотрѣть за учениками и особенно наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики не курили табаку и не пьянствовали.

Назначеніе старшихъ послѣдовало въ іюнѣ 1828 г., по распоряженію правленія семинаріи, и разсматривалось, какъ одинъ изъ лучшихъ способовъ надзора за учениками; но практика въ должности старшихъ нашла много нехорошихъ чертъ, и, кажется въ концѣ 60 годовъ, этотъ способъ надзора за учениками уничтоженъ безвозвратно. Старшіе въ квартирахъ и даже рядовые ученики высшаго отдѣленія были прямо деспоты по отношенію къ ученикамъ средняго и низшаго отдѣленій: лежитъ, напримѣръ, ученикъ высшаго отдѣленія на кровати и приказываетъ ученику средняго отдѣленія искать ему изъ латинскаго словаря слова къ переводу изъ *Корнелія Непота* и др.; ученикъ не смѣетъ отказаться, иначе тотъ его побьетъ и все равно заставитъ исполнить. Послѣ полученія билета на праздникъ, ученикъ мечталъ, что онъ теперь не знаетъ начальства, что онъ вольная птица—поэтому очень часто ученики въ то время расправлялись со старшими; но, по возвращеніи изъ праздниковъ или каникулъ, погибала прежняя заносчивость, и приходилось преклонять голову предъ всякимъ ученикомъ старшаго класса. Однажды одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія, насолившій меньшей братіи своими приказаніями, при окончаніи курса училища напился до безсознанія и въ пьяномъ видѣ пошелъ спать въ сарай; ученики, замѣтивши это, такъ его сильно избили, что онъ нѣсколько недѣль былъ нездоровъ и поѣхалъ на каникулы со знаками побоевъ, такъ и не зная, кто его побилъ Въ сѣняхъ училища могли, только до прихода учителей, прохаживаться одни ученики выс-

шаго отдѣленія; ученики же низшихъ классовъ имѣли право пройти по сѣнямъ въ свои классы, оставаться же въ сѣняхъ, для наблюденія положительно было невозможно: ученикъ высшаго отдѣленія непремѣнно дастъ въ шею и за уши отведетъ въ классъ.— Учитель И. А. Буйницкій, у котораго я квартировалъ, преподавалъ русскую грамматику по *Гречу*, церковный уставъ и нотное пѣніе, и нужно сказать, преподаваніе его, по тому времени, было превосходное: онъ не по одному руководству разъяснялъ правила грамматики, но велъ особыя записки и по нимъ разъяснялъ всѣ правила, а главное онъ заставилъ учениковъ средняго отдѣленія писать сочиненія. Такое честное и основательное преподаваніе русскаго языка, въ связи съ составленіемъ сочиненій, приносило громадную пользу ученикамъ по поступленіи въ семинарію: сразу ученики могли излагать на бумагѣ свои мысли на заданныя темы. Церковный уставъ при мнѣ преподавался по маленькому руководству, въ которомъ только и памятны были слова „аще, полиелей"; по такому руководству нельзя было ничего понять и знать. Учитель Буйницкій приносилъ въ классъ церковную книгу—„уставъ", и разъяснялъ, какіе каноны и тропари когда читать, и затѣмъ заставлялъ учениковъ розыскивать эти каноны. Вообще учитель Буйницкій преподавалъ свои предметы съ усердіемъ; его считали малоспособнымъ благодаря его заиканію; однако трудолюбіемъ онъ достигалъ большаго, чѣмъ способные, но нежелающіе ничего дѣлать. Православный катихизисъ и латинскій языкъ преподавали сначала Георгій Рождественскій, а по переводѣ его въ Рыльское училище былъ назначенъ инспекторъ Екатеринославскаго духовнаго училища іеромонахъ Виссаріонъ. Это тоже была очень свѣтлая личность; онъ преподавалъ свой предметъ съ особымъ усердіемъ; говорилъ цвѣтисто, но ясно, слова его такъ и дѣйствовали прямо на душу. Человѣкъ былъ онъ въ высшей степени религіозный и своимъ преподаваніемъ вносилъ въ душу каждаго это чувство. Онъ возбуждалъ энергію въ ученикахъ подачею „de loco;"—это означало, что ученикъ долженъ заявить письменно, на чье мѣсто въ разрядномъ спискѣ онъ предъявляетъ право, и затѣмъ по письменной задачѣ и устнымъ отвѣтамъ дол-

женъ доказать, что больше знаетъ того, на чье мѣсто подается; и если онъ удовлетворялъ заявленному требованію, то повышался въ спискѣ. Прослуживъ въ м. Богуславѣ съ 1856 г. по 1858 г., іеромонахъ Виссаріонъ былъ переведенъ профессоромъ священнаго писанія въ Черниговскую духовную семинарію. Географія преподавалась тоже не плохо: ученики, кромѣ обыкновенныхъ картъ, изучали страны свѣта по такъ называвшимся тогда „слѣпымъ картамъ“, гдѣ не было никакихъ подписей городовъ и странъ, что способствовало развитію соображенія. Смотритель училища, игуменъ Θеодоръ, за отсутствіемъ учителя, преподавалъ иногда географію. Помню, что онъ, для точнаго пониманія формы земли, приносилъ въ классъ яйца, яблоки; объяснялъ положеніе земли, форму ея и отношеніе къ другимъ планетамъ,—а особенно къ солнцу, а послѣ уроковъ все принесенное раздавалъ ученикамъ. Преподавая ариθметику, онъ приносилъ для практическаго преподаванія счеты, мѣдныя деньги по 1 и 2 коп., а послѣ хорошо отвѣчавшимъ ученикамъ дарилъ эти деньги. Латинскій языкъ преподавали также очень хорошо: много заставляли выучивать словъ, такъ что къ окончанію курса ученики вполнѣ достаточно для училища знали языкъ, хотя въ семинаріи совсѣмъ почти его забывали. Но что не нравилось мнѣ изъ внутренней жизни училища, хотя этотъ недостатокъ былъ не только въ Богуславскомъ училищѣ, но и во всѣхъ духовныхъ училищахъ,—это то, что каждый ученикъ и учитель непремѣнно имѣли „прозвище“; сами же учителя ученика непремѣнно окрестятъ какой-нибудь кличкой: „бабой, телицей, гедзомъ“,—и это прозвище пройдетъ съ нимъ черезъ все время ученія въ училищѣ. Смотритель о. Θеодоръ серьезно преслѣдовалъ сочинителей этихъ прозвищъ, но, вѣроятно, этотъ недостатокъ и теперь еще не уничтоженъ.

Я могу сказать, что въ квартирѣ Буйницкаго жилось намъ хорошо. Буйницкій даже настаивалъ, чтобы, послѣ выучиванія уроковъ, ученики играли. Мѣста свободнаго для игръ было много; дворъ у насъ былъ большой, и мы играли въ „войну“, „мячъ“, „цурки“. У Буйницкаго былъ лакей „Янко“, мальчикъ 16 лѣтъ; онъ былъ однодворецъ и получилъ прозвище „ляхъ“; онъ

зналъ это свое прозвище, а потому сейчасъ же принимался бить произносившаго это слово. Жаловаться Буйницкому не всегда было удобно, почему мы жаловались кухаркѣ, а она, бывало, такъ намнетъ ему чуба, что онъ нескоро забудетъ. Намъ—8 квартирантамъ Буйницкаго—было отъ 10 до 14 лѣтъ, и по одиночкѣ Янко могъ побить каждаго изъ насъ; но были случаи, что мы ему отплачивали вдвойнѣ. Кухарка, по распоряженію Буйницкаго, каждую субботу мыла намъ головы, чесала насъ и давала бѣлье; бани мы не знали, да и при монастырѣ не было бани. Доктора постояннаго при училищѣ не было, а если кто изъ учениковъ или учителей серьезно заболѣвалъ, то приглашали изъ м. Богуслава доктора Садковскаго. Понятно, кто приглашалъ, тотъ и платилъ, а иногда больной ученикъ, если могъ, пѣшкомъ ходилъ къ доктору, съ письмомъ отъ учителя, и докторъ давалъ ему рецептъ. При мнѣ въ училищѣ не было ни одного смертнаго случая.

Въ то время сѣченіе розгами было одно изъ первыхъ наказаній; болѣе слабыя наказанія были: стояніе на колѣняхъ возлѣ печки и послѣдней скамейки, которую всегда называли „камчаткою", надѣваніе на голову ослиныхъ ушей, битье въ щеки и тяганіе за волосы. Сѣченіе розгами было самое распространенное наказаніе, которое, по тому времени и пониманію, считалось сильнымъ средствомъ для врачеванія учениковъ, не желавшихъ или не могущихъ учиться. Замѣчательно, что въ то время существовало между учениками единство и общность интересовъ: выдать товарища значило измѣнить всему классу,—а это считалось великимъ преступленіемъ, въ отношеніи товарищества и самаго принципа; а потому если кто изъ учениковъ и провинится въ чемъ-нибудь, ученики его ни за что не выдадутъ. Но тогда начальство для открытія виновнаго начинаетъ пороть 3-го, 6-го, 9-го, 12-го, 15-го, и т. д. Нарушеніе субординаціи, по принципамъ смотрителя Ѳеодора, считалось великимъ преступленіемъ, какъ-то: неснятіе шапки предъ учителемъ, неуваженіе какимъ либо знакомъ личности учителя, произношеніе прозвища при проходѣ учителя; сѣченіе одно искупляло всѣ такіе грѣхи. Для этого несложнаго труда существовали ученики, называемые „цензорами", которые изби-

рались и утверждались начальствомъ изъ *великовозрастныхъ*, по преимуществу „ословъ“ (плохихъ учениковъ);—по наукамъ они были никуда не годны, но въ сѣченіи розгами вполнѣ надежны. Цензора принимались съ особымъ удовольствіемъ за свое занятіе; оно льстило ихъ самолюбію, возвышало ихъ предъ учениками, давало право на снисхожденіе начальства. Каждый ученикъ старался угодить имъ, и въ матеріальномъ отношеніи это было очень прибыльно. И дѣйствительно,—пріѣдутъ родители, привезутъ какой-нибудь гостинецъ, такъ называемую „*галду*“,—она почти цѣликомъ неслась къ цензору; если цензоръ самъ не одолѣвалъ принесеннаго, то часть возвращалъ принесшему, и тотъ, какъ милость, принимаетъ эти остатки изъ рукъ цензора.—Если какой нибудь ученикъ утаивалъ *галду*, и цензоръ узнавалъ объ этомъ (у него были свои глаза и уши, такъ какъ отъ бѣднѣйшихъ учениковъ, не могшихъ лично принесть что-нибудь, но старавшихся заслужить его расположеніе „наушничаніемъ“, онъ все зналъ), то ему достаточно было посмотрѣть только на утаившаго „косо“,—и добрые товарищи угадывали послѣдствія такого взгляда и прямо говорили: „неси, братъ, а то будетъ плохо.“ У цензора изъ лужка были приготовлены всегда лозы разныхъ величинъ, а на нѣкоторыхъ на концахъ была прикрѣплена проволка, употреблявшаяся для несговорчивыхъ. Мало того, въ плетеніи розгъ нѣкоторые цензоры достигали такого искусства, что, при сѣченіи и ударахъ, лоза свиститъ и „ляскаетъ“ такъ, что невольно подумаешь: „вотъ такъ сѣкутъ“, а въ дѣйствительности это былъ обманъ, и розга не прикасается даже къ тѣлу. Значитъ, дружба съ цензоромъ приношеніе къ нему гостинцевъ вполнѣ гарантировали ученика отъ сильныхъ ударовъ розгъ. Сѣкли всѣхъ,—слѣдовательно стыдиться кого-либо не было надобности, такъ какъ каждый подлежалъ сѣченію: бывало не такъ скажешь слово, не такъ отвѣтишь на вопросъ, засмѣешься въ классѣ,—и сейчасъ слышится грозное „къ розгамъ“. А то было обычнымъ явленіемъ, что учитель, прійдя въ классъ, первымъ дѣломъ смотрѣлъ въ эрратки: кто записанъ незнающимъ уроки по вѣдомостямъ, того и пороли. Тогда въ обычаѣ было, что лучшіе ученики выслушивали

худшихъ; однимъ словомъ, каждый, прійдя въ классъ, шелъ къ своему аудитору, сдавалъ ему урокъ, а тотъ отмѣчалъ въ эрраткѣ, разграфленной по днямъ, слѣдующія отмѣтки: „scit", „nescit", „erravit". Всѣ незнающіе должны, до прихода учителя, уйти къ углу, къ печкѣ, и тамъ на колѣняхъ ждать учителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣченія. Кромѣ того, незнающіе урока должны были стоять на колѣняхъ до конца уроковъ и, находясь возлѣ печки или за печкой и за скамьями безъ надзора учителя, играли въ камешки и другія игры и совсѣмъ не слушали, что разсказываетъ учитель. При такомъ хитромъ сѣченіи цензоровъ, мы, я повторяю, почти не боялись розогъ. Иногда бывало такъ, что послѣ сѣченія какой-нибудь шутникъ еще состроитъ особую рожу учителю, всѣ засмѣются, а учитель грозно крикнетъ: „чему смѣются?—всѣ къ розгамъ!". И пошла всеобщая порка; а первый проказникъ каждому высѣченному опять состроитъ какую-либо гримассу, такъ что невольно разсмѣешься,—и такъ весело пройдетъ время, что не замѣтишь, какъ зазвонитъ желанный колокольчикъ. Въ 1857 г. прошла по училищу молва, что инспектора Ельчукова переводятъ въ Лубенское духовное училище, а къ намъ назначается инспекторъ „грозный" Заушкевичъ изъ г. Умани. Хотя мы привыкли къ розгамъ, и, какъ я уже сказалъ, сѣченіе для насъ неособенно было тяжело, но грозы боялись тѣмъ болѣе, что имѣли глупость вѣрить нелѣпымъ слухамъ, будто бы Заушкевичъ засѣкалъ на вѣки,—подъ розгами ученики умирали. Мы еще были дѣтьми, хотѣлось жить, и потому слухъ о назначеніи Заушкевича пришелся намъ не по вкусу; но не намъ было разсуждать, и мы ждали грозы.

Инспекторъ Ельчуковъ преподавалъ церковную и русскую исторію и греческій языкъ. Человѣкъ онъ былъ холостой, добродушный, скромный, серьезный; нужно сказать, что ученики не боялись его: преподавалъ онъ свои предметы по тому времени превосходно, и ученики учились, какъ могли. Правда, что и онъ сѣкъ, но все это производилось такъ по-отечески, что не возбуждало никакихъ особенныхъ жалобъ въ ученикахъ.

Помню, что ученики даже злоупотребляли добротою и серьезностью Ельчукова: вызоветъ, бывало, ученика, а тотъ и начнетъ читать исторію о Петрѣ Великомъ и тутъ же переведетъ на молитвы. Скоро слухъ о переводѣ Ельчукова оправдался, и мы проводили его изъ училища съ плачемъ. Помню,—въ день выѣзда Ельчукова не было классовъ, и всѣ ученики собрались въ училище и при выѣздѣ въ рядахъ по классамъ шли за повозкой и плакали, а Ельчуковъ, видя нашъ плачъ, самъ прослезился, на каждомъ шагу оборачивался къ намъ, плакалъ, а мы навзрыдъ рыдали. Провели мы такъ его съ версту за училище, поцѣловали каждый изъ учениковъ его въ руки и простились на вѣки. Во второй половинѣ 50 годовъ начало уже вѣять новымъ духомъ; въ педагогикѣ сталъ господствующимъ взглядъ, что розги—зло для молодежи, что розги убиваютъ всѣ лучшія и дорогія нравственныя чувства, ожесточаютъ ученика и дѣлаютъ изъ него не будущаго честнаго дѣятеля, а врага человѣчеству. Подъ вліяніемъ такого взгляда, высшее начальство уже преслѣдовало грозныхъ учителей и инспекторовъ, воспрещало наказаніе учениковъ розгами. Когда наступили новыя времена и послѣдовали даже распоряженія о смягченіи наказаній, то въ числѣ учителей появилась молодежь, какъ напримѣръ Иванъ Константиновичъ Максимовичъ, Иванъ Семеновичъ Левицкій, которые не только стали избѣгать ежечаснаго сѣченія, но даже проповѣдывали полное уничтоженіе розогъ, стали ученикамъ высшихъ классовъ говорить „вы". Въ это то переходное время, за жестокости въ дух. училищѣ въ г. Умани, Заушкевичъ былъ назначенъ инспекторомъ Богуславскаго училища. Помню, что предъ пріѣздомъ его стали мы собирать свѣдѣнія о личности его, характерѣ, что ему не нравится, какъ и чѣмъ избѣгать его гоненій и наказаній; нѣкоторыя свѣдѣнія мы получили. Вотъ эти свѣдѣнія: 1) называть нужно всегда его дядькомъ; 2) если кто изъ учениковъ попался въ его руки за какой нибудь проступокъ, то долженъ стараться уйти, потому что, прійдя въ раздраженіе, онъ выходилъ изъ себя, дѣлался бѣшенымъ и въ это время могъ и убить; 3) въ классѣ сидѣть смирно, не шумѣть, слушать и, Боже сохрани, не смѣяться; 4) избѣгать встрѣчи

съ нимъ, гдѣ бы то ни было, но въ крайности, при встрѣчѣ, сворачивать далеко и избѣгать имѣть при себѣ какой-либо предметъ кромѣ книги; 5) отвѣчать ему на вопросы по возможности лаконично, волосы очень низко стричь, бороду брить, ходить чисто и опрятно. Зная на первыхъ порахъ эти несложныя требованія, мы затаили духъ и ждали грозы. О Заушкевичѣ у насъ были свѣдѣнія, что онъ самъ сѣчетъ, носитъ при себѣ всегда лозы, и лозы ужасныя, бьетъ безъ пощады,—вотъ это и страшило насъ. Боялись его мы, а наши цензора при немъ совсѣмъ потеряли свой престижъ, что было для большинства такъ неутѣшительно. Узнавъ вполнѣ привычки и характеръ Заушкевича, мы ждали его съ замираніемъ сердца. Помню, въ концѣ 1858 года пошла по училищу вѣсть, что ночью пріѣхалъ Заушкевичъ. Первый вопросъ у каждаго изъ насъ былъ: „а видѣлъ Заушкевича, каковъ онъ?". Теперь я хорошо помню его грозную фигуру, которая никогда не забудется. Роста онъ былъ высокаго, брюнетъ съ небольшою просѣдью, лице заросшее, съ громадными баками; волоса стригъ по возможности низко. Одѣтъ былъ въ черное поношенное пальто; на головѣ былъ картузъ съ кокардой. Пошелъ Заушкевичъ въ высшее отдѣленіе,— и сейчасъ зазвучалъ его сильный, громкій голосъ. Въ обычаѣ въ то время было, что новый наставникъ входилъ въ классъ въ сопровожденіи смотрителя, который указывалъ ученикамъ, „что волею начальства предстоящій предъ вами господинъ N назначенъ учителемъ: слушайтесь его,—учитесь". Учитель въ свою очередь говорилъ маленькую рѣчь, и на этомъ оканчивалось знакомство. Явка новаго учителя была для насъ тѣмъ пріятна, что въ первый урокъ не было сѣченія; учитель говорилъ что либо по своему предмету, а затѣмъ уже въ слѣдующій урокъ все входило въ обычную колею. Заушкевичъ вошелъ въ классъ безъ рекомендаціи, сразу сталъ спрашивать, какъ каждаго фамилія; одного ученика спросилъ: „какъ зовутъ твоего отца?". Тотъ отвѣтилъ, а Заушкевичъ сказалъ, „онъ мой товарищъ, вмѣстѣ окончили курсъ семинаріи. Скажи, чтобы, по пріѣздѣ, зашелъ ко мнѣ и привезъ овса". Было написано ученикомъ сейчасъ письмо отцу,—и овесъ

былъ доставленъ. Заушкевичъ, осмотрѣвъ всѣ наши головы, многимъ приказалъ остричься, а одному, имѣвшему очень длинные волоса, приказалъ прійдти къ нему,—онъ его самъ острижетъ. Слыхали мы, что значитъ стрижка Заушкевича; онъ, бывало, положитъ ученика на порогъ двери и топоромъ отрубитъ волоса. Парикмахеръ у насъ былъ свой, такъ-что злополучный ученикъ, сейчасъ послѣ класса, остригъ волосы и явился къ Заушкевичу совсѣмъ подстриженнымъ, чѣмъ и предупредилъ грозную стрижку. Въ дѣйствительности онъ не былъ такимъ грознымъ, какъ передавали; правда, онъ требовалъ почти военной выправки въ сидѣніи въ классѣ; наблюдалъ, чтобы безъ нужды никто не вертѣлся и сидѣлъ скромно. За шалости и незнаніе уроковъ Заушкевичъ приказывалъ выйти на середину класса и бить поклоны, что было довольно картинно. Заушкевичъ, какъ я упомянулъ, преподавалъ греческій языкъ и даже въ моемъ классѣ учредилъ внѣклассныя занятія безплатно. Во время этихъ классовъ, Заушкекичъ разъяснялъ намъ грамматическія правила греческаго языка, репетировалъ въ классѣ и вообще употреблялъ всѣ средства, чтобы ученики изучали и знали греческій языкъ, какъ требовалось программою. Квартира Заушкевича какъ разъ находилась противъ училища, гдѣ теперь теплая монастырская церковь. Онъ, бывало, выйдетъ изъ своей квартиры и, стоя подъ заборомъ, наблюдаетъ, что и гдѣ ученики дѣлаютъ. Квартиры учениковъ были расположены по скатамъ горы, и каждое движеніе ученика было видно инспектору; если онъ, бывало, крикнетъ своимъ громкимъ голосомъ, или войдетъ въ какую квартиру, то плохо приходилось виновному: сейчасъ лоза пойдетъ по плечамъ бѣднаго ученика. Недобрымъ показался намъ Дмитрій Матвѣевичъ Заушкевичъ вотъ за что: лѣтомъ, обыкновенно, до его назначенія, намъ разрѣшали купаться въ рѣкѣ Роси днемъ, подъ наблюденіемъ помощника инспектора, нѣсколько разъ. Рѣка Рось каменистая: по берегу ея и на днѣ камень, вода чистая, здоровая и по мѣстамъ разной глубины. Рось возлѣ монастыря имѣетъ видъ довольно широкой рѣки, течетъ плавно, но быстро; до пороговъ и выше

пороговъ мѣсто нарочно было отведено для купанья учениковъ. Сначала съ берега было неглубоко, и тамъ купались маленькіе ученики отъ 9 до 12 лѣтъ, гдѣ они начинали учиться плавать; выше же купались, большіе ученики средняго отдѣленія; а съ камня, гдѣ глубина большая, тамъ купались ученики высшаго отдѣленія, хорошіе пловцы. При мнѣ не было случая, чтобы кто нибудь изъ учениковъ утонулъ въ р. Роси, такъ какъ позволялось купаться не иначе какъ подъ надзоромъ инспектора или его помощника. Но Заушкевичъ совсѣмъ не позволилъ намъ купаться; ученики, однажды, собравшись въ классѣ, всѣ единодушно просили его разрѣшить купаться, но онъ сказалъ: „разрѣшаю въ іюлѣ", т. е. во время каникулъ. Ну и стали мы купаться тайно, а Заушкевичъ старался ловить учениковъ на мѣстѣ преступленія, благодаря чему произошелъ такой случай. Одинъ ученикъ ночью въ сапогахъ и въ одномъ бѣльѣ побѣжалъ съ товарищемъ купаться; товарищъ былъ также только въ бѣльѣ. Только-что они раздѣлись и начали купаться и плавать, какъ, вѣроятно, плескъ воды привлекъ къ нимъ Заушкевича. Онъ, какъ громъ, загремѣлъ надъ ними: „вылѣзай—кто тамъ!" Ученики голову въ воду и молчатъ, а онъ стоитъ надъ ними, (знали они что онъ не будетъ раздѣваться). Онъ кричалъ, а они пользуясь, моментомъ, высовывали головы изъ воды, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, а послѣ опять въ воду и молчали. Надоѣло ему надъ ними стоять, замѣтилъ онъ бѣлье учениковъ, взялъ его и пошелъ домой. Вышли они изъ воды, пришли домой въ томъ видѣ, какъ мать породила, понятно шли уже въ квартиру не черезъ двери, а черезъ окна, надѣли новое бѣлье и стали думать, что дѣлать далѣе. Бѣлья не жаль было—можно было отъ него отказаться, но Заушкевичъ взялъ сапоги, которые были у ученика одни, значитъ, нельзя было пойти въ классъ, а денегъ не было, чтобы купить новые. А вѣдь это не шутка: можно было надѣяться получить большое количество розогъ! Одинъ изъ учениковъ думалъ-думалъ, какъ пособить горю, и пришла ему счастливая мысль обратиться къ кучеру Заушкевича, не пособитъ ли онъ чѣмъ-нибудь ему. Заушкевичъ держалъ пару прекрас-

ныхъ вороныхъ лошадей, а кучеръ его въ бѣдахъ помогалъ ученикамъ. И вотъ кое-какъ одѣвшись, пошелъ ученикъ въ конюшню Заушкевича; кучеръ былъ тамъ—онъ къ нему.—„Эй, Захаръ!—пособи, бѣда!—попался въ лапы къ дядькѣ; купался, а онъ бѣлье забралъ",—и сунулъ ему гривеникъ. Захаръ подумавъ, взялъ гривеникъ, пошелъ въ комнаты и сейчасъ-же вынесъ одежду и сапоги; оказалось, что Заушкевичъ, прійдя домой, бросилъ бѣлье въ прихожей; горничная тайкомъ передала его кучеру, а кучеръ ученику; получивъ свою одежду, ученикъ, не помня себя отъ радости, прибѣжалъ домой. „А что,—спросили товарищи,—бѣлье есть?",—„И бѣлье, и сапоги". Заушкевичъ послѣ и не вспоминалъ о бѣльѣ, а ученики по прежнему купались ночью, но только ходили въ однѣхъ рубахахъ, прятали ихъ въ кусты, и если приходилъ Заушкевичъ, то, не найдя бѣлья, шелъ далѣе. Иногда Заушкевичъ проявлялъ свою жестокость по совершенно пустымъ дѣламъ. Помню я, 12 іюня одинъ мой товарищъ Онуфрій К—скій былъ имениникъ; ученики по приходѣ въ классъ стали его поздравлять; онъ имѣлъ въ карманѣ стручки гороху и сталъ раздавать ученикамъ. Естественно,—каждый кричалъ: „дай мнѣ, дай мнѣ", и подняли шумъ. Заушкевичъ, идя возлѣ класса, услыхалъ шумъ, послалъ ученика узнать, отчего шумъ въ среднемъ отдѣленіи,—тотъ донесъ, что ученикъ-имениникъ раздавалъ стручки гороха. Вошелъ въ классъ Заушкевичъ страшно сердитый, „кто имениникъ"? Несчастный Онуфрій К—скій всталъ, а Заушкевичъ сказалъ: „къ розгамъ! дать ему 2 розги!" Но у Заушкевича все было на оборотъ: если скажетъ 200 розогъ, то ученикъ доволенъ—т. к. дадутъ 2 или 3 розги, и прекратятъ, но если скажетъ дать одну или 2 розги, значитъ „пропалъ человѣкъ". Жутко намъ стало за имениника; когда бы сталъ его цензоръ[1] бить, это еще бы ничего; но подошелъ самъ Заушкевичъ и сталъ поправлять, и слѣды его ударовъ скоро отпечатлѣлись на тѣлѣ несчастнаго. Довольно сказать, что его замертво отнесли на квартиру, и лежалъ онъ больной болѣе мѣсяца. Смотритель училища игуменъ Ѳеодоръ узналъ объ этомъ, лечилъ его и, говорятъ, серьезно напугалъ Заушкевича,

сказавъ ему, что при ухудшеніи въ здоровьи ученика донесетъ начальству. Заушкевичъ струсилъ, но ученикъ началъ поправляться, и все прошло благополучно. Съ Заушкевичемъ была продѣлана однимъ ученикомъ Радзивиловскимъ слѣдующая шутка: Заушкевичъ не могъ слушать, если ученикъ нетвердо выговаривалъ греческія буквы „*е* и *л*". Радзивиловскаго за шалости и незнаніе уроковъ Заушкевичъ каждый урокъ билъ лозой, рукою, а иногда и сѣкъ. Надоѣла Радзивиловскому такая внимательность Заушкевича. Однажды Заушкевичъ вызвалъ Радзивиловскаго и кричитъ: „читай изъ Евангелія такую-то главу!" Радзивиловскій вмѣсто твердаго произношенія умышленно читаетъ по гречески „*лего*", а не „*лэго*"; мы всѣ знали ужасную отвѣтственность за это и выпучили глаза на Радзивиловскаго, не понимая, что онъ думаетъ и что будетъ съ нимъ. Заушкевичъ крикнулъ: „какъ!" Радзивиловскій еще явственнѣе и протяжнѣе читаетъ „лего". Мы смотримъ, а Заушкевичъ изъ-за стола бѣжитъ прямо къ Радзивиловскому съ выпученными глазами и бѣшенствомъ, и только что крикнулъ „какъ" и хотѣлъ его схватить, какъ Радзизиловскій обернулъ ловко листкомъ и нюхательнымъ табакомъ засыпалъ ему глаза. Заушкевичъ остолбенѣлъ, а мы всѣ зашумѣли. У Заушкевича все лицо сдѣлалось багрово; сталъ онъ уходить изъ класса, а ученики—тотъ щипнетъ его, а тотъ укуситъ, такъ что едва вышелъ онъ изъ класса. На другой день мы ждали грозы, но онъ не вспомнилъ, а Радзивиловскаго больше не вызывалъ. Въ 1859 г., весною, Заушкевичъ оставилъ наше училище и перешелъ опять въ Уманское училище, гдѣ былъ его домъ и гдѣ онъ привыкъ изстари служить. Выѣзжая онъ не прощался съ учениками и такъ внезапно выѣхалъ, какъ и въѣхалъ. Въ 1859 г. въ маѣ мѣсяцѣ посѣтилъ наше училище митрополитъ Исидоръ съ о. Крамаревымъ. Мы Высокопреосвященнаго Владыку встрѣтили на дворѣ, возлѣ училища; онъ насъ благословилъ, приказалъ идти въ классъ, а самъ отправился въ монастырскую церковь. По отзывамъ бывшихъ въ церкви, Владыка остался недоволенъ какими-то безпорядками въ церкви и очень сердитый пріѣхалъ къ намъ въ

классы. Въ среднемъ отдѣленіи, гдѣ я былъ, онъ спросилъ одного ученика: „кто изъ евреевъ, вышедшихъ изъ Египта, привелъ въ обѣтованную землю“? Тотъ не отвѣтилъ, онъ ко мнѣ; я сказалъ: „Іисусъ Навинъ.—Кто другой?—Я забылъ. Затѣмъ онъ началъ допрашивать насъ, не холодно ли зимою въ нашихъ классахъ, топятъ-ли, не обижаютъ-ли насъ смотритель и учителя? Мы отвѣтили, что въ классахъ не холодно, печки топятъ и начальство не обижаетъ. Владыка недолго былъ въ училищѣ и скоро совсѣмъ выѣхалъ. Въ томъ же году пріѣхалъ къ намъ въ училище ревизоръ Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, профессоръ Кіевской семинаріи. Самъ онъ былъ воспитанникъ Богуславскаго училища и потому чувствовалъ всегда симпатію къ этому училищу. Прибывъ въ училище, Лебединцевъ остановился въ квартирѣ смотрителя Игумена Ѳеодора, сталъ съ нимъ посѣщать классы. Затѣмъ начались экзамены. Далъ онъ намъ темы для перевода съ латинскаго языка, предложилъ составленіе разныхъ предложеній и сталъ на экзаменахъ строго спрашивать по всѣмъ предметамъ. Но преподаваніе у насъ велось хорошо подъ руководствомъ смотрителя Ѳеодора, и мы, ученики, отвѣчали вполнѣ удовлетворительно, такъ-что Лебединцевъ остался доволенъ такими занятіями и умственнымъ развитіемъ учениковъ. Посѣщая церковь во время экзаменовъ, Лебединцевъ обратилъ вниманіе на то, что одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія И. Л—скій превосходно пѣлъ въ хорѣ теноромъ. Ѳ. Г. Лебединцевъ спросилъ, „какъ его фамилія и какіе у него успѣхи“? Смотритель училища и учителя отвѣтили: „ученикъ этотъ предназначенъ къ исключенію; онъ не занимался въ теченіе цѣлаго года, не ходилъ часто въ классы, и въ училищѣ былъ нетерпимъ“. Лебединцевъ сказалъ: „рѣдкій у него голосъ; жаль, если такой ученикъ пойдетъ въ дьячки; беру я его подъ свое покровительство и переведу въ семинарію“. На экзаменѣ Ѳ. Г. Лебединцевъ обращалъ вниманіе на способности этого ученика. Дошли эти свѣдѣнія до самого ученика, и онъ считалъ было уже себя погибшимъ, но при вниманіи къ себѣ ревизора сталъ заниматься и кое-что отвѣчать, такъ-что Лебединцевъ перевелъ его въ

семинарію. Лебединцевъ совѣтовалъ ему пѣть въ семинарскомъ хорѣ, обѣщалъ принять на казенное содержаніе. Кажется, —послѣ смерти отца, еще въ училищѣ, ученикъ этотъ пересталъ учиться, но перешелъ въ архіерейскій хоръ и плохо учился въ семинаріи; Лебединцевъ ему протежировалъ. Впрочемъ, какъ мнѣ извѣстно, ученика этого послѣ увольнили и изъ семинаріи.

П. Клебановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БАТУРИНЪ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ,
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою.
Туда, туда стремлюся я душою.

Гр. А. Толстой.

Былъ жаркій іюльскій день, когда я, вмѣстѣ съ двумя юными спутниками, по Конотопской дорогѣ приближался къ бывшей столицѣ Малороссіи, встрѣчая по пути преимущественно экипажи съ офицерами, направлявшимися изъ Батурина на желѣзную дорогу. Версты за три до мѣстечка стали виднѣться верхушки Батуринскихъ церквей и другихъ построекъ, а затѣмъ впереди ихъ, съ правой стороны, намъ бросилось въ глаза полуразвалившееся каменное зданіе безъ крыши.—Что это такое?, спросилъ я извощика.—„Тепловка",—отвѣтилъ онъ.

Продолжая путь дальше и минуя лагерь, расположенный влѣво отъ дороги, мы увидѣли на противоположной сторонѣ ея, немного ближе къ Батурину, другое мѣсто, которое не можетъ не остановить вниманія каждаго любознательнаго туриста. Называется оно теперь „*городкомъ*"; это—бывшая усадьба гетмана Мазепы. Она была пріобрѣтена отъ казны извѣстнымъ пчеловодомъ С. П. Великданомъ, который здѣсь помѣщалъ часть своей пасѣки. По смерти его, эта усадьба, вмѣстѣ съ прочимъ имѣніемъ Великдана, была куплена съ публичныхъ торговъ евреемъ Юдовичемъ.

Прилегая къ почтовой дорогѣ, Мазепинская усадьба занимаетъ площадь въ 8 дес. 716 саж. Съ одной стороны она обрывается крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ лугу, по которому протекаетъ Сеймъ, а съ трехъ остальныхъ сторонъ окружена глубокимъ рвомъ съ возвышающимся надъ нимъ валомъ, осунувшимся отъ времени. Это—тотъ валъ, о которомъ Кочубей въ своемъ доносѣ, упрекая Мазепу въ томъ, что послѣдній не заботится о починкахъ и укрѣпленіи Батурина, чего ради „валы около него осунулися и обвалилися", почему „и одного дня непріятельскаго наступленія отсидѣться невозможо",—писалъ дальше: „а подворокъ свой Гончаровку [1]) обнести велѣлъ знатнымъ валомъ для якоись невѣдомои причины [2])". Вѣроятно, этотъ устроенный Мазепою валъ, придавшій усадьбѣ видъ старинныхъ укрѣпленій, и былъ причиною того, что впослѣдствіи ее стали называть „городкомъ". Притомъ надо думать, что во времена Мазепы усадьба эта дѣйствительно была укрѣплена, на что, кромѣ вала и рвовъ, указываютъ разсказы мѣстныхъ жителей о томъ, что въ старые годы здѣсь находили обломки пушекъ.

Внутри вала вся площадь усадьбы поросла фруктовыми и другими деревьями, посаженными и выращенными, очевидно, уже въ позднѣйшее время. Изъ исторіи извѣстно, что когда въ Ноябрѣ 1708 г. Батуринъ былъ взятъ Меншиковымъ, то усадьба Мазепы, вмѣстѣ съ большею частію Батуринскихъ построекъ, была разорена; въ описи Батурина, сдѣланной черезъ 17 лѣтъ послѣ того, именно въ 1726 г., передъ отдачею Батуринской волости Меншикову, дворъ Мазепы описывался такимъ обраомъ: „въ ономъ дворѣ каменныя палаты пустыя и разбитыя; тамъ-же церковь деревянная цѣла съ нѣкоторой частью иконостаса; въ ономъ дворѣ гай березовый и около его поле пахотное". Отъ стариковъ намъ приходилось слышать, что въ давніе годы они видѣли развалины дома Мазепы съ одною изъ

---

[1]) „Гончаровкою" Кочубей назвалъ усадьбу Мазепы потому, что она прилегаетъ къ слободѣ Гончаровской.

[2]) Источники Малороссійской Исторіи Бантышъ-Каменскаго I, 106.

стѣнъ его, уцѣлѣвшею среди развалинъ [1]). Въ настоящее время отъ существовавшей въ усадьбѣ Мазепы деревянной церкви не сохранилось никакихъ слѣдовъ, такъ что и нельзя опредѣлить, гдѣ именно она стояла; а отъ бывшаго дома Мазепы остались лишь находящіяся въ землѣ части каменнаго фундамента да груды мусора и мелкихъ камней, роясь въ которыхъ мы нашли обломокъ печного изразца съ хорошо сохранившимися рельефными украшеніями. Въ близкомъ разстояніи отъ остатковъ фундамента, обозначающихъ положеніе дома, находится яма, имѣющая форму глубокаго рва длиною сажени въ три, а шириною—въ сажень съ лишнимъ; въ продольныхъ стѣнкахъ этого рва сохранились остатки каменной кладки, а въ одной изъ поперечныхъ стѣнокъ изъ подъ земли видѣнъ каменный сводъ, довольно узкій, какіе дѣлались надъ входами; былъ ли это погребъ или подвальное помѣщеніе какого нибудь другого зданія,—не можемъ опредѣлить.

---

[1]) Въ журналѣ „Пчела“ (1876 г. № 16) А. Праховымъ былъ помѣщенъ рисунокъ Т. Г. Шевченка съ подписью: „Развалины дворца Мазепы въ Батуринѣ“, изображающій небольшихъ размѣровъ зданіе, въ которое ведетъ устроенная въ передней стѣнѣ широкая арка, по сторонамъ которой видны два забитыхъ окна, а чрезъ эту арку, въ противоположной стѣнѣ, видна другая такая же арка, третья стѣна имѣетъ третью арку (четвертой стѣны на рисункѣ не видно); въ близкомъ разстояніи отъ зданія стоитъ каменный столбъ, отъ котораго идетъ чугунная рѣшетка. Разсказы стариковъ, которыхъ мы разспрашивали, не подтверждаютъ существованія въ Мазепинской усадьбѣ ни такого зданія, ни чугуныхъ рѣшетокъ въ то время, когда эту усадьбу могъ посѣщать Шевченко; притомъ, по своему виду, это зданіе представляетъ собою скорѣе какую-то бесѣдку, чѣмъ жилой домъ. Очевидно, при помѣщеніи въ журналѣ рисунка, въ вышеприведенной подписи была допущена ошибка, подобная той, которая была указана въ Кіевской Старинѣ (1890 г. № 3), въ замѣткѣ г. А. Л., относительно другаго помѣщеннаго въ Пчелѣ рисунка, приписаннаго Шевченку и изображающаго будтобы развалины дома Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ рисунокъ изображаетъ развалины, сиществующія въ паркѣ В. В. Тарновскаго въ Качановкѣ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть еще объ одной ошибочной подписи подъ рисункомъ. Въ Львовской „Зорѣ“ этого года (№ 4) помѣщенъ рисунокъ съ подписью: „Резиденція гетьмана Петра Дорошенка въ Батурини“, изображающій большой каменный двухъэтажный домъ съ башнями, стоящій надъ озеромъ или прудомъ, а за нимъ видны горы. Ничего подобнаго въ Батуринѣ нѣтъ, а „резиденціи“ Дорошенка въ немъ и быть не могло, такъ какъ Дорошенко никогда не жилъ въ Батуринѣ.

Какъ видно по расположенію упомянутыхъ отатковъ фундамента, домъ Мазепы стоялъ надъ обрывомъ къ Сейму. Съ этого мѣста открывается красивый видъ на очень широкій лугъ, среди котораго извивается Сеймъ и который въ длину тянется безъ конца, и на лѣса и деревни, расположенныя на противоположномъ берегу Сейма, а съ этой стороны рѣки,влѣво, виднѣется часть Батурина. Усѣвшись здѣсь на травѣ надъ обрывомъ, мы не могли не засмотрѣться на этотъ видъ, между тѣмъ какъ мысль отъ предметовъ окружающихъ уносила насъ въ далекое прошлое. Можетъ быть, думалось, на этомъ самомъ мѣстѣ, любуясь этимъ видомъ, сѣдой гетманъ нашептывалъ своей Мотрѣ слова любви; можетъ быть, здѣсь онъ обдумывалъ тѣ замыслы, которые повели къ соединенію его съ шведами; это самое мѣсто разумѣлъ Пушкинъ, помѣщая въ своей поэмѣ извѣстное описаніе:

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не можетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительные очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ,
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.

И теперь, около насъ, деревья шептали своими листьями, и намъ казалось, что они шепчутъ о минувшемъ, о томъ, что было когда-то и не воротится.

Не хотѣлось отвести глаза отъ красиваго вида, на который мы смотрѣли, но нужно было уходить, чтобъ продолжать путь дальше. Среди сада мы увидѣли шалашъ, у котораго стояли два мальчика. На вопросъ о томъ, что они здѣсь дѣлаютъ, они отвѣчали:

— Стережемо яблуки.

— Чіи? Юдовича?

— Ни, офицеръ, купивъ

— Якій офицеръ?

— Не знаемо.

Такъ мы и не могли узнать, о какомъ офицерѣ идетъ рѣчь и купилъ ли онъ усадьбу Юдовича, или только растущіе на деревьяхъ фрукты.

Вышедши изъ усадьбы и подвигаясь къ Батурину, мы въ нѣскольких саженяхъ отъ границы „городка" увидѣли остатки стариннаго каменнаго моста, переброшеннаго черезъ высохшій ручей и построеннаго, какъ мы слышали, гетманомъ Разумовскимъ; а сдѣлавъ около полуверсты, мы приблизились къ расположенной на окраинѣ Батурина Тепловкѣ, носящей такое названіе потому, что прежде это мѣсто принадлежало Г. Н. Теплову, отъ котораго было пріобрѣтено К. Г. Разумовскимъ.

Также какъ и усадьба Мазепы, Тепловка расположена надъ крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ Сейму, который въ этомъ мѣстѣ приближается къ крутому берегу, вслѣдствіе чего видъ отсюда еще живописнѣе, чѣмъ изъ Мазепина городка, и Батуринъ отсюда видѣнъ гораздо лучше. Тепловъ умѣлъ выбрать мѣсто для своей усадьбы. Странное впечатлѣніе производитъ въ настоящее время эта усадьба съ роскошно устроеннымъ домомъ, въ которомъ никто никогда не жилъ, изъ котораго не было сдѣлано никакого употребленія и который какъ будто бы былъ возведенъ для того, чтобы вслѣдъ за окончаніемъ постройки началось разрушеніе, какъ будто бы эта картинная декорація нужна была Батурину для того, чтобъ красивыми развалинами напоминать о прошломъ великолѣпіи.

Усадьба заключаетъ въ себѣ три каменныхъ зданія. Посрединѣ, фронтомъ къ Сейму, возвышается большой трехъэтажный (а если считать съ подвальнымъ этажемъ, то четырехъэтажный) домъ съ красивою колоннадою и балкономъ, обращенными къ Сейму. По обѣимъ сторонамъ этого главнаго дома стоятъ два симметрично расположенныхъ полуразвалившихся двухъэтажныхъ флигеля. За домомъ и флигелями можно видѣть жалкіе остатки сада, заброшеннаго такъ-же, какъ заброшена и вся усадьба. Видъ главнаго дома и одного изъ боковыхъ флигелей по снимку, сдѣланному въ 60-хъ годахъ, былъ помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ" [1]) вмѣстѣ со статьей г. А. Л., къ кото-

[1]) 1890 г. № 11.

рой мы и отсылаемъ читателей, желающихъ ознакомиться съ исторіей устройства Тепловки. Другой видъ этой усадьбы мы видѣли на находящейся въ домѣ Галагана въ Сокиринцахъ картинѣ Лагоріо, превосходно написанной мяслянными красками [1]).

Сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ зданія Тепловской усадьбы изображены на картинѣ Лагоріо, и на рисункѣ, помѣшенномъ въ „Кіевской Старинѣ", въ настоящее время эти зданія представляются въ еще болѣе обветшаломъ и близкомъ къ разрушенію видѣ. Крыши на нихъ обвалились, всѣ окна выбиты, всѣ двери выломаны. Верхняя часть парадной лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ главнаго дома, и колонна, ее поддерживавшая, обвалились, а другой лѣстницы мы не нашли: если она существовала, то исчезла безслѣдно. Вслѣдствіе того взойти во второй этажъ уже нельзя, хотя проникнуть туда еще возможно, вскарабкавшись (не безъ нѣкотораго риска) черезъ окно, расположенное надъ уцѣлѣвшею частью парадной лѣстницы. Изъ помѣщеннаго въ книгѣ Васильчикова „Семейство Разумовскихъ" описанія Тепловской усадьбы видно, что въ то время, когда составлялось это описаніе (1880 г.), во многихъ комнатахъ главнаго дома еще сохранялись паркетные полы и лѣпныя украшенія; теперь паркета уже не осталось: весь растащили; остатки лѣпныхъ украшеній уцѣлѣли лишь на нѣкоторыхъ потолкахъ. Отъ каменной ограды, которая прежде окружала усадьбу, остались только слѣды, указывающіе на то, что когда-то здѣсь была каменная ограда.

Исчезновеніе разныхъ частей Тепловскихъ построекъ объясняется очень просто: мало-ли для какихъ хозяйственныхъ нуждъ могутъ понадобиться двери, паркетъ, желѣзо, кирпичъ, и отъ мѣстныхъ жителей мы слышали, что многіе батуринцы, когда имъ понадобится строить печи въ своихъ домахъ, отправляются въ оставленную безъ всякаго надзора Тепловку и тамъ выламываютъ кирпичъ для своихъ печей; сначала растащили ка-

[1]) Нельзя не пожалѣть, что эта картина никогда не была воспроизведена въ снимкахъ.

менную ограду, затѣмъ принялись за стѣны боковыхъ флигелей. Въ виду этого нужно ожидать, что, по мѣрѣ того, какъ обитатели Батурина будутъ такимъ образомъ утилизировать постройки Разумовскаго для своихъ надобностей, со временемъ рухнутъ и самыя стѣны, и тогда отъ великолѣпныхъ зданій останутся однѣ груды развалинъ, которыя въ свою очередь, когда растащутъ и ихъ также, какъ растащили весь домъ Мазепы, уступятъ мѣсто грядкамъ картофеля или чему-нибудь подобному.

Если отъ Тепловки продолжать путь къ центру Батурина, то при въѣздѣ въ одну изъ улицъ, съ правой ея стороны, путнику представится старинный каменный одноэтажный домъ, за которымъ видѣнъ старый садъ. Это—бывшая усадьба генеральнаго судьи В. Л. Кочубея. Отъ усадьбы Мазепы она отстоитъ въ разстояніи приблизительно съ версту. Здѣсь домъ, видимо, реставрировался и настолько хорошо поддерживается, что въ немъ и теперь можно жить. Въ настоящее время эта усадьба принадлежитъ Козелецкому предводителю дворянства М. Н. Кочубею.

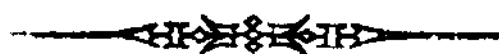
По другой сторонѣ этой же улицы, наискось противъ усадьбы В. Л. Кочубея, ближе къ центру Батурина, можно видѣть старую каменную стѣну, которая не бросается въ глаза, хотя и она говоритъ о прошломъ. Это—часть стѣны, окружавшей гетманскій домъ, въ которомъ жилъ К. Г. Разумовскій и который былъ построенъ вслѣдъ затѣмъ, какъ въ 1740 году было рѣшено перенесть гетманскую резиденцію изъ Глухова въ Батуринъ. Домъ этотъ былъ деревянный, и отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ. Не удовлетворяясь этимъ домомъ и задумавъ устроить себѣ болѣе роскошное помѣщеніе, Разумовскій создалъ въ пріобрѣтенной отъ Г. Н. Теплова усадьбѣ тѣ зданія, о которыхъ мы говорили выше и въ которыхъ ему не пришлось жить.

Въѣхавъ, наконецъ, въ самый центръ Батурина, мы увидѣли еще одно зданіе, напомнившее о К. Г. Разумовскомъ; это—построенная имъ Воскресенская церковь, внутрь которой мы, къ сожалѣнію, не могли проникнуть, такъ какъ въ то время она была заперта. Здѣсь, въ этой церкви, покоится прахъ послѣдняго гетмана Малороссіи, надъ которымъ, какъ мы слышали,

воздвигнутъ изящный мраморный памятникъ работы знаменитаго скульптора Кановы.

Мы перечислили всѣ сохранившіеся въ бывшей гетманской резиценціи остатки старины, которые, среди новаго Батурина, напоминаютъ о его прошломъ и наводятъ путника на размышленія о томъ, что tempora mutantur.

Н. Ш—въ..



Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла.

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

Тридцать пять лѣтъ назадъ. Малороссія; глухой уѣздъ; захолустье,—село Ярешки; среди села ветхая, мрачная, тесомъ крытая церковь, у паперти тѣнистый величественный кленъ столѣтній; вокругъ церкви—вишни, сливы, груши; на окраинахъ погоста мощные вязы и высокіе стройные бересты; между послѣдними—приземистая, древней архитектуры, круглая и очень широкая „дзвониця“; внутри ея „комора“ для склада церковныхъ вещей и ульевъ съ пчелами на зиму. У погоста чудной ярью-зеленью отливаетъ обросшая зеленымъ мхомъ крыша хаты, вросшей окнами въ землю. Глава семьи, прозябающей подъ этой грибомъ-крышей,—дьячекъ; центромъ же міра сознаетъ себя пятилѣтній мальчикъ этой семьи, у хаты на проѣзжей дорогѣ барахтающійся въ пыли, въ одной рубашенкѣ, опоясанной веревочкой, весь выпачканный въ грязь, въ смолу, съ непокрытой головой, остриженный, какъ овечка: безъ гребня, не гладко, а съ выступами и съ зарубинами и съ чубомъ-гривкой на лбу. Мальчикъ этотъ—я, пишущій эти строки.

Противъ меня черезъ дорогу „паньскій“ садъ фруктовый съ высокой статуей swętego Jana; далѣе стройный рядъ пирамидальныхъ тополей; за ними суровыя развалины мрачнаго „палаца“, гдѣ жилъ сумасшедшій сынъ дидыча, любившій стрѣлять крестьянскихъ дѣвушекъ, чтобы полюбоваться предсмертной конвульсивной агоніей убитыхъ имъ. Южнѣе палаца—боль-

шой домъ эконома Ольшевскаго. Вспоминаются мнѣ Ромце, Гелярко, Миколо и Миля Ольшевскіе; хорты и лягавыя ихъ, охота Ромця съ хортами и лягавыми и съ ружьемъ на паробковъ, крадущихъ груши и яблоки въ саду.—Среди улицы на перекресткѣ дороги „фигура"—крестъ съ рѣзнымъ распятіемъ, съ копьемъ, тростью съ губкою, съ 30 серебренниками на досточкѣ у подножія распятія; „фѣгура осія сооружена во славу Божію коштомъ раба Божія Петра Максымчука Зарудню ка року 1854"—значилось вырѣзанными буквами на подножіи креста. Поставлена она на томъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ „катовалы" на кобылѣ-эшафотѣ Ивана Бурлаку и Явдоху Когдянку, убившихъ „Дометея", мужа послѣдней, чтобы самимъ повѣнчаться. Южнѣе креста—„ставъ", истокъ рѣчки Каменки, на три четверти заросшій высокимъ очеретомъ-тростникомъ; на ставу островъ съ дикой грушею; кладки для прачекъ. Съ трехъ сторонъ полукругомъ прудъ окаймляется густыми величественными вербами; въ концѣ „става" за „греблей" маленькій повалившійся отъ ветхости „млынъ"; ниже „млына"—крестьянскія „левады"; на нихъ съѣдобные для крестьянскихъ дѣтей корешки и зубчатые листья, нюханіе которыхъ вызывало у насъ дѣтей кровь изъ носа. Прудъ—любимое сборное мѣсто крестьянскихъ дѣтей, почему въ памяти мелькаютъ одно событіе за другимъ изъ дѣтской жизни, связанной съ прудомъ. Я—утопленникъ; живо до сего дня помню пріятныя ощущенія радужнаго отраженія солнца сквозь воду въ моихъ глазахъ, когда я лежалъ въ водѣ, не понимая страха, не испытывая никакого мучительнаго состоянія, одинаково безъ боли во всѣхъ частяхъ тѣла давимый водою. Тутъ же у пруда дѣлались батоги изъ лыкъ сушившейся конопли. Хлопанье этимъ бичемъ, стеганье имъ жабъ, выглядывавшихъ на насъ изъ воды у берега, ловля пьявокъ, прикасавшихся къ нашимъ тѣламъ, ловля карасей „тканыцями" и вьюновъ руками; зимою—дѣланье фатокъ—маленькихъ сѣтей; прорубливаніе ополонокъ—полыньи для ловли фатками карасей и вьюновъ, кишащихъ у прорубей; дѣланье дудочекъ изъ очерета, стрѣлъ съ осмоленными головками, „пискалокъ" изъ рогозы и аира—вотъ наши постоянныя раз-

влеченія у пруда. Вокругъ пруда бѣленькія, низенькія съ маленькими оконцами избы крестьянъ; у каждой хаты непремѣнно вишневый садикъ, съ чернобрывцями, повняками и рожею (мальва) передъ окнами, съ красными головками маку, съ красивыми въ желтомъ цвѣту головами подсолнечниковъ въ огородахъ, съ маленькими хлѣвами для скота и высокими клунями у забора, красиво плетеннаго изъ лозы, или изъ дубовыхъ кольевъ, или вала изъ соломы. Далѣе за селомъ другая экономія съ наглухо заколоченнымъ низкимъ домомъ дидыча и съ домомъ пана Ягушевскаго. Дѣти Ягушевскаго: панъ Мацейко съ „фузіей“ на вороной лошади, Базё съ арапникомъ, Пéтрусь на палочкѣ, панна Улюся съ куклами, ея частое хожденіе въ церковь въ бѣлой соломенной шляпѣ, мое засматриваніе на нее съ клироса, мое частое хожденіе вблизи ея дома съ неумѣло скрываемымъ жеданіемъ увидѣть ее; моя пламенная любовь къ ней на десятомъ году моей жизни; вмѣсто писемъ къ ней—рисованье и посылка ей картинки съ женщиною на колѣняхъ у надгробнаго креста, осѣненнаго деревьями; на картинкѣ микроскопическая надпись со стихами моей любви къ ней.

Много раньше, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, послѣ науки у отца, я учился латыни вмѣстѣ съ Ягушевскими, Ольшевскими, Билецкими, Магнушевскими въ домѣ шляхтича Колонивськаго въ сборной школѣ, гдѣ учитель былъ полякъ и ученики на половину католики, на половину православные, но русскій—я одинъ. „Розгой—духъ свентый, дзятечки, бицъ радзи“,—ежедневно твердилъ намъ учитель. И нерѣдко намъ приходилось испытывать на себѣ дѣйствіе этого духа. Директоръ, такъ мы называли своего учителя, если не было подъ руками готовой розги, пробовалъ на своихъ питомцахъ дѣйствіе арапника; но это случалось съ нимъ только въ минуты особенной вспыльчивости подъ пьяную руку. Не смотря на то, что домы нашихъ родителей были недалѣе ста саженъ отъ школы, полудновали мы въ школѣ, для чего каждому изъ насъ матери клали въ сумку хлѣбъ, сало, чеснокъ, яйца, колбасы, а въ постные дни жареныхъ карасей, а въ субботу—съ набяломъ: яйца, сыръ, масло. Полудновали мы въ 12 часовъ, а обѣ-

дали до прихода въ школу—часовъ въ семь или восемь, такъ какъ въ тѣ времена въ домахъ экономовъ по утрамъ и вечерамъ не пили еще чаю, а держали его для гостей, и то только почтенныхъ, и подавали во всякую пору дня. Въ домѣ же моего отца ни самовара не было, ни чайныхъ приборовъ.

Учились мы отъ утра до вечера безъ перерывовъ для отдыха; только въ полдень, послѣ ѣды, намъ давали полчаса на игры. Вечеромъ, предъ выходомъ изъ школы, всѣ ученики молились Богу, стоя на колѣняхъ со сложенными руками, и клали земные поклоны, а во время чтенія, не помню, какой-то молитвы всѣ падали ницъ. За исключеніемъ меня, всѣ остальные православные ученики, у которыхъ отцы были поляки, а матери православныя, молились по-католически—по польскимъ молитвенникамъ. По выходѣ изъ школы по домамъ мнѣ, какъ наименьшему по лѣтамъ, часто доставались отъ товарищей пеньки за мои насмѣшки надъ ихъ самохвальствомъ.

Учился я въ этой школѣ не долго и чему тамъ научился—память теперь не подсказываетъ, но шестеро изъ моихъ товарищей достаточно были подготовлены и приняты въ Житомирскую гимназію. Два изъ нихъ, Мацейко и Базыль Ягушевскіе, дошли до 5 класса гимназіи и тѣмъ покончили свое образованіе; теперь оба они смотрителями почтовыхъ станцій пограничныхъ; третій—Гелярко Ольшевскій окончилъ Кіевскій университетъ и былъ въ Сквирѣ частнымъ повѣреннымъ; теперь онъ умеръ. Родной братъ послѣдняго, недоучившійся въ гимназіи, былъ акцизнымъ надзирателемъ и распился до того, что умеръ нищимъ попрошайкою; лучшій же другъ моего дѣтства и товарищъ въ школѣ директора и на улицѣ въ дѣтскихъ играхъ, Франё Звѣрховскій, по выходѣ изъ гимназіи погибъ въ рядахъ польскихъ повстанцевъ.

Грустно становится на душѣ, когда призадумаюсь надъ тѣмъ, что за какіе либо 30 лѣтъ я и всѣ мои товарищи дѣтства, равно и ихъ отцы, расползлись изъ родного села; только священникъ, да отецъ мой не покинули родины, а вблизи церкви, которой служилъ отецъ мой 32 года, почиваютъ мирно.

А между тѣмъ эти польскія семейства „панували“ лѣтъ по 20 въ селѣ Ярешкахъ и жили какъ между собою, такъ и съ моимъ отцомъ и съ о. Григоріемъ Мотылевичемъ очень дружно. Память рисуетъ мнѣ, хотя и слабо, нѣсколько картинокъ изъ этихъ сосѣдскихъ отношеній.

Весна. 23 апрѣля—день Юрья—народный земледѣльческій праздникъ; всенощное бдѣніе въ церкви; торжественная литургія; скорый обѣдъ. Отецъ, мать и я съ маленькимъ братомъ несемъ узлы съ хлѣбомъ, саломъ, чеснокомъ, колбасами и красными яйцами; у отца въ карманѣ бутылка водки. Идемъ на зеленыя поля—смотрѣть на всходы жита, пшеницы и качаться по зеленой и мягкой муравѣ ихъ. На каждомъ полевомъ участкѣ крестьянинъ всей семьею пируетъ и качается по зеленому ковру жита и пшеницы. Вдали на полѣ палатка „орендара“ съ бочками водки и краснаго сладкаго пива; тамъ-же слышна троиста музыка: цымбалы, скрипка и решето. Не успѣлъ еще отецъ съ матерью, послѣ осмотра вдоль и поперегъ своего поля, и чарки горилки выпить, а мы дѣти еще не накачались вдоволь по зеленой травкѣ-муравкѣ, какъ прискакалъ къ намъ на прекрасной лошади панычъ Мацѣйко, старшій сынъ пана эконома Ягушевскаго, съ приглашеніемъ отъ пановъ присоединиться къ ихъ компаніи въ лѣсу. Идемъ. День теплый, солнечный, радостный; воздухъ оглашается крикомъ чаекъ и чудной звонкой и серебристой трелью жаворонка. Вся природа веселится и празднуетъ весну. Въ дубовомъ лѣсу, едва распустившемъ листья, на полянѣ разложенъ костеръ, дымъ столбомъ высоко тянется къ небу, у костра горшки и сковороды, въ сторонѣ подъ дубомъ самоваръ шумитъ, вокругъ него батюшка съ матушкой и съ панной Надей, панъ Ольшевскій съ женою и съ панною Милей, панъ Ягушевскій съ двумя паннами, пани Ягушевская у костра, пани Звѣрховская съ Франемъ, своимъ коханнымъ дзѣцкомъ, тамъ же. Подъ дубомъ ружья, на сукахъ дуба пороховницы и рога; нѣсколько въ сторонѣ три брички, далѣе лошади упряжныя похрапывая пасутся. Панычи собирали букеты изъ первыхъ цвѣтовъ весны для своихъ панянокъ. Въ кругу отцовъ по поводу прибытія пана реенція и регентовой шла круговая

чарка. Рѣчь шла у нихъ о какихъ-то лѣсахъ, полныхъ кладовъ, погребахъ съ порохомъ и ружьями, о какихъ-то славныхъ битвахъ съ хлопами и москалями. Слушая эти разсказы, я съ нѣкоторымъ страхомъ озирался по сторонамъ лѣса, всматривался въ глубину его и искалъ своимъ живымъ дѣтскимъ воображеніемъ воюющихъ; тѣмъ болѣе, что и выстрѣлы паничей помогали моему воображенію. Паничи гарцовали на лошадяхъ въ виду своихъ панянокъ, старшіе изъ нихъ даже съ ружьями. Я же не только не гарцовалъ съ ними на лошади, но даже не ѣздилъ еще никогда верхомъ на лошади, а только на рогатомъ баранѣ, а потому теперь съ завистію смотрѣлъ на верховцевъ. Франё, первый другъ моего сердца, постоянный товарищъ моихъ игръ на улицѣ, предложилъ искать птичьихъ гнѣздъ въ дуплахъ дубовъ, и мы съ увлеченіемъ покарабкались на дубы, лазили по нимъ, но не нашли ничего. Память далѣе ничего не рисуетъ мнѣ; вѣроятнѣе всего, что я уснулъ тамъ же, утомившись бѣготнею и впечатлѣніями Юрья.

А вотъ и другая картина добрыхъ отношеній сосѣдскихъ припоминается мнѣ.

Лѣто; шлямарка, искусственное озерцо, за селомъ. Въ осокѣ и камышѣ шлямарки—бекасы, зигзагами шныряющіе по поверхности воды; отецъ прицѣлился, выстрѣлилъ, и третій бекасъ у меня за пояскомъ болтается. Подходитъ панъ Ягушевскій съ ружьемъ, но поздно: у меня за пояскомъ всѣ бекасы. Идемъ къ пруду въ село. Наши выстрѣлы привлекаютъ новыхъ охотниковъ. Батюшка съ ружьемъ въ рукѣ подходитъ къ намъ со стороны мельницы, старый панъ Ольшевскій съ „дубельтуфкой" за плечами приближается къ намъ отъ шляху. Поздоровались и порѣшили: такъ какъ озеро малое, то стать каждому на одной изъ четырехъ сторонъ озера. Стали, — пошла стрѣльба. Стада крыжувокъ и чирокъ, лыски и пирныкозы дорого поплатились за единеніе поляковъ и русскихъ. Затѣмъ по случаю удачной охоты пировали въ ближайшемъ къ озеру домѣ пана Ольшевскаго. И долго длился пиръ: отецъ мой возвратился ночью, когда я уже крѣпко спалъ.

Непослѣдовательная память, дѣлая скачекъ, уноситъ мое воображеніе въ самую раннюю, золотую пору моего дѣтства когда я еще ходилъ въ одной только длинной рубашонкѣ, и рисуетъ мнѣ нескончаемый рядъ тѣхъ игръ и занятій, надъ которыми мы впервые крѣпко начали ломать свои дѣтскіе, слабенькіе умишки и отъ которыхъ живо, радостно, восторженно бились наши сердца. Лѣто; дождь; дождевыя лужи у нашей хаты на улицѣ; я перехожу въ бродъ эти лужи, запутываюсь ногами въ своей длинной рубашкѣ, падаю въ лужѣ и плачу, чтобы мать не била; перемѣна мокрой рубашки на сухую; строгій наказъ мамы — не бродить по лужѣ; вторичное паденье въ лужу; надѣванье для наказанія первой грязной невысохшей еще рубашки и наконецъ—все равно накажутъ—отчаянное купанье и плаванье въ этихъ лужахъ съ рубашкою на тѣлѣ. Я наѣздникъ—верхомъ на „рябкѣ", на баранѣ; у быка на рогахъ. А вотъ я у дѣда Кирилла на грушѣ: пойманъ съ поличнымъ; препровожденіе къ отцу на расправу; судъ отца, договоръ съ отцемъ о числѣ ударовъ розгою; возложеніе меня на табуретъ, застланный полотенцемъ, и два удара розгами. На улицѣ съ Франёмъ и Луцёмъ Звѣрховскими, со Степаномъ и Андріемъ Бурлакою пересыпаемся пескомъ, дѣлаемъ изъ пыли дорожной и воды мисочки, горшечки; бѣжимъ въ перегонку, дѣлаемъ упряжь изъ хмелю. Я — кучеръ, Степанъ и Андрій—каретныя лошади, Франё и Луцё верхомъ на палочкахъ, всѣ хоромъ привѣтствуютъ жида, ѣдущаго бѣдою: „жидъ, халамей, продавъ качку за рубель, рубель покотывся, а жидъ и сказывся". Бросаемъ вверхъ высоко, высоко къ небу камешки, увязанные къ концу кнутика; состязаемся въ томъ, кто выше броситъ картофель съ палочки; дѣлаемъ лучекъ и стрѣлы изъ блекоты, изъ очерету, стрѣляемъ ими на воробьевъ, галокъ, воронъ; фабрикуемъ пистолеты изъ бузины, пули изъ пеньки, длинныя трубы изъ будяковъ, вырѣзываемъ сопѣлки съ дырочками для разныхъ голосовъ изъ бузиноваго дерева, а весною, когда кора легко отдѣляется отъ дерева, дѣлаемъ дудочки изъ молодыхъ прутьевъ вербы и липы; къ концу лѣта—изъ гусиныхъ перьевъ, изъ очерету; пискалки изъ „татарскаго зилья"—аира, трескучія вѣтря-

ныя мельницы съ деркачемъ ставимъ на воротахъ, чтобы всѣ проходящіе раздѣляли наше удовольствіе. Но труднѣе всего было для насъ сдѣлать фургальце изъ косточки, голени поросенка. Нужна была большая настойчивость, чтобы просверлить раскаленною проволокою двѣ дырочки въ косточкѣ; малѣйшая неосторожность (а какая она у пяти-шестилѣтняго ребенка?)— и руки обожжены и охота пропала; но за то въ какой восторгъ придешь, когда дырочки просверлены, шнурокъ въ нихъ затянутъ и закрученные концы веревки то сокращаются, то растягиваются, а косточка такъ быстро вертится вокругъ нитяной оси, продѣтой въ дырочки, что ея совсѣмъ не видно, только слышно гудѣнье *фурррр*... Мы въ дикомъ восторгѣ.

— Луцю, Луцю!—кричитъ, проситъ Франё—подставь пальчикъ подъ фургальце!

Тотъ, видимо, догадывается, что фургальце можетъ очень больно пришибить палецъ, и не соглашается; а живой шалунъ Франё скачетъ на одной ногѣ вокругъ Луця съ гудящимъ фургальцемъ въ рукахъ; плутовскіе глаза разгорѣлись; ошалѣлъ, ему неодолимо хочется одурачить меньшаго брата.

— Луцю, Луцю!—на распѣвъ говоритъ Франё,—дай пальчикъ! Якъ Бога кохамъ, отдамъ тебѣ фургальце.

Глупенькій Луцё подставилъ пальчикъ, — и въ мгновеніе брызнула кровь изъ пальца и раздался неистовый, душу раздирающій крикъ Луця. Бабуня опрометью кинулась къ Луцю, его мама схватила качалку и кинулась на Франя, но его и слѣдъ простылъ: какъ въ воду канулъ. И мудрено было его найти. Долго, долго я ходилъ по всѣмъ хлѣвамъ, въ ясляхъ искалъ, въ ожередѣ соломы, съ котораго мы такъ любили спускаться, какъ зимою санками съ горки, въ собачьей конуркѣ, въ курятникѣ, въ излюбленныхъ мѣстахъ нашего прятанья, когда играемъ въ прятки, и едва только къ вечеру нашелъ на огородѣ въ бурьянѣ, согнувшагося козючкомъ и уснувшаго. Я началъ будить его.

— Ой, мама кохана! Якъ Бога кохамъ...

— „Цыть! мовчи! це я“—сказалъ я ему. И перепуганное лицо его, и взглядъ, полный страха съ просонокъ, понемногу

успокоились. Передавъ Франю о томъ, какъ его мама долго искала, звала, и что Луцю прикладываютъ холодную воду къ пальцу, мы, не замѣчая того сами, громче и громче разговорились и забыли уже объ ожидающей Франя расправѣ.

— А—а, ты тутай збуйца, галгане!—и мощная рука пана Звѣрховскаго схватила за руку Франя. Ни единаго слова не произнесъ Франё, только весь задрожалъ, и лицо судорожно искривилось. Я замеръ на мѣстѣ и долго не двигался. По личному опыту я зналъ, что Франя ожидаетъ розга. Я любилъ Франя; мнѣ его жаль было, и жгучія слезы заструились по моимъ щекамъ. За ужиномъ я почти ничего не ѣлъ и скоро уснулъ тревожнымъ сномъ. И хотя сонъ успокоилъ мои нервы, тѣмъ не менѣе я рано всталъ и пошелъ къ Франѣ. Франё уже ждалъ меня, и, расплакавшись передо мною, разсказалъ мнѣ, что ему далъ отецъ 10-ть розокъ и что Луце держитъ руку на перевязи, потому что вспухъ палецъ.

— „Франю, на тоби рало и граблі, що я зробывъ позавчора", вынимая рало изъ-за пазухи, сказалъ я ему. Франё, не задумываясь долго, началъ ралить землю и тотчасъ сломалъ рало. Началась починка рала. Мы еще, кромѣ того, успѣли до обѣда сдѣлать борону и начали плугъ, и до такой степени увлеклись новыми впечатлѣніями, что и забыли о своемъ горѣ— о томъ, что мы еще не обѣдали и ѣсть хотимъ; смѣемся и радостно хохочемъ.

Да, дѣтство — счастливая пора жизни, время неодолимой жизнерадостности! Сто разъ на день плачешь, за то сто разъ на день и смѣешься, и радуешься. И нѣтъ такого скорбнаго, страшнаго, тяжелаго явленія, которое бы подавило навсегда душу дитяти, омрачило бы въ мозгу взглядъ на жизнь и сковало бы радостныя біенія сердца, и которое не было бы преодолѣно смутнымъ умомъ и слабенькимъ сердцемъ дитяти. Пока дитя въ невѣдѣніи, пока оно напрягаетъ лишь органы внѣшнихъ чувствъ своихъ и принимаетъ ежедневно только новыя и новыя впечатлѣнія отъ окружающей его и постепенно предъ нимъ раздвигающей свой горизонтъ безграничной жизни и поражается пассивно, то восторженно, то съ боязнью, все новыми

предметами и явленіями міра, не воздѣйствуя активно на нихъ,—до тѣхъ поръ оно въ блаженномъ состояніи первыхъ человѣковъ Адама и Евы. Витаетъ оно тогда въ Эдемѣ, полномъ чудныхъ, невиданныхъ и неслыханныхъ имъ быстро смѣняющихся картинъ и чудесъ природы; онъ и змѣйкой красивой готовъ поиграться, и красиваго мягкошерстаго тигра готовъ рукою погладить, и льва за усъ хватилъ бы, и пламя всесожигающаго огня ему кажется лентой красивой, и море не страшно, зло и смерть ему не вѣдомы, а жизнь кажется вѣчной, блаженной. Но разъ - другой ядовитое сомнѣніе, какъ змѣй искуситель, заползло въ упрямую головку дитяти, расшевелило мозги и заставило его напряженно работать, — уже красивый, но горькій плодъ познанія добра и зла съѣденъ; уже блестящій, интересный, но и отрезвляющій лучъ знанія снялъ повязку съ глазъ; уже тогда потерянъ Эдемъ, кануло въ вѣчность счастье, минуло безвозвратно дѣтство. Сомнѣнія со всѣхъ сторонъ, какъ демонъ искуситель, соблазняютъ умъ человѣка открыть сокрытое, узнать невѣдомое, и умъ напряженно, нервно, лихорадочно работаетъ, всматривается безпредѣльно высоко въ небо, роется въ корѣ земной, погружается въ воду, проникаетъ глубоко въ нѣдра земли, изслѣдуетъ органическую природу, изучаетъ самосознаніе, по скольку оно разлито природою въ живыхъ продуктахъ земли. Всюду ищетъ онъ выхода къ прежнему Эдему; но безконечный рядъ горькихъ, обидныхъ, мучительныхъ, мертвящихъ разочарованій сопровождаетъ его до гроба.

...Но возвратимся опять въ потерянный рай.

Предоставленные самимъ себѣ въ теченіе всего дня, я съ братомъ и съ друзьями эдемскихъ дней, Франемъ, Луцемъ, Степаномъ и Андріёмъ, обходили всѣ уголки нашихъ усадебъ и, утомившись прыганьемъ, бѣгомъ „на выпередки“, лазаньемъ по деревьямъ и другими движеніями, наконецъ сѣли въ садикѣ моего отца подъ вишнею и надумались строить погреба, кухни, хлѣвы, дома. Но домика строить никто не взялъ на себя подряда; каждый изъ насъ считалъ для себя труднымъ дѣломъ—сдѣлать домикъ съ дверью, съ окнами, съ печью, и потому вмѣсто домика былъ выкопанъ колодецъ съ высокимъ жу-

равлемъ для опусканія и вытягиванія ведра, сдѣланнаго изъ картофеля. Скоро подоспѣлъ и хлѣвъ, и клуня, и погребъ. Но сколько вмѣшательствъ, сколько непрошенныхъ совѣтовъ, сколько спору было, пока постройки наши созидались; вѣдь нѣкоторые изъ насъ были опытные мастера и не впервые имъ было построить и домъ,—и развѣ могли они безъ досады, терпѣливо смотрѣть, какъ Луце приставилъ къ хлѣву дверь, которая выше самаго хлѣва.

— Ни, надоило, покиньмо! сказалъ Андрей Бурлака.

И всѣ мы согласились, что надоѣло строить.

Но такъ какъ село наше стоитъ на большой низменности и нѣтъ никакого разнообразія видовъ: ни горъ, ни долинъ, ни пропастей, нѣтъ и признаковъ каменной породы, нѣтъ и береговъ текучей рѣки, а только стоячее озеро-ставъ, изъ плотины котораго маленькимъ ручейкомъ сочится вода, изображая изъ себя истокъ рѣчки Каменки, то представленіе наше о поверхности земли было слишкомъ убогое и намъ болѣе некуда было направлять свое любопытство, какъ только въ землю И мы копали, рыли землю, отыскивали тамъ дождевыхъ червей, личинки майскихъ жуковъ, называемыя у насъ борозняками, красненькихъ жидовочекъ, божьихъ коровокъ, жуковъ черныхъ, большихъ двурогихъ, однорогихъ, съ сизыми спинками, прикидывающихся мертвыми и едва замѣтныхъ глазу, разоряли муравьиныя жилища, игрались ихъ подушечками, вырывали корни различныхъ растеній, то длинные, постепенно утончающіеся, то короткіе, толстые, то лукообразные, то сложные изъ многихъ нитевидныхъ мочекъ, которыя мы изучали не только по формѣ ихъ глазами, но и по вкусу, пробуя пожевать ихъ и, если вкусны, то и съѣсть.

Порывшись вдоволь въ землѣ, мы отправлялись на ставокъ, смотрѣть, какъ гуляетъ въ водѣ маленькая рыбка-мулька; какъ медленно ползетъ-плыветъ слизнякъ своими мягкими студенистыми щупальцами, которые онъ немного выдвинулъ изъ своей спиральной раковины. Черепахъ двустворчатокъ, какіе бываютъ только въ текучихъ водахъ, мы въ своемъ ставку никогда не находили, за то нерѣдко своими цѣпкими дѣтскими

руками выбрасывали изъ воды вьюновъ, которыхъ много было въ илистомъ днѣ нашего пруда. Иной же разъ, чтобы задобрить разгнѣванныхъ родителей, мы безстрашно заходили къ самому очерету и собирали тамъ на своемъ тѣлѣ пьявокъ, которыя, казалось, только и ждали чтобы наброситься на насъ, присосаться къ нашимъ ногамъ и пить нашу кровь; но за то онѣ не дешево расплачивались: мы ихъ срывали и заключали въ плѣнъ въ бутылку съ водою и съ восторгомъ несли домой, зная, что родители за пьявокъ многое простятъ намъ, потому что пьявки въ ту пору, когда докторовъ и въ поминѣ у васъ не было, были универсальнымъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней въ сельскомъ мірѣ. Ставокъ свой мы перебродили вдоль и поперекъ, но не рѣшались заходить въ самый очеретъ, потому что тамъ были „безодни", и главнымъ образомъ потому, что тамъ жили болотяные черти. Одного изъ нихъ я самъ видѣлъ вечеромъ подъ очеретомъ. Небольшой онъ, меньше дворовой собаки, черный, весь въ шерсти и лапки едва замѣтны, хвостъ толстый; онъ вынырнулъ изъ воды на аршинъ выше поверхности. Только уже въ Кіевскомъ училищѣ, прочитавъ у Брема статью о выдрахъ, я узналъ въ ней своего знакомаго „болотяного черта". Но до того времени я вполнѣ былъ убѣжденъ, что видѣлъ болотяного черта. Уже потому одному, что ни отъ кого на селѣ не слыхалъ я, что въ нашемъ ставку есть земноводный звѣрь—выдра и что можетъ звѣрь жить въ водѣ. Еще болѣе убѣдился я въ томъ, что видѣлъ именно черта, а не иное что, когда у меня сдѣлалась лихорадка и мать нарочито сварила яйцо, дала его мнѣ въ руки и до восхода солнца послала меня на ставокъ, наказавши мнѣ такъ: „иды сыну на ставокъ, кинь оце яйце, якъ можешь дальше въ очеретъ и крыкни зо всеи сылы такъ:—А есть васъ симсотъ и симъ?—Нате вамъ исты всимъ!—и бижы, якъ можешь скорише, до дому, та не оглядайся назадъ и не промовъ ни до кого ни жадного слова, хоть бы тоби хто казавъ: „слава Богу", то не отвичай: „на вики слава", а тикай скорійше безъ оглядки до дому".

Купаясь лѣтомъ по десяти разъ на день, мы обмазывали иломъ все тѣло, голову и лицо, изображая изъ себя болотя-

ныхъ чертей, и пугали другъ друга, гонявсь вблизи берега по проѣзжей дорогѣ. Накупавшись вдоволь и обмывшись, мы разъ обошли кругомъ свой ставъ по огородамъ крестьянъ и забрели въ „Сыдоривъ лисъ“, упиравшійся въ очеретъ нашего ставка. Тамъ нашли мы Колосюкову крыныцю, занесенную иломъ, покрытымъ зеленеватою съ синимъ и краснымъ отливомъ водою.

— „Я чувъ, що тутъ въ цій крыныци грошы закопаны“,— тихо сказалъ Степанъ Якубивъ.

— „Колы ихъ нихто не може достаты, воны закляты“,— еще тише пояснилъ Андрій Бурлака.

— „Постійте жъ, я вамъ розскажу“, заговорилъ я таинственно.

— „Иднои ночи, передъ утренею, прійшовъ до насъ Сыдиръ перегриватысь. Отъ тато мій и пытають его: чи то правда, що въ вашій крыныци гроши закопаны? А Сыдиръ и каже: нихто не знавъ, що въ цій крыныци есть грошы; але часто мій покойный батько и дядько Манило, та й я, бачылы коло неи чорта, не при хати згадуючи. Винъ бувъ, якъ нимець: въ паньскому капелюшику, въ куцому сурдутыку, въ узенькихъ штанцяхъ, въ панськихъ чобиткахъ, вусатый такій. Було, якъ заглядыть мене, то заразъ кивае до мене пальцемъ, та й гукае: „хлопъ, хлопъ, ходзь-но тутай“! Я перше думавъ, що то панычъ зъ цего двора, що ось за цимъ лискомъ, та й иду до него. А винъ, якъ зареготе до мене, ажъ луна пишла, та й бухнувъ у воду, тилько нижками задрыгавъ. Я злякавсь, та скорій до хаты. А батько недалеко стоялы, та й бачылы, якъ винъ ногамы задрыгавъ, тай змыгають до мене плечима, щобъ я не наробывъ крыку. Цыть, мовчи, не кричи. То не панъ, то нечиста сыла грошы стереже. Отъ иднои ночи взялы батько видро й шнура, поклыкалы дядька Манила, та й пишлы до крыныци гроши добуваты. Довго, казалы батько, вылывалы воны воду зъ крыныци, поки добулы дно, а глыбоко до дна — въ два человики. А на дни земля. Отъ батько й гукають до дядька зъ крыныци:—Манило, бижи до дому, та принеси заступа одкидаты землю. А дядько не хоче иты, каже: — „Поки я сбигаю до хаты, то ты гроши вспіешъ достати, та й переховаты“.

„Але таки уговорылы мій батько дядька. Прудко дуже побигъ Манило, прынисъ заступа, та й подавъ батькови. Батько накидають землю заступомъ въ видро, а дядько шнуромъ вытягуе видро съ землею. Отъ якъ знялы землю, заразъ и дно деревьянне розвалылы, та й намацалы пидъ дномъ чобота зъ грошима. Зъ радощивъ батько й гукнулы до дядька: „Есть! Велыка халява грошей"! Та й сталы батько вылазыты. Отъ, отъ бы вже вылизлы; вже й за верхню цебрыну взялысь идною рукою, колы гныла халява порвалась, гроши шарахнулысь, забряжчалы, та й шубовснулы, ажъ загуло щось страшно и земля провалылась и вода звидки-то хлынула, насылу батько выскочилы зъ шматкомъ халявы въ рукахъ. Хрестяться. Колы глянулы на дядька, а дядько тримае сокиру обиручки и трясецця".

— „На що це ты сокиру прынисъ и тримаешь?"

А дядько стоявъ, стоявъ, а дали: бухъ батькови въ ноги.

— „Просты! каже. Якъ бы ты бувъ вынисъ гроши, то я бувъ бы убывъ тебе. Та выдно Господь хранывъ тебе, та й ци гроши одибравъ, абы тилько ты жывый зоставсь. Выдно жъ ци гроши закляти на погибель людей. Та й упавъ дядько другій разъ батькови въ ноги:—Просты мени, Бога рады! Просты!

Перехрестывся батько тричи.—„Слава жъ Тоби Боже, що хоть жывый зоставсь"!

„Та въ ту ничь изновъ закыдалы землею ту крыныцю".

Окончивъ этотъ пересказъ, я и самъ почувствовалъ въ себѣ страхъ. Товарищи мои также застыли съ раскрытыми ртами и выпученными глазами.

— „Тьфу, тьфу, тьфу на тебе, нечиста сыла! сплюнулъ Андрій Бурлака. Сыла Божа при насъ"!

— „Тикаймо хлопци зъ витциль". И, не оглядываясь назадъ на страшное мѣсто, мы побѣжали въ перегонку и разбѣжались по домамъ съ тѣмъ, чтобы на другой день снова сойтись и беззаботно веселиться по цѣлымъ днямъ. **М. Щ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ[1].

По І. Ролле.

III. Хмельнищина и руина.

Почти десять лѣтъ прошло со времени послѣднихъ козацкихъ волненій, а Украина была спокойна. Можно было думать, пожалуй, что козацко-хлопскій вопросъ уже рѣшенъ окончательно. Все располагало къ оптимизму: превосходные урожаи, мягкія зимы, видъ дѣятельнаго рабочаго люду, которымъ кишѣла степь, люду навзглядъ спокойнаго, веселаго—и гордая шляхта жила-себѣ и гуляла, не предчувствуя близкой бѣды. Очень заняла всѣхъ, но не поразила вѣсть о внезапной смерти гетмана Конецпольскаго, усмирителя своевольнаго козачества. Но извѣстіе о тяжелой болѣзни короля сильно встревожило украинскую шляхту: въ этой тревогѣ звучала нота недовѣрія къ магнатству, на рукахъ котораго должно было очутиться государство въ случаѣ королевской смерти.

А между тѣмъ въ Чигиринѣ и его окрестностяхъ разъигрывался очень простой и незначительный по своему содержанію прологъ къ ужасающей исторической драмѣ.

Чигиринское староство послѣ смерти гетмана Конецпольскаго перешло къ его сыну, коронному хорунжему. Управлялось оно подстаростой, который жилъ въ Чигиринѣ. Въ описываемое время подстаростой этимъ былъ нѣкто Чаплинскій, выходецъ изъ Литвы, опредѣленный еще покойнымъ гетманомъ. Едва-ли этотъ человѣкъ былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ. Чтобъ

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № .

понимать всѣ сложныя особенности мѣстной жизни, надо было родиться или по крайней мѣрѣ долго жить на вулканической почвѣ Украины. А Чаплинскій, повидимому, только и зналъ, что простого литовскаго хлопа, который покорно тянулъ свое ярмо до послѣдней возможности и, если становилось не въ моготу, исчезалъ въ лѣсу. Въ узко-шляхетской головѣ подстаросты не вмѣщалось то, что и не шляхтичъ можетъ быть человѣкомъ состоятельнымъ, уважаемымъ, образованнымъ. А таковымъ былъ, несомнѣнно, его близкій сосѣдъ, войсковой писарь Богданъ Хмельницкій. Богданъ имѣлъ на земляхъ чигиринскаго староства, надъ рѣкой Тясьминомъ, хуторъ Субботовъ, полученный еще его отцемъ, убитымъ подъ Цецорой, въ видѣ пустаго урочища, а въ описываемое время уже совсѣмъ благоустроенный: былъ тамъ и домъ, и мельница на прудѣ, и обширный садъ, а, главное, было уже и населеніе. Къ этому хутору Богданъ лично выпросилъ у короля за свои высокія заслуги еще степной участокъ за рѣкой, гдѣ тоже скоро появилось населеніе, платившее владѣльцу чиншъ, были пасѣки, гумна, корчмы. Такимъ образомъ войсковой писарь былъ замѣтной особой въ районѣ чигиринскаго староства даже и по имущественному своему положенію. Но надо къ этому прибавить то уваженіе, которымъ онъ пользовался. Пользовался онъ имъ за свое образованіе, такъ какъ онъ учился у іезуитовъ въ Ярославѣ и умѣлъ показать лицомъ свою школьную науку; пользовался за свою большую опытность, которую вынесъ изъ своихъ странствованій: онъ два года былъ плѣнникомъ въ Константинополѣ и Крыму, бывалъ въ Варшавѣ, былъ лично извѣстенъ Владиславу IV; пользовался, разумѣется, уваженіемъ и за свой выдающійся умъ и даровитость, въ которыхъ ему невозможно отказать. И съ уваженіемъ относилась къ Хмельницкому не только козацкая среда или мелко-шляхетская, но даже мѣстные магнаты прибѣгали къ совѣтамъ войсковаго писаря. Но въ глазахъ Чаплинскаго все это были лишь незаконныя притязанія наглаго „плебея“, дерзко попирающаго всѣ человѣческія и божескія права. И этому плебею легко и свободно удается то, чего лишь съ такимъ усиліемъ добивается самъ онъ, Чаплинскій,

желающій изъ всѣхъ силъ угодить вельможному пану Конецпольскому,—удается заселеніе пустыхъ земель.

Какъ перешло затаенное неудовольствіе въ открытую вражду? Несомнѣнно, здѣсь была замѣшана женщина-подстаростина Чаплинская, позже вторая жена Богдана Хмельницкаго, первоначально, въ качествѣ сироты, пріемышъ его семьи. Участіе этой женщины въ случившемся ясно; но характеръ этого участія теменъ. Несомнѣнно, что Чаплинскій началъ оспаривать права Хмельницкаго на его земли; несомнѣнно, что онъ сдѣлалъ на имѣніе Хмельницкаго „заѣздъ", въ которомъ погибло имущество Хмельницкаго и была похищена дѣвушка, которая сдѣлалась вслѣдъ за тѣмъ подстаростиной. Несомнѣнно и то, что Чаплинскій имѣлъ какую-нибудь юридическую зацѣпку для своихъ насильственныхъ дѣйствій: польское право, водворявшееся на почвѣ стараго литовско-русскаго права, съ одной стороны, и мѣстнаго правового обычая, съ другой, производило страшную смуту понятій, отражавшуюся въ жизни той анархіей, о которой была рѣчь выше. Изъ правового хаоса выплывалъ наверхъ или фактически сильный, или тотъ, кому посчастливилось заручиться какой-нибудь непреложной съ формальной стороны правовой гарантіей, въ родѣ королевской грамоты или сеймовой конституціи. Вѣроятно, войсковой писарь не былъ обезпеченъ ничѣмъ подобнымъ, такъ какъ ему не помогли даже личныя его хлопоты въ Варшавѣ: его Суботовъ отданъ былъ въ пожизненное владѣніе тому же самому Чаплинскому. Но вражда Чаплинскаго не разрѣшилась этимъ его торжествомъ: вѣроятно, и Хмельницкій, который теперь поселился въ томъ же Чигиринѣ, гдѣ жилъ подстароста, держалъ себя не какъ побѣжденный. Чаплинскій наноситъ Хмельницкому рядъ тяжелыхъ обидъ: достаточно вспомнить хотя бы то, что онъ публично, на чигиринскомъ рынкѣ, велѣлъ высѣчь старшаго сына Хмельницкаго. Управы на Чаплинскаго, который пользовался полнымъ довѣріемъ молодого старосты, не было, и искать ее было негдѣ.

Въ декабрѣ 1647 г. Хмельницкій ушелъ на низъ, на запорожье. А съ открытіемъ весны уже что-то творилось на Украинѣ неладное: явились тѣ тревожные признаки, по кото-

рымъ опытные люди умѣли предсказывать близкую бурю. Изъ хаты въ хату, по будамъ и винокурнямъ, по уединеннымъ хуторамъ, ходили какія-то темныя вѣсти... Кто переносилъ ихъ? Богъ знаетъ, шляхтичу ничего тутъ нельзя было дознаться: можно было лишь догадываться, что вѣтеръ дуетъ съ юга, отъ днѣпровскаго Низу. И вѣсти были не спроста. Наймиты кидали свои работы, пропивали въ корчмахъ заработки, а между тѣмъ въ-полголоса совѣщались между собою о чемъ-то. Въ одно прекрасное утро пропадаетъ столько-то людей изъ такого-то города, изъ села: очевидно, на Украинѣ снова сбирались „купы“ и исчезали въ степи. Не было села или хутора, гдѣ не ощущалось бы тлѣніе, предвѣстникъ готоваго вспыхнуть пожара. Но пока все было спокойно.

Однако великій коронный гетманъ Потоцкій, знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и предупрежденный о томъ, что на Запорожьѣ что-то готовится, самъ пріѣхалъ на Украину. Лучше еслибъ онъ этого не дѣлалъ: съ его появленіемъ возникло въ польскомъ войскѣ двоевластіе, антагонизмъ между нимъ и польнымъ гетманомъ Калиновскимъ. Тѣмъ не менѣе ясно, что поляки были во-время предупреждены, понимали опасность, приняли противъ нея возможныя мѣры. Тѣмъ большимъ ужасомъ обхватила ихъ вѣсть о тяжеломъ пораженіи у Желтыхъ Водъ и подъ Корсунемъ. Войска нѣтъ больше, оба гетмана въ плѣну, къ Хмельницкому перешли всѣ реестровые и всѣ украинцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, за-одно съ Хмельницкимъ дѣйствуетъ извѣстный татарскій наѣздникъ мурза Тугай-бей съ ногайцами. Послѣднее поражало больше всего: козаки въ союзѣ съ татарами... какую страшную угрозу Польшѣ заключаетъ въ себѣ эта неожиданная перемѣна фронта, которой никто не предвидѣлъ?

Въ концѣ апрѣля Хмельницкій вышелъ со своимъ войскомъ изъ Запорожья; въ концѣ мая онъ уже стоялъ обозомъ подъ Бѣлой Церковью, какъ полный господинъ положенія. Событія слѣдовали одно за другимъ съ головокружительной быстротой. Въ дополненіе ко всему, разнеслась вѣсть о смерти Владислава IV.

А между тѣмъ на всей территоріи Украины поднималась соціальная революція со всѣми своими ужасами. Видъ края измѣнился моментально. Вчерашніе господа, поляки и евреи, сегодня были жалкими и беззащитными жертвами въ виду возставшаго, какъ одинъ человѣкъ, народа, безпощаднаго криваваго мстителя. Въ своемъ мстительномъ гнѣвѣ, слѣпомъ, какъ бушующая стихія, онъ не зналъ ни справедливости, ни сострадания: все губилъ онъ въ яростномъ порывѣ, злое, какъ и доброе, виновное, какъ и невинное, дряхлаго старика, грудного ребенка. Счастливъ былъ тотъ шляхтичъ или еврей-арендаторъ, который успѣлъ спастись и спасти свои семьи отъ страшныхъ рукъ своихъ хлоповъ за стѣнами замковъ; но еще гораздо счастливѣе были тѣ, кому удалось пробраться въ Польшу, хотя бы покинувъ все добро на произволъ судьбы. Не только въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, но и на Волыни, въ Кіевскомъ Полѣсьѣ и даже въ восточной части Подолья всюду хлопы вырѣзали пановъ и арендаторовъ евреевъ, если тѣ не успѣли ускользнуть своевременно. Очередь была за укрѣпленными городами и мѣстечками. Правда, и тутъ всюду былъ элементъ, благопріятствующій возстанію, въ видѣ мѣщанъ, сплошь русскихъ и православныхъ. Но въ каждомъ замкѣ было теперь много вооруженной шляхты, были и надворные панскіе отряды. Хлопы могли голыми руками расправляться съ панами, но, очевидно, не могли брать даже слабо укрѣпленныхъ мѣстечекъ. Но рядомъ по всей территоріи шла усиленная и самопроизвольная организація военныхъ отрядовъ. Это брали на себя люди энергичные и опытные въ военномъ дѣлѣ, иногда заручившись согласіемъ войскового уряда, воплощавшагося теперь въ лицѣ гетмана Хмельницкаго, какъ-бы „заповѣднымъ листомъ", иногда обходясь и такъ, лишь „съ воли люду": было не до формальностей. Эти отряды, или „загоны", въ нѣсколько сотъ, тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ, должны были окончательно очистить Украину отъ всего лядскаго и жидовскаго, и, дѣйствительно, очистили ее. Самымъ страшнымъ изъ нихъ, и по размѣрамъ, и по жестокости своего предводителя, былъ, конечно, отрядъ Кривоноса: изъ Кіевщины черезъ Брацлавщину Кривоносъ перенесъ свою дѣятельность

на Подолье. Всюду, гдѣ проходилъ Кривоносъ, по слѣдамъ его оставались лишь дымящіяся почернѣлыя развалины и трупы. Тоже въ Кіевщинѣ дѣйствовалъ Харченко Гайжура съ Лысенкомъ Вовгуромъ. На Подольѣ Ганжа и Морозенко стояли во главѣ отряда въ 80000 человѣкъ; а кромѣ того, еще были самостоятельные отряды Остапа Павлюка и Антона. На Волыни пріобрѣли извѣстность, какъ предводители, Колодка, Иванъ Дунецъ, Тыса; на Полѣсьѣ—Гловацкій. Конечно, это были имена лишь главнѣйшихъ предводителей; было рядомъ съ ними и еще многое множество другихъ, второстепенныхъ. Но отмѣчать ихъ имена и дѣянья было некому: шляхтичъ, историкъ или авторъ мемуаровъ, съ отвращеніемъ записывалъ имя ненавистнаго и презрѣннаго хлопа, лишь вынуждаемый къ тому крайней необходимостью. Укрѣпленные города и мѣстечки одинъ за другимъ падали подъ натискомъ этихъ отрядовъ, на встрѣчу которымъ стремились симпатіи русскихъ мѣщанъ. Ужасы поголовнаго избіенія, которому подверглись нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, напр. Тульчинъ Немировъ, Полонное, превосходятъ всякое описаніе. Наконецъ взятъ былъ Кривоносомъ и Баръ. Только превосходно укрѣпленный природою Каменецъ-Подольскій остался на всей территоріи Украины одной единственной точкой, гдѣ еще задержалась крупица польско-католической стихіи, которая такъ быстро и вольно разлилась было по Украинѣ. Почти все польское, если не спаслось бѣгствомъ, то погибло; вслѣдъ за нимъ пошли и паны русской крови и православной вѣры, кромѣ тѣхъ, кто вольно или невольно отказался отъ своихъ общественныхъ преимуществъ и „окозачился", или кто успѣлъ попрятаться по монастырямъ, особенно въ Кіево-Печерскую Лавру; а вмѣстѣ съ панами пострадали и тѣ изъ православныхъ русскихъ, кто не успѣлъ во-время отказаться отъ польскаго культурнаго обычая, забиравшаго силу надъ русскими, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Но высшимъ предметомъ народной ненависти, надъ которымъ она изощряла свою мстительную фантазію, были еврей и католическій монахъ. Доминикане, въ память страшныхъ событій этого года, перемѣнили свой черный поясъ на красный, цвѣта крови.

А евреи имѣютъ въ своемъ календарѣ одинъ день, день скорби, напоминающій имъ до сихъ поръ ужасы украинской революціи.

Во всей громадной территоріи Украины нашелся всего только одинъ магнатъ, который прямо несъ свою гордую голову на встрѣчу страшной бурѣ хлопскаго бунта. Это былъ Іеремія Вишневецкій, тотъ легендарный Ярема, самое имя котораго звучало въ ушахъ русскаго населенія, какъ звонъ набатнаго колокола. Съ лѣваго берега Днѣпра, изъ Лубенъ, своей столицы, переправился онъ во главѣ отряда, набраннаго изъ шляхты, сидѣвшей на его земляхъ, обнимавшихъ Полтавскую и значительную часть Черниговской губ., на правый берегъ, прошелъ Украину поперекъ и сталъ на ея западныхъ границахъ. Онъ пробился черезъ море волнующагося, враждебнаго населенія, отмѣчая свой путь страшными жестокостями: онъ не снисходилъ до переговоровъ съ врагами, до того, чтобы захватывать плѣнныхъ: и парламентеры, и плѣнники одинаково шли на колъ. Его выдающіяся военныя способности и мужество доставили ему рядъ побѣдъ надъ предводителями встрѣчныхъ загоновъ, главнымъ образомъ надъ Кривоносомъ; но въ результатѣ онъ могъ только пробиться, и надо сознаться, что и это было слишкомъ много.

Вотъ приблизительные итоги этого ужаснаго лѣта, этихъ трехъ первыхъ мѣсяцевъ, отъ іюня по августъ, открывшихъ собою кровавую эпопею.

Въ 17 украинскихъ королевщинахъ въ руки русскаго населенія перешло 134 города и мѣстечка, изъ которыхъ половина представляла собою настоящіе замки, затѣмъ 4200 деревень, слободъ, хуторовъ, колонизованныхъ боярами или шляхтой, наконецъ до 2000 млиновъ, составлявшихъ важную статью старостинскихъ доходовъ. Имущественныя потери Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Замойскихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, уже не говоря о сотняхъ менѣе важныхъ шляхетскихъ родовъ, вычисляются многими милліонами. Много цѣнностей пошло съ дымомъ или было уничтожено въ слѣпой ярости; но масса драгоцѣнныхъ движимостей захвачена была и населеніемъ. Мѣстная шляхта была очень богата: панскіе дворы полны дорогихъ ве-

щей; подъ самой убогой шляхетской крышей можно было найти какую-нибудь драгоцѣнную вещицу; въ костелахъ множество сосудовъ художественной работы, священныхъ предметовъ, украшенныхъ брилліантами, жемчугами, рубинами, запасы золота и серебра. Все было расхищено до тла; даже изъ гробовъ выбрасывали трупы, чтобъ снимать съ нихъ драгоцѣнныя вещи.

Одинъ современникъ Альбрехтъ Радзивиллъ опредѣляетъ число людскихъ жертвъ этого времени въ милліонъ головъ. На чемъ основана эта цифра? Какъ велика степень ея достовѣрности? По всей вѣроятности, очень не велика. За болѣе достовѣрныя надо считать извѣстія еврейскихъ писателей - современниковъ, оставившихъ описанія бѣдствій своего народа. По этимъ извѣстіямъ, при взятіи Немирова погибло евреевъ 6000, Тульчина и Бара—по 2000, Полоннаго—10000, кромѣ менѣе значительныхъ погромовъ въ Заславлѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Винницѣ, Брацлавлѣ и т. д., въ общемъ разорено до тла 300 еврейскихъ кагаловъ, считавшихъ до 250000 человѣкъ.

Однимъ словомъ, уже къ августу на территоріи Украины не осталось ни одного еврея, какъ не осталось католическаго священника или монаха, польскаго шляхтича или жолнѣра. Но пострадало и русское населеніе. Татары, какъ тотъ злой духъ восточной сказки, котораго такъ легко было вызвать на помощь и такъ трудно отдѣлаться, не могли удовольствоваться гетманами и 8000 рядовыхъ, которыхъ имъ отдалъ Хмельницкій послѣ Корсунской битвы. Подъ предлогомъ готовности на помощь они держались въ предѣлахъ Украины, по среднему Бугу, и распускали свои загоны: захватывая шляхту, — женщины и дѣти всегда доставались имъ при дѣлежѣ добычи съ козаками,—они хватали мимоходомъ и хлоповъ, которые были гораздо многочисленнѣе, и уводили въ Крымъ свой ясыръ. Такова была татарская помощь. Но главная бѣда, которая висѣла надъ русскимъ населеніемъ края и скоро должна была обнаружиться во всѣхъ своихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ,—это была общественная дезорганизація вообще, экономическая въ частности. Населеніе огромной территоріи, сплошь земледѣльческое, въ слѣпомъ увлеченіи побросало въ лѣтніе мѣсяцы свои земли и ушло козако-

вать; къ каждому болѣе благоразумному и осторожному, кто оставался на мѣстѣ, относились съ презрѣніемъ, если не съ прямымъ недовѣріемъ. Какая бѣда могла быть по своимъ ближайшимъ результатамъ страшнѣе этой?

Какъ относился Хмельницкій къ тому, что творилось на Украинѣ? Все дѣлалось помимо него; но знать то, конечно, онъ зналъ обо всемъ. Хорошій хозяинъ, онъ едва ли могъ видѣть безъ скорби водворявшееся хозяйственное запустѣніе и разореніе; совсѣмъ не врагъ шляхетской привиллегированности, какъ таковой, онъ не могъ сочувственно относиться къ хлопской завзятости, сносившей все привиллегированное, во что бы то ни стало: онъ даже давалъ совѣты лично извѣстнымъ ему шляхтичамъ, какъ имъ дѣйствовать, чтобы спастись отъ гибели. Но останавливаться на всемъ этомъ ему было невозможно, некогда: потокъ событій властно уносилъ его, могущественнаго гетмана „Божіей милостью", хотя со стороны могло казаться, что это именно онъ направляетъ событія: оптическій обманъ, постоянно наблюдаемый въ исторіи, какъ и въ жизни. Пока необходимо было сосредоточить все вниманіе на одномъ: на томъ, какъ дать отпоръ Польшѣ, которая, не смотря на междуцарствіе, спѣшила собрать всѣ свои силы въ видѣ посполитаго рушенья (земскаго ополченія). Но Польшу преслѣдовала ея злая судьба. Такъ какъ гетманы были въ плѣну, необходимо было выбрать замѣстителей. Повидимому, въ выборѣ этомъ не могло быть колебаній. Все указывало на Іеремію Вишневецкаго, начиная съ того, что онъ былъ самымъ богатѣйшимъ и, слѣдовательно, наиболѣе лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ изъ украинскихъ магнатовъ, кончая той популярностью, доходившей до обожанія, какой онъ пользовался среди военнаго люда. Но варшавская политика рѣшила иначе. Во главѣ войска сталъ тріумвиратъ изъ людей, которые ни каждый порознь, ни, тѣмъ болѣе, всѣ вмѣстѣ совсѣмъ не годились въ полководцы: „перына", по насмѣшливому выраженію Хмельницкаго, князь Доминикъ Заславскій, толстый бонвиванъ; „латына" — ученый дипломатъ Остророгъ; „дытына" — молодой Конецпольскій.

Польское войско сбиралось медленно: но за то оно представляло квинтъ-эссенцію шляхетской Рѣчи Посполитой. Паны точно сговорились сразить презрѣнныхъ хлоповъ видомъ своей роскоши, утонченности, блестящихъ костюмовъ, изысканныхъ принадлежностей бытового комфорта. Медленно шелъ имъ на встрѣчу отъ Бѣлой Церкви Хмельницкій, стягивая къ себѣ по дорогѣ загоны: онъ поджидалъ на помощь татаръ. Враги встрѣтились недалеко отъ Константинова, надъ рѣчкой Пилявой, подъ Пилявцами. Что произошло тамъ? Чѣмъ объяснить это позорное бѣгство поляковъ до битвы лишь подъ вліяніемъ слуха, и то невѣрнаго, о приближающейся татарской ордѣ? Самое внимательное изученіе историческихъ источниковъ, касающихся этой столь несчастной для поляковъ кампаніи, которая продолжалась всего отъ 11 до 22 сентября, не даетъ никакого разъясненія. Кажется, правильнѣе всего отнести случившееся просто къ „панфобіи", нервной заразѣ, случаи которой еще не разъ и потомъ проявлялись между поляками въ ихъ столкновеніяхъ съ украинскимъ народомъ. Пилявецкія „донативы" (подарки) долго обращались потомъ по Украинѣ: драгоцѣнности продавались мѣшками за баснословно дешевыя цѣны, хлопы ѣли съ серебряныхъ тарелокъ...

Безъ малѣйшаго препятствія войска Хмельницкаго очутились подъ богатымъ Львовомъ, который откупился отъ осады деньгами, потомъ подъ Замостьемъ. Передъ украинскими хлопами лежала совершенно открытою Польша. Волна народной ненависти, которая донесла Хмельницкаго до Замостья, толкала его и дальше, въ глубь края; но эту волну перерѣзало сильное теченіе, царившее въ умахъ болѣе вліятельной части козачества и къ которому примыкалъ цѣликомъ самъ Хмельницкій. Нельзя порывать съ Польшей, такъ думали люди этого настроенія, чтобъ не попасть изъ огня да въ полымя: надо лишь пользоваться моментомъ, чтобы обезпечить Украинѣ тѣ права, въ которыхъ Польша ей отказывала. И вотъ Хмельницкій, стоя на территоріи беззащитной Польши, не только не придпринимаетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а, наоборотъ, постоянно увѣряетъ Варшаву, что онъ ждетъ только конца междуцарствія,

ждетъ, съ полной вѣрой въ его правосудіе, новаго государя, чтобъ поступить согласно его волѣ, какъ подобаетъ истинному вѣрноподданному его королевской милости.

Между нѣсколькими кандидатами на польскій престолъ взялъ верхъ, согласно категорически выраженнымъ желаніямъ козачества, Янъ-Казиміръ, и Хмельницкій тотчасъ же отступилъ на Украину, чтобъ на мѣстѣ ждать прибытія коммиссіи, которую назначитъ король для урегулированія новыхъ отношеній Украины къ Польшѣ.

Коммиссія была снаряжена, съ Киселемъ во главѣ, Брацлавскимъ воеводой, магнатомъ русскаго рода и православной вѣры. Они пріѣхали на Поднѣпровье, въ Переяславль, въ началѣ 49-го года, послѣ торжественнаго въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ: въѣздомъ этимъ и Кіевъ какъ бы получилъ формальное подтвержденіе своихъ старыхъ правъ на званіе столицы православной Украины, и Хмельницкій утверждался всенароднымъ признаніемъ, освященнымъ церковію, во главѣ съ патріархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, въ званіи украинскаго монарха, „illustrissimo principi“. Сосѣднія державы признавали его за таковаго монарха, посылая къ нему пословъ. Дѣло украинскаго народа и его вождя своимъ необычайно быстрымъ успѣхомъ было разомъ вознесено на головокружительную высоту. Тѣмъ труднѣе было дѣйствовать польской коммиссіи, которая пріѣхала улаживать взаимныя отношенія на тѣхъ основаніяхъ, какія казались единственно возможными польскимъ кролевятамъ: не смотря на все случившееся, они допускали лишь нѣкоторыя уступки, но никакъ не радикальное измѣненіе отношеній. Да и какая дипломатія возможна была въ этой атмосферѣ, насыщенной жгучей ненавистью, въ какую попали коммиссары, какъ только вступили на почву Украины? Подъ сильной военной охраной прибыли они въ Переяславль; втеченіе десяти дней ихъ пребыванія здѣсь имъ ежечасно, ежеминутно грозила смерть отъ разъяренной толпы. На предложенія свои они слышали въ отвѣтъ лишь грозный окрикъ: „мовчить ляхи!“ И, наконецъ, когда великодушно рѣшившись пожертвовать для несчастныхъ соотечественниковъ своей панской гордостью, они

дошли до смиренныхъ просьбъ объ отпускѣ польскихъ плѣнныхъ, которыхъ было захвачено множество послѣ первыхъ битвъ и взятія Кодацкаго замка, они съ горечью увидѣли, что и смиреніе ихъ нисколько не трогаетъ торжествующаго врага. Коммиссія отложена была до Троицыной недѣли, „до травы"; но, очевидно, трава нужна была не для дипломатическихъ переговоровъ, а для военнаго похода. Слишкомъ отчетливо чувствовалось всѣми, что еще не наступилъ моментъ, когда можно что-нибудь рѣшать переговорами. Пришла новая весна, и украинскій народъ снова поголовно взялся не за плуги и рала, а за пики и рушницы: Хмельницкій сзывалъ народное ополченіе, а на помощь къ нему шелъ Крымскій ханъ. Въ то же время польское войско, верховнымъ предводителемъ котораго считался самъ король, уже было на готовѣ, и какъ только на Волыни снова появились загоны, оно вступило, чтобъ разгонять ихъ: нѣкоторые города перешли назадъ въ руки поляковъ, въ томъ числѣ Баръ.

Непріятельскія силы встрѣтились снова на той же территоріи, что и въ предъидущемъ году. Осада Збаража, обложеннаго войсками Хмельницкаго и крымцами, такъ героически выдержанная поляками, которыхъ воодушевлялъ Іеремія Вишневецкій, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ польской исторіи; но подъ Зборовымъ, гдѣ украинско-татарское войско встрѣтило польскую армію, спѣшившую подъ предводительствомъ самого короля на выручку Збаража, опять чуть было не повторилась таже картина безудержнаго бѣгства подъ вліяніемъ паническаго страха. Результатомъ пораженія былъ Зборовскій мирный договоръ, заключенный нѣсколько поспѣшно подъ давленіемъ татаръ и представлявшій собою попытку разрубить положеніе, которое нельзя было распутать.

И такъ Зборовскій договоръ, составленный и утвержденный подписью Яна-Казиміра въ августѣ 1649 г., характеризуетъ собою моментъ нѣкотораго временнаго затишья, втеченіе котораго дѣлаются попытки къ упорядоченію отношеній, къ выведенію ихъ изъ хаотическаго состоянія.

Польша признала козацкую Украину, въ предѣлахъ которой прекращало свое дѣйствіе польское право. Предѣлы эти

отмѣчены были не тѣсно: съ запада—Горынь, Случъ и Днѣстръ до Ягорлыка; съ сѣвера—Припять, Днѣпръ по Деснѣ и Ипути, а съ востока и юга нечего было и ограничивать—просто до Московіи и Татаръ. Въ предѣлахъ этой территоріи, которой хватило бы на перворазрядное европейское государство, Украина дѣлилась на 16 полковъ, которые назывались по главнымъ городамъ (на правомъ берегу было 9 полковъ), а полки дѣлились на сотни и пользовались полной автономіей. Всего козацкаго войска, расположеннаго на этой территоріи, вписаннаго въ реестры, полагалось Зборовскимъ договоромъ 40000; но еслибъ эта цифра и соблюдалась, то все-таки она включала въ себѣ значительную массу населенія. Каждый реестровецъ втягивалъ въ привиллегированный классъ всѣхъ своихъ родственниковъ, затѣмъ онъ имѣлъ двухъ помощниковъ, или замѣстителей, пѣшаго и коннаго, которые вмѣстѣ съ своими роднями тоже входили въ составъ козачества. Но Хмельницкій, вмѣстѣ съ прочими русскими, ясно видѣлъ, какъ страшно трудно разбить всю возставшую и „окозачившуюся“ массу украинскаго народа, сбросившую съ себя всѣ старыя обязательства, снова на козаковъ и хлоповъ, то-есть какъ-никакъ, а все-таки на привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ. Однако миръ съ Польшей внѣ этого условія не былъ возможенъ; да едва-ли и самъ Хмельницкій думалъ, что осуществимъ иной общественный строй, исключающій такое раздѣленіе. И вотъ, чтобы облечить переходное состояніе, онъ подъ-рукой еще устроилъ двадцать тысячъ резервнаго войска, которымъ предводительствовалъ его старшій сынъ а тамъ, гдѣ видѣлъ сильное броженіе и недовольство, разрѣшалъ формировать сверхъ того и „охочіе“ полки. Но часть населенія все-таки должна была оставаться внѣ козачества, слѣдовательно, въ хлопствѣ; а главное—въ силу Зборовскаго договора паны могли возвратиться на свои земли. Какая часть населенія оставалась въ распоряженіи пановъ, возвращавшихся по приглашенію Хмельницкаго, видно, напр., хотя бы изъ сохранившихся книгъ гродскихъ земскихъ и поточныхъ житомірскаго повѣта за 1650 г., въ которыхъ оставшіеся на мѣстахъ подданные давали подъ присягой показанія, что въ

панскихъ волостяхъ почти нѣтъ людей; что изъ ста хатъ едва остается 2—4 жилыхъ. О томъ, чтобы вернуть старыя права надъ подданными, панщины, произвольные поборы и т. п., которые водворялись было уже передъ Хмельнищиной на земляхъ стараго заселенія, паны не могли и мечтать пока: слава Богу, если хлопы соглашались платить десятину, да и той нелегко было добиться. А между тѣмъ народъ былъ крайне ожесточенъ уже однимъ появленіемъ польскимъ пановъ, съ которыми онъ надѣялся раздѣлаться на всегда: шляхта же, подъ личиной вынужденнаго смиренія, таила озлобленное недовѣріе и страхъ къ своимъ подданнымъ. Положеніе было крайне напряженное, которое не могло затянуться на долго. Въ то время начали ощущаться всѣ ужасы голода. Уже два года, какъ поля были заброшены, старые запасы истощились, торговый подвозъ со стороны Московіи не могъ удовлетворить нуждъ такой большой территоріи, да у массы населенія не было и средствъ для покупки, такъ какъ все пріобрѣтенное при первомъ разграбленіи шляхетскаго добра и пилявицкая добыча—все успѣло разойтись въ два нерабочихъ года. Народъ выкапывалъ и ѣлъ коренья, ѣлъ листья, пухъ съ голоду и умиралъ во множествѣ по улицамъ и дорогамъ; ежедневно толпы тащились со всѣхъ сторонъ по направленію къ Заднѣпровью, надѣясь тамъ найти пищу. Изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ всюду по Украинѣ бродилъ страшный призракъ голодной смерти; Кіевщина, Волынь, Подолье пустѣли. Въ томительной атмосферѣ этого народнаго бѣдствія зловѣщимъ шепотомъ передавались разсказы о женщинѣ, которая съѣла своихъ родныхъ дѣтей, о другой, которая заманивала къ себѣ гостей, чтобы изъ мяса ихъ приготовлять обѣдъ своимъ домашнимъ... А рука объ руку съ голодомъ появились, какъ всегда, тяжелыя повальныя болѣзни, которыя какъ бы свили себѣ съ тѣхъ поръ постоянное гнѣздо на Украинѣ на долгіе годы: отъ моровой язвы 1650 г. „люди падаютъ и лежатъ какъ дрова къ Днѣстру, около Шаргрода и далѣе къ Брацлавлю", пишетъ одинъ современникъ. Мерзость запустѣнія начала водворяться въ краѣ, еще такъ недавно плѣнявшемъ своей цвѣтущей красотой; вмѣсто пѣнія птицъ слышенъ былъ лишь вой собакъ и волковъ, кото-

рые такъ разлакомились человѣческимъ мясомъ, что кидались на каждаго неосторожнаго, и жалобно выли, если не находили себѣ добычи... При такихъ-то обстоятельствахъ должны было водворяться на Украинѣ новые порядки, вытекавшіе изъ условій Зборовскаго договора.

А Польша между тѣмъ уже давно перестала презрительно трактовать украинскія дѣла, какъ простыя своеволія презрѣнной черни. Хлопъ превратился въ козака, а козакъ принялъ образъ какой-то многоголовой гидры, посягающей на самое существованіе шляхетской Рѣчи-Посполитой. И въ самомъ дѣлѣ, почти на всемъ пространствѣ государства шляхта чувствовала подъ своими ногами подземные толчки, сотрясающіе ту хлопскую почву, на которой опиралось ея существованіе; на Литвѣ и въ Галиціи уже были хлопскіе бунты; отдѣльные загоны переходили изъ Волыни на территорію Польши: а что если и всюду изъ нѣдръ хлопства вылупится козакъ и тотъ или иной Хмельницкій поведетъ чернь на шляхту? Зборовскій миръ не могъ успокоить этихъ опасеній; напротивъ, эта козацкая гидра получила свое законное логовище, откуда ей тѣмъ удобнѣе будетъ замышлять свои ковы на шляхетскую Польшу. Съ другой стороны, хотя Зборовскій договоръ и возвратилъ шляхтѣ ея права на земельную собственность въ предѣлахъ козацкой Украины, но пока эти права были совершенно фиктивными, а будущее... о какомъ свѣтломъ будущемъ подъ козацкимъ режимомъ могла мечтать шляхта? Всѣ же мечты, обширные планы и далекіе виды магнатовъ на захватъ и колонизацію новыхъ земельныхъ районовъ разлетались окончательно. Неудовольствіе было общее и крайнее. Тревожное настроеніе, въ которомъ раздраженіе мѣшалось со страхомъ, страхъ съ надеждой, все это питало легковѣріе во всѣхъ его видахъ. Слухи о всевозможныхъ ужасахъ ходили, какъ достовѣрныя извѣстія объ украинскихъ событіяхъ; разсказы о сверхъестественныхъ явленіяхъ и чудесахъ не возбуждали никакого скептицизма, такъ какъ не могъ же божественный промыселъ безучастно относиться къ такому нарушенію предопредѣленнаго имъ порядка. Въ Барѣ днемъ вышла изъ костела процессія мертвецовъ, замученныхъ Кривоносомъ,

всѣ въ бѣлыхъ саванахъ и съ воплями: „отомсти, Боже нашъ, кровь нашу“! Въ Дубнѣ три распятія, обращенныя на востокъ, сами обернулись на своихъ подставахъ къ западу, т. е. отвернулись отъ козаковъ. Въ Сокалѣ Божія Матерь сама обѣщала монаху побѣду. Даже въ Крыму были небесныя знаменія, которыя, по словамъ плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, ханскіе знахари толковали, какъ обѣщающія побѣду поляковъ надъ козаками. Въ августѣ вернулся изъ плѣна польскій гетманъ Конецпольскій со страстной ненавистью къ козакамъ, со страстной жаждой отомстить имъ и тѣмъ смыть свой позоръ. Тотчасъ же вступилъ онъ въ исправленіе своихъ обязанностей и въ главѣ кварцянаго войска залегъ на Подольѣ, съ нетерпѣніемъ выжидая случая, чтобъ вмѣшаться въ украинскія дѣла. Случай тотчасъ же дали пограничные споры: Подольскіе хлопы не хотѣли признавать границъ, поставленныхъ Зборовскимъ договоромъ, такъ какъ онѣ оказались внѣ козацкой Украины, и Брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ шляхетской Польши, не только набиралъ въ козаки изъ мѣстностей, лежащихъ внѣ указанныхъ предѣловъ, но и занялъ нѣкоторые пункты, не отходившіе къ козакамъ по договору.

Въ самомъ началѣ 1651 г. Калиновскій занялъ безъ сопротивленія Подольскіе замки Ямполь, Шарогродъ, Мурафу. Только въ Красномъ, гдѣ находился самъ Нечай, встрѣтилъ онъ отпоръ. Двое сутокъ обороняли козаки замокъ, и когда наконецъ враги ворвались, то въ одной изъ замковыхъ свѣтлицъ они нашли тѣло Нечая: у изголовья горѣли восковыя свѣчи, дьякъ читалъ надъ покойникомъ, а кругомъ молились его близкіе. Но таково было всеобщее ожесточеніе тѣхъ ужасныхъ временъ, что даже и этотъ торжественный видъ уже поконченныхъ счетовъ съ жизнью, не удержалъ жолнѣровъ. Всѣ присутствующіе были убиты; тѣло брошено на поруганіе. Надо отдать справедливость Калиновскому: онъ былъ сильно возмущенъ такимъ святотатствомъ. Подобные эпизоды глубоко западаютъ въ народную память; вѣроятно, благодаря этому имя и образъ Нечая, очень далекій, повидимому, отъ его реальныхъ чертъ, перешли и въ украинскія думы, и въ польскую поэзію.

И такъ, польское войско захватило часть края, находившагося въ козацкихъ рукахъ, и теперь, ободренное успѣхомъ и обремененное провіантомъ и цѣнной добычей, двигалось вглубь „Бужскаго козачества", прямо на Винницу, гдѣ заперся съ горстью козаковъ полковникъ Богунъ.

Изъ восьмидесяти дѣятелей, имена которыхъ дошли до насъ отъ перваго десятилѣтія Хмельнищины, Богунъ есть несомнѣнно самый замѣчательный. Умъ и энергія въ связи съ выдающимися военными способностями и большой независимостью характера отмѣчаютъ всѣ его дѣйствія; онъ никогда не запятналъ себя безцѣльной жестокостью, а, главное, въ его поступкахъ всегда ощущается присутствіе идеальныхъ мотивовъ, которыхъ какъ бы не достаетъ иногда самому Хмельницкому. Въ столкновеніи подъ Винницей съ Калиновскимъ, къ которому пришелъ на помощь Брацлавскій воевода Ланцкоронскій, Богунъ въ первый разъ выступилъ на историческую сцену и выступилъ блестяще. Вытѣсненный изъ города и изъ замка, Богунъ со своей горстью держался въ монастырѣ, на надбрежной скалѣ. Безпрестанныя вылазки, фигли, на придумываніе которыхъ Богунъ былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ, сдѣлали то, что поляки рѣшились отступить, такъ какъ понесли большія потери. Но тутъ опять повторилось съ польскимъ войскомъ старое несчастіе: разнесся слухъ о томъ, что на помощь Богуну идетъ Хмельницкій съ татарами, и войско разбѣжалось въ паническомъ страхѣ, побросавъ всю свою добычу. Крайне изнуренные козаки Богуна даже не имѣли силъ преслѣдовать бѣглецовъ. Съ этихъ поръ Богунъ выступаетъ, какъ Брацлавскій полковникъ, т. е. предводитель Бужскаго козачества, глава всего Побужья.

Такимъ образомъ еще не наступила весна 1651 г., а уже на югѣ Украины открылись военныя дѣйствія. Но пока обѣ стороны дѣлали видъ, что принимаютъ все происходящее за частное столкновеніе, а сами энергично готовились къ войнѣ. Паны, только что начинавшіе устраиваться въ своихъ имѣніяхъ, снова спасались поспѣшнымъ бѣгствомъ. Въ Польшѣ сбиралось посполитое рушенье: шляхта шла съ необычайной готовностью, съ религіознымъ подъемомъ настроенія, самъ король предводи-

тельствовалъ войскомъ. И въ лагерѣ Хмельницкаго не было недостатка въ готовности, но былъ недостатокъ въ единодушіи. Прежде всего, русскіе горькимъ опытомъ убѣдились, какъ тяжело приходилось расплачиваться за помощь татаръ, которые опять пришли къ Хмельницкому съ ханомъ; а главное самъ украинскій народъ раскололся на козака и хлопа и чувствовалъ это.

Битва дана была „пидъ мистечкомъ та пидъ Берестечкомъ", по словамъ украинской думы, на р. Стыри, въ іюнѣ. Это было первое и страшное пораженіе, которое нанесли поляки Хмельницкому. Причиной пораженія были татары. Ханъ Исламъ-Гирей явился на помощь козакамъ противъ воли, подъ давленіемъ Турціи, которая разсчитывала пріобрѣсти протекторатъ надъ Украиной. Татары не только покинули украинцевъ въ критическую минуту, но захватили съ собой насильно Хмельницкаго, и такимъ образомъ украинское войско осталось безъ вождя. Положеніе сразу сдѣлалось крайне опаснымъ. Огромный украинскій таборъ, окопанный валами съ трехъ сторонъ, а съ четвертой примыкавшій къ болоту, заключалъ въ себѣ до двухсотъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей, стариковъ и духовенства. Изъ числа военнаго люду едва одна пятая состояла изъ реестровыхъ козаковъ; остальное — хлопы, хотя и подѣленные Хмельницкимъ на отряды и пристроенные къ полкамъ, но недисциплинированные, плохо вооруженные, а то и совсѣмъ безоружные. Въ этой пестрой массѣ, предоставленной въ крайне опасный моментъ самой себѣ, наступило разложеніе. Ярко вспыхнуло недовѣріе хлопа къ козаку; чернь подозрѣвала, что старшина выдастъ ее на жертву врагу; явилось нѣсколько партій, которыя боролись одна съ другой; духовенство, вмѣсто того, чтобы явиться въ роли миротворца, усиливало своимъ вмѣшательствомъ раздоры. Богунъ, который выбранъ былъ массой изъ числа прочихъ семнадцати старшинъ какъ бы въ наказные гетманы, нѣсколько времени спасалъ положеніе своей необыкновенной энергіей: поддерживалъ кой-какой порядокъ внутри лагеря, дѣлалъ удачныя вылазки изъ табора, велъ переговоры съ королемъ и разсылалъ шпіоновъ за

вѣстями о Хмельницкомъ, относительно судьбы котораго никто ничего не зналъ въ таборѣ. День и ночь не сходилъ онъ съ коня, пользовался каждой оплошностью врага, былъ всѣмъ—и вождемъ, и начальникомъ штаба, и инженеромъ. Но положеніе было слишкомъ трудно, и тянуть его дѣлалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что къ польскому войску подвезли большія пушки, которыя громили таборъ. Надо было уходить. Богунъ подготовилъ уходъ, перекинулъ мостъ черезъ рѣчку и плотину черезъ болото, которая намощена была изъ возовъ, походныхъ шатровъ, конской сбруи, кожуховъ, человѣческихъ труповъ. Все это онъ устроилъ втихомолку, втихомолку ночью и выбралась часть войска изъ лагеря. Но вдругъ хлопскую массу обхватила паника, въ основаніи которой лежалъ слухъ, что старшина съ козаками ее кидаетъ: народъ разомъ бросился на переправу, давили другъ друга, топили плотину и сами тонули въ болотѣ. Напрасно Богунъ, вернувшись на-встрѣчу, убѣждалъ и уговаривалъ успокоиться и не губить себя и другихъ: ничто не помогало. Тогда онъ прорвался съ своими козаками черезъ польскій отрядъ, заступившій дорогу, и ушелъ въ степь; за нимъ послѣдовали и другіе козацкіе старшины; хлопская масса въ самомъ дѣлѣ осталась „на мясныя ятки". Двѣсти человѣкъ засѣли на болотной кочковинѣ и рѣшились защищаться до послѣдняго. Гетманъ, видя ихъ отчаянную рѣшимость, заявилъ, что оставляетъ имъ жизнь, но они не приняли милости, въ знакъ своей рѣшимости, въ виду войска, побросали въ воду всѣ свои деньги, а потомъ опять взялись за самопалы. Конница не могла съ ними ничего подѣлать; послали пѣхоту, которая оттѣснила ихъ въ болото. Но и здѣсь, стоя по поясъ въ болотѣ, они защищались отчаянно. Наконецъ, остался одинъ, но и тотъ не принялъ пощады, а держался нѣсколько часовъ, пока какому-то мазуру неудалось достать его и зарубить косой. Это изъ польскихъ разсказовъ о хлопской „завзятости".

Такимъ образомъ къ концу лѣта 1651 г. положеніе Украины было критическое. Украинское войско все разсыпалось или истреблено. а между тѣмъ гетманы Потоцкій и Калиновскій съ своими жолнѣрами двигаются въ глубь края; съ сѣвера же идетъ

имъ на встрѣчу съ литовскими войсками Радзивиллъ, который перешелъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый и уже взялъ Кіевъ. Правда, урожай этого лѣта предохранялъ населеніе отъ голодной смерти; но эпидеміи свирѣпствовали по-прежнему, а, можетъ быть, и сильнѣе прежняго, благодаря новому побоищу. А, главное, водворялась анархія въ народномъ настроеніи. Хотя Хмельницкій вернулся на Украину, откупившись отъ своего союзника, хана, но не вернулась съ нимъ та сила обаянія, какою онъ держалъ въ рукахъ украинскій народъ. Масса волновалась, приписывала Хмельницкому вину пораженія подъ Берестечкомъ, сбиралась черная (общенародная) рада на Масловомъ ставу и требовала, чтобъ гетманъ далъ на ней отчетъ въ своемъ поведеніи; выдвигались другіе кандидаты на гетманство; внутренній расколъ и взаимное недовѣріе росли. Если прибавить къ этому, что Хмельницкій только что пережилъ тяжелую семейную драму, которая кончилась позорной казнью его молодой жены, бывшей подстаростины Чаплинской, и потерялъ въ военныхъ стычкахъ своихъ лучшихъ друзей, между прочимъ и Тугай-бея, то можно смѣло сказать, что едва-ли онъ переживалъ въ своей жизни болѣе тяжелыя, болѣе критическія минуты, чѣмъ теперь. И то, что онъ не потерялся въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, лучше всего доказываетъ, что онъ не былъ простымъ человѣкомъ случая. Одновременно устраиваетъ онъ свои семейныя и общественныя дѣла: вступаетъ въ третій бракъ съ немолодой уже вдовой Анной Филиппихой, сестрой двухъ полковниковъ, корсунскаго и нѣжинскаго, братьевъ Золотаренокъ, подпираетъ какъ-то свою расшатавшуюся власть и ведетъ энергично съ поляками переговоры о новомъ мирѣ. Сопротивляться войскамъ, коронному и литовскому, которыя соединились въ глубинѣ Украины, подъ Васильковымъ, при такихъ обстоятельствахъ было прямой невозможностью. Надо было купить миръ какой-бы то ни было цѣной, лишь бы выиграть время. А будущее еще могло представить всякія возможности: недаромъ судьба убрала съ дороги какъ разъ въ такое тяжелое время самаго ожесточеннаго и самаго опаснаго врага украин-

скаго народа, Іеремію Вишневецкаго, который умеръ внезапно въ Паволочи, въ цвѣтѣ лѣтъ и силы, повидимому, отъ холеры.

Конечно, поляки также сильно желали мира: и въ ихъ войскахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни.

Коммиссія, по прежнему съ Киселемъ во главѣ, прибыла въ Бѣлую Церковь, въ то время главный военный украинскій станъ. Этотъ форпостъ, выдвинутый въ дикую степь, превратился какъ бы въ огромный городъ: здѣсь кишѣла масса хлопства, стянутаго со всей козацкой Украины до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ, и посреди этой массы, коекакъ справляясь съ нею, дѣйствовала козацкая старшина. Хлопство не хотѣло слышать ни о какихъ коммиссарахъ, ни о какихъ соглашеніяхъ: конечно, теперь оно хорошо понимало, что всякое соглашеніе кончится для него неизбѣжно панщиной. „Съ ума вы посходили, паны, что-ли“!—такъ привѣтствовалъ коммиссаровъ войсковой писарь Выговскій, „что пріѣхали въ огонь, къ хлопамъ? И мы, защищая васъ, пропадемъ“...

Пропасть старшина не пропала; но она, съ Хмельницкимъ во главѣ, должна была привести въ дѣйствіе всѣ свои силы, всю энергію, чтобъ уберечь коммиссаровъ отъ толпы. Разбивали хлопскіе черепа, снимали съ плечъ хлопскія головы, чтобы удержать чернь отъ штурма замка, гдѣ укрывались коммиссары; при появленіи поляковъ на улицѣ, надъ ними ругались, грозили, бросали камнями, пускали стрѣлы. И хотя въ концѣ концовъ ихъ отпустили живыми, но за то отняли все, что у нихъ было съ собой—деньги и драгоцѣнности, коней и шатры. Тѣмъ не менѣе Бѣлоцерковскій миръ былъ заключенъ: число реестровыхъ уменьшено до двадцати тысячъ, границы козацкой Украины съужены до предѣловъ одного Кіевскаго воеводства. Въ октябрѣ войско оставило Украину, что собственно только и было нужно Хмельницкому. О соблюденіи условій мира онъ не думалъ: да и можно ли было думать объ этомъ? Къ тому же и сама Польша дала на то формальное право: тотъ сеймъ, на которомъ должно было состояться утвержденіе договора, былъ сорванъ, и такимъ образомъ Бѣлоцерковскій договоръ не получилъ юридической силы.

Если Хмельницкій еще недавно допускалъ, что возможенъ modus vivendi между Украиной и Польшей, то теперь уже онъ не думалъ этого. Являлась неизбѣжной какая-нибудь иная политическая комбинація. Двѣ комбинаціи навязывались положеніемъ: одна—протекторатъ Турціи, другая—Московскаго государства. Обѣ, при положительныхъ сторонахъ, представляли и много отрицательныхъ. Выборъ былъ нелегокъ, гетманъ колебался. Но, колеблясь, онъ поддерживалъ съ Москвой и Константинополемъ самыя тѣсныя отношенія, подготовляя свой послѣдній шагъ, но не рѣшаясь его сдѣлать ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ тоже время онъ держалъ по отношенію къ Польшѣ видъ вѣрноподданнической покорности и соблюденія поставленнаго договора. Но этимъ видомъ онъ пользовался лишь для проведенія своихъ собственныхъ цѣлей. Поляки требовали приведенія въ исполненіе условій Бѣлоцерковскаго договора: гетманъ на-встрѣчу ихъ требованіямъ слалъ жалобы, что такіе-то и такіе-то бунтовщики и вожаки своевольной черни не даютъ ему, гетману, несмотря на всѣ желанія, приводить въ исполненіе постановленныя условія. А на Украинѣ, дѣйствительно, появлялись отдѣльныя лица, которыя воплощали въ себѣ народное недовольство положеніемъ дѣлъ вообще, Хмельницкимъ въ частности. Согласно заявленіямъ Хмельницкаго, поляки послали на Украину судную коммиссію, и такимъ образомъ гетманъ, при помощи ихъ и до нѣкоторой степени на ихъ счетъ, раздѣлывался съ вожаками недовольныхъ. На украинскихъ рынкахъ катились головы враговъ гетмана; терроръ сдерживалъ нѣсколько проявленія недовольства; но положеніе дѣлъ не улучшалось. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже пришелъ къ убѣжденію, что положеніе, плохое въ настоящемъ, ничего не обѣщаетъ и въ ближайшемъ будущемъ, и двинулся за Днѣпръ. Втеченіе года, слѣдующаго за Бѣлоцерковскимъ миромъ, масса жителей Поднѣстровья и Побужья ушла и осѣла на берегахъ Донца, Удая, Коломака, Харькова: росла Украина Слободская, и пустѣла настоящая, исконная.

Но разыгрывая передъ поляками видъ покорности, Хмельницкій подъ рукой приводилъ въ исполненіе свои планы. Оче-

реднымъ изъ этихъ плановъ, состоявшимъ, вѣроятно, въ связи съ турецкимъ протекторатомъ, было соединеніе Молдавіи съ Украиной путемъ брака старшаго сына Тимоша съ Розандой, дочерью господаря Лупулла. Ни Лупулъ не хотѣлъ этого брака, ни Польша, его союзница. Калиновскій, послѣ бѣлоцерковскаго мира, стоялъ съ кварцянымъ войскомъ на Побужьѣ и рѣшилъ низачто не пропускать сватовъ въ Молдавію. Для этой цѣли онъ расположился на берегу рѣки Буга, недалеко отъ Ладыжина у горы Батоги, а въ его войско собрался цвѣтъ польскаго рыцарства. Хмельницкій дѣлалъ видъ, что не принимаетъ ни въ чемъ участія, предупреждалъ Калиновскаго о сыновней затѣѣ, а на самомъ дѣлѣ пригласилъ на помощь татаръ и самъ организовалъ предпріятіе, и организовалъ такъ удачно, что польское войско было окружено и потерпѣло ужасное пораженіе, самъ гетманъ Калиновскій убитъ. Дѣло было въ концѣ мая 1652 года. Тимошъ побѣдоносно прошелъ въ Молдавію, и Лупуллъ теперь желалъ только одного: какъ-бы поскорѣе удовлетворить сватовъ. Розанда, утонченная красавица, сдѣлалась женой простака Тимоша. Теперь поляки ясно увидѣли, какъ двусмысленна была относительно ихъ политика „хлопскаго гетмана". Только что наступилъ новый 1653 г.; еще стояла зима, и потому никто не ожидалъ нападенія, какъ на Украину обрушился во главѣ десяти тысячъ кварцянаго войска Стефанъ Чарнецкій, коронный обозный, человѣкъ необыкновенной энергіи, большой опытности „въ козацкихъ фортеляхъ", которымъ онъ обучился у самихъ козаковъ, и нечеловѣческой жестокости: укрощать грозой, топить хлопскій бунтъ въ хлопской крови—только этимъ онъ и руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ. Всюду, гдѣ онъ проходилъ, онъ оставлялъ за собой пустыню, полную развалинъ и пепелищъ, страшную той тишиной, въ которой еще какъ-бы звучали предсмертные стоны замученныхъ людей. О жестокости козаковъ сохранилось много ужасающихъ свидѣтельствъ; но и этихъ козаковъ поражалъ Чарнецкій своей безчеловѣчностью. Не находили оправданій для дѣйствій короннаго обознаго и его соотечественники, какъ они ни были озлоблены противъ украинскаго народа. Въ Погребище Чарнецкій ворвался во время ярмарки,

когда тамъ собралось множество народу: онъ вырѣзалъ всѣхъ, не щадя ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей. Къ счастію, его успѣлъ задержать въ его страшномъ движеніи Богунъ: въ битвѣ подъ Монастырищемъ и самъ коронный обозный былъ опасно раненъ, и войско его все разсыпалось. Такимъ образомъ, вся эта военная экспедиція оставила лишь впечатлѣніе ужасовъ, которые произвелъ Чарнецкій: но терроризировать украинское населеніе было нелегкой, и можно сказать, даже неисполнимой задачей.

Теперь поляки сосредоточили все свое вниманіе на томъ, чтобы мѣшать Хмельницкому въ его Молдавской политикѣ. Тимошъ, отвезя молодую жену на Украину, возвратился съ козаками въ Молдавію и, конечно, руководясь отцовскими планами, затѣялъ войну съ Валахіей. Но предпріятіе оказалось неудачнымъ, валашскій господарь соединился съ седмиградскимъ княземъ Ракочи, получилъ помощь отъ поляковъ; Лупуллъ былъ свергнутъ съ престола, а потомъ и Тимошъ умеръ отъ раны, полученной имъ въ то время, какъ враги осаждали Сочаву, гдѣ онъ заперся. Хмельницкій не успѣлъ во-время придти на помощь. Вся молдавская политика кончилась ничѣмъ, или, точнѣе сказать, тяжелой потерей, смертью сына. Тѣмъ самимъ сошла со сцены и мысль о турецкомъ протекторатѣ. А между тѣмъ осенью, когда смертью Тимоша пришли къ окончательной развязкѣ Молдавскія дѣла, польскій король самъ явился во главѣ войска на Поднѣстровье. На Поднѣстровьѣ же стоялъ и Хмельницкій, къ которому опять пришелъ на помощь татарскій ханъ. Но этотъ такъ называемый Жванецкій походъ обошелся безъ всякаго серьезнаго столкновенія воюющихъ сторонъ: Хмельницкій благоразумно предоставилъ полякамъ сражаться съ стихійными невзгодами: осенними ливнями, холодомъ, недостаткомъ крова и провіанта. Жолнѣры начали бунтовать и разбѣгаться. Состоялся, по настоянію татаръ, Жванецкій миръ. Условія его были какъ бы и выгодны для украинскаго народа: имъ возвращался въ свою силу Зборовскій договоръ. Но въ числѣ этихъ условій было одно, позорное и для поляковъ, и для украинцевъ: татары выговорили себѣ право распустить свои загоны по Украинѣ,

чтобъ набрать себѣ ясыръ въ видѣ контрибуціи. Еще лишній разъ видѣла Украина, какихъ союзниковъ имѣетъ она въ татарахъ. Однако кое-кто на Украинѣ уже зналъ, что гетманъ рѣшился, что послѣдній шагъ уже сдѣланъ, хотя пока еще и держится въ тайнѣ: Украина порываетъ съ Польшей и поступаетъ подъ протекторатъ Московскаго государства.

8 января 1654 г. состоялась Переяславская рада, которая дала окончательную санкцію уже заключенному договору; жизнь украинскаго народа пробивала себѣ новое историческое русло. Договоромъ этимъ количество войска запорожскаго опредѣлялось въ 60 000, а за Украиной обезпечивалась полная свобода суда и самоуправленія.

Рѣшеніе Переяславской рады соединиться съ Москвой не было выраженіемъ единодушной воли, единодушнаго согласія всего украинскаго народа. Высшее кіевское духовенство встрѣтило рѣшеніе съ тревогой и сомнѣніемъ; многіе принесли присягу, но вопреки своимъ убѣжденіямъ; были и такіе, что совсѣмъ отказались отъ присяги, напр. Сирко, позже знаменитый кошевой запорожскій, и брацлавскій полковникъ Богунъ. Но какъ-ни-какъ, а рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и логическія его послѣдствія наступили. Алексѣй Михайловичъ объявилъ войну Польшѣ: одно московское войско двинулось на Литву, другое на Украину. Когда поляки узнали объ оппозиціи Богуна, они предложили ему гетманское достоинство, надѣясь такимъ образомъ удержать за собой Побужье, если не всю правобережную Украину. Богунъ велъ переговоры, затягивалъ ихъ, но это было съ его стороны лишь дипломатической сноровкой: если Богунъ не хотѣлъ московскаго протектората, то еще гораздо меньше хотѣлъ возвращенія къ Польшѣ. Наконецъ, и поляки увидѣли, что здѣсь имъ не на что надѣяться. Переговоры съ Крымомъ тоже затягивались. Хотя ханъ, въ виду соединенія Хмельницкаго съ Москвой, теперь становился естественнымъ союзникомъ Польши, но только къ осени поляки могли добиться высылки на помощь татарскаго войска, и то на тяжелыхъ условіяхъ: татарамъ отдавался на зимовье весь край между Днѣстромъ и Бугомъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ

гарнизонъ былъ на половину польскій, на половину татарскій, чтобы рядомъ съ гетманомъ былъ султанъ-калга, рядомъ съ полковниками мурзы.

Лишь въ концѣ октября коронныя войска стали подъ Шарогродомъ, „украинскими воротами“, и принялись очищать Поднѣстровье. Въ авангардѣ снова шелъ свирѣпый Чарнецкій. Отпоръ встрѣтили въ Бушѣ. Заброшенная у сліянія рѣчекъ Морафы и Буши, окруженная скалами, Буша была столицею „левенцовъ“, или подольскихъ самозванныхъ козаковъ. Они были вытѣснены изъ Могилева и засѣли здѣсь. Всего укрывалось здѣсь до 16000 человѣкъ; однѣхъ женъ козацкихъ было тысячъ шесть. Взятіе Буши Чарнецкимъ принадлежитъ къ числу самыхъ ужасныхъ эпизодовъ всей этой ужасной эпохи. Жители сами зажигали свои дома и умерщвляли себя; женщины кидались съ дѣтьми въ пламя или кидали дѣтей въ колодцы, бросались сами вслѣдъ. Жена сотника Завистнаго сѣла на бочку пороху и подпалила ее, хотя красавица Гандзя могла разсчитывать на пощаду. „Твердыя сердца русскія не имѣли надъ собой никакого состраданія“, говоритъ одинъ польскій историкъ, современный событіямъ. Все остальное высѣкъ, спалилъ, потопилъ Чарнецкій, не выпустилъ ни души. Огромныя богатства, собранныя въ Бушѣ, всѣ погибли въ огнѣ: если Чарнецкій и былъ корыстолюбивъ, то жестокость его брала верхъ надъ корыстолюбіемъ. Польскіе гетманы, по совѣту Чарнецкаго, разбросали по краю универсалы, требуя послушанія и грозя въ случаѣ отказа судьбой Буши. Но ничего не могли дождаться: села опустѣли, мѣстечки окопались, Побужье молчало, положеніе было такое, что весь край нужно было принуждать къ повиновенію штурмомъ.

Въ январѣ 1655 г, встрѣтилось войско польско-татарское съ козацко-московскимъ: это была такъ—называемая Ахматовская кампанія, разъигравшаяся на территоріи Бѣлой-Церкви. Народъ на своемъ образномъ языкѣ говорилъ, что встрѣча враговъ произошла „на Дрыжиполѣ“, такъ какъ дѣло было лютой зимой и всѣмъ приходилось крайне страдать отъ холода. Обстоятельства встрѣчи сложились очень неблагопріятно для

украинцевъ. Поляки окружили часть союзнаго войска, Хмельницкаго съ Шереметевымъ, въ то время, какъ главная масса московскаго войска, ничего не подозрѣвая, спокойно стояла себѣ съ Бутурлинымъ подъ Бѣлой-Церковью. Козакамъ пришлось съ большими потерями пробиваться сквозь непріятелей таборомъ. Таборъ былъ громадный: квадратъ изъ ста тысячъ возовъ, поставленныхъ въ три ряда, скованныхъ цѣпями и уставленныхъ пушками, занималъ площадь до полмили въ длину. Пѣхота дѣйствовала около пушекъ, а въ срединѣ квадрата была заключена конница. Кругомъ этой подвижной крѣпости кипѣли польскія войска, бѣшено кидаясь на нее: послѣ страшныхъ усилій и потерь полякамъ удалось оторвать конецъ табора, но таборъ все таки сомкнулся, и украинцы соединились подъ Бѣлой-Церковью съ московскимъ войскомъ. Поляки считали побѣду своей; но они понесли большія потери, а главное— все это для нихъ не имѣло никакихъ послѣдствій. Край по прежнему лежалъ въ своемъ угрюмомъ и молчаливомъ отпорѣ, не страшась никакого террора, не трогаясь никакими просьбами и увѣщаніями. А между тѣмъ польскіе союзники татары, расположившіеся между Днѣстромъ и Бугомъ, выбирали здѣсь ясыръ, какъ въ завоеванной странѣ. Они хватали все молодое, сильное, красивое, что представляло какую-нибудь цѣнность на восточныхъ рынкахъ. Въ Студеницѣ, Ушицѣ, Бакотѣ, Рашковѣ не стало женщинъ; уводя съ собой кромѣ того огромныя стада коней и воловъ, татары еще требовали, чтобъ союзники давали имъ охрану. Но и охрана не спасала татаръ отъ Богуна, который залегъ съ своими „богуновцами“ въ дикихъ степяхъ, чтобъ отбивать у татаръ ихъ добычу.

Между тѣмъ мрачная грозовая туча облегла Польшу со всѣхъ сторонъ. Положеніе государства казалось безвыходнымъ. Послѣ Смоленска, московскія войска взяли Полоцкъ и Витебскъ, Могилевъ, Ковно, Минскъ и вступили въ Вильно: Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго. Шведы вторглись въ Польшу съ сѣвера и заняли почти все государство съ обѣими его столицами, Варшавой и Краковомъ. Хмельницкій снова стоялъ подъ Львовомъ, держа въ своихъ рукахъ

не только Червонную, но и Холмскую Русь; взятъ былъ и Люблинъ. Таково было положеніе дѣлъ осенью того же 1655 года. Теперь во власти соединеннаго московско-украинскаго войска была судьба русскаго племени во всѣхъ его подраздѣленіяхъ и историческихъ оттѣнкахъ, и, повидимому, Хмельницкій понималъ все значеніе этого обстоятельства: но, къ несчастію, этого не понимали его союзники. Въ слѣдующемъ же 1656 г. московскій царь, плѣненный перспективой, которую выставили ему поляки, получить польскую корону, заключилъ съ Польшей отдѣльный миръ, безъ всякаго участія украинцевъ. Этотъ оборотъ дѣла поразилъ всѣ сознательные и руководящіе элементы Украины, прежде всего, конечно, Хмельницкаго; московскимъ симпатіямъ нанесенъ былъ серьезный ударъ: какъ положиться на такого неустойчиваго покровителя и союзника? какъ быть дальше? Опять появляется мысль о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ: Хмельницкій вступаетъ въ сношеніе съ шведами и венграми. При такомъ то положеніи дѣлъ, изъ котораго не видно было никакого удовлетворительнаго выхода, измученный заботой, умеръ Хмельницкій въ концѣ іюля 1657 года.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ НАЧАЛА 40-ХЪ ГОДОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая настоящую статью г. Рудановскаго, мы считаемъ себя обязанными, какъ по отношенію къ читателямъ, такъ и по отношенію къ самому автору, сдѣлать нѣсколько предварительныхъ оговорокъ.

Въ № 5-мъ текущаго года въ статьѣ „Воспоминанія Іосифа Самчевскаго" мелькомъ упомянуто было о личности Ѳ. А. Китченка, назначеннаго по рекомендаціи Судіенка инспекторомъ Черниговской гимназіи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, мы въ примѣчаніи помѣстили дополнительныя замѣтки о личности Китченка, любезно доставленныя намъ однимъ изъ бывшихъ учениковъ этой гимназіи и вполнѣ согласовавшіяся съ тѣми свѣдѣніями, какія имѣлись у насъ и раньше изъ другихъ источниковъ. Недавно нами получена отъ одного изъ учениковъ г. Китченка первыхъ годовъ его пребыванія въ Черниговѣ печатаемая ниже статья, иначе освѣщающая и оцѣнивающая личность этого педагога.

Съ одной стороны, желая соблюсти вполнѣ безпристрастное отношеніе къ фактамъ, отошедшимъ уже въ область исторіи, а съ другой—не видя особеннаго противорѣчія въ печатаемой теперь характеристикѣ г. Китченка съ тѣми данными, какія были сообщены раньше, такъ-какъ рѣчь идетъ о разныхъ эпохахъ (а вѣдь въ дѣятельности педагога десятокъ лѣтъ иногда даетъ невѣроятныя перемѣны!)—мы помѣщаемъ статью г. Л. Руданов-

скаго въ полномъ ея объемѣ, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести всей статьи заключается совсѣмъ не въ освѣщеніи личности г. Китченка, а въ прекрасной характеристикѣ педагоговъ Черниговской гимназіи начала 40-хъ годовъ.

Еще одна оговорка. Л. Рудановскій, не читавшій воспоминаній Іосифа Самчевскаго въ нашемъ журналѣ, а знакомый съ ними только изъ выдержекъ, напечатанныхъ въ „Новомъ Времени", впадаетъ въ ошибку, приписывая Самчевскому отзывъ о Китченкѣ, кажущійся ему рѣзкимъ. Считаемъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что этотъ отзывъ принадлежитъ не Самчевскому, а одному изъ бывшихъ учениковъ Черниговской гимназіи.

Въ № 6542 газеты „Новое Время", въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ", помѣщены выдержки изъ напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ" воспоминаній Самчевскаго, изображающія въ самыхъ мрачныхъ краскахъ дѣятельность бывшаго инспектора Черниговской гимназіи, Китченка.

Тономъ очевидца и непосредственнаго свидѣтеля Самчевскій говоритъ: „сѣченіе учениковъ было для Китченка истиннымъ наслажденіемъ: это *единственный его трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ*";—„каждый день онъ подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50-ти учениковъ; многіе наказывались по два раза";—„вопль и плачъ дѣтей оглашали все зданіе гимназіи". Въ видѣ иллюстраціи, разсказывается, что ученика Джогина Китченко преслѣдовалъ систематически и истязалъ до такой степени, что отъ красиваго, розоваго и выхоленнаго мальчика осталась лишь тѣнь и что когда пріѣхавшая черезъ годъ мать „увидѣла своего сына блѣднымъ и замученнымъ, съ нею сдѣлался обморокъ; она такъ рыдала, что всѣ ученики прослезились". Далѣе высказывается удивленіе, какъ директоръ Невѣровъ „допустилъ устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины", своего приспѣшника, „гдѣ проливалась кровь дѣтей". „Чрезвычайно странное совпаденіе", говоритъ Самчевскій: „съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально честный директоръ (такъ говорятъ

близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, положительное воплощеніе звѣря, палача".

Я воспитывался въ Черниговской гимназіи съ 1840 по 1846 г.; при мнѣ, въ 1841 или 42 г., былъ назначенъ инспекторомъ Китченко. Какъ современникъ описываемой Самчевскимъ эпохи и очевидецъ происходившаго въ гимназіи въ первыя 4—5 лѣтъ инспекторства Китченка, я положительно утверждаю, что сообщаемыя Самчевскимъ свѣдѣнія невѣрны и крайне преувеличены, что краски наложены имъ слишкомъ густо и грубо: ни воплей, ни стоновъ въ гимназіи не слышалось, каждодневныхъ экзекуцій не происходило, кровь учениковъ не лилась; все это плодъ слишкомъ пылкой фантазіи. Джогиныхъ, двухъ братьевъ, я зналъ лично; младшій, о которомъ, судя по описанію наружности, говоритъ Самчевскій, никакимъ истязаніямъ не подвергался; мелодраматической сцены обморока матери при видѣ блѣднаго и измученнаго сына и общихъ рыданій положительно не было. Наказывать розгами по 50 учениковъ въ день было невозможно уже потому, что высшіе классы, начиная съ 4-го, освобождались тогда отъ тѣлеснаго наказанія по личному усмотрѣнію, безъ постановленія совѣта, а въ 3-хъ параллельныхъ низшихъ всѣхъ учениковъ было около 150. Китченко, правда, былъ строгъ и если наказывалъ, то наказывалъ сильно; но случаи наказаній были нечасты; импонировалъ онъ не столько наказаніями, сколько суровымъ и властнымъ тономъ отрывистой и рѣзкой рѣчи; для лѣнтяевъ и неисправимыхъ шалуновъ онъ былъ дѣйствительно грозенъ; прилежные же и развитые ученики если не любили, то цѣнили Китченка за добро, какое онъ сдѣлалъ для гимназіи, и за водворенный имъ въ ней порядокъ.

Но не въ этихъ преувеличеніяхъ и вымыслахъ главный грѣхъ автора воспоминаній. Еще болѣе грѣшитъ онъ, утверждая, что „сѣченіе учениковъ — единственный трудъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ". Въ этихъ словахъ такая вопіющая неправда и такая возмутительная несправедливость по отношенію къ Ѳ. А Китченку, о которомъ я сохраняю самое признательное вос-

поминаніе, что считаю нравственною обязанностью принять на себя, въ видахъ возстановленія истины, нелегкій въ мои годы трудъ печатнаго опроверженія взводимой на него напраслины.

Оговариваюсь, что буду говорить только о первыхъ 4—5 годахъ инспекторства Китченка. Какова была дѣятельность его послѣ 1846 г. въ Черниговѣ, а потомъ въ роли директора Житомирской гимназіи, я не знаю. На моей сторонѣ преимущество непосредственнаго очевиднаго свидѣтельства, въ то время какъ Самчевскій, не имѣвшій въ мое время ничего общаго съ Черниговскою гимназіею, говоритъ только по слухамъ, принятымъ на вѣру безъ всякой провѣрки.

Утверждаю, что Ѳ. А. Китченко сдѣлалъ для Черниговской гимназіи много, очень много: онъ ее рѣшительно пересоздалъ. Чтобы оцѣнить заслугу его въ этомъ отношеніи, необходимо бросить взглядъ на то, чѣмъ была эта гимназія до назначенія его инспекторомъ.

Приходится разбудить уснувшія было и покрытыя 50-тилѣтнею давностію воспоминанія и представить прежде всего характеристику начальствовавшаго и наставническаго персонала.

Директоромъ былъ Як. Павл. Ростовцевъ. Средняго роста, худощавый старикъ, съ изрѣзаннымъ глубокими морщинами небольшимъ лицемъ, съ откинутою назадъ головою, увѣнчанною зачесанными вверхъ сѣдоватыми волосами, онъ 3—4 раза въ году обходилъ классы. Дверь шумно распахивалась сторожемъ, и въ комнату положительно влеталъ директоръ; круто остановившись посрединѣ и не отвѣчая на общій поклонъ, онъ быстро одинъ за другимъ дѣлалъ вопросы учителю — чѣмъ занимаетесь? какъ они (т. е. ученики) у васъ? за что наказаны (всегда стояло нѣсколько человѣкъ на колѣняхъ)?—и, не выжидая отвѣта, такъ-же быстро вылеталъ въ ту-же, или въ противоположную дверь. Этими рѣдкими визитаціями исчерпывалась, по отношенію по крайней мѣрѣ къ намъ, ученикамъ, дѣятельность директора; никого изъ насъ онъ не зналъ и успѣхами нашими не интересовался, на способъ и пріемы преподаванія никакого вліянія не оказывалъ; держалъ себя весьма надменно и прини-

малъ просителей, даже дома, въ халатѣ (что впрочемъ было въ духѣ того патріархальнаго времени).

Совершенную по внѣшности противоположность директору представлялъ инспекторъ Ив. Матв. Сбитневъ. Насколько первый былъ быстръ и стремителенъ въ движеніяхъ и рѣчи, настолько послѣдній былъ медлителенъ, торжественъ и важенъ: медленная поступь; руки сложенныя на груди; неторопливая, размѣренная рѣчь; выраженіе благодушія и благоволенія на лицѣ; отсутствіе всякой энергіи и инціативы въ характерѣ. Одинаково съ директоромъ, онъ никакого вниманія на преподаваніе не обращалъ; съ учениками обращался привѣтливо и ласково, строгимъ наказаніямъ ихъ не подвергалъ, но донималъ отеческими, весьма длинными нотаціями; о поведеніи же и нравственности ихъ весьма мало заботился.

При столь равнодушномъ отношеніи къ дѣлу начальниковъ, въ преподаваніи господствовала крайняя рутина; среди учениковъ—неразвитость и нравственная неряшливость.

Составъ учителей былъ, за немногими отрадными исключеніями, невообразимо плохъ. Большинство изъ нихъ перешло при учрежденіи гимназіи изъ прежняго 4-хъ класснаго училища и имѣло весьма невысокій образовательный цензъ. Ученіе состояло въ дословномъ зазубриваніи убійственныхъ учебниковъ того времени; учителя не давали, да и не могли давать, по ограниченности знаній и развитія, какихъ-либо объясненій и дополненій. Нѣкоторые отличались невоздержностью и нерѣдко являлись на уроки въ нетрезвомъ состояніи; иные были по своимъ нравственнымъ и умственнымъ свойствамъ предметомъ глумленія и насмѣшекъ учениковъ и, понятно, никакого нравственно-развивающаго вліянія на нихъ имѣть не могли. Въ низшихъ классахъ — ручная расправа, битье линейками и палками по рукамъ, квалифицированное колѣнопреклоненіе на гречкѣ или горохѣ при засученныхъ инекспресибляхъ, оставленіе безъ обѣда — были обычнымъ явленіемъ и при томъ, чѣмъ хуже былъ учитель, чѣмъ меньше могъ онъ импонировать личными качествами, тѣмъ чаще прибѣгалъ онъ къ такимъ искусственнымъ средствамъ возбужденія къ себѣ уваженія. Нѣкото-

рые изъ нихъ живо рисуются теперь въ моей пробужденной памяти.

Законоучитель, соборный протоіерей, о. Петръ Шишовъ—высокій, довольно плотный старикъ, съ жиденькою остроконечною бородкою—всегда являлся въ классъ съ толстою въ кожаномъ переплетѣ библіей, которая служила нерѣдко орудіемъ вразумленій для непонятливыхъ учениковъ. Онъ былъ очень добръ, но необыкновенно горячъ и вспыльчивъ. Ученіе начиналось выслушиваніемъ заданнаго урока, при чемъ половина класса обыкновенно ставилась на колѣни, а по головамъ наиболѣе лѣнивыхъ и непонятливыхъ прохаживалась библія. Потомъ назначался новый урокъ—„до сюда"; объясненія если и давались, то такъ невразумительно, что даже наиболѣе способные не могли понять ихъ; о нравственной сторонѣ религіи, о разъясненіи догматовъ христіанства, значенія таинствъ и церковной обрядности—помину не было. Требовалось дословное заучиваніе безъ всякихъ добавленій.

Учитель географіи Кондратьевъ, средняго роста, съ круглымъ брюшкомъ и отвисшею нижнею губою, являлся нерѣдко въ весьма возбужденномъ состояніи, что̀ тотчасъ же по нѣкоторымъ твердо изученнымъ признакамъ подмѣчалось наблюдательнымъ дѣтскимъ глазомъ. Смущенныя лица невыучившихъ урока тогда просвѣтлялись, книги складывались, на всѣхъ устахъ появлялась улыбка въ предвкушеніи предстоящаго спектакля. А спектакли бывали дѣйствительно интересны. Онъ посвящалъ дѣтей въ самыя интимныя подробности своего хозяйства и своей семейной жизни, разсказывалъ безконечное множество чудесныхъ случаевъ, въ которыхъ всегда игралъ самую дѣятельную роль. Разсказъ слѣдовалъ за разсказомъ, съ своеобразной жестикуляціей и мимикой; время уходило; слышался звонокъ, и учитель, торопливо указавъ слѣдующій урокъ, быстро удалялся. Не то бывало при нормальномъ состояніи: сперва просматривались рапортички т. наз. аудиторовъ, и получившіе дурныя отмѣтки ставились на колѣни; потомъ спрашивался урокъ; учитель бывалъ строгъ и суровъ, число колѣнопреклоненныхъ увеличивалось. Затѣмъ производилось объясненіе слѣ-

дующаго урока, т. е. собственно не объясненіе, а повтореніе того же учебника, съ тою же массою ничего неговорящихъ названій городовъ, озеръ и рѣкъ и съ тѣми же кожевенными, салотопенными и мыловаренными заводами, которые, оказывалось, составляли особенности всѣхъ городовъ россійскаго царства отъ Чухломы до Кобелякъ; голосъ учителя постепенно возвышался и доходилъ до крика при произнесеніи нѣкоторыхъ любимыхъ названій, какъ Титтикака, Маракаибо и т. под. Урокъ оканчивался. Учитель, видимо довольный собою, переходилъ въ обычный добродушный тонъ; наказанные прощались, и въ заключеніе разсказывался заранѣе припасенный анекдотъ, возбуждавшій общій хохотъ, подъ шумъ котораго учитель удалялся. Онъ былъ человѣкъ добрый, но ученики не питали къ нему ни малѣйшаго уваженія и подсмѣивались надъ его безконечнымъ враньемъ.

Учитель русскаго языка Розовъ—смирный человѣкъ, съ грязно-желтымъ цвѣтомъ лица и длиннымъ, вѣчно перепачканнымъ въ табакѣ носомъ—читалъ по грамматикѣ Востокова, которую зналъ наизусть и требовалъ того-же отъ питомцевъ. Объясненія заключались въ перефразировкѣ сказаннаго въ учебникѣ и ничему не научали. Диктовку поручалъ лучшему ученику, а самъ засыпалъ; этимъ пользовались шалуны, и начинались различныя игры—сперва тихо, потомъ громче и громче. Кто-нибудь вскрикивалъ, учитель просыпался, и начиналась среди общаго хохота, расправа: классъ наполнялся поставленными на колѣни. Иногда Розовъ приходилъ въ поэтическое настроеніе и могильнымъ голосомъ, съ сильно провинціальнымъ акцентомъ, начиналъ декламировать стихи. Любимыми были— „О, сизокрылая ласточка, о, миловидная птичка", или Востоковское „Хоть весною и тепленько...". Декламація эта, при оригинальной, а въ этихъ случаяхъ и умиленной фигурѣ учителя и при его глухомъ, замогильномъ голосѣ, была такъ комична, что мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Вліянія на учениковъ онъ не имѣлъ никакого; его не уважали и нерѣдко глумились надъ нимъ.

Учитель французскаго языка—Фешо, изъ барабанщиковъ великой арміи, попавшій въ плѣнъ и оставшійся здѣсь просвѣщать россійское юношество. Коротенькій, толстый человѣкъ, переваливавшійся при ходьбѣ, съ торчащими бровями, придававшими его комичной фигурѣ уморительный характеръ, почти всегда притомъ пьяный, онъ, не смотря на 30-лѣтнее житье въ Россіи, не зналъ ни одного почти русскаго слова. Въ ожиданіи его прихода ученики выстраивались передъ дверью въ двѣ паралельныя шеренги; при появленіи учителя раздавались крики—bonjour mr Fechau, мяуканье, визгъ, свистъ; двое-трое мальчугановъ выскакивали изъ рядовъ и выдѣлывали передъ нимъ невозможные антраша: иной кувыркался черезъ голову, иной шелъ на четверенькахъ, третій нацѣпливалъ сзади бумажку на пуговицу вицмундира. Фешо торжественно вступалъ въ классъ, съ словами—„grosses bêtes, polissons! я будетъ сѣкалъ". Но нѣсколько любезныхъ словъ, нѣсколько маленькихъ услугъ,—и добрый старикъ успокаивался. Начинался урокъ. Ученики не понимали учителя, учитель учениковъ, и въ результатѣ никто ничему не выучивался; многіе читали, выговаривая каждую букву, а тѣ, кто зналъ что-либо до поступленія въ гимназію, забывали прежнее. Обыкновенно ученики тѣсною толпою окружали учительскій столъ, отвѣчая на вопросы разомъ, кому что вздумается; шумъ, гамъ, свистъ раздагались въ классѣ. Какой-нибудь мальчуганъ, пристраиваясь сзади, все прицѣливался ладонью къ плѣши учителя и, наконецъ, не соразмѣривъ движеній, звонко хлопалъ по лысинѣ. Иногда производилось бомбардированіе учителя катышками пережеванной бумаги. Терпѣніе Фешо истощалось, онъ звалъ инспектора. Неторопливою походкою, со сложенными накрестъ руками, являлся нахмуренный Иванъ Матвѣевичъ; производилось разслѣдованіе; дѣти не выдавали товарищей, виновныхъ не оказывалось. Все оканчивалось чувствительною нотаціею и приказаніемъ извиниться, что и исполнялось къ общему удовлетворенію.

Учитель нѣмецкаго языка Ратынскій, больше извѣстный подъ данною школьниками кличкою „гаметеръ", къ которой онъ такъ привыкъ, что и самъ откликался, если къ ней при-

бавлялось слово „герръ“. Толстый, рябой, неряшливый и необычайно трусливый чудакъ, въ косо накинутой на плечи шинели, одна пола которой, волочившаяся по землѣ, всегда была въ грязи, съ обмотаннымъ вокругъ шеи грязнымъ шерстянымъ платкомъ и съ толстою, наполненною книгами и бумагами, папкою подъ мышкою. Онъ также былъ предметомъ общаго глумленія. Легенда шла, что нѣкогда онъ былъ выдающимся по способностямъ и трудолюбію воспитанникомъ виленскаго университета и готовился къ профессурѣ; но что гроза, разразившаяся надъ университетомъ, до того потрясла его робкую и пугливую натуру, что онъ остался запуганнымъ и всего боящимся на всю жизнь. Крайняя бѣдность, обусловленная необходимостью жить съ семьей на одно тогдашнее нищенское жалованье, довершила приниженность этого подававшаго было большія надежды человѣка. Ученики продѣлывали съ нимъ безобразныя, но казавшіяся тогда только забавными, штуки: то собирали между собою нѣсколько мѣдныхъ монетъ и представляли ему, какъ найденныя, съ вопросомъ, не онъ ли потерялъ? „О, да, meine lieben, я сгубилемъ“, отвѣчалъ онъ, поспѣшно схватывалъ ихъ и опускалъ въ свой карманъ;—то приносили съ собою нѣсколько купленныхъ на базарѣ селедокъ или толстыхъ блиновъ и незамѣтно вкладывали въ его папку; при выходѣ шалость обнаруживалась; учитель, нисколько не сердясь, завязывалъ находку въ свой носовой, перепачканный въ табакѣ, платокъ и уносилъ съ собою;—иногда кто-нибудь, въ разсчетѣ на невѣроятную трусливость учителя, вскрикивалъ: „инспекторъ или директоръ идетъ“! Бѣдный Ратынскій блѣднѣлъ и растеривался: дрожащими руками старался пригладить волосы и растрепывалъ ихъ еще больше, силился застегнуть вицъ-мундиръ и не могъ....; наконецъ раздавался общій хохотъ. Понявъ шутку, онъ успокаивался и такъ бывалъ радъ минованію тревоги, что не сердился даже на шалуновъ. Училъ онъ порядочно; у него была своя весьма правильная система преподаванія; но всѣ усилія разбивались о господствовавшее тогда нерасположеніе къ нѣмецкому языку, такъ что выучивались у него чему-нибудь очень немногіе. Нравственнаго вліянія на учениковъ онъ

не имѣлъ никакого; его жалѣли, но не уважали и, при случаѣ, зло подсмѣивались.

Общимъ пугаломъ, предъ которымъ трепетали распущенные школьники, былъ учитель латинскаго языка Климовскій. Онъ былъ непомѣрно строгъ и взыскивалъ за всякую ошибку въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и въ безконечныхъ исключеніяхъ изъ правилъ; къ ручной расправѣ онъ, правда, не прибѣгалъ, но наибольшая часть наказанныхъ голодомъ и розгами приходились на его долю. Его боялись, отъ него бѣгали, а потому нравственнаго вліянія онъ имѣть не могъ.

Если эту галлерею дополнить учителемъ рисованія и чистописанія, дряхлымъ и вѣчно пьянымъ старикомъ Зайцевымъ, любившимъ ругаться неприличными словами, и преемникомъ его—молодымъ, непомѣрно длиннымъ господиномъ, имѣвшимъ дурную привычку наказывать за ошибку въ письмѣ или кляксу по рукамъ толстою палкою, и, наконецъ, добрымъ чудакомъ Народоставскимъ, учившимъ всему понемногу, то будетъ исчерпанъ весь учительскій персоналъ низшихъ классовъ. Кто былъ учителемъ математики—не помню; но именно изъ того, что въ памяти моей не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ этой личности, я заключаю, что онъ былъ человѣкомъ довольно безцвѣтнымъ и ничѣмъ не выдававшимся ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Отъ названныхъ учителей мы не слышали ни одного живого слова, ни одного нравственно-руководящаго наставленія; рутина и пошлый педантизмъ господствовали въ преподаваніи; никто и ничто не будило мысли; работала одна память, вызубривая массу неосмысленныхъ правилъ и фактовъ. Ограниченность умственнаго развитія и низменность нравственнаго уровня большинства учителей производили деморализующее вліяніе. Спало все: спало начальство; полусонными, а часто—пьяными являлись на уроки неряшливые учителя; въ дремотномъ состояніи пребывали питомцы, находя исходъ избытку молодыхъ силъ въ болѣе или менѣе грубыхъ шалостяхъ.

Оговариваюсь: учителей старшихъ классовъ я, находясь во 2 и 3 классѣ, не зналъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ которыми пришлось познакомиться позднѣе, скажу впослѣдствіи.

И вотъ въ это сонное царство, въ затхлую среду этихъ непризванныхъ педагоговъ вступилъ, въ качествѣ инспектора, Фед. Андр. Китченко.

Директоръ, съ закинутою назадъ болѣе чѣмъ когда-либо и растрепанною головою, провелъ его по классамъ и представилъ ему учителей и учениковъ. Средняго роста, худощавый, смуглый брюнетъ, съ небольшими висячими бакенбардами, онъ всею своею небольшою, какъ бы сбитою, фигурою, упорнымъ взглядомъ строгихъ глазъ, твердою поступью согнутыхъ въ колѣняхъ ногъ выявлялъ рѣшительный и твердый характеръ и сильную волю. Директоръ передъ нимъ какъ-то стушевывался. Впечатлѣніе, произведенное имъ на учениковъ и учителей, было различно. Мы, дѣти, инстинктивно поняли, что въ этомъ довольно благообразномъ и щеголевато одѣтомъ человѣкѣ есть нѣчто новое для насъ, незаурядное; мы сразу безсознательно насторожились и встрепенулись. Учителя, избалованные патріархальнымъ отношеніемъ къ нимъ Ивана Матвѣевича, встрѣтили новаго инспектора угловатыми поклонами, подобіемъ улыбки на лицахъ и съ оттѣнкомъ независимости во взглядахъ. Вслѣдъ за уходомъ посѣтителей, Кондратьевъ сообщилъ, что Китченко долженъ быть очень силенъ: онъ зналъ такого же худощаваго человѣка, который поднималъ одною рукою 25 пуд.; самъ онъ, Кондратьевъ, одинъ разъ перебросилъ 2-хъ пуд. гирю черезъ крышу своего дома съ такою силою, что гиря зарылась на аршинъ въ землю. Народоставскій задался вопросомъ, происходитъ ли фамилія Китченко отъ слова „китъ“ или „кичиться“. Фешо заявилъ на своемъ невозможномъ языкѣ, что онъ желаетъ, чтобы „Jean Matthieu“ оставался инспекторомъ и что новаго онъ не хочетъ. Зайцевъ ничего не сказалъ, потому что былъ пьянъ до неспособности даже выругаться. Одинъ Ратынскій, отдохнувши послѣ пережитаго страха, замѣтилъ: „то не Ив. Матв.; prędko zobaczymy“. Вообще же впечатлѣніе было скорѣе спокойное, чѣмъ тревожное.

Послѣдовавшія за оффиціальнымъ вступленіемъ въ должность первыя недѣли какъ бы оправдывали оптимизмъ учителей. Китченко являлся въ гимназію къ началу занятій и знакомился съ учителями, посѣщалъ ихъ уроки, у иныхъ по нѣскольку разъ; ни одобренія, ни порицанія не высказывалъ, замѣчаній не дѣлалъ. Знакомился съ бытомъ учениковъ, обходя часто ихъ квартиры, разспрашивая объ условіяхъ жизни, требуя отъ хозяевъ чистоты и опрятности въ квартирахъ и доброкачественности даваемой ими дѣтямъ пищи. Было нѣсколько случаевъ наказаній за шалости и лѣность, убѣдившіе насъ, что новый инспекторъ шутить не любитъ.

Казалось, все шло обычнымъ порядкомъ; никакихъ перемѣнъ впереди не предвидѣлось, ни тревогъ, ни опасеній никѣмъ не ожидалось.

И вдругъ грянулъ громъ. „Стонъ и вопли", по выраженію Самчевскаго, раздались въ гимназіи, но не въ средѣ учениковъ, а учителей. Большая часть ихъ была постепенно уволена въ отставку. Первымъ ушелъ о. Шишовъ, за нимъ послѣдовали Кондратьевъ, Розовъ, Фешо, Климовскій, Зайцевъ и нѣсколько другихъ изъ высшихъ классовъ, фамилій которыхъ не помню. На смѣну ихъ явились молодые преподаватели съ университетскимъ образованіемъ, съумѣвшіе осмыслить и оживить преподаваніе и возбудить въ ученикахъ любознательность и охоту къ ученію. Все встрепенулось и поднялось; наступила для гимназіи новая эра ея существованія.

Конечно, Китченко не былъ единственнымъ виновникомъ совершившейся перемѣны. Почва для нея была подготовлена предшествовавшей ревизіей, обнаружившей невозможно жалкое состояніе гимназіи. Его заслуга заключается въ томъ, что, благодаря его энергической настойчивости, преобразованіе совершилось съ непривычною въ то время быстротою и рѣшительностію, и что при этомъ онъ сумѣлъ отличить овецъ отъ козлищъ и сохранить для гимназіи изъ учительскаго персонала все, что было въ немъ порядочнаго и полезнаго.

Остались: въ низшихъ классахъ Ратынскій и Народоставскій, въ высшихъ Мокіевскій, Больманъ и Паевскій. Скажу, что припомню о трехъ послѣднихъ.

Учитель латинскаго языка, незабвенный Павелъ Ив. Мокіевскій былъ почтенный плотный старикъ, выше средняго роста, съ рябоватымъ широкимъ лицомъ и постоянною доброю улыбкою на устахъ. Онъ не былъ красивъ, но въ его небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось столько доброты, сердечности, благорасположенности и участія ко всѣмъ, что не любить его было невозможно, и мы всѣ любили и глубоко уважали эту славную личность.

Какъ преподаватель, Павелъ Ив. близко подходилъ къ типу того идеальнаго воспитателя, какой нарисованъ Гоголемъ во 2-й части Мертвыхъ Душъ. Большой латинистъ и глубокій знатокъ римской исторіи и римскаго быта, онъ страстно любилъ свой предметъ и умѣлъ заинтересовать имъ питомцевъ. Весьма своеобразное преподаваніе заключалось въ заучиваніи словъ и идіомовъ языка, въ переводахъ и объяснительномъ чтеніи классическихъ авторовъ, переходя постепенно отъ легчайшихъ по изложенію къ болѣе и болѣе труднымъ, при чемъ попутно объяснялись особенности и формы языка не въ видѣ сухихъ правилъ, а въ живомъ изложеніи. Заучиваніе словъ не было обязательнымъ, а предоставлялось усмотрѣнію и желанію каждаго. Но мы знали, какое удовольствіе доставляло Павлу Ив. знаніе возможно бóльшаго числа словъ, и другъ передъ другомъ старались его утѣшить. Слова и фразы, взятыя изъ назначеннаго для перевода мѣста, выписывались каждымъ въ отдѣльныя тетрадки, съ подсчетомъ числа ихъ; тетрадки эти клались, предъ приходомъ учителя, на столъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ веселѣе становилось лицо Павла Ив., тѣмъ шире расплывалась на лицѣ его добрая, милая улыбка. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія заносилъ онъ въ свой журналъ число выученныхъ каждымъ словъ и дѣлалъ провѣрку нѣкоторыхъ случайно вынутыхъ тетрадокъ. Нѣкоторые ученики доходили до виртуозности и „сдавали“ до тысячи словъ каждогодно, средняя же цифра колебалась между тремя и шестью сотнями. Затѣмъ начиналось спрашиваніе назначенныхъ на урокъ переводовъ. При удачныхъ отвѣтахъ доброе лицо учителя сіяло, при неудачныхъ же на немъ выражалось такое огор-

ченіе, что всѣ мы проникались негодованіемъ и укоризною по отношенію къ лѣнивцу, огорчившему Павла Ив. Никакихъ наказаній не полагалось, никогда мы не слышали отъ него грубаго и рѣзкаго слова. „Жаль, очень жаль", говаривалъ онъ по адресу незнающаго урока, переходя на „вы", что̀ одно считалось уже наказаніемъ; „жаль васъ;—не перейдете въ слѣдующій классъ, огорчите вашихъ родителей". Этимъ ограничивался выговоръ, но провинившійся, подъ его нравственною тяжестію и подъ укоризненными взорами товарищей, чувствовалъ себя весьма неловко и въ большинствѣ случаевъ старался исправиться: неисправимыхъ и безусловно плохихъ учениковъ у Павла Ив. совсѣмъ не бывало.

Самой занимательной и многополезной частью уроковъ Павла Ив. было объяснительное чтеніе классическихъ авторовъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, со строгою послѣдовательностью знакомилъ онъ насъ съ характеромъ и смысломъ древнеримскаго быта, останавливаясь преимущественно на подвигахъ самоотверженной любви къ родинѣ, преданности идеѣ, гуманности и справедливости. Передавая эти подвиги своимъ яснымъ образнымъ языкомъ, увлекаясь ими самъ, онъ заронялъ въ молодыя воспріимчивыя души сознательную любовь къ родной землѣ, чувства добра и правды.

Непривычная современному уху скандировка стиховъ пріобрѣтала въ устахъ учителя, подъ вліяніемъ умиленія и чувства, какими онъ бывалъ проникнутъ, особую пѣвучесть и торжественность.

Вліяніе его на учениковъ было громадно; въ „*докитченковское*" время онъ одинъ только, да развѣ еще Больманъ, будилъ мысль и возбуждалъ любознательность.

Павелъ Ив. никогда не былъ женатъ и жилъ въ полномъ одиночествѣ. Гимназія замѣняла ему семью, ученики были его дѣтьми, составляли предметъ его заботъ, тревогъ и, по временамъ, торжества.

Миръ праху нашего милаго, добраго старика-наставника! Много поколѣній учениковъ прошло предъ его любящимъ взоромъ и получило отъ него задатки чести, добра и правды. Увѣ-

ренъ, что никто изъ насъ не вспомнитъ о немъ безъ чувства глубокой любви и сердечной признательности.

Учитель физики Больманъ, высокій, плотный, красивый брюнетъ, всегда невозмутимо спокойный, зналъ основательно свой предметъ и, несмотря на затрудненіе съ русскою рѣчью, излагалъ его ясно и вразумительно. Онъ избѣгалъ сложныхъ формулъ и вычисленій и, при полномъ отсутствіи пособій, давалъ вполнѣ отчетливое представленіе о физическихъ явленіяхъ. Въ частной жизни онъ держался особнякомъ, не сходясь съ коллегами.

Совершенно иной типъ представлялъ собою учитель исторіи Ив. Ив. Паевскій. Худощавый, молодой человѣкъ, небольшого роста, очень опрятный, весь какой-то прилизанный, онъ отличался точностію и аккуратностью. Манкировокъ уроками и опаздываній у него не полагалось. Твердо выучивъ наизусть тогдашніе учебники—всеобщей исторіи Кайданова и русской—Устрялова, онъ требовалъ и отъ учениковъ дословнаго заучиванія; никакихъ измѣненій, даже перестановки словъ не допускалось: стукъ костлявыхъ пальцевъ по столу и недовольное „то нѣтакъ“ (sic) сразу водворяли порядокъ. До Карамзина онъ не доходилъ, къ новымъ тогда учебникамъ Смарагдова и Соловьева относился скептически и, какъ только Смарагдовъ смѣнилъ оффиціально Кайданова, призналъ для себя затруднительнымъ заучивать наизусть новый учебникъ и поторопился воспользоваться предложеніемъ перемѣнить свой неудобоизлагаемый предметъ на занятіе латинскимъ языкомъ въ младшихъ классахъ, гдѣ, конечно, былъ болѣе на мѣстѣ. Впослѣдствіи Паевскій долгое время занималъ должность нотаріуса, вполнѣ подходящую къ его педантичнымъ и экономическимъ наклонностямъ, и умеръ недавно въ глубокой старости.

Какъ учитель исторіи, И. И. не выходилъ изъ тѣсныхъ рамокъ учебниковъ; уроки его заключались въ дословномъ произнесеніи того, что ученики обязывались выучивать также дословно[1]); вліянія на учениковъ не имѣлъ никакого, уваженіемъ

---

[1]) Причемъ съ особымъ паѳосомъ и съ глазами. съуженными отъ наслажденія, произносилъ фразы, въ родѣ: „изъ глубины Азіи тучи варваровъ нахлы́нули

съ ихъ стороны не пользовался, напротивъ, былъ предметомъ вышучиваній и школьныхъ шалостей. Заранѣе, напримѣръ, подыскивались синонимы, умышленноприлагательныя переставлялись обратно учебнику: ученикъ говорилъ—„Дмитрій Донской умеръ“, а учитель съ обычнымъ стукомъ поправлялъ „преставился“, „Александръ Невскій скончался“,—поправка „опочилъ въ Бозѣ“; „Петръ Великій“—„нѣтакъ, Великій Петръ“, и далѣе безъ конца; учитель волновался, стукъ учащался и въ результатѣ—дурныя отмѣтки и, по временамъ, приглашеніе инспектора для водворенія порядка.

Иногда школьничество принимало другія формы: учитель имѣлъ привычку, спрашивая уроки, ходить по классу и по временамъ останавливаться, налегая на первую партію; школьники подмѣчали, въ какихъ брюкахъ приходилъ онъ въ гимназію, и если въ свѣтлыхъ, то лицевая доска партіи спѣшно натиралась мягкимъ карандашемъ: учитель перепачкивалъ свои свѣтлые брюки; если въ темныхъ, то приготовлялся мѣлъ, и когда онъ, ходя по классу, направлялся въ одну сторону, партія за спиною его натиралась мѣломъ: послѣдствія были тѣже. Иногда какой-нибудь бойкій ученикъ прочитывалъ предъ уроками соотвѣтственныя мѣста въ исторіяхъ Карамзина или Смарагдова и вставлялъ въ отвѣтъ заимствованные оттуда свѣдѣнія, или же отвѣчалъ урокъ своими словами; учитель недоумѣвалъ, растерялся, останавливалъ, стучалъ; ученикъ возражалъ, ссылаясь на источники; происходила бурная сцена, и либеральный школьникъ терялъ надолго расположеніе наставника.

Другою заботою Китченка съ самаго начала было улучшеніе по возможности быта учениковъ.

До него дѣти состоятельныхъ родителей помѣщались на квартирахъ у инспектора (у директора, кажется, пансіонеровъ не бывало), нѣкоторыхъ учителей и въ частномъ пансіонѣ вѣчно пьянаго нѣмца Капеллера. Это была ученическая аристократія.

(sic) на русскую землю“, или „на горизонтѣ русской исторіи появилась свѣтозарная звѣзда: это былъ геній Петра Вел.“.

Разсчитывая на вліяніе и заступничество хозяевъ, ученики эти пользовались льготою ничего не дѣлать, не всегда являться на уроки и, между тѣмъ, быть постоянно переводимыми въ высшіе классы и получать большую часть школьныхъ наградъ. Капеллеръ же за наградами для своихъ квартирантовъ не гонялся, но путемъ заискиваній, угощеній и подарковъ достигалъ переводовъ въ слѣдующіе классы. Такія поблажки совершались открыто, безъ всякихъ маскировокъ, возбуждая въ юныхъ сердцахъ чувство горечи отъ сознанія неправды. Остальные ученики жили—немногіе у родителей и родственниковъ, а большинство на частныхъ квартирахъ, человѣкъ по 10 и 20 вмѣстѣ. Что это были за квартиры — гадко вспомнить. Оплачивались онѣ, правда, дешево—рубля по 3 въ мѣсяцъ со столомъ и не болѣе 1 руб. безъ стола, но за то и услугъ отъ хозяевъ мало полагалось. Еще пища, благодаря баснословной тогдашней дешевизнѣ, была сносная и приготовлялась изъ свѣжихъ, припасовъ, хотя безвкусно и неряшливо; но въ самыхъ помѣщеніяхъ—невообразимая грязь, неряшливость, отсутствіе самыхъ примитивныхъ удобствъ, смѣшеніе возрастовъ было обычнымъ явленіемъ. Въ лучшемъ случаѣ взрослые ученики, а такихъ въ то малокультурное время было много, избирали для себя самую отдаленную комнату и пребывали тамъ большею частію при закрытыхъ дверяхъ; тамъ же, гдѣ уединяться по расположенію комнатъ было нельзя, всѣ безцеремонныя отправленія здоровыхъ, брадатыхъ юношей, до водки, картъ и гетеръ включительно, совершались предъ глазами дѣтей - соквартирантовъ. Для каждой квартиры назначался инспекторомъ „старшій", обязанный наблюдать за поведеніемъ и занятіями учениковъ младшихъ классовъ (старшіе, начиная съ 4-го, отъ надзора освобождались) и получавшій за это даровые столъ и квартиру и маленькую плату отъ дѣтей; но надзоръ былъ чисто номинальный, для очистки совѣсти; на дѣлѣ же онъ парализовался совмѣстнымъ съ дѣтьми житьемъ учениковъ, не подлежавшихъ надзору.

Самые бѣдные нанимали квартиры безъ стола и продовольствовались припасами, высылаемыми изъ деревень. Китченко, вслѣдъ за водвореніемъ въ Черниговѣ, обратилъ вниманіе на

эти злосчастныя квартиры и, путемъ убѣжденій, настойчивыхъ требованій и угрозъ лишить права содержать гимназистовъ, побудилъ хозяевъ наблюдать за чистотою; кое-какія улучшенія стали сразу обнаруживаться; подтянулъ онъ также и „старшихъ“: оргіи и безшабашность привычекъ нѣсколько поуменьшились.

Это были первые шаги. За этимъ онъ задался мыслію замѣнить вредное во всѣхъ отношеніяхъ пансіонерство у учителей устройствомъ пансіона при гимназіи. Обстоятельства благопріятствовали: почетнымъ попечителемъ гимназіи былъ избранъ дворянствомъ богатый, добрый и благожелательный помѣщикъ М. I. Судіенко, сразу оцѣнившій побужденія Китченка и пошедшій на встрѣчу его предположеніямъ. Совокупныя усилія ихъ, опиравшіяся на крупныя пожертвованія попечителя, увѣнчались успѣхомъ: благородный пансіонъ былъ открытъ, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, зависѣвшихъ отъ тѣсноты помѣщенія, въ самомъ домѣ гимназіи.

Значительная часть этого небольшого стараго, 3-хъ этажнаго дома занималась прежде квартирами директора и инспектора. Китченко же въ квартирѣ своего предшественника не поселился; какъ разрѣшился квартирный вопросъ по отношеніи къ директору Ростовцеву—не знаю, но замѣнившій его вскорѣ Я. М. Невѣровъ жилъ внѣ гимназіи. Весь второй этажъ былъ освобожденъ подъ помѣщеніе пансіона, актовый залъ, единственную довольно большую комнату въ домѣ, обратили въ дортуаръ.

Обстановка пансіона была весьма скромная, но приличная; плата за полное содержаніе, съ одеждою, пищею и ученьемъ, умѣренная;—не помню цифры, но, кажется, она не превышала 150 р. въ годъ. Трудно было въ тогдашнемъ Черниговѣ подыскать сносныхъ знатоковъ иностранныхъ языковъ и искуствъ; но тѣмъ не менѣе при пансіонѣ оказались, въ качествѣ гувернеровъ, для французскаго языка почтенный и симпатичный Пагетъ, для нѣмецкаго—какой-то чудакъ, чистокровный нѣмецъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о свойствѣ своихъ обязанностей, а служившій предметомъ школьническихъ продѣлокъ; онъ же училъ и игрѣ на фортепьяно, въ которой былъ

нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ своей прямой спеціальности. Танцамъ училъ, за неимѣніемъ новаго лучшаго, замѣнившій старика Зайцева новый учитель чистописанія, личность весьма порядочная, но и весьма комичная, когда, со скрипкою подъ мышкою, порхалъ сильфидой, не смотря на довольно внушительный животокъ, выдѣлывая различные battements, pas de zéphyre u pirouettes; усердно выламывалъ онъ ноги неповоротливыхъ хохликовъ и заставлялъ насъ отвѣшивать граціозные поклоны въ вошедшемъ было тогда въ моду lancier; но ловкихъ танцоровъ все-таки ни одного не выработалъ.

Пансіонъ, устранившій сразу язву пансіонерства у начальниковъ, былъ любимымъ дѣтищемъ Китченка: каждый день—въ будни и праздники—онъ посѣщалъ его по нѣскольку разъ, вникалъ во всѣ подробности хозяйства и быта; по праздникамъ самъ сопровождалъ воспитанниковъ въ церковь; въ высокоторжественные дни, дѣлая по тогдашнему обычаю оффиціальные визиты начальствующимъ лицамъ, бралъ съ собою всегда кого либо изъ пансіонеровъ; возилъ нѣкоторыхъ на jours fixes у губернатора и другихъ верховниковъ; словомъ, употреблялъ всѣ старанія, чтобы заинтересовать пансіономъ и заохотить состоятельныхъ людей помѣщать дѣтей въ это заведеніе. Съ учениками обращался онъ строго, съ нѣсколько даже напускною суровостію, но къ наказаніямъ, особенно тяжелымъ, прибѣгалъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Оканчивая этимъ мои замѣтки, предоставляю самимъ читателямъ сдѣлать выводъ, правъ ли авторъ воспоминаній Самчевскій, утверждая, что „сѣченіе учениковъ было единственнымъ трудомъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ“ и что „кромѣ сѣченія, онъ ничего не дѣлалъ“. Надѣюсь, что приведенные мною не слухи, а факты говорятъ сами за себя и устраняютъ надобность въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ.

Повторяю, послѣдующей деятельности Китченка въ Черниговѣ послѣ 1846 г. и Житомірѣ я не знаю. Помнится, въ концѣ 50-хъ или началѣ 60-хъ годовъ въ „Современникѣ“ была напе-

чатана статья Добролюбова, подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ „всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, въ которой говорилось, что въ житомірской гимназіи, гдѣ директорствовалъ Китченко, число высѣченныхъ въ теченіе года въ нѣсколько разъ превышало общее число учениковъ гимназіи, и ставилось въ укоръ тогдашнему попечителю кіевскаго округа Н. И. Пирогову, что онъ отнесся къ такому возмутительному факту равнодушно и не удалилъ тотчасъ же жестокаго директора. Весьма возможно, что одинъ изъ Самчевскихъ (ихъ, сколько мнѣ извѣстно, было на педагогическомъ поприщѣ двое: отецъ, Іосифъ, долгое время инспекторствовавшій въ Новгородсѣверской гимназіи, и другой, Иванъ, мой современникъ по университету, окончившій курсъ на бывшемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета) стоялъ близко къ послѣдующей дѣятельности Китченка и свои впечатлѣнія того времени перенесъ и на тотъ предшествовавшій періодъ, котораго я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ. Но это не оправданіе: клеймить человѣка такъ, какъ заклейменъ Китченко въ „Воспоминаніяхъ“, съ прямымъ указаніемъ на дѣятельность его именно въ Черниговѣ, допустимо лишь на основаніи неопровержимыхъ и непреложныхъ фактовъ, а не по однимъ слухамъ.

Лично я никогда не былъ партизаномъ Китченка; не смотря на его особую благосклонность ко мнѣ, выражавшуюся и въ сравнительно снисходительномъ отношеніи къ моимъ весьма крупнымъ шалостямъ, и въ томъ, что едва ли не одному мнѣ онъ давалъ читать составлявшія тогда запретный плодъ рукописныя стихотворенія малороссійскихъ поэтовъ и едвали не одного меня бралъ съ собою при оффиціальныхъ своихъ визитахъ. Всегдашняя суровость и рѣзкость его меня запугивали и заставляли нравственно сжиматься. Чрезъ 40 лѣтъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, неожиданная случайность вызвала между нами обмѣнъ нѣсколькими письмами. Тутъ только, изъ писемъ этого 80 лѣтняго старца, убѣдился я, что подъ суровою внѣшностью его таилось отзывчивое и способное къ добрымъ движеніямъ сердце, что суровость эта, соотвѣтствовавшая духу того суроваго времени, была чисто напускною и что онъ со-

хранилъ до глубокой старости и полную ясность недюжиннаго ума, и самое теплое воспоминаніе о многихъ изъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ. А что онъ не былъ выше своего времени и шелъ въ уровень съ тогдашними требованіями—поставлено въ укоръ ему быть не можетъ.

Л. Рудановскій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

81) Брата Ивана Андреевича, изъ Василькова, 1779 года, 25 ноября.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичь. Письмо ваше, наполненное лаяня и ругательствъ, имѣлъ я несчастіе получить; моглъ бы и я такимъ образомъ взаимно отвѣтствовать, ежели бъ я имѣлъ такую дурную и пронирливую душу, какъ вы. Но я устраняясь отъ таковыхъ филозовскихъ выраженій, каковіе вы употребляете, и которыхъ и самъ Руссо, обожаемый вамы, въ употребленіи не имѣлъ, хочу толко запросто вамъ обявить нижеслѣдующее: я вамъ, кажеться, уже при послѣднемъ моемъ свиданіи, и яснылъся и неудоволствіе свое оказалъ, что вы зъ братомъ Андреемъ Андреевичемъ, взявши во владѣніе степъ Коровинскій втрое, ежели не слишкомъ болше, противъ половины Овечовского, и владѣвъ онымъ болше десяти лѣтъ, выпустили, случаемъ ли или нерадѣніемъ, изъ своего владѣніа знатную часть, имѣя искъ объ ономъ въ сенатѣ на свое имя, и не дождавши конца, хочетъ наградить свой убытокъ изъ нашихъ незапутанныхъ тяжбою земель. Выноватъ ли я, что вы при началѣ владѣнія вашего онымъ степомъ, не уравняли противъ половыни Овечовского, хотя я вамъ о томъ нѣсколко разъ и напоминалъ, а покойный братъ Стефанъ въ гвалти, грабежи и

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г, № 6.

тяжбу съ вамы за то вступилъ, которую вы съ нимъ велы на общій коштъ вмѣстѣ съ нашимы дѣламы. Имѣете ли вы право уравнивать теперича степъ, когда оного знатная часть изъ владѣнія вашего вышла, не дождавшись конца дѣлу. Вы приводите пустый доводъ о приставничествѣ, который здѣсь совсѣмъ не служытъ; приставничество есть то, когда кто приставленъ будетъ къ общему его зъ другимы имѣнію, съ тѣмъ, чтобъ по прошествіи урочного времены корыстю оного зъ своимы соучастникамы подѣлилъся; а напротивъ того, тотъ, который завладѣлъ общимъ имѣніемъ, корыстуетъся самъ одинъ оного доходамы, не приставникъ, но владѣлецъ неправилный называетъся, такъ какъ и вы въ семъ случаи находитись. Вы то и самы признали, что вы однѣ были самовластніе владѣтели, когда вы чрезъ три суда велы дѣло на свое имя, а нынѣ и въ сенатѣ производиться на вашежъ имя, не приглашая насъ соучастниковъ той земли, въ тѣхъ може быть мыслахъ, чтобъ насъ и никогда до уравненія тѣхъ земель не призывать; а може быть и въ томъ состоите намѣреніи, чтобъ доведши дѣло до сената, тамъ оное и на вѣкы въ долгомъ ящикѣ оставѣть или и насъ вздумаете притягать дохаживать оныхъ земель, въ чемъ я великый резонъ имѣю подозрѣвать изъ вашихъ о приставничествѣ ябедническихъ доводовъ, не бывши никогда ни приставникамы, ни опекунамы. И для того я вамъ явно и ясно обявляю, что я никогда до уравненіа вышеупомянутыхъ земель не приступлю, пока оное дѣло не рѣшитъся въ сенатѣ въ вашу пользу. Вы умѣете мои дѣла перецѣживать, а самы будучи философомъ Руссовой секты, за полушку давытесь. Что касаеться до отъискиваніа завладѣнних земель, вы меня угрозить не можете зарокамы, ибо я никогда противенъ не былъ свою долю въ складку давать, а что до повереннoго принадлежитъ, будемъ искать недорогово, чтобъ мы впредь ему не платили за каждой шагъ по рублю, а сверхъ того и другому,—пришый-хвостъ-кобылѣ,—занапрасно триста рублей, въ угодность вашу. Кто изъ насъ теперь бездѣлникъ, я кажется довольно доказалъ: тотъ ли, который свою землю защищаетъ или тотъ, который ухищреннымъ образомъ, покривъ себя лицемѣр-

нымъ братолюбіемъ, оніе отнять хочетъ?—Вы меня за кого хочите содержите, я не спору, а я васъ за лукавого лицемера содержать буду навсегда, и съ тѣмъ остаюсь вашъ покорный слуга и братъ И. Полетика.

82) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1780 г., 15/26 января.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! По письму вашему, писанному изъ Коровинецъ октября 30 числа, минувшаго года, учиня новую справку о необходимо нужныхъ на содержаніе и ученіе дѣтей вашихъ въ Презбургѣ ежегодныхъ издержекъ, я при семъ посылаю вамъ данную мнѣ объ оныхъ записку, изъ которой вы усмотрите, что на каждаго ученика, по самой умѣренной цѣнѣ, надобно въ первый годъ употребить до трехъ сотъ пятидесяти гульденовъ цесарской монеты, а на наши деньги до двухъ сотъ десяти рублевъ; по моему жъ мнѣнію, весьма трудно, да чаятельно и не возможно будетъ, обойтись безъ того, чтобы вамъ на каждаго изъ сыновей вашихъ не издержать въ годъ по сту червонцевъ, или по двѣсти по пятидесяти рублевъ, естьли къ показаннымъ въ помянутой запискѣ надобностямъ присовокупить и такія, которыхъ ни обстоятельно изчислить, ни предвидѣть неможно, какъ напримѣръ: содержаніе слуги, покупку книгъ, бумаги, перьевъ, издержки на лѣкарства и лѣченіе, въ случаѣ болѣзненныхъ припадковъ, и разные другіе случайные и обыкновенные расходы. Между тѣмъ, не желая отвратить васъ, м. г. мой братецъ, отъ добраго и похвальнаго вашего намѣренія къ посылкѣ дѣтей вашихъ въ Презбургъ для наукъ, не могу я однакожъ умолчать предъ вами, что тамошнее ученіе почти ничего не значитъ въ сравненіи того, которое, во время отлучки моей отсюда, заведено въ венгерскомъ городѣ Будимѣ, гдѣ изъ бывшихъ езуитскихъ доходовъ учрежденъ настоящій университетъ, о которомъ здѣсь подано мнѣ весьма хорошее мнѣніе, ибо въ немъ не токмо многимъ наукамъ, съ которыми Презбургскія школы никакого не имѣютъ знакомства, но и многимъ языкамъ, да и всему тому учатъ, что только потребно къ доброму воспитанію молодого

благороднаго человѣка. И такъ, въ разсужденіи сего, не угодно ли вамъ будетъ отвезти дѣтей вашихъ въ помянутый городъ Будимъ, гдѣ содержаніе и ученіе оныхъ менше, по объявленію тамошнихъ людей, будетъ вамъ коштовать, нежели въ Презбургѣ. Тамъ же найдете вы теплыя минеральныя воды, въ которыхъ можно вамъ будетъ покупаться, посовѣтовавшися съ докторомъ, котораго вы тамъ сыщете, а оттуда милости просимъ къ намъ въ гости; мы-жъ, можетъ быть, полѣчимъ васъ и другими, еще лучшую предъ Будимскими репутацію имѣющими банями, кои въ мѣстечкѣ Баденѣ находятся, разстояніемъ въ трехъ миляхъ отъ здѣшняго города, откуда, естьли вы пожелаете и наши эскулапы посовѣтуютъ вамъ, можете побывать и въ Карлсбадѣ, до котораго отсюда щитается шестьдесятъ четыре мили, а сколь далеко отъ Кіева прямо до онаго, о томъ здѣсь никому не извѣстно; чтожъ касается до Карлсбадскихъ обстоятельствъ, о которыхъ вы желаете имѣть свѣденіе, то отъ меня учинены были одному довольно оныя знающему человѣку вопросы, на которые онъ съ своей стороны здѣлалъ отвѣтъ, какъ то усмотрите вы изъ изложеннаго при семъ особливаго листочка, гдѣ вы найдете и мои вопросы, и отвѣтъ на оные.

Когда вы, м. г. мой братецъ, разсудите отвезти дѣтей вашихъ въ Будимъ, который разстояніемъ отъ Вѣны находится въ тридцати миляхъ, то на такой случай я при семъ посылаю вамъ рекомендательное отъ г. Юлинца къ одному изъ знакомыхъ ему тамошнихъ мѣщанъ письмо, съ котораго и копія при семъ же прилагается; а пріѣхавъ туда, можете вы сами подробно распроситься о состояніи тамошняго университета и производимаго въ немъ ученія, такожъ и о всѣхъ до того и другаго принадлежащихъ обстоятельствъ; и естьли вы оныя не найдете согласными съ вашимъ желаніемъ и съ вашими мыслями, или съ тѣмъ добрымъ мнѣніемъ, которое мнѣ здѣсь подано объ ономъ университетѣ, то уже въ такомъ случаѣ ничего не остается вамъ, какъ пріѣхать съ дѣтьми вашими въ Презбургъ, куда и меня можете отсюда выписать, въ два или въ три дни, для соглашенія о нужныхъ къ намѣреніямъ вашимъ распоряженіяхъ. Надобножъ вамъ знать (естьли вамъ неизвѣстно), что ѣдучи изо

Львова, чрезъ Венгрію, въ Вѣну, почти не можно миновать городовъ Будима (по нѣмецки называемаго Офенъ) и Пешты, чрезъ которые и Нѣжинскіе купцы обыкновенно ѣздятъ.

О Полетикѣ не могу я ничего сказать вамъ, потому, что что я не могъ съ нимъ видѣться, хотя и нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему, и я по тому и по другимъ обстоятельствамъ примѣчаю, что онъ убѣгаетъ моего знакомства. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, такожъ и всѣмъ Роменскимъ и Хмеловскимъ родственникамъ, и между послѣдними—сказать Афанасію Прокофіевичу и Петру Афанасіевичу (Шкляревичамъ), что я получилъ письма ихъ отъ 28 октября и 4-го ноября, что коляска для Петра Афанасьевича, въ ожиданіи отвѣта его на мое къ нему письмо, не была заказана, что уже теперь по оному его отвѣту она мною оставлена будетъ, и что впрочемъ я не имѣю болѣе ничего писать къ нимъ, пребывая со всегдашнимъ моимъ къ вамъ усердіемъ и непремѣнною преданностью, вашъ, м. г. моего, покорнѣйшій и усердновѣрнѣйшій слуга Григорій Полетика.

NB. По обнадеживаніямъ, которыя князю здѣланы отъ графа Никиты Ивановича Панина, сперва чрезъ Букунина меньшаго, а потомъ, нѣсколько разъ, чрезъ Ивана Ивановича Бецкаго, я долженъ здѣсь остаться, но незнаю, сколь долго; мнѣ жъ начали уже пересылать и жалованье, но не инако, вакъ съ потерею на вексельномъ курсѣ, вмѣсто того, что всѣмъ другимъ доплачивается оная потеря по новому штату.

Копія съ письма капитана Юлинца къ Будимскому гражданину Дмитрію Бозытовцу, отъ 11 числа мѣсяца генваря по старому стилю, 1780 года.

Племенитородный, его высокородія канцеляріи и посолства совѣтника нашего Григорія Полѣтики братъ отъ стрица, коллежскій совѣтникъ такожде Григорій Полѣтика намѣряетъ свое и нѣкихъ сродниковъ своихъ сынове у Будимъ науке ради довести, а понеже странному въ чужой земли человѣку потребно есть имати таковаго позналика, койбы его у потребы его наставити и ему послужити могло, того ради усудіосе (?), госпо-

дине куме, реченнаго коллежскаго совѣтника Григорія Полѣтику вамъ симъ препоручити и покорно молити, да бысте не пожалили труда своего, по пришествію сего мужа тамо у Будимъ, яко знатнаго господина и единовѣрнаго своего, честно примите; съ профессоры и учители тамошняго университета его познати; мѣсто ради его и сродниковъ его сыновъ истражити, и все то, что ему тамо отъ потребе будетъ, устроити, а за сіе ваше усердіе и послуженіе, не само я потщуся вамъ достодолжное мое принести благодареніе, но и господинъ совѣтникъ нашъ, его же именемъ я вамъ сіе пишу, ни едну прилику не будетъ пропустити, у койойбы вамъ благодареніе свое показати могло.—Надѣющияся убо я на вашу многообразнѣ уже мнѣ свидѣтельствованную къ послуженію благую и скорую волю, остаю присно. P.S. Ащелибы се случило, да коллежскій совѣтникъ Полѣтика съ реченными детми не бы самъ тамо у Будимъ дошло, но кого другого съ ними изъ Руссіе посла, то понизко васъ молимъ таковаго посланика его пріимити, како самаго нѣга и у потребныхъ вещехъ ему равно послужити.

83) Брата Андрея Андреевича, изъ Ромна, 1780 г., 1 апрѣля.

М. г. братецъ Григорій Андреевичъ! Бывши въ Коровинцяхъ, въ 20 день прошлаго марта, получилъ ваше м. г-ря моего, письмо; всѣ ваши совѣти въ пріѣздѣ моемъ въ Глуховъ, по разнымъ надобностямъ, пріемлются мною съ моею покорнѣйшею благодарностію, толко при томъ напоминаніе нѣкоего плута и бездѣльника для мене читать весма было непріятно, потому что неблагодарности моей противу васъ въ жизни моей еще одной не бывало, и такъ прошу въ письмахъ, хочай стороною, но неуподоблять мене тѣмъ, кои вамъ оную дѣлаютъ. Домашніе мои крайнѣйшіе недосуги вовся мнѣ нынѣ ехать въ Глуховъ не дозволяютъ, а намѣренъ я въ концѣ святъ ехать къ Андрею Стефановичу (Милорадовичу) первѣе, а отъ него къ графу (Румянцову), естли вы, м. г. мой братецъ, по милости своей, пожалуете мене увѣдомите, какъ о графѣ, такъ и о господинѣ губернаторѣ, гдѣ ихъ я сыскать могу въ то время, та и о себѣ, когда изволите быть къ намъ. Естли вы будете тотчасъ по фо-

миной неделлѣ, то я васъ обожду, а буди не заразъ, то уеду. За то, что я вашему Самойленку далъ полное наставленіе, какимъ образомъ копать и садить живци, прошу за мене слово доброе сказать г. губернатору и открыть мое намѣреніе, какого будетъ онъ мнѣнія; естли подъ сумнѣніемъ,—то я и починать не буду; мнѣ все равно такъ быть, какъ я нынѣ есмь. Хочай я своимъ жеребцомъ васъ и превелъ въ сумнѣніе такою цѣною, но прошу оной отнюдь не жалѣть, посему что оной нынѣ въ себѣ имѣетъ вишины всего росту 2 аршина 6 вершковъ, будучи четирехъ лѣтъ, но совсѣмъ тѣмъ еще весна начинается; вы можете сами его разсмотрѣть полутше съ Алексѣемъ Павловичемъ, которой его еще не смотрѣлъ, поелику нѣтъ его въ домѣ во весь постъ, а онъ нынѣ въ градскихъ заводахъ, а велѣте толко Скибовскому на случай заготовить для него кобылъ хорошихъ съ пять, ибо по его лѣтамъ болѣе ему и давать не слѣдуетъ; и что на сіе соблагоизволите, прошу мене по слѣдующей почтѣ увѣдомить, пребывающаго къ вамъ зъ должнѣйшимъ почтеніемъ. Вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

84) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны 1780 г. $^{4}/_{15}$ іюля.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Получа, въ свое время, два письма ваши, одно отъ 31-го декабря прошедшаго, а другое отъ 20-го февраля нынѣшняго года, удержался нѣсколько времени отвѣтствовать вамъ на оныя, во первыхъ, потому, что я уже обо всемъ нужномъ для знанія вашего довольно обстоятельно писалъ къ вамъ $^{15}/_{26}$ числа минушго генваря мѣсяца; во вторыхъ, потому, что вамъ уже чрезъ Василія Александровича Шарапова извѣстно объ учиненномъ верховною властію новомъ обо мнѣ опредѣленіи; въ третьихъ,—потому, что мы каждой почтовой день ожидаемъ изъ коллегіи формальнаго объ ономъ опредѣленіи объявленія, но еще по сіе время не дождалися, и чаятельно пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцовъ, пока онаго дождемся; а наконецъ, и потому, что я между тѣмъ надѣялся отъ васъ получить отвѣтъ на вышеозначенное мое письмо.—Теперь же, оставя всякое ожиданіе, не хотѣлъ я болѣе мѣшкать отвѣтомъ моимъ

на ваши письма, дабы напослѣдокъ не зделаться мнѣ предъ вами виноватымъ въ продолженіи моего молчанія; но иного ничего не будетъ сей отвѣтъ заключать въ себѣ, кромѣ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1-е, о нѣмецкомъ дворянствѣ для Андрея Андреевича я не могу стряпать до тѣхъ поръ, пока онъ въ томъ не согласится въ Иваномъ Андреевичемъ, и пока они оба вдругъ, не увѣдомятъ меня о своихъ намѣреніяхъ, которое увѣдомленіе могутъ они учинить однимъ письмомъ, лишь бы только оно отъ обоихъ подписано было; ибо Иванъ Андреевичъ принялъ другія по сему дѣлу мысли, какъ то можно усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ экстракта изъ письма, которое отъ него въ недавнемъ времени получено мною. 2-е, когда вы получите отъ Ивана Логиновича Кутузова пятнадцать рублевъ и нѣсколько копѣекъ, кои употреблены мною на вино его, то я прошу васъ отдать сіи деньги брату моему Ивану Ивановичу. 3-е, присланный къ вамъ отъ извѣстнаго графа Пармы, а отъ васъ ко мнѣ, пакетъ его, я безъ задержанія отослалъ, куда слѣдовало, по адресу онаго, но еще никакихъ на имя его писемъ нѣтъ у меня въ полученіи, о чемъ вы можете дать ему знать при удобномъ случаѣ. Первымъ изъ вышеозначенныхъ двухъ писемъ вы, м. г. мой братецъ, не мало потревожили было меня, упомянувши въ ономъ, что вы отъ часу ослабѣваете здоровьемъ, то отъ тѣлесныхъ болѣзней, то отъ душевныхъ безпокойствъ; но другое письмо нѣсколько въ томъ меня успокоило, тѣмъ больше, что въ немъ нашелъ я нѣкоторую надежду къ тому удовольствію, чтобы мнѣ съ вами въ здѣшней сторонѣ видѣться. Равнымъ образомъ, я обрадованъ учиненнымъ мнѣ отъ Андрея Степановича Милорадовича, изъ деревни Вишенки, увѣдомленіемъ о счастливомъ освобожденіи Олены Ивановны отъ приключившейся ей тяжкой болѣзни. Вы знаете все пространство моего къ вамъ и ко всему дому вашему усердія, а потому и легко вообразить себѣ можете, сколь сильно трогаетъ меня всякая непріятная до васъ и любезной вашей фамиліи касающаяся вѣдомость, и сколь много напротивъ того веселитъ меня все, что принадлежитъ до удовольствія и благосостоянія вашего. Впрочемъ знаете вы, м. г. мой братецъ,

и то, сколь истинное есть и всегда будетъ мое къ вамъ почтеніе и сколь постоянна и тверда моя къ вамъ привязанность, которая не прежде, какъ съ моею жизнію конецъ свой получитъ. Вашъ, м. г-ря моего, покорный, вѣрный и усердный слуга Григорій Полѣтика. PS. Прошу засвидѣтельствовать почтеніе мое м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, а при томъ постараться, чтобы приложенное при семъ писмо, вѣрно и безъ потерянія времени, доставлено было Андрею Степановичу Милорадовичу.

Экстрактъ изъ письма Ивана Андреевича, отъ 15 марта 1780 г.

О дипломѣ я еще нѣсколько повременить хочу по той причинѣ, что братъ Андрей Андреевичъ въ половину ко мнѣ не приступаетъ, а для меня одного такую сумму заплатить нѣсколько съ тягостью, а паче не будучи удостовѣренъ—утвердитъ ли здѣшній дворъ ваши дипломы; и для того я сего случаю намѣренъ ожидать, а больше всего принуждаетъ меня къ тому нынѣшніе мои недостатки.

85) Василія Лазаревича [1]), изъ Глухова, 1780 г., 19 ноября.

М. г.! Дѣло ваше съ г. Бѣлушихою и понынѣ нерѣшенно, по причинѣ, что челобитчики являются по дѣламъ вшедшимъ прежде вашего, которые по порядку и по наличности тѣхъ челобитчиковъ слушаются; вашежъ дѣло, сколь я не ставилъ въ настольный реестръ, но однако ни однажды не могло дойти къ докладу. Естли не будетъ удачно доложить до новаго года, то въ началѣ онаго, когда еще челобитчики не посъѣзжаются, ласкаю себя надеждою имѣть въ томъ успѣхъ, и при докладѣ, удостовѣряю васъ м. г-ря, что не упущу внушить обстоятельствъ въ письмѣ вашемъ выраженныхъ. По дѣлу вашему съ Трубицкимъ весьма странные слѣдствія выходятъ, о чемъ усмотрѣть изволите изъ нижеписаннаго: отъ наслѣдниковъ умершаго Трубицкаго войсковаго товарища и хоружого сотеного Мартина Трубицкихъ повѣренный, ноября 2-го, подалъ при донесеніи вѣ-

---

[1]) Кажется, это былъ бунчук. тов. Василій Яковлевичъ Л-чъ. Смотри Списки черниг. дворянъ 1783 г., стр. 109. Во время писанія этого письма Л-чъ, какъ видно, служилъ въ генеральномъ судѣ.

рющее для выслушанія рѣшенія, но я забравъ, по должности моей, справку съ присланнымъ отъ суда земскаго репортомъ, въ которомъ означенъ завытый четыренеделный срокъ на 27-е октября, подалъ о томъ докладъ, по которому судъ генералный и учинилъ было опредѣленіе за просрочку пятью днями неявкою повѣренного оныхъ Трубицкихъ къ выслушиванію рѣшенія, въ прозбѣ имъ отказать и тое рѣшеніе исполнить; но теперь изъ числа Трубицкихъ войсковый тов. самъ являсь, подалъ въ судъ доношеніе, съ представленіемъ причинъ неявки повѣреннаго на срокъ, 1-е, что дочь того повѣреннаго предъ самымъ срокомъ, т. е. 26-го числа, умерла, а 2-е, возный положилъ на имѣніи Трубицкихъ билетъ въ небытность его въ домѣ и назначилъ срокъ, вомѣсто шестонедельнаго, четыренедельный. Сіи резоны сколько сами по себѣ ни слабы, но судъ генералный, во уваженіе извѣстной персоны заступленія, принялъ ихъ правилными и опредѣлилъ обявить рѣшеніе. Трубицкій еще не подписалъ онаго, но обявлялъ мнѣ на словахъ, что онъ недоволенъ и подастъ апелицію въ коллегію. Все сіе обясняю собственно для вашего, м. г., знанія. Представляю мой совѣтъ: предъупредить въ коллегію съ жалобою вашею на оные два опредѣленія, одно другое отмѣняющіе; но прежде подачи въ коллегію жалобы, надобно выслушать рѣшеніе суда генералного Честь имѣю быть всегда съ глубокою преданностію вамъ, м. г., всепокорнѣйшимъ слугою Василей Лазаревичъ.

86) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1781 г. 31 марта— 11 апрѣля.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Хотя я и весьма мало на сихъ дняхъ имѣю свободнаго времени, какъ за говѣніемъ, такъ и за дѣлами, однако не хотѣлъ упустить первой почты, по полученіи благопріятнѣйшаго вашего письма отъ 8-го марта, дабы исполнить требованіе ваше, по которому при семъ и посылается вамъ два письма рекомендательныя, одно къ господину фельдмаршалу князю Александру Михайловичу, а другое къ господину генералу прокурору; въ какой же силѣ сіи письма составлены по мыслямъ и приказанію князя Дмитрія

Михайловича, то усмотрите вы изъ приложенной при семъ же копіи съ оныхъ. Я сердечно желаю, чтобы онѣ вамъ помогли, сколько надобно, къ достиженію намѣренія вашего, и слѣдовательно къ благополучному окончанію дѣла, для котораго вы ихъ имѣть желали; только я боюсь, чтобъ вы не поздо получили ихъ, когда тотчасъ, послѣ наступающаго чрезъ три дни свѣтлаго праздника, оное дѣло войдетъ въ общее сенатское собраніе. Къ помянутой копіи съ нашего рекомендательнаго письма я присовокупляю сообщаемую при ономъ записку. Остается мнѣ, м г., мой братецъ, увѣдомить васъ, что письмо ваше, писанное изъ Юдинова, августа 13 числа прошедшаго года, дошло до меня въ свое время, и что изъ него съ великимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ случившееся въ Юдиновѣ печальное приключеніе и разныя другія непріятныя обстоятельства ваши. Не хотя разбережать сей чувствительной раны, я впрочемъ желаю отъ всей искренности сердца, дабы всевышній охранилъ васъ впредь отъ всѣхъ подобныхъ приключеній и избавилъ васъ отъ всѣхъ безпокойствъ и печалій вашихъ, а напротивъ того даровалъ бы вамъ на сей остатокъ вашей жизни спокойство и удовольствіе, при совершенномъ здоровьи, котораго, равномѣрно и м. г-нѣ моей Оленѣ Ивановнѣ, желаю такъ, какъ и всей любезной вашей фамиліи, пребывая съ непремѣнною и неразрушимою къ вамъ привязанностію и совершеннымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря, покорнѣйшій и усерднѣйшій слуга Григорій Полѣтика. PS. Хотя я теперь въ тулупахъ и не имѣю нужды, однако съ благодарностію пріиму отъ васъ, м. г. мой братецъ, тѣ оба, кои намѣрены вы прислать ко мнѣ; ибо одинъ изъ нихъ могу я употребить для себя не столько по надобности, сколько изъ особливаго къ такому подарку уваженія, а при томъ и для воспоминанія о томъ любезнѣйшемъ братѣ, который тулупомъ своимъ согрѣвать будетъ не много уже холоду терпящее мое тѣло. Другой же тулупъ можно будетъ подарить князю или кому другому. Обѣщанія о портретѣ моемъ я конечно не позабылъ, но за разными обстоятельствами не имѣлъ еще способнаго времени ко исполненію онаго, а особливо по тому, что употребляемый здѣсь одинъ изъ лучшихъ живописцовъ для портретовъ чрезъ

долгое время боленъ былъ, да и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. При всемъ томъ не примину я удовольствовать желаніе ваше, сколь скоро возможно будетъ.

87) Осипа Ивановича Туманскаго[1]), *изъ Глухова, 1781 г., 10 апрѣля.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Надѣясь на вашу благосклонную милость къ себѣ, имѣю случай въ своей надобности прибѣгнуть ко оной, зная при томъ добродушіе и человѣколюбіе ваше, и по которымъ здѣлайте мнѣ благотвореніе, о которомъ толко десница знать будетъ, а отъ шуйцы сокриется. А вотъ что за дѣло! Случилось, въ прошломъ годѣ со стороны коронной быть мнѣ депутатомъ между двумя некрещенными бородами, то есть: Чернѣговскимъ Троецкимъ Иллѣнскимъ монастиремъ и Добрянскими расколники, и которые на оной доносятъ, что овладѣли черцы принадлежащими коронѣ деревнями, что и по слѣдствію оказалось, и подано въ Малороссійскую коллегію съ мнѣніемъ объ отборѣ, а часть самую малую земли въ коронное вѣдомство, и отобрать приговорено. Тутъ, по слѣдствію, монастирь одною толко давностію правился, но какъ и оной не доказалъ и крѣпостей никакихъ не предъявилъ, то и объвиненъ; однакъ, после многіе нашлись оного монастиря защитники, стоя крѣпко за давность, а болше за денги черечіе, и напали на меня злобно—для чего я за корону, а не за чернецовъ стряпалъ, но что невозможно избить слѣдствія, то и подвели черца тамошнего монастиря намѣсника, которой тутъ и повѣреннымъ былъ, Арсенія, вступить на меня, по тому дѣлу бывшого депутата, въ доносъ, якобы я взялъ 250 рублей монастирскихъ денегъ, и болше у ныхъ требовалъ, а какъ де сего они не дали, то потому де не въ монастирскую сторону, а въ коронную дѣло вышло. Ваше высокоблагородіе знаете, что я, какъ человѣкъ, не безъ непріятелей живу, сего то возжелалось, чтобъ меня невинно обезславить; но слава Богу, невинный человѣкъ всегда будетъ невиннымъ, ибо по случаю въ прошлой

[1]) О немъ см. Опис. Стар. Малор., II, 438.

зимѣ бывшей моей сильной болѣзни, шемякинской о семъ заочно отъ меня судъ или слѣдствіе ишли, допрошиваны честные и чиновные люди, три человѣка, подъ присягою, и въ чемъ оной чернецъ на ныхъ заклался, всіо обьявыли они, яко оной чернецъ лжетъ, а потому желается сіе напастное дѣло довести до конца и получить удовлетвореніе; но при томъ надобна мнѣ еще справка: какъ я слишу, что по указамъ святѣйшаго синода, и Малороссійскіе монастири должны о приходахъ и расходахъ своихъ денежныхъ годовые и мѣсячные вѣдомости туда или въ коллегію - економію или въ другое вѣдомство посилать, то и Троецкій Чернѣговскій Иллѣнскій монастирь, чрезъ свою команду, тоже конечно учинить былъ долженъ, о чемъ вашему высокоблагородію чрезъ своихъ пріятелей въ синодѣ учинить виправку возможно, и для того всепокорнѣйше прошу облагодѣтельствовать меня симъ, здѣлать такову партикулярно справку — присланы ли изъ Чернѣговской епархіи за прошлій 780 годъ денежные о приходахъ и расходахъ вѣдомости, и ежели присланы, то оного Троецкого Чернѣговского Иллѣнского монастиря, ежели можно, за весь прошедшій годъ, а ежели всѣхъ не можно, хотя за три или 4 мѣсяцы, май, июнь и июль, и августъ копіи изъ тѣхъ вѣдомостей мнѣ достать и прислать ко мнѣ въ Глуховъ. Симъ вы меня весма одолжите, какъ такова человѣка, который всегда былъ, будетъ и есть съ особливымъ почитаніемъ и совершенною преданностію вашего высокоблагородія, м. г-ря моего, всепокорнѣйшимъ слугою Іосифъ Туманскій. Въ насъ, въ Глуховѣ, слава Богу, всіо хорошо, дай Богъ впередъ лучше, и васъ видѣть въ добромъ здравіи.

88) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Вишенекъ, 1781 г., 13 апрѣля.

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственники—всѣ, какими чынами по запискѣ были означены, такъ и произведены. Естли не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ, каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано, и по секрету

прыложить перваго изъ нихъ, съ вамы прымырывшагося, вашего начертанія прывѣтствія; я злоупотребленія нималаго не учиню; будте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

P. S. Посланъ сей податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ, есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитеся однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ меча: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лѣта* да будутъ смягченіемъ патриотической горячности, иногда не въ попадъ. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вамы равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не послужыло. Оставимъ дѣла, судбою своею влекомые. Раздерыте сіе писмо, ничего незначущееся.

89) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1781 г., 8/19 іюня.

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Предъ симъ не было мнѣ способу отвѣтствовать на писмо ваше отъ 3-го числа прошедшаго апрѣля, полученное мною чрезъ г. Юлинца; да и теперь съ великою нуждою пишу я къ вамъ, за недостаткомъ времени, почему и не могу такъ пространно и обстоятельно отвѣтствовать на оное писмо, какъ бы мнѣ хотѣлось. Но дабы хотя частію исполнить мое желаніе, то я при семъ посылаю требованное вами, м. г. мой братецъ, писмо къ Андрею Степановичу, и съ онаго копію, изъ которой вы усмотрите, что я къ нему пишу только объ одномъ Тимофѣѣ Ивановичѣ; а о прочихъ намѣренъ впредь писать къ самому графу, къ которому я и нѣкоторый поводъ имѣю адресоваться съ моею прозьбою, въ слѣдствіе полученнаго мною въ прошедшемъ году отъ его сіятельства писма, съ котораго такъ же при семъ сообщаю вамъ копію; а между тѣмъ прошу васъ увѣдомить меня, въ какихъ нынѣ званіяхъ состоитъ и при какихъ сотняхъ щитиются тѣ четверо изъ нашихъ свойственниковъ, которыхъ долженъ я рекомендовать господину фельдмаршалу. При семъ же посылаю, по требованію вашему, копію съ извѣстной челобитной моей

и съ писма, при которомъ она отъ меня послана была къ графу Никитѣ Ивановичу; а изъ той челобитной вы усмотрите, что не переводъ, но засвидѣтельствованная копія съ диплому нашего при ней представлена мною. Андрею Андреевичу, при засвидѣтельствованіи моего почтенія, прошу найлучшимъ образомъ поблагодарить за стараніе его о Тимофѣѣ Ивановичѣ; вамъ же, м. г. мой братецъ, я покорнѣйше благодарствую за тулупы, которыми я подѣлился съ новопожалованнымъ переводчикомъ г. Кудрявскимъ, который нижайше вамъ кланяется. Наконецъ, еще приношу вамъ благодареніе мое за все то, о чемъ вы въ вышереченномъ писмѣ писать изволили, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и такою же преданностію вашъ, м. г-ря моего покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Григорій Полѣтика. Прошу не прогнѣваться за маранье, которому причиною скоропостижность и недостатокъ времени.

90) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Вишенекъ, 1781 г., 14 августа

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Съ письма моего, вчерашняго дня къ вамъ отпущеннаго, увыдѣвши касательно родственниковъ Григорія Ивановича, онъ какъ и вы, остаетеся спокойными; а сей часъ получивши ваше письмо о г. войсковомъ товарыще Бѣловодскомъ, опредѣлилъ мѣсто ему въ губернскомъ городѣ секретаря, по его самого благоугодности, а за симъ долженъ онъ возвратившись въ Полтаву, уволиться отъ нынѣшняго въ магистратѣ тамошнемъ мѣста, и пребывъ въ свой домъ, ожидаться моего возвращенія. Въ протчемъ зсилаюсь на мое къ вамъ письмо съ г. Хорошкевичемъ отправленное и ожидаю длинѣйшаго вашего съ нимъ описанія нашему собранію, устройства его и исправленія, чемъ кончиться; а для прымѣчанія моего о благоразумныхъ и строптивыхъ хотѣлъ бы узнать единственно про себя, не для одного любопытстьа, какъ лучше для свѣденія въ могущихъ быть при перемѣнѣ случаяхъ, общественное благо составляющихъ. Вы знаете мою скромность, и особливо тутъ не секретное, а можетъ быть надобное. Андрея Антоновича я сюда ожадаю, и его сіятельство хочетъ его видѣть,

прошу ему объявить. Пребывающій съ отмѣннымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

91) Афанасія Петрова, изъ Екатеринослава, 1781 г., 6 ноября.

М. г. Григорей Андреевичъ! Удостоившись полученіемъ почтеннѣйшаго вашего писанія касательно о доставленіи къ вамъ изъ Еникуля излѣчающую полипусовъ траву, я немедленно непреминулъ (посвящая себѣ услугамъ такой особѣ, какова ваша, что и за щастіе почитаю) писать къ пребывающему тамъ одному моему пріятелю, знающаго траву оную, которой, при случившей оказіи, и прислалъ. Я вознамѣрился было притомъ написать и къ упоминутой въ письмѣ вашемъ лѣкарькѣ, чтобъ сюда пріѣхала, но разсудивъ, что и безъ ней, я подамъ вамъ всѣ тѣ способы, какъ надлежитъ поступать во время пользованія (такъ какъ и г. Анагностіо, излѣчившаго уже небезъизвѣстнаго вамъ его пріятеля) безъ никакихъ расходовъ; и болѣе потому, что время будетъ продолжительно, того отмѣнилъ. Итакъ извольте, м. г., получить оную, и поступая по особливо писаннымъ способомъ, не упустите время къ пользованію вашему. По нѣкоторомъ же времеии, нижайше прошу, не оставить удостоить меня увѣдомленіемъ. Въ прочемъ, препоручая себя наивсегда вашей милости и благосклонности, и желая отъ искренности сердца моего, возвращенія дражайшего вашего здравія, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностію, пребуду. в., м. г., покорнымъ слугою Афанасій Петровъ.

92). Степана Ефимьевича Карновича, [1]) *изъ Москвы, 1781 г., 7 ноября.*

М. г. Григорій Андреевичъ. Каша, извощикъ, едетъ изъ Москвы въ Малороссійские города Мглинъ и Почепъ; онъ мне сказывалъ, что онъ будетъ и въ Погаре, то я имѣлъ такой случаи, по любвѣ вашей къ намъ, не могъ преминуть, чтобъ къ вамъ не писать, и о себѣ увѣдомить, что я съ Софьею Васильевною

---

[1]) Бывшій Стародубскій полковникъ. См. о немъ Опис. Стар. Малор. I. 62.

и со всѣми дѣтьми моими въ Москве обрѣтаемся здоровы; тогожъ и вамъ со всею вашею фамилиею, по власти Божіей, желаемъ быть здоровымъ же; и при семъ покорно прошу васъ, чрезъ сегожъ извощика Кашу, когда онъ будетъ въ Погаре, а когда не будетъ, то хотя чрезъ кого нибудь, кто будетъ ехать въ Москву, прислать ко мне, когда у васъ имѣется, семена самые хорошие большихъ кіяковъ, что называется пшеничка (кукуруза), болшихъ же бураковыхъ и свеколныхъ, болше петрушки, чернушки, и гумби (?) да и чебру, рюты, и самой болшей репы и бѣлыхъ большихъ гарбузовъ семенъ, да и сѣмя левандоваго и шавленнаго или ихъ кусточковъ понемногу, и сѣмянъ же пустарнаку; я слышалъ, что у раскольниковъ самой большой родится, неможноль у нихъ послать спросить, взиму или весною они его сѣютъ, и какъ съ нимъ обходятся; да и одолжитежъ присылкою комне для прививокъ черенковъ, то есть розокъ гливныхъ, брагамотовыхъ и разныхъ зимнихъ и скороспѣлокъ дуль и яблоновыхъ, да и отъ венгерокъ, сливъ, черносливныхъ, и отъ болшихъ вишенъ розокъ же. У насъ оные прививаются сливы и вишни, ибо я хочу завесть всѣ вышеприсанные плоды, въ своихъ московскихъ и деревенскихъ садахъ. И положите оные сѣмена въ разные бумажки, а протчіе завяжите въ узолкахъ или въ мѣшечкахъ, надпишите на каждомъ, гдѣ какие сѣмена, и которые осенью, а которые весною у васъ сѣются и садятся; и при посылке оного отпишите ко мне о своемъ здоровье. И тако, къ вамъ съ почтеніемъ моимъ остаюся вашъ м. г-ря, покорный слуга Степанъ Карновичъ. А чтобъ вы прислали ко мне сухихъ малороссійскихъ грыбовъ, о томъ я уже къ вамъ писать не смѣю, а когда возможно, то пожадуйте пришлите, такожъ и славной вашей вѣтчины, хотя одинъ окорокъ [1]).

93) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Чернигова, 1782 г., 25 января.

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Отпустите мнѣ, что я такъ долго не отвѣчалъ на ваше писмо. Братъ вашъ и мой

---

[1]) Письмо писано чужою рукою, а собственноручно – одна лишь подпись, дрожащимъ почеркомъ.

истинный пріятель Андрей Андреевичъ самовидецъ, живою грамотою, здѣшнихъ бывшихъ и настоящихъ упражненій; кромѣ того, по вашимъ обстоятельствамъ, въ разсужденіи вашихъ припадковъ и неприбытія сюда, не было нужды употреблять какія либо мѣры; я вамъ искреннѣйше желаю исправленія въ вашемъ здоровье, съ тѣмъ есмь и навсегда непреложно пребуду съ истиннымъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

94) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1782 г., 7 февраля

М. г. мой братецъ Григорій Андреевичъ! Съ того времени, какъ поѣхали отсюда сѣверные наши любезные гости[1]) (что было, какъ о томъ чаятельно уже вамъ самимъ извѣстно, декабря 24-го числа, по нашему календарю), я почти каждый день собирался писать къ вамъ, но за разными помѣшательствами понынѣ не удалось мнѣ исполнить сего моего намѣренія; хотяжъ и прежде отъѣзда помянутыхъ гостей могла бы сыскаться нѣкоторая къ тому матерія, въ разсужденіи того, что я имѣлъ уже отъ васъ два писма, одно писанное изъ С.-Петербурга, іюня 13-го числа, при самомъ вашемъ оттуда отъѣздѣ, а другое, отправленное изъ Глухова августа 20-го, и привезенное въ С.-Петербургъ Андреемъ Степановичемъ, а оттуда полученное мною въ началѣ октября мѣсяца; но никоимъ образомъ не могъ я тогда писать къ вамъ, 1-е, за многими и превеликими хлопотами и недосугами, 2-е, за тѣмъ, что хотя бы мало свободнаго къ тому времени и нашлося, однако не застали бы уже писма мои въ С.-Петербургѣ Андрея Степановича, потому, что по увѣдомленію, которое отъ Василія Александровича Шарапова здѣлано мнѣ, при отправленіи послѣдняго вашего писма, долженъ былъ господинъ губернаторъ обратно изъ С.-Петербурга отправиться въ Малороссію, чрезъ четыре недѣли по его туда пріѣздѣ; изъ чего слѣдуетъ, что мои писма пришли бы въ С.-Петербургъ около трехъ недѣль позже по отъѣздѣ его оттуда; а наконецъ, 3-е, по той причинѣ, что при выше объявленныхъ хлопотахъ и

---

[1]) Великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою.

недосугахъ несовсѣмъ я здоровъ былъ, въ то самое время, когда дошло до меня помянутое послѣднее ваше писмо. Всѣ сіи резоны безъ сумнѣнія, м. г. мой братецъ, достаточны будутъ ко оправданію предъ вами продолжавшагося понынѣ моего молчанія, которое напослѣдокъ (сыскавъ нѣсколько свободныхъ часовъ) прерываю теперь, и прежде всего покорнѣйше благодаря вамъ за употребленное вами въ пользу нашихъ свойственниковъ стараніе, долженъ я вамъ сказать, что за нихъ же благодарилъ я графу и Андрею Степановичу въ декабрѣ мѣсяцѣ, отправя мои къ нимъ писма чрезъ С.-Петербургъ. За симъ слѣдуетъ отвѣтъ мой на первое изъ выше означенныхъ вашихъ писемъ. Благодарствую вамъ за учиненное мнѣ онымъ писмомъ сообщеніе о обстоятельствахъ, касающихся до дѣла вашего съ Корсаками, и сердечно желаю, чтобъ оное въ скоромъ времени могло совершенно окончиться ко удовольствію вашему и господъ Гамалѣевъ. Чтожъ касается до дѣтей вашихъ, о которыхъ вы желаете имѣть отъ меня увѣдомленіе — продолжать ли вамъ или перемѣнить въ разсужденіи ихъ тотъ вашъ поступокъ, о которомъ вы въ томъ же писмѣ упоминаете, то на сіе позвольте мнѣ, м. г. мой братецъ, сказать вамъ откровенно и праводушно, что сколь много ни желалъ бы я услужить какъ вамъ, такъ и имъ самимъ исходатайствованіемъ для нихъ какихъ либо иностранныхъ офицерскихъ чиновъ, но, къ великому моему сожалѣнію, не нахожу я никакого къ тому способу, ибо здѣсь, какъ вамъ уже извѣстно, никакимъ иностраннымъ людямъ, кромѣ знатнѣйшихъ имперскихъ княжескихъ фамилій, не даютъ офицерскихъ чиновъ, естьли они не были въ здѣшней же службѣ, и оныхъ не заслужили; да и изъ тѣхъ имперскихъ фамиліи никто инако не можетъ здѣланъ быть здѣшнимъ офицеромъ, какъ съ тою кондиціею, что бы ему дѣйствительно быть въ военной здѣшней службѣ. Въ Пруссіи тоже; а въ Польшѣ, какъ я слышу, извѣстное вамъ препятствіе понынѣ продолжается. Отвѣтъ на ваше послѣднее письмо: премного благодарствую вамъ, какъ за сообщеніе сочиненной вами для пресвѣтлѣйшихъ нашихъ путешественниковъ рѣчи, которую здѣсь всѣ, кому я ни читалъ ее, хвалили, въ томъ числѣ и князь Дмитрій Ми-

хайловичь, и которая (естьли вы мнѣ дозволите сказать объ ней мое нелестное и нелицемѣрное мнѣніе) по справедливости общей похвалы заслуживаетъ, такъ и за присылку копіи съ фельдмаршалскаго о нашихъ свойственникахъ предложенія въ Малороссійскую коллегію. Въ бытность великаго князя въ здѣшнемъ городѣ, одинъ разъ, я имѣлъ случай сказать его императорскому высочеству, что я двоюродный братъ того, который въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ былъ главнымъ инспекторомъ надъ классами, и который имѣлъ нещастіе потерять чрезъ пожаръ почти все свое движимое имѣніе и всю библіотеку; но какъ скоро я сіе выговорилъ, то вошелъ камердинеръ и сталъ о чемъ то докладывать его высочеству, чѣмъ и пресѣклась рѣчь моя, которую ни въ то время распространить, ни въ другой разъ возобновить мнѣ уже не удалося. Чтожъ касается до князя Александра Борисовича Куракина, то я почти все то пересказалъ ему, о чемъ вы ко мнѣ писали; и онъ со удовольствіемъ и съ благодареніемъ принявъ объявленіе мое о томъ, что вы весма хвалитесь всегдашнею его къ вамъ благосклонностію, не менше, какъ и оказуемою отъ него по дѣламъ вашимъ справедливостію, сказалъ мнѣ при томъ, что ему небезъизвѣстно о желаніи, которое имѣютъ другіе, чтобы Гамалѣевскія деревни присовокупить къ ихъ имѣнію. Теперь я долженъ предъ вами, м. г. мой братецъ, взаимнымъ образомъ похвалиться тѣмъ, что князь Александръ Борисовичь, по своей къ намъ милости, взялся постряпать посредствомъ г. генерала прокурора о подтвержденіи нашего нѣмецкаго дворянства, о чемъ не задолго предъ отъѣздомъ своимъ отсюда писалъ онъ къ князю Александру Алексѣевичу, сообща ему копію съ нашего диплома, такожъ и съ челобитной, которая отъ меня въ 1780 году послана была при писмѣ къ графу Никитѣ Ивановичу; по его жъ совѣту я и самъ о томъ же писалъ къ генералу прокурору, какъ то усмотрите вы изъ приложенной при семъ копіи съ моего къ нему писма, которое отъ негожъ князя Александра Борисовича при писмѣ его послано отсюда. Для любопытства вашего, при семъ случаѣ посылаю вамъ въ особливомъ пакетѣ восемь печатныхъ піесъ, содержащихъ въ себѣ разныя мудрыя и повсемѣственнаго свѣ-

денія достойныя узаконенія, кои здѣсь въ недавнемъ времени учинены отъ владѣющаго императора. Въ заключеніе всего сего, позвольте мнѣ, м. г. мой братецъ, предложить вамъ мое мнѣніе и совѣтъ мой, кои состоятъ въ томъ, что весма бы, кажется, не худо было какъ для васъ самихъ, такъ и для другаго кого изъ ближнихъ вашихъ, естьли бы вы по пріѣздѣ вашемъ въ С.-Петербургъ, старалися, сколько можно больше, адресоваться къ Александру Андреевичу Безбородку, о которага честности и склонности къ благодѣяніямъ я здѣсь весма много слышалъ, и довольно увѣренъ. Впрочемъ пребуду всегда съ непремѣнною моею къ вамъ преданностію и истиннымъ почтеніемъ, вашъ, м. г-ря моего, покорнѣйшій и усердновѣрнѣйшій братъ и слуга Григорій Полѣтика. P. S. Прошу засвидѣтельствовать должное мое почтеніе м. г-нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, а при томъ увѣрить ее о непремѣнной моей къ ней преданности.

95) Василія Александровича Шарапова, изъ Петербурга, 1782 г., 1 іюля.

Дѣла ваши, м. г. Григорій Андреевичъ, остаются безъ слушанья; и человѣкъ вашъ обнадѣженъ, что до того долго еще не дойдетъ; соперникъ вашъ отселѣ уже уѣхалъ, а потому всему и онъ рѣшился возвратиться къ вамъ, и завтра отъ меня отъѣзжаетъ. Я, пользуясь симъ случаемъ, возвращаю къ вамъ при семъ заготовленное вами письмо и съ копіею, такъ же письмо къ почтдиректору съ бланкетомъ; а притомъ за нужно нахожу здѣлать вамъ мои примѣчаніи. Посылка онаго чрезъ почтдиректора была въ намѣреніи, чтобъ оно не попало въ руки Безбородки и его товарищей, какъ отъ него почти зависящихъ и ничего безъ него не дѣлающихъ. Но естьли вы исключаете изъ сего письма ваше на него, равно какъ и на Заводовскаго подозрѣніе, то хотя почтдиректоръ и доставитъ его прямо, оно ему отдано будетъ, и тогда естьли не получите худа, прозба ваша останется безъ дѣйства. Здѣланное или чемъ запутанное поправить труднее. Отзывъ его брата могъ выдуманъ быть для уловленія васъ; и какъ вы хотѣли уже здѣлать сіе, то конечно довольно успѣли они въ своемъ намѣреніи. Излишно го-

ворить, сколь мало можно полагаться на слова, а особливо таких, каковы они. Въ случаѣ же изъявленіи вами на него подозреніе, письмо ваше безсумнѣнія до рукъ его не дойдетъ: такихъ примѣровъ было много; и въ ту пору вамъ бояться его нѣчего. Можетъ же статься, что сіе умножа принесенныя на него жалобы, обратитъ и всѣ ихъ каверзы въ ничто. Все до времени! Въ письмѣ къ почтдиректору нужно изъяснить опасность вашу отъ секретарей или просто попросить его о доставленіи; или же послать къ нему и безъ письма, запечатавъ тогда незнакомою печатью. Всякой полученной имъ пакетъ обязанъ онъ доставлять прямо. О дозволеніи жъ отнюдь упоминать излишно: оно приватное; и онъ не сказывая о семъ, берется иногда и здѣсь, особливо въ отлучку двора, помогать лишеннымъ способовъ принесть жалобы свои и прозбы. Посему можете и здѣсь употребить сіе средство, когда будетъ надобно. Я незнаю, нужно ли давать читать многимъ сіе письмо по его подачѣ; а надобно дать только тѣмъ, кои имѣютъ силу и могутъ васъ подкрѣплять и уничтожать ихъ замыслы. Изъяснивъ вамъ, м. г., они о семъ мысли, имѣю честь отвѣтствовать вамъ на послѣднее письмо ваше. Изъ присланныхъ при ономъ, я надписанное на Григорья Ивановича отослалъ къ нему съ случившимся куріеромъ, а другія разослалъ съ человѣкомъ вашимъ. О Левандовскомъ теперь донесу вамъ только, что слухъ носился объ опредѣленіи его къ принятію челобитенъ. Естьли сіе правда, то Безбородко дѣлая его помощникомъ, хочетъ съ нимъ дѣлами подѣлиться, какъ съ человѣкомъ надѣжнее другихъ, хотя и они ничего безъ него не дѣлаютъ. Обремѣнясь всемъ, ибо онъ и не нося званіи, исправляетъ должность кабинетъминистра, перваго министра иностранныхъ дѣлъ потому что вицеканцлеръ дѣла подноситъ и повелѣній получаетъ чрезъ него, и главнаго почтъ правителя, онъ любитъ повеселиться и столомъ, и картами, и комедіями, и балами на своей дачѣ, что была Тепловская, а притомъ еще и съ своею италіанкою, и упражняться еще строеніемъ огромнаго для себя дома. По сему можете судить, сколь дѣла въ порядкѣ, и что не минуемо должно уходить отъ челобитчиковъ и въ заднія двери, и въ окны. Наконецъ, немину-

еможъ сбудется и употребленное вами израженіе: спѣетъ путь грѣшныхъ. Онъ очень смѣлъ и безстыденъ, и все еще ему удается. Но сіе самое и поощритъ его на какое либо дѣло, которое уничтожитъ по крайней мѣрѣ его силу. Съ товарищемъ онъ еще хорошъ, однакожъ дружба ихъ не можетъ быть чистосердечна. Виды ихъ теперь разнообразны, и товарищъ долженъ уступать и терпѣть. Помогши выжить графа Н. П. и выгнавъ старшаго своего брата, онъ ожидалъ того, чемъ нынѣ по вступленіи Безбородко ласкаться не можетъ, говоря иногда о вояжѣ, а иногда объ отставкѣ, кажется чувствуетъ онъ, что обманутъ. Дружба ихъ тверда быть не можетъ и по несогласію содержимыхъ ими италіанокъ. Напослѣдокъ увидимъ, чемъ все кончится. Между тѣмъ товарищъ выдумываетъ внѣшнія мѣста и старается умножать тѣмъ свой промыселъ, а потому хотя и принужденъ будетъ отстать, не останется одракожъ съ пустыми руками; да конечно еще за добрыя свои дѣла и хорошо награжденъ будетъ.—О пенсіонѣ вашемъ въ адмиралтѣйствѣ положено, чтобъ вы получали оной изъ сосѣдняго намѣстничества, а о семъ получите отъ человѣка вашего данную ему копію. Поѣздка въ Москву нынѣшній годъ кажется быть уже не можетъ, и сказываютъ теперь, что будетъ она въ концѣ будущаго года. И такъ, м. г., естли надобно вамъ будетъ предпринять путь зимою, то не въ Москву, а сюда. Сія поѣздка страшитъ меня чрезвычайно. И дѣйствительно была бы она для меня весьма раздражительна. Упреждая сіе, я рѣшился взять отставку и удалиться куды нибудь потеплѣе. Притомъ и упражненіе въ важныхъ бездѣлицахъ мнѣ очень уже надоѣло, а здоровье и особливо женнино требуютъ покою и перемѣны воздуха. Вотъ что, м. г., пророчитъ вашъ сонъ; но я и въ семъ случаѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ—мало ожидаю себѣ добраго. Не имѣя ни отпусковъ моимъ письмамъ, ни записокъ, я не знаю когда и съ кѣмъ отвѣтствовалъ я вамъ на письмо ваше, съ г. Милорадовичемъ полученное. По сей причинѣ не знаю а такъ же и что писалъ я о перемѣнахъ въ коллегіи Ихъ было уже по моемъ выходѣ столько, что можно записаться. Отставляютъ безъ прозбы, производятъ другихъ, перемѣняютъ и дѣлаютъ что

.....(?) новое почти ежедневно. Я не увѣдомлялъ васъ порядочно о семъ, какъ мало или и совсѣмъ васъ не интересующемъ, но теперь, чтобъ удовольствовать желаніе ваше, донесу вамъ сколько можно въ кратце; коллегія состоитъ теперь изъ одной секретной експедиціи, а протчія департаменты публичной експедиціи, казенной и внутренней уничтожены, а почтовой отдѣленъ и названъ главнымъ почтъ правленіемъ. Контора въ Москвѣ также уничтожена, и остался тамъ только старой архивъ. Теперь коллегію составляютъ только, хотя гр. Н. П. еще и не отставленъ, вицеканцлѣръ, Безбородко и Бакунинъ. Они во всемъ учавствуютъ съ нимъ и все подписываютъ, чего прежде не было, Г. Кохъ и г. Алопеусъ произведены совѣтниками канцеляріи и на мѣста статскихъ совѣтниковъ, а потому и получаютъ жалованье—первой 2000, а другой 1500, какое получали Убри и Крокъ. Мѣста четырехъ сов. канц. наполняютъ г. Гренъ и г. Страховъ, да надв. сов. Блюмъ и Кондоиди младшій. О протчихъ же по частнымъ перемѣнамъ не упомню. Теперь все чиновныя, а приняться не за кого. Въ гл. почтовомъ правленіи по Безбородкѣ, почтдиректоръ и два совѣтника, коихъ одинъ славной архитекторъ и фаворитъ Безб. Львовъ, а другой бывшій въ Москвѣ Протопоповъ, покровитель Два Бакунина; и хотя оба они мало способны, получаютъ по 1500 жалованья, тожъ что и старикъ почтдиректоръ. Миръ теперь кажется не далекъ. Вы знаете, что въ Англіи министерство перемѣнилось, а съ нимъ перемѣнились и поступки. Теперь хотятъ уже признать независимыми американцевъ, но ищутъ только помириться съ ними безъ участія Франціи. Сіи жъ не соглашаются, а потому и выдетъ общей миръ. Англія хочетъ помириться такъ же особливо подъ зд. медіаціею съ Голандіей, и согласилась поставить основаніемъ мира положенныя ея имп. вел. правилы нейтралски (?) и здѣлать такой же трактатъ, какой имѣли они съ 1674. Однакожъ вздумали поздно. Голандія вошла въ соглашеніе съ Франціею, и едвали безъ нее что здѣлаетъ. Почему и сіе будетъ въ общее жъ замиреніе. Аглинскіе емисары часто въ Францію и Гишпанію ѣздятъ и наконецъ согласясь о главномъ, заключатъ подъ медіацію обоихъ

дворовъ миръ въ Вѣнѣ. Теперь разнеслась новость о побѣдѣ аглинской ескадры надъ французскою и что гр. де-Граса самаго въ полонъ взяли. Подлинныхъ извѣстій нѣтъ, но естьли правда, то чтобъ агличане не подняли опять носъ, и тогда война еще не мало продолжиться можетъ. Совсѣмъ тѣмъ навезли къ намъ много вина португальскаго, сахару и кофи. Цѣна на вина конечно уменьшится, а сахаръ ужъ теперь по 12, а кофи по 13 пудъ. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ, м. г-нѣ Аленѣ Ивановнѣ и любезнымъ дѣтимъ вашимъ нижайшее почтеніе вмѣстѣ со мною, и оба желаемъ вамъ совершеннаго здоровья пребывая навсегда ваши нижайшія слуги Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Посылка Малороссіянъ въ ледяной домъ. Однажды въ 1739 г. любимая шутиха Императрицы Анны Іоанновны калмычка Авдотья Ивановна Буженинова, уже немолодая и безобразная собою, въ разговорѣ съ Государыней высказала охоту выйти замужъ. Ея Величество, смѣясь, спросила калмычку, есть ли у нея женихъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта взялась сама устроить ея судьбу. Въ женихи Императрица выбрала разжалованнаго за переходъ въ католичество изъ маіоровъ въ пажи и назначеннаго придворнымъ шутомъ князя Михаила Алексѣевича Голицына, внука нѣкогда всесильнаго любимца царевны Софьи, князя Василія Васильевича. Придворные пришли въ восторгъ отъ выдумки Государыни, а у камергера Татищева явилась счастливая мысль справить шутовскую свадьбу въ нарочно устроенномъ на Невѣ ледяномъ домѣ. Планъ изобрѣтательнаго камергера былъ одобренъ, и была назначена «маскарадная коммисія» подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго для приведенія этого плана въ исполненіе. Между прочимъ для участія въ свадебныхъ торжествахъ было рѣшено вытребовать въ Петербургъ представителей всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ [1]).

Среди бумагъ недавно поступившаго въ библіотеку Кіевскаго университета архива покойнаго М. О. Судіенка сохранилось цѣлое дѣло о посылкѣ въ ледяной домъ малороссійскихъ плясуновъ. Дѣло это рисуетъ тотъ переполохъ, какой произвела петербургская затѣя въ одномъ изъ концовъ русскаго государства, и показываетъ, какихъ расходовъ она стоила.

---

[1]) „Русская Старина“ 1873 г. № 3. Ст. С. Н. Шубинскаго „Императрица Анна Іоанновна“, стр. 347—358.

Начинается дѣло Высочайшимъ указомъ изъ кабинета Ея Величества на имя генералъ-маіора и лейбъ-гвардіи маіора Шипова отъ 29 ноября 1739 г. Указомъ этимъ предписывалось: по случаю приготовляющагося при дворѣ «для предбудущей нѣкоторой забавной свадбы» маскарада выбрать по 6 чел. козаковъ, козачьихъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ, «по козацку танцовать умѣючихъ, только чтобъ собою негнусни были», сдѣлать имъ изъ казенныхъ денегъ «нарочитое плате со всѣми ихъ приборы, каки у нихъ обыкновенно употребляютъ», взять сколько нужно «на прокормъ ихъ дорогою безъ оскудѣнія денегъ» и, обнадеживъ Высочайшею Ея Имп. Величества милостію, отправить на подводахъ въ Петербургъ «въ самой скорости», такъ чтобы къ генварю 1740 г. они были уже на мѣстѣ. Платья предписывалось сшить имъ изъ добраго сукна и недорогихъ камокъ, а если женскому полу нужны шубы, то пошить ихъ изъ недорогихъ бѣличьихъ мѣховъ.

Указъ былъ полученъ въ Глуховѣ 10 декабря, и В. Ген. Канцелярія немедленно принялась за приведеніе его въ исполненіе. Въ началѣ рѣшено было за недостаткомъ времени для посылки въ отдаленныя мѣста сыскать требуемыхъ людей въ сотняхъ «сегобочныхъ за Сеймомъ и въ Миргородскомъ полку». (Какъ видно изъ другихъ документовъ, по мнѣнію В. Г. К. въ Миргородскомъ полку были самые лучшіе танцоры). Поэтому сотникамъ и сотенной старшинѣ засеймскихъ сотенъ и Миргородскаго полка были посланы указы доставить требуемыхъ мужчинъ и женщинъ къ 13 декабря, при чемъ обнадеживать посылаемыхъ, что имъ будетъ сдѣлана одежа добрая камчату и тонкаго сукна», на дорогу будутъ отпущены деньги, а за прибытіе къ Высочайшему двору они въ Высочайшей Ея Императ. Величества Милости оставлены не будуть. Такіе указы были посланы въ сотни Глуховскую, Воронежскую, Янпольскую, Кролевецкую Коропскую, Новомлинскую и полкъ Миргородскій. Повидимому Генер Канцелярія и сама старалась разузнавать, гдѣ есть искусные танцоры. По крайней мѣрѣ 13 декабря она послала Хорольскому сотнику Еремѣю Родзянкѣ указъ о томъ, что «въ Войск. Енер. Канцеляріи извѣстно учинилось, что въ мѣстечкѣ Хоролѣ имѣючійся тамошній житель нѣякися Яцевичъ умѣетъ по козацку добре танцовать», и потому Яцевича предписывалось доставить въ Генер. Канцелярію въ самой скорости.

Сотники и старшины засеймскихъ сотенъ выполнили предписаніе въ точности, но выборъ, сдѣланный ими, былъ неудаченъ, такъ

какъ 15 декабря состоялось слѣдующее постановленіе Генер. Канцеляріи: въ виду того, что присланные козаки, бабы и дѣвки, «явились малоросли и самые убогшіе и танцовать не умѣютъ», отправить ихъ съ привезшими канцеляристами обратно и дать сотеннымъ старшинамъ открытые указы, чтобъ они прислали по 6 молодиковъ, молодыхъ бабъ и дѣвокъ «самыхъ лутшіихъ и въ козацкомъ танцу искуснѣйшихъ и вѣжливыхъ и не гнюсныхъ и не самыхъ убогихъ, дабы они могли годится ко отправленію ко двору Ея Имп. Величества, и для того старшины таковыхъ отъ посланныхъ не скрывали подъ тяжкимъ отвѣтомъ».

Присланные на этотъ разъ вѣроятно болѣе отвѣчали требованіямъ, такъ какъ 20 декабря Генер. Канцелярія постановила отправить въ Петербургъ 9 душъ, выбранныхъ изъ ближайшихъ къ Глухову мѣстъ. Эти выбранные были осмотрѣны докторомъ медицины Бокомъ, и имъ выдано свидѣтельство, что «на нихъ никакихъ опасныхъ знаковъ не явилось» и что они во «всемъ явились чисты и здоровы».

Не мало хлопотъ доставляла Войсковой Ген. Канцеляріи и заготовка одежды. Тотчасъ по полученіи кабинетскаго указа войсковому экзекутору Самойлу Ѳедорову было предписано закупить въ Нѣжинѣ 100 концовъ разноцвѣтной камки «семиналной и полуголевой» и отъ 28 до 35 бѣличьихъ мѣховъ. 16 декабря экзекуторъ донесъ, что требуемой камки въ Нѣжинѣ не сыскалось, а мѣха онъ хотя и нашелъ и приторговалъ по 3 р. съ полтиной за штуку, но купить не посмѣлъ, а посылаетъ одинъ для образца. Въ тоже время Глуховскому атаману Демьяну Туранскому предписано было «пріуготовить покупкою сукна тонкого, камокъ и для шубъ женского полу бѣличьихъ мѣховъ недорогихъ, за что все деньги отъ канцеляріи Малороссійскихъ сборовъ возвращены быть имѣютъ; такожъ портныхъ, добрыхъ и искусныхъ людей ассигновать потребное число». И Туранскому съ его помощникомъ войтомъ Ив. Пуховичемъ не удалось найти въ Глуховѣ ни камокъ, ни бѣличьихъ мѣховъ, нашли они только тонкое сукно.

Отправляя въ Петербургъ первую партію плясуновъ, Шиповъ послалъ въ кабинетъ доношеніе, въ которомъ оправдывался въ томъ, что посылаетъ только 9 человѣкъ, а не всѣхъ. Мотивируетъ онъ это во 1-хъ тѣмъ, что посланы только выбранные изъ ближайшихъ къ Глухову мѣстъ, а въ Миргородскій и Лубенскій полки, гдѣ «нарочито имѣются таковы по козацку танцевать умѣючіе бабы, дѣвки и козаки», посланы нарочные, а во 2-хъ тѣмъ, что при отправкѣ всѣхъ разомъ

встрѣтились бы затрудненія въ доставкѣ нужнаго количества подводъ. Что же касается одежи, то, по словамъ доношенія, за неотысканіемъ въ Глуховѣ камокъ, одежа сдѣлана, какая возможно.

Между тѣмъ въ Глуховъ прибывали новые выборные. 18 декабря Нѣжинскій полковникъ Ив. Хрущовъ отправилъ 4 козаковъ, 2 молодыхъ бабъ да 2 дѣвокъ. 26 декабря лубенскіе полковой обозный Ив. Кулябка и полковой писарь Семенъ Столповскій послали 3 козаковъ, 4 дѣвокъ и 3 бабъ-вдовъ при опредѣленномъ конвоѣ и нарочномъ приставѣ, которому и вручили для прокормленія ихъ на пути отъ Лубенъ до Глухова три рубля. Привезены были танцоры и изъ Сумского слободскаго полка.

Не вездѣ впрочемъ выборъ плясуновъ шелъ успѣшно. Посланный въ Миргородскій полкъ лейбъ-гвардіи конной команды рейтаръ Трофимъ Нелюбовъ доносилъ 2 генваря, что, прибывъ 20 декабря къ полковнику Капнисту и предъявивъ ему указъ Ген. Канцеляріи, онъ получилъ отвѣтъ, что де у него полковника Капниста такихъ людей въ Сорочинцахъ нѣтъ, и для взятія означенныхъ плясуновъ послалъ его въ Миргородскую и Хорольскую сотни, задержавъ своей нераспорядительностью на цѣлыя сутки. Набралъ Нелюбовъ плясуновъ въ Миргородской сотнѣ 6 человѣкъ, да въ Харковской (вѣроятно Хорольской) тоже 6, но трое изъ нихъ, не смотря на обнадеживанія, не доѣзжая мѣстечка Ромновъ, бѣжали съ дороги, и Нелюбову пришлось еще промедлить, такъ какъ онъ подавалъ Роменскому сотнику о бѣжавшихъ доношеніе, а сотникъ «за своимъ гуляньемъ того доношенія не принялъ». Промедленіе было и на почтахъ, и въ селахъ по причинѣ неисправности въ доставкѣ подводъ. Изъ привезенныхъ Нелюбовымъ плясуновъ двое были отправлены въ Петербургъ, а остальные за негодностью отосланы обратно.

Изъ Петербурга между тѣмъ торопили присылкой требуемыхъ людей. 30 декабря изъ кабинета посланъ былъ предварительный указъ, и Ген. Канцеляріи снова пришлось оправдываться въ томъ, что требуемые малороссіяне отправлены не сразу, а тремя партіями 20, 22 и 24 декабря, такъ какъ въ Глуховѣ сыскать въ скорости умѣющихъ по казацку танцовать было нельзя и надо было посылать за ними въ не весьма отъ Глухова отдаленныя мѣста. Едва-ли такое увѣдомленіе Канцеляріи на счетъ сроковъ отправки вѣрно, такъ какъ еще 31 декабря д-ръ Бокъ выдалъ свидѣтельство объ осмотрѣ 2 козаковъ, 2 бабъ и 2 дѣвокъ, да и Нелюбовъ привезъ своихъ плясуновъ позднѣе 24 декабря.

Всего привезено было въ Глуховъ изъ Сумскаго слободского полка козаковъ 12, женокъ 12, дѣвокъ 12; Нѣжинскаго полка: изъ Нѣжина козаковъ 4, жен. 2, дѣв. 2, изъ Кролевца коз. 6, жен. 4, дѣв. 7, изъ Воронежа коз. 4, жен. 2, дѣв. 4, изъ Коропа коз. 1, женка 1, дѣв. 2, изъ Новыхъ Млиновъ коз. 4, дѣв. 2, изъ Глухова коз. 3, жен. 4, дѣв. 9, Глуховской сотни изъ с. Березы коз. 2, жен. 1, дѣв. 2, с. Слоута коз. 1, дѣв. 4, с. Обложокъ женка 1, дѣв. 3; изъ Миргородскаго полка коз. 4, жен. 3, дѣв. 4, изъ Лубенскаго—коз. 3, жен. 3, дѣв. 4. Итого коз. 44, женокъ 33, дѣвокъ 55.

Даже когда уже требуемое число малороссіянъ было отправлено въ Петербургъ, мѣстныя власти продолжали усердствовать и присылать новыхъ выборныхъ. Такъ, уже въ январѣ изъ Лубенскаго полка было прислано еще 3 мужч. и 7 женщинъ, и Ген. Канцелярія 11 января постановила отправить ихъ за ненадобностью и неискусностью на 6 подводахъ домой.

Послѣ отправки малороссіянъ началась расплата за расходы. При отправкѣ первой партіи Ген. Канцелярія предписала Канцеляріи Малороссійскихъ сборовъ выдать на уплату за 10 ямскихъ подводъ, да по полтора рубля на человѣка на прокормленіе. Потомъ на прокормленіе было прибавлено еще по полтинѣ на душу. Вторая партія изъ 6 чел. была отправлена на 7 подводахъ и тоже получила на прокормъ по $1^1/_2$ рубля на каждаго. На расходы по отправкѣ третьей партіи нѣтъ указаній. 30 января канцелярія малороссійскихъ сборовъ донесла А. И. Румянцеву, что Глуховскимъ атаманомъ Туранскимъ и войтомъ Пуховичемъ, завѣдывавшими снаряженіемъ и отправкой малороссіянъ, представленъ въ Канцелярію счетъ расходовъ на покупку для отправляемыхъ «сукна, камки и прочихъ къ одежѣ надлежащихъ потребностей» и на пошитье этой одежи въ суммѣ 532 р. 12 коп., да на покупку при отправкѣ саней, цыновокъ, рогожъ и вожжей 11 р. 24 к. Эти 543 р. 36 к. и были выданы Туранскому и Пуховичу.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ жилось малороссіянамъ въ Петербургѣ, знаемъ только, что 6 февраля 1740 г., въ день «курьезной» свадьбы, они фигурировали вмѣстѣ съ другими «разноязычниками» и «разночинцами» въ качествѣ поѣзжанъ и плясали національныя пляски, что чрезвычайно забавляло Императрицу.

Въ дѣлѣ сохранилось также нѣсколько документовъ, касающихся отправки Малороссіянъ по домамъ. 27 февраля 1740 г. отъ «Учрежденія маскараднаго дѣла» дана была солдатамъ Преображенскаго полка

Павлу Лазареву, да Измайловскаго полка Тарасу Савенкову инструкція объ отвозѣ малороссійскихъ плясуновъ въ Глуховъ, въ которой предписывалось «везти ихъ на данныхъ по подорожной изъ Ямской Канцеляріи подводахъ во всякомъ охраненіи и объявить ихъ въ Генеральной Войсковой Канцеляріи», откуда отпустить ихъ въ домы, а сдѣланное имъ платье отдать имъ; во время пути предписывалось «смотрѣть за оными малороссіянами, чтобъ куда не разошлись и на ночлегахъ и въ дорогѣ никому обидъ и никакихъ налогъ не чинить подъ опасеніемъ за то военнаго суда».

По прибытіи въ Глуховъ плясуны подали Шипову прошеніе о выдачѣ имъ на проѣздъ домой отдѣльныхъ паспортовъ, такъ какъ отъ Петербурга до Глухова имъ былъ выданъ одинъ паспортъ на всѣхъ. 30 марта Войсковая Генеральная Канцелярія предписала выдать имъ отдѣльные паспорты и прогоны до мѣста жительства.

Е. К.

Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. Извѣстность Боровиковскаго сдѣлала въ послѣдніе годы въ обществѣ лучшіе успѣхи, чѣмъ дѣло собиранія свѣдѣній о немъ и накопленія фактовъ его біографіи. Онъ умеръ три четверти вѣка назадъ, жилъ почти одинокимъ отшельникомъ, посвятивъ жизнь искусству и, хотя пользовался успѣхомъ въ свое время, но не тѣмъ, на какой даетъ ему право его высокое дарованье. При такихъ условіяхъ истекаютъ быстро и безслѣдно непосредственные слѣды жизни, и, когда общество, прозрѣвъ, начинаетъ интересоваться всякой подробностью, касающейся необыкновеннаго человѣка, когда-то жившаго, узнать и собрать свѣдѣнія о немъ бываетъ уже невозможно. Напечатанная П. И. Бартеневымъ записная книжка художника и отысканныя мною письма его къ роднымъ—единственные пока свидѣтели о немъ интимнаго характера. Мы знаемъ, какъ ничтожны свѣдѣнья русскихъ источниковъ о Боровиковскомъ. Иностранные источники въ этомъ случаѣ еще беднѣе. Въ столь извѣстномъ «Dictionaire des peintres» Сире о немъ напечатано, напримѣръ, три строчки: «ученикъ Левицкаго, онъ оставилъ военную службу, чтобъ отдаться искусству. Работалъ много для церквей, между прочимъ для Казанскаго собора въ Петербургѣ. Хорошо улавливалъ сходство лицъ, отличался въ выпискѣ матерій. Миніатюры удивительной законченности.» Далѣе подобныхъ общихъ мѣстъ не

идутъ свѣдѣнія иностранныхъ источниковъ, также впрочемъ какъ и русскихъ, которыхъ они служатъ отраженіемъ.

Весною 1893 года, послѣ появленія въ «Новомъ Времени» симпатичной замѣтки г. Ив. Щеглова о могилахъ Венеціанова, Ѳедотова и Боровиковскаго, въ той же газетѣ напечатано было сообщеніе г. Барсова, возбудившее интересъ поклонниковъ художника. Г. Барсовъ писалъ, что секретаремъ Имп. Русскаго Историческаго Общества г. Штендманомъ пріобрѣтены случайно бумаги и рисунки Боровиковскаго, оставшіеся послѣ его смерти и пребывавшіе въ неизвѣстности. Отъ уважаемаго г. Штендмана въ Петербургѣ я услышалъ полное опроверженіе этого сообщенія. Бумаги и рисунки оказались принадлежащими одному изъ третьестепенныхъ и безвѣстныхъ художниковъ первоначальной эпохи, ничего общаго съ Боровиковскимъ не имѣютъ и переданы г. Штендманомъ одному изъ знакомыхъ ему художниковъ.

Послѣ напечатанья нашей статьи о Боровиковскомъ въ «Русскомъ Архивѣ», намъ доставлено нѣсколько сообщеній, и кое-что изъ его работъ еще стало извѣстнымъ. Для почитателей художника,—а число ихъ растетъ, и они начинаютъ называть его именемъ русскаго Рафаэля,—сообщаемъ эти данныя, хотя скудныя, но все же расширяющія свѣдѣнія о его работахъ и о немъ. Въ біографіи Крамского г. Стасовъ сообщилъ, что на первоначальное развитіе любви къ живописи у Крамского имѣли вліяніе церковныя работы Боровиковскаго, которыя онъ видѣлъ на родинѣ своей, въ Воронежской губерніи, въ с. Тишанкѣ Острогожскаго уѣзда, откуда Боровиковскій будто бы былъ родомъ. Родина его намъ достовѣрно извѣстна: это славный городъ Миргородъ. Но какъ очутились его работы въ Воронежской губерніи, гдѣ самъ онъ не былъ никогда? Въ сообщенномъ намъ письмѣ къ издателю »Русскаго Архива, г. Веневитиновъ даетъ разъясненіе этого обстоятельства. Тишанка, находящаяся въ Бобровскомъ, а не въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, принадлежала канцлеру князю А. А. Безбородку, который, очевидно, и заказалъ Боровиковскому церковный иконостасъ. Отъ Безбородка Тишанка перешла къ Кушелевымъ, затѣмъ къ княжнѣ Суворовой, а отъ нея уже куплена какимъ-то купцемъ. Иконостасъ Тишковской церкви теперь сильно почернѣлъ и находится въ большомъ запущеніи.

О другомъ иконостасѣ Боровиковскаго, находящемся въ селѣ Романовкѣ Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи, упомянутомъ

въ нашемъ спискѣ его работъ, намъ доставлены свѣдѣнія нотаріусомъ города Мглина Б. И. Суницей.

Романовская церковь, заложенная въ 1811 году и освященная въ 1817, построена на средства корнета Степана Артемовича и сестры его, дочери бунчуковаго товарища, Ульяны Артемовны Лашкевичей. Непосредственно строителями, или кѣмъ-нибудь изъ черниговцевъ, бывшихъ тогда на службѣ въ Петербургѣ и группировавшихся вокругъ Безбородка и Сутіенка, какъ Лишинъ, Велинскій и другіе, иконостасъ для церкви заказанъ былъ Боровиковскому [1]). Помимо достоинства работы, подлинность его удостовѣряется надписью, находящеюся на одной изъ иконъ: «въ семъ храмѣ иконы написаны Императорской академіи художествъ совѣтникомъ Владиміромъ Лукичемъ Боровиковскимъ въ Санктпетербургѣ 1815 года». Въ соборной церкви города Мглина повторенъ тотъ же иконостасъ, въ грубоватыхъ копіяхъ работы мѣстнаго живописца.

Всѣхъ образовъ въ Романовской церкви двадцать шесть, всѣ писаны на деревѣ. Есть основаніе предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. изображеніе святыхъ патроновъ строителей церкви, евангелистовъ на царскихъ вратахъ и друг., писаны не Боровиковскимъ и прибавлены потомъ. Внѣ всякаго сомнѣнія въ принадлежности ему—изображеніе Покрова Богородицы, на которомъ находится приведенная выше надпись, мѣстныя иконы Спасителя и Богородицы, Нерукотворенный образъ, изображеніе Бога Вседержителя, вѣнчающее иконостасъ. Все это излюбленные мотивы его творчества, проникнутые всегда у него совершенно особенной, ему лишь свойственной поэзіей.

Имена авторовъ церковныхъ работъ рѣдко попадаютъ у насъ въ справочныя книги и указатели, а потому ихъ узнаешь случайно. Въ главной церкви Петербургской Александро-Невской Лавры есть мало кому извѣстный образъ Спасителя письма Боровиковскаго. Христосъ стоитъ на облакахъ, держа въ рукахъ земной шаръ *стеклянной*. За нимъ, направо, видѣніе креста. Въ дымкѣ, составляющей фонъ картины, въ эфирѣ рѣютъ ангелы (видны однѣ головки), опрокинув-

---

[1]) У одного изъ Велинскихъ, въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, былъ портретъ дамы въ темно-пурпуровомъ платьѣ и въ кружевахъ, г-жи Лобановой, писанный Боровиковскимъ и вывезенный владѣльцемъ изъ Петербурга. Домъ, гдѣ находился этотъ портретъ, нынѣ сгорѣлъ, и неизвѣстно, уцѣлѣла ли въ пожарѣ картина Боровиковскаго.

шіеся, летящіе, со взоромъ устремленнымъ на Спасителя, тѣ ангелы, которые на религіозныхъ картинахъ Боровиковскаго сопровождаютъ Христа.

Великолѣпная выставка картинъ старыхъ мастеровъ изъ частныхъ собраній, бывшая въ Москвѣ весною 1892 года, обнаружила художественныя богатства, сосредоточенныя въ Москвѣ, сдѣлала извѣстными и нѣсколько картинъ Боровиковскаго, едва ли не бывшаго «гвоздемъ» выставки. Здѣсь появились: портретъ дѣвочекъ, дочерей Львова (принадлежащій Его Императ Высоч. князю Сергѣю Александровичу), портретъ графини Орловой-Денисовой (собственность г. Кристи), мужская голова (изъ собранья графа А. А. Бобринскаго) и портретъ Новоторжской крестьянки (изъ собранья Н. В. Полѣновой). Послѣдняя работа относится, вѣроятно, къ тому времени, когда Боровиковскій писалъ иконостасъ въ г. Торжкѣ, Тверской губ., причемъ работалъ очевидно на мѣстѣ.

Въ Москвѣ-же, въ частныхъ рукахъ, намъ указали еще: портретъ кн. Долгорукой, урожденной Анайщиковой (у княгини Ек. Петров. Долгорукой), Іоаннъ Богословъ (у товарища предсѣд. Моск. Окр. Суда М. Г. Ковалевскаго) и пять семейныхъ портретовъ Дубовицкихъ. Изъ нихъ особенно хороши портреты старика и старухи. Послѣдній—верхъ совершенства. Нѣсколько работъ художника, въ дополненіе къ нашей статьѣ, названы въ «Русскомъ Архивѣ» гг. Корсаковымъ и Примо.

Въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранится автографъ Боровиковскаго (единственный), относящійся къ послѣднимъ мѣсяцамъ его жизни. Это—условіе на выполненіе заказа, текстъ котораго слѣдующій:

«Для Его Превосходительства Егора Васильевича Карнеева, господина попечителя Харьковскаго университета, обязался я, нижеподписавшійся, написать собственными трудами двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери на деревянныхъ доскахъ, покрытыхъ для крѣпости мѣдью, вышиною 2 аршина 14 вершковъ, шириною 1 аршинъ и 6 вершковъ, отъ нижеписаннаго числа чрезъ одинъ годъ, т. е. будущаго года въ февралѣ мѣсяцѣ. За труды и издержки согласился получить двѣ тысячи пятьсотъ рублей государственными ассигнаціями. Въ счетъ оныхъ получилъ отъ Его Превосходительства тысячу рублей, а остальные 1500 рублей ожидаю получить по окончаніи» Февраля 4 дня 1825 года. Императорской Академіи Художествъ совѣтникъ Владиміръ Луки сынъ Боровиковскій».

Упоминаемыя въ этомъ заказѣ иконы едва ли были написаны, такъ какъ Боровиковскій умеръ въ апрѣлѣ того-же 1825 года. Карнѣевъ принадлежалъ къ мистическому кружку конца царствованія Александра I, которому всей душой привержевъ былъ и Боровиковскій. Значительная часть оставшихся его портретовъ и изображаетъ лицъ этого кружка, духовныхъ и свѣтскихъ. Въ драгоцѣнномъ собраніи произведеній русской живописи Третьякова, переданномъ нынѣ Москвѣ, къ прежнимъ работамъ Боровиковскаго недавно прибавился маленькій холстъ, изображающій, по увѣренію печатной «описи собранія» (№ 26), самого художника съ женою и ребенкомъ. Указаніе это совершенно не вѣрно и основано лишь на фамильномъ сходствѣ. Извѣстно, что Боровиковскій женатъ никогда не былъ. Эскизный портретикъ этотъ, гдѣ лицо мужчины дѣйствительно схоже съ сохранившимся собственнымъ офортнымъ изображеніемъ художника, представляетъ вѣроятно одного изъ его братьевъ и писанъ, судя по работѣ, еще въ Малороссіи, до переселенія Боровиковскаго на сѣверъ.

В. Горленко.

Изъ литературной полемики В. И. Аскоченскаго. Въ высшей степени интересная личность В. И. Аскоченскаго оставила по себѣ на долгое время память въ тѣхъ мѣстахъ, куда судьба заносила его. На страницахъ «Кіевской Старины» появлялись уже нѣкоторые изъ тѣхъ полемическихъ памфлетовъ, какіе вездѣ вызывала противъ себя эта безпокойная, неуживчивая натура. Намъ также удалось добыть такой памятникъ своеобразной литературной полемики Аскоченскаго, относящійся ко времени пребыванія его въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ онъ занималъ должность совѣстнаго судьи, послѣ постигшихъ его неудачъ въ Кіевѣ. Разочарованный и озлобленный неудачами, В. И. Аскоченскій пріѣхалъ въ Каменецъ уже съ большимъ запасомъ желчи, и здѣсь начинается у него цѣлый рядъ столкновеній съ различными представителями тогдашней каменецкой интеллигенціи. Особенно характерна извѣстная исторія съ молодымъ правовѣдомъ Г—ымъ, окончившаяся выходомъ виновника ея, Аскоченскаго, въ отставку. Ко времени этого послѣдняго столкновенія и относятся сообщаемыя нами два стихотворенія. Первое изъ нихъ— «Совѣтъ зазнавшемуся поповичу»—принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу Г—ва (по крайней мѣрѣ, общая молва современниковъ этой исторіи приписываетъ его ему) и очень ярко характеризуетъ

сословныя представленія тогдашней, лучшей даже, каменецкой интеллигенціи; другое—«Моя родословная»—принадлежитъ Аскоченскому. Къ сожалѣнію, послѣднее стихотвореніе попало намъ въ руки въ очень исковерканномъ и безграмотномъ видѣ; возстановить истинный текстъ его по другимъ спискамъ мы не имѣли возможности и подаемъ самый текстъ стихотворенія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ попалъ въ наши руки.

Добрый совѣтъ зазнавшемуся поповичу.

Къ чему таишь ты, милый мой,
Свой родъ, свое происхожденье?
Всѣ знаютъ, что родитель твой
Былъ попъ, его благословенье.
Что въ гербѣ родовомъ твоемъ
Не мечъ, не шпага, а кропило
Да блинъ поджаренный съ книшомъ,
Яицъ лукошко да кадило.
Собою глупо обольщенъ,
Ты хочешь влѣзть въ аристократы,
И позабылъ, что ты рожденъ
Въ углу сельской, плетеной хаты,
Что на деревнѣ твой отецъ,
Въ дни праздничные христославя,
Пшеницу, сало, куръ, овецъ
Бралъ съ чистымъ сердцемъ, не лукавя.
И о спасеніи души
Радѣя своего прихода,
Онъ съ чистымъ сердцемъ бралъ книши
И выкормилъ тебя, урода.
А ты теперь поднявши носъ,
Ужъ подъ собой земли не слышишь
И на привѣтливый вопросъ,
Какъ мѣхъ кузнечный, только пышешь.
Повѣрь, мой другъ,—не утаишь
Никакъ въ мѣшкѣ холстяномъ шила;
Того ужъ не перетворишь,
Что разъ природа сотворила.
Будь тѣмъ, чѣмъ Богъ тебя создалъ,
И корчить брось аристократа;
То—всѣ бароны и вассалы (?),
Гдѣ-жъ съ ними быть за панибрата?
Когда бояринъ столбовой
Тебѣ жметъ руку съ умиленьемъ,
Ты думаешь, что онъ душой

Кипитъ къ тебѣ расположеньемъ?
Напрасно, милый! Отвернувшись,
Тебѣ покажетъ въ спину шишъ
И, горделиво улыбнувшись,
Пошлетъ тебѣ прозванье: кнышъ.
Возьми примѣръ ты для себя
Съ другого своего ты брата [1]).
Онъ, правду-матушку любя,
Не лѣзетъ въ санъ аристократа.
Богатъ душою, головой,
Онъ простъ, не горделивъ со всѣми,
Въ мундиръ одѣвшись золотой,
Онъ не кичится передъ тѣми,
Кому судьба дала лишь фракъ,
Шинель суконную на ватѣ,
Картузъ цѣною въ четвертакъ,
Сюртукъ—заплата на заплатѣ.
Онъ не таитъ ни передъ кѣмъ
Незнатнаго происхожденья
И, чуждый глупаго кичѣнья,
Въ насмѣшку повѣствуетъ всѣмъ,
Что онъ поповичъ, не холопъ,
Не шляхтичъ, хамское отродье,
Что батюшка его былъ попъ,
А онъ теперь—высокородье.
Смири же духъ ты свой надменный
Познай полезный Божій страхъ
И, взявшись за ухо, почтенный,
Запой на „Господи воззвахъ".

Моя родословная.

Да, я поповичъ, не купецъ
Не шляхтичъ, хамское отродье,
Мой вѣчной памяти отецъ
Не назывался „благородье",—
Былъ благороденъ по дѣламъ,
А не по шпагѣ да усамъ.
Мой родъ по книгѣ шнуровой
Не значится происхожденьемъ;
Прапрадѣдъ мой за голосъ свой
Попалъ въ сіе (?) благословенье.
Да, я поповичъ, не холопъ

[1]) По всей вѣроятности, братъ В. И. Аскоченскаго, генералъ.

Не голый выходецъ изъ нѣмцевъ,
И не разстрига, не распопъ,
Не изъ кабатчиковъ сидѣльцевъ.
Отецъ виномъ не торговалъ,
Не разбавлялъ его водицей
И черезъ винный капиталъ
Не сдѣлался онъ важной птицей.
Да, я поповичъ, не холопъ;
Хоть родовой мой гербъ съ кадиломъ,
Да. . . . . . . (?)
Перед..... (?) вельможнымъ рыломъ.
Подлѣйшей лести не купилъ
И, помня вѣру, честь и совѣсть,
Какъ чувствовалъ, такъ говорилъ
Я гордую вельможамъ повѣсть.
Мой старый дѣдъ меня училъ
Стоять предъ Господомъ въ смиреньи
И крѣпко въ седцѣ утвердилъ
Надежду, вѣру и терпѣнье.
. . . .

Сообщ. А. **Лотоцкій.**

Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. Въ только что вышедшемъ изслѣдованіи И. М. Каманина «Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго»[1]) собрано довольно значительное количество документальныхъ указаній на существованіе въ XVI и XVII ст. частнаго козацкаго землевладѣнія, не разграниченнаго еще въ то время отъ землевладѣнія боярскаго и мѣщанскаго. Приводимые ниже документы относятся также къ факту подобнаго землевладѣнія; при этомъ представляетъ интересъ то обстоятельство, что упоминаемое въ нихъ козацкое владѣніе, незначительное по объему и цѣнности, существовало въ предѣлахъ державы Іереміи Вишневецкаго, который признавалъ его существованіе и ограждалъ отъ всякихъ притязаній со стороны своихъ державцевъ. Вотъ самые документы, въ переводѣ на русскій языкъ.

1. Іеремія Михаилъ Карибутъ князь на Вишничахъ увѣдомляю этою моею грамотою тѣхъ, кому о томъ надлежитъ вѣдать, что по просьбѣ мѣщанина мошенскаго Охрима Туровича, моего подданного, который купилъ у реестроваго козака по имени Гурина, за десять

---

[1]) Въ VIII кн. „Чт. въ ист. общ. Нестора Лѣт.“ и отдѣльно.

копъ грошей литовскихъ хуторъ, находящійся на Сокольихъ Лозахъ въ селѣ, чтобы я подтвердилъ ему эту его покупку, я этою грамотою моею подтверждаю, чтобы подобно тому, какъ вышеупомянутый козакъ владѣлъ этимъ хуторомъ, въ которомъ находится различное имущество, такъ и онъ владѣлъ бы спокойно, безъ всякихъ препятствій какъ отъ моихъ слугъ, такъ и отъ другихъ особъ. На что для большей твердости и вѣры къ этой моей грамотѣ съ подписью приказалъ я приложить и мою печать. Данъ въ Прилукѣ, 21 августа 1638 года. Михаилъ Вишневецкій. М. П.

2. Я, Флоріанъ съ Потока Потоцкій, державца Мошенскій, выполняя волю е. м. князя, который далъ мошенскому мѣщанину грамоту съ собственноручною своею подписью на Гуриновскій хуторъ въ Сокольихъ Лозахъ, которымъ онъ можетъ владѣть и пользоваться, въ чемъ никто не можетъ ему препятствовать — ни я самъ, ни какой-либо мой староста—даю ему на то мое настоящее писаніе съ моею подписью и приложеніемъ печати. Въ Вишняхъ, 6 ноября 1638 года. Флоріанъ Потоцкій съ Потока. М. П. [1]).

Сообщилъ **В. Щербина**.

Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. Вопросъ о частномъ землевладѣніи въ Малороссіи въ эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго и въ послѣдующее время до сихъ поръ остается не вполнѣ разъясненнымъ въ нашей исторической литературѣ. Съ одной стороны мы видимъ рѣзкую перемѣну всѣхъ общественныхъ отношеній, истребленіе или изгнаніе шляхты, раздачу захваченныхъ во время возстанія земель за войсковыя заслуги, съ другой—сохраненіе и подтвержденіе правъ прежнихъ владѣльцевъ на ихъ земли. Разъяснить эти противорѣчія можетъ только тщательное изслѣдованіе современныхъ документовъ, которыхъ, впрочемъ, сохранилось очень немного. Большой интересъ для даннаго вопроса представляетъ напечатанный Н. В. Стороженкомъ универсалъ Б. Хмельницкаго отъ 31 іюля 1650 г. на имя нѣжинскаго полковника Шумейка, которымъ предписывается возвращеніе земель прежнимъ владѣльцамъ [2]); но универсалъ этотъ относится ко времени Зборовскаго

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ, кн. № 227, л. 628.

[2]) „К. Ст.“, 1888, № 7.

договора и, по справедливому замѣчанію редакціи, былъ его прямымъ послѣдствіемъ. Приводимая ниже грамота Б. Хмельницкаго отъ 1 іюля 1656 г., случайно сохранившаяся въ позднѣйшей актовой книгѣ (1741 г.), представляетъ подобное же распоряженіе, относящееся къ болѣе позднему времени—Переяславскаго договора и послѣдовавшей за нимъ войны съ Польшею. Въ подлинности грамоты едва-ли можно сомнѣваться: распоряженія Б. Хмельницкаго въ XVIII в. едва ли имѣли важное значеніе въ глазахъ польскаго правительства, и подделывать ихъ не было никакой надобности. Грамота занесена въ актовую книгу не въ подлинникѣ, а въ польскомъ переводѣ, почему считаемъ возможнымъ съ своей стороны перевести ее на русскій литературный языкъ.

«Богданъ Хмельницкій, гетманъ съ войскомъ его царскаго величества Запорожскимъ.»

«Ярмола! Жаловались намъ Охримъ Троць и Байбузиха, что ты отнялъ его собственный сѣнокосъ, доставшійся ему отъ предковъ, находящійся въ с. Байбузахъ и называемый [1]..... и безъ всякаго основанія присвоиваешь себѣ и не желаешь возвращать, какъ бы присвоивая его намъ. Поэтому строго приказываемъ тебѣ немедленно возвратить этотъ лугъ безъ всякаго сопротивленія помянутому Охриму и впредь его никогда не тревожить. Намъ чужого не нужно. Данъ изъ Чигирина 12 іюля 1656 г. Если же ослушаешься, то немедленно явись къ намъ, непремѣнно. Богданъ Хмельницкій, рукою власною». М. П. [2]).

Село Байбузы, о которомъ идетъ рѣчь въ грамотѣ, находится въ черкасскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 10 къ юго-западу отъ м. Мошны. Трудно опредѣлить, кто былъ Ярмола, къ которому обращается Хмельницкій; по всей вѣроятности это былъ сотникъ Мошенскій (Черкасскимъ полковникомъ былъ въ это время Яcько Воронченко). Троць и Байбузиха, жалобою которыхъ вызвана грамота, въ актовой книгѣ (но не въ самой грамотѣ) названы мѣщанами мошенскими, но едва-ли это опредѣленіе точно, по крайней мѣрѣ относительно Байбузихи. Байбузы, по имени которыхъ названо и село, представляли литовскій шляхетскій родъ, происходившій отъ татарскаго мурзы Михаила Байбуза Грызбуновича и связанный какими-то отношеніями съ фамиліею

---

[1]) Не разобрано; повидимому Drenu łąke.
[2]) Кіев. Центр. Арх., кн. 227, № 629.

Вишневецкихъ: родоначальникъ фамиліи В. получилъ отъ Стефана Баторія земли надъ р. Сулою, которыя впослѣдствіи уступилъ кн. Александру Вишневецкому [1]); с. Байбузы находилось также среди владѣній Вишневецкихъ. Если обратимъ вниманіе на то, что владѣльцемъ спорнаго сѣнокоса въ грамотѣ названъ одинъ Троць, а Байбузиха упомянута только потому, что вмѣстѣ съ нимъ принесла жалобу гетману, то можно предположить, что Байбузиха была владѣлицею села, въ которомъ Троцю принадлежалъ одинъ сѣнокосъ, и что права ея также признавались козацкимъ управленіемъ. Во всякомъ случаѣ грамота имѣетъ важное значеніе, какъ доказательство признанія Богданомъ Хмельницкимъ стариннаго права частной собственности на землю въ территоріи, занятой козачествомъ, права, которое въ данную эпоху (послѣ Переяславскаго договора) вѣроятно распространялось только на мѣстное русское и православное населеніе [2]). Грамота вызвана частнымъ случаемъ, но сходство ея по содержанію съ универсаломъ 1650 г. и заключительная фраза: «*намъ чужого не нужно*» придаютъ ей болѣе общее значеніе.

В. Щербина.

Къ вопросу объ источникѣ водевиля Котляревскаго: „Москаль-Чаривныкъ“. Въ послѣднее время, на страницахъ «Кіевской Старины» много говорилось объ источникахъ, изъ которыхъ почерпнулъ Котляревскій содержаніе своего водевиля «Москаль-Чаривныкъ». Любопытная статья проф. Дашкевича, посвященная этому вопросу, вызвала цѣлый рядъ дополненій, указаній. Печатаемая ниже сказка представляетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ, какъ варіантъ того перехожаго мотива, который лежитъ въ основѣ водевиля Котляревскаго и той сказки, которую приводитъ въ своей статьѣ проф. Дашкевичъ. Сказка записана мной въ с. Лукѣ Волынской губ. Житомірскаго уѣзда.

---

[1]) Похилевичъ. Сказаніе о насел. мѣсти. Кіевск. губ., стр. 626 (со ссылкою на сеймовую конституцію 1590 г.)

[2]) Впрочемъ, права прежнихъ владѣльцевъ-шляхтичей на земли, кромѣ тѣхъ, которыя они обработываютъ сами наравнѣ съ другими сельскими жителями, были „скасованы“ (въ лѣвобережной Украинѣ), повидимому, только въ концѣ XVII ст. (См. универсалы Черниговскаго полковника Лизогуба 1690 г. въ „Кіевской Старинѣ“ 1885, № 3).

Ото бувъ сиби въ идному сыли господаръ, богатый чоловикъ, и трымавъ наймыта. Колы разъ, такъ було уже надъ вечеръ, прыходыть той наймытъ, та-й каже: «Бида мини, хозяинъ».— «А, яка така бида»?— «Колесо зломалось». А въ того хозяина сынъ бувъ, та дуже роскишный такій. Отъ винъ и пытае: «Що-жъ то за бида»?— «Пиды, то зобачышъ», сказавъ батько.— «Якъ даете сто рубливъ, то пиду». Давъ ему батько сто рубливъ, тай выпровадывъ. Иде той сынъ, та йде, колы прыходыть до лиска, а биля того лиска озеро. Винъ розибравсь, та й пишовъ купатьця. А тымъ часомъ гайдамака выскочывъ зъ лиса, забравъ тее платте и сто рубливъ въ нему, та й пишовъ. Вылизъ той сынъ, глянувъ сюды туды,—ныма плаття. «Ось яка то бида», подумавъ соби. А що тутъ робыть? Ныма що— пишовъ. Иде винъ коло того лису, та йде, ажъ бачыть хата. Подывывсь въ викно—въ хати а ни души, тилько на столи стоить повна макитра вареникивъ съ саломъ и сметаною. Винъ хутнишъ за ти вареники, та пидъ пичъ. Исть, ажъ чуе, йдуть молодыця, а зъ нею якись тры чоловики по паньськи вбрани, а то булы панъ, икономъ и пысаръ. Ихъ, бачте, понаспрошувала молодыця до себе, наварыла усякои всячины й напекла, бо чоловикъ поихавъ десь на ярмарку. Входять въ хату, шуткують, рыгочуть, хочъ паны, алы таке выробляють ныхай ему чортъ. Алы оглядилась жинка за вареныкамы. Шукала, шукала—ныма. Выняла вона тоди макаранъ, курку, горилку. Колы це посидалы воны, ажъ чують на двори «тврр...». Що тутъ робыть на свити Божому? Панъ ажъ побиливъ, а пысаръ якъ дурный по хати бигае. А жинка хочъ и злякалась, алы сховала хутнишъ макаранъ и курку пидъ подушку, а панивъ пидъ пичъ. Прыйшовъ чоловикъ въ хату, посылае іи за сусидамы. Бо винъ, бачъ, далеко иде въ Крымъ за силью, може вже ны зобачыця, то хоче попрощацьця. «А вже купывъ горилки, а оце купывъ дехтю. Завтра вранци вымащусь тай поиду». Жинка его самого посылае, а винъ ныхоче. Ныма що—пишла сама. Попрыходылы сусиды, сталы пыты, исты, а жинка стоить коло печы, сють-тутъ тай подасть пидъ пичъ горилки чарку. Алы той голый заразъ за неи, тай выпье. Якъ панъ протягне руку, то винъ его по руци, тай выпье. Напывсь вже винъ добре, тай каже: «А що, співать буду».— «Що ты здуривъ, чы що? Аже й тоби и намъ достанеця, хиба ны бачышъ, що повна хата людей»?— «А якъ дасте все, що на васъ е, то ны буду спивать...». Ныма що, скинувъ панъ свое вбранне, отдавъ. Голый вы-

пывъ зновъ скилька чарокъ. «Ну, каже, ій-бо вже буду спиваты». Ти до него. И просять и сваратьця—ни, таки свое—буду спивать тай годи. «А врешти, каже до пысаря, якъ дасте, пане, все, що на васъ е, то й ны буду». Ныма що, отдавъ пысаръ и свою одежу. Выпывъ голый зновъ скилька чарокъ. «Ну, каже, ны вытерплю,—буду вже спивать». Давай воны его зновъ просыть—«що хочышъ визьми тильки мовчы».—«А якъ дасте, каже до управляющого, все, що на васъ е, той буду мовчать». Осталысь вси голы. Забравъ винъ те платте, вбравсь, а друге позвязувавъ, тай шмыгъ съ пидъ печы, та на двиръ. А жинка й рада бо думала що то панъ втикъ, а вона й ны знала, що тамъ сыдивъ той голый. А въ хати пьють, та спивають—ны бачать, що въ хати робыця. А голый тымъ часомъ пишовъ въ клуню, поскладавъ тамъ платте, зловывъ якось сову, тай прыйшовъ до хаты.—«Очынить, люды добры».—А хто тамъ?—«Це я ношу таку знахарку, що вгадуе». Пустылы его въ хату. Тилько оце посидалы, а хлопыць взявъ пидъ столомъ тай причавывъ сову за лапу. Вона й крыкнула. «А що це таке», пытае хазяинъ?—«А то вона каже, що тамъ пидъ подушкою е макаранъ». Подывылысь—стоить макаранъ. Взялы его, идять. Ажъ той зновъ прычавывъ сову, вона зновъ закрычала. «Ну, а це чого», пытае хазяинъ.—«А то вона каже, що тамъ пидъ подушкою, ще е й курка». Подывылысь, правда—лежить курка. Тилько оце вже попоилы добре й выпылы, прыдушывь той зновъ сову. «А чого вона ще хоче», каже хазяинъ.—«А то вона каже, що у васъ въ хати злыдни е».—«Чы вже жъ? А що тутъ робыты?»—«А що робыты—кажы жинци, ныхай достане банякъ окропу, а вы, дядьку, визьмить макогона, та станьте съ цеи стороны, а вы, дядьку, ходить на цю сторону». Якъ поставалы по обыдви стороны, каже жинци—«ну, лый окрипъ пидъ пичъ». Та ныма що хлюпнула туды. Эхъ якъ выскочать звиты панъ, экономъ и пысаръ голы, а чоловики ихъ макогонамы. Насылу втиклы. «Ну, и славна-жъ въ тебе знахарка, каже хазяинъ хлопцеви. Продай мини».—«А якъ дасы трыста рублывъ, той продамъ». Порадылысь, порадылысь, далы ему трыста рублывъ и взялы сову. Тильки що выйшовъ той хлопыць съ хаты, воны давай пытаты сову про те, та про се, а вона мовчыть тилько очыма лупае, та зубамы клянцае. Клыкалы, клыкалы воны хлопця, алы винъ вже ны вернувсь. Побачылы мужыки, що пидурывъ ихъ и дуже розсердылысь. А хлопыць забравъ сиби платте, грошы, прыйшовъ до дому, тай каже

батькови. «Ось бачте,—трыста рубливъ и ось скильки плаття. Яка-жъ тутъ бида на свити? Ныма а ни якои биды».

Сообщ. Вл. Боцяновскій.

Изъ прошлой жизни Печерской лавры. Въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за 1883 г. (№ 9—8, стр. 325) въ числѣ «замѣтокъ» напечатана «традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей». Какъ передалъ намъ, при печатаніи этой «замѣтки», покойный редакторъ «К. Ст.» Ѳ. Г. Лебединцевъ, «характеристику» эту записалъ онъ со словъ недавно усопшаго митрополита Платона, чѣмъ и объясняются выставленные подъ «замѣткой» инициалы—*М. П.* По этой характеристикѣ—между прочимъ, проходитъ мимо «путника» «преогромнѣйшій» монахъ, въ шелестящей рясѣ, сопровождаемый «во всемъ новомъ» молодымъ послушникомъ;—поклонившись монаху, путникъ спрашиваетъ: изъ какого, батюшка, монастыря?—Спытай мого хлопця! отвѣчалъ монахъ и пошелъ дальше.— Эта характеристика, относящаяся къ далекому прошлому, пополняется слѣдующими *историческими* свѣдѣніями. Путивльскій помѣщикъ Ив. Мих. Гамалѣя писалъ въ 1819 году, пріятелю своему Ив. Ром. Мартосу [1]), жившему тогда въ Печерской лаврѣ: «И мнѣ довелось быть въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ въ 1792 г. Служеніе, пѣніе и порядокъ были отличные въ лаврѣ. Я удивлялся красотамъ и богатству храма Царицы Небесной, чувствовалъ благоговѣніе въ семъ святомъ мѣстѣ и видѣлъ отцевъ соборныхъ, въ формахъ [2]) двухъ крылосовъ, толщины необыкновенной. Теперь, думаю, лавра уже не имѣетъ подобныхъ отцевъ, которые составляли послѣдніе остатки въ лаврѣ еще послѣ Зосима [3]), да и самъ даже теперь текущій вѣкъ во всемъ, и въ великомъ и въ маломъ, тоньше прошедшаго...».

Въ другомъ письмѣ 1836 г., лаврскаго іеромонаха Варлаама къ миргородскому помѣщику В. Я. Ломиковскому, читаемъ: «Жить въ лаврѣ выгодно и спасительно, но строгость отъ новаго намѣстника архимандрита Серафима, по духу митрополита, чрезвычайная

---

[1]) Это бывшій директоръ департамента министерства юстиціи при министрѣ Трощинскомъ, жившій послѣ отставки болѣе десяти лѣтъ въ лаврѣ.

[2]) Формами называются особыя монастырскія мѣста въ церкви, похожія на небольшіе шкапчики, безъ крышки и дверецъ.

[3]) Зосима Валькевичъ, архимандритъ Печерской лавры, 1762—1786.

и труды немалые, а способной братіи не такъ то много. Да и что же было бы безъ строгости! Прошло то время, что соборные старцы такъ были разнѣжены, что услыша благовѣстъ къ заутренѣ, говорили: «хлопче! иди, перекрести мене»! А теперь и того штрафуютъ, кто пришелъ въ церковь послѣ благовѣста [1])».....

А. Л.

[1]) Оба письма, въ подлинникахъ, въ нашей б—кѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Одесскія юбилейныя изданія.

Въ ожиданіи столѣтняго юбилея города, одесское городское управленіе назначило премію въ 500 р. за рукописное сочиненіе по исторіи и археологіи новороссійскаго края, принимая на свой счетъ и изданіе премированнаго труда; но, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ на соисканіе этой преміи ни представлено ни одного сочиненія. Помимо того, городское управленіе Одессы предприняло составленіе и изданіе историко-географическаго описанія самаго города; съ этою цѣлью была организована коммиссія изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Надлера, заказаны клише для рисунковъ, и дѣло было ужъ совсѣмъ, что называется, на мази, когда проф. Надлеръ умеръ; вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ энергичныхъ членовъ коммисіи, проф. Кирпичниковъ уѣхалъ въ Москву, а проф. Успенскій, замѣнившій Надлера въ качествѣ предсѣдателя, получилъ назначеніе въ Константинополь. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ было запозданіе городскаго изданія, которое и сихъ поръ не появилось въ печати.

Но юбилей Одессы все-таки отмѣченъ нѣсколькими литературно-научными изданіями, которыя явились плодомъ частной инициативы.

По внутреннему своему достоинству первое мѣсто между ними занимаетъ составленный потомкомъ знаменитаго строителя Одессы, Л. М. де-Рибасомъ сборникъ матеріаловъ и статей подъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго Одессы», изданный одесскимъ городскимъ головою Г. Г. Маразли. «Когда чествуютъ юбиляра, говоритъ составитель сборника въ предисловіи къ своей книгѣ, то послѣ рѣчей и заздравныхъ тостовъ начинается, обыкновенно, интимная бесѣда о тѣхъ или другихъ выдающихся моментахъ изъ жизни виновника торжества. Выпускаемый нынѣ сборникъ разсказовъ о прошломъ г. Одессы—это

интимная бесѣда о жизни дорогого нашему сердцу столѣтняго юбиляра. Въ этой бесѣдѣ нѣтъ формальности торжественныхъ рѣчей, нѣтъ ничего заранѣе обдуманнаго и нѣтъ ничего показного. Это просто случайный обмѣнъ воспоминаній, импровизированные разсказы о пережитомъ, свободно передаваемые собесѣдниками другъ другу, въ увѣренности, что ради симпатичности темы никто не посѣтуетъ на нихъ за несовершенство изложенія». Главнымъ, почти исключительнымъ матеріаломъ для сборника послужили воспоминанія старожиловъ; исключеніе составляютъ только статьи: прот. Серафимова (изъ лѣтописи одесской институтской церкви), В. Л. Ганзена («Истор. данныя, касающіяся порта и карантина») и В. А. Яковлева («коечто объ иноплеменникахъ въ исторіи г. Одессы»), да архивные матеріалы, сообщенные г. Чудновскимъ. Большинство помѣщенныхъ въ сборникѣ воспоминаній и записокъ появляется въ печати въ первый разъ; перепечатаны изъ другихъ изданій только воспоминанія Толченова и Тройницкаго о пребываніи Гоголя въ Одессѣ (изъ «Музыкальнаго свѣта» 1876 г.) и изъ брошюры «День памяти Пушкина 6 іюня 1880 г.») и М. Ф. де-Рибаса «Разсказы одесскаго старожила» (изъ газеты «Правда» 1878 г.). Большая часть воспоминаній, касающихся 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, но нѣкоторыя изъ нихъ относятся и къ первымъ двумъ десятилѣтіямъ нашего вѣка, напр. записки А. Д. Ризо объ одесскомъ институтѣ. Содержаніе мемуаровъ очень разнообразно, но имѣетъ преимущественно бытовой характеръ. Большое мѣсто занимаютъ разсказы о перемѣнахъ во внѣшнемъ видѣ города: о его прославленной Пушкинымъ пыли и невылазной грязи, объ опытахъ замощенія улицъ, водоснабженіи, администраціи, общественныхъ нравахъ, увеселеніяхъ, о чумныхъ эпидеміяхъ, посѣщавшихъ городъ и пр.; кромѣ того, находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о представителяхъ церковной іерархіи, преосвященныхъ Иннокентіѣ и Димитріѣ, о графѣ П. А. Разумовскомъ, о Пушкинѣ, Давидовѣ, Раевскомъ, о бомбардированіи Одессы и т. д. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы замѣтки А. А. Скальковскаго о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ одесской жизни, которыя представляютъ собою нѣчто среднее между исторіей и мемуарами, и съ удовольствіемъ убѣдились, что маститый одесскій историкъ не порвалъ связей съ литературой. Изъ редакціоннаго примѣчанія къ его статьѣ мы узнали, что она представляетъ собою отрывокъ большой, повидимому, статьи «Шестидесятилѣтіе общественной жизни г. Одессы». Сборникъ г. де-Рибаса изданъ очень опрятно и стоитъ не дорого.

Вслѣдъ за сборникомъ г. де-Рибаса поставимъ двѣ дешевыя книжки, изданныя Кирилло-Меѳодіевскимъ книжнымъ складомъ: 1) «Біографіи де-Рибаса, Ришелье и Воронцова», составленныя проф. В. А. Яковлевымъ и 2) «Прошлое и настоящее Одессы, сост. С. Ч.» Обѣ эти книжки имѣютъ, повидимому, въ виду такъ называемую публику, и въ томъ числѣ—одесское простонародье. Первая изъ нихъ отличается большей серьезностью, но нѣсколько суше второй; вторая имѣетъ болѣе притязаній на занимательность, но кое-гдѣ тонъ ея впадаетъ въ ту развязность, которая такъ свойственна одесской прессѣ. Книжки снабжены портретами и видами Одессы.

Далѣе поставимъ изданіе И. Федорова: «Столѣтіе Одессы», также иллюстрированное рисунками, довольно грязными, впрочемъ. Оно отличается лѣтописно-статистической формой и русскими гражданскими тенденціями, которыя авторъ высказываетъ въ предисловіи и въ послѣсловіи. Въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи въ этой книгѣ (стр. 8) мы нашли любопытный разсказъ сына очевидца о взятіи Хаджибея.

Наконецъ упомянемъ объ изданіи В. Коханскаго «Одесса за 100 лѣтъ. (Историч. очеркъ и иллюстр. путеводитель на 1894 годъ) съ 8 планами и картинами и 120 рисунками. Путеводитель, издаваемый г. Коханскимъ не первый уже годъ,—предпріятіе на американскій манеръ. Представьте себѣ изящно изданный томъ страницъ въ 700 объемомъ и стоящій 60 коп. Секретъ—въ томъ, что онъ на половину состоитъ изъ объявленій. Справочныхъ свѣдѣній масса и самыхъ обстоятельныхъ, но историческій очеркъ составленъ поспѣшно и неумѣло.

В. Я.

Д. И. Эварницкій. Иванъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ. С.-Петербургъ, 1894 г., 164 стр.

Д. И. Эварницкій давно уже посвятилъ свою дѣятельность изученію историческихъ судебъ Запорожской Сѣчи. Онъ началъ съ поѣздокъ по бывшей территоріи Запорожья для отысканія на мѣстѣ остатковъ старины, затѣмъ онъ рылся въ архивахъ и изучалъ всевозможные печатные источники, заключавшіе въ себѣ свѣдѣнія о запорожскихъ козакахъ, наконецъ, онъ изложилъ добытыя данныя въ цѣломъ рядѣ трудовъ, изъ которыхъ болѣе обширными по объему

являются: 1) Запорожье въ остаткахъ старины, 2 тома; 2) Вольности запорожскихъ козаковъ, 1 томъ съ 9 планами, и 3) Исторія запорожскихъ козаковъ, т. 1-й.

Въ новомъ трудѣ своемъ, заглавіе котораго выше выписано, г. Эварницкій поставилъ себѣ задачею по возможности подробно изложить біографію безспорно самой колоссальной личности, какая только являлась когда-либо среди Запорожцевъ,—И. Д. Сирка, съ котораго по мѣткому замѣчанію П. И. Житецкаго, Гоголь какъ будто бы писалъ портретъ Тараса Бульбы. (Кіев. Стар. т. XL, стр. 310).

Дѣятельность И. Д. Сирка совпадала съ тѣмъ самымъ тяжелымъ для Украйны временемъ, когда она, отторгнувшись отъ Польши и не успѣвъ еще слиться съ Россіей, находилась въ „шатаніи", не зная, куда ей „прихилить" свою голову, т. е. оставаться-ли ей за русскимъ царемъ, сойтись-ли снова съ польскимъ королемъ, или-же идти къ турскому султану, невѣрному царю. Онъ выступилъ на историческую сцену въ 1654 г., какъ одинъ изъ полковниковъ, недовольныхъ рѣшеніемъ Переяславской рады, и до самой смерти своей 1 августа 1680 г. былъ самымъ талантливымъ выразителемъ нуждъ, желаній и настроеній запорожскаго товарищества. Восемь лѣтъ подъ рядъ выбирали его запорожцы кошевымъ атаманомъ и хотя очень часто лишали его этого званія, но потомъ снова обращались къ нему, какъ „притоманныя дѣти къ могучему орлу". Онъ принималъ участіе въ безчисленномъ множествѣ мелкихъ стычекъ, и почти всегда побѣда склонялась на его сторону.

Дѣятельность И. Д. Сирка даетъ г. Эварницкому основаніе считать его типичнѣйшимъ воплощеніемъ запорожскаго идеала за все время историческаго существованія Сѣчи. Характеристика Сирка очень удалась г. Эварницкому. „И по характеру, и по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ", говоритъ онъ, „Сирко представлялъ собою типъ истаго запорожца. Онъ былъ храбръ, отваженъ, страстенъ, не всегда постояненъ, не всегда вѣренъ своимъ союзникамъ; онъ любилъ по временамъ погулять и въ хмѣлю показать свой козацкій задоръ; онъ склоненъ былъ минутно увлечься новою мыслью, новымъ предпріятіемъ, чтобы потомъ отказаться отъ собственной затѣи и придти къ совершенно противоположному рѣшенію. То онъ былъ на сторонѣ московскаго царя, то на сторонѣ польскаго короля, то онъ поддерживалъ Дорошенка, то становился на сторонѣ его враговъ, Суховія и Ханенка, то выступалъ противъ послѣднихъ двухъ и снова защищалъ Дорошенка, то помогалъ онъ русскому царю противъ турец-

каго султана и крымскаго хана, то шелъ противъ царя Іоанна заодно съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. „Нужда законъ зминяе"—часто говорилъ Сирко, и, очевидно, дѣйствовалъ сообразно своей любимой пословицѣ". (Стр. 8).

И. Д. Сирко былъ уроженцемъ Харьковщины, изъ слободы Мерефы въ нынѣшнемъ Харьковскомъ уѣздѣ. На родинѣ въ Мерефѣ у него были дома, мельница и другое имущество. Была у него въ Мерефѣ и семья, изъ членовъ которой документально извѣстны: жена Софья, два затя, Иванъ Сербинъ и Иванъ Артемовъ, и сынъ. Судя по тому, что не задолго до смерти Сирко выражался о себѣ, какъ о человѣкѣ старомъ, и жаловался на плохое здоровье, можно думать, что онъ родился въ первые годы XVII-го столѣтія. Умеръ онъ, какъ замѣчено выше, 1-го августа 1680 г. въ пасѣкѣ своей Грушевкѣ невдалекѣ отъ Сѣчи. Не смотря на ту видную историческую роль, которую игралъ Сирко, достовѣрно извѣстно, что онъ былъ безграмотенъ.

Книга г. Эварницкаго написана главнымъ образомъ на основаніи Актовъ южной и западной Россіи, изданныхъ С.-Петербургской Археографической коммисіей. Только кое-какія дополнительныя свѣдѣнія заимствованы изъ малороссійскихъ лѣтописей и польскихъ мемуаровъ. Въ концѣ книги перепечатаны: дума о вдовѣ Сирчихѣ и пѣсня о Романѣ Сиркѣ изъ «Кіевской Старины» (т. 40, стр. 309—312, ст. П. И. Житецкаго «Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ»), пѣсня объ Иванѣ Сиркѣ изъ труда «Запорожье въ остаткахъ старины» самого автора; кромѣ того, приложены нѣкоторые архивные матеріалы; къ сожалѣнію ни при одномъ изъ нихъ не указано, откуда онъ заимствованъ: изъ печатнаго-ли изданія, или непосредственно изъ архива. Въ ряду матеріаловъ подъ № II помѣщенъ переводъ отрывковъ изъ лѣтописи Іоакима Ерлича, въ которыхъ встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Сиркѣ. Трудно понять, для чего понадобилось автору помѣщеніе этихъ отрывковъ.

Новый трудъ г. Эварницкаго изложенъ очень литературно и читается съ интересомъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описываются такія выдающіяся событія сѣчевой жизни, какъ появленіе въ Сѣчи самозванца—царевича Симеона Алексѣевича или избіеніе 13.500 янычаръ, забравшихся въ Сѣчь на рождественскихъ праздникахъ 1675 г. Жизненная дѣятельность самого героя біографіи, какъ исключительно боевая, черезчуръ однообразна, чтобы приковать вниманіе современнаго читателя.

А. С—о.

Отчетъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1893 г. Одесса. 1894.

Старѣйшее въ Россіи Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣло въ отчетномъ году 6 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 8 научныхъ докладовъ. Получивъ недавно добавку къ правительственной субсидіи, оно оживило свою издательскую дѣятельность и получило возможность производить археологическія раскопки. Весьма понятно, что при выборѣ мѣста для раскопокъ, Общество остановило свое вниманіе прежде всего на злополучной Ольвіи, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ остающейся больнымъ мѣстомъ русской археологіи. Весною отчетнаго года избранная Обществомъ коммиссія совершила экскурсію въ с. Парутино (близъ котораго находятся остатки гор. Ольвіи), но, по независящимъ отъ нея причинамъ, раскопокъ тамъ произвести не могла; обозрѣвъ остатки сохранившихся въ Парутинѣ земляныхъ насыпей, она представила докладъ о мѣрахъ для сохраненія ольвійскихъ древностей и о необходимости научнаго ихъ изслѣдованія; сущность этого доклада была доложена на виленскомъ археологическомъ съѣздѣ; остается пожелать, чтобы выставленныя въ немъ desiderata дождались своего осуществленія. Воспользовавшись во время своей поѣздки приглашеніемъ члена Общества Г. Л. Скадовского, помянутая коммиссія приняла участіе въ раскопкѣ кургана въ имѣніи г. Скадовскаго, м. Бѣлозеркѣ. Протоколъ раскопки съ замѣчаніями названнаго лица напечатанъ въ томъ же отчетѣ. Раскопанный курганъ по своему содержимому оказался очень бѣднымъ; погребенія, открытыя въ немъ, характеризовались такъ называемымъ утробнымъ положеніемъ скелетовъ и красной окраской костей, т. е. принадлежали къ типу, давно извѣстному археологамъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи; самъ г. Скадовскій находилъ подобныя погребенія и раньше близъ Бѣлозерки, о чемъ и докладывалъ на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ. Дневникъ раскопки составленъ очень тщательно.

Для содѣйствія ученымъ цѣлямъ Общество располагаетъ тремя преміями: 1) преміей Д. М. Княжевича за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи (первый срокъ наступаетъ 14 ноября 1894 г.), 2) преміей одесской городской думы за сочиненіе по археологіи и исторіи новороссійскаго края и 3) преміей А. Л. Бертье де-Лагарда за историко-археологическій трудъ о новороссійскомъ краѣ и въ особенности о Крымѣ.

Изъ пожертвованій въ отчетномъ году обращаютъ на себя вниманіе численностью вещей и ихъ научнымъ интересомъ пожертвованія Импер. археол. коммиссіи (древности, найденныя гр. А. А. Бобринскимъ при раскопкахъ въ Керчи) и почетнаго члена Общества А. Л. Бертье де-Лагарда, состоящее преимущественно изъ ольвійскихъ древностей.

Въ вѣдѣніи общества находятся музеи Одесскій, Ѳеодосійскій и Керченскій (въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ). Въ отчетѣ помѣщены свѣдѣнія о ихъ состояніи въ отчетномъ году. На заглавномъ листѣ отчета, по заведенному ранѣе обычаю, дано изображеніе одной древней монеты, неизданной доселѣ. **В. Я.**

О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ. Н. П. Лихачева. Москва. 1893.

Индульгенціи принято обыкновенно считать почти исключительно достояніемъ западной католической церкви. Изслѣдованіе г. Лихачева, заглавіе котораго мы привели, доказываетъ, что восточные патріархи тоже прибѣгали, да, кажется, и теперь еще прибѣгаютъ къ такого же рода способамъ отпущенія грѣховъ. Г. Лихачевъ напечаталъ такого рода разрѣшительную грамоту и собралъ не мало данныхъ о продажѣ ихъ патріархами въ древней Руси. Изъ челобитной константинопольскаго патріарха Аѳанасія можно видѣть, что большой сбытъ имѣли его индульгенціи въ Малороссіи, особенно среди запорожскихъ козаковъ, считавшихъ для себя необходимымъ запастись разрѣшеніями отъ грѣховъ. Къ сожалѣнію, г. Лихачевъ мало остановился на вопросѣ о распространенности индульгенцій въ юго-западномъ краѣ и объ отношеніи къ нимъ мѣстнаго населенія, хотя нѣкоторыя данныя для этого есть. Козаки и вообще низшіе классы народа вѣрили въ индульгенціи, но люди болѣе или менѣе образованные возмущались этимъ промысломъ. «Нечего сказать, пишетъ Ипатій Поцѣй, хорошую память оставилъ по себѣ въ нашихъ краяхъ Гавріилъ, патріархъ охридскій, который, подобно торговцу, раскладывающему въ лавкѣ свои товары, торговалъ здѣсь разными святыми вещами и продавалъ *разрѣшенія на грѣхи*: великое разрѣшеніе по талеру, среднее по полъ-талера, а меньшее по шести грошей» (А. Ю. и Зап. Рос., т. I, № 224).

Извѣстный Саковичъ въ своей «Перспективѣ» тоже возмущается тѣмъ, что «сами патріархи до настоящаго времени нѣкоторымъ глупцамъ, еще при ихъ жизни, продаютъ такіе листы, съ которыми тѣ

и приказываютъ себя погребать» (Арх. Ю.-Зап. Рос., т. IX, ч. I, стр. 41). Продажа такого рода разрѣшительныхъ грамотъ и другіе поступки наѣзжавшаго въ Россію восточнаго духовенства были причиной того, что представители южно-русской церкви, видѣвшіе нестроенія у себя дома, обратились для исправленія этихъ нестроеній къ уніи не съ восточной, потерявшей всякій авторитетъ, церковью, а съ римской. **В. Б.**

Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ баронъ Н. Н. Торнау. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Атласъ барона Торнау производитъ очень отрадное впечатлѣніе. Не говоря уже объ его изящной внѣшности, отчетливости шрифтовъ и ясности картъ, онъ также хорошъ и по своему внутреннему содержанію. Авторъ составлялъ его «примѣнительно къ наиболѣе распространеннымъ изъ существующихъ учебниковъ», но это не помѣшало ему воспользоваться и самыми послѣдними историческими монографіями—проф. Антоновича, Дашкевича, Грушевскаго и др. Въ результатѣ этого знакомства получилась, напримѣръ, карта № VII, гдѣ Волынь, вопреки настойчивымъ учебникамъ, показана въ числѣ завоеваній не Гедимина, а Ольгерда. Той-же Волыни посвящена отдѣльная карта (№ VI), на которой изображены владѣнія Даніила и Василька Романовичей ко времени нашествія татаръ. На картѣ № XIII очень ясно изображены пріобрѣтенія царя Алексѣя Михайловича, не менѣе хорошо на картѣ № XX представлены раздѣлы Польши. Тщательность, съ которой составленъ настоящій атласъ на основаніи послѣднихъ историческихъ изслѣдованій, дѣлаетъ его несомнѣнно очень цѣннымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи.

W.

Тридцатилѣтіе Керченской Александровской гимназіи. Краткая историческая записка, составленная преподавателемъ исторіи Хр. Хр. Зенкевичемъ. Керчь. 1894.

По поводу 30-лѣтія всякой гимназіи, даже и Керченской, конечно, можно составить гораздо болѣе обстоятельную и цѣнную историческую записку, чѣмъ та, которую составилъ г. Зенкевичъ на протяженіи какихъ-нибудь 25—26 стр. Болѣе пустой и малосодержательной книжонки намъ давно уже не случалось встрѣчать. Читатель, вѣроятно, съ трудомъ повѣритъ намъ, ежели мы скажемъ, что, наприм., хотя бы II глава «Внутренняя» жизнь гимназіи изло-

жена всего на какихъ-нибудь 12 страничкахъ, и свѣдѣнія сообщены, собственно говоря, въ самой жалкой общей формѣ! Составитель записки, преподаватель исторіи, долженъ былъ бы знать, что простой перечень нѣкоторыхъ болѣе выдающихся явленій учебно-воспитательной жизни заведенія (да и то съ пропусками: ничего, наприм., не сказано о томъ, какъ отразилось на гимназіи самое послѣднее преобразованіе учебныхъ плановъ и программъ министерства народнаго просвѣщенія)—еще не исторія; что, изображая прошедшія судьбы высшаго въ краѣ учебнаго заведенія — каковымъ была для Керчи и ея округа гимназія, нельзя не остановиться и на судьбахъ самого этого края, по стольку, по крайней мѣрѣ, поскольку онѣ соприкасались съ условіями прошлаго гимназіи и т. п. Краткость и бѣглость изложенія въ указываемой нами книжкѣ просто поразительны. Такое важное въ жизни заведенія и всего края обстоятельство, какъ преобразованіе гимназіи въ 1863 г. изъ бывшаго дотолѣ въ Керчи уѣзднаго училища (1828—1863 г.), изложено буквально на протяженіи одной страницы (8). Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что болѣе останавливаться на названной книжкѣ рѣшительно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе ея—исключительно панегирическаго свойства и совершенно лишено какихъ бы то ни было покушеній изложить и освѣтить предметъ сколько-нибудь всесторонне и основательно, сообразно съ его важностью.

А. С.

Журнальное Обозрѣніе за 1-ую половину 1894 года[1]).

Вѣстникъ Европы № 1—3. *Въ № 1 мъ* помѣщена статья А. Н. Пыпина подъ заглавіемъ «Новая эпоха. Изъ исторіи средневѣковой русской литературы» (стр. 246—288). Въ этой статьѣ авторъ говоритъ, что основными событіями, потрясшими политическій бытъ древней Руси, были два нашествія: татарское и литовское, при чемъ оба эти событія должны были отразиться и въ литературѣ. Что касается перваго, т. е. татарскаго нашествія, то авторъ слѣдитъ за лѣтописнымъ и другими изображеніями его въ словѣ современниковъ, останавливаясь болѣе подробно на отраженіи этого событія въ народномъ эпосѣ и, вполнѣ естественно, удѣляя наиболѣе всего мѣсто Задонщинѣ и сопоставленіямъ ея съ Словомъ о Полку Игоревѣ, а также съ отрывкомъ изъ «Слово о погибели русскія земли». О литовскомъ нашествіи г. Пыпинъ совсѣмъ не говоритъ, т. к., по его словамъ, «говоря о русской литературѣ

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 9.

средняго періода, надо говорить собственно о восточной Руси, которая ведетъ съ половины XIII ст. отдѣльную жизнь».

Въ № 4 мъ находится статья *Р. Яр.* подъ заглавіемъ «Всеобщее голосованіе и Русины въ Австріи» (стр. 853—857). Въ этой небольшой статьѣ авторъ характеризуетъ очень яркими красками положеніе двухъ партій въ Галиціи—народовой и радикальной—съ указаніемъ того отношенія, которое опредѣлилось у обѣихъ партій по вопросу о всеобщемъ голосованіи, стоящемъ на очереди въ Галиціи. Авторъ между прочимъ очень мрачно рисуетъ политику народовцевъ, связавшихъ себя «угодой съ польскою магнатско-клерикальной партіей».

Въ № 4 и 5 помѣщена статья *А. Пыпина* «Древняя повѣсть» (стр. 738—784; 282—328), въ которой, говоря о повѣстяхъ, шедшихъ къ намъ не изъ византійскаго, а изъ западно-европейскаго источника, авторъ, естественно, затрогиваетъ не разъ повѣсти русскія въ редакціяхъ южной и западной, чему посвящена вторая глава «Рядъ новыхъ заимствованій« (№ 5).

Русская Мысль № 1—6. *Въ № 2-мъ* въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщена замѣтка о книгѣ *П. Т. Р—кы* «Розбыта бандура» съ благопріятнымъ отзывомъ о ея содержаніи и языкѣ (стр. 58). Тамъ-же: отзывъ о книгѣ «Писання Трохима Зіньківського» Львовъ 1893 г. Т. А. Зинькивскій — уроженецъ г. Бердянска, умершій всего лишь 30-ти лѣтъ отъ роду. Біографія автора приложена къ этой книгѣ и рисуетъ въ немъ человѣка «глубоко-убѣжденнаго и послѣдовательнаго въ своихъ убѣжденіяхъ». При біографіи, какъ оказывается изъ отзыва, напечатано и письмо Т. Зинькивскаго къ А. Н. Пыпину по поводу извѣстной его статьи «Особая исторія русской литературы» (стр. 59).

Въ № 3 мъ въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщенъ краткій пересказъ содержанія небольшой брошюры, описывающей постигшія Шевченка наказанія; брошюрка эта «Чотыри кари» (въ XXXIII роковини смерти Т. Шевченка). Львовъ 1894 (стр. 123—124).

Тамъ-же — небольшая рецензія хрестоматіи малорусской литературы, составленной для 7 класса руссинскихъ гимназій «Виімки з народноі літератури українсько руськоі XIX віку. Для висших кляс шкіл середніх уложив Олександер Барвінський. Друге виданье. Львовъ 1893 (стр. 147).

Въ № 4-мъ — въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщена замѣтка о книгѣ «Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грицькомъ Основьяненкомъ». *Сочин. Григ. Федор. Квитки* (стр. 181).

Въ № 5-мъ—въ библіографическомъ отдѣлѣ имѣются отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) Біографическая библіотека Ф. Павленкова «Богданъ Хмельницкій» *Яковенка* (стр. 245); 2) Начальное народное образованіе въ

полтавской губерніи, сост. *Ю. Яцевичъ*, гдѣ находится очень много фактическаго и цифрового матеріала по вопросу объ участіи земства въ дѣлѣ народнаго образованія, а равно и состоянія его въ дореформенное время (стр. 252—254); 3) Кустари-кожевники Полтавской губ. *Д-ра Святловскаго*, гдѣ излагается санитарное значеніе кожевеннаго производства, его техника и мѣры къ его улучшенію (стр. 254—255).

Сѣверный Вѣстникъ № 1—6. *Въ № 1 мъ* въ статьѣ «Записки А. О. Смирновой» между прочимъ разсказывается о чтеніи Гоголемъ своего «Тараса Бульбы» въ присутствіи Пушкина, Жуковскаго, Плетнева, Мятлева и Вяземскаго. При этомъ А. О. Смирнова заранѣе заявила Гоголю, что, разговоры слѣдуетъ читать по-малороссійски, съ удареніями, присущими родинѣ Тараса». По поводу прочитаннаго Тараса говорилъ много Пушкинъ, проектируя, какую можно было-бы устроить драму изъ этого сюжета (стр. 230—239).

Тутъ же помѣщенъ некрологъ Н. С. Тихонравова, гдѣ особенно подчеркивается заслуга его, какъ издателя сочиненій Гоголя.

Въ № 2-мъ помѣщенъ переводъ изъ малорусскаго разсказа *И. Франка* «Какъ Грыць учился грамотѣ. Изъ Галицкой жизни» (стр. 82—88).

Тамъ-же, въ отдѣлѣ «Изъ жизни и литературы» помѣщена краткая біографія этого галицкаго литератора и публициста (стр. 92—93).

Въ № 6-мъ, въ «Запискахъ А. О. Смирновой» нѣсколько прекрасныхъ страничекъ посвящены Гоголю, котораго вездѣ именуетъ авторъ *хохолъ*, и чтенію имъ отрывковъ изъ «Мертвыхъ душъ», «Ревизора» и повѣсти «Шинель»; особенно любопытны страницы о подготовкѣ «Ревизора» къ постановкѣ на сценѣ (стр. 200—205). *Въ отдѣлѣ библіографіи* помѣщены слѣдующія краткія рецензіи о книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) О сочиненіяхъ *Квитки Основьяненка* (№ 3, стр. 86); 2) *И. И. Шостакъ* «Начальное народное образованіе въ Кролевецкомъ земствѣ» (№ 3, стр. 95); 3) *О. Левицкій* «Пятидесятилѣтіе Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Историческая записка о ея дѣятельности» (№ 5, стр. 81); 4) *П. Тутковскій* «Юго-Западный край, популярные естественно-историческіе и географическіе очерки» (№ 5, стр. 83); 5) *Квитка-Основьяненко* «Панна Сотниковна». Истинное происшествіе (№ 6, стр. 50); 6) *Р. В. Зотовъ* «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время» (№ 4, стр. 49); 7) *В. В. Святловскій* «Кустари-кожевники Полтавской губерніи» (№ 4, стр. 51). Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ

„ГАЛИЦКО-РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

посвященный знакомству съ событіями въ Прикарпатской Руси и съ бытомъ Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей, въ особенности же, въ Прикарпатской Руси. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ, имѣющій цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими событіями церковной жизни Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Монографіи, романы, повѣсти, стихотворенія, народныя пѣсни, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера, составленныя при содѣйствіи выдающихся русскихъ и галицкихъ поэтовъ, писателей и ученыхъ. 5) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 6) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, корреспонденціи внутреннія и заграничныя 7) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обозрѣній. 8) Библіографія и критика. 9) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 10) Иллюстраціи, соотвѣтствующія содержанію статей. 11) Справочный отдѣлъ 12) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ пересылкою и доставкою во всѣ города Россіи и за границу на годъ 5 рублей, на полгода 8 рубля. Безъ пересылки и доставки (въ С.-Петербургѣ) на годъ 4 рубля, на полгода 2 рубля.

Подписка принимается: въ Редакціи „ГАЛИЦКО-РУССКАГО ВѢСТНИКА", С.-П-бургъ, Гороховая № 15; въ Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго

отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Ученыя Записки
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1895 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА.

(1717—1767 г.г.).

Изданіе „Кіевской Старины",

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ АЛ. ЛАЗАРЕВСКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1726—1729 г.г.).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Предисловіе.

Вторая часть „Дневника“ заключаетъ въ себѣ четыре (1726—1729) года.—Весь 1726-й годъ занятъ свѣдѣніями о томъ Сулацкомъ походѣ, въ который Марковичъ отправился въ маѣ 1725 г. и изъ котораго вернулся въ мартѣ 1727 г.—Поживъ дома до декабря этого года, Марковичъ отправился въ Москву, помогать отцу—защищаться противъ жалобъ лубенскихъ полчанъ и нападокъ новопоставленнаго гетмана Апостола. Въ Москвѣ Марковичъ прожилъ почти полтора года, до іюня 1729 г., записавъ за это время въ свой дневникъ немало любопытныхъ чертъ—какъ малороссіяне умѣли подходить къ сильнымъ міра въ столицѣ, добиваясь тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей. Заканчивается эта часть „Дневника“ свѣдѣніями о смерти гетманши Скоропадской и ея похоронахъ.

Вторая часть „Дневника“ напечатана, какъ и первая, безъ какихъ либо сокращеній въ текстѣ самаго памятника; но мы исключили здѣсь всѣ тѣ переводные отрывки изъ разныхъ авторовъ, которыми Марковичъ началъ наполнять свой дневникъ съ осени 1728 г., скучая однообразіемъ своей жизни въ Москвѣ [1]).

---

[1]) См. въ текстѣ, стр. 251—257.

Издаваемые здѣсь четыре года „Дневника" напечатаны въ изданіи 1859 г.—на 12-ти листахъ, разгонистой печати, (стр. 142—339 первой части), тогда какъ въ нашемъ изданіи они занимаютъ около 22-хъ листовъ; отсюда видно, какія большія сдѣланы были сокращенія и за эти годы въ первомъ изданіи.

9 сентября, 1894 г. Ал. Лазаревскій.

хоромахъ тихъ, що надъ воду, въ правой сторонѣ. свѣтлиця оборнена на церковъ и посвящена, и служба Божая отправлялася протопо(по)ю отцемъ Никифоромъ и отцемъ Якимомъ. Ездилемъ у вечеру до панеи и оттуду позно повернулемся.

Пятокъ. 5. Сей день былъ дожчеватий и ночъ, а передъ свѣтомъ примерзло мало. Войтъ сварковскій, пріехавши, доносилъ, что гайдукъ Іванъ взялъ зъ села 10 подводъ сварковскихъ и козака сварковского жъ въ пристави по дрова до двору ясневел. Зъ Крисюкъ, отъ господара, получилемъ вѣдомость збору годового денежного зъ селянъ 95 р. 60 сор., да что на село Криски наложено порцѣй 8, рацѣй полъ 8.

Субота. 6. Сей день былъ сухій зъ малимъ морозцемъ, а ночъ холоднѣйшая, суха. Обѣдалисмо у князя, затимъ что синъ его Николай именинникъ, и уніяхомся. Полковника Миргородского п. Павла жена поехала къ нему отсюду въ Москву, черезъ которого тіотка и я писали до сестри Уляни Івановни Ia, Ia. (?) Позичилемъ швакгрови своему п. Якову Полуботку 30 р.

Неделя. 7. Сей день былъ зъ ранку тихъ и сухъ, и холоденъ, а съ полудня и до полночи дожчъ велий. Швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ, бувши у мене сегодня рано, обѣщалъ скупить намъ Ерофѣя дворъ, который имѣетъ въ селѣ Крискахъ, а самъ отехалъ въ Чернѣговъ. Обѣдалемъ у себе зъ родителемъ; по обѣдѣ былъ у насъ Лярскій. Подаровалисмо швакгру п. Якову Полуботку перстень шафѣровий, блакитний, чистий, болший 150 р. (?)

Понеделокъ. 8. Сей день зъ ранку мокрий и снѣжный, и дожчеватий, и до вечора, а въ ночѣ до полночи билъ вѣтеръ великий, а зъ полночи до свѣта морозъ силний. Обѣдалисмо у себе. У князи былемъ рано. Подписалемся на картѣ Свѣдерского, стар. Оболонского, данной князю во свѣдителство позиченнихъ швакгромъ для Лярского грошамъ 255 р.—Мощанскій зъ Сумъ пріехалъ и обявилъ, что полковница бившая дѣтей покойного брата п. Андрія не дала, и всѣ ихъ пожитки зъ Будокъ къ себѣ въ Суми забрала.

Вовтор. 9. Сей день холодний и сухий и ночъ такъ же. Обѣдалисмо у тіотки. Мощанскій отправленъ въ Роменъ зъ листами.

Середа 10. Сей день былъ холодний и сухий до вечора, а у вечеру и въ ночѣ снѣгъ ишолъ хороший, якого передъ тимъ такъ много не ишло еще. Мѣрочникъ зъ Тулиголовъ пріехалъ затимъ, что греблю верхнюю порвало. Билемъ у судѣ енер., где Лаврѣнъ Кодинецъ оправданіе говорилъ, и по обѣдѣ, при братови моемъ п. Марку, окончилъ. Получилемъ писмо отъ консистористовъ кіовскихъ о денгахъ Gорки, леgованнихъ. Окна, чили стекла, въ окна уклеіовалъ салдатъ, а мастю такою: взялъ крейди часть да пилу отъ муки въ млинѣ часть, а до того купилъ за гривню нашатиру да скопитару, чили шпѣкинару, за 4 копѣйки, да олѣею тое розвелъ и смѣсилъ, якъ тѣсто, чимъ обмазалъ шкло. Писалисмо писма отъ тіотки и отъ себе до сестри и до Александра, черезъ посланного куріера отъ князя, капрала Шликова, и волочокъ къ сестрѣ оловяний водки далемъ рожевой. Иначей мазь дѣлаютъ: минѣи да блейвасу по фунту, олѣи кварту да крейди у двое или у трое болшъ, змѣшавши умазать стекла.

Четвер. 11. Сей день былъ до полудня сухъ, а снѣгъ черезъ ночъ доволний найшолъ, а по обѣдѣ теплѣйшій сталъ съ туманомъ. Былемъ у судѣ енер., где Мартинъ Кодинецъ оправданіе началъ говорить черезъ писара своего. Ездилемъ до тіотки ясневелможной захоровавшей, после зубъ, на колку и фебру. Жена взяла на покупку овса 100 р.

Пятокъ. 12. Сей день былъ холодний зъ метелицею снѣжною и ночъ вѣтряная. Передъ свѣтомъ асаули бывшого енералного Василія Жуковского жена умерла. Подводъ для здешней работи зъ Крисіокъ тамошнихъ прійшло 10. Скридловскій повернулся зъ Москви и привезлъ мнѣ отъ Александра чаю фунтъ за 3 р, да писма попривозилъ отъ сестри и Петра Васил. Курбатова. Окончилъ писаръ Мартина Кодинца оправданіе.

Субота. 13. Сей день былъ холодній барзо, а ночъ еще холоднѣйшая и свѣтлая. Преставлшуюся асаулину Марію погребено при церквѣ ст. Михаила. Алексѣй, слуга, посланъ въ Сухоносовку на мѣсто Демяна, черезъ которого послалемъ до родителки, такъ же и до Несторовича о покупкѣ воловъ, на якіе послалемъ теперъ же

къ нему жъ 50 р., и до Демяна о прибытіи его сюда и протчемъ, противъ приказовъ данниxъ ему Демяну и Петру Кухару, передомъ посланнимъ. Ему жъ, Алексѣю, далемъ сукно карунъ и 3 р. Былемъ у тіотки и у Новоторжцова. Важили мѣдь невипаліованую и ломъ, привезенную зъ Демяномъ и зъ Михайломъ, которой показалось пудовъ 3 безъ фунта, а въ куманахъ цѣлихъ 2-хъ, подносѣ и лопатцѣ мѣдниxъ, фунт. 19.

Неделя. 14. Сей день былъ холодний и ночъ мало отлигла, а были свѣтліе. У тіотки немоществующой былемъ, а у вечеру къ себѣ пріехалемъ пообѣдать, а потимъ знову у вечеру поехалемъ, и до позна пробавилемъ.

Понеделокъ. 15. Сей день трохи отъ прежнихъ теплѣйшій, а въ ночъ снѣжокъ ишолъ. П. Петро Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ. Купили 6 куѳъ гор., по 6 и 7 р.

Вовтор. 16. День сей былъ холодній зъ снѣгомъ и ночъ болше студена. Панѣ болше болна становится, отъ которой въ домъ передъ полноччю повернулемся.

Середа. 17. Сей день холодній былъ, а ночъ теплѣйшая, толко вѣтеръ жестокій. Тіотка немоществующая приняла маслосвятіе, исповѣдь и причастіе ст. тайнъ. Духовний былъ отецъ Никифоръ свято-михайловскій попъ и намѣстникъ.

Четвер. 18. Сей день былъ мало теплѣйшій прежняго и ночъ. Тіотка що разъ горше стала болѣть, а въ ночѣ на збитъ изнемогла и отъ полночѣ мокрота стала умножатись въ горлѣ, а она забиватись временемъ. Кузмичъ (?) въ Москву поехалъ.

Пятокъ. 19. Сей день былъ прежнихъ теплѣйшій трохи и ночъ такъже. Тіотка моя Анастасія Скоропадская, гетманова, сего ранку, год. съ полночи 7 мѣнутъ 40, временное сіе окончила житіе; болѣзнь была горячка, толко при христіянской доброй рефлекцѣи, ибо предъ кончиною Господа Бога отъ сердца своего призивала и наконецъ сказала: о проклятая временная жизнь, о вѣчная моя радости. Мы съ п. Михайломъ імбаръ запечатали, скринѣ зъ денгами и матеріями.

Субота. 20. Сей день также былъ мало теплѣйшій отъ прежнихъ холоднихъ и ночъ. Передъ службою Божою панахиду преставлшойся тіотцѣ отправили, и обѣдали духавенство все и зъ женъ-панѣ гетманова и наши жени. У вечеру былемъ у князя, который показивалъ обявленіе о бывшомъ публѣчномъ обрученіи его импер. в—ва зъ свѣтлѣйшею принцессою Екатериною Алексѣевною, дочерю князь Алексѣя Григоріевича Долгорукова, 30-го ноеврія.

Неделя. 21. Сей день и ночь противъ прежнихъ были средніе. Сегодня рано, по службѣ, покойной тіотки ясневелможной тѣло въ труну вложили, чорнимъ аксамитомъ зъ золотимъ пузаментомъ оббитую, и подъ балдахиномъ зъ чорного сукна здѣланномъ, цугомъ лошадей, въ капахъ чорнихъ, попровадили публѣчно черезъ городъ, при якой церемонѣи присутствовали: гетманъ зъ гетмановою, князь Шаховскій зъ княгинею и множайшіе зъ великороссійскихъ и малороссійскихъ знатнихъ лицъ и народъ, а випроводивши за городъ, къ Четвертенского млину недоходя, вернулись. А мы поехали за тѣломъ, и пріехали въ ночномъ времени къ монастиру Гамалѣевскому, где всѣ старици зъ свѣчами вийшли противъ тѣла зъ плачемъ и воплемъ незмѣрнимъ, а тамъ такъ совокупившиесь, увезли тѣло въ монастиръ и поставили въ трапезу, где усмотрѣли, что на правой сторонѣ, на бородѣ, красно велми, такожъ и уха правого нижний кончикъ очинъ красенъ и уши мягки, а лице не отмѣнно нѣ въ чемъ, якуюсь вдячность и осклабѣніе яко бы показуючое. Тутъ панихиду великую у вечеру отправили.

Поведолокъ. 22. Сей день противъ прежнихъ былъ, въ ночѣ мало снѣжокъ ишолъ. Продновалисмо тутъ въ монастирѣ, службу Божую служилъ: протопопъ глуховской зъ попами его жъ протопопіи, и обѣдали; при обѣдѣ пріехали законники мутинскіе. Родителка зъ Ромна пріехала сюда въ Гамалѣевку.

Вовтор. 23. Сей день противъ другихъ былъ, а ночъ зъ жестокимъ морозомъ и випогодилася. Сегодня по службѣ и по панахидѣ перекусивши, отехали и пріехали въ Глух. Попечатали що надлежитъ и намѣстницу утвердили.

Середа. 24. Сей день былъ холодний очинъ и ночъ такъже. Бокъ, докторъ, жиючій въ Стародубѣ, сюда зисканний оттоль для болѣзни покойной тіотки, сказивалъ, что она умерла отъ горячки, которую називалъ febris petechialis. Писалисмо писмо до сестри Уляни Івановни въ Москву, черезъ почту, именемъ покойной тіотки, о слабости ея и для тогобъ пріезду оной сестри сюда. Демянъ пріехалъ зъ Петромъ, кухаремъ, и дали вѣдомость привозу сюда: гусей 390, утятъ 214, курей 296, индиковъ 47, масла фасокъ 9, сира дѣжка 1, соли бочка 1, овощи сушеной мѣхъ, плахотъ 6, запасокъ 9.

Четвер. Рождество Х-во. 25. Сей день былъ холодний до половини, а съ полдня отлигло до вечора, ночъ была велми холодна. Билисмо зъ поздравленіемъ у князя и у гетмана, обѣдали у себе, и съ нами п. судіиная сестра, Кондзеровскій зъ женою, Гапко Глинскій, Бутурлимъ и отецъ Василій. По обѣдѣ былъ Бокъ и Лука.

Пятокъ. 26. Сей день былъ мало отлигъ и снѣжокъ невеликій ишолъ, а после полудня и ночъ вся была жестоко холодна. Былемъ рано у князя, обѣдалемъ у себе, а род. у князя, у вечеру ездилемъ зъ п. Михайломъ на пастовникъ. По общому совѣту, прислалъ п. Кондзеровскій 4 сундучка, а пятий ящикъ, зъ межи якихъ 3 своихъ, а 2 сестринихъ зъ писмами, а прислалъ черезъ своихъ Василця да Лоска.

Субота. 27. Сей день былъ жестоко холоденъ и свѣтелъ и ночъ такъ же. Іллю Ржевского, пріехавшого зъ своихъ деревень сюда, видѣлъ я. Девятини по покойницѣ тіотцѣ моей отправлялись и попи обѣдали.

Неделя. 28. Сей день жестоко холоденъ былъ и ночъ. Сегодня, по общому совѣту и приговору, п. Михайло братъ, сотникъ Глуховскій Омеляновичъ, Кондзеровскій и я, ходилисмо въ склепъ и взяли грошей 2000 р., а 10000 р. и 3 мѣшки чеховъ болшихъ осталось. Родитель обѣдалъ у Мякинина, а я дома; у вечеру ездилисмо до брегадира. Зъ п. Кондзеровскимъ писали—що на якій монастиръ, за душу покойной ясневелможной тіотки, опредѣлить и війшло 1410 р.

Понеделокъ. 29. Сей день былъ мало отъ вчорайшого и другихъ теплѣйшій, и ночь такъ же. Братъ п. Семенъ пріехалъ, а обѣдалисмо зъ Миклашевскимъ, и панею его также, и прочіими. По обѣдѣ зискани щетчики, которіе перелѣчили тисячу руб. на поминовеніе за душу покойной тіотки и листи писали.

Вовтор. 30. Сей день подобний вчорайшому весма и ночъ. Обѣдалисмо у брегадира, гетманъ, князь и протчіе, а я у вечеру на пасговникъ ездилемъ. Окончилисмо писма до духовенства и денги щетчики перелѣчили, писемъ было 52, а мѣшковъ 54, зъ которихъ нѣкоторіе писма зъ мѣшками, до монастирей около Березной найдуючихся, взялъ братъ п. Михайло и Семенови своему отдалъ, до отдачи на молитви за упокоеніе покойной тіотушки моей ясневелможной. Юско посланъ въ Москву до сестри и далемъ ему на дорогу 5 р.

Середа. 31. Сей день былъ подобний вчорайшому, а ночъ была велми вѣтрена. Сегодня принималемъ лѣкарство проносное, каплѣ отъ тинктури 100, а имѣлемъ столцовъ зъ 16, и разъ вомѣтовалъ.

Конецъ второй части.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Вышли и продаются въ книжныхъ магазинахъ въ гг. Кіевѣ, Харьковѣ и Черниговѣ:

---

1. **Чайченко.** Батько та дочка.—Оповидання про те, якъ чоловикови въ шахти прыгода трапылася. Черныг. 1894. Ц. 5 коп.

2. **Чайченко.** Пидпалъ.—Панько.—Два оповидання.—Черныг. 1894. Ц. 3 коп.

3. **Чайченко.** Робинзонъ. Оповидання про те, якъ чоловикъ по чужыхъ краяхъ мандруравъ и якъ винъ на острови жывъ. Черныг. 1894. Ц. 10 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

4. **Жыви струны.** Збирныкъ народнихъ писень.

ВЪ РЕДАКЦІИ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ.

	Руб	Коп.
1) Первые четыре года ссылки Шевченка **Проф. Н. И. Стороженка.** Цѣна.	—	15
2) Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву **И. Каманина.** Цѣна	—	50
3) **Аврамъ** Езефовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, Членъ Рады Великаго княжества Литовскаго. (Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.). **Проф. С. А. Бершадскаго.** Цѣна.	—	75
4) Дневникъ генеральнаго подскарбія **Якова Марковича** (1717—1767 гг.). Изданіе „Кіевской Старины“ подъ редакціей **А. М. Лазаревскаго.** Часть I. (1718—1725). Цѣна	2	—
5) **Тоже.** Часть II (1726—1729). Цѣна	2	—
6) Обзоръ фонетическихъ особенностей Малорус. рѣчи. **В. П. Науменка.** Ц.	—	60
7) Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Г. Ѳ. Квитки. **В. П. Науменка.** Ц.	—	45
8) Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.** Цѣна	—	20
9) **А. Андріевскій.** Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 2—10 (перваго выпуска въ продажѣ нѣтъ). Цѣна за каждый выпускъ	—	50
Выписывающіе разомъ всѣ 9 выпусковъ уплачиваютъ 4 рубля и пользуются безплатной пересылкой.		
10) **А—ръ.** Г. Ф. Квитка (Основьяненко), біографическій Очеркъ. Цѣна.	—	15
11) **И. Лучицкій.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Цѣна	2	—
12) Рабство и русскіе рабы во Флоренціи. **И. Лучицкаго.** Цѣна	—	50
13) **Его-же.** По поводу дрогичинскихъ древностей. Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ с.-з. и южной Русью. Цѣна	—	50
14) **Его-же.** Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи Ц.	—	50
15) **Его-же.** Очерки по экономической исторіи Европы. Вып. I. Населенность городовъ XIV и XV в. Цѣна	—	50
Вып. II. Рабочее населеніе и экономическая политика городовъ въ XV и XVI вв. Цѣна	—	50
16) **Описаніе Старой Малороссіи.** Матеріалы для исторіи землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. **Томъ первый. Полкъ стародубскій.** Кіевъ. 1889. Цѣна съ пересылкою	3	—
17) **Тоже. Томъ второй. Полкъ Нѣжинскій.** Кіевъ 1893. Цѣна съ пересылкою	3	50
18). Библіографическій указатель Кіевской Старины (первое десятилѣтіе 1882—1891 г. г.) Цѣна	—	75
19) Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія уложенія. Цѣна	1	—

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ[1].

По J. Ролле.

Между тѣмъ внутреннее состояніе украинскаго общества было тоже крайне смутно. Хозяйственная организація почти распалась; главное—земля лежала заброшенною: историческія обстоятельства отвратили отъ нея человѣка. Въ то же время соціальный строй втеченіе десяти лѣтъ уже успѣлъ утратить ту однородность и простоту, какая его характеризовала первое время послѣ революціи. Намѣтились классовыя различія, а съ ними и противоположность классовыхъ интересовъ. Изъ среды козачества выдѣлялась какъ-бы аристократія, заслуженные люди, заявлявшіе притязаніе на особыя права—полковники, асаулы, сотники; сюда примыкали люди, лично близкіе гетману и кое-кто изъ шляхты русской или даже и польской, вступившей въ союзъ съ козачествомъ. Подъ властью старшины состояла козацкая масса, вписанная въ реестры. Внѣ реестровъ оставались посполитые, но имъ тоже не хотѣлось возвращаться къ плугу: они осѣдали по мѣстечкамъ и образовывали собой городскую козацкую милицію—„городы“. Это терпѣлось, такъ какъ подобными запасными козаками наполнялись кадры полковъ, то и дѣло нуждавшіеся въ пополненіяхъ вслѣдствіе безпрестанныхъ военныхъ потерь. Но тѣмъ не менѣе кто-нибудь да долженъ же былъ оставаться при полевой работѣ. Козацкая старшина, сначала мягко, потомъ съ все растущей настойчивостью принуждала хлоповъ оставаться при землѣ. И, наконецъ, на ряду съ этими

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 10.

классовыми группами заявлялъ о своемъ существованіи пролетаріатъ, „голота“, чрезвычайно усилившійся въ смутное время классъ людей, утратившихъ свои общественныя связи и свое, такъ-сказать, общественное равновѣсіе. Они служили наймитами на безчисленныхъ винокурняхъ, которыя были въ то время чуть не при каждомъ зажиточномъ хозяйствѣ, пастухами при многочисленныхъ стадахъ, но предпочитали проводить время въ шинкахъ, ожидая созыва на посполитое рушенье, или случая примкнуть къ какому-нибудь гайдамацкому загону. Десятилѣтняя безпрерывная война, усиливъ эту группу, усилила въ ней и ея противообщественные инстинкты: дикость и жестокость, стремленіе къ легкой добычѣ, къ ничѣмъ необуздываемой свободѣ.

Обнаружившись въ этомъ направленіи, раздробленіе украинскаго общества обнаружилось и въ другомъ. Симпатіи къ Польшѣ и ея культурѣ, которыя всегда укрывались въ душахъ извѣстной части украинскихъ людей, начинали проявляться все сильнѣе и свободнѣе, особенно среди правобережной старшины. Въ то-же время обездоленные, по преимуществу голота лѣваго берега, проявляли тяготѣніе къ Москвѣ, которая привлекала ихъ неопредѣленныя симпатіи своимъ православіемъ и все уравнивающимъ монархическо-демократическимъ строемъ. Вотъ два болѣе ясныхъ политическихъ настроенія, но были и другія. Пока Хмельницкій былъ живъ, пока Украина имѣла въ немъ сильный руководящій центръ, всѣ отдѣльныя стремленія молчали; когда его не стало, все заговорило своими особыми голосами.

Юрій Хмельницкій, 16-тилѣтній сынъ Богдана, выбранный еще при жизни отца радой въ его преемники, не могъ въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Украина, удержать даже и призрака власти. Его опекунъ, войсковой писарь Иванъ Выговскій, тотчасъ же послѣ смерти Хмельницкаго былъ провозглашенъ гетманомъ „на тотъ часъ“.

Выговскій, овручскій шляхтичъ, женатый на новогрудской каштелянкѣ, находящейся въ родствѣ съ магнатскими родами Литовской Руси, былъ, вмѣстѣ съ переяславскимъ полковникомъ Тетерей, образованнѣйшимъ представителемъ польской культуры при чигиринскомъ дворѣ. Со свойственной ему осторожностью

Выговскій скрывалъ свои польскія симпатіи; но какъ только онъ сталъ руководящей силой, дѣло сближенія съ Польшей приняло новый и рѣшительный оборотъ. Ревностный аріанинъ кіевскій подкоморій и овручскій староста Юрій Немиричъ, единственный оказавшійся представитель родовитаго панства при чигиринскомъ дворѣ, много трудился надъ этимъ сближеніемъ. Оффиціальнымъ агентомъ съ польской стороны былъ волынскій каштелянъ Беніовскій. Между Полоннымъ, гдѣ жилъ Беніовскій, и Чигириномъ открылись энергическія сношенія; самъ чигиринскій дворъ принялъ польскій характеръ, этикетъ, языкъ. И хотя Выговскій продолжалъ вести двуличную политику, увѣряя Москву въ своей преданности, уже въ началѣ осени 1658 года, т. е. ровно годъ спустя послѣ избранія Выговскаго, былъ составленъ знаменитый гадячскій договоръ. Въ силу его, Польша признавала Украину за особое княжество, связанное съ ней, какъ и Литва, лишь федеральной уніей, съ собственнымъ управленіемъ, со своимъ особымъ урядомъ, и духовнымъ, и свѣтскимъ, съ 60-ю тысячами реестроваго войска. Повидимому, надъ Украиной занималась заря новой жизни, занималась... и тотчасъ потухла, какъ миражъ надъ безводной пустыней, какъ блуждающій огонекъ надъ гніющимъ болотомъ. Украина неудержимо катилась по своей роковой наклонной плоскости. Правъ или нѣтъ былъ Беніовскій, когда писалъ, что козачество, „gens tauro-scythica“, ничѣмъ нельзя удовлетворить; правъ или нѣтъ коронный обозный Андрей Потоцкій въ своихъ словахъ Яну-Казиміру, что у украинцевъ „главная задача, чтобъ не быть имъ ни подъ вашей королевской милостью, ни подъ царемъ, и они надѣются добиться своего, пугая вашу королевскую милость царемъ, а царя вашей королевской милостью“,—но можно-ли было винить украинскую массу, что она не могла повѣрить въ прочность союза съ Польшей, въ искренность ея намѣреній, какъ вѣрила старшина? Польша ликовала по случаю заключенія гадяцкаго договора; сеймъ 1659 г. осыпалъ милостями козаковъ, прибывшихъ въ Варшаву для заключенія договора и принятія присяги; нобилитаціи и пожалованія сыпались какъ изъ рога изобилія, особенно много щедротъ пришлось

на многочисленную семью Выговскихъ; Юрій Немиричъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой сравнивалъ Украину съ блуднымъ сыномъ, возвращающимся подъ кровъ отчій. И все было напрасно. Еще тою же осенью 1657 г., когда Выговскій былъ выбранъ гетманомъ, на лѣвомъ берегу поднялся старый Пушкаренко, дикій и неотесанный, но мужественный и опытный воинъ, любимецъ черни. Лѣвобережная голота видѣла въ немъ своего представителя и прочила ему гетманскую булаву. Все недовольное тянулось къ Полтавѣ, которая приняла видъ укрѣпленнаго лагеря. Болѣе 40,000 собралось подъ знамя Пушкаренка босыхъ и нагихъ „дейнаковъ", безъ коней и оружія, съ рогатинами, кіями и косами. Съ трудомъ удалось Выговскому потушить возстаніе: Пушкаренко былъ изрубленъ побѣдителями, Полтава сожжена до-тла. Но какъ только разнеслась по Украинѣ вѣсть о заключеніи съ Польшей новаго договора, снова вспыхнуло волненіе, особенно на лѣвомъ берегу. Смута все усиливалась; Юрій Немиричъ палъ ея жертвой вмѣстѣ съ шляхтой, которая поселилась было на лѣвомъ берегу, полагая, что гадячскій договоръ обезпечиваетъ ея безопасность; то и дѣло появлялись новые претенденты на гетманскую булаву, чтобъ, пофигурировавъ на сценѣ одинъ день, исчезнуть. Всѣ эти Пушкаренки, Довгали, Безпалые, Золотаренки, Цецуры, Сомки, посылаютъ въ Москву жалобы, доносы и обвиненія другъ на друга, просятъ о помощи: отряды московскихъ войскъ проходятъ вдоль и поперекъ по несчастному краю; пламя войны снова вспыхиваетъ на правомъ берегу. Но польскія войска лишь слабо подкрѣпляютъ Выговскаго, и онъ видитъ, что долженъ уйти. Осенью 1659 г. Выговскій сложилъ булаву, и Юрась Хмельницкій, теперь уже достигшій совершеннолѣтія, объявленъ былъ гетманомъ. Козацкая рада, собранная около Терехтемирова на Жердевскомъ полѣ, постановила остаться подъ московскимъ протекторатомъ съ тѣмъ, чтобы расширены были автономныя права Украины: за образецъ для измѣненій въ этомъ смыслѣ взятъ былъ тотъ же самый гадячскій договоръ. Но Москва меньше всего думала объ увеличеніи украинскихъ правъ и вольностей. Трубецкой везъ на Украину такія инструкціи: чтобъ вся Бѣ-

лоруссія и Сѣверщина съ Черниговомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Стародубомъ и Почепомъ были отобраны отъ Украины, а въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Брацлавлѣ и Умани рядомъ съ полковниками жили царскіе намѣстники. Опасаясь противодѣйствія со стороны правобережья, Трубецкой вызвалъ Юрася Хмельницкаго со старшиной въ Переяславъ для заключенія новыхъ условій и присяги. Болѣе вліятельные изъ правобережныхъ полковниковъ, брацлавскій—Зеленскій, подольскій—Гоголь, паволоцкій—Богунъ, уманскій—Ханенко и друг. не поѣхали въ Переяславъ. И хотя договоръ былъ заключенъ въ желанномъ для Москвы смыслѣ, но послѣдствія этого насильственнаго заключенія обнаружились въ слѣдующемъ же 1660 году, когда произошло снова столкновеніе московско-козацкихъ войскъ съ польско-татарскими. Московскіе войска были разбиты подъ Чудновымъ, Шереметевъ, главный начальникъ ихъ, пошелъ въ плѣнъ къ татарамъ, а козацкое войско, съ Юріемъ Хмельницкимъ во главѣ, передалось на сторону Польши. Чудновскимъ договоромъ козаковъ съ Польшей возобновлялась сила договора гадяцкаго. Но никакой договоръ не могъ обнаружить дѣйствія; анархія продолжала царить на Украинѣ.

А между тѣмъ та незамѣтная еще въ началѣ Хмельнищины трещина, которая дѣлила украинскій народъ на двѣ половины, восточную и западную, лѣвобережную и правобережную, успѣла за этотъ короткій, десятилѣтній, промежутокъ времени выросги до размѣровъ настоящей пропасти. Не смотря на весь внѣшній хаосъ, царящій повсюду, на кажущуюся противорѣчивость частныхъ стремленій, несомнѣнно ясно было все-таки, что лѣвобережная Украина тяготѣетъ къ Московскому государству, правобережная къ Польшѣ. Днѣпръ, эта извѣчная колыбель южнорусскаго племени, силою несчастныхъ историческихъ условій искусственно раздѣлилъ единую народную стихію. Гетманъ, выдвинутый лѣвобережной Украиной, могъ появиться на правомъ берегу; правобережный гетманъ, случалось, на одинъ моментъ завладѣвалъ вліяніемъ на лѣвобережьѣ; Янъ-Казиміръ, во главѣ польско-козацко-татарской арміи въ 1663—4 гг. побѣдоносно прошелъ по лѣвобережной территоріи. Но Украина

объединялась ровно до тѣхъ поръ, пока на лицо была гнетущая сила; какъ только гнетъ устранялся, раздвоеніе опять вступало въ свои права.

Андрусовское перемиріе, состоявшееся между Москвой и Польшей въ 1667 г., закрѣпило этотъ фактъ, открыто разорвавъ Украину на двѣ половины: московскій царь увольнялъ обывателей правобережья отъ данной ему присяги. Лѣвобережная Украина со своей столицей въ Батуринѣ, окончательно оторвалась подъ власть Москвы, которая съ все растущей интенсивностью втягивала ее въ составъ своего государственнаго цѣлаго; правобережная продолжала свой анархическій путь.

Номинально край считается польскимъ по Днѣпръ. Но фактическія границы, гдѣ кое-какъ признавалась польская власть, были гораздо уже: едва половина подольской земли по Ушицу, потомъ Волынь и Кіевское Полѣсье до Чернобыля надъ Днѣпромъ. Все Брацлавское воеводство, большая половина Кіевскаго и юговосточная часть Подольскаго знать не хотѣли Польши, хотя все-таки сильно пропитаны польскими культурными вліяніями: старшина говоритъ по-польски, оффиціальный русскій языкъ усвоилъ себѣ польскіе обороты, названія урядовъ заимствованы отъ Польши; только католическая церковь снесена совершенно. На этой территоріи лишь въ отдѣльныхъ замкахъ постоянно держался, и то съ большими усиліями, польскій гарнизонъ: главнымъ образомъ въ Бѣлой Церкви, затѣмъ въ Дымирѣ, а по временамъ въ Барѣ. Но Польша все-таки не отказывалась отъ своихъ правъ, и потому здѣсь кипѣла неустанная борьба, смѣнявшаяся лишь на мгновенье грознымъ затишьемъ, полнымъ ожиданія новой бури. Не только каждый годъ, но чуть-ли не каждое время года имѣло свою особую исторію. Народъ и полковники выбирали себѣ гетмана: онъ то признавалъ власть Польши, то возмущался противъ нея, обращался ко всѣмъ сосѣдямъ поочередно, къ Москвѣ, Турціи, молдавскому или валахскому господарю, крымскому хану,—и исчезалъ, вытѣсненный другимъ, и успѣвъ лишь пролитой кровью запечатлѣть память о своемъ эфемерномъ владычествѣ. Татары хозяйничаютъ на правомъ берегу, какъ у себя дома, и свободно вы-

бираютъ свою дань. Числятся пока еще слѣдующіе полки, а, слѣдовательно, и населенные округа: Чигиринскій, Каневскій, Черкасскій, Паволоцкій, Брацлавскій, Тарговицкій, Уманскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Кальницкій и наказной Подольскій; упоминается, кромѣ того, Немировскій и Межибожскій; но населеніе уменьшается. Вотъ маленькіе отрывки изъ люстраціи 1665 г. Въ какой-то моментъ затишья удалось полякамъ сдѣлать опись государственныхъ имѣній части Подольскаго воеводства: „Летичевское староство—все опустошено, потому что лежитъ на самомъ шляху, по которому ходитъ каждый непріятель, отчего нѣтъ надежды удержать ни мѣщанъ, ни подданныхъ по деревнямъ". О Проскуровѣ и его волостяхъ: „мѣщанъ въ городѣ 12, ничего не платятъ, такъ какъ недавно сѣли здѣсь на свободу. Въ деревняхъ (такихъ-то) нѣтъ ни одного подданного, почему ставы и млины пусты, такъ какъ изъ-за наѣздовъ и нападеній не могутъ люди оставаться въ своихъ домахъ". То же староства Улановское и Хмельницкое; въ Вержбовецкомъ староствѣ „ни въ мѣстечкѣ, ни въ деревняхъ, къ нему принадлежащихъ, нѣтъ ни одного подданнаго" и т. д. Край пустѣетъ.

Послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій соединилъ было на одинъ моментъ обѣ Украины и тотчасъ же, почувствовавъ, насколько власть была ему не по-силамъ, отказался отъ нея и ушелъ въ монастырь (1660 г.), выступилъ въ правобережной Украинѣ гетманомъ Тетеря, зять Хмельницкаго. Тетеря былъ искренній сторонникъ Польши, и, еслибъ въ его силахъ было слить Украину съ Польшей, то онъ, конечно, сдѣлалъ бы это. Но задача была не по-плечу даже и не такому заурядному человѣку, какъ Тетеря. Онъ счастливо справился съ самымъ замѣтнымъ изъ своихъ противниковъ Попенкомъ, который собралъ около себя заднѣпровскую голоту и выступилъ какъ ярый врагъ всего польскаго, но все-таки уже въ 1665 г. долженъ былъ сложить булаву. Тотчасъ послѣ его удаленія, появился на исторической сценѣ чигиринскій полковникъ Петръ Дорошенко. Дорошенку удалось на нѣсколько лѣтъ заслонить собой всѣ осталь-

ныя фигуры, всѣхъ этихъ Опаръ, Суховіевъ, Ханенокъ, которые параллельно выдвигались одинъ за другимъ изъ хаоса.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ замѣчательный человѣкъ. И сорока лѣтъ еще не было Дорошенку, когда правобережные полковники сдѣлали его своимъ гетманомъ. Онъ былъ не безъ образованія: изъ кіевскихъ школъ вынесъ онъ знакомство съ „козацко-русскимъ“ письмомъ, но на умы окружающихъ онъ дѣйствовалъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ не школьнаго, а чисто народнаго склада, сильной діалектикой, прямо, безъ ухищреній, достигающей намѣченной цѣли. Наружность молодаго гетмана была самая подкупающая, и онъ умѣлъ украшать ее по шляхетски; вообще, ни въ чемъ не пренебрегалъ шляхетской обстановкой. Добродушіе, которое располагало къ нему простыя сердца, не исключало жестокости, если она требовалась обстоятельствами. А подъ всѣмъ этимъ укрывался политическій умъ, сильное честолюбіе, широкіе замыслы.

Дорошенко, слѣдуя традиціямъ политики Богдана Хмельницкаго, не пренебрегалъ никакой политической комбинаціей, лишь бы она сулила выгоды; но больше всего возлагалъ онъ упованій на союзъ съ мусульманами. Онъ надѣялся такимъ путемъ сохранить внутреннюю самостоятельность. Татарскій ханъ— постоянный союзникъ Дорошенка. Благодаря татарамъ, а также, конечно, и своимъ личнымъ способностямъ, Дорошенку удалось было даже взять верхъ надъ вліятельнымъ лѣвобережнымъ гетманомъ Брюховецкимъ и на одинъ моментъ опять соединить обѣ Украины; но Андрусовское перемиріе положило окончательный предѣлъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Дорошенка въ томъ направленіи. Онъ вынужденъ былъ ограничить свою дѣятельность правымъ берегомъ: надо было устраиваться здѣсь. Дорошенко былъ не прочь признать вассальную зависимость отъ Польши, еслибъ эта зависимость не влекла за собой никакихъ фактическихъ обязательствъ; но для Польши весь вопросъ заключался именно въ томъ, какъ реализовать свои номинальныя права. Столкновенія были неизбѣжны, и столкновенія невыгодныя для Польши, такъ какъ за Дорошенкомъ всегда стояла татарская орда. Но за то во главѣ военныхъ силъ поль-

скихъ стоялъ въ это время такой въ высокой степени замѣчательный человѣкъ, какъ Янъ Собѣсскій, будущій король, пока еще великій коронный гетманъ. Его необыкновенная энергія, въ связи съ высокими дарованіями и исключительными свойствами характера, уравновѣшивали собою неравенство борющихся силъ. Въ годъ Андрусовскаго перемирія (1667 г.) состоялся между Дорошенкомъ и Собѣсскимъ Подгаецкій договоръ. Польша признавала за Дорошенкомъ титулъ гетмана его королевской милости войска запорожскаго; вся фактическая территорія козаковъ оставалась за ними, но шляхта могла возвратиться въ свои имѣнія. Такимъ образомъ договоръ этотъ заключалъ временныя уступки; но бѣда въ томъ, что ни та, ни другая сторона не думали серьезно объ его выполненіи. Польша ясно видѣла, что съ такимъ гетманомъ, какъ Дорешенко, ей не придти ни къ какому возможному для нея modus vivendi, и выдвинула ему соперника въ лицѣ уманскаго полковника Ханенка. Правобережная Украина распалась на два лагеря съ двумя столицами—одной въ Чигиринѣ, другой въ Умани. Дорошенко рѣшился на послѣдній шагъ: отдалъ Украину въ подданство Турціи на правахъ господарствъ молдавскаго и валахскаго.

Планы Дорошенка совпали съ настроеніемъ турецкой политики. Еще въ концѣ 1669 г. воинственный Магометъ IV, покончивши съ Кандіей, рѣшилъ, опираясь на предложенія украинскаго гетмана, покончить также и старые счеты съ Польшей. Турція приступила къ грандіознымъ приготовленіямъ. Конечно, въ Польшѣ не могли не знать, что дѣлается въ Турціи. Знали о приготовленіяхъ король и великій коронный гетманъ Собѣсскій, зналъ каждый, кто хотѣлъ знать. Но польскимъ государствомъ, при слабомъ Михаилѣ Корибутѣ, управляла шляхта, а она-то именно и не хотѣла ничего знать объ опасности. Ей больше нравилось представлять дѣло такъ, что всѣ домогательства короля и гетмана на счетъ предупредительныхъ мѣръ вытекаютъ изъ ихъ „деспотическихъ“ стремленій, изъ желанія усилить свою власть. Вѣдь всякія мѣры требовали со стороны шляхты жертвъ, и не малыхъ. А между тѣмъ Порта начала

уже открыто заявлять протекторатъ. Шляхта все-таки продолжала упорно не вѣрить опасности, въ то время какъ на Украинѣ знали чуть не день и часъ, когда она должна наступить. Литовскіе татары, издавна поселенные надъ Нѣманомъ, пробирались на югъ, кидая свои пепелища, на встрѣчу подымающемуся на Польшу мусульманскому потоку.

Пока Магометъ IV стягивалъ въ свой лагерь съ Адріанополя огромныя силы аньчаровъ и спаговъ, земское ополченіе европейскихъ и азіатскихъ владѣній, молдаванъ и валаховъ, добружскихъ и бѣлгородскихъ татаръ, липковъ (татаръ литовскихъ),—крымская орда, въ качествѣ авангарда, заливала край, вторгаясь въ него по всѣмъ tремъ шляхамъ. Ханъ стоялъ съ Дорошенкомъ на Украйнѣ и разсылалъ универсалы съ требованіемъ покорности падишаху. Что было польскаго войска на Украинѣ, все было снесено. Хищники залили Подолье, проникли далеко въ глубь края по направленію къ сѣверо-западу, разорили русское воеводство, пробрались на Покуты въ такія мѣстности, которыя считались до тѣхъ поръ защищенными отъ татаръ горами и лѣсами: теперь впереди дикихъ татаръ шли знакомые съ мѣстными условіями липки и барскіе черемисы. До ста тысячъ людей досталось въ ясыръ. Наконецъ тронулась въ путь, въ началѣ іюня 1672 г., и пестрая трехсотъ-тысячная армія Магомета IV. Самъ султанъ со своимъ дворомъ сопровождалъ ее, выступая на покореніе невѣрнаго Лехистана; путь его былъ обставленъ всей возможной восточной роскошью. Армія въ своемъ движеніи растягивалась на нѣсколько миль; каждую ночь въ пунктѣ султанскаго ночлега выросталъ цѣлый городъ, удовлетворявшій всѣмъ утонченнымъ потребностямъ двора Немудрено поэтому, что только въ августѣ армія вступила въ границы Подолья. Теперь грозная опасность была ясна каждому. Но шляхта и здѣсь успѣла найти себѣ успокоеніе; она увѣрила себя въ неприступности Каменца. Напрасно убѣждалъ Собѣсскій, что мысль объ этой неприступности неосновательна, что крѣпость крайне нуждается въ поправкѣ укрѣпленій, въ усиленіи гарнизона, иначе она непремѣнно должна будетъ сдаться: его никто не слушалъ.

Всѣ турецкія силы направились на Каменецъ: лишь взятіе Каменца обезпечивало занятіе Подолья. На одного осаждаемаго воина приходилось больше сотни осаждающихъ; въ Каменцѣ не было такихъ пушекъ, какіе были у турокъ, всего было четыре человѣка знающихъ артиллеристовъ; не было даже боевыхъ снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ. „Только чудо могло бы спасти Каменецъ, но вѣдь Господь Богъ не дѣлаетъ чудесъ безъ необходимости", писалъ по этому поводу Собѣсскій. Больше недѣли держался городъ; но дальнѣйшее сопротивленіе являлось при этихъ условіяхъ явной невозможностью. Каменецъ сдался; 30 августа Магометъ IV торжественно вступилъ въ столицу Подолья.

Вѣсть о взятіи Каменца поразила Польшу, какъ громовой ударъ изъ безоблачнаго неба. Такъ велика была слѣпая вѣра польскаго общества въ неприступность Каменца, что не находили возможнымъ иначе объяснить случившееся, какъ измѣной, и въ безсмысленной ярости искали виновныхъ. Каменецъ взятъ, этотъ ключъ къ прекрасному Подолью, драгоцѣннѣйшему перлу польской короны. Маіоръ Геклингъ взорвалъ бастіонъ, гдѣ хранили порохъ, й погубилъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ собой до двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ храбраго Володіевскаго, „подольскаго Гектора"; каменецкія церкви обращены въ мечети; множество женщинъ, и шляхтянокъ, и горожанокъ, и монахинь, погнано на далекій востокъ, на продажу въ гаремы; тысячи возовъ потащили къ Волощинѣ и къ Черному морю подольскія сокровища, свезенныя на сбереженіе въ Каменецъ со всего края... Вотъ вѣсти, которыя несли съ собой въ глубь Польши подольскіе бѣглецы, отъ тѣхъ поръ бездомные и безпріютные скитальцы, изъ которыхъ лишь болѣе счастливые успѣли захватить кое-что изъ своихъ драгоцѣнностей, родовыя иконы и останки предковъ. А, главное, вся Польша стоитъ открытой и беззащитной передъ страшною турецкой силой. И она, въ самомъ дѣлѣ, двинулась въ глубь края, по направленію къ Львову. Вкругъ главныхъ силъ турецкой арміи кишѣли татары и козаки: маленькими отрядами разбѣгались они во всѣ стороны, захватывая въ неволю безчисленныя жертвы.

Втеченіе ста дней на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны, заглушаемые дикимъ крикомъ побѣдителей. Тридцать укрѣпленныхъ замечковъ пало къ ногамъ Магомета IV: нѣкоторые изъ нихъ геройски защищались, другіе прямо отдавались на милость врага. И если потокъ непріятельскій остановился подъ Львовомъ, а не подъ Краковомъ или Варшавой, то не польское войско задержало его, а приближающаяся осень съ холодомъ и сыростью, невыносимыми для непривычныхъ южныхъ людей, изъ какихъ состояло турецкое войско. Но и добрый геній Польши еще бодрствовалъ надъ ней: онъ олицетворялся теперь Яномъ Собѣсскимъ. Гетманъ не могъ ничего сдѣлать, чтобы предупредить бѣду; но когда всѣ его предсказанія сбылись почти съ математической точностью, онъ съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ до послѣдней степени испуганнаго, растерявшагося общества и завладѣлъ положеніемъ. Но пока можно было только одно: цѣной всякихъ жертвъ удалить врага. Въ октябрѣ 1672 года былъ заключенъ столь тяжелый для Польши Бучацкій договоръ: Подольское воеводство съ Каменцемъ дѣлалось турецкой областью, Украина собственно, т. е. Брацлавщина и Кіевщина, объявлялись козацкимъ владѣніемъ подъ турецкимъ протекторатомъ. Границы вновь созданнаго Подольскаго пашалыката включали въ себя Чортковъ и Ягельницу, шли далѣе по теченію р. Збручи и достигали до Чернаго шляха. На западъ и сѣверъ отъ этихъ границъ была Польша; на югъ и востокъ, по Днѣпръ, зависящая отъ Турціи козацкая Украина.

Что внесла собой для Украины эта новая политическая сила? Только усилила разложеніе, и ничего больше. Была или нѣтъ осуществима для Богдана Хмельницкаго идея украинскаго княжества подъ турецкимъ протекторатомъ, но для Дорошенка это было уже невозможно, слишкомъ поздно.

Взятіе Каменца оглушило Польшу, но въ слѣдующемъ же году Хотинская побѣда доказала, съ одной стороны, что Польша еще не безсильна, съ другой—сдѣлала королемъ Собѣсскаго. Польское государство слишкомъ было далеко отъ того, чтобы отказаться отъ своихъ правъ на Подолье и Украину.

Положеніе Украины сдѣлалось отчаяннымъ: ее терзали со всѣхъ сторонъ. Великій визирь Кара-Мустафа, приводя край въ повиновеніе, до-тла уничтожилъ Ладыжинъ и Умань, главные пункты края, опустошилъ почти всю Брацлавщину, захвативъ и часть Волынской земли; татары, разоряя всюду, съ неудовольствіемъ смотрѣли на дѣйствія своихъ союзниковъ, которые безразсудно тратили живой капиталъ: сколько денегъ можно было взять за даромъ перерѣзанныхъ жителей на цареградскихъ рынкахъ! Когда отступали татары и турки, появлялись польскіе отряды, тоже приводя къ покорности. Одна часть козаковъ признавала власть Ханенка и тянула къ Польшѣ, другая—Дорошенка и тянула къ Турціи; наконецъ лѣвобережный гетманъ Самойловичъ хотѣлъ воспользоваться смутой и высылалъ сюда свои отряды, чтобъ поддерживать своихъ сторонниковъ. Жизнь на Украинѣ сдѣлалась невозможной. Населеніе бѣжало во всѣ стороны: на западъ въ Червонную Русь, но больше всего на востокъ за Днѣпръ. Стали выселяться цѣлыми полками: въ 1674 г.—въ годъ, когда свирѣпствовалъ Кара-Мустафа, два полка, уманскій и брацлавскій, осѣли по р. Орели; въ слѣдующемъ году корсунскій полкъ со своимъ полковникомъ Кандыбой переправился за Днѣпръ. Ханенко увидѣлъ, что нѣтъ возможности ему въ данныхъ условіяхъ держаться на своемъ яко-бы гетманствѣ, тоже убѣжалъ за Днѣпръ, въ 1675 г. отдалъ свою булаву въ руки Самойловича и поселился доживать свою старость на покоѣ въ Козельцѣ Черниговской губ. Наконецъ, и онъ, главный виновникъ событій, правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, долженъ былъ прійти къ печальному убѣжденію, что несбыточны были всѣ его планы, ошибочны всѣ разсчеты: Турція не могла послужить оплотомъ для новой украинской общественной организаціи. И Дорошенко вслѣдъ за народомъ правобережья тоже направился на лѣвый берегъ, отдался во власть московскаго государя и здѣсь, въ московской землѣ, кончилъ свои дни въ почетной ссылкѣ. Много бѣдъ принесли Украинѣ его широкіе замыслы; но и враги не рѣшаются утверждать, что его дѣйствія направлялись лишь личными побужденіями, своекорыстными разсчетами. Въ слѣдующіе

(77—78-й) годы, годы осады Чигирина Турками и новыхъ татарскихъ нападеній, остатки населенія перебрались на лѣвый берегъ. На всей территоріи Украины оставался одинъ только козацкій полкъ, Подольскій, державшійся въ Брацлавщинѣ, съ полковникомъ Гоголемъ; но и тотъ, по приглашенію Собѣсскаго, перешелъ на Кіевское Полѣсье, въ Димирское староство. Общественная организація козацкой Украины распалась совершенно.

Украина, т. е. подольское, брацлавское и большая часть кіевскаго воеводства, обратилась въ пустыню. Можетъ быть, десятка два тысячъ еще ютилось въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ по окраинамъ этой пустыни, по берегамъ рр. Днѣпра и Днѣстра, не считая, конечно, большого турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; но они не составляли Украины. Были люди, но не было общества. Дальше вглубь края пустыня дѣлалась уже совершенно безлюдной. Роскошныя нивы Украины заросли бурьяномъ; нигдѣ жилья человѣческаго, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украина, только одичавшія собаки, размножившіяся до-невѣроятности, вели ожесточенную борьбу за существованіе съ господами степи волками; начали снова появляться даже и дикіе кони, которые сдѣлались было уже рѣдкостью, расплодились дикія козы, лоси и медвѣди. Лукьяновъ въ пять дней ѣзды черезъ Украинскую пустыню не встрѣтилъ живой души. Отъ Корсуня и Бѣлой-Церкви на Волынь, по словамъ Величка, можно было видѣть лишь безлюдные замки, высокіе валы которыхъ были пріютомъ дикихъ звѣрей, а повалившіяся стѣны, покрытыя мхомъ и поросшія бурьяномъ, служили прибѣжищемъ гадовъ. Всюду было полнѣйшее истощеніе. Подолье, со своимъ необычайнымъ плодородіемъ, не могло прокормить пятнадцати тысячъ каменецкаго гарнизона: муку, овесъ, ячмень—все принуждены были турки доставать изъ Молдавіи и Валахіи. Подольскіе кмети, разбѣжавшіеся при нашествіи турокъ, опять начали было собираться понемногу: но насильственныя дѣйствія со стороны турокъ снова и окончательно разгоняли ихъ: съ тѣхъ поръ до полнаго водворенія турокъ, на Подольѣ ютились лишь разбойничьи липки и др. бродяги, которые жили наѣздами и грабежомъ сосѣднихъ польскихъ областей. На ог-

ромной территоріи Барскаго староства совсѣмъ не было населенія, кромѣ небольшого числа черемисъ, тоже потерявшихъ привычки правильной осѣдлой жизни. Степную Украину съ ея скудными обитателями снабжало теперь хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Прекратилось торговое движеніе, заросли дороги, лишь немногочисленные караваны верблюдовъ, подъ сильнымъ турецкимъ конвоемъ, ходили по одному проторенному пути между Каменцомъ и Шаргродомъ, гдѣ пріютились восточные купцы, которые откупались отъ татаръ и которыхъ не трогали поляки, нуждавшіеся въ ихъ товарахъ.

Не стало населенія, не стало Украины. Три сосѣднихъ государства, еще такъ недавно и съ такимъ ожесточеніемъ боровшіяся за ея обладаніе, остановились передъ неожиданной дѣйствительностью: не за что стало бороться. Этотъ фактъ, такъ удачно прекратившій борьбу, остроуміемъ дипломатовъ былъ возведенъ въ принципъ. Между условіями Бахчисарайскаго мира, заключеннаго въ 1681 г. между Россіей и Турціей, есть слѣдующее: „Обѣ стороны свято обязуются отъ Кіева до Запорожья, по сторонамъ Днѣпра, не устраивать городовъ и мѣстечекъ". А когда Россія заключала съ Польшей такъ называемый вѣчный миръ (1686 г.), то между сторонами и вышло затрудненіе на счетъ тѣхъ разоренныхъ замковъ и городовъ, которые были отъ мѣстечка Стаекъ внизъ по Днѣпру по рѣкѣ Тясмину, и этотъ пунктъ уладили такъ, что та мѣстность должна оставаться пустой, какой она и теперь есть.

Дипломатія рѣшила обратить территорію Украины въ вѣчную могилу, въ грандіозную надгробную плиту надъ свободолюбіемъ народа, который предпочелъ залить землю своей кровью и усѣять своими костями, лишь бы не подчиниться навязываемому ему подневольному режиму. Но жизнь не справлялась съ дипломатіей, и лишь только затихла вытоптавшая ее борьба, она всюду снова пустила свои отпрыски, такъ легко и быстро разроставшіеся на плодородной почвѣ Украины. И по мѣрѣ того, какъ жизнь снова возникала и укрѣплялась, она опять принимала старыя козацкія формы. Это и не могло быть иначе: вѣдь вплотную къ степной Украинѣ примыкало, съ одной сто-

роны, насквозь козацкое Запорожье, съ другой, Кіевское Полѣсье, которое теперь выступило на первый планъ въ судьбахъ края.

Кіевское Полѣсье, какъ и Волынь, во время Хмельнищины дѣйствовало заодно съ остальной Украиной; но такъ какъ привиллегированный классъ—князья и земяне на Волыни, застѣнковая шляхта, т. е. бояре на Полѣсьѣ—былъ здѣсь несравненно сильнѣе, то и умиротвореніе, въ смыслѣ присоединенія къ Польшѣ, наступило здѣсь еще въ то время, когда въ степяхъ кипѣла ожесточенная борьба: конечно, этому способствовало и укромное положеніе края, лѣсного и лежащаго въ сторонѣ. Теперь Кіевское Полѣсье очутилось на границѣ, съ одной стороны, Подольскаго пашалыката, съ другой—разоренной дикой степи. На немъ лежала тяжесть пограничной сторожи отъ мусульманскихъ сосѣдей, тяжесть, которую еще недавно несла на себѣ степная Украина. Польское правительство, сознавая это, стремилось организовать здѣсь усиленную защиту, но, по обыкновенію, наталкивалось на недостатокъ средствъ. Нельзя сказать, какъ бы оно вышло изъ затрудненія, еслибъ былъ иной король. Но Янъ Собѣсскій былъ страстный поклонникъ козачества, конечно, въ теоріи. Да и на практикѣ онъ охотно входилъ въ сдѣлки съ козаками, готовъ былъ смотрѣть снисходительно на ихъ преступныя, съ польской точки зрѣнія, дѣйствія, зналъ русскій языкъ, имѣлъ въ козацкой средѣ личныхъ хорошихъ знакомыхъ, если не друзей, и самъ пользовался между козаками такимъ расположеніемъ, что знаменитый кошевой запорожскій Сирко охотно помогалъ Собѣсскому, хотя Запорожье и тянуло вмѣстѣ съ лѣвобережной Украиной къ Москвѣ. Любимой мечтой Собѣсскаго, также какъ и его вѣрнаго помощника, великаго коронного гетмана Яблоновскаго, было возстановить козачество, сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно привязанное къ Польшѣ, и здѣлать изъ него оплотъ для борьбы съ мусульманскимъ востокомъ. Кіевское Полѣсье представлялось имъ удобной територіей для осуществленія этой мечты. И вотъ Собѣсскій приглашаетъ Гоголя съ его козаками изъ Брацлавщины въ Димирское староство, какъ уже было сказано выше, и они пересе-

ляются, около тысячи человѣкъ: козаки должны были подчиниться власти короннаго гетмана, которую представлялъ польскій коммиссаръ или регаментарь, и получали жалованье и сукно или право выбирать провіантъ съ населенія. Кромѣ того, к ролевская канцелярія выдавала „заповѣдные листы" отдѣльнымъ лицамъ на право формировать вольныя козацкія дружины. Сначала эти листы выдавались только шляхтичамъ, потомъ только старымъ опытнымъ козакамъ, когда правительство убѣдилось, что шляхтичи выбиваются изъ послушанія мѣстнымъ военнымъ властямъ. Полки росли, какъ грибы послѣ дождя; но государству отъ нихъ было мало пользы, а краю—рѣшительное разореніе. На первомъ планѣ въ составѣ этихъ полковъ стояли обыватели шляхетскихъ околицъ (хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ разсчитывалъ Собѣсскій, такъ какъ эти бывшіе когда-то русскіе бояре уже привыкли смотрѣть на себя, какъ на польскихъ шляхтичей, и считали унизительнымъ служить въ козацкихъ вольныхъ дружинахъ); затѣмъ всякій сбродъ изъ-за Днѣпра, съ Запорожья, мѣщане, бѣглые хлопы и т. д. Всегда стѣсненное въ средствахъ польское правительство предоставляло этимъ дружинамъ, вмѣсто жалованья, право выбирать съ обывателей „борошно", т. е. обыватели обязывались не только кормить козаковъ, но и одѣвать, однимъ словомъ—удовлетворять всѣ ихъ потребности, а потребности, конечно, вещь растяжимая: къ нимъ могъ относиться не только провіантъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. мука, крупа, сухари, но и возы, упряжь, порохъ, свинецъ—на случай похода, и даже пиво, водка, медъ. Отсюда вытекали безконечныя столкновенія и злоупотребленія правомъ сильнаго. Козаки, число которыхъ быстро увеличивалось, дѣйствовали въ краѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Мѣстная шляхта вопила къ трону о защитѣ и правосудіи, но тамъ дѣлали видъ, что ничего не слышатъ и не знаютъ: слишкомъ сильно было желаніе короля и стараго гетмана имѣть свое собственное козачество. На самомъ дѣлѣ, это импровизированное козачество совсѣмъ не имѣло въ себѣ ничего козацкаго, кромѣ внѣшнихъ формъ, приближаясь скорѣе къ подворнымъ панскимъ козацкимъ милиціямъ, чѣмъ къ настоящему козачеству. Оно не имѣло и

не могло имѣть въ себѣ козацкаго духа, такъ какъ ничѣмъ внутренно не было связано съ территоріей, на которой дѣйствовало, ни съ ея населеніемъ, не было ни въ какомъ смыслѣ его представителемъ, какимъ было настоящее козачество. Немудрено поэтому, что подобное искусственное козачество легко вырождалось чуть что не въ разбойничьи шайки, для которыхъ не было своихъ и чужихъ, которыя равно охотно бились съ басурманами, какъ обдирали сосѣднихъ земянъ, кметей или даже себѣ подобныхъ козаковъ. Но это полѣсское, или „лѣсное“, козачество имѣло большое значеніе для той вновь зарождающейся жизни въ степяхъ, о которой мы говорили выше. Какъ только степнымъ козакамъ становилось слишкомъ трудно держаться на своей одичалой Украинѣ, они являлись на Полѣсье, получали здѣсь необходимую имъ поддержку и опять исчезали въ дикой и вольной степи. Такой поддержкой Полѣсья выросъ и Палій, въ лицѣ котораго въ послѣдній разъ ярко вспыхнуло къ жизни украинское козачество.

Такую роль играло Полѣсье, а слѣдовательно и Польша, во вновь возникающей жизни на Украинѣ. Но и Турція не могла оставаться безучастной. Турки не видѣли никакихъ выгодъ отъ Бучацкаго договора, такого, на взглядъ, блестящаго: пустынный край не только ничего не приносилъ, но требовалъ еще большихъ расходовъ. Естественно было туркамъ подумать о какихъ нибудь мѣрахъ для измѣненія положенія. Въ 1682 г. султанъ передалъ Украину вмѣстѣ съ гетманскимъ достоинствомъ молдавскому господарю Дукѣ съ обязательствомъ жить здѣсь. Дука дѣятельно принялся за колонизацію своихъ новыхъ владѣній. Колонизація пошла успѣшно. Изъ-за Днѣстра двигаются молдаване и селятся вдоль береговъ рѣки; изъ-за Днѣпра возвращаются цѣлыми громадами „прочане“ и расходятся по Украинѣ, стремясь въ тѣ мѣста, гдѣ отцы ихъ пользовались козацкою волей. Переселяясь на лѣвый берегъ Днѣпра, они обращались большею частію въ посполитыхъ, и теперь, на призывъ Дуки, недовольные лѣвобережными порядками, они охотно шли назадъ на свои пепелища. Это обратное переселеніе достигаетъ такихъ размѣровъ, что лѣвобережный гетманъ Самойловичъ при-

ходитъ въ тревогу и принимаетъ чрезвычайныя мѣры. Козаки Самойловича пытаются силою задержать народъ; на переправахъ происходятъ настоящія битвы, съ кровопролитіемъ и трупами, но это не помогаетъ, какъ не помогаютъ дипломатическіе переговоры. Украина оживаетъ: Брацлавъ, Чигиринъ, Богуславъ, Хвастовъ, Черкассы снова заселяются настолько, что появляются полки соотвѣтствующихъ названій, отстраиваются села, появляются и церкви, и колокольный звонъ заставляетъ забывать, что дѣло идетъ о турецкой территоріи. Дука, человѣкъ тихій, мягкій, къ тому же обезпеченный доходами молдавской земли, ничего не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ, кромѣ признанія своей власти; а Турки только что пережили Вѣну. Немудрено поэтому, что колонизація началась такъ удачно.

Это удачное начало турки задумали укрѣпить и развить, обратившись за помощью къ тѣни великаго перваго вождя, поднявшаго Украину. Въ 1685 г. султанскимъ фирманомъ вызывается къ существованію новое удѣльное княжество Сарматія, и, какъ выходецъ изъ давно заброшенной и позабытой могилы, появляется на историческую сцену новый украинскій гетманъ съ титуломъ удѣльнаго князя Сарматіи Юрій Хмельницкій, ничтожный сынъ своего отца. Ограниченный, тщеславный, эпилептикъ, онъ уже и своимъ образованіемъ на панскую ногу былъ оторванъ отъ народной среды, а во время своихъ долгихъ скитаній на чужбинѣ, по преимуществу въ Турціи и Крыму, растратилъ тѣ остатки нравственныхъ понятій, какія могли еще его связывать съ родною почвой. Конечно, не на такой опорѣ могла Турція создать что-нибудь прочное: сверхъ всего, Хмельницкій возбуждалъ къ себѣ недовѣріе и презрѣніе русскаго населенія, какъ разстрига. Не смотря на громкій титулъ, территоріальный районъ его владѣній былъ ограниченный. За годъ до возникновенія княжества Польша отдала въ распоряженіе козачества всѣ земли между рр. Тясьминомъ, Тикичемъ и Кіевскимъ Полѣсьемъ, т. е. бывшую территорію полковъ чигиринскаго, каневскаго, корсунскаго, черкасскаго, уманскаго, кальницкаго и бѣлоцерковскаго. Отсюда не слѣдуетъ заключать,

конечно, что эти земли были въ полномъ распоряженіи Польши; но можно заключить, что польское вліяніе было здѣсь сильнѣе турецкаго, и, слѣдовательно, Сарматія не могла имѣть сюда никакихъ дѣйствительныхъ притязаній. Оставалась для нея лишь территорія полка брацлавскаго и небольшая часть Подоліи, остававшаяся за предѣлами пашалыката. Столицей княжества былъ Немировъ, раньше многолюдное мѣстечко, отъ котораго къ описываемому времени сохранились лишь развалины, гдѣ ютилось нѣсколько несчастныхъ полуодичалыхъ еврейскихъ семей. Князь явился въ свое княжество подъ охраной военнаго отряда, состоящаго частью изъ турокъ, частью изъ всякаго сброда, липковъ, волохъ, босняковъ, болгаръ, бѣглыхъ червонорусскихъ кметей и т. д.; построилъ кое-какое помѣщеніе для себя, своего двора и гарема, который онъ держалъ, какъ истинный вассалъ султана. Надо было княжить, а главное жить. Но чѣмъ, т. е. на чей счетъ, жить? Территорія княжества, и въ указанныхъ выше, ограниченныхъ, предѣлахъ, все же была довольно обширна; но населеніе было крайне скудно, и главное—совсѣмъ не расположено платить и постоянно готово сняться со своихъ еще ненасиженныхъ, какъ слѣдуетъ, мѣстъ. По этому поводу вышло столкновеніе съ брацлавскимъ полковникомъ Коваленкомъ, котораго Хмельницкій убилъ собственноручно; русское поселеніе было возмущено окончательно. Пробовалъ Хмельницкій дѣлать грабительскіе набѣги со своимъ сбродомъ на Червонную Русь, но Польша находилась въ періодѣ подъема своего духа, и всюду была такая бдительность и осторожность, что эти набѣги не могли ничего дать. Оставалось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ въ родѣ прямого обдирательства своихъ подданныхъ. Такихъ подданныхъ, которыхъ стоило бы обдирать, конечно, было немного, но они были. Въ Немировѣ жилъ богатый еврей Аронъ, или Орунъ, торговецъ невольницами; онъ-то и сдѣлался жертвой Хмельницкаго. Однако такая внутренняя политика князя не понравилась туркамъ; они вызвали Хмельницкаго и казнили его. Такимъ образомъ княжество Сарматія покончило черезъ два года свое эфемерное существованіе.

Трудно сказать, сколько правды заключается въ этомъ эффектномъ эпизодѣ столкновенія Хмельницкаго съ Оруномъ, такъ какъ южнорусскіе, польскіе и армянскіе писатели различно разсказываютъ исторію окончательнаго исчезновенія Юрія Хмельницкаго съ исторической сцены. Но самъ Орунъ, какъ типъ, если не какъ индивидуальность, есть несомнѣнная горькая историческая правда. Да нѣтъ основаній заподозрѣвать Оруна и какъ личность, такъ какъ народъ Украины еще въ половинѣ настоящаго столѣтія пѣлъ о немъ:

Буде дивка, Орунъ купыть,
Колыбъ тильки гарна...

Такъ ужасно одичала жизнь на Украинѣ, что матери продавали своихъ малолѣтнихъ дочерей тому или другому Оруну, знакомому съ секретами калотехники, который воспитывалъ изъ простыхъ сельскихъ дивчатъ съ ихъ безъискусственной красотой настоящихъ гаремныхъ одалискъ: создавая цѣлыми годами усилій и соотвѣтствующихъ приспособленій утонченную красоту, онъ въ то же время систематически убивалъ въ своихъ воспитанницахъ нравственное чувство, такъ что подобная гурія, вышедшая изъ искусныхъ рукъ своего воспитателя, уже и не мечтала ни о чемъ, кромѣ лѣни и роскоши гарема.

Торговля людьми была до сихъ поръ лишь принадлежностью крымскихъ татаръ; теперь и на Украинѣ стали появляться люди, достаточно предпріимчивые и безсовѣстные, чтобъ сдѣлать изъ торговли своими братьями источникъ наживы. Можно указать, напр., на Шпака, одного изъ ватажковъ или полковниковъ, который, пользуясь смутой, царившей на Украинѣ въ началѣ 18 го в., уводилъ толпы украинцевъ и продавалъ ихъ въ крымскихъ владѣніяхъ. Имя Шпака до сихъ поръ держится въ народной памяти въ названіи Шпаковаго шляха по направленію отъ Немирова къ Балтѣ.

Турція еще пыталась было и послѣ Юрія Хмельницкаго назначать отъ себя гетмана, но уже въ 1688 г. въ Немировѣ жилъ въ качествѣ наказного козацкаго атамана шляхтичъ Куницкій, поставленный Собѣсскимъ. Районъ турецкаго вліянія, все съуживаясь, наконецъ заключается въ Каменцѣ-Подольскомъ, не выходя за предѣлы его стѣнъ; самъ городъ находится въ

такой блокадѣ, что турецкій гарнизонъ не могъ, какъ говорится, показать носа за эти стѣны. Такимъ образомъ, когда въ силу Карловицкаго мира, заключеннаго въ 1699 г., край былъ возвращенъ Польшѣ, то туркамъ оставалось только выступить изъ Каменца и ничего больше.

И такъ, къ началу 18-го в. положеніе дѣлъ было такое. Украина снова принадлежала Польшѣ, теперь уже на правахъ завоеваннаго края. Но жизнь, между тѣмъ, успѣла пустить ростки по всей роскошной территоріи Украины, и ростки отъ стараго корневища—тѣ же упорные, русско-козацкіе, не совмѣстимые съ существованіемъ польскаго общественнаго строя. Новое населеніе опять вязалось въ полки, выбирало полковниковъ и не хотѣло и слышать о подданствѣ: „сама натура каждаго хлопа, особенно въ тѣхъ краяхъ, между козаками, всегда побуждаетъ къ бунтамъ противъ пановъ", какъ выражается одинъ польскій современникъ-шляхтичъ. А въ хаотическомъ броженіи чувствовалось присутствіе направляющаго начала, исходящаго отъ сильной личности одного человѣка, который безъ всякаго уполномочія, признанія гетманскаго титула былъ главнымъ руководящимъ двигателемъ украинской жизни въ данный моментъ. Мы подразумѣваемъ хвастовскаго полковника Семена Палія.

Вмѣстѣ съ талантами дипломата, администратора и полководца Палій соединялъ въ себѣ ту особую силу, которая окружаетъ извѣстныхъ людей обаяніемъ, дѣйствующимъ на души не только современниковъ, но и потомства. У Палія это его обаяніе связано было несомнѣнно съ той его характерной чертой, что онъ не допускалъ противопоставленія козацкихъ интересовъ хлопскимъ, всюду являясь сторонникомъ не козацкой привиллегированности, а общенародной независимости. Палій утвердился въ степной части Кіевскаго воеводства, примыкающей къ Полѣсью, укрѣпился въ Хвастовѣ и колонизовалъ Хвастовщину. Но ему было, вѣроятно, все таки трудно держаться въ степи, и въ 1689 г. онъ появляется на Полѣсьѣ, пользуясь тѣмъ покровительствомъ, какое здѣсь оказывалось козачеству. И не только въ степи, но и на Полѣсьѣ Палій утвердился такъ прочно, не смотря на жалобы шляхты, на неудовольствіе мѣстнаго коза-

высшей инстанціи: шляхтичи просили помощи у „вельможнаго пана Палія" не только въ своихъ затрудненіяхъ по отношенію къ подданнымъ, но и во взаимныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. Стало и лѣсное козачество примыкать къ степовой „палівщинѣ". Остальные полковники организующихся украинскихъ полковъ, Самусь, Искра, Абазинъ видѣли въ Паліѣ свой центръ и подчинялись ему. Свободное степовое козачество росло и крѣпло, а Польша, имѣя подъ бокомъ Турцію, относилась къ этому росту съ благосклонной снисходительностью. Положеніе рѣзко измѣнилось съ полнымъ вытѣсненіемъ турокъ: къ тому же умеръ и покровитель козачества Собѣсскій, за три года до Карловицкаго мира. Тотчасъ же за заключеніемъ этого мира появляется сеймовая конституція, совершенно уничтожающая козачество на всей территоріи польскаго государства, слѣдовательно, не только Полѣсья, но и вновь присоединеннаго Подолья и Украины. Тѣмъ самымъ все населеніе Украины обращалось въ подданство панамъ, которые тотчасъ же должны были явиться, чтобы занять свои старыя имѣнія. Но невозможно было и предположить, чтобъ на этой почвѣ, пропитанной кровью, пролитой за свободу, дѣло могло обойтись мирно. Борьба была неизбѣжна. Уже въ 1702 г. снова все было въ огнѣ, и Кіевщина, и Брацлавщина, и Подолье, весь край вплоть до Волыни, гдѣ многочисленные земяне успѣли съорганизоваться во-время и удержать хлоповъ. И Польша, терзаемая снова внутренней войной, не могла справиться съ своими бунтующими подданными: Палій былъ сломленъ лѣвобережнымъ гетманомъ Мазепой. Но еще нѣсколько лѣтъ длились волненія, которыя питались политической смутой, царившей эти годы на сѣверо-востокѣ Европы подъ именемъ великой сѣверной войны. Наконецъ, затихли и эти внѣшніе толчки, волновавшіе несчастный край,—все затихло; старая жизнь замерла окончательно. Но тотчасъ же на смѣну ея ворвалась новая торжествующая волна, которая залила и погребла подъ собой, вмѣстѣ съ козачествомъ, и русскую національную стихію Украины.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1]).

Начало моей учительской службы.

Приступая съ майской книжки „Кіевской Старины“ этого года къ продолженію своихъ воспоминаній, послѣ трехлѣтняго перерыва, я долженъ бы, придерживаясь хронологіи, начать свои очерки не съ Немировской гимназіи, а съ Винницкой; но такъ какъ гимназія эта въ 1847 г. изъ Винницы переведена въ Бѣлую Церковь, то о шестимѣсячномъ моемъ пребываніи въ Винницѣ я предполагалъ разсказать тогда, когда доберусь до Бѣлоцерковской гимназіи, куда я назначенъ въ 1862 году; но нѣкоторые изъ моихъ читателей заявили желаніе познакомиться съ началомъ моей службы раньше этого времени, а потому, уступая такому желанію, я обращаюсь къ гимназіи Винницкой.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ, а именно 9 сентября 1844 года, попечителемъ кн. Давыдовымъ подписана бумага о моемъ назначеніи учителемъ русскаго языка въ параллельныхъ классахъ Винницкой гимназіи. Недѣли черезъ двѣ, наканунѣ моего выѣзда изъ Кіева, въ памятномъ всѣмъ намъ, оставшимся въ живыхъ, погребкѣ въ оградѣ Братскаго монастыря собрались друзья, земляки мои, на проводы.

Жаль только, что мнѣ не изъ чего было слишкомъ раскошелиться: 100 рублей третного, за вычетомъ 10% въ пользу инвалидовъ и за уплатой долга незабвенному ректору В.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 10.

Ѳ. Ѳедорову, на оставшіяся деньги сдѣлана была форменная пара, небольшой запасъ бѣлья—и расходъ сталъ равенъ приходу. Накурившись и наговорившись вдоволь, мы прошлись по набережной, покатались по Днѣпру, и конецъ угощенію.

На другой день, по рекомендаціи одного изъ товарищей, въ институтъ явился „попутчикъ", какой-то панъ Петржицкій. Хотя у меня имѣлась казенная подорожная, но мы условились съ паномъ поѣхать на долгихъ проселками.

Около пяти часовъ вечера къ университетскому зданію подъѣхала жидовская балагула; мы съ паномъ влѣзли въ нее, какъ въ пещеру, и тронулись въ путь. Добрашевъ вызвался провесть меня за городъ. На четвертой верстѣ старой Житомірской дороги мы разстались. Фуръ, фуръ, фуръ! Прощай студенчество! [1]).

...Невеселую картину представляло 50 лѣтъ тому назадъ путешествіе по Заднѣпровской Украинѣ. Тяжело и смутно становилось на душѣ при взглядѣ на бѣдныя деревушки, разбросанныя тамъ и сямъ по равнинамъ, на изнуренныя лица крестьянъ, съ рѣзкимъ отпечаткомъ глубокой грусти, свидѣтельствовавшей о крѣпостномъ гнетѣ, тяготѣвшемъ надъ многими поколѣніями. Какой просторъ,какая благодать—и такое стѣсненіе, такая бѣдность!... Нестройно, безпорядочно тѣснятся бѣленькія хатки, разбросанныя безъ всякой симметріи надъ прудомъ по косогору, то прижимаясь любовно одна къ другой, то расходясь на далекое разстояніе, какъ поссорившіеся нищіе. Почти рядомъ съ ними гордо возвышается пышный палацъ, который словно всосалъ въ себя благосостояніе цѣлыхъ поколѣній хлоповъ, оставивъ на ихъ долю бѣдность и нищету. Это жилище магната, но его здѣсь нѣтъ, онъ постоянно живетъ за границей, отдавъ имѣнія свои въ распоряженіе управляющаго, который изъ всѣхъ силъ побивается надъ тѣмъ, чтобы извлечь какъ можно больше доходовъ и для своего патрона, и для себя, не думая о томъ, чего стоитъ народу его усердіе...

---

[1]) Обильный приключеніями путь мой отъ Кіева до Винницы описанъ мною еще въ 1864 г. (Кіевлянинъ №№ 69 и 70). Здѣсь помѣщается уцѣлѣвшій у меня отрывокъ изъ моихъ „путевыхъ впечатлѣній".

Разставленные по перекресткамъ высокіе размалеванные, кресты, именуемые „фигурами", разными орнаментами, чуждыми православію, живо напомнили мнѣ о господствѣ въ краѣ католицизма и о недавнихъ ужасахъ уніи. Огражденные толстыми стѣнами кляшторы, имѣющіе видъ военныхъ укрѣпленій, какъ могильные призраки, пугаютъ воображеніе путника, напоминая ему о страшной силѣ іезуитовъ, укрывавшихся за этими „мурами" отъ праведной кары неутомимыхъ поборниковъ вѣры и независимости Украины—козаковъ. Жиды, по извѣстному проекту іезуита, замѣнивъ собой среднее сословіе, налегли тяжелымъ гнетомъ на крѣпостное населеніе; пользуясь протекціей пановъ, они захватили въ свои хищныя руки всю промышленность страны, сплотившись въ дружную корпорацію тунеядцевъ, потребляющихъ производительный трудъ земледѣльческаго сословія. Эти всемірные граждане обрѣли въ Посполитой Речи свою обѣтованную землю; но вытѣснивъ собой среднее сословіе изъ государства, они не только не связали разрозненные члены государственнаго организма—шляхту и хлоповъ, но еще болѣе расширили раздѣлявшую ихъ пропасть...

Вечерѣло. Утомленныя лошади пріободрились, почуявъ тихое пристанище—„заѣздный домъ", съ виду очень похожій на мышеловку, какъ всѣ еврейскіе постоялые дворы. Въ переднія ворота мы въѣхали съ большимъ почетомъ: насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ со всѣмъ своимъ семействомъ, суля намъ все, что только можно придумать для комфорта проѣзжающихъ. Предоставивъ пану полную автономію вести переговоры съ хозяиномъ о ночлегѣ, я вышелъ за ворота полюбоваться на картину осенняго вечера и поразмыслить наединѣ объ избранномъ мною поприщѣ педагога. Неясныя мысли о будущемъ невольно смѣшались съ мечтами о прошломъ. Мнѣ было невыразимо грустно. Черезъ часъ меня позвали „до коляціи"—ѣсть какую-то маринату-рыбу, по обычаю еврейскому немилосердно пропитанную перцемъ.

На другой день съ сѣвера подулъ сырой и холодный вѣтеръ, пошелъ мелкій и частый дождь, по улицѣ потекли ручьи. Закутавшись съ головой въ студентскую шинель я, хотя уже и

не спалъ, но притворился спящимъ. Монотонное дребезжаніе изломанной ставни, глухое завываніе вѣтра, стукъ дождевыхъ капель въ бумажку, которою заклеено было разбитое стекло. какія-то дикія взвизгиванія и бормотанье стоявшаго на молитвѣ въ сосѣдней к мнатѣ шинкаря—все это наводило на душу страшную тоску, напоминая мнѣ о томъ, что беззаботная жизнь въ институтѣ прошла невозвратно...

Историческій очеркъ Винницкихъ школъ до 1832 г.

Народное образованіе въ юго-западномъ краѣ до конца XVI столѣтія было дѣломъ свободной профессіи, не подлежавшей контролю правительственной власти, чѣмъ не преминули воспользоваться отцы іезуиты для цѣлей пропаганды и въ началѣ XVII вѣка всецѣло завладѣли образованіемъ юношества. Хотя впослѣдствіи къ нимъ присоединились и другіе монашескіе ордена, но преобладающая роль осталась за послѣдователями Лойолы. Предоставивъ первоначальное образованіе піарамъ, базиліанамъ и другимъ монашескимъ орденамъ, они забрали въ свои руки главнымъ образомъ среднее и отчасти высшее образованіе, такъ какъ эти два послѣдніе разряда обученія предназначены исключительно для правящихъ классовъ, которые іезуитамъ необходимо было подчинить своему вліянію, чтобы руководить ихъ дѣйствіями.

Въ 1610 году въ Винницѣ о.о. іезуиты открыли „подъокружную" школу, съ конвиктомъ при ней, на средства Брацлавскаго старосты Калиновскаго. Школа эта сразу обратила на себя вниманіе мѣстныхъ обывателей и стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Какъ извѣстно, педагогическая опытность іезуитовъ обратилась въ традиціи, одушевлявшія и ихъ ближайшихъ преемниковъ, такъ что и послѣ изгнанія іезуитовъ (1773 г.) Винницкія школы удержали за собой первенствующее значеніе въ краѣ и въ 1785 году возведены были на степень „окружныхъ" школъ на мѣсто школъ Житомірскихъ.

Собственно Винницкая гимназія учрежденіемъ своимъ обязана неутомимой дѣятельности Θаддея Чацкаго, который, одна-

кожъ, собравъ для нея значительныя средства изъ пожертвованій магнатовъ (болѣе полмиліона рублей), не дожилъ до ея открытія: онъ умеръ 9 февраля 1813 года. Заведеніе и устройство школъ были пламенной мечтой всей его жизни, посвященной исключительно народному образованію, въ которомъ онъ видѣлъ szczęście rodaków и о которомъ не переставалъ заботиться, лежа на смертномъ одрѣ. По мысли Чацкаго Винницкая гимназія должна была стать для Подоліи тѣмъ, чѣмъ для Волыни впослѣдствіи сдѣлался Кременецкій лицей: „заведеніемъ, готовящимъ юношество сдѣлаться образованными гражданскими дѣятелями". По плану Чацкаго гимназія дѣлилась на 4 годичные класса и на 4 годичные курса, обнимавшіе высшія науки: философію, физику, науки политическія, мѣстное и римское права и проч. Всѣхъ преподавателей должно было быть 18 человѣкъ, изъ коихъ половина со степенью магистра и доктора. Хотя въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, и была открыта гимназія одновременно съ Кременецкимъ лицеемъ, но проектъ Чацкаго, по недостатку средствъ, не могъ осуществиться: устройство ново-открытой гимназіи въ первые три года ея существованія представляется далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ ее видѣть Чацкій.

Гимназія дѣлилась на 6 классовъ, изъ которыхъ первые два были какъ бы подготовительными; въ нихъ преподавалась грамматика польская и латинская, географія и ариѳметика, учителя назывались „младшими" и имѣли по 20 уроковъ и получали по 300 рублей жалованья. Въ четырехъ высшихъ классахъ было 5 учителей предметовъ и одинъ (самъ директоръ Маціовскій) законоучитель. Одинъ учитель преподавалъ высшую ариѳметику, геометрію и логику; другой—естественную исторію, физику и химію; третій—науку нравственности; исторію и географію; четвертый — литературу всеобщую и польскую; пятый—исторію литературъ греческой и римской, древности, чтеніе авторовъ. Преподаватели эти назывались „старшими" и имѣли по 16 уроковъ, получая по 400 рублей жалованья. Затѣмъ были учителя иностранныхъ языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго, имѣвшіе по 12 уроковъ и получавшіе по 240 рублей.

Въ такомъ видѣ гимназія просуществовала до 1824 года, затѣмъ, по причинѣ обнаруженнаго въ Виленскомъ университетѣ вреднаго направленія, училища Виленскаго учебнаго округа подверглись радикальному преобразованію, не минувшему и гимназіи Винницкой: высшіе классы были закрыты и оставлены только 4 класса. Наконецъ революція 1831 года прекратила существованіе какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній; что же касается низшихъ училищъ, то, по свидѣтельству В. Я. Шульгина, въ нашемъ юго-западномъ краѣ ихъ закрыто 275, не считая школъ монашескихъ и приходскихъ [1]).

6 декабря 1832 года въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, вновь открыта гимназія по уставу 1828 года, общему для всѣхъ заведеній имперіи, съ коренными русскими преподавателями. Директоромъ ея назначенъ Фовицкій, а инспекторомъ Рябоконовъ. Въ началѣ 1840 года Фовицкаго смѣнилъ учитель русской словесности А. А. Яковлевъ, подъ управленіемъ котораго и началась моя педагогическая служба.

Если пропаганда дореформенныхъ школъ, которыми неутомимый польскій патріотъ Чацкій, какъ сѣтью, опуталъ весь сѣверо-западный и юго-западный край, направлена была къ широко задуманной цѣли—ополяченію кореннаго русскаго населенія, то возрожденное образованіе края во образѣ новооткрытыхъ заведеній было направлено къ совершенно противоположной цѣли: новыя училища обязаны были не только располячить ополяченное русское населеніе, но и самихъ поляковъ сдѣлать русскими.

Въ силу такихъ требованій правительственной власти, наша учительская служба въ гимназіяхъ юго-западнаго края, особенно въ 10—15 лѣтъ послѣ реставраціи училищъ, представляла такія трудности, какія не встрѣчаются въ чисто русскихъ губерніяхъ. Тамошніе преподаватели, преслѣдуя одни научно-воспитательныя цѣли,—которыя, собственно говоря, и должны составлять главную задачу педагогической дѣятельности каждаго наставника,—не знаютъ тѣхъ часто непреодолимыхъ пре-

[1]) См. „Кіевская Старина" 1882 г.; Юбилейная записка Каменецъ-Подольской гимназіи Михалевича и Подольская гимназія въ Винницѣ его же. 1690 года.

пятствій, на которыя наталкивались мы, служившіе въ ополяченномъ краѣ лѣтъ 50 тому назадъ. Упорныя и неутомимыя дѣйствія католическо-польской пропаганды, шедшія въ разрѣзъ съ нашими чисто-русскими стремленіями, тормозили и парализовали всѣ наши усилія. Невольно опускались руки и терялась энергія, когда приходилось убѣждаться, что самые блистательные успѣхи нашихъ питомцевъ не только не приносили ни малѣйшей пользы русскому дѣлу, но совершенно напротивъ: каждый изъ нашихъ учениковъ чѣмъ больше развивался, тѣмъ болѣе становился способнымъ вредить русскому дѣлу въ краѣ. 1863 годъ служитъ тому доказательствомъ.

Винницкая гимназія въ 1844—45 году.

Difficile est satyram non scribere.

Добравшись до Винницы, я остановился неподалеку отъ гимназіи въ одномъ изъ множества „заѣздныхъ домовъ". Хотя въ настоящее время, съ проведеніемъ желѣзной дороги, городъ этотъ между уѣздными городами Подольской губерніи считается однимъ изъ лучшихъ, но въ 40-хъ годахъ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ юго-западнаго края. Безобразно скученные постоялые дворы, крытые черепицей и соломой, улицы кривыя, узкія, наполненныя навозомъ и падалью, казалось, предназначены были скорѣе для стойла скотамъ, чѣмъ для сообщенія людямъ; полуразвалившіяся лачуги безъ дворовъ и заборовъ, безпорядочно разбросанныя по окраинамъ, вездѣ смрадъ и нечисть произвели на меня удручающее впечатлѣніе.

Отбившись отъ нашествія цѣлой оравы жидовъ, съ нахальствомъ предлагавшихъ свои товары, и напившись чаю изъ грязнѣйшаго самовара, я легъ спать, но увы! провозившись всю ночь съ насѣкомыми, не могъ уснуть ни на минуту.

На другой день, разбитый дорогой и изнуренный безсонницей, облекшись въ дѣвственный вицъ-мундиръ, я отправился представиться начальству; но попасть къ нему не такъ то было легко, какъ мнѣ казалось. Встрѣтилось непреодолимое препят-

ствіе; черезъ улицу, отдѣлявшую постоялые дворы отъ гимназіи и представлявшую на сей разъ подобіе огромнаго корыта, до верху наполненнаго жидкою грязью, мнѣ никоимъ образомъ нельзя было перебраться въ мелкихъ калошахъ, въ какихъ въ семъ іудейскомъ градѣ никто не ходилъ, вооружаясь охотничьими сапогами съ высокими голенищами. Видя меня, въ раздумьи стояща на берегу этого мертваго моря, ко мнѣ подошелъ, шлепая по колѣни въ грязи, жидокъ съ метелками и щетками и за „злотувку" предоставилъ въ мое распоряженіе свою спину для переправы черезъ улицу. Я обхватилъ его за шею руками, а онъ взялъ подъ колѣнки мои длинныя ноги и такимъ манеромъ перенесъ меня на тротуаръ подъ гимназическую ограду. Вошедши въ гимназическій дворъ, я былъ пораженъ непривлекательнымъ видомъ сего святилища наукъ: облупленныя стѣны, разбитыя стекла, полуразвалившіяся надворныя постройки, соръ, нечистота — все это скорѣе напоминало кіевскія арестантскія роты, чѣмъ учебно-воспитательное заведеніе. По двору, вмѣстѣ съ учениками, ходили коровы и свиньи, а въ недостроенномъ костелѣ помѣщались директорскія лошади. Мнѣ указали квартиру директора, но тутъ-же одноглазый сторожъ въ рваномъ полушубкѣ добавилъ, что я напрасно такъ рано пришелъ—„они еще почиваютъ". А вѣдь было уже болѣе девяти часовъ. По длинному темному коридору, напоминавшему тунель, я отправился въ канцелярію дожидаться пробужденія его высокородія; но прежде чѣмъ попасть туда, я долженъ былъ выдержать бой съ дикой козой, которую, потѣхи ради, г. директоръ держалъ на коридорѣ и которая сильно бодалась при встрѣчѣ съ незнакомыми. Проходя мимо директорской кухни, я услышалъ визгливый бабій крикъ и плачъ множества дѣтей. Хотя производитель сего многочисленнаго семейства спалъ на другой половинѣ квартиры, но все-таки нельзя было не подивиться, какъ онъ могъ спать при такомъ содомѣ. Ровно въ половинѣ одиннадцатаго „они" изволили проснуться и въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ, пожаловать въ канцелярію подписывать бумаги. Процессомъ этого подписыванія, какъ я узналъ потомъ, и ограничива-

лась педагогическая дѣятельность г. директора на пользу молодого поколѣнія.

Личность моего перваго начальника не внушила мнѣ страху. Маленькая, тщедушная фигурка лѣтъ сорока, съ большущими ушами и вздутымъ вверхъ хохолкомъ, съ выдающеюся впередъ нижнею челюстью, напоминала скорѣй обезьяну, чѣмъ директора гимназіи. Не смѣя долѣе отнимать у начальства драгоцѣннаго времени, я откланялся и пошелъ отыскивать инспектора въ томъ же корпусѣ.

Сей второй чинъ училищной администраціи своею массивностію представлялъ совершенный контрастъ съ неказистой наружностью директора. Не смотря, однакожъ, на свой исполинскій ростъ, вся фигура его отъ чрезмѣрной толщины казалась какъ бы приплюснутой. Словно подъ ударомъ 30 типудовой шелепуги, голова его съ пивной котелъ вдавлена между могутныхъ плечъ, которыя, вслѣдствіе такого насильственнаго давленія сверху, поднялись да такъ и остались приподнятыми навсегда. Лицо тоже казалось приплюснутымъ, и скулы его жирныхъ щекъ пошли какъ бы врозь. Ходилъ онъ съ перевальцемъ легко и игриво расшаркиваясь, какъ будто онъ собирался танцовать французскую кадриль. Говорилъ онъ сиплымъ отъ одышки голосомъ. Для перваго знакомства инспекторъ заявилъ, что онъ—товарищъ по ученію знаменитаго математика Остроградскаго, разсказавъ при этомъ анекдотъ изъ школьной жизни, указывавшій на ихъ близкія отношенія. Но этимъ анекдотомъ, какъ равно и тѣмъ фактомъ, что онъ былъ учителемъ Гоголя—ничто не доказано: случайное сближеніе съ знаменитостями нисколько не возвысило въ моихъ глазахъ этого толстяка, никогда, повидимому, не думавшаго о наукѣ и поэзіи, а угождавшаго лишь своему необъятному чреву. Это былъ тотъ самый педагогъ, который въ концѣ 20-хъ годовъ былъ нѣкоторое время учителемъ географіи въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ и котораго Гоголь въ письмѣ къ В. В. Тарнавскому называетъ „Мазепичемъ Самойленкомъ [1]).

---

[1]) Вообще авторъ „Мертвыхъ душъ“ весьма мало уважалъ своихъ наставниковъ, ничему его не научившихъ. „Существователи, населяющіе Нѣжинъ (говоритъ

Супруга Мазепича Антонина, принявшая православіе католичка, хотя уже особа не первой молодости, но до крайности сантиментальная, мечтавшая о гусарахъ и метавшая томные взоры изъ-подъ черныхъ бровей. Въ припадкѣ супружеской нѣжности Алексѣй Миничъ называлъ ее черноокой Ниной.

Нерадостныя мысли о будущемъ смѣнились заботами о настоящемъ: нужно было пріискать квартиру и устроить свое холостое хозяйство. На постояломъ дворѣ я не могъ оставаться ни одного дня; при мысли о жидахъ и клопахъ, меня бросало въ дрожь и лишало возможности сосредоточиться. Но какъ мнѣ пуститься на поиски за квартирой, когда и до постоялаго двора нельзя добраться? А тутъ какъ на зло и верховаго жидка не случилось.

Грустный и обезкураженный ходилъ я подъ „мурами", не зная, чтó предпринять въ сей странѣ враждебной, какъ вдругъ совершенно неожиданно столкнулись мы съ кіевскимъ моимъ пріятелемъ *М. В. Покорскимъ*: почти одновременно со мной онъ былъ назначенъ уѣзднымъ Винницкимъ судьей и, пріѣхавъ пока одинъ безъ семьи, очутился въ такомъ же невеселомъ настроеніи, какъ и я. Вотъ такъ встрѣча! Радости моей не было границъ, а судья отъ сильнаго душевнаго волненія даже прослезился. Въ концѣ тротуара его ожидали лошади, такъ какъ къ самому суду подъѣхать не было никакой возможности, не утопивъ лошадей. Не заходя на постоялый дворъ, я послалъ мишуриса за вещами и переселился на квартиру Максима Васильевича и прожилъ тамъ около двухъ недѣль, до пріѣзда его семейства.

Жизнь моего пріятеля была преисполнена такихъ превратностей, что онъ не могъ не сдѣлаться нѣсколько страннымъ и своеобразнымъ, что не мало вредило его служебной карьерѣ. Хотя онъ и не происходилъ изъ духовнаго званія, но за неимѣніемъ въ оное время свѣтскихъ училищъ, получалъ образо-

---

онъ)—созданія низкой неизвѣстности и между этими существователями я долженъ пресмыкаться; изъ нихъ не исключаются и *дорогіе наши наставники*".

ваніе въ Кіевской духовной академіи, гдѣ одновременно съ нимъ находился и знаменитый впослѣдствіи іерархъ Иннокентій Борисовъ. По разсказамъ судьи, будущій русскій Массильонъ еще во время своего студенчества обратилъ на себя вниманіе ораторскимъ даромъ. Въ памяти старика живо сохранилось впечатлѣніе, которое произвелъ онъ своимъ надгробнымъ словомъ надъ умершимъ товарищемъ expromptu, ибо всѣ знали, что Борисовъ до полуночи провелъ время въ знакомомъ семействѣ.

По окончаніи академіи М. В—чъ вступилъ въ гражданскую службу. Когда я познакомился съ нимъ въ Кіевѣ въ 1842 году, онъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ большой нуждѣ съ большимъ семействомъ, не смотря на то, что 18 лѣтъ прослужилъ въ должности исправника, тогда какъ другіе на подобной должности наживали большія деньги. Проживъ въ отставкѣ около пяти лѣтъ, на средства своего брата, губернскаго лѣсничаго, въ домѣ скряги тестя, онъ, наконецъ, по протекціи дальняго родственника, извѣстнаго поэта Подолинскаго, снова получилъ мѣсто исправника въ летичевскомъ уѣздѣ; но едва онъ успѣлъ переселиться въ Летичевъ, какъ его швырнули въ самый отдаленный уѣздъ подольской губерніи, въ Балту, а черезъ четыре мѣсяца его перемѣстили въ Брацлавъ, и убѣдясь окончательно, что для должности исправника онъ не годится, его назначили уѣзднымъ судьей въ Винницу. Если каждое перемѣщеніе многосемейнаго чиновника, какъ говорится, стоитъ одного пожара, то почтенный М. В—чъ, перемѣщенный втеченіе одного года четыре раза, перенесъ 4 пожара и очутился въ Винницѣ, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего.

Съ переѣздомъ изъ Брацлава семейства судьи, я долженъ былъ пріискать себѣ квартиру, но мои поиски не имѣли успѣха. Войдя въ мое положеніе, директоръ предложилъ мнѣ казенное помѣщеніе въ „мурахъ“, рядомъ съ инспекторскою квартирой, куда я и перевезъ свою мизерію.

Прощаясь съ „судьей праведнымъ“, въ благодарность за гостепріимство, я вручилъ ему стихотвореніе, написанное мною

въ Кіевѣ, на Щекавицкомъ кладбищѣ, на могилѣ любимаго товарища, студента Андрюши Блотницкаго, брата жены судьи:

День догоралъ послѣдними лучами,
Надъ Кіевомъ—святая тишина,
Зажглося небо звѣздными огнями,
Изъ-за лѣсовъ проглянула луна.
Днѣпръ не шумитъ мятежными волнами,
Безмолвствуютъ крутые берега,
Заснуло все надъ ясными водами—
И темный лѣсъ, и горы, и луга.
Съ тоской въ душѣ сидѣлъ я на могилѣ,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ покоился мой другъ,
Онъ цвѣлъ недавно свѣжестью и силой—
И вдругъ угасъ безъ славы и заслугъ...
Зачѣмъ со мной по прежнему, мой милый,
Ты не раздѣлишь вѣчный свой досугъ?..

Въ зданіяхъ бывшаго іезуитскаго монастыря, гдѣ помѣщалась Винницкая гимназія, впродолженіе двухъ столѣтій ютились учебныя заведенія разныхъ наименованій. Обнесенныя толстою каменною оградой, съ тремя выхоленными монахами садами и обширной недостроенной церковью, зданія эти, послѣ изгнанія іезуитовъ, поступили въ вѣдѣніе училищной администраціи и по недостатку средствъ на ихъ содержаніе годъ отъ году ветшали, а съ учрежденіемъ въ Винницѣ въ 1795 году Брацлавскаго намѣстничества окончательно пришли въ упадокъ: въ нихъ размѣстили присутственныя мѣста, казначейство, тюрьму, провіантскій магазинъ и проч. Хотя съ учрежденіемъ губерній всѣ эти казенныя вѣдомства переведены въ Каменецъ-Подольскъ и опустѣвшія зданія вновь поступили въ учебное вѣдомство, но въ такомъ плачевномъ видѣ, что никакіе ремонты не могли уже имъ возвратить того благоустройства, какимъ отличались они впродолженіе полутора столѣтія іезуитскаго господства. А все таки помѣщенія Винницкой гимназіи до 1832 года были еще довольно обширныя, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 20-хъ годовъ она занимала 14 большихъ залъ, а подъ квартирами служащихъ находилось болѣе 30 комнатъ.

Предоставленная мнѣ директоромъ комната, вѣроятно, бывшая келія какого-либо монаха, представляла мрачную тюремную

камеру, объ одномъ окнѣ, съ видомъ на р. Бугъ; въ стѣнахъ двухъаршинной толщины находились глубокая ниша и два огромныхъ шкапа; въ нишѣ я поставилъ треногую кровать, обязательно предложенную мнѣ инспекторомъ, а шкапы обратилъ въ кладовую и гардеробную. Жаль только, что нечего было туда прятать.

Рядомъ съ моей квартирой въ другой такой же келіи съ перегородками помѣщался учитель ариѳметики Осипъ Артамоновичъ Волковскій, съ нареченной племянницей Дызей. Не успѣлъ я осмотрѣться на новосельѣ, какъ отворилась дверь, и ко мнѣ вошелъ толстенькій господинъ, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ стоялъ графинчикъ съ водкой и тарелка съ маринованными грибками. Это и былъ мой сосѣдъ Волковскій.

— Здоровеньки булы, колега, а я оце до васъ по сусидски—съ хлибомъ-солью.

И наливъ двѣ рюмки, сталъ подчиваться. Усадить дорогого гостя было не на чемъ, и онъ долженъ былъ сѣсть на полу, на разостланной шинели. Новый мой знакомый оказался великимъ балагуромъ. Анекдотъ за анекдотомъ, одинъ другого скабрезнѣе, сыпались, какъ изъ мѣшка. Уроженецъ юго-западнаго края, сынъ возсоединеннаго попа уніата, воспитанникъ уманской базиліанской школы, этотъ забавникъ подъ маской полишинеля скрывалъ глубокое знаніе быта разношерстнаго народонаселенія правобережной Украины. Онъ основательно изучилъ нравы и обычаи польской шляхты и православнаго сельскаго люда, а также многочисленнаго іудейскаго племени; вращаясь въ кругу католическаго и уніатскаго духовенства, онъ имѣлъ полную возможность познакомиться съ закулисною жизнью ксендзовъ и монаховъ, а равно и съ бытомъ ополяченнаго духовенства православнаго. Вотъ отъ чего смѣшившіе иногда до слезъ анекдоды Волковскаго, не смотря на ихъ скоромное содержаніе, были такъ характерны, такъ занимательны [1]). Надобно впро-

---

[1]) Въ предисловіи къ пословицамъ, изданнымъ въ 1874 году Номисомъ, о немъ сказано: „Небижчикъ Волковскій славився, яко великій мистець росказувать казки, брехеньки и т. п. Винъ записавъ изъ 10 кипъ“ (600). Изъ нихъ издатель выбралъ около 400.

чемъ замѣтить, что тѣ самые анекдоты, которые были такъ неподражаемо забавны въ устахъ разсказщика, viva voce, будучи положены имъ на бумагу, теряли всю свою соль: даровитый разсказщикъ оказался плохимъ писакой.

Понятно, что отъ такого наблюдательнаго и остраго ума не могли укрыться и закулисныя тайны его сослуживцевъ. Онъ все зналъ: и сколько у директора остается въ карманѣ рублей отъ покупки дровъ, тогда какъ наставники и ученики всю зиму сидятъ въ нетопленныхъ классахъ въ шубахъ и въ калошахъ; сколько они съ инспекторомъ получаютъ отъ пановъ провизіи и какъ варварски поступаютъ съ содержателями общей квартиры, и съ кѣмъ холостые учителя ведутъ любовныя шашни и т. д.

Наслушавшись отъ непрошеннаго гостя разныхъ мерзостей, я сразу ознакомился съ той средой, въ которой мнѣ суждено вращаться, и, какъ черепаха, замкнулся въ своей скорлупѣ. Я былъ слишкомъ молодъ и свѣжъ душой, слишкомъ идеалистъ для того, чтобы, по пословицѣ, живя съ волками, завывать по-волчьи. Идеалы, взлелѣянные въ камерѣ института о нравственномъ долгѣ, о призваніи педагога, объ общественной пользѣ и т. п., при столкновеніи съ пошлостію и грязью, стояли у меня на стражѣ, не допустивъ сразу окунуться въ это болото. До глубины души я возненавидѣлъ свое начальство, но по необходимости долженъ былъ затаить свою ненависть, не отваживаясь протестовать противъ подлости, лѣни и непотизма, частію изъ опасенія прослыть Донъ-Кихотомъ, частію, слѣдуя мудрому Талейрановскому изреченію: les paroles sont faites pour cacher nos pensées. Не безопасно было мнѣ, маленькому человѣчку, противу рожна прати. По поводу моего вступленія въ должность собрался педагогическій совѣтъ для распредѣленія уроковъ между преподавателями — и тутъ-то мнѣ на собственной кожѣ пришлось убѣдиться, что параллельный учитель есть такое вьючное животное, на которое можно взваливать столько тяжести, сколько помѣстится на его спинѣ. Пользуясь тѣмъ, что пріѣхалъ свѣжій человѣкъ, каждый коренной преподаватель наровилъ навязать ему часть своихъ уроковъ, такъ что на мою долю пришлось 19 полуторачасовыхъ уроковъ: языковъ русскаго, славян-

скаго и латинскаго, и древнѣйшей исторіи востока. Отъ преподаванія статистики въ 6-мъ классѣ я едва отбился—и все это за 300-рублевое жалованье!

Въ томъ же засѣданіи прочитана была бумага изъ округа, съ требованіемъ доставить свѣдѣнія о достоинствахъ и недостаткахъ грамматикъ Греча и Востокова. Замѣтивъ мою податливость, г. предсѣдатель обратился ко мнѣ съ предложеніемъ написать мнѣніе объ этихъ учебникахъ. Видя, что навьючиванію не предвидится конца, я наотрѣзъ отказался, приводя такіе резоны, что мнѣ, не приступившему еще къ преподаванію, никоимъ образомъ не приходится писать рецензію на учебники, не испробовавъ ихъ пригодности на практикѣ, что для этого есть на лицо коренной преподаватель русскаго языка Персидскій, болѣе меня компетентный: ему и книги въ руки; притомъ, если начальству вздумается затребовать отъ совѣта мнѣнія о руководствахъ по другимъ предметамъ, клочки которыхъ достались мнѣ, то, пожалуй, пришлось бы и о нихъ писать мнѣніе, помимо спеціалистовъ.

— Все это такъ, сказалъ вздохнувши директоръ, но вы на сей разъ пожалѣйте старика Константина Андреевича—онъ не въ состояніи написать.

— Вы, М. К-чъ, напишите, а я подпишусь, и будетъ ладно, прибавилъ отъ себя К. А—чъ.

— Ну, нѣтъ! еслибы я взялся написать рецензію на руководства, то я бы и подписался; зачѣмъ же дѣлать подлогъ?

— Коли вы не желаете уважить мою просьбу, сказалъ надувшись директоръ, то я самъ напишу.

Такимъ образомъ „волчьи зубы“, которыми профессоръ Ставровскій, напутствуя насъ на службу, совѣтовалъ вооружиться, на сей разъ мнѣ очень пригодились.

И потекла утомительно-однообразно моя жизнь, размѣренная по звонку на часы, дни, мѣсяцы и годы; и потянулъ я лямку, вѣрный данной присягѣ, не щадя живота своего, не уклоняясь отъ своихъ обязанностей ни сѣмо, ни овамо, да такъ, съ помощію Божіей, и протянулъ слишкомъ тридцать лѣтъ.

Еще о директорѣ. У нашего начальника было огромное семейство: куча золотушныхъ дѣтей, не мытыхъ и обшарпанныхъ, постоянно копошилась на коридорѣ. Г-жа директорша, произведя ихъ на свѣтъ, считала свое назначеніе оконченнымъ, не включая въ кругъ материнскихъ обязанностей ихъ воспитаніе. Мужъ тоже, „имѣя много дѣлъ", не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Изъ семи, кажется, сыновей директора, при всемъ желаніи учителей угодить папашѣ, только одинъ достигъ VII класса, прочіе же повыходили изъ третьяго и четвертаго класса и, натворивъ множество безобразій, погибли безслѣдно. Благодаря богатымъ пансіонерамъ и негласнымъ доходамъ, домъ винницкаго директора былъ полная чаша. Супруга его Варвара Ѳедоровна, надобно отдать ей справедливость, слыла великой мастерицей заказывать вкусныя блюда. Образъ жизни нашего премьера ничѣмъ не обнаруживалъ представителя ученаго сословія, а тѣмъ паче опытнаго педагога, обязаннаго, въ силу даннаго ему полномочія, руководить учебно-воспитательнымъ дѣломъ. Что́ онъ тамъ писалъ въ своей канцеляріи, куда приходилъ два раза въ недѣлю въ почтовые дни, обыкновенно въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ — объ этомъ знало лишь окружное начальство и, судя по получаемымъ имъ наградамъ „за отличіе", оно, должно полагать, было совершенно довольно его службою. Что же касается насъ подчиненныхъ, то мы видали своего директора только на вечерахъ у семейныхъ учителей, въ качествѣ почетнаго гостя, да по воскресеньямъ у него за обѣдами, на которые обыкновенно по праздникамъ приглашались холостые педагоги г-жей директоршей. Впродолженіе семимѣсячной моей службы въ Винницѣ, я видѣлъ его у себя на урокѣ всего одинъ разъ и то по случаю вступленія въ должность новоизбраннаго дворянствомъ почетнаго попечителя, котораго слѣдовало хоть одинъ разъ за все трехлѣтіе поводить по классамъ.

Возьмемъ на выдержку одинъ день изъ жизни нашего Аристарха Александровича—и мы опредѣлимъ всю его дѣятельность. Вставалъ онъ въ 10 часовъ, пилъ чай или кофе; если день былъ не почтовый, въ 11 часовъ накидывалъ на халатъ шинель и

выходилъ на гимназическій дворъ, какъ разъ во время выхода учениковъ изъ класса, здоровался съ преподавателями и, напросившись къ кому-нибудь изъ нихъ на вечеръ, дѣлалъ небольшой моціонъ, обѣдалъ въ часъ и ложился отдыхать. Къ пяти часамъ, т. е. къ концу послѣобѣденныхъ уроковъ, опять выходилъ на дворъ, и тутъ уже окончательно коллегіально рѣшался головоломный вопросъ: у кого собраться вечеромъ поиграть въ карты и поужинать. Если же случалось, что г. директоръ въ „урочные часы" не показывался на дворѣ, это означало, что онъ въ тотъ день отправлялся играть въ преферансъ къ гусарамъ по злотому фишку.

Неужели, спроситъ читатель, въ округѣ ничего не знали, не вѣдали о томъ, что творилось по гимназіямъ? Уже-ли не существовало никакого контроля, въ родѣ внезапныхъ ревизій? Какъ не быть! были и ревизіи, но директора трудно было застать врасплохъ, такъ какъ у него въ канцеляріи попечителя были на жалованьи доброжелатели, всегда готовые своевременно извѣстить о грозящей опасности. Одно изъ такихъ предостереженій было получено въ февралѣ. Еще за недѣлю до ожидаемой ревизіи (которая почему-то, однакожъ, не состоялась), у насъ замѣтно стало какое-то оживленіе: начали ежедневно топить печи, вставили разбитыя стекла, сняли съ половъ на полвершка грязи, набили свѣжей соломой тюфяки въ дортуарахъ общей квартиры, да стали сноснѣе кормить воспитанниковъ—вотъ и всѣ приготовленія. Больше ничего отъ начальника заведенія и не требовалось: за учебную часть отвѣтствовали преподаватели, за нравственную или, лучше сказать, за полицейскую—инспекторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУДОЯРОВА ПЕЩЕРА[1].

(РАЗСКАЗЪ—ПРЕДАНІЕ).

„Что старина, то и дѣянье!
Синему морю на утѣшенье,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!“.

I.

Въ путь-дорогу!

Не успѣло еще майское солнце освѣтить своими живительными золотистыми лучами верхушки густыхъ лѣсовъ, сплошною стѣною облегавшихъ два столѣтія тому назадъ Новгородъ-Сѣверскій, какъ въ домѣ сотника Давида Пушкаренка началось небывалое движеніе и суматоха.

Многочисленная женская прислуга то и дѣло выбѣгала изъ „господы“ сотникова жилья съ узлами и скрыньками и направлялась къ стоявшему передъ низенькимъ съ навѣсомъ крылечкомъ огромному возку. Все выносимое изъ дому принималъ отъ дивчатъ сѣдоусый, но бодрый еще козакъ Охримъ Носъ, уже многіе годы исполнявшій роль сотникова кучера, и помѣщалъ въ огромный кузовъ допотопнаго экипажа.

---

[1]) Предлагаемый вниманію читателей разсказъ основанъ на преданіи, связанномъ съ возвышеннымъ холмомъ, на которомъ расположена церковь села Голубовки, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Это преданіе занесено въ „Лѣтопись селъ Голубовки и Березки“, составленную мѣстнымъ священникомъ о. І. Максимовичемъ. За возможность воспользоваться лѣтописью приносимъ искреннюю благодарность Р. Г. Бѣловскому.

Между тѣмъ въ просторныхъ сѣняхъ двѣ молодицы, одѣтыя въ пестрыя плахты и ярко-краснаго цвѣта очипки, блистая ослѣпительною бѣлизною разшитыхъ „въ крестикъ“ сорочекъ, поскрипывая сафьянными съ панской ноги сапожками, накрывали грязноватаго цвѣта, но безукоризненно-чистою скатертью огромный дубовый столъ и ставили на немъ деревянныя и глиняныя тарелочки и миски съ обильнымъ и разнообразнымъ завтракомъ.

Изъ двери налѣво отъ входа въ сѣни вышла пани сотникова, еще молодая, лѣтъ двадцати шести-семи, женщина средняго роста, смуглая брюнетка, съ обворожительными продолговатыми карими очами, сверкавшими изъ-подъ красиво очерченныхъ бровей. Отъ всей ея на-диво сложенной фигуры вѣяло тѣмъ особеннымъ малорусскимъ здоровьемъ и задоромъ, о которыхъ—увы! нынѣшнимъ новгородсѣверянкамъ приходится безплодно вздыхать, какъ о потерянномъ и невозвратимомъ раѣ.

Вслѣдъ за нею вышелъ высокаго роста, лѣтъ около шестидесяти, угрюмый и суровый панъ сотникъ, одѣтый въ жупанъ тонкаго темносиняго сукна и въ безконечно-широкіе шаровары, запущенные въ высокіе сапоги. Изъ-подъ разстегнутаго жупана выглядывала мереженая строчка рубахи, завязанной у ворота темно-красною широкою лентою. Въ костюмѣ и во всей фигурѣ сотника, не смотря на суровость и угрюмость изрытаго морщинами лица, замѣчалось особаго сорта франтовство и желаніе молодиться.

Мужъ и жена помолились на образъ, висѣвшій въ правомъ углу, сѣли на деревянной скамьѣ и молча принялись за „сниданье“.

— Не забыла ли ты, Настя, чего? прервалъ молчаніе и ѣду сотникъ, обращаясь къ женѣ. Онъ положилъ на столъ деревянную ложку и краемъ скатерти вытеръ губы.

— Кажись, ничего не забыла,—отвѣтила ему пріятнымъ груднымъ голосомъ жена.

— А деньги куда спрятала?

— Положила въ маленькую скрыньку и велѣла Охриму поставить ее въ сидѣньи.

Наступило молчаніе, къ которому такъ часто бываютъ расположены предъ отъѣздомъ, когда, кажется, все ужъ уложено, а думается, что кое-что и забыто.

— Смотри жъ, говорилъ Пушкаренко Настѣ, вставая изъ-за стола и крестясь въ тотъ-же уголъ: не забудь дороги. Скажи Охриму, чтобъ держалъ изъ Новгородка прямо на Жиховъ, а оттуда поѣдете на Голубовку и Сѣвскъ. Смотри, чтобы не сбиться на другую дорогу; она хоть и короче, да не такъ безопасна отъ лихихъ людей.

Минутъ черезъ двадцать одѣтая по дорожному пани сотникова сидѣла на грудѣ подушекъ, которыя положены были сверхъ сѣна и узловъ, въ тяжеломъ возку, запряженномъ тройкою сытыхъ, но низкорослыхъ коней.

На козлахъ, сооруженныхъ изъ сѣна и кожуха, касаясь длинными ногами почти оглоблей, возсѣдалъ Охримъ съ длиннымъ батогомъ и трубкою въ зубахъ, одѣтый, не смотря на припекавшее солнце, въ кобенякъ изъ толстаго и грубаго темнокоричневаго сукна. За возкомъ сидѣли на тощихъ коняхъ четыре козака, въ простыхъ сѣрыхъ жупанахъ, въ высокихъ шапкахъ, съ мушкетами за плечами и саблями на боку—провожатые пани сотниковой.

— Смотрите жъ, хлопцы, не зѣвайте!—говорилъ провожатымъ Пушкаренко: будьте осторожны при переѣздахъ черезъ лѣса и балки: тамъ всегда любятъ скрываться лихіе люди.—А ты, Охримъ, обратился онъ къ кучеру: не спи, а погоняй коней, да не вывороти пани въ балку или рѣчку!

— Ото что выдумали! запротестовалъ Охримъ, вынимая изо-рта люльку и смачно сплевывая на землю.

— Знаю я тебя, старый сычъ! не то строго, не то шутливо произнесъ сотникъ и, перекрестивъ жену, проговорилъ: Ну, трогайтесь съ Богомъ! Прощай, Настя! „Бувай здорова и благополучна!“.

Хлопнулъ кнутъ, заскрипѣлъ возокъ и выѣхалъ изъ воротъ сотникова двора. Вся челядь высыпала за ворота и провожала уѣзжавшихъ низкими поклонами и всякаго рода напутственными пожеланіями.

Уже давно возокъ скрылся въ облакѣ пыли, поднятой конями, а сотникъ стоялъ у воротъ, прикрывъ лѣвою рукою глаза и всматриваясь въ даль. На душѣ у него было невыразимо тяжело. Онъ не могъ объяснить, почему сегодня, когда состоялась наконецъ давно задуманная поѣздка жены въ Сѣвскъ, ему сдѣлалось такъ грустно, тогда какъ до того онъ равнодушно принималъ мысль объ этой поѣздкѣ. Правда, онъ впервые разставался надолго съ своею Настею послѣ семилѣтней супружеской жизни; правда, онъ горячо любитъ свою „ясную голубку“, какъ про себя называлъ свою жену,—но вѣдь это онъ зналъ и до того времени, какъ приготовлялась Настя къ путешествію. Отчего же сегодня ему такъ мучительно тяжко дышать, отчего на душѣ у него такъ „нудно?“.

— Охъ! горечко тяжкое да и только! вздохнулъ онъ и, поникнувъ головой, долго стоялъ у воротъ осиротѣвшаго, какъ ему казалось, двора.

II.

Грезы прошлаго и плѣнъ.

Взгрустнулось и пани сотниковой.

Уже далеко позади остался Новгородокъ, гордо выставивъ на показъ всему Божьему люду свой Спасопреображенскій монастырь съ грозными башнями и стѣною; уже давно возокъ переправился по шаткому парому черезъ довольно полноводныя рѣки Десну и Выть; а она все думала объ оставленномъ домѣ, о мужѣ.

Живо представлялось ей, какъ ея старый, вѣчно угрюмый и молчаливый мужъ войдетъ въ опустѣвшій домъ, какъ онъ будетъ вспоминать о ней, Настѣ, когда сядетъ за одинокій обѣдъ, какъ онъ будетъ тосковать по ней въ тѣ долгіе дни, которые она проживетъ у своихъ родителей въ Сѣвскѣ.

При мысли о родителяхъ, съ которыми она не видѣлась ни разу за семь лѣтъ супружеской жизни, думы Насти приняли другое направленіе.

— Что-то увидитъ она въ родномъ Сѣвскѣ? Много ли перемѣнъ произошло въ немъ? Многія ли изъ ея подругъ повыходили замужъ? Какъ живется имъ въ замужествѣ? Не такъ ли горько и однообразно скучно, какъ жилось семь лѣтъ ей, Настѣ, женѣ сотника, въ противномъ Новгородкѣ?

И предъ Настею сразу встали двѣ картины изъ прошлаго ея жизни.

Вотъ окутала Сѣвскъ очаровательная, теплая майская ночь. Въ садахъ, далеко бросающихъ отъ себя тѣнь, въ кустахъ расцвѣтшей сирени раздаются чудныя пѣсни соловья, полныя неудовлетворенной любви, полныя томительнаго ожиданія тайныхъ свиданій. А тутъ это чудное молчаливое небо съ миріадами мигающихъ, искрящихся и смѣющихся звѣздъ! Боже, какъ хорошо въ такую майскую ночь! Но сѣвцы, утомленные мелочными дневными заботами, сладко спятъ въ своихъ душныхъ домикахъ-хаткахъ и не слышатъ страстныхъ призывовъ природы любить и грезить.

Не спитъ лишь Настя. Она сидитъ подъ роскошною березкою въ отцовской левадѣ, а рядомъ съ ней ея чернобровый козакъ, ея ненаглядный Михайликъ.

— Слушай, Настя,—говоритъ онъ, сжимая ее въ могучихъ объятьяхъ: коли батька не отдастъ тебя мнѣ, коли онъ покорыстуется богатствомъ и панствомъ Новгородскаго сотника Пушкаренка, то будетъ большая бѣда! Загублю я свой вѣкъ козацкій, брошу старуху-мать, уйду изъ Сѣвска на вѣки вѣчные, но будутъ знать меня люди, разбившіе счастье мое, мою долю!

— Что жъ мнѣ дѣлать, коли батько и мать только и бредятъ паномъ сотникомъ? съ грустью отвѣтила ему вопросомъ Настя.

— Развѣ мнѣ украсть тебя и увезти изъ Сѣвска? какъ бы про себя проговорилъ Михайло Бочаренко.—Но вѣдь панъ сотникъ и батька отыщутъ меня! Да и куда я, бѣдняга, укроюсь съ тобой!

Онъ выпустилъ Настю изъ своихъ объятій и поникъ головой подъ гнетомъ горькихъ думъ, смѣнявшихъ одна другую непрерывною чередой.

Кругомъ все было тихо. Соловьи уснули, чтобы потомъ затянуть пѣсни тоски и страсти. За то сквозь вѣтки распустившихся деревъ пробивался трепетный серебристый свѣтъ взошедшей луны. Вотъ она попала въ просвѣтъ между деревьями и освѣтила браваго и дюжаго козака. И въ широкихъ плечахъ, и въ гордо поднятой, покрытой сѣрою шапкой головѣ, и въ лихо закрученныхъ шелковистыхъ, черныхъ, какъ смоль, усахъ—все въ фигурѣ козака дышало энергіей и непреклонною твердостью.

— Ну, пусть проклятые вороги разбиваютъ мою жизнь!—воскликнулъ онъ, поднимаясь съ земли: горе имъ будетъ, узнаютъ они Мишку Бочаренка!

Настя и теперь невольно вздрогнула, когда въ головѣ ея мелькнула фигура возлюбленнаго съ исказившимся отъ злобы лицомъ и поднятыми съ угрозою кому-то кулаками. Ей непріятно стало, и она постаралась удалить тяжелое воспоминаніе.

И вотъ, это воспоминаніе начало незамѣтно исчезать: такъ незамѣтно таетъ лѣтнею порою легкое облачко въ глубокомъ синемъ небѣ. На смѣну ему всплыла въ памяти иная картина, еще болѣе ужасная и грустная.

Ясно, словно все это случилось не семь лѣтъ тому назадъ, а вчера, помнитъ она, какъ въ октябрѣ 1680 года пріѣхалъ къ ея отцу богатый и старый сотникъ изъ Новгородка, Давидъ Пушкаренко. Отецъ и мать долго о чемъ-то бесѣдовали съ нимъ, богато угощали его и его многочисленную свиту.

Вотъ насталъ роковой день, когда отецъ ввелъ ее, Настю, въ горницу, гдѣ сидѣлъ гость.

— Вотъ, дочка—проговорилъ торжественно отецъ, указывая на Пушкаренка: панъ сотникъ дѣлаетъ намъ большую честь и хочетъ тебя имѣть женою. Я и мать твоя,—указалъ онъ на стоявшую въ сторонѣ мать,—благодарны пану сотнику за его ласку и даемъ тебѣ наше родительское благословеніе, желая тебѣ счастья и покойной жизни. Думаемъ, что ты, наша дорогая и единая дочь, не огорчишь насъ и примешь съ благодарностью ласку пана къ намъ и тебѣ.

Все это такъ было неожиданно и странно, что она молча смотрѣла то на родителей, то на гостя, который ей внушалъ

неменьшій страхъ, чѣмъ и отецъ, державшій всегда ее въ „ежовыхъ рукавицахъ“.

— Ну, чего жъ ты, дурочка, стоишь?—продолжалъ отецъ, улыбаясь гостю: оторопѣла что-ли отъ выпавшаго на твою долю счастья?—Бери рушники да повяжи сватовъ, а пану сотнику подай вышитую шелками „хустку“.

Что было дальше, она помнитъ, какъ во снѣ. Пѣсни дѣвушекъ-подругъ, пляски молодыхъ и стариковъ, говоръ гостей—все это всплыло передъ ней, покрытое какою-то неясною дымкою забвенія. Яснѣе вспомнила она краткій мигъ передъ отправленіемъ въ церковь „до шлюбу“. Помнитъ она, какъ случайно зашла въ спальню родителей и увидѣла мать, стоящую на колѣняхъ предъ образомъ Богоматери и горько рыдающую съ молитвою на устахъ о судьбѣ дочери. Эти слезы матери, которая, быть можетъ, вспомнила подходящій моментъ собственной жизни, заставили очнуться отъ безчувственности и апатіи и ее, Настю. Ея долгое оцѣпенѣніе разразилось обильными и жгучими, но безсильными слезами...

Вотъ она ѣдетъ, окруженная сватами и дружками, въ церковь.

Вдругъ на поѣздъ нападаетъ небольшая шайка, человѣкъ въ десять-двѣнадцать, вооруженныхъ козаковъ. Раздаются крики, брань. Она слышитъ возгласы нѣкоторыхъ „поѣзжанъ“: „Это Мишка Бочаренко задумалъ отбить у пана сотника невѣсту!“.

Сердце ея дрогнуло и сильно забилось. Но прискакалъ отецъ, панъ сотникъ съ вооруженною свитою. Завязался бой, грянули выстрѣлы, звякнули сабли.

Вотъ она ясно видитъ, какъ ея милый Михайликъ, размахивая саблей, пробивается къ ней. Вотъ ужъ онъ близко; она слышитъ храпъ разгоряченнаго коня, видитъ красное отъ гнѣва и волненія лицо. Но ему заступилъ дорогу сотникъ съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Братцы! закричалъ громкимъ голосомъ Михайликъ своей дружинѣ: вотъ главный злодій, злѣйшій врагъ мой, та гадина, что нужно раздавить давно.—Бейте его, братцы, или берите жи...

Раздавшійся выстрѣлъ заглушилъ голосъ его.

Когда разсѣялся дымъ, Настя лежала въ сильномъ обморокѣ: она увидѣла, что ея Михайликъ вслѣдъ за выстрѣломъ упалъ съ лошади...

— Вонъ ужъ и Биринскій лѣсъ видно! воскликнулъ Охримъ, втягивая дымъ изъ еле дымившейся люльки.

Его восклицаніе прервало грустныя воспоминанія Насти, которая стала вглядываться въ темную полосу, застлавшую изогнутой линіей горизонтъ. То чернѣлся Биринскій лѣсъ.

— Слушай, Семенъ, обратился Охримъ къ одному изъ провожатыхъ, которые качаясь дремали въ сѣдлахъ: въ исправности-ли у васъ ружья, пистоли и сабли; говорятъ, въ этомъ лѣсу неблагополучно. Намедни проѣзжалъ черезъ Новгородокъ какой-то купецъ, такъ разсказывалъ, что его чуть было не убили подъ Биринскимъ лѣсомъ разбойники.

— А ты не всякому слуху вѣрь, старый сычъ,—наставительно отвѣтилъ Охриму Семенъ, бравый сотенный хорунжій, и приблизился къ возку. Ничего не бойтесь, пани, обратился онъ къ задумавшейся Настѣ: Богъ дастъ доѣдемъ благополучно. Оно правда, подъ Голубовкою, говорятъ, дѣйствительно пошаливаютъ злые люди, а здѣсь пока ничего такого не слышно.

Но Настя не слушала его рѣчи. Она была далеко отъ Биринскаго лѣса, и отъ разбойниковъ, и отъ провожатыхъ козаковъ, вся погрузившись въ воспоминанія о родномъ Сѣвскѣ...

Уже солнце коснулось однимъ краемъ горизонта, собираясь на отдыхъ ночной, когда возокъ Настасьи Пушкаренко подъѣзжалъ къ селу Голубовкѣ, расположенному недалеко отъ рѣчки Знобовки. Оставалось проѣхать густой лѣсъ, стоявшій высокою стѣною вдоль береговъ этой большой тогда и многоводной рѣчки.

Утомленная дневнымъ жаромъ, непривычною ѣздою въ безпокойномъ возкѣ, взволнованная и измученная нерадостными думами о своей скучной и однообразной жизни съ нелюбимымъ и старымъ мужемъ, сотничиха склонилась на подушки и забылась крѣпкимъ сномъ.

И снилось ей, что она въѣзжаетъ въ родной Сѣвскъ, ѣдетъ по улицамъ и никакъ не можетъ найти своего дома. Вотъ она выѣхала за городъ. Въ полѣ стоитъ какая-то землянка. Настя велитъ подъѣзжать къ ней, чтобы переночевать или разспросить объ отцѣ и матери. Вдругъ изъ землянки появляется мужчина. Настя сразу узнала въ немъ своего Михайлика. Радостная и счастливая отъ этой неожиданной встрѣчи, она бросается къ нему и спрашиваетъ: „голубчикъ мой, гдѣ ты былъ? Что сталось съ тобою послѣ того, какъ ты упалъ съ коня?". Но Михайликъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя и злобно проговорилъ: „Теперь голубчикомъ называешь, а тогда зачѣмъ не убѣжала отъ пана сотника? Зачѣмъ ты не вырвала изъ рукъ его пистоля? Зачѣмъ ты загубила мою жизнь? Ну, что жъ счастлива съ сотникомъ? Счастлива! Такъ я жъ разобью твое счастье! Убью твоего отца и твою мать—убью и тебя!" Съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ нее.

Настя хотѣла крикнуть, но голосъ ея былъ безъ звука; она рванулась впередъ—и проснулась.

Было почти темно. Слышались вдали выстрѣлы изъ ружей; изъ провожатыхъ никого возлѣ возка не было видно. Она хотѣла спросить Охрима, куда они дѣвались; но увидѣла, что какіе-то два незнакомыхъ мужика въ причудливыхъ кафтанахъ, поваливъ Охрима на землю, крѣпко вязали ему руки. Она ничего не могла понять. Прижавшись въ возкѣ къ подушкѣ, она шептала слова всѣхъ знакомыхъ ей молитвъ. Между тѣмъ два незнакомца взвалили на возъ связаннаго и стонавшаго Охрима, сѣли рядомъ съ нимъ и погнали лошадей.

— А одинъ ушелъ-таки! проговорилъ съ досадою въ голосѣ догнавшій возокъ всадникъ съ мушкетомъ за плечами и толстою плетью-арапникомъ въ рукѣ, обращаясь къ двумъ незнакомымъ мужикамъ.

— Надо было уложить его орѣшкомъ,—отвѣтилъ ему одинъ кафтанъ.

— Пробовалъ, да за деревьями не поцѣлишь,—проговорилъ всадникъ и посмотрѣлъ, наклонившись къ самому лицу обмершей Насти.—Ну, да горевать о бѣжавшемъ нечего: ве-

земъ нашему батюшкѣ-атаману на радость и утѣху славную молодичку“.

Онъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ, исчезнувъ во мракѣ майскаго вечера.

III.

Изъ прошлаго Кудояра.

На возвышенномъ выступѣ, вдающемся въ рѣчку Знобовку, тамъ, гдѣ узкою полосою между выступомъ и рѣкою пролегала дорога изъ Новгородка въ Сѣвскъ, въ тотъ же самый вечеръ стояли съ длинными мушкетами въ рукахъ два разбойника, одѣтые въ черные жупаны, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, съ кинжалами и пистолями за широкими поясами и съ кривыми турецкими саблями черезъ плечо. За ними тихо шептали свои дивныя ночныя сказки вѣковыя сосны, а передъ ними, почти у самыхъ ногъ, струила мрачныя волны Знобовка, покрытая множествомъ наносныхъ острововъ и островковъ, поросшихъ берестомъ и осокой.

Разбойники стояли, прислонившись спиною къ двумъ сросшимся соснамъ, и прислушивались къ каждому звуку, зорко посматривая въ оба конца дороги.

Было часовъ десять вечера, но кругомъ все спало, только изрѣдка проносившійся вѣтерокъ будилъ колыхая иглистыя вершины—шапки дремлющихъ сосенъ.

— И что это, братецъ мой, значитъ,—продолжалъ начатый разговоръ одинъ изъ разбойниковъ: что нашъ атаманъ весною бываетъ такъ скученъ. Чудной онъ какой-то, какъ посмотрю я на него! Зимою, осенью-ли—то-есть лютъ до чрезвычайности.

„Прошлою осенью,—началъ разсказчикъ послѣ минутной паузы: попалась нашимъ ребятамъ женщина съ дѣтьми, жена есаула, какъ узнали изъ допроса. То-есть, братецъ мой, какъ она просила атамана не губить ея хорошенькихъ мальчугановъ, руки его цѣловала, заклинала именемъ Божьимъ и всѣхъ святыхъ,—нѣтъ, не сжалился, велѣлъ порѣшить ихъ вмѣстѣ съ матерью. Только проговорилъ, смотря на ихъ трупы: „ишь

щенки—есауленята! выросли-бы, небось, сотниками были, чужую кровь пили!“ Вотъ поди-жъ ты съ нимъ! Ну, а какъ наступитъ весна, какъ придетъ май красный, вотъ какой бываетъ скучный да грустный, да тихій! Все ходитъ вечеромъ по берегу Знобовки да напѣваетъ грустныя пѣсни; не то отъѣдетъ вонъ къ тому острову и слушаетъ, какъ соловушка заливается въ кустахъ...

— А теперь гдѣ онъ? перебилъ разсказчика товарищъ.

— Гдѣ жъ ему быть? Въ своей пещерѣ сидитъ. Еще не выходилъ. Сегодня онъ съ утра сильно не въ духѣ, такой сумрачный да сердитый—не приведи Господи.

— Былъ бы ты на его мѣстѣ, чай такимъ же бы сдѣлался, не то и похуже,—отвѣтилъ на разсказъ товарища другой разбойникъ и сталъ прислушиваться къ той сторонѣ дороги, что вела къ Новгородку Сѣверскому.

Налетѣвшій вдругъ вѣтеръ сильно колыхнулъ сосны и заглушилъ долетавшіе издали какіе-то неясные звуки—не то хлопанье кнута, не то мушкетные выстрѣлы.

Да,—продолжалъ свою рѣчь другой разбойникъ: побывалъ бы ты въ его шкурѣ, не то бы запѣлъ. Вѣдь я буду ему землякъ и знаю, что такое раньше былъ нашъ атаманъ, нашъ батюшка Михайло Степанычъ Кудояръ. Вѣдь прозвище это, Кудояръ-то, онъ самъ себѣ придумалъ, а настоящее его имя Бочаренко—вотъ что!

— Правду ли сказываешь? спросилъ недовѣрчиво первый разбойникъ.

— Вѣрно тебѣ говорю. Коли хочешь правду-матку знать такъ я тебѣ вотъ что, другъ ты мой, скажу. Годовъ, почитай, шесть либо семь прошло, какъ Михайло Степанычъ сталъ разбойникомъ. А допрежъ того былъ жителемъ Сѣвска, имѣлъ дворъ и худобу неплохую, считался лучшимъ паробкомъ на нашей улицѣ. Да, вишь, грѣхъ попуталъ.

— Какой грѣхъ? не утерпѣлъ спросить заинтересованный собесѣдникъ, придвигаясь къ товарищу, который бросилъ вокругъ подозрительный взглядъ, точно боялся, чтобы его кто-либо не подслушалъ.

— Есть у насъ въ Сѣвскѣ,—продолжалъ онъ свой разсказъ почти шепотомъ,—богатый козакъ Кирпотенко. Вотъ съ дочкою этого козака и сошелся нашъ атаманъ. Больно крѣпко полюбились они, да нашъ атаманъ никакъ не могъ взять ее, потому отецъ ейный не хотѣлъ отдать свою единственную дочь за бѣдняка—козака.

— Что жъ онъ сдѣлалъ, бѣдолага?

— Что сдѣлалъ. То надѣлалъ, къ чему, значитъ, вели его судьба и доля. Можетъ, онъ думалъ дождаться смерти отцовой, а можетъ, укралъ бы ее да тайкомъ и обвѣнчался бы—кто его знаетъ, что онъ придумалъ-бы! Только тутъ вышла, другъ ты мой, какая оказія. Посватался, слышь ты, за Кирпотенкову дочку изъ Новгородка панъ сотникъ, старый хрѣнъ, да богатый и важный панъ, катъ его не взялъ бы.

— Ну, и что жъ?

— Ну, обдѣлали дѣло однимъ махомъ!

— Ужели жъ нашъ бравый атаманъ допустилъ, чтобъ у него изъ-подъ самаго носа невѣсту взяли? съ негодованіемъ спросилъ нетерпѣливый собесѣдникъ.

— Какое допустилъ! Нешто, ты не знаешь, какой онъ порохъ! Собралъ это онъ насъ, другъ ты мой, человѣкъ девятьдесять ночью въ яру, что за городомъ Сѣвскомъ верстахъ въ пяти, и говоритъ: „такъ и такъ, братцы, выручайте изъ бѣды; сотникъ у меня Кирпотенкову дочку отбиваетъ. Стыдно вамъ будетъ, братцы, если не порадуете меня, если позволите чужаку взять мою Настю! (это невѣсту-то, Кирпотенкову дочку, такъ звали). Коли выручите невѣсту и проучите сотника, стараго чорта, съумѣю отблагодарить, все, что найдется при сотникѣ, отдамъ вамъ, да еще и своего добра прибавлю. Ну, намъ не корысть нужна была, а захотѣлось проучить сотника, чтобъ не ѣздилъ въ Сѣвскъ за чужимъ добромъ, такъ что мы согласились. Думка-то была, что дѣло шуткою окончится, а вышло иное...

— Что жъ вышло и какъ?

— Да такъ. Рѣшили мы напасть на поѣзжанъ, когда повезутъ невѣсту въ церковь. Сказано—сдѣлано. Подстерегли поѣздъ, напали; у поѣзжанъ было на готовѣ оружіе; началась

схватка. Прискакалъ самъ сотникъ и изъ пистоля чуть не убилъ на смерть самого Бочаренка. Дѣло дрянь; видимъ, сотникъ можетъ переловить всѣхъ насъ и тогда поминай, какъ звали... Пришлось уходить съ раненымъ да скрываться, да лѣчить хвораго. Едва въ три мѣсяца отходили. Вотъ оно что!

— Ну, а сотникъ что жъ?

— Извѣстно, что: повѣнчался съ Кирпотенковой дочкой, да и маршъ въ Новгородокъ. Слышно, грозилъ, уѣзжая изъ Сѣвска, прислать козаковъ и переловить насъ, какъ „злодіевъ". Вотъ Бочаренко, когда оправился и узналъ все прошедшее, рѣшилъ уйти изъ Сѣвска на вольную волюшку, на широкую дороженьку, въ темные лѣса, чтобы тамъ сыскать правду-матку, отомстить сотнику за поруганіе. Онъ сказалъ намъ: „все равно, братцы, мы пропащіе люди. Въ Сѣвскѣ намъ не житье. Поживемъ же на привольи да покажемъ сотникамъ, есауламъ и другой всякой власти, что мы за удальцы! Лучше умереть, а не даться сотнику въ руки! Съ той поры мы облюбовали этотъ лѣсокъ; нашъ атаманъ вырылъ здѣсь себѣ пещеру; назвалъ себя Кудояромъ, атаманомъ разбойниковъ,—и стали мы обирать да убивать людей проѣзжихъ и прохожихъ, пуще всего сотниковъ и другое начальство. Нашъ атаманъ первое время, обобравъ, отпускалъ многихъ пановъ, говоря: „поѣзжайте и разскажите въ Новгородкѣ и Сѣвскѣ, что шлетъ поклонъ имъ атаманъ разбойниковъ Михайло Кудояръ и совѣтуетъ не попадаться ему на глаза, если кто хочетъ сносить свою голову". Вотъ съ той поры да времячка и пошла молва о Кудоярѣ-разбойникѣ и о Кудояровой пещерѣ, которую со страхомъ и птица пролетаетъ, не то что человѣкъ проходитъ или проѣзжаетъ.

— Вѣрно, братъ, ты говоришь: нашего батюшку-атамана далеко кругомъ знаютъ. Вотъ, примѣромъ сказать, я: изъ-подъ Курска попалъ вамъ въ сотоварищи...

Въ это время по лѣсу раздался неимовѣрно рѣзкій свистъ, повторившійся три раза.

— Ого! Это Савоська-сторожевщикъ даетъ знать, что наши кого-то поймали и везутъ къ атаману: знатно, добыча важная!—проговорилъ землякъ Кудояра.

— Посмотримъ, что-то намъ привезутъ наши ребята,—раздался вблизи голосъ, и изъ-за края выступа появился высокій, лѣтъ тридцати, тридцати трехъ мужчина, въ алаго цвѣта жупанѣ, перетянутомъ широкимъ поясомъ, изъ-за котораго выглядывалъ внушительный пистоль съ обдѣланною золотомъ и серебромъ рукояткою и широкій кинжалъ, рукоять котораго была осыпана драгоцѣнными камнями. Лицо его обрамляла окладистая черная бородка, а черныя кудри выбивались изъ-подъ высокой шапки съ краснымъ оксамитнымъ верхомъ.

Разбойники почтительно поклонились своему атаману и поправили свои высокія шапки.

Между тѣмъ по дорогѣ изъ Новгородка приближался знакомый уже возокъ, въ которомъ сидѣла едва живая отъ страха Анастасія Пушкаренко и связанный по рукамъ, избитый Охримъ. За возкомъ ѣхало нѣсколько вооруженныхъ разбойниковъ.

Кудояръ приказалъ одному изъ знакомыхъ сторожившихъ Кудоярову пещеру разбойниковъ зажечь костеръ.

Ярко вспыхнули сухія вѣтки сосенъ и прошлогоднія смолистыя шишки и далеко освѣтили стоящія густою стѣною деревья и Знобовку съ ея островками.

Атаманъ стоялъ въ выжидательной позѣ близъ костра, выставивъ впередъ правую ногу въ сафьянномъ чоботѣ; рукоять пистоля съ драгоцѣнными камнями сверкала разноцвѣтными огоньками. Во всей фигурѣ Кудояра было что-то властное и ужасающе-грозное. Подъѣхавъ къ костру, разбойники спѣшились, и одинъ изъ нихъ, приблизившись къ атаману, что-то тихимъ голосомъ доложилъ ему.

— „Славно, ребята! Молодцы!—обратился къ прибывшимъ атаманъ, выслушавъ докладъ.—До свѣта остается довольно времени: смѣните сторожевыхъ и идите спать. А ты, Евтухъ,—приказалъ онъ тому, который называлъ себя землякомъ атамана, приведи ко мнѣ въ пещеру и кучера, и барыню“...

IV.

Неожиданная встрѣча.

Чрезъ полчаса Кудояръ, въ голубомъ легкомъ кафтанѣ, съ трубкою во рту, сидѣлъ въ пещерѣ, освѣщенной тремя восковыми свѣчами.

Пещера имѣла форму продолговатаго четыреугольника съ полукруглымъ сводомъ. На стѣнахъ ея, убранныхъ богатыми коврами и оксамитами, висѣло разнообразное оружіе: тутъ были и мушкеты, и кривыя турецкія сабли, и пистоли всевозможныхъ размѣровъ, и кинжалы; все это сверкало богатою оправою и мастерскою отдѣлкою. Въ одномъ углу стояла большая зеленая съ широкими полосами желѣза „скрыня", въ которой хранилось богатство атамана: золотые и серебряные кубки, ковши, червонцы, драгоцѣнныя каменья, жемчугъ и прочая утварь, награбленная у путниковъ. Въ другомъ углу на низкомъ и широкомъ помостѣ, застланномъ дорогимъ персидскимъ ковромъ, лежала цѣлая гора подушекъ въ темно-красныхъ шелковыхъ наволокахъ—то была постель Кудояра. Посрединѣ стоялъ большой дубовый столъ, покрытый парчею, а вокругъ него скамьи для сидѣнья. Вотъ и все убранство Кудояровой пещеры.

Самъ Кудояръ сидѣлъ на скамьѣ недалеко отъ входа въ пещеру, завѣшеннаго ковромъ, а предъ нимъ стоялъ Охримъ, котораго поддерживалъ Евтухъ.

— Откуда вы ѣдете и куда?—спросилъ Кудояръ кучера, потянувъ дымъ изъ люльки.

— Мы ѣдемъ изъ Новгородка въ Сѣвскъ,—едва слышно отвѣчалъ измученный Охримъ.

— Да ты говори мнѣ сущую правду,—грозно сказалъ, сдвинувъ брови, Кудояръ: не то плохо тебѣ будетъ, старый чертъ!

— Какъ предъ истиннымъ Богомъ говорю тебѣ одну правду.

— Что жъ вы за люди?—продолжалъ допросъ атаманъ, понизивъ голосъ и принявъ спокойный видъ.

— Мы не купцы, и нѣтъ у насъ съ собой ни товаровъ, ни казны. Мы везли нашу пани сотникову въ Сѣвскъ къ ея родителямъ въ гости.

— А какъ зовутъ вашу пани?—спросилъ, блѣднѣя, Кудояръ.

— Настасья Митровна, батюшка, по мужу Пушкариха, потому мужъ ея нашъ сотникъ Давидъ Пушкарь...

— Уведи его! глухо приказалъ атаманъ Евтуху.

Едва послѣдній исчезъ за ковромъ-дверью пещеры, какъ атаманъ быстро всталъ со скамьи и, сильно хрустя пальцами, заходилъ по устланному коврами полу. Время отъ времени онъ останавливался и произносилъ почти вслухъ отрывочныя фразы, выказывавшія его душевное волненіе.

Могъ ли онъ когда-либо предположить, что Настя, его дорогая Настя, ради которой онъ бросилъ родной городъ, старуху мать, сдѣлался гуляющимъ человѣкомъ; чтобъ эта самая Настя, пани сотникова, очутилась въ его рукахъ!

— Что я скажу ей и какъ покажусь на глаза?"—впервые за шесть-семь лѣтъ, какъ сталъ разбойникомъ, спросилъ себя Кудояръ, садясь у края стола и подпирая голову руками.— „Вѣдь она, пожалуй, и не признаетъ меня за того самаго Михайлика, котораго такъ щиро любила. Нѣтъ, что бъ ни было, а я скажу ей всю правду, открою, какъ мнѣ надоѣла моя каторжная жизнь, какъ я въ крови загубленныхъ людей не могъ угасить тотъ пламень, ту любовь къ ней, что сжигаетъ мое сердце!—Да чего же я медлю? Надо скорѣе увидѣть ее, мою ясочку!—энергично произнесъ онъ, какъ бы пробуждая себя, и быстро всталъ, направляясь къ выходу.

Вдругъ онъ, сдѣлавъ одинъ шагъ, остановился, какъ вкопанный. Передъ нимъ, у самаго входа въ пещеру, стояла вся блѣдная и взволнованная Настя.

Она узнала отъ словоохотливаго Евтуха, какъ перемѣнился въ лицѣ атаманъ, когда услышалъ отъ Охрима, что его пани— жена Новгородскаго сотника Пушкаренка; что атаманъ Кудояръ, про котораго ей разсказывали невѣроятные ужасы, не кто иной, какъ ея милый, ненаглядный Михайликъ. Своимъ чуткимъ женскимъ сердцемъ она поняла, что̀ ея милаго заставило избрать своимъ жилищемъ темный лѣсъ, товарищами— длинный мушкетъ, пистоль да саблю острую. Все она поняла не холоднымъ умомъ, а горячимъ, чуткимъ къ чужому горю

сердцемъ — и простила его ужасную жизнь, полную мести людямъ, которые такъ безпощадно разбили его счастье. Въ этомъ сказочно-грозномъ атаманѣ шайки разбойниковъ она видѣла глубоко-несчастнаго человѣка, который былъ когда-то такъ близокъ къ ней, но котораго—увы!—жестокая доля навѣки оторвала отъ нея.

Кудояръ и Настя нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга.

Было уже близко къ разсвѣту. Въ притонѣ разбойниковъ было тихо, какъ въ могилѣ. Все спало крѣпкимъ сномъ. Даже страдалецъ Охримъ, избитый и еле дышащій, уснулъ вѣчнымъ сномъ: часа черезъ полтора послѣ допроса онъ отдалъ Богу свою грѣшную козацкую душу.

Подъ пристальнымъ изумленнымъ взглядомъ Насти жутко стало Кудояру. Какъ провинившійся школьникъ передъ строгимъ взоромъ начальника, такъ стоялъ Кудояръ передъ Настей, виновно и покорно склонивъ свою безталанную, но прекрасную голову. Своими чудными, свѣтившимися отъ радости при нежданной встрѣчѣ, очами впилась она въ этого рослаго и красиваго, но погибшаго человѣка. Ей стало невыразимо жаль эту тридцатилѣтнюю „малу дытыну“.

— И чѣмъ бы не мужъ мнѣ? мелькнула въ ея молодой головѣ грѣшная мысль.—Боже, о чемъ это я думаю, окаянная! поймала она сама себя, и чудныя карыя очи ея затуманились, выражая грустное чувство Насти.

— Что она молчитъ? Хоть бы словечко одно сказала, хоть укорительное слово, но не молчала бы только!—мучился про себя въ это время Кудояръ, не сомнѣваясь почему-то, что Настя его узнала.

— Такъ вотъ гдѣ Богъ привелъ намъ встрѣтиться!—прервала она молчаніе тихимъ, идущимъ изъ глубины сердца голосомъ, отъ котораго, какъ отъ звука военной трубы пріученная бранная лошадь, вздрогнуло сердце Кудояра.—Не думала, не гадала я, что тотъ страшный разбойникъ и атаманъ разбойниковъ Кудояръ, котораго всѣ боятся, не кто иной, какъ мой...

Она запнулась; у нея чуть не сорвалось съ языка привычное „милый, безцѣнный Михайликъ“.

—Какъ мой землякъ,—поправилась она,—Михайло Степанычъ Бочаренко.—Ну, чтожъ? Значитъ, такова воля Господня, чтобъ я была твоею плѣнницею; вяжи меня, а можетъ и убьешь...

— Настя! со стономъ остановилъ ее Кудояръ, сердце котораго разрывалось на части отъ каждаго слова сотничихи.

-- Господи, Боже мой!—будто сама съ собою проговорила Настя, сжимая у груди руки, и въ прекрасныхъ глазахъ ея засверкали, подобно брильянтамъ, росинки слезъ: за что Ты такъ жестоко караешь меня? Мало того, что Ты разлучилъ меня съ милымъ человѣкомъ; что судилъ мнѣ проводить молодые годы съ другимъ, чужимъ и нелюбымъ моему сердцу, мало того, что Ты не приворожилъ моего сердца къ этому суровому старику, хотя я въ молитвахъ своихъ шесть лѣтъ молила Тебя, Царь небесный, о томъ; мало того, что Ты лишилъ меня радости семейной жизни—дѣтей,—мало всего этого: Ты покаралъ еще сильнѣйшимъ родомъ кары небесной, назначивъ въ удѣлъ тому человѣку, котораго я любила больше всего въ свѣтѣ, быть самымъ что ни есть худшимъ и презрѣннѣйшимъ въ мірѣ. Ты сдѣлалъ его страшнымъ злодѣемъ, который чрезъ свою свирѣпость и жестокость сталъ пугаломъ людей; при его имени крестятся матери, прижимая къ груди дорогихъ дѣтей. Господи, Боже мой! на что жъ я такъ пламенно и горячо молилась Тебѣ, чтобъ если ужъ Тебѣ угодно было послать мнѣ горькую долю и тяжелый крестъ, то чтобъ хоть любимому мною человѣку послалъ Ты счастье и таланъ? За что же Ты, Господи, такъ жестоко караешь меня и горькую жизнь мою надѣляешь еще одною бѣдою? За что же Ты, Господи, не только отвергъ грѣшныя молитвы мои, но и судилъ еще, чтобъ я своими глазами увидѣла паденіе того, который когда-то считался самымъ близкимъ, роднымъ мнѣ человѣкомъ, а теперь стоитъ предо мною злодѣемъ?

Настя въ горѣ забыла и Кудояра, и его притонъ, и пещеру. Предъ нею предстала, словно на ладони, въ ужасающей наготѣ безотрадность и безплодность ея жизни и жизни люд-

ской вообще. Всѣ пережитыя ею со дня несчастнаго брака муки встали предъ нею въ своей щемящей свѣжести, впились своими мучительно-острыми когтями въ ея насильно скованное молодое сердце, жаждущее любви и ласкъ, рвали его на части, стараясь вытѣснить изъ него малѣйшую надежду на счастье или хотя бы на призракъ счастья.

Бѣдная женщина горько-горько рыдала. А Кудояръ молчалъ, пораженный и уничтоженный рѣчами Насти. Онъ еще ниже наклонилъ голову, не смѣя видѣть безъисходное горе той, дороже которой для него ничего не было въ цѣломъ свѣтѣ.

— „И легче бъ мнѣ было“,—продолжала рыдать Настя: „если бы я совсѣмъ не встрѣчалась съ тобой! Легче бъ мнѣ было знать, что ты погибъ отъ выстрѣла моего мужа въ тотъ несчастный день, какъ родители—прости имъ Господи!—завязали мнѣ свѣтъ. Я бъ и умерла съ тою мыслію, что ты погибъ, какъ слѣдуетъ козаку, ищущему въ чистомъ полѣ, въ честномъ бою козацкой доли своей. Зачѣмъ же мнѣ довелось узнать, что ты—„злодій“, что тѣ самыя руки, которыя прижимали меня къ груди твоей, рѣзали православный народъ, душили невинныхъ младенцевъ, губили...

Глухой стонъ и рыданія прервали ея укоризненно-жалобныя рѣчи. Предъ нею на полу лежалъ ничкомъ Кудояръ и въ порывѣ раскаянія рвалъ свои черныя, какъ смоль, кудри. Настя спохватилась, что, можетъ, сказала что-либо жесткое и слишкомъ обидное; ее начинало терзать раскаяніе, зачѣмъ она такъ грубо-откровенно высказала передъ этимъ обездоленнымъ человѣкомъ всю горечь, что годами скопилась въ ея сердцѣ. Глядя на рыдавшаго у ногъ ея атамана разбойниковъ, она задала себѣ вопросъ, зачѣмъ вмѣсто словъ участія и ласки она съ такими упреками обрушилась на него, не узнавъ, что̀ онъ пережилъ въ теченіе тѣхъ ужасныхъ и мучительно долгихъ шести-семи лѣтъ, въ которыя она ничего не знала о немъ. Если онъ плачетъ отъ рѣчей ея, то ужели же онъ закоренѣлый злодѣй? И вотъ въ ней проснулась снова женщина, всегда мягкая, чуткая къ чужому горю, скорбящая и сострадающая, а въ сердцѣ ея вспыхнуло съ новою силою долго тлѣвшее чувство любви, по-

добно тому какъ вспыхиваютъ едва мерцающіе въ горнилѣ угли, когда кузнецъ потянетъ за рукоятку мѣха. Она приблизилась къ рыдавшему Кудояру и, слегка касаясь рукою его плеча, съ нѣжностью проговорила:

— Ну, прости, Михайло Степанычъ, если сказала что-либо лишнее и обидное.

— Охъ, горько мнѣ было слушать рѣчи твои, Настасья Митревна,—сказалъ, вставая, Кудояръ: такъ горько, что лучше бъ мнѣ ихъ никогда не слыхать! Не потому горько, что ты сказала въ нихъ много обиднаго; нѣтъ, ты выговорила въ своихъ жалобахъ только то, о чемъ я самъ давно уже думалъ и что такъ сильно терзало меня. Что и говорить—страшный грѣхъ попуталъ меня; душа моя въ лапахъ нечистаго... Злоба на твоего отца и мать, ненависть къ сотнику, отнявшему тебя у меня, неудачное нападеніе, съ цѣлью увезти тебя,—все это такъ затуманило меня, что я рѣшилъ уйти изъ опостылѣвшаго мнѣ съ твоимъ отъѣздомъ Сѣвска и сдѣлался „злодіемъ". Страшно и тяжко становилось мнѣ временами, когда нападало раздумье, да все равно—возврата къ прежнему ужъ не было, и я, какъ пьяница, послѣ раскаянья впадалъ еще въ большее злодѣйство и остервенѣніе. Одною радостью для меня было—воспоминаніе о нашей любви, и я весною старался не губить людей. За то осенью, при мысли о томъ, что люди среди бѣлаго дня ограбили меня, отнявъ самое дорогое, и никто не вступился за меня, я становился неудержимо лютъ и упивался муками попавшихся въ руки мои пановъ. Не знаю, для чего я такъ терзалъ жертвы свои. Можетъ, хотѣлось выместить на нихъ пролитыя когда-то за тебя слезы. Сперва я не раздумывалъ ни о чемъ. Мнѣ хотѣлось побольше награбить добра, потому что, будь я богатъ, твои отецъ и мать отдали бъ тебя за меня. А когда вотъ та „скрыня"—онъ кивнулъ головою въ уголъ, гдѣ стоялъ сундукъ—стала полнымъ-полна золота, серебра, жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, тогда я спросилъ себя: что мнѣ дѣлать съ этимъ добромъ? На что мнѣ эти сокровища, если я не могъ на нихъ купить свое погибшее счастье? Тогда мнѣ невыразимо надоѣло мое страшное ремесло, и только хмелемъ

забывался я среди своей буйной ватаги отъ грызшей сердце тоски. Часто мнѣ приходила въ голову мысль раздать все мое добро товарищамъ и уйти въ Кіевскія пещеры, чтобы въ чернеческихъ молитвахъ замолить содѣянные грѣхи, часто объ этомъ думалъ я и сдѣлалъ бы такъ, да боялся...

Кудояръ остановился, взглянулъ на Настю, прочиталъ въ ея глазахъ много ласки и прежней любви и съ страстью почти шепотомъ докончилъ:

— Да боялся, что не сумѣю среди молитвъ забыть тебя, моя ненаглядная Настя... Онъ не могъ говорить дальше. Не помня себя отъ нахлынувшаго чувства, чуя близость той, ради которой загубилъ свою жизнь, онъ обхватилъ ее своими сильными руками и безумно цѣловалъ въ уста и въ прекрасныя очи.

Настя не сопротивлялась, потому что въ этотъ мигъ забыла и то, кто ее цѣлуетъ, и то, какія руки сжимаютъ ее такъ сильно, забыла прожитое горе, забыла отца, мать, мужа все-все забыла... Со свойственною южанкамъ страстью, она всецѣло упилась долго недававшимся счастьемъ ласкъ и любви съ близкимъ, милымъ и дорогимъ человѣкомъ.

А свѣчи едва мерцали въ шандалахъ, тускло освѣщая своды пещеры; а въ природѣ наступила та предразсвѣтная тишина, въ которой есть какъ бы предчувствіе всесвѣтной великой тишины, чтό нѣкогда принесетъ на землю Христосъ и гдѣ потонутъ всѣ муки людскія, все горе—диссонансъ человѣческой жизни.

И тихо, тихо такъ было въ Кудояровой пещерѣ...

V.

Въ погонѣ за краснымъ звѣремъ.

Невеселый выдался денекъ 1-го октября 1687 года. Съ ранняго утра небо плакало мелкими, но непрестанными слезами; вѣтеръ гналъ эти слезы и бросалъ ихъ въ лицо небольшому отряду конныхъ козаковъ, направлявшихся къ Голубовскому лѣсу по топкой дорогѣ. Худые измокшіе кони едва ступали по

скользкой почвѣ, опустивъ уныло головы, точно прислушиваясь, о чемъ пѣлъ гулявшій по полю вѣтеръ. Всадники ѣхали молча, мѣрно покачиваясь въ высокихъ и неуклюжихъ козацкихъ сѣдлахъ.

Оставалось немного больше версты до Голубовскаго лѣса, который всталъ предъ всадниками темною гигантской стѣною.

— Слушай, Семенъ,—обратился ѣхавшій впереди отряда всадникъ къ одному изъ ближайшихъ къ нему козаковъ: выѣзжай впередъ и указывай то мѣсто, гдѣ на васъ напали. Помнишь ты его?

На небольшой темно-гнѣдой лошаденкѣ выдѣлился изъ отряда бравый, въ черкескѣ поверхъ кафтана, козакъ, знакомый читателю хорунжій сотенный Семенъ, поправилъ на головѣ барашковую шапку, провелъ рукою по длиннымъ темно-русымъ усамъ, протеръ рукавомъ мокрые глаза и поѣхалъ мелкою рысью по направленію къ лѣсу.

Всѣ всадники пріободрились, толкнули ногами коней и послѣдовали за вожакомъ, позвякивая кривыми саблями.

Когда отрядъ въѣхалъ въ лѣсъ, его охватила могильная тьма. Шумъ и скрипъ деревьевъ, унылая пѣсня осенняго вѣтра заглушили шаги лошадей, но привычное ухо козаковъ ясно различало лѣсные звуки и шорохи. Проѣхавъ верстъ пять, вожатый своротилъ съ прямой дороги и остановилъ своего коня у небольшой полянки.

— Вотъ здѣсь какъ будто я отбивался отъ двухъ „злодіевъ“, которые преслѣдовали меня,—проговорилъ нерѣшительно Семенъ, обратившись къ подъѣхавшему Давиду Пушкаренку, потому что это былъ сотникъ Новгородка Сѣверскаго, съ которымъ читатель познакомился въ первой главѣ разсказа.

— Что-жъ, хлопцы, сдѣлаемъ тутъ привалъ,—проговорилъ Пушкаренко и слѣзъ съ лошади, передавъ поводья хорунжему Семену Безпалому.

Козаки послѣдовали его примѣру, привязавъ коней къ деревьямъ.

— Костра раскладывать не будемъ, а курить люльку можно! внушительно сказалъ сотникъ козакамъ, которые отвя-

зывали мѣшки отъ заднихъ лукъ сѣделъ, доставали оттуда хлѣбъ съ саломъ и съ жадностью утоляли голодъ.

Давидъ Пушкаренко присѣлъ на повалившійся стволъ вѣковой сосны и, покуривая коротенькую люльку, глубоко задумался, забывъ о ѣдѣ. Лицо его, и безъ того суровое, сдѣлалось еще суровѣе и было такъ-же хмуро, какъ и небо, покрытое быстро мчавшимися облаками; оно еще болѣе высохло, и только быстрые небольшіе сѣрые глаза сверкали, какъ угольки, изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей. Много пережилъ и передумалъ онъ за послѣдніе три-четыре мѣсяца, съ того самаго дня, какъ Семенъ Безпалый, одинъ ушедшій отъ шайки Кудояра, принесъ печальную вѣсть о томъ, что „злодіи" перебили весь конвой, сопровождавшій пани сотничиху, а самое ее и Охрима взяли въ плѣнъ.

— Гдѣ-она теперь, моя голубка?—думалъ старый мужъ о своей молодой женѣ.—Можетъ быть, томится въ какой-нибудь ямѣ или землянкѣ, голодная и холодная, связанная по рукамъ и ногамъ, а, можетъ, ея давно уже и на свѣтѣ нѣтъ.

При этой мысли похолодѣло въ немъ сердце, и отъ внутренней боли онъ сильно крякнулъ.

— Ну, добраться бы мнѣ только до ихъ скопища,—всѣхъ перестрѣляю мерзавцевъ и перевѣшаю! грозилъ онъ разбойникамъ, захватившимъ его жену.—Я имъ покажу себя, и они никогда не забудутъ сотника Пушкаренка! Главное, мнѣ бы захватить вожака ихъ, какого-то бродягу Кудояра,—тогда съ живого кожу сдеру, а узнаю, гдѣ моя Настя. Еслижъ они ее извели, тогда замучу и его самого и его шайку самыми лютыми казнями, въ котлахъ сварю, продѣну сквозь колесо, привяжу къ дикимъ конямъ...

Онъ задыхался отъ злобы, сверкая своими маленькими глазами.

Вдругъ онъ поднялъ голову и началъ прислушиваться. Ему почудилось, что затихающій вечерній вѣтеръ донесъ какіе-то неясные звуки. Насторожились и всѣ козаки. Прошло минутъ пять—и тѣ-же самые звуки повторились снова, но болѣе ясно.

Теперь можно было сказать безошибочно, что это слышались человѣческіе крики.

— Кажись, кудояровцы работаютъ!—шепотомъ доложилъ Пушкаренку подошедшій къ сотнику Семенъ Безпалый.

Пушкаренко всталъ съ сосны, сунулъ люльку въ карманъ черкески и обвелъ глазами всю полянку, что-то обдумывая.

— Вотъ что, хлопцы,—началъ онъ отдавать приказанія покойнымъ голосомъ, голосомъ опытнаго, посѣдѣвшаго въ битвахъ начальника: вы всѣ садитесь на коней, осмотрите мушкеты, чтобъ не отсырѣлъ на полкахъ порохъ, да и пистоли съ саблями не забудьте. Стойте здѣсь въ готовности. А ты Семенъ, пройди осторожно туда, откуда слышны крики, взлѣзь на дерево, если потребуется, да высмотри, что такое тамъ дѣлается. Я буду ѣхать за тобою.

Безпалый быстро сбросилъ черкеску, привязалъ ее къ сѣдлу своей лошади, передалъ поводья товарищу и въ кафтанѣ съ двумя пистолетами за поясомъ направился черезъ поляну въ лѣсъ. Скоро онъ исчезъ за темно-красными стволами сосенъ.

Сотникъ сѣлъ на лошадь, помедлилъ минутъ десять и, проговоривъ готовымъ къ походу козакамъ: „Какъ свистну, чтобъ тотчасъ мчались на помощь“!—тронулся шагомъ съ мѣста и исчезъ за тѣми же стволами сосенъ, которые скрыли и сотеннаго хорунжаго.

VI.

Прощальный пиръ.

На знакомомъ уже читателю возвышенномъ выступѣ надъ рѣкою Знобовкою въ разныхъ мѣстахъ пылаютъ костры изъ только-что срубленныхъ сухихъ вѣтвей сосенъ. Вокругъ костровъ въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ и позахъ расположились разбойники изъ шайки Кудояра. Ихъ было человѣкъ двадцать—двадцать пять, они разбились на группы и готовили себѣ неприхотливый обѣдъ.

Въ одной изъ группъ, близкой къ тому краю холма, гдѣ находилась пещера Кудояра, шла оживленная, но тихая бесѣда.

Словоохотливый землякъ Кудояра Евтухъ Носачъ, разодѣтый въ кунтушъ ярко-краснаго цвѣта, въ черныя бархатныя шаровары,—добыча съ убитаго годъ тому назадъ богатаго проѣзжаго пана,—сидѣлъ на корточкахъ съ воткнутымъ на длинный желѣзный прутъ кускомъ баранины въ рукахъ и усердно поворачивалъ мясо надъ ярко пылавшимъ огнемъ. Мясо краснѣло, шипѣло и роняло на угли капли жиру. По раскраснѣвшемуся лицу Евтуха катился струйками потъ, который онъ старательно вытиралъ полою дорогого кунтуша.

— Ну, ужъ и попируемъ сегодня, братцы, на славу!—проговорилъ онъ собравшимся около него шести-семи товарищамъ, смачивая шипѣвшую на огнѣ баранину разведенною въ деревянной мисочкѣ солью.

— Сегодня-то попируешь, а завтра что будешь дѣлать безъ батюшки-атамана,—возразилъ ему угрюмо-хриплымъ голосомъ черный, точно осмоленный, разбойникъ въ полинявшемъ кафтанѣ и свѣтло-голубыхъ дорогихъ шароварахъ.

— Не плачь, Барило, по атаманѣ, плачь лучше по своей удалой головушкѣ!—полу-шутя, полу-наставительно замѣтилъ ему товарищъ, выгребавшій изъ костра горячіе уголья для того, чтобы раскурить люльку.

— А чтожъ, братцы, Барило правъ!—возвысилъ голосъ молодой парень, недавно приставшій къ шайкѣ Кудояра бездольный скиталецъ.—Гдѣ мы дѣнемся, коли прекратимъ работу въ Голубовскомъ лѣсу? Вѣдь намъ одна дорога—два столба съ перекладиною.

Слова парня подѣйствовали на разбойниковъ, и они замолчали, точно каждый заглянулъ въ свое будущее, да такъ и оцѣпенѣлъ предъ грустною картиною вѣчнаго одиночества, и вѣчной тревоги за свою участь.

— И что такое сталось съ нимъ,—ума не приложишь братцы!—началъ бесѣду Барило, не любившій гробового молчанія.—Былъ, какъ слѣдуетъ, атаманъ, народъ грабилъ, убивалъ, никому спуску не давалъ, а тутъ сразу: „никого не тронь!..“ Диво да и только!

— Эхъ ты, Барило, настоящее ты—барило [1]) съ дубовыми клепками! — скаламбурилъ и подтрунивалъ надъ товарищемъ Евтухъ Носачъ, облизываясь при видѣ сочнаго шашлычка, который вотъ-вотъ можно было ѣсть.—Заливаешь ты глаза хмельнымъ, такъ и не видишь ничего. Скажи ты мнѣ, цыганская харя: нашъ атаманъ допрежъ сего такъ жилъ, какъ теперь живетъ? Кто съ нимъ теперь въ пещерѣ сидитъ да сладкія рѣчи сказываетъ? Смекнулъ теперь—что ли? заключилъ Евтухъ, шутливо глядя на угрюмаго Барила.

— Я то смекнулъ, да ты смекаешь-ли, что зря болтаешь!—обидчиво огрызнулся послѣдній. — Подумаешь, какой мудрый Соломонъ нашелся, что всѣ загадки рѣшаетъ! Коли батюшкѣ атаману приглянулась бабенка, для чего не взять ее себѣ замѣсто женки. Да дѣло-то зачѣмъ кидать?

— Вотъ затѣмъ и дѣло бросаетъ нашъ Михайло Степанычъ, что того желаетъ Анастасія Митревна. Вѣдь вы, братцы, не думайте, что нашъ Михайло Степанычъ допрежъ сего не зналъ Настасьи Митревны!—обратился онъ ко всѣмъ товарищамъ, втыкая прутъ съ готовымъ кускомъ баранины въ землю. Онъ ее даже очень хорошо зналъ и изъ-за нея на это самое дѣло пошелъ.

— Ну, ужъ и брехунецъ ты, Евтухъ! остановили его товарищи.—Ври, да не завирайся!

— Чего ври?—съ жаромъ возразилъ Евтухъ.—Коли хотите, такъ я разскажу вамъ все дѣло, какъ оно было.

— Ладно, говори, да не прикрашивай своимъ медовымъ языкомъ! согласились товарищи.

Евтухъ Носачъ раскурилъ люльку, сѣлъ на землю, поджавъ ноги, и началъ: „Давно это дѣялось, братцы мои! Почитай, лѣтъ семь прошло съ той поры. Михайло Степанычъ Кудояръ жилъ тогда въ Сѣвскѣ и прозывался Бочаренкомъ. Жилъ онъ, какъ слѣдуетъ, по-божески, съ старухою матерью, жилъ не богато, не бѣдно, а такъ посредственно. Въ томъ же городѣ жилъ богатый козакъ Митрій...

[1]) Барило по-малорусски значитъ боченокъ для водки.

— Братцы, „самъ“ идетъ! вскрикнули два слушателя, и всѣ разбойники встали. На холмъ поднимался изъ своей пещеры Кудояръ. На лицѣ его свѣтилась какая-то невыразимая ласковость и доброта; но въ глазахъ, часто по долгу останавливавшихся на окружающихъ, легко было прочитать тайную грусть.

Онъ былъ одѣтъ въ алаго сукна кунтушъ и такія-же шаровары; голову покрывала сѣрая барашковая шапка съ голубымъ атласнымъ верхомъ, очень шедшая къ его чернымъ кудрямъ и бородѣ. Въ такомъ костюмѣ онъ казался молодымъ богатымъ паномъ, а не страшнымъ атаманомъ разбойниковъ. Приблизившись къ первой группѣ разбойниковъ, онъ далъ знакъ, чтобы подошли и другіе. Скоро всѣ столпились, образовавъ кругъ около любимаго атамана.

— „Сегодня, братцы, я съ вами вижусь послѣдній разъ,— проговорилъ Кудояръ тихимъ взволнованнымъ голосомъ, а разбойники печально наклонили свои головы.—Половину своего богатства и добра оставляю вамъ. Раздѣлите сами поровну и живите, кто какъ хочетъ. Я самъ уѣду завтра рано подальше отсюда. Облюбую гдѣ-либо получше мѣстечко и заживу козакомъ-хозяиномъ, буду домосѣдничать да молить у Бога прощенія тяжкихъ грѣховъ своихъ. Совѣтовалъ бы и вамъ сдѣлать тоже. Только чуръ, никогда не признавайте другъ друга и не вспоминайте нашей здѣшней жизни, особливо не упоминайте о Кудояровой пещерѣ. А кому не надоѣло вести вольную жизнь по темнымъ лѣсамъ, тотъ иди отсюда подальше. Моя послѣдняя воля, чтобъ та страшная пещера, которая столько лѣтъ служила мнѣ жилищемъ, не стала проклятымъ мѣстомъ. Хочу, чтобъ здѣсь молили Бога за мою грѣшную душу всѣ люди православные, а съ ними служители церковные. Оставляю цѣлую баклагу золотыхъ и прошу кого-либо изъ васъ передать голубовцамъ, чтобъ построили надъ пещерой моей святую церковь...

Онъ остановился, тяжко вздохнулъ и, помолчавъ минуты двѣ-три, закончилъ рѣчь: „Спасибо вамъ, братцы, за дружбу и службу. Лихомъ меня не поминайте, а прощанье наше заключите пиромъ. Гуляйте, сколько хотите сегодня, залейте зеленымъ

виномъ прошлую жизнь, курните такъ, чтобъ все прошлое показалось вамъ долгимъ и тяжкимъ сномъ. Вина не жалѣйте, выкатывайте изъ склада запасного лучшія бочки. Ну, братцы, начинайте, а я пойду въ свою пещеру.

Поклонившись, онъ выступилъ изъ круга и спустился съ холма. Разбойники долго молча смотрѣли въ слѣдъ удалившемуся атаману; затѣмъ начали о чемъ-то толковать, сперва тихо, потомъ громче и громче.

Часа черезъ три, при наступленіи осенняго вечера, вся поляна была полна шума и движенія. Разгулявшіеся разбойники сидѣли у ярко пылавшихъ костровъ живописными группами; подлѣ нихъ стояли сулеи и боченки съ хмельною влагою; всѣ пили, пѣли, веселились, выкрикивали имя атамана, не разъ вызывали его изъ пещеры, цѣловались съ нимъ, плакали, снова затягивали ухарскія молодецкія пѣсни и не чуяли той бѣды, что стояла у порога...

VII.

Облавили звѣря!

Глубокая полночь. Шагахъ въ пятистахъ отъ Кудояровой пещеры остановился Давидъ Пушкаренко съ своимъ отрядомъ, найдя, наконецъ, притонъ разбойниковъ.

Козаки старательно завязывали мѣшками лошадиныя морды, чтобы ихъ кони ржаніемъ не выдали разбойникамъ присутствія, и привязывали поводья къ деревьямъ. Пушкаренко шепотомъ, быстро отдавалъ приказанія.

— Ты, Семенъ, возьми съ десятокъ козаковъ,—говорилъ онъ хорунжему; спустись въ лощину и обойди логовище со стороны рѣки, чтобъ кто-нибудь изъ разбойниковъ не ушелъ за рѣку. Да дѣлай обходъ осторожно. Когда засядешь на мѣстѣ, дай знать—завой волкомъ, да не громко.

Безпалый быстро обошелъ отрядъ, шепнулъ нѣкоторымъ козакамъ приказаніе сотника и тихо исчезъ въ темнотѣ ночи, спустившись въ лощину.

— А вы, хлопцы,—приказалъ Пушкаренко оставшимся козакамъ: раздѣлитесь и цѣпью обходите притонъ „злодіевъ". Они сегодня перепились и спятъ мертвецки крѣпко. Стражи нѣтъ. Какъ подойдете близко къ разбойникамъ, рубите ихъ сперва саблями, а потомъ ужъ въ догонку стрѣляйте изъ мушкетовъ и пистолей. Да смотрите, не упустите атамана ихъ. Его надо живьемъ захватить. Не бейте и женщинъ, коли будутъ.

Прошло полчаса. Отрядъ подъ руководствомъ Пушкаренка притаился за соснами. Ждали только условнаго знака со стороны пошедшаго въ засаду Семена Безпалаго.

При пылавшихъ еще кострахъ притонъ разбойниковъ представлялъ фантастически-мрачную картину. Спавшіе въ самыхъ разнообразныхъ позахъ разбойники похожи были на убитыхъ. Казалось, злой татаринъ набѣжалъ внезапно на пировавшихъ людей, посѣкъ ихъ кривыми саблями, опрокинулъ боченки съ виномъ, разметалъ утварь, сжегъ домъ, разрушилъ его и исчезъ въ степи на легкихъ коняхъ, оставивъ побитыхъ въ добычу хищнымъ птицамъ да лѣсному звѣрью. Такъ спали упившіеся разбойники, нарушая тишину ночи своимъ богатырскимъ храпомъ. Спала глубокимъ сномъ полуночи и стража, поставленная у входа въ пещеру.

Вотъ въ тихомъ ночномъ воздухѣ пронесся протяжный и негромкій вой волка. Этотъ вой шелъ отъ рѣки: то Безпалый давалъ знать сотнику, что засѣлъ на условленномъ мѣстѣ.

Пушкаренко перекрестился, вынулъ осторожно изъноженъ саблю и далъ знакъ козакамъ, которые осторожно стали подкрадываться къ спавшимъ разбойникамъ...

Не прошло и четверти часа, какъ лѣсъ огласился неистовыми криками и хрипомъ умиравшихъ, а площадь надъ Кудояровой пещерой представляла картину невообразимаго хаоса. При заревѣ костровъ въ испугѣ метались по площадкѣ холма почти безоружные, заспанные разбойники, не понимая, что случилось, крича о помощи; крики и вопли ихъ покрывали залпы десятка мушкетовъ, звукъ сабель и крики остервенѣвшаго отъ ярости Пушкаренка, который метался по холму, крича своимъ козакамъ: „Не упустите, хлопцы, атамана! атамана, голубчики, ищите!"

Вдругъ кто-то изъ козаковъ окликнулъ его: „панъ сотникъ, вотъ самъ атаманъ Кудояръ!"

Какъ пущенная изъ лука стрѣла, бросился на зовъ Пушкаренко и въ минуту очутился близъ Кудояровой пещеры.

А тамъ уже давно пять козаковъ изъ его отряда жестоко рубились съ тремя разбойниками, заграждавшими входъ въ пещеру.

— Стой, хлопцы! не бейте ихъ! загремѣлъ сотникъ, предполагая въ одномъ изъ отбивавшихся злодѣевъ атамана.

Козаки отступили отъ пещеры, а разбойники отошли въ глубь ея.

— Старайтесь захватить атамана живьемъ! кричалъ Пушкаренко, приближаясь ко входу въ пещеру.—Надо придумать, хлопцы, какъ бы его живого взять!

— Кто хочетъ взять меня живымъ? грозно спросилъ Кудояръ, появляясь изъ пещеры. Величественный видъ его, при невѣрномъ освѣщеніи костровъ, казался чѣмъ-то чудовищнымъ. Пушкаренко и его козаки невольно подались назадъ.

— Кому нуженъ я? снова спросилъ грозно Кудояръ.

— Ты нуженъ мнѣ, Новгородскому сотнику!—отвѣтилъ ему овладѣвшій собою Пушкаренко.—Гдѣ ты дѣлъ мою жену Анастасью?

— Такъ вотъ кто пожаловалъ ко мнѣ въ гости! Ха, ха, ха!—злобно захохоталъ Кудояръ.—Ловокъ же ты, панъ сотникъ, воровски подобраться къ чужому добру. Разъ отнялъ у меня Настю, такъ на-жъ и въ другой разъ возьми ее!

Съ этими словами Кудояръ выхватилъ изъ за пояса богато обдѣланный серебромъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ сотника.

Въ отвѣтъ на его выстрѣлъ грянули мушкеты козаковъ и разбойниковъ, появившихся на выручку атаману.

Не попалъ Кудояръ въ сотника, а повалилъ горячею пулею на землю молодого козака, который упалъ на землю и, тяжко застонавъ, отдалъ Богу душу. Мѣтко стрѣляли и козаки: двухъ разбойниковъ свалили они своими мушкетами, а третьяго зарубилъ Пушкаренко, который съ крикомъ: „бейте, хлопцы, ихъ всѣхъ дьяволовъ!" бросился къ пещерѣ за отступившимъ туда атаманомъ.

Кудояръ не дремалъ и ловко отбивался отъ нападавшихъ. Уже три козака лежало у ногъ его: всѣхъ ихъ уложили мѣткіе взмахи его острой сабли. Видно было, что онъ рѣшился не отдаваться живымъ въ руки заклятаго врага своего.

Вотъ онъ видитъ этого врага какъ разъ у входа въ пещеру. Съ яростью замахнулся онъ на него своею саблей, и не сдобровать бы пану сотнику; но грянулъ во-время выстрѣлъ и пресѣкъ гибельный взмахъ Кудояровой сабли.

Въ самое сердце поразила пуля атамана, и почуялъ онъ смертельную рану, и сразу затихла въ немъ ярость, выпало изъ руки его смертоносное оружіе, и, подавшись въ пещеру, медленно опустился онъ, подобно подрубленному дубу, на землю...

VIII.

Страшная правда.

Еще Пушкаренко и сбѣжавшіеся козаки его отряда стояли въ недоумѣніи передъ входомъ въ пещеру, предполагая со стороны скрывшагося атамана разбойниковъ какую-нибудь хитрость, какъ вдругъ предразсвѣтная тишина воздуха огласилась плачемъ и причитаньями, вылетѣвшими изъ жилища Кудояра.

— Охъ, мой Михайликъ! мой сизый голубчикъ! Что за злые вороги погубили тебя! Что жъ дѣлать мнѣ горемычной безъ тебя, моя отрада? Куда я прихилюсь, гдѣ найду пораду? Ужели жъ мнѣ, горемычной зозулѣ, доведется снова идти къ ненавистному, мужу, и снова буду я влачить жизнь-каторгу? Недолго я пожила-порадовалась съ тобою, мой соколъ ясный! Охъ, горе-горечко мнѣ несчастной, безталанной!

Такъ причитала надъ отходившимъ въ вѣчность Кудояромъ Настя, подобно тому, какъ плачетъ безутѣшная чайка, когда злые мальчишки-пастухи разорятъ ея убогое гнѣздышко, свитое на небольшой кочкѣ среди залитого половодьемъ луга. Съ жалобнымъ воплемъ носится она надъ разрушеннымъ домикомъ своимъ и роняетъ, сердечная, тяжкія слезы на осиротѣвшія руины.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ Давидъ Пушкаренко, узнавъ голосъ своей жены. А она, забывъ злыхъ вороговъ, припала головою къ груди умиравшаго Кудояра, цѣловала его руки, очи, холодѣющія уста и причитала, въ порывѣ безумнаго горя мѣшая ласки съ страшными проклятьями злодѣйкѣ-судьбѣ, которая безжалостною и могучею своею рукою вторично и на вѣки разбила ея счастье...

— И за что ты, проклятая доля, такъ неустанно преслѣдуешь меня? Куда мнѣ скрыться, чтобъ ты не нашла меня? Немного бъ еще времени, и мы бъ съ Михайликомъ ушли далеко-далеко отъ тебя, злая и немилостивая судьба моя! Ну, зачѣмъ, кому нужна была смерть твоя, мой ненаглядный Михайликъ, моя отрадная дружина!...

Плачъ безутѣшной Насти коснулся слуха Кудояра. Онъ собралъ остатокъ силъ, очнулся и простоналъ, хватаясь за нее рукою: „Не плачь, Настя... не убивайся такъ... будетъ... не надо слезъ... молись о моей душѣ грѣшной... церковь..." Онъ тяжко вздохнулъ—и его не стало.

Казалось, грѣшная душа его улетѣла куда-то въ невѣдомую даль вмѣстѣ съ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ, который потянулъ съ рѣчки Знобовки, прошумѣлъ въ надрѣчной осокѣ, качнулъ иглистыя вѣтки сосенъ и исчезъ въ облачной вышинѣ.

Блѣдная полоса прорывавшагося на горизонтѣ свѣта разсѣяла мракъ ночи и дала возможность различать окружающіе предметы.

Настя, почувствовавъ холодъ трупа, встала съ земли и вышла изъ пещеры. Она остановилась и протерла глаза, какъ бы не вѣря тому, что она увидѣла.

Передъ нею стоялъ неподвижно, точно каменное изваяніе, ея суровый, старый постылый мужъ Давидъ Пушкаренко съ козаками.

Такъ вотъ кто вторично разбилъ ея счастье! Вотъ кто ея лютая судьба! . . . .

. . . .

Выглянувшіе изъ-за островка лучи восходящаго солнца упали на трупъ Кудояра, который лежалъ на дорогомъ коврѣ

со скрещенными на груди руками. Красивое лицо его было покойно, точно спалъ онъ глубокимъ, невозмутимымъ сномъ, лишь неестественно заострившійся носъ и зеленый цвѣтъ лица говорили опытному глазу о вѣчности и непробудимости этого ужаснаго сна.

У ногъ Кудояра сидѣла Настя и со слезами въ покраснѣвшихъ и вспухнувшихъ глазахъ смотрѣла въ лицо покойника. Погруженная въ думы, она никого не видѣла, ничего не слышала, содрогаясь тѣломъ при тяжкомъ воспоминаніи.

Шагахъ въ десяти отъ нея, на пнѣ срубленной березы, сидѣлъ Давидъ Пушкаренко, прислушивался къ стуку заступовъ, которыми въ пещерѣ рыли козаки могилу для Кудояра, и пытливо всматривался въ неподвижное лицо своего заклятаго врага. Суровое лицо сотника сразу осунулось, станъ сгорбился, весь онъ казался глубокимъ и безпомощнымъ старикомъ. Но въ головѣ и сердцѣ этого старика шла роковая борьба.

„Такъ вотъ гдѣ, только у трупа этого знаменитаго атамана разбойниковъ, у трупа моего злѣйшаго врага,—думалъ онъ,—суждено мнѣ узнать страшную правду жизни моей! Мало того, только здѣсь, въ безумномъ плачѣ этой молодой и красивой женщины онъ узналъ, что онъ панъ сотникъ, бóльшій „злодій“, чѣмъ вотъ этотъ самый разбойникъ Кудояръ. Да, вѣдь Михаилъ Бочаренко сталъ разбойникомъ не своею волею, а толкнули его на широкую проѣзжую дорогу, въ темные лѣса несчастныя обстоятельства жизни, его злая доля. Но что меня человѣка богатаго, власть имущаго, пользующагося почетомъ въ Новгородкѣ, что меня толкнуло на путь преступленія? Моя собственная прихоть. Зачѣмъ я ворвался въ домъ родителей Насти? Зачѣмъ навязался ей насильно въ мужья? Зачѣмъ вырвалъ изъ объятій Бочаренка Настю, которая принадлежала ему по праву любви? Любви?! А развѣ я, сотникъ, не любилъ Настю? Почему же право Бочаренка,—я чувствую это,—сильнѣе, чѣмъ мое право?“

И старая голова Пушкаренка кругомъ шла отъ безпощаднаго противорѣчія вихремъ проносившихся въ ней мыслей. Тоска грызла его сердце, и онъ невыразимо скорбѣлъ.

— Не такой же я злодѣй,—снова думалъ онъ,—чтобъ мнѣ доставляло радость загубить чужую жизнь. А между тѣмъ, развѣ я не загубилъ жизнь не только Кудьяра и Насти, но и свою собственную? О Господи, Боже мой!—вздохнулъ онъ: зачѣмъ Ты надѣлилъ человѣка лютыми страстями? Зачѣмъ Ты такъ затуманилъ его голову, что онъ только путемъ тяжкихъ ошибокъ и страданья доходитъ до пониманія смысла жизни?“

И въ глазахъ сотника все его земное существованіе получило такой ничтожный, жалкій видъ, что онъ ужаснулся, какъ онъ могъ жить не только дни, но цѣлые годы въ томъ смрадномъ омутѣ, который называется жизнью человѣческою.

Ему стало жаль и загубленной имъ Насти, и павшаго отъ его руки Кудояра. Онъ тяжко страдалъ, что разбилъ счастье этихъ молодыхъ и любящихъ другъ друга людей...

Было часовъ девять утра, когда зарыли въ пещерѣ трупъ Кудояра, а съ нимъ похоронили навѣки земное мучительно-сладкое, но непродолжительное счастье Насти, равно какъ и душевный покой Новгородсѣверскаго сотника Давида Пушкаренка..

Не прошло мѣсяца, какъ на холмѣ, надъ Кудояровой пещерой, теперь засыпанной землей, срубили небольшую деревянную церковку во имя святого архистратига Михаила, въ отпущеніе грѣховъ рабу Божію Михаилу Бочаренку.

IX.

Слѣды прошлаго.

Прошло два столѣтія. Обмелѣла до неузнаваемости рѣчка Знобовка; исчезли густые сосновые лѣса, покрывавшіе ея берега; смѣнилось не одно поколѣніе въ селѣ Голубовкѣ; забылись ужасы и горе, причинявшіеся нѣкогда разбойниками изъ шайки Кудояра, словомъ—многое измѣнило и унесло съ собою быстротечное время; но и понынѣ высится небольшой храмъ Божій на холмѣ близъ Знобовки. Блеститъ на немъ золотой крестъ, призываетъ крестьянъ къ молитвѣ скромный колоколъ,

шумятъ листьями молодыя березки вокругъ церкви во имя архистратига Михаила, и живетъ вмѣстѣ съ храмомъ Божіимъ преданіе о Кудояровой пещерѣ, хотя потускнѣлъ уже величавый образъ атамана разбойниковъ. И нынѣ, при входѣ въ церковь села Голубовки, по лѣвую сторону, на три сажени отъ церковнаго крыльца, указываютъ засыпанный входъ въ Кудоярову пещеру.

О сотникѣ же Новгородсѣверскомъ Давидѣ Пушкаренкѣ и его несчастной женѣ Настѣ хранитъ память ризница церковная. Въ ней доселѣ находится пожертвованное ими и купленное своимъ „коштомъ“ святое евангеліе, въ листъ, Московской печати, въ переплетѣ изъ чернаго бархата съ изображеніями—на одной доскѣ Воскресенія Христова и четырехъ евангелистовъ, а на другой—архистратига Михаила.

Евангеліе это дали въ отпущеніе грѣховъ Давидъ и Анастасія Пушкаренки въ роковомъ для нихъ 1687-мъ году, что видно изъ слѣдующей записи: „Я рабъ Божій Давидъ Пушкаренко, сотникъ войска ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, изъ женою моею Анастасіею, надалисмо сіе Евангеліе за отпущеніе грѣховъ своихъ до храму престола Архистратига Христова Михаила въ вѣчную поссесію, до слободы Голубовки. А наступающимъ по мнѣ всѣмъ то чиню вѣдомо: ктобы важился сіе Божественное Евангеліе отъ Храму отъдалити и отняти, таковый да будетъ, да будетъ проклятъ, анаѳема... а то чинилемъ и надалемъ сію книгу въ року ҂аХпѕ (1687) ноеврія и҃ (8) дня.“

С. Березка. 1894 г. — Сергѣй Браиловскій.

Къ исторіи малорусской исторіографіи и малорусскаго общественнаго строя.

(Замѣтки по поводу статей В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи" въ „Русск. Богатствѣ" 1894 г. № 2, 3 и 4).

I.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи человѣчества является, безъ сомнѣнія, судьба лѣвобережной Малороссіи въ второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ.

Послѣ долгой и упорной борьбы за свою самостоятельность, малорусскій народъ освободился, наконецъ, отъ Польши съ ея аристократическимъ строемъ, подавлявшимъ личность большинства обывателей, и соединился съ Россіей. Соединеніе это не было сліяніемъ. Это былъ родъ личной уніи, гдѣ два соединившихся государства имѣютъ общаго главу, а затѣмъ все, что касается ихъ управленія, суда, законодательства, даже финансовъ и пр., все это существуетъ у каждаго государства отдѣльно. Отношенія Малороссіи къ Россіи были регулированы особыми „пунктами", заключенными между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ [1]) и гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. „Пункты" эти, правда,

---

[1]) Статьи Б. Хмельницкаго напечатаны въ П. С. З. т. I, № 119; Собр. Г. Гр. и Д. ч. Ш № 168; въ „Источ. Малор. Ист". Бантышъ-Каменскаго т. I. О статьяхъ Б. Хмельницкаго см. *Костомаровъ* „Богданъ Хмельницкій" т. III, *Соловьевъ* Исторія Россіи т. X, *Карповъ*. „Переговоры о соединеніи Малой Россіи съ Великой" въ Жур. М-ва Нар. Просв. 1871 г. № 11 и 12, *П. Н. Буцинскій*. „О Богданѣ Хмельницкомъ" глав. 8, *П. А. Шафрановъ*. „О статьяхъ Богдана Хмельницкаго въ Кіев. Стар. 1889 г. кн. 11.

были лишены системы, отличались, въ достаточной степени. неопредѣленностью, не разъ впослѣдствіи измѣнялись, но всегда были достаточны для того, чтобы изъ нихъ ясно можно было видѣть независимость малорусскаго общественнаго строя. И независимость эта существовала не только de jure, но и de facto. Великорусское правительство дѣлало, правда, попытки вмѣшаться въ строй Малороссіи, порой старалось регулировать правовыя отношенія въ ней, но это вмѣшательство въ первыя 50—60 лѣтъ носило такой частичный характеръ, что не могло оставить по себѣ болѣе или менѣе значительнаго слѣда, и малорусская общественно-правовая жизнь развивалась, въ значительной степени, внѣ вліяній Москвы. При такихъ обстоятельствахъ, малорусскій общественно-правовой строй носитъ характеръ нѣкотораго рода самобытности, а съ этимъ вмѣстѣ онъ пріобрѣтаетъ и особый интересъ для изслѣдователя.

Малорусское общество сложилось не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ имѣлъ уже многовѣковую исторію; когда онъ долго и упорно боролся противъ другого строя, ему не подходящаго, связывавшаго его по рукамъ и ногамъ, не дававшаго ему жить; когда онъ порвалъ всѣ связи съ этимъ строемъ и задумалъ создать новый, на новомъ основаніи, положивъ въ основу личную свободу. Казалось бы, на этой основѣ общество должно было выработать иной строй, гдѣ бы каждому легче жилось, гдѣ бы человѣкъ былъ „свободнымъ“ во всѣхъ отношеніяхъ. Этого, однако, не случилось. Малороссія, въ сущности, не выработала никакого опредѣленнаго, строго обозначившагося строя, никакихъ ясныхъ общественно-правовыхъ принциповъ, и вся жизнь ея прошла въ какомъ-то хаотическомъ состояніи и ичезла, не оставивъ нигдѣ замѣтнаго слѣда.

Малорусскій общественно-правовой строй потерпѣлъ, такимъ образомъ, крушеніе, и въ настоящее время только нѣсколько случайно уцѣлѣвшихъ въ X т. свода законовъ, уродливыхъ, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, спеціальныхъ статей для Черниговской и Полтавской губерній, заимствованныхъ изъ Литовскаго Статута, слабо намекаютъ на то, что въ Мало-

россіи былъ когда-то иной порядокъ вещей [1]). Фактъ крушенія—совершившійся, законченный, и задача исторіи въ настоящее время указать, съ одной стороны, на причины его, а съ другой—прослѣдить, во всѣхъ деталяхъ, можетъ быть въ высшей степени поучительныхъ и для современнаго намъ общества, самый процессъ этого крушенія. Съ этой точки зрѣнія исторія Малороссіи представляетъ интересъ не только областной, такъ сказать мѣстный, но и общечеловѣческій, міровой, по сколько на ней можно прослѣдить историческую закономѣрность явленій и отмѣтить условія, способствующія развитію общества или тормозящія его.

Къ сожалѣнію только, до сихъ поръ исторія Малороссіи привлекала къ себѣ мало изслѣдователей. Помимо, конечно, общаго увлеченія исторіей центральной Россіи, которое поглощало лучшія наши ученыя силы, причиной этого была трудность работать надъ малорусской исторіей, такъ какъ, при отсутствіи печатныхъ источниковъ, приходилось работать почти исключительно по архивнымъ матеріаламъ, благодаря чему работа значительно усложнялась и теряла свой привлекательный для изслѣдователя характеръ. Малорусскіе архивы не сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, а разбросаны: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Москвѣ и даже теперь въ Петербургѣ, куда, какъ извѣстно, попала въ Академію Наукъ часть Румянцовской описи [2]); архивы эти не разобраны и представляютъ изъ себя море бумагъ, въ которомъ можетъ разобраться только очень терпѣливый и усидчивый изслѣдователь. Естественно, поэтому, что большинство изслѣдователей пугалось такого состоянія источниковъ и отказывалось отъ мысли браться за разсмотрѣніе той или другой стороны малорусскаго общественнаго быта.

---

[1]) Пол. Собр. Зак. 1842 г. № 15, 532.

[2]) Объ этомъ см. *А. М. Лазаревскій*. Описаніе Старой Малороссіи, т. I и II Предисловіе. *В. А. Мякотинъ*. Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. „Кіев. Стар.“ 1891 г. № 2; см. также *Наши замѣтки* въ „Кіев. Стар.“ за декабрь 1892 года „Къ децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. Судьба Румянцовской Описи“, и рецензію на 5 книгу „Чтеній въ О-вѣ Нестора Лѣтописца“ въ „Кіев. Стар.“ 1891 г. Октябрь.

Были и другія обстоятельства, тормозившія и отчасти и теперь тормозящія изслѣдованіе малорусской исторіи, а потому не мудрено, что исторія Малороссіи, въ большинствѣ случаевъ, является еще прямо таки terra incognita. Намъ неизвѣстны въ деталяхъ ни управленіе, ни судъ, ни финансы. Повинности, исторія сословій, землевладѣнія и проч., все это ждетъ еще своихъ изслѣдователей.

Исторія Малороссіи, если конечно, не считать лѣтописей XVII и начала XVIII в., обратила на себя вниманіе въ срединѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Этому содѣйствовали особыя обстоятельства. Какъ извѣстно, рѣшеніе центральнаго правительства созвать коммиссію изъ представителей разныхъ сословій и народностей, входящихъ въ составъ государства, для выработки общаго имперскаго законодательства, не встрѣтило сочувствія въ Малороссіи. Наоборотъ, въ Малороссіи проявился своего рода протестъ противъ начинаній правительства, навлекшій на себя подъ часъ суровыя, несправедливыя мѣры деспотическаго Румянцева, управлявшаго тогда Малороссіей [1]). Давленіе, производимое имъ на малорусское общество, не дало возможности послѣднему, въ особенности же малорусскому шляхетству,—высказать цѣликомъ свои пожеланія. Сущность этихъ пожеланій, какъ можно видѣть изъ наказовъ и матеріаловъ, относящихся къ выборамъ малорусскихъ депутатовъ и ихъ дѣятельности въ Екатерининской Коммиссіи, сводилась къ сохраненію возможно полной обособленности Малороссіи отъ Россіи въ области администраціи, суда и законодательства и затѣмъ къ признанію нормальнымъ, законнымъ того порядка вещей, который установился въ Малороссіи, благодаря стихійному ходу ея исторіи [2]). Порядокъ этотъ пря-

---

[1]) Объ этомъ см. *Авсѣенко* „Малороссія въ 1767 году“; *Соловьевъ* т. XXVII; *Теличенко* „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Кіевъ, 1891 г., или въ „Кіевской Старинѣ“ за 1890 г. *Наша* рецензія на „Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. V“ въ „Кіев. Стар.“ 1891 г Октябрь.

[2]) См. Наказы малороссійскимъ депутатамъ, изд. „Кіевской Старины“ Кіевъ. 1888; Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. V; Чтенія въ о-вѣ исторіи и древностей 1861 г. кн. I. Матеріалы къ исторіи Екатерининской коммиссіи въ рукопис-

мо противорѣчилъ тѣмъ идеаламъ, которые руководили козацкимъ движеніемъ, приведшимъ Малороссію къ отпаденію отъ Польши, и которые затѣмъ должны были, по идеѣ, лечь въ основу малорусскаго соціальнаго строя. Таково было фактическое положеніе дѣла. Теоретически оно представлялось совсѣмъ иначе тѣмъ лицамъ, которыя стояли теперь во главѣ малорусскаго общества и которыя могли сказать свое авторитетное слово и въ интересахъ которыхъ лежало *исторически* оправдать существующій порядокъ вещей. Это повело къ занятію малорусской исторіей, такъ какъ связь съ прошедшимъ была до того потеряна въ рединѣ XVIII вѣка, что въ гетманство Разумовскаго не знали, напр., что такое полковники, какова ихъ власть и пр.[1]).

Среди людей, признававшихъ современный порядокъ вещей нормальнымъ и старавшихся оправдать его съ исторической точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ умныхъ, начитанныхъ и образованныхъ былъ извѣстный депутатъ отъ лубенскаго шляхетства въ Екатерининской коммиссіи Г. А. Полетика [2]). Воспитанникъ духовной кіевской академіи, Г. А. Полетика родился въ 1725 г., служилъ сначала переводчикомъ при академіи наукъ, затѣмъ при св. синодѣ, откуда былъ назначенъ инспекторомъ классовъ морскаго шляхетскаго корпуса, гдѣ и оставался до 1773 года. Умеръ онъ 27 ноября 1784 г.

номъ отдѣленіи библіотеки университета св. Владиміра. Бумаги эти поступили сюда недавно изъ библіотеки М. О. Судьенка.—Наказы малорусскимъ шляхетскимъ депутатамъ напечатаны также въ 68 т. „Сборника Рус. Ист. Общ.“ О дѣятельности малорусскихъ депутатовъ въ Коммиссіи см. т. 4, 8, 14, 32, 36 „Сбор. Рус. Ист. Общества“.

[1]) Харьк. Истор. Арх. Черн. отд. № 10510. До чего доходило забвеніе прошлаго Малороссіи у поколѣнія конца XVIII и начала XIX вѣка см. рецензію *А. М. Лазаревскаго* на „Семейную хронику“ А. В. Кочубея, въ „Кіевской Старинѣ“ 1894 г., кн. I.

[2]) О Полетикахъ см. ст *А. М. Лазаревскаго* „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“ „Кіев. Стар. 1891 г. Апрѣль. Частная переписка Г. А. Полетики напечатана А. М. Лазаревскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1893 и 1894 года. Свѣдѣнія о Г. А. Полетикѣ см. также въ матеріалахъ для исторіи Екатерининской коммиссіи.

Принадлежа, по рожденію, къ малорусскому шляхетству и живя въ то же время, когда шляхетство это вполнѣ уже выдѣлилось изъ народа, на половину закрѣпостило его и сосредоточило всѣ свои стремленія на томъ, чтобы русское правительство признало его юридически—Г. А. Полетика, естественно, явился защитникомъ и проводникомъ шляхетскихъ стремленій. Будучи затѣмъ избранъ депутатомъ въ коммиссію, онъ сдѣлался въ ней ярымъ защитникомъ малорусской автономіи, старался оправдать и отстоять ее съ исторической точки зрѣнія, понимая, впрочемъ, прошлое Малороссіи совершенно въ превратномъ видѣ, а можетъ быть и умышленно извращая его съ цѣлью отстоять свои шляхетскія вожделѣнія. Въ бумагахъ, поступившихъ въ кіевскій университетъ изъ библіотеки покойнаго І. М. Судьенка [1]), есть черновыя историческія записки Г. А. Полетики, писанныя имъ, очевидно, въ бытность депутатомъ въ коммиссіи. Записки эти интересны для насъ, какъ первые шаги въ изученіи малорусской исторіи, тѣмъ болѣе, что позднѣйшіе собиратели матеріаловъ по малорусской исторіи, А. И. Чепа, Я. М. Марковичъ, такъ или иначе связаны съ фамиліей Полетикъ [2]), а потому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что пробужденіе у нихъ интереса къ занятію малорусской исторіей обусловлено, въ значительной степени, вліяніемъ семьи Полетикъ: дѣло отца, какъ извѣстно, продолжалъ и сынъ его Василій Григорьевичъ [3]).

Изъ историческихъ записокъ Г. А. Полетики, о которыхъ мы уже упомянули, сохранились отрывки одной подъ заглавіемъ, „*Историческое извѣстіе, на какомъ основаніи Малая Россія*

---

[1]) Рукописное отдѣленіе библіотеки у-та св. Владиміра. Объ этихъ бумагахъ и переходѣ ихъ во владѣніе Судьенка см. у *А. М. Лазаревскаго* „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ" Кіевская Старина 1891 года апрѣль, стран. 112 примѣчаніе 1.

[2]) См. письма А. И. Чепы въ „Кіевской Старинѣ" 1890 года, май стран. 364 и слѣдующ.

[3]) „Кіевская Старина" 1891 года, книга 4-ая, стран. 111 *А. М. Лазаревскій.* Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ.

была подъ республикою польскою и на какихъ договорахъ поддалась россійскимъ государямъ, и патріотическое разсужденіе, какимъ образомъ можно бы оную нынѣ учредить, чтобы она полезна могла быть россійскому государству безъ нарушенія правъ и волностей [1]". Записка эта тенденціозна, и тенденція ея соотвѣтствуетъ вполнѣ тѣмъ стремленіямъ малорусскаго шляхетства, о которыхъ мы знаемъ наканунѣ Екатерининской коммиссіи. За образецъ въ ней взятъ строй польскій, и онъ выдается какъ существовавшій въ Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго и утвержденный пунктами этого гетмана съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, шляхетство и его затаенная мысль возстановить такой строй, при которомъ оно получило бы выдающійся перевѣсъ, какъ въ администраціи (сеймики), такъ и въ судѣ (суды гродскіе и земскіе). Съ этой точки зрѣнія демократизмъ, который легъ теоретически въ основу малорусскаго общественнаго строя, является прямымъ нарушеніемъ „правъ", а гетманы настоящими беззаконниками, постоянно нарушавшими эти права и захватывающими власть въ свои руки. Другая записка, подъ заглавіемъ „*Записка, какъ Малая Россія во время владѣнія польскаго раздѣлена была и о образѣ ея управленія* [2])" проводитъ ту же мысль, которая лежитъ затѣмъ въ основѣ „правъ и привиллегій малорусскаго шляхетства [3])", громаднаго сборника Г. А. Полетики, представленнаго имъ въ Екатерининскую коммиссію для защиты самобытности и автономности Малороссіи. Конечно, съ точки зрѣнія науки всѣ эти тенденціозныя попытки исторически оправдать и, такимъ образомъ, якобы объяснить существующій строй—не выдерживаютъ никакой критики; но съ точки зрѣнія

---

[1]) Рукописное отдѣленіе библіотеки у-та св. Владиміра. Бумаги М. О. Судьенка.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же. Кромѣ этихъ записокъ есть и другія, принадлежащія также Г. А. Полетикѣ, напр. „*Запись, что Малая Россія не завоевана, а присоединилась добровольно къ Россіи*" и пр. См. также „Возраженіе депутата лубенскаго шляхетства Г. А. Полетики на наставленіе депутату малороссійской коллегіи Дм. Натальину. *Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1858 г.* кн. III, 51—105.

самосознанія и затѣмъ пробужденія интереса къ прошлому малорусскаго народа—они, несомнѣнно, имѣли значеніе и не остались безъ вниманія.

Съ именемъ Г. А. Полетики стали связывать въ послѣднее время и пресловутую „Исторію Руссовъ [1])", являющуюся скорѣй историческимъ памфлетомъ въ духѣ упомянутыхъ выше историческихъ записокъ Полетики, преслѣдующихъ вполнѣ опредѣленную практическую цѣль, чѣмъ, дѣйствительно, историческимъ трудомъ [2]), но даже при такомъ ея значеніи „Исторія Руссовъ" интересна для насъ, какъ одна изъ попытокъ связно разсказать исторію малорусскаго народа. Если даже она написана не Г. А. Полетикой, то она не могла бы явиться въ свѣтъ безъ него и безъ Екатерининской коммиссіи. Послѣдняя создала условія, при которыхъ знакомство съ прошлымъ Малороссіи сдѣлалось прямо таки необходимостью; Г. А. Полетика одинъ изъ первыхъ обратился къ такому знакомству. Вотъ почему съ Г. А. Полетики и слѣдуетъ, думается намъ, начинать малорусскую історіографію. Онъ, несомнѣнно, прямо или косвенно содѣйствовалъ пробужденію въ малорусской интеллигенціи того стремленія къ самосознанію, которое выразилось въ изученіи прошлаго и настоящаго малорусскаго народа.

---

[1]) Въ литературѣ первый высказалъ такое предположеніе *А. М. Лазаревскій* „Отрывки изъ Семейнаго архива Полетикъ" Кіев. Стар. 1891 г. кн. 4-я стр. 110—116. См. также проф. *В. С. Иконниковъ* „Опытъ Русской историографіи" Кіев. 1891—92 г. т. I, стр. 1230, прим. 4-е *Л. Н. Майковъ*. Къ вопросу объ исторіи Руссовъ жур. М. Н. Пр. 1893. г. № 5.

[2]) Исторія Руссовъ напечатана О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн." въ 1846 году и отдѣльно. О ней см. статьи и *С. М. Соловьева* „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу" въ Отечеств. Зап. 1848 и 1849 гг. *Карповъ*. Критическій обзоръ разработки главн. русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся" М. 1870 г. гл. IV. Характеристику автора „Исторіи Руссовъ" см. въ газетѣ Порядокъ 1881 г. № 97 (статья Н. И. Костомарова „поѣздка въ Батуринъ)" и № 128—„Въ защиту неизвѣстнаго покойника", возраженіе Н. И. Костомарову. Также названныя выше ст. *А. М. Лазаревскаго* и *Л. Н. Майкова* и ст. *В. П. Горленка* „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в. Кіев. Старина 1893 г. январь.

Судьба Малороссіи, впрочемъ, интересовала въ это время не однихъ только малороссовъ. Исторіей Малороссіи заинтересовался академикъ Г. Ф. Миллеръ, и ему принадлежатъ статьи „о началѣ происхожденія козаковъ“, затѣмъ „Извѣстія о запорожскихъ козакахъ“, напечатанныя въ апрѣльской и майской книгахъ „Сочиненій и переводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ“ за 1760-й годъ [1]). Кромѣ этихъ двухъ статей, сохранилось въ портфелѣ Миллера нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ исторіи запорожскихъ козаковъ и Малороссіи и напечатанныхъ только впослѣдствіи О. М. Бодянскимъ [2]). Несомнѣнно, пробужденіе интереса къ знакомству съ прошлымъ Малороссіи и малорусскаго народа стоитъ и здѣсь въ тѣсной связи съ вопросомъ объ измѣненіяхъ въ малорусскомъ административномъ строѣ, который былъ тогда поставленъ на очередь въ правительственныхъ сферахъ и который, естественно, обращалъ вниманіе на своеобразную страну, ничѣмъ не похожую на Великороссію ни въ своемъ прошломъ, ни въ настоящемъ. Только этимъ мы и можемъ объяснить появленіе многихъ трудовъ о Малороссіи, которые хотя были напечатаны и много лѣтъ спустя, но которые свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пробужденіи интереса къ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка, даже независимо отъ желанія отстоять ея привилегіи, желанія, несомнѣнно руководившаго, напримѣръ, Г. А. Полетикой и нѣкоторыми изъ уроженцевъ—малороссовъ. Назовемъ трудъ Петра Симоновскаго „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ дѣлахъ“, составленное въ 1765 г. и напечатанное уже Бодянскимъ въ 1847 году [3]) или, наконецъ, „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ и козакахъ вообще“ А. Ригельмана (1785—1786 г.) [4]). Если съ строго научной точки зрѣнія труды эти, можетъ быть, и не

---

[1]) Апрѣль стр. 291—334; май 387—444.

[2]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. 1847 г. № 3—6 и отдѣльно.

[3]) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. 1847 г. № 4 и 8 и отдѣльно.

[4]) Тамъ же № 5—9 и отдѣльно. Рецензія К. Д. Кавелина. Въ „Современникѣ“ 1847 г. № 3, 5, 6 и 8.

выдерживаютъ во многомъ критики, то съ точки зрѣнія исторіографіи и затѣмъ стремленія къ изученію извѣстнаго народа и страны, они, несомнѣнно, имѣютъ свое значеніе, хотя бы какъ показатели умственныхъ интересовъ извѣстной эпохи и извѣстной группы людей.

Что такіе люди существовали во второй половинѣ XVIII в., у насъ есть много свидѣтельствъ. Извѣстный Василій Рубанъ, уроженецъ Малороссіи, издалъ нѣсколько источниковъ, относящихся къ исторіи Малороссіи въ ея отдаленномъ или ближайшемъ прошломъ[1]). Г. А. Полетика, сказали мы, собиралъ матеріалъ для исторіи Малороссіи еще раньше Рубана, и послѣ него осталось драгоцѣнное десятитомное собраніе матеріаловъ, поступившихъ недавно въ библіотеку университета св. Владиміра вмѣстѣ съ другими бумагами Г. А. Полетики [2]), пріобрѣтенными у его родственниковъ М. О. Судьенкомъ. Г. А. Полетика, судя по словамъ сына, задумывалъ написать исторію Малороссіи. Неприведенное въ исполненіе дѣло отца продолжалъ и сынъ его Василій Григорьевичъ. Въ одномъ изъ писемъ къ гр. Румянцеву В. Г. Полетика пишетъ, что „начертаніе" исторіи Малороссіи было дѣломъ его отца, „а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ[3])". В. П. Горленко предполагаетъ даже въ В. Г. Полетикѣ автора „Исторіи Руссовъ[4])". Какъ бы

---

[1]) Парнасскій Щепетильникъ 1770 г. декабрь „Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ Россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣнія польскомъ и потомъ опять россіянами взятыхъ, принадлежащія къ Россійской имперіи". Статья появилась безъ имени автора, но по предположенію А. М. Лазаревскаго (Указатель источниковъ для изученія Малор. края вып. I стр. 4) принадлежитъ Рубану. Въ 1773 г. Рубанъ напечаталъ „Краткія Политическія и Историческія извѣстія о Малой Россіи"; есть его работа затѣмъ о привилегіяхъ г. Кіева. Имъ издана также „Роспись митрополитовъ Кіевскихъ"; „Краткая лѣтопись Малой Россіи съ 1506 по 1776 годъ"; „Землеописаніе Малыя Россіи и др. Указатель изданій и сочиненій В. Рубана см. въ „Указателѣ источниковъ для изученія Малорусскаго края" А. М. Лазаревскаго. Нѣкоторыя изъ произведеній В. Рубана напечатаны были въ „Магазинѣ" Бюшинга.

[2]) Рукописный отдѣлъ библіотеки св. Владиміра.

[3]) Кіевская Старина 1891 г. кн. 4 стр. 111.

[4]) *В. П. Горленко* „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX ст. „Кіев. Стар." 1893 г. января стр. 69 и слѣд.

то ни было, а въ семьѣ Полетики поддерживалась любовь къ малорусской исторіи и зрѣла мысль объ ея разработкѣ. Съ Полетиками былъ близокъ извѣстный собиратель малорусской старины А. И. Чепа, и нельзя отрицать, что на немъ отражалось вліяніе традицій семьи Г. А. Полетики, ревностно собиравшаго матеріалъ для исторіи Малороссіи. Часть матеріаловъ, собранныхъ А. И. Чепой, была дана молодому Я. М. Марковичу, который задумалъ писать подробную исторію Малороссіи, и погибла въ Петербургѣ, по кончинѣ Я. М. Марковича[1]). Послѣдній умеръ рано, 20 лѣтъ, но былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ, серьезныхъ и начитанныхъ людей своего времени. Плодомъ занятій Я. М. Марковича Малороссіею явились небольшія, въ 98 стр., „Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ", изданныя въ 1798 году. По черновымъ бумагамъ Я. М. Марковича, сохранившимся у родственниковъ его, можно видѣть, какой эрудиціей обладалъ этотъ человѣкъ и съ какой солидной подготовкой онъ подходилъ къ своему дѣлу, занятію исторіей Малороссіи. Небольшая его книжка, названная выше, судя по всему, должна была служить началомъ этой „исторіи". Въ „исторіи" Я. М. Марковича мы, несомнѣнно, имѣли бы трудъ научный, написанный со всѣми пріемами, которые выработала тогдашняя научная историческая критика. Здѣсь мы можемъ говорить уже о чисто научной постановкѣ разработки малорусской исторіи, безъ всякой практической тенденціозной цѣли, которая налагала на историческіе труды, поневолѣ, характеръ какихъ то политическихъ памфлетовъ, какъ то мы видимъ, напримѣръ, въ запискахъ Г. А. Полетики или въ „Исторіи Руссовъ". Труды Я. М. Марковича и др. также согрѣты и вызваны патріотизмомъ, любовью къ родинѣ; только патріотизму этому не приносится въ жертву фактическая сторона, какъ это бывало въ недавнее время, въ той же второй половинѣ XVIII вѣка.

Я. М. Марковичъ, какъ мы видѣли, началъ изученіе Малороссіи съ современнаго ему ея состоянія. Это было вполнѣ

---

[1]) Объ этомъ см. письма А. И Чепы въ Кіев. Стар. 1890 г. № 5, а также ст. *Горленка* „Изъ исторіи южно-русскаго общества"—тамъ же 1893 январь.

раціонально, такъ какъ о Малороссіи и малороссахъ знали въ то время и затѣмъ въ первой половинѣ XIX столѣтія очень мало. Въ Малороссію предпринимались великорусскими людьми путешествія, точно въ совершенно имъ невѣдомую страну, и, благодаря этимъ путешествіямъ съ записками на лету впечатлѣній автора и очень скорыми и поверхностными заключеніями и обобщеніями о народѣ, его нравахъ и обычаяхъ,—въ публику проникало много невѣрныхъ свѣдѣній и прямо таки анекдотовъ, которые, будучи выдуманы въ досужій часъ, приводились для характеристики яко-бы малороссовъ[1]). Не лучше было знакомство съ Малороссіею и администраціи. Мы ужъ упоминали о томъ, какія затрудненія испытывалъ послѣдній гетманъ, явившись управлять родной, но ему совсѣмъ невѣдомой страной, Малороссіей. Поверхностное знакомство со страной видно и у его ближайшаго помощника Теплова, въ его „Запискѣ[2])“. При Румянцевѣ, правда, было произведено всестороннее описаніе Малороссіи, составлена знаменитая Румянцевская Опись, но, благодаря начавшимся войнамъ, а затѣмъ ломкѣ малорусскаго строя, администрація, повидимому, не успѣла воспользоваться добытыми свѣдѣніями, и Малороссія, такимъ образомъ, по прежнему, оставалась страной малоизвѣстной. Это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой—естественная потребность ближайшаго знакомства съ родиной, думается намъ, руководили извѣстнымъ издателемъ „Россійскаго Магазина“ Федоромъ Туманскимъ, когда онъ 6 декабря 1779 года представилъ Румянцеву проэктъ о всестороннемъ изученіи Малороссіи. Избранный корреспондентомъ Академіи наукъ, Туманскій находилъ необходимымъ „остающееся отъ должности свободное время посвятить полезнымъ отечеству своему наукамъ и знаніямъ“ и, поэтому, просилъ Румянцева собрать чрезъ подвѣдомственныхъ лицъ свѣдѣнія о Ма-

---

[1]) Объ этихъ путешествіяхъ см. ст. *Л. Д. Синицкаго* въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 и 1893 года. Какъ образецъ нелѣпостей, которыя разсказывались о Малороссахъ см. „Малороссіяне“ П Свиньина „Картины Россіи“ Спб. 1830 года страницы 311—317.

[2]) *Кулишъ*. Записки о южной Руси т. II. стр. 175—196.

лороссіи по двумъ, приложеннымъ имъ, Туманскимъ, программамъ, изъ которыхъ одна касается городовъ, другая селъ, слободъ, хуторовъ, займищъ; причемъ первая состоитъ изъ 50 §§, вторая только изъ 23. Програмы эти въ высшей степени люлюбопытны и касаются времени поселенія того или другаго мѣста, положенія его, управленія, количества жителей, ихъ языка, одеждъ, причемъ, если найдутся живописцы, необходимо приложить рисунки; затѣмъ въ программу входили также достопримѣчательности города, свѣдѣнія о торгахъ, промышленности, лѣсахъ, рыбахъ, звѣряхъ, водящихся вокругъ описываемаго мѣста; требовалось указать также, игралъ-ли данный городъ какую нибудь роль въ административномъ отношеніи; нѣтъ ли гдѣ въ канцеляріяхъ или у частныхъ людей какихъ нибудь древнихъ о Малороссіи записокъ или лѣтописей, а если есть, то требовалось сообщить съ нихъ списки. Программа требовала также свѣдѣній о народныхъ суевѣріяхъ, примѣтахъ, обрядахъ свадебныхъ и др. Словомъ, повторяемъ, программа касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ въ изслѣдованіи Малороссіи, разработана очень подробно, такъ что составитель внесъ даже примѣрные отвѣты, которые должны были быть даны по тому или другому вопросу [1]).

Программа Федора Туманскаго для насъ имѣетъ особое значеніе. Не говоря уже о томъ, что въ ней проявляется та любовь къ изученію родной страны, которая такъ живо пробудилась у малорусской интеллигенціи конца XVIII и начала XIX вѣка, программа Туманскаго, повидимому, не осталась и безъ практическаго вліянія. Она такъ сходна съ планомъ, по которому составлено впослѣдствіи „Топографическое Описаніе Черниговскаго Намѣстничества А. Шафонскаго [2])", что врядъ ли можно сомнѣваться, что программа Федора Туманскаго вызвала этотъ трудъ. Она несомнѣнно лежитъ также и въ основѣ

---

[1]) Подлинникъ этого проэкта см. въ бумагахъ Румянцева, поступившихъ изъ библіотеки М. О. Судьенка въ рукописный отдѣлъ библіотеки университета св. Владиміра.

[2]) Издано М. О. Судьенкомъ въ 1851 году.

„Описанія черниговскаго намѣстничества“ Дм. Пащенка [1]). Наше соображеніе, думается намъ, подтверждается временемъ появленія трудовъ Дм. Пащенка въ 1781 и Аф. Шафонскаго въ 1786 г.—въ годы, слѣдующіе непосредственно за представленной 6 декабря 1779 г. программой Федора Туманскаго, а еще болѣе самымъ способомъ собиранія свѣдѣній чрезъ лицъ мѣстной администраціи, подвѣдомственной гр. Румянцеву, т. е. способомъ, который рекомендовалъ Туманскій въ своемъ проэктѣ изученія Малороссіи. Если наше предположеніе вѣрно, то невѣрно мнѣніе, будто иниціатива труда принадлежитъ Румянцеву и что имъ „начертанъ общій планъ работы“, а Шафонскому принадлежитъ разработка частностей [2]). По словамъ Н. В. Стороженка, трудъ Шафонскаго „наравнѣ съ румянцевскою генеральною описью является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ свѣдѣній для исторіи Украины во второй половинѣ XVIII вѣка [3]“). Въ виду то этого, для насъ пріобрѣтаетъ особенную важность то обстоятельство, что трудъ этотъ возникъ по частной иниціативѣ, и если впослѣдствіи мысль объ изслѣдованіи Малороссіи была усвоена высшей администраціей и приведена въ исполненіе, то картина отъ этого нисколько не мѣняется. Планъ Туманскаго лишній разъ показываетъ, что потребность знать исторію и настоящее положеніе родины вполнѣ созрѣла и укоренилась у малорусской интеллигенціи къ началу XIX вѣка; поэтому, нисколько не удивительно, что потребность эта еще больше сознается теперь, а потому дѣлаются и попытки къ ея удовлетворенію болѣе серезныя, чѣмъ то мы видѣли даже въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Увлеченіе исторіей и этнографіей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, имѣвшее свои корни въ общемъ направленіи европейской мысли [4]), могло найти уже достаточно, какъ мы

---

[1]) Издано А. М. Лазаревскимъ въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго Статистическаго Комитета 1868 г. к. II вып. 1 и 2.

[2]) *Н. В. Сторженко.* Исторія составленія „Топографическаго Описанія Черниговскаго Намѣстничества“ Шафонскаго Кіев. унив. Изв. 1886 г. № 10.

[3]) Тамъ же стр. 135

[4]) *А. Н. Пыпинъ.* Характеристика литературныхъ мнѣній. *Его-же* Исторія русской этнографіи.

видѣли, подготовленную почву въ Малороссіи и, повидимому, также не осталось безъ вліянія на разработку ея исторіи.

Мы не будемъ, конечно, перечислять всего, что сдѣлано для малорусской исторіи въ XIX вѣкѣ, такъ какъ наша цѣль вовсе не заключается въ томъ, чтобы написать исторію разработки малорусскаго прошлаго. Историческая справка въ этомъ отношеніи намъ необходима только для того, чтобы яснѣе выступило предъ читателемъ значеніе послѣднихъ работъ по малорусской исторіи и значеніе того направленія, которое эти работы приняли. Поэтому мы будемъ указывать только въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ явленія малорусской исторіографіи XIX вѣка, которыя, по нашему мнѣнію, такъ или иначе способствовали разработкѣ малорусской исторіи, внося ли новое освѣщеніе, ставя ли новые вопросы или сообщая новый матеріалъ, какъ то дѣлалъ, напримѣръ, О. М. Бодянскій[1]).

Въ XIX вѣкѣ исторія Малороссіи разрабатывается, главнымъ образомъ, малороссами, у которыхъ интересъ къ ней пробуждается естественно, какъ къ исторіи родной страны. Бывали, конечно, и исключенія отсюда, въ видѣ хотя бы замѣчательныхъ, по своему времени, статей С. М. Соловьева „Очерки исторіи Малороссіи до соединенія ея съ Великою Россіею[2])" или не вполнѣ удовлетворительнаго „Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи" преосв. Филарета[3]); но труды

---

[1]) Свѣдѣнія о разработкѣ малорусской исторіи въ концѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ вѣкѣ можно найти въ книгѣ проф. *В. С. Иконникова:* Опытъ русской исторіографіи т. I, Кіевъ 1891—92 г; также у проф. *Д. И. Багалѣя,* Новый историкъ Малороссіи, рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи" Спб. 1894; у *Карпова,* Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до Малороссіи относящихся М. 1870 г.; у *А. Н. Пыпина,* Исторія русской этнографіи, т. III, этнографія малорусская; въ статьяхъ: *А. М. Лазаревскаго* „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ" Кіев. Ст. 1891 г. кн. 4-я и *В. П. Горленка* „Изъ исторіи южно-русскаго общества" Кіев. Стар. 1893 г. кн. I. См. также *А. М. Лазаревскаго* „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края" вып. I, Спб. 1858 г.

[2]) „Отеч. Записки" 1848 г. № 11 и 12 и 1849 № 2.

[3]) Объ „Историко-статистическомъ описаніи Черниговской губерніи" смотра *А. М. Лазаревскій.* „Описаніе старой Малороссіи т. I стр. XV—XVI (предисловіе); также *проф. Д. И. Багалѣй.* Новый историкъ Мороссіи, стрл. 7—9.

эти носили чисто случайный характеръ и въ исторіи малорусской исторіографіи они являются трудами, такъ сказать, эпизодическими, а потому и не оказавшими большого вліянія на разработку малорусской исторіи. Больше занимался малорусской исторіей въ послѣднее время Г. Ф. Карповъ [1]), но его работы носятъ узко-спеціальный, не лишенный притомъ тенденціозности, характеръ, и, ужъ поэтому одному, онъ не могъ быть двигателемъ разработки малорусской исторіи, тѣмъ болѣе, что на сколько онъ былъ искусенъ въ критикѣ источниковъ, на столько онъ былъ слабъ въ широкихъ обобщеніяхъ и объясненіи фактовъ малорусской исторіи, т. е. именно въ тѣхъ сторонахъ историческаго изученія, которыя являются главными двигателями научной разработки исторіи, какъ науки общественной. Здѣсь у Г. Ф. Карпова на каждомъ шагу сказывалось полное незнакомство съ внутренней исторіей Малороссіи и полная неподготовленность къ занятію ею [2]), обусловленная слишкомъ узкой спеціализаціей въ области изученія малорусскихъ памятниковъ и критики отдѣльныхъ фактовъ, спеціализаціей, можетъ быть, и полезной въ извѣстномъ смыслѣ, но ужъ совсѣмъ, повторяемъ, неспособной явиться двигателемъ исторической науки впередъ.

Возвращаясь къ малороссамъ, мы должны прежде всего сказать, что тотъ интересъ къ малорусской исторіи и старинѣ, который мы замѣчали въ концѣ XVIII вѣка среди малорусской интеллигенціи продолжаетъ существовать и въ началѣ XIX вѣка. Недавно, въ іюлѣ 1894 г., А. М. Лазаревскій напечаталъ въ „Кіевской Старинѣ“ „Словарь малорусской старины, составленный въ 1808 году В. Я. Ломиковскимъ“. Словарь этотъ представляетъ собою объясненіе многихъ предметовъ, существовавшихъ въ старой Малороссіи, которые стали забываться те-

---

[1]) Главный трудъ *Г. Ф. Карпова* „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся М. 1870 г.“. Затѣмъ: „Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великой Россіей“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г. ч. 158.

[2]) Въ этомъ отношеніи интересна статья Г. Ф. Карпова „О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи“. Рус. Арх. 1875, II.

перь, съ измѣненіемъ малорусскаго общественнаго строя. Здѣсь мы находимъ объясненія, касающіяся администраціи, титуловъ, одеждъ, учебныхъ заведеній и пр. Словарь явился, несомнѣнно, плодомъ долгихъ занятій Ломиковскаго малорусской стариной. Судя по краткимъ, дошедшимъ до насъ біографическимъ свѣдѣніямъ, Ломиковскій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, затѣмъ поселился въ своей слободѣ вблизи Миргорода, занимался сельскимъ хозяйствомъ, древностями и книгами, собирая „припасы для малороссійской исторіи", въ надеждѣ, вѣроятно, заняться когда-нибудь ея составленіемъ. Ломиковскій принадлежитъ безпорно къ тѣмъ любителямъ малорусской старины [1]), которыхъ, мы видѣли, было не мало въ то время и которые создавали потребность въ полной исторіи Малороссіи, откуда бы систематически можно было ознакомиться съ прошлымъ родной страны. Въ числѣ людей, подобныхъ Ломиковскому, мы встрѣчаемъ М. Ф. Берлинскаго, которому принадлежитъ нѣсколько статей по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ малорусской исторіи, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ начала XIX вѣка. Среди статей М. Ф. Берлинскаго мы находимъ „Покореніе Кіева Гедиминомъ", „Раздѣленіе Малороссіи на полки", „О городѣ Кіевѣ", „О кіевской академіи" и др. [2]). Труды эти въ настоящее время уже забыты и въ научномъ отношеніи они, пожалуй, не представляютъ интереса. Они любопытны только, какъ показатели направленія тогдашней малорусской исторіографіи и расширенія области ея сообразно, конечно, съ тѣми вкусами, которые развивались у малорусской интеллигенціи и, въ особенности, среди любителей малорусской старины, къ которымъ принадлежалъ и М. Ф. Берлинскій, и вкусы и запросы которыхъ вырабатывались, по мѣрѣ знакомства ихъ съ матеріалами, долженствующими служить „запасами для малороссійской исторіи".

Цѣлый рядъ фактовъ, на которые мы имѣли случай уже не разъ указывать, говорятъ намъ, что потребность въ систе-

---

[1]) См. предисловіе *А. М. Лазаревскаго* къ „Словарю малорусской старины В. Я. Ломиковскаго". „Кіевск. Стар." 1894 г. іюль, приложенія.

[2]) Статьи Берлинскаго помѣщались въ журналѣ „Улей" 1811 г. № 1, 3 и 8, а также въ „Соревнователѣ Просвѣщенія" 1819 г. и отдѣльно.

матической, сравнительно полной, исторіи Малороссіи давно уже была сознана среди малорусской интеллигенціи, дѣлались и попытки въ этомъ направленіи, остававшіяся безъ исполненія, пока въ 1822 году не появилось въ свѣтъ, въ 4 томахъ, первое изданіе „Исторіи Малой Россіи" Д. Н. Бантышъ-Каменскаго вышедшее затѣмъ, въ нѣсколько измѣненномъ и переработанномъ видѣ въ 1830 году [1]). Какъ первая попытка систематическаго изложенія малорусской исторіи, трудъ Бантышъ-Каменскаго представляетъ, конечно, много недочетовъ и страдаетъ, главнымъ образомъ, отсутствіемъ критики при выборѣ источниковъ; но въ исторіи разработки малорусскаго прошлаго ему все-таки принадлежитъ видное мѣсто. „Исторія Малой Россіи" обнимаетъ собой періодъ отъ древнѣйшихъ временъ русской исторіи и оканчивается уничтоженіемъ гетманства въ Малороссіи; при чемъ авторъ главное свое вниманіе обращаетъ на событія политической жизни малорусскаго народа послѣ присоединенія его къ Россіи. Заслуга Бантышъ-Каменскаго заключается въ связномъ разсказѣ этихъ событій и въ опубликованіи многихъ свѣдѣній изъ малорусской исторіи, почерпнутыхъ имъ изъ ненапечатанныхъ источниковъ или изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Это ставило, естественно, вопросъ о малорусской исторіи на почву научной разработки, и если въ настоящее время, какъ выражается проф. Д. И. Багалѣй, трудъ Бантышъ-Каменскаго представляетъ „только библіографическій интересъ [2])", то, несомнѣнно, въ свое время онъ много способствовалъ развитію малорусской исторіографіи, являясь исходною точкою для многихъ работъ по малорусской исторіи, возбуждая новые вопросы для разработки и давая для нихъ первый матеріалъ, который затѣмъ пополнялся, провѣрялся и исправлялся новымъ матеріаломъ, архивнымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя отрицать значенія книги Бантышъ-Каменскаго даже для такихъ трудовъ, какъ „Исторія Россіи" С. М. Соловьева и монографіи по ма-

---

[1]) Объ „Исторіи" Д. Н. Бантышъ-Каменскаго см. *Карповъ*. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до Малороссіи относящихся гл. II.

[2]) *Проф. Д. И. Багалѣй*. Новый историкъ Малороссіи, стр. 3.

лорусской исторіи Н. И. Костомарова, не говоря уже о другихъ трудахъ, болѣе раннихъ и болѣе мелкихъ.

Почти въ одно время съ Бантышъ-Каменскимъ писалъ свою „Исторію Украины" и Алексѣй Ивановичъ Мартосъ [1]). Изъ его труда въ печати появилось только двѣ главы изъ третьяго тома которыя напечатаны въ „Сѣверномъ Архивѣ" за 1822 годъ [2]), подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ Исторіи Малороссіи". Статья эта описываетъ событія наканунѣ битвы подъ Берестечкомъ и событія, которыя слѣдовали непосредственно за этой битвой. Основана она, главнымъ образомъ, на свидѣтельствахъ Шевалье и Пасторія, никакихъ новыхъ фактовъ не сообщаетъ, оригинальнымъ взглядомъ не отличается [3]), а потому особаго значенія въ развитіи малорусской исторіографіи имѣть не могла. Весь трудъ А. И. Мартоса былъ оконченъ въ 1839 г. и, представленный императору Николаю I, получилъ награду. Напечатанъ онъ не былъ, но изъ рецензіи, при которой трудъ А. Мартоса былъ представленъ Императору, мы знаемъ, что излагалъ онъ происшествія отъ начала Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи и дополнялъ, такимъ образомъ, трудъ Бантышъ-Каменскаго, у котораго событія до присоединенія Малороссіи къ Россіи изложены слишкомъ кратко. По словамъ рецензента „внутреннее достоинство труда Мартоса заключается въ отсутствіи всякихъ произвольныхъ изъясненій; авторъ излагаетъ событія просто, не мудрствуя лукаво; излагаетъ ихъ, какъ историкъ, а не какъ умозрительный философъ, нерѣдко подчиняющій вещи и лица своимъ апріористическимъ убѣжденіямъ". Недостатокъ труда А. И. Мартоса рецензентъ находитъ въ отсутствіи всякихъ указаній на источники, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ свои свѣдѣнія; затѣмъ въ томъ, что „Мартосъ не обратилъ вниманія на нравы и внутренній бытъ малороссіянъ, какъ извѣстно, очень ори-

---

[1]) О немъ см. Маякъ 1845 г. т. 23 смѣсь стр. 78—90.

[2]) Сѣверный Архивъ 1822 г. ч. 3. № 13 стр. 3, № 14 стр. 99; 1823 г. ч. 5 № 6 стр. 461.

[3]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ кн. I. М 1850 г. Приложеніе II, указатель статей, помѣщенныхъ въ Сѣверномъ Архивѣ стр. 9 № 32.

гинальные, что лишаетъ его книгу одного изъ важнѣйшихъ историческихъ интересовъ. Хронологія не вездѣ соблюдена, а этнографическое состояніе страны совсѣмъ выпущено изъ вида". Впослѣдствіи Мартосъ исправилъ свою „Исторію", сообразно съ замѣчаніями рецензента, сдѣлалъ вездѣ ссылки на источники, но трудъ его такъ и остался ненапечатаннымъ [1]).

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ русской наукѣ обнаружилось особое движеніе и съ этого времени начинается новый періодъ въ разработкѣ нашей исторіографіи. Движеніе это стоитъ въ связи съ направленіемъ нѣмецкой философіи и исторіографіи; внѣшнее же основаніе этому движенію дала правительственная инаціатива, открывшая возможность новыхъ историческихъ предпріятій и выразившаяся въ посылкѣ профессоровъ за границу, въ учрежденіи археографической экспедиціи и пр. [2]). Движеніе это не осталось безъ вліянія и на разработку малорусской исторіи вообще и исторіи лѣвобережной украины въ частности. Оно несомнѣнно отражается, напримѣръ, на М. А. Максимовичѣ, который „становится необходимымъ участникомъ возникавшихъ въ Кіевѣ научныхъ предпріятій". Въ 1835 году Максимовичъ становится членомъ комитета для отысканія древностей; въ 1841 году хлопочетъ, но неудачно, объ основаніи въ Кіевѣ историческаго общества; принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ „Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ", основанной въ 1843 году при кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ; по порученію губернатора Фундуклея редактируетъ издававшееся тогда „Обозрѣніе Кіева" и т. д. [3]). М. А. Максимовичу принадлежитъ также нѣсколько самостоятельныхъ работъ по исторіи Малороссіи, въ которыхъ онъ сообщалъ богатый матеріалъ по политической и бытовой исторіи, не потерявшій значенія и до настоящаго времени. Таковы, напримѣръ, труды М. А. Мак-

---

[1]) Маякъ 1845 г т. 23 смѣсь стр. 87—89. Не Устряловъ ли былъ этимъ рецензентомъ Мартоса?

[2]) *А. Н. Пыпинъ* Характеристики литературныхъ мнѣній гл. 5.

[3]) О Максимовичѣ см. *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи. Т. III стр. 15 и слѣд.

симовича „Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ со временъ Богдана Хмельницкаго“, „Исторія Бубновской сотни Переяславскаго полка“ и др. Большинство трудовъ М. А. Максимовича носитъ критическій и библіографическій характеръ [1]). „На его долю, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, выпала трудная и неблагодарная задача—очищать источники малороссійской исторіи (преимущественно лѣтописные) и основанные на нихъ труды отъ заблужденій, ошибокъ и искаженій. Онъ расчищалъ почву для будущихъ трудовъ, создавалъ, по его собственнымъ словамъ, кирпичи для будущаго зданія южно-русской исторіи; изслѣдованія, статьи и замѣтки его относились ко всѣмъ отдѣламъ и періодамъ, въ томъ числѣ и къ лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Великой Россіи [2])“. Изъ такого характера историческихъ трудовъ М. А. Максимовича, думается намъ, видно, что, при всей почтенности ихъ, онъ не могъ внести новаго направленія въ разработку исторіи лѣваго берега Днѣпра. Обтесывая кирпичи для будущаго зданія, онъ не дѣлалъ попытки строить его, не рисовалъ даже плана. Труды М. А. Максимовича по лѣвому берегу носятъ вообще случайный, частичный характеръ, лишены опредѣленной системы и вызывались чисто случайными обстоятельствами, любовью-ли къ своему мѣсту жительства, какъ напр. „Исторія Бубновской сотни“, или желаніемъ опровергнуть невѣрное мнѣніе противника. Одно ужъ это обстоятельство отняло у нихъ возможность проложить новые пути въ изученіи малорусскаго прошлаго.

Одновременно съ дѣятельностью М. А. Максимовича въ Кіевѣ, происходила въ Москвѣ дѣятельность другаго малоросса, О. М. Бодянскаго. Онъ не былъ историкъ, и вся его дѣятельность въ направленіи историческомъ проявилась опубликованіемъ цѣлаго ряда, въ высшей степени, цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Матеріалы эти, напечатанныя въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей“, секретаремъ котораго долгое время былъ О. М. Бодянскій, много помогли

[1]) Историческія статьи М. А. Максимовича собраны въ 1 и 2 томѣ собранія его сочиненій К. 1876 г.

[2]) *Проф. Д. И. Багалѣй.* Новый историкъ Малороссіи, стр. 4.

дальнѣйшей разработкѣ малорусской исторіи [1]). Издательская дѣятельность для опубликованія матеріаловъ по малорусской исторіи процвѣтаетъ вообще въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ. Въ 1853 году М. О. Судьенко издаетъ, напримѣръ, 2 тома „Матеріаловъ для отечественной исторіи“, а еще раньше въ 1851 „Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго; Кіевская комиссія издаетъ малорусскія лѣтописи [2]); въ 1856 г. П. А. Кулишъ издаетъ „Записки о южной Руси“, а Н. М. Бѣлозерскій „Южно-русскія лѣтописи“. Въ это же время (съ 1862 года) начинается изданіе „Актовъ, относящихся до исторіи южной и западной Россіи“, заключающихъ въ себѣ много новаго матеріала, преимущественно, впрочемъ, по исторіи политической.

Что касается разработки малорусской исторіи въ это время, то, кромѣ небольшихъ статей по разнымъ частнымъ вопросамъ малорусскаго прошлаго, разсѣянныхъ и затерянныхъ въ общихъ и оффиціальныхъ журналахъ—крупнымъ трудомъ является „Исторія Малороссіи“ Н. Марковича, вышедшая въ свѣтъ въ 1842—43 годахъ въ пяти томахъ,—двухъ текста и трехъ приложеній. Въ основу труда Марковича положена недостовѣрная „Исторія Руссовъ“, которая дополнена изъ другихъ лѣтописей, записокъ и труда Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Напечатанные въ приложеніяхъ документы списаны очень дурно, порой прямо таки лишены смысла, что заставляло нѣкоторыхъ историковъ, напр. Н. И. Костомарова, прямо таки игнорировать Исторіей Н. Марковича, въ чемъ, въ особенности, какъ извѣстно, упрекаетъ Костомарова Г. Ф. Карповъ [3]). Само собой разумѣется, „Исторія Малороссіи“ Н. Марковича не являлась про-

---

[1]) Объ О. М. Бодянскомъ см. *А. Н. Пыпинъ* Исторія русской этнографіи т. III, стр. 104 и слѣд.

[2]) О значеніи Кіевской Коммиссіи для исторіи Малороссіи см. „Кіевс. Стар.“ 1893 г. ноябрь „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Археографической Коммиссіи“ О дѣятельности ея см. историческій очеркъ О. И. Левицкаго „Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ 1893 г.

[3]) Критическій обзоръ разработки источниковъ, гл. III. Рецензіи на „Исторію Малороссіи“ Н. Марковича: *Н. Савельева* въ жур. Моск. Народн. Просв. 1843 № 8 въ Отеч. Зап. 1843 г. т. 28; *О. Сенковскаго* въ Библ. для чтенія 1843 № 1 и 2; на послѣднюю отвѣчалъ *П. А. Кулишъ* въ Москвитянинѣ 1843 г. № 5.

грессомъ въ дѣлѣ разработки малорусской исторіи. Интересъ ея въ наше время чисто уже библіографическій, да такимъ онъ былъ, въ сущности и съ самаго дня выхода ея въ свѣтъ. Для публики книга Н. Марковича, несомнѣнно, имѣла значеніе. Все изданіе давно раскуплено и составляетъ библіографическую рѣдкость.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ двухъ направленій въ разработкѣ исторіи Малороссіи лѣваго берега, которыя обозначались въ послѣднія десятилѣтія, мы, отступая нѣсколько отъ хронологическаго порядка, отмѣтимъ многія страницы, посвященныя Малороссіи въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, начиная съ X тома. Пользуясь матеріалами московскихъ архивовъ, носящими оффиціальный характеръ, и интересуясь исторіей Малороссіи по столько, по сколько она имѣетъ отношеніе къ Россіи, С. М. Соловьевъ долженъ былъ, естественно, обращать вниманіе на политическую сторону жизни Малороссіи, затрогивая ея внутреннюю жизнь только тамъ, гдѣ она имѣла прямое отношеніе къ Россіи, объясняла ли народныя возстанія противъ Россіи или же давала поводъ къ вмѣшательству Россіи во внутреннія дѣла Малороссіи и опредѣляла политику первой въ отношеніи послѣдней. Съ этой точки зрѣнія, „Исторія Россіи“, съ богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ ней, не осталась безъ вліянія на разработку малорусской исторіи, хотя дальнѣйшее направленіе въ этой разработкѣ принадлежитъ, конечно, не С. М. Соловьеву.....

Съ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія Исторіей Малороссіи начинаетъ заниматься систематически Н. И. Костомаровъ; въ тоже время начинаютъ появляться въ печати и небольшія замѣтки А. М. Лазаревскаго. Двумъ этимъ лицамъ принадлежитъ впослѣдствіи руководящее начало въ разработкѣ исторіи лѣвобережной Малороссіи. Дѣятельность ихъ, впрочемъ, шла совершенно различными путями. Художникъ по натурѣ, Н. И. Костомаровъ всегда предпочиталъ эфектные моменты въ жизни народовъ, на нихъ онъ останавливался въ своихъ изслѣдованіяхъ, оставляя въ сторонѣ сѣрую, будничную жизнь народа, дающую мало матеріала для вдохновеннаго художника. Поэто-

му труды его по исторіи Малороссіи касаются почти исключительно только такъ называемой „внѣшней“ исторіи: войнъ, самаго процеса борьбы партій и вообще тѣхъ драматическихъ и трагическихъ эпизодовъ, которыми такъ богата малорусская исторія. (Гетманство Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Руина, Мазепа и Мазепинцы, Полуботокъ и др.). Н. И. Костомарова интересовала и идейная сторона малорусскаго народа только тамъ, гдѣ малорусское идейное движеніе было облечено въ болѣе или менѣе эфектную форму, какъ то видимъ мы, напримѣръ, въ протестахъ противъ введенія религіозной уніи или въ арестѣ Полуботка. Увлекаясь преимущественно внѣшностью событій Н. И. Костомаровъ мало останавливался на внутренней жизни народа, былъ плохо знакомъ съ нею и если иногда дѣлалъ заключенія о ней, то заключенія эти страдали апріористичностью, а иногда и нѣкоторой произвольностью. На нихъ сказывалась та односторонность матеріала, по которому Н. И. Костомаровъ изучалъ исторію Малороссіи. Это были оффиціальные документы центральныхъ архивовъ, слишкомъ формальные, односторонніе, неточные, чтобы они могли вскрыть дѣйствительную жизнь со всѣми ея перипетіями [1]).

Въ иныхъ условіяхъ началась дѣятельность А. М. Лазаревскаго. Не обладая фантазіей художника и даромъ художественнаго изложенія, А. М. Лазаревскій мало интересовался драматическими эпизодами малорусской исторіи. Сѣренькая, будничная жизнь малорусскаго народа, которая въ концѣ концовъ скрывалась за шумными и эфектными картинами его борьбы—сдѣлалась предметомъ его изслѣдованій; въ ней, въ этой сѣренькой жизни, онъ видѣлъ и причины этой борьбы; въ ней онъ видѣлъ и сущность малорусской исторіи. Мысль, конечно, глубоко вѣрная. Наиболѣе полно она высказана впервые г. Лазаревскимъ въ его изслѣдованіи о посполитыхъ крестьянахъ, гдѣ указано, что крѣпостное право въ Малороссіи не введено извнѣ, а является продуктомъ 130-лѣтней жизни Малороссіи,

[1]) Полный списокъ трудовъ Н. И. Костомарова приложенъ къ посмертнымъ трудамъ его, изданнымъ подъ названіемъ „Литературное наслѣдіе“.

получившей уродливое развитіе. Доказательству этой уродливости и посвящена вся послѣдующая научная дѣятельность г. Лазаревскаго въ области разработки малорусской исторіи [1]). Судьба съ самаго начала этой дѣятельности поставила А. М. Лазаревскаго лицомъ къ лицу съ матеріалами, которые заключали въ себѣ драгоцѣнныя данныя для внутренней исторіи Малороссіи.—Мы разумѣемъ архивъ Генеральной Канцеляріи. переведенный теперь въ Харьковъ, и монастырскіе документы, хранящіеся въ архивѣ Черниговской Казенной Палаты и дающіе богатый матеріалъ для юридической и бытовой жизни Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Знакомство съ этимъ матеріаломъ, совершенно непохожимъ на матеріалъ, доступный Н. И. Костомарову, опредѣлило дальнѣйшую дѣятельность А. М. Лазаревскаго, выработало у него опредѣленные взгляды на малорусскую исторію, совершенно порой не похожіе на господствовавшіе въ наукѣ раньше, а иногда противорѣчившіе выводамъ и обобщеніемъ, напр., Н. И. Костомарова. Это же знакомство съ архивнымъ матеріаломъ, расширенное затѣмъ знакомствомъ съ Полтавскими и многими другими частными архивами, упрочила за А. М. Лазаревскимъ надолго славу единственнаго въ своемъ родѣ знатока малорусскихъ архивовъ и внутренней исторіи Малороссіи.

Различныя направленія, которымъ шли Н. И. Костомаровъ и А. М. Лазаревскій, имѣли своихъ послѣдователей. Одни изъ изслѣдователей шли путемъ, указаннымъ Н. И. Костомаровымъ, изслѣдуя внѣшнюю исторію Малороссіи или останавливаясь на тѣхъ случаяхъ „внутренней“ исторіи, которыя наиболѣе бросаются въ глаза, въ видѣ ли борьбы партій, бунтовъ и т. д.—другіе слѣдовали за А. М. Лазаревскимъ и обращали вниманіе на внутреннюю жизнь малорусскаго народа, на его соціальное

---

[1]) Труды его печатались въ „Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета въ—60-хъ годахъ; затѣмъ въ „Русскомъ Архивѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, а въ послѣднее время почти исключительно въ „Кіевской Старинѣ“. Отдѣльно въ послѣднее время вышли два тома „Описаніе Старой Малороссіи. Кіевъ, т. I-й въ 1888, а 2-й—въ 1893 году.

положеніе, на сословія, на экономическую борьбу и пр. [1]). Къ сожалѣнію только, ни тѣ, ни другіе не обнаруживали уже той подготовки и того широкого знакомства съ матеріаломъ, которымъ отличаются основатели двухъ выше названныхъ направленій, а потому послѣдующіе труды по малорусской исторіи, въ большинствѣ случаевъ, лишены какой нибудь оригинальной мысли. Обыкновенно они являются только болѣе или менѣе удачной группировкой новаго (да и то не всегда) матеріала, которымъ пользовался авторъ для иллюстраціи того или другого мнѣнія, заимствованнаго имъ у Н. И. Костомарова или у А. М. Лазаревскаго. Поэтому-то разработка и объясненіе малорусской исторіи почти и не прогрессируетъ: тѣ стороны малорусской жизни, которымъ не далъ объясненія, напр., А. М. Лазаревскій (вопросъ о землевладѣніи, напримѣръ), не объяснены и теперь, или же имъ даются объясненія, про которыя нѣмцы говорятъ, что они aus der Luft gegriffen [2]). Только въ самое послѣднее время появилась было свѣжая струя въ разработкѣ малорусской исторіи. Проф. И. В. Лучицкій заинтересовался исторіей крестьянскаго землевладѣнія въ Малороссіи, и результатомъ его занятій явился рядъ оригинальныхъ по мысли статей по исторіи общиннаго, [3]) сябриннаго [4]) и заимочнаго землевладѣнія [5]) въ лѣвобережной Малороссіи. Въ тоже время проф. Д. И. Багалѣй началъ изслѣдованіе городскаго самоуправленія на лѣвомъ

---

[1]) Разработка малорусской исторіи (лѣваго берега) въ послѣднее время сосредоточена, главнымъ образомъ, въ „Кіевской Старинѣ". Отдѣльныя статьи попадались и въ общихъ русскихъ журналахъ (Слово, Отеч. Записки, Вѣстникъ Европы, Русская Мысль), а также въ русскихъ историческихъ (Русская Старина, Историч. Вѣстникъ, Русскій Архивъ, Чтенія въ О-вѣ исторіи и древностей и др.).

[2]) Напр. ст. г. *Шликевича* „Лучше ли жилось въ Малороссіи 100 лѣтъ назадъ?" въ „Земс. Сбор. Чернигов. губ." 1890 № 11—12.

[3]) Отеч. Записки. 1882 г. № 11 Проф. И. В. Лучицкимъ изданъ также „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Малороссіи" К. 1884.

[4]) Сѣверный Вѣстникъ 1889 № 1 и 2.

[5]) Юридич. Вѣст. 1890 г. мартъ.

берегу Днѣпра [1]). Къ сожалѣнію только, работы эти пока пріостановились [2]).

Послѣ всего того, что сказано о разработкѣ малорусской исторіи, станетъ, думается намъ, понятнымъ то выдающееся значеніе, которое долженъ занять въ малорусской исторіографіи трудъ В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи", появившійся въ видѣ трехъ статей въ „Русскомъ Богатствѣ" за текущій годъ. Читателя поражаетъ, во первыхъ, обиліе матеріала, которымъ пользовался авторъ. Кромѣ печатныхъ источниковъ и литературы, онъ пересмотрѣлъ кіевскій центральный архивъ и рукописи библіотеки университета св. Владиміра, архивъ харьковскій историческій и черниговской казенной палаты, затѣмъ рукописи библіотеки А. М. Лазаревскаго и др., генеральныя слѣдствія о маетностяхъ и пр. Ужъ такое широкое знакомство съ матеріаломъ выдѣляетъ В. А. Мякотина изъ ряда обыкновенныхъ изслѣдователей малорусской исторіи и ставитъ его наряду съ лучшими знатоками малорусскаго архивнаго матеріала. Это же знакомство вліяетъ какъ на постановку темы нашего автора, такъ и на разработку ея. Занявшись, повидимому, частнымъ вопросомъ—прослѣдить исторію прикрѣпленія малорусскаго крестьянства, В. А. Мякотинъ не ограничивается одной только новой группировкой матеріала, какъ это нерѣдко дѣлали изслѣдователи малорусской исторіи до него, но вводитъ исторію прикрѣпленія крестьянства въ связь съ исторіей общественно-соціальнаго строя Малороссіи вообще. Хотя основная мысль автора, что образованіе крѣпостного права есть продуктъ исключительно внутренней жизни Малороссіи, не нова и заимствована у А. Ф. Кистяковскаго [3]) и А. М. Лазаревскаго [4]), но за то нова самая постановка вопроса,

---

[1]) Жур. М-ва Нар. Просв. 1892 г. № 3.

[2]) Сравнительно подробный очеркъ трудовъ по малорусской исторіи за последнее время у *А. Н. Пыпина* „Исторія русской этнографіи, т. III, этнографія малорусская. См. также *проф. Д. И. Багалѣй* „Новый историкъ Малороссіи", стр. 1—14.

[3]) „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи" *Основа* 1862 № 1.

[4]) Малорусскіе посполитые крестьяне *„Записки черниговск. губерн. статистическ. комитета кн. I.* Черниговъ. 1866.

нова разработка частностей, нова та общая картина малорусскаго общественно-соціальнаго быта, которая такъ правдиво и мастерски, хотя, по необходимости, и кратко, нарисована В. А. Мякотинымъ въ первой изъ его статей. Съ этой точки зрѣнія, трудъ г. Мякотина долженъ, по нашему мнѣнію, начать новую эпоху въ разработкѣ малорусской исторіи, какъ начали такую эпоху въ 60-хъ годахъ труды А. М. Лазаревскаго. Широкая постановка вопроса о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи, захватывающая цѣлый рядъ общественныхъ отношеній, связанныхъ съ этимъ правомъ, естественно, ставитъ на очередь массу вопросовъ по исторіи Малороссіи, требующихъ болѣе детальной и всесторонней научной разработки, а рядъ оригинальныхъ мнѣній и соображеній нашего автора по отдѣльнымъ затронутымъ имъ вопросамъ, мнѣній, основанныхъ на широкомъ и всестороннемъ изученіи матеріала, подсказываетъ болѣе или менѣе удачное и вѣрное ихъ рѣшеніе. Особое достоинство труда г. Мякотина, при всей его краткости, обусловленной, конечно, появленіемъ статьи въ журналѣ, мы видимъ въ той общей мысли, которая руководитъ имъ въ его трудѣ, которая выгодно отличаетъ его отъ другихъ подобнаго рода современныхъ историческихъ трудовъ, расплывающихся въ мелочахъ, загроможденныхъ массой сырого матеріала, за которымъ, по большей части, становится незамѣтной и цѣль работы автора, и ея результаты, въ смыслѣ дѣйствительнаго изученія общества, а не отдѣльнаго выхваченнаго эпизода. Особенность трудовъ г. Мякотина вообще [1]) и труда, о которомъ мы говоримъ, въ частности—та, что авторъ всегда смотритъ на исторію, какъ на науку общественную, а потому, при историческомъ изученіи, всегда имѣетъ въ виду общество, а отдѣльные эпизоды самой мелкой, сѣрой, будничной жизни для него любопытны не an und für sich, какъ для нѣкоторыхъ историковъ, но онъ интересуется ими настолько, насколько они помогаютъ ему, какъ изслѣдователю, уяснить судьбы даннаго общества. Въ этомъ на трудахъ В. А. Мяко-

---

[1]) Ему принадлежатъ также „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ" Спб. 1888 г.; біографіи Адама Мицкевича и протопопа Аввакума, въ изданіи Ф. Ф. Павленкова „Жизнь замѣчательныхъ людей".

тина, безъ сомнѣнія, сказывается вліяніе опредѣленной исторической школы, которая въ настоящее время, правда, обрѣтается не въ авантажѣ, особенно у насъ въ Россіи, но которой безспорно принадлежитъ будущее, если только исторіи суждено сдѣлаться серьезной общественной наукой....

Ниже мы намѣрены познакомить читателей съ содержаніемъ труда В. А. Мякотина и, пользуясь случаемъ, высказать нѣсколько своихъ соображеній по исторіи малорусскаго общественнаго строя во второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ.

Николай Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ[1]).

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

(Окончаніе).

Проживая въ училищѣ ровно 6-ть лѣтъ, я не могу не вспомнить того времени, когда весною и лѣтомъ съ разсвѣта встанешь и пойдешь по лугу и лѣсу; тутъ же встрѣтишь и другихъ товарищей: одни доучиваютъ уроки, другіе прохаживаются и наслаждаются прохладою свѣжаго и здороваго воздуха, а третьи лазятъ между деревьями, кустами и разыскиваютъ птичекъ на гнѣздахъ. Соловьи, каждое утро и ночью такъ трещали и заливали пѣніемъ своимъ лугъ и лѣсъ, что, кажется, не вышелъ бы изъ луга и слушалъ бы это пѣніе. Къ чести учениковъ могу завѣрить, что я не зналъ, чтобы кто-нибудь истреблялъ яйца птицъ и убивалъ птенцовъ; они наблюдали надъ своими найденными птенцами и даже были сторожами гнѣздъ. Предъ праздникомъ св. Тройцы ученики, иногда съ разрѣшенія начальства, а по большей части тайно, ходили за 2 версты къ с. Хохотвѣ на большой островъ, находящійся на р. Роси, и рубили тамъ деревья на „клеченье" и массу молодого дерева приносили въ свои квартиры, а цвѣты и травы они находили въ своемъ лѣсу и лужку и такъ украшали свои комнаты, что любо было смотрѣть.

Въ мое время существовали въ училищѣ „дружки" — какая-то романтическая любовь одного ученика къ другому; не

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 10.

слыхалъ я, чтобы ученики во время этой любви занимались чѣмъ-либо худымъ, но знаю, что писали другъ другу письма, посылали гостинцы, и для этой цѣли существовали особые такъ называемые „почтари". Въ эти званія всегда избирались ловкіе ученики; они, понявъ выгодность этого дѣла, такъ какъ получали отъ обѣихъ сторонъ подарки, сами иногда устраивали эту любовь, держали ее въ секретѣ и очень часто злоупотребляли своею должностью. Зналъ я одного почтаря, сведшаго двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ не чувствовалъ никакой симпатіи къ другому, но онъ увѣрилъ перваго въ любви друга, носилъ ему подарки, письма, при чемъ послѣднія самъ сочинялъ, а гостинцы поѣдалъ; но скоро это обнаружилось, и почтарю была задана хорошая трепка. Но этотъ почтарь однако не унялся и продолжалъ свое дѣло. Я наблюдалъ за подобной любовью между учениками; выражалась она въ томъ, что двѣ влюбленныя личности посидятъ, поговорятъ, поцѣлуются и разойдутся. Не знаю, существуютъ-ли теперь въ училищѣ „дружки", или это принадлежитъ уже исторіи.

Въ концѣ 1859 г. или въ началѣ 1860 г. игуменъ Θеодоръ былъ уволенъ отъ должности смотрителя училища, а на его мѣсто назначенъ былъ іеромонахъ Нафанаилъ. Въ это время завѣдывалъ училищемъ инспекторъ Вишневскій; тогда я былъ уже въ высшемъ отдѣленіи. Послѣ игумена Θеодора, который учителей и учениковъ держалъ, какъ говорится, „въ ежевыхъ рукавицахъ", наступило полное безначаліе, раздолье и разгулъ для учениковъ. Учитель Буйницкій перешелъ въ г. Умань, а вступившій на его мѣсто Гдѣшинскій былъ хорошій человѣкъ, но не велъ такъ ученія по русскому языку, какъ Буйницкій: мало мы упражнялись въ составленіи сочиненій. Всѣ учителя были новые, надзоръ за учениками былъ плохой, т. ч. начали ученики безобразничать. Ученики высшаго отдѣленія, пользуясь старшинствомъ и силой и не видя предъ собою грознаго начальства, стали вполнѣ высказывать свое первенство. Однажды, помню, Загродскій, Авраамовъ и другіе за какую-то глупость

стали въ среднемъ отдѣленіи сѣчь учениковъ; объ этомъ донесено было инспектору и учителямъ. Когда явились учителя, то особенно возмутился этимъ учитель Левицкій, благодаря которому прекратился крикъ, шумъ и сѣченіе, а ученикамъ было объявлено, что если будетъ учениками высшаго отдѣленія произведено какое-либо насиліе надъ низшими, то они будутъ всѣ исключены. Затѣмъ ученикамъ средняго и низшаго отдѣленій объявлено было, что они такіе же ученики, какъ и ученики высшаго отдѣленія, и имѣютъ такое же право до прихода учителей прохаживаться по сѣнямъ училища: между учениками должно быть полное равноправіе. Объявлено это было при всѣхъ классахъ и строго на-строго приказано было ученикамъ высшаго отдѣленія не безобразничать, а, для пущей убѣдительности, инспекторъ и учителя стали называть учениковъ высшаго отдѣленія „ты" и чаще сѣчь, такъ-что малѣйшая провинность наказывалась строго. Тяжело было ученикамъ высшаго отдѣленія переносить потерю своихъ правъ, но все это они кое-какъ снесли. Одного только никакъ ученики высшаго отдѣленія не могли допустить, чтобы ученики средняго и низшаго отдѣленій прохаживались по сѣнямъ; едва только ученикъ низшихъ классовъ покажется въ сѣняхъ, сейчасъ ему и дадутъ „подзатыльника". Но это не дѣйствовало: ученики стали прохаживаться и при малѣйшемъ толчкѣ являлись съ жалобами къ учителямъ. Учителя были на ихъ сторонѣ, и старшіе ученики поневолѣ должны были поступиться и этимъ своимъ правомъ, такъ какъ ничего противъ силы не подѣлаешь. Въ 1860 г. у насъ не было смотрителя училища, а прибывшій на мѣсто смотрителя—іеромонахъ Нафанаилъ пріѣхалъ больнымъ и вскорѣ умеръ. Опять наступило безначаліе. А игуменъ Өеодоръ долго еще проживалъ въ монастырѣ, не состоя въ должности. Такъ какъ игумена не было, то Өеодоръ постоянно служилъ службы церковныя. Однажды, по окончаніи литургіи, вышелъ онъ, держа въ рукахъ свою настоятельскую палку, и прочиталъ нѣсколько стиховъ изъ посланій св. апостола Павла о почтеніи къ старшимъ. Мы никогда не видѣли посоховъ настоятельскихъ и предположили, что это новая награда игумену Өеодору. Замѣчательно,

что и учителя не знали, что это за посохъ и какое онъ значеніе имѣетъ. Инспекторъ Вишневскій объяснилъ учителямъ, что это настоятельскій посохъ, а отъ учителей и мы узнали. Помню также, какъ однажды послѣ литургіи въ воскресенье замѣтили мы, что пономарь среди церкви приготовляетъ аналой къ панихидѣ; послѣ литургіи, игуменъ Ѳеодоръ вышелъ съ іеромонахомъ и дьякономъ и началъ служить большую панихиду „по игуменѣ Ѳеодорѣ". Мы всѣ подняли глаза, недоумѣвая, что дѣлается; хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ началъ пѣть. И. д. смотрителя инспекторъ Вишневскій приказалъ черезъ ученика Чернявскаго хору не пѣть, и ученики ушли, а послушники сами стали пѣть и панихиду отслужили, какъ слѣдуетъ по чину. Не знаю, какимъ образомъ игумена Ѳеодора убрали изъ монастыря, но въ одинъ прекрасный день намъ сказали, что онъ уѣхалъ ночью, и мнѣ не пришлось болѣе видѣть его, но я слышалъ о его психическомъ разстройствѣ и о содержаніи его въ Кіево-Кирилловской больницѣ[1]).—Безначаліе, перемѣны всѣхъ учителей тяжело отражались на уровнѣ нашихъ познаній. Мало мы дѣломъ занимались, а учителя сами еще изучали свои предметы; намъ-же одно только руководство было и учителемъ, и разъяснителемъ: новаго ничего мы не знали, кромѣ того, что имѣли въ учебникахъ. Учителя видѣли, что мы имѣемъ много свободнаго времени, а между тѣмъ книгъ для чтенія у насъ не было, и потому одинъ изъ добрыхъ нашихъ учителей—Левицкій предложилъ мнѣ и другимъ лучшимъ ученикамъ изучать французскій языкъ. Я съ удовольствіемъ взялся за это дѣло. Далъ намъ Левицкій книги, и дѣло пошло впередъ, но инспекторъ Вишневскій, узнавъ объ этомъ, началъ надъ нами въ классѣ смѣяться, такъ что мы должны были прекратить занятія. Собирались же мы для занятій послѣ классовъ въ училищѣ.—Повторяю, что въ то время масса у насъ была свободнаго времени. Нужно сказать, что ученики ложились спать лѣтомъ и зимою очень рано, въ 9

---

[1]) Фактъ этотъ находится въ связи съ отобраніемъ отъ монастыря Богуславскаго земли гр. Браницкимъ, о чемъ см. мою статью „Богуславскій монастырь" въ „Кіев. Стар." 1892 г., № 8.

часовъ, а утромъ тоже очень рано вставали и до звонка въ классъ часа три имѣли свободнаго времени, къ которое не только можно было повторить выученное, но выучить и другіе уроки, — на другіе дни. Какъ говорилось „на свѣжую память" легче было выучить, чѣмъ днемъ, а потому послѣ обѣда способнымъ ученикамъ не было чего дѣлать, и они только рѣзвились на лужку.

Въ концѣ 1860 г. пріѣхалъ къ намъ новый смотритель училища, игуменъ Макарій, — человѣкъ съ среднимъ образованіемъ, окончившій курсъ семинаріи, и инспекторъ Вишневскій, какъ человѣкъ академическаго образованія, сталъ относиться къ нему непочтительно; учителя ему вторили, а мы, ученики, воспользовались такимъ отношеніемъ къ нему старшихъ и съ своей стороны стали на него смотрѣть не съ подобающею почтительностью и вниманіемъ; никого не боялись и дѣлали, что хотѣли. — Игумену Макарію на первыхъ порахъ предстояло много перенести непріятностей; не могъ онъ сразу сладить съ такимъ безначаліемъ, и волей-неволей ему, съ перваго момента, пришлось водворять чиноначаліе и порядокъ, а съ учениками необходимо было поступить построже. Я перешелъ въ семинарію въ 1861 г. и слыхалъ, что и. д. инспектора училища М—чь завелъ даже интересную переписку съ Макаріемъ, и семинарское правленіе должно было дать строгое предписаніе учителямъ и инспектору оказывать смотрителю Макарію должное уваженіе, покорность и почтеніе и учило ихъ понимать законы и обычаи чинопочитанія, не вдаваясь въ излишнія препирательства о преимуществѣ академическаго образованія предъ семинарскимъ.—Изъ-за пустого вопроса о подписи формуляра всплыло наружу все затаенное въ душѣ учителей неуваженіе къ смотрителю.

Въ 1863 г. Макарій былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто опредѣленъ инспекторъ Черкасскаго училища, кандидатъ академіи Назаръ Семеновичъ Котляровъ. Вступившій въ должность 23 марта 1864 г. Котляровъ уволенъ отъ должности по ревизіи, произведенной въ 1875 г. учителемъ Кіевской семинаріи г. Забѣлинымъ, за разнаго рода неисправности по

учебной и экономической части. Послѣ Котлярова смотрителями были свѣтскіе академисты, а настоятелями монастыря простые монахи, и начались между ними споры и несогласія. Смотрителя училищъ и учителя смотрѣли на монаховъ не съ должнымъ почтеніемъ; монахи же, считая себя хозяевами, тоже не очень почитали смотрителя.

Проживъ 6 лѣтъ въ училищѣ, я на всю жизнь сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе и глубокое уваженіе къ памяти моихъ учителей, особенно къ смотрителю игумену Ѳеодору. Прекрасное мѣстоположеніе училища и здоровый климатъ способствовали моему физическому воспитанію; строго религіозное направленіе преподавателей, отсутствіе всякихъ зарождающихъ скептицизмъ началъ, навсегда твердо положили въ мое сердце и душу чистыя религіозныя настроенія, вслѣдствіе чего вышелъ я изъ училища искренно преданнымъ религіи. Затѣмъ серьезное отношеніе игумена Ѳеодора къ учебной части и его преподавательскія дарованія внесли въ мой умъ знанія, сообразныя требованію училища. Хотя разгулъ втеченіе 2-хъ лѣтъ—въ высшемъ отдѣленіи — много добраго уничтожилъ, но твердость убѣжденія, чистота взглядовъ, какъ Божій даръ, сохранились у меня на всю жизнь, и память объ этихъ началахъ, положенныхъ въ училищѣ, священна для меня.

Теперь училище не при монастырѣ, а отдѣльно за мѣстечкомъ. Нѣтъ той рощи, которая давала здоровье дѣтямъ, и очень жаль, что, вопреки началамъ гигіены, взяли перевѣсъ личный интересъ и препирательство игуменовъ монастыря со смотрителями училищъ, а потому училище перенесли въ другое мѣсто. Нѣтъ того лужка, той рощи, гдѣ дѣти, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли и учили свои уроки,—кто на камнѣ, кто на деревѣ; нѣтъ того раздолья и свободы, которыя давали здоровье дѣтямъ, а богатое купанье въ чистой Роси и плаванье по ея сребристымъ волнамъ укрѣпляли и усиливали это здоровье.

Въ заключеніе вышесказаннаго не могу умолчать о стражѣ монастыря и училища. Хотя это и не имѣетъ прямаго отноше-

нія къ воспоминаніямъ, но интересно въ томъ отношеніи, что и животное, при той строгости, какая существовала тогда въ духовныхъ училищахъ, служило иногда утѣшеніемъ и развлеченіемъ для учениковъ.

Вступивъ въ училище, я засталъ громадной величины собаку; называлась она „Баланъ". Величиною Баланъ былъ съ полугодового хорошаго теленка, имѣлъ ужасный голосъ, отличался замѣчательнымъ умомъ и прожорливостью. Днемъ ни на кого не бросался, но ночью ревъ его былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Бѣгалъ онъ цѣлую ночь вокругъ монастырскихъ строеній и ученическихъ квартиръ и ни подъ какимъ предлогомъ никого изъ стороннихъ лицъ не впуститѣ ни въ монастырь, ни въ училище; по крайней мѣрѣ, при мнѣ ученики спали на дворѣ лѣтомъ, одежду, бѣлье, подушки бросали, гдѣ попало, но никогда никто не жаловался на совершеніе кражи; всѣ считали, что Баланъ это нашъ „стражъ". Баланъ былъ общій любимецъ какъ монаховъ, такъ и учениковъ. Зналъ онъ превосходно, въ какомъ часу и гдѣ обѣдаютъ. Ранѣе всего обѣдали въ монастырской трапезѣ; при началѣ обѣда Баланъ уже подъ окномъ, суетъ свою морду, послушники ему выносятъ обѣдъ. Затѣмъ онъ, заморивши червячка, бѣжитъ въ кухню игумена, а оттуда по ученическимъ квартирамъ. Вездѣ хорошенько поѣстъ онъ и ложится спать. Ученики до безумія любили Балана, послѣднимъ дѣлились съ нимъ; всякій ученикъ считалъ долгомъ поласкать его и что-нибудь дать. Но вотъ чѣмъ онъ былъ особенно любопытенъ. По пріѣздѣ съ каникулъ и праздниковъ, у каждаго ученика были деньги. Евреи булочники м. Богуслава знали это и съ пріѣздомъ учениковъ являлись въ училище съ корзинами булокъ и бубликовъ; учителя и ученики раскупали ихъ. Баланъ подмѣтилъ, когда евреи несутъ булки. Надо замѣтить, что вокругъ монастыря и училища съ сѣверной стороны игуменъ Ѳеодоръ провелъ канаву, очень широкую, чтобы монастырь казался на островѣ. Евреямъ съ булками прямѣе идти въ монастырь чрезъ канаву, а канава была довольно глубокая; благоустроеннаго прохода черезъ нее не было, а лежали каменья. Баланъ бывало ляжетъ въ травѣ возлѣ канавы и ждетъ еврея. Только

что еврей съ корзиной булокъ входитъ въ канаву на камешки, какъ Баланъ неизвѣстно откуда—„гавъ", и прямо къ еврею; еврей и сядетъ въ болотѣ, а баланъ стоитъ и не бросается на него. Надоѣстъ еврею такъ сидѣть, и вотъ онъ вынимаетъ изъ корзины булку и даетъ ее Балану, а тотъ хватилъ,—и въ одинъ глотокъ нѣтъ булки. Еврей пробуетъ встать и идти, а Баланъ его лапою по головѣ, но всегда легко, при чемъ непремѣнно залаетъ. Сидитъ несчастный еврей, дастъ опять булку—та же исторія. Послѣ классныхъ занятій ученики выбѣгаютъ погулять, услышатъ ревъ Балана, и кто-нибудь подбѣжитъ туда. Тутъ-то и начинается торгъ, результатомъ котораго является у ученика нѣсколько булокъ, за что ученикъ беретъ еврея за руку, выводитъ изъ канавы, еврей пресвободно идетъ въ квартиры учениковъ и производитъ продажу. Ученики нѣсколько разъ пытались украсть Балана; брали его съ собой на возы, но онъ всегда уходилъ въ монастырь. Мы съ братомъ однажды купили булокъ и бубликовъ, стали манить Балана, давали ему сначала по бублику, послѣ по булкѣ—онъ бѣжалъ за возомъ. Когда мы проѣхали 6 верстъ за мѣстечко, Баланъ подмѣтилъ, что у меня нѣтъ уже булокъ, съѣлъ послѣднюю и побѣжалъ обратно въ монастырь. Какъ и откуда онъ попалъ въ монастырь, никто не могъ объяснить; знаю только, что онъ погибъ уже отъ глубокой старости. Замѣчательна была у Балана еще одна черта: не могъ онъ выносить, чтобы съ нимъ при монастырѣ была другая собака,—непремѣнно задушитъ ее. Самъ—значитъ—желалъ быть стражемъ монастыря и училища.

П. Клебановскій.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1]).

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

Веселиться намъ было время и было много способовъ. Дома мы, какъ малолѣтніе и считавшіеся глупенькими, могли только мѣшать нашимъ родителямъ въ ихъ работахъ, а потому насъ охотно пускали на улицу. А тамъ на улицѣ развѣ нужно было выдумывать игры? Богатство растительной и животной природы, непосредственная наша близость съ нею представляли намъ массу интереснаго и развлекающаго. Нашли кленовый листокъ—и готова хлопушка; подошли къ тополи—и изъ ея длинныхъ желтыхъ кореньевъ сдѣлали прекрасные хлысты. А то случается—выдернемъ клубочекъ страшныхъ, но маленькихъ и красивыхъ уженятъ, и мы, какъ сказочные герои, съ безумною отвагою и храбростію нападаемъ на маленькихъ беззащитныхъ змѣекъ и разсѣкаемъ ихъ надвое и начетверо. Моя мать леденѣла отъ ужаса, при видѣ такой нашей храбрости. А какъ бы она перепугалась, еслибы видѣла, какъ на земляномъ валу, на солнопекѣ, гдѣ любятъ грѣться сѣрыя и зеленыя ящерицы, я босою ногою придавливаю спинку и головку ящерицы, а рукою беру ея переднюю лапку и шнурочкомъ привязываю къ лапкѣ другой ящерицы; и такимъ способомъ свяжу пять шесть ящерицъ, а затѣмъ начинаю дразнить ихъ, чтобы онѣ бросались и грызли одна другую. Насъ каждое дерево манило вскарабкаться на него, каждое гнѣздышко птичье на вѣткѣ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 10.

просило снять его. И не рѣдко, какъ кошки хищныя, мы осторожно, на цыпочкахъ, подходили къ кустарникамъ, изгибались, какъ змѣи, въ вѣтвяхъ и, затаивъ дыханіе, впивались глазами въ гнѣздышко соловья и посягали злодѣйской рукою на свободу чарующаго пѣвца. А щеголъ, писанный красавецъ, болтливый щебетунъ, беззаботно перепархивающій съ репяха на репяхъ, онъ и не подозрѣвалъ, что за это вкусное репейное зернышко онъ заплотитъ вѣчной неволею, и потому смѣло протянулъ шейку свою въ оковы вѣчнаго рабства, въ волосяное сильцо. А лепаръ, буренькій, красногрудый, никогда не покидающій скромненько одѣтой (она безъ краснаго пятнышка на груди) подруги своей,—онъ, по отлетѣ изъ гнѣзда дѣтокъ, такъ протяжно, такъ меланхолично, такъ грустно—не поетъ, а скорбитъ, что моя рука скорѣе бы окаменѣла, чѣмъ посягнула на его свободу. За то та же самая рука затрясется, чтобы поймать разноцвѣтнаго красавца съ чуднымъ гребешкомъ - коронкою на головѣ, удода, такъ близко напоминающаго своимъ пѣньемъ плавно и тихолетающую кукушку, которую я, не смотря на ея отрадную весеннюю пѣснь, всей моей маленькой душонкой ненавидѣлъ и презиралъ. Судите сами, развѣ можно не презирать мать, которая не только сама не хочетъ высидѣть и вскормить своего крупнаго птенца, но еще выбрасываетъ крохотныя яички маленькой скромненькой, отличающейся нѣжной материнской привязанностью, малиновки и кладетъ въ ея гнѣздышко свое большое яйцо? Вѣдь это жестокая вопіющая несправедливость! И развѣ можно было безъ негодованія смотрѣть, какъ этотъ птенецъ-кукушка, вдвое и втрое большій малиновки, вѣчно разѣваетъ свой большой ротъ и безъ устали кричитъ „давай, давай ѣсть"! И бѣдныя малиновки, самецъ и самка, изъ силъ выбиваются, сами почти не ѣдятъ, а ему ежеминутно доставляютъ пищу, и онъ съ ненасытной жадностью накидывается на пищу, чуть-чуть и голову малиновки не проглотитъ—такой обжора! И я не разъ порывался выбросить этого обжору-подкидыша, выбросить изъ гнѣзда. Но какъ всмотрюсь, съ какою заботою, нѣжностію и любовью, какъ къ своему родному птенцу, относятся малиновки, — и рука опускается. Родныхъ птенцовъ

давно нѣтъ. И этого чужого, послѣдняго отнять? Горе... сиротство... Нѣтъ. Пусть будутъ счастливы! Вѣдь и въ самообманѣ счастье. А дятлы самыхъ разнообразныхъ видовъ по росту и по цвѣту перьевъ, всѣ толстоголовые съ превосходными долбящими молотами-клювами..... о, какъ они приковывали наше вниманіе и любопытство къ себѣ и какъ насъ тянуло поймать ихъ, когда они ожесточенно долбили кору дерева! Но намъ никогда не удавалось поймать этихъ цѣпконогихъ скакуновъ, какъ не удавалось держать въ рукахъ маленькихъ красивыхъ, длиннохвостыхъ вертушекъ кокетокъ - очеретянокъ, скакавшихъ всегда у берега рѣчки и на левадахъ. За то осенью отважная синица, сопровождающая и берегущая маленькихъ, кругленькихъ, какъ волошскій орѣхъ, съ чудно расписанными головками „воловыхъ очекъ", чечотокъ, часто попадалась въ наши руки, также какъ зимою попадали въ наши клѣтки толстоносые, сутуловатые, неуклюжіе красногрудые снѣгири. Я уже не говорю о драчливыхъ болтунахъ и неисправимыхъ воришкахъ, безъ умолку хвастающихъ, что онъ живъ, живъ,—о неинтересныхъ воробьяхъ. Зимою мы ловили ихъ по нѣскольку десятковъ въ каждой норѣ, продѣланной ими въ соломенныхъ крышахъ хлѣвовъ, а гнѣзда ихъ весною мы часто выбрасывали, что, стыдно теперь сознаться, доставляло намъ тогда большое удовольствіе.

А сколько радостей доставляли мнѣ „пирныки-коныки съ золотыми головками"—пряники, получаемые отъ отца по возвращеніи его изъ ярмарки! Конфектъ отецъ мой никогда не привозилъ изъ мѣстечка Вчерайшаго, гдѣ ихъ и званія не было, и о существованіи ихъ я узналъ только тогда, когда тетя Канонская изъ Сквиры привозила мнѣ сахаръ и „цукерки". Моему неизбалованнному сластями вкусу тѣ цукерки казались цѣннѣе всѣхъ благъ міра, и никогда впослѣдствіи я не ѣлъ ничего слаще первыхъ „цукерковъ"... Я и теперь люблю музыку и часто подхожу къ роялю или же беру скрипку въ руки, но никогда теперь звуки рояля либо скрипки не приводили меня въ такой восторгъ, какой вызвали во мнѣ звуки перваго „коныка свыстунця", подареннаго мнѣ богомолками изъ Кіева.

Отецъ мой, глубоко вѣруя въ Бога и въ Его непосредственный любвеобильный промыселъ о человѣкѣ, и утромъ и вечеромъ не иначе стоялъ на молитвѣ, какъ колѣнопреклоненный, не читалъ молитвы, а говорилъ ихъ, поднимаясь къ Богу не только умомъ и сердцемъ, но и очи свои устремляя куда-то безпредѣльно далеко вверхъ. Псалмы Давида Царя не были для Отца чѣмъ-то чужимъ. Покаянныя молитвы Давида въ устахъ отца становились воплями кающагося грѣшника; просьбы Давидовы были личною горячею мольбой отца; пѣсни хвалебныя Давида были кликами восторговъ его собственнаго сердца, ликованіемъ его личной души. Живя самъ въ нищетѣ и зависимости, видя вокругъ себя ту же нищету и тупую покорность и слыша глухой подавленный ропотъ панскихъ „пидданныхъ“, отецъ мой, чуткій, отзывчивый и нервный, не могъ жить только своею личною жизнію. Выслушивая угнетаемыхъ, обиженныхъ и битыхъ, отецъ мой переживалъ съ ними ихъ горе, скорбѣлъ, тосковалъ и въ безсиліи мучился по нѣсколько дней, пока наконецъ въ скорбныхъ съ глухими рыданіями молитвахъ и жалобахъ Богу онъ не получалъ облегченія и успокоенія. Естественно отсюда, что жизнь казалась моему отцу тяжелымъ бременемъ и что счастье—только въ вѣрѣ въ Бога и въ молитвѣ къ нему. Поэтому онъ въ ту пору, и нерѣдко и въ послѣдніе годы, жалѣлъ, почему онъ не монахъ. Такъ вѣруя въ Бога, видя въ немъ одномъ счастье, испытавъ сладость молитвъ, отецъ съ самаго ранняго дѣтства воспитывалъ во мнѣ вѣру и любовь къ Богу и научалъ меня искренно и усердно молиться, утѣшая себя надеждою, что сдѣлаетъ изъ меня монаха—молитвенника „о людскихъ грѣсѣхъ и невѣжествіяхъ“.

— „А ходимъ но сыну до Бози въ церкву“, говорилъ онъ мнѣ въ будній день. „У Бога всяки гостынци есть,—будемъ просыты, то може й намъ дасть гостынця“.

Идемъ въ притворъ, гдѣ лежитъ постель и булава церковнаго сторожа Давида; становимся на колѣни передъ дверью, надъ которой былъ образъ Бога Отца въ римской тіарѣ, и сложимъ руки на молитву.

— Говоры, сыну, за мною: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшнику! Боже! очисти грѣхи мои и помилуй мя.

— Поклонись, сыну, до земли.

Я кланяюсь.

— Говори теперь за мною: „Боже! Дай мени гостынчика!“ Я горячо молюсь.

— А дывысь но, сыну, на Бозю; чи нема у Бози гостынчика?

Смотрю, а изъ-за иконы выглядываютъ бублики. Я въ восторгѣ. Отецъ поднимаетъ меня выше своей головы, и я своими руками беру гостинцы отъ Бога, тѣшусь и ѣмъ.

Громъ ли загремитъ—отецъ уже на колѣняхъ и намъ говоритъ:

— А що, дитки, вже сварылысь? Отъ Богъ и грымае на васъ и кивае на васъ своею блыскавыцею! Молиться Богу! Ставайте на колина!

Скажешь что-нибудь не такъ—„гришно, сыну, такъ казаты“; пошалишь неудачно съ братомъ, и онъ плачетъ—„а Бозя буде быты, не обижай брата“; хочешь, не помолившись утромъ Богу, съѣсть что-нибудь—„а Бозя онъ де дывытся! Грихъ. Помолысь“.

Въ крестьянскихъ семьяхъ нерѣдко дѣти выкалывали глаза святымъ на иконахъ, чтобы Богъ не видѣлъ, какъ они ѣли въ среду или пятницу сало, или же, не дождавшись родителей изъ церкви въ Воскресенье, принимались ѣсть. Словомъ, на каждомъ шагу намъ говорили то о Божіей милости, то о грѣхѣ, то о наказаніи за грѣхъ.

Кромѣ общенія съ Богомъ, умъ и сердце отца искали для себя и для насъ дѣтей общенія съ лучшими изъ людей. Почему ежедневно зимою по вечерамъ отецъ читалъ намъ въ слухъ жизнеописанія святыхъ людей изъ Четьи Минеи св. Димитрія Ростовскаго, выросшаго, какъ и мы, въ простой сельской семьѣ, хохла Саввы Туптала. Какъ только смеркнетъ, сосѣди—дѣдъ Кирилло и Якубъ—уже и сидятъ у насъ на лавкѣ, мать у печки, а мы дѣти среди хаты на соломѣ, и жадно слушаемъ церковно-славянское чтеніе отца съ его объясненіями. Отецъ у сто-

ла съ восковою свѣчкою въ рукахъ читаетъ. Голосъ его то спокойный, то тихій, теплый участливый, то ѣдкій-насмѣшливый, то дрожащій и гнѣвный, то полный силы и восторга, смотря по содержанію чтенія. Лицо въ соотвѣтствіи съ голосомъ, то ровное, доброе съ оттѣнкомъ умиленія, иногда съ повисшей слезою, то желчное, подернутое горькой скорбью и печалью за участь христіанскихъ мучениковъ, то гнѣвное, презрительное къ ослѣпленнымъ безсильною злобою мучителямъ, то, наконецъ, радостно восторженное, когда онъ восклицаетъ: Великъ Богъ христіанскій! Дѣдъ Кирилло и дядько Якубъ слушаютъ, не пошевельнутся; мать, тихо подкладывая солому въ печь, зорко слѣдитъ, чтобы „кулишъ" въ закипѣвшихъ горшкахъ не сбѣжалъ, а слухъ весь напрягла, чтобы не проронить чтенія; мы же дѣти лежимъ на соломѣ среди хаты неподвижно, съ открытыми ртами, съ горящими глазами, внимаемъ, видимъ святого, слышимъ его небоязненныя рѣчи, горимъ восторгомъ отъ его чудесъ, смѣемся надъ посрамленнымъ мучителемъ, слышимъ скрежетъ его зубовъ, видимъ пѣну злобы на устахъ его и печальнымъ сердцемъ идемъ вмѣстѣ съ святымъ въ звѣринецъ.

— Тату! Але звири не зъидять святого? спрашиваетъ братъ.

— Вмѣсто отвѣта отецъ читаетъ рѣчь святого: „я пшеница Божія и долженъ быть смолотъ на муку зубами звѣрей, чтобы быть чистымъ хлѣбомъ для Бога".

Наши глаза устремились на дверь, за которою нашему живому воображенію дѣтскому слышно рыканіе львовъ.

—„И выбѣжали звѣри", читаетъ отецъ... Мы въ смертельномъ ужасѣ отшатнулись на соломѣ отъ двери, зажмурили глаза, невольно крикнули и слышимъ только, какъ хрустятъ кости святого на зубахъ льва. Наконецъ, сердце замерло, затѣмъ учащенно забилось, глотка судорожно сжалась—и я съ братомъ горько, мучительно, истерически заплакали.

— Тату! А Богъ же не вбывъ громомъ отого проклятого кесаря? А земля пидъ тыми, що дывылись та реготалы, не провалылась?

Тихо въ нашей хатѣ. Мама рукавомъ слезы вытираетъ. Дѣдъ Кирилло съ Якубомъ опустили свои сѣдыя головы внизъ,

а крупныя слезы такъ и текутъ по ихъ щекамъ. Отецъ куда-то далеко, далеко смотритъ затуманенными глазами. Вотъ уже мы и вечеряемъ, и спать улеглись на той же соломѣ, среди хаты, укрывшись „кожухомъ" бараньимъ. Но сонъ идетъ мимо глазъ. Въ комнатѣ темно. Никакія новыя впечатлѣнія не принимаются мозгами, всецѣло пораженными страданіями мучениковъ. Опять переживаешь все слышанное, и не смѣешься и радуешься, а боишься и ненавидишь. Наконецъ, утомленное дѣтскими играми тѣло засыпаетъ, но мозги съ поразительною силою ясности и съ быстротою повторяютъ впечатлѣнія прочитаннаго.

— Великъ Богъ христіанскій! крикнулъ кто-то надъ моимъ ухомъ и разбудилъ меня. Смотрю, мать уже креститъ соннаго исповѣдника Ваню:

—„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Спы, сыну, спы". Укрываетъ его кожухомъ, перекреститъ снова и отходитъ.

— „Ты, Фылыпе, завше такъ робышъ: начитаешь отихъ житій,—а бидни диты зо сну жахаються".

Въ общеніи съ святыми мучениками, презиравшими тѣлесныя муки, со святыми пустынниками, презиравшими удобства жизни и богатства міра сего и за то вознагражденными несказаннымъ блаженствомъ въ объятіяхъ Вселюбящаго Отца Небеснаго, отецъ мой находилъ великое утѣшеніе и примирялся съ своею нищенскою жизнію и съ окружающею его жизнію „пиданныхъ", полною нищеты, воплей, слезъ, неправды и грубаго насилія. Слова Единаго въ ту пору человѣколюбца Господа Іисуса: Блаженни нищіе духомъ, яко ваше есть царствіе небесное, блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся, блаженни алчущіи и жаждущіи правды... Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ,—казались отцу сказанными не 2000 лѣтъ тому назадъ а теперь, не мытарямъ и грѣшникамъ невѣдомаго древняго Израиля, а ему и тѣмъ тьмамъ Ивановъ и Марій, которые именовались „быдломъ". Эти животворныя обѣщанія Спасителя радовали отца, и онъ клалъ земные поклоны, плакалъ, благодарилъ и молилъ Бога и этою обѣщанною Богомъ радостію дѣлился съ нами дѣтьми и вносилъ отраду и утѣшеніе вѣры

крестьянамъ, которымъ для этого читалъ еще и житія святыхъ людей въ промежутки между Утренею и Литургіею по воскресеньямъ и праздникамъ. И нищета, и безправіе теряли свое мертвящее значеніе, и тяжелый трудъ казался подвигомъ, достойнымъ великой мзды на небесѣхъ.

Отецъ вносилъ въ нашу дѣтскую жизнь отрадный, лучезарный элементъ религіи, а сосѣдъ нашъ, дѣлъ Кирилло Середа, скрашивалъ наше дѣтское прозябаніе внесеніемъ въ наше сознаніе народнаго поэтическаго міровоззрѣнія своими сказками и юмористическими небылицами. И то, и другое—и незнакомство наше съ жизнію имущихъ людей, и дѣтская беззаботность, и потребность жизнерадостности дѣлали для насъ нечувствительными голодъ и холодъ.

Осень; холодно; вечерѣетъ; уже и ужинъ скоро пора будетъ варить; а топлива нѣтъ. Мать грызетъ отца; отецъ чешетъ затылокъ.

— „А хочете, диты, галушбкъ? Побижить же въ панській садокъ, насбирайте на земли сухихъ ломачокъ, бо нема чимъ въ печи вечеру варыть. Та глядить, не ломайте зъ дерева. Та накиньте на себе халатыки, бо холодно".

Босые, въ картузикахъ съ разодранными козырьками, съ накинутыми, а не надѣтыми ватными халатиками, мы были уже за дверьми, когда мать воротила насъ и дала каждому изъ насъ фартушекъ для складыванія „дровъ". Перебѣжали мы въ припрыжку черезъ дорогу, ловко спрыгнули въ ровъ, храбро вскарабкались на валъ, заросшій дерезою, перелѣзли черезъ досчатое прясло и, какъ истые охотники и знатоки дѣла, мы и сверху земли, и подъ опавшими листьями, и подъ травою находили дрова, т. е. сухіе, маленькіе прутья вишни, сливы, яблони, груши и др. деревъ. Если же которому изъ насъ удавалось первому наброситься глазомъ на громаднѣйшую „гиляку", по крайней мѣрѣ въ аршинъ длиною и въ большой палецъ толщиною, тотъ опрометью кидался и восторженно клалъ ее въ фартухъ. Набравши полные фартушки дровъ, мы съ гордостью возвращались домой. У воротъ же, любовно глядя, встрѣчаетъ насъ отецъ словами Макарія Египетскаго, ставшими обычною поговоркою отца.

— Будь здравъ, будь здравъ, трудолюбче! Э, дитки! цими дровцями маты тилько литепло зогріе; а чимъ же на окрипъ напалыть, щобъ галушки закипилы?

— Э—э, тату, мы заразъ назбираемъ.

И опять въ припрыжку бѣжимъ, собираемъ, носимъ дрова. Выбросивъ послѣдній разъ изъ фартушковъ прутья подъ печку, мы кинулись къ столу. А тамъ, на столѣ, изъ замѣшаннаго тѣста мать крошила галушки. У насъ и руки затряслись отъ радости.

— „Нате, нате уже вамъ тисто на калачики"!

— Ни, я голуба чубатого злиплю, сказалъ мой меньшій братъ.

— А я ужа съ жаломъ роскачаю. И мы съ жаромъ принялись за лѣпку своихъ выдумокъ. Посадили въ печь и ужа, и голуба, и когда они испеклись, мы не надолго дали волю голубю летать, а ужу ползать и сычать. Скоро голубь оказался безъ чубка, а ужъ безъ жала. Но въ тотъ моментъ, когда я безстрашно откусилъ голову ужа, дверь заскрипѣла, и впередъ выставилась знакомая намъ порыжѣлая шапка дѣда Кирилла.

— „Дидъ иде, дидъ иде, казку несе", хлопая въ ладоши, сказалъ братъ.

— Слава Богу! привѣтствовалъ дѣдъ, стряхнувъ дождевыя капли съ своей шапки.

— Во вики виковъ. Аминь,—отвѣтили одновременно отецъ и мать.

— А що тамъ, диду, на билому свити робытся?

— Бувъ билый свитъ, та потемнивъ. Вытрищеока Загныбородыха [1]) мисяця вкрала; небо засмутылось, та й плаче—вся шапка моя въ слезахъ.

— Сидайте, Кирилло!

— Спасыби, пане Реенцій!

— А що нового?

— Этъ, хочете вы знаты?! Пропадюща [2]) лютуйе. Конныця пшеныцю вытоптала надъ дорогою. А „гуменный" Ла-

---

[1]) Сосѣдка, баба, слывшая вѣдьмой.

[2]) Пропадющей прозвали крестьяне свою помѣщицу, которая засѣкала мужиковъ и бабъ до того, что *послѣднихъ* на „ряднахъ"—носилкахъ выносили.

вринъ, скажена собака, сховавсь. Ратныки чуть-чуть его не вбылы. Та й страшни оци бородати кацапы! Горе буде туркови! Пытався я идного кацапа, такъ уже не молодого; куды Богъ провадыть?—Въ Востополь идемъ!

— А бильше ничого не чулы вы, Кирилло, про ратныкивъ?

— Богъ крывъ, не чувъ ничого такого, окримъ того, що наши люде дуже бояться ихъ.

— И изъ Мыньковецъ ничого не чулы?

— А щожъ тамъ чутно такого цикавого?

— Гай, гай, бодай не казаты! Въ Мыньковцяхъ пипъ старый, вдовецъ и бездитный. Ратныки, що въ Мыньковцяхъ днювалы, дочулысь, що той пипъ богатый. Отъ середъ ночи симъ ратныкивъ стукають въ попови двери. Наймытъ выскочивъ одчиныты имъ двери, а ратныкъ заразъ сокирою его по голови. Пипъ почувъ шумъ, догадався, що воно за люды и зачимъ прійшлы, а мисячна ничь, хоть голки сбирай, никуды втикаты—зломывъ руки передъ образомъ. Ажъ врываютьця кацапы: давай попъ деньги!—Заразъ дитки, нате. Одчинывъ скрыню, вынявъ торбу и дае.

Оце вамъ, воины Христовы, срибныхъ двисти карбованцивъ, а це—бильша торба зъ мидными грошима; скильки тутъ, то я й самъ добре не знаю. Берить соби дитки. Вы въ чужій край идете. Все треба вамъ купыты. А мени ци гроши не потрибни: я старый и одынокій, та й пипъ съ голоду ще николы не умиравъ. Вы жъ хоть Богу помолытесь за мене.

— А вотъ и сейчасъ помолимся за твою жеребьячью душу, коли не скажешь, гдѣ больше денегъ. Кажи!

— Богъ зъ вами, дитки! Оце у мене все добро: ось скрыня, ось столы съ шухлядами,—шукайте соби и берить; ось комора съ бочкою налывки. Идить въ комору за мною, берить соби оцей бутыль горилки, берить оци ковбасы, хлибъ, сидайте за стилъ,—бо вы, бидни, голодни.

— Дѣло, батька! Садись ребьята!

Пылы шклянками; наилысь, напылысь. А пипъ все ихъ припрошуе.

— А теперь, дитки, воины Христови, вы на войну идете. Дайте жъ я васъ хрестомъ поблагословлю и святою водою окроплю. Свѣчи не были зажжены. Пипъ покропывъ ихъ, поблагословывъ; а воны поцилувалы св. хрестъ и его руку, та й пишлы.

— Ранкомъ пиднявся гвалтъ въ сели. Попивъ наймытъ убытый. Ратныки строяться въ ряды; вси старши въ сбори и пипъ зъ ными стоить и щось имъ каже.

— Ну, попъ, смотри и берегись! Если не найдешь, то не сносить тебѣ своей головы на плечахъ. Я тебѣ не подарю!

— Я своихъ гостей пизнаю. Воны позначены. Пишовъ пипъ съ старшими по рядахъ, глянувъ на красный полушубокъ идного ратника.

— О! це мій! Идетъ далѣе: и ци два мои, и цей мій, и оцей.

— Почемъ ты знаешь, что эти именно убійцы?

— У моихъ полушубки покропляни черныломъ, которымъ вмисто святои воды я окропывъ на прощанье.

Дывляться старши, ажъ и правда: у тихъ семерыхъ ратныкивъ покропляни полушубки черныломъ. Охъ, яка то диду правда въ свити! Думаете може, що ихъ отдалы пидъ судъ?! Ни, старшый сказавъ, что теперь Царь нуждается въ ратныкахъ и винъ ихъ не оддасть на судъ, а поставыть ихъ на войни пидъ першу кулю. Затрубылы, та й выйшли зъ Мыньковець.

Не успѣлъ отецъ окончить эти слова, какъ сѣнная дверь заскрипѣла, съ шумомъ отворилась, и послышались голоса нѣсколькихъ человѣкъ; шумъ, говоръ, а было уже поздно. Мы никого не ожидали и насторожили уши; наконецъ, отворяется комнатная дверь, и вваливается въ комнату человѣкъ пять ратниковъ.

— Ай! крикнулъ я съ братомъ, и какъ мыши въ нору, такъ мы быстро попрятались на печкѣ.

— Здравствуй, дьячекъ! Вотъ тебѣ штофъ водки, по полтинѣ съ брата; а ты пиши письмо на родину.

— Хорошо, да бѣда въ томъ, что бумаги нѣтъ.

— Бумага съ нами есть. Ты вотъ прежде рюмку достань, да хлѣбъ на столъ ложи.

— А ты, хахолъ, чево сюда прилѣзъ? Дѣдъ Кирилло въ нерѣшительности промолчалъ и взялся за шапку.

— Посыдьте, диду, пригласилъ отецъ, боясь остаться самъ на самъ съ бородатыми гостями. Водку ратники выпили почти сами. Отецъ написалъ имъ письма съ ихъ словъ, съ непремѣннымъ „поклономъ отъ бѣлова лица до мать-сырой земли на вѣки нерушимымъ и съ поцѣлуемъ въ сахарныя уста и бѣлыя ноги". Выпили, нашумѣли, накричали, поблагодарили, положивъ по полтиннѣ съ брата, и далеко за полночь ушли.

Никогда еще отецъ не получалъ такихъ большихъ денегъ за умѣнье писать. И не разъ еще доводилось отцу писать письма ратникамъ и получать за то полтины и „цѣлковые". Отвѣты съ родины съ деньгами получались скоро, и отцу приходилось и прочитывать письма ратникамъ, за что опять отца угощали водкой и щедро платили, хотя отецъ и не ожидалъ, что могутъ люди платить за прочтеніе. Тѣмъ не менѣе, какъ ни добры они были къ отцу, но я всегда помнилъ разсказъ объ убійствѣ въ Мыньковцахъ и боялся ихъ.

Наши люди придутъ къ отцу—не бѣгаютъ по хатѣ, тихо, спокойно поговорятъ; а ратники влетаютъ въ домъ, распахнутъ дверь въ комнату, бѣгаютъ, суетятся, кричатъ, ругаются безъ ссоры, а любя, какъ они говорятъ. Память до сихъ поръ рисуетъ мнѣ ихъ всѣхъ бородачами, невысокими, широкоплечими, въ одеждѣ желтаго сукна, красныхъ полушубкахъ, съ широконечнымъ, въ родѣ георгіевскаго, крестикомъ на фуражкѣ, вмѣсто кокарды.

Не менѣе, чѣмъ ратниковъ, я боялся и солдатъ, особенно подъ вліяніемъ разсказовъ матери.

„Страшни, сыну, ти москали булы, але колысь давнійше ще страшнійши булы. Моя мама мени росказувалы, що, якъ ще ихъ мама булы панною, то мусилы дви недили ховатысь одъ москаливъ въ Верховенскимъ очерети. Якъ почулы дидуне, що москали прыйдуть въ Верховню, заразъ взялы двохъ дидивъ и двохъ бабъ, надавалы имъ исты й пыты, та й одправыли ихъ съ двома паннами въ очеретъ въ вершу, ажъ пидъ Быстривку. Тамъ воны дви недили и пидъ сонцемъ и пидъ дощемъ сыдилы, та рушныкы вышивалы. Ще зъ тихъ рушныкивъ мени

мама идного далы; теперь я оддала той рушныкъ Явдошци, хрещеныци моій. А москали, (то были еще польскіе жолнѣры) якъ прыйшлы въ село—заразъ до дидуня, щобъ показавъ своихъ паннивъ. Москалямъ хтось сказавъ, що въ попа есть дви дочки панны. Дидуне мусилы выдумаваты, що панны поихалы на полисье до своеи сестры. Разъ до дидуня въ Верховню пріихавъ меньшій зять, молодый ще пипъ, та й почувъ, якъ на улыци музыка грае и жолнѣры спиваютъ

„Пшистань пшистань до вербувку
Будешь исты зъ масломъ булку
И ты попе...
Огуль бродо, зоставъ вон :ы
Ступай, ступай въ наши понсы!

Зять той выйшовъ на улыцю, та й слухае, якъ спиваютъ. А иденъ изъ жолнѣровъ пидскочивъ на лошади къ попу, знявъ съ попа шапку, надивъ на него свою конфедератку та й крыкнувъ: нашъ! нашъ! Заразъ его схватылы на повозку, та й повезлы ажъ у Паволочь. Дидуне злякалысь та на кони за ными въ Паволочь; а въ Паволочи живъ благочинный—дидуне до него. Та насылу въ двохъ зъ благочиннымъ одибралы зятя отъ жолнѣривъ, заплатывши добри гроши“.

Дѣдъ Кирилло Середа каждый вечеръ приходилъ къ отцу. Его идейную натуру влекла къ отцу потребность жить и умомъ и сердцемъ. А гдѣ же въ другомъ мѣстѣ онъ могъ найти пищу для жаждущей души? На трехдневной панщинѣ, кромѣ криковъ, брани и угрозы кіями отъ „осавулы“ и отъ гуменнаго, онъ не слыхалъ ничего другого. На остальные три дня — было по горло работы дома въ своемъ хозяйствѣ. На 7-й день въ воскресенье пошелъ бы въ церковь, да нельзя: ярмарка въ м. Вчерайшемъ — нужно ѣхать непремѣнно на ярмарку, продать хлѣбъ, купить соли, ременю на обувь и проч., потому что въ буденный день нѣтъ ярмарки и ни продать, ни купить ничего нельзя. Вечерами же, по окончаніи работъ, пошелъ бы „на село“, т. е. въ корчму, но разъ — утомленъ, а другое — кромѣ пьянства, общаго гама и шума, пьяныхъ слезъ, да горькихъ жалобъ, да тяжкихъ стоновъ ничего отраднаго не услышишь.

А поэтическая душа Кирилла, подавляемая физическою работою въ теченіе дня, пробуждалась вечеромъ, оживала, предъявляла свои запросы, боролась съ утомленнымъ тѣломъ и побуждала ноги, не смотря на ихъ сопротивленіе, идти „межъ люды", поискать отрады, утѣшенія. И идетъ Кирилло по торной дорогѣ въ корчму, вечеромъ, палкой-карлючкой опирается, голову опустилъ, одну думу смѣняетъ другой думой невеселой. Но вотъ замедлилъ дѣдъ шаги, и тяжкій глубокій съ дна груди вырвался стонъ у него. Тяжелыя, ужасныя воспоминанія неотвязчиво тѣснятся въ головѣ его. Живо, ярко припоминается ему, что пьетъ онъ съ добрыми людьми за столомъ въ полевой корчмѣ Болотянкѣ и поетъ:

„Шинкарочко молода
Дай горилки щей й вина".

Вдругъ крикъ: гвалтъ! злодій! ловить! Выбѣжали всѣ изъ корчмы, поплелся и онъ за людьми. Злодія—и пару лошадей обступили люди. Крикъ, брань, проклятья. Бьютъ злодія, кто чѣмъ попалъ. Припомнилъ Кирилло, что у него украли пару лошадей годъ тому назадъ; заскребло у него на сердцѣ,—вѣдь онъ и до сихъ поръ не можетъ собраться на покупку лошадей и каждый разъ у людей то проситъ, то нанимаетъ. Зло разобрало его; кровь забушевала, сжались зубы и кулаки. Размахнулся онъ изо всей силы и хватилъ кулакомъ злодія въ високъ такъ сильно, что тотъ упалъ и не вставалъ больше. Припоминается Кириллу допросъ эконома; его вяжутъ; ведутъ на веревкѣ къ приставу; тамъ заковываютъ. Сквира; тюрьма—мрачная, сырая яма съ земляным полом; его товарищи; закованные душегубци—обступаютъ его кругомъ; въ ужасѣ сторонится онъ отъ нихъ; его поднимаютъ на кулаки. Но въ это время зазвенѣли цѣпи, заревѣлъ звѣрскій голосъ. Все стихло. Передъ нимъ стоялъ душегубецъ великанъ, обросшій волосами, полусѣдой, съ ворочающимися бѣлками глазъ подъ густыми нависшими бровями. Окаменѣлъ Кирилло передъ нимъ. Но этотъ душегубецъ—его покровитель и заступникъ. Онъ—въ тюрьмѣ, въ неволѣ, въ цѣпяхъ, какъ звѣрь, и впереди ждетъ эшафотъ, катъ, Сибирь и каторга... А сердце рвется на волю, на просторъ къ родному

селу, къ хатѣ, къ садочку надъ ставкомъ, къ женѣ и къ малымъ дѣткамъ... „Дитки мои! квитки мои! Пташки вы мои! Не бачыты вамъ свого батька и до страшного суду. Сибирь на вики розлучить мене зъ вами. Якажь це злая, клята сыла одирвала мене отъ васъ? диточки мои? Пылыпцю мій, дытыно моя, сыну мій, печени мои?!! Звиткиль же це лыхо, несчастье на мене?!! Видъ Бога?—Горилка, не Богъ, одняла розумъ одъ мене! Чортъ, самъ сатана, а не Богъ, лютовавъ въ моимъ сердци и зробывъ зъ мене душегубця. Ни, не отъ Бога це! Богъ небо прихилывъ до земли, зійшовъ до людей, ратуваты не праведнихъ, а злодіивъ та разбойныкивъ, на хрести муки терпивъ, а ихъ пожалувавъ и зъ хреста на небо съ собою забравъ. Спасы и мене, душегубця, Господы! Ратуй мене Сыне Божій! Не забудь мене Спасе“? — И чувство надежды шевельнулось въ сердцѣ Кирилла и согрѣло въ немъ вѣру въ Бога живаго, добраго, скорбящаго съ несчастными и привлекающаго къ своимъ объятіямъ оплеванныхъ, поруганныхъ и отверженныхъ людьми. И сталъ Богъ для Кирилла живымъ, близкимъ роднымъ, безгранично благимъ. И сталъ Кирилло ежедневно молиться и по цѣлымъ ночамъ простаивать предъ образомъ святителя Николая и класть еженощно по 300 поклоновъ (такъ дѣлалъ онъ и до смерти). Смѣются душегубцы надъ его мозолемъ кровавымъ на лбу, издѣваются и надъ посинѣвшими и растертыми до крови мозолями на колѣняхъ. Но не слышитъ Кирилло боли на лбу и на колѣняхъ, не слышитъ онъ и хохота товарищей; онъ слышитъ только голосъ убитаго имъ злодѣя, онъ видитъ въ своемъ наказаніи кару прогнѣвавшагося Бога, онъ видитъ сквозь стѣны тюрьмы далеко, далеко свою убогую хату, видитъ слезы жены, слышитъ плачъ дѣтей и бьетъ снова и снова поклоны, ломитъ руки, плачетъ-рыдаетъ передъ образомъ живаго Бога.

Но завтра, завтра, колесомъ огненнымъ вертится у него въ головѣ—завтра рѣшеніе суда, эшафотъ, тысячи очей, катъ—и... и каторга. И чувство смертельнаго ужаса овладѣло его душой: затрясся весь, похолодѣлъ, съежился тѣломъ, уменьшился, сократился и неодолимая потребность бѣжать, спрятаться, поглотила все его мыслящее существо. Но куда бѣжать? гдѣ спря-

таться? Глаза рыщуть, мозгъ отчаянно работаетъ, но... нѣтъ выхода. Сознаніе говоритъ ему, что онъ есть, существуетъ и не избѣжитъ „катуванья". Охъ, если бы можно было не видѣть, не слышать, не думать не сознавать самого себя... не дожить до... И злорадный огонь блеснулъ въ его глазахъ... Трясясь и боязливо и дико озираясь вокругъ себя на спящихъ, онъ поползъ, и... съ нервной дрожью ощупалъ въ своихъ рукахъ... тоненькую... прочную... она не оборвется... удержитъ. Безсмысленная, дикая, конвульсивная улыбка искривила его лицо. Только петлю... и узелъ. И не катови, а... а... а чортови душу... Чего мои зубы стучатъ?

— Боже! Сыне Божій! Змылуйся надо мною. Не карай мене за... за... хоть на тимъ свити. Маты Божа! ратуй мою душу! Ратуй моихъ дитокъ: Пылыпця, Ярину! Будь имъ матерью. Святый Мыколаю!—Батьку мій ридный! Но въ этотъ моментъ—шорохъ сверху; ударъ по головѣ и что-то грохнулось на полъ. Арестанты пробудились, смотрятъ; въ углу Кирилло съ окровавленной головою, съ веревочкой въ рукѣ и около него стоитъ уже великанъ разбойникъ; а у ногъ его лежитъ упавшій образъ св. Николая.

— „Маешь же ты счастье Кирилло! Колы тебе образъ Божій побывъ, то будещь же ты на воли. Завтра тебе пустять. Така есть прымыта. Ты каявся, та Богу молывся, то Господь тебе и помылуе. А намъ каторжникамъ—якъ собакамъ, собача покута, собача и смерть". Утро. Рокотъ барабана. Солдаты съ ружьями. Читаютъ рѣшеніе. Тутъ же въ дворѣ тюремномъ даютъ ему 24 удара плетьми и... выпускаютъ на волю. О—охъ! Невольный, глубокій, облегчающій вздохъ вырвался изъ груди Кирилла послѣ этого подавляющаго, какъ кошмаръ воспоминанія о давно минувшей неволѣ. И живое, глубочайшее чувство благодарности Богу невольно выразилось въ привычномъ движеніи руки, знаменующемъ крестъ.

Понятно, что послѣ такого воспоминанія, ноги Кирилла съ дороги въ корчму круто поворотили налѣво, на дорогу къ моему отцу, который не упрекнетъ его, не осмѣетъ, зная пословицу: грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ, но еще сниметъ

съ его души тяжесть преступленія, указавъ ему на дивную благость и воплощенную въ І. Христѣ любовь и милосердіе Творца къ людямъ, ободритъ его и вольетъ въ него вѣру и увѣренность въ томъ, что и для него, катованнаго, душегубца, есть возможность стать хорошимъ человѣкомъ въ мнѣніи людей и быть помилованнымъ на судѣ Божіемъ. Не словомъ своимъ убаюкиваетъ его совѣсть, а дѣломъ, живымъ примѣромъ Давида, предводителя разбойниковъ, ставшаго свѣточемъ любви Христовой, равно и святою жизнію другихъ покаявшихся грѣшниковъ докажетъ ему то, чего онъ такъ пламенно, всею душею желаетъ, и успокоитъ его мучащуюся совѣсть. И часто ему по его просьбѣ читаетъ отецъ мой житіе преп. Давида. И что-то близкое, родное видится его душѣ въ этомъ разбойникѣ раскаявшемся и великомъ подвижникѣ-аскетѣ. Онъ по цѣлымъ ночамъ думалъ о немъ; онъ въ мысли своей сжился съ нимъ, ему казалось, что онъ и лицо его знаетъ, и оно такъ походитъ на свирѣпое лицо того великана душегубца, который въ сквирской тюрьмѣ защищалъ его отъ насмѣшекъ и побоевъ арестантовъ и у котораго при прощаніи съ нимъ на суровомъ лицѣ покатились такія большія двѣ слезы, когда онъ сказалъ: „Кирилло, помолысь за мене. Прощай".

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ поминкамъ по Сковородѣ. Въ «житіи» Сковороды, написанномъ Ковалѣнскимъ, («Кіевск. Стар.» 1886 г., № 9, стр. 113), разсказывается, что С—да поступилъ въ домъ Томары послѣ того, какъ былъ изгнанъ изъ Переяславскаго училища тогдашнимъ епископомъ Никодимомъ Сребницкимъ и жилъ у одного изъ пріятелей, около Переяслава, въ страшной нуждѣ.—«С—да одобренъ былъ Томарѣ отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ д. Коврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку». Такъ говоритъ «житіе» Ковалѣнскаго. Ученикомъ С—ды былъ Василій Степановичъ Томара, который о приглашеніи С—ды въ ихъ домъ разсказывалъ иначе. Разсказъ этотъ записанъ въ одномъ изъ писемъ (30 іюля 1824 г.), Ив. Ром. Мартоса [1]) къ его пріятелю В. Я. Ломиковскому, причемъ поводомъ къ этому разсказу послужила статья Вернета о Сковородѣ, напечатанная въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г., № 4 стр. 106). Мартосъ пишетъ: «Покойный сенаторъ Василій Степановичъ Томара, продолжавшій нѣсколько лѣтъ благопріятныя со мною сношенія, между прочимъ, пересказывалъ мнѣ весьма любопытный анекдотъ о Сковородѣ. Въ слѣдствіе чего прошу васъ перенестись мысленно въ прежнюю Малороссію, когда въ ней полковникъ составлялъ маленькаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, царя, каковымъ царькомъ въ Переяславлѣ былъ отецъ сенатора Томары, въ малолѣтствѣ избалованнаго матерью до крайности. Помянутый переяславскій полковникъ [2]), будучи въ дружбѣ съ тогдашнимъ кіевскимъ митрополи-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 10, стр. 154, примѣч.

[2]) Степанъ Васильевичъ Томара переяславскимъ полковникомъ не былъ, а былъ дѣйствительно большимъ „паномъ" въ Переяславщинѣ, благодаря своему богатству. См. о Томарахъ въ „Кіевск. Стар." 1885 г., № 5.

томъ [1]), просилъ о присылкѣ къ нему въ домъ инспектора самаго лучшаго для избалованнаго матерью сына. Одолжить полковника, да еще друга, присылкою въ домъ его студента для исправленія баловня, гдѣ инспекторъ долженъ всякій разъ найтись не только въ томъ, какъ себя вести въ публикѣ, безъ оскорбленія чести своей, да и въ томъ, дабы не пострамить ни академіи, ни пославшаго—конечно для митрополита составляло немаловажную задачу. Какъ же поступилъ онъ въ семъ затруднительномъ положеніи?—Прислалъ инспекторомъ Сковороду.—Самъ ученикъ его Томара, проводившій зрѣлѣйшіе годы жизни своей въ чужихъ краяхъ, почитавшійся непослѣднимъ въ своемъ родѣ мистикомъ и кончавшій уже седмой десятокъ свой, пересказывалъ мнѣ съ полною признательностію, какимъ удивительнымъ образомъ поступилъ съ нимъ инспекторъ сей, дабы склонить его къ исправленію.

Дѣйствительно, это есть весьма любопытное происшествіе, дѣлающее честь производителю своему, но только я не имѣю теперь времени распространяться въ дальнѣйшемъ изъясненіи. Довольно для васъ и того, что мною уже сказано, дабы вамъ имѣть возможность сообразить напечатанное на 167-й страницѣ, въ разсужденіи обмана архіерея мнимою неспособностію и прочее—не чепуха ли это надряпана? Покрайней мѣрѣ не такъ обстоятельства изложены» [2]).

А. Л.

Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки.

Въ изданіи лѣтописи Грабянки 1854 г., за страницей 194-ю слѣдуетъ—197-я, а между тѣмъ въ текстѣ перерыва нѣтъ («къ сему же и Доро(конецъ стр. 194-й)—шенко(начало стр. 197-й)подобно отъ ляховъ наущенъ....»). Ошибки въ пагинаціи тоже нѣтъ, а есть здѣсь пропускъ, который долженъ былъ занимать страницы 195-ю и 196-ю. Вотъ этотъ пропускъ: «предлагая Бруховецкому: «чого ради онъ на вѣчное себѣ проклятіе, народъ свободній, не давно отъ лядского плѣненія, зъ многопролитіемъ крове, церзновеніемъ и мужествомъ свободившійся, доброволнѣ же Москвѣ поддавшійся, ради тягчайшого еще порабощенія, попустилъ воеводамъ по всѣхъ градѣхъ быти, и дàни отъ всякой думѣ и со всѣхъ маетностей, такожде пошлини со

---

[1]) Арсеній Могилянскій?

[2]) Съ подлиннаго письма, въ нашей б—кѣ.

всѣхъ промисловъ взимати, и на воеводъ всѣмъ людямъ работати, до нихъ же ни гетманъ, ни полковники, ни всѣ начальницѣ козацкіе не имѣють въ волностяхъ ихъ никакого дѣла, зане же и прежнихъ вѣковъ нашему народу россійскому того не бывало; аще когда, допущеніемъ Божіимъ, каковіе монархи и завоевали Русь, обаче отъ того жъ народу русского старѣйшину въ Россіи поставляли и насиліемъ старѣйшинъ своихъ отъ себе не насилали людемъ, яко же и Кгедимѣнъ, князь Литовскій, побѣдивши послѣднихъ князей русскихъ, всѣ землѣ русскіе вручилъ князю Олшанскому Миндогу и его точію самого Кгедимѣнъ вѣдалъ; прочіе же властелини и обладателѣ всѣ отъ русскихъ людей бяху и своимъ точію княземъ управляеми бяху. Егда же послѣдніе роди отъ поляковъ, не повинующеся своимъ королямъ, восхотѣвше въ Россіи Малой державы свои распространяти и оттуду велія богатства собѣ притяжати, перве уставиша, даби воеводи, каштеляни и старости зъ россіанъ не были и козакамъ потомъ отъ себе ляховъ на полковничества и сотничества насылаша; что козаки, послѣди, коронѣ польской на вѣки невозвратно шкодою и урономъ заплатили!» —По каковой Дорошенковой намовѣ, зъехавши, по Богоявленіи Господнемъ, Бруховецкого енералная старшина и полковники зъ гултяйства запорожского наставленіе, которіе зъ голоти ставши на началахъ и у крамарей себѣ дщеря ихъ въ жени побравши, до оныхъ и сами присташа, и хитро, яко самоволцы, имѣяху всегда на мысли разграбленіе,—зъ гетманомъ Бруховецкимъ усовѣтоваша, даби отъ царского величества отступити. И Бруховецкій велѣлъ воеводъ, отъ него жъ самого доброволне во гради принятихъ, убивати; на что вишше писанная старшина енералная и полковники, ради хищенія и разграбленія, абіе соизволила, и разъехавшися во своя полки, еднихъ воеводъ отслаша во свояси, другихъ же, приступами въ градѣхъ добиваше, умертвиша,—точію въ Нѣжинѣ, Черниговѣ и Переясловѣ въ крипостехъ затворшаяся Москва, одержася, обаче запорожци и народъ посполитій городи разграбивше, въ конецъ разориша. Зачавши убо гетманъ, за совѣтомъ наведенныхъ за собою запорожцевъ, великое и не его разумомъ могущое совершитися дѣло, еще на болшое къ болшому людей разоренію покусился: посла посли своя въ двѣ странѣ—Стефана Гречаного въ Кримъ, призиваючи прошеніемъ хана въ согласіе и въ помощъ себѣ, даби воздвигнути брань на Москву, а Григорія Гамалѣю и Лаврентія Кашпуровича, канцеляристу, къ турскому царю, поддаючися ему со всею Украиною,—не извѣстенъ же того, яко не имѣетъ себѣ уже добро-

желателного въ войску никого же, кромѣ запорожцовъ, черезъ нихъ же произведенъ былъ и на гетманство». Засимъ должно слѣдовать напечатанное на стр. 197-й продолженіе лѣтописи: «Къ сему же случаю князь Ромодановскій......».

Приведя это опущенное мѣсто изъ лѣтописи, авторомъ которой называется гадяцкій полковникъ Григорій Грабянка, кстати спросимъ людей знающихъ—на чемъ основано это авторство?—Намъ оно кажется весьма сомнительнымъ... Какъ извѣстно, ни одна изъ малорусскихъ лѣтописей не дошла до насъ въ такомъ значительномъ количествѣ списковъ, какъ лѣтопись, озаглавленная—«Дѣйствія презѣльной брани Богдана Хмелницкого». На своемъ вѣку намъ пришлось видѣть больше десятка этихъ списковъ, а между тѣмъ ни на одномъ изъ нихъ мы не встрѣтили и намека на авторство Грабянки. Въ первый разъ лѣтопись эта была напечатана Фед. Григ. Туманскимъ въ его журналѣ—*«Россійскій магазинъ»* [1]) (1793 года), но здѣсь авторъ лѣтописи указанъ не былъ, конечно, потому что онъ не значился по рукописи. Первое печатное извѣстіе объ авторствѣ Грабянки мы встрѣтили въ одномъ изъ писемъ г. Кулиша къ умершему О. М. Бодянскому, 1846 г., гдѣ читаемъ: «посылаю вамъ лѣтопись, какъ думаю священника Михаила Плиски, а м. б. она только повторена Плискою... *«Лѣтопись Грабянки»* (начало которой тоже посылаю) уже по ней написана. Эту послѣднюю Маркевичъ называетъ Писаревскою, по имени того, кто ему сообщилъ, но это не годится, *когда извѣстно имя лѣтописца...*«(Русск. Арх. 1892 г., № 11, стр. 294). Затѣмъ, явилось изданіе лѣтописи 1854 г., въ которомъ приведено заглавіе ея, повидимому, имѣвшееся на томъ спискѣ, который послужилъ основою для изданія. Въ заглавіи этомъ значится, что лѣтопись «составлена трудомъ Григорія Грабянки». Въ предисловіи, здѣсь, подробно описанъ основной списокъ, причемъ замѣчено, что списокъ этотъ принадлежалъ Гр. Андр. Полетикѣ, отъ наслѣдниковъ котораго пріобрѣтенъ М. О. Судьенкомъ, въ числѣ другихъ рукописей.—Пріобрѣтенныя Судьенкомъ у Вас. Вас. Полетики рукописи [2]) подарены недавно наслѣдниками О. М. Судьенка (1892 г.) Кіевскому университету. Въ числѣ ихъ мы не нашли того основного списка лѣтописи, который описанъ въ предисловіи къ изданію 1854 г., но нашли другой списокъ этой же лѣтописи, (м. б., полов. XVIII в.), на

[1]) См. Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, I, стр. 11.
[2]) См. Кіевск. Стар. 1891 г., апрѣль, стр. 107 и 112, примѣч. 1-е.

которомъ то самое заглавіе, которое впервые мы увидѣли въ изданіи Кіевской археографической коммиссіи, написано *собственноручно* Гр. Андр. Полетикою.—(Почеркъ его намъ хорошо извѣстенъ.—) Не было ли имъ же, Полетикою, написано заглавіе и на «основномъ» спискѣ?—Г. Кулишъ могъ говорить о принадлежности лѣтописи Григорію Грабянкѣ, руководствуясь тѣми же списками этой лѣтописи изъ библіотеки М. О. Судьенка, которая, повидимому, была ему доступна. Въ концѣ концевъ, можно спросить: не явилось ли авторство Григорія Грабянки плодомъ—одной только догадки Григорія Полетики или—преданія, имъ слышаннаго?...

А. Л.

Дневникъ гетманича Апостола. Недавно мы имѣли возможность познакомиться съ чрезвычайно интересною рукописью, заключающею въ себѣ дневникъ одного изъ сыновей гетмана Апостола, Петра, писанный на французскомъ языкѣ. Петръ Даниловичъ Апостолъ, по анонимному сообщенію, былъ взятъ при Петрѣ Великомъ, ко двору, (едва ли не въ качествѣ заложника), и тамъ получилъ воспитаніе подъ надзоромъ Меншикова. Тамъ же, конечно, молодой гетманичъ изучалъ и иностранные языки; изъ дневника видно, что кромѣ французскаго, онъ зналъ еще нѣмецкій и итальянскій языки, при чемъ французскій и нѣмецкій—зналъ настолько, что исполнялъ при Меншиковѣ обязанности переводчика оффиціальныхъ бумагъ.—Не разъ приходилось намъ слыхать, что у одного изъ потомковъ гетмана Апостола, г. Алексѣева, сохраняются мемуары этого самаго гетманича Апостола, писанные на французскомъ языкѣ; трудно вѣрилось этому слуху, но теперь слухъ этотъ представляется совершенно правдоподобнымъ и остается только пожелать, чтобы г. Алексѣевъ далъ возможность желающимъ поскорѣе обнародовать этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, любопытный памятникъ.—Дневникъ Петра Апостола начинается съ мая 1725 г. и заканчивается въ августѣ 1727 г.—Въ 1725 г. будущій гетманъ Д. Апостолъ, въ то время миргородскій полковникъ, по распоряженію правительства, жилъ въ Петербургѣ, куда онъ былъ вытребованъ для слѣдствія по дѣлу Полуботка, въ въ концѣ 1723 г. Семья Д. Апостола оставалась въ Малороссіи. Состояла эта семья тогда—изъ жены миргородскаго полковника, двухъ старшихъ сыновей, Ивана и Петра, уже женатыхъ, и младшаго Павла, еще не женатаго. Сохранившійся дневникъ Петра А-ла обнимаетъ

собою время, когда старый Апостолъ, соскучившись своею подневольною жизнью въ Петербургѣ, задумалъ выпроситься, съ помощью Меншикова, домой, «на Украйну», при чемъ сынъ его Петръ долженъ былъ, на всякій случай, остаться въ Петербургѣ, вмѣсто отца.—Выбранъ былъ для этого Петръ А-лъ, какъ человѣкъ близко извѣстный Меншикову, въ семьѣ котораго могъ и самъ замолвить слово за отца. Дневникъ застаетъ Петра А-ла въ Малороссіи, въ Миргородщинѣ, гдѣ, въ это время, сосредоточены были Апостоловскія обширныя маетности. Здѣсь, мать и старшіе сыновья жили по разнымъ селамъ, но вели, повидимому, общее хозяйство. Петръ А-лъ жилъ въ Сорочинцахъ. Отсюда онъ ѣздилъ, въ концѣ мая, въ Глуховъ, вернулся оттуда въ Сорочинцы 8 іюня и прожилъ здѣсь до половины августа, когда пришло время выѣзжать въ Петербургъ, ради освобожденія оттуда отца.

Для ближайшаго знакомства съ дневникомъ приводимъ здѣсь изъ него отрывки въ подлинникѣ, имѣя намѣреніе напечатать, въ скоромъ времени, полный переводъ этого памятника.

Іюня 15. L'allais voir ma mére à Chomutez et m'entretenant en chemin avec Deniseniez, j'en appris le sujet de la disgrase de Zacharewski, feu colonel d'Uzium, qu'il divertissait les plages à son usage, ce que denonça un cap. appelè Czyrkow. A mon retour de Chomutez, je fis voir mes abeilles, que je trouvais au nombre de vieilles ruches—122, les essaims (рои)—78.

— *17.* Je fus voir mon frère à Portianka (одно изъ Апостоловскихъ селъ, недалеко отъ Сорочинецъ), où ma femme, accompagné, de la sienne, au sortir du bain, courrut—risque de tomber dans la fosse.

Іюля 5. Les fauchers de Chomutez commencerent à faucher. Je les fis voir.

— *14.* Je fis voir les fauchers de Jerki (село), dout il yeut—37.

— *28.* M-r le general de Weissbach, (стоявшій съ войсками въ Малороссіи), nous envoya, par un caporal du regiment de Pskow, un paquet des lettres de mon père, joint un passeport du prince Menszykow pour mon voyage de Petersbourg.

Выѣхалъ П. А-лъ въ Петербургъ только 19 августа, при чемъ его провожали жена и старшій братъ. *22-го августа.*—Nous passames toute une journée pres de Budki, (село ок. Ромна), ayant bu jusqu'a l'exces.—*23.* Je pris congé de ma femme et de mon frère.—Въ Петербургъ А-лъ доѣхалъ только 15 октября, записавъ въ этотъ день: Je trouvai, graces à Dieu, mon père en bonne santé. Mess. Zurak. (Жу-

раковскій), Lisoh. (Лизогубъ), Walk. (Валькевичъ), Corec. (Корецкій) et Hreb. (Грабянка) visiterent mon père.

Съ этого времени въ дневникѣ А-ла идетъ запись его времяпрепровожденія въ столицѣ, при чемъ изъ краткихъ замѣтокъ видно, что старый Апостолъ сталъ съ этого времени настоятельно хлопотать у Меншикова о своемъ отпускѣ въ Малороссію.

Ноября 15. Mon père et moi, nous fûmes chez le prince (Меншикова), à qui mon père presenta la requete.

— *21.* Mon père me donna une terrible reprimande au sujet du festin des jeunes princes de Moldavie, où j'etais sur le point d'aller.

Декабря 23. Nous fumes chez le prince, qui declara à mon père qu'il parlerait le landemain de ses affaires à sa majesté.

Подобная же запись идетъ и въ 1726 г.

Февраля 16. Après midi, mon père allant chez le prince Galicyn, m'ordonna de l'attendre chez le pr. Menszikow, où etant venu, je ne trouvai pas le dit prince au logis; mais 1 heure après, il revint et mon (père?) s'y troura aussi. Nous y fumes accuillis de la maniere le plus gracieurse du monde.

Марта 11. M-r Bassewicz (голштинскій посолъ) envoya son valet pour me faire appeller; lorque j'y vins, il me dit qu'on delatra notre affaire ce jour—ci.

Апрѣля 1. Je fûs à wyszny sud, où j'entendis de Surowcow, qu'on a deja rendu un arret pour nous faire rendre nos papiers.

— *27.* Nous fûmes chez le pr. Mensz., qui nous dit, que nous eussions patience jusqu 'au jour du sacre de sa majesté.

Мая 6. Je fus de fort bonne heure à la cour du pr. Mensz., qui me fit dire par Zerebcow, que mon père eut à se venire à 2 henres, après midi, au jardin du palais imperial d'eté. Suivant l'avis du pr., mon père et moi nous nous rendimes au lieu destinè, où nous eumes l'honneur de baiser la main de sa majesté.

— *18.* Je fus avec mon père au collège de dehors; puis nous allames à l'eglise de s-te Trinité, entendre la messe, après laquelle mon père y preta le serment de fidilité, en presence de Maslow et Judicz [1]).

— *21.* Je fus avec mon père chez le pr. Mensz., qui donna l'ordre pour son depart et le pásseport.

---

[1]) Эта любопытная присяга („живучи въ Малой Россіи, никакихъ возмущеній не токмо самому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать" и проч.) полностію напечатана въ Сборн. Русск. Истор. Общ., LV, 294.

Мая 27. Mon père partit avec l'aide de Bien (?) pour l' Ukraine.

— *28.* Je fus chez le pr. Mensz., ayant eu l'honneur de baiser ses mains.

Іюля 30. On me donna dans la chansellerie du pr. divers pièces françaises et allemandes à traduire, à quoi je passai toute la journée.

1727 г., февраля 1. Ma femme arriva à Emska (Ямская), où j'ai passai la nuit.

— *2.* Je me transporté avec elle à Petersbourg.

— *18.* Le prince me fit appeller pour me demander une specification de certains biens en fonds en Allemagne. Je traduisis la lettre 1) de Bulhak, 2) l'assurance, 3) la lettre de m-r Duprè.

— *24.* Je lus devant le prince les pièces mentionnèes ci-dessus, que l'on ma donnè à traduire: 1) la lettre de l'eveque de Vilne, 2) le memorial du chanoine de Vilne, 3) la patente de la fondation de l'eglise de Horki.

— *25.* Je dinai avec ma femme chez les princes de Valachie.

— *30.* Le prince m'a fait traduire les etiquettes des pommades.(?)

— *Мая 3.* Ma femme fit une fausse couche.

— *6.* Les jeunes princesses (Меншиковы) de compagne avec le prince leur frère, me visiterent. A 9 heures du soir, sa majesté l'imperatrice est decedée.

— *7.* Le grand duc fut proclamé empereur de Toutes les Russies. Le meme jour j'eus l'honneur de lui baiser la main.

— *16.* L'on enterra le corps de s. m. l'imperatrice. J'y assistai, en faisant la cour aux princesses. Immendiatement àpres l'enterrement, s. m. l'empereur vint loger au palais du pr. Menszykoff.

— *Августа 3.* L'ecuyer partit pour l'Ukraine.

Этою записью кончается дневникъ Петра Апостола.

А. Л.

Первые шаги уѣздной администраціи по открытіи намѣстничествъ. Въ этомъ отношеніи очень интересно слѣдующее предписаніе гр. Румянцова Черниговскому намѣстническому правленію, помѣченное 17 іюня, 1783 г.—«Изъ вступающихъ ко мнѣ дѣлъ вижу я, что нѣкоторые городничіе и земскіе исправники ихъ должности статьи несходственно съ точнымъ и яснымъ ихъ содержаніемъ толкуютъ, напр., неправильно почитая *скопищами бѣглыхъ людей* и тѣхъ, кои иногда по зашедшему между двухъ сторонъ спору, живутъ у ко-

торой либо не скрытно, а явно,—и сихъ людей, посылаемыми въ домы командами, забираютъ самовластно, держатъ ихъ подъ стражею или отдаютъ по своему произволу другимъ, чиня имъ и наказанія. И слѣдовательно таковыми поступками, подъ видомъ изслѣдованія о насиліяхъ или бѣглыхъ людяхъ, *сами дѣлаютъ въ прямомъ видѣ насиліе*, и должности ихъ, кои, какъ и всѣ иныя, на *кротости* и человѣколюбіи основаны, явно *во зло употребляютъ*. Я по сему обстоятельству, особливо, что вышепрописанные неустройства происходятъ за *многими*, сдѣланными отъ меня *напоминаніями*, чтобы всѣ и кольми паче тѣ, коимъ наблюденіе порядка въ городѣхъ и уѣздахъ препоручено, въ отправленіи ихъ званія и дѣлъ не преступали отнюдь черту, имъ во всевысочайшихъ учрежденіяхъ въ разсужденіи власти указанную,—всѣмъ городничимъ и прочимъ чиновникамъ строжайше притверждаю. А ежели и впредь, противу чаянія, дойдутъ до меня отъ кого либо на городничихъ и иныхъ, личныя должности на себѣ имѣющихъ, *въ злоупотребленіи оныхъ*, а паче въ *самовластномъ чиненіи побоевъ и наказаній* жалобы, то въ то же время таковыхъ отрѣша отъ должностей, предамъ суду уголовной палаты, безъ малѣйшаго послабленія».

Сообщилъ **А. Ковалевскій.**

Историко-статистическіе матеріалы, своевременно не переданные въ Кіевскій Центральный Архивъ. Когда въ 1852 г. отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ кіевской, подольской и волынской губ. затребованы были свѣдѣнія объ актовыхъ книгахъ, подлежавшихъ отправкѣ для храненія во вновь учрежденный въ то время при университетѣ св. Владиміра Центральный Архивъ, то кіевскій губернскій землемѣръ представилъ въ мѣстное губернское правленіе опись имѣющимся въ кіевской губ. чертежной стариннымъ дѣламъ и актамъ, но съ замѣчаніемъ, что послѣдніе заключаютъ въ себѣ одни лишь «межевыя» свѣдѣнія, и необходимы ему «для дѣловыхъ соображеній». Губернское правленіе поставлено было въ недоумѣніе, слѣдуетъ ли отправлять означенныя дѣла въ Центральный Архивъ или по прежнему оставить ихъ въ чертежной, и представило этотъ вопросъ на разрѣшеніе генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Послѣдній отвѣтилъ, что хранящіеся въ кіевской губ. чертежной акты и дѣла, какъ заключающіе въ себѣ одни лишь межевыя свѣдѣнія, необходимыя для дѣловыхъ соображеній, передачѣ въ Центральный Ар-

хивъ не подлежатъ. А между тѣмъ изъ приложенной къ дѣлу описи видно, что въ числѣ означенныхъ актовъ и дѣлъ были и такіе, которые содержали въ себѣ не одни межевыя, но и важныя историко-статистическія свѣдѣнія; таковы: 1) Межевая книга о разграниченіи харьковскаго и черниговскаго намѣстничествъ отъ новороссійской губерніи, 1782 года; 2) Описаніе г. Кіева и прилегающихъ селеній съ показаніемъ числа жителей и количества земли (приложеніе къ выгонному плану 1788 г. съ пятиверстной пропорціей); 3) Вѣдомость кіевской губ. чигиринскаго у. Лебединскаго монастыря, сколько въ немъ имѣется церквей, келій, монашествующихъ и служителей и проч., 1799 г. 4) Описаніе Чигиринскаго Свято-Троицкаго женскаго монастыря 1799 г.; 6) Вѣдомость кіевской епархіи св. Николаевскаго пустыннаго Медвѣдовскаго монастыря и подробное описаніе онаго, 1799 г.; 7) Свѣдѣніе кіевской духовной дикастеріи о чигиринскомъ Мотронинскомъ Трицкомъ монастырѣ, 1799 г., 8) Краткая статистическая вѣдомость объ уманскомъ уѣздѣ. 1799 г.; 9) Такія же вѣдомости относительно волостей Бѣлогородской, Бышевской, м. Обухова, с. Нещерова и др.

Любопытно было бы знать, сохранились ли и до настоящаго времени эти дѣла въ архивѣ кіевской губ. чертежной; а затѣмъ возникаетъ и другой вопросъ: не слѣдовало ли бы передать ихъ хоть теперь въ Цертральный Архивъ, такъ какъ въ настоящее время означенныя дѣла едва-ли кому-либо необходимы «для дѣловыхъ соображеній», какъ утверждалъ губернскій землемѣръ въ 1852 г.

О. Л

Къ біографіи гетмана Павла Тетери. Извѣстно, что біографія этого безславнаго гетмана становится вполнѣ достовѣрной лишь съ той поры, когда онъ очутился въ войскѣ козацкомъ и занялъ должность переяславсгаго полковника; о предшествовавшемъ же этому періодѣ его жизни, равно какъ и о его происхожденіи и мѣстѣ родины, существуютъ лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія въ родѣ тѣхъ, какія, наприм., были высказаны въ письмѣ Э. Руликовскаго, помѣщенномъ въ одной изъ книжекъ нашего журнала [1]). Въ актовыхъ книгахъ кіевскаго Центральнаго архива отысканъ нами документъ (нижепомѣщаемый), представляющій интересъ въ томъ от-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1888 г., № 6.

ношеніи, что онъ окончательно уясняетъ, по крайней мѣрѣ, вопросъ о томъ, гдѣ находился и чѣмъ занимался Тетеря въ годы, непосредственно предшествовавшіе переходу его въ козацкій лагерь. Оказывается, что до 1647 года Павелъ Тетеря занималъ должность «регента» (т. е. правителя) канцеляріи городскаго суда во Владимірѣ-Волынскомъ [1]), и въ томъ году пришелъ на службу къ проживавшему на Волыни брацлавскому каштеляну Габріелю Стемпковскому и сдѣлался повѣреннымъ («агентомъ») по дѣламъ этого богатаго и вліятельнаго пана-сенатора. Но когда въ слѣдующемъ 1648 г. на Украинѣ вспыхнуло возстаніе и передовые отряды Хмельницкаго приближались къ границамъ Волынскаго воеводства, откуда въ паническомъ ужасѣ бѣжали всѣ, носившіе имя шляхтича, то хитроумный Тетеря не послѣдовалъ за своимъ вельможнымъ патрономъ, а добровольно передался на сторону побѣдителей, своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, и вмѣстѣ съ ними опустошалъ королевскія области, унесши съ собою важныя бумаги и документы Стемпковскаго, что и побудило послѣдняго занести на него жалобу. Кстати замѣтимъ, что въ этомъ документѣ фамилія Тетери вездѣ употребляется съ окончаніемъ мужескаго, а не женскаго рода: *Тетерь* (имен. пад.), *Тетерови* (дат. пад.). Полагаемъ, что это не случайное видоизмѣненіе, такъ какъ точное фамильное прозвище Тетери должно быть хорошо извѣстно какъ жалобщику, у котораго онъ былъ на службѣ, такъ равно и чиновникамъ Луцкаго городскаго суда, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, нерѣдко появлялся по дѣламъ своего патрона. Впослѣдствіи самъ онъ неизмѣнно подписывался *Тетера*.

О. Л.

Протестація велможного его милости пана Стемпьковского, каштеляна Браславского, противко Павлови Тетерови, аентови его милости пана Браславского.

Року тысеча шестсотъ пятдесятого, мѣсяца февраля двадцат второго дня.

На враде кгродскомъ, в замку его королевской милости Луцкомъ, предо мною Яномъ з Великого Залова Заловскимъ, наместникомъ замъку и буркграбъства Луцъкаго, становши очевисто, шляхетъный

---

[1]) А не „подписка" канцеляріи Луцкаго гродскаго суда, какъ утверждаетъ Э. Гуликовскій въ означенномъ письмѣ.

панъ Марцианъ Хемъский, слуга ясновелможного его милости пана Кгабрыеля на Несвичу Стемпъковского, кашътеляна Браславского, именемъ того жъ пана своего противко Павлови Тетерови, слузе и аенътови его милости пана Брасълавского рукодайному, сведъчылъ и соленитеръ протесътовалъся въ тотъ способъ: ижъ менованный Павелъ Тетеръ (sic!), впередъ будучи реенътомъ канъцелярии кгродское Володымерское, с тое жъ реенъции затягъненый былъ до справъ его милости пана Браславъского в року тысеча шестъсотъ чотырдесятъ семомъ и справы одобравшы од урожоного пана Яна Охрымовича, межи которыми записы на долгъ и сознане—оригиналовъ два: оденъ од урожоного его м. пана Адама Гулевича Воютынъского на суму пять тысечей деветъдесятъ золотыхъ и грошей двадъцять и два, а другий одъ урожоного его милости пана Шымона Козики на суму пулпяти тысячы деветдесятъ золотыхъ и грошей двадцять и два з•процессами; которые справы (и иншыхъ не мало, о которыхъ се на тот часъ ведати не можетъ), кгды ребеллия козацвая наступила и панства его королевскои милости зъ Ордою пустошыли, препомъневшы веры и цноты служебъничои и ничого на срокгость права посполитого и на вины въ немъ на таковыхъ сурово описаныхъ не дбаючы, кгди се тот непрыятель року прошлого тысеча чотыръдесять осмого ку воеводъству Волынскому зближалъ, тотъ же менованый Павелъ Тетер, справъ не отдавшы и оные неведати где заподевшы, до тое ж ребеллии козацкое утекъсе и сполне з ними панства его королевское милости инъфестовалъ. Зачымъ, остерегаючы целости (правъ) пана своего протесътансъ теперешный, ижъ великая руина в справахъ погынулыхъ деетъся и еслибы далей в терминахъ правныхъ деять и стати се мела, таковую протестацию заноситъ и дальшую протестацию за повъзятемъ ведомости о справахъ подати зъ мелиорацием теперешънее оферовалъ се, просячы, абы тая его протестация до книгъ была прынятая и записаная; што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1650 г., № 2492, л. 184 обор.

Полтавскій земскій музей. Полтавское земство, послѣ геологическаго изслѣдованія губерніи, произведеннаго по его порученію проф. Докучаевымъ, открыло въ помѣщеніи при губернской управѣ въ Полтавѣ естественно-историческій музей, въ основаніе котораго легли коллекціи образцовъ почвъ и горныхъ породъ и растеній, собранныя экспедиціями гг. Докучаева и Краснова. Къ этому присоеди-

нились: коллекція полезныхъ ископаемыхъ, находимыхъ въ губерніи, геологическіе разрѣзы, дающіе понятіе о залеганіи главнѣйшихъ геологическихъ отложеній въ Полтавщинѣ, остатки нѣкогда населявшихъ губернію, исчезнувшихъ животныхъ, гербаріи полтавской флоры и образцы древесныхъ породъ, энтомологическія коллекціи и отдѣльные предметы по зоологіи, кое-что по сельскому хозяйству и небольшая библіотека по общему и прикладному естествознанію. Основныя цѣли музея, по мнѣнію земства, должны быть—естественно-историческое изученіе губерніи и распространеніе естественно-историческихъ знаній среди мѣстнаго населенія. Только обстоятельное, научное изученіе края можетъ выяснить всѣ его почвенные и иные рессурсы и на основаніи этихъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній можетъ дѣйствовать земство, какъ хозяинъ губерніи, въ вопросахъ поднятія сельско-хозяйственной культуры края, всякихъ улучшеній и нововведеній по этой части, развитія новыхъ производствъ и т. п. Музей-же является хранилищемъ документовъ такого изученія, научною опорой и пособіемъ къ наглядному изученію губерніи для всѣхъ желающихъ.

Устроители музея не отнеслись къ задачѣ своей узко и односторонне и допустили пріобщеніе къ коллекціямъ естественно историческимъ и памятники жизни человѣка въ краѣ, включивъ въ задачу своихъ собираній и предметы по археологіи и этнографіи. У мѣстнаго любителя, члена Московск. Арх. Общ. И. А. Зарѣцкаго, пріобрѣтены коллекціи древностей, собранныхъ имъ близь Полтавы, въ дюнныхъ пескахъ около р. Ворсклы и ея притоковъ Коломака и Свилковки. Тѣмъ же г. Зарѣцкимъ и г. Ферхминымъ пожертвованы предметы, найденные при раскопкахъ въ Зѣньковскомъ и Кобелякскомъ уѣздахъ. Спеціально командированнымъ управою лицомъ собрана коллекція гончарнаго производства въ губерніи (матерьялы, орудія производства, произведенія въ разныхъ стадіяхъ обработки и обстановка производства въ фотографіяхъ и рисункахъ). Подъ руководствомъ проф. Докучаева печатается теперь иллюстрированный, популярный очеркъ мѣстной природы, которому земство хочетъ дать широкое распространеніе; пріобрѣтенъ микроскопъ, химическая лабораторія, и музей, которымъ завѣдуетъ нынѣ кандидатъ естественныхъ наукъ г. Ольховскій, приведенъ въ научную систему и порядокъ.

Бюджетъ этого крайне полезнаго учрежденія первоначально опредѣленъ былъ въ 3000 руб. въ годъ (2000 руб. на содержаніе музея и персонала его и 1000 руб. на пріобрѣтенія), но эта сумма со-

кращена уже на 2000 руб., и раздаются голоса, требующіе закрытія музея и доказывающіе его безполезность. Полтавское губернское земство, какъ знаютъ всѣ слѣдившіе за его дѣятельностью, дѣйствительно мало отличалось бережливостью. Но расходъ на музей,—и къ тому же небольшой расходъ,—чрезвычайно полезенъ и желателенъ, и дай Богъ, чтобъ это разумное учрежденіе сохранило и впредь свою жизнь.

Z.

Фабрика фарфора Миклашевскаго. Лѣтъ тридцать назадъ хорошею репутаціею и значительнымъ распространеніемъ на югѣ Россіи и въ столицахъ пользовались фарфоровыя издѣлія фабрики помѣщика Черниговской губерніи Андр. Мих. Миклашевскаго, находившейся въ с. Волокитинѣ Глуховскаго уѣзда. Издѣлія эти выдѣлывались изъ мѣстной фарфоровой глины, находимой въ дачахъ с. Полошекъ того же уѣзда, главнымъ образомъ на земляхъ помѣщиковъ Скоропадскихъ. Фабрика въ Волокитинѣ просуществовала съ небольшимъ лѣтъ двадцать и закрылась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, одновременно съ «эмансипаціей». Производство шло крѣпостнымъ трудомъ и, вѣроятно, при новыхъ условіяхъ, не обѣщало прежнихъ шансовъ дохода. Издѣлія этой фабрики исчезли теперь изъ обыкновенной продажи и начинаютъ уже разыскиваться собирателями и любителями русскаго фарфора, какъ имѣющія нѣкоторое артистическое значеніе, чего, послѣ Императорскаго завода и издѣлій Попова и Гарднера, о другихъ русскихъ фарфорахъ сказать нельзя.

Художественный оттѣнокъ придалъ издѣліямъ Миклашевскаго иностранцемъ, но мастеръ этотъ не копировалъ какой-нибудь извѣстный образецъ, а старался сообщить нѣкоторую своеобразность выдѣлываемымъ вещамъ и, дѣйствительно, далъ имъ характеръ, который позволяетъ отличить издѣлія волокитинской фабрики отъ другихъ. Этотъ мастеръ былъ французъ Дартъ, двѣнадцать лѣтъ завѣдывавшій производствомъ фарфора Миклашевскаго. Задумавъ открыть фабрику, владѣлецъ сталъ подъискивать для управленія ею подходящее лицо и, въ одну изъ поѣздокъ за границу, встрѣтилъ Дарта, имѣвшаго раньше свой небольшой заводъ во Франціи, но прекратившаго дѣятельность вслѣдствіе какихъ-то комерческихъ неудачъ. Дартъ согласился ѣхать въ Россію. Ознакомившись съ глуховскою глиной, онъ нашелъ ее годною для выдѣлки фарфора, но не могъ самъ

опредѣлить составъ и пропорцію тѣхъ примѣсей, какія ей требовались для этого. Съ цѣлью узнать секретъ, онъ поступилъ на нѣкоторое время простымъ рабочимъ въ одну изъ русскихъ фабрикъ,—кажется, Корнилова,—куда поставлялась эта глина. Узнавъ такимъ образомъ составъ, онъ началъ производство въ Волокитинѣ.

Кромѣ столовой и чайной посуды, фабрика Миклашевскаго производила: вазы, группы, бѣлыя и раскрашенныя, лѣпныя рамы для зеркалъ, подсвѣчники и т. п. Попадаются и вещи, украшенныя рисунками этнографическаго характера. Наиболѣе обычный орнаментъ волокитинскихъ вещей—мелкіе, раскрашенные цвѣты и листья. Послѣ смерти Дарта работами завѣдывалъ нѣкій финскій уроженецъ Антипычъ, человѣкъ способный и державшій производство еще на извѣстной высотѣ. Марка фабрики все время была (А. М.).

Самымъ выдающимся произведеніемъ фабрики остался фарфоровый иконостасъ въ церкви с. Волокитина. Всѣ части его сдѣланы на фабрикѣ г. Миклашевскаго, также какъ и большіе фарфоровые подсвѣчники (ставники) передъ образами. Только медальоны царскихъ вратъ, представляющіе копію извѣстнаго «Благовѣщенія» Боровиковскаго, дѣланы въ Петербургѣ.

Желательно, чтобы кто-нибудь изъ глуховчанъ, имѣющихъ возможность ближе знать исторію фабрики г. Миклашевскаго, пополнилъ краткія свѣдѣнія о ней этой замѣтки.

Z.

В. Я. Ломиковскій. Напечатанный въ «Кіевской Старинѣ» «Словарь малороссійской старины» выдвигаетъ имя В. Я. Ломиковскаго и является несомнѣннымъ свидѣтелемъ принадлежности ему другой рукописи, также обозначенной его именемъ, которую, по неизвѣстности этого имени, склонны были приписывать другому лицу. Мы говоримъ о спискѣ народныхъ думъ, принадлежавшемъ проф. А. А Котляревскому. Этимъ спискомъ, какъ извѣстно, очень древнимъ и предшествовавшимъ первому, Цертелевскому собранью думъ, пользовались сперва Н. И. Костомаровъ (въ статьѣ «Южнорусское народное пѣсенное творчество»), затѣмъ П. И. Житецкій, въ своемъ изслѣдованіи о думахъ. Оба ученые обходятъ молчаніемъ вопросъ о происхожденіи рукописи. Въ «Историческихъ пѣсняхъ Южнорусскаго народа», во 2 выпускѣ, сдѣлана догадка о томъ, что запись эта сдѣлана авторомъ «Энеиды» И. П. Котляревскимъ. Только въ статьѣ Костомаро-

ва «Историческая поэзія и новые ея матерьялы» (Вѣстникъ Европы 1874 г. № 12) названо имя Ломиковскаго, но безъ всякихъ указаній и подробностей. Обнародованный теперь «Словарь» и свѣдѣнія, сообщаемыя теперь издателемъ его А. М. Лазаревскимъ, бросаютъ свѣтъ на личность В. Я. Ломиковскаго и дѣлаютъ вполнѣ правдоподобной замѣтку рукописи о принадлежности списковъ думъ именно ему. Этотъ миргородскій обыватель, устроитель усадьбы «Трудолюбъ», является такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ изученія какъ бытовой и общей исторіи, такъ и памятниковъ устнаго творчества южно-русскаго края.

БИБЛІОГРАФІЯ.

***Опытъ исторіи Харьковскаго университета** (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I (1802—1815 г.). Д. И. Багалѣя.*

Этотъ только что вышедшій трудъ проф. Багалѣя печатался прошлую зиму въ возобновленныхъ «Запискахъ Харьковскаго университета»; онъ представляетъ начало, первый выпускъ большой исторической работы по исторіи Харьковскаго университета и заключаетъ въ себѣ двѣ главы изъ времени возникновенія университета. Хотя исторія учрежденія Харьковскаго университета часто уже разсказывалась и раньше и въ изслѣдованіяхъ академиковъ Сухомлинова и Лавровскаго, и въ біографіи Каразина, и во многихъ воспоминаніяхъ первыхъ его профессоровъ, а также въ фельетонахъ мѣстныхъ газетъ, но въ трудѣ Д. И. Багалѣя встрѣчаются нѣкоторые новые факты, извлеченные имъ изъ внимательно изученнаго архива университета, гдѣ находятся богатѣйшіе еще далеко не исчерпанные матеріалы мѣстной исторіи.

Большимъ интересомъ отличается первая глава, гдѣ въ общемъ очеркѣ состоянія Харькова до открытія университета въ концѣ XVIII вѣка выясняется общее культурное состояніе края; она объясняетъ, какъ могло въ такомъ маленькомъ городкѣ возникнуть высшее просвѣтительное учрежденіе, какимъ въ то время обладали лишь двѣ главныя столицы. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ новомъ недавно заселенномъ краѣ шла въ то время уже интенсивная культурная жизнь съ умственными запросами; ихъ развитію способствовали сравнительная матеріальная обезпеченность населенія и внѣшняя безопасность, какой оно пользовалось съ конца XVIII вѣка. Самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ являлось духовенство, и черное, и бѣлое; ихъ помощниками въ дѣлѣ просвѣщенія края были сначала козацкая

старшина, а потомъ образовавшіеся изъ нея же помѣщики, которые строили церкви, основывали монастыри, дѣлали на нихъ пожертвованія, часто и сами переходили въ духовное сословіе.

Не мало усердія къ церкви проявлялось и со стороны остальной массы населенія; церковь являлась объединяющимъ центромъ; она брала на себя иниціативу и просвѣщенія, и благотворенія той самой массы, приношеніями которой сама жила. Связь была взаимная и живая, и въ силу этой связи населенія и церкви создались три крѣпко между собою связанныя учрежденія, оставившія глубокій и благотворный слѣдъ въ жизни края: братства, шпитали (больницы и богадѣльни) и школы. Школы, возникавшія всегда по желанію самого населенія, при той или другой церкви, часто на средства братства или же всего прихода, являлись во 2-й половинѣ прошлаго вѣка важнымъ всесословнымъ училищемъ, удовлетворявшимъ всеобщему запросу грамотности, просвѣщенія. Въ 1732 г. школъ было: въ Харьковскомъ полку 18, въ Ахтырскомъ—28, въ Изюмскомъ—36 и въ Сумскомъ—47. Въ нѣкоторыхъ селахъ было по нѣскольку такихъ школъ. Сравнивая число народныхъ училищъ тогда и теперь, г. Багалѣй приходитъ къ краснорѣчивому выводу: тогда, т. е. въ 1732 году,—когда школы заводились по желанію и на средства населенія ихъ приходилось 1 на 2373 души жителей; въ 1894 же году 1 школа приходилась на 4270 душъ. Главный контингентъ учащихся составляли дѣти крестьянъ, поступившихъ въ возрастѣ 7—12 лѣтъ, затѣмъ много было дѣтей духовныхъ лицъ и дворянъ. Многія лица изъ послѣдняго сословія приглашали къ себѣ домашнихъ учителей, такъ называемыхъ «мандрованныхъ» учителей, большей частью дьяковъ, которые всю свою жизнь переходили изъ одного помѣщичьяго дома въ другой, изъ одного села (гдѣ часто учили и дѣтей козаковъ и крестьянъ) въ другое. Такимъ же странствующимъ учителемъ былъ одно время и извѣстный философъ Г. С. Сковорода, явившійся лучшимъ представителемъ того умственнаго тяготѣнія къ знанію, къ истинѣ, какое замѣчалось во всемъ населеніи Слободской Украйны. Какъ всякая сильно одаренная личность, Сковорода, конечно, оказалъ большое вліяніе въ смыслѣ пробужденія въ обществѣ высшихъ духовныхъ запросовъ.

Другимъ разсадникомъ болѣе широкихъ знаній являлся Харьковскій коллегіумъ. Дворянамъ Слободской Украйны не чужда была также и западноевропейская культура, такъ какъ многіе изъ нихъ ѣздили учиться въ заграничные университеты. Все это вмѣстѣ взя-

тое и создало ту атмосферу болѣе высокихъ умственныхъ запросовъ и духовныхъ потребностей вообще, при которой и дворяне, и простые обыватели такъ чутко откликнулись на приглашеніе Каразина объ учрежденіи въ небольшомъ плохо обстроенномъ городкѣ, удаленномъ отъ всего образованнаго свѣта, третьяго въ Россіи университета.

Въ 1797 г. въ Харьковѣ открыто было главное народное училище, представлявшее по своей программѣ не то среднюю общеобразовательную, не то техническую школу. Въ первый годъ въ немъ было всего 83 ученика, но уже черезъ два года число ихъ достигло 382. Такія же училища были и въ другихъ городахъ Слободской украинской губерніи. Такимъ образомъ къ началу текущаго столѣтія въ ней утвердились трояка̀го рода училища: церковно-приходскія, духовныя и свѣтскія; всѣ они въ сущности были всесословныя; съ воцареніемъ Александра I, побуждаемые его рескриптомъ, Харьковскіе дворяне стали собирать средства на военное спеціально дворянское училище. Пожертвованія собирались довольно успѣшно, но въ 1802 г. молодой увлекающійся энтузіастъ, съ твердой волей и настойчивостью, В. Н. Каразинъ предложилъ замѣнить это предполагаемое училище университетомъ. Это предложеніе, какъ мы видимъ теперь, упало на вполнѣ подготовленную почву, и пламенныя обращенія Каразина къ дворянству Слободской украинской губерніи нашли самыхъ чуткихъ слушателей между учениками философа въ сѣрой видлосѣ, который всю жизнь сѣялъ доброе слово истины. Первые жертвователи на Харьковскій университетъ были всѣ ученики, друзья и знакомые Сковороды. При ихъ энергичномъ содѣйствіи блестящая идея Каразина оформилась и осуществилась [1]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Багалѣя ясно обрисовывается талантливая личность Каразина и его участіе въ предварительномъ устройствѣ университета. Оказывается, что въ средѣ сочувствующаго этому дѣлу дворянства были и ожесточенные противники его, не желавшіе не только жертвовать на него что-либо отъ себя, но и убѣждавшіе другихъ, что вся эта подписка на 400000 р. со стороны дворянства есть одно беззаконіе. То были изюмскій предводитель дворянства Капустянскій,—дворяне Максимовичъ и другіе. Покровительствуемая губернаторомъ, не сочувствующимъ начинаніямъ Каразина, и

---

[1]) Еще раньше были предположенія устроить университетъ въ Сумахъ или въ Черниговѣ, Глуховѣ и Новгородѣ-Сѣверскѣ. Но ни въ одномъ изъ этихъ просвѣщенныхъ уже въ то время и гораздо болѣе старыхъ городовъ, чѣмъ Харьковъ, не нашлось такого энергичнаго иниціатора, какъ Каразинъ.

даже прокуроромъ Евецкимъ — эта оппозиція довела даже свой протестъ противъ сборовъ дворянскихъ денегъ на университетъ до личнаго разсмотрѣнія Государя. Но отвѣтъ Александра I былъ далеко не утѣшителенъ для оппозиціи, такъ какъ только подтверждалъ законность постановленія дворянъ о преданіи Капустянскаго уголовному суду за цѣлый рядъ неправильныхъ и незаконныхъ поступковъ.

Съ другой стороны особенно отраднымъ явленіемъ выступаетъ та поддержка, какую оказали университету купцы и обыватели города Харькова, побуждаемые къ тому своимъ просвѣщеннымъ и гуманнымъ головою Урюпинымъ. Самъ Урюпинъ является однимъ изъ главныхъ и усердныхъ помощниковъ В. Н. Каразина. Духовенство, конечно, тоже не могло не откликнуться съ сочувствіемъ къ просвѣтительному начинанію, и въ его средѣ Каразинъ имѣлъ близкаго и глубоко ему сочувствующаго друга въ лицѣ извѣстнаго въ свое время священника Фотіева; онъ держалъ въ Харьковѣ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ, доставившій первыхъ слушателей Харьковскому университету.

Урюпинъ, Фотіевъ и губернскій предводитель дворянства Донецъ-Захаржевскій были первое время главными сподвижниками Каразина, распространявшими каждый въ своей средѣ его идею, вызывавшими къ ней довѣріе. Впослѣдствіи на помощь ему выступили и официіально назначенныя лица: попечитель Харьковскаго учебнаго округа Северинъ Потоцкій и профессоръ будущаго университета Тимковскій. Еще успѣшнѣе пошли подготовительныя работы, когда Потоцкій назначилъ изъ первыхъ приглашенныхъ имъ профессоровъ, Рижскаго, Тимковскаго, Делавиня, Балленъ-де-Баллю и Осиновскаго, комитетъ; Каразинъ имѣлъ въ немъ тоже совѣщательный голосъ. Много заботъ лежало на этомъ комитетѣ: и перестройка дома, пріобрѣтеніе земли, которая частью была пожертвована крестьянами, частью за безцѣнокъ продавалась частными собственниками, приглашеніе профессоровъ, снабженіе университета пособіями, кабинетами, библіотекой и т. п. Все это было затруднительно по отдаленности Харькова отъ столицъ. Первымъ дѣятелямъ приходилось много думать и разсчитывать, чтобы устройство университета было какъ можно экономнѣе, такъ какъ главнымъ затрудненіемъ въ ихъ дѣятельности было неправильное поступленіе сборовъ и пожертвованій.

Шагъ за шагомъ слѣдитъ проф. Багалѣй за этой симпатичной дѣятельностію всего общества, направленной къ возможно лучшей постановкѣ огромнаго по своему значенію дѣла просвѣщенія такой

обширной территоріи, какую представлялъ изъ себя Харьковскій учебный округъ, включавшій въ свои предѣлы всю Новороссію, Малороссію, Донщину и Курскую губ. Эта дѣятельность вполнѣ заслуживаетъ именно такого детальнаго и точнаго документальнаго изученія, какое предпринято проф. Багалѣемъ. Обращаясь при этомъ къ обществу съ просьбой о присылкѣ всякихъ у кого-либо имѣющихся матеріаловъ для исторіи Харьковскаго университета, проф. Багалѣй тѣмъ самымъ доказываетъ, что не желаетъ сдѣлать изъ своего труда одну обработку сухихъ архивныхъ матеріаловъ, а хочетъ представить живую картину того самого общества, въ средѣ которой возникало, развивалось и укрѣплялось сложное дѣло всесторонняго и всесословнаго образованія. Нельзя не пожелать успѣха такой грандіозной задачѣ, тѣмъ болѣе, что добросовѣстное исполненіе ея въ первомъ лежащемъ передъ нами выпускѣ «Опыта исторіи Харьковскаго университета» убѣждаетъ читателей, что этотъ трудъ выполняетъ опытное и искусное перо.

С. Р.

Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. Томъ второй. Дневники раскопокъ 1887—1889 г. гр. Алексѣя Бобринскаго и о курганахъ звенигородскаго и роменскаго уѣздовъ. Спб. 1894. Цѣна 8 рублей.

Въ свое время въ нашемъ журналѣ данъ былъ отчетъ о первомъ томѣ названнаго здѣсь труда председателя Археологической Коммиссіи [1]). Въ недавно изданномъ второмъ томѣ дневники раскопокъ изложены въ порядкѣ тѣхъ-же группъ кургановъ, что и въ первомъ, при чемъ, такъ же, какъ и тамъ, дневники каждой отдѣльной группы сопровождаются личными соображеніями автора. Особенность же вновь вышедшаго тома заключается въ томъ, что въ него внесено также довольно много вводнаго матеріала, и что ему предпослано обширное введеніе, въ которомъ гр. Бобринскій высказываетъ свои взгляды на нѣкоторые общіе вопросы археологіи; что же касается изложенія, то во второмъ томѣ оно отличается большимъ, чѣмъ въ первомъ, обиліемъ литературныхъ указаній и критическихъ отзывовъ о высказанныхъ ранѣе сужденіяхъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ.

---

[1]) „Кіев. Стар". 1887, октябрь.

Начнемъ съ введенія. Въ началѣ его авторъ характеризуетъ мѣстные курганы по ихъ формѣ и, въ качествѣ одной изъ разновидностей кургановъ, упоминаетъ о т. н. майданахъ, т. е. о кольцеобразныхъ насыпяхъ, съ однимъ или болѣе выходами, которые обыкновенно защищаются сегментными валами; при этомъ, въ выноскѣ къ своему труду, онъ воспроизводитъ статью Подберезскаго, напечатанную въ VII томѣ «Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.» и на особенной таблицѣ перепечатываетъ оттуда же и планы «Майдановъ». Подберезскій придавалъ «Майданамъ» обрядовое значеніе; нашъ осторожный авторъ не рѣшается высказать опредѣленное мнѣніе о цѣли подобнаго рода земляныхъ сооруженій. Замѣтимъ, что они широко распространены по всему югу Россіи, и что о подобныхъ «Майданахъ», иначе «робленыхъ» или «раскопаныхъ» могилахъ въ херсонской губерніи, былъ рефератъ на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ (напечатанъ въ издававшихся во время съѣзда «Рефератахъ»); авторъ реферата, г. Браунеръ, основываясь на топографическомъ расположеніи и на формѣ майдановъ, пришелъ къ заключенію (къ которому присоединяемся и мы), что «Майданы» сооружались съ стратегическими цѣлями.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ обозрѣнію попытокъ, сдѣланныхъ въ наукѣ гг. Забѣлинымъ, Самоквасовымъ и Антоновичемъ по части классификаціи кургановъ, на основаніи ихъ устройства и содержимаго, и, дополняя ихъ свѣдѣніями добытыми имъ самимъ, предлагаетъ свою, оговариваясь, однако, что считаетъ ее пригодною только для могильныхъ насыпей Малороссіи. Гр. Бобринской дѣлитъ курганы по слѣдующимъ эпохамъ: 1) эпоха каменно-бронзовая, дѣлимая, въ свою очередь, на два періода. 2) скиѳская (отъ VII—VI в. до Р. Х.), раздѣляемая также на два періода 3) переходная,—называемая г. Самоквасовымъ сарматскою, вопросъ о самостоятельномъ существованіи которой гр. Бобринской оставляетъ открытымъ, и 4) Славянская. Авторъ аргументируетъ свою классификацію различными общими соображеніями, съ большею подробностью останавливаясь на первыхъ двухъ эпохахъ.

Дневники гр. Бобринскаго отличаются точностью и строгою объективностью. Остановимся на нѣкоторыхъ обобщеніяхъ и заключеніяхъ, высказываемыхъ имъ при изложеніи дневника.

Охарактеризовавъ т. н. «пряслицы» различнаго рода, авторъ приходитъ къ заключенію, что если это названіе вѣрно по отношенію къ шифернымъ кружкамъ великокняжеской эпохи и къ схожимъ

съ ними глиняными предметамъ болѣе древнихъ временъ, то едва ли примѣнимо къ крупнымъ конусообразнымъ предметамъ каменно-бронзовой и скиѳской эпохъ, которые при томъ попадаются не только при женскихъ, но и при мужскихъ скелетахъ; оставляя вопросъ объ этихъ послѣднихъ *пряслицахъ* открытымъ, онъ спрашиваетъ: не предназначались ли онѣ для надѣванія на тетиву, для защиты пальцевъ отъ порѣзовъ? Но тогда трудно понять, почему же эти предметы попадаются и въ женскихъ могилахъ?

Въ первомъ томѣ своего труда гр. Бобринской подвергнулъ уже разсмотрѣнію вопросъ о значеніи красной окраски костей, характеризующей многія могилы юга Россіи древнѣйшей эпохи, но, не пріѣдя къ опредѣленному заключенію, высказалъ догадку, не слѣдъ ли это окраски деревянныхъ склеповъ, которые впослѣдствіи обвалились на костякъ? Въ настоящемъ, второмъ томѣ, онъ возвращается къ этому вопросу и, соглашаясь съ замѣчаніями г. Оссовскаго, отказывается отъ прежней догадки и присоединяется къ мнѣнію, что народъ данной эпохи имѣлъ обыкновеніе окрашивать тѣло въ красный цвѣтъ, а также окрашивать и тѣла покойниковъ.

Въ главѣ VIII о курганахъ и могильникахъ надъ лѣвымъ берегомъ р. Тенетинки гр. Бобринской описываетъ всѣ городища и валы, какъ осмотрѣнные имъ самимъ, такъ и тѣ, о которыхъ упоминаютъ сочиненія Фундуклея и Похилевича; кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія почерпнуты имъ изъ пріобрѣтеннаго имъ рукописнаго сочиненія доктора де-ла-Флиза (см. «Кіев. Стар.» 1889 г., іюль); объ исторіи и памятникахъ окрестностей знаменитаго Мотронинскаго монастыря въ этой главѣ читатель найдетъ особый обстоятельный экскурсъ и при немъ—планъ валовъ, находящихся вокругъ монастыря. Къ слову сказать, пишущему эти строки извѣстно подобной же формы земляное укрѣпленіе въ лѣсу Чута, александрійскаго уѣзда херсонской губ.

Интересны наблюденія гр. Бобринскаго относительно того, что обрядъ трупосожженія въ Малороссіи принадлежитъ какъ къ каменно-бронзовой, такъ и къ скиѳской эпохамъ, даже и къ позднѣйшему времени. Это должно служить предостереженіемъ противъ неосторожныхъ выводовъ объ эпохахъ курганныхъ погребеній.

Кромѣ дневниковъ курганныхъ раскопокъ въ ближайшихъ окрестностяхъ м. Смѣлы, во второмъ томѣ настоящаго труда гр. Бобринскаго находимъ свѣдѣнія о курганахъ въ окрестностяхъ м. Шполы, гор. Звенигородки и въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губ. Въ

окрестностяхъ м. Шполы гр. Бобринской произвелъ изслѣдованіе могильника къ Ю. В. отъ с. Матусова, бл. урочища Колонтаевки и собралъ свѣдѣнія о раскопкахъ, сдѣланныхъ нѣсколькими дамами, сначала подлѣ самой Шполы, въ урочищѣ Дарьино, затѣмъ—подлѣ с. Василькова. Болѣе интересна раскопка въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ. Она дала, между прочимъ, великолѣпную львиную головку, выдѣланную изъ кости и напоминающую другую головку, изданную гр. Бобринскимъ въ первомъ томѣ своихъ «Дневниковъ», кромѣ того при раскопкѣ найдены: золотыя бляшки съ изображеніями козловъ и человѣческихъ лицъ, золотой браслетъ, золотой перстень съ изображеніемъ борьбы двухъ животныхъ и пр. О раскопкахъ бл. города Звенигородки, въ частности—въ ближайшихъ окрестностяхъ м. Рыжановки, авторъ заимствуетъ свѣдѣнія изъ статей Готфрида Оссовскаго, появившихся на польскомъ языкѣ, въ изданіяхъ, мало доступныхъ для большинства русскихъ археологовъ, за что нельзя, конечно, не быть признательнымъ гр. Бобринскому. Раскопки эти отличались необыкновеннымъ богатствомъ драгоцѣнныхъ украшеній художественной работы; найдены были, между прочимъ, золотая діадема, золотыя серьги и бусы, золотое ожерелье, золотыя розетки съ пояса, золотые перстни съ монетами, и печатки, такіе же браслеты и пр. Всѣ эти древности подробно описаны въ трудѣ гр. Бобринскаго. Характеръ искусства почти всѣхъ находокъ—греческій, въ частности—пантикапейскій, и всѣ онѣ относятся, по замѣчанію автора, къ періоду процвѣтанія въ Пантикапеѣ высшаго искусства, когда на нѣкоторыхъ издѣліяхъ замѣчается отпечатокъ вліянія искусства далекаго востока (650—480 г. до Р. Х.); небольшое же количество мѣстныхъ издѣлій представляетъ опыты грубаго скиѳскаго ювелирнаго дѣла.

Въ роменскомъ уѣздѣ производили раскопки въ разное время: С. А. Мазараки, профессоръ В. Б. Антоновичъ, Д. Я. Самоквасовъ, а также Т. В. Кибальчичъ. Въ своемъ трудѣ гр. Бобринской даетъ свѣдѣнія о раскопкахъ г. Мазараки, находки котораго поступили главнымъ образомъ въ его, гр. Бобринскаго, собраніе древностей, а частію въ Историческій музей въ Москвѣ, и воспроизводитъ изъ газетъ нѣкоторыя данныя о раскопкахъ г. Самоквасова. По формамъ погребенія и по характеру найденныхъ при раскопкахъ предметовъ курганы роменскаго уѣзда близки къ смѣлянскимъ и относятся къ скиѳской эпохѣ.

Изъ отдѣльныхъ экскурсовъ въ книгѣ гр. Бобринскаго заслуживаютъ вниманія сдѣланная имъ классификація характерныхъ формъ

скиѳской посуды (стр. 107) и замѣчанія относительно мѣстъ и условій нахожденія морскихъ привозныхъ раковинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ cypraca moneta (стр. 125); между прочимъ, интересно найденное авторомъ свѣдѣніе, что раковины эти ловятся не только въ Индійскомъ океанѣ, но и въ европейскихъ моряхъ.

Цѣлая (шестая) глава книги занята антропологическими таблицами, составленными со всевозможной тщательностью.

Среди случайныхъ находокъ древностей (глава VII) находимъ описаніе предметовъ съ Княжей горы, золотой курильницы, найденной близъ м. Корсуня, стеклянныхъ шаровъ изъ окрестностей Смѣлы и другихъ.

Книга украшена многими, изящно исполненными рисунками въ текстѣ и тридцатью особыми таблицами рисунковъ, исполненными большею частію литографическимъ способомъ, а частію—фототипіей; нѣкоторыя таблицы напечатаны золотомъ и серебромъ. Словомъ, въ трудѣ гр. Бобринскаго мы находимъ изданіе, которому трудно найти равное по роскоши на русскомъ языкѣ. Антропологи и этнографы будутъ благодарны ему за особую таблицу орнамента на скиѳской посудѣ.

Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель, полезность котораго понятна для всякаго.

Трудъ гр. Бобринскаго не блещетъ научными открытіями; авторъ скромныхъ «Дневниковъ» не гонится за сенсаціоннымъ успѣхомъ, но онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе необыкновеннымъ трудолюбіемъ, точностью и тщательностью работы и любовью къ наукѣ. Мы думаемъ даже, что вообще въ дѣлѣ археологическихъ изысканій, во избѣжаніе весьма возможныхъ разочарованій, слѣдуетъ умѣрять свои, иногда черезчуръ пылкія, надежды и помнить, что открытія въ археологіи, точно также, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, даются только упорнымъ трудомъ, не отступающимъ передъ неудачами.

Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93-й Спб. 1894.

Въ составъ этого тома вошли депутатскіе наказы отъ дворянъ новороссійской губерніи, числомъ одиннадцать (страницы 19—79).

Не задаваясь цѣлью исторической оцѣнки наказовъ, что удобнѣе сдѣлать въ другой формѣ и въ другое время, отмѣтимъ тѣ

просьбы новороссійскихъ дворянъ екатерининскаго времени, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе.

Дворяне Днѣпровскаго пикинернаго полка просятъ утвердить за ними владѣніе заднѣпровскими грунтами и угодіями, купленными и выслуженными предками ихъ до 1752 года, когда они отошли подъ Новосербію и слободскіе полки, а потомъ вошли въ составъ елисаветградской провинціи, и освободить поселенія ихъ полка отъ дачи во владѣніе постороннимъ владѣльцамъ, отмѣнить разныя пошлины, вновь введенныя въ ихъ пользу, но давно уничтоженныя въ Малороссіи и, наконецъ, разрѣшить свободное винокуреніе.

Офицеры елисаветградскаго пикинернаго полка просятъ: оставить въ потомственномъ владѣніи земли, отведенныя по штату офицерамъ и рядовымъ полка, оставшуюся по отмежеваніи землю раздавать всѣмъ, кто пожелаетъ заводить хозяйство, въ вѣчное уже владѣніе и отрѣзать полку лѣсныя дачи изъ владѣній Чернаго и Желтаго гусарскихъ полковъ.

Офицеры Чернаго Гусарскаго полка просятъ нарѣзать имъ двойное количество земель противъ положенія и разрѣшить для домашняго обихода свободное винокуреніе.

Грузинскіе дворяне донецкаго пикинернаго полка жалуются: принявъ русское подданство, они получили во владѣніе земли съ крестьянами въ полтавскомъ полку, но нарѣзаны онѣ были неправильно, крѣпостные же, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія податей, разорились, или ушли въ запорожье, а частью отошли подъ Новую Сербію; землями, которыя по праву должны были перейти къ нимъ, завладѣла полковая старшина, а имъ не дозволяютъ и покупать земли у казаковъ. Вслѣдствіе этого офицеры просятъ: принять мѣры противъ побѣговъ крѣпостныхъ, возвратить бѣжавшихъ, а вмѣсто тѣхъ, которые исчезли безслѣдно, наградить другими, узаконить за ними земли, по праву имъ принадлежащія, и подтвердить право на покупку земель.

Наказы грузинскихъ князей и дворянъ днѣпровскаго пикинернаго полка, офицеровъ донецкаго пикинернаго же полка, шляхетскаго малороссійскаго полтавскаго полка и шляхетства донецкаго пикинернаго полка на столько близки и по содержанію, и по изложенію, что, очевидно, сочинялись совмѣстно, или даже списаны съ одного оригинала, съ незначительными отъ него отступленіями. Желанія, высказанныя во всѣхъ этихъ наказахъ, сводятся къ слѣдующему: возвратить земли, отведенныя изъ ихъ владѣній подъ

новороссійскую губернію, и отмѣнить денежные сборы, ранѣе того отмѣненные въ Малороссіи.

Особенно интересенъ наказъ дворянъ бахмутскаго уѣзда. Недостатокъ рабочихъ рукъ, столь чувствительный въ Новороссіи и въ настоящее время, въ царствованіе императрицы Екатерины, какъ видно, былъ еще болѣе чувствителенъ. Не смотря на запрещеніе переходовъ, крѣпостные дѣлали частые побѣги. Бахмутскіе дворяне жалуются, что офицеры поселенныхъ здѣсь гусарскихъ полковъ, равно управители атаманы казенныхъ слободъ, принимаютъ и укрываютъ бѣглыхъ крѣпостныхъ; поэтому дворяне просятъ наложить строгіе штрафы для такихъ укрывателей, не взирая на ихъ званіе; пятый пунктъ наказа вводитъ читателя въ «дѣвичью» зажиточнаго помѣщичьяго дома и приподнимаетъ уголокъ завѣсы, за которой скрываются крѣпостныя затворницы, хорошо обученныя „разному пристойному дворянскимъ домамъ мастерству“ и потому представляющія, въ хозяйственномъ инвентарѣ, особенно цѣнную статью; и вотъ эти-то крѣпостныя дѣвушки,— жалуются дворяне,— „вмѣсто благодарности и должныхъ заслугъ... по подговорамъ отъ господъ своихъ побѣги чинятъ и въ скорости выходятъ въ замужество разнаго званія за чиновныхъ и не чиновныхъ людей, а по большей части за военныхъ служителей, которые берутъ ихъ безъ опасности въ разсужденіи, что по состоявшемуся въ въ 1754 году, мая 13 дня указу повелѣно съ нихъ за тѣхъ бѣглыхъ женокъ и дѣвокъ взыскивать помѣщикамъ только по десяти рублей, не пріемля того, что помѣщики и за науки таковыхъ издерживаютъ болѣе 50 рублевъ“... Въ огражденіе своихъ правъ, бахмутское дворянство проситъ, во первыхъ установленія строгихъ правилъ для духовенства, „ктожъ отважитца какую бѣглую женку за себя взять, такой бы *преступникъ*, также и бѣглая наказаны были тѣлеснымъ наказаніемъ, *какимъ помѣщикъ ея пожелаетъ* (оба, т. е. и мужъ, который могъ быть и чиновнымъ!), а платежъ за тѣхъ бѣглыхъ женокъ и дѣвокъ положить по исполненіямъ отъ помѣщиковъ въ челобитныхъ цѣнахъ, не свыше ста рублевъ“... Мотивировку этого ходатайства бахмутскіе дворяне заключаютъ довольно неожиданнымъ доводомъ: вслѣдствіе рекомендуемыхъ мѣръ прекратятся побѣги, а, вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдственныя дѣла, „и кровопролитіе по такимъ дѣламъ въ пыткахъ и наказаніяхъ удержаться можетъ“—мысль, достойная гуманнаго вѣка!.. Но въ слѣдующемъ пунктѣ наказа, когда дѣло касается убійствъ, совершаемыхъ крѣ-

постными надъ помѣщиками, бахмутскіе дворяне оставляютъ уже въ сторонѣ всякую гуманность: высказавъ убѣжденіе, что „таковые худою совѣстью зараженные люди“ не чувствуютъ „высокоматернюю Ея Императорскаго Величества человѣколюбивую милость“, они просятъ гуманную императрицу, „въ строгость злыхъ и къ сохраненію добрыхъ людей“, не ослаблять ни пытокъ, ни казней... Изъ послѣдняго пункта наказа видно, что не одни крѣпостные бѣгали отъ помѣщиковъ, но и жены. Въ данномъ случаѣ дворянъ, собственно, занимаетъ имущественная сторона вопроса: дѣло въ томъ, что за бѣжавшими иногда записано мужемъ движимое и недвижимое имущество, и жены проживаютъ его. Дворяне просятъ по отношенію къ такимъ женамъ правительственныхъ мѣръ, которыя ограждали бы имущественныя права мужской половины дворянства. Такъ извращало крѣпостное право взгляды на женщину и семейныя понятія! Любопытно, что въ составленіи этого наказа принимала участіе одна дворянка, правда—неграмотная...

В. Ястребовъ.

Ab. Hovelacque et G. Hervé. Recherches ethnologiques sur le Morvan. (Eftrait des Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris). P. 1894.

Хотя эта книга ни малѣйшимъ образомъ не относится къ нашей мѣстности, тѣмъ не менѣе мы считаемъ очень полезнымъ познакомить съ нею нашихъ читателей, какъ съ превосходнымъ образцомъ подобнаго рода мѣстныхъ изслѣдованій. Авторы,—оба пользующіеся всемірною извѣстностью ученые,—одинъ директоръ Антропологической школы въ Парижѣ, другой—профессоръ въ ней, взяли предметомъ свего изслѣдованія очень незначительный уголокъ центральной Франціи, но уголокъ, изученіе котораго, какъ мы сейчасъ увидимъ, должно было пополнить пробѣлъ въ рѣшеніи чрезвычайно важнаго общаго вопроса о географическомъ распредѣленіи кельтскаго племени. Дѣло въ томъ, что распространеніе это опредѣлялось до сихъ поръ только на основаніи историческихъ и лингвистическихъ данныхъ, не принимая во вниманіе данныхъ антропологическихъ, вслѣдствіе чего за кельтовъ принимались различныя группы населенія Франціи, въ высшей степени разнообразныя по своимъ физическимъ особенностямъ. Работы Вильяма Едварда, Брока и Ланьи выяснили уже эти особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ Франціи, которыя по указаніямъ

Ю. Цезаря представляли главные центры кельтскаго населенія, т. е. Оверни и Бретони, но оставили два пробѣла относительно связи этихъ центровъ съ одной стороны съ группой альпійской, а съ другой—между собою т. е. между оверньятами и бретонцами. Одинъ изъ этихъ пробѣловъ былъ не такъ давно пополненъ работою г. Говеляка о Савоярахъ, второй же составляетъ предметъ разбираемаго нами труда.

Въ географическомъ отношеніи Морванъ представляетъ собой промежуточное пространство между восточнымъ и западнымъ центрами кельтскаго населенія. Благодаря своей довольно значительной высотѣ и горпстой мѣстности, онъ легко могъ служить убѣжищемъ для племени, которое должно было отступить передъ нахлынувшими въ равнины длинноголовыми сѣверными народами. Наконецъ, нынѣшнее его населеніе, не отличаясь отъ населенія Бургундіи и прочихъ частей Франціи по языку, очень разнится отъ него по физическимъ признакамъ. Эти то именно обстоятельства и заставили авторовъ выбрать Морванъ предметомъ своего изслѣдованія. Опредѣливши и описавши очень подробно географическое положеніе этой мѣстности, при чемъ они не упустили изъ виду также и геологически-палеонтологическихъ ея особенностей, они прослѣдили ея исторію, не пренебрегая даже такой, повидимому, мелочью, какъ проведеніе въ ней дорогъ, административное раздѣленіе и проч., собрали очень тщательны статистическія свѣдѣнія за все время ихъ существованія, приняли во вниманіе всѣ археологическія данныя, изъ которыхъ оказалось, что мѣстность эта была заселена только въ теченіе бронзоваго періода, и такимъ образомъ пришли къ заключенію, что первоначальное ея населеніе было, вѣроятно, кельтское. Оставалось подтвердить это антропологическими данными, для чего авторы и приступили къ подробнѣйшему изученію череповъ, какъ собранныхъ по ихъ просьбѣ мѣстными жителями, такъ и находящимися въ громадныхъ коллекціяхъ Музеума въ Jardin des Plantes и Антропологической школѣ. Изученіе это, исторію котораго мы, разумѣется, пропускаемъ, и привело ихъ къ выводамъ, показывающимъ, что по размѣрамъ череповъ, (головной указатель=83,5) населеніе Морвана не только представляетъ всѣ наиболѣе характерныя черты кельтскаго типа, но и является какъ разъ промежуточнымъ звеномъ между круглоголовымъ населеніемъ Оверня и Бретани. Такіе же точно результаты дали и изученіе роста, цвѣта глазъ, волосъ, и т. д., при чемъ опредѣлились въ цифрахъ и вліянія (очень незначительныя пока, но постоянно уве-

личивающіяся) сосѣднихъ элементовъ. Такимъ образомъ получилась возможность прійти къ положительнымъ и вполнѣ несомнѣннымъ заключеніямъ. Главныя достоинства этой работы заключаются въ величайшей обдуманности ея плана, въ самой строгой научности исполненія, въ доходящей до настоящаго изящества, тонкости и отчетливости анализа фактовъ и, наконецъ, въ удивительной ясности изложенія. Конечно, такія изслѣдованія возможны только въ странѣ, обладающей громадными массами ученаго матеріала, многое зависитъ, разумѣется, и отъ личныхъ качествъ изслѣдователей, которые, какъ напр. г. Говелякъ, лингвистъ по спеціальности, способны не отступить передъ измѣреніемъ череповъ, чтобы прійти къ выводамъ, прямо противоположнымъ ихъ прежнимъ узко-филологическимъ взглядамъ, и признать кельтами населеніе, у котораго въ языкѣ не сохранилось ни одного кельтскаго слова; но стремленіе къ возможно большей степени объективности и научности изслѣдованія обязательно для всѣхъ, и мы очень горячо рекомендуемъ трудъ гг. Hovelacque'а и Hervé всѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться подобными работами и у насъ.

Ѳ. В.

Алексѣй Веселовскій. Этюды и Характеристики. Москва 1894 г.

Двадцать статей, составляющихъ настоящую книгу, представляютъ собою, на нашъ взглядъ, весьма занимательное и поучительное, иной разъ даже увлекательное чтеніе для всякаго, кому не чужды высшіе вопросы жизни и просвѣщенія, чье сердце не остается равнодушнымъ къ великимъ именамъ, составляющимъ гордость человѣчества или славу отдѣльнаго народа, каковы Вольтеръ, Джордано Бруно, Джонатанъ Свифтъ, Викторъ Гюго, Гоголь, Грибоѣдовъ, Дидро, Бомарше, Мольеръ, Фонвизинъ и др. Тонъ книги—искренній, живой, бодрящій... Иногда встрѣчаются весьма картинныя, даже поэтическія страницы, напримѣръ, хотя бы въ статьѣ «Титана и Пигмеи. Альпійская фантазія». Мысли вездѣ свѣжія, нерѣдко своеобразныя, иногда даже пріятно изумляющія глубиною или новизною. (Напримѣръ, хотя бы бѣглая, но живая характеристика Онѣгина, этого типа «путешественниковъ» хандрящихъ отъ бездѣлья, когда дѣла передъ глазами не оберешься). (Статья «Три путешествія). Случается натыкаться въ книгѣ и на явно натянутыя сравненія, на сближенія, такъ сказать, притянутыя за уши; но, даже въ такихъ случа-

ихъ яркій фейерверкъ мыслей, блестящее изложеніе выкупаютъ упомянутый недостатокъ.

Читателямъ нашимъ особенно рекомендуемъ статью «Мертвыя души» (557—610 стр.), гдѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ та мысль автора, какъ бы кто ни отнесся къ ней въ концѣ концовъ, что планъ этой «поэмы», волновавшій и занимавшій Гоголя всю жизнь, тожественъ былъ (или по меньшей мѣрѣ, предполагался таковымъ) съ планомъ «Божественной Комедіи» Данта, тройственное дѣленіе которой такъ соблазняло Гоголя, такъ согласовалось съ его конечными видами и стремленіями и такъ затрудняло поэта въ его завѣтной мысли довести до конца свой трудъ, примѣнивъ къ нему планъ «Божественной Комедіи». Соображенія г. Веселовскаго кажутся намъ довольно удачными и искусно подобранными; они имѣютъ всѣ данныя для признанія ихъ истинными или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятными; къ тому же они очень хорошо объясняютъ и самое названіе «Мертвыхъ душъ» поэмою. Замыселъ Гоголя (построить свою поэму по плану Дантовой и наполнить ее соотвѣтствующимъ *правдивымъ* содержаніемъ) кажется, однако, нашему автору превысившимъ силы поэта или, по крайней мѣрѣ, неисполнимымъ для него по совокупности множества всяческихъ условій... «Выполнить его (т. е. замыселъ Гоголя) могъ бы только средневѣковый поэтъ дантовской силы, если бы мыслимо было соединеніе въ немъ религіозныхъ восторговъ и гражданской борьбы съ геніальнымъ комизмомъ [изо всей поэмы Данта только небольшая сцена между бѣсами (Адъ, XXI—XXII) способна вызвать улыбку]. Гоголь печально заблуждался, думая, что можетъ сладить съ такою задачею. Не смотря на его иноческіе вкусы, порою грозившіе взять верхъ надъ дѣятельнымъ служеніемъ своему народу смѣлымъ словомъ, не смотря на постоянное общеніе съ духовными лицами и чтеніе душеспасительныхъ книгъ, въ немъ не было того пламеннаго религіознаго чувства, которое итальянцу XIII—XIV вѣка внушило бы могучіе гимны и свѣтлыя видѣнія. Такія крайнія мѣры, какъ поѣздка въ Палестину, не помогали, и онъ съ ужасомъ признавался, что и тамъ остался холоденъ. Между тѣмъ все было выношено и продумано внутренне, — только мечты безсильны были воплотиться въ словахъ и образахъ. Если бы судьба послала Гоголю болѣе долгую жизнь, и третій томъ «Мертвыхъ душъ» былъ написанъ хоть вчернѣ, врядъ ли онъ увеличилъ бы сколько-нибудь его художественную славу. Такимъ образомъ, по мнѣ-

нію г. Веселовскаго, ежели Данту и недоставало геніальнаго комизма, то Гоголю въ его планахъ помѣшало отсутствіе необходимой *непосредственной* религіозной силы и благоговѣйныхъ восторговъ.

А. Степовичъ.

Отчетъ о состояніи Коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г. по 1 октября 1894 г. Кіевъ 1894 г. (стр. 215).

«Четыре года тому назадъ директоромъ Коллегіи Павла Галагана И. И. Ничипоренкомъ былъ выпущенъ въ свѣтъ отчетъ за время 1 октября 1886 г. по 1 октября 1890 г., и съ тѣхъ поръ школа наша не заявляла о себѣ путемъ печати русскому учено-педагогическому міру и обществу. Какія бы ни были тому причины, мы считаемъ такой ходъ дѣла неправильнымъ и полагаемъ, что всякое уважающее себя среднее учебное заведеніе обязано не только знакомить общество путемъ печати со всѣми обстоятельствами своей внутренней жизни, но и заявлять о себѣ по возможности со стороны научной и литературно-педагогической дѣятельности, чтобы показать, что личный составъ его не погрязаетъ въ бездѣйствіи застоя, а, напротивъ, проникнутъ стремленіемъ къ совершенствованію какъ въ дѣлѣ чистой наукѣ, такъ и разработкѣ учебно-воспитательныхъ вопросовъ». Такъ опредѣляется цѣль и значеніе настоящаго отчета его составителемъ. Не можемъ не прибавить съ своей стороны, что поставленная задача выполнена удачно, и настоящій отчетъ выгодно отличается отъ обычныхъ отчетовъ средне учебныхъ заведеній, заключающихъ въ себѣ одни оффиціальныя свѣдѣнія, сопровождаемыя не менѣе оффиціальною актовою рѣчью. Въ отчетѣ коллегіи, кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о личномъ составѣ учащихъ и учащихся, объ учебныхъ пособіяхъ, о постановкѣ учебнаго дѣла и успѣшности занятій учащихся и т. п., мы встрѣчаемъ и другія свѣдѣнія, которыя, дѣйствительно, могутъ ознакомить общество съ различными обстоятельствами внутренней жизни коллегіи: таковы свѣдѣнія о важнѣйшихъ постановленіяхъ Совѣта Коллегіи (стр. 35—39), объ особенностяхъ въ постановкѣ учебнаго дѣла вообще (стр. 13) и преподаванія искусствъ въ частности (стр. 11—12), сочувственное воспоминаніе о лицахъ, оставившихъ службу въ Коллегіи,—И. И. Ничипоренкѣ, П. Э. Ромерѣ, П. И. Житецкомъ, Е. К. Трегубовѣ (стр. 2—3); наконецъ, прощальное слово новаго директора коллегіи А. І. Степовича воспитанникамъ выпуска 1894 г. (20—24).

Въ приложеніяхъ къ отчету помѣщены слѣдующія статьи: 1) Высшее образованіе въ Римѣ во времена императоровъ—О. И. Гордіевича; 2) Значеніе изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества—В. Н. Куницкаго; 3) Къ 100-лѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника «славянской взаимности»—А. I. Степовича; 4) Краткій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ движенія греческой культуры въ государствахъ древняго міра»—О. И. Гордіевича; 5) Языкъ и слогъ комедіи «Горе отъ ума»—В. Н. Куницкаго. Помѣщеніемъ этихъ статей выполняется вторая задача отчета—заявить о жизни заведенія со стороны научной и литературно-педагогической. Не можемъ не замѣтить, что такая задача представляется намъ слишкомъ широкою. Научная дѣятельность преподавателей средне-учебнаго заведенія—если она существуетъ—не можетъ быть связана съ этимъ заведеніемъ, особенно въ городѣ университетскомъ: она выражается участіемъ въ ученыхъ обществахъ, спеціальныхъ журналахъ, наконецъ, въ изданіи отдѣльныхъ сочиненій. Отчетъ учебнаго заведенія можетъ упомянуть объ дѣятельности, но въ немъ не могутъ быть помѣщаемы всѣ научныя работы преподавателей. Другое дѣло работы педагогическаго характера: онѣ ближе стоятъ къ задачамъ учебнаго заведенія, а въ Кіевѣ, при отсутствіи педагогическаго общества и педагогическихъ изданій, скорѣе всего могутъ появляться при отчетахъ учебныхъ заведеній, и, можетъ быть, по преимуществу Коллегіи, которой, по выраженію отчета, «Высочайше предоставлено счастливое право самостоятельной разработки учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи»(предисловіе).

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ статей наиболѣе близкое отношеніе къ педагогическимъ вопросамъ имѣютъ рѣчь г. Куницкаго и первая статья г. Гордіевича. Авторъ первой статьи очень широко ставитъ вопросъ о воспитательномъ значеніи словесности,—предмета, который по его мнѣнію, долженъ занять первое мѣсто среди предметовъ общеобразовательной школы. «Если вы хотите, говоритъ онъ въ заключеніе своей статьи, чтобы наша школа не только учила, но и прежде всего воспитывала, дайте въ ней какъ можно больше мѣста и простора изученію словесности призовите въ воспитатели тѣхъ, кто, по выраженію Пушкина, способенъ «глаголомъ жечь сердца людей», а, по выраженію Лермонтова, легко и свободно читаетъ въ этихъ сердцахъ и призванъ свыше—*провозглашать имъ «любви и правды чистыя ученья!*» Къ сожалѣнію, вторая статья г. Куницкаго представляетъ какъ бы противорѣчіе сказанному въ первой.

Скрупулезное изученіе языка комедіи «Горе отъ ума», перечисленіе всѣхъ встрѣчающихся въ ней «по изданію Гарусова» словъ (которыхъ оказывается 13246, а за исключеніемъ повтореній—3370, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ повторяются отъ 2 до 50 и болѣе разъ), наконецъ, помѣщенный въ приложеніи «Полный словарь «Горе отъ ума» (въ которомъ указано, въ какомъ дѣйствіи и сколько разъ употреблено извѣстное слово)—все это, по нашему мнѣнію, не много внесетъ въ объясненіе безсмертной комедіи Грибоѣдова, и статья г. Куницкаго много выиграла-бы, если-бы онъ ограничился указаніемъ нѣкоторыхъ лексическихъ и грамматическихъ особенностей языка Грибоѣдова и, въ особенности, мѣткихъ остроумныхъ выраженій (перечисленіемъ которыхъ онъ заканчиваетъ свои статьи). Г. Гордіевичъ въ своей статьѣ касается интереснаго вопроса о системѣ образованія, выработавшейся окончательно въ римской школѣ временъ имперіи; систему эту онъ называетъ «чисто-формальною» и указываетъ отголоски ея въ позднѣйшей школѣ западно-европейской и русской.

В. Щербина.

Обозрѣніе журналовъ за 1-ую половину 1894 г.

Kwartalnik historyczny № 1. Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены между прочимъ рецензіи на слѣдующія сочиненія: *Самоквасовъ*: Хронологическая классификація могилъ южной Россіи. *Плещинскій*: Бояре Межиричскіе. *Колеса*: Украински народни письни въ поэзіяхъ Богдана Залескаго. *Огоновскій*: Исторія литературы русской. *Осадчій*: Козацкій батько Палій. *Антоній І.*: Историческіе силуэты. *Алькаръ*: Мемуары овручскаго хорунжича въ концѣ XVIII ст.

Kwartalnik historyczny № 2. Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи на слѣдующія сочиненія: *Рыхликъ*: Костелъ во имя всѣхъ святыхъ въ г. Ярославѣ. *Теодоровичъ*: Городъ Владиміръ Волынской губерніи, въ связи съ исторіею Волынской епархіи. *Теодоровичъ*: Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи, томъ III. — «Къ столѣтію возсоединенія Подоліи съ Россіей». «Труды подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета, кн. V». *Серіенко*: Громадзкій рухъ на Вкраіні Руси въ XIII в.

Грушевскій: Къ вопросу о Болоховѣ.—Въ отдѣлѣ некрологовъ помѣщенъ некрологъ Ролле и полный списокъ его сочиненій и журнальныхъ статей.

Ateneum—Апрѣль. Рецензія *К. Питмана* на вышедшую въ 1894 году Исторію города Львова, составленную г. Фридрихомъ Папэ; содержитъ краткій пересказъ содержанія сочиненія и нѣсколько поправокъ по второстепеннымъ вопросамъ.

Ateneum—Май. Статья *Краусгера*: «Франкъ и Франкисты въ Польшѣ» содержитъ указанія на новые источники, а также новыя данныя, добытыя на ихъ основаніи, относительно загадочной мистической секты, возникшей въ Подоліи во второй половинѣ XVIII ст. среди подольскаго еврейскаго населенія, секты, извѣстной, по имени ея основателя Іосифа Франка, подъ именемъ Франкистовъ.

Wisła—Январь—Мартъ. *Франко*: «Славянскія преданія о Магоматѣ». Въ статьѣ г. Франко указаны преданія о Магометѣ, встрѣчающіяся въ польской литературѣ XVI—XVIII ст., упомянуты по каталогамъ рукописей заглавія древне-русскихъ сказаній о Магометѣ, и одно изъ этихъ сказаній, найденное авторомъ въ рукописи вѣнской придворной библіотеки, приведено и снабжено учеными комментаріями. Затѣмъ авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о распространеніи легенды о Магометѣ въ западныхъ литературахъ, особенно въ Италіанской. Признавая все научное достоинство работы г. Франка, нельзя не замѣтить одной странности въ редакціи статьи: между тѣмъ какъ италіянскіе тексты приведены въ подлинникѣ на италіянскомъ языкѣ, не только отрывки изъ русской рукописи помѣщены въ польскомъ переводѣ, но той же участи подверглось и двустишіе, процитированное изъ малорусской пѣсни; пріемъ, едва-ли умѣстный въ изданіи, посвященномъ этнографіи и фолькъ-лору.

Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. *Книга I.* Въ отдѣлѣ «Протоколовъ засѣданія Общества» помѣщено извлеченіе изъ реферата *Е. В. Барсова*: «Что значитъ у Константина Багрянороднаго русское названіе днѣпровскаго порога αειφας». Путемъ весьма сложныхъ филологическихъ выкладокъ и сближенія корней словъ: греческихъ, еврейскихъ и славянскихъ, а также соображеній относительно фауны у днѣпровскихъ пороговъ, г. Барсовъ пришелъ къ заключенію, что названія порога: αειφας и Неясыть—оба славянскія и значатъ: коршунъ-порогъ.

Книга II. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи:

1) «Изъ документовъ Немировскаго конгресса. Сообщилъ В. А. Уляницкій». Эта связка документовъ дипломатическаго характера: Инструкціи и рес-

крипты, посылавшіеся русскимъ посламъ изъ С.-Петербурга, и реляціи пословъ о ходѣ конгресса, представленныя высшему правительству въ теченіе засѣданій въ Немировѣ такъ называемаго конгресса. Конгрессъ этотъ состоялся въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1737 году (съ 11 іюля по 10 октября); въ составъ его входили послы: русскіе, австрійскіе, турецкіе и польскій; мѣстомъ засѣданій выбранъ былъ Немировъ (м. Подольской губ.), какъ пунктъ нейтральный; цѣль конгресса состояла въ томъ, чтобы положить конецъ войнѣ, которую Россія и Австрія вели съ Турціею, и заключить съ послѣднею мирный трактатъ. Впрочемъ посланники не могли достичь предположенной цѣли и примирить слишкомъ разногласныя условія, предложенныя обѣими сторонами. Послѣ безъуспѣшныхъ трехмѣсячныхъ попытокъ конгрессъ прекратилъ свои дѣйствія, и посланники разъѣхались по домамъ.

2) «О возмущеніи противъ турокъ 280 русскихъ, бывшихъ въ плѣну на каторгѣ въ 1643 году». Это двѣ челобитныя, поданныя царю Михаилу Ѳеодоровичу русскими плѣнниками, освободившимися изъ турецкой каторги и возвратившимися въ Москву изъ Мессины черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву. Въ челобитной названо 21 имя плѣнниковъ, возвратившихся въ Москву: это стрѣльцы, боярскія дѣти, козаки и пашенные крестьяне, захваченные разновременно въ плѣнъ татарами въ Слободской Украинѣ; находясь на турецкой каторгѣ, на галерѣ, они совмѣстно съ другими плѣнниками (всѣхъ было 280) «разныхъ земель» возмутились, овладѣли галерою и высадились въ Мессинѣ.— О событіи этомъ въ «Кіевской Старинѣ» (1883. кн. II, стр. 224—228) помѣщенъ былъ разсказъ участника плѣна, возмущенія и освобожденія, италіянца Сильвестра изъ Ливорно. Сопоставляя разсказъ этотъ съ челобитною стрѣлецкаго атамана, калужанина Ивана Семеновича Мошкина, мы находимъ полное совпаденіе до мельчайшихъ подробностей обоихъ разсказовъ. Притомъ разсказы эти взаимно себя дополняютъ и поясняютъ. Такъ, напримѣръ, начальникъ заговора возставшихъ каторжниковъ, названный въ итальянскомъ разсказѣ: «нѣкій русскій капитанъ Симоновичъ», есть не кто иной, какъ авторъ челобитной—Иванъ Семеновичъ Мошкинъ. Обратно, авторъ италіанской брошюры и главный пособникъ Мошкина—Сильвестръ изъ Ливорно, названъ въ челобитной «нѣкій иноземецъ Шпанскія земли».—Кажущееся противорѣчіе, переименованіе въ испанцы италіянца Сильвестра, въ дѣйствительности есть результатъ лишь неточныхъ географическихъ познаній Мошкина; по его мнѣнію, Мессина есть «порубежный городъ Шпанскія земли», плѣнники очутились здѣсь во владѣніяхъ «Шпанскихъ нѣмцевъ» и т. п. Ошибки эти, при недостаточности географическихъ познаній автора челобитной, понятны, если вспомнимъ, что Неаполь и Сицилія въ 1643 году составляли владѣнія Испанской короны. Челобитныя

Йошкина и его товарищей, равно какъ и разсказъ Сильвестра изъ Ливорна, представляютъ богатый историческій матеріалъ для исторіи южно-русскаго народнаго творчества, если мы сличимъ оба разсказа съ самою полною изъ числа дошедшихъ до насъ козацкихъ думъ, съ думою о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ

„ГАЛИЦКО-РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

посвященный знакомству съ событіями въ Прикарпатской Руси и съ бытомъ Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей, въ особенности же, въ Прикарпатской Руси. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ, имѣющій цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими событіями церковной жизни Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Монографіи, романы, повѣсти, стихотворенія, народныя пѣсни, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера, составленныя при содѣйствіи выдающихся русскихъ и галицкихъ поэтовъ, писателей и ученыхъ. 5) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 6) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 7) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обозрѣній. 8) Библіографія и критика. 9) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 10) Иллюстраціи, соотвѣтствующія содержанію статей. 11) Справочный отдѣлъ. 12) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ пересылкою и доставкою во всѣ города Россіи и за границу на годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Безъ пересылки и доставки (въ С.-Петербургѣ) на годъ 4 рубля, на полгода 2 рубля.

Подписка принимается: въ Редакціи „ГАЛИЦКО-РУССКАГО ВѢСТНИКА“, С.-П-бургъ, Гороховая № 15; въ Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго

театра № 9; въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Редакторъ-издатель; **В. Драгомірецкій.**

2—3

отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

2—3

Ученыя Записки
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1895 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словеснось; 13) Архивные документы; 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Инсарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ 50 коп.

Войсковыя части могутъ выписывать „РУССКУЮ СТАРИНУ" чрезъ редакцію „Досугъ и Дѣло".

Редакція печатаетъ и выпуститъ въ свѣтъ въ январѣ 1895 года

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлеченій и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція „РУССКОЙ СТАРИНЫ" пріобрѣла отъ его брата полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

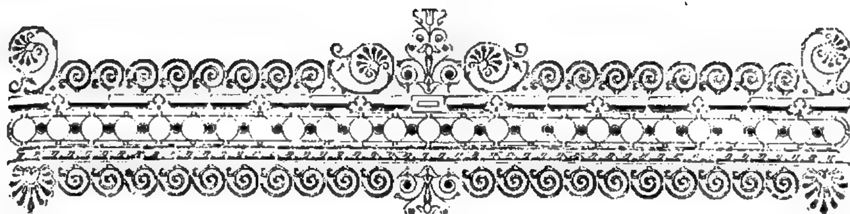
Для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

= Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредствено въ главную контору, въ Петербугъ, Фон-

Все изданіе составить 108—115 выпусковъ или 8 томовъ. Цѣна тому (14 вып.) на обыкнов. бум. 4 р. 20 к., на лучш. бум. 5 р. 60 к., тому въ перепл. 4 р. 50 к. и 6 р. За пересылку приплачивается 10% цѣны. *По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.* Допускается разсрочка на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб., послѣ чего высылаются первые 6 том. съ наложеннымъ платежомъ въ 5 р., остальныя деньги выплачиваются твехмѣсячными взносами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій, 8. Отдѣленія конторы: Одесса, Малый пер., д. Гессена; Саратовъ, Мало-Сергіевская ул. д. Губерн. Земской Управы; Томскъ, при Агенствѣ «Западная Сибирь»; Самара, при редакціи «Самарской Газеты»; Таганрогъ, при редакціи «Таганрогскаго Вѣстника.»



1730 годъ. Януарій м-цъ.

Четвер. 1. Сей день бувъ похмурный, однакъ холодній, зъ інеемъ, ночъ оттеплѣла. Обѣдали всѣ господа у гетмана, п. Михайло зъ Юріемъ Еропкиномъ поссорилисъ, такъ что на дуель ездили, только жъ такъ и вернулись.

Пятокъ. 2. Сей день былъ согласний вчорайшой ночи, похолодний, похмурный зъ інеемъ, и ночъ такова жъ была. Обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ проезджалемся зъ глинскимъ сотникомъ за тѣмъ, что въ головѣ тяжесть и обморокъ уже дней скилька, какъ имѣю. Камѣнскій и Романъ зъ Москви поворнулись, привезли денегъ 133 р. и 70 сор. и нѣкоторіе вещи. Указъ до князя и до гетмана присланъ о родителю, какъ вершено дѣло его въ прошломъ году въ иностранной колегіи, а присланъ черезъ атютанта княжого.

Субота. 3. Сей день былъ теплій, такъ же и ночъ, и похмурніе. Былемъ рано у князя, оттуду заездилемъ до п. Михайла, оттоль на настовникъ, и вечералемъ у п. Петра Апостола. Въ ночъ, противъ неделѣ, князь поехалъ въ Москву. Чайникъ, дарованній мнѣ отъ п. судійной Чирниловой, фарфуровий, взялемъ.

Неделя. 4. Сей день сперва былъ тепловатъ, а потомъ холоднѣйшій и вияснился, такъ же и ночъ. Панъ гетманъ поехалъ въ Москву, которому 50 подводъ по станамъ разставлено. Якову Дубровѣ до прежде даннихъ грошей 30 таляр. битихъ, да 8 р., да

облѣка въ 5 р , далемъ теперь 17 р. Посланъ Петро Кухаръ въ Москву, а съ нимъ 7 воз. моихъ, а именно: 3 куѳи гор. двойной, а въ нихъ носат. 29, да зъ дробини — гусей 390, утятъ 214, курей 206, індиковъ 46, грошей далемъ ему 30 р., и на дорогу, и на покупку.

Понеделокъ. 5. Сей день былъ вѣтряний велми и зъ метелицею снѣговою, а ночъ также вѣтряна. Ездилемъ съ п. Михайломъ, братомъ, на пастовникъ, где запечатали палубъ и денги зложили въ оний, а шкатулку московскую зъ червонними, переписавши при Ганцѣ, взяли сюда, а реестръ ей отдали. Генваровскій, сотникъ кролевецкій, пріехалъ зъ Москви съ указомъ, чтобъ ему бить сотникомъ по прежнему [1]). П. Федоръ, дядя, пріехалъ зъ Прилуки, который у насъ и вечералъ.

Крещеніе. Вовтор. 6. Сей день былъ жестоко холодний и свѣтлий, и ночъ такъже. Обѣдалисмо у себе, а службы Божой слухалемъ у Николая, где придику говорилъ Амвросій Дубневичъ, префектъ коллегіума кіевского. Евлампій Бруханов, бывшій прикажчикъ ямполескій, а по челобиттю Ямполцевъ осаженний за карауломъ зде, ушолъ невѣдомо куда.

Середа. 7. Сей день былъ теплѣйшій маленко, и ночъ такъже похмурна. Ездилемъ на пастовникъ зъ отцемъ Мойсеемъ, обѣдалемъ зъ род., а по обѣдѣ у вечеру былемъ у п. обозного енер. П. Михайло, братъ, далъ карту Кондзеровскому отъ панеи писанную, по якой онъ визичилъ 120 р. Яснополскому на потребу покойной тіотки. Аннуе. 3 зол. %. 208 (?).

Четвер. 8. Сей день былъ ясний, толко не противъ прежнего холодний, а ночъ похмурна и тепла. Полусорочини покойной тіотки отправляли и тамъ попи и мы, и префектъ обѣдали. По обѣдѣ матцѣ моей видать кунтушъ покойной тіотки казалемъ Ганцѣ. Кумичъ пріехалъ отъ сестри, а обехалъ еи въ Болховѣ.

Пятокъ. 9. Сей день былъ ясний и не холодний велми, и ночъ ясная, мало холоднѣйшая. Получилемъ зъ Москви отъ Курбатова писмо и календаръ.

---

[1]) См. о Генваровскомъ—Опис. Стар. Малор., II, 375.

Субота. 10. Сей день былъ тепловатъ, вѣтрянъ и зъ малою метелицею, и ночъ такъже, толко не было метелици. Сегодня поехалемъ передъ обѣдомъ въ Ясмань, где сестру свою Уляну Івановну стрѣтилемъ, которая о преставленіи покойной тіотки моей, а своей матки, увѣдомившись, плакала зѣло. Туда жъ потомъ пріехали жена моя и Кондзеровскій зъ женою; отобѣдавши тамъ, поехалисмо къ Глухову и смеркомъ уже пріехали въ Глуховъ.

Неделя. 11. Сей день былъ тепловатъ противъ вчорайшого, такъ-же и ночъ, толко вѣтряна. Сегодня рано посѣщали сестру Уляну Івановну панѣ гетманова, Мякининша и протчіе, по которыхъ отездѣ, службы Божой вислухавши, откушалисмо, и поехали обѣ сестри [1]), а после ихъ и я, въ монастиръ Гамалѣевскій, чи тежъ Харлампіевскій, и пріехали сюда, где покойную тіотку мою видѣлъ я лицемъ мало толко отмѣнившуюся, за тимъ что мало почернѣло, а на бородѣ и на концахъ ушей велми красно, да концѣ жъ ушей мягки. Получилемъ сегодня писмо отъ швакгра п. Андрѣя, требуючое извѣстія объ отездѣ гетманскомъ въ Москву, и отписалемъ къ нему жъ тогда.

Понеделокъ. 12. Сей день былъ тепловатъ зъ мокрою сверху метелицею, а ночъ такова жъ, толко безъ метелици. Здѣ въ монастирѣ Харлампіевскомъ передновалисмо; после обѣда пріехала панѣ гетманова, такъ же родитель, родителка, дядя п. Федоръ, жена моя и дѣти.

Вовтор. 13. Сей день маленко студенѣйшій былъ отъ вчорайшого, и ночъ, однако жъ не холодни. Въ сей день погребеніе преставлшойся тіотки моей ясневелможной зде, въ монастиру, совершилося: по службѣ Божой въ 11-мъ часу, были зъ духовенства архимандритъ новгородскій Нилъ, котрий службу Божую служилъ и въ погребеніи началствовалъ, префектъ коллегіумъ кіевского Амбросій Дубневичъ, передъ погребеніемъ, по службѣ Божой, предику пространную говорилъ. После предики началась церемонѣя и совершилась при общей всѣхъ жалости. Зъ духовенства жъ, кромѣ

[1]) Другая сестра Евдокія Константиновна, жена Чарныша, дочъ гетманши Скоропадской отъ перваго ея мужа К. Голуба.

помянувшихся, были зъ монастира Петропавловскаго законники, такъ же зъ пустинки Мутинской началникъ зъ братіею, зъ священниковъ же: протопопъ глуховскій съ многими попами и зъ другихъ городовъ, а именно: Новгородка, Воронѣжа и Кролевца священники, зъ мирскихъ лицъ знатнѣйшихъ: ясневел. панѣ гетманова, княгиня Шаховская и Мякининша, сегодня рано пріехавшіе. Такъ же п. Петрова и п. Михайлова, тіотка п. Павлова и п. Миклашевская, зъ мужей: брегадиръ Арсеніевъ, родитель, дядя п. Федоръ, п. Федоръ Савичъ и Афанасій, сотникъ глинскій, которіи всѣ по погребеніи и кушали зде, и множайшіи ночовали, а нѣкоторіе, а именно толко княгиня, Мякининша и попи разехались. Положено жъ тѣло покойной тіотки въ церквѣ трапезной, по правомъ боку, помѣжъ зъ тѣломъ покойного дядѣ, гетмана Скоропадского.

Середа. 14. Сей день былъ холодний, вѣтряний, ночъ потепляе. Тутъ мы продновалисмо, а панѣ гетманова и княгиня, и брегадиръ и протчіе, по обѣдѣ, разехались. Стефанъ Тернавскій, бунчуковскій товаришъ, умре.

Четвер. 15. Сей день былъ такъ же холодний, вѣтряний зъ метелицею, а ночъ тиха. Сегодня по обѣдѣ родитель зъ маткою и протчіе розехались, а я остался, и пянъ былъ.

Пятокъ. 16. Сей день былъ холодний и ночъ, толко безъ вѣтру, и пробавилемъ въ монастирѣ. У вечеру сестра Уляна Івановна была очинъ болна.

Субота. 17. Сей день былъ и ночъ противъ прежнего дня. У лазнѣ милемся и рубашку новую сестра дала. Федорець, служитель покойной тіотки, отправленний въ Нѣжинъ, удержанъ въ Глуховѣ затѣмъ, что Бокъ докторъ пріехалъ и через него послалемъ билъ реестръ нѣкоторихъ покупокъ. Увѣдомилемся, зъ листа съ Москви писанного, что панъ гетманъ сталъ квартерою въ дворѣ сестриномъ, въ Москвѣ, и что еще сватба не была.

Неделя. 18. Сей день былъ холодній, такъже и ночъ, толко похмурна. Сегодня, по службѣ Божой и по обѣдѣ, поехалисмо и пріехали въ Глуховъ. Імператорское величество Петръ Вторий преставился, о чомъ зри февр. 20-го.

Понеделокъ. 19. Сей день былъ вѣтряний, а вечоръ и ночъ зъ метелицею снѣжною. Писалемъ до Курбатова въ Москву, благодаря за его утѣшительное писмо. Федорецъ поехалъ въ Нѣжинъ, которому на покупки далемъ 8 р.

Вовтор. 10. Сей день былъ вѣтряний зъ снѣгомъ, а ночъ безъ снѣгу. Сегодня рано денги зъ склепу вивезли покойной тіотки къ сестрѣ, п. Михайло, братъ, я и Кондзеровскій, а именно 1000 р. и 3 мѣшки чеховъ, да скриню зъ сребромъ.

Среда. 21. Сей день былъ противъ прежнихъ дней и ночъ вѣтряни зѣло. Обѣдалемъ у сестри, и до позна просидѣлемъ зъ моимъ нещастіемъ. Позно пріехалемъ домой и кунтушъ парчевий покойной тіотки отъ сестри матцѣ привезлемъ. Жена моя заболѣла.

Четвер. 22. Сей день былъ противъ прежнихъ же, и ночъ, толко велми вѣтряни. Матка отехала въ Роменъ, которую жена опровадить до Каменя поехала, а я зъ род. у сестри билисмо, и тамъ вечерали.

Пятокъ. 23. Сей день былъ противъ прежнихъ же, и ночъ тиха. Обѣдалемъ у сестри и до вечора позабавилемъ, а у вечеру пріехалемъ домой зъ п. Михайломъ.

Субота. 24. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночъ. П. Кондзеровскій привезлъ отъ сестри зъ имѣнія покойной—род. (?) 1500 а., намъ зъ п. Михайломъ по 1000 р.

Неделя. 25. Сей день былъ холодний и ясний, такъже и ночъ. Зъ Громѣкою роздѣлку учинилемъ сестрѣ п. судіиной и заплатилъ 208 червонних въ 500 р., а росписку отъ его взялемъ и облѣкъ ея. Обѣдалемъ у сестри и вечералемъ.

Понеделокъ. 26. Сей день былъ вѣтряний зъ метелицею, такъже и ночъ. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до доктора и до сестри, где и вечералемъ. Даровала мнѣ табакеръ золотую. Купилемъ куеъ 4 гор. за 26 р. и 20 а.

Вовтор. 27. Сей день былъ вѣтряний же и холодний, и ночъ такъ же. Сестра велми болна была и отехала по обѣдѣ зъ другою сестрою въ Гамалѣевку, а мы зъ женою ночовали на пастовнику. Между тимъ билемъ у Количова. Принялемъ отъ Федорця, тіотчи-

ного слуги, привезенних окъ 2 кагве, тютюну тур. окъ 2, 3 бруски мила, 4 фунти камбали, а въ данних на то 14 р., не далъ отчету.

Середа. 28. Сей день былъ ясний, а холодний, такъже и ночъ. Ездилемъ рано зъ п. Михайломъ въ Дунаецъ и повернувшись оттуду, обѣдалемъ у панеи гетмановой, зъ женою. Господаръ, приехавши зъ Сваркова, обявилъ, что тютюну принялъ отъ тютюнника калюжновского и зложили тамъ пудовъ 54.

Четвер. 29. Сей день былъ ясний и велми холодний, такъже власне и ночъ. Сорочинное поминаніе умерший тіотцѣ моей, гетмановой, отправлялисмо въ Глуховѣ, обѣдали попи, а съ ними род. и я. Потомъ, у вечеру, ездилемъ до обозного енер., а повернувшись, вечералемъ зъ род., а по вечерѣ зъ Алексашею Толстимъ у лазнѣ тутъ мившимся, поехалемъ на пастовникъ и тамъ самъ ночовалемъ.

Пятокъ. 30. Сей день такъ же билъ ясній и холодний, и ночъ. Купилемъ 9 куѳъ гор. за 52 р., 7 гривенъ и 5 копѣекъ.

Субота. 31. Сей день холодній, такъ же и ночъ, да къ тому и ясна. Сестра Уляна Івановна повернулась зъ монастира Гамалѣевского. Въ Тулиголови заплатить виннику за карбъ (?) далемъ 4 р., такъ же и кобернику дала панѣ барму зимнюю, кожухъ сѣрий и рубль, а Забарѣ на покупку лѣса на дрова.

М-ць февруар. Неделя. 1. Сей день былъ весма холодній и ночъ, и свѣтліе. Зъ Сухоносовки привезено соли бочокъ 6, вовни рунъ 500 и протчіе дробніе рѣчи. Зъ Москви пріехалъ Юско сестринъ и обявилъ, что его импер. в-во всемилостивѣйшій государь нашъ Петръ Вторий ко вѣчному отиде блаженству, генваря числа 18-го, въ ночъ противъ числа 19-го, а въ наслѣдіе імперіи престола избранна дочъ старшая блаженной и вѣчнодостойной памяти государя царя Іоанна Алексѣевича, царевна Анна Івановна Курляндская, по которую отправлени отъ тайного верховного совѣта князь Василій Лукичъ Долгорукій, отъ сената князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ меншій, а отъ генералѣтета генералъ порутчикъ Леонтіевъ.

Понеделокъ. 2. Сей день былъ такій же, якъ и вчера, и ночъ. Родитель захоровалъ, а видъ фебри; которого докторъ Бокъ сталъ куровать. Обѣдалисмо у сестри, а потомъ она была у насъ. Атютантъ князя Шаховского Леонтіевъ пріехалъ сюда въ Глуховъ съ Москви.

Вовтор. 3. Сей день былъ противъ прежнихъ теплѣйшій, и ночъ свѣтла и холодна. Обѣдалемъ у дому, а жена у сестри. Род. легше стало. Сестра сегодня стала декоктъ пить, а по обѣдѣ была у насъ. Сухоносовскіе подводи отпущенни, черезъ которіе послалемъ 2 куѳи гор. да попу сухоносовскому на сорокоустъ за покойную тіотку 4 р., да писалемъ въ Тулиголовы, чтобъ 3 кадѣ винничнихъ туда жъ вислали; а до Алексѣя объ управленіи и о покупкѣ стѣнокъ у Перервинцяхъ.

Середа. 4. Сей день былъ свѣтлій и холодній, и ночъ, а зъ вечера на небѣ свѣтлость была. Братъ Марко отправленъ въ Роменъ, черезъ которого послалемъ до Несторовича сто руб., половину на покупку воловъ, а половину на роздачу косарамъ на сѣно. Да черезъ егожъ писалемъ до родителки и брата п. Семена поздравленіе. Да ему жъ данъ реестрикъ покупокъ въ ярмарку тамошнемъ, на якіе взять ему у родителки позиченіе 20 р., 5 р. ему, а 15 р. въ расходъ. Жена моя стала декоктъ пить. Обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ былемъ у брегадира и у Потіомкина. Сестра п. Чарнишева поехала въ Подоловъ.

Четвер. 5. Сей день холодний и свѣтлий Такъ же и ночъ. Вѣжевскому въ расходъ далемъ грошей 6 р. и записалемъ. Пріехали съ Москви люде мои и привезли 6 стуловъ за 3 р. съ полтиною, да баулъ болшій за 6 р. безъ четверти, да желѣза 7 пудъ по 20 а. пудъ. Купилемъ лѣсу у тулиголовскихъ козаковъ Голубенковъ за 5 р.

Пятокъ. 6. Сей день былъ свѣтлий и холодний, и ночъ. Писалемъ въ Москву, черезъ куріера, до Каратаева о томъ, чтобъ онъ въ наставленіи своемъ содержалъ Петра, а прислалъ би риби: бѣлужку, 2 осятра и лосося, оливокъ зъ ведро и мѣноговъ бочонокъ. Тутъ же приложилемъ писмо доктора Бока до Ѳумберта и 2 рецепта,

одинъ на мою, другій на его потребу, чтобъ заплатить Петру оніе, такъже и къ Петру писалемъ, чтобъ слушался его. Обѣдалемъ въ дому съ Якубовичемъ. Пріехали съ Москви сотникъ сороч. и противъ прежнего сказивали.

Субота. 7. Сей день и ночъ были свѣтліе, холодніе и отчасти вѣтряніе. Обѣдалемъ въ дому съ Якубовичемъ сегодня, а не вчора, у вечеру ездилемъ до Сухарева, который и подарилъ мнѣ картузъ табаку, а оттоль билъ у обозного енер. Повернулся Кайнара зъ Кіева съ писмами отъ духовенства, о пріемѣ денегъ на сорокоусти, за покойную тіотку.

Неделя. 8. Сей день и ночъ были противъ прежнихъ. Рано былемъ у брегадира и въ церквѣ ст. Николая, обѣдалемъ у сестри и вечералемъ. Ярема привѣзъ зъ Тулиголовъ горѣлки двойной 3 куѳи болшихъ и четвортая малая, въ якихъ всѣхъ носатокъ 35.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ свѣтлий, холодний и вѣтряний и ночъ. Александръ отъ сестри привюзъ мнѣ всѣ листи отъ архиереевъ и протчихъ принесеніе отвѣтніе, о пріемѣ послѣднихъ денегъ на поминаніе за покойную тіотку.

Вовтор. 10. Сей день былъ зъ ранку холодний, а свѣтлий, а потомъ мале теплѣйшій, а ночъ была зъ невеликою метелицею. Александеръ принюсъ отъ сестри ко мнѣ чотки маліе, бруштиновіе, а женѣ чипчѣкъ бѣлий, таѳовий.

Середа. 11. Сей день былъ отъ прежнихъ теплѣйший, такъже и ночъ. Видѣлемся зъ брегадиромъ и Потемкиномъ у церквѣ княжой, потомъ ездилемъ до п. Михайла, зъ нимъ билемъ у склепу и повернулемся. Уговорилемъ ямщиковъ въ Москву за 2 р. съ полтиною отъ лошадѣ. Погребеніе въ Москвѣ імператорского величества было.

Четвер. 12. Сей день былъ противъ прежнего и ночъ. Билъ у мене рано економъ печерскій, зъ протопопою Ѳаляховскимъ, и показалъ мнѣ вѣрчое писмо отъ консистористовъ о пріемѣ отъ мене денегъ 800 р., потому у мене такіе денги въ присутствіи протопопи и принялъ, а писмо тое мнѣ отдалъ. Сварковскій человѣкъ

посланъ до п. Григор., въ Новгородокъ, зъ 22 р., да прежнихъ 8 р., на покупку 3-хъ плитовъ (плотовъ) и 6000 дранѣ да до Овдоколля,—на уговоръ зробить куөъ великихъ 60, и на тое дано 8 р. Гапцѣ для роздачи милостыни нищимъ 20 р. У склепу билисмо зъ п. Михайломъ, братомъ. До швагра п. Андрѣя. Полуботка отписалемъ и бутилокъ 2 венгер. послалемъ

Пятокъ. 13. Сей день былъ похмурний и не велми холодний, однакожъ зъ вѣтромъ, а ночъ свѣтла и холоднѣйшая. Поехалемъ рано зъ Глухова, и за полчаса пріехалемъ въ пустинку Мутинскую, куда потомъ пріехалъ и родитель зъ Ромна. Родитель росказивалъ, что малороссійскихъ купцовъ, ходившихъ въ Кримъ а повернувшихся оттуду къ граници и непропущеннихъ, стоитъ 4500 воз.

Субота. 14. Сей день былъ погодний и отчасти холодний, а по болшой части къ веснѣ склонний, ночъ такъже свѣтла и мразна. Сегодня зде въ монастирѣ Св. Тайнамъ пріобщалемся и родитель, и сей увесь день зде, въ монастирѣ, пробавилисмо. Полковница сумская Анна Михайловна Миклашевсковна, жена Івана Кондратіева, умре отъ водяной болѣзни и чехотной.

Неделя. 15. Сей день былъ похмурний и ночъ, однако жъ холодновата и зъ сухимъ воздухомъ. По службѣ Божой и по обѣдѣ, родитель поехалъ въ Камень, а я зде въ монастырѣ остался, и зъ строителемъ Паисіемъ прибавилъ день, сидя и разговаривая. Писалемъ до брата Марка, въ Роменъ, о запроваженно сюда въ Глуховъ рѣчий, за которими посланъ Юско, а до жени о взяттю росписки отъ економа софѣйского въ пріемѣ отъ мене денегъ 800 р. Новоизбранная на престолъ россійскій імператрица, великая государиня Анна Івановна входъ свой имѣла въ Москву.

Понеделокъ. 16. Сей день былъ похмурний и сперва мокроватъ, а потомъ до вечора и въ ночѣ, холоденъ. Поехалемъ зъ монастирня Мутинского, по часахъ, и пріехалемъ до сестри п. судійной, въ Подоловъ, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ позабавилемъ до вечора, и отехавши, пріехалемъ ноччю въ Тулиголови. Сестра п. судиная отдала мнѣ доводчихся 8 червонихъ отъ ея.

Вовтр. 17. Сей день былъ свѣтлій и холодний, также и ночъ. Сей день тутъ въ Тулиголовахъ пробавилемъ, где гор. куѳъ 2 неполнихъ, тутъ въ Тулиг. въ комнатѣ, осмотреніе были.

Середа. 18. Сей день былъ похмурний, але холодний, ночъ теплѣйшая. Рано поехалемъ въ Глуховъ, где засталемъ въ добромъ здоровю родителя, жену, дѣтей и сестру Уляну Івановну. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ позабавивши, повернулемся назадъ.

Четвер. 19. Сей день былъ противъ вчорайшого и ночъ вѣтряная и зъ метелицею. Обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ повернулемся въ скорѣ. Черезъ Вѣжевского послалемъ осталніе 8 р. до економа софѣйского, понеже въ недочоту столко стало въ 8 мѣшковъ до 790 р., але онъ росписки не далъ для того, что якобы тамъ много лихихъ копѣекъ есть.

Пятокъ. 20. Сей день былъ вѣтряний и зъ великою метелицею, ночъ тихша. Ездилемъ рано до Потіомкина, который о моемъ обозѣ, чтобъ былъ пропущенъ, писалъ до сѣвского воеводи Івана Якимовича Синявѣна. Купилъ дровъ за 5 р. 50 воз. Камѣнскій посланъ въ Москву, а съ нимъ 10 куѳъ, а въ томъ числѣ двойной куѳъ 4, а простой 6, а носатокъ двойной 35, а вѣдеръ „ а простой носатокъ 61 и кварть 30, а вѣдеръ „ — „ Дано Камѣнскому на дорогу 30 р. на заплатку ямщикамъ, а сварковцямъ двомъ тутъ далъ 10 р., по 5 р пара, зъ поворотомъ, да ему жъ дана інформацѣя на писмѣ въ 10 пунктахъ, о покупкахъ и слушаннюся дворецкого. Імператорское величество Петръ Второй, самодержецъ всероссійскій, умре генвар. 18-го числа, въ 1-мъ часу по полночи, въ Москвѣ. О чомъ сицевий манѣфестъ или обявленіе отъ верховного тайного совѣта. *(Слѣдуетъ манифестъ)*. Алексѣй пріехалъ съ Сухоносовки съ тимъ, что сѣна не стаетъ.

Субота. 21. Сей день былъ у Сухарева, который сказивалъ про сестру п. судіину, которой видалъ готовихъ денегъ после аресту 7000 р., а въ томъ числѣ 2000 р., даннихъ ей зъ дому ясневелможной тіотки, а въ томъ росписался въ пріемѣ Даковскій. Повернулся мужикъ съ отвѣтомъ отъ п. Григоріевой зъ Новгородка,

что куплены будутъ плити и драњ, а отъ стар. овдоколекого, что онъ взялъ 8 р. на куеи (бочки) великіе.

Неделя. 22. Сей день былъ не велми холодній, але зъ великою снѣжною метелицею, а ночъ тихшая была мало, и метелиця утихла. Обѣдалемъ въ дому, а со мною Чуйкевичъ и Руновскій. По обѣдѣ поехалемъ до сестри, и тамъ до 10-го часа позабавилемъ.

Понеделокъ. 23. Сей день былъ теплій и мокроватий, снѣгъ знатне сталъ роставать въ днѣ и въ ночѣ. Было въ церквѣ с-таго Іліи объявленіе о вступленіи на престолъ ея імпер. в—ва Анни Івановни и молебствіе, при пушечномъ стрелянню. По молебнѣ, у гетманскомъ дому обѣдалисмо всѣ. Получилемъ черезъ Гаврила, слугу п. Михайлового, писмо зъ Москви отъ дворецкого, что товару Петро нѣчого непродалъ, а за 2 рецепти 60 р. Далисмо Алексѣеви, слузѣ, на покупку сѣна для товару и на роздачу косарамъ 50 р., а на строеніе футора Гамалѣевского, до Несторовича, 10 р. и листъ.

Вовтор. 24. Сей день такийже, якъ и вчера, а ночъ свѣтла и съ морозомъ сухого воздуха. Дали старостѣ тулил. 20 р. на роздачу, до новини, на жито. Алексѣй, слуга, отправленъ въ Сухоносовку. Братъ Марко пріехалъ зъ Ромна въ Глуховъ.

Середа. 25. Сей день былъ свѣтлий, сухий, однакожъ теплій, а ночъ свѣтла и мразна. Сегодня обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ посѣщалъ насъ Степанъ Миклашевскій, Люка, Дмитрашко и Кондзеровскій. Мѣди москалеви дали на казанъ 53 фунт. и полфунта, а осталося въ денежкахъ персидскихъ 20 фунт. и въ лому 7 фунт.

Четвер. 26. Сей день былъ свѣтлій и теплій, а ночъ холоднѣйша съ малимъ снѣжкомъ. Обѣдалемъ вчера у сестри, а у вечеру былемъ у п. Михайла пріехавшого. Отправилемъ человѣка сестри п. судіиной зъ отвѣтомъ о виданню сѣна Огкидачу 219 воз., по силѣ указу.

Пятокъ. 27. Сей день былъ похмурній, але тепловатъ и ночъ. До прежде купленной малой куеи гор., еще сегодня болшихъ купили 4, а пятую малую за 40 р. съ полтиною, итого купленихъ всѣхъ, по сіе число зде въ імбарѣ, великихъ куеъ 4 и малихъ 2.

Меду купили 24 пуда, по 40 а. пуд. Івану Канарчѣ, служителеви сестриному, далемъ, едугому въ Борзну, на покупки 30 р. Григорій Огѣенко взялъ теперъ грошей за горѣлку 24 р. съ полтиною, и во всѣхъ денгахъ за гор. взятихъ квѣтовалъ, а именно въ 90 р. картою. Сестра прислала зъ женою постѣль.... (?) и 10 плахтъ простихъ.

Субота. 28. Сей день былъ зъ ранку холоденъ, въ день отлигло, похмурний къ ночѣ, и черезъ ночъ морозъ. Тищенку, едучому до ярмарку борзенского, далемъ черезъ Ярему 23 р. Обѣдалемъ у сестри зъ братомъ п. Михайломъ и панею его, и навчилемся играть въ кадрилѣю и ломбаръ. Сестра дала на монастиръ Мутинскій 100 р. да облѣкъ въ 100 р.

М цъ мартъ. Неделя. 1. Сей день былъ холодній зъ ранку, до полудня метелиця невеликая, а къ вечору и черезъ всю ночъ жестокая метелиця зъ вѣтромъ. Семенъ Лизогубъ зъ женою пріехалъ въ Глуховъ, для роздѣлки зъ сестрою. Жена моя зъ дѣтми поехала по обѣдѣ 3-го часа, зъ полдня, въ Тулиг. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ игралисмо зъ братомъ п. Михайломъ въ кадрилѣю. Старци Печерского кіевского монастира подали писмо отъ Копи, чтобъ по легацѣи Горки, епископа, на монастиръ ихъ дать 140 р. и отдалемъ.

Понеделокъ 2. Сей день былъ холодній вѣтряний зъ превеликою метелицею снѣжною и ночъ. Рано былисмо у сестри, а п. Михайло у мене, я у дому обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и тамъ у кадрилѣю игралемъ. Купили куѳу гор. за 6 р., итого куѳъ купленнихъ болшихъ 6, а менш. 1.

Вовтор. 1. Сей день былъ холодній и вѣтряній велми, ночъ холодная жъ, да не такъ вѣтряна. Рано съ п. Михайломъ ездилисмо до сестри, где и обѣдалисмо. Писалъ писмо до п. Якова Полуботка, упоминаючись объ обѣтницю.

Середа. 4. 4 р. далемъ на бочки до Ямполя, а 8 р. Архипу на шкло до Почепа, а за Федора, зятя Плетюнчиного, человѣку дунайскому козаку 3 р. за долгъ его, что онъ коня взялъ у его, за 10 копъ ценою. Сей день былъ холодний же велми, толко не

такъ вѣтрянъ и ночъ. Именинница была сестра Уляна Івановна, у которой обѣдалисмо и дневалисмо. Отправилемъ Архипа по шкло, 60 шибъ за 8 р., а другого мужика въ Стародубъ зъ писмами, до Демяна и п. Миклашевского.

Четвер. 5. Сей день былъ холодній же велми, да тихій и ночъ. Лизогубъ Семенъ зъ женою были у сестри Улани, оба, зъ п. Михайломъ, где упоминался у сестри половинную долю движимого и недвижимого імѣнія. Я обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ ездилемъ до брегадира и до п. Мяхайла.

Пятокъ. 6. Сей день былъ также холодний и ночъ, и свѣтліе, якъ и вчора. Далемъ денегъ до Ямполя на бочки и на вареннє 5 р. а до Воронѣжа на пиво жъ и на бочки 4 р. П. Михайло былъ у мене и Кондзровскій и обявлялъ претенсѣю Семена Лизогуба отъ сестри недвижимого імѣнія всего.

Субота. 7. Сей день противъ прежнихъ холодний же. Черезъ Кучарского, отездившого въ Роменъ, послалемъ до Несторовича 50 р. на покупку воловъ, до прежнихъ 150 р., да ему жъ Кучарскому тожъ на воли далемъ 30 р.; черезъ его жъ писма до Алексѣя и Олихвѣренка. Забарѣ далемъ 14 р. въ росходъ. Желязо, служитель род., отправленъ въ Москву зъ писмами и челобитними объ опредѣленіи маетностей на рангъ, объ обилахъ и о Засул., а я писалъ до Курбатова и спалню послалъ, до Каратаева о присилки съ Петромъ рыби и проч. и Карпу за гор....(?).

Неделя. 8. Сей день былъ холодній же и ночъ противъ прежнихъ, толко похмурній. П. Павловая, миргородская полковница, пріехала зъ Москви и привезли мнѣ 2 лосося и пудъ икри. Обѣдалисмо у сестри и играли у кадрилѣю зъ п. Михайломъ и панею его.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ теплѣйшій противъ прежнихъ да вѣтряний велми, и ночъ. Обѣдалисмо у сестри, зъ братомъ п. Михайломъ. Корецкій Петро пріехалъ, съ Москви, зъ присягами печатними.

Вовтор. 10. Сей день еще теплѣйшій противъ прежнихъ и ночъ зъ мокримъ воздухомъ. Обѣдалисмо у сестри, для именин-

ници дочери ея. Братъ п. Михайло поехалъ въ Нѣжинъ почтою, зъ Люкою, а мене опредѣлили били, чи приговорили, ехать въ полкъ Нѣжинскій приводить къ присяги старшину, но, за моимъ отездомъ, отставили.

Середа. 11. Сей день былъ теплий и ясний сперва, къ вечору холоднѣйшій, ночъ зъ морозомъ. Сегодня рано поехалемъ зъ Глухова на пастовникъ до сестри, а оттуду у футоръ Калюжновскій, и съ футора въ село Сварковъ, где обѣдалемъ и ночовалемъ. Тутъ, въ Сварковѣ, видѣлемъ все жито зсипанное въ комнатѣ, 111 четвертей въ готовости.

Четвер. 12. Сей день холодний зъ метелицею, а къ вечору мокрий, ночъ зъ приморозомъ, ясна. Сей день тутъ въ Сварковѣ пробавилисмо, куда пріехала жена и братъ. Василко Кучеравщенко, забавникъ, зъ горячки умре. Повернулся зъ Нѣжина братъ п. Михаило. Іванъ Ломиковскій, зять гетманскій, умеръ.

Пятокъ. 13. Сей день былъ зъ ранку холодний, о полднѣ теплѣйшій вечоръ и ночъ холоднѣйшіе. Пріехалемъ въ Глуховъ и ездилемъ зъ п. Михайломъ до Семена Лизогуба, отъ сестри Уляни, который домогался себѣ всѣхъ Чернѣговскихъ маетностей и 2000 р. П. Павелъ (Апостолъ) зъ Москви пріехалъ.

Субота. 14. Сей день былъ холоднѣй зъ ранку, а после отъ слонца оттеплѣлъ, да рано жъ была метелица снѣжная, въ ночѣ было холодно, зъ метелицею. Обѣдалемъ въ дому; по обѣдѣ ездилемъ до сестри, куда пріехалъ Семенъ Лизогубъ зъ женою и простившись, отехала жена его зъ Глухова въ домъ свой. Староста тулиг. Мануйловичевъ видалъ въ мою винницю жита 30 четвертей, а тутъ ему откупить. Параскевія Марковна, Демянова Якубовичева, сестра родителя моего, умре.

Неделя. 15. Сей день былъ холоднѣй, по обѣдѣ теплѣйшій, къ вечеру и черезъ ночъ морозъ. Сегодня обѣдалисмо у брегадира, оттуду заехалемъ въ дворъ гетманскій, где писалемъ черезъ почту до Москви, къ Каратаеву, о лекарствахъ. У вечеру пріехалемъ до сестри, где и вечералемъ. Семенъ Лизогубъ подалъ своей претенсѣи вѣдомость отъ сестри, а именно: 5000 червоних, маетности чер-

нѣговские всѣ, пудъ сребра, кунтушъ зелений аксамитний зъ футромъ и другихъ 2, да 1000 овецъ, кобилъ и коровъ по 100.

Понеделокъ. 16. Сей день былъ холодний, такъ же и ночъ зъ вѣтромъ. Купилисмо сегодня 6 куеъ, и того всѣхъ купленнихъ гор. куеъ 18. Зторговалися зъ комарицкими людми села Фашовки на 100 брусовъ дубовихъ тресаженоихъ, по 6 р., которимъ и задатку далемъ 18 р, а въ порукахъ за нихъ бѣлополовскій житель Опанасъ Кострица. До Крисіокъ посламемъ полъ 5 четверика глуховской мѣри жита, до винницѣ.

Вовтор. 17. Сей день билъ холодний велми и вѣтряний збитъ зъ снѣжною метелицею, ажъ до полночи, а за полночъ утихло, толкожъ морозъ сталъ и випогодилося. Демянъ пріехалъ зъ Стародуба и привезлъ доправленнихъ денегъ отъ должниковъ того полку 170 р., а еще не доправилъ 120 р. въ томъ же полку. Людямъ моимъ роздана барма, каруну 2 штуки и тузѣну штука. Купилемъ ножички, пуделко зъ ложечками.....(?) чулки гарусовіе и кисть шолковую до трости, за 3 р. зъ гривнею. П. есаулиной Мануйловичевой видалемъ 5 р. зъ Сваркова жита, куда и карту далемъ.

Середа. 18. Сей день былъ свѣтлий, ясній, и холодній, такъже и ночъ. Рапо чолобитную подалемъ брегадирови, а потомъ Новоторжцову отъ сестри, о пожиткахъ въ Кучеровцѣ удержаннихъ, такъ же въ Сасиновцѣ и Линовицѣ. Зъ Семеномъ Лизогубомъ раздѣлку учинилисмо отъ сестри Уляни Івановни на томъ, что—Лизогубовой женѣ владѣть всѣми маетностми и протчіимъ недвижимимъ имѣніемъ въ полку Чернѣговскомъ имѣючимся, да зъ заводу скотиного и лошадѣного по 100 штукъ, да зъ суконь: кунтушъ аксамитний, зелений, горностаями подшитий, да другій покойной тіотки кунтушъ парчевий, подъ соболями, сѣделъ двѣ, рондовъ два, шабель двѣ, сагайдакъ и оружже; а сестрѣ Улянѣ—остатся при всѣхъ движимихъ пожиткахъ и недвижимомъ імѣніи, которое есть, опрочъ полку Чернѣговского. Янъ Старжинскій, слуга сестри п. судіиной, позичилъ у мене на імя сестри 50 р. на заплаченне Мокріевичу за его претенсѣю, которому и заплатилъ. Писалемъ до п. Якова швакгра, о покупкѣ вина лагонского сюда. Кравцю Леску далисмо грошей 3 р.

Четвер. 19. Сей день былъ холодній и вѣтряний, ночъ теплѣйша и мокровата. Обѣдалисмо у себе сами, а по обѣдѣ ездилисмо зъ п. Михайломъ до Семена Лизогуба, зъ росписними картами, где исправили и повернувшись, били у брегадира, котрий и подписалъ, а потомъ пріехалъ до насъ Семенъ, зъ которимъ тилко жъ картами и розмѣнялисмося. Сестра подарила мнѣ рондъ безъ подоѕоння, турецкій, подъ шмалцемъ.

Пятокъ. 20. Сей день былъ холодній зъ ранку, однакожъ къ вечеру сталъ теплъ, такъже и ночъ. Поехалемъ зъ Глухова, после полдня, и пріехалемъ на ночъ въ Тулиголовъ. Въ Тулиголов. засталемъ куѳу гор. оковитой, а 2 простой. Сестра подарила дочерамъ моимъ по кунтушу, аксамитний и злотоглавн., также и мнѣ подарила кунтушъ покойного пана.

Субота. 21. Сей день билъ теплій и ночъ, и много снѣгу ростало. Поехалемъ зъ Тулиг. и пріехалемъ въ Глуховъ на обѣдъ. По обѣдѣ ездилемъ въ городъ до Мякинина, который вина анталъ уступилъ мнѣ за свою цену. Зъ Крисіокъ прислани 4 куѳи гор. да 6 куѳъ порожнѣхъ.

Неделя. 22. Сей день былъ теплій и свѣтлій. Въ Криски отправлени крисковци и черезъ нихъ господареви сукно и 3 р., да зъ особна на нѣкоторіе покупки, а именно: дрань, улля и проч. 10 р. Купилемъ коня у Михайла цигана за 9 р., а въ придатку конь буланий. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ февр. подавали шляхетство россійское въ Москвѣ, въ тайний верховний совѣтъ, доношеніе въ 9 пунктахъ о исправленіи нѣкоторихъ нуждъ государственнихъ, въ слѣдуючемъ. *(Слѣдуетъ положеніе верховн. совѣта о госуд. правленіи. См. въ изд. 1859 г., 1, 346).*

Понеделокъ. 23. Сей день былъ теплій, такъ же и ночъ, отчего въ Ясманѣ рѣцѣ наводненіе великое учинилось, такъ что въ пекарнѣ нашей води до колѣнъ было. Отослалемъ до сестри рондъ сутий да тесакъ къ Кондзеровскому, черезъ Гаврила.

Вовтор. 24. Сей день былъ теплій, толко зъ превеликимъ вѣтромъ полуденнимъ, такъже и ночъ. Дожко паний зроблено за 2 р. Александрови подарилемъ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ XLVII.

1894 г.

ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1894 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 3 Декабря 1894 года.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Учительскій персоналъ.

Между моими винницкими сослуживцами оказались нѣкоторые изъ университетскихъ товарищей:

Учитель русской словесности *И. Я. Шульгинъ*, латинскаго языка *фонъ-Мерсъ*, исторіи—*Модзелевскій* и математики—*Т. И. Пристюкъ*.

Почтенный Иванъ Яковлевичъ и на службу перенесъ свои студентскія привычки—жить по-дружески съ достойными дружбы и преслѣдовать сарказмами пошляковъ и бездѣльниковъ, да зачитываться за полночь въ постели. Бывало всѣ студенты уснутъ, а Шульгинъ бодрствуетъ: сальная свѣча нагорѣла и заплыла, на табуретѣ раскрытая книга, а онъ лежитъ, уткнувшись носомъ въ подушку. Думая, что онъ уже спитъ, я бывало подкрадусь къ нему, чтобы погасить свѣчу, но едва протяну руку съ щипцами, а онъ хвать по рукѣ и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова уткнется носомъ въ подушку. Въ Винницѣ съ нимъ случилось тò, чего я всегда боялся въ Институтѣ, сторожà его по ночамъ. Однажды философъ мой заснулъ, свѣча догорѣла, затлѣлась подушка, одѣяло, и, когда его самого порядочно припекло, онъ проснулся и едва не задохся отъ дыма. Но и послѣ такого случая, онъ все-таки не отсталъ отъ своей привычки читать въ постели, придумавъ лишь въ предупрежденіе пожара весьма не хитрый способъ,—ставя свѣчу въ мѣдный тазъ съ водой.

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г., № 11.

Натурально, что, зачитываясь за полночь, онъ частенько опаздывалъ на первый урокъ, за что неоднократно получалъ замѣчанія отъ директора. Опаздываніе и небытность на урокахъ въ Винницкой гимназіи было явленіемъ весьма обыкновеннымъ. Обычай манкировать своими обязанностями до того вкоренился между служащими, что его могъ бы искоренить развѣ самый строгій начальникъ, въ родѣ Зимовского, а не такой, который самъ подавалъ примѣръ нерадѣнія къ своимъ обязанностямъ, не зачитываясь въ постели, подобно Шульгину, а заигрываясь за зеленымъ столомъ до бѣла дня съ гусарами и высыпаясь до одиннадцати часовъ. Особеннымъ упорствомъ по части манкировокъ отличался одинъ изъ выбывшихъ до моего вступленія въ службу учителей—*Гиждеу*, молдаванинъ или цыганъ по происхожденію, извѣстный между прочимъ тѣмъ, что, будучи еще студентомъ, обокралъ университетскую библіотеку въ Харьковѣ, унося съ собой за подкладкой шинели весьма рѣдкія книги, пользуясь которыми, написалъ два сочиненія на заданныя двумя факультетами темы и получилъ двѣ золотыя медали. Этотъ-то субъектъ, вовсе не будучи боленъ, не бывалъ въ гимназіи по недѣлямъ.

Разъ, говорили мнѣ, директоръ послалъ за нимъ сторожа.

— Идитя въ гивназію, дялехтуръ гнѣвается,—обратился къ нему инвалидъ.

— Сейчасъ, любезный, сейчасъ, дай только одѣнусь.

Идетъ Гиждеу въ сопровожденіи сторожа на службу; но подойдя къ гимназическимъ воротамъ—шлепъ въ грязь.

— Ну, голубчикъ, доложи г. директору, что я въ такомъ запачканномъ видѣ не могу показаться ученикамъ.

Повернулся—и пошелъ на квартиру.

Что же послѣ этого значило опозданіе на нѣсколько минутъ нашего словесника? Получая, по донесеніямъ инспектора, частыя нахлобучки, проказникъ нашъ задумалъ отомстить Мазепичу, опоивъ и окормивъ его до безобразія.

Это ему удалось, и на другой день Мазепичъ не явился на службу. По словамъ жены „онъ чуть не пропалъ ночью". Шульгинъ былъ въ восторгѣ, но восторгъ его продолжался не долго:

на третій день чудовище вылѣзло изъ своей берлоги—и все опять пошло по старому.

Учитель математики *А. Н. Дельсалъ*, душа-человѣкъ и большой любитель упражненій за зеленымъ столомъ, задумалъ однажды угостить каждаго изъ своихъ гостей его національнымъ блюдомъ: малоросса—варениками, литвина—колдунами, поляка—бигосомъ. Каждый изъ гостей, разумѣется, ограничился предназначеннымъ ему кушаньемъ, а Миничъ нашъ еще до ужина заявилъ, что онъ—космополитъ, и, не желая оскорбить ни одну національность, прежде всего уписалъ тарелку бигосу, потомъ принялся за колдуны, а варениками закусилъ.

Но циркулировавшихъ по городу на счетъ инспектора анекдотовъ не перечтемъ. Бывало, если дома передъ обѣдомъ не случалось соленой закуски, а зайти за-просто было не къ кому, то Миничъ поступалъ такимъ манеромъ: выпьетъ дома рюмку водки, возьметъ въ карманѣ булку и пойдетъ по лавкамъ пробовать икру, балыкъ, маслины и проч., да и позавтракаетъ даромъ.

Классика *фонъ-Мерса* я засталъ въ университетѣ на четвертомъ курсѣ. Это былъ въ то время юноша весьма приличный и, какъ нѣмецъ, аккуратный до щепетильности. Попечитель фонъ-Брадке постоянно приглашалъ его на свои журфиксы, какъ ловкаго танцора. Но что съ нимъ сдѣлалось впослѣдствіи... уму не постижимо.

Прійдя къ нему вечеромъ, я нашелъ въ гостинной историка *Модзелевскаго* съ молоденькой и изящной хозяйкой за чтеніемъ романа Жоржъ Занда, и на вопросъ мой: „а гдѣ же Оттонъ Карловичъ?“ мнѣ указали отдаленную комнату, гдѣ обрѣлъ я фона, при нагорѣвшемъ огаркѣ за работой: онъ что-то преусердно теръ въ макотрѣ.

— Здравствуйте, О. К—чъ, что вы подѣлываете?

— Лошадь заболѣла глазами, такъ я приготовляю для нея лѣкарство, отвѣчалъ онъ, не переставая тереть.

„Вижу, другъ любезный, подумалъ я, что ты самъ ослѣпъ и не видишь, что́ у тебя дѣлается подъ носомъ“.

Frau Мерсъ—очень интересная блондинка, хотя происхожденія и нѣмецкаго (отецъ ея былъ пасторомъ), но по своему темпераменту и по воспитанію представляла чистѣйшій типъ живой и пламенной польки.

Естественно, что такой флегматикъ и скаредъ, какимъ сдѣлался Оттонъ, ей не могъ нравиться. Ему предпочла она Модзелевскаго, который успѣлъ отбить жену у своего университетскаго товарища, сдѣлавъ ихъ обоихъ несчастными. Разойдясь на всегда съ женой, нашъ классикъ превратился въ совершеннаго Плюшкина, какимъ я его нашелъ въ 1862 году въ Бѣлоцерковской гимназіи.

Второй учитель латинскаго языка Г. Я. Маковскій, воспитанникъ Кіевской духовной академіи (1839 г.), былъ большой оригиналъ, какими въ старину слыли почти всѣ преподаватели древнихъ языковъ. У него былъ задушевный пріятель—такой-же добродушный человѣкъ, какимъ онъ былъ самъ, ксендзъ Осташевскій, законоучитель гимназіи.

Законоучитель православнаго исповѣданія протоіерей *Адіясевичъ*, помимо преподаванія своего предмета, вмѣнилъ себѣ въ обязанность наблюдать за нравственностью не одних ъучениковъ, но и наставниковъ. Во время говѣнья онъ подалъ директору „рапортъ“, уличая учителя Волковскаго въ кощунствѣ: что онъ „своими непотребными анекдотами якобы развращаетъ воспитателей юнаго поколѣнія“. Когда директоръ призвалъ балагура и показалъ ему „рапортъ“ протоіерея, тотъ нисколько не смутился, а пригрозилъ доносителю подобнымъ же доносомъ преосвященному. Чувствуя себя небезгрѣшнымъ, протопопъ взялъ свой „рапортъ“ обратно, и зажили они съ Волковскимъ по-пріятельски.

Старшій учитель русскаго и славянскаго языка *К. А. Персидскій*—типъ стариннаго педагога временъ фонъ-Визина. Изъ родины своей, славнаго града Нѣжина, за вырожденіемъ нѣжинскихъ грековъ, онъ вывезъ утраченный ими секретъ приготовленія греческихъ колбасъ, которыя пріобрѣли повсюдную извѣстность по Украинѣ чуть ли не со времени появленія въ пе-

чати Энеиды Котляревскаго: тамъ разгнѣванный громовержецъ Зевсъ, порицая адюльтеры богинь, выражается такъ:

Ой вы на смертныхъ дуже ласы,
Якъ Грекъ на Нѣжински колбасы.

Странно, однакожъ, что старикъ Персидскій, кровный малороссъ, промѣнялъ эту дрянь на малороссійскія колбасы. Другое, вывезенное имъ изъ Нѣжина уже чисто національное кушанье—шарпанына, которой Константинъ Андреевичъ потчивалъ своихъ гостей, (приготовляется изъ тушоной тарани или чабака, съ прибавкой разныхъ пряностей) до того солоно, что, съѣвши его порядочную порцію, и ведромъ воды не утолишь пекельной жажды; но это, по мнѣнію К. А—ча, можетъ случиться только съ неопытными ѣдоками, неумѣющими обходиться съ этимъ превосходнымъ блюдомъ; по его совѣту, кушающій шарпанину обязательно долженъ выпить по крайней мѣрѣ пять рюмокъ доброй водки, тогда и воды не потребуется, а еще практичнѣе осушить цѣлый графинчикъ—„и то не зашкодыть“.

Преподаваніе Персидскимъ грамматики русской и славянской бѣднымъ ученикамъ его приходилось также солоно, какъ и шарпанына: онъ зналъ лишь одинъ не мудреный методъ „отъ сихъ поръ и до сихъ“; дѣти должны были зубрить разную дребедень, не пропуская ни іоты, затверживая не только всѣ исключенія изъ правилъ по грамматикѣ Греча, но и всѣ 24 „отмѣны“ изъ руководства Востокова, и заучивая наизусть весь словарь на букву ѣ.

Нѣмецъ *Юргенсонъ* былъ большой чудакъ и нелюдимъ. Его можно было видѣть только въ гимназіи или случайно встрѣтить на прогулкѣ за городомъ. Въ квартирѣ онъ никого не принималъ и самъ ни у кого не бывалъ.

Встрѣтишь его иногда въ рощѣ или надъ рѣкой.

— Здравствуйте, геръ! Гуляете?

— О, да, я себе немножко кругомъ! и пойдетъ прочь.

Французъ *Грасъ* попалъ въ плѣнъ при отступленіи полчищъ Наполеона въ 12-мъ году и, живя съ того времени постоянно въ западныхъ губерніяхъ у польскихъ пановъ въ качествѣ гувернера, усвоилъ себѣ такое странное нарѣчіе, что

какъ заговоритъ, то и не разберешь, на какомъ діалектѣ онъ объясняется: тутъ были слова польскія, малорусскія, французскія и даже еврейскія, но только не русскія. Жена его, умная и благовоспитанная полька, напротивъ, обладала знаніемъ русскаго языка въ совершенствѣ и не мало помогала мужу въ исправленіи ученическихъ переводовъ. М-мъ Грасъ завела у себя что-то въ родѣ пансіона. Воспитанницы ея, дѣвы уже взрослыя, choć zaraz do slubu",—ничему у нея не учились, а жили собственно для того, чтобы ихъ считали подростками, не окончившими еще эдукацій, такъ что въ продолженіе 3-хъ—4-хъ лѣтъ имъ все шелъ интересный 16-й годъ. Впрочемъ я, быть можетъ, не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что пансіонерки мадамъ Грасъ ничему у нея не научились: имъ преподавалась весьма важная для женщинъ наука—

. . . . наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ.

Дѣвицы въ этой наукѣ дѣлали изумительные успѣхи. Понятно, что домъ француза былъ самымъ пріятнымъ: тамъ можно было и потанцовать, и поволочиться.

Съ воспоминаніемъ о Грасѣ связанъ одинъ эпизодъ, относящійся къ времени пребыванія въ Винницкой гимназіи извѣстнаго знатока малорусской старины, которому такъ много обязана исторія правобережной Украины,—*І. І. Ролле.* Первоначальное образованіе онъ получилъ въ гимназіи немировской и былъ тамъ въ числѣ любимѣйшихъ моихъ учениковъ: я его отлично помню, какъ даровитаго мальчика, а подобныхъ воспитанниковъ директоръ Зимовскій терпѣть не могъ, и потому Ролле, дошедши до V класса, долженъ былъ перемѣститься въ Винницкую гимназію, но и здѣсь ему не посчастливилось.

Учитель Грасъ, войдя однажды въ классъ, увидѣлъ на доскѣ большими буквами написанную фразу: Vive la liberté Не говоря ни слова, онъ повернулъ назадъ и доложилъ директору, что въ гимназіи готовится революція. Виновникомъ этой шалости оказался Ролле, но директоръ счелъ ее не шалостью, а политическимъ преступленіемъ и, заключивъ революціонера въ карцеръ, донесъ Бибикову, который, однакожъ, не

придалъ особеннаго значенія школьнической выходкѣ ученика и къ двухнедѣльному заключенію его въ карцерѣ велѣлъ прибавить еще двѣ недѣли. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Блаженной памяти учитель 2-й кіевской гимназіи Ѳ. В. Березницкій придумалъ весьма остроумный способъ отличать чистокровнаго нѣмца отъ германизированнаго еврея; сомнительнаго субъекта онъ подвергалъ особенной экспертизѣ, заставляя его произнесть сло́во „пухъ", но какъ отличить настоящаго француза отъ выдающаго себя за такового жидка—подобный способъ не придуманъ; ибо тѣ гортанные звуки, и буква *р* въ особенности, которые въ нѣмцѣ изобличаютъ еврея, лжефранцузу иногда очень помогаютъ выдать себя за парижанина. Такимъ по крайней мѣрѣ французскій прононсъ казался нѣкоторымъ профанамъ въ устахъ моего сослуживца преподавателя франц. и нѣмец. языка въ низшихъ классахъ *А. П. Вернера*, который, однакожъ, неувѣренный въ доброкачественности своей семитической физіономіи, не рискнулъ выдать себя за француза, а назвалъ себя венгерцемъ, долго проживавшимъ въ Парижѣ, на самомъ же дѣлѣ онъ отъ роду не видалъ ни Парижа, ни Венгріи, а просто на просто былъ жидокъ родомъ изъ Меджибожа, усвоившій себѣ, благодаря своей способности и счастливой случайности, французскій языкъ. Происхожденіе свое онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, такъ что одинъ только директоръ зналъ доподлинно, что̀ онъ такое, храня у себя его документы, за что́ г-жа директорша ежегодно получала довольно цѣнные подарки. Но предательскій типъ лица, а еще болѣе близость м. Меджибожа, гдѣ жила его сестра, выдали его секретъ. Для вящей мистификаціи этотъ французъ православнаго исповѣданія изъ кожи лѣзъ, чтобы выдать себя за иностранца. Вся его домашняя обстановка, до самыхъ мелочей, напоминала Европу—комфортъ первѣйшаго сорта. Даже лакей его Жеромъ, родомъ изъ с. Вороновицы, прикидывался непонимающимъ по русски, хотя по французски онъ зналъ *бонъ журъ и адье*. Временами, по настоянію нашихъ „ученыхъ дамъ", Антонъ Павловичъ давалъ вечера съ музыкой и танцами, при чемъ угощеніе было всегда безукоризненное. Дамы плясали съ увлеченіемъ ин-

ститутокъ (настоящее бабье лѣто!), немилосердно истребляя горы конфектъ и мороженое, мужчины играли въ карты и пили вино, разсыпаясь въ похвалахъ хозяину, а переступивши порогъ его квартиры, смѣялись надъ нимъ и обзывали пархатымъ жидомъ, а онъ, въ простотѣ сердечной, воображалъ, что задалъ тону всѣмъ—пусть молъ знаютъ, какъ у насъ за границей устраиваются вечера.

Упрочивъ такимъ образомъ свое общественное положеніе, нашъ французъ задумалъ жениться, обратившись за невѣстой къ обильному этимъ товаромъ питомнику—въ пансіонъ м-мъ Грасъ. Выборъ его палъ на одну не особенно красивую, но съ порядочнымъ обезпеченіемъ, сироту, находившуюся подъ опекой родного дяди. Дѣло скоро сладилось, невѣста получила весьма цѣнные подарки, и свадьба назначена черезъ мѣсяцъ. Но опекунъ желалъ покороче познакомиться съ женихомъ, вслѣдствіе чего А. П—чъ поспѣшилъ сдѣлать ему визитъ на лихой тройкѣ съ бубенчиками; самъ же одѣлся совершеннѣйшимъ джентльменомъ и Жерома нарядилъ въ ливрею собственнаго изобрѣтенія. Но вся эта парадная выставка не ослѣпила умнаго старика: не давши окончательнаго согласія на бракъ, онъ отправилъ нарочнаго въ Кіевъ за справками, долженствовавшими документально разоблачить сомнительную личность будущаго родственника. По справкамъ оказалось, что въ 1830-мъ году въ Златоустовской церкви окрещенъ въ христіанскую вѣру камердинеръ коменданта Пенхержевскаго еврей Аврумъ, 20 лѣтъ отъ роду и нареченъ во св. крещеніи Антономъ. Не подозрѣвая того, какую подъ него мину подвелъ опекунъ, Вернеръ продолжалъ посѣщать невѣсту, дѣлая въ тоже время разныя закупки и приноравливая свое холостое хозяйство къ семейному.

Однажды вечеромъ, воротившись домой отъ Дельсаля, А. П—чъ нашелъ на письменномъ столѣ всѣ свои подарки, возвращенные при письмѣ невѣстой. Потерпѣвъ такое постыдное фіаско, нашъ французъ пересталъ маскироваться и показалъ себя винницкому обществу въ настоящемъ своемъ видѣ. Не пробуя вторично породниться съ христіанскимъ семействомъ, онъ женился въ Кишиневѣ на еврейкѣ и зажилъ съ ней по пред-

писаніямъ Талмуда: обзавелся бебехами и замѣнилъ *меню* французской кухни національными блюдами, бьющими въ носъ запахомъ чесноку и луку. Такимъ онъ показалъ себя, перемѣстившись въ немировскую гимназію.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, „презрѣнной прозой говоря“, въ Винницкую гимназію назначенъ старшимъ учителемъ математики мой землякъ *Т. И. Пристюкъ*. Знакомство наше началось еще въ Новгородсѣверскомъ уѣздномъ училищѣ.

Отецъ его былъ крѣпостнымъ помѣщика Скоропадскаго. Находясь въ молодыхъ лѣтахъ при паничахъ, учившихся въ Новгородсѣверской гимназіи, онъ имѣлъ возможность научиться грамотѣ и развить свои способности. Вернувшись въ имѣніе, онъ получилъ должность управляющаго въ с. Михайловкѣ, Сосницкаго уѣзда. Находясь довольно долго въ этой должности, Иванъ Ивановичъ отличался примѣрною честностію и гуманнымъ обхожденіемъ съ крестьянами. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и любовію, достаточно обезпеченный матеріально, онъ не желалъ для себя лучшей доли, но не могъ желать такого же благополучія для своихъ дѣтей, которыхъ у него было трое—два сына и дочь. Заручившись благоволеніемъ помѣщика, И. И. исподоволь стремился къ завѣтной цѣли, освобожденію изъ крѣпостнаго состоянія. Но баринъ какъ будто не догадывался о его задушевномъ желаніи и въ доказательство своего расположенія къ взысканному милостію рабу, взялъ его сына Тимошу въ комнатные козачки. Тогда только огорченный отецъ сталъ дѣйствовать энергично и настойчиво, чтобы спасти дѣтей отъ грозящей имъ участи,—и они получили свободу.

Оставивъ Михайловку, И. И. поселился въ 40 верстахъ отъ Новгородсѣверска. Старшаго Тимоѳея опредѣлилъ въ уѣздное училище, а дочь отдалъ въ Гамалѣевскій монастырь на воспитаніе. Но, начавъ свое образованіе въ Новгородсѣверскѣ, Тимоѳей окончилъ также и Черниговскую гимназію. Встрѣтились мы съ нимъ уже въ Кіевѣ, при поступленіи въ Университетъ. Не извѣдавъ, подобно мнѣ, никакихъ лишеній, поступивъ прямо на казенное содержаніе и сверхъ того, получивъ весьма выгодную кондицію у графини Мелиной, мой землякъ сталъ

относиться ко мнѣ съ какимъ-то обидно покровительственнымъ тономъ, и я съ нимъ долженъ былъ разойтись. Забывъ о панской передней, пріятель мой, вѣчно надушенный, въ перчаткахъ тѣлеснаго цвѣта, въ лакированныхъ ботинкахъ, выглядѣлъ безукоризненнымъ comme il fauf, какимъ онъ и оставался на всю остальную жизнь. Недостойное поведеніе товарища, съ которымъ связывали мои дѣтскія воспоминанія и наши домашнія тайны, надолго оттолкнуло меня отъ него, такъ что впродолженіе университетскаго курса мы съ нимъ были въ разладѣ; но когда судьба и начальство свели насъ на чужбинѣ—все было забыто.

Какъ математикъ, а слѣд. и болѣе меня практичный и разсчетливый, онъ съ перваго шага на службѣ занялъ крѣпкую позицію въ отношеніи администраціи, поставивъ себя такъ, что его боялись и уважали не одни учащіеся, но и учащіе. Онъ прослылъ у насъ за человѣка, лично извѣстнаго Бибикову (чрезъ граф. Мелину), а это значило много. Мы условились жить вмѣстѣ. Ему удалось отвоевать у директора цѣлыхъ три комнаты и даже ремонтировать ихъ на казенный счетъ; мы обзавелись мебелью и посудой, пріискали лакея и зажили на половинныхъ издержкахъ, дѣлая по временамъ вылазки къ знакомымъ, а чаще всего въ пансіонъ Грасъ, но втянуться въ такую жизнь я не могъ и чаще отставалъ отъ своего сожителя, предаваясь непокидавшей меня страсти къ стихотворству.

Однообразное теченіе класныхъ занятій по звонку по временамъ оживлялось болѣе или менѣе отдаленными прогулками по живописнымъ окрестностямъ Винницы, чтеніемъ „Библіотеки для чтенія“ и „Отечественныхъ Записокъ“, писаніемъ стиховъ и писемъ, съ неизбѣжными въ уѣздной глуши карточными вечерами. Въ памяти у меня остался одинъ изъ такихъ вечеровъ у директора.

Гости собрались, зеленые столы раскрыты; ждали только градоначальника Касперова. Но вотъ и онъ.

— Э э, что же вы, г. блюститель порядка и благочинія, заставляете себя ждать и терять золотое время?—встрѣтили его дружнымъ хоромъ оживившіеся гости.

— Дѣла, государи мои, дѣла, дохнуть не даютъ, работаешь, какъ каторжникъ, а все не угодишь начальству. Вотъ и сегодня изъ-за этой глупой статистики—чтобъ ей пусто было!—получилъ отъ губернатора нахлобучку. „Вы, говоритъ, невѣрно показали количество скота въ городѣ". Я, изволите видѣть, донесъ, что во ввѣренномъ мнѣ городѣ два осла—вотъ и выговоръ; „не можетъ быть, пишетъ начальникъ губерніи, чтобы въ Винницѣ было только два осла".

Острота городничаго вызвала цѣлый взрывъ хохота, долго несмолкавшаго. Одинъ лишь панъ Клюковскій не смѣялся, разсказавъ при этомъ случившійся съ нимъ недавно казусъ: оселъ, везшій воду, крикомъ своимъ испугалъ лошадей его, и панъ доброцѣй выпалъ изъ нейтычанки и больно ушибся—„aż do tych czas kargi bolą, a wszystko to powiem panam, przez osła przez te paskudne stwożenie".

— Вотъ подите жъ вы съ ними! поддакнулъ городничій, чрезъ такую негодную тварь получать отъ начальства непріятности и подвергаться опасности сломать шею.

Градоначальникъ былъ большой весельчакъ, любимецъ небольшого кружка уѣздныхъ чиновниковъ, совсѣмъ не то, что предмѣстникъ его—Мацневъ, суровый и молчаливый господинъ, котораго жиды выжили передъ новымъ годомъ не за то, конечно, что онъ молчалъ... Касперовъ игралъ въ карты по большому кушу и вѣчно проигрывалъ. Продувши, по обыкновенію, и въ этотъ вечеръ около 20 рублей, онъ при разсчетѣ сказалъ, что деньги завтрашній день принесетъ выигравшему стряпчему Шмуль, „такъ какъ платить мои карточные долги есть его прямая обязанность", прибавилъ онъ.

Дѣло въ томъ, что г. городничій жилъ и кутилъ на счетъ евреевъ. Отъ кагала были избраны лица, которымъ вмѣнено въ обязанность вести расходы по содержанію городничаго: одинъ доставлялъ ему на кухню говядину, другой—хлѣбъ и булки, третій—водку и вино и т. д., наконецъ былъ между поставщиками двора городничаго и такой, которому поручено было платить карточные проигрыши.

Анекдотъ, циркулирующій въ Черниговской губерніи о трехъ заикахъ, посаженныхъ хозяиномъ за зеленый столъ, я слышалъ 25 л. тому назадъ въ Нѣжинѣ, гдѣ анекдотъ этотъ пріуроченъ къ полиціймейстеру Касперову, который до 1845 года служилъ въ этомъ городѣ.

У юго-западныхъ евреевъ существуетъ какой-то праздникъ въ родѣ нашего Ивана Купала, когда они ночью раскладываютъ большой костеръ и прыгаютъ черезъ огонь. Пріятелю моему судьѣ Покорскому пришлось нѣкоторое время жить въ одномъ дворѣ съ евреями. Улегшись, по своему обыкновенію, очень рано спать, пробужденный шумомъ и крикомъ жидовъ, онъ увидѣлъ въ окнѣ большое зарево. Дѣти страшно перепугались, думая, что въ дворѣ пожаръ; но подойдя къ окну, они увидѣли посреди двора ярко пылающій костеръ и толпу жидовъ всѣхъ возрастовъ и половъ, съ визгомъ и крикомъ прыгающихъ черезъ огонь, подбрасывая вверхъ какое-то чучело. На угрозы судьи—послать за полиціей, евреи отвѣчали дерзостью, продолжая свою забаву.

На другой день Покорскій пишетъ съ-горяча формальную бумагу городничему о безобразіяхъ евреевъ. Вдавшись въ подробности при описаніи жидовскаго купала, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перепуганнаго семейства, онъ между прочимъ поставлялъ блюстителю благочинія на видъ, что между жидами „уповательно присутствовалъ самъ сатана, коего они подбрасывали вверхъ, творя бѣсовскія игрища“. Шутникъ городничій отвѣтилъ судьѣ также формальною бумагой, извѣщая его, что полиція приметъ соотвѣтствующія мѣры для усмиренія на предбудущее время подобныхъ безпорядковъ; „что же касается сатаны, о нахожденіи коего, какъ В. В-діе сообщили мнѣ, между винницкими евреями, то мною неукоснительно сдѣлано распоряженіе о розыскѣ его по городу, и буде сатана окажется неимѣющимъ узаконеннаго вида на жительство, то съ нимъ, какъ съ бродягой, не премину поступить по всей строгости законовъ“.

Потерявъ, по доносу жидовъ, въ Винницѣ мѣсто, Касперовъ очутился въ Москвѣ въ должности смотрителя тюремнаго

замка и писалъ оттуда своему пріятелю Дельсалю: „спасибо винницкимъ іудеямъ, что меня вытѣснили, мнѣ здѣсь отлично: квартира казенная, столъ отъ эконома, прислуга ничего не стоитъ, ибо въ моемъ распоряженіи три палача—чудесные ребята! одинъ изъ нихъ—поваръ, другой—кучеръ, третій—лакей".

Ознакомившись съ образомъ жизни, нравами и обычаями моихъ сослуживцевъ, я пришелъ къ убѣжденію, что люди эти не по мнѣ, что частые вечера съ картами, ужинами съ выпивкой и пошлыми разговорами, сплетнями и нелѣпыми притязаніями нашихъ „ученыхъ дамъ", едва умѣвшихъ подписать свою фамилію,—все это служило не отдыхомъ послѣ учительской тяжелой работы, а еще большимъ утомленіемъ, съ головною болью въ придачу и съ потерей нѣсколькихъ рублей изъ моего несчастнаго жалованья. Недаромъ нашъ достойнѣйшій классикъ И. Я. Нейкирхъ, напутствуя насъ на службу, твердилъ намъ: „Игра въ карты—смерть науки"!—Душа искала пищи болѣе здоровой, жизни болѣе осмысленной, занятій болѣе сродныхъ человѣку мыслящему. Я скоро оставилъ всѣхъ и замкнулся въ своемъ внутреннемъ мірѣ; въ уединеніи сталъ искать того, чего мнѣ не могло дать пустое общество, съ его пустыми развлеченіями; въ области фантазіи обрѣлъ я чистѣйшій источникъ наслажденія, не находя его въ дѣйствительности. Между тѣмъ мои кіевскіе пріятели не переставали громить меня письмами, требуя писемъ и стихотворныхъ посланій— и я всѣ свои досуги посвятилъ дружеской перепискѣ и поэзіи.

„Два созвучія въ концѣ двухъ строчекъ умѣряютъ самыя жгучія страданія,—сказалъ гдѣ-то Тэнъ: невольная музыкальность, въ которую облекается мысль, скрываетъ безобразіе и выставляетъ на видъ красоту. Какъ бы ни преслѣдовали человѣка несчастія, но поэтическое вдохновеніе преображаетъ ихъ: они облагораживаются, онъ полюбитъ ихъ и станетъ терпѣливо переносить".

Но поэзія поэзіей, а оставаться долго въ кожѣ параллельнаго учителя—не хватитъ и ангельскаго терпѣнія.

— Отчего тебѣ такъ сильно захотѣлось быть діакономъ? Спросилъ одинъ благодушный владыка своего келейника, посвятивъ его во діакона.

— Помилуйте, В. В—во, всякій человѣкъ хочетъ быть діакономъ, отвѣчалъ келейникъ.

Если бы меня спросило начальство: отчего мнѣ захотѣлось сдѣлаться „старшимъ учителемъ", я бы ему отвѣтилъ, что всякій человѣкъ хочетъ быть старшимъ, а какъ младшій учитель тоже человѣкъ, то и онъ желаетъ быть „старшимъ".

Оставаясь параллельнымъ учителемъ и преподавая не самостоятельный предметъ, а клочки разныхъ предметовъ, я чувствовалъ себя приниженнымъ въ отношеніи другихъ преподавателей, нисколько не превосходившихъ меня образованіемъ, но въ роли „старшихъ" задиравшихъ носы передъ „младшими", третируя ихъ, какъ своихъ адъюнктовъ. Самолюбіе мое было сильно задѣто такой зависимостью отъ разныхъ ничтожествъ.

Благодаря лекціямъ Н. Т. Костыря, я сознавалъ себя въ русской словесности сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, и потому дождавшись вакантнаго мѣста въ Немировской гимназіи по этому именно предмету, я съ помощію Костыря получилъ желаемое, безъ особенныхъ съ моей стороны хлопотъ.

Въ оное время, полстолѣтія назадъ, наши юные словесники, вызубривъ адресъ-календарь русскихъ писателей по Гречу и вооружась Мерзляковымъ да Шевыревымъ, считали свою подготовку къ преподаванію столь важнаго предмета оконченной.

Но „нѣтъ ничего легче, говоритъ ученый Шерръ, какъ преподавать словесность плохо и нѣтъ ничего труднѣе, какъ преподавать ее хорошо; для перваго нужна лишь кой-какая начитанность, для второго же, кромѣ глубокаго знанія предмета и искренней къ нему любви, необходимо еще извѣстнаго рода изящное чутье, которое достигается весьма немногими, именующими себя педагогами".

Правда, въ началѣ 40-хъ годовъ преподаватель словесности лишенъ былъ возможности пользоваться серьезными учебными пособіями, какъ по теоріи, такъ и по исторіи этой науки, и потому, по необходимости долженъ былъ во многихъ случаяхъ

фантазировать, отдѣлываясь общими мѣстами. Въ журналахъ же того времени, кромѣ статей Бѣлинскаго, рѣшительно нечѣмъ было позаимствоваться.

Какая огромная разница *тогда* и *теперь*!

1) По теоріи и исторіи р. словесности прежде, кромѣ Греча, Мерзлякова и Шевырева, не было ничего; теперь—почти ежегодно появляются руководства—умѣй только ими пользоваться.

2) Исторіи иностранныхъ литературъ въ переводѣ на русскій языкъ не было вовсе, а теперь—Шерръ, Гетнеръ, Тэнъ, Брандесъ и многіе другіе.

3) Книгъ для чтенія ученики наши не имѣли вовсе, христоматія была пока одна—Пѣнинскаго, а теперь—Ушинскій, Паульсонъ, Водовозовъ, Стоюнинъ, Поповъ, Кирпичниковъ и проч. Вольфъ издалъ болѣе 10,000 дѣтскихъ книгъ.

4) По литературѣ воспитанія не было почти никакихъ руководствъ; теперь—склады учебниковъ завалены ими.

Какъ бы тамъ ни было, а, при отсутствіи учебныхъ пособій на русскомъ языкѣ, мнѣ стоило, особенно въ первые 2—3 года непосильнаго труда—разрѣшить болѣе сотни вопросовъ, предложенныхъ начальствомъ обязательными программами по теоріи и исторіи литературы, какъ русской, такъ и всеобщей, какъ бы обязавъ преподавателей составлять для своихъ учениковъ собственное руководство.

Только по мѣрѣ появленія въ печати новыхъ источниковъ, преподаваніе этого высшаго по своему образовательному значенію предмета начало годъ отъ году пріобрѣтать болѣе полноты и опредѣленности; но послѣдовавшее вначалѣ 70-хъ годовъ сокращеніе программъ по словесности и уменьшеніе учебныхъ часовъ лишило преподавателей возможности воспользоваться богатствомъ учебныхъ пособій.

Разставанье мое съ сослуживцами было не изъ чувствительныхъ. Инспекторъ, при прощаніи всунулъ мнѣ въ руку счетъ якобы должныхъ ему денегъ по преферансу, о которомъ

я рѣшительно не помнилъ, и три рубля за треногую кровать, валявшуюся у него на чердакѣ и предложенную мнѣ на прокатъ до пріобрѣтенія четвероногой. Возмущенные такою наглостію Мазепича педагоги сговорились дать ему урокъ. Въ надеждѣ даровой выпивки, онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими провожать меня за рѣку. Пользуясь отличнымъ апрѣльскимъ днемъ, мы прошли двѣ версты незамѣтно, потѣшаемые анекдотами Волковскаго. Миничъ засапался, какъ откормленный кабанъ, и нѣсколько разъ отказывался продолжать путь, а все таки не отсталъ отъ насъ, ожидая выпивки. Наконецъ, прошедши еще версту, растянулся на травѣ и объявилъ, что не сдѣлаетъ далѣе ни шагу. Возница мой, по данному знаку остановился. Распростившись со всѣми дружески, я влѣзъ въ буду и уѣхалъ съ миромъ, къ великому огорченію толстяка, которому пришлось, при усилившейся жарѣ, сдѣлать три версты обратно, совершенно даромъ, подъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшекъ своихъ лукавыхъ спутниковъ, такъ зло надъ нимъ подшутившихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ.

Въ предисловіи къ своей лѣтописи Величко такъ объясняетъ поводъ къ ея написанію: читая разныя историческія сочиненія, онъ находилъ въ нихъ „объясненіе славы только иностранныхъ народовъ; разыскивая же свѣдѣнія о прошломъ своей родины, онъ увидѣлъ, что „рыцарскія отваги и богатырскія дѣянія сармато-козацкихъ предковъ“ остаются безъ описанія и объясненія, „будучи покрыты плащемъ лѣности своихъ историковъ“. Если и можно найти кое-какія интересныя свѣдѣнія о „нашихъ козацко-русскихъ предкахъ“, продолжаетъ Величко, то таковыя находятся не у „нашихъ лѣнивыхъ“, а у „иностранныхъ исторіографовъ“. Бѣдность своего лѣтописанія навела было Величко на мысль—самому описать „славныя и великія дѣла героевъ своей родины“, но не „дерзнулъ“ скромный книжникъ на такой трудъ по недостатку матеріала, по отсутствію „козацкихъ лѣтописцевъ“. Когда же пришлось Величку пройти въ 1705 году, съ козацкими войсками, черезъ „тогобочную малороссійскую Украину“ и когда онъ увидѣлъ разоренный видъ послѣдней, то, живо заинтересовавшись картинами запустѣнія, сталъ распрашивать людей старинныхъ: „почто бысть тако, изъ якихъ причинъ и чрезъ кого опустошися тая земля наша“?—Отвѣты получались, говоритъ Величко, неполные, неудовлетворительные... И лишь въ книгахъ нашелъ онъ отвѣтъ на свои вопросы, но и этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ добросовѣстнаго изыскателя родной старины, потому что въ „лѣтописныхъ сказаніяхъ“ оказались „несогласія“, т. е. противорѣчія. Тогда Величко—„для выгоды чителника малороссій-

скаго, трудолюбствуя, понудихся—вывести, простимъ стилемъ и нарѣчіемъ козацкимъ, исторію о войнѣ зъ поляки Хмелницкого и о запустѣніи тогобочномъ украино-малороссійскомъ"...

Такъ объяснилъ происхожденіе своего историческаго труда „истинный Малой Россіи сынъ", какъ назвалъ себя авторъ, подписываясь подъ этимъ объясненіемъ.

Приведенное предисловіе даетъ намъ основаніе видѣть въ Величкѣ перваго по времени изыскателя малорусской старины съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ—дать тогдашнему читателю возможность познакомиться съ исторіей родины.—Продолжатели Величка явились лишь въ началѣ второй половины XVIII в., когда вмѣстѣ съ сокращеніемъ автономной жизни старой Малороссіи, начался въ ней рѣшительный переходъ къ общегражданскимъ формамъ государства. Въ это время потребовался новый о прожитой страною жизни историческій трудъ, который долженъ былъ дать тому же „малороссійскому читателю" возможность сопоставить уходившій старый строй—съ наступавшимъ новымъ. Такая работа была исполнена, повидимому, *наскоро*, образованнѣйшимъ въ то время, „сыномъ Малой Россіи" Гр. А. Полетикою, вслѣдъ за его избраніемъ депутатомъ въ коммиссію о сочиненіи новаго уложенія. Мы разумѣемъ здѣсь, явившуюся около 1770 г., „Исторію Русовъ", написавъ которую съ достаточною долею „патріотической горячности", Полетика—въ то время инспекторъ морскаго кадетскаго корпуса,—пустилъ ее въ свѣтъ безъ своего имени.—Не останавливаясь на „Исторіи Русовъ", Полетика сталъ ревностно собирать по архивамъ, преимущественно—государственнымъ, матеріалы для исторіи Малороссіи, тѣмъ самимъ признавая неполноту и односторонность исполненнаго уже труда, сталъ писать статьи и говорить рѣчи публицистическаго характера [1]) и—

[1]) Высказывая здѣсь нѣсколько опредѣленнѣе нашу догадку о написаніи „Исторіи Русовъ„ Гр. А. Полетикою, мы основываемся при этомъ на характерѣ литературной дѣятельности послѣдняго—какъ она выражается въ его бумагахъ, недавно поступившихъ, вмѣстѣ съ другими рукописями собранія М. О. Судіенка, въ библіотеку Кіевскаго университета. Въ числѣ этихъ бумагъ мы видѣли, какъ тѣ матеріалы для исторіи Малороссіи (нѣсколько фоліантовъ), о которыхъ говоримъ выше, такъ статьи и рѣчи гр. А. Полетики. Говоря, что „Исторія Русовъ" была написана *наскоро*, мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что событія XVIII в. въ сей исторіи,

возбудилъ въ мѣстномъ обществѣ такой интересъ къ малорусской старинѣ, что изъ среды его появились и другіе изыскатели этой старины. Въ ряду послѣднихъ мы видимъ и людей съ достаточнымъ книжнымъ образованіемъ, результаты изысканій которыхъ явились въ учено-литературныхъ трудахъ, и людей, не имѣвшихъ такого образованія, но которые ревностно собирали сырые матеріалы для изученія малорусской старины. Ограничивая рядъ этихъ изыскателей первою половиною настоящаго вѣка, поименный ихъ списокъ будетъ такой: Гр. А. Полетика, А. И. Чепа, Ф. Ос. Туманскій, Я. М. Марковичъ, М. И. Антоновскій, В. Гр. Полетика, В. Я. Ломиковскій, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, М. Ф. Берлинскій, А. И. Мартосъ, А. М. Марковичъ, Н. А. Маркевичъ... Всѣ эти лица были начинателями и пособниками того научнаго изученія малорусской старины, которому посвящаютъ теперь свои труды участники „Кіевской старины". Отсюда является настоятельная надобность ближайшаго знакомства, какъ съ личностями этихъ прежнихъ изыскателей малорусской старины, такъ и съ ихъ трудами по этому предмету.

Этихъ лицъ и имѣютъ въ виду настоящіе очерки.

I. Яковъ Михайловичъ Марковичъ.

(р. 1776 † 1804).

Яковъ Андреевичъ Марковичъ, авторъ обширнаго „Дневника", какъ видно изъ послѣдняго, былъ человѣкъ по преимуществу книжный. Уже во время ученія М—ча въ Кіевской академіи, одинъ изъ профессоровъ послѣдней, извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ, обратилъ на него вниманіе и совѣтовалъ ему не разставаться съ книгой и по выходѣ изъ академіи.

особенно начиная съ измѣны Мазепы, въ значительной части писались, какъ видно, по живому преданію, а отчасти, должно быть, и по личнымъ свѣдѣніямъ автора. Отсюда— анекдотическій характеръ въ изложеніи этихъ событій. Для такого способа писанія исторія — много времени не требовалось, особенно при литературномъ талантѣ Гр. А. Полетики...

Такъ М—чъ и дѣлалъ: преслѣдуя житейскіе интересы въ разныхъ ихъ формахъ, М—чъ не разставался и съ книгою. У него была порядочная для того времени библіотека, преимущественно богословскаго содержанія, къ которой онъ постоянно обращался, не прерывая цѣлую жизнь литературныхъ занятій, состоявшихъ то въ переводахъ, то въ сочиненіи богословскихъ разсужденій. Книжность М—ча была причиною и его неустаннаго продолженія своего дневника въ теченіе полувѣка.... Въ семейной жизни М—чъ не былъ счастливъ. Женившись 18-ти лѣтнимъ юношей на дочери извѣстнаго Павла Полуботка, М—чъ имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ выросли только двѣ дочери, но въ концѣ концовъ и ихъ пережилъ отецъ; умерла и жена М—ча, оставивъ пятидесятилѣтняго вдовца, который женился послѣ этого черезъ три года, во второй разъ. Отъ второй жены у М—ча родился въ 1752 г. сынъ Михаилъ, который и былъ продолжателемъ рода своего отца. М—чъ очень заботился объ ученіи и воспитаніи своего „Миши“; сначала учили его дома, а 14-ти лѣтъ—отецъ отвезъ его въ Глуховъ, къ какому то Верту, „учителю латинскаго языка“, а черезъ годъ, въ 1767 г., молодой Марковичъ отвезенъ былъ „для наученія“ въ Москву. Черезъ три года послѣ этого умеръ Як. Андр. М—чъ. Мы не знаемъ, гдѣ и какъ продолжалъ свое ученіе Михаилъ М—чъ, но знаемъ, что въ 1774 г. онъ уже женился; женился онъ на дочери бригадира Петра Ив—ча Забѣлы († 1793 г.) Настасьѣ. Отъ этого брака у М. Я. М—ча было пять дочерей и четыре сына: Яковъ (р. 1776 г.), Петръ (р. 1782 г.), Андрей (р. 1785 г.) и Александръ (р. 1790 г.). Изъ этихъ сыновей старшій Яковъ и младшій Александръ съ молодыхъ уже лѣтъ, вѣроятно по наслѣдству отъ дѣда, обнаружили учено-литературныя наклонности.

Яковъ Михайловичъ Марковичъ оставилъ послѣ себя небольшую (въ 98 стр.) книжку,—*Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ*,—напечатанную въ 1798 г., когда автору было отъ роду съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Не смотря на малый объемъ книжки, она, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, представляетъ собою учено-литературную работу, ав-

торъ которой во всякомъ случаѣ не долженъ быть забытъ. М—чъ начавъ рано свою умственную жизнь, рано и умеръ; поэтому біографическія свѣдѣнія о немъ не велики и несложны.

Гдѣ начиналъ свое ученіе М—чъ, мы не знаемъ; очень, впрочемъ, вѣроятно, что ученіе это онъ проходилъ въ Глуховѣ, въ пансіонѣ „мадамъ“ Лэянсъ, о которомъ младшій братъ Якова М—ча говоритъ, что *пансіонъ этотъ извѣстенъ былъ во всей Малороссіи* [1]). Предположеніе объ обученіи М—ча въ пансіонѣ Лэянсъ до нѣкоторой степени подтверждается и его обстоятельнымъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.—Изъ Глухова М—ча отвезли, какъ когда то и отца его, въ Москву, откуда сосѣдъ М—чей, Клечановскій, писалъ (6 іюля 1792 г.) къ его матери: „м. г—ня Настасья Петровна. Яковъ Михайловичъ, благодаря Бога, здоровъ. Много я старался, сударыня, освободить его отъ извѣстной вамъ болѣзни. Въ насъ, въ университетѣ, есть самые искусные доктора и опытные въ своей должности, я ихъ просилъ и самъ, и посредствомъ профессоровъ, которые для меня есть очень хорошіе люди, то они въ разсужденіи сей болѣзни сдѣлали между собою консиліумъ и говорятъ, что ето такая внутренная болѣзнь, отъ которой никакое лѣкарство пособить не можетъ, а совѣтуютъ носить бандажъ, потому что Я. М. теперъ растетъ, то можетъ быть въ сихъ лѣтахъ и сама по себѣ минется. Одному изъ нихъ я сулилъ хорошее награжденіе отъ имени ваше, чтобъ онъ одинъ объ етомъ постарался, но ни за что не согласился. Однакъ, слава Богу, теперь етотъ припадокъ съ Я. М. рѣдко случается, но и то гораздо легче противъ прежняго.“—Изъ слѣдующаго письма видно, что М—чъ въ это время уже учился въ Москвѣ, какъ можно догадываться,—въ тамошнемъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ [2]). Въ самомъ концѣ декабря (28-го), того же 1792 г., М—чъ

---

[1]) Опис. Стар. Малорос., II, 433. См. также Сулим. Арх., 137.

[2]) См. Воспоминанія объ этомъ пансіонѣ Н. Сушкова (Чтенія Моск. Общ. Ист. 1848, I, 31—104), откуда видимъ, что съ 1791 г. тамъ получили золотыя медали, между прочими, слѣдующіе уроженцы Малороссіи: Семенъ и Аркадій Родзянки, Яковъ Лизогубъ, Григорій Полетика (сынъ Гр. Андр—ча), Александръ Величко и Алексѣй Войцеховичъ.

пишетъ къ роднымъ: „Я получилъ за прилѣжаніе сребряную медаль и книгу, то неужъто не удостоюсь и отъ васъ, нѣжныхъ родителей, одобренія, дабы въ послѣдующее время труды мои возъимѣли гораздо живѣйшую быстрость, ясность и достигли бы наконецъ такого совершенства, что я можетъ быть въ состояніи буду принесть пользу отечеству и себѣ.—Впрочемъ съ достодолжнымъ моимъ сыновскимъ почтеніемъ пребываю въ надеждѣ, любезные родители! вашъ послушный сынъ Яковъ Марковичъ“.

Послѣ этого письма слѣдуетъ значительный перерывъ въ перепискѣ М—ча съ родными. За 1793-й годъ мы не имѣемъ ни одного письма; а между тѣмъ въ концѣ этого года въ семьѣ М—ча случилось большое несчастье: въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ“ и лишился употребленія языка, руки и ноги. Точныя вѣсти о болѣзни отца дошли къ сыну, повидимому, нескоро. Въ половинѣ іюля 1794 г. М—чъ пишетъ матери: „м. г—ня матушка! наконецъ узналъ я причину вашего молчанія, которое часъ отъ часу болѣе лишаетъ меня спокойствія. Да и какъ возможно быть спокойнымъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ? Какъ быть спокойнымъ, услышавъ такое несноснѣйшее и печальнѣйшее извѣстіе, которое тѣмъ болѣе ужасно, что ни малѣйшій слухъ ни о чемъ ко мнѣ не доходилъ? Любезнѣйшая матушка! Не лишите меня сего самаго малого удовольствія, сдѣлайте милость, увѣдомите меня объ томъ, что дома происходитъ. Можетъ быть, Богъ столь милосердъ, что этотъ слухъ ложенъ. О есть ли бы онъ былъ ложенъ, то бы сыновнее сердце мое воспылало благодарностію къ источнику блага. Великій, праведный Боже!.. Ты видишь горесть мою, видишь!—но сердце мое знаетъ, что источникъ милости и источникъ человѣколюбія въ единомъ Тебѣ обитаетъ!... Но сердце мое тяжко бьется, и ни что, ни что не можетъ привесть его въ спокойное состояніе. Боже мой!... Но есть ли слухъ вѣренъ, есть ли и въ самомъ дѣлѣ правосудіе столь жестоко, есть ли и подлинно такъ слѣпо провидѣніе, есть ли столь неумолима, столь несмягчительна злоба смерти, то какое жъ наше щастіе и наше благо и чего ожидать намъ остается! Лишивъ насъ не-

давно ближайшихъ, любезнѣйшихъ предметовъ [1]), которые еще всегда извлекаютъ и извлекать будутъ вздохи изъ сердецъ нашихъ, горестію отягченныхъ, которыхъ воспоминаніе, которыхъ имена вѣчно неизгладимы въ нихъ пребудутъ, лишивъ насъ,— еще лишаютъ подпоры неопытныхъ лѣтъ нашихъ, и лишаютъ столь жестокимъ, варварскимъ образомъ. Дражайшая матушка! простите мнѣ, что я смѣю обезпокоивать васъ такимъ печальнымъ плачевнымъ, и несноснымъ для сердца моего воспоминаніемъ. Простите мнѣ, я не могу удержать волнованія души моей, унять вздоховъ сердца моего, я не могу довольно оплакать нещастя своего. Я опять васъ прошу: сдѣлайте милость, дражайшая матушка, не лишите меня вашихъ писемъ, потому что молчаніе ваше часъ отъ часу тяжелѣе для сердца моего. И возможно ли, уже два мѣсяца, какъ я ни слова о здоровьи васъ и домашнихъ не знаю. Я живу далеко отъ дому и потому сколько горестно для меня не получать о родителяхъ извѣстія; сдѣлайте милость, любезнѣйшая матушка, изволте увѣдомить меня или сами, или приказать безсовѣстнымъ сестрицамъ утѣшить меня хоть разъ еще письмами своими. Повѣрьте, люб. м—ка, что это время, въ которое я ни отъ васъ, ни отъ сестрицъ не получалъ писемъ, такъ для меня грустно и несносно, что ни одинъ часъ не проходилъ совершенно весело и спокойно: и—то различные мысли занимали душу, или—то заставляли грустѣть (sic), потому что и сестры забыли меня. Сверхъ того, я зналъ давно, что батюшка нездоровъ, то—чего сердце мое не имѣло и не чувствовало въ сіи два мѣсяцы, которые болѣе нежели два года показались? Но, наконецъ получилъ, я извѣстіе, котораго во всю жизнь свою не желалъ бы слышать; о Боже мой! того ли я ожидалъ за бѣдственно претерпѣнные два сіи мѣсяцы. Но видно, ахъ! видно, что мнѣ не опредѣлено было вкусить спокойствія, вкусить радости, не другой какой, но только той радости, чтобъ любезнѣйшіе родители были благополучны и здоровы, и чтобъ всѣ родственники, всѣ ближайшіе мои—на-

---

[1]) Въ 1793 г. умеръ дѣдъ Як. М—ча по матери. Можетъ б. и онъ здѣсь разумѣется

слаждались такими же дарами. Я есмь, любезнѣйшая матушка, вашъ покорнѣйшій, послушнѣйшій и вѣрнѣйшій сынъ Я. М.".

Что дѣлалъ М—чъ въ 1794 г., когда писалъ это письмо, не знаемъ, но 1795 г. онъ провелъ въ Малороссіи, причемъ посѣщая Перервинское имѣніе своего отца, въ Пирятинскомъ уѣздѣ, познакомился съ другимъ изыскателемъ малорусской старины— А. И. Чепою [1]), жившимъ въ томъ же уѣздѣ, въ с. Чепурковкѣ. Съ какимъ вниманіемъ относился къ двадцатилѣтнему М—чу почтенный любитель малорусской старины, видно изъ его письма, писаннаго къ М—чу 29 сентября 1795 г., въ имѣніе Марковичей, с. Перервинцы: „вчера былъ у меня мой почтеный сосѣдъ Петръ Степановичъ Волховскій. Услышавъ отъ меня о вашемъ здѣсь пребываніи и бывши знакомъ вашему батюшки, усильнѣйше просилъ меня познакомить его съ вами; я обѣщалъ ему на завтрашній день согласить васъ къ нему обѣдать; въ томъ я надѣялся на дружеское ваше ко мнѣ расположеніе. Я ему пересказалъ въ краткихъ словахъ о вашихъ добродѣтеляхъ и достоинствахъ, кои я видѣть и чувствовать моглъ, и онъ съ нетерпѣливостію васъ ожидать будетъ..."

Очень вѣроятно, что ближайшее знакомство М—ча съ Чепою послужило значительнымъ толчкомъ въ развитіи у перваго охоты къ занятіямъ мѣстною стариною. Чепа издавна началъ собирать разнаго рода письменные памятники по исторіи Малороссіи и во время знакомства съ М—мъ обладалъ уже значительнымъ ихъ запасомъ. Изъ переписки Чепы съ В. Т. Полетикою видно, съ какою ревностью относился этотъ собиратель къ вопросу о написаніи „Славной вѣтви россійской исторіи— исторіи Малороссіи". Очень можетъ быть, что въ эти свиданія въ 1795 г., съ М—мъ, Чепа и передалъ ему свои сборники матеріаловъ [2]) съ надеждою, что юный адептъ родной старины

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1890 г., № 5, стр. 364 и 1892 г., № 1, стр. 42.

[2]) Тамъ-же, стр. 50. Свѣдѣній о Чепѣ сохранилося такъ мало, что мы находимъ не лишнимъ привести здѣсь недавно встрѣченный о немъ отзывъ человѣка хорошо его знавшаго лично: „статскій совѣтникъ Чепа, служившій въ канцеляріи Румянцева по гражданской части, человѣкъ начитанный, достигшій посредствомъ упражненія искусства писать превосходно и даже опередившій въ томъ свое время.

возьмется за писаніе этой исторіи.—Но пока дѣло дошло до ближайшаго изученія источниковъ послѣдней, М—чъ поступилъ прежде въ военную службу, которую въ декабрѣ 1796 г. уже рѣшилъ и оставить, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ нему матери, писаннаго 30 декабря 1796 г., въ Петербургъ. „Любезный мнѣ Яковъ Михайловичъ. Я получила твое письмо, которое меня весма огорчило, видя съ онаго такую тебѣ неудачу, но чтожъ дѣлать, не одному тебѣ,—и знатнѣйшіи тебя одинъ жребій имѣютъ, а толко старайся здоровье свое зберегти и старайся сискать благодѣтелей себѣ: но можно ли куда опредѣлиця къ писменимъ дѣламъ, когда тебѣ тяжола кажеця служба военная, а въ отставку не спѣши, подумай, что ты зъ себя здѣлаешь, когда пойдешь въ отставку сержантомъ. Я зъ твого писма увидѣла, что ти не получилъ денегъ и писемъ моихъ; я послала тебѣ, ноябра 18, 100 р., декабра 13 тебѣ послала 450 р. и послѣ Осиповичу послала 50 р., декабра шестого. Да скажи повѣреному, не можно ли теперъ какъ виискать апеляцѣй затеранихъ, посланихъ отъ батюшки по дѣлу зъ Оболонскимъ и Заводовскимъ“...

Изъ этого письма можно заключить, что М—чъ служилъ рядовымъ въ гвардіи, причемъ „неудача“ этой службы, повидимому, заключалась въ измѣненіи порядковъ гвардейской службы, послѣдовавшихъ съ воцареніемъ императора Павла I.—Оставивъ военную службу, М—чъ началъ искать въ Петербургѣ службы гражданской; для этого онъ старался, какъ и прочіе малороссы, найти доступъ къ Бозбородку, въ чемъ и успѣлъ при благопріятствѣ Трощинскаго, съ охотою помогавшаго землякамъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ искать счастья.—Въ концѣ февраля 1797 г., М—чъ писалъ матери: „м. г-ня матушка, съ восхищеніемъ спѣшу я увѣдомить васъ, о положеніи своемъ, которое слава Богу исправляется, дабы чрезъ то удалить отъ васъ всякое сомнѣніе. Г. Трощинскій оказываетъ мнѣ великое

Человѣкъ тяжелый, вялый, отъ котораго трудно было добыть что нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ Полтавской губерніи, и былъ не единожды призываемъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ въ правители канцеляріи, но безъ успѣха“. (Изъ бумагъ М. О. Судіенка).

снисхожденіе, онъ принялъ отъ меня прозьбу и вручилъ ее графу Безбородкѣ, коего просилъ онъ обо мнѣ для помѣщенія въ иностранную коллегію, въ коей графъ первый членъ.—Итакъ, судьба моя не знаю какъ рѣшится; я сердечно желалъ бы быть принятымъ, но не знаю какъ будетъ... Я за честь почелъ знакомиться здѣсь съ многими людьми, а особливо изъ бывшихъ моихъ соучениковъ, которые теперь при весьма важныхъ мѣстахъ. Я познакомился также съ дѣтьми Бакуринскаго, нашего губернатора, съ шуринами и сыномъ графа Ильи Андреевича Безбородка, и многими другими, которые меня такъ полюбили, что даже оставляютъ у себя ночевать и помогаютъ мнѣ".

Благодаря помощи земляковъ, М—чъ пристроился въ Петербургѣ и, какъ видно, хорошо: онъ былъ назначенъ переводчикомъ въ иностранную коллегію, въ которой Безбородко былъ первымъ членомъ. Объ этой службѣ М—чъ писалъ, въ іюлѣ 1797 г., къ матери: „служба моя хотя и становится труднѣе, но я доволенъ ею. Съ помощію Бога можно при семъ выиграть больше, нежели въ другомъ". Тутъ же М-чъ добавляетъ: „въ свободное время, *занимаюсь я составленіемъ одной книги*, которую посвятить хочу Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому". Черезъ мѣсяцъ, въ августѣ, М—чъ снова упоминаетъ въ письмѣ къ матери, о „составленіи своей книги": „я писалъ вамъ, что хочу посвятить книгу г. Трощинскому; я денно и нощно тружусь надъ нею и скоро будетъ готова, но нужны деньги, чтобъ ее напечатать. Теперь время весьма благопріятно, такъ сдѣлайте милость, не замедлите и пришлите, какъ можно скорѣе, денегъ, чтобъ я могъ скорѣе сдѣлать желаемое. Вы не пожалѣйте, матушка, и пришлите 500 р.—Я отъ намѣренія своего ожидаю хорошаго успѣха, и теперешнее время весьма дорого. Вся надежда моя теперь на васъ". На это письмо мать отвѣчала: „я получила твое письмо, въ которомъ пишешъ о книги, которую сочиняешь; я весма рада, когда сіе будетъ къ благополучію, а толко то для меня непріятно, что ты симъ дѣломъ много здоровя своего теряешъ. Да смотри, зъ книгою будь весма осторожень, чтобъ не подалъ на себя какой критики. Денегъ тебѣ посылаю 300 р.,

а болше вседушно бъ рада, но крайне нетъ, и сама теперь остаюсь безъ онихъ“.

Въ письмахъ этихъ идетъ рѣчь объ изданной М—чемъ книжкѣ—*Записки о Малороссіи.* Хотя въ приведенномъ письмѣ авторъ ея и говоритъ, что книжку свою онъ писалъ съ цѣлію получить „хорошій успѣхъ“, разумѣется, въ достиженіи житейскихъ благъ, но изъ его приготовленій къ работѣ для этой книжки вовсе не видится указываемаго М—чемъ практическаго стимула. По всѣмъ вѣроятіямъ, авторъ въ письмѣ къ матери на себя клевещетъ, желая выпросить побольше денегъ, въ которыхъ постоянно нуждался.—Послѣ М—ча остались черновыя тетради приготовительныхъ работъ по написанію имъ своей книжки, при чемъ изъ этихъ тетрадей ясно видно—ка̀къ онъ добросовѣстно подготовлялъ свою работу и ка̀къ онъ былъ далекъ здѣсь отъ житейскаго „хорошаго успѣха“... Одна изъ этихъ тетрадей („Выписки для древней исторіи Россіи. Начаты въ 1797 г.“) заключаетъ въ себѣ рядъ выписокъ, источниками для которыхъ служили ему слѣдующія книги: а) Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова, б) Скифская исторія, Лызлова, в) Записки касательно Россійской исторіи, (соч. императрицы Екатерины II), г) Ядро Россійской исторіи, Хилкова, д) Опытъ о библіотекѣ Академіи Наукъ, Бакмейстера, е) Das Russische Reich, Зонтага, ж) Voyage de milady Craven à Constantinople par la Crimée, (Лондонъ, 1789), з) Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, Гердера, и) Опытъ повѣствованія о Россіи, Елагина [1]), і) Religie der muscuviters, на голландскомъ яз., изд. 1698 г., к) Церковный словарь, прот. Алексѣева, л) Россійская исторія, Эмина, м) Россійская исторія, Левека, (напечатана I-я часть въ 1787 г.), н) Академическія извѣстія, 3-й томъ, 1779 г., о) Тредьяковскаго, Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ, п) Словарь Россійской Академіи и р) Зеркало свѣта, журналъ изд. Ф. Туманскаго.

[1]) Указавъ „Опытъ“ Елагина, М—чъ отмѣчаетъ, что пользовался имъ *по рукописи.* (Книга Елагина напечатана только въ 1803 г.); изъ этаго сочиненія М—чъ взялъ въ свою книжку (стр. 23, прим. 33)—„переводъ пѣсни храбраго Гаральда, за коимъ была княжна Елисавета Ярославишна.“

Уже одинъ этотъ списокъ показываетъ, что М—чъ, готовясь къ изданію своихъ „Записокъ", прочиталъ не мало такихъ сочиненій, которыя были далеко не въ постоянномъ оборотѣ даже и тогдашнихъ цеховыхъ ученыхъ; для этого достаточно указать на книгу Гердера,—Ideen, изъ которой М—чъ сдѣлалъ три страницы извлеченій о славянахъ. Дѣлая выписки, М—чъ иногда присоединяетъ къ нимъ и свои замѣчанія, указывающія, что къ источникамъ онъ могъ относиться и критически. Напр., дѣлая выписки изъ голландской книги—Religie der Muscuviters, М—чъ замѣчаетъ: „вся эта книга наполнена пустяками, враками и вздоромъ. Изъ описанія только одни изображенія идоловъ (заслуживаютъ вниманія?), о коихъ авторъ говоритъ—(слѣдуетъ голландскій текстъ, въ которомъ значится, что свѣдѣнія эти голландскій авторъ получилъ van un *jode*). Трудно повѣрить, продолжаетъ М—чъ, чтобы жидъ могъ доставить сочинителю то, чего русскіе не могли отыскать до сихъ поръ [1]". Тѣмъ не менѣе, М—чъ тутъ же срисовываетъ перомъ, и очень искусно, изображенія этихъ идоловъ: *pioruni*, *chorsi*, *mocosi*, и *stribi*.—Приведенный выше списокъ сочиненій, которыми М—чъ пользовался для задуманной работы, пополняется еще цѣлымъ рядомъ другихъ, означенныхъ въ цитатахъ напечатанной книжки, гдѣ указываются: Плутархъ, Геродотъ, Несторъ, Синопсисъ, Щербатова Россійск. исторія, Леклеркъ, Ломоносовъ Древн. Россійск. исторія, Пуффендорфъ, Географ. словарь, Полупина и Миллера, Шереръ (Annales de la petite Russie), Стрійковскій, Коховскій Веспасіянъ, Фрибе (Ueber Ruszlands Handel)... Отсюда мы видимъ, что тотъ ученый аппаратъ, съ которымъ двадцатилѣтній М—чъ приступалъ къ своему труду, представляется во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ по полнотѣ, особенно, если къ этому аппарату присоединить еще и тѣ *личныя наблюденія* М—ча надъ „жителями и произведеніями" Малороссіи, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книжкѣ.

Какъ-же авторъ исполнилъ свой трудъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ подробною передачею содержанія книжки, которая, въ

[1]) См. „замѣчаніе" къ стр. 16-й „Записокъ". Рисунки сдѣланы М—мъ въ его тетради „выписокъ".

виду ея рѣдкости, очень мало извѣстна. Книжку свою М—чъ посвятилъ Трощинскому, при чемъ въ посвященіи говоритъ:

«Еще до сихъ поръ Малороссія не описана никѣмъ подробно. Я осмѣлился изобразить ее не кистью историка или физика, но какъ юный сынъ, посвящающій первый опытъ своихъ познаній и чувствованій мать-странѣ своей».

Затѣмъ въ предисловіи авторъ подробно излагаетъ планъ своего описанія.

«Славный натуралистъ Линней удивляется, что страна, такъ щедро природою облагодѣтельствованная, какова Малороссія, не заманила къ себѣ ни физиковъ, ни историковъ. Давно похитила смерть сего друга натуры; естьлибъ онъ живъ былъ, то до сихъ поръ, можетъ быть, удивлялся бъ тому. Я имѣлъ удовольствіе жить въ сей пріятной странѣ и занимался разсматриваніемъ ея жителей и произведеній. Все, что мнѣ казалось примѣчательнымъ, полезнымъ, новымъ, записывалъ я въ своемъ журналѣ, разсуждалъ о томъ или сравнивалъ съ мыслями авторовъ, писавшихъ прежде о тѣхъ же матеріяхъ. Наконецъ, мнѣ хотѣлось, чтобы и другіе могли судить о успѣхѣ наблюденій моихъ,—и вотъ главнѣйшая причина, почему издаются сіи Записки. Въ каждой части помѣщены будутъ статьи изъ древней и новой малороссійской исторіи, черты, объясняющія характеръ жителей, идрографическія и топографическія описанія, общее исчисленіе минераловъ, растеній и животныхъ, находящихся въ разныхъ частяхъ Малороссіи, и частная исторія примѣчательнѣйшихъ породъ оныхъ и проч. и проч. Въ нужныхъ случаяхъ присовокуплены будутъ и изображенія писанныя съ натуры и гравированныя самимъ авторомъ [1]). Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опытъ трудовъ моихъ былъ безъ всякихъ погрѣшностей и недостатковъ. Однако я прошу читателей разбирать его со всею строгостью ученаго критика. Ихъ исправленія и примѣчанія приму я съ великою благодарностью, только *были-бы оныя, касательно исторіи, доказаны*, а по физической части основаны больше на собственныхъ наблюденіяхъ, нежели на словахъ—какого автора [2])».

Первая (и единственная) книжка „Записокъ“ заключаетъ въ себѣ шесть главъ:

---

[1]) Такихъ „изображеній“ при первой книжкѣ—нѣтъ.

[2]) Предисловіе подписано „15 генваря, 1798 г.“.

1. Историческое изображеніе страны, называемой нынѣ Малою Россіею, съ древнихъ временъ до первогонадесять вѣка.

2. Взглядъ на прежнее и нынѣшнее гражданское устройство Малороссіи.

3. Общее физическое описаніе Малороссіи.

4. Характеристика малороссіянъ.

5. Малороссійская идрографія или описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи.

6. Исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи.

Въ первой главѣ (стр. 1—28) изложенъ краткій историческій очеркъ народовъ, обитавшихъ на территоріи средняго Днѣпра, сарматовъ, скифовъ, славянъ... Очеркъ оканчивается разсказомъ о княженіи Ярослава I, при чемъ въ концѣ очерка значится: „*продолженіе исторіи въ слѣдующей части*".

Первый свой очеркъ авторъ начинаетъ такъ:

«Я не хотѣлъ бы вступать въ царство мечтаній и призраковъ (Плутархъ называетъ такъ исторію древнихъ временъ), не хотѣлъ бы представлять картины мрачной древности, естьлибъ исторія не объясняла характера и не показывала степеней образованія и промышленности каждаго народа. Время изгладило всѣ слѣды, по коимъ можно бы дойти до мѣста рожденія и до гробовъ первыхъ обладателей Малороссіи; но можно именовать ее *колыбелью Россовъ*, потому что предки оныхъ сарматы, скифы и славяне поселились тамъ прежде и построили первые города. Часть, которую занимали сарматы, была обширнѣе и называлась *суоми*; а скифы жили только при берегахъ Днѣпра, и для отличія отъ прочихъ скиѳскихъ племенъ именовались *геррійскими*. Въ 33 или 34 году по Р. Х. св. апостолъ Андрей проповѣдывалъ имъ христіанскую вѣру».

При послѣднихъ словахъ авторъ дѣлаетъ ссылку на „древняго нашего историка Нестора", прибавляя, что „новѣйшіе писатели сомнѣваются о семъ".

Во второй главѣ—о гражданскомъ устройствѣ Малороссіи стр. 29—41)—появленіе послѣдней въ исторіи объясняется такъ:

«Со временъ Олега до вел. кн. Владимира страна, называемая нынѣ Малороссіею, составляла одну область; но въ началѣ перваго

на десять вѣка она раздѣлена была на три княжества, Кіевское, Черниговское и Сѣверское, коими правили удѣльные князья. По завладѣніи сихъ княжествъ Литвою, переименованы оныя Малою Россіею въ отношеніи къ той большой части Россіи, которою русскіе князья владѣли. Польскій король Казимиръ Ягелловичъ учредилъ тамъ воеводство и повѣты, ввелъ магдебургское право, поставилъ воеводъ, судей, старостъ и каштеляновъ; сверхъ того роздалъ всю Малороссію, по частямъ, вѣрнымъ и храбрымъ людямъ изъ тамошнихъ жителей. Стефанъ Батторій уступилъ козакамъ лежащія при берегахъ Днѣпра земли, кои названы потомъ Украиною, т. е. пограничною землею; и съ того времени до введенія Малороссіи въ подданство великороссійское, южная часть области сей принадлежала козакамъ, а сѣверная Польшѣ. При Петрѣ Первомъ Малороссія раздѣлялась на десять полковъ, которые назывались по именамъ главныхъ городовъ въ своемъ округѣ.... Сверхъ того для удобнѣйшаго разбиранія частныхъ и тяжебныхъ дѣлъ, страна сія раздѣлена была вмѣстѣ и на 20 повѣтовъ, изъ коихъ въ каждомъ находился земскій и подкоморскій судъ... Всѣ сіи установленія совершенно изчезли, когда въ царствованіе Екатерины II учреждены были въ Малороссіи три намѣстничества...».

Говоря о населеніи страны, М—чъ пишетъ:

«Между природными малороссіянами щитается четыре класса: дворянинъ, мѣщанинъ, козакъ и мужикъ. Дворяне происходятъ или отъ польскихъ дворянскихъ родовъ, или отъ бывшихъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Въ XIV вѣку польскій король Казимиръ Великій жаловалъ достоинствомъ симъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ, а при Зборовскомъ трактатѣ, заключенномъ между козаками и польскою республикою, облечены въ оное многіе изъ козаковъ, оказавшихъ на войнѣ важныя услуги. Царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ въ Малороссіи дворянскими грамотами татаръ и жидовъ, принимавшихъ христіянскую вѣру [1])» (?)... Мѣщане и граждане живутъ въ городахъ и составляютъ купцовъ или разныхъ промышленниковъ. Они управляются магдебургскимъ правомъ, введеннымъ въ XIV вѣку. Ихъ магистратъ состоялъ прежде изъ войта, бургомистровъ и райцевъ или ратсгеровъ, и отправлялъ разныя городовыя дѣла; но въ неправомъ онаго рѣшеніи истцы относились апелляціями въ генеральный судъ...».

---

[1]) Думать нужно, что это свѣдѣніе основано авторомъ на какихъ нибудь единичныхъ фактахъ, намъ впрочемъ неизвѣстныхъ.

«Происхожденіе козаковъ есть нерѣшимая въ исторіи задача. Нѣкоторые производятъ ихъ отъ козаръ и коссоговъ, обитавшихъ въ древнія времена при Днѣпрѣ... Можетъ быть всѣхъ вѣроятнѣе слѣдующее мнѣніе, что въ началѣ XVI вѣка нѣкто изъ малороссіянъ, по прозванію Дашкевичъ, видя частые отъ крымскихъ татаръ набѣги, уговорилъ многихъ единоземцовъ своихъ для отогнанія непріятеля сего отъ своихъ предѣловъ. Сіе имѣло щастливый успѣхъ и побѣдители назвались тогда козаками, что значитъ на татарскомъ языкѣ легковооруженные. Польскій король Сигизмундъ I уступилъ героямъ симъ городъ Терехтемировъ, на правой сторонѣ Днѣпра стоящій, а Стефанъ Батторій—лежащія при обоихъ сторонахъ Днѣпра земли, сверхъ того привелъ ихъ въ хорошую дисциплину и опредѣлилъ имъ жалованье. Отъ сихъ козаковъ произошли и украинцы, составлявшіе прежде малороссійское войско. Остатокъ онаго суть нынѣшніе козаки, но они уже не воины, а сельскіе жители. Они пользуются особыми правами, не состоятъ въ крестьянствѣ и могутъ торговать виномъ. Съ нѣкотораго времени начали они переселяться въ прежнее Екатеринославское намѣстничество или нынѣшнюю Новороссійскую губернію; но не смотря на то остается ихъ въ Малороссіи еще весьма много, гдѣ и живутъ отдѣльно или вмѣстѣ съ крестьянами».

«Малороссійскіе мужики назывались прежде *посполитыми* и имѣли свободу переходить отъ одного господина къ другому. Происходившіе отъ того великіе безпорядки и нарушеніе самаго спокойствія жителей суть тѣ главнѣйшія причины, кои понудили уничтожить сію кочевую ихъ жизнь; и съ того времени они начали болѣе заниматься трудами и промыслами».

Третья глава (стр: 41—54), заключающая въ себѣ „физическое“ описаніе Малороссіи,—вмѣстѣ съ четвертою (стр. 54—68) о „характеристикѣ малороссіянъ“, составляютъ самую интересную часть книги, потому что обѣ эти главы основаны на личныхъ наблюденіяхъ автора, который при этомъ выражаетъ иногда и личные свои вкусы.

Говоря о климатѣ „малороссійской губерніи“, М—чъ авторитетно указываетъ, что хотя—

«Климатъ ее весьма умѣренъ, но не имѣетъ такой степени теплоты, какова въ другихъ, подъ равною широтою лежащихъ, земляхъ, что происходитъ какъ можно думать отъ того, что поверхность въ

сей странѣ большею частью ровна и нѣтъ въ сосѣдствѣ никакихъ высокихъ горъ, кои бы защищали ее отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ...». — «Поляки называли Малороссію *молочною* и *медовою землею*; можно именовать ее еще страною обилія и пріятностей. Здоровый климатъ, красота мѣстоположенія, великое плодородіе земли и разнообразіе произведеній суть преимущества, по коимъ она заслуживаетъ такое имя. На плодородной поверхности ея извиваются большія и малыя рѣки, кои обращены больше къ Черному морю и всѣ посредствомъ Днѣпра въ оное вливаются..... Съ сѣверной стороны губерніи сей («Малороссійской») простираются большіе лѣса, наполненные дичиною и разными звѣрями; въ южной пестрѣютъ богатыя степи, кои бываютъ, такъ сказать, покрыты стадами лошадей, коровъ и овецъ. По способности климата и хорошаго свойства земли плодовитыя деревья получаютъ тамъ лучшую доброту и разводятся до излишества. Хлѣбопашество—главный источникъ народнаго благоденствія—отъ самой природы въ такомъ состояніи, какого только требовать можно. Безъ лишняго труда и тонкаго искусства земледѣльцевъ, пашни разводятся легко и обильную приносятъ жатву. Кто имѣетъ чувствительное сердце, кто удовольствіе духа своего полагаетъ и находитъ въ разсматриваніи природы, тотъ обозрѣвъ Малороссію, конечно назоветъ ее страною, гдѣ природа является въ изящномъ великолѣпіи. По крайней мѣрѣ я такъ называлъ ее въ моемъ сердцѣ»!

Вслѣдъ за этимъ сантиментальнымъ восклицаніемъ слѣдуетъ интересное, по обстоятельности, обозрѣніе Малороссіи (лѣвобережной) по частямъ.

«По мѣстоположенію и свойству земли, страну сію раздѣлить можно на три полосы: *сѣверную*, *южную* и *среднюю*. Въ каждой изъ оныхъ не токмо климатъ, свойство кряжа и произведенія, но даже состояніе и характеръ людей отличны.

1) *Сѣверная* полоса, гдѣ извиваются самыя большія рѣки изъ всѣхъ текущихъ въ Малороссіи, покрыта во многихъ мѣстахъ чернымъ и краснымъ лѣсомъ, почему и называется *лѣсною стороною* или *Полѣсьемъ*.... Она заключаетъ то пространсто, которое лежитъ между рѣками Днѣпромъ, Десною и Бѣседью. Поверхность тамъ большею частью низка, болотиста и съ тундрами; но по берегамъ большихъ рѣкъ простираются неправильныя возвышенія или пригорки и холмы, содержащіе разныя глины, мѣлъ, известь, дикій ка-

мень и желѣзную руду.—Вообще Малороссія въ старину была лѣсомъ гораздо обильнѣе нынѣшняго. Всякой догадается, что главнѣйшая причина того есть винокуреніе, производящееся въ ней еще съ XIII вѣка. (?) Теперь самые большіе боры и лѣса находятся въ окружностяхъ Стародуба, Мглина, Погара, Чернигова и Новгородъ-Сѣверскаго, гдѣ рубятъ лѣсъ для корабельнаго строенія и мачты, кои препровождаются либо въ Ригу или внизъ по Днѣпру, къ черноморскимъ портамъ.....».

2) *Южная* часть лежитъ между рѣками Остромъ, Супоемъ, Днѣпромъ и Ворсклою. Она извѣстна подъ именами *Украины*, *Степи* и *Полей*, отъ чего и тамошнихъ жителей называютъ *украинцами*, *степовиками* и *полевиками*. Поверхность ея, въ сравненіи съ сѣверною, возвышенна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ оврагами и холмами, скудна лѣсомъ и пересѣкается тремя большими рѣками и множествомъ ручьевъ, кои вообще текутъ медленно. Поэтъ могъ-бы сказать, что они струятся тихо для того, чтобы болѣе наслаждаться великолѣпіемъ орошаемыхъ ими степей. Исполины изъ царства растеній и тираны изъ животныхъ удалились отсюда. Природа не хотѣла здѣсь ни приводить въ изумленіе, не наводить ужаса, но только нравиться и плѣнять. Чтобы представить совершенную картину того великолѣпія, въ какомъ она здѣсь видна, надобно имѣть кисть Пуссеня или перо Бюффона, кои хранятся въ пантеонѣ безсмертныхъ.—Здѣшнее хлѣбопашество, пчеловодство и скотоводство лучшіе во всей Малороссіи. Въ прочихъ мѣстахъ землю сперва унавоживаютъ, потомъ пашутъ сохою два и три раза; но степовикъ не заботится и о удобреніи, оретъ плугомъ, который не разбиваетъ земли такъ мелко, какъ соха—и должно удивляться, что на поляхъ столь легко обработываемыхъ растетъ почти всегда частый и крупный хлѣбъ. Бывали случаи, что на вспаханной такимъ образомъ однажды землѣ, взростаютъ двѣ разныя пашни, напр., когда посѣянная весною гречка совершенно созрѣетъ, то не снимая ее, сѣютъ по ней рожь или озимую пшеницу, которую по снятіи гречихи, скородятъ бороною, а въ слѣдующее лѣто сжинаютъ. Есть два обычая у степныхъ малороссіянъ: 1) что они мѣру пахатныхъ полей исчисляютъ *упругами* (упряжками) и *днями*; три *упруга*, ранній, обѣденный и вечерній, или одинъ *день* земли означаетъ такое пространство, сколько отъ восхода до захожденія солнца съ роздыхомъ вспахать можно. 2) Не имѣя сушняковъ или овинъ, сушатъ они рожь на печкѣ, отъ чего она не столь годна къ винокуренію, какъ овинная, и чаще подвержена бы-

ваетъ *головнѣ* и *рожкамъ*—болѣзнямъ, происходящимъ отъ поврежденной въ зернахъ влажности. Впрочемъ сѣютъ они много пшена, боръ и кійки или пшеничку, разводятъ всякаго рода табакъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ анисъ и турецкій перецъ; сверхъ того имѣютъ позаимствованныя отъ татаръ *бакши* (по здѣшнему *баштаны*), гдѣ растутъ дыни и арбузы, называемые здѣсь *каунами*.—Рогатый скотъ въ степной полосѣ весьма крупенъ и по добротѣ своей извѣстенъ не токмо въ столицахъ нашего отечества, но и въ другихъ европейскихъ земляхъ, особливо въ Германіи и Пруссіи, куда гоняли его прежде для продажи...»

3. *Средняя* полоса лежитъ между двумя первыми и достаточна какъ лѣсомъ, такъ и полемъ. Въ ней поверхность выше и гористѣе, воздухъ отъ меньшаго числа лѣсовъ и болотъ чище и здоровѣе, а хлѣбопашество отъ лучшаго свойства земли превосходнѣе, нежели въ сѣверной части. Однако между Переяславлемъ и Нѣжиномъ попадаются обширныя болота, гдѣ растутъ нѣкоторыя травы, свойственныя лѣсной части, а около Борзны простирается степь съ лужами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Пошва (т. е. почва) между Батуриномъ, Кролевцемъ и Глуховомъ песчана и глиниста, съ глубокими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврагами и съ довольнымъ количествомъ чернаго и крупнаго лѣса...»

„Характеристику малороссіянъ“ М—чъ начинаетъ такъ:

«Говорятъ, что духъ человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ, миніатюрный портретъ страны, гдѣ онъ основалъ свое жилище; это справедливо и потому, что жители щастливой положеніемъ Малороссіи не были никогда номадами и не могутъ быть варварами. Посмотримъ, что говорятъ объ нихъ иностранцы».

Засимъ М—чъ приводитъ слѣдующую выписку изъ книги Фрибе (Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur etc. 1796 г.).

«Въ Малороссіи видна великая степень промышленности. Дворяне занимаются разными до экономіи и торговли касающимися предметами; и ихъ примѣру слѣдуетъ даже земледѣлецъ. Садикъ его съ огородною зеленью и разнаго рода плодами служитъ доказательствомъ его прилежности и исправнаго хозяйства. Правда, что сему благосостоянію способствуетъ нѣсколько хорошее свойство кряжа, однако въ другихъ странахъ, имѣющихъ такое же преимущество, незамѣчено подобнаго расположенія къ домашнему хозяйству. Малороссіяне важны, вѣрны, открыты безъ рабскаго униженія и безъ под-

лой лести, меньше употребляютъ горячіе напитки, нежели великороссіяне и любятъ музыку».

Не ограничиваясь Фрибе, приводится изъ Шерера, что

«Малороссіяне мужественны, проворны, великодушны, безкорыстны, неутомимы, смѣлы, храбры...» За симъ слѣдуетъ заключеніе самаго М—ча:

«Казалось бы, что всякій народъ, имѣющій столько въ себѣ самомъ и въ своей странѣ преимуществъ, могъ-бы уже нѣкоторымъ образомъ возвышаться предъ другими; но напротивъ того малороссіянинъ отъ природы и кротокъ и добръ; онъ имѣетъ только важную наружность и можетъ быть нѣсколько тщеславія. Съ какою ласкою, съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ принимаетъ онъ всякаго проѣзжаго. Онъ радъ, естьли въ состояніи его накормить, помочь ему—и благородный духъ его оскорбляется, когда предлагаютъ ему за то награду. Бѣдность не доводитъ малороссіянъ до преступленій. Въ городахъ и селахъ построены *шпитали* или *богадѣльни*, гдѣ бѣдные и страждущіе имѣютъ спокойное пристанище. Всякой по достатку надѣляетъ ихъ пищею и одеждою...»

«Въ древнія времена жители Малороссіи говорили языкомъ словенскимъ, но потеряли или испортили его въ то время, когда находились въ плѣну у татаръ, литовцовъ и поляковъ. Не смотря на то, въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ, или собственно нарѣчіи, видны еще нѣкоторые оттѣнки и щастливаго климата и нѣжнаго свойства души образователей его. Естьли выбросить изъ него всѣ грубыя слова, употребляемыя простолюдиномъ, исключить заимствованныя отъ нѣмцевъ, французовъ, крымскихъ татаръ—и судить тогда о немъ, судить о духѣ его: то надобно признаться, что онъ нѣженъ, пріятенъ и наполненъ патетическими выраженіями, уменьшительными словами, кои произошли конечно не отъ другаго чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей. Можно назвать его языкомъ любви, или по крайней мѣрѣ весьма способнымъ выражать живо чувства любви.

Возмемъ въ примѣръ малороссійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое, но пылкое изъясненіе любви—и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Естьли содержаніе ихъ трогательно, естьли представляетъ оно разлуку съ милымъ или съ мать-страною, то съ разительною гармоніей тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувства и выраженій. Наученная одною природою пѣвица заставляетъ и горевать съ собою природу. Она

разсказываетъ свое нещастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, проситъ летящихъ птичекъ донесть извѣстія о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горюющей души. По врожденной склонности малороссіянъ къ музыкѣ, страна ихъ въ Россіи то же, что въ Европѣ Италія.

Малороссіяне научились отъ поляковъ брить бороду и голову, но сей обычай теперь нѣсколько измѣняется. Жители стародубовскаго и мглинскаго повѣтовъ обрѣзываютъ головные волосы, какъ великоросcіяне, а степовики начинаютъ (?) стричься такимъ образомъ какъ запорожцы, т. е. всю голову вокругъ, оставляя надъ лбомъ длинный клочокъ, называемый *чуприною* [1]). Они дѣлаютъ то отчасти для легкости и для того, чтобы избавиться сродной имъ вмѣстѣ съ поляками болѣзни, называемой *ковтуномъ...*»

«Одежда Малороссіянъ не имѣетъ ничего щеголеватаго, но важна и покойна. Между простымъ народомъ мущины носятъ такъ называемую *свитку*, изъ сѣраго, чернаго и бѣлаго сукна, которая нѣсколько схожа съ русскимъ платьемъ, а у женщинъ *свитка* всегда бѣла и шьется особливымъ покроемъ. *Кобенякъ* степнаго жителя есть родъ шинели и отличается отъ свитки тѣмъ, что дѣлается съ капюшономъ назади, который называется *отлогою*. Женщины носятъ на головѣ *очѣпокъ*, сдѣланный на подобіе простаго чепца, и повязываютъ его длиннымъ кускомъ холста или *повязью*; а выходя изъ дому и въ праздники, надѣваютъ сверхъ того *намѣтку*, то есть длинный кусокъ сарпанки, повязываемый на подобіе покрывала у монахинь. Вмѣсто юпки привязываютъ онѣ два куска шерстяныхъ матерій, кои называютъ *запаскою* и *плахтою* или *паніовою*. Деревенскія дѣвушки заплетаютъ волосы въ *связку* и въ *косники*, переплетаютъ оные шелковыми снурками и навязываютъ вкругъ головы длинныя ленты, кои называютъ *строчками* или *стрѣчками*. Придерживающіеся старины дворяне носятъ польское, козацкое или кабардинское платье и брѣютъ голову въ кружокъ; а таковыя же между женщинами одѣваются въ *кунтыши* и носятъ на головѣ *кораблики*.

Въ обычаяхъ и обрядахъ поселянъ видно нѣсколько стариннаго, суевѣрнаго и много замысловатаго. При началѣ годовыхъ вре-

---

[1]) Это свѣдѣніе возбуждаетъ сомнѣніе въ его дѣйствительности. Стрижка волосъ на головѣ и оставленіе одной чуприны—обычай въ Малороссіи очень старый, какъ это видно напр. по стариннымъ портретамъ. См. Кіевск. Стар., 1891 г., № 1, стр. 186 и слѣд.

менъ или главныхъ земледѣльческихъ упражненій, бываютъ у нихъ разныя увеселенія и какъ бы празднества. Такъ, напримѣръ, весною деревенскія дѣвушки садятся при захожденіи солнца на зеленой травѣ и поютъ *веснянку* или пѣснь весны; а скучные вечера зимы провождаютъ онѣ въ своихъ собраніяхъ и балахъ, называемыхъ *вечерницами* и *игрищами*, гдѣ играютъ на скрипкѣ, поютъ пѣсни и пляшутъ. Любопытнѣйшіе изъ обрядовъ свадебные, но объ нихъ сказано будетъ подробно въ другомъ мѣстѣ......»

«Теперь разсмотримъ характеръ малороссіянъ. Взгляните на жителей сѣверной части, особливо, когда разсмотрѣли степныхъ. Въ самой наружности первыхъ не увидите вы той нѣги, какова у послѣднихъ; въ ихъ духѣ найдется нѣкоторый родъ апатіи и холодъ, который, такъ сказать, переселяется туда изъ ихъ мрачныхъ лѣсовъ; и вы почувствуете всю справедливость мыслей Бюффона, что воздухъ и земля имѣютъ вліяніе на видъ человѣка и въ странѣ, гдѣ воздухъ влаженъ, люди по большей части не столь пригожи и не замысловаты. Сѣверный малороссіянинъ имѣетъ однако и свои преимущества. Онъ болѣе привязанъ къ трудамъ и смѣлѣе южнаго, который, родясь, такъ сказать, средь нѣги и роскоши, почти не имѣетъ случаевъ, кои бы принуждали его къ тому. Но свойственныя послѣднему живыя и нѣжныя чувства столь чужды для жителей лѣсной части, что оня не имѣютъ почти никакихъ чувствительныхъ и пріятныхъ пѣсенъ.—Они не такъ рослы и видны, какъ степные, что происходитъ частью отъ влажности и стужи, частью и отъ образа ихъ жизни, ибо они не столь опрятны и употребляютъ грубѣйшую пищу. Ихъ называютъ обыкновенно *литвинами*, и въ самой Малороссіи говорятъ о нихъ столько же, какъ во Франціи о гасконцахъ, въ Германіи о швабахъ. Такова участь и нарѣчія ихъ, которое щекочетъ ухо малороссіянина степной и средней полосы. Избы у нихъ, не смотря на излишество лѣса, построены непрочно и безъ трубъ, отъ чего живущіе тамъ, по причинѣ всегдашняго дыма, часто подвержены глазнымъ болѣзнямъ. Литвины склонны къ охотѣ, ловятъ на лыжахъ и нартахъ дикихъ козъ, сражаются съ медвѣдями и выучиваютъ ихъ плясать. Прочія упражненія ихъ состоятъ въ сидкѣ смолы или дегтя, горшечномъ ремеслѣ и строеніи рѣчныхъ судовъ, то есть байдаковъ, дубовъ, лодокъ и човновъ.—Украина съ своими богатыми степями, великимъ скотоводствомъ и добродушными жителями, есть другая Швейцарія. Поляки называли ее *молочною землею* потому, что жители кормятся больше молочнымъ и даже мужчины не стыдятся доить овецъ. Украинцы рослы

и статны; въ чертахъ лица ихъ видна какая то важность, но въ поступкахъ кажутся изнѣженными и роскошными, за что можно бы винить самую природу, естьлибъ я могъ произнести на нее хулу. Они надѣлены нужными для жизни и для самаго удовольствія въ жизни такъ обильно, что не знаютъ многихъ заботъ и спокойны. Недостатокъ лѣса замѣняютъ они употребленіемъ соломы, нефорощи, тростника и кизяковъ, то есть сушенаго навоза. Жилища свои строятъ изъ хвороста и обмазываютъ глиною такъ искусно, что издали кажутся каменными. Печи въ сихъ мазанкахъ съ трубами, однако не смотря на то зимою онѣ теплѣе литовскихъ избъ. И такъ степной малороссіянинъ лучшій архитекторъ, нежели лѣсной, потому что нужда лучшій учитель, нежели изобиліе. Жители средней части составляютъ какъ бы средину между литвинами и степовиками; однако они замысловатѣе первыхъ и проворнѣе послѣднихъ. Они занимаются торговлею, охотою, рыбною ловлею, разными ремеслами; и обыкновенныя упражненія ихъ не такъ однообразны, какъ у жителей лѣсной части. Нарѣчіе ихъ лучшее и пріятнѣйшее во всей Малороссіи».

Пятая глава—малороссійская идрографія,—поясняется другимъ, болѣе подробнымъ ея заголовкомъ—„описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи, съ означеніемъ стоящихъ при оныхъ городовъ и важнѣйшихъ селеній“ (стр. 68—89).

Въ этой главѣ заключается почти одна номенклатура рѣкъ и рѣчекъ съ указаніемъ находящихся при нихъ болѣе замѣтныхъ поселеній. Поясненія автора относительно рѣкъ—коротенькія и не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, за весьма малыми исключеніями, напр., о рѣчкѣ Хоролѣ замѣчено, что „славится тѣмъ, что въ раковинахъ ея находятъ иногда мелкій жемчугъ“.

Послѣдняя глава—„исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи“ (стр. 90—98),—не смотря на краткость свѣдѣній, заключаетъ однако въ себѣ иногда любопытныя показанія автора, какъ видно добытыя имъ на мѣстѣ, при непосредственныхъ изысканіяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ свѣдѣній:

«*Селенитъ* находится или въ смѣси съ *алебастромъ* или *мергелемъ*, какъ напр. въ округѣ Лохвицы, при рѣкѣ Сулицѣ; или въ

видѣ кристалловъ, въ берегахъ Ворсклы. Простый народъ называетъ послѣдніе *землянымъ сердцемъ* и употребляетъ въ порошкѣ отъ сердечныхъ болѣзней».—«Въ степной части, при рѣкахъ Хоролѣ и Пслѣ и около села Бахмача, въ бывшемъ Коропскомъ уѣздѣ, находятся *озерца* или *лужи*, въ которыхъ вода столько *солона*, что сваренное съ оною кушанье не требуетъ соли. Однако сіи *солончаки* не такъ богаты, чтобы можно было вываривать изъ нихъ соль».— «*Желѣзная болотная руда*, называемая минералогиками Sumpfer, mine de fer limoneuse, находится во многихъ мѣстахъ лѣсной и средней части, какъ въ болотахъ, такъ и въ самыхъ рѣчкахъ».—«Что касается до рѣкъ содержащихъ желѣзную охру, то есть таковыя въ степной части, напр. рѣки *Журавка*, *Годуновка* и *Ржавецъ*.» «При рѣчкѣ *Лыбеди*, текущей у Кіева, есть настоящіе *марціальные ключи*, но вода въ оныхъ не вкусна; а въ окружностяхъ Батурина есть источники желѣзнаго свойства, имѣющіе довольно пріятную воду. Рѣчка *Рудня*, находящаяся въ окрестности Городни, содержитъ также желѣзную охру, но вода въ ней не чиста и не здорова».

Вотъ содержаніе книжки М—ча.—Прежде всего, мы видимъ здѣсь, что тотъ ученый аппаратъ, который былъ приготовленъ авторомъ, употребленъ имъ для первой книжки лишь въ незначительной части, такъ какъ „историческое обозрѣніе страны, называемой нынѣ Малою Россіей“ осталось въ первой книжкѣ далеко не конченнымъ. Слѣдующія главы не требовали книжныхъ изысканій. Въ этихъ главахъ лучшія—вторая, третья и четвертая; въ нихъ авторъ представилъ очень обстоятельное по времени обозрѣніе особенностей Малороссіи, обрисовавъ какъ внѣшнюю природу, такъ и характеристику народа. Говоря о сословіяхъ, М—чъ повторяетъ теорію о началѣ малорусскаго дворянства съ того времени, когда *польскій король Казимиръ В. жаловалъ де симъ достоинствомъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ*... Теорія эта, принадлежащая Г. А. Полетикѣ, повторяется изыскателями малорусской старины почти до половины настоящаго вѣка.... Вмѣстѣ съ тѣмъ М—чъ является тѣмъ же сыномъ своего времени, повторяя принадлежавшее его же времени убѣжденіе, что—

«Запрещеніе посполитымъ перехода отъ одного господина къ другому прекратило великіе безпорядки и повело къ тому, что они

начали болѣе заниматься трудами и промыслами...» Характеристика Малороссіи по полосамъ, обрисовка особенностей *Польсья* и *Украины (степи, полей)* указываютъ, что М—чъ хорошо зналъ Малороссію непосредственно и обладалъ наблюдательностью. Нѣкоторыя мѣста этой части книжки прикрашены сантиментализмомъ, но отъ послѣдняго трудно было уберечься автору, справедливо назвавшему себя «юнымъ сыномъ, посвящающимъ первый опытъ своихъ позваній и чувствованій мать-странѣ своей...»

Авторъ не думалъ ограничиваться напечатанною книжкою, имѣя въ виду выполнить тотъ планъ ея продолженія, о которомъ онъ говоритъ въ предисловіи. Въ приложенныхъ къ книжкѣ двухъ листикахъ съ указаніемъ на „погрѣшности", помѣщены и нѣкоторыя „замѣчанія"; здѣсь М—чъ, объясняя слово *вѣверица,* между прочимъ, говоритъ, что о семъ онъ будетъ говорить подробнѣе въ „исторіи малороссійской торговли"; далѣе онъ замѣчаетъ, что въ какой нибудь *изъ слѣдующихъ частей* „Записокъ" помѣщены будутъ „метеорологическія наблюденія, дѣланныя въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи". Но кромѣ этихъ указаній о желаніи М—ча продолжать свои „Записки о Малороссіи", мы имѣемъ еще три его рукописныя тетради, въ которыя М—чъ, вносилъ, послѣ напечатанія первой книжки, матеріалы для слѣдующихъ. Находящіяся въ этихъ тетрадяхъ замѣтки тѣмъ болѣе интересны, что часть ихъ записана М—чемъ во время его „поѣздокъ по Малороссіи въ 1798 г.", т. е. послѣ напечатанія первой книжки, цензурное разрѣшеніе которой подписано 23 января 1798 г.—Одна изъ этихъ тетрадей, озаглавленная—„Выписки касающіяся до Малой Россіи", начинается перечнемъ книгъ, изъ которыхъ М—чъ предполагалъ сдѣлать выписки; здѣсь, кромѣ русскихъ печатныхъ сочиненій, которыми М—чъ пользовался уже раньше, до напечатанія своей книжки, названы еще слѣд. иностранныя сочиненія: Hammards, Reise, Voyage des deux francais en Russie, Geschichte der merkwürdigsten Reisen, v. Erhmann, 1791, Fabri, Geografisches Magazin, 1784, Anecdoten zur Lebensgeschiche des Ritters und Reichsfürsten P., 1792.—Послѣ этого перечня слѣдують выписки. Девять полныхъ страницъ (въ 4—ку) составляютъ выписки изъ книги Гаммарда—*Reise durch Oberschle-*

sien nach der Ukraine,—при чемъ выписки эти сдѣланы *по-французски*, въ то время какъ путешествіе Гаммарда написано *по-нѣмецки* [1]). Повидимому, М—чъ, дѣлая выписки изъ нѣмецкой книги, тутъ же эти выписки и переводилъ на французскій, записывать на которомъ ему, значитъ, было легче чѣмъ по нѣмецки?—Послѣ Гаммарда почти столько же выписокъ дѣлаетъ М—чъ *„изъ новаго изданія описанія о всѣхъ русскихъ народахъ, г. Антоновскаго“*. Здѣсь интересно указаніе М—ча на автора Антоновскаго. Извѣстной книги Георги—Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. государствѣ народовъ—въ русскомъ переводѣ имѣется два изданія: одно—1777—1779 г., въ 3-хъ частяхъ, и другое—1799 г., въ 4-хъ частяхъ. На это послѣднее изданіе и указываетъ М—чъ, именно на его *четвертую часть*, заключающую въ себѣ свѣдѣнія „о народахъ монгольскихъ, объ армянахъ, грузинахъ, индійцахъ, нѣмцахъ, полякахъ и о владычесвующихъ россіянахъ, съ описаніемъ всѣхъ наимнованій козаковъ, *также исторія о Малой Россіи* и купно о Курляндіи и Литвѣ“. Никакого упоминанія объ авторствѣ этой части Антоновскаго въ книгѣ нѣтъ, но свѣдѣніе о томъ, что четвертая часть книги *Описаніе всѣхъ народовъ* написана Антоновскимъ—вѣрно [2]). Извѣстность М—чу автора анонимной книги указываетъ на его близкое знакомство съ тогдашней литературой.—Кромѣ слѣдующихъ послѣ Антоновскаго обширныхъ выписокъ изъ „Новаго и полн. геогр. словаря Россійск. госуд.“, Максимовича, (1788—1789 г., 6 ч.), тутъ же находятся и отрывочныя замѣтки М—ча, безъ обозначенія источника.

---

[1]) Подробное изложеніе книги Гаммарда см. въ Кіевск. Стар., 1891 г., № 7, стр. 160—169, статья Е. Синицкаго.

[2]) Объ этомъ говоритъ самъ авторъ *исторіи о Малой Россіи*, М. И. Антоновскій (род. 1759 г., въ Борзнѣ), въ своихъ „Запискахъ„—„Описаніе народовъ, обитающихъ въ Россія, три части, съ нѣмецкаго исправилъ и почти вновь сочинилъ, а *четвертую всю отъ себя сочинилъ*“.—Русск. Арх. 1885 г., I, 161. Объ Антоновскимъ см. также—Черн. Губ. Вѣд. 1891 г., №№ 44 и 45, гдѣ въ „родословіи“ Антоновскихъ находится автобіографическое показаніе Мих Ив—ча Антоновскаго. Принадлежность четвертой части книги Георги—Антоновскому извѣстна была и Сопикову, см. ч. IV, № 5736.

— «Гетманъ назывался Богданъ Михайловичъ, а не Яковлевичъ, какъ сказалъ Голиковъ въ Дополнен. къ дѣяніямъ Петра В., III, 33».

— «Въ 1780 г., въ 29 февраля, сгорѣло драгоцѣнное собраніе книгъ Кіевской академіи, между которыми и послѣдніе манускрипты сгорѣли».

— «По повелѣнію Петра I переведены на славянскій языкъ историческія латинскія и польскія книги Кромера, Бѣльскаго, Стриковскаго, Ивана Коховскаго».

— «Сожь рѣка простонародно—Сужь».

— «Съ будущаго 799 года отдаются впредь на 4 года въ откупѣ состоящіе въ Малороссійской губерніи оброчныя статьи, а именно, въ повѣтахъ Черниговскомъ: питейныхъ домовъ—17, продажъ—26, мельницъ водяныхъ—40, рыболовныхъ озеръ—39, дегтяныхъ майдановъ—5, заводовъ стеклянныхъ—2, желѣзоплавительный—1. Глуховскомъ: питейн. домовъ—57, продажъ—5, мельн. вод.—68»...

И далѣе—полная страница такого перечня.

«*Разныя слышанныя извѣстія касательно Малороссіи.*—Въ пещерахъ Троицкаго м—ря есть великое множество костей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ они такими кучами, что трудно пробираться а перелазить должно. По простонародному извѣстію произошли оные во время татарскаго нападенія, когда народъ въ оныхъ пещерахъ скрывался и татары узнавъ то, задушили оныхъ зажженнымъ огнемъ».

— «Въ Черниговѣ, когда у церкви Спаса ломали излишніе притворы, то нашли при основаніи стѣны гробницу, въ коей лежала женщина въ богатомъ уборѣ и при ней дитя. Архіерей Ѳеофилъ велѣлъ опустить гробъ ниже».

Послѣ этого слѣдуютъ выписки изъ Гильденштета и Бюшинга („Описаніе Малороссіи", при чемъ эти выписки приведены на французскомъ языкѣ) и особенно пространныя выписки—изъ „Записокъ касательно Россійской Исторіи". А засимъ слѣдуютъ: „*Замѣчанія по случаю поѣздокъ моихъ по Малороссіи, въ 1798 году.*" Что можно здѣсь прочесть (по неразборчивости почерка) выписываемъ.

— «Отъ Переяславля до Ташани, по дорогѣ, попадаются весьма большіе курганы, стоящіе уединенно, кои суть конечно не что иное какъ памятники сраженій еще во времена великихъ князей бывшихъ. Одинъ изъ нихъ, около самой Ташани, назвали мнѣ Игоревою могилою».

— «За Лохвицею, надъ Сулою, идетъ высокое возвышеніе или гора».

— «Всѣ окружности Сухоноовки[1]) составляютъ весьма неровную площадку; вездѣ на ней лощины, возвышенія, рытвины, провалья, кои когда бываютъ покрыты хлѣбомъ, то представляютъ восхитительную картину. Тутъ въ окружности растетъ турецкій перецъ, который я въ Черниговѣ видѣлъ».

— «Отъ Розлетскаго перевозу[2]) до села Иванькова находятся для меня самыя лучшія мѣстоположенія, особливо ѣдучи отъ Иванькова; вдали голубые лѣса по той сторонѣ Десны находящіеся, по сторонамъ дороги глубокія лощины, покрытыя по косогорамъ орѣшникомъ...... Въ окружности Крисокъ, Понурницы есть глубокія лощины и многіе холмы надъ протокомъ Головесною и на поляхъ...... множество зайцовъ, а въ орѣшникахъ . . . и . . . много бѣлокъ и сойей, попадаются дикія козы.—Къ Глухову, по дорогѣ къ с. Березѣ, есть хорошій источникъ, которой назывался въ старину гетманскимъ.—Въ Изруичахъ[3]) въ сторонѣ Стародуба, есть также источникъ, который, какъ говорятъ, бьетъ весьма сильно... чистую воду. Простой народъ говоритъ, что тамъ выпираетъ... чудовище, но это басня»,

— «Въ селѣ Куношевцѣ, при самомъ городѣ Борзнѣ стоящемъ, есть весьма хорошій и обширный садъ, Кочубею принадлежащій, который, какъ говорятъ, почесть можно рѣдкостью».

— «Въ окружностя Борзны, въ селахъ, разводятъ табакъ разныхъ сортовъ, особенно американскій, виргинскій, оморфортскій, который закупаютъ у нихъ русскіе купцы для отвозу въ Сибирь. Табакъ былъ прежде въ Малороссіи очень дешевъ и даже по 1 и 1¹/₂ копѣйки папуша, но теперь доходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 12 коп., а въ другихъ, гдѣ щитали за дешевизну, по 7 коп. каждая папуша стоила. Говорятъ, что причина сей дороговизны произошла отъ польскихъ закупщиковъ, кои для обращенія сего торга къ Польшѣ, сами большую цѣну посулили».

— «Около Сорочинецъ былъ одинъ такой вихрь, что овецъ и быковъ заносилъ въ рѣку и искорверковалъ совершенно».

— «Во время большихъ засухъ, какова напр. была лъ семъ году въ Малороссіи, случается, что цѣна муки бываетъ втрое и въ пятеро дороже самыхъ зеренъ. Теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жито стоитъ 80 коп. четверть, а пудъ муки ржаной 40 коп.».

---

[1]) Село Лохвицкаго уѣзда.

[2]) Село Разлеты, надъ Десною, Кролевецк. уѣзда.

[3]) Узруй хуторъ—около Н.-Сѣверска.

— «Въ Роменескую ярмарку пріѣзжаютъ изъ Крыма множество арнаутовъ съ сырыми и чинеными кожами, особливо мерлушками».

— «Между Сварковомъ [1]) и Дергуновымъ хуторомъ есть старое городище надъ самою рѣкою Клевенью,...... валу четвероугольникомъ расположеннаго. Простой народъ говоритъ, что въ старину былъ городъ, но оный завалился. Говорятъ также, что въ томъ городищѣ и окрестностяхъ онаго сыскивали. . . . . старинныя деньги и теперь по увѣренію... сыскать можно».

— «Въ самой Малороссіи была столь сильная зима, что птицы замерзали... Я самъ видѣлъ замерзшаго на сѣдалѣ пѣтуха».

— «За Горскомъ [2]) надъ рѣкою Сновью, есть Каменскій монастырь, бывшій прежде мужскимъ, а теперь женскій, куда изъ Пятницкаго Черниговскаго м—ря перевели монахинь, названъ такъ потому что лежитъ на каменномъ грунтѣ сѣраго дикаго камня, изъ коихъ есть весьма огромные. Говорятъ объ нихъ, что они и теперь растутъ и выворачиваютъ дубы, такъ построена тамъ деревяная церковь, у коей подъ основаніемъ былъ съ одной стороны большой камень, и чрезъ нѣсколько лѣтъ церковь эта наклонилась на другую сторону и стала совсѣмъ накось, чѣмъ также доказывается растеніе тамошнихъ камней. Тамъ производится также каменная ломка».

— «Около Горска дѣлаютъ на медвѣдей клѣтки. . . . коими ловятъ медвѣдай, а внизу колками убиваютъ довольное пространство . . . . Также литвины стрѣляютъ медвѣдей, сидя на соснѣ...»

— «О вроисхожденіи Райгородка [3]) разсказывали мнѣ слѣдующее: былъ нѣкогда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ князь, который имѣлъ нехорошую нравомъ сестру, которую какъ-то хотѣлъ прогнать, то она обокравъ его, сама ушла и поселилась надъ Десною, на мѣстѣ имѣющемъ красивое по горамъ и долинамъ мѣстоположеніе. Князь узнавъ сіе, пріѣхалъ туда и поелику мѣсто то ему весьма понравилось, то онъ простилъ сестру и назвалъ новое селеніе Райгородкомъ т. е. пріятнымъ какъ рай мѣстомъ. Означенная княжна умерла тамже и говорятъ, что могила ее и теперь приономъ селеніи подъ именемъ княжь-могилы существуетъ».

— «Въ Лушникахъ [4]) есть также боръ, называемый княжь-боръ».

[1]) С. Сварковъ—мѣсто родины М-ча.

[2]) М. Горскъ—въ Городницкомъ уѣздѣ.

[3]) Село Кролевецкаго уѣзда.

[4]) Село того-же уѣзда.

— «Я видѣлъ богословскую книгу на польскомъ языкѣ, печатанную въ Черниговскомъ Троицкомъ Ильинскомъ м—рѣ, въ 1680 г.»[1]).

— «Въ Серединой Будѣ [2]) дѣлаютъ мыло».

— «Въ 1798 г. зима въ Малороссіи была весьма жестока, сильные морозы до 30 градусовъ и снѣгъ въ нѣсколько аршинъ глубины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ былъ еще въ концѣ апрѣля, хотя тогда же въ другихъ цвѣли. . . . ».

Другая тетрадка озаглавлена такъ: „Физическое описаніе Малороссіи. Изъ Гильденштета въ 1774 году. 1798. Въ Спбургѣ.—Выписки изъ путешествія Зуева отъ Спб. до Херсона въ 1781 и 1782 годахъ. 1799. Слыш. извѣстія. 1800“. Вся эта тетрадка, въ 16 стр., занята выписками впрочемъ изъ одного только Гильденштета, которыя М—чъ дѣлалъ порусски.— Послѣдняя тетрадка—„Flora ukrainica, 1798“—вся наполнена азбучнымъ спискомъ растеній, по-латыни, причемъ переводъ названій приводится лишь изрѣдка, напр., cornus sanguinea— свидина, coryllus—лѣщина, clematis recta—при Днѣпрѣ, въ степи,—ломоносъ, leontodon taraxacum—кульбаба, quercus robur—въ Кременчугѣ и при Днѣпрѣ, stipa pennata—ковыль, койло, viburnum lantana—гордъ дерево... По этимъ поясненіямъ можно думать, что М—чъ имѣлъ въ виду собрать *мѣстныя* названія растеній.

Приведенныя свѣдѣнія о черновыхъ работахъ М—ча несомнѣнно говорятъ, что онъ первые два года послѣ изданія начала „Записокъ“ усердно занимался собираніемъ матеріала для продолженія ихъ. Но кромѣ того, у М—ча въ послѣдніе годы его жизни имѣлась уже и довольно значительная библіотека, заключавшая въ себѣ почти всѣ тѣ книги, какъ на русскомъ такъ и на иностранныхъ языкахъ, которыя могли служить ему матеріаломъ для продолженія „Записокъ о Малороссіи [3])“. Но

---

[1]) Notiypięc ran Chrystusowych pięc, przez Lazarza Baranowicza. Wtypographiey monastera S. Troycy Ilinskiego Czernihowskiego. Roku 1680.

[2]) Новгородсѣверскаго уѣзда.

[3]) Послѣ смерти М—ча составленъ былъ реестръ его книгъ—366 названій,— между которыми видимъ слѣд. сочиненія: 1) Описаніе Россійскаго государства, на нѣмецк. яз., 2) Исторія Ю. Винкельмана о древностяхъ, 3) Словарь Россійской академіи, 4) Путешествіе чрезъ Россію на Кавказскія горы, Ю. А. Гильденштета,

не осуществились благія намѣренія молодаго изыскателя родной старины. Помѣха произошла отъ той же молодости М—ча, при видимомъ отсутствіи при томъ всякой воли. Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, петербургскіе пріятели М—ча втянули его въ кутежи, потребовавшіе постоянныхъ тратъ, послѣдствіемъ которыхъ явились долги... Издерживая получаемыя изъ дому денежныя присылки „скоро и безращотно", М—чъ требовалъ отъ матери новыхъ присылокъ и при томъ въ такомъ количествѣ, что мать, повидимому, не могла и удовлетворять этихъ требованій безъ обиды другихъ своихъ дѣтей. Не получая изъ дому денегъ, М—чъ принужденъ былъ ихъ занимать, платить огромные проценты и этимъ мало по малу—затягивалъ петлю на своей шеѣ... Ставъ въ положеніе неоплатнаго должника и испытывая мученія отъ назойливыхъ требованій кредиторовъ, М—чу было не до „Записокъ"...

Какъ прожилъ онъ послѣдніе годы своей недолгой жизни видно изъ той же его съ матерью переписки, которая сохранилась впрочемъ далеко не вполнѣ.

на нѣмец. яз., 5) Описаніе всѣхъ въ Россіи обитающихъ народовъ, 6) Гмелина, Путешествіе по Россіи, 7) Палласа, Путешествіе по Россіи, на франц. яз., 8) Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, 9) Флора сибирика, на латинск. яз., 10) Дневныя записки Ив. Лепехина, 11) Описаніе Камчатки, 12) Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, 13) Описаніе Курскаго намѣстничества, 14) Грамматика чувашскаго языка, 15) Физич. опис. Таврической области, 16) Польская исторія на нѣмецк. яз., 17) Исторія натуральная о птицахъ и звѣряхъ, на нѣмецк. яз., 18) Ла републикъ де Платонъ, на французк. яз., 19) Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющихъ Россійскую исторію, 20) Записки В. Зуева, 21) Лѣтописецъ Архангелогородскій, 22) Древн. россійск. гидрографія, 23) Описаніе Казани, Астрахани и Оренбурга, на нѣмецк. яз., 24) Жизнь кн. Владиміра, рукописная, въ кож. перепл. 25) Описаніе Азова, 26) Опис. Харьковск. намѣстн., 27) Описаніе Очаковск. земли, 28) Летръ персанъ, 29) Описан. Ворон. губ., 30) Изображеніе одежды обитающихъ въ Россійск. госуд., семь тетрадей, 31) Россійскій магазинъ Ф. Туманскаго и т. д. Кромѣ книгъ историческаго содержанія, въ б—кѣ М—ча имѣлось болѣе 20-ти сочиненій по естественной исторіи, на франц. и нѣмецк. языкахъ. Любовь М—ча къ послѣдней указываетъ и то небольшое собраніе предметовъ по естеств. исторіи, которое значится по описи оставшагося послѣ М—ча имущества, напр. „шкапъ за стекломъ, въ коемъ собраніе минеральрыхъ вещей; стеклянная банка большая съ желтобрюхомъ въ спиртѣ, летучая мышь въ другой банкѣ, въ третьей банкѣ двѣ птички калибри, да въ четвертой червякъ.....". По этой же описи значится и коллекція монетъ, заключавшая въ себѣ до 700 однихъ серебр. монетъ.

Мы видѣли, что на просьбу М—ча прислать 500 р. для напечатанія первой книжки „Записокъ", мать прислала ему только 300 рублей. М—чу мало было этой присылки и онъ потребовалъ новой. Но мать рѣшила разъ навсегда ограничить безконечныя требованія сына. Въ письмѣ 23 ноября 1797 г., она пишетъ послѣднему: „Денегъ посылаю тебѣ 500 рубл. и увѣряю тебя, что я больше тебѣ въ годъ не пришлю, какъ тисячу рублей, то ти сіи денги получа и располагай такъ оними, чтобы на годъ стало, ибо ти ни на що не разсуждаешь, ни на наше обширное семейство, ни на то, что у тебя сестри уже болшии, надобно и для нихъ что собрать, но я ничево еще не имѣю по причинѣ разныхъ расходовъ".—Въ сохранившихся засимъ нѣсколькихъ письмахъ М—ча къ матери, за 1798—1802 годы, заключаются только свѣдѣнія о ходѣ сенатскихъ процессовъ, которые отецъ М—ча велъ съ своими сосѣдями за разные земельные захваты и—все тѣ же просьбы о присылкѣ денегъ... Но мать упорно продолжала отказывать, указывая сыну на другія семейныя потребности. А сынъ не внималъ и продолжалъ требовать новыхъ присылокъ. Вотъ одно изъ такихъ его писемъ къ матери, писанное 5 февраля 1803 г.—„Я имѣлъ честь получить нѣсколько писемъ отъ васъ, и не отвѣчалъ потому, что ожидалъ выполненія моихъ необходимостей, но къ величайшему прискорбію моему, не получая до сихъ поръ милостивого вниманія вашего, рѣшился еще со слезами молить васъ умилосердиться надъ душевною скорбью моею и слабымъ здоровьемъ моимъ. Есть ли сколько нибудь для васъ стоютъ здоровье и спокойствіе мое, то я прошу васъ всенижайше и прошу рѣшительно—прислать со всевозможною скоростію просимые двѣ тисячи рублей къ половинѣ слѣдующаго мѣсяца. Я въ такихъ грустяхъ, что клянусь Богомъ, что радъ бы проститься съ жизнію, есть ли бы надежда на ваше чувствительное сердце меня нѣсколько не успокоивала. Поберегите меня, м. г—ня матушка, и выполните мою нижайшую прозьбу. Я уже съ мѣсяцъ не выхожу изъ горницы, ослабѣлъ совершенно и молю Бога, чтобы онъ укрѣпилъ меня терпѣніемъ Іова пе-

ренесть ежедневно увеличивающіяся печали и невинныя страданія мои. Не имѣю силъ заниматься ни чѣмъ стороннимъ....“.

Изъ этого письма видно, что у М—ча явились такіе расходы, что той тысячи рублей, которую назначала ему мать въ годъ на жизнь, было далеко не достаточно, при чемъ хотя въ одномъ письмѣ М—чъ и говоритъ, что деньги ему нужны для веденія отцовскихъ процессовъ, но затѣмъ не скрываетъ уже отъ матери, что деньги нужны также и для уплаты долговъ, которые онъ надѣлалъ, пользуясь удовольствіями столицы.

26-го марта 1803 г. М—чъ пишетъ матери: „Я имѣлъ честь получить по предувѣдомительному письму присылку денегъ, но видно судьбамъ Вышняго угодно испытывать терпѣніе мое безпрерывною цѣпью нещастій. По отпускѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, начали въ сенатѣ поговаривать о дѣлѣ нашемъ съ козаками Калкаевскими [1]), яко близкомъ къ слушанію; я, не смотря на слабость свою и болѣзнь, бѣгалъ вездѣ, просилъ, молилъ и послѣ сухихъ отвѣтовъ, наконецъ, надобно было дать порядочную сумму, потому что въ сенатѣ по пріязни секретаря Давидовича съ Требинскимъ, всѣ не на моей сторонѣ... Я всѣ силы употреблялъ достать гдѣ нибудь хоть тысячу рублей на первой разъ... Среди такого огорченія получилъ я отъ васъ деньги, и такъ какъ еще не были посланы по оному дѣлу указы, то я всѣ силы употребилъ приостановить ихъ, и вообразите безсовѣстность людей, что за такую малую милость долженъ былъ я дать тысячу рублей. Я не пожалѣлъ такой важной суммы, чувствуя, что дѣло сіе составляетъ едва ли не все состояніе семейства нашего... Изъ остальной тысячи заплатилъ я Рачинскому 960 р., забратыхъ у него для дороги и экипировки и расплатъ предъ отъѣздомъ. И теперь у меня, накажи меня Богъ, есть ли остается болѣе двадцати рублей, и то потому, что я предъ присылкою вашею занялъ у пріятеля 50 р.— Теперь, м. г-ня, матушка, вы извольте сами разсуждать и расщитать! Остается въ вашей волѣ поступать, какъ угодно: мнѣ никакъ нельзя до совершеннаго окончанія сего вашего дѣла

---

[1]) С. Калкаевъ находится въ хорольск уѣздѣ.

отлучиться отсюда, и въ критическомъ положеніи моемъ, есть ли уже деньгами поправиться нельзя, то уже ничѣмъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что противъ денегъ, а особливо здѣсь, многое не устоиваетъ, но я безъ вашей помощи ихъ достать не могу, даже и на крайнѣйшія нужды свои.—Я купилъ за тысячу милость, что опредѣленіе или рѣшеніе сената продержится нѣсколько недѣль безъ посланія указовъ; отъ васъ теперь зависитъ дальнѣйшій успѣхъ: я буду разщитывать время, буду ожидать пособствующаго средства для поправленія угнѣтающаго насъ нещастія, и есть ли вамъ угодно будетъ какъ нибудь иначе заключить, то я сложу руки и буду терпѣливо ожидать ударовъ рока.—Прошу покорнѣйше простить мнѣ сіи выраженія: они суть плодъ моего отчаянія и тяжелой грусти"... Можно догадываться, что не исходъ судебныхъ процессовъ причинялъ М-чу „отчаяніе и жестокую грусть;" повидимому, процессами онъ только пользовался для того, чтобы легче было выпросить у матери денегъ. Въ это время положеніе М—ча ухудшилось еще и тѣмъ, что онъ сталъ болѣть и врачи посылали его на Кавказъ, на воды. Нужно было ѣхать лѣчиться, а кредиторы требовали уплаты долговъ. Выпросившись однако кое какъ у кредиторовъ, М—чъ уѣхалъ на воды. Повидимому, онъ разсчитывалъ этою поѣздкою разжалобить мать и надѣялся получить столько денегъ, чтобы стало и на расплату съ долгами, но надежды М—ча не сбылись. Мать такъ твердо отказывала сыну въ деньгахъ, что онъ не нашелъ нужнымъ даже заѣзжать домой, хотя путь на Кавказъ лежалъ мимо Малороссіи... Только писалъ М—чъ матери, чтобъ она непремѣнно прислала къ началу октября денегъ... Вернувшись въ Петербургъ и ничего не получивъ въ назначенное время, М—чъ опять повторяетъ (16 октября) свою просьбу и проситъ прислать ему три тысячи, на этотъ разъ не скрывая, что „молодость вѣтрена" и что онъ „не хочетъ выставлять себя философомъ". —„Я имѣлъ честь писать къ вамъ предъ отъѣздомъ въ Кавказъ и во второй разъ изъ Константиногорска; въ обоихъ письмахъ повторилъ вамъ мои крайнѣйшія нужды и просилъ прислать денегъ такъ, чтобы я ихъ получилъ въ первыхъ дняхъ октября. Теперь уже 16-е

число сего мѣсяца и я ничего отъ васъ не получаю.—Любезнѣйшая матушка! скажите ради Бога, что вы со мною дѣлаете, неужели пріятно вашему сердцу удручать сына, который первымъ долгомъ поставляетъ любить и почитать васъ всею душею. Я не думаю, чтобы вы могли ставить выше деньги нежели дѣтей своихъ; а я, чтобы доказать, что не имѣю въ виду сдѣлать чрезъ издержки свои неудовольствія братьямъ и сестрамъ, писалъ къ вамъ изъ Кавказа и теперь пишу, что я не потаю предъ братьями, что лишнее на меня сходило и болѣе нежели на нихъ и потому изъ части своего имѣнія уступлю имъ сколько положимъ. Есть ли можно, то и теперь готовъ, чтобъ на счетъ доводящейся мнѣ части вы изволили гдѣ занять и прислали бы. Божусь вамъ, что я всякой день плачу и только тѣмъ еще живъ, что добрые пріятели меня не оставляютъ и даютъ въ займы. Всѣхъ денегъ же у меня теперъ, ей Богу, пять рублей и я потерялъ уже и надежду просить у кого нибудь. Одно средство остается продавать за безцѣнокъ вещи и мебели свои.—Любезнѣйшая матушка! вы конечно знаете, что молодость вѣтрена и сколько поводовъ столица дать можетъ къ заблужденіямъ, слѣдственно я и не хочу выставлять себя предъ вами за философа, а скажу откровенно, что неудовольствіямъ своимъ самъ большею частію виною, но не ужели вы за зло будете платить зломъ. Я до сихъ поръ сражался самъ съ собою, но теперь помирился и для спокойствія моего надобно мнѣ пожить съ вами. Меня не льститъ ни слава, ни честолюбіе, а единственно то имѣю въ виду, чтобы всѣ силы употребить—доказать вамъ, сколько я умѣю цѣнить ваши ласки и добродѣтели. Слѣдственно я рѣшился оставить на всегда службу, только ради Бога, сдѣлайте милость, помогите мнѣ оставить ее съ честною репутаціею, какою я до сихъ поръ славлюсь. Я долженъ здѣсь три тысячи, которымъ срокъ въ концѣ ноября. Есть ли вы хотя малое ко мнѣ имѣете соболѣзнованіе, то пришлите какъ можно скорѣе для заплаты долгу, ибо я готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, нежели потерять имя честнаго человѣка".

Матери, конечно, страшно было и подумать объ удовлетвореніи такого громаднаго по тогдашнему времени требованія

и при томъ для покрытія издержекъ, явившихся слѣдствіемъ молодости и вѣтренности. Мать послала сыну, какъ видно, совсѣмъ маленькую сумму и получила въ отвѣтъ новую отчаянную просьбу сына, въ письмѣ 25 ноября.—„Къ крайнему удивленію и болѣзненному прискорбію моему, не получилъ я отъ васъ тѣхъ знаковъ соболѣзнованія вашего, которыми льстилъ себя до сихъ поръ.—Вы называете то пустяками, отъ чего зависитъ теперь не токмо состояніе плохаго здоровья моего, но и самая жизнь. Я ожидалъ какъ съ неба облегченія, но вмѣсто его получилъ напрасные выговоры, кои умножили мое горе до такой степени, что я совершенно отчаяваюсь пережить его. Скажите рѣшительно, матушка, если вы хотите, чтобы я погибъ, то я уже съ терпѣніемъ и безъ роптанія буду ожидать скораго конца моего, потому что не смотря на облегченіе, полученное мною отъ минеральныхъ водъ, я теперь отъ горести гораздо въ худшемъ положеніи здоровья, нежели тогда былъ.—Вотъ все, что я могу еще и въ послѣдній разъ сказать вамъ. Изъ полученныхъ отъ васъ денегъ оставилъ у себя только сто, а прочими насилу ублажилъ кредиторовъ дождаться еще мѣсяца. И такъ прошу васъ въ послѣдній разъ, какъ Бога, сжалиться надо мною и прислать немедленно три тысячи. Божусь вамъ, что есть ли вы не умилосердитесь и не доставите мнѣ милости, то я принужденъ буду посягнуть на жизнь свою. Ради всеблагаго Бога, сжальтесь, я буду ожидать съ нетерпѣніемъ и до тѣхъ поръ не могу заняться дѣлами".—Мать, видимо, не придавала особаго значенія угрозамъ сына лишить себя жизни, надѣясь, что вѣтренность пройдетъ съ молодостью; а сынъ между тѣмъ, страшась „потерять имя честнаго человѣка," приходилъ въ совершенное уже отчаяніе и перваго января 1804 г. написалъ матери, какъ кажется *послѣднее* письмо.—„М. г-ня матушка! Что вы дѣлаете со мною? Скажите ради Бога? Такъ не шутятъ и съ пятилѣтнимъ ребенкомъ, такъ не поступаютъ и съ врагами своими! А вы мать, а я сынъ, который изъ почтенія къ матери страждетъ и мучитъ себя добровольно.—На мое письмо, вмѣсто должной присылки, отвѣчаете вы еще выговорами и угрозами. Матушка! я вѣдь не дитя и одно уваже-

ніе къ вамъ заставляетъ только носить на себѣ тяжелое иго, которое давно бы сбросить пора. Я теперь вижу, что у васъ нѣтъ ни малѣйшаго ко мнѣ соболѣзнованія. И такъ я вамъ скажу рѣшительно, что я не прошу отъ милости, но по своему праву на то прислать по первой почтѣ три тысячи для заплаты моихъ долговъ и на дѣла, есть ли вы хотите, чтобы я ими занялся. Мнѣ теперь эти три тысячи нужнѣе для чести и самой жизни моей, нежели после триста тысячъ, и есть ли вы уже и за симъ не пришлете въ семъ мѣсяцѣ, то я вѣкъ буду сожалѣть на васъ"... Но мать, повидимому, не вѣрила въ такое отчаянное положеніе сына. Требованіе осталось по прежнему неудовлетвореннымъ, и несчастный М-чъ, не имѣя возможности избавиться отъ назойливыхъ кредиторовъ, лишилъ себя жизни. Одинъ изъ родственниковъ Марковичей (Тимоѳей Кудиновичъ-Пироцкій) извѣстилъ мать объ этой смерти: „сынъ вашъ противъ тридцатаго генваря (1804 г.) ночью застрелился изъ пистолета; мнѣ о семъ несчастіи на другой день то есть 30, у вечеру, дано знать и я его засталъ на софѣ держащаго пистолетъ въ рукахъ. Послѣ смерти его денегъ не осталось. Благодѣянія и дружба покойнаго батюшки вашего, знакомство покойнаго сына вашего и убѣдительная прозба Ивана Андреевича Рачинскаго, который меня довелъ до сего нещастія, которое я теперъ претерпѣваю, побудили меня занять у купца 200 р. съ платежемъ въ мѣсяцъ по 5 р. проценту, принялся я за погребеніе и тутъ повстрѣчались великія затрудненія, ибо духовенство не хотѣло погребать, а доходило дѣло—гдѣ ни на есть зарыть; но я умѣлъ все передѣлать и погребъ протопопъ Вознесенскій съ двумя священниками и діакономъ христіанскимъ порядкомъ".

Нѣкоторыя подробности тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели М-ча къ трагическому концу, сообщаетъ другой его родственникъ Ив. А. Рачинскій [1]) въ письмѣ къ Пироцкому: „покойникъ, какъ сами знаете, хотя и весьма былъ честенъ на

---

[1]) Сынъ бывшаго новгородсѣверскаго сотника и капельмейстера гетмана Разумовскаго.

расплату, но вѣчно нуждался деньгами, и получая оныя, издерживалъ и скоро, и безращетно; сему была причиною молодость и неопытность въ жизни, а всѣмъ его нещастіямъ, какъ вамъ довольно извѣстно, причиною—шайка его окружающихъ дурныхъ пріятелей, изъ коихъ одинъ только былъ Соколовъ, а протчіе всѣ были малороссіяне" [1]).

Такъ безвременно погибъ молодой изыскатель малорусской старины, которая могла ожидать отъ него полезной разработки, судя по любви, способностямъ и подготовленности М-ча къ историко-литературнымъ занятіямъ.

Заканчиваемъ нашъ очеркъ письмомъ, которое написалъ А. И. Чепа въ мартѣ (24-го) 1804 г. къ матери М-ча.—„М. г-ня, Настасья Петровна! Я и семейство мое, всѣ столько вамъ и дому вашему усердные, услышавши отъ Данила Семеновича, что любезный вашъ сынъ, а мой добродѣтельный другъ Яковъ Михайловичъ скончался, сердечно о томъ сокрушаемся. Въ сей найпаче для матери ненаградимой потерѣ да утѣшитъ васъ Всемогущій по великой благости его, и между тѣмъ, да подастъ вамъ крѣпость на перенесеніе толь великаго удара.—Я далъ покойному Якову Михайловичу тринадцать книгъ, большою частію рукописныхъ, кои нужны были ему къ сочиненной имъ малороссійской исторіи и о коихъ покойный собственною рукою замѣтилъ въ моемъ реестрѣ. Оныя книги суть съ ярлыками и съ именемъ моимъ, подъ номерами: 83, 103, 615, 328, 614, 244, 243, 183, 95, 384, 395, 189 и 434-мъ. Онъ недавно писалъ мнѣ, что они у него въ цѣлости. Покорно прошу васъ, м. г-ня, оныя книги велѣть зберечь, буди они найдутся, и при оказіи переслать ко мнѣ.—Покойный сочинилъ уже малороссійскую исторію. Осталось дѣло за нѣкоторыми справками, кои я взялъ на себя, и уже былъ готовъ переслать оныя ему. Тогда бы оная и напечатана была. Покорно прошу зберечь сіе его сочиненіе и пожаловать мнѣ для прочету. Буди позволите, то я,

---

[1]) Нѣкоторое указаніе, какъ „безрасчетно" уходили у М-ча деньги, даетъ замѣтка въ описи его имущества: „при семъ еще найдены два заемныя письма, данныя покойному Марковичу регистраторомъ Николаемъ Дергуномъ, одно въ 625, а другое въ 360 (рублей), оба просроченныя и не объявлены ко взысканію".

дополнивши нужнымъ, отдамъ напечатать, для памяти покойнаго друга моего. Матушка, я, жена моя и дочь кланяемся вамъ и всему почтенному семейству вашему. Всеусердно желаемъ, чтобы сіе нашло васъ въ совершенномъ здравіи и благополучіи. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, м. г-ня, покорнѣйшимъ слугою Андрѣянъ Чепа".

Находящееся въ этомъ письмѣ свѣдѣніе о томъ, что будто бы М-чъ „уже сочинилъ малороссійскую исторію", мы считаемъ ошибочнымъ. Прежде всего, М-чъ, какъ видно, вовсе и не располагалъ писать систематическую исторію Малороссіи, составивъ себѣ планъ разработывать изученіе родины по частямъ. Затѣмъ, въ оставшихся послѣ М-ча бумагахъ, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго очерка [1]), тоже нѣтъ никакихъ слѣдовъ той работы, о которой говоритъ здѣсь Чепа, а напротивъ—и здѣсь мы видимъ матеріалы для продолженія тѣхъ же „Записокъ о Малороссіи". Поэтому, нужно думать, что съ одной стороны Чепа ошибался относительно плана продолженія работъ М-ча [2]), желая видѣть въ результатѣ этихъ работъ именно „малороссійскую исторію", а съ другой стороны, М-чъ, сообщая Чепѣ свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ, могъ нѣсколько преувеличивать результаты послѣднихъ—изъ желанія не печалить радушнаго ревнителя родной старины, неустанно мечтавшаго о „сочиненіи малороссійской исторіи"....

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) За доставленіе возможности пользоваться бумагами Я. М. М-ча приносимъ глубокую нашу благодарность П. Я. Дорошенку.

[2]) Предполагается, что первая книжка Записокъ о Малороссіи была извѣстна Чепѣ....

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла[1].

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

— „Диду, кажить казку“, проситъ братъ, обращаясь къ дѣду Кириллу.

— „Кажить небылыцю“, говорю я,

— „Ялыну прекрасну“, настаиваетъ Ваня.

— „Ни, розскажить лучше про того пана, що незнавъ биды, та издывъ по свиту іи шукаты“.

И начнетъ дѣдъ разсказывать и „Ялыну прекрасну“, „Ивана Царевича“, „Бабу Ягу“, и „Москаля и смерть“, и „дивку семилитку“, и „хоть верть круть, хоть круть верть, а пидъ черепочкомъ смерть“, и „ту гришну, сварлыву матирь, котрій праведный сынъ іи подавъ изъ раю въ пекло стыпирьячко зъ цыбульки, щобъ тымъ стыпирьячкомъ вытягнуты іи изъ пекла въ рай, а маты залаяла сына пидъ самымъ раемъ, щобъ скорійше тягнувъ, бо душы начеплялысь іи за ноги, а стыпирьячко черезъ лайку перервалось и маты знову шубовснула въ пекло“, и про „песыголовця зъ идным окомъ“, и „про злыдни, которыхъ годують бидни люди“, и „про чоловика на курячихъ ножкахъ“, и про „правду и кривду“, и „съ паномъ не братайся, жинци правды не кажи и чужои дытыны за свою не беры“, и небылыцю про свого дядька, который мавъ дванадцять качокъ дойныхъ и якъ у него же свынья высыдила съ гарбуза дванадцать воливъ, якъ соколивъ“, и „правду про того гуменнаго, который

[1] См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 11.

дуже нажывся съ своего пана и наказанный кричалъ: ой паночку, не зганяйте зъ мене цихъ мухъ, бо якъ нови голодни налетять, то выссуть зъ мене остатню кровь, а панъ догадався, злякався новихъ гуменныхъ, тай того самого старого вернувъ до себе", и „про Бардычевскихъ жидивъ, якъ воны хапають хрещенныхъ людей, засажають ихъ въ бочку, утыкану гвоздями, качають іи и такъ хрыстьянску кровь добувають соби на мацу", и „про брата и сестру, котра съ зміемъ жыла, а брата хотила съ свита стребыты и посылала брата пташинаго молока шукаты, щобъ іи очуняты", и „якъ чоловикъ на Ивана Купайла въ ночи зирвавъ цвитъ папороть и узнавъ, що скотына и птыця и трава говорыть".

И слушали мы, дѣти, по цѣлымъ вечерамъ въ теченіе осени и зимы такія сказки, и знакомились такимъ путемъ съ Божьимъ міромъ, и узнали мы изъ сказокъ, что конецъ свѣта не за нашими полями и не „за лѣсомъ - перелѣсомъ", за которымъ прятались солнце и мѣсяцъ, а далеко, безконечно далеко, „ажъ за самымъ Кіевомъ, гдѣ въ Днѣпрѣ бабы платье перутъ, а провишують и сушать на хмарахъ". Узнали мы, что есть на свѣтѣ горы высокія, долины глубокія, рѣки длинныя, моря широкія и лѣса непроходимые.

Село родное, въ которомъ мы жили, лежитъ на ровной низменности и не давало намъ никакого понятія о горахъ и долинахъ, и потому нашему воображенію самыя высокія горы казались не выше нашей старой хаты; а море такимъ большимъ и широкимъ, какъ все наше село съ полями до самаго лѣса. И знали мы, что есть всякія царства на свѣтѣ, и люди во всѣхъ царствахъ говорятъ по нашему. Вѣдали мы, что есть еще царства подъ водою, и тамъ въ хрустальныхъ „палацахъ" царица морская живетъ; есть еще царства подъ землею (т. е. подъ почвою), гдѣ змѣи живутъ; есть еще и за лѣсомъ перелѣсомъ въ „нетрахъ", въ пущахъ, куда и воронъ не залетаетъ, „палацы" въ которыхъ живутъ змѣи крылатые съ украденными царевнами, въ большихъ лѣсахъ есть еще хатки на курьихъ ножкахъ, въ которыхъ въ одиночку живутъ сестры родныя—вѣдьмы добрыя и злыя, а въ темныхъ лехахъ подъ землею есть за двѣна-

дцатью дверьми желѣзными къ двѣнадцати столбамъ прикованные по одному—змѣи съ двѣнадцатью головами. На самихъ себѣ своими лихорадочными болѣзнями увѣрились мы, что въ очеретахъ и болотахъ живетъ семьдесятъ семь сестеръ трясухъ, которымъ я даже ѣсть носилъ—яйцо; а въ хатахъ на чердакѣ и подъ поломъ толчется нечыста сыла—домовыкъ. Знали мы, что темной ночью нельзя выходить на дворъ, потому что по ночамъ ходятъ „мерци“ и вся въ бѣломъ „мара“, а подъ мельницами живутъ кровопійцы вовкулаки. Знали, что и волки говорятъ, и птицы человѣчью рѣчь понимаютъ, и листья перешептываются.

И какъ настанетъ чарующая лунная ночь, то моему живому дѣтскому воображенію такъ и рисуется, что по полямъ и по лѣснымъ дорогамъ на прекрасныхъ, умныхъ и говорящихъ по-человѣчьи коняхъ ѣздятъ Иваны простые и Иваны Царевичи съ хортами, а то и съ сѣрыми волками; а поверхъ лѣсовъ летаютъ вѣдьмы злыя на ступахъ; высоко же по небу перелетаютъ змѣи огненной полосой; между хатами бродятъ мары, по улицамъ бѣгаютъ кровожадные вовкулаки.

И какъ ни страшны сказки съ такими страшилищами, но онѣ доставляли намъ величайшее удовольствіе, потому что мы не отдѣляли своихъ личностей отъ личности Ивана дурачка и Ивана Царевича, жили ихъ страхами, переживали съ ними ихъ неудачи и торжествовали ихъ побѣды надъ всѣми этими страшилищами, какъ свои собственныя; жили вмѣстѣ съ ними въ хрустальныхъ палацахъ, ѣли и медъ и вино пили, хотя они въ ротъ къ намъ ни разу не подали. Тѣмъ не менѣе эти сказки Кирилловы поднимали наше человѣческое самосознаніе и говорили намъ, что не только Иванъ Царевичъ, но и я, Иванъ дурачекъ, есть побѣдитель-властитель земли и ея темныхъ, злыхъ силъ и ея животнаго царства.

Какъ ни кажутся на первый взглядъ эти фантастическія сказки безсмысленнымъ, безцѣльнымъ и вреднымъ привносомъ лжи и извращенія дѣйствительной жизни на нашей планетѣ въ міросозерцаніе дитяти, тѣмъ не менѣе уже одно существованіе такихъ сказокъ и спросъ на нихъ въ крестьянскомъ мірѣ ука-

зываютъ на право ихъ существованія. А если принять во вниманіе то, что мысль нашего народа до „освобожденія крестьянъ" не имѣла соприкосновенія съ обоснованною на научной почвѣ культурною прогрессирующею мыслію Европы, а шла своею, замкнутою отъ вліянія научнаго, дорогою, указанною ей еще съ доисторическаго времени языческимъ міровоззрѣніемъ, то эти народныя сказки—не есть что-то безпочвенное, совсѣмъ ужъ фантастическое глупое сплетеніе ни на чемъ не основанныхъ представленій, а указываетъ на живущее и до нашихъ временъ довольно стройное міровоззрѣніе нашихъ предковъ, полное пантеизма, которое и служитъ народу стихійному объясненіемъ многихъ непонятныхъ явленій и приближаетъ ихъ къ истинѣ путемъ мышленія, совсѣмъ непонятнаго для насъ. Къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ мы приходимъ путемъ научнаго изслѣдованія, стихійный народъ приходитъ своею дорогою, непонятною для насъ въ той-же мѣрѣ, какъ нашъ путь изслѣдованія не понятенъ для народа. Заговоривъ о разницѣ пріемовъ мышленія при познаніи однихъ и тѣхъ-же явленій у народа стихійнаго и у народа культурнаго, я отклонился въ сторону отъ сказочнаго міра, о которомъ началъ говорить.

Сказочный міръ, какъ мнѣ кажется, не есть чисто фантастическій міръ. Это міръ дѣйствительный, только отъ давности мхомъ поросшій, міръ жизни доисторическаго человѣка, совсѣмъ не похожій на современный міръ, наслѣдственно по преданію переходившій къ нашему времени. Сказка тотъ же памятникъ жизни доисторическаго человѣка, какъ и пѣсня, и коляда, и пещеры, и наконечники стрѣлъ, и курганы, и кости мамонта. Сказка—это народная исторія доисторической жизни человѣка.

Всѣ эти пещеры съ найденными при входѣ въ нихъ очагами; зола, уголь, разбитые черепки кувшиновъ, каменные наконечники стрѣлъ; какой-нибудь черепъ громаднаго животнаго, пограничные валы, именуемые у насъ „змѣиными валами", быть можетъ указывающіе на границы княжествъ удѣльнаго періода политической жизни южной Россіи; историческіе памятники феодальнаго періода мѣстной жизни—развалины зам-

ковъ съ подземными лехами-скарбницами феодаловъ и съ подземными ходами, каковыхъ два въ моемъ селѣ, длиною, сколько обнаружилось, около версты; богатство мѣстной почвы лѣсами, рѣчками и звѣремъ,—все это та реальная канва, на которой стихійный не культурный народъ южно-русскій ткалъ фантастическіе узоры своихъ сказокъ [1]). Всѣ эти Иваны дурачки и Иваны-Царевичи, сказочные герои, непремѣнно на лошадяхъ; иные изъ нихъ явно степнаго происхожденія, кочевики. Всѣ эти Иваны, вооруженные лучками съ стрѣлами, а князья Иваны еще и мечами, не ведутъ войны противъ несмѣтныхъ полчищъ врага, какъ ведетъ Бова Королевичъ и Еруслань Лазаревичъ и Гвидонъ Король, принесенные къ намъ съ запада средневѣковые рыцари, а вступаютъ въ единоборство съ вѣдьмой-ли, съ колдуномъ-волшебникомъ, или со змѣемъ; если-же попадется въ плѣнъ, то спасается заимствованной хитростію, то прячась въ лѣса, то пользуясь рѣкой:

— На̀ тоби оцего гребиньця, якъ стане тебе догоняты видьма, кинь гребиньця, то стане такій густый лисъ, що покы вона перегрызе его, то ты далеко утичешь, а якъ изновъ дожене, то махны хусткою и стане ричка, то поки вона прижене своихъ воливъ щобъ выпылы ричку, то далеко утичешь". Часто же героевъ спасаютъ ихъ кони.

— Охъ коню, мій коню! Пропала моя голова, тутъ мени смерть, жалуется всадникъ коню.

— „Не журысь, Иванъ Царевичъ. Лягай спаты. Це ще не бида, а отъ буде бида якъ... Лягай спаты, а якъ перши пивни заспиваютъ, сидай на мене, та добре держысь; я тебе вызволю изъ биды". Только кочевникъ-наѣздникъ могъ говорить съ лошадью, дѣлиться съ нею своими радостями и своимъ горемъ, и только лошадь кочеваго наѣздника могла понимать своего сѣдока и быть ему другомъ, совѣтникомъ и спасителемъ.

Выводимые на той же канвѣ зміи—это не пресмыкающіеся змѣи, а страшныя, большія животныя; часто же зміемъ назы-

---

[1]) См. „къ изученію народнаго міровоззрѣнія". Ст. Ѳ.Р. „Кіевская Старина" 1889 г. Февраль.

ваетъ сказка злого и хитраго волшебника, перекидывающагося красавцемъ, крадущаго царевенъ и держащаго ихъ въ своихъ „сяющихъ палацахъ". Что змѣями назывались большія животныя, видно уже изъ сказки позднѣйшаго происхожденія—періода христіанскаго, гдѣ змѣй, запряженный св. Кузьмою и Даміаномъ въ плугъ, выоралъ тотъ громадный валъ, который идетъ изъ Бѣлогородки подъ Кіевомъ, на Волынь и далѣе, и называется черезъ то змінымъ валомъ. Жилища этихъ змѣевъ сказка указываетъ въ „палацахъ" подземныхъ пещеръ, дремучихъ лѣсовъ и морскихъ безднъ. Борьба этихъ богатырей Ивановъ съ змѣями не есть ли отголосокъ изъ временъ борьбы первобытнаго человѣка въ нашемъ краю съ животными, выродившимися, исчезнувшими, какъ вырождается зубръ.

Я склоненъ думать, что въ сказкахъ героическихъ, прославляющихъ физическую силу и незамысловатую хитрость Ивановъ, всѣ эти Иваны и змѣи—дѣйствительныя лица, а борьба ихъ—дѣйствительный фактъ; на долю же народной фантазіи остались только шапки невидимки, да ковры самолеты, да скатерти самобранки, да придача двѣнадцати головъ змѣямъ - звѣрямъ. Не трудно отдѣлить правду изображаемой жизни отъ фантазіи. Не все въ сказкѣ ложь, хоть есть пословица: пѣсня быль, а сказка ложь. По тѣмъ сказкамъ, какія я слышалъ въ дѣтствѣ отъ дѣда Кирилла, бабы Марци и своей матери, теперь я вижу устныя указанія народа на періодъ жизни номадовъ нашей земли—борьбу физическую, борьбу человѣка съ окружавшими его звѣрями, вижу устныя указанія народа изъ періода исторической жизни, борьбу вѣрованій христіанскихъ съ языческими, вижу указанія народа на евреевъ, на складъ жизни панщинный, на характеръ поповъ (якъ попы все пшеничнаго хлиба требовалы, а Богъ зробывъ ихъ волами, та оддавъ бидному мужикови, щобъ винъ ными робывъ и годувавъ тилько ячною половою.

Но кругъ этихъ героическихъ сказокъ съ участіемъ миѳическихъ существъ, укрѣплявшихъ самосознаніе и жизнеохотность народа въ трудной и не всегда удачной борьбѣ его съ

стихіями, животными и чужими людьми, этотъ кругъ сказокъ указываетъ на плодъ духовнаго творчества народа, отдаленнаго отъ насъ многими вѣками; творчество же духа Южно-Русскаго народа историческаго, ближайшаго къ намъ по времени, избрало иныя стороны жизни народной своею темою.

Сложная, великая историческая жизнь, выпавшая на долю малороссовъ—многовѣковая борьба сначала междоусобная, затѣмъ съ чуждыми народностями за свободу совѣсти, за свободу личности и за свободу общественную—пріучила мысль южнорусса витать по преимуществу въ сферѣ человѣческихъ отношеній религіозныхъ, семейныхъ, общественныхъ и международныхъ. Въ этомъ періодѣ жизни человѣкъ производилъ на малоросса найбольшее впечатлѣніе, и потому все мышленіе его направилось на пониманіе людей, не отвлекаясь въ сторону природы, которая, не какъ мачиха, а какъ родная щедрая мать, сама, безъ особыхъ усилій человѣка, кормила его неисчерпаемымъ богатствомъ своего растительнаго и животнаго царства и одѣвала его; потому все мышленіе малоросса направлялось на пониманіе людей и на пониманіе самого себя и сдѣлало его сосредоточеннымъ, вдумчивымъ поэтомъ-меланхоликомъ и мыслителемъ, пессимистомъ по преимуществу. И какъ въ исторической жизни своей онъ долго, терпѣливо, съ тупой покорностію неся на своей шеѣ ярмо чужой воли надъ собою, порою не выдерживалъ, когда уже посягали на его душу, подымался духомъ до колоссальнаго, классическаго героизма въ битвахъ и до выработки высокаго государственнаго строя козацкой рады съ гетманомъ во главѣ; такъ и въ области своего духа меланхолической поэзіи и пессимистической мысли онъ иногда проявляетъ лучи такой жизнеохотности, жизнерадостности, что „ажъ лыхо сміеця“, подмываетъ на такіе танцы, що ажъ земля гнеця. „Веселои утны, старче, щобъ земля ломылась“.

Но я хочу говорить не о поэзіи малорусскаго народа, великой качественно и количественно, богатой содержаніемъ историческимъ, бытовымъ и любовнымъ, не о пѣсняхъ, носящихъ характеръ субъективный, глубоко сердечный, за сердце хватаю-

щій, хотя бы то была пѣсня и не сердечныхъ ощущеній любви, а пѣсня историческихъ событій,—моя рѣчь о сказкахъ малорусскихъ, поколику мнѣ извѣстны онѣ изъ разсказовъ дѣда Кирилла, бабы Марци и моей матери. Я говорю о сказкахъ, сказаніяхъ бытовыхъ и семейныхъ; онѣ выказываютъ и большую психологическую наблюдательность, и глубокій умъ, и историческимъ путемъ выработанную хитрость, и упорное, но основательное недовѣріе не только къ иноземцамъ и къ своимъ русскимъ не мужикамъ, но и къ своему брату сѣряку-мужику и даже къ родной своей семьѣ. Для примѣра приведу, хотя не дословно, первый пришедшій на память разсказъ дѣда Кирилла подъ названіемъ: „Съ паномъ не братайся, жинци правду не кажи и чужои дытыны за свою не беры“.

„Въ иднимъ сели живъ панъ, гуменнымъ въ него бувъ Иванъ. И Йванъ той, якъ собака, вирно панови служывъ и панъ его якъ брата дуже за те полюбывъ. Що вечера Иванъ до пана похожае, що вечера той панъ Ивана запытае: а цо мнѣ повешь Йване?

— Все есть добре пане!

— А ходзь же тутай Йване!

— Заразъ мій пане!

И чарка доброи горилки Иванови даеця, а иншій разъ и мирка пшеныци достаецця. Йде панъ той въ тепли краи за граныцю

— Патшай Йванку ци палацы и цю птыцю; птыцю сокола бильше всего доглядай и, якъ око въ лоби, его сберегай. Якъ доглядышъ въ акуратъ,—будешь мени ридній братъ, якъ же не доглядышь птыцю, то виддамъ тебе на шибеныцю.

— Ходзь же тутай, Йване, муй коханый ты брацишекъ; пій на здрувье пана доброй вудки хоть килишекъ“.

Дуже добрый панъ! Щаслывійшій ще Иванъ! Волы на обори, кони на припони, жинка господыня, грошей повна скрыня, панъ за брата его мае и громада величае. Идна лыха бида: дитей Иванъ не мавъ, за риднюю дытыну принявъ винъ сыротыну. Сыротына, якъ дытына, не своя жъ таки родына. Тяжко Йванъ и зъ жинкою сумуе, що не знать для кого винъ працюе.

Але чувъ винъ одъ людей, що хто хоче мать дитей, то повиненъ винъ для жинки роздобуть тіей печинки, що не зъ свыни й не зъ вола, а зъ ясного сокола. Зайшла думка у Ивана, що и сокилъ есть у пана; тильки страшна шибеныця, якъ спытае панъ: де птыця. Чи вже выгравъ, чи програвъ; а дось того птыцю вкравъ. Отъ и каже винъ жони, що казалы на сели: щобъ родыть дытынку, зъисты тра печинку, печень не курину, але й не качыну, не зъ свыни и не зъ вола, а зъ ясного сокола.

Жинка стишылась, зрадила, до Ивана приступыла:—хоть и зъ паньского двора, а достань ты сокола. Чоловиченьку жъ мій, Иваночку ты жъ мій! Ой, якъ я зъимъ ту печинку, то рожу тоби дытынку!

— „Богъ зъ тобою! каже Йванъ, добре жъ знаешь ты, що панъ та за ту погану птыцю скаже йты на шибеныцю“.

— „Ой! ой! Боже жъ мій! Ой ой! Йване мій! Що жъ мени робыты? Що жь мени чиныты! Чи тебе вже поховаты? Чи дожидаты? Ой, до свита жъ я умру, якъ печинки не дожду“.

Жинка бигае та плаче, руки ломыть, ажъ трищать. Покрутывъ Йванъ головою, поговорывъ самъ съ собою, выйшовъ съ хаты до двора, та й прыносыть сокола.

— „Передъ Богомъ поклянысь и Хрестомъ заприсягнысь, що не скажешь ты сосидци, не признаешься и титци, що для тебе сокола вкравъ я зъ паньского двора“. Забожилась, присягала, хрестъ и землю цилувала, що не скаже никому, хоть бы й батьку ридному.

Йванъ заризавъ сокола, пирья й мясо поховавъ, а идну тилько печинку показавъ и вкинувъ въ рынку. Жинка тишытьця—радіе, що печинка въ рынци пріе; а ще лучше израдила, якъ печинку тую зъила; веселылась, реготила; взяла видра и побигла; ще не дойшла до воды, опынылася въ кумы.

— Кумо жъ моя, кумо мыла!

Яка жъ я теперъ счаслыва!

— То росказуй же скорій!

— Ни, не можно, ни, ни, ни! Землю ила й прысягала. Це я такъ соби сбрехала. На дытыну задывылась, та й оце

проговорилась. Я теперь прыйша по дилу: взяты въ тебе глыну билу; хату треба побилыты.

— На що то хвостомъ крутыты? Та прызнайся. Побожусь, що никому не скажу.

— Ты жъ не будь цикава. То я такъ сказала, абы трохи пошутыть та тебе вже пиддурыть.

— Отъ не вирышь ты мени! Приглянусь же я тоби...

— Виру, виру. Я зрадила, що печинку чудну зъила. Зъила печень соколыну, то рожу соби дытыну. Сокола жъ Иванъ въ свого пана вкравъ. Охъ! на що жъ це я сказала?! Голова жъ моя пропала! Охъ, боюся, щобъ нашъ панъ головы не стявъ Ивану. Кумо жъ сердце, ты жъ мовчы, та никому не кажи".

А сама вже засмутылась, та й за видра ухватылась.

Ще й пивъ ночи не настало, якъ село все уже знало, що Йванъ сокола укравъ и печинку жинци давъ. Скоро й панъ той прыизжае и Ивана вже пытае:

— А цо Йване, муй коханый?

— Не все добре, ясный пане!

— Цо жъ такего, муй брацишку?

— Не встеригъ я паньску птычку!

— Цо ты мувишь Йване? Цо ты, быдло! цо ты, хаме? Таку птыцю! Таку птыцю!? Шибеницу! Шибеницу! Бежьце его, быдло таке! Нехъ же виси якъ собака!"

Йванъ до паньскихъ нигъ припавъ, ноги слизьми обильявъ.

— Тилько на идну хвылыну пустить, пане, у хатыну попрощатысь, помолытысь, добромъ семью подилыты. Прыбигае Йванъ до хаты. Сынъ нахмурывсь; жинка плаче. Одчинывъ Йванъ скрыньку, та доставъ торбынку, а съ торбынки грошы на три купки ложыть.

— „Перша купка тоби, жинко, друга купка тоби, сынку, третью купку той визьме, хто повисыть вже мене". Якъ подилывъ мидни, взявъ золоти й срибни; на три купки роскладае и такъ само промовляе:

— „Оця купка тоби жинко; оця купка тоби сынку, а цю купку той визьме, хто повисыть вже мене".

— Тату, якъ мае якыйсь чортъ чужій ци гроши забрать та васъ повисыть, то лучче я ци гроши заберу, та васъ повишу.

Затряслося въ грудяхъ, занимивъ языкъ, опустылись руки, головою Йванъ поныкъ. Дали Йванъ повивъ очами, згрибъ винъ гроши ти руками, позгортавъ въ торбынку, та й замкнувъ у скрыньку. Шапкой голову накрывъ, въ руки взявъ винъ палыцю, щось пидъ полу ще вхопывъ, та й пишовъ до палацу.

— „Геть пся вяро, хаме; кричыть панъ: На шибеныцю"!

— „Почикайте, пане. Ось принисъ я паньску птыцю". Роскрывае Йванъ полы, выпускае сокола, падае винъ пану въ ноги и такъ ему промовля:

— Выбачайте, пане, що я такъ удавъ; бо панъ мене — Йвана своимъ братомъ звавъ. Я жъ не вирывъ въ паньску ласку, тилько пана вывирявъ. За чортъ знай якую пташку вишать мене панъ сказавъ! Правду каже казка щыру, а я виры першъ не ннявъ; а теперъ я крипко виру, бо на шкури своій це дознавъ.

— А казка тая отъ що каже:

„Съ паномъ не братайся,
Живци правды не кажи,
И чужои дытыны
За свою не бери".

Подобно этой сказкѣ, разсказывалъ дѣдъ Кирилло и много другихъ сказокъ, изображающихъ различныя проявленія народной жизни и характеризующихъ взглядъ и отношеніе народа къ ненормальнымъ явленіямъ своей жизни. Припоминаю сказки дѣда въ томъ-же духѣ о панѣ, и о злодіяхъ. Панъ велѣлъ гуменнаго, обкрадывавшаго его, — пана, и разбогатѣвшаго, обнажить и нагого привязать къ дереву въ лѣсу на съѣденіе мухамъ: нехай съ тебе такъ пьють кровь, якъ ты мене ссавъ — мое добро кравъ. На другой день полюбопытствовалъ панъ посмотрѣть на муки гуменнаго и, когда увидѣлъ, что мухи, комары и оводы совсѣмъ покрыли его и сосутъ кровь, которая струйками сочится, по естественному чувству сострадапія къ страждущему и мести къ кровопійцамъ мухамъ бросился прогонять мухъ, но Иванъ съ чувствомъ ужаса закричалъ:

— „Ой паночку! не зганяйте зъ мене цихъ мухъ, воны уже напылысь крови и не кусають, бо якъ цихъ проженете, а нови голодни налетять, то остатню кровь зъ мене выссуть".

Въ словахъ Ивана панъ нашелъ для себя практическое наставленіе, что новый гуменный, поставленный на мѣсто Ивана, бѣдный, еще не нажившійся, подобно голоднымъ мухамъ, набросится красть остальное его имущество и можетъ разорить его, а Иванъ уже нажился съ его добра, насытился и, будучи неголоднымъ, перестанетъ красть. И велѣлъ онъ развязать Ивана и опять поставилъ его гуменнымъ.

Въ сказкѣ о злодіяхъ—ворахъ разсказывается, какъ три вора Кононъ, Опанасъ и Явдокимъ потерпѣли полную неудачу въ своемъ воровскомъ предпріятіи и поставлены были въ траги-комическое положеніе хитрымъ хозяиномъ, у котораго они въ теченіе одной ночи три раза крали одно и тоже сало въ мѣшкѣ съ чердака, изъ коморы и изъ хаты, и каждый разъ, вмѣсто того, чтобы передать одинъ другому, передавали хитрому хозяину, который прикидывался то Конономъ, то Опанасомъ, то Явдокимомъ и перепрятывалъ сало. Въ концѣ концовъ послѣ взаимной драки воровъ другъ съ другомъ, хозяинъ зазвалъ ихъ въ хату, „выдурнявъ ихъ добре" и угостилъ саломъ и водкою.

Сказки до того охотно и внимательно слушаются, что переходятъ изъ устъ въ уста дословно, буквально,—и это потому, что только въ сказкѣ, а не въ дѣйствительной жизни простой человѣкъ удовлетворяется, видя, что зло всегда побѣждается добромъ, или же само себя наказуетъ, какъ видно въ сказкѣ: „Злодійській учитель и учень".

„Мале, хиле и дурне хлопья-учень", при первомъ же урокѣ въ воровствѣ—кражѣ бычка у сосѣда, обманываетъ своего учителя вора, выкрадываетъ у него бычка, заманиваетъ учителя въ рѣчку по самую шею и крадетъ у него одежду и все бѣлье до рубашки, оставляетъ своего учителя въ водѣ и такъ благодаритъ за науку.

Въ подобныя же отношенія учителя къ ученику другая сказка ставитъ учителя лѣни къ принятому имъ въ науку лѣ-

ниться хлопцу. Лежатъ учитель и ученикъ на печкѣ среди дня, но учителю и спать не хочется, и встать лѣнь, хотя и нужно пойти на село.

— „А пиды но, хлопче, на двиръ, та подывыся, чи йде дощъ, чи нейде“?

— Ученикъ, не сходя съ печки, зоветъ собаку въ хату со двора и, подозвавъ къ себѣ поближе, погладилъ ея шерсть, которая оказалась мокра.

— „Иде невелычкій дощъ, бо собака трохи мокра“—отвѣтилъ ученикъ учителю.

— „Э! Якъ ты вже такій линывый, та хитрый, то вже не треба тоби учытыся у мене. Ты ще линывійшій видъ мене. Иды соби геть! А то ще ты мене зъ учительского хлиба ссадышь“.

Кромѣ сказокъ-былей, которымъ дѣдъ Кирилло Середа и счета не зналъ, разсказывалъ онъ намъ и небылицы, въ которыхъ самъ разсказчикъ и есть главное дѣйствующее лицо. Я помню ихъ только три: одна о томъ, какъ разсказчикъ, будучи еще малымъ хлопьямъ, служилъ у дядька небожчика, у котораго свынья съ гарбузивъ высыдила дванадцать воливъ якъ соколивъ; другая о томъ „якъ дядько съ дядыною посадылы въ хати горохъ, выросшій до потолка; пробралы потолокъ и крышу, а горохъ вырисъ ажъ на небо, куда разсказчикъ по стеблю гороха и вылѣзъ; третья—„полюванье“ на восковой лошади за зайцами. Слушая эти небылицы, мы дѣти заливались неудержимымъ смѣхомъ, хохотали до слезъ. И было отчего. Небылицы полны самаго смѣшнаго и часто нелѣпаго соединенія возможнаго съ невозможнымъ, полны совмѣщенія въ одно самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, гдѣ серьезное соединено съ глупымъ, святое съ пустячнымъ, плачевное съ смѣшнымъ, возможное съ невозможнымъ, но юморъ главнымъ образомъ заключается въ высокомъ слогѣ и солидномъ тонѣ, которымъ разсказываются самыя глупыя и уморительныя сопоставленія, при чемъ разсказчикъ ни однимъ мускуломъ не улыбнется, какъ будто истину вѣщаетъ, не смотря на то, что всѣ слушающіе бока надрываютъ отъ смѣха. Я не берусь передать содержаніе этихъ не-

былицъ уже потому, что давно, лѣтъ 30, какъ слыхалъ ихъ, а главнымъ образомъ—потому, что въ моемъ разсказѣ утратится вся соль народнаго юмора, и наконецъ—я думаю, что они уже помѣщены въ печати вмѣстѣ съ народными сказками.

Сказки, которыя я слышалъ отъ дѣда Кирилла въ моемъ дѣтствѣ, живутъ и по днесь въ народѣ, потому что, кромѣ заполненія досужаго времени въ длинные зимніе вечера, сказки имѣютъ то значеніе для народа, что онъ, въ дѣйствительной жизни видѣвшій только одно попраніе правды, безсиліе добра и ликованіе зла, хоть въ сказкѣ отдыхалъ душею, ободрялся, слушая, какъ взявшіе себѣ монополію разумности одурачиваются тѣмъ, кого даже не признавали человѣкомъ, а считали рабочимъ быдломъ, одурачиваются тѣмъ, чей умъ не признавался, а признавались только руки и ноги, ободрялся душею, видя, хотя въ сказкѣ, что правда торжествуетъ надъ неправдою, что зло побѣждается добромъ или же само себя зло наказуетъ.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи малорусской исторіографіи и малорусскаго общественнаго строя[1]).

(Замѣтки по поводу статей В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи" въ „Русск. Богатствѣ" 1894 г. № 2, 3 и 4).

II.

Характеръ извѣстнаго общества и исторія развитія его зависятъ, въ значительной степени, отъ тѣхъ условій, среди которыхъ возникло данное общество и среди которыхъ проходили первые годы его существованія.

Исторія знаетъ нѣсколько способовъ возникновенія человѣческихъ обществъ. Одни изъ нихъ возникаютъ путемъ естественнаго роста, когда изъ ячейки—будь-то семья или родъ—заложенной въ отдаленное время, развивается постепенно общество съ его этическими и правовыми нормами, съ его извѣстнымъ экономическимъ и политическимъ строемъ, выработавшимся сообразно съ тѣми условіями, при которыхъ жило и развивалось данное общество. Въ этомъ случаѣ общественный строй развивается и вырабатывается по мѣрѣ дифференціаціи общественныхъ отношеній. Сначала регулируются самыя простыя отношенія и для нихъ вырабатываются самыя простыя правовыя нормы; затѣмъ, по мѣрѣ усложненія общественнаго строя и отношеній, нормы эти, въ свою очередь, дифференцируются и вырабатываются новыя, сообразно съ требованіями времени.

[1]) См. „Кiев. Стар." 1894 г., № 11.

Такое развитіе общественныхъ отношеній, представляя изъ себя одну непрерывную цѣпь, является, обыкновенно, слѣдствіемъ долгаго историческаго процесса. Для этого, вѣдь, требуется, чтобы люди сознали необходимость обуздать свой индивидуализмъ, такой сильный на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, сложились въ общество, выработали и признали извѣстныя правовыя нормы, регулировали свои отношенія и т. д.

Гораздо легче образуется общество и получаетъ извѣстный характеръ подъ вліяніемъ завоеванія одного народа другимъ, у котораго сложился уже свой правовой порядокъ. Въ подобномъ случаѣ завоеваннымъ, какъ болѣе слабой части, приходится, обыкновенно, примкнуть къ завоевателямъ, принаровиться къ ихъ общественному строю, который потомъ, съ теченіемъ времени, входитъ въ плоть и кровь всей завоеванной націи и служитъ основой для развитія ея общественныхъ отношеній наряду съ завоевателями.

Есть еще способъ образованія отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, особенно распространенный въ настоящее время. Это способъ обособленія частей отъ цѣлаго или даже отдѣленія ихъ. Обособились и обособляются, напр., части Австро-Венгерской имперіи и получаютъ извѣстныя, болѣе или менѣе благопріятныя условія для развитія ихъ самобытности; отдѣлились американскія колоніи отъ своихъ европейскихъ метрополій. Характерную особенность этихъ обособленій и отдѣленій составляетъ то, что общественный строй стараго общества становится исходнымъ пунктомъ для новаго, реформируясь только сообразно съ его запросами и сообразно съ той идеей, во имя которой это отдѣленіе или обособленіе послѣдовало. Вслѣдствіе этого и самый процессъ образованія новыхъ обществъ не сопровождается какимъ-нибудь кореннымъ переворотомъ, носитъ характеръ постепенности, не нарушая рѣзко существовавшихъ общественныхъ отношеній. Въ этомъ, въ значительной степени, лежитъ и залогъ дальнѣйшаго существованія новаго общества и предохраненіе его отъ погибели на первыхъ же порахъ его отдѣльнаго существованія, когда особенно трудно бываетъ регулировать общественныя отношенія.

Если мы обратимся теперь къ условіямъ образованія малорусскаго общества во второй половинѣ XVII вѣка, то увидимъ, что они во многомъ отличаются отъ указанныхъ выше. По внѣшнему виду, они, правда, какъ будто напоминаютъ собой условія образованія новѣйшихъ обществъ. Малороссія отдѣлилась отъ Польши и соединилась съ Россіей, обусловивъ себѣ, какъ мы ужъ говорили выше, право свободнаго существованія и полную независимость своего общественнаго строя отъ притязаній и вліяній Москвы. Но этого было мало. Существенную разницу въ условіяхъ образованія малорусскаго и современныхъ обществъ составляло то, что старый польскій строй, при которомъ жила Малороссія и который регулировалъ прежде ея отношенія, не легъ, да и не могъ лечь, хотя бы въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ основу вновь нарождающагося малорусскаго общества.

Причины этого вполнѣ понятны.

Характерную особенность государственнаго строя Рѣчи Посполитой составляла сословность, которая лежала въ его основѣ. Все польское общество распадалось на цѣлый рядъ группъ, права которыхъ были не только не одинаковы по отношенію къ государству и другъ другу, но часто права одной группы, одного сословія исключали права другаго. Въ то время какъ шляхетство и католическое духовенство пользовались полными правами гражданства, личность ихъ была обезпечена, имущество тоже, они принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ, судѣ, управленіи,—личность крестьянина была окончательно уничтожена; онъ былъ всецѣло отданъ въ руки владѣльцевъ, лишенъ гражданскихъ правъ, владѣнія имуществомъ, права пользоваться государственнымъ судомъ и пр. Объ участіи крестьянства въ администраціи и судѣ въ серьезномъ смыслѣ и говорить нечего. Въ лучшемъ положеніи были города, которые пользовались магдебургскимъ правомъ, имѣли свое самоуправленіе, судъ и жили отдѣльною, болѣе или менѣе независимою жизнью.

Кромѣ сословности, въ государственномъ строѣ Рѣчи Посполитой не маловажную роль играла и религіозная нетерпи-

мость. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми печальными явленіями, которыми всегда сопровождались соревнованіе и борьба двухъ христіанскихъ исповѣданій—католичества и православія. Послѣ того какъ Литва соединилась съ Польшей и стала вполнѣ естественнымъ путемъ подчиняться высшей культурѣ польской, начало одерживать верхъ и католичество, какъ религія націи съ высшей культурой, надъ православіемъ, бывшимъ религіей литовцевъ, народности, стоявшей, несомнѣнно, на низшей степени развитія сравнительно съ поляками. Сначала вытѣсненіе православія католичествомъ совершалось вполнѣ мирнымъ путемъ, путемъ культурнаго, такъ сказать, воздѣйствія, пока въ политику польскаго государства не вошла печальная струя произвести нравственное насиліе надъ народностями, входившими въ составъ Польши, полонизировать ихъ. Полонизація эта понималась, между прочимъ и въ смыслѣ обращенія въ католичество [1]). Добровольно это не могло совершиться. У человѣка есть двѣ вещи, безразличныя для общества, но слишкомъ дорогія для отдѣльной личности, съ которыми онъ нелегко разстается, а если и разстается, то это происходитъ съ кореннымъ нравственнымъ переворотомъ, если не съ нравственнымъ паденіемъ личности.—Это родной языкъ и затѣмъ вѣра отцовъ. И то, и другое всасываетъ человѣкъ, такъ сказать, съ молокомъ матери; на почвѣ того и другого раждаются у человѣка нравственныя и общественныя понятія и инстинкты. Родной языкъ связываетъ человѣка съ другими людьми; заставляетъ чувствовать себя солидарнымъ съ ними, вырабатываетъ патріотизмъ, какъ любовь къ родинѣ, а отсюда, конечно, вырабатывается и особое понятіе о родинѣ, членомъ которой человѣкъ себя чувствуетъ и служить которой онъ признаетъ себя обязаннымъ. Такое же значеніе

[1]) Факты, относящіеся къ этимъ событіямъ см. у *Кояловича* „Литовская унія или послѣднее соединеніе литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г.; *его же* Литовская церковная унія; *его же* Чтенія по исторіи Западной Россіи. 1884 г. *Костомаровъ* Историческія монографіи т. III. *Макушевъ* Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ въ XVI вѣкѣ. *А. Архангельскій* Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе южной Руси къ концѣ XVI вѣка въ „Кіевск. Стар.“ 1886 г. май.

имѣетъ и религія отцовъ. Она также связываетъ людей между собою, предыдущее поколѣніе съ послѣдующимъ, она создаетъ общій нравственный кодексъ. Какъ философская система, религія даетъ удовлетвореніе умственнымъ запросамъ отдѣльныхъ вѣрующихъ поколѣній, по своему обобщая и объясняя тѣ міровыя и жизненныя явленія, которыя хочетъ знать и свести вмѣстѣ, обобщить и объяснить пытливый, но все еще младенческій умъ человѣка. Вотъ почему такъ дорогъ бываетъ родной языкъ и вѣра отцовъ; вотъ почему такъ крѣпко отстаиваютъ ихъ люди. Не простое упорство играетъ здѣсь роль. Напротивъ, вопросъ здѣсь идетъ о нравственной личности отдѣльнаго человѣка, затѣмъ людей, націи. Станетъ понятнымъ теперь, почему на этой почвѣ такъ долго и такъ упорно велась борьба малорусскаго народа съ поляками, борьба, окончившаяся присоединеніемъ Малороссіи къ единовѣрной Россіи.

Брестская религіозная унія 1596 года рѣшительнымъ образомъ измѣнила положеніе православія и православныхъ въ Польшѣ, такъ какъ она являлась актомъ не только религіознымъ, но de facto и политическимъ. Если до сихъ поръ православіе оффиціально терпѣлось, то причина этого лежала въ томъ, что права православныхъ были ограждены постановленіями люблинской политической уніи, по которой Польша навѣки соединилась съ Литвой, подтвердивъ послѣдней всѣ права и привилегіи, дарованныя ей когда-нибудь отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, между прочимъ, и права языка, вѣры и проч. [1]). Постановленія люблинскаго сейма впослѣдствіи не разъ подтверждались и служили, такимъ образомъ, своего рода конституціей, на которую всегда могли опираться представители русской народности, вошедшей вмѣстѣ съ Литвой въ составъ Польши. Русскій народъ исповѣдывалъ православную вѣру, и, такимъ образомъ, вѣра эта пользовалась всѣми правами въ Польшѣ наряду съ католической. Брестская унія юридически не отмѣнила люблинскихъ постановленій. По виду,

---

[1]) Volumina legum т. II, стр. 84—87 и 92 § 2. О люблинской уніи см. выше названныя сочиненія *Кояловича* и *Н. И. Костомарова*.

она являлась только актомъ религіознымъ: православные съ католиками соединились путемъ компромисса, уступки въ отдѣльныхъ, преимущественно, обрядовыхъ, частностяхъ ихъ вѣроученій. Но изъ этого вытекали важныя политическія послѣдствія. Брестская унія была, вѣдь, заключена отъ лица всѣхъ русскихъ, православныхъ, подписана высшими и вполнѣ законными представителями западно-русской православной церкви, митрополитомъ, архіепископами, епископами и др.; акту былъ приданъ характеръ заключеннаго по желанію всѣхъ или большинства лицъ православнаго вѣроисповѣданія, слѣдовательно, характеръ вполнѣ добровольнаго акта. Вмѣстѣ съ объявленіемъ уніи раздались, правда, протесты, доказывали подложность ея; но юридически брестскій актъ опровергнутъ никогда не былъ (по какимъ причинамъ—для насъ безразлично), продолжалъ существовать столѣтія и далеко пережилъ самую Рѣчь Посполитую. При такомъ характерѣ уніи, православіе, какъ оффиціально признанная религія, должно было исчезнуть. Съ точки зрѣнія государства, основанной на актѣ 1596 года, православные являлись исключеніями, еретиками, упорствовавшими въ своихъ предразсудкахъ и старыхъ вѣрованіяхъ, протестовавшими противъ вѣрованія, признаннаго оффиціально, словомъ, являлись тѣмъ, чѣмъ являются, напримѣръ, русскіе старовѣры и сектанты по отношенію къ православію и русскому государству. Въ ту пору, когда государство считало своимъ правомъ или даже обязанностію брать на себя опеку надъ человѣческою совѣстью, нечего было и думать о какой-нибудь религіозной терпимости или о гражданской равноправности лицъ, исповѣдывающихъ разныя религіи. Для того, чтобы пользоваться гражданскими правами даннаго государства, необходимо было вѣровать такъ, какъ хочетъ это государство. Немудрено, поэтому, что православіе со времени брестскаго собора является, въ сущности, религіей безправной и къ тому же гонимой [1]).

[1]) О Брестской религіозной уніи существуетъ въ настоящее время большая литература. См. *Н. И. Костомаровъ* Монографіи т. III. *Кояловичъ* Литовская церковная унія. *Преосв. Макарій* Исторія русской церкви т. IX. *Иванишевъ* Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевск. центральн. архива въ Рус. Бесѣдѣ 1858 г. № 4. *Соловьевъ* Исторія Россіи т. X и др.

Мы ужъ выше говорили, что права православныхъ въ Польшѣ и ихъ гражданское равенство съ католиками было основано на постановленіяхъ люблинскаго сейма, актъ котораго, утверждая Литвѣ и Руси всѣ права и привилегіи, обѣщалъ никогда ихъ не нарушать. Фактическое положеніе дѣлъ послѣ брестской уніи являлось, повидимому, нарушеніемъ люблинскихъ постановленій и обѣщаній; но юридическаго нарушенія, въ сущности, здѣсь не было. Если въ актѣ 1569 года говорится о людяхъ Римскаго и Греческаго закона, при чемъ подъ послѣдними разумѣются, конечно, православные, то въ 1596 году эти православные, по оффиціальному акту, имѣвшему законную силу, добровольно перешли въ унію и, такимъ образомъ, для польскаго государства православіе, какъ оффиціальная религія перестала существовать, хотя люблинскія постановленія и сохраняли свою силу, только въ нихъ подъ именемъ людей греческаго закона разумѣлись уже не православные, а уніаты.

Съ этого-то времени начинается новый моментъ въ жизни малорусскаго народа—его трагическая борьба съ польскимъ государствомъ. Въ основѣ этой борьбы лежало три мотива, національно-политическій, религіозный и экономическій. Мотивы эти дѣйствовали вмѣстѣ и были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Мы ужъ выше упоминали, что православіе, какъ религія націи съ низшей культурой, стало вполнѣ естественнымъ путемъ уступать мѣсто католичеству, а такъ какъ культурное вліяніе Польши, вслѣдствіе цѣлаго ряда экономическихъ и политическихъ причинъ, должно было отразиться на высшихъ, болѣе матеріально обезпеченныхъ, а потому и болѣе культурныхъ классахъ, то, понятно, почему католичество пустило свои корни среди русскаго вельможества и шляхетства. Однихъ здѣсь привлекали, можетъ быть, и выгоды, но такъ какъ послѣднія до введенія брестской уніи не могли быть значительны, то мы имѣемъ полное право предполагать, что у большинства русскихъ шляхтичей не было нравственнаго компромисса, а вполнѣ естественное подчиненіе религіи народа съ большей культурой. Какъ бы тамъ ни было, а много шляхтичей перешло въ католичество еще до заключенія уніи, много перешло затѣмъ при этомъ за-

ключеніи. Правда, не мало оставалось ихъ и послѣ 1596 года, и между ними такія личности, какъ Константинъ Острожскій, которые изъ-за разныхъ причинъ. боролись за православныхъ и православную вѣру [1]); но, въ сущности, это были остатки православнаго русскаго шляхетства, могущаго представлять какую-нибудь политическую силу. Уже на Константинѣ Острожскомъ видно вліяніе католичества, а потомство его прямо оставляетъ вѣру предковъ.

При такомъ ходѣ дѣлъ, между русскимъ шляхетствомъ и народомъ не только терялась всякая связь, но вырабатывались прямо таки враждебныя отношенія. Въ то время, какъ народъ оставался вѣрнымъ старой отцовской вѣрѣ,—шляхетство забывало ее, забывало и родной языкъ, связывавшій его съ народомъ; проникалось затѣмъ тѣми взглядами религіозной нетерпимости, которые господствовали въ Польшѣ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ іезуитовъ и которые отражались, естественно, на внутренней политикѣ польскаго государства. Православная вѣра подвергалась гоненію, и роль этихъ гонителей выпала, между прочимъ, и на долю ополяченныхъ русскихъ шляхтичей, сдѣлавшихся вѣрнымъ орудіемъ іезуитовъ. Гонимыми были лица, исповѣдывавшія православную вѣру, а такъ какъ послѣдними были почти исключительно русскіе, и при томъ лица, преимущественно, крестьянскаго или мѣщанскаго сословія, то православная вѣра получаетъ обидную кличку вѣры хлопской, т. е. исповѣдуемой хлопами, крестьянами. Съ этой поры понятія православный и русскій совпадаютъ, и, такимъ образомъ, на почвѣ религіозной возникаетъ вопросъ національный. Стремясь улучшить положеніе православныхъ въ Польшѣ, стремятся въ тоже время улучшить и положеніе русской національности.

Какъ всегда, такъ и здѣсь, культурныя, національно-религіозныя теченія выросли на почвѣ экономической. Большинство

---

[1]) Объ этомъ у *Н. И. Костомарова* Историч. монографіи т. III, у *Кояловича* Литовская унія и Литовская церковная унія; *Преосв. Макарій* Исторія русской церкви т. X. *Иванишевъ* Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Арх. юго-зап. Росс. т. I, ч. III; О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи Арх. юго-зап. Росс. т. I, ч. IV (Предисловіе М. Юзефовича, статья проф. В. Б. Антоновича).

русскаго народа, жившаго въ деревняхъ, было въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Безумная роскошь польскаго вельможества и шляхетства, такъ характерная для польскаго общества тогдашняго и послѣдующаго времени, требовала громадныхъ средствъ, а средства эти добывались изъ имѣній, воздѣлываемыхъ руками крѣпостнаго населенія. Немудрено, что подати и повинности крестьянства росли непомѣрно, при чемъ при взысканіи ихъ не обращалось ни на что вниманія: ни на бѣдность жителей, ни на особыя условія того или другого года и пр. Такъ всегда бываетъ въ обществѣ, гдѣ сильны эгоистическія и индивидуалистическія стремленія, гдѣ слаба общественность, гдѣ личность, въ видѣ ли отдѣльнаго человѣка или цѣлаго сословія, не привыкла подчинять свои интересы интересамъ общественнымъ. Экономическая зависимость малорусскаго крестьянства отъ ополяченныхъ шляхтичей получала тѣмъ болѣе острый характеръ, что личность крестьянина ничѣмъ не была гарантирована отъ произвола помѣщика. Послѣдній могъ по своему желанію увеличивать размѣръ податей, онъ судилъ крестьянъ, наказывалъ ихъ, имѣлъ надъ ними даже фактически право жизни и смерти, такъ какъ крестьянину, при томъ могуществѣ и свободѣ, которою пользовалось шляхетство въ Польшѣ, негдѣ было искать управы [1]). Отъ помѣщика же зависѣлъ крестьянинъ и въ дѣлѣ религіи. Унія, правда, не скоро, да и не сильно распространилась среди малорусскаго крестьянства. Большинство его такъ и осталось при православіи. Но это только увеличивало тяжесть положенія малорусскаго народа. Помѣщики съ ревностью неофитовъ, подстрекаемые нерѣдко іезуитами, относились презрительно къ хлопской вѣрѣ и хлопскому православному духовенству, позволяя надъ нимъ всевозможныя насилія и издѣвательства и дѣлая изъ права исповѣдывать православную вѣру источникъ для своихъ матеріальныхъ выгодъ, отдавая цер-

---

[1]) *И. Новицкій.* Очеркъ исторіи крестьянства въ юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ. Кіевъ. 1876 г., предисловіе къ 6 части I тома Архива юго-западн. Россіи, заключающаго въ себѣ акты объ экономич. и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ юго-зап. Россіи.

кви въ аренду, взымая подати за право служенія въ нихъ и проч. [1]).

Все это, понятное дѣло, должно было ожесточать народъ, вело къ цѣлому ряду возстаній противъ польскаго государства, возстаній, которыми характеризуется конецъ XVI и первая половина XVII вѣка [2]). Предводителями этихъ возстаній были козаки, жившіе въ польскихъ пограничныхъ областяхъ. Кадры козаковъ составлялись и постоянно пополнялись бѣглыми малороссійскими крестьянами, которые, бросая своихъ помѣщиковъ, старались избавиться отъ крѣпостнаго права. Каждое новое возстаніе козаковъ вызывало новое массовое бѣгство закрѣпощеннаго малорусскаго люда. Въ этихъ возстаніяхъ всегда соединялось два элемента, которые придавали имъ опредѣленный характеръ. Это было желаніе защитить свою вѣру и улучшить свое положеніе; а такъ какъ съ понятіемъ *православный* тѣмъ самымъ соединялось понятіе *русскій*, то всѣ козацкія возстанія окрашены ярко національнымъ характеромъ. Религіозно-экономическое движеніе обращалось въ національное, малорусская національность защищала себя отъ національности польской, требовала уравненія съ нею, требовала права засѣдать православнымъ на ряду съ католиками въ сеймѣ Рѣчи-Посполитой. Здѣсь козацкія движенія получали политическій характеръ.

---

[1]) См. названныя выше труды Н. И Костомарова, Кояловича, преосв. Макарія. С. М. Соловьева, И. Н. Новицкаго, а также Архивъ юго-западной Россіи ч. I. т. VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648 г.). Статьи О. И. Левицкаго въ Кіевск. Стар. 1882, 1883, 1884, 1889 и 1891 годовъ.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи: ч. III т. I: Акты о козакахъ (1500—1648). Статья къ нимъ написана проф. В. Б. Антоновичемъ. *С. М. Соловьевъ.* „Очерки исторіи Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи" въ „Отеч. Зап. 1848 г. № 11 и 12 и 1849 г. № 2; *его-же* „Исторія Россіи" т. X. *Н. И. Костомаровъ* „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей" т. I и II: біографіи князя К. К. Острожскаго, Петра Могилы и Богдана Хмельницкаго. *Его-же* „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею" въ первой половинѣ XVII в. до Богдана Хмельницкаго въ „Отеч. Зап." 1856 г. № 9; *его-же* „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго" Отеч. Зап." 1870 г. № 1 и 2, *его-же* „Богданъ Хмельницкій" т. I. „Историч. монограф." т. IX, X, XI. *А. Я. Ефименко.* „Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками" „Слово" 1879 г. № 9 и 11.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на частностяхъ козацкихъ движеній. Для нашей цѣли важно отмѣтить только національный характеръ ихъ, а затѣмъ то обстоятельство, что движеніе строилось въ концѣ концовъ на экономической подкладкѣ и исходило изъ тѣхъ слоевъ народа, которымъ не было мѣста въ аристократическомъ государственномъ строѣ Рѣчи-Посполитой. Послѣдняя, какъ извѣстно, отвергла всякіе компромиссы, и малорусскій народъ соединился съ Россіей. Вотъ тутъ-то, при организаціи малорусскаго общественнаго строя, на первыхъ порахъ, при новыхъ условіяхъ, и оказали могущественное вліяніе характеръ, направленіе и результаты борьбы малорусскаго народа съ поляками. Съ этой то цѣлью мы и позволили себѣ коснуться ихъ, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Изъ всего вышесказаннаго, думается намъ, будетъ понятно, почему польскій общественный строй не могъ лечь въ основу вновь нарождавшагося малорусскаго общества. Послѣднее составляли, главнымъ образомъ, представители того класса, которому не было мѣста въ государственномъ строѣ Рѣчи-Посполитой—крѣпостные, или же козаки, права которыхъ юридически никогда не были строго опредѣлены, а если и опредѣлялись, то это происходило въ исключительныхъ условіяхъ и имѣло силу до тѣхъ поръ, пока, въ сущности, существовали эти исключительныя условія, представлявшія опасность Рѣчи-Посполитой, въ видѣ ли нашествія татаръ, возстанія козаковъ или побѣдъ послѣднихъ надъ войсками польскаго королевства [1]). Малорусскій народъ всегда привыкъ чувствовать въ польскомъ строѣ своего врага, сдавливавшаго его личность съ цѣлью ополяченія, лишавшаго его не только политическихъ, но простыхъ гражданскихъ правъ, дѣлавшаго насилія надъ его совѣстью, принуждая принять то религіозное исповѣданіе, которое являлось измѣною отцовской вѣрѣ. Малорусскій народъ, отстаивая свою самобытность и стремясь къ улучшенію своего положенія,

[1]) *В. Б. Антоновичъ.* Предисловіе къ III ч. I т Арх. Юго-Зап. Россіи *Н. И. Костомаровъ* „Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго“ „Отеч. Зап.“ 1870 г. № 1 и 2.

боролся противъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя создавалъ польскій строй, а потому, естественно, къ нему онъ относился враждебно и не могъ взять его за фундаментъ для основанія новыхъ своихъ общественныхъ отношеній. Послѣднія должны были строиться на демократическомъ принципѣ,—въ теоріи, по крайней мѣрѣ, такъ какъ на практикѣ, какъ увидимъ ниже, было много отступленій отъ этого принципа. Демократическій же принципъ вытекалъ изъ того фактическаго положенія дѣлъ, что переворотъ въ малорусской жизни былъ произведенъ силою народныхъ массъ, примкнувшихъ къ демократическо-военной организаціи козачества,—и разъ онъ клался въ основу новаго строя, онъ, естественно, исключалъ возможность какого-нибудь компромисса съ аристократическимъ строемъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушалъ всѣ тѣ отношенія и всѣ тѣ учрежденія, которыя такъ или иначе были связаны съ послѣднимъ. Вотъ почему жило въ малорусскомъ обществѣ представленіе о томъ, что и гражданскія сдѣлки, крѣпости, заключенныя при польскомъ правительствѣ „козацкою саблею скасованы [1])". На практикѣ, повторяемъ, много было отступленій отъ этого, много сохранилось въ жизни остатковъ и вліяній стараго строя, такъ какъ нельзя же сразу уничтожить всего, что выработано исторіей—но это нисколько не мѣшаетъ намъ признать, что въ основу малорусскаго строя теоретически былъ положенъ принципъ, совершенно исключавшій аристократическое начало, лежавшее въ основѣ Рѣчи-Посполитой.

Принципъ этотъ, впрочемъ, не былъ новъ для малорусскаго народа. Онъ осуществлялся въ тѣхъ вольныхъ козацкихъ общинахъ, носившихъ военный характеръ, которыя мы встрѣчаемъ въ польскихъ пограничныхъ областяхъ и на порогахъ Днѣпра [2]). Общины эти, несомнѣнно, вліяли и на первоначаль-

---

[1]) *А. М. Лазаревскій* „Малороссійскіе посполитые крестьяне. Черн. 1866 г. стр. 5.

[2]) *В. Б. Антоновичъ.* Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 г. (предисловіе къ III ч. I т. Арх. Юго-Зап. Россіи) *И. М. Каманинъ.* Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго. Кіевъ. 1894 г. (Изъ 8-й книги „Чтеній" въ Общ. лѣтоп. Нестора).

ную организацію малорусскаго строя, послѣ того какъ Богданъ Хмельницкій соединился съ Россіей. Такое вліяніе становится вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что козачество составляло тотъ центръ, вокругъ котораго группировались недовольные элементы Рѣчи Посполитой, во время своей борьбы съ послѣднею. Козачество затѣмъ было единственной организованной силой въ этой борьбѣ. Понятно, поэтому, что какъ скоро борьба была кончена и приходилось перейти къ мирной гражданской жизни, польскій строй былъ отвергнутъ, какъ негодный,—единственной организаціей, за которую могъ ухватиться, на которую могъ опереться малорусскій народъ, было козачество. И козацкая организиція, дѣйствительно, легла въ основу малорусскаго строя. Мы видимъ, во первыхъ, особую группу общества, предназначенную нести военную службу—козаковъ. Они являютъ изъ себя типъ воина-пахаря, какими козаки являлись и въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Управленіе, начиная съ гетмана и кончая атаманомъ, носитъ характеръ военный, функціи военныя и гражданскія смѣшаны, какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ и т. д. Конечно, что легко примѣнялось въ небольшомъ размѣрѣ, при однородномъ составѣ и характерѣ населенія и, такимъ образомъ, удовлетворяло потребности, то становилось недостаточнымъ, какъ скоро дѣло переносилось въ болѣе широкую сферу и затрогивалось множество самыхъ разнороднѣйшихъ отношеній. Количество козаковъ, напримѣръ, было опредѣлено „пунктами", заключенными между Богданомъ Хмельницкимъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; но населеніе Малороссіи превышало это количество и постоянно увеличивалось бѣглыми и переселенцами изъ Польши—являлся вопросъ, конечно, въ какое отношеніе становились они къ малорусскому обществу и затѣмъ къ козацкому строю? Отвѣта на это нельзя было найти въ той организаціи, которая сдѣлалась прототипомъ для Малороссіи. Создавалась, такимъ образомъ, особая группа, не предусмотрѣнная этой организаціей—посполиство. Сначала она выдѣляется въ малорусскомъ общественномъ строѣ довольно неопредѣленно, а затѣмъ получаетъ къ концу XVII в. уже большую

опредѣленность[1]). Козацкая организація не совмѣщала въ себѣ и городского самоуправленія, которое она нашла въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи, пожелавшихъ сохранить ее и при новыхъ порядкахъ. Опять являлся вопросъ, какое положеніе должны занять города въ новомъ малороссійскомъ общественномъ строѣ? Жизнь выдвигала новыя формы въ области государственнаго, гражданскаго и др. права,—требовалось и для нихъ найти и опредѣлить извѣстныя нормы. Словомъ, тотъ строй, который легъ въ основу малорусскаго общества былъ слишкомъ узокъ; требовалось расширеніе его въ разныя стороны. Здѣсь, между прочимъ, и былъ одинъ изъ камней преткновенія въ развитіи малорусскаго общественнаго строя.

Дѣло-то въ томъ, что для того, чтобы регулировать извѣстныя общественныя отношенія и создать для нихъ ту или другую юридическую норму, требуется извѣстное критическое отношеніе къ тѣмъ явленіямъ, которыя выдвигаетъ жизнь, требуется опредѣлить ихъ значеніе, ихъ сходство или различіе съ другими подобнаго рода явленіями. Трудность нормировать отношенія увеличивается, понятное дѣло, по мѣрѣ ихъ дифференціаціи, по мѣрѣ развитія, усложненія общества. То, что легко подчинялось извѣстной нормѣ, вытекающей изъ нравственныхъ принциповъ или изъ требованій общественной пользы, когда общество было невелико, когда отношенія не такъ переплетались,—дѣлается трудно нормируемымъ, когда, по мѣрѣ увеличенія общества, расширяются и усложняются общественныя отношенія. Семья, родъ знали общность имуществъ; но когда родъ сталъ распадаться и переходить мало-по-малу въ государство, когда общіе интересы родичей встрѣтились съ частными интересами личностей, входившихъ или соприкасавшихся съ родомъ, нормы, регулировавшія прежнія имущественныя отношенія рода, должны были измѣниться кореннымъ образомъ. Количество этихъ отношеній увеличилось, должно было увеличиться и количество нормъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и трудность разграничить

---

[1]) *Ал. Лазаревскій* Малороссійскіе посполитые крестьяне стр. 6 и слѣд. *В. А. Мякотинъ* Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи въ Рус. Богат. 1894 г. № 2 стр. 36.

ихъ одну отъ другой, каждой дать свое опредѣленное мѣсто, выработать болѣе или менѣе стройный порядокъ, въ которомъ бы соединялись, которому бы подчинялись всѣ отношенія въ данномъ обществѣ.

Малорусское общество возникло, говорили мы, не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ его имѣлъ уже свою многовѣковую исторію. Малорусскій народъ долгое время жилъ среди организованнаго польскаго общества, заимствовалъ отъ него или выработалъ самостоятельно цѣлый рядъ общественныхъ отношеній. Въ области гражданскаго права мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у него вполнѣ развитое понятіе полной личной собственности, съ правомъ пользоваться и распоряжаться по своему усмотрѣнію; на ряду съ этимъ существуетъ право общиннаго и общаго владѣнія землей [1]) Малорусское наслѣдственное право носитъ также слѣды долгаго историческаго процесса и разныхъ вліяній и является довольно сложнымъ и запутаннымъ, благодаря тому, что нормы писаннаго права, проникавшія въ малорусскую жизнь, нерѣдко входили въ компромиссъ съ нормами права обычнаго, какъ, напримѣръ, при наслѣдованіи дочерей въ имуществѣ родителей, когда зять садился на ихъ усадьбу и пр. Мы уже говорили о сложныхъ отношеніяхъ въ малорусскомъ обществѣ, выдвигавшихъ многіе трудные и запутанные вопросы въ области государственнаго права, для которыхъ не находилось готовыхъ нормъ во вновь возникавшемъ обществѣ, но которые такъ или иначе нужно было рѣшить, чтобы общество могло существовать и дальше развивать свой правовой порядокъ. А рѣшить ихъ возможно было только путемъ сознательной, критической работы надъ общественными отношеніями: малорусскій народъ отвергъ, вѣдь, теоретически всѣ главныя основанія польскаго строя и въ основу новаго, вновь

---

[1]) Названные труды *А. М. Лазаревскаго* и *В. А. Мякотина*. Также труды проф. *И. В. Лучицкаго* „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ" въ „Отеч. Зап." 1882 г. № 11; Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи „Сѣверн. Вѣст. 1889 № 1—2; Займанщина и формы заимочнаго землевладѣнія въ Малороссіи" Юрид. Вѣст. 1890 г. № 3. Проф. *Д. И. Багалѣй* Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII вв. въ „Кіев. Стар." 1883 г. № 12.

возникающаго общества положилъ безсословность, общее равенство. Требовалось, поэтому, всѣ прежнія отношенія, возникшія при иныхъ условіяхъ (польскомъ строѣ), передѣлать и согласовать съ новымъ основаніемъ; ему же подчинить и всѣ новыя отношенія.

Посмотримъ же теперь, какія рессурсы были у вновь возникающаго малорусскаго общества, съ помощью которыхъ оно могло бы рѣшить свою трудную задачу?

Нечего и говорить о томъ, что все малороссійское общество неспособно было къ критической, сознательной работѣ, направленной къ урегулированію его отношеній. Здѣсь мы можемъ говорить о той только группѣ, которая, силою разныхъ обстоятельствъ, была выдвинута впереди малорусскаго общества и должна была сдѣлаться, по теоріи, его руководителемъ. Мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, лицъ, державшихъ въ рукахъ просвѣщеніе народа и являвшихся дѣятелями малорусской литературы, посредствомъ которой они могли оказывать вліяніе на малорусское общество и содѣйствовать выработкѣ его правового порядка. Характеръ малорусскаго просвѣщенія и литературы въ XVII вѣкѣ проливаетъ намъ свѣтъ и на то обстоятельство, почему среди малорусскихъ политическихъ дѣятелей такъ мало самостоятельности, оригинальности и сознательности въ области политики; почему никто изъ нихъ не выступаетъ съ какими нибудь проектами, почему въ дѣятельности ихъ нѣтъ опредѣленной системы, а всѣ ихъ дѣйствія носятъ случайный, вполнѣ зависящій отъ внѣшнихъ обстоятельствъ характеръ. Малорусскіе общественные дѣятели средины XVII вѣка были людьми безъ всякой политической подготовки, не умѣли оріентироваться въ жизненныхъ явленіяхъ, не смотря на то, что среди нихъ были люди широко образованные по тому времени, окончившіе кіевскую академію и пр. Много, конечно, можно указать причинъ всему этому, но, думается намъ, главнѣйшая изъ нихъ, на которую мы и обращаемъ свое исключительное вниманіе, заключалась въ характерѣ малорусскаго просвѣщенія и малорусской литературы, которая особымъ, спеціальнымъ образомъ воспитывала малорусскій умъ, односторонне направляя

его критическую мысль, пріучая къ формализму и удерживая отъ пути широкихъ обобщеній[1]). Намъ думается, что здѣсь нужно искать объясненія того факта, что на всемъ протяженіи второй половины XVII вѣка мы встрѣчаемъ единственнаго, кажется, въ своемъ родѣ, политическаго дѣятеля, задумавшагося надъ организаціей малорусскаго строя. Это былъ Юрій Немиричъ, воспитанникъ протестантской Европы.

Малороссія долгое время входила въ составъ Польши и, естественно, что послѣдняя, какъ страна съ высшей культурой, оказывала на нее сильное вліяніе въ области жизни духовной. Польское вліяніе отразилось на языкѣ малороссовъ, куда оно внесло не мало полонизмовъ, на занятіяхъ жителей и ихъ бытѣ, такъ какъ изъ Польши проникали, судя по терминамъ, разныя ремесла, принадлежности костюма, вооруженія, способы обработки полей и пр. Неизбѣжно было вліяніе Польши и въ области умственной дѣятельности малорусскаго народа, заимствовавшаго отъ Польши какъ форму, въ которой выражалась эта дѣятельность, такъ характеръ ея и, въ значительной степени, самое содержаніе. Послѣднее, впрочемъ, опредѣлялось и тѣми внѣшними условіями, при которыхъ развивалась умственная и литературнаи дѣятельность малорусскаго народа.

То была борьба католичества съ православіемъ, на почвѣ чисто религіозной, которая возникла послѣ брестской уніи 1596 года.

---

[1]) О малорусской литературѣ XVI и XVII в. см. *И. Порфирьева.* Исторія русской словесности т. I; *Пекарскаго.* Представители Кіевской учености въ XVII в. „Отеч. Зап. 1862 г. кн. слѣд. *С. Голубевъ* Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники Кіевъ 1883 т. т. I. *П. И. Житецкій.* Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. „Кіев. Стар." 1888 г. *Ф. А. Терновскій* Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII в. „Руков. для сельск. паст." 1869 г. *Ф. Т—аго.* Характеристика южно-русской схоластической проповѣди въ связи съ проповѣдію западно-европейскою и польскою „Руков. для сельск. паст." 1875 г. № 7, 8 и 10. *Н. И. Петровъ.* О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г. Труды Кіев. Дух. Акад. 1866 г. ч. 2. Статьи проф. *Н. Ф. Сумцова* о малорусскихъ литературныхъ дѣятеляхъ XVI и XVII в. въ „Кіевской Старинѣ 1884 и 1885 г.; *его-же* Лазарь Барановичъ Хар. 1885 г. *Миронъ* Іоаннъ Вишенскій въ „Кіевск. Стар. 1889 г. № 4. *И. П. Житецкій.* Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго „Кіев. Ст. 1890 № 6. *И. А. Шляпкинъ.* Св. Димитрій Ростовскій и его время Спб. 1891 г. и др.

Въ рукахъ католичества было сильное оружіе въ видѣ схоластической науки, имѣвшей, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, одно громадное преимущество. Она, въ извѣстномъ, хотя и одностороннемъ смыслѣ, дисциплинировала умъ, пріучала, правда, къ формальному, но все же болѣе систематическому мышленію, вносила въ него извѣстный порядокъ. Въ этомъ смыслѣ, католичество всегда могло имѣть перевѣсъ надъ своимъ противникомъ—православіемъ, какъ скоро онъ являлся не съ равнымъ оружіемъ. Такимъ образомъ необходимость данной минуты заставляла малороссовъ обращаться къ схоластической наукѣ. Это было неизбѣжно и по другимъ причинамъ, которыя существовали уже раньше причинъ религіозныхъ и обусловили то явленіе, что, при самомъ возникновеніи религіозной борьбы, мы встрѣчаемъ среди малороссовъ людей, воспитанныхъ на схоластикѣ. Уже самый фактъ пробужденія среди малороссовъ стремленія къ знанію не могъ бы имѣть мѣста безъ польскаго вліянія. Это подтверждается какъ содержаніемъ болѣе раннихъ произведеній малорусской литературы, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что духовную жизнь Малороссіи никакъ нельзя обособить отъ духовной жизни Польши съ той поры, какъ она соединилась съ послѣднею, вошла съ нею въ близкія отношенія на почвѣ политической. При такихъ условіяхъ, Малороссія не могла создать вполнѣ самобытной культуры. Она, естественно, какъ ужъ было замѣчено, подчинилась культурѣ болѣе высокой, польской; отъ нея она воспринимала и тѣ формы, въ которыя эта культура выливалась. Немудрено, поэтому, что на малорусскомъ мышленіи отразилось схоластическое вліяніе, господствовавшее въ Польшѣ. Здѣсь, конечно, играло роль, между прочимъ, и то психологическое явленіе, имѣющее мѣсто какъ у отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ націй, по которому умъ, дисциплинированный хотя бы только формально, подчиняетъ себѣ умъ менѣе дисциплинированный и не привыкшій систематически мыслить. Малороссы, такимъ образомъ, были какъ-бы органически связаны со схоластической наукой, и послѣдняя, при такихъ обстоятельствахъ, налагала опредѣленный отпечатокъ на малорусское мышленіе, предохраняя его отъ разносторонности, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и лишая его, въ значительной мѣрѣ, творческаго элемента.

Схоластика, какъ извѣстно, возникла на католическо-религіозной почвѣ. Характерною особенностью ея являлось то обстоятельство, что она ставила извѣстныя границы человѣческой критикѣ, выставляя цѣлый рядъ положеній, которыя считались за аксіомы и которыхъ критика не должна была касаться. Въ области религіозной это, пожалуй, было и необходимостью, но въ области свѣтской науки такая характерная особенность схоластики ставила серьезныя преграды правильному развитію человѣческаго мышленія. Она, поневолѣ, дѣлала это мышленіе поверхностнымъ, критику неглубокой. Принимая цѣлый рядъ положеній за основныя, не подлежащія критикѣ, схоластическая система сводилась, въ сущности, къ тому, чтобы факты притянуть къ этимъ положеніямъ, какъ къ выводамъ, а отсюда вырабатывался извѣстный формализмъ мышленія и затѣмъ его конкретность. Формализмъ этотъ заключался въ томъ, чтобы путемъ извѣстныхъ пріемовъ установить логическую связь между явленіями, въ дѣйствительности, можетъ быть, этой связи и неимѣющими. Такъ какъ основной критики примѣнить нельзя было, то все сводилось, конечно, къ пріемамъ, къ формѣ, и, такимъ образомъ, наука теряла свой научный характеръ, заключающійся въ критической провѣркѣ фактовъ и ихъ обобщеніяхъ, и обращалась въ какую-то въ сущности методологію. Это же вело и къ конкретности мышленія, которая характеризуется постояннымъ тяготѣніемъ къ отдѣльнымъ фактамъ, явленіямъ, къ частностямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полною неспособностью подняться до высоты какихъ-нибудь принциповъ или отвлеченныхъ понятій, выработанныхъ критической работой ума...

Для религіи, повторяемъ, все это, можетъ быть, было и удобно, но зато все это имѣло неблагопріятныя послѣдствія, какъ скоро переносилось въ обыкновенную свѣтскую жизнь, гдѣ требовалось и требуется самое широкое примѣненіе критики. Послѣдствія эти лучше всего сказались на судьбѣ Малороссіи и на роли, которую играла здѣсь малорусская интеллигенція.

Борьба съ уніей вызвала въ Малороссіи усиленное стремленіе къ основанію школъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Была основана и кіевская духовная академія, въ которой воспитывались не одни только лица духовныя, но и свѣтскія, такъ что академія, поистинѣ, служила разсадникомъ просвѣщенія на югѣ Россіи, подготовляя дѣятелей на разныхъ поприщахъ общественной жизни. Этимъ и объясняется ея значеніе въ исторіи умственной жизни малорусскаго народа. Малорусскія школы основывались подъ вліяніемъ Польши и съ опредѣленною цѣлью. Немудрено, что схоластическая наука стала въ нихъ исключительно преобладающей, а вмѣстѣ съ этимъ оказала она сильное вліяніе и на характеръ умственной жизни Малороссіи. Пока шло дѣло на почвѣ религіи, схоластическая наука и литература вполнѣ удовлетворяли своей цѣли служить малорусскому народу. Посредствомъ нихъ боролись съ Польшей, съ іезуитами. Съ религіозной борьбой, говорили мы, связана была борьба національно-политическая, а затѣмъ и экономическая. Это были факты, которыхъ не могла совсѣмъ обойти малорусская литература, и она мимоходомъ, говоря о вопросахъ религіозныхъ, затрогиваетъ вопросы національные, экономическое положеніе крестьянъ и пр., но затрогиваетъ ихъ безъ критики, а исключительно потому, что они, въ сущности, сливались съ вопросами религіозными. Впрочемъ, немногіе только писатели, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, касались этихъ вопросовъ. Въ общемъ, малорусская наука и литература XVII в. лишены общественныхъ мотивовъ. Они или ведутся на почвѣ исключительно религіозной, или затрогиваютъ темы для жизни, въ сущности, безразличные, причемъ обращаютъ главное вниманіе на форму выраженія мыслей. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ проф. Н. Ф. Сумцова, который говоритъ, что „характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ что они исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльно-

сти и въ совокупности всѣхъ его сословій [1])". Эти мысли кажутся намъ лишенными реальнаго содержанія. Конечно, каждый писатель находится въ зависимости отъ той среды и того народа, среди котораго онъ живетъ. Малорусскіе писатели, дѣйствительно, защищали интересы народа, когда отстаивали независимость православной вѣры, но это врядъ-ли даетъ намъ право говорить о тѣсной связи малорусской литературы съ народной жизнью. Говоря о такой связи, историки литературы погрѣшаютъ часто, забывая, напримѣръ, что если проповѣдникъ говоритъ о какомъ-нибудь явленіи народной жизни и осуждаетъ его, то здѣсь связь литературы съ жизнью только внѣшняя—совпаденіе темъ. Нужно указать, на сколько малорусская литература понимала народную жизнь, критически относилась къ ней, къ чему стремилась литература въ области народной жизни и оказывала ли она какое-нибудь вліяніе на послѣднюю?..

Думаю, если поставить эти вопросы, придется отвѣтить на нихъ отрицательно. Характерную особенность малорусскаго мышленія XVII вѣка, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ отсутствіе критическаго элемента или слишкомъ поверхностная критика, обусловленная схоластической школой. Критика эта ограничивается только областью фактовъ. Творческой мысли съ цѣлью свести эти факты, объединить ихъ, мы не замѣчаемъ. Малорусская литература обнаруживаетъ неспособность дѣлать общіе выводы и затѣмъ наклонность возводить отдѣльные факты на степень общихъ выводовъ. Отсюда вытекаетъ полнѣйшее подчиненіе факту, дѣйствительности и неспособность жить какою-нибудь отдаленною цѣлью, ставить себѣ общественный идеалъ и стремиться къ его осуществленію. Это, конечно, имѣло роковое вліяніе и на малорусскую жизнь. Когда съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, потребовалась дѣятельность интеллигенціи, чтобы регулировать общественныя отношенія, создать какія-нибудь нормы политической и гражданской жизни, т. е. другими словами поставить себѣ извѣстный общественный идеалъ, малорусская интеллигенція, оказалась, въ полномъ смы-

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1885 г., январь, стр. 7.

слѣ слова, неспособной. Она не могла оріентироваться въ общественныхъ отношеніяхъ, не могла критически отнестись къ фактамъ дѣйствительности, поставить себѣ цѣль, стремиться къ ней и направлять туда же теченіе народной жизни. Интеллигенція, напротивъ, сама подчинилась фактамъ дѣйствительности, не могла взять въ свои руки народной жизни, придти на помощь ей своими знаніями, развитіемъ, критикой и пр.

Интересны въ этомъ отношеніи типы малорусскихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей въ родѣ, напримѣръ, Лазаря Барановича, который принималъ, повидимому, такое живое, горячее участіе въ политической жизни народа. Чѣмъ отличается его дѣятельность отъ дѣятельности другихъ болѣе мелкихъ лицъ малорусскаго общества, отъ дѣятельности, наконецъ, толпы? Въ общемъ—ничѣмъ. Въ Лазарѣ Барановичѣ мы замѣчаемъ тоже слѣдованіе за обстоятельствами, какъ и у другихъ, туже неспособность овладѣть этими обстоятельствами или даже хотя-бы стремиться къ этому. Въ области общественной жизни у него нѣтъ, не говоря уже о программѣ его дѣйствій, нѣтъ даже опредѣленной общественной цѣли. Какъ и у другихъ его современниковъ, у Лазаря Барановича общественные мотивы совсѣмъ затемняются мотивами личными, эгоистическими, которые налагаютъ опредѣленную печать на всю его дѣятельность. Отсутствіе общественнаго сознанія отражается и на литературной дѣятельности Л. Барановича. Она стоитъ также далеко отъ жизни общественной. Авторъ даже, повидимому, далекъ отъ мысли, что литература должна служить интересамъ народа, а потому и не пользуется ею, какъ орудіемъ для проведенія въ общество своихъ взглядовъ [1]). Это есть, конечно, результатъ того умственнаго и научнаго движенія, разсадникомъ котораго былъ „кіево-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяже-

---

[1]) *Проф. Н. Ф. Сумцовъ* „Лазарь Барановичъ“. Хар. 1885.

стью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки [1])".

При такихъ обстоятельствахъ, малорусская интеллигенція была совсѣмъ неспособной взяться за то дѣло, которое фактически выпадало на ея долю. Она была не подготовлена къ нему. Благодаря этому, организація малорусскаго общественнаго строя, въ значительной степени, была лишена сознательности. Среди малорусскихъ общественныхъ дѣятелей находились люди начитанные, по своему времени, очень образованные, но совсѣмъ не способные критически взглянуть на общественныя условія, сознательно отнестись къ нимъ, ихъ регулировать. Немудрено, поэтому, что малорусскій общественный строй на первыхъ же порахъ своего возникновенія принялъ чисто стихійное направленіе, т. е. вполнѣ подчинился вліянію разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Изъ этихъ первенствующую роль играли могущественные экономическіе факторы, стоявшіе въ тѣсной связи съ политическими. Ихъ характеръ и развитіе въ XVII вѣкѣ опредѣлили характеръ малорусскаго общественнаго строя. На экономической почвѣ борьбы интересовъ отдѣльныхъ группъ малорусскаго общества создавался малорусскій общественный строй, на ней онъ развивался, на ней онъ и погибъ, какъ увидимъ ниже. Политическія условія, въ свою очередь, только благопріятствовали этому процессу.

Николай Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) *Проф. Н. Ф Сумцовъ* „Характеристика южно-русской литературы XVII в." „Кіев. Стар.". 1885 г. Январь стр. 12.

Къ исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній.

Полная и систематическая исторія южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній, ихъ происхожденія и ихъ вліянія на южно-русскую словесность, устную и книжную, невозможна до тѣхъ поръ, пока не будетъ по возможности исчерпанъ и опубликованъ весь апокрифическій матеріалъ, вращающійся въ средѣ южно-русскаго населенія, какъ въ формѣ писанныхъ сказаній, такъ и въ видѣ устныхъ пересказовъ, и пока не будетъ въ этомъ направленіи разработана вся южно-русская литература, особенно древняя, до Котляревскаго, подвергавшаяся очень сильному вліянію апокрифической литературы византійско-болгарской и западно-европейской. Почтенный трудъ Н. Ѳ. Сумцова «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ» представляетъ первую попытку систематическаго изложенія преимущественно одной части нашего сюжета—отраженій книжной апокрифической литературы въ устной словесности южно-русскаго народа. Что касается самыхъ книжныхъ текстовъ апокрифическихъ сказаній, то авторъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается указаніемъ ихъ въ извѣстныхъ сборникахъ Тихонравова, Порфирьева, Пыпина, въ которыхъ, какъ извѣстно, помѣщены (особенно у Тихонравова) также памятники болгарскіе и сербскіе и въ которыхъ хотя и обозначено, изъ какой рукописи взята статья, но совсѣмъ нѣтъ детальныхъ описаній этихъ рукописей и ихъ происхожденія, такъ что о составѣ извѣстныхъ книжныхъ апокрифическихъ сказаній южно-русскихъ работа г. Сумцова не даетъ никакого опредѣленнаго понятія. Г. Сумцовъ указываетъ также на апокрифическую подробность у Вишенскаго, но во первыхъ у этого самаго писателя можно такихъ подробностей отыскать еще нѣсколько, а во вторыхъ, ихъ еще болѣе въ сочиненіяхъ Галятовскаго (который въ своемъ «Ключѣ разумѣнія» ссылается даже на какое-то неизвѣстное апокрифическое. «Елисаветино откровеніе»),

Транквилліона Ставровецкаго (его «Перло многоцѣнное» представляетъ въ этомъ отношеніи богатый и до сихъ не эксплоатированный кладъ) и другихъ писателей XVII—XVIII столѣтій, кончая такимъ характернымъ и въ культурномъ отношеніи очень важнымъ явленіемъ, какъ почаевскій »Богогласникъ» (изданія 1790, 1795, 1800, 1805, 1806, 1825), котораго апокрифическія подробности указаны, но далеко не исчерпаны г. Мировичемъ въ его «Историческомъ и литературно-библіографическомъ изслѣдованіи о Богогласникѣ» (Кіевъ, 1874 г.),

Я не буду останавливаться на томъ, какое важное значеніе имѣетъ изданіе возможно полнаго состава книжныхъ апокрифическихъ сказаній, вращающихся въ Южной Руси. Только тогда возможно будетъ точно опредѣлить степень ихъ вліянія на прочую словесность книжную и устную. Не имѣя подъ рукой текстовъ этихъ сказаній, изслѣдователь всегда долженъ будетъ только приблизительно и гадательно опредѣлять, имѣетъ ли онъ въ данномъ случаѣ дѣло съ прямымъ заимствованіемъ, или съ какой-нибудь передачей изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, или, наконецъ, съ созданіемъ свободной фантазіи автора.

Также лишнимъ кажется мнѣ доказывать необходимость точнаго и подробнаго описанія рукописей, изъ которыхъ издатель заимствуетъ данный апокрифическій текстъ, съ присовокупленіемъ встрѣчающихся на поляхъ записокъ объ имени переписчика, обладателя, мѣстности, о времени писанія, о подлинникѣ, съ котораго снятъ списокъ и т. п. Все это можетъ насъ ввести въ кругъ литературныхъ вкусовъ, религіозныхъ вѣрованій, соціальныхъ и политическихъ симпатій и антипатій той среды, въ которой вращалось данное сказаніе, можетъ указать намъ слѣды извѣстной струи, шедшей къ намъ изъ за границы, можетъ послужить къ уловленію одной изъ тѣхъ тонкихъ, но безмѣрно важныхъ въ культурномъ отношеніи нитей умственнаго и религіознаго взаимодѣйствія народовъ, которое составляетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ предметовъ исторической науки.

Желая по возможности содѣйствовать разрѣшенію намѣченной мною задачи, я попытаюсь теперь составить списокъ извѣстныхъ до сихъ поръ въ печати или въ рукописяхъ *южно-русскихъ* апокрифическихъ статей, оставляя въ сторонѣ ихъ книжныя отраженія или устныя, народныя переработки. Основаніемъ къ этому послужитъ мнѣ перечень апокрифическихъ книгъ и сказаній, обрѣтающійся въ ру-

кописномъ сборникѣ свящ. Яремецкаго, составляющемъ теперь мою собственность и написанномъ въ 1743—1752 годахъ частью въ буковинскомъ монастырѣ въ Путнѣ, частью въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ Яремецкій временно исправлялъ должность «душпастыря». Этотъ перечень я сравниваю съ тѣмъ, который составилъ г. Тихонравовъ, перечисляя всѣ извѣстныя на Руси апокрифическія сочиненія (Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 1—10), и привожу при каждомъ № указанія на то, гдѣ напечатанъ или гдѣ есть въ рукописи южно-русскій текстъ даннаго сказанія. Мнѣ кажется, что такой перечень, хотя бы онъ и былъ не полный, значительно облегчитъ трудъ дальнѣйшихъ собирателей матеріала и тѣхъ ученыхъ, которые, занимаясь его научной обработкой, принуждены разыскивать, и очень часто напрасно, матерьялъ, разбросанный по разнымъ не легко доступнымъ изданіямъ или содержащійся въ рукописяхъ, тоже разсѣянныхъ по лицу широкой русской земли. Въ своемъ рукописномъ сборникѣ свящ. Яремецкій пересчитываетъ сперва «книги преподобнихъ и богоноснихъ Отецъ Нашихъ Пастирей, и учителей Вселенскихъ, Иже Суть Сія Книги». Далѣе упоминаетъ вскользь «О книгахъ Битейскихъ, Пророческихъ, Стараго Завѣта ихже приняла Святая Соборная церковъ Апостольская ихже подобаетъ намъ Христіанамъ чести. Ихже всѣхъ есть м҃д. Отъ нихже Парамеи чтут ся». Книги эти не поименованы. Далѣе упомянуто «О книгахъ Новаго Завѣта», послѣ чего слѣдуетъ статья: «Книги Инъніе ихже христіаномъ Православнымъ (далѣе нѣсколько словъ, кажется румынскихъ, выскобленныхъ) суть же сіи:

1. *Составленніи мирстіи Псальми еже есть сія: Грядите вси вѣрніи. И другое Грядѣте. И Кресту твоему водрузшуся на земли.* У Тихонр. № 27, гдѣ прибавлено начало еще одного псальма «ангельски вопіемъ». Тексты этихъ псалмовъ, кажется, нигдѣ не напечатаны. Тихонравовъ указываетъ на рукописный Инд. Новг. б. № 1444 и № 1264, Тр. Серг. Лав. № 704, значитъ—рукописи сѣверно-русскія, въ которыхъ о нихъ упомянуто. Были ли они и въ Южной Руси, или же Яремецкій нашелъ упоминаніе объ нихъ въ какомъ-нибудь болѣе древнемъ индексѣ апокрифовъ, съ котораго снялъ себѣ копію—рѣшить не берусь.

2. *Патріарси.* У Тихонр. № 11. Завѣты патріарховъ. Наше заглавіе—болѣе обыкновенное и отвѣчаетъ греческому подлиннику. Статья напечатана у Тихонравова (Памятники, т. I, стр. 96—146) въ двухъ редакціяхъ по рукописамъ XIV—XV в. Въ «Памятникахъ

старинной русской литературы, изд. Гр. Кушелевымъ Безбородко, т. III» есть только отрывокъ этого апокрифа (завѣтъ Рувимовъ и завѣтъ Симеоновъ, стр. 33—38) по рукописи XV в.

3. *Адамъ*. У Тихонр. № 1. Въ его Пам. отреч. р. лит. т. I напечатаны три сказанія объ Адамѣ, изъ коихъ первое и второе представляютъ варьянты одного сказанія. Имъ отвѣчаетъ въ Пам. стар. р. лит. т. III, стр. 4—7 «другой варіантъ» изъ шести сказаній, помѣщенныхъ въ томъ сборникѣ. У Порфирьева («Апокрифическія сказанія о ветхо-завѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки) помѣщено тоже шесть сказаній объ Адамѣ и Евѣ. «Житіе о Адамѣ и Евѣ», соотвѣтствующее помѣщенному у Тихонравова «Слову о Адамѣ, начало и до конца», есть въ Дрогобицкомъ сборникѣ въ моемъ владѣніи.

4. *Енохъ*. Какое собственно сочиненіе имѣлъ въ виду авторъ этого каталога, неизвѣстно. У Тихонравова оно есть подъ № 6; напечатаны же два отрывка (т. I. стр. 19—24), изъ коихъ одинъ озаглавленъ «отъ книгъ Еноха праведнаго, преже потопа и нынѣ живъ есть». Тотъ же отрывокъ напечатанъ и въ «Памятн. стар. рус. лит.» т. III стр. 15—16, по рукописи XVII в., кажется, южно-русской. Нынѣ извѣстно, что въ Южной-Руси существовала еще въ XVII вѣкѣ большая апокрифическая «Книга Еноха», исчезнувшая въ Азіи и Европѣ и только въ нашемъ стол. вновь открытая въ Коптскомъ переводѣ, изъ котораго и была переведена на латинскій, послѣ же на другіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Южно-русскій текстъ этого замѣчательнаго апокрифа по полтавскому рукописному сборнику 17 в. изданъ А. Н. Поповымъ въ «Чтеніяхъ Имп. общ. ист. и др.» и отдѣльно въ «Библіограф. матеріалахъ» II—VII, 81—139.

5. *Сифова молитва*. Вѣроятно тоже, что у Тихонравова № 13 «Молитва Іосифова». Текста этого апокрифа нѣтъ напечатаннаго въ доступныхъ мнѣ сборникахъ. Я не нашелъ его и въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ.

6. *Адамовъ завѣтъ*. У Тихонр. № 2. Текста этого апокрифа тоже, кажется, нѣтъ напечатаннаго, и былъ ли онъ въ Южной Руси неизвѣстно.

7. *Моисеевъ завѣтъ*. У Тихонр. № 15. Кажется—не то, что напечатано у Тихонр. подъ заглавіемъ «Исходъ Моисеевъ» (т. I, стр. 233—253); другая редакція «Житія Моисея» напечатана въ «Пам. стар. р. лит. т. III. стр. 39—48; тамъ же присоединены еще небольшіе от-

рывки о переходѣ черезъ Чермное море и о смерти Моисея. Небольшая статья «О Моисеи како переведе жиды» есть и въ рукописи Яремецкаго.

8. *Псалми Соломонови.* У Тихонр. № 18. Ни южно-русскій, ни вообще церковно-славянскій переводы этихъ псалмовъ, кажется, не сохранились, такъ какъ ихъ нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ.

9. *Иліино обавленіе.* У Тихонр. № 20. Текста нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ.

10. *Исаино виденіе.* У Тихонр. № 23. Сербскій изводъ этого апокрифа напечатанъ у Порфирьева op. cit. стр. 73—81, русскій у Попова «Библіографическіе матеріалы т. I, стр. 13—20.

11. *Ияковля повѣсть.* У Тихонр. № 28. Статьи подъ этимъ заглавіемъ нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ апокрифовъ.

12. *Петрово обавленіе.* У Тихонр. № 33. Текста нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ.

13. *Обходи Апостолстіи.* Тихонр. № 38. Текстъ по рукописи XVII в. напечатанъ у Тихонр. Памятники II, стр. 5—10.

14. *Варнавино посланіе.* Тихонр. № 32. Нѣтъ въ извѣстныхъ мнѣ сборникахъ, ни печатныхъ, ни рукописныхъ.

15. *Павла Апостола дѣяніе ложное.* Тихонр. № 35. Нѣтъ въ сборникахъ.

16. *Павлово обавленіе.* Тихонр. № 34. Текстъ въ двухъ редакціяхъ напечатанъ въ Пам. стар. р. лит. т. III, стр. 129—133.

17. *Еванъеліе отъ Варнави.* Тихонр. № 29. Текста нѣтъ въ сборникахъ.

18. *Еванъеліе отъ Ѳоми.* Тихонр. № 30. Текста нѣтъ.

19. *Паралипомена, что* (?) *слали Вавилянъ ко Іеремѣю.* Тихонр. № 24. Текстъ напечатанъ у Тихонр. Пам. I, 273—297 въ двухъ редакціяхъ. Сочиненіе совсѣмъ различное отъ напечатаннаго въ Пам. стар. р. лит. III, стр. 72—73 слова о пророкѣ Іереміи. «Плачъ Іереміи пророка», составленный по извѣстной библейской книгѣ безъ апокрифическихъ подробностей, есть въ сборникѣ Яремецкаго.

«Сутъже— пишется далѣе въ статьи Яремецкаго—і ина многа сложенна, Еже естъ сія:

20. *Вопроси Іоанна Богослова, еже рече: Слиши праведній Іоане* Тихонр. № 59. У Тихонр. Памятн. т. II, 174—193 напечатаны два варьянта этого апокрифа по рукописямъ Моск. Синодальной библіотеки XV и XVIII в. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ, полученномъ мною отъ крестьянина Гулейчука изъ с. Испаса на Буковинѣ и со-

ставленномъ ок. 1720 года, есть полный списокъ этого апокрифа, озаглавленный «Слово святаго Іоанна Богослова о вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа», сходный съ второй редакціей, напечатанной у Тихонравова. Позволю себѣ здѣсь по этому списку пополнить недостающія въ спискѣ Тихонравова и обозначенныя точками слова (т. II, стр. 190) въ самомъ характерномъ мѣстѣ апокрифа: «И паки рѣхъ [1]): Господи, всѣ (ли) христіяне во едину муку пойдутъ—патріархи, Царіе и Князи, убогіе и богатіе? И слышахъ Гласъ глаголющіи: Слыши Праведніи Іоанне, Пророкъ Давидъ рече: терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца. А патріархи грѣшніи и епископи, царіе и князы погнанни будуть во тму кромѣшнюю якъ скотъ и вси восплачутся яко младенци: и раздѣлятся грѣшніи ови во огненную рѣку, ови оу червъ неусыпающіи, ови во муку розну, и тако раздѣлятся грѣшніи».

21. *Того же вопроси ко Аврааму о праведнихъ душахъ.* Тихонр. № 60. Текстъ напечатанъ у Тихонравова II, 194—196, Пам. стар. рус. лит. III, 113—116.

22. *Варфоломѣеви вопроси ко Богородици како Христа родила.* Тихонр. № 46, текстъ Тихонр. II, 18—22.

23. *Епистолія о недѣляхъ.* Тихонр. № 64. Текстъ Тихонр. II, 311—322; Пам. стар. русс. лит. III, 150—153 (три варьянта); Дрогобицкій сборникъ (фрагментъ); сборникъ Яремецкаго «Слово о св. Недели, сіе есть Епистолія, приказаніе Господне слова положеніе». Это одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Южной Руси апокрифовъ; списки его можно найти почти въ каждомъ селѣ. Въ новѣйшее время коломыйскій типографщикъ М. Билоусъ выпустилъ нѣсколько лубочныхъ изданій этого апокрифа п. з. «Листъ небесный» и продавалъ его въ три дорога преимущественно неграмотнымъ крестьянамъ, которые носятъ его на груди, какъ амулетъ.

24. *И о древѣ крестномъ.* У Тихонр. № 4 и 5. Текстъ у Тихонр. два варьянта, т. I, стр. 305—308; Порфирьевъ три варьянта; Пам. русс. лит. т. III, стр. 81—85 три варьянта; въ рукоп. сборникѣ Яремецкаго имѣются слѣдующіе варьянты: а) Слово святаго Григорія Богослова о крестѣ честномъ, о Адамѣ и за два разбойники и прочая; б) Оуказъ о другомъ древѣ крестномъ на немже распяся праведный разбойникъ; в) Оуказъ о третомъ древѣ крестномъ, на немже распятся невѣрный разбойникъ; г) Оуказъ како собравшимся честнимъ дре-

---

[1]) Знаки препинанія ставлю согласно современнымъ требованіямъ.

вамъ въ Іерусалимъ; д) Слово о честномъ Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа; фрагменты сказанія о крестномъ древѣ есть и въ Дрогобицкомъ сборникѣ.

22. *Хожденіе Петрово по вознесеніи Господнемъ.* Въ индексѣ Тихонравова нѣтъ апокрифической статьи подъ такимъ названіемъ, такъ какъ имѣющееся подъ № 33 «Петрово обавленіе», повидимому, совсѣмъ отдѣльная статья. Быть можетъ, это были апокрифическія дѣянія св. Петра, содержаніе которыхъ вошло въ извѣстныя жизнеописанія св. Петра, печатающіяся въ Четьихъ-Минеяхъ и прологахъ и получившія нѣкоторымъ образомъ каноническое значеніе.

26. *Что отрочатемъ Христа продавали, и что риби по суху ходили.* И этого сказанія, которое составляло, вѣроятно, эпизодъ какого-нибудь утеряннаго евангелія дѣтства Христова, нѣтъ въ индексѣ Тихонравова.

27. *Дѣтство Христово.* У Тихонр. № 37. Текста этого апокрифа нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ, вотъ почему я и прилагаю при концѣ этой статьи имѣющееся у меня въ рукописномъ сборникѣ Испасскомъ «*Слово человѣческое о младенствѣ Іисусѣ Христовѣ царскомъ*» съ присовокупленіемъ варьянтовъ по списку Яремецкаго статьи изъ «*Слово о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ како играяся съ дѣтьми жидовскими сотворивъ 12 птицъ*».

28. *Богородицино Хожденіе по мукахъ.* У Тихонр. № 47. Текстъ въ двухъ варьянтахъ у Тихонр. II, 23—39; Пам. стар. русс. лит. III, 118—124; замѣчательный фрагментъ (безъ начала) на 20 страницахъ въ рукоп. сборникѣ Яремецкаго.

29. *Лобъ Адамовъ, что дванадесять служебъ внемъ, и седмъ царей подниме сидѣло.* У Тихонр. № 3. Текстъ этого сказанія неизвѣстенъ; то, что напечатано въ Пам. стар. р. лит. III, 14, есть только отрывокъ изъ статьи совсѣмъ другого содержанія. Прилагаю здѣсь краткое «*Слово о главѣ Адамовѣ, како въ корени лежала*», имѣющееся въ сборникѣ Яремецкаго.

30. *Имена Ангеломъ.* Тихонр. № 66. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 345—346.

31. *Прѣніе Діяволе со Христомъ.* Тихонр. № 58. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 282—288; въ рукописномъ сборникѣ Яремецкаго имѣется интересное «Слово о побѣдѣ діявола, како бесѣдоваху Іисусъ Христосъ съ діяволомъ на горѣ.

32. *О службѣ таинъ Христовыхъ, что поздять обѣднею и врата небесния затворяются и ангели попа кленуть.* У Тихонр. № 69 Текста нѣтъ въ сборникахъ.

33. *О пустелницѣ Макаріи мнисѣ римстѣмъ, что три черици нашли его за двадесять поприщъ отъ рая.* У Тихонр. № 49. Текстъ въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 59—77; Пам. стар р. лит. Ш, 135—142 (двѣ редакціи).

34. *О китоврасѣ.* У Тихонр. № 26. Текстъ Тихонр. I, 254—258; Пам. стар. р. лит. Ш, 51.

35. *I о Соломоновихъ ложнихъ судѣхъ.* У Тихонр. № 25. Текстъ Тихонр. I, 259—272; Пам. стар. р. лит. Ш, 55—57.

36. *О двунадесятихъ Иаковлиихъ глаголемая лѣствица.* У Тихонр. это повидимому одно заглавіе разбито на №№ 9 и 10. Текстъ подъ загл. «Лѣствица» у Тихонр. I, 91—95; Пам. стар. р. лит. Ш, 27—32; Порфирьевъ «Лѣствица Іакова» 138—139.

37. *Давидови пѣсни.* У Тихонр. № 19. У Порфирьева стр. 237 есть статейка подъ загл. Псалмы Давидовы». Можетъ быть, авторъ индекса имѣлъ въ виду апокрифическое сказаніе о томъ, какъ Давидъ написалъ свой Псалтирь. Сказаніе это опубликовано мною въ журналѣ «Зоря» 1886 г. по Дрогобицкому списку; оно имѣется и въ сборникѣ Яремецкаго подъ загл. *«Слово о цару Давиду, како списалъ Псалтирь всѣхъ псалмѣвъ* (sic!) тѯѕ (365).

38. *Софоніе обавленіе.* У Тихонр. № 21. Текста нѣтъ въ печатныхъ сборникахъ.

39. *О древѣ крестнѣмъ, что Христа в попи ставили.* У Тихонр. № 40. Текстъ сказанія «О іерействѣ Іисуса Христа» въ двухъ редакціяхъ у Тихонр. II, 164—172.

40. *И какъ Христосъ плугомъ оралъ, то Іеремѣй попъ болгарскій солгалъ.* У Тихонр. № 41. Текстъ этого апокрифа неизвѣстенъ.

«Сутъ же—говорится далѣе въ рукоп. Яремецкаго—і о мученницѣхъ лжею складено, а не тако, якоже въ мѣнеяхъ и въ пролозѣхъ писано.

41. *Георгіево мученіе, еже рече отъ Дадіяна царя оумученъ.* Тихонр. № 52. Текстъ этого апокрифическаго мученія Тихонравовъ II, 100—111.

42. *Никитино мученіе, налицающе его царева сына.* У Тихонр. № 53. Текстъ тамъ же II, 112—120; Пам. стар. р. лит. Ш, 146—149.

43. *Евстратіево мученіе.* Нѣтъ въ индексѣ Тихонравова.

44. *Ипатіево мученіе, что седмію оумиралъ и седмію ожилъ.* У Тихонр. № 54, текстъ тамъ же II, 121—145.

45. *Климента анкирскаго мученіе.* У Тихонр. № 54. Текста нѣтъ.

«И инѣхъ многихъ лжею складено. Соутже и ина между божественними писаніи ложная оученія написана отъ іныхъ на пакость невѣжамъ, внихже.

46. Молитвы о трясавицахъ. (Тихонр. № 73; тексты тамъ же III, 351—352.

47. *И о нежитъхъ.* (Тихонр. № 74).

48. *И о недузъхъ.* (Тихонр. № 75).

«Имже ерет ци исказили церковная преданія и апостолская правила, пишуще ложная словеса».

Хотя Яремецкій или тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свой списокъ апокрифовъ, повидимому и не имѣлъ намѣренія составить полную библіографію извѣстныхъ ему такъ или иначе сказаній того рода, то все таки мы находимъ здѣсь нѣкоторыя новости, не встрѣчающіяся въ богатомъ, сводномъ спискѣ Тихонравова. Что этимъ каталогомъ не исчерпывался составъ апокрифическихъ сказаній, бывшихъ въ обращеніи среди южно-русскихъ грамотныхъ людей и извѣстныхъ даже самому Яремецкому, въ этомъ мы убѣждаемся изъ содержанія его сборника, въ которомъ, кромѣ приведенныхъ выше, мы встрѣчаемъ еще слѣдующія апокрифическія сказанія.

49. О Симеонѣ Богопріемци слово.

50. Сказаніе о Іосифѣ обручнику Пресвятыя Дѣвы.

51. Родословіе Пресвятія Богородици отъ котора колѣна.

52. Яко повелѣ Богъ Моисею сотворити змію мѣдяну.

53. О разбіеніи зміи мѣдяной, егда разбивъ Іезекія.

54. О царехъ перскихъ како пріидоша со дары.

55. О еллинскихъ мудрцехъ иже отъ части пророчествоваху о превишнемъ божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ Пречистія Богородици.

56. Пророчество о Христѣ и о Пречистой Богородици въ кумирници еллинскаго кумира Аполлона.

57. Слово о Сивидлѣ пророчици и о Давидѣ цару.

58. Слово о Мелхиседецѣ цари Салимскомъ св. Афанасія Александрійскаго (текстъ напечатанъ въ Пам. стар. русс. лит. т. III, 22—23).

59. Слово о ҃ві пятницахъ и о градѣ Шпалѣ року Божія ҂аХ, же естъ на ползу христіяномъ (срав. Тихонр. инд. № 68, текстъ въ четырехъ редакціяхъ тамъ же II, 323—338).

60. Слово о сотвореніи Ангелъ и Архангелъ и о прочихъ безплотныхъ силахъ. (Сравн. Порфирьевъ, апокриф. сказанія 83—88).

61. Слово дуже дивно и душеполезно о Флавіянѣ разбойницѣ иже разбои творяше въ странахъ египетскихъ.

62. Слово о двохъ разбойникахъ о Гестѣ и Дизмѣ какося зачали и како зросли и како распято ихъ на обѣ странѣ Господа нашего Іисуса Христа,—которое я воспроизвожу здѣсь, какъ предполагаемый эпизодъ какого-то утеряннаго апокр. евангелія о дѣтствѣ Христовомъ.

63. Сказаніе учителя церковнаго Іеронима святаго о Іюдѣ предателѣ Господа нашего Іисуса Христа—текстъ напечатанъ въ приложеніи къ статьѣ М. Драгоманова «Славянскитѣ прѣправки на Едиповата история» (Сборникъ за нар. умотвореніе, т. V).

64. Слово о скончаніи вѣка сего, о войнахъ измаилскихъ и цару Михаилу и о антихрестѣ и о страшномъ судѣ.

65. Громникъ Моисея Громовидца, опубликованный мною въ «Кіевской Старинѣ».

66. Рождественникъ сложенъ и приведеніемъ Ангеловымъ избранъ.

Въ рукописномъ сборникѣ, полученномъ мною изъ Испаса, имѣются, кромѣ приведенныхъ уже, слѣдующія апокрифическія сказанія.

67. Житіе святаго Преподобнаго Іосифа Прекраснаго (отрывокъ безъ начала).

68. Сказаніе о царю Соломонѣ како закона бѣси во единой дельвѣ тмами темъ, тысящами тисящъ», сказаніе, кажется, до сихъ поръ неизвѣстное въ печати, почему я также воспроизвожу его въ приложеніи къ этой замѣткѣ.

Миронъ.

Приложенія.

I. Слово о главѣ Адамовѣ како в корени лежала.

Глава Адамова во корени древа лежаше коло Іерусалима. Не вѣдаше нѣхто. Во еденъ денъ Соломонъ царъ пошелъ на лови. Еденъ рабъ его ношаше царскій плащъ и ястроба и хорта. И отдѣлися отъ Соломона. Внезаапу (sic!) же бисть бура велія. Оній рабъ оувидѣвъ пещеру исховался въ тую пещеру. И видѣвъ тако яко кость каменъ велми дивяшеся. Буря же дождевная преста, рабъ же ис пещеры изіде,

ко царю Соломону. Сол монъ же со гнѣвомъ рече ему: что тамъ творишъ, плащъ мои еси взялъ, а мене буря потопила, а ты чему незмоклъ еси. Рабъ же рече: Господине мой, азъ я оувидѣлъ пещеру и вошелъ, а тая пещера костяная. Царъ рекъ: азъ я пойду и вижду ея. На утріи же день поихалъ Соломонъ къ пещерѣ и увидѣлъ оную пещеру. И повелѣ очистити отъ персти и отъ корѣня, и видѣ Соломонъ и позна, же то не пещера, але глава Адамова. И уразумѣвъ якъ тамъ она принесенна бисть. И собра Соломонъ всю державу свою и рече: како я сотворю, творите вси тако. Соломонъ же вземъ Рукомію и рече: поклоняю ти ся яко первой твари Господней. Народъ же ввесъ тако сотвори. И сотворивше молитву надъ главою возложиша ѣ на горѣ Голгофѣ. И того ради нарече Литорги (?) страхъ, и тоу бисть горище всему Іерусалиму.

II. Сказаніе о царю Соломонѣ, како закопа бѣси во единой дельвѣ [1]) тмами темъ, тисящами тисящъ.

Царъ Соломонъ Іерусалимскій сотвори вечерю велію и пойде на мѣсто безводное глаголющи: Сатано, пріиди ко мнѣ на вечерю. И абіе явися ему сатана и пойде съ нимъ. Рече же Соломонъ: азъ есмъ царъ надъ царѣ а панъ надъ пани, и нѣсть инаго подъ слонцемъ кромѣ мене. Рече же діяволъ: щожъ на томъ ижъ ти великимъ царемъ, гди предивного знаменія не учинишъ, и ноя царъ надъ царѣ и панъ надъ паны, и нѣсть инаго кромѣ мене. Вѣмъ такое древо ижъ ты должайшого не маешъ въ своемъ панствѣ, и тое дерево есть вельми далеко, а гди би сія два сагнулъ а за третимъ реклъ бихъ аби было ту, и било бы. Рече же Соломонъ: я естемъ моцънѣйшій, кроль надъ крольми и панъ надъ пани. Азъ маю царство отъ востокъ солнца до западъ; а гди быхъ схотѣлъ заразъ, то зъ оусего панства моего стали бы предо мною. И рече діаволъ: еще я можнѣйшій и моцнѣйшій и надъ тебе и надъ всѣ кролѣ, и нѣсть инъшого другого якъ я. Азъ маю множество слугъ моихъ. А гди быхъ схотѣлъ, то стали бы вънеть предо мною вси, и такую имамъ моць, абыхъ всѣхъ претворилъ во макъ, абы ся вмѣстили во едину дельву. И посмѣялъ ся Соломонъ и рече: не вѣрую я тому, абысь мѣлъ слуги свои во макъ претворити и въ едну дельву вомѣстити. А гди повелѣ сатана всѣмъ преисподнымъ своимъ, и сташа предъ нимъ, онъ же претворилъ ихъ

---

[1]) Дельва—слово болгарское, значитъ бочка

во макъ и оусипавъ всѣхъ во дельву. Тогда нача Соломонъ чуду дивити ся. Потомъ веемъ шпуйтъ и заби ихъ добрѣ во дельвѣ той и запечаталъ знаменіемъ нареченнымъ пророчествующи: во имя отца и сына и святаго духа, аминь, и глаголаше: не изійдѣте отсюду (токмо) силою и повеленіемъ царя. И попровадилъ ихъ на поле Деире, где сотвори царъ Навходоносоръ тѣло златое и закопа ихъ тамо. Пойдеже старшій сатана ридая и плачася во мѣсто свое. Потомъ по оумертвіи Соломоновѣ нача Иродъ царствовати. Діаволъ же зѣло тщашеся, како бы моглъ слуги свои воздвигнути. И оузрѣ Ирода млада разумомъ, и пойде во царство его, сидяще же въ билію и нача себѣ творити пищали, потомъ въземъ козлища проклята отъ стада Иродова и сотвори игру. Единъ день сѣде на вербѣ и нача пискати. Слышаша людіе и повѣдаша Иродови цареви таковій гласъ пречудній. Тогда посла царъ слуги своя видѣти что есть. Они же шедше моляху его, дабы пришолъ сними во цареви. И видѣ его царъ пречудна воина и рече: что ти еси и отъ коея страни. И рече діаволъ: азъ есмъ хитрецъ надъ всѣми майстри и игрецъ надъ игрцами. Молю тя, рече ему царъ, живы во дому моемъ и весели домъ мой по вся дни. Азъ же воздамъ ти мзду твою и сотворю тя велика во царствіи моемъ. И сотвори ему обіцу келію зѣло красну ко стѣнѣ близъ покою своего. Потомъ сотвори Иродъ пиръ велій рождеству своему и созва вся велможи отъ царства своего, и повелѣ въ бубны бити и играти гудницамъ предъудницамъ, въ сурми и во вся розніе музики, и жадній не моглъ оугодити Иродіядѣ, дщери Филипа брата Иродова. Егда же нача діяволъ играти во вся (вѣроятно своя) игри нарицаемія пищали, еже просто рещи въ дуди, и абіе возвеселися Иродіяда и нача скакати и плясати и оугоди зѣло Иродови. Рече же ей: чадо, что хощеши, проси оу мене, дамъ ти, и полъ царства, моего. Онаже скоро рече ко матери своей и рече: что прошу у царя, понеже нынѣ обѣщалъ ми полъ царства, или ино что, еже хощу. (И рече) ей мати: Проси на блюдѣ главу Іоанна Крестителя, то все будетъ наше. Шедши же дѣвица и рече царю предъ всѣми вельможами: дай ми царю главу Іоанна на блюдѣ. Слыша царъ и смутися зѣло, имѣяй бо его оучителя велика, и нехотяше преступити слова ради предсѣдящихъ ему со нымъ, послаша въ темницу мучителя, и оусѣкну главу Крестителя, и даша на блюдѣ дѣвици, она же принесе матери своей, и возложи на главу свою, паки нача плясати предъ всѣми. Оле дивное чудо! Брашно и питіе многоцѣнное предъ всѣми постановленное во кровъ претворися. Потомъ рече діаволъ

царю: не печалуй ничтоже сію скорбъ. Сотвори еще памятъ отцу твоему, пойдѣмъ на поле Деире, возвеселѣмъ ся тамо еще. Идущимъ же имъ нача діяволъ скакати и плясати предъ всѣми идущими. И егда прійдоша на поле Деире, гдѣ тѣло злато сотвори Навуходоносоръ царъ, прійде же діяволъ на мѣсто идеже закопа Соломонъ бѣсы и рече цареви: что сія могила. Рече же царъ: слышахъ отъ отца азъ, яко отецъ мой закопа ту бѣси. И рече діаволъ: нѣсть царю еже ти глаголеши, но отецъ твой закопа ту злато и сребро и каменіе многоцѣнное и рече сице: аще будетъ отъ сыновъ моихъ мудръ, то вийметъ тое сокровище. И радъ бысть царъ и повелѣ копати, и найдоша дельву зѣло великую. Рече же діяволъ: запрѣти царю всѣмъ отити отъ насъ. И егда отбиша шпунтъ, и абіе пойдоша бѣси яко мгла. Тогда діяволъ посмѣяся зѣло безумію Иродову. И раступися земля и пойде Иродъ во пропасть со всѣмъ домомъ своимъ

III. Дѣтство Христово.

А) Слово человѣческое о младенствѣ Іис. Христовѣ царскомъ.

И еще Господу нашему Іисусу Христу Царю двома лѣтома бывшу и граша въ рѣчищахъ со жидовскими дѣтьми и сотворы исъ калу дванадесять птицъ, и сплеснувъ руками, а оны возлетѣша. И бысть же въ субботу и граша и суть мнозіи дѣти бяху съ нимъ играюще. Видѣвъ же то единъ жидовинъ шедъ скоро возвѣсти отцу Іосифу, отцу его сице глаголя: отрокъ твой во рѣчищахъ играетъ и вземъ калъ и сотвори исъ калу дванадесять птицъ и сплеснувъ руками, а они возлетѣша, осквернивъ есть намъ субботу. И шедъ Іосифъ и призва его, Ісусъ же играя воскочи къ нему на рамо. Іосифъ веде его на мѣсто и научи. Іисусъ же рече тому жидовину: се нынѣ обидѣхъ мя еси. И не доиде жидовинъ до дому, абіе впадъ и умре. Видѣвъ же тое другій жидовинъ и возопиша глаголюще: откуду отроча? и пришедши родители и нападоша и рѣче ко Іисусу Христу: что сякоя (вѣроятно вм. такое) отроча маешъ, и то не имашъ съ нами во градѣ быти [1]); аще то хитро, учи его на доброе, да нехай не клянетъ чужихъ дѣтей и не искушаетъ. Призвавъ же Іосифъ Іисуса и въ томъ поучаше Его: почто клинеши чужихъ дѣтей и мрять, прето насъ хочутъ изгнати изъ сего града. Іисусъ же рече ко Іосифу: сія ты глаголю отче мой у послушавшаго мя, примолчи, а тіи да мрутъ по

---

[1]) Здѣсь текстъ очевидно испорченъ, смотри слѣдующій варьянтъ.

дѣломъ своимъ, тебѣ не надобѣ. А тіи глаголюща нань вси охромоша и ослѣпоша, и тіи видѣвше оубояшася, потомъ же не разумѣютъ никто же гнѣватися нань. Іосифъ же емъ его за оухо и возвлече и. Інсусъ же рече ему: Не гордуя не владѣетъ мене искати обратиша мя во разбойнически. Во истину, не вѣдаешъ, что я творю изъ моря яко (по ошибкѣ написано еще разъ яко) единъ день, и тіи неоскудѣютъ мене. Твой есмъ азъ, къ тебѣ волею пріидохъ. Учитель же именемъ Закхей стоя и слыша глаголюща Інсуса отцу дивися, и рече Іосифу: И се глаголеши отроча мудрое, и да его да вивчимъ грамотѣ. Поемъ отроча Іосифъ веде его и рече: учителю брате, пойми его ко себѣ. Слышавъ же Інсусъ отца своего глаголюща разсмѣяся и рече майстру дидаскалевѣ: Во истину вѣмъ ти елико рече отецъ мой. Истинну глаголю, ижъ всему тому я Господь есмъ, вы же чужди есте и не вѣсте, яко мнѣ единому власть есть дана, азъ есмъ прежде всѣхъ вѣкъ, нынѣ родихся и не вѣсте азъ откуду есмъ или кто азъ, вѣдаю колико лѣтъ живота вашего. Воистинну глаголю ти учителю, егда ти раждаешися и азъ ту стояхъ прежде рождества твоего и видѣхъ азъ. Воистинну, аще хощеши совершенъ быти учителю, то послушай ты мене, азъ тя научу премудрости, ея же никтоже не вѣсть развѣ мене, яко вамъ истинну реки и егда узрите крестъ тогда речеши: Отецъ мой еси ты. Сущіи же то жидове слышавши словеса глаголюще: Пять лѣтъ, что отроча сіе глаголетъ, иже не слышахомъ ни отъ архіереи ни отъ фарисеи ни отъ учителей. Рече же имъ Інсусъ: не дивитеся тому, вѣдаю, егда миръ созданъ бысть. Слышавши словеса сія жидове и оубояшася и ничтоже можаху рещи. Інсусъ же рече: Вѣдаю, учителю, яко есте слѣпи—горе вамъ!—и хроміе—горе вамъ! яко мене оучите а себе хвалите. Закхей же емъ его за руку и веде его ко отцу и рече учитель: горе мнѣ! Поими отроча сіе Іосифе, яко не могу его учити, аще онъ меня учитъ. Інсусъ же играя по обычаю со жидовскими дѣтьми вошедши въ жидовскій храмъ тече предъ ними по солнцу и ста высоко, и повелѣ всѣмъ ити по солнцу и стати высоко, и повелѣ стремглавъ разсипатися солнцу и побишася вси, и нача Інсусъ смѣятися, избѣгшу Інсусу по солнцу. Пріиде другій маистеръ ко Іосифу и рече ему: приведи отроча свое, да научу его грамотѣ. Іосифъ емъ его за руку и веде его ко маистру и умоли его да научитъ его алфавита. Вопроси же маистеръ Інсуса дальнего слова алфавита, Інсусъ же не рече ничтоже и молчаше, маистеръ же удари Інсуса въ ланиту. Інсусъ же рече ему: почто мя біеши, злодіиху! Азъ ти повѣдаю, да что мя учиши, а самъ не вѣдаешъ. Аще

еси правый учитель протолкуй мнѣ (что) зовется алфавита? И рече по сихъ: азъ есмъ единъ и книги во мнѣ суть яко мѣдь звѣнящая. Слышавши учитель и смятеся и неумѣ слова отвѣщати ко Іисусу, и рече: Охъ мнѣ окаянному, азъ измѣнихся, самъ на себе срамоту наведохъ, отроча сіе[1])... наставлячи его на всю ревность: пойми брате Іосифе его къ себѣ, не стерплю страсти его, и сіе отроча нѣсть отъ земного роду, но прежде сотвореннаго. Потомъ уноша младо и посѣкоша дрова во сосудѣ (должно быть сосѣдѣ) Іосифовѣ и ударися секирою и растерза плѣснѣ и нозѣ надъ и вмираше и въ мовѣ велицеи бываше. Іисусъ же емъ его за правую ногу и простягъ и бысть нога цѣла болящая и глаголя Іисусъ: уноша востани. И прехвативши уноша сонній и облобиза и, народъ же многъ дивися и рѣша Іисусу: Воистинну Богъ живетъ въ немъ. Бывшу же Іисусу шѣсть лѣтъ и посла мати его по воду, а онъ тече скоро и разби корчажецъ и нѣвчомъ ему воды принести. Онъ же боюся матери своей и знявъ сорочку и начерпа воды полну и принесе матери. Видѣвши то жидове и дивишеся, и прихватившися ко матцѣ облобыза и. И паки во время сѣянія иде Іисусъ со отцемъ сѣяти пшеницѣ на ниву. Егда же отецъ его обѣдаше, и посѣявъ пшеницѣ едну спудъ, въ единъ же день пожне и сотре и принесе десятъ спудовъ пшеницѣ отцу своему, и взялъ Іосифъ и цѣлова его, призвавъ же убогихъ и розда пять мѣръ, а себѣ пять мѣръ оставилъ. Втоежъ время созда Іосифъ полату мужу богату зѣло во градѣ. И не имѣяше мѣры и коротко бысть едно бервено и печаленъ бысть Іосифъ велми. Пріиде же ко отцу Іисусъ и рече ему: Печаленъ еси отче мой? И рече Іосифъ: зле ми ся стало. И рече Іисусъ: положи правило на земли? И положи Іосифъ правило на земли, и приступи Іисусъ, емъ его за конецъ краткое бервено и протягъ равно съ другимъ. И рече Іисусъ: Не тужи отче мой, что ти покажу (тъ), призови мене, я тебѣ сотворю дѣло свое. И рече Іосифъ: Болозѣ мнѣ Богъ такое отроча далъ! И емъ его за руку Іосифъ и веде его ко майстру, иже полотенца робить. А майстеръ далъ Іисусовѣ тридцать хамо(въ) бѣлыхъ и рече: Уклади оурозніе цвѣти, ово въ червленное, ово въ зеленое, ово въ багровое, ово въ витканое, азъ же на орудіе иду. Іисусъ же веземъ хами усѣ у чермну кадь (вложи). И пріидѣ майстеръ и рече: чи уложилъ еси хами? Іисусъ же рече: уложилъ всѣ въ чермну кадь. Онъ же возопи великимъ гласомъ и разорва ризы своя: чему еси

[1]) Здѣсь не достаетъ, кажется, двухъ, страницъ рукописи.

уклалъ у едину кадь? Азъ тебѣ рекохъ у различніе кади оуложи! И восхити нань копіе, Іисусъ же убояся и побѣже, и ста за Іисусомъ дерево велико яко дубъ, и видѣ сіе чудо майстеръ и оубояся. Потомъ призва его и пришедъ Іисусъ Христосъ Господь Богъ царь и ста надъ кадію червленною и рече: не тужи майстру, якихъ тебѣ хамовъ надобѣ? Онъ же рече всякіе, и вынималъ Іисусъ Христосъ Господь Богъ Царь Вседержитель хами отъ различныхъ цвѣтовъ ис червонои кади. И пріишовъ ко Іисусовѣ Христовѣ Господу Богу Царевѣ Вседержителю майстеръ и удари чоломъ: Воистину сынъ человѣческій, Сынъ Божій Царскій ты! И приведе его ко отцу его. Поими, Іосифе, се дивная чудеса видѣхъ. Поемъ его Іосифъ и веде его ко майстру книжному, да научитъ его алфавита. Глаголя жидовинъ ста многажды Іисусъ же глаголя ему: Ащо ты правый оучитель и научоній добре писма, то рци мнѣ алфавита, азъ же ты отвѣщаю. Разгнѣвався (учитель) и удари Іисуса Христа Царя Господа Бога по ланитѣ. Іисусъ же рече: Проклятый оучителю! (И) падъ оный оучитель и воумре. Іисусъ же пріиде ко отцу, и соскорбѣ Іосифъ о чадѣ. Пріиде ко Іосифу другій майстеръ и рече: Приведи сына своего въ наказаніе, низли могу легко научити его еллинскимъ книгамъ. И рече Іосифъ: поими, брате, его съ собою. И уземъ учитель со опасеніемъ и веде его: Іисусъ же иде съ нимъ; внійде въ домъ его ко другимъ учителемъ (и) обрѣте книги лежащія на лавицѣ (и) разгнувъ книгу лежащую великую нача чтити духомъ святымъ. Учитель же пріиде и послуша его глаголя, да боліе глаголетъ. Народъ же многъ пріиде и послуша его. И рече учитель: Іосифе азъ поняхъ (его) яко ученика себѣ, а онъ исполненъ благодати Божіей и премудрости. И рече: брате Іосифе, поими его ко себѣ. Утру же бывшу посла Іосифъ сына своего по хврастіе. И се змія лютая усѣкнула его за руку, падъ Іаковъ и здше. Іисусъ же дунувъ на лице, и угризновеніе аспиду испаде. Іаковъ же прозрѣ, а змія распадеся на три части. И паки женѣ его (вѣроятно д. б. едной) отроча умре, и плакася жена. Слышавъ Іисусъ и пришедъ тамо, видѣвъ отроча мертво и рече: Отроча не умирай но живо буди! И абіе разсмѣяся отроча и воста, и рече Іисусъ: Жено, пріими отроча свое и дай ему ясти. Видѣвши же народи многи и рѣша: Воистину Богъ живетъ въ немъ. И паки, бывши высотѣ созданной, и спаде человѣкъ свисоти и разбися, и умираше, истеченну бывшу много людей. Слыша Іисусъ Христосъ рече тамо и видѣ человѣка мертва лежаща, и емъ его за руку и рече ему: Человѣче востани и твори дѣло свое. И абіе воста и по-

клонися ногамъ Іисусовымъ. И видѣвши народи многи и чудишася. Утру же бывшу Іосифъ и мати его искаста его тужаща и ищуща и по трехъ днехъ обрѣтоша его во церкви стоящи посредѣ учителей и послушаша его да разумѣютъ отъ него, дивляхуся же и мысляху въ себѣ: како отроча пріидетъ страшная книжники. Іосифъ и мати рекоста къ нему: что сотворилъ еси намъ чадо: тако мы скорбяще и боляще о тебѣ! Рече же Іисусъ: что ищете мене, се суть обители Отца моего и повелѣ мнѣ быть въ оныхъ. Или не вѣмъ, яко Отецъ мой на небесе живетъ. Фарисеи же рѣша ко матери: Ты ли еси мати отроча сего? Она же рече: Азъ есмь. И рѣша ей фарисее: Блаженна ты во женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего! Таковыя силы не видѣхомъ ни отъ когоже. И воста Іисусъ Христосъ Господь Богъ Царь Вседержитель и иде во слѣдъ Матери своея. Отроча же растяше и крѣпляшеся духомъ и силою. Нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ Аминь.

Б) Слово о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ камо играяся со дѣтьми жидовскими и сотвори ͞ві птицъ.

Во едино лѣто играющеся Господу нашему Іисусу Христу со дѣтьми жидовскими на едномъ мѣстѣ, и веемъ Іисусъ Христосъ калу, и сотворивъ ͞ві птицъ, и плеснувъ надъ ними руками, оніе птицы ожили и полетѣли. Оучоувша же тое жидове, и зійшлися до ради, и пошли до Іосифа и мовлять: Іосифе, отрокъ твой играетъ въ рѣчи дивніе: взялъ калу, излѣпилъ ͞ві птицъ и сплѣснувъ руками надъ птицами, а птицы ожили и полетѣли, и осквернилъ намъ субботу. Пойдеже Іосифъ ко Іисусу, Іисусъ же играяся и скочилъ ему на рамена. Іосифъ же принесе Іисуса на мѣсто свое и научи его. Іисусъ же рече жидовинамъ: се по нинѣ обидисте мя еси! И жидовинъ недоидоша до дому, и абіе падоша и умреша. Друзіи же жидове возопиша и глаголюще: откуду сіе отроча? И нападоста Іосифа глаголюще: что такое отроча имаешъ хитрое! Учи его на доброе, нехай не клянетъ и не искушаетъ нашихъ дѣтей, бо ти Іосифе не будеши жити съ нами во градѣ, але тя виженемъ. Призвавше Іосифъ Іисуса и глаголетъ: Почто ти кленешъ чужихъ дѣтей, що мрутъ? Прето хотятъ насъ вигнати изъ града. Іисусъ же реклъ отцу своему Іосифу: отче мой, тіи иже на насъ глаголютъ противу дѣломъ своимъ, нехай оглухнутъ и ослѣпнутъ. И тое увѣдавше жидове вси оубояшеся и не

смѣяши ничтоже на Іисуса рещи и гнѣватись. Учитель же еденъ именемъ Затхей слышавъ Іисуса глаголюща ко Іосифу и рече: Іосифе брате, се отроча имаешъ, дай его мнѣ, нехай учитъ грамоту. Поемъ Іосифъ отроча и воведе его ко учителю и рече: Оучи брате отроча сіе. Слиша же Іисусъ Іосифа глаголющаго и засмѣяся рече: Даскале, воистинну вѣмъ елико ти рече отецъ мой Іосифъ. Азъ есмь Господь, ви же не вѣсте, якая мнѣ едному власть, яко азъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ, а нынѣ родихся съ вами. И азъ вѣмъ, колко лѣтъ живота вашего. Учителю, послухай мене, азъ тя научу премудрости, ея же никто не вѣсть развѣ мене и пославшаго мя ко вамъ. Сущія жидове услишавши словеса сія, глаголюща (вм. глаголаша): є̃ лѣтъ отрочати сему и глаголетъ еже не слишахомъ ни отъ архиерей ни отъ учитель ни отъ фарисей. Рече Іисусъ: что сему дивитеся? вѣдаю, егда былъ миръ созданъ. Въ той часъ оуслишавши жидове и убояшася и не смѣяху ничтоже рещи на Іисуса. Христосъ же играася и скаща глаголюще: Вѣдаю, учителю, яко ви есте слѣпіе. Горе вамъ, яко мене учите, а сами не знаете, хвалитеся. Затхей же веземъ его Іисуса за руку, и приведе его ко Іосифу и рече: Поими, брате Іосифе, отроча сіе, я не могу его учити, о горе мнѣ! Отроча тое меня учитъ. Іисусъ же внійде по обичаю во жидовскій храмъ, играяся со дѣтьми многими жидовскими. Ісусъ же побѣгне по слонцу но променяхъ предъ дѣтми и ста высоко, а дѣти жидовскіе пошли за Іисусомъ и полетѣли стремглавъ и побилися вси, и нача Іисусъ смѣятися и збѣже по слонцу. И рече другій майстеръ ко Іосифу: приведи ми отроча и научу его грамоти. Іосифъ же емъ Іисуса за руку и веде его ко майстру. Майстеръ же веземъ его учити грамоти, Іисусъ же молчаше, не рече ему ничтоже, майстеръ же удари его въ главу. Іисусъ же рече ему: Почто мя еси оударилъ въ главу, разбойнику, злодѣятелю? Горе тебѣ! Да чого мя учиши, а самъ ничтоже не вѣдаеши. Аще правый учителю, протолкуй ми что мовитъ алфита (д. б. алфавита). Азъ же и по сихъ книги во мнѣ суть. Майстеръ же въ той часъ ужасеся и не смѣя ничтоже изрещи противно отрочати. И рече: охъ мнѣ, азъ окаяній самъ на себя срамоту наведохъ. И рече: Поими брате Іосифе отроча сіе! Сіе отроча нѣсть отъ земнаго рода, но прежде сотворенія. Единъ юноша младій рубавъ дрова въ сусѣда Іосифоваго, и ударился секирою, и ста секира плесень ноги его и надъ умираше, и у молвѣ велицей бивши, и стеченію тамо народа много. Іисусъ же поиде тамо, ледви пришедъ сквозь народъ и пріиде идеже лежа отрокъ и емъ его Іисусъ за правую руку зарубан-

ную и протягъ и бысть нога болящая здравна. И рече Іисусъ: юноша тебѣ глаголю востани! Юноша же абіе воста, народъ же вельми чудишася и рече: Воистину въ семъ отрочати Богъ живетъ. Потомъ же Іисусъ хождаше по водѣ и созда себѣ храмину каменную, народи же іудейскіе зѣло чудишася таковому виденію. Потомъ же Іосифъ послалъ сына своего Іакова по хврастъ и змія лютая увусила его за руку, и падъ Іаковъ и умираше. Іисусъ приде тамо и дунулъ на лице его и угризновеніе змінно испадетъ, Іаковъ прозрѣвъ а змія распадеся на три части. Потомъ женѣ едной отроча умретъ и плакася жена злѣ за отрочемъ. Слишавше Іисусъ и тече тамо, и видѣ отроча мертво и дунуль Іисусъ на уста его и рече: Востани отроча и живо будь! И абіе воста отроча и разсмѣяся. И рече Іисусъ: Жено пріими отроча и дай ему ясти. Видѣвши тое народи многи и рѣша: Воистину въ семъ отрочати Богъ живетъ. И паки бивше созданію високому и впадѣ человѣкъ з будинку вельми високаго и разбився и умираше, И зійшлося людей много надъ онаго человѣка. И пріиде Іисусъ тамо и видѣ человѣка лежаща, и емъ его за руку и рече: Тебѣ человѣче глаголю, востани и сотвори дѣло свое! И абіе человѣкъ воставъ и поклонился Іисусови. И видѣвши тое народи и чудишася велми. Іосифъ же и мати его ищуща во Іерусалимѣ и обрѣтоста его зо трехъ днехъ во церкви посредѣ оучителей. И послушавша его да разумѣютъ, и дивляхуся, како отроча прейдетъ старшія книжници и фѣлiозофи. Іосифъ же и мати рекоста Іисусови: Почто чадо сотворилъ намъ, како намъ вельми была скорбъ. Іисусъ же рече: Почто ищете мене? Многіи суть обители у Отца моего, повелѣ ми въ нихъ бити. Не вестѣ ли, яко Отецъ мой есть на небесехъ? Фарисее же слишавше и рѣша: Ты ли еси мати сему отрочати? Марія же рече: Азъ есмъ. Фарисеи же рѣша: Благословена ти во женахъ и благословенъ плодъ твоего чрева. Таковія слави, таковія сили не видѣхомъ николиже. Воставше Іисусъ и иде во слѣдъ матере своея и бысть слушаяй и повинуяся. Іисусъ же спѣяше мудростію и тѣломъ и благодать и исцѣленіе творяше. Ми же прославимъ Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ Аминь.

В) Слово о двохъ разбойникахъ о Гестѣ и Дизмѣ како ся зачали и како зросли и како распято ихъ на обѣ странѣ Господа нашего Іисуса Христа.

Егда изби Иродъ младенци ищущи Господа нашего Іисуса Христа, тогда Іосифъ поемъ Пресвятую Богородицу со Іисусомъ Христомъ

и пріиде во Египетъ, якъ ему казалъ ангелъ Господень. Бяху бо во горѣ два разбойники со женами и со чадами своими. И мяху бо ихъ жени два младенца. Една же жена разбойническая больная бѣ г҃ дни, отроча же ея малодушно бѣ гладомъ, а другаго же разбойника жена не взираше на тое болнія чадо. Тогда увидѣли Іосифа со Богородицею носящаго Іисуса Христа. Увидѣлъ же разбойникъ болнія жени Марію со отрочатемъ и возрадовася вельми, жеби святая Богородица накормила сосцами своимы отроча его. И рече другому разбойнику: Не сотворимъ брате, мужеви сему зла нѣ женѣ его. Поемше же разбойници Іосифа со Маріею во свою храмину, вземъ разбойникъ отроча свое и дасть его Богородици Маріи и рече: накорми жено сосцами своими отроча мое сіе, не сотворимъ тебѣ никоея печали ни мужеви твоему. Святая Богородица вземши отроча разбойническое и прекормитъ е ѯ дній сосцами своими святыми, жена же разбойническая возрадовася. Разбойникъ же къ ней глаголюще. Аще би не прійшла жена сія къ намъ, то ужеби отроча наше оумерло. И тако отпусти Іосифа и Марѣю со великими дарами. Младенца же разбойническія возрасташа, и биша разбойници якоже и родителіе ихъ. Егда же распяша Господа нашего Іисуса Христа на горѣ Голгоѳѣ, въ тое же время поймано тихъ двохъ разбойниковъ на разбою и приведше ихъ до Пилата. Пилатъ же повелѣ ихъ осудити и распяти на той же горѣ Голгоѳѣ. И сотворили г҃ креста: съ певга, кипариса и кедра. На кедрѣ же распяша Іисуса Христа, на кипарисѣ Дизму праведна разбойника, на певгѣ Гесту невѣрнаго разбойника, Дизму на правой странѣ Господа, Гесту на лѣвой странѣ Господа. Господень же крестъ бѣ закопанъ на главѣ Адамовѣи, и въ той часъ окрестился кровію Христовою. Оній разбойникъ, яже бѣ на правици, возопивъ гласомъ: Помяни мя Господи егда пріидеши во царствіи своемъ, и язикомъ рай отверзе. А той иже бѣ ошуюю похулилъ Господа и за тое во адъ вселилъ ся.

Посольство Якова Смяровского къ Богдану Хмельницкому во время осады Замостья въ 1648 году[1]).

(ПО РУКОПИСНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ).

I.

Среди кровавой исторической трагедіи, разыгравшейся во второй половинѣ XVII вѣка и носящей названіе козацкаго возстанія, среди сценъ политическихъ и племенныхъ страстей, стремившихся пожрать въ своемъ пламени цѣлость общественнаго склада древней Рѣчи-Посполитой, среди физическихъ и нравственныхъ пораженій, понесенныхъ вооруженной силой Польши, разбитой и разсѣянной козаками и татарами въ длинномъ рядѣ битвъ, начиная отъ кровопролитной расправы подъ Желтыми Водами до взятія Львова, когда казалось, что осиротѣлая послѣ смерти Владислава IV Рѣчь-Посполитая, какъ корабль, лишенный кормчаго, должна безнадежно затонуть,—есть одна сцена, безспорно высокаго драматизма, когда побѣдоносный вождь козаковъ Богданъ Хмельницкій, ободренный цѣлымъ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи-Посполитой, и

[1]) Статья эта принадлежитъ современному польскому историку Александру Краусгару, автору *„Исторіи евреевъ въ Польшѣ“*, *„Подвиговъ Криштофа Арцишевскаго“*, *„Альбрехта Ласкаго, воеводы Сѣрадзскаго“*, *„Новыхъ эпизодовъ изъ жизни Паска“* и множества мелкихъ статей. Она помѣщена въ сборникѣ „Kartki historyczne i literackie“, Kraków 1894, въ ряду статей, не имѣющихъ никакого отношенія къ исторіи Малороссіи. Помѣщаемъ ее въ переводѣ, чтобы она не была забыта въ изданіи, гдѣ интересующійся исторіей Малороссіи врядъ-ли вздумаетъ ее искать.

взятіемъ въ плѣнъ польскихъ военачальниковъ, вдругъ останавливаетъ свое побѣдоносное шествіе къ столицѣ страны и въ отвѣтъ на первое слово вразумленія, обращенное къ нему Яномъ-Казимиромъ, отдаетъ своимъ недовольнымъ полчищамъ приказъ къ отступленію и мирно возвращается на Украину.

До настоящаго времени главный мотивъ этой загадочной перемѣны фронта со стороны Богдана Хмельницкаго—оставался невыясненнымъ. Даже если принять, согласно съ утвердившимся въ этомъ вопросѣ взглядомъ, что ожидаемые результаты Варшавскаго совѣщанія, которые, казалось, должны были соотвѣтствовать духу стремленій Хмельницкаго, могли служить для него достаточнымъ поводомъ для временной пріостановки военныхъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе остаются важными для исторіи всякія подробности первоначальныхъ переговоровъ съ Хмельницкимъ, особенно въ ту минуту, когда онъ, упоенный предыдущими побѣдами, усиливается преодолѣть послѣднее препятствіе—крѣпость Замостье, чтобы въ столицѣ Королевства предложить побѣжденнымъ унизительныя условія мира.

Почти всѣ изслѣдователи тогдашней эпохи принимаютъ за неоспоримый фактъ, что первое слово примиренія обращено было Яномъ-Казимиромъ къ Богдану Хмельницкому уже послѣ совершившагося избранія, въ качествѣ короля польскаго [1]), и что исполненіе этой миссіи поручено было, по мнѣнію однихъ, двумъ королевскимъ посланцамъ: Якову Смяровскому и Станиславу Олдаковскому; по мнѣнію другихъ, миссію эту долженъ былъ выполнить одинъ только королевскій секретарь Яковъ Смяровскій, имя котораго различно передается въ разныхъ источникахъ.

---

[1]) Коховскій: Ann. Pol. ab obitu Vlad. IV. Climater primus 1683, стр. 92; Анонимъ: Hist. Jana Kazim. (Коховскаго) 1859, т. I, стр. 31 изд. Рачинскаго; Войницкій: Pamiętniki do panow. Zyg. III, Wład. IV, Jana Kazim., т. II, стр. 40; Рудавскій: Hist. Polsk. переводъ Спасовича, т. I, стр. 41; Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго въ Чтеніяхъ Имп. Моск. Общ. Исторіи и древн. 1846, т. I; изъ новѣйшихъ историковъ: Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб. 1889, т. II, стр. 49; Шуйскій, Dzieje, т. III, стр. 323; Морачевскій, Dzieje Rzeczy-pospolitej, т. VIII, стр. 48; Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego (съ рукописи), Бреславль 1842, стр. 27.

На основаніи выписокъ Августа Бѣлевскаго, которыми воспользовался Шайноха въ *„Двухъ годахъ нашей исторіи* [1])", этотъ посланецъ именуется Сваховскимъ [2]) или Смяравскимъ. Ксендзъ Садокъ Барончъ въ *„Памятникъ польской исторіи* [3])" даетъ ему имя Сѣвескаго, а Морачевскій въ своей *„Исторіи* [4])" называетъ этого посланца Рафаломъ Смяровскимъ. Однако у большей части историковъ преобладаетъ имя „Яковъ Смяровскій" и это имя—несомнѣнно подлинное.

Какъ по отношенію къ имени посланца, такъ и по отношенію ко времени исполненія имъ посольской миссіи—господствуетъ въ историческихъ источникахъ неразрѣшимая запутанность.

Въ анонимномъ изданіи „Климактеровъ" Коховскаго [5]) сказано, что Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы 27 сентября 1648 г. и прибылъ къ Замостью съ увѣдомленіемъ объ избраніи Яна-Казимира 1 октября 1648 г. Латинскій „Климактеръ" Коховскаго даетъ иную дату, а именно: выѣздъ изъ Варшавы онъ назначаетъ на 27 ноября (слѣдовательно послѣ избранія, состоявшагося 20 ноября 1648 г.), а пріѣздъ въ Замостье на начало декабря 1648 г. [6]); въ „Памятникахъ" Войцицкаго, представляющихъ подъ 1648 годомъ копію съ I-го Климактера, днемъ выѣзда Смяровскаго изъ Варшавы указано 27 ноября 1648 г., а днемъ пріѣзда его къ Замостью—1 декабря 1648 г. [7]) Шуйскій въ своей „Исторіи" относитъ исполненіе Смяровскимъ его миссіи ко времени, послѣдующему за полученіемъ Яномъ-Казимиромъ отъ Хмельницкаго письма, привезеннаго ксендзомъ Мокрскимъ въ Варшаву 23 ноября 1648 г. [8]).

Одинъ только Шайноха въ „Двухъ годахъ" (сочиненія, томъ X, страница 170), подкрѣпляя себя указаніями „Памятниковъ" князя Альбрехта Радзивилла [9]) и „Памятной

[1]) Сочиненія, т. X, стр. 230.

[2]) Тамъ-же, т. X, стр. 231.

[3]) Львовъ 1855, стр. 49.

[4]) Т. VIII, стр. 48.

[5]) Познань, 1859, стр. 31 тома 1-го.

[6]) Varsavia dimissus, die 27 Novbris, ad Zamoscium sub initium Decembris venit, стр. 92.

[7]) Т. II, стр. 40.

[8]) Т. III, стр. 323.

[9]) Т. II, стр. 350.

книги Михаловскаго [1])", близко подходитъ къ дѣйствительному факту, когда утверждаетъ, что еще до совершенія избранія Янъ-Казимиръ, будучи уже королемъ шведскимъ, но еще только въ качествѣ королевича польскаго, писалъ письмо къ Хмельницкому, осаждавшему Замостье, со словами вразумленія [2]). Не будучи однакоже убѣжденнымъ въ дѣйствительности этого факта, Шайноха выражается въ примѣчаніи въ гипотетичной формѣ, что „кажется", какъ будто письмо Хмельницкаго было отвѣтомъ на письмо королевича Казимира, и что Радзивиллъ „вѣроятно" упоминаетъ объ этомъ послѣднемъ письмѣ въ „Дневникѣ" элекційнаго сейма подъ 23 ноября. Однако въ текстѣ своего разсказа Шайноха уже безъ всякихъ оговорокъ заставляетъ обоихъ пословъ, Станислава Олдаковскаго и Смяровскаго, ѣхать къ Замостью съ увѣдомленіемъ короля о вступленіи его на тронъ Рѣчи-Посполитой польской,

Изъ приведенныхъ выше разногласій видно, что сомнительность какъ по отношенію ко времени завязки первоначальныхъ переговоровъ съ Хмельницкимъ въ послѣдніе дни избирательнаго сейма 1648 г., такъ и по отношенію къ личности пословъ, которымъ была поручена эта важная миссія, до сихъ поръ еще не устранена.

Вслѣдствіе этого не безъ дѣйствительнаго значенія для исторіи будетъ замѣтка, стремящаяся на основаніи не бывшихъ въ пользованіи ученыхъ рукописныхъ источниковъ выяснить тотъ именно эпизодъ изъ козацкаго возстанія, который въ ряду несчастій, какъ-бы сговорившихся погубить Рѣчь-Посполитую, явился какъ-будто поворотнымъ пунктомъ и послужилъ къ первоначальной завязкѣ сношеній съ главнымъ двигателемъ этихъ кровавыхъ несчастій—съ Богданомъ Хмельницкимъ.

II.

Въ Варшавскихъ библіотекахъ: Университетской и графовъ-ординатовъ Красинскихъ—въ отдѣлахъ рукописей находятся два

[1]) Стр. 241 и 359.

[2]) Сочиненія, т. X, стр. 170.

документа, взаимно другъ друга дополняющіе и выясняющіе затронутый выше вопросъ. Въ Университетской библіотекѣ подъ знакомъ 3. 7. 10. сохраняется бумажный кодексъ, идущій несомнѣнно изъ XVII вѣка, составленный изъ нѣсколькихъ десятковъ листовъ въ четверку, писанный различными почерками и, вѣроятно, нѣсколькими переписчиками, и озаглавленный общимъ заглавіемъ: *Kilka dokumentów publicznych z epoki 1629—1649 r.* (Нѣсколько публичныхъ документовъ изъ эпохи 1629—1649 п.), а въ немъ на стр. 81 и слѣдующихъ находится документъ, озаглавленный: *Relacya P. Śmiarowskiego, Posła K. I. M. do Chmielnickiego.* (Донесеніе г. Смяровскаго, посла Е. К. В. къ Хмельницкому).

Въ библіотекѣ-же графовъ-ординатовъ Красинскихъ между рукописями, оставшимися послѣ Константина Свидзинскаго, находится книга *in folio,* переплетенная, означенная № 452, извѣстная подъ именемъ „рукописи, пріобрѣтенной отъ І. І. Крашевскаго“, а въ ней на стр. 252 помѣщенъ документъ съ заглавіемъ: *Przyjęcie gońca Króla I. M-ci и Chmielnickiego, pod Zamościem* (Принятіе посланца Его Величества Короля Хмельницкимъ подъ Замостьемъ), напечатанный правда отчасти нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ (*Orędownik naukowy* за 1841 г. стр. 161), но до сихъ поръ не оцѣненный въ польской исторической литературѣ.

Этотъ послѣдній документъ находится въ связи съ современнымъ донесеніемъ о посольствѣ Смяровскаго, списаннымъ на стр. 452 той-же рукописи и повторяющимъ подробности доклада самого Смяровскаго, изложенныя въ рукописи Университетской библіотеки.

Во всѣхъ этихъ документахъ Смяровскій титулуется какъ посолъ Его Величества Короля, хотя изъ содержанія ихъ вытекаетъ, что козаки по прочтеніи письма Яна-Казимира, видя печать королевства шведскаго и подпись не польскаго короля, говорили: „посолъ этотъ пришелъ къ намъ съ измѣной“; это наводитъ на мысль, что, дѣйствительно, Смяровскій не былъ посломъ Яна-Казимира, какъ короля польскаго, но только посломъ королевича польскаго, а короля шведскаго, въ то время, когда

не было уже сомнѣнія, что результатъ выборовъ склонится въ пользу одного изъ братьевъ умершаго короля Владислава IV и несомнѣнно въ пользу Яна-Казимира (королевичъ Карлъ-Фердинандъ отрекся уже отъ притязаній на тронъ Рѣчи-Посполитой въ фарномъ костелѣ 11 ноября 1648 г.)[1]). Во всякомъ случаѣ въ ту минуту, когда Смяровскій отправлялся подъ Замостье къ Хмельницкому, результатъ выборовъ не былъ еще извѣстенъ и не былъ еще обнародованъ. Несомнѣнный и близкій уже въ то время результатъ выборовъ былъ причиною, почему Смяровскій предсталъ предъ козаками какъ посолъ вновь избраннаго короля Яна-Казимира, но „когда онъ показалъ имъ письмо“ (слова рукописи библіотеки ордин. Красинскихъ стр. 243), „то они бросились къ печати и сейчасъ-же сказали, что письмо это не отъ короля, такъ какъ запечатано печатью съ кардинальской шапкой, да и короля еще нѣтъ“. На это Смяровскій, объясняясь предъ козаками, отважно отвѣчалъ: „не можетъ этого быть, чтобы, какъ только выбрали короля, сейчасъ сдѣлали-бы и печать“.

Въ свѣтѣ современныхъ источниковъ этотъ характерный фактъ представляется слѣдующимъ образомъ:

Почти за мѣсяцъ до отреченія со стороны Карла-Фердинанда отъ притязаній на тронъ Рѣчи-Посполитой на засѣданіи сената, происходившемъ въ Варшавѣ 13 октября 1648 г., великопольскій генералъ Богуславъ Лещинскій предложилъ, какъ способъ примиренія съ козачествомъ, чтобы оба королевича написали отъ своего имени къ Хмельницкому.

Нѣсколько дней спустя[2]), но еще до обнародованія результата выборовъ, королевичъ Янъ-Казимиръ, котораго, какъ извѣстно, Хмельницкій желалъ видѣть на тронѣ, послалъ отъ себя Смяровскаго съ порученіями къ вождю козаковъ, о чемъ „*Памятная книга Михаловскаго*[3])“ выражается слѣдующимъ

---

[1]) Альбр. Радзивиллъ, Pamiętniki, т. II, стр. 340.

[2]) I. Михаловскій, ks. pamiętn. стр. 291.

[3]) (Стр. 354 подъ 22 числомъ ноября 1648 г., изъ чего слѣдуетъ, что замѣтка Михаловскаго сдѣлана два дня спустя послѣ выборовъ т. е. относится къ 15 ноября 1648 г.

образомъ: „панъ Смяровскій уже восьмой день, какъ посланъ отъ Его Величества Короля къ Хмельницкому“.

Тѣмъ временемъ и въ лагерѣ козаковъ подъ Замостьемъ думали надъ переговорами. Осада крѣпости, защищаемой полками храбраго Вейхера, не обѣщала въ ближайшемъ будущемъ благопріятнаго окончанія. Холодъ и голодъ томили осаждающихъ. Пули, выпускаемыя съ валовъ Замостья, причиняли козакамъ тяжкія утраты. Уже 15 ноября, т. е. почти одновременно съ выѣздомъ Смяровскаго изъ Варшавы, выѣхалъ изъ Лабунекъ, главной квартиры Хмельницкаго подъ Замостьемъ, ксендзъ-іезуитъ Гунцель Мокрскій, давній учитель и любимецъ Хмельницкаго, съ порученіемъ къ королю шведскому и съ заявленіемъ готовности служить ему оружіемъ при выборахъ [1]); къ сенату-же съ просьбою о мирѣ [2]).

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію результатовъ обоихъ перекрестныхъ посольствъ, мы сообщимъ въ нѣсколькихъ словахъ предшествующія обстоятельства, относящіяся къ особѣ посла Смяровскаго, о которыхъ мы теперь только въ первый разъ получаемъ свѣдѣнія, благодаря рукописной „реляціи“ университетской библіотеки.

Яковъ Смяровскій извѣстенъ былъ изъ источниковъ какъ „русскій шляхтичъ“ (*nobilis Roxolanus*). Ближайшихъ подробностей, относящихся къ его особѣ, мы не имѣли. Теперь мы знаемъ, что онъ жилъ въ мѣстечкѣ Полонномъ на Волыни и что во время нападенія козацкой черни въ 1648 г. на тамошній замокъ, когда послѣ истребленія всего гарнизона полковникъ Кривоносъ устроилъ страшную рѣзню жителей, жертвою ея сдѣлалась и семья Смяровскаго: жена и дѣти были замучены, восьмилѣтній сынокъ былъ проданъ въ Орду, а имущество, цѣною около 40.000 злотыхъ, было разграблено. Яковъ Смяровскій предъ козацкимъ возстаніемъ поддерживалъ, какъ сосѣдъ, прія-

---

[1]) Ошибочной является версія Шуйскаго (Ист. т. III, стр. 323), будто-бы Мокрскій получилъ порученіе передать письмо уже избранному королю польскому. См. Ks. pamiętn. стр. 359: „Отдалъ (Мокрскій) письмо отъ Хмельницкаго Его Величеству Королю съ надписаніемъ: Королю Шведскому“.

[2]) Ks. pamiętn. стр. 213.

тельскія отношенія съ Хмельницкимъ и это было причиною, почему королевичъ Янъ-Казимиръ именно его выбралъ посломъ къ Хмельницкому. Очутился онъ въ Варшавѣ, потому-что убѣгалъ вмѣстѣ съ остальной мѣстной шляхтой отъ наступленія козаковъ и спѣшилъ на конвокацію съ жалобами по поводу испытанныхъ бѣдствій.

Содержанія письма королевича мы не знаемъ. Ни одинъ источникъ не сообщаетъ его. Извѣстно только изъ „*Памятниковъ*“ Радзивилла (II, 350), что въ этомъ письмѣ выражена была вождю козаковъ просьба—добровольно отступить отъ Замостья.

„Съ милостью и миромъ я пріѣхалъ сюда“—выражается повѣствователь въ рукописи Свидзинскаго, говоря какъ-будто словами Смяровскаго. „Его Величество Король, какъ добрый Государь, не только хочетъ простить Вамъ Ваши намѣренныя преступленія, но и сдѣлать для Васъ то, о чемъ Вы будете основательно просить“.

Послѣ такого объясненія мы перейдемъ къ существу донесенія Смяровскаго по копіи его, разысканной въ Университетской библіотекѣ.

III.

„Ноября 15 дня я выѣхалъ изъ Варшавы. Былъ это день воскресный. Я достигъ козацкаго лагеря подъ Замостьемъ въ четвергъ, а видѣлся съ Хмельницкимъ въ пятницу, *in solenni forma*. Онъ выслалъ навстрѣчу мнѣ 6 тысячъ всадниковъ и они провели меня мимо стѣнъ Замостья до Лабунекъ[1]) въ милѣ отъ Замостья, гдѣ стоялъ самъ гетманъ съ артиллеріей. Прежде чѣмъ этотъ отрядъ окружилъ меня и мой конвой, который достигалъ вмѣстѣ съ людьми князя Корецкаго[2]) до 100 коней,

[1]) Лабунки, деревня и фольваркъ въ Замостскомъ уѣздѣ надъ рѣчкою Лабункою при шоссе изъ Замостья къ австрійской границѣ. Slownik geogr. т. V, стр. 564. Описаніе Лабунекъ въ Tyg. illustr. за 1881 г.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ о князѣ Самуилѣ Корецкомъ, который, когда его собственные подданные осадили его въ Корецкомъ замкѣ, спасся только благодаря хоругви, которую онъ содержалъ на свой счетъ. Коховскій. Hist. Iana-Kazim. т. I. стр. 45. Былъ и другой Корецкій, Карлъ,—также собственникъ военной дивизіи (ib стр. 49).

вся старшина выѣхала впередъ и расположилась особой группой. Слѣзши съ лошадей, они пѣшо привѣтствовали меня, остававшагося на конѣ, а затѣмъ окружили меня вышеупомянутымъ большимъ отрядомъ и, давши мнѣ мѣсто въ первомъ ряду, подъ звуки трубъ, бубновъ и сюрьмъ повели меня къ названнымъ Лабункамъ.

Передъ Лабунками выѣхалъ на встрѣчу обозный Чернота съ нѣсколькими десятками козаковъ на прекрасныхъ и богато убранныхъ коняхъ съ извиненiемъ отъ гетмана, что ради слабости здоровья онъ не могъ выѣхать самъ; „вмѣсто себя онъ меня выслалъ", говорилъ Чернота, „привѣтствовать Васъ, Милостивый Государь, а самъ ожидаетъ Васъ съ величайшимъ нетерпѣнiемъ".

Когда я въѣхалъ на Лабунскiй дворъ, то самъ гетманъ вышелъ мнѣ на встрѣчу до половины двора. Я также, слѣзши съ коня, привѣтствовалъ его. Онъ провелъ меня въ свою избу и приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ въ знакъ радости, что услышалъ о новомъ Государѣ. Въ тотъ день наступилъ уже вечеръ; я отложилъ исполненiе моихъ обязанностей до слѣдующаго дня, а между тѣмъ изучалъ какъ самого гетмана, такъ и другихъ знакомыхъ мнѣ козаковъ, *faciem status eorum*, а также соображалъ, что мнѣ можетъ помочь, а что—повредить; я понялъ, что Кривоносъ съ Гловацкимъ стояли на томъ, чтобы не отступать изъ этихъ мѣстъ и, воспользовавшись достигнутыми успѣхами, кончить эту войну выгоднымъ миромъ. Это очень меня обезпокоило и, желая предупредить подобный исходъ дѣлъ, я сталъ поступать такимъ образомъ:

Разговаривая секретно съ Хмельницкимъ, я говорилъ ему:

„Ты имѣешь въ своемъ войскѣ заклятаго врага, который стремится лишить тебя твоей славы, подорвать твою власть и повредить твоему здоровью. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнiя объ этомъ изъ нѣсколькихъ признанiй плѣнниковъ изъ запорожскаго войска (*res ficta*), которые на пыткахъ достаточно объ этомъ разсказали. Я хочу тебя объ этомъ предупредить, чтобы ты принялъ мѣры, если самъ хочешь сберечь здоровье и сохранить славу. Второе я прошу тебя, какъ давняго прiятеля и дружески расположен-

наго сосѣда, чтобы Кривоносъ не присутствовалъ на моей аудіенціи; скорбь моя неутѣшима, такъ какъ этотъ измѣнникъ ограбилъ въ Полонномъ все мое имѣніе и забралъ на 40.000 злотыхъ моего достоянія; но еще болѣе того: онъ убилъ мою жену и дѣтей, а восьмилѣтняго сынка моего продалъ въ Орду; не допускай меня смотрѣть на него, а иначе я разрублю его на куски, я утоплю въ немъ мою саблю!"

Хмельницкій принялъ мою рѣчь милостиво и подъ присягой обѣщалъ не ласкать Кривоноса, также не позвалъ его на раду.

Въ день субботній я имѣлъ аудіенцію согласно съ данной мнѣ инструкціей, во время которой Хмельницкій отвѣчалъ мнѣ:

„Какъ предки мои самоотверженно и съ пролитіемъ крови служили королямъ Польскимъ, такъ и я, не измѣняя имъ, съ подчиненнымъ мнѣ рыцарствомъ, хочу вѣрно служить Его Величеству Королю, моему милостивому Государю, и Рѣчи-Посполитой, и по приказу Его Королевскаго Величества сейчасъ-же отступлю съ войскомъ на Украину".

При этомъ онъ обѣщалъ скоро меня отпустить.

Нѣсколько часовъ спустя, иная трудность представилась для исполненія моей задачи. Нѣкоторые изъ полковниковъ и старшинъ, которые не присутствовали при аудіенціи, при чемъ къ нимъ присоединилось и множество черни,—начали бунтовать и просили гетмана передать имъ порученія посла и показать королевское письмо; прочитавши послѣднее, они разбирали каждое слово, и когда увидѣли печать королевства шведскаго и подпись не польскаго короля, то *invalescebat fremitus eorum* (усилился ихъ шумъ) и они говорили, что посолъ этотъ пришелъ къ намъ для измѣны; вѣроятно, войска на насъ наступаютъ, а потому—задержать его до дальнѣйшихъ извѣстій, или отправить въ Трахтемировъ.

Я имѣлъ на этой радѣ своего подслушивателя. Когда онъ мнѣ обо всемъ этомъ сообщилъ, то я очень смутился, но раздумавши самъ съ собою, я пошелъ храбро на раду и стремился преодолѣть ихъ сомнѣнія своими доводами; подъ присягой я утверждалъ, что все то, что я передалъ имъ, передано по волѣ Его Королевскаго Величества, моего милостиваго Государя.

Поддержалъ меня и самъ гетманъ, которому я отдалъ королевское письмо, взявши его изъ рукъ козаковъ, съ такими словами: „Всѣ короли и монархи на свѣтѣ имѣютъ обычай руководствоваться не письмомъ, которое является только удостовѣреніемъ личности посла (*credens*), но устнымъ сообщеніемъ каждаго посла; рѣчь посла составляетъ сущность дѣла.

Такимъ образомъ по милости Божіей и эта трудность была устранена и сдѣлалось возможнымъ разрѣшеніе мнѣ возвратиться восвояси.

Затѣмъ по козацкому обычаю подали обѣдъ изъ шести блюдъ и хорошее вино. Какъ только гетманъ пилъ за здоровье Его королевскаго Величества, такъ сейчасъ стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ, а затѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ (*ipso affectu*) исполнилъ то, что обѣщалъ.

Прежде всего тронулась артиллерія съ своимъ конвоемъ, въ которомъ могло быть до 20.000 человѣкъ.

На третій и на четвертый день трогались различные полки отъ стѣнъ Замостья, которыя кругомъ опоясаны были лагеремъ, а ставъ былъ спущенъ черезъ разрытую плотину; всѣ предмѣстья и отдѣльные дворы вокругъ Замостья были сожжены.

Между тѣмъ вмѣстѣ съ козацкимъ лагеремъ снялся и я. Вскорѣ, описавши успѣшное выполненіе возложеннаго на меня порученія, я отправилъ впередъ къ королевскому двору слугу Его Милости Архіепископа Гнѣзненскаго, но этого посланца, хотя онъ имѣлъ и паспортъ отъ Хмельницкаго, убили въ пяти миляхъ отъ козацкаго лагеря.

Поэтому извѣстіе это пришло не скоро.

Откланявшись передъ Хмельницкимъ, я поѣхалъ въ Замостье и тамъ переночевалъ. Величайшая бѣда тамъ была: люди болѣли и умирали, чувствовался недостатокъ пива, хлѣба и другихъ припасовъ, лошади и скотъ отъ недостатка кормовъ поиздыхали, улицы были ими наполнены, ощущался страшный смрадъ; хотя гарнизонъ предъ моимъ отъѣздомъ выстроился въ военный порядокъ, но врядъ-ли могъ-бы онъ выдержать дальнѣйшую осаду.

Я выѣхалъ изъ Замостья 24 ноября. Дорога была уже болѣе безопасной, но всетаки требовалась осторожность

Проѣзжая далѣе, я попадалъ въ большія затрудненія при встрѣчѣ съ разными „загонами", какъ козацкими, такъ и татарскими. Много мѣшали мнѣ также наши подъѣзды, которые подступали къ непріятельскому войску въ то время, когда я къ нимъ ѣхалъ, и не могли понять, что я ѣду отъ Хмельницкаго. Хмельницкій говорилъ: я пойду къ Каменцу-Подольскому, чтобы переправить тамъ орду черезъ р. Днѣстръ. Онъ не долженъ былъ миновать Бродовъ, замокъ которыхъ сдался вслѣдствіе болѣзней, распространившихся среди гарнизона.

Кодакъ также сдался.

Такъ я наскоро пишу".

Въ дополненіе къ вышеприведенному личному донесенію Смяровскаго мы приведемъ отрывокъ изъ рукописи Свидзинскаго (стр. 251) [1]), очевидно редактированный на основаніи разсказа посла неизвѣстнымъ авторомъ и заключающій въ себѣ картинныя подробности о первой встрѣчѣ посла съ Хмельницкимъ.

„Когда посолъ Его Королевскаго Величества панъ Смяровскій подъѣзжалъ къ Замостью, то Хмельницкій выслалъ на встрѣчу послу шестсотъ козаковъ на добрыхъ коняхъ въ полномъ вооруженіи. Встрѣтивши посла, они его проводили. Когда подъѣзжали къ тому двору, гдѣ остановился Хмельницкій, полки, которыхъ было необозримое множество, выстрѣлили изъ ружей, такъ—что какъ-будто громъ раздался. Передъ самымъ дворомъ обозный Хмельницкаго, по имени Остапъ, встрѣтилъ во главѣ восьмисотъ особъ и онъ-же ввелъ посла въ избу, гдѣ ждалъ его Хмельницкій.

Хмельницкій былъ одѣтъ въ пурпурный жупанъ съ серебряными петлями для пуговицъ, сверху наброшена была суконная ферезія фіалковаго цвѣта, подшитая великолѣпными соболями; булава лежала передъ нимъ на столѣ.

Когда посолъ вошелъ, то самъ Хмельницкій бросилъ булаву со стола на землю. При передачѣ письма Его Королев-

---

[1]) См. также Orędownik naukowy 1841, стр. 161.

скаго Величества, когда посолъ, надѣвши шапку, началъ излагать цѣль своего пріѣзда, то старшины, которые могли только помѣститься въ избѣ Хмельницкаго, слушали съ обнаженными головами; какъ только упоминалось имя Его Королевскаго Величества, всѣ они били челомъ. Когда же Хмельницкій началъ отвѣчать и пожелалъ здоровья Его Величеству Королю, то сейчасъ же стали стрѣлять и это продолжалось полчаса.

Когда перестали стрѣлять, то Хмельницкій, продолжая свою рѣчь, объяснилъ, что еслибы королемъ сдѣлался не королевичъ Казимиръ, которому онъ хочетъ служить и за честь котораго онъ готовъ пролить свою кровь, то онъ пошелъ бы прямо на Краковъ и, взявши корону, отдалъ бы ее тому, кому нашелъ бы лучшимъ. Теперь онъ принимаетъ подданство, прекращаетъ войну, возвратится на Запорожье, гдѣ будетъ спокойно ждать комиссаровъ, и при походѣ на Запорожье не будетъ производить никакихъ опустошеній.

Тотчасъ же начали трогаться въ путь, а именно посольство было принято въ среду 18-го ноября, а въ субботу 21-го ноября Хмельницкій выслалъ уже артиллерію изъ-подъ Замостья на Запорожье съ отрядомъ въ 20.000. На другой день, въ воскресенье, онъ отправилъ обратно въ Орду татаръ, которыми предводительствовалъ Тугай-бей и которыхъ было не болѣе 5.000. Въ воскресенье же онъ отправилъ свои подводы со всѣми своими вещами. Во вторникъ т. е. 24 ноября, отпустивши посла, онъ самъ тронулся изъ-подъ Замостья, имѣя при себѣ болѣе 200.000 войска. При этомъ онъ нѣсколько разъ напоминалъ, что хотя теперь отступаетъ, но не прекращаетъ войны, пока Конецпольскій и князь Вишневецкій не дадутъ ему удовлетворенія".

IV.

Разберемся теперь въ иныхъ историческихъ источникахъ для той эпохи, чтобы подтвердить несомнѣнный уже на этотъ разъ фактъ, что первымъ посломъ къ Хмельницкому, до обнародованія еще результата выборовъ, поѣхалъ Яковъ Смяровскій.

Въ засѣданіи сената, происходившемъ 23 ноября 1648 года, братъ брацлавскаго воеводы Адама Киселя новгородскій хорунжій Григорій Кисель проситъ слова, чтобы объяснить засѣдающимъ опасность, какая можетъ грозить странѣ, если черезъ-чуръ положиться на уступчивость гетмана, выказанную имъ при пріемѣ посольства Смяровскаго.

„Вѣроятно Вы, Милостивые Государи",—говорилъ хорунжій, „полагаетесь на посольство пана Смяровскаго къ Хмельницкому; поэтому такъ плохо беретесь за защиту страны и не думаете о томъ, гдѣ мы изгнанники можемъ опереть ногу (*figere pedem*) [1])".

Одновременно съ выѣздомъ Смяровскаго изъ Лабунекъ, т. е. 24 ноября 1648 г., посланецъ гетмана ксендзъ Гунцель Мокрскій вручилъ королю Яну-Казимиру письмо отъ него съ надписаніемъ *Королю Шведскому* и съ выраженіемъ въ немъ готовности служить королю оружіемъ противъ всѣхъ, кто хотѣлъ-бы устранить его отъ принятія короны [2]).

Три дня позднѣе, а именно 27 ноября 1648 г., Янъ-Казимиръ, на этотъ разъ уже въ качествѣ избраннаго короля польскаго, посылаетъ гетману Хмельницкому письмо, въ которомъ между прочимъ ясно выражается:

„Какъ ранѣе письмомъ нашимъ, посланнымъ предъ счастливымъ выборомъ нашимъ, мы выразили свое расположеніе къ войску запорожскому и къ вождю того войска за то, что они, помня благодѣянія всемилостивыхъ королей, отца и брата нашихъ, просили Господа Бога и желали, чтобы никто иной, а только мы были избраны на тронъ; такъ теперь, сдѣлавшись уже королемъ и государемъ Вашимъ, къ вящему удовольствію Вашему, мы объявляемъ Вамъ объ этомъ устроеніи Промысла Господня и выражаемъ нашу королевскую милость вождю и всему войску запорожскому [3])".

Въ концѣ этого письма король прибавляетъ:

---

[1]) Ks. pamiętn. стр. 358.

[2]) Тамъ же, стр. 359.

[3]) Изъ рукописей библіот. Оссолинскихъ № 225, стр. 193. Шайноха, Сочин., т. X. стр. 227, 228. Сл. Радзивиллъ Рат. т. II, 351.

„Для объявленія нашей королевской милости мы посылаемъ благороднаго Станислава Холдаковскаго и ожидаемъ въ возможно скоромъ времени прибытія къ намъ вмѣстѣ съ нимъ пословъ Вашихъ“.

Прежде чѣмъ Холдаковскій съ вышеприведеннымъ письмомъ прибылъ къ Хмельницкому, пріѣхалъ съ отвѣтомъ гетмана на первое письмо Яковъ Смяровскій и 1 декабря 1648 г. король вручилъ ему новое письмо къ Хмельницкому, въ которомъ, упоминая объ отправкѣ посла Холдаковскаго, обѣщаетъ, что вскорѣ вышлетъ булаву и знамя вождю козаковъ [1]).

4 декабря 1648 г. Смяровскій прибываетъ съ вторичнымъ посольствомъ къ Хмельницкому, о чемъ упоминаютъ выписки Бѣлевскаго на стр. 43 [2]). Въ этотъ разъ посольство Смяровскаго продолжалось болѣе продолжительное время, такъ какъ только послѣ вторичнаго его возвращенія въ Варшаву король Янъ-Казимиръ 21 декабря 1648 г. посылаетъ Хмельницкому подробный отвѣтъ на пункты соглашенія съ козаками и пишетъ: „Послѣ того, какъ мы приказали отправить ксендза Мокрскаго съ отвѣтомъ нашего Величества на Ваше письмо, возвратился нашъ посолъ, благородный Яковъ Смяровскій, который передалъ намъ второе письмо отъ Васъ и сдѣлалъ устное сообщеніе [3])“.

Изъ дневника второй памятной книги Михаловскаго, находящейся еще въ рукописи, Гельцель помѣстилъ въ своемъ изданіи отрывокъ, составляющій какъ бы варіантъ извѣстной реляціи львовскаго подкоморія Мясковскаго, напечатанной въ „*Собраніи матеріаловъ*“ Нѣмцевича (Т. IV, стр. 252) и въ „*Источникахъ*“ Малиновскаго и Пржездѣцкаго (Т. I, стр. 19). Изъ этого отрывка мы узнаемъ, что 12 января 1649 г. новгородскій хорунжій Кисель вмѣстѣ съ паномъ Смяровскимъ были отправлены изъ Гвоздовы къ Хмельницкому съ порученіемъ уговорить его пріѣхать въ Кіевъ на засѣданія комиссіи.

---

[1]) Шайноха, Сочин., т. X, стр. 229. Изъ рукописей Оссолинскихъ № 225, стр. 192.

[2]) Шайноха, Сочин., т. X, стр. 231.

[3]) Ks. pamiętn. стр. 217, 218.

Ходъ этихъ переговоровъ, невыразимо удручающій, извѣстенъ уже въ подробностяхъ.

Секретаремъ комиссіи былъ назначенъ Смяровскій и его, въ виду его давняго знакомства съ Хмельницкимъ, избирали для переговоровъ съ вѣроломнымъ гетманомъ, не имѣвшихъ однако удовлетворительнаго результата [1]).

Во время этихъ переговоровъ воевода кіевскій Кисель назначилъ Смяровскаго постояннымъ своимъ уполномоченнымъ при Хмельницкомъ и на этомъ основаніи Смяровскій постоянно жилъ въ Чигиринѣ. Однако козаки, подозрѣвая, что Смяровскій сносится тайными письмами съ воеводой, арестовали его [2]), а потомъ зарубили топорами какъ его, такъ и всю его свиту [3]). По другимъ источникамъ, Смяровскій былъ утопленъ козаками [4]).

Таковъ былъ печальный конецъ человѣка, который, потерявъ во время рѣзни въ Полонномъ семейство и имущество, остатокъ дней своихъ посвятилъ Рѣчи Посполитой и палъ жертвой служебнаго долга.

---

[1]) Multis persuasionibus et rationibus przez pana Podczaszego Bracławskiego i pana Smiarowskiego, sekretarza komissyj, laboravimus: ale duram petram et obstinatam cervicem oporu ruszyć żadnym sposobem nie mogie. Ks. pamiętn. стр. 381.

[2]) Ks. pamiętn. стр. 394, 396.

[3]) Latopisiec Jerlicza T. I, стр. 98: Quem regis legatum contra ius gentium non gladio ut militem, non securi ut victimam, sed runcina ut arborem percutiunt. Грабовскій, исторія, стр. 44.

[4]) Памятники кіевской комиссіи, стр. 413—429. Костомаровъ. Богд. Хмельн., т. II, стр. 89.

Юбилейное чествованіе памяти Григорія Саввича Сковороды въ Харьковѣ [1]).

29 октября 1894 г. исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды. Состоящее при университетѣ Харьковское историко-филологическое общество издало ко дню юбилея его сочиненія [2]), съ приложеніемъ біографіи, составленной М. И. Ковалинскимъ, вновь открытой переписки (преимущественно на латинскомъ языкѣ) и обширной вступительной статьи проф. Д. И. Багалѣя; этому послѣднему принадлежитъ и трудъ разысканія рукописей, и трудъ редактированія ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ историко-филологическое общество на свои средства поставило на могилѣ Сковороды (въ с. Панъ-Ивановкѣ, Харьковскаго уѣзда и губерніи) новую желѣзную ограду взамѣнъ прежней деревянной, пришедшей въ полную ветхость.

29 октября въ с. Панъ-Ивановкѣ была отслужена заупокойная литургія. Литургію совершали соборнѣ—свящ. с. Рогозянки о. Вас. Ковалевъ и мѣстный свящ о. Іоаннъ Найдовскій съ двумя діаконами. Послѣ литургіи о. Вас. Ковалевымъ было сказано нѣсколько словъ о жизни и дѣятельности въ Бозѣ по-

---

1) Въ началѣ будущаго года редакція помѣститъ въ своемъ журналѣ статью, посвященную Г. С. Сковородѣ и обѣщанную ей проф. Д. И. Багалѣемъ; при статьѣ будетъ приложенъ и портретъ.

2) Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. 7-й томъ Сборника харьк. ист.-фил. общ CXXIV, 132, 352. Цѣна 4 р.

чившаго Григорія Саввича, а потомъ совершенъ крестный ходъ изъ церкви на могилу, въ садъ священника, гдѣ совершена была панихида, также соборнѣ. Народъ собрался у могилы и затѣмъ молился объ упокоеніи усопшаго. На литургіи и панихидѣ пѣлъ хоръ пѣвчихъ—школьниковъ подъ управленіемъ школьнаго учителя въ с. Кадницѣ П. Ѳ. Лазарева. Послѣ панихиды пропѣта была хоромъ школьниковъ одна изъ пѣсенъ Г. С. Сковороды, разученная ими по указанію мѣстнаго землевладѣльца Е. С. Гордѣенка. Изъ харьковской интеллигенціи въ Панъ-Ивановкѣ не было никого.

Въ этотъ день предполагалось въ Харьковѣ устройство публичнаго засѣданія историко-филологическаго общества для чествованія памяти Г. С. Сковороды; но его рѣшено было перенести на другое время въ виду смерти и похоронъ Государя Императора Александра III-го.

Засѣданіе состоялось 13-го ноября въ воскресенье въ часъ дня въ торжественномъ залѣ университета. Хотя особыхъ приглашеній и не было, но публики собралось довольно много. Торжество почтили своимъ присутствіемъ г. попечитель учебнаго округа Н. П. Вельяминовъ-Воронцовъ, г. ректоръ университета М. М. Алексѣенко, профессора университета, преподаватели семинаріи и гимназій, представители духовенства и т. п. Въ залѣ было выставлено нѣсколько портретовъ Г. С. Сковороды и его автографы.

Открылъ засѣданіе краткою рѣчью предсѣдатель общества проф. М. С. Дриновъ, въ которой указалъ на мотивы, побудившіе общество почтить память Г. С. Сковороды. Секретарь, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, прочелъ привѣтственныя телеграммы, полученныя обществомъ къ этому дню.

Рѣчи были произнесены 3 членами историко-филологическаго общества—проф. Ѳ. А. Зеленогорскимъ, проф. А. С. Лебедевымъ и проф. Д И. Багалѣемъ.

Помѣщаемъ ихъ въ краткомъ извлеченіи, какъ онѣ напечатаны въ Харьк. Губ. Вѣдом.

Рѣчь проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. „Г. С. Сковорода, какъ философъ".

Настоящій юбилей представляетъ отрадное, но вмѣстѣ съ тѣмъ исключительное явленіе для Россіи; мы чествуемъ въ лицѣ Сковороды русскаго философа XVIII вѣка. Это былъ истинный философъ, говорившій, что философія составляетъ главную цѣль человѣческой жизни; это жизнь его духа. Творецъ, давши человѣку разумъ, не сообщилъ ему истины, а предоставилъ самому отыскивать ее—и эта дѣятельность мысли служитъ для человѣка источникомъ величайшихъ удовольствій. Самъ Сковорода съ давнихъ поръ чувствовалъ влеченіе къ нравственно-философскимъ книгамъ, затѣмъ онъ уединялся въ пустынныя мѣста и тамъ предавался размышленіямъ: ловилъ птицу—истину; въ душѣ его нерѣдко происходила при этомъ внутренняя борьба, но она всегда оканчивалась побѣдой его надъ самимъ собою.

Сковорода любилъ природу, любилъ наблюдать ее и поучаться отъ нея. Его философскій взглядъ на природу проникнутъ *оптимизмомъ*, „Вся экономія Божія, говорилъ онъ, во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть". Есть мѣста въ сочиненіяхъ Сковороды, гдѣ міръ и Богъ отождествляются, что подало поводъ считать его пантеистомъ. На самомъ дѣлѣ отношенія Бога къ міру, по его ученію, таковы. Причина появленія міра есть воля Божія, а виновникомъ непосредственнаго происхожденія его было Слово Божіе. Нашъ міръ представляетъ отобразы, тѣни идей Божественнаго Разума. Изъ ученія о вѣчности Божественнаго Разума Сковорода выводилъ и ученіе о *вѣчности* міра и о господствующемъ въ немъ дуализмѣ (послѣднему вопросу онъ посвятилъ даже особое сочиненіе). Но этимъ отношеніе Бога къ міру не оканчивается. Еще ближе къ намъ и природѣ находится Божественный Духъ. Онъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе во многихъ дѣлахъ природы, которыя сами по себѣ ничтожны. Въ мірѣ животныхъ Сковорода особенно подчеркиваетъ ихъ природныя склонности, выражающіяся въ инстинктѣ. Тѣже дары Божественнаго Духа въ изобиліи сообщаются и людямъ въ видѣ тѣхъ же природныхъ склон-

ностей, но при этомъ человѣку дана еще и *свободная воля*; вотъ почему человѣкъ не всегда слѣдуетъ своей природѣ, отъ чего происходитъ вредъ, какъ для общества, такъ и для самаго индивидуума. Здѣсь источникъ нравственнаго и общественнаго зла. Но сама природа мститъ за нарушеніе ея законовъ и требованій, ибо нарушители лишаются того душевнаго мира, который составляетъ высшее благо человѣка; отсюда и *пессимизмъ* среди людей. Только жизнь по природнымъ наклонностямъ доставляетъ истинное удовольствіе. Благодареніе Богу за то, что онъ нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ. Самъ Г. С. Сковорода не сразу выбралъ свой образъ жизни: первоначально онъ останавливался, повидимому, на священническомъ санѣ; но онъ видѣлъ, что и тутъ, какъ въ монашествѣ, дѣйствительность далеко отстоитъ отъ его идеала, а потому удалился въ уединеніе. Та же философія привлекла его къ общественному труду и дѣятельности. И вотъ мы видимъ его учителемъ—сначала домашнимъ и школьнымъ, а потомъ народнымъ въ болѣе широкомъ значеніи этого слова (на подобіе Сократа или апостола Павла); онъ служитъ своей родинѣ просвѣтительною дѣятельностью. Въ самомъ уединеніи онъ не отдавался исключительно созерцанію, а писалъ сочиненія, которыя пускалъ въ обращеніе между друзьями. Главными предметами ихъ были—*религія и нравственность.* Тутъ онъ боролся, съ одной стороны, противъ суевѣрія, а съ другой—противъ атеизма. Въ области нравственной Сковорода также возставалъ, съ одной стороны, противъ утилитарнаго направленія XVIII в., заглушавшаго всѣ высшіе запросы духа, а съ другой—противъ узкаго пониманія христіанской морали, ограничивающейся нерѣдко выполненіемъ лишь церковной обрядности. Особенному осужденію онъ подвергаетъ лицемѣровъ. Въ противоположность этому онъ указывалъ на истинную святость древнихъ христіанскихъ подвижниковъ. Въ нравственной проповѣди Сковорода видѣлъ свой долгъ и даже свое призваніе свыше.

Сковорода былъ философъ въ классическомъ смыслѣ этого слова, воплотившій въ себѣ единство мысли и жизни. Онъ понялъ, что безъ стремленій и дѣятельности нѣтъ жизни, безъ

труда нѣтъ истинныхъ удовольствій, будетъ-ли то трудъ умственный, нравственный или физическій. Жизнь его самого представляла непрерывный трудъ и подвигъ—примѣръ для насъ всѣхъ достойный подражанія.

Рѣчь проф. А. С. Лебедева: „Г. С. Сковорода, какъ богословъ“.

Въ раскрытіи христіанскаго вѣроученія церковными учителями въ христіанской древности съ самаго же начала ясно обозначились два направленія богсловской мысли. Одно, которому слѣдовали преимущественно западные—латинскіе писатели и крайнимъ представителемъ котораго былъ Тертулліанъ, полагало раскрывать христіанское вѣроученіе только на основаніи Писанія, понимаемаго при томъ въ его только непосредственномъ, буквальномъ смыслѣ, и преданія, не придавая въ дѣлѣ вѣры, по крайней мѣрѣ—принципіально, никакого значенія дѣйствію разума, какъ склоннаго только къ заблужденію. Съ принятіемъ христіанства, по мнѣнію Тертулліана, разрѣшаются всѣ вопросы ума, удовлетворяются всѣ потребности духа, такъ что всякое дальнѣйшее изслѣдованіе и вообще всякое внѣшнее, не изъ христіанства же заимствуемое, знаніе становится дѣломъ совершенно ненужнымъ, безполезнымъ: „что общаго имѣютъ между собою Аѳины и Іерусалимъ, академія и церковь, ересь и христіанство?“ Языческая философія, въ глазахъ Тертулліана, есть порожденіе духовной лжи и представляетъ собраніе ложныхъ мнѣній, взаимно противорѣчивыхъ и уничтожающихся въ этомъ противорѣчіи. Вѣра есть критерій нашего знанія и „незнать ничего противъ правила вѣры значитъ все знать“ (Adversus regulam nil scire est omnia scire).

Другое направленіе, которому слѣдовали преимущественно „восточные“ отцы и учители церкви, въ особенности—писатели Александрійской школы (Климентъ, Оригенъ), старалось, напротивъ, привести въ связь, примирить вѣру съ знаніемъ; она допускала, что человѣкъ и естественными силами, безъ внѣшняго —положительнаго откровенія, при одномъ внутреннемъ воздѣйствіи на эти силы Божества, всегда близкаго къ человѣку, мо-

жетъ, если не вполнѣ овладѣвать истиной, то по крайней мѣрѣ, значительно приближаться къ ней, какъ доказала это въ особенности эллинская философія, а тѣмъ болѣе можетъ активно своимъ умомъ воспринимать, разъяснять и утверждать для своего сознанія уже открытую истину. Такъ, св. Іустинъ, философъ и мученикъ, утверждалъ, что „сѣмя Божественнаго Слова“ насаждено Безконечнымъ Умомъ въ душѣ каждаго человѣка, благодаря чему язычники и могли познавать Бога; поэтому Іустинъ не затрудняется называть читателями Божественнаго Слова и даже прямо христіанами тѣхъ изъ язычниковъ, въ которыхъ полнѣе раскрывалось это Божественное Сѣмя (Сократа, Гераклита...), такъ какъ и они, въ сущности, были учениками того же Бога Слова, которое просвѣщаетъ людей и въ христіанствѣ. Подобно Іустину, и Климентъ Александрійскій училъ, что и въ мірѣ до-христіанскомъ „Слово Божественное ни отъ кого не было сокрыто; это—общій свѣтъ, свѣтящій всѣмъ людямъ; въ отношеніи къ Слову нѣтъ Киммерійца“. Философія, по мнѣнію Климента, дана была Божественнымъ Провидѣніемъ для эллиновъ съ такою же цѣлію, съ какою законъ былъ данъ для іудеевъ, то есть—для путеводительства ко Христу. Какъ для спасенія іудеевъ Богъ благоволилъ посылать пророковъ, такъ и среди эллиновъ Онъ воздвигалъ отличнѣйшихъ мужей, которые имѣли такое же значеніе въ язычествѣ, какъ пророки въ іудействѣ. Изъ этихъ пророковъ въ язычествѣ Климентъ съ особымъ уваженіемъ относится къ Платону, называя его другомъ истины, боговдохновеннымъ, учителемъ благочестія—и въ своихъ сочиненіяхъ нестѣсненно пользуется его идеями (также, какъ идеями и другихъ философовъ, даже Епикура, только не называя его), особенно въ области этики. Подобнымъ же образомъ смотрѣлъ на эллинскую философію и знаменитый ученикъ Климента—Оригенъ, а также и такіе высокіе авторитеты, такіе столпы церкви на востокѣ, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Максимъ Исповѣдникъ. Цѣня высоко философію, какъ путеводительницу ко Христу, восточные учители церкви полагали, что ея просвѣтительное значеніе, ея служеніе интересамъ христіанства не кончаются и въ христіанствѣ: здѣсь она служитъ къ

сознательному усвоенію и утвержденію вѣры, къ возведенію вѣры на степень высшаго знанія. По мнѣнію Климента, весьма важна услуга философіи (и вообще научнаго образованія), между прочимъ, и для изъясненія Писанія: какъ при обработкѣ и воздѣлываніи виноградника примѣняются разнообразныя работы при помощи разнообразныхъ орудій—съ цѣлью полученія отъ винограданика наилучшаго и обильнѣйшаго плода, такъ и при изъясненіи Писанія, съ цѣлію постиженія въ немъ истиннаго смысла—этого драгоцѣннаго въ духовномъ виноградникѣ (Писанія) плода, нужно пользоваться, какъ бы орудіями для обработки этого виноградника, разнообразными знаніями, съ философіей во главѣ. Въ Библіи церковные учители разсматриваемаго направленія, само собою понятно, видѣли, согласно со всѣмъ христіанскимъ міромъ, высшее откровеніе божественной истины, заключенной въ этой священной книгѣ; для этого, по понятіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности—опять тѣхъ же александрійцевъ, никакъ нельзя довольствоваться буквальнымъ смысломъ Писанія, а нужно посредствомъ аллегорическихъ объясненій открывать въ немъ внутренній смыслъ, скрытый подъ покровомъ образнаго представленія. Этотъ аллегоризмъ въ изъясненіи Писанія особенно широкое примѣненіе имѣлъ у Оригена, который находилъ, что буквальное пониманіе Писанія ведетъ къ заблужденіямъ, и въ буквѣ Писанія видѣлъ только скорлупу, скрывающую зерно,—тѣло, заключающее духъ.

Въ писаніяхъ богослововъ восточной церкви съ такимъ направленіемъ богословской мысли, въ особенности въ писаніяхъ Александрійцевъ, несомнѣнно и заключается источникъ богословствованія Сковороды; здѣсь—полное объясненіе его богословскаго метода, а вмѣстѣ съ нимъ, въ значительной степени, и самыхъ воззрѣній. Глубокое убѣжденіе Сковороды, что „дышетъ вездѣ оживляющій всѣхъ Духъ Господень“, что „истина открывалась Богомъ не однимъ іудеямъ и христіанамъ, но и язычникамъ, равно какъ добрая нравственность не есть принадлежность однихъ христіанъ, такъ какъ и въ древнемъ языческомъ мірѣ нерѣдко процвѣтала высокая нравственность“, признаніе за языческими фолософами высокаго просвѣтительнаго

значенія и вслѣдствіе того широкое пользованіе ихъ идеями (идеями Сократа, Платона, Стоиковъ и самаго даже Епикура), въ убѣжденіи, что „не очень погано изъ языческаго навоза собирать золото“, и наконецъ, вообще признаніе Сковородою за разумомъ права широкаго участія въ дѣлахъ вѣры, участія въ разъясненіи религіозныхъ вопросовъ, между прочимъ—въ изъясненіи писанія, которое можетъ спасать и губить, просвѣщать и омрачать, смотря потому, какъ относиться къ нему, какъ объяснить и понимать его,—все это, очевидно, имѣетъ прямую аналогію съ пріемами богословской мысли и богословскими воззрѣніями означенныхъ учителей христіанской древности.

Согласіе Сковороды, по его богословствованію, съ древними церковными учителями, повидимому понимали и его современники, конечно болѣе просвѣщенные. Этимъ-то, можетъ быть, и нужно объяснить то обстоятельство, что Сковорода могъ свободно развивать свое богословствованіе, не подвергаясь за то, со стороны власть имущихъ, какимъ либо непріятностямъ. Только крайнее и пошлое невѣжество ополчалось на Сковороду, да и оно, повидимому, мало касалось самой сути его богословскаго міросозерцанія, а больше нападало на Сковороду съ другихъ сторонъ, выдвигая нелѣпыя обвиненія: будто онъ осуждаетъ употребленіе мяса и вина, чуждается общества, не имѣетъ любви къ ближнему, живетъ мизантропомъ. Все же болѣе просвѣщенное—и не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ духовенствѣ—положительно было на его сторонѣ. Просвѣщенный епископъ Бѣлогородскій Іоасафъ Миткевичъ весьма благосклонно относился къ Сковородѣ, предложилъ ему должность учителя въ Харьковскомъ коллегіумѣ и усердно склонялъ его къ принятію монашества, обѣщая довести его скоро до высокаго іерархическаго сана, чего, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могло-бы быть, если-бы архипастырь сомнѣвался на счетъ образа его мыслей. Съ нѣкоторыми лицами бѣлаго духовенства, какъ видно—лучшими и достойнѣйшими членами клира, Сковорода находился въ дружеской перепискѣ. Наконецъ, сами монахи, убѣждая его принять монашество, говорили: „намъ извѣстны твои таланты, ты

будешь столпомъ церкви и украшеніемъ обители".—Значитъ, тоже не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ доброкачественности его убѣжденій.

Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя. „Ученіе, жизнь и значеніе Г. С. Сковороды".

Для того, чтобы рѣшить вопросъ о значеніи Г. С. Сковороды, необходимо обратить вниманіе на его ученіе и жизнь. Прежніе изслѣдователи называли Сковороду то украинскимъ Сократомъ, то украинскимъ Діогеномъ, Пиѳагоромъ, Лейбницемъ, Оригеномъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но онъ уже самъ запротестовалъ противъ этихъ сравненій (Ломоносовъ, говорилъ онъ, не есть казенная сажень, которою можно мѣрить всѣхъ). Не дали ключа къ разъясненію его ученія и клички „мистикъ" и „раціоналистъ pure sang". Поэтому мы постараемся охарактеризовать его міросозерцаніе на основаніи всей совокупности его учено-литературныхъ трудовъ, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ.

Сковорода въ одно и тоже время былъ и философомъ и религіознымъ мыслителемъ: философія была его религіей и религія философіей. Всѣ его сочиненія проникнуты религіознымъ направленіемъ и въ общей совокупности своей отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью; вотъ почему нельзя ихъ расчленять на философскія и богословскія; оба эти элемента у него сливаются органически и образуютъ нѣчто единое и цѣльное. Да и самъ Сковорода называлъ свою философію *христіанской философіей* и давалъ одинаковыя опредѣленія ей и Библіи. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, онъ въ то же время оставался истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлію жизни разысканіе истины. Сущность его христіанской философіи заключалась въ проповѣди *господства единой субстанціи—Духа, царящаго надъ матеріей, которая является его вѣчнымъ атрибутомъ*. Во всемъ мірѣ мы видимъ два начала—Духъ и матерію: въ природѣ, въ микрокосмосѣ (маленькомъ мірѣ или человѣкѣ) и символическомъ мірѣ

(или Библіи); оба эти начала совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ; но изъ нихъ имѣетъ значеніе только одно (Вѣчность), хотя люди очень часто отдаютъ предпочтеніе видимому надъ невидимымъ. И вотъ Сковорода старается опровергнуть это заблужденіе; къ этому направлены всѣ его сочиненія; въ этомъ его *новый* взглядъ на вещи, діаметрально противоположный тому, который господствовалъ съ современномъ ему обществѣ. Особенно важное значеніе придавалъ онъ духовному началу въ человѣкѣ, которое отождествлялъ съ человѣческой мыслью, давая движенію этой послѣдней полный просторъ, и съ этой же высшей точки зрѣнія (аллегорически) онъ объяснялъ и Священное писаніе, въ которомъ особенно замѣтны слѣды Божіи, слѣды Духа, слѣды Вѣчности. Такимъ образомъ, его міросозерцаніе, не смотря на проповѣдь *двухъ* началъ, должно быть названо *монизмомъ.* Происхожденіе міра тлѣннаго онъ объясняетъ, какъ актъ воли Вѣчнаго, пожелавшей облечь совершенства свои въ явленіе видимости. Но между другими тварями и человѣкомъ огромная разница: ихъ отдѣляетъ свободная воля этого послѣдняго. Цѣль человѣческой жизни состоитъ въ Богопознаніи и самопознаніи, которыя въ конечныхъ цѣляхъ своихъ сходятся; они же необходимы и для міропознанія. Средствомъ познанія является разумъ, но на ряду съ нимъ нужна и вѣра: она начинается тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума; вѣра же необходима и для любви, составляющей основу христіанской этики.

Изъ такого міросозерцанія Сковорода логически выводилъ и свою *теорію счастія.* Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ есть Вѣчность, Сковорода заключаетъ, что и свое счастье мы должны основывать на немъ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются утверждать свое благополучіе (богатство, здоровье и т. п.), неустойчивое и не всеобщее. Только въ такомъ случаѣ счастіе окажется достижимымъ для всѣхъ и даже нетруднымъ. Счастіе внутри насъ: оно есть нашъ душевный миръ; познавъ себя, мы найдемъ этотъ душевный миръ; а познать себя—значитъ подмѣтить свои природныя наклонности, которыя даетъ намъ Богъ,

подобный „богатому фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстимости. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ равенство.* Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вкругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большему, что равно есть полный". Исходя изъ такого пониманія счастія, Сковорода, естественно, восхвалялъ простоту жизни (но не аскетизмъ) и удовольствія, вытекавшія изъ непосредственнаго общенія съ природой. Изъ своей мысли о самопознаніи и врожденности способностей онъ выводилъ и *систему воспитанія.* И здѣсь онъ выступаетъ на защиту внутренняго духовнаго начала и потому на первый планъ выдвигаетъ нравственное развитіе, но рядомъ съ нимъ ставитъ умственное, физическое и эстетическое образованіе. Главное дѣло въ воспитаніи подмѣтить природныя склонности ребенка; природа—это единая истинная наставница; нужно только не мѣшать ей, а очищать дорогу. Эту же идею *господства Духа надъ внѣшностью* Сковорода проводитъ и въ своихъ воззрѣніяхъ на христіанство. Источникомъ христіанской религіи онъ признаетъ Библію, хотя и вооружается противъ буквальнаго ея пониманія; но между нимъ и французскими скептиками XVIII в. огромная разница. Для него Библія это болѣе чѣмъ священная книга, это единственная книга познанія, это—Самъ Богъ, говорящій къ людямъ образнымъ языкомъ. Однако, ставя такъ высоко Библію, Сковорода относится съ полнымъ уваженіемъ и къ свѣтской наукѣ. Ратуя за духовную сторону христіанства, онъ сильно вооружается противъ всѣхъ тѣхъ, которые сводили его къ одной обрядности, ибо одинъ обрядъ, безъ высшаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры и любви, недостаточенъ. Особенно рѣзко онъ возставалъ противъ ханжей и лицемѣровъ.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Сковороды. Въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога, гармонически слились умозрѣніе и мораль. Сковорода создалъ высокій нравственный *идеалъ* и самъ для себя выбралъ, съ житейской точки зрѣнія, наиболѣе трудный путь. Въ немъ мы, такимъ образомъ, видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей

гармоніи между ученіемъ и жизнью: онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. Начертанный имъ идеалъ онъ осуществилъ въ своей собственной жизни во всей его цѣлостности, полнотѣ и неприкосновенности. Онъ *сознательно* избралъ себѣ жизненный путь и шелъ по немъ прямо до самой смерти, не свернувъ ни разу ни направо, ни налѣво. Ему нѣсколько разъ дѣлали самыя заманчивыя предложенія, но онъ постоянно отказывался отъ нихъ и оставался бездомнымъ, безсемейнымъ стражникомъ, чтобы быть мудрецомъ и учителемъ народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Его „неделаніе" состояло на самомъ дѣлѣ въ безпрерывной работѣ ума и сердца,—въ составленіи философскихъ трудовъ, въ нравственномъ совершенствованіи. Его жизнь требовала сильнаго подъема духа и съ этой точки зрѣнія можетъ быть названа постояннымъ *подвигомъ*; иногда въ такомъ состояніи онъ доходилъ до религіознаго экстаза и тогда изображалъ и себя самого (напримѣръ, въ „Борьбѣ архистр. Михаила съ сатаною"). Но какъ въ ученіи, такъ и въ жизни, онъ не былъ мрачнымъ *пессимистомъ*; его міросозерцаніе и жизнь, гармонически примиренныя, давали ему внутреннее счастіе и оптимизмъ. Конечно, такой полной гармоніи онъ достигъ не сразу. Критическимъ, переходнымъ моментомъ въ его жизни было то время, когда онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и предался въ „пустынѣ" философскимъ трудамъ. Создавъ своимъ разумомъ себѣ міросозерцаніе, онъ окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ и сдѣлалъ изъ него религію. Жизнь его отличалась простотою, благодушіемъ, удаленіемъ отъ всякихъ излишествъ, близостью къ природѣ, дѣятельною любовью къ ближнему, полнымъ безсребренничествомъ. Сосредоточившись исключительно на духовномъ Богопочитаніи, онъ *лично* для себя считалъ ненужными нѣкоторые обряды, но не былъ фанатикомъ и здѣсь и умеръ, выполнивъ ихъ, по просьбѣ своего друга и по любви христіанской. Умеръ онъ такъ, какъ подобало философу, съ его взглядами на смерть, какъ на средство сбросить съ себя ветхую временную ризу и слиться съ Вѣчностью, съ Богомъ.

Въ вопросѣ о значеніи Сковороды нужно различать 2 стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Сковорода былъ не только *мыслитель,* но и *проповѣдникъ,* стремившійся къ распространенію своего ученія въ современномъ ему обществѣ и достигавшій этого, какъ посредствомъ сочиненій, такъ и посредствомъ живой устной проповѣди; огромное значеніе имѣлъ также примѣръ его собственной жизни. Сочиненія его (въ рукописяхъ) находили себѣ широкое распространеніе не только въ Украйнѣ, но и далеко за ея предѣлами. Въ теченіе 30 лѣтъ своей *страннической* жизни Сковорода сталкивался съ массою лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества; у многихъ изъ нихъ онъ проживалъ подолгу. Онъ жилъ въ монастыряхъ и у священниковъ, съ которыми велъ потомъ дружескую переписку и проводилъ въ ней свои взгляды. Лучшіе представители дворянскаго сословія считали его своимъ другомъ (его ученикъ тайный совѣтникъ и прокуроръ Ковалинскій, А. Ковалевскій, Шидловскій, Тевяшовъ, Розальонъ-Сошальскій и др.). Самъ Сковорода прямо призывалъ дворянство къ дѣлу умственнаго и нравственнаго просвѣщенія всего народа; онъ же подготовилъ его и къ воспріятію мысли объ основаніи въ Харьковѣ университета. Не меньшимъ уваженіемъ и вліяніемъ Сковорода пользовался и среди горожанъ, о чемъ свидѣтельствуетъ дружба его съ ревнителемъ просвѣщенія городскимъ головою Е. Е. Урюпинымъ. Но особенно любилъ онъ простой народъ, который платилъ ему тѣмъ же и доселѣ удержалъ въ памяти его нравственныя наставленія, сдѣлавъ ихъ своимъ духовнымъ достояніемъ. Сковорода родился и въ свое время и на своемъ мѣстѣ: онъ является естественною реакціей противъ исключительнаго господства матеріальныхъ интересовъ въ Слободско-Украинскомъ обществѣ XVIII в.; самая проповѣдь и жизнь его вылились въ ту форму, которую давно уже выработала старая Малороссія съ ея „мандрованными", т. е. странствующими учителями. Его ученіе не умерло вмѣстѣ съ нимъ; и онъ могъ сказать о себѣ: *не всуе текохъ, се умираю не безчаденъ.*

Сковорода—самородокъ; и ученіе его не было *эклектическимъ*; наибольшее духовное родство у него было не съ мисти-

ками, не съ массонами, а съ отцами церкви. Узнавъ теперь Сковороду, какъ писателя, мы должны будемъ отвести ему извѣстное мѣсто и въ исторіи русской литературы XVIII в., и въ исторіи русскаго языка, и въ исторіи украинской словесности XVIII и XIX вѣка. Но онъ имѣетъ не одно только *антикварное* значеніе. Если привести богатое содержаніемъ идейное наслѣдіе Сковороды къ общимъ формуламъ, то окажется, что онъ проводилъ *общечеловѣческіе идеалы, которыми живетъ и наше время*: стремленіе къ нравственному возрожденію личности, неуклонное исканіе истины, принципъ широкой религіозной терпимости, борьбу съ суевѣріями, демократизмъ, выражавшійся въ желаніи дать просвѣщеніе и низшимъ классамъ общества, полное соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ. И не повторяется ли теперь то просвѣтительное движеніе, которое одиноко велъ у насъ въ степной глуши Сковорода, а среди цвѣта московской интеллигенціи Новиковъ? Помянемъ же добрымъ словомъ „старичка" Сковороду, работавшаго для своего края, но внесшаго свою лепту и въ культурное богатство всей Россіи и человѣчества.

Омельянъ Огоновскій.

(Некрологъ).

---

16 октября текущаго года скончался во Львовѣ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ представителей науки и общественной жизни въ Галиціи, докторъ философіи, профессоръ русскаго языка и литературы во Львовскомъ университетѣ, членъ разныхъ обществъ и академій *Омельянъ Огоновскій.*

Безспорно, для науки и галицкой жизни смерть эта, и притомъ неожиданная (отъ удара), чувствуется очень и очень сильно. Личность покойнаго и его ученые труды вполнѣ заслуживаютъ обстоятельнаго знакомства съ собой, для чего въ данный моментъ редакція наша не имѣетъ еще всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, почему и откладываетъ болѣе обширную статью съ оцѣнкой дѣятельности О. Огоновскаго до ближайшихъ номеровъ будущаго года; теперь-же она считаетъ себя обязанной и передъ читателями, и еще болѣе передъ памятью покойнаго сказать хоть нѣсколько словъ о немъ, передавъ краткія біографическія свѣдѣнія, а также указавъ на главнѣйшіе труды его въ области науки, литературы и общественности.

Омельянъ Огоновскій родился въ 1833 г. въ с. Григоровѣ (стрыйскаго округа), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Дѣтство провелъ онъ въ домѣ родительскомъ, среди 11 душъ братьевъ и сестеръ, гдѣ, конечно, получилъ и первые уроки грамоты. Школьную науку, сначала въ нормальной школѣ, а затѣмъ въ шести классахъ гимназическихъ, прошелъ онъ въ Бережанахъ,

седьмой и восьмой классы закончилъ въ академической гимназіи во Львовѣ въ 1853 году. Прошедши затѣмъ курсъ Богословія, въ 1857 году онъ получилъ первое преподавательское мѣсто „мовы руской“ въ академической гимназіи во Львовѣ, а затѣмъ послѣдовательно, выдерживая новые экзамены, занималъ онъ мѣсто гимназическаго преподавателя и по другимъ предметамъ. Въ 1865 году выдержалъ онъ испытаніе на доктора-философіи и свободныхъ искусствъ, вслѣдствіе чего „школьна рада краева“ утвердила его въ званіи *дѣйствительнаго учителя гимназіи* и дала ему титулъ *профессора.* Почти одновременно съ этимъ, когда извѣстный Яковъ Головацкій покинулъ каѳедру во Львовскомъ университетѣ, переселившись въ Россію, О. Огоновскій появляется на каѳедрѣ „руской мовы“ въ качествѣ „суплента“ въ университетѣ; затѣмъ, прослушавъ курсъ у такой знаменитости филологіи, какъ Миклошичъ, онъ получилъ каѳедру *дѣйствительнаго профессора* университета, а написавъ научное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Ueber die Praepositionen in der Altslovenischen Sprache“, съ 3 ноября 1870 года сталъ именоваться „звычайнымъ публичнымъ профессоромъ“ и занималъ это положеніе до самой смерти, т. е. 24 года.

Этотъ труженикъ науки въ теченіе своей жизни выступалъ въ разныхъ родахъ писательства, почему оцѣнку его литературной работы произвести не легко. Начались его первые опыты еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ 5-го класса гимназіи, но писательство это, почти еще дѣтское, было на нѣмецкомъ языкѣ и не носило на себѣ и по основной мысли никакихъ національныхъ примѣтъ. Выступаетъ-же онъ впервые, какъ сознательный патріотъ, въ 50-хъ годахъ, помѣщая въ альманахахъ стихи и повѣсти на „рускомъ“ языкѣ. Между прочимъ, когда въ 1860 году изданъ былъ знаменитый въ своемъ родѣ альманахъ „Зоря Галицка на 1860 годъ“, О. Огоновскій выступилъ въ немъ съ своей стихотворной повѣстью „Крестъ; оповѣданье изъ временъ наѣздовъ татарскихъ“ (стр. 86—99), гдѣ рѣчь является слишкомъ еще колеблющеюся и мало имѣющею отпечатка народности, какъ напр.:

„Чѣмъ разъ ближе мчатся тучи,
Окружили лѣсъ дремучій
Повитались съ деревами,
Обнимая ихъ крылами.

Начавъ, такимъ образомъ, дѣятельность свою, какъ сознательный патріотъ, О. Огоновскій съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе энергично выступаетъ на литературномъ и научномъ полѣ, давъ большое разнообразіе не только темъ своихъ работъ, но и самаго характера ихъ. Не имѣя возможности теперь останавливаться на подробномъ перечнѣ всѣхъ ихъ, мы отсылаемъ пока интересующихся этимъ вопросомъ къ статьѣ Василя Лукича (Зоря 1892 г. число 1), гдѣ указаны пять главныхъ отдѣловъ его учено-литературныхъ работъ: 1) произведенія научныя и литературныя на родномъ языкѣ 2) статьи критическія; 3) книжки для народнаго чтенія; 4) книжки школьныя; 5) научныя произведенія на иностранныхъ языкахъ.

Изъ всѣхъ этихъ произведеній для насъ оказываются наиболѣе интересными тѣ его работы, которыя больше всего доставили ему славу и извѣстность въ украинскомъ мірѣ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ больше всего порождали всякихъ толковъ и пересудовъ. Мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ два его труда: одинъ—на нѣмецкомъ языкѣ „Stüdien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache“; другой—„Исторія литературы рускої“, громадный трудъ, который начался печатаніемъ въ 1886 г. въ газетѣ „Зоря“ и выходилъ затѣмъ отдѣльными томами, но которому такъ и не суждено быть оконченнымъ.

Что касается перваго труда, то онъ представляетъ обстоятельно прослѣженный рядъ явленій фонетическихъ и словообразовательныхъ на всемъ пространствѣ малорусской рѣчи, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи, служа основой для изученія современнаго народнаго языка и созданія на этихъ основахъ формъ литературныхъ, хотя на это послѣднее обращено очень мало вниманія самимъ авторомъ, который, предоставляя другимъ воспользоваться этой своей работой для цѣлей практическихъ, самъ впослѣдствіи составилъ, въ видѣ практическаго результата своихъ прежнихъ работъ, „Граматику руского языка для школъ середныхъ“ (изд. 1889 г.).

Объ „Исторіи литературы руской“ говорить теперь много не буду, такъ какъ работа эта заслуживаетъ обстоятельной и серьезной оцѣнки, тѣмъ болѣе, что о части ея высказано было не такъ давно мнѣніе А. Н. Пыпина, произведшее въ разныхъ кругахъ нашего и галицкаго культурнаго общества самыя разнородныя впечатлѣнія. Разбираться въ этомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ теперь не такъ-то просто и легко; скажемъ только, что хотя на сравнительно очень рѣзкій отзывъ А. Н. Пыпина отвѣчалъ самъ авторъ (въ газ. „Дѣло“ 1890 г. и отд. оттиски подъ заглавіемъ „Моему критикови“), но къ его отвѣту можно-бы прибавить еще много, за то и въ статьѣ А. Н. Пыпина не все можно отвергать. Однимъ словомъ, мы считаемъ теперь умѣстнымъ оставить совершенно въ сторонѣ этотъ спорный пунктъ и обратить вниманіе только на то, что какого-бы мнѣнія кто ни былъ объ исторіи литературы О. Огоновскаго, но всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что трудъ этотъ, по кропотливости работы, по многосложности собранія разрозненныхъ свѣдѣній, безспорно составляетъ громадную заслугу автора, открывая будущимъ изслѣдователямъ болѣе расчищенный путь и предоставляя въ ихъ распоряженіе богатыя библіографическія справки.

Нельзя не указать и еще на одну, послѣднюю изъ крупныхъ его работъ—изданіе въ прошломъ году полнаго „Кобзаря“ Т. Шевченка съ опытомъ научнаго толкованія и разъясненія разныхъ мѣстъ его поэзіи, а также съ большою біографическою и критическою статьею о немъ.

Но помимо научныхъ и литературныхъ трудовъ, какъ мы сказали, Омельянъ Огоновскій былъ извѣстенъ во всей Галиціи, какъ искренній, горячій патріотъ, честный борецъ за свою народность, для котораго, среди научныхъ занятій, живымъ огонькомъ всегда свѣтилъ лучъ надежды на лучшее будущее для своего народа. Живучи вдали отъ галицкаго міра, мы не станемъ высказывать нашихъ мнѣній о роли О. Огоновскаго, какъ политическаго дѣятеля, а повторимъ только слова одного изъ некрологовъ его, помѣщенныхъ въ галицкихъ газетахъ, вѣря, что въ словахъ этихъ звучитъ искренняя нота сознательнаго галиц-

каго патріота. „Неожиданная смерть этого многозаслуженнаго человѣка глубоко опечалила Львовскихъ русиновъ; вѣроятно, чувство печали такъ-же глубоко сознаетъ и вся Русь, когда услышитъ, что не стало д-ра Омельяна Огоновскаго, одного изъ наилучшихъ сыновъ Руси-Украины, котораго издавна мы привыкли видѣть въ ряду первыхъ подвижниковъ нашихъ не только на полѣ науки, но и на полѣ практической работы для нашего народнаго дѣла; что не стало человѣка непоколебимыхъ національныхъ убѣжденій, человѣка съ характеромъ, способнаго всегда неустрашимо постоять за каждое народное дѣло; что не стало человѣка рѣдкихъ общественныхъ и личныхъ добродѣтелей“.

В. Н—ко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Риторика двадцатыхъ годовъ въ Волынской семинаріи. Въ 1816 г. императоръ Александръ I посѣтилъ Волынскую семинарію. Въ день посѣщенія (3 декабря) ему была поднесена волынскими семинаристами ода, начало которой мы здѣсь приводимъ.

Великъ, кто Россами владѣя,
Чудесной славою гремитъ;
Полсвѣта областей имѣя,
Народомъ правитъ, правду зритъ,
Отъ льдистыхъ береговъ полночныхъ,
До тихихъ струй морей восточныхъ,
Свой простирая скиптръ и тронъ;
Кого чтутъ Иверски народы,
Чей слышатъ гласъ Хвалынски воды,
Сарматамъ пишетъ кто законъ;
Великъ,—но болѣе сіетъ величіемъ,
Величіемъ своихъ добротъ,
Любовью кротостью блистаетъ,
Источникъ многихъ льетъ щедротъ
Великій внукъ Екатерины.
Въ Россіи насаждая крины
Безсмертія—вновь древній Титъ
Воскресъ въ душѣ Маріи сына.
Въ немъ видна кротость Антонина,
Народъ Славянъ отца въ немъ зритъ....

Это «юныхъ музъ стихотворенье», полное «жара Менандра» и испещренное классическими кринами,—вполнѣ отвѣчало характеру энциклопедическаго, классико-риторическаго образованія того времени.

«Scientia rerum divinarum humanaramque» въ семинаріи было такъ обширно, обнимало такое множество разныхъ наукъ, что со-

временный педагогъ, принимающій въ соображеніе умственныя силы ученика, затруднился бы разсчитать для своего воспитанника сложный и тяжелый курсъ семинарскаго обученія 20-хъ годовъ. Въ составъ прежняго семинарскаго курса входили всѣ извѣстныя въ то время богословскія науки. Словесность, языки и философія преподавались въ широкомъ объемѣ. Математикѣ и естествовѣдѣнію отводилось почетное мѣсто. Медицина и сельское хозяйство тоже не были забыты старымъ семинарскимъ курсомъ.

Другой вопросъ, насколько основательно все это усвоялось учениками. Можно думать, что эта именно многопредметность и была причиною недостаточности семинарскаго образованія. Дидактика, построенная на энциклопедической системѣ знаній, самая слабая. А такая именно система и господствовала въ семинарской дидактикѣ прошлыхъ временъ. Знать *все* въ неопредѣленномъ, силуэтическомъ видѣ и *ничего* основательно—было удѣломъ семинариста. Только въ самое послѣднее время система многознанія значительно ослаблена въ семинаріяхъ предпочтеніемъ спеціальныхъ богословскихъ наукъ предъ другими науками не богословскаго характера.

До какой степени широка была въ семинаріяхъ 20-хъ годовъ программа обученія, объ этомъ можно судить между прочимъ по сохранившимся старымъ семинарскимъ запискамъ (печатныхъ учебниковъ тогда было немного). Познакомимъ читателей съ небезъинтересными записками одного изъ учениковъ волынской духовной семинаріи 20—30-хъ годовъ по словесности.

Толстая книжка in 4°, въ 528 страницъ толстой синей бумаги, исписана очень мелкимъ почеркомъ и озаглавлена «Курсъ словесныхъ наукъ». Курсъ дѣлится на слѣдующіе отдѣлы и главы.

Отдѣлъ первый заключаетъ предварительныя о словесности свѣдѣнія и слѣдующія три части. Часть первая—«словесныхъ наукъ теоретическая»—показываетъ «метафизическое свойство произведеній» и дѣлится на три главы: первая трактуетъ объ изящномъ вкусѣ съ субъективной стороны; вторая объ изящномъ съ объективной стороны (о прекрасномъ и высокомъ); третья—о геніи. Каждый изъ отдѣловъ имѣетъ подъотдѣлы съ многочисленными рубриками (въ родѣ—опредѣленія сего качества вообще и въ частностяхъ, возможность, необходимость сего качества, согласіе его съ умомъ, волею и сердцемъ и т. п.). Часть вторая—«словесныхъ наукъ практическая»—изъясняетъ «физическое или внѣшнее свойство словесныхъ произведеній». Эта часть имѣетъ введеніе къ

своему отдѣлу и двѣ главы. Первая глава— «аналитика человѣческаго слова» или «всеобщая грамматика (съ отдѣлами о словѣ устномъ, о словѣ письменномъ)». Вторая глава—два главные вида слова внѣшняго съ отдѣлами—о поэзіи, вообще, и, въ частности, о поэзіи божественной и поэзіи человѣческой. Въ отдѣлѣ послѣдней излагается исторія поэзіи человѣчества съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго времени. Часть третья—о родахъ поэзіи:—лирической (къ ней относятся: гимны, пеаны, дифирамбы, оды торжественныя, сколіи, рапсодіи, элегіи и героиды), дидактической (воспѣваніе «дѣяній отличныхъ людей», поэзія историческая и философская), эпической (эпопеи), драматической (комедіи, трагедіи, драма въ собственномъ смыслѣ и опера) и о поэзіи смѣшанной (ораторія, романсъ, простая пѣснь, идиллія, эклога, басня, баллада, ироикомическая поэма, поэзія эпиграмматическая, каламбуры, эпитафіи, эпиталамы, саркофасы, портретграммы, урнограммы, мадригалы, сонеты, рондо, тріолеты, загадочная поэзія, логографы, шарады, омонимы и анаграммы).

Второй отдѣлъ «курса словесныхъ наукъ» заключаетъ ученіе о краснорѣчіи. Послѣ многихъ опредѣленій краснорѣчія (Аристотеля, Θеодора Гадарійскаго, Корнелія-Цельса, Аθенея, Квинтилліана и друг.) и предварительныхъ разсужденій о краснорѣчіи, слѣдуетъ изложеніе «исторіи краснорѣчія» (у древнихъ грековъ, римлянъ, первенствующихъ христіанъ, у англичанъ, у французовъ, германцевъ и россіянъ).

Затѣмъ, подробныя изслѣдованія въ трехъ членахъ: первый—о рѣчи ораторской (о расположеніи и изложеніи рѣчи, о видахъ и качествахъ слова), второй—о краснорѣчіи древнемъ (роды древняго краснорѣчія: изобразительный—demonstrativum, совѣщательный—deliberativum и судебный), третій—о краснорѣчіи новѣйшемъ—гражданскомъ, церковномъ и общеупотребительномъ. Къ гражданскому краснорѣчію относятся рѣчи воинскія, судебныя и др. Обыкновенное или внѣшнее краснорѣчіе составляютъ: письма, разговоры, исторіи и похвальныя рѣчи.

Третій отдѣлъ «о критикѣ»—послѣдній, самый краткій изъ всѣхъ отдѣловъ. Критика опредѣляется, какъ судъ произведеній истинныхъ для отличія ихъ отъ ложныхъ, и раздѣляется на критику божественныхъ писаній и человѣческихъ. Въ заключеніи изложены правила критики.

Особенною обстоятельностью изложенія отличается второй отдѣлъ—ученіе о краснорѣчіи. Слѣды разныхъ замѣтокъ на поляхъ, поправокъ и замѣтокъ свидѣтельствуютъ, что онъ проходился обстоятельнѣе прочихъ. «Исторія краснорѣчія» изложена полно и представляетъ собою длинную номенклатуру поэтовъ и ихъ произведеній. Вотъ между прочимъ, перечень греческихъ поэтовъ, характеристикѣ которыхъ посвящены въ курсѣ *особые параграфы*: Орѳей («уроженецъ ѳракійскій», спутникъ аргонавтовъ, жилъ около 2748 лѣтъ отъ сотворенія міра), Музей, Гомеръ, Гезіодъ, Тиртей, Солонъ, Ѳеогнисъ, Фонимедъ, Пиѳагоръ, Анакреонъ, Сафо («славная стихотворщица»), Пиндаръ, Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Мекафронъ, Аристофанъ, Филемонъ, Менандръ, Ѳеокритъ, Каллимахъ, Аратъ, Клеанѳъ, Аполлоній родосскій (который въ 3880-хъ годахъ отъ сотворенія міра преподавалъ въ Родосѣ «правила реторики»), Мосхъ, Біонъ, Никандръ, Оппіенъ, Ноннъ, Мелеагръ, Филиппъ Ѳессалійскій, Стратонъ, Агаѳіасъ, Константинъ Кефеласъ. Этотъ длинный перечень греческихъ поэтовъ, начатый Орѳеемъ, оканчивается Максимомъ Плакудіемъ (константинопольскимъ монахомъ XIV в.). Затѣмъ слѣдуютъ римскіе поэты, солійскіе жрецы, Ливій Андроникъ, Кней Нэвій, Квинтъ Энній, Акцій Плавтъ, Пакувій, Акцій-Аттей, Терренцій-Африканъ, Луциллій, Лукрецій-Коръ, Валерій-Катуллъ, Альбій Тибулъ, Вестъ Аврелій Проперцій, Корнелій Галлъ, Публій Виргилій Маронъ, Горацій Флаккъ, Овидій Назонъ, Корнелій Севлеръ, Педо Альбинованъ (отъ котораго до насъ дошла только одна «удивительная поэма»), Грацій Феликсъ, Публій Сирусъ, Маркъ Манилій, Кесарь Германикъ, Федръ Фракійскій, Авлъ Персій Флаккъ, Люцій Анней Сенека, Анней Луканъ, Валерій Флаккъ, Силій Италикъ, Петиній Сацій, Валерій Марціалъ, Децимъ-Юлій-Ювеналъ, Авій-Флавій, Діонисій Катонъ, Аврелій-Олимпій Немезіанъ, Титъ-Юлій-Канкурній, Магнусъ-Авзоній, Клавдій-Клавдіанъ, Аврелій-Пруденцій, Целій Седулій и Клавдій-Рутилій-Нумензіанъ. За греко-римскою литературою слѣдуетъ литература «у Персовъ и Аравлянъ» у «древнихъ галловъ, британцевъ и скандинавцовъ» и, наконецъ, у новѣйшихъ народовъ: у италіанцевъ (у которыхъ встрѣчаются впервые трубадуры—«сіи искры поэзіи»), французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, поляковъ и, наконецъ, «россіянъ».

«Россійская» поэзія изложена сжато и неполно. Авторъ курса словесности обогатилъ свой курсъ богатымъ историко-литературнымъ матеріаломъ, касавшимся классическихъ и западно-европейскихъ

литературъ, но оказался совершенно слабымъ при изложеніи русской литературы, которая въ то время, впрочемъ, имѣла очень немного изслѣдованій и пособій.

«Слово о полку Игоревѣ», «нѣсколько богатырскихъ повѣстей» и «народныя пѣсни» составляютъ, по словамъ автора, «все наше наслѣдіе до XVIII в.» Авторъ полагаетъ, что «Слово о полку Игоревѣ», описывающее «необыкновенное происшествіе», есть «отрывокъ несравненно большаго произведенія, вѣроятно заключавшаго въ себѣ повѣствованіе происшествій отъ Владиміра до Игоря».

«Богатырскія повѣсти», подъ которыми авторъ разумѣетъ былины, «суть позднѣйшія памятники поэзіи нашихъ предковъ». Излагается кратко содержаніе сихъ повѣстей. О повѣстяхъ «въ честь князя Владиміра» замѣчено, что въ нихъ Владиміръ князь представляется «роскошнымъ и, можно сказать, романическимъ». Но, вообще, о повѣстяхъ авторъ не высокаго мнѣнія. Любопытна характеристика богатырскаго эпоса. «Вообще богатырскія русскія повѣсти, замѣчаетъ авторъ, представляютъ странную смѣсь истиннаго и ложнаго, благороднаго и низкаго, смѣшнаго и вздорнаго. Сочинены онѣ людьми необразованными. Планъ почти всѣхъ весьма дуренъ». Учителя словесности 30-хъ годовъ весьма удивляло, что въ древнихъ повѣстяхъ нѣтъ «ни связи происшествій, ни страстей, ни характеровъ», что «изображенія витязей похожи болѣе на уродливыя каррикатуры, нежели на портреты. Слогъ сухъ, разсказы растянуты и наполнены частыми повтореніями одного и того же. Словомъ, грубый вкусъ и невѣжество,—характеристика сихъ повѣстей». Впрочемъ, авторъ не отказываетъ былинамъ въ «нѣкоторыхъ хорошихъ сравненіяхъ, удачныхъ вымыслахъ и счастливыхъ выраженіяхъ», что даетъ автору право согласиться «съ однимъ почетнымъ любителемъ отечественнаго слова, что сіи искры свидѣтельствуютъ о горѣвшемъ нѣкогда пламени»... Происхожденіе повѣстей авторъ относитъ къ XVI вѣку.

Въ параграфѣ «о народныхъ пѣсняхъ», «составляющихъ третій и послѣдній памятникъ поэзіи предковъ», замѣчено, что «несмотря на пренебреженіе, оказываемое отъ нѣкоторыхъ народнымъ пѣснямъ, онѣ заслуживаютъ уваженія со стороны литератора». Пѣсни дѣлятся на обрядовыя, повѣствовательныя, лирическія и забавныя

Обзоръ русской поэзіи оканчивается общими поверхностными разсужденіями о духовныхъ стихотвореніяхъ XVII и XVIII вѣка Симеона Полоцкаго, Іоанна Максимовича, Стефана Яворскаго, Ѳео-

фана Прокоповича, Димитрія Ростовскаго, князя Кантемира. Относительно духовно-драматическаго сценическаго искусства замѣчено, что эти зрѣлища стали появляться въ семинаріяхъ въ праздничные дни, а особливо на масляницѣ. Въ кіевской бурсѣ и въ училищѣ заиконоспасскомъ представляли акты ораторическія изъ библейскихъ исторій такіе, какіе нѣкогда были и на французскомъ театрѣ, въ которыхъ ничего не было видно, кромѣ грубыхъ фарсовъ, безъ всякихъ декорацій, каррикатурныхъ актеровъ и неприличныхъ костюмовъ». Обозрѣніе русской поэзіи оканчивается краткой характеристикой поэзіи Тредьяковскаго и Ломоносова—«рѣдкаго генія», «который стоитъ выше всякой похвалы». «Въ продолженіи 70 лѣтъ, протекшихъ отъ Ломоносова до настоящаго времени, отечество наше видѣло и видитъ множество стихотворцевъ во всѣхъ родахъ поэзіи, обогатившихъ и продолжающихъ обогащать россійскую словесность своими произведеніями. Но исчисленіе всѣхъ ихъ оставляется потому, что не всѣ они извѣстны, а оцѣнка извѣстныхъ—потому, что не о каждомъ можно дать вѣрное сужденіе и предлежитъ опасность, чтобы не умалить или не увеличить достоинства особливо новѣйшихъ и современныхъ». Вообще, о русской поэзіи авторъ говоритъ небрежно, кратко и какъ бы вынуждено.

Но за то поэзія нѣмцевъ, у которыхъ авторъ заимствовалъ значительную часть матеріала своего курса, излагается подробно и обстоятельно, начиная съ эпохи бардовъ—минезингеровъ и кончая современными автору нѣмецкими писателями Клингеромъ, Грифомъ (который можетъ сравниться по нѣкоторымъ мѣстамъ своихъ произведеній съ Шекспиромъ), Кроногкомъ («любезный авторъ, который имѣлъ даръ истиннаго трагика»), Титче и Коцебу («любезный авторъ всею Европою»)

Пособіемъ автору при составленіи его словесности служили свыше 50 источниковъ, какъ напр.

1) Четыре разговора Платона объ изящномъ.

2) Три книги Аристотелевой риторики.

3) Его же пiитика».

4) Трактатъ о сочиненіи словъ Діонисія Галикарнасскаго.

5) Риторичоскія сочиненія Гермогена.

6) Книга о низложеніи Димитрія Фалерейскаго.

7) Риторическія сочиненія Цицерона.

8) Ораторскія сочиненія Квинтилліана.

9) Разсужденіе о высокомъ Лонгина, перев. на россійск. Марышкина, и т. п.

Количество источниковъ и характеръ изложенія, доходящаго по своей формальной выдержанности во многихъ мѣстахъ до педантизма и пустословія, показываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ образцомъ лучшаго изъ семинарскихъ курсовъ «Риторики» 30-хъ годовъ.

Читатель видитъ, что это не наука, а цѣлая система наукъ, энциклопедія разныхъ свѣдѣній, сводъ которыхъ въ одно мѣсто тѣмъ страннѣе, что эти свѣдѣнія имѣютъ иногда между собою очень мало общаго. Ихъ объединяетъ не столько сродство мысли, сколько обманчивая система трансцедентальнаго единства человѣческихъ знаній, которая носилась тогда въ головахъ нашихъ педагоговъ подъ вліяніемъ философской системы Гегеля, одного изъ величайшихъ систематиковъ, какихъ только знала исторія человѣческой мысли. Въ риторикѣ скопленъ значительный матеріалъ по разнымъ отдѣламъ знанія. Современный преподаватель библейской археологіи найдетъ здѣсь библейско-археологическія свѣдѣнія; современный филологъ-языковѣдъ, быть можетъ, нѣсколько удивится, когда узнаетъ, что въ волынской семинаріи 30-хъ годовъ преподавалось въ отдѣлѣ «Риторики» о письменномъ словѣ—начертаніе кадмовой азбуки, ведущей свое начало отъ Кадма-финикійца и состоявшей только изъ 16 буквъ. Послѣ кадмовой азбуки слѣдовало начертаніе древнѣйшей еврейской, греческой и латинской азбукъ (при чемъ приведены образцы латинскаго письма и орфографіи V вѣка отъ Рождества Христова по Квинтилліану, отрывки изъ присяги, данной 846 года Людовикомъ германскимъ Карлу. Послѣднее приводится, какъ образецъ измѣненія языка латинскаго въ романскій). Въ этомъ же отдѣлѣ находимъ свѣдѣнія о веществѣ, на которомъ писали, веществѣ, которымъ писали, орудіяхъ письма, форматѣ древнихъ книгъ и пр. Этнографъ-оріенталистъ можетъ найти въ «Риторикѣ» таблицу о разселеніи народовъ Азіи и Африки съ возвышенностей Кавказа по всему свѣту (по изслѣдованіямъ германскаго ученаго Фесслера)...

И чего-чего только нѣтъ въ толстой книгѣ на полутысячѣ съ лишнимъ страницъ, тщательно исписанныхъ мелкимъ почеркомъ. Поля книги по мѣстамъ наполнены обильными выдержками изъ Иліады, Одиссеи, Энеиды, сочиненій Цицерона, Квинтилліана и другими латинскими, греческими и даже еврейскими цитатами разныхъ

авторовъ и сочиненій. Въ примѣчаніяхъ приводятся мнѣнія Якоба, Було Сильвена, Лонгина, Паскаля, Локка, выдержки изъ «Ковлеева Давиденда», датской исторіи Маллета, и ведется полемика съ Руссо и Свифтомъ, которые «по своему человѣконенавистничеству описали человѣка неспособнымъ къ общежитію и ненавистнѣйшимъ чудовищемъ».

Теоретическія разсужденія риторики проникнуты отвлеченностью и той очень туманной, напыщенной фразеологіей, которою отличалась философская мысль 30-хъ годовъ. Историческія свѣдѣнія, наоборотъ, страдаютъ педантизмомъ и мелочностью фактовъ. Въ абстрактныхъ разсужденіяхъ автора много системы, но мало фактовъ; въ фактической части изложенія слишкомъ много фактовъ и отсутствіе опредѣленной системы изложенія.

Отношеніе къ классикамъ проникнуто уваженіемъ, доходившимъ до благоговѣнія и исключавшимъ возможность критическаго къ нимъ отношенія. «Ἀυτὸς ἔφη» —было принципомъ семинарской мысли 30-хъ годовъ. Научное положеніе казалось слабымъ, если оно не снабжалось ссылкою на какого-нибудь классика (Аристотеля, Платона, Горація). Но за то облеченное въ громоздкую классическую цитацію, оно получало авторитетъ и полную убѣдительность.

Обиліе источниковъ русскихъ и иностранныхъ замѣняло автору необходимость самостоятельной мыслительной дѣятельности при составленіи курса. Русскій педагогъ старой риторики съ рѣдкимъ трудолюбіемъ пережевалъ всѣхъ нѣмцевъ-риторовъ, какіе только были извѣстны ему въ то время; онъ обратилъ самое добросовѣстное вниманіе на многія стороны предмета, даже такія, которыя въ строгомъ смыслѣ не имѣли никакого прямаго отношенія къ дѣлу, но, къ сожалѣнію, опустилъ изъ вниманія только одно—ученика, волынскаго бурсака, на несчастную долю котораго приходился весь этотъ педагогическій сумбуръ литературнаго, разрозненнаго матеріала и который, не смотря на все свое равнодушіе ко всякимъ родамъ scienti'и, порою не выдерживалъ и съ озлобленіемъ писалъ: «чортъ бы васъ побралъ», или «такого то года и числа къ сему талмуду руку приложилъ NN».

Курсъ риторики составлялся безъ справокъ съ умственными силами тѣхъ, кому онъ предназначался. Педагогу-ритору смутно представлялась дидактическая цѣль его сложнаго курса, но за то для него было несомнѣннымъ убѣжденіе, что образованіе ученика

пострадаетъ, если онъ не сообщитъ ему необходимыхъ свѣдѣній о «ѳракійскомъ уроженцѣ» Орѳеѣ, или о какомъ-нибудь нѣмцѣ Коцебу. Учитель риторики безъ затрудненія отвѣтилъ бы на вопросъ «что преподавать», но онъ былъ бы поставленъ въ большое недоумѣніе, если бы его спросили: «зачѣмъ все это»? Этотъ балластъ всесторонних̂ъ свѣдѣній о древнемъ и новомъ краснорѣчіи, авторитетно сообщавшійся довѣрчивымъ ученикамъ въ формѣ каталогическаго перечня знаній, обременявшихъ память, и былъ тою «риторикою», одно названіе которой нѣкогда звучало такъ почтительно. Масса латинскихъ, греческихъ цитатъ этой науки уносила учениковъ въ отдаленное прошлое, а отвлеченныя схоластическія разсужденія держали науку высоко надъ почвою, по которой ходилъ бурсакъ метафизикъ. И не удивительно, что онъ часто попадалъ въ яму. Семинаристъ стараго времени имѣлъ полное право сѣтовать:

„Или бурсакъ на то родится,
Чтобъ вздоръ старинный разбирать,
Или онъ въ дѣло не годится,
Когда не знаетъ „do“ спрягать?
Не лучше-ль силы, умъ и время
На трудъ полезный посвятить
И жизни тягостное бремя
Наукой свѣтлой облегчить?“...

Методика вырабатываетъ свои лучшіе принципы послѣ того, какъ практически признана непригодность старыхъ. Своимъ долголѣтнимъ пребываніемъ, въ качествѣ учебнаго семинарскаго предмета, риторика изобличала самое себя и практически показала, насколько, вообще, непригодна для цѣлей правильнаго развитія система многознанія безъ соображенія цѣли и смысла знанія. Смыслъ риторики въ томъ, что она *была*...

Ѳ. Кудринскій.

Деревенская оргія. (*Картинка сельской свадьбы*). Было темно и холодно. На тихое село только что надвинулся ноябрьскій вечеръ. Изрѣдка прорѣзывался сквозь тучи мѣсяцъ и, освѣтивъ узкую полоску воды, скрывался. Блѣдными, желтыми четыреугольниками выдѣлялись окна хатъ изъ мрака. На дворѣ угольнаго дома стояла кучка молодежи. Здѣсь, подъ звуки скрипки и бубна, скромно толклись дивчата, танцуя кружкомъ. Иногда вылеталъ на свѣтъ кто-нибудь изъ смѣнившихъ ихъ парней въ темной свиткѣ, или кожухѣ и опять

исчезалъ въ темнотѣ. Между тѣмъ въ хатѣ сидѣли гости за длинными столами, предъ ними лежалъ мягкій хлѣбъ и дымилась въ мискахъ капуста. Разговоръ шелъ степенный: о молотьбѣ хлѣба и объ извозѣ. Въ сторонѣ, на такъ называемомъ полу--доскахъ у печи, служащихъ постелью—женщины сочувственно слушали молодицу, жаловавшуюся, что власти выбросили ея конопли изъ рѣки.

Хозяева безпрестанно потчивали гостей водкой, и бутылки пустѣли. Самъ женихъ, высокій парень, показывался только минутами въ избу и тотчасъ же уходилъ къ товарищамъ. Вскорѣ музыкантовъ также позвали со двора ужинать, и молодежь разошлась по вечерницамъ. Послѣ ужина остался только большой столъ подъ образами, а меньшій убрали. Лысый старичекъ скрипачъ сѣлъ на лавѣ противъ печи и началъ методически наигрывать «дудочку». Ему вторилъ на бубнѣ молодой человѣкъ, русый съ толстыми щеками. Между печью, столомъ, лавами и раскрытой въ сѣни дверью, всего на пространствѣ нѣсколькихъ аршинъ, тихо, едва перебирая ногами, начали танцовать молодицы. Груди чуть вздрагивали и бедра лѣниво шевелились. Поминутно подходила къ нимъ хозяйка съ водкой, но оживленія еще не было, мужчины не участвовали въ танцахъ, и только дѣдъ съ лицемъ цвѣта нечищенной красной мѣди къ общему удовольствію галопомъ прошелся среди танцующихъ.

Въ воскресенье поздно вечеромъ уже издали слышенъ былъ поѣздъ молодаго. Лошади мчались въ карьеръ, свашки и свѣтилки выкрикивали свадебныя пѣсни, парни гикали и бубенъ гудѣлъ неумолкая. Родители приняли молодыхъ и усадили за столъ подъ образами. Здѣсь женщины, еще не видавшія молодую, съ любопытствомъ осматривали ее, нѣкоторыя стали на доски такъ, что головы почти касались потолка. Трижды въ жизни человѣкъ бываетъ предметомъ особаго вниманія: когда родится, вѣнчается и умираетъ.

Молодая была уже вполнѣ сложившаяся, высокая дѣвушка съ черной, какъ смоль, косой и темными глазами, опущенными внизъ. Щеки заливалъ яркій румянецъ, она жеманно зажимала губы нѣсколько на сторону. Ея пышный вѣнокъ и ленты замѣтно выдѣлялись яркими тонами среди чорныхъ платковъ и темныхъ свитъ гостей. Вскорѣ красивый дружко, весь замотанный въ красныя и бѣлыя широкіе рушники, пригласилъ молодыхъ установленной формулой и повелъ ихъ за платокъ изъ избы въ комору. Но здѣсь произошло замѣшательство, молодые не пошли въ комору, а стали шептаться съ дружкомъ.

— Что то будетъ? спрашивала безпокойно молодая.

— Нужно просить людей, совѣтывали ей какъ мужъ, виновникъ настоящаго недоумѣнія, такъ и дружко. Отецъ также подошелъ къ молодымъ. Между тѣмъ гости съ любопытствомъ наблюдали сцену, особенно женщины вытягивали свои бѣлыя шеи. Тонкія губы одной молодицы искривила улыбка, глаза ея сосѣдки отливали зеленымъ блескомъ. Выяснялось, что калина уже тронута морозомъ. Наконецъ, молодая скрылась въ боковую комнатку и почти тотчасъ же вошла въ избу, уже безъ вѣнка, а въ чорномъ платкѣ и смущенная, на колѣняхъ, просила прощенія у родственниковъ мужа, а потомъ и у всего общества, говоря: «простите и вы люди!» Этимъ покаяніемъ кончилась роль молодыхъ въ воскресный вечеръ, и они удалились въ комору.

Послѣ ужина, за которымъ водка лилась еще обильнѣе, чѣмъ наканунѣ, скрипачъ и его товарищъ заняли прежнее мѣсто на лавѣ и заиграли козачка; въ растворенныя двери вбѣжали молодицы и начали танцовать кружкомъ, потомъ раздѣлились на двѣ стороны и понеслись одна на другую, иногда обнимая другъ друга за таліи. Кто то изъ гостей, въ насмѣшку молодой, вылилъ воды на полъ, но это какъ будто прибавило жару танцующимъ: бабы приподняли слегка сподницы и отворотили края плахтъ такъ, что сверкнули бѣлыя колѣни, и продолжали танецъ, выкрикивая:

Ой грай, колы граешъ,
Колы чорны брови маешъ.
Колы таки якъ у мене
Той сядь биля мене!

Среди танцующихъ особымъ оживленіемъ выдѣлялась стройная, молодая вдова Солоха. На лбу у ней показались капли пота, ноздри дрожали, даже жилы на шеѣ расширились. Наконецъ, одинъ изъ мужчинъ не выдержалъ и, вмѣшавшись въ танецъ, сталъ приближаться къ ней, но вдова быстрымъ оборотомъ, какъ стрѣла, отлетѣла въ сторону, подскочила къ музыкантамъ, сложила руки на груди и выгибая талію, охваченную короткимъ коричневымъ корсетомъ, начала пѣть, или лучше кричать.

Музыканты мои,
Вы заграйте мени
Коваля, коваля.
Що я въ свого батенька
Одиныця була.
Трай, рай, ра...

И сейчасъ же стала прыгать на одной ногѣ. Одушевленіе увеличивалось; уже и мужчины заболтались между танцующими, и женщины хлопали въ ладоши и вскрикивали:

Пытаеться кулычокъ:
Чы вже, чайко, свитокъ?
— Ище, ище, ище ще
Прысуньмося блыжче ще!

Онѣ тѣснились другъ къ дружкѣ, обнимались, цѣловались, или вдругъ отталкивали одна другую. Груди высоко поднимались, глаза блистали, плахты разносились въ стороны. Вдова, заломивъ руки надъ головой, высоко взбрасывала ногами. И музыка вторила общему настроенію, скрипка заливалась съ удалью, а бубенъ уже не гудѣлъ, музыкантъ потрясалъ имъ надъ головой такъ, что мѣдныя бляшки звякали, а колокольчики звенѣли, покрывая на минуту женскій визгъ.

— Ну, лютыя эти бабы! Смотрите—Солоха какъ ногами перебираетъ! Какъ конь!—замѣтилъ одинъ изъ гостей.

Но пожилой, спокойный человѣкъ, равнодушно наблюдавшій все время и даже мало пившій, ничего не отвѣтилъ на обращенное къ нему замѣчаніе, а только плюнулъ въ сторону.

В. М.

Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. Воспоминанія почтеннаго и уважаемаго I. А. Самчевскаго, при которомъ я поступилъ въ Новгородсѣверскую гимназію и окончилъ, въ изданіи «Кіевской Старины» дополнены біографическими замѣтками о тогдашнемъ педагогическомъ персоналѣ. Если кое-гдѣ брошены пятна, то отдано и должное благородной памяти другихъ дѣятелей гимназіи. Только учитель чистописанія и рисованія Н. Ф. Воробинскій изображенъ авторомъ примѣчаній неполно и односторонне. Воробинскій жилъ въ бѣдности, былъ плохой педагогъ; пожалуй, въ гимназіи казался «вполнѣ лежачимъ человѣкомъ», настолько, что даже шалуны сами собой усмирялись (Кіевская Старина, 1894, августъ, 148)... Но, ко всему этому надо прибавить, что онъ былъ честнѣйшій человѣкъ, талантливый и любившій дѣло художникъ.

Лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось заѣхать въ одинъ хуторъ на самомъ краю ...скаго уѣзда. Пока въ гостинную вошла хозяйка, я началъ разсматривать цвѣты и картины. Все, какъ обыкновенно. Но, на стереотипномъ мѣстѣ надъ диваномъ,—два портрета: старикъ въ бѣломъ халатѣ и старая женщина, повязанная платкомъ. Такъ повязывается

теперь вдова стараго священника, старая купчиха, ключница и, изрѣдка, солидная мѣщанка; но когда-то эта повязка встрѣчалась въ простомъ помѣщичьемъ семействѣ. Не трудно было догадаться, что это портреты отца и матери владѣлицъ хутора. Сходство чувствовалось, а жизнь выступала въ каждомъ штрихѣ. «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголя, подумалъ я, писанные Денеромъ; онъ (не Денеръ, а старикъ въ бѣломъ халатѣ) тоже когда-то увезъ свою Пульхерію Ивановну»... Въ это время вошли хозяйки. Послѣ перваго знакомства, я свелъ рѣчь на портреты: «кто рисовалъ?»

— «Учитель Воробинскій».

Одно время хотѣли, чтобы я бралъ уроки у Воробинскаго; по разнымъ причинамъ это не состоялось; но мнѣ случалось бывать у него. Онъ жилъ въ своемъ домѣ на великолѣпномъ мѣстѣ, съ небольшимъ, но старымъ садомъ когда то скрипача Рачинскаго. 10—12-лѣтнимъ мальчикомъ, я, бывало, пересматриваю папки съ рисунками, въ то время, когда Воробинскій, а болѣе его жена, передавали моей матери о своихъ злоключеніяхъ. На стѣнахъ помню копіи съ Лампи и Бруни (портретъ Екатерины II и Моленіе о чашѣ); должно быть, онѣ были недурны, если врѣзались въ дѣтское воображеніе.

У Воробинскаго была большая, но очень дружная семья. Изнывая подъ гнетомъ общественнаго равнодушія, онъ душею отдыхалъ въ семьѣ.

Өеодоръ Уманецъ.

Какъ баба замирала. Въ с. Гладоссахъ елисаветградскаго у. Евфросинья Бѣжанова разсказывала, что̀ она видѣла въ то время, когда «замирала», лѣтъ 50 тому назадъ. Прежде всего, говорила она, увидѣла я огонь въ той сторонѣ, гдѣ м. Ревуцкое и Одесса; я пошла къ нему и начала водить по нему рукою, но потомъ испугалась, отступила отъ него и увидала свою сестру Настю; спрашиваю ее: «чего це мене огонь не пече?» —а она отвѣчаетъ: «якъ бы ты була мертва, то твоя бъ сорочка згорила,—а тоби уже на цимъ свити серце спекла маркурія и ценопрія» (а меня этими лѣкарствами лѣчили). Потомъ я увидѣла двухъ коровъ, которыя паслись на лугу и изъ которыхъ молоко лилось, какъ вода изъ чопа; оно текло по землѣ рѣкой. Вдругъ сестра моя толкнула меня и говоритъ: «дывысь, шо то лытыть!» Я посмотрѣла на западъ и говорю: «саранча!» А она говоритъ: «ось побачышь, якъ прылытять!» Какъ прилетѣли они, а я даже испуга-

лась: то были маленькія дѣти! Подлетятъ къ молоку, скажутъ: «крещены!» и тотчасъ принимаются пить молоко; напьются и улетаютъ прочь, а за ними летятъ другія, и все съ запада. Дальше я видѣла дивчатъ, сидящихъ въ травѣ; онѣ срывали траву, дѣлали изъ нея мячики и перебрасывались ими; маленькимъ трава была по шею, а гдѣ сидѣли пожилыя, тамъ трава была сухая. Дальше видѣла я ручеекъ; изъ ручейка люди пили воду тѣ, родственники которыхъ по смерти ихъ подавали пить изъ посуды, а безъ посуды пили тѣ, родственники которыхъ не давали пить по ихъ смерти. Тутъ видѣла я и отца своего, и мать: они пили тоже воду—и безъ посуды. Потомъ вижу я: обѣдаютъ люди,—одни за столами, а другіе просто за скатертями: за столами—тѣ, родственники которыхъ по ихъ смерти устраивали поминальный столъ, а за скатертями—тѣ, родственники которыхъ не дѣлали стола, а кормили на скатертяхъ. Между обѣдающими замѣтила я покойнаго Брагу; передъ нимъ, на столѣ стояла пища похожая на холодецъ; у всѣхъ шелъ паръ отъ пищи, а у него нѣтъ. Я спрашиваю у сестры: «чого оце у его ны йде пара?» а она говоритъ: «ты-жъ оживешь,—то скажи доцци, шобъ вона рано, до сходъ сонця набрала повынъ глечикъ молока и однесла—у кого нема!..:.» Въ самомъ концѣ видѣла я, что я лежу по серединѣ двухъ жидовъ, а близь меня стоитъ старикъ съ большой бородою; старикъ и говоритъ мнѣ: «сотвори молитву!»—а я отвѣчаю: «якъ я сотворю Богу молытву, якъ ось лыжать два жида!»—а старикъ говоритъ: «скажи: дай, Господы, мини на память!»—какъ только сказала я эти слова, такъ тотчасъ и ожила.

Разсказъ этотъ записанъ крестьяниномъ Харитономъ Самойликомъ на общемъ литературномъ языкѣ, за исключеніемъ разговоровъ, которые переданы по малороссійски. Въ самомъ разсказѣ мы нашли себя вынужденными исправить нѣкоторыя стилистическія шероховатости.

В. Ястребовъ.

Нѣсколько заговоровъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ настоящаго мѣстожительства моего (м. Шпола) въ бѣдномъ и захолустномъ селѣ проживаютъ двѣ знахарки. Мнѣ много разъ приходилось слышать отъ людей, близко знающихъ ихъ, довольно комичный способъ лѣченія ими больныхъ. Сколько разъ ни старался я узнать болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ у близко знающихъ ихъ, такъ и у лѣчи-

вшихся, но положительно всѣ отказывали мнѣ въ этомъ—первые, по причинѣ недостаточно вѣрныхъ слуховъ, вторые же,—давъ слово лѣчившимъ ихъ сохранять все въ тайнѣ. Однажды ко мнѣ прибѣгаетъ одинъ крестьянинъ, знающій мое желаніе узнать способъ лѣченія вышесказанными знахарками, и сообщаетъ, что у знакомаго мнѣ крестьянина болятъ зубы и для лѣченія ихъ имъ приглашена знахарка, пользующая способомъ заговора. Не медля ни минуты, я отправляюсь къ указанному мѣсту. Захожу въ избушку и застаю бѣгающаго изъ угла въ уголъ крестьянина и только что пришедшую женщину. Обращаюсь къ крестьянину съ вопросомъ: что съ вами? и получаю въ отвѣтъ: «дуже и дуже болятъ зубы». Женщина, недружелюбно посмотрѣвъ на меня, проситъ уходить, такъ какъ я мѣшаю ей дѣлать нужныя приготовленія. На высказанное мною желаніе присутствовать, она отчаянно замахала руками и начала кричать, что я прошу невозможнаго. Кое-какъ, съ помощью крестьянина, мнѣ удалось убѣдить ее, объяснивъ, что услышанное мною не можетъ принести ей вреда, такъ какъ я не думаю заниматься одною съ ней профессіей. Тогда, подошедши къ крестьянину, она просила показать ей больной зубъ. Вынувъ изъ кармана какую-то старую тряпочку, она обмотала ею зубъ и начала заговоръ, который, опять таки, стоило мнѣ не мало трудовъ переписать. Вотъ содержаніе его:

«Ты, мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертваго зубы не болять? У мертваго зубы николы не болять; кости задубилы, зубы занимилы; николы не будуть болить. Даруй, Господы, шобъ у мене раба Божого нарожоного, молытвенного, крещоного Ивана, *зубы занимилы, николы не болилы*». Подчеркнутое она повторила три раза. Не знаю, случайно ли, или вѣра въ возможность исцѣлить заговоромъ, но только крестьянинъ мой, по истеченіи четверти часа, былъ совершенно здоровъ, щедро награждая знахарку. Поговоривъ еще немного и оставшись довольна исходомъ своего лѣченія, она вышла изъ избы; я послѣдовалъ за нею. И вотъ на ходу, незамѣтно, я началъ записывать и другіе заговоры, которые она довольно любезно сообщала мнѣ.

— «Якъ бы не помогло съ першого разу, оце що я заговорыла, то я ще знаю другу таку, що якъ бы тамъ дуже не болилы зубы, заразъ помога». Слухайте: «Мисяць у неби, мертвецъ у гроби, камень у мори; якъ тры браты до купы зберуться и будуть бенкетъ робыты, тоди у мене зубы будуть болиты».—

«Якъ проговорыть оце, писля перваго заговору, то заразъ пройде».

На вопросъ мой, не знаетъ ли она противъ другихъ болѣзней заговора, она отвѣтила, что знаетъ отъ укушенія змѣй и отъ сглазу. Отъ укушенія змѣй слѣдующій: «Заклынаю васъ, гадюкы, именемъ Господа нашого Іисуса Хрыста, и святого велыкомученыка и побидоносця Георгія и всімы небесными сылами. Заклынаю три царыци: Куфію, Невію и Полію, щобъ не вредылы (по имени) волосомъ (цвѣтъ волосъ)». Потомъ треба читаты молытву: Отче нашъ симъ разъ, а Пресвятую Тройцю пять разъ. Якъ гадюка дуже ядовыта, то треба чытать заговоръ тры разы».

Отъ сглазу заговоръ слѣдующій:

«У моря калына, пидъ калыною дивчына; вона не знала ни шыты, ни прясты, ни золотомъ гаптоваты; тыльки умила и знала отъ раба Божого (имя) уроки и презоры выклыкаты й вызываты, на сухыи лиса посылаты. Урокы, урочища чоловичи й жиночи, парубочи й дивочи, хлопячи, дивчачи и дытячи вамъ уроки, урочища у раба Божого (имя) не столты, жовтои косты не ломаты, червонои кровы не пыты, сердця его не нудыты, билаго тила не сушыты; вамъ иты на мха, на темны луга, на густы очерета, на сухы лиса».

Сообщ. Сав. Линденбергъ.

Разсказъ о вовкулакахъ. Къ ряду разсказовъ о вовкулакахъ, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ» за прежніе и текущій годы, сообщаю еще одинъ, найденный мною въ старыхъ замѣткахъ. Разсказъ этотъ записанъ мною еще въ 1891 г. въ с. Нагорянахъ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи отъ кр. Карпа Чорнаго.

— Не вси вовкулакы иднакови, разсказывалъ мнѣ Чорный; воны бувають ружни. Есть вовкулакы вични, що винъ до смерти звиромъ вовкулакою, и николы до смерти чоловичого образа не беруть на себе и такъ вовкулакою и вмирають, а есть и таки, що тылько передъ смертю робляця зновъ людьмы.

А знов есть таки вовкулакы, що воны тылько на де якый часъ робляця вовкулаками; на скилько литъ, а бо що, зробыця звирукою, пробигае въ лиси свій часъ,—на якый его заклявъ злый чоловикъ, або видьма,—потимъ знов робыця чоловикомъ, вертаеця до села, до дому и жые, якъ ничого й не було. То я чувъ, що колысь дуже давно була така жинка, що не любыла свого чоловика, а другого; вона взяла злякала свого чоловика и зробыла его на завше вовкулакою, и той якъ пишовъ въ лисъ, то бильше й не прыходывъ.

Тылько потимъ, по якимъ часи, вовкы зимою въ сели роздерлы коханка теи жинкы.

А знову, на решти, бувають таки вовкулакы, що винъ звирукою робыця або тылько килько разъ на рикъ,—якъ прыйде ему вже та пора, що треба иты до лиса, а то все людыною; або въ день людою, а кожну ничь робыця звирукою и бижыть въ лисъ.

Вовкулакы з вовкамы жывуть въ прыязни; и вовкамы и вовкулакамы, якъ и всимы звирамы и птахамы—опикуеця св. Юрый.

— То бувъ колысь дуже давно у идного старого чоловика сынъ, и той сынъ, лито и зиму, абы вечиръ, то завше кудысь на цилу ничь ходытъ, а рано спытъ, що не можна его добудыця: нибы цилу ничь працевавъ.—Перше батько думавъ, що сынъ ходыть до дивчатъ, на вечерныци,—алежъ литомъ яки вечерныци, а сынъ про те ходыть, тай ходытъ: абы вечиръ, змерклось—то его вже й нема, и зо свичкою не найдешъ. На решти пытаеця батько сына: «куды ты сынку, кожнои ночы ходышъ?»,—а сынъ не хоче сказаты.

— «Чыкай, думае соби старый, я тебе дослижу». Отъ разъ вечеромъ, якъ уже повечералы, погасылы свитло и ляглы спаты,—сынъ тыхенько вставъ, тай на двиръ; старый швыдко одився, та й тыхенько соби за нымъ. Сынъ выйшовъ на городъ, упавъ на землю, покачався, «зробывся звирукою», схопывся, стременувся, тай побигъ до лиса, за село; а старый скилько мигъ, здаля, на доглядци соби за нымъ.—Прыбиглы до лиса: сынъ-вовкулака впереди, а батько за нымъ; а въ лиси превелыка галява; а на ти галяви звиривъ, нибъ то вовкивъ, выдымо-невыдымо, вовкулака прыйшовъ до ныхъ, тай ставъ; колы дывыця батько, а по середени межъ вовкамы пидъ деревомъ, сыдыть дидъ; догадався чоловикъ, що то св. Юрый, тай шапку здыймявъ. А той дидъ и каже до звиривъ:—Идить вы тутъ въ лиси на дорогу; тамъ буде ихаты чоловикъ зо млына;—вы его пропустить, и его не чипайте; а за нымъ мужыкъ буде весты корову з ярмарку; винъ ту корову купывъ обманомъ; вы ту корову можете зъисты; а мужыка не чыпайте».

Звири побиглы на дорогу, побигъ зъ нымы и вовкулака; а чоловикъ помежъ деревья тыхенько и соби за нымы. Тылько выбиглы на дорогу—справди иде, чоловикъ з мишкамы зомлына; звири его пропустылы; дали веде мужыкъ на мутузку корову; звири кынулысь, въ момент часу розирвалы ту корову и зъилы такъ, що тылько кисткы зосталысь, и то тылько котри велыкы. Дывыця чоловикъ, а его сынъ

вовкулака, рве корову и йисть еи цилымы шматкамы не гирше за правдывого вовка.

Зъилы ту корову та й побиглы назадъ въ лисъ на ту саму галяву; чоловикъ з отдаля соби за нымы; прыбиглы, а св. Юрый сыдытъ на тому самому мисци, пидъ деревомъ— «ну вже вгамовалы голодъ. Теперъ розсходьтыся» сказавъ винъ, и звири розыйшлысь. Вовкулака прыбигъ въ село, на городъ, покачався по земли, та й зновъ зробывся парубкомъ, прыйшовъ тыхенько до хаты, та й лигъ спаты; а батько раньше него війшовъ и лигъ.

На другый день батько и сынъ пишлы въ поле ораты, отъ батько и каже сынови, що винъ цеи ночи бачывъ все.

А сынъ и каже: якъ вы все бачылы,—то вы мене тылько и бачылы.

Кынувся до земли, зробывся вовкулакою, та якъ пишовъ до лису, то на сей день: бильше и не прыходывъ, и нихто его бильше не бачывъ.

Сообщивъ **Ив Бѣньковскій.**

БИБЛІОГРАФІЯ.

Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. Ө. Сумцовымъ. Спб. 1894 г.

Разборъ сдѣланъ по порученію Академіи Наукъ и напечатанъ въ отчетѣ о присужденіи въ 1893 году премій Макарія, митрополита Московскаго; передъ нами—отдѣльный оттискъ изъ «Отчета».

Проф. Сумцовъ разсматриваетъ и оцѣниваетъ слѣдующіе труды г. Романова: 1) Бѣлорусскій сборникъ, 2) Опытъ Бѣлорусскаго народнаго снотолкователя, 3) Катрушницкій Лемезень и 4) Очеркъ быта нищихъ Могилевской губ. и ихъ условный языкъ.

Коснувшись отрицательныхъ сторонъ «Бѣлорусскаго сборника» г. Романова, а именно недостатковъ въ выборѣ и расположеніи пѣсенъ и сказокъ и лексической неточности записей, рецензентъ обращается прежде всего къ частному разсмотрѣнію пѣсенъ, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ». Онъ указываетъ въ послѣднемъ 90 пѣсенъ, представляющихъ собою весьма близкіе варіанты малорусскимъ, и 22, являющихся передѣлками и повтореніями великорусскихъ пѣсенъ; при этомъ оказывается, что многія изъ пѣсенъ, напечатанныхъ г. Романовымъ, есть грубое искаженіе художественныхъ пѣсенъ, записанныхъ во многихъ варіантахъ въ Великороссіи и Малороссіи, и потому не заслуживали и изданія. Къ формѣ стиха г. Романовъ, по замѣчанію рецензента, относится съ пренебреженіемъ, чему приведены въ «Разборѣ» примѣры. «Бѣлорусская пѣсня, говоритъ проф. Сумцовъ, насколько можно судить о ней по сборнику г. Романова, слаба, безцвѣтна и часто груба. Нѣтъ въ ней великорусской широты, малорусской мягкости и задушевности. Бѣлорусская литературная почва воспріимчива; на ней легко прививаются великорусскіе, малорусскіе и польскіе мотивы; но всякая прививка здѣсь вырождается и даетъ хи-

лыя растеньица. Оригинальныя пѣсенныя произрастенія отличаются бѣдностью фактическаго содержанія и грубостью выраженій». Заявленіе г. Романова, что онъ исключаетъ изъ своего «Сборника» произведенія искусственныя, псевдонародныя, вызываетъ рецензента на разъясненіе, что, въ виду доказаннаго фактически значенія книжныхъ вліяній на народную словесность, народная оригинальность въ этой послѣдней является понятіемъ относительнымъ и что, поэтому, опредѣленіе псевдонароднаго искусственнаго въ ней—дѣло очень трудное. Затѣмъ рецензентъ останавливается съ большей подробностью на балладахъ «Бѣлорусскаго Сборника» и предлагаетъ рядъ сравнительныхъ экскурсовъ о сюжетахъ ихъ, при чемъ и здѣсь всегда почти оказывается, что бѣлорусскія пѣсни есть слабое и искаженное отраженіе малорусскихъ, великорусскихъ и польскихъ. Проф. Сумцовъ разсматриваетъ слѣдующія темы балладъ: 1) о мужѣ разбойникѣ, 2) мужъ топитъ жену, 3) о злой свекрови, 4) объ отравленіи брата сестрой, 5) о кровосмѣшеніи, 6) объ уводѣ и сожженіи дѣвицы, 7) о смерти солдата (козака).

О сказкахъ «Бѣлорусскаго Сборника» проф. Сумцовъ отзывается значительно благосклоннѣе, хотя и здѣсь дѣлаетъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній объ искусственности распредѣленія ихъ по рубрикамъ, а въ частности—объ искусственности и устарѣлости миѳологическаго отдѣла. Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній по вопросу о народности сказокъ г. Романова и о вліяніи христіанской легенды на сказочные сюжеты рецензентъ приступаетъ къ сравнительному изученію и оцѣнкѣ сказочныхъ и легендарныхъ мотивовъ «Сборника», подобно тому, какъ сдѣлано это имъ выше съ сюжетами балладъ, при чемъ привлекаются къ сравненію апокрифы, талмудическія сказанія и сказки малорусскія, великорусскія и многія иноплеменныя. Для сбереженія мѣста, мы укажемъ только на тѣ легендарные и сказочные мотивы, которые привлекли особенное вниманіе рецензента и въ тоже время находятъ себѣ аналогію въ сказкахъ малороссійскихъ.

Останавливаясь на тѣхъ сказкахъ, содержаніе которыхъ состоитъ въ томъ, что въ древности стариковъ «на санычки посодзюць да завязуць у большой ровъ да й мусьцюць съ санычками туды: енъ покуль доляциць дыкъ и забъетца», проф. Сумцовъ оспариваетъ мнѣніе гг. Кулишера и Каллаша, что въ преданіяхъ этого рода можно видѣть воспоминаніе объ убійствѣ стариковъ въ древности; полагая, что обычай убіенія стариковъ относится къ такой глубокой древно-

сти, остатковъ которой невозможно ожидать въ народной словесности, онъ усматриваетъ въ разсматриваемыхъ сказаніяхъ воспоминаніе о практиковавшемся въ древности способѣ похоронъ въ ладьѣ, но ничѣмъ не аргументируетъ своего мнѣнія; намъ же объясненіе гг. Кулишера и Каллаша кажется естественнѣе; впрочемъ, оба эти объясненія возможно согласить между собою, допустивши, что въ древности обрядъ убіенія стариковъ приведеннымъ способомъ сливался съ похороннымъ обрядомъ, т. е. не требовалъ особаго похороннаго обряда.

Подробно разсматриваетъ проф. Сумцовъ сказки о шутѣ, варіанты которыхъ находятся и въ малорусскихъ сборникахъ. Содержаніе ихъ въ существенныхъ чертахъ состоитъ въ томъ, какъ три брата ыли обмануты своимъ сосѣдомъ-шутомъ. Кромѣ малороссійскихъ, тесь варіанты у великоруссовъ, поляковъ, литовцевъ, французовъ, итальянцевъ, шотландцевъ, басковъ, ирландцевъ и норвежцевъ; сказка проникла въ одну поэму на латинскомъ языкѣ (XI в.) и въ сборникъ разсказовъ Страпаролы.

Со сказками о шутѣ переплетаются иногда мотивы о скатерти-самобранкѣ, о чудесномъ ослѣ и палкѣ-самобоѣ, замѣчаемые и въ сказкахъ малорусскихъ. Весьма близкіе варіанты записаны во Франціи, Сиріи, Индіи и Монголіи.

Сказки «о лучшемъ снѣ» бытуютъ, кромѣ Бѣлоруссіи, у малороссовъ. Любопытно, что этотъ мотивъ находится въ одной южнорусской интермедіи XVII в.; источникомъ его считаютъ одну повѣсть въ Gesta Romanorum (XIII в.); существуютъ, кромѣ того, варіанты арабскій и еврейскій.

Въ сборникѣ г. Романова помѣщено 824 номера заговоровъ—собраніе, равнаго которому въ русской наукѣ не было. Проф. Сумцовъ, разсматривая собраніе г. Романова, даетъ краткія библіографическія справки о заговорахъ и заклинаніяхъ у великоруссовъ и малоруссовъ. Нѣкоторые заговоры у Романова сопровождаются наразными поясненіями, какъ говорить заговоръ, съ какой обрядностью, имѣющими самостоятельное значеніе.

Въ V томѣ «Бѣлорусскаго Сборника» напечатаны «Загадки царя Давида», интересная гадательная книга. Языкъ книги, по мнѣнію рецензента,—старинный книжный малорусскій (XVII в.).

Въ журналахъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обозрѣніе» г. Романовъ помѣстилъ небольшой словарь условнаго языка шерстобитовъ м. Дрибина могилевской губ., называемаго тамъ «катрушниц-

кимъ лемезнемъ», и интересный «Очеркъ быта нищихъ могилевской губерніи и ихъ условный языкъ—«любецкій лементъ». Проф. Сумцовъ сравниваетъ словари г. Романова съ словарями условнаго языка харьковскихъ нищихъ-слѣпцовъ, языка лирниковъ въ Подоліи,—шаповаловъ черниговской губ. и польскихъ воровъ изъ окрестностей Дубровы Горничей и приходитъ къ заключенію о родствѣ ихъ между собою, при чемъ предполагаетъ заимствованіе бѣлоруссами у малороссовъ. Условный языкъ нищихъ проф. Сумцовъ ставитъ въ связь съ корпоративнымъ устройствомъ нищихъ еще въ древней Руси и находитъ возможнымъ, что онъ возникъ въ XVII в., или даже ранѣе. Онъ характеризуетъ пріемы народнаго сочинительства въ этомъ языкѣ, указываетъ слова, заимствованныя съ греческаго языка, и отмѣчаетъ значеніе знакомства съ условными языками при изученіи личныхъ и фамильныхъ прозвищъ.

Разсматривая «Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя», помѣщенный г. Романовымъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», проф. Сумцовъ находитъ въ однихъ случаяхъ большое сходство между бѣлорусскими и малорусскими снотолкователями, въ другихъ—большое различіе.

Въ послѣднихъ трудахъ г. Романова, напечатанныхъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», рецензентъ замѣчаетъ новыя, сравнительно съ «Бѣлорусскимъ Сборникомъ», и крупныя достоинства.

В. Я.

Извѣстія Импер. Общ. Любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. Москва. 1894.

Относительно происхожденія степей до сихъ поръ господствовала климатическая теорія, а именно главною причиною безлѣсія степей считалась сухость климата; послѣдователи этой теоріи видѣли въ увеличеніи сухости воздуха условіе для распространенія степей внутрь лѣсной области, побѣды степи надъ лѣсомъ; многіе изъ нихъ въ уничтоженіи лѣса видѣли также причину увеличенія сухости воздуха. Попадающіеся повсюду въ степной области лѣсные острова подали поводъ къ полемикѣ о томъ, не были ли нѣкогда степи Россіи сплошь покрыты лѣсомъ, не сталъ ли югъ Россіи степнымъ лишь въ позднѣйшія времена, когда кочевники выжгли лѣса. Вопросъ этотъ

и доселѣ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Положительнымъ результатомъ этой полемики былъ только тотъ фактъ, что въ историческое время степи были степями, хотя мѣстами лѣсные оазы среди нихъ многочисленнѣе и обширнѣе, чѣмъ теперь. Неудовлетворительное положеніе вопроса о происхожденіи степей, по мнѣнію автора новаго, названнаго нами въ заголовкѣ, изслѣдованія, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что представители различныхъ мнѣній не принимаютъ во вниманіе особенностей и свойствъ всѣхъ травяныхъ степей въ совокупности, но стараются лишь обобщить собственныя наблюденія въ одной или другой мѣстности. А. Н. Красновъ, руководствуясь сравнительно-географическимъ методомъ, совершаетъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ своего рода кругосвѣтное путешествіе по степямъ, при чемъ пользуется не только существующей литературой вопроса, но и своими личными наблюденіями въ европейской и азіатскоій Россіи, въ Венгріи и въ Америкѣ.

Собственно югу Россіи посвящены въ диссертаціи г. Краснова двѣ главы (стр. 69—113): глава 4-я (Степи центральной части Россія или Днѣпровско-Донского междурѣчнаго пространства) и 5-я (Степи юго-западной Россіи и Галиціи); сверхъ того, въ 6-й главѣ изложены общіе выводы о характерѣ степей европейской Россіи, т. е., тоже, главнымъ образомъ, южно-русскихъ степей.

Въ историческомъ журналѣ нѣтъ надобности слѣдить за ходомъ аргументаціи спеціальной естественно-исторической диссертаціи. Но южно-русскія степи служили и служатъ понынѣ ареною для исторической жизни и въ послѣднее время сдѣлались житницей Россіи; поэтому, оставляя спеціалистамъ рѣшающее слово о методологической сторонѣ изслѣдованія г. Краснова, изложимъ здѣсь лишь общіе выводы, къ которымъ онъ приходитъ; считаемъ это тѣмъ умѣстнѣе, что они отличаются самостоятельностью и идутъ въ разрѣзъ съ господствующими теоріями.

Главною характерною чертою русскихъ степей, точно также, какъ и всѣхъ травяныхъ степей вообще, г. Красновъ признаетъ ихъ полную равнинность; въ этой послѣдней и въ отсутствіи легкаго и быстраго стока водъ онъ видитъ и причину происхожденія степей и ихъ безлѣсія; разъ только рельефъ мѣстности дѣлается изрѣзаннымъ, холмистымъ, изрытымъ оврагами,—является лѣсъ, и лѣсовъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ неровнѣе, изрытѣе мѣстность. Ровный, не изрѣзанный, лишенный дренажа рельефъ безлѣсной степи онъ почитаетъ первичнымъ, неизмѣненнымъ остаткомъ тѣхъ условій, въ которыхъ

должна была находиться большая часть нашихъ степей, дающихъ картину далекаго прошлаго русской равнины; съ появленіемъ балокъ появляются лѣса; эти, измѣненныя балками и рощами, степи авторъ называетъ вторичными; обликъ ихъ носитъ большая часть территоріи русской равнины. Сухость воздуха, по его мнѣнію, не оказываетъ существеннаго вліянія на безлѣсіе степи: тамъ, гдѣ отъ засухи не растетъ дерево, не можетъ расти и трава.

В. Я.

Baron de Bay. Rapport sur le Congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893.

Baron de Bay. Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893.

Baron de Bay. La bijouterie des goths en Russie. P. 1892.

Baron de Bay. Rapport sur les découvertes foites par M. Savenkov dans la Siberie orientale. P. 1894.

Баронъ де Бай принадлежитъ къ числу западноевропейскихъ ученыхъ, наиболѣе интересующихся Россіей, и его имя, благодаря частымъ его путешествіямъ и участію въ русскихъ археологическихъ съѣздахъ, пріобрѣло у насъ въ послѣднее время уже очень почетную извѣстность. Будучи оффиціальнымъ представителемъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія на послѣднемъ антропологоархеологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, онъ опубликовалъ свой отчетъ объ немъ, а также и читанные имъ рефераты. Въ отчетѣ этомъ, излагая болѣе или менѣе подробно наиболѣе важныя сообщенія, относившіяся къ доисторическому періоду, онъ особенно останавливается на рефератѣ графа Бобринскаго о его раскопкахъ такъ называемыхъ кургановъ скифскаго типа, доказывающихъ несомнѣнно восточный характеръ скифскаго искусства въ Южной Россіи. Кромѣ того, онъ обращаетъ особое вниманіе на коллекцію проф. Самоквасова и выражаетъ сожалѣніе, что этотъ ученый не сдѣлалъ на съѣздѣ никакого сообщенія о своихъ раскопкахъ. Въ своихъ собственныхъ рефератахъ Баронъ де Бай занимается главнымъ образомъ значеніемъ нѣкоторыхъ южно-русскихъ находокъ въ вопросѣ о передвиженіи готскаго искусства съ востока на западъ и о восточномъ происхожденіи orfevrerie cloisonnée. Этому вопросу посвящена также и отдѣльная работа *La bijouterie des goths en Russie*, напечатанная въ Мемуарахъ Общества французскихъ Антикваріевъ. Въ ней авторъ обращаетъ вни-

маніе на произведенія варварскаго, какъ называютъ въ Западной Европѣ, или меровингскаго, какъ называли въ Россіи, искусства главнымъ образомъ, на фибулѣ, найденныя въ Крыму, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились подобныя же находки на сѣверномъ Кавказѣ и въ Украинѣ, а именно въ Харьковской губ. (упоминаемыя въ извѣстномъ сочиненіи Chantre'a о раскопкахъ на Кавказѣ), возлѣ Таганрога (въ 1868 г. при проведеніи Курско-Харьк. Азов. жел. дор.), затѣмъ возлѣ Нѣжина Черниговской губ. и, наконецъ, въ окрестностяхъ Кіева (двѣ послѣднія фибулы хранятся въ Эрмитажѣ и описаны въ *Русскихъ Древностяхъ* гг. Толстого и Кондакова). Этотъ рядъ находокъ и ихъ географическое распредѣленіе указываетъ, по мнѣнію автора, на постепенное передвиженіе orfevrerie cloisonnèe съ Востока на Западъ и на его чисто готскій характеръ.

Брошюра барона де Бая объ открытіяхъ г. Савенкова въ Восточной Сибири представляетъ собою докладъ, сдѣланный объ этихъ дѣйствительно чрезвычайно важныхъ находкахъ французской Академіи Наукъ. Въ ней онъ сжато и съ большой ясностью сообщаетъ сущность и значеніе этихъ открытій, указывающихъ на существованіе въ Сибири человѣка въ диллювіальный періодъ, что до сихъ поръ подвергалось очень большимъ сомнѣніямъ. Нахожденіе характерныхъ каменныхъ орудій очень древняго типа вмѣстѣ съ расколотыми костями мамонта и другихъ животныхъ послѣ-третичной эпохи доказываетъ несомнѣнно это существованіе. Сообщая затѣмъ объ открытіи очень интересныхъ скульптурныхъ изображеній лося возлѣ дер. Базаихи, авторъ путемъ очень удачнаго сопоставленія съ пермскими бронзовыми фигурками объясняетъ значеніе найденной вмѣстѣ съ изображеніями лося тоже костяной статуэтки съ птичьей головой. Но мы не знаемъ, не слишкомъ ли далеко заходитъ авторъ въ этомъ сравненіи, не только предполагая, что эта статуэтка служила идоломъ, но находя возможнымъ видѣть въ этомъ произведеніи каменнаго вѣка «выраженіе той религіозной концепціи, которую обыкновенно считаютъ относящейся только къ эпохѣ появленія металловъ»? Во всякомъ случаѣ брошюра даетъ очень полное понятіе объ упомянутыхъ сибирскихъ находкахъ и ихъ значеніи, чему много помогаютъ кромѣ ясности изложенія и четыре превосходно исполненныя фототипическія таблицы, изображающія найденныя г. Савенковымъ каменныя орудія и костяныя статуэтки.

Ѳ. В.

Paul Sébillot. Les travaux publies et les mines dans les traditions et les superstistion de tous les pays. Paris, 1894 (623 стр.—434 рис.)

Извѣстные обряды при началѣ построекъ и легенды объ участіи сверхъестественныхъ силъ въ созданіи разныхъ сооруженій, поражавшихъ воображеніе примитивныхъ народовъ, не составляютъ, какъ извѣстно, особенности какой-нибудь націи, а распространены повсюду. Очень объемистая и чрезвычайно роскошно изданная книга извѣстнаго французскаго фольклориста Поля Себильо имѣетъ поэтому общій интересъ, представляя собою, сколько намъ извѣстно, первую попытку по возможности полнаго и систематическаго сборника легендъ, повѣрій и предразсудковъ, относящихся къ дорогамъ, мостамъ, желѣзнымъ путямъ, каналамъ, шахтамъ и горнымъ работамъ. Пользуясь цѣлой массой свѣдѣній, до сихъ поръ неизданныхъ или помѣщавшихся въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ въ *Revue des Traditions populaires*, а также и обширнымъ литературнымъ матеріаломъ, ученый авторъ достигъ не только замѣчательной полноты своего труда, но и далъ ему извѣстный культурно-историческій характеръ. Относительно дорогъ и мостовъ онъ приводитъ цѣлый рядъ обрядовъ при постройкѣ, преданій и легендъ объ сооруженіи, существовавшіяся и теперь существующія къ нимъ загадки пословицы и поговорки. Въ главахъ, относящихся къ водянымъ путямъ сообщенія, онъ сообщаетъ также большое количество легендъ объ участіи при постройкѣ ихъ добрыхъ и злыхъ духовъ и т. п. Во второй части книги, посвященной рудникамъ и горному дѣлу, очень тщательно разработаны главы объ открытіи минеральныхъ залежей при помощи извѣстной палочки, о происхожденіи металловъ по народнымъ представленіямъ и т. п. Въ каждой главѣ этого обстоятельнаго сочиненія читатель найдетъ кромѣ фактовъ и попытки объясненія приводимыхъ авторомъ легендъ и предразсудковъ, изслѣдованія о началѣ и развитіи изв стныхъ вѣрованій, ихъ миграціяхъ и переживаніяхъ.

Занимая высокое положеніе Начальника Канцеляріи и персонала Министерства публичныхъ работъ, почти соотвѣтствующаго нашему Министерству Путей Сообщенія, г. Себильо воспользовался этимъ, чтобъ собрать въ библіотекахъ и архивахъ разныхъ учрежденій большое количество чрезвычайно рѣдкихъ и очень интересныхъ гравюръ, рисунковъ, моделей и т. п., которые, дополняя текстъ, дѣлаютъ его книгу очень важнымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся этнологіей и исторіей культуры вообще. Для насъ въ частности эта

книга имѣетъ еще и тотъ интересъ, что авторъ ея довольно широко и добросовѣстно воспользовался между прочимъ и малорусскими источниками. Въ каждой главѣ можно встрѣтить ссылки на этнографическіе сборники Чубинскаго, Номиса, Драгоманова, Манжуры (въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологич. Общества), Харьковскій Сборникъ издав. Статист. Комитетомъ и пр. Къ сожалѣнію, большое количество рисунковъ и роскошь изданія сдѣлали цѣну этой книги (40 фр.) не вполнѣ доступной.

Ѳ. В.

Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Издана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ. Черниговъ. 1894. 16 д. л. 56 страницъ.

Настоящая «Записка» напечатана въ первый разъ въ 1841 г. въ «Матеріалахъ для статистики Россійской Имперіи, изд. при статистическомъ отдѣленіи Министерства Внутреннихъ дѣлъ» (т. II, отд. IV, 25 стр.) и по чрезвычайной рѣдкости этой книги (сгорѣвшей при пожарѣ 1862 г., вмѣстѣ съ многими другими изданіями министерства внутреннихъ дѣлъ) перепечатана гр. Гр. А. Милорадовичемъ въ Черниговск. Губ. Вѣд. за настоящій годъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ [1]). Переизданная «Записка» представляетъ собою замѣчательную работу для своего времени. Авторъ ея А. М. Марковичъ (1790—1865), занимая два трехлѣтія (1832—1838) должность Черниговскаго губернскаго предводителя, добросовѣстно изучалъ за это время архивъ Черниговскаго дворянскаго собранія и находящіеся въ немъ матеріалы для исторіи малорусскаго дворянства, при чемъ плодомъ этого изученія и явилась настоящая «Записка». Исторію малорусскаго дворянства авторъ хотя и ведетъ съ отдаленнаго времени, но старается основываться только на достовѣрныхъ фактахъ.—«Почти всѣ дворянскіе роды Черниговской губерніи ведутъ свое начало или со времени присоединенія Малороссіи къ Польшѣ или со времени возвра-

[1]) Кромѣ того „Записка“ перепечатана и въ Черниговскомъ Календарѣ на настоящій годъ, озаглавленномъ—„Черниговская памятка. Справочная книжка на 1894—95 годъ“, стр. 59—114.

щенія первой къ Россіи, а это еще не доказываетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были древнѣе..... Доказательствомъ, что нѣкоторые дворянскіе нынѣ существующіе роды ведутъ свое начало отъ временъ, предшествовавшихъ завоеванію, (польскому?), служатъ находящіеся въ дѣлахъ (хотя и немногихъ) подтвердительные на имѣнія польскіе акты, въ которыхъ говорится, что при отдачѣ или размежеваніи тѣхъ имѣній владѣльцы представляли польскимъ коммисарамъ грамоты отъ великихъ князей русскихъ предкамъ на ихъ добра наданныя. При разборѣ правъ на дворянство были представляемы и другія свидѣтельства о древности происхожденія, *но строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными*...... Далѣе авторъ, между прочимъ, обстоятельно разсказываетъ о дѣятельности тѣхъ «коммиссій дворянскихъ» которымъ послѣ открытія намѣстничествъ порученъ былъ «разборъ дворянства». Всѣ свѣдѣнія о любопытной дѣятельности этихъ коммиссій авторъ извлекъ изъ архивныхъ дѣлъ, и мы, видѣвъ всю массу подготовительныхъ работъ А. М. Марковича для «Записки о дворянскомъ сословіи» въ черновыхъ его бумагахъ, можемъ только лишній разъ свидѣтельствовать о той замѣчательной добросовѣстности, съ которою этотъ человѣкъ относился ко всякому интересовавшему его дѣлу. Пользуясь оставшимися послѣ А. М. Марковича бумагами, мы намѣрены въ другомъ мѣстѣ подробнѣе поговорить какъ о «запискѣ», такъ и о другихъ его учено-литературныхъ работахъ, дающихъ Марковичу довольно видное мѣсто среди прежнихъ изыскателей малорусской старины.

А. Л.

Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изслѣдованіе И. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. Полтава. 1894. 8 д. л. 126 стр. съ таблицами и рисунками.

Изслѣдованіе г. Зарѣцкаго, произведенное и написанное по порученію Полтавскаго губернскаго земства, представляетъ собою почтенную работу, указывающую на жизненность поставленныхъ полтавскимъ земствомъ задачъ по изслѣдованію трудоваго народнаго быта. «Моя собственная цѣль и интересъ изслѣдованія», говоритъ г. Зарѣцкій, заключалась въ томъ, чтобы «прослѣдить, главнымъ образомъ, возможную генетическую связь нынѣшняго гончарства съ гончарствомъ доисторическихъ временъ путемъ изученія современной техники, инструментовъ и орудій, употребляемыхъ гончарами, формъ и орнамен-

тики гончарныхъ произведеній и сохранившихся обычаевъ и преданій, относящихся къ гончарству...» Если эта задача изслѣдователемъ и не совсѣмъ выполнена, то во всякомъ случаѣ имъ собрано много матеріала для продолжателей хорошо начатой работы. Книжка г. Зарѣцкаго состоитъ изъ трехъ главъ: 1) Матеріалъ, приспособленія, орудія и инструменты гончарнаго производства; 2) Техника по изготовленію и орнаментаціи издѣлій, матеріалы и готовыя издѣлія и 3) Экономическія и прочія условія гончарства.

Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устименка. (Приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) Полтава. 1894. 8 д. л. 131 стр.

Книжка г. Устименка вызвана на свѣтъ Божій, какъ видно, то же дѣятельностью одного изъ полтавскихъ земствъ... Посвящена она главнымъ образомъ изслѣдованію экономической жизни народа, причемъ авторъ, будучи близко знакомъ съ этою жизнью, сообщаетъ массу цѣнныхъ свѣдѣній изъ видоизмѣненій народнаго труда; особенно интересны въ книжкѣ г. Устименка свѣдѣнія о «щетинникахъ», представляющихъ собою малороссійскихъ коробейниковъ или офеней. Отдавая полную справедливость труду г. Устименка, намъ кажется, что такіе очерки, какой представленъ въ настоящей книжкѣ, полезнѣе было бы составлять не по отдѣльнымъ селамъ, а по отдѣльнымъ мѣстностямъ уѣзда, представляющихъ общность условій экономической жизни. Такіе очерки были бы и полнѣе и интереснѣе, касаясь не одного села, а цѣлой ихъ группы.

Новый отечественный курортъ. (По р. Днѣстру.—Историческое «Побережье» Подоліи.—Мѣстечко Каменко). Одесса, 1894. 16 д. л. 16 стр.

Настоящая брошюра г. Модеста Боровиковскаго первоначально была напечатана въ «Одесскихъ Новостяхъ», а затѣмъ отпечатана отдѣльно съ дополненіями. Въ брошюркѣ этой заключается довольно любопытный очеркъ по-Днѣстровья, начиная отъ Дубоссаръ до Могилева-Подольскаго, и затѣмъ—м. Каменки, принадлежащей кн. Витгенштейну.

Родословная Князей Святополкъ на Четвертнѣ Четвертинскихъ. Житомиръ. 1892. 8 д. л. 36 стр. и генеалогическая таблица.

Этой книжки мы не видали и ни въ какихъ библіографическихъ указателяхъ извѣстія о ней не встрѣчали; заглавіе ея сообщено намъ однимъ библіофиломъ и мы заносимъ голое свѣдѣніе объ этой брошюрѣ на страницы нашего журнала до полученія о ней болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній.

Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева, доставленные кіевскимъ городскимъ землемѣромъ И. Д. Таировымъ и напечатанные по резолюціи, положенной 20 іюля 1894 г. кіевскимъ городскимъ головою д. с. с. С. М. Сольскимъ. К. 1894 (стр. 88).

Названная брошюра издана по распоряженію кіевскаго городского головы, если не ошибаемся, для доказательства правъ города на нѣкоторыя спорныя земли; но, помимо этого практическаго значенія, она представляетъ интересъ, какъ собраніе историческихъ матеріаловъ. Въ ней помѣщено всего три документа: 1) ограниченіе земель кіевскаго магистрата съ землями кирилловскаго монастыря 1767 г. (стр. 3—30); 2) описаніе выгоннаго плана г. Кіева 1788 г. (стр. 31—75) и 3) переписка, вызванная указомъ Пр. Сената о надѣленіи Кіева выгонною землею 1834 г. (стр. 77—88).

Наибольшій интересъ представляетъ первый документъ. Въ немъ изложена по современнымъ актамъ исторія земельныхъ споровъ между кіевскимъ магистратомъ и кириловскимъ монастыремъ, споровъ, тянувшихся около 80 лѣтъ—съ 1689 по 1767 г. Два документа, относящіеся къ этому дѣлу, напечатаны въ «Сборникѣ матеріаловъ для историческ. топографіи г. Кіева»; изъ настоящаго изданія мы узнаемъ весь ходъ дѣла. Предметомъ спора служили сѣнокосы и другія угодья въ окрестностяхъ Кіева (на Сырцѣ, Оболони, Щекавицѣ, Юрковицѣ). Дѣло началось въ 7197 (1689) г. по взаимнымъ жалобамъ кіевскаго войта Ивана Быковскаго и игумена кирилловскаго монастыря Иннокентія (Монастырскаго). Въ слѣдующемъ году кіевскій воевода кн. Ромодановскій, исполняя высочайшій указъ, поручилъ дьяку Алферьеву произвести размежеваніе спорныхъ земель. Но магистратъ остался недоволенъ «дуктомъ» Алферьева, и вслѣдствіе его протеста въ 1700 г. кіевскому губернатору Фамендину и гетману Мазепѣ, предписано было произвести новое размежеваніе. Въ

1701 назначена была комиссія изъ генеральной старшины подъ предсѣдательствомъ ген. судьи В. Л. Кочубея съ участіемъ командированнаго Фамендинымъ подп. Балабанова; комиссія эта уничтожила алферьевскій duктъ и произвела новое размежеваніе [1]). Не смотря на новыя жалобы кирилловскаго монастыря, рѣшеніе комиссіи было подтверждено въ 1715 гетм. Скоропадскимъ [2]). Но монастырь продолжалъ добиваться обладанія спорными землями. Назначено было еще двѣ комиссіи (время въ документѣ не указано); одна изъ нихъ (кіевскій эсаулъ Матвѣй Шумъ съ товарищи) рѣшила дѣло въ пользу монастыря; другая (переяславскій полковой писарь Якимъ Коневскій и сотникъ Концевичъ) даже не явилась въ Кіевъ. Наконецъ, въ 1767 г. по распоряженію малороссійской коллегіи и кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова дѣло передано было въ козелецкій подкоморскій судъ. Подкоморій Солонина въ присутствіи командированнаго Воейковымъ подп. Панина и представителей тяжущихся сторонъ, кириловскаго эконома іером. Наѳанаила и кіевскаго райцы Герасима Кувичинскаго, разсмотрѣвъ представленные сторонами документы, пришелъ къ тому заключенію, что «хотя по тѣмъ крѣпостямъ... тѣмъ спорнымъ землямъ граничные земли и урочища значатся, но какъ объ нихъ за многопрошедшимъ временемъ и давностію совершенно признать, паче-жъ всего ведлугъ права... ведающихъ совершенно про оные старожилыхъ людей представить невозможно», то удобнѣе произвести новое размежеваніе по взаимному соглашенію, что и было исполнено. Такую уступчивость кирилловскаго монастыря можно объяснить тогдашними обстоятельствами – готовившимся отобраніемъ монастырскихъ имуществъ. Впрочемъ Закревскій, пользовавшійся архивомъ кіев. дух. консисторіи, говоритъ, что тяжба продолжалась до самаго уничтоженія монастыря (1787) [3]).

Кромѣ самаго процесса, представляютъ интересъ самые акты, приводимые въ документѣ въ сокращенномъ изложеніи или in extenso Таковы: «описаніе границъ и грунту монастыря св. Кирила кіевскаго», учиненное 2 декабря 1539 Собестіаномъ Яблонскимъ, маршалкомъ воеводства кіевскаго, Иваномъ Волковичемъ, наместникомъ кіевскимъ, и Василіемъ Панковичемъ земениномъ господарскимъ по-

[1]) Рѣшеніе этой коммиссіи напечатано въ „Сб. матер. для ист. топогр. Кіева" III, 125—133.

[2]) Листъ Скоропадскаго къ генер. хорунжему Сулимѣ см. тамъ же III, 151—153.

[3]) Описніе Кіе ва I, 356.

вѣту кіевского (стр. 6—7); «привилей Жигимонта III» 1619 февр. 15, которымъ онъ надаетъ мѣщанамъ кіевскимъ «грунтикъ его королевскій, то есть гору Щековицу» (15); два листа свѣдочныхъ, данныхъ въ королевскій монастырь отъ войта кіевскаго Якова Балыки съ 42 чел. и отъ 30 чел. обывателей 1617 г. окрября 9 (7); дуктъ Алферьева 21 сент. 1691 съ подробнымъ описаніемъ границъ (10—15); универсалъ гетм. Мазепы 1700 іюля 19 мѣщанамъ кіевскимъ на с. Преварку, острова Осотщину, Трухановъ, Муромецъ, Шковицу и земли къ ней належныя (18); наконецъ, послѣднее разграниченіе[1]) 1767 г. (21—30).

Въ приводимыхъ актахъ встрѣчаются названія многихъ урочищъ, могущія нѣсколько пополнить свѣдѣнія о топографіи стариннаго Кіева: такъ упоминается два взвоза съ Подола на гору—Чикирдинъ по горамъ Шковицѣ и Лысой къ Бѣлгородкѣ и Никольскій Старинный, повидимому у кирил. монастыря (23), Чортова долина у Кудрявца (11), тамъ же долина Хвощева, Поганыя лозы, Святожицкій боръ (11), Рогатинская земля на Сырцѣ, урочища Пупище—«болото багнистое» у устья Сырца, «смуговина Турецъ» у Іорданскаго озера (12, 13, 22) и др.

Два другіе документа представляютъ меньшій интересъ. Описаніе выгоннаго плана[2]) заключаетъ точное исчисленіе городской земли удобной и неудобной при надѣленіи города выгонною землею на основаніи межевой инструкціи. Здѣсь же приведены интересныя цифры населенія города съ распредѣленіемъ жителей по сословіямъ (32—33 и вторично 71—72) и населенія нѣкоторыхъ подгородныхъ селеній (65—68). Третій документъ заключаетъ исторію надѣленія Кіева въ 20 и 30 годахъ выгонною землею, взятою отъ окрестныхъ селеній. При этомъ пришлось жителей д. Шулявщины переселить въ Бѣлгородку, а жителей другихъ семи селеній вознаградить за отходящую землю изъ другихъ казенныхъ земель; жители Звѣринца и Деміевки не получили никакого вознагражденія какъ по недостатку свободныхъ земель, такъ и потому, что они занимаются городскими промыслами, почему имъ и разрѣшено приписываться въ мѣщане. Рѣшеніе это долго не могло быть приведено въ исполненіе за не-

---

[1]) При послѣднемъ разграниченіи было насыпано въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько кургановъ, въ которые положено *уголье*, а въ нѣкоторые *скло и жужелица*—обстоятельтво, которое можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ при раскопкѣ.

[2]) Это тотъ самый документъ, о которомъ упомянуто въ замѣткѣ О. Л. въ предыдущей книжкѣ „К. Ст.“

иміѣніемъ Высочайше утвержденнаго плана Кіева, который былъ утвержденъ только въ 1833 г.

Таково содержаніе сборника. Не смотря на небольшой объемъ, онъ заключаетъ много интереснаго матеріала для мѣстной исторіи. Можно пожелать, чтобы городское управленіе не ограничилось однимъ выпускомъ и издало и другіе имѣющіеся у него старинные документы и, въ особенности, старые планы города, если они сохранились.

В. Щербина.

Обозрѣніе журналовъ за 1894 годъ.

Восходъ. 1894 г., №№ 1—11.

№ 3. Статья А. Гаркави «Историческая справка о синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ въ Россіи до царствованія императора Александра II», стр. 54—76. Здѣсь помѣщены свѣдѣнія: о луцкихъ синагогахъ въ 1505 году и о разрушеніи синагогъ въ разныхъ мѣстностяхъ Литвы во время возстанія Хмельницкаго, при чемъ число разрушенныхъ и сожженныхъ синагогъ, по памятникамъ того времени, простиралось до 1800.

№ 4. Статья С. Дубнова «Областные кагальные сеймы въ воеводствѣ Волынскомъ и въ Бѣлоруссіи (1666—1764)», стр. 25—44. Свѣдѣнія «о Волынскомъ Кагальномъ Сеймѣ или Волынской Синагогѣ» заимствованы большею частью изъ статьи Бершадскаго «Матеріалы для исторіи евреевъ въ юго-западной Россіи и Литвѣ», помѣщенной въ «Еврейской Библіотекѣ», томъ VIII.

— *Статья И. Блюменфельда «Письма изъ еврейскихъ Колоній Херсонской губерніи»*, стр. 1—12, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о хозяйствѣ въ еврейскихъ колоніяхъ Херсонскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ, за 1892 г.

— Библіографическая статья Критикуса о книгѣ С. Л. Сулимы—Historya Franca i frankistow, изданной въ 1893 г. въ Краковѣ.

№ 8. Статья М. П. «Къ вопросу объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Западныхъ губерніяхъ», стр. 1—20. «Цѣль настоящаго очерка заключается въ томъ, чтобы провѣрить на основаніи новыхъ данныхъ, что измѣнилось за истекшія 25 лѣтъ въ экономическомъ положеніи русскихъ евреевъ».

№ 10. Статья С. Дубнова «Еврейская старина въ г. Острогѣ (Волынской губерніи), 1532—1792 г.», стр. 1—21. Возникновеніе еврейской общины въ г. Острогѣ авторъ относитъ къ концу XIV в., «когда центромъ еврейскихъ поселеній на Волыни сталъ г. Луцкъ, къ повѣту котораго

Острогъ впослѣдствіи причислялся. Въ опубликованныхъ актахъ свѣдѣнія объ острожскихъ евреяхъ встрѣчаются впервые, на сколько намъ извѣстно, подъ 1539 годомъ; главнымъ промысломъ ихъ, а равно и сосѣднихъ Дубенскихъ и винницкихъ евреевъ, была тогда торговля рогатымъ скотомъ, который доставлялся ими въ большихъ количествахъ изъ Валахіи... Интересны свѣдѣнія о разореніи Острога во время козацкаго возстанія, 1648—50 г., когда изъ многихъ сотенъ еврейскихъ домовъ въ Острогѣ осталось только пять.

Русскій Архивъ 1894 г., № 1—11.

№ 1. Статья М. Ф. Шугурова «Исторія евреевъ въ Россіи», причемъ въ предисловіи приложена краткая біографія автора, «изъ дворянъ Черниговской губерніи», умершаго въ апрѣлѣ 1891 года. Въ статьѣ заключаются свѣдѣнія о евреяхъ, жившихъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII в.

№ 6. Письмо архимандрита (позднѣе архіепископа Херсонскаго) Иннокентія Борисова къ М. А. Максимовичу, стр. 297—298..... «Жалкая участь крестьянъ въ Малой Россіи неудивительно, что возбуждаетъ въ васъ слезы и желчь; я очень хорошо знаю и бытъ крестьянъ, которые помѣщиками считаются за простую вещь, насколько онъ тяжелъ, и пылкость и чувствительность вашего великодушнаго и филантропическаго характера. Зло это тяжелое и совершенно несогласное съ нашимъ временемъ... И потому всѣ добрые и великодушные люди должны скорбѣть а немъ, тѣмъ болѣе, что не существуетъ надежды въ скорости уврачевать это зло» ...

№ 8. Изъ бумагъ В. М. Лазаревскаго: I. «Мое знакомство съ Далемъ. II. Переписка съ Далемъ. Стр. 537—580. Изъ краткаго біографическаго очерка В. М. Л—аго (1817+1890) и перечисленія его литературныхъ трудовъ видно, что Л—ій «занимался также и составленіемъ Малороссійско-русскаго Словаря и собранные имъ матеріалы для этого труда находятся въ порядкѣ, въ оставшихся послѣ него бумагахъ».

№ 10. Статья М. Плохинскаго «Поселеніе Грузинъ въ Малороссіи. (Историческій очеркъ)», стр. 225—237. Статья написана по архивнымъ источникамъ (Харьковскаго историческаго архива, бывш. архива Малорос. Генер. Канцеляріи) и составляетъ собою перепечатку статьи, напечатанной въ 1893 г., въ Сборникѣ Харьковскаго Историко Филологическаго Общества, (т. V, стр. 1—22), съ приложеніями, которыхъ въ русскомъ Архивѣ нѣтъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1894 г. №№ 1—11.

№№ 1—2. Статья Ф. И. Титова, Ѳеоктистъ Мочульскій, архіепископъ Курскій стр. 53—93 и 217—241. Ѳеоктистъ М—ій (1732+1818 г.) былъ послѣдовательно настоятелемъ монастырей: Глуховскаго, Петропавловскаго, Гамалѣевскаго Харлампіева, Кіевскаго Михайловскаго, Ростовскаго Яковлевскаго, Полтавскаго Крестовоздвиженскаго и Тверскаго Колязина, а затѣмъ, епископомъ

Сѣвскимъ и Брянскимъ (1784—1787) и Бѣлгородско-Обоянскимъ и Бѣлгородско-Курскимъ (1787—1818). Статья г. Титова представляетъ собою компиляцію, въ которой заключаются извлеченныя изъ печатныхъ источниковъ свѣдѣнія о Харьковскомъ Коллегіумѣ, о Бѣлгородской Семинаріи и о духоборческой сектѣ, возникшей въ пол. XVIII в., въ с. Охочемъ Харьковской губ.

№ 1. Статья Л. Мацѣевича «Неизданныя стихотворенія архіепископа Георгія Конискаго», стр. 127—143. Стихотворенія состоятъ изъ надписей къ иконамъ, находящимся въ церкви загородной дачи Могилевскаго архіерейскаго дома, называемой *Печерскъ*. Авторъ статьи между прочимъ напоминаетъ, что въ февралѣ 1895 г. наступитъ столѣтіе со дня кончины Георгія Конисскаго и находитъ, что полное изданіе его сочиненій «въ ихъ *подлинномъ*, а не *подновленномъ* текстѣ, было бы особенно кстати теперь».

№№ 2, 3 и 4, статья Н. И. Петрова «Западно-русскія полемическія сочиненія», стр. 154—186, 343—383 и 510—535. Подробное перечисленіе Западно-русскихъ полемическихъ сочиненій XVI в., найденныхъ въ одномъ изъ сборниковъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, списаннаго съ сборника Супрасльскаго монастыря XVI в. Здѣсь же заключеніе о значеніи «скромныхъ заслугъ для православія со стороны Супрасльскаго монастыря, который имѣлъ посредствующее значеніе между древне-русской полемикой съ латинянами и между южно-русской ученой полемикой, начавшейся съ конца XVI вѣка. Пользуясь нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ древне-русскою полемикою противъ латинянъ, полемисты Супрасльскаго монастыря въ тоже время впервые обратили свое вниманіе на изученіе католичества по католическимъ же источникамъ и тѣмъ проложили пути слѣдовавшей за нею южно-русской ученой полемической литературѣ съ латинянами».

№№ 6 и 7, статья Ѳ. И. Титова «Митрополитъ Макарій Булгаковъ», стр. 217—256 и 384—425. Статья Ѳ. И. Титова заключаетъ въ себѣ полную біографію ученаго митрополита, причемъ въ указанныхъ двухъ номерахъ помѣщены двѣ главы, относящіяся къ пребыванію М. Макарія въ Кіевской Духовной Академіи, сначала— «въ годы академическаго образованія», а затѣмъ— «въ должности баккалавра Кіевской духовной академіи и ректора Кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ.» Г. Титовъ для своего труда пользовался, кромѣ печатныхъ источниковъ, и архивомъ Кіевской духовной академіи.

№№ 6, 7 и 10, статья прот. П. Орловскаго «Матеріалы для біографіи Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго» стр. 280—323, 479—485 и 301—322. М. Арсеній Могилянскій (р. 1704+1770) «двѣнадцатилѣтнее управленіе Кіевской Епархіей (1758—1770) ознаменовалъ (1 заботливостью о защитѣ отъ расхищенія земельныхъ угодій, которыя принадлежали православнымъ монастырямъ и церквамъ, находившимся въ бывшемъ

Слуцкомъ княжествѣ; 2) содѣйствіемъ Бѣлорусскому епископу Георгію Конисскому въ защитѣ православія, преслѣдуемаго въ Польшѣ; 3) учрежденіемъ въ Кіевской Епархіи особливаго кошельковаго сбора для вспомоществованія заграничнымъ благочестивымъ монастырямъ и церквямъ; 4) распоряженіемъ о составленіи описанія этихъ монастырей, ихъ фундушей и средствъ къ содержанію, а также вѣдомостей о монашествующемъ и бѣломъ духовенствѣ; 5) распредѣленіемъ между Кіевскими и Заднѣпровскими монастырями налога для содержанія чиновниковъ Кіевской консисторіи и митрополичьей канцеляріи; 6) заботливостью о благосостояніи Кіевской академіи; 7) изысканіемъ средствъ къ благоустройству Кіево-Софійскаго кафедральнаго монастыря; 8) учрежденіемъ особыхъ проповѣдниковъ въ г. Кіевѣ и 9) составленіемъ проэкта о правахъ и преимуществахъ малороссійскихъ монастырей и малороссійскаго духовенства. По всѣмъ этимъ девяти отдѣламъ въ трудѣ прот. Орловскаго представлные болѣе или менѣе интересныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ архива Кіевской консисторіи. Особенно интересенъ 7-й отдѣлъ,«о приведеніи храма Кіево-Софійскаго кафедральнаго монастыря въ благолѣпный видъ»; здѣсь приведены свѣдѣнія объ участіи Запорожья въ пожертвованіяхъ на обновленіе Кіевской Св. Софіи.— «Весьма многіе изъ Запорожскихъ козаковъ въ мирное время, а особенно среди зимы, предъ наступленіемъ великаго поста, отправлялись въ украинскіе монастыри, а по преимуществу въ Кіево-Печерскую лавру и монастыри Кіево-Софійскій, Кіево-Братскій, Кіево-Михайловскій и Межигорскій, чтобы «замолить свои грѣхи». Зимою 1759 г. съ февраля до конца марта съ почетнѣйшими изъ своихъ товарищей Запорожцевъ правилъ въ Кіевѣ и кошвой атаманъ Петръ Ивановичъ Кальнишевскій. Въ это время онъ довольно часто посѣщалъ преосв. Арсенія, какъ архипастыря Запорожской сѣчи, и вошелъ съ нимъ въ дружественныя сношенія. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ митрополитъ Арсеній испросилъ у Кальнишевскаго дозволеніе производить въ Сѣчи постоянный ежегодный сборъ на приведеніе своей кафедральной церкви къ окончательному благолѣпію... «Въ 9-мъ отдѣлѣ любопытны свѣдѣнія о содержаніи того «проекта о правахъ и выгодностяхъ малороссійскаго духовенства», который былъ составленъ по указу св. Синода въ 1767 г. для отсылки въ Московскую коммиссію, о составленіи новаго уложенія. Копія сего проэкта хранится въ архивѣ Кіевской консисторіи, говоритъ авторъ. Нельзя не пожелать обнародованія этого любопытнаго труда, заключающаго въ себѣ, судя по его содержанію, драгоцѣнный матеріалъ для исторіи малорусскаго духовенства.

№ 7 и 8, статья Н. Стеллецкаго «Странствующій украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода», стр. 449—478 и 608—629. Довольно обстоятельная компиляція, написанная по поводу столѣтняго юбилея,

съ цѣлью познакомить читателей съ загадочною, но несомнѣнно высокодаровитою и чрезвычайно своеобразною личностью».

№№ 10 и 11, статья Г. О. Булашева «Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Кіевской Епархіи», стр. 205—247 и 365—444. Статья г. Булашева заключаетъ въ себѣ обстоятельный очеркъ развитія вопроса о народномъ образованіи вообще и въ частности свѣдѣнія по этому вопросу въ предѣлахъ Кіевской губерніи, съ начала настоящаго столѣтія до настоящаго времени,... причемъ въ свѣдѣніяхъ о церковно-приходскихъ и министерскихъ школахъ, сообщается большею частью еще неизвѣстный матеріалъ для исторіи вообще нашего народнаго образованія во второй половинѣ настоящаго столѣтія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ

„ГАЛИЦКО-РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

посвященный знакомству съ событіями въ Прикарпатской Руси и съ бытомъ Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей, въ особенности же, въ Прикарпатской Руси. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ, имѣющій цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими событіями церковной жизни Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Монографіи, романы, повѣсти, стихотворенія, народныя пѣсни, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера, составленныя при содѣйствіи выдающихся русскихъ и галицкихъ поэтовъ, писателей и ученыхъ. 5) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 6) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 7) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обозрѣній. 8) Библіографія и критика. 9) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 10) Иллюстраціи, соотвѣтствующія содержанію статей. 11) Справочный отдѣлъ. 12) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ пересылкою и доставкою во всѣ города Россіи и за границу на годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Безъ пересылки и доставки (въ С.-Петербургѣ) на годъ 4 рубля, на полгода 2 рубля.

Подписка принимается: въ Редакціи „ГАЛИЦКО-РУССКАГО ВѢСТНИКА", С.-П-бургъ, Горохвая № 15; въ Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго

отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—3

Ученыя Записки
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1895 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти разсказы, очерки, стихотворенія и т. д). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) Воспоминанія 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ.) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы. 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранное обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 г. будетъ отличаться богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Пріобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Аксаковыхъ, Ю. Ѳ. Самарина, И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ѳ. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова, (Щедрина). В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—**15** руб., на полгода—**7** руб. **50** коп., на 3 мѣс.—**3** руб., **75** коп., на 1 мѣс.—**1** р. **25** коп. Съ пересылкой за границу—**18** руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—**12** руб., 6 мѣс.—**6** руб., 3 мѣс.—**3** руб., 1 мѣс.—**1** руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи. Книги журнала 1890—1891 г. г. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 и. г. по 5 руб. за годъ. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVII, 1894 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

стр.

зрѣніе за 1-ую половину 1894 года. з) Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I (1802—1815 г.). Д. И. Багалѣя. **С. Р.** и) Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. Томъ второй. Дневники раскопокъ 1887—1889 г.г. гр. Алексѣя Бобринскаго и о курганахъ звенигородскаго и роменскаго уѣздовъ. і) Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93-й. **В. Ястребова.** к) Ab. Hovelacque et. G. Hervé. Recherches ethno logiques sur le Morvan. (Eftrait des Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris). **Ѳ. В.** л) Алексѣй Веселовскій, Этюды и Характеристики **А. Степовича.** м) Отчетъ о состояніи Коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г. по 1 октября 1894 г. **В. Щербины.** н) Обозрѣніе журналовъ за 1-ую половину 1894 г. о) Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова, составленный проф. Харьковскаго университета Н. Ѳ. Сумцовымъ. **В. Я.** п) Извѣстія Импер. Общ. Любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ LXXXIII. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. **В. Я.** р) Baron de Bay. Rapport sur le Congrès international d'Anthropologie de Moscou. P. 1893. 2. Souvenir du congrès international d'Anthropologie de Mascou. P. 1893 3. La bijouterie des goths en Russie. P. 1892. 4. Rapport sur les découvertes foites par M. Savenkov dons la Siberie orientale. P. 1894. **Ѳ. В.** с) Paul Sébillot. Les travaux publies et les mines dans les traditions et les superstitions de tous les papays. Paris, 1894. **Ѳ. В.** т) Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губерніи. Составлена Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства А. М. Марковичемъ въ 1838 г. Издана Черниговскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства Графомъ Гр. А. Милорадовичемъ. **А. Л.** у) Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи. Изслѣдованіе И. А. Зарѣцкаго. Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства. ф) Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ Т. М. Устименка. (приложеніе къ отчету Миргородской Уѣздной Земской Управы за 1893 г.) х) Новый отечественный курортъ. (По р. Днѣстру.—Историческое «По-

Середа 25. Сей день былъ теплій, толкожъ вѣтеръ былъ зъ дожчемъ малимъ, а въ ночѣ морозъ. Мякинину заплатилемъ 22 р. зъ полтиною за анталъ вина вонгерского. Лиштви зъ пузаменту золотого за 5 р. до кунтуша вишневого. Ґроту за Платона 2 р. далемъ, что его вилѣчилъ.

Четвер. 26. Сей день былъ зъ ранку холоденъ зъ морозомъ, въ день отлигло, въ ночъ ясно и морозъ. Жена моя ездила на пастовникъ до сестри и оттуду привезли род. кортикъ и притупей. 8 р. доктору Боку за панюю заплатилъ, а еще 12 р. домагается.

Пятокъ. 27. Сей день былъ холодний и велми вѣтряний, и ночъ.

Субота. 28. Сей день былъ холодний же, однакожъ вѣтеръ утихъ и ночъ такова жъ. Коммунѣковался святимъ Тайнамъ.

Воскресеніе Х-во. Неделя. 29. Сей день былъ холодний и къ вечору снѣгъ проривался, и ночъ холодна и пахмурна. Ездилисмо до п. гетмановой, а по обѣдѣ до сестри, на пастовникъ.

Понеделокъ. 30. Сей день былъ свѣтлий и холодний, и ночъ. Обѣдалисмо у гетмановой и подпіяхомъ. Манѣфестъ обявлялъ Новоторжцовъ, что коронацѣя ея величества будетъ въ априлѣ м-цѣ. Въ Бѣлагородъ Бибиковъ ґубернаторомъ, а князь Юрій Трубецкой въ сенатъ, на мѣсто князя Ромодановского, сего 17-го марта. Указъ присланъ полку Писарева въ Дербентъ ити.

Вовтор. 31. Сей день былъ холодний и похмурний мало, а потомъ ясний, ночъ свѣтла и холодна. Обѣдалисмо партикулярно зъ сестрою у п. гетмановой. Били у Мякинина и Количева, и оттуду позно въ домъ пріехали.

Априль. Середа. 1. Сей день былъ свѣтлий и теплій, ночъ ясна и холодна. Обѣдалемъ у сестри, билемъ у обозного енер. и у Сухарева рано, а по обѣдѣ у п. Михайла, где и долго игралемъ въ карти.

Четвер. 2. Сей день былъ свѣтлий и теплій, а ночъ и ранокъ холодни. Принималемъ t-ra emeticum gran jii и имѣлемъ вомѣторіумъ 4. По обѣдѣ пріехалемъ ко мнѣ п. Михайло и Лука, зъ которими ездили до сестри.

Пятокъ. 3. Сей день былъ свѣтлий и отъ другихъ еще теплѣйшій, ночъ свѣтла и постуденяе. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ и игралемъ въ карти у п. Михайла. Потомъ ездилемъ до сестри, где и вечералемъ.

Субота. 4. Сей день еще билъ погоднѣйший отъ другихъ, такъже и ночъ тепла и пахмурна. Обѣдалисмо у брегадира, а по обѣдѣ пріехала къ намъ сестра и протчіе, п. Михайло такожъ. и передъ вечеромъ отехала. Пріехали подводчики Сварковскіе зъ Москви, а привезли 10 тисячъ гвоздей желѣзнихъ, да два пуда муки крупичатой. Молодикъ п. Кондзеровского застрелилъ хлопця его Данилця на смерть.

Неделя. 5. Сей день былъ похмурний и къ вечеру дожчикъ накраплялъ, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо у сестри на поставнику и п. гетманова, братъ п. Михайло и проч. Атаманъ Глуховскій пріехалъ съ Москви и обявилъ о Мануйловичеви, паралѣжемъ зараженномъ.

Попеделокъ. 6. Сей день былъ пахмурний, однакъ мало студений, и ночъ такъже. Обѣдалемъ въ дому, по обѣдѣ ездилемъ до сестри, которая подарила...(?)

Вовтор. 7. Сей день такъже билъ похмурний и ночъ, и холодновати. Обѣдалисмо у п. Стефана Миклашевского и по обѣдѣ заездилемъ до Потемкина и съ нимъ въ карти игралемъ. У Миклашевского інспекторъ зъ дѣтми виправляли комедію.

Середа. 8. Сей день былъ свѣтлий и къ вечера похмурний, такъже и ночъ зъ вѣтромъ. Обѣдалемъ у сестри и пріехалемъ оттуду у вечеру. У Вѣжевского шинковихъ грошей всѣхъ 100 р. зъ лишнимъ, принятихъ отъ начала его вѣдѣнія, и записалемъ въ реестрѣ его.

Четвер. 9. Сей день былъ вѣтряний, холодний зъ дожчемъ, такъже и ночъ. Обѣдалиемо у Стефана Миклашевского, ми зъ род., брегадиръ и проч. Заехалемъ до брата п. Михайла на Бѣлополовку и оттуду пріехалемъ домой позно.

Пятокъ. 10. Сей день зъ ранку хмурний и дожчеватъ, потомъ свѣтелъ ночъ сперва темна зъ дожчемъ. Явились мужики Крисковскіе на попа, которіе отправлени зъ писмомъ моимъ до его

писанним и зъ писмом до господара и 10 р., о покупцѣ плитовъ 2-хъ, дровъ и присилцѣ сюда гор. оковитой писанномъ.

Субота. 11. Сей день свѣтелъ почасти и почасти хмаренъ, холодноватъ. Правителствующій сенатъ составленъ въ 21 персонахъ. (*Слѣдуетъ перечень ихъ, а за тѣмъ манифестъ объ учрежденіи сената. См. въ изд. 1859 г., I, 349*).

Неделя. 12. Сей день былъ сперва холодний и вѣтряний и похмурний, потомъ теплъ и ночъ. Обѣдалисмо у обозного енералного, а потомъ игралемъ въ карти у п. Михайла.

Понеделокъ. 13. Сей день былъ вѣтранъ зъ ранку, после полдня теплъ, такъ же и ночъ тепла. П. Михайлу родился сынъ Яковъ, по полудни. Ездилемъ до сестри Уляни Івановни, а потомъ повернулемся. Далемъ женѣ на росходъ 20 р. Гор. тутъ въ імбарѣ 16 куѳъ великихъ.

Вовтор. 14. Сей день былъ велми вѣтряний, а у вечеру стало тихо и ночъ тиха. Обѣдали у насъ брегадиръ съ товарищи и подпіяхомъ.

Середа. 15. Сей день былъ пахмурний однакожъ теплій, дожчъ перервицемъ ишолъ, ночъ свѣтла. Пріехалъ зъ Ромна Романъ зъ обявленіемъ о болѣзни матки моей. По обѣдѣ пріездила сестра, зъ которою до п. гетмановой ездилисмо. Получилемъ писмо отъ п. Павловой Кролевецкой Огіевской за гор. и медъ упоминаючееся, до которой отписалемъ, что за гор. уже росплатилисмося, а за медъ мѣлъ Новѣцкій тогда якъ бралъ росплатится; однакожъ посламъ теперъ черезъ ей слугу 10 р.

Четвер. 16. Сей день былъ теплій, а у вечеру билъ громъ и дожчъ великий до полночи. Обѣдалемъ у сестри и вечералемъ, куда пріехалъ отецъ Мойсей и отецъ Ісаія. Родитель рано поехалъ въ Роменъ. Декоктъ началемъ пить.

Пятокъ. 17. Сей день былъ хмуренъ, маловѣтранъ, однакожъ теплъ, и ночъ тепла и свѣтла. Составилемъ опредѣленіе на церковъ Анастасіевскую именемъ сестри Толстой, тоесть 6 коморъ, а 7-мий при коморокъ, дворъ шинковый у рядахъ, а другій близъ церкви Анастасіевской, а третій пустий плецъ Іванцевскій опредѣлени. зъ

котирихъ зъ приходу въ годъ денежного жалования отцу Мойсею 30 р., вѣкарію 10 р., на школу совсѣмъ 20 р., на свѣчи, ладанъ и воскъ 15 р., паламареви 6 р., стряпчему 10 р. Заездилемъ до сестри; оттуду поехалемъ въ путь свой до Тулиг., але когда спалня у дрогъ зломилась, переложился у спалню и. Кондзеровского и пріехалемъ у Тулиг. на ночъ. У Тулиг. засталемъ гор. оковитой 4 кухви великихъ, пчоли 24.

Субота. 18. Сей день былъ теплій и ясний, а передъ вечоромъ хмарно и холодне стало, такъ и въ ночѣ. Сегодня рано въ Тулиголовахъ откушавши, поехалемъ въ Мутинъ, где перемѣнивши конѣ гнѣдіе, якіе стар. Каменскому отдалемъ и денги ему жъ далъ на овесъ, а взявши вороніе, поехалемъ и переехавши черезъ Сеймъ, пріехалемъ въ Грузскую, где и заночовалемъ. До сестри Чарнишевой, судіиной, писалемъ зъ поздоровленнемъ праздника и что опись еи дому у мене имѣется.

Неделя. 19. Сей день былъ зъ ранку холодній и похмурний, а потомъ теплій, а у вечеру и черезъ всю ночъ дожчъ ишолъ. Поехалемъ зъ Грузской и па дорозѣ получилемъ листъ отъ род. о томъ, что родителка въ добромъ здоровю, а не такъ якъ донесено, обрѣтается, а пріехалемъ въ Смѣлое, где у Якова Дуброви обѣдалемъ; по обѣдѣ спочивши, пріехалемъ въ Роменъ и засталемъ обоихъ родителей въ добромъ здоровью. У намѣстника Роменского, отца Іоанна, актъ веселний отправляется синови его, посягаючому себѣ въ невѣсту зъ Гадячого.

Понеделокъ. 20. Сей день былъ зъ ранку похмурний, а до полудня дожчоватъ, потомъ маловато годилось, къ вечору и въ ночѣ тепло ясно и тихо. Обѣдалисмо всѣ въ род. дому, а у вечеру били у отца Іоанна, на веселлю, куда пріехалъ синъ его зъ невѣстою зъ Гадячого. Писалемъ въ Глуховъ, черезъ козака глух., до жени, до сестри и до Люки; до жени въ нѣсколкихъ пунктахъ, о нуждахъ домашнихъ.

Вовтор. 21. Сей день былъ холодний, ясний, але вѣтряний, таковажъ и ночъ. Родитель рано поехалъ въ Андрѣевку и Токарѣ, а ты здѣ обѣдали сами, отецъ Савѣцкій, Свѣтъ и Несторовичъ.

По обѣдѣ же пріехалъ братъ п. Марко и подалъ ревизѣю Якова Дуброви, чиненную въ футорахъ степнихъ сего весенного времени. Слуга брата п. Семена пріехалъ зъ Ахтирки зъ тимъ, что братовая болна.

Середа. 22. Сей день былъ зъ ранку вѣтрянъ и холоденъ, вечоръ теплѣйшій, ночъ холодновата жъ. Ездилемъ зъ родителкою въ пасѣку на Засулле, где видѣлемъ моей пчоли 18, а родителка подарила 10, протопопъ 2.

Четвор. 23. Сей день былъ сперва тихъ, потомъ мокръ и дожчеватъ зъ громомъ, ночъ похмурна. Уговорилемъ козаковъ Засулскихъ Мая, Демка и Матвѣя Гнѣдаша съ товарищи до Царицина, на 30 куѳъ гор., отъ всякой куѳи по 4 р., прикладъ тютюну довезть по 4 пуда и задатку далемъ имъ 10 р., а они дали мнѣ росписку, въ свѣдителяхъ—Федоръ Яновскій. Денги лѣчилъ имъ въ пятницю уже Яковъ Дуброва. Родитель повернулся зъ Андрѣевки на Засулле, куда и мы зъ родителкою ездили и отвечеравши, повернулися назадъ ноччю.

Пятокъ. 24. Сей день былъ холодний и весь дожчеватъ, ночъ похмурна и холодновата жъ. П. Несторовичу на воли далемъ 100 р. а за прежніе денги воловъ 34. Братъ Марко поехалъ въ Глуховъ, черезъ котораго писалемъ до жени о домашнихъ нуждахъ и лилѣи, 7 кущъ пивонѣи да рожи новіе послалемъ, а писалемъ о нанятихъ зде подъ гор. до Царицина фурманахъ, о приуготованню гор. 20 куѳъ простой, а 10 оковитой, объ Архипу, чтобъ былъ готовъ въ дорогу низовую. Писалемъ до сестри поздравленіе и до Люки, до господара въ Криски о присилцѣ гор. оковитой въ Глуховъ куѳъ вел. и улей. До Камѣнского о покупцѣ 2-хъ картузовъ мѣноgовъ, 12 бутилокъ понтаку, чаю и проч.

Субота. 25. Сей день былъ холодноватъ зъ вѣтромъ и дожчъ часами малъ прорвался, ночъ ясна и мразна. Далемъ дядкови на покупку пшона 2 р. Данило Савоско просилъ родителей и мене къ себѣ на веселле въ домъ, что дочъ свою отдаетъ за меншого Яновского. Первий зъ жителей роменскихъ въ сихъ часѣхъ показался къ намъ. Обѣдалисмо въ себе, а по обѣдѣ поехалемъ и прі-

ехавши въ Лохвицю у вечеру, тутъ у гаю ночовалемъ, у п. Павловой, которая зъ мѣста такожъ ко мнѣ пріехала.

Неделя. 26. Сей день былъ вѣтряний и холодній, а по полуднѣ дожчъ ишолъ и черезъ ночъ. Поехалемъ рано зъ гаю и пріехалемъ въ Сухоносовку на службу, где и увесь день пробавилемъ. Шаповала стараго да Миценка, мужиковъ Сухоносовскихъ, послалемъ въ Роменъ покупать воловъ и грошей далемъ имъ 60 р., а въ Несторовича 100 р., до которого о семъ и писалемъ черезъ нихъ же.

Понеделокъ. 27. Сей день былъ вѣтренъ и холодноватъ, ночь ясна, однакожъ зъ морозомъ. Обѣдалемъ тутъ въ Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ порадку здешнему определеніе учинивши, отехалемъ и пріехалемъ до Курѣнки, въ 2-хъ миляхъ отстоящей, и тамъ черезъ греблю переехавши и такъ Удой рѣку перебувши, пріехалемъ, первей доброю, а потомъ худою дорогою, въ село Гонцѣ, где и заночовалемъ. Определеніе о Сухоносовскомъ порадку учинено: 1) данъ приказъ дворникови Василеви въ дополненіе прежнего, въ якомъ положено исполнять прежній приказъ. Отъ винницѣ ключъ данъ пасѣчникови въ такой силѣ, чтобъ одному безъ другого неходить въ імбаръ и не отсипать гор. безъ другого и безъ винника, для чего имъ данъ тройній карбъ, а другій двойний карбъ въ раздачѣ гор. долженъ мати дворникъ зъ пасѣчникомъ. Емужъ дворнику, чтобъ остановка у винницѣ не была, покупать жито дано 5 р. Да на соль въ Багмутъ послать далемъ же 12 р., 2) пасѣчникови особливий данъ приказъ о пчолѣ и о ключництвѣ; 3) трорій приказъ данъ Андрущцѣ, что онъ имѣетъ запровадить въ Роменъ. Емужъ Андрущцѣ далемъ 3 р. и велѣлемъ дать полносатки гор. для того, что онъ въ дорогу низовую определенъ. Приказалемъ по моемъ отездѣ заразъ виславъ дворнику въ Роменъ тютюнъ, 150 попушъ, да куеу дулевой гор. на 3-хъ подводахъ, якіе тамъ перевозти мѣютъ пчолу.

Вовтор. 28. Сей день зранку билъ холодний и велми вѣтряний, ночъ свѣтла, тиха. Рано вставши, поехалемъ зъ Гонцовъ и пріехалемъ до Лазурокъ села Троцкой, якое отстоитъ отъ Гонцовъ у полъ 2 милѣ, где черезъ рѣчку Слѣпородъ переехавши, пріеха-

семъ въ Яблуневъ, куда отъ Лазурокъ миль 2, тутѣ черезъ Сирую Оржицю переехавши, пріехалемъ до футорця сотника Пѣратинского, где Сухая Оржиця течетъ, тутъ переехавши, пріехалемъ въ Перервинцѣ, отстоящіе за 2 милѣ отъ Яблунева,

Середа. 29. Сей день былъ теплій и ясній, также и ночъ до половини, а потомъ пахмурна и мокра. Проучовали зде молодихъ коней, карого тарановатого, да карихъ же пару. Ездилемъ рано зъ Перервинець къ Сухой Оржицѣ, степомъ, где нашъ яръ зъ гребелкою, оттуду повернулъ въ лѣво и проехавши стѣнки Пилипенковъ и Жилину, повернулись назадъ ку дворови. Перечисляли овци, такъ бранки яко и протчіе криворудскіе, а по ищисленію показалось на лице: бранокъ овець 180, барановъ 9, ягнятъ теперешнихъ 62, а простихъ Криворудскихъ овець дойнихъ 383, яловнику 303, барановъ 61, бѣлихъ валашковъ 71, чорнихъ валашковъ 55, баранціовъ бѣлихъ 16, баранціовъ чорнихъ 10, ягниць бѣлихъ 95, ягниць чорнихъ 58, summa всѣхъ овець простихъ 1052, козъ всѣхъ 26, козенятъ 6. Якову Дубровѣ даровалемъ коня буланого своего верховового, старого. Вилучили конѣ послать въ Роменъ гнѣдихъ 5, карихъ 2, каштановий лисий вер. да п. Павловой лоховицкой пару рижострокатихъ, а вмѣсто тихъ Алексѣеви ездить, вороностројокатихъ 2, а криворудскихъ 4, да молод. 2, да молодихъ виученихъ 20, да неуковъ 17, всѣхъ 54. Стаднина: дрикгантовъ 8, кобилъ жеребнихъ 42, яловихъ 20, лошиць третякъ 8, лошаковъ третяковъ 5, стрижаковъ 14, стрижокъ 15, всѣхъ 112. Опрочъ сего лѣтнихъ лошатъ, якіе еще ожеребляются.

Четвер. 30. Сей день былъ мокрій, а передъ вечоромъ похмурний, таковажъ и ночъ была. Рано поехалемъ зъ Перервинець и переехавши Бѣлоусовку, въ милю легкую отстоящую, пріехалемъ до Денисовки, миль у 2 отъ Бѣлоусовки разстояніемъ имѣючойся, оттуду, пообѣдавши, тамъ у Костантія, зятя п. Івановой Лубенской, поехалемъ и пріехалемъ къ перевозу Горошинскому за 3 милѣ отстоящому отъ Денисовки, где перевюзшись, пріехалемъ до Горошина въ 8 верстахъ отстоящого, а оттуду у футоръ свой Криворудскій, у полтори милѣ отъ Горишина обрѣтаючиися.

М-ць май. Пятокъ. 1. Сей день зъ ранку былъ похмурний, а потомъ до вечора ясний и теплій, ночъ была похмурна и мало холодновата. Коровъ въ хуторѣ Криворудскомъ доится 35, а недавно сталя доить; воловъ рабочихъ имѣется 10.

Субота. 2. Сей день былъ теплій и зъ ранку похмурний, а потомъ, трома перемѣнами, ясний и дожчеватий зъ громомъ, ночъ свѣтла и тепла по мѣрѣ. Алексѣеви Полуденскому оставилемъ приказъ въ 16 пунктахъ, также и о Сухоносовскомъ. Поехалемъ рано зъ Кривой Руди степомъ Хоролскимъ и уехавши миль 3, пріехалемъ до шляху болшого Ромадановского, где при лѣскахъ и водѣ обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши, уехалемъ миль зъ 4 и пріехалемъ до корчми п. Павла (Апостола), миргород. полковника, где постояли болшъ часа, а оттуду поехавши, уехали миль болше двохъ и стали на ночъ при футорѣ хоружого пол. луб. Корсуна, недалеко отъ шляху стоячомъ.

Неделя. 3. Сей день былъ ясний и теплій сполдня, по сторонамъ дожчъ и хмары малѣе, ночъ свѣтла и тепла. Сегодня рано поехавши отъ ночлѣга, пріехалемъ до рѣчки Бодакви, якъ бы миль у 2 отстоящой отъ ночлѣга, где оную перебувши, поехалемъ стороною отъ шляху Ромодановского въ правую сторону и пріехалемъ у футоръ Якубовичевъ, якъ бы миль у 2 отстоящого отъ Бодакви, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ пріехалъ ко мнѣ Несторовичъ и Тарасъ, съ которими обехавши футоръ тотъ вкругъ, пріехали позно у Гамалѣевскій мой новоустроенний футоръ где и ночовалемъ. 15-го апр. писанний листъ отъ Якубовича ко мнѣ, подалъ мнѣ отъ Тараса, въ якомъ пишетъ, слагаяся увесь въ волю мою, а обѣщаючи прислать для торговлѣ футорной чоловѣка своего.

Понеделокъ. 4. Сей день былъ ясний и теплій, таковажъ и ночъ. Поехалемъ рано съ футора зъ Несторовичемъ, попомъ Андрѣевскимъ, отцемъ Іваномъ, также зъ старостою и войтомъ Андрѣевскими и притомъ билъ слуга Тарасъ а обездилесмо межу по загонамъ къ футору Гамалѣевскому учиненнимъ за шляхъ Ромадановскій именуемій, чимъ Розбишовскій прикажчикъ и селяне тамошніе завладѣли, а обехавши такъ пріехали до Андрѣевки, где и

обѣдалисмо. По обѣдѣ жо пріехали въ Роменъ, предъ заходомъ слонца. Получилемъ вѣдомости зъ Глухова, а въ томъ числѣ печатний указъ зъ Москви 14-го априля, въ якомъ показано, чтобъ князь Алексѣю Грирор. Долгорукову зъ синомъ его князь Іваномъ велено за показаніе вини жить ему зъ женою и зъ всѣми дѣтми, такожъ князь Сергію брату его, въ далнихъ ихъ деревняхъ безиздно, а другимъ браттямъ, князь Івану и князь Александру, бить въ одаленнихъ городахъ воеводами, а князь Василію Лукич. Долгорукову жъ, посланному въ далнюю его деревню, жить безиздно, за крѣпкимъ карауломъ.

Вовтор. 5. Сев день былъ вѣтряний и временемъ дожчеватъ, ночъ вѣтряна жъ зъ дожчемъ. Сухоносовцѣ Шаповалъ зъ Маценкомъ купили воловъ мнѣ 8 за 40 р. Да имъ же впредъ покупать воли далемъ 80 р. и отпустилемъ ихъ домой, а казано имъ запровадить воли въ футоръ Гамалѣевскій, где теперъ зъ сими волами будетъ 42 воли, а Кучарскимъ куплених на Кривой Рудѣ 5, итого всѣхъ теперъ наѣтся 47. Купилемъ коня тарана до моего за 16 р., у Бѣловодского Стеценка. Милемся у лазнѣ и кровъ банками пускалемъ. Сторговалемъ мѣди пудъ по 8 р. и по 4 гривни.

Середа. 6. Сей день билъ мокрий зъ великимъ дожчемъ, ночъ свѣтла а съ полночи хмурна. Мѣди купилемъ полъ 4 пуда, пудъ по 8 р., якая теперъ у Несторовича, и денги ему отдалемъ. Получили писмо отъ брата п. Семена о болной женѣ его, близъ смерти сущой. Ілля Васил. Ржевскій, капитанъ Володимерского полку, пріехалъ и ночовалъ со мною въ дому род. Жена брата моего Семена и дочъ полковника Ахтирского Лесевицкаго Параскевея въ Ахтирцѣ умра, 4-го часа по полудни.

Четвер. 7. Сей день былъ сперва вѣтрянъ, а потомъ погодній и теплій, ночъ ясна. Ржевскій сегодня простился съ нами, а едетъ въ Москву. Черезъ Остапа Козорѣза, Перервинского, писалемъ до Алексѣя въ Сухоносовку о нанятию 4-хъ человѣка въ дорогу Гданскую гайдаевъ и приспособленне харчи на возъ воловий о 4-хъ волахъ, на що и денегъ 10 р. послалемъ. Черезъ Якова Дуброву визичилемъ у Воротяляка 40 р., а 20 чер. заложилемъ, и оніе за

5 пуд. мѣди, якая поспѣетъ по ярмарку п. Несторовичу отложилемъ, якіе п. Несторовичъ отдавши купчимови, мѣдь тогда озметъ. До 3-го пункта и сіе надлежитъ, что до Алексѣя писалемъ о перегнаттю овецъ до футора Гамалѣевского и о присилкѣ воловъ, когда оніе куплени будутъ, на которіе далемъ Шаповалу 80 р. Писалемъ до Костенецкого, сотника Конотопского, о пріемѣ Якова Дуброви зъ моими волами въ Гданскую дорогу, и листъ ему Дубровѣ отдалемъ [1]). Далемъ приказъ Романови, чтобъ онъ когда приідетъ виправа зъ Сухоносовки со всѣмъ тимъ и зъ протчіими рѣчами, въ Ромнѣ оставшимися, сложившись на фурманъ Засулскихъ, ехалъ въ Глуховъ. Далемъ приказъ, въ 9 пунктахъ, Тарасу объ устроеніи футора Гамалѣевского и въ ономъ гребелки зъ спустомъ, пасѣки и тютюну зъ пасѣчникомъ и тютюнникомъ, шинку, хатъ 7 населить. Мѣдь всю, тоесть уже заплаченную полъ 9 пуда, завезти въ Глинскъ, чтобъ зъ оной казани винничніе роблени били, о чомъ и листъ до сотника Глинского данъ емужъ. П. Несторовичу предложилемъ, чтобъ онъ зехалъ въ Смѣлое воловъ осмотрѣть продажнихъ, о якихъ Яковъ предлагалъ. О представленіи братовой моей п. Семеновой получивши вѣдомость, виехалемъ зъ Ромна къ Ахтирцѣ и ночовалемъ за 16 верстъ.

Пятокъ. 8. Сей день былъ теплій, свѣтлій, однакожъ вѣтряний, ночъ свѣтла и тиха. Вставши рано отъ ночлега, переехали село Липовое, полку Гадяцкого, отстоящое отъ Ромна въ 26 верстахъ, а оттуду поехавши, уехали миль 3 и пріехали въ село Хитцѣ, повисше Гадечого, въ лѣвой руцѣ лежачое, где черезъ рѣчку Грунку греблею переехавши, уехали съ полъ миль и пріехали до рѣки Псла, черезъ которий поромами перевюзшись, становиско имѣли. Оттуду уехавши верстъ зъ 3, зближились къ мѣстечку Веприку, откуду уехавши миль 3, уехали въ село Комиши, а отголь поехавши зъ милю, опочивали, а после рушивши, уехали болшъ 2 миль и прі-

---

[1]) Сотники Конотопскіе Костенецкіе вели большую заграничную торговлю быками; М—чъ проситъ тогдашняго сотника Осипа Костенецкаго—позволить гнать воловъ вмѣстѣ, въ Данцигъ. См. Опис. Стар. Малоросс., II, 198.

ехали въ селце полковника ахтирского Злодѣевку чили Доброеловле именуемое, около полночи; тутъ заночовали. Сегодня въ Ахтирскомъ монастирѣ было погребеніе братовой моей Семеновой, на которое незаспѣлемъ.

Суббота 9. Сей день былъ ясний и теплій, такова жъ и ночь. Рано вставши въ Доброеловувцѣ, маетности полковничей, поехалемъ до монастира Ахтирскаго, у ворсту оттуду либо у полтори отстоящого, где службы Божой и панахиди по умершей братовой вислухавши, пріехалемъ въ Ахтирку въ домъ полковничий, где и обѣдалемъ купно зъ гостия тамъ бывшими, и поеля обѣда весь день тутъ пробавилемъ.

Недѣля 10. Сей день былъ свѣтлій и теплій, однако жъ часами хмарки переходили и дожчъ надходилъ малій, а ночь свѣтла и тиха. Тутъ въ Ахтирцѣ обѣдалисмо и Данило Івацовичъ Перекрестовъ, и весь день пробавили.

Понедѣлокъ 11. Сей день былъ теплій, свѣтлій, такъ же и ночь. Писалемъ зъ Ахтирки въ Роменъ до родителки о своемъ въ Глуховѣ виездѣ, а до Несторовича о виправѣ фурманъ зъ Романомъ и о. Семену Бардаку, чтобъ увѣдомилъ мене похочетъ ли пойти запровадить онихъ на низъ. Рано поехалисмо зъ полковникомъ и полковницею и братомъ зъ Ахтирки и пріехавши въ монастырь ахтирскій, службы Божой вислухали и панахиду отправивши, гробъ братовой загребли, а мы обѣдали у Доброеловоцѣ, откуду по обѣдѣ проотившись съ полковницею и братомъ, поехалемъ зъ полковникомъ и уехали верстъ зъ 7, пріехали до его селця Івановского, а оттуду простившись я съ нимъ, поехалемъ въ путь свой и пріехалемъ въ село Тростянецъ, отстоящее отъ Ахтирки около 20 верстъ, где въ дворѣ покойного духовника и заночавалемъ. Увѣдомилемся отъ полков. Ахтир., что князю Михайлу Мих. Голѣцину ея в-во подарила 3 волости въ Можайскомъ уѣздѣ, въ которыхъ душъ близь 6000 да зъ вещей нѣкоторыхъ княгинь и княжнѣ Маріи.

Вовтор. 12. Сей день былъ теплій и свѣтлій, днемъ почасти билъ вѣтеръ, а ночь свѣтла и тиха. Вставши рано зъ Тростянця поехалемъ и въ дорозѣ переехалемъ село Череповку, якъ бы отъ

Тростянця верстъ у 5, а оттуду уехавши вурстъ зъ 10, пріехалемъ въ городокъ Буромлу, Ахтирскаго полку, где и сталемъ квартерою въ дому Іосифа Гречаного. По обѣдѣ же, которій имѣлемъ отъ сотника тамошнего наказ., поехавши, уехалемъ болшъ милѣ до селця Гребениковки, Антоновой Гамалѣиной, а оттуду такъ-же зъ милю до селця Сировотки, Сумского полку, а оттуду зъ добрую милю до Сумъ, где черезъ мостъ на Пслу устроенной переехавши, сталемъ квартерою на другой сторонѣ города, на холодной горѣ, въ загородномъ дворѣ Івана Кондратіева.

Середа. 13. Сей день былъ теплій и свѣтлій, а къ вечору похмурный, въ ночъ ветѣръ и дожчъ. Обѣдалемъ въ Сумахъ, по обѣдѣ пріехала въ Суми жена Івана Кондратіева, до которой ездилемъ въ городъ и поговоря съ нею о заплатѣ служителямъ братнимъ и о пожиткахъ братнѣхъ, отехалемъ зъ Сумъ и уехали зъ полтори милѣ, сталемъ на ночъ у хуторѣ его-жъ Кондратіева, прозиваемомъ Степу.

Четвер. 14. Сей день спорва похмурный и дожчеватый, потомъ свѣтлій и теплій зъ ноччю хорошою. Поехавши рано зъ футора, уехалемъ миль 2 и пріехалемъ въ село Вири, маетность Івана Кондратіева, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ уехавши верстъ зъ 17, пріехалемъ къ мѣстечку Кризѣ, которое вправо оставивши, пріехалемъ верстъ зъ 6 и пріехалемъ въ село Ворожбу, где отпочивши поехалемъ и уехавши миль зъ 2 пріехалъ до села Клепалъ, оттуду уехавши зъ милю, недоежджаючи перевозу Сеймового, заночевалемъ.

Пятокъ. 15. Сей день свѣтлій и теплій, такова жъ и ночъ. Рано перевозились черезъ поромъ, черезъ Сеймъ, уехалемъ милю до Путивля города, оттуду тако жъ уехавши милю, пріехалемъ до Вязюнки, селця монастира Петропавловскаго Глух., гдѣ черезъ Клевень греблею переехавши, въ дворцѣ монастырскомъ отдохнулемъ; поехавши оттуду, пріехалемъ въ Кочерги, за милю отъ Вязюнки, а оттоль въ Уздицю, такъ-же зъ милю, где—у пасѣцѣ своей былемъ. У пасѣцѣ видѣлемъ пчоли своей стоячой 264. Поехавши оттуду, ве-

чоромъ пріехалемъ у футоръ свой Калюжновскій, где переменивши коней, пріехалемъ въ Сварковъ и тутъ жену свою засталемъ.

Субота. 16. Петра, кухара, пріехавшаго зъ Москви, виделемъ и отъ онаго получилемъ письмо Каменского, который пишетъ, что посылаетъ полфунта чаю, цукру 25 фунт., рукавице и обрання лосиніе. Сей день былъ светлій и теплій, однако-жъ по сторонамъ хмари, ночъ светла и тепла. Пріехалемъ у вечеру въ Глуховъ, где засталемъ матку пріехавшую.

Неделя. 17. Сей день былъ светлій и теплій, и ночъ такова-жъ. Сегодня обедалемъ у Потемкина, где били брегадиръ и проч., и подпіяхомъ.

Понеделокъ. 18. Сей день былъ светлій и теплій, и ночъ такова жъ. Сегодня обедалемъ у сестри Уляни Івановни, куда потомъ братъ п. Михайло пріехалъ; оттоль поехалисмо все трое до жени его, где въ карти играли. Отобралемъ у Демьяна принятыхъ грошей отъ Уляни 64 р., еще виноватъ 26 р. Отобралемъ у Михайла Гавриленка принятихъ грошей у должниковъ Черн̂г. полку 70 р. Писалемъ до господара о пріезде его сюда.

Вовтор. 19. Сей день былъ светлій и теплій, и ночъ такова жъ. Сегодня обедалисмо зъ родителкою и женою у панеи гетмановой, а потомъ зъ братомъ п. Михайломъ ездилисмо до сестри, где все обще, зъ маткою и женою, вечерали. Машталеръ Федорецъ захоровалъ и въ шаленство прійшолъ.

Середа. 20. Сей день былъ ветряний, однако жъ светлій и и теплій, ночъ тиха и ясна, а передъ светомъ была похмурна зъ малимъ дожчикомъ. Обедалисмо зъ женою у сестри, которая поехала въ половіе свои маетности и оную опроважаючи, заехалемъ до Тулиголовъ, где и ночовалемъ. Конь мой цуговий гнедий, у цигана Михайла купленный здохъ.

Четвер. 21. Сей день былъ светлий и теплій и ночъ такова жъ. Обедалисмо у насъ пане гетманова, дочери ея: Кулябчиха и Горленкова, Стефанъ Миклашев., для того, что жена моя и сестра именнинниці. По обеде билемъ у обозного енер., оттоль заездилемъ до Потіомкина. Петръ Жураковскій, сынъ Василія Жу-

раковского, бившаго есаула енер., умре. Яковъ Дуброва пріехалъ зъ Борзнанского ярмарку и обявилъ, что сторговалъ на мою потребу воловъ 13 у Смѣлянского человѣка по 5 р. зъ 20 копѣйками, которому тутъ и отдалемъ сегодня денги, а именно 70 р. зъ малимъ чимъ.

Пятокъ. 22. Сей день былъ свѣтлий и теплій, и ночъ такова жъ. Погребеніе Петру Жураковскому отправлено сегодня у церкви Михаила. Обѣдалисмо у Мануйловичей, а по обѣдѣ посѣщалъ мене братъ п. Михайло, Дорошенко и Якубовичъ. Писалемъ черезъ почту до Камѣнского о карпузахъ (?) о шафѣ, о винѣ, о табаку, о присилкѣ человѣка Сварковскаго, коли не нуженъ.

Субота, 23. Сей день свѣтлий и теплій, и ночь такова жъ. Принималемъ лѣкарство проносное dom. laxativa композиціи Видлова капель 130, и имѣлемъ довольное дѣйствіе. Демянъ отправленъ на Ічанскій ярмарокъ для покупки воловъ, на что далемъ ему 150 р., да черезъ его до Тараса посылалемъ на футорное строеніе 10 р. и приказъ далемъ Демяну, въ 10 пунктахъ, о виправѣ въ Гданскую дорогу и припроваженню такъ воловъ, яко и воза волового до Куренѣ, и о Смолевѣцкого вещахъ. Черезъ его жъ барма сукномъ послани Алексѣю и Тарасу. Ему жъ черезъ его жъ вручилемъ обмѣковъ 6 для виправки грошей, а въ нихъ суми 50 р. Петръ Воротелякъ принюсъ закладніе червонніе 20, а отобралъ у меня 40 р. Куріеръ...... (?) переехалъ и сказивалъ о скоромъ гетманскомъ пріездѣ и что Андрей Кандиба умре въ Москвѣ.

Недѣля. 24, Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ. Былемъ рано у панеи гетмановой и на службѣ у Бѣлоголовской церквѣ, а обѣдаломъ у себе зъ род.—ми и Якубовичемъ. По обѣдѣ ездилемъ до брегадира. Вечералисмо обще всѣ, и съ нами Кендзеровская Гапка, Александръ зъ женою. Черезъ цедулку объявляетъ п. Григоріева (жена Журавки) зъ Новгородка, что купила на нашу потребу дерева 88 коловъ четверосаженнихъ, а тросаженнихъ 100, брусовъ четверосаженнихъ 100 и одинъ за 30 р. безъ талара.

Понедѣлокъ. 25. Сей день былъ сперва свѣтлій, а въ день похмурный, а въ вечеру дожчеватъ, и чрезъ всю ночъ зъ громомъ блисканіемъ и великимъ дожча пролитіемъ. Сегодня приставлялъ я пявици и геморгоиди отворялъ. Получилемъ писма зъ Москви отъ Курбатова и приложенних медаллей золотихъ 3, а сребранихъ 6. Покроилъ себѣ шляфрокъ зъ пугвицами, зъ полъ 13 локтя атласу.

Вовтор. Сей день былъ свѣтлій и теплій, такъ же и ночъ. Рано зъ п. Михайломъ ездилисмо до Новоторжцова просить о дѣлѣ сестриномъ, чтобъ для изслѣдованія сюда сискать старосту и войта Кучеровского, а не туда оберъ офѣцора посилать. У вечеру посѣщали мене Ширай и п. Федоръ Савичъ. Отправлялемъ козака Глуховскаго до сестри Улани Івановни и приложилемъ писмо Курбатова и медали золотой и серебранихъ 2, и другіе писма. Купилемъ полъ 12 арш. бѣ (?) по 7 гривенъ.

Середа. 27. Сей день билъ теплій и свѣтлій и ночъ такова жъ. Сегодня игралисмо у насъ съ пріехавшими п. Михайломъ и панею его, и Люкою, у кадрилѣи, въ карти. Ездилемъ до брегадира и до Новоторжцова просить же о дѣлѣ сестри. Женѣ отдалемъ 30 р. на росходъ.

Четвер. 28. Сей день былъ свѣтлій и теплій, ночь похмурна. Обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ п. Михайло, братъ, пріехалъ и Чуйкевичъ Федоръ. Зъ Ромна пріехали воловики фермане. У вечеру билемъ у брегадира.

Пятокъ. 29. Сей день былъ свѣтлій, однакожъ вѣтряній, ночъ тиха. Рубліовиковъ дополнилъ до 10 сотце. Родителка отехала въ Овдоколле и Стародубъ.

Субота. 30. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ. Жена поехала зъ родителкою въ тотъ же путь. Обѣдалисмо у Сухарева, именинника, и подпіяхомъ. Черезъ Александра далемъ Шлюкову, канцеляристѣ, за дѣло сестри 2 р. Василь Уманецъ за доводячіеся денги прислалъ гор. 109 вѣдеръ, по полтини.

Недѣля. 31. Сей день былъ погодний, однако жъ мало холодноватий, а къ вечеру похмурный и отчасти вѣтрянний. Вѣжев-

скому на расходъ далемъ 10 р. и записалемъ. Полукунтушъ бѣлокосовий пошитъ мнѣ, въ которомъ сталемъ ходить.

М-ць іюнь. Понедѣлокъ 1. Сей день былъ дожчеватъ увесь, ночъ мало виянснилась. Уманець особливо прислалъ гор. вѣдеръ 107 по 10 а. ведро, за что заплатилемъ посланному его 34 р. и 2 гривни. Ездилемъ до бригадира, который обявилъ, что допрашиванъ староста Кучеровскій о пожиткахъ покойной тіотки, у Кучеровку увезеннахъ, и имѣетъ сфѣцеръ послатись туда, о выдачѣ оныхъ пожитковъ, а именно 5 куф. гор., 3-хъ казановъ винничныхъ, одного броварного, 20 скотинъ. 20 р. зъ шинкарей и другой подробицѣ, да жита 37 четвериковъ Глух. мѣри. Послалисмо до сестри солдата о выдачѣ зъ Савиновки и Липовицѣ 47 р. да 86 скотинъ, розданныхъ тамъ мужикамъ на прокормъ.

Вовтор. 2. Сей день былъ вѣтряний, холодний и дожчеватий, о полуднѣ ясенъ, потомъ знову мокрий, а ночъ была тиха и запогодилась. Послани воловики сестрини и мои въ Кучеровку, для забрання вещей чили пожитковъ нѣкоторыхъ покойной тіотки, туда увезенныхъ. П. Петръ Апостолъ, полковникъ новоустроенний Лубенскій, пріехалъ въ Глуховъ. Гетману господину Апостолу ея імператорское величество мая 15-го указала владѣть ключемъ Гадяцкимъ на булаву опредѣленнимъ, со всѣми доходи, такъ что никакихъ доходовъ зъ оныхъ маетностей въ войсковий скарбъ подскарбѣямъ не брать. Также на урядъ гетманскій даются ему маетности; Ропская волость, Евминка и Рудьковка, Биковская волость (кромѣ Мокѣевки Танскому данной), а въ нихъ дворовъ 1317, село Кучеровка съ приселки Сопичемъ и Потаповкою, 152 двора, да Шептаковская волость, 2698 дворовъ, и оныхъ маетностей ему гетману никому не отдавать, что оніе даются на урядъ гетманскій. Да давать зъ скарбу войскового на доктора лекаря и аптеку по 600 р.

Середа. 3. Сей день былъ похмурний, холодний и дожчеватий, ночъ холоднажъ, хочай и погодилась. Былемъ рано у п. Петра Апостола и у п. Михайла брата. Люцѣ далемъ 6 р. по его картѣ, Омеляну Горошинскому далемъ 1 р. въ позику, да черезъ егожъ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

(1882—1906 г.).

СОСТАВЛЕНЪ

Членами Комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Кіевскаго Университета Б. Д. Чигринцевымъ.

Полтава.

1911 г.

Оглавленіе.

Приступая къ изданію настоящаго указателя, Полтавская Ученая Архивная Комиссія шла навстрѣчу давно назрѣвшей потребности, имѣя въ виду выдающуюся цѣнность и многосторонній интересъ историческихъ, этнографическихъ и иныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Кіевская Старина». Для статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ послѣднемъ за первыя 10 лѣтъ его существованія, составители пользовались указателемъ, печатавшимся въ приложеніи къ журналу за 1893 годъ и изданнымъ въ томъ-же году отдѣльной книгой.

Въ настоящемъ указателѣ, какъ и въ предыдущемъ, обозначены всѣ статьи, матеріалы и замѣтки, помѣщенные въ журналѣ, исключая лишь такихъ мелкихъ сообщеній, которыя носятъ чисто злободневный характеръ, въ родѣ небольшихъ отчетовъ о собраніяхъ научныхъ обществъ, о спектакляхъ, концертахъ и т. п.

Весь указатель раздѣленъ на 9 отдѣловъ, а именно: 1) Археологія, съ подраздѣленіемъ на церковную и общую, 2) Исторія и историческіе матеріалы, съ такимъ же подраздѣленіемъ, 3) Художественная литература, 4) Исторія литературы съ подраздѣленіемъ на а) матеріалы, б) статьи, в) статьи и замѣтки объ И. П. Котляревскомъ и 2) статьи и замѣтки о Т. Г. Шевченкѣ (послѣдніе два подотдѣла выдѣлены въ виду многочисленности біографическихъ, критическихъ и прочихъ статей и замѣтокъ объ этихъ писателяхъ), 5) Географія и этнографія, 6) Біографическій матеріалъ съ подотдѣлами: а) біографіи, характеристики и матеріалы къ нимъ, б) письма и переписка, в) воспоминанія, г) записки, замѣтки и дневники, д) рѣчи, е) некрологи, 7) Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ, 8) Библіографія и 9) Смѣсь, дополненія и поправки. Послѣ заглавія каждой статьи, замѣтки и т. п. указаны годъ, мѣсяцъ и страницы журнала, на которыхъ эта статья помѣщена.

Буква Д, **помѣщенная** послѣ обозначенія страницъ, указываетъ, что статья или замѣтка помѣщена въ отдѣлѣ «Документы. извѣстія и замѣтки», который въ журналѣ имѣлъ особую нумерацію страницъ.

Фамилія, набранная **жирнымъ** шрифтомъ, означаетъ фамилію или псевдонимъ автора, кромѣ отдѣла некрологовъ и библіографіи, гдѣ этимъ шрифтомъ набраны въ первомъ случаѣ фамиліи умершихъ, а во второмъ—авторовъ рецензируемыхъ книгъ. Такъ какъ непосредственнымъ продолженіемъ журнала «Кіевская Старина» явился журналъ «Украïна», издававшійся въ 1907 году, то составители внесли въ указатель и статьи этого журнала. Къ концу книги приложенъ алфавитный указатель авторовъ статей и замѣтокъ.

Составители.

I. Археологія.

А) ЦЕРКОВНАЯ.

1. **А. В.** Бакотскій скальный монастырь (объясненіе къ рисункамъ) 1891, 10, 108—116.

2. **А. Л.** Къ исторіи культуры (латинская надпись на кіевской библіи 1758 г.) 1893, 11—324. (Д).

3. **Антоновичъ В.** Раскопки у Трехсвятительской церкви въ г. Кіевѣ 1885, 5, 163—167.

4. **А. С.** О Лаврской находкѣ 1899, 4, 58—60. (Д).

5. **Б.** Цѣнная находка въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1899, 1, 47—50. (Д.).

6. **Бучневичъ В. Е.** Поправка надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ 1884, 9, 175—177.

7. **Бѣляшевскій Н.** Два замѣчательные предмета кіевскаго церковнаго археологическаго музея 1888, 7, 133—135.

8. **В. Н.** Къ Исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ 1891, 7, 148—151.

9. **Вновь** открытая стѣнная живопись въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ 1897, 6, 102—103. (Д.).

10. **Васильевъ Мих.** Изъ письма въ редакцію. (Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ. 1885, 10, 364—367.

11. **Возстановленіе** древней паперти Кіево-Софійскаго Собора 1882, 8. 387—390.

12. **Г. В.** Новое пріобрѣтеніе церковно-археологическаго музея 1888, 8, 32—33.

13. **Доманицкій В.** Слѣды погибшаго архива (Звенигородскаго Духовнаго Правленія) 1902, 12, 158—159. (Д.).

14. **Древній храмъ** въ г. Каневѣ 1904, 6, 125—126. (Д.).

15. **Залѣсскій Ап.** Церковная старина Пирятинскаго уѣзда 1889 7, 268—274.

16. **Здравомысловъ К.** Данныя архива святѣйшаго Синода о Кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго 1897,—4, 1—12. (Д.).

17. **Каманинъ И.** Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ (Подольской губ.) 1906,—3—4, 73—77. (Д.).

18. **Какъ** обращаются у насъ съ церковной стариной 1894, 2, 336—338. (Д.).

19. **Л. П.** Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? 1888, 5, 259—264.

20. **Л. П.** Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуна или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе (съ 2 картами) 1889, 4, 56—73.

21. **Л-въ П.** Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго Собора 1884, 9, 162—165.

22. **Л-въ П.** Гдѣ подлинникъ Любе-

ческой чудотворной иконы Божіей Матери 1883, 6, 385—387.

23. **Л-въ П.** Софія-Премудрость Божія въ иконографіи Сѣвера и Юга Россіи 1884, 12, 555—567.

24. **Лаврской** находки по поводу 1899, 5, 114. (Д).

25. **Лашкаревъ П.** Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ 1889, 1 204—210.

26. **Левицкій Ор.** Исторія одного древняго Волынскаго храма 1903, 1, 70—90.

27. **Мердеръ А.** Мелочи архивовъ юго-западнаго края: часовня-памятникъ въ Каневѣ 1900, 12; 149. (Д.).

28. **Н. Ч.** Каменныя и глиняныя иконы княжеской эпохи 1899,—8 91—97. (Д.).

29. **Петровъ Н.** Библіотека барона, Шодуара и вновь открытое древнее изображеніе св. Бориса и Глѣба и, можетъ быть св. Владимира 1888, 8, 33—39.

30. **Праховъ Адріанъ.** Фрески Кіево-Кирилловской церкви XII в. (Рѣчь). 1883, 5, 97—110.

31. **Р-въ А.** Небесные архистратиги въ образѣ запорожцевъ. 1887, 11, 587—587.

32. **Рклицкій С.** Мазепина церковь въ с. Дегтяревѣ 1900. 6. 134—139. (Д).

33. **Расхищеніе** церковныхъ древностей на Волыни 1891, 1, 183.

34. **Старинная** церковь въ г. Лохвицѣ. 1904, 7—8, 25. (Д.).

35. **Церкви** старинной постройки въ Полтавской епархіи 1888, 11, 97—99.

36. **Щербина В.** Памятникъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря 1895. 12. 90—92. (Д.).

Б) ОБЩАЯ.

37. **А—въ.** Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ 1884, 9, 165—168.

38. **А. В.** Запись о кладѣ XVIII столѣтія 1885, 8, 735—736.

39. **А. В.** Изъ археологическихъ поисковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра 1886, 7, 560—562.

40. **А. В.** Археологическія изслѣдованія въ бассейнѣ Сулы 1886, 8, 763—766.

41. **А. А.** Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малорусской старины 1894, 7, 101—102. (Д.).

42. **А. Л.** Городецкій музей Волынской губерніи 1898, 4, 13—17. (Д.).

43. **А. Л.** Гетьманскіе дома въ Глуховѣ (съ планомъ) 1898, 1, 160—166.

44. **Александровичъ М. Н.** Кафельные памятники XVIII вѣка (посмертная замѣтка) 1883, 1, 211—213.

45. **Антоновичъ Б.** Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли (съ картой) 1884, 3, 355—370.

46. **Антоновичъ В.** Изъ археологической экскурсіи, село Кальникъ и его памятники старины 1887, 8, 761—765.

47. **Антоновичъ В.** Забытый городъ (изъ археологической экскурсіи) 1888, 4, 24—27.

48. **Антоновичъ В.** Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и мюнцъ—кабинетѣ университета св. Владимира 1888, 7, 117—132.

49. **Антоновичъ В.** Вопросы по археологіи и исторіи южной Руси, обсуждавшіеся на 3 археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ 1899, 8, III—VII.

50. **Антоновичъ В.** Замѣчательный

кладъ. 1899, 10, 1—2. (Д).

51. **Антропологическій** типъ малороссовъ (предварит. сообщ.) 1895, 6, 323—331.

52. **А. С.** Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ 1894,—4, 174—175. (Д.).

53. **Археологическая** лѣтопись (къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и случайныя находки) 1901, 11, 137—152.

54. **Археологическія** экскурсіи 1896, 1, 20—21. (Д.).

55. **Археологическія** изслѣдованія и раскопки 1901, 9, 139—149. (Д.).

56. **Археологическія** изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 10, 56—64. (Д.).

57. **Б. Н.** Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей 1891, 11, 292—295.

58. **Багалѣй Д. И.** проф. Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губ. 1901, 10, 53—56.

59. **Багалѣй Д. И.** VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ 1890, 3, 464—484.

60. **Багалѣй Д.** О децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ 1893, 2, 346—355.

61. **Банай Николай.** Уцѣлѣвшіе остатки архива К. Г. Разумовскаго 1886, 12, 743—746.

62. **Бны—нъ В.** Надгробный запорожскій крестъ 1886, 3, 603.

63. **Бо—скій Н.** Бурты (чигир. у), какъ мѣсто археологическихъ находокъ 1896, 7—8, 9—12. (Д.).

64. **Боронковскій В.** Слѣды древнихъ поселеній 1892, 4, 122—123. (Д).

65. **Бѣлецкій-Носенко А.** „Зміевый валъ" въ Черниговской губ. 1898, 3, 95—98. (Д.).

66. **Бумаги** государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи 1896, 5, 53—54. (Д.).

67. **Бѣляшевскій.** 1900 г. въ археологическомъ отношеніи 1901, 1, 53—64, 2, 121—130, 3, 197—205, 5, 130—137. (Д.).

68. **Бѣляшевскій Н.** Замѣчательный кладъ великокняжеской эпохи 1901, 10, 120—132.

69. **Бѣляшевскій Н.** Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины, 1902, 5, 148—156. (Д.).

70. **Бѣляшевскій Н.** 1901 годъ въ археологическомъ отношеніи 1902, 1, 59—62. (Д.).

71. **Бѣляшевскій Ник.** Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ 1891, 3 433—444.

72. **Бѣляшевскій Н.** Княжа гора 1890, 12, 494—503.

73. **Бѣляшевскій Н.** Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева 1890, 4 1—21.

74. **Бѣляшевскій Н.** Церковище возлѣ дер. Монастырскъ, Канев. у., Кіевской губ. 1889, 1, 210—213.

75. **Бѣляшевскій Н.** Могильникъ въ урочищѣ Остроня, близъ г. Заславля Волынск. губ. 1888, 10, 31—35.

76. **Бѣляшевскій Н.** Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ 1888, 9. 77 78.

77. **Бѣляшевскій Н.** Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ. 1888, 8, 53—55.

78. **Бѣляшевскій Н.** Клады великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ 1888, 7, 136—143.

79. **Бѣляшевскій Н.** Археологическій

съѣздъ въ Кіевѣ 1899, 10, 107—120; 11, 270—276; 12, 399—412.

80. **Бѣляшевскій Н**. Раскопки на Княжей горѣ въ 1891 г. (съ 2 таблицами снимковъ) 1893, 1. 61—104.

81. **Бѣляшевскій Ник**. Раскопки на Княжей горѣ въ 1892 году 1893, 4, 134—142.

82. **Бѣляшевскій Н**. Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ 1895. 5, 58—61. (Д.).

83. **Бѣляшевскій Н**. Археологическій съѣзъ въ Ригѣ 1896, 10, 20—64.

84. **Бѣляшевскій Н.** Случайныя находки на Княжей горѣ въ 1893 г. 1894, 5, 308—317.

85. **Бѣньковскій И**. Складъ древняго оружія въ д. Григоровкѣ 1904, 6, 116—117. (Д.).

86. **В. П**. Въ с. Субботовѣ памятники старины 1892, –3, 484—486. (Д.).

87. **В. Я**. Разоренная могила 1898, 9. 80—82. (Д.).

88. **В.—ій Д. К.** Нѣчто о древнихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Васильевки, Полтавской губ. Хорольскаго уѣзда, 1895. 1, 5—6. (Д.).

89. **Волковъ Ѳ**. На Черноморьѣ палеолитическая стоянка 1899, 6. 167—168. (Д.).

90. **Волковъ Ѳ**. По поводу нашихъ Неолитическихъ находокъ съ церамикой домикенскаго типа 1900. 7—8, 235—245.

91. **Г**. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской 1890, 10, 123—134.

92. **Г.** Старинная Южно-Русская ґравюра 1890, 1, 47—59.

93. **Г. Ѳ.** Урны съ жженными человѣческими костями въ Хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ 1890, 9, 504—505.

94. **Гавриловъ М**. Уцѣлѣвшая старина 1883, 8, 757—760.

95. **Галагановскій**. Фамильный архивъ 1883, 11, 452—469.

96. **Городище** у с. Сахновки Черкас. у. 1899, 7, 39. (Д.).

97. **Данилевичъ В. Е**. Стоянка и мастерская каменнаго вѣка Могилевской губерніи, изслѣдованіе лѣтомъ 1893 г. 1895,—4, 12—18. (Д.).

98. **Дверницкій Е**. Археологическія изслѣдованія въ г. Владимирѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ 1887, 1, 36—50).

99. **Доманицкій В. Н**. Раскопки въ Кіевской губ. 1899, 9, 134—136. (Д.).

100. **Древности** Екатеринославской губ. 1902,—3, 236—237. (Д.).

101. **Дѣвичья** гора у с. Сахновки, Черкас. у. 1899, 9, 136—137. (Д.).

102. **Еврейская** торговля антикварными рѣдкостями 1891, 6, 488—489.

103. **Егоровъ И**. Село Курень и его старина 1904, 1, 135—140.

104. **Ефименко П**. Архивъ малороссійской коллегіи при Харьковскомъ Университетѣ 1882, 1, 193—198.

105 **Еще** одинъ изъ кіевскихъ валовъ 1896, 1, 22—23. (Д.).

106 **З**. Раскопка кургана близь с. Рыжановки звенигородскаго уѣзда Кіевской губ. 1885, 8. 727—729.

107. **Завитневичъ В. З.** Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ 1890, 5, 255—267.

108. **Зарѣцкій И. А**. Замѣтка о его альбомѣ украинскихъ древностей Д. Багалѣя (статья) 1888, 12. 148—149.

109. **Изслѣдованія** и раскопки (Роменскій у Полтав. губ.) 1902, 1, 67—68.

110. **Макаренко Н.** Письмо въ редакцію объ этой замѣткѣ 1902, 3, 242, (Д.).

111. **Изслѣдованіе** стоянки Каменнаго вѣка въ с. Городкѣ Ровенскаго у. Волынской губ. 1899, 2, 101—102. (Д.).

112. **Къ** Исторіи Кіевской археологической коммиссіи 1893, 12, 495—497. (Д.).

113. **Къ** археологическому съѣзду въ Харьковѣ, ученыя общества, изслѣдованія, раскопки и находки 1901, 12, 193—214. (Д.).

114. **Къ** вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала 1896, 1, 21—22. (Д.).

115. **Къ** вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ 1891, 10, 136—137.

116. **Къ** свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ 1891, 4, 167—168.

117. **Кіева** старый планъ 1899, 7, 32—33. (Д.).

118. **Кіевской** археографической коммиссіи 250-ти лѣтн. юбилей 1893; 11. III—VI.

119. **Клады** въ Кіевѣ и его окрестностяхъ 1883 6 387—392, 7, 592—594; 8, 770—773.

120, „**Княжа** гора“ городище у с. Пекарей Черкас. у. 1899, 2, 103—104. (Д.).

121. **Ковалевскій А.** Къ исторіи малороссійскихъ оффиціальныхъ архивовъ 1894, 3, 557—558. (Д.)

122. **Константиновичъ М.** Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ 1896, 11, 129—136.

123. **Корсунъ Г.** Находка плитъ въ м. Вороньковѣ Переяслав. у. Полт. губ. 1902, 3, 243—244. (Д.).

124. **Кудлаевичъ** Петръ. Земляные валы близь села Кудинки (Летичевскаго уѣзда, Подольской губ.) 1882 г. 6 535—543.

125. **Курганъ** въ Ананьевскомъ у. 1902, 3, 244. (Д.).

126· L. Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иванишева 1890, 3, 533—537.

127. L. Заславская легенда (о мѣстныхъ развалинахъ) 1898, 6, 83—85. (Д.).

128 **Л. П.** Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго 1889, 1, 213—217.

129. **Лазаревскій** А. Сулиминскій фамильный архивъ 1882, 11, 292—327.

130. **Лебединцевъ Г.** Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи (изъ письма въ редакцію) 1885, 2, 403—406.

131. **Левицкій.** Ор. замка древняго въ Подоліи истребленіе 1899, 10, 15—16. (Д.).

132 **Линниченко** И. Л. Архивы въ Малороссіи (съ прилож. акта о смерти Шуйскихъ) 1888, 8, 349—380, 10, 193—214.

133. **Линниченко** И. Архивы въ Галиціи 1888, 8, 349—390.

134. **Лобода Ѳ.** Изъ археологической экскурсіи въ г. Владимиръ Волынскій 1886, 8, 766—769.

135. **Лонаневскій А.** Археологическая находка въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи 1885, 3, 573—577.

136. **Любецкій** Архивъ графа Г. А. Милорадовича въ приложеніи за 1895 г. 2, 3, 4; 1896. 1, 4, 5, 7—8, 10; 1898, 2, 3, 6.

137. **Ляскоронскій** Вас. Остатки древняго лукомльскаго городища въ м. Лукомьлѣ, Лубенскаго уѣзда Полт. губ. 1893, 9, 426—437.

138. **Ляскоронскій** В. Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ Полт. губ. въ урочищѣ Лысая гора (съ 3 таблиц. и планомъ) 1892; 11, 263—278.

139. **Ляскоронскій** В. Остатки древняго городища въ м. Снѣтинѣ, Лубенскаго у., Полтавской губ. 1896, 12, 327—336.

140 **М.** раскопки на Кириловской ул. въ Кіевѣ 1899, 1, 42—43. (Д.).

141 **М. К.** раскопки у с. Пастерскаго, Чигиринскаго у., Кіевской губ. 1899, 1, 44—45. (Д.).

142 **М—чъ** В. Изъ старыхъ бумагъ Холмскаго архива 1883, 2, 453—460.

143 **Малинка**. Изслѣдованія, раскопки и случайныя находки 1901, 6, 203—209. (Д).

144. **Мердеръ** А. Мелочи архивовъ юго-западнаго края: Золотые пятаки въ 60-хъ годахъ 1900, 1, 1. (Д).

145. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Намогильный крестъ въ Арбахъ, какъ документъ 1900, 2, 68—70. (Д).

156. **Мердеръ** А. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края: Бердичевскія подземелья (извлечено изъ архивнаго дѣла) 1900, 6, 144—146. (Д).

147. **Мердеръ** А. Тріумфальныя ворота въ г. Кіевѣ 1900, 10, 21—22. (Д),

148. **Мищенко** Ѳ. къ вопросу о царскихъ скиѳахъ 1884, 5, 55—76.

149. **Могила** подъ Любаремъ 1901, 2, 83—84. (Д).

150. **Молотовскій** кладъ (въ восточн. Галиціи) 1899, 5, 110—112. (Д).

151. **Молчановскій**. Н. Письмо къ редактору изъ Стокгольма (о бумагахъ шведскаго государствен. архива по исторіи Малороссіи) 1899, 4, 75—89.

152 **Мякотинъ** В. архивъ генеральнoго войскового суда 1898, 11, 137—149.

153. **Н. Б.** Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. 1902, 11, 326—334; 12 480—491.

154. **Н. Б.** у м. Триполья, Кіевскаго у. раскопки 1899, 1, 43—44. (Д).

155. **Н. Б.** археологическій съѣздъ въ Вильнѣ 1893, 10. 55—79.

156. **Н. Б.** Циркуляръ Херсонскаго губернатора (о сохраненіи древностей 1895,—6, 112—113. (Д).

157. **Н. В.** къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. Судьба Румянцевской Описи Малороссіи 1892. 12, 453—461. (Д).

158. **Науменко** В. Вопросы по южно-русской Этнографіи и древней литературѣ, обсуждавшіеся на 3 археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. 1899, 8. VIII—XIV.

159. **Находка** въ городищѣ „Княжа гора". 1899, 5, 112—114. (Д).

160. **Находка** у с. Кончи Черкас. у на городищѣ 1899, 10, 50—51. (Д).

161. **Находка** римскихъ монетъ 1898, 4. 12—13. (Д).

162. **Нейманъ** Ц. Разграбленіе большого кургана „Огюзъ" близъ села Нижнихъ Сѣрогозъ Мелитопольск. у. 1902, 4, 159—172.

163. **Новицкій** Ив. Старинныя орудія, наказанія и исправленія 1885,—11, 551—554.

164 **О. Л.** Историко-статистическіе матеріалы, своевременно не переданные въ Кіевскій центральный архивъ 1894, 11, 304—305. (Д).

165. **О. Л.** Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 г. 1899, 1, 5—8. (Д).

166. **Онацкій** Д. Вниманію археологовъ 1887,—2, 366—368.

167. **Падалка** Л. Каменный затонъ и бѣлозерское городище на Днѣпрѣ съ картой 1891, 12, 384—390.

168. **Падалка** Л. Надъ великимъ лугомъ Днѣпровскимъ (изъ путевыхъ замѣтокъ) 1897, 5, 300—315.

169. **Падалка** Л. Историческіе матеріалы архива Полтавской Казенной Палаты 1885, 10, 333—338.

170. **Падалка** Л. Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ Полтавской губерніи, и надъ рѣкою Высью на границѣ Кіевской и Херсонской губ. 1895, 4, 102—113.

171. **П-но** Вл. Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ 1905, 2, 136—138. (Д).

172. **Подземные** ходы въ Умани 1896, 1, 23—24. (Д).

173. **Памятники** древности въ окрестности Корсуня 1887, 10, 371—376.

174. **Петровъ** Н. О подземельи въ Кіевѣ возлѣ Б.-Житомирской и Б.-Владимирской улицъ 1902, 6, 157—161. (Д).

175. **Петровъ Н.** О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу Мудрому 1890, 12, 507—510.

176. **Площадки** съ росписными сосудами въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ Кіевской губ. 1899,—11, 104—106. (Д).

177. **Прилучанинъ**. Какъ у насъ уважаютъ памятники прошедшаго 1893, 1, 167—169. (Д).

178. **Программа** для собиранія свѣдѣній объ архивахъ 1898, 7—8, 25—28. (Д).

179. **Раскопки** на городищѣ „Княжа гора" 1899, 5, 109—110. (Д).

180. **Раскопки** кургановъ у с. Волковцы Роменскаго у. Полтавской губ. 1899, 9, 133—134. (Д).

181. **Раскопки** кургановъ въ Роменскомъ у. Полтавской губ. у сс. Волковцы и Великія Будки 1899, 4, 55—56. (Д).

182. **Раскопки** кургана при д. Луговкѣ, Мглинск. у. Черниго. губ. 1902,—4, 79. (Д).

183. **Раскопки** на верхней Юрковицѣ въ Кіевѣ. 1899, 6, 168—172.

184. **Раскопки** въ с. Ромашкахъ, Васильковскаго у. Кіевской губ. 1899, 6, 173. (Д).

185. **Раскопки** кургановъ у д. Луковки, Звенигородскаго у. Кіевской губ. 1899, 4, 54—55. (Д).

186. **Раскопки** кургановъ при сс. Райгородъ и Пруссы Черкаскаго у. Кіевской губ. 1899, 7, 35—36. (Д).

187. **Раскопки** близъ Екатеринослава 1902, 7—8, 25—26. (Д).

188. **Раскопки** близъ м. Каменки Ольгоп. у. Подольск. губ. 1899, 9, 132—133. (Д).

189. **Раскопки** у д. Приворотья-Маковскаго Кам.-Подольскаго у. 1899. 2. 99—101. (Д).

190. **Раскопки Д.** Эварницкаго въ Мелитоп. у. Таврической губ. 1902, 10, 28—29. (Д).

191. **Раскопки** Ковалева Кургана въ Ольгопольской волости Елисаветградскаго у. 1902, 11 111—112. (Д).

192. **Раскопки** въ с. Веселомъ Мелитопольскаго уѣзда проф. Д. Эварницкаго 1902, 11, 112—113. (Д).

193. **Раскопки** кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя Херсонской губ. 1899, 5, 107—108. (Д).

194. **Раскопки** въ с. Казацкомъ Херсонск. у 1899, 11, 103—104. (Д).

195. **Раскопки** у Андреевки, Елисаветградск. у. Херсонской губ. 1899, 4, 56—57. (Д).

196. **Раскопки** Кургановъ у. д. Самбросовки. Алекс. у. Херсонской губ. 1899, 7, 37—38. (Д).

197. **Раскопки** въ Херсонесѣ 1899, 4, 57—58. (Д).

198. **Раскопки** близъ с. Кулишовки Золотон. у. Полт. губ. 1899, 9, 131—132. (Д).

199. **Романовичъ**-Славатинскій А. Воспоминаніе объ архивѣ государственнаго совѣта 1888, 6, 409—458.

200. **Рѣдкая** древняя надпись 1882, 7, 190—192.

201. **С. А.** Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ 1883, 3, 687—688.

202. **Сапожниковъ** къ исторіи Кіевскихъ золотыхъ воротъ 1886, 5, 163—168.

203. **Святославскій** И. Я. Два памятника Полтавской побѣды въ Бѣлогородщинѣ 1886, 6, 378—381.

204. **Синицкій** Д. А. Любопытныя рукописи одной частной библіотеки 1885, 10, 338—342.

205. **Свѣдѣнія** объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ 1901, 4, 12—13. (Д).

206. **Смѣна** доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ 1900, 5, 73—76. (Д).

207. **Содержаніе** одного изъ чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи 1891, 1,174—176.

208. **Соколовъ** В. Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ 1892, 8, 225—245.

209. **Степовичъ** А. Лебединскій Будынокъ 1895,—11, 45—47. (Д).

210. **Стоянка** палеолитической эпохи у с. Селища, Каневск. у. Кіевской губ. 1902, 4, 78—79. (Д).

211. **Старинные** тракты, или дороги въ Южной Россіи 1882, 6. 543—546.

212. **Танковъ** А. А. Идолъ купалы въ г. Ахтыркѣ 1897, 6, 100—102.(Д).

213. **Твердохлѣбовъ** А. Осколки старины въ Зѣньковскомъ уѣздѣ 1905, 7—8, 59—74.

214. **Уваровой** П. С. граф. заключительный докладъ на XI археологич. съѣздѣ 1899, 9, 401—418.

215. **Х**. Замѣтка объ археологической выставкѣ VII съѣзда въ Москвѣ 1890, 2, 347—349.

216. **Ханенко** А. Археологическая находка въ Черниговѣ 1883, 5, 174—178.

217. **Хатемкинъ**. Къ памятникамъ недавней стороны въ г. Козельцѣ 1898, 12, 413—424.

218. **Ч. В**. Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ 1888, 9, 73—75.

219. **Ч. Н**. Археологическая находка 1887, 10.—381—383.

220. **Черниговскіе** архивы 1902, 2, 90—92. (Д).

221. **Шестой** археологическій съѣздъ въ Одесѣ 1884, 10, 337—346.

222. **Шляпкинъ** И. Интересная надпись 1890, 11, 333.

223. **Щербина** В. Нѣсколько словъ о валѣ въ Кудрявскомъ переулкѣ 1895, 11, 56—58. (Д).

224. **Зварницкій** Д. Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ (изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ) 1886, 1, 41—90.

225. **Зварницкій** Д. Раскопка кургана въ д. Вороной 1885, 8, 722—727.

226. **Эварницкій** Д. И. Раскопка кургана „Мухина гора„ 1885, 8, 707—722.

227. **Эварницкій** Д. И. Запорожская пещера надъ Днѣпромъ. 1885, 5, 167—170.

228. **Яроцкій Я**. Цыганская гора вблизи с. Толкачей, Овручск. у., Волынской губ. 1902, 3, 240—242. (Д).

II. Исторія и историческія матеріалы.

А) ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

229. **А.** Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.) 1893, 4, 156—161. (Д).

230. **А. А.** Просьба объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в. 1891, 9, 492—493.

231. **А. А.** Митрофанъ Коринфскій митроп., въ Кіевѣ (1728—33) 1892, 5, 291—293. (Д).

232. **А. А.** Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церки въ с. Бортничъ (1796 г.) 1892, 5, 293—294. (Д).

233. **А. А.** Арестованіе водки, везенной изъ Полтавскаго монастыря въ Кіевск. Канцелярію „на поклонъ" (1775 г.) 1893, 2, 378. (Д).

234. **А. А.** Изъ прошлаго Кіево-Межигорскаго монастыря. 1894, 5, 356—357. (Д).

235. **А. А.** Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для предворной капеллы (въ 1758 г.) 1891, 3, 512—513.

236. **А. В.** Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (Къ исторіи Сатановскаго монастыря Подольской епархіи). 1882, 2, 418—425.

237. **Актъ** объ избраніи сельскаго священника, 1713 г. 1898, 1, 11—12. (Д).

238. **А. Л.** Изъ отношеній Печерской Лавры къ Кіевской митрополіи въ XVIII в. 1894, 7, 100—101. (Д).

239. **А. Л.** Изъ жизни Печерской Лавры 1894, 10, 154—155. (Д)

240. **А. Л.** Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1838 г. 1896, 4, 2—8. (Д).

241. **А. Л.** Къ исторіи Малорусскаго духовенства 1896, 6, 88—90. (Д.).

242. **А. Л.** Келія св. Димитрія Ростовскаго 1898, 6, 85—86. (Д).

243. **А—скій Ал.** Васильковская таможня и городничіе монахи. 1883. 1, 193—202.

244. **Андреевскій А. М.** Предложеніе гетмана Мазепы Кіевскому войту и магистрату 1702 года (о не утѣсненіи причта и прихожанъ Успенской церкви г. Кіева) 1884, 9, 132—136.

245. **Андріевскій Ал.** по поводу возстановленІя Кіево-Межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи. 1885, 9, 178—183.

246. **Арсеній** архимандритъ. Попытка основанія православной архіерейской кафедры въ Немировѣ въ XVIII ст. 1883, 4, 883—893.

247. **Архангельскій.** Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI ст. (Историческій очеркъ) 1886, 5—6, 44—78, 237—266.

248. **Береза К.** Выборные священники 1882, 4, 166—168.

249. **Береза К**. Архіерейскія печати 1882, 5, 225—240.

250. **Береза К**. Изъ посмертныхъ бумагъ Могилевскаго архіепископа Анатолія Мартиновскаго. 1884, 6, 210—238.

251. **Береза К**. Записки Преосвященнаго Анастасія, Архіепископа Могилевскаго (о сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края). 1887, 2, 313—338.

252. **Берхинъ** Іона. Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣръ. 1884, 12, 568—585.

253. **Борзаковскій П**. Майскія рекреаціи въ бурсѣ. 1896, 4, 176—205.

254. **Бѣлящевскій Н**. къ истореи Кіевской Академіи Кононъ Зотовъ въ Кіевской Академіи. 1893, 9, 438—439. (Д).

255. **Бѣляшевскій Н**. Вызовъ Кіевскихъ монаховъ и спеваковъ въ соборъ. 1893, 9, 439;—10, 167. (Д).

256. **Булаковъ Д**. Изъ галлереи отжившихъ типовъ. Дмитріево свапскій протопопъ Гомоновъ. 1903, 6, 423—455.

257. **Бучневичъ В. Е**. колоколъ „Кизикерманъ" 1896, 12, 747—749.

258. **В. А**. Изъ записной книжки Южно-русскаго священника 1725 г. 1886, 9, 191—194

259. **Василенко В**. Остат. братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ. 1885, 9, 159—171.

260. **Васильевъ** Михаилъ. Преданія о Лебединскомъ монастырѣ въ селѣ Лебединѣ 1887. 4, 784—788.

261. **В. Г**. Договоръ священника съ прихожанами сто лѣтъ назадъ. 1893, 11, 325. (Д.).

262. **В. Д**. Къ малорусскому переводу Евангелія 1903, 1, 10—11. (Д).

263. **Вишневскій** Д. Изъ быта студентовъ старой Кіевской Академіи. 1896, 1. 32—57; 2, 177 -208; 3, 309—333.

264. **Вишкевскій** Д. Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. 1896, 6, 79—86. (Д).

265. **Вишневскій** Д. Искра Гавріилъ монахъ риторич. учитель Черниг. коллегіума и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской Академіи Георгіемъ Донисскимъ 1897, 9, 60—67. (Д).

266. **Вишневскій** Д. Екатерины царицы письмо къ Кіевскому Митрополиту Іоасафу Кроковскому 1902, 5, 86. (Д).

267. **Вишневскій** К. Общее направленіе образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣ. 1904, 2, 179—200.

268. **В—ій** Д. К. Случай изъ гувернерской жизни (страничка изъ исторіи Переяславской Семинаріи за первую половину XVIII вѣка 1895, 1, 6—9 (Д).

269. **Воспрещеніе** воспит. Кіевской Духовной Академіи и Семинаріи посѣщать Царскій садъ. 1902, 4, 17—18. (Д).

270. **Востоковъ** А. Жалоба Роменскаго духовенства на протопопа Мартына Самойлова. 1887, 5, 189—195.

271. **Востоковъ** А. Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ Кіево-Печерскаго Монастыря 1887, 7, 573—576.

272. **В. П**. О расширеніи предѣловъ Переяславской Епархіи въ 1756—1757 годахъ 1904, 12; 146—168. (Д).

273 **В. С.** Гавріила Кіевскаго Митрополита Пастырская увѣщательная грамота. 1902, 5, 95—98. (Д).

274. **V**. На пути въ Іерусалимъ (листокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1744 года). 1887, 5, 204—206.

275. **Галонтъ** Л. В. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могипа и его отношенія къ евреямъ. 1905, 5, 149—152. (Д).

276. **Г. Б**. Рогачевскій Иванъ, Лохвицкій протопопъ, и сынъ сотника Данило Забѣла въ Архангельской ссылкѣ въ 1713—1721 г. г. 1902, 6, 333—346.

277. **Гетманскіе** Проповѣдники (письмо Кіевскаго митрополита Тимофея Щербацкаго къ гетману Разумовскому съ посылкой проповѣдника) 1890. 1, 118—119.

278. **Г. К**. Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонисія Жабокрицкаго 1904, 4, 1—3. (Д).

279. **Гл.** Л. Къ Исторіи Кіевскихъ женскихъ монастырей 1896, 4, 9—13. (Д).

280. **Голицынъ** Н. С. Кн. Почаевская Успенская Лавра въ концѣ іюля 1855 года. 1882, 6, 365—380.

281. **Голомбіовскій** А. Изъ Кіевскаго прошлаго (слухъ о намѣреніи правительства „разорить“ Межигорскій монастырь). 1892, 7, 451—453. (Д.).

282. **Голомбіовскій** А. Греческіе епископы самозванцы въ Россіи въ XVIII в. 1894, 5, 332—341.

282. **Голоса** духовенства объ украинскомъ переводѣ Еаангелія 1902, 4, 22—23, (Д).

284. **Голубевъ** С. Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи (къ вопросу о томъ, можетъ ли Кіевская Академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). 1885, 1, 85—116.

285. **Голубевъ** С. Очерки изъ исторіи Кіевской духовной Академіи за XVIII столѣтіе. 1889, 4, 1—26.

286. **Голубевъ** С. Западно-русская церковь при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ. 1898, 1, 1—34; 2, 240—264; 4, 397—420; 4, 26—50; 5, 202—221. 6, 309—346.

287. **Г. П.** 800 лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіевской лаврѣ. 1889, 9, 777—779.

288. **Грамота** патріарха Адріана Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому (по жалобѣ Кіевскаго войта и мѣщанъ на незаконныя нѣкоторыя распоряженія митрополита) 1885, 9, 139—144.

289. **Гр. Моз**. Гайдамацкія движенія XVIII ст. и монахи кіевскихъ монастырей 1893, 5, 228—242.

290. **Г—скій** А. Изъ прошлаго Кіево-Печерской лавры 1892, 4, 126. (Д).

291. **Дабижа** Александръ князь. Малороссійская обитель на Аѳонѣ (есть рисунокъ) 1893, 1, 34—40.

292. **Д. В.** Кіевскій Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій и его мѣры къ исправленію духовенства 1899, 3, 397—423.

293. **Д. Е.** Владиміро-Волынскій Мстиславскій соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе (корреспонденція „Кіевск. Стар.“) 1886, 4, 837—839.

294. **Давно** забытая древнѣйшая Кіевская святыня 1884, 11, 534—541.

295. **Два** документа по дѣлу передачи Почаевской лавры изъ вѣдѣнія

уніатовъ въ вѣдомство православное 1882, 9, 486—502.

296 **Два** документа о хозяйствѣ Кіевскихъ монастырей въ половинѣ XVІІІ ст. 1883, 8, 719—734.

297. **Два** документа къ исторіи 19 февраля 1861 года:

1) Циркулярное письмо канцеляріи оберъ-прокурора Свят. Синода епархіальнымъ архіереямъ.

2) Циркуляръ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи, разосланный съ резолюціей митрополита духовенству Кіевской епархіи 1901, 3, 132—140. (Д.).

298. **Двѣ** записки Дмитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ Елецкаго Черниговскаго монастыря 1882,10, 170—173.

299. **Для** исторіи Переяславской бурсы при Епископѣ Іовѣ Базилевичѣ (1771) 1091, 11, 76—78. (Д.).

300. **Для** исторіи церковнаго прихода 1901, 11, 80—83. (Д.).

301. **Для** исторіи церковнаго прихода 1901, 9, 78—82. (Д.).

302. **Добавка** къ замѣткѣ о спискѣ студентовъ Кіевской Академіи 1779 г. 1902, 3, 163. (Д.).

303. **Довнаръ**-Запольскій М. Къ исторіи Люблинской уніи 1896, 2, 56—59. (Д.).

304. **Документы** братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ 1882, 7, 149—159.

305. **Доманицкій** В. Неудачное вѣнчаніе монаха 1901, 5, 74—75. (Д).

306. **Доманицкій** В. Похищеніе священническаго чина внѣ отечества 1903, 7—8, 15—17.

307. **Доманицкій** В. Два указа Митрополита Рафаила Заборовскаго (1733 и 1735 г. г.) 1904, 7—8, 7—10. (Д.).

308. **Дриженко** А. Старинная церковная утварь въ с. Позникахъ Лохвицкаго уѣзда 1903, 9, 102—104. (Д.).

309. **Дурново** Н. Холмская Русь и причины отпаденія отъ православія 1905, 7—8, 66—69. (Д.).

310. **Дьячки** старой Малороссіи 1897, 11, 38. (Д.).

311. **Е. А.** Архіерейскій подарокъ 1888, 12, 129—135.

312. **Европейскій** баптизмъ-родоначальникъ малорусской штунды 1885, 12, 639—650.

313. **Егоровъ** Іоаннъ. Синодикъ, писанный съ 1734 по 1813 г. 1903, 113—114. (Д.).

314. **Егоровъ** Иванъ. Оригинальная доставка церковнаго колокола 1905, 3, 226—230. (Д.).

315. **Егоровъ** Н. Страничка изъ жизни духовенства въ старой малороссіи (село Курень, Конот. у.) 1904, 10, 16—20 (Д.).

316. **Ефименко** П. Братство и союзы нищихъ 1883, 9—10, 312—317.

317. **Ефименко** П. Присяга духовенства 1884, 5, 151—153.

318. **Заботы** о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія 1899, 12, 130. (Д.).

319. **Заказъ** Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 г. 1896, 6, 73—79. (Д.).

320. **Залѣсскій** Аполинарій. Южнорусскіе священники, отыскивающіе права дворянства 1885, 5, 175—179.

321. **Запрещеніе** протопопамъ и намѣстникаиъ брать съ приходскихъ священниковъ „ралціевыя деньги„ 1903, 12, 139 (Д.).

322. **Ивановъ** П. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новорос-

сію при Екатеринѣ II 1891, 5, 288—297.

323. **Изъ** исторіи Кіевской Академіи (В. Серебренниковъ Кіевск. ак-я съ половины XVIII в. до преобразов. въ 1819 г.) 1897, 12, 351—369.

324. **Историческая** святыня (крестъ Розумовскаго) 1902, 2, 107—108 (Д.).

325. **Каманинъ** И. Къ исторіи Кіево-Печерской Лаврской типографіи 1894, 8, 276—278. (Д.).

326. **Каманинъ** И. Борисоглѣбская школа 1895, 10, 10. (Д.).

327. **Каманинъ** И. Изъ Помянника Кіево-Софійскаго собора 1897, 10, 7—9 (Д.).

328. **Каманинъ**. Склепы въ Великой Лаврской церкви 1895, 10, 9—10. (Д.).

329. **Каманинъ** И. Черты изъ быта духовенства XVIII в. 1896, 1, 16—18. (Д.).

330. **Каневская** соборная церковь 1899, 5, 79—81. (Д.).

331. **Китицынъ** П. Священникъ, преданный суду за возмущеніе крестьянъ гр. Разумовскаго 1902, 7—8, 4—6. (Д.).

332. **Кіево** Братскаго монастыря дача Церковщина 1899, 6, 174—175. (Д.).

333. **Кіево**-Печерская Лавра въ ея прошедщемъ и нынѣшнемъ состояніи 1886, 5, 7, 8, 10, 11, 26—43, 293—306, 386—409, 613—618, 252—264, 500—519.

334. **К—ій** Ѳ. Индульгенція 1892, 11, 293—294. (Д.).

365. **Клебановскій** П. Богуславскій монастырь и его тяжелые дни (1808—1860 г.) 1892, 8, 217—224.

336. **К. О.** „Писанный крестъ“ 1887 11, 585—586.

337 **Коваленко** Гр. Грамота св. Ѳеодосія, архіепископа Черниговскаго. 1905, 5, 158—159 (Д.).

338. **Кому** въ дѣйствительности принадлежитъ проэктъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ ю. з. краѣ 1900, 11, 69—71. (Д.).

339. **Контратъ** на постройку церкви конца XVIII вѣка 1884, 3, 422—424.

340. **Короленко** В. Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720) 1906, 7—8, 71—74. (Д.).

341. **Кравченко** К. О ново открытомъ славянскомъ богѣ Раѣ 1886. 9, 163—171.

342. **Крыжановскій** Е. Замѣтка на замѣтку о Почаевской Лаврѣ 1882, 11, 373—382.

343. **Кудринскій** Ѳ. Возсоединеніе уніатовъ въ м. Ратномъ Волынской губ. въ 1838 г. 1892, 3, 409—438.

344. **Кудринскій** Ѳ. Судьба Экзарха Никифора въ зап. Россіи 1895, 6, 399—419; 7, 1—19.

345. **Кудринскій** Ѳ. Дѣло о притѣсненіи православныхъ священниковъ со стороны польскаго пана (при Георгіи Конисскомъ) 1898, 7—8, 14—18. (Д).

346. **К—тъ** В. Давнишняя справка о крестномъ ходѣ въ г. Березенъ. 1887, 3, 581—583.

347. **Къ** бытовой исторіи малорусскихъ монастырей 1901, 2, 74—75. (Д.).

348. **Къ** изданію Евангелія на украинскомъ языкѣ. 1906. 3—4. 90—91. (Д.).

349. **Къ** исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи 1897, 9, 67—70. (Д.).

350. **Къ** исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни (Ре-

золюціи Модеста, архіеп. Волынскаго 1890—1891). 1901, 10, 15—18. (Д).

351. **Къ** исторіи Южно-Русскихъ братствъ (Основаніе церкви и братства при ней въ м. Срібномъ Полт. губ. Прилукскаго уѣзда). 1886, 9, 183—191.

352. L. Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. 1887, 5, 185—189.

353. L. По Пирятинскому уѣзду (кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства). 1887, 4, 790—794.

354. **Л. А**. Еще свѣлѣніяо „дикомъ попѣ". 1887, 11, 577—580.

355. **Л. А**. Къ исторіи Кіевскаго Паломничества. 1890, 9, 476—497.

356. **Л. А**. Къ исторіи церквей города Остра. 1891, 11, 299—300.

357 **Лашкевичъ Ал**. Кіевскій пещерникъ XVIII ст. (подвижникъ Косифей). 1884, 7, 541—543.

358 **Л—въ П.** Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. 1884, 7, 545—546.

359 **Л—въ П**. Баптизмъ, или штунда, въ Кіевской губерніи. 1885, 3. 491—518.

360 **Л—въ П.** Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей, въ Кіевѣ. 1887, 12, 779—782.

361 **Л—въ П.** Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды въ Россіи. 1884, 10, 304—320.

362 **Лебедевъ Амф**. О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи Бѣлгородской съ суевѣріями .1890, 1, 21.

363 **Левицкій О.** Южнорусскіе архіереи въ XVI—XVII в. 1882. 1, 49—100.

364 **Левицкій Ор**. Социніанство въ Польшѣ и Юго-Западной Руси. 1882, 4, 5, 6, 25—57; 193—224; 401—432.

365 **Левицкій О**. Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII в.в. 1884, 8, 627—654.

366 **Левицкій Ор**. Кандидатъ на священство изъ „Шкурниковъ". 1904, 4, 104—113.

367 **Левицкій** О. Украинское Евангеліе. 1905, 10, 30. (Д).

368 **Левицкій** Памфилъ Прошлое Переяславскаго духовнаго училища (бывшей Переяславской семинаріи) 1889, 2, 424—444.

369 **Леонидъ Архим.** Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго 1890, 11, 326.

370 **Лилеевъ** М. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. 1889, 8, 9, 376—401; 597—614.

371 **Липковскій** В. прот. Дѣло о суевѣріи священника (1805). 1901, 12, 329—345.

372 **Личковъ** Л. О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь въ 1770 г. 1901, 1, 6. (Д).

373 **Личковъ** Л. О зачисленіи „черногорскаго шляхетства молодыхъ людей" въ студенты Кіевской академіи въ 1757 г. 1901, 1, 6—7. (Д).

374 **Л—ій.** Къ исторіи учрежденія семинаріи въ Переяславѣ. 1888. 1—3, 35—36—39.

375 **Л. М**. Къ Характеристикѣ русской церковно-бытовой жизни въ первой трети XIX вѣка. 1904, 12, 408—443.

376 **Л. О**. Кіево-Выдубецкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль. 1882; 11, 285—291.

377 **Л. О.** Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала. 1891, 9, 489—491.

378 **Л. П.** Почему Десятинная церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая 1883, 8, 755—757.

379 **Л. П.** Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ. 1885, 1 177—182.

380 **Л. П.** Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи (отвѣтъ С. Т. Голубеву). 1885, 2, 268—281.

381 **Л. П.** Когда и гдѣ совершилось крещеніе Кіевлянъ при св. Владимірѣ 1887, 9, 175—185.

382 **Л. П.** О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ 1888, 6, 265—283.

383 **Л. П.** Спасъ на Берестовѣ. 1888, 7, 8—11.

384 **Л. П.** Церковь св. Василія 1888, 7, 1—2.

385 **Ляментація** Кіево-Братскихъ монаховъ конца XVII в. 1884, 10, 353—357.

386 **Максимовъ** Евгеній. Къ вопросу о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ Слободской Украинѣ. 1887, 9, 93—108.

387 **Маркевичъ** А. О Варвинской Иконѣ 1888, 11, 96—97.

388 **Матченко** Иванъ. Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ. 1885, 6, 338—343.

389 **Мацѣевичъ** Л. Процессъ старинчаго Церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ. 1882, 1, 222—223.

390 **Мацѣевичъ** А. „Нѣчто о дикомъ попѣ“ 1886, 4, 821—826.

391 **Мердеръ** А. Видимая простота (обновившаяся икона). 1900, 7—8, 19. (Д).

392 **Мердеръ** А. Самосудъ старообрядцевъ 1839 года 1902, 1, 18—19. (Д).

393 **Мердеръ** А. Заботы генералъ-Губернатора Анненкова о строеніи въ юго-зап. краѣ православныхъ храмовъ 1903, 4, 8—9. (Д).

394. **Миллеръ** Ор. Церковь и Византійство (памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева) 1884, 11, 419—446.

395. **Миронъ**. Лѣтопись Подгорѣцкаго монастыря 1890, 7, 121—122—128.

396. **Модзалевскій** В. Договоръ прихожанъ с. Бѣлоусовки (Пирятин. у.) съ священникомъ 1742 г. 1905, 1, 10—11. (Д.).

397. **Модзалевскій** В. Лукьянъ Свѣчка въ роли похитителя церковныхъ денегъ въ Пирятинской церкви (нач. XVIII в.) 1905, 3, 469—479.

398. **Модзалевскій** В. Къ характеристикѣ отношеній между монахами Мгарскаго монастыря съ Лубенскими козаками въ 1649—1661 г. г. 1906, 3—4, 6—68. (Д.).

399. **М—чъ** В. Т. Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлью склонить къ уніи (изъ старыхъ бумагъ Холмскаго архива) 1883, 5, 111—126.

400. **Науменко** В. Стефанъ Яворскій въ двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы 1885, 9, 172—175.

401. **Необычная** проповѣдь сельскаго пастыря въ Малороссіи 1903, 12, 128—131 (Д.).

402. **Новицкій** Я. Какъ готовилось Екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ Имп. Екатерины II 1887, 4, 795—798.

403. **Новицкій** Я. П. Личный составъ и аттестація духовенства Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ. по архивнымъ даннымъ 1814—22 г. г. 1889, 3, 725—730.

404. **Новый** завѣтъ на украинскомъ языкѣ 1902, 2, 106 (Д.).

405. **Н. П.** Холмскій музей церковныхъ древностей 1893, 10, 155—157.

406 **Н. П.** О Свято-Духовской церкви Кіево-Братскаго монастыря 1906, 3—4, 68—71. (Д.).

407. **Оглоблинъ** Н. Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи. „(Выпись изъ книгъ городскихъ воеводства Кіевскаго" 1593 г.) 1886, 3, 482—494

408. **Оглоблинъ** Н. Эпизодъ изъ исторіи обращенія Кіевскихъ уніатовъ 1889, 3, 716—725.

409. **Оглоблинъ** Н. Изъ бумагъ Д. А. Лохвицкаго (объ Ильинской и Христо-Воздвиженской церквахъ и объ открытіи Кіевскихъ древностей въ 1820—30-хъ г. г.) 1889, 7, 239—245 —256.

410. **О. Л.** Къ исторіи Владимиро-Волынскаго базиліанскаго училища 1892, 10, 121—122. (Д.).

411. **О. Л.** Интересный приказъ о благопристойности духовенства въ началѣ прошлаго вѣка 1892, 11, 300—301. (Д.).

412. **О. Л.** Путешествіе малорос. іеромонаха Тарасія Калонпскаго въ Италію въ 1697 г. 1896, 5, 49—53. (Д.).

413. **О. Л.** Резолюція Имп. Екатерины II по жалобѣ малорос. священника 1902, 3, 101—103. (Д.).

414. **О. Л.** Портретная икона Чацкихъ въ м. **Боромлѣ** 1900, 4, 6—7. (Д.).

415. **О. Л.** О сектантахъ въ Кіевщинѣ. 1902, 10, 1—16.

416. **О. Л.** Къ исторіи Каневской соборной церкви 1903, 10, 9—14. (Д.)

417. **О. Л.** Изъ быта малорусскихъ сельскихъ пастырей XVII в. 1903, 12, 125—128. (Д.).

418. **О. Л.** Изъ сельской церковной лѣтописи 1905, 3, 222—223. (Д.).

419. **О. Л.** Старинныя публикаціи о бѣдныхъ монахахъ 1905, 4, 38—41. (Д.).

420. **Оленинъ** С. Объ изданіи книгъ Св. писанія на украинскомъ языкѣ 1905, 7—8, 65—66. (Д.).

421. **Ордеръ** правителя малороссіи А. Румянцева объ устройствѣ пѣвческой школы въ Глуховѣ. 1886, 11, 579—580.

422. **Орельскій** А. Къ Исторіи торговли кольцами св. Варвары въ Кіевѣ 1899, 12, 381—389.

423. **Орловскій** П., прот. Миссіонеры, распространяющіе унію въ Украинѣ въ 1776 г. 1892, 5, 285—288. (Д).

424. **Орловскій** П. прот. Благодарственное письмо Имп. Елизаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской Каѳедрѣ митрополитанскаго титула 1892, 8, 263—264. (Д).

425. **Орловскій** П. прот. Садковскаго Виктора по дѣлу оффиціальные документы (1792 г.) 1892, 9, 414—420. (Д).

426. **Орловскій** Петр. прот. Приказъ уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго уніатскимъ священникамъ Бѣлоцерк. округа 18 дек. 1784 г. касательно платы за требоисправленіе. 1892, 12, 474—478. (Д).

427. **Орловскій** П. прот. Указъ Кіевской митрополіи о чинѣ поминанія въ богослуженіи гетмала Кирилла Разумовскаго 1893, 7, 142—143. (Д).

428. **Орловскій** Петръ прот. Харитатыва. 1894, 3, 382—402.

429. **Орловскій** П. прот. Къ исторіи южно-русскаго духовенства 1895, 11, 50—51. (Д).

430. **Орловскій** П. прот. Странствующій архіерей (1777—1778) 1896, 1, 78—100.

431. **Орловскій** П. прот. Къ исторіи малорусскаго духовенства 1896, 9, 49—64. (Д).

432. **Орловскій** П. прот. Евгенію митрополиту актъ признательности отъ дворянъ Кіевск. губ. 1899, 8, 46—49. (Д).

433. **Орловскій** П. прот. Погребеніе Кіевск. митроп. Рафаила Забаровскаго и Арсенія Могилянскаго. 1904. 7—8, 1—10.

434. **Орловскій** П. прот. Матеріалы для исторіи Кіевской дух. Академіи (1800—1802) 1904, 5, 61—68. (Д).

435. **Орловскій** П. прот. Чинъ изверженія изъ священства совершившійся въ Кіевской митрополіи въ XVII в. 1904, 12, 444—453.

436. **Орловскій** П. Матерьялы для исторіи Кіевской духовной Академіи. 904, 4, 6—13. (Д).

437. **Орловскій** П. прот. Звѣрская расправа игумена Лебединскаго монастыря съ монахинею. 1905, 4, 36—38. (Д).

438. **Орловскій** П. прот. Участіе запорожскихъ козаковъ въ возстановленіи православной южно-русской церковной епархіи въ 1620 году. 1905, 10, 133—141.

439. **Орловскій** П. прот. Кіевскій соборъ въ 1629 г. 1905. 7—8, 166—173.

440. **Осиротѣлые** колокола. 1882, 1, 218—220.

441. **Отношеніе** Святѣйшаго Синода къ малорусскому языку. 1900, 1, 21, (Д).

442. **П.** Къ исторіи обители Паисія Величковскаго. 1894, 5, 345—350 (Д).

443. **П. Л.** Святый Владимиръ Благовѣрный и равноапостольный князь Кіевскій (лѣтописное сказаніе) 1888, 7, 1—15.

444. **Павловскій** И. Ф. Изъ прошлаго Полтавщины. Несостоявшійся проектъ въ 1805 г. о назначеніи жалованья городскому духовенству въ Малороссіи. 1901, 10, 1—2. (Д).

445. **Павловскій** И. Ф. Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія. 1904, 1, 1—40.

446. **Павловскій** И. Ф. Старообрядческій священникъ, бѣжавшій къ старообрядцамъ. 1904, 2, 53—55. (Д).

447. **Павловскій** И. Ф. Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Ѳеодосія Углицкаго. 1904, 5, 60—61. (Д).

448. **Перетцъ** В. Грамота Кіевскаго митрополита Іосафа Драковскаго на утвержденіе скита близь м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лубенскаго монастыря Серапіономъ, 1714 г. 1905, 7—9, 42—43. (Д.).

449. **Петровъ** Н. Забытыя иноческія обители (монастыри Холмскій и Замостьевскій въ общей судьбѣ русско-украинскаго монашества). 1882, 6, 8, 1—41, 199—242.

450. **Петровъ** Н. Что сдѣлалъ Кіевскій митр. Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской Лавры. 1900, 3, 145—147. (Д.).

451. **Петровъ** Н. проф. Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому отъ 16 декабря 1742 г. въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южно-русскаго духовенства и Кіевской Академіи 1905, 9, 112—115. (Д.).

452. **Письмо** арх. Новгор. Θеофана Прокоповича къ арх. Кіевск. Рафаилу Забаровскому 8 марта 1734 г. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія Кіевск. академіи). 1884, 3, 465—470.

453. **П—ко** В. Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и православномъ населеніи русской части Малороссіи въ 1780 годахъ. 1905, 10, 7—8. (Д.).

454. **П—ко** В. Дѣло епископа Черниговскаго Ираклія и іеромонаха іереміи Гусаревскаго. 1905, 10, 5—7. (Д.).

455. **П—ко** В. Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 в. (доходы и расходы каѳедры Переяславской въ 1771—1776 г.г.) 1905, 10, 1—5. (Д.).

456. **П—ко** В. Указъ императрицы Анны Ивановны правителю Малороссіи князю Шаховскому о бракахъ малороссовъ. 1905, 10, 1. (Д.).

457. **П—ко** В. Письмо въ редакцію (поправки къ статьѣ „Гервасій Линцевскій". Д. ст. 1904, 12.) 1905, 1, 17—18. (Д.).

458. **П—ко** В. Къ вопросу о судѣ надъ Мелхисидекомъ Значко-Яворскимъ 1905, 4, 46—47. (Д.).

459. **П—ко** В. Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора 1906, 5—6, 8—9. (Д.).

460. **П—ко** В. Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. 1906, 5—6, 6—8. (Д.).

461. **П—ко** В. Изъ исторіи борьбы малороссійскаго духовенства за свои права въ 18 вѣкѣ. 1906, 9, 13—15. (Д.).

462. **П. М.** Традиціонная характеристика Кіевскихъ монастырей. 1883, 9. 10, 325—326.

463. **Подольское** епархіальное церковно-древлехранилище. 1890, 6, 551—552.

464. **Позволительный** листъ Θеодосія Углицкаго на установленіе братствъ и цеха въ м. Лѣткахъ 1897, 10, 7—9. (Д.).

465. **Полницкій** А. Избраніе прихожанами священника. 1895, 11, 53—54. (Д.).

466. **Полницкій** А. Распопъ Никола 1895, 11, 145—157.

467. **По** поводу 900 лѣтія Черниговской каѳедры. 1892, 9, 350—356, 10, 1—14.

468. **Поправки** къ надписямъ въ Черниговскомъ соборѣ. 1893, 10, 166, (Д.).

469. **Протопопъ** Комаръ и его вторичный бракъ 1882, 12, 607—613:

470. **Приказъ** 1788 г. объ обязательномъ ношеніи длинныхъ волосъ дѣтьми священно—и церковнослужительскими. 1893, 7, 143—144. (Д.).

471. **Проектъ** упорядоченія дѣлъ римско-Католической церкви въ литовскихъ провинціяхъ 1885, 5, 127—136,

472. **П—скій** Борисъ. Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ. 1884, 11, 543—544.

473. **П—скій** П. О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. 1896, 5, 40—46. (Д.).

474. **Раскольничьи** слободы въ Черниговщинѣ въ первой половинѣ XVIII в. 1886, 10, 398—400.

475. **Рклицкій** С. Какъ поминали въ церквахъ гетмана Разумовскаго 1900, 2, 63—65. (Д.).

476. **Рклицкій** С. Договоры прихожанъ съ священниками въ старой Малороссіи (по поводу договорнаго акта 1789 г.). 1901, 1, 115—124.

477. **Рклицкій** С. Указъ объ обязат. обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ латинскому языку 1723 г. 1903. 9, 111—112. (Д.).

478. **Рклицкій** Сергѣй. Три указа конца XVIII вѣка.

1) епископское взысканіе за неявку студентовъ семинаріи въ срокъ послѣ Рождественскихъ каникулъ.

2) Бракъ по обману и наказаніе за него священника.

3) Дѣло о обвѣнчаніи въ пянѣ въ жилой избѣ въ ночное врмя. 1903, 10, 2—6. (Д.).

479. **Русская** святыня на западѣ Европы. 1885, 2, 377—381.

480. **Саббатовскій** П. Записавшійся во власть помѣщика священникъ. 1883, 5, 184—185.

481. **Св.** мvро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали. 1882, 10, 180—183.

482. **Свѣдѣніе** о ново-басонскихъ церквахъ въ 1768 г. 1898, 7—8. 22—23. (Д.).

483. **С—ко.** Н. О дозволеніи сыновьямъ священниковъ вступать въ козачье сословіе со званіемъ значковаго товарища. 1888, 1—3, 28—30.

484. **Синицкій** К. Завѣщаніе Тимофея Щербацкаго, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и малыя Россіи. 1894, 9, 456—457. (Д.).

485. **Сластіоновъ** А. Церковное пѣніе и культура XVII и XVIII ст. въ Украинѣ и московіи 1905, 4, 48—54. (Д.).

486. **С. Н.** Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія. 1884, 2, 332—333.

487. **С. Н.** Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. 1891, 3, 503—506.

488. **С. П.** Указъ о проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ. 1902, 2, 81—83. (Д.).

489. **Списокъ** студентовъ и учениковъ Кіевской академіи 1779 года. 1902, 1, 8—13. (Д.).

Добавка къ этой замѣткѣ 1902, 3, 163. (Д.).

490. **Старинные** проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей. 1887, 5, 206—213.

491. **Стоимость** похоронъ Прилуцкой обывательки въ 1726 г. 1901, 4, 18—19. (Д.).

492. **Стоимость** похоронъ Барышевской обывательки въ 1756 г. 1901, 5, 85—86. (Д.).

493. **Стороженко** Н. В. Двѣ грамоты митрополитовъ Кіевскихъ Самуила Миславскаго (1783—1796 г.) и Іерофея Малицкаго (1796—1799 г.). 1890, 12, 511—514.

494. **Стороженко** Н. Записка Іоасафа Крюковскаго митрополита Кіевсккго (1712). 1892, 2, 347—348. (Д.).

495. **Стороженко** Н. Чудотворная икона Божьей Матери въ с. Ржавцѣ. 1900, 7—8, 11—12. (Д.).

496. **Страшкевичъ** В. О базиліанахъ въ с. Маліовцахъ, Подольской губерніи. 1905, 2, 135—136. (Д.).

497. **Страшкевичъ** В. Къ характеристикѣ матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства въ нач. XIX в. 1905, 3, 223—226. (Д.).

498. **Страшкевичъ** В. Къ исторіи пребыванія монаховъ—тратистовъ въ Россіи. 1905, 9, 108—109. (Д.).

499. **Сумцовъ** Н. Шлиталь въ м. Боромлѣ 1883, 9—10, 309—312.

500. **Т. А.** Покровская церковь въ Переяславѣ 1883, 7, 588—592.

501. **Танковъ** А. Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. 1899, 11, 59—64. (Д.).

502. **Тарнавскій** А. По поводу 50-лѣтн. юбилея Почаевской лавры. 1883, 12, 681—663.

503. **Твердохлѣбовъ** А. Къ исторіи Скельскаго Монастыря 1886, 10, 392—398.

504. **Терновскій** Ф. Излишніе малороссійские монахи конца XVIII ст., какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ. 1882, 5, 329—337.

505. **Титовъ** О. Инструкція для Кіевской духовной академіи 1763 г. (Біевск. Епарх. Вѣд. 1893 г. №№ 19, 20). 1894, 8, 282—286. (Д.).

506. **Тиховскій** Ю. Мнимая типографія Почаевскаго монастыря. 1895, 7—8, 1—25,; 9, 248—281.

507. **Т. П.** Березенская Вознесенская церковь (съ рисункомъ) 1889, 1, 215—229—231.

508. **Трублаевичъ** М. Воспоминанія о Приворотскомъ духовномъ училищѣ 50-хъ годовъ. 1899, 11, 167—184.

509. **Т—ъ** К. И. Къ исторіи Кіево-Никольскаго монастыря 1895, 6, 113—114. (Д.).

510. **Универсалъ** Кіевскаго Полковника Василія Дворецкаго 1660 г. (объ отдачѣ церкви Николая Доброго въ Кіевѣ бернандинскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ). 1885, 4, 743—745.

511. **Французское** письмо протоіерея Богаевскаго къ гр. П. А. Румянцеву. 1756 г. 1901, 6, 147—149. (Д.).

512. **Французъ** о Кіево-печерской Лаврѣ. 1900, 2, 80—81. (Д.).

513. **Харламповичъ** К. Острожская православная школа (ист. крит. очеркъ) 1897, 5, 177—207.; 6, 363—388.

514. **Храневичъ** В. Споръ о чудотворной Католической иконѣ. 1893, 9, 323—343.

515. **Храневичъ** В. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ (эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). 1891, 12, 391—412.

516. **Храневичъ** В. Помѣщики и духовенство въ юго-западн. краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. 1892, 9, 357—388.

517. **Храневичъ** В. Нѣкоторыя черты изъ былой жизни духовенства Юго-западн. Края. 1893, 3, 399—411. 4, 78—97.

518. **Храневичъ** В. Волынское церковно-археологическое древлехранилище 1893, 7, 66—73.

519. **Храневичъ** В. Выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства въ концѣ XVIII и XIX вѣка. 1900, 5, 270—273.

520. **Храневичъ** В. Одобрительныя свидѣтельства для кандидатовъ священства на Волыни 1904, 6, 105—109. (Д.).

521. **Храневичъ** В. Скитальческая судьба Волынской семинаріи. 1896, 5, 225—248.

522. **Храневичъ** К. При старыхъ порядкахь (изъ недавняго прошлаго Волынской духовн. семинаріи). 1896, 12, 287—326.

523. **Ц. С.** Второбрачіе Южно-русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты (по поводу протопопа Комара). 1883, 2, 429—444.

524. **Цыбульскій** К. Роковое чтеніе псалтыри (изъ быта и нравовъ старыхъ Кіевскихъ „спудеевъ"). 1884, 2, 336—342.

525. **Челобитная** митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго о безпокойствѣ, причиняемомъ Софійскому монастырю близостью дворовъ, населенныхъ военными людьми. 1894, 7, 122—123. (Д).

526. **Шр—ко** А. Договоры прихожанъ съ избраннымъ имъ священникомъ 1904, 2, 52—53. (Д).

527. **Штунда** въ Волынской губерніи. 1903, 6, 149—154. (Д).

528. **Щербина** В. „Правная грамота" Православнаго священника 1777 г. 1892, 11, 291—293.

529. **Эйнгорнъ** Виталій. Ив. Андр. Шмарковскій, протопопъ Глуховскій, и его сношенія съ Московскимъ Прательствомъ (1658—1673). 1892, 10, 51—62.

530. **Эпизодъ** изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, Васильковскаго уѣзда. 1897, 6, 95—98. (Д).

531. **Ян—скій** Ив. Изъ прошлаго Полтавской епархіи (бытовыя картинки) 1898, 4, 1—3; 5, 39—45. (Д.).

532. **Яремичъ** Ст. Еще о памятникахъ искусства Кіево-Печерской Лавры. 1900, 10, 179—188.

Б) ОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

533. **А.** Изъ уголовной хроники XVIII в. (мотивы двухъ убійствъ). 1893, 4, 155—156 (Д).

534. **А. А.** Страничка изъ прошлаго города Переяслава 1889, 8, 468—489—490.

535. **А. А.** Случай столкновенія Кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ (1773). 1891, 10, 127—129.

536. **А. А.** Табачная контрабанда среди Кіевскихъ мѣщанъ 1891, 11, 259—266.

537. **А. А.** Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за „хожденіе при шпагѣ" (1849). 1891, 12, 473—474.

538. **А. А.** Вздорожаніе хлѣба въ 1765 г. 1891, 12, 474—476.

539. **А. А.** Распоряженіе генералъ-губернатора Глѣбова по случаю проѣзда турецкаго посланника черезъ г. Кіевъ (1764 г.) 1892, 1, 146—148 (Д).

540. **А. А.** Кіевскій магистратъ запрещаетъ сотнику торговать въ лавкахъ (1760). 1892, 4, 126—128 (Д).

541. **А. А.** Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козачаго двора въ мѣщанскія руки (1748). 1892, 6, 453—454 (Д).

542. **А. А.** Жалоба Переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760). 1892, 8, 265—266. (Д).

543. **А. А.** Указъ изъ канцеляріи Московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ бѣжавшаго студента Кіевлянина. 1892, 8, 266—267. (Д).

544. **А. А.** Контроль Губ. Канц. надъ расходами Кіевскаго магистрата по исправленіи нѣкоторыхъ городскихъ надобностей. 1892, 9, 420—422. (Д).

545. **А. А.** Первые Кіевскіе Нотаріусы (1765—68). 1892, 11, 301—304. (Д).

546. **А. А.** Кіевской городской думы пререканіе съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г. 1892, 9, 423—425. (Д).

547. **А. А.** Глуховскіе серебрянныхъ дѣлъ мастера сманиваютъ рабочихъ отъ Кіевскихъ мастеровъ (1780 г.). 1892, 12, 478—481. (Д).

548. **А. А.** Кабаки казенные въ Кіевѣ (1721—1734 г.г.). 1893, 2, 376—378. (Д).

549. **А. А.** Преслѣдованіе Кіевскимъ магистратомъ „неапробованныхъ въ медиціи людей". 1893, 2, 379—380. (Д).

550. **А. А.** Загадочное происшествіе на печерскомъ форштатѣ (1776). 1893, 7, 126—131. (Д).

551. **А. А.** Открытіе въ Кіевѣ Управы благочинія и первыя проявленія ея дѣятельности (1786). 1893, 9, 415—428.

552. **А. А.** Мѣры противъ умноженія нищихъ и бродягъ въ Кіевѣ въ 1764 г. 1893, 9, 450. (Д).

553. **А. А.** Мѣры противъ уменьшенія сборовъ въ Кіевскихъ казенныхъ кабакахъ (1775). 1894, 5, 353—356. (Д).

554. **А. А.** Днѣпровскій перевозъ въ Кіевѣ. 1897, 7—8, 26—33. (Д).

555. **А. А.** Конфискація заповѣдныхъ товаровъ въ Кіевѣ. 1898, 7—8, 18—22. (Д).

556. **А. А.** О назначеніи въ Кіевскую губернію провинціалъ—фискала. 1898, 9, 83. (Д).

557. **А. А.** Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. (архивная справка). 1901, 3, 151—153. (Д).

558. **А. А.** Еще страничка изъ прошлаго г. Переяслава. 1901, 9, 277—303.

559. **А. В.** Поселенія запорожцевъ къ Банатѣ. 1882, 6, 349—552.

560. **Авантюра** XVI вѣка (изъ исторіи молдавскаго княжества). 1893, 6, 357—383; 7, 1—29.

561. **Акимовъ Е.** Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ. 1896, 10, 7—12. (Д).

562. **А. Л.** Лѣтописныя замѣтки (1651—1749 г.г.). 1883, 3, 680—682.

563. **А. Л.** Желѣзнякъ (Псевдо). 1889, 1, 221—222.

564. **А. Л.** Сенютовичъ Т. М. учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. 1889, 1, 223—224.

565. **А. Л.** Запоздалая ревность запорожья къ своему имени, 1889, 3, 740—741.

566. **А. Л.** Къ исторіи земледѣлія въ Малороссіи (свидѣтельство гетмана Разумовскаго). 1889, 4, 201—203.

567. **А. Л.** Опись имѣнія Бороздны (1638 г.). 1889, 12, 622—628.

568. **А. Л.** Записки 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. 1890, 8, 310, 311—316.

569. **А. Л.** Хмельницкій Б. Позднѣйшаго память о немъ въ с. Суботовѣ. 1891, 4, 164—165.

570. **А. Л.** Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в. (документъ 1743 г.). 1891, 8, 284—298.

571. **А. Л.** Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 г. 1891, 11. 295—299.

572. **А. Л.** Сахно-Устимовичи и Апостолы (къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи). 1892, 9, 410—414. (Д).

573. **А. Л.** Свѣдѣнія объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. 1892, 10, 120—121. (Д).

574. **А. Л.** Къ исторіи будущаго Кіевскаго музея. 1893, 1, 169—171. (Д).

575. **А. Л.** Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ началѣ этого вѣка. 1893, 4, 153—155. (Д).

576. **А. Л.** Когда и какъ Кіевскій магистраторъ установилъ номера для извозчиковъ и денежный сборъ съ нихъ. 1894, 6, 519—520. (Д).

577. **А. Л.** Троцины (къ исторіи малорусскаго шляхетства). 1893, 11, 321—324. (Д).

578. **А. Л.** Историческія мелоги. 1894, 5, 357—360. (Д).

579. **А. Л.** Историческія мелоги. 1894, 6, 535—539. (Д).

580. **А. Л.** Пререканіе Кіевскаго магистратора съ губернской канцеляріей по поводу квартирной повинности въ 1759 году. 1894. 9, 444—446. (Д).

581. **А. Л.** Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки. 1894, 11, 297—300. (Д).

582. **А. Л.** Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меньшиковъ въ Малороссію въ 1720 г. 1895, 2, 49—53. (Д).

583. **А. Л.** Черниговскій Коллегіумъ въ началѣ XVIII в. 1895, 10, 2—3. (Д).

584. **А. Л.** Къ свѣдѣніямъ о малорусской школѣ. 1896, 4, 8—9. (Д).

585. **А. Л.** Коронная служба въ гетманство Разумовскаго. 1896, 6, 86—88. (Д).

586. **А. Л.** Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилій. 1896, 7—8, 1—2. (Д).

587. **А. Л.** Хозяйство гр. П. А. Румянцева. 1896, 12, 81—85. (Д).

588. **А. Л.** Какъ основалась „Кіевская Старина". 1897, 3, 63—64. (Д).

589. **А. Л.** Харьковъ и Стародубъ въ 1808 г. 1797, 4, 13. (Д).

590. **А. Л.** Поѣздка въ Полтаву (П. Г. В-ову). 1897, 4, 67—77.

591. **А. Л.** Два поддѣльныхъ историческихъ документа. 1897, 5, 55—61. (Д).

592. **А. Л.** Универсалъ гетмана Гавріила Крутневича 1603 года. 1898, 1, 1—4. (Д).

593. **А. Л.** Къ исторіи Мазепинскаго замысла (Документъ). 1899, 2, 80—82. (Д).

594. **А. Л.** Малорусская кабальная запись 1725 г. 1899, 3, 138—139. (Д).

595. **А. Л.** Изъ семейныхъ отношеній нач. XVIII в. 1899, 4, 4—5. (Д).

596. **А. Л.** Показаніе о службахъ Лубенскаго полкового есаула Андрея Петровскаго (1678—1712 г.г.). 1899, 4, 7—12. (Д).

597. **А. Л.** Сотничій произволъ (документъ 1751 г.) 1899, 5, 75. (Д).

598. **А. Л.** Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. 1901, 1, 3—4. (Д).

599. **А. Л-скій.** Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго. 1886, 1, 200—201.

600. **Андр. А.** Кіевскіе Толмачи 1889, 5—6, 586—594.

601. **Андр. А.** Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ. 1890, 2, 341—344.

602. **Андр. Ал.** Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести. 1884, 12, 730—735.

603. **Андр-скій** Ал. Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в. (по современнымъ описаніямъ). 1883, 5, 127—139.

604. **Андріевскій** А. Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія. 1886, 12, 664—708.

605. **Андріевскій** А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—1766 г.) 1891, 4. 1—31; 5, 210—243; 6, 384—409—410- 422.

606. **Андріевскій** А. Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козьмѣ Кричевцу и свѣдѣніе объ испр. въ 1739 г. должн. Кіевскаго войта Быковскимъ. 1891, 5, 309—311.

607. **Андріевскій** А. Жалоба Кіевскаго магистрата на карантинныхъ откупщиковъ. 1891, 5, 311—313.

608. **Андріевскій** А. Объ учрежденіи въ Кіевѣ запаснаго хлѣбн. магазина (1754—56 г.г.). 1891, 6, 475—479.

609. **Андріевскій** А. Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году. 1891, 6, 479—481.

610. **Андріевскій** А. Кіевскій вооруженный мѣщанскій корпусъ въ 1790 г. 1891, 7, 129—131.

611. **Андріевскій** А. Судьба Кіевскихъ водяныхъ мельницъ. 1891, 7. 131—133.

612. **Андріевскій** А. Дѣятельность Кіевскаго Совѣстнаго Суда въ первый годъ его существованія (1782.) 1891, 7, 119—129.

613. **Андріевскій** А. Архивная справка о моровой язвѣ въ Кіевѣ въ 1770—71 г.г. 1891, 8, 305—314.

614. **Андріевскій** А. Архивная справка о составѣ Кіевскаго „Общества" въ 1782—1797 г. 1894, 2, 192—203.

615. **Андріевскій М.** „Давыдова Божелка" (изъ лѣтописной топографіи Кіевскаго Полѣсья) (съ планомъ) 1885, 6, 184—204.

616. **Антоній** I д-ръ. Савва Чаленко (изъ исторіи Гайдамачины прошлаго вѣка) (переводъ съ польскаго). 1887, 11, 471—490.

617. **Антоновичъ Вл.** Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569). 1882, 1, 1—48.

618. **Антоновичъ Вл.** Паны Ходаки, воротилы городского самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. 1882, 2, 233—261.

619. **Антоновичъ В.** Уманскій сотникъ Иванъ Гонта (1768 г.). 1882, 11, 250—276.

620. **Антоновичъ В.** Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ. 1883, 5, 140—145.

621. **Антоновичъ В.** Прилукскій полковой ассаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга. 1885, 1, 57—71—84.

622. **Антоновичъ В.** Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ (по поводу повѣсти Г. Сенкевича „Огнемъ и Мечемъ). 1885, 5, 44, 78.

623. **Антоновичъ В.** Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи Южной Руси. 1887, 11, 529—536.

624. **Антоновичъ В.** Грановщина (Эпизодъ изъ исторіи брацлавской украйны). 1888, 1, 2 и 3, 75—93.

625. **Антоновичъ В.** Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной украйнѣ въ XV ст. 1896, 10, 1—19.

626. **Апостола** гетмана ходатайство о назначеніи въ Глуховѣ второго док- 1902, 2. 88—89. (Д).

627. **А. С.** Какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ Полтавской губерніи. 1894, 4, 61—73.

628 **А-скій** А. Сербы въ Кіевѣ, 1885, 7, 505—511.

629. **Б.** О мѣст. Ратно нѣсколько данныхъ. 1892, 5, 288—231. (Д).

630. **Багалѣй Дм.** Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в, 1882, 8, 379—382.

631. **Багалѣй Дмитрій.** Генеральная опись Малороссіи. Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя малороссіи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго. 1883, 11, 402—432.

632. **Багалѣй Дмитрій.** Займанщина въ лѣвобережной украйнѣ XVII и XVIII ст, 1883, 12, 560—592.

633. **Багалѣй Д. И.** Дополнительное свѣдѣніе о бывшихъ на Ладожскомъ каналѣ козакахъ. 1884, 10, 357—361.

634. **Багалѣй Д.** Наслѣдники запорожскихъ земель. 1885, 4, 783—790.

635 **Багалѣй Дмитрій.** Къ исторіи Екатерининской комиссіи для составленія проэкта новаго уложенія. 1885, 9, 1—30.

636. **Багалѣй Д. И.** Три черкасскія слободы XVIII в. по современному ихъ описанію 1887. 6—7, 559—566.

637. **Багалѣй Д. И.** Колонизація новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. 1889, 4, 27—55; 5, 438—484; 6—7, 110—148.

638. **Багалѣй Дм.** Реестръ заслуги музыки войсковой року 1711 октября. 1892, 11, 296. (Д).

639. **Багалѣй Д. И.** Къ исторіи ученія о бытѣ славянъ (крит. оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученіе о націон. особ-хъ характера и юридич. быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892.) 1899, 10, 70—103; 11. 247—262: 12, 426—437.

640. **Бакай Николай.** Любопытный сборникъ документовъ въ Гадячѣ. 1884, 12, 735—739.

641. **Бакай Николай.** Южно-русскій дворянинъ XVIII вѣка. 1885, 4, 717—742.

642. **Бакай Николай.** Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ конца XVII вѣка. 1886, 11, 567—569.

643. **Бакай Николай.** Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелецъ. 1888, 6. 74—75.

644. **Барвинскій В.** Очерки изъ исторіи общественнаго быта старой Малороссіи. 1907, 11—12, 347—368.

645. **Барсуковъ А.** Правительственныя печати въ Малороссіи отъ временъ Стефана Баторія до Екатерины II (Историческая справка по документамъ архива департамента герольдіи). Съ одной таблицей рисунковъ. 1887, 9, 90—92.

646. **Барымовъ А.** Харьковскій Вертеръ (психологическо - юридическій очеркъ изъ Харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). 1883, 5, 49—65.

647. **Безбородка** Андрея, старшаго канцеляриста, письмо къ бунчук. товарищу Григорію Скорутѣ 1736 г. 1902, 1, 15—16. (Д).

648. **Бершадскій С.** А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады великаго княжества Литовскаго. Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI ст. 1888, 467—499; 10, 69—120; 11, 235—265; 12, 417—458.

649. **Б. И.** Царь Максиміліанъ въ Ковлѣ. 1887, 12, 798—799.

650. **Бибикова** Д. Г. Г. губ. внушительная рѣчь къ Кіевскимъ студентамъ въ 1834 году. 1897, 10, 11—12.

651. **Болгары** колонисты въ с. Борщаговкѣ. 1894, 104—105. (Д).

652. **Борзаковскій П.** Передъ реформой бурсы (изъ воспоминаній). 1898, 4, 1—25.

653. **Борисовъ В. В.** Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ Кіевской губерніи. 1882, 9, 575—578.

654. **Бориспольскаго** мѣйскаго уряда акты 1612—1699, 1892 (приложенія) 4, 5, 6, 7, 10, 12.

655. **Боцяновскій Вл.** Публичная библіотека въ Житомирѣ (по поводу ея 25-ти лѣтія). 1891, 8, 254—283.

656. **Бѣляшевскій Н.** Взятіе и разореніе запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 года. 1896, 5, 36—39. (Д.).

657. **Бѣляшевскій Н.** Артиллерійскій музей въ Петербургѣ 1896, 12, 75—78. (Д.).

658. **Бѣляшевскій Н.** Общество изслѣдователей Волыни. 1897, 1, 17—20. (Д.).

659. **Бѣляшевскій Н.** Расходы Рѣчи Посполитой на козацкихъ Пословъ. 1897, 6, 85—95. (Д.).

660. **Бѣньковскій И.** Утѣсненіе Кіевскихъ мѣщанъ военнымъ постоемъ 1763—64. 1895, 5, 65—70. (Д.).

661. **Бѣньковскій И.** Кіевскій обыватель грекъ Іотій. (1741—61). 1895, 7—8, 4—7. (Д.).

662. **Бѣньковскій И.** Пререканія изъ за формы письменныхъ сношеній (1751—53). 1895, 7—8, 7—9 (Д).

663. **Бучневичъ В. Е.** Гетьманскій городъ. 1885, 3, 578—580.

664. **Бучневичъ.** Пребываніе Карла YII въ Ромнахъ. 1904, 3, 111—113. (Д.).

665. **В. А.** Желѣзнякъ. Нѣсколько данныхъ о судьбѣ его послѣ ареста въ Умани. 1882, 12, 564—568.

666. **В. А.** Памятники прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архипастырю. (Жалоба, поданная Кіевскому митрополиту крестьянами села Свиноѣдъ на злоупотребленіе державца Ивана Быковскаго). 1884, 12, 745—747.

667. **В. А.** Къ исторіи возстанія Наливайка. 1896, 10, 2—5. (Д.).

668. **Василенко В.** Изъ народныхъ воспоминаній объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ. 1885, 6, 344—350.

669. **Василенко В.** По Полтавщинѣ новые историко-статистич. матеріалы. 1893, 5, 311—318. (Д.).

670. **Василенко В.** Спорные вопросы въ исторіи Золотоноши 1893, 7, 133—136. (Д.).

671. **Василенко В.** Къ вопросу о призрѣніи слѣпыхъ и всякихъ нищихъ. 1904, 7—8, 131—151.

672. **Василенко Н.** Къ исторіи малорусской исторіо-графіи и малорусскаго общественнаго строя. (Замѣтка по поводу статей Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст. въ Р. Богат. 1894, № 2, 3 и 4). 1894, 11, 242—270, 12, 402—424.

673. **Василенко Н.** Первые шаги по введенію положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губ. 1901, 3, 396—423; 4, 97—125; 11, 303—327.

674. **В.—Б. М.** Населеніе города Кіева въ 1742. 1888, 4, 1—10.

675. **В. Г.** Раздѣлъ посполитыхъ въ 1774. 1893, 12, 501—502. (Д.).

676. **В. Д.** Походъ козаковъ въ Сѣв. Россію въ началѣ XVII в. 1900, 5, 259—269.

677. **В. Д.** Печатное дѣло въ малороссіи въ началѣ XIX вѣка. 1900, 9, 83—88. (Д.).

678. **В. Д.** Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища. 1900, 10, 1—10. (Д.).

679. **В. Д.** Къ исторіи торговли въ малороссіи XVIII в. 1904, 11, 48—49. (Д.).

680. **В. Д.** Подати въ королевствѣ польскомъ въ 1717 г. 1904. 11, 52—53. (Д.).

681. **В. Д.** Цѣна продуктовъ въ Кіевщинѣ въ 1789 г. 1904, 11, 53—44. (Д.).

682. **Венгрженовскій С.** Свадьба Тимоша Хмельницкаго (эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній). 1897, 3, 469—493; 5, 26—51.

683. **Венгрженовскій Сергѣй.** Основаніе и названіе Ольгополя. 1892, 12, 471—472. (Д.).

684. **Верещинскій Іосифъ.** (Кіевскій бискупъ) Кіевъ триста лѣтъ назадъ. Способъ заселенія новаго Кіева и обороны бывшей столицы Кіевскаго княжества отъ всякой опастности безъ обремененія Его Величества короля и безъ затратъ для короны польской, объясненный господамъ посламъ будущаго Краковскаго сейма. 1894, 3, 403—425.

685. **Вишневецкаго** Александра князя листъ подданнымъ лоевскаго староства на бортную землю 1587 года. 1902, 1, 14—15. (Д.).

686. **Вишневскій Д.** Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. 1896, 7—8, 17—19 (Д.).

687. **Вишневскій Д.** Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII в. 1897, 9, 72—73, (Д.).

688. **В—ко Н.** Къ вопросу о происхожденіи названія Полтавы. 1903, 4, 2—3. (Д.).

689. **Владимирскій-Будановъ М. Ф.** Проэкты Кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя комиссіи. 1888, 5, 37—43.

690. **Владимирскій-Будановъ М.** Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. 1888, 7, 79—116.

691. **В. М.** Полтавскіе цехи въ концѣ 17 и началѣ 18 в. 1893, 12, 497—501. (Д.).

692. **В. Н.** Глуховская старина. 1900, 9, 95—97. (Д.).

693. **Воззваніе** конфедератовъ воеводства сандомирскаго къ русскому народу (около 1733 г.). 1885, 6, 263—272.

694. **Волынецъ.** Новыя открытія въ области древневолынскаго бытописанія 1896, 10, 93—109.

695. **Волынецъ.** Почаѣвская лѣтопись. 1898, 4, 87—106.

696. **Волынская** революція 1-ой четверти XIX столѣтія (письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Сторожиловой). 1883, 1, 121—144; 2, 319—365; 4, 774—828.

697. **Воспрещеніе** гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на „ралець". 1885, 10, 361—364.

698. **Востоковъ А.** Къ исторіи перваго крымскаго похода. 1886, 2, 267—278.

699. **Востоковъ А.** Козелецкая рада 1662 года. 1887, 2, 269—284.

700. **Востоковъ А.** Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой. 1887, 8, 714—744.

701. **Востоковъ А.** Нѣжинская рада 1663 года. 1888, 5, 125—139.

702. **Востоковъ А.** Судъ и казнь Григорія Самойловича. 1889, 1, 41—63.

703. **Востоковъ А.** Изъ прошлаго города Кіева. 1889, 10, 185—190.

704. **Востоковъ А.** Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая 1890, 1, 35—44 отъ редакціи 44—46.

705. **Востоковъ А.** Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 году. 1890, 5, 199—226.

706. **В-цкій Н.** Очерки дереформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи. 1896, 7—8, 113—132.

707. **В. Я.** Милыя шалости добраго стараго времени. 1895, 7—8, 22. (Д.).

708. **В. Я.** Кое-что о м. Вчорайше Кіевской губерніи Сквирскаго уѣзда. 1895, 7—8, 22—23. (Д.).

709. **Гавришъ В.** Десятилѣтіе Каневской публичной библіотеки (1878—1887). 1889, 8, 544—549.

710. **Галанта И. В.** Къ исторіи уманской рѣзни 1768 г. 1895, 11, 209—229.

711. **Г. В.** Кіевская публичная библіотека. 1888, 8, 27—31.

712. **Г. В.** Придворный бандуристъ въ бѣгахъ. 1888, 10, 21—23.

713. **Г. В.** Ученики переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ въ 1744 году. 1888, 10, 23—26.

714. **Г. В.** Племянница Потемкина. 1888, 11, 72—77.

715. **Генеральной** канцеляріи распоряженіе о нарядѣ работниковъ и плотниковъ на постройку козелецкаго дома гр. Алексѣя Разумовскаго 1749 г. 1902, 1, 16—18. (Д.).

716. **Гетманское** представительство при русскомъ дворѣ. 1883, 9—10, 317—320.

717. **Г—ко В.** Французъ-путешественникъ на Украинѣ. 1885, 12, 749—757.

718. **Гл. Л.** Спискъ докторовъ медицины изъ Малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII ст. 1896. 3, 98—103. (Д.).

719. **Годовой** доходъ переяславской ратуши и урядниковъ въ нач. XVIII вѣка. 1901, 5, 87—88. (Д.).

720. **Голодъ** въ Полтавщинѣ въ 1833 и 34 году и мѣры, принятыя противъ него. 1886, 11, 580—585.

721. **Голосъ** запорожскаго депутата въ Всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г. 1883, 3, 683—687.

722. **Голубевъ С.** О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. 1882, 6, 381—400.

723. **Голубовскій П.** Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимирѣ св. (Историко-Этнографическій очеркъ). 1888, 7, 26—68.

724. **Голубовскій П.** Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. 1896, 7—8, 12—16. (Д.).

725. **Голубовскій П.** Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. 1896, 12, 72—75. (Д.).

726. **Голубовскій П.** Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-подольскомъ дѣвичьемъ училищѣ. 1897, 4, 14—15. (Д.).

727. **Горленко В.** Кіевъ въ 1799 г. 1885, 3, 581—592.

728. **Горновскій І.** Къ исторіи заселенія и устройства Екатеринославской губерніи. 1903, 3, 131—135. (Д.).

729. **Городня** мѣсто жидотрепанія XVIII в. 1883, 1, 208—210.

730. **Грамота** Максима желѣзняка. 1905, 3, 243. (Д.).

731. **Грушевскій М.** Волынскій вопросъ 1097—1102 г. 1891, 1, 32—55; 5, 259—272.

732. **Грушевскій М.** Барская Околичная шляхта до конца XVIII вѣка 1892, 2, 260—277.

733. **Грушевскій М.** Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи. 1905, 7—8, 174—232.

734. **Г-скій** А. Изъ прошлаго Кіева. 1892, 4, 125. (Д.).

735. **Два** документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст. 1882, 10, 126—133.

736. **Двѣ** записки сенатора Е. Ѳ. фонъ-Брадке, составленныя по обревизованіи Херсонской губерніи въ 1850—1851 г.г. 1885, 9, 128—138.

737. **Денежное** жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ' 1901, 9, 77. (Д).

738. **Денежныя** и натуральныя повинности въ пользу гетмана въ к. XVII вѣка 1899, 5, 76—77: (Д).

739. **Дешко А. П.** О Карпатской Руси (краткій этюдъ). 1887, 11, 537—548.

740. **Для** исторіи кампанейскихъ полковъ. 1901, 10, 10—12. (Д).

741. **Для** исторіи торговли въ старой Малороссіи. 1901, 5, 86—87. (Д).

742. **Добротворскій Н.** Изъ исторіи одного при—Сеймскаго села. 1887, 3, 565—571.

743. **Добротворскій Н.** Крестьянскія движенія въ Грайворонскомъ уѣздѣ Курской губ. въ 1861—62 г.г. 1887, 4, 657—680.

744. **Добротворскій Н.** Кудеяровъ Курганъ. 1889, 5—6, 607—609.

745. **Добротворскій Н.** Историческая справка о Глушковской суконной фабрики 1886, 12, 741—743.

746. **Добротворскій Н.** Къ Исторіи Глушковской фабрики 1889, 8, 532.

747. **Довнаръ-Запольскій М.** Жалованье запорожцамъ и количество полковъ ихъ до 1648 г. 1896, 2, 53—56. (Д).

748. **До** історіи указа 1876 року про заборону українського письменства. 1907. 5, 135—151.

749. **Доманицкій В.** Новый документъ 1604 г. о самозванцѣ. 1899, 1, 8—13. (Д).

750. **Доманицкій В.** Матеріалы къ исторіи Польскаго возстанія 1831 г. (указы, распоряженія) 1901, 6, 149—157; 9, 89—94. (Д).

751. **Доманицкій В.** Приготовленіе къ встрѣчѣ Им. Александра 1-го въ Умани 1901, 6, 141—143. (Д).

752. **Доманицкій В.** Къ исторіи частныхъ пансіоновъ Кіевской губ. въ нач. XIX ст. 1901, 6, 450—459.

753. **Доманицкій В.** Какъ вводилось оспопрививаніе въ Уманскомъ уѣздѣ сто лѣтъ назадъ. 1902. 7—8, 1—4. (Д).

754. **Доманицкій В.** Къ исторіи м. Варвы, Лохвицкаго уѣзда. 1903, 7—8, 4—5. (Д).

755. **Доманицкій В.** Мѣры противъ холеры 1830 года. 1903, 7—8, 17—18. (Д).

756. **Доманицкій В.** Кораблекрушенія въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губ. 1903, 9, 112. (Д).

757. **Доманицкій В.** Жалоба Краснянской громады (1751 г.) на утѣсненія отъ Поляковъ. 1903, 11, 66—68. (Д).

758. **Допросъ** Григорія Герцека объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы. 1883, 3, 595—610.

759. **Драгомановъ М. П.** А. И. Герценъ и его отношеніе къ Польско-украинскому вопросу. 1906, 1, 1—35.

760. **Драгомановъ М.** Бакунинъ и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ. 1906, 3—4, 321—367.

761. **Драгомановъ М. П.** Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному на-

правленію. 1906, 5—6, 1—42; 7—8, 275—337.

762. **Драгомановъ.** Украинскій вопросъ въ его историческомъ освѣщеніи (извлеченіе изъ „Историческая Польша и великорусская демократія"). 1905, 11—12, 143—172.

763. **Д-скій А.** Система карательныхъ мѣръ въ запорожьи 1893, 1, 1—19; 2, 209—239; 3, 442—459.

764. **Д-скій В.** Сербскіе выходцы въ Новороссіи и ихъ духовенство. 1904, 3, 106—107. (Д).

765. **Д-скій В.** Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ XVIII ст. 1904, 5, 57—58. (Д).

766. **Е. А.** Къ „Турбаевской катастрофѣ" 1891, 4, 155—160.

767. **Е. Александра.** Конные суды въ лѣвобережной украинѣ. 1885, 10, 189—203.

768. **Евреи** козаки въ началѣ XVII вѣка. 1890, 5, 377—379.

769. **Е. К.** Посылка малороссіянъ въ ледяной домъ. 1894, 10, 136—141. (Д).

770. **Е. К.** Свидѣтельство современника о Наливайкѣ 1895, 2, 54. (Д).

771. **Е. К.** Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія 1899, 5, 155—180; 7, 1—23; 10, 93—106.

772. **Е. П.** Изъ эпохи крестьянской реформы на югѣ Россіи (народные слухи и толки о волѣ и землѣ). 1886, 1, 91—110.

773. **Е. С.** Гетманство Брюховецкаго. 1885, 8, 545—596.

774. **Есиповъ Г.** В. Путешествіе Имп. Екатерины II-й по Южной Россіи въ 1787 году. 1890, 11, 175—194; 12, 391—411; 1891, 1, 98—118; 2, 215—231; 3, 402—421: 4, 68—81: 5, 244—258: 7, 22—52: 8, 237—253: 9, 407—426, 11, 232—245: 12, 360—383; 1892, 2, 295—306: 3, 458—471: 5, 225—230.

775. **Ефименко А.** Двѣнадцать пунктовъ Вельямина. 1888, 10, 162—175, —182.

776. **Ефименко А.** Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка (по поводу книги Гретца „Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія Франкистовъ".) 1890, 6, 397—408.

777. **Ефименко А.** Турбаевская катастрофа. 1891, 3, 373—401.

778. **Ефименко А.** Очерки исторіи правобережной украины 1894, 6, 387—413; 8, 187—206; 9, 293—325; 10, 62—89; 11, 167—189; 1895, 4, 76—101; 5, 165—185.

779. **Ефименко П.** Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губ. 1708—1802 г.г. 1882, 9, 392—412.

780. **Ефименко П.** Шпитали въ Малороссіи 1883, 4, 709—727.

781. **Ефименко П.** Школа для обученія лѣвчихъ, назначавшихся ко двору 1883, 5, 169—174.

782. **Ефименко П.** Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ 1884, 4, 693—695.

783. **Ефименко П.** Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы 1888, 4, 52—63.

784. **Жалоба.** Конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго 1754 г. 1901, 4, 16—18. (Д).

785. **Женитьба** разбойника Гаркуши послѣ бѣгства его съ каторги. 1895, 4, 18—19. (Д).

786. **Житецкій Ив.** Евреи въ Южной

Россіи (Историческая справка). 1901, 1, 57—80: 7—8, 1—45.

787. Z. Полтавскій Земскій Музей. 1894, 11, 307—308. (Д).

788. Z. Фабрика фарфора Миклашевскаго 1894, 11, 309—310. (Д).

789. **Забавная** родословная. 1882, 1, 223—225.

790. **Залюбовскій Г.** Новомосковскія учебныя заведенія. 1889, 5—6, 595—604.

691. **Замѣтка** къ работамъ П. А. Кулиша по переводу „положенія о крестьянахъ" 1905, 5, 160. (Д.).

792. **Записка** Андрея Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжебнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ въ Глуховѣ и Сенатѣ 1748—1767 г.г. 1901, 6, 143—145. (Д.).

793. **Записка** о состояніи Подоліи въ 1843 году. 1896, 3, 87—94. (Д.).

794. **Записки** Кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о Московской осадѣ 1612 г. (изъ лѣтопискаго сборника Ильи Кощаковскаго): 1882, 7, 97—105.

795. **Записки** барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 года на Ново-Сербію. 1883, 9—10, 135—198.

796. **Запорожская** реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ Днѣпровскихъ гирлахъ 1884, 9, 129—131.

797. **Затуловскій М.** Равинскія книги временъ Хмельницкаго. 1896, 6, 98—100. (Д.).

798. **Затуловскій** В. Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. 1904, 7—8, 17—18. (Д.).

799. **Затуловскій** В. Избіеніе евреевъ въ Малороссіи въ 1631—1632 г.г. 1905, 10, 8—9. (Д.).

800. **Защита** диссертаціи г. Иванова „Историческія судьбы Волынской земли". 1896, 1. 27—28. (Д.).

801. **Зозуля И.** Короповъ Хуторъ. 1889, 5—6, 604—607.

802. **Иваненка** Переяславскаго полковника пріятельское письмо къ погарскому земскому судьѣ Лашкевичу 1797 г. 1902, 1, 18. (Д.).

803. **Ивановъ П.** Переселеніе запорожцевъ на Тамань. 1891, 7, 133—141.

704. **Извѣстіе** о Мглинѣ 1455 года. 1902, 1, 13—14. (Д.).

805. **Изъ** временъ упадка запорожья. 1887, 8, 783—787.

806. **Изъ** недавняго прошлаго Слободской украины. 1896, 4, 71—84; 5, 206—224.

807. **Изъ** недавняго прошлаго (о постройкахъ въ м. Мотыжинѣ) 1896, 4, 16—17. (Д.).

808. **Изъ** писемъ помѣщиковъ Кіевской губерніи Кіевскому гражданскому Губернатору Панкратову. 1884, 1, 177—181.

809. **Изъ** практики старыхъ судовъ. „Невѣроятный извѣтъ отъ простолюдчивости по предосужденію". 1883. 8, 288—296.

810. **Изъ** Харьковскаго прошлаго. 1902, 7—8, 24—25. (Д.).

811. **Иконниковъ** В. Прошеніе гражданъ г. Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. 1898, 6, 86—89. (Д.).

812. **Иконниковъ** В. Кіевъ въ 1654—1855 г.г. 1904, 9, 213—274; 10, 1—64; 11, 155—216; 12, 516—685.

813. **Илличъ-Свитычъ** В. Дальневосточная украина 1905, 5, 161—197.

814. **Императоръ** Александръ І-ый и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ. 1888, 9, 71—73.

845. **Ковалевскій А.** Первые шаги уѣздной администраціи по открытіи намѣстничествъ. 1894, 11, 303—304. (Д.).

846. **Козаки** въ партикулярной надобности. 1882, 4, 171—182.

847. **Комаровъ Н.** Гдѣ приготовлялись для малороссійскихъ казаковъ ружья въ пол. XVIII в. 1895, 3, 99—100. (Д.).

848. **Комаровъ** М. Запорожецъ Константинъ Вира. 1895, 5, 62—65 (Д.).

849. **Компанскій** М. М. Острополь Новгородъ—Волынскаго у. Волынской губ. 1893, 11, 335—341 (Д.).

850. **Кондратовичъ Ѳ.** Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ) 1893, 1, 27—66; 2, 269—300; 4, 728—773.

851. **Короленко В.** Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ. 1906, 7—8, 476—482.

852. **Короленко П.** Азовцы. 1891, 7, 53—74; 8, 171—194.

853. **Костомаровъ Н.** Поѣздка въ Бѣлую Церковь. 1882, 5. 241—256.

854. **Костомаровъ Н.** Матеріалы для исторіи Колiивщины или рѣзни 1768 г. 1882, 8, 297—321.

855. **Костомаровъ Н.** Жидотрепаніе въ нач. XVIII в. 1883, 1, 1—26; 3, 477—492.

856. **Костомаровъ Н.** Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. 1883, 4, 899—901.

857. **Кочергинъ** В. А. Залогъ крѣпостныхъ душъ. 1900, 12, 151—152. (Д.).

858. **Кр. Сф.** Особенности статистическаго изслѣдованія Курской губерніи (Курская губернія. Итоги статистич. изслѣдованія). 1889, 3, 582—612.

859. **Краузгару А.** Посольство Якова Смяровскаго къ Богдану Хмельницкому во время осады Замостья въ 1648 г. (по рукописнымъ источникамъ). 1894, 12, 445—460.

860. **Крыжановскій Е.** Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. 1882, 2, 262—300; 3, 442—478.

861, **Ксендзенко Александръ.** Гетманская усыпальница, 1887, 2, 353—359.

862. **Кудринскій Ѳ.** Цеховыя братства въ мѣст. Степани (Волынской губ. Ровенскаго у.). 1890, 7, 88—104.

863. **Кудринскій Ѳ.** О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. 1892, 10, 124—127. (Д.).

864. **Кудринскій Ѳ.** Къ исторіи бывшей Волынской гимназіи въ г. Кременцѣ. 1893, 7, 131—133 (Д.).

865. **Кудринскій Ѳ.** Риторика 20-хъ годовъ въ Волынской семинаріи. 1894, 12, 480—488 (Д.).

866. **Кулюмбашъ И.** Междуплеменныя соприкосновенія, 1887, 12, 795—798.

867. **Купчая** на домъ въ Кременчугѣ 1654 г. 1902, 4, 14 (Д.).

868. **Куриловъ Ив.** Воспоминаніе Роменскаго старожила объ Ильинской ярмаркѣ. 1893, 7, 47—65.

869. **Къ** исторіи Гадячскаго полка. 1901, 4, 15—16 (Д.).

870. **Къ** исторіи колонизаціи Новороссіи (Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей Елисаветградской провинціи). 1885, 3, 531—538.

871. **Къ** исторіи Котельвы. 1901, 11 74—76. (Д.).

872. **Къ** исторіи крестьянъ (частное письмо 1780 г.) 1899, 5, 78—79 (Д.).

873. **Къ** исторіи народнаго волненія, бывшаго въ Гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ. 1901, 2, 77—78 (Д.).

874. **Къ** исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи. 1898, 6, 77 -81. (Д.).

875. **Къ** исторіи освобожденія крестьянъ (брошюра М. Юзефовича—Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи). 1901, 3, 131—132 (Д).

876. **Къ** исторіи пограничныхъ нашихъ сношеній съ крымскимъ ханствомъ. Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова въ командировку его къ крымскому хану 1755 г. 1885, 2, 339—343—356.

877. **Къ** исторіи Польскаго возстанія 1831 г. 1) Отношеніе ген.-маіора Гельда Звенигородскому городничему, 2) Донесеніе ген.-лейт. Кайсарова. 1903, 11, 63—64. (Д.).

878. **Къ** исторіи славянофильства на Руси (изъ труда проф. Владимірскаго-Буданова „Исторія университета св. Владиміра"), 1892, 1, 131—136. (Д.).

879. **Къ** исторіи театра въ Юго-западномъ краѣ. (Переписка Каменецъ-Подольскихъ актеровъ съ духовной католической властью по поводу воспрещенія послѣдней спектаклей во время Великаго поста и произнесеннаго на актеровъ и актрисъ церковнаго отлученія). 1885, 7, 458—476.

880. **Къ** описанію Харьковской губерніи (программы). 1892, 7, 120—129 (Д.).

881. **Къ** реформѣ Сперанскаго. 1889, 4, 194—196.

882. **Къ** характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества. 1882, 11, 382—389.

883. **Л.** Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства (записано со словъ разсказчика). 1888, 10, 149—161,

884. **Л. А.** Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ (замѣтки старожила) 1888, 8, 55—62.

885. **Л. А.** Къ исторіи Мазепинской измѣны. 1889, 12, 645.

886. **Л. А.** Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣхалъ Малороссію въ 1752 г. 1890, 1, 117—118.

887. **Л. А.** Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи казачьихъ полковъ. 1890, 1, 119—120.

888. **Л. А.** Полковничьи чиншевики 1891, 4, 161, 162—163.

889. **Лазаревскій Ал.** Отрывки изъ фамильнаго архива Полетикъ (съ портретомъ Григ. Андр. Полетики) 1881, 4, 97—116.

890. **Лазаревскій А.** Властная гетманша 1882, 1, 213—214.

891. **Лазаревскій А.** Полковникъ Искра, казненный Мазепой. Судьба его наслѣдства 1883, 11, 519—520.

892. **Лазаревскій А.** Универсалъ гетмана Разумовскаго объ ограниченіи перехода крестьянъ. 1885, 7, 476—482.

893. **Лазаревскій А.** Къ исторіи Черниговской типографіи, Письмо Черниговскаго архіепископа Антонія Стаховскаго къ гетману Скоропадскому 1720 г. 1886, 8, 574—575,

894. **Лазаревскій А.** Два документа къ исторіи Черниговской типографіи. 1886, 11, 571—579,

895. **Лазаревскій А.** Два акта для исторіи „руины" правобережной украины. 1672—1682 г.г. 1887, 2, 368—370.

896. **Лазаревскій А.** Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ

„книгъ правнихъ“ на малорусскій языкъ. 1887, 4, 788—789.

897. **Лазаревскій** А. Запорожье въ концѣ XVIII в. (Современная записка) 1889, 12, 628—629—637.

898. **Лазаревскій** А. Къ исторіи селъ и селянъ Лѣвобережной Малороссіи. 1891, 1, 1—18.

899. **Лазаревскій** А. Полтавщина въ XVIi вѣкѣ 1891, 9, 357—374.

900. **Лазаревскій** А. Изъ исторіи селъ и селянъ Лѣвобережной Малороссіи. 1891, 11, 216—231.

901. **Лазаревскій** А. Суды старой Малороссіи (съ приложеніемъ трехъ документовъ). 1898, 7—8, 75—115.

902. **Лазаревскій** А. Описаніе старой Малороссіи. Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Прилуцкій полкъ. 1900, приложеніе, 5, 6, 7—8, 9, 10, 11, 12; 1901, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7—8, 9, 10, 11, 12; 1902, 2, 3.

903. **Лазаревскій** А. Историческій очеркъ мѣстности, составлявшеи Полтавскій полкъ (неоконченная рукопись) 1903, 4, 97—107.

904. **Ланкастерское** училище въ Кіевѣ 1897, приложеніе 6, 7—8,

905. **Лапинъ** В. Харьковское Общество благотворенія въ 1812—1817 г.г. 1896, 4, 38—70; 5, 129—145; 6, 328—343; 7—8, 95—112.

906. **Лашкевичъ** А. Слѣды частной переписки Петра I-го съ Саввою Рагузинскимъ 1887, 6—7, 487—494.

907. **Л-вой** П. Очеркъ изъ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. 1904, 7—8, 176—212.

908. **Л—въ** П. Посмертный разсказъ отца Антонія Ковальскаго (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ Кіевской губ. 1855) 1882, 1, 174—192; 2, 386—396.

909. **Л—въ П.** Историческія замѣтки о Кіевѣ. 1884, 10, 227—253.

910. **Л—въ П.** Двѣ поправки къ статьѣ: „Свадьба Тимоша Хмельницкаго“. 1887, 6—7, 583—584.

911. **Лебединцевъ** П. **Г.** Записки о Козащинѣ. 1855, 1900, 7—8, 1—50.

912. **Левицкій О.** Анна-Алоиза, княжна Острожская, 1883. 11, 329—373.

913. **Левицкій О.** „Пророкъ Многовѣръ и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ. (1825—1833). 1885, 5, 79—106.

914. **Левицкій О.** Ганна Монтовтъ (историко-бытовой очеркъ изъ жизни Волынскаго дворянства XVI в.). 1888, 1—2—3, 94—161.

915. **Левицкій О.** Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. 1890, 10, 143—147.

916. **Левицкій О.** Царскій посланникъ и панскій управитель. 1896, 4, 13—16 (Д).

917. **Левицкій О.** Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и Юго-Западн. края въ 1811—12 г.г. 1891, 10, 1—21; 11, 169—194; 1895, 11, 188—212; 12, 347—360.

918. **Левицкій О.** Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1831 г. въ Кіевщинѣ. 1899, 4, 90—116.

919. **Левицкій О.** Очерки народной жизни Малороссіи во второй половинѣ XVII в. 1901, 1. 1—36; 2, 180—216; 3, 368—395; 5, 149—182, 7—8, 159—209, 9, 401—430, 10, 45—76, 11, 233—255, 12, 424—471.

920. **Левицкій О.** „Изъ жизни учебныхъ заведеній Юго-Западн. края въ 1840-хъ г.г. 1906, 3—4, 421—432, 5—6, 72—87.

921. **Левицкій О.** О положеніи крестьянъ Юго-Западн. края во второй четверти XIX ст. 1906, 7—8, 231, 274.

922. **Левченко М.** Потомки запорожцевъ на островѣ Лети. 1882, 5, 344—345.

923. **Левченко М.** Гайдамацкій кутъ. 1882, 5, 345—348.

924. **Левченко М.** Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего Крымскому хану (1709—34 г.г.). 1882, 6, 548.

925. **Лелетъ** В. Семейная драма въ Уманскомъ военномъ поселеніи. 1886, 5, 181—186.

926. **Леонидъ** архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній кь нашей статьѣ „Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга" („Русская Старина" 1888, Іюль). По поводу статьи И. И. Малышевскаго „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св." („Кіевская Старина", 1889, іюль и августъ). 1889, 10. I—VIII.

927. **Леонидъ** архимандритъ. Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII в. о Кіевѣ. 1890, 2, 344—346.

928. **Линниченко И.** Научное значеніе Западно-русской исторіи. 1889, 1, 187—203,

929. **Линниченко И.** Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки. 1890, 1, 132—134.

930. **Листовскій И.** Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ Малороссійской губерніи. 1889, 1, 217—221.

931. **Личковъ Л.** Нужды статистики въ юго-западн. краѣ. 1898, 11, 192—206.

932. **Личковъ Л.** Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики. 1902, 1, 1—34; 2, 215—227: 3, 494—517.

933. **Личковъ Л.** Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западн. края. 1903, 1, 102—114.

934. **Личковъ Л.** Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. 1903, 9, 364—403.

935. **Личковъ Л**. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа 1903, 6, 456—486; 7—8, 132—172; 10, 92—127: 11, 338—388: 12, 540—624.

936. **Личковъ Л.** Юго-западный край по даннымъ переписи 1897 г. 1905, 9, 315—366.

937. **Личный** составъ Малорусской старшины 1725 г. 1904, 7—8, приложеніе.

938. **Л—ій О.** Потемкинъ и Черноморцы 1887, 9, 185—190.

939. **Л—ко И.** Жалоба Новомлинскаго сотника на Новомлинскаго намѣстника 1889, 7, 274—275.

940. **Л. М.** Замѣтки къ исторіи Кіевской казаччины. 1855 г. 1905, 1, 48—65.

941. **Л—нчо** Арк. Разсказъ о „турбаевской катастрофѣ" 1891, 9, 493—494.

942. **Л. О.** Путевыя замѣтки Н. Д. Иваницева, (бывшаго вице-предсѣдателя Кіевской археографической коммиссіи, ректора и профессора Кіевскаго университета) 1882, 10, 78—88.

943. **Л. О.** Кіево-Выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль 1882, 11, 368—372.

944. **Л. О.** Заботы Петра І-го объ овцеводствѣ въ Малороссіи. 1889, 10, 179—182.

945. **Л. О.** Союзники Наполеона на Волыни 1812 г. 1894, 1, 134—135 (Д).

946. **Лобачевскій** В. Бугское казачество и военныя поселенія (лѣтописные наброски) 1887, 12, 591—626.

947. **Лобко А.** Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. 1889, 7, 232—239.

948. **Лопулеску.** Русскія колоніи въ Добруджѣ (Историко-этнографическій очеркъ) 1889, 1, 117—154: 2, 314—336: 3, 685—704.

949. **Лотоцкій А.** Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ о первомъ Черниговскомъ земскомъ собраніи 1865 г. 1895, 1, 1—5. (Д).

950. **Л. С.** Оспопрививаніе до Дженнера и леченіе ртутью въ старой Малороссіи 1895, 10, 3—5. (Д).

951. **Л-скій А.** Судебная инквизиція въ бывшей гетманщинѣ 1886, 1, 195—198.

952. **Луговой И.** Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія 1888, 11, 395—400.

953. **Лучицкій И.** Кіевъ 1766 г. 1883, 1—3. 1—74.

954. **Лучицкій И.** Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. 1891, 3, 506—508.

955. **Лучицкій И.** Гетманъ Мазепа и Остерскія общія земли 1892, 1, 110—118.

956. **Лучицкій И.** Къ исторіи торговли въ Малороссіи XVIII в. 1894, 4, 155—158. (Д).

957. **Лучицкій И.** Изъ недавняго прошлаго. 1901, 4, 1—25.

958. **Лучицкій И.** По поводу одного научнаго открытія (о рукописи арх. М-ва Юстиціи—описаніе „Берестейскаго Староства") 1900, 4, 127—138.

959. **Лучицкій И.** Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи 1901, 3, 313—351, 5, 214—226.

960. **Лѣтописныя** замѣтки 1783—1811 г.г. 1897, 12, 65—66. (Д).

961. **Лѣтописныя** замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи (1740—1806) 1890, 3, 60—64, 4, 65—69.

962. **Любецкіе** гончары въ 1615 г. 1902, 2, 89. (Д).

963. **Любовичъ Н.** Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. 1893, 10, 157—158. (Д).

964. **Ляшенко А.** О Житомирской публичной библіотекѣ. 1892, 3, 499—503. (Д).

965. **Манойсскіе** козаки и ихъ земля. 1899, 9, 104—107 (Д).

966. **Максимовъ Е.** Страничка изъ исторіи Слободской Украйны (историч. прошлое Суджанскаго у.). 1886, 3, 467—481.

967. **Малороссійскіе** чины и должности и окладъ ихъ содержанія. 1883. 6, 381—385.

968. **Малышевскій И.** Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. 1889, 7, 1—27; 8, 325—353.

969. **Манифестъ** имп. Екатерины къ православному населенію Польши 9 іюля 1769 г. 1882, 5, 308—311.

970. **Маркевичъ А.** Къ древней топографіи Кіева. 1887, 12, 782—787.

971. **Маркевичъ А.** Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. 1889, 12. 612.

972. **Маркевичъ А.** Дѣло о Марковичахъ въ тайной канцеляріи. 1891, 5, 298—303.

973. **Матеріалы** для исторіи гайдамачины. 1888, 11, 307—325.

974. **Матеріалы** для исторіи бывшаго запорожья. 1882, 8, 322—339.

975. **Матеріалы** для исторіи народнаго образованія (приложеніе къ статьѣ „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ". „Кіевская старина" 1882, 2, 3). 1882, 5, 276—307, 6, 451—497.

976. **Маціевичъ Левъ.** Пребываніе имп. Александра I въ Кіевѣ въ 1816 г. 1885, 2, 399—403.

977. **Маціевичъ Л.** По вопросу о происхожденіи названія „Полтава". 1896, 7—8, 25—26. (Д.).

978. **Маціевичъ Л.** Изъ жизни Кіева въ началѣ исходящаго столѣтія. 1896, 9, 95—67. (Д.).

979. **Мельникъ К.** На Днѣстровскомъ побережьи. 1887, 8, 638—675.

980. **Мельникъ К.** Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михайла Дорошенка. 1896, 11, 274—286.

981. **Мердеръ А.** Городское ополченіе въ Кіевѣ 1863 г. 1900, 1, 2. (Д.).

982. **Мердеръ А.** Ходатайство обывателей г. Владиміра—Волынскаго (1869). 1900, 3, 143. (Д.).

983. **Мердеръ А.** Отношеніе судебныхъ учрежденій прежняго времени къ конокрадству.. 1900, 3, 143. (Д.).

984. **Мердеръ А.** Къ борьбѣ съ пьянствомъ въ Кіевской губ. въ 60-хъ г.г. 1900, 5, 80—81. (Д.).

985. **Мердеръ А.** Къ пребыванію Шамиля и его семейства въ Кіевѣ. 1900, 10, 22—23. (Д.).

986. **Мердеръ А.** Переселеніе нѣмцевъ колонистовъ съ Волыни на Дунай. 1900, 10, 24. (Д.).

987. **Мердеръ А.** Проэктъ учрежденія подъ г. Кіевомъ „пригородка" для богомольцевъ и евреевъ (1873). 1900, 10, 23—24. (Д.).

988. **Мердеръ А.** Бердичевскій полиціймейстеръ о помѣщикахъ, прибывшихъ на ярмарку. 1901, 3, 153. (Д.).

989. **Мердеръ А.** Изъ эпохи гоненій на усы и бороды. 1901, 5, 82. (Д.).

990. **Мердеръ** А. Заботы Кіевскаго генер.-губерн. гр. А. Д. Гурьева о помѣщичьихъ крестьянахъ. 1901, 5, 82—83. (Д.).

991. **Мердеръ** А. „Города Кіева Общей Думы" орудія, хранившіяся въ Кіевскомъ арсеналѣ. 1901, 5, 84—85. (Д.).

992. **Мердеръ** А. Отмѣна магистратскаго мундира въ Кіевѣ. 1901, 7—8, 15—16. (Д.).

993. **Мердеръ** А. Вывозъ пьявокъ за границу и заботы о сохраненіи тинистыхъ мѣстъ въ Кіевской губ. 1901, 7—8, 16—17. (Д.).

994. **Мердеръ** А. Къ заботамъ ген.-губ. Бибикова объ устройствѣ въ Кіевѣ постояннаго театра. 1901, 9, 85—88. (Д.).

995. **Мердеръ А.** Мѣры къ поддержанію порядка службы и духа подчиненности среди канцелярскихъ служителей (25 авг. 1838 г.). 1901, 9, 89. (Д.).

996. **Мердеръ А.** Ходатайство Кіевскихъ гражданъ о выселеніи изъ Кіева евреевъ (1830). 1901, 10, 12—13. (Д.).

997. **Мердеръ А.** Мѣры къ упорядоченію торговли и расчетовъ евреевъ съ христіанами. 1901, 10, 14. (Д.).

998. **Мердеръ А.** Прекращеніе переселенія евреевъ въ Сибирь 1901, 10, 14. (Д.).

999. **Мердеръ А.** Проектъ учрежденія транспортныхъ воловыхъ почтъ. (1841) 1901, 11, 65—69. (Д.).

1000. **Мердеръ А.** Попытка учредить въ Балтѣ комерческое собраніе и городскую общественную библіотеку. 1901, 12, 159—160. (Д.).

1001. **Мердеръ А.** Затрудненія въ Подольской губ. при обмѣнѣ обращавшейся иностранной и польской монеты на русскую (1844) 1901, 12, 161—162. (Д.).

1002. **Мердеръ А.** Проектъ выселенія евреевъ изъ селъ Кіевской губ. 1902, 2, 92. (Д.).

1003 **Мердеръ А.** Къ борьбѣ съ холерою въ 30 годахъ 1902, 2, 93. (Д.).

1004. **Мердеръ А.** Посѣщеніе Кіева Имп. Александрою Ѳеодоровною въ сентябрѣ 1828 г. 1902, 7—8, 15—23. (Д.).

1005. **Мердеръ А.** Къ правамъ евреевъ на владѣніе крѣпостными и на государственную службу (1828). 1902, 10, 7. (Д.).

1006. **Мердеръ А.** Скорбутъ и кровавый поносъ въ Кіевской губ. (1828) 1902, 10, 7—8. (Д.).

1007. **Мердеръ А.** Санитарныя мѣры въ Черкассахъ (1828). 1902, 10, 8. (Д.).

1008. **Мердеръ А.** Заботы администраціи о предотвращеніи перекупокъ сельскихъ продуктовъ (1823) 1902 10, 9. (Д.).

1009. **Мердеръ А.** Сомнѣнія встрѣчаемыя мѣщанскою управою, при требованіи отдѣльныхъ видовъ на жительство 1902, 11, 92—93. (Д.).

1010. **Мердеръ А.** Къ исторіи Немировской гимназіи 1903, 6, 154—156. (Д.).

1011. **Мердеръ А.** Къ исторіи нѣмецкихъ колонистовъ на Волыни 1903, 4, 9—10. (Д.).

1012. **Мердеръ А.** Тревога среди Дунаевскихъ колонистовъ (1831). 1903, 6, 157—158. (Д.).

1013. **Мердеръ А.** Мѣры къ ускоренію производства дѣлъ въ дореформенныхъ судахъ. 1903, 6, 159. (Д).

1014. **Мердеръ А.** Закрытіе Уманскаго Повѣтоваго Базиліанскаго училища въ ожиданіи холеры 1830 г. 1903, 7—8, 18—19. (Д.).

1015. **Мердеръ А.** Памятная записка Кіевскаго Губернатора о частыхъ воровствахъ и куреніи на улицахъ (1855) 1903, 11, 60—61. (Д.).

1016. **Мердеръ А.** Учрежденіе Комитета для вспомоществованія раненымъ офицерамъ (1855) 1903, 11, 62—63, (Д.).

1017. **Миллеръ Д.** Голштинскіе наборы въ Малороссіи 1892, 9, 293—312.

1018. **Миллеръ Д.** Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство 1897, 1, 1—31, 2, 188—220, 3, 351—374, 4, 1—47.

1019. **Миллеръ Д.** Пикинерія 1899, 12, 300—322.

1020. **Милорадовичъ гр.** Приглашеніе къ открытію университета св. Владимира и правила поступленія въ оный 1884, 7, 529—537.

1021. **Милорадовичъ Г. А.** Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссіи 1896, 1, 11—16. (Д.).

1022, **Милорадовичъ В.** Дорогой хлѣбъ. 1895, 4, 174. (Д.).

1023. **Милорадовичъ В.** Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII в.в. 1899, 7, 79—89.

1024. **Миронъ.** Къ исторіи просвѣщенія въ Галиціи 1893, 10, 159—165 (Д.).

1025. **Мищенко Ѳ.** Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи. 1886, 6, 349—355.

1026. **М. К.** Путевые очерки Подоліи. 1884, 5, 1—32; 7, 359—391; 9, 53—81; 10, 254—275; 1885, 2, 465—489; 12, 651—683.

1027- **М. Н.** Споры Луцкихъ евреевъ съ мѣщанами во второй половинѣ XVII в. 1888, 1—2—3, 30—35.

1028. **М. Н.** Побожье въ XVII и XVIII в. в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ 1890, 9, 456—476; 11, 303—316; 12, 412—433.

1029. **Модзалевскій В.** Слухи о назначеніи Кантакузина гетманомъ Малороссіи (1818). 1904, 6, 451—464.

1030. **Модзалевскій В.** Иванъ Чернышъ и Михаилъ Милорадовичъ. 1905 2, 134—135. (Д).

1031. **Модзалевскій В.** Къ исторіи отношеній между великорусскими офицерами и малороссійскими урядниками въ XVIII ст. 1905, 4, 41—43. (Д).

1032. **Модзалевскій В.** Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. 1905, 7—8, 38—42. (Д).

1033. **Модзалевскій В.** Свѣдѣнія о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губ. на расквартированные въ Малороссіи полки (1715—1717). 1905, 9, 115—119. (Д).

1034. **Модзалевскій В.** Полтавская интрига 1714 г. 1905, 11—12, 173—185.

1035. **Молчановскій Н.** Бюджеты г. Кіева въ срединѣ XVIII в. 1898, 1, 64—83.

1036. **Молчановскій Н.** Три письма кошевыхъ атамановъ къ шведскимъ королямъ. 1899, 1, 1—5. (Д).

1037. **Молчановскій Н.** Донесеніе венеціанца Альберта Вимина о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ. 1900, 1, 62—75.

1038. **Молчановскій Н.** Кіевское городское управленіе въ 1786 г. (по протоколамъ засѣданій городской думы). 1889, 5—6, 380—399; 7, 47—63.

1039. **Молчановскій Н.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. 1889, 11, 444—445—447.

1040. **Моравскій С.** Өедоръ Лисовскій 1709—1722 (очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ перв. половинѣ XVIII в.). 1891, 9, 427— 454; 10, 22—57.

1041. **М—чъ В. Т.** Изъ старыхъ бумахъ Холмскаго архива. Записка поданная ген-губ. Тутолину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. 1883, 8, 735—737.

1042. **Мѣры** гетманскаго правительства Малороссіи въ 1727—1757 г. г. въ предупрежденіе голода. 1894, 3. 553—557. (Д).

1043. **Мѣры** противъ холеры 1831 г. (объявленіе Кіевскаго губернатора). 1903, 11, 72—73. (Д).

1044. **Мякотинъ В.** Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. 1891, 2, 300—314.

1045. № Старинный проектъ заселенія Украйны (1590 г.). 1895, 3, 295—341.

1046. № Семейная драма въ 1812 г. 1895,3, 342—370.

1047. **Наказы** малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія Уложенія. 1888, приложеніе, 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12; 1889, 1, 2, 3.

1048, **Науменко В.** Къ исторіи открытія Немировской гимназіи. 1888, 12, 116—117.

1049. **Науменко В.** Къ исторіи Кіевскаго дворянскаго собранія. 1889, 2, 495—499.

1050. **Науменко В.** Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. 1889, 12, 642—644,

1051. **Науменко В.** Нѣсколько дан-

ныхъ о состояніи Кіевскаго учебнаго Округа въ 1835 г. 1890, 1, 127—130.

1052. **Науменко В.** Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи Университета Св. Владимира въ 1835 г. 1890, 2, 349— 355.

1053. **Науменко В.** Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій Университета Св. Владимира въ октябрѣ 1835 г. 1890, 8, 323—324.

1054. **Науменко В.** Справка о практическихъ занятіяхъ студентовъ по предмету россійской словесности въ первые годы жизни университета Св. Владимира. 1894, 4, 169—174. (Д).

1055. **Науменко В.** Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamietniki o dzelach, pismennictwie i prawobawstwie slowian". 1896, 2, 63—65. (Д).

1056. **Науменко В.** Коллегія Павла Галагана въ Кіевѣ 1896, 12, 418—433.

1057. **Н. Б.** Покупка греками на Украйнѣ—„дювокъ-чухонокъ„. 1893, 9, 440—441. (Д).

1058. **Н. Б.** Къ характеристикѣ московскихъ „ратныхъ людей", служившихъ въ малороссійскихъ городахъ. 1894, 7, 105—111. (Д).

1059. **Н. Б.** Выходецъ изъ полону Василій Віоленскій. 1894, 9, 448—451. (Д),

1060. **Н. Б.** Къ характеристикѣ козаковъ первой половины XVII вѣка 1896, 2, 59—61. (Д).

1061. **К. В.** Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ полтавской побѣды? 1901, 12, 171—172. (Д).

1062. **Нейманъ Ц. Г.** Дарственная запись Станислава Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ. 1885, 7, 512—514.

1063. **Нейманъ Ц.** Старая брацлавщина и ея люди 1889, 5 и 6, 532—547; 8, 264—281; 10 103—120.

1064. **Неосуществившійся** университетъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ (Два письма о немъ 1802—1803 г. г.). 1882, 3,592—597.

1065. **Н. Ив.** Еще объ Иванѣ Поповичѣ 1889, 11, 429—439.

1066. **Николайчикъ Ѳ.** Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой (1591—1596). 1884: 3, 423—442; 4, 525—564.

1067. **Николайчикъ Ѳ.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора (съ картою). 1889, 10, 52—69.

1068. **Николайчикъ Ѳ.** Универсалъ гетмана Скоропадскаго о вечерницахъ, кулачныхъ бояхъ, сборищахъ подъ Ивана Купала и проч. 1719 г. 1894, 6, 541—543. (Д).

1069. **Николайчикъ Ѳ.** Цѣны на сукна, матеріи, сафьянъ, жемчугъ и пр. въ г. Стародубѣ въ началѣ XVIII в. 1894, 9, 451—456. (Д).

1070. **Никифоровъ В.** свящ. Кураковскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 года. 1885, 4, 767—773.

1071. **Ни—къ Ѳ.** Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ имп. Екатерины II. 1883, 2, 460—464.

1072. **Ни—къ Ѳ.** Старинныя поздравленія и выборы. 1883, 2, 464—466.

1073. **Н—й С.** Изъ сферы Кіевскаго городского хозяйства 2-й половины XVIII ст. 1887, 6, 7, 578—583.

1074. **Н. Л.** Дѣятельность шаритокъ въ Житомирѣ 1894, 7, 102—103. (Д).

1075. **Н. М.** Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII в. Д—ра Антонія I. 1894, 1, 107—126; 2, 282—304; 2, 512—529.

1076. **Н. М.** Лѣвобережная Украина въ XV—XVII ст. 1896, 4, 85—101: 5 249—267: 6, 369—379.

1077. **Н. М.** Выборы въ Кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье Кіевскихъ войтовъ. 1897, 2, 35—38. (Д).

1078. **Н. М.** Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. 1897, 2, 38—39. (Д).

1079. **Н. М.** Польскій король Янъ-Казимиръ, Хмельницкій и греки. 1897, 4, 17—18. (Д).

1080. **Н. М.** Правныя книги и руководства Кіевскаго Магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г. г. 1897, 3, 64—74. (Д).

1081, **Н. М.** Странствованія чумака, бурсака и раба. 1897, 10, 16—20. (Д).

1082. **Н. М.** Пререканія вѣдомствъ по поводу запорожья 1751 г. 1898, 1, 4—7. (Д).

1083. **Н. М.** Продажа Кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. 1897, 5, 63—65. (Д).

1084. **Н. М.** Матеріалы для новѣйшей исторіи юго-западнаго края. 1) проэктъ поручика Нечая 1832 г. объ улучшеніи быта крестьянъ. 1899, 6, 408—432.

1085. **Новицкій И.** Настоящее имя первой фундаторки братскихъ школъ 1885, 8, 732—735.

1086. **Нось-фонъ Ст.** Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ. 1882, 6, 552—554.

1087. **Нось-фонъ Ст.** Письмо кн. Н. В. Репнина къ имп. Николаю Павловичу (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской и Черниговской губерніи). 1882, 12, 557—563.

1088. **Нось-фонъ Ст.** Изгонъ Іудеевъ начала XVII в. 1883, 1, 214—215.

1089. **Нось С. Д.** Благодарственное письмо Григ, Андр. Полетики своимъ выборщикамъ за избраніе въ званіе депутата въ комисію для сочиненія новаго Уложенія. 1890, 11, 334—335.

1090 **Н. П.** Антифѣевка. 1893, 11, 326—327.

1091. **Н. И.** Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку къ 1762 г. 1906, 1, 1—5 (Д).

1092. **Н. С.** Мало извѣстныя и не извѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавшины. 1884, 4, 684—688,

1093. **Н. С.** Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской въ 1835 г. 1895, 3, 98—99. (Д).

1094. **Н. С.** Угроза генералъ Губернатора кн. Я. И. Лобанова—Ростовскаго жителямъ Смѣлаго (Ромен. уѣзда) за ослушаніе 1811 г. 1895, 3, 97—99. (Д).

1095. **Н. С.** Матеріалы для исторіи. дворянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи (изъ Яготинскаго архива кн. В. Н. Репнина) о задолженности С. М. Кочубея, бывшаго губ. пред. дворянства 1895, 3, 405—418.

1096. **Н. С.** Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. 1897, 4, 124—156: 6, 460—483: 10, 115—131: 11, 143—156: 12, 332—350.

1097. **Н. С.** Къ исторіи военныхъ поселеній въ новороссіи. 1897, 12. 69—70. (Д).

1098. **Н. С.** Къ исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ первой четверти XIX в. 1900, 6, 391—397.

1099. **Нѣжинскихъ** купцовъ и мѣщанъ прошеніе о воспрещеніи польскимъ и австрійскимъ евреямъ розничной торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи 1797 года. 1902, 7—8, 12—15. (Д).

1100. **Н. Ѳ.** Журнально газетные статьи и матеріалы по южно-русской исторіи. 1885, 1, 206—214; 3, 597—612.

1101. **Образованіе** Ландъ-милиціи въ Полтавской губ. въ декабрѣ 1806-го и о избраніи командующаго оною милиціею. 1888, 10, 30—31.

1102. **Объясненіе** Полковника И. Черняка о работахъ козаковъ на Ладожскомъ каналѣ. 1884, 5, 117—122.

1103. **Объ одномъ** изъ памятниковъ украинской старины („проэктъ свода законовъ для малорусскаго народа" въ 1-ой половинѣ 18 в.). 1905, 10 12—16. (Д).

1104. **О времени** поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленіямъ. Записка составл. по архивн. источникамъ, въ 1865 г., есауломъ Барилкомъ и хорунжимъ Кіяшкомъ. 1897, 5, 6. Приложеніе.

1105. **Оглоблинъ Н.** Воеводскія „вѣстовыя отписки" XVII в., какъ матеріалъдля исторіи Малороссіи. 1885 ,7, 365— 416.

1106. **Оглоблинъ Н.** „Кіевскій столъ" разрядного приказа. 1886, 11, 536—552.

1107. **Оглоблинъ Н.** Очерки изъ быта Украйны конца XVII столѣтія. I Сожженіе вѣдьмы 1887, 5, 92—124.

1108. **Оглоблинъ Н.** Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в. 1889, 5—6, 578—585.

1109. **Оглоблинъ Н.** Розыскъ 1869 г. о злоупотребленіяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи. 1895, 12 271—306.

1110. **Одинецъ И.** Къ вопросу объ украинскомъ народничествѣ (опытъ програмныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи). 1906 7—8, 338—376.

1111. **О. Л.** Бердичевская ярмарка (изъ воспоминаній шляхтича 1842 г.). 1893, 6, 428—458.

1112. **О. Л.** Два памятника изъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

1). Универсалъ Хмельницкаго, возбуждающій чернь къ войнѣ.

2). Пасквиль по поводу заключенія мира съ козаками. 1888, 7, 14—18.

1113. **О. Л.** Изъ путевыхъ замѣтокъ Вел. кн. Николая Павловича (1816 года). 1896, 12, 78—80. (Д).

1114. **О. Л.** Документы изъ эпохи „Панованья Войска запорожскаго" въ Малороссіи 1897, 2, 42—43. (Д).

1115. **О. Л.** Сборъ съ православн. помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. 1897, 5, 68—69. (Д).

1116. **О. Л.** Заботы о „наружномъ образованіи Кіевскихъ студентовъ въ 1840 г. 1898, 12, 77—80. (Д).

1117. **О. Л.** Ланкастерская школа въ м. Городищѣ, Черкасскаго у. въ 1840 г. 1898, 12, 80—82. (Д).

1118. **О. Л.** Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и Ю. З. краѣ 60 лѣтъ назадъ 1900, 3, 141—142. (Д).

1119. **О. Л.** Истребленіе еврейскихъ безцензурныхъ книгъ и судебное пре-

слѣдованіе евреевъ за ихъ утайку. 1900,7—8, 1—3. (Д).

1120 **О. Л.** Кіевскаго и другихъ центральныхъ архивовъ къ исторіи учрежденія. 1902, 5, 81—86. (Д).

1121. **О. Л.** Неосуществившійся проэктъ общества распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ Малороссіи. 1903, 2, 69—70. (Д).

1122. **О. Л.** Розыски волшебниковъ и отравителей въ Нѣжинскомъ полку въ 1767—1777 г. 1903, 4, 1—2. (Д),

1123. **О. Л.** Къ исторіи винокуренія и винной торговли въ Малороссіи въ XVIII в. 1903, 11, 57—60. (Д).

1124. **О. Л.** Домашніе учителя изъ лицъ польскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ. 1904, 11, 49—51. (Д).

1125. **О. Л.** Одинъ изъ питомцевъ Сѣчевой школы. 1905, 2, 128—131. (Д).

1126. **О. Л.** О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. 1905, 7—8, 47—52. (Д).

1127. **О. Н.** „Бунтъ" свирскаго магистрата. 1888, 8, 196—245.

1128. **Описаніе** бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 г. 1888, 3, 520—529.

1129. **О положеніи** украинской печати. 1904, 11, 54—60. (Д).

1130. **Ордеръ** гр. Румянцева Кіевскому Намѣстническому Правленію отъ 9 янв. 1783. 1895, 9, 67—68. (Д).

1131. **Орловскій П. Протоіерей.** Къ исторіи чумной эпидеміи въ Кіевѣ. 1770—1771 г. г. 1897, 6, 445—459.

1132. **Отвѣтственность** оцѣнщиковъ въ Кіевскомъ магистратѣ (1762 г). 1904, 2, 54—58. (Д).

1133. **Отвѣтъ** малороссійскимъ слобожанамъ (найденный въ глуховскомъ архивѣ) 1884, 11, 550—552.

1134. **Отдача** гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ. 1901, 4, 13—15. (Д.).

1135. **Отрывокъ** изъ записокъ Анонима 1768. (Казнь Гонты и усмиреніе „Коліивщины) 1882, 11, 349—353.

1136. **Отрывокъ** изъ исторіи Малороссіи, составленный А. Мартосомъ т. III глава V 1652—1653. 1895, 2, 186—194.

1137. **Отъ Редакціи** (нѣсколько словъ г. Корзону о коліивщинѣ) 1893, 1, 161—166.

1138. **Очеркъ исторіи** Юго-западной Руси 1885, 1, 19—56; 2, 282—307; 3, 437—464; 4, 678—716; 5, 21—43; 6; 205—218.

1139, **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Первое дворянское собраніе. 1901, 11, 69—71. (Д.).

1140. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. О шелковичномъ заводѣ и казенномъ садѣ въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ 1800--1805 г.г. 1901, 11, 71—73. (Д.).

1141. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Актъ въ Полтавскомъ народномъ училищѣ 27 іюня 1803. 1901, 11, 73—74. (Д.).

1142. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. (о поселеніи малороссіянъ въ Крыму близъ Ѳеодосіи). 1902, 1, 7—8. (Д.).

1143. **Павловскій И. Ф.** Кременчугъ сто лѣтъ назадъ 1902, 6, 165—167. (Д.).

1144. **Павловскій И. Ф.** Статистика врачей въ Полтавской губ. 1804 г. 1902, 6, 168. (Д.).

1145. **Павловскій И. Ф.** Полтава въ

началѣ XIX вѣка (съ рисунками). 1902, 7—8, 111—164 9, 293—318.

1146. **Павловскій И. Ф.** Ромны, Гадячъ, Миргородъ и ихъ уѣзды сто лѣтъ назадъ. 1902, 7—8, 6—12. (Д.).

1147. **Павловскій И. Ф.** Прилука, Лубны и Кобеляки и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ 1902, 9, 99—103. (Д.).

1148. **Павловскій И. Ф.** О цѣнахъ въ Малороссіи на жизненные припасы въ концѣ 18 и въ началѣ 19 ст. 1902, 9, 103—104, (Д.).

1149. **Павловскій И. Ф.** О прививтіи оспы въ Полтавской губ. въ нач. 19 ст. 1902, 9, 104—105. (Д.).

1150. **Павловскій И. Ф.** Заботы князя Куракина объ устройствѣ въ Полтавской губ. хлѣбныхъ магазиновъ. 1902, 9, 105—107. (Д.)

1151. **Павловскій И. Ф.** Переяславъ, Константиноградъ, Пирятинъ, Золотоноша и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ. 1902, 10, 9, 12. (Д.).

1152. **Павловскій И. Ф.** Хоролъ, Лохвица, Зѣньковъ и ихъ повѣты 100 лѣтъ назадъ. 1902, 11, 83—86. (Д.).

1153. **Павловскій И. Ф.** Объ учрежденіи фельдшерской школы въ Полтавѣ 1902, 12, 144—145. (Д.).

1154. **Павловскій И. Ф.** Дѣтскій пріютъ въ Полтавѣ на подобіе нынѣшнихъ „яслей“ 1902, 12, 145—147. (Д.).

1155. **Павловскій И. Ф.** Объ устройствѣ въ Полтавѣ заведенія для спасенія утопающихъ 1903, 1, 7—9. (Д.).

1156. **Павловскій И. Ф.** Проектъ основанія въ Лубнахъ скотоврачебной лѣчебницы 1903, 1, 9—10. (Д.).

1157. **Павловскій И. Ф.** Школа чистописцевъ, существовавшая въ Полтавѣ. 1903, 5, 93—94. (Д.).

1158. **Павловскій И. Ф.** Дѣло о государствен. измѣнѣ и нарушеніи общаго спокойствія въ Малороссіи въ 1807 г. 1903, 12, 136—138. (Д.).

1159. **Павловскій И. Ф.** Донесеніе Пирятинскаго нижняго з. суда князю Куракину (донесеніе, что все обстоитъ благополучно). 1904, 1, 3, (Д.).

1160. **Павловскій И. Ф.** Частныя пожертвованія Черниговскихъ дворянъ на организацію милиціи въ 1806 г. 1904, 2, 65, (Д.).

1161. **Павловскій И. Ф.** Ремесленное училище въ Черниговѣ, учрежденное сто лѣтъ назадъ. 1904, 2, 157—168.

1162. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи Полтавскаго ополченія 1812 г. 1904, 3, 110—111. (Д.).

1163, **Павловскій И. Ф.** Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. 1904, 4, 3—6. (Д.).

1164. **Павловскій И. Ф.** О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи, 1904, 5, 58—60. (Д.).

1165. **Павловскій И. Ф.** О цѣнахъ на хлѣбъ, мясо, ягоды, воскъ и медъ въ Полтавской губ. 100 лѣтъ тому назадъ. 1904, 6, 119—120. (Д.).

1166. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи почтъ въ Малоросіи, 1904, 7—8. 19—20. (Д.).

1167. **Павловскій И. Ф.** Заботы кн. Репнина о Полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина. 1904, 10, 217—226.

1168. **Павловскій И. Ф.** Полтавскій уѣздъ сто лѣтъ назадъ. 1904, 12, 142—143. (Д.).

1169. **Павловскій И. Ф.** Полтава въ XIX столѣтіи. 1905, 11—12, 228—342.

1170. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Жалоба еврейскаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ (1836 г.). 1906, 5—6, 20. (Д.).

1171. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату (1839 г.). 1906, 5—6, 21. (Д.).

1172. **Павловскій И. Ф.** Вызовъ Полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ Волынской губ. 1906, 1—8, 79—80. (Д.).

1173. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины. Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола. 1906, 7—8, 80—81. (Д.).

1174. **Павловскій И. Фр.** Малороссійское козачье ополченіе въ 1812 году по архивнымъ даннымъ. 1906, 9, 1—20; 10, 137—154.

1175. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ половинѣ XIX ст. 1906, 11—12, 589—597,

1176. **Павловскій И. Фр.** Взносы приказовъ общественнаго призрѣнія на Полтавскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ. 1907, 11—12, 278.

1177. **Павловскій И. Ф.** Полтавскій Комитетъ о земскихъ повинностяхъ. 1907, 11—12, 275—278.

1178. **Падалка Л.** Была ли на о. Томаковкѣ запорожская сѣчь (съ картой). 1893, 5, 243—262.

1179. **Падалка.** Къ вопросу о существованіи запорожской сѣчи въ первыя времена запорожскаго козачества, 1894, 5, 258—276; 6, 439—461.

1180. **Падалка Л.** Десятинщики Херсонской губ. (Ист. статистическій очеркъ) 1895, 9, 324—345.

1181. **Падалка Л.** Происхожденіе запорожскаго козачества. 1884, 8, 580—608, 9, 27—52.

1182. **П. Вл.** Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. 1905, 3, 242—243. (Д.).

1183. **П. Е.** Указъ Петра I-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго 1887, 8, 777—779.

1184. **Первая** страничка изъ исторіи Полтавскаго Института благородныхъ дѣвицъ, 1900, 11, 283—290.

1185. **Переселеніе** Малороссіянъ въ Тамбовскій край въ половинѣ XVIII в. 1901, 2, 76—77. (Д.).

1186. **Перетцъ В.** Дѣло о жалованьѣ плѣннымъ козакамъ 1708 г. и просьба козаковъ о томъ же. 1905, 6, 234—237. (Д.).

1187. **Петлюра С.** Секретні циркуляри правительства на Кубані. 1834, 1843, 1848. 1907, 6, 347—350.

1188. **Петровъ Н.** Къ исторіи колонизаціи слободской Украйны. 1883, 4, 23—51, 6, 314—340.

1189. **Петровъ Н.** Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. 1889, 2, 464—476, 3, 705—716, 4, 174—184, 6, 314—340.

1190. **Петровъ Н.** Прошеніе отставного прапорщика Землянскаго 1816 г. 1893, 1, 174. (Д.).

1191. **Петровъ Н.** Къ исторической топографіи Печерска и Клова 1896, 4, 17—22. (Д.).

1192. **Петръ I** въ русской Равѣ въ 1698 г. 1882, 1, 214—218.

1193. **Пирятинская** городская „армага“ въ 1691 г. 1899, 6, 127. (Д.).

1194. **Пискорскій В.** Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіевскаго Университета (замѣтки о студенческихъ сочиненіяхъ въ 30-е годы) 1894. 4, 49—60.

1195. **Письмо** изъ Варшавы отъ 6 апрѣля 1790 г. 1883, 5, 178—181.

1196. **Письмо** князя Константина Острожскаго воеводы Кіевскаго къ сыну его Янушу, Каштеляну Краковскому 7 мая 1607 г. 1883, 11, 477—480.

1197. **Пишчевичъ Алекс.** Примѣчанія на Новороссійскій край. 1884, 1, 111—134.

1198. **Пишчевичъ А. С.** Южно-русскій городъ въ началѣ текущаго столѣтія. (Изъ дневныхъ записокъ). 1886, 1, 173—183.

1199. **Пишчевичъ А. С.** Бугскіе козаки и украинскіе уланы. 1886, 2, 387—394.

1200. **П—ко Вл.** Былъ ли игуменъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г. 1905, 1, 4—7. (Д.).

1201. **П—ко Вл.** Къ исторіи Коліивщины (матеріалы) 1905, 3, 236—242. (Д.).

1202. **П—ко Вл.** Къ вопросу о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ XVIII в. 1905, 7—8, 108—116.

1203. **П—ко Вл.** Изъ исторіи образованія на Украинѣ 1905, 9, 235—247, 10, 126—132.

1204. **П—ко Вл.** Конецъ старой Малороссіи (1733—1788 годы въ исторіи лѣвоб. Украйны). 1905, 11—12, 343—349.

1205. **П—ко Вл.** Къ исторіи взаимныхъ отношеній Малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII в. 1906, 1, 11—12. (Д.).

1206. **П. Л.** Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи. 1884, 2. 352—354.

1207. **П. Л.** Гдѣ находился Кіевскій домъ Саввы Туптала Сотника? 1887, 2, 383—384.

1208. **П. Л.** Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII столѣтія, ея составъ и содержаніе. 1887, 8, 780—783.

1209. **П. Л.** Обеззѐмеленные „вольные матросы" въ г. Никополѣ херс. губ. 1888, 12, 124—129.

1210. **Плотниковъ И.** Любечъ 27 іюля 1887 г. 1887, 9, 197—198.

1211. **П. Н.** Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 г. 1882, 3, 616—618.

1212. **Повѣсть** объ осадѣ г. Михайлова гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1618 году. 1885, 12, 684—689.

1213. **Подвысоцкій Н. свящ.** Село Сахновка Каневскаго уѣзда и кн. П. П. Лопухинъ. 1897, 7—8, 20—26. (Д.),

1214. **Познанскій Борисъ.** Императоръ Александръ I въ Бѣлой-Церкви у графини Браницкой. 1889, 4, 187—190.

1215. **Познанскій Борисъ.** Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г. 1889, 9, 752—758.

1216. **Познанскій Б.** Кое-что о козачинѣ на Украинѣ въ 1855 г. 1905, 4, 139—159.

1217. **Поимка** Гаркуши въ Ромнѣ. 1885, 10, 404—407.

1218. **Полницкій А.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной долинѣ въ 1750 году. 1889, 5—6, 332—379.

1219. **Полницкій А.** Новороссійскій Сардананалъ (Гервасій Котъ). 1898, 5, 191—201.

1220. **Полницкій А.** Марья, въ жидовствѣ Маріяна. 1895, 12, 361—366.

1221. **Понятовскому** Станиславу

жалованная грамота на староство Богуславское (1777.) 1893, 5, 322—325. (Д.).

1222. **Попруженко Е.** Кіевская актовая рѣчь 1841 г. 1885. 4, 773—776.

1223. **Порш. М.** Із статистики України 1907, 7—8, 20—46.

1224. **Порш. М.** Статистика землеволодіння въ 1905 р. і мобілізація земельної власности на Україні. 1877—1905 р. р. 1907, 11—12, 145—180.

1225. **Послѣднія** домогательства Малороссійскаго шляхетства. 1884, 1, 174—177.

1226. **Посѣщеніе** Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Маріей Өедоровной (современное описаніе) 1883, 7, 539—562.

1227. **Походное** вооруженіе гетманскаго козака: 1901, 2, 78. (Д).

1228. **Правила** для кіевскихъ гимназистовъ, распубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи. 1900, 12, 147—148. (Д).

1229. **Представленіе** ген. губ. Воейкова о назначеніи докторовъ въ Кіевскую губернію (1766 г.). 1903, 12, 139—141. (Д).

1230. **Преслѣдованіе** лаптей колонизаторами Новороссіи 1886, 8, 754—756.

1231. **Придворные** гайдуки откуда набирались. 1902, 3, 162—163. (Д),

1232. **Прошеніе** малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатеринѣ II-ой въ 1764 году. 1883, 6, 317—345.

1233. **Прошеніе** сотниковъ Черниговскаго полка о козачьихъ обидахъ, поданное имп. Елизаветѣ въ 1744 г. 1894, 4, приложеніе.

1234. **Протестація** вельможнаго его милости пана Стемпъковскаго, кашъteляна Браславскаго, противко Павлови Тетерови, аентови его милости пана Браславскаго 1894, 11, 306—307. (Д).

1235. **Проэктъ** казеннаго сельскаго хозяйства въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ. 1885, 4,746—754.

1236. **Пузыревскій А.** Нѣсколько словъ о Каменецъ Подольской гимназіи 50-хъ годовъ. 1895, 12, 97—100. (Д).

1237. **Раданова Елена.** Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. 1891, 6, 458—468.

1238. **Разсказъ** современника о приключеніяхъ съ нимъ во время „Коліивщины". 1887, 1, 51—64.

1239. **Рева И.** Изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. 1885, 4, 790—791.

1240. **Рескриптъ** императора Павла объ опредѣленіи малороссійскаго дворянства въ военную службу. 1887, 11, 579.

1241. **Рклицкій С.** Запрещеніе бродяжничества монахамъ въ 1731 г. 1902, 11, 75—77. (Д.).

1242. **Романовское** староство и судьба его жителей. 1885, 8, 607—630.

1243. **Рудановскій Л.** Черниговская гимназія начала 40-хъ годовъ. 1894, 10, 90—110.

1244. **Рудковскій А.** Свѣдѣнія о Бугскихъ козакахъ. 1882, 11, 389—391.

1245. **Русовъ А.** Осада и взятіе Очакова (1788). 1888, 12, 543—598.

1246. **Русовъ А.** Злоключеніе трехъ

Кіевскихъ студентовъ въ прошломъ столѣтіи. 1904, 11, 336—361.

1247. **Руссетъ Елизавета.** Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ. 1884, 1, 173—174.

1248. **Рыжковъ Н.** Открытіе главнаго народнаго училища въ Кіевѣ въ 1789 г. 1893, 7, 136—138. (Д.).

1249. **Рѣчь** запорожскаго войсковаго писаря имп. Екатеринѣ II. 1897, 12, 63—64. (Д.).

1250. **Рядная запись** 1-ой половины XVIII в. 1884, 3, 471—476.

1251. **Садовскій.** Столѣтіе Кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія 1789—1889 г. г. 1888, 11, 423—429.

1252. **Свѣдѣнія** о массонскихъ ложахъ, бывшихъ въ Волынской губ. 1895, 11, 62—63.

1253. **С. Е.** Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка 1891, 4, 56—67.

1254. **Секретное** предписаніе Кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 г. 1903, 11, 73. (Д).

1255. **Сербинъ-Вукъ** Полковникъ Переяславскій (1675—1682). 1894, 1, 129—134. (Д.).

1256. **Сербы** въ Кіевѣ (1753—1754). 1885, 2, 381—385; 7, 505—511.

1257. **Синицкій Л.** Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. 1892, 2, 226—259.

1258. **Синицкій Л.** Путешествіе въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. Долгорукаго. 1893, 2, 274—292; 3, 412—441; 4, 29—40.

1259. **Скальковскій А.** Филиппъ Орликъ и запорожцы. 1882, 4, 106—132.

1260. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья. 1882, 7, 178—180.

1261. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья 1 „Порубежныя любезности“ 1882, 10, 159—166.

1262. **Скальковскій.** Еще о бугскихъ козакахъ. 1882. 12, 598—602.

1263. **Скальковскій А.** Къ исторіи запорожья Внутренніе распорядки. 1882, 12, 527—537.

1264. **Скальковскій А.** Къ исторіи бугскихъ козаковъ. 1883, 5, 186—187.

1265. **Скальковскій А.** Еврейскій плѣнъ въ запорожьи 1770—1772 г. 1884, 1, 159—165.

1266. **Скальковскій А.** Дунайцы. 1885, 1, 117—132.

1267. **Скальковскій А.** Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамаччины 1885, 10, 277—318.

1268. **Скальковскій А.** Секретная переписка Коша запорожскаго 1734—1763. 1886, 2, 327—349.

1269. **Скальковскій А.** Какъ судили и рядили въ Сѣчи запорожской. 1886, 3, 604—621.

1270. **Скальковскій А.** Русскіе диссиденты въ Новороссіи. 1887. 4, 771—782.

1271. **Скальковскій А.** Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи запорожской въ 1770 г. (отрывокъ изъ напечатанной статьи моей надъ заглавіемъ „Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774 г.г.) 1891, 10, 117—119.

1272. **С—ко.** Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи. 1885, 5, 173—175.

1273. **Скриленко А.** Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. 1905, 7—8, 52—57. (Д.).

1274. **Словарь** малорусской старины, составленный въ 1808 г. Ломиковскимъ В. 1894, 7, 8, 9. приложеніе; къ словарю—1894, 11, 310.

1275. **Смонтій А.** Городъ Умань и Софіевка (исторія г. Умани—Уманская рѣзня—Софіевка). 1882, 12, 420—437.

1276. **С. Н. И.** Польское привѣтствіе Наполеону I отъ лица Бѣлоруссіи. 1885, 7, 514—515.

1277. **С—овъ Н. Ѳ.** Къ исторіи цѣнъ въ Малороссіи. 1883, 12, 696—697.

1278. **Сокальскій Л.** Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. 1905, 2, 189—200.

1279. **С. П.** Рукописи Румянцевскаго музея по исторіи Кіева. 1882, 4, 158—160.

1280. **С—р—ъ И.** Изъ жизни малороссійскихъ колонистовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. 1884. 7, 467—484.

1281. **Старый Прилучанинъ.** Къ Турбаевской катастрофѣ. 1891, 5, 312—313.

1282. **Степовичъ А.** Кіевъ по словарю Гарбеля. 1895, 11, 49—50. (Д.).

1283. **Сторожевъ В. Н.** Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. 1890; 5, 379—380.

1284. **Сторожевъ В. Н.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. 1889, 11, 327—349.

1285. **Сторожевъ В. Н.** Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украйны. 1890, 6, 544—549.

1286. **Сторожевъ В. Н.** Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны. 1890, 9, 497—503.

1287. **Сторожевъ.** Десятня Коротояцкихъ и урывскихъ новаго выѣзда черкасъ 1653 г. (смотръ и раздача денежнаго жалованья коротояцкаго воеводы О. Ив. Сукина) 1892, 12, 463—468. (Д.).

1288. **Сторожевъ В.** Дѣло (2—22 октября 1694 г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣнье деньгами и сукномъ изъ Галицкаго и Малороссійскаго приказовъ 1896, 7—8, 3—8. (Д.).

1289. **Стороженко Н. В.** Замѣтка А. И. Чепы о таможняхъ. 1890, 12, 514—515.

1290. **Стороженко А.** Очерки Переяславщины. 1891, 11, 195—215.

1291. **Стороженко А.** Къ исторіи Кіева и его окрестностей въ XV и XVI в.в. 1892, 2, 339—347. (Д.).

1292. **Стороженко А.** Кіевъ триста лѣтъ назадъ 1894, 2, 204—230.

1293. **Стороженко А.** Фастовская типографія. 1895,112, 83—88. (Д.).

1294. **Стороженко А.** Къ исторіи мѣстечка Борисполя Полтавской губ. 1897, 3, 507—518.

1295. **Стороженко А.** Гдѣ жили Переяславскіе Торки? 1899. 2, 283—290.

1296. **Стороженко. Н.** Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи 1890, 3, 540—542.

1297. **Стороженко Н.** Рынокъ въ г. Острѣ (1690 г.). 1892, 2, 348. (Д.).

1298. **Стороженко Н.** Въ г. Нѣжинѣ первая аптека. 1892, 3, 497. (Д,).

1299. **Стороженко Н.** Замѣтка къ знанію надлежащая о малороссійскомъ полковомъ и сотенномъ судѣ. 1893, 3, 538—539. (Д.).

1300. **Стороженко Н. В.** Эпизодъ

изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ 1888, 6, 76—78.

1301. **Стороженко Н. В.** Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. 1888, 7, 11—13.

1302. **Стороженко Н. В.** Изъ исторіи Нѣжинскихъ грековъ. 1890, 6, 540—544.

1303. **Стороженко Н. В.** Полуботокъ или Свѣчка? (Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія 2-й половины XVII в.) 1890, 12, 434—447.

1304. **Стороженко Н. В.** Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. 1891, 3, 478—493; 9, 455—465.

1305. **Стороженко Н. В.** Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ 1891, 2, 320—334; 5, 303—309; 7, 141—147.

1306. **Стороженко Н. В.** Мельницы въ г. Козельцѣ (универсалы XVII в.) 1892, 3, 496—497. (Д.).

1307. **Стороженко Н. И.** Кирилло-Меѳодіевскіе заговорщики. 1906, 2, 135—152.

1308. **Страничка** изъ жизни коллегіи Павла Галагана 1901, 12, 177—178. (Д.).

1309. **Струнина Л.** Первыя воскресныя школы въ Кіевѣ. 1898, 5, 287—307.

1310. **Судьба** просвѣтительныхъ учрежденій Кіева. 1890, 11, 317—322.

1311. **Сулима Семенъ.** Замѣтки стараго Кіевлянина (Кіевъ въ 1812 и 1824 г.). 1882, 12, 614—624.

1312. **Сумцовъ Н.** Къ исторіи Слободско-украинскаго чумачества. 1884, 3, 493—498.

1313. **Сумцовъ Н.** Архивная справка по поводу „Записокъ И. М. Сбитнева" 1887, 3, 571—574

1314. **Сумцовъ Н.** Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь. 1888, 5, 235—258.

1315. **Счетъ** судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ за порубку лѣса 1723 г. 1901, 7—8, 9. (Д.).

1316. **С—ъ** 2 случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель. 1884, 10, 346—351.

1317. **Сѣверянинъ.** Къ столѣтію Новгородъ Сѣверской гимназіи. 1888, 9, 63—70.

1318. **Сѣцинскій Е.** Картина изъ временъ крѣпостного права. 1899, 4, 152—154.

1319. **Т. А.** Еще о Гаркушѣ. 1886, 11, 569—571.

1320. **Танковъ А.** Изъ недавней исторіи малорусскаго казачества. 1898, 5, 46—51. (Д.).

1321. **Твердохлѣбовъ А.** Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ І-мъ въ Ахтыркѣ. 1886, 9, 178—182.

1322. **Твердохлѣбовъ А.** Эпизодъ изъ предсмертной борьбы запорожья за цѣлость своихъ владѣній. 1886, 12, 749—756.

1323. **Твердохлѣбовъ А.** Наслѣдственное полковничество (Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ.) 1887, 5, 152—170.

1324. **Твердохлѣбовъ А.** Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санкт Петербургъ за дѣлами малороссійскими. 1888, 11, 82—84.

1325. **Теличенко И.** Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. 1888, 1—3, 244—270.

1326. **Теличенко И.** Изъ исторіи финансовъ въ малороссіи и слободской Украйнѣ. 1888, 3, 10—15.

1327. **Теличенко И.** Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія свода законовъ. 1888, 9, 415—466; 10, 22—63—68.

1328. **Теличенко И.** Скорбный листъ малороссійской коллегіи. 1889, 2, 445—458.

1329. **Теличенко Ив. В.** Универсалъ гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ. 1890, 4, 163—166.

1330. **Теличенко И.** Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. 1890, 8, 161—191; 9, 390—419; 10, 94—122; 11, 251—272; 12, 471—493; 1891, 1, 73—97; 2, 232—254.

1331. **Т—ій К. И.** Краткій очеркъ исторіи города Умани, 1888, 8, 381—394.

1332. **Т. П.** Пятидесятилѣтіе Немировской гимназіи. 1888, 12, 101—115.

1333. **Т. П.** Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. 1890, 6, 533—540. см. также поправку „К. Ст." 1890, 10, 152.

1334. **Три документа** къ исторіи экономическихъ отношеній въ Малороссіи XVIII столѣтія. 1884, 1, 143—148.

1335. **Три документа** къ исторіи бунта въ Малороссіи въ 1687 г. 1884, 306—314.

1336. **Тумасовъ Н.** Исторія Кіевской второй гимназіи. 1902, 1, 35—62; 2, 188—214; 3, 391—416; 4, 136 158; 5, 244—267; 6, 449—469; 7—8, 165—192.

1337. **Туренко М. А.** Историческія записки о войскѣ Черноморскомъ (со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ до 1831 г.) 1887, 3, 494—536, 4, 721—746; 5, 125—151: 6—7, 335—378.

1338. **Тутковскій П.** Берестовецкій вулканъ (изъ полѣсскихъ экскурсій). 1895, 7—8, 67—84.

1339. **Т—ъ Н. И.** Матеріалы, относящіеся къ исторіи Звѣринецкаго квартала Печерской части г. Кіева. 1895, 7—8, 14—20. (Д.).

1340. **Тындытниковъ** Семенъ. Безсоновское туранство малороссіянъ. 1886, 2, 395—398.

1341. **Тысячелѣтіе** Кіева. 1882, 3, I—VI.

1342. **Удѣльный** періодъ и его изученіе. 1883, 2, 301—318.

1343. **Указатель** книгъ и статей по исторіи Южной Россіи за 1881 г. 1882, 1, 199—203, 2, 396—401.

1344. **Указатель** личныхъ именъ къ „Наказамъ малороссійскихъ депутатовъ". 1889, 9, 1—XX.

1345. **Указъ** имп. Екатерины II объ учрежденіи малороссійской коллегіи. 1883, 8, 738—740.

1346. **Указа** 1876 р. про заборону украіньского письменства найближчі відгуки. 1907, 6, 249—268.

1347. **Украинскіе** козаки при осадѣ Дюнкирхена 1646 г. 1889, 5, 74—75. (Д.)

1348. **Украинскіе** переводы манифестовъ 17 октября (съ прибавленіемъ къ нему доклада гр. С. Ю. Витте) и 3 ноября. 1905, 11—12, 68—78.

1349. **Универсалъ** Черниговскаго Полковника Лизогуба 1690 г. (въ разрѣшеніе земельныхъ претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 1885, 3, 538—542.

1350. **Успенскій Ѳ.** Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Черного моря IX и X в.в. 1889, 5—6, 253—294.

1351. **Уставъ** Кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 г. 1883, 11, 470—476.

1352. **Ф.** г. Балта (Подольской губ.) Историческія замѣтки. 1904, 6, 605—609.

1353. **Фисенко А.** Кобелякское повѣтовое училище. (1808—1835) 1887, 10, 387—398.

1354. **Фотинскій О. А.** Экскурсія по Волынской губ. для описанія Памятниковъ старины. 1900, 12, 196—206. (Д.).

1355. **Харламповичъ К.** Борьба школьныхъ вліяній до Петровской Руси. 1902, 7—8, 1—76; 9, 358—394: 10, 34—61.

1356. **Хвойко В.** Къ вопросу о славянахъ. 1902, 6, 495—505.

1357. **Херсонская** старина 1902, 9, 139—140. (Д.).

1358. **Хижняковъ В.** Черниговская старина (по архивнымъ бумагамъ городской думы) 1899 г. 6, 367—407.

1359. **Хмельницкій** въ представленіи Кромвеля. 1882. 1, 212.

1360. **Ходатайство** Потемкина о замѣнѣ запорожской старшинѣ смертной казни заточеніемъ въ монастырь. 1887, 9, 191—193.

1361. **Храневичъ В.** Присяга на вѣрность Имп. Павлу въ Западномъ Краѣ. 1892, 7, 109—113.

1362. **Хроника** Кіевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапіона (1804—1824 г.г.) 1884, 7, 423—466.

1363. **Цеховъ** къ исторіи 1899, 6, 132—133. (Д.).

1364. **Ц. К.** Движеніе народнаго образованія въ Юго-западномъ Краѣ. 1884, 8, 725—731.

1365. **Цѣлебныя** воды въ Константиноградѣ. 1886, 10. 402—403.

1366. **Чайковскій** Михаилъ и козакофильство. 1886, 4, 763—777.

1367. **Чалый.** Бѣлоцерковская гимзія (1862—1969) 1900, 11, 218—224; 12, 401—410.

1368. **Чалый М. К.** Двѣ ревизіи (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ.) 1883, 2, 444—453.

1369. **Чалый М.** Вторая Кіевская гимназія. 1900, 4, 16—50; 6, 288—309; 7—8, 66—88.

1370. **Чеважевскій В.** Право „презенты" и его значеніе въ исторіи Юго-западнаго края. 1888, 5, 50—53.

1371. **Чепа Адріанъ.** Записка о малороссійскихъ чинахъ. 1897, 4, 5 (приложеніе).

1372. **Черепинъ В.** Родная исторія (по поводу книги Грушевскаго „Очеркъ истор. укр. народа") 1905, 5, 228—233.

1373. **Черниговская** лѣтопись по новому списку (1587—1725) 1890, 4, 70—80; 5, 81—96: 6, 97—110.

1374. **Черниговскій** воспитательный домъ 70 лѣтъ назадъ. 1896, 11, 46—47. (Д.).

1375. **Ш. А.** Дѣятели слободской украйны прошлаго вѣка. 1891, 6, 423—445.

1376. **Шафрановъ П. А.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго 1654 г. 1889, 11, 369—391.

1377. **Шафрановъ П.** Замѣтка о Павлѣ Тетерѣ. 1890, 7, 128—129.

1378. **Шафрановъ П.** Къ исторіи народнаго образованія въ Южно-русскихъ губерніяхъ, 1902, 11, 77—83. (Д.).

1379. **Шаховскаго А. И.** Князя распоряженіе о раздѣленіи малорос. козаковъ на выборныхъ и подпомощниковъ 1735 г. 1902, 2, 83—88. (Д.).

1380. **Шимановъ А.** Главнѣйшіе моменты изъ исторіи землевладѣнія Харьковской губ. (матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи), 1882, 11, 191—228: 12, 401—419: 1883, 1, 67—88: 3, 555—594; 6, 249—267.

1381. **Шимановъ.** Предсмертная поземельная борьба запорожья. (Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ слободской украиной). 1883, 12, 609—636.

1382. **Шр-ко А.** Реестръ вѣновной 1774 года. 1903, 6, 159—163. (Д.).

1383. **Шугуровъ Н.** Отзывъ гр. Разумовскаго по поводу неурожая. 1891, 12, 470—472.

1384. **Шугуровъ Н.** Предписанія кн. Репнина по поводу холеры въ 1830 г. 1893, 10, 153—155. (Д.).

1385. **Шугуровъ Н.** Апріолли и Матейко (какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ Малорус. быта.) 1894, 1, 93—106.

1386. **Шульгинъ Я.** Очеркъ „Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. 1890, 2, 185—220; 3, 381—481, 4, 22—52; 5, 268—306; 6, 409—426. 7, 1—21; 8, 192—223.

✓ 1387. **Шульгинъ Я.** Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в. 1891, 7, 97—118.

1388. **Шульгинъ Я.** „Правда“ о Коліивщинѣ польскаго историка г. Корзона. 1893, 1, 126—160.

1389. **Щербина.** Жалованная грамота гр. Ф. Х. Браницкому на Бѣлоцерковское староство. (1774, дек. 13). 1893, 4, 161—165. (Д.).

1390. **Щербина В.** Сѣчевая школа. 1891, 9, 491—492.

1391. **Щербина В.** Савва Чаленко и Игнатъ Голый. 1891, 10, 119—122.

1392. **Щербина В.** Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ 20-хъ годахъ XVIII ст. 1891, 11, 302—304.

1393. **Щербина В.** О происхожденіи слова „Коліивщина“. 1893, 2, 356—358. (Д.).

1394. **Щербина В.** Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. 1893, 6, 513—517. (Д.).

1395. **Щербина В.** Къ исторіи воеводскаго управленія въ Кіевѣ. 1893, 8, 303—306. (Д.).

1396. **Щербина В.** Три Шелеста (изъ исторіи Коліивщины.) 1893, 11, 235—240.

1397. **Щербина В.** Элизодъ при выборахъ въ законодательную коммиссію 1767 г. 1896, 7—8, 20—24. (Д.).

1398. **Щербина В.** Грамота Богдана Хмельницкаго относительно частнаго землевладѣнія. 1894, 10, 149—151. (Д.).

1399. **Щербина В.** Іеремія Вишневецкій и козацкое землевладѣніе. 1894, 10, 148—149. (Д.).

1400. **Щербина Ф.** Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи. 1883, 6, 233—248.

1401. **Щербина Ф.** Колонизація Кубанской области. 1883, 12, 529—545.

1402. **Щербина Ф.** Исторія самоуправленія у Кубанскихъ козаковъ. 1884, 2, 223—246.

1403. **Зварницкій Д.** Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника—очевидца. 1883, 11, 497—510.

1404. **Эварницкій Д**. Число и порядокъ запорожскихъ Сѣчей. 1884, 4, 589—608.

1405 **Эварницкій Д**. Топографическій очеркъ Запорожья. 1884, 5, 33—52; 6, 177—200; 7, 392—422.

1406. **Эварницкій Д.** Архивные матеріалы для исторіи Запорожья. 1886, 7, 520—536.

1407. **Эйнгорнъ В.** Кіевскій воевода П. И. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 г.г.). 1891, 11, 246—258.

1408. **Экстренные** расходы изъ суммъ малороссійской колегіи. 1882, 5, 312—315.

1409. **Эпизодъ** изъ польско-украинскихъ отношеній среди петербургскаго студенчества въ началѣ 60-хъ г.г. 1903, 7—8, 21—25. (Д.).

1410. **Юбилейныя** празднества на Волыни (впечатлѣнія очевидца). 1892, 6, 1—IV.

1411. **Яковлевъ А**. Бунтъ черкасцевъ и каневцевъ въ 1536 г. 1907, 1, 81—96.

1412. **Яковлевъ А**. З історії регістрації українських козаків въ 1-й пол. XVI в. 1907, 3, 265—279.

1413. **Яковлевъ А.** Намістники, державці і старости господарського замку. Черкаського въ кінці XV і в XVI в.в. 1907, 9, 340—354.

1414. **Яремичъ Ст.** Памятники искусства въ XVI и XVII в.в. въ Кіево-Печерской лаврѣ. 1900, 6, 378—390.

1415. **Яроцкій П**. По Волынскому Полѣсью (изъ записной книжки).1898, 7—8, 1—35.

1416. **Ярошевичъ А**. Малороссы по переписи 1897 г. 1905, 6, 411—423.

1417. **Ястребовъ В.** Херсонесъ Таврическій. 1883, 5, 30—48.

1418. **Ястребовъ В.** Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія. 1884, 2, 333—336.

1419. **Ястребовъ В.** Греки въ Елисаветградѣ (отрывокъ изъ исторіи колонизаціи 1754—1777). 1884, 4, 673—684.

1420. **Ястребовъ В.** Очаковская зима по современному описанію. 1884, 8, 731—732.

1421. **Ястребовъ В**. Въ запорожскомъ захолустьѣ. 1885, 12, 721—729.

1422. **Я. Ш.** Пробуждающійся край (Л. Василевскій. Современная Галиція). 1900, 12, 466—487.

1423. **Ящуржинскій Ц**. Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. 1888, 7, 16—25.

1424. **Ѳ. В.** Кіевъ въ 1787 г. и дѣдъ покойнаго Н. Д. Бунге. 1895, 9, 64—66. (Д.).

1425. **Ѳедотовъ-Чеховскій А**. Инструкція гетмана Даніила Апостола малороссійскимъ судамъ. 1887, 1, 139—154.

1426. **Ѳедотовъ-Чеховскій А**. Каштелянъ Брацлавскій Василій Запровскій въ полонѣ у татаръ. 1887, 2, 360—365.

1427. **Ѳедотовъ-Чеховскій А.** Волынская полоненница XVI в. и ея „орменскій“ обожатель. 1887, 5, 200—204.

1428. **Ѳ. Н.** Къ характеристикѣ шляхетскаго-козачаго быта XVIII в. (два партикулярныхъ письма). 1885, 4, 776—782.

1429. **Ѳ. Н.** Отношеніе Роменцевъ къ ремесленному образованію 90 лѣтъ тому назадъ. 1898, 4, 5—6 (Д).

1430. **Ѳ. Ѳ**. Практика смертной казни въ старой Малороссіи. 1901, 7—8, 1—3. (Д.).

1431. **Ѳ. Ѳ**. Къ исторіи „войскового скарба“. 1901, 7—8, 3—4. (Д.).

III. Художественная литература.

1432. **Антоній І.** д—ръ. Украинскія женщины (переводъ съ Польскаго). 1883, 6, 268—309.

1433. **Антоній І.** д—ръ. Страшный Іосифъ (переводъ съ польскаго). 1883, 9—10, 39—87.

1434. **Антоній І.** д—ръ. Иванъ Подкова. Историческій разсказъ (переводъ съ польскаго). 1885, 10, 243—276.

1435. **Антоній І.** д—ръ. Судьба красавицы (Софія Глявоне-Витте Потоцкая). 1887, 1, 99—138.

1436. **Антоній І.** д—ръ. На Шпаковомъ шляху. Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII вѣка (переводъ съ польскаго) 1887, 4, 693—720.

1437. **Артемовскій Гуланъ** П. П. Сочиненіе (съ предислов. А. Потебни). 1888, 5, 184—208.

1438. **Барвинокъ Ганна** Половинщикъ. (Этнографическій разсказъ). 1888, 12, 478—492.

1439. **Барвинокъ Ганна**. Молотники (Бытовой разсказъ). 1888, 6, 314—364.

1440. **Барвинокъ Ганна.** Русалка (Этнографическій разсказъ). 1889, 7, 64—109.

1441. **Браиловскій С**. Кудоярова пещера (разсказъ преданіе). 1894, 11, 207—241.

1442. **Будянська Ол**. Заворожений Хутиръ. 1905, 11—12, 210—227.

1443. **В. Н.** Максимовича М. Л. неизданныя малорусскія стихотворенія 1898, 11, 33—44. (Д.).

1444. **Ваченко Писонецкій К**. Чернокнижникъ (изъ разсказовъ бабушки) 1893, 11, 280—297.

1445. **Винниченко**. Антрепенеръ Гаркунъ-Задунайскій (оповидання). 1903, 3, 395—438.

1446. **Винниченко В.** Сила и краса (оповидання). 1902, 7—8, 227—281.

1447. **Винниченко В.** Биля машыны (оповідання). 1902, 12, 435—458.

1448. **Винниченко В.** Контрасты. 1904, 10, 81—111.

1449. **Винниченко В.** Голота (повисть). 1905, 1, 117—188; 2, 209—262.

1450. **Винниченко В.** „Мнимый господинъ" (малюнокъ зъ натуры) 1905, 4, 117—138.

1451. **Віроучителя** сектанта сповідь. 1907, 6, 286—313; 7—8, 47—91; 9, 355—378.

1452. **Григоренко Гр**. Воно саменьке (Психологичный нарысъ). 1906, 3—4, 368—384.

1453. **Грыгоренко Грыцько.** Пересельци (зъ дому и до дому). 1900, 11, 291—325.

1454. **Гринченко Б.** Пидъ тыхымы вербамы (повисть). 1902, 2, 228—297; 3, 417—493; 4, 25—109.

1455. **Гринченко Б.** Хвесь преславный гайдамака. 1900, 6, 398—402.

1456. **Гринченко Б.** Покупка. 1900, 9, 358—362.

1457. **Гринченко Б.** Паліи. 1900. 7—8, 225—234.

1458. **Гринченко Б.** Середъ темнои ночи (повисть) 1901 5, 227—281; 6 383—448; 7—8, 103—168.

1459. **Гулакъ—Артемовскій П. П.** Стихотвореніе. 1896, 1, 18—20. (Д.).

1460. **Гулакъ—Артемовскій**. Неизданныя сочиненія (изъ рукописи въ Петербургѣ въ имп. публичн. библ.) 1897, 3, 476—501.

1461. **Гулакъ—Артемовскій П. П.** Нѣсколько стихотвореній, 1903, 9, 99—102. (Д.).

1462. **Добровольскій А.** Ярема (разсказъ изъ запорожской жизни). 1894, 7, 10—31; 8, 152—175.

1463. **Днипрова Чайка.** Чудный. (оповидання). 1904, 5, 231—263.

1464. **Доманицкій В.** Неизвѣстное стихотвореніе К. Думитрашка. 1905, 5, 152—155.

1465. **Е. Ш.** Спомынки (разсказъ). 1902, 5, 230—243.

1466. **Забила В.** Неизданное стихотвореніе (съ предисл. М. Комарова). 1888, 4, 15—18.

1467 **Іоссе Генрихъ.** Младшій братъ Очеркъ изъ Галицкой жизни (перев. съ польскаго). 1889, 10, 143—160.

1468. **К—чъ Владимиръ.** Судьба (разсказъ). 1898, 7, 33—69.

1469. **Какъ** поймали Наполеона Бонапарта въ Лебединскомъ уѣздѣ (изъ разсказовъ старожила). 1896, 10, 40—44. (Д.).

1470. **Каро Я.** Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. (переводъ съ нѣмецкаго Н. М.). 1890, 1, 95—116; 2, 305—319; 3, 485—525.

1471. **Карпенко Карый И.** По надъ Днипромъ (драматич. картыны), 1899, 2, 209—282.

1472. **Карпенко-Карый.** Пидпанкы (драма). 1899, 6, 317—366.

1473. **Карпенко-Карый И.** Сава Чалый (трагедія). 1899, 8, 210—264; 9, 312—340.

1474. **Квитка**. Бой-жинка, драмат. сочиненіе. 1893, 10, 124—152.

1475. **Квитка Г. Ѳ.** Неизданный разсказъ. 1887, 1, 91—98.

1476. **Кобылянська Ольга.** „За готаръ" (нарысъ зъ сільского жыття). 1903, 1, 137—151.

1477. **Кобылянська О.** Ніоба (новеля). 1905, 6, 361—410; 7—8 75—107; 9, 248—316.

1478 **Комарова Галына** Роксолана 1904 6, 597—604.

1479. **Комаровъ М.** Неизданное стихотвореніе Гребенки. 1886, 9, 176—177.

1480. **Комаровъ М.** Неизданныя стихотворенія К. Думитрашка. 1894, 9, 459—463. (Д.).

1481. **Коцюбинській.** Пидъ минаретами. Оповидання. 1905, 3, 373—422.

1482. **Коцюбинській М.** Дорогою ціною (оповідання). 1902, 1, 103—167

1483. **Коцюбинській М.** Fata morgana (зъ сильскихъ настроивъ). 1904, 3, 383—412.

1484. **Костомаровъ Н. И.** Сорокъ лѣтъ (народная малорос. легенда). Послѣдняя глава прибавлена гр. Л. Н. Толстымъ. 1902, 5, 173—207: 6, 347—391.

1485. **Креминскій А.** Обманутый солдатъ. Стихотвореніе Руданскаго. 1882, 6, 556—558.

1486. **Кропивницкій М.** Передъ волею. Драма въ 5 діяхъ. 1900, 4, 51—126.

1487. **Кропивницкій М.** Розгардіяш (твора на 4, дії). 190 7—8, 436—75.

1488. **Кудринскій Ѳ.** Замчисько (разсказъ). 1893, 5, 384—397.

1489. **Кудринскій Ѳ.** Дядько-землякъ (разсказъ). 1895, 11, 181—258.

1490. **Кудринскій Ѳ.** Шаронъ (разсказъ). 1896, 11, 137—165.

1491. **Кудринскій Ѳ. А.** О. Алипій (разсказъ). 1897, 7—8, 185—226; 9, 239—271.

1492. **Кудринскій Ѳ.** Хапунъ (разсказъ). 1898, 12, 309—344,

1493. **Кудринскій Ѳ.** Божій часъ (изъ недавняго прошлаго). 1892, 12, 361—378.

1494. **Кудринскій Ѳ.** Старцы. Полѣсская легенда. 1893, 12, 417—426.

1495. **Кудринскій Ѳ.** Утопленница (этнографическій разсказъ). 1894, 4, 91—127; 5, 236—257.

1496. **Кудринскій Ѳ.** Пошисть (разсказъ изъ быта крест. Черниговъ. губ.) 1895, 7—8, 156—184.

1497. **Лазаревскій Б.** Святий городъ Повисть. 1903, 4, 108—131.

1498. **Левенко В.** Старе и нове (оповідання). 1900, 6, 333—377: 7—8, 89—141.

1499. **Левицкій И.** Старосвѣтскіе батюшки и матушки (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). 1884, 1, 83—110; 5, 88—116; 6, 267—288; 8, 655—680; 12, 586—620; 1885, 1, 133—156; 8, 630—681; 9, 85—127; 11, 466—519.

1500. **Левицькый М.** За коліивщины. 1901, 6, 460—497.

1501. **Левицьный М.** Сачитаръ (оповидання). 1903, 5, 302—314.

1502. **Левицкая-Пащенко** Юлія. Порченная (бытовая повѣсть). 1888, 8, 289—314: 9, 500—522.

1503. **Лисакъ-Таморенко** Невесели сильски малюнкы (оповидання батюшкы) 1902, 1, 63—72: 1904, 6, 506—530.

1504. **Лотоцкій А.** Руданскаго С. В. Крохи литературнаго наслѣдія (стихотворенія). 1902. 12, 147—155. (Д.).

1505. **Лѣсковъ Н.** Печерскіе антики (отрывокъ изъ юношескихъ воспоминаній). 1883, 2, 235—268: 3, 493—527; 4, 691—708.

1506. **Любка** или Сватанье въ с. Рихмахъ. Оперета въ 4 дѣйств. 1900, 1, 76—124.

1507. **М. Л.** Останній Гирей. 1904, 4, 74—103.

1508. **Майорскій П.** Дрибни нарысы зъ життя простого люду. 1904, 2, 201—210.

1509. **Майорскій П.** До наукы (нарысъ зъ жыття простого люду).1904, 9, 292—303.

1510. **Майорскый П.** На бурякахъ (нарысъ). 1905, 3, 461—468.

1511. **Марковичъ** Александръ Михайловичъ. Малороссійкая свадьба. Неоконч. повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII. вѣка. 1897, приложеніе 3, 4.

1512. **Маркевичъ Д.** Онъ присягалъ 1891, 3, 422—432.

1513. **Маркевичъ Д.** „На Вовчомъ хуторѣ". 1889, 8, 428—435.

1514. **Марко-Вовчекъ.** Чертова пригода. 1902. 10, 141—156.

1515. **Мачтетъ Г. А.** Бѣлая панна. (изъ дѣтскихъ воспоминаній неудав-

шагося поэта 1889, 1, 90—116; 2, 337—387.

1516. **Мерцъ С.** Святъ-вечиръ. Оповідання. 1904, 7—8, 111—130.

1517. **Миронъ** „Слава Богу, для начала и это хорошо“ (эпизодъ изъ жизни Прикарпатскаго народа) 1888, 10, 121—148).

1518. **Миронъ.** Чума. 1889, 5—6, 400—437.

1519. **Миронъ.** Милліонеръ. Картинка изъ Галицкой жизни. 1890, 5, 307—326; 6, 427—451.

1520. **Миронъ.** Полуйка (оповидання) 1899, 5, 260—282.

1521. **Мырный П.** Морозенко (повисть). 1898, 3, 366—396.

1522. **Мирный Панасъ та Билыкъ Иванъ.** Пропаща сыла, повисть. 1903, 3, 492—531; 4, 24—54; 5, 231—285; 6, 395—422; 7—8, 65—131; 9, 297—397; 10, 37—91; 11, 241—283.

1523. **Науменко В.** Два рукописныя стихотворенія М. А. Максимовича. 1891, 12, 480—482.

1524. **На** рубежѣ. Повѣсть (переводъ съ польскаго) 1888, 1—3, 180—243; 4, 64—99: 5, 209—234: 6, 365—388: 8, 315—348; 9, 523—566.

1525. **Нейманъ Ц.** Тры сестры, царевичъ, степъ и море. 1902, 5, 282—300.

1526. **Непыйвода М.** Биля огныща. Оповидання. 1903, 10, 128—139.

1527. **Непыйвода М.** Хто жъ выненъ? 1904, 4, 114—130.

1528. **Непыйвода М.** На вокзали (нарысъ). 1905, 5, 198—204.

1529. **О. Л.** Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. 1897, 1, 10—11. (Д.).

1530. **Отецъ** Петръ (изъ разсказовъ старожила). 1896, 11, 44—46. (Д.).

1531. **Оржешко Элиза.** Вѣдьма (Полѣсскій разсказъ) (переводъ съ польскаго). 1886, 2, 278—326; 4, 684—707; 5, 79—107; 6, 490—519; 8, 693—726; 9, 81—102.

1532. **Остоя.** Нечистая сила. Повѣсть. (Перев. съ польскаго К. М.)- 1889, 4, 152—173; 5—6, 507—531; 7, 188—220; 8, 491—514.

1533. П. **А. І.** Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака Артемовскаго. 1901, 5, 75—80. (Д.).

1534. **П. С.** Рождественскій вечеръ въ деревнѣ (Бытовой очеркъ) 1895, 1, 103—119.

1535. **Пахаревськый Л.** Довгый рядъ днивъ. (Оповидання). 1905, 11—12, 186—197.

1536. **Пахаревськый Л.** Тыхеньке жыття. (Оповидання). 1906, 3—4, 433—444.

1537. **Петкевичъ З. А.** Сельскія недоразумѣнія (переводъ съ польскаго К. М.). 1889, 1, 155—186; 3, 645—664.

1538. **Перекыдько Петръ** Переляк. (Малюнокъ зъ натуры). 1904, 7—8, 152—160.

1539. **Пильченко** Княжа крыныця (сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-ми одминахъ) 1901, 10, 133—168; 11, 200—232.

1540. **Познанскій Борисъ.** Что слышалось и что видѣлось. 1886, 5, 108—129.

1541. **Познанскій Борисъ.** „Полячка“ (Видѣнное и слышанное) 1890, 2, 361—390.

1542. **Познанскій Борисъ** .Попокъ—(повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ) 1894, 1, 52—74: 2, 245—266: 3, 480—511. 5, 318—331: 8, 230—254: 9, 380—395. 1898, 10, 33—61: 11, 150—191: 12, 367—412. 1899, 1, 30—80: 3, 424—443; 4, 117—151: 5, 199—248: 7, 90—130.

1543. **Познанскій Б.** Картынкы сучасного селянскаго побыту. 1900, 2, 207—247.

1544. **Познанскій Б.** Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ. Разсказъ 1900, 10, 163—178.

1545. **Полницкій А.** Насильно обвѣнчанный дьякъ (разсказъ изъ давняго прошлаго) 1895, 10, 72—87.

1546. **Полницкій А.** Сербы въ гетманщинѣ (повѣсть) 1896, 6, 307—327, 7—8, 64—94: 9, 197—228.

1547. **Ракитинъ Н.** Академическій комисаръ, 1894, 7, 79—99: 8, 207—229: 9, 354—379.

1548. **Репьяхъ Омелько.** Не судивъ Богъ-Разсказъ, 1890, 8, 282—309.

1549. **Рогова О.** Сынъ Гетмана. Историческій Романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. 1890, 2, 221—254: 3, 419—443: 4, 53—83; 5, 227—254: 6, 452—477: 7, 22—58: 8, 224—263: 9, 420—455: 10, 27—48: 11, 273—303.

1550. **Ротарь** П. Темнота. 1906, 5—6, 178—190.

1551. **Руданскій С.** Изъ неизданныхъ стихотвореній. 1883, 2, 471—473.

1552. **Руданскій** С. „Край пещеры два дубочки", баллада. 1902, 9, 343—357.

1553. **Савченко Иванъ.** (Крестьянинъ) Дѣдушкинъ вексель (изъ дѣтскихъ воспоминаній) 1884, 5, 158—168.

1554. **Сарнецкій Николай.** Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники (переводъ съ п льскаго Н. М.). 1889, 12, 547—581.

1555. **Скольскій И. П.** Два стихотворенія П. П. Гулака Артемовскаго. 1887, 12, 799—802.

1556. **Смоктій А.** Картинки народной жизни (изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству). 1883, 9—10, 199—236.

1557. **Сосновскій Мих.** Панська круча. Разсказъ. 1905, 5, 292—308.

1558. **Станиславскаго А. Г.** Стихотвореніе. 1903, 2, 76—77.

1559. **Старицкая Л.** Живая могила (Малорусская легенда) 1889, 10, 70—102.

1560. **Старицкій М. П.** Богданъ Хмельницький (историчня драма). 1897, 4, 78—123: 5, 208—289.

1561. **Старицкій М.** Передъ бурей. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. 1897, 1, 32—91: 2, 221—274; 3, 396—451: 4, 48—66: 6, 389—444: 7—8, 96—184: 9, 336—393: 10, 46—114: 11, 157—241: 12, 370—448.

1562. **Старицкій М.** Оборона Буши (драма) 1899, 3, 325—396: 4, 32—74.

1563. **Старицкій М.** Остання ничъ (драма) 1899, 10, 50—92.

1564. **Старицкій М.** Маруся Богуславка (драма) 1899, 11, 185—227: 12, 323—380.

1565. **Старыцькый М.** Лыхо (картынка зъ життя голодныхъ) 1901, 5, 301—316.

1566. **Степанецъ Богданъ.** Омелько Пацюкъ на курорти (оповідання). 1904, 1, 65—122.

1567. **Степовичъ А.** Неизданное стихотвореніе Ал. Толстого. 1899, 8, 45—45. (Ц.).

1568. **Труба Иванъ.** Буде паномъ. 1904, 12, 506—515.

1569. **Турчинскій.** Тарасъ изъ Ворохты. Изъ быта гуцуловъ (Переводъ съ польскаго К. М.) 1888, 11, 326—363, 12, 493—542.

1570. **Украинка Леся.** Прыязнь (оповидання) 1905, 10, 11—72.

1571. **Федьковичъ Осипъ**. Довбушевъ кладъ (Гуцульская легенда). 1886, 8, 739—746.

1572. **Федьковичъ Осипъ**. Надъ Днѣстромъ (разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ) 1890, 7, 105—116.

1573. **Франко Иванъ**. Батькивщина. 1904, 11, 296—335.

1574. **Хатемкинъ А**. Земській гласный, разсказъ· 1900, 12, 431—465.

1575. **Чернявскій.** Въ незнану далечинь (оповидання). 1903, 11, 431—440.

1576. **Чернявськый М**. Пидъ похылою вербою (оповидання) 1902, 9, 395—400.

1577. **Чернявськый М.** Въ затышку (разсказъ). 1902, 10, 92—99.

1578. **Чернявськый М.** Степовый сокілъ (разсказъ) 1902, 11, 223—234.

1579. **Чернявськый М**. Собака (оповидання) 1902, 12, 382—393.

1580. **Чернявськый М.** Тополи (оповидання) 1903, 7—8, 221—227.

1581. **Чернявськый М**. Uae victis (оповидання) 1905, 4, 36—89.

1582. **Чернявськый М**. Весняна повидь (повисть). 1906, 1, 73—128; 2, 153—212.

1583. **Чыгрынець В.** Злодій (повість) 1900, 5, 274—278.

1584. **Щербина В.** Два неизданныя малорусскія стихотворенія Е. П. Рудыковскаго. 1894, 7, 115—122. (Д.).

1585. **Щоголевъ**. Послѣднее стихотвореніе Я. И. Щоголева. 1901, 1, 19—21. (Д.).

1586. **Ю. Т**. **„Шпыгачкы,** або по московському эпиграммы". Забытыя стихотворенія Г. Ѳ. Квитки. 1893, 8, 296—300. (Д.).

1587. **Яворницкій Д**. Наша доля Божья воля (повисть). 1901, 1, 81—114; 2, 234—282; 3, 426—460; 4, 50—96.

1588. **Яновская**. Доля (риздвяне оповидання). 1901, 1, 37—56.

1589. **Яновская Л**. Городянка. 1901, 7—8, 249—276; 9, 331—362; 10, 77—119; 11, 256—302: 12, 375—423.

1590. **Яновская Л.** Идеальный батько. 1900, 9, 375—403.

1591. **Яновская Л**. На зеленый Клынъ. Комедія у 5 діяхъ. 1900, 5, 191—258.

1592. **Яновська Л**. За высокымъ тыномъ (разсказъ). 1902, 11, 301—325.

1593. **Яновська Л.** Дарочка (оповідання). 1903, 2, 245—266.

1594. **Яновська Л**. На святъ вечиръ (Раздвяне оповидання) 1906, 1, 129—133.

IV. Исторія литературы.

А) МАТЕРІАЛЫ.

1595. **А. Л.** Гр. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ „Современника". 1896, 3, 94—98. (Д.).

1596. **А. Л.** Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. 1897, 2, 41—42. (Д.).

1597. **А. Л.** Богданъ Хмельницкій. Анонимная поэма 30-хъ годовъ. 1898, 11, 50—56. (Д.).

1598 **А. С.** Украинская дума въ польской литературѣ. 1899, 6, 123—125. (Д.).

1599. **Барацъ Г.** Повѣсти и сказанія древнерусской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и еврейству (два разсказа Кіево-Печерскаго патерика) 1906, 3—4, 399—411.

1600. **Библія** въ переводѣ П. А. Кулиша. 1901, 7—8, 23. (Д.).

1601. **Болсуновскій К.** Малороссійскія Рождественскія вирши (извѣстныя въ окрестностяхъ села Ксендзовки, Кролевец. у. Черниговъ. губ., списаны со словъ А. П. Порохонской). 1889, 1, 234—236.

1602. **Б—мъ В.** Малороссійская легенда въ обработкѣ Н. Костомарова и гр. Л. Толстого. 1902, 4, 1—4. (Д.).

1603. **Боржсковскій В.** Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дяка въ старинной малороссіи. 1892, 6, 456—458. (Д.).

1604. **В. Г.** Три лекціи А. Перовскаго. 1888, 9, 76—77.

1605. **В. Н.** Сонъ, стихотвореніе Кіевскаго студента конца 40-хъ годовъ. 1892, 4, 128—130. (Д.).

1606. **В. Н.** Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года. 1899, 3, 6. (Д.).

1607. **Василенко** В. Изъ Полтавской рукописной библіотеки (три стихотворенія) 1900, 1, 3—9. (Д.).

1608. **Вашкевичъ Г.** Переводъ Кулиша на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 г. и положенія о крестьянахъ. 1905, 2, 324—341; 3, 423—460.

1609. **Вашкевичъ Г.** Неосуществившійся журналъ Кулиша „Хата". 1898, 7—8, 5—6. (Д.).

1610. **Вирши** на Рождество Христово, 1882, 11, 398—400.

1611. **Вишенскій Іоаннъ**. Неизданныя сочиненія (приложеніе къ статьѣ Житецкаго „литерат. дѣятельность Іоанна Вишенскаго"). 1890, 6, 111—120.

1612. **Вишенскій Іоаннъ.** Сочиненіе (приложеніе къ статьѣ Мирона „Іоаннъ Вишенскій") 1889, 4, 21—63.

1613. **Владимира св.** Южно-русское житіе XVII в. (съ пред. П. В. Владимирова). 1889, 2, 11—20.

1614. „**Власть** тьмы" на малорусскомъ языкѣ. 1896, 1, 28—29. (Д.).

1615. „**Вояжъ** по Малой Россіи г генерала отъ инфантеріи Беклешова" (стихотвореніе). 1890, 3, 458—463.

1616, **Выдержки** изъ сборника Украинскаго Дѣвичьяго монастыря. 1883, 8, 760—764.

1617. **В. Я.** Вирша объ освобожденіи крестьянъ. 1893, 6, 525—528. (Д).

1618. „Gaudeamus igitur". Кіевской Академіи. 1882, 2, 431—434.

1619. **Г. Б.** Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII в. 1906, 5—6, 12—15. (Д.).

1620. **Гоголя Н. В.** предки. 1902, 1, 22—23. (Д.).

1621. **Гоголя** о предкахъ. 1902, 3, 174—176. (Д.).

1622. **Гоголя** украинофильство. 1902, 9, 115—119. (Д).

1622. **Голосъ** Малороссіи конца XVIII в. (стихи по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ). Съ пред. А. Л. 1890, 3, 454—457.

1624. **Гринченко Б.** Нѣсколько дополненій къ статьѣ И. Франка объ украинской литературѣ (XIX в.) 1902, 3, 171—173. (Д.).

1625. **Гринченко Б.** Необходимое поясненіе (къ отчету о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь) 1906, 7—8, 74—78. (Д.).

1626. **Для исторіи** „Основы" (отрывокъ изъ письма М. М. Лазаревскаго, 9 янв. 1863 г.). 1901, 7—8, 12—13. (Д.).

1627. **Довгалевскаго Митрофана** интерлюдіи XVIII в. 1897, 9, 10—11. Прилож.

1628. **Дорошенко П.** Гоголя Н. В. неизданное письмо къ А. С. Данилевскому. 1902, 3, 532—536.

1629. **Дополненіе** къ Пасхальной виршѣ. 1882, 9, 567—571.

1630. **Двѣ малорусскія оды** изъ эпохи наполеоновскихъ временъ (1807—1812) (съ предисл. О. Лев—аго). 1886, 1, 187—195.

1631. **Драматическое** произведеніе XVIII в., найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи. 1897, приложеніе 7—8, 9.

1632. **Егоровъ І.** Вирши о смерти въ синодикѣ XVIII ст. 1903, 6, 168—169. (Д.).

1633. **Еще** одинъ старый списокъ пасхальной вирши. 1900, 11, 76. (Д.).

1634. **Житецкій П.** Малорусскія вирши историч. содержанія. 1892, 9, 313 332.

1635. **Житецкій П.** Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ. 1892. 12, 391—408.

1636. **Зуйченко П. И.** Пекельный Марко. (Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка). 1885, 8, 682—692.

1637. **Интересная** находка (открытая въ сѣв. Италіи рукопись на пергаментѣ заключающая въ себѣ молебны, псалмы и молитвы IX в. и церков. календарь). 1901, 1, 16, (Д.).

1638. **К—ъ И.** Политическая сатире конца XVIII в. 1890. 5, 369—373.

1639. **Каллашъ В.** Южно-русскій списокъ „Александріи" конца XVIII ст. 1887, 10, 377—379.

1640. **Клебановскій П.** Маляръ—стихотворецъ (Заборовскій) 1902, 5, 94—95. (Д.).

1641. **Костомарова** Магистерской диссертаціи объ уничтоженіи, 1903, 7—8, 25—26, (Д.).

1642. **Крымскій А.** Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ. 1896, 10, 12—15. (Д.).

1643. **Кулишъ П.** Брошенный изъ-за угла камень. 1885, 9, 184·

1644. **Кудринскій Ѳ.** Сказаніе о царѣ Соломонѣ. 1897, 5, 316—338.

1645. **Л. А.** Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачного. 1891, 4, 165—157.

1646. **Л—й О.** Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни (стихотворный памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст.). 1887, 3, 575—579.

1647. **Л. М.** Струтинскій Фока Назарьевичъ священникъ и его полемическая замѣтка противъ „Кіевск. губернск. Вѣдомостей". 1903, 1, 5, (Д.).

1648. **Л. М.** Пѣсня дяка про свою долю. 1903, 1, 5—6. (Д.).

1649. **Лавровскій Л. Я.** Стихотворное житіе преподобн. муч. Макарія, архимандрита Овручскаго и Каневскаго игумена. 1904, 3, 413—444.

1650. **Лазаревскій А.** Образчикъ старинной малорусской эпитафіи. Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчуковаго товарища (р. 1694 г. † 1776 г.). 1885, 5, 180—181.

1651. **Левицкій О.** Находка въ области старинной южно-русской письменности. 1886, 3, 398—601.

1652. **Левицкій О.** Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ 1710 г. 1897, 11, 33—37. (Д.).

1653. **Левитскому Н. В.** посвященное стихотвореніе. 1902, 12 214—215. (Д.).

1654. **Лобода Θ.** Вирша о сожженіи Мліевскаго ктитора Даніила Кушнира. 1886, 5, 202—205.

1655. **Лотоцкій А.** Изъ литературной полемики В. И. Аскоченскаго. 1894, 10, 145—148. (Д,).

1656. **Маленькая** замѣтка о мертвыхъ душахъ. 1903, 3, 155. (Д.).

1657. **Малорусская ода** 1807 г. 1900, 1, 10—11. (Д.).

1658. **Малорусская** историческая шарада. 1885, 3, 592—593.

1659. **Малорусская** политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла 1885, 4, 791—795.

1660. **Малорусскія** изданія 1882 г. 1883, 6, 353—366: 11, 484—493.

1661. **Марковскій М.** Южно-русскія интермедіи изъ польской драмы „Comunia duchowna. S.s. Borysa y Hleba. 1894, 7, 32—45.

1662. **Максимовича М. А.** списокъ стихотвореній. 1904, 10, 9—11. (Д.).

1663. **Милорадовичъ В.** Къ вопросу объ источникахъ „Вія". 1896, 9, 45—48. (Д.).

1664. **Маркевичъ А.** Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в. 1883, 6, 393—396.

1665. **Маркевичъ А.** По поводу стихотворенія, приписываемаго Руданскому. 1903, 2, 74—75. (Д.).

1666. **Максимовичъ** подъ фирмою Кулиша. 1901, 5, 73. (Д.).

1667. **Миронъ.** Червонорусскія вирши XVIII в. 1891, 9, 478—484.

1668. **Миронъ.** Громникъ южно-русскій. 1892, 3, 482—484. (Д.).

1669. **Миронъ.** Банкетъ духовный. 1892, 4, 59—70.

1670. **Миронъ.** Вирши на воскресеніе Христово. 1892, 4, 119—122. (Д.).

1671. **Миронъ.** Южно-русская пасхальная драма. 1896, 6, 380—412; 7—8, 1—29.

1672. **Мова** старшины до громады (стихи 1854 г.). 1902, 10, 15—17. (Д).

1673. **Н-п-в-да М.** крестьянинъ. На 19-е февраля 1861 г. 19 ф ма..ор. 1901 года (стихотвореніе) 18, 9. 10, 19—20. (Д.).

1674. **Н. В.** Памятникъ украи 1884, литературы конца XVIII вѣка. 1891, 1, 154—161.

1675. **Науменко В.** Къ исторіи га-

зетно-журнальн. дѣла въ Кіевѣ. 1884, 11. 529—534.

1676. **Науменко В**. Пасхальная вирша. 1892, 4, 116—119. (Д.).

1677. **Науменко В**. Новелла Бокачіо въ южно-русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII стол. 1885, 6. 273—306.

1678. **Науменко В.** Пѣснь на случай открытія въ Кіевѣ Университета святого Владимира іюля 15 дня 1834 г. 1885, 7, 482—490.

1679. **Науменко В.** Шуточные стихи начала прошлаго вѣка, 1885, 9, 175—178.

1680. **Науменко В**. Рукописный альбомъ Андрея Ищенка. 1780—82 г. г. 1889, 2, 488—495.

1681. **Науменко В.** Сатира на пановъ въ началѣ 60 годовъ. 1890, 3, 542—546.

1682. **Науменко В.** Рождественская вирша. 1896, 1, 9—11. (Д).

1683. **Науменко В**. Нѣсколько словъ объ альманахѣ. „Gwiazda" (1846—49 г. г.). 1896, 2, 61—63. (Д).

1684. **Науменко В.** Замыслъ на попа по рукописи 1798 года (стихотвореніе). 1899, 10, 3—8, 12, 128—130. (Д).

1685. **Науменко В.** Пасхальная вирша по старой записи. 1900, 10, 14—20. (Д).

1686. **Науменко В.** Тетрадки альбомы начала XIX в. 1900, 10, 10—14. (Д).

1687. **Н—ко В.** Стихи на Рождество Христово. 1891, 12, 477.

1688. **Новыя** оперы на сюжеты изъ повѣстей **Н. В.** Гоголя. 1896, 1, 28. (Д).

1689. **Н. П.** Рукописныя замѣтки на поляхъ книги „Миръ человѣка съ Богомъ" Инокентія Гизеля Кіевской печати 1669 года. 1892, 1, 148—154. (Д).

1690. **О четвероевангеліи** въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. Морачевскаго свѣдѣнія. 1902, 9, 93—99. (Д).

1691. **Образцы** старо-семинарской поэзіи (съ пред. П. Левицкаго). 1889, 11, 450—454.

1692. **О. Л.** Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. 1889, 1, 242—244.

1693. **О. Л.** Письмо и стихи Варлаама Ясинскаго. 1890, 3, 537—539.

1694. **О. Л.** Пасхальная вирша въ спискѣ XVIII ст. 1890, 5, 375—377.

1695. **О. Л**. Рождественская вирша въ рукописи XVII в. 1895, 1, 9—10. (Д).

1996. **О. Л.** Рекреаціонный діалогъ 1896, 5, 46—49. (Д).

1697. **О. Л.** Басня о стрекозѣ и муравьѣ въ южно-рус. редакціи 1743 г. 1902. 10, 1—4. (Д).

1698. **О. Л.** Де-що про украиньску прокламацію 1847. року. 1907, 4, 81—85.

1699. **Отрывки** изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря (1682—1775). съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго 1889, приложеніе, 4, 5, 6.

1700. **„Основы"** къ исторіи. 1899, 4, 1—3: 5, 73—74. (Д).

1701. **Отношенія** Тургенева къ украинской литературѣ. 1902, 4, 21—22. (Д).

1702. **П. В.** Рѣдкая книжка (слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ—Филарета, еп. Черниговскаго). 1902, 5, 86—88. (Д).

1703. **П. Е.** Псальма XVIII столѣтія. 1887, 8, 777.

1704. **Панегирикъ** Кочубеямъ. (I-ой половины XVIII в.). 1887, 6--7, 495—509.

1705. **Пасхальная** вирша „говоренная черноморцами его свѣтлости великому гетману князю Потемкину на Свѣтлый день праздника Пасхи" (въ 1786—1787 г.). 1882, 4, 168—171.

1706. **Перетцъ В.** „Filar Wiary", вновь найденное сочиненіе Лазаря Барановича. 1898, 7—8, 50—74.

1707. **Перетцъ В.** Ksiega smierci, архіеп. Лазаря Барановича. 1898, 9, 225—233.

1708. **Перетцъ В.** Вирши историческія по ркп. начала XVIII в. 1899, 8, 49—56. (Д).

1709. **Петлюра С.** Вірша 1786 року на київських ченців. 1907. 9, 379—388.

1710. **Петровъ Н.** Правйло увѣщательное пияницамъ къ покаянію и трезвости ихъ, пѣваемое не въ церквахъ, но въ школахъ, 1779 года. 1907, 3, 383—389.

1711. **Печать** на югѣ Россіи. 1889, 4, 214—215.

1712. **Плачъ** дворянина (Сатира конца XVIII в.). 1889, 10, 194—196.

1713. **Пономаревъ С. И.** Вирша на Рождество Христово. 1882, 12, 624—626.

1714. **Пономаревъ С.** Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя. 1884, 5. 143 146.

1715. **Правила** Погарскаго благороднаго собранія (рукописный памфлетъ 1817 г.). 1888, 11, 68—72.

1716. **Прокоповичъ Ѳеофанъ.** Слово въ день св. равноапостольнаго князя Владимира. 1888, 7, приложеніе.

1717. **Протестъ** украинскихъ писателей 1858 г. противъ „Иллюстраціи". 1902, 2, 148—149. (Д).

1718. **Пушкина** стихотвореній малорусскіе переводы. 1899, 5, 307. (Д.).

1719. **Разговоръ** Великороссіи съ Малороссіей (литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка) (съ предисловіемъ Н. И. Петрова). 1882, 2, 313—365; 7, 137—148.

1720. **Рудневъ А.** Рождественская вирша. 1905, 1, 12—14. (Д.).

1721. **Ростовецкій Василій.** Сочиненіе „Критика Польскаго Царства". (Малорусская политическая сатира XIX вѣка). 1887, 6—7, 510—522.

1722. **Рукопись** XI вѣка. 1904, 12, 163—164. (Д.).

1723. **Сатира** на дворянскихъ депутатовъ. 1888, 1, 2, 3, 25—28.

1724. **Стороженко Н.** „Свячена вода" стих. А. И. Псіолъ. 1894, 2, 323—324. (Д.).

1725. **Селивановъ А.** Вертепъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ. 1884, 3, 512—515.

1726. **Скорбь** Кіевлянъ о потерѣ магдебургскаго права (1835 г.) (современное стихотвореніе). 1882, 5, 352—357.

1727. **Сластіонъ О.** Вирши сатирическія 1786 г. 1899, 11, 69—74. (Д.).

1728. **Словарь** книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка (приложен. къ ст. П. Житецкаго „Очеркъ литературн. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в.)". 1888, 8, 9. 10, 12, приложеніе.

1729. **С. Н. И.** Вопль Мазепы. 1884, 12, 658—672.

1730. **С. Н. И.** Старинный кантъ. 1886, 8, 770.

1731. **Современные стихи** на измѣну Мазепы. 1883, 7, 596—598.

1732. **Сонъ** Пресвятой Богородицы, по списку генеральнаго войскового судьи Савы. 1887, 10, 357—360.

1733. **Справка** о сочиненіяхъ Квитки. 1893, 8, 307—308. (Д.).

1734. **Старинный сборникъ** XVII в. 1902, 2, 106—107. (Д.).

1735. **Старинное** малорусское стихотвореніе. 1889, 10, 161—172.

1736. **Ставровскій К. А.** Стихотворный памятникъ нашествія Шведовъ на Украйну. 1883, 3, 688—690.

1737. **Стороженко А.** Старинное поученіе переяславскому семинаристу при вступленіи его въ Кіевскую Академію. 1892, 1, 141—144. (Д.).

1738. **Судъ Божій** надъ душою грѣшника (южно-русская религіозная драма конца XVII столѣтія. Съ предисловіемъ Ц. Г. Неймана). 1884, 6, 289—315.

1739. **Сумцовъ Н. Ф.** Параллели къ повѣсти Н. В. Гоголя „Вій". 1892 3, 472—477.

1740. **Сумцовъ Н.** Рѣчь Ивана Мелешка, какъ литературный памятникъ. 1894, 5, 195—213.

1741. **Суплика**, або замыслъ на попа. 1885, 3, 543—550.

1742. **Тарновскій Александръ.** Вертепъ въ Духовщинѣ (уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи). 1883, 3, 659—667.

1743. **Тиховскій Ю.** Слово о полку Игоревѣ. 1893. (Приложеніе) 10.

1744. **Т—овъ М.** Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в. 1883, 12, 652—664.

1745. **Тяпинскій Василій.** Предисловіе къ печатному евангелію, изданному въ западной Россіи около 1570 года (съ предисловіемъ П. Владимирова). 1889, 1, I—II. 1—9.

1746. **Целляріусъ Б.** Два типа и 2 сцены изъ минувшей жизни Южно-Русскихъ монастырей. 1883, 3, 672—680.

1747, **Цыссъ А.** Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ. 1900, 6, 143—144. (Д.).

1748. **Шрамченко А.** Сонъ Пресвятой Богородицы (по списку 18 вѣка). 1906, 9, 10—12. (Д.).

1749. **Шугуровъ Н.** Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома. 1893, 2, 367—375. (Д.).

1750. **Ящуржинскій Хр.** „Письмо" Апокрифъ. 1891, 11, 300—302.

Б) СТАТЬИ.

1751. **Антоновичъ В. Б.** Къ вопросу о галицко-русской литературѣ. 1900, 3, 396—423.

1752. **Багалѣй Д.** Каразинъ Назарій Алекс. и его Колоколъ, 1892, 11, 163—175.

1753. **Багалѣй.** Историческія повѣсти и статьи Квитки. 1893, 8, 215—244.

1754. **Багалѣй Д.** Къ юбилею украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды. 1894, 8, 268—276. (Д.).

1755. **Багалѣй Д. И.** Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. 1895, 2, 145—169; 6, 272—300.

1756. **Барацъ Г.** О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи, 1907, 3, 362—382: 4, 41—60: 6. 314—346.

1757. **Василенко Н.** Бодянскій I. М. и его заслуги для изученія Малороссіи. 1903, 1, 1—50: 3. 295—322: 5,

315 346; 10, 140—152: 11, 389—430; 12, 701—735.

1758. **В. Г.** (Изъ письма въ редакцію). Къ редакторской дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева. 1888, 5, 65—66.

1759. **В. Д.** Науковий аналіз проф. Т. Флоринського. 1907, 5, 172—179.

1760. **Гавриловъ.** Характеристика польскихъ и южно-русскихъ теченій послѣдней четверти XVII в. въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней франц. литературы. 1900, 4, 1—15: 5, 174—190.

1761. **Галаганъ Гр. П.** Малорусскій вертепъ (съ предисловіемъ П. И. Житецкаго) при статьѣ приложены нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика) 1882, 10, 1—38.

1762. **Галицко-русскій** „savoir vivre". 1891, 2, 281—299.

1763. **Г. В.** Юношеское письмо и портретъ Гоголя. 1890, 11, 321—332.

1764. **Г—ко В.** Одинъ изъ стихотворцевъ-обывателей начала вѣка (Горленко Иванъ Андреевичъ) 1897 3, 502—508.

1765. **Глаголь.** Памяти Г. Ѳ. Квитки. 1893, 8, 290—293. (Д.).

1766. **Глаголь.** Макаровскій М. М. (Къ пятидесятилѣтію его сочиненій). 1893, 12, 488—495. (Д.).

1767. **Гоголь,** какъ художникъ. 1902, 6, 435—448.

1768. **Голубовскій П.** Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. 1891, 10, 58—81.

1769. **Гринченко Б.** А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель. 1903, 1, 115—136.

1770. **Гринченко Б.** Неосторожность въ важномъ дѣлѣ (объ украинской стилистикѣ). 1903, 9, 404—446.

1771. **Г. Я.** Къ исторіи галицко-русской письменности (нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). 1883, 8, 645—663.

1772. **Д. А.** По поводу 25-лѣтія сценической дѣятельности М. Л. Кропивницкаго. 1896, 12, 434—440.

1773. **Даниловъ В.** Землякъ и предтеча Гоголя (Нарѣжный) 1906, 3—4, 385—398.

1774. **Даниловъ В.** Кулишъ П. А. и „Кіевская Старина" подъ ред. Ѳ. Г. Лебединцева. 1907, 7—8, 202—211.

1775. **Даниловъ В.** Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности. 1907, 10, 20—43.

1776. **Дашкевичъ Н.** Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды. 1898, 9, 145—188.

1777. **Дикаревъ М.** Малорусское слово „паляниця" и греческое „pelanos". 1899, 10, 31—49.

1778. **Доманицький В.** Українська преса в 1906 р. 1907, 1, 48—65.

1779. **Доманицький В.** Українське література в 1906 році. 1907, 2, 102—127.

1780. **Дорошенко Д.** Іван Тобилевич (Карпенко-Карий). 1907, 10, 116—128.

1781. **Е. К.** Тимоѳей Бордулякъ (критич. ст.). 1903, 4, 79—96.

1782. **Ефименко П.** Образцы обличительной литературы въ Малороссіи. 1882, 3, 538—559.

1783. **Ефремовъ С.** Въ поискахъ новой красоты (замѣтки читателя). 1902, 10, 100—140; 11, 235—282; 12, 394—419.

1784. **Ефремовъ С.** Въ борьбѣ за просвѣщеніе. 1902, 2, 313—346.

1785. **Ефремовъ С.** Поэтъ гражданинъ. (Грабовскій). 1903, 2, 323—348.

1786. **Ефремовъ С.** Пѣвецъ борьбы и контрастовъ (И. Франко) 1903, 11, 284—332; 12, 625—701.

1787. **Ефремовъ С.** Торжество украинской пѣсни. 1904, 1, 141—155.

1788. **Ефремовъ С.** На мертвой точкѣ. 1904, 5, 305—338; 6, 567—596.

1789. **Ефремовъ Сергій**. Бытописатель пореформенной Украины. 1905, 1, 98—116.

1790. **Ефремовъ Сергій**. Литературный Бонавентура. 1905, 2, 302—323: 4, 90—116.

1791. **Житецкій П. И.** Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ (Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.). 1882, 11, 277—291.

1792. **Житецкій П. И.** Очеркъ литературной исторіи Малорусскаго нарѣчія въ XVII в. 1888, 1—3, 162—179; 4, 1—21; 5, 169—183; 6, 389—408. 8, 246—288; 9, 567—596; 12, 401—416.

1793. **Житецкій П. И.** Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго, 1890, 6, 494—532.

1794. **Житецкій П.** О языкѣ и поэтическомъ стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. 1893. 1, 23—60.

1795. **Житецкій П**. Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи. 1892, 2, 189—205.

1796. **Житецкій П. И.** Малорусскія вирши нравоописательнаго содержанія. 1892, 4, 37—58; 5, 157—175.

1797. **Житецкій П**. Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. 1892, 10, 15—34.

1798. **Житецкій П.** Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ. 1893, 1, 95—125; 2, 293—318.

1799. **Житецкій И.** Изъ первыхъ лѣтъ жизни Пушкина иа югѣ Россіи. 1899, 5, 283—306.

1800: **Житецкій И.** Украинськи оповидання А. П. Стороженка. 1905, 9, 367—382.

1801. **Ирпенскій Г.** Малороссы въ Петербургѣ. 1903, 6. 507—516.

1802. **Каллашъ Вл**. Къ исторіи малорусской литературы 20—30 годовъ XIX в. 1900, 5, 149—159; 9, 363—374; 11, 245—282.

1803. **Кириллъ и Меѳодій**—просвѣтители славянскіе. 1885, 4, I—VI.

1804. **Кевскіе** славянисты сороковыхъ годовъ. 1897, 2, 176—187.

1805. **Ковалько П.** Очерки національныхъ типовъ въ Украинской народной словесности. (Черты типа еврейскаго) 1883, 3, 667—672.

1806. **Колтоновская Е**. Современный малорусскій театръ. 1904, 10, 112—124.

1807. **Костомаровъ Н**. Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка? 1882, 8, 362—368.

1808. **Костомаровъ Н. И**. Кулишъ П А. и его послѣдняя литературная дѣятельность. 1883, 2, 221—234.

1809. **Крымскій А.** Филологія и Погодинская гипотеза. 1898, 6, 347—365; 9, 234—266; 1899, 1, 9—29; 6, 307—316; 9, 277—311.

1810. **Крымскій А.** Іоаннъ Вишенскій, его жизнь и сочиненія. 1895, 9, 211—247; 10, 1—47.

1811. **Крымскій А**. Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. 1896, 10, 65—76.

1812. **Кудринскій Ѳ**. „Stabat mater dolorosa" въ народной поэзіи Волынской губерніи. 1893, 11, 327—332. (Д.).

1813. **Кудринскій Ѳ.** Философъ безъ

системы (опытъ характеристики Г. С. Сковороды). 1898, 1, 35—63; 2, 265—282; 3, 436—456.

1814, **Кузьмичевскій П**. Старѣйшія русскія драматическія сцены. 1885, 11, 371—407.

1815. **Кулишъ П. А.** и его сотрудничество въ „Искрѣ". 1904, 2, 239—256.

1816. **Лазаревскій А.** Прежніе изыскатели малорусской старины. 1894, 12, 349—387. (Я. М. Маркевичъ), 1895, 2, 170—186. (А. И. Мартосъ).

1817, **Лазаревскій Ал.** Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ изд. въ 1864 г. 1897, 1, 14—15. (Д.).

1818. **Лебединцева Ѳ. Г.** къ литературной дѣятельности. 1888, 4, 28—31.

1819. **Левицкій Ор.** Аѳанасій Заруцкій, малорусскій панегиристъ конца XVII и начала XVIII ст. 1896, 3, 378—398.

1820. **Леонтовичъ В.** Грыцько Грыгоренко (критич; статья). 1903, 6, 487—506.

1821. **Л. М**. Замѣчательный экземпляръ книги Митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ". 1904, 9, 275—291.

1822. **Л. О.** Къ вопросу о южно-русскихъ апокрифахъ. 1887, 12, 775—779.

1823. **Лонгиновъ.** Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г., какъ источникъ для изученія Слова о полку Игоревѣ. 1893, 11, 223—234.

1824. **Максимовичъ М.** Споръ о вѣщемъ Боянѣ. 1898, 11, 222—253.

1825. **Максимовича М. А.** отзывъ о поэмѣ Пушкина „Полтава". 1899, 5, 249—259.

1826. **Марковъ Н.** Г. Ѳ. Квитка Основьяненко. Историко-литературный очеркъ. 1883, 6, 193—211.

1827. **Матушевскій Ф.** Жертвы переходной эпохи (А. Свыдныцькый „Люборацьки"), 1902, 7—8, 193—226.

1828. **Милорадовичъ В.** Этногр. элементъ въ повѣсти Гоголя „Заколдованное мѣсто" 1897, 9, 55—60. (Д).

1829. **Мировець В.** Життя і твори Віктора Забіли (співець власного горя). 1906, 5—6, 88—177.

1830. **Миронъ.** Іоаннъ Вишенскій. (Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности). 1889, 4, 141—151.

1831. **Миронъ**. Къ исторіи апокрифическихъ сказаній. 1891, 11, 267—275.

1832. **Миронъ**. Къ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній. 1894, 12, 425—444.

1833. **Михайлогорскій**. Не лишнее слово о виршахъ. 1888, 4, 100—108.

1834. **Михальчукъ К**. Филологическое недоразумѣніе (о формѣ им. п. мн. ч. прилагат. въ малорус. яз. на ое и т. п.). 1896, 4, 102—125.

1835. **Михальчукъ К**. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? 1899, 8, 135—195; 9, 111—112.

1836. **Науменко В.** Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ. 1883, 6, 212—232.

1837. **Науменко В**. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. 1888, 1—3, 271—282.

1838. **Науменко**. Квитка-Основьяненко. 1893, 8, 155—189.

1839. **Науменко**. Квитка, какъ малорусскій писатель передъ судомъ критики, 1893, 8, 245—268.

1840. **Науменко В.** Ученическое со

чиненіе Н. В. Гоголя. 1894, 1, 127—128. (Д.).

1841. **Науменко В.** Еще объ ученическомъ сочиненіи Н. В. Гоголя. 1894, 2, 341—342. (Д.).

1842. **Науменко В**. Слово о полку Игоревѣ, какъ памятникъ дружинной поэзіи древней Руси. 1895, 12, 259—270.

1843. **Науменко В**. Подведемъ итоги! (къ вопросу о литерат. языкѣ въ Галиціи). 1899, 8, 265—276.

1844. **Науменко В**. Рѣшенъ ли проф. Т. Ц. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской вѣчи? 1900, 1, 125—155.

1845. **Науменко В**. Морачевскій Ф. С. и его литературная дѣятельность, 1902, 11, 171—186; 12, 459—479.

1846. **Нечуй-Левицький** І. Сьогочасна часописна мова на Україні. 1907, 1, 1—49; 2, 183—237; 3, 280—331.

1847. **Н. Ѳ**. С. Поэзія Н. Ѳ. Чернявскаго. 1904, 1, 123—134.

1848. **Н. Ш.** Туманскій и Мицкевичъ. 1899, 3, 297—302.

1849. **Овсянико-Куликовскій**. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель. 1893, 7, 30—46; 8, 269—289; 9, 342—363.

1850. **Отчетъ** о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшіи малорусскій словарь. 1906, 5—6, 191—230.

1851. **Пачовський М.** Літературна мова на Україні. 1907, 4, 61—73.

1852. **Петровъ Н.** Старинный южно русскій театръ и въ частности вертепъ. 1882, 12, 438—480.

1853. **П. С.** Кіевская поэзія 50 лѣтъ назадъ. 1891, 12, 478—479.

1854. **П. С**. Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ. 1886, 4, 809—814.

1855. **П—ський Л.** Український театр в 1906 р. 1907, 1, 66—71.

1856. **Пчилка О.** Стороженко Николай Ильичъ на родинѣ. 1902, 1, 168—179.

1857. **Пчилка О**. Украинскія колядки. 1903, 1, 152—175; 4, 132—160; 5, 192—230; 6, 347—394.

1858. **Равита Ф**. Ѳома Падура (критическій очеркъ). 1889, 9, 727—751.

1859. **Ротаръ Ив**. Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в. 1900, 10, 1—38; 11, 189—217; 12, 347—400.

1860. **С—ко**. Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка. 1886, 5, 1—25; 8, 639—692; 10, 299—329; 11, 445—471.

1861. **С—ко. А. В.** Леонардъ Совинскій (опытъ посмертной характеристики). 1888, 6, 284—312.

1862. **С. Р.** Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія. 1892. 8, 168—198.

1863. **Срезневскій Вс.** Украинскій альманахъ. 1893, 1, 20—33.

1864. **Старицкая-Черняховская**. М. М. Коцюбинскій (опытъ критическаго очерка) 1906, 9, 83—123; 10, 269—330.

1865. **Старицька-Черняхівська Л.** Двадцять пьять років українського театру. 1907, 10, 44—95; 11—12, 280—346.

1866. **Степовичъ А.** Къ вопросу о происхожденіи думъ. 1893, 1, 105—109.

1867. **Стешенко І**. Історія українськоі драми. 1907, 1, 56—80; 2, 147—182; 3, 332—361; 4, 14—40; 5, 152—171; 6, 269—285; 7—8, 101—143; 9, 311—339; 10, 1—9; 11—12, 369—435.

1868. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Іоанникій Голятовскій (къ исторіи южно-русской

литературы XVII в.). 1884, 1, 1—20; 2, 183—204, 3, 371—390; 4, 565—688,

1869. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки. 1884, 6, 201—209.

18⁷⁾. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Иннокентій Гизе́ль. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). 1884, 10, 183—226.

1871. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка. 1885, 1, 1—18.

1872. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Іоаннъ Вишенскій (южно русскій полемистъ начала XVII ст.) 1885, 4, 649—677.

1873. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Очеркъ исторіи апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. 1887, 6—7, 215—268; 9, 1—54; 11, 401—455,

1874. **Сумцовъ.** Квитка, какъ этнографъ. 1893, 8, 190—214.

1875. **Сумцовъ Н. Ф.** Нѣкоторыя черты сходства „Слова о Полку Игоревомъ" съ южно-славянскими старинными пѣснями. 1893, 7, 74—89.

1876. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ (посвящается памяти Ѳеофана Гавриловича Лебединцева). 1894, 1, 1—20.

1877. **Сумцовъ Н.** Дополненіе къ статьѣ о думѣ про Алексѣя Поповича. 1894, 2, 324—326. (Д).

1878. **Сумцовъ Н. Ѳ.** О вліяніи малорусской схоластической литературы XVII в. на великорусскую раскольническую литературу XVIII в. и объ отраженіи въ раскольнической литературѣ масонства. 1895, 12, 367—379.

1879. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Напрасная тревога. 1904, 10, 148—154.

1880. **Сумцовъ М.** Історічні зразки україньского літературного еднання.

1881. **Твердохлѣбовъ А.** Къ литературной исторіи разсказа „Вусы". 1890, 10, 148—151.

1882. **Тиховскій Ю.** Такъ называемая „краткая Кіевская лѣтопись". 1893, 9, 364—474.

1883. **Тиховскій Ю.** Прозой или стихами написано „Слово о Полку Игоревомъ"? 1893, 10, 29—54.

1884. **Тиховскій Ю.** Имя автора „Героическихъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ". 1893, 6, 517—518. (Д).

1885. **Ткаченко-Петренко Е.** Думы въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ. 1907, 7—8, 144—185.

1886. **Успенскій Ѳ. М.** На память тысячелѣтія годовщины славянскихъ просвѣтителей (рѣчь) 1885, 5, 107—126.

1887. **Франко Ів.** Откровеніе св. Степана (студія над одним мало відомим апокрифом). 1906, 7—8, 377—405.

1888. **Ф. Іван.** Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотській. 1907, 1, 50—55.

1889. **Харламповичъ К.** Новая библіографическая находка. Статья кн. А. М. Курбскаго „о силогизме" 1900, 7—8, 211—214.

1890. **Черепинъ В.** Д. В. Марковичъ (критич. статья). 1903, 3, 439—461.

1891. **Шенрокъ В.** Къ исторіи текста „Мертвыхъ душъ". 1902, 7—8, 95—110.

1892. **Штепенко В.** Нѣсколько словъ о колядкахъ. 1894, 9, 446—448. (Д).

1893. **Шугуровъ Н.** Квитка Илья Ивановичъ, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. 1890, 3, 444—453.

1894. **Юбилейное** чествованіе памяти Гр. Сав. Сковороды въ Харьковѣ. 1894. 12, 461—474.

1895. **Ю. Т.** Указатель первыхъ печатныхъ проблесковъ малорусской литературы, до появленія „малороссійскихъ повѣстей" Гр. Квитки въ Россіи и „Русалки Днѣстровой" изд. М. Шашкевичъ въ Австріи. 1893, 8, 293—296. (Д).

1896. **Янчукъ Н.** Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ. 1888, 10, 1—20.

1897. **Я. В.** Къ 300—лѣтнему юбилею Ивана Өедорова, перваго московскаго типографа. 1883, 12, 693—696.

1898. **Ящуржинскій Хр.** Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма. 1896, 11, 234—273.

В) СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ О И. П. КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

1899. **Боцяновскій Вл.** Къ вопросу объ источникѣ водевиля Котляревскаго: „Москаль-Чаривныкъ". 1894, 10, 151—154. (Д.).

1900. **Бучневичъ В. Е.** Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ. 1884, 10, 352—353.

1901. **Бучневичъ В. Е.** Памятникъ Котляревскаго. въ Полтавѣ. 1889, 8, 550.

1902. **Василенко Н.** Къ біографіи Котляревскаго 1902, 4, 1—5.

1903. **Вергиліева** Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. П. Котляревскимъ. 1898 (приложеніе) 9. 10. 11. 12.

1904. **Гаврышъ В.** Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ. 1897, 3, 76—77. (Д.).

1905. **Горленко В.** Изъ бумагъ Котляревскаго (письма къ нему) 1883, 5, 146—154.

1906. **Гринченко Б.** Измѣненія текста „Энеиды" И. П. Котляревскаго. 1897, 3, 74—76. (Д).

1907. **Дашкевичъ Н.** Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ" 1893, 12, 451—481.

1908. **Два** письма о Котляревскомъ. 1898, 7—8, 1—3. (Д.).

1909. **Два** неизвѣстныхъ письма И. П. Котляревскаго. 1900, 9, 93—95. (Д.).

1910. **Дмитріевъ Н.** Къ исторіи открытія памятника Котляревскому въ городѣ Полтавѣ. 1903, 10, 153—167.

1911. **Доманицкій В.** Ода Сафо в перекладі Котляревського І. 1907, 7—8, 234—236.

1912. **Домикъ** Котляревскаго въ Полтавѣ (рисунокъ) 1898, 7—8. Статьи къ рисунку тамъ же (VII—XI и 152—154).

1913. **Ефремовъ С.** Праздникъ украинской интеллигенціи. 1903, 10, 168—202.

1914. **Житецкій П.** Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея. 1899, 10, 1—30; 11, 127—166; 12, 277—300; 1900, 1, 16—45; 2, 163—191; 3, 312—336.

1915. **Котляревскій.** Энеида его соч. на малор. языкѣ, по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ Парпуры 1797 г. и Котляревскаго 1809 г. 1900, приложеніе 1. 2, 3, 4.

1916. **Котляревскій И. П.** Записка его о первыхъ дѣйствіяхъ въ Турецкую войну 1806 г. съ предисл. Вс. Срезневскаго. 1900, 12, 333—346.

1917. **Къ** біографіи Котляревскаго. 1903, 10, 1—2. (Д.).

1918. **Л. П.** Нѣсколько словъ о п

мятникѣ Котляревскому въ Полтавѣ. 1903, 3, 139—141. (Д.).

1919. **Малинка А.** Къ вопросу объ источникѣ „Москаля-Чаривныка" Котляревскаго. 1903, 7—8, 1—4. (Д.).

1920. **Музей** имени Котляревскаго въ Полтавѣ. 1905, 2, 147—148. (Д.).

1921. **Науменко В П.** Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Котляревскаго. 1888, 11, 374—394.

1922. **Павловскій И. Ф.** Котляревскій въ роли церемоніймейстера. 1903, 3, 139. (Д.).

1923. **Павловскій И. Ф.** Участіе Котляревскаго въ формированіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 1812 г. 1905, 6, 309—320.

1924, **Павловскій И. Ф.** Къ біографіи Котляревскаго. 1905, 10, 1—10.

1925. **Павловскій И. Фр.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго. 1905, 11—12, 65—66. (Д.).

1926. **Павловскій И. Фр.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго. 1906, 7—8, 78—79. (Д.).

1927. **Перетцъ В.** Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ". 1894, 3, 549—551. (Д).

1928. **П—ко В.** И. П. Котляревскій ученикъ Екатеринославской семинаріи. 1905, 7—8, 46—47. (Д.).

1929. **По** поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго. 1896, 3, 103—106. (Д.).

1930. **Р.** Остатки домика Котляревскаго въ Полтавѣ. 1891, 6, 485—486.

1931. **Русовъ Александръ.** Какая роль „вознаго" въ „Наталкѣ-Полтавкѣ". 1904, 1, 41—64.

1932. **Сластіоновъ А.** Къ вопросу о музеѣ имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. 1905, 10, 43—47. (Д.).

1933. **Состояніе** могилы И. П. Котляревскаго. 1900, 10, 25. (Д.).

1934. **Срезневскій Вс.** Знакомство И. И. Срезневскаго съ И. П. Котляревскимъ. 1899, 1, 1—8.

1935. **Срезневскій В.** Къ біографіи И. П. Котляревскаго (съ письмомъ его). 1905, 6, 239—242. (Д.).

1936. **Стешенко И.** Котляревскій И. П. и Осиповъ въ ихъ взаимоотношеніи. 1898, 7—8, 1—82.

1937. **Стешенко И.** Котляревскій И. П въ свѣтѣ критики. 1898, 7—8, 83—151; 9, 267—316; 10, 1—32.

1938. **Стешенко И.** Древнѣйшій списокъ (1820) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго 1901, 4, 1—9. (Д.).

1939. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ предстоящему юбилею „Энеиды" И. П. Котляревскаго. 1897, 1, 7—10. (Д.).

Г) СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

1940. **Автобіографія** Т. Г. Шевченка, писанная для „Народнаго Чтенія" (съ краткимъ предислов. П. Кулиша). 1885, 11, 431—435.

1941. **Автографы** Т. Г. Шевченка. 1901, 6, 157. (Д).

1942. **А. Г.** Маленькое поясненіе къ „Кобзарю" Т. Г. Шевченка. 1887, 3, 583—585.

1943. **А. Л.** Новое свѣдѣніе о пребываніи Т. Г. Шевченка въ Раимскомъ укрѣпленіи. 1891, 2, 334—335.

1944. **А. Л.** Новопетровское укрѣпленіе (къ рисунку Т. Г, Шевченка). 1899, 2, 291—295.

1945. **Андруши** село. Рисунокъ Т. Г. Шевченка. 1890, 6, (тамъ же статья, 554—557).

1946. **А. Р.** Къ поправкамъ текста „Кобзаря" Шевченка. 1905, 4, 28—29. (Д).

1947. **Бабичъ А**. Загадочный портретъ Шевченка 1887, 6—7, 577.

1948. **Беренштамъ В**. Т. Г. Шевченко и простолюдины его знакомцы 1900, 2, 248—260.

1949. **Б. Н.** Субботовская церковь. (Къ рисунку Т. Г. Шевченка) 1890, 9, 506—508.

1950. **Борьба** изъ-за Шевченка. 1900 1, 24. (Д).

1951. **Билыкъ И**. Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка. 1886, 4, 708—728.

1952. **Бѣлозерскаго В. М.** письмо къ Т. Г. Шевченку. 1905, 2, 139—140. (Д).

1953. **Бѣлозерскій Н**. Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ (1831—1861 г. г.). 1882, 10, 66—77;

1954. **Бѣляшевскій Н**. Разсказы крестьянъ с. Пекарей о Т. Г. Шевченкѣ. 1894, 2, 165—181.

1955. **Бюстъ** Т. Г. Шевченка. 1900, 12, 156. (Д).

1956. **Васильевъ М**. Народная пѣсня о Шевченкѣ. 1885, 9, 187—188.

1957. **Васильевъ М. К.** Т. Шевченко въ легендѣ. 1900, 6, 141—143. (Д).

1958. **Васильевъ Н**. Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1896, 2, 129—151.

1959. **В. Г.** Картины, рисунки и офорты Шевченка 1888, 6, 80—85.

1960. **В. Д.** Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. 1901, 2, 65—68. (Д).

1961. **Вещи,** принадлежащія Шевченку. 1900, 1, 23—24. (Д).

1962. **Видъ** Почаевской Лавры. Рисунокъ и автографъ Шевченка. 1897, 2. (о рисункѣ статья тамъ-же, 347—350).

1963. **В. Н.** Письма М. М. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку (1858—1859) 1901, 2, 283—300. (Попразка къ этой статьѣ 1901. 3, 157, (Д).

1964. **В. Н.** Къ исторіи могилы Т. Г. Шевченка. 1902, 2, 73—77. (Д).

1965. **В. Н.** Три письма Шевченка къ А. И. Лизогубу. 1903, 2, 63—68. (Д).

1966. **Воспоминанія** современника Т. Г. Шевченка 1900, 12, 154 (Д).

1967. **Время** написанія Шевченкомъ картины „Катерына". 1896, 4, 1—2. (Д).

1968. **Герна К. И.** Письма къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ. 1899, 2, 67—73. (Д).

1969. **Г-ко В**. Эпизодъ о памятникѣ Шевченку и о его могилѣ въ Полтавскомъ земскомъ собраніи. 1883, 1, 218—220.

1970. **Г-ко В**. Иллюстраціи Шевченка. 1888, 1—3, 8—11.

1971. **Горленко В**. Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарновскаго 1886, 2, 402—409.

1972. **Гробъ** Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ у Христо-Рождественской церкви 7 мая 1861 года (Рисунокъ) 1894, 2, 165. (тамъ-же статья, 314—317).

1973. **Густынскій** монастырь. (Три рисунка Шевченка), Чигиринъ съ суботовскаго шляху (рисунки и статья) 1890, 2, 356—358.

1974. **Даниловъ В.** „Лілея" Шевченка и „Lilie" Эрбена. 1907, 5. 180—188.

1975. **Даценко Г.** Нѣсколько словъ о Т. Г. Шевченкѣ. 1893. 2, 257—261

1976. **Два** письма Шевченка (1840—1847) 1891, 2, 209—214.

1977. **Доманицкій**. Письмо В. В.

Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку. 1901, 2, 72. (Д).

1978. **Доманицкій** В. Какъ читается Шевченко. 1904, 7—8, 18—19. (Д).

1979. **Доманицкій** В. До бібліографіи литератури про Т. Шевченка 1906, 9, 5—10. (Д/.

1980. **Доманицкій В.** Критичний розслід над текстом „Кобзаря" Шевченка 1906, 9, 21—82; 10, 198—268, 11—12, 331—564.

1981. **Допросъ** Т. Г. Шевченка въ 1847 г. (изъ рукоп. замѣтокъ Н. А. Ригельмана). 1902, 2, 181—187.

1982 **Д—ръ Г.** Поминки по Шевченку въ Петербургѣ. 1898, 4, 7—9. (Д).

1983. **Дѣло** 1857 г. о Шевченкѣ. 1902, 2, 146—147. (Д).

1984. **Еще** строки Шевченка. 1902, 2, 73. (Д).

1985. **Забіла Я.** Шевченка автографи и нові твори, знайдені в' архиві Департамента Поліціі 1907, 7—8. 1—19.

1986. **Зарянко Н.** Воспоминанія Н. И. Усковой о Шевченкѣ. Съ примѣчаніями М. К. Чалаго. 1889, 2, 297—313.

1987. **Изъ** воспоминаній Т. Г. Шевченка (запись Г. Н. Честаховскаго). 1895. 2, 139—141.

1988. **И-й.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1890, 2, 334—337.

1989. **И. Н.** Исключеніе Т. Г. Шевченка за его самовольную отлучку. 1882, 3, 608—609.

1990. **Каминскій Ѳ.** Еще щепотка на могилу Шевченка. 1885, 3, 519—530.

1991. **Карташевскій В. Я.** Изъ воспоминаній о Т. Шевченкѣ. 1900, 2, 61—63. (Д).

1992. **Катерина.** Рисунокъ Т. Шевченка. 1896, 2. (къ рисунку—тамъ же статья, 79. (Д).

1993. **Кибальчичъ Н. М.** Коротенькое воспоминаніе о Шевченкѣ. 1887, 3, 585—586.

1994. **Кибальчичъ Над. М.** Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ (изъ разсказовъ моей матери). 1890, 2, 175—184.

1995. **Комаровъ М.** Библіографич. указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка. 1886, 3, 570—571, 4, 778—786.

1996. **Комаровъ М.** По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Г. Шевченка. 1889, 5—6, 618—621.

1997. „**Комора** въ Потокахъ" (рисунокъ Шевченка и статья). 1891, 12, 507—508.

1998. **Косаревъ Е.** Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти. 1893, 2, 243—257.

1999. **Кр—ський М.** „Марія" Т. Шевченка (Аналітична проба). 1907, 4, 1,—13.

2000. **Крымскій А.** Шевченко въ народныхъ разсказахъ. 1896, 2, 51—52. (Д).

2001. **Къ біографіи** Т. Г. Шевченка. 1885, 2, 333—338.

2002. **Къ исторіи** послѣдней любви Т. Г. Шевченка. 1899, 10, 25—26. (Д).

2003. **Къ помѣщаемымъ** двумъ рисункамъ Т. Шевченка. 1892, 2, 323—324. (Д).

2004. **Лазаревскаго Ѳ. М.** Изъ воспоминаній о Шевченкѣ. 1899, 2, 151—167; 4, 1—7.

2005. **Л—ъ.** П. Нѣкоторыя допол-

ненія и поправки къ біографіи Т. Шевченка. 1882, 9. 560—567.

2006. **Лебединцева Ѳ. Г.** Два письма къ Т. Шевченку, 1898, 11, 45— . (Д).

2007. **Левицкій О.** Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка (въ 1845—46 г.). 1894, 2, 231—244.

2008. **Лобода Ѳ.** Знакомство мое съ Т. Г. Шевченкомъ и мои о немъ воспоминанія. 1887, 11 563—577.

2009. **Любов Ів.** Автографи Шевченка в Московському Румянцевскому Музеі. 1907, 2, 137—146.

2010. **Маркевичъ Ал.** Письмо въ редакцію. Стихотвореніе „Хома та Ерема" (продиктованное автору Шевченкомъ). 1895, 2, 48—49 (по поводу о стихотворенія. 1895, 3, 100—101).

2011. **Матушевскій Ф.** Посѣтители могилы Т. Г. Шевченко. 1903, 2, 267—294.

2012. **Мацѣевичъ Левъ.** Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка. 1891, 2, 315—316.

2013. **Мацѣевичъ Л.** Два неизданныя письма Т. Г. Шевченка. 1895, 2, 43—48. (Д).

2014. **Мелочи** изъ жизни Шевченка. 1897, 2, 31—35. (Д).

2015. **Мердеръ А.** Шевченко и Буяльскій домагаются вакансіи учителя рисованія въ Кіевскомъ Университетѣ. Публичная живописная школа Буяльскаго. 1901, 6, 139—140. (Д).

2016. **Михайловская** и Покровская церкви въ г. Переяславѣ Полтав. губ. (2 рисунка Т. Г. Шевченка и статья А. Стороженка). 1891, 2, 337—351.

2017. **Могила** Т. Г. Шевченка (рисунокъ) 1898, 2.

2018. **Народная** пѣснь о Шевченкѣ. 1901, 5, 81—82. (Д).

2019. **Науменко В.** Къ вопросу о научномъ изданіи. „Кобзаря" Шевченка. 1899, 2, 314—319. (Д).

2020. **Науменко В.** О приписанномъ Шевченку стихотв. „Славянамъ". 1899, 7, 1—3. (Д).

2021. **Науменко В.** Приведеніе въ порядокъ могилы Т. Г. Шевченка. 1906, 9, 17—20. (Д).

2022. **Н. Н. Д.** На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. Изъ путевой книжки. (Бесѣда автора о Шевченкѣ). 1889. 3, 561—581.

2023. **Н. Н. Д.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1889. 3, 730—733. см. также замѣтку А. С. Л. 1889, 4, 190—193.

2024. **Невѣста** Т. Г. Шевченка. 1904, 6, 121—122. (Д.).

2025. **Невѣста** Т. Г. Шевченка (письмо А. Кулишъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей"). 1904, 7—8, 24. (Д.).

2026. **Неизвѣстный** портретъ Т. Г. Шевченка. 1901, 4, 27. (Д.).

2027. **Н—ко В.** Письмо И. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Шевченка изъ крѣпостной зависимости. 1892, 2, 319—320. (Д.).

2028. **Н—ко В.** Письмо Т. Г. Шевченка къ А. Д. Оболонскому. 1892, 2, 320—321. (Д.).

2029. **Н. М.** Арестъ Т. Г. Шевченка въ 1859 г. 1899, 2, 143—150.

2030. **Новопетровское** укрѣпленіе съ хивинской дороги (рисунокъ Т. Шевченка). 1899, 2 (тамъ же статья къ рисунку, 291—295).

2031. **Новый** фотографическій пор-

третъ Т. Г. Шевченка. 1900, 9, 98. (Д.).

2032. **Н. Ш.** По поводу одного стихотворенія Т. Шевченка. 1893, 8, 300—303. (Д.).

2033. **Н. Ш.** Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Шевченка и о первомъ посмертномъ изданіи его сочинеиій. 1899, 2, 168—184.

2034. **Н. Ш.** Изъ воспоминаній. М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. 1899, 6, 433—439.

2035. **Нѣсколько** новыхъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. 1893. 2, 240—273.

2036. **Оберучевъ К.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 1900, 2, 157—162.

2037. **О** памятникѣ Шевченку. 1898, 2, 41—42. (Д.).

2038. **Переводъ** стихотвореній Шевченка на сербскій языкъ. 1899, 7, 30—31. (Д.).

2039. **Переводъ** стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ. 1899, 2, 90—91. (Д.).

2040. **Письмо** Шевченка къ Дубельту. 1902, 4, 61. (Д.).

2041. **Піуновой** (Шмидгофъ) Е. Б. воспоминанія о Шевченкѣ. 1892, 2, 321—323. (Д.).

2042. **Племянникъ** Т. Шевченка. 1901, 1, 16—17. (Д.).

2043, **Полное** изданіе „Кобзаря" Т. Г. Шевченка. 1906, 2, 21. (Д.).

2044. **Поминки** по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 г. 1896, 2, 52, (Д).

2045. **Поминки** по Шевченкѣ, Костомаровѣ и Кулишѣ въ Петербургѣ. 1897, 4, 15—17. (Д.).

2046. **Пономаревъ С.** Восемь писемъ Шевченка. 1883, 2, 401—408.

2047. **Пономаревъ С.** Изъ писемъ Максимовича къ Шевченку. 1884, 4, 644—648.

2048. **По** поводу одной записки Шевченка. 1903, 2, 68. (Д.).

2049. **Портретъ** Шевченка, писан. Рѣпинымъ. 1893, 2.

2050. **Разсказъ** Орскихъ старожиловъ о Шевченкѣ. 1895, 11, 60—61. (Д.).

2051. **Рисунки**. Шевченка (статья). 1889, 10, 184—185.

2052. **Рклицкій С.** Три дѣла о рядовомъ линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тарасѣ Шевченкѣ. 1905, 2, 201—208.

2053. **Родственникъ** Т. Г. Шевченка. 1901, 6, 164. (Д.).

2054. **Родственники** Т. Г. Шевченка, 1901, 3, 160. (Д); 4, 27—28 (Д); 1904, 10. 24—27. (Д).

2055. **Русовъ А.** Коллекція рисунковъ Т. Г. Шевченка (статья). 1894, 2, 183—191.

2056. **Русов О.** Спомини про пражське видання „Кобзаря". 1907, 2, 125—136.

2057. **Свѣдѣнія** о неизвѣстныхъ будто бы произведеніяхъ Шевченка. 1899, 3, 133—135. (Д.).

2058. **С. Е.** Новый автографъ Шевченка. 1905, 4, 28—29. (Д.).

2059. **С—ко.** Эпизодъ изъ жизни Т. Г. Шевченка. 1885, 12, 718—720.

2060. **Сластіонъ О.** Къ Шевченковской коллекціи. 1899, 9. 99—102 (Д).

2061. **Смоктій А.** Взгляды народа на Т. Шевченка. 1882, 8, 371—373.

2062. **Смоктій А.** Воспоминаніе о Шевченкѣ. 1883, 9—10, 320—322.

2063. **Союзъ** имени Шевченка. 1905, 11—12, 91—93. (Д.).

2064. **Стороженко А.** Михайловская

и Покровская церкви въ г. Переяславѣ Полтавской губ. (къ рис. Шевченка). 1891, 2, 337—351.

2065. **Стороженко Н. И.** Первые четыре года ссылки Т. Шевченка. 1888, 10, 1—21.

2066. **Стороженко Н.** Новые матеріалы для біографіи Шевченка. 1893, 3, 460—469; 1896, 3, 421—435; 1900, 9, 297—326.

2067. **Стороженко Н.** О стих; „Славянамъ", приписываемомъ Шевченку. 1899. 12, 123—125. (Д.).

2068. **Суботовская** церковь (рисунокъ Шевченка и статья). 1890, 9, 506—508.

2069. **Судьба** родственниковъ Т. Г. Шевченка. 1901, 5, 94—95. (Д.).

2070. **Сумцовъ Н. Ѳ.** О мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка. 1898, 2, 210—228.

2071. **Сухановъ-Подколзинъ Б.** Воспоминанія о Шевченкѣ его случайнаго ученика. 1885, 2, 229—240.

2072. **Талько-Грынцевичъ** Ю. Д. Поѣздка въ Кириловку. Замѣтка къ біографіи Шевченка. 1889, 9, 758—763.

2073. **Т—овъ М.** Письма Шевченка къ Бр. Залесскому (1853—1857). 1883, 1, 161—176; 3, 611—622; 4, 853—866.

2074. **Три** картины Т. Г. Шевченка (Черниговскій музей). 1901, 9, 99—100. (Д.).

2075. **Три** письма Т. Г. Шевченка, 1894, 2, 320—323. (Д.).

2076. **Т—скій М.** Т. Шевченко и замѣщеніе кафедры живописи въ Кіевскомъ университетѣ. 1907, 2, 250—253.

2077. **Хата** Т. Г. Шевченка въ с. Кириловкѣ (рисунокъ) 1892, 2. (тамъ же замѣтка, 323—324, Д).

2078. **Чалый М.** Посѣщеніе Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. 1889. 2, 459—464.

2079. **Чалый М.** Изъ переписки Т. Г. Шевченко съ разными лицами (съ примѣчаніями М. К. Чалаго). 1897, 5, 151—175: 3, 452—475.

2080. **Часы** Т. Г. Шевченка. 1899. 7, 11—12. (Д).

2081, **Честаховскаго** письма, писанныя въ 1861 году о похоронахъ поэта Шевченка 1898, 2, 167—193.

2082. **Честаховскаго Н. Г.** изъ воспоминаній о Т. Г. Шевченкѣ. 1895, 2, 142—144.

2083. **Шевченка В. Г.** письмо къ Т. Г. Шевченку. 1904, 2, 61—63, (Д).

2084. **Шевченка Т. Г.** письмо къ В. И. Григоровичу. 1899, 10, 9—11. (Д).

2085. **Шевченко Т. Г.** по воспоминаніямъ полковника Косырева. 1898, 2, 36—41. (Д).

2086. **Шевченка** неизданное стихотвореніе „Славянамъ", съ предислов, Стороженка. 1897, 10, 1—5.

2087. **Шевченка Т.** письмо къ брату Никитѣ. 1905, 6, 237—239. (Д).

2088. **Шевченка** письма къ кн. В. Н. Репниной. 1893, 2. 261—273.

2089. **Шевченка Т. Г.** портретъ 1892, 2. (тамъ же замѣтка, 323—324, (Д).

2090. **Шевченко** въ Академіи Художествъ. 1892, 7, 119—120 (Д).

2091. **Шевченко** на эстрадѣ 1901, 9. 96, (Д).

2092. **Шевченко** на языкѣ будущаго (эсперанто). 1900, 10, 28. (Д).

2093. **Шевченко Т. Г.** Художникъ (автобіографическ, повѣсть) 1887, 1, 1—35: 2, 193—236; 3. 385—411.

2094. **Шевченко Т. Г.** Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали (подпись „Дармограй") 1887. 6—7, 269—334 8, 589—626; 9, 55—89.

2095. **Шевченко Т. Г.** Никита Гайдай (отрывокъ изъ драмы). 1887, 10, 277—288.

2096. **Шевченко Т. Г.** Музыкантъ (повѣсть) 1887, 12, 627—695.

2097. **Шевченко Т. Г.** Капитанша 1887, 4, 589—620: 5, 1—25.

2098. **Шевченко Т. Г.** Безталанный (поэма) 1887, 11, 456—470.

2099. **Шевченко Т. Г.** Слѣпая, 1886, 6, 307—338.

2100, **Шевченко Т. Г.** Наймычка 1886, 8, 577—612; 9, 1—36.

2101. **Шевченко Т. Г.** Варнакъ. 1886, 4, 410—442.

2102. **Шевченко Т. Г.** Близнецы. 1886, 10, 199—251. 11, 409—444 12, 589—626.

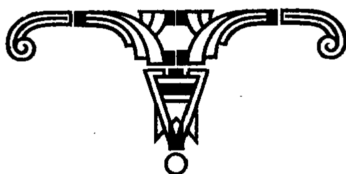
2103. **Шевченко Т. Г.** Княгиня (разсказъ 1853 г.) 1884, 3, 391—422.

2104. **Шугуровъ Н.** О рисункахъ Т. Г. Шевченка, исполненныхъ по порученію Кіевской Археографической Комиссіи, въ волынской губ. 1894, 2, 318—319 (Д).

2105. **Эпизодъ** изъ авторско-издательской дѣятельности Шевченка 1884, 12, 743—744.

2106. **Эпизодъ** на могилѣ Т. Шевченка 1896, 2, 230—241,

2107. **Ярцевъ А.** Шевченко и Щепкинъ. 1898. 2, 194—209.



V. Географія и этнографія.

2108. **А. А.** Оригинальное вѣнчаніе 1766 г. 1893, 12, 502—504. (Д).

2109. **Абрамовъ И.** О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. 1906, 1, 5—11. (Д).

2110. **Авенаріусъ Н.** Замѣтка къ статьѣ „О шелудивомъ Бунякѣ", 1887, 11, 584.

2111, **А. К.** Свадебныя пѣсни, записанныя въ подольской губерніи. 1897, 3, 375—395.

2112. **А. Л.** Конотопская старина по устному преданію. 1901, 1, 1—3. (Д).

2113. **А. Л.** Пригласительныя старинныя на свадьбу письма (1729—1735 г. г.). 1899, 6, 133—135. (Д).

2114. **А. Л.** Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни. 1891, 12, 482—484.

2115. **А. М.** Еще варіантъ малорусской баллады о Бондаривнѣ. 1905, 10, 9—12. (Д).

2116. **А. М.** Пѣсня на освобожденіе отъ панщины въ 1861 году. 1905, 9, 110—112. (Д).

2117. **Андріевскій А.** Письмо къ тремъ діаволамъ. 1884, 6, 340—342.

2118. **Андріевскій М.** Перепетовское поле (разысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты.) 1882, 9, 436—356.

2119. **Андріевскій М.** Лѣтописный Юрьевъ на Руси (топографическое разысканіе, съ приложеніемъ карты). 1883, 9—10, 1—38.

2120. **А. Т.** Забытый уголокъ Приворсклія. 1892, 3, 494—496. (Д).

2121. **Аѳанасьевъ. Г.** Легенды, относящіяся къ берегамъ Буга около Винницы. 1898, 4, 10—12. (Д).

2122. **Бакай Н.** Городничій и св. пятница (къ исторіи народныхъ суевѣрій). 1885, 12, 744—747.

2123. **Барсовъ Н. И.** Три малорусскія пѣсни изъ періода Крымской кампаніи. 1885, 4, 795—798.

2224. **Ба—скій.** Пѣсня запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи. 1882, 6, 554—555.

2125. **Ба—скій Г.** Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила. 1882, 6, 555—556.

2126. **Б. Н.** Медико-топографическая и этнографическая работы д—ра Дела—Флиза. 1889, 7, 256—268.

2127. **Боржковскій Валеріанъ.** „Парубоцтво", какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ. 1887, 8, 765—776.

2128. **Боржковскій Валеріанъ** Лирники. 1889, 9, 653—708.

2129. **Боржковскій В.** Цѣлебный источникъ 1792. 4, 123—125. (Д).

2130. **Брайловскій С.** Малорусская

похоронная причеть и миѳическое ея значеніе. 1885, 9, 73—84.

2131. **Б—скій И. Ф.** Преданія о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго уѣзда). 1891, 8, 316—317.

2132. **Бурачковъ Пл.** Замѣтка по исторической географіи южно-русскихъ степей. 1886, 4, 659—683.

2133. **Быстровъ Б.** Къ южно-русскимъ пѣснямъ (матерьялы по этнографіи южнорусовъ). 1895, 2, 234—256.

2134. **Бытовая** малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст. 1887, 10, 336—356.

2135. **Бѣляшевскій Н.** Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры. 1892, 5, 105—111.

2136. **Бѣляшевскій Н.** Этнографическій музей въ Варшавѣ. 1897, 7—8, 1—7. (Д.).

2137. **Бѣньковскій И.** Рождественскія святки на Волыни. 1889, 1, 236—242.

2138. **Бѣньковскій И.** Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. 1890, 8, 324—326.

2139. **Бѣньковскій Ив.** Разсказъ о вовкулакахъ, 1894. 12, 495—497. (Д).

2140. **Бѣньковскій Ив.** Разбойникъ Добрушъ (изъ народныхъ устъ). 1895, 5, 8—12. (Д).

2141. **Бѣньковскій И.** Обычаи и повѣрья, пріуроченные къ „Великодню" 1895, 5, 70—76.

2142. **Бѣньковскій И.** Народные обычаи пріуроченные къ Спасу. 1895, 7—8, 9—14. (Д).

2143. **Бѣньковскій И.** Дѣвичій праздникъ св. Андрея. 1895, 12, 100—103. (Д).

2144. **Бѣньковскій Ив.** Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрія и примѣты пріуроченные къ „Риздвянымъ Святкамъ". 1896, 1, 1—9. (Д)

2145. **Бѣньковскій Ив.** Интересный обычай во время жатвы. 1896, 7—8, 20. (Д).

2146. **Бѣньковскій Ив.** Смерть. погребеніе и загробная жизнь, по понятіямъ и вѣрованію народа. 1896, 9, 229—261.

2147. **Бѣньковскій И.** Осина въ вѣрованіяхъ и въ понятіи народа на Волыни. 1898, 7—8, 6—9. (Д).

2148. **Бѣньковскій И.** Повѣрья и суевѣрія. относящіяся къ охотѣ. 1898, 7—8, 9—14. (Д).

2149. **Бѣньковскій И.** Народный взглядъ на „нечистую" женщину 1899, 6, 128—131. (Д).

2150. **Бѣньковскій И.** Стрѣлянье въ кресты (изъ народныхъ суевѣрій) 1902, 6, 161—162. (Д).

2151. **Бѣньковскій И.** Судъ св. Юрія (изъ народныхъ устъ). 1902, 6, 163—165. (Д).

2152. **Бѣньковскій И.** Изъ области народныхъ вѣрованій о выходцахъ съ того свѣта. 1902, 9, 108—110. (Д).

2153. **Бѣньковскій И.** Кармалюкова долина (изъ народныхъ преданій). 1902, 12, 156—157. (Д).

2154. **Бѣньковскій И.** Татарская долина (изъ народныхъ преданій). 1902, 12, 157—158. (Д).

2155. **Бѣньковскій Ив.** Народныя повѣрія, суевѣрія и примѣты, пріуроченныя къ „Благовѣщенію 1903, 5, 98—100. (Д)

2156. **Бѣньковскій Ив.** Легенды о горохѣ. 1903, 5, 100. (Д).

2157. **Бѣньковскій И**. Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. 1904, 10, 1—3. (Д).

2158. **Бѣньковскій Ив**. Макъ въ народной демонологіи на Волыни. 1905, 4, 34—36. (Д).

2159. **Бѣньковскій Ив**. Якъ сатана збірав закони по землі (изъ народныхъ устъ). 1906, 9, 15—17. (Д).

2160. **В. А**. Подольская легенда о Бунякѣ. 1892, 6, 444—445. (Д).

2161. **Варіантъ** пѣсни о Кармелюкѣ. 1889, 8, 533.

2162. **Варіантъ** пѣсни про дурня. 1900, 9, 89—92. (Д).

2163. **Варіанты** къ пѣснѣ о Бондаривнѣ. 1902, 5, 99—101. (Д).

2164. **Василенко В**. Празднованіе, понедѣльника въ Малороссіи. 1887 1, 180—182.

2165. **Василенко В**. Для характеристики "Богатырей". 1892, 12, 461—463. (Д).

2166. **Василенко В**. По поводу малороссійскаго народнаго орнамента. 1902, 11, 67—73. (Д).

2167. **Василенко В**. Деревня и ея развлеченія (очерки и наблюденія). 1904, 4, 131—148.

2168. **Васильевъ М**. Великій грѣшникъ (сказка). 1884, 9, 172—175.

2169. **Васильевъ М**. Двѣ сахарозаводскія пѣсни. 1886, 10, 407—408.

2170. **Васильевъ М**. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (этнографическій очеркъ). 1889, 8, 354—376; 9, 615—630.

2171. **Васильевъ М**. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. 1889, 5—6, 635—637.

2172. **Васильевъ М**. Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣя. 1889, 5—6. 634.

2173. **Васильевъ М**. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. 1890, 8, 317—322.

2174. **Васильевъ М**. Украинскій варіантъ о происхожденіи табака. 1893, 3, 547—548. (Д.).

2175. **Васильевъ М**. Легенды о Боткинѣ проф. 1899, 9, 102—104. (Д).

2176. **Венгрженовскій С**. Еще коечто о Кармелюкѣ. 1886, 7, 553—559.

2177. **Венгрженовскій Сергѣй** Легенда. 1892, 12, 470—471. (Д).

2178. **Венгрженовскій Сергѣй** Политическая сатира. 1892, 12, 469—470. (Д).

2179. **Венгрженовскій Сергѣй** Молитва. 1892, 12, 468—469. (Д).

2180. **Венгрженовскій С**. Языческій бытъ въ Брацлавщинѣ „гоныты шуляка". 1895, 9, 282—323.

2181. **Венгрженовскій С**. Рабочіе волы въ Брацлавщинѣ и ихъ номенклатура. 1898, 7—8, 36—49.

2182. **Вечеръ** въ день Ивана Купала. 1897. 6, 98—100. (Д).

2183. **В. Д**. По поводу одной мнимо народной пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. 1905, 5, 156—157. (Д).

2184. **Взаимовліяніе** украинскихъ погребальныхъ причитаній и бытовыхъ пѣсенъ. 1905, 3, 230—236. (Д).

2185. **В. К**. Собачья доля (*легенда*). 1904, 10, 3—7. (Д).

2186. **В. К**. „Лики" моего села. 1902. 9, 319—342.

2187. **Владимирскій-Будановъ М**. Привязываніе убійцы къ трупу убитаго. (Изъ старой судебно-уголовной практики). 1888, 1—2—3, 20—21.

2188. **В. М.** Деревенская оргія (картина сельской свадьбы). 1894, 12, 488—491. (Д).

2189. **В. М.** Двѣ народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. 1886, 7, 570—573.

2190. **В. Н.** Пѣсня о Турбаевской катастрофѣ. 1903, 10, 14—16. (Д),

2191. **В. П.** Къ вопросу объ убійствѣ стариковъ. 1902, 2, 93—94; 4, 23—25. (Д).

2192. **Вс. С.** Пѣсня „Грыцю, Грыцю, до роботы“. 1894, 2, 326—327. (Д).

2193. **В—ый Н.** Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. 1905, 7—8, 43—44. (Д).

2194. **Г.** Двѣ галицкія пѣсни. 1885, 7, 517—523.

2195. **Галантъ И.** Молитва въ память уманьской рѣзни. 1895, 3, 92—97. (Д).

2196. **Г. А. М.** Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. 1898, 6, 92. (Д).

2197. **Гетманское** приглашеніе на свадьбу. 1882, 12, 613—614.

2198. **Гильченко Василий.** Преданія связанныя съ Лебединомъ и его окрестностями. 1897, 7—8, 7—16. (Д).

2199. **Г—ко В.** Вkillзитъ Кармелюка. (Изъ письма въ редакцію). 1883, 2, 466—471.

2200. **Г—ко В.** Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи. 1884, 3, 505—507.

2201. **Г—овъ М.** Полъ неодушевленныхъ предметовъ. 1884, 4, 698.

2202. **Голубовскій Петръ.** По поводу замѣтокъ по исторической географіи южно-русскихъ степей. (Отвѣтъ г. Бурачкову). 1886, 5, 168—173.

2203. **Горленко В.** Бандуристъ Иванъ Крюковскій (Текстъ 9 думъ съ біографической замѣткой). 1882, 12, 481—518.

2204. **Горленко В.** Варіантъ пѣсни о правдѣ 1883, 8, 769—770.

2205. **Горленко В.** Кобзари и лирники. 1884, 1, 21—50; 12, 639—656.

2206. **Грабина А.** Изъ народныхъ устъ. 1883, 12, 701—703.

2207. **Грабина А.** Саврадимка (пѣсня). 1884, 11, 552—554.

2208, **Грепачевскій А.** Великодни писни. 1904, 4, 15—17. (Д).

2209. **Грепачевскій А.** О крашанкахъ и писанкахъ. 1904, 4, 17—18 (Д).

2210. **Даниловъ Вл.** Древнѣйшее малорусское причитаніе. 1904. 12, 148—153. (Д).

2211 **Даниловъ Владиміръ.** Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ 1905, 1, 7—10. (Д).

2212. **Даниловъ Владиміръ.** Носители похоронныхъ причитаній въ Малороссіи. 1905, 4, 30—33. (Д).

2213. **Даниловъ В.** Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. 1905, 9 104—108. (Д).

2214. **Даниловъ Вл.** Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. 1905, 11—12, 193—209.

2215. **Даниловъ В.** Народныя картинки на темы изъ украинской жизни 1906, 2. 23—28. (Д).

2216. **Даниловъ Вл.** Символика птицъ и растеній въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. 1906, 11—12, 611—628.

2217. **Данилів В.** Додатки до огляду українських лубяних співанників та малюнків. 1907, 3, 390—393.

2218. **Данилів В.** Порівняння смер-

ті і весілля в українських погрібових голосіннях. 1907, 6, 351—355.

2219. **Даниловъ** В. О собираніи украинскихъ похоронныхъ причитаній 1907, 7—8, 224—231.

2220. **Двадцатипятилѣтіе** Московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. 1893. 5, 308—311 (Д).

2221. **Двѣ** лирницкія пѣсни, 1889. 12, 637—642.

2222. **Десятынъ Г.** Украинскій Геліосъ (Народныя преданія о Солнцѣ) 1882, 10, 177—180.

2223. **Добротворскій Н.** Малорусская пѣсня у великорусскихъ крестьянъ· 1886, 11, 585—588.

2224. **Довнаръ-Запольскій** М. Современное дѣло о знахарствѣ. 1892. 3, 498—499. (Д).

2225. **Докладъ** объ измѣненіи пра вилъ по изданію и распространенію народныхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ. 1904, 12, 157—162. (Д).

2226. **Доманицкій.** Вѣнчаніе вокругъ „дижи" (случай двукратнаго вѣнчанія одной и той же четы) 1901, 2, 72—74. (Д).

2227. **Доманицкій В.** Историко-этнографическія мелочи изъ матеріаловъ З. Доленги-Ходаковскаго, 1904, 9, 86—89. (Д).

2228, **Доманицкій В.** Сельская сатира (пѣсни)· 1902, 5, 88—93. (Д).

2229. **Доманицкій В.** Пѣсни о Нечаѣ. 1905, 1, 66—88.

2230. **Доманицкій В.** Баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. 1905, 3, 480—494.

2231. **Дума** о Хмельницкомъ и Барабашѣ съ мотивомъ. 1888, 7, 15—23.

2232. **Егоровъ Ив.** Изъ народной памяти 1904, 3, 103—106. (Д).

2233. **Е— ко П.** Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи. 1884, 6, 353—354.

2234. **Е. П.** Къ статьѣ „Судъ надъ вѣдьмами" 1883, 12, 697—700.

2235. **Е. П.** Запрещеніе купальскихъ огней. 1885, 11, 556—558.

2236. **Е. П.** Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ, 1886, 3, 593—598.

2237. **Е. П.** Околдованіе начальства. 1886, 5, 175—178.

2238. **Ефименко П.** Откуда взялись запорожцы. (Народное преданіе). 1882, 12, 582—593,

2239. **Ефименко П.** Упыри (изъ исторіи народныхъ вѣрованій. 1883, 6, 371—379.

2240. **Ефименко П.** Судъ надъ вѣдьмами 1883. 11 ,374—401.

2241 **Еф. П.** Попытка околдовать волостной судъ. 1884, 3, 508—509.

2242, **Еф. П.** Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 года. 1886, 5, 173—175.

2243, **Житецкій П.** Смѣна народностей въ Южной Россіи. 1883, 5 1—29; 6, 399—452: 8, 561—579; 9, 1—26: 11, 371—418.

2244. **Житецкій П.** Творцы и пѣвцы народныхъ малорусскихъ думъ. 1892, 11, 213—231.

2245. **Ж—ій Іосифъ.** Народное преданіе о болотѣ „Замглай". (Черниговской губерніи). 1893, 6, 521—524. (Д).

2246. **Журинъ Г.** Изъ разсказовъ о запорожцахъ и гайдамакахъ. 1886, 8. 758—560.

2247. **Заговоръ** отъ бешыхы (записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бах-

мутскаго уѣзда, Екатеринославской губ.). 1906, 1, 12—13. (Д).

2248. **Заговоръ** отъ скарлатины. 1900, 1, 16—17. (Д).

2249. **Залѣсскій А.** Варіантъ пѣсни о Нечаѣ. 1887, 8, 787—788.

2250. **Залѣсскій А.** Изъ быта крѣпостного времени. 1888, 6, 78—79.

2251. **Запорожская** пѣсня 1883, 11, 523.

2252. **Зуйченко П. И.** Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай. 1885, 6, 363—364.

2253. **Ивановъ.** Знахарство шептанье и заговоры (въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ. Харьковской губ.). 1885, 12, 730—744.

2254. **И—въ П.** Кое-что о „вовкулакахъ" и по поводу ихъ. 1886, 6, 356—364.

2255. **Изъ** народныхъ разсказовъ о велетняхъ и пятницѣ. 1885, 9, 186—187.

2256. **Изъ** народныхъ разсказовъ о Новороссіи. 1885, 10, 353—360.

2257. **Изъ** области народныхъ суевѣрій. Илія Човпыла, бѣсамъ въ службу записавшійся. 1882, 2, 429—431.

2258. **Изъ** области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. 1888, 12, 142—143.

2259. **Ильяшевичъ В.** Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. 1892, 8, 264—265. (Д).

2260. **Императоръ** Александръ III о народномъ костюмѣ. 1896, 1, 24—25. (Д).

2261. **И. Н.** Заговоры на просо и пшеницу. 1884, 12, 747—748.

2262. **И. О.** Волынская бывальщина. 1887, 10, 384—387.

2263. **Ир. Ж.** Лубочныя картинки на малорусскія темы. 1890, 12, 503—507.

2264. **Исаевичъ С. Н.** Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ. 1883, 12, 700.

2265. **Исаевичъ С. Н.** Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (съ предисловіемъ В. Горленко). 1887, 6—7, 450—486.

2266. **Каковскій Юр.** Игры молодежи въ деревнѣ Леоновкѣ Кіевскаго уѣзда. 1892, 6, 445—451. (Д).

2267. **Каминскій В.** Этнографическіе матеріалы, записанные въ с. Будкахъ, винницкаго уѣзда. 1904, 9, 77—85. (Д).

2268. **Каминскій В.** Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губ. 1906. 3—4, 299—320.

2269. **Каминскій Вяч.** Къ народной демонологіи (изъ с. Косарева, Дубенскаго уѣзда Волынской губ.). 1906, 5—6, 9—12. (Д).

2270. **Каминскій Ѳ.** Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о „семилѣтнихъ богатыряхъ". 1889, 5—6. 632—633.

2271. **Канадскіе** русины. 1899, 9, 107—110. (Д).

2272. **Кармелюкъ.** Переводъ съ польскаго. 1886, 3, 495—560.

2273. **Катрухинъ А.** Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ. 1885, 8, 326—329.

2274. **Катрухинъ А.** Разсказъ о происхожденіи табаку, 1890, 8, 326—329.

2275. **К. В.** Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. 1890, 8, 322—323.

2276. **К—ій Ѳ**. Вирши про панщину. 1892, 11, 294—295.

2277. **К—й О. Р**. Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ. 1884, 11, 545—550.

2278. **Кисилевъ Лука** (протоіерей) Вымирающіе типы украинской деревни. 1884, 3, 515—522.

2279. **Кистяковскій А. Ѳ**. Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души черту. 1882, 7, 180—186.

2280. **Китицынъ** П. Святочные подарки отцу протоіерею. 1892, 8, 268. (Д).

2281. **Ков.-Кол.** По поводу „Новаго народнаго обычая". 1902, 7—8, 23—24. (Д).

2282. **Колівщина** въ пѣсняхъ. 1882, 9, 582—589.

2283. **Колядка** и вирши. 1883, 12, 713.

2284. **Колядки** на Подоліи. 1899. 2, 73—78, (Д).

2285. **Колядки** (собр, въ Подоль щинѣ). 1904, 1, 9—11. (Д).

2286. **Коляды** и щедривки. 1887, 1, 182—188.

2287. **Корниловичъ** В. Пѣсни, записанныя въ Волынской губерніи 1900, 1, 11—16. (Д).

2288. **Корниловичъ М. И.** О пѣсняхъ про волю. 1900, 4, 11. (Д).

2289. **Корниловичъ** П. Изъ области мѣстнаго народнаго творчества. 1898, 10, 8—13. (Д).

2290. **Кошовикъ К**. Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями. 1884, 1, 169—171.

2291. **К. П.** Фатальная вдова (уголовно-психологическая тема въ украинской народной пѣснѣ.) 1888, 12, 459—477.

2292. **Кравченко**, Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ. 1889, 9, 772—774.

2293. **Крашановскій М**. Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи. 1884, 1, 181—182.

2294. **К—скій А**. О музыкѣ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая. 1882, 8, 283—287.

2295. **Кудринскій Ѳ**. Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсенъ. 1893, 11, 332—334. (Д).

2296. **Кудринскій Ѳ**. О Кирикѣ и жадномъ попѣ. 1894, 3, 543—548. (Д).

2297. **Кудринскій Ѳ**. Сказка о Котофеѣ, 1895, 2, 59—64. (Д).

2298. **Кузьмичевскій П**. Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности. 1886, 2, 210—236; 3, 444—466.

2299. **Кузьмичевскій П**. Малорусскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ. 1887, 3, 412—438; 4, 626—648.

2300. **Кузьмичевскій П**. Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ. 1887, 8, 676—713; 10 233—271.

2301. **К--шъ В**. Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ. 1887, 6—7, 585—586.

2302. **Къ** вопросу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ. 1898, 3, 98—99. (Д).

2303. **Къ** вопросу о малорусскомъ языкѣ. 1904, 11, 60—64. (Д).

2304. **Лазаревскій Ал.** Лубенщина и князья Вишневецкіе. 1896, 1, 115—127; 2, 209—229; 3, 334—357.

2305. **Лазаревскій А**. Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца. 1883, 9- 10, 322—324.

2306. **Л—въ П.** Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ. 1884, 8, 715—725.

2307. **Лебединецъ Г.** С. Еще пѣсни о попадьѣ, не взлюбившей бороды. 1884, 6, 356—358.

2308. **Левитскій** Н. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова „Культурныя переживанія". Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. 1890, 1, 126—127.

2309. **Левицкій И.** Украинскіе юмористы и шутники (этнографическій очеркъ). 1890, 9, 373—389; 10, 74—93; 11, 233—250; 12, 448- 470.

2310. **Левицкій О.** Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. 1891, 12, 345—360.

2311. **Левицкій О.** Очеркъ стариннаго быта Волыни и Украины. 1889, 4, 92—123; 11, 350—368; 1891, 1, 19—39; 2, 269—280.

2312. **Левицкій Ор.** Взглядъ на ремесло палача въ старой Малороссіи. 1899, 12, 390—398.

2313. **Левицкій О.** Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI и XVII в.в. 1900, 1, 1—15.

2314. **Левицкій Ор.** Обычай помилованія преступника, избраннаго дѣвушкой въ мужья. 1905, 1, 89—97.

2315. **Левицкій Ор.** Сговоръ малолѣтнихъ (страница изъ исторіи брачнаго права на Украинѣ XVI в.). 1906, 1, 64—72.

2316. **Легенда** о Паліѣ. 1888, 5, 47—49.

2317. **Ленчевскій Л.** Похоронные обряды и повѣрья въ Староконстантиновскомъ у. Волынской губ. 1899, 7, 70—78.

2318. **Линденбергъ С.** Нѣсколько заговоровъ. 1894, 12, 493—495 (Д).

2319. **Линниченко И. А.** Замѣтка о старыхъ и новыхъ „копачахъ". 1888, 12, 149—150.

2320. **Линниченко И. А.** Два дѣла о волшебствѣ. 1889, 10, 172—179.

2321. **Литвинова** П. Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ. 1885, 6, 354—356.

2322. **Литвинова** П. Какъ землянцы потеряли свою „вольницу". 1886, 6, 381—384.

2323. **Литвинова** П. Криница—богиня плодородья у сѣверянъ. 1884 4, 695—697.

2324. **Литвинова** П. Закрутки и заломы. 1899, 3, 139—141. (Д).

2325. **Литература** народнаго самоврачеванія въ Малороссіи. 1901, 2, 78. (Д).

2326. **Личковъ Л.** Происхожденіе слова „мацапура". 1901, 1, 5. (Д).

2327. **Личковъ Л.** Письмо въ редакцію (по поводу открытія въ Кіевѣ Южнаго отдѣла Географическаго Общества). 1901, 7—14. (Д).

2328. **Л. К.** Купальскіе обряды въ сквирскомъ уѣздѣ. 1903, 6, 163—166. (Д).

2329. **Л. М.** Малорусское нищенское причитанье. 1903, 1, 6—7. (Д).

2330. **Л. М.** Преданія жителей мѣст. Мѣляновичи, Волынской губерніи. 1903, 2, 70—72. (Д).

2331. **Л. М.** Бида (лирныцька писня). 1903, 9, 106—110. (Д).

2332. **Л. М.** Якъ царь Олександер ослобонив кріпаків. 1907, 11—12, 279.

2333. **L. О.** По поводу „турецкихъ анекдотовъ въ украинской народной словесности". 1886, 10, 388—391.

2334. **Лысенко Н. В**. О торбанѣ и музыкѣ пѣсенъ Видорта. 1892, 3, 381—387.

2335. **Л—ье Ольга**. Закляті гроші (сказка Екатер. губ.). 1897, 7—8, 16 20. (Д).

2336. **М. А.** Какъ началось знакомство Великоруссовъ съ пѣснями малороссійскими. 1886, 8, 761—763.

2337. **Маковскій Е**. Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ. 1884, 4, 698—701.

2338. **Маковскій Е**. Загадочное преданіе. 1884, 5, 170—172.

2339. **Малинка**. Кобзарь Петро Гарасько и лирникъ Максымъ Прыщенко. 1893, 9, 441—450. (Д).

2340. **Малинка А**. Хожденіе со звѣздою и вирши на Рожд. Христово. 1894, 2, 332—335, (Д).

2341. **Малинка А.** Легенда о Спасителѣ и ап. Петрѣ. 1894, 2, 335—336. (Д).

2342. **Малинка**. Разсказы о вѣдьмахъ. 1894, 3, 551—553, (Д).

2343. **Малинка А.** Лирникъ Евдокимъ Мыкитовичъ Мокровизъ. 1894, 9, 434—444.

2344. **Малинка А.** Польскій бунтъ на Волыни 1864. (Пѣсни о бунтѣ). 1895, 7—8, 24—31. (Д).

2345. **Малинка А.** Лирникъ Андрій Карпіенко. Его пѣсни (5). 1895, 9, 59—66. (Д).

2346. **Малинка А**. Родыны и хрестыны (м. Мринъ Нѣженск. у.). 1898, 5, 254—286.

2347. **Малинка А**. Лирникъ Ананій Гомынюкъ. 1898, 10, 1—8. (Д).

2348. **Малорусскіе** домашніе лечебники XVIII ст. 1890, 1, 2, 3 (приложеніе).

2349, **Манжура И.** Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ. кому достались запорожскія земли). 1882, 2, 435—436.

2350. **Манжура И.** Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ. 1882, 3, 611—615.

2351. **Манжура И.** Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ. 1882, 5, 357—363.

2352. **Манжура И**. Украинская гетера. 1883, 1, 217—218.

2353. **Манжура И**. Талавиря (Пастушеская пѣсня). 1883, 4, 907—908.

2354. **Манжура И** „Приказка о нюхаряхъ". 1888, 5, 53—55.

2355. **Манжура И.** О богатыряхъ. 1888, 8, 50—53.

2356. **Манжура И**. Рождественская „вечеря". 1889, 1, 236.

2357. **Манжура И**. Легенда „о Петровомъ батогѣ". 1889, 9, 763—765.

2358. **Манжура И.** Полозъ (къ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова „культурныя переживанія" К. С. 1890, 5). 1890, 10, 151—152.

2359. **Манжура И.** Крещенскія скачки въ Екатеринославской губ. 1891, 9, 486—489.

2360. **Маркевичъ А.** Историческое средство противъ конокрадства. 1884, 7, 546—547.

2361. **Маркевичъ А**. Загадочная пѣсня 1884, 7, 554.

2362. **Маркевичъ А.** Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи. 1884, 9, 177—180.

2363. **Маркевичъ В.** Знахарки новаго типа. 1891, 12, 413—429.

2364. **Марковскій М.** Бродячій анекдотъ въ малорусской народной словесности. 1895, 12, 94—96. (Д).

2365. **Мартыновичъ Порфирій.** Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ,

запорожьѣ и черноморьѣ. 1885, 11, 535—543.

2366. **Мартыновичъ Порфирій**. Украиньски запыси. 1904, 2, 257—313; 3, 452—477; 4, 149—191; 5, 339—399; 6, 531—566; 7—8, 11—50; 9, 304—321; 10, 65—80; 11, 227—259.

2367. **Матушевскій Ф**. Изъ погибшаго архива (объ играхъ на Тройцу и Купала). 1902, 6, 168—170. (Д).

2368. **Мацѣевичъ Л**. Поляки и Русины (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). 1882, 2, 301—312.

2369. **М. В**. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. 1890, 7, 8, 9. (Приложеніе).

2370. **М. Г**. Дѣтячи забавкы та гры усяки. 1904, 7—8, 51—105.

2371. **Мердеръ А**. Колдовство въ 1863 г. 1900, 1, 1—2. (Д).

2372. **Мердеръ А**. Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій. 1900, 1, 2—3. (Д).

2373. **Мердеръ А**. Приворотныя средства. 1901, 7—8, 18—19. (Д).

2374. **Милорадовичъ В**. Рабочія пѣсни Лубенскаго уѣзда, собранныя въ 1890—93 г. 1895, 10, 10—22. (Д).

2375. **Милорадовичъ В**. Историческая пѣсня (о борьбѣ козачества съ Поляками). 1895, 11, 43—45. (Д).

2376. **Милорадовичъ В**. Сказки о жабахъ. 1896, 11, 37—40. (Д).

2377. **Милорадовичъ В**. Прощаніе рекрута и рекрутскія пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. 1897, 7—8, 80—95.

2378. **Милорадовичъ В**. Снѣтинская старина. 1897, 9, 319—335; 10, 6—26.

2379. **Милорадовичъ В**. Замѣтка по поводу Валлонскаго и Сицилійскаго сборниковъ по фольклору. 1898, 7—8, 3—5. (Д).

2380. **Милорадовичъ В**. Замѣтки о малорусской демонологіи. 1899, 8, 196—209; 9, 379—400.

2381. **Милорадовичъ В**. Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. 1900, 1, 46—61; 2, 192—206; 3, 337—372; 5, 160—173; 6, 310—332; 7—8, 51—65.

2382. **Милорадовичъ В**. Лѣсная Лубенщина. 1900, 9, 247—296: 10, 39—82.

2383. **Милорадовичъ В**. Варіанты пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ. 1900, 5, 82—86. (Д).

2384. **Милорадовичъ В**. Варіантъ пѣсни про голоту. 1900, 9, 88—89. (Д).

2385. **Милорадовичъ**. Украинская вѣдьма (очеркъ). 1901, 2, 217—233.

2386. **Милорадовичъ В**. Житье бытье Лубенскаго крестьянина. 1902, 4, 110—135; 6, 392—434; 10, 62—91: 1903, 2, 182—217; 3, 349—377; 7—8, 1—64; 1904, 5, 264—304: 6, 465—505.

2387. **Милорадовичъ В**. Малорусскіе народные повѣрья и разсказы о пятницѣ. 1902, 5, 269—281.

2388. **Милорадовичъ В**. Средняя Лубенщина. 1903, 9, 245—296, 10, 1—36: 11, 209—240: 12, 518—539.

2389. **Милорадовичъ В**. Степная Лубенщина. 1903, 2, 179—200: 3, 348—382: 4, 36—73.

2390. **Михалевичъ В**. „Проводы" (народная сатира). 1905, 6, 242—247. (Д).

2391. **Миронъ**. „Воянцка писня". 1888, 12, 143—148,

2392. **Миронъ**. Замѣчательныя колядки. 1889, 1, 231—233.

2393. **Миронъ**. Пѣснь о свѣтѣ. 1889, 3, 741—744.

2394. **Миронъ**. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. 1890, 4, 101—120.

2395. **Миронъ.** Мистерія страстей Христовыхъ. 1891, 4, 131—154.

2396. **Миронъ.** Къ объясненію одной колядки. 1891, 12, 476.

2397. **Морозъ Д.** Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни (современная рукопись). 1883, 1, 203—207.

2398. **М**—ра **И.** Къ статьямъ проф. Н. Ѳ, Сумцова „Культурныя переживанія". Къ вопросу о кумовствѣ. 1890, 1, 124—126.

2399. **М**—**ра**. Къ повѣрьямъ о „богатыряхъ". 1891, 8, 325—326.

2400. **М—ра И.** Къ повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ. 1890, 4, 161—162.

2401. **М—ра Ив.** Преданіе о „борцахъ". 1893, 6, 518. (Д).

2402. **М. С.** Образчикъ современнаго пѣсеннаго творчества малорусскаго народа. 1903, 3, 135—138. (Д).

2403. **М. Щ.** Дѣтскій эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла (изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). 1894, 10, 48—61; 11, 279—295; 12, 388—401; 1895, 1, 120—138; 3, 371—384; 5, 199—213; 6, 332—349.

2404. **Мякотинъ** В. **А.** Дѣло о волшебствѣ. 1890, 12, 515—517.

2405. **N.** Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія по воспоминаніямъ дѣтства. 1882, 9, 457—485; 10, 39—65.

2406. **N.** Подляская злополучница. 1883, 4, 905—907.

2407. **N.** Судъ Божій надъ Епископомъ, истор. легенда съ предисловіемъ. 1893, 3, 485—492.

2408. **N.** Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII вѣка. 1895, 1, 10—16. (Д.)

2409. **Народная** пѣсня и ея гонители. 1902, 11, 105—107. (Д).

2410. **Народное** преданіе о взятіи Бендеръ. 1887, 11, 584—585.

2411. **Народное** творчество въ Малороссіи и попытки сохраненія его памятниковъ. 1902, 9, 133—136. (Д).

2412. **Народны**й разсказъ „про щастье". 1889, 4, 196—199.

2413. **Науменко В. П.** Костомаровъ Н. И., какъ этнографъ. 1885, 5, XXXV—XLIV.

2414. **Н. Б.** Малоизвѣстные художественные уголки Малороссіи. 1894, 2, 338—340, (Д).

2415. **Н. В.** Указъ Кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. 1891, 2, 317—320.

2416. **Нейманъ Ц.** Еще объ украинской злополучницѣ. 1883, 5, 187—189.

2417. **Нейманъ Ц.** Куплетныя формы народной южно-русской пѣсни. 1883, 8, 599—644.

2418. **Нейманъ Ц.** Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка (изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича). 1884, 5, 153—158.

2419. **Нейманъ Ц.** Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. 1902, 3, 347—390,

2420. **Несвицкій А. А.** Еще о Турбаевской катастрофѣ, пѣсни про убійство въ Турбаяхъ „Базилевцивъ" помѣщиковъ. 1895, 11, 54—56. (Д).

2421. **Несторовскій Петръ.** Матеріалы по этнографіи Бессарабскихъ русиновъ. 1905, 10, 73—125.

2422. **Николайчикъ Ѳ.** Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. 1883, 2, 366—400.

2423. **Николайчикъ Ѳ.** Отголосокъ

лирницкаго языка (къ статьѣ Валеріана Боржковскаго „Лирники“ Кіев. Ст. 1889 года сентябрь). 1890, 4, 121—130.

2424. **Н. М.** о происхожденіи слова „кацапъ“. 1901, 12, 472—477.

2425. **Новицкій И.** Еще по поводу народной пѣсни о взятіи Торческа или же Азова. 1882, 9, 412—435.

2426. **Новицкій И.** Малорусская пѣсня по латыни. 1885, 7, 516—517.

2427. **Новицкій И.** Украинскій варіантъ пѣсни „про ягничку“. 1885, 8, 743—745.

2428. **Новицкій Я.** Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ. 1885, 10, 350—353.

2429. **Новицкій И.** Два слова о панѣ Каневскомъ (По поводу статьи „Двѣ старыя украинскія пѣсни“ „Кіев. Старина“ 1885 г. октябрь). 1885, 11, 554—556.

2430. **Новый** народный обычай (плата за невѣсту). 1902, 6, 172, (Д).

2431. **Номисъ** М. Крашанки въ старину. 1898, 4, 9—10. (Д).

2432. **Носъ (фонъ) С.** „Покрытка“. 1882, 2, 427—429.

2433. Notus. Курьезный бракъ. 1882, 5, 349—352.

2434. Notus. Пѣсня о панщинѣ. 1883. 11, 520—522.

2435. **Н. Р. Л.** Къ разсказамъ о шелудивомъ Бунякѣ. 1891, 8, 299—304.

2436. **Н. Ш.** Картины изъ малорусскаго быта на Кіевскихъ выставкахъ. 1894, 3, 537—543. (Д).

2437. **Нѣсколько** словъ о томъ, какъ приготовляютъ писанки и крашанки. 1903, 9, 105—106. (Д).

2438. **О.** Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды. 1885, 5, 172—173.

2439. **Обрядъ** „вывода“ новобрачной въ Подоліи. 1898, 6, 81—82. (Д).

2440. **О.** В. Изъ области народныхъ повѣрій. 1883, 8, 774.

2441. **Одинъ** изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. 1891, 9, 484—486.

2442. **О. Л.** Праздникъ Цереры (изъ воспомин. польск. шляхтича). 1897, 12, 311—331.

2443. **О. Л.** Заговоръ отъ лихорадки. 1898, 1, 10—11. (Д).

2444. **О. Л.** Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. 1900, 2, 65—67. (Д).

2445, **О. Л.** Къ исторіи народнаго повѣрья о „скарбахъ“. 1903, 5, 90—92. (Д).

2446. **Олтаржевскій Юрій.** Воспоминанія старожила о Кармелюкѣ. 1886, 6, 371—378.

2447. **Олтаржевскій Юрій.** Изъ народныхъ вѣрованій. (Разсказъ, записанный въ Кіевѣ). 1887, 5, 195—197.

2448. **О** малорусскомъ національномъ типѣ. 1902, 3, 177—181. (Д).

2449. **Ом—скій Александръ.** „Гнѣдко“ варіантъ Кармелюка. 1883, 6, 393.

2450. **Ом—скій Александръ.** Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ. 1883, 11, 513—515.

2451. **Орловъ И.** Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій. 1884, 6, 355—356.

2452. **О. С.** Народныя преданія, связанныя съ селомъ Слобидкою—Межыривською, Литинск. уѣзда. 1903, 11, 68—72. (Д).

2453. **О** собраніи народныхъ легендъ. 1900, 3, 152—154. (Д).

2454. **Парубоцкія** громады въ Полт. губ. 1902, 4, 14—17. (Д).

2455. **П. Е.** Жертва купальскаго огня. 1887, 9, 190—191.

2456. **Петровскій Д.** Къ малорусскимъ пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ. 1888, 4, 18—19.

2457. **П. Л.** Актъ „побратимства" въ церковной метрикѣ. 1887, 10, 383—384.

2458. **П. Л.** Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. 1889. 8, 515—523.

2459. **„Плачъ** на бѣдствія украинскія". Старинное еврейское стихотвореніе. 1895, 10, 5—7. (Д).

2460. **П. О.** Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ. 1886, 11, 561—567.

2461. **Побережье** Подоліи. 1898, 9, 65—74. (Д).

2462. **Подольская** пѣсня о панщинѣ. 1901, 3, 140—144. (Д).

2463. **Подольской** епархіи карта. 1898, 4, 17. (Д).

2464. **Познанскій Борисъ**. Двѣ старыя украинскія пѣсни и по поводу ихъ. 1885, 10, 220—242.

2465. **Познанскій Б.** По поводу статьи Неймана о Бондаривнѣ. 1902, 5, 96—98. (Д).

2466. **Пономаревъ Иванъ.** Запорожская пѣсня. 1887, 6—7, 587—588.

2467. **Пономаревъ Иванъ.** Запорожская пѣсня. 1887, 12, 803—804.

2468. **По** поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка. „Литература украинскаго фольклора. 1901, 10, 18—20. (Д).

2469. **Потебня А.** Малорусскіе домашніе лечебники XVIII в. 1890, 1, 91—94.

2470. **Похороны** запорожца въ 1772 г. 1898, 2, 43—47. (Д).

2471. **П. П.** „Парубоцки громады". въ г. Маякахъ, Херсонской губ. 1901, 7—8, 19—20; 12, 157—158. (Д).

2472. **П. П.** Нѣкоторыя дѣтскія игры въ Маякахъ Херсонской губ. 1902, 9, 401—407.

2473. **Прибыльскій**. Черти въ продажѣ. 1885, 6, 350—352.

2474. **Программа** для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ (Полт. губ. Вѣд. №. 124). 1901, 7—8, 13—15. (Д).

2475. **П—скій Борисъ**. Воронежскіе хохлы (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). 1885, 4, 613—648.

2476. **П. Т.** Озеро Свитязь и народное преданіе о немъ. 1901, 3, 144—150 (Д).

2477. **Пч. О.** Отживающая или начальная форма „Вертепной драмы"? 1883. 4, 903—905.

2478. **Пѣсня** изъ крѣпостного быта „про галанцивъ". 1899, 4, 5—7. (Д),

2479. **Пѣсня** о Кармелюкѣ. 1887, 11, 588—589.

2480. **Пѣсня** „про дурня", варіантъ 1899, 12, 126—128 (Д).

2481 **Пѣсня** про Кытай. 1900, 10, 28—29. (Д).

2482. **Пѣсня** про Филиппа Орлика 1882, 11, 395—398.

2483. **Пѣсня** сахарно-заводская 1889, 8, 533—534,

2484. **Радловъ В**, В. академикъ о народномъ костюмѣ. 1896, 1, 25. (Д).

2485. **Р—въ А.** Изъ народной характеристики цыганъ. 1886, 1, 198—200.

2486. **Рклицкій С.** Еще о колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговщинѣ 1905, 2, 22—23 (Д).

2487. **Р. Л. Н.** Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. 1893, 6, 459—473.

2488. **Рождественскіе** обычаи въ Угорской землѣ. 1900, 3, 148—149. (Д).

2489. **Розмова** Хведора та Данила про Каина та про Авеля (записана въ Лубенскомъ уѣздѣ). 1892, 12, 472—474. (Д).

2490. **Р. С.** Село Ивановка (Опытъ этнографической характеристики малорусскагс поселенјя въ Новороссіи). 1888, 11, 51—68.

2491. **Русины** въ Америкѣ. 1900, 2, 74—75. (Д).

2492. **Русовъ А. А.** Торбанисты Грегоръ. Каэтанъ, Францъ Видорты. 1892. 3, 336—380.

2493. **Русовъ А.** Нѣсколько словъ о значеніи трудовъ и творчества Лисенка для малорусскаго народа. 1903, 12, 483—517.

2494 **Русов О.** Це-що про „панів" у колядках. 1907, 7—8, 231—234.

2495. **Рыльскій Ѳадей.** Къ изученію украинскаго народнаго міровозрѣнія 1888, 11, 266—306; 1890, 9, 341—372; 10, 1—26; 11, 125—232; 1903, 4, 1—23: 5, 161—191.

2496. **Савичъ** А. Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ", 1889, 3, 733—739.

2497. **Сахонова** А. Про вовкулакивъ (записала въ м. Веркіевкѣ, Нѣжин. уѣзда). 1894, 6, 543—545 (Д).

2498. **Свадебные** и другіе народные обычаи въ Червоной Руси столѣтъ назадъ. 1898, 5, 245—253.

2499. **Свѣдѣніе** о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета 1890, 8, 316—317.

2500. **Синицкій Д.** Погребеніе на саняхъ. 1894, 9, 457. (Д).

2501 **Сказаніе** о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. 1882, 3, 530—537.

2502. **Састіоновъ А. Г.** Кравченко Михайло, кобзарь, и его думы. 1902, 5, 303—331.

2503. **Смоктій А.** Кармелюкъ. 1882, 10· 183—189.

2504. **Смоктій А.** Украинская злополучница. 1883, 1, 215—217.

2505. **С. Н.** Пѣсня на князя Доминика Заславскаго· 1885, 9, 185.

2506. **С. Н.** Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. 1891, 3, 511—513.

2507. **С. Н.** Къ исторіи пословицъ 1887, 8, 779—780.

2508. **Сорокинъ Гавріилъ.** Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки, Александр. у. Херсонской губ. 1890, 9, 193—200.

2509. **Степовичъ А.** Замѣтка къ статьѣ „Малорус. лечебники XVIII в." (1890, 1). 1890, 4, 155—159.

2510. **Степовый Н.** Малорусская народная одежда. Козелецкій уѣздъ. 1893, 12, 444—450.

2511. **Степовый Н.** Малорусская народная одежда. Нѣжинскій уѣздъ съ рисункомъ. 1893, 5, 272—284.

2512. **Стороженко Н. В.** „Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ", собранныя въ 1776 г. (рукопись А. И. Чепы). 1892, 1, 119—130.

2513. **Стояновъ А.** Южно-Русская пѣсня о событіи XI вѣка. 1882, 7, 81—96.

2514. **Стрижевскій И.** Свадьба въ деревнѣ. 1896, 3, 289—308.

2515. **Стрижевскій Гавріилъ**. Сборникъ малорусскихъ сказокъ. 1905, 7—8, 117—165.

2516. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ исторіи Южно-Русскихъ свадебныхъ обычаевъ. 1883, 510—514.

2517. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Новый варіантъ думы „Алексѣй Поповичъ". 1885, 1, 182—191.

3518. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Малорусскія фамильныя прозванія. 1885, 2, 215—228.

2519. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Религіозно-мифическое значеніе малорусской свадьбы. 1885, 3, 417—436.

2520. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ. 1885, 7, 417—430.

2521. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. 1886, 1, 17—40.

2522. **Сумцовъ Н.** Ѳ. Научное изученіе колядокъ и щедривокъ. 1886, 2, 237—266.

2523. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Досвѣтки и посидѣлки. 1886, 3, 421—444.

2524. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Коломыйкы. 1886, 4, 635—658.

2525. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Малорусскія пьяницкія пѣсни. 1886, 6, 267—292.

2526. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Мѣстныя названія въ Украинской народной словесности. 1886, 10, 265—298.

2527. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій. 1886, 12, 746—747.

2528. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Малорусская географическая номенклатура. 1886, 7, 456—489.

2529. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Туръ въ народной словесности. 1887, 1, 65—90.

2530. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Культурныя переживанія. 1889, 1, 64—89; 2, 403—423; 3, 665—684; 4, 124—140; 5—6, 485—506; 7, 28—46; 8, 402—427; 9, 631—652; 10, 18—51; 11, 281—327; 12, 582—603; 1890, 1, 60—90; 2, 320—333; 4, 84—100; 5, 327—341; 6, 478—493; 7, 59—87; 10, 49—73.

2531. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Писанки. 1891, 5, 181—209; 6, 363—483.

2532. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Мертвая рука. 1891, 482—483.

2533. **Сумцовъ Н. Ѳ**. Къ объясненію Малорусскихъ гаданій. 1891, 8, 314—316.

2534. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Современная малорусская этнографія. 1892, 1, 1—10; 2, 206—225; къ 1 кн. поправки см. 2 кн. 349. (Д). 3, 409—423; 4, 22—36; 5, 176—192; 7, 85—94; 8, 141—159; 9, 333—349; 10, 35—50; 11, 176—187; 1895, 2, 195—206; 5, 186—198; 7—8, 36—49; 9, 88—96; 1896, 7—8, 133—150; 9, 262—274; 11, 166—177.

2535. **Сумцовъ Н.** Вмѣсто введенія къ I выпуску современной малорусской этнографіи. 1893, 3, 528—531.

2536. **Сумцовъ Н.** О Добрынѣ и Маринѣ. 1893, 3, 546—547. (Д.).

2537. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Легенда о грѣшной матери. 1893, 5, 195—208.

2538. **Сумцовъ**.. Народныя пѣсни объ отравленіи змѣинымъядомъ. 1893, 11, 241—261.

2539. **Сумцовъ Н.** Легенда о благочестивомъ живописцѣ. 1894, 10, 20—24.

2540. **Сумцовъ Н.** Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ. 1894, 3, 440—458.

2541. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Обычай ломать скорлупу яйца. 1897, 12, 70—71. (Д).

2542. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Новая наука г. Безсонова. 1897. 1, 112—124.

2543. **Сумцовъ Н.** Изученіе кобзарства. 1904, 10 11—16. (Д).

2544. **Сумцовъ Н.** Изъ старинныхъ отзывовъ о малороссахъ. 1904, 2, 58—60. (Д).

2545. **Сумцовъ Н.** Исторія и этнографія Малороссіи, какъ предметы преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ. 1906, 5—6, 37—43. (Д).

2546. **Существуетъ** ли Южно-русскій стиль? 1903, 7—8, 5—15 (Д).

2547. **Сѣлецкій** Арсеній. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII ст. 1886, 6, 193—236.

2548. **Тарновскій Александръ**. Ребъ Лейбъ—Сурецъ (изъ еврейскихъ легендъ). 1883, 7, 473—491.

2549. **Т. Д.** Изъ народныхъ устъ, (одна пѣсня и два разсказа). 1884 5, 172—176.

2550. **Тиховскій** Ювеналій. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и и повстаньѣ. 1889, 5—6, 626—631.

2551. **Тиховскій Ю**. Пѣсня про рекрутчину. 1893, 7, 139. (Д).

2552. **Трутовскій К. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. 1889, 9, 585—596.

2553. **Т—овъ М.** Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности 1, Пѣсня о взятіи Азова. 2, Степанъ Разинъ—козакъ Герасимъ. 1882, 11, 229—249. 3. Вертепная комедія, 4. Песиголовци. 1883, 12, 546—559.

2554. **Туркевичъ.** Заговоръ отъ рожистаго воспаленія (бышыхы). 1905, 11—12, 66—67. (Д).

2555. **У** Гуцуловъ. 1889, 9, 765—770.

2556. **Украинская** пѣсня на китайской границѣ. 1901, 1, 18 (Д).

2557. **У. О. К. Ф.** Кобзарь Остапъ Вересай и его думы и пѣсни. 1882, 8, 259.

2558. **Употребленіе** табаку по народнымъ повѣрьямъ. 1888, 4, 20—22.

2559. **Хатемкинъ. А. Г.** Пѣсни молодежи въ современной деревнѣ. 1897, 9, 272—318.

2560. **Хатемкинъ А.** Преданія о зміевомъ валѣ 1898, 10, 13—18. (Д).

2561. **Хатемкинъ А. Гр.** Приворотныя средства. 1900, 4, 8—9. (Д).

2562. **Хатемкинъ А. Гр.** Своеобразныя молитвы. 1900, 4, 10—11. (Д).

2563. **Храневичъ В**. Шуточная народная пѣсня. 1894, 7, 111—115. (Д).

2564. **Храневичъ В**. Старинная коляда. 1899, 6, 125—127. (Д).

2565. **Х. Я**. Легенда о сотвореніи земли и злыхъ духовъ. 1897, 7—8, 72—79.

2566. **Ц. К.** Панская блажь, холопская напасть, а чиновничья пожива. 1884, 8, 742—747.

2567. **Цыбульскій К.** Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита. 1885, 11 566—570.

2568. **Ц. Х.** Задунайскія народныя преданія: I. Про Палія та Мазепу; II. Про Антона Головатаго, Онупрія Шпака и царицю Катерину. 1882, 9, 579—582.

2569. **Чалый М**. Очерки народной жизни (1862 г.). 1897, 6, 484—512; 7—8, 1—52.

2570. **Чернышевъ Н.** Къ вопросу о „парубоцтвѣ“, какъ особой общественной группѣ. 1887, 11, 491—505.

2571. **Чернышевъ Н**. Опытъ истолкованія обычая „Понедилкуванья“ 1887, 4. 763—771.

2572. **Чикаленко Е.** Лирныкъ Василій Морозъ. 1896, 3, 79—87. (Д).

2573. **Что** значитъ слово „гомель„ 1901, 10, 10. (Д).

2574. **Шафарукъ И. А**. Волынская бывальщына. 1885, 2, 385—391.

2575. **Ш—въ Н**. Батуринъ (изъ путевыхъ впечатлѣній). 1894, 10, 40—47.

2576. **Шейнъ П. В**. Приглашеніе къ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества. 1888, 4, 32—36.

2577. **Шиманскій Ц.** Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ. 1882, 11, 393—395.

2578. **Ш. Я**. Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 года. 1890, 2, 338—340.

2579. **Щепотьевъ Влад**. Про песыголовця та коваля. 1903, 10, 16—18. (Д).

2580. **Щербина В.** Къ исторіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній. 1894, 8, 278—282. (Д).

2581. **Щербина Ф.** Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. 1883, 7, 586—588.

2582. **Яблоновскій Вл**. Какъ молятся наши старики-крестьяне. 1904, 10, 20—22 (Д).

2583. **Яблоновськый Вол.** Весилля въ с. Отакахъ (этнограф. нарысъ). 1905, 5, 205—257.

2584. **Яблоновськый В**. Маленькі додатки до матеріалів, записаных въ с. Отаках. 1906, 5—6, 15—20. (Д).

2585. **Я. В**. Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ. 1887, 9, 194.

2586. **Яворскій Юльянъ.** Громовыя стрѣлки. Очеркъ по исторіи южнорусскаго фольклора. 1897, 7—8. 227—238.

2587. **Ястребовъ В.** Пѣсня о сербѣ. 1884, 12, 757—758.

2588. **Ястребовъ В.** Гайдамацкая пѣсня. 1885, 12, 766.

2589. **Ястребовъ В**. Гайдамацкій бандуристъ. 1886, 10. 379—388.

2590. **Ястребовъ. В.** Святочныя пѣсни Елисаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ, Херсонской губ. 1894, 2, 327—332. (Д).

2591. **Ястребовъ. В.** Народныя пѣсни Херсонскаго края. 1894, 3, 559—569. (Д).

2592. **Ястребовъ.** Варіанты сказки о невѣрной женѣ. 1894, 4, 159—165. (Д).

2593. **Ястребовъ В.** Какъ баба замирала. 1894, 12, 492—493. (Д).

2594. **Ястребовъ В.** Святочная народная драма „Тронъ“ (въ Херсон. губ.). 1895, 2, 55—59. (Д).

2595. **Ястребовъ В.** Нѣсколько словъ о писанкахъ. 1895, 4, 5—8. (Д).

2596. **Ястребовъ В.** Къ библіографіи малорусскихъ сказокъ. 1895, 5, 51—58. (Д).

2597. **Ястребовъ Василій**. Сказка о человѣкѣ. понимавшемъ разговоръ животныхъ. 1895, 6, 109—111. (Д).

2598. **Ястребовъ В**. Обрядовое постриженіе дѣтей. 1895, 10, 1—2. (Д).

2599. **Ястребовъ В.** Новыя данныя о союзахъ неженатой молодежи на югѣ Россіи. 1896, 10, 110—128.

2600. **Ястребовъ В.** Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи. 1896, 10, 5—7. (Д).

2601. **Ястребовъ В**. Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. 1897, 5, 65—66. (Д).

2602. **Ястребовъ В**. Свадебные обрядные хлѣбы въ Малороссіи 1897, 11, 281—288.

2603. **Ящуржинскій**. Малорусскія причитанія надъ умершимъ. 1888, 1—3, 11—16.

2604. **Ящуржинскій Х.** Гаданія на канунѣ Андрея Первозваннаго (30 ноября). 1888, 11, 77—81.

2605. **Ящуржинскій Х.** Бѣлорусскія колядки. 1889, 2, 477—485.

2606. **Ящуржинскій Х**. Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви. 1889, 4, 184—186.

2607. **Ящуржинскій Х.** Весенніе хороводы, игры и пѣсни. 1889, 5—6, 621—626.

2608. **Ящуржинскій Х.** Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ 1889, 8, 524—527.

2609. **Ящуржинскій Х.** Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. 1890, 1, 130—132.

2610. **Ящуржинскій Х.** Замѣтка о купальскомъ празднествѣ въ Уманскомъ уѣздѣ, 1890, 11, 326—331.

2611. **Ящуржинскій Х.** Колядки. 1890, 12, 517—521.

2612. **Ящуржинскій Х**. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ 1891, 3, 445—462; 4, 28—96.

2613. **Ящуржинскій Хр.** Уніатская колядка. 1892, 1, 144—145. (Д).

2614. **Ящуржинскій Х.** Народныя пѣсни про мужей—пьяницъ. 1892, 3, 492—494. (Д).

2615. **Ящуржинскій Хр.** Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. 1893, 7, 74—83.

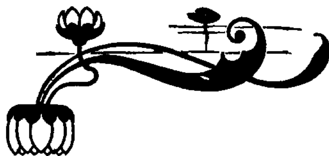
2616. **Ящуржинскій Хр.** Культъ хлѣба въ малорусскихъ колядкахъ 1893, 12, 408—416.

2617 **Ящуржинскій Хр.** Колядки религіозно-апокрифическаго содержанія. 1895, 2, 207—217.

2618. **Ящуржинскій Х**. Рождественская интермедія (коза). 1898, 10, 73 —82.

2619. **Ѳедотовъ-Чеховскій А. А.** Бракоразводный казусъ конца XVI ст. 1887, 1, 177—180.

2620. **Ѳ. П.** Остатки преданія о Гонтѣ. 1901, 7—8, 4—9. (Д)



VI. Біографическій матеріалъ.

А) БІОГРАФІИ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И МАТЕРІАЛЫ КЪ НИМЪ.

2621. **Абрамовъ Иванъ.** Дѣдъ П. А. Кулиша. 1905, 5, 157. (Д).

2622. **Автобіографія** южно русскаго священника 1-ой половины XVIII ст. 1885, 2, 318—332.

2623. **А. Л.** На комъ былъ женатъ Мазепа. 1888, 5, 43—45.

2624. **А. Л.** Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями. 1891, 8, 317—325.

2625, **А. Л.** Перечень имѣній гр. П. В, Завадовскаго (1739—1812), 1895, 7—8, 20—22. (Д).

2626. **А. Л.** Черты характера гр. П. А, Румянцова. 1896, 12, 80—81. (Д).

2627. **А. Л.** Рубанъ Василій Григорьевичъ. 1897, 1, 12—14 (Д).

2628. **А. Л.** Чаша Богдана Хмельницкаго. 1897, 1, 16. (Д).

2629. **А. Л.** Кресты гетьмана Сагайдачнаго. 1899, 4, 7. (Д).

2630. **А. Л.** Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? 1898. 7—8 23—24. (Д)

2631. **Л. Л.** Предки П. А. Кулиша. 1898, 9, 62—65. (Д).

2632. **Антоновичъ** В. **Б.** Костомаровъ Н. И. какъ историкъ. 1885, 5, XXVII—XXXIV.

2633. **Антоновичъ В.** Протоіерей Алексѣй Андріевскій. 1892, 1, 11—22.

2634. **Антоновича В. Б.** о 30-іи ученой дѣятельности 1895, 6, I—IV.

2635. **Антоновича В. Б.** 35-ти лѣтній юбилей профессорской дѣятельности 1905. 10, 17—19. (Д).

2636. **Архимандритъ Арсеній.** Добрашевичъ Софроній, архимандритъ новой Сербіи. 1884, 10, 276—304.

2637. **А. С.** Къ біографіи А. П. Стороженка. 1900, 4, 4—5. (Д).

2638. **А. Т.** Гетьманъ Разумовскій въ нуждѣ. 1886, 9, 182—183.

2639. **Багалѣй Д. И.** Коллекція рукописей покойнаго профессора А. Д. Кистяковскаго. 1891, 3, 494—503.

2640. **Багалѣй Д.** Замѣтка о рукописяхъ Г. С. Сковороды. 1894, 9, 463. (Д).

2641. **Балабушевичъ В,** О днѣ смерти князя Василія Константина Константиновича Острожскаго. 1882, 10, 175—177.

2642. **Барсуковъ Александръ.** Къ біографіи Г. Н. Теплова. 1887, 1, 169—172.

2643. **Безбородка А. А.** князя по поводу столѣтія со времени смерти. 1899, 5, 77—78. (Д).

2644. **Бибикова Д. Г.** къ характеристикѣ (б. генералъ Губернаторъ юго-западнаго края 1838—1852). 1882, 7. 61—80.

2645. **Богдановича И. Ѳ.** памятникъ въ Курскѣ. 1890, 7, 129—132.

2646. **Божеряновъ И. Н.** Къ біографіи В. Л. Боровиковскаго, 1884, 6, 372—382.

2647. **Божеряновъ И.** Гловачевскій Кириллъ Ивановичъ, художникъ (біографическій очеркъ). 1885, 2, 308—317.

2648. **Боровиковскій В. Л.** Художникъ (1758 (?)—1825 г.). 1884, 4, 701—708

2649. **Боровиковскій Ив.** Краткія свѣдѣнія къ біографіи В. Л. Боровиковскаго. 1884, 9, 155—162.

2650. **Бородавку** гетмана какъ звали 1900, 6, 139—141 (Д).

2651. **Бранденбургъ Н.** Памяти Н. Я. Тарновскаго (къ исполнившемуся году со дня смерти). 1899, 11, 110—116. (Д).

2652. **Булашевъ Г.** Фальковскій Ириней коадьюторъ Кіевскій 1883. 1, 89—120: 5, 66—96; 8, 664—718.

2653. **Бѣлогрицъ-Котляревскій Л.** Очеркъ научной дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскаго. 1885. 6, 238—254.

2654. **V.** Крашевскій Іосифъ Игнатій. 1887, 4, 799—802.

2655. **V.** Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ. 1889, 1 245—246.

2656. **В. Г.** Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы 1885, 7, 501—505.

2657. **В. К.** О происхожденіи гетмана Павла Тетери (письмо Э. Руликовскаго къ М. Александровичу) 1888, 6, 69—74.

2658. **В. А.** Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. 1892, 117—118. (Д).

2659. **В. А.** Къ біографіи Саввы Чалаго 1892, 8, 259—262 (Д).

2660. **Вашкевичъ Г.** Къ біографіи Н. И. Костомарова. 1898, 11, 207—217.

2661. **В. Г.** Справка о Г. Н. Тепловѣ 1887, 2, 372—377

2662. **В. Г.** Гриценко, французскій поэтъ. 1891, 6 486—488.

2663. **Вербицкій-Антіоховъ Н. Л.** (къ 35-лѣтію писательской дѣятельности). 1905, 2, 140—145. (Д).

2664. **В. И.** Къ біографіи Ивана Мазепы. 1896, 7—8, 19. (Д),

2665. **В. Н.** Памяти Алексѣя Петровича Стороженка (къ 25-лѣтію со дня смерти). 1899, 12, 121—123 (Д).

2666. **Ворниковъ.** Къ характеристикѣ Карпенка-Караго. 1902, 12, 213—214. (Д).

2667. **Востоковъ А.** Чернякъ Иванъ, Полтавскій полковникъ. 1889, 10, 1—17,

2668. **Галагана Г. П.** для біографіи матеріалы. 1898, 9, 188—224.

2669. **Г. Б. П. П.** Чубинскій въ Архангельской губ. 1903, 7—8, 228—239.

2670. **Г. В.** Ко дню столѣтія кончины послѣдняго кошевого войска запорожскаго Петра Кальнишевскаго. 1903, 10, 203—207.

2671. **Геевскаго.** Степана Лукича автобіографія (1813—1862), съ предисловіемъ Багалѣя. 1893, 9, 375—400; 10, 91—111; 12, 427—443; 1894, 4, 26—48; 6, 514—534.

2672. **Гоголя Н. В.** для біографіи новые матеріалы. 1895, 11, 61—62 (Д.).

2673. **Гоголь** и В. Я. Ломиковскій. 1897, 11, 41—42. (Д).

2674. **Гоголь** и Богданъ Залѣскій. 1899, 10, 17 (Д).

2675. **Гордіевскій І**. священ. Святитель Өеодосій Углицкій. 1903, 9, 348—362.

2676. **Горленко В**. Еще о Боровиковскомъ. 1884, 7, 538—541.

2677. **Горленко**. Нѣсколько данныхъ о Боровиковскомъ. 1894, 10, 141—145. (Д).

2678. **Гродецкій Д**. Замѣтка о времени смерти кн. Константина Острожскаго. 1885, 7, 511—512.

2679. **Гулакъ-Артемовскій**. Замѣтка о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ. 1893, 6, 520—521. (Д).

2680. **Гулака-Артемовскаго** памяти. 1895, 10, 113—118.

2681. **Гулака-Артемовскаго**. П. П. стихотвореній къ тексту. 1905, 1, 14—15 (Д).

2682. **Дабижа А. В**. Роспись рода Горленковъ, составленная по фамильнымъ и поминальнымъ спискамъ, грамотамъ и документамъ Горленковскаго архива. 1886, 6, I—XII.

2683. **Дабижа А**. Горленки. (Очерки Прилуцкой старины). 1887, 2, 237—268; 10, 199—232.

2684. **Дабижа А**. Шпага Карла XII. 1896, 12, 65—70 (Д).

2685. **Даниловъ В**. Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова. 1907, 11—12, 225—274.

2686. **Два** документа для исторіи семейства Разумовскихъ. 1890, 4, 156—161.

2687. **Два** универсала Спиридону Шираю 1688 г. (къ характеристикѣ Мазепы). 1901, 2, 79—81. (Д).

2688. **Дворжецкій-Богдановичъ П. В**. День, бывшій курскій губернаторъ. 1889, 7, 275—280.

2689. **Д. Д**. Голубовський П. проф. (посмертна згадка). 1907, 4, 74—80.

2690. **Доманицкій В**. Библіографическій указатель соч. А. Я. Конисскаго, написанныхъ по-малорусски. 1901, 1, 131—151.

2691. **Дорошенко Д**. До 25-літн. ювилею артистичноі діяльности М. Садовського. 1907, 5, 65—76.

2692. **Д—ръ Б**. Маркевичъ Болеславъ Михайловичъ въ роли сельскаго педагога. 1884, 12, 751—757.

2693. **Ефименко П**. Глоба, послѣдній писарь войска запорожскаго. 1882, 8, 368—371.

2694. **Ефименко П**. Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго. 1884, 5, 138—142.

2695. **Ефименко П. С**. Автобіографическая замѣтка Я. Щеголева. 1904, 10, 7—9. (Д).

2696. **Житецкій П**. Памяти Георгія Конисскаго. 1895, 2, 257—264.

2697. **Загоровскій А**. Нѣсколько данныхъ и соображеній по поводу писемъ митрополита Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1901, 4, 42—49.

2698. **Залюбовскаго Гр. Ан**. изъ жизни страничка. 1900, 1, 17—19. (Д).

2699. **Иконниковъ В. С**. Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743—1808), малороссійскій военный генералъ—губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ. 1890, 2, 255—304.

2700. **Іевлевъ П**. Къ біографіи П. П. Чубинскаго (пребываніе его въ Архангельскѣ). 1902, 10, 13—15. (Д).

2701. **Калнышевскаго П.**, кошевого къ исторіи заточенія въ Соловецкомъ монастырѣ. 1902, 12, 141—142. (Д).

2702. **Каманинъ И.** Мазепа и его „прекрасная Елена." 1886, 11, 522—535.

2703. **Каманинъ И.** Къ біографіи Г. Н. Теплова. 1888, 11, 84—96.

2704. **Каразина** къ біографіи. 1900, 3, 156. (Д).

2705 **Каразина В. Н.** чествованіе памяти въ Харьковскомъ университетѣ по случаю 50-ти лѣтія со дня его кончины. 1892, 12, 438—452.

2706. **Каргопольцевъ И.** Памяти Филарета (Архіепископа Черниговскаго). 1886, 4, 831—836.

2707. **Кивлицкій Е.** По случаю 10 лѣтія со дня смерти Александра Степановича Лашкевича. 1899, 11, 243—248.

2708. **Кисель Адамъ**, воевода Кіевскій. 1580 (?)—1653 г. (историко-біографическій очеркъ) 1885, 9, 51—72; 10, 204—219; 11, 408—430; 12, 612—638.

2709 **Киселя Адама** къ біографіи дополненіе. 1886, 4, 826—831.

2710. **Кистяковскій А. Ф.** Чубинскій Павелъ Платоновичъ (род. 15 янв. 1839 г. ум. 14 янв. 1884. 1884, 2, 343—349.

2711. **Китицынъ. П.** Малоизвѣстный историческій родъ. 1884, 6, 342—344.

2712. **Коваленко Гр.** Очеркъ жизни и дѣятельности украинскаго этнографа и народнаго врача С. Д. Носа. (1829—1900). 1901, 9, 363—400.

2713. **Комаровъ М.** Ухачъ-Охоровичъ Константинъ Францовичъ (изъ письма въ редакцію) 1886, 5, 186—187.

2714. **Комаровъ М.** Къ біографіи В. Н. Забѣлы. 1886, 9, 171—176.

2715. **Комаровъ М.** Къ біографіи А. П. Стороженка. 1900, 3, 173—311.

2716. **Комаровъ М.** Библіографическій указатель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В, Лисенка. 1904, 1, (приложеніе).

2717. **Конюскевичъ** Павелъ, тобольскій Митрополитъ. 1895, 6, 273—271.

2718. **Костомарова А.** Послѣдніе дни жизни Н. И. Костомарова. 1895, 4, 1—19.

2719. **Костомарова Н. И.** краткій біографическій очеркъ. 1885, 5, I—IX.

2720. **Костомарова Н. И.** о затерянной рукописи (см. отвѣтъ на эту замѣтку Кіев. Стар. 1891, 3, 543—544) 1891, 2, 316—317.

2721. **Костомарова Н. И.** къ біографіи. 1896, 1, 25—27. (Д).

2722. **Кочубея и Искры** могила гдѣ теперь находится? 1899, 2, 82—83. (Д).

2723. **Кошовикъ К.** Семенъ Гаркуша (1772—1784). 1883, 3, 528—554.

2724. **Кременецкаго** Гавріила м. въ біографіи, 1899, 3, 142. (Д).

2725. **Кудринскій Ѳ.** Ѳаддей Чацкій 1893, 2, 319—345.

2726, **Кудринскій Ѳ.** А. Неудачныя предпріятія народолюбки. (къ біографіи Н. С. Сохановской—Кохановской). 1900, 10, 83—122.

2727. **Кулишъ А.** Нѣсколько встрѣчъ съ Н. Костомаровымъ. 1885, 6, 255—262.

2728. **Кулиша П. А.** для біографіи матеріалы. 1897, 5, 339—362.

2729. **L.** Пропавшія рукописи Н. И.

Костомарова 1889, 10, 183—184.

2730. **Л. А.** Сабля Мазепы. 1883, 1, 213.

2731. **Л. А.** Записки о послѣднихъ годахъ жизни гр. Ал. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ (1818—1822) 1894, 3. 426—439.

2732. **Лазаревскаго** Александра Матвѣевича отрывки изъ автобіографіи. 1902, 6, 470—494.

2733. **Лазаревскій А.** Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его роднѣ. 1882, 8, 382—384.

2734. **Лазаревскій А.** Забѣла Иванъ Петровичъ, знатный войск. товарищъ (1665—1703) (отрывки изъ семейнаго архива. 1883, 7, 506—538.

2735. **Лазаревскій А.** Люди старой Малороссіи 1. Лизогубы. 1882, 1, 101—125. 2, Милорадовичи. 1882, 3, 479—498. 3. Миклашевскіе, 4. Свѣчки 1882, 8, 243—258. 5. Марковичи 1884, 1, 51—82. 6. Голубы 1885, 5, 1—20. 7. Крыжановскіе 1885. 5, 7—14. 8, Кулябки. 9: Ломиковскіе. 1886, 1, 1—16. 12. Афендики, 13. Левенцы 14. Лѣсницкіе 1886, 7, 443—455. 15 Бороздны, 1887, 6—7, 378—395· 16. Раковичи, 17. Оболонскіе, 18. Мануйловичи. 1887, 8, 627—637. 19. Жуковскіе, 20. Носенки—Бѣлецкіе, 21—Трощинскіе 1888, 11, 364—373.

2736. **Лазаревскій Ал.** Иванъ Романовичъ Мартосъ (1760—1831). 1895 10, 48—81.

2737. **Лазаревскій Ал.** Прежніе изыскатели малорусской старины Александръ Михайловичъ Марковичъ (р. 1790—1865). 1897, 1, 92—111: 2, 275—310.

2738. **Лазаревскій Ал.** Замѣтки о. Мазепѣ (по поводу книги Ѳ. Уманца „Гетманъ Мазепа") 1898, 3, 457—485: 4, 131—167: 6, 395—411.

2739. **Лашкевичъ А.** Родъ Вишневскихъ. 1887, 5, 73—91.

2740. **Лашкевичъ А. С.** Свѣдѣніе о Головатомъ Иванѣ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ. 1887, 6—7' 586—587.

2741. **Лашковъ Ѳ.** Шагинъ—Гирей, послѣдній Крымскій ханъ (историч. очеркъ) 1886, 37—80.

2742. **Л—въ Ѳ.** Дмитрій Высокопреосвященнѣйшій (Муретовъ, архіепископъ Херсоскій). 1883, 12. 704—713.

2743. **Лебединцева Ѳ. Г.** памяти (по поводу 10 лѣтія со дня смерти). 1898, 3, 315—317.

2744. **Левитскій О.** Пасѣка Хмельницкаго, 1882, 7, 174—177.

2745. **Левицкій О. И.** Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. 1890, 9, 478—485.

2746. **Литература** о В. Н. Каразинѣ. 1905, 9, (приложеніе).

2747. **Личковъ.** Пасѣка Богдана Хмѣльницкаго. 1901, 1, 4—5. (Д).

2748. **Л. М.** Замѣтка о Леонтовичѣ Мелетіи, Харьковскомъ архіепископѣ. и о мѣстахъ его первонач. образованія. 1903, 2. 72—74. (Д).

2749. **Л. М.** Къ біографіи Серапіона Александровскаго, Кіевскаго митрополита. 1903, 4, 4—8. (Д).

2750. **Л. М.** Савичъ Н. И. (прикосновенный къ дѣлу украинскаго Кирилло-Меѳод. Общества). 1904, 2, 229—238.

2751, **Л. М.** Замѣтка объ Антоніи Рафальскомъ, Митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ. 1904 11. 46—48. (Д)

2752. **Луговой А**. Н. В. Гоголь въ Гадячской ратушѣ. 1886, 1, 206—208.

2753. **Лучицкій И**. Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права. 1895, 1, 64—87.

2754. **Ляскоронскій В.** Поповичъ Иванъ, Паволоцкій полковникъ. 1889, 5—6, 570—577.

2755. **Мазепы** къ родословной. 1886, 12, 757—759.

2756. **Мазепы** Ивана домъ. 1899, 9, 115. (Д).

2757. **Максимовича М. А.** памяти, отъ редакціи. 1898, 11, 218—221.

2758. **Максимовича М. А.** къ первому Кіевскому юбилею 1871 г. 1900, 12, 143—146. (Д).

2759. **Максимовичъ М**. Воспоминаніе о Тимковскихъ. 1898, 11, 254—272.

2760. **Максимовичъ М. А.** Автобіографія. 1904, 9, 322—356.

2761. **Манжуры И. И.** памяти (по поводу 10-лѣтія со дня смерти). 1902, 5, 102—104. (Д).

2762. **Маркевичъ А**. Марковичи. 1890, 10, 11, приложеніе.

2763. **Маркевичъ А.** Къ біографіи Аѳанасія Заруцкаго, 1896. 4, 22. (Д).

2764. **Мацѣевичъ Левъ.** Автобіографія свящ. Аполлонія Сендульскаго. 1896. 1, 58—77.

2765. **Мердеръ А.** Къ характеристикѣ Кіевскаго военнаго губернатора Княжнина, 1902, 9, 112. (Д).

2766. **Метлинскаго А. Л.** объявленіе. 1899, 4, 14. (Д).

2767. **Милорадовичъ Графъ.** Грамота Петра I Черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу, (объ измѣнѣ Мазепы и избраніи новаго гетмана). 1884, 8, 747—748.

2768. **Милорадовичъ Г. А.** графъ. Родословная дворянъ и князей Кочубеевъ. 1888, 8, 46—50.

2769. **Миронъ**. Шумлянскій Іосифъ, послѣдній православный епископъ Львовскій, и его „метрика". 1891, 6, 337—362, 7, 1—21.

2770. **Модзалевскій В**. Генеральный судья Иванъ Чернышъ и его родъ. 1904, 3, 315—347; 4, 1—35: 5, 193—230.

2771. **Модзалевскій В**. Къ родословной гетмана Даніила Апостола. 1904, 12 140—142. (Д).

2772. **Молчановскій Н**. Нѣсколько данныхъ о смерти и наслѣдствѣ Мазепы. 1903, 1, 91—101.

2773 **N.** Случай изъ жизни Н. Костомарова. 1885, 6, 353—353.

2774. **Науменко В. П**. Памяти И. Ѳ. Тимковскаго М. А. Максимовича и П. А. Антоновича 1891, 10. 133—136.

2775. **Науменко** Кистяковскій А. Ѳ. (и списокъ его трудовъ) 1895, 1. 1—43.

2776. **Науменко В.** Маленькое недоразуменіе (о біографіи Квитки) 1896, 4, 23. (Д).

2777. **Науменко В.** Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича 1896, 10, 15—17. (Д). 11, 48—50. (Д).

2778. **Науменко В**. Скорбная страничка изъ жизни М. А. Максимовича. 1898, 11. 273—307.

2779. **Науменко В.** Кореницкій Порфирій-забытый малорусскій писатель. 1899, 10. 11—14. (Д).

2780. **Науменко В.** Памяти В. С. Гнилосырова. 1901, 2, 301—307.

2781. **Н. Б.** Новые альбомы Де-ля-Флиза. 1891, 3, 508—511.

2782. **Н. В.** Нѣсколько мелочей изъ жизни А. П. Стороженка 1886, 5, 178—181.

2783. **Некрасова Е.** Марченко Анастасія Яковлевна (Т. Ч. или А. Тембризовъ. 1830—1880). 1889, 11, 392—422.

2784. **Николайчикъ Ѳ.** Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова. 1885, 5, IX—XXV.

2785. **Николайчикъ Ѳ.** Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ 1887, 12, 697—716.

2786. **Н. О.** Къ біографіи Тимофея Цыцуры. 1889, 9, 770—772.

2787. **Новицкій И.** Князья Ружинскіе (памяти М. А. Максимовича). 1882, 4, 58—84.

2788. **Новые** историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ. Съ предисловіемъ И. Каманина. 1882· 7, 18—24.

2789. **Нось-фонъ Ст.** Мѣсторожденіе Семена Палія. 1882, 3, 609—611.

2790. **Н. С.** По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности А. А. Потебни. 1887, 6—7, 567—572.

2791. **Оберучевъ К.** Къ біографіи Некрасова. 1903. 1, 176—180.

2792. **Одинъ** изъ Мазепинцевъ (Прилуцкій Полковникъ Дмитрій Горленко). 1889, 10, 190—194.

2793. **О. Л.** Къ біографіи гетмана Павла Тетери, 1894, 11, 305—306. (Д).

2794. **О** могилѣ Григорія Ѳед. Квитки—Основьяненка (Харьк. Вѣд. 1893, № 178). 1893, 8, 297—298.

2795. **Онацкій Д.** Къ родословной Полуботковъ. 1887, 2, 365—366.

2797. **Орловскій П.** прот. Грановскій протопопъ Іоаннъ Страцкій, какъ поборникъ православія на Украинѣ во второй половинѣ XVIII в. 1895, 11, 119—144; 12, 328—360.

2797. **Орловскій П.** Прот. Преосвященный Викторъ Садковскій, Архіеп. Минскій, Коадъюторъ Кіевской Митрополіи съ 1785 по 1796. г., Управляющій правосл. церквами и монастырями въ предѣлахъ бывшаго царства Польскаго. 1897, 7, 20—54.

2798, **О** Сагайдачномъ новый документъ 1902, 11, 73—75. (Д).

2799. **Павловскій И. Фр.** Потомокъ Семена Палія на службѣ въ Полтавскомъ депутатскомъ собраніи. 1903, 6, 166—168. (Д).

2800. **Павловскій И. Фр.** Математикъ М. В. Остроградскій подъ надзоромъ полиціи. 1904, 11, 45—46. (Д).

2801. **Павловскій И. Фр.** Декабристъ Яковъ Драгомановъ. 1907, 5, 218—220.

2802. **Памятка** о сидѣніи Полуботка съ товарищами подъ карауломъ въ Петербургѣ 1901, 9, 100—102.

2803. **П. Вл.** Гервасій Линцевскій. 1904, 12, 408—443.

2804. **Петровъ Н.** Къ біографіи св. Ѳеодосія Углицкаго, архіеписк. Черниговскаго. 1902, 11, 86—92. (Д).

2805. **Петровъ Н.** Къ біографіи философа Сковороды. 1903, 4, 10—18. (Д).

2806. **Петлюра С.** До юбилея М. К. Заньковецькоі 1907, 11—12. 34—63

2807. **П. Л.** Михаилъ, Митрополитъ Кіевскій XII в. 1892, 12, 323—336.

2808. **П. М.** Гавриловъ Александръ Ипполитовичъ. 1889, 1, 246—247.

2809. **Подолянинъ.** Старинный южно-русскій дворянскій родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Купа 1886, 7, 563—570.

2810. **Полницкій А.** Селимовецъ (Шаховъ, помѣщикъ Харьков. губ.). 1898, 6, 411—452.

2811. **Полонскаго** поэта о происхожденіи. 1899, 2, 85. (Д).

2812. **Полуботокъ** въ оковахъ. 1902, 4, 11—13. (Д).

2813. **Поминка** о Н. А. Маркевичѣ (къ столѣтію годовщины рожденія его). 1904, 9, 89—90. (Д).

2814. **Пономаревъ С.** Альбомъ М. А. Максимовича. 1882, 1, 152—173.

2815. **Пѣтуховъ Е.** Къ біографіи А. А. Котляревскаго. 1894, 4, 165—169. (Д).

2816. **Пять** документовъ рода Савичей. 1887, 9, 153—158.

2817. **Рудченка** Ивана Яковлевича о жизни и дѣятельности краткія біографич. свѣдѣнія. 1907, 7—8, 92—100.

2818. **Румянцева-Задунайскаго П. А.** Графа. для біографіи матеріалы. 1895, 3, 385—404.

2819. **Савичъ А.** Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ 1889, 2, 485—487.

2820. **Самуила** митрополита Кіевскаго къ біографіи. 1897, 9, 70—72. (Д).

2821. **Свириденко С.** Памяти И. Я. Рудченка. (очеркъ). 1906, 3—4, 412—420.

2822. **Секретное** предписаніе объ арестѣ В. М. Бѣлозерскаго. 1904, 2, 63—65. (Д).

2823. **Сердюковъ И. И.** Автобіографическая записка. 1896. 11, 178—224; 12. 337—373.

2824. **Снальковскій** Аполлонъ Александровичъ (по поводу девяносто лѣтія его жизни). 1898, 1, 150—159.

2825. **Сковороды** житіе, описанное его другомъ М. И. Ковалѣнскимъ (съ предисловіемъ Н. Сумцова). 1886, 9. 103—150.

2826. **С—ко. А.** Къ свѣдѣніямъ о Иванѣ Куцкевичѣ (козацкомъ гетманѣ) 1883, 6, 379—381.

2827. **С—ко. Н. В.** Стороженки (фамильная лѣтопись). 1884, 2, 205—222.

2828, **С—ко.** На могилѣ Алексѣя Петровича Стороженка (корреспонденція „Кіевской Старины"). 1885, 8, 729—732.

2829. **С. Н.** Полтавскій Губернскій Маршалъ С. М. Кочубей. 1894, 1, 135—141. (Д).

2830. **Современный** отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ. 1883, 6, 396—398.

2831. **С. П.** На могилѣ Лазаревскаго А. М. (въ 20-й день по его кончинѣ). 1902, 5, XXIX—XУX.

2832. **С. П.** Труды Лазаревскаго А. М. 1902, 5, XXXI—LII.

2833. **Степовичъ А.** Къ біографич. матеріалу о А. А. Котляревскомъ. 1892, 3, 478—482. (Д).

2834. **Стешенко И.** Къ столѣтію годовщины рожденія М. А. Максимовича. 1904, 9, 347—377.

2835. **Сторожевскій Ник.** Дѣло о Богдановичѣ П. И. (типографщикъ и переводчикъ). 1891, 11, 308—312.

2836. **Стороженко А.** Замѣчательный универсалъ гетмана Мазепы. 1892, 1, 138—141. (Д).

2837. **Стороженко А.** Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко полковникъ Переяславскій. 1893, 4, 1—28.

2838. **Стороженко А.** Сводъ данныхъ о Янѣ Орышевскомъ, запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія. 1897, 1, 125—145.

2839. **Стороженко Н.** Два эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности Алексѣя Петровича Стороженко. 1884, 12, 723—730.

2840. **Стороженко Н.** Новицкій Илья Өедоровичъ, охочекомонный полков- 1885, 7, 431—457.

2841. **Стороженко Н. В.** Къ исторіи рода Свѣчекъ. 1887, 11, 580—584.

2842. **Стороженко Н. В.** Вакуленко. Семенъ, сотникъ Пирятинскій (1696—1720). 1891, 1, 119—153.

2843. **Стороженко Н.** Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка. 1893, 2, 358—360. (Д).

2844. **Стороженко Н.** Разумовскій Кириллъ Григорьевичъ графъ въ роли челобитчика въ сенатъ. 1893, 2, 361—367. (Д).

2845. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Орѣховскій Станиславъ 1888, 11, 215—234.

2846. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Памяти Ѳ, Г. Лебединцева. 1889, 3, I—VI.

2847. **Сумцовъ Н.** Памяти Калнышевскаго. 1899, 5, 72. (Д).

2848. **Тарновскій Ф.** Могила Петръ, Кіевскій митрополитъ (біографическій очеркъ). 1882, 4, 1—24.

2849. **Тарновскій Ф. А.** Серапіонъ митрополитъ кіевскій, 1883, 9—10, 88—134.

2850. **Тарновскаго В. В.** Лазаревскаго А. М. и Шугурова Н. В. памяти. 1902, 7—8, 282—292.

2851. **Тетери** гетмана булава. 1901. 4, 9. (Д).

2852. **Тихій Н.** В. И. Каразинъ, 1905, 1, 1—47; 2, 263—301; 3, 349—372; 4, 1—35; 5, 234—291; 6, 321—360; 7—8, 1—58; 9, 383—389.

2853. **Титовъ А.** Во что обошлась опись библіотеки Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. 1883, 8, 767—769.

2854. **Титовъ** А. Еще нѣсколько словъ объ имуществѣ Иринея Фальковскаго. 1884, 12, 740—743.

2855. **Фойницкій И.** Кистяковскій А. Ф., какъ криминалистъ. 1895, 1, 88—102.

2856. **Чалый М.** Къ біографіи А. Марковича. 1894, 5, 342—345. (Д).

2857. **Чалый М.** Къ характеристикѣ гр. В. А, Перовскаго. 1900, 2, 70—73. (Д).

2858. **Чеважевскій В.** Еще объ одномъ портретѣ кисти Боровиковскаго. 1884, 11, 544—545.

2859. **Чествованіе** памяти Богдана Хмельницкаго во Львовѣ. 1905, 11—12, 110—111. (Д).

2860. **Шенрокъ.** П. А. Кулишъ. (біографическій очеркъ). 1901, 2, 153—179; 3. 461—492; 4, 126—152; 5, 183—213; 6, 344—382; 7—8, 46—102; 9, 304—330; 10, 18—44.

2861. **Шр—но А.** Навроцкій А. А. (статья по поводу смерти). 1902, 12 351—381.

2862. **Ш—ровъ Н.** У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго. 1899, 9, 356—378; 10, 19. (Д).

2863. **Шугуровъ Н.** Трутовскій К. А. и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. 1889, 5—6, 609—613.

2864. **Шугуровъ Н. В.** Тимковскій Илья Өеодоровичъ, педагогъ прошлаго времени. 1891, 8; 212—236; 9, 375—406, 10, 82—97.

2865. **Шугуровъ Н.** Печальная ошибка (письмо въ редакцію) по поводу портрета И. Ѳ. Тимковскаго, помѣщеннаго въ № 9. „К. Ст.“ 1891 г.) 1891, 12, 472—473.

2866. **Щепкина М. С.** выкупъ изъ крѣпостного состоянія. 1897, 10, 9—11. (Д).

2867. **Щербина В.** Богославскій полковникъ Кондратъ Шелестъ. 1895, 12, 89—90. (Д).

2868, **Щербина В.** Первый Кіевскій археологъ М. Ѳ. Берлинскій. 1896, 12, 395—417.

2869. **Щербина Ф.** Къ біографіи Н. И. Костомарова. 1895, 4, 63—75.

2870. **Эварницкій Д.** По поводу картины С. И. Васильковскаго. 1886, 1, 184—187.

2871. **Эварницкій Д.** Письмо въ редакцію (о неточностяхъ письма Г. И. Дмитренко о Кальнишевскомъ). 1904, 1 6—9. (Д).

2872. **Я. Г.** Вагилевичъ Иванъ Николаевичъ (судьба одного Галицко-Русскаго ученаго). 1883, 7, 453—472.

2873. **Ѳ. Н.** Родина Кальнишевскаго. 1892, 5, 249—277.

Б). ПИСЬМА и ПЕРЕПИСКА.

2874. **А. А.** Письмо Черниговскаго Губернатора Андрея Милорадовича въ защиту Кіевскаго протоіерея Леванды 1894, 1, 141—143. (Д).

2875. **А. Л.** Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в. письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. 1890, 5. 264—269.

3876. **А. Л.** Два письма Наталіи Демьяновны Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу. 1743—1748 г. 1890, 11, 332—334.

2877. **А. Л.** Письма Д. М. Велланскаго. 1897• 11. 289—310.

2878. **А. Л.** Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану. 1900, 12, 137—143. (Д).

2879. **А. Л.** Письмо Петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки къ брату, Лубенскому Полковнику Ивану Петровичу Кулябкѣ. 1893, 1. 171—172 (Д).

2880. **А. Л.** Современное письмо о смерти. Ал. Мих. Будлянскаго (1819), 1893. 3, 535—538. (Д).

2881. **А. Л.** Письмо Феодосія, святителя углицкаго. 1896, 10, 1—2. (Д),

2882. **А. Л.** Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. 1898, 5. 52, (Д).

2883. **А. Л.** Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику Черниговской „катедры". Саввѣ Шпаковскому, 1721 г. 1889, 5, 46—47.

2884. **А. Л·** Письмо Н. В. Шугурова 1901, 12, 153—155 (Д).

2885. **А. Л.** Четыре письма О. М. Бодянскаго• 1889, 11, 446—450.

2886. **Андр.** А. Переписка Леонтьева М. И. Кіевскаго генералъ—губернатора, по поводу назначеніи ему жалованья (1743 г.) 1892, 3, 486—492. (Д).

2887. **Анненкова А. В.** письмо Кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. 1894, 4, 153—155. (Д).

2888. **Аракчеева** графа письмо къ Г. И. Лисаневичу (1817—1820) съ предисловіемъ В. Я. 1884. 12, 673—692.

2889. **Арсенія** Митрополита Кіевскаго письма къ прот. Лебединцеву съ примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго. 1900, 10, 123—162.

2890. **Багалѣй Д. И.** Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву 1891, 6, 469—475.

2891. **Багалѣй Д. И.** Письма къ Гр. П. Данилевскому. 1903, 1, 51—69: 2, 218—244: 3, 378—394· 4, 55—78: 5, 286—301.

2892. **Бадровъ А**. Письмо гр. Кирилла Разумовскаго къ матери 1893, 11, 334—335. (Д).

2893. **Б—ій Д**. Письмо М. С. Щепкина къ Д. П. Гавриленку. (1837 г), 1902, 12, 142—144. (Д).

2894. **Бодянскаго и Кулиша** къ Г. П. Галагану два письма 1903, 2, 77—78. (Д).

2895. **Блудовой** Антонины Дмитріевны, графини, письма къ прот. Петру Гавриловичу Лебединцеву. 1902, 1, 73—102.

2896. **Булгарина Ѳ.** письмо о Гоголѣ. 1893, 5, 321—322. (Д).

2897. **Бѣдновъ В**. Письмо Полтавскаго Полковника Андрея Горленка къ Кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому. 1906, 3—4, 72. (Д).

2898. **Бѣдновъ В.** Письмо генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея къ митрополиту Кіевскому. 1906, 3—4, 72—73. (Д).

2899. **В. Г.** Письмо Ив. Носа къ Прилуцкому Полковнику Д. Горленку о свадьбѣ его сына. 1892, 1, 136—138. (Д).

2900. **В. Н.** Письмо Ив. Танскаго къ В. А. Гоголю. 1897, 10. 13—16. (Д).

2901. **В. Н**. Письмо Ивана Вагилевича къ сенатору А. Я. Стороженку. 1898, 1, 7—8. (Д).

2901. **В. Н.** Письмо В. В. Порскалова къ Н. В. Шугурову. 1902, 9, 114, —115. (Д).

1903. **Воронинъ А**. Письмо А. Ф. Воронина къ Г. П. Галагану. 1904, 3, 108—109. (Д).

2904. **Галаганъ Г. П.** Два письма 1859 г. (къ исторіи освобожденія крестьянъ) 1895, 9, 68—70. (Д).

2905. **Галагана Г. П**. письма къ Н. Д. Бѣлозерскому 1898, 9, 61—62. (Д).

2906. **Галагана Г. П.** частная переписка. Письма Ригельмана, Метлинскаго, Бодянскаго, Кулища 1899, 5, 181—198; 6, 440—454: 7, 24—32 9. 341—355.

2907. **Галагана Г. П**. письмо о малороссійскомъ будынкѣ въ с. Лебединцѣ, Прилукскаго уѣзда. 1904, 7—8, 1—7. (Д).

2908. **Ганки В**. письмо къ министру нар. просв. гр. Уварову. 1892. 2, 333—339. (Д).

2909. **Гладкаго Осипа**. Кошевого письмо къ А. А. Скальковскому. 1883, 4, 902—903.

2910. **Гоголь М. И**. Письма къ Кулишу и Д. С. Каменецкому 1897, 12, 67—69. (Д).

2911. **Голомбіевскій А.** Письмо Мазепы къ окольничему Л. Р. Неплюеву. (1689 г.). 1892, 5, 297—298. (Д).

2912. **Горленко В.** Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка (письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и замѣтки къ нимъ). 1893, 1, 41—76.

2913. **Грабянки** Евдокіи Ивановны, жены Гадяцкаго полковника Григорія, письмо къ брату свеему Ивану Забѣлѣ. 1894, 4, 158—159. (Д).

2914. **Гребенки Е. П.** письма къ роднымъ. 1898, 12, 425—446.

2915. **Григоровича** Вас. Ив. письмо, 1824 г. 1899, 6, 133—137. (Д).

2916. **Деллена А. К.** письмо къ П. В. Павлову. 1897. 12, 71—74. (Д).

2917. **Доманицкій**. Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проэктѣ общества для изданія мало-

русскихъ народныхъ книгъ. 1901, 2. 68—72. (Д).

2918. **Дорошенко П.** Два письма историка Н. А. Маркевича о своемъ родоначальникѣ Маркѣ Авраамовичѣ. 1885, 12, 690—698.

2919. **Завадовскаго П. В.** графа три письма, 1775 и 1776 г. г. 1890, 9, 491—494.

2920. **Завадовскаго П. В.** графа письмо къ Л. Алексѣеву, кавказскому губернатору. 1892, 6, 455—456. (Д).

2921. **Иванишева Н. Д.** проф. письмо барону Шодуару. 1898, 11. 56—57. (Д).

2922. **Иконниковъ В.** Письмо С. А. Неплюева къ новобрачной дочери. 1888, 1—3, 21—25.

2923. **Имшанецкаго М.** письмо къ гр. Галагану, 1864 г. (одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства). 1901, 11, 78—80 (Д).

2924. **Иннокентія** письма 1820—1825 г. г, (матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи). Съ предисл. Л. В. 1882, 3, 499—519.

2925. **І. Г.** Къ біографіи Андрея Николаевича Муравьева и письма его къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1901, 10, 1—17.

2926. **І. Г.** Письма Н. В. Закревскаго къ протоіерею П. Г. Лебединцеву. 1902, 7—8, 77—94.

2927. **Квитки Г. Ф.** три письма къ М. А. Максимовичу. 1883, 6, 346—352.

2928. **Квитки** письма къ А. А. Краевскому. 1893, 11, 214—222; 12, 376—384.

2929. **Костомарова Н. И.** записка къ Д. Г. Лебединцеву, 1904, 9, 90—91. (Д).

2980. **Костомарова** письма къ В. М. и Н. М. Бѣлозерскимъ. 1897, 10, 132—142.

2931. **Кулиша П. А.** письма къ В. Тарновскому (1855—1858). 1898, 4, 107—131; 12, 353—366.

2932. **Кулиша** письма къ Д. С. Каменецкому (1857—65). 1898, 5, 222—244, 6, 366—394; 7—8, 132—144; 12, 345—362.

2933. **Кулиша** письма къ И. Ф. Хильчевскому (1858—1876). 1898, 1 84—149.

2934. **Кулиша** переписка съ Владиміромъ Барвинскимъ (1871 г.) 1898, 10, 83—117.

2935. **Кулиша П. А.** письма къ Шевченку. 1898, 2, 228—239.

2936. **Кулиша П. А.** письма къ О. М. Бодянскому. 1846—1877). 1898, 2, 283—313.

2837. **Кулиша П. А.** письма къ В. В. Тарновскому—сыну. 1899, 1, 81—100.

2938. **Кулиша П. А.** письмо къ М. А- Максимовичу. 1899, 7, 6—8. (Д).

2939. **Кулиша П. А.** изъ писемъ къ С. Д. Носу. 1899, 4. 8—31.

2940. **Кулиша П. А.** письмо въ Буковину. 1861 г. 1899, 4, 3—4. (Д).

2941. **Кулиша П. А.** письма къ М. В. Юзефовичу. 1899, 2, 185—208; 3, 303—324.

2942. **Кулиша П. А.** письмо къ М. Грибовскому. 1900, 11 71—74. (Д).

2943. **Кулиша П. А.** письма къ А. Ѳ. Кистяковскому. 1902, 2, 298—312; 3, 518—531; 4, 6—24.

2944. **Кулиша П. А. и Л. М.** Жемчужникова письма къ Остапу Вересаю, съ пред. О. Пчилки. 1904, 2, 211—228.

2945. **К—шъ В.** Письмо О. М. Бодянскаго къ А. В. Шишацкому—Илличу. 1887, 4, 782—784.

2946. **Лазаревскій А.** Письмо Н. И. Костомарова. 1891, 9, 478—479.

2947. **Лазаревскаго А.** и прот. П. Г. Лебединцева два письма къ Костомарову. 1903, 5, 85—88. (Д).

2948. **Лебединцева** Арсенія, протоіерея, бывшаго благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, письма къ Иннокентію, архіеп. Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій во время осады Севастополя. 1896, 1, 1—9; 2, 152—176; 3, 263—288; 4, 1—37; 5, 146—175; 6, 279—306; 7—8, 30—63.

2949. **Лебединцева Ѳ. Г.** Письма къ брату въ Кіевъ (1865—1867). 1898, 3, 318—365; 4, 51—86; 5, 169—190.

2950. **Лебединцева** Петра Гавріиловича изъ переписки съ митрополитомъ Кіевскимъ Платономъ. 1902, 10, 17—33.

2951. **Левандовскій І.** Четыре письма Евгенія, митрополита Кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору Кіевской Академіи. 1883, 6, 310—316.

2952. **Левандовскій І.** Четыре письма митрополита Кіевскаго Евгенія къ ректору Кіевской Академіи, архимандриту Мелетію. 1884, 2, 297—304.

2953. **Левицкій Ор.** Письмо Петра I о Полтавской побѣдѣ. 1891, 1, 162—164.

2954. **Лизогуба А. И.** письма къ Г. П. Галагану. (1853). 1899, 3, 131—133. (Д);

2955. **Лукашевичъ П.** Письмо Лукашевича къ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову. 1893, 3, 539—546. (Д).

2956. **Митрополита** Кіевскаго Варлаама Ясинскаго письмо къ Петру I о переяславскомъ епископствѣ. 1904, 5, 53—55. (Д).

2957. **Мазепы** гетмана два письма къ Гадячскому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно въ декабрѣ 1705 г. 1901, 4, 10—11. (Д).

2958. **Максимовича М. А.** письма къ С. П. Шевыреву. 1896, 9, 275—294.

2959. **Максимовича М. А.** Письмо къ NN. 1898, 11, 44—45. (Д).

2960. **Максимовича М. А.** письмо 1854 г. 1899, 2, 84—85. (Д).

2961. **Маркевича Н. А.** письмо къ Г. П. Галагану 1857 г. 1899, 2, 78—80. (Д).

2962. **Марковича Ал.** письма по поводу. 1899, 4, 28—30. (Д).

2963. **Марковича А. В.** письмо къ Д. С. Каменецкому. (1858). 1899, 4, 14—16. (Д).

2964. **Марковича А. В.** два письма къ Т. Шевченку и П. Кулишу. 1899, 5, 68—71. (Д).

2965. **Мартоса** Ивана Романовича частная переписка (1817—1830). 1896, 6, 344—368; 10, 77—92; 11, 225—233; 1897, 7—8, 53—71; 1898. 6, 453—472; 7—8, 116—131.

2966. **Мацкевичъ** Александръ, протоіерей. Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ смерти митрополита Іосифа Симашко. 1884, 6, 332—340.

2967. **Мацѣевичъ.** Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ А. Левшину. 1892, 10, 123—124 (Д).

2968. **Милорадовича А. М.** письмо къ Н. М. Стороженку. 1888, 1—3, 16—19.

2969. **Михайлова** Якова Евдокимо-

вича (впослѣдствіи Іустина, епископа Владимірскаго письма къ Александру Иван. Бѣлюгову, 1823—27. (матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи). 1882, 7, 106—136.

2970. **Науменко В.** Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ (1864—1873). 1904, 9, 378—413; 10, 125—147; 11, 260—295; 12, 454—505.

2971. **Н. М.** Изъ семейныхъ архивовъ (изъ писемъ кн. Лобанова Ростовскаго и кн. Репнина, 1811—1819). 1893, 7, 90—99.

2972. **Н. М.** Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита Литовскаго, къ своему брату, 24 февраля 1821 г. 1897, 1, 11—12 (Д).

2973. **Н. М.** Благодарственное письмо кн. А. Меньшикова Кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ Полтавской побѣдой. 1897, 5, 61—63. (Д).

2974. **О. Л.** Письмо гетмана Скоропадскаго къ митрополиту Іосифу Кроковскому въ 1712 г. 1904, 11, 51—52. (Д).

2975. **О. Л.** Письма Өеофана Прокоповича къ Кіево—Печ. архимандриту Іоанникію Сенютовичу. 1899, 11, 65—66. (Д).

2976. **Орловскій П.** протоіерей. Переписка атамана П. Калнышевскаго съ кіевскимъ митроп. Арсеніемъ Могилянскимъ. 1893, 7, 139—142. (Д).

2977. **Перетцъ В.** Письмо гетмана Ив. Выговскаго къ Кая—бею 1659 г. 1905, 6: 232—234. (Д).

2978. **Перетцъ В.** Списокъ с перенятаго писма вора Мазепы. 1905, 6, 234. (Д).

2979. **Петлюра С.** З переписки Хведора Квітки з Антоном Головатим. 1907, 7—8, 186—201.

2980. **Петровъ Н.** Письмо господина Искры графу Платону Александровичу Зубову 17 февраля 1794 г. 1893, 1, 172—173; 2, 380. (Д).

2981 **Петровъ Н.** Интимная переписка Өеофана Прокоповича съ Якововъ Маркевичемъ. 1882, 6, 498—508.

2982. **Письмо** 1781 г. Глуховскаго адвоката изъ Петербурга о тамошней жизни. 1890, 2, 337—338.

2983. **Письмо** 1801 г. изъ Чернигова о тамошнихъ новостяхъ. 1890, 3, 539—540.

2984. **Погодина М. П.** письмо къ М. А. Максимовичу. 1904, 9, 71—77 (Д).

2985. **Полетики Г. А.** Частная переписка (1750—1784). Съ предисл. Ал. Лазаревскаго. 1893, 3, 493—527; 4, 98—119; 5, 209—227; 6. 491—506; 10, 112—113; 11, 248—316; 1894, 4, 128—145; 6, 498—513; 10 111—135; 1895, 5, 239—262; 6, 350—366: 7—8, 85—99.

2986. **Пономаревъ С.** Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому (1833—1834). 1883, 3, 623—629.

2987. **Пономаревъ С.** Письма С. Т. Аксакова къ Максимовичу. 1883, 4, 829—852.

2988. **Прозоровскаго,** князя, письмо къ Л. Алексѣеву (къ исторіи заселенія Новороссіи). 1892, 6, 455. (Д).

2989. **Рамазанова Н.,** художника, письмо къ Кукольнику. 1903, 9, 104—105. (Д).

2990. **Ригельмана Н. А.** два письма къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. 1897, 1, 1—4. (Д).

2991. **Румянцева П. А.** графа переписка о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г. 1882, 9, 523—552; 10 89—119; 1883, 9—10.. 254—286.

2992. **Румянцева П. А.** письмо къ Г. Я. Макарову. 1901, 10, 9—10 (Д).

2993. **Румянцева-Задунайскаго** графа, два письма къ кіевскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову. 1904, 1, 4. (Д).

2994. **Сахновской** Евдокіи, жены полкового обознаго, четыре письма къ мужу (1743—1744). Съ предисл. А. Б. 1891, 1, 177—183.

2995. **С—кій В.** Письма А. А. Краевскаго къ Г. Д. Квиткѣ. 1894, 5, 350—353. (Д).

2996. **С—ко Н. В.** Два письма Богдана Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, гетману Литовскому, 1885, 1, 196—198.

2997. **С—ко.** Письмо Августа II, короля Польскаго, къ Семену Палію 1885, 10, 360—361

2998. **Срезневскаго И. И.** изъ переписки (1829—1839), 1901, 6, 317—343; 7—8, 210—248,

2999. **Степовичъ А.** Два письма П. А. Антоновича къ Г. П. Галагану 1904, 6, 109—114. (Д).

3000. **Степовичъ А.** Письмо П. А. Кулиша къ Г. П. Галагану. 1902, 1, 4—6· (Д).

3001. **Сторожевъ В.** Двѣ отписки миргородскаго полковника Гавріила Бѣлаша. 1982, 5, 294—296. (Д).

3002. **Стороженка** Алексѣя Петровича, письмо къ А. А. Краевскому. 1893, 6, 319. (Д).

3003. **Стороженко Н. В.** Письмо графа Румянцева—Задунайскаго къ генералъ—прокурору князю А. А. Вяземскому о награжденіи малороссіянъ чинами. 1891, 1. 176—177.

3004. **Стороженко Н.** Письмо П. Лукашевича къ князю Н. Репнину 1893, 5, 320—321. (Д).

3005. **Стороженка Н. И.** одно изъ послѣднихъ писемъ, 1908, 2, 21—22. (Д).

3006. **Страшкевичъ В.** Письмо графини Александры Браницкой министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія А. Голицыну съ ходатайствомъ о базиліянахъ. 1905, 1, 11—12. (Д.)

3007. **Титовъ А.** Письма Кулиша къ О. М. Бодянскому (1846—1847). 1897, 9, 394—408; 10, 27—45; 11, 242—280; 12, 449—462.

3008. **Трощинскаго Д.** четыре письма къ князю Я. И. Лобанову-Ростовскому, 1886, 12, 709—716.

3009. **Хмельницкаго Богдана** сосѣственно пріятельское письмо къ царю Алексѣю Михайловичу. 1884, 11, 541—542.

3010. **Холодовича** воронежскаго сотника, письмо къ намѣстнику черниговской „катедры", Саввѣ Шпаковскому, 1721.

3011. **Чепы А. И.** письмо къ В. Полетикѣ. 1901, 10, 8—9. (Д).

3012. **Щербацкаго** Тимофея, арх. Кіево-Печ. лавры письмо къ митроп, Кіевскому Рафаилу Заборовскому. 1896, 7—8, 24—25. (Д).

3013, **Юркевича П. Д.** письмо къ прот. П, И. Катранову. 1891, 11, 304—307.

3014. **Ястребовъ В. Н.** Письмо къ другу отъ офицера, находящагося въ Кіевѣ. 1885, 11, 543—551.

3015. **Ѳаворова Наз. Ант.,** протоіерея, проф. Университета Св. Владиміра, письма къ прот. П. Г. Лебединцеву, 1901, 11, 169—190; 12. 346—374.

В) ВОСПОМИНАНІЯ.

3016. **А. Л.** Памяти А. В. Марковича. 1892, 9, 405—409.

3017. **А. Л.** Къ поминкамъ по Сковородѣ. 1894. 11. 296—297. (Д).

3018. **А. Л.** Памяти Н. М. Бѣлозерскаго. 1897, 1, 146—150.

3019. **А. Л.** Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній (1861—1863) 1901, 3, 352—367; 5, 282—300.

3020. **Барв—вскій Н. Я.** Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ, 1884, 3, 498—505.

3021. **Беренштамъ. В.** Воспоминаніе о послѣднихъ годахъ жизни Н. И. Костомарова 1885, 6. 219—237.

3022. **Бодянскаго О. М.** двадцатицятилѣтіе со дня смерти 1902, 9, 408—410.

3023. **Борзаковскій П.** Въ началѣ реформы бурсы (изъ воспоминаній 1903, 9. 327—357.

3024. **Борзаковскій.** Въ бурсѣ-семинаріи (изъ воспоминаній). 1903, 7—8, 173—220.

3025, **Бѣловольскій свящ.** Дѣятель старой бурсы. 1904, 7—8. 161—175.

3026. **Вашкевичъ Г.** Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ 1895, 4, 34—62.

3027. **Веселовскій Алексѣй** Воспоминанія о А. А. Котляревскомъ, 1888, 9, 395—414,

3028. **Волкъ-Карачевскій.** Сорокъ лѣтъ назадъ (изъ воспоминаній мироваго посредника перваго призыва 1901, 4, 26—41.

3029. **Воспоминанія** о покойномъ А. А. Потебнѣ. 1892, 2, 324—331. (Д).

3030. **Горленко В.** Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ. 1886, 1. 111—123.

3031. **Григоровичъ-Барскій** В. Г. (150 лѣтіе смерти) 1897, 10, 4—6. (Д).

√3032. **Д. К. М.** Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ (письмо въ редакцію 1891. 7, 75—84.

3033, **Дорошенко Д. П.** Куліш (10 років зо дня смерти). 1907. 2. 238—249.

3034. **Ефремовъ С.** Памяти Лесевича. 1905. 11—12, 350—358.

3935. **Ильяшевичъ Вик.** свящ. Изъ воспоминаній священника о. Никофора Хмѣлевскаго объ упраздненномъ Базиліанскомъ училищѣ въ г. Умани 1892. 8, 160—167.

3036. **Каманинъ И.** Памяти Ивана Петровича Новицкаго 1890. 9, 486—491.

3037. **Каманинъ И.** Открытое письмо К. В. Богуславскому 1901, 9. 94—95. (Д).

3038. **Каманинъ И.** Поминки по А. А. Востоковѣ. 1892, 2, 307—311.

3039. **Кирицъ Н.** Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Сдободзеѣ Тираспольскаго уѣзда. 1890, 2, 346—347.

√ 3040. **Кистяковскій О. Өедоръ.** Воспоминанія (1808—185 г.) 1895, 1, 44—63; 2, 218—233; 4, 114—130; 7—8, 185—210; 9, 346—366; 10, 113—118; 11, 244—258; 12, 380—396.

3041. **Клебановскій П.** Богуславско-Духовное училище (по школьнымъ воспоминаніямъ). 1894, 9, 415—433; 10, 25—37; 11, 271—278.

3042. **Кониcкій.** Изъ воспоминаній стараго Полтавца. 1900. 3, 149—152 (Д).

3043. **Костомаровъ Н.** Изъ прожитыхъ на Волыни дней. 1884, 2. 325—332.

3044. **Красновъ В.** Могила гетмана Дорошенко (изъ дѣтскихъ воспоминаній). 1900, 7—8, 5—10. (Д).

3045. **Кулиша.** Памяти. 1900, 3, 155. (Д).

3046. **Куракина** Бориса Ивановича князя, семейная хроника и воспоминанія (род. 1676—ум. 1727). 1884, 6, 104—129: 11, 478—498: 12, 621—638.

3047. **Л.** Изъ воспоминаній о быломъ (со словъ разсказчика). 1889, 8, 527 –531.

3048. **Л. Б.** Похороны А. М. Лазаревскаго. (впечатлѣнія очевидца) 1902, 5, XX XXVIII.

3049. **Лазаревскій А.** По поводу воста лѣтъ отъ смерти гр. Румянцова 1896. 12, 374—394.

3050. **Лазаревскій А.** Изъ семейной хроники Берловъ. 1899, 1. 101—133.

3051. **Леси и Гали,** воспоминанія дѣтства о цядѣ П. А. Кулишѣ. 1905, 2, 342—348,

3052. **Лобода Ѳ.** Изъ воспоминаній о Н. Д. Иванишевѣ. 1887. 12, 788—794.

3053. **Лободовскій М.** Три дня на хуторѣ у Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны (Г. Барвинокъ) Кулишъ. 1897, 4, 162—176.

3054. **Лотоцкій А.** Памяти протоіерея В. Я. Гречулевича (по поводу 30-я со дня смерти) 1900, 6. 279—287.

3055. **Марковичъ Дм.** Замѣтки и воспоминанія объ Аѳанасіи Васильевичѣ Марковичѣ. 1893, 4, 50—77.

3056. **Маркевичъ.** Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. 1889, 7, 280—285.

3057. **Мои** воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября 1892 г. Исидорѣ, Митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ 1892, 10, 127—130. (Д).

3058. **Морозъ Д.** Изъ моего давнопрошедшаго. 1895, 5, 131—154; 6, 301—322.

3059. **Науменко В.** Навроцкій Александръ Александровичъ (по поводу 10-лѣтія со дня смерти, съ 5 стихотвореніями). 1902, 10, 157—169.

3060. **Науменко В.** Памяти В. Л. Беренштамъ. 1906, 2, 257—267.

3061. **Недоборовскій Зосимъ.** Мои воспоминанія. 1893, 2, 179—200.

3062. **Недоборовскій Зосимъ.** Нѣсколько страничекъ изъ моихъ воспоминаній. 1894, 7, 46—60.

3063. **Нищенскаго П. И.** Памяти. 1901, 4, 28—29. (Д.).

3064. **Номисъ М.** Нѣсколько замѣтомъ къ автобіографической запискѣ И. И. Сердюкова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1896 г. 1897, 4, 157—162.

3065. **Носъ-фонъ Ст.** Украинскій Соломонъ (Его кейфъ и судъ, по фамильнымъ воспоминаніямъ). 1883, 7, 492—505.

3066. **Носъ Степанъ.** Страничка изъ моихъ воспоминаній о (Салтановскомъ). 1893, 6, 509—513. (Д.).

3067. **Н. М.** Памяти Н. И. Гулака. 1900, 2, 261—272.

3068. **Н. С.** Памяти Кн. В. Н. Репниной. 1892, 2, 311—313.

3069. **Н. Ш.** Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики. 1895, 5, 214—238.

3070. **О. Л.** Панъ Презесъ (изъ воспоминаній подольскаго шляхтича). 1898, 10, 118—135.

3071. **Павловъ Пр.** свящ. Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи. 1884, 9, 168—172.

3072. **Пирожковъ Н.** д-ръ мед. Воспоминанія объ Анатоліи архіепископѣ Могилевскомъ и Мстиславскомъ. 1883, 7, 573—578.

3073. **П—нъ Ф.** Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ. 1885, 1, 200—205.

3074. **Подорожный Н.** Изъ памятной книжки (воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ). 1895, 4, 20—33.

3075. **Познанскій Б.** Воспоминанія о польскомъ возстаніи въ Украйнѣ 1863 г. 1885, 11, 436—465; 12, 571—611.

3076. **Познанскій Борисъ.** Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. 1889, 11, 225—256.

3077. **Познанскій Б.** Картины моего прошлаго. 1892, 2, 278—294; 4, 89—104.

3078. **Пономаревъ С.** Памяти Мих. Мих. Левченка. 1902, 2, 77—81. (Д.).

3079. **П—скій Борисъ.** Воспоминаніе изъ недалекаго прошлаго (о школѣ и грамотности въ Кіевской губерніи) 1885, 2, 241—267.

3080. **Пулевичъ Н. А.** Воспоминанія объ Африканѣ Александровичѣ Шпирѣ, философѣ, урож. Херсон. губ. 1895, 7- 8, 50—66.

3081. **Радецкій В.** свящ. Кіевская духовная семинарія въ первой половинѣ XIX ст. (воспоминанія) 1097, 10, 96—115; 11—12, 181—221.

3082. **Самчевскаго Іосифа** воспоминанія 1800—1886 г. 1893, 10, 1—28; 11, 185—213; 12, 353—375; 1894, 1, 21—51; 2, 267—281; 4, 74—90; 5, 214—235; 6, 414—438; 7, 61—78; 8, 133—151; 9, 326—353.

3083. **Сембратовича Романа** (украинскаго дѣятеля) памяти 1906, 1, 13—15. (Д.).

3084. **Семенцовъ Р.** Воспоминанія—картинки изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. 1894, 8, 255—267.

3085. **Сикорскій Василій Пр.** Изъ воспоминаній потерпѣвшаго во время крестьянскихъ волненій 1855. 1882, 4, 85—105.

3086. **Симоновъ М.** (номисъ). Нѣсколько словъ къ воспоминяніямъ объ А. В. Марковичѣ. 1893, 9, 450—451. (Д.).

3087. **С—ко.** Изъ фамильныхъ преданій. 1885, 4, 782—783.

3088. **Случай** съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи, въ Лебединѣ. 1897, 1, 4—7. (Д.).

3089. **Сокальскій Н. П.** Въ неволѣ у англичанъ. (1859). 1904, 3, 415—451.

3090. **Сокольскій П.** Изъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ конца 40-хъ годовъ. 1906, 2—6, 63—71.

3091. **Соколовъ Н. И.** Одесскій протоіерей. Воспоминанія и автобіографія его. 1906, 1, 36—63; 2, 213—230; 3—4, 275—298; 5—6, 43—62; 7—8, 406—435; 9, 124—136; 10, 155—197; 11—12, 565—588.

3092. **Сорокинъ Г. И.,** священникъ Учитель дружище (школьныя воспоминанія) 1902, 5, 208—229.

3093. **Старицкаго М. П.** воспоминанія (къ біографіи Лысенка) 1903, 12, 441—482.

3094. **Стороженко.** На могилѣ Е. П. Гребенки. 1900, 7—8, 10—11. (Д.).

3095. **Стороженко Н. И.** (по поводу 30-тилѣтія его профессорской дѣятельности) 1901, 12, 478—484.

1096. **Судьенка М. О.** памяти 1901, 9, 83—85. (Д.).

3097. **Сумцовъ Н. Ф.** Памяти Манжуры. 1893. 10, 80—90.

3098. **Уманецъ Ѳ.** Къ воспоминаніямъ Іосифа Самчевскаго. 1894, 12, 491—492. (Д.).

3099. **Г.** Воспоминанія Подольскаго Старожила о временахъ крѣпостного права. 1898, 2, 47—51. (Д.),

3100. **Чалаго М. К.** Воспоминанія, 1889, 1, 1—40; 2, 388—402; 3, 613—644; 4, 74—91· 5—6, 295—331, 7: 149—187; 8, 436—467; 9, 709—726, 10, 121—142; 11, 257—280; 12, 495—545. 1894, 5, 277—307; 6, 462—495. 7, 1—9; 8, 176—186; 9, 396—414; 10; 1—19; 11, 190—206; 12, 333—348.

3101. **Чалый М.** Юные годы П. А. Кулиша. 1897, 5, 291—299.

3102. **Ш—въ Н.** Къ воспоминаніямъ объ Аф. Вас. Марковичѣ. 1893, 5, 263—271.

3103. **Шугуровъ Н.** Воспоминанія Егора Ѳедоровича Тимковскаго. 1894, 3, 359—381; 4, 1—25.

3104. **Ю. Г.** Изъ воспоминаній о духовной школѣ 70-хъ годовъ. 1902, 11, 187—222.

3105. **Юнге Екатерина.** Воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ. 1890, 1, 22—34.

3106. **Ѳ—лъ Іер.** Изъ воспоминаній священника К—ской пустыни. 1887, 12, 717—760.

Г) ЗАПИСКИ, ЗАМѢТКИ И ДНЕВНИКИ.

3107. **А. Л.** Дневникъ гетманича Апостола. 1894, 11, 300—303, (Д).

3108. **А. Л.** Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго 1895, 11, 210—243.

3109. **А. Л.** Дневникъ Я. И. Костенецкаго. 1899, 6, 137—140. (Д).

3110. **Апостола** Петра Даниловича (сына гетмана) дневникъ (май 1725—май 1727) (съ предисл. А. Л. 1895. 6—8- 100—155,

3111. **А. Ш.** Изъ воспоминаній о П. П. Гулакъ-Артемовскомъ. 1889, 2, 499—503.

3112. **Боренштамъ В.** Изъ школьныхъ лѣтъ А. С. Лашкевича. 1899, 11, 249—289.

3113. **В. А.** Записки Карла Хоецкаго (1768—1776). 1883, 1, 145—160 3, 630—646; 11, 433—451; 12, 593—608.

3114. **Василенко.** Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго 1891, 1, 120—129; 3, 526—532; 4, 148—153; 1891, 10, 129—139.

3115. **Галагана Г. П.** отрывокъ изъ дневника 1845 г. 1899, 11, 228—242.

3116. **Галагана Г. П.** отрывки изъ дневника. 1902, 3, 156—158. (Д.),

3117. **Г-ко В.** Воспоминанія г-жи Смирновой о. Н. В. Гоголѣ. 1886, 2, 381—387.

3118. **Евлашевскаго Ѳедора,** Новгородскаго подсудка, дневникъ (1564—1604). Съ предисловіемъ В. Антоновича. 1886, 1, 124—160.

3119. **Кибальчикъ Над.** Въ двухъ пансіонахъ. 1892, 6, 323—350.

3120. **К—чъ С.** Дмитрія Ростовскаго Свят. Мнимо-найденный дневникъ (по поводу газетныхъ извѣстій). 1882, 9, 571—575.

3121. **Максимовича М. А.** мысли о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г. 1898, 5, 45—46. (Д).

3122, **Марковича Якова,** генеральнаго подскарбія дневникъ, (1717—1767). Въ приложеніи за 1891, 1892, 1893. 1894, 1895 и 1896 г. г.

3123. **Мемуары,** касающіеся исторіи юга Россіи съ предисл. В. Б. Антоновича 1889, 5, 6. 8, 9. II. (приложеніе),

3124. **М. Н**. Отъ Случи до Буга Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго (съ Польскаго) 1990, 5, 342—363.

3125. **Н. Г.** Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго 1869, 11, 158—180.

3126. **Освѣцима Станислава** дневникъ (въ извлеченіи и переводѣ) съ предисловіемъ Б. А., (1643—1651). 1882, 1, 125—151; 2, 366—385; 5, 257—275, 6, 433—450; 9, 503—522; 11. 328—348; 12, 538—556.

3127. **Острожскаго-Лохвицкаго И. Ѳ**. ново-оскольскаго дворянина, записки (съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича) (1771—1846). 1886, 2, 350—370; 3, 361—369; 4, 729—762, 5, 130—145, 10, 330—368; 11, 472—499, 12. 627—663.

3128. **Отрывокъ** изъ дневника Полтавскаго помѣщика. (1834—1835). 1893 6, 398—427.

3129. **Писаревъ С**. Путевыя замѣтки отъ Смоленска до Кіева. 1887, 3, 537—244.

3130. **Рощаховскаго К. А.** Мемуары времени освобожденія крестьянъ. 1887, 6—7, 396—450.

3131. **Рѣгорь Фр**. Изъ Львова въ Коломыю (изъ путевыхъ записокъ) 1887, 1, 10—31,

3132. **Рѣгорь Фр.** Изъ Коломыи въ Косовъ (изъ путевыхъ записокъ) 1896, 9, 295—310.

3133. **Савченко И.** Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного 1899, 9, 57—59. (Д).

3134. **Сбитнева Ивана Матвѣевича** записки (изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г. русскихъ школъ въ замѣнъ польскихъ) 1884, 2, 285—312; 3, 439—468; 4. 649—666; 5, 52—72.

3135. **Селецкаго** Петра Дмитріевича записки. 1884, 2, 247—296; 3, 443—464: 4, 609—643; 5, 77—86; 6, 239—266: 7, 485—504; 8, 609—626: 9, 82—103.

3136. **Солтановскаго** Автонома Акимовича, отрывки изъ записокъ 1892, 4, 71—[illegible]. 5, 231—248: 6, 420—437; 7, 95—108: 8, 199—216: 8, 389—404 11, 232—246; 12, 409—425; 1893, 3, 470—484; 4, 120—133, 5, 292—307: 7, 100—125: 9, 401—417; 11, 262—279; 12, 385—407; 1894, 1, 34—92 3. 459—479.

3137. **Стороженка А. Я.,** сенатора, изъ записокъ. Военное поселеніе кавалеріи въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. 1884, 11, 447—477.

3138. **Сулимы Акима** Семеновича, генеральнаго судьи, записки. 1885, 1, 135—142.

3139. **Тиверцевъ** По Днѣстру (путевые замѣтки) 1899. 1, 13—20.

3140. **Ханенка** Николая, генеральнаго хорунжаго, дневникъ 1727—1753 г. Съ предисл. А, Лазаревскаго. Въ приложеніи 1884. 3—6, 8—11; 1885, 3—4, 6—7, 9—12; 1886, 1, 4—5, 7—12,

3141. **Ханенка** Николая дневникъ (съ предисл. А. Титова) 1896, 7—8. 151—196.

3142. **Чайковскаго** Михаила (Садыкъ Паши) записки 1891, 1, 40—72 2, 255—268: 7, 463—477: 4, 117—130: 6. 273—287: 6, 446—457: 7, 85—96: 8, 195—211: 9, 466—477: 10, 98—107: 11, 276—291: 12. 430—449: 1892, 8, 246—258: 10, 104—117.

3143. **Щербина В.** Записки Андрея Петровича Рудыковскаго. 1892, 4, 1—21.

3144. **Щербина В.** Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго. 1892, 5, 193—224; 6 363—398; 7, 55—84.

3145. **Ярославскаго В. И.** Записки. 1887, 9, 109—152; 10, 289—330; 11, 506—528.

Д) РѢЧИ.

3146. **Бибикова Д. Г.** рѣчь къ дворянству Юго-западнаго края. 1882, 6, 530—545.

3147. **В. Ю.** Рѣчь князя Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. 1890, 7, 117—123.

3148. **Капниста В. В.,** автора „Ябеды". рѣчь въ Полтавскомъ дворянскомъ собраніи. 1886, 12, 717—722.

3149. **Лашкевичъ А. С.** Рѣчь малороссійскаго генералъ-Губернатора кн. Н. Гр. Репнина къ дворянству Черниговской и Полтавской губерніи. 1887, 1. 172—177.

3150. **Максимовича М. А.** рѣчь надъ гробомъ генералъ фельдмершала князя Сакена. 1887, 10, 331—335.

3151. **Репнина Н. Г.,** малороссійскаго военнаго губернатора, рѣчь, произнесенная при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября 1823 г. 1890, 5, 373—375.

3152. **Рѣчь** „о поправленіи состоянія" Малороссіи. 1882, 10, 119—125.

Е) НЕКРОЛОГИ.

3153. **Александровъ** Владиміръ Степановичъ. В. Н—ко. 1894, 2, 311—313.

3154. **Андріевскій** Алексѣй Александровичъ. Каманинъ И. 1902, 9, 413—433.

3155. **Артемовскій - Гулакъ К. П.** Ше—хинъ С. 1903, 7—8, 28—29. (Д.).

3156. **Беренштамъ В. Л.** 1904, 12, 686—695.

3157. **Бершадскій С. А.** 1896, 5, 268—278.

3158. **Борисовъ Е. И.** 1900, 6, 148—149. (Д.).

3159. **Боярская** (Богемская) Е. П. 1900, 6, 154. (Д.).

3160. **Бѣлозерскій Вас. Мих.** 1899, 3, 143. (Д.).

3161. **Васильчиковъ** Александръ Алексѣевичъ. Г. 1890, 7. 134—135.

3162. **Вересай Остапъ.** 1890, 7, 132—134.

3163. **Воробкевичъ Исидоръ.** Мировецъ В. 1903, 11, 88—91. (Д.).

3164. **Врецьона** Григорій. 1901, 12, 176. (Д.).

3165. **Галаганъ Г. П.** 15 авг. 1819 года, 25 сент. 1888 года. Ѳ. Мищенка 1888, 12, 1—22.

3166. **Гатцукъ** Алексѣй Алексѣевичъ. Н—ка В. 1891, 12, 468—469.

3167. **Глѣбовъ** Леонидъ Ивановичъ. Науменка. 1893, 12, 483—487.

3168. **Головацкій** Иванъ Федоровичъ. 1899, 5, 88. (Д.).

3169. **Гордѣенко** Егоръ Степановичъ. 1897, 4, 20—21. (Д.).

3170. **Горленко** Василій Петровичъ. Дорошенка Д. 1907, 5, 214- 217.

3171. **Гулакъ** Николай Ивановичъ. 1899, 10, 17—18. (Д.).

3172. **Гульбенко В. Г.** 1905, 4, 74. (Д,).

3173. **Дабижа** Александръ Васильевичъ, князь. В. Г. 1899, 8, 61—63. (Д.).

3174. **Данилевскій Г. П.** 1891, 1, 184.

3175. **Деркачъ Г. І.** 1900, 9, 100. (Д.).

3176. **Дикаревъ М. А.** 1899, 12, 131. (Д.).

3177. **Долгоруковъ Н. Д.** князь. 1899, 6, 149—151. (Д.).

3178. **Думитрашко** Константинъ Даниловичъ. Ѳ. Лободы. 1886, 5, 188—191.

3179. **Есиповъ** Григорій Васильевичъ. 1899, 5, 89. (Д.).

3180. **Жегота** Паули (этнографъ). А. Л. 1895, 11, 58—60. (Д.).

3181. **Железовскій** Евгеній. 1885, 3, 594—596.

3182. **Житинскій** Людвигъ. В. Антоновичъ. 1900, 6, 147—148. (Д.).

3183. **Загорскій И. А.** 1904, 10, 34—35, (Д.).

3184. **Каминскій Ѳ. И.** 1891, 5, 313—314.

3185. **Карповъ Г. Ѳ.** 1890, 6, 552—553.

3186. **Качала** Стефанъ. К. Х. 1889, 2, 503—506.

3187. **Кистяковскій А. Ѳ.** И. Лучицкаго. 1885, 2, 406—415.

3188. **Киркоръ А. Г.** К. ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи. Н. Янчука. 1887, 6—7, 539 - 555.

3189. **Конисскій** Александръ Яковлевичъ. Матушевскій-Ефремовъ. 1901, 1, 125—130.

3190. **Коперницкій** Исидоръ Станиславовичъ. В. А. 1891, 12, 462—465.

3191. **Корніенко** Василій Онисимовичъ Сьогобочній Гр. 1905, 1, 15—17. (Д.).

3192. **Корсунъ** Александ. Алексѣев. В. П. Науменка. 1891, 12, 450—461.

3193. **Косачъ М. П.** 1903, 11, 84—85. (Д.).

3194. **Коссакъ** Юлій. 1899, 3, 143—145. (Д.).

3195. **Крюковскій** Кобзарь. В. Г. 1885, 8, 740—743.

3196. **Кулишъ П. А.** Номисъ. 1897, 3, 1—2.

3197. **Лагода И. Н.** 1905, 4, 72—74. (Д.).

3198. **Лазаревскій** Александръ Матвѣевичъ. 1902, 5, III—XIX.

3199. **Лашкаревъ** Петръ Александровичъ. 1899, 9, 118. (Д.).

3200. **Лашкевичъ** Александръ Степановичъ. 1889, 12, 485—494.

3201. **Лащенковъ Н. А.** протоіерей. 1896, 11, 48. (Д.).

3202. **Лебединцевъ** Даніилъ Гавриловичъ. 1897, 4, 19—20. (Д.).

3203. **Лебединцевъ** Петръ Гавриловичъ. Науменко В. 1897, 2, 329—344.

3204. **Левицкій** Николай Ѳеодосіевичъ (памяти одного педагога) И. Каманина. 1885, 6. 357—363.

3205. **Ленартовичъ** Ѳеофилъ. Стороженка А. 1893, 4, 165—168. (Д.).

3206. **Леонидъ** Архимандритъ. Н. Сумцова. 1891, 12, 466—467.

3207. **Малышевскій И. И.** 1897, 2, 345—346.

3208. **Маркевичъ А. И.** Ше-хинъ С. 1903, 7—8, 240—244.

3209. **Марковичъ** Марія Александровна (Марко Вовчок) Д. Д. 1907, 7—8, 218—223.

3210. **Мачтетъ** Гр. Алек. 1901, 9, 102—103. (Д.).

3211. **Мизко Н. Д.** П. Ефименка. 1882, 12, 594—598.

3212. **Михневичъ** Іосифъ Григорьевичъ. 1885, 12, 747—765.

3213. **Молчановскій** Никандръ Васильевичъ. 1907, 1, 97—105.

3214. **Нищинскій П. И.** 1896, 4, 126—128.

3215. **Новицкій** Иванъ Петровичъ. 1890, 8, 329.

3216. **Новицкій** Орестъ Марковичъ. 1884, 7, 547—554.

3217. **Огоновскій** Омельянъ, Н—ко. В. 1894, 12, 475—479.

3218. **Опатовичъ С. И.** протоіерей. В. Б. 1892, 6, 438—443.

3219. **Роле** Іосифъ Іосифовичъ В. А. 1894, 2, 305—310.

3220. **Ротарь** Иванъ. 1905, 4, 74. (Д.).

3221. **Рыльскій** Ѳаддей Ростиславовичъ. 1902, 10, 40. (Д.).

3222. **Рыльскій** Ѳадей Розеславовичъ. О. Л. 1902, 11, 335—349.

3223. **Савичъ А. А.** 1902, 9, 119 (Д.).

3224. **Сембратовичъ** Сильвестръ, кардиналъ. 1899, 10, 20, (Д.).

3225. **Семевскій** Михаилъ Ивановичъ. Н. В. 1892, 4, 112—125.

3226, **Сендульскій** отецъ Аполлоній, священникъ села Силокъ, Острожскаго уѣзда. А. Тарновскій. 1882, 10, 166—170.

3227. **Симоновъ М. Т.** (номисъ) В. Н. 1901, 2, 308—311.

3228. **Скальковскій** Аполлонъ Александровичъ. 1899, 2, 85—87. (Д.).

3229. **Ставровскій** Алексѣй Ивановичъ, 1882, 12, 626.

3230. **Старицкій М. П.** (памяти товарища), Пчилка О. 1904, 5, 400—449.

3231. **Стороженко** Ник. Ильичъ. Пчилка Олена. 2906, 2, 241—256.

3232. **Тарновскій** Николай Яковлевичъ. Н. Б. 1898, 12. 82—84. (Д,).

3233. **Тарновскаго** Вас. Вас. памяти. Н. Ш. 1899, 7, 131—133.

3234. **Терновскій** Филиппъ Алексѣевичъ. 1884, 6, 48.

3235. **Тобилевичъ К. А.** 1904, 10, 34. (Д.).

3236. **Тобілевича Івана** памяти (Карпенка-Караго). Петлюра С. 1907, 9, 19—30.

3237. **Трутовскій** Константинъ Александровичъ. Шугуровъ Н. 1893, 4, I—VI.

3238. **Устыяновычъ** Корныло. Мировецъ В. 1903, 11, 85—88. (Д.).

3239. **Ханенко** Александръ Ивановичъ. А. Л. 1895, 9, 367—368.

3240. **Хильчевскій** Иванъ Филипповичъ. 1899, 2, 87. (Д.).

3241. **Чалый М. К.** (посмертна згадка). Д—ко Д. 1907, 3, 394—399.

3242. **Черневъ** Николай Павловичъ. 1899, 11, 116—120. (Д.).

3243. **Чернышевъ Н. Н.** Ѳ. М. 1888, 5, 60—65.

3244. **Шараневичъ** Исидоръ, проф. 1902, 1, 27—28. (Д.).

3245. **Шимановъ** Андрей Львовичъ. 1901, 9, 103—104. (Д.).

3246. **Шугуровъ Н. В.** 1901, 12, 485—490.

3247. **Щоголевъ Я. И.** 1898, 7—8, 29. (Д.).

3248. **Юзефовичъ М. В.** 1889, 7, 29.

3249. **Юзефовичъ М. В.** 1893, 6, 507—508.

3250. **Ястребовъ В. Н.** 1899, 3, 146. (Д.).

3251. **Ястребовъ** Владимиръ Николаевичъ. 1899, 10, 121—126.

3252. **Ѳедотовъ - Чеховскій** Александръ Алексѣевичъ (1806—1892). Каманинъ И. 1892, 11, 279—290.

VII. Портреты, рисунки, статьи и замѣтки о нихъ.

3253. **А. Л.** Безбородкс Андрей Генеральный писарь. р. 1711—1780. (потр. и статья). 1890. 1, 135—140.

3254. **А. Л.** Бороховичъ Михайло, Гадяцкій Полковникъ. 1687—1704. (портр. и статья). 1890, 3, 547—551.

3255. **А. Л.** „Тепловка". Страница изъ исторіи Стараго Батурина (рисунокъ и статья) 1890, 11, 335—343.

3256. **А. Л.** Илляшенко Максимъ Полковникъ Лубенскій (XVII в.) (портретъ и статья). 1891, 1, 186—189.

3257. **А. Л.** Маркевичъ А. В. (портретъ и статья) 1892, 9, 405—409.

3258. **А. Л.** Замѣтки о портретахъ Мазепы (къ рисунку) 1899, 433—462.

3259. **Андреевской** церкви видъ въ 1809 г. 1897, 4.

3260. **Андрієвскій** Алексѣй Александровичъ (къ некрологу) 1902, 9.

3261. **Анна** Ярославна (портретъ и статья) 1884, 7. 555—560.

3162. **А. С.** Мамай (изображеніе зепорожца, 2 рисунка и статья). 1898, 3, 486—492.

3263. **Беренштамъ В. Л.** (портретъ). 1906, 3,

3264. **Б. Н.** Десятинная церковь. (съ рисунками). 1888, 7. 3—8.

3265. **Вожеряновъ И.** Бортнянскій Д. С. (портретъ и статья). 1885, 7, 524—530.

3266. **Борковскій Василій** Генельный обозный (портретъ и статья) 1894, 3, 358, 530—536.

3267. **Бѣляшевскій Н**. Сани въ похоронномъ обрядѣ. (рисунокъ и статья). 1893, 4, 143—148.

3268. **Вишневецкая** княгиня, Раина Могилянка (портретъ и статья), 1887, 11, I—X.

3269. **Г.** Рисунки изъ путешествія Импер. Екатерины II въ южную Россію (статья). 1891, 10, 126—127.

3270. **Гонты** жены (портретъ и статья). 1883, 9—10 т. 327—127.

3271. **Горленко В**. Старинные малороссійскІе портреты. (статья). 1882, 12, 602—606.

3272. **Горленко В**. Перовскій Алексѣй Алексѣевичъ (съ портретомъ) 1888, 4, 109—124. (см. также замѣтку 1890, 11, 336.).

2373. **Греческія** музы въ малорусскомъ изображеніи (рисунокъ и статья). 1884, 4, 709—714.

3274. **Группа** членовъ 3-го археологич. съѣзда въ Кіевѣ 1874 г. 1899, 8.

3275. **Дабижа А. В.** князь. Мазепа —князь и его шляхетскій и княжескій гербы (рисунокъ и статья) 1885, 12, 715—718.

3276. **Дабижа** Александръ кн. Даръ Мазепы Гробу Господнему (рисунокъ и статья) 1893, 11, 317—321.

3277. **Двѣ** таблицы къ статьѣ Бѣляшевскаго о раскопкахъ на княжей горѣ. 1892, 1.

3278. **Добротворскій Н.** Гонта (портретъ и статья) 1895. 4, 1—5.

3279. **Е. К.** Портретъ Костомарова (портретъ и статья) 1895, 4, 1—5.

3280. **Ермиловъ Владиміръ**. Шепкинъ Михаилъ Селяновичъ. какъ артистъ и человѣкъ (портретъ и статья) 1889, 6—6, 548—569.

3281. **Замѣтка** о казацкихъ знаменахъ (къ рисунку). 1890, 10, 163—157.

3282. **Карта** острова Томаковки 1893, 5. (къ статьѣ Падалки, тамъже).

3283. **Картинка** изъ временъ крѣпостного права (рисунокъ и статья) 1899, 4, 152—154.

3284. **Квитки** портретъ. 1863, 8.

3285. **Кисель** Адамъ (портретъ и статья). 1885, 8, 437—750.

3286, **Кистяковскій** (портретъ) 1895, 1.

3287. **Кіевская** Академія и ея студенты (1698—1702) рисунокъ со статьей. 1882, 2, 437—448.

3288 **Козаки** с, Лемешей, Козелецкаго уѣзда. (рисунокъ). 1893, 12. (къ статьѣ Степового тамъ-же).

3289. **Козачки** с. Талаевки Нѣжинскаго уѣзда (рисунокъ) 1893, 5, (къ статьѣ Степового тамъ-же).

3290. **Конисскаго** Георгія портретъ. 1895, 2. 259.

3291. **Константиновичъ М.** Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ (рисунокъ, планъ и статья). 1896, 11, 129--136.

3292. **Кравченко** Михайло, кобзарь (портретъ къ статьѣ о немъ) 1902, 5.

3293. **Кулиша П. А.** домъ въ х. Мотроновкѣ (рис. къ статьѣ). 1899, 8, 356.

3294. **Кулиша П. А.** могила (рис. къ статьѣ). 1899, 9, 361.

3295. **Лазаревскій А.** Старинные малороссійскіе портреты. 1882, 5, 337—342; 11, 173—175.

3296. **Лазаревскій** Александръ Матвѣевичъ (портретъ къ некрологу) 1902, 5.

3297, **Левицкій Ор.** Новый храмъ въ старомъ украинскомъ стилѣ (рисунокъ и статья 1906, 11—12, 598—610.

3298. **Лысой** горы три таб. и планъ (къ статьѣ Ляскоронскаго „археолог. раскопки"). 1892. 11, 263—278.

3299. **Мазепы,** о портретахъ (статья) 1883, 7, 594—596.

3300. **Мазепа** (портретъ и статья) 1887, 1, 188—191,

3301. **Мазепа** Иванъ, гетманъ (портретъ къ статьѣ А. Л.) 2899, 3.

3302. **Максимовичъ М. А.** (портретъ) 1904, 9.

3303. **Малоросійскій** скитъ св. пророка Иліи (рисунокъ къ статьѣ А. Дабижа тамъ же) 1893. 1.

3304. **Могила Петръ** (портретъ и статья) 1882, 4, 175—176.

3305. **Мстиславова** храма фасодъ на волыни (рисунокъ) 1792, 6.

3306. **Новицкій** Илья Федоровичъ (портретъ и статья) 1886, 9, 194—198.

3307. **Н. Ч.** Каменныя и глиняныя иконки княжеской эпохи (рисунокъ и статья) 1899, 8. 91—97. (Д),

3308. **Н. Ш.** Тимковскій И. Ѳ. (портретъ и статья) 1899, 12. 413—415.

3309. **Острожскій** Константинъ (портретъ и статья) 1883, 12, 714—716.

3310. **Острожская** Софія, княгиня (портретъ и статья) 1883, 11, 523—528.

3311. **Острожскаго** Константина кн. надгробіе въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры. (къ статьѣ С. Яремича „Памятники искуства въ К-печ. Лаврѣ"). 1900, 6.

3312. **Палѣя** жена (портретъ къ статьѣ А. Л. „Антонъ Танскій, Полковникъ Кіевскій 1712—1734). 1894, 4.

3313. **П. Г.** Запорожсхій храмъ въ Новомосковскѣ (рисунокъ и статья) 1881, 1—3, 41—48.

3314. **Полетика В. Г.** (портретъ къ статьѣ Горленка „изъ исторіи южно-рус. общества нач. XIX в.") 1893. 1.

3315. **Потебня** Александръ Афанасьевичъ. 1892, 1.

3316, **Потѣй** Ипатій, Кіевскій уніатскій Митрополитъ (портретъ и статья) 1884. 9, 180—182.

3317. **Пчилка О.** Николай Ильичъ Стороженко (портретъ и статья) 1906, 2, 231—256.

3318. **Репнинъ Н. Г.** кн. (портретъ и статья) 1897, 12. 473—480.

3319. **Сапожниковъ Д.** Загадочные портреты (статья). 1884, 8, 732—742.

3320. **Симоновъ М. Т.** (номисъ) портретъ 1901, 3.

3321. **С—ко** А. Старинные малороссійскіе портреты (статья) 1882, 9, 577—579.

3322. **Сковорода Григорій** (къ статьѣ Д. Багалѣя) 1895, 2.

3323. **Снимки** съ образовъ Спасителя (Дубенской Крестовоздвиженской пустыни церкви г. Ковеля; рисунокъ и статья) 1900, 5, 130—132. (Д).

3324. **Снимки** съ подписи, съ печати на перстнѣ Родіона Дмитрашка (къ статьѣ А. Стороженка). 1893 4.

3325. **Спицынъ А.** Мѣдный поясъ Кавказскаго типа, найденный въ Кіевск, губ. (рисунокъ и статья). 1899 10, 56—58. (Д).

3326. **Старицкій М. П.** (портретъ), 1904, 5.

3327. **Стороженко А.** Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозвищу Дайда, (портретъ и статья). 1897, 2, 519—524.

3328. **Стороженко Н.** Стороженко Полковникъ Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій (портреты и статья) 1890, 4, 167—178.

3329. **Таблица** съ рисунками предметовъ, поступившихъ въ собраніе В. В. Тарновскаго. (рисунокъ и статья) 1899. 5, 121. (Д).

3330. **Тарновскій В. В.** Лазаревскій А. М. и Шугуровъ Н. В. (портретъ и статья) 1902, 7—8. 282—292.

3331. **Терлецкій** Кириллъ (портретъ и статья) 1884, 10, 366—369.

3332. **Торбанъ,** Кобза (къ статьѣ Н. Лисенка) 1892, 3.

3333. **Туптало** Савва Григорьевичъ (портретъ и статья) 1882, 7, 194—198.

3334. **Хмельницкій** Богданъ (портретъ и статья). 1882, 1, 226—231.

3335. **Хмельницкаго** Богдана памятникъ (рисунокъ со статьей „историческій очеркъ его сооруженія") 1888, 7, 145—156.

3336. **Церковь** въ воскресный день (къ некрологу Ю. Коссака) 1899, 3, 145. (Д.).

3337. **Цимбалистовъ** Андрей. Еще о портретѣ Мазепы (статья) 1887, 2, 370—372.

3338. **Ширай С. Я.** (портретъ и статья) 1887, 10, 398—400.

3339. **Я. Ш.** Полуботокъ Павелъ, полковникъ Черниговскій (1705—1724) портретъ и статья. 1890, 12, 522—538.

VIII. Библіографія.

3340. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія Вып. 1-й Изд. редакторъ неоф. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Кіевъ 1882 г. 1882, 1, 203--204.

3341. **А. А.** Историчеекіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып 2-й Изд. редакторъ неоф. чаети „Кіевекихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Кіевъ 1882 г. А. 1882, 7, 171—173.

3342. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 3-й. Издалъ редакторъ неоф. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Кіевъ 1882 г. И. Новицкій 1882, 11, 354—360.

3343. **Abel** Karl gross unh klein—russisch. Leipzig und Berlin, 1885. Н. Дашкевичъ. 1885, 11, 524—532.

3344. **Абрамовъ И.** Черниговскіе малороссы. Бытъ и пѣсни населенія Глуховскаго уѣзда. С. П. Б. 1905 г. В. Даниловъ. 1906, 9, 1—4.

3345. **Абрамовъ Я. В.** Жизнь замѣчательныхъ людей Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность Біографическій очеркъ. С. П. Б. 1891 г. Д. И. Багалѣй 1891, 6, 799—503.

3346. **Автономія** України в соціальдемократичній пресcі (изъ журналовъ 907 г.) Садовський В. 1907, 2, 256—261.

3347. **Авчинниковъ А.** Первые народные представители Екатеринославской губерніи В. Д овъ. 1906, 9, 4.

3348. **Адресъ-календарь** г, Елисаветграда и Елисаветградскаго уѣзда на 1894 г. Елисаветградъ 1893 г. 1894, 2, 357.

3349. **Адресъ-календарь** Кіевской губерніи на 1888 годъ, съ адресами квартиръ и алфавитнымъ указателемъ фамилій. Изд. Кіев. губ. статист. комитета. Кіевъ 1888 г. 1888, 1—3, 48.

3350. **Адресъ-календарь** и справочная книжка Полтавской губерніи на 1894 г. ц. 1 р. А. Р. 1894, 8, 291—292.

3351. **Айналовъ Д. и Рѣдинъ Е.** Древніе памятники искусства Кіева: Софійскій соборъ, Михайловскій и Кирилловскій монастыри. Харьковъ 1899 г. В. Щербина 1899, 11, 95—97.

3352. **Акинфіевъ И. Як.** Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г. Г. З. 1889, 4, 220—225.

3353. **Акинфіевъ И.** Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу.

Екатеринославъ 1893 г. ц. 50 к. 1894, 2, 356.

3354. **Аксаковъ С. Т.** Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 1, 190—193.

3355. **Аксаковъ И. С.** въ его письмахъ томъ 4-й СПБ. 1896 г. А. А. 1897, 11, 49—57.

3356. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей т. XII. Акты главнаго Литовскаго трибунала В. 1883 г. XX+651+67 ц. 2 р. В. И. 1883, 7, 563—566.

3357. **Акты,** издаваемые Виленской археографической комиссіей т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала Вильна 1886 г. И. Каманинъ 1886, 11, 558—560.

3358. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей. Томъ XV-й. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильно. 1888 г. И. Каманинъ, 1889. 5—6, 645—648.

3359. **Акты,** издаваемые Виленскою археографическою комиссіей. Т. XVI-й Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна 1889 г. т. XVII. Акты Гродненскаго земскаго суда. Вильна 1890 г. И. Каманинъ. 1891, 9, 495—500.

3360. **Акты,** издав. Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. 24. Акты о боярахъ. Вильна 1897 г. И. Каманинъ 1898, 6. 97—99.

3361. **Акты,** издаваемые Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. XXIX Акты о евреяхъ. Вильна 1902 г. О. Л. 1903, 4, 57—62.

3362, **Акты,** издаваемые Виленской комиссіеи для разбора древнихъ актовъ т. 23. Акты Холмскаго городскаго суда Вильна 1896 г. И. Каманинъ. 1896, 22, 94—95.

3363. **Акты,** Московскаго государства, изданные Императорской академіей наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказъ. Московскій столъ 1571—1634. 1890 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 4, 171—173.

3364. **Акты,** относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссіей. Т. XII СПБ. 1882 г. В А. 1882, 9, 555—556.

3365. **Акты,** относяшіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссіей Т. 14 (Дополненіе къ III тому) СПБ. 1889 г. Ив. Н. 1889, 9, 781, 788.

3366. **Album.** du Monde illustrè la Russie et les russes Н. Ш—ъ. 1895, 9, 74—76.

3367. **Александровичъ М. Н.** Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й. Историческое описаніе. Ч. 1-я. До окончанія смутъ въ восточной украинѣ 1669 г. Кіевъ 1881 г. 1882, 1, 204—206.

3368. **Алексанровъ В.** Складка, Альманахъ Року Божого 1887 № 1 Харьковъ. З. 1887, 5, 172—176.

3369. **Александровъ А.** Памяти В. И. Григоровича. Варшава 1902. Н. В. 1902; 12, 200—201.

3370. **А. М.** Кіевскій храмъ св. ап. Андрея Первозваннаго. Н. М. 1898, 10, 31—32.

3371. **Андерсен.** Казки. Перекладала М. Загірня Б. 1906. ц. 65 к. Е. Віченко. 1907, 7—8, 257—259,

3372. **Андреевъ П.** Иллюстриро-

ванный путеводитель по юго западнымъ желѣзнымъ дорогамъ К. 1898 г. Н. Ш. 1898, 12, 98—100.

3373. **Андріевскій А**. Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни. Одесса В. Мировецъ. 1903, 4, 65—67.

3374. **Андріевскій А.** Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Сост. редакт. неоф. части „Кіев. Губ. Вѣд," Кіевъ 1882 г. В. А. 1883, 3, 651—653.

3375. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернекаго правленія. Вып. I Кіевъ 1883. В. А. 1883, 11, 493—495.

3376. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 6-ой. Кіевъ 1884 г. Ц. Н. 1884, 7, 523—524.

3377. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива губернскаго правленія. Вып. 7-ой. Кіевъ 1884 г. К. Цыбульскій. 1884, 12, 719—722.

3378. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 8-й. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 137—140.

3379. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 9-й. Кіевъ 1885 г. К. Л. 1885, 10, 329—332.

3380. **Андріевскій А**. Историческіе матеріалы. Изъ Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 10. Кіевъ 1886. К. Цыбульскій. 1886, 4, 789—794.

3381. **Андріевскій А**. Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ Кіевскаго губернскаго архива и изданные Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 10, 155—157.

3382. **Андріевскій А.** Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50 лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. Кіевъ 1887 г. В. П. 1887, 11, 557—559.

3383. **Андріевскій М. А.** Козацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объявленіями, разборомъ и картою. Одесса, 1884 г. Ц. Нейманъ. 1884 5, 130—138.

3384. **Андріяшевъ**. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 12—17.

3385. **Андріяшевъ А.** Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ 25-й. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3386. **Анненская А.** Н. В. Гоголь (біографическій очеркъ). СПБ. 1891 ц. 25 к. изд. Павленкова Х. Я. 1894, 7, 127—128.

3387. **Антикварный** каталогъ № LI. Колекція сочиненій, б. частью на русскомъ языкѣ, имѣющихся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ и антикварной торговлѣ Н. Киммеля въ Ригѣ. 1892 г. Т. 1892, 12, 498—500.

3388. **Антонинъ** іеродіаконъ. Кіево-Подольская Успенская соборная церковь. К. 1891 г. А. Л. 1893, 12, 507 509.

3389. **Антоновичъ В. В.** Археологическая карта Волынской губерніи Москва 1900 г. Е. С. 1903, 1, 45—48.

3390. **Антоновичъ В.** Археологическая карта Кіевской губерніи. М. 1895 г. Н. Б. 1896, 3, 129—132.

3391. **Антоновичъ В. Б.** Археоло-

гическая карта Кіевской губерніи. М. 1895 г. Н. Г. 1896, 3, 129—132.

3392. **Антоновичъ В. Б. и В. А. Бецъ.** Историческіе дѣятели юго-западной Руси въ біографіяхъ и портретахъ. В. И. Составили по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ 6 р. 1883, 4, 878—882.

3393. **Антоновичъ В. Б.** Монографіи по исторіи западной и юго-западнай Россіи. Т. I. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 6. 318—328.

3394. О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи. Одесса 1886 г. П. Голубовскій- 1887, 10, 369—370.

3395. **Армашевскій П. Я. Антоновичъ Вл. Б.** Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 г. Кіевъ 1897 г. съ 2 рис. Н. М. 1897, 4, 40—41.

3396. **Арсеній** еп. Псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. СПБ. 1904 г. Н. П-въ. 1904, 9, 114—117.

3397. **Арсень Б.** Украинській спиваныкъ. 100 писень зъ нотами. Одесса 1904. В. Мировець. 1904, 6, 132—136.

3398. **Артемовскаго-Гулака.** недруковани твори. Сообщ. Романчукъ Ю. (Записки Наукового Товариства ім. Шевченка LX miscellanea) В. Д. 1905, 3, 203—204.

3399. **Археографическій** сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. XI. Вильна 1890 г. И. Каманинъ. 1891, 10. 495—500.

3400. **Археологическія** извѣстія и замѣтки. №№ 1—6. М. 1893 г. Б. 1893, 10, 177—180.

3401. **Археологическія** извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ археологическимъ обществомъ 1893 г. №№ 7—12. Б. 1894, 5, 380—383.

3402. **Археологическая** лѣтопись Южной Россіи 1903 г. №№ 1—6. 1904 г. №№ 1—5. В. Д. 1905, 4, 12—14.

3403. **Архивъ** князя Воронцова книга двадцать пятая М. 1882 г. Д. Багалѣй. 1882, 7, 160—164.

3404. **Архивъ** Мотыжинскій. Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. в. Изд. Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г. А. М. 1890, 9, 519—521.

3405. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый временной комиссіей для разбора древнихъ актовъ. ч. 1 Томъ XV. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ 1883 г. И. Каманинъ. 1884, 12, 708—716.

3406. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. ч. VII т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1887, 8, 752—757.

3407. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. первая т. VII. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссцевъ (sic) съ латино-уніатами. Кіевъ 1887 г. И. Новицкій, 1888, 4, 1—9.

3408. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ и проч. Кіевъ

1888 г. И. Новицкій. 1890, 5, 382—388.

3409. **Архивъ** юго-западной Россіи. ч. VII т. 2. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. К. 1890 г. ц. 2 р. В. М. 1892, 10, 131—156.

3410. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. 8 т. I и II Н. М. 1895, 3, 103—112.

3411. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. Царствованіе Александра I. Журналы по дѣламъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, СПБ. 1896 г. Н. С. 1897, 4, 34—37.

3412. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. СПБ. 1898. Н. С. 1898. 4, 24—25

3413. **Архивъ** Государственнаго Совѣта т. IV. Царствованіе Александра I. Н. С. 1900, 4, 25—27.

3414. **Архивъ** юго-западной Россіи ч. VII т. III. Акты о заселеніи южной Россіи. XVI—XVIII в. К. 1905, I, Ч. 1907, 4, 86—99.

3415. **Аѳонскій П.** Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для нарсднаго чтенія) Минскъ 1889 г. Его-же: Православныя святыни города Минска. И. Каманинъ. 1889, 9, 792—793.

3416. **Багалѣй Д.** Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ 1882 г. П. Голубовскій. 1882, 6, 519—523.

3417. **Багалѣй Д.** Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства въ XVI—XVIII ст. Изд. историко-филологическаго общества при Императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Харьковъ 1886 г. В. А. 1886, 3, 582—588.

3418. **Багалѣй Д.** Очерки изъ исторіи колонизацій и быта степной украины московскаго государства т. I. Исторія колонизаціи. Москва 1887 г. И. Каманинъ. 1889, 1, 250—259.

3419. **Багалѣй Д.** Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 1889 г. И. Каманинъ. 1889 7, 309—310.

3420. **Багалѣй Д. И.** Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украйны Хар. 1893 г. ц. 1 руб. Ѳ. Титовъ. 1894, 3, 581—583.

3421. **Багалѣй Д.** Опытъ исторіи Харьковскаго университета т. I. (1802—1815) С. Р. 1894, 11, 312—316.

3422. **Багалѣй Д. И.** проф. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры) I. Харьковъ 1896 г. И. Каманинъ. 1897, 1, 28—29.

3423. **Багенскій Ч.** Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго географическаго общества въ западно-русскій край (прилож. къ учен. зап. Казан. унив. за 1900 г. декабрь) Кіянинъ. 1901, 2, 98—101.

3424. **Baron de Bay**. Rapport sur le conqres international d'Anthropoloqie de Moscou. P. 1893. Souvenir du conqres international d'Anthropoloqie de Moscou, P. 1893. La bijouterie des qots en Russie. P. 1892, Rapport sur les decouvertes toites par M. savencow dans la Siberie orientale. P. 1894. Ѳ. В. 1894, 12, 503—504.

3425. **Baron de Bay**. Kiev. La

mère des villes russes. vinqt-quatre qravures hors texte Paris. 1896. Н. М. 1897, 2, 49—51.

3426. **Барабашъ А.** Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.) СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 2, 148—151.

3427. **Baranovicz** Lazarz. Ksieqa smjerci albo krzyz Ghrystusow. Новгородъ-Сѣверскій 1676 г. М. М. 1891, 1, 202—206.

3428. **Барацъ Г.** Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ и суда по совѣсти. СПБ. 1893 г. Н. В. 1883, 7, 149—150.

3429. **Барацъ Г.** Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности. Слово Кирила Философа. Одесса 1894 г. А. Л. 1894, 6, 561—562.

3430. **Барвинокъ Ганна.** (О. М. Кулишева) Оповидання зъ народныхъ устъ). Кіевъ 1902 г. В. Мировець. 1903, 5, 127—130.

3431. **Барвинскій О.** Исторія Руси. Часть IV Львовъ 1882 г. Коштомъ и заходомъ товариства „Просвѣта" цѣна 16 крейц. (12 к.) В. А. 1883, 2, 649—651.

3432. **Барвинскій** Александръ. Исторія Руси часть V Львовъ 1884 г. В. А. 1884, 8, 708—710.

3433. **Барвінський** Олександер. Історія України-Русі. У Львові 1904 р. В. Д. 1905, 5, 113—118.

3434. **Барвінський** Олександер. Історія України Руси (з образками). У Львові 1904 р. В. Д, 1905, 5, 113—118.

3435. **Barwinskij** profes. Das Yolksleben der Ruthenen Wien. 1898 Н. М. 1898, 4, 28—29.

3436. **Барвінський Б.** Зъїзд галицького кн. Данила з угорьским королем Белею IV 1250 р. Львов. 1901 р. Н. М. 4902, 1, 38—39.

3437. **Барсовъ Е. В.** Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Москва 1887 г. т. I—II. В. Науменко. 1888, 7, 1—12.

3438. **Барсуковъ** А. Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ СПБ. 1885 г. К. Цыбульскій. 1885, 10, 326 -329.

3439. **Барсуковъ** А. Родъ Шереметевыхъ кн. I—IV СПБ. 1881—1884 года. И. Каманинъ. 1885, 10, 319—323.

3440. **Барсуковъ А.** Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. СПБ. 1888 г. И. Каманинъ. 1888, 6, 59—62.

3441. **Барсуновъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. СПБ. 1893 г. К-цъ. 1893, 11, 342—345.

3442. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. VIII. А. Л. 1895, 3, 129—131.

3443. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. IX. А. Л. 1895, 5, 105—106.

3444. **Барсуковъ Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина кн. X. 1896, 6, 101—105.

3445. **Барсуковъ Н.** Воспоминанія о Н. Костомаровѣ и А. Майковѣ. СПБ. 1898 г. Х. 1898, 3, 120—123.

3446. **Батюшковъ Н. Н.** Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1890 г. И. Новицкій. 1890, 6, 558—565.

3447. **Батюшковъ П. Н.** Волынь.

Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1898 г. И. Каманинъ. 1888, 11, 49—53.

3448. **Батюшковъ П. Н.** Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. 7-й Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ.). СПБ. 1885 г. (съ приложеніемъ художественнаго отдѣла). Изд. министерства внутреннихъ дѣлъ. И. Беркутъ. 1885, 6, 307—314.

3449. **Батюшковъ П. Н.** Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. VIII. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи варшавскаго генераль-губернаторства) СПБ. 1885 г. ц. 15 р. Ѳ. Лобода. 1886, 4, 796—804.

3450. **Батюшковъ П. Н.** Русь. Историческія судьбы русскаго забужья. СПБ. 1887 г. Т. Цыбульскій. 1887, 11, 549—557.

3451. **Бахталовскій Георгій.** Посадъ Вилковъ, Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ 1881 г. Гр. Д—нъ. 1882, 8, 358—361.

3452. **Береженого** Богъ береже, Оповідання селяньске про скотську чуму. 1900, 4, 30—31.

3453. **Бережковъ М.** Марковъ М. Е. и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ. Нѣжинъ 1902 года. Н. В. 1902, 12, 198—200.

3454. **Бережковъ М.** Блаженный Игорь Ольговичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій и великій князь Кіевскій. Историческій очеркъ. Черниговъ 1893 г. И. Каманинъ. 1894, 3, 587.

3455. **Беретти А.** О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ 1884 г. А. К. 1884, 6, 323—326.

3456. **Бертье-Делагаръ.** Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологической Комиссіей № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. СПБ. 1893 г. № 14. Древности сѣверо-западнаго края. В. Ястребовъ. 1894, 6, 546—554.

3457. **Берхинъ.** О статьѣ его: „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ". П. Голубовскій. 1885, 3, 569—573.

3458. **Бершадскій С. А.** Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569). СПБ. 1883 г. В. А. 1883, 12. 665—671.

3459. **Бершадскій С. А.** Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста—Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историч. легенда. СПБ. 1889 г. И. Каманинъ. 1890, 6, 565—569.

3460. **Бестуоневъ-Рюминъ К.** Руская исторія т. II вып. 1. СПБ. 1886 года. И. Каманинъ. 1886, 1, 167—168.

3461. **Биберштейнъ Гр.** Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Каменецъ-Подольскъ 1882 г. Н. П. 1882, 5, 321—323.

3462. **Библіографическая** замѣтка Божерянова. 1886, 2, 419—420.

3463. **Библіографическая** замѣтка о новыхъ матеріалахъ, касающихся исторіи Малороссіи. П. Ивановъ. 1892, 12, 483—494.

3464. **Библіографическія** замѣтки. I (Жур. М. Н. Пр. 1893 г. 1—9). И. 1893, 10, 180—184.

3465. **Biblioteka** Warszawska за 1898 годъ А. С. 1899, 5, 90—94.

3466. **Билиловський К.** Складка. Альманахъ на спомынъ В. С. Александрова. Харьковъ. М. Кононенко. 1896, 110—112.

3467. **Билиловський К.** Складка. Альманахъ. СПБ. 1897 г. М. Кононенко. 1898, 2, 68—71.

3468. **Бирчак** Володимир. Урвана пісня (новела). Львів 1904 р. П. Е. 1905, 4, 6—8.

3469. **Бігдай А.** Матеріалы къ изученію Кубанскаго казачьяго войска. Пѣсня кубанскихъ козаковъ вып. 1—3. Пісні чорноморські вып. 4. Пѣсни линейскія. Москва. Н. Ш. 1897, 7—8, 42—43.

3470. **Блекловъ С.** За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика М. 1894 г. ц. 1 руб. Л. С. Л. 1894, 5, 384—385.

3471. **Блонскій С. А.** Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. Житоміръ 1905 г. С. Е. 1905, 7—8, 5.

3472. **Bobrzynski S. i Smolka.** Jan Dlugosz, jego zycie i sanowisko w pilmiennictwie (Бобжинскій и Ст. Смолка. Янъ Длугошъ, его жизнь и положеніе въ письменности) Krakow 1893 года. Н. М. 1894, 7, 124—126.

3473. **Бобиновичъ** Олекса. „Настоящі" Комедия. В. Д. 1904, 1, 33—37.

3474. **Бобринскій** Григ. Александ. Курганы и случайныя крхеологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. СПБ. 1887 г, В. Ястребовъ. 1887, 10, 361—365.

3475. **Бобринскій** Александръ Гр. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи 2 ч. СПБ. 1890, 4, 189—190.

3476. **Бобринскій** Ал. Гр. Дневникъ раскопокъ 1887—1889 о курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы т. 2 ц. 8 руб. 1894, 11, 316—320.

3477. **Бобринскій** Алексѣй Гр. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы т. III. (Дневникъ раскопокъ 1889—1897). СПБ. 1901 г. Н. Б. 1901, 10, 36—42.

3478. **Бобровскій П. О.** Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. Историч. изслѣдованія по архивнымъ документамъ. СПБ. 1890 г. Арк. Л—нко. 1890, 4, 180—182.

3479. **Богдановичъ А. Е.** Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. В. Перетцъ 1895, 10. 30—32.

3480. **Богородицкій В.** Діалектическія замѣтки. III говоръ села „Сушки" Золотоношскаго у. Полтавской губерніи. Казань 1901 г. К. Михальчукъ. 1901, 7—8, 48—54.

3481. **Bolsunowski K.** Najdawniejsze pomniki chrzescijanstwa na Rusi. М. К. 1901, 3, 178—179.

3482. **Болсуновскій К.** Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владимира во время XI археологическаго съѣзда. К. 1899 года. И. Каманинъ. 1899, 10, 31—32.

3483. **Bolsunowski.** Solidy Boleslawa z napisem slawianskim. Кіевъ 1887 г. И. Каманинъ. 1888, 7, 26—29.

3484. **Болсуновскій К.** Свинцовыя пластинки съ условными знаками церковныхъ праздниковъ. М. 1899 г. И. Каманинъ. 1899, 10, 31—32.

3485. **Болсуновскій К.** Сфрагистическіе и геральдическіе памятники юго-западнаго края. Б. 1899 г. И. Каманинъ 1899, 10, 31—32.

3486. **Bonnel** Ernst Beiträge zuz Alterthumskunde Russlands. (Эрнестъ Конель. Дополненія къ археологіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х. составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Т. 1. СПБ. 1882 г.) В. А. 1882, 7, 167—171.

3487. **Bon ecki Adami.** Poczet rodow w wilkiem ksiestwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa 1887 г. О. Л. 1887, 6—7, 523—526.

3488. **Boratynski** Ludwik. Ste-Batory i plan ligi przeciw Purkom (1576—1584) W. Krakowie 1903 Н. М. 1903, 12, 171—175.

3489. **Боровиковскій М.** Новый отечественный курортъ (по р. Днѣстру —историческое "Побережье" Подоліи —мѣстечко Каменка) Од. 1894 г. Щербина 1894, 12, 508.

3490. **Бразоль Григорій.** Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Харковъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 6, 342—345.

3491. **Брикнеръ А.** Потемкинъ. СПБ. 1891 г. ц. 2 р. 50 к. Z. 1892, 3, 512—514.

3492. **Брошюры** за послѣдніе годы. 1897, 42, 88—92.

3493. **Бубликъ В. Д.** Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. И. Ж. 1888, 8, 49—50.

3494. **Будиловичъ А.** Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ Варщавскимъ университетомъ къ 6-му апрѣля 1885 г. Варшава 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 7, 491—493.

3495. **Будиловичъ А.** Русская православная старина въ Замостьѣ. Изд. Холмскаго Св. Богородицкаго братства. Варшава 1886 г. П. Голубовскій. 1886, 9, 151—155.

3496. **Будиловичъ А.** свящ. Историческій очеркъ Михеевской св. Парасковіевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія заверянской Руси. Варшава 1893. А. Л. 1893, 12, 509.

3497. **Буковинскій** Альманахъ. Черновцы 1885 г. Л—тъ. 1886, № 8, 735—738.

3498. **Булгаковскій Д. Г.** Пинчуки. Этнографическій сборникъ. СПБ. 1890. 1891, 2, 361—363.

3499. **Булгаковъ Ѳ. И.** Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. СПБ. Н. Шугуровъ 1889, 5—6, 658—660.

3500. **Булгаковъ Ѳ. И.** Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографическаго искусства т. I съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1890 г. И. Ж. 1890, 7, 155—158.

3501. **Булгаковъ Д.** Слѣдуетъ-ли въ числѣ просвѣтителей древней курской области считать св. Петра, митрополита московскаго (Критико-библіографическая замѣтка по поводу изданія г. Девріена „Россія“ т. II. 1904, 7—8, 32—43.

3502. **Bouillet.** Dictionaire universel d' Histoire et de Geoqrahie. Paris 1893. В. А. 1893, 1, 178—180.

3503. **Burnier** Gharles. En Russie. Paris et Lausanne. 1893. В. Г. 1893, 12, 510—511.

3504. **Бучневичъ В. Е.** Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава 1882 г. Ив. Матченко 1883, 5, 161—164.

3505. **Бучневичъ В.** Кременчугъ и посадъ Крюковъ Полтава 1891 г. Ѳ. Николайчикъ. 1892, 5, 306—309.

3506. **Бучневичъ В. Е.** Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава 1902 г. О. Л. 1902, 11, 114—123.

3507. **Буцинскій И. П.** О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г. 1883, 1, 183—184.

3508. **Буцинскій И. П.** О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ 1882 г. В. Антоновичъ 1883, 2, 417—428.

3509. **Бѣловетцъ П. И.** Очаковъ. Краткій историческій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ у стѣнъ очаковской твердыни. Севастополь 1902 г. И. Б. 1903, 2, 117.

3510. **Бѣлокуровъ С. А.** Юрій Крижаничъ въ Россіи М. 1903 г. Ал. Маркевичъ 1903, 6, 207—209.

3511. **Бѣлозерскій Н.** Добавки и поправки постояннаго читателя „Кіевской Старины“ 1884, 5, 146—151.

3512. **Бѣляшевскій Николай.** Монетные клады Кіевской губерніи Кіевъ 1889. П. Голубовскій. 1889, 10, 205—207.

3513. **Бѣляшевскій Н.** Археологическая лѣтопись 1900, 1, 47—60.

3514. **Василенко.** Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи Харьковъ 1902 г. Б. Гринченко 1903, 1, 25—28.

3515. **Василенко В.** Этнографическіе матеріалы, собранные въ Полтавской губерніи. Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи Харьковъ 1902 г. Б. Гриченко. 1903, 1, 25—28.

3516. **Василенко В. И.** Метереологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ, съ программою для собиранія матеріаловъ. Полтава 1902 г. Л. С. Л. 1902, 12, 197—198.

3517. **Василенко Н.** (редакція) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта старой Малороссіи В. 1-й (Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730) Черниговъ 1901 г. 1901, 12, 185.

3518. **Василенко В. И.** Мѣстечко Опошня, Зѣньковскаго уѣзда, Полтавской губ. Статистико-экономическій очеркъ. Изд. Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1889 г. Н. В. 1891, 6, 503—504.

3519. **Васильчиковъ А. А.** Семейство Разумовскихъ т. IV СПБ. 1887 г. V. 1887, 4, 760—762.

3520. **Васильчиковъ А.** Семеиство Разумовскихъ т. 5. 1895, 2, 76.

3521. **Wacław X.** O cudownym obrazie Najsw. Maryi P. Bertczowskiej. Krakov 1897, Н. М. 1898, 4, 30—31.

3522. **Веберъ М.** Историческій очеркъ освободительнаго движенія въ Россіи и положеніе буржуазной демократіи Б. 1906. М. Порш. 1907, 5, 235—240.

3523. **Weber-Lutkow.** Schlummernde Seelen. 1900, 4, 18—24.

3524. **Вейнбергъ Л.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи. А. Л—нко 1892, 1, 166—170.

3525. **Венгеровъ С. А.** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ СПБ. 1886—8. Вып. 1—13. Г. 1888, 12, 72—74.

3526. **Венгеровъ С. А.** Критико-біогра-

фическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ т. V СПБ. 1897. 1897, 11, 62.

3527. **Werenka D**. Bukowinas Entstehen und Aufbluhen. Maria Fheresias Zeit. Ith. Wien 1892. И. Лучицкаго 1893, 3, 549—560.

3528. **Верещагинъ В.** Русскія иллюстрированныя изданія 18 и 19 столѣтій СПБ. 1898. Н. Ш. 1898, 7—8, 30—36.

3529. **Вержбицкій.** Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. ц. 1 р. 30 к. Ѳ. Титовъ. 1894, 6, 557—560.

3530. **Вержбицкій Т. І.** Краткое описаніе г. Житоміра Изд. 2. Житоміръ 1889. 1889, 10, 218—219.

3531. **Верзиловъ А.** Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569. Черниговъ 1898. Н. В. 1899, 9, 119—121.

3532. **Веселовскій Ал.** Этюды и характеристики, М. 1894 г. А. Степовичъ. 1894, 11, 325—327.

3533. **Виданэ** „Просвіти"—Руська письменність: твори Івана Котляревського, Петра Артемовського-Гулака, Евгенія Гребінки. Львівъ 1908 ц. 40 к. Доманицкій. 1904, 12, 168—179.

3534. **Wierzbowski** Fheodorus. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Varsoviae 1889—94. А. Стороженко. 1894, 4, 187—190.

3535. **„Wiz i perewiz"**, czyli Ukraina galycyjiska w prawdziwem oswietlemu przez Ukrainca. Lwow. 1904. Н. 1905, 1, 44—47.

3536. **Викулъ П.** Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи. 1895, 5, 102—103.

3537. **Викулъ и Якубовичъ.** Подольскіе архипастыри (изъ VIII в. трудовъ Подольскаго епарх. историко статист. комитета) Н. М. 1895, 12, 121—122.

3538. **Викъ.** (1798—1898) Кыивъ 1900 ц. 2 р. В. Н. 1901, 1, 37—40.

3539. **Виленскій** календарь на 1885 г. Вильна 1884. И. Каманинъ 1885, 4, 760—765.

3540. **Виленскій** календарь на 1886 г. Вильна 1885 г. И. Малышевскій. 1886, 2, 375—377.

3541. **Виленскій** календарь на 1887 г. Вильна 1886 г. И. Малышевскій. 1887, 2, 340—352.

3542. **Виленскій** календарь на 1889 г. (6-й годъ изданія) Вильна 1888 г. цѣна 30 к. Н. Т. 1889, 3, 533—534.

3543. **Виленскій** временникъ. Изд. Виленскаго генералъ-губернат. управленія. Проф. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. 1904, 4, 45—47.

3544. **Виноградовъ В. К.** Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Ѳеодосія 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 145—149.

3545. **Visla** 1887—1888 г. Н. Ѳ. Сумцовъ. 1889, 10, 214—217.

3546. **Вишневскій Д.** Кіевская Академія въ половинѣ XVIII ст. 1904, 2, 80—84.

3547. **Владимировъ П. В.** Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. СПБ. 1888 г. А. Степовичъ. 1889, 2, 513—521.

3548. **Владимировъ М. М.** Первое столѣтіе города Екатеринослава 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Екатеринославъ 1887 г. В-о. 1887, 12, 761—766.

3549. **Владимирскій Будановъ М. Ф.** Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 2 съ дополненіями. Кіевъ 1888 г. И. М. 1888, 4, 9—12.

3550. **Владимирскій Будаковъ М. Ф.** Исторія университета св. Владимира. Т. I Университетъ св. Владимира въ царствованіе Императора Николая I Кіевъ 1884 г. Б. Цыбульскій. 1884, 11, 512—517.

3551. **Владимирскій** сборникъ въ память 900 лѣтія крещенія Россіи. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1889, 12, 646—654.

3552. **Wlast Jozef.** Opowiadania historyczne z dziejów okolicu Sluczy jej doplywow. Краковъ 1897 г. 1897, 9, 77—78.

3553. **Вниманію** г.г. любителей рыбной ловли. К. 1892 г. 16 ст. К—цъ. 1893, 11, 345—346.

3554. **В—новъ А. и свящ.** В. **Антоновъ** Памятная книжка Кіевской епархіи (Кіевскій епархіальный календарь Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 8, 340—349.

3555. **Вовчекъ М.** Сестра. Б. Я. 1904, 2. 181—183.

3556. **Вовчокъ М.** Кармелюкъ. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3557. **Волжскій** странникъ (псевдонимъ) Вып. I Н.-Новгородъ (1899) ц. 40 к. В. Д. 1901, 9, 125—128.

3558. **Волконскаго** С. Г. (декабриста) записки. Андр. А. 1902, 3, 197—206.

3559. **Волланомъ** собранныя угрорусскія народныя пѣсни. (Записки Императорскаго Геоерафич. общества по отдѣленію этнографіи т. XIII вып. 1) СПБ. 1875 г. В. Горленко. 1886, 1, 168—172.

3560. **Волынскій** историко-археологическій сборникъ Вып. II Житоміръ 1900 г. Ор. Левицкій. 1901, 11, 95—109.

3561. **Волынскій** историко-археологическій сборникъ Вып. I Почаевъ-Житоміръ 1896 г. Н Бѣляшевскій. 1896, 11, 52—61.

3562. **Волынскій** народный календарь на 1890 г. Годъ 2-й изд. Ѳ. И. Досинчука. Житоміръ 1889 г. Арк. Л—нкс 1890, 2, 368—370.

3563. **Volff Jósef.** Rod Gedimina. Краковъ 1888 И. Каманинъ. 1886. 11, 553—555.

3564. **Воронежскій** юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. Воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ 1886 г. т. I—II. Н. С. 1887, 3, 550—555.

3565. **Воронежскій** губерніи, памятная книжка на 1893 г. Воронежъ 1893 г. 1 р. 25 к. А. Степовичъ. 1893, 5, 353—356.

3566. **Воскресенскій Н.** В. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888) Историческій очеркъ т. I Воронежъ 1888—1890 Н. В. 1891, 7, 132—154.

3567. **Воспоминанія** и дневники А. М. Грабовскаго. А. Л. 1899, 2, 124—126.

3368. **Вотковъ А.** Іовъ Базилевичъ епископъ переяславскій, и участіе его въ церковно-политической жизни польской Украины. К. 1903 г. С. И. 1904, 7—8, 43—60.

3569. **Врабель М.** Русскій соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ. 1890. А. К. 1892, 6, 459—475.

3570. **Въ** защиту слова. Сборникъ 2 изд. СПБ. 1905 г. С. Е. 1905, 7—8.

3571. **Въ** историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 16 вып. IV. Кіевъ 1902 г. Н. В. 1903, 2, 112—116.

3572. **Выдавныцтво** „Викъ". На вичну память Котляревському. У Кыиви. 1905, 4, 14—27.

3573. **Выдавныцтво** „Викъ". На вичну память Котляревському Литературный збирныкъ Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3574. **Выставка** древностей представляемыхъ Императорской Археологической комиссіей на воззрѣніе Государя Имлератора. 1896, 10, 31—33.

3575. **Высокопреосвященнѣйшій** Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. М. 1882 г. Л. Т. 1882, 12, 576—582.

3576. **В. Я.** Одесскія юбилейныя изданія. 1894, 10, 156—158.

3577. **Г.** Библіографическое извѣщеніе. 1885, 2, 415—416.

3578. **Галагана** Павла коллегіи ежегодникъ съ 1 откября 1901 г. по 1 октября 1902 г. Н. М. Ш. 1902, 11, 126—127.

3579. **Галайда** Гнатъ. Про сыритъ. 1904, 2, 92—93,

3580. **Галантъ И.** Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности. Е. Кашировскій, 1898, 3, 115—117.

3581. **Halban** Alfred Dr. Zur geschichte des deutschen Rechtes in Podolia, Wolhynien und der Ukraine. Berlin 1896. H. M. 1897, 2, 55—58.

3582. **Galicya** przedstawiona slowem i olówkiem w opracowamu Boleslawa Limanovskieqo z rysunkami Wlodzimiera Fetmaj era. Lwow 1892 Н. Ш. 1894, 3, 585—587.

3583. **Galicia** w obrazach. Zebral Wozniak. Н. Ш. 1900, 6, 168—169.

3584. **Hammard.** Reise durch Oberschlesien zur russich-kaiserlichen Amee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow Sadunaiskoy. Gotha 1787. С. Е. 1891, 7, 160—168

3585. **Гамченко** Сергѣй. Житомірскій могильникъ. Археографическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ, Житоміръ 1888. Н. Б. 1889, 5—6, 655—658.

3586. **Гамченко С.** Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ „Стуга" близъ с. Студенца. Житоміръ 1900, 6, 165—166.

3587. **Hauser** Leopold. Monoqrafia miasta Przemysla. Przemysl 1883. В. А. 1883, 2, 647—649.

3588. **Ге Г. Н.** Историческій очеркъ существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890). Сост. по порученію Николаевской городской думы къ празднованію юбилея, николаевскимъ секретаремъ. Николаевъ 1890 г. С. Е. 1891, 7, 155—157.

3589. **Heleniusz.** Wspomnieme polskich czasow. Н. М. 1895, 7—8, 43—46.

3590. **Гейсманъ П. А.** Варшавскій военный журналъ 1904 г, Русскія войска и конфедераціи въ Польшѣ въ 1767 и 1768 г. Вл. П—ко. 1905, 1, 42—44.

3591. **Генеральное** слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка 1729—1730 г. г. Изданіе Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета Полтава 1893 г. 45 стр. В. М. 1894, 4, 176 186.

3592. **Генеральное** слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—1730 г. г. Сообщилъ Н. Василенко (оттискъ изъ VII кн. „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца)" К. 1892 г. В. М. 1894, 4, 176—186.

3593. **Георгіевскій** Александръ Кіево-Подольская церковь Николая Добраго. К. 1891. А. Л. 1893, 12, 507—509.

3594. **Гильтебрантъ** Петръ. Гедеонъ Балабанъ и его три книги И. Каманинъ. 1900, 11, 87—89.

3595. **Гиляревскій А**. свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григорьевичъ Барскій М. 1889 г. (Оттискъ изъ „Чтеній въ Общ. любителей Духовнаго Просвѣщенія") 1884 г. ц. 50 к. Ив. Новицкій. 1890, 2, 359-363.

3596. **Гинцбургъ А. Б.** Русская правда, текстъ изданный по запискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ. СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1889, 3, 760—762.

3597. **Глибивъ.** Твары. Выдавныцтво Викъ. У Кыиви 1904 № 14. М. П—скій 1905, 5, 118—121.

3598. **Gloqer.** Z. Piesni ludu Krakov 1892. В. Перетца. 1893, 2, 381—385.

3599. **Hovelacque** et. F. Herve Repherehes ethnoloqiques sur le Morvan. P. 1794.. Ѳ. В. 1894, 11, 323—325.

3600. **Гоголь.** Сочиненія изд. подъ ред. Тихонравова V т. Москва 1889—90. Г. 1891, 3, 528—534.

3601. **Гоголь.** Сочиненія изд. подъ ред. Тихонравова и Шенрока, т. VI VII. Е. Пѣтуховъ. 1896, 7—8, 27—30.

3602. **Головацкій** Яковъ. Географическій споварь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Съ прилож. географической карты. Вильна 1884 г. Ѳ. Ни—ка. 1884, 4, 649—652.

3603. **Голубевъ С.** Кіевскій митрополитъ Потръ Могила и его сподвижники. (Опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ 1883 г. 1225 стр. П, Л. 1883, 8, 741—742.

3604. **Голубевъ С.** Исторія Духовной академіи. Выпускъ первый. Періодъ до-могилянскій. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1887, 5, 176—179.

3605. **Голубевъ С.** Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви. К. 1894 г. Ѳ. Титовъ 1894, 6, 560—561.

3606. **Голубевъ С.** Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. т. II. К. 1898 г. О. Л. 1898, 12, 85—92.

3607. **Голубевъ С.** Къ исторіи Кіевской трехсвятительской церкви за вторую половину XVII стр. К. 1899 г. О. Л. 1899, 5, 94—97.

3608. **Голубевъ С.** Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. В. Д. 1902, 2, 135—137.

3609. **Голубовскій П.** Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX-XIII в. Кіевъ 1884 г. В. А. 1884, 7. 505—508.

3610. **Голубовскій П.** Исторія сѣверной земли до половины XIV в. Кіевъ 1881 г. Д. Багалѣй. 1882, 2, 405—407.

3611. **Голубовскій П.** Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. Кіевъ 1890 г. Н. М. 1890, 3, 571—572.

3612. **Голубовскій.** Исторія Смоленземли до началѣ XI ст. В. А. 1896, 1. 66—69.

3613. **Горленко** Іосафа, епископа бѣлгородскаго, записки Ѳ. Титовъ. 1893, 10, 168—172.

3614. **Горленко В.** Шевченко-живописца и граверъ (приложеніе ко Все-

мірной Иллюстраціи). 1893 г. № 4. 1893, 6, 531—536.

3615. **Gorski** Wladyslaw Pobóq· Powiat moqylowski w qubernii Podolskiej. w Krakowie 1902. Н. М. 1903, 10, 46—50.

3616. **Gorski**. konstanty. Wojna Pziezy Pospclitey Polskiey z Furcya w latacp. 1672—1673. Warszawa 1890. Н. М. 1890, 166—168.

3617. **Горчаковъ Е**. кн. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва 1885 г. V. 1886, 5, 150—153.

3618. **Господа** Нашого Iисуса Христа Святе Евангеліе від Матөея. В. Н, 1907, 1, 106—113.

3619. **Гошкевичъ В**. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890 г. Н. Б. 1890, 4, 182—184.

3620. **Гошкевичъ Вл**. Клады и древности Херсонской губерніи кн. I. Херсонъ 1903 г. Ф. М-сяій. 1903, 9, 147—148.

3621. **Грабина А. Т.** Тывуртіевы выгадкы. В. Д. 1900, 12, 171—172.

3622. **Грабина А. Т**. Мужычкы жартъ въ 1-й от. К. 1904 г. ц. 20 к. В. Д. 1904, 10, 39—42.

3623. **Грановскій А.** Полтавская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ О. Л. 1902, 5. 121—129.

3624. **Граховъ Я**. Краткій историко-статистичесній обзоръ Екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. Одесса 1856 года. Г. З. 1888, 1—3, 39 45.

3625. **Гринченко Б.** Этнографическіе матеріалы собранные въ Черниговской губерній в. І. Л. 1895, 12, 111—113.

3626. **Гринченко Б**. Этнографичеэліе матеріалы, собранныя въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Черниговъ 1896 г. А. Л. 1896. 11, 61—62.

3627. **Гротъ К. Я.** Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. А. Л. 1896 12, 86—90.

3628. **Гринченко Б. Д.** Каталогъ музея украннскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Н. Б. 1900, 12, 161—164.

3629. **Гринченко Б.** Литература украинскаго фольклора (1777—1900). Олытъ библіографическаго указателя. Черниговъ 1901. Н. Шугуровъ 1901, 9, 105—115.

3630. **Гринченко** Б. Старинный малорусскій письмовникъ. О. Л. 1902, 3, 191—196.

3631. **Гринченко** Б. Драмы и комедіи. Д. Д.1903, 2, 108—111.

3632. **Гринченко**. Хто робить, той и мае (оповідання про Джемса Гарфильда. (СПБ. В. Мировець. 1903, 5, 134—136.

3633. **Гринченко Н**. Буря на мори. Кыивъ 1903, М. Павловскій. 1903, 1—8, 76—78.

3634. **Гринченко Б.** Пысання т. І. Кыивъ 1903 р. П. І. Г. 1904, 12, 175—198.

3635. **Гринченко** Б. Пысання т. І. 1903 р. ц. 1 р. 50 к. Л. Старицкая Черняховская. 1904, 01, 73—115.

3636. **Гринченко** Б. Тяжким шляхом. Про українську прессу К. 1906. В. Д. 1907, 1, 117—120.

3637. **Грінченко** Б. Народні вчителі і вкраїнська школа. К. 1906. В. Д. 1907, 1, 117—120.

3638. **Грінченко** Б. Українські народні казки для дітей К. 1907 ц. 65 к. Е. Віченко 1907, 7—8, 257—259.

3639, **Грінченко** Б. Перед широ-

ким. сьвітом. Б. 1907 ц. 1 р. С. Петлюра. 1907, 7—8, 237—246.

3640. **Гротъ К. Я.** Моравія и мадьяры съ половинѣ IX до начала X вѣка. СПБ. 1881. В. И. 1882. 2, 408—412.

3641. **Гротъ К. Я.** Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. (1141—1173). Варшава 1889. П. Г. 1890, 10, 158—165.

3642. **Грушевскій М.** Южно-русскіе господарскіе замки. П. Г. 1890, 8, 333—334.

3643. **Грушевскій М.** Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. ю. 1891 г. П. Р. 1892, 9, 430—438.

3644. **Грушевскій.** Барское староство Н. М. 1895, 3, 103—112.

3645. **Грушевскій.** Виїмка з жерел. до історії України-Русі Н. М. 1895, 12, 122—123

3646. **Грушевський М.** проф. Історня України-Русі. Т. I—III. Львів 1898—1800. В. Доманицкій, 1902, 12, 186—193.

3647. **Грушевскій М.** Історія України-Русі томъ IV. У Львові 1903. Доманицкій. 1982, 12, 163—171.

3648. **Грушевскій М.** Оповидання. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

3649. **Грушевський** Мыхайло. Оповидання. Выдавньщтво „Викъ". У Кыиви 1904. Л. Ш. 1905, 121—127.

3650. **Грушевський М.** Спірні питання староруської етнографії. СПБ. Тип. Императврской Академіи наукъ 1904. В. Д. 1905, 3, 198—200.

3651. **Грушевський М.** Про старі часи на Україні В. Д—ий. 1907, 4, 99—102.

3652. **Грушевскій М.** Единство или распаденіе Россіи. Ікс. 1907, 7—8, 250—253.

3653. **Грушевскій М.** Національный вопросъ и автономія СПБ. 1907. Ікс. 1907, 7—8, 250—253.

3654. **Грушевскій М.** Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. СПБ. 1907. ц. 1 р. М. Ж. 1907, 7—8, 253—257.

3655. **Губановъ Т.** (изданіе) Хома Боець. Въ кого сердце щыре, той въ несчастяхъ гыне. Опера у четырехъ діяхъ и пьяты картынахъ. К. 1904. ц. 15 к. 1604, 10, 39—42.

3656. **Губернскія** Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи Н. Сумцова. 1885, 2, 391—399.

3657. **Gubernatis** A. Dictionaire international des écrivains au jour livraisons XI et XII. (Florence, Paris, Leipziq 1889 20). Н. М. 1890, 4, 185—189.

3658. **Gubernatis.** Dictionnaire internationale. iлr. XI—X. Н. Молчанивскаго. 1889, 12, 655—661.

3659. **Hunvalfy.** Paul. Die Inqern cder Madyaren. Yien und Teschen. 1881. П. Голубовскій. 1882, 8, 355—358.

3660. **Гульдманъ В. К.** Справочная книжка Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскій 1888 г. Н. Молчановскій. 1888, 1—3, 1—5.

3661. **Гульдманъ В. К.** Подольская губернія. Опытъ географическаго статистическаго описанія. Изд. Подольскаго губернскаго статистическаго комитета. Каменецъ Подольскъ. 1889 г. Ц. Нейманъ. 1890, 1, 156—163.

3662. **Гульдманъ.** Населенныя мѣ-

ста Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскъ 1893 г. 636 стр.

3663. **Гульдманъ.** Памятники старины въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ 1901 г. Н. Бѣляшевскій. 1902, 1, 33—37.

3664. **Гульдманъ В. К.** Настольно справочная книжка для г. г. землевладѣльцевъ и арендаторовъ (помѣстное землевладѣніе въ Подольской губерніи) Изд. 2. Каменецъ 1903 г. Л. С. Л. 1903. 187—189.

3665. **Гуровъ и Бродскій.** Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи Харьковской губерніи (отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа) Харьковъ 1883 г. Дм. Багалѣй. 1884, 2, 305—316.

3666. **Гуровъ В. В.** Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старо-заимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны при участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ 1884 г. Багалѣй. 1884, 8, 702—708.

3667. **Давидовичъ** Б. **С.** Судьбы православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). Рѣчь, читанная на юбилейномъ актѣ Волынской духовной семинаріи 1896 г. 20 сентября, посвящается Волынскому духовенству. Почаевъ 1896 г. К. Х—чъ. 1897, 2· 51—53.

3668. **Данилевскій Г. П.** по литературной перепискѣ. Харьковъ 139 г. А. Л. 1894, 1, 154—155.

3669. **Дашкевичъ Н.** Замѣтки по исторіи литовско русскаго государства. Кіевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 1, 164—167.

3670. **Двадцатипятилѣтіе** Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. В. Ястребовъ. 1885, 10, 342—350.

3671. **Двадцатипятилѣтіе** изданія подольскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1866 г.) Каменецъ-Подольскъ 1887 г. 20+15 (Отд. оттискъ изъ Под. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 1). А. Л. 1889. 1, 264—266.

3672. **Двадцать** пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи съ 1866—1892 г. Изд. Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества. Полтава 1893 г. Л. С. Л. 1894, 9, 464—467.

3673. **Дворницкій Е. Н.** Памятники древняго православія въ г, Владимирѣ-Волынскомъ. Въ пользу Владимирскаго братства. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 11, 465—467.

3674. **Дворянскій** адресъ календарь на 1897 годъ изд. Н. В. Шапошниковъ СПБ. 1896 г. 1897, 3, 88—90.

3675. **De-Wamme E.** Равноапостольный князь Владиміръ святой. Ровно 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

3676. **Дебольскій Г. С.** протоіерей. Житіе св. равноапостольнаго князя Владимира. СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

3677. **Дебагорія** Мокріевича воспоминанія СПБ. 1906 г. С. П—ра 1907. 9, 389—392.

3678. **Девятисотлѣтіе** русской іерархіи, епархіи и архіереи 888—1888 г,

Сост. по официальнымъ и историческимъ дачнымъ. Н. Д. Москва 1888 г. П. Л. 1889, 1, 272—275.

3679. **Демидовъ** санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи СПБ. 1883 г. 1884, 1, 155—158.

3680. **Демуцький Н.** Лира и іи мотивы Кыйив 1903. В. Д. 1903, 11, 109—111.

3681. **Демченко Ив.** Украинське весилля Одесса 1905. В. Даниловъ 1906, 5—6, 3—5.

3682. **Denkschriften** des kaiserlichen Akademie Wissenschaften in Wien. 1884. Н. Сумцовъ. 1885, 4, 755—760.

3683. **Десятилѣтіе** Харьковской общественной библіотеки (1886—1896) Н. М. 1898, 5, 71—73.

3684, **Дикаревъ М. А.** Воронежскій этнографическій сборникъ Воронежъ 1891 А. Степовичъ. 1892, 12, 494—495.

3685. **Дикаревъ А.** Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891 г. К. Михальчукъ 1893, 5, 334—353.

3686. **Дикаревъ** Митрофан. Збірник фильологичної секції наукового товариства імени Шевченка. В. Н—ко. 1904, 4, 39—43.

3687. **Диковъ П.** Списокъ землевладѣнія въ Гродненской губерніи. Изд. Гродненскаго Губернскаго Статистическаго комитета Гродна 1890. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 10, 164—165.

3688. **Dubold Yladimir**. Ein Beitrag zur Antropologie der Kleinrussen. Dorpat 1886 г. В. А. 1888, 6, 52—55.

3689. **Дмитріевскій А.** Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическіи музей при Кіевской Духовной Академіи „Правосл. Обозр.“ 1885, 6. 314—318.

3690. **Дмитренко И. И.** Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска 3 тома. СПБ. 1896 г. А. Л. (съ 7 документами). 1898, 1, 13—22.

3691. **Дмитренко И**. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска СПБ. 1898 г. А. Л. 1899, 2, 109—119.

3692. **Дмитріевъ Ѳ.** Исторія города Брянска Орелъ 1894 г. П. Голубовскій. 1895, 7—8, 52—55.

3693. **Дмитровъ Н.** Першій Русско-американскій календарь. 1897, А. Л. 1897, 11, 61—62.

3694. **Добротворскій Н. А.** Кустарные промыслы Курской губерніи. Курскъ 1886, г. Н. С 1887, 1, 157—161.

3695. **Добрывъ А**. Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ СПБ. 1900 г. ц. 2 р. В. Д. 1901, 1, 35—37.

3696. **Добрянскій Ф.** Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки, церковно славянскихъ и русскихъ Вильна. 1886 г. Н. П. 1882, 3, 564—572.

3697. **Довнаръ-Запольскій М**. Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ Вып. I. Пѣсни пинчуковъ Кіевъ 1895 г. А. Крымскій. 1896, 1, 30—37.

3698. **Докучаевъ В. В**. Методы изслѣдованія вопроса, были ли лѣса въ южной степной Россіи (Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 октября 1888 г.) СПБ. 1889 г. 1890. 1, 163—164.

3699. **Документы** Московскаго архива Министерства Юстиціи т. 1. М. 1897 г. Т. Н. 1899, 5, 99.

3700. **Долопчевъ В.** Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ Южной Россіи) Одесса 1886 г. А. С—чъ. 1888, 9, 63—64.

3701. **Дорошенко Д.** Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южною Русью СПБ. 1904 г. Доманицкій. 1904, 9, 104—113.

3702. **Дорошенко Д.** Народная украинская литература. Сборникъ отзывовъ на народныя украинскія изданія. СПБ. 1904. В. Д. 1904, 12, 184—186.

3703. **Досинчукъ Ѳ. И.** Волынскій календарь на 1889 г. Годъ 1-й. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3704. **Драгомановъ Михайло.** Розвідки про українську народню словесність. В. Д. 1900, 3, 169—172.

3705. **Драгомановъ М.** Листи до Ів. Франка і иншихъ Львів 1906. Д. Дорошенко. 1907, 5, 228—232.

3706. **Драгомирецкій В. С.** Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. Петроградъ 1897. Н. М. 1897, 3, 87—88.

3707. **Древности** сѣверо-западнаго края. Вып. 1. Изд. Императорскаго археологическаго комитета СПБ. 1890. В. Я. 1890, 11, 355—356.

3708. **Древности.** Труды Императорскаго Московскаго Общества томъ XI выпускъ III. Москва 1887 г. В. Я. 1888, 5, 42—44.

3709. **Древности.** Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго общества т. XV. 1895, 11, 82.

3710. **Дремцовъ.** Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Переводы „Кобзаря". Вып. 1 Вятка 1902. Ф. М. 1903, 2, 102—107.

3711. **Дренякинъ.** Бѣлгородъ съ уѣздами. Историко-статистическій очеркъ Харьковъ 1882 г. В. А. 1883, 1, 179—180.

3712. **Дружининъ В.** Г. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка СПБ. 1889 г. А. М. 1889, 4, 225—230.

3713. **Dubiecki** Maryan. Пограничная крѣпость Кудакъ. Н. М. 1900, 10, 30—34.

3714. **Дубове** листя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. В. Мировецъ. 1903, 5, 121—127.

3715. **Dunin-Karvicki** Iozef. Szkice obyczajove i historyczne. Warszava. 1882. (Іосифъ Дунинъ-Карвицкій. Очерки нравовъ и исторіи) 1882, 4, 148—149.

3716. **Егоровъ** Александръ. Екатеринославское блуканье. (1777—1791) Екатеринославъ 1887 г. Г. З. 1887, 4, 753—756.

3717. **Едлинскій М.** Анатолій Мартыновскій, архіепископъ Могилевскій. и его литературные труды. Кіевъ 1889 г. Н. М. 1890, 1, 164—166.

3718. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Н. Ш. 1900, 11, 89—92.

3719. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Годъ 9 К. 1903, В. Д. 1904, 10, 36—39.

3720. **Ежегодникъ** коллегіи Павла Галагана. Годъ X. (1 окт. 1904—1 окт. 1905) Н. Ш. 1905, 10, 56—58.

3721. **Елпатьевскій К.** Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изд. исправл. и дополненное СПБ. 1891 г. П. Г. 1891, 8, 332—338.

3722. **Енохинъ С. А.** На вику, як на довгій ниви. Елисаветградъ 1903 г. В. Мировецъ. 1903, 4, 63—64.

3723. **„Епархіальныя** Вѣдомости“ южно-русскихъ губерній въ 1890 г. (Волынскія, Воронежскія, Донскія, Кишеневскія, Курскія, Минскія, Подольскія, Полтавскія, Таврическія, Херсонскія и Черниговскія) Иродіонъ Житецкій. 1891, 9, 508—516.

3724. **Етнографічний** збірник. Видав комисія наукового товариства імени Шевченка. В. Д. 1900, 5, 100—102.

3725. **Ефименко. А.** Истсрія Украйны и ея народа. СПБ. 1907 г. ц. 50 к. М. Ж. 1907, 7—8, 246—249.

3726. **Ефименко. А. Я.** „На Украинѣ“. Очерки и разсказы в. 1 и 2 ц. 55 к. В. Д. 1901, 2, 96—98.

3727. **Еще** нѣсколько словъ о сборникѣ „Дубове лыстя“. С. Ше—хинъ. 1903, 7—8, 67—76.

3728. **Еще** объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. П. К—ій. 1888, 12, 74—77.

3729. **Жарко Я.** Байки. СПБ. 1899 г. И, 1899, 7, 23—24.

3730. **Жарко. Я.** Про холеру и якъ видъ неи стерегтыся. Катеринодаръ 1905 г. Врачъ. 1905, 7—8, 1—5.

3731. **Жерела** до історіи Україны—Русі. Видае комісія археографічна наукового товариства ім. Шевченка. Т. І. Львів 1895. В. Щербина. 1896, 7—8, 37—41.

3732. **Жерела** до історії України-Руси. Вид. Наук. Тов. ім. Шевченка. т. ІІ. Львів 1897. В. Щербина. 1898, 1, 25—27.

3733. **Жигаревъ С.** Русская политика въ восточномъ вопросѣ. 1898, 5, 66—68.

3734. **Живая** Старина. Изд. Императорскаго русскаго географическаго общества. СПБ. 1892 вып. 1—4. А. Степовичъ. 1893, 7, 145—147.

3735. **Живая** Старина, изд. Императорскаго Этнографическаго общества, вып. 2—4. СПБ. 1890—1891. В. Я. 1892, 5, 299—303.

3736. **Живая** Старина. Изд. при Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ подъ редакціей. В. И. Ламанскаго СПБ. 1890 г. Вып. 1, В. Я. 1891, 5, 322—327.

3737. **Жуковскій В. П.** Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. Кіевъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 1, 154—155.

3738. **Журналы** агрономическаго совѣщанія при Кіевской губернской управѣ. К. 1907. В. Садовський. 1907, 9, 396—398.

3739. **Забѣло Я.** Описаніе Лубенской покровской ярмарки 1891 г. Полтава 1892 г. Р. 1892, 3, 514—516.

3740. **Завадскій**. Владимірскій Кіевскій кадетскій корпусъ. 1851—1901 г. 1902, 1, 39—40.

3741. **Завитневичъ.** Великій князь Кіевскій Святославъ Игорьевичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 17—20.

3742. **Завитневичъ.** О мѣстѣ и времени крещенія св. Владимира и о годѣ крещенія кіевлянъ. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 16—23.

3743. **Загирня М.** Мудрый учитель. Оповидання про Сократа. СПБ. 1903. В. Мировецъ. 1903, 10, 47—48.

3744. **Загоскинъ Н.** Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань 1892 г. ц. 50 к. Н. В. 1892, 4, 144—147.

3745. **Загоскинъ Н. П.** Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія и литература. Казань 1891 г. Y. 1891, 12, 485—492.

3746. **Заклинскій** Корнило. Сноше-

нія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1596 г. Львовъ 1882 г. В. А. 1883, 1, 181—183.

3747. **Zakrzewski V.** Pawinski Adolf 1840—1896. Zarys dizejow zywota i pracy. Petersburg. 1897. А. С. 1898, 1, 31—32.

3748. **Залѣсскій.** Археологическая этнографическая и художественная выставка въ г. Полоцкѣ. В. Перетцъ. 1893, 1, 187—188.

3749. **Замѣтка** о старопечатныхъ книгахъ харьковской духовной семинаріи. Н. Сумцовъ. 1888, 89—90.

3750. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Т. XIII, Одесса 1883 г. И. Л. 1884, 6, 320—322.

3751. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. XIV, Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 11, 555—558.

3752. **Записки** „товариства імени Шевченка ч. I. Н. М. 1895, 11, 6.

3753. **Записки** науковаго товариства т. VII Н. М. 1895, 12, 119—121.

3754. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. XI и XII. Н. М. 1896, 10, 33—36.

3755. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. IX и X. Л. 1896. Н. М. 1896, 5, 63—66.

3756. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. VIII (1895, кн. 4) Львовъ 1895. Н. М. 1896, 2, 73—75.

3757. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. XVI-й Одесса 1893 г. 1894, 2, 347—349.

3758. **Записки** наукового товариства імени Шевченка. Томъ XIII (1896. кн. V) Н. М. 1897, 1, 27—28.

3759. **Записки** наукового товариства імени Шевченка (у Львові) т. XIV (1897, кн. VI) т. XV (1897 кн. I) Н. М. 1897, 5, 74—77.

3760. **Записки** наукового товариства імени Шевченка у Львові т.т. XVI и XVII (1897, кн. II и III) Н. М. 1897, 7—8, 37—40.

3761. **Записки** Императорскаго русскаго археологическаго общества т. VIII вып. 1 и 2 (нов. серія) Труды отдѣленія русской и славянской археологіи книга I. СПБ. 1896. 1897, 9, 78—79.

3762. **Записки** накувого товариства імени Шевченка т. 22, 23, 24. Н. М. 1898, 11, 64—67.

3763. **Записки** Императорскаго Одесскаго общ. исторіи и древностей т. 20 Одесса 1897 г. В- Щербина. 1898, 6, 105—108.

3764. **Записки** наукового товариства імени Шевченка, т. XVIII, XIX, XX, XXI Н. М. 1898, 4, 19—23.

3765. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка т. т. XXV—XXX А. М. 1899, 12, 138—148.

3766. **Записки** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. 21. Од. 1898 г. L. 1899, 3, 171—173.

3767. **Записки** наукового товариства В. Д. 1900, 12, 165—171.

3768. **Записки** наукового товариства імени Шевченка В. Д. 1900, 10, 34—43.

3769. **Записки** наукового товариства В. Д. 1900, 11, 85—87.

3770. **Записки** наукового товариства имени Шевченка т. XXXVII—XXXVIII. У Львові 1900, V. В. Д. 1901, 2, 92—96.

3771. **Записки** наукового товарист-

ва імени Шевченка (I—III томи за 1901 рік) Львів 1901. В. Д. 1901, 7 —8, 54—57.

3772. **Записки** наукового товариства імени Шевченка т. т. 42—45 Львів 1901—1902. В. Д. 1902, 6, 179—185.

3773. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка т. т. 46 и 47 Львів 1902. В. Д. 1902, 9, 156--159.

3774. **Записки** наукового товаристве ім. Шевченка томи LI, LII, LIII. У Львові 1903 р. В. Д. 1903, 9, 134 —139.

3775. **Записки** наукового товариства ім. Шевченка у Львові т. т. XLVIII. XLIX и L 1902 (кн. 4, 5 и 6 за р. 1892) В. Ц. 1903, 3, 179—185.

3776. **Записки** наукового товариства імени Шевченка. Доманицкій 1904, 3, 135.

3777. **Запольскій М**. Сѣверо-западный календарь на 1888 г. Изд. газеты „Минскій Листокъ" Минскъ 1888 г. 1888, 10, 17—22.

3778. **Запольскій М**. Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г. Москва 1889 г. Н. Т. 1889, 1. 275—276.

3779. **Запорожская** рукопись о кладахъ. Кіевъ 1903 г. В. Доманицкій. 1903, 11, 103—106.

3780. **Зарѣцкій И**. Гончарный промыселъ въ Полтавской губ. П. 1894 г. Изд. Полтавскаго губернскаго земства. Щербина. 1894, 12, 507—508.

3781. **Захарченко М. М.** 1) Кіевъ теперь и прежде. Сост. инспекторъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ 1888 г. цѣна 10 р. стр. 276. 2) Кіевъ теперь и прежде Кіевъ 1888 г. (стр. 290+XI) ц, 12 р. въ переплетѣ 3) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ 1888 г. (стр. 290+XVI) ц. 6 р. въ переплетѣ. Н. М. 1890, 1, 141—156.

3782. **Захарченко М. М.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ 1838—1888 г. Кіевъ 1888 г. Н. М. 1889, 11, 467—475.

3783. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji krajovej. Изд. краковской академіи наукъ т. XIII и XIV. Краковъ 1889—1890 г. В. А. 1891, 11, 313—319.

3784. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji krajowej tom XII Krakow 1888 г. В. А. 1889, 4, 217—220.

3785. **Zbiòr** wiadomosci do antropologji. Tom XI Krakow 1887 г. В. А. 1888, 1, 23—27.

3786. **Zvygrodzki** (von) Michael. Die Mutter bei den Yölkern des arischen Stammes München 1886 г. Н. Н. Чернышевъ. 1887, 9, 159—174.

3787. **Зенкевичъ Х**р. Тридцатилѣтіе керченской Александровской гимназіи Керчь 1894 г. А. С. 1894, 10, 163—164.

3788. **Sichler** Léon. Histoire de la littérature russe dépuis les origines jusqu'a nos jours. Paris 1886 г. Г. К—шъ 1887, 6—7, 530—532.

3789. **Зографъ** проф. Русскіе народы, рис. Бѣлянкина ч. 1 в. 1—3 Москва В. Я. 1895, 5, 99—100.

3790. **Иваницкій С.** Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ (1757 —1769) Каменецъ-Подольскъ 1904. Вл. П—ко. 1905, 4, 1—6.

3791. **Ивановъ В.** „Харьковскій сборникъ". Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1894 г. Вып. 8. Н. Б. 1894, 9, 470 —471.

3792. **Ивановъ Д. Л.** Вліяніе русской колонизаціи на природу ставропольскаго края. Н. С. 1886, 12, 735—736.

3793. **Ивановъ П.** Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ (съ предислов. проф. Н. Ѳ. Сумцова) Харьковъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 6. 569—570.

3794. **Ивановъ.** Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XV в. Одесса 1895 г. В. А. 1896, 2, 69—71.

3795. **Иващенко В.** Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада. А. Л. 1895, 5, 100—101.

3796. **Игнатовъ И.** Галлерея русскихъ писателей (Изд. Скирмута) М. 1901 г. ц. 3 р. 50 к. В. Д. 1901, 5, 107—108.

3797. **Извѣковъ Н.** свящ. Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко) митрополитъ литовскій и виленскій. Вильна 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 4, 232—233.

3798. **Извѣстія** Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы съ приложеніемъ. 1886, 5, 156—162.

3799. **Извѣстія** Императорской Археологической комиссіи Вып. 1 СПБ. 1901. Н. Б. 1902, 2. 120—123.

3800. **Извѣстія** Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ т. LXXXIII (Красновъ—травяныя степи сѣвернаго полушарія) М. 1894. В. Я. 1894, 12, 501—503.

3801. **Извѣстія** о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1901 г. Кременчугъ 1902 г. Л. С. Л. 1902, 10, 49—51.

3802. **Извѣстія** о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1902 г. (іюнь—августъ) Л. С. Л. 1902, 12, 196—197.

3803. **Извѣстія** отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ 1902 г. кн. 3 и 4. СПБ. 1902 г. В. Д. 1903, 4, 67—68.

3804. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи, вып. 5—6. Симферополь 1888 г.; вып. 7—8 1889 г. вып. 9—10 1890 г. Арк. Л—нко. 1890, 12, 538—544.

3805. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 11 годъ 5. Симферополь 1891. И. Каманинъ. 1891, 5, 332—335.

3806. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 20—21. 1895, 2, 74—76.

3807. **Извѣстія** таврической архивной коммиссіи № 22. А. Л. 1895, 10, 33—36.

3808. **Извѣстія** Таврической ученой архивной коммиссіи № 26 (годъ 11-й.) Симферополь 1897 г. И Каманинъ. 1897, 6, 118—120.

3809. **Изданія** статистическихъ комитетовъ южной Россіи въ 1891 году, Кіевскаго, Волынскаго, Черниговскаго, Полтавскаго, Воронежскаго. Кубанскаго, „Кубанскій сборникъ" и „календарь Черниговской губ." Р. 1891, 11, 319—324.

3810. **Изданія** общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ: 1) экономическое изслѣдованіе района новоселицкихъ вѣтвей и 196 таблицъ. Кіевъ 1890. 2) О постройкѣ херсонскихъ вѣтвей Кіевъ 1891 г. Н. М. 1892, 11, 311—314.

3811. **Измаильскій** А. А. Какъ высохла наша степь. А. Л. 1895, 3, 131—133.

3012. **Изслѣдованія** о кладахъ Во-

лынской губерніи Житомиръ 1885 г. П. Голубовскій 1885, 11. 532—534.

3813. **Изъ** исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. „Книга царствъ" въ собраніи рукописей библіотеки Новороссійскаго университета. М. Г. Попруженко. Одесса 1894 г. 1894, 3, 579—581.

3814. **Изъ** украинской старины. Рисунки акад. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Ш. Л. 1900, 6, 155—160.

3815. **Иконниковъ В.** Опытъ русской исторіографіи К. 1891—1892 т. I. ч. 1—2. Н. В. 1893, 4, 169—184.

3816. **Илляшевичъ Л.** Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго дворянства И. Каманинъ. 1885, 11, 520—524.

3817. **Илляшевичъ Л.** Шебелинскій бунтъ С. 1887, 6—7, 522—528.

3818. **Иллюстровъ І.** Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. О. Л. 1904, 2, 90—92.

3819. **Иловайскій Д.** Розысканіе о началѣ Руси, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва 1882 г. Н. П. 1882, 9, 556—558.

3820. **Иловайскій Д.** Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и гунско-болгарскому. П. Голубовскій. 1886, 6, 345—347.

3821. **Иловайскій Д. И.** Историческія сочиненія, часть вторая 1859—1897. Москва 1897 г. Н. М. 1897, 6, 108—111.

3822. **Иловайскій Д.** Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1902 г. Н. М. 1902, 11, 123—124.

3823. **Ильницкій Л. В.** Опись книги кіевскаго центральнаго архива № 13 (официіальное изданіе архива). Кіевъ 1882 г. В. А. 1882, 12, 572—574.

3824. **Императорскаго** русскаго историческаго общества сборникъ т. 95. СПБ. 1895. И. Каманинъ. 1897, 1, 29—30.

3825. **Исторической** польской литературы новости. А. С. 1897, 3, 78—82.

3826. **Истринъ В.** Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII в. 1898, 7—8, 50—51.

3827. **J.** Antoni D-r. Z przeszloscè Polesia kiewskiego Warszawa 1882 г. В. А. 1882, 10, 149—154.

3828. **J.** Antoni D-r. Opowiadania historyszne, serya trzecia. T. 1—2. Warszawa 1882. В. А. 1882, 12, 569—572.

3829. **J.** Antoni D-r. Niewiasty kresowe. warszawa 1883 г. В. А. 1883, 4, 873—876.

3830. **J.** Antoni D-r. Opowiadania historyczne, serya siodma Lwòw 1891. М. Г. 1891, 7, 157—158.

3831. **Ivanovicz J.** Ueber die historische Bedeutung des Basilianerordens. Leipzig. 1885. Ѳ. Н. 1885, 12, 705—710.

3832. **Jelinek E.** Ukrajinskè dumy. Y Praze. 1888. А. Степовичъ. 1888, 9, 61—63.

3833. **Jegovski.** Ostatnia staroscina Zvinogrodzka. kraków 1888. В. А. 1889, 2, 527—530.

3834. **Іогансонъ.** Кіевскій календарь на 1889 г. Амартолъ. 1889, 1, 276—281.

3835. **Іосифъ,** митрополитъ литовскій. Записки, изданныя Император-

ской академіей наукъ, по завѣщанію автора. Т. I—III СПБ. 1883 г. А. К. 1884, 7, 511—523.

3836. **Календарь** Черниговской губ. на 1894 г. ц. 1 р. А. Р. 1894, 8, 291—292.

3837. **Календарь** на 1903 г. Православный русско-американскій. Р. 1903, 9, 149.

3838. **Календарь** „Просвіти" на рік 1908. С. Петлюра. 1907, 11—12, 439—441.

3839. **Каманинъ И.** Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 г. г. Н. М. 1891, 3, 514—524.

3840. **Капельгородський Н,** Украінці на Кубані. К. 1907. С. Петлюра. 1907, 10, 129—132.

3841. **Капнистъ П. И.** графъ Сочиненія. М. 1901. т. I и II. А. С. 1901, 4, 46—48.

3842. **Karwicki S.** Ze starego autoramentu Warszawa 1899. Н. М. 1898, 9, 89—90.

3843. **Karwicki S.** Z moich. wspomnien I—II Warszawa 1901. Н. М. 1902, 1. 37—38.

3844. **Каргопольцевъ И.** Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888 г. И. Ж. 1888, 11, 15—16.

3845. **Карнаушенко П. В.** Изъ Малороссіи. Задушевне слово дорогой памяти любому царю Олександру II на 1 марта 1897 г. Одесса 1897 г. В. Н—ко. 1897, 7—8, 50—51.

3846. **Карпенко-Карый.** „Збирныкъ творивъ" и „Наймычка". Иг. Ж 1888, 9, 65—68.

3847. **Карцовъ В.** и Мазаевъ М. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. СПБ. 1891. А. Л—ило. 1892, 2, 363—364.

3848. **Карый И.** Три пьесы. Херсонъ 1886 г. 1887, 2, 342—345.

3849. **Карышевъ.** Русская фабрично-заводская промышленность. (Русское Богатство 1894. 11. 12). С. Ч—ій. 1895, 3, 112—125.

3850. **Касиненко Ю. И.** Сочиненія т. I. Лубны 1898. О. Л. 1899, 3, 173—174.

3851 **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскіе войска, и матеріалы по исторіи Россіи. Вып. III СПБ. 1890 г. А. Л. 1891, 8, 342—343.

3852. **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба вып. V. СПБ. 1893. Д. Багалѣй. 1893, 11, 346—349.

3853. **Квитка** (Основьяненко). Малороссійскія повѣсти. С. 1887, 10, 366—367.

3854. **Квитка Г. Ѳ.** Сочиненія т. 3. Повѣсти и разсказы Харьковъ 1888 г. В. Г. 1889, 10, 207—210.

3855. **Киркоръ.** Живописная Россія. Т. III. СПБ. 1883 г. Литва. Бѣлоруссія. 1884, 8, 681—701.

2856. **Кіевской** Духовной академіи труды. 1896 г. №№ 1—12. 1897, 2. 53—55.

3857. **Кіевскаго** городского комитета попечительства о народной трезвости отчетъ за 1900—1901 г. г. Л. С. Л. 1902, 12, 193—196.

3858. **Кіевской** губерніи памятная книжка на 1902 г. Л. С. Л. 1902 3, 206—208.

3859. **Кіевскія** Епархіальныя Вѣдомости 1893 и 1894 г. г. А. Л. 1895, 9, 80—96.

3860. **Кіевскій** календарь юго-западнаго края за 1899 г., иллюстрированный альманахъ-ежегодникъ. Н. III. 1899, 4, 40—42.

3861. **Кіевскій** сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. К. 1892. ц. 2 р. 50 к. В. Н—ко. 1892, 7, 136—139.

3862. **Кіевъ** и университетъ св-Владимира при императорѣ Николаѣ I. (1825—1855) Н. М. 1896, 12, 90—94.

3863. **Книги** относящіяся къ южнои Россіи. 1892, 1, 172—188; 6, 477—478; 9, 465—471; 12, 502—506.

3864. **Кобрыньска Н.** Выборецъ. Выдавныцтво „Викъ" № 43 Кыивъ 1904. В. К. 1905, 6, 229.

3865. **Kowalewsky M.** Mariage omong the early slavs Lond. 1890. В. 1892, 5, 278—284.

3866. **Коваленко.** О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. (въ „этнографическомъ обозрѣніи" 1891, IX) Н. С. 1892, 1, 163—164.

3867. **Коваленко** Олекса Украинськый декламаторъ „Розвага" Кыивъ 1905. В. Д—ий. 1906, 3—4, 57—60.

3868. **Козловскій** Мартинъ Литургическій календарь луцко-житомирской епархіи и костеловъ подольской губерніи на 1888 г. Житомиръ 1887, Михаленко-Юрковскій. 1888, 5, 62—64.

3869. **Козминскій Д.** Описаніе ризницы и библіотеки черниговскаго архіерейскаго дома. Н. Б. 1894, 9, 463—464.

3870. **Kolberg** Oskar. Pokuciè Obraz etnograficzny. Ц. Нейманъ. 1884, 3, 482—487.

3871. **Коллегіи** Павла Галагана ежегодникъ годъ 8-й Кіевъ 1903 г. 1903, 11, 98—103.

3872. **Коломый** Підета. Восток і Запад Повість. В. Д. 1904, 1, 31—32.

3873. **Кольцовъ А. В.** Пѣснь на малорусскомъ языкѣ. Степовичъ. 1893, 1, 184—186.

3874. **Комаровъ М.** Українська драматургія Одесса 1906. В. Д—ий. 1907, 1, 114—117.

3875. **Комаровъ М.** Покажчикъ нової української літератури (1798—1883 р.) В. Науменко. 1883, 4, 867—873.

3876. **Комаровъ М.** Дополненіе къ „Покажчику нової української літератури" М. Гавриловъ. 1883, 8, 748—750.

3877. **Комаровъ М.** Нова збирка народныхъ малоруськыхъ прыказокъ, помовокъ и проч. Одесса 1890 г. А. Степовичъ. 1890, 11, 347—349.

3878. **Комаровъ М.** Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ (библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка) Одесса 1903 г. В. Д. 1904, 5, 79—90.

3879. **Комаровъ М.** Лысенко Н. В. Указатель музыкальной и литературной дѣятельности. 1904, 1, 1—25.

3880. **Комаровъ М.** Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. 1904, 2, 78—80.

3881. **Кониський О.** Тарас Шевченко-Грушівський Львовъ 1898. Н. М. 1898, 4, 25—28.

3882. **Конисскій А.** Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка Н. М. 1898, 9, 90—91.

3883. **Конисскаго** Перебенди О. Я. Твори т. IV Одесса 1903 г. 1903, 4, 64—65.

3884. **Константиновичъ Н.** Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи

вып. IV (дополненіе) Черниговъ 1885 г. Дмитрій Багалѣй. 1885, 5, 149—152.

3885. **Коперницкій.** Русскіе горцы въ Галиціи. Краковъ 1889 г. Ц. Нейманъ. 1889, 5—6. 661—663.

3886. **Копылъ** (козакъ) На чуже посягны, то й свое выставъ. М. 1904. В. Д. 1904, 10, 42—43.

3887. **Корвинъ-Піотровскій К. В.** Календарь Черниговской губ. на 1887 годъ. Ѳ. Н. 1887, 4, 756—759.

3888. **Корвинъ-Піотровскій К. В.** Календарь Черниговской губ. на 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 6—10.

3889, **Корифеи** украинской сцены К. 1901 ц. 65 к. Ш. 1901, 11, 111—112.

3890. **Корольковъ Конст.** Столѣтній юбилей Екатеринослава 9 мая 1787—1887. Екатеринославъ 1887 г. В. О. 1887, 12, 761—766.

3891. **Костомаровъ Н. И.** Богданъ Хмѣльницкій. Историческая монографія. изд. 4-е исправлен. и дополненное СПБ. 1884 т. 1—3. В. А. 1884, 6, 315—320.

3892. **Костомаровъ Н. И.** Эллины Тавриды историч. драма въ 5-ти дѣйст. СПБ. 1884 г. В. Г—го. 1884, 9, 137—141.

3893. **Костомаровъ Н. И.** Литературное наслѣдіе. СПБ. 1890 г. Я. Ш. 1891, 5, 315—321.

3894. **Котляревскаго А. А.** Сочиненія т. 2 и 3-й. СПБ. 1890. А. Степовичъ. 1892, 7, 131—132.

3895. **Котляревскаго И. П.** Малороссійская опера Наталка Полтавка, Провѣренный текстъ ред. Стешенка. Кіевъ 1903. Б. Гринченко 1903, 7—8, 56—60.

3896. **Коцюбинскій М.** Оповидання т. перший. Кыив 1903. В. Поточный 1903, 10, 38—47.

3897. **Кранихфельдъ В.** Шевченко Т. Г. пѣвецъ Украины и Запорожья (1814—1861) (очеркъ) В. Д. 1901, 5. 101—103.

3898. **Красильниковъ Ф. С.** Малороссія и малороссы (географ.-этногр. очеркъ) Москва 1904. В. Доманицкій. 1905, 1, 49—51.

3899. **Kraszewski J.** Cet czy licho Warszawa 1884 т. 1, 2. S. 1884, 3, 487—489.

3900. **Краткій** историческій очеркъ кіевской губернской типо-литографіи 1799—1899. Н. М. 1900, 11, 92—103.

3901. **Краткая** опись предметовъ, находящихся въ древнехранилищѣ православнаго свято-Владимирскаго братства въ Владимирѣ-Волынскомъ (Изд. Свято-Владимирскаго братства) К. 1892 г. Каманинъ. 1892, 8, 269—273.

3902. **Кревецький І.** Коріфеї російської критики і українське письменство. В. Г. Белінський Львів 1905. С. Петлюра. 1907, 9, 394—396.

3903. **Кропивницкаго М.** драмы „Олеся“ по поводу. Глаголь. 1893, 3 560—566.

3904. **Крымськый А.** Изъ повистокъ. и эскизивъ. М. 1902. А. Нестеровскій. 1902, 11, 124—126.

3905. **Крымськый А.** Пальмове илля. И. Стешенко. 1902, 2. 131—135.

3906. **Крымськый А.** Изъ повистокъ и эскизивъ. К. Я. 1904, 12, 181—183.

3907. **Крымськый А.** Древне-Кіевскій говоръ. В. Д. 1907, 4, 102—105.

3908. **Кубанскій** сборникъ. Труды областн. статист. комит. т. 4. Екатеринодаръ 1897. Е. К. 1898, 6, 103—104.

3909. **Кубанская** область въ произведеніяхъ Пушкина. 1899, 7, 26—28.

3910. **Куджевскій М.** полковникъ. Опытъ военно-историч. изслѣдованія о казачествѣ. вып. I. Кіевъ 1896 г. Z, 1897, 9, 79—81.

3911. **Кузьминъ А.** Запорожская сѣчь. М. 1902. ц. 40 коп. П. 1902, 6, 189—191.

3912. **Кулаковскій Ю. А.** Карта Европейской Сарматіи по Птоломею. Е. К. 1900, 1, 38—39.

3913. **Кулида Д.** Збирныкъ творнвъ 1 кныга 1903 г. ц. 40 коп. С. Е—мовъ. 1904, 5, 90—94.

3914. **Кулишъ П. А.** „Хуторна поэзія" и „Крашанка" Львовъ 1882 г. Н. П. 1882, 6, 509—519.

3915. **Кулишъ П. А.** „Байда, князь Вишневецкій", драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. СПБ. 1885 г. А. Степовичъ. 1885, 9, 151—158.

3916. **Кулѣшъ П.** Украинскія народныя преданія. А. Л. 1895, 12, 111—113.

3917. **Кулішъ П.** Дзвін, староруські думи і сьпіви. Женева, 1893. В. Науменко. 1896, 4, 28—32.

3918. **Кулишъ П. А.** Воспоминанія дѣтства (повѣсти). Бахмутъ 1899 г. 1899, 9, 121—122.

3919. **Кулишъ П.** Хуторни недогарки. Х. 1902. С. Е—мовъ. 1902, 3, 210—216.

3920. **Кульженко С.** Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ. П. Голубовскій. 1899, 12, 92—96.

3921. **Кулябко С. Н.** Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (по книгѣ Чалаго и по „Кобзарю") 1884 г. В. Г—ко. 1883, 12, 675—676.

3922. **Куриловъ И. А.** Историко-статистическое описаніе Роменскаго Свято-Духовскаго собора. Ромны 1887 г. Ѳ. Н. 1888. 4, 12—15.

3923. **Куриловъ И.** Роменская старина. Ѳ. Николайчикъ. 1898, 11, 58—64.

3924. **Курисово**-Покровское мѣстечко Балайтолкъ) Статистическое описаніе поселенія, составленное статист. отдѣленіемъ при Херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г. В. А. 1883, 11, 495—496.

3925 **Курской** губерніи памятная книжка на 1892 г. ц. 1 р. 20 к. А. Степовичъ. 1892, 7, 132—133.

3926. **Кустари** и ремесленники Полтавской губ. по свѣдѣніямъ 1898 и 1900 г. г. Л. С. Л. 1902. 1, 29—33.

3927. **Къ новоселью** городской публичной библіотеки въ Одессѣ. (1829 1883). Одесса 1883 г. 1884, 3, 491—492.

3928. **Лазаревскій А.** Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда. Юго-восточная часть уѣзда. Черниговъ 1886 г. Э—ь 1887, 10. 368—369

3929. **Лазаревскій А.** Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. (1729—1730 г.) Черниговъ 1892 г. В. М. 1893. 8, 309—318.

3930. **L'** Anthropologie. Tome sixième, année 1895. В. А. 1896, 4, 24—26.

3931. **Лаппо-Данилевскій** Скиѳскія древности. В. Ястребовъ. 1888, 7, 22—26.

3932. **Лаппо-Данилевскій** и Мальмбергъ. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Императ. Архивн. комиссіей 1893 г. В. Ястребовъ. 1895, 1. 20—34.

3933. **Лаппо И. П.** Земскій судъ во великомъ княжествѣ литовскомъ въ концѣ XVI в. В. Д. 1898, 2, 73—77.

3934. **Латышевъ В. В.** Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернагс моря. Ѳ. Г. Мищенко. 1880, 7. 136—141.

3935. **Латышевъ В. В.** Греческія надписи найденныя въ 1881—88 г. г. на берегахъ Кимерійскаго Босфора и Херсонеса Таврическаго СПБ. 1890. Ѳ. Г. Мищенко. 1890, 7, 136—141.

3936. **Лашковъ Ѳ.** Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ. Симферополь 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 11—16.

3937. **Лащенковъ Н. А.** протоіерей, Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Херсонскій. Харьковъ 1895. А. Л. 1896. 1, 41—45.

3938. **Лебедевъ А.** О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. Д. И. Багалѣй. 1888, 4, 19—21.

3939. **Лебедевъ А.** Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 г. Н. В. 1891, 10, 165—166.

3940. **Лебедевъ А. С.** Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ. Москва 1885 г. И. Каманинъ 1886, 12, 732—735.

3941. **Лебедевъ А. С.** Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ. В. 1-й. Москва 1886 г. Н. С. 1887, 6—7, 528—530.

3942. **Лебедевъ А. Н.** Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись). Е. К. 1896, 1, 46—50.

3943. **Lebinski** D—r. Materyaly do slovnika historycznego jezyka i starozytnosce Polskieh Poznan 1889 г. А. Стороженко. 1890, 11, 344—347.

3944. **Левицкій.** Галицко-русская библіографія за 1887 г. Львовъ 1888 г. Миронъ 1888, 5, 32—33.

3945. **Левицький И.** Повисти й оповиданя т. I. СПБ. 1899. J. S. 1899, 11, 80—93.

3946. **Левицький Иванъ.** Повисти й оповидання. т. II. Старосвитськи батюшкы и матушкы. 1900. 7—8, 40—41.

3947. **Левицкій И.** Повісті і оповідання. т. III К. 1901. В. Черепинъ. 1902, 2, 124—131.

3948. **Левицкій И. Ем.** А. Барвѣнскій въ исторіи культурнаго движенія рус. народа на Прикарпатю. Львовъ 1901. С. Е. 1902, 2, 137—138.

3949. **Левицький И.** Рыбалка Панасъ Круть. Кыивъ 1903 р. М. Павловській. 1903, 7—8, 76—78.

3950. **Левицкій Ив. Ем.** Галицкорусская библіографія XIX ст. съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. 2 тома Львовъ 1888—1895 1 т. 7 р, 50 к. 2 т. 31 р.—А. Л. 1896, 4 27—28.

3951. **Левицкій И. Г.** Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. (1801—1886 г.). Львовъ вып. I—II. 1887 г. III 1888 г. 1888, 5, 25—32.

3952. **Левицкій И. С.** (Нечуй) Кайдашева семья Кіевъ 1887 г. И. Ж. 1888, 1—3, 45—48.

3953. **Левицький М.** За коліивщины. Оповидання. Кыивъ 1903 г. М. Павловскій. 1903, 7—8, 76—78.

3954. **Левицкій О.** Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ

Изяславичемъ. К. 1892 г. И. Каманинъ. 1892, 8, 269—273.

3955. **Ленорманъ Ф.** По поводу библіографической замѣтки. С. Л—ва о соч. его „Руководство къ древней исторіи Востока" И. Каманинъ. 1890, 5, 380—381.

3956. **Леонидъ** архимандритъ. Библіографическія замѣтки. 1898, 11, 440—444.

3957. **Леонтовичъ Ѳ. И.** Очеркъ исторіи литовско-русскаго права. Образованіе литовскаго государства 1894. Н. В. 1895, 1, 39—41.

3958. **Леонтьевъ А. П.** Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ Херсонской губерніи. Херсонъ 1890 г. В. Я. (См. „отвѣтъ моему рецензенту". А. Леонтьева К. С. 1881 августъ, стр. 352—356). 1891, 1, 194—196.

3959. **Леонтьевъ И.** Памятная книжка Волынской губ. на 1902 годъ. Житомиръ 1901 г. Л. С. Л. 1902, 4, 41—45.

3960. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ и предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Кіевъ 1890 г. Н. Б. 1890, 12, 544—546.

3961. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. Кіевъ 1891 г. Н. А. 1891, 3, 538—540.

3962. **Леопардовъ Н.** и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV (въ одномъ томѣ) Кіевъ 1891 г. Н. Б. 1891, 12, 496—502.

3963. **Леопардовъ Н.** и Черневъ Н. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія вторая, вып. I. К. 1891 г. вып. II. К. 1893 г. Н. С. 1894, 3, 583—585.

3964. **Леопардовъ Н. А**. Коллекція древнихъ предметовъ и монетъ, пожертован. церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной академіи. 1895, 6, 123—126.

3965. **Лещенко И. В.** Описаніе Шпиковскаго имѣнія Н. П. Балашева въ Подольской губерніи. Немировъ 1896 г. Н. М. 1897, 2, 58—61.

3966. **Л. Ж.** Запорожская сичъ съ новымъ содержаніемъ. В. Д. 1905, 1, 47—48.

3967. **Лилеевъ М. И.** Изслѣдованіе изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и Стародубьѣ XVII—XVIII в. в. вып. 1, Кіевъ 1895 г. В. Иконниковъ 1897, 4, 22—32.

3968. **Лилеевъ.** Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ. 1898, 5, 68—71.

3969. **Линевичъ Д. М.** О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ. Винница 1901 г. Л. С. Л. 1903, 5, 136—137.

3970. **Линниченко.** Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси. П. Голубовскій. 1888, 1—3, 16—23.

3971. **Липранди.** Въ дебряхъ Полѣсья. 1899, 5, 101—102.

3972. **Лисенко С.** Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской г. вып. III. Промыслы Лохвицкаго уѣзда. Изд. Полтавскаго губернскаго земства. Полтава 1904. Л. С. Л. 1904, 12, 180—181.

3973. **Лисовскій А.** Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 9, 505—506.

3974. **Лисовскій А. Н.** Главные

мотивы въ поэзіи Шевченка. И. Стешенко 1896, 10, 23—31.

3975. **Литературный** сборникъ, издаваемый Галицко-русскою матицею, подъ редакц. Б. Дѣдицкаго. В. I. Львовъ 1886 г. Y. 1886, 12 728—732.

3976. **Литинскій М. Н.** „Койросъ Подолія“ (Судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ въ Россіи ч. 1. Одесса 1895. Н. М. 1897, 12, 84—86.

3977. **Лихачевъ Н.** О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ М. 1893. В. Б. 1894, 10, 162—163.

3978. **Lozinski.** Ylad. Przekupien Lvovski v XVII vieku. И. Л. 1888, 10, 25—28.

3979. **Лонгиновъ А.** Памятникъ древняго православія въ г. Люблинѣ, —православный храмъ и существовавшее въ немъ братство. Варшава 1883 г. 1883, 9—10, 290—294.

3980. **Лонгиновъ А.** Червенскіе города. Истор. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червоной Руси. Варшава 1885 г. П. Голубовскій. 1886, 5, 146—149.

3981. **Лопаревъ Хр.** Слово о погибели русской земли (вновь найденный памятникъ литературы XIII в.) СПБ. 1892 г. А. Л—нко. 1892, 6, 476—477.

3982. **Лопатинъ** и Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ 2 части, часть 1 и 1-й вып. 2-й части Москва 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 11, 461—465.

3983. **Лотоцкій А.** Гдѣ обучалось Подольское духовенство до учрежденія духовной соминаріи. Кам.-Подольскъ 1898 г. В. Д 1899, 2, 127—128.

3984. **Лотоцкій Н.** Народное образованіе въ Подоліи. В. Д. 1900, 9, 121—123.

3985. **Лотоцкій** свящ. Винницe-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. В. Д. 1901, 2, 101—103.

3986. **Л. П. Г.** Описаніе Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 5, 319—321.

3987. **Л. П.** Кіево-Михайловскій Златоверховный монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 4, 765—766.

3988. **Л. С. Л.** Крестьянское хозяйство въ Кіевской губ. (По поводу брошюры И. М. Ревы „Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство“ К. 1893 г.) 1894, 5, 361—375.

3989. **Лубочная** украинская литература Гр. Сьогобочный. 1905, 4, 8—12.

3990. **Лучицкій И.** Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ съ XVIII в. Д. Багалѣй. 1883, 2, 409—415.

3991. **Лучицкій И.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (Полтав. губ.) К. 1884 г. Д. Багалѣй. 1884, 9, 141—148:

3992. **Лучицкій И.** Сябры и сябринное землевладѣніе въ малороссіи СПБ. 1889 г. И. Новицкій. 1889, 7, 293—306.

3993. **Лыпа И.** Багаття (Украинскій альманахъ) 1905 року. Одесса, Л. Жигмайло. 1906, 2, 34—43.

3994. **Лыхо** зъ горилкою М. 1909 г. ц. 3 к. (изд. Сытина) В. Д. 1901, 5. 105—107.

3995. **Львовъ Л.** Отношенія между Запорожьемъ и Крымомъ. 1896, 6, 105—107.

3996. **Лѣтопись** историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. I. Посвящается 25 лѣтію Импер. Новороссійскаго у-та. Одесса 1890 г. А. М. 1891, 1, 200—201.

3997. **Любавскій М. М.** Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ. Н. В. 1895, 1, 41—42.

3998. **Любичъ Е.** Изъ жизни. Одесса 1902 г, Б. Л. 1902, 10, 51—52.

3999. **Любовичъ Н.** Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава 1883 г. 1884, 3; 477—482.

4000. **Любовичъ Н. Н.** Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 7, 310—311.

4001. **Любопытная** книжка конца XVIII ст. Ц. Г. Нейманъ. 1884, 7, 525—529.

4002. **Ludvik** Finkel wspolnie z Henrykiem Sawcsynskim Lwow. Bibliografia historyi polskej. 1896, 6, 107—109.

4003. **Ляскоронскій В.** Иностранные карты и атласы 16 и 17 в.в., относящіеся къ Южной Россіи. К. 1898. Н. М. 1898, 9, 88—89.

4004. **Ляскоронскій В.** Бопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи К. 1901 г. ц. 3 р. 60 к. В. К. В. 1902, 7—8, 76—79.

4005. **Ляцкій Е.** Рецензія на „Бѣлорусское Полѣсье“ М. Довнаръ Запольскаго. А. Крымскій. 1896, 1, 38—42.

4006. **Мазановъ Петръ.** Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 25 лѣтъ изданія ихъ съ 1863—1888. Полтава 1888 г. А. Л. 1889, 1, 264—266.

4007. **Maiewskego** Erazma drobne prace i notatki Warszawa 1897 г. А. С. 1898, 1, 32—33.

4008. **Макаровського** Михайла Поэмы Львів. Стешенко. 1902, 6, 187—189.

4009. **Максимовичъ. И.** Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичей. Рига 1897 г. А. Л. 1898, 2, 64—66.

4010. **Макарій** (митрополитъ Московскій и Коломенскій) Исторія русской церкви т. X. СПБ. 1881 г. М. 1881, 3, 576—580.

4011; **Макарій,** митрополитъ Московскій. Исторія русской церкви. т. XI. СПБ. 1882 г. Патріаршество въ Россіи. П. М. 1882, 4, 149—152.

4012. **Макарій** (митрополитъ Московскій и Коломенскій) Исторія русской церкви т. XII. СПБ. 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора) Т—ій. 1883, 5, 155—160.

4013. **Малорусскія** литературныя новинки 1885 г. V. 1885, 12, 699—702.

4014. **Малышевскій И.** Житіе св. равноапостольнаго князя Владимира въ Кіевѣ. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 29—33.

4015. **Малышевскій И.** Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ 1887 г. Кіевъ. П. Голубовскій. 1888, 12, 61—65.

4016. **Малышевъ В.** Жизнеописаніе русскихъ военныхъ дѣятелей т. I вып. 4-й. СПБ. 1887 г. Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ графъ Милорадовичъ. М, 1888, 9, 68—69.

4017. **Манджура Иванъ.** Степови думы та спивы СПБ. 1889 г. В. Г. 1889, 9, 788—790.

4018. **Маниковскій Өедоръ.** Историко-статистическое описаніе Кіево-Флоровскаго Вознесенскаго монастыря Кіевъ 1894 г. Гл. 1895, 12, 113—115.

4019. **Маркевичъ А.** О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. В. 1-й Одесса 1883 г. П. Голубовскій. 1883, 8, 744—748.

4020. **Маркевичъ А.** Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки Одесса 1890 г. А. С—чъ. 1891, 9, 506—507.

4021. **Маркевичъ А.** проф. Южная Русь при Екатеринѣ II. Одесса 1893 г. В. Я. 1894, 4, 192.

4022. **Маркевичъ.** Городъ Качибей или Гаджибей, предшественникъ города Одессы. Одесса 1894 г. В. Я. 1894, 4, 190—192.

4023. **Марко Вовчекъ.** Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сынъ, Два сыны, Не до пары. К. 1904. Выдавныцтво „Викъ". №№ 37 и 38, В. К. 1905, 6, 230—231.

4024. **Марковъ.** О достопамятностяхъ Чернигова. Черниговъ 1882 г. П. Голубовскій. 1883, 8, 742—744.

4025. **Марковъ Е.** Отъ Кіева до Бриндизи Путевые очерки. Гл. 1—11. В. Я. 1897, 7—8, 45—50.

4026. **Марковичъ А.** Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ черниговской губ. Черн. 1894 г. А. Л. 1894, 12, 506—507.

4027. **Марковичъ Д.** У наймы. На вовчому хутори. Выдавныцтво „Викъ" № 42. 1904 г. Кыивъ В. К. 1905, 6, 229—230.

4028. **Марковичъ Д.** По степамъ и хуторамь. М. 1898. С. Н. 1899, 7, 20—23.

4029. **Мартыновича П. Д.** художника малюнкы до Энеиды Котляревскаго. Выдання Полтавськои городськои думы року 1903. А. Сластіоновъ. 1903, 11, 107—109.

4030. **Матвѣевъ А.** Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса 1884, И, Каманинъ. 1885, 10, 324—325.

4031. **Матеріалы** для исторіи Подольской губерніи. Изд. редакц. Подольскихъ губерн. Вѣдомостей 1885 г. А. М—чъ. 1885, 8, 693—696.

4032. **Матеріалы** для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. I. Екатеринославъ 1880 г. 573 стр. 1882, 3, 560—564.

4033. **Матеріалы** для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты, изд. воронежскаго статистическаго комитета т. I. Воронежъ 1887 г. Т. Шнейдеръ. 1887, 11, 559—562.

4034. **Матеріалы** для оцѣнки земель херсонской губерніи т. II. Елисаветградскій уѣздъ. В. Я. 1887, 2, 339—342.

4035. **Матеріалы** для оцѣнки земельныхъ угодій. собранные Черниг. статистич. отдѣленіемъ при губернск. земск. управѣ т. XV. (Кролевецкій уѣздъ). А. Русовъ. 1888, 1—3, 28—39.

4036. **Матеріалы** по археологіи Россіи изд. Императорскою Археологическою комиссіею Древности Южной Россіи № 9 СПБ. 1891—92 г.г. В. Я. 1892, 10, 159—161.

4037. **Матеріалы** по археологіи Россіи, издав. Импер. Археолог. Комиссіею № 11—Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. В. Антоновича СПБ. 1893 г. В. Ястребовъ. 1893, 8, 318—321.

4038. **Матеріалы** къ оцѣнкѣ земель Полтавской губерніи в. XVI. Изд. Полтавскаго губ. земства. Н. А. 1895, 5, 79—95.

4039. **Materyaly** antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne wyd. komis. antropolog. Akademii umiejetnosci w Krakowie. T. 1. Krakow 1896. А. Л. 1898, 2, 66—67.

4040. **Матеріалы** по археологіи Кіева. Древнія гирьки. К. 1898 г. Ѳ. М. 1898, 7—8, 40—44.

4041. **Матеріяли** до украинсько-руськоï етнольогiï т. I Львів. А, Малинка. 1899, 7, 17—20.

4042 **Матеріалы** по исторіи русской картографіи в. I. Е. К. 1900, 1, 38—39.

4043. **Materyaly** antropologiczne i etnograficzne. wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejetnosci w Krakowie т. IV Krakow 1900. Н. Б. 1901, 1, 22—27.

4044. **Материяли** до украïнсько-руськоï етнольогiï Виданне етнографичноï комисiï за редакциею Хв. Вовка т. II (1899) т. III (1900). А. Малинка. 1901, 9, 116—124.

4045. **Матченко И. П.** Св. равноапостольный князь Владиміръ просвѣтитель Руси. СПБ. 1889 г. П. Голубовскій. 1889, 12, 646—654.

4046. **Маценко В. А.** Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилуцкаго уѣзда Полтавской губ. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и планомъ города. Ромны 1888 г. Ѳ. Н. 1888, 12, 67—71.

4047. **Межигорская** старина. Кіевъ 1885 г. К. Цыбульскаго. 1885, 7, 497—500.

4048. **Межовъ В. И.** Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно, т. 1—2 СПБ. 1882 г. Н. П. 1882, 9, 559.

4049. **Мельникъ К.** Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ вып. I К. 1893 г. 11, 349—351.

4050. **Мемуары**, относящіеся къ исторіи Южной Руси вып. II (1-я полов. XVII ст.) пер. К. Мельникъ. Кіевъ 1896 г. Н. М. 1898, 3, 82—84.

4051. **Милорадовичи** 1) объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ Кіевъ 1871 г. 2) Сказаніе объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ Кіевъ 1884 г. А. Лазаревскій. 1884, 10, 331—332.

4052. **Милорадовичъ** Андрей Степановичъ, покоритель Мачина въ 1771 г., губернаторъ Черниговскаго намѣстничества (1791 г.) съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2. Черниговъ 1887 г. А. Л. 1887, 5, 171—172.

4053. **Михайловскій** (Кіевскій златоверхов.) монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени Кіевъ 1889 г. П. Голубовскій. 1889, 8, 556—559.

4054. **Михайловъ В.** Въ память празднованія 900 лѣтія крещенія русскаго народа. Москва 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 9, 55—61.

4055. **Михалевичъ И.** Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 10, 171—172.

4056. **Михалевичъ И.** Каменецъ-По-

дольская гимназія. Историч. записка о 50 лѣтнемъ существованіи ея (1833—83). К.-Подольскъ 1883 г. В. И. 1884, 6, 323.

4057. „**Михайловецъ**". Ежемѣсячный журналъ, издаваемый Михайловскимъ артиллерійскимъ училищемъ № 2, 3, 4, 5, 6 за 1905 г. Мик. Стасюкъ. 1905, 10, 58—59.

4058. **Минхъ А.** Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи СПБ. 1890. А. Л—нко. 1892, 2, 361—363.

4059. **Мицкевичъ** въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ. И. Новицкій. 1885, 12, 747—749.

4060. **Michov H.** Die altesten Karten von Russland. Hamburg 1884—91. N. S. 1885, 2, 367—369.

4061. **М. Л.** Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ Рижскомъ, въ Кишиневской духовной семинаріи, съ портретомъ его. Кишиневъ 1882 г. Л. С. 1882, 12, 576—582.

4062. **Можетъ-ли** не подлежать сомнѣнію, что октрытое во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владимира П. Л. 1889, 4, 233—236.

4063. **Мончаловскій О. А.** Литературное и политическое украинофильство. Львовъ 1898 г. Н. М. 1899, 4, 44—48.

4064. **Мордовцевъ Д. Л.** Оповидання. СПБ. 1885 г. Г. 1885, 8, 698—700.

4065. **Мордовцевъ Д.** Сагайдачный историческая повѣсть. СПБ. 1882 г. В. А. 1382, 10, 134—142.

4066. **Мордовець Д.** Козаки и море, Поэма СПБ. 1898. W. 1897, 12, 92—94.

4067. **Мордовець Данилъ.** Палій, воскреситель правобережной Украины СПБ. 1902 г. В. Черепинъ. 1903, 1, 29—38.

4068. **Морозенко**. Оповидання Панаса Мырного К. 1904 г. ц. 8 к. В. К. 1904, 11, 115—116.

4069. **Moszynska** Iózeía. Kupajlo. W Krakowie 1881 Ив. Новицкій. 1882, 6, 527—529.

4070. **Мочульскій В.** Малороссійскія и Петербургскія повѣсти Гоголя. Одесса 1902. В. Н. 1902, 9, 153—154.

4071. **Музыкантовъ П.** Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. Состав. по „Исторіи козаковъ" Чарновскаго. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 8, 564—566.

4072. **Мукаловъ Н.** Географія Кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Кіевъ 1883 г. 1883, 5, 164—166.

4073. **Мухинъ Н.** Кіево-братскій училищный монастырь. 1893 г. 2—50. Ѳ. Титовъ. 1895, 2. 77—79.

4074. **Мыкола Дидъ.** Неначе свитъ перевернувся. (вирши). С. Е. 1902, 3, 216—218.

4075. **Мирный П.** Повія, романъ ч. 1—а. В. Горленко 1883, 6, 366—370.

4076. **Мирный П.** Збираныця зъ ридного поля. Прыповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г. Борисъ Познанскій. 1886, 7, 542—547.

4077. **Мырный Панасъ.** Кныжка перша творивъ. У Кыиви 1903. В. С. 1903, 6, 202—205.

4078. **Мырный П.** Лыхый попутавъ (оповидання). Кыивъ 1903 р. М. Павловскій. 1903, 7—8, 76—78.

4079. **Мырный Панасъ.** „Морозенко". Б. Я. 1904, 12, 131—183.

4080. **Мыронъ И.** Абу-Каземови капци. С. Р. 1900, 6, 167—168.

4081. **Мышлаевскій А.** Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 г. СПБ. 1897 г. А. Л. 1898, 6, 94—96.

4082. **М—чъ. В. Т.** Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. Варшава 1883 г. Фратеркулюсъ 1883, 9—10, 294—297.

4083. **Мякотинъ В.** Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ СПБ. 1889 г. Н. Любовичъ. 1891, 3, 524—528.

4084. **Мякотинъ В. А.** Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ у. въ 1767 г. СПБ. 1895 г. Н. Василенко. 1896, 3, 107—121.

4085. **Надлеръ В.** проф. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Одесса 1893 г, В. Я. 1894, 1, 159.

4086. **Народныя** иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Шугуровъ. 1894, 1, 211—212.

4087. **Науменко В.** Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 10, 210—214.

4088. **Научная** критика, памфлетъ или пасквиль (по поводу брошюры, г. И—ва „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель Харьковскаго университета") Д. И. Багалѣй. 1905, 9, 83—100.

4089. **Неграмотный М.** и Самойленко Өеодоръ. Дванадцять чародійныць. Малороссійская опера-феерія въ 3 діяхъ. К. 1904 г. ц. 40 к. В. Мировець. 1904, 6, 130—132.

4090. **Недѣльскій Стеф.** Уніатскій митрополитъ Л. Кишка и его значеніе въ исторіи. К. 1895, 6, 190—192.

4091. **Необходимое** объясненіе по поводу. рецензіи г. Гринченка. В. Василенка 1903, 2, 118—120.

4092. **Neyman C.** Dumy ukrainskie. А. А. С—ко. 1886, 5, 153—156.

4093. **Нидерле,** д-ръ. Человѣчество въ доисторич. времена. СПБ. 1889 г. В. А. 1898, 3, 105—108.

4094. **Niederle** K. d-r. Vestnik slovanskych starozitnosci. Н. Б. 1898, 12, 100—101.

4095. **Николайчикъ Ө. Д.** Городъ Кременчугъ. Историческій очеркъ. СПБ. 1891 г. Н. В. 1891, 11, 333—334.

4096. **Новицкій Григорій.** Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное въ 1715 г. СПБ. 1884 г. Н. Ө. Сумцовъ. 1895, 3, 551—552.

4897. **Новицкій И. П.** Указатель къ изданіямъ кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ т. II. Имена географическія К. 1883 г. О. Л. 1884, 6, 509—511.

4098. **Новицкій Орестъ.** Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2-е передѣланное и дополненное. Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 4, 140—147.

4099. **Новороссійскій** календарь на 1891 годъ. Одесса 1890 г. 1891, 2, 365—367.

4100. **Новыя** народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Ш. 1895, 6, 128—129.

4101. **Новыя** статистико-географическія данныя объ Одесскомъ уѣздѣ. И. Каманинъ. 1888, 10, 1—13.

4102. **Новѣйшія** статистическія изданія Полтавскаго губернскаго земства. Л. С. Л. 1894, 3, 570—579.

4103. **Нѣкоторыя** данныя по вопросу о заработкахъ населенія Подольской губ. на земляхъ частновладѣльческихъ и въ сельско-хоз. промышленныхъ предпріятіяхъ. К. 1907 г. М. Порш. 1907, 11—12, 441—446.

4104. **Нѣсколько** словъ польскому. рецензенту малорусскихъ книжекъ. Б Познанскій. 1886, 12, 737—741.

4105. **Обзоръ** дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имуществъ за 3-й годъ существованія. СПБ. 1897 г. Н. М. 1897, 10, 21—24.

4106. **Обзоръ** изданій разныхъ обществъ естество-испытателей X. 1897 г. А. Черняховскій. 1898, 9, 91—94.

4107. **Обзоръ** сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1901 г. Полтава 1902 г. Л. С. Л. 1902, 10, 49—51.

4108. **Обзоръ** украинскихъ изданій за 1902 годъ. С. Е—мовъ. 1903, 1, 48—53.

4109. **Обзоръ** украинскихъ изданій 1904 г. В. Поточный. 1905, 5, 124—127.

4110. **Обозрѣніе** Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей. 1890, 6, 579—583.

4111. **Общества** любителей изученія Кубанской области извѣстія. Вып. 1. Екатеринодаръ 1899. Е. К. 1899, 11, 93—94.

4112. **Оглоблинъ Н. Н.** Обозрѣніе историко - географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. Москва 1884 г. А. М—чъ. 1885, 8, 696—698.

4113, **Оглоблинъ Н. Н.** Провинціальные архивы въ XVII в. (очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи) СПБ. 1886 г. И. Каманинъ. 1888, 5, 33—37.

4114. **Огоновскій Омельянъ**. Коротка историја литературы русской Н. С. 1887, 2, 345—349.

4115. **Одесса** 1794—1894 г. изд. городского обществ. управл. 1895 г. ц. 6 р. А. С—чъ. 1896, 2, 71—73.

4116. **Одинцевъ И. Ѳ**. Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ Виленской публиччой библіотеки. Вильна 1886 г. А. Цыбульскій. 1886, 12, 723—728.

4117. **Окрестности** Кіева—„Пустыни“. 1900, 5. 102—103.

4118. **Олесь О.** З журбою радість обнялась СПБ. 1907 г. Л. П—ський. 1907, 2, 261—264.

4119. **Описаніе** документовъ и бумагъ хранящихся въ Московскомъ архивѣ мин. юстиціи кн. X. М. 1896 г. Н. В. 1898, 2, 71—72.

4120. **Описаніе** рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки вып. II. Вильна 1897 г. И. Каманинъ. 1897, 6, 114—118.

4121. **Описаніе** рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки вып. III. Вильна 1898 г. И. Каманинъ. 1898, 6, 99.

4122. **Описаніе** рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ в, II. Н. И. Петрова. Москва 1897 г. С. Ѳ. Титовъ. 1898, 10, 30—32.

4123. **Орѣшниковъ.** Археологич. извѣстія и замѣтки, изд. Имп. Московскимъ Археологич. обществомъ 1—12-й. В. Ястребовъ. 1895, 2, 80—82.

4124. **Осадчій Т**. Щербановская волость Елисаветград у. Херс. губ. Историко-этнографич. и хозяйственно-статистич. описаніе. Херсонъ 1891 г. В. Ястребовъ. 1892, 2, 359—361.

4125. **Осадчій.** Виноградники Херсонской губерніи. В. Василенко. 1893, 1, 180—184.

4126. **Осадчій.** Кіевское общество

сельскаго хозяйства (1876—1901) К. 1901 г. Л. С. Л. 1902, 5, 133—139.

4127. **О сервитутахъ** и разверстаніи въ юго-зап. краѣ нѣсколько словъ. Л. С. Л. 1902, 3, 209—210.

4128. **Основьяненко Грицько**. Повѣсти и разсказы т. IV Харьковъ 1890 г. 1891, 3, 534—538.

4129. **Островерховъ Н. Л.** Каменецъ Подольскъ. Ив. Н. 1882, 11, 363—365.

4130. **Островскій М.** Вирне средство отъ пьянства и запоя (Разсказъ малоросса) Житом. 1901 г. ц. 20 к. В. Д. 1901, 5, 105—108.

4131. **Острогорскій.** Учебникъ руской исторіи, элементарный курсъ. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. СПБ. 1891 г. П. Г. 1891, 8, 338—342.

4132. **Откличъ** въ пользу голодающихъ. Одесса 1892 г. ц. 2 р. А. Маркевичъ. 1892, 2, 357—359.

4133. **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1901 г. СПБ. 1902 г, В. Д. 1902, 9, 154—156.

4134. **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. В. Поточный. 1904, 1, 27—31.

4135 **Отчетъ** благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 г. СПБ. 1904 г. 1904, 9, 117—123.

4136. **Отчетъ** Замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 6 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье. Посторонній. 1883, 7, 566—572.

4137. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1882—1888 г. СПБ. 1891 г. ц. 5 р. В. Я. 1892, 10, 156—158.

4138. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1889 г. СПБ. 1892 г. В. Ястребовъ. 1893, 8, 392.

4139. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1892 г. съ 75 политипажами 1894 г. ц. 2 р. В. Ястребовъ. 1895, 1, 24—28.

4140. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1898 г. СПБ. 1901 г. Б. 1902, 5, 129—132.

4141. **Отчетъ** Императорской Археологической комиссіи за 1891 г. В. Я. 1894, 6, 654—557.

4142. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1884 г. по 14 ноября 1885 г. Одесса 1886 г. И. Каманинъ, 1886, 5, 347—483.

4143. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Одесса 1888 г. 1888, 5, 39—42.

4144. **Отчетъ** Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей В. Я. 1895, 7—8, 55—58.

4145. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1888 г. СПБ. 1891 г. В. Науменко. 1892, 5, 303—306.

4146. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1889 г. СПБ. 1893 г. В. Науменко. 1893, 7, 151—154.

4147. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1892 г. СПБ. 1895 г. В. Науменко 1896, 7—8, 41—44.

4148. **Отчетъ** Императорской публичной библіотеки за 1893 г. СПБ. 1896 г. В. Науменко. 1897, 1, 23—24.

4149. **Отчетъ** о состояніи коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г.

по 1 октября 1894 г. К. 1894 г. Щербина. 1894, 11, 327—329.

4150. **Отчетъ** холмскаго православнаго свято-богородицкаго братства за 1884—5 (шестой) г. К. Цыбульскій. 1889, 7, 547—552.

4151. **О фрескахъ** лѣстницы Кіево-Софійскаго собора СПБ. 1888 г. Н. С. 1888, 7, 20—22.

4152. **Очеркъ** о результатахъ дѣятельности Кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ съ 1872 по 1888 г. Кременчугъ 1888 г. Ѳ. Н. 1889, 7, 312—315.

4153. **Павелъ** Алеппскій, архидіаконъ. Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. М. 1896—98. Савва. 1899, 8, 70—83.

4154. **Pawinskiego G.** T. I. Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad 1506. Warszawa 1897. A. C. 1898, 1, 32.

4155. **Павленко-Павлусь** Гр, Свитла Зоря. В. Мировецъ. 1904, 4, 43—45.

4156. **Павлик М.** Михайло Драгоманів. М. Ж. 1907, 5, 224—228.

4157. **Павловскій И. Ф.** Историческій очеркъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890) По оффиціальнымъ даннымъ. Полтава 1890 г. Н. В. 1891, 2, 367—370.

4158. **Павловскій** Очеркъ дѣятельности св. Михайловскаго братства въ с. Деньгахъ, Золотоношскаго у. съ 1890 по 1900 г. 1902, 3, 218—220.

4159. **Павловъ** проф. Номоканонъ при большомъ требникѣ. А. Л. 1898, 5, 65—66.

4160. **Paygert** (von) Cornelius. Die sociale und virtschaftliche sage der Galizischen schuhmacher. Leipzig 1891. Н. М. 1892, 12, 495—498.

4161. **Палеографическій** изборникъ (матеріалы по исторіи южно-рус. письма въ XV—XVIII в.) К. 1899 г. В. Щербина. 1899, 10, 29—31.

4162. **Палимпсестовъ И.** Степи юга Россіи были ли искони степями и возможно ли облѣсить ихъ. 1890, 5, 395.

4163. **Памятки** українсько-руської мови і літератури видає комісия археогр. Науков. Тов—ва ім. Шевченка т. I. Апокріфи старозавітні Львів 1896. В. Шербина. 1897, 9, 74—77.

4164. **Памятки** українсько-руської мови і літератури, Видає комісия археографична наукового товариства ім. Шевченка т. I—II. Качановскій. 1900, 1, 36—38.

4165. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1888 годъ. Изд. Волынскаго Губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1887 г. А. С—чъ. 1888, 11, 57—60.

4166. **Памятная** книжка Волынской губ. на 1889 г. Изд. Волынскаго губернскаго-статистическаго комитета. Сост. подъ редакц. члена—секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1888 г. Арк. Лященко. 1889, 10, 219—220.

4167. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1890 г. Изд. Волынскаго статист. комитета. Сост. подъ ред. члена—секретаря И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1889 г. Арк. Л—нко. 1890, 2, 370—371.

4168. **Памятная** книжка Волынской губерніи. Изд. Волын. губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. члена—секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1890 г. Арк. Л—ка. 1891, 4, 173—174.

4169. **Памятная** книжка Гродненской губерніи на 1890 г. Изд. Гродн.

статист. ком. Гродно 1889 года. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 10, 164—165.

4170. **Памятная** книжка Кіевской губерніи на 1897 г. Изданіе Кіев. г. статист. комитета. Годъ изданія пятнадцатыи. Кіевъ 1897 г. Н. М. 1897, 2, 61—62.

4171. **Памятная** книжка Кіевской губерніи за 1904 г. 1904, 2, 84—86.

4172. **Памятная** книжка конотопскаго земства 1865—1890 г.г. Кіевъ 1890 г. Н. В. 1891, 2, 363—365.

4173. **Памятники,** изданные Кіевскою комис. для разбора древнихъ актовъ т. I—III. К. 1898 г. О. М. 1899, 2, 119—121.

4174. **Папковъ А. А.** Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX). Дурдуковскій. 1900, 3, 160—162.

4175. **Папковъ А. А.** Очеркъ исторіи з-русскихъ православныхъ братствъ. В. Дурдуковскій. 1900, 5, 95—100.

4176 **Партыцкій О.** Темни мѣстця въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, У Львовѣ 1883 г. П. Голубовскій. 1884, 8, 710—714.

4177. **Парфененко Х. Я.** Современные фотографо-этнографическіе альбомы. О. Сластіонъ. 1900, 1, 29—36.

4178. **Pastrnek** Bibliographische veborsicht über die Slavische Philologie 1876—1891. Берлинъ 1892. А. Степовичъ. 1894, 5, 383—384.

4179. **Пелипець.** Вивчарь. И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4180. **Perwolf Iozef.** Poláci a Rusini (Попяки и русины. Очеркъ проф. Первольфа) Е. Н. К—ой. 1882, 10, 142—149.

4181. **Петровъ Н. И.** Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ 1884 г. Г. 1884, 4, 664—672.

4182. **Петровъ Н.** Пчела Почаевская, изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ Лавры Почаевской (1581—1651) Почаевъ 1884 г. С. Голубевъ. 1885, 1, 157—167.

4183. **Петровъ Н.** Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I, М. 1891 г. А. Л. 1893, 4, 191—193.

4184. **Петровъ Н. И.** Отчетъ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной академіи за 1895 г. 1895, 6, 123—126.

4185. **Петровъ Н.** Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. К. 1895 г. Ѳ. Титовъ. 1896, 2, 76—78.

4186. **Петровъ Н. И.** Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Кіевъ 1897 г. В. Щербина. 1898, 2, 58—63.

4187. **Петровъ** проф. Кіевъ, его святыни и памятники СПБ. 1896 г. В. Щербина. 1898, 2, 58—63.

4188. **Петровъ Н. И.** Значеніе Кіевской Духовной Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 г. и до половины XVIII в. К. 1904 г. В. Д—скій. 1904, 6, 128—130.

4189 **Петровъ Н. И.** Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Духовной Академіи. Отдѣленіе II (1721—1795), т. I. (1721—1750 г.) ч. I—II К. 1904 г. ц. 3 р. 50 к. В. Д—скій. 1904, 7—8, 60—65.

4190. **Петроновъ** Бердичевъ. И. Н. 1882, 11, 363—365.

4191. **Петрусь З.** Русалочка. И. Ж. 1888, 4, 23—24.

4192. **Петрушевичъ А. С.** Иванъ Ѳеодоровъ, русскій первопечатникъ.

Историко-библіографическое разсужденіе. Львовъ 1883 г. 1883, 12, 671—675.

4193, **Петрушевичъ А. С.** Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. 1. Львовъ 1887 г. К. Шнейдеръ. 1887, 12, 773 774.

4194. **Петрушевичъ А. С.** Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. 1. Львовъ 1887 г. В. А. 1888, 6, 45—52.

4195. **Pierling.** La Russie et le Saint—Sieqe. Paris 1897. E. K. 1898, 6, 100—102.

4196. **Письма** и бумаги Петра Великаго. т. I и II. И. 1894, 3, 590.

4197. **Письма** В. И. Туманскаго и его неизданныя стихотворенія. Черниговъ 1891 г. Z. 1892, 1, 164—166.

4198. **Pic** I. L. Dejine naroda ruskégo Y Praze. 1889 г. Н. М. 1890, 8, 334—336.

4199. **П. Л.** Городъ Чернобыль (Кiев. губ.) описанный отставнымъ военнымъ. Кіевъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 1, 149—151.

4200. **Планъ** Кіева, составленный въ 1695. Изданіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. К. 1893 г. В. Щербина. 1894, 1, 155—159.

4201. **Платоновъ** Іоаннъ прот. Каменскій свято-успенскій женскій монастырь и его святыня. Черниговъ 1893 г. Н. Б. 1894, 9, 469—470.

4202. **Powszeshna** wystawa we Lwowie w r. 1894. Н. Ш—въ. 1895, 7—8, 37—43.

4203. **Powszeshna** wystawa krajowa 1894 r. Lwow 1897. Н. М. 1897, 12, 81—83.

4204. **Подолякъ Ѳедь.** Осинни квиткы. Одесса 1903 г. ц. 20 к. С. Е-мовъ. 1904, 5, 90—94.

4205. **Полевой П.** Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ систематическій. СПБ. 1890 г. П. Г. 1890, 9, 515—519.

4206. **Полевой П:** Русская исторія. Курсъ элементарный. СПБ. 1892 г. П. Г. 1892 11, 305—309.

4207. **Polek Johann.** Joseph's Reisennach Galizien. Czernowitz. 1895. Н. М. 1897, 1, 24—26.

4208. **Поликарповъ.** Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до Лимана, произведеннаго днѣпровскою описной партіею въ 1875—1883 г, СПБ. А. Л. 1889, 2. 532—533.

4209. **Pölmann. N.** Beitrag zur altesten Geschichte des Kosaken tums. München. 1888. И. Л—ко. 1889, 5—6, 663—666.

4210. **Полницкій А.** Историческая записка объ открытіи Елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. Одесса 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 2, 360—361.

4211. **Полное** собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. СПБ. 1889 г. П. Г. 1890, 5, 391—394.

4212. **Полтавскій** адресъ-календарь на 1887 г., составленный подъ редакціей секретаря полт. губер. статист. комит. Д. А. Трощинскаго. Н. Н. Бакай. 1887, 3, 545—550.

4213. **Полтавской** губерніи къ оцѣнкѣ земель матеріалы. Вып. 1—15. СПБ. 1889—1882 г. А. 1893, 2, 397—398.

4214. **Полтавской** ученой архивной комиссіи труды. Вып. IV. Полтава

1907 ц. 75 к. Д. Д. 1907, 10, 132—134.

4215. **Полюй I.** Нові і перемінні зьвізди. У Відні 1905. В. Н—ко. 1905, 9, 100—102.

4216. **Пономаревъ С.** Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). Черниг. 1898 Шугуровъ. 1901, 10 27—36.

4217. **Попко Иванъ.** Терскіе казаки съ старо-древнихъ временъ. Историческій очеркъ. вып. I. Гребенское войско. СПБ. 1880. В. А. 1882, 2, 401—404.

4218. **Поплавскій В.** и А. Лященко. Повторительный курсъ русской исторіи (отъ Владимира св. до Іоанна IV) Житомиръ. П. Голубовскій. 1888, 12, 65—67.

4219. **По поводу** 25 лѣтія „Филологическихъ записокъ". Н. С. 1882, 3, 586—588.

4220. **Поповъ А. Н.** Вторая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназіи въ Бахчи-сарай и его окрестности. Симферополь 1888 г. Н. Б. 1889, 3, 762—764.

4221. **Поповъ Н.** Жизнь А. С. Пищевича, имъ самимъ описанная 1764—1805 г. Въ трехъ частяхъ. Съ предисловіемъ. Москва 1885 г. В. Ястребовъ. 1886, 8, 727—731.

4222. **Поповъ Н.** Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича. 1731—1785 г. Изд. Имп. общества исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. Москва 1884 г. В. Я. 1884, 10, 321—328.

4223. **Постниковъ В.** Южно-русское крестьянское хозяйство М. 1891 г. А. Русовъ. 1892, 3, 504—508.

4224. **Потебня А. А.** Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава 1883г. Ц. Нейманъ. 1884, 5, 657—663.

4225. **Потебня А.** Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳан. Потебни. В. П. 1893, 1, 186—187.

4226. **Поточный В.** Обзоръ украинскихъ изданій 1903 г. 1904, 3, 122—131.

4227. **Потто В. А.** Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. СПБ. 1887 г. т. I. вып. 1—4. О. 1887, 6—7, 526—528.

4228. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. И. К. 1888, 10, 16—17.

4229. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. Н. В. 1891, 6, 504—507.

4230. **Провідник** по виставі краєвій у Львові з особливим оглядом на відділ етнографичний. Н. Ш—въ. 1895, 7—8, 37—42.

4231. **Пречистенская** ярмарка въ с. Васильевѣ (Яновщинѣ Н. В. Гоголя) Полтав. уѣзда 6—8 сент. 1901 г. Опытъ статист. изслѣд. Полтава 1904 г. Л. С. Л. 1904, 12, 179—180.

4232. **Przeglad** archeologiczny orqan c. k. konserwatoryum pomnikow, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie Zesz. 1—3. Lwów. 1882—1883. Н. Д. 1885. 1, 167—173.

4233. **Przewodnik** naukowy i literacki. Lwow. 1896—1898. 3 тома. 1899, 4, 36—40.

4234. **Приходскія** фундушевыя училища въ юго-западномъ краѣ: ихъ возникновеніе, и средства содержанія. К. 1900. В. Д. 1901, 1, 30—35.

4235. **Программа** для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва 1887 г, О. 1887, 12, 766—767.

4236. **Протопоповъ.** Св. Владимиръ равноапостольный кн. Кіевскій и всея Руси. Москва 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 8, 53—54.

4237. **Прохоровъ В.** Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволенію. СПБ. 1881 г. ц. 15 р. В. И. 1882, 2, 412.

4238 **Пругавинъ А.** Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ М. 1907. С. П—ра. 1907, 6, 356—358

4239. **Ptaszynski A,** (major). Ksiega pamietnicza. 1769—1763 przepisal d—r. Antoni J, 1881. Ив. Н. 1882, 5, 325—326.

4240. **Пташицкій С.** Князья Пузыны. СПБ. 1899. И. Каманинъ. 1899, 10, 33.

4241. **Пташицкій С.** Щорговская библіотека графа Литавара-Хребтовичъ. М. 1899. И. Каманинъ. 1899, 11, 94—95.

4242. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Krakow 1889. В. А. 1889, 1, 267—272.

4243. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Petersburg. 1898. А. С. 1898, 1, 30—31.

4244. **Путятинъ** Графъ. Перекличка альманаховъ и дополненіе къ нимъ (съ 1794—1850 г.) ц. 2 р. 25 к. И. 1894, 3, 590.

4245. **Пухальскій И.** Катерына. Драма перероблено съ „Катерыны" Шевченка. Полтава 1903. В. Д. 1903, 11, 111—113.

4246. **Пыпинъ.** Матеріалы для біографіи А. А. Котляревскаго. 1895, 7—8, 46—47.

4247. **Пѣтуховъ.** Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій" Серапіона по древнѣйшимъ спискамъ СПБ. 1888 г. Голубовскій. 1888, 11, 29—36.

4248. **Рада,** украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ 1884 г. Г. 1885, 1, 174—176.

4249. **Radde** g. und E. König. Das Ostufer des Pontus. В. Ц. 1905, 2, 84—85.

4250. **Радичъ В.** Запорожская старина (историч. разсказъ изъ журн. „Всходы)" СПБ. 1900. В. Д. 1901, 9, 115—116.

4251. **Радкевичъ Г.** Библіографич. указатель литературы по геологіи губерній Кіевскаго учебнаго округа: Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской. Кіевъ 1896. П. А. 1896, 6, 109—110.

4252. **Разсказъ** о св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, и о крещеніи русскаго народа М. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 7, 33—34.

4253. **Рафальскій Т.** Сборникъ узаконеній и распоряженій по зем-

левладѣнію въ зап. губерніяхъ. 1895, 12, 123—124.

4254. **Regel Y.** Analecta byzantino-russica 1891. П. Г. 1892, 8, 281 284.

4255, **Regester** zloczyncow grodu Sanockiego 1554—1638. Lwow 1891, Н. М. 1891, 12, 492—496.

4256. **Регесты** и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи т. I. О. Л. 1900, 3, 162—166.

4257. **Rehor** Lidova lecba u halicskych. Malorusuv. Н. С. 1892, 1, 163—164.

4258. **Рогова И. О.** Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена СПБ. 1888 г. О. Л. 1889, 2, 521—526.

4259. **Родникъ,** журналъ для дѣтей. Іюль 1888 года. Въ память 900 лѣтія крещенія Руси. П. Голубовскій. 1888. 9, 55—61.

4260. **Родословная** князей Святополкъ на Четвертнѣ Четвертинскихъ. Жит. 1892. Щербина. 1894, 12, 509.

4261. **Рождественскій А.** свящ. Южно-русскій штундизмъ. Изслѣдованіе СПБ. 1889 г. Съ указаніемъ именъ Н. М. 1890, 3, 559—567.

4262. **Романовъ Е. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Витебскъ 1887 г. Хр. Ящуржинскій. 1888, 12, 77—82.

4263. **Романовъ В.** свящ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полт. 1900 г. Н. Б. 1901, 5, 103—105.

4264. **Rocznik** Kolka Naukowego Tarnopolskiego za rok. 1892—1893. Е. К. 1896, 5, 69—72.

4265. **Rosznik** Kolka naukoweqo Tarnopolskieqo za rok 1895. Tarnopol 1896. А. Л. 1896, 11, 62—64.

4266. **Р. С.** Кіевъ и его прошлое. Херсонъ. 1888 г. И. Ж. 1888, 8, 50—51.

4267. **Рубинштейнъ С.** Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ западной Россіи, Бѣлоруссіи и Малороссіи, за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 г. 1894, 9, 467—468.

4268. **Rubruquis** guillaume. Deux voyage en Asie an XIII-e siecle envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien Paris Delagrave 1888. П. Голубовскій. 1889, 2, 530—531.

4269. **Руданьского** Степана твори т. I. Кіевъ 1902. А. Н. 1903, 1, 38—44.

4270. **Румянцевъ Е.** графъ. (Письма графин. Е. М. Румянцевой къ ея мужу граф, П. А. Румянцеву-Задунайскому 1762—1779 г.) Изд. графъ Д. А. Толстой. И. Житецкій. 1888, 10, 183—192.

4271. **Рункевичъ С.** Матеріалы для исторіи Минской епархіи. Минскъ 1892 г. Н. В. 1893, 7, 148—149.

4272. **Русиновъ В.** Несподивана халепа. Драма въ II діяхъ. Полтава 1901 г. ц. 15 коп. В. Д. 1901, 12, 183—185.

4273. **Русиновъ В.** Прыхожа. Сцена въ I діи. Переклавъ и переробывъ зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская“ Полтава 1901 г. ц. 5 к. В. Д. 1901, 12, 183—185.

4274. **Русовъ С.** Малорусскія женшины XV.—XVII вѣка. В. Н. 1904, 10, 43—44.

4275. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографич. комиссіей, томъ 8-й СПБ. 1884 г. О. Л. 1884, 10, 328—330.

4276. **Русская** военная сила. Очеркъ

развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Сост. обществомъ офицеровъ генеральнаго штаба въ Москвѣ I—II 141. Вып. I. До-Монгольскій періодъ М. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 10, 22—25.

4277. **Русская** историческая **библіотека, издаваемая археографической комиссіей т.** VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси кн. 2. СПБ. 1882 г. И. Новицкій. 1883, 11, 481—484.

4278. **Русскій** Антропологическій Журналъ СПБ. 1901.1902, 2, 141—142.

4279. **Русскимъ матерямъ**, сборникъ **въ пользу пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ Воронежской губ.** М. 1892 г. ц. 1 р. А. С. 1894, 2, 352—353.

4280. **Русскія** древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. К. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. V. Курганы, древности и клады домонгольск. періода. Щербина В. 1897, 5, 77—83.

4281. **Русскія** лѣтописи: 1) Лѣтописецъ патр. Никифора, 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, 3) Хроника Русская. Н. Т. 1899. 5, 100.

4282. **Rutovski** Tadeusz. Kleski elementarne galicyi (Lwow 1890) Н. М. 1890, 10, 168—170.

4283. **Ruch** Kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Варшава 1889 г. И. Новицкій. 1889, 8, 566—574.

4284. **Рыльскій Т.** Про Херсоньски заробитки. Выдавныцтво „Викъ"П-скій М. 1905, 5, 121—122.

4285. **Рѣдинъ**. Харьковъ, какъ центръ **художественнаго образованія юга Россіи.** Хар. 1894 г. Н. Ш—въ. 1894, 5, 375—380.

4286. **Рѣпинъ И. Е.** Русскіе художники Н. Ш. 1895, 4, 31—35.

4287. **Рѣпинъ И.** Альбомъ картинъ и рисунковъ. Н. Ш. 1898, 10, 23—24,

4288. **Sawszynsky H.** Bibliografia Historyi Polskiej. Czesc 1. Lwow 1891. Любовичъ Н. 1893, 10, 173—176.

4289. **Sadok** Baracz. Wiadomosc o malarzach bazylijanskich И. Н. 1882, 5, 323—324.

4290. **Салтыкъ-Романскій Юл.** Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра т. I. Слово о полку Игоря древнеславянская (?) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій, польскій. Львовъ (30—140 стр.) А. Степовичъ. 1889, 2, 527—528.

4291. **Самоквасовъ Д. Я.** Исторія русскаго права. Вып. 2-й. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава 1884 г. М. 1884, 11, 507—512.

4292. **Сапуновъ А.** Витебская Старина. Витебскъ 1883 г. В. И. 1883, 9—10, 287—290.

4293. **Сапуновъ А.** Витебская Старина, т. IV. Витебскъ 1885 г. И. Каманинъ. 1886, 4, 786—789.

4294. **Сапуновъ А.** Витебская старина, т. V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи ч. I. Витебскъ 1888 г. Н. Петровъ. 1889, 5—6, 654—656.

4295. **Сатаныньська** помста, драма въ 4 діяхъ (з нотами для спививъ) соч. Михновскаго. В. Д. 1901, 11, 112—115.

4296. **Сборникъ** Имп. Русскаго Географическаго общества т. 40 СПБ. 1884. П. Голубовскій. 1884, 9, 148—151.

4297. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества, т.

43, СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 8, 701—706.

4298. **Сборникъ** Имп. Русскаго историческаго общества т. 47. СПБ. 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 9, 145—148.

4299. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества т. 54-й СПБ. 1886 г. В. Н. 1887, 8, 745—750.

4300. **Сборникъ** Имп. Русскаго историческаго общества т. 68. СПБ. 1889 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 6, 490—499.

4301. **Сборникъ** Импер. Рус. историческаго общества т. 93. СПБ. 1894. Ястребовъ 1894, 11, 320—323.

4302. **Сборникъ** Имп. Рус. историческаго общества т. 55—101. Протоколы Верховнаго тайнаго совѣта Н. Василенко. 1900, 9, 101—121.

4303. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи Вып. II. СПБ. 1889 г. Д. И. Багалѣй. 1891, 4, 169—171.

4304. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива при у—тѣ св. Владимира И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. К. 1890 г. Я. III. 1890, 11, 349—354.

4305. **Сборникъ** лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ, Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ 1888 г. И. Новицкій. 1890, 3, 568—571.

4306. **Сборникъ** малорусской орнаментики. 1882, 11, 365—367.

4307. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889 г. Тифлисъ А. Степовичъ. 1889, 7, 307—309.

4308. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа (изд. управ. Кавказ. учебн, округа) вып. 15 и 16. Тифлисъ 1893 г. Степовичъ А. 1894, 7, 128—132.

4309. **Сборникъ** отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ томъ 47. Сочин. А. А. Котляревскаго т. I. СПБ. 1889 г. А. Степовичъ. 1889, 8, 553—556,

4310. **Сборникъ** отзывовъ библіотечной комиссіи Кіевскаго общ. грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. II к. 1804 г. В. Д. 1904, 12, 184—186.

4311. **Сборникъ** палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной археографич. комиссіи В. I. (1332—1548) Вильна 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 2, 357—361.

4312. **Сборникъ** по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. IX. Прилукскій уѣздъ. Полтава 1891. Р. 1892, 3, 510—512.

4313. **Сборникъ** свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. I. Зѣньковскій уѣздъ. ч. 1—2. Полтава 1882—83 г. В. Г—ко. 1883, 12, 677—680.

4314. **Сборникъ** статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи т. II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославль 1886 г. Н. С. 1887, 1, 155—157.

4315. **Сборникъ** топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ, въ Россіи; Волынская губернія СПБ. 1888 г. Изд. Имп. археологической комиссіи. В. Я. 1891, 9, 504—505.

4316. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 2. Харьковъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 9, 512—515.

4317. **Сборникъ** Харьковскаго историко филологическаго общества т. 3. Харьковъ 1891 г. И. Каманинъ. 1891, 8, 327—332.

4318. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 4. Харьковъ 1892. Каманинъ. 1893, 4, 185—190.

4319. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 5. Харьковъ 1893 г. Каманинъ И. 1894. 2, 355—356.

4320. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общ. т. 8. Харьковъ 1896. Каманинъ И. 1896, 7—8, 30—37.

4321. **Сборникъ** Харьк. ист.-филологич. общ. т. 9 и 10 1899. Н. Т. 1899, 8, 84—85.

4322. **Сборникъ** Харьковскаго историко-филологическаго общества т. 12. Харьковъ 1900. Каманинъ. 1901, 1, 27—30.

4323. **Swit** tygognik 1907, №№ 1—2. Садовскій. В. 1907, 1, 120—123.

4324. **Свѣдѣнія** о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи Наукъ въ 1903 г. т XX. 1904, 12, 186—188.

4325. **Swiatowit** Rocznik archeologii t. III. Warszawa 1901. B. 1901, 6, 179—180.

4326. **Swiatowit** Rocznik archeologii т. IV, Warszawa 1902. Бѣляшевскій Н. 1902, 6, 175—179.

4327. **Sebillot** Paul. Les travaux publies et les mines dans les traditions et les superstistion de tous les pays P. 1894. Ѳ. В. 1894, 12, 505—506.

4328. **Селецкій А. К.** Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 1, 161—164.

4329. **Сельскій** кредитъ въ Полтавской губерніи, в. I. Статист. Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства 1894 г. 1895, 4, 35—36.

4330. **Сельскаго** хозяйства въ Полтавской губерніи обзоръ за 1900 г. Полтава 1901, ц. 1 р. 20 коп. Л. С. Л. 1902, 7—8, 74—76.

4331. **Семейная** хроника. Записки Аркадія В. Кочубея 1790—1873 С.-Петербургъ 1890 г. Ал. Лазаревскій. 1894, 1, 145—153.

4332. **Семеновъ П.** Живописная Россія т. 5. Малороссія и Новороссія Н. Ш. 1898, 5, 53—60.

4333. **Семеновъ** П. Извѣстія Рус. географич. общ. т. 33, вып. 3. Черняховскій А. 1898, 12, 96—98.

4334. **Сементовскій А. М.** Бѣлорусскія древности. Вып. I СПБ. 1890 г. Арк. Лященко. 1890, 3, 573—576.

4335. **Сениговъ І.** О первоначальиой лѣтописи Великаго Новгорода. СПБ. 1884 г. П. Голубовскій. 1885, 3, 559—563.

4336. **Сергѣевичъ В.** Русскія юридическія древности т. I и II. Н. В. 1895, 2, 67—74.

4337. **Сергѣевичъ И.** Аксаковъ въ его письмахъ и поѣздка въ Малороссію А. Л. 1895, 10, 36—42.

4338. **Сеферовскій Н.** Двадцатипялѣтіе Лубенской гимназіи Н. Т. 1898, 7—8, 54—59.

4339. **Сибиряковъ** (изданіе) Путь—дорога, научно-литературный сборникъ

въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ СПБ. 1893 г. ц. 3 р. 50 к. Степовичъ А. 1894, 2, 351—352.

4340. **Сикорскій И.** проф. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи Н. В. 1893, 6, 536—538.

4341. **Сикорскій И. А.** Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ терновскихъ хуторахъ. Кіевъ 1897. Н. М. 1897, 10, 24—26.

4342. **Симоновъ М.** Замѣтки къ юбилейной по случаю 25 лѣтія Лубенской гимназіи запискѣ К. 1898. Н. Т. 1899, 1, 83—64.

4343. **Сиповскій В. Д.** Св. Равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси СПБ. 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 9, 55—61.

4344. **Скабичевскій А. М.** Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890) Изд. Ф. Павленкова СПБ. 1891 г. В. Щербина. 1891, 9, 500—504.

4345. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, ч. I. Одесса 1885 г И. Каманинъ. 1886, 4, 794—796.

4346. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть II. Одесса 1885 г. И. Каманинъ. 1886, 8, 732—735.

4347. **Скальковскій А.** Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть III. Одесса 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 10, 372—374.

4348. **Скиданъ В. В.** Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Одесса 1889 г. Н. Т. 1889, 2, 533.

4349. **Славянскій** ежегодникъ. Изданіе Кіевскаго славянскаго общества. Вып. 6-й К. 1884 г. Т. Ф. 1884, 5, 123—136.

4350. **Славянскія** извѣстія 1890 г. о. „Заграничной Руси" Ир. Ж—ій. 1891, 8, 343—351.

4351. **Slovansky** prehled. I v. Praze. В. Д. 1898, 11, 67—69.

4352. **Slovansky** prehled. II. В. Д. 1898, 12, 101—104.

4353. **Slovansky** prehled. r. I c. 3. В. Д. 1899, 1, 64—65.

4354. **С—ловъ Н.** Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Мееодія въ г. Ченстоховѣ. Вильна 1881 г. Н. П. 1882, 3, 572—576.

4355. **Слѣды** мегалитическихъ построекъ въ украйнѣ Львовъ 1886 г. П. Голубовскій. 1887, 10, 369—370.

4356. **Слѣпушкинъ М.** О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи 1894. Каманинъ. 1895, 2, 82—84.

4357. **Smolka** Stanislav. Kiejstu i jagello. 1888. П. Г. 1890, 7, 141—147.

4358. **Соболевскій А.** проф. Очеркъ русской діалектологіи. III. мало-русское нарѣчіе. Михальчукъ К. 1893, 9, 453—487.

4359. **Сокальскій П.** Къ исторіи русской музыки. Харьковск. Губернск. Вѣдомости 1887 г. №№ 62—63. 1887, 6—7, 532—538.

4360. **Сокальскій П.** Русская народная музыка, великорусская и малорусская въ ея строеніи, мелодическомъ и ритмическомъ, и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ 1888 г. А. Степовичъ. 1889 3, 752—756.

4361. **Соколовъ Е. И.** Библіотека

Имп. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ. Вып. 2.—Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. М. 1905 г. ц. 5 р. С. М. 1906, 3—4, 45—52.

4362. **Соколовъ Н.** Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историч. изслѣдованіе съ 8 рисунк. Вильна 1883 г. К. Ц. 1884, 2, 321—324.

4363. **Сорокинъ Г. И.** свящ. Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Изд. Херсонской Губ. земской управы. Н. В. 1891, 2. 356—360.

4364. **Списки** Черниговскихъ дворянъ 1783 г. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Черниговъ 1890 г. Н. В. 1891, 1, 197—200.

4365. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ Кіевской губ. Кіевъ 1896. Ал. А—чъ. 1896, 10, 18—23.

4366. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ Полтавской губерніи, изд. Полтавскимъ Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ въ 1887 г. 1889, 12, 654—655.

4367. **Списокъ** церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава 1886 г. К. Цыбульскій. 1886, 10, 374—378.

4368. **Споминки** про житье и дѣяльность Володиміра Барвѣньскаго Львовъ 1884 г. В. Г—ко. 1884, 3, 489—491.

4369. **Спрогисъ И. Я.** Географическій словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія. Вильна 1888 г. И. Каманинъ 1888, 11, 56—57.

4370. **Срезневскій Вс.** Изъ первыхъ лѣтъ научно-литерат. дѣятельности И. И. Срезневскаго (1831—1839) 1898, 3, 117—120.

4371. **Срезневскій И. И.** Историческое обозрѣніе гражданскаго устроснія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую гуернію. Харьковъ 1883 г. В. А. 1883, 8, 165—167.

4372. **Stankievicz M.** Bibliografia litevska od 1547 do 1701 r. Krakov 1889. А. Л—нко. 1892, 1, 170.

4373. **Старина** и новизна кн. 1. СПБ. 1887. Н. С. 1897, 5, 83—84.

4374. **Старинна** історія Галичины. Написавъ Омельянъ Партицкой. т. першій. Фра-Моріель. 1895, 1, 28—33.

4375. **Старицкій М.** Не судилось. Драма. Н. Костомаровъ. 1883, 9—10, 297—300.

4376. **Starkl I.** Lowictwo. Н. М. 1896, 5, 66—69.

4377. **Статистически.** бюро Полтавскаго Губ. Земства. Обзоръ сельского хозяйства въ Полтавской губ. за 1899 г. Полтава 1901. ц. 1 р.—20 коп. Л. С, Л. 1902, 6, 185—186.

4378. **Статистич.** ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства. Полтава 1901. Л. С. Л. 1902, 7—8, 69—74.

4379. **Стелецкій Н.** свящ. Харьковскій Коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г. Харьковъ 1895 ц. 1 р. Ѳ. Титовъ. 1896, 3, 121—129.

4380. **Sternal** Tadeusz. Oblezenie Kamienca v powiesci i historyi 1890, Н. М. 1890, 5, 394—395.

4381. **Stecki** Tadeusz. Z boru i stepu. Obrasy i pamiatki. Н. М. 1890, 9, 509—512.

4382. **Степовичъ А.** Ежегодникъ

коллегіи Павла Галагана 1898. Н. В. 1900, 3, 166—168.

4383. **Степовичъ А.** Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана 1900—1901. Ш. 1901, 11, 109—111.

4384. **Степовыкъ О.** Корыстни звирятка, СПБ. 1899. С. Н. 1899, 11, 97—98.

4385. **Степъ**. Херсонскій беллетрыстичный сбирникъ 1886 г. В. Я. 1887, 1, 162—164.

4386. **Столпянскій П. К.** Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ, выпускъ I, опытъ библіогр. указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II. Оренбургъ 1903. Доманицкій В. 1905, 3, 191—198.

4387. **Стороженко Н. В.** Западнорусскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка (изслѣдованіе по архивному матеріалу) И. Новицкій. 1890, 5, 382—388.

4388. **Стороженко Н.** Геніальный горемыка (Шевченко). Т. 1898, 7—8, 51—52.

4389. **Стороженко Н.** Мелочи для біографіи Т. Шевченка. 1898, 10, 31.

4390. **Строевъ И. М.** Библіографическій словарь и черновые къ нему матеріалы. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціей академика А. Ѳ. Бычкова. СПБ. 1882 г. Н. П. 1882, 7, 164—167.

4391. **Studzinski C.** Geneza poetycznych utworow M. Szaszkewicza. В. Д. 1899, 4, 42—44.

4392. **Суворинъ А. С.** Хохлы и хохлушки СПБ. 1907. Петлюра С. 1907, 5, 233—235.

4393. **Сулимовскій** Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Война цеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій. В. А. 1884, 10, 332—336.

4394. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Къ исторіи Южно-Русской литературы XVII столѣтія, в. I. Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1884 г. Ѳ. Н. 1884, 11, 526—528.

4395. **Сумцовъ Н. Ѳ.** Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ 1885 г. И. Каманинъ. 1885, 5, 140—144.

4396. **Сумцовъ Н.** Разборъ этнографическаго труда Е. Р. Романова. В. Я. 1894, 12, 498—501.

4397. **Сумцов М.** Леонардо з Винчи. Харьк. 1907 г. ц. 25 к. Д—ко Д. 1907, 9, 392—394.

4398. **Сурмаченко.** Нисенитници К. 1902. Е—мовъ С. 1902, 9, 142.

4399. **Суходольскій А. Л.** Помста, або Загублена Доля, драма. В. Д. 1904, 1, 37—40.

4400. **Сѣдлецкой** губ. памятная книжка на 1892 г. А. С. 1893, 3. 570.

4401. **Сѣцинскій Е.** Бакота, древняя столица Понизья (Каменецъ - Подольскъ 1889 г.) Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ Летичевскаго уѣзда. (Каменецъ-Подольскъ 1889 г.) Н. М. 1890, 6, 573—575.

4402. **Сѣцинскій Е. І.** Городъ Каменецъ Подольскъ. Историч. описаніе 1895 2 р. Н. М. 1895, 9, 132—134.

4403. **Сѣцинскій Е.** Историч. свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ Подольской епархіи. I. Каменецкій уѣздъ. Кам. Подольскъ 1895. Антоновичъ В. 1896, 5. 55—58.

4404. **Таврической** ученой комиссіи извѣстія № 14. Симферополь 1891. Каманинъ И. 1892, 5, 311—313.

4405. **Таврической** ученой Архив-

ной комиссіи извѣстія №. 15. Симферополь 1902. Каманинъ И. 1892, 9, 460—464.

4406. **Tadeusz.** Wiadomosci statystyczne o stosunkach krajovych. Lwow 1881, И. Житецкій. 1882, 12, 574—576.

4407. **Таировъ И.** Старинные документы на владѣніе землями г. Кіева. К. 1894 Щербина. 1894, 12. 509—512.

4408. **Танкеръ Б.** Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. М. 1891. Каманинъ И. 1892, 3, 508—510.

4409. **Тарановскій Ѳ. В.** Обзоръ памятниковъ магдебурскаго права зап.-рус. городовъ литовской эпохи. Варшава 1897. Н. В. 1898. 2, 72—73.

4410. **Тарновскій.** Топографическіе и статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4 картъ юго-западнаго края. К. 1882.. И. Н. 1882, 10, 154—158.

4411. **Тарновскаго В. В.** коллекціи украинскихъ древностей каталогъ К. 1898. 1899, 4, 31—35.

4412. **Татарскій І.** По поводу сочиненія его о Симеонѣ Полоцкомъ. Кіевъ 1887, П. 1888, 4, 21—22.

4413. **Теодоровичъ Н.** Мѣстечко Грицевъ Заславскаго уѣзда Волынской губерніи. Историческіи очеркъ. Почаевъ 1892 г. 1894, 2, 353—355.

4414. **Теодоровичъ Н.** Городъ Заславль Волынской губерніи. Историческій очеркъ. Почаевъ 1891. Каманинъ И. 1894, 2, 353—355.

4415. **Теодоровичъ Н.** Городъ Кременецъ Волынской губерніи. Церковно-историческій очеркъ. Почаевъ 1890 г. Каманинъ. 1894, 2, 353—355.

4416. **Теодоровичъ Н.** Городъ Владиміръ Волынской губерніи. въ связи съ исторіей Волынской іерархіи (историч. очеркъ). Каманинъ И. 1894, 2, 353—354.

4417. **Теодоровичъ Н.** Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ т. IV. Староконст. уѣздъ Почаевъ 1899. Каманинъ И. 1899, 6, 156—158.

4418. **Теодоровичъ Н.** Волынская Духовная семинарія. Поч. 1901 г. В. Храневичъ. 1901, 6, 166—175.

4419. **Теодоровичъ Н.** Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ т. V. О. Л. 1904, 2, 86—89.

4420. **Терещенко М. С.** Орыся, Черкассы 1903. ц. 25 к. В. Д. 1904, 10, 39—42.

4421. **Тилло А. А.** Проникаютъ ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи. П. А. 1895, 6. 127—128.

4422. **Тимченко Е.** Русско-малороссійскій словарь т. I. А.—О. К. 1897, Стешенко. И. 1898, 9, 84—88.

4423. **Тиховскій** Ювеналій. Указатель неоффиціальной части Волынск. Епарх. Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Почаевъ 1888 г. А. Л. 1889, 1, 264—266.

4424. **Тихомировъ Н. Д.** Галицкая митрополія. Церк.-историч. изслѣдованіе. СПБ. 1895. 1896, 1, 45—46.

4425. **Тихомировъ И.** Рецензія книги Ляскоронскаго „Исторія Переяславской земли". 1898, 7—8. 52—54.

4426. **Тобилевичъ Ив.** (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи томъ I—2. Одесса 1897, Ѳ. М. 1898, 7—8, 44—50.

4427. **Тобилевичъ Ив.** (Карпенко-Карый. Драмы и комедіи т. III. Одес-

са 1903. П. Г. 1903, 6, 197—202.

4428. **Тобилевичъ Иванъ.** (Карпенко Карый). Драмы и комедіи томъ IV Гор--скій. Н. 1903, 9, 139—146.

4429, **Тогобочній И.** Борци за мріи. Драма на 5 дій. Харьк. 1903. В. Д. 1904, 10, 39—42.

4430. **Токмаковъ И.** Историко-статистическое описаніе города Мглина Черн. губ. Съ гербомъ и 2 чертежами г. Мглина XVII—XVIII ст. Кіевъ 1888 г. А. Л. 1888, 10, 13—14.

4431. **Толмачевъ И. Н.** Юго-запад. край Статист. обозрѣніе, томъ I, восточное полѣсье. Кіевъ 1897. 1897, 10, 26—30.

4432. **Толстой И. И.** Древнѣйшія русскія монеты Великаго княжества Кіевскаго. СПБ, 1882 г. Н. П. 1882, 4, 132—140.

4433. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ исскуства. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. СПБ. 1889 г. Ѳ. Мищенко. 1889, 5—6, 640—644.

4434. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 2. Древности Скиѳо-сарматскія. СПБ. 1889 г. Ѳ. Мищенко. 1890, 3, 552—559.

4435. **Толстой И. и Н.** Кондаковъ Русскія древности въ памятникахъ искусства—Вып. 4. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. СПБ. 1891, Щербина В, 1892, 1, 155—159.

4436. **Topolnicki** Mapa do dziejów Polski. Львовъ 1888 г, Ц. Нейманъ. 1889, 9, 790—792.

4437. **Торнау Н.** баронъ. Учебный атласъ цо русской исторіи. СПБ. 1894 г. W. 1894, 10, 163.

4438. **Tretlak** józef. Historya wojny Chocimskiej 1621 г. Lwów. 1889. Н. М. 1890, 5, 388—391.

4439. **Трыста** найкращыхъ украинскихъ писень. Кыивъ 1904 р. Выдавныцтво Викъ. В. К. 1905, 6, 228—229.

4440. **Трыста** украиньскыхъ писень. Б. Я. 1904, 12, 181—183.

4441. **Труды 4-го** археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. т. 2. Казань 1891, 11, 334—338.

4442. **Труды VI** археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. I. Одесса 1886 г. В. Ястребовъ, 1887, 4, 747—753.

4443. **Труды VI** археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. II. Одесса 1888 г. В. Ястребовъ 1888, 8, 35—39.

4444. **Труды** археографической комиссіи Московск. археологическаго общества подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Н. Василенко. 1900, 2, 82.

4445. **Труды** девятаго арх. съѣзда т. I. Б. 1895. 11, 80—82.

4446. **Труды** общества изслѣдователей Волыни. т. I. Житомиръ 1902. О. Л. 1902, 10, 41—48.

4447. **Труды** перваго съѣзда врачей Кіевской губерніи 1893 г. Н. М. 1895. 1, 36—38.

4448. **Труды** комитета для историко статистическаго описанія Подольской епархіи. Вып. III. 1886 г. Каменецъ-Подольскъ. 1887 г. И. Каманинъ. 1887, 8, 757—760.

4449. **Труды** комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Выпускъ 4. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. И. Каманинъ. 1890, 8, 337—338.

4450. **„Труды** этнографическо-статистической экспедиціи“ Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными. В. Г. 1884, 2, 349—351.

4451. **Труды** перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ Подольской губерніи въ г. Проскуровѣ 1896 года. Кіевъ, 1897. Н. М. 1897, 6. 111—114.

4452. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Вып. 8. Каменецъ-Подольскій 1897. 1897, 11, 57—61.

4453. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Вып. 6. Степовичъ А. 1894, 2, 350—351.

4454. **Труды** Подольскаго Епархіальнаго историко-статистическаго комитета (приходы и церкви Подольской епархіи) Вып. IX. В. Д. 1901, 4, 48—49.

4455. **Труды** по изученію Этнографіи Екатеринославской губ. 1) Сборникъ статей Екатеринославскаго научнаго общества по изученію края. 2) Бабенко В. А. Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края. 3) Бабенко В. Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи. 4) Каталогъ Екатеринославскаго областнаго Музея А. Н. Поля. Даниловъ Владиміръ. 1905, 10, 51—56.

4456. **Труды** Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. I. Полтава 1905. В. Н. 1905, 9, 103.

4457. **Труды** Полтавской ученой архивной комиссіи Вып. 2. Полтава 1906. Сотниченко. 1906, 3—4, 52—56.

4458. **Труды** съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ. Н. М. 1895, 1, 33—36.

4459. **Трутовскій** Древности. Труды Импер. Моск. Археол. общ. т. XVII М. 1900· Б. 1901, 3· 177—178.

4460. **Трутовскій В. К.** (редакція) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археолог. общ. т. XIX вып, 1 и 2. М. 1901 г. Н. В. 1901, 12, 179—183.

4461. **Тутковскій Т.** Юго-Западный край. Вып. 1-й. Кіевъ 1893 г. 1894, 5, 386.

4462. **Тутковскій** Юго-Западный край. Вып. 2. К. 1895. 1896, 4, 26.

4463. **Турцевичъ.** Хрестоматія по исторіи западной Россіи. Вильно. 1892. П. Г. 1892, 11, 305—309.

4464. **Турцевичъ.** Ар. Русская исторія въ связи съ исторіей Вел. Княж. Литовскаго П. Голубовскій. 1895, 9, 77—80.

4465. **Т—ъ И.** Быль и легенды о могилѣ Аскольда съ приложеніемъ древнихъ плановъ Кіева (1638) и печерской его части (1695) Кіевъ 1897. Каманинъ И. 1897, 7—8. 41—42.

4466. **Уварова** граф. Матеріалы по археологіи Кавказа. Могильники Сѣвернаго Кавказа в. VIII. В. 1901, 3, 179—181.

4467. **Указатель** къ изданіямъ Имп. русскаго географич. общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 г. СПБ. 1886 г. V. 1886, 7, 537—542.

4468. **Українка Леся.** Думи и мрії. Львів 1899. Д. Д. 1902, 12, 201—203.

4469. **Украинскія** легенды въ французскомъ журналѣ. В. Горленко. 1888, 5, 37—39.

4470. **Украинскіе** народные разсказы на французскомъ языкѣ. П. К—ій. 1888, 8, 39—49.

4471. **Украинско**-русской литературы за 1898 г. обзоръ В. Д. 1899, 12; 153—157,

4472. **Украинскія** изданія 1900 г. Доманицкій. 1901, 3, 166—177; 4, 33—39.

4473. **Украинскіе** лубочные пѣсенники. Даниловъ Вл. 1905, 6, 213—228.

4474. **Україньско**-руський Архив. Матеріали і замітки до историї національного відродження галицькоі Руси в 1830 та 1840 р. р. Львів 1907. Д—ко Д. 1907, 11—12, 436—439.

4475. **Уманецъ Ѳ.** Гетманъ Мазепа СПБ. 1897. Каманинъ И. 1898, 3, 108—115.

4476. **Успенскій Ѳ. И.** Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ Одесса 1890 г. В. Я. 1890, 7, 158—159.

4477. **Успенскій Ѳ.** Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса 1888 г. П. Голубовскій. 1888, 12, 61—65.

4478. **Устименко Т.** Село Зуевцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ. П. 1894. Щербина. 1894, 12, 508.

4479. **Устиновъ И. А.** Литература о Харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изд. Харьков. Статистич. кимитета. Харьковъ 1887 г. 1888, 4, 15—19.

4480. **Фабриціусъ В.** Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ 6-й Амартола. 1889, 1, 276—281.

4481. **Фиминцынъ А. С.** Гусли, русскій народный инструментъ. Историч. очеркъ. СПБ. 1890 г. А. Степовичъ. 1891, 9, 516—518.

4482. **Фаминцынъ А.** Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара СПБ. 1892, 1, 159—163.

4483. **Федоровъ М.** П. Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и Кенигсбергѣ. Москва 1888 г. А. Р. 1880, 4, 230—231.

4484. **Федорченко.** Въ чаду мрій К. 1902. Е—мовъ С. 1902, 9, 142—151.

4485. **Фелицынъ Е. Д.** Памятная книжка кубанской области, Екатеринедаръ 1881 г. Изданіе статистическаго комитета. 1882, 1, 206—209.

4486. **Фелицынъ Е. Д.** Кубанскій сборникъ. Труды кубанского областного статистическаго комитета т. I съ картой кубанской области. Екатеринодаръ 1883 г. 1884, 4, 652—657.

4487. **Фелицынъ Е. Д.** Кубанское козачье войско 1696—1888 года. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Воронежъ 1888 г. Н. М. 1890, 2, 363—365.

4488. **Фелицынъ Е. Д.** Библіогр. указатель литературы о Кубанской области. Петлюра 1904, 3, 131.

4489. **Фефербоймъ А.** (изд.) Николаевскій календарь и справочная книга на 1892 г. Николаевъ 1893. В. Я. 1894, 4, 192—193.

4490. **Филаретъ** Еп. Черниговскій. Историко - статистическое описаніе Черниговской епархіи. Черниговъ 1873 г. 1883, 3, 657—658.

4491. **Филевичъ И.** Исторія древней Руси т. I. Территорія и населеніе. Варшава 1896. Данилевичъ В. 1896, 9, 69—79.

4492. **Филевичъ И.** Исторія древней Руси т. I. Территорія и населеніе. Варшава Н. М. 1896, 9, 79—93.

4493. **Филевичъ И. П.** проф. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. Львовъ 1902. Н. М. 1902, 4, 35—40.

4494. **Филипповъ**. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 108. Юрьевъ 1900 г. Ф. Матушевскій. 1901, 7—8, 29—47.

4495. **Finkel L.** Okopy. Swietej Trojcy. M. Г. 1891, 7, 156—160.

4496. **Фортунатовъ К.** Національныя области Россіи СПБ. 1906. Гехтер М. 1907, 2, 254—246.

4497. **Филипченко.** 1) Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой Кіевской губерніи, Черкасскаго уѣзда. Кіевъ, 1896 г. Н. М. 1897, 2, 58—61.

4498. **Франко И.** Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя карпатской Руси въ XII вѣкѣ Львовъ 1884 г. Г. 1885, 2. 369—370.

4499. **Франко.** Безъ праци. Казка. Выдавныцтво „Викъ" М. П. 1905, 5, 123—124.

4500. **Франко Иванъ.** Збирныкъ творивъ т. Ш. Кыивъ 1905. Жигмайло Л. 1905, 7—8, 8—14.

4501. **Французскій** этюдъ о Мазепѣ В. Горленко. 1884, 12, 703—707.

4502. **Фридмъ Б. А.** Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверозападнаго края, преимущественно Ковенской губ. Вильна 1890 г. М. Довнаръ-Запольскій. 1891, 11, 338—340.

4503. **Халанскій.** Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Варшава 1885 г. П. Голубовскій. 1886, 6, 339—342.

4504. **Chamiec K.** Ysrod stepow i jarow, Kultura przeddziejova. Б. 1901, 3, 181—183.

4505. **Ханенко.** Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 г. Кіевъ 1896. В. Щербина. 1896, 12, 95—98.

4506. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности русскія. Б. 1900. 6, 166—167.

4507. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности Приднѣпровья. Б. 1900, 12, 164.

4508. **Ханенко Б. И.** и В. Н. Древности Приднѣпровья. Вып. IV (эпоха великаго переселенія народовъ). К. 1901 г. 1901, 6, 176—177,

4509. **Харламповичъ К.** Западнорус. школы XVI и нач. XVII ст. Казань 1898. 1899, 2, 127.

4510. **Харузинъ А.** Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московск. универ. 1890. вып. 3, 4, и 6. В. А. 1892, 4, 139—144.

4511. **Харьковскій** календарь на 1884 г. Изданіе Харьковскаго Губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей П. С. Ефименка. Харьковъ 1883 г. В. Г. 1884, 2, 317—321.

4512. **Харьковскій** календарь и памятная книжка на 1885 г. изданіе Харьковскаго Губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей П. С. Ефименко. Харьковъ. Д. Багалѣй. 1885, 3, 552—558.

4513. **Харьковскій** клендарь на 1886 г. Годъ XIV съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст. ц. 1 р. Изд. губ. стат. комитета подъ редак. П. С. Ефименка. Ѳ. Н. 1886, 2, 377—380.

4514. **Харьковскій** календарь на 1887 г. и Харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю) Изд. Харьк. губ. стат. ком. подъ редакц. П. С. Ефименка. Ц. 1. р. 20 коп. Д. Чеп—ый. 1887, 3, 558 561.

4515. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1888 г. Вып. 2. Изд. харьк. статист. комитета подъ редак. В. И. Касперова. Харьковъ 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 1, 259—263.

4516. **Харьковскій** сборникъ. Литературное приложеніе къ Харьковскому календарю" иа 1889 г. вып. 3. Изд. Харьк. губ. статистич. комитета, подъ редакц. В. И. Касперова. Харьковъ. 1889 г. П. Г. 1890, 2, 371—373.

4517. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніекъ „Харьков. Календарю" на 1890 г. Вып, 4. Изд. „харьк. статист. комит. подъ редакц. В. И. Касперова. Харьковъ 1890 г. Н. В. 1890, 12, 546—549.

4518. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю" на 1891 г. вып. V подъ редакц. В. И. Касперова. Н. Ѳ. Сумцовъ. 1891, 10, 161—164.

4519. **Харьковскій** сборникъ. прилож. къ Уарьк. календарю на 1892 г. вып. 6-й. ц. 1 р. 20 коп. Н. В. 1892, 9, 439—449.

4520. **Харьковскаго** историко-филологическаго общества сборникъ т. 9. Харьковъ 1897. Каманинъ И. 1897, 2. 44=49.

4521. **Харьковскаго** истор.-филологич. общества сборникъ т. 10. Харьковъ 1897. Каманинъ И. 1898, 1, 27—30.

4522. **Хвальчевскій** Станиславъ. Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжества, составленная въ 1552—1555 1. изд. Виленской археолог. комиссіи. Вильна 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 3, 564—568.

4523. **Хвойко В.** Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. СПБ. 1901. Н. Б. 1902, 4, 54—58.

4524. **Херсонскія** губ. вѣдомости 1839—1888 г. Ястребовъ В. 1892, 3, 516—534.

4525. **Херсонскія** епархіальн. вѣдомости (прибавленія) 1885—1894. 1895, 4, 20—27.

4526. **Хлопецъ** та море. Лыстоноша. Розумный коваль. Опсвидання Одесса 1903. В. Д. 11, 111—113.

4527. **Хойнацкій А. Ѳ.** Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ (?) представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій, въ двухъ частяхъ. Москва 1888 г. И. Л. 1888. 8, 51—53.

4528. **Хойновскій І.** Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева въ 1892 г. К. 1893, ц. 4. Е. 1893, 5, 326=333.

4529. **Холмскій Братчикъ.** Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изд. Холмско-Богородицкаго православнаго братства. Варшава 1882 г. 1883, 3, 653—657.

4530. **Холмскій** народный календарь на 1885 г. Кіевъ 1884 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства И. Каманинъ. 1885, 4, 760—765.

4531. **Холмскій** народный календарь на 1886 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства И. Каманинъ. 1885, 12, 710—714.

4532. **Холмскій** народный календарь на 1888 г. Годъ IV изд. Холмскаго правосл. Св. Богородицкаго братства—Кіевъ 1887 г. Холмскій Старожилъ 1887, 12, 768—773.

4533. **Хроника** українсько-руського наукового товариства ім. Шевченка у Львові 1903. вып. 1 р. 1903. В. Д. 1903. 5, 131—134.

4534. **Ц. Г.** Сѣверный Вѣстникъ 1886 г. № 3. стр. 51—72. Басня Богдана Хмельницкаго А. С—ко 1886, 9, 158—162.

4535. **Цеглинскій** Григорій. Кара совісти, нар. драма. 5 д. В. Д. 1904, 1, 33—37.

4536. **Церковно**-приходская лѣтопись с. Глубочка, Житомирск, у., Волынской г. Почаевъ 1898. О. Л. 1899, 4, 48—50.

4537. **Ц—овскій В.** Кіевскій политехнич. институтъ имп. Александра II-го К. 1898. Н. М. 1898, 10, 30.

4538. **Чайченко** Васыль „Зъ народнёго поля" И. Ж. 1888, 4, 23 -24.

4539. **Чайченко** Васыль. Зъ загадокъ про дитячи лита. Кіевъ 1888 г. И. Ж. 1888, 9, 69—70.

4540. **Чайковскаго** „Мазепа" В Г. 1886, 12, 759—762.

4541. **Чалый М. К.** Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи, съ портретомъ). Кіевъ 1882 г. Н. П. 1882, 8, 349—355.

4542. **Чарнецкій Н.** Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ духовной семинаріи и дух. училищѣ. 1895, 5, 103—104.

4543. **Casopis** Musea Kralovstvi ceského 1888 г. Выпускъ III—IV. Прага А. Степовичъ. 1889, 9, 794—796.

4544. **Часопись** Правнича. Мѣсячникъ для теоріи и практики. Выдаютъ: д—ръ К. Левицкій, д—ръ А. Горбачевскій, д—ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. Львовъ 1889 г. Н. Шугуровъ. 1889, 11, 475—479.

4545. **Çàsopis** Musea kralovstvi çeskeho 1897—1898. А. С. 1899, 1, 58—60.

4546. **Часопись** Правнича В. Д. 1900, 5, 103—104.

4547. **Czechowski A.** Samuels von Skrzypna Twardowski. Н. М. 1895, 5, 95—99.

4548. **Черневъ Н.** Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ СПБ. 1888 г. Н. Б. 1888, 11, 53—55.,

4549. **Черкасенко С.** „В старім гнізді" П—ський Л. 1907, 7—8. 259—265.

4550. **Çerny Adolf.** Mythiske bytosce luziskich serbow Budysin 1893. В. П. 1894, 3, 587—588.

4551. **Черниговскія** Губернскія Вѣдомости на нынѣшній годъ и новые въ нихъ историко этнографическіе матеріалы. L. 1886, 8, 746—754.

4552. **Черниговская** памятка. Карманная справочная книжка на 1894/5 г. ц. 75 к. А. Р. 1894, 8, 291—292.

4553. **Черниговская** памятка. Карманная справочная книжка на 1896/7 г. Черниговъ 1896. А. С. 1897, 4. 37—40.

4554. **Черниговская** памятка (справочная книжка на 1898/9 годъ) Н. Ш. 1899, 6, 152—156.

4555. **Черниговской** губ. архивной комиссіи труды 1897—98, вып. 1. 1899, 2, 122—124.

4556. **Черниговскаго** дворянства родословная книга изд. графа Г. Милорадовича. СПБ. 1901. А. Л. 1902, 4. 46—54.

4557. **Чернышевъ В.** Законы и правила русскаго произношенія. Варшава 1906. Кр—ський М. 1907, 6, 358—360.

4558. **Черкявськый М.** Донецьки сонеты. Бахмутъ 1898. И. Стешенко. 1898, 5, 60—65.

4559. **Чернявськый М.** „Зори", збирныкъ поэзій. У Кыиви 1903. В. Степовый. 1903, 7—8, 60—66.

4560. **Чернятинское** имѣніе въ литинскомъ у., Подольской губ., Кіевъ 1902. Я—чъ 1903, 3, 190—192.

4561. **„Çesky Lid."** (чешскій народъ. Прага 1891 г.) годъ 1, книга 1. А. Степовичъ 1891, 12, 502—504.

4562. **Чижевскій Николай.** Старозаимочныя земли. Рѣшенія Харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ въ Харьковской Казенной Палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изд. 1883 г. Багалѣй. 1884, 2, 305—316.

4563. **Ciszewski** Stanislaw. Krakowiacy т. I. В. П. 1895, 10, 29—30.

4564. **Czynski** Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczenbnosci i rozciedlcnia ludnosci polskiej. Ц. Нейманъ. 1888, 6, 55—59.

4565. **Чистовичъ И.** Очеркъ исторіи западно-русской церкви, Ч. I СПБ. 1882 г. И. М. 1882, 9, 552—555.

4566. **Чистовичъ И**. Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Ч. 2. СПБ. 1884 г. И. Малышевскій. 1884, 11, 518—526.

4567. **Czolowski A.** Z przeszlosci Jezupola i okolicy. Н. М. 1892, 11, 309—310.

4568. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1884 г. книга 2-я Ѳ. Н. 1885, 2, 360—361.

4569. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1888 г. кн. I изд. подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 3, 756—760.

4570. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 г.) книга 2. Издана подъ редакціей д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ 1888 г. И. Каманинъ. 1889, 5—6, 648—654.

4571. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 4. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1889 г. И. Каманинъ. 1889, 11, 456—461.

4572. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 4. Изд. подъ редакц. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890 г. И. Каманинъ. 1890, 7, 147—155.

4573. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. пятая. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Кіевъ. 1891, Н. В. 1891, 10, 138—161.

4574. **Чтенія** въ историч. Общ. Нестора лѣтописца кн. 6. К. 1892. Я. Ш. 1892, 9, 449—460.

4575, **Чтенія** въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, книга VII. Е. К. 1895, 3, 133—136.

4576. **Чтенія** въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца. кн. 10. Кіевъ 1896. Н. В. 1896, 5, 58—63.

4577. **Чтенія** въ историч. обществѣ Нестора—лѣтоп. кн. 10 и 11. К. 1896. И. Ж. 1898, 10, 25—30.

4578. **Чтенія** въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, книга XII. К. 1898. Н. В. 1899, 3, 163—171.

4579. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. кн. 17 вып. I. Кіевъ 1903, В—ко Н. 1903, 3, 185—187.

4580. **Чудиновъ А. Н.** Русская классная библіотека. Вып. I. Слово о полку Игоревѣ ц. 30 к. Вып. 2. Домострой Сильвестровскаго извода ц. 43. изд. Глазунова. СПБ. 1891 г. А. Степовичъ. 1891, 12, 504—505.

4581. **Шантръ Э.** Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно же на Кавказѣ въ Крыму. В. А. 1882, 11, 360—362.

4582. **Шараневичъ И.** Гальшка, княгиня Острожска, оповѣдане историчне. У Львовѣ 1880 г. Л. 1882, 1, 209—211.

4583. **Szaraniewicz J.** i Zacharjewicz J. Wyciecka do Zalukwi, Halicza i na Krylos. B. A. 1883, 4, 876—878.

4584. **Szaraniewicz J.** O latopisiach i kronikach ruskich XV и XVI w. B. A. 1883, 1, 176—179.

4585. **Szarlomski A.** Stanislawow i powiat Stanislawowski. H. M. 1890, 4, 174—179.

4586. **Шахматовъ А. А.** О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. Н. В. 1898. 1, 22—24.

4587. **Schweiger** Lerchenfeld A. v. Zwischen Donau und Kaukasis. 1886. В. Я. 1887, 3, 555—558.

4588. **Швенцовъ А.** Описаніе Литинскаго у. Подольск. губ. Л. С. Л. 1902, 2, 139—141.

4589. **Шевченко Т.** Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. СПБ. 1886 г. В Г—ко. 1886, 2, 370—375.

4590. **Шевченко Т. Г.** 1886, 3, 572—582.

4591. **Шевченно.** Альбомъ офортовъ. В. Г. 1891, 5, 483—484.

4592. **Шевченко.** Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей, коллекціи В. Тарновскаго. К. 1893. Н. III—въ 1893, 6, 531—536.

4593. **Шейнъ П. В.** Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Т. I. ч. I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1887. В. К—шъ. 1887, 8, 750—752.

4594. **Шейнъ П.** Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1890. М. В. 1892, 5, 309—311.

4595. **Шелковъ К. П.** Харьковъ, историко статистическій опытъ Харьковъ 1881 г. 1882, 5, 317—319.

4596, **Шелковъ К. П.** Историческая хронологія Харьковской губ. Харьковъ 1882 г. 1883, 2, 416—417.

4597. **Шемякинъ В. И.** (редакторъ). Приходская Библіотека. Русская земля томъ V. Очерки Малороссіи. СПБ. 1896 г. Н. Ш. 1897, 7—8, 43—45.

4598. **Шемякинъ В. И.** Очерки Малороссіи. Приходская библіотека. 1900, 4, 28—29,

4599. **Шенрокъ В.** Ученическіе годы Гоголя. Москза 1887 г. В. Г. 1887, 3, 561—564.

4600. **Шенрокъ В.** Матеріалы для біографіи Н. В, Гоголя. т. I. М. 1892, Пѣтуховъ Е. 1892, 4, 131—139.

4601. **Шенрокъ В.** Матеріалы для біографіи Гоголя М. 1893. Пѣтуховъ Е. 1893, 3, 566—570.

4602. **Шенрокъ.** Матеріалы для біографіи Гоголя т. III. Е. Пѣтуховъ. 1895, 4, 27—31.

4603. **Шенрокъ.** Матеріалы для біографіи Гоголя т. 4. М. 1898. Е. П. 1897, 12, 86—88.

4604. **Шильдеръ-Шульднеръ Н. Ю.** Изъ юго-западнаго края. Современное положеніе и назрѣвшіе вопросы 1896 г 1895, 12, 115—119.

4605. **Шимановскій В.** Очерки по исторіи нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII в.в. Варшава 1893. К. М. 1894, 2, 352.

4606. **Шимановскій В.** Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ съ

приложеніемъ образцовъ народн. говоровъ. Варшава 1897 г. К. М. 1897, 5, 71—74.

4607. **Шляпкинъ И. А.** Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). СПБ. 1891 г. А. Маркевичъ. 1891, 11, 324—333.

4608. **Шляпкинъ И.** Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст. Н. С. 1885, 12, 702—704.

4609. **Schlumberger** Gustave. Un Empereur bisantin au dixieme siècle Nicéphore Phocas Paris. 1890. В. 1891, 5, 328—332.

4610. **Шмидтъ,** Рыльскаго полка штабсъ-капитанъ. Шпола. 1882. И. Н. 1882, 11, 363—365.

4611. **Шрамченко Н. А.** Воспоминанія и стихотворенія. Ш—розъ Н. 1901, 4, 39—46.

4612. **Шугуровъ Н.** О малорусской одѣ П. Данилевскаго, написанной по случаю нашествія французовъ. 1895, 7—8, 1—4.

4613. **Szujski.** Die Polen und Ruthenen in Galizien. 1882 г. В. А. 1882, 6, 523—526.

4614. **Schulze-Gaevernitz.** Die Kosaken von Kobeljaki. В. П. 1898, 7—8, 37—40.

4615. **Шухарутъ.** Крачунъ-Корочунъ. Н. С. 1887, 1, 161.

4616. **Шухевичъ** Володимиръ проф. Гуцульщина. у Львові. Вып. I—IV. 1899—1904. М. Р. 1905, 2, 73—122.

4617. **„Щаслывою** стежкою" Оповидання. Выдавныцтво Викъ. П—скій М. 1905, 5, 122—123.

4618. **Щегловъ В.** Историческая справка о полѣ Полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава. 1890 г. Н. В. 1891, 3, 540—542.

4619, **Щеголевъ Я.** Ворскло, лірна поэзія 1883. В. Г—ко. 1884, 1, 151—154.

4620. **Щербачевъ В. С.** Обзоръ табаководства въ Россіи. Малороссія и Туркестанскій Край. 1894. В. Василенко. 1895, 7—8, 47—52.

4621. **Щербина Ф.** Земельная община, Кубанскихъ козаковъ. Воронежъ 1889 г. Н. М. 1890, 8, 330—333.

4622. **Щербицкій О. В.** Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Вильна 1886 г. И. Каманинъ. 1886, 3, 588—592.

4623. **Эварницкій Д. И.** Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, съ 55 рис. и 7 планами 2 части И. Житецкій. 1888, 11, 36—48.

4624. **Эварницкій Д. И.** Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ СПБ. 1888. И. Ж. 1888, 12, 71—72.

4625. **Эварницкій Д. И.** Очерки изъ исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края СПБ. 1889 г. И. Ж. 1890, 2, 366—368.

4626. **Эварницкій Д. И.** Публичныя лекціи по археологіи Россіи Ар-Л—нко. 1890, 4, 184—185.

4627. **Эварницкій Д. И.** Вольности запорожскихъ козаковъ, историко-топографическій очеркъ СПБ. 1890 г. В. Ястребовъ. 1891, 2, 352—356.

4628. **Эварницкій Д. И.** По поводу рецензіи „Вольности запорожскихъ козаковъ". 1891, 4, 174—177.

4629. **Эварницкій Д.** Исторія запорожскихъ козаковъ т. I. СПБ. 1892 г. И. 1894, 3, 589—590.

4630. **Эварницкій Д.** Иванъ Дмитріевичъ Сирко, славный кошевой атаманъ войска запорожскихъ низо-

выхъ козаковъ СПБ. 1894. А. С—о. 1894, 10, 158—160.

4631. **Эварницкій Д. И.** Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества А. Л. 1897, 3, 84—86.

4632. **Эварницкій.** Исторія запорожскихъ козаковъ 1686—1734 т. 3. СПБ. 1897. А. Л 1897, 12, 76—81.

4633. **Эварницкій Д. И.** Халера. Екатеринославъ 1905. Врачъ. 1905, 7—8, 1—5.

4634. **Эварницкій Д. И.** Малороссійскія народныя пѣсни. Даниловъ В. 1906, 7—8, 51—70.

4635. **Эйгорнъ** Виталій. Книги львовской печати въ Львовѣ въ третью четверть XVIII в. 1895, 5, 101—102.

4636. **Эйнгорнъ** Вит. О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. М. 1895. А. Л. 1897, 4, 32—54.

4637. **Этнографическое** обозрѣніе кн. I подъ ред. Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. Ц. Г. Нейманъ. 1889, 10, 198—204.

4638. **Этнографическое** обозрѣніе Москва 1889—1890 г. кн. I—VII. В. Я. 1891, 5, 322—327.

4639. **Этнографическое** обозрѣніе М. 1891 кн. 8—10. Я. Ш. 1892, 2, 350—357.

4640. **Этнографическое** обозрѣніе. Кн. 11 и 12. Я. Ш. 1892, 8, 273—281.

4641. **Этнографическое** обозрѣніе М. 1892. Кн. 13 и 14. Я. Ш. 1893, 2, 386—397.

4642. **Этнографическое** обозрѣніе кн. XV, XVI, XVII. В. Я, 1893, 12, 511—515.

4643. **Этнографическое** обозрѣніе. Кн. XVIII и XIX М. 1893 и 1894. В. Я. 1894, 4, 193—194.

4644. **Этнографическое** обозрѣніе. В. Ястребовъ. 1895, 3, 126—128.

4645. **Этнографическое** обозрѣніе. 1895 г. 1899, 7, 24—26.

4646. **Этнографическое** обозрѣніе. 1896—1897. 1899, 9, 122—127.

4647. **Этнографічний** збірник Львів т. I—V. Доманицкій В. 1899, 12, 148—153.

4648. **Юбилейное** изданіе на память 300 лѣтія основанія Львовскаго Ставропигіальнаго братства Я. Г. 1887, 5, 198—200.

4649. **Юдинъ П.** Къ біографіи Шевченка Н. М. 1898, 4, 31—33.

4650. **Южный** сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Одесса 1892. Ц. 2 р. 50 коп. Ястребовъ В. 1892, 7, 133—135.

4651. **Юницкій Н.** Фундуши и стипенд. Виленскаго округа, справочное пособіе. Ч. I. Выпускъ первый. Вильна 1884 г. 1884, 9, 152—154.

4652. **Юргевичъ В.** Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей 1830—1889 г. Къ юбилею общества 14 ноября 1889 г. Одесса 1889 г. П. Г. 1889, 6, 571—572.

4653. **Яблоновскій А.** Очеркъ исторіи Кіево-Могилянской Академіи въ связи съ общимъ развитіемъ западной цивилизаціи на Руси. Краковъ 1899—1900. Харламповичъ К. 1902. 7—8' 14—69.

4654. **Яворницкій Д.** Наша доля—Божа воля Д—въ. 1906, 5—6, 1—3.

4655. **Яворская П.** Марьна (поэма) Кіевъ 1904. В. Д. 1905, 3, 200—203.

4656. **Яворская П.** Вирши украинськи. Кіевъ 1904. В. Д. 1905, 3, 200—203.

4657. **Яворскій Ю.** Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годовъ. Львовъ 1902. В. Д. 1902, 9, 152.

4658. **Ягичъ В.** Archiw für slawische Philologie. А. С—чъ. 1899, 5, 97—99.

4659. **Яковенко.** Т. Г. Шевченко, его жизнь и литературная дѣятельность (Біограф. очеркъ) изд. Павленкова СПБ. 1894 г. А. Л—кій. 1894, 8, 289—291.

4660. **Яновська Л.** Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ній не бувае П, Г. 1903, 6, 206—207.

4661. **Янчукъ Н.** Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ. Москва 1886 г. В. Г. 1886, 10, 369—372.

4662. **Янчукъ Н. А.** Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Ѳед. Миллера. В. Д. 1900, 7—8, 29.

4663. **Jarganq** Ruthenische Revue. В. Д. 1904, 3, 142—146.

4664. **Яроцкій Я.** Изъ прошлаго Волыни. Вып. I. Н. Б. 1901, 6, 177—179.

4665. **Ясинскій** Михаилъ. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ 1889. И. Каманинъ. 1889, 8, 559—564.

4666. **Ястребовъ В. Н.** Отвѣтъ Д. И. Эварницкому 1891, 4, 177—180.

4667. **Ястребовъ В.** Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ Елисаветградскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, Херсонской губ. Од. 1894 г. ц. 1 р, 50 к. Х. Я. 1894, 7, 127.

4668. **Яценко**-Хмѣлевскій В. И. Родословная записка фамилій Яценко-Хмѣлевскихъ. Хатемкинъ А. 1900, 2, 95—96.

4669. **Ѳедотовъ**-Чеховскій А. А. Акты Греческаго Нѣжинскаго братства. Кіевъ 1884 г. В. А. 1884, 12, 716—718.

4670. **Ѳоменко** Климентъ свящ. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ казарскими евреями Кіевъ 1885 г. Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ 1884 г. И. Каманинъ. 1885, 493—497.

4671. **Ѳоменко К.** протоіерей. Кіевъ временъ Петра I. В. Д. 1903, 9, 146—147.

4672. **Ѳоменко К. И.** протоіерей. Изъ прошлаго Кіевской епархіи. Мѣстечко Ѳастовъ по описанію московскаго священника Іоанна Лукьянова. („Кіевск. епарх. Вѣдомости 1903 № 18). В. Д. 1903, 9, 146—147.

IX. Смѣсь, дополненія и поправки.

4673. **А А.** „Никому не принадлежащій“ табакъ въ погребѣ Кіевскаго магистрата (1723). 1892, 8, 267—268 (Д.).

4674. **А. В.** Процессы по дѣламъ объ азартной игрѣ. 1888, 1—3, 1—8.

4675. **А. В.** Дейнеки. (Объясненіе слова) 1889, 1, 222—223.

4676. **Азбучный** указатель личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г. 1882, 3, 6, 9. 12; 1883 г. 4, 8, 12; 1884 г. 4, 8, 12, 1885 г. 12, 1886, 12, приложеніе.

4677. **А. Л.** Похищеніе дѣвицы и оскорбленіе полицейскаго офицера (1785) 1893, 1, 175—176. (Д.).

4678. **А. Л.** Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ. 1895, 2, 65—66. (Д.).

4679. **А. Л.** Листъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на сборъ милостыни для выкупа у татаръ плѣнника. 1895, 2, 53—54. (Д.).

4680. **А. Л.** Поминка предковъ (Полетики) 1902, 3, 158—162. (Д.).

4681. **Ал. Андр.** За что оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ „держаніемъ на пушкѣ“. 1900, 4, 1—4. (Д.).

4682. **Анекдотъ** о Мечиславѣ Потоцкомъ. 1892, 9, 429—430. (Д.).

4683. **Антоновича В. Б.** о рефератѣ, читанномъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца. 3 апрѣля 1888 г, отчетъ. 1888, 5, 56—60.

4684. **Б. В.** Странное слово. 1889, 8, 543—544.

4685. **Бенефисъ** для малороссійскаго дворянства. 1882, 4, 173—175.

4686. **Библіографическій** указатель статей, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ за первое десятилѣтіе 1883. (приложеніе) 3, 4, 5, 6, 7, 11.

4687. **Борковскій Іоаннъ**. Исповѣдь Маргаса. 1886, 3, 625—634.

4688. **Быковъ Н.** О федерализмѣ. 1905. 11—12, 95—102. (Д.).

4689. **Бѣлинскій С.** Нѣмецкій трингельдъ на южно-русской почвѣ. 1885, 1, 191—196.

4690. **Бѣляшевскій Н.** Вниманію фотографовъ—любителей. 1896, 6, 91—98. (Д.).

4691. **Бѣляшевскій Н.** Нѣсколько словъ къ фотографамъ—любителямъ. 1901, 5, 88—91. (Д,).

4692. **Бѣньковскій И.** О посѣщеніи императоромъ Александромъ I гор. Староконстантинова и дер. Григоровки. 1904, 6, 114—116. (Д.).

4693. **V**. Выставка картинъ Кіевскихъ художниковъ. 1889, 4, 203—205.

4694. **В. А.** Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. 1892, 7, 114—117. (Д.).

4695. **Василенко В.** „Памьятковый прочуханъ“ или примѣненіе писаннаго закона въ сферѣ обычнаго права. 1885, 5, 170—172.

4696. **Василенко В.** „Паньский бу-

дынокъ“ въ д. Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда. 1895, 6, 115—116. (Д.).

4697. **Василенко В.** Вѣсти о судьбѣ историко-статистич. матеріаловъ по Полтавщинѣ, 1896, 12, 70—71. (Д.).

4698. **Василенко В.** Приключеніе англійскаго путешественника въ Миргородщинѣ въ 1888 г. 1899, 3, 135—138. (Д.).

4699. **Василенко В.** Въ Лебединскомъ „будынкѣ“ Г. П. Галагана. 1900, 7—8, 19—24. (Д.).

4700. **Васильевъ М.** Изъ письма въ редакцію. 1885, 1, 205.

4701. **В. Г.** Польскіе рисунки на украинскія темы. 1890, 11, 323—325.

4702. **В. Д.** По журналахъ. Огляд матеріялів по історії України 1907, 3, 140—155.

4703. **Велецкій Н. К.** Псарь Севастьянъ (картинка) 1893, 1, 77—94.

4704. **Великоросса** письмо объ украинскомъ движеніи. 1905, 6, 248—252. (Д.).

4705. **Вергуна** лекція въ Москвѣ. 1902. 2, 110—114. (Д.).

4706. **Вишневскій Д.** „Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго“. 1896, 5, 39—40. (Д.).

4707. **Водяныя** мельницы виновницы быстраго теченія Днѣпра 1745 г. 1899, 10, 23—24. (Д.).

4708. **Волненія** крестьянъ въ Галиціи. 1902, 9, 142—144. (Д.).

4709. **Волынскіе** крестьяне въ Америкѣ. 1902, 11, 107—109. (Д.).

4710. **Вопросъ** о языкѣ на кустарномъ съѣздѣ. 1902, 5, 109—110. (Д.).

4711. **Вопросъ** о малорусскомъ языкѣ въ школахъ. 1901, 3, 162—163. (Д.).

4712. **Вопросъ** о національной автономіи на московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. 1905, 10, 30—41. (Д.).

4713. **В. Н.** Изъ записной книжки. 1886, 2, 398—402; 3, 621—625; 4, 814—818.

4714. **В. Н.** Православные sui generis. 1904, 12, 153—156. (Д.).

4715. **Востоковъ А.** Приданое П. И. Шереметевой. 1888, 8, 39—46.

4716. **Высочайшій** подарокъ митр. Рафаилу Заборовскому, 80 бутылокъ пива, и переписка по этому поводу. 1904, 6, 117—119. (Д.).

4717. **В. Я.** На родинѣ Кармелюка. 1892, 10, 117—120. (Д.).

4718. **Г.** Бѣгуны отъ науки 1890, 4, 153—155.

4719. **Г.** Съ дороги. 1889, 4, 206—213.

4720. **Галицкихъ** русиновъ дѣла въ австрійскомъ парламентѣ. 1902, 12, 168—173. (Д.).

4721. **Гатцукъ А.** Письмо въ редакцію. 1883, 11, 516—518.

4722. **Г. В.** Картинки старины. Кіевскій спектакль начала XVIII вѣка. 1887, 4, 681—692.

4723. **Г. В.** Добрый починъ. 1887, 10, 379—381.

4724. **Гетманскій** слесарь. 1898, 6, 92—93. (Д.).

4725. **Гетманскій** рецептъ отъ кашля 1726 г. 1899, 12, 125—126. (Д.).

4726. **Гетманская** надворная корогва. 1901, 9, 78. (Д.).

4727. **Годичное** собраніе общества Пр. Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—85 г. г. 1885, 11, 562 566.

4728. **Горленко В.** Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ. 1884, 10, 361—366.

4729. **Дашкевичъ Н.** Историческое общество Нестора лѣтописца въ 1881 г. 1882, 3, 581—592.

4730. **Два слова** о цыганахъ въ предѣлахъ бывшей гетманщины. 1886, 10, 401—402.

4731. **Д—ій В.** Къ вопросу объ улучшеніи путей сообщенія въ Кіевѣ. 1904, 4, 13—15. (Д.).

4732. **Добротворскій Н.** Курскіе и Орловскіе кудеяры. 1888, 12, 117—123.

4733. **Доманицкій В.** Шекспировський фондъ и русько-украинська выдавнича спилка. 1903, 3, 141—148. (Д.).

4734. **Доманицкій В.** Колысь і тепер (Депутати з україни в комісіи року 1767 і теперішні посли до державноі думи). 1906, 5—6, 31—37. (Д.).

4735, **Доманицький В.** До історії „Тарасовоі книгарні". 1907, 11—12, 222—224.

4736. **Дорошенко П.** Служебная отписка по поводу рожденія урода. 1886, 7, 562—563.

4737. **Дорошенко Д.** Культурно-просвітна діяльність українського громадянства за останні два роки. 1907, 11—12, 17—34.

3738. **Дорошенко Д.** Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. 1907, 3, 156—168.

4739. **Дорошенко Д.** Украіна въ 1906 році. 1907, 1, 1—29.

4740. **Дорошенко Д.** Австрійська украина в 1906 році. 1907, 2, 73—96.

4701. **Дорошенко Д.** З українського життя. 1907, 2, 97—101.

4742. **Древность** малороссійскаго табаководства. 1890, 6, 549—551.

4743. **Думитрашко** гвардіи капралъ въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ. 1900, 5, 71—73. (Д.).

4744. **Д. Щ.** Вишнивецкая бибіліотека. 1902, 3, 163—171. (Д.).

4745. **Дѣятельность** „Украінсько руськоі Видавничоі Спілки". 1901, 1, 14—15. (Д.).

4746. **Дѣятельность** „Наукового товариства ім Шевченка" въ 1900 г. 1901, 5, 98—99. (Д.).

4747. **Дѣло.** объ отдачѣ сертука исключенному семинаристу (1818 г., 25 апрѣля) 1893, 1, 172. (Д.).

4748. **Е. А.** Два намѣстника. 1889, 7, 221—231.

4749. **Е. П.** Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ. 1886, 4, 805—809.

4750. **Ефименко А.** Письмо по поводу крит. замѣтки о брошюрѣ „нелюдымъ". 1905, 7- 8, 74—76. (Д.).

4751. **Е—ко П.** Переобмундированіе Воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII ст. 1886, 7, 575—576.

4752. **Ефименко П.** Одинъ изъ протестовавшихъ. 1882, 3, 602—608.

4753. **Ефименко П.** Подозрѣніе, возведенное на проѣзжающихъ, въ отравленіи воды во время холеры. 1848, 1883, 7, 573—582.

4754. **Ефименко П.** Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. 1883, 7, 583—585.

4755. **Еф. П.** Послѣдствіе клятвопреступленія. 1884, 3, 510—511.

4756. **Ефремовъ С.** Замѣтки на текущія темы. 1905, 2, 158—190; 3, 276—299; 4, 81—100; 5, 183—212; 6, 274—304. (Д.).

4757. **Ефремовъ** Къ современному положенію украинскаго дѣла въ Россіи. 1905, 11—12, 78—82. (Д.).

4758. **Ж. И.** Двѣ афиши Черниговскаго театра 20-хъ годовъ. 1889, 5—6, 631—632.

4759. **Замѣтки** по искусству. 1897, 6, 103—106. (Д.).

4760. **Заявленіе** народныхъ учителей (о желательности преподаванія въ украинскихъ школахъ на родномъ языкѣ). 1905, 11—12, 102—106. (Д.).

4761. **З. И.** По поводу слова "перемотъ". 1889, 10, 197.

4762. **Зиньковскій Т.** Зазывающее сообщеніе. 1883, 8, 773.

4763. **Злоупотребленія** при перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г. 1904, 4, 6. (Д.).

4764. **Изъ** литературныхъ нравовъ. 1889, 9, 780.

4765. **Изъ** Львовскаго университета. 1902, 5, 111—115. (Д.).

4766. **И. С. Н.** Вулканъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст. 1885, 3, 580—581.

4767. **К. А.** Судьба одного Кіевскаго сооруженія. 1884, 6, 344—353.

4768. **Карпова Г. Ѳ.** имени премія. 1891, 1, 184—185.

4769. **К. О.** Малороссійскія пьесы въ казармѣ. 1898, 3, 83—88. (Д.).

4770. **К—ко.** Панъ Янъ Монастырскій (раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія). 1883, 1, 185—193.

4771. **Комаровъ А.** Дополненіе къ библіографич. указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка. 1887, 5, 180—184.

4772. **Комаровъ Г.** Изъ записной книжки. 1887, 3, 579—581.

4773. **Компанейскія** иголки. 1882, 2, 425—426.

4774. **Конкурсъ** на соисканіе Кирилло-Мееодіевской преміи въ 1500 р. и 500 р. 1889, 4, 215—216.

4775. **Конкурсъ** на соисканіе преміи имени А. Гильфердинга. 1889, 4, 216.

4776. **Конотопецъ.** Генеалогическій самообманъ (о Гатцукахъ). 1893, 3, 532—534. (Д.).

4777. **Крестоносъ.** (Бытовая картинка). 1898, 2. 52—54. (Д.).

4778. **Кудринскій Ѳ.** Дѣло о совращеніи въ католицизмъ княжны Любомирской. 1898. 2, 54—57. (Д.).

4779. **Кузьминъ Е.** Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и задачахъ его изслѣдованія. 1900, 11, 326—332.

4780. **Н—шъ В.** Малорусская „Паляниця" 1897, 9, 196—197.

4781 **Къ исторіи** старинной малорусской школы, 1892, 7, 118. (Д.).

4782. **Къ вопросу** о малорусскомъ языкѣ въ Галичинѣ. 1898, 9, 74—80. (Д.).

4783. **Къ положенію** дѣлъ въ Галиціи 1902, 10, 33—36; 11, 96—102. (Д.).

4784. **Къ исторіи** вопроса о русинскомъ университетѣ. 1902, 3, 184—186. (Д.).

4785. **Къ вопросу** о студентахъ-русинахъ Львовскаго университета. 1902, 2, 115—116. (Д.).

4786. **Къ украинскому** вопросу (о положеніи украинскаго слова). 1905, 7—8, 57—63. (Д.).

4787. **Къ украинской** печати и слову. 1905, 10, 23—28. (Д.).

4788. **Л.** Изъ прошлой жизни. 1888, 12, 135—142.

4789. **Л. А.** Отчего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ? 1883, 4, 893—895.

4790. **Л. А.** Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. 1889, 1, 224—225.

4791. **Л. А.** Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. 1889, 4, 199—200.

4792. **Л. А.** Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. 1890. 9, 494—495.

4793. **Л. А.** Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. 1890, 3, 532—533.

4794. **Л. А.** Мамаевъ дубъ. 1891, 4, 163—164.

4795. **Л. Ж.** Хочетъ-ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ? 1905, 7—8, 63—65. (Д.).

4796. **Левицкій О.** Необыкновенная ярмарка. 1883, 9—10, 301—309.

4797. **Левицкій Ор.** Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. 1897, 2, 39—41. (Д.).

4798. **Левицкій Ор.** Искъ о вырытомъ тайно кладѣ. 1905, 1, 1—4. (Д.).

4799. **Левицкій О.** Документальная небылица. 1896, 2, 242—250.

4800. **Левченко М.** Исчезнувшія и исчезающія въ Южной Россіи животныя. 1882, 8, 373—379.

4801. **Леонардовская** коллекція въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. 1894, 6, 539—541. (Д.).

4802. **Л—ій.** Гетманскіе клейноды. (1758 г.) 1882, 5, 343—344.

4803. **Л. И.** Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. 1883, 5, 181—184.

4804. **Литвинова П.** Еще о старинныхъ трактахъ или дорогахъ въ Южной Россіи. 1883, 3, 682—683.

4805. **Литвинова П. Я.** Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. 1904, 5, 55—56. (Д.).

4806. **Личный** составъ малороссійской козацкой старшины въ 1725 году. 1904, 7—8, приложеніе.

4807. **Л. О.** Необычайная застава. 1882, 7, 192—194.

4808. **Л. О.** Панская „пыха" 1887, 9, 195—196.

4809. **Л. С. Л.** Къ вопросу о поднятіи нашей сельско-хоз. промышленности. 1902, 10, 17—21. (Д.).

4810. **Львовскаго** ученаго общества им. Шевченка петиція австрійскому рейхсрату объ учрежденіи самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ. 1902, 1. 1—4. (Д.).

4811. **Любичъ А.** Отпустъ. 1890, 10, 134—143.

4812. **Любопытный** документъ (письмо Н. Левитскому крестьянъ, переселившихся на Кавказъ.) 1901, 7—8, 25—26. (Д.).

4813. **Малорусскіе** переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. 1901. 3, 163—164. (Д.).

4814. **Маркевичъ А.** Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). 1889, 2, 506—512; 3, 746—751.

4815. **Мердеръ А.** Обида въ холерное время. 1900, 2, 70. (Д.).

4816. **Мердеръ А.** Кринолины и холера 1866 г. 1900, 2, 70. (Д.).

4817. **Мердеръ А.** Картежникъ, строгій къ самому себѣ. 1900, 3, 144. (Д.).

4818. **Мердеръ А.** „Картіожная игра и политическая злость". 1900, 3, 144 (Д.).

4819. **Мердеръ А.** Наказанный „пе-

реводчикъ" фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. 1900, 3, 144. (Д.).

4820. **Мердеръ А.** Ходарковскій скелетъ. 1900, 4, 8. (Д.).

4821. **Мердеръ А.** Нужды, не присвоенныя еврейскимъ жителямъ (холодъ, голодъ и пр.) 1900, 4, 8. (Д.).

4822. **Мердеръ А.** Случай въ Каменной Греблѣ (1846 г.) 1900, 5, 81—82. (Д.).

4823. **Мердеръ А.** Отношеніе станового пристава и земскаго судьи къ чудесному явленію (1846) 1900, 7—8, 17. (Д,).

4824. **Мердеръ А.** Недовѣріе, внушаемое молодымъ людямъ „изъ разиыхъ мѣстъ" каневскимъ обывателямъ. 1900, 7—8, 16—17. (Д.).

4825. **Мердеръ А.** Средство къ отклоненію тучъ (1847). 1900, 7—8, 18. (Д.).

4826. **Мердеръ А.** Татаринъ-психіатръ на Волыни. 1900, 7—8, 18—19.

4827. **Мердеръ А.** 8-ми лѣтній герой (1837). 1900, 11, 74—75. (Д.).

4828. **Мердеръ А.** Янтарь, подобный „брилліанту" 1900, 11, 75. (Д.).

4829. **Мердеръ А.** Сѣверное сіяніе въ Каменцѣ-Подольскомъ (1848). 1900, 11, 75—76. (Д.).

4830. **Мердеръ А.** 50 изображеній великаго кн. Александра Невскаго, пожалованныя Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ старшинамъ и стражникамъ. 1900, 12, 149—150. (Д.).

4831. **Мердеръ А.** Попытка возобновить обычай ношенія тѣльныхъ крестовъ въ ю.-з. краѣ. 1900, 12, 150. (Д.).

4832. **Мердеръ А.** Дарохранительницы и кіоты, пожалованные уѣзднымъ соборамъ юго-з. края, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ. 1900, 12, 150—151. (Д.).

4833. **Мердеръ А.** Вертоградъ въ костелѣ. 1901, 3, 153. (Д.).

4834. **Мердеръ А.** Бѣлая горячка (поводъ къ отставкѣ). 1901, 3, 154. (Д.).

4835. **Мердеръ А.** Кирпичныя шоссе. 1901, 3, 155. (Д.).

4836. **Мердеръ А.** Кіевскія магистратскія пушки. 1901, 3, 155—157. (Д.).

4837. **Мердеръ А.** О командированіи по Высочайшему повелѣнію художника Шурупова въ Кіевъ. 1901, 5, 83—84. (Д.).

4838. **Мердеръ А.** Утопающій на Крещатикѣ (въ іюлѣ 1848 г.). 1901, 6, 140—141. (Д.).

4839. **Мердеръ А.** Противохолерныя медали 1830 года. 1901, 7—8, 16. (Д.).

4840. **Мердеръ А.** Сыноубійство изъ мести (18 янв. 1845 г.). 1901, 7—8, 17. (Д.).

4841. **Мердеръ А.** Женщина съ твердымъ характеромъ (покушеніе на самоубійство). 1901, 7—8, 18. (Д.).

4842. **Мердеръ А.** Овруцкій археологъ 1840 г. 1901, 10, 14—15. (Д.).

4843. **Мердеръ А.** Способъ противъ распространенія нелѣпыхъ слуховъ (1844 г.). 1901, 12, 160—161. (Д.).

4844. **Мердеръ А.** Отзывъ предводителя объ одной дворянской семьѣ и ея отношеніяхъ къ крестьянамъ. 1901, 12, 162. (Д.).

4845. **Мердеръ А.** Происшествіе на Шпасанской фабрикѣ 1845 г. 1902, 1, 19. (Д.).

4846. **Мердеръ** А. Легкомысленный всадникъ съ сигарою (изъ архивовъ) 1902, 1, 19—20, (Д).

4847. **Мердеръ А**. Свадьба заплечнаго мастера. 1902, 5, 101. (Д.).

4848. **Мердеръ А**. Рожки въ хлѣбныхъ колосьяхъ (1838 г.) 1902, 5, 101—102. (Д.).

4849. **Мердеръ** А. Открытіе Волынскимъ аптекаремъ болотной бумаги. 1902, 6, 170—171. (Д.).

4850. **Мердеръ** А. Къ исторіи Кіевскихъ дворцоваго, кловскаго, виноградного и шелковичнаго садовъ. 1902, 9, 112—113. (Д.).

4851. **Мердеръ** А. Губительное на организмъ дѣйствіе рожковъ (1841 г.) 1902, 9, 113. (Д.).

4852. **Мердеръ** А. Къ исторіи учрежденія графомъ Потоцкимъ крестьянскихъ пріютовъ, 1903, 4, 10. (Д.).

4853. **Мердеръ** А. Благородное похищеніе денегъ. 1903, 6, 156. (Д.).

4854. **Мердеръ** А. Христіанинъ въ роли Гамана на еврейскихъ святкахъ „Пуримъ". 1903, 6, 156. (Д.).

4855. **Мердеръ** А. Уважительная причина къ опредѣленію въ одну изъ придворныхъ конторъ. 1903, 6, 157. (Д.).

4856. **Мердеръ** А. Дворяне татарскаго происхожденія въ юго-зап. краѣ въ 1840 г. 1903, 6, 158. (Д.).

4857. **Мердеръ** А. Жестокая расправа съ заподозрѣннымъ въ казнокрадствѣ. 1903, 6, 158—159. (Д.).

4858. **Мердеръ** А. Порфиръ, мѣдь и золото близъ д. Янковцы Махновскаго повѣта 1841 г. 1903, 7—8, 20. (Д.).

4859. **Мердеръ** А. Процессъ, веденный корпораціей кіевскихъ бѣдныхъ. 1903, 7—8, 20—21. (Д.).

4860. **Мердеръ А**. Въ поискахъ за приносящимъ счастье восковымъ крестикомъ 1854 г. 1903, 10, 8. (Д.).

4861. **Мердеръ** А. Незаурядные конокрады (1844 г.). 1903, 10, 6—8. (Д).

4862. **Мердеръ А**. Участіе помѣщика въ распитіи собственной шапки 1857 г. 1903, 10, 8. (Д.).

4863. **Мердеръ А**. Ожженіе лба, шутки ради (1855). 1903, 11, 61—62. (Д.).

4864. **Мердеръ А**. Сельчане, погребающіе мертвыхъ безъ священника 1845 г. 1903, 10, 9. (Д.).

4865. **Мердеръ А**. Свѣдѣніе о лабрадорѣ въ бассейнѣ р. Быстрѣевки при Каменномъ Бродѣ, въ радомысльскомъ и при Слипницахъ въ житомірскомъ уѣздахъ. 1903, 12, 131—133.

4866. **Мердеръ А**. Предположеніе о сломкѣ колодезной башни въ Подзамчѣ и крѣпостныхъ воротъ близъ турецкаго моста въ Каменцѣ. 1903, 12, 133.

4867. **Мердеръ А**. Кіевская контора первоначальнаго заведенія дилижансовъ и транспортовъ. 1903, 12, 134.

4868. **Мердеръ А**. Лѣченіе укушенныхъ бѣшеными животными (способъ Кабанца). 1904, 4, 4—6. (Д.).

4869. **Миллеръ О**. Даръ пятьдесятницы и наши первоучители (посвящено памяти Н. И. Костомарова, сказано въ торжественномъ собраніи славянскаго общества 13 мая 1885 г.) 1885, 9, 31—50.

4870. **Милорадовичъ** графъ. Неузнанная рукопись (По поводу статьи „Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины" 1883 г.). 1884, 2, 351—352.

4871. **М. К.** Меню Д. Мордовцева. 1906, 2, 28—29. (Д.).

4872. **Модзалевскій В**. Приданое знатной малорусской паніи XVIII в.

и расходъ на ея похороны и поминки. 1904, 12, 143—146. (Д.).

4873. **Модзалевскій В.** Что стоила козакамъ въ с. Зазирокъ тяжба съ Степаномъ Миклашевскимъ. 1905, 4, 43—46. (Д.).

4874. **Модзалевскій В.** Что стоитъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы. 1905, 7—8, 33—38. (Д.).

4875. **Мостипановъ,** архитекторъ. 1902, 4, 8—11. (Д.).

4876. **Мужской** пансіонъ Гедуэна въ Кіевѣ. 1905, 2, 145—147. (Д.).

4877. **М—скій Ф.** Вопросы о народномъ просвѣщеніи въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. 1902, 12, 159—168. (Д.).

4878. **N.** Волынская бывальщина (2 случая изъ недавняго прошлаго). 1886, 6, 368—331.

4879. **Надпись** на книгѣ, посланной Метлинскимъ О. М. Бодянскому. 1899, 3, 141—142. (Д.).

4880. **Назидательный** образчикъ сѣдой старины. 1901, 4, 32. (Д.).

4881. **Науменко В.** Маленькое разъясненіе. 1889, 5—6, 666—669.

4882. **Науменко В.** Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ. 1899, 1, 134—142.

4883. **Науменко В.** Ревнители русскаго языка въ Галиціи. 1899, 3, 444—452.

4884. **Науменко В.** Къ украинскому вопросу. 1905, 5, 148—149. (Д.).

4885. **Національно** - политическая дѣятельность галицкихъ русиновъ. 1901, 5, 97—98. (Д.).

4886. **Нелиповичъ Н.** Тарабарскій языкъ. 1903, 9, 110—112. (Д.).

4887. **Нефтяная** промышленность въ Галичинѣ. 1903, 12, 134—136. (Д.).

4888. **Ни—къ Ѳ.** Непривившійся на Полтавской почвѣ ревень. 1883, 8, 764—767.

4889. **Новицкій И.** Древній способъ публикаціи. 1882, 3, 597—601.

4890. **Новое** археологич, изданіе (Музей Имп. Одесскаго общ. ист. и др.). 1896, 1, 29. (Д.).

4891. **Носъ-фонъ Ст.** Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство. 1882, 7, 189—190.

4892. **Носъ-фонъ Степанъ.** Курта 1882, 8, 385—387.

4893. **Notus.** Скоромная водка. 1882, 1, 220—222.

4894. **Н. С.** Малороссія на передвижныхъ художественныхъ выставкахъ картинъ. 1885, 8, 597—606.

4895. **Н. С.** Картина В. Маковскаго „Мать и дочь“, 1887, 1, 165—169.

4896. **Н. С.** Два слова о рисункахъ К. Трутовскаго. 1888, 6, 85—89.—

4897. **Нѣсколько** словъ, посвященныхъ I. Ралле. 1894, 2, 342—343. (Д.).

4898. **Нѣчто о** „вссславянахъ“. 1902, 1, 25—27; 4, 31—32. (Д.).

4899. **Образчикъ** Малорусской „Покормежной“. 1884, 1, 171—173.

4900. **Объ** открытіи подписки на памятникъ В. Н. Каразину. 1889, 7, 291—292.

4901. **Объясненіе** виньетки. 1883, 1, I-VI.

4902. **О. В.** Ребяческая забава въ серьезную минуту. 1884, 5, 168—169.

4903. **О—въ. И.** Волынская бывальщина. 1886, 4, 818—821.

4904. **Ограбленіе** гр. Станислава Потоцкаго 1780 г. подъ Кіевомъ. 1903, 11, 64—66. (Д.).

4905. **Одинъ** изъ колоколовъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря (къ исторіи литейнаго искусства въ старой Малороссіи). 1901, 10, 7—8. (Д.).

4906. **О. И.** Волынская бывальщина. 1884, 1, 165—168.

4907. **О. Л.** Аэролиты, упавшіе въ Овруцкомъ и Васильковскомъ у. въ концѣ прошлаго столѣтія. 1898, 4, 3—4. (Д.).

4908. **О. Л.** Покинутая жена (эпизодъ изъ эпохи Хмельницкаго). 1898, 5, 37—39. (Д.).

4909. **О. Л.** Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. 1900, 1, 9—10. (Д.).

4910. **О. Л.** Старинная картина не на своемъ мѣстѣ. 1903, 5, 88—90. (Д.).

4911. **О. Л.** Непонятная тревога. (1840 г.). 1906, 5—6, 11—12 (Д.).

4912. **О. П.** Украинское слово и искусство. 1905, 7—8, 76—77. (Д.).

4913. „**Опасная** болѣзнь" въ Переяславскомъ полку въ 1750 г. 1900, 5, 69—71. (Д.).

4914. **Описаніе** атласа XVIII ст., подареннаго Черниговской гимназіи кн. Н. П. Голицынымъ. 1890, 4, 131—147.

4915. **Описаніе** Днѣпра. 1898, 3, 99 100. (Д.).

4916. **Опись** домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича. 1901, 2, 82—83. (Д.).

4917. **О—скій. І.** Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. 1883, 2, 473—476.

4918. **Отказъ** въ выдачѣ о—ву „Просвіта" субсидіи. 1902, 7—8, 33—34. (Д.).

4919. **Отчетъ** гласнаго 1865 г. 1886, 2, 414—419.

4920. **Отъ** гражданъ г. Харькова докладная записка С. Ю. Витте по вопросу объ ограниченіи украинскаго слова. 1905, 6, 253—254. (Д.).

4921. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—Объ открытіи ртутной руды. 1901, 10, 2—3. (Д.).

4922. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—О минеральныхъ водахъ, открытыхъ въ Константиноградскомъ повѣтѣ. 1901, 10, 4—7. (Д.).

4923. **Павловскій И. Фр.** Объ иллюстраціяхъ Полтавской битвы. 1901, 12, 162—166. (Д.).

4924. **Павловскій И. Фр.** Изъ прошлаго Полтавщины. Объ открытіи въ Малороссіи торфа, каменнаго угля, мергеля и алебастра. 1901, 12, 166 171. (Д.).

4925. **Павловскій И. Ф.** Просьба подп. Пугачевскаго о перемѣнѣ его фамиліи. 1904, 1, 1—2. (Д.).

4926. **Павловскій И. Ф.** Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи. 1904, 1, 2—3. (Д.).

4927. **Павловскій И. Ф.** О колоколѣ во время громоваго удара съ высоты упавшемъ. 1904, 2, 64. (Д.).

4928. **Павловскій И. Ф.** Предсказаніе Кобелякскаго дворянина о дороговизнѣ хлѣба. (1804 г.). 1904. 2, 64—65. (Д.).

4929. **Павловскій И. Ф.** Къ исторіи коннозаводства въ Полтавской губ. въ прошломъ столѣтіи. 1904, 7—8, 20—22. (Д.).

4930. **Павловскій И. Ф.** О землетрясеніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ 1838 г. 1905, 7—8, 44—46. (Д.).

4931. **Павловскій И. Фр.** Изъ прошлаго Полтавщины. Жалоба титулярн. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст. 1906, 7—8, 91. (Д.).

4932. **Павловскій И. Ф.** Изъ прошлаго Полтавщины.—Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ Харьковскаго дворянства (1837 г.) 1906, 7—8, 82. (Д.).

4933. **Павловскій И. Фр.** Стихотворецъ—попрошайка Арапосъ. 1907, 5, 221—223.

4934. **Панская** находчивость. 1889, 5—6, 637—638.

4935. **П. Б.** Какъ разсудилъ панъ Староста Каневскій. 1885, 10, 367—370.

4936. **Петлюра С.** Полтавскій семинаристъ въ плѣну у горцевъ. 1904, 7—8, 106—110.

4937. **Петлюра С.** З українського життя. 1907, 3, 129—139; 4, 20—36; 5, 59 –64; 6, 77—94; 7—8, 1—17; 9, 31—41; 11—12, 64—84.

4938. **Петлюра С.** „Ucrainica" в журналі „Былое" за минулий (1906) рік. 1907, 5, 189—213.

4939. **Петлюра С.** З життя Австрійської України. 1907, 10, 1—16.

4940. **Петлюра С** Політичні українські партії в Галичині. 1907, 4, 1—19; 5, 37—48.

4941. **Петровъ Н.** Самсоніевскій фонтанъ. 1896. 5, 33—36. (Д.).

4942. **Перетца В. Н.** письмо въ редакцію. 1897, 7—8, 34—36. (Д.).

4943. **Перетцъ В.** Проф. Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ. 1906, 5—6, 43—49. (Д.).

4944. **П—ко В.** „Стужа" въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. 1905, 9, 115. (Д.).

4945. **П—ко Вл.** Дѣло объ избраніи войта въ Кіевѣ въ 1734 году. 1905, 11—12, 67. (Д.).

4946. **П—ко В.** Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760-хъ годахъ. 1906, 5—6, 8. (Д.).

4947. **Поднесеніе** Черниговскимъ дворянствомъ малор. генералъ-губернатору золотой вазы. 1895, 6, 107—108. (Д.).

4948. **Познанскій** Борисъ. Разбойникъ Тараненко. 1890, 7, 123—128.

4949. **Позницкая** народная труппа на сценѣ народнаго дома въ Лохвицѣ. 1902, 2, 102—105. (Д.).

4950. **Полетика В.** Записка о малороссійскомъ дворянствѣ (1809). 1893, 2 приложеніе.

4951. **Положеніе** русиновъ въ Галиціи и Венгріи. 1904, 11, 67—70. (Д.).

4952. **Польскій** театръ въ Каменцѣ 1860—61 г.г. 1888 г. 9, 774—776.

4953. **Пономаревъ С.** Изъ письма въ редакцію и по поводу его. 1886, 2, 409—414.

4954. **Портреты** и картины изъ замка Вишневецкихъ. 1892, 2, 105. (Д.).

4955. **Посылка** гетмана Апостола въ Москву за лекарствами. 1889, 3, 739.

4956. **Потебня** А. А. Руководство къ обученію грамотѣ, составленное для малорусскихъ воскресныхъ школъ. 1899, 8, 1—12 (приложеніе).

4957. **Погибшая** библіотека. 1902, 4, 4—8. (Д.).

4958. **Премированный** словарь украинскаго языка. 1906, 1, 15—16. (Д.).

4959. **Проектъ** выкупа о—ва Хортицы, 1901, 5, 99—100. (Д.).

4960. **Пропускъ** греческихъ купцовъ черезъ Васильковскій форпость въ 1739 г. 1904, 2, 55—56. (Д.).

4961. **Просвітянин.** Товариство „Просвіта" в Одессі. 1907, 1, 30—47.

4962. **Прототипъ** П. И, Бобчинскаго. 1902, 9, 141—142. (Д.).

4963. **Разновидности** марцѣпанъ и ганнусковой горѣлки. 1883, 9—10. 237—253; 12, 637—651.

4964. **Ред.** По поводу письма Хоткевича въ „Літ.-наук. Вістникъ" (кн. 6). 1903, 7 8, 26—28. (Д.).

4965. **Родной** языкъ—родная и школа (совѣщаніе по народному образованію при Херсонской губерн. земской управѣ). 1905, 10, 21—23. (Д.).

4966. **Розогъ** казенная поставка 1849 г. 1899, 10, 23. (Д.).

4967. **Рудковскій А.** О дикихъ лошадяхъ въ Херсонской губерніи. 1882, 11, 391—393.

4968. **Русовъ А.** Къ вопросу объ украинской прессѣ. 1905, 11—12. 108—109. (Д.).

4969. **Русовъ А.** Къ изданію народной украинской газеты. 1906, 1, 16—17. (Д.).

4970. **Русовъ А.** Украинскія партіи. 1906, 3—4, 79—81. (Д.).

4971. **Русовъ** А. Къ вопросу объ организаціи въ Госуд. Думѣ національной украинской группы. 1906, 5—6, 24—26. (Д.).

4972. **С.** Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ Академіи Художествъ. 1887, 6—7, 555—559.

4973. **Савченко Ив. П.** Ура безъ двухъ буквъ (Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго) 1884, 12, 749—750.

4974. **Самітний Гр.** У просвітян въ Одессі. 1906, 3—4, 85—87. (Д.).

4975. **Самый** несчастный народъ (письмо въ „Галичанинъ" Угроросса) 1901, 11, 85—88. (Д.).

4976. **Свидѣтельство** Полтавскаго полкового суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе „чести и доброй славы". 1890, 4, 163.

4977. **Симоновъ М.** (Номисъ) Разсказы. 1899, (приложеніе) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

4978. **Симоновъ М.** (Номисъ). Какъ обѣднѣли Оболонскіе. 1901, 7—8, 10—12. (Д.).

4979. **Сл. Ук.** Московскій историческій музей. Географич. выставка 1892 года. 1892, 11, 296—299. (Д.).

4980. **Случай** на монастырской ярмаркѣ, 1757 г. 1899, 4, 12—13. (Д.).

4981. **Соборъ** вмѣсто собора (къ исторіи Кіевскихъ соборовъ). 1882, 2, 413—427.

4982. **Собраніе** рѣдкихъ церковнославянскихъ и русскихъ книгъ. 1895, 12, 92—94. (Д.).

4983. **Списокъ** приданаго, полученнаго дочерью Иваницкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за в. канц. Петра Стороженка. 1901, 6, 145—147. (Д.).

4984. **Стебніцький П.** З архива Д. Л. Мордовцева. 1907, 9, 285—310.

4985. **Сторожевъ В.** Цыцюры Тимоѳея листъ (1659). 1892, 2, 349. (Д.).

4986. **Сторожевъ В.** Ивана Самойловича гетмана листъ. 1892, 5, 297. (Д.).

4987. **Страшкевичъ В.** О принадле-

жавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. 1905, 9, 109—110. (Д.).

4988. **Строгая** генеральша 1893, 10, 165—166. (Д.).

4989. **Сумцовъ Н.** проф. Старая пѣсня отклоненія. 1906, 3—4, 81—85. (Д.).

4990. **С—чъ А.** Изъ школьнаго міра (нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). 1889, 3, 744—746.

4991. **Съ** кого писалъ Рѣпинъ картину. 1902, 2, 108—109. (Д.).

4992. **Съѣздъ** представителей не государственныхъ народностей. 1905, 11—12, 93—95. (Д.).

4993. **Сьогобочный.** Украинскій языкъ, какъ подсобное средство. 1905, 11—12, 85—87. (Д.).

4994. **Т. А.** Традиціонный промыслъ Харьковскихъ коцарей. 1886, 6, 364—368.

4995. **Украинскій** языкъ на губернскомъ съѣздѣ Полтавской группы всероссійскаго союза учителей. 1905, 11—12, 88—91. (Д.).

4996. **Украинцы** въ Америкѣ. 1902, 3, 181—184. (Д.).

4997. **У. О. К. Ф.** Коденская книга и три бандуриста. 1882, 4, 161—166.

4998. **Успенскій Ѳ.** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. 1889, 12, 604—621.

4999. **Федоровъ Гр.** Народный языкъ въ народной школѣ. 1905, 10, 19—21. (Д.).

5000. **Харламповичъ К.** Къ исторіи „поповой плѣши" или „гуменца". 1904, 12, 139—140. (Д.).

5001. **Харьковскіе** художники первой половины нынѣшняго столѣтія. 1899, 8, 59—61. (Д.).

5002. **Ходатайство** по вопросу о положеніи малорусской печати. 1901, 6. 160—162. (Д.).

5003. **Цыбульскій К.** Ненаучные пріемы въ научномъ дѣлѣ (по поводу газетнаго извѣстія о рѣдкомъ дѣлѣ). 1887, 2, 377—383.

5004. **Частная** инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Галичинѣ. 1905, 7—8, 80—81. (Д.).

5005. **Черняевъ Н.** Справка объ авторѣ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества". 1886, 3, 601—602.

5006. **Чествованіе** 100-лѣтія малорусской литературы въ Екатеринодарѣ. 1898, 10, 18—20. (Д.).

5007. **Читатели** изъ народа и поэзія Кулиша. 1898, 3, 88—95. (Д.).

5008. **Читатель.** Разгадка „малорусской исторической шарады". 1885, 6, 329—337.

5009. **Шеболдаевъ П.** Вольныя литературныя упражненія въ южно-русскихъ судахъ XVII ст. 1885, 11, 558 561.

5010. **Широганскій В.** Къ вопросу объ изданіи украинской научно-популярной литературы. 1905, 11—12, 83—85. (Д.).

5011. **Щербина В.** Судьба одной знатной козацкой фамиліи. 1891, 10, 122—126.

5012. **Щербина В.** „Вымороченный человѣкъ". 1892, 11, 291. (Д.).

5013. **Ястребовъ В. Н.** Еще отписка о рожденіи урода. 1886, 8, 756—758.

5014. **Ястребовъ В.** О стельной коровѣ. 1897, 5, 66—67. (Д.).

5015, **Эпитафіонъ** вознаго Андрея Чечеля 1765 г. 1899, 11, 67—69. (Д.).

5016. **Эпитафія** д-ра Владиміра Александрова. 1901, 2, 88. (Д.).

5017. **Этимологическій** гимнъ (по поводу 25 юбилея общества Качковскаго во Львовѣ). 1900, 2, 80. (Д.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ статей и замѣтокъ.

А.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Н.

Поправка: на стр. 114, № 3010 (письмо сотника Холодовича)— 1889, 5, 46—47.

ГОСПОДА!

ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ И ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ ПРОГРАММА «КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО», СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ НА СОЗДАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ КНИГ. ПРОГРАММА СОЗДАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ И ИСПОЛЬЗУЕТ СОБСТВЕННЫЕ КНИЖНЫЕ РЕСУРСЫ.

ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ В КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ НАИМЕНОВАНИЙ ГОТОВЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ ИЗДАНИЙ:

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

- **ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» НА 6-ТИ CD. 312 НОМЕРОВ. 74432 СТР. С ПРИЛОЖЕНИЯМИ И ДОПОЛНЕНИЯМИ.**

ЖУРНАЛ ИЗДАВАЛСЯ С 1882 Г. ПО 1906 Г.(В 1907 УКРАИНА) В КИЕВЕ, ТИПОГРАФИЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СВ. ВЛАДИМИРА Н.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МЕРИНГОВСКАЯ УЛИЦА, №6.

СТОИМОСТЬ КОМПЛЕКТА 312 $.

- **ЖУРНАЛ П.А. КУЛИША «ХАТА» 1860 Г. И КОМПЛЕКТ ИЗ 22 (320 СТРАНИЧНЫХ) НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «ОСНОВА» НА 1--м CD**

Журнал издавался в Санкт-Петербурге в 1861-1862 годах в типографии П.А. Кулиша и Тиблена и имеющий сходную концепцию с журналом «КИЕВСКАЯ СТАРИНА».

СТОИМОСТЬ ДИСКА 42 $.

ИСТОРИЯ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ НА 2-Х CD

1. КРЫЛОВСКИЙ А. С. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ 14 ВЫПУСКОВ. КАТАЛОГ СОДЕРЖИТ ОКОЛО 36000 НАИМЕНОВАНИЙ КНИГ.
    - Т 1. ВЫПУСК ПЕРВЫЙ: БОГОСЛОВИЕ. СВ, ПИСАНИЕ И ПАТРОЛОГИЯ. КИЕВ, 1890 Г. 349 С.
    - Т 1. ВЫПУСК ВТОРОЙ: ОСНОВНОЕ, ДОГМАТИЧЕСКОЕ, ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ИЛИ СРАВНИТЕЛЬНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ, ЛИТУРГИКА, ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ГОМИЛЕТИКА. КИЕВ, 1892 Г. 440 С.
    - Т 1. ВЫПУСК ТРЕТИЙ: ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ, ЦЕРКОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, БОГОСЛОВСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, БОГОСЛОВСКИЕ СЛОВАРИ, БОГОСЛОВСКИЕ СБОРНИКИ И БОГОСЛОВСКАЯ СМЕСЬ. КИЕВ, 1893 Г. 185 С.
    - Т 1. ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ: СОЧИНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ, ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИЯ, ЛОГИКА, ГНОСЕОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА, ПСИХОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКАЯ ЭТИКА И ЭСТЕТИКА, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ И СЛОВАРИ, ФИЛОСОФСКАЯ СМЕСЬ. КИЕВ, 1896 Г. 215 С.
    - TII. ВЫПУСК ПЯТЫЙ: СЛОВЕСНОСТЬ. КИЕВ, 1901 Г. 360 С.
    - TII. ВЫПУСК ШЕСТОЙ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ. КИЕВ, 1903 Г. 184 С.
    - Т III. ИСТОРИЯ. ВЫПУСК СЕДЬМОЙ: БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ, 1907Г. 105 С.

- Т III. ВЫПУСК ВОСЬМОЙ: ОБЩАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ, 1908 Г. 222 С.
- Т III. ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ: ОБЩАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ. КИЕВ. 1910Г. 376 С.
- IV. ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ И ОДИННАДЦАТЫЙ: РУССКАЯ ИСТОРИЯ — ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. КИЕВ. 1912Г. 531 С.
- IV. ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ: РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И НАРОДОВЕДЕНИЕ. БИБЛИОГРАФИЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ. КИЕВ 1913 Г. 379 С.
- V. БОГОСЛОВИЕ. ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ: ДОПОЛНЕНИЕ К ВЫПУСКУ ПЕРВОМУ ТОМА ПЕРВОГО - СВ. ПИСАНИЕ И ПАТРОЛОГИЯ. КИЕВ, 1915 Г. 352 С.
- СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. (БЫВШЕЙ ПОЛОЦКОЙ УНИАТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ). 1906 Г. 432 С.

1. АСКОЧЕНСКИЙ В. КИЕВ С ДРЕВНЕЙШИМ ЕГО УЧИЛИЩЕМ АКАДЕМИЕЮ. ЧАСТЬ 1. КИЕВ. 1856Г. 360 С.
2. АСКОЧЕНСКИЙ В. КИЕВ С ДРЕВНЕЙШИМ ЕГО УЧИЛИЩЕМ АКАДЕМИЕЮ. ЧАСТЬ 2. КИЕВ. 1856Г. 553 С.
3. ТІТОВ ХВ. СТАРА ВИЩА ОСВІТА В КИЇВСЬКІЙ УКРАЇНІ XVI-ПОЧ. XIX. КИЕВ 1924 Г. 431С. 180 ИЛЛЮСТРАЦИЙ.
4. ГОЛУБЕВ С. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ 1 ТОМ. КИЕВ 1883Г. 1165 С.
5. ГОЛУБЕВ С. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ 2 ТОМ. КИЕВ 1898Г. 1028 С.
6. ЩЕРОЦКІЙ К. В. КІЕВЪ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ. ИЗДАНИЕ В. С. КУЛЬЖЕНКО. 1917 Г.
7. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ И ЕЕ СТУДЕНТЫ (1697-1702 Г.) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1882 Г.
8. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 3, 7 1882 Г.
9. КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА. (БИОГРАФ. ОЧЕРК) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 4 1882 Г.
10. БУЛАШЕВ Г. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКИЙ. КОАДЬЮТОР КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1, 5, 8 1883 Г.
11. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКОГО. ЧАСТЬ I. (1762-1784 Г.Г.).
12. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ, МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО, К АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТИЮ, РЕКТОРУ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 6 1883 Г., № 2 1884 Г.
13. УКАЗ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МАЛОРОССИЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ. «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 8 1883 Г.
14. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА К АРХ. КИЕВСКОМУ РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 4 1884 Г.
15. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О КИЕВЕ. О НАЧАЛЕ БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСКОГО МОНАСТЫРЯ И КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 10 1884 Г.
16. ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ СКАЗАНИЯ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1 1885 Г.
17. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТВЕТ С.Т. ГОЛУБЕВУ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1885 Г.
18. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1886 Г.
19. КАМАНИН И. М. ЕЩЕ О ДРЕВНОСТИ БРАТСТВА И ШКОЛЫ В КИЕВЕ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ДЕВЯТАЯ., КИЕВ. ТИПОГРАФИЯ Г.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МИХАЙЛОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 4., 1895

20. КИВЛИЦКИЙ Е.А. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ РОССИИ В 1783-1803 ГГ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ДЕВЯТАЯ., КИЕВ. ТИПОГРАФИЯ Г.Т. КОРЧАК-НОВИЦКОГО, МИХАЙЛОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 4., 1895

21. ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА XVIII СТОЛЕТИЯ / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» №4 1889 Г.

22. СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРА МОГИЛЫ / АРХИВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ Т. 7 Ч. 1 (СТР. 49-189)

23. ГОЛУБЕВ С.Т. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТРЕ МОГИЛЕ ДО ПОСВЯЩЕНИЯ ЕГО В САН КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО АРХИМАНДРИТА. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ПЕРВАЯ., КИЕВ. В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ., 1879 Г.

24. ЛЕБЕДЕВ АМФИАН. ИОСАФ ГОРЛЕНКО, ЕПИСКОП БЕЛГОРОДСКИЙ И ОБОЯНСКИЙ. ХАРЬКОВ. 1900 Г.

25. ЖИТТЄПИС АКАДЕМИКА МИКОЛИ ЙВАНОВИЧА ПЕТРОВА. / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

26. БІБЛІОГРАФІЯ НАЙВАЖЛИВІШИХ ПРАЦЬ АКАД. М.І. ПЕТРОВА. / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

27. ПЕТРОВ Н.І. КИЇВСЬКА АКАДЕМІЯ (З НАГОДИ МИНУЛОГО 300-ЛІТТЯ ЇЇ ІСНУВАННЯ). / ЗАПИСКИ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ АКАДЕМІЇ НАУК., КИЇВ., 1919 Р.

28. ПЕТРОВ Н.И. ДРЕВНЕЙШИЕ РУКОВОДСТВА ПО ФИЛОСОФИИ В КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1888 Г. ФЕВРАЛЬ

29. ПЕТРОВ Н.І. ДВА ДОКУМЕНТИ ДО ПОБУТОВОЇ ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ МОГИЛЯНСЬКОЇ КОЛЕГІЇ В XVII СТ. ЗАПИСКИ НТШ CXXIII-CXXIV. ЛЬВІВ, 1917 Р.

30. ПЕТРОВ Н.І. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II (1762-1796 ГГ.) / «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1906 ГГ. ИЮЛЬ-НОЯБРЬ

31. ПЕТРОВ Н.И. ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII И XVIII ВЕКОВ. Л., 1911 Г. 541 С.

32. ПЕТРОВ Н.И. УКАЗАТЕЛЬ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. КИЕВ. 1897Г. 291 С.

33. ПЕТРОВ Н.И. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА. К., 1895

34. ПЕТРОВ Н.И. АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩИЕСЯ К КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТДЕЛЕНИЕ II., (1722-1795) ГГ. I-V Т., 1904-1908 Г. 3234 С.

35. ОТЧЕТ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА 1898 Г. КИЕВ. 1899 Г. 36 С.

36. СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ КИЕВА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ. К., 1874 Г.

37. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1860-1904 ГГ.

38. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ» ЗА 1905-1914 ГГ.

39. ГОЛУБЕВ С.Т. НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. К., 1907. 236 С.

40. ГОЛУБЕВ С.Т. ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. ПЕРИОД ДО-МОГИЛЯНСКИЙ. КИЕВ., 1886Г. 436 С.

41. ТИТОВ Ф.И. РУССКИЙ ЦАРСТВУЮЩИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ В ЕГО ОТНОШЕНИЯХ К КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. / ТРУДЫ КДА 1913 Г. ИЮЛЬ-АВГУСТ, НОЯБРЬ.

42. ТИТОВ Ф.И. ДВА МНЕНИЯ МАКАРИЯ БУЛГАКОВА, БЫВШЕГО МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО, О РЕФОРМЕ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. / ТРУДЫ КДА 1906 Г. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ.

43. ПОЛОЖЕНИЕ О ПРАВАХ И ПРЕИМУЩЕСТВАХ ЛИЦ, СЛУЖАЩИХ ПРИ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ. 24 СЕНТЯБРЯ 1876 Г.

44. ПОЛОЖЕНИЕ О ПРЕМИИ ПРЕОСВЯЩЕННОГО МИХАИЛА, ЕПИСКОПА КУРСКОГО И БЕЛГОРОДСКОГО, УЧРЕЖДЕННОЙ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. 19 МАЯ 1888 Г.

45. ТИТОВ Ф.И. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 26 СЕНТЯБРЯ 1898 ГОДА, НА АКАДЕМИЧЕСКОМ ГОДИЧНОМ АКТЕ. / ТРУДЫ КДА. 1898 Г. НОЯБРЬ

46. СЕМЕЙКИН Н. М. Ф. БЕРЛИНСКИЙ, БЫВШИЙ УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И ЕГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. К., 1916 Г. 230 С.

47. ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ В ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА КНИГУ: КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА И ЕГО СПОДВИЖНИКИ. (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ). Т. 1. КИЕВ, 1883 Г. С. ГОЛУБЕВА. К., 1884 Г.

48. ТИТОВ Ф.И. АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩИЕСЯ К КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТДЕЛЕНИЕ III., (1796-1819 ГГ.) I-V Т., 1910-1914 Г. 4768 С.

49. ИННОКЕНТИЙ ГИЗЕЛЬ. (К ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА) / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 10 1884 Г.

50. СУМЦОВ И.Ф. ИОАННИКИЙ ГОЛЯТОВСКИЙ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1-4 1883 Г.

51. СУМЦОВ И.Ф. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1 1885 Г.

52. НОВИЦКИЙ ИВ. НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ПЕРВОЙ ФУНДАТОРКИ БРАТСКИХ ШКОЛ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 8 1885 Г.

53. РАЗГОВОР ВЕЛИКОРОССИИ С МАЛОРОССИЕЙ. (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА). «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 2 1882 Г.

54. ДОПОЛНЕНИЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССИИ С МАЛОРОССИЕЙ» / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1882 Г.

55. ВИШНЕВСКИЙ Д.К. КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ (НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ЭТОЙ АКАДЕМИИ ЗА УКАЗАННОЕ ВРЕМЯ). К., 1903 Г. 371 С.

56. ВИШНЕВСКИЙ Д.К. ИЗ БЫТА СТУДЕНТОВ СТАРОЙ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 1-3 1896 Г.

57. ПРОШЕНИЕ МАЛОРОССИЙСКОГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИН, ВМЕСТЕ С ГЕТМАНОМ, О ВОССТАНОВЛЕНИИ РАЗНЫХ СТАРИННЫХ ПРАВ МАЛОРОССИИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНЕ II В 1764 ГОДУ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 6 1883 Г.

58. ПЕРЕТЦ В. К ИСТОРИИ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ КОЛЛЕГИИ. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ., ВЫП. I КИЕВ., ТИПОГРАФИЯ Т.Г. МЕЙНАНДЕР., 1900 Г.

59. СОБОЛЕВСКИЙ А. НЕИЗДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВАРЛААМА ЯСИНСКОГО. / ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА. КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ., ВЫП. I КИЕВ., ТИПОГРАФИЯ Т.Г. МЕЙНАНДЕР., 1900 Г.

60. МУХИН Н. КИЕВО-БРАТСКИЙ УЧИЛИЩНЫЙ МОНАСТЫРЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. К., 1893 Г. 430 С.

61. ХРОНИКА КИЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПИОНА (1804-1824 Г.). / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1884 Г.

62. ПОСЕЩЕНИЕ КИЕВА В. КН. ПАВЛОМ ПЕТРОВИЧЕМ И В. КН. МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ. / «КИЕВСКАЯ СТАРИНА» № 7 1883 Г.

63. ОБЗОР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (862-1720 ГГ.). СОЧИНЕНИЕ ФИЛАРЕТА, АРХИЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКОГО. КНИГА I. ХАРЬКОВ, 1859 Г. 448 С.

64. ОБЗОР РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (1720-1858 ГГ.). СОЧИНЕНИЕ ФИЛАРЕТА, АРХИЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКОГО И НЕЖИНСКОГО. КНИГА II. ЧЕРНИГОВ., 1863 Г. 311 С.

65. ЧЕРНЫШЕВ С.И. ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ И ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ НИКИТИЧ РОМАНОВЫ В ИХ ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. ТРУДЫ КДА. ИЮЛЬ-АВГУСТ., 1913 Г.

66. ГОЛУБЕВ С.Т. ИСТОРИИ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ. (ВЫП. 1). КИЕВ, 1891 Г. 83 С.

67. МАКСИМОВИЧ М.А. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. I-III. К. 1887-8. 2142 С.

СТОИМОСТЬ КОМПЛЕКТА 112 $.

ТВОРИ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛИШАНА 2-Х CD

ТВОРИ

1. ТВОРИ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛЇША. Т.1-6 «ПРОСВІТА». 1908-1909
2. СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА П.А. КУЛИША. ТОМ 2,4-Й. ИЗД. А.М. КУЛИШ. ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. КАМАНИНА КИЕВ. 1908, 1910
3. СОЧИНЕНИЯ П.А. КУЛИША. ТОМ 1-Й. ХАРКІВ. 1930
4. СОЧИНЕНИЯ П.А. КУЛИША. ТОМ 6-Й. 1932
5. ИСТОРИЯ ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСИ В 2-Х ТОМАХ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», 1874
6. ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ. ТОМ ПЕРВЫЙ С.-ПЕТЕРБУРГ. «В ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА», 1856
7. ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ. ТОМ ВТОРОЙ С.-ПЕТЕРБУРГ. «В ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА», 1857
8. ОТПАДЕНИЕ МАЛОРОССИИ ОТ ПОЛЬШИ В 3-Х ТОМАХ . М., 1888-1889
9. ХУТОРСЬКАЯ ФИЛОСОФІЯ И УДАЛЕННАЯ ОТ СВЕТА ПОЭЗІЯ С.-ПЕТЕРБУРГ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», 1879
10. ЖИЗНЬ КУЛІША. «ПРАВДА». 1868
11. ГРАМАТКА
12. ДВІ МОВІ, КНИЖНЯ І НАРОДНЯ

ПЕРЕКЛАДИ

1. СВЯТЕ ПИСЬМО СТАРОГО І НОВОГО ЗАВІТУ ВІДЕНЬ. 1896
2. АНТОНІЙ І КЛЕОПАТРА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1901
3. БАГАЦЬКО ГАЛАСУ З НІЧЕВЛЯ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1901
4. ГАМЛЕТ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1899
5. КОМЕДІЯ ПОМИЛОК ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
6. КОРІОЛЯН. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1900
7. КОРОЛЬ ЛІР. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1902
8. МАКБЕТ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА

ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900

9. МІРА ЗА МІРУ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1902
10. ОТЕЛЛО ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
11. ПРИБОРКАНА ГОСТРУХА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900
12. РОМЕО І ДЖУЛЬЄТА. ЗА РЕДАКЦІЄЮ М. ВОРОНОГО ВИДАВНИЦТВО «УКРАЇНСЬКИЙ РОБІТНИК». ХАРКІВ. 1928
13. РОМЕО І ДЖУЛЬЄТА. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1901
14. ТРОЇЛ І КРЕССІДА ЛЬВІВ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКО 1882
15. ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ. З ПЕРЕДМОВОЮ І ПОЯСНЕННЯМ ДР. ІВ. ФРАНКА ЛЬВІВ. УКРАЇНСЬКО-РУСЬКА ВИДАВНИЧА СПІЛКА 1900
16. ГОРДОН БАЙРОН. ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДОВА МАНДРІВКА. ЛЬВІВ, 1905

БІОГРАФІЧНІ НАРИСИ, ЛИСТУВАННЯ, БІБЛИОГРАФІЯ, НАУКОВІ РОЗВІДКИ

1. ПОРТРЕТНА ГАЛЕРЕЯ П. КУЛІША
2. БІБЛІОГРАФИЯ. УКРАЇНСЬКІ ПИСЬМЕННИКИ. БІО-БІБЛІОГРАФІЧНИЙ СЛОВНИК. ТОМ 2. К., ВИД. ХУД., ЛІТ. 1963
3. Ш-РОВ Н. У МОГИЛЫ П.А. КУЛИША И В. М. БЕЛОЗЕРСКОГО «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 09.1899 Г.
4. КОСТОМАРОВ П. КУЛІШ И ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ ЛІТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02.1883 Г.
5. ШЕНРОК П. А. КУЛІШ (БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРК) «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02-10.1901 Г.
6. ВЛ. ДАНИЛОВ П. А. КУЛИШ И «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» ПОД РЕДАКЦІЕЙ Ф.Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА «УКРАЇНА», № 07.1907 Г.
7. НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ С Н. КОСТОМАРОВЫМ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 06.1885 Г.
8. ЧАЛЫЙ ЮНЫЕ ГОДЫ П.А. КУЛИША «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 05.1897 Г.
9. ЛОБОДОВСКИЙ М. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРЕ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАНРОВИЧА И АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ(ГАННЫ БАРВИНОК) КУЛИШ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 04.1897 Г.
10. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ П.А. КУЛИША «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 05.1897 Г.
11. БРОШЕННЫЙ ИЗ-ЗА УГЛА КАМЕНЬ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 09.1885 Г.
12. НОМИС М. ПАНТЕЛЕЙМОН АЛЕКСАНДОВИЧ КУЛИШ. НЕКРОЛОГ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 03.1897 Г.
13. ОЛЕНА ПЧИЛКА НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ СТОРОЖЕНКО «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», № 02.1906 Г.
14. ДОРОШЕНКО ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ. ДО 10-РІЧЧЯ ЗО ДНЯ ЙОГО СМЕРТІ «УКРАЇНА», № 02.1907 Г.
15. КУЛІШ П. О. МАТЕРІЯЛИ ТА РОЗВІДКИ ЛЬВІВ. 1929-1930
16. ФРАНКО ІВАН ІЗ ПЕРЕПИСКИ П. КУЛІША З ГАЛИЧАНАМИ В 1870-1871 Р. ЗАПИСКИ НТШ № 26
17. БАРВІНСЬКИЙ ОЛЕКСАНДР ТРИ ЛИСТА М. КОСТОМАРОВА ДО П. КУЛІША ЗАПИСКИ НТШ № 128
18. ЄВГЕН КИРИЛЮК. БІБЛІОГРАФІЯ ПРАЦЬ П.О. КУЛІША ТА ПИСАНЬ ПРО НЬОГО. К., 1929
19. ВІКТОР ПЕТРОВ. ЕТНОГРАФІЧНЕ ОПОВІДАННЯ П. КУЛІША

20. ФИЛИПОВИЧ. КУЛІШЕВА ВАРІЯЦІЯ СЮЖЕТУ ПРО НАВЗІКАЮ
21. МІЯКОВСЬКИЙ. МАЛЮНОК КУЛІША ДО НАРОДНОЇ ПІСНІ
22. ЄВГ. КИРИЛЮК. ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ.
23. ОПЫТ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ. «СОВРЕМЕННИК» Т. XLIII. 1854
24. БАРВИНСЬКИЙ. РОДИННІ ЛІТОПИСИ. ЇХ ІСТОРИЧНЕ Й КУЛЬТУРНО-ПОБУТОВЕ ЗНАЧЕННЯ.
25. ВІКТОР ПЕТРОВ. СПОГАДИ З МОЛОДИХ ЛІТ
26. ВІКТОР ПЕТРОВ. ШЕВЧЕНКО, КУЛІШ, В. БІЛОЗЕРСЬКИЙ - ЇХ ПЕРШІ СТРІЧІ.
27. ПЕТРОВ ВІКТОР. РОМАНИ КУЛІША. К., 1930
28. ЗАЙЦЕВ П. ЛИСТИ КУЛІША ДО Н. ОЛ. БІЛОЗЕРСЬКОЇ. НАШЕ МИНУЛЕ № 1,3 1918 Р.
29. ГЛУШКО С. ЛИСТУВАННЯ П.О. КУЛІША З Л.М. ЖЕМЧУЖНІКОВИМ. УКРАЇНА № 2-3(17) 1926 Р.
30. ПЕТРОВ ВІКТОР. ПАНТЕЛИМОН КУЛІШ У П'ЯТИДЕСЯТІ РОКИ. К., 1929
31. МІЯКОВСЬКИЙ В. КУЛІШ І ЦЕНЗУРА. НАШЕ МИНУЛЕ № 2 1918 Р.
32. МІЯКОВСЬКИЙ В. КУЛІШ І КВІТКА. НАШЕ МИНУЛЕ № 2 1918 Р.
33. В ТРИДЦЯТИ РОКОВИНИ КУЛІША. «УКРАЇНА» КН. 1-2 1927 Р.
34. БУЖИНСЬКИЙ М. ЗВІЛЬНЕННЯ КУЛІША З-ПІД ЦЕНЗУРИ "III ОТДЕЛЕНИЯ". УКРАЇНА № 1(16) 1926 Р.
35. ДАНИЛОВ В. П.А. КУЛІШ І М.О. МАКСИМОВИЧ. УКРАЇНА № 5(19) 1926 Р.
36. ЗАЙЦЕВ П. ПЕРЕДМОВА КУЛІША ДО "НЕОФІТІВ". НАШЕ МИНУЛЕ № 1-2 1919 Р.
37. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К О. М. БОДЯНСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ВЕРЕСЕНЬ, ЖОВТЕНЬ, ЛИСТОПАД, ГРУДЕНЬ 1897
38. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К И. ХИЛЬЧЕВСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», СІЧЕНЬ 1898.
39. ПИСЬМА КУЛИША К В. В. ТАРНОВСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», КВІТЕНЬ, ГРУДЕНЬ 1898.
40. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ТРАВЕНЬ, СЕРПЕНЬ, ГРУДЕНЬ 1898.
41. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К В. В. ТАРНОВСКОМУ-СЫНУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», СІЧЕНЬ 1899.
42. ПИСЬМА П. А. КУЛИША К М. В. ЮЗЕФОВИЧУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ЛЮТИЙ 1899.
43. ИЗ ПИСЕМ П. А. КУЛИША К С. Д. НОСУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», КВІТЕНЬ 1899.
44. ПИСЬМО П. А. КУЛИША В БУКОВИНУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», КВІТЕНЬ 1899.
45. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ҐАЛАҐАНА, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ВЕРЕСЕНЬ 1899.
46. ПИСЬМО П. А. КУЛИША К М. ГРАБОВСКОМУ, «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ЛИСТОПАД 1900.
47. ПИСЬМА К ОСТАПУ ВЕРЕСАЮ..., «КІЕВСКАЯ СТАРИНА», ЛЮТИЙ 1904.
48. САВЧЕНКО Ф. НЕНАДРУКОВАНІ ЛИСТИ КУЛІША ДО БОДЯНСЬКОГО. ЗА СТО ЛІТ. В. 4. 1929
49. ЛИСТИ КУЛІША ДО ТАРНОВСЬКОГО. ЗА СТО ЛІТ. В. 6. 1930
50. ЕФРЕМОВ С. ДРУКАРНЯ КУЛІША. УКРАЇНСЬКА КНИГА. IX-X. 1937
51. АРЕСТ КУЛИША В ВАРШАВЕ В 1847 Г. ПРАЦІ НАУКОВОГО ІНСТИТУТУ ТОМ XXXV. ВАРШАВА. 1937

ВИДАВНИЧА ДІЯЛЬНІСТЬ

1. ХАТА. 1860
2. ОСНОВА. ЮЖНОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ ВЕСТНИК ЗА 1861-1862 Г.